

РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

СВЯТАЯ РУСЬ

БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОГО НАРОДА

**Под редакцией
О. А. ПЛАТОНОВА**

**Православие
Государство
Патриотизм
Мировоззрение
Образ жизни
География
Народное хозяйство
Международные
отношения
Национальные
отношения**

**Литература
Искусство
Театр
Музыка
Наука
Школа
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Православное воинство
Противники
русской цивилизации**

СВЯТАЯ РУСЬ

**БОЛЬШАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОГО НАРОДА**

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

**Москва
Институт русской цивилизации
2004**

**Посвящается памяти
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского
Иоанна (Снычева); † 20.10/2.11.1995,
благословившего наш труд
«во умножение любви к Святой Руси»**

Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русская литература.
Гл. редактор и составитель О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации,
2004. — 1104 с., 712 илл.

Свод энциклопедических сведений о русской литературе, выражающей идеи Святой Руси, христианскую духовность и патриотизм. С древнейших времен до наших дней главная тема русской литературы — православная. Она создавалась людьми, «вскормленными духом Православия».

Образы и сюжеты русской литературы — отражение духовной схватки добра и зла, преодоление греховности падшего человека, стремление к его преображению на основе Нового Завета. Русской литературе характерна оптимистическая вера в победу Божественных начал Добра и справедливости, в особую миссию русского человека в борьбе с силами зла.

Мировое значение великой русской литературы, одной из высочайших вершин духовного развития человечества, состоит в том, что она указывает людям путь выхода из мрачного тупика, в который завела мир западная цивилизация с ее поп-культурой и Голливудом.

ЛИТЕРАТУРА СВЯТОЙ РУСИ

Русская литература создавалась людьми, вскормленными духом Православия... И если мы пройдем мыслью от Пушкина к Лермонтову, Гоголю, Тютчеву, Л. Н. Толстому, Достоевскому, Тургеневу, Лескову, Чехову, то мы увидим гениальное цветение русского духа из корней Православия.

И. Ильин

Литература наша дышит Православием.

К. Леонтьев

Фундаментальное свойство русской литературы — то, что это литература Слова. Слова-Логоса, выраженного в православном христианстве верой в Бога, в Царство Божие и в любви к Святой Руси — преддверию Отечества Небесного. Цель жизни, отраженная в русской литературе, — стремление к Царствию Божьему через преодоление греха, преображение души на пути доброты, любви, нестяжательства, искания правды, душевной цельности и соборного единения. Тысячелетняя история русской литературы открывается «Словом о Законе и Благодати» митр. *Илариона* (XI в.). Здесь Ветхому Завету — «Закону» (национально-ограниченному, замкнутому на одном еврейском народе) противопоставляется Новый Завет — «благодать», универсальный характер христианства. Из «*Повести временных лет*» известно, что к кн. Владимиру приходили хазарские евреи, убеждая его принять их иудейскую веру. Ответом на этот соблазн были следующие слова Владимира: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и ваш закон, не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?» Русский князь отверг иудейский закон, не ведая еще о его немислимой жестокости в отношении к др. народам. В Ветхом Завете во Второй книге Царств (12; 31) говорится о чудовищной расправе царя израильского Давида над покоренным народом: «А народ, бывший в нем (в городе), он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры и бросил их в обжигающие печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими». Когда Давид вознамерился воздвигнуть храм, Бог сказал ему: «Ты не должен строить дома имени Моего, потому что пролил много крови на землю пред лицом Моим». Поражающая нас жестокость ветхозаветных героев объясняется богословами в качестве смягчающего обстоятельства то дикостью нравов того древнего времени, то метафорическим духовным смыслом, заключенным в злодеянии, вроде того, как истреблением собственных страстей истолковываются слова псалма 136: «Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» Говоря об отличии Нового Завета от Ветхого Завета, митр. *Иларион* видит величайшее благо для Руси в распространении христианского света на ней, воздает хвалу кн. Владимиру, крестившему Русь.

И главным направлением древнерусской литературы становится утверждение ценностей, связанных с христианской этикой и православным царством. В «*Повести временных лет*» (XII в.) летописца *Нестора* события рассматриваются с религиозной точки зрения, повествование проникнуто чувством патриотизма, единства Руси.

Многое для понимания древнерусского характера открывает «Поучение Владимира Мономаха» (XII в.). Владимир Мономах — образец целостности характера древнерусского человека, при казалось бы несовместимых качествах: истинный христианин, пример благочестия, милосердия, попечения о людях, об «убогих» (он даже простил убийцу своего сына), и вместе с тем он положил конец княжеским усобицам, при нем Киевская Русь стала могущественным государством, а его именем половцы устрашали детей в колыбели. Это был русский средневековый век «силы и отваги», древнерусским людям было свойственно религиозное понимание мужества: «Умирать побежденным значило бы поступить в рабство к победителю на том свете» (И. Забелин).

Целостность характера при религиозной основе, неразрывность слова и поведения стали в тысячелетней русской литературе принципом человеческого бытия, обретя свое концентрированное выражение в философии «целостности» славянофилов, прежде всего И. В. Киреевского. Схожие характеры, неразложимые в своих, казалось бы, противоположных качествах, перекликаются через тьму столетий. Не видим ли мы те же черты, что у Владимира Мономаха, и в великом русском полководце Суворове. Любопытно вспомнить, как русский резидент в Константинополе писал Суворову: «Один слух о бытии вашем на границах сделал и облегчение мне в делах, и великое у Порты впечатление». И этот же полководец, одно имя которого наводит страх на противную сторону, говорил: «Если вы хотите истинной славы, следуйте по стопам добродетели». Суворов, глубоко религиозный человек, учил солдат: «Сегодня молиться, завтра поститься, послезавтра — победа или смерть».

Отважный полководец, разбивший тевтонских рыцарей, отразивший натиск на Русь католического Запада, Александр Невский говорит: «Бог не в силе, но в правде» (из «Жития Александра Невского», XIII в.). Эти слова — как нравственная основа мужества — раскрываются в русской литературе на протяжении столетий (начиная от «Жития Александра Невского», «Сказания о Мамаевом побоище» до «Войны и мира» Л. Н. Толстого, где русские в Бородинском сражении одерживают, по словам писателя, нравственную победу над французами). Литературные корни этих произведений уходят в былины — богатырский эпос русского народа, воплотившие в себе идеалы, понимание добра и зла, верности русской земле. Главный герой русского народного эпоса богатырь Илья Муромец был причислен к лику святых. «Илья Муромец — это образ огромной, осознающей себя, разумно, целесообразно направленной силы. Многочисленные подвиги Ильи Муромца, описанные в былинах, всегда связаны исключительно с задачей служения народу, он изображен в русском эпосе прежде всего как оберегатель родины. Илья Муромец борется с иноземными захватчиками, спасает родную землю от вражеских полчищ, побеждает чужеземных богатырей, приезжающих на Русь с враждебными намерениями. Ему также приписываются подвиги в борьбе с насильниками внутри страны, с разбойниками, от которых он очищает прямоезжие дороги, охраняя мирный труд и благосостояние народа» (А. М. Астахова).

Уникальное, пожалуй, явление в истории европейской агиографии (жизнеописание святых) — появление на Руси «Сказания о Борисе и Глебе» (XII в.) — о первых канонизированных русских святых, юных князьях Борисе и Глебе, принявших смерть от своего старшего брата Святополка Окаянного. С пронзительной силой заявила здесь о себе идея кротости, смирения, добровольного прития мученичества во имя Христа. Из этого события, как из зерна, выросла наша многовековая история с ее трагедиями и загадками: братоубийство, нескончаемое на протяжении веков (от розни удельных князей, приведшей к монголо-татарскому завоеванию Руси, от Смутного времени, церковного раскола — до гражданской войны 1917—20). Не отсюда ли и покорность, терпение народа? Но есть и некая религиозная тайна в этом смирении, жертвенности (образы страстотерпцев Бориса и Глеба в одном из сказаний являются воинам Александра Невского, вдохновляя их в сражении с врагом).

При идеале смирения древнерусскому человеку в то же время свойственно развитое чувство внутреннего достоинства, различения ценностей истинных и мнимых в человеке. Автор «Моления Даниила Заточника» (н. XIII в.) обращается к своему господину: «Не смотри на внешность мою, но посмотри, каков я внутри... Ибо нищий мудрый — что золото в грязном сосуде, а богатый разодетый да глупый — что шелковая подушка, соломой набитая». И уже спустя шесть столетий, в XIX в. славянофил К. Аксаков в своих «Опытах синонимов. Публика — народ», противопоставляя «публику» (представителей

высшего сословия) — народу, скажет: «И в публике есть золото и грязь и в народе есть золото и грязь, но в публике грязь в золоте, в народе — золото в грязи».

В величайшем поэтическом творении «*Слове о полку Игореве*» (XII в.), повествующем о неудачном походе на половцев князя Новгорода Северского Игоря Святославича, патриотическое чувство безвестного автора слито с горечью сознания губительности для Руси княжеских усобиц, со страстным призывом к единству русских земель. Образ Ярославны как бы предваряет нравственно цельный тип русской женщины в нашей литературе (Феврония в «*Повести о Петре и Февронии*» (к. XV в.), Ульяния Осорьина в «*Повести об Иулиании Осорьиной*», написанной ее сыном в н. XVII в., Марковна в «*Житии протопопа Аввакума*», Татьяна в «Евгении Онегине» *Пушкина*, Лиза в «Дворянском гнезде» *Тургенева* и т. д.).

Созданное незадолго до нашествия татар «Слово о полку Игореве» было как бы предупреждением о величайшей опасности для Руси княжеской розни. И беда пришла: раздробленная Русь оказалась под монголо-татарским игом. Но как говорит историк В. О. Ключевский (в своей речи «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства»): «Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно историческую дорогу». Таким человеком, который вдохнул в русское общество «чувство нравственной бодрости, духовной крепости», и был Сергей Радонежский. Он, по словам историка, «поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее». И он же благословил кн. Дмитрия Донского на подвиг перед Куликовской битвой. В «Житии Сергия Радонежского» Епифания Премудрого (XV в.) образ прп. Сергия неотделим от Святой Троицы. Еще до появления его на свет было знамение, означавшее, что будет ребенок «служгой Святой Троицы». «И не только сам будет веровать благочестиво, но и других многих соберет и научит веровать в Святую Троицу». Во имя Святой Троицы была освящена Варфоломеем (будущим Сергием) срубленная им небольшая церковка в чаще леса. Став по воле Божией игуменом монастыря, Сергей, «наставляя братию, немногие речи говорил. Но гораздо больше пример подавал братии своими делами». Обретая силы в безграничном источнике любви — в живоначалной Троице, Сергей вносил мир и согласие не только в жизнь, в души монашеской братии, но и в мирское общество. Он примирял враждующих князей, под его влиянием удельные князья объединились перед Куликовской битвой вокруг Дмитрия Донского.

К словам историка о способности народа «подниматься на ноги после падения» можно добавить и то, что христианский свет никогда не угасал в лучших русских людях. Святостью супружеской жизни в миру отмечена «Повесть о Петре и Февронии». В образе Февронии, рязанской крестьянки, ставшей женой Муромского кн. Петра, прославляется сила, красота все преодолевающей женской любви, ее бессмертие. Повесть эта оказала большое влияние на формирование легенды о граде Китеже, широко распространенной среди старообрядцев (город Китеж при нашествии татар, скрываясь от них, опускается на дно озера, продолжая чудесное существование до лучших времен). Любопытен записанный писателем *Ю. Олеши* рассказ о немецком офицере, который, услышав в России, во время войны, легенду о Китеже, пришел в смятение, не веря, что такой красоты легенду мог сотворить народ «низшей расы».

Яркое представление о духовном мире русского человека, оказавшегося на чужбине, дает «*Хождение за три моря*» *Афанасия Никитина* (2-я пол. XV в.). Очутившись после всех злоключений в Индии, тверской купец Афанасий Никитин живо всматривается в новую для него, чужеземную жизнь, в быт, нравы, обычаи местных жителей, в их религиозные обряды и т. д. Поразительна поистине художническая зоркость автора, напр., в описании выезда молодого султана в день мусульманского праздника (невольно приходит на память такая же удивительная выразительность во «Фрегате “Паллада”» *И. А. Гончарова*, когда подробно описывается японская церемониальность в сцене приема русских путешественников нагасакским губернатором). Черта, характерно русская, свидетельствующая об универсальности русского мировосприятия.

Находясь вдалеке от своей родной земли, среди индусов и «бесерменов» (мусульман), Афанасий Никитин постоянно думает о ней, «печалится по вере христианской», когда его ограбили в устье

Волги, пропали церковные книги, а сам он потерял черед праздников христианских. «А когда Пасха, праздник воскресения Христова, не знаю: по приметам гадаю — наступает Пасха раньше бесерменского байрама на девять или десять дней». «И молился я Христу Вседержителю, Кто сотворил небо и землю, а иного Бога именем не призывал». «Уже прошло четыре Пасхи, как я в бесерменской земле, а Христианства я не оставил».

Русский и православный — синонимы (так же, как, по словам *Ф. М. Достоевского*, синонимы — язык и народ). Церковь учит свою паству бдительности в распознавании врагов «внешних» и «внутренних». Внешним врагом, грозившим с помощью военной силы уничтожить Православную Русь, окатоличить ее, были псы рыцари-иезуиты, разгромленные Александром Невским. В к. XV в. появился еще более опасный для Православия враг — враг внутренний, грозивший изнутри разложить Православие, заменить его человеконенавистнической иудейской верой. Это были жидовствующие (или, как их еще называют, иудействующие). Еврей Схария, попавший в Новгород из Литвы, и пятеро его единокровных сообщников положили начало секте, которая не признавала в Христе Бога, не верила в Таинство причастия, была против поклонения иконам (т. е. отвергалось христианство). Свив свое гнездо в Новгороде, секта вскоре проникла в Москву, где среди ее сторонников оказалось множество духовных лиц вплоть до митр. Зосимы, людей из окружения вел. кн. Ивана III, да и сам он первое время поддерживал разных приверженцев секты, пока не обнаружилась вся исходящая от нее опасность для Церкви и государства. Растлевающее влияние оказывала эта секта на нравы, мораль общества. В 6-м томе «Памятников литературы древней Руси (к. XV — 1-я пол. XVI в.)» отмечается, что «вопрос о содомии (гомосексуализме)... особенно остро встал во времена Филофея, когда ересь жидовствующих распространила этот порок и среди светских лиц (у еретиков, по предположениям некоторых историков, он выполнял роль ритуального действия)».

Борьбу с жидовствующими возглавил архиепископ Новгородский *Геннадий*, который энергично взялся искоренять зло и в 1490 добился созыва Собора, отлучившего еретиков. В «Житии святого Геннадия, архиепископа Новгородского» рассказывается, как Геннадий, «чтобы видел народ, каковы были сеятели пагубных плевел... велел за сорок верст от города сажать их на вонючие седла, лицом к хвосту конскому... чтобы смотрели на запад — темное царство вечных мук; на головы их надели остроконечные шлемы из бересты с мочальными или соломенными венцами наподобие бесовских и с надписью: “Се сатанино воинство”...».

Сподвижником Геннадия в борьбе с жидовствующими был *Иосиф Волоцкий*. Блестящий оратор, он своими тяжкими обличениями принудил митр. Зосиму оставить московскую кафедру. Тринадцать «слов» против жидовствующих составили его сочинение «Просветитель».

В XV в. произошли события, которые оказали огромное влияние на формирование русского национального самосознания. Не имея сил для противостояния турецким завоевателям и надеясь получить помощь от Запада, Византия заключает с ним унию (Флорентийская уния, 1439). Унию самовольно подписал и представитель от Русского государства Московский митр. Исидор, грек по национальности, по возвращении в Москву он был за измену Православию арестован, но спасся бегством в Литву. Уния не спасла Византию, Запад не пришел к ней на помощь, и в мае 1453 со взятием турками Константинополя Византийская империя пала.

Гибель Византии произвела глубочайшее впечатление на Руси, которую тесно связывали с нею церковно-культурные традиции. Вместе с тем с утратой мирового православного центра в русском сознании возникает мысль о Москве как преемнице Константинова-града, как о новом мировом центре Православия. Идея «Москва — Третий Рим» выражена в послании старца псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофея вел. Московскому кн. Василию III (н. XVI в.). Первый Рим пал из-за ересей. Второй Рим (Константинов-град) покорен турками (за грехи соглашательства с латинством). Опорой чистого Православия в мире становится Москва. Обращаясь к вел. кн. Василию III, старец Филофей говорит: «Все христианские царства сошлись в одно твое... два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать».

Обращенная к Василию III идея Филофея получает свое полное развитие и осуществление при сыне Василия III — *Иване Грозном* (кстати, к нему и обращено одно из последних посланий старца), когда складывается мощное русское централизованное государство с присоединенными к нему Казанью, Астраханью, Сибирью, а Москва заявляет о себе действительно как мировой центр

Православия. Литературно-идеологическим памятникам эпохи Ивана Грозного свойственна монументальность идеи и формы. Это относится к таким творениям, как «*Великие Четьи-Минеи*», «*Стоглав*», «*Домострой*». *Четьи Минеи* (в 12 томах, по числу месяцев), составленные митр. Макарием и коллективом его многочисленных сотрудников — это, по словам историка В. О. Ключевского, целая «энциклопедия древнерусской письменности». По его счету, в них 1300 *житий*, в т. ч. 40 житий русских святых, большинство которых было канонизировано на Соборах 1547 и 1549. Установление всецерковного чествования целого сонма русских святых около сер. XVI в. означало углубление исторически-церковного сознания в русском обществе, растущего интереса к отечественным подвижникам, ослабление зависимости от Восточной церкви.

В 1551 царем Иваном Грозным был созван церковный Собор в обстановке, когда обнаружились признаки ослабления духа веры, упадка религиозно-церковной жизни Древней Руси. Деяния этого Собора были записаны в книге, разделенной на сто глав и получившей название «*Стоглав*». В него вошли речи царя, его вопросы и ответы Собора, касавшиеся Церкви, религии, падения нравственности, древнего благочестия. «*Стоглав*» дает богатейший материал для знакомства с нравами и обычаями того времени.

«*Домострой*» вобрал в себя из предшествующей древнерусской литературы все духовно ценное, традиционное, отвечающее самой сути мирозерцания русских людей, коренным особенностям их национального характера, немыслимого без православной основы. Здесь свод наставлений о религиозных обязанностях христианина по отношению к Богу и ближнему сменяется изложением наставлений относительно внутрисемейных отношений, воспитания детей, обязанностей мужа и жены. Наконец, советы о порядке ведения домашнего хозяйства — энциклопедия домашнего быта и хозяйства на Руси XVI в.

Известно, каким пугалом в глазах «общественности» стремились представить «*Домострой*» прогрессисты и радикалы XIX в. и последующих времен. За «домостроевщину» как знак невежественной старины, всего косного, темного в ней выдавалась древнерусская семья, где муж непременно самодур, а жена — безмолвная рабыня. Между тем из «*Домостроя*» видно, какую высокую роль играла женщина — хозяйка дома, дополняя дело мужа как главы семьи своим влиянием на атмосферу семейной жизни как любящая мать и жена, как труженица, распорядительница порядка в доме. Главка из «*Домостроя*» «*Похвала женам*» заставляет вспомнить светлые образы древнерусских женщин, воссозданных в таких работах, как «*Идеальные женские характеры Древней Руси*» Ф. И. Буслаева, «*Боярыня Морозова...*» И. Е. Забелина, «*Добрые люди Древней Руси*» (об Иулиании Осорбиной) В. Ключевского.

Конечно, очень многое в «*Домострое*» воспринимается ныне именно как атрибутика литературного памятника, как давно ушедшее в прошлое, вроде мельчайшей бытовой, семейной регламентации. Но есть в нем и то, что имеет и современное значение. Каждый народ обладает тем своим особым качеством, которое принято называть менталитетом. Напр., для японцев характерен культ предков, национальных традиций, который и стал в виде морального фактора одной из главных причин «экономического чуда». У немцев-протестантов труд становится как бы исполнением религиозного долга. «*Американская мечта*» — стать миллионером. О корнях еврейской монополии в банкирском деле А. С. Хомяков писал: «Газеты недавно дразнили зависть читателей перечнем Ротшильдовых миллионов; но Ротшильд — явление не одинокое в своем народе: он только глава многомиллионных банкиров еврейских. Своими семьями миллионами, своим правом быть, так сказать, денежною державою обязан он, без сомнения, не случайным обстоятельствам и не случайной организацией своей головы: в его денежном могуществе отзывается целая история и вера его племени. Это народ без отечества, это потомственное преемство торгового духа древней Палестины, и в особенности эта любовь к земным выгодам, которая и в древности не могла узнать Мессию в нищете и унижении. Ротшильд факт жизненный» (статья «О возможности русской художественной школы»).

В «*Домострое*» осуждается богатство, нажитое несправедно, нечестным трудом. «Несправедное богатство не желать, законными доходами и праведным богатством жить подобает всякому христианину; жить на прибыль от законных средств». В истории России «праведное богатство» и было на службе государственных интересов страны, способствуя развитию ее экономики, производитель-

ных сил (следует отметить особую роль в этом деле купцов и промышленников из старообрядцев в XIX в.). Ныне, в результате «перестройки-революции», в противовес традиционной трудовой этике, в России агрессивно утверждает себя богатство награбленное, преступное. Апофеозом торжества этих грабителей стало на шумевшее в печати выступление по израильскому телевидению российских банкиров-миллиардеров Березовского, Гусинского, Ходорковского с компанией, которые нагло и цинично бахвалились, как они беспрепятственно заполняли пустые ниши финансовых спекуляций, в результате чего в руках этих евреев оказалось 80% капитала России. К словам Хомякова о еврейской «любви к земным выгодам» можно прибавить то, что нынешние ротшильды-березовские-гусинские уже не скрывают главного назначения своих миллиардов — как орудия «нового мирового порядка», мирового иудейского владычества.

Разговор о литературе эпохи Ивана Грозного закончим кратким словом о нем самом как о писателе. Адресатом двух его посланий был кн. *Курбский*, потомок ярославского князя. В молодости друг и советник Грозного, участник Казанского похода, впоследствии тайно бежавший к литовцам и во главе их отрядов воевавший против бывшей родины, Курбский выражал интерес бояр, не желавших отказываться от участия во власти, готовых, как их предки — удельные князья, разорвать Россию на части. В ответ на обвинения Курбского в истреблении бояр, злоупотреблении царем своей единодержавной властью, Иван Грозный напоминает изменнику об установленности «Божьим веленьем» царской власти, от ее имени он карает тех, кто покушается на государственность, целостность Руси. «Господь наш Иисус Христос сказал: “Если царство разделится, то оно не может устоять”, кто же может вести войну против врагов, если его царство раздирается междоусобием, распрями?! Как может цвести дерево, если у него высохшие корни? Так и здесь: пока в царстве не будет порядка, откуда возьмется военная храбрость?» Стиль и язык посланий Грозного, в отличие от составленных по правилам риторики, лишенных индивидуальности посланий Курбского, живо передают темперамент, необузданность характера царя, свободу, беспорядочность в выражении им своих мыслей и чувств. Элементы языка книжного (свидетельствующего о богословском образовании автора) сочетаются с ярким разговорным языком, пересыпанным меткими выражениями, «кусательной» иронией, грубыми, язвительными издевательствами над противником. Язык Ивана Грозного в его двух писаниях Курбскому можно назвать предтечей языка протопопа *Аввакума* (который, кстати, ссылался в своей борьбе с Никоном на Ивана Грозного как на ревностного защитника Православия: «Миленький царь Иван Васильевич скоро бы указ сделал такой собаке»).

Издравле свойственный русской литературе историзм проявляется во многих произведениях литературы XVII в. Таково, прежде всего, «Сказание» *Авраамия Палицына*, келаря Троице-Сергиева монастыря, о 16-месячной осаде этого монастыря поляками и литовцами (1608—10). Автор повествует о героизме защитников святой обители — монахов, крестьян, называет реальные имена, связанные с тем или иным конкретным подвигом. Возникают моменты, в которых можно увидеть предвещание ситуации «брат на брата» в будущей русской литературе. «Троицкий же слуга Данило Селевин, которого поносили из-за бегства его брата Оськи Селевина, не желая носить на себе изменнического имени, сказал перед всеми людьми: “Хочу за измену брата своего жизнь на смерть променять!” И со своей сотней пошел пешим к колодцу чудотворца Сергия на врага. Данило храбро бился с захватчиками, многих посекал, но и сам был сильно ранен. И его, подхватив, отнесли в монастырь, и он преставился во иноческом образе». С беспощадной реалистичностью (вплоть до натуралистического нагнетания) описываются бедствия, ужасы мора и массовых смертей в стане осажденных. И на протяжении всей осады, во всех обстоятельствах защитников обители не покидает являющийся им великий чудотворец Сергий, который «расхрабривает их» (придает им храбрости) в сражении, укрепляет их волю в тягчайших испытаниях. Высокий патриотизм всегда был воодушевляющей силой для русского слова, русской литературы.

К XVII в. относятся записи *духовных стихов*, хотя существовали они задолго до этого. Исполнителями, а зачастую и создателями этих стихов были *калики перехожие*, слепые певцы, которые бродили по деревням, пели на ярмарках, на монастырских дворах и т. д. Содержанием духовных стихов служат ветхозаветные, евангельские сюжеты, *апокрифы*, истории из житий святых, о праведниках и грешниках, представления о мироздании, его начале и судьбах и т. д. Известный ученый Ф.

И. Буслаев отмечал «глубину мысли и высокое поэтическое творчество» лучших духовных стихов, их возвышенный, христианский настрой.

Сколько в духовных стихах, в лучших из них — умилительного и вместе с тем глубокого, особенно в «Голубиной книге», т. е. Глубокой книге (где собраны духовные стихи о мироздании, о Божьих тайнах его). В этих стихах обытовлена потусторонняя тайна, но сколько пронзительного (как будто это наши умершие матери) в стенании трепетной души, умоляющей ангелов не отдавать ее, несчастную, в «руки злых духов», а вести скорее ко Господу, в милосердие которого она верит, и вдруг это обращение к земной родне своей, оплакивающей умершего, вызывающее светлую улыбку, укор сродникам с простодушным заискиванием перед Господом. В этом духовном стихе выражена народная вера в милосердие горних сил к нашим грешным душам (кстати, так же, как и в рублевских фресках о Страшном суде во Владимирском Успенском соборе).

По своему содержанию к духовным стихам может быть отнесена и «Повесть о Горе-Злочастии» — о злключениях молодца, ушедшего из родительского дома, пожелавшего жить своим умом, по своей воле, который после житейских мытарств, душевных терзаний уходит в монастырь.

В 1660-х появляется первый в русской литературе опыт романа — «Повесть о Савве Грудцыне», принадлежащий безвестному автору. Это история о том, как сын богатого купца Саввы, ставший рабом иступленной страсти к молодой жене старого купца, закладывает душу дьяволу, дабы вернуть любовь прельстившей его женщины. Уже здесь, можно сказать, видны зачатки того психологизма «темных страстей», которое получит такое углубленное развитие в позднейшей литературе (Рогожин в «Идиоте» Ф. М. Достоевского, молодой купец Петр в пьесе А. Н. Островского «Живи не так, как хочется»). Савве во всех обстоятельствах жизни сопутствует «мнимый брат» — бес, он же ведет его в «град велик», к престолу «отца» своего, которому Савва вручает написанное под диктовку беса письмо о своей готовности служить дьяволу. И этот постоянный спутник героя — бес предстает собственно как двойник Саввы, недаром и возникает он на пути его сразу же, как только герой «мысль положи во уме своем», что «аз бы послужил диаволу», если бы тот восстановил любовную связь. Двойничество в русской литературе станет обычным явлением разорванного безрелигиозного сознания (напр., разговор Ивана Карамазова с чертом у Достоевского).

Одурманенность страстью доходит у Саввы до того, что он ни во что не ставит (и даже смеется над ними) письма матери к нему, которая умоляет его бросить «непорядочное житие» и возвратиться домой. Материнское проклятие не трогает его, что было беспримерным для того времени нравственным падением. (Можно вспомнить историю, когда сам молодой царь Михаил Романов, несмотря на то, что его поддерживал отец, митр. Филарет, вынужден был отказаться от женитьбы на любимой из-за несогласия матери.) То, о чем еще сто лет назад на церковном Соборе с его «Стоглавом» говорилось в сдержанной форме (об ослаблении духа веры, древнего благочестия), теперь вырывалось в литературе греховными страстями людей, для которых уже нет сдерживающих пут «Домостроя». Новые веяния носились в воздухе, и не только в сугубо плотских проявлениях. Дух новизны тонко уловлен В. Ф. Одоевским, автором «Русских ночей», и в атмосфере европейской жизни примерно той же эпохи (жена Баха испытывает смтение, когда впервые слышит исполняемую гостем новую, светскую музыку — после привычной для нее величавой, «вечной» музыки мужа, трепетом отзываются в ней страстные мирские звуки). Характерно, что в росписи русских храмов во 2-й пол. XVII в. встречается изображение грехопадения прор. Давида с подробностями в сцене с Вирсавией, но без показа покаяния Давидова. Заметим, что в XVII в. — начало того Нового времени, когда в Европе, в ее духовной жизни, культуре рушатся средневековые традиционные теологические ценности и заявляют властно о себе «естественный свет разума», сила знаний, их практическое значение для человека. Возвращаясь к «Повести о Савве Грудцыне», напомним, что она заканчивается в духе Псалма 61: «Только в Боге успокаивается душа моя». От гибели его избавляет милосердие Богородицы, по повелению Ее он становится иноком.

В сер. XVII в. в русской православной церковной жизни произошел раскол, ставший нашей национальной трагедией. К этому времени более чем вековая идея «Москва — Третий Рим» (от падения Византии) стала восприниматься уже не теоретически, а как вполне осуществимая на практи-

ке. Но для того, чтобы Русская церковь стала вселенски православной, необходимо было сблизить ее с Греческой церковью, устранить различия между русскими и греческими церковными книгами. Это и стало предметом церковной реформы, проведенной царем Алексеем Михайловичем и патр. Никоном. Нововведение вызвало мощное сопротивление приверженцев старины во главе с вождем старообрядцев протопопом Аввакумом. Написанное им о себе в земляной тюрьме Пустозерска на берегу Ледовитого океана «Житие» (1673) — венчая отроги древнерусской литературы как одна из главных ее вершин, открывает вместе с тем новые пути русского слова. Почему до сих пор, спустя три с лишним столетия, так действует на нас слово Аввакума? Потому, что за этим словом стоит сам автор, обжигающая правда, подлинность всего пережитого им, его готовность пойти за веру на костер (чем и закончилась его героическая, мученическая жизнь). В своем слове он «дышит тако горящею душою», употребляя его собственное выражение. Вот уж где поистине: «Как живу, так и пишу. Как пишу, так и живу» (как впоследствии определял принцип своего жизненного поведения один из русских писателей). Эта целостность, неразрывность слова и дела стали и этическим заветом славянофилов, ставивших во главу угла писательской личности нравственные качества (И. В. Киреевский: поставить «чистоту жизни над чистотой слога»).

Аввакум — не писатель в общепринятом «профессиональном» значении слова, писательство для него — необходимое средство борьбы. «По нужде ворчу, — писал он, — понеже, докучают. А как бы не спрашивали, я бы и молчал больше». Но в этом «ворчании» — какой художник слова! Какое богатство жизненно психологических связей протопопа с миром (царь Алексей Михайлович, патр. Никон, боярин Ртищев, *Симеон Полоцкий*, боярыня Морозова, воевода Пашков, священники, паства и т. д.) и какая, иногда в нескольких словах, изобразительная сила в показе человеческих характеров, какое разнообразие интонаций (от язвительной по отношению к Никону до задушевной — с женой Марковной)! И совершенно уникальный, «природно русский», разговорный народный язык («принципиально непере译имый» на европейские языки, по Достоевскому).

Религиозно-церковное сознание Аввакума, при всей своей догматичности, насыщено, драматизировано «страстьми», переживаниями, которые вносят в познание им сущего элемент сердечного всеведения (подобно тому, как для его современника Паскаля только с «болью сердца» достигается полнота истины). Обличитель «отступнической блудни», готовый «перепластать на четверти» никониан (хотя сам отвергает жестокость в делах веры: «Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да влищею в веру приводить»), Аввакум как христианин и страдает и сострадает, он испытывает «печаль», ему «горько зело», он «плачет» за людей, ему их жаль и т. д. В религиозном опыте Аввакума и в самой судьбе его выразилось то предощущение катастрофичности бытия, которое будет постоянно сопровождать историю России вплоть до настоящего времени.

Второй раскол ожидал Россию при сыне царя Алексея Михайловича — Петре I, реформы которого раскололи нацию на европеизированный образованный слой и народную массу. Петровские реформы стали предметом длительного исторического спора между их сторонниками и противниками. Но даже и славянофилы, которых западники необоснованно обвиняют в огульном отрицании этих реформ, в действительности признавали их историческую необходимость, целесообразность, как освобождение, по словам К. С. Аксакова, от «исключительной национальности», как выход в мир, в активные взаимоотношения с Европой, что позволило русскому народу полнее реализовать свои потенциальные духовные силы, утверждать свое призвание в мире. Но при этом славянофилы не принимали таких радикальных реальностей петровских реформ, как разрыв с духовно-культурным наследием Древней Руси, с многовековыми народными, культурными традициями. Неблагоприятные последствия имели церковные преобразования. Петр покончил с патриаршеством, в 1721 был учрежден Святейший Синод, что привело к полнейшей зависимости Церкви от государства, к обмирщению церковной власти.

В н. XVIII в. в результате заимствования с Запада сугубо утилитарных знаний, технической, административной, военной, мореходной и прочей терминологии, с распространением переводной мирской литературы — вследствие всего этого русский язык, письменность перегружаются варваризмами, канцеляризмами, языковой иностранщиной. Всего каких-нибудь 3—4 десятка лет отделяют литературу петровского времени от «Жития» Аввакума, а между ними — непроходимая про-

пасть. Как будто не было мощной стихии «природного русского» языка, не было глубинной духовности и психологизма. Как будто бы все началось на пустом месте, без родной почвы, без корней.

Начиная со 2-й четв. XVIII в. в течение многих десятилетий развитие русской литературы скопывалось заимствованной ею формой французского классицизма XVII в. (который сам ориентировался как на образец на античную «классику», хотя и был вызван внутренними государственными потребностями своего времени). Свойственная французскому классицизму рационалистичность становится главным средством познания и для русских классицистов. Если для древнерусской литературы просвещение — означает просвещение светом веры (вспомним «Просветитель» Иосифа Волоцкого), то для писателей XVIII в. просвещение сводится к знаниям, науке. Первая же *сатира А. Кантемира* «На хулящих ученье, или к уму своему» — направлена против тех, кто отрицает значение науки, не видит в ней никакой пользы, враждебно относятся к ней. И в др. сатирах непросвещенность ума явлена как причина человеческих пороков, дурного воспитания, невежества тех дворян, которые тщеславятся своим происхождением, не имея никаких гражданских, военных заслуг и т. д. Но примечателен сам взгляд сатирика на свое призвание: в четвертой сатире «Об опасности сатирических сочинений», говоря о «ненависти всего мира» к сатирику, автор замечает: «Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу». Это то, что станет потом у *Н. В. Гоголя* «смехом сквозь слезы», что на его могильной плите будет увековечено словами библейского пророка: «Горьким смехом моим посмеюся».

Язык сатир Кантемира (при отдельных метких выражениях) был так труден для восприятия тогдашнего читателя (не говоря уже о читателе современном), что автор счел необходимым сопроводить текст примечаниями, иногда даже в виде перевода. Тяжелым, неуклюжим языком писал свои стихотворные произведения *В. Тредиаковский*, но в отличие от Кантемира, чей схожий с прозой *силлабический стих* имел польское происхождение, Тредиаковский ввел в стихосложение более свойственный русскому языку *тонический стих* (вместо известного числа слогов в силлабическом стихе — правильное чередование ударного и безударного слогов). *М. В. Ломоносов* усовершенствовал этот ритмический стих с помощью ямба, отчего появилась невиданная в русских виршах энергия, полетистость, звучность стиха. И это не было частным вопросом стихосложения, а отвечало духу времени с его победами русского оружия. В ямбическом стихе как бы чудился «орлиный полет» победоносных русских полков (вроде оды Ломоносова «На взятие Хотина»).

Обожествляя Петра, горячо ратуя за петровские реформы, Ломоносов не умалял, не отрицал прошлое России, он как великий патриот страстно отстаивал все то, что было связано с истоком духовно-национального самосознания. Заслон против хлынувшего в русский язык потока варваризмов он видел в церковнославянском языке, который наряду с разговорно-бытовым языком издревле составлял основу русского литературного языка. Статья Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке» как бы предопределила непрерываемое тяготение русской литературы к церковнославянизмам (от Радищева, с крайней славянизированностью языка его «Путешествия из Петербурга в Москву» — и в нем «Словом о Ломоносове», до Маяковского, в дореволюционных поэмах которого богоборчество парадоксально соединено с влечением к церковнославянской лексике).

Человек глубоко религиозный, Ломоносов не отделял резкой чертой веру от науки, видя единый источник их в Божественном откровении. «Достойны посмеяния те люди, — говорил он, — которые дерзают по физике изъяснять непонятные чудеса Божии и самые страшные христианские тайны». Но также нелепа и другая крайность: «Почитать открытия естественных наук противными христианскому закону». В знаменитых духовных одах «Утреннее размышление о Божием величестве» и «Вечернее размышление о Божием величестве» Ломоносов при виде исполненных чудес явлений природы славословит величие Творца.

Между тем все более очевидными становились узость, окаменелость заимствованных у чужеземцев форм, приемов, которые мешали русской литературе выйти на путь самостоятельного национального развития. Любопытно «приказание» знаменитого Потемкина драматургу *А. П. Сумарокову*, чтобы он написал «трагедию без рифм». По этому поводу *П. Вяземский* в своей статье «О Сумарокове» пишет: «Это показывает проницательность и оригинальность ума Потемкина, который, и

не бывши автором, требовал уже от драмы нашей новых покушений, не довольствуясь исключительным подражанием узким формам трагедии французской». Но тот же Сумароков следовал не только французским литературным образцам. Гордо именуя себя «русским Вольтером», он вносил в свои сочинения то, что называли тогда вольнодумством, подрывавшим устои государственности, Православия. В трагедии «Дмитрий Самозванец» отвергается божественное происхождение царской власти, авторитет царя, как помазанника Божиего: «Когда б не царствовал в России ты злонаравно, / Дмитрий ты иль нет, сие народу равно». «Пускай Отрепьев ты, но и среди обмана / Коль он достойный муж, достоин царска сана». Массонские идеи находят отражение в риторике, лексике, цель которой — размыть абсолютные религиозно-церковные ценности путем внесения абстрактно-гуманистических «общечеловеческих» понятий. Автор «Истории русской словесности, древней и новой» А. Галахов (СПб., 1863) пишет об отсутствии у Сумарокова «твердых начал»: «В сочинениях его часто не видишь определенного понятия как о том, что он осуждает или хвалит, так и о том, во имя чего произносится осуждение или похвала... Слова: наука, истина, честь, философия, суеверие, неверие... не сходили у него с языка, но ему было бы трудно заключить их в точные формулы. Что именно разумел он под ними? Всегда ли принимал их в одном и том же смысле? Вот вопросы, на которые не всегда есть решительные ответы в его сочинениях». Массонский характер лексики Сумарокова и может быть ответом на недоумение исследователя.

Массонское влияние сказалося и в сочинениях *М. М. Хераскова*. После знаменитой «эпической поэмы» «Россияда», посвященной взятию Иваном Грозным Казани, поэмы, прославляющей «подвиг предков», выходит другая поэма Хераскова «Владимир» (о крестителе Руси) — в духе массонской аллегории. По словам самого автора, его поэма есть «странствование человека путем истины, на котором... находит стезю правды и, достигнув просвещения, возрождается».

2-я пол. XVIII в., на которую пало правление *Екатерины II*, ознаменовалось расцветом, величием российского национального государства, победоносным расширением его пространства, ростом влияния его в Европе, драматическими событиями внутри страны. В эволюции самой Екатерины как бы отразилось общественное состояние России — от ее «Наказа» с применением к законам «начала истины и человеколюбия», близости к французским просветителям — Вольтеру, Дидро и т. д. до подавления пугачевского восстания, ареста автора «Путешествия из Петербурга в Москву», запрета массонских лож.

В отличие от утилитарного характера петровской «системы воспитания» с ее специальными знаниями на потребу государства, «система воспитания» в духе «Наказа» Екатерины имела целью приготовления людей «быть гражданами», для которых знания подчинены нравственному началу. Императрица и сама находила время для занятия литературой, она сочиняла пьесы, сказки с явной педагогической целью — высмеивала незлобливо всякого рода человеческие недостатки, пороки, и в этой незлобливости, а не в ядовитой сатире видела средство исправления нравов, улучшения нравственных гражданских качеств человека. Написанная ею для внука, будущего имп. Александра I, «Сказка о царевне Хлоре» с ее аллегорическим поиском «розы без шипов», т. е. добродетели, вдохновила *Г. Р. Державина* на создание его прославленной оды «Фелица».

С идеей нравственного воспитания личности связано творчество *Д. И. Фонвизина*, которого *Пушкин* назвал «из перерусских русским». В молодости он увлекался Вольтером, др. французскими просветителями, был постоянным участником кружка атеистически настроенных вольнодумцев. Служба в Петербурге переводчиком иностранной коллегии, в др. высоких учреждениях открывала ему знакомство как с темными нравами великосветской среды, так и с теми близкими его идеалу людьми, для которых принципом жизни была «честность», «любовь к своей нации». Сам Фонвизин, по свидетельству знавших его, при всем насмешливом, язвительном складе его ума сатирика обладал необычайной добротой сердца, отзывчивостью на нужды близких, благородством. В свободное от петербургской службы время он приезжал к родным в Москву, в свое подмосковное имение, с которым были связаны многие прототипы его комедий «Бригадир» и «Недоросль».

Он увлекается театром, драматической литературой, уже юношей выказывая скептическое отношение к дутым страстям ложно-классической *трагедии*. Так, говоря о прочитанной им новой

французской трагедии «Троянки», изобилующей смертями и воплями сфабрикованных древнегреческих героев, он заключает: «Однако, плюнем на них. Стихотворец подобен попу, которому, живучи на погосте, всех не оплакать. Я сам горю желанием написать трагедию, и рукою моею погибнут по крайней мере с полдюжины героев, а если рассержусь, то и ни одного живого человека на театре не оставлю». Несмотря на такое трезвое понимание классической условности, искусственности, ими отмечены не только «Бригадир», но и «Недоросль» — с прямолинейно смысловыми именами положительными: Правдин, Стародум, отрицательными: Простаков, Вральман, Кутейкин; резонерством Стародума, рупора идей самого автора; единством места и времени, каноническими пятью актами. Все эти условности формы как бы «трещат по швам» от вторжения в пьесу реальной жизни с картинами провинциального помещицкого быта, живыми чертами человеческих характеров, метким разговорным языком персонажей. Главный герой «Бригадира» Иванушка, воспитанник французского гувернера-кучера, побывавший в Париже, презирает все русское, в т. ч. и своих родителей за отсутствие у них «разума». На слова отца «бригадира»: «Да ты что за француз? Мне кажется, ты на Руси родился», Иванушка отвечает, что тело его родилось в России, но дух принадлежит Франции. Такие лакеи иностранщины не переводились на Руси в жизни и в литературе — вплоть до Смердякова в «Братьях Карамазовых» Достоевского, который злобствует, что в 1812 глупую нацию, т. е. русских, не завоевала умная нация, т. е. французы.

Другой повеса — Митрофанушка в «Недоросле» представлен как уродливый плод уродливого воспитания, злонравия той помещицкой среды, где господствуют крепостнические порядки с их произволом и «бесчеловечием», как говорит положительный герой пьесы Стародум. В противовес «европеизму», воспитанию показному, внешнему Стародум высказывает мысли (и это мысли самого автора) о «нравственном воспитании». Смысл его не в том, чтобы «чужим умом набивать густую голову». Главное в человеке, что не меняется как ценность «во всякое время» — это душа. «На все прочее мода: на умы мода, на звание мода, как на пряжки, на пуговицы». «Без нее просвещеннейшая умница — жалкая тварь. Невежда без души — зверь». «Верь мне, что наука в развращенном человеке есть лютое оружие делать зло».

Век просветительства Фонвизин прозорливо увидел величайшую опасность в отрыве науки от ее религиозной, нравственной основы. Впоследствии Достоевский скажет, что при взгляде на науку как на высшую самооценку, ученый, если надо для науки — резать детей, то он и будет резать. То, что ныне называется на ученом языке сциентистской цивилизацией (*лат.* *scientia* — знание, наука), оказавшейся в глубочайшем духовном кризисе, подтверждает, как правы были в своих прозрениях лучшие русские умы.

В лице Фонвизина русская мысль перестает быть ученицей Запада, во взаимоотношениях с нею утверждает свою самобытность. Воочию увидев Запад таким, каков он есть, Фонвизин прощается с прежней идеализацией его. Писанные им во время путешествия по Франции письма замечательны острой наблюдательностью, трезвостью, независимостью суждений о тех или иных явлениях европейской жизни. «Надобно отрешиться вовсе от общего смысла и истины, если сказать, что нет здесь весьма много чрезвычайно хорошего и подражания достойного. Все сие однако ж не ослепляет меня до того, чтоб не видеть здесь однако же и больше, совершенно дурного и такого, отчего нас Боже избави», — делится он своими впечатлениями в одном из писем. Говоря о французах как о нации «человеколюбивейшей», он вместе с тем приводит свой разговор с парижанами, весьма нелестный для их национального характера. Письма писались за 2 года до революции 1789, и предчувствие ее как бы запечатлелось в этих письмах, в этих нарисованных автором страшных картинах разложения французского общества, развращения нравов, беззакония, нищеты народных масс, всеобщей продажности, беспощадной власти денег и т. д. «Ни в чем на свете я так не ошибся, как в мнениях своих о Франции. Радуюсь сердечно, что я ее сам видел... что не может уже никто рассказами своими мне импонировать».

Итогом его размышлений об увиденном на Западе стало убеждение, что «наша нация не хуже никоторой» и даже то, что он готов отдать предпочтение своей, русской нации: «Если здесь прежде нас жить начали, по крайней мере мы, начиная жить, можем дать себе разную форму, какую хотим,

и избежать тех неудобств и зол, которые здесь вкоренились». Эта мысль о самобытности русского исторического пути роднит Фонвизина со славянофилами.

Есть у Фонвизина забавное вроде бы, но прямо-таки символическое описание одной истории. В Калуге простая русская женщина, «великая богомолка», молилась за него, «громогласно вопия: Спаси его, Господи, от скорби, печали и от *западной* смерти! Скорбь и печаль я весьма разумел, ибо в Москве то и другое терпел до крайности, но западной смерти не понимал. По некоторым объяснениям нашел я, что Марфа Петровна в слове ошиблась и вместо внезапной врала об *западной* смерти».

Судьба спасла Фонвизина от западной смерти. Вольтерианец в молодости, он с годами, освобождаясь от ложного просвещения, все более проникается светом веры и кончает жизнь глубоко религиозным человеком. По рассказу очевидцев, уже в парализованном состоянии, сидя однажды в церкви Московского университета, он говорил университетским питомцам, указывая на себя: «Дети! возьмите меня в пример: я наказан за свое вольнодумство! не оскорбляйте Бога ни словами, ни мыслию!»

В XVIII в. громом побед славили Россию на всю Европу, как тогда говорили — вселенную, «екатеринины орлы» — Потемкин, Румянцев, Суворов, Ушаков, Репнин. В лучших творениях Державина классическая условность сметается силой вдохновения, исторического чувства автора. Сам поэт считал себя певцом Фелицы — имп. Екатерины II, связывая свое бессмертие как производное от ее бессмертия. Он и певец государственного величия России, ее ослепительных побед, ее великих полководцев. Много стихотворений он посвятил Суворову, с которым был в добрых отношениях и с кем его объединял общий для них высокий патриотизм.

Державина с цельюностью его личности как государственного деятеля и великого пиита, убежденного консерватора, обошло мимо модное в то время «просветительство». В стихотворении «Колесница», написанном при известии о революционных событиях во Франции в 1793, говорится об этой стране: «От философов просвещения... ты пала в хаос развращения». Спустя полвека с небольшим *Ф. И. Тютчев*, долгие годы живший на Западе, в статье «Россия и революция» основным свойством революции назовет ее антихристианский дух. Основа западной цивилизации — «человеческое я, заменяющее собою Бога». И не к нынешним ли «российским демократам», объявившим «перестройку-революцию», ориентирующимся на «цивилизованный» Запад, можно отнести слова Тютчева: «Революция, если рассматривать ее с точки зрения самого ее существенного, самого первичного принципа, есть чистейший продукт, последнее слово, высшее выражение того, что... принято называть цивилизацией Запада... Мысль эта такова: человек, в конечном счете, зависит только от себя самого...»

В статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь, говоря о некоторых стихотворениях Ломоносова, Державина, Пушкина, *Языкова*, писал: «Наши поэты видели всякий высокий предмет в его законном соприкосновении с верховным источником лиризма — Богом, одни сознательно, другие бессознательно». «Я есмь — конечно, есть и Ты!» — воскликнет он в своей знаменитой оде «Бог». Глубоким религиозным чувством одушевлена эта ода, где поэтические образы — определение свойств Творца — не посягают на христианскую догматику. Бог, земная судьба человека и вечность, смысл бытия — об этих тайнах много размышляет поэт. «Жив Бог — жива душа моя!» — уверяет он в стихотворении «Бессмертие души». Не может умереть дух — сущий, непостижимый, живущий внутри и вне человека. В стихотворении «На безбожников» он видит в вольнодумцах духовных слепцов, не признающих всевышнего промысла, полагающих, что в мире правит слепой случай.

Собственные порывы его мысли о тщете земной прерываются светлой нотой веры:

Все суета сует! — я, вздыхая, мню:
 Но бросив взор на блеск светила полудневна, —
 О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю?
 Творцом содержится вселенна.
 ...Он видит глубину всю сердца моего,
 И строится моя Им доля.

Это из стихотворения «Евгению. Жизнь званская», обращенного к митр. Евгению Болховитинову, другу Державина, археологу и историку русской литературы. В заключительной строке поэт говорит о своем доме в Званке на берегу Волхова: «Здесь Бога жил певец, Фелицы».

Смерть и бессмертие. Как все крупное, колоссальное в исторических личностях XVIII в., в их деяниях вызывает мощные, победительные звуки державинской лиры, так по контрасту с ними, с несокрушимостью, кажется, светского блеска и земной славы, воплем ужаса и недоумения отзывается реальность смерти.

В оде «Гление и нетление», посвященной памяти Кутузова, Державин предается раздумью о смерти и бессмертии. Нетленье, бессмертие Кутузова поэт видит в его деяниях как сына Отечества, как его спасителя.

Современник Державина *А. Т. Болотов* в своих записках от 1796 писал о нем: «Славный наш поэт, Гаврила Романович Державин — не русский, а татарский дворянин с низу и потому называется мурзой». (Державин был потомком татарского рода Багрима.) И о себе, касаясь истории своих предков, Болотов сказал: «Скажу вам, любезный приятель, что я природы татарской!.. сие ничто иное значит, как то, что первые наши предки были татары и выехали в Россию из Золотой Орды». Оба потомка татарского рода стали гордостью России, и это только лишний раз доказывает, сколь мощно было обаяние, влияние русской, православной культуры, что она становилась родной для людей иной народности, национальности. И оба они остались верны Православной вере, когда многие их современники-вельможи впадали в соблазн вольнодумства, масонства. По словам автора «Истории русской словесности» *А. Галахова*, масоны неоднократно привлекали Державина в «свое отечество, но всегда без успеха». А Болотов сам рассказывает, как познакомившись в Москве с *М. М. Херасковым* и зная его принадлежность к «масонскому ордену», он проявлял в общении с ним «возможнейшую осторожность»: «...как он ни старался уговаривать меня, чтоб я когда-нибудь приехал к нему на вечерок, но я, ведая, что по вечерам бывают у него собрания сокровенные по их секте, и опасаясь, чтоб не могли они меня каким-то образом и против хотения моего втянуть в свое общество, всегда извинялся недосугами...» В своих «Записках» Болотов также писал о масонах: «Если такие благие цели, то зачем же в тайне? Зачем тайны, зачем скрываться, если вы хотите добра? Творите открыто, если нет ничего худого. Если у вас там какие-то особые обряды, то зачем они? Если Церковь (а Болотов был очень церковным человеком), зачем заменять ее чем-то темным и сомнительным? Очень простая и естественная мысль, да мало кому над нею задуматься пришлось». Младший современник Державина и Болотова *С. Т. Аксаков* расскажет впоследствии в своих воспоминаниях «Встреча с мартинистами», как в н. XIX в. ему, молодому человеку, с опасностью для жизни удалось избежать силков масонских.

Болотов обладал поистине энциклопедически разносторонними дарованиями: прекрасный знаток, практик сельского хозяйства, агроном, селекционер, экономист, садовник, архитектор, рисовальщик, историк, писатель. Он автор замечательной книги «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков 1738—1793». Писанные не для печати (впервые извлечения из записок появились в журнале «Сын Отечества» в 1839, а в 1870—73 они вышли 4-томным приложением к журналу «Русская старина»), адресованные детям, потомкам. Записки Болотова открыли читателю богатейшие пласты русской жизни XVIII в. Здесь и события, связанные с Семилетней войной, и дворцовые нравы при Петре III, деятельность масонов, судьба издателя *Новикова*, казнь Пугачева, картина дворянского провинциального быта и т. д. И через все повествование, можно сказать, светится образ самого повествователя, в котором удивительная зоркость взгляда, пылкость ума, редчайшая обширность познаний органично соединена с нравственной возвышенностью, религиозной глубиной. Личность автора характерно выражена в естественности, простодушии его слога, в том особом тоне разговорной его речи, который он сам назвал разговором «с прямым сердцем и душой». Кстати, «прямота», как черта нравственная, проходит через всю русскую историю, русскую культуру. В присяге избранному на всероссийский престол государю *Михаилу Федоровичу Романову* говорилось: «Служити ему Государю и прямить и добра хотеть и безо всякие хитрости». *Оптинский старец Амвросий* писал о др. оптинском старце, что в «письмах своих он обнажает истину прямо». У русских классиков: «прямой поэт» (Державин), «таков прямой

поэт» (Пушкин), «счастье прямое» (*Жуковский*), «свободою прямою» (*Батюшков*), «чья мысль ясна, чье слово прямо» (К. Аксаков), «прямота чувств и поведения» (Достоевский), «прямые и надежные люди» (*Лесков*) и т. д., и т. д. Говоря о языке «Записок» Болотова, следует признать, что таким выразительным в своей обыденной простоте языком никто в литературе XVIII в. не писал, включая и *Карамзина*, языковая реформа которого сблизила литературный язык с разговорной речью, но в пределах светской среды. Пушкин не читал «Записок» Болотова, которые стали публиковаться только после его смерти, и стоит лишний раз удивиться всеведению его гения, тому, как он мог в «Капитанской дочке» уловить дух русской жизни XVIII в. с тем языковым мышлением своего героя, которое сродни болотовскому. Болотов живет в прекрасном мире созидания и вовлекает в него читателя. Воплощением этого созидания стало сотворенное им садово-парковое чудо в Богородицке, Тульской губ., посмотреть которое приезжали отовсюду. Один из посетителей, наместник губернии, изумленный «прекрасными зрелищами», слагает на ходу целый «акафист» увиденной им красоте. И действительно, неким напоминанием о земном рае отзывается это творение рук человеческих, и как свыше давались монастырской братии силы и умение обращать кусок мерзлой северной земли в плодоносящие грядки, так благодатью Божией отмечено это преображение ничем не приметного уголка тульской земли в край изобилия и чудес.

Говоря словами самого Болотова, «философией» его были «надежда и упование, возлагаемые всегда и во всем на помощь, покровительство и охранение Божеское». И все поразительное многообразие его интересов — научных, практических — объединялось вокруг его религиозных, православных убеждений. Он писал богословские статьи, книги. Еще в молодые годы наряду с сочинением «Чувствования христианина при начале и конце каждого дня в неделе», относящимся к самому себе и Богу, он пишет «Детскую философию» с христианско-церковным обоснованием своих педагогических размышлений.

В русской литературе к. XVIII в. классицизм уступает место *сентиментализму*. Сентиментализм присущ и радищевскому «Путешествию» с «уязвленностью» души рассказчика «страданиями человечества», патетической чувствительностью, экзальтированностью его реакции на угнетение людей, эмоциональными воспоминаниями. Но в более полном своем развитии сентиментализм связан с именем Н. М. Карамзина. Свои «Письма русского путешественника» он назвал «зеркалом души моей» — все увиденное за границей пропущено им через свои переживания, «мечтания». В описании автором достопримечательностей Франции, Англии, Германии, его встреч с европейскими знаменитостями, с людьми разных сословий, в передаче подробностей культурной, общественной, политической жизни много восторженного, чувствительного. Благоговейное отношение к Франции, Западу, однако, омрачается, а затем сменяется глубоким разочарованием с началом французской революции.

Русская литература XVIII в., начавшаяся с подражания западному рационалистическому просвещению, завершилась отвержением его, возвращением в лице Фонвизина и Карамзина к древнерусским духовным истокам. В молодости вращавшийся в кругу масонов, Карамзин позднее порывает с ними. За год до начала Отечественной войны 1812 он пишет «Записку о древней и новой России», с выраженным в ней пафосом русского национального сознания. «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России. Виною Петр». Плодом 20-летнего изучения летописей и др. исторических источников и художественного творчества стала «История государства Российского», о которой Пушкин сказал: «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом».

Полнота бытия России открывается у Пушкина с его проникновением в дух любой ее эпохи — и Древней Руси (летописец Пимен в «Борисе Годунове»), и императорско-петербургского XVIII в. с его государственной мощью («Медный всадник»), характерными человеческими типами («К вельможе»), с социальными потрясениями («Капитанская дочка»). Вся стихию современной ему русской жизни, русской души впитал в себя пушкинский гений. Величие России, сокрушившей Наполеона. Отзвуки французских революционных событий с союзом просветительства и тирании («Ты видел вихорь бури, падение всего, союз ума и фурий»). Русская народность в богатстве, разнообразии типов от «тихого» Белкина до мятежного Пугачева, от «почвенности» Татьяны с няней,

семейной укорененности гриневых до недуга странствования (не странничества) онегиных. Проникнутый «русским духом» быт, «преданья старины глубокой», дороги с песнями ямщиков (в которых «то раздолье удалое, то сердечная тоска»), поэзия русской природы.

Пушкин явился выразителем культурно-духовных сил России в ее взаимодействии с Европой. Сам он никогда не был в Европе, жалел об этом, но обладал поразительной художественной интуицией сживаться с национальным духом др. народов. Он оставил нам пластичные, одухотворенные образы иных культур — древнегреческой, итальянской, испанской, немецкой, французской, английской, южных славян и т. д. Пушкин воздавал должное тому, что достойно признания в истории др. народа, что составляет славу нации; в равнодушии, тем более в развенчании святых, как это он отмечал в отношении к Жанне Д'Арк во Франции (с выходом кощунственной «Орлеанской девственницы» Вольтера), он видел симптом общественного упадка. В современной ему французской словесности Пушкин отмечал «поверхностный взгляд на природу человеческую» как скопище одних только недостатков; такое «мелкомыслие» так же смешно и нелепо, как стерильная добродетель у прежних романистов. Появилась словесность «гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цигарочная и пр.» и — как вершина всего — «сатаническая».

По убеждению Пушкина, у России иной, чем у Европы, исторический путь, иное, говоря его словами, «образующее просвещение». Пушкин открыл в явлениях жизни, в самой ее «прозе», в людях, их мыслях и чувствах такие залежи красоты, что кажется это непостижимым в условиях действительности, невольно задумываешься над высшим смыслом этой красоты. Но сам Пушкин как-то сказал, что «красота проходит» и в перевоплощенности ее в новое качество заключается смысл заветных образов поэта, как, напр., Татьяны Лариной — одного из задушевнейших созданий пушкинского гения, для нее разрушить во имя любви к Онегину семейное счастье мужа, который «в сраженьях изучен» — целый нравственный ров в ее душе, который она не может перейти, если б и захотела.

У Пушкина есть такие слова в «Путешествии в Арзрум»: «Люди верят только славе и не понимают, что между ими находится какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одной егерской ротой, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в “Московском Телеграфе”». В этой насмешливой фразе вся глубина нравственно-эстетических принципов Пушкина. «Какой-нибудь Наполеон или Декарт» — это не сверхчеловеческие существа, потенциально могут быть др. люди с великими способностями, и мудрость человека в том, чтобы понимать условность славы и не быть ее рабом. Пушкин открыл иерархию ценностей внутренних, духовно-нравственных, когда простая деревенская женщина Арина Родионовна становится одной из сил, участвующих в созидании культуры, скажем, через влияние своим народным словом на великого поэта, когда «маленький человек» стационарный смотритель своими страданиями обогащает наш внутренний мир, а те же наполеоновские сверхчеловеческие претензии оказываются до банальности несостоятельными:

Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно...

«Профиль Наполеона» — у Германа в «Пиковой даме», одержимого маниакальной жадой власти над деньгами.

С пушкинским «Стационарным смотрителем», а затем гоголевской «Шинелью» русская литература ввела в мировую литературу тему милосердия с невиданной этической силой. И создавшееся литературой поле нравственных представлений взывало к высоким этическим мыслям, чувствам читателя и зрителя. В России невозможен был успех такого, скажем, сочинения, как пьеса итальянского драматурга Итало Франки «Великий банкир», обошедшая европейские театры в сер. XIX в., — мелодрама об английском банкире Натане Ротшильде, о «чувствительных» его переживаниях в биржевой игре, результат которой зависел от исхода сражения в Ватерлоо. Ротшильд, совершив молниеносный вояж через Ла-Манш, узнает о результате сражения, тотчас же вернувшись в Англию, скупает на бирже бумаги и наживает на этом миллионы. Русского зрителя не могла трогать эта людоедская мелодрама банкира, которого сама битва его страны с Наполеоном интересовала исключительно только как биржевика.

Забвение прошлого, исторических корней, беспамятство чревато духовной опустошительностью как для отдельного человека, так и для целой людской массы. Не это ли историческое безродство в числе др. причин одинаково настраивало Пушкина и Гоголя, когда они слышали о процветании Соединенных Штатов Северной Америки. Пушкин говорил: «Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не одним хлебом». Гоголь с сочувствием приводил слова, сказанные Пушкиным: «А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина: человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит». Уже в н. ХХ в. *Толстой*, говоря о том, что «американцы достигли наивысшей степени материального благосостояния», удивлялся духовному уровню своего американского коллеги: «На днях бывший здесь *Scott* — он американский писатель — не знал лучших писателей своей страны. Это так же, как русскому писателю не знать Гоголя, Пушкина, Тургенева».

Россия была дорога Пушкину и своей историей, отмеченной великими, мирового значения событиями. «Клянусь честью, что ни за что на свете не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, как нам Бог ее дал». И это говорилось в то время, когда признаком чуть ли не высшего тона для многих считалось оплевывание исторического прошлого России. Пушкину и здесь была введена «великая истина» — о незаменимости для человека Родины, единственности ее по самой воле Божией

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека, —
Залог величия его.

Для Пушкина непреложным было раскрытие только через Отечество, через отношение к нему общественного, творческого назначения человека, он предвидел ту опасность разрыва между интеллигенцией и народом, которая только со временем открылась со всей своей очевидностью и стала темой неотступных мучительных раздумий Достоевского.

«Нераскрытость» Пушкина на Западе сродни непроявленности там образа самой России, «не переводимой» своей духовностью на рационалистический язык Запада. Там больше знают Достоевского, Толстого, *Тургенева*, *Чехова*, чем Пушкина, неизмеримо труднее, чем все другие, поддающиеся из-за непостижимой бездонности его простоты освоению чужим языком. Пушкин, как упавшее в родную почву зерно, дал невиданные всходы в русской литературе, с самоотреченностью уступив, как отец, другим русским гениям-художникам мировую славу, влияя и через них на мир. Есть что-то провидческое в этом, как и в его словах «Быть может, он для блага мира иль хоть для славы был рожден».

У русских классиков нередко встречаются выражения: «внутреннее содержание», «внутренний человек». В этом они близки православным богословам, которые тоже имеют дело с «внутренним человеком», с миром его души. В «Мертвых душах» Гоголя происходит разговор Чичикова с генералом Бетрищевым, вызывающим авторское замечание, что не было при этом разговоре человека, «который задумался именно над этими словами, произведшими смех в одном и грусть в другом... которому бы тяжелее всего была погибающая душа его брата». Вот эта «погибающая душа», изъязвленная греховностью, объятая страхом возмездия за нее, плененная темными демоническими силами, и манила в свои бездны Гоголя. В «Страшной мести» Катерина говорит: «Я даже не уверена, точно ли то был сон, — так это происходило живо». Более того, в фантастическом мире будто и вправду живет какая-то часть души человека, о чем сам человек и не догадывается, как это происходит с Катериной в разговоре с отцом-колдуном:

«— Помню, помню: но чего бы не дала я, чтобы только забыть это. Бедная Катерина! Она много не знает из того, что знает душа ее.

— Это Катерина душа, — подумал пан Данило, но все еще не смел пошевелиться».

В одной из повестей Гоголя есть такие слова: «Ему казалось, что какой-то демон искрошил весь мир на множество разных кусков и все эти куски без смысла, без толку смешал вместе». И как ни антиномичен мир Гоголя с психологическими смещениями, исключительностью обстоятельств, гротескностью подробностей и образов, алогичностью, фантастичностью поведения героев — он, этот мир, не имеет ничего общего с демоническим крошевом, с распадом, поражающим искусство XX—XXI вв. Этому отрицанию, попиранию в человеке образа Божия противостоит гоголевский мир с фундаментальным принципом бытия — единением людей на основе христианской этики. Он и в своих читателях хотел видеть «душу, умеющую любить полною и глубокою любовью». Так и Пушкин говорил: «Нет истины, где нет любви».

В «Тарасе Бульбе» показана та година на Украине, когда «хищно ворвалась в нее уния». Тарас Бульба, запорожцы не могут стерпеть, видя, что творится на их земле: православные церкви «у жидов на аренде...», «если жиду вперед не заплатишь, то и обедню нельзя править», если он «не положит значка нечистого своею рукою на святой пасхе, то и святить пасху нельзя». Верность православной церкви, подвергаемой глумлению «сынов Израиля» с их «мелким духом», стоит главной преградой на пути поработителей.

Выход книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (к. 1846) означал поворот русской литературы от эстетического, секулярного к религиозным задачам (что впоследствии будет присуще и Достоевскому, Толстому). Религиоцентричность обнимает здесь все стороны бытия — от личности писателя (прежде, чем образовывать других — должно образовать нравственно самого себя) — до вопросов социально-общественных, бытовых, даже хозяйственных. «Прежде, чем приходить в смущенье от окружающих беспорядков, недурно заглянуть каждому из нас в свою собственную душу, и увидите там такой же беспорядок, за который вы браните других... Не бежать надо на корабле из земли своей, но спасти свою душу, не выходя вон из государства, каждый должен спасти себя самого в самом сердце государства». Надо стремиться к совершенству, «ибо за этим сходил на землю Сын Божий, который завещал нам всем: “Будьте совершенны, как совершенен Отец наш Небесный”».

Лермонтов обладал поразительным даром исторического и даже космического предвидения. В его «Предсказании» встает ужасная картина того «черного года» (так называли в его время «пугачевщину»), когда «царей корона упадет» и Россию зальет кровавая революция. В стихотворении «Выхожу один я на дорогу» как будто наш современник космонавт видит с космической высоты землю «в сиянии голубом». Во вселенском масштабе действует у Лермонтова зло, олицетворенное в демоне. В продолжении почти всей своей творческой жизни не расставался поэт с замыслом поэмы «Демон», создав 8 ее редакций. «Враг небес», как говорит о себе демон в поэме, эстетизированный могучей кистью художника, нашел среди его современников восторженных поклонников. Белинский писал: «“Демон”» сделался фактом моей жизни... в нем для меня — миры истин, чувств, красот». Одна из петербургских красавиц призналась Лермонтову, что клятва демона так неотразимо на нее подействовала, что она «могла бы полюбить такое могучее, властное и гордое существо». В советское время ленинградская поэтесса О. Берггольц писала о лермонтовском «Демоне», что он рождал «первые мечты о будущей, обязательно необыкновенной и страшной любви — вновь Демон!» Как через Еву, вкушившую запретный плод с древа познания добра и зла, дьявол поразил грехом первого человека, так и здесь «дух отрицания» избирает для своей цели женщину с ее стихией чувственности, страсти. Демон обещает Тамаре открыть «пучину гордого познания», сулит ей неземные щедроты: «И для тебя с звезды восточной сорву венец я золотой». И поистине надо бедной Тамаре любить только «ушами», чтобы ничего не слышать в «оглушающем языке» демона, кроме слова «любовь». И никакой не может быть веры в его клятву: «Хочу я с небом примириться, хочу любить, хочу молиться», — когда тут же он говорит: «В любви, как в злобе, верь, Тамара, я неизменен и велик». Любовь его, сжигающая «смертельным ядом лобзания» земное существо, всего лишь эпизод в его мертвящем бытии. Неизменность его — в злобе, в отторжении, ненависти к Богу, и это составляет вечную суть «духа отрицания», идеализация которого в литературе, искусстве вряд ли нуждается в апологетике, как, напр., «красота трагичности» демона в произведениях художника Врубеля (кончившего жизнь психическим заболеванием).

В посвящении к одной из первых редакций поэмы совсем юный автор не без позы заявляет: «Как демон мой, я зла избранник». Демон и в стихотворениях «Мой демон» — в двух редакциях. И

Лермонтов же — автор чудного «Ангела» («По небу полуночи ангел летел»), обращений к ангелу в др. стихах. В человеческой душе живет и то, и другое: «но коль черти в душе гнездились — значит, ангелы жили в ней» (С. Есенин). Поистине в сердце человеческом борется дьявольское с божественным.

Вскоре после окончания «Демона» Лермонтов пишет поэму «Сказка для детей», где говорит, как его «юный ум, бывало, возмущал могучий образ» демона, сиявший «волшебной-сладкой красотой». Героический ореол спадает с «врага небес». Новый демон в «Сказке для детей» уже предмет шутиливо-ироничных стихов.

Поразительный факт: «певец демона» (по Белинскому) в самый критический, опасный для себя момент — на дуэли, когда, казалось бы, должна вырваться наружу столь присущая демонической натуре злоба, ненависть к врагу — не думает убивать его, готов выстрелить в воздух, а первым стреляет, убивает его Мартынов. И как-то странно представить Лермонтова убийцей на дуэли, как и Пушкина.

Видно, в самом деле убить человека, даже и готового убить тебя, не так просто, пробуждается христианское чувство не покушаться на «образ Божий» в любом человеке, и надо быть Николаем Соломоновичем Мартыновым, чтобы не ощущать в себе этого внутреннего запрета.

В самые заветные минуты на мятушуюся душу поэта нисходит то, что он сам называет «благодатным» даром, и ему открывается божественная вселенская гармония («Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, и звезда с звездой говорит» — в стихотворении «Выхожу один я на дорогу»). В «Молитве» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою») он обращается к «теплой заступнице мира холодного» с молитвой защитить, «окружить счастьем душу достойную». Но и в самой земной действительности поэт хочет найти положительное. Прежняя индивидуалистическая рефлексия уступает место народности в лице простодушного служаки Максима Максимыча в «Герое нашего времени», верного чести, человеческого достоинству купца Калашникова в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», рассказчика, участника бородинского сражения в «Бородино». Видимо, не случайно и то, что к концу жизни Лермонтов сближается со славянофилами (А. Хомяковым, Ю. Самариным), для которых религия, народность были основой их мировоззрения. Венцом поэзии Лермонтова стала его «Родина» с ее мистической тайной любви к России.

Достоевский вслед за Гоголем еще более решительно стряхивает пелену секуляризма. Созданный Гоголем идеал прекрасного человека в произведениях Достоевского может быть возможен только через преображение души. «Преобразить лик мира сего, — писал Достоевский, — есть все, что только русский народ считает за свою святыню, в ней его идеалы, вся правда и истина жизни». «Вникните в Православие, — писал он, — это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ... Это значит положить живот свой за угнетенного, за ближнего, выше нет подвига...». «Вся Россия, — заключал писатель, — для того только и живет, чтобы служить Христу и оберегать от неверных все вселенское Православие... чтобы достигнуть когда-нибудь необходимо главной цели своей, то есть соединения всех православных племен во Христе и братстве...». С Достоевского начинается новый этап художественного осмысления Бога, Родины и русской души. С него открылось как бы новое понимание природы человека в бездне зла, гнездящегося в его душе, духе, в пропастях его внутренней свободы, двойничества, подпольности его психологии, разорванности безрелигиозного сознания. То, что на Западе стали называть «загадкой русской души», — идет от героев Достоевского. Действительно, духовная, психологическая пучина — и в Раскольникове, и в братьях Карамазовых, и в Свиригайлове, и в Кириллове, и в Рогожине, inferнальное в Настасье Филипповне и т. д. А если и есть то, что на Западе стало нормой, стереотипом человеческого характера — житейская трезвость буржуа, то в лице адвоката Лужина в «Преступлении и наказании» эта буржуазная безликость в сатирическом рисунке автора выглядит настолько антиэстетической, что перед нею (в отличие буквально от всех др. героев) «падает всякое воображение», как говорится в гоголевском «Портрете».

Тайны бытия, человеческой души и вместе с тем неотступные мучительные мысли о России — таким видится Достоевский на изумительном портрете Перова. Православие, вне которого писатель не

мыслил русского человека. Папство, с его стремлением к «мировому владычеству», как предтеча антихриста в «Легенде о великом инквизиторе». Цenia Европу, ее «священные камни», Достоевский презирал обезьянничание перед нею, говорил, что нам, русским, надо быть самими собою, тогда нас будут уважать и на Западе. Величайшим злом для России он считал отрыв т. н. интеллигенции от почвы, от народа, видел в этом угрозу будущему страны. В «Бесах» он прозорливо показал, как либерализм, западный космополитизм возвращал радикалов — «бесов», разрушителей России — типа маниакального революционера, убийцы Петра Верховенского, талмудистского кощунника, запускающего мышь в киот иконы — Лямшина, этого предшественника еврейских большевиков.

Реформа 1861 стала переломным событием в тысячелетней истории России. Пришел конец страшному злу — крепостному праву. Страна вступила на новый, неизведанный путь капиталистического развития, буржуазных отношений. На арену экономической жизни страны выходили дельцы особой формации, именовавшие себя гордо «новыми людьми», «негоциантами». Появился тип финансового воротилы, почувствовавшего себя хозяином положения. В романе Толстого «Анна Каренина» Стива Облонский, занятый поисками необходимого для семейной жизни жалованья, узнает об открывающемся новом выгодном месте «члена комиссии от соединенного агентства кредитно-взаимного баланса южно-железных дорог и банковских учреждений» (Степан Аркадьевич «быстро выговаривает его») и приходит для разговора по этому поводу к главе агентства еврею Болгарину. Новоявленный финансовый владыка не торопится принять кн. Облонского, намеренно заставляя его ждать два часа в приемной наравне с др. просителями, а приняв, наконец, отказывает, наслаждаясь унижением потомка Рюрика. И тому ничего другого не остается, как только отделаться на ходу сочиненным стихотворным каламбуром, дабы выйти в собственном мнении из унижительного положения — это, пожалуй, единственное, что может позволить себе Рюрикович в единоборстве с железнодорожным воротилой.

В романе Лескова «Некуда» изображен некий новоиспеченный петербургский барон с определенными «неизгладимыми признаками», с «непомерными усилиями держать себя англичанином известного круга», он же богатый капиталист, «известный негоциант». Нравственный уровень этого «негоцианта» наглядно обнаруживается в сцене, когда он готов вступить чуть ли не в драку (тотчас же баронство забылось) с человеком, пришедшим от имени свояченицы (сестры жены) просить полагающуюся ей часть законного наследства из родового отцовского имения. При этом он еще щеголяет своей «честностью»: «мои деньги нужны на честные торговые обороты».

Знаком нового времени стала жажда денег, наживы любыми средствами, разъедающая устой общества, народной жизни, человеческой личности. В романе Достоевского «Подросток» юный герой Аркадий Долгорукий говорит о себе, что он «ушел в свою идею», которая «поглотила всю мою жизнь». «Моя идея — это стать Ротшильдом». «В том-то и “идея” моя, в том-то и сила ее, что деньги — это единственный путь, который приводит на *первое место* даже ничтожество». Молодой человек начинает «по-ротшильдовски» постигать «науку наживы». На аукционе, на распродаже одного описанного движимого имущества он приобретает домашний альбом за два рубля и тут же продает его человеку (крайне заинтересованному в покупке «по особому случаю») за десять рублей.

— «А согласитесь, что это нечестно! Два рубля и десять — а?»

— Почему нечестно. Рынок!

— Какой тут рынок?..

— Где спрос, там и рынок; не спроси вы — за сорок копеек не продал бы...

— Слушайте, — пробормотал я совершенно неудержимо... — слушайте: когда Джеймс Ротшильд, покойник парижский, вот что тысячу семьсот миллионов франков оставил... еще в молодости, когда случайно узнал, за несколько часов раньше всех, об убийстве герцога Беррийского, то тотчас поскорее дал знать кому следует, и одной только этой штукой, в один миг, нажил несколько миллионов — вот как люди делают!

— Так вы Ротшильд, что ли? — крикнул он мне с негодованием, как дураку».

Писатель замечает (в подготовительных материалах к роману), что главное для героя «в его системе наживы — бесталанность ее. Именно то, что не нужно гения, ума, образования, а в результате все-таки — первый человек, царь всем и каждому...» «Подросток» Ротшильдом, конеч-

но, не стал, не те «гены» были у него, да и в самой душе молодого человека что-то сопротивлялось «системе наживы». «Ротшильдовская идея» имела у Достоевского более конкретный, исторический адрес. В «Еврейском вопросе» он говорит не о хороших или дурных евреях, а о еврейских властителях капиталов, кредитов, возводящих в «высший принцип» «жажду высшего накопления денег всеми средствами», говорит об «идее жидовской», охватывающей весь мир вместо «неудавшегося христианства».

Залог силы России Достоевский видел в народе, и в этом с ним был солидарен *К. П. Победоносцев*, с которым идейно, духовно писатель был близок в последние годы своей жизни. В одном из своих писем, говоря о «критическом отношении молодых священников» к народу с «его невежеством», Победоносцев писал: «Им и на ум не приходит, что они сами кость от костей этого народа... что какой бы ни был этот народ — мы пропали бы без него, ибо в нем — источник и хранилище нашего одушевления и возбуждения и сокровище сил веры...». И как обер-прокурор Синода, и как первый советник, доверительное лицо Александра III, и как выдающийся публицист — во всем Победоносцев был великим русским патриотом, титаническим борцом против разрушителей России. В своем знаменитом «Московском сборнике» (собрание статей) он сокрушительно обличил ложь западноевропейских начал с их «современным просвещением», «народоправством», «периодической печатью», «парламентаризмом» и т. д.

Достоевский называл русский народ «необыкновенным явлением в истории человечества». Во все не идеализируя его, он видел много отрицательного, «смрадного» в народной жизни, но главным для него было то, что народ сам сознавал свою греховность, не коснел в самодовольстве, никогда не меркла в нем потребность в том идеале, который исходит от Христа. Православный философ И. Ильин писал: «Русь именуется “святою” и не потому, что в ней “нет” греха и порока или что в ней “все” люди — святые... Нет. Но потому, что в ней живет глубокая, никогда не истощающаяся, а по греховности людской и не утоляющаяся жажда праведности, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней... стать хотя бы слабым отблеском ее... и для этого оставить все земное и обыденное, царство заботы и мелочей, уйти в богомолье».

Единомышленник Достоевского И. С. Аксаков писал: «Русский народ в тесном смысле слова... усыновившись при св. Владимире Христу, иначе себя и не называет, как христианами (крестьянами)...» (статья «Против национального самоотречения и пантеистических тенденций в статьях В. С. Соловьева»). А его старший брат К. Аксаков выразился, что в русском народе «определение национальности почти совпадает с определением общечеловеческим (христианским)». Русская литература всегда была чутка к этому сокровенному в народном духе, и, может быть, наиболее поэтически проникновенно выразил это высоко ценимый Достоевским *Некрасов* в своем Кудяре-разбойнике, в котором «совесть Господь пробудил», в старике Власе, бывшем «великом грешнике», у которого с покаянием «сила вся души великая в дело Божие ушла» — в собрание по земле русской «посильных даров» на построение храмов Божиих. По словам *Игнатия Брянчанинова*, «начало обращения к Христу заключается в понимании своей греховности, своего падения; от такого взгляда на себя человек признает нужду в Искупителе и приступает ко Христу посредством смирения, веры и покаяния». С потрясающей силой показал Салтыков-Щедрин в романе «Господа Головлевы» переворот в, казалось бы, вымороченной душе Порфирия Головлева, которому в Страстную седмицу открывается вдруг, сколько зла от него претерпели ближние, и толкаемый угрызениями совести, покаянием, он в метельную ночь отправляется на могилу матери и по дороге замерзает.

Один из западных писателей (Т. Манн) назвал русскую литературу «святой», имея в виду, видимо, не отблеск в ней «Святой Руси», а высокие этические качества. У великого французского математика, религиозного мыслителя Паскаля есть такое суждение: все тела, звезды, земля не стоят самого ничтожного из умов, ибо они, в отличие от него, не знают ничего. Но все эти тела, все умы вместе взятые, «не стоят единого порыва милосердия — это явление несравненно более высокого порядка». Любимый герой Достоевского кн. Мышкин в «Идиоте» говорит: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия человечества». Нельзя назвать ни одного из великих мировых писателей, который был бы апологетом капиталистических нравов. И никто с

такой силой не выразил пронизывающего сострадания к жертве этих нравов, как Достоевский, показав в «Преступлении и наказании», как бьется больная чахоткой Катерина Ивановна с маленькими детьми в отчаянной, беспросветной нищете. Именно такие поистине крики о сострадании прямо вызывают к человеческой способности понимать слова Спасителя о сострадательной любви, его слова о тех, кто не чужд милосердия и тех, кто попирает его, ведь наше отношение к пораженным лишениями, страданиями Господь отождествляет с отношением к Нему самому, берущему на Себя бремя «унижением и оскорблением», чтобы через эту непостижимую глубину милосердия пробудить сочувствие к ближнему (Мф. 25, 29—30).

Достоевский оказал огромное влияние на мировую литературу, но он ничего общего не имел с теми, кто видел в нем только «тайновидца зла». В отличие от разного рода «духов отрицания», «сатанической литературы» Достоевский всегда следовал высшим идеалам, какими были для него заветы Христа. Высшей задачей для себя он считал создание образа «положительно прекрасного человека», что и выразил в образе кн. Мышкина в романе «Идиот». Живя в мире, который «во зле лежит», общаясь с людьми, одержимыми жадной денег, своекорыстными интересами, герой романа детской чистотой души, искренностью, неспособностью лгать, доверчивостью, чуткостью к чужой боли выглядит в глазах окружающих юродивым, «идиотом», и обречен на гибель.

И. С. Тургенев по своим убеждениям был западником-либералом, долгие годы жил во Франции, под Парижем, являлся как бы связующим мостом между культурами русской и западной, пропагандируя за рубежом отечественную литературу. Но и находясь вне пределов Отечества, он не переставал жить его общественными интересами, происходящим в России. Как писателю, ему была свойственна живая реакция на господствующие идейные течения времени, на их перемены, и все его романы были своеобразными откликами на запросы эпохи, особенно «Отцы и дети» с их проблемой взаимоотношений старшего и нового поколений, впервые введенным понятием «нигилизм».

Замечалось читателями-современниками, что знающий западный быт Тургенев тонко подмечает такие черты в иностранцах, которые делают их менее интересными по душевному складу по сравнению с русскими. Тургенев, при всех его симпатиях к Западу, где он прожил десятки лет, при всей «податливости» своей натуры так и не растворился в западной жизни, не свыкся с типично европейскими нравами, с их этической глухотой. Характерна и судьба старшего современника Тургенева — Ф. И. Тютчева, многолетнее пребывание которого за границей в качестве дипломатического сотрудника не только не ослабило его русских патриотических, во многом славянофильских убеждений, но еще более усилило, укрепило их.

Гениальным назвал Достоевский роман Тургенева «Дворянское гнездо», хваля его, как и *Ан. Григорьев*, за «почвенность», близость любимых героев писателя к народной жизни. «Вот я и дома, вот я и вернулся», — говорит Лаврецкий, вернувшись домой, в свою деревню, после заграничных скитаний. Незабываемо то «мирное оцепенение», в которое он погрузился, созерцая окружающую жизнь, прислушиваясь к редким звукам деревенской глуши. «Вот когда я на дне реки, — думает опять Лаврецкий. — И всегда, во всякое время тиха и неспешна здесь жизнь... И какая сила кругом, какое здоровье в этой бездейственной глуши...» «В то самое время в других местах на земле кипела, торопилась, грохотала жизнь, здесь та же жизнь текла неслышно, как вода по болотным травам; и до самого вечера Лаврецкий не мог оторваться от созерцания этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшем таяла в его душе, как весенний снег, и — странное дело! — никогда не было в нем так глубоко и сильно чувство родины».

С почвой народной жизни связан в романе образ Лизы Калиотиной, дворянской 19-летней девушки, любящей «русский склад ума», все русское. В младенческую душу пал религиозный росток, когда ей, ребенку, няня рассказывала жития угодников Божиих, как жили святые в пустынях, выучила ее молиться, водила в церковь. И все это «проникло в самую глубь ее существа». Встретившись с Лаврецким, девушка поняла, как у них много общего, «в одном только они расходились; но Лиза втайне надеялась привести его к Богу». Лиза и Лаврецкий полюбили друг друга. Но эта любовь не приводит их к счастью. «Счастье зависит не от нас, а от Бога», — говорит Лиза, расставаясь с Лаврецким. Она уходит в монастырь. «Я все знаю, и свои грехи, и чужие, и как папенька богатство свое нажил; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо».

В 1859 одновременно вышли в свет 2 романа, ставшие в центре внимания критики и читателей. Это «Обломов» Гончарова и «Дворянское гнездо» Тургенева. Романы сравнивали в критике, находили общее в них, прежде всего в характерах героев — Обломова и Лаврецкого, — людей простых, морально здоровых, чуждых фальши, не уступающих в душе злу. При этом критики отдавали предпочтение образу Лаврецкого по заключенному в нем идеалу, умаляя силу художественного обобщения в образе Обломова.

Критики либерального направления не могли оценить главного достоинства романа. Оно в том, что можно назвать философией сердца. Деловитый Штольц говорит Обломову: «У тебя сердце как колодезь глубоко». Неизмерима, загадочна глубина человеческого сердца. Почти одновременно с выходом «Обломова» была опубликована статья философа П. Д. Юркевича «Сердце и его значение в духовной жизни человека». Опираясь на Священное Писание, философ показал, что сердце есть хранитель и носитель всех телесных сил человека, оно — средоточие душевной и духовной жизни человека. Сердце есть средоточие многообразных душевных чувствований и страстей. Сердце — средоточие нравственной жизни человека, оно «есть доброе или злое сокровище человека». «Мир, — писал Юркевич, — как система жизненных, полных красоты явлений, существует и открывается прежде всего для *глубокого* сердца, а отсюда уже для понимающего мышления. Сообразно с этим лучшие философы и великие поэты всегда сознавали сердце местом рождения их глубоких идей, а деятельность мышления доставляла их идеям только ясность и определенность». Существует учение (исихастов) о «схождении ума» в сердце в качестве основного принципа «молитвенного делания» (молитва Иисуса). По словам Штольца, в Обломове «дороже всякого ума — честное, верное сердце! Это его природное золото; он невредимо пронес его сквозь жизнь... Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало к нему грязи... Пусть весь мир отравится ядом и пойдет на выворот — никогда Обломов не поклонится идолу лжи, в душе его всегда будет чисто, светло, честно...» Сильна власть над Обломовым житейской косности, подавляющей «гуляющие в голове» его фантастические мысли о себе как воображаемом непобедимом полководце, мыслителе, великом художнике; его маниловские мечтания о «маленькой колонии друзей» вблизи его деревни с «вечным весельем, сладкой едой да сладкой ленью». Есть в этом то, что Достоевский оценил в Обломове как мещанство, называя его «мелким идиотом», в отличие от своего кн. Мышкина, «идиота благородного, возвышенного». Но во «внутренней жизни» своей Обломов знал и такие озарения, которые заставляли его «молиться жарко», звали «на подвиги добра и великодушия». Навещающие Илью Ильича в начале романа гости от чиновника до литератора как бы демонстрируют ему всю суетность, мелкотравчатость своих интересов, дробящих человеческую душу. Он спрашивает: «Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается?» В споре с литератором Пенкиным Обломов говорит: «Вы одной головой хотите писать! Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью».

Русские литераторы XIX в. обращаются к теме церковного раскола. Выделяются из них романы *Мельникова-Печерского*, который хорошо знал современный ему быт старообрядчества, не только как писатель, много писавший на эту тему, но и как чиновник Министерства внутренних дел, по долгу службы изучавший положение раскольников и сектантов. Он отрицательно относился к расколу, одобрял правительственные меры против него, но это неприятие не переносил на всех раскольников, видел во многих из них высокие нравственные качества, хозяйственно-деловые таланты, те силы, которые могут содействовать укреплению здоровых начал народной жизни. Таков главный герой романа «В лесах» Потап Максимыч Чепурин, который «с семьей старинки придерживался, раскольничал, но засоснелым изувером никогда не был». Он щедро помогает нуждающимся, дает приют в своем доме слабому на выпивку брату жены. Прощает виновника гибели своей дочери приказчика Алексея Лохматова; исполняя ее волю, отпускает его, снабдив деньгами «на разживу», давая совет, где он может от его имени найти себе новое место приказчика. «Не злом провожаю... Господь велел за зло добром платить».

Отторжение раскольников от Православной церкви ослабило внутренние силы нации, что заставляло того же автора «В лесах» искать путь к ее единению. Его Потап Максимыч в ответ на непримиримость «паломника» к «церковным еретикам» говорит: «Нашему брату этого нельзя... Ведь Господь повелел каждого человека возлюбить». Да и то, о чем говорит «паломник» — «правая вера

все покрывает», — ставится писателем под сомнение со ссылкой на самую практику жизни. Игуменья Манефа, истовая ревнительница старинной веры, говорит с горечью о своих знакомых единовверцах: «Не было бы им от скитов выгоды, давно бы все до одного в никонианство своротили». Она же заключает: «Забыли Бога, золотому тельцу поклоняются». Самая яркая иллюстрация к этому — история Алексея Лохматова, живущего одной думой, «каким бы ни на есть способом разбогатеть», и он добивается этого, женившись на богатой вдове и обобрав ее. О падении веры рассказывает «московский посланник» Василий Борисыч, хорошо знающий в Москве «столпов, алмаментов благочестия», старообрядчества, которые «мамоне служат».

Обильный этнографический материал соседствует в романах Мельникова-Печерского с поэтическими картинами народного быта, обрядов, с поверьями, легендами, песнями, причитаниями, с жизнью природы с ее языческих времен, голосами. Незабываемо описание сходбища богомольцев на холмах оз. Светлый Яр для поклонения граду Китежу — с ночными разговорами о «Батыевой тропе», о тех, кто заплутался по недостойности своему по дороге к невидимому граду; с ожиданием таинственного ночного звона китежских колоколов из глубокого Светлого Яра. Кажется, что из глубин самого романа слышится этот голос Китежа, напоминая нам о том древнем времени, когда еще не было раскола и народ жил в полноте, целостности своих духовных сил.

Л. Н. Толстой, будучи летом 1857 в Швейцарии, стал свидетелем одного происшествия, которое открыло ему глаза на суть западной цивилизации, и об этом он поведал в своем рассказе «Люцерн». Произошло то, что нищий музыкант исполнял перед окнами лучшей в городе гостиницы песню на гитаре и никто из его слушателей — сытой, благополучной, блестящей публики, стоявшей на балконе около певца, — никто ничего не дал голодному человеку, а жалкий вид его вызвал только насмешки из толпы. Проницательный взгляд художника еще до этой картины увидел поразительное бездушие цивилизованной европейской публики в сцене обеда в гостинице, в однообразии лиц, не выражающих ничего, кроме «сознания собственного благосостояния и совершенного отсутствия внимания ко всему окружающему», с автоматизмом движений и банальных фраз. Вроде бы для обыденного взгляда «незначительный факт» — случай с музыкантом, но он поднимается русским писателем на высоту мирового нравственного события. «Это не выдумка, а факт положительный, который могут исследовать те, которые хотят, у постоянных жителей Швейдергофа, справившись по газетам, кто были иностранцы, занимавшие Швейдергоф 7 июля. Вот событие, которое историки нашего времени должны записать огненными неизгладимыми буквами. Это событие значительнее, серьезнее и имеет глубочайший смысл, чем факты, записываемые в газетах и историях. Этот факт... для истории прогресса и цивилизации».

Так происшедшее могло ошарашить только человека, который до этого — в той же «нецивилизованной» России не видел ничего подобного и не мог представить себе такое. Конечно же, «наивно-го человека» в глазах «цивилизованных людей», но для русского писателя Толстого это были «мертвые лица».

Разнообразны и глубоки психологические откровения в героях Толстого, которые выводят из мертвящей эмпирики, характерной для западного сознания, в тайны бытия. Пьер Безухов в «Войне и мире», оставшийся в захваченной французами Москве, «испытывал то неопределенное, исключительно русское чувство презрения ко всему условному, искусственному, человеческому, ко всему тому, что считается большинством высшим благом мира... почувствовал, что и богатство, и власть, и жизнь, все, что с таким старанием устраивают и берегут люди, — все это ежили и стоит чего-нибудь, то только по тому наслаждению, с которым все это можно бросить». Это какое-то захватывающее ощущение высоты и дна жизни одновременно.

Кн. Андрей в «Войне и мире», слушая пение, вдруг почувствовал «живосознанную им страшную противоположность между чем-то бесконечно-великим и неопределенным, бывшим в нем, и чем-то узким и телесным, чем был он сам...» Власть художника Толстого огромна. Анна Каренина возвращается домой после вечера, проведенного с Вронским. «Она долго лежала неподвижно, с открытыми глазами, блеск которых, ей казалось, она сама в темноте видела». В разговоре с Карениным, который считал своим долгом предостеречь молодую жену от опасности встреч с Вронским, Анна «говорила, что приходило ей на язык, и сама удивлялась, слушая себя, своей способности

лжи. Как просты, естественны были ее слова, и как похоже было, что ей просто хочется спать. Она чувствовала себя одетой в непроницаемую броню лжи». Писатель говорит о «духе обмана», который подсказывал Анне именно те слова, которые должны казаться натуральными мужу. История Анны Карениной — это, собственно, история «духа лжи», «духа зла и обмана», который овладевает ею, мутит ее сознание, не знающее, чего она хочет, и приводит ее к гибели.

В Каренине, муже Анны, обычно принято видеть «бюрократическую машину», из чего автором выводится (не без шаржирования) механика соответствующего мышления, душевного строя героя. В этом сказались, видимо, и антипатия Толстого к К. П. Победоносцеву, как считают некоторые — прототипу Каренина. Но слишком велика историческая фигура Победоносцева в героическом стоянии за Святую Русь, чтобы можно было низвести ее до названного прототипа. Да и сама интуиция художника не позволяла автору машинизировать крупный человеческий характер. И вот мы видим потрясающий переворот в Каренине у постели больной, умирающей Анны.

«Слезы стояли в его глазах, и светлый, спокойный взгляд их поразил Вронского. — Вот мое положение. Вы можете затоптать меня в грязь, сделать посмешищем света, я не покину ее и никогда слова упрека не скажу вам, — продолжал он. — Моя обязанность ясно начертана для меня: я должен быть с нею и буду, если она пожелает вас видеть, я дам вам знать, но теперь, я полагаю, вам лучше удалиться.

Он встал, и рыдания прервали его речь. Вронский тоже поднялся и в нагнутом, невыправленном состоянии исподлобья глядел на него. Он не понимал чувства Алексея Александровича. Но он чувствовал, что это было что-то высшее и даже недоступное ему и его мировоззрению».

Богом данный талант, связанный с сердцем, может даже опровергать то, что утверждается рассудком, холодным умом того же писателя. Известно, какое раздражение вызывала у Толстого православная иерархия, духовенство за «совершенное неумение выражаться по законам логики». В своей большой статье-рецензии на «Православно-догматическое Богословие» митрополита Московского Макария он с возмущением пишет, что «писатель» (так он называет глубочайшего богослова митр. Макария) нарушает всякую логику чисел в вопросе о природе Бога. «Человек понимает умом. В уме человека нет более точных законов, как те, которые относятся к числам. И вот первое, что Бог благословил открыть о себе людям, он выражает в числах: Я — $3 \cdot 3 = 1 \cdot 1 = 3$.

Да не может быть, чтобы Бог так отвечал людям. Тем людям, которых Он сотворил, которым Он дал только разум, чтобы понимать Его».

Итак, Бог в трех лицах, Троица — для Толстого это нелепость, абсурд, не отвечающий логике арифметических чисел. Не допускается даже возможность непостижимой Божественной тайны Святой Троицы, хотя даже в литературе есть тайны, непонятные логически, тот же переворот в Каренине с его «пунктами узаконений» во всем, даже в разговоре с женой. И вдруг такая пропасть в уровнях бюрократизма и бытия, «что-то высшее и даже недоступное» для позитивистского мировоззрения. И не тайна ли: у безблагодатного моралиста Толстого — «слово благодатное» художника. В сцене венчания Левина и Кити в «Анне Карениной» с какой теплотой, симпатией высвечен великим художником образ старенького священника, когда он совершает таинство венчания и шепотом поправляет молодых, от волнения путающихся при обмене кольцами. Куда только девался обличитель «невежественного духовенства»!

Толстой как бы двоится в наших глазах: гениальный художник — автор «Войны и мира», «Анны Карениной» — и воинствующий моралист с максималистскими этическими требованиями, с анархическим отрицанием религии, Православной церкви (его «пятое евангелие» с неприятием Христа как Бога, отрицание христианских таинств, кощунство над Евхаристией в романе «Воскресение»). Горький восторженно писал о Толстом в воспоминаниях о нем: «А я, не верующий в Бога, смотрю на него почему-то очень осторожно, боязливо, смотрю и думаю: “Этот человек — богоподобен”». Такое обожествление со стороны литературных и прочих поклонников оказывало не лучшую услугу и без того страдавшему гордыней «основателю новой религии», каковым считал себя Лев Николаевич. Куда полезнее было выслушать ему увещание *А. Н. Островского*, которого он называл «отцом русской драматургии» и кому присылал свои пьесы с просьбой прочитать и вынести свой «отеческий приговор». Островский просил Толстого оставить «философию», сомнительные писа-

ния вроде своего «Евангелия». «Ты романами и повестями велик, оставался бы романистом, а если утомился — отдохнул бы, но что взялся умы мутить, это к хорошему не поведет».

Сам Островский придерживался тех традиций, которыми живет народ. «Если мы желаем, — говорил он, — сделать что-то хорошее для народа, то не должны чуждаться его веры и обычаев, не то не поймем его, да и он нас не поймет». Программными для всего творчества великого драматурга можно поставить его слова: «Самая лучшая школа для художественного таланта есть изучение своей народности». Именно с народностью, с почвенностью, положительностью, цельностью характеров связывали Ап. Григорьев и Достоевский «новое слово» драматурга. Либеральная и вульгарно-социологическая критика пыталась представить Островского исключительно как обличителя исторического прошлого России. В частности, как идейная ересь воспринималось толкование трагедии Катерины в «Грозе», гибнущей не из-за прямолинейного протеста против самодуров, а из-за невозможности найти себя в буржуазной «новой морали» переходного времени.

В «Бесприданнице» судовладелец Паратов знает, что наступило «торжество буржуазии», и вместе с др. негоциантами все мерит денежным расчетом. Знак времени уже в самих названиях пьес Островского «Бешеные деньги», «Волки и овцы» и т. д. Появляются его исторические пьесы с центральной в них мыслью о судьбах народных: «Козьма Захарыч Минин-Сухорук», «Воевода», «Тушино» (о Смутном времени, когда тушинец погибает от руки брата как изменник).

В жизни всегда было и есть что обличать, то же «темное царство» — не только в социальном, а в глубинном, духовном его значении, которое было в мире, есть и будет, как и в душе каждого из нас, как и все другое, не свободное от зла, сопутствующее нашей земной человеческой жизни, но оттуда же, из толщи народного быта прорезывается поистине луч света, которым веками оправдывался идеал нашей Святой Руси и которым освящается внутренняя русская культура. Художник, которому дано одно из высших благ бытия — благо творчества, — и в других видел изливаемые на них пусть малые дары бытия, которые делали их жизнь осмысленной, озаренной изнутри, не знающей зависти и ненависти к другим; довольные этим «малым», они чувствовали себя богаче любого миллионщика. Один из таких светлых людей учитель Корпелов в «Трудовом хлебе» говорит: «Да разве жизнь-то мила только деньгами, разве только и радости, что в деньгах? А птичка поет — чему она рада, деньгам, что ли? Нет, тому она рада, что на свете живет. Сама жизнь-то есть радость, всякая жизнь — бедная, и горькая — все радость. Озяб да согрелся — вот и радость! Голоден да накормил — вот и радость! Вот я теперь бедную племянницу замуж отдаю, на бедной свадьбе пировать буду — разве это не радость?»

Эти радости духовного блага в жизни, открытые людям, но не всем доступные, уходят в глубину перед напором деячества и бешеных денег, но не исчезают и не исчезнут вовсе. Благодать любви разлита в творениях Островского, придавая особый одухотворенный смысл «благополучным», «счастливым» финалам его пьес, которые делают их поистине христианскими по милосердию к людям.

Особое место в русской литературе занимает *С. Т. Аксаков*. Его автобиографические книги «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука», написанные во 2-й пол. 50-х почти 60-летним писателем незадолго до смерти, вызвали восторженные отзывы современников. И что удивительно, эти единогласные похвалы принадлежали людям разных убеждений, таким как Хомяков и Тургенев, Толстой и Герцен, *Шевырев* и Щедрин, *Погодин* и Добролюбов, Достоевский и *Анненков* и т. д. Правда, неодинаковы были причины для похвал, но все сходились в высокой оценке художественных достоинств книг. Отмечался особый характер реализма писателя. Как сам Сергей Тимофеевич говорил, что «здоровой натуре русского человека» чужда «черная немощь души», так книгам его чужда всякая болезненная рефлексивность, двусмысленность, поддельность чувств и помышлений, нравственное здоровье их очищающе действует на читателя.

Семья всегда была в русской литературе прообразом народной жизни: пушкинские Гриневы, толстовские Ростовы до шолоховских Мелеховых, платоновских Ивановых. В аксаковских книгах за семьей Багровых стоит семья самих Аксаковых в трех ее поколениях. В литературе обычно поэтизируется любовь до семейной жизни, с началом ее как бы опускается занавес романтической истории и начинается проза быта. Ни у кого, пожалуй, из русских писателей семейная жизнь не

раскрывается с такой поэтической содержательностью, как у Аксакова. Столько в материнской любви богатства чувства, столько душевной «занятости», что уже одно это делает жизнь женщины глубоко осмысленной, дающей ей огромное удовлетворение, и маленький сын чувствует над собою «нравственную власть» матери. Через мать, ее любовь идет рост детской души. Природа — та вторая, после родительской, колыбель, которая поистине вскармливала и лелеяла детство художника. «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» впитали язык аксаковской родины, как вобрали они благоухание окружающей природы. Отпечаток мудрости, духовной ясности старца, его нравственной проникновенности лежит на слог. Все сокровища души своей вложил художник в этот слог, в эту величавость русского слова, оттого и не убывает со временем красота и правда этого удивительного аксаковского языка, одарившего нас чудной илиадой детства русской жизни.

С. Т. Аксаков в своих «Литературных и театральных воспоминаниях» рассказывает о т. н. «второстепенных писателях»: «Писатели второстепенные готовят поприще для писателей первоклассных, для великих писателей, которые не могли бы явиться, если бы предшествующие им литературные деятели не приготовили им материала для выращивания творческих созданий — среды, в которой возможно уже проявление великого таланта. Всякий кладет свой камень при построении здания народной литературы; велики они или малы, эти камни, скрываются ли внутри стен, погребены ли в подземных сводах, красуются ли на гордом куполе, — все равно труды всех почтенны и достойны благородных воспоминаний». Сергей Тимофеевич тепло вспоминает таких «второстепенных писателей», бывших его друзьями, как *М. Загоскин*, *А. Шаховской*, *Н. Николаев*, *Ф. Кокошкин*, *А. Писарев*, которые вложили, каждый по мере сил и дарования, свою лепту в отечественную словесность. По скромности своей Аксаков и себя причисляет к «второстепенным писателям», тем самым невольно возвышая значение этого понятия. «Второстепенные писатели» были в окружении Островского, почитавшие его, как учителя и ценимые им, такие, как *С. Максимов* — автор этнографических, очерковых книг о разных сторонах народной жизни; драматург *Н. Соловьев*, которому Александр Николаевич передавал свой огромный опыт художника, работая с ним над его пьесами; *Е. Дрянский* — автор повестей из провинциальной, сельской жизни; *И. Горбунов*, автор народных рассказов. Подобно тому, как машинист Пухов в «Сокровенном человеке» *А. Платонова* считает, что без него народ неполный, так и «второстепенный писатель» может сказать о себе, что без него литература неполная. Но и само понятие «второстепенный писатель» условно. Русская литература настолько богата талантами, что иные из «второстепенных писателей» могут составить честь др. литературе. О том же Дряньском Островский говорил как о писателе, который во всякой, даже богатой литературе был бы на виду, составил бы себе известность, а у нас имя его безвестно.

Н. С. Лесков говорил о себе: «Сила моего таланта в положительных типах». Искусство, по словам писателя, «должно и даже обязано сберечь сколь возможно все черты народной красоты». В условиях пореформенного брожения и распада прежних общественных, нравственных связей Лесков искал в самой действительности человеческие типы, которые могли бы стать опорой в национальном самоопределении. Характеры праведников у Лескова замечательны даже с точки зрения психологического опыта, уникального в русской литературе: как от одной нравственной основы отпочковываются индивидуальности, тем более яркие, что они взяты из самой жизни, не сочинены, не идеализированы. Подтверждается истина, что из нравственной глубины и рождается истинная индивидуальность, с крупными чертами человеческого характера, его независимостью и «выпадением» из общего человеческого стереотипа. Проявляется этот характер в разных сферах жизни и совершенно разными способами: высокая честность и независимость от «сильных мира сего» («Однодум»), самопожертвование, любовь к людям («Несмертельный Голован»), моральные достоинства людей, «проникнутых служебным долгом, но не знавших служебного страха» («Кадетский монастырь»), бескорыстие молодых инженеров («Инженеры-бессребреники»), потребность простого человека делать добро и не ждать «никаких наград за него» («Человек на часах») и т. д. Один из рассказов заканчивается следующим обобщением: «Такие люди, стоя в стороне от главного исторического движения, как правильно думал незабвенный Сергей Михайлович Соловьев, *сильнее других делают историю*».

Зло тоньше, добро проще. Но оно неизмеримо глубже и богаче содержанием. С этим связана особенность психологизма Лескова, предпочитающего изображать цельные, крупные душевные движения, не склонного дробить их. Даже для литературы XIX в., феноменально богатой идеями, характерами, формами творчества, искания Лесковым положительного типа являются фактом чрезвычайной важности, свидетельством большой исторической ответственности художника перед будущим.

Великие этические и эстетические ценности накоплены русской поэзией XIX в. Ф. И. Тютчева обычно называют поэтом-философом, и хотя это понятие не вбирает всей полноты содержания его поэзии, самой существенной чертой ее остается миропознание. В его стихах природа обладает своей реальной жизнью, своей разумностью, в ней живет «душа» с ее «бездной», «ночью», «хаосом»:

Не то, что мните вы, природа:
 Не слепок, не бездушный лик —
 В ней есть душа, в ней есть свобода,
 В ней есть любовь, в ней есть язык...

Чтобы мысль о природе стала не просто изречением, а поэзией, ее надо проявить духовно, высвободить стихию природных явлений, слиянности души человеческой с таинственным состоянием мира, что мы и видим в таких тютчевских стихах, как «Тени сизые смешались». Для религиозного сознания неизмеримо более значим не романтически «древний хаос», а та гармоничность, которая царствует во вселенной и которая, как известно, служит космогоническим доказательством бытия Божьего. В «Silentium!» — «любование» «чувствами и мечтаниями» своими, «миром таинственных волшебных дум», призыв «лишь жить в себе самом», и сопоставьте с этим «молчанием» безмолвие исихаста, у которого душа не «элизиум теней», а восприимница божественной энергии. Т. е. существуют разные формы бытия, поэзия Тютчева имеет дело преимущественно с романтическим, страстно земным мировосприятием. Два рода страстей владели поэтом: страсть любовная и политическая, что нашло, разумеется, отражение в его творчестве. Что касается его политических пристрастий, то, по свидетельству его биографа И. Аксакова, даже незадолго до смерти, прикованный к постели, Тютчев продолжал жадно интересоваться политическими событиями на Западе и в России. Ощущением хаоса, переворотов проникнуты его стихи не только о природе, но и о жизни общественной, о европейских революционных событиях XIX в. В России видит он твердыню противодействия западной цивилизации с ее уже давно утраченной верой христианской. В стихотворении «Море и утес», написанном в связи с революцией 1848, Тютчев изображает Россию в виде могучего утеса, отражающего бешеный натиск волн. Крымская война, однако, показала, что не таким уж неодолимым «могучим утесом» оказалась Россия перед «безверным» Западом.

В стихотворении «Наш век» Тютчев пишет: «Не плоть, а дух растлила в наши дни...». Это то зло, которое К. Аксаков назвал «лжедухом» (одноименное стихотворение), подменяющим истинную, христианскую духовность рационалистической, рассудочной лжедуховностью. Из длительного, более чем 20-летнего непосредственного тесного общения с германской культурой, философией Тютчев мог вынести глубокое убеждение в односторонности, духовной несостоятельности отвлеченного мышления классиков немецкого идеализма.

Веяние века с «растлившимся духом» испытывал на себе Тютчев, говоря в своих стихах о «страшном раздвоении», болезни «неверия», о сердце, бьющемся «на пороге как бы двойного бытия», об «убийственности любви» и т. д. Как Достоевского, обостренно чувствовавшего дисгармоничность современной личности, привлекала «прямота» чувств, поведение героев Островского, положительный характер самого драматурга, так Тютчев, может быть, по контрасту с самим собою ценил в других недостающие ему, напр., цельность личности И. Аксакова, «дух чисто голубиный», «духовную чистоту» Жуковского.

Поймет ли мир, оценит ли его?
 Достойны ль мы священного залога?
 Иль не про нас сказало божество:
 «Лишь сердцем чистые, те узрят Бога!»

Кротость, смирение перед Богом как идеал Святой Руси светится в знаменитом стихотворении «Эти бедные селенья...».

Культ красоты — вот что главное в поэзии *А. А. Фета*. Красота женская в вечном ее проявлении — от античных «Вакханки», «Дианы» до современной «Купальщицы», до возлюбленной, которую поэт называет «царицей чувств, властительницей дум». Он хочет остановить то, что видится ему чудом в женской прелести: выражение лица, трепет ресниц, «язык очей», улыбка, каждая милая мелочь, закрывающие, кажется, все другое в мире: «Только в мире и есть, что душистый / Милый головки убор, / Только в мире и есть этот чистый / Влево бегущий пробор». Уже перед самой смертью, 70 с лишним лет, Фет уже довольно расслабленно (у поэзии свой срок!) повторяет то, что было всегда девизом его жизни и творчества: «В нас вопиет всесильная природа и прославлять мы будем век любовь».

Природа открывается поэту в свете и блеске, цветении своих жизненных сил, особенно в любимую для него пору весны, которой он всю свою жизнь поистине слагал гимны и о которой говорил, что она «крепит человека» в жизненных невзгодах. В стихах Фета часто повторяется слово «красота» в том, как «дышит земля всем свои ароматом, небу разверстая»; как «ночь лазурная смотрит на скошенный луг»; «вздохи дня есть в дыханье ночном»; «вот на окраине дрогнул живой и жемчужный, / Всю эту степь озаривший и гаснувший луч»; «жужжанье пчел под яблонью душистой отрадней мне замолкнувших в цветке»; дремлющий в ночи серебристый лист, тонкий запах сочных трав, прекрасное в бабочке, в розе и т. д. Вездесущая Красота в пределах исключительно эстетических, хотя это и не тот эстетизм, который замкнут в своей условности, изолирован от «трепета жизни молодой».

Не я, мой друг, а Божий мир богат,
В пылинке он лелеет жизнь и множит.
И что один твой выражает взгляд,
Того поэт пересказать не может.

По словам Фета, «художнику дорога только одна сторона предметов: их красота». Но, как спрашивает в своем стихотворении «Некрасивая девочка» *Н. Заболоцкий*: «Что есть красота, и почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?» Внешняя, земная красота текуча, драматизм ее в скоротечности, что-то «дразнящее», ранящее есть в «утраченной красоте», не насыщающей душу. Насытить душу, удовлетворить ее может только источник этой красоты. По словам Григория Нисского, душе человеческой свойственно «движение к красоте невидимой». И для самого Фета «шепот, робкое дыханье, трели соловья», такого рода любовные мотивы, так же, как и языческое восприятие природы, не могли быть до конца самодостаточными. И вот то же любовное чувство драматизируется в стихах — воспоминании поэта о своей первой любви к девушке, гибель которой стала незаживающим укором для него («Ты отстрадала, я еще страдаю...»). Улавливаемые мгновения в жизни природы, вроде растущих «причудливых теней» при закате солнца, и вот совсем в др. роде — грандиозность образа, психологизм в стихотворении «Не тем Господь могуч, непостижим», где мироздание, вселенная соотносятся с бытийным самосознанием автора.

Появляются у поэта стихи совсем не лирические — о старости, о смерти — с бесстрашием встречи с нею, а в др. случае — с покорностью перед ее тайной: «Хоть смерть в виду, а все же нужно жить; А слово жить — ведь значит покориться». И перед серьезностью таких мыслей, кажется, истощается запас эстетических средств (в последних стихах о любви).

Необычайность поэзии *Я. П. Полонского* отмечали еще его современники. В романе Достоевского «Униженные и оскорбленные» героиня говорит о стихотворении Полонского «Колокольчик»: «Какая фантастическая, раздувающая картина. Канва одна и только намечен узор, — вышивай, что хочешь. Два ощущения: прежнее и последнее... сколько нежности, неги в этом стихе и мучений от воспоминаний... Господи, как это хорошо! Как это бывает!» Волнующее действие этих стихов в сплетении бытового, обыденного с ирреальным, фантастическим: обыденное, домашнее — это «самовар мой кипит на дубовом столе, / И трещит моя печь, озаряя в угле / За цветной занавеской кровать!» И другое «ощущение» — это воспоминание, погружение в «былые сны». Об особенностях своей поэзии хорошо сказал сам Полонский в письме к Фету: «Твой талант — это круг, мой талант — линия. Правильный круг — это совершеннейшая, то есть наиболее приятная для глаз форма... Но линия имеет преимущество, что может тянуться в бесконечность и изменять свое направление».

Лучшие стихи Полонского чаруют своей загадочностью, свечением таинственного в обыденном, взаимным проникновением земного и уносимого ввысь.

Сильный элемент народности внес в русскую поэзию Н. А. Некрасов. Характерны его слова о «друге-приятеле» крестьянине Гавриле Яковлевиче Захарове, с которым он охотился и которому посвятил своих «Коробейников»: бесхитрость, нравственная цельность крестьянина заставляла Некрасова сознавать, как сам он, по его словам, «развращен и сердцем, и умом», чего никогда не чувствовал при общении с «образованными людьми». Вдохновением для него было то, что он называл «золото, золото — сердце народное». И это чувство любви, сострадания к народу рождало и эпическую ширь в изображении народной жизни (поэмы «Кому на Руси жить хорошо», «Мороз, Красный Нос»); и психологическую чуткость в постижении народного характера, многообразия его качеств, и сочувствие к нелегкой доле деревенской женщины, и поэтизацию крестьянских детей. Первенство отдается не поэту, а гражданину. «А что такое гражданин? Отечества достойный сын» (стих. «Поэт и гражданин»). Социальные темы не оставляли поэта до конца его жизни, концентрируясь, может быть, в излишне экстаичной формуле: «где народ, там и стон».

Религиозным чувством одушевлены такие стихотворения, как «Влас», «Песня о Кудеяре-разбойнике», «Молебен», «Час молитвы». Раздающиеся с колокольни «в тиши деревенских ночей» властительные певучие звуки, находящие отклик в душе больного, ночного путника, пахаря, просящего Бога о ведренном дне («Рыцарь на час»). В поэме «Тишина» по возвращении из-за границы поэту еще ближе становится все родное. Вот он видит храм.

Войди. Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной.

Пореформенная действительность нашла выражение в написанной поэтом незадолго до смерти поэме «Современники» — в скопище присосавшихся к телу России всякого рода дельцов, воротил, ростовщиков, финансистов, банкиров, тузов-акционеров, плутократов, продавшихся буржуазии интеллигентов Некрасов особенно выделял еврейских дельцов, помешанных на стяжательстве.

XIX в. в русской классической литературе завершился *А. П. Чеховым*, ставшим наряду с Достоевским, Толстым наиболее известным в мире русским писателем. Органично связанный с традициями русской литературы, Чехов, как и др. великие русские художники, внес в нее свое неповторимое видение мира, свое человековедение. Повесть «Степь» можно не раз перечитывать и всегда заново, как в пушкинской «Капитанской дочке», открываются заложенные в ней удивительные богатства. И эти увиденные во время поездки по степи глазами девятилетнего Егорушки свежие, первозданные подробности в жизни природы с эпическим авторским ощущением вселенского бытия. И живые лица героев, едущих продавать шерсть, — деловитый купец Кузьмичев и добрый старичок о. Христофор; Мойсей Мойсеич, хозяин постоялого двора, с комичной услужливостью бросающийся встречать гостей, с его выводком детей, выглядывающих как гидра «из-под сального одеяла», с его презрительно насмешливым братом Соломоном. И кажется, что живет в повести предчувствие будущего, тех недалеких революционных событий, когда такие, как Егорушка, могли стать юнкерами, участниками корниловского ледяного похода зимой 1918, а вышедшие «из-под сального одеяла» дети Мойсея Мойсеича, одержимые местью за свое местечковое прошлое, ринутся в революцию, творя невиданные кровавые дела в качестве комиссаров, главарей чрезвычайек по всему пространству России. А брат Мойсея Мойсеича так и видится в роли какого-нибудь Урицкого, своего сверстника. Чехов-художник (в зрелом своем творчестве) — создатель чрезвычайно емкой, лапидарной формы, в которой изживается всякая описательность, максимум содержательности достигается переводом обыденного в иное, метафизическое состояние. Существует мнение, что Чехов, как человек интеллигентный, и своих любимых героев выводит из среды интеллигенции. Но вот слова Антона Павловича о ней (из письма от 23 февр. 1899): «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр». Что касается бытующего мнения о Чехове как атеисте, то на этот счет уместно привести собственные слова писателя в его «дневниковых записях» от 1897: «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский (же) человек знает какую-нибудь из

этих крайностей, середина же между ними не интересует его, и потому обыкновенно он не знает ничего или очень мало». При желании можно в этом высказывании увидеть евангельское «ты не холод и не горяч», а тепл, но ведь возможен и путь к истине через трудное прохождение «громадного поля» между «Бог есть» и «Бога нет», ведь и Достоевскому была введома мучительная борьба между верою и безверием. В великом таланте, даруемом Богом, неизменно живет, порой неосознанно, глубинное чувство связи с источником вечного, которым проникается и самое обыденное.

Из множества героев разных сословий — может быть, наиболее характерные для Чехова — «средний человек», интеллигент. Как художник, он терпимее, милосерднее к своим героям-интеллигентам, чем когда открыто отрицательно оценивает их, как в вышеприведенном случае. Конечно, есть там совершенно мертвые типы, не способные осознать свое положение — как чиновник в «Крыжовнике» с его никчемной целью существования; душевно ожиревший от бездуховности доктор в «Ионыче»; бездарный проф. Серебряков в «Дяде Ване», который всю жизнь пишет трактаты об искусстве, абсолютно ничего не понимая в нем, не чувствуя его, что не мешает ему считать себя высшим существом, свое паразитирование выдавать за благодеяние человечеству.

Но есть др. тип интеллигентов, облагороженный писателем, которых коснулось нечто сверхбытовое, сверхпозитивистское. У всех у них чувство неудовлетворенности, неосуществленности каких-то повышенных запросов бытия, своей несостоятельности в чем-то главном. Умный, талантливый ученый-медик Николай Степанович в повести «Скучная история» как итог своей жизни открывает в себе «во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы все это в одно целое», нет «того, что называется общей идеей или Богом живого человека... А коли этого нет, то, значит, нет и ничего... Отсутствие того, что товарищи-философы называют общей идеей, я заметил в себе только незадолго до смерти», и сколько драматизма в этом запоздалом признании. Непоправимо прошлое у Войницкого в пьесе «Дядя Ваня», который лучшие годы своей жизни отдал служению своему идолу Серебрякову, пока не понял всей ничтожности этой псевдоученой посредственности. Безнадежность слышится в разговоре Войницкого с доктором Астровым, другим таким же «порядочным интеллигентным человеком», говорящим, что «в какие-нибудь десять лет жизнь обывательская, жизнь презренная затянула нас; она своими испарениями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, как все». Один из героев «Крыжовника» рассуждает: «К моим размышлениям о человеческом счастье всегда примешивалось что-то грустное, теперь же, при виде счастливого человека (*добившегося своей заветной цели — иметь свой крыжовник. — М. Л.*), мною овладело тяжелое чувство, близкое к отчаянию». Как бы человек «ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему когти, стряется беда — болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других».

Для доктора Рагина в повести «Палата № 6» высшее наслаждение — чтение книг, беседа с умным, мыслящим человеком. Таким стал для него обитатель палаты психически больных Иван Дмитрич, в котором сумасшествие смешано с глубоким искренним страданием души, жаждущей свободы, жизни. И вот с этим замученным узником, страстно протестующим против насилия, Рагин заводит философский разговор, желая убедить его, что человек, как существо мыслящее, может быть счастлив в любой обстановке, находя успокоение в самом себе, презирая суету и само страдание. Возмущение собеседника, что так может говорить человек, знакомый с действительностью только теоретически, не имеющий понятия о страданиях, не доходит до благодушного доктора, и только тогда он начинает понимать, что такое страдание, когда его самого за подозрительные беседы с сумасшедшим принимают за такого же сумасшедшего и засаживают в палату № 6, где он, избитый сторожем Никитой за попытку выйти, вскоре умирает от апоплексического удара. В последнем, предсмертном разговоре с Иваном Дмитричем Рагин говорит: «Слабы мы, дорогой... Был я равнодушен, бодро и здраво рассуждал, а стоило только жизни грубо прикоснуться ко мне, как я пал духом... в протрацию... Слабы мы, дрянные мы... И вы тоже, дорогой мой. Вы умны, благородны, с молоком матери всосали благие порывы, но едва вступили в жизнь, как утомились и заболели... Слабы, слабы».

В момент слабости, незадолго до смерти мы видим архиерея в одноименном рассказе, слабости не только физической, но и духовной. Сидя в алтаре во время службы, «он думал о том, что вот достиг всего, что было доступно человеку в его положении, он веровал, но все же не все было ясно,

чего-то еще недоставало, не хотелось умирать; и все еще казалось, что нет у него чего-то самого важного, о чем мечталось когда-то...» Печально его чувство одиночества: «Хоть бы один человек, с которым можно было бы поговорить, отвести душу!..» И еще больше печали в том, что после смерти о нем «уже никто не вспоминал. А потом и совсем забыли». Магистр Коврин в «Черном монахе» видит себя «избранником Божиим», «гением», «служителем высшего начала», эта мания величия, внушаемая ему двойником, «черным монахом», не что иное, как галлюцинация больного, а в действительности, как он убеждается, временно выздоровев, он такой же, как все, «стадный человек» и «посредственность».

Жизнь отрезвляет одержимых гордыней. Так современник Чехова, базельский филолог Ницше, возомнивший себя «сверхчеловеком», оказался в клинике умалишенных (изображая абсурдные сцены на манер героя гоголевских «Записок сумасшедшего»). Тогда только, может быть, с проблесками сознания, лежа по обыкновению на полу возле больничной койки, понял он, чего стоит надменность «сверхчеловека» с презрением к состраданию, кощунством над Христом. Чехов, может быть, по опыту своей болезни глубоко и смиренно сознавая отпущенные человеку пределы сил и возможностей, с мудрой грустью смотрит на своих героев. Это несчастные люди — не в бытовом смысле, а как у ап. Павла — «тварь стенищая». По словам духовного подвижника, «на познании и сознании немощи зиждится все здание спасения». Путь к осознанию этого становится определяющей проблемой для «тоскующих» чеховских героев.

На рубеже XIX—XX вв. в русской литературе происходит смещение критериев художественно-эстетических ценностей, поворот от традиционного реализма (и в его сокровенно-духовном, иррациональном значении, которое придавал ему Достоевский) к модернизму, декадансу. Были такие писатели, как *Бунин*, *Куприн*, *Андреев* и др., которые могли считать себя, каждый в своем роде, продолжателями реалистических традиций классической литературы. В своих воспоминаниях о Чехове, которого он высоко чтит, Бунин рассказывает, как они любили шутить над чудачествами воображаемых героев, «соревноваться» в придумывании смешных историй, подробностей. Было то, что объединяло их. И все же чеховский мир разнится от бунинского своей большей жизненной объемностью, духовной универсальностью, самим пространством слова. Бунин тонкий живописец природы с ее красками, звуками, запахами, у него, напр., почти осязаемо чувствуешь, как насыщается дождем притихший сад, для него это целое мироощущение. Проникновенны его лучшие рассказы о любви (вроде «Солнечного удара»), но тщетно искать в ней прочное прибежище от ужаса смерти, о которой он много думал и писал. Язык, стиль Бунина при всей своей вещественности, отточенности, можно сказать отграненности, достигает эстетической границы, когда уже нечего «черпать», как можно, скажем, черпать из почвы «чернозема» прозы Мамина-Сибиряка, о которой Чехов говорил: «Копай хоть три дня в глубину — все будет чернозем, никогда до песка или глины не докопаешься».

Жесткость и узость бунинского психологизма накладывает свою печать на его героев и на жизненные явления. Это особенно видно в его ставшей знаменитой в свое время повести «Деревня», где до предела утрирована темнота, дикость русской деревни, представленной как олицетворение жестокости, уродств всей русской жизни, всей России.

Тот же настрой сказан и в столь же знаменитой тогда, как бунинская «Деревня», повести Куприна «Поединок». В творчестве этого писателя очень заметен элемент беллетристичности, занимательности. Необычность биографии с переменной множества профессий, интерес к разным занятиям людей определили тематическую пестроту купринских произведений, очерковость в обрисовке многих персонажей, картин. Кистью художника написан в «Поединке» командир полка Шульгович, громовой солдафон, прячущий за грубостью отеческую заботу о молодых офицерах; нестерпимый стыд, испытываемый юным подпоручиком Ромашовым, который, упоенный на смотре своими пылкими мечтами, сам того не замечая, расстраивает общее движение полуроты. И вместе с тем повесть сильно беллетризована с риторическими пассажами. Во всяком жизненном материале есть своя основа, характеристичность (прежде всего психологическая). Известно, что гоголевский Манилов тоже значился русским офицером, но своим мечтательным «пареньем эдаким», воздушными постройками каменных мостов через пруд и т. д. он прославился не в полку, не на поле сражения, а в своей Маниловке. Подпоручика Ромашова одолевают уж в самом деле мани-

ловские грезы, и вот была бы славная боеспособность полка, состои он сплошняком из таких нежнейших существ. В «Поединке» вся армейская жизнь и показана только со стороны «грязных, вонючих стоянок», и сам Куприн признавался, что цель его — «ударить по армии». Как и бунинская «Деревня», купринский «Поединок» заключал в себе, при своей реалистичности, черты общественного декаданса н. XX в.

Л. Андреев начал в к. XIX в. с реалистических рассказов, говоря языком тогдашнего философа, «этикой нравственного, социального чувства», участием, состраданием к обездоленным (потрясение героя в рассказе «Баргамот и Гараська», что впервые в жизни его по отчеству назвали; украденное детство в «Петьке на даче» и т. д.). В одном из лучших рассказов «Жили-были» больные палаты № 8 связаны с жизнью воспоминаниями о прошлом, надеждой на выздоровление, но приходит минута, когда смерть в упор смотрит в глаза человека. Благодушный отец дьякон, которому осталось жить неделю, глухо рыдает ночью. Смерть, мысли о ней наложат мрачную тень на многие произведения Андреева, на само его мироощущение, глубоко пессимистическое. В его творчестве преобладающими становятся образы символические, аллегорические, гротескно-мистические. Бытовая, социальная «жизнь человека» в прежних реалистических рассказах сменяется «Жизнью человека» (название пьесы) в отвлеченно-философском плане. Андреев признавался: «Бога я не прийму», «призывы к Богу нам враждебны». Отсюда и его безнадежно отчаянный взгляд на одиночество человека во вселенной, на «желтеющее пламя» свечи человеческой жизни, колеблемое «ледащим ветром безграничных пространств» (пьеса «Жизнь человека»).

Андреев не стал для русской литературы тем, кем стал Кафка для провинциальной западной литературы, куда его внедряли соплеменники и где он нашел подходящие духовные условия для своего немощного «абсурда». Андреев, имевший такой успех у современников, со временем утратил силу своего отрицательного влияния, не найдя для этого почвы. Несмотря на декаданс, почва русской культуры в ее широком народном значении оставалась духовно здоровой, не податливой на безрелигиозные опыты.

Сын и духовный наследник Л. Андреева — *Даниил Андреев*, автор книги «Роза мира», 10 лет провел во Владимирской тюрьме, живя напряженнейшим «слушанием» и видением открывшегося ему за пределами камеры космического мира, за пределами голосов, духов, исторических, социальных перспектив и т. д. «Розу мира» охотно используют в качестве авторитета сторонники «либерализации» христианства, религиозного «плюрализма», соединения церковью. По словам самого автора, «если старые религии — лепестки, то Роза мира — цветок», т. е. проповедуется объединение всех религий от Православия до иудаизма в «интеррелигию», в некую мировую церковь, осуществляющую, подобно мировому правительству, контроль над всеми народами. К этому следует прибавить неприятие автором (во имя той же унии с др. религиями) догмата о вочеловечении Христа, извращенное толкование Троицы (как ипостаси не Бога Отца, Сына и Святого Духа, а как Бога — Отца, Богородицы, Сына).

При всей этой вселенской размашистости «Розы мира», при всей трогательности гуманистических намерений несчастного узника, здесь, в который раз, повторяются грандиозные уродства умозрительных, в сущности, антихристианских проектов, вздыбливающихся то и дело в России, вроде «пятого евангелия» Л. Толстого, «Воскрешения» *Н. Федорова*, «всеединства» *Вл. Соловьева*.

На рубеже XIX—XX вв. возникает такое направление в русской литературе, как *символизм*. Своим предшественником символисты считали философа и поэта Владимира Соловьева. В своей статье «Владимир Соловьев в наши дни» *Блок* назвал *Вл. Соловьева*, «одержимого страшной тревогой», «носителем и провозвестником будущего», хотя признает, что в его томах «немногие строки отвечают сегодняшнему дню». Другой поэт-символист *А. Белый* отмечал в Соловьеве несоответствие между литературно-философской деятельностью и «сокровенным желанием ходить перед людьми». Необычное впечатление на современников производила сама личность философа начинающая с его наружности с большой бородой и длинными до плеч волосами под «древнего пророка»; с его громким «загадочным», «демоническим смехом»; «гениальной игрой» со словами, парадоксами, когда одновременно с жуткой переменой в лице он убеждает слушателей, что дважды два — не только четыре, но и пять. Соловьев удивлял своих знакомых бездомным образом жизни, «бродяж-

ничеством», видением чёрта. В конце жизни болезненное его состояние усугубилось острым ощущением катастрофичности, конца мира, что нашло выражение в его «Трёх разговорах». Это и стало концом его «хождения перед людьми», то, пожалуй, единственное в нем «провозвестническое», что могло отвечать «сегодняшнему дню».

Личность Соловьева вызвала среди современников не только сочувствие, но и резкое неприятие, напр., со стороны архиепископа, будущего митр. *Антония Храповицкого*, видевшего в нем черты актерства, тщеславия, эгоцентризма, некоей игры в пророка. В этой антипатии, конечно же, имело значение отвращение верного догматическому Православию духовного лица к религиозному скептицизму философа-литератора. Соловьев начал с увлечения католицизмом и закончил переходом в него. До конца жизни он оставался критиком традиционной религии, как он выражался, «византийско-московского Православия». Лишены были жизнедеятельного исторического смысла его религиозно-философские схемы, вроде теократической конструкции о внешнем соединении церкви с духовным подчинением России власти папы Римского при политическом главенстве ее (будто бы возможным). Таково же его «всеединство» со смещением несоединимого в религиозных вопросах, когда в одном ряду, напр., оказываются мистики православные с мистиками чуждыми, враждебными им, вроде еврейских каббалистов и теософских оккультистов, о чем пишет А. Ф. Лосев в книге «Владимир Соловьев». Совсем не касается в своих писаниях Соловьев патристики, учения отцов Восточной церкви, которое со времени славянофилов стало одной из основ (если не главной основой) самобытной русской философии.

В н. XX в. Вл. Соловьев был объявлен предтечей громко заявившего о себе т. н. «нового религиозного сознания», «богоискательства» с их релятивизмом в вопросах веры, критикой традиционной Церкви, религиозным суррогатом. Всякого рода богоискательские идеи муссировались в религиозно-философском обществе, носившем имя Вл. Соловьева. Христианство «обновлялось» сочетанием Христа с языческим Дионисием.

С именем Вл. Соловьева связывается и такой, явно идеализированный, разрушительный в своей духовной сущности «культурный феномен», как Серебряный век. Своими стихами о «вечной женственности» Софии Соловьев оказал влияние на символистов, прежде всего на Блока. Блок остро чувствовал этот отравляющий воздух эпохи духовный декаданс, искал выход из него в традициях русской культуры, в стихах о России, в мыслях о народе, но оставалась и в нем та зияющая пустота, которая образуется «попиранием святынь». В сокровенных напевах блоковского музы (стихотворение «К Музе») «есть проклятье заветов священных», смех «над верой» с загорающим над нею (музой) «пурпурово-серым сатанинским нимбом»; «роковая отрада в попиранье заветных святынь». Есть то, что Дмитрий Карамазов у Достоевского называет «попираньем всякой святыни, насмешкой и безверием».

Блок во всем хотел слышать музыку, мировосприятие для него вплоть до отношения к революции было, прежде всего, музыкальным. Напевность, музыкальность блоковского стиха может действовать завораживающе. Сам поэт предостерегал своих юных поклонников от «лирического яда» своих стихов. У него бесконечное повторение: «дух музыки», «дух музыки». О влиянии слова на читателя можно сказать то же, что говорит о песнопении духовный подвижник *Феофан Затворник*: «Это по тому закону, что что вложено в песнь, то она и дает поющему. Вложена туда человеческая мысль, человеческую мысль и породит; вложен туда элемент благодатный, Благодать возбудит и в поющем. Но если она простой набор слов, то ничего и не породит». И можно добавить, что слово вызовет нечто обратное «элементу благодатному», если это «безумная сердцу услада», кощунство, как в том же блоковском стихотворении «К Музе» («безумная услада», поистине трагическая для такого честного поэта, как Блок).

А. *Ахматова* в «Поэме без героя» (начатой в 1940) рассказывает о встрече со своими дореволюционными друзьями-поэтами, уже умершими, которых она памятью вызвала из прошлого, 1913-го. Когда-то воспоминание о них отзывалось в ней ностальгическими чувствами, но теперь, при ожившем прошлом, со знакомыми лицами нечто иное испытала она... «И сама я была не рада, этой адской арлекиады издали слышав вой». От этого шествия мертвецов, знаменитых, модных в свое время поэтов, ей стало на этот раз не по себе; ей, участвовавшей некогда вместе с ними в «карнавалах грешников», захотелось «отпрыгнуть, сдаться и замаливать давний грех».

Эстетствующие поклонники поэзии н. XX в. именуют ее неким ренессансом в истории русской поэзии. Если говорить о ее достижениях, то их можно свести к формальной стороне стиха. Как сказал Блок о стихотворной пьесе современного автора: «Содержание ее есть форма». То, что в классической русской литературе было «внутренним содержанием» (Достоевский), составляющим жизненную, бытийную основу произведения, в словесности т. н. Серебряного века выветривается до уровня формальных изысканий, сугубо индивидуалистического авторского сознания. Конечно, сделано немало в области техники стихосложения, в реализации огромных формальных возможностей русского стиха, его мелодики, ритмики, стилистических нюансов, раскованности метрики (с пропуском слогов) и т. п. Но становясь зачастую формалистической самоцелью (вроде оценки стихотворения «с точки зрения эйдологии» — что это такое?), стихи превращались в набор слов, ничего не говорящий читателю. За стихами, однако, стояло нечто большее, чем их техника. Они впитывали в себя ту атмосферу разложения, в которой жили и писали стихотворцы, тончайшая, изысканная, рафинированная стихотворная форма дышала миазмами тончайшего же духовного, нравственного разложения, и это все по тому же закону: что вложено автором — то и порождает в читателе.

Известно, по воспоминаниям современников, какие действия творились на сборищах «творческой элиты» на Таврической улице в Петербурге в «башне» Вяч. Иванова в отравленной атмосфере утонченнейшего духовного декаданса с мистическими радениями, с оккультным сатанинским побратимством, скреплением кровью, что так эффектно расписал в стихах один из участников сборища. Брюсов в своем стихотворении одинаково поклонялся «и Господу и дьяволу».

Духовная атмосфера Серебряного века была настолько заразной, что она и впоследствии давала знать о себе. Так, *М. Булгаков*, почти ровесник Ахматовой и *Цветаевой*, не участвовал, казалось бы, в тех «карнавалах грешников», но спустя уже многие годы после революции то темное время отозвалось в его романе «Мастер и Маргарита». Автор вознамерился создать свое собственное «евангелие», где некий Иешуа, довольно плоский моралист-правдолюбец, ничего общего не имеет с Христом, как Богочеловеком. Но главным героем в романе стал Воланд — с его обольстительным сатанинским обликом, предмет прямо-таки вдохновения и преклонения автора, который присваивает ему всяческие достоинства: доброжелательство к людям, справедливость, мудрость, даже вызволение своей рукописи из огня («рукописи не горят»). Воланд дает «великий бал Сатаны». По словам одного исследователя, этот «великий бал и вся подготовка к нему — сатанинская антилитургия». Историк религии А. Заркалов заключает, что автор «Мастера и Маргариты» отверг Евангелие ради Талмуда.

Христианство, Православная церковь подвергались подрыву со всех сторон, и о грозящей России, русскому народу опасности предупреждали выдающиеся иерархи, духовные лица. *Иоанн Кронштадтский* говорил в н. XX в.: «Здесь, в Москве нередко является ученый, образованный писатель, извративший все христианские понятия и толкующий Евангелие на свой лад». О таких писателях, как критикуемый им *Мережковский*, он писал: «Наша интеллигенция извратилась, отстала от веры». В Толстом, отвергавшем в своем «пятом евангелии» Божество Христа, Троицу, Божию Матерь, глумившемся над Евхаристией в романе «Воскресение», видел Иоанн Кронштадтский главного виновника безверия. «В тяжелые времена мы живем! И все это зло наделал Толстой!»

Героическим защитником чистоты Православной веры был архиеп. Никон, широко известный в предреволюционное время своими выступлениями в церковном издании «Троицкое слово». Он неустанно обличал печать (которая находилась в основном в руках иудеев) за «подкоп» под христианство, архиеп. Никон как член Св. Синода предлагал «наблюдение» за печатью. Не в смысле цензуры, а для информации, что пишется о религии... И какой же шум поднялся со стороны не только иудейской прессы, но и русских «богоискателей». На это архиепископ отвечал: «И как же не наблюдать за нею, когда в этой печати хотят быть представителями “тела Церкви” все непрощенные радетели: господа Розановы, Мережковские, Меньшиковы, Кундурушкин — им же имя легион?! Подумать только: вот они-то и есть “тело Церкви”. А пастыри и учителя Церкви, коим Господь поручил пасти стадо Божие, хранить святыню веры, учить чад Церкви, — они, видите ли, должны быть лишены права знать: что говорится о “теле Церкви”, что пишут сии члены сего тела...».

Возражая *Розанову*, *Меньшикову*, требовавшим «свободы печати», архиепископ говорил о недомыслии литераторов, возомнивших себя учителями народа, не ведающих, что творят. «Им дайте полнейшую свободу развращать малых сих чрез печатное слово, — это еще не соблазн; вот соблазн, когда развращенные печатью толпы станут бесчинствовать, развратничать, кощунствовать, разрушать храмы Божии, низвергать власти, — вот этот соблазн преследуйте, искореняйте, но и опять же не административным порядком, а судом и *только* судом... А печать, писатели, развращающие народ, станут в *стороне*: ведь надо судить не “свободное слово”, а только *дело*, лишь то, что произошло от слова... Но ведь писатель-то свое дело делает; или он только поджигает к дурному делу, а это, по-вашему, еще не дело?».

В это же время старец *Оптиной Пустыни* Варсонофий (в миру бывший блестящий военный, хорошо образованный человек, хорошо знавший русскую и мировую литературу, сам писавший стихи) — этот старец, обращаясь в своих духовных беседах к творчеству русских писателей, в т. ч. своих современников, говорил о кощунниках: «Господь *поругаем* не бывает (Гал. 6, 7) и закон возмездия в полной силе» («Беседы великих русских старцев»).

То, что предсказывали русские святые и подвижники, свершилось в 1917. Космополитическое нашествие антихристианских сил захлестнуло русскую литературу, хотя и не достигло желаемого торжества. И спасительными здесь оказались традиции русской литературы, ее народность, которая была поправа в пресловутый Серебряный век и которая властно заявила о себе в трагический час для России в поэзии *С. Есенина* и в романе «Тихий Дон» *Шолохова*.

Есенин — великий поэт переходной, переломной эпохи в истории России — и в этом его историческое, народное значение. «Я последний поэт деревни». Только поэт, глубоко, болезненно переживающий наступление невиданных перемен в судьбе русской деревни, мог написать «Сорокоуст» с его потрясающей картиной бегущего по степям поезда и скачущего за ним жеребенка, «смешного дуралея», который гонится за чугунным чудовищем, не зная, что «новых коней победила стальная конница». В «Сорокоусте» упоминается «скверный гость», один из тех, о которых поэт говорит: «Хорошо им стоять и смотреть... / Только мне, как псаломщику, петь / Над родимой страной аллилуйя». «Прескверный гость» явится поэту в предсмертном «Черном человеке», преследуя его, внося раздвоенность в сознание. «Скверный гость» — это именно гость, сторонняя сила, разрушительная, вторгшаяся в душу поэта, в жизнь «родимой страны».

Пронзительная русскость есенинской поэзии находит свое выражение и в том сокровенном для поэта, что он сам называл «чувством Родины»; и в предельной искренности («Я сердцем никогда не лгу», «Кровью чувств ласкать чужие души»); и в полноте мироощущения, когда «край родной, навек любимый» сливается со вселенной («Полюбил я мир и вечность как родительский очаг»).

По словам Есенина, поэзия, творчество «должны быть природой». Поэтический образ для него был как «завязь самой природы». В стихах Есенина есть та «неизреченность», то прикосновение к тайне природы, бытия, которые даются только гениальной художественной интуиции. В этом случае поэтические образы как бы прорастают в неведомую вечность, чувствуемую, однако, поэтом. «Понятен мне земли глагол, / Но не стряхну я муку эту, / Как отразивший в водах дол / Вдруг в небе ставшую комету». Не дано человеку проникнуть в тайну «глагола земли». «О, если б прорасти глазами, как эти листья в глубину». «Слишком я любил на этом свете / Все, что душу облекает в плоть». И вместе с тем: «Душа грустит о небесах, / Она нездешних нив жилища». «Отгрустил я в синей мгле / О прекрасной, но нездешней, не разгаданной земле».

Творчество Есенина не оценимо как противодействие смертельной опасности в поэзии, как и в самой жизни — прагматичности, иссушающей рассудочности, как вечно живой стимул для тех творческих сил, которые хотят выйти за пределы плоской эмпирики и жаждут «творчества—природы», соединения с глубинными слоями бытия. Душевные метания есенинского «лирического героя», драматизм его мыслей и чувств напоминают в какой-то мере метания Григория Мелехова из «Тихого Дона». Но за этим «лирическим героем» стоит сам поэт, и сама его судьба стала явлением уже не только литературы.

Первая книга «Тихого Дона» Шолохова, вышедшая в 1928, встает непреодолимой преградой на пути тех, кто хотел бы искоренить «традиции так называемой великой русской литературы». Вос-

становливается цепь, преемственность этих традиций, которые все ставят на свои места, отодвигают не только на периферию, но и вообще за грань литературы русскоязычную продукцию «певцов революции». В «Тихом Доне» выходит на историческую арену сам народ, в невиданной до того в русской литературе полноте своего бытия, ввергнутый в пучину гражданской войны, ставший и жертвой, и оружием возмездия. Главный герой романа Григорий Мелехов — «серединный» народный тип, т. е. корневой, стержневой, в нем воплотились существеннейшие черты народной личности. Есть в нем и то, что было свойственно героям нашей классической литературы. Можно для наглядности сопоставить Григория Мелехова, напр., с толстовским Пьером Безуховым. При кажущейся произвольности этого сопоставления оба — «правдолюбцы», ищущие свой путь в жизни, предельно искренние в своих мыслях и действиях, одинаково благородные натуры (Григория Мелехова можно назвать аристократом духа).

Пьер Безухов — это не столько судьба личности (как Григорий Мелехов), сколько история интеллигентного сознания, череды умственных «обновлений». За Григорием Мелеховым стоит тысячелетняя история крестьянства, тогда как за толстовским героем — столетие умственных интересов, разбуженных в образованном русском слое Петровской реформой. Такие, как Григорий Мелехов — материал истории («они не говорят, они делают»), из этого материала, из этой корежащейся, страдающей плоти «лепится» история. Все искания, нравственная борьба в основном не выходят у Пьера за пределы его духовно-нравственных усилий, объективно он чаще всего — иной человек. Психологизм шолоховского героя раскрывается преимущественно через действие. И сами слова как бы переоцениваются, отлетает все условное, остается одна жуткая суть. Когда казак говорит Григорию: «Нарвешься на каких-нибудь отчаянных — и они из одного тебя не то что двоих — пятерых сделают» — то это вовсе не метафора, а буквально так и может быть (как хвалится в романе другой казак, что он из одного человека сделал «две половинки»). «Спутали нас ученые люди», — говорит Григорий, «простой, бесхитростный ум» которого податлив на влияния «ученых» агитаторов. За то, что готовила интеллигенция с ее чесоткой «обновления», умственных спекуляций, «духовной свободы» — приходится расплачиваться Григорию Мелехову смертельной борьбой на полях гражданской войны.

Особое место занимает в романе Штокман, приехавший в округ из «политотдела восьмой армии». Узнав о расстреле арестованных хуторян, один из красных казаков бежит к нему, думает, что тот, так же как и он, возмутится случившимся. Отчитав казака за «слини интеллигентские», Штокман заключает: «Была ли необходимость расстреливать в данном случае этих людей? Я думаю — да! Может быть, не всех, но Коршунова, например, незачем исправлять! Это ясно! А вот Мелехов хоть временно, а ускользнул. Именно его надо бы взять в дело! Он опаснее остальных, вместе взятых. Это ты учти».

Для Штокманов потому-то и опасны Григории Мелеховы, что в них они видят стержневую народную силу, которая твердо противостоит их кровавому «интернационализму».

Исключительно самобытно творчество *А. Платонова*, особенно его книги «Чевенгур» и «Котлован». Платонов — писатель с чувством сердечного участия, сострадания к своим героям, особенно это выразилось в его рассказе «Возвращение» (написан в 1946), в пронизывающей истории о том, как война разрушительно сказалась на жизни семьи. В «Чевенгуре» (о гражданской войне), «Котловане» (о строительстве социализма, коллективизации), в их условном, гротескном мире благодаря необычайному, завораживающему своим загадочным «юродством» языку присутствует некий метафизический абсурдизм, ставящий под сомнение революционные «идеалы» (которые писатель утверждал в своей публицистике).

В годы Великой Отечественной войны русская литература «перестроилась на военный лад», как и все другое в стране. «Все для фронта! Все для победы!». Ведущим жанром стала публицистика, обличавшая немецкий нацизм, злодеяния захватчиков, ненависть гитлеровской Германии к др. народам. Публицисты-евреи главное зло видели в «немецком антисемитизме», один из них, широко тогда известный, в своей на шумевшей статье с иудейской мстительностью призывал к поголовному уничтожению немцев. В публицистике известных русских писателей, с ее священной ненавистью к врагу, вставал во весь рост «русский характер» (название знаменитой статьи), раскрывались народные, исторические истоки патриотизма, великие подвиги наших предков.

Для прозы требовалось большее время, чем для публицистики, очерков, стихов, печатавшихся в годы войны, и повести, романы о войне, о военном времени появились уже после войны. Этапным в литературе стал вышедший в н. 50-х роман *Л. Леонова* «Русский лес», с его вызванным Великой Отечественной войной историческим осмыслением полувекового периода русской жизни. Идейная острота романа — в конфликте между его главными героями — крупным ученым-лесоводом Вихровым, борющимся за сохранение лесных, природных богатств, и проф. Грацианским, паразитирующим на его трудах, преследующим его политическими доносами. Имя Грацианского стало нарицательным. За образом Грацианского явно просматривается представитель «избранного» народа. Его метод — спекуляция на господствующих идеях, приспособленческая демагогия, двурушничество, предательство. Не имея корней в народе, в стране, где они живут, грацианские в любое время, как только изменятся обстоятельства, готовы предать ее, обливая грязью то, что еще вчера восхваляли.

Тема молодежи воплощена в образе Поли, дочери Вихрова. Полины слова о жизни, о людях звучат как лирическая исповедь. «Я так объясняю... ну, к чему стремятся люди? Говорят, к счастью, а по-моему, неверно: к чистоте стремиться надо...» Чистота, стремление к ней действительно были свойственны молодежи довоенных и военных лет. Это была чистота религиозного, христианского характера при, казалось бы, невозможных условиях — при тогдашнем атеистическом строе. Это было не прерванное даже гонениями на Церковь глубинное влияние на молодое поколение генетического духовного наследия бабушек, дедов, родителей. Система ценностей оставалась при новом поколении та же, что и у предков их: приоритет добра, правды, чувство коллективизма, сознание общности судьбы. В массовом сознании утверждалась идея социального равенства, справедливости. Все это, как и героизм воинов на фронте, самоотверженный труд населения в тылу, создавало атмосферу высокого, напряженного духовного бытия.

М. Лобанов

В советский период классическая русская литература приобрела новое значение. Отторжение русских людей от Православия и его глубоких духовных ценностей заставило многих русских искать в литературе и у писателей то, что раньше они получали в церкви у священника. Русская литература, выросшая на Православии, в какой-то степени пыталась утолить духовную жажду русских людей, хотя, конечно, не могла заменить Церковь. Тем не менее гигантские тиражи русской классики в советский период свидетельствовали о тяге к духовному, которого невозможно было получить у атеистического государства.

Русские писатели — продолжатели традиций русской классической литературы оказались в состоянии войны с режимом еврейских большевиков, не терпевших соперников в борьбе за влияние на русский народ. Тысячи русских писателей, поэтов, публицистов, журналистов были репрессированы, а многие казнены. Так, в 1921 был убит в подвалах ЧеКа один из лучших русских поэтов *Н. Гумилев*. Та же судьба постигла многих крестьянских поэтов. Большое число писателей было отправлено в изгнание за границу.

Тяжелое чувство безысходности и сиротства в своей родной стране охватывало русских писателей, остро ощущавших засилье людей, чуждых и враждебных русскому народу. «В своей стране я словно иностранец, — писал Есенин. — Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть... Не могу! Ей-Богу. Хоть караул кричи... Слушай, душа моя! Ведь и раньше еще, там, в Москве, когда мы к ним приходили, они даже стула не предлагали нам присесть. А теперь — теперь злое уныние находит меня...». Слова Есенина относятся к кичливым большевистским вождям, постоянно унижавшим русских писателей, сохранявших самобытное лицо.

Большевистская верхушка испытывает к великому русскому поэту патологическую ненависть. Как невежественно и враждебно заявлял Н. И. Бухарин, поэзия Есенина — «это отвратительная, напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами, и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из “кобелей”, икон, “сисястых баб”, “жарких свечей”, березок, луны, сук, господ бога, некрофилии, обильных пьяных слез и “трагической” пьяной икоты: религии и хулиганства, “любви” к животным и варварского отношения к человеку, в

особенности к женщине, бессильных потуг на широкий размах (в очень узких стенах ординарного кабака), распушенности, поднятой до “принципиальной” высоты и т. д.; все это под колпаком юродствующего квази-народного национализма...»

В нояб. 1923 ГПУ пыталось сфабриковать против Есенина дело по обвинению в антисемитизме. Некий еврей Роткин написал заявление в ГПУ, в котором обвинял Есенина и трех его друзей, *Клычкова, Орешина и Ганина*, в том, что они в пивной на Мясницкой ул. ругали евреев, называли их паршивыми жидами, при этом упоминали фамилии Троцкого и Каменева.

В несколько искаженной передаче известного русофоба и участника убийства царской семьи Л. Сосновского дело выглядело примерно так. Есенин позвонил Д. Бедному и стал ему объяснять:

«— Понимаете, дорогой товарищ... Стали мы говорить о жидах. Вы же понимаете, дорогой товарищ, куда ни кинь — везде жида. А тут подошел какой-то тип и привязался, вызвали милиционеров, — и вот мы попали в милицию.

Д. Бедный сказал:

— Да, дело нехорошее!

На что Есенин ответил:

— Какое уж тут хорошее, когда один жид четырех русских ведет...»

По доносу еврея из пивной Есенин и его друзья были задержаны и допрошены в милиции, где объявили донос ложным, хотя и признали, что называли еврея паршивым жидом. В течение нескольких лет они находились под угрозой судебного преследования. Есенина от этого дела спасла только смерть. Затравленный большевистскими властями, поставленный в невыносимые условия существования, великий русский поэт погиб при невыясненных обстоятельствах.

Чувство тоски по утраченной Родине — Святой Руси — обуревает миллионы русских людей. Богатая, безыскусная, глубокая, многообразная духовная жизнь дореволюционной России особенно ярко выразилась в книгах писателя *И. С. Шмелева* «Лето Господне» и «Богомолье». «Святая Русь, — писал *И. Ильин* о творчестве Шмелева, — не потому называется святой, что в других странах нет святости, не потому, что на Руси нет греха и порока, а потому, что в ней живет глубокая, никогда не утомляемая жажда праведности, неистощимое желание приблизиться и прикоснуться к ней. И в этой жажде праведности человек православен и свят при своей обыденной греховности». Шмелев раскрывает Святую Русь в конкретных образах — «красочно благочестивый, православный, русский, народный быт». Причем он дает «быт ради веры», но не «веру ради быта». Шмелев прекрасно понимал, что если «Пасха для нас не великое торжество Воскресения Христова и милости Божьей, дарующей нам и обновление и спасение, а только пасхальный стол, христосование и веселие, не предваренное подвигом воздержания и покаяния, то тогда быт становится для нас религией, но религией не духа — а чувства, не жизни — а смерти». Шмелев рисует необыкновенно притягательный образ простого русского человека, живущего ценностями Святой Руси, по фамилии Горкин, в котором живая вера в Бога сочеталась с житейской мудростью. Он, как и Святая церковь, распределяет время года по праздникам и постам, сопрягая это исчисление с народными приметами и знаменами. В Боге он находил ответы на все житейские вопросы и трудности, в Боге он видел радость и красоту Вселенной («Православная Русь». 1960. № 13).

Вот истинно русское описание «быта ради веры»: «Мы идем от всеобщей, и Горкин все напевает любимую молитвочку — “Благодатная Мария, Господь с Тобо-ю...” Светло у меня на душе, покойно. Завтра праздник такой великий, что никто ничего не должен делать, а только радоваться, потому, что если бы не было Благовещенья, никаких бы праздников не было, а как у турок. Завтра и поста нет: уже был “перелом поста — шука ходит без хвоста”. Спрашиваю у Горкина: “А почему без хвоста?”

— А лед хвостом разбивала и поломала, теперь без хвоста ходит. Воды на Москве-реке на два аршина прибыло, вот-вот ледоход пойдет. А денек завтра я-сный будет! Это ты не гляди, что замолаживает... это снега дышут-тают, а ветерок-то на ясную погоду <...>

— Завтра с тобой и голубков, может, погоняем... первый им выгон сделаем. Завтра и голубиный праздничек, Дух-Свят в голубке сошел. То на Крещенье, а то на Благовещенье. Богородица голубков в церковь носила, по ее так и повелось <...>

Я просыпаюсь рано, а солнце уже гуляет в комнате. Благовещение сегодня! В передней, рядом, гремит ведро, слышится плеск воды. “Погоди... держи его так, еще убьется...” — слышится голос Горкина. А, соловьев купают — и я торопливо одеваюсь.

Пришла весна, и соловьев купают, а то и не будут петь <...>

Засучив рукава на белых руках с синеватыми жилками, отец берет соловья в ладонь, зажимает соловью носик и окунает три раза в ведро с водой. Потом осторожно встряхивает и ловко пускает в клетку. Соловей очень смешно топорщится, садится на крылышки и смотрит, как огорошенный. Мы смеемся. Потом отец запускает реку в стеклянную банку от варенья, где шустро бегают черные тараканы и со стенок срываются на спинки, вылавливает — не боится, и всовывает в прутья клетки. Соловей будто и не видит, таракан видит усиками, и... тюк! — таракана нет <...> У нас их много, к прибыли — говорят <...> Ловят их в таз на хлеб, а старая Домнушка жалеет. Увидит — и скажет ласково, как цыпляткам: “Ну, ну... шши!” И они тихо уползают»...

Старая Домнушка жалеет тараканов. Плотник Горкин жалеет голубей. Кучер Антип («Постный рынок») жалеет древнюю кобылу Кривую, на которой езживала еще прабабушка Устинья. Хозяин — мальчишка, жалеет кучера Антипа, «которого тоже уважают, и который теперь живет» у купца — «только для хлебушка» — на покое. Весь дом и все служащие уважают и по-своему любят хозяина и хозяйского сына. Все кругом проникнуто жалостью и уважением. По уверению старого кучера Антипа, даже лошади на конюшне уважают древнюю кобылу Кривую: “ведешь мимо ее денника, всегда пасутся-фыркнут! Поклончик скажут... а расшумятся если, она стукнет ногой — тише, мол! И все затихнут”. Антип все знает. У него борода, как у святого, а на глазу бельмо: смотрит все на кого-то, а никого не видно»...

Добрый, душевный народ жил в Москве кругом И. Шмелева.

В русле Святой Руси продолжали творить многие русские писатели, особенно за рубежом. Кроме И. С. Шмелева, особого упоминания заслуживают И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, А. М. Ремизов.

В 30-е формируется новый тип русского писателя — продолжателя духовно-нравственных традиций и мастерства русской классической литературы. В основном это были писатели, стоявшие на государственно-патриотических позициях, стремившиеся в своих произведениях «отразить пафос созидания нового общества и нового человека». При всей фальшивости исходных установок, формулируемых как «метод социалистического реализма», в их произведениях отражалось то, что в некоторой степени роднило их с идеалами Святой Руси, — возвышение морально-нравственных ценностей, жертвенная героика во имя Родины.

Лучшие образцы литературы этих лет глубоко патриотичны и духовно-нравственно возвышены. В романе Л. Леонова «Скутаревский» (1932) показан ученый-физик, преодолевающий индивидуализм и космополитизм, присущие многим российским интеллигентам. Герой романа, обладающий самобытным и глубоким национальным мироощущением, поднимается над затхлым миром российских интеллигентов, ориентирующихся на западную цивилизацию. В романе «Дорога на океан» (1936) Леонов рисует героя на фоне мировых потрясений, с честью выходящего из любых ситуаций.

В романе Шолохова «Поднятая целина» с суровой правдивостью показаны раскрестьянивание русской деревни, глубокая обреченность и дезориентированность насадителей колхозного строя, даже если они душевно и нравственно чистые люди.

В литературных героях той эпохи подкупают душевная чистота и возвышенность, способность жертвовать собой ради общего дела. Роман Н. Островского «Как закалялась сталь» следует рассматривать вне социальной демагогии и большевистской догматики как монолог подвижника идеи общего блага. Герой его Павел Корчагин, парализованный тяжелой болезнью, приговоренный врачами к смерти, отказался от самоубийства и нашел свой путь в жизни в «борьбе за всеобщее счастье». Одновременно с Островским А. Макаренко завершил свой главный труд, «Педагогическую поэму», в котором рассказывается о перевоспитании беспризорных детей в трудовых колониях. В отличие от методов НКВД, основанных на насилии и принуждении, Макаренко строит свою педагогическую систему на доброте и соборной силе коллектива.

Внимание русских писателей обращается к историческим судьбам русского народа, его выдающихся деятелей и героев. А. Толстой пишет роман «Петр I», В. Костылев — «Кузьма Минин» и

«Питирим», *В. Шишков* — «Емельян Пугачев», *А. Чапыгин* — «Гулящие люди», *С. Бородин* — «Дмитрий Донской», *В. Соловьев* — «Фельдмаршал Кутузов». В трилогии *В. Яна* «Нашествие монголов» показывается героическая борьба русского народа с Золотой Ордой, проводится мысль о неотвратимости победы над всеми, кто пытается завоевать Россию.

Большое значение имел написанный в 1937—39 трехтомный роман *С. Сергеева-Ценского* «Севастопольская страда», отразивший героическую борьбу русского народа с англо-французскими интервентами. Такой же патриотический характер носила и двухтомная эпопея *Новикова-Прибоя* «Цусима».

В целом исторические романы 30-х в значительной степени реабилитировали историческую память русского народа, способствовали возрождению русских патриотических чувств. Некоторые искажения и предвзятость оценок, особенно в отношении последних царствований, не могли умалять их положительного вклада в развитие русского самосознания.

А. Твардовский в поэме «Страна Муравия» повествует о крестьянине Никите Моргунке, ищущем счастливую страну Муравию и «находящем счастье в колхозном труде». Ходульность и искусственность концовки поэмы не могут умалять значение полнокровного образа русского крестьянина, живущего идеалами Святой Руси. В этой поэме, написанной стихом, близким к народному, происходит возвращение к классической русской традиции.

После Великой Отечественной войны особенно популярны стали книги, посвященные стихийной народной борьбе против врага. В романе *А. Фадеева* «Молодая гвардия» рассказывается о героической деятельности подпольной молодежной организации в тылу у германских оккупантов. Самоотверженная борьба с врагом, готовность идти на смерть за свободу своей Родины — это воздух, в котором живут литературные герои романа, не мыслящие для себя иного отношения к жизни.

В послевоенные годы выходят документальные повествования о подвигах героев партизан: *П. П. Вершигоры* «Люди с чистой совестью», *С. А. Ковпака* «От Путивля до Карпат», *А. Ф. Федорова* «Подпольный обком действует», *И. А. Козлова* «В Крымском подполье», *Д. Н. Медведева* «Это было под Ровно».

Восхищение подвигами героев войны, тема вечной памяти о погибших, кровной боли за страдания Родины звучат в таких произведениях, как «Повесть о настоящем человеке» *Б. Полевого*, «Дом у дороги» и «Я убит подо Ржевом» *А. Твардовского*, «Враги сожгли родную хату» *М. Исаковского*.

Наряду с военной темой русские писатели и поэты той поры обращаются к образу положительного героя — строителя и защитника государства, вернувшегося с поля боя к нелегкому труду: *П. А. Павленко* «Счастье», *В. В. Овечкин* «С фронтовым приветом», *С. П. Бабаевский* «Кавалер Золотой Звезды», *В. Н. Ажаев* «Далеко от Москвы», *М. К. Луконин* «Рабочий день», *В. Ф. Панова* «Кружилиха».

Освоению дальних русских земель, и прежде всего Сибири, посвящены романы: *Г. М. Маркова* «Строговы», *С. В. Сартакова* «Хребты Саянские», *К. Ф. Седых* «Даурия», *Н. П. Задорнова* «Амур-батюшка», *Т. З. Семушкина* «Алитет уходит в горы». Романы эти объединяли в себе жанр семейной хроники с эпическим повествованием об исторических судьбах Русской земли, выражая в мыслях литературных героев патриотическое сознание эпохи.

В 60-е мотивы поведения русского человека на войне отражаются в лучших произведениях этого времени: книгах *М. Шолохова* «Судьба человека» и «Последние залпы» и «Тишина» *Ю. Бондарева*, «Живые и мертвые» *К. Симонова*. Вехой в понимании русской крестьянской жизни стали «Районные будни» *В. Овечкина*. Весьма знаменательно — они начали печататься еще при жизни Сталина, отражая тот сдвиг в общественном сознании, который требовал изменения отношения к крестьянству.

Именно в этот период, несмотря на злобное противодействие космополитов в условиях жестокого раскрестьянивания, внутренним духовным, даже демонстративным протестом рождается новая, глубоко народная русская литература, корнями связанная с деревней, с крестьянством.

Создаются (хотя некоторые публикуются позднее) такие произведения русской литературы, как «Дело было в Пенькове» *С. Антонова*, «Липяги» *С. Крутилина*, «Пряслины» *Ф. Абрамова*, «Деньги для Марии» *В. Распутина*, «Привычное дело» *В. Белова*, «Горькие травы» *П. Проскурина*, а также

произведения *В. Астафьева, Е. Носова, В. Шукшина*. Эти писатели рисуют замечательные по своей цельности и духовному богатству образы русских людей на селе. Многие из них становятся как бы певцами уходящей, но по-прежнему духовно великой крестьянской Руси.

В русле русской народной литературы появляются рассказы *А. И. Солженицына*. Особенно хорошо написан рассказ «Матренин двор». Простая русская женщина Матрена Васильевна выражает самые характерные черты коренных русских людей: трудолюбие, добротолубие, нестяжательство — те самые черты, которые так нещадно и жестоко эксплуатировали большевики. Матрена любила самозабвенно работать, «чтобы звуку не было, только ой-ой-ойиньки, вот обед подкатил, вот вечер подступил». Как и для всех коренных русских крестьян работа для нее была смыслом жизни, «верным средством вернуть себе доброе расположение духа». Матрена «не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни. Не гналась за нарядами. За одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев». Именно на таких людях, заключал автор, стояло и стоит наше село, наш город и вся земля наша.

Народная русская литература была принята космополитами в штывки. Лучшие ее произведения с большим трудом попадали в печать. Московские журналы отвергали «Районные будни» В. Овечкина, повесть В. Белова «Привычное дело» (и только позднее она была опубликована в журнале «Север»), не давали ходу первому роману Ф. Абрамова «Братья и сестры», а когда он вышел, всячески травили, как и за предыдущие «Пути-перепутья», «Вокруг да около». Сколько страданий испытал Шукшин с одной только «Калиной красной». *А. Яшина* травили за его рассказ «Рычаги» и очерк «Вологодская свадьба».

Русская церковь вольно или невольно влияла на сердца и души наших соотечественников, и прежде всего писателей. Для большинства из них (даже невоцерковленных) образ страдающей Родины всегда ассоциировался с широким полем и церковью с крестом на холме. Именно этот образ так или иначе проходит через многие произведения русских писателей и поэтов, возбуждая их национальное сознание, наталкивая на русские православные по духу темы творчества.

Ядро русской литературы 60—70-х составляли писатели, чьи корни были связаны с православной деревней, с крестьянской жизнью, ибо только здесь по-настоящему сохранились живые роднички исконного русского сознания, особого отношения к окружающему миру, природе, труду. Именно эти роднички дали жизнь Ф. Абрамову, В. Астафьеву, В. Распутину, В. Белову, *Б. Можяеву*, Е. Носову, *В. Солоухину*, *В. Тендрякову*, В. Шукшину. Как справедливо отмечала критика, характеризую многих из этих писателей, «такого уровня во внутреннем изображении крестьянства, как крестьянин чувствует окружающую свою землю, природу, свой труд; такой ненадуманной, органической образности, вырастающей из самого народного быта; такого поэтического и щедрого народного языка... — к такому уровню стремились русские классики, но не достигли никогда: ни Тургенев, ни Некрасов, ни даже Толстой. Потому что: они не были крестьянами. Впервые крестьяне пишут сами о себе. И сейчас читатели могут наслаждаться тончайшими страницами у этих авторов».

Событием русской литературы стали произведения В. Г. Распутина. Этот писатель с первого своего сборника рассказов «Человек с того света», вышедшего в 1967 в Красноярске, завоевал души многих русских людей. Ряд его повестей — «Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1975), «Прощание с Матерой» (1967) — стали вершинами не только русской, но и мировой литературы. В образах его героев выражается огромное душевное богатство русского человека — доброта, совестливость, любовь к Родине, отзывчивость, сострадание, взаимопомощь, сердечность, душевная щедрость, нестяжательство.

Человек может жить полноценно только с любовью к Родине, сохраняя в душе вековые традиции своего народа. В повести «Прощание с Матерой» Распутин показывает, как русский человек относится к разрушению своего национального мира «именем прогресса». По приказу сверху должна исчезнуть с лица земли, быть затоплена одна из многих русских деревень. Крестьян фактически насильно переселяют в др. место — «перспективное» село, построенное бездарными чуждыми русскому народу «специалистами» «без любви к людям, которым тут жить». Простая русская женщина Дарья 5 лет сопротивляется, защищая свой старый дом и свою деревню от погрома. Для нее Матера и ее дом — воплощение Родины. Отстаивает Дарья не старую избу, а Родину, где жили ее деды и прадеды, и каждое бревно не только ее, но и пращуров ее. Сердце ее русское

болит – «как в огне оно, христовенькое, горит и горит, ноет и ноет». Как тонко отмечал выдающийся русский критик *Ю. Селезнев*: «Название острова и села — Матера — не случайно у Распутина. Матера, конечно же, идейно, образно связана с такими родовыми понятиями, как мать (мать — Земля, мать — Родина), материк — земля, окруженная со всех сторон океаном (остров Матера — это как бы “малый материк”»).

Космополитическое наступление «мирового прогресса», превращение человека в бездушный винтик потребительского мира разрушает духовную цивилизацию, подрывает основы православного мировоззрения, которое так стойко защищает Дарья. Предавая свою малую родину, человек теряет истоки самого главного в жизни, деградирует как личность, жизнь его становится серой и бесцельной.

Тема малой Родины, из которой рождается и вырастает наша великая Родина, великая Россия, проходит красной нитью через все творчество др. выдающегося русского писателя этого времени *В. И. Белова*. «Здесь и начинается для нас, — говорит писатель устами одного из своих героев, — большая Родина. Да, человек счастлив, пока у него есть Родина. Как бы ни сурова, неласкова была она со своим сыном, нам никогда от нее не отречься». Совестьливость, беззлобность, доброжелательность, трудолюбие, жизнелюбие — главные черты героев рассказов Белова. Герой повести «Плотницкие рассказы» Олеша Смолин убежден, что нет большего наказания, чем суд собственной совести. В рассказах и повестях Белова отражается влюбленное, поэтическое отношение русского человека к природе и животным.

Классическим образом простого русского человека стал Иван Африканыч из повести *В. Белова* «Привычное дело». В нем раскрываются «важные черты русской души, не лишённые известных противоречий. Он стойкий, терпеливый, работающий день и ночь, честный, любящий глубоко и сильно свою жену, добрый, но вместе с тем есть у него и незадачливость, бездумность, безалаберность, есть и привычка не перечить начальству». В чутком, добром отношении к жизни открывается любящая душа русского человека, живущего по совести, кровно ощущающего свою связь с людьми и природой. Мучительно переживает Иван Африканыч каждый свой поступок, не согласующийся с совестью. А совесть его как тот родничок, в котором «вода была так прозрачна, что казалось, что ее нет вовсе, этой воды».

Особо значительной страницей творчества Белова стали его очерки русской народной эстетики «Лад». С любовью и глубоким пониманием писатель рассказал об эстетическом отношении к жизни русского крестьянина, раскрыл красоту его бытовых и трудовых традиций.

Лучшим русским поэтом этого времени был, бесспорно, *Н. Рубцов*, трагически погибший в возрасте 35 лет и не успевший осуществить многие из своих замыслов. Обостренным чувством Родины и критическим отношением к т. н. прогрессу (который «может быть крушеньем») Рубцов близок к творчеству Распутина и Белова. Выбитые на его надгробии строки «Россия, Русь! Храни себя, храни!» выражают главную духовно-нравственную линию в стихах этого поэта. Уважительное и любовное отношение к деревне, восприятие человека и природы как гармоничного, целого, верность отчиму дому, Родине, духовным ценностям предыдущих поколений русских людей сделали поэзию Рубцова преемственницей творчества Есенина, объединяя ее со стихами Тютчева, Фета, Бунина. «До конца, до тихого креста. Пусть душа останется чиста» — главная заповедь коренного русского человека. В стихотворении «Душа хранит» поэт писал:

О, вид смиренный и родной!
 Березы, избы по буграм
 И, отраженный глубиной,
 Как сон столетий, Божий храм.
 О, Русь — великий звездочет!
 Как звезд не свергнуть с высоты,
 Так век неслышно протечет,
 Не тронув этой красоты,
 Как будто древний этот вид
 Раз навсегда запечатлен
 В душе, которая хранит
 Всю красоту былых времен.

Патриотический подъем выражался и во многих стихах В. А. Солоухина, некоторые из них распространялись в списках, т. к. не могли быть опубликованы, как, напр., стихотворение «Друзьям».

Россия еще не погибла,
Пока мы живы, друзья!
Могилы, могилы, могилы,
Их сосчитать нельзя...

Россия! Она могила!
Россия под глыбой тьмы,
И все же она не погибла,
Пока еще живы мы.

Держитесь, копите силы,
Нам уходить нельзя,
Россия еще не погибла,
Пока мы живы, друзья!

Тема любви к Родине, русского патриотизма в 60–70-е продолжается и даже усиливается в произведениях М. Шолохова («Они сражались за Родину», 1943–69), Ю. Бондарева («Горячий снег», 1969; «Берег», 1975), А. Иванова («Вечный зов», 1971–77), И. Стаднюка («Война», 1970–74), П. Прокураева («Судьба», 1972; «Имя твое», 1977). Разрабатывается русская патриотическая тема и в книгах В. Крупина, С. Викулова, В. Сорокина, И. Шевцова, С. Куняева, В. Личутина, И. Кобзева, Г. Серебрякова, А. Передреева, Ю. Кузнецова и др. Классиками русской патриотической критики стали В. Кожин, М. Лобанов, Ю. Селезнев.

Большое общественное значение для воспитания русского патриотизма имела книга В. Чивилихина «Память» (1970-е), открывшая перед многими русскими людьми широкую панораму отечественной истории и показавшая, наследниками какого великого духовного богатства они являются. Не менее важную роль в этом сыграл выход в свет книги Д. Жукова «Владимир Иванович» (1977), в которой автор создал живой образ современного подвижника, защитника отечественной культуры, посвятившего жизнь сохранению русского духовного наследия.

Впервые за многие годы русские писатели начинают затрагивать темы великой трагедии русского народа в годы правления еврейского интернационала. В романе «Драчуны» М. Алексеев касается ранее запретной темы голодной крестьянской жизни времен насильственной коллективизации. Прекрасно выписаны образы русских крестьян-патриотов, вынесших на себе всю тяжесть господства еврейских большевиков и сохранивших нетронутой веру в свою Родину.

Перестройка, увенчавшаяся торжеством антирусских космополитических сил, стала глубокой колотой раной на теле великой русской литературы. Казалось бы, провозглашались гласность и свобода печати, которых долго не хватало русским людям с 1917. Однако на деле эти свободы открыли дорогу выражению только самых низменных и порочных чувств. В короткий срок почти все редакции газет, журналов, издательств, радио и телевидение при поддержке космополитических верхов были в буквальном смысле оккупированы воинствующими представителями интеллигенции «малого народа». Законодателем мод в литературе стал тот самый Хам, который задушил русскую культуру в годы революции и гражданской войны и от которого ее смог частично освободить только Сталин. Порнография, сальные местечковые шуточки, безвкусица, отсутствие веры, такта и элементарной образованности переплетались у этих «законодателей» с предоставлением полного набора аксессуаров пошлой и ничтожной западной массовой культуры. Духовно-нравственный распад значительной части советского общества, соприкасавшейся с интеллигенцией «малого народа», заметно ощущался еще до начала перестройки в 1-й пол. 80-х. Такие писатели, как Распутин (в повести «Пожар»), Белов (в романе «Все впереди»), Бондарев (в романе «Игра»), пытаются привлечь внимание к этому, бить тревогу, показать всем, к какой пропасти ведут страну космополитические силы, пустившие метастазы не только в крупных городах, но даже в глубинке нашей страны.

В повести Распутина «Пожар» рассказывается о том, как в глухом таежном леспромхозе власть захватили своего рода «новые русские», не дорожащие никем и ничем, кроме сиюминутного «кайфа», в основном из числа пришлых – вербованных и уголовников. Они подмяли под себя поселко-

вый совет и дирекцию леспромхоза, определяют общий тонус жизни поселка. Честным, трудолюбивым и добросовестным людям они устраивают невыносимую жизнь, угрожая им даже смертью. Пришлые – враждебны русскому национальному сознанию, космополитичны, презирают народные традиции, стремятся прожить за чужой счет.

Разрушительные последствия отрицания русских народных идеалов, паразитический дух космополитизма и интеллигенции «малого народа» показаны в романе Белова «Все впереди». Духовная пустота, алчность, бытовое разложение многих наших современников – итог подпольной работы темных закулисных сил, «мерзости организованных общественных тайн, неотъемлемая составная часть мирового зла. Зла, о котором жаждущий справедливости русский человек (персонаж Иванов) говорит: «Существует могучая, целеустремленная, злая и тайная сила... И мало кто сознательно выступает против нее».

«Мировое зло, – говорит другой персонаж романа Медведев, – прячется в искусственно созданных противопоставлениях экономических, культурных, национальных. Принцип “разделяй и властвуй” действует безотказно. Он незаменим не только относительно людей. Но и относительно времени. Даже время мы разделили на прошлое и будущее! Настоящего как бы не существует, и это позволяет... дьяволу придумывать и внедрять любые теории, любые методы. Например? Например, разрушение последовательности. Оно проходит всегда безнаказанно, потому что результаты сказываются намного позже...»

Выразителем мирового зла в романе Белова является эмигрировавший в Израиль Миша Бриш – алчный, аморальный, подлый, способный на любую низость. На его примере видно, как «бесы всегда ругают прошлое и хвалят будущее», кем разрушается последовательность, преемственность поколений и идеалов, почему великому русскому народу грозит остаться без будущего. Отсюда и название романа «Все впереди».

Обостренное видение Добра и Зла, осознание христианского смысла столкновения цивилизаций – русской, духовной и западной, потребительской, ощущается в произведениях многих русских писателей. Стремление вернуться к православным истокам Русского царства пронизывает многие книги сегодняшних классиков русской литературы. Питаемая корнями Православия, классическая русская литература и ее современные носители являются первыми помощниками Русской церкви в борьбе за духовное преобразование России «во умножение любви к Святой Руси».

* * *

В Большой энциклопедии русского народа используется обычная для подобных изданий система ссылок. Курсивом набраны названия статей, на которые даются ссылки. Географические, исторические и биографические данные, как правило, приводятся по новейшим источникам. Даты, связанные с жизнью русских святых, а также дни православных праздников и празднования чудотворных икон приводятся по старому и новому стилю. Список сокращений приводится в конце книги.

Настоящая энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания. Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации. Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения. Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А.

Издательство выражает глубокую признательность всем лицам и организациям, оказавшим творческую помощь и финансовую поддержку, без любезного участия которых этот том Большой энциклопедии русского народа не смог бы выйти в свет.

О. Платонов

А

АБЛЕСИМОВ Александр Онисимович (27.08[7.09].1742—1783), писатель. Происходил из бедной дворянской семьи, Галичского у., Костромской губ. Образование Аблесимов получил только начальное. В 1758 Аблесимов поступил на военную службу, которую покинул в чине прапорщика в 1766, определившись в комиссию по составлению проекта нового уложения. В 1770 Аблесимов вновь поступил на военную службу и был в походе в Грузии, Имеретии и Мингрелии. В 1772 Аблесимов снова оставляет военную службу с чином капитана и поступает экзекутором в московскую управу благочиния. Умер Аблесимов в 1783 в большой бедности. Литературные наклонности проявились в Аблесимове благодаря влиянию *Сумарокова*, которому он переписывал сочинения. На литературном поприще Аблесимов выступил впервые в 1759 в издаваемом Сумароковым журнале «*Трудолюбивая Пчела*» элегией «Сокрылись мои дражайшие утехи». Поместив в этом журнале еще несколько мелких эпиграмм, Аблесимов долго не появлялся в печати. Только в 1769 он выпустил собрание басен, назвав их «Сказками» и посвятив гр. А. П. Шувалову. В «Сказках» в сильной степени обнаруживается влияние Сумарокова. В 1769—70 Аблесимов сотрудничал в «Трутне» *Новикова*, где поместил несколько сатирических произведений — «Былей», без подписи или же под псевд. Азасес Азасесов. В 1769 Аблесимов написал комедию в пяти действиях «Подьяческая пирушка». Комедию, вследствие интриг писателя *В. И. Лукина*, постигла неудача: ее не удалось ни поставить на сцене, ни напечатать, она так и осталась ненапечатанной, и рукопись ее потеряна. До к. 70-х Аблесимова знали только небольшие литературные круги. В 1779 Аблесимов сразу делается чрезвычайно популярным в самых широких слоях общества. Эту известность дала Аблесимову комическая опера «Мельник, колдун, обманщик и сват», поставленная первый раз на сцене в Москве, 20 янв. 1779; музыка была составлена из русских песен Соколовским. «Мельник» имел большой успех, постоянно ставился в Москве и Петербурге и не сходил с русской сцены до 30-х XIX столетия. Напечатанный впервые в Москве, в 1782, «Мельник» появился в 1783 в «Российском Феатре» и выдержал много изданий (последние — М., 1890 и СПб., 1900). Ободренный успехом «Мельника», Аблесимов вслед за ним написал еще две комические оперы: «Счастье по жребию» (М., 1780) и «Поход с непременных квартир». Первая несоизмеримо слабее «Мельника», рукопись второй утрачена. «Счастье по жребию» не имело никакого успеха, и его не удалось поставить на сцене. «Поход с непременных квартир»

был поставлен на сцене и, по свидетельству «Драматического Словаря» 1787, пьеса «была довольно хорошо принята публикой; сочинитель показал в одной пьесе подробно все солдатские нужды, как искусившийся в сей части». В 1780 Аблесимов выступил с аллегорическим диалогом «Странники», написанным для открытия Петровского театра в Москве. В 1781 Аблесимов, при содействии Н. Новикова, стал издавать маленький сатирический еженедельный журнал «Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или Когда кому делать нечего». Аблесимов потратил массу энергии на журнал, заполняя его почти одними своими произведениями. «Рассказчик» успеха не имел и должен был прекратиться, просуществовав всего один год. Аблесимов — по преимуществу сатирик, но довольно крупной его заслугой является только «Мельник», где меньше всего сатирического элемента. Первые сатирические произведения Аблесимова — «Сказки» и «Были» — по своему достоинству выше следующих. Начав литературную деятельность в тисках *классицизма*, Аблесимов уже в первых своих произведениях проявил элементы народности и реализма. Тяготение к жизни, народности и реализму особенно ярко вылилось в «Мельнике»: здесь изображен крестьянский быт, народные нравы, введен народный язык, много места уделено народной песне. Исследователи находят в «Мельнике» подражание французским комическим операм. Русские подражания французским комическим операм уже были в России до появления «Мельника». Французская комическая опера рисовала народ и народную жизнь в сильно приукрашенном виде. То же самое нужно сказать и о русской комической опере, не исключая и «Мельника». Тем не менее комические оперы нанесли серьезный удар классицизму, и в этом видную роль сыграл «Мельник» вместе с «Деревенским праздником» *В. Майкова*, «Несчастьем от кареты» и «Сбитенщиком» *Княжнина*, «Анютой» Попова, «Розальтом и Любимой» Николаева и др. Сочинения Аблесимова изданы *Смирдиным* в 1849 в одной книге с сочинениями *Кострова*.

А. Фолин

АБРАМОВ Федор Александрович (29.02.1920—14.05.1983), писатель. Родился в д. Веркола Архангельской обл. в многодетной крестьянской семье, рано потерял отца; помогая матери, с шести лет занимался крестьянской работой; начальную школу (в Верколе) окончил первым учеником, но, несмотря на это, при переходе в среднюю школу возникли трудности. Абрамов был из середняцкой семьи, и его не сразу перевели

в следующий класс. Уже в 9—10 классах Абрамов пробовал свои силы в литературном творчестве. Его первое стихотворение было опубликовано в районной газете в 1937. Однако к мысли стать профессиональным писателем Абрамов пришел не сразу. После окончания Карпогорской средней школы в

1938 Абрамов поступает на филологический факультет Ленинградского государственного университета, учебу в котором пришлось оставить с началом Великой Отечественной войны: в 1941 записывается добровольцем в народное ополчение. Дважды был ранен, причем во второй раз только чудом избежал гибели. В 1942, оказавшись после второго ранения на Большой земле, Абрамов посещает родную деревню: впечатления от этой поездки лягут в основу будущих произведений писателя. Как «нестровик», Абрамов был оставлен в тыловых частях.

Служил заместителем политрука роты, учился в военно-пулеметных частях, затем был направлен в контрразведку «Смерш» (смерть шпионам). После победы Абрамов возвращается в университет, поступает в аспирантуру (1948), успешно защищает кандидатскую диссертацию по творчеству М. Шолохова (влияние М. Шолохова на Абрамова впоследствии будут отмечать критики). К этому времени относится публикация статьи о космополитизме в советской литературе и написанной Абрамовым в соавторстве с Н. Лебединским и направленной против ряда еврейских литературоведов. Чуть позже Абрамов становится зав. кафедрой советской литературы при Ленинградском университете, в соавторстве с В. В. Гурой выпускает книгу, посвященную М. Шолохову («М. А. Шолохов. Семинарий», 1958).

Творчество Абрамова неразрывно связано с Пинежским краем, с Верколой. Действие многих его произведений разворачивается в д. Пекашино, «прототипом» которой является Веркола. Абрамов создает своеобразную художественную хронику, видя в жизни этой небольшой деревни отражение судеб всего русского народа.

Обращение к теме русской деревни, новый для послевоенной литературы взгляд на граничащую с современностью историю России поставили Абрамова в ряд наиболее значимых фигур русской литературы 60—70-х. В своем подходе к литературе Абрамов ощущал близость творчеству таких писателей, как В. Белов, В. Распутин, С. Залыгин, Е. Носов, Б. Можжев, В. Афанасьев.

Первый роман Абрамова «Братья и сестры», посвященный жизни русской деревни в военные годы, вышел в свет в 1958. Причину его появления Абрамов объяснил невозможностью забыть «великий подвиг русской бабы, открывшей в 1941 году второй фронт, фронт, быть может, не менее тяжелый, чем фронт русского мужика». Позднее это произведение даст название циклу, в который войдут еще три романа: «Две зимы и три лета», «Пути-перепутья», «Дом». Первоначальное название тетралогии «Пряслины», выводя на первый план повествование о пекашинской семье Пряслиных, несколько сужало замысел автора.

«Братья и сестры» создавались с желанием оспорить доминирующую в литературе 40—50-х точку зрения на русскую деревню как на край благополучия. Роман оказался практически подтверждением позиции, высказанной Абрамовым в статье «Люди колхозной деревни в послевоенной литературе» (1954). В этом своеобразном манифесте Абрамов подверг резкой критике «Кавалера Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Зарю» Ю. Лаптева, «Жатву» Г. Николаевой — произведения, признанные официальной критикой в качестве образцовых. Абрамов предъявил литературное требование — показывать «правду и нелюбимую правду».

Выходя за рамки дозволенного цензурой, размышления Абрамова о деревне подчас оказывались рискованными. Так, очерк «Вокруг да около» (1963), в основу которого положен рассказ о дне председателя колхоза, был признан идейно порочным, а редактор журнала «Нева», где очерк был напечатан, снят с работы.

В 1968 Абрамов опубликовал роман «Две зимы и три лета», посвятив его трудной судьбе послевоенного Пекашина. Абрамов исследует жизнь деревни на разных социальных уровнях. Его интересует как простой крестьянин, так и человек, поставленный управлять людьми. Облегчение, на которое надеялись пекашинцы, ожидая победы, не пришло. Кровно связанные общей целью, еще недавно они были как «братья и сестры». Теперь автор сравнивает деревню с кулаком, каждый палец которого хочет своей жизни. Непомерные государственные обязательства, голод, отсутствие устойчивого быта подводят героев Абрамова к мысли о необходимых переменах. Михаил Пряслин (герой, очень близкий Абрамову) в конце романа задается вопросом: «Как жить дальше? Куда податься?» Сомнения и надежды героя, размышляющего о будущем в финале романа, воплощаются в символическом образе вспыхнувшей и «рассыпавшейся» звезды.

Действие романа «Пути-перепутья» (1973) разворачивается в н. 50-х. Это еще один эпизод из истории Пекашина. Абрамов показывает негативные изменения в характере русского крестьянина. Государственная политика, не позволяющая труженику воспользоваться результатами своего труда, в конце концов отучила его работать, подорвала духовные основы его жизни. Одной из важнейших тем в романе оказывается судьба руководителя колхоза, который попытался изменить установившийся порядок — дать крестьянам выращенный ими же хлеб. Противозаконное действие повлекло за собой арест. Серьезным испытанием для пекашинцев становится письмо в защиту председателя, которое им необходимо подписать: лишь немногие способны совершить этот нравственный поступок.

Роман «Дом», заключительный в тетралогии «Братья и сестры», появился в 1978. Он посвящен современной автору действительности — деревне 70-х. «Дом» — одно из важнейших понятий для Абрамова, заключающее в себе все пласты человеческого существования — личную жизнь семьи, общественную жизнь деревни, положение России в целом. Отдавая себе отчет в неблагополучии русского народа, Абрамов все же ищет тех его представителей, которые позволят сохранить надежду на возрождение исконного русского характера, попытаются заново отстроить полуразрушенный историей «дом».

Работу над крупными произведениями Абрамов сочетал с написанием небольших рассказов и повестей. Причем благодаря неоднократному обращению к текстам, этот процесс порой растягивался надолго: «Мамониha», 1972—80; «Трава-мурава», 1955—80; «Самая счастливая», 1939—80. Парал-

тельно Абрамов был занят публицистикой, выступал на телевидении и радио.

Некоторые произведения Абрамова не дошли до читателя при жизни автора. Наиболее важное из них — повесть «Поездка в прошлое», задуманная еще в н. 60-х, увидела свет только в 1989. Последнее значительное произведение Абрамова «Чистая книга» — итог размышлений писателя над судьбами России — так и осталось незавершенным.

Соч.: Собр. соч.: В 6 т. Л., 1990—95; Собр. соч.: В 3 т. Л., 1980; Чем живем-кормимся: Очерки. Статьи. Воспоминания. Беседы. Интервью. Выступления. Л., 1986.

Лит.: Крутикова-Абрамова Л. Дом в Верколе: Документальная повесть. Биографические материалы, дневники Ф. Абрамова. Л., 1988.

В. Вьюгин

АВВАКУМ ПЕТРОВ, протопоп (20.11.1620—14.04.1682), мыслитель, писатель, публицист. Родился в с. Григорово под Н. Новгородом в семье священника. В 1638 женился на 14-летней Анастасии Марковне, которая на всю жизнь стала его верной спутницей и матерью восьми их детей. В 1642 был рукоположен в дьяконы. В 1652 был возведен в протопопы, т. е. старшие священники. В конце того же года начинает служить в Москве в Казанском соборе. В эти годы Аввакум принимает участие в кружке «ревнителей благочестия», или «боголюбцев», который возглавлял царский духовник Стефан Вонифатьев. В этот же кружок входил нижегородский митрополит и будущий патриарх Никон. Единство взглядов протопопа Аввакума и Никона в этот период подчеркивает и тот факт, что подпись Аввакума стоит под челобитной царю с просьбой назначить Никона патриархом. Став в 1652 патриархом, уже в следующем 1653 Никон предпринял первые шаги по осуществлению церковной реформы. Протопоп Аввакум оказался в числе самых ярых противников реформы, а вскоре вообще становится лидером движения «древлего благочестия», объединившим всех, кто выступал за сохранение старой веры. Осенью того же года он был арестован и сослан в Тобольск, вместе с семьей, до 1655. От более сурового наказания — расстрижения — его спасло лишь заступничество царя. С 1656 по 1661 Аввакума с его семьей по Новому указу Никона включили в состав отряда сибирского землепроходца Афанасия Пашкова, и они были вынуждены пройти вместе с ним тяжелейший многолетний путь от Енисейска до устья р. Нерчи. Несгибаемый протопоп продолжал свою активную проповедническую деятельность и постоянно вступал в конфликты с церковными и светскими властями. Подвергался наказаниям — вплоть до заключения в холодную башню и битья кнутом.

В н. 60-х отношение власти к ссыльным старообрядцам ненадолго изменилось, — отправив в опалу Никона, государь решил вернуть некоторых из них в Москву. Возвращение Аввакума продолжалось 3 года (1661—64). В мае 1664 Аввакум оказался в Москве. Царь встретил бывших ссыльных ласково. Аввакум знакомится с *Епифанием Славинецким* и *Симеоном Полоцким*, ведет с ними богословские споры. Однако, увидев, что Алексей Михайлович, отлучив от себя Никона, не собирается отменять реформы, он вновь восстал за старую веру. В итоге в авг. 1664 его с семьей ссылают на север в Пустозерск.

До Пустозерска они доехать не успели, их задержали в печорском г. Мезени. 1 марта 1666 Аввакум был возвращен в Москву на Церковный собор. На заседаниях собора он вел бурную полемику, но решения собора были суровы: Аввакума и его соратников расстригли и предали анафеме, мно-

гим урезали языки. Анафему наложили и на старые обряды. В к. 1667 Аввакума и 4 его сподвижников (священников Никифора и Лазаря, дьякона Федора и инока Епифания) вновь сослали в Пустозерск, где заточили в земляную тюрьму. Из земляной тюрьмы Аввакум продолжал рассылать многочисленные послания своим сторонникам, защитникам старой веры, ободрял их и поддерживал. В н. 80-х начались новые гонения на старообрядцев. 14 апр. 1682 протопоп Аввакум вместе с 3 своими союзниками был казнен сожжением в срубе.

Протопоп Аввакум. Старообрядческая икона XVII в.

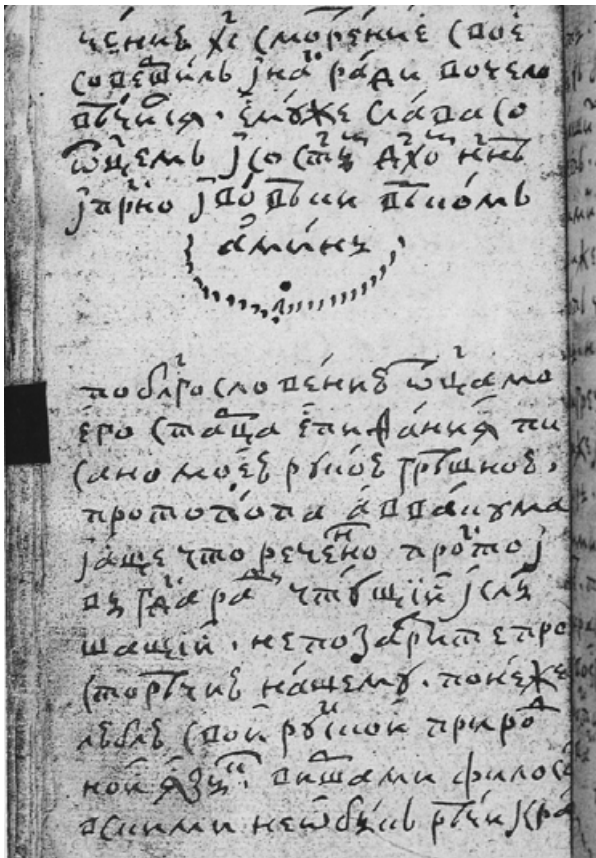
Аввакум — автор более 80 литературных и публицистических произведений. «Книга бесед», написанная в 1669—75, содержит 10 *бесед* о сути расхождений между старообрядцами и сторонниками церковной реформы. «Книга толкований» (1673—76) содержит толкования на различные библейские тексты. «Книга обличений, или Евангелие вечное» (1679) — результат догматического спора Аввакума с дьяконом Федором по ряду богословских вопросов. Перу Аввакума также принадлежат разнообразные послания и челобитные. Самое значительное его сочинение — «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», которое считается выдающимся памятником литературы XVII в. Все эти произведения проникнуты одной главной идеей — защитой старой веры.

Анализ сочинений протопопа Аввакума позволяет сделать вывод, что споры по поводу обрядовой стороны жизни Русской православной церкви были лишь средством выражения более глубоких противоречий. Главное противоречие — старообрядцы и сторонники церковной реформы по-разному видели цели и пути дальнейшего развития России.

А. С. Елеонская в своем исследовании публицистики старообрядчества предложила использовать 2 образа, со-

отнесенных друг с другом по принципу антитезы: «чужая земля» и «свое отечество». Думается, что эти образы, как никакие другие, хорошо подходят для обозначения указанного нами глубинного противоречия, как его понимал сам протопоп Аввакум.

«Никонианская» Русь — это и есть «чужая земля», или, иначе, «земля варваров», отринувшая все традиционное и устоявшееся. Здесь царит «озлобления много», обитают «враги благочестия», а предводительствует сам «сатана». Для более образного выражения Аввакум изображает эту страну в виде дремучего леса, из которого бегут, «утекают» праведники. Больше того, «чужую землю» он сравнивает с огромной темницей, где беспрестанно «льется кровь мученическая», и даже с могилой: «Воистину и на свободе люди те в нынешнее время равны с погребенными. Во всех концах земли ох и рыдание, и плач, и жалость».

Автограф протопопа Аввакума.
«Пустозерский сборник», 1675

Центральной фигурой, главным виновником превращения России в «чужую землю» оказывается царь Алексей Михайлович. Патр. Никон — это соавратитель царя, а затем лишь исполнитель его воли. Сам же Алексей Михайлович — тиран, «мучитель и гонитель», подчиняющий себе людей «насилием и властью»: «А ты, никониян, чем похвалишься? — вопрошает Аввакум царя. — Скажи-тко? Антихристом своим нагим разве да огнем, да топором, да виселицею». Обличая самовластие государя, Аввакум часто использует своего рода эзопов язык. Не называя его имени, он уподоб-

ляет Алексея Михайловича наиболее жестоким библейским царям — Саулу, Навуходоносору, Максимияну, Озии.

Однако необходимо иметь в виду, что Аввакум, да и все старообрядцы, не обличали принцип самодержавного правления как таковой. Более того, все они исходили из идеи божественного происхождения царской власти, а самого царя рассматривали как истинного Помазанника Божиего. И не случайно в спорах царя и патр. Никона о праве «царства» и «священства» Аввакум всегда и последовательно занимал сторону царя. Да и в отношении самого царя Аввакум долгое время сохранял надежду, что он одумается и вернется к старой вере.

Проблема заключалась в другом — в истинности царя. Предавший старые обряды царь — это изменник истинной веры и, следовательно, он теряет право быть царем.

Резко возросшее влияние западноевропейской культуры («немецкие поступы», «польские обычаи», «латинство») делает «никоновскую» Русь окончательно «чужой землей». Введение новых церковных обрядов рассматривалось Аввакумом как наступление католичества на Православие. Даже освоение иностранных языков вызывает неприятие Аввакума, ибо обитатели «чужой земли» в этом случае становятся чуждыми собственному народу: «Умешь многи языки говорить: да што в том прибыли? С сим веком останется здесь ... кирьелесион-от оставь; так еллена говорят; плюнь на них», — укоряет Аввакум государя. И восклицает: «Ох, ох, бедная Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев!»

Еще большее неприятие Аввакума вызывает заимствование с Запада «внешней мудрости» — светской науки. Уже говорилось, что основное противоречие в данном случае лежало в разных системах мышления старообрядцев и «латинствующих». Если последние старались привить на русской почве рационалистическое мышление с его опорой на знание, то первые защищали традиционный для древнерусского сознания принцип религиозно-мистического постижения Божиих тайн. Совсем не случайно протопоп Аввакум постоянно ссылается на авторитет Псевдо-Дионисия Ареопагита, а также на святоотеческую литературу, в которой, как известно, научно-рациональное знание последовательно отрицалось. Вслед за отцами церкви Аввакум видит в «еллинских философах» язычников, а в более современных западноевропейских ученых авторитетах — еретиков. Так, он утверждал, что «ритор и философ не может быть христианин, что «ни на праг церковный ритор и философ достоин внити». А сам же с гордостью утверждает: «Аз емь ни ритор, ни философ, дидакалства и логофетства неискусен, простец человек и зело исполнен неведения». Следовательно, неприятие «западной» учености в любом ее виде — это принципиальная позиция Аввакума.

Не совместимыми с «чистой верой» Аввакум считает учения Сократа, Платона, Протагора, Диагора Милисийского. «Нынешних философов», под которыми Аввакум, очевидно, понимал «латинствующих», он называет «песьими сынами». А тех родителей, которые отдают детей учиться философии, риторике и диалектике, он обвиняет в том, что они обрекают детей на «вечную погибель».

В итоге образ «чужой земли» связывается Аввакумом непосредственно с антихристом, этим «врагом человеческим», символом мирового зла.

Вообще старообрядцы создали собственную теорию об антихристе, ибо отказ от старой веры они воспринимали исключительно как дьявольское деяние, приближающее наступление конца света. Впрочем, этот вопрос решался

ими по-разному. Так, монах Ефрем Потемкин учил, что антихрист уже явился и есть не кто иной, как патриарх. В «Житии инока Корнилия» антихристом назван сам царь.

И все же большинство ранних учителей старообрядчества считали, что царство антихриста еще не наступило, а царь и патриарх — это лишь его предтечи. В трактовке протопопа Аввакума, Никон и царь Алексей Михайлович также непосредственные предшественники антихриста — «войско антихристово», «слуги антихристовы». В одном из своих произведений Аввакум рисует яркий образ антихриста, явившегося ему во сне в виде «нагого человека», «огнем дышит, изо рта, из ноздрей и из ушей пламя смрадное исходит». За спиною же антихриста — «царь наш последует и власти со множеством народа». Следовательно, «чужая земля» — это место, где уже властвуют предтечи антихриста.

Образ «отечества», в отличие от образа «чужой земли», по мнению А. С. Елеонской, более расплывчат и иллюзорен: «То он возникает как мечта о справедливом государстве, то сводится к замкнутому братству верных, то и вовсе ассоциируется с райским блаженством».

«Свое отечество» в трактовке всех идеологов раннего старообрядчества и в понимании протопопа Аввакума в частности ассоциируется с прошлым, с той Россией, которая была единственной в мире хранительницей истинной православной веры. Именно благодаря своей вере Россия заняла выдающееся место в мире и была «сподоблена благодати». В этом отношении особенно важной для старообрядцев была идея России как «Третьего Рима», всех в мире превосходящей своим благочестием, а русский царь считался единственным во всей вселенной истинным христианским царем. Эта Русь и мыслилась Аввакумом в качестве своеобразного идеала.

Одним из символов истинной Руси протопоп Аввакум видел «непорочные» книги, напечатанные «словенским» языком. Вообще «старые» книги, которые власть насильственно изымала из повседневного обихода, становятся уже в ранний период старообрядчества единственной связующей нитью между небольшим числом «верных» и прошлой истинной Россией. Кстати, подобное благоговейное отношение к «старым» книгам сохранялось в старообрядческой среде и впоследствии.

Еще одной важной характеристикой «своего отечества» в творчестве Аввакума становится идея равенства. Это равенство определено уже самим устройством Вселенной, поэтому в «своем отечестве», где всем «одинаково светит» солнце, все равны перед Богом: «Если богатому кланяешься в пояс, то нищему поклонись в землю». Более того, Аввакум утверждает, что «меньшие» наравне с «большими» имеют право решать те вопросы, от которых зависит и судьба отдельных людей, и судьба «отечества» в целом.

Подобное «отечество» могло существовать только как идеал, поэтому в условиях конкретно-исторических событий 2-й пол. XVII в. настоящим «своим отечеством» признается старообрядческая община. Многие послания Аввакума посвящены «верным» — тем, кто избрал путь подвижничества во имя «старой веры». Рассуждая о принципах существования «верных», протопоп Аввакум прежде всего призывает их осознать себя монолитным союзом. Цементирующим этот союз условием являются нравственные устои общины-«отечества». А в качестве примеров истинного «старовера» под пером Аввакума возникают образы его сподвижников. Особенно в этом отношении ярко образ боярыни Феодосьи Морозовой. Кстати, и самого Аввакума в старообрядческой литературе постоянно приводили в пример как истинного православного

человека, борца за веру. «Сильный Христов воевода противу сатанина полка», — так называет его одно из старообрядческих «Сказаний».

Мысль об избранничестве, особом пути, которым им надлежит идти, — пути страдания и мученичества о собственной «святости», свойственна всем пустоозерским узникам. Уже в ранней старообрядческой литературе возникает образ пророка-бойца, подвиги которого во имя правой веры сравниваются с подвигами библейских пророков.

Интересен еще один момент. Пророк-боец, исполнитель пророческой и апостольской миссии на русской земле, напрямую был связан с миром чуда. Уже говорилось о некоторых видениях Аввакума. Но Аввакум разворачивает эти сюжеты и в др. плоскости — он сам становится героем видений, явленных др. людям. Так, в одном из последних он рассказывает, что в то время, когда его «стригли на Моисее» и «ругали в соборной той церкви», образ его в сопровождении ликующих ангелов явился ученикам в далекой ссылке. Т. о., уже в раннем старообрядчестве формируется идея прижизненной святости старообрядцев как мучеников за веру. Эта идея была близка очень многим деятелям старообрядчества. Не случайно многие из них, так же как Аввакум, еще при жизни написали собственные «жития», которые, как известно, всегда создавались в России с прицелом на признание героя жития святым.

Боярыня Морозова навещает протопопа Аввакума в темнице

И, наконец, еще одно прочтение смысла «своего отечества» — образ, своего рода, рая. Под пером Аввакума мечта о таком «своем отечестве» приобретает черты прекрасной страны, полной света и благоухания. Прежде всего это мать-пустыня, где «жестокое житие Христа ради» терпели древние праведники и куда, «утекая от соблазнов», бегут

современники. Несмотря на все трудности, которые приходится претерпевать праведникам, ощущение праздничности не оставляет Аввакума. Здесь царит «веселие душевное»: монастыри, «яко крины процветоша», а праведники «упованием будущих благ веселятся». Сами жители пустыни сравниваются с поющими птицами и прежде всего с райской птицей сирином: «Святые отцы... со умилением и со слезами песнь Богу поют».

Следует обратить внимание на данное сопоставление: пустыня — рай. Образ «рая» нередко присутствует в произведении Аввакума. И это не случайно. Обуреваемый жаждой «жизни вечной», протопоп призывает своих сторонников не страшиться и терпеть множественные муки в земной жизни. В награду он обещает истинные райские кушчи. При этом христианские понятия и символы приобретают у него материализованное выражение. Так, рай в представлении Аввакума наполнен вполне материальными благами: «жилища и полаты стоят», а в палате — «стоят столы, а на них настлано бело. И блюда с брашнями (т. е. с едой) стоят...» Поэтому можно сделать вывод, что на мировоззрение Аввакума самое значительное влияние оказало народное понимание христианства. Даже сам стиль произведений протопопы построен на перемежении богословских понятий с народными, иногда очень крепкими, выражениями. Характер Аввакума был также страстен и противоречив. Он абсолютно не принимал своих противников, буквально ненавидел их, грозил им самыми страшными карами. И в то же время в посланиях к соратникам перед нами совершенно иной человек — добрый, нежный, отдающий всего себя заботе о ближних своих.

Соч.: Житие протопопы Аввакума, им самим написанное / Изд. под ред. Н. С. Тихонравова. СПб., 1861 (на обложке — 1862); Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Л., 1927. (Рус. ист. б-ка, Т. 39); Житие протопопы Аввакума, им самим написанное, и др. его соч. / Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960; Пустозерский сборник: Автографы соч. Аввакума и Епифания / Изд. подг. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975; Житие протопопы Аввакума, им самим написанное, и др. его соч. / Подг. текста и коммент. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, Н. С. Демковой, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина; Послесл. В. Е. Гусева. Иркутск, 1979; Пустозерская проза: Протопоп Аввакум. Инок Епифаний. Поп Лазарь. Дьякон Федор / Сост., предисл., коммент., пер. отдельных фрагментов М. Б. Плюхановой. М., 1989; Соч. Аввакума / Подг. текстов и коммент. Н. С. Демковой // Памятники литературы Древней Руси XVII в. М., Кн. 2. 1989.

С. Перевезенцев

АВГУСТИН (Виноградский) (6[17].03.1766—3[15].03.1819), архиепископ Московский и Коломенский, духовный писатель. Сын священника-иконописца, осиротел в восьмилетнем возрасте, учился вначале в Перервинской духовной семинарии под Москвой (с 1776), потом в *Славяно-греко-латинской академии*. С 1787 Августин — учитель латинской грамматики в Московском главном народном училище и в Перервинской духовной семинарии; с 1788 — учитель риторики и поэтики в Троицкой духовной семинарии. Августину покровительствовал, руководил его воспитанием и образованием Платон Левшин. 16 янв. 1794 Августин был пострижен в монахи и вскоре посвящен в иеромонахи и иеродиаконы. В 1792—95 Августин — учитель философии и проректор Троицкой духовной семинарии; с 1795 — ректор этой же семинарии и учитель богословия. С 1798 Августин — архимандрит Можайского Лужецкого монастыря, с 1801 — архимандрит Московского Богоявленского монастыря, с 1802 — архимандрит Московского Заиконоспасского мона-

стыря, цензор духовных книг, ректор Славяно-греко-латинской академии, а с 1804 — епископ Дмитровский и викарий Московской митрополии. С 1811 Августин управлял Московской митрополией в связи с болезнью митр. Платона. В 1814 назначен архиепископом Дмитровским, архимандритом Троице-Сергиевой лавры, в 1818 утвержден архиепископом Московским и Коломенским. Августин был вице-президентом Российского библейского общества, членом Московского общества любителей российской словесности, Общества врачебных и физических наук.

Как проповедник Августин основывался на нравственно-эстетическом истолковании Священного Писания. Во время нашествия Наполеона на Россию Августин произносил патриотические слова и речи перед народом и в присутствии Александра I и получил прозвание «Златоуста двенадцатого года» («При совершении годовичного поминовения по воинах, на брани Бородинской живот свой положивших» (М., 1813), «Слово на покорение Парижа, говоренное 23 апр. 1814» (не изд.), «Слово на заключение мира с Францией, говоренное 21 июня 1814» (не изд.)). Темы проповедей Августина нередко смыкаются с национально-историческими темами древнерусских воинских повестей.

Ю. Бегунов

АВДЕЕВ Михаил Васильевич (28.09[10.10].1821—1[13].02.1876), писатель. Родился в Оренбурге. Сын состоятельного уральского казака. Был со-

трудником журналов «*Современник*» и «Дело». Романы «Тамарин» (отд. изд. 1852), «Подводный камень» (1860), написанные в значительной мере в подражание романам *Лермонтова* и *Тургенева*, изображают т. н. лишнего человека и положение женщины в дворянском обществе. В более поздних романах («Меж двух огней», 1868, и др.) Авдеев выступает против либерально-массонских идей 60-х. В критических очерках («Наше общество в героях и героинях литературы за 50 лет (1820—70)», 1874, 2-е изд. 1907) Авдеев дает свою оценку развитию русской литературы XIX в.

Соч.: Соч. Т. 1—2. СПб., 1868—70; Соч. СПб., 1907.

АВДЕЕВА Екатерина Алексеевна (урожд. Полевая) (нояб. 1789—21.06[3.07], по др. сведениям — 21.07[2.08]. 1865), писательница, издатель русских народных сказок, автор книг по домоводству. Родилась в Курске в купеческой семье. Сестра *Н. А. Полевого* и *К. А. Полевого*. Жила в Иркутске. Систематического образования не получила, но с детства увлекалась чтением.

Писать начала поздно. Первый труд Авдеевой «Записки и замечания о Сибири. С приложением старинных русских песен» (М., 1837) отмечен наблюдательностью, знанием патриархального народного и купеческого быта, ясностью и выразительностью языка, — дал основание называть Авдееву первой сибирской писательницей. Этнографический характер носят и ее «Записки о старом и новом русском быте» (СПб., 1842) с предисловием *Н. Полевого*, высоко ценившего личность сестры и признававшего

за ней несомненные литературные способности; «Записки» состоят из очерков, частично опубликованных в журналах «Дерпт и окрестности», «Воспоминания о Курске», «Одесса», «Иркутск», «Заметки о родной старине». В обеих книгах русские обычаи (обряды свадеб, похорон, крестин, поминок), нравы, суеверия и предрассудки, картины быта описаны Авдеевой живо и подробно, с пристальным интересом к их национальным истокам, с нередкими сравнительными областническими параллелями.

Разделяемое с Н. Полевым убеждение в необходимости сохранения коренных начал национальной жизни привело Авдееву к созданию первых в России чрезвычайно популярных хозяйственных книг: «Русская книга русской опытной хозяйки...» (СПб., 1842; 11-е изд. СПб., 1877), «Карманная поваренная книга» (СПб., 1846; 9-е изд. СПб., 1871), «Полная хозяйственная книга... с прибавлением домашнего лечебника и домашнего секретаря» (ч. 2—4, СПб., 1851) и др., одушевленных мыслью о благоустроенном быте среднего сословия русского общества. Особую роль отводила Авдеева следованию традициям русской национальной кухни, «извлеченной опытом столетий» и оправданной «местностью, климатом, образом жизни» (предисловие к «Ручной книге...» 4-е изд. СПб., 1844). Недостатки женского образования в России, носящего, по ее мнению, кастовый характер, она пытается восполнить своеобразной демократической наукой домоводства, основанной на идеале патриархальной семьи. Авдеева создает своего рода энциклопедию практических советов и рекомендаций на все случаи жизни; ее сочинения «в хозяйственном быту сделались необходимыми почти как хлеб и соль».

Авдеевой принадлежит заслуга отбора и литературной записи вошедших в фонд детской классики русских народных сказок «Волк и коза», «Колобок», «Кот, лиса и петух», «Волк и лиса» и др., которые со времени выхода ее книги «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотье Степановну Черепьево» (СПб., 1844; 8-е изд. СПб., 1881) и до настоящего времени — неперемнная часть начального детского чтения; сказки Авдеевой — «первая подлинная запись из уст народа» (В. Пронн). А. Н. Афанасьев использовал сказки Авдеевой в своих выпусках «Народных русских сказок» (вып. 1—8, М., 1855—63).

Авдеевой подготовлен «Русский песенник, или Собрание лучших и любимейших песен, романсов и водеvilных куплетов известных писателей» (ч. 1, СПб., 1848).

С. К.

АВДЕЕНКО Александр Остапович (8[21].08.1908—1996), писатель. Родился в Макеевке в семье рабочего-шахтера. В детстве был беспризорным. Работал в шахтах Донбасса, на строительстве Магнитогорска. Первый роман «Я люблю» (1933) во многом автобиографичен; в нем изображен трудный путь подростка-беспризорника. Герой романа «Судьба» (1936), в прошлом крестьянин, участвует в строительстве Магнитогорска. В романе «Груд» (1951) нарисована жизнь донецких шахтеров в сер. 30-х. Военно-приключенческие повести «Над Тиссой» (1954) и «Горная весна» (1955) изображают жизнь пограничников. Книга воспоминаний «Отлучение» (1989).

«**АВДОТЬЯ РЯЗАНОЧКА**», название одной из песен о полоне, по своим жанровым признакам причисляется к историческим балладам. Отличается четко выраженным повествовательным характером, драматической напряженно-

стью, вниманием к индивидуальной человеческой судьбе. В «Авдотье Рязаночке» создан героический образ русской женщины, который, вне всякого сомнения, можно поставить в один ряд с героическими образами русских богатырей. Авдотья Рязаночка проходит все «заставы великие» — разбойников, зверей, «темны леса» — и выручает «народ полоненный». Она совершает такой же богатырский подвиг, как и «молоденький Добрыня», освобождающий Забаву Путятичну и русский полон.

В «Авдотье Рязаночке» несомненна и историческая основа — связь с трагическими событиями разорения Рязани в 1237, первой принявшей на себя удар Батыевой рати. Этим же событиям посвящена знаменитая древнерусская «Повесть о разорении Рязани Батыем», в которой воссозданы 2 героических образа — *Евпраксии* и *Евпатия Коловрата*. Причем многие исследователи выделяют фольклорную основу этих «вставных» сюжетов, считая их историческими песнями или былинами, включенными в состав рязанского летописного свода, как былины об *Алеше Поповиче* вошли в летописные «Сказания об Александре Поповиче». Ценность «Авдотьи Рязаночки» состоит именно в том, что она сохранилась в устной песенной традиции, ее сберегла и пронесла сквозь века народная память. Хотя в самой песне упоминается Казань, а не Рязань, Бахмет Турецкий, а не Батый. Такие «замещения» тоже характерны для народного эпоса, когда изменялись внешние приметы времени, но сохранялась суть явлений. И в данном случае неизменным осталось само имя Авдотьи Рязаночки и ее подвиг — освобождение русского полона.

«Авдотья Рязаночка» получила широкую известность в стихотворной обработке писателя *Б. Шергина*.

В. К.

АВЕНАРИУС Василий Петрович (10.10.1839—9.11.1923), писатель, поэт, автор популярных фольклорных сборников для детей, жизнеописаний писателей-классиков. Из дворян. Родился в Царском Селе. Окончил математический

факультет Петербургского университета (1861). С 1862 по 1908 на государственной службе. Первый поэтический сборник — «Стихотворения» (вып. 1—2, СПб., 1859; вып. 3, СПб., 1860) остался незамеченным.

Обратил на себя внимание антинигилистическими повестями «Современная идиллия» (1865) и «Поветрие» (1867), вошедшими в книгу «Бродящие силы» (СПб., 1867). «Для обнаружения всего безобразия нравственной распушенности пришлось волей-

неволей прибегнуть к фактическому описанию этого безобразия», — отмечал Авенариус в ответ на критику, упрекавшую его за «повальное обвинение целого поколения в негодяйстве». Большую известность повестям Авенариуса принесла справедливая критика нигилиста Н. Чернышевского, призывавшего громить православную Россию. Нигилисты, считавшие себя «законодателями общественного мнения», обрушились на Авенариуса с клеветой и угрозами. В 70-е начал писать для детей, тесно сотрудничая с

детскими журналами: «Родник», «Детское чтение», «Задуманное слово». Составил и издал популярные фольклорные сборники «Книга о киевских богатырях» (СПб., 1876), «Книга былин» (СПб., 1880). Плодотворно работал в жанре биографических повестей: «Отроческие годы Пушкина» (СПб., 1885), «Юношеские годы Пушкина» (СПб., 1888), «Ученические годы Гоголя» (СПб., 1897–99) и др. Автор пьес для детей, научно-фантастической прозы.

АВЕРКИЕВ Дмитрий Васильевич (12.10.1836–20.01.1905), мыслитель, драматург, театральный критик, публицист. Из купеческой семьи. В 1854 окончил Коммерческое училище в Петербурге, в 1859 — физико-математический факультет С.-Петербургского университета.

Выйдя из патриархальной купеческой семьи, воспитываясь под влиянием двух дедов, больших приверженцев русской старины, Аверкиев с ранних лет проникся любовью к национально-русской традиции и неприятием либерально-космополитической идеологии. Попытки т. н. революционных демократов и нигилистов вернуть Россию с ее исторического пути вызвали со стороны Аверкиева гневную отповедь. В своих произведениях он противопоставлял богатство и высокую духовную ценность русского мировоззрения западническому, мелкотравчатому эпи-

гонству российских нигилистов. Бескомпромиссный противник нигилистов, Аверкиев вызывал у них особенную ненависть за свой яркий талант и большую популярность. Противники русской цивилизации называли Аверкиева «мракобесом и сикофантом», понимая, что ничего не могут противопоставить превосходству устоев русской старины, их нравственной мощи и красоте.

Аверкиев был одним из ярких представителей православно-патриотического движения. С 1894 он деятельный сотрудник журнала «*Эпоха*» Ф. М. Достоевского, где опубликовал статью «Значение Островского в нашей литературе» (1864, № 7) и некролог «А. А. Григорьев» (1864, № 8), вел полемику с Н. И. Костомаровым о значении Куликовской битвы и опубликовал пьесу в стихах «Мамаево побоище» (1864, № 10). В 1868 в Александринском театре в бенефис В. В. Самойлова с большим успехом прошла «Комедия о российском дворянине Фроле Скобееве и стольничьей, Нардын-Нашокина, дочери Аннушке», получившая высокую оценку Ф. М. Достоевского за историческую достоверность. Прочный успех на петербургской и московской сценах имела его историческая драма «Каширская старина» (1871–72). В 1877–78 Аверкиев опубликовал в «*Русском вестнике*» серию статей по теории драмы (отд. изд. «О драме. Критические рассуждения». СПб., 1893, 1907). В 1885–86 по примеру Ф. М. Достоевского издавал журнал «Дневник писателя», в котором сам же и был автором почти всех материалов. Автор «Повестей из современного быта», в которых затрагивал актуальные темы антинигилистической беллетристики.

Соч.: Драммы. Т. 1–3. СПб., 1887–96, 1906; Повести из старинного быта. Т. 1–2. СПб., 1898.

АВЕРЧЕНКО Аркадий Тимофеевич (15[27].03.1881—12.03.1925), писатель, драматург, театральный критик. Родился в Севастополе. Сын мелкого торговца. По свидетельству Аверченко, из-за отсутствия в семье денег первоначальное образование получил дома с помощью старших сестер.

С 1908 — сотрудник, позже редактор юмористического журнала «Сатирикон», затем редактор «Нового сатирикона» (с 1913). В юмористических рассказах и фельетонах Аверченко высмеивал пошлость буржуазного быта (сб. «Веселые устрицы», 1910, и др.). Писал также юмористические пьесы-миниатюры, ставившиеся в театрах. После 1917 эмигрировал во Францию. Книга рассказов эмигрантского периода «Дюжина ножей в спину революции», 1921) имела шумный успех во всем русском мире.

Соч.: Восемь одноактных пьес и инсценированных рассказов. СПб., 1913; Рассказы. Т. 1, 11-е изд. Пг., 1916. Т. 2 — Зайчики на стене. 10-е изд., Пг., 1916. Т. 3 — Веселые устрицы, 24-е изд., Пг., 1916; Осколки разбитого вдребезги. Л., 1926; Записки театральной крысы. Л., 1926.

АВРАМИЙ (в миру **Афанасий**) **Смоленский**, святой преподобный (сер. XIII (после 1146) — ок. 1219—1224), духовный писатель, проповедник. Родился в Смоленске в богатой благочестивой семье Симеона и Марии, бояр кн. Романа Ростиславича. Имея 12 дочерей и ни одного сына, родители вымолили Авраамия у Бога. Рождение его сопровождалось чудесными явлениями.

Отличался дарованиями, любил петь в храме. Окончил духовное училище, изучив греческий и латынь, святоотеческие труды и жизнеописания святых, которым мечтал подражать. После смерти родителей пожертвовал имущество церкви, облекся в ветхие одежды и стал странником, Христа ради юродивым. От той поры сохранилась пещера Авраамия и остатки посаженного им дуба. Принял иночество в Успенском монастыре в местности Селище (ныне с. Богородицкое), в 6 км от Смоленска. Более четверти века руководил работой переписчиков в монастырском скриптории, освоил искусство иконографии и гимнографии, писал *духовные стихи*. Рукоположен во иеромонаха епископом Смоленским Игнатием при кн. Мстиславе (Старом). Через 5 лет продолжил аскетические подвиги в Крестовоздвиженском монастыре Смоленска. Ежедневно совершая литургию, украсил обитель иконами собственного письма («Страшный Суд», «Мытарства небесные» и др.). Прославился вдохновенными проповедями на эсхатологические темы, послушать которые стекался весь город. Обличения пьянства вызвали раздражение в среде духовенства, а необычность всего облика Авраамия привела к обвинениям в чтении апокрифических книг и ереси (гностицизме). На суде в присутствии епископа и князя Авраамий опроверг все обвинения, но противники добились его заточения в Успенском монастыре. Последовали губительная засуха и эпидемия, воспринятые многими как Божий гнев за несправедный суд. Бедствия прекратились по молитвам Авраамия. Вскоре он был назначен архимандритом новоучрежденного в Смоленске Ризоположенского монастыря, в котором настоятельствовал до конца своих

дней, постоянно призывая братьев к покаянию и памятованию Страшного Суда. Преставился ок. 1219—24, память 21 авг./ 3 сент., вместе с учеником и деесписателем прп. Ефремом Смоленским († после 1237). Оба святые канонизированы на Макарьевском Соборе в 1549. Мощи их почитаются под спудом в Успенском монастыре, спрятанные во время польского нашествия в 1611. По мнению *С. Шевырева*, Авраамий является автором «Слова о Небесных силах, ради чего был сотворен человек».

Лит.: Редков Н. Н. Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом. Опыт историко-литературного исследования. Смоленск, 1909; *Розанов С. П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912.

В. Никитин

АВРААМИЙ ПАЛИЦЫН (в миру **Аверкий Иванович сын Палицын**) (ок. 1550—13.09.1626), духовный писатель. Родом из детей боярских Московского у., старинной служилой дворянской семьи. Ее родоначальником считался воевода Иван Микулаевич, выехавший на Русь из Литвы в 1378 и получивший среди москвитян прозвище «Палица», т. к. в бою предпочитал биться своим излюбленным видом оружия — железной палицей весом в полтора пуда.

К н. 90-х XVI в. Аверкий Палицын достиг чина воеводы, был «государевым посланником» на Русском Севере, участвовал в отражении набега крымцев. В 1587—88 по неизвестным причинам подвергся опале со стороны Бориса Годунова, был послан, а его имущество конфисковано. Не ранее 1597 он принимает монашеский постриг в Соловецком монастыре под именем Авраамия. В 1602 стал келарем (экономом) Соловецкого монастыря. В 1608 Авраамий Палицын становится келарем Троице-Сергиева монастыря и, фактически, вторым лицом в монастырской иерархии после архимандрита. Сам монастырь в то время был очень богат, поэтому келарь Авраамий приобретает значительное политическое и экономическое влияние на царя Василия Шуйского. Во время осады Троице-Сергиева монастыря польско-литовскими войсками в сент. 1608—января 1610 Авраамий, по распоряжению царя, находился в Москве. Здесь он, с одной стороны, добивался царской помощи для осажденных в монастыре, а с другой стороны, помогал продовольственному снабжению самой Москвы, неоднократно сбывая спекулятивные цены на хлеб. В 1611 Авраамий находился в Смоленске и принимал участие в переговорах с польским королем Сигизмундом, но вскоре вернулся в Троицу и вместе с тогдашним троицким архимандритом Дионисием стал соавтором патристических посланий, побуждавших русский народ бороться с польскими захватчиками. Эти грамоты оказали значительное влияние на общие национально-освободительные настроения в России, в частности, став одним из побудительных мотивов к формированию войск народного ополчения. Активно содействовал примирению и объединению разных ополченских формирований. Действенную помощь оказывал Авраамий Палицын и народному ополчению под командованием Минина и Пожарского, освободившему Москву. В 1613 принял участие в Земском соборе, на котором решался вопрос об избрании нового русского царя. Подпись Авраамия Палицына стоит под «Грамотой утвержденной» об избрании на царство Михаила Романова. В 1613—18 деятельно занимался восстановлением Троице-Сергиевой обители и монастырского хозяйства. В 1618 в течение года возглавлял монастырь. Летом 1620 Авраамий оставил обитель и последние 8 лет жизни он провел в Соловецком монастыре.

Авраамий Палицын — автор нескольких посланий, а также выдающегося в художественном отношении произведения о Смуте — «История в память предыдущим родом» (состоит из 77 глав), крайне популярного в XVII—XIX вв. (известно 226 ее списков). В первых главах этого сочинения (1—6) излагаются события от смерти Ивана Грозного до начала правления Василия Шуйского. Основную часть всей «Истории» составляет описание осады Троице-Сергиевой обители — с 7-й по 56-й главы (первая редакция). Прославление монастыря и подвига его защитников, спасших обитель от разорения, и составляло главную задачу всего труда Авраамия Палицына. Эти главы и стали наиболее популярными и наиболее читаемыми в России под названием «Сказание Авраамия Палицына». В главах с 57-й по 77-ю рассказывается о разорении и освобождении Москвы, об избрании на престол Михаила Федоровича и о вторжении польского королевича Владислава. По мнению исследователей, главы о Троицкой осаде появились не позднее 1617, а начальные и заключительные главы — в 1618—19. Находясь в Соловецком монастыре, Авраамий составил вторую редакцию своего сочинения, которая известна в трех списках.

В первых главах Авраамий подробно анализирует причины Смуты, толкуемые им как грехи русских людей перед Господом. В частности, первым грехом, по его мнению, стало убийство Борисом Годуновым молодого царевича Димитрия. Главный же грех — «всего мира безумное молчание» — трактуется Авраамием Палицыным как подавление общественной инициативы, обернувшееся своеобразным социальным эгоизмом. Ведь в решающий момент, оставшись без законного царя, «безумно молчащее» русское общество не смогло достойно перенести это испытание и распалось на отдельные противоборствующие группы, руководимые своекорыстными интересами. В итоге государство пришло в упадок, а безначальная русская земля «побрела розно». В этом и заключалась суть Божиего наказания, допустившего то, что Россия впала в пучину «самовластия» — «и сего ради попусти ны в самовластии быти».

Наибольшее внимание автор уделяет истории Троицкой осады. Как известно, Троицкая обитель еще с к. XIV столетия почиталась на Руси своего рода главным духовным центром, оплотом Божией благодати, а основатель монастыря прп. Сергей Радонежский рассматривался как один из основных небесных заступников за Русскую землю. Стоит напомнить, что именно Сергию Радонежскому было дано первое на Руси видение Богородицы, которая обещала преподобному свое покровительство монастырю. В период Смуты религиозно-мистическое значение Троицкой обители возросло еще более существенно. За осадой монастыря, продолжавшейся почти полтора года, с тревогой и надеждой следила вся Россия. Сражение под стенами обители рассматривалось как один из символических моментов борьбы между добром и злом. Падение Троице-Сергиевого монастыря для религиозно-мифологического сознания русских людей той поры было бы равнозначно исхождению благодати от Русской земли, — если Богородица отступила от монастыря, а прп. Сергей не может вымолить ее заступничества за свою обитель, значит, и Сам Господь отвернулся от России. Т. о., защита Троице-Сергиевого монастыря приобрела общенациональное значение.

Свидетельством того, что Господь продолжает заботиться о монастыре, а значит, и обо всей России, стали многочисленные чудесные видения, происходившие во время осады. Б. В. Кузнецов подсчитал, что по разным источникам можно найти, как минимум, 23 оригинальных

сообщения о видениях в Троицком монастыре во время осады. Основная часть этих сообщений — 18 рассказов — находится в «Сказании Авраамия Палицына».

Целью Авраамия Палицына было показать своим читателям, как божественные силы являли свою поддержку обители в трудные для нее времена. В описание тех или иных событий, происходивших в монастыре, Палицын органично включает и записи свидетельств о чудесных видениях. Причем видений удостаивались как защитники монастыря, так и осаждавшие. Первые всячески ободрялись явившимися к ним святыми, вторые же, наоборот, слышали в свой адрес грозные пророчества.

Центральной фигурой видений был прп. Сергей Радонежский. Именно прп. Сергей выступает своего рода организующим началом для др. русских святых, приводя их с собой, побуждая к молитве за спасение монастыря. Вместе с Сергием несколько раз являлся его ученик Никон, ставший игуменом Троицкого монастыря за полгода до смерти самого основателя. Приводит Сергей и др. бывших иноков — Михей, Варфоломей, Наума (Михей — это инок, который был свидетелем явления Сергию Богородицы; Варфоломей и Наум по др. источникам неизвестны). Обращается прп. Сергей и к московским чудотворцам с просьбой о молитве за монастырь. В одном же случае Сергей превращается в грозного начальника, — он распекает св. Серапиона Новгородского за неучастие в общей молитве святых Господу и Богородице, после чего Серапион раскаялся и вознес усердную молитву: «Отче Серапионе, почто умедлил еси принести моление ко всеилному Богу и Пречистой Богородице?»

Согласно «Сказанию Авраамия Палицына» цели явлений святых были разнообразны. Напр., одного из важнейших видений был удостоен тогдашний архимандрит монастыря Иоасаф. Усердно молящийся перед иконой Богородицы, он, оказавшись в «тонком сне», узрел прп. Сергия, поведавшего о том, что Божия Матерь продолжает оберегать обитель: «...Предстоит бо и молится Богу о обители и о вас Святая Пречистая Богородица и Приснодева Мариа с аггелскими лики и со всеми святыми». В др. случаях святые укрепляли волю защитников, ободряли их, предупреждали о возможных атаках противника, подсказывали, как вылечиться от болезней, и т. д.

Осаждавшие крепость войска множество раз были свидетелями различных страшных знамений и чудесных видений. В этом отношении сбывалось «жестокое» пророчество, данное Сергием Радонежским гетману, командующему войсками: «Молбу на вас, злодеевъ, сотворю вышнему Царю, и во веки осуждени будете мучитися в геонских муках».

Ополчался на осаждавших монастырь не только Сергей, но и архангел Михаил. После того, как во время обстрела был поврежден образ архангела Михаила, он явился архимандриту, «лицо его, как свет, сияло, в руке он держал скипетр» и говорил он противникам: «О врази лютери! Се ваша, незаконницы, дерзость и до моего образа доиде. Всесильный же Богъ воздасть вам въскоре отмщение». Стоит напомнить, что архангел Михаил считается предводителем ангельского воинства, архистратигом. Это самая грозная фигура в православной символике, самый «опасный» представитель небесных сил. К нему за помощью старались обращаться в случае крайней нужды. И в данном случае явление и обещание архистратига Михаила несомненно внушали большие надежды защитникам обители. Между прочим, на следующий день после угрозы архангела Михаила многие видели, как во главе отряда защитников монастыря оказался небесный всадник — «лице же его, яко

солнце, конь же под ним, яко молния блистаяся». Этот всадник помог захватить вражеские орудия, после чего исчез. Вскоре осаждавшие крепость видели под стенами старца на коне, который грозил им обнаженным мечом, а потом тоже исчез.

Реакция, как защитников монастыря, так и осаждавших его, на все эти видения была различна. Защитники монастыря в большинстве случаев к видениям прислушивались — служили молебны, исполняли указания. Впрочем, иногда и смеялись. Осаждавшие монастырь тоже в иных случаях реагировали на угрозы — переходили на сторону защитников, уводили войска из-под стен обители.

Чудесные видения, несомненно, сыграли немаловажную роль в защите Троице-Сергиевой обители, укрепляя дух ее защитников и являя им и всей России примеры Божиего покровительства. Защитники монастыря с честью выдержали осаду, укрепив соотечественников и вселив в их сердца надежду на общую победу. Спасение Троице-Сергиевой обители означало самое главное — Божия благодать продолжала сохраняться и над монастырем, и над всей Россией.

С. Перевезенцев

АВРАМОВ Михаил Петрович (1681—24.08[4.09].1752), писатель, издатель. Начал службу в должности подьячего Посольского приказа, которая предоставила ему прекрасную возможность овладения иностранными языками, в первую очередь латынью и польским. В 1697 был послан учиться в Голландию. В Амстердаме, где печатались первые русские книги в типографии, принадлежавшей Илье Копиевскому, Аврамов проходил курс обучения «типографским наукам». В 1702 возвратился в Россию и был назначен Петром I дьяком Оружейной палаты. Вскоре Аврамов был переведен в Петербург, где принял деятельное участие в основании в 1711 типографии. Тогда же он был назначен ее первым директором и занимал эту должность с перерывами до 1721; в 1721—24 служил в Берг-коллегии.

В 1712 были изданы (с гравюрами А. Зубова) написанные Аврамовым после окончания Прутского похода приветственные стихи Петру I, в которых он прославлялся как полководец, победитель шведской армии. Во время директорства Аврамова в Петербургской типографии были напечатаны такие известные издания, как «Книга Марсова или воинских дел» (1713), «Книга мировоззрения, или Мнение о небесно-земных глобусах и их уклонениях» (1717) — перевод сочинения Хр. Гюйгенса. В 1716 Аврамов занимался русской историей. Он собирал материалы «с начала бывшия Российского государства истории» до 1712. Но работа не была закончена, как позднее объяснял сам Аврамов, «за краткостью ума».

После воцарения Петра II Аврамов сблизился с консервативными кругами и публично обличал реформы Петра I, обвинял *Феофана Прокоповича* в еретичестве и пособничестве «нечестивым царям». Открытия Коперника он называл «кознями врага рода человеческого и сатанинским коварством». За открытые выступления против выскопоставленных лиц арестован и препровожден в Тайную канцелярию, где им была написана автобиография, пронизанная духом самоуничужения и религиозности. За проект восстановления патриаршества, поданный Анне Иоанновне в 1732, Аврамов был заточен в Иверский монастырь. По его делу, которое продолжали рассматривать в Тайной канцелярии, в 1738 был вынесен приговор о ссылке Аврамова в Охотск. В 1741 после восшествия на престол Елизаветы Петровны он был возвращен из ссыл-

ки. Вскоре Аврамов выступил с многочисленными проектами и предложениями: он ратовал за восстановление патриаршества, требовал улучшить положение монашества, настаивал на усилении церковной цензуры, которая препятствовала бы проникновению в народ «вредных учений», выступал за ограждение Святой Руси от иностранцев, предлагал выпустить вместо металлических бумажные деньги. В 1748 Аврамов снова попал в Тайную канцелярию, в которой находился более трех лет. Его стихотворные опыты представляют собой такое же соединение «старины и новизны», как и его общественная деятельность. Характерные черты человека петровского времени — обширный круг знаний и патриотические устремления — совмещались в деятельности Аврамова с глубокой религиозностью и верой в монархию.

Г. М., Д. К.

АВСЕЕНКО Василий Григорьевич (17.01.1842—11.08. 1913), писатель, критик, журналист. Из дворян Черниговской губ. По окончании историко-филологического факультета Ки-

евского университета (1862) — редактор православно-монархической газеты «Киевлянин». С 1869 на различных государственных должностях в Петербурге. В 1871—75 публикует «Очерки текущей литературы» в газете «Русский мир», с 1873 параллельно публикует статьи в «Русском вестнике». Свои православно-монархические взгляды выразил в целом ряде повестей и романов, опубликованных в 60—80-е в

«Заре», «Русском мире», «Русском вестнике», «Кругозоре», «Гражданине», «Ниве» и др. Значительным успехом пользовались повести Авсеенко «У реки» (1869), «Окольным путем» (1873), «Как они уехали» (1876), «Дела давно минувших дней»; романы «На распутьи» (1870), «Из-за благ земных» (1872), «Из современного романа. Сцены, портреты, контуры» (1875), «Млечный путь» (1875), «Скрежет зубовой» (1878), «Злой дух» (1881).

Откровенно тенденциозные, причисляемые критикой к «антинигилистическим», романы Авсеенко противоречиво совмещали в себе сатирическое изображение некоторых сторон жизни высших слоев общества с тем, что он сам именовал «поэзией... красивого цинизма, капризов скусающего артистического своеволия, бешеных денег и сумасшедших туалетов». С 1883 по 1896 Авсеенко редактировал «Санкт-Петербургские ведомости» и «Русскую газету», публикуя в них свои публицистические, критические статьи и беллетристику (роман «Вавилонское пленение», 1884). В 1891—92 издавал журнал «Художник». Пьесы Авсеенко ставились в театре Корша и в петербургском Малом театре.

Лит.: Соч. Т. 1—12. СПб., 1905—07; Повести и рассказы. Т. 1—2. СПб., 1885; Фантастические рассказы. СПб., 1888; Новые рассказы. СПб., 1889; Петербургские очерки, рассказы. СПб., 1900; Люди и жизнь. Повести и рассказы. СПб., 1902.

АВТОЛОГИЯ (греч. — сам и слово; букв. — «самословие»), употребление в русском поэтическом произведении слов и выражений в их прямом, непосредственном значении. Художественная автология противостоит металогиической,

или фигуральной, речи своей реалистической точностью. Таков, напр., реализм пушкинской автологии в некоторых главах «Евгения Онегина», в стихотворении «Вновь я посетил...» и в «Графе Нулине»:

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругом мальчишки хохотали;
Меж тем печально, под окном
Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом;
Три утки полоскались в луже;
Шла баба через грязный двор
Белье повесить на забор;
Погода становилась хуже;
Казалось, снег идти хотел...

(«Граф Нулин»)

Почти полное отсутствие *метафор*, ясный рисунок описываемого и простота выражений сообщают этим стихам исключительную реалистическую прозрачность. Автологичны многие поэтические произведения *М. Ю. Лермонтова*, в частности поэма «Тамбовская казначейша», «Валерик». Поразительно по трагизму и лирическому напряжению «Завещание» Лермонтова, выдержанное в ясном автологическом стиле; вот первая строфа:

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой;
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен...

Мастерски пользовался автологическим стилем *Н. Некрасов*, хотя его автология в отдельных случаях прозаична. Традиция автологического стиля в России, как реалистической точности выражения, восходит к народному творчеству. Некоторые русские поэты избегали автологии (*Фет*, отчасти *Тютчев*, русские символисты, футуристы, имажинисты). Однако *А. Блок*, поэт тонкой метафоры (в широком ее значении), дал ряд стихотворений в стиле автологического реализма. Классическим образцом может служить начало его стихотворения «В северном море» из цикла «Вольные мысли»; первый абзац стихотворения выдержан в строго автологическом стиле, а следующий за ним, по контрасту, — в металогиическом духе:

Что сделали из берега морского
Гуляющие модницы и франты?
Наставили столов, дымят, жуют,
Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями. Потом
Погонщики вывозят их в кибитках,
Кокетливо закрытых парусиной,
На мелководье. Там, переменяв
Забавные тальеры и мундиры
На легкие купальные костюмы,
И дряблость мускулов и груди обнажив,
Они, визжа, влезают в воду. Шарят

Неловкими ногами дно. Кричат,
Стараясь показать, что веселятся.
А там — закат из неба сотворил
Глубокий многоцветный кубок. Руки
Одна заря закинула к другой,
И сестры двух небес прядут один —
То розовый, то голубой туман.
И в море утопающая туча
В предсмертном гневном мечет из очей
То красные, то синие огни.

Автологический стиль следует отличать от прозаической речи, обладающей внешними признаками стиха (размер, рифма), которые не могут сделать ее поэзией. Напр., лишены поэтичности рекламные стихи или стихи, преследующие чисто практические и учебные цели, вроде произведения Иринарха Завалишина, который в 1792 издал в Петербурге «Сокращенное землеописание Российского государства, сочиненное в стихах для пользы юношества»; оно начинается так:

Пространная из всех Российская страна,
Морями многими кругом ограждена.
Знатнейший океан меж протчих полуночной,
За оным следует известный всем восточной,
Сибирские брега собой он заключил,
От коих имяна различны получил.
Каспийско, Черное, Азовское, Балтийско,
Меж сим и Северным соседом племя финско,
Которо, королю Вандалов покорясь,
Призвало над собой верховну Шведску власть.

Попытки механического переложения элементарной прозы в стихи наблюдались в русской литературе неоднократно; к ним относятся, напр., некоторые стихотворные, без рифмы, сказки *В. Жуковского*:

Недавно мне случилось найти
Предание о древнем Александре
В талмуде. Я хочу преданье это
Здесь рассказать так точно, как оно
Рассказано в еврейской древней книге.
Через песчаную пустыню шел
С своею ратью Александр; в страну,
Лежавшую за рубежом пустыни,
Он нес войну. И вдруг пришел к реке
Широкой он...

(«Две повести»)

Подобные стихи дали повод к саркастическому замечанию *Пушкина*: «Что если это проза, да и дурная». Суровый приговор *Пушкина* вызван не автологичностью этих стихов *Жуковского*, а именно их сугубо прозаическим стилем.

А. Квятковский

«АГЛАЯ» (*греч.* — старшая из трех сестер харит; у др. римлян — граций — богинь прекрасного, радостного).

1. Альманах, издававшийся *Н. М. Карамзиным* в Москве в 1794 и 1795 (2 кн.). Во многих энциклопедиях «Аглая» ошибочно считается первым русским альманахом. Это не так. Он вышел после «Российского Парнаса» (1771) *М. М. Хераскова*, альманахов питомцев Благородного пансиона при Московском университете (начиная с 1787) и др. Обе книги «Аглаи» почти целиком состоят из сочинений самого Карамзина (кроме басни «Чик» *И. И. Дмитриева* и стихотворения «Разлука» *М. М. Хераскова*, написанных в духе *сентиментализма* и *романтизма*). Сюда вошли статьи, стихи, неоконченная поэма «Илья Муромец», отрывки из «Писем русского путешественника»,

романтическая повесть «Остров Борнхольм», «Послание к *И. И. Дмитриеву*» и др. «Аглая» стал «знаменем» сентименталистов на все последующие годы. В статье «Что нужно автору» выражено кредо писателя-сентименталиста: «Говорят, что автору нужны таланты и знания; острый, пронизательный разум, живое воображение и проч. Справедливо; но сего не довольно. Ему надобно иметь и доброе, нежное сердце, если он хочет быть другом и любимцем души нашей...» В статье «Нечто о науках и просвещении» Карамзин обращался к Руссо, как к учителю: «Уважаю истины, открытые тобою», «любовь твою к человечеству»; полемизировал с утверждением Руссо о том, что просвещение ухудшает нравы, но соглашался, что природа, «мудрая, любезная натура», производит приятное и полезное. «Что суть искусства?» — подражание природе, «излияния сердца», «стремление к умножению жизненных приятностей», отсюда рождаются «изящные искусства».

Во второй книге альманаха преобладает настроение безнадёжности, крушения идеалов юности, наиболее полно выраженное в письме «Мелодор к Филарету». Именно здесь следует искать истоки русского романтизма и, в частности, романтизма *В. А. Жуковского*.

Особое впечатление на современников произвело небольшое сочинение в прозе, являющееся словом об умершем друге (Петрове), в современном понимании некролог «Цветок на гробе моего Агатона». Агатон (Агафон) — древнегреческий поэт III—II вв. до Р. Х., чье имя в к. XVIII в. было синонимом слова «поэт», а благодаря Карамзину стало синонимом понятия «друг-поэт», «друг». Редкий поэт карамзинской эпохи не употреблял имени Агатона.

В 1796 издание популярного альманаха (на который находились как подражатели, так и пародисты) было повторено. Это первый случай переиздания альманаха в России. До Карамзина альманахи не пользовались столь широкой популярностью.

2. Ежемесячный журнал, издавался в Москве последователем сентиментализма Карамзина *П. И. Шаликовым* в 1808—10 и 1812 (январь—июнь). Вышло 42 кн. (14 частей). Шаликов писал в обращении к читателям: «Приятность с пользою — вот девиз моего журнала», указывая этим на прямое продолжательство линии карамзинской «Аглаи». Здесь появились оригинальные произведения Карамзина, *Ф. Н. Глинки*, *С. Н. Глинки*, *А. Ф. Мерзлякова*, *В. В. Измайлова*, *И. И. Лажечникова* и др., но большинство принадлежало самому Шаликову.

Это издание заметно отличалось от своего тезки. Значительную площадь занимали переводы Мерсье, Вольтера, Руссо, Мармонтеля и др., что закономерно, т. к. журнал печатался в эпоху поголовной галломании, когда иные дворяне хуже знали русский язык, чем французский, когда и сам Карамзин обращал свой взор на Запад, с 1802 начав издание «Вестника Европы», так что и в этом смысле Карамзин стал для Шаликова образцом. Однако, наряду с данью веяниям времени, журнал Шаликова ратовал за возрождение русского языка: «Слава Богу! Наконец перестают стыдиться русские русского языка! Отваживаются играть русские комедии не в одних провинциях, не одни сельские жители, но и в столице, но и люди большого света» (1808, I). Размышляя о старом и новом слоге, журнал считал стиль прозы Карамзина образцом, пригодным для всех родов литературы, критически высказываясь о стиле «шишковистов». Но литературоведы XX в. чрезмерно преувеличили поляриность (чаще говорилось о враждебности, «лагерности») «карамзинистов» и «шишковистов» и самих Шишкова и Карамзина, которые никогда не враждовали. Шишков был горячим поклонником Карамзина, инициатором его приема в Российскую академию.

Шаликов уже чувствовал, что сентиментализм, как литературное течение, идет к своему закату. В статье «О стернях, или путешествиях сентиментальных» написано: «Было время, когда всякий хотел славы сентиментального, теперь всякий — умно или глупо — старается написать эпиграмму против сентиментальности. Стерни в книгах сноснее Стернов на сцене жизни с пустым сердцем, с недовольною душою». После прекращения выпусков журнала «Аглая» уже не нашлось столь деятельных пропагандистов сентиментализма, как Шаликов, это течение постепенно растворилось в многообразии литературного процесса XIX в.

А. Баженова

АГНИВЦЕВ Николай Яковлевич (8[20].04.1888—29.10.1932),

поэт. Родился в дворянской семье. Первая книга стихов «Студенческие песни» вышла в 1913. Приобрел известность песенками и куплетами для эстрады, содержащими мотивы, по характеру близкие песенкам А. Н. Вертинского. После Октябрьского переворота до 1923 Агнивцев находился в эмиграции. Стихи эмигрантской поры отмечены тоской по родине («Девочка-синичка», «Коробка спичек» и др.). Вернувшись в Россию, Агнивцев сотрудничал в советских сатирических журналах, писал стихи для детей. Опубликовано более 20 детских книг: «Чашка чая» (1925),

«Винтик-шпунтик» (1925), «Маленький черный Мурзук» (1926), «Рикша из Шанхая» (1927) и др.

Соч.: Под звон мечей. Пг., 1915; Мои песенки. Берлин, 1921; Блистательный Санкт-Петербург. Берлин, 1923; От пудры до грузовика. Стихи 1916—26. М.; Л., [1926].

АДОДУРОВ (Ададулов, Ододулов) Василий Евдокимович (15[26].03.1709—5[16].11.1780), филолог, писатель. Сын новгородского дворянина, учился в Новгородском духовном училище, в 1723—26 — в *Славяно-греко-латинской академии*. С 1726 — в Академической гимназии в Петербурге; в 1727 был зачислен в студенты Академического университета, где одновременно с точными и естественными науками изучал литературу, немецкий и французский языки. В 1728 Адодулов начал делать переводы с латинского и немецкого языков. Осень 1730 отмечена тесным общением Адодулова с В. К. Тредиаковским. Адодулов познакомил Тредиаковского с одой *Феофана Прокоповича* на коронацию Петра II; вероятно, они обсуждали и стихотворные опыты самого Тредиаковского. В 1740 Адодулов принял участие в обсуждении «Письма о правилах российского стихотворства» М. В. Ломоносова. Сам Адодулов не был чужд стихотворства: он перевел стихами описания дворцовых церемоний и оды Я. Я. Штелина (1737—40, 1745), сочинял проекты фейерверков и девизы к ним. Адодулов стал признанным авторитетом в области кодификации русской разговорной речи и норм литературного языка; он рецензировал переводы, его мнение являлось решающим в вопросе о зачислении в Академию новых переводчиков.

Вместе с Тредиаковским, Таубергом и М. Шванвицем Адодулов стал членом учрежденного в 1735 Российского собрания и активно участвовал в работе по «исправлению русского языка в случающихся переводах». В 1736 Адодулову поручили надзор за прибывшими из Москвы учениками гимназии, среди которых недолгое время был Ломоносов; Адодулов составил для них расписание занятий. Адодулов впервые завил о фонетическом принципе русской орфографии, а также подчеркнул условный характер как произносительной, так и орфографической норм, первостепенное значение придавая «общему употреблению» как критерию языковой правильности. Ломоносову труд Адодулова остался неизвестен. Грамматика Адодулова была серьезным этапом в борьбе за размежевание русской и церковнославянской языковой стихии. В академических документах 1739 сохранилось также упоминание о составленном Адодуловым «Собрании российских писем».

В 1741 Адодулов перешел из Академии в Герольдмейстерскую контору помощником советника Гейнцельмана (впоследствии стал советником, а в н. 1750-х был назначен герольдмейстером), но Академия по-прежнему посылала ему книги «для исправления в российском языке» и поручала переводы.

В 1744, по представлению К. Г. Разумовского, был пожалован в коллежские советники и назначен преподавать русский язык будущей имп. Екатерине II. Адодулов сумел стать не только учителем Екатерины, но и ее советчиком, и эти отношения сохранились надолго: в 1756 она называла Адодулова своим другом и «очень честным человеком».

В 1758, вместе с приверженцами Бестужева-Рюмина, Адодулов был арестован и содержался под домашним арестом до апр. 1759, когда был отстранен от должности герольдмейстера, произведен в статские советники и отправлен в почетную ссылку помощником губернатора в Оренбург. Сразу по восшествии Екатерины на престол Адодулов был назначен куратором Московского университета и президентом Мануфактур-коллегии в Москве (1762). С 9 июля 1763 Адодулов — сенатор. Адодулов пригласил в университет ряд иностранных профессоров; организовал подготовку молодых русских ученых за границей; заболелся о пополнении библиотеки. Сам он продолжал интересоваться языковыми вопросами, в частности значился в числе подписчиков на книгу Тредиаковского «Три рассуждения о трех древностях российских» (1773). Адодуров иногда приписывается до сих пор не обнаруженная книга «Правила российской орфографии», изданная будто бы в 1768. С 1770 Адодулов, оставаясь куратором университета (до 1778), жил по большей части в Петербурге.

О. Л., Б. У.

АДРИАН, Патриарх Московский и всея Руси (в миру **Андрей**) (2.10.1627 [по др. данным, в 1639]—16.10.1700), церковный и государственный деятель. Перестроил и благоустроил московский Чудов монастырь, будучи его архимандритом (1678—86). В 1686 хиротонисан в митрополита Казанского и Свияжского. Возведен на патриаршью кафедру 24 авг. 1690. Его репутация поборника русской старины и всего архаического, противника государственных реформ царя Петра I, требует оговорки. Осуждая бытовые нововведения Петра I (курение и бранчительство, отмена русской национальной одежды и т. п.) и его пьяные сумасбродные «потехи», Адриан с пониманием и поддержкой относился к полезным начинаниям царя (военные и социально-экономические реформы, строительство флота и

др.), заботился о духовном просвещении и церковном благочинии, снабжении всех храмов богослужебными книгами, правильном церковном судопроизводстве. С этой целью Адриан издал «Инструкцию старостам поповским» и «Святительское поучение к новопоставленным священникам». При Адриане (в 1697 и 1698) состоялись церковные Соборы по поводу дьячка Михеева (предлагавшего новые догматы касательно церковных таинств) и дьякона Петра (утверждавшего, что папа римский — истинный архипастырь). В споре о Евхаристии между братьями Лихудами и Сильвестром Медведевым Адриан поддерживал первых. Его грамота, запрещающая устраивать новые монастыри без царского указа (1698), и др. документы свидетельствуют о признании полномочий государства в церковных делах. Перу Адриана принадлежат службы святым Донату, Ипатию, Даниилу Московскому и Даниилу Переяславскому. В 1698 Адриан благословил канонизацию Евфросинии Суздальской. Большая часть его литературного наследия (переписка, проповеди, обличения) написана его личным секретарем *Карионом Истоминым*, придворным поэтом. В духовном завещании Адриан призывал беречь веру и защищать ее от ересей.

В. Никитин

АЖАЕВ Василий Николаевич (30.01[12.02].1915—27.04.1968), писатель, в 19 лет был репрессирован. С 1935 в качестве заключенного ок. 15 лет работал на Д. Востоке. Начал печататься в 1934. В 1944 окончил Литературный институт.

В романе «Далеко от Москвы» (1948, Сталинская премия, 1949) изображены трудовые подвиги строителей, проложивших в годы Отечественной войны стратегический нефтепровод в глухой тайге. Роман многократно переиздавался, переведен на многие зарубежные языки. По роману созданы одноименный фильм (1950) и опера (1954). В 1961 опубликовал повесть «Предисловие к жизни» о поколении молодежи, формировавшемся в

30-е.

Уже после его смерти вышел в свет его роман «Вагон», построенный как исповедь вернувшегося из заключения человека, пытающегося рассказать жене, что он пережил.

Соч.: Золото: Рассказы. Хабаровск, 1948; Далеко от Москвы. М., 1957; Вагон. М., 1989.

АЗАДОВСКИЙ Марк Константинович (5[18].12.1888—24.11.1954), фольклорист, литературовед, этнограф. Родился в Иркутске, в семье служащего. Окончил в 1913 историко-филологический факультет Петербургского университета. Преподавал в Томском, Иркутском и Ленинградском университетах. Был руководителем фольклорного сектора Пушкинского Дома. Азадовский вел широкую собирательскую работу. Наибольшее значение имели экспедиции по Амуру и Лене (1913—15), а также в Тункинскую долину (1925—27). Азадовский — один из крупнейших исследователей быта, литературы, фольклора, истории Сибири. Его работа о Ленских причитаниях (1922) обогатила науку новыми материалами и наблюдениями. Азадовский совместно с др. исследователями осуществил переиздания класси-

ческих сборников фольклора «Народные русские сказки» *А. Н. Афанасьева*, «Онежские былины» *А. Ф. Гильфердинга*. Итогом научно-литературной деятельности Азадовского является его капитальный труд «История русской фольклористики» (1958).

Соч.: Ленские причитания. Чита, 1922; Верхнеленские сказки. Иркутск, 1938; Русская сказка. Т. 1—2. М.; Л., 1932; Литература и фольклор. Л., 1938; Сказки Магая, записи Л. Элиасова и М. Азадовского / Под общ. ред. и вступ. ст. М. Азадовского. Л., 1940; Русские сказки в Карелии. Петрозаводск, 1947; В. К. Арсеньев. Критико-биографич. очерк. М., 1956; Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960.

«АЗБУКА» (или «Букварь»), старопечатный учебник русской грамоты. Наиболее ранним из них (из дошедших до нас) является обнаруженный С. П. Дягилевым в 1927 в Риме у букиниста т. н. «Букварь» *Ивана Федорова*, напечатанный во Львове в 1574 (ныне хранится в США, в библиотеке Гарвардского университета). Сведения об этой находке впервые опубликованы в 1939. «Букварь», не только изданный, но и составленный Иваном Федоровым (что установлено на основании послесловия), состоит из двух частей, неравных по объему. Бульшая из них посвящена изучению букв, слогосложения, некоторых грамматических форм, меньшая — хрестоматийная — для учеников, уже знающих грамоту. «Букварь» знакомит учащихся и с цифровой нумерацией. Как показывают послесловия и краткие заголовки, сопровождавшие старопечатные учебники русской грамоты, эти книги в XVI и до сер. XVII в. именовались обычно «азбуками». Во 2-й пол. XVII в. название «букварь» постепенно вошло в употребление. За первым учебником грамоты Ивана Федорова в научной литературе также закрепилось название «букварь». Др. известные старопечатные учебники русской грамоты XVI—XVII вв.: два букваря, напечатанные (предположительно) Иваном Федоровым или его учениками в Остроге в 1580 и в 80-е; «Букварь», изд. в Вильно в 1596; «Букварь», изд. Спиридоном Соболев в Кутеине в 1631; «Азбука», составленная и напечатанная Василием Федоровичем *Бурцевым* в 1634, одним из мастеров Печатного Двора (2-е изд. 1637); «Букварь», изд. Спиридоном Соболев в Могилеве в 1636; «Букварь», изд. в Вильно в 1645; «Букварь», изд. в Могилеве в 1649; «Букварь», изд. в Москве в 1657, и др.

АЗБУКОВНИКИ, памятники древнерусской лексикографии. В XVI в. среди книжников Московской Руси возникло своего рода движение по составлению азбукоников в стремлении сохранить словесность древности, представленную в рукописном наследии. Разыскать в книгах «елико возможно» толкований, собрать воедино все, что давали в этом отношении переводческая культура и экзегеза (в богословии — истолкование, интерпретация текстов). В азбуконниках сосредоточены глоссы (толкования) — заметки переписчиков, читателей на полях рукописей или вставленные в их текст, дающие всякого рода пояснения к словам или оборотам речи. В азбуконниках видели орудие повышения культуры чтения и работы над текстами сочинений (переписка, правка, новые переводы и редакции). Сказалось намерение отстоять начитанность в древнерусской литературе как свой исконный принцип образованности. Вместе с тем нельзя не отметить, что составление словарных «сокровищниц» в XVI—XVII вв. было характерно для лексикографии многих европейских стран (М. П. Алексеев). Эта общность одного из культурных процессов

важна для понимания самого типа русских азбуконников, который также точнее всего определить термином «тезаурус» — «сокровищница».

Азбуконники многоаспектны. Их нередко называют толковыми словарями и словарями иностранных слов, а также и учебными пособиями, и книгами занимательного чтения, но чаще всего азбуконники именуют энциклопедиями, что справедливо, если иметь в виду, что дело идет об энциклопедизме особого рода, присущем византийской лексикографии, в которой энциклопедические словари представляли собой нечто среднее между толковыми, грамматическими, этимологическими трудами и теми, в которых даются сведения реального характера. Они являлись «прекрасным подспорьем для грамматических, лексикологических и историко-литературных работ». Составители русских азбуконников шли в своей практике по пути византийцев.

К сер. XVI в. тип азбучных тезаурусов вполне сформировался, но продолжал развиваться на протяжении всего XVII в. Сведения реального характера стали в этот период привлекать особое внимание.

Анализ списков азбуконников позволил выявить 7 крупных словарных памятников, 3 из которых были завершены в XVI в. (в старшем из них — более 2000 статей, во втором — св. 5000, в третьем — св. 6000). Первый был создан в 50—60-е в Троице-Сергиевой лавре. Ближайший к филологической деятельности *Максима Грека* (ск. в этом монастыре в 1556), он ориентирован на его взгляды по вопросам перевода и правки церковных книг. Второй и третий азбуконники были составлены, один за другим, в 1596 (вслед за изданным в начале того же 1596 в Вильне Лексисом Лаврентия Зизания). Восточнославянские лексикографы защищали в своих трудах достоинство церковнославянского языка как языка высокой книжности — веры и науки. В азбуконниках, созданных в к. XVI в. в московских землях и в Новгороде, многие сотни статей, раскрывающих значения и стилистические особенности применения славянских слов.

Несколько примеров толкований из азбуконников: «Астарты. Астарты была богиня у египтян», «Воня — нюхание или запах», «Гиганты — человеки, иже телом велми велики и силны, еже есть волоты, якоже волот бе Голияф, егоже царь Давид поразил», «Гроздие — гроздием ягоды винныя наричет, еже есть изюм, а не яблока, якоже нецны мнят», «История — книга, содержащая в себе, иже в древних временах бывших деании исповедание», «Лицемерие — еже кто пред человеки творится духовен, а втайне творит злая, или со другом языком глаголет та, а в сердцах имат иная», «Муסיкия — сопелное свиряние или гудение», «Онагр — осел дивий или лошадь», «Пажить — по чувственному пажить толкуется поле злачно, рекше травное, а по духовному пажить толкуется святая церковь, исполнена животнонаго закона духовных словес», «Сирин есть птица от главы до пояса состав и образ человек, от пояса же птица; нецны же лжут о сей, глаголюще зело сладкопесниве быти ей, яко кому послушающу гласа ея, забывати все житие се и отходити в пустыню по ней и в горах заблудышу умираюти», «Фуртуна — звездное колеса, им же безумнии звездочетцы мнятся угадывати счастья человеческая» и т. п.

Словари — азбуконники — в основном памятники анонимные. Судя по текстам, первые из них возникли в среде переписчиков книг, переводчиков и справщиков переводов, почти исключительно монахов, людей книжных, начитанных. Записи в списках азбуконников показывают, как менялся на протяжении XVII в. круг их копиистов и

читателей; все реже это монастырские книжники, все чаще — горожане из среднего и низшего сословия. С к. XVII в. и в XVIII в. азбуконники появляются в крестьянских библиотеках старообрядцев. Кроме азбучных тезаурусов, начинают составлять и краткие словари выборочного типа, отвечающие личным запросам составителя или заказчика.

Лит.: Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—XVII вв. Л., 1975; *Ковтун Л. С.* Азбуконник XVI—XVII вв. Л., 1989.

Л. Ковтун

АЙВАЗОВ Иван Георгиевич (1872—4[17].12.1964), миссионер, профессор Московской и С.-Петербургской духовных академий, публицист и общественный деятель.

Образование получил в Казанской духовной академии, служил Тамбовским, затем Московским епархиальным миссионером. Член Русского собрания. Выступал на I-м Всероссийском съезде представителей Союза правой русской печати, который проходил в рамках Четвертого съезда Объединенного русского народа 29 апр. 1907. В 1912—13 соредатор журнала «Голос Церкви» совместно с наместником Чудова монастыря архим. Арсением. Писал под псевдонимами Правдолюбов И., Азовский И., Мариупольский И. Особенную ценность имеют его публицистические сочинения против хлыстов, молокан, баптистов и др.

После революции эмигрировал, скончался на чужбине.

Соч.: Орловский миссионерский съезд в связи с вопросом о свободе совести. Тамбов, 1901; Внутренняя миссия в тамбовской епархии за 25 лет. Тамбов, 1903; Областной миссионерский съезд в Одессе // Мирный труд. 1905. Кн. 10; Всемирная задача христианства. Христианское самодержавие. СПб., 1905; К вопросу о смертной казни. 3-е изд. Харьков, 1905; Русское сектанство. 3-е изд. Харьков, 1906; Миссионерская полемика. 3-е изд. Харьков, 1907; Московские сектанты и московские братцы. 2-е изд. М., 1909; Обновленцы и староцерковники. В недрах церковно-общественных настроений нашего времени. М., 1909; Религиозное обновление наших дней («Новопутейцы», «Вехи»). 3-е изд., испр. и доп. М., 1910; Религиозная правда русского самодержавия. 3-е изд. М., 1910; Власть русского царя. М., 1912; Для клира и народа. Православный сборник церковных песнопений. С приложением миссионерского месящеслова.../ Собрали И. Г. Айвазов и Н. И. Романцев. Под ред. И. Г. Айвазова. СПб., 1914; Царь иудейский. Драма в 4-х действиях и 5-ти картинах. М., 1914; Новая вероисповедная система русского государства. М., 1914; Граф Лев Толстой. Пг., 1914; Христовщина. Т. 1—3. Пг., 1915; Русское сектанство. М., 1915; Христианская церковь и современный социализм. 5-е изд. Пг., 1915; Баптизм — орудие германизации России. 3-е доп. изд. Пг., 1916; Владимир, митрополит Киевский и Галицкий. Пг., б. г.

Лит.: Сборник Съезда русских людей в Москве 27 сент.—4 окт. 1909 М., 1910.

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКАЯ (Российская академия), научный центр по изучению русского языка и словесности; существовала в 1783—1841. Первым президентом (1783—96) была кн. Е. Р. Дашкова, непременным секретарем (в 1783—1802) — акад. И. И. Лепехин, натуралист по специальности, знаток русского языка и блестящий стилист. К XVIII в. относится наиболее значительный период деятельности Академии Российской. В ее составе находились писатели: *Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, Я. Б. Княжичин, И. Ф. Богданович, В. В. Капнист* и др.; ученые: *С. Я. Румовский, А. П. Протасов, С. М. Котельников* и др. Задачей Академии Российской по уставу было «вычищение и обогащение российского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное оному витийство и стихотворение». Академия Российская выпустила толковый словарь русского языка («Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный», ч. 1—6, 1789—94), содержащий св. 43 тыс. слов. В 1806—22 вышло

2-е более полное издание — «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (св. 51 тыс. слов). Словарь имел большое значение для развития русского литературного языка. В 1802 Академия Российская выпустила «Российскую грамматику...», составленную П. И. и Д. М. Соколовыми. В 1833 в число членов Академии Российской вошел А. С. Пушкин; ее членами были также П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, И. А. Крылов. В 1813—41 президентом был адмирал А. С. Шишков. К этому времени Академия Российская теряет свое общественно-литературное значение. В 1841 преобразована в Отделение русского языка и словесности Петербургской Академии наук.

Лит.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 1—8. СПб., 1875—88.

АКИНДИН (XIV в.), древнерусский книжник из монахов тверского Богородицкого монастыря. Известно его послание к вел. князю Тверскому св. Михаилу III Ярославичу «Написание о поставляющих мзды ради». В нем чрезвычайно резко, как преступление, обличает практику симонии (взимание денег за посвящение в церковный сан), распространенную при первом митрополите Московском свт. Петре. При этом Акиндин ссылается на осуждение симонии Патриархом Константинопольским Нифоном I, которого посетил по благословению епископа Тверского Андрея, кн. Ерденева. Г. М. Прохоров считает, что послание Акиндина написано незадолго до церковного Собора 1311 в Переяславле-Залесском, на котором митр. Петр был судим на основании жалоб еп. Андрея и оправдан.

Соч.: Написание Акиндина, мниха лавры светые Богородицы, к великому князю Михаилу о поставляющих мзды ради // Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическим комиссией. СПб., 1880. Т. 6.

В. Никитин

АКМЕИЗМ, течение в русской поэзии 10-х XX в. Представители акмеизма — Н. С. Гумилев, С. М. Городецкий, А. А. Ахматова, М. А. Кузмин, Б. А. Садковский и др. объединялись в кружок «Цех поэтов», группировались вокруг журнала «Аполлон» (1909—17). Наряду с названием «акмеизм» (греч. — высшая степень чего-либо, цветущая сила) это направление часто именовалось «адамизмом» (по имени библейского праотца Адама), что было связано с культом естественного начала, которое противопоставлялось всему социальному. Реальность общественных связей и ценностей считалась мистикой. Реальной признавалась лишь материальная природа. Сторонники акмеизма пользовались также термином «кларизм» (лат. — ясный), выражавшим установку акмеистов на чувственную пластически-вещную ясность художественного образа и поэтического языка. Акмеизм стремился реформировать эстетику и поэтику русского символизма, выступая против пристрастия к мистической «потусторонней» сфере и отказавшись от чрезмерной метафорической усложненности, одностороннего увлечения символикой. В противовес символистской поэтике туманных намеков, неясностей и умолчаний, акмеизм провозгласил «возврат» к земле, к материальному миру, к предмету, к точному значению слова. Земное мировосприятие акмеизма носило эстетский характер. Поэтам-акмеистам свойственны обращение к единичному предмету быта или природы как к объекту эстетического любования, поэтизация отдельной «вещи», противопоставленной миру социальных явлений, созерцательное приятие жизни. Акмеизм отстаивал принцип «искусства для искусства».

Акмеисты призывали оздоровить современного человека путем пробуждения в нем активной воли и естественно-

го начала жизни, которая рассматривалась ими как священный Божий дар.

Лит.: Гумилев Н. Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1; Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Там же.

АКРОМОНОГРАММА (греч. — верхний, крайний, один и запись), лексико-композиционный прием, заключающийся в повторении конца стиха в начале следующего стиха. В русской поэзии различаются три вида акромонаграммы: 1) слоговая акромонаграмма, когда последние слоги стиха или группа звуков повторяются на стыке двух смежных строк:

Но когда коварны *очи*
Очаруют вдруг тебя.
(А. Пушкин)

Сладки мне родные *звуки*
Звонкой песни удалой.
(Он же)

Ее невольно обнял тайный *страх*,
Стряхнув с себя росу, она пустилась...
(М. Лермонтов)

Я помню, вся в цветах, исполнена *печали*,
К плечу слегка твоя склонилась голова.
(А. Фет)

2) Лексическая акромонаграмма, когда слово или ряд слов, стоящих в конце строки, повторяясь, начинают следующую строку. Эта форма акромонаграммы популярна в народной поэзии:

Уж ты, степь, моя степь, степь Моздоцкая!
Широко ли ты, далеко ты, степь, *протянулася?*
Протянулася ты, степь, вплоть до Царицына!
Уж и чем же ты, степь, ты *изукрашена?*
Изукрашена ты, степь, лесеми, болотами,
Да еще же ты, степь, большою дорогою...

Калинку с малиною вода подняла:
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись с разумом, *замуж отдала*,
Замуж отдала за неровношку,
За неровношку, в чужую сторону,
Во чужую сторонушку, во лиху семью.

Не менее популярна лексическая акромонаграмма в стихах русских поэтов:

Сидел я под кленом и *думал*,
И *думал* о прежних годах.
(А. К. Толстой)

Скользят стрижи в *лазури неба чистой*,
В *лазури неба чистой* горит закат, —
В вечерний час как *нежен луч росистый!*
Как *нежен луч росистый*, и пруд, и сад!
(К. Бальмонт)

О, весна, без конца и без края —
Без конца и без края мечта!
(А. Блок)

И так начинается песня о *ветре*,
О *ветре*, обутом в солдатские *гетры*,
О *гетрах*, идущих дорогой *войны*,
О *войнах*, которым стихи не нужны.
(В. Луговской)

Одна была доля — бесплодное поле,
Бесплодное поле да тощая рожь.

(М. Исаковский)

3) Рифменная акромонограмма встречается в поэзии редко; она заключается в смежной рифмовке слов, находящихся на стыке двух строк:

Реет тень голубая, *объята*
Ароматом нескошенных *трав*;
Но упав на зеленую *землю*,
Я объемлю глазами *простор*.
Звездный хор мне поет...

(В. Брюсов)

А. Квятковский

АКРОСТИХ (греч. — верхний, крайний и стих), стихотворение, начальные буквы которого составляют имя, слово или (реже) фразу. Акростих рассчитан на зрительное восприятие, на слух он неощутим. Начало писания акростихов в русской поэзии относится к XVII в. Изучая рукописные песенники XVII—XVIII вв., исследователи установили, что составление акростихов было особенно распространено среди поэтов-монахов, сторонников патр. Никона. Выдающимся мастером сложных акростихов был иеромонах Герман, умерший в 1682; в каждом акростихе он зашифровывал свое имя. В «Букваре» поэта-виришевика *Кариона Истомина*, изданном в 1694, напечатан акростих, посвященный царевичу Алексею. Поэт *Ю. Нелединский-Мелецкий* написал следующую «Загадку акростическую»:

Довольно именем известна я своим;
Равно клянется плут и непорочный им,
Утехой в бедствиях всего бываю боле,
Жизнь сладостней при мне и в самой лучшей доле.
Блаженству чистых душ могу служить одна,
А меж злодеями — не быть я создана.

В дальнейшем акростих в русской поэзии появлялся редко. В XIX в. известен акростих у *Л. Мея*. В XX в. акростих встречается чаще.

А. Квятковский

АКСАКОВ Иван Сергеевич (26.09[08.10].1823—27.01[08.02].1886), мыслитель и публицист, один из признанных вождей *славянофильства*.

Родился в с. Надёжино (Куроедово тож) Белебеевского у. Оренбургской губ. Отец — известный писатель С. Т. Аксаков, мать — дочь суворовского генерала Ольга Семеновна, урожд. Заплатина. Брат *К. С. Аксаков* был одним из основателей славянофильства как идеологического течения. Род Аксаковых (в старину Оксаковы) был одним из самых древних аристократических родов России. Родоначальником считался варяг Симон, племянник норвежского короля Гакона Слепого, прибывшего в Киев в 1027. В отличие от вымышленных «немецких» или «золотоордынских» предков большинства русских аристокра-

тических семей, Симон был реальным историческим лицом, построившим в Киево-Печерской лавре Успенскую церковь, где он и был похоронен. Его сын Юрий Симонович был боярином у князя Киевского Всеволода, отца Владимира Мономаха. И в дальнейшем потомки Симона, один из которых получил прозвище Оксак, ставшее родовым именем, верой и правдой служили русским монархам. Из этого рода вышел ряд воевод, стряпчих, стольников и деятелей Церкви.

Иван Аксаков детские годы провел в деревне среди простого народа. В 1827 семья Аксаковых переехала в Москву, и с этого времени гостеприимный дом старшего Аксакова стал одним из тех мест, где собирались друзья семьи, к числу которых можно отнести *Н. В. Гоголя*, актеров столичных театров и др. деятелей культуры. Иван Аксаков, однако, юношеские годы провел в Петербурге, в Училище правоведения, готовящем элиту гражданского управления страны. Окончив курс в 1842, после 4 лет напряженной учебы, поступил на службу в московский департамент Сената. Впрочем, служба здесь продолжалась недолго, Аксаков попросил перевести его в провинцию. Несколькими годами позже он прослужил в Калужской, затем в Астраханской губернских палатах. Негативные впечатления и воспоминания о дореформенном суде остались у него на всю жизнь. Видя, по собственным словам, «кругом царящее зло», он навсегда ушел из судебной службы, став чиновником по особым поручениям в Министерстве внутренних дел, в ведении которого было управление всеми инославными конфессиями России, включая русских старообрядцев. По делам службы Аксаков объехал всю Россию, ездил в Бессарабию по вопросам раскола, затем посетил Ярославскую губ. с целью ревизии городского управления, а также изучения секты бегунов. О бегунах, получивших большое распространение в губернии, Аксаков впоследствии написал специальное историко-этнографическое исследование, не потерявшее значение и до сего дня. В целом на службе Аксаков зарекомендовал себя работоспособным идеалистом. Он не отбывал повинность, а действительно трудился с душой по 16—18 час. в сутки, видя в этом долг перед страной и народом. В марте 1849 Аксакова арестовали и поместили в Петропавловскую крепость. Поводом послужило перехваченное («перлюстрированное») письмо брата Григория, который высказывал надежду, что разразившаяся в Австрийской империи революция приведет к превращению Австрии в славянское государство. Объясняя свои взгляды в специальной записке, которую внимательно читал Николай I, оставивший своей рукой пометки в тексте, Аксаков отвечал, что «не является панславистом и что гораздо более всех славян его интересует Русь». Этот ответ удовлетворил Третье отделение, и Аксаков был выпущен на свободу. Первый конфликт с космополитичным «европейским» петербургским чиновничеством не смутил его. В 1851 Аксаков, отличавшийся подобно своим родственникам поэтическим даром, написал поэму «Бродяга» о беглом крепостном. Узнав, что его подчиненный сочинил произведение «предосудительного характера», министр внутренних дел Л. Перовский (отец террористки С. Перовской) потребовал объяснений. Разгневанный таким отношением, Аксаков подал в отставку. На этом неприятности с «Бродягой» не закончились. Отрывки из поэмы были помещены в «Московском сборнике» 1852. Главное управление цензуры увидело в поэме чуть ли не революционную пропаганду и сочло, что поэма может «неблагоприятно действовать на читателей низшего класса». В результате «Московский сборник» был запрещен, Аксаков сослан под

надзор полиции и лишен права представлять свои произведения на рассмотрение цензуры, что фактически означало запрет на литературную деятельность. Хотя первые столкновения с российской действительностью были для Аксакова печальны, но он не озлобился на страну, не стал ни равнодушным обывателем, ни революционером. В 1853 Аксаков по поручению Русского Географического общества совершил поездку на Украину с узконаучной целью — исследовать ярмарочную торговлю в Малороссии. Но Аксаков отнесся к поручению географов с большим энтузиазмом, ведь можно было с головой окунуться в народный быт и изучить жизнь основы основ России — простого народа совсем не так, как наблюдали из окон своих поместий «дворяне-народолюбцы». Результатом поездки стала книга «Исследование о торговле на украинских ярмарках», справедливо считающаяся одним из первых социологических исследований в России. Вскоре началась Крымская война, и Аксаков вступил в ополчение. Правда, понюхать пороху ему не пришлось, т. к. его часть стояла в тылу. Но и здесь Аксаков сумел проявить свою честность и принципиальность. Он смело разоблачал казнокрадство, процветавшее в тылу, в котором были замешаны многие важные персоны, в т. ч. и непосредственный командир ополчения, где служил Аксаков.

С 1856 славянофилы начали издавать ежеквартальный журнал «Русская беседа», издателем которого был А. И. Кошелев, а редактировали его Т. И. Филиппов, П. И. Бартнев и др. Аксаков принял самое активное участие в деятельности журнала и в авг. 1858 фактически стал его редактором. Тираж «Русской беседы» удвоился, за 1859 вышло уже 6 номеров вместо привычных 4 годовых. Однако Аксакова не устраивал чисто литературно-художественный характер журнала, не имевшего политического отдела и к тому же издававшегося с интервалом в несколько месяцев. Правда, еще с апр. 1857 Константин Аксаков стал редактором еженедельной газеты «Молва», в которую пригласил брата, собираясь передать ему редактирование. Однако как только Аксаков представил в цензуру материалы для № 37 (первого, который редактировал сам), то цензура запретила половину планируемых в номер статей. В таких условиях он отказался редактировать «Молву». После долгих хлопот Аксаков добился права на издание в 1859 еженедельной газеты «Парус». О программе своей газеты он объявил прямо: «Наше знамя — РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ. Народность вообще — как символ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развития, как символ права, до сих пор попираемого теми же самыми, которые стоят и ратуют за права личности, не возводя своих понятий до сознания личности народной. Народность русская как залог новых начал, полнейшего жизненного выражения, общечеловеческой истины». Однако вышло лишь два номера «Паруса» — 3 и 10 янв. 1859. Гнев цензуры вызвала помещенная во втором номере статья М. П. Погодина о внешней политике, критикующая русских дипломатов за то, что они служат Европе, а не России. За подобные высказывания, а также за открытие не утвержденного официально славянского отдела «Парус» был закрыт. Следует заметить, что имп. Александр II старательно читал большинство русских журналов, включая даже издававшийся за границей «Колокол» Герцена, следил за важнейшими газетами, но не считал своим царским делом вмешательство в дела цензуры и редакций. Именно этим объясняется парадоксальный факт постоянных столкновений с цензурой у монархически настроенных издателей. Зато бюрократическое средостение между царем и народом видело в славя-

нофилах своих врагов, ведь славянофилы требовали национальной политики, а оторванным от почвы бюрократам куда ближе были интересы Европы. Аксаков после закрытия «Паруса» вынужден был прекратить и выпуск «Русской беседы», но сдаваться этот опытный боец не собирался. В 1861 он стал редактировать еженедельную газету «День», которую задумал как общеславянскую газету, пригласив к сотрудничеству многих русских и славянских публицистов. Обращение к общеславянской проблематике было не случайно. После отмены крепостного права взоры русских людей невольно обратились к угнетенным славянским народам. О программе «Дня» в первом номере за 1861 Аксаков объявил в присущих ему конкретных словах: «Освободить из-под материального и духовного гнета народы славянские и даровать им дар самостоятельного духовного и, пожалуй, политического бытия под сению крыл могущественного русского орла — вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России». На страницах «Дня» Аксаков помещал переводы славянских писателей, материалы исторического и этнографического характера. Впрочем, отечественная проблематика по-прежнему имела первенствующее место в газете. Аксаков резко критиковал нигилистов. Однако он не ограничился критикой, а попытался установить причины этого феномена. Главной из них Аксаков считал не национальную, скопированную с западных образцов систему просвещения, а также секуляризацию русского общества. Особую тревогу вызывало у Аксакова положение духовенства, поставленного в тяжелое и унижительное положение. Аксаков выступал с программой изменения в положении Церкви, причем не только в административном и хозяйственном плане. Так, он высказал любопытное предложение о том, чтобы все семинаристы перед получением прихода 2 года поработали сельскими учителями. Подобная мера, предвосхищающая советскую практику распределения выпускников вузов, по мысли Аксакова, способствовала бы как борьбе с неграмотностью, так и дала бы определенные практические навыки будущим священнослужителям. Цензура не оставляла «День» в покое. В 1862 Аксаков был на протяжении 5 мес. отстранен от редактирования. Впрочем, особую боль причиняла ему не цензура, а события, подрывающие славянское единство — начавшееся в янв. 1863 польское восстание. Братоубийство славян вызвало у Аксакова смятение чувств, но он быстро и твердо стал на защиту русского дела. Более того, даже сделал точный политический ход, предоставив страницы «Дня» противной стороне. Некий поляк Грабовский написал статью о праве Польши на Литву и Украину. Наглый и высокомерный тон Грабовского произвел отрезвляющее впечатление на многих русских людей, которые первоначально сочувствовали мятежникам, будучи введенными в заблуждение польской демагогией о «нашей и вашей свободе». Однако единственными, кто не оценил мастерства Аксакова, были петербургские цензоры, и редактору «Дня» пришлось писать объяснительные. Цензурные придирки, приносившие Аксакову большие убытки, нападки либеральной и леворадикальной прессы при непонимании многих национально мыслящих людей, которым славянофильские идеи казались слишком умозрительными, — все это осложняло издание газеты. В к. 1865 Аксаков прекратил издание «Дня». Но это не было прекращением публицистической деятельности. В 1867—68 Аксаков издавал ежедневную газету «Москва». Он считал ее продолжением «Дня», сохранив прежние оформленные материалы. Правда, в «Москве» появились новые рубрики, отражавшие факт быстрого промышленного разви-

тия России: «экономический отдел», «торговый и денежный рынок». Впрочем, отношения неугомонного публициста с цензурой ничуть не улучшились. За год с небольшим «Москва» имела 9 цензурных предостережений и 3 раза приостанавливалась. Однако стойкий боец, Аксаков даже во время закрытия «Москвы» не терял связи с читателем. Во время одной из приостановок «Москвы» он руководил газетой «Москвич» (номинальным редактором которой числился некий П. П. Андреев). «Москвич» имел те же рубрики и полиграфическое оформление, что и «Москва», т. е. ни для кого не было секретом направление новой газеты и имя настоящего редактора. И все-таки «Москву» закрыли за «вредное направление». Поводом к закрытию послужила критика Аксаковым антирусской политики официального Петербурга в Северо-Западном крае (Литве и Белоруссии) после ухода с должности наместника края гр. М. Н. Муравьева-Вилenskого. Напомним, что, усмиряя польский мятеж, генерал Муравьев провел в крае ряд реформ, усиливающих значение русского элемента, которым было тогда лишь нищее белорусское крестьянство. Муравьев увеличил за счет конфискованной у польских панов земли надель белорусских крестьян на 24%, а их платежи понизил на 64,5%. Но после отставки Муравьева в 1865 в Белоруссии началось попятное движение. Официальный Петербург нашел общий язык с панами, и реформы Муравьева стали сводиться на нет, бывшие мятежники начали получать свои имения. Вот против этого антирусского курса и выступил в «Москве» Аксаков. После закрытия «Москвы» Аксаков на какое-то время прекратил заниматься газетной деятельностью. Но это было вызвано не усталостью и не разочарованием в борьбе. Аксаков нашел поле деятельности, работая в Славянских комитетах, став ведущим членом Московского комитета. Эти комитеты были созданы в 1858 при активном участии Аксакова. Первоначально они имели благотворительный характер, но в 1870-х начали превращаться в организации, имеющие политическое значение. Идеологией большинства членов комитетов было славянофильство. Аксаков превратился в значительную политическую фигуру именно как неофициальный лидер комитетов. Этот надворный советник в отставке (чин 7 класса) заставил прислушиваться к себе не только петербургские бюрократические круги, но и правительственные кабинеты европейских стран. Все это стало возможным благодаря влиянию на общественное мнение как России, так и славянских народов, которое обрел Аксаков за десятилетия неустанной деятельности. Не занимавшего никакого государственного поста Аксакова считали на Западе славянским Бисмарком, способным объединить разделенное славянство в одну державу под скипетром русского царя. Это было сильное преувеличение — петербургская бюрократия по-прежнему считала Аксакова своим врагом, но признавать его влияние на общественное мнение приходилось даже ей.

Звездный и вместе с тем трагический час настал для Аксакова в период восточного кризиса 1875—78. Он начался с восстания боснийских сербов против турецкого ига, затем в апр. 1876 вспыхнуло болгарское восстание, затем началась сербо-турецкая война. Турецкие зверства над единоверцами Балкан всколыхнули русское общество. В движении солидарности с болгарскими и сербами огромную роль сыграли Славянские комитеты и лично Аксаков.

Сражаясь за правое дело, русская армия одержала славные победы. 19 февр. 1878 было подписано предварительное перемирие в Сан-Стефано, по которому Турция теряла почти все свои европейские владения, на территории ко-

торых создавались независимые славянские государства. Однако сам Аксаков был неудовлетворен итогами Сан-Стефанского мира, т. к. Константинополь и проливы оставались у турок. Выступая 5 марта в Москве перед членами Славянского комитета, он заявил, что «восточный вопрос еще не порешен, Царь-Град не очищен от азиатской скверны и задача России решена еще не вполне». Одновременно он высказал опасения, что русская дипломатия готова уступить давлению западных держав. Эти опасения оказались не напрасны. Россия вынуждена была под давлением Запада согласиться на проведение международного конгресса в Берлине, на котором потерпела сокрушительное дипломатическое поражение. Не случайно говорили, что Россия выиграла войну, но проиграла мир. Когда известия о результатах Берлинского конгресса достигли Москвы, Аксаков не стал сдерживаться. 22 июня 1878 он выступил с большой речью в Московском Славянском комитете, которая прогремела на весь мир. В начале речи Аксаков спросил, обращаясь к аудитории: «Не хоронить ли собрались мы здесь сегодня... миллионы людей, целые страны, свободу болгар, независимость сербов, хоронить русскую славу, русскую честь, русскую совесть?» Вождь славянофилов обрушился на русских дипломатов за их согласие на расчленение освобожденной Болгарии на 3 части, из которых только одна получала относительную независимость: «Нет таких слов, чтобы заклеить по достоинству это предательство, эту измену историческому завету, призванию и долгу России». Аксаков не без яда отзывался о тех пацифистах, которые приветствовали результаты конгресса, ссылаясь на то, что война России со всей Европой не состоялась: «Конгресс не дает мира беспечного — будет лишь вооруженный мир, самая пагубная вещь и для финансов, и для коммерции». Следует заметить, что Аксаков, имея большие связи в славянских кругах, был информирован о реальной расстановке сил в Европе не хуже, чем российские военные и дипломаты. Он доподлинно знал, что все ультиматумы западных государств в России — это блеф, реально к войне никто из западных государств не был готов, и ситуация 1854 не могла повториться. Напротив, перед угрозой революции стояла Австро-Венгрия, для которой первые же неудачи в случае действительной войны с Россией привели бы к распаду. Англия никогда не воевала, не имея сухопутного союзника, а таковым в тот момент была только уязвимая Австро-Венгрия. «Железный канцлер» Бисмарк, руководивший Германией, всегда был против войны с Россией, и тем более из-за Балкан, которые, по его словам, «не стоят костей померанского гренадера». В силу этого Германия занимала в данном кризисе примирительную позицию. Т. о., уступки российской дипломатии действительно были ничем не оправданы. Заключительную часть речи 22 июня Аксаков посвятил имп. Александру II. Аксаков говорил: «Что бы ни происходило там, на конгрессе, как бы ни распалась русская честь, но жив и властен ее венчанный оберегатель, он же и мститель. Если в нас при одном чтении газет кровь закипает в жилах, что же должен испытывать царь России, несущий за нее ответственность перед историей? Не он ли сам назвал дело нашей войны «святым»?... Россия не желает войны, но еще менее желает позорного мира... Долг верноподданного велит всем надеяться и верить — долг же верноподданных велит нам не безмолвствовать в эти дни беззакония и неправды, воздвигающих средостение между царем и землей, между царской мыслью и народной душой». Подобная концовка антиправительственной речи была не случайной. Аксаков прекрасно понимал, что об-

шественное недовольство Берлинским конгрессом обратится непосредственно на царя (как в действительности и произошло) и именно поэтому не хотел, чтобы его критика промахов царских министров была использована антирусскими силами. Впечатление от речи Аксакова было огромно. Издатель журнала-газеты «Гражданин» кн. В. П. Мещерский напечатал речь в специальном прибавлении к «Гражданину», за что это издание было временно приостановлено цензурой. Сам Аксаков послал текст своей речи в Прагу, где она тотчас появилась в чешских газетах. Вскоре речь Аксакова начали обсуждать во всей Европе. Зато гнев правящих кругов в России не заставил себя ждать. Сначала был объявлен строгий выговор от московского генерал-губернатора, затем Аксаков был смещен с поста председателя Московского Славянского комитета. Наконец, сам Славянский комитет был упразднен, а Аксаков выслан из Москвы. Он жил в с. Варварино Владимирской губ., в имении своей жены А. Ф. Тютчевой. В Варварине старый неукротимый боец вел огромную переписку с русскими и зарубежными деятелями, к нему поступали потоки писем со всей России и из-за рубежа. Южные славяне и поныне не забыли роль Аксакова в деле освобождения своих народов. В Софии и Белграде есть улицы, названные именем Аксакова.

Ссылка Аксакова продолжалась недолго, и вскоре он вернулся в Москву. Осенью 1880 стал издавать газету «Русь», выходящую 2 раза в месяц. Возвращение к газетному делу было не случайным — в России рубежа 1870—80-х общественное недовольство итогами Берлинского конгресса использовали революционеры, перейдя к террору. В этих условиях мужественный голос Аксакова сыграл немалую роль в умиротворении страстей. Но для самого Аксакова разочарования не закончились. В 1882 министр внутренних дел гр. Н. П. Игнатьев под влиянием Аксакова попытался созвать Земский собор, приурочив его к коронации имп. Александра III. Однако проект Игнатьева был отклонен советником нового императора К. П. Победоносцевым. Т. о., Аксакову так и не довелось претворить в жизнь ни один из своих политических проектов, несмотря на заслуженный авторитет и влияние в России.

Сам Аксаков не считал себя теоретиком. Всю свою энергию он направлял на популяризацию славянофильского учения. Как политический деятель Аксаков сыграл значительную роль в российской и славянской жизни 1850—80-х, но положение практического политика не предполагает излишнее теоретизирование. И тем не менее Аксаков по заслугам может считаться одним из виднейших теоретиков славянофильства. Если основатели славянофильства А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков заложили философскую и культурную основу славянофильства, то Аксаков может считаться создателем его политической теории. Помимо отражения «злобы дня» Аксаков много писал в своих изданиях и об основах славянофильской доктрины, хотя по своему темпераменту Аксаков действительно не любил и не писал теоретических трактатов. Основопологающие принципы Аксакова заключали единство «земли» и «государства» при духовной власти Православной церкви. Народ («земля») должен не просто повиноваться царю (воплощающему «государство»), он должен иметь и свои права, в первую очередь право высказывать свое мнение, свои надежды и чаяния. «Силу мнения — народу, силу власти — царю!» — эту славянофильскую формулу Аксаков отстаивал всей своей деятельностью. Однако ссылкой на «народное мнение» уже в те времена все правительства оправдывали любые, даже са-

мые антинародные поступки. Поэтому Аксаков ввел в славянофильское учение наряду с понятиями «земля» и «государство» еще и третий элемент — «общество». По его мнению, это «та среда, в которой совершается сознательная умственная деятельность известного народа, которая создается всеми духовными силами народа, разрабатывающими народное самосознание. Другими словами, общество есть народ во втором моменте, на второй ступени своего развития, народ самосознающий». Легко заметить, что общество, по Аксакову, есть лучшая часть народа, разрабатывающая народное самосознание, и именно в этом заключается принципиальное отличие общества от т. н. «интеллигенции» (сам Аксаков всегда писал это слово в кавычках). Нигилизм был логичным концом, до которого могла дойти лишняя национальная почва «интеллигенция». Нигилизм появился не случайно и не внезапно. Он готовился исподволь, имея своими предтечами Курбского и «тушинских перелетов». Во времена петровских реформ произошел отрыв дворянства от народа, Церковь превратилась в звено государственного бюрократического аппарата, не случайно в статье «Бюрократическое и земское государство», помещенной в № 26 «Руси», Аксаков писал о Петре I: «При всех высоких царственных качествах этого Государя дошло при нем до того, что в печатной инструкции военно-учебным заведениям сказано нечто странное для христианского общества, именно что “Государь для подданных есть верховная совесть”, чем как бы упразднилась личная совесть». Отрыв просвещенного слоя от народа и национальной веры не мог не привести к появлению прослойки антинациональной «интеллигенции». Результатом был разрыв «просвещенной публики» и народа. Изменилось также и русское государство, из земской самозащиты превратившееся в бюрократическое, абсолютистское, чуждое русскому самодержавию. Общий вывод Аксакова звучал решительно: «необходимо отрешиться как от Петровского деспотизма, так и от его законнорожденного деспота — протестующего рабства, западноевропейского политического либерализма... Рано или поздно придется убедиться, что петербургскому периоду русской истории должен быть положен конец». Многие свои статьи Аксаков заканчивал призывом: «Пора домой!», понимая под домом исконную Русь. Он безоговорочно поддерживал развитие национальной промышленности и торговли. В его изданиях существовали постоянные рубрики, посвященные разным сторонам экономической жизни страны. Многие статьи Аксаков посвятил роли «материальных сил» в жизни нации. При этом он не только теоретизировал. В 1869 он стал одним из основателей Московского купеческого общества взаимного кредита, а уже в 1874 возглавил его. Честность и безупречная деловая репутация Аксакова вместе с его организаторскими способностями привели к процветанию этого банка.

Соч.: Соч. Т. 1—7. М., 1886—87.

Лит.: Россия и восточный кризис 70-х гг. 19 в. М., 1981; Никитин С. А. Славянские комитеты в России 1858—78. М., 1960; Цимбаев Н. И. Иван Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.

С. Лебедев

АКСАКОВ Константин Сергеевич (29.03[10.04].1817—7[19].12.1860), мыслитель, публицист, филолог, историк, поэт, литературный критик. Аксаков был старшим сыном С. Т. Аксакова и Ольги Семеновны (в девичестве Заплатиной, дочери генерал-майора, участника суворовских походов С. Г. Заплатина). Родился в с. Ново-Аксаково Бугурусланского у. Оренбург-

ской губ. и детство свое провел в различных имениях отца. В 1826 семья С. Т. Аксакова переехала в Москву. С детства Константина окружала дружная обстановка, в семье С. Т. Аксакова было 6 сыновей и 8 дочерей. Свое первоначальное образование Аксаков получил в семье.

В возрасте 15 лет (ранее по возрасту в университет поступил только *Грибоедов*) он поступил в Московский Им-

ператорский университет на словесное отделение. Здесь Аксаков знакомится с *Н. В. Станкевичем*, учившимся на 2-м курсе, и некоторое время посещает его кружок, о котором позже он вспоминал так: «В этом кружке выработалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу, на мир, — воззрение большей частью отрицательное...

Пятнадцатилетний юноша, вообще доверчивый и тогда готовый верить всему, еще много не передумавший, еще со многим не уравнившийся, я был поражен таким исправлением, и мне оно часто было больно; в особенности больны были мне нападения на Россию, которую люблю с самых малых лет».

В 1839 он познакомился с *Ю. Ф. Самариним*, а вскоре и с *А. С. Хомяковым*. С этого времени Аксаков входит в круг московских *славянофилов*. Аксаков полагал Православную веру высшим и даже «всем смыслом» жизни русского народа.

После окончания университета (1835, получил звание кандидата словесного отделения) Аксаков очень долго не мог закончить свою магистерскую диссертацию (магистерский экзамен сдал в 1840) «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (М., 1846) и защитил ее только 6 марта 1847.

На литературном поприще Аксаков известен как автор театральных произведений: драмы «Освобождение Москвы в 1612 году» (1848), водевиля «Почтовая карета» (1845), комедии «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» (1851). Положенное на музыку П. И. Чайковского, с небольшим изменением слов, стихотворение Аксакова «Мой Марихен так уж мал, так уж мал» (1836) стало популярной детской песенкой «Мой Лизочек» (1881). Он переводил Гёте, Шиллера, Мицкевича и др. европейских поэтов. Будучи тонким лингвистом, Аксаков написал книгу «Опыт русской грамматики» (Ч. 1. М., 1860).

Смысл всех филологических работ Аксакова можно сформулировать его же словами: «Вместе с нашествием иноземного влияния на всю Россию, на весь ее быт, на все начала, и язык наш подвергся тому же; его подвели под формы и правила иностранной грамматики, ему совершенно чуждой, и как всю жизнь России, вздумали и его коверкать и объяснять на чужой лад... Да возникнет же вполне вся русская самобытность и национальность!.. Где же национальность шире русской? Да освободится же и язык наш от наложенного на него ига иноземной грамматики, да явится он во всей собственной жизни и свободе своей!..»

Аксаков был активным участником всех славянофильских изданий («Московский литературный и ученый сборник» 1846–47; «Московский сборник» 1852; журнал «Русская беседа»). Особое значение для уяснения славянофиль-

ского взгляда на государство имеет записка Аксакова 1855, предназначавшаяся для молодого имп. Александра II. В ней были сформулированы основные положения славянофильского восприятия отношений государства и нации.

«Русский народ, — утверждал Аксаков, — есть народ не государственный, т. е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя даже зародыша народного властолюбия... как некогда в 862, так в 1612 народ призвал государственную власть, избрал царя и поручил ему неограниченно судьбу свою, мирно сложив оружие и разошедшись по домам... Не правительственные меры удерживали и удерживают порядок в России, а дух народный не хочет нарушать его».

Русский народ хочет, отказавшись от политической жизни, оставить себе «жизнь мирную духа», свободу нравственную, цель которой — «общество христианское».

Аксаков отрицательно относится к активному участию народа в «государствовании», убивающему высшую цель — «духовный подвиг жизни», с потерей которой умирает и сам народ.

«Государственная власть, — пишет Аксаков, — при невмешательстве в нее народа, должна быть неограниченная... форму должна иметь... монархическую. Всякая другая форма: демократическая, аристократическая, допускает участие народа, одна более, другая менее, и непременно ограничение государственной власти, следовательно, не соответствует ни требованию невмешательства народа в правительственную власть, ни требованию неограниченности правительства. Очевидно, что смешанная конституция, вроде английской, точно так же не соответствует тем требованиям...»

Вне народа, вне общественной жизни, может быть только лицо (*individu*). Одно только лицо может быть неограниченным правительством, только лицо освобождает народ от всякого вмешательства в правительство. Поэтому здесь необходим государь, монарх. Только власть монарха есть власть неограниченная. Только при неограниченной власти монархической народ может отделить от себя государство и избавить себя от всякого участия в правительстве, от всякого политического значения, предоставив себе жизнь нравственно-общественную и стремление к духовной свободе. Такое монархическое правительство и поставил себе народ русский».

Государство должно защищать народ, охранять спокойствие его жизни и доставлять народу всяческое «внешнее его обеспечение» для процветания и благосостояния, а народ обязан исполнять государственные требования, давая государству, когда нужно, людские и денежные ресурсы.

Самостоятельным должно оставаться у «безвластного народа к полновластному государству... только одно: общественное мнение», именно оно должно связывать народ и правительство, а для этого необходима свобода печати, но без уничтожения цензуры.

Вторгнувшись в область народа, требуя смены народной традиции, обычаев, государство уничтожило тот союз между народом и властью, который существовал до этого, «образовалось иго государства над землей, и Русская земля стала как бы завоеванной, а государство — завоеванным».

В этом Аксаков видел большую опасность, потому что, отняв внутреннюю общественную свободу своего быта, своей жизни у народа, правительство направляет народный интерес в сторону борьбы за внешние политические свободы.

Выход из современного ему государственного состояния Аксаков видел только в восстановлении «мнения» народного, через созыв Земских соборов. Он сформулировал следующий славянофильский принцип: «Правительству — неограниченная свобода правления, исключительно ему принадлежащая, народу — полная свобода жизни и внешней и внутренней, которую охраняет правительство. Правительству — право действия и, следовательно, закона, народу — право мнения и, следовательно, слова».

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1–3. М., 1861, 1875, 1880; 2-е изд. Т. 1. М., 1889; Соч. Т. 1. Пг., 1915.

М. Смолин

АКСАКОВ Сергей Тимофеевич (20.09[1.10].1791—30.04[12.05].1859), писатель. Родился в Уфе в старинной небогатой дворянской семье. Детство провел в Уфе и в родовом имении в Ново-Аксакове. Не закончив Казанского университета, переехал в Петербург, где служил переводчиком в Комиссии по составлению законов. В 1827–32 служил в Москве цензором, в 1833–38 — инспектором Константиновского межевого училища, затем — директором Константиновского межевого института. С 1843 жил преимущественно в подмосковном имении Абрамцево. Здесь его навещали *Н. В. Гоголь*, *И. С. Тургенев*, М. С. Щепкин. Видное место в русской мемуарной литературе занимают воспоминания Аксакова «История моего знакомства с Гоголем» (опубл. 1890). Во 2-й пол. 20 — н. 30-х занимался театральной критикой, выступал против эпигонов *классицизма* и рутины в сценическом искусстве, призывая актеров к «простоте» и «натуральности» исполнения. Аксаков оценил новаторский характер игры П. С. Мочалова и М. С. Щепкина. В 1834 Аксаков опубликовал очерк «Буря», знаменовавший начало его писательской деятельности. В первых своих книгах: «Записки об уженье» (1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852), «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855), первоначально рассчитанных на узкий круг любителей рыбной ловли и охоты, Аксаков проявил себя как писатель, владеющий богатствами народного слова и тонкой наблюдательностью, как проникновенный поэт русской природы. И. С. Тургенев писал, что охотничьи книги Аксакова обогатили «общую нашу словесность». Выдающийся талант Аксакова раскрылся в книгах «Семейная хроника» (1856) и «Детские годы Багрова-внука» (1858).

Главное место в наследии Аксакова занимает автобиографическая художественная проза, целиком основанная на «воспоминаниях прежней жизни» и семейных преданиях. Она создавалась при глубоком воздействии на Аксакова творчества и личности Гоголя и в атмосфере «семейного» славянофильства, позволившей ему ясно осознать достоинства и коренные традиции народной жизни, живому «природному сочувствию» которой он прежде не ведал цены. Аксаков-художник отвергал всякое насилие, произвол и пробуждал любовь к жизни, к людям, к природе в ее традиционном, извечном аспекте, поэтизировал усадельный быт, крепость семейных устоев. У самого Аксакова было 14 детей (6 сыновей и 8 дочерей), и семья была на редкость дружной; существование ее покоилось на традиционно патриархальных началах, на согласовании наклонностей всех ее членов,

на гармонии настроений и взглядов; дети боготворили «отесеньку» и глубоко любили мать (вдохновительницу их православного воспитания, сочетавшую в себе преданность семье и общественный темперамент, знание духовной и современной художественной литературы и обладавшую литературным даром, проявившимся в ее письмах). *Л. Н. Толстой*, активно общавшийся с Аксаковыми в 1856—59, во всем их домашнем укладе находил «лад» и единство с общенародной моралью. В такой нравственной атмосфере слагался и крепнул основной пафос «воспоминаний», о котором *И. Аксаков* писал: «...теплая объективность... которая чуждается всякой экзальтации, резкости, полна любви и благоволения к людям и отводит место каждому явлению, признавая его причинность, доброту и дурное в жизни».

Живописуя «домашнюю» жизнь русского дворянства, поэтизируя повседневные события поместного быта, пристально глядя в их нравственные истоки и последствия, Аксаков остается верен характеру своего дарования и своей творческой установке — воспроизводить абсолютно достоверный жизненный материал. Аксаков считал себя лишь «передатчиком» и «рассказчиком» действительных событий: «Я могу писать, только стоя на почве действительности, идя за нитью истинного события... даром чистого вымысла я вовсе не владею». Проза Аксакова сугубо автобиографична, но при предельной ограниченности художественного вымысла его герои и ситуации исполнены несомненной типичности. Явившись одним из родоначальников русской автобиографической прозы, Аксаков стал и ее первым классиком.

Первый отрывок «воспоминаний прежней жизни» написан в 1840, опубликован в 1846 в «Московском литературном и ученом сборнике»; другие появлялись в периодических изданиях 50-х. Затем Аксаков объединил их под общим заглавием «Семейная хроника» (М., 1856, без 4-го и 5-го отрывков, опубликована вместе с «Воспоминаниями»; 2-е полн. изд. М., 1856). Частная хроника трех поколений Багровых воссоздана на основе широкой панорамы помещичьего быта к. XVIII в. Образы помещиков — яркие типы «усадельной» жизни: Степан Михайлович Багров, крепкий, справедливый, предпримчивый «хозяин», «по душе возвышенный старик» с «коренными» началами, но и с чертами самовластного барства, порождавшего вокруг себя «тину каверз, рабства, лжи»; его сын Алексей, обыкновенный «деревенский дворянчик», хотя и с удивительным чувством любви к природе; невестка Софья, красавица, гордая, умная, образованная, преданная мать, — одна из лучших героинь русской литературы; Куролесов, властный и деятельный помещик, но развратник и садист, отравленный крепостными. Сосредоточенный в своем замысле и пафосе на нравственном перевоспитании человека, Аксаков, однако, не избегает социального обличения крепостнической действительности.

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1–6. СПб., 1886; Собр. соч. Т. 1–6. СПб., [1909]—1910; Т. 1–4. М., 1955—56; Избр. соч. М.; Л., 1949; История моего знакомства с Гоголем. М., 1960.

С. М., В. К.

АКСАКОВА Анна Федоровна (урожд. *Тютчева*) (21.04 [3.05].1829—11[23].08.1889), мемуаристка. Дочь *Ф. И. Тютчева*. После смерти матери (1838) жила у ее родственников, в 1839—41 воспитывалась в доме отца в Мюнхене, в 1841—43 — в доме тетки в Веймаре. В 1843—45 училась в Мюнхенском королевском институте благородных девиц. В сент. 1845 переселилась в Россию. С 1853 фрейлина вел. кн. (с 1855 — имп.) Марии Александровны; в 1858—65 гувернантка младших детей Александра II. С янв. 1866 замужем за *И. С. Аксаковым*.

Аксакова приехала в Россию, не зная языка и обычаев; переворот в ее «нравственном сознании» произвела бро-

шюра А. С. Хомякова «Несколько слов православного христианина...» (Париж, 1853, на франц. яз.), резюмировавшая воззрения *славянофилов* (и близкая по духу публицистике Тютчева). В течение многих лет Аксакова была

«проводником» славянофильских мнений при дворе: наделенная характером «порывистым и властным» (слова отца), она выделялась в этой среде прямою поступков и безбоязненной речью, преданностью долгу и «живым благочестием»; позднее Аксакова снискала репутацию «неумолимой громовержицы» московских салонов (И. С. Тургенев). Разделяя философские и общественные воззрения мужа, Аксакова свои последние годы посвятила изданию его литературного и эпистолярного

наследия. Ее дневники и воспоминания (франц. яз.; пер. под фам. А. Ф. Тютчева: «При дворе двух императоров. 1853–1882». Т. 1–2. М., 1928–29) представляют интерес как драматическое исповедание человека, осознающего глубокий разрыв между «идеальным» консерватизмом и существующим законопорядком. Аксакова точна и часто насмешлива в описаниях лиц и событий.

Тютчева, не склонного поддерживать родственные отношения, со старшей дочерью, однако, связывал род дружбы, который как бы поменял их местами: с ранних лет Аксакова испытывала почти материнское сочувствие к «petit rara». К ней обращены стихотворения «При посылке Нового завета» (1861, «Не легкий жребий, не отрадный / Был вынуд для тебя судьбой»), «Мир и согласие между нас...» (1872); под диктовку отца она записала стихотворение «Слезы людские, о слезы людские» (1849); в 1862 Тютчев переработал стихотворный опыт Аксаковой «Святые горы».

Изд.: Письма А. Ф. Тютчевой к К. П. Победоносцеву и к сестре ее Е. Ф. Тютчевой (1865–1866) // Русский архив. 1905. Кн. 2; Переписка с Н. С. Соханской // Русское обозрение. 1897. № 10–12.

Ист.: Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 9–10.

АКСАКОВА Вера Сергеевна (7[19].02.1819–24.02[7.03]. 1864), мемуаристка. Родилась в с. Ново-Аксаково Бугурусланского у. Оренбургской губ. Дочь С. Т. Аксакова, сестра К. С. Аксакова и И. С. Аксакова. Воспитывалась дома (с 1826 – в Москве).

Восприняв славянофильское умонастроение К. Аксакова, Аксакова походила на брата сознанием ответственности за порученный «трудный подвиг жизни», непосредственность душевных реакций. Разделяя семейное преклонение перед *Гоголем*-писателем (лично знакома с ним с окт. 1839), рассматривала его и как редчайший в современную эпоху тип «святого подвижника», неумолимо любившего людей

и потому ставшего их «воспитателем». Всю жизнь провела в семейном кругу: ее «Дневник» за 1854–55 (СПб., 1913) содержит важнейшие сведения об отношении *славянофилов* к переломным событиям тех лет и их характеристики.

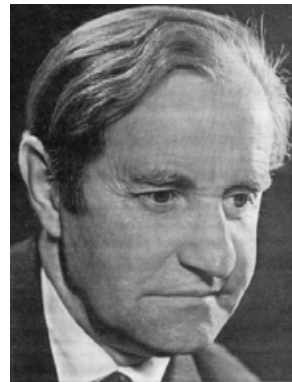
Изд.: Последние дни жизни Гоголя // Минувшие годы. 1908. № 7; [Мемуары и письма гл. обр. о Гоголе] // Литературное наследство. Т. 56, 58.

Ист.: Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. С. 10.

АКСЕНОВСКИЙ Дмитрий Андреевич, поэт-самоучка XIX в., дворцовый механик. Родился в Сольвычегодском у. Вологодской губ. в семье государственных крестьян.

В 1846 вышел сборник Аксеновского «Стихотворения придворного мастера водоочистительных машин», проникнутый патриотическим духом. Верноподданнические чувства Аксеновского к «Царю-отцу» поддерживались атмосферой дворцовой парадности, в которой он провел значительную часть жизни. В открывающих сборник стихах религиозного содержания («Молитва», «Ангел»), а также в обширной группе стихов «на случай», обращенных к членам царской фамилии, Аксеновский рисует светлую картину отношений патриархального крестьянства и царской власти. Значительную часть сборника составляют стихи, прославляющие домовитость и хозяйственную сметку («Опыт — первый друг», «Сельское поучение» и др.), — мотивы, близкие поэзии Ф. Н. Слепушкина, с которым Аксеновский был, видимо, знаком. Фольклорная традиция у Аксеновского проявляется в народной ритмике некоторых стихов. В 50-е появляются отдельно изданные оды и стихотворения Аксеновского к высочайшим особам, в т. ч. «На кончину Е. И. В. Николая Павловича» и «На восшествие на престол Императора Александра II» (обе — СПб., 1855).

АКУЛОВ Иван Иванович (15.09.1922–25.12.1988), писатель. Родился на Урале в д. Урусово Ирбитского р-на в крестьянской семье. Учился в пединституте. Работал учителем в сельской школе, потом в газете «Уральский рабочий».

Участвовал в Великой Отечественной войне, был трижды ранен. Начал воевать рядовым, закончил майором. После войны закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте. В к. 60-х купил себе дачу в пос. Семхоз близ Сергиева Посада и сразу влился в литературный патриотический отряд «*Радонежцы*». Перу Акуллова принадлежат романы «В вечном долгу», «Крещение», «Касьян Остудный», «Не ошибись, милуя». Два последних написаны в Семхозе.

Среди многочисленных художественных произведений о Великой Отечественной войне роман Акуллова «Крещение» выделяется той неподкупной объективной правдой, в которой как в монолите соединено трагическое и героическое. Такое мог создать только одаренный художник слова, лично прошедший через шквал огня и металла, через окропленные кровью морозные снега, не однажды видевший смерть в лицо. Значимость и силу роману «Крещение»

придает не только событийная правда, но и классическая художественность, богатство русского народного языка, объемность и разнообразие созданных характеров и образов. Его персонажи, как рядовые, так и офицеры, высвечены ярким светом, проникающим в их психологию и духовный мир. Все это в равной степени относится и к роману Акулова «Касьян Остудный», написанному следом за «Крещением». В романе «Касьян Остудный» писатель поднимает глубинные пласты советской действительности, положение русской деревни в драматический период ее жизни — переломный этап коллективизации. Акулова не смущает шолоховская «Поднятая целина» и др. книги, посвященные коллективизации. У него свой взгляд, своя арена событий — Сибирь. Акулов исследует жизнь и психологию различных характеров, их поступки, дела и мысли. И каждый персонаж — это личность, выписанная тонкой кистью художника слова. У Акулова нет карикатурных, поверхностных персонажей, будь то делец и карьерист, или честный, порядочный гражданин. Персонажи его романа живые, со всеми своими слабостями и достоинствами. В создании характеров Акулов большой мастер. Он серьезный аналитик и в описании событий, художник широкого мышления. Он русский писатель-патриот, обратившийся в своем творчестве к фундаментальным темам истории русского народа.

И. Шевцов

АЛАБИН Петр Владимирович (1824—1896), писатель. Участвовал в венгерской и крымской кампаниях; в 1877 был уполномоченным Красного Креста на войне, затем губернатором в Болгарии, позже — председателем самарской губернской земской управы и с 1885 по 1892 городским головой в Самаре. Напечатал: «25-летие Самары как губернского города» (Самара, 1887); «Походные записки в войну 1853—56 гг.» (Вятка, 1861; 2-е изд., доп. Самара, 1888—92); «Трехвековая годовщина города Самары» (Самара, 1887).

АЛАДЫН Егор Васильевич (1796—26.08.1860), издатель, писатель, поэт. Из дворян Курской губ. С 1820 по 1853 на государственной службе в Петербурге. В 1825—33 выпустил 9 книг «Невского альманаха», наиболее долговечного среди подобных изданий пушкинского времени. В «Невском альманахе» участвовали А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, Н. А. Полевой, Н. М. Языков, В. И. Карлгоф и др. В альманахе и др. своих изданиях публиковал собственные стихи и прозу (повесть на историческую тему «Владислав и Александра» — из эпохи нашествия Батыя и др.). Занимался переводами.

Лит.: Соч. и переводы в прозе. Ч. 1—2. СПб., 1833; Повести. Ч. 1—2. СПб., 1833.

АЛАТЫРЬ (латырь), камень, упоминается в стихе о Голубиной книге, былинах, заговорах и т. д. в качестве или географического пункта, или предмета, с которым связывается мистическое значение. В русскую народную поэзию он вошел из цикла сионских преданий о чудесном алтарном

камне, положенном Спасителем в основание Сионской церкви. Как алтарь (откуда латырь — алатырь), он являлся вначале символом совершавшейся на нем бескровной жертвы и олицетворял высшее таинство христианства, но впоследствии разнообразные отражения в поэзии и суеверии сохранили за ним лишь общее значение чудодейственного предмета. Варьирование древнейшего представления приводит, с одной стороны, к белому камню Латырю нашей Голубиной книги, на котором «беседовал да опочив держал сам Иисус Христос Царь небесный», а с другой — к легендам о Граале, который является то чашей Тайной вечери, то чудесным камнем, снесенным с неба ангелами.

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТИХ, система двустопный, шестистопный ямб со смежными рифмами. В России александрийский стих был введен В. Тредиаковским и почти в течение столетия он был популярнейшим (после четырехстопного ямба) размером в русской поэзии. Он употреблялся в поэмах и трагедиях поэтов XVIII в. — М. Ломоносова, А. Сумарокова, М. Хераскова, В. Озерова, в торжественных лирических стихотворениях и т. д. Со 2-й пол. XIX в. александрийский стих встречается изредка, а в XX в. почти вышел из употребления.

«АЛЕКСАНДРИЯ», переводной греческий роман о жизни и подвигах Александра Македонского (356—323 до Р. Х.).

Древнерусский перевод с греческого был сделан в XII—XIII вв. «Александрия» известна в нескольких редакциях. Называется она хронографической, т. к. встречается

Лист из романа «Александрия»

лишь в составе хронографических сводов. Первая редакция входила в состав хронографического свода XIII в. (сохранилась в восходящих к нему хронографах Архивском и Виленском) и в списке первой редакции Летописца Еллинского и Римского. В списках второй редакции Летописца Еллинского и Римского встречается вторая редакция «Александрии». В ней добавлены различные эпизоды, заимствованные из переводной литературы: фантастические и чудесные рассказы о полете Александра в поднебесье и погружении его в морскую пучину, описание неведомых земель и Вавилона, женитьба царя Вуза на матери Александра Олимпиаде; введен в основной текст рассказ о посещении Александром рахманов. Интересно, что в барельефах Дмитровского и Успенского соборов в г. Владимире встречается сюжет о полете Александра на небо. Но неясно, был ли текст романа источником изображений или мастер подражал иноземным (возможно, западным) образцам. Известно еще несколько редакций «Александрии». Кроме «Александрии» Хронографической, в XV в. была переведена «Александрия» Сербская, существующая в отдельных списках.

В «Александрии» рассказывается легендарная биография Александра, в которой много сказочных деталей. В повествовании многие события недостоверны: вопреки историческим фактам, Александр совершает походы в Италию и Африку, к Карфагену, женой его становится дочь Дария Роксана (на самом деле Роксана была дочерью бактрийского сатрапа). Большое место в «Александрии» занимают изображения битв, близкие к формулам жанра воинских повестей. Яркой художественной особенностью «Александрии» являются описания далеких чудесных земель. В поисках Александром «конца земли» заключен и глубокий философский смысл. Большая популярность повести была связана и с занимательными описаниями диковинных людей, зверей, явлений природы.

Лит.: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1922. Т. 2; *Орлов А. С.* Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934; *Творогов О. В.* Беллетристические элементы в переводном историческом повествовании XI—XIII вв. Истоки русской беллетристики. Л., 1970; *Он же.* Древнерусские хронографы. Л., 1975.

АЛЕКСАНДРОВ Анатолий Александрович (9.04.1861—1930), журналист, поэт. Родился в с. Савенково Белёвского у. Тульской губ. С 1875 обучался в Ломоносовской семинарии при Катковском лицее в Москве, пользуясь покровительством *М. Н. Каткова*. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1891—98 — приват-доцент. Стихи начал публиковать в 90-х в журналах «Русское обозрение», «Русский вестник», «Исторический вестник», газете «Московские ведомости». В 1892—98 при поддержке *К. П. Победоносцева*, стремившегося возродить в печати «катковский дух», издавал и редактировал журнал «Русское обозрение», среди авторов которого были *К. П. Победоносцев, Н. Н. Страхов, Л. А. Тихомиров, Ю. Н. Говоруха-Отрок, В. В. Розанов, В. А. Грингмут*. В 1895 основал газету «Русское слово». С 1910 жил в Сергиевом Посаде. В 1915 выпустил книгу «И. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма К. Н. Леонтьева к А. Александрову».

АЛЕКСАНДРОВ Владимир Александрович (11[23].07. 1842—25.02[10.03].1906), вологодский этнограф. Ему принадлежат этнографические очерки «Вологодская свадьба» («Библиотека для чтения», 1863, 5 и 6) и «Деревенское веселье в вологодском уезде» («Современник». 1864. № 7), заключающие обстоятельное

описание всех обрядов и песен, сопровождающих крестьянские свадьбы в Вологодской губ. Тот же материал положен им в основу драматических картин из крестьянской жизни, напечатанных в «Заре» 1871 (№ 6) под заглавием «Славнуки». В этой драме автор проводит мысль о разлагающем действии городской цивилизации на крестьянский быт.

Написал ряд рассказов для народного чтения, в т. ч. «Труд человека кормит, а лень портит» (1862, 9 изданий), «Как аукнется, так и откликнется».

АЛЕКСАНДРОВ Николай Александрович (25.11[11.12]. 1841—20.06[2.07].1907), писатель. Слушал лекции в Харьковском, Московском и С.-Петербургском университетах. Начав с рецензий в «Современнике», помещал в разных изданиях критические этюды, статьи по этнографии и по искусству, фельетоны и проч. Был одним из редакторов журнала «Библиограф» (1869), «Русской газеты» (1875—76). В 1881 Александров основал «Художественный журнал», в котором поместил статьи о Куинджи, Крамском и Вл. Маковском. С 1896 редактировал журнал «Север». Отдельно издал: «Народы России» (1872—73), «Волга. Этнографические рассказы для детей» (1874), «На празднике», детский сборник (1873; вместе с А. Н. Плещеевым) и несколько чтений для народа (1874—92).

В н. 70-х подготовил ряд научно-популярных очерков, которые легли в основу его сборников этнографических рассказов для детей «Народы России» (СПб., 1872), то же под названием «Где на Руси какой народ живет и чем промышляет» (СПб., 1874).

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Иван Трофимович (ок. 1783 — после 1841), педагог, критик. Из духовного звания. Обучался в Рязанской духовной семинарии, из которой в 1803 был принят в Петербургский педагогический институт (окончил в 1807). Еще в студенческие годы печатался в журналах и сборниках. Литературный дебют Александровского — басня «Чертоги и хижина» (1804). Его почтительный, но содержащий критические замечания разбор поэмы *С. С. Боброва* «Таврида» вызвал полемику. Интерес представляет его «Рассуждение о постепенном возвышении Российской словесности» (журнал «Лицей». 1806), одна из первых попыток рассмотреть значение русской литературы в контексте общественной образованности — историко-культурного развития России.

АЛЕКСЕЕВ Михаил Николаевич (р. 29.11.1918), прозаик, публицист, критик, журналист. Родился в с. Монастырское Баландинского у. Саратовской губ. в крестьянской семье. Рано лишился родителей: мать умерла от голода, а отец — в заключении: «Мой отец — Николай Михайлович Алексеев — был секретарем сельского совета. Умудрялся выдавать людям справки, чтобы могли спастись (от голода н. 30-х, без документов нельзя было покинуть село. — *Ред.*). Кто-то выдал, его осудили, и он умер в саратовской тюрьме». После окончания в 1936 местной школы-

семилетки поступил в Аткарское педучилище. В 1938 был призван в армию. Начав службу рядовым солдатом, Алексеев демобилизовался осенью 1955 в чине полковника.

Алексеев вошел в литературу как писатель-баталист. Его первый роман «Солдаты» (кн. 1 — 1951; кн. 2 под названием «Пути-дороги» — 1952—53) был о Великой Отечественной войне. Событиям на фронте, мирным солдатским будням были посвящены сборники рассказов «Наш лейтенант» (1955), «Жили-были два товарища...» (1958), повесть «Наследники» (1957) и др.

С н. 60-х Алексеев стал писать о деревне, стремясь осмыслить пути ее развития и заглядывая в отдаленное прошлое с тем, чтобы лучше понять день сегодняшний. В этом переходе от военной темы к «деревенской» прозе не было, однако, ничего неожиданного. Ведь в солдатах Алексеева легко угадывались сельские жители — «землепашцы, только по случаю войны надевшие защитную форму», ибо «так издревле на Руси повелось: в мирное время крестьянин пашет землю, в лихолетье меняет орало на меч, идет защищать Отечество». Деревенский уклон в значительной мере стимулировался родословной Алексеева, постоянной связью писателя с «малой родиной» — с саратовским с. Монастырское, где он так часто бывал.

Роман «Вишневы омут» (1961), построенный на материале дореволюционной деревни, насыщен трагическими коллизиями, он несет в себе большой поэтический заряд. Через все произведение проходит образ сада, символизирующего собой красоту родной земли и творческие начала жизни. В главном герое «Вишневого омута» Михаиле Харламове писателю удалось воплотить многие черты русского национального характера.

«Деревенская» линия была продолжена Алексеевым и в повести в новеллах «Хлеб — имя существительное» (1964). Перед читателями оживает современная деревня; многие из героев являются людьми с «чуждинкой»: дед Капля, Меркидон Люшня, однорукий Зуля, необычный летописец Иннокентий Данилов и др. Широко используя лирические, трагические, комические и сатирические краски, Алексеев высвечивает красоту, мужество и выносливость народной души. Несколько странное название повести (первоначальное название «Журавушка») было подсказано писателю его философствующим земляком, который в н. 60-х, беседуя с Алексеевым, заметил: «Хлеб — имя существительное, поскольку мы существуем, пока едим хлеб насущный, а все остальное — прилагательное».

В повести «Карюха» (1967), обладающей особой силой эмоционального воздействия, Алексеев показывает трудную жизнь крестьянской семьи, едва ли не главной в которой предстает беспородная лошадь Карюха. Кроме кормилицы Карюхи, в произведении весьма выразительно нарисована ее породистая, красивая дочь Майка, которую — на беду всей семьи — зарезали волки. Повествование ведется от имени ребенка, что придает этому остродраматическому произведению, прозвучавшему как поэма о человечности, особую окраску.

Военные и невоенные произведения Алексеева дополняют друг друга. В романе же «Ивушка неплачущая» (1970—74) происходит слияние двух главных тем прозаика — военной и деревенской. Автор дает широкую картину народной жизни от предвоенной поры до сер. 60-х. Через судьбы жителей приволжского с. Завидово Алексеев показывает судьбу страны, на долю которой выпало так много испытаний. Центральной в романе является сюжетная линия, связанная с Феней Угрюмовой — первой в Завидове солдатской вдовой с маленьким сыном на руках. Роман «Ивушка неплачущая» был отмечен в 1976 Государственной премией СССР.

Изображению довоенного периода посвящен роман «Драчуны» (1981). Сюжетной основой произведения стало описание многолетней вражды, родившейся из детских потасовок. В «Драчунах» Алексеев впервые рассказал о голоде 1933: «Это была полностью запретная тема. Но она жила во мне, терзала. Я, выпустивший столько книг, не рассказал о самом главном для моих земляков, для всего народа! О самой большой беде. 33-й год — это был геноцид, никто еще не назвал истинной цифры погибших. <...> Голод пытались объяснить засухой. Но никогда засуха не могла охватить такие обширные области. Урожай был вполне нормальный. Но все вымели. Сначала фураж — подошли все колхозные лошади, потом стали умирать люди. Кто-то успел убежать, но немногие. Паспортов нет, куда побежишь без документов? <...> Мог ли я не рассказать об этом?» За роман «пришлось вести самую настоящую войну с цензурой. <...> Во спасение целого я наиболее спорные куски убирал — где про людоедство и т. п. Но все равно роман получился страшным. У меня на даче в углу огромная стопка писем со всех концов страны. Ни на одну свою книгу я не получал столько отзывов, как на «Драчунов». 10 лет его замалчивали, вычеркивали из списка моих книг...».

Как участник Сталинградской битвы, писатель обращается к созданию документально-автобиографического романа «Мой Сталинград» (1993). Повествование разворачивается не по канонам классического романа. Алексеев стремится рассказывать только о том, чему был сам свидетель, и о тех, кого знал хорошо по службе в одной воинской части, по совместным боям в междуречье Дона и Волги летом и осенью 42-го и зимой 43-го, при этом соблюдая железную установку: ничего не придумывать, не досочинять.

Некоторые произведения Алексеева экранизированы. Особой популярностью пользуется фильм «Журавушка» (по мотивам романа «Хлеб — имя существительное»).

Соч.: Собр. соч.: В 6 т. М., 1975—77; Собр. соч.: В 8 т. М., 1987—90; Мой Сталинград. М., 1993 (Роман-газета. № 1 (1199); Карюха: Повесть; Драчуны: Роман; Рыжонка: Ностальгическая повесть. М., 1994.

П. Бекедин

АЛЕКСЕЕВ Николай Николаевич (18[30].09.1871—17[30].06.1905), писатель. Из дворян Петербургской губ.; сын штабс-капитана. Окончил петербургскую Введенскую гимназию. В 1893—98 учился на юридическом факультете Петербургского университета (прослушал полный курс наук, но не получил диплома).

В 1896 опубликовал первую повесть «Среди бед и напастей» («Биржевые ведомости». № 141—215). В дальнейшем печатался в журналах «Живописное обозрение», «Беседа», «Исторический вестник», «Новый мир», «Литературные вечера «Нового мира», «Русский паломник» (прил.), газете «Петербургский

листок» и др. Автор многочисленных, гл. обр. исторических, рассказов, очерков, повестей, романов. В освещении событий разных периодов русской истории очевидны православно-монархическая, патриотическая позиции.

Написал романы: «Татарский отпрыск» (СПб., 1896), «Среди бед» (СПб., 1897), «Розы и тернии» (СПб., 1898), «Лжецаревич» (СПб., 1899), «Заморский выходец» (СПб., 1900), «В грозу народную» (СПб.; М., 1902), повести «Федосеевский владыка» (СПб., 1903), «Огневой еретик» (СПб., 1905) и др.

АЛЕКСЕЕВ Федор Александрович, поэт 1820—30-х; из вольноотпущенных «воспитанников». Окончил Тульскую губернскую гимназию (1822); в том же году поступил в Московский университет, но в следующем году исключен.

С 1825 публикует свои стихи в «*Московском телеграфе*», «*Московском вестнике*» и др., а также в альманахах «Северное сияние» (1831), «Эверта» (1831), «Полярная звезда на 1832 г.», «Улыбка весны» (1832), связанных большей частью с московской университетской средой. Помещенные здесь лирические стихи воспроизводили формулы пушкинского поэтического стиля 1820-х. Байроническая поэма «Чека. Уральская повесть» (М., 1828) о сподвижнике Е. И. Пугачева, написанная под влиянием А. С. Пушкина, получила высокую оценку рецензента «Московского телеграфа» (1829), где Алексеев характеризовался как «юный поэт» незаурядного дарования. Некоторые стихи Алексеева («К***» — «Я избалован с детских дней...»), «Меня покинули желанья») в жанрах традиционных элегии и романа пользовались популярностью, помещались в альбомах и песенниках до 1860-х.

В. В.

АЛЕКСЕЙ (Алексий) (ок. 1239—1378), митрополит Московский и всея Руси, автор поучений.

Алексей — сын богатого черниговского боярина Федора Бяконта, родился в Москве. При крещении получил имя Елевферия-Симеона. Был пострижен в московском Богоявленском монастыре, в 1345 рукоположен в епископы Владимирские, в 1348 получил в Константинополе сан митрополита всея Руси. Заметно усилил свое влияние на политическую жизнь в борьбе с монголо-татарскими завоевателями, боролся за единство русских земель, сглаживая княжеские противоречия. Мощи его были в московском Чудовом монастыре, а общерусская канонизация установлена митр. Ионою в к. 1448. Помимо дня смерти стали праздновать день обретения его мощей (20 мая), а впоследствии к этому добавился праздник святителей московских Петра, Ионы, Филиппа и Гермогена 5 окт. Сведения о жизни и деятельности Алексея содержатся в летописях и в его житии.

Алексей известен как автор двух поучений, Послания, или грамоты на Червлёный Яр, Духовной грамоты, а также, возможно, переводчик и один из писцов Чудовского списка Нового Завета.

Память свт. Алексею отмечается 12/25 февр., 20 мая/ 2 июня (обретение мощей) и 5/18 окт.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (19.03.1629—29.01.1676), второй царь из дома Романовых с 1645, автор нескольких литературных произведений. Сын царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны (в девичестве Стрешневой). Воспитывался в окружении царских «мамок», а потом «дядьками» — боярином

Б. И. Морозовым, В. И. Стрешневым и др. С 5 лет царевич стал обучаться грамоте, в 9 — церковному пению.

Алексей Михайлович был образованным человеком, знал иностранные языки. Он сам читал челобитные и др. документы, писал или редактировал важные указы и первым из русских царей стал собственноручно подписывать их. Литературное наследие Алексея Михайловича многообразно: обширная переписка, произведения в прозе и стихах, мемуары. Современные исследователи считают, что наиболее ярко литературные дарования царя проявились в письмах. Сохранилось более 100 посланий царя его родным и близким, самое раннее написано в 1646, а самое позднее — за год до кончины. Алексей Михайлович в совершенстве владел эпистолярным каноном, излагал свои мысли простым и ясным языком. Наиболее интересными считаются послания А. И. Матюшкину, Н. И. Одоевскому, членам царской семьи, а также послания патр. Никону, одно из которых, «Статейный список», фактически является мемуарным произведением царя. Некоторые ученые считают Алексея Михайловича автором учебника по соколиной охоте — «Урядник сокольного пути», а также новой редакции «Сказания об Успении Богородицы». Кроме того, Алексей Михайлович известен и как гимнограф, автор распева стиха «Не тебе Пресвятая Богородице диво».

Известный историк С. Ф. Платонов писал об Алексее Михайловиче: «Он был прекрасно знаком с литературой того времени и до тонкости усвоил себе книжный язык. В серьезных письмах и сочинениях царь любил пускаться в ход книжные обороты, употреблять цветистые афоризмы... каждый афоризм продуман, из каждой фразы глядит живая мысль».

С. Перевезенцев

АЛЕКСЕЙ ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ, святой персонаж русских народных духовных стихов (см.: Духовные стихи).

Легенда об Алексее человеке Божьем, возникновение которой относят к к. IV — н. V в., принадлежит к числу самых популярных раннехристианских легенд, во всех европейских литературах есть немало ее прозаических и стихотворных обработок. Не меньшее распространение имели и древнерусские книжные варианты этой легенды, входившие во многие рукописные сборники, включенные в знаменитые макарьевские *Четьи Минеи* и Пролог, распевавшиеся в форме народного духовного стиха.

Русский народ создал свою песню-поэму об этом героестрадалце, умирающем неузнанным нищим в доме своего отца-князя. Как и др. персонажи духовных стихов, Алексей человек Божий тоже был примером стойкости, хотя его не закапывают в землю, как каличьего атамана Касьяна, не мучают «муками разноличными», как Егория Храброго, на его долю выпадают испытания иного рода — жизненные невзгоды.

Алексей человек Божий, наравне с бедным Лазарем, стали своими героями «нищей братии» именно потому, что были нищими. Но в отличие от бедного Лазаря, Алексей человек Божий добровольно отказался от всех благ земных. Русская «нищая братия» веками пела о его страданиях, как о своих. О степени популярности этого стиха В. П. Адрианова-Перетц писала в 1917: «Без преувеличения можно сказать, что ни один из подвижников русской земли не вызвал к себе такого интереса, не пробуждал такого сочувствия к своей жизни, как Алексей человек Божий».

Народный духовный стих об Алексее человеке Божьем близок и к устным легендам, и к книжным вариантам. Свообразие народной обработки заключается не в том, что первоисточник изменен до неузнаваемости, что в него введены новые образы, сюжетные линии. Наоборот, это довольно редкий случай, когда народный стих довольно близок к «оригиналу», в нем почти полностью сохранена сюжетная канва. «Узнаваемость» является одним из основных условий устного бытования стиха и его популярности. С той лишь разницей, что в народном стихе средневековая легенда переосмыслена точно так же, как и любые другие «бродячие» сюжеты, совпадающие в фольклоре почти всех стран и народов.

Наиболее полный и развернутый вариант духовного стиха об Алексее человеке Божьем опубликован *П. В. Киреевским* в 1849 в первом томе его Собрания народных песен (по всей вероятности, его и имел в виду *Н. М. Языков*, когда в письме *А. С. Пушкину* от 1 июня 1836 сообщал на просьбу поэта, что народную легенду об Алексее человеке Божьем «дулжно взять у Петра Киреевского, сличенную со многими списками»). Этот духовный стих известен также в записи от «народной поэтессы» *И. А. Федосовой*, создавшей свою оригинальную поэму. Вот как, к примеру, Евфимиян (у Федосовой — Ефим-Ян) с женой молят Господа послать им «чадо единое»: «Дай-ко, Господи, мало мне отродье, / Пошли, Господи, на землю отплодье! / Создай, Господи, сына, либо дочь, / С малых лет их на утеху, / Моему полувекну на перемену, / Под старые дни на потеху».

В варианте *П. В. Киреевского* просто сообщается: «Создал им Господь детище единое, / Аглаида во утробе поносила, / Понося ему чадо породила». У Федосовой эта сцена развертывается в целый эпический сюжет. Ее Ефим-Ян после своего обращения к Господу слышит «глас»: «Ай-же, Ефим-Ян, княже богатый, / Поди-ко ты в свою каменную палату, / Возьми-ко ты шёлков свой невод, / Иди-ко ты на синё море, / Вылови свежую ты рыбину, / Скорми обручную княгине Катерине: / С той поры княгиня понесется; / Принесет чадо тебе мило, / Принесет тебе-ли она сына; / Порекут ему имя Алексеем».

Федосова не описывает странствий и страданий Алексея, но такие описания есть во многих др. вариантах, в т. ч. у *П. В. Киреевского*, где приводится такая характерная сцена. Выйдя из дома, Алексей встречает нищего и обращается к нему со словами: «Ты нищий, ты нищий брате! / Скинь свою нищенску одежду, / Возьми ты моё цветно платье, / А мне дай свою нищенску одежду!»

Почти во всех вариантах народный духовный стих об Алексее человеке Божьем заканчивается сценой плача. Это одна из самых выразительных сцен в народных духовных стихах. Вот как выглядит такой плач в прозаической записи *П. Н. Рыбникова* от слепого калики Ивана: «Свет ты, мое любимое чадо, — обращается отец к умершему сыну, — чего ради ты во плоти не сказался?» — «Сын ли ты мой спорожденный, — причитает благоверная княгиня, — чего ради мне, матери, не сказался, пришел из великия пустыни? Али ты плачи нашей не слышал? Сама бы я, мать, к тебе приходила, сахарны бы яства приносила, одежду бы с тебя перенадела». — «Чего ради мне, младый, не сказался, — вторит ей жена Алексея, — пришел из великия пустыни? Аль ты плачи нашей не слышал? Втай бы к тебе, млада, приходила».

Ничего подобного в книжных вариантах легенды нет, она «обработана» согласно законам народной поэтики, обогащена введением фольклорных мотивов в сцены рождения, крещения, свадьбы, оплакивания Алексея. И такой фольклоризированный книжный сюжет, причем не собственно русский, а заимствованный, становится оригинальным произведением устной народной словесности. Широкому распространению стиха об Алексее человеке Божьем в народной среде во многом способствовало его содержание. Отказ от богатства, лишения, странствования Алексея, жизнь неузнанным нищим в доме отца — все это, безусловно, вызывало искреннее сочувствие, находило живой отклик в народной среде.

Лит.: *Адрианова-Перетц В. П.* Житие Алексея человека Божия в древнерусской литературе и народной словесности. Пг., 1917.

В. Калугин

АЛЕША ПОПОВИЧ, былинный герой. Вместе с *Ильей Муромцем* и *Добрыней Никитичем* входит в былинную «троицу» главных героев русского народного эпоса. Летописные известия, сказания и повести об Александре Поповиче, сохранившиеся в рукописных сборниках XV—XVII вв., не дают оснований сблизить его с былинным героем. Ни один из былинных сюжетов не совпадает с летописными известиями. Нет никакой определенности и в том, кого из двух Александров Поповичей можно хотя бы предположительно считать «прототипом» былинного Алеши Поповича: погибшего с 70 богатырями в исторической битве на Калке в 1223 или др. Поповича и др. Александра, который, согласно тем же летописям, был современником не Всеволода Большое Гнездо, а Владимира Святославича и в 1001, убив самого могучего печенежского богатыря, пленил и привез в Киев их князя Родмана (почти так же, как *Илья Муромец* привез в Киев к кн. Владимиру *Соловья-разбойника*), а в 1004 вновь пошел «на печенежи», которые в ужасе «побегоша в поле», услышав о его приближении? Или же речь идет о двух разных богатырях с одним именем: мало ли на Руси было «поповичей», а среди них Алешей и Александров? Или же все три — плод народной фантазии, и эпический Алеша Попович вовсе не имеет никакого отношения к летописным Александром Поповичам?.. Вот уже более столетия исследователи пытаются найти ответы на эти вопросы, разрешить неразрешимые «былинные загадки».

Известный исследователь фольклора *В. Я. Пронн*, сравнивая Алешу Поповича не с летописными «прототипами», а с *Ильей Муромцем* и с *Добрыней Никитичем*, составил его «характеристику», которую можно считать исчерпывающей: «Из трех героев русского эпоса Алеша самый молодой. Он наделяется не только всеми достоинствами героя, но и некоторыми недостатками, свойственными молодости. Если *Илья Муромец* побеждает своих врагов своим спокойствием и опытностью, своей мудростью, выдержкой, неустранимостью и решительностью зрелого человека, если *Добрыня* всегда превосходит варвара-врага своей культурой, соединенной с сознанием силы и непобедимости русской культуры, которую он представляет, то Алеша никогда не взвешивает никаких препятствий и опасений. По своей молодости он легкомыслен и смел до безрассудства, и именно поэтому он всегда побеждает: он берет быстротой своего натиска. Он не изображается обладающим большой физической силой. Наоборот, нередко подчеркивается его слабость. Он «напуском смел», и это обеспечивает ему успех».

Но существуют и др. трактовки, по которым Алеша Попович предстает едва ли не отрицательным героем — «бабым угодником». В подобных трактовках в полной мере сказались антиклерикализм, но не фольклора, а фольклористов, которые со времени «неистового Виссариона» усиленно искали в Алеше Поповиче «воплощение порочных свойств» как в представителе «поповскогословия». Этим объяснялось «снижение» героического образа Алешы Поповича в «поздних» былинах о его «неудавшейся женитьбе» (см.: «Добрыня и Алеша»), о «добывании невесты» (см.: «Алеша Попович и сестра Петровичей»), а также в каличьей былине «Сорок калик со каликою», в которой Алеша Попович выступает в незавидной роли пособника кн. Апраксии. Пропп в своей книге «Герои русского эпоса» (1955) доказал полную научную несостоятельность всех разговоров о «дегероизации» Алешы Поповича. Но по вполне понятным причинам в его блестящем анализе былинных сюжетов об Алеше Поповиче не отмечено, пожалуй, самое главное. Уже само присутствие «поповича» среди трех главных героев русского героического эпоса свидетельствует о том, что рядом с Ильей Муромцем — сыном крестьянина, рядом с Добрыней Никитичем — воеводой, боярином-стольником, в народном эпическом сознании стоял Алеша Попович — сын ростовского попа. В таком триединстве русский народ видел залог силы и непобедимости Святой Руси.

В. Калугин

«АЛЕША ПОПОВИЧ И СЕСТРА ПЕТРОВИЧЕЙ», былина. В основе сюжета — конфликт *Алешы Поповича* с братьями Петровичами из-за их сестры. Т. о. Алеша Попович вновь, как и в былине о его неудавшейся женитьбе, предстает в незавидном амплуа «бабьего прелестника».

Почти все исследователи рассматривали этот былинный сюжет как еще один пример «дегероизации» Алешы Поповича. Лишь *В. Я. Пропп* обратил внимание, что Алеша Попович — не обманщик, соблазнитель и ловелас, а спаситель сестры Петровичей. «Подвиг Алешы, — подчеркивал он, — характерен именно для молодого героя. Этот подвиг типичен для Алешы; ни Добрыне, ни Илье и никому из других богатырей он приписан быть не может. Алеша, совершающий воинские подвиги, и Алеша, добывающий себе невесту и жену, вырывающий ее из пасти не мифического чудовища, а из пасти не менее страшных человеческих чудовищ, есть один и тот же Алеша — герой русского эпоса».

Исследователь Ю. И. Смирнов расширил это толкование, приведя в пример древнейшие сюжеты, в которых «братьями» и «сестрами» назывались юноши и девушки одного рода-племени. «Суть конфликта в этих произведениях заключалась в том, что «братья» выступали защитниками эндогамных установлений и не позволяли «сестре» любить чужака». Исходя из этой «расшифровки», былинный сюжет об Алеше Поповиче и сестре Петровичей можно считать не позднейшим, вызванным «снижением» его образа, а, наоборот, древнейшим, отразившим эндогамные родоплеменные отношения дохристианской Руси, хотя само имя Алешы Поповича, сына ростовского попа, «поповича», могло возникнуть только в христианской Руси. И в этом нет никакого противоречия. В былинах об Алеше Поповиче, как и в былинах о *Добрыне Никитиче* и *Илье Муромце*, сохранились самые древние дохристианские сюжеты — «змееборческие» и «добывания невесты».

В. Калугин

«АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН», былина героического эпоса. Каждый из русских богатырей бьется со своим чудовищем: *Илья Муромец* с Соловьем-разбойником, Идолищем или Жидовином; *Добрыня Никитич* — со Змеем Горынычем и киевской колдуньей Маринкой Кайдаловой, а на долю *Алешы Поповича* достается еще один «чудесный противник» — Тугарин.

Былинный Тугарин имеет реальный исторический «прототип»: половецкий хан Тугоркан, ставший в 1094 тестем Святополка и убитый в 1096 киевлянами. Убийство в Киеве быллинного Тугарина и убийство там же исторического Тугоркана действительно дают основания для такой параллели.

Но это толкование, основанное на довольно обманчивой «логике имен», не единственное. Существует общеславянский корень «туг» в значении «горе, печаль, беда» (ср.: тужить, туго). Т. о., само имя Тугарина вполне может быть нарицательным, со значением — «обидчик, насильник, угнетатель». Исследователь Ю. И. Смирнов отмечает и др. деталь: «Имя Тугарин, наряду со многими эпическими именами (Богатырь, Добрыня, Дунай, Залешанин, Казарин, Пересвет, Рахман, Салтан, Соловей, Сухман, Тороп, Хотен и др.), был собственным «некалендарным» именем у русских вплоть до к. XVII в. ...оно было для его носителей своего рода оберегом, предохранителем от сглаза, нечистой силы».

В. Калугин

АЛЕШКИН Петр Федорович (р. 24.06.1949), писатель, издатель. Родился в с. Масловка Тамбовской обл. в крестьянской семье. Окончил Тамбовский пединститут и Государственный институт кинематографии. Автор романов «Время великой скорби», «Лимитчики», «Трясина», «Русская трагедия» и др. Все творчество Алешкина пронизано духом патриотизма. В романе «Время великой скорби» автор обращается к трагическим временам в нашей истории, в частности к жестокому подавлению Тухачевским «антоновского бунта». В романе «Русская трагедия», посвященном горбачевско-ельцинскому лихолетью, писатель срывает маски с «демократов-новаторов», гневно клеймит криминально-космополитический режим американско-израильских пришельцев. Будучи руководителем патриотического издательства «Голос», Алешкин знакомит читателя с произведениями русской и мировой классики, а также современных русских писателей *В. Белова*, *Ю. Бондарева*, *В. Лукуля*, *П. Проскурина*, *В. Распутина*, *И. Шевцова* и др. Там же были изданы «История России» *С. Соловьева* и «История русской армии» *А. Керсновского*.

И. Ш.

АЛИПАНОВ Егор Ипатьевич (1800—1860), поэт. Родился в Людиновском заводе Калужской губ. в семье крепостного мастера. Первая книга Алипанова «Стихотворения» вышла в 1830, вторая «Басни» — в 1831. Российская академия наградила Алипанова серебряной медалью и добила получение для него вольной. Освободившись от крепостной зависимости, Алипанов служил управляющим дачами, на железной дороге. Алипанов идилично рисовал жизнь крестьян, однако в некоторых стихотворениях изобразил быт и труд крепостных рабочих и,

т. о., впервые ввел тему заводского труда в русскую поэзию. Написал водевил «Ханский чай» (1835) и «Сказку о мельнике колдуне» (1842).

«АЛКОНОСТ» [сказочная птица; слово «Алконост» — искажение старинного русского речения «алкион есть птица» (*греч.* — зимородок)], частное издательство, существовавшее в Петрограде в 1918—23; основано С. М. Алянским. Выпускало гл. обр. произведения писателей-символистов и примыкавших к ним. В «Алконосте» изданы почти все послереволюционные произведения *А. А. Блока*, а также книги *А. Белого*, *Вяч. Иванова*, *А. А. Ахматовой*, *А. М. Ремизова* и др. Издательство «Алконост» выпускало журнал «Записки мечтателей» (1919—22. № 1—6).

АЛЛЕГОРИЯ (*греч.* — иносказание), изображение отвлеченной идеи посредством конкретного, отчетливо представляемого образа. Общеизвестны старинные русские аллегории: весы — правосудие, крест — вера, якорь — надежда, сердце — любовь. В отличие от символа, аллегория однозначна, она выражает строго определенный предмет или понятие, напр.:

Прекрасен царскосельский сад,
Где льва сразив, почил орел России мощной
На лоне мира и отрад.

(А. Пушкин)

Аллегоричны поэтические образы, построенные на последовательном метафорическом ряде:

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

(М. Лермонтов)

В русской литературе XVIII в. известны переводной аллегорический роман «Езда в остров любви» П. Тальмана (перевод *В. Тредиаковского*) и аллегорическая стихотворная драма И. Одровокс-Мигалевича «Стефанотокос» («Рожденный к венцу»), посвященная вступлению на царство Елизаветы Петровны; действующие лица этой драмы: Верность, Надежда, Злоба, Зависть, Лукавство, Совесть, Славя, Европа, Азия и др.

В истории русской литературы известны примеры, когда поэты создавали аллегорические образы-персонажи. На аллегоризацию персонажей указывают фамилии в произведениях некоторых русских писателей, напр., Простакова и Правдин у *Д. Фонвизина*, Скалозуб и Молчалин у *А. Грибоедова*, Тяпкин-Ляпкин и Собакевич у *Н. Гоголя*, ряд фамилий в произведениях *М. Салтыкова-Щедрина*, *А. Чехова*. На аллегии строятся *басня* и *притча*.

А. Квятковский

АЛЛИТЕРАЦИЯ (*лат.* — к, при, со и — буква; собуквие), древнейший стилистический прием усиления выразительности художественной речи, в особенности стиха, повторами согласных звуков. В русской народной поэзии аллитерация занимает заметное место. Звучные аллитерации рассыпаны в тексте «Слова о полку Игореве»:

...Трубы трубят в Новеграде, стоят стязи в Путивле...

...Ночь стонуци ему грозою, птичь убуди;

свист зверин вьста близ...

...С зарания в пяк пототаша

поганья плькы половецкья...

Многие русские пословицы и поговорки построены в звуковом отношении на аллитерации и на рифме, которая вышла из аллитерации, находящейся под ударением: «Как возьмет голод, появится и голос»; «Тише едешь, дальше будешь»; «Один с сошкой, семеро с ложкой». У поэтов досиллабической и силлабической эпохи стихосложения аллитерации не встречаются: в то время русские поэты усердно трудились над выработкой новых ритмических форм стиха, и такие детали, как аллитерация, были вне поля их зрения. Лишь в XVIII в., когда реформаторы русского стихосложения *В. Тредиаковский* и *М. Ломоносов* развили основы нового метрического стиха, появилась тенденция к использованию аллитерации как средства звуковой выразительности. Ученый и экспериментатор, Ломоносов сочинил специальные аллитерационные стихи, в которых преобладал звук «г»:

Бугристы берега, благоприятны влаги,
О, горы с гроздьями, где зреет юг ягнят,
О, грады, где торги, где мозго-круглы браги...

(«О сомнительном произношении буквы “г” в Российском языке»)

Удачны опыты аллитерирования стиха у *А. Сумарокова*, *Г. Державина* и *К. Батюшкова*. Великолепны аллитерации в стихах *А. Пушкина*.

Нева вздувалась и ревела,
Котлом клочоча и клубяся.

Шипенье пенистых бокалов
И пушиа пламень голубой.

Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю...

В следующих стихах Пушкина применена тонкая аллитерация — комбинация созвучий согласных и гласных:

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса...

В духе пушкинского артистизма встречаются прекрасные аллитерации и у др. поэтов, напр.:

Как Волги вал белоголовый
Доходит цельй к берегам.

(Н. Языков)

Волга, Волга, весной многоводной
Ты не так заливаешь поля...

(Н. Некрасов)

В стихах символистов, культивировавших аллитерацию, нередко нарушается чувство меры; их аллитерации вычурны и назойливы, что особенно относится к *Бальмонту*, поразившему когда-то современников стихотворением «Челн томленья», сплошь построенном на механической смене аллитерирующих звуков — в, б, ч, с и др.:

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.

Близко буря, в берег бьется
Чуждый чарам черный челн...

Чудный чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог...

Др. стихотворение Бальмонта «Влага» сплошь аллитерировано на «л»:

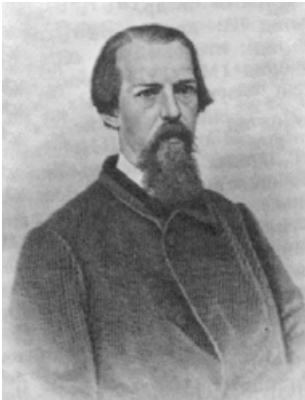
С лодки скользнуло весло,
Ласково млеет прохлада.
«Милый! Мой милый!» — Светло,
Сладко от беглого взгляда.
Лебедь уплыл в полумглу,
Вдаль, под луною белея.
Ластятся волны к веслу,
Ластится к влаге лилея.
Слухом невольно ловлю
Лепет зеркального лона.
«Милый, мой милый! Люблю» —
Полночь глядит с небосклона.

Оригинальны аллитерации в следующих стихах *И. Северянина*:

Элегантная коляска в электрическом биении
Эластично шелестела по шоссеному песку.

А. Квятковский

АЛМАЗОВ Борис Николаевич (27.10[8.11].1827—3[15].04.1876), поэт и критик. Родился в Вязьме в дворянской семье. В 1848—51 учился в Московском университете. В 1851—56 — член «молодой редакции» журнала «*Москвитянин*», в котором помещал (под псевд. Эраст Благодравов) фельетоны, стихотворные пародии, обозрения.

Наибольшую известность снискали его юмористические произведения, публиковавшиеся с 1851 и частично вошедшие в сб. «Диссонансы. Стих. Б. Адамантова» (М., 1863), а также пародии (в частности, на *Н. А. Некрасова*, где комический эффект достигался за счет контраста между патетической интонацией и прозаизмами — «Если кроткий, как вол, в трезвом виде...»). Поздние сатирические произведения Алмазова тяготеют к жанру стихотворного фельетона на

общественно-литературные темы («Московский поэт и петербургский обыватель», 1861; «Спор», 1863, и др.); в них с православно-монархических позиций вышучивается широкий круг современных типов (нигилист, литератор-поденщик, откупщик и пр.). Политическая лирика Алмазова — «Русь и Запад» (1854) запрещалась цензурой за излишнюю резкость тона.

В своих стихотворениях «Старая партия» (1864) и «Социалисты» (1871) Алмазов подверг критике деятелей либерально-космополитического и революционно-демократического лагеря, осмеяв их погути учить русский народ жить.

Примыкая к лагерю *славянофилов*, Алмазов с позиции Православия — Самодержавия — Народности создал ряд крупных стихотворных произведений на исторические и ре-

лигиозные сюжеты — «Алексей Божий человек», «Филарет Милостивый» и «Мария Египетская» (в его книге «Рассказы из жизни христианских подвижников». М., 1865), поэма «Крещение Владимира» (1874) и др.

В 1866 в связи с покушением на Александра III Алмазов написал стихотворение «Русскому Царю», выразив в нем благодарность Богу за чудесное избавление Монарха от руки политического бандита.

Алмазов принадлежит первый русский перевод «Песни о Роланде» (1869).

Как критик Алмазов формулирует свою позицию в статьях «О поэзии Пушкина» и «Взгляд на русскую литературу в 1858 году» (1859). Развивая взгляд на *Пушкина* как на «полнейший и чистейший тип поэта» и в связи с этим высказав ряд пронизательных суждений о естественности, лежащей в природе его гения, Алмазов объединил его с понятием «объективность»: согласно его точке зрения, подлинной поэзии препятствует «всякая исключительная привязанность, специальность», в т. ч. «исключительная привязанность к самой поэзии, если она заслоняет перед поэтом непосредственную жизнь...»

Соч.: Стихотворения. М., 1874; Соч. Т. 1—3. М., 1892.

АЛФЕРЬЕВ Василий Петрович [13[25].04.1823 — н. дек. 1854), поэт и прозаик. Сын директора губернской гимназии и нижегородских училищ. Десяти лет Алферьев был отдан в Лазаревский институт восточных языков в Москве, который успешно закончил в 1837. В 1840—43 служил в Канцелярии московского генерал-губернатора, затем в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел (ушел в 1844), в Почтовом департаменте (с 1846) и на Петербургском почтамте (с 1853); коллежский секретарь (с 1851).

Первое известное произведение Алферьева — православное стихотворение «Юродивый. Легенда» («Маяк», 1841). В 1846 издал повесть «Картина, или Похождения двух человек. Шутка» (СПб.), сочетающую реальные и фантастические эпизоды и образы (превратившиеся в лилипутов петербургские художник и поэт).

В полуфантастической элегической поэме «Плащ» (СПб., 1848) традиционно романтические мотивы (скорбный герой, осуждающий человечество за равнодушие и ничтожество) поданы не без авторской иронии. Одновременно с романтическими опытами Алферьев сочинял стихотворные вставки для «Картины» в иной разговорной манере. Удачным опытом ее стал шуточный рассказ в стихах «Пальто» (1852).

Открытое неодобрение натуральной школы (ее требования современных «обыденных житейских сцен», интересных для широкой «публики») с точки зрения «эстетической критики» содержало полемическое предисловие Алферьева к собственной драме в стихах «Диалог» (СПб., 1854). В самой трагедии автор стремился «воскресить древний мир» (судьбу греческого драматурга и философа, разочаровавшегося в язычестве).

В гражданских стихах Алферьева звучали патриотические мотивы, в т. ч. осуждение масонской Франции (стих. «На возмущение в Париже», февр. 1848). Популярностью пользовалось стихотворение Алферьева, посвященное Крымской кампании, «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, / Воевода Пальмерстон / Поражает Русь на карте / Указательным перстом» (1854)), его декламировали, оно разошлось во множестве списков.

АЛЫМОВ Сергей Яковлевич (24.03[5.04].1892–29.04. 1948), поэт. Родился в с. Славгород Харьковской губ. За участие в беспорядках в 1911 сослан в Сибирь, в том же году бежал за границу. Вернулся в Россию в 1926. Первый сборник стихов опубликован в 1920 в Харбине. Автор популярных песен: «Бейте с неба, самолеты», «Вася-Василек», «Пути-дороги», «Песня о России». В литературной обработке Алымова известна песня «По долинам и по взгорьям», написанная П. Парфеновым. В годы Великой Отечественной войны Алымов написал песни «Балтийская слава», «Песня морской пехоты» и др.

Соч.: Песни. М., 1939; Стихи и песни. М., 1949; Избранные стихи. М., 1953.

АЛЬБОВ Михаил Нилович (8[20].11.1851–12[25].06. 1911),

писатель. Сын дьякона. Окончив в 1873 петербургскую гимназию, учился на юридическом факультете Петербургского университета. Первый рассказ «Записки подвального жильца» напечатал еще гимназистом в 1864. Произведения Альбова посвящены преимущественно изображению жизни городского мещанства и духовенства, судьбам маленького человека (повести «Пшенищны», 1873; «День итога», 1879; хроника «Конец Неведомой улицы», 1881–82; ро-

мантическая трилогия «День да ночь», 1890–1903; роман «Ряса», 1883). В сюжетах произведений Альбова, в изображении психики маленького человека сказалось влияние *Ф. М. Достоевского*, а в передаче быта обывателей 80–90-х Альбов сближается с *А. П. Чеховым*.

Соч.: Соч. Т. 1–8. СПб., [1906–08].

АЛЬБОМНАЯ ЛИРИКА, лирический жанр русской поэзии, преимущественно стихи поэтов-дилетантов. В жанре альбомной лирики писали многие русские поэты — *К. Батюшков*, *Г. Баратынский*, *А. Пушкин*, *М. Лермонтов*, реже *Н. Некрасов*. Русская альбомная лирика развивалась в многочисленных литературных салонах Петербурга и Москвы в 1-й пол. XIX в. В архивах и библиотеках сохранились сотни светских альбомов (П. Осиповой, О. Милуковой, С. Карамзиной, *Е. Растопчиной*, А. Смирновой, З. Волконской и др.), где среди множества посредственных стихов встречаются и автографы прославленных мастеров. Пушкин писал альбомную лирику, но иронизировал над светскими альбомами, что отражено в «Евгении Онегине» (гл. 4, строфа XXX):

Но вы, разрозненные томы
Из библиотеки чертей,
Великолепные альбомы,
Мученье модных рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной,
Иль Баратынского пером,
Пускай сожжет вас Божий гром!
Когда блистательная дама
Мне свой in quarto подает,
И дрожь и злость меня берет,
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши!

В стихах Ленского Пушкин пародировал характерные черты альбомной лирики своего времени. В к. XIX и н. XX в. некоторые русские поэты (*Д. Ратгауз*, *А. Коринфский*) безуспешно пытались возродить альбомно-салонную лирику.

АЛЬМАНАХ (араб. аль манах — календарь), сборник литературных произведений, часто объединенных по какому-либо признаку (тематическому, жанровому, идейно-художественному, областному и др.); как правило, выходит периодически. В России первыми по времени принято считать изданные *Н. М. Карамзиным* в Москве альманахи «*Аглая*» (кн. 1–2, 1794–95) и «*Аониды*» (кн. 1–3, 1796–98). Однако ранее их вышли «*Российский Парнас*», изд. *М. М. Херасковым* в Петербурге (1771), а также «*Распускающийся цветок*» (1787), составленный из произведений питомцев Благородного пансиона при Московском университете. В сборнике была опубликована басня «*Лисица-кознодей*» *Д. И. Фонвизина*. Этот альманах открывал серию подобных изданий: «*Полезное упражнение юношества*» (1789) и др. Следует отметить «*Разные письменные материи*», собранные *М. Комаровым* в Москве в 1791. После появления карамзинских альманахов, в которых, помимо составителя, участвовали *Г. Р. Державин*, *М. М. Херасков*, *И. И. Дмитриев*, *В. В. Капнист*, *Вл. Измайлов*, *В. Л. Пушкин* и др., были изданы несколько альманахов, из которых наиболее примечателен «*Свиток муз*» (кн. 1–2, 1802–03). Все эти альманахи имели успех, но не создали традиции. Роль зачинателя «альманачного периода» принадлежит «*Полярной звезде*» с участием *А. С. Пушкина*, *В. А. Жуковского*, *П. А. Вяземского*, *А. А. Дельвига*, *А. С. Грибоедова*, *И. А. Крылова*, *Е. А. Баратынского*, *Н. М. Языкова* и др. Появление трех сборников «*Полярной звезды*» (1823–25), в которых была сосредоточена поэзия и литературная критика, имело большое литературно-общественное значение. В то же время вышли четыре книги альманаха «*Мнемозина*», изданного в 1824–25 при участии Грибоедова, Пушкина, Языкова, *Д. В. Давыдова* и др. Большую роль играл альманах «*Северные цветы*», издаваемый Дельвигом и *О. М. Сомовым*, при участии писателей пушкинского круга (кн. 1–8, 1825–32). Наиболее долговечным из альманахов этой поры были «*Невский альманах*», издаваемый *Е. Аладьным* (кн. 1–9 в 1825–33 и 2 кн. в 1846–47), а также «*Утренняя звезда*», изданная *В. Владиславлевым* (1839–43). Особо следует отметить сборник «*Новоселье*» (кн. 1–2, 1833–34), составленный из сочинений, подаренных литераторами *А. Ф. Смирдину* в связи с новосельем его книжной лавки. В 20–30-х вышло множество альманахов с самыми причудливыми заглавиями: «*Русская Талия*», «*Календарь Муз*», «*Сириус*», «*Урания*», «*Северная лира*», «*Зимцерла*», «*Альциона*» и т. д. Было немало и провинциальных альманахов: «*Одесский альманах*», «*Енисейский альманах*» и др. Некоторые альманахи отличались серьезностью содержания и, по словам Пушкина, «сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах». Однако немало выходило и альманахов, издаваемых предприимчивыми эксплуататорами дарового писательского труда. В сатирической сценке «*Альманашик*» Пушкин заклеил таких спекулянтов-издателей.

Значительное распространение получили малороссийские альманахи и сборники, особенно в те годы, когда периодической печати на малороссийском языке было очень мало. Первым изданием этого рода был «*Украинский альманах*», изд. *И. И. Срезневским* и *И. В. Росковшенковым* в Харькове (1831). Далее следуют «*Украинский сборник*» (кн. 1–2, 1838–41), «*Сніп*» («*Сноп*», 1841), «*Ластівка*»

(«Ласточка», изд. Е. Гребенкой при участии *Т. Шевченко, Г. Квитко-Основьяненко, И. Котляревского, П. Кулиша* и др. СПб., 1841), «Молодик», изд. И. Бецким (1843—44) и др. Были также сборники смешанные, на русском и малороссийском языках, сборники только на русском языке, но из произведений малороссийских прозаиков и поэтов. В 1840—41 *М. Максимович* издавал в Киеве сб. «Киевлянин». В западно-русских землях, находившихся под гнетом австрийской монархии, писатели *М. С. Шашкевич, Я. Ф. Головацкий* и др. выпустили альманах под названием «*Русалка Днестровая*», запрещенный австрийской цензурой (изд. в Будапеште, 1837) и увидевший свет лишь после 1848. Известны также сборники «Вінок русинам на обжинки» (Вена, 1846—47), «*Галичанин*» (Львов, 1862—63) и др.

К 30-х увлечение альманахами заметно спало, но в 40-х вспыхнуло с новой силой. В эти годы почти исчезает само слово «альманах» и заменяется названием «сборник». Изменяется и их внешний вид: вместо недавних «карманных книжек» выходят солидные тома, где печатаются уже не мелкие стихотворения и прозаические отрывки, а порой довольно крупные произведения. Одна из главных причин, способствовавших появлению сборников 40-х, заключалась в том, что правительство крайне скуповало разрешения на издание периодических журналов. Главное место среди альманахов этого времени занимают издаваемые *Н. А. Некрасовым* сборники «Физиология Петербурга» (кн. 1—2, 1845), «Петербургский сборник» (1846), запрещенный цензурой «Иллюстрированный альманах» (1848). В этих альманахах, имевших большое значение для развития русского критического реализма, участвовали *Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Д. В. Григорович, В. И. Даль* и др. писатели т. н. натуральной школы. В противовес им, *славянофилы* во главе с *И. С. и К. С. Аксаковыми* стали выпускать «Московский сборник» (1846—47 и 1852). В 1874 выходит первый благотворительный сборник «Складчина» в пользу голодающих Самарской губ. Позднее появляется целая серия подобных сборников, заполненных чисто литературным материалом. Издаются они либо «в пользу славян», либо с благотворительными целями, либо «в память» того или иного писателя, общественного деятеля и т. д.

В 1894—95 вышел первый сборник «Русские символисты». В н. XX в. не только не приостановилось появление литературных альманахов, но они стали традиционной формой публикации новых литературных произведений. После 1905 появились альманахи «Шиповник», «Земля» и др. «Шиповник» выходил в 1907—17 (26 кн.). В первых сборниках наряду с символистами участвовали писатели и реалистического направления.

В СССР выпускалось немало альманахов и сборников («Литературная Москва», «День поэзии», «Наш современник» и др.), в т. ч. в республиканских и областных издательствах («Владимир», «Енисей» и др.), где печатались местные, преимущественно молодые, литераторы.

Лит.: *Путятин Е.* Переключка альманахам (1794—1850). Новая Ушица, 1893 (с дополнениями, напечатанными в том же году, там же); *Азадовский М.* Из старых альманахов. Забытые рисунки Федотова. Пг., 1918; *Кашин Н. П.* Альманахи 20—40-х годов («Книга в России», т. 2. М., 1926); *Левкович Я.* Литературные альманахи пушкинской поры. Л., 1953 (дисс.); *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII и XIX вв. Предварительный список. М., 1956; *Он же.* Рассказы о книгах. М., 1959.

Н. Смирнов-Сокольский

«АЛЬЦИОНА» (греч. — самая яркая звезда в звездном скоплении Плеяд), литературный альманах, издаваемый ежегодно в Петербурге в 1831—33 бароном Е. Ф. Розеном. Многие сотрудники и сам издатель были близки к литературному окружению *А. С. Пушкина*. В «Альционе» помещали свои сочинения в стихах и прозе *Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, Н. М. Языков, В. Ф. Одоевский, Н. И. Гнедич, Ф. Н. Глинка, С. П. Шевырев, О. М. Сомов, В. И. Туманский, А. И. Подолинский, М. Г. Деларю* и др. В «Альционе» за 1832 опубликован «Пир во время чумы» и «На перевод «Илиады» Пушкина, «Военный антикварий» *А. А. Бестужева-Марлинского*.

АЛЯКРИНСКИЙ Иван Петрович (1802 (1801?) — не ранее 1859), поэт. Сын священника; с 1849 дворянин. Окончив в 1824 Московский университет, отправился в Костромскую губ., где учительствовал и исправлял должность штатного смотрителя в Чухломском уездном училище. Дебютировал в 1825 стихотворением «Жизнь поселянина», он опубликовал затем отрывки из поэмы «Ольга, или Осада Коростеня», в которых этнографические описания, несмотря на древнерусский сюжет, напоминали «Кавказского пленника». Его «Рогнеда. Романтическая поэма» (М., 1837) была прямо ориентирована на «Руслана и Людмилу» (персонажи, мотивы, форма), отличаясь, однако, меньшей «сказочностью» — благодаря историческому сюжету, заимствованному у *Н. М. Карамзина*, и перенесению чудесного из сферы прямого действия в сны героев. В 1859 в Костроме опубликовал стихотворение «Сказка о семи Семёнонах, родных братьях», написанное на популярный литературно-сказочный сюжет (на грани лубочного).

А. И.

АМВРОСИЙ (в миру **Зертис-Каменский Андрей Степанович**), архиепископ Московский (17[28].10.1708—16[27].09. 1771), духовный писатель и переводчик. Родился в Нежине. Окончил *Киево-Могилянскую духовную академию*. В 1739 принял монашество и определен преподавателем Александроневской духовной семинарии в С.-Петербурге. С 1748 —

архимандрит подмосковного Ново-Иерусалимского монастыря, в котором возвел новые строения и осуществил архитектурные преобразования. С 1753 — епископ Переяславский и Дмитровский, с 1764 — архиепископ Крутицкий, в 1768 — архиепископ Московский. Реставрировал соборы Московского Кремля — Успенский, Благовещенский и Архангельский. Собрал обширную библиотеку, в которой имелись древнерусские рукописи. Перевел сочинения Гроция против атеистов и натуралистов (М., 1765). Требовал сжечь вольнодумную диссертацию Дмитрия Аничкова «О начале и прошествии натурального богочитания» (1769). Будучи знатоком древних языков, перевел с древнееврейского языка Псалтирь (М., 1804) и Ветхий Завет. Составил церковную «Службу св. Димитрию Ростовскому». Во время эпидемии чумы в Москве в сент. 1771, опасаясь ее распространения, запретил прикладывать к иконам и претерпел мученическую кончину — был забит колыями разъяренной толпой, подстрекаемой фанати-

ками-раскольниками (т. н. «федосеевцами»). Погребен в Донском монастыре.

В. Никитин

АМВРОСИЙ (в миру **Ключарев Алексей Иосифович**), архиепископ Харьковский и Ахтырский (1882—1901; до 1886 епископ) (1821—3[16].09.1901), церковно-общественный деятель,

проповедник. По окончании Московской духовной академии принял сан священника и преподавал в Вифанской духовной семинарии близ Сергиева Посада. Принял монашество (1877). Епископ Можайский (1878), затем епископ Дмитровский (1878—82), викарий Московской митрополии, основатель «Общества любителей церковного пения». Учредитель, редактор и руководитель журналов «Душеполезное чтение» (1860—67) и «Вера и разум» (с 1884),

на страницах которых, а также в «Московских ведомостях» регулярно печатал статьи, отстаивая духовные ценности Святой Руси, обличая модные веяния либерализма. Широкую известность приобрела его книга об искусстве гомилетики «Живое слово» (Харьков, 1892). Автор «Полного собрания проповедей в 5-ти томах» (Харьков, 1902—03).

Лит.: Буткевич Т. И., прот. Высокопреосвященный Амвросий, архиепископ Харьковский. Харьков, 1902; *Ромашков Д.* Амвросий как народный проповедник и ревнитель духовно-нравственного просвещения. Харьков 1905; *Виноградов В. П.* Последний из мигикан эпохи великих реформ. Сергиев Посад, 1912; Страж мира христианского. К характеристике проповеднического творчества Высокопреосвященного Амвросия, епископа Харьковского. Сергиев Посад, 1912.

В. Никитин

АМВРОСИЙ ОПТИНСКИЙ (в миру **Гренков Александр Михайлович**), преподобный (23.11[5.12].1812—10[22].10.1891), духовный наставник русских писателей. Св. Амвросий родился в с. Большие Липовицы Тамбовской губ. По окончании Тамбовской семинарии Александр был назначен учителем в Липецкое духовное училище. Во время тяжелой болезни, находясь при смерти, Александр дал Господу обет принять иночество — и выздоровел. Осенью 1839 он поступил послушником в Козельскую Введенскую *Оптину Пустынь* в Калужской губ. Это было время возрождения старчества. Через послушание наставники-старцы вели своих духовных детей к спасению души. В 1842 Александр принял монашество с именем Амвросий, а через 3 года был рукоположен в иеромонахи. Более 20 лет св. Амвросий прислуживал старцам Оптиной Пустыни, совершенствуясь в послушании и духовной мудрости. В 1860 он принял на себя трудный подвиг старчества. За духовной помощью и наставлениями к св. Амвросию приходили люди всех сословий и званий со всей России. В Оптину Пустынь приезжали *В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой* и мн. др. Сила святого старца заключалась в его всеобъемлющей любви, смиренности и совершенном незлобии. Св. Амвросий был удостоен от Господа дара прозорливости — часто он рассказывал пришедшим к нему паломникам, которых он видел впервые, о событиях из их жизни. По его благословию

было создано несколько женских иноческих обителей, в т. ч. и особо любимый им Шамординский монастырь во имя Казанской иконы Божией Матери. Старец причислен к лику святых Собором Русской православной церкви в 1988. В этом же году состоялось и обретение мощей св. Амвросия, старца Оптинского.

Память прп. Амвросию отмечается 10/23 окт. и 3/16 окт. (обретение мощей).

АМОСОВ Николай Михайлович (23.11[6.12].1913—12.12.2002), ученый, хирург, писатель, академик Академии медицинских наук СССР (1961), академик АН УССР (1969). Родился в д. Ольхово, ныне Мякинского р-на Вологодской обл., в семье служащего. Окончил Архангельский медицинский институт (1939) и Всесоюзный заочный индустриальный институт (1940). В качестве хирурга полевого госпиталя участвовал в Великой Отечественной войне. Как писатель выступил в 1964: повесть «Мысли и сердце» (фильм «Степень риска», 1968); затем опубликовал научно-фантастический роман «Записки из будущего» (1965), научно-популярную книгу «Искусственный разум» (1969), «Записки военного хирурга» (1973—74), «Раздумья о здоровье» (1978), многочисленные статьи. В центре художественных произведений Амосова — творческие искания врача-хирурга, его борьба за жизнь человека, нравственная проблематика науки, взаимодействие в ней рационального и эмоционального начал.

«АМФИОН» (герой древнегреческих мифов, прекрасно играл на кифаре), ежемесячный литературный журнал, издавался в Москве в 1815, вышло 12 номеров. Издатели *А. Ф. Мерзляков, С. И. Смирнов, Ф. Ф. Иванов*. Наряду с

сентиментальной и романтической поэзией того времени в журнале публиковались оды, песни, элегии, идиллии, баллады, сказки, басни, прозаические произведения, переводы из Горация, Тита Ливия, Лукиана, Вольтера, Шатобриана и др. Авторами журнала были *К. Н. Батюшков*, *П. А. Вяземский*, *В. А. Жуковский*, *Д. В. Давыдов*, *А. Кошкин* и др.

«Амфион» заметно выделялся среди др. изданий литературно-критическими статьями, в которых ставились общетеоретические вопросы, разбирались литературные произведения и театральные постановки. Свой талант в издание этого журнала проявил первый русский критик, профессор Московского университета, учитель *Лермонтова* *А. Ф. Мерзляков*. Его разбор «Россиады» *Хераскова* (№ 1—3, 5—6, 8—9) произвел на современников большое впечатление и затронул не только творчество *Хераскова*, но и все глубинные проблемы современной русской литературы.

А. Баженова

АНАСТАСИЙ (Братановский-Романенко) (16[27].10. 1761—9[21].12.1806), духовный писатель. Родился в м. Барышевка Полтавской губ. в семье протопопа местной церкви С. К. Братановского, малороссийского дворянина. Окончив в 1782 Переяславскую духовную семинарию, был направлен учителем в Севскую духовную семинарию; в 1784 при содействии

своего дяди *Иринья Братановича*, архиепископа Вологодского, перевелся в Вологодскую духовную семинарию учителем поэтики, риторики, истории, географии и арифметики. В 1788—89 в Кирилло-Белозерской духовной семинарии начал составлять и читать проповеди. В янв. 1790 приехал в Петербург по вызову *Петербургского митр. Гавриила (Петрова)* и стал преподавать в *Александров-Невской духовной*

семинарии. 26 июня 1790 принял постриг и в 1790—92 преподавал Закон Божий кадетам Измайловского гвардейского полка. С 1792 *Анастасий* — законоучитель Сухопутного шляхетского корпуса. Он часто выступает с проповедями и становится известен в придворных кругах. *Екатерина II*, назначившая *Анастасия* придворным проповедником (1793—96), часто называла его «русским Масильоном»; «*Анастасию* или должно подражать, или превзойти его; но и то и другое невозможно». В 1790-е *Анастасий* занимает должности архимандрита Зеленецкого монастыря, Троицкой Сергиевой пустыни, Московского Новоспасского монастыря. В 1794 он избирается действительным членом Российской академии. В 1796 снова становится законоучителем Сухопутного шляхетского корпуса. В 1797 назначается епископом Белорусским (*Могилевским*), а в 1805 — архиепископом Астраханским.

Ученик Московского митр. *Платона Левшина*, *Анастасий* превосходил всех остальных представителей его школы ясностью и отточенностью стиля, близостью языка своих проповедей к разговорному. К числу лучших его произведений относятся надгробные слова, посвященные *И. И. Бецкому* (1795), *И. И. Шувалову* (1797), покровителям наук и искусств. *Анастасий* написал также руководство на латыни по составлению проповедей (М., 1806).

Архиеп. *Анастасий* известен своими переводами сочинений французского писателя *Ф.-Т.-М. де Баколяра д'Арно* — «Плач Иереми пророка. В шести песнях» (1797) и «Истинный Мессия, или Доказательство о Божественном пришествии в мир Иисуса Христа и его Божества» (М., 1801). Также с французского им переведены два сочинения протестантского писателя *Ж.-А.-С. Формея*, выступавшего против идей *Ж.-Ж. Руссо*: «Предохранение от безверия и нечестия, здравым рассудком, совестью и опытами доказанное» (1794) и «Опыт о совершенстве» (СПб., 1805).

По указу *Павла I* в 1801 *Анастасий* переводил с французского «Историю падения и разрушения Римской империи» историка *Э. Гиббона*.

Ю. Бегунов

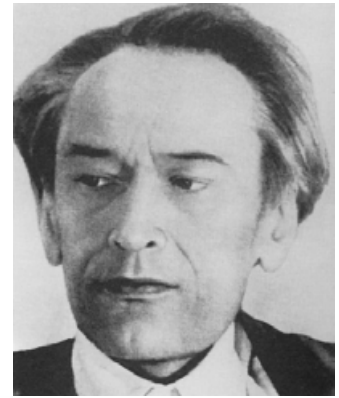
АНДРЕЕВ Даниил Леонидович (2.11.1906—30.03.1959), религиозный мыслитель, поэт. Сын писателя *Л. Андреева*. Разрешившись *Даниилом*, мать его умерла от послеродовой горячки. До 6 лет мальчик воспитывался у бабушки.

Благородные традиции Православия, хранимые в бабушкином доме, с детских лет оказали влияние на *Андреева*. В его детских рисунках и в первых литературных опытах заметен интерес к отечественной истории, а также склонность к мифологическим и космологическим фантазиям.

Андреев учился в частной гимназии, но окончил ее уже после 1917, когда ее переделали в советскую школу, затем окончил литературные курсы. Юношеские духовные искания и блуждания *Андреева* были сложными. Чувствуя глубокий разрыв с эпохой революции, *Андреев* отказывается от публикации своих произведений, работает оформителем-шрифтовиком, но пишет непрерывно стихи.

С 1942 *Андреева* мобилизовали в армию. Состоял в похоронной команде, был санитаром, художником-оформителем. После демобилизации один год пробыл на воле и был арестован за антисоветскую деятельность. Приговор определял 25 лет тюрьмы. Здесь, в тюрьме, начаты 3 основные книги *Андреева*: «Роза Мира», «Русские боги» и «Железная мистерия». Завершены они были уже после выхода на свободу. Книга стихотворений и поэм «Русские боги» осталась не вполне дописанной. В 1956 дело *Андреева* пересматривалось, но он продолжал утверждать, что в Советском Союзе отсутствует свобода совести, свобода слова и свобода печати. Вместо реабилитации *Андрееву* был определен др. срок — 10 лет. В связи с безнадежно тяжелым состоянием его здоровья (инфаркт в 1954 и др.) *Андреев* был выпущен из тюрьмы и прожил после этого 2 года в предельно неустойчивых материальных условиях.

Произведения *Андреева* до сих пор опубликованы лишь частично. Правда, 3 главные книги — «Русские боги», «Роза Мира» и «Железная мистерия» — напечатаны в авторской редакции. *Андреев* является одним из наиболее сложных писателей XX в., он и мистик-визионер, и поэт-новатор, и ученый-мыслитель. В его творчестве на паритетных началах соотносятся религия, наука, искусство.

Мистицизм и визионерство Андреева, их субъективную достоверность нельзя подвергать сомнению. Уже в 15 лет ему явилось видение «небесного Кремля». Столь же несомненный факт – видения, посещавшие его во Владимирской тюрьме. Андреев создает мистическую космологию, равно как и соответствующие названия и термины (энроф, шаданакар, уицраор, Жругр, Навна, Олирна и др.), он верил, что за этими образами стоит объективная реальность. Он как будто и не создавал их, а записывал по следам видений, воспринимал их как откровения. Подобно композитору А. Скрябину, верившему в то, что он создатель мира и в музыке ведет созданные им народы к счастью, Андреев отразил в своем субъективном мире не только мистические прозрения, но и объективный опыт духовных исканий, особенно напряженных на грани XIX и XX вв. Своеобразие мистико-поэтической отечественной метаистории (мета-философии истории), созданной Андреевым, в том, что окончательно созрели и оформились эти образы уже в послереволюционное время и были они откликом на опыт событий 1-й пол. XX в. Многие из суждений, высказанных в произведениях Андреева, оказываются пророческими, они сохраняют свою публицистическую и поэтическую силу.

В незавершенной поэме «Песнь о Монсальвате» уже были намечены основные темы религиозно-философской и поэтической концепции Андреева. Истоками философских религиозно-космических построений поэта-проповедника являются христианские средневековые легенды и предания, требующие новой, современной интерпретации, которая невозможна без фантазии, без проникновения за грань видимых миров. В драматической «симфонии» «Утренняя оратория» (1951) на подступах к Мировой Сальватэре (высшее, по Андрееву, триединство миров – Планетарного Логоса, обители Богоматери и обители Эвенты-Свентаны) звучат голоса демиургов-народоводителей Древнего Двуречья, эллино-римского сверхнарода, земли Индийской, Д. Востока, стран Запада. Но уже в этой «формуле» всечеловеческого единства предположение отдало русской метакультуре и ее народоводителю Ярославу, завершающему переход от язычества к христианству («оратория» заканчивается тем, что Ярослав поручает кн. Владимиру стать «первым родомыслом» России). В книге «Роза Мира» Андреев предпринял самостоятельную попытку соотнести разные национальные культуры, уловить их созвучие в религиозной области духовной культуры. При этом для автора наиболее близкий национальный вариант – русский, православный.

«Терминология» Андреева носит необычный характер, но без нее невозможно ориентироваться в открытой автором системе запредельных миров, влияющих на ход русской и всечеловеческой метаистории. Слова-обозначения подобны у Андреева «чертежу» дантовского космоса (брамфатура – система разноматериальных слоев, проникающих и окружающих каждое небесное тело; шаданакар – брамфатура нашей планеты; затомисы – высшие слои всех метакультур человечества, их небесные страны; шрастры – инопространственные подземные материальные слои, обиталища античеловечества: уицраоры – демоны великодержавной государственности; Жругр – российский уицраор; Навна – соборная душа российской метакультуры; Олирна – всечеловеческая страна усопших, различающаяся по характеру в разных национальных метакультурах; Эвента-Свентана – Вечная Женственность,

Невеста Планетарного Логоса, которая, явившись в верхние слои шаданакара, осуществит в будущем явление Розы Мира – грядущей всехристианской церкви, и др.).

Андреев создал своеобразную разножанровую и «разнородовую» трилогию – «Русские боги», «Роза Мира», «Железная мистерия», в которой оповестил о судьбах русской метакультуры. Книга трактатов и проповедей «Роза Мира» уже самим названием своим утверждает всемирный характер русской метакультуры. Книга стихотворных циклов и поэм «Русские боги» наиболее полно, как некое сложное лиро-эпическое целое, раскрывает метаисторию России, причем эпический лейтмотив явно подчинен лирическому, заставляя вспомнить интонации ветхозаветных пророческих и апокалипсических книг. «Железная мистерия» – драматическое действо, посвященное лишь одному, наиболее кризисному этапу русской метаистории – XX в. начиная с 1917. Попытка «вывести на сцену» борение сил из незримых миров, надземных и подземных, позволяет не только объяснить чудовищные крайности и гротески русской истории недавних лет, но и предвидеть события, которые совершились уже после смерти автора, а также показать апокалипсический «исход» России, преодоление «железной мистерии» и возвращение к Богу, дающее России возможность стать «летастком» в Розе Мира. Эпос, лирика, драма, исповедь, литературная критика, религиозный трактат, исторические портреты, историко-философские характеристики эпох и событий, сложнейшие дефиниции миров и сил, приложение этих дефиниций к сатирическому, пророческому и апокалипсическим картинам и даже конкретным и задушевным мгновениям лирического самовыражения – все это в трилогии Андреева составляет органичное единство.

В поэме «Изнанка мира» («Русские боги») автор признается: «В искусстве не все договаривается до конца, даже в том необычном стиле, к которому я прибегаю и который можно назвать метареализмом». Трактат, лирическое стихотворение, поэма, драма-мистерия – все это попытки переделать видения образной или абстрактной мысли, несовершенства которой автор сам сознает. Вот почему лирическим стихам Андреева присущи видимый схематизм и кажущаяся рационалистическая иллюстративность, трактату «Роза Мира» – образность и иррациональность, а драматургии «Железной мистерии» – симфоничность и символизм, почти оперность.

Объясняя события отечественной истории действием миров иных, Андреев невольно снимает с живых, реальных действующих сил истории груз ответственности и свободы выбора, что явно упрощает психологизм характеристик и отодвигает в сторону полноту и пластику эпического повествования. Некоторые «прогнозы» и утопические рецепты Андреева выглядят наивно, а порою даже совпадают с идеологическими схемами недавнего прошлого (концепция воспитания в эпоху «явления Розы Мира» и др.). С др. стороны, вмешательство миров иных укрупняет масштаб исторических характеристик и оценок, придает им необычайную глубину, далекую от современных нам публицистических штампов.

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1993; Т. 3. М., 1996; Роза Мира. М., 1991; Новейший Плутарх: Иллюстрированный библиогр. словарь воображаемых знаменитых деятелей всех стран и времен: От «А» до «Я». / Соавт. В. В. Парин, Л. Л. Раков. М., 1991.

АНДРЕЕВ Леонид Николаевич (9[21].08.1871—12.09.1919), писатель, драматург, публицист. Родился в Орле в семье землемера. С детских лет отличался страстным неуравновешенным характером, выражавшимся в резкой мере настроений, склонности к экстравагантным поступкам и максималистском стремлении к самоутверждению.

Литературные наклонности Андреева проявились уже в гимназические годы, когда он жадно читал произведения русских и зарубежных писателей и охотно писал сочинения за своих товарищей-одноклассников. Знакомство с философскими трудами немецких мыслителей А. Шопенгауэра и Э. Гартмана стимулировало в

сознании Андреева становление трагического мирозерцания, в котором преобладало представление о мировой дисгармонии и героическом долге личности выстоять перед лицом жестокости существования. Большое значение для всей судьбы Андреева имело сформировавшееся в его душе с юности стремление к всемирной славе, вплоть до желания в поисках этой славы потрясти сами основы человеческого бытия. Эта сжигающая Андреева страсть в какой-то степени предопределила впоследствии характер его творчества, заключавшийся в стремлении стать властителем дум читателей путем обращения к самым острым вопросам эпохи.

Окончил Московский университет. Начал литературную деятельность как газетный фельетонист и судебный репортер. Рассказы печатал с 1898.

В ранних произведениях продолжал христианские традиции русской литературы XIX в., восставал против бездушия и лицемерия космополитической буржуазии и мешанства («Большой шлем», 1899; «Город», 1902; «Призраки», 1904), рисовал жизнь городской бедноты, ремесленников, деклассированного люда, сочувствуя бесправному «маленькому человеку», «униженным и оскорбленным» («Бергамот и Гараська», 1898; «Из жизни штабс-капитана Каблукова», 1898). В произведениях Андреева слышались сентиментальные ноты, призывы к моральному очищению, всеобщему сердечному единению; герой Андреева обычно оказывался лишь пассивной жертвой. Уже в ранних рассказах Андреева пробивается неверие в человека и его разум («Мысль», 1902; «Степа», 1901), представление о подавляющей силе разрушительных, слепых, животных инстинктов («Бездна», 1902).

В период смуты 1905—07 выступал против насилия как со стороны революционных бандитов, так и со стороны государства. («В темную даль», 1900; «Иностранец», 1902; «Марсельеза» 1903; «Из рассказа, который никогда не будет окончен», 1908; «Иван Иванович», 1908; «Рассказ о семи повешенных», 1908; «Губернатор», 1906; «К звездам», 1906).

В произведениях Андреева звучит протест против капитализма, противоречий бедности и богатства, подавления человека машиной, против бесцельного, пошлого, мешанского существования (произведения 1908 — «Проклятие зверя», «Мои записки», «Любовь к ближнему», пьесы: «Царь Голод», «Дни нашей жизни»). Недовольство жизнью переходило у героев Андреева в пессимизм или в бесплодный индивидуалистический протест, завершающийся внутренним крахом. Революционеры в произведениях Андреева справедливо показаны жестокими анархистами, а революция — анархо-нигилистическим бунтом («Савва», 1907; «Тьма», 1907; «Царь Голод», 1908; «Сашка Жегулев», 1912). В

цикле философских драм Андреев изображал человеческую жизнь как бессмысленный круговорот, развенчивал демагогические идеи революционеров, говорил о непознаваемости мира, о бессилии разума, о власти высших сил («Жизнь человека», 1907; «Черные маски», 1908; «Анатэма», 1910). Опираясь во многом на традиции *Ф. М. Достоевского*, Андреев вместе с тем не сумел сохранить православно-монархический дух, который нес в себе автор «Бесов».

Нетвердость в вере омрачила последнее десятилетие творчества Андреева. Наряду с пессимистическими, отвлеченными драмами он пишет бытовые пьесы о пошлости жизни, обывательских настроениях студенчества, утраченного христианские идеалы («Дни нашей жизни», «Gaudeamus»), о моральном распаде семьи («Анфиса», «Катерина Ивановна», «Профессор Сторицын»). Наибольшее значение из поздних сочинений Андреева имеет драма реально-психологического плана «Тот, кто получает пощечины» (пост. 1915, изд. 1916). В ней звучит протест против бесчеловечности мира, живущего по законам антихристианского капитализма, царившей в нем продажности, власти денег; лишь в кругу «отверженных», среди цирковой богемы герой пьесы находит подлинно человеческие чувства. Последнее крупное произведение Андреева, написанное под влиянием мировой войны и смуты, — «Записки сатаны», где нарисован охваченный безумием западный мир; в будущем Андреев не видит ничего, кроме гибели христианской цивилизации.

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—8. СПб., 1913; Собр. соч. Т. 1—17. СПб., 1910—16; Повести и рассказы. М., 1957; Пьесы. М., 1959.

Г. И., Б. М.

АНДРЕЕВ Николай Петрович (11[23].11.1892—15.01.1942), литературовед-фольклорист. Основные его труды посвящены великорусской и малороссийской сказке. В основу «Указателя сказочных сюжетов» (1929), сгравированного исключительно большую роль в русском сказковедении, Андреев положил указатель сказочных типов финского ученого Антти Аарне. Позже Андреев выступил с резкой критикой концепции финской школы. Ряд работ Андреева посвящен вопросам взаимоотношения литературы и фольклора: «Фольклор и литература» (1936), «Фольклор в поэзии Некрасова» (1936), «Произведения Пушкина в фольклоре» (1937) и др. Одним из первых ученых Андреев обратился к изучению лубка («Исчезающая литература», 1921). Андрееву принадлежит хрестоматия «Русский фольклор» (1936, перераб. изд., 1938), антология «Былины» (1938).

АНДРЕЕВ-БУРЛАК Василий Николаевич (наст. фам. Андреев) (13.01.1843—22.05.1888), актер, писатель. Родился в

Симбирске в семье небогатого помещика. В 1862 окончил Симбирскую гимназию. С 1853 служил в коммерческом флоте на Волге: помощником капитана, капитаном на пароходе «Бурлак». Участвовал в любительских спектаклях и в 1868 дебютировал на профессиональной сцене. Лучшими в его исполнении, как чтеца, были «Повесть о капитане Копейкине» и «Записки сумасшедшего» *Н. В. Гоголя*, «Рассказ Мармеладова» из «Преступления и наказания»

Ф. М. Достоевского. В актерском чтении развивал традиции И. Ф. Горбунова. Вместе с актером М. И. Писаревым участвовал в 1800 в создании Пушкинского театра А. А. Бренко — первого частного театра в Москве, в 1883 (вместе с Писаревым) организовал «Первое товарищество русских актеров».

Писательская деятельность Андреева-Бурлака неразрывно связана с актерской. Его произведения, основанные на устных рассказах, с сер. 70-х публиковались в «Русской мысли», «Живописном обозрении», «Московском листке». Часть рассказов вошла в книгу «На Волге» (СПб., 1881).

АНДРЕЕВСКАЯ Варвара Павловна (урожд. Орлова) (1848 — после 1915(?)), детская писательница. Из дворян,

дочь офицера. С юных лет увлекалась чтением, хорошо знала русскую литературу и историю. Андреевская опубликовала большое количество книг, которые неоднократно переиздавались (сб. рассказов «Колокольчики». СПб., 1890; «Радость и горе». СПб., 1896; книга маленьких повестей «Вместо игрушки». СПб., 1890 и др.). Наиболее удачны произведения Андреевской, в которых в доступной для детей форме пересказываются различные события русской истории: «Рассказы дедушки про седую старину...» (СПб.,

1899), «Наши герои-моряки на Дальнем Востоке и в Турции» (СПб., 1900), «Предание о Царе Алексее Михайловиче» (СПб., 1901), «Ермак» (СПб., 1901), «Владимир Красное Солнышко» (СПб., 1901), «Три века назад» (СПб., 1913) и мн. др. Очерк Андреевской «Синопский бой» был включен в сб. «Рассказы о Севастопольской обороне». Перевела «Дон Кихота» М. де Сервантеса, «Вильгельма Телля» Ф. Шиллера (1896) и др. Опубликовала также ряд книг религиозного содержания.

Е. Б.

АНДРЕЕВСКИЙ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ, мужской монастырь, основанный в 1648 окольным Ф. М. Ртищевым на берегу р. Москвы, близ Воробьевых гор.

Монастырь изначально предназначался для проживания малороссийских книжников, вызванных в Москву для подготовки издания полного текста Библии. В 1651—54 здесь проживало до 25 монахов, приглашенных из Киево-Печерского и др. южнорусских монастырей — «иноков, изящных во учении грамматики словенской и греческой, даже риторики и философии, хотящих тому учению внимати». Поэтому сам монастырь нередко называли «училищным», а проживающих в нем монахов — «ученым братством», главой которого считался *Епифаний Славинецкий*. По некоторым сведениям, при монастыре было создано училище для детей, в котором преподавали монахи.

В 1682 монастырь был приписан к Заиконоспасскому монастырю, в 1686 в Заиконоспасский монастырь перевели училище, учащиеся которого продолжили образование в *Славяно-греко-латинской академии*. По указу Петра I в 1725 в монастыре открыли первый в России дом для 80

незаконнорожденных младенцев в возрасте от 7 лет с выплатой им из казны содержания. Но в 1731, при имп. Анне Ивановне, приют был закрыт. С 1764 в монастыре располагалась богадельня.

В 1675 здесь построена надвратная церковь Андрея Стратилата, украшенная изразцами работы Степана Полубеса. В 1689—1703 сооружена церковь Воскресения. В 1992 церковь Воскресения была заново освящена, а монастырь получил статус патриаршего подворья.

С. Перевезенцев

АНДРЕЛЛА (Оросвиговский) Михаил (ок. 1637—39 — 1710), малороссийский писатель. Родился в с. Росвигово (ныне предместье г. Мукачева). Учился в Вене, Братиславе и др. городах. Некоторое время был униатским священником, позже перешел в Православие, за что подвергался тюремному заключению и пыткам. Главные произведения Андреллы — полемическо-публицистические трактаты «Логос» и «Оброна верному каждому человеку», обличающие римского папу, иезуитов, униатство.

Соч.: Духовно-полемические сочинения... Прага, 1932.

АНДРОСОВ Василий Петрович (28.04.1803—1.11.1841), ученый-статистик, публицист, издатель. Родился в г. Рославль Смоленской губ. в купеческой семье. В 1824 окончил Московский университет по отделению нравственных и политических наук. В годы учебы примыкал к «Обществу друзей» *С. Е. Раича*, был тесно связан с кругом журнала «*Московский вестник*», входил в его «теневую» редакцию. С 1835 по 1838 — издатель и редактор журнала «*Московский наблюдатель*», в котором поместил несколько полемических статей в поддержку выступления «любомудра» *С. П. Шевырева* против журналов «торгового направления», опубликовал статью о «Ревизоре» *Н. В. Гоголя* (1836, май, кн. 1), поддержал пушкинский «*Современник*».

АНЕКДОТ В РОССИИ, фольклорный жанр, краткий устный, обычно анонимный, рассказ с остроумной концовкой, имеющий сатирическую или шутиливую окраску. Наряду с неизданными анекдотами существуют изданные (в просторечьи — цензурные), литературные; анекдоты как литературный прием. В чем-то «родня» анекдоту *сказка* (ср. сказка ложь, да в ней намек), не случайно их иногда называют одним словом — *байка*. В то же время общеизвестно, что анекдот не сказка, а быть — и достоверная в чем-то и в чем-то недостоверная; быть с большой примесью слухов, домыслов; т. е. факты, которые анекдот преподносит, непроверенные и не подвергаются проверке. Чем такая быть не сказка? Необычное, парадоксальное, удивительное (что на Руси издревле определялось словом «чудо») событие, происшествие, ситуация, из которых найден остроумный и разумный выход, — основа некоторых видов и анекдотов и сказок. С бытовой сказкой роднят анекдоты проникающие сюда сочные краски жизни, анонимность, бродячесть сюжета, позволяющая ему иметь много вариантов, приспосабливаться ко времени и месту, быть злободневным; в то же время, как и сказке, позволяет оставаться вечным жанром.

«Родня» анекдоту авантурные повесть и рассказ, новелла. Кто как не анекдот попадает в самые «экстремальные» ситуации авантурного сюжета, находя в них — как всегда! — остроумный и единственно верный выход? Часть анекдотов представляют собой краткий авантурный рас-

сказ, так же как иную часть называют баснями в прозе. Именно поэтому анекдоту сродни нравоучительные, «благонамеренные» произведения вроде басен и притч. Анекдот вмиг (в любом — зверином или человечьем обличье) изобразит глупца и даст совет, как не оказаться в глупом положении; укажет скупца и докажет, что скупым быть — себе дороже; найдет ленивого и вышутит лень; покажет с неприглядного бока др. человеческие пороки. Не случайно на Руси надписи над лубочными картинками, где высмеивались непостоянные женщины, нерасторопные крестьяне, ленивые купцы и проч., назывались также анекдотами или байками.

Близок анекдот эпиграмме и пародии (причем, пародии с театральным, артистическим уклоном, ибо предназначен для исполнения), т. к. всегда умеет уловить тон речи своих героев, манеру их держаться, их внешний облик, даже особенности мышления, и все это «передернуть», обыграть, преувеличив немного там, где нужно, или преуменьшив, но настолько, чтоб было смешно и без лишних слов понятно, кто есть кто. Анекдот-пародия соответствует живописным видам искусства — шаржу и карикатуре. Талантливый исполнитель такого анекдота может изобразить и талантливую карикатуру.

Этот жанр близок к присущим театру драме, комедии, интермедии, фарсу, буффонаде, клоунаде. Иные анекдоты представляют собой небольшую, емкую драматическую сценку, всегда остроумно разрешаемую; част в ней диалог, особенность которого не столько в умном вопросе, сколько в остроумном ответе. Сам анекдот, в лучших образцах, изысканно артистичен: он — балагур и остряк, душа компании, советчик и наблюдатель; он предупреждает и поучает, восхваляет и хает. Анекдот — то ли некий скоморох, звенящий по городам и всяем бубенцами юмора; то ли дурак, который вовсе не дурак; то ли юродивый, прозорливец и обличитель, предупреждающий в шутливой иносказательной форме людей о пороках и возможном зле. Причудливые «артистические одежды» или «драные одеяния» юродивого не дают канонизировать его как некую абсолютную истину в этом мире, отсекают от соблазна святости и непогрешимости. Он — шут, но всем угодный, ибо за шуткой его, байкой, загадкой — намек на правду, которой иные боятся. В русском анекдоте (в одном из пластов его) в особой манере выражена тоска по праведнику и справедливости.

Из газетных жанров особенно близок ему фельетон, а политическому анекдоту — памфлет в силу органически присущих качеств быть злободневным и остроумным. Как и фельетону на газетной полосе отводится подвал (место внизу), низкое место, так и анекдот никогда не считался высоким видом искусства. Напротив, были времена, когда его легкие и соленые шутки относили к вульгарным; хотя случались и периоды терпимого отношения к нему.

Т. о., анекдоту сродни все виды сатиры и юмора, ибо основное предназначение и главная его миссия — веселить дух человека и бороться с недостатками общества. Живя среди людей, он освоил неизменный меж живущими полемический характер. Существеннейшие черты анекдота — нацеленность на отклонение от каких-либо естественных, нормальных законов жизни, на «уродство».

Русский анекдот всегда оценивает людей с точки зрения народной морали (какова бы ни была политическая конъюнктура), с точки зрения совести, идеала добра и справедливости (хотя встречаются анекдоты, выражающие представления или политические амбиции лишь части общества, определенных слоев и групп, как правило, не имеющих всеобщей народной популярности).

Критикуя, анекдот никогда не обосновывает своей критики, а высказывая нравоучение, — не объясняет, с каких позиций осуждает то или иное явление, — ибо это лишне. Приговор и выговор анекдота — суд самого народного мировоззрения. «Сукодная» свобода реальному миру подвергается пересмотру и переоценке со стороны безмерной воли народа. Отсюда — двойственная природа анекдота. Являясь лукавым, двусмысленным, иносказательным по форме, в своем приговоре явлению или человеку он прямолинеен, как стрела, кинжал, летящая пуля (не случайные орудия убийства, с которыми всегда сравнивали сатиру). Удача анекдота (и отличие от обычной бытовой перебранки) зависит от степени его остроумия, благородства, изящества, артистичности формы, оригинальности и неожиданности мысли, заключенной в остроте.

Особенно грозен политический анекдот, крамольное своеволие которого не знает границ горизонтальной и вертикали. Существовали целые эпохи, в которые он подвергался правительственными изгнанию и забвению, т. к. злой и точный анекдот уничтожал авторитет политических деятелей еще при жизни.

С древнейших времен с анекдотом в России отождествляли бытовые народные сказки. Уже в XVII в. появляются в печати «Смехотворные повести». Но сам термин «анекдот» по-настоящему стал известен в XVIII в. благодаря многочисленным сборникам.

В 1764 в Петербургской типографии Сухопутного шляхетского корпуса вышел «Товарищ разумной и замысловатой или собрание хороших слов, разумных замыслов, скорых ответов, учтивых насмешек и приятных приключений знатных мужей древнего и нынешнего веков, переведенный с французского и умноженный из разных латинских к сей же материи принадлежащих писателей, как для пользы, так и для увеселения общества Петром Семеновым» (выдержал 3 издания). Представляя русским читателям анекдот, Семенов, еще не назвав самое слово, в заглавии книги дал подробнейшую и пространнейшую характеристику вводимому в обиход виду прозаического жанра. Его основные свойства: разумность и замысловатость, скорость (динамика) диалога, участие приключений (авантюристность) в сюжете, веселость (юмор), насмешливость (сатира), но веселость и насмешливость «приятные», «учтивые», выраженные «хорошими словами», т. е. то, что теперь мы называем изысканно остроумным. Уже тогда анекдот подчинялся законам этики и эстетики; предпочитал среди героев «знатных мужей» (личности известные). Названо здесь и предназначение анекдота в обществе: «как для пользы, так и для увеселения». Эти характеристики не устарели и доньше.

В 1769 выдающимся русским ученым и писателем *Н. Г. Кургановым* был издан сборник (типа хрестоматии) «Российская универсальная грамматика. Вобщее писемословие», который приобрел широкую известность при последующих переизданиях под названием «Письмовник»; в него, среди прочего, входили замысловатые повести, анекдоты, «стихословия», примеры из лубочной литературы. «Письмовник» выдержал 11 изданий.

В 1786 в Москве появились «Подлинныя анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге, изданные в свет Яковом фон Штелиным, переведенные на российский язык Карлом Рембовским». Предприимчивые иностранцы преподавали россиянам урок хозяйственного обращения даже с не совсем достоверными «мелочами» своей истории. Книга переиздавалась вплоть до 1830. По типу этой книги стали

выходить и русские сборники анекдотов. В Петербурге, в типографии Богдановича в 1790 увидел свет «Старичок весельчак, рассказывающий давние московские были».

Анекдоты XVIII в. совершенно не походили на современные. Они длинные, порой монотонны (что совершенно неприемлемо для анекдотов XX века), не столь остроумны, сколь простодушны и веселы. Веселье и добро (добродушие) — вот что ценилось; политической злобы дня и злости политической сатиры в них не было и в помине. Царь и царица, как герои анекдотов, были уважаемы, почитаемы, желанны. Они всегда умно выходили из любой ситуации или выступали как судьи-оценщики остроумия и находчивости своих приближенных, но сами не высмеивались. Т. о., через анекдот можно увидеть истинное отношение тогдашнего народа к Царям — помазанникам Божиим. В сборниках анекдотов XVIII в. органично переплелось взятое из зарубежных источников и свое исконное, как письменное, так и подслушанное на улицах городов и в гостиных вельмож. Любопытен в этом смысле оригинальный труд учителя Смольного института В. С. Березайского «Анекдоты древних пошехонцев» (СПб., 1799), объединивший подобием авантюрного сюжета рассказы о «простофилях» и «дураках» — традиционных героях русских сказок. В то же время некоторые «анекдоты» (сюжеты, события) заимствованы из литературных источников, напр., «Драгоценная штука» из «Пересмешника» М. Д. Чулкова; к мотивам «Дон-Кихота» восходит эпизод сражения пошехонца с часами. Как противник суеверия и «невежества», Березайский относился к фольклору избирательно. Не приемля всерьез волшебные сказки, гадания, заговоры и т. д., — сказки о «дураках» и бытовые сказки он считал подходящим литературным материалом с богатыми возможностями двусмысленного повествования и подтекста.

Березайский проделал сложную работу фольклориста и писателя, вначале собрав материал, затем подвергнув его тщательному отбору и литературной обработке в соответствии с принципами авантюрно-сатирического повествования в духе Виланда, Сервантеса, Лесаза. Главным объектом иронии и насмешки Березайского были невежество и глупость. Для повествовательной манеры его характерны обилие цитат, ссылок, всевозможных ученых и литературных аллюзий, приемы бурлеска; речь рассказчика пересыпана *поговорами, поговорками, прибаутками*; в ней воссоздается фонетически и морфологически похожая картина северно-русского диалекта в Пошехонье во 2-й пол. XVIII в. Тип простака-пошехонца, созданный Березайским, утвердился в России и просуществовал в лубочных изданиях вплоть до н. XX столетия. Встречался он и в литературных произведениях. Напр.: *Кортков Н.* «Анекдоты или похождения старых пошехонцев» (СПб., 1873), «Пошехонцы, или веселые рассказы об их медном лбе и замысловатом разуме» (М., 1912). Обаяние типов, созданных Березайским, чувствуется и в «Пошехонских рассказах» М. Е. Салтыкова-Щедрина, хотя у Салтыкова-Щедрина резко изменены социальные акценты. Второе издание (СПб., 1821) Березайский выпустил «с присовокуплением забавного словаря», где есть пояснения, которые автор считал необходимыми для более глубокого понимания сатиры (с ее намеками, параллелями, недоговоренностью) и освоения ее подводных течений. Бессспорно, Березайский немало сделал для того, чтобы термин «анекдот» наполнить оригинальным национальным содержанием.

XIX столетие — золотой век для создателей и издателей анекдотов. Ни в одной стране, ни в один век не было опубликовано столько сборников, многотомных собраний, аль-

манахов этих любимых народом художественных произведений. К тому же редкое издание обходилось без включения анекдотов в свои рубрики и разделы: газеты, журналы, альманахи, календари, справочники разного рода, приложения, листки, лубочные картинки, карикатуры с надписями и т. д. Анекдоты были о придворной жизни, о жизни крупных деятелей культуры, политиков, иностранцев, военных, бытовые. Издавали их как частные (вольные) типографии, так и военные (штабов военных округов, ученых заведений), театральные, университетские, департамента внешней торговли, путей сообщения и т. д.; как столичные, так и губернские; как анонимно, так и под именем собирателя и литературно-обработчика.

Названия сборников были самые разнообразные, длинные, краткие, весьма причудливые: «Сборник исторических рассказов и анекдотов, извлеченных из 300 с лишком книг разных исторических журналов» (Кишинев, 1805); «Подлинные анекдоты Императрицы Екатерины Великой...» (М., 1806); «Анекдоты (русские) военные, гражданские и исторические, изданные Сергеем Глинкою» (М., 1820); «Альманах анекдотов» (СПб., 1829—34); «Полные избранные анекдоты о придворном шуте Балакиреве, любимце Петра I» (М., СПб., переиздания с 1836—1916); «Альбом балагура...» (СПб., 1851); «Кринолин и другие шляпы. Анекдоты для друзей и недругей кринолина и «последней попытки» (СПб., 1858); «Турусы на колесах или не любо не слушай, лгать на мешай» (М., 1863); «Энциклопедия весельчака. Собрание 5000 анекдотов древних, новых и современных...» (СПб.; М., 1872—73); «Веселая старинка...» (1870); «Анекдотики, анекдоты, анекдотища, от скуки собранные скромным юмористом» (М., 1881); «Крупные глупости за мелкие деньги...» (СПб., 1885); «Сборник анекдотов из жизни великих, замечательных и остроумных людей» (М., 1896) и т. д.

Героями анекдотов оказались И. И. Дмитриев, Крылов, Пушкин, Д. Давыдов, Греч, Воейков и др. известные лица. Сами писатели использовали в своих сочинениях анекдоты как версию сюжета («Ревизор Гоголя») или как литературный прием, который служил толчком для собственного сюжета (напр., сплетня-анекдот о Сальери, Бомарше, Буанаротти в трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери», где анекдот — лишь точка опоры для идеи: вечного соперничества гения и среднего таланта. К самой сплетне Пушкин отнесся с известной долей скепсиса, ему неважно было, правда это или нет, главное для него не юридическая, а художественная убедительность), широко использовали анекдоты и их возможности Чехов, Салтыков-Щедрин и др. писатели. Анекдоты и их приемы можно было найти в театральных постановках (комедиях, водевилях, опереттах), балаганах, цирке, эстраде, в шуточных песнях (куплетах), *частушках*.

Начало XX в. для анекдота, по инерции от мощного творческого толчка предыдущего столетия, было благоприятным. Анекдоты продолжали создавать, собирать и издавать. Новизна и хорошо забытая старина здесь переменялись. Из новизны вышли, напр., «Никогда еще до сих пор непечатанные анекдоты про А. С. Пушкина» (Тифлис, 1914).

Советское время оказалось для издания анекдотов неблагоприятным. В 1920—30-е, в достаточном удалении от центра (Баку, Тверь, Львов, Тифлис, Симферополь) еще вышли несколько случайных (иначе и не назовешь!) сборников, среди которых выделялись переиздания «Анекдотов Молю Насредина», никакого отношения не имевших ни к российской исторической, ни к советской действительности.

В советские годы в бытовой анекдот в большей степени, чем раньше, вкладывалось понятие неприличного, вульгарного (в просторечии похабного; именно этим словом и характеризовали часть советских анекдотов; т. н. похабный анекдот удовлетворял какие-то злые, мрачно затаенные стороны души некоторой прослойки людей); в политический — подозрительного, опасного. Почему? — По нескольким причинам. Во-первых, анекдот — жанр, который нельзя лишь потреблять, он рассчитан на постоянный прилив творчества городских масс, в первую очередь интеллигенции; интеллигенция же в большинстве своем была истреблена, с нею ушла и культура остроумия, эстетика аллегорического, иносказательного, исторических параллелей. Но главное — была утрачена этика анекдота. В нем произошел взрыв вульгарного, стерлись границы дозволенного и недозволенного, ибо носители гармонии, меры дозволенного-недозволенного ушли в небытие и оказалось некому осадить творцов скабрёзности, носителей цинизма.

Анекдоты стали создавать городские низы: матросы, солдаты, люмпены, бывшие уголовники, новоявленные мещане (мещане девятнадцатого века были достаточно культурными) и проч. Разумеется, вульгарные анекдоты не было смысла печатать. Старые исторические анекдоты не переиздавались, т. к. большая часть русской истории и культуры приводилась к забвению. К тому же и в давно сочиненных анекдотах боялись исторических параллелей, намеков. В-третьих, каждый новый анекдот рассчитан на актуальность, зачастую это обязательное условие для его рождения. После 1917 анекдот на нравственные темы стал неактуален, т. к. все смешалось, критерии нравственности пропали.

Советский анекдот должен был отражать политическое состояние общества, ибо жизнь крайне политизировалась. Одна припевка, характеризующая народное сознание 20—30-х, звучала так: «У моего милова политический зачес, как у Ворошилова». «Политический зачес» железно входил в оборот по всей стране. Именно поэтому политический анекдот с первых лет советской власти стал опасен для жизни; насаждавшее страх и всеобщую подозрительность правительство видело в анекдоте устный памфлет, политическую эпиграмму, пародию.

Боялись анекдотов еще и потому, что анонимное сочинение невозможно запретить. За рассказы политических анекдотов предусматривалось уголовное наказание. В Комментариях к Уголовному кодексу РСФСР 1926 были разъясняющие ЦК пункты, согласно которым создатели и распространители анекдотов могли привлекаться за антисоветскую пропаганду. Не случайно существует анекдот 30-х: кто строил Беломоро-Балтийский канал? — Левый берег те, кто рассказывал анекдоты, правый — те, кто слушал их.

Само слово «анекдот», оставаясь в быту, в советский период изымается из печатного обращения. В литературе все чаще появляется «юмористический рассказ» (сокращенно — по моде советских лет — «юмореска»), в какой-то мере заполнявший образовавшуюся пустоту. Хотя и здесь не обошлось без условностей и ограничений. Правящие лидеры уже не являлись (как в XVIII и XIX вв.) героями юмористических рассказов.

Каковы же особенности советских неизданных, но известных и популярных в народе анекдотов, по сравнению с их изданными до революции литературными и литературно обработанными собратьями?

Во-первых, из анекдотов советской поры почти исчезли личности. Хотя политические деятели (Ленин, Сталин,

Хрущев, Брежнев, Андропов и пр.) фигурируют в анекдотах, но чаще не из-за самоценности личности, а для обозначения т. о. времени, периодов советской истории. На этих деятелей переносятся наиболее характерные отклонения от правды и справедливости в те или иные годы анонимного правления скрытых политических сил. Заметным стало совершенное отсутствие какого бы то ни было уважения к политическому лидеру, главе государства, равно советского и иностранного, как это было в XVIII в. хотя бы по отношению к своим Царям. Напротив, характеристики лидеров всегда ироничны, а то и циничны.

Во-вторых, анекдоты стали «выпускаться» целыми гнездами, сериями (хотя это и не было открытием, но приобрело небывалый размах), что говорит о бурном разнообразии мнений, об интенсивном творчестве масс, которым было что сказать, но, поскольку их мировоззрение и оценка событий оставались неизвестными правящими силами, они вынуждены делать это подцензурно, анонимно и устно.

Серий таких немало. «Выпуск» их вызывало каждое политическое событие: освоение кукурузных полей; приезд в нашу страну руководителей иностранных держав и вояжи наших политиков; 100-летие со дня рождения В. И. Ленина (анекдотчики «выпустили» к этому времени мочалку «по ленинским местам»); годы застоя («когда в магазинах все застаивалось»); в период правления Андропова анекдотчики «вывели» новый сорт яблок — андроповка, вяжущих не только рот, но и руки; в годы перестройки «появился» единственный универсальный продукт, которого в стране оказалось в достаточном количестве, — лапша на уши...

Необъятны серии лагерных анекдотов; солдатских, студенческих; анекдотов о бесчисленных собраниях простодушных колхозников; о народной трактовке плакатов и лозунгов; о лекторах, делавших невероятно смешные объяснения слову «коммунизм»: теоретические постулаты о политических перспективах они объясняли безграмотным старикам и старухам «по-простому», отчего эти постулаты, освободившись от словесной шелухи, обнажались, как голый король.

Т. н. «чукчанские» анекдоты возникли как реакция на антиэволюционную политику, при которой иные народы из их младенчества, наивно-поэтического представления о мире, из по-своему мудрых вековых культурных традиций «за уши» ташили в научно-технический «рай», где «ценности» масскультуры выдавались за ценности культуры. Это привело целые народы к анемии, безразличию, равнодушию и к национальным и к новоиспеченным «общечеловеческим» ценностям. Чукча в анекдоте не имеет ничего общего с национальностью чукчей. Это имя нарицательное, собирательное для всех народов СССР, особенно РСФСР, и взято лишь потому, что чукчи живут на наиболее удаленных от центра территориях, чем подчеркивалось: до иных народов у правителей СССР, как говорится, не доходили руки.

Др. сторона реакции на национальную политику, делающую вид, что все нации равны и смирились с этим «равенством», — т. н. анекдоты об «армянском» радио, показывающие иной (не обязательно армянский, но поддерживающий во все времена приоритет своей нации) мир. Характерен пример одного из вариантов радиоармянской загадки: что стоит в серванте черное и узкое? (следуют разные ответы неискушенного простака) — Нет. — А что? — Сапог. — Сапог??? Почему?! — Мой сапог, куда хочу, туда и ставлю.

Совершенно неожиданная для народа, который совершил революцию, серия анекдотов о Чапаеве, Петьке и Анке не может не вызвать недоумения. Как же так: о действительно народном герое, трагически погибшем, сам народ слагает насмешливые, а порой — циничные и злые анекдоты, выставляя всю тройку первоначально-сермяжными, неотесанными, безграмотными людьми, попадающими в комические ситуации? Почему, наконец, для этих целей избран именно Чапаев, а не др. революционные деятели, столь же известные и столь же малограмотные (их немало! хотя бы Ворошилов, Буденный)? Ответ прост: это естественное реагирование народа на неправду, лакировку действительности, превративших безгрешного, а в чем-то и неудачливого человека в идола для поклонения. Превращение произошло посредством известного фильма «Чапаев». На Чапаева, к тому времени уже почившего, пала несопоставимая с прижизненной славы вымышленного литературно-киношного героя. Так же вымышлены были создателями фильма Петька и Анка. Анки вообще не существовало. Петька был, только не туповатый недоросль, с открытым ртом слушающий политические фантазии безграмотного Чапаева, а немолодой уже командир, почти ровесник Чапаева, его друг и советчик. Т. о., в противовес культовым здравницам и беллетристическим лакировкам, героями анекдота оказались не реальные, а литературно-киношные персонажи, с которыми происходят казусы, достойные смеха.

Литературно-киношные и телевизионно-эстрадные герои стали потенциальным материалом для создания новых серий анекдотов (о Штирлице, волке и зайце, ковбоях, Авдотье Никитичне и Веронике Маврикиевне), к ним присоединились самые популярные артисты (тройка: Вицин, Никулин, Моргунов).

Существует серия анекдотов как реакция на засилие иностранных слов, ставших в советский период настоящими торпедами, летящими в народ со всех сторон (из средств массовой информации, школы, вуза, от науки, с партийных трибун, с эстрады и т. д.) и действовавшими подавляюще на сознание исконного хранителя русского языка. Народ, как мог, сопротивлялся вытеснению языка одичавшими сторонниками западной массовой культуры.

Лит.: Происхождение анекдота в русской народной словесности. Сб. Харьковского Историко-филологического общества. Харьков, 1898; *Сумцов Н. Ф.* Разыскания в области анекдотической литературы. Харьков, 1898; *Зеленин Д. К.* Народные присловия и анекдоты о русских жителях Вятской губернии. Вятка, 1904; Малоросс в анекдотах про него и в произведениях народной его литературы // Киевский телеграф. 1859. № 12, 14; *Маслов Е. К.* истории анекдотической литературы XVIII в. // Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. М., 1928.

А. Баженова

АНИКА-ВОИН, герой русских духовных стихов. «Как в литературе, в параллель с летописью, идет ряд житий святых, так и в народном эпосе, рядом с былинами идут духовные стихи». Эти слова *Ф. И. Буслаева*, пожалуй, наиболее точно характеризуют параллельное существование героев русских народных духовных стихов и героев русских былин, их отличия и взаимосвязь.

В основе стиха об Анике-воине лежит популярный памятник средневековой литературы «Прения Живота и Смерти», связанный с византийским эпосом о Дионисе Акрите. Само имя Аники — от эпитета «aniketos» — «непобедимый». *А. Н. Афанасьев* писал о «Прении Живота и Смерти»: «Повесть эта принадлежит к разряду общераспростра-

ненных в средние века поучительных сочинений, толкующих о тленности мира, и попадает в во многих рукописных сборниках XVII века; она известна и в немецкой литературе. Составляя у нас любимое чтение грамотного простонародья, она перешла из рукописей в устные сказания и на лубочную картину и дала содержание некоторым духовным стихам и виршам. Но можно допустить и обратное воздействие, т. е. переход устного древнемифического сказания о борьбе Жизни (Живота) и Смерти в старинные рукописные памятники, причем оно необходимо подвергалось литературной обработке». *А. Н. Афанасьев*, будучи последователем «мифологической школы», придерживается этой, второй точки зрения, считая, что сюжет «бесспорно принадлежит к созданиям глубочайшей древности».

Но в книжных первоисточниках ни Живот, ни Смерть не олицетворены в человеческие образы, такое олицетворение происходит лишь в устных народных вариантах, где Живот становится Аникой-воином, а Смерть — «чудом-чудным и дивом-дивным».

Сюжет «Аники-воина» довольно устойчив. Жил-был храбрый воин, много на своем веку «людей полонивший, городов покоривший, икон поколовший, христиан облатынивший». Но и это ему показалось мало. Стал Аника-воин похваляться: «Кабы дал мне-ка, Господи, / С небеси во столби колечушко булатно, / Повернул бы я всю землю на сине небо, / А сине небо на сыру землю: / На миру бы смерти не было, / И народ бы был весь жив».

Теснейшим образом связаны с поэтикой и образами былинных богатырей и все последующие сцены. Напр., встреча Аники-воина со Смертью, когда он спрашивает: «А ты поляк есть, поленской сын, / Али ты поленица удалая? А смерть отвечает ему: «А не чудо есть я чудное, / Не чудилица есть пречудная, / Не поляк, не поленской сын, / Не поленица я есть удалая: / Аника-воин, я есть Смерть скорая, / Скорая есть Смерть, скоропостижная».

А далее описывается поединок Аники-воина со Смертью, его мольба: «И дай ты сроку хоть на три часа», гибель Аники-воина.

Впервые народный стих об Анике-воине был опубликован в 1840 в журнале «Современник» под заглавием «простонародный рассказ», а затем вошел в собрания *П. В. Киреевского*, *П. А. Бессонова*, *П. Н. Рыбникова* и мн. др. фольклорные издания. Широкое распространение «Аника-воин» получил в лубочном варианте народного духовного стиха.

В. Калугин

АНИКИН Владимир Прокофьевич (р. 06.08.1924), фольклорист, литературовед. Окончил филологический факультет МГУ (1950). Докторская диссертация — «Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин» (1973). Печатается с 1952. Опубликовал книги: «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор» (1957), «Русская народная сказка» (1959), «Русский богатырский эпос» (1964), «Поэма Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”» (1969, 2-е изд., 1973), «Фольклор как коллективное творчество народа» (1969), «Календарная и свадебная поэзия» (1970), статьи по теории фольклора (в т. ч. «О “логико-семиотической” классификации пословиц и поговорок», 1976), истории фольклористики (об *А. Н. Афанасьеве* и др.).

АНИКИТА Лев Филолог (1-я пол. XVI в.), церковный писатель и агиограф, работавший в стиле т. н. «плетения словес». Сведения о нем известны гл. обр. из его сочинений. По происхождению серб, ученик Саввы Сербского и Си-

меона Немани, основателей Хилендарского монастыря. В русских источниках известен также под именем «черноризец (монах) Филолог», что свидетельствует о его учености и авторитете. В 10—20-х, живя в России в писательской среде, окружавшей прп. *Максима Грека* и *Васиана Патрикеева*, написал похвальное слово свв. мученикам Михаилу, князю Черниговскому, и его боярину Феодору, замученным татарами в Золотой Орде. Между 1534 и 1538, будучи уже в преклонном возрасте и находясь в Сербии или на Афоне, написал (по просьбе старцев Соловецкого монастыря) похвальные слова святым преподобным Зосиме и Саввиатию Соловецким. По мнению некоторых исследователей, ему принадлежит также анонимное Житие Иосифа Волоцкого. В научной литературе есть предположение, что сочинения Аникиты переводил с сербского на русский язык выдающийся церковный писатель *Зиновий Отенский*.

Соч.: Слово похвальное Филолога о свв. вмч. иже от Чернигова, славном Михаиле великом князе, и Феодоре... // «Великие Минеи Чети». Сентябрь. СПб., 1869, 20 сент.

Лит.: *Субботин Н. И.* Сведения о Филологе черноризце, проповеднике XVI века // Прибавления к «Творениям святых отцев в русском переводе», издаваемые Московской Духовной академией. М., 1859. Ч. 18; *Дмитриева Р. П.* Лев Филолог // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л.—Я. Л., 1989.

В. Никитин

АНИСИМОВА Домна Анисимовна («Слепая Доманя») (1812 — после 1868), поэтесса. Дочь пономаря. На пятом году заболела оспой и почти ослепла. Это отдалило ее от детей: она полюбила уединение и рассказы стариков о былом, а также чтение книг и богослужение. Когда ей было 12 лет, ей прочли «Двенадцать спящих дев» *Жуковского*. Эта баллада произвела на нее такое впечатление, что она лишилась сна. С этих пор у нее явилось желание слагать стихи. Анисимова старалась скрыть свои произведения, но слух о них дошел до исправника, который пожелал, чтобы Анисимова описала сельскую жатву. В одну ночь она сочинила довольно большое стихотворение, которое исправник, вместе с другими, представил губернатору, а губернатор — министру народного просвещения. Академия, куда они были переданы министром, прислала ей разных книг и 100 руб. Стихотворения ее были отпечатаны в 400 экз. До самой смерти Анисимова получала субсидию в 40 руб. в месяц. В 20 лет Анисимова окончательно ослепла. Стихотворения Анисимовой написаны вполне литературным языком, с соблюдением всех правил метрики. Их отличительные черты — любовь к природе, покорность судьбе и сильно развитое православное чувство.

АННЕНКОВ Павел Васильевич (19.06[1.07].1813, по др. данным 18[30].06.1812 — 8[20].03.1887), литературный критик и мемуарист. Родился в Москве в семье помещика Симбирской губ. Учился в Горном институте, был вольнослушателем филологического факультета Петербургского университета. В 40-е был близок с В. Г. Белинским, Н. В. Гоголем, А. И. Герценом, позднее с И. С. Тургеневым и др. Сотрудничал в «Отечественных записках» и «Современнике», в котором опубликовал «Письма из Парижа» (1847—48). Много путешествовал по Европе. Жил вместе с Гоголем в Риме, о чем рассказал в воспоминаниях «Гоголь в Риме летом 1841 года» (1875). В 1847 в Зальцбрунне (Силезия) Анненков был единственным свидетелем работы Белинского над «Письмом к Гоголю», о чем также рассказал в своих воспоминаниях. В к. 50-х

Анненков вместе с др. писателями — противниками нигилистов порвал с «Современником».

Как литературный критик Анненков выступил со статьями: «О значении художественных произведений для общества» (1856, позднее опубл. под назв. «Старая и новая критика»), «Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году» (1854), «Литературный тип слабого человека» (1858), «Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого “Война и мир”» (1868). В них он утверждал мысль о необходимости морального воздействия литературы на общество; с позиций эстетической критики боролся против Н. Г. Чернышевского и др. нигилистов. Наиболее значительную часть наследия Анненкова составляют его мемуары, в т. ч. книга «Замечательное десятилетие (1838—1848)» (1880) — один из основных источников изучения литературной мысли и общественного движения 30—40-х; здесь нарисованы живые образы современников Анненкова: Гоголя, Белинского, Тургенева, Герцена, Н. В. Станкевича, Т. Н. Грановского, М. А. Бакунина и др. Анненков подготовил первое научное издание сочинений А. С. Пушкина в 7 т. (1855—57), опубликовал ценные «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина» (1855) и кн. «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху» (1874).

См. также ст. «Чистое искусство».

Соч.: Николай Владимирович Станкевич. М., 1857; Воспоминания и критич. очерки. Т. 1—3. СПб., 1877—81; Лит. воспоминания. СПб., 1909; Лит. воспоминания. Л., 1928; *То же*. [М.], 1960.

АННЕНСКИЙ Иннокентий Федорович (20.08[1.09].1855—30.11[13.12].1909), филолог, писатель и педагог. Окончил курс историко-филологического факультета С.-Петербургского университета по специальности сравнительного языкознания, по которой и читал некоторое время лекции на Высших женских курсах в С.-Петербурге. Педагогически-административная карьера отвлекла его от строго научных занятий. Он был директором коллегии Галагана в Киеве, затем VIII гимназии в С.-Петербурге и гимназии в Царском Селе.

Чрезвычайная мягкость, проявленная им, по мнению начальства, в тревожное время 1905—06 была причиной

его удаления от этой должности: он был переведен в С.-Петербург окружным инспектором и оставался в этой должности до 1909, когда он — незадолго до своей смерти — вышел в отставку. С осени 1908 он читал лекции по истории греческой литературы на высших женских историко-литературных курсах. Литературная деятельность Анненского имеет своим центром его интерес к античному миру, своей окружностью — новейшую литературу, как западноевропейскую (особенно французскую), так и русскую. В области античной литературы его деятельность сосредоточена на монументальном переводе 19 драм Еврипида, который он предполагал издать в 3 больших томах, а по возможности и в 4, прибавляя к сохранившимся драмам и отрывки потерянных, очень иногда крупные и интересные; эта последняя часть программы осталась невыполненной. Каждой трагедии должна была быть предпослана статья, содержащая ее анализ, оценку и, часто, сравнение с

параллельными по сюжету трагедиями новейших литератур. Сам Анненский успел издать лишь первый том («Театр Еврипида», т. 1, СПб., 1906), с шестью трагедиями и вводной статьей об античной трагедии; остальные переводы тоже были им исполнены и в 1910 готовились к печати. Переводы Анненского принадлежат к лучшим в русской литературе и по проникновению в дух оригинала, и по литературной отделке; но они иногда неровны там, где вследствие поспешности работы вдохновение оставляло переводчика. В области русской литературы Анненскому принадлежит ряд критических статей как о *Гоголе*, *Тургеневе*, *Достоевском*, так и о новейших писателях (*Л. Андрееве*, *Бальмонте* и др.). Они собраны в двух «Книгах отражений». Их общее достоинство — меткость наблюдения и оригинальность суждения, при изысканном, часто причудливом, но всегда блестящем изложении. Нередко они своей парадоксальностью вызывают противоречивое чувство, но всегда будят мысль и не дают иссякнуть интересу. В области новейшей западной литературы Анненский особенно интересовался французской поэзией, как «парнасцами» (Сюли Прюдом, Леконт де Лиль и др.), так и «проклятыми» (Верлен, Бодлер и др.). Их он охотно переводил, им же посвящал и критические статьи, отчасти вошедшие в его «Еврипида», отчасти готовящиеся к печати. Немецкой литературы он не понимал и не любил. Четвертую группу составляют собственные опыты Анненского. Сюда относятся сборники его стихотворений: 1) «Тихие песни» (под псевд. Ник. Т-о), с приложением сборника стихотворных переводов «Парнасцы и проклятые», 1904; 2) «Кипарисовый ларец», 1910, и 3) «Третья книга стихов» (в 1910 готовилась к печати). Изысканность языка и рифмы свойственна Анненскому наравне с лучшими представителями русской поэзии; по направлению своему он — крайний импрессионист. Особый отдел этой группы образуют четыре оригинальные драмы Анненского на еврипидовские сюжеты: «Меланиппа-философ», «Царь Иксион», «Лаодамия» и «Фамира-кифаред»; интереснейшая из них — «Царь Иксион», в которой чувствуется особая близость автора к изображенному герою. Смешение античного сюжета и античной формы с современно-болезненной чувствительностью рассчитано не на всякий вкус; но в глазах тех, кому доступен такой синтез, эти трагедии останутся лучшими произведениями пера Анненского.

Соч.: Стихотворения и трагедии. Л., 1959.

АНТОНИЙ (Борисов-Разумовский) (авг. 1738—10[22].11.1786), архиепископ Астраханский, духовный писатель. Сын священника одного из сел Суздальской епархии. Учился в Александро-Невской духовной семинарии, после окончания был оставлен при ней учителем физики (1762); пострижен в монахи в 1762; с 1763 — законоучитель в Сухопутном шляхетном корпусе. В к. 1760-х выступил с проповедями «нравственно-практического» содержания: «Слово в день коронавания Императрицы Екатерины II» (1767), «Слово при торжестве первого приема благородных воспитанников в Сухопутный шляхетный кадетский корпус» (1767), «Слово по окончании подвига прививания оспы Императрицей Екатериной II» (1769). С 1770 Антоний — придворный проповедник со званием архимандрита Николаевского Вязицкого монастыря Новгородской епархии, с 1774 — епископ Переяславля-Залесского, с 1776 — епископ, а с 1785 — архиепископ Астраханский. Известны следующие его проповеди: «Слово в торжественный день восшествия на престол Императрицы Екатерины II» (1771), «Слово при погребении тела фельдмарша-

ла графа А. Г. Разумовского» (1771), «Слово о вступлении на астраханскую кафедру» (в рукописи, 1785).

Ю. Бегунов

АНТОНИЙ НОВГОРОДСКИЙ (в миру **Добрыня Ядрейкович**) (ск. 1232), архиепископ Новгородский, автор «Книги Паломник». В *Новгородской 1 летописи* под 1211 сообщается, что Антоний Новгородский привез из Царьграда (Константинополя) христианские святыни, затем был пострижен в монахи в Хутыньском монастыре и стал архиеп. Новгородским. В 1219 его сменил изгнанный прежде архиеп. Митрофан, а Антоний Новгородский становится епископом в Перемышле. В 1225—28 Антоний Новгородский снова архиепископ Новгородский; после чего по болезни удаляется в Хутынский монастырь, где и умирает. О его деятельности повествуется в статье Новгородской летописи под 1232.

В «Книге Паломник», известной в двух редакциях, рассказывается о святынях, соборах и храмах византийской столицы до ее разграбления крестоносцами в 1204. Путешествие Антония Новгородского в Царьград датируется 1200: он пробыл там, видимо, не менее года; высказывались мнения о двукратном посещении Антонием Новгородским Константинополя, т. к. во второй редакции «Книги Паломник» упоминается о захвате латинянами «церковных драгих вещей». В своей «Книге» Антоний Новгородский подробно описал находящиеся в константинопольском Софийском соборе иконы, мощи и церковную утварь: сосуды, завесы, кресты, паникадила. Антоний Новгородский пересказывает эпизод о явлении ангела из легендарного «Сказания о построении Софийского собора». Он упоминает о чудесах и исцелениях от мощей, икон, в т. ч. о чуде, свершившемся в 1200. Антоний Новгородский описывает богослужение с участием константинопольского патриарха, отмечает «пень красное и сладкое», упоминает греческих иконописцев Павла и Лазаря. Среди икон, поставленных близ алтаря, Антоний Новгородский отмечает изображение русских святых — *Бориса и Глеба*. Упоминает Антоний Новгородский и дар русской кн. Ольги — золотое блюдо «коли взяла дань ходивши к Царьграду». Примечательно описание «огорода» у патриарха, в котором произрастают дыни, яблоки, груши, упоминание бани с водопроводом. Кроме Софийского собора, церкви свв. апостолов и др. храмов, Антоний Новгородский перечисляет различные монастыри, упоминает об Ипподроме и городских воротах.

АНТОНИЙ (Храповицкий) (17[29].03.1863—10.08.1936), церковный и общественный деятель, богослов и духовный писатель. По некоторым сведениям, послужил *Достоевскому* прообразом Алеши Карамазова. С 1890 ректор Московской духовной академии. Один из основателей Союза Русского народа (1905). Духовно окомлял патриотические организации в центре и на местах. В 1915 выступал за присоединение Константинополя и св. мест к России. В 1917 один из кандидатов в патриархи. После отъезда за границу сыграл выдающуюся роль в создании Русской пра-

вославленной церкви в изгнании, став ее бесценным руководителем, первоиерархом. Мужественно выступал против сатанинских учений иудаизма и масонства. Подписал Соборное послание, в котором масонство осуждалось как преступная организация, а нераскаявшиеся члены ее подлежали отлучению от Церкви. На запрос судьи Бернского процесса о Сионских протоколах ответил: «Смысл и направления Протоколов Сионских мудрецов во многих отношениях соответствуют учению и мировоззрению мирового еврейства... Линия поведения соответствующего направления имеется в руководящих кругах мирового еврейства, и, как собственно показала русская революция, действия и устремления еврейства часто вполне соответствуют содержанию т. н. Протоколов Сионских мудрецов».

Будущий митрополит родился и вырос в аристократической семье, известной своими глубокими литературно-эстетическими традициями, что обуславливало активное изучение словесности в домашнем воспитании. Юный Алексей Храповицкий имел предрасположенность к ней, поэтому познание литературы ему давалось легко.

Владыка Антоний был чужд ригористического взгляда на литературу как явление ненужное и порою вредное для христианина. О. Киприан Керн называет его «в лучшем смысле этого слова светским человеком». И в то же время замечает, что «Антоний – сама церковность» и «исключительный носитель нравственного авторитета».

Из всех русских писателей владыка занимался преимущественно Ф. М. Достоевским и А. С. Пушкиным.

Широко известен факт увлечения владыки в отроческие годы творчеством Ф. М. Достоевского. Философские идеи Достоевского оказали основополагающее влияние на формирование мировоззрения святителя и на круг его богословских и научных интересов. В наследии он видел выход из мертвящей схоластики церковных школ, исход от переоценки возможностей рационализма и позитивизма к обетованным вершинам духа. С его «легкой руки» Достоевский был объявлен непризнанным «пророком» в собственном отечестве. Как отмечает о. Киприан Керн, «главное для него был Достоевский. Помню такое замечание: “Прежде всего, Библия, потом церковный устав, а на третьем месте – Достоевский”».

Основной работой, посвященной анализу творчества писателя, стал «Словарь к творениям Достоевского», который был написан владыкой в 1918 во время ареста и нахождения в униатском монастыре в Польше. Вторым названием (подзаголовком) этой работы стало изречение одного из отцов церкви «Не должно отчаиваться».

Свою книгу владыка задумал как апологетический трактат, во-первых, для интеллигентов, потерявших христианское мировоззрение и не имеющих выхода из историко-миросозерцательного тупика. Во-вторых, по мысли святителя, книга должна пробудить интерес к чтению Достоевского, творения которого «должны составлять нравственно-патриотический катехизис русского человека».

В-третьих, пожалуй, важнейшим назначением работ было стремление святителя пробудить надежду на возрождение России и будущий расцвет в ней духовности и культуры на новых основаниях. Адресатами своей работы архипастырь считал «искренних патриотов, монархистов, даже черносотенцев, исключая очень немногих самостоятельных мыслителей различных партий и внепартийных».

Вслед за писателем архипастырь зовет своих читателей обратиться ко Христу, единственному пути к личному и общественному благосостоянию, т. к. важнейшей основой русского народа, по Достоевскому, является Православие.

Общечеловеческое развитие русского народа возможно только на «твердом камени» неискаженной веры Христовой и на основе подлинного развития народности (т. е. народной культуры и литературы).

Святитель рассматривает революцию как явление метафизическое по своей сути и инородное по генезису. Владыка утверждал: «...характер революции русской – не экономический, а противохристианский, мистический, даже демонический: ведь ее разрабатывали у нас вовсе не пролетарии, а обеспеченные интеллигенты, иногда даже прямо богачи»; «Отвергнув Христа, люди захотят ввести справедливость, а кончат тем, что зальют мир кровью»; «Разрушат храмы, а потом испугаются»; «Социализм – не экономическая теория, а атеистическая Вавилонская башня».

«Словарь к творениям Достоевского» стал своего рода литературным эссе, содержащим в себе опыт православной социальной философии, в то же время это и проповедь о Божием Промысле, Божием милосердии и призыв к покаянию.

К творческому наследию Пушкина владыка в печати обращался 2 раза. Первый раз это было «Слово перед панихидой о Пушкине, сказанное в Казанском университете в мае 1899», произнесенное владыкой Антонием в бытность его епископом, было опубликовано в 1899 в июньской книжке издававшегося в Казани журнала «Православный Собеседник». Впоследствии этот материал владыка включил в полное собрание своих сочинений. В 1929 в эмиграции в Сербии митр. Антоний переработал этот материал в статью «Пушкин как нравственная личность и православный христианин», которая была напечатана в июньском номере монархического журнала «Царский вестник». Затем вышла отдельной книжкой в Белграде, позже была напечатана в многотомном «Жизнеописании блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого» (т. 11. Нью-Йорк, 1962), составленном архиеп. Никонном (Рклицким).

Святитель на протяжении всего своего творческого пути интересовался и активно занимался вопросами нравственности. Известны его труды по нравственной интерпретации основных догматов христианства и этическому осмыслению книги прор. Михея.

Осмысляя значение Пушкина для русского общества, архипастырь писал: «...влияние Пушкина не есть прямое воздействие высоконравственной личности, но воздействие его литературного гения. Не по своей воле, но вследствие нравственных усилий получил он исключительную способность совершенно перевоплощаться в настроение каждого человека и открывать в нем правду жизни читателю и самому себе, все это было свойством его природы, даром Божиим. Пушкин был великим поэтом, но великим человеком мы его назвали бы лишь в том случае, если бы он эту способность глубокого сострадания к людям и эту мысль о царственном значении совести в душе нашей сумел бы воплотить не только в своей поэзии, но и во всех поступках своей жизни».

Личный и творческий путь Пушкина святитель рассматривает как борьбу с двумя демонами, демонами гордыни и сладострастия. Митрополит отмечает, что не только сам поэт, но и его герои (Алеко, Онегин, Борис Годунов, Самозванец, а также лирический герой его стихотворений) ведут эту борьбу с переменным успехом. Сам поэт, хотя и имел в своей душе огоньки веры, подлинный смысл бытия обрел только на смертном одре, когда обратился с покаянной молитвою к Богу и словами благодарности к царю.

Митр. Антоний стремился отразить в своих работах те аспекты творческого наследия Пушкина, которые не были детально разработаны в отечественном литературоведении. В частности, в своей статье он много говорит о патриотизме поэта, о его стремлении не просто приблизиться к народу, но и создать Россию на основах народной культуры. Во многом он рассматривает Пушкина как претечку Достоевского.

Митр. Антоний пишет о монархизме поэта, считая эту грань его личности проявлением его высокой нравственной и гражданской позиции: «Пушкин ценил не только личность Николая Первого, но и самый принцип монархии, даже когда протестовал против наших строгих законов и, в частности, крепостного права:

Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя.

Менее известны труды А. Храповицкого о творчестве *Л. Н. Толстого*. Владыка ценил его художественный талант. Но не прошал ему поздней публицистики и философии. В Казани в 1896 он выпустил брошюру «Нравственное учение в сочинении графа Толстого “Царство Божие среди нас”», в которой подверг резкой критике учение писателя о непротивлении злу насилем. Резкую критику владыки встретили также сочинения *Вл. Соловьева*, которого он порицал за экзальтацию и излишний мистицизм и видел во всем этом проявление страстной натуры Соловьева, как человека.

Святитель прославился также своими трудами на ниве духовного просвещения. В течение многих лет жизни он занимал пост ректора духовных академий, сочетая эту работу с преподаванием в них.

Широкую известность приобрел его «Опыт христианского катехизиса» (1924). Катехизис был посвящен давнему и близкому другу святителя, «блаженнейшему Григорию IV, патриарху Антиохийскому и всего Востока», который дал деньги на публикацию. В отличие от прошлых катехизисов, митр. Антоний стремился изложить глубокие истины веры простым стилем, чтобы книга была доступна широкому кругу читателей. Эту книгу он написал для духовных школ и частного чтения христиан. Смысл жизни христианина, учит митр. Антоний, заключается во внутреннем делании, устремлении к Богу, стяжанию не столько благих дел, сколько постоянного расположения в добре, в Боге. Большое внимание уделяется молитве как центру духовной жизни.

Антоний Храповицкий вошел в историю Церкви как выдающийся проповедник. Первый его опыт проповеди относится ко 2-му курсу академии, с тех пор проповедь Слова Божия стала главным делом владыки. Основной темой его выступлений был призыв к нравственному совершенствованию, формированию «внутреннего человека». Святитель отмечал, что основой 1000-летней истории России была народная нравственность и что отступление от нее привело к революции. Единственный путь возрождения Святой Руси — это возрождение нравственности русского народа («Человек, если хочешь служить Богу и ближним, то прежде воспитай себя самого»). Митр. Антоний не считал проповедь разновидностью ораторского искусства и предъявлял высокие требования к личности проповедника.

Подражая древним отцам Церкви, он написал полемические диалоги «Беседа христианина с магометанином об истине св. Троицы» и «Беседа православного священника с униатом о заблуждениях латинян и греко-католиков». Его перу также принадлежат служба свв. Кириллу и Мефодию,

службы с акафистами Почаевской иконе Богородицы и св. Иову Почаевскому.

Как публицист святитель проявил себя неоднократно. В 1914 он выпустил брошюру «Чей должен быть Константинополь?». Но в этой извечной геополитической задаче России он видел не только политический, но и духовный смысл, т. к. Царьград для него был заветом Русского царства и Великой святыней православного мира.

Соч.: Превосходство Православия над учением папизма в его изложении *Вл. Соловьевым*. СПб., 1890; Вселенская церковь и народности. Казань, 1900; Полн. собр. соч. Т. 1—3. Казань, 1900—06; 2-е изд., доп. Т. 1—4. СПб., 1911—18; О православном пастырстве. М., 1906; Духовные цветы на могилку дорогого батюшки о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1909; Восстановление патриаршества. Почаев, 1912; Русская правда. (От председателя Волынского предвыборного комитета). М., 1912; В чем заключается русская школа? Речь на молебне. Харьков, 1916; Восстановление прихода. (7 лет назад и теперь). Харьков, 1916; Христианская вера и война. Харьков, 1916; Чей должен быть Константинополь? Ростов-н/Д, 1916; Догмат искупления. Сергиев Посад, 1917; Словарь к творениям Достоевского. София, 1921; Христос Спаситель и еврейская революция. Берлин, 1922; СПб., 1993; Был ли Христос-Спаситель космополитом или национальным патриотом. Новый Сад, 1923; Сборник избранных сочинений блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Юбилейное издание ко дню 50-летия священнослужения. Белград, 1935; Сборник избранных сочинений. Монреаль, 1986; О Пушкине. М., 1991; Пастырское богословие. Печоры; М., 1994; Исповедь. М., 1996.

Лит.: Антоний (Храповицкий). Некролог // Журнал Московской Патриархии. 1962. № 12; *Никольский В. А., Пономарев П. П.* О богословских трудах Высокопреосвященного Антония, архиепископа Волынского и Житомирского. Казань, 1911; *Никон (Ряжский)*. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого: В 17 т. Нью-Йорк, 1962; Прощание Волыни с архиепископом Антонием. Житомир, 1914; *Ромашков, о. Д. И.* Ученик об учителе. Харьков, 1914; Сборник съезда русских людей в Москве. 27 сент. — 4 окт. 1909. М., 1910; Следственное дело Патриарха Тихона. Сб. док. по мат. ЦА ФСБ РФ. М., 2000.

Е. Никольский

АНТОНОВ Александр Васильевич (16[28].10.1825 — между 18[30].11 и 10[22].12.1893), баснописец. Родился в Рязани в купеческой семье, в детстве хорошо рисовал, пел на клиросе, писал стихи. В 10 лет ослеп на один глаз. Купец 1-й гильдии. Почетный блюститель рязанских духовных училищ. Избирался рязанским городским головой (1865—69). С 1849, пользуясь поддержкой К. П. Масальского, печатал стихи в «*Сыне Отечества*». Во время Крымской войны 1853—56 опубликовал ряд патриотических стихов в «*Рязанских губернских ведомостях*», сделавших Антонова известным царской семье; позднее неоднократно выступал как поэт-патриот (сб. «*Оды*», 1862). О способностях автора свидетельствует сб. «*Стихотворения*» (М., 1864), басни Антонова (сб. «*Басни*». М., 1863; 6-е изд., под назв. «*Басни и эскизы*». М., 1891). Стихотворения Антонова обычно заключают в себе житейскую максиму, опираются на *пословицу* — стандартный басенный прием. Пьеса «*Конец делу венец*» (Рязань, 1865) повест-

но выступал как поэт-патриот (сб. «*Оды*», 1862). О способностях автора свидетельствует сб. «*Стихотворения*» (М., 1864), басни Антонова (сб. «*Басни*». М., 1863; 6-е изд., под назв. «*Басни и эскизы*». М., 1891). Стихотворения Антонова обычно заключают в себе житейскую максиму, опираются на *пословицу* — стандартный басенный прием. Пьеса «*Конец делу венец*» (Рязань, 1865) повест-

уует, как богатый крепостной крестьянин встречает препятствие при выдаче замуж своей дочери, но благодаря «Манифесту» 1861 все кончается счастливой свадьбой.

АНТОНОВ Валериан Михайлович (1826—1[14].03.1902),

писатель, драматург. Из обер-офицерских детей. В 1845—59 принимал участие в военных действиях на Кавказе, был дважды ранен. Вышел в отставку в чине майора. С 1871 — полицмейстер в Одессе. Автор диалогии, написанной под влиянием «Петербургских трущоб» В. В. Крестовского:

«Одесские катакомбы» (1874), «Спиритика-убийца» (1886). Отдельное издание — «Одесские трущобы. Граф Брендостели» (СПб., 1900) пользовалось популяр-

ностью среди «простонародных» читателей. Опубликовал «уголовную» драму «Совість заговорила» (1889), бытовые комедии, воспоминания о войне на Кавказе.

«**АОНИДЫ**» (греч. — страна, где находилась гора Геликон — обиталище муз), альманах, издававшийся *Н. М. Карамзиным* в Москве в 1796, 1797, 1799 (3 кн.). Полное название — «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений». В предисловии Карамзин писал: «Почти на всех европейских языках ежегодно издается собрание новых, мелких стихотворений под именем календаря муз; мне хотелось выдать и на русском нечто подобное». Составитель альманаха, учтя опыт предыдущего сборника «*Аглая*», почти целиком состоявшего из сочинений самого Карамзина, привлек в новое издание «почти всех наших известных стихотворцев», а также молодых «для ободрения незрелых талантов». Может быть, именно поэтому «Аониды» были популярны среди современников. Хотя здесь многие публиковались под инициалами, сокращенными фамилиями, буквенными псевдонимами, а то и инкогнито, все же имена большинства авторов известны. Они действительно составляли «лицо» времени. Это сам Карамзин, *Г. Р. Державин*, *И. И. Дмитриев*, *В. В. Капнист*, *В. Л. Пушкин*, *К. Д. Горчаков*, *К. Г. Хованский*, *Ю. А. Нелединский-Мелецкий*, *В. В. Измайлов* и др.

Во введении ко второй книге обозначены недостатки русской поэзии и точка зрения на поэзию *сентиментализма*; недостаток, по мнению Карамзина, являлся излишняя высокопарность и приторная слезливость. Молодые поэты должны стремиться к живописности мыслей и чувств. Человек не может постичь смысла жизни, и счастлив лишь тот, кто живет сегодняшним днем, скромно и уединенно. Примером литературной полемики является «Письмо И. И. Д.» (И. И. Дмитриеву) В. Л. Пушкина, адресованное «слезливой лире наших стиходеев». Карамзин, отдавший дань сентиментализму, ясно видел его недостатки и пытался их исправить.

В альманахе печатались переводы из Гомера («Илиады»), Вольтера, Оссиана, Лафонтена.

А. Баженова

«**АПОКРИСИС**», сочинение против предателей Руси униатов — инициаторов Брестской унии, расколовшей русский народ. Написано под псевд. Христофора Филалета, впер-

вые издано в Вильно (1597). Автор обличает изменников веры и русского государства, во имя корыстных интересов пошедших на стовор с Ватиканом и вздорной польской знатью. По мнению автора «Апокрисиса», стовор этот вызовет народное восстание (что в свое время и произошло). Несмотря на жестокие преследования, книга широко распространилась в западнорусских землях и сыграла важную роль в борьбе с незаконными притязаниями католицизма.

АПОКРИФЫ, книги, тракующие о предметах, содержащихся в Священном Писании, но не признанные Церковью за боговдохновенные и даже впоследствии запрещенные. Буквальный перевод с греч. — отреченные книги. Возникновение апокрифических книг относится к первым векам христианства; первоначально они писались благочестивыми людьми, желавшими разъяснить и дополнить Священное Писание (так, напр., в апокрифе «*Хождение Богородицы по мукам*» описывается нисхождение Божией Матери в ад и затем предстательство ее пред Престолом Сына); апокрифы не запрещались, читались верующими, как теперь читаются *жития святых*, на них смотрели как на интересное чтение. Но вскоре на апокрифические книги, пользовавшиеся уважением, стали ссылаться наравне со Священным Писанием, еретики основывали на них свои лжеучения, — тогда апокрифы стали запрещаться и уничтожаться; на Соборах составлялись списки отреченных книг (первый список составлен в V в.). В настоящее время апокрифы имеют историческое значение, т. к. в них отражаются взгляды христиан первых веков. Из апокрифов одни описывают ветхозаветные события (напр., Псалмы Соломона, Заветы 12 патриархов, книга Еноха, Апокалипсис Ездры и Варуха и др.), др. тракуют о Новом Завете («*Евангелия*, Откровения»). Апокрифов Евангелий дошло до нас числом до 50-ти. Авторы собирали те изустные предания, которые могли забыться, или описывали те события, о которых в Евангелии были только намеки; иногда излагали в разговорной форме евангельские рассказы. Имен своих авторы не подписывали, а часто, для придания большего значения своим произведениям, выставляли имя апостола или ученика апостольского. Содержание апокрифических Евангелий разнообразно: «Первое евангелие Иакова» (брата Господня) описывает время от рождения Спасителя до избияния младенцев; в «Евангелии (Псевдо) Матфея или книге о происхождении блаженной Марии и детстве Спасителя» говорится о юности Иисуса; «Евангелие о рождестве Марии», «История Иосифа Плотника», «Евангелие Фомы» (читлось гностиками во II в.), «Арабское Евангелие детства» (о пребывании Спасителя в Египте), «Евангелие Никодима», «Евангелие Апеллеса», «Евангелие 12 апостолов» и др.

Апокрифы Деяния апостолов: «Деяния Петра и Павла»; «Деяния Варнавы»; «Деяния Филиппа в Элладе»; «Деяния Фомы» (древнего происхождения) и мн. др. Главные апокрифы Послания: «Послание Авгаря ко Христу» и «Христа к Авгарю»; «Переписка Апостола Павла с Сенекой» (6 писем); многие были убеждены в подлинности писем, и только позднейшие исследования раскрыли их подложность.

Апокрифов Апокалипсисов было также много, но целиком дошли только немногие. «Апокалипсис Иоанна» — существенно отличается от канонического. В 1595 открыли другой «Апокалипсис Иоанна». Кроме того, были «Апокалипсис Петра», «Апокалипсис Павла»; «Откровение Варфоломея» и др.

Б. С.

«АПОЛЛОН» (в др.-греч. мифологии бог солнца, света и искусств), литературно-художественный журнал, издаваемый в 1909—17 в Петербурге (редактор — художественный критик С. К. Маковский). В 1909—10 выходил ежемесячно, затем по 10 книг в год. В 1909—10 в виде приложения к «Аполлону» выходил «Литературный альманах». Журнал был тесно связан с символизмом, позднее с акмеизмом. Для его направления характерны черты эстетства и аполитичности. В первые годы в «Аполлоне» большое место занимали проблемы литературы, стиховедения, литературного перевода. В нем печатались статьи И. Ф. Анненского, Вяч. Иванова, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, Н. С. Гумилева, стихи поэтов-символистов и акмеистов. Здесь были опубликованы декларации акмеистов. По вопросам искусства в «Аполлоне» выступали А. Н. Бенуа, Ф. Ф. Комиссаржевский, Я. А. Тугендхольд и др. «Аполлон» был богато иллюстрирован репродукциями с произведений русских и зарубежных художников.

АПОЛЛОС (в миру **Байбаков Андрей Дмитриевич**) (1737—14[26].05.1801), епископ, духовный писатель. Родился в Малороссии в бедной и, по-видимому, не дворянской семье. Только при помощи благотворителей юноше удалось попасть в Москву, где он поступил в *Славяно-греко-латинскую академию* (1757—67). По выходе из академии он продолжил образование на философском факультете Московского университета. Будущий еп. Аполлос продолжал посещать интересовавшие его публичные лекции. Так, в его записи сохранился прочитанный И.-Г. Рейхелем в 1773 курс статистики, который с исправлениями автора и в своем переводе он издал под заглавием «Краткое руководство к познанию состояния некоторых знатных европейских государств...» (1775; посвящено вел. кн. Павлу Петровичу).

В 1772 будущий еп. Аполлос возвратился в Славяно-греко-латинскую академию в качестве преподавателя поэтики и риторики; в 1774 принял монашество и начал продвигаться по служебной лестнице: ректор Троицкой духовной семинарии (с апр. 1775), исполняющий должность наместника Троице-Сергиевой лавры (1782—83), архимандрит Заиконоспасского монастыря (с 17 дек. 1783) и ректор Славяно-греко-латинской академии (1783—85). Все это время еп. Аполлос не прекращал преподавательской деятельности. В 1778 он получил разрешение митр. Платона Левшина разделить курс риторики и поэтики; согласно его плану, в преподавании поэтики особое внимание уделялось практике стихотворства. Богословие еп. Аполлос читал, руководствуясь системой *Феофана Прокоповича*.

В книге «Богословские рассуждения...» (1781) еп. Аполлосу принадлежали две неподписанные речи: «О разных в славяно-российской церкви <...> знаменнейших приключениях» (на материале житийной литературы, трудов *М. М. Щербатова*, В. Н. Татищева, *М. В. Ломоносова* и др.) и «Рассуждение о древнем славянском богослужении», посвященное языческой мифологии славян (по *М. И. Попову* и *М. Д. Чулкову*). Как способный ученик и последователь митр. Платона он был назначен на годичную «чреду богослужения и проповеди» при дворе (с дек. 1785); произнесенные им здесь проповеди вошли в книгу «Дар для благодетелей и друзей...» (1786). Из Петербурга он уехал настоятелем в Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим), о достопамятностях которого составил особую историческую записку; в 1788 был посвящен в сан епископа и назначен епископом Севским и Орловским (1788—98). Последним местом службы еп. Аполлоса стал Архангельск.

Первое из известных оригинальных сочинений Аполлоса — «Ода России» (в связи с победами над Турцией в 1770),

тогда же он напечатал «Канто <...> 1774 года июля 10 дня» на мир с Портою (1774) и «Кантату П. Б. Шереметеву» (1774). Однако типичными для творчества еп. Аполлоса стали не произведения «похвального жанра», а своеобразные назидательные «повести» с характерным посвящением «Богу, Церкви и Отечеству».

Еп. Аполлос преследовал в них сугубо нравоучительные задачи. Он стремился сделать близкими и понятными для читателя отвлеченные истины православной этики; показать, что идея Бога вытекает из опыта человеческого бытия и истории человечества.

В основе повести «Лишенный зрения Ураний, несчастный государь» (1779) лежит библейский рассказ о грехопадении человека и об искуплении. Ураний (Адам), совершенный человек, разум которого полностью господствовал над страстями, был соврещен Какофитом (дьяволом), отведал ядовитых плодов, ослеп и познал раздвоение души. В поисках исцеления он путешествовал по свету, обращался к философским системам египтян, иудеев, римлян и греков, но спас его частицей своей крови «самарянин» по имени Филантроп (Христос).

«Неразрывный союз двух братьев, повесть из любомудрия почерпнутая» (1780) развивала мысль о противоречии в человеке духовного и житейского начал. Вечный спор души и тела олицетворяли близнецы Афанат и Фнит, которые одновременно любят и ненавидят друг друга; вместе они добродетельны, порознь — порочны, т. е. если Фнит способен быть «хуже скотов», то и Афанат «с воцаными, подобно Икару, крыльями <...> с превеликой высоты упадет».

В повести «Кто есть истинный друг» (1783), иносказательном «с нравоучением повествовании», еп. Аполлос изобразил борьбу человечества с житейскими искушениями и скользкий путь порока. Молодой Виофит поддается влиянию Плутуса, обманщика, лъстеца и мота, и попадает в долговую тюрьму. В несчастье его покидают и Плутус, и холодный, расчетливый Сингений; помощь приходит от Арета, всегдашнего обличителя порока, дружбу с которым Виофит в свое время разорвал.

Наиболее известным трудом еп. Аполлоса явились «Правила пиитические в пользу юношества...» (1774), выдержавшие множество изданий (изд. 11-е, 1836); 2-е издание (1780) вышло с «пополнением к познанию российско-го стихотворения»; к 3-му изданию (1785), наиболее полному, был приобщен «Словарь пиитико-исторических примечаний...» (отд. изд. 1781), содержащий «баснословных богов, мест, времен, цветов, дерев и проч. имена», а также прозаический текст «Овидиевых превращений» и отрывки песен «Энеиды» Вергилия. Первый вариант «Правил...» составлялся как учебник, по программе Славяно-греко-латинской академии, чтобы облегчить и упорядочить преподавание словесности. Наиболее «сродными» русскому языку размерами еп. Аполлос считал ямб и хорей, однако для эпической поэзии рекомендовал «российский гекзаметр» («стихи дактило-хореические»), который «полнее, важнее и великолепнее». Ряд замечаний касался типичных погрешностей силлабо-тоники (злоупотребление глагольными рифмами, которые «простонародное употребление привело в презрение», неестественное смешение ударений для соблюдения размера и др.).

Создавая свое руководство по поэтике, еп. Аполлос обильно использовал «Новый и краткий способ...» *В. К. Тредиаковского*; 3-е издание он расширил за счет многочисленных примеров, приблизив его к хрестоматии по русской поэзии; в него вошли образцы стихотворных

форм и жанров из *Сильвестра Медведева*, Феофана Прокоповича, *А. Д. Кантемира*, В. К. Третьяковского, М. В. Ломоносова, *А. П. Сумарокова*, *М. М. Хераскова*, В. Г. Рубана, *В. П. Петрова*, Н. П. Николева и др. Особо примечательно появление у еп. Аполлоса в качестве примера «наивной» поэзии подлинных текстов лирических и исторических народных песен. Написанные на русском языке «Правила...» еп. Аполлоса, включавшие в старую схему произведения русского классицизма, приспособили к русской традиции и оживляли наследие барочных латинских поэтов; воздействие «Правил...» особенно ощущалось в творчестве поэтов, прошедших через духовные училища; однако по ним учился стихосложению также *И. И. Дмитриев*.

Примером практического применения этих теорий являлись многочисленные стихотворные опыты самого еп. Аполлоса; некоторые из них он печатал в составе своих повестей; из их числа он поместил в «Правилах...» «Задачу для сочинения сатир», две «элегии» (одна — переложение 142-го псалма) и ряд др. стихотворений. Еп. Аполлос принадлежат также положенные на стихи «Увеселительные загадки...» (1781), представлявшие собой образчик юмористической поэзии (среди 58 стихотворений — такие, как «Брюхо», «Борода», «Вошь», «Блоха»). В 1784 еп. Аполлос приступил к изданию «Христианского календаря...» (изд. остановилось на кн. 1), где под каждым днем года поместил собственное стихотворение на определенный стих Священного Писания.

Своими поэтическими опытами еп. Аполлос демонстрировал умение писать на любую тему и в любом жанре с достаточно высоким профессиональным мастерством. Он использовал широкий спектр размеров (часто малоупотребительных), неожиданные схемы рифмовки, скрупулезно добивался правильности в стопосложении. С этой точки зрения особенно показателен его эквилинарный перевод «Песен» Геллерта, одновременно весьма приблизительный по смыслу.

Последним крупным изданием еп. Аполлоса была «Грамматика, руководствующая к познанию Славенороссийского языка» (Киев, 1794).

В. С.

АПОЛОГ (*греч.* — рассказ), разновидность нравоучительной поэзии в России XVIII — н. XIX в.; то же, что *басня*, но преимущественно краткая; резюме дается в последней строке аполога. Напр.:

Березка выросла пред домом кривобока:
Пришлось выкапывать; но корни так ушли
Далеко в глубину, что вырыть не могли. —
История порока.

(*И. Дмитриев*. «Деревцо»)

АПОФЕГМАТЫ (*греч.* — сжатое высказывание, изречение, меткое слово), старинные сборники светской повествовательной литературы, содержащие остроумные изречения или назидательные рассказы о случаях из жизни философов и выдающихся людей. Они касаются норм поведения людей в частной и общественной жизни, содержат советы для семьи, при выборе жен, указывают гражданские обязанности. На Руси рукописные апофегматы, состоявшие из 4 книг и представлявшие собой перевод с польского сборника Беняша Будного н. XVII в., появились преимущественно во 2-й пол. XVII в. 1-е печатное издание апофегматов в составе 3 книг вышло в России в 1711. В к. XVIII в. отдельные рассказы из апофегматов вошли в

«Письмовник» *Н. Г. Курганова*, сб. «Пересмешник» *М. Д. Чулкова*, сатирические журналы и др.

АПРАКСИЯ (**Евпраксия**, **Опракса**, **Алексеевна**), литературный персонаж, королевична, жена былинного кн. *Владимира*. Былины изображают ее не в особенно привлекательном виде. Она «три года Господу молилася, чтобы попасть (ей) замуж за князя за Владимира» и выходит за него, чрез посредство богатыря *Дуная Ивановича*, — по некоторым версиям, против воли отца, короля литовского (ляховинского, польского и т. д.). Будучи замужем, она оказывается неверной женой, причем любовниками ее становятся *Тугарин Змеевич*, *Алеша Попович*; не скрывает она своей страсти и к былинному шеголю *Чуриле Пленковичу*. «Да кабы ты, княгиня, не в любовь (мне) пришла, — говорит ей по этому поводу кн. Владимир, — да я срубил бы те по плеч да буйну голову, что при всех ты господах обезчестила». Не успев в своем намерении увлечь предводителя калик Касьяна Афанасьевича, она мстит ему и с этой целью кладет тайком в его сумку княжескую чашу, чтобы затем обвинить его в воровстве. Когда чаша оказалась на др. день в его сумке, товарищи, согласно уговору, отсекают ему руки, ноги и выкалывают глаза, но затем свершается чудо, Касьян исцеляется, и калики обличают коварную княгиню.

АПУХТИН Алексей Николаевич (15[27].11.1840—17[29].07.1893), поэт. Из старинного дворянского рода. Родился в г. Болхов Орловской губ. Детские годы прошли в д. Павлодар

в имении отца. Получил хорошее домашнее образование. Продолжил обучение в Петербургском училище правоведения (1852—59), где сдружился с П. И. Чайковским. Брат композитора Модест Чайковский вспоминал: «Не только любовь к поэзии, но чуткость ко всему прошлому и легкость восприятия всего прекрасного, смех и негодование по поводам, которые в других не вызывали ни улыбки, ни злости, — вот что делало сближение Апухтина и Чайковского прочным». Одаренный юноша, прекрасно знающий поэзию и чувствующий музыку, был представлен *И. С. Тургеневу* и *А. А. Фету*.

Первая публикация — стихотворение «Эламинонд», посвящено памяти героя Севастополя адмирала В. А. Корнилова («Русский инвалид», нояб. 1854).

По окончании в 1859 с золотой медалью училища служил в Министерстве юстиции. *Н. А. Некрасов* в «Современнике» (1859, № 9) опубликовал 10 стихотворений Апухтина под заголовком «Деревенские очерки». Стихи эти Некрасов ставил высоко, т. к. в них звучали гражданские ноты. «Солдатская песня о Севастополе» Апухтина прославляла героизм защитников Отечества. В стихотворении «Актеры» («Время». № 12. 1861) молодой поэт высмеял либеральных краснобаев, уподобив их лицедеям, которые «украдкой глядя на суфлера» твердят заученные фразы «о добре, о жизни честной и свободной». В почвенническом «Времени» братьев Достоевских опубликовано и др. программное стихотворение молодого поэта «Современным витязям»

(1862. № 2), в котором Апухтин полемически восклицал, обращаясь к адептам «отрицательного направления» в литературе: «Нестерпимо отрицаем жизнь... / Я хочу во что-нибудь да верить, / Что-нибудь всем сердцем полюбить».

В 1862 Апухтин оставляет службу и уезжает в орловскую деревню. В 1863—64 служит чиновником особых поручений при орловском генерал-губернаторе. Выступает с чтением лекций об А. С. Пушкине, полемически направленных против «разрушителей эстетики». В 1864 возвращается в Петербург, но его имя вновь появляется в печати лишь через 20 с лишним лет. Свое молчание объясняет неприятием т. н. демократов. «Теперь, — признается Апухтин, — никакие силы не заставят меня выйти на арену, загроможденную подлостями, доносами и... семинаристами». И свое слово он сдержал. Стихи Апухтина появились в печати лишь в 1884, а первый сборник был издан в 1886. И в дальнейшем он всячески открешивался от «русского Парнаса» с его «разночинным духом», подчеркивая в сатирических куплетах «Дилетанта»: «Я дилетант, я дилетант». Он, как отмечал один из современников, служил искусству «с гордостью боярина и с презрением к ремеслу литератора».

Поздний представитель дворянской культуры, Апухтин занимал позицию «над схваткой» и с писателями «сталкивался только как светский человек. Личные отношения с ними не играли никакой роли ни в его литературной деятельности, ни в жизни».

Первый сборник «Стихотворения» (СПб., 1886) явил собой творчество зрелого поэта и выдержал несколько изданий. Апухтин с покоряющей искренностью выразил мысли и чувства «восьмидесятников»: неудовлетворенность жизнью, сочувствие к человеку, сожаление, что «...в эпоху общего унынья мы живем». Он тонко сопереживал природе, отдавая предпочтение осени, поре увядания: «Кончилось лето. Астры отцвели... / Под гнетом жгучей, тягостной печали, / Я сел на старую скамью, / А листья надо мной, склоняясь, шептали / Мне повесть грустную свою... («Осенние листья»).

Поэзия Апухтина имеет три основных потока: повествовательный, декламационный и романсовый. Все три естественно объединяет авторское отношение к миру. Он и она встретились после долгих лет разлуки и поняли, что прошлого не вернуть (психологическая новелла в стихах «С курьерским поездом»). Большой при свидании с близкими на время приходит в себя, но все тщетно: наследственный недуг возвращается в его сознание («Сумасшедший»). К ярким образцам русского романа должно отнести стихотворения Апухтина «Пара гнедых» и «Ночи безумные, ночи бессонные...».

Стихотворение «Ночи безумные, ночи бессонные...» как квинтэссенция апухтинской поэзии стоит на порубежье двух эпох: поэзии уходящего «чистого искусства» и поэзии нарождающегося символизма. Есть прямая связь этого романа с цыганским циклом стихотворений А. Блока.

Отрешение от внешнего мира, от «злобы дня», болезненная чувствительность роднят поэзию Апухтина с «мучительными» стихотворениями И. Анненского «Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою: / Жалят, явят и кружатся над бедной моей головою!.. / Хочешь забыть, разлюбить, а все любишь сильнее и больше... / Эх, кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее!» («Мухи»).

В 1880-х Апухтин приобретает известность, его стихи печатались в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Се-

верном вестнике», «Русском обозрении». На стихи Апухтина писал музыку П. И. Чайковский.

После смерти поэта была издана его проза: повесть в письмах «Архив графини Д.», «Дневник Павлика Дольского» — о быте и нравах петербургского света, фантастический рассказ «Между жизнью и смертью».

Соч.: Стихотворения. М.; Л., 1938; Стихотворения. Орел, 1959; Стихотворения. Л., 1961 (Б-ка поэта. Большая серия); Соч. Стихотворения. Проза. М., 1985.

Лит.: Кожин В. В. Книга о русской лирической поэзии. XIX в. М., 1978.

М. Шаповалов

АРАПОВ Пимен Николаевич (6[17].08.1796—23.03[04.04].1861), драматург и историк русского театра. Родился в Пензенской губ. Литературную деятельность начал в Богородном пансионе Московского университета в 1810, переводя с немецкого повести, стихи. В 1814—17 учился на словесном отделении Московского университета. В 1817 определен юнкером в Преображенский полк, где близко сошелся с Катениным, также любившим театр. Служа в кавалерийском полку в Москве и Петербурге, писал статьи. В н. 20-х перешел в канцелярию московского генерал-губернатора, где состоял его секретарем по управлению театрами. В это время писал водевили и переводил комедии, написал и перевел более 20 пьес. Некоторые из них: «Лизанька», «Демьянова уха», «Волшебное стекло» и др. — с успехом игрались на сцене.

Арапов много потрудился, отбирая ценные материалы по истории театра в России. Так, в 1830 он издал литературно-музыкальный альбом «Радуга», в 1850 — «Драматический альбом» с 20 биографиями и портретами русских артистов, снимками со старинных афиш и редких рукописей, со своим очерком о русском театре и пьесой «Квартира в московской гостинице». В Париже Арапов издал «Драматический букет» — собрание портретов русских актрис и танцовщиц и два больших листа актеров Александринского театра.

Будучи вице-губернатором в Саратове, Арапов работал над своим главным трудом «Летопись русского театра», которая вышла в год смерти автора — 1861.

А. Баженова

«АРЗАМАС», кружок литераторов, связанных узами дружбы и общностью литературных симпатий, существовал в Петербурге (с филиалом в Москве) в 1815—18; определенной программы не имел, хотя предвещал в литературе критическое (С. С. Уваров) направление; в политике не участвовал.

Его члены, как действительные, так и почетные, были до создания кружка хорошо знакомы меж собой, а иные находились в родстве. Кружок возник спонтанно в среде единомышленников, приверженных к романтизму («История государства Российского» тогда еще писалась, а сентиментализм уже исчерпал себя) Н. М. Карамзина и В. А. Жуковского.

Внешним поводом объединения в кружок послужила общая реакция на имевшую успех комедию А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), который в балладнике Фиалкине пародийно выставил Жуковского; еще раньше, в «Новом Стерне» (1807) он осмеял Карамзина. Жуковский сам остался равнодушен к этой выходке; по словам Ф. Ф. Вигеля, «Жуковский так же, как и Карамзин, чуждался всякой чернильной брани», но эта пародия сильно задела его поклонников и единомышленников. П. А. Вяземский поместил в «Российском музее» (1815, № 2) «Письмо

с Липецких вод», в карикатурном виде представлявшее действующих лиц комедии и ее автора. Д. В. Дашков опубликовал в «Сыне Отечества» «Письмо к новейшему Аристофану». Д. Н. Блудов (племянник Г. Р. Державина) также вступился за своего друга. В подражание французской шутке, сочиненной Морле, — «Предисловие к комедии “Философы”, или Видение Шарля Палиссо», осмеявшей энциклопедистов и Руссо, — Блудов сочинил «Видение в арзамасском трактире, изданное обществом ученых людей», о котором сказано: «Писано было отменно забавно, а для Шаховского с товарищами довольно язвительно».

Блудов предложил организовать общество «друзей литературы, забытых фортуною» (вариант Уварова — «арзамасских безвестных литераторов») — некий «ковчег Арзамаса, дабы спастись в нем от потопа Липецкого» (здесь удачно обыграно название «Липецкие воды...»); др. названия — «Арзамасская академия» или «Арзамас» (последнее прижилось); а его членов величать «их превосходительства гении “Арзамаса” или “Арзамасской академии”».

Все собрания «Арзамаса», проходившие по четвергам на квартирах женатых членов кружка Уварова или Блудова (первое — 14 окт. 1815 на квартире Уварова), носили отпечаток шутовства и безответного озорства. По словам Вигеля, представляли собою «длинный ряд веселых вечеров, нескончаемую нить умных и пристойных проказ»; «с какою целию составлялось это общество... Оно составилось невзначай, с тем, чтобы проводить время приятным образом и про себя смеяться глупостям человеческого». Арзамасцы, собиравшиеся, чтобы «умно подурчиться», пародировали заседания ученых обществ, прообразами которых служили, с одной стороны, сановная и чопорная «Беседа любителей русского слова», ее возглавляли Г. Р. Державин, в петербургском доме которого и происходили заседания, и А. С. Шишков, с 1813 — президент Российской академии, тоже проводившей ученые собрания; с др. стороны — пародировались масонские ложи (их аллегорические церемонии приема в члены), которые арзамасцы считали вредным наростом цивилизации. Вигель писал: «“Арзамас” сделался пародией в одно время и ученых академий, и масонских лож, и тайных политических обществ».

Устав кружка был написан Блудовым и Жуковским. Образцом для него отчасти послужил Устав Дружеского литературного общества 1801, в которое, в свое время, входили В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, А. Ф. Воейков. Эти кружки отличались друг от друга. В Дружеском литературном обществе 1801, благодаря А. Тургеневу и А. Мерзлякову, доминировали патриотические настроения, идея выработки идеала личности (сына отечества) и путей служения отечеству, хотя дружеские пирушки и веселье не чужды были и для тургеневского кружка, а вернее, даже оставались их привлекательной основой.

В «Арзамасе» господствовало настроение критическое, В. Л. Пушкин точно подметил: «Здесь острое словцо приязни всей дорожке. И дружество почти на ненависть похоже». Комические сценки, эпиграммы, пародии арзамасцев были направлены на осмеяние действительно устаревшего классицизма (из которого сами участники «Арзамаса» взяли что могли), официоза всех видов (в «Беседе» высмеивалось ранжирование ее членов не по талантам, а по чинам), сороки, непрофессионализма, паразитирования на давно открытых истинах и стилизовых штампах, эпитонства. Не случайно самый пламенный поклонник Карамзина и его эпигона Шаликов подвергался насмешкам, как и противники Карамзина. Оба общества по-своему боролись за совершенство литературы.

За полемикой с Шаховским последовали новые сатирические наскоки на др. членов «Беседы». Однако не ко всем (как это несправедливо представляют иные советские литературоведы) арзамасцы относились плохо. Современник заметил: арзамасцы в полемике «держались в пределах умеренности, но они грешили только чрезмерной силой отдельных выражений». Никаких нападок не было на Державина, незначительно (как ни странно!) задевали Шишкова, не критиковали Н. И. Гнедича и И. А. Крылова, отстаивавших не столько классицизм, сколько национальные традиции. «Беседа» не во всем была плоха, вопреки уничижительным характеристикам ее советскими литературоведами. Не случайно позже именно на «Беседу» ориентировались А. С. Грибоедов, П. И. Катенин, В. Ф. Раевский. Все же для насмешек «Арзамаса» находилось немало полемического материала. Не говоря уже о пьесах Шаховского (совсем небезатланных), «Избранные притчи» Хвостова (СПб., 1802) служили настольной потешной книгой, неиссякаемым источником эпиграмм и шуток. Арзамасцы бичевали педантизм, напыщенность, торжественную трескучую пустую форму во всяком виде — консервативном или масонском, противопоставляли грому восхвалений (в честь кого-либо, чего-либо) искренность.

Из духа противоречия, «дабы более отделаться от света», арзамасцы отреклись от имен и взяли прозвища из баллад Жуковского. Первыми вступили в «Арзамас» и стали его основным ядром семь человек: В. А. Жуковский (Светлана), А. И. Тургенев (Эолова арфа), С. С. Уваров (Старушка), Д. Н. Блудов (Кассандра), Ф. Ф. Вигель (Ивиков журавль), Д. В. Дашков (Чу!), С. П. Жихарев (Громобой). Были еще почетные члены или «почетные гуси» (Жуковский), не имевшие прозвищ: Н. М. Карамзин, кн. Г. И. Гагарин, И. И. Дмитриев, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, кн. А. Н. Салтыков. Московский филиал (куда входили Карамзин и Дмитриев) представляли В. Л. Пушкин (Вот; второе прозвище «староста» оказалось у него не потому, что, как думают иные, Василий Львович избран старостой кружка; он им быть не мог, т. к. жил в Москве, сам же кружок находился в Петербурге, а потому, что он старше всех, и прозван так в шутку, чтоб отличить его от молодых), Д. В. Давыдов (Армянин), П. А. Вяземский (Асмедей) и др. Иные бывали в «Арзамасе» редко или попадали туда случайно: П. И. Полетика (Очарованный челн), К. Н. Батюшков (Ахилл), Д. А. Кавелин (Пустынный), А. Ф. Воейков (Дымная печурка), Д. П. Северин (Резвый кот). Иные приняты в последние месяцы существования «Арзамаса», по этой причине были лишь на нескольких последних собраниях: Н. И. Тургенев (Варвик), М. Ф. Орлов (Рейн), А. А. Плещеев (Черный вран), А. С. Пушкин (Сверчок), Н. М. Муравьев (видимо, последний член, он уже не получил прозвища).

В июле 1816 в своем имении Званка умер Державин. Осенью «Беседа любителей русского слова» уже не собралась и прекратила свое существование. Для арзамасцев, исчерпавших запас полемической запальчивости из чисто человеческого уважения к памяти Державина, наступили времена некоторого спада энтузиазма. Но все же дружеские вечера по-прежнему были не скучны. Весной 1817 в «Арзамас» приняли новых членов. Вначале это был масон Н. И. Тургенев, затем он привел своего единомышленника тоже масона М. Ф. Орлова, автора памфлетов против Наполеона. Орлов, присмотревшись к кружку, на заседании в начале июня, урекнул арзамасцев в пустоте и праздности, предложил включить в программу кружка обсуждение политических вопросов, распространять «свет наук», организовать журнал и т. д. Масонские идеи Орлова не получили поддержки.

Блудов ответил, что невозможно исполнить это желание, «не изменив совершенно весь первобытный характер общества». Что касается масонского «света наук», то Блудов бросил знаменитую позже фразу: «Сей светоч в руках злонамеренных людей всегда обращался в факел зажигательства».

Большинство оказалось на стороне Блудова. Далее Вигель пишет: «Орлов не показал ни малейшего неудовольствия, вечер кончился весело, и все разъехались в добром согласии. Только с этого времени замечен стал совершенный раскол...» И хотя осенью кружок пополнился Плещеевым, А. Пушкиным, которого привел «арзамасский опекун» его А. И. Тургенев, Н. М. Муравьевым, — он вскоре (весной 1818) распался, чему способствовали и объективные причины — отъезд многих членов из Петербурга.

«Арзамас» прекратил существовать. Принципы его не были поддержаны никем и постепенно забылись, значительных произведений непосредственно в «Арзамасе» создано не было. Но для таких писателей, как Вяземский, Жуковский, А. Пушкин и даже Вигель, кружок был благодатной почвой, давшей силу росткам их творчества.

Надо сказать, что «прижизненная» известность «Арзамаса» не соответствовала славе его во 2-й пол. XIX и в XX в., как не соответствовали этой славе заслуги, дела его, которых, по большому счету, и не существовало. Рот, писавший о нем, подчеркивал «шуточный характер собраний “Арзамаса” и предостерегал от возможности преувеличить его значение».

Действительно, в 1815—18 «Арзамас» знали лишь в узком кругу литераторов, да и то преимущественно петербургских и московских. В то время как сторонники «Беседы любителей русского слова» и Российской академии писали и публиковали художественные произведения, составлявшие славу России (Державин, Крылов), ставили пьесы, бывшие популярными (Шаховской), выступали в печати по различным вопросам литературы, языка, искусств. Не говоря уже о том, что «Беседа» и Российская академия выпускали свои труды почти после каждого заседания. С 1805 по 1823 выходили «Сочинения и переводы, издаваемые Российской академией», с 1811 по 1816 издавался неперIODический журнал «Чтение в Беседе любителей русского слова», Российская академия работала над словарем русского языка, который явился фундаментальным трудом. Словом, соотношение сил было подобно остроумно подмеченному Крыловым их состоянию в басне «Слон и моська» (если лукавый Крылов посмеялся над чопорною, по ранжиру рассаживавшейся «Беседой» в басне «Квартет», то над «Арзамасом» он явно посмеялся в басне «Слон и моська»). Сочинения арзамасцев (как кружка единомышленников) тогда не были широко известны (напр., «Видение в арзамасском трактире...» Блудова впервые увидело свет лишь в 1899 в малотиражном «Остафьевском архиве», т. 1, 411—413, т. е. через 80 лет после прекращения существования «Арзамаса»). Большинство людей узнали об «Арзамасе» после многочисленных воспоминаний бывших арзамасцев, писавших о нем с теплотой и любовью, как о счастливейшем времени своей молодости.

В советской литературе создан миф о необычайной вражде «Арзамаса» и «Беседы», особой нетерпимости к Шишкову (в энциклопедиях и словарях его величают не иначе как «реакционер»; советские литературоведы свое неприятие Шишкова приписали «Арзамасу» задним числом), вражде «карамзинистов» и «шишковистов» и т. д. При тщательном изучении атмосферы 1810-х нетрудно заметить, что это совсем не так. Были кружки, было

«критическое» направление «Арзамаса», были эпиграммы, шутки, на которые, впрочем, «Беседа» реагировала мало, она шла своим курсом, по ходу критикуя и высмеивая молодых литераторов-забияк. Все это не что иное, как извечное взаимодействие старых устоявшихся общественных движений и новых, которые приживались в обществе, встречая противодействие не вникших еще в них людей. Однако и те и другие испытывали взаимовлияние. Вражды (иные горе-исследователи представляют дело так, что «Арзамас» уничтожил своего оппонента критикой), разрыва, агрессивности не было. Что касается личных отношений, то Блудов и Державин — родня; по очереди — Державин («Беседа»), Дмитриев (и «Беседа», и «Арзамас»), Дашков («Арзамас») в разные годы занимали один пост — министра юстиции России, и все меж собой находились в дружеских отношениях. Крылов и Гнедич — члены «Беседы» — любили Жуковского и А. Пушкина («Арзамас») и были друзьями. Крылов и Гнедич («Беседа»), Батюшков и Вигель («Арзамас») ходили почти в те же годы вместе в кружок *Оленина* и находили там общий язык, что не мешало Оленину ревниво относиться к «Арзамасу» в целом.

Адмирал Шишков, неприемлевший сентиментализм и часть романтических сочинений Карамзина, романтизм Жуковского и Пушкина, был в то же время горячим поклонником «Истории государства Российского», принял Карамзина в Российскую академию, выхлопотал для него награду от царя. Даже обиженный шутками Шаховского Вигель справедливо отмечал: «Что бы ни говорили, а «Беседа», может быть, не весьма с похвальными намерениями основанная, по мнению моему, была во многом полезна. Во-первых, самого Карамзина грубости Шишкова сделали несколько осмотрительным; он указывал ему на средства дать более важности и достоинства историческому слогу... а тот со своим чудесным умом и талантом не оставил ими воспользоваться».

Несколько молодых писателей были поудержаны от жеманства, в которое по неопытности могли бы впасть...»

Принял Шишков в Российскую академию и Пушкина, включив в словарь Российской академии 107 примеров из Пушкина, следовательно, он изучал его творчество, старался понять, многое и понял, не случайно именно он помог (в цензурном отношении) издать «Евгения Онегина». О самом же Шишкове Пушкин сказал: «Сей старец дорог нам, он блещет среди народа священной памятью двенадцатого года». В 1816 Пушкин посвятил Шишкову проникновенное стихотворение, хотя он же оставил о Шишкове и иронические строки. Отношение Пушкина к Шишкову в молодые и зрелые годы было разное, и это естественно.

Д. Н. Блудов позже встал столь же грозным «адмиралом» на защиту порядка в России, как и Шишков в области словесности. В 1832—38 Блудов — министр внутренних дел России, в 1855—64 — президент Академии наук. Так же служили Отечеству С. П. Жихарев (вместе с Блудовым пользовавшийся на служебном поприще покровительством и протекцией И. И. Дмитриева) и С. С. Уваров, ставший президентом Петербургской академии наук в 1818. К тому же Жихарев и Дмитриев до «Арзамаса» были членами «Беседы». Так что не существовало никакой вражды, «образ врага» создавался позже, искусственно, в соответствии с психологией и историческими обстоятельствами XX в.

А. Баженова

АРИСТОВ Иван Гаврилович (1783 или 1784 — между 1812 и 1819), поэт. Из дворян Саратовской губ. Учился законоведению в Петербургской Сенатской юнкерской школе (1802—05). Печататься начал в «Новостях русской литературы» (1803) и «Вестнике Европы» (1804). В юнкерской школе возглавил литературный кружок воспитанников (*Н. И. Греч*, И. К. Буйницкий, А. М. Милорадович и др.). Вне кружка был связан с Е. П. Люценко и А. Н. Варенцовым, издателем «Журнала для пользы и удовольствия» (1805); здесь появилось большинство стихотворений Аристова: «Патриот», «К счастью», «Пастушеский век» и др., иронические стихотворные новеллы «Стихотворец с вывеской» и «Пистолет».

АРИСТОВ Николай Яковлевич (1[13].12.1832—26.08[7.09].1882), публицист. Сын сельского священника. Окончил

Тамбовскую семинарию (1854) и Казанскую духовную академию (1858). В 1858—61 преподавал в Симбирской семинарии. С 1861, выйдя из духовного звания, жил в Петербурге. Защитил магистерскую диссертацию «Промышленность Древней Руси» (СПб., 1866). Доцент, затем профессор Казанского (1867—69), Варшавского (1869—73), Харьковского (1873—75) университетов, профессор и инспектор Нежинского историко-филологического института (1875—82). В 1882 —

действительный статский советник. Начав публикацией «Повести о бражнике» (XVII в.) (с «примечанием» *К. С. Аксакова*) и статьей «Взгляд древних русских летописцев на события мира» («Православный собеседник». 1859. № 5), печатал статьи по русской истории в журнале «Время» («По поводу новых изданий о расколе»). Особенно активным было его участие в журналах «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Древняя и новая Россия», «Исторический вестник». Взгляды Аристова — разновидность почвенничества: истинные носители русских начал в истории — низшее духовенство и народные массы; дворянство и чиновничество — отрицательные силы, поскольку они проводники иноземного влияния, которое берет начало с деятельности Петра I. Последнее — постоянная мишень публицистики Аристова, в т. ч. в его докторской диссертации «Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны» (Варшава, 1871). Опасна, с точки зрения Аристова, и народническая интеллигенция, «горсть молодежи, которая не держится ни иностранных, ни народных начал», а стремится «к разрушению всего внутреннего строя России» («Гоголь как националист». «Век». 1882. № 2—4). В статье «Историческое значение сочинений Гоголя», вошедшей, как и предыдущая, в книгу Аристова «Сочинения Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки» (СПб., 1887), рассматривал произведения писателя как исторически точный материал для изучения николаевской России. Некоторые исследования Аристова посвящены русскому народному творчеству. В «Преданиях о кладах» характерный фольклорный сюжет рассмотрен с точки зрения этического сознания народа. В интересном исследовании «Об историческом значении русских разбойничих песен» (Воронеж, 1875), анализируя песни о Василии Буслаеве, Ермаке Тимофеевиче, Стеньке

Разине, Пугачеве и др., выявлял в них исторические бытовые и художественные легендарные элементы.

АРИСТОВ Федор Федорович (14.10.1888—5.11.1932), литературовед. Родился в Варнавино (ныне Костромской обл.). Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Был преподавателем в Закавказье, Феодосии, с 1922 — профессор Московского университета, читал лекции также в Московском институте востоковедения. Аристов активно участвовал в славянских организациях: Словацко-русском обществе им. Л. Штура, Русско-чешском обществе памяти Я. Гуса и др. В 1907 основал Карпато-русский музей, существовавший до 1917. Участвовал в редактировании сочинений *А. В. Духновича*, *А. А. Полянского* и др. Для основанной Аристовым серии «Библиотека карпато-русских писателей» им написаны очерки о *А. А. Полянском* (Львов, 1930), *А. Ф. Кралицком* (Ужгород, 1930), *И. И. Шараневиче* (Львов, 1929), *А. В. Духновиче* (Ужгород, 1929) и др. Главный труд Аристова — «Карпато-русские писатели» (т. 1, 1916).

Лит.: Федор П. Ф. Ф. Аристов. Ужгород, 1931; Аристова Т. Ф., Ваарик В. Р. Ф. Ф. Аристов. 1888—1932 г. // «Краткие сообщения института славяноведения АН СССР». М., 1959, вып. 27.

АРСЕНИЙ (ск. 2.03.1410), постриженник Киево-Печерского монастыря, епископ Тверской, составитель Арсеньевской редакции *Киево-Печерского патерика*. Арсений поставлен в Москве митр. Киприаном протодьяконом, а затем с 1390 рукоположен в епископы г. Твери, содействовал оживлению летописания в Твери и бурному церковному строительству. В 1394 основал Желтиков монастырь и воздвиг церковь «на рече на Тмаце во имя Феодосия и Антония» Печерских; в 1398 освятил возведенную кн. Михаилом Александровичем в Городце церковь архистратига Михаила, в 1399 была обновлена тверская церковь Спаса Вседержителя. В 1403 Арсений освятил церковь Николы в Городке, в 1404 заложил и через два года освятил церковь Успения Богородицы в Желтиковом монастыре. Активно участвовал в политической жизни Тверского княжества, в 1401 принял участие в московском соборе девяти владык во главе с митр. Киприаном, осудившим Новгородского архиеп. Иоанна и Луцкого еп. Савву, и в том же году был посредником в споре между кн. Василием Михайловичем Кашинским и вел. кн. Иваном Михайловичем Тверским.

В 1406 «замышлением» Арсения был создан самый древний из дошедших до нас списков Киево-Печерского патерика. Эта редакция патерика в дальнейшем получила название Арсеньевской. Арсений умер в 1410 и похоронен в Желтиковом монастыре. Летописный рассказ о его смерти в некоторых местах родствен «Слову о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя русского» и «Житию Стефана Пермского» Епифания Премудрого. В 1483 были открыты мощи Арсения, установлено местное почитание его памяти, и иноком Желтикова монастыря Феодосием написана Служба Арсению, а также, вероятно, и его житие.

Изд.: Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911; Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.

О. А.

АРСЕНИЙ, архиепископ Элассонский (впосл. Суздальский) (ок. 1550—13[29?].04.1626). Родился в с. Калорьяна близ г. Трикки (Греция, Фессалия), в семье священника. В юности принял иночество. В сане иеромонаха назначен Иеремией 2-м, Патриархом Константинопольским, свя-

шенником при патриаршем соборе. В 1586 в сане епископа Элассонского в составе церковной делегации побывал в России. На обратном пути остался во Львове, где 2 года преподавал греческий и церковнославянский языки и составил учебник грамматики. В 1588 вновь оказался в Москве, в свите патр. Иеремии. Написал на новогреческом языке «Описание путешествия, предпринятого Иеремией 2-м, Патриархом Константинопольским, в Московию, и об учреждении Московского Патриаршества». Описал в панегирической поэме интронизацию первого Московского Патриарха — свт. Иова 10 янв. 1589 в Успенском соборе. Царь Феодор Иоаннович оставил его в Москве с согласия патр. Иеремии. Ок. 1596 возведен в сан архиепископа. В Смутное время польско-литовской интервенции не переставал совершать богослужения, мужественно перенося бедствия осады. В мае 1613 встретил и духовно поддержал нового царя Михаила Феодоровича (первого в династии Романовых), получил назначение в Тверь, а в 1615 — в Суздаль, но до 1621 оставался в Москве, продолжая нести служение у гробниц русских царей в Кремле. В 1618—19 участвовал в церковных соборах. Содействовал строительству московских храмов, оказал щедрую помощь восточным церквям.

Соч.: Труды и странствование смиренного Арсения... // Богословские труды. Сб. 4. М., 1968.

Лит.: Воскресенский Г. Арсений, архиепископ Суздальский. Владимир, 1856; Дмитриевский А. Архиепископ Элассонский Арсений и мемуары его из русской истории... Киев, 1899; Питирим (Нечаев), епископ Волоколамский. Арсений, архиепископ Элассонский и его поэма об учреждении русского патриаршества // Богословские труды. Сб. 4. М., 1968.

В. Никитин

АРСЕНИЙ (Верещагин) архиепископ Ростовский (1736—1799), духовный писатель. После окончания *Славяно-греко-латинской академии* постригся в монахи. В 1772 издал в Москве славянский перевод «Бесед Златоустовых о покаянии и на некоторые господские праздники», первоначально переведенных с греческого языка Софронием Младновичем. В 1770-х прославился в Москве как проповедник. В 1773 назначен епископом Архангелогородским, в 1775 — епископом Тверским, в 1783 — архиепископом Ростовским. С 1798 член Синода.

В 1787 по именному указу *Екатерины II* Ростовская архиепископия была соединена с Ярославской. Архиеп. Арсений стал именоваться архиепископом Ростовским и Ярославским с проживанием в упраздненном по этому же указу Спасо-Ярославском монастыре. В том же году из Ростова в Ярославль была переведена личная библиотека архиеп. Арсения, состоявшая из нескольких тысяч томов книг, изданных исключительно на иностранных языках в европейских странах и в России. Эта библиотека постоянно пополнялась архиеп. Арсением, в чем ему большую помощь оказывал известный собиратель древнерусских рукописей *А. И. Мусин-Пушкин*, находившийся с архиеп. Арсением в приятельских отношениях. В 1793 к архиеп. Арсению попало значительное количество иностранных изданий из библиотеки покойного профессора Московского университета *А. А. Барсова*, приобретенной Мусиным-Пушкиным. В настоящее время большая часть библиотеки архиеп. Арсения находится в Отделе редких книг Ярославского музея-заповедника, некоторая часть — в Ростовском Музее-заповеднике. Благодаря архиеп. Арсению Мусин-Пушкин стал владельцем рукописи «Слова о полку Игореве», находившейся до тех пор в Спасо-Ярославском монастыре, о чем свидетельствуют описи монастырского имущества, подписанные *И. Быковским*.

Архиеп. Арсений принимал участие в журнале «Уединенный пошехонец», издававшемся в Ярославле в 1786—87,

и был его цензором. Архиеп. Арсению посвящены два печатных сборника (оба — 1779) речей и стихотворений на латыни и русском языке, состоящие из риторических похвал, «от паствы» тверской епархии и «от обучающихся в Москве студентов», в которых он прославляется как «изящнейший наук любитель и покровитель».

Г. М.

АРСЕНИЙ (Суханов) (к. XVI — 14.08.1668), монах, книжник, церковный деятель, дипломат. Родился, вероятно, в округе г. Солова Тульского у. Первые достоверные данные о нем относятся к 1633, когда он, будучи архидьяконом, служил при патр. Филарете, исполняя обязанности его секретаря и хранителя патриаршей казны. В 1634 после смерти Филарета поселился в Чудовом монастыре. В 1637—40 участвовал в посольстве в Грузию, которое решало вопрос о подданстве кахетинского царя Теймураза. Задачей Арсения, как и прочих духовных лиц в посольстве, был сбор сведений об особенностях церковной жизни Грузии. В 1649 он был отправлен вместе с иерусалимским патриархом Паисием в Иерусалим, но ему пришлось прервать ее в связи с переговорами с Б. Хмельницким и хлопотами о выдаче самозванца Тимофея Акундинова. Во время разъездов по переговорам он побывал в Молдавии и Валахии, где принял участие в богословском диспуте с греками в Терговицах. В 1651—53 Арсений продолжил прерванное путешествие в Иерусалим, кроме него он посетил Константинополь, острова греческого архипелага, Александрию, Каир, Дамаск и на обратном пути — Грузию. Целью поездки было знакомство с греческим богослужением, отличавшимся от русского. Арсений описал путешествие в «Проскинитарии» (Поклоннике). В 1653—55 он был отправлен патр. Никоном в свое последнее путешествие на Афон для покупки греческих и славянских книг, необходимых, гл. обр., для предполагаемой книжной справы. В 1655—60 Арсений занял должность келаря Троице-Сергиева монастыря. В 1661—64 встал на главе Московского Печатного двора, занимавшегося изданием исправленных книг. В 1664 он вернулся в Троице-Сергиев монастырь, где умер и был похоронен возле Серапионовой часовни. Арсений Суханов был автором ряда сочинений: «Прений с греками о вере», упомянутого «Проскинитария», записки «О чинах греческих вкратце», целого ряда деловых документов. Занимался также переводами с греческого. Практически во всех своих сочинениях он отстаивал обрядовую чистоту Русского православия в отличие от восточного.

Б. Кузнецов

АРСЕНЬЕВ Александр Васильевич (4[16].06.1854—14[26].01.1896), писатель. По окончании курса в гимназии Арсеньев поступил приказчиком в книжный магазин, где пополнял

чтением недостатки систематического образования. Его рецензии помещались в «Библиотеке дешевой, общедоступной», «Детском саде», «Деле», и «Русском мире». В «Пчеле» Микешина Арсеньев писал фельетоны под псевд. Аз, Рыц, Слово, а также помещал стихотворения и биографии. В 1877 он переселился в Вильно и был гл. сотрудником «Виленского вестника» и «Сельского чтения». Вернувшись в Петербург, писал в газете и в иллюстрированных и юмористических жур-

налах. В 1882 издал графическую карту истории нашей литературы, с прибавлением «Словаря писателей древнего периода русской литературы». «Словарь русских писателей среднего периода» (1700—1825) вышел в 1887. В 1884 с художником Шпаком издавал художественный детский журнал «Весна»: вышло только 6 номеров. В 1885—86 сотрудничал в «Новостях», а затем почти исключительно посвятил себя популярным историческим статьям и исторической беллетристике: «Суды Царя Ивана Грозного» («Новь», 1887), «Древние русские послы за границею», «Арина боярышня» (поэма в стихах), «Отставной майор Курицын, волшебная сказка», «Ариша утка», «Французинка» и др. Из детских рассказов Арсеньева заслуживают особого внимания «Герои Севастополя» и «Из жизни и истории» (2-е изд., 1901).

АРСЕНЬЕВ Владимир Клавдиевич (29.08[10.09].1872—4.09.1930), этнограф, писатель. Родился в Петербурге. Предпринял ряд экспедиций по изучению Д. Востока: Южного Приморья (1902—03), гор Сихотэ-Алиня (1906—10), Камчатки (1918), Командорских о-вов (1923) и др. В 1910—12 начал публиковать очерки о своих путешествиях, объединенные названием «Из путевого дневника». Важнейшие книги Арсеньева — «По Уссурийскому краю» (1921), «Дерсу Узала» (1923), «В горах Сихотэ-Алиня» (отд. изд. 1937) — рассказывают о мужественных людях, воспитывают любовь к природе и этнографическим исследованиям. Для Арсеньева характерны сочетание научной обстоятельности с увлекательностью изложения, большая наблюдательность, точность в воспроизведении деталей, тонкое чувство природы, лаконизм и красочность языка. Творчество Арсеньева оказало влияние на дальневосточных писателей.

Соч.: Соч. Т. 1—6. Владивосток, 1947—49; В дубрах Уссурийского края. М., 1956.

Лит.: Азадовский М. К. В. К. Арсеньев. Критико-биографический очерк. М., 1956; Роголь Н. В. К. Арсеньев. 1872—1930. Критико-биографический очерк. Хабаровск, 1947; Кабанов Н. Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев, путешественник и натуралист. 1872—1930. М., 1947.

АРСЕНЬЕВ Флегонт Арсеньевич (2[14].04.1832—18[30].11.1889), автор охотничьих рассказов, этнограф, краевед. Родился в с. Красное Молог. у. Ярославской губ. Сын уездного исправника. Учился в Романовском училище в Рыбинске

(1849—51), в Демидовском лицее в Ярославле (1854—57), преподавал в Усть-Сысольске и Вологде. С 1867 секретарь Вологодского статистического комитета, издатель «Вологодского сборника» (1879—81). В 1858 напечатал в «Отечественных записках» (№ 4) первый охотничий рассказ, посвященный С. Т. Аксакову, «который, — писал Арсеньев, — знал меня лично и переписывался со мною, поощряя исключительно на занятия охотничьей литературой». «Охотничьи рассказы» Арсеньева публиковались в журналах «Время», «Журнале коневодства и охоты», «Журнале охоты», «Природе и охоте», дважды вышли отдельным изданием (1864, 1885). Арсеньеву принадлежат несколько этнографических и краеведческих книг: «Речная область Шексны» (1866), «Зыряне и охотничьи промыслы» (1873), «Вологодская губерния», «Очерк кустарных промыслов» (1882), «Ульяновский монастырь у зырян» (1889).

«АРТАКСЕРКОВО ДЕЙСТВО», первая драматическая пьеса русского придворного театра на сюжет библейской «Книги Эсфири», представлена 17 окт. 1672 в «комедийной хоромине» в с. Преображенском. Пьеса написана в основном *силлабическими стихами*.

АРТЕМИЙ (Троицкий), игумен Троице-Сергиева монастыря в 1551 (ок. 1500 — после 1571), писатель, мыслитель, один из учителей нестяжательства.

В молодости Артемий был монахом Псково-Печерского монастыря, участвовал в спорах о вере с католическими богословами. Позднее жил в заволжских обителях, в Порфирьевой пустыни на Белоозере. Там он стал последователем учения *Нила Сорского* (нестяжательства), которое поддерживалось в заволжских скитах. Он вел строго аскетический образ жизни, пребывая в безмолвии. Особое внимание Артемий придавал евангельским заповедям христовой любви, которую считал главным принципом социальной гармонии. Образец подлинного существования Артемий усматривал в уединенном скитском житии: «Инок премудрый спешит в селение безмолвно, в еже сотворит плод жизни». Предпочитал, чтобы монахи жили плодами своих рук и ничего не просили у мирян. Но, отвергая применение насилия во всяком деле, не поддерживал стремление государства отнимать у монастырей их владения. Отвергал насилие по отношению к еретикам: «Неподобно есть христианом убивати еретичествующих...» Уже в те времена Артемий снискал всеобщее уважение.

«Послания» Артемия Троицкого

Видимо, во время одной из поездок *Ивана IV* по заволжским скитам состоялось знакомство царя с Артемием. В 1551 Артемий вызвали в Москву. После бесед с *Сильвестром* Артемий был назначен игуменом Троице-Сергиева монастыря. Скорее всего, царь надеялся, что суровый аскет Артемий сможет вернуть монастырю блое величие, как центра монашеской жизни. Но Артемий не нашел общего языка с троицкой братией и через полгода удалился в пустынь. Этот поступок вызвал неудовольствие царя.

В 1554 Артемия вызвали на церковный собор в числе лиц, обвиненных в сочувствии еретическим взглядам Матвея Башкина. Одним из главных обвинений было то, что он «еретиков не проклинает» и выступает против их казни. В к. янв. 1554 Артемия осудили на «вечное заточение» в Соловецком монастыре. Оттуда он бежал в Литву. Вел там полемику с лютеранами и кальвинистами. Умер в Литве.

Автор 14 посланий Ивану Грозному, *Курбскому* и др. адресатам. Артемий стал одним из последних представителей нестяжательства в русской религиозно-философской мысли.

С. Перевезцев

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Александр Семенович (12[24].07.1854—24.04.1926), историк литературы. Родился в Пензе в семье священника. В 1876 окончил историко-филологический факультет Казанского университета. Профессор Казанского университета (1882—1908), член-корреспондент АН (с 1904). Основные работы посвящены древнерусской литературе. Они отличаются тщательным анализом рукописных редакций, в них собран и описан большой фактический материал. Много внимания Архангельский уделял церковной литературе. Архангельскому принадлежит также книга «Введение в историю русской литературы», т. 1 (1916), работы о

В. А. Жуковском, А. С. Пушкине, Д. В. Григоровиче и др., о театре допетровской Руси и XVIII в. Редактировал сочинения В. А. Жуковского в 12 т. (1902).

Соч.: Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси. СПб., 1882; Очерки из истории западно-русской литературы XVI—XVII вв., [вып.] 1—2. [М., 1888]; Творения отцов Церкви в древнерусской письменности, [вып.] 1—4. Казань, 1889—90 (докт. дисс.); Из лекций по истории русской литературы. Образование и лит-ра Моск. государства. I—III. Казань, 1898—1901.

АРХИПОВ Владимир Александрович (21.03.1913—11.07.1977), литературовед, публицист, доктор филологии. В своих лекциях, публицистических статьях и научных исследованиях занимал твердые, бескомпромиссные патриотические позиции. Как вузовский профессор он обладал особым даром доносить до слушателя свои мысли. Вел курс литературы в Литинституте при Союзе писателей и на филологическом факультете МГУ. На его лекции по литературе сходились не только студенты-филологи, но и студенты других, не гуманитарных факультетов.

Архипов отличался не только глубиной анализа материала, но и яркой образностью его подачи слушателем. Перу Архипова принадлежат 3 фундаментальные работы по исследованию творчества русских классиков — *Некрасова, Лермонтова и Крылова*.

И. Шевцов

АСАНОВ Николай Александрович (2[15].12.1906—15.03.1974), писатель, поэт, автор романов «Волшебный камень», «Электрический остров», «Ветер с моря», «Богиня победы», сборников рассказов «Каменный пояс», «Чудо на реке Ним», «Угол чужой стены», а также книги стихов «Пологая радуга». Асанов мастер острого сюжета и неожиданных коллизий. Особый интерес у читателей и критики вызвал роман «Богиня победы», вышедший в свет уже после известного романа *И. М. Шевцова* «Тля». В «Богине победы», как и в «Тле», четко выражено идеологическое противостояние космополитов и патриотов в среде советской интеллигенции. Если в «Тле» события происходят в кругах художников и критиков-искусствоведов, то Асанов погружается в мир науки, четко очерчивая образы и характеры ученых-патриотов, искателей и изобретателей. Их оппоненты — космополиты и русофобы, часто бездарные, нравственно ущербные люди, с фальшивой репутацией, прикрываемой дутым апломбом. Сюжетная критика создала вокруг Асанова блокаду и до конца дней травила русского писателя.

Л. Михайлова

АСКОЧЕНСКИЙ Виктор Ипатьевич (1[13].10.1813—18[30].05.1879), поэт, прозаик, журналист, историк. Сын священника. Родился в Воронеже. Окончил Воронежскую семинарию и Киевскую духовную академию (1839), получив степень магистра богословия и словесных наук. Первые публикации стихов в журналах «Воскресное чтение», «*Маяк*», «*Москвитянин*».

В 1846 вышла его книга «Краткое начертание истории русской литературы», которая состояла из отдельных характеристик творчества основных русских писателей — церковных и светских. В том же году Аскоченский выпускает сборник «Стихотворения».

Пьесы Аскоченского — «трагедия нашего времени» «Пансионерка» (Киев, 1848) и драма в стихах «Марфа Посадница, или Падение Новгорода» (запрещалась цензурой; опубл.: СПб., 1870).

В 1850 Аскоченский публикует книги: «В. Г. Григорович-Барский, знаменитый путешественник XVIII в.» (Киев, 1854), «Киев с древнейшим его училищем Академиею» (ч. 1—2. Киев, 1856) и «История Киевской духовной академии по преобразовании ее в 1819 г.» (СПб., 1863; продолжение предыдущей), богатые историко-культурным материалом.

В 1858 вышел роман Аскоченского «Асмодей нашего времени» (СПб.), ставший предтечей русских антинигилистических романов, в которых осуждался западнический, антиправославный, антирусский дух т. н. прогрессивного — либерально-масонского, еврейско-демократического движения. Главный герой романа «Асмодей нашего времени» — злодей-искуситель с «говорящей» фамилией Пустовцев. Яркое изображение его пороков давало возможность читателю убедиться в тлетворном, антихристианском влиянии скептицизма, воплощенного в таких литературных персонажах, как Онегин, Печорин, Петр Адуев. Аскоченский прозорливо предупреждает русского читателя об опасности, грозящей русской жизни и культуре от современных асмодеев пустовцевых, подменяющих непреходящие ценности христианства дешевой мишурой «западной цивилизации».

Чтобы бороться с врагами русской культуры, Аскоченский в 1858—77 начинает создавать еженедельную газету «*Домашняя беседа*», которая с православно-патриотических позиций раскрывала духовные ценности русской цивилизации и показывала русскому народу его противников-либералов, масонов, иудеев-«демократов», нигилистов. «Домашняя беседа» стала ответом лучших сынов русского народа на создание масоном А. И. Герценом в 1857 антирусской, антиправославной газеты «Колокол».

Стремясь показать в отвратительном виде «асмодеев нашего времени», Аскоченский стремится противопоставить им хороших, русских православных людей. Поисками «положительного героя» отмечены «Записки звонаря» (СПб., 1862), в которых традиционный «маленький человек», благодаря смирению и благочестию, не «унижен и оскорблен», а возвышен над окружающим, суетным миром. Образы православных русских людей, способных противостоять «бесовщине мира сего», показаны в стихотворениях «Письма с того света пятилетнего брата к своей сестре» (СПб., 1871; 3-е изд., 1876).

В сборники «Басни» (СПб., 1863), «Басни и отголоски» (СПб., 1869) вошли стихи-обличения «польских скорпионов» и отечественных «поджигателей», и всех тех, кто потворствует им своим либерализмом. Со злодеями, поднимающими свою руку на Православное Царство, следует беспощадно бороться («Когда уж люди так неисправимо злы, / То вместо слов им нужны кандалы» — «Оратор», 1862).

Когда большая часть российской интеллигенции сочувствовала преступникам-нигилистам, революционерам, Аско-ченский мужественно обличает их как врагов России («Заморским витиям», 1854; «По прочтении высочайшего рескрипта гр. М. Н. Муравьеву», 1865; «Нигилисту», 1863; «Ужасное открытие», 1866, — в связи с выстрелом Каракозова).

Лит.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1.

АССОНАНС, в русской поэтике ассонансом принято называть неточную рифму, в которой совпадают ударные слоги, концы же рифмуемых слов или разноречны, или приблизительно созвучны. Ассонансные рифмы как стилистический прием благозвучия существуют в русской народной поэзии давно. Ассонансы встречаются в «Слове о полку Игореве», в «Повести о Горе-Злочастии», в «Задонщине» и др. древних памятниках русской письменности. Напр., ассонансы в «Слове о полку Игореве»:

...риша в тропу Трояню,
чрес поля на горы, —
Пети было песнь Игореви...
...Коли Игорь соколом полете,
— тогда Влур вльком потече...

Ассонансами пересыпаны русские народные стихи — песни, частушки, пословицы и поговорки:

Девушка с п е с и в а —
Не дала с п а с и б о,
Дружком не назвала.
Аленушка н е д о б р а,
Испить воду н е д а л а.
Чернобровый большо й п а р е н ь
Положил на сердце к а м е н ь.
Дарю платок — сини к а й м ы,
Утирайся, милый, п о м н и.
Милый — сокол, милый — л е б е д ь,
Как соскучится — п р и е д е т.

Вот ассонансы в частушках Ярославской обл.:

Сошью платьице с оборкой,
На оборке вышью б у ф.
Нету время тяжелее,
когда милый любит д в у х.
Веселее пой, гармошка,
Громче, ч е р н о м е х а я,
Моя милка по дорожке
На фордзоне е х а л а.
Подруженьки про меня
Говорят, что м о д н и ц а.
Мне и надо модной быть,
Потому — к о л х о з н и ц а.

Наряду с рифмами ассонансы встречаются в произведениях русских виршевиков. Реформой стихосложения, произведенной *Тредиаковским—Ломоносовым*, был установлен принцип классической рифмы: от гласного ударного звука

до конца слова все звуки должны совпадать. Однако у русских классиков иногда можно найти среди строгих рифм и ассонансы, напр. у *Пушкина*:

И перед синими рядами
Своих воинственных д р у ж и н,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, н е д в и ж и м,
Страдая раной, Карл явился.
(«Полтава»)

Но уж дробит камня м о л о т,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный г о р о д,
Как будто кованной броней.
(«Путешествие Онегина»)

Ассонансом также называется повтор ударных, преимущественно гласных звуков внутри стиха. Внутренние ассонансы встречаются в русском народном стихе, напр. в песне «Ах вы, сени, мои сени»:

...Сени **новые**, кленовые, решетчатые...
...Выпускала **сокола** из правого рукава...
...Полети ты, мой **сокол**, **высоко** и **далеко**,
И **высоко** и **далеко** на родиму сторону.

Внутренним ассонансом мастерски пользовался Пушкин, например в следующих стихах, построенных на гулком «у»:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь своим мечтам.

Весьма выразительны внутренние ассонансы у *М. Лермонтова* на «у» и на «а» в стихотворении «Бородино»:

У наших ушки на макушке,
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.
Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!..
..Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

А. Квятковский

АСТАФЬЕВ Виктор Петрович (1.05.1924—3.12.2001), писатель. Родился в с. Овсянка Красноярского края в крестьянской семье. Воспитывался в семье дедушки и бабушки, затем в детском доме в Игарке. После окончания 6 класса средней школы поступил в железнодорожную школу. Оттуда осенью 1942 ушел на фронт добровольцем, был шофером, артразведчиком, связистом. Участвовал в боях на Курской дуге, освобождал от фашистских захватчиков Украину, Польшу, был тяжело ранен, контужен. После демобилизации поселился

на Урале, в г. Чусовом. Работал грузчиком, слесарем, лейтейщиком, плотником в вагонном депо, мойщиком мясных туш на колбасном заводе и т. д. В 1951 в газете «Чусовой рабочий» появился первый рассказ «Гражданский человек». С 1951 по 1955 Астафьев является литературным сотрудником газеты «Чусовой рабочий». Первый сборник рассказов «До будущей весны» вышел в Перми в 1953. В 1958 вышел роман Астафьева о жизни колхозной деревни «Тают снега».

Переломным в творчестве Астафьева оказался 1959, когда появилась в печати посвященная Л. Леонову повесть «Стародуб» (действие взворачивается в старинном керажском поселении в Сибири), которая явилась источником авторских размышлений об исторических корнях «сибирского» характера. В то время «древлеотеческие устои» староверов не вызвали у Астафьева сочувствия, наоборот, они противопоставлялись «природной» вере. Однако эта «природная вера», «таежный закон», «заступничество тайги» не спасали человека ни от одиночества, ни от трудных моральных вопросов. Конфликт разрешался несколько искусственно — смертью героя, которая была избрана как «блаженное успение» с цветком стародуба вместо свечи. Критика упрекала Астафьева в неясности этического идеала, в тривиальности проблематики, основанной на противопоставлении «общества» и «естественного человека». Повесть «Перевал» начинала цикл произведений Астафьева о становлении молодого героя в нелегких жизненных условиях — «Звездопад» (1960), «Кража» (1966), «Где-то гремит война» (1967), «Последний поклон» (1968; начальные главы). Они рассказывали о трудных процессах мужания неопытной души, о ломке характера человека, оставшегося без поддержки родных в страшные 30-е и в не менее жуткие 40-е. Все эти герои, несмотря на то, что носят разные фамилии, отмечены чертами автобиографизма, похожи судьбами, драматическим поиском жизни «по правде и совести». В повестях Астафьева 60-х обнаружился со всей очевидностью дар рассказчика, умеющего увлечь читателя тонкостью лирического чувства, неожиданным солоноватым юмором, философической отрешенностью. Особое место среди этих произведений занимает повесть «Кража». Герой повести — Толя Мазов — из раскулаченных крестьян, род которых погибает в северных краях. Последним погибает прадед Толи — Яков, «суховатый, витой кряж, от которого отскакивает топор, а зубы пилы на нем ломаются, как орехи». Но и он исчезает под колесами коллективизации, оставляя правнука на волю судьбы. Сцены детдомовской «табунной» жизни воссозданы Астафьевым с состраданием и жестокостью, представляя шедшее разнообразие изломанных временем детских характеров, импульсивно впадающих то в ссору, истерику, издевательства над слабым, то вдруг неожиданно объединяющихся в сочувствии и добре. За этот «народишко» начинает бороться Толя Мазов, ощущая поддержку директора Репнина — бывшего белогвардейского офицера, всю жизнь расплачивающегося за свое прошлое. Благородный пример Репнина, воздействие русской классической литературы с ее школой «жалости и памяти» помогают герою отстаивать добро и справедливость.

С рассказа «Солдат и мать», по меткому определению критика А. Макарова, много размышлявшего о сущности таланта Астафьева, начинается серия рассказов о русском национальном характере. В лучших рассказах («Сибиряк», «Старая лошадь», «Руки жены», «Еловая ветка», «Захарко», «Тревожный сон», «Жизнь прожить» и др.) человек «из народа» воссоздан естественно, достоверно. Блистательный дар созерцания у Астафьева озарен вдохновенной

творческой фантазией, игрой, озорством, поэтому его мужичьи типы удивляют читателя подлинностью, «правдой характера», доставляют эстетическое наслаждение. Жанр короткого или приближенного к повести рассказа является излюбленным в творчестве Астафьева. Многие его произведения, которые создавались на протяжении длительного времени, составлены из отдельных рассказов («Последний поклон», «Затеси», «Царь-рыба»). Творчество Астафьева в 60-е было причислено критикой к т. н. «деревенской прозе» (В. Белов, С. Залыгин, В. Распутин, В. Личутин, В. Крупин и др.), в центре которой находились размышления художников об основах, истоках и сущности народной жизни. Астафьев сконцентрировал свои художнические наблюдения в сфере национального характера. При этом он всегда касается острых, больных, противоречивых проблем общественного развития, пытаясь идти в этих вопросах вслед за Достоевским. Произведения Астафьева полны живого непосредственного чувства и философской медитации, яркой вещественности и бытовой характерности, народного юмора и лирического, нередко сентиментального, обобщения.

Повесть Астафьева «Пастух и пастушка» (1971; подзаголовок «Современная пастораль») была неожиданной для литературной критики. Уже сложившийся облик Астафьева-рассказчика, работающего в жанре социально-бытового повествования, на глазах менялся, приобретая черты писателя, стремящегося к обобщенному восприятию мира, к символическим образам. «В «Пастухе и пастушке» я стремился совместить, — писал Астафьев, — символику и самый что ни на есть грубый реализм». Впервые в творчестве писателя появляется тема войны. Любовный сюжет был окружен огненным кольцом войны, оттеняющим катастрофичность встречи возлюбленных. Несмотря на то что повесть имела жесткую композицию (в ней четыре части: «Бой», «Свидание», «Прощание», «Успение»), она соединяла разные стилевые потоки: обобщенно-философский, реалистически-бытоволненный и лирический. Война предстала то в виде невероятной фантазмагии, гиперболической картины вселенского варварства и разрушения, то в образе невероятно тяжелой солдатской работы, то возникла в лирических отступлениях автора как образ безысходного человеческого страдания. Астафьев скупой рассказывал о солдатской жизни. В поле его зрения был только один взвод. Астафьев «раскладывал русское воинство на отдельные типы, традиционные для сельского мира: мудрец-книжник (Ланцов), праведник, хранитель нравственного закона (Костяев), трудяга-терпелец (Карышев, Малышев), похожий на юродивого «Шкалик», «темный» человек, почти разбойник (Пафнутьев, Мохнаков). И война, врывающаяся в народную жизнь, имела свой образ, свои отношения с каждым из этих воюющих людей, выбивая из их рядов самых светлых, самых беззлобных, самых терпеливых. Еще в самом н. 70-х Астафьев утверждал право каждого человека, имевшего фронтовой опыт, на память о «своей» войне. Философский конфликт повести реализовался в противостоянии пасторального мотива любви и чудовищной испепеляющей стихии войны; нравственный аспект касался отношений между солдатами. «Огромное значение в повести имеет не только противоборство двух армий, но и другое (по внутренней сути повести, может быть, даже — центральное) — своеобразное противоборство Бориса и старшины Мохнакова» (Ю. Селзнев). На первый взгляд банальное столкновение лейтенанта и старшины из-за женщины (один из которых видит в ней таинственную и чистую женскую сущность, а другой относится к

ней как к «военному трофею», принадлежащему ему по праву освободителя) оборачивается сражением полярных жизненных концепций. В основе одной лежат национальные христианские традиции, другая — бездуховна, аморальна, обусловлена нравственным иждивенчеством.

Повесть «Ода русскому огороду» (1972) — своеобразный поэтический гимн трудолюбию крестьянина, в жизни которого гармонично сочетались целесообразность, утилитарность и красота. Повесть проникнута печалью об утраченной гармонии земледельческого труда, позволявшей человеку ощущать животворную связь с землей. Писатель Е. Носов писал Астафьеву: «“Оду русскому огороду” читал как великое откровение... Это не рассказано, а пропето — пропето на такой высокой и чистой ноте, что становится уму непостижимо, как это могут обыкновенные, грубые корявые руки российского писателя-мужика... сотворить такое чудо. Что же таится в недрах человеческой души, какие кладези, если он о простых лопухах, о капусте и редьке может пропеть священные гимны! Высока и прекрасна мысль о том, что для зачуханного деревенского мальчишки огород <...> был не только тем, где можно набить брюхо, он был его университетом, его консерваторией, академией изящных искусств. Если он оказался способным на такой малой площади увидеть целый мир, то уж потом он способен будет понять и Шопена, и Шекспира, и весь мир со всеми его горестями и страданиями. Ах, какое же это диво дивное ода твоя!»

Создаваемый в течение двух десятилетий «Последний поклон» (1958—78) является эпохальным полотном о жизни деревни в трудные 30—40-е и исповедью поколения, детство которого пришлось на годы «великого перелома», а юность — «на огневые сороковые». Написанные от первого лица рассказы о трудном, голодном, но прекрасном деревенском детстве объединяет чувство глубокой благодарности судьбе за возможность живого, непосредственного общения с природой, с людьми, умевшими жить «миром», спасая ребятишек от голода, воспитывая в них трудолюбие и правдивость. Через бабушку Катерину Петровну, которую в деревне звали «генералом», через «сродственников» Витя Потылицын в работе, в различных будничных заботах, в «суровых» играх, в редких гуляниях постигал русскую сибирскую общинную традицию, нравственные нормы, истину здравого смысла. Если начальные главы «Последнего поклона» более лиричны, отмечены мягким юмором и легкой иронией, то последующие уже содержат обличительный пафос, направленный против разрушения национальных основ жизни, они полны горечи и открытой издевки. В главе «Бурундук на кресте», вошедшей в «Последний поклон» в 1947, рассказана страшная история распада крестьянской семьи, в главе «Сорока» — повесть о печальной судьбе яркого и талантливого человека дяди Васи-Сороки, в главе «Без приюта» — о горьких скитаниях героя в Игарке, о беспризорничестве как социальном явлении 30-х.

Близкой к содержанию «Последнего поклона» оказалась «Царь-рыба» (1976), имеющая подзаголовок «Повествование в рассказах». Сюжет этого произведения связан с путешествием автора-рассказчика по родным местам в Сибири. Сквозной образ рассказчика, его размышления об увиденном, воспоминания, публицистические отвлечения, лирико-философские обобщения являются цементирующей силой этой вещи. Астафьев воссоздал страшную картину народной жизни, которая подвергалась варварскому воздействию цивилизации. В народной среде царило пьянство, кураж, воровство и браконьерство, были осквернены святы-

ни, утрачены нравственные нормы. Совесть люди, как обычно у Астафьева, фронтовики, державшие еще какое-то время в руках нравственные скрепы, очутились на обочине жизни. Они не оказывали влияния на ход вещей, жизнь ускользнула из их рук, переродилась в нечто безумное и хаотическое. Картина этого падения смягчалась образом дивной сибирской природы, еще не до конца загубленной человеком, образами терпеливых женщин и охотника Акима, еще несущих в мир добро и сострадание, и, самое главное, образом автора, который не столько судил, сколько недоумевал, не столько бичевал, сколько печалился.

После выхода в свет «Печального детектива» (1986), «Людочки» (1989), заключительных глав «Последнего поклона» (1992) пессимизм писателя усилился. Мир предстал перед его глазами «во зле и страдании», полным порока и преступности. События современности и исторического прошлого стали рассматриваться им с позиции максималистского идеала, высшей нравственной идеи и, естественно, не соответствовали их воплощению. «В любви и ненависти я середины не приемлю», — заявлял писатель. Этот жесткий максимализм был обострен болью за поруганную жизнь, за потерявшего себя и равнодушного к общественному возрождению человека. Роман «Печальный детектив», посвященный сложной судьбе работника милиции Сошнина, полон горьких и неприглядных сцен, тяжелых раздумий о преступниках и их беззащитных жертвах, об истоках традиционной народной жалости к «арестантам», о многоликости зла и отсутствии «баланса» между ним и добром. Действие романа укладывается всего в несколько дней. В романе девять глав, глав-рассказов об отдельных эпизодах из жизни героев. В каждую главу вплетены сюжеты-воспоминания Сошнина о службе в милиции, юности, родственниках, побочные сюжеты о жителях города Вейска, окрестных сел и деревень. «Деревенский» и «городской» материалы рассмотрены в едином художественном потоке. Конфликт романа выражен в столкновении главного героя с окружающим миром, в котором смешались нравственные понятия, этические законы, «нарушилась связь времен».

Параллельно с художественным творчеством Астафьев занимался в 80-е публицистикой. Документальные рассказы о природе и охоте, очерки о писателях, размышления о творчестве, очерки о Вологодчине, где писатель жил с 1969 по 1979, о Сибири, куда вернулся в 1980, составили сборники: «Древнее, вечное...» (1980), «Посох памяти» (1980), «Всему свой час» (1985). Во 2-й пол. 80-х большой резонанс в русской литературе получила полемика Астафьева с еврейским писателем Н. Эйдельманом (см. подробнее ст. «Еврейский вопрос в русской литературе»). В 1988 опубликована книга «Зрячий посох», посвященная памяти критика А. Макарова. По своим рассказам Астафьев создает драмы «Черемуха» (1977), «Прости меня» (1979), написал киносценарий «Не убий» (1981).

Роман о войне «Прокляты и убиты» (ч. 1 — 1992; ч. 2 — 1994) не только поражает фактами, о которых раньше не принято было говорить, его отличает удивительная даже для Астафьева резкость, страстность, категоричность авторской интонации. Первая часть романа «Чертова яма» повествует о новобранцах, проходящих «обучение» в учебном полку. Солдатский быт напоминает быт тюремный, определяемый страхом голода, наказания и даже расстрела. Пестрая солдатская масса тяготеет к двум полюсам: к солдатам-старообрядцам — степенным, благодушным, обстоятельным и к блатникам — расхристан-

ным, вороватым, истеричным. Солдатское воинство, как и в «Пастухе и пастушке», раскалывается на определенные типы, в основном повторяющиеся и любимые писателем характеры. Однако место «светлого» человека занимает не романтический лейтенант, стремящийся к героической жизни, а колоритная фигура русского богатыря-старообрядца Коли Рындина, который даже на учебных занятиях не может деревянным ружьем «уколоть» условного противника. Герой тверд в вере, зная, что Бог покарает всех за отступничество, за то, что допустили в душу дьявола вслед за комиссарами-безбожниками. Именно Рындин вспоминает старообрядческую стихирю, где было сказано, что «все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут прокляты Богом и убиты». Эти древние слова и вынесены автором в заглавие романа. Во II части романа («Плацдарм») воссоздается картина тяжелейших боев при переправе через Днепр и во время обороны Великокриницкого плацдарма. В течение семи дней небольшие силы должны были, по замыслу командования, отвлекать и изматывать противника. Художник рисует жуткие в своей подлинности и натуралистичности сцены ада на земле. «Черные работники войны», «сидельцы Великокриницкого плацдарма», изможденные, голодные, «во вшах», покусанные крысами, выходят из зоны, «чувствуя освобождение от гнетущего ожидания гибели, избавление от заброшенности и никудашности». С «солдатской линией» переплетается «линия партии». Едкая авторская ирония проявляется не только в изображении политзанятий, образов политработников, ерничанья на политические темы персонажей, описании заочного приема в партию на передовой, ею пронизан весь авторский текст повествования. Астафьев полностью разрушает сложившиеся в советское время каноны изображения народа на войне. Народ в романе, как и в др. произведениях 90-х, не является бессмертным народом-победителем. Автор утверждает, что народ смертен и уничтожим. И не потому, что исчерпал заложенные в нем генетические силы или утратил смысл своего развития, а вследствие того, что ему были нанесены сокрушительные и незалечимые раны. Не только фашизмом, но прежде всего своими — той тоталитарной машиной, которая без счета и совести губила русского мужика или ставила его на колени в годы революции, коллективизации и войны. Народ не является героем, он — покинутый Богом, униженный страдалец, вынужденный воевать между двух страшных сил, сложное разноликое единство, одаренное и добрыми человеческими свойствами и мерзкими пороками. Народ существует на войне между призрачной надеждой на Бога, на справедливость и реальной верой в силу родной земли, которая являлась порой единственной спасительницей солдата.

Соч.: Собр. соч.: В 15 т. / Под ред. автора. Красноярск, 1997. Т. 1 (изд. продолжается); Собр. соч.: В 6 т. М., 1991. Т. 1—3 (изд. продолжается).

Т. Вахутова

АСТАФЬЕВ Петр Евгеньевич (17[19].12.1846—7[19].04.1893), философ и публицист. Из дворян. Родился в д. Евгеньевка Острогжского у. Воронежской губ. В год окончания Воронежской гимназии впервые выступил в печати (путевой очерк «От Острогжска до Ивановки». «Воронежские губернские ведомости». 1964. 27 июня). По окончании юридического факультета Московского университета в 1868 сотрудничал с *М. Н. Катковым*.

В своей философской публицистике резко выступал против материализма, в котором усматривал источник нравственного оскудения современного человека: «Симптомы и причины современного настроения...» (М., 1885). Отвергал «популярную» теорию общественного блага: «Смысл истории и идеалы прогресса» (М., 1885), «Из итогов века» (М., 1891), статьи в газете «Московский листок». Критиковал Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, которые, по его словам, «подняли волну тенденциозной посредственности в литературе», и их «преемников» в 70—80-е (А. М. Скабичевского, *Н. К. Михайловского*, К. К. Арсеньева): «Старое недоразумение. По поводу вопроса тенденциозности в искусстве» (М., 1888), «Состязание слов с понятиями» (М., 1889), «Перерождение слова» («Русский вестник». 1892. № 11, 12). Среди истинных талантов называл *А. Н. Майкова* («Московские ведомости». 1888. 30 апр.) и *А. А. Фета*, совершившего «восторженный порыв из мира рассудка... в мир чистого... созерцания вечной красоты» («Урок эстетики [Памяти А. А. Фета]». М., 1893). С православных позиций Астафьев осуждал «утилитарное» учение *Л. Н. Толстого*, в творчестве которого видел «звероподобный идеал физической особи, работающей для своего прокормления» («Нравственное учение гр. Л. Н. Толстого и его новейшие критики» // «Вопросы философии и психологии». 1890. № 4). Тот же взгляд — в книге Астафьева «Учение гр. Л. Н. Толстого в его целом» (М., 1890, 1892) и в ряде статей («Московские ведомости». 1890. 18 окт.; «Московский листок». 1890. 2 февр., 9 мая). В докладе Московскому цензурному комитету Астафьев представил деятельность «Посредника» и творчество Толстого как политически опасные. В полемике с социально-утопическим идеалом мировой теократии *Вл. С. Соловьева* апеллировал к особенностям русского национального характера, в котором «подвижность и теплота внутренней жизни», по его мнению, соединяются с равнодушием к задачам социального преобразования («Национальность и общечеловеческие задачи». М., 1890).

Соч.: Монизм и дуализм. Понятие и жизнь. Ярославль, 1873; Психический мир женщины, его особенности, превосходство и недостатки. М., 1881; Понятие психического ритма как научное основание психологии полов. М., 1882; Симптомы и причины современного настроения. Наше техническое богатство и наша духовная нищета. М., 1885; Страдание и наслаждение жизни. Вып. 1: Вопрос пессимизма и оптимизма. СПб., 1885; Чувство как нравственное начало. М., 1886; Старое недоразумение. По поводу вопроса о тенденциозности в искусстве. М., 1888; Состязание слов с понятиями. М., 1889; К вопросу о свободе воли. М., 1889; Национальность и общечеловеческие задачи. К русской народной психологии. М., 1890; Учение графа Л. Н. Толстого в его целом: Критич. очерк. М., 1890; Из итогов века. М., 1891; Общественное благо в роли верховного начала нравственной жизни. М., 1892; Урок эстетики. М., 1893; Вера и знание в единстве мировоззрения. М., 1893; Опыт о свободе воли. М., 1897; Философия нации и единство мировоззрения. М., 2000.

Исм.: Русские писатели 1800—1900. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 114.

АСТАХОВА Анна Михайловна (22.06[4.07].1886 — после 1962), фольклорист. Особое значение среди многочисленных работ Астаховой имеют исследования, посвященные *былинам*, судьбам устно-поэтического наследия. За время экспедиционной работы в Карелии, на Пинеге, Мезени и Печоре, в Поморье и Сибири, в Московской и Ленинградской областях Астахова собрала свыше 10 000 народных поэтических произведений.

Соч.: Былины Севера. Т. 1—2. М.; Л., 1938—51; Русский быллинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948; Илья Муромец. М.; Л., 1958; Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв. / Изд. подготовили: А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960.

Лит.: Астахова А. М. К 70-летию со дня рождения // Русский фольклор. Т. 1. М.; Л., АН СССР, 1956.

«АТЕНЕЙ» (греч. — храм Афины, богини мудрости, знаний, искусств и ремесел) — 1. Двухнедельный литературно-научный журнал. Издавался проф. М. Г. Павловым в Москве в 1828—30. С 1829 — «Журнал наук, искусств и изящной словесности с присовокуплением “Записок для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов”». В журнале появилось немало оригинальных статей научного характера. Прежде всего самого издателя: «Различие между изящными искусствами и науками», «О предмете физики», «Содержание и расположение физики», придерживавшегося шеллингианских воззрений на природу. Интерес представляли статьи: И. М. Снегирева «Иван Купало», «О пословицах вообще, в особенности о русских»; Дубенского «О всех употребляемых в российском языке стихотворных размерах»; Н. И. Надеждина «Различие между классической и романтической поэзией». В журнале помещалось много переводных статей научно-популярного характера. Из литераторов публиковались Ф. И. Тютчев, Н. В. Станкевич, М. Дмитриев, С. Раич, драматург А. А. Шаховской. Здесь вышел отрывок из романа М. Загоскина «Юрий Милославский».

«Атеней» выступал против романтизма в литературе, отстаивая принципы классицизма; критиковал А. С. Пушкина. Так, разбирая главы 4 и 5 «Евгения Онегина», М. Дмитриев писал: «Нет характеров, нет и действия». С той же суровостью оценивал он и «Графа Нулина» и поэму Баратынского «Бал». Однако под влиянием читателей издатель был вынужден изменить тон и направление критического отдела. В статье Максимовича «Поэма Пушкина “Полтава” в историческом отношении» (1829) сделана попытка примирить классицизм и романтизм.

2. Еженедельный журнал критики, современной истории и литературы, выпускал Е. Ф. Корш в Москве (1858 — апр. 59). Журнал умеренно-либеральный. Выступал с поддержкой правительственной реформы. Высказывался за освобождение крестьян с землей при условии выкупа надела. В области философии журнал стоял на идеалистических позициях. В нем печатались М. Е. Салтыков-Щедрин, И. А. Гончаров (отрывок из «Обломова»), И. С. Тургенев, Ф. И. Буслаев, С. М. Соловьев, П. В. Анненков.

3. Историко-литературный временник, издавался в Ленинграде в 1924—26 под ред. Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана, П. Н. Сакулина. Здесь опубликованы статьи о А. С. Пушкине, А. С. Грибоедове, М. Ю. Лермонтове, Ф. М. Достоевском и др.

А. Баженова

АФАНАСИЙ КАЛЬНОФЕЙСКИЙ, духовный писатель XVII в., был соборным монахом в Киево-Печерской лавре. Написал сочинение «Тератургима», где описывает 64 чуда, совершившиеся в Киево-Печерской лавре за время 1594—1638, и дает много интересных исторических данных и о монастыре, и о его иконах: оно написано на польском языке, посвящено кн. Святополк-Четверинскому и напечатано в 1638 в типографии Киево-Печерской лавры с благословения митр. Петра Могилы.

АФАНАСИЙ ХОЛМОГОРСКИЙ (в миру Любимов Алексей Артемьевич), первый архиепископ Холмогорский и Ваземский (1641—1702), писатель, идеолог «грекофильства».

Родился в г. Тюмени Тобольской губ., в 1666 принял монашеский постриг, а в 1675 стал игуменом Далматовского Успенского монастыря. По некоторым сведениям, по началу был близок к старообрядчеству. В 1679 Афанасий оказался в Москве и был приближен к патр. Иоакиму. Здесь он полностью принимает «грекофильские» убеждения, становится одним из главных участников споров со старообрядцами.

Летом 1682 он написал полемический трактат «Увет духовный». Книга была написана летом 1682 всего за 50 дней, по горячим следам знаменитых прений православных иерархов со старообрядцами, проходивших в Грановитой палате в присутствии царского семейства. Уже 20 сент. книга вышла в свет тиражом 1200 экз., а позднее несколько раз переиздавалась (в XVIII в.), а также расходилась в рукописных списках. Этому изданию придавалось большое значение, оно рассылалось по епархиям, его предписывалось распространять по приходам (уже в окт. 1682 в Новгородскую епархию отправили 20 экз. книги). По сути дела, «Увет духовный» стал одним из главных антираскольнических сочинений XVII столетия.

Главная тема этого сочинения — опровержение доводов старообрядцев. Автор стремился уберечь православную паству от влияния «безумных мужиков», доказать ей, что «есть здесь в России во святых Божиих храмах благолепие». Кроме того, он стремился убедить читателей в том, что необходимо «слушати государей своих и пастырей и начальников».

«Увет духовный» показывает Афанасия Холмогорского как хорошего знатока святоотеческой и др. православной литературы — ведь в основу книги Афанасий положил многочисленные выписки из древних греческих и славянских книг. На этом материале он доказывал необходимость и истинность церковной реформы и «благочестие» изменения «старых» обрядов. Последователей же «старой веры» он обвинял не только в отступлении от истинной православной веры, но и в элементарном незнании и невежестве, называя их, как уже отмечалось, «безумными мужиками».

«Безумие» старообрядцев, в конечном итоге, оборачивается их «бесовством». В частности, именно «бесовским делом» старообрядцев он называл многочисленные акты самосожжения в старообрядческих общинах. По его убеждению, «огненная смерть», к которой прибегали старообрядцы в ожидании немедленного попадания в Царствие Небесное, на самом деле обрекает человеческую душу на вечную гибель, ибо сам человек не в силах решать, когда наступит его смертный час. Следовательно, массовое самоубийство, да еще в огне, — это истинно «бесовское дело».

Активное участие принял Афанасий Холмогорский и в полемике с «латинствующими» по поводу вопроса о времени пресуществления Святых Даров. Этому посвящена «Книга православного исповедания» (1688), где автор выступает в защиту православной точки зрения, подкрепляя свою позицию многочисленными выписками от «апостольских и отеческих догмат и преданий». Необходимо особо подчеркнуть последнее — в основе методологии Афанасия Холмогорского опять же лежало догматическое мышление. Ведь одной из главных задач он видел сохранение и укрепление византийских традиций, ориентировался на греко-византийскую догматику и святоотеческое наследие.

Др. полемическое сочинение, «Щит веры» (1690), помимо борьбы с «латинством» по вопросу времени пресуществления, написано еще и с целью опровержения иных католических и латинских идей, проникших на Русь. Эта книга

готовилась к печати, но так и не была напечатана. Исследователи обнаружили 12 списков этой книги. «Щит веры» сыграл большую роль в борьбе «грекофилов» с «латинствующими», ибо, основываясь во многом на мнении Афанасия Холмогорского, церковный Собор 1690 принял решение, осуждающее «латинствующих».

В 1682 Афанасий Холмогорский был возведен в сан архиепископа и назначен во вновь образованную Холмогорскую епархию. Как руководитель епархии и как духовный авторитет, Афанасий Холмогорский сыграл значительную роль в истории России. Он полностью поддержал все начинания Петра I; его дипломатическая и государственная деятельность имела серьезное значение во время Северной войны: благословение и материальная поддержка строительства крепости в устье Двины для отражения нападения шведского флота; сбор сведений о Швеции, отразившийся в его книге «Описание трех путей из России в Швецию»; поддержка строительства флота и др.

Многое сделал Афанасий Холмогорский и для развития своей епархии — начал каменное строительство, создал библиотеку, иконописную мастерскую. Под его руководством работали переписчики книг; современные исследователи считают, что в к. XVII в. в Холмогорской епархии сложилась даже своя книгописная школа со своеобразными традициями в письме и искусстве оформления книги.

Афанасий Холмогорский имел большую библиотеку, знал греческий и латинский языки, интересовался разными областями знания — астрономией, медициной, архитектурой, географией. Помимо упомянутых, его перу принадлежит еще несколько сочинений: «Шестоднев», различные поучительные сочинения, послания, а также составленный им «Лечебник».

Афанасий Холмогорский интересен еще и тем, что на его примере можно увидеть, как в, казалось бы, догматическое мышление одного из идеологов «грекофильства» проникают новые веяния. Во всяком случае, проведенный анализ «Шестоднева» показывает, что Афанасий Холмогорский интересовался и научными знаниями. Так, теперь не подлежит сомнению, что он признавал шарообразность земли и сферическую форму неба: «Велики суть небеса и многим болши земля. И земля посреде их, яко тычка в круже, ни на чем и с водами, сиречь с морми, Божиим повелением поставлена и утвержена»; «Тако же и земля. Аще и горы и холми на себе имеет, но обаче круга разумеается». В «Шестодневе» можно увидеть попытки рационального объяснения различных природных явлений.

Эти мысли и высказывания не стоит широко толковать. По своим религиозно-философским предпочтениям Афанасий Холмогорский оставался в русле восточной догматики, признавая, что основой бытия является Господь: «Зане всемогущ и творит, яко же хошет».

С. Перевезенцев

АФАНАСЬЕВ Александр Николаевич (12[24].07.1826—23.10[04.11].1871), фольклорист, историк, литературовед. Из дворян Воронежской губ. Окончил юридический факультет Московского университета, где среди его учителей были П. Г. Редкин, К. Д. Кавелин, С. П. Шевырев. Первый печатный труд — «Государственное хозяйство при Петре Великом» (1847). Ранние статьи и рецензии печатал в «Современнике», «Отечественных записках» и др. журналах и альманахах. Во 2-й пол. 1850-х — н. 1860-х опубликовал ряд работ по истории русской литературы и журналистики в журнале «Библиотечные записки» (в т. ч. о русских сати-

рических журналах XVIII в., о Н. И. Новикове, А. Д. Кантемире, Д. И. Фонвизине, А. С. Пушкине, К. Н. Батюшкове, М. Ю. Лермонтове, А. В. Кольцове).

Самые значительные научные статьи Афанасьева отно-

сятся к области изучения и публикации фольклора. В их основе — теория мифологического происхождения и развития фольклора. Результатом этих изысканий стал фундаментальный труд, посвященный историко-филологическому анализу языка и фольклора славян в связи с фольклором и языком др. индоевропейских народов, — «Поэтические воззрения славян на природу» (т. 1—3, 1865—69). В этом труде наряду с историко-филологическими исследованиями дается подробный анализ древнего русского мировоззрения, раскрываются многие духовно-нравственные понятия русского и др. славянских народов.

В 1855—63 публикуются 8 выпусков знаменитого собрания Афанасьева — «Народные русские сказки», основу которого составили сказки из архива Русского географического общества, дополненные записями В. И. Дала. В 1859 печатает «Народные русские легенды». Историко-литературный интерес представляют неопубликованные дневники Афанасьева.

АФАНАСЬЕВ-ЧУЖБИНСКИЙ Александр Степанович (28.02[11.03].1816—6[18].09.1875), писатель и этнограф. Родился в Лубенском у. Полтавской губ. Окончив в 1835 гимназию высших наук кн. Безбородко, Афанасьев-Чужбинский поступил юнкером в Белгородский уланский полк; в 1843 вышел в отставку. В 1847 Афанасьев-Чужбинский был назначен редактором неофициальной части «Воронежских губернских ведомостей»; через 2 года опять вышел в отставку. Первым напечатанным произведением Афанасьева-Чужбинского было стихотворение «Кольцо» («Современник», 1838. Т. 11), за подписью Чужбинский; под этим псевдонимом появлялись его произведения до 1851, когда вышли в свет его «Галерея польских писателей» (5 частей) и «Русский солдат», рассказы в стихах (2 выпуска), подписанные его настоящим именем. С 1853 он постоянно подписывался Афанасьев-Чужбинский. Сотрудничал во многих журналах: «Литературном прибавлении к “Русскому инвалиду”», «Галатее», «Иллюстрации», «Сыне Отечества», «Пантеоне», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Современнике», «Русском вестнике», «Морском сборнике», «Русском слове», «Основе» и др. В 1856 Афанасьев-Чужбинский, по предложению вел. кн. Константина Николаевича, в одно время с А. Н. Островским, А. Ф. Писемским, Михайловым и Максимовым был послан изучать быт и нравы приречных и приморских областей России. Афанасьев-Чужбинский выбрал Приднепровье как более знакомый ему край и результаты своих исследований изложил в ряде статей, составивших впоследствии двухтомную «Поездку в южную Россию» (СПб., 1861). Др. его труды: «Словарь малорусского наречия» (буквы А—З. «Известия Академии наук по отделу русского языка и словесности». 1855. Т. 4 и отдел. СПб., 1855); «Воспоминание о Т. Г. Шевченко» (СПб., 1861); «Очерки прошлого» (4 ч., СПб., 1863); «Очерки прошлого. Город Смуров» («Заря», 1871); «Очерки прошлого. Фаня» (СПб.,

1872); «Петербургские игроки» — роман (СПб., 1872). В 1864 Афанасьев-Чужбинский основал «Петербургский листок»; редактировал в 70-х «Магазин иностранной литературы», в 1875 — «Новости». В последние годы своей жизни Афанасьев-Чужбинский состоял смотрителем Петропавловского музея. Наибольший успех из всего написанного Афанасьевым-Чужбинским имели его малороссийские стихотворения; некоторые из них, напр. «Скажи мини правду мий добрый казаче», стали очень популярны. Пользовались успехом и беллетристические произведения Афанасьева-Чужбинского, особенно «Петербургские игроки». Высоко ценились этнографические работы. «Словарь малорусского наречия» был одобрен Академией наук.

АХМАТОВА Анна Андреевна (наст. фамилия **Горенко**) (11[23].06.1889—5.03.1966), поэт. Родилась в м. Большой Фонтан, близ Одессы. Отец — морской инженер-механик. С 1890 семья жила в Царском Селе, где Ахматова училась в Марииинской гимназии, а лето обычно проводила вместе с семьей под Севастополем. Сильнейшей любовью, духовной

и поэтической родиной оставалось до конца жизни Царское Село, неотрывное от имени Пушкина. Стихи начала писать рано и в девичьи годы написала их ок. 200; отдельные стихи, дошедшие до нашего времени, относятся к 1904—05. В 1903 познакомилась с *Н. Гумилевым* — он был старше ее на три года и тоже учился в Царкосельской гимназии. (Они поженились в 1910.) После развода родителей Ахматова вместе с матерью переезжает в Евпаторию — ей грозил туберкулез, бывший бичом семьи. Гимназический курс она проходила на дому. Но уже в 1906—07, несколько оправившись, стала учиться в выпускном классе Фундуклеевской гимназии в Киеве, а в 1908—10 на юридическом отделении Высших женских курсов. Все это время не переставала писать стихи. Судя по немногим из них сохранившимся, а также по высказываниям самой Ахматовой, на нее оказывали тогда заметное влияние *В. Брюсов*, *А. Блок*, несколько позднее *М. Кузмин*, а также французские символисты и «проклятые» (П. Верлен, Ш. Бодлер и др.), из прозаиков К. Гамсун. Весной 1910 Ахматова вместе с *Н. Гумилевым* уезжает в Париж. Там произошло ее знакомство с *А. Модильяни*, запечатлевшим облик двадцатилетней Ахматовой в карандашном портрете. После первой публикации в «Сириусе» Ахматова печаталась во «Всеобщем журнале» (1911. № 3), журнале «Gaudemus» (№ 8—10), а также в «Аполлоне» (№ 4). Последняя публикация вызвала сочувственный отклик *В. Брюсова* («Русская мысль», 1911. № 8). Стихи же в «Аполлоне» вызвали пародию *В. П. Буренина* («Новое время», 1911. 29 апр.). В том же году состоялось и первое публичное выступление Ахматовой с чтением своих стихов в Обществе ревнителей художественного слова. Получила она и твердое одобрение своей поэтической работы от *Н. Гумилева*, до того относившегося к стихотворным опытам своей невесты и жены с некоторой сдержанностью и осторожностью. Каждое лето, вплоть до 1917, Ахматова проводила в имении своей свекрови Слепнево (Тверская губ.), которое сыграло в ее творчестве значительную роль. Скудная, по ее словам, земля этого края дала ей возможность прочувствовать и познать потаенную красо-

ту русского национального пейзажа, а близость к крестьянской жизни обогатила знанием народных обычаев и языка. В ахматовской поэтической топонимике Слепнево занимает наряду с Царским Селом, Петербургом, Москвой и Причерноморьем особое и, безусловно, важное место. В 1911 она была введена в состав организованного *Н. Гумилевым* «Цеха поэтов», где исполняла обязанности секретаря. В 1912 «Цех поэтов» сформировал внутри себя группу акмеистов (*см.* акмеизм), которая провозгласила в своих манифестах и статьях опору на реалистическую конкретность, начав тем самым творческую полемику с символистами. Появившаяся в 1912 первая книга Ахматовой «Вечер» (СПб.) не только отвечала требованиям, сформулированным вождями акмеизма *Н. Гумилевым* и *С. Городецким*, но в какой-то степени и сама послужила художественным обоснованием для акмеистических деклараций. Книге предпослал предисловие *М. Кузмин*, отметивший характерные для ахматовской поэзии черты: острую восприимчивость, приятие мира в его живой, солнечной плоти и — одновременно — внутреннюю трагедийность сознания. Он также подметил в художественном мире Ахматовой и связь конкретных предметов, вещей, «осколков жизни» с «переживаемыми минутами». Сама Ахматова эти особенности своей поэтики связывала с воздействием на нее *И. Анненского*, которого она называла «учителем» и чей «Кипарисовый ларец» был для нее в те годы настольной книгой. Наиболее чуткие критики указывали на близость Ахматовой к традициям русского реализма, в т. ч. и классической прозы.

Акмеистическая эстетика, верность которой Ахматова подчеркивала и в поздние свои годы, противостояла *символизму*: «Наш бунт против символизма совершенно правомерен, потому что мы чувствовали себя людьми XX века и не хотели оставаться в предыдущем...» В 1912—13 она охотно выступала с чтением стихов в кабаре «Бродячая собака», во Всероссийском литературном обществе, на Высших женских (Бестужевских) курсах, в Тенишевском училище, в здании Городской думы и имела исключительно большой успех. 18 сент. 1915 у Ахматовой и Гумилева родился сын Лев. Слава Ахматовой после появления «Вечера», а затем «Четок» оказалась головокружительной — на какое-то время она явно закрыла собой многих своих современников-поэтов. Ее называли русской Сафо, она сделалась излюбленной моделью для художников, стихотворные посвящения составили антологию «Образ Ахматовой» (Л., 1925).

По общему справедливому мнению, Ахматова была несравненным по поэтическому своеобразию художником любви. Ее новаторство первоначально проявилось именно в этой традиционно вечной теме. И критика, и поэты, и читатели отмечали «загадочность» ее лирики; при всем том, что стихи казались страничками писем или оборванными дневниковыми записями, крайнее немногословие, скудость речи оставляли впечатление немoty или перехвата голоса. Перед читателями 10-х, привыкшими к пестроте поэтических групп, к символистским «провалам» и «безднам», к жеманничанью «дамской» поэзии, к декадентской «распутице», возник художник большой и своеобразной силы. Ахматова в своих стихах, как и в жизни, была очень женственна, но в нежности ее поэтического слова выявлялись властность и энергия. Лирика Ахматовой, внешне не похожая ни на чью из современников и ни на чью из предшественников, была тем не менее достаточно глубоко укоренена в русской классике. С появлением «Белой стаи» (1917) стало ясно, что лирическая тема Ахматовой была шире и многозначнее обозначенных конкретных ситуаций.

В стихах Ахматовой входила эпоха. Уже редко кто по привычке мог назвать Ахматову поэтом «несчастной любви»: в стихах, предшествовавших «Четкам», и особенно после выхода этой книги возник иной масштаб. Одним из первых, кто не только возник этот новый масштаб, но объяснил его, предугадав едва ли не весь будущий путь Ахматовой, был Н. В. Недоброво. Он отметил не только трагедийность ее мироощущения, но и внутреннюю мужественность — это наблюдение Ахматова особенно ценила. Об органичной твердости ее души и стиха никто до Н. Недоброво не говорил, лишь привычно отмечали ее пресловутую хрупкость и надломленность. Как показала вся дальнейшая жизнь, давшая литературе «Реквием» и «Поэму без героя», — трагедийность и мужественность были главными свойствами ее поэтического таланта.

После революции Ахматова издала сб. «Подорожник» (1921), «Anno Domini MCMXXI» (1921). В отличие от многих своих друзей и знакомых она не эмигрировала, знаменитой стала ее поэтическая инвектива «Мне голос был. Он звал утешно...» (1917), подтвержденная через пять лет замечательным стихотворением такого же смысла: «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922). Часть эмиграции отнеслась к этим стихам с большим раздражением. Стали говорить об упадке ее таланта, о литературном конце поэта. Но в своей стране Ахматова после революции не находила должного понимания — в глазах многих она оставалась поэтом старой России, «обломком империи». Эта версия преследовала Ахматову всю жизнь — вплоть до печально известного постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (1946). Несмотря на разного рода идеологические запреты, поэтическая работа Ахматовой никогда не прерывалась и песенный дар не покидал поэту. Ахматова всегда резко протестовала против того, чтобы ее «замуровывали» в 10-е. На протяжении последних четырех десятилетий она стала много заниматься пушкинской эпохой, в т. ч. и архитектурой Петербурга; зарождается ее исследовательский интерес к Пушкину и работы Ахматовой в этой области: «Последняя сказка Пушкина», «Сказка о золотом петушке», «“Адольф” Бенжамена Констанана в творчестве Пушкина», «“Каменный гость” Пушкина», «Гибель Пушкина», «Александрина», «Пушкин и Невское взморье» и др. — были высоко оценены авторитетными учеными-пушкинистами.

30-е были в жизни Ахматовой временем тяжелейших испытаний. Приближалась мировая война. Предвоенные стихи (1924—40), собранные в «Тростнике» и «Седьмой книге» (сборники подготавливались поэтессой, но отдельно изданы не были), свидетельствуют о расширении диапазона лирики Ахматовой. Трагедийность вбирает в себя беды и страдания миллионов людей, ставших жертвами террора и насилия в ее собственной стране. Репрессии коснулись и ее семьи — был арестован и сослан сын. «Муж в могиле, — сын в тюрьме, / Помолитесь обо мне...» («Реквием»). Народная трагедия, ставшая и ее личной бедой, давала новые силы ахматовской Музе. В 1940 Ахматова пишет поэму-плач «Путем вся земля» (начата в марте 1940, впервые опублиц. целиком в 1965). Эта поэма — с образом похоронных саней в центре, с ожиданием смерти, с колокольным звоном Китежа — непосредственно примыкает к «Реквиему», создававшемуся на протяжении всех 30-х. «Реквием» гениально выразил великую народную трагедию; по своей поэтической форме «Реквием» близок к народному причету. «Сотканный» из простых слов, «подслушанный», как пишет Ахматова, в тюремных очередях, он с потрясающей поэтической и гражданской силой пере-

дал и время и страдающую душу народа. «Реквием» не был известен ни в 30-е, ни много позже (опубл. в 1987), как, впрочем, не были известны сопутствовавшие ему «Черепки» и мн. др. произведения поэта. В годы Великой Отечественной войны, эвакуировавшись из осажденного Ленинграда в начале блокады, Ахматова интенсивно работала. Широко известными стали ее патриотические стихи «Клятва» (1941), «Мужество» (1942): «Час мужества пробил на наших часах, / И мужество нас не покинет». Все военные годы и позже, вплоть до 1964, шла напряженная работа над «Поэмой без героя», которая стала центральным произведением в ее творчестве. Это широкое полотно эпико-лирического плана, где Ахматова воссоздает эпоху «кануна», возвращаясь памятью в 1913. Возникает предвоенный Петербург с характерными приметамы того времени; появляются, наравне с автором, фигуры Блока, Шалапина, О. Глебовой-Судейкиной (в образе Путаницы-Психеи, бывшей одной из ее театральных ролей) и др. Ахматова судит эпоху, «пряную» и «гибельную», грешную и блестящую, а заодно и себя вместе с нею. Поэма широка по размаху времени — в ее эпилоге возникает мотив воюющей с фашизмом России; она многопланова и многослойна, исключительно сложна по своей композиции и подчас зашифрованной образности. В ней с полной силой выразился историзм мышления Ахматовой. В 1946 известное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» вновь лишило Ахматову возможности печататься, но поэтическая работа, по ее словам, все же никогда не прерывалась. Постепенно происходило, хотя и медленное, возвращение на печатные страницы, и ее стихи вновь вызвали восхищение своей художественной силой и неувыдающей свежестью слова. Последней книгой Ахматовой оказался большой сборник «Бег времени» (1965), ставший главным поэтическим событием того года и открывший многим читателям весь огромный творческий путь поэта — от «Вечера» до «Комаровских набросков» (1961).

Соч.: Стихотворения и поэмы. Л., 1976. (Б-ка поэта. Б. серия); Стихотворения и поэмы. Л., 1984. (Б-ка поэта. М. серия); Соч.: В 5 кн. М., 1989; Стих. и поэмы. Л., 1989; «Узнают голос мой...»: Стих. Поэмы. Проза. Образ поэта. М., 1989.

Ист.: Русские писатели. XX век. Биобиблиографический словарь. Т. 1. М., 1998. С. 109—113.

А. Павловский

АШУКИН Николай Сергеевич (23.08[4.09].1890—1972), литературовед и библиограф. Учился в Московском археологическом институте. В печати выступил как беллетрист и поэт в 1906. Позднее вышли сборники стихов Ашукина «Осенний цветник» (1914), «Скитания» (1916). В 1916 опубликовал «Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову». Последующие историко-литературные работы Ашукина носят гл. обр. биографический характер; они посвящены *А. А. Блоку*, *В. Я. Брюсову*, *Н. А. Некрасову*, *А. С. Пушкину*. Среди них выделяется фундаментальный труд — «Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова» (1935). Составил книгу «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» (совм. с М. Г. Ашукиной, 2-е изд., 1960).

Соч.: А. Блок. Синхронистические таблицы жизни и творчества. 1880—1921. Библиография. 1903—1923. М., 1923; А. А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах. М., 1924; В. Брюсов в автобиографич. записках, письмах... М., 1929; Литературная мозаика. Очерки — неиздан. материалы. М., 1931; Живой Пушкин. М., 1934; Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.; Л., 1935; Москва в жизни и творчестве А. С. Пушкина. М., 1949.

Б

БАБАЕВСКИЙ Семен Петрович (25.05[6.06].1909—28.03.2000), писатель, участник Великой Отечественной войны. Родился в г.

Кунье Изюмского р-на Харьковской обл. Окончил Литературный институт в 1939. Автор романов «Кавалер Золотой звезды» (1947), «Свет над землей», «Сыновий бунт» (1961), «Родимый край» (1964), «Белый свет» (1968), «Станица» (1976), «Приволье» (1980) и др. повестей и рассказов.

Произведения Бабаевского окрашены оптимистической романтикой, что дало повод просионистской критике обвинять писателя в «лакировке действительности».

Однако все его творчество пронизано духом патриотизма, национальной гордости и чести. Его герои — простые русские люди, одаренные духовным богатством, творческим созидательным инстинктом, природной добротой и человеколюбием, душевной щедростью и неприязнью ко всякому злу и порокам.

И. Шевцов

БАБА-ЯГА, популярный персонаж русских народных сказок. В православном сознании — воплощение сатанинских сил зла, выражение ненависти ко всему русскому.

Баба-Яга, костяная нога, голова пестом, живет в избушке на курьих ножках, которая, по просьбе пришедшего к ней, поворачивается к лесу задом, а к ней передом; вокруг избушки — забор из человеческих костей или из шестов с человеческими головами. У себя дома Баба-Яга лежит на печи, на девятom кирпичи, впереди голова, в одном углу нога, в др. — другая, нос в потолок врос, груди на крюку замотаны, сама зубы точит. Баба-Яга ездит в ступе, толкачом (пестом) погоняет, помелом след замечает. Большею частью она представляется злой и коварной старухой. Она пускает к себе гостей, а потом хочет съесть их; похищает детей, чтобы изжарить их; толчет в ступе богатырей, сдирает кожу с их спины, превращает женщин в белых уток, сосет груди у красной девицы. Но ее злые замыслы часто обращаются против нее же самой или ее доче-

рей. Ей служат день, ночь и красное солнышко (всадники белый, черный и красный) и ветры; у нее есть прут, посредством которого она превращает в камень все живое. Иногда она внезапно является из-под земли и в случае опасности прячется под землю. Она не любит русского духа и гонит от себя людей, получивших родительское благословение. Но иногда она помогает доброму молодцу (большей частью из 3 братьев), предупреждая его о предстоящих опасностях и давая клубок, указывающий дорогу, богатырскую палицу, коня и т. п. Бабу-Ягу считают соответствующим женским образом Кошью и видят в ней олицетворение зимних бурь и гроз; ее быстрые полеты, обладание вихрями и заметание следа помелом указывают на метели; толкач и ступа — на грозу.

БАЖЕНОВА Александра Ивановна (р. 22.01.1947), литературовед. Родилась в г. Печора, окончила Саратовский государственный университет (1976) и Литературный институт (1986).

Работала гл. редактором Приволжского книжного издательства в Саратове. Именно в это время здесь изданы книги митр. Иоанна «Битва за Россию», О. Платонова «Правда о Григории Распутине», Г. Климова «Князь мира сего. Красные протоколы» и др. Баженова организовала (в 1993) и была председателем Саратовского отделения Международного фонда славянской письменности и культуры; провела первые праздники славянской письменности и культуры в Саратове (с 1994). Ок. 10 лет Баженова самостоятельно изучала древнейшую историю славян и славянскую мифологию. В 1993 вышла книга «Мифы древних славян». Баженовой подготовлена книга «Словарь исторических родокоренных имен и прозваний славян и руссов за два тысячелетия», ее материалы помещены в книги «Мифы древней Волги» (1996), «Энциклопедия Саратовского края» (2002).

Соч.: Звездные взлеты русской культуры (1995).

БАЖОВ Павел Петрович (15[27].01.1879—3.12.1950), писатель. Родился в Сысертском заводе, близ Екатеринбурга, в семье горнозаводского мастера. После окончания в 1899 Пермского духовной семинарии был учителем русского языка в Екатеринбурге, потом в Камышлове (до 1917). В эти же годы

Бажов собирал фольклор на уральских заводах. В 1923—29 работал в Свердловске, в редакции «Крестьянской газеты». Писательский путь Бажова начался сравнительно поздно: первая книга очерков «Уральские были» вышла в 1924. В 1939 выходит наиболее значительное произведение Бажова — сборник сказов «Малахитовая шкатулка» (Сталинская премия, 1943) и автобиографическая повесть о детстве «Зеленая кобылка». В дальнейшем Бажов пополнял «Малахитовую шкатулку» новыми

сказками: «Ключ-камень» (1942), «Сказы о немцах» (1943), «Сказы об оружейниках» и др. Произведения зрелого Бажова можно определить как «сказы» не только в силу их формальных жанровых признаков и наличия вымышленного рассказчика с индивидуальной речевой характеристикой, но и потому, что они восходят к уральским «тайным сказам» — устным преданиям горнорабочих и старателей, отличающимся сочетанием реально-бытовых и сказочных элементов. Сказы Бажова впитали сюжетные мотивы, фантастические образы, колорит, язык народных преданий и народную мудрость. Однако Бажов — не фольклорист-обработчик, а самостоятельный художник, использовавший знание уральского горняцкого быта и устного творчества для воплощения философских и этических идей. Рассказывая об искусстве уральских умельцев, отражая красочность и своеобразие старого горнозаводского быта, Бажов вместе с тем ставит в сказах общие вопросы — об истинной нравственности, о духовной красоте и достоинстве трудового человека. Фантастические персонажи сказов олицетворяют стихийные силы природы, которая доверяет свои тайны только отважным, трудолюбивым и чистым душой. Бажов сумел придать фантастическим персонажам (Хозяйка Медной Горы, Великий Полоз, Огневушка-Поскакушка) необыкновенную поэтичность и наделил их тонкой сложной психологией. Сказы Бажова — пример мастерского использования народного языка. Бережно и в то же время творчески относясь к выразительным возможностям народного языка, Бажов избегал злоупотребления местными речениями, псевдонародного «обыгрывания фонетической неграмотности» (выражение Бажова). По мотивам сказов Бажова созданы кинофильм «Каменный цветок» (1946), балет С. С. Прокофьева «Сказ о каменном цветке» (пост. 1954), опера К. В. Молчанова «Сказ о каменном цветке» (пост. 1950), симфоническая поэма А. А. Муравлева «Азов-гора» (1949) и др.

Соч.: Сочинения. Т. 1—3. М., 1952.

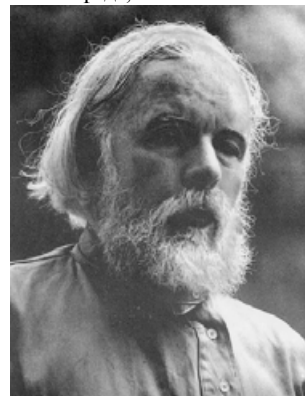
И. Р.

БАЙДА Дмитрий, один из героев малороссийских песен. Некоторые (*Лукашевич, Максимович*) отождествляют Байду с Дмитрием Вишневецким, князем из рода Гедиминовичей, одним из основателей Запорожской Сечи на Днепровских островах, др. предполагают, что поэтическое лицо Байды существовало в народных песнях до Вишневецкого, и впоследствии материал, относящийся к Байде, был приурочен к Вишневецкому.

БАЙКА, побасенка, сказочка в разговорной речи. Произошло от древнерусского глагола «баять», «баить», т. е. говорить, сказывать. Отсюда «баюн», «говорун», «сказитель», а также «басня».

Лит.: Капица О. И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки-игры. Изучение. Собрание. Обзор материала. Л., 1928; Детский быт и фольклор. Сб. 1 / Под ред. О. И. Капицы. Л., 1930.

БАЛАШОВ Дмитрий Михайлович (7.12.1927—17.07.2000), писатель, филолог-фольклорист. Родился в д. Козынево Новгородской обл. в семье актера и художницы. Первую блокадную зиму провел в осажденном Ленинграде, в 1942—44 находился в эвакуации в Сибири. Окончил театроведческое отделение Ленинградского театрального института и аспирантуру отдела фольклора Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. В 1962 защитил кандидатскую диссертацию «Древняя русская эпическая баллада». С 1961 по 1968 работал научным сотрудником Карельского филиала АН СССР в Петрозаводске. Результатом научных исследований и экспедиций стали книги Балашова «Русские свадебные песни Терского берега Белого моря», «Сказки Терского берега», «Русские народные баллады», «Русская свадьба» и др. Эти труды принесли Балашову известность крупного ученого-фольклориста, знатока северной русской культуры.

В н. 60-х ярко проявился активный общественный темперамент Балашова, выступившего против уничтожения церковью Русского Севера. Он сближается с патриотическими силами, ратовавшими за возрождение русской национальной культуры и объединившимися вокруг журнала «Молодая гвардия». В этом журнале опубликованы очерки Балашова, посвященные традициям русской архитектуры, народным ремеслам. Балашов — один из организаторов и активный член Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры. В 70—80-е Балашов выступает в печати, на различных встречах и конференциях с речами в защиту национальной самобытности, восстановления традиционного уклада и способа хозяйствования, обнажает губительность индустриального пути развития страны, активно протестует против проекта поворота северных рек на юг.

Балашов снялся в роли художника в фильме «Господин Великий Новгород» (1984). С 1985 жил в Новгороде, где в 1988 стал одним из организаторов Праздника славянской письменности и культуры, получившего широкий общественный резонанс. Балашов — один из создателей Фонда славянской письменности и культуры.

К художественному творчеству Балашов обратился уже в зрелом возрасте. Первая повесть «Господин Великий Новгород», опубликованная в журнале «Молодая гвардия» в 1967, изображала жизнь новгородского общества XIII в. пластично, зримо и достоверно, знакомила с духовным и бытовым укладом, языком новгородцев той поры. С этого момента, не оставляя научную работу, Балашов посвящает себя и литературному труду.

Талант исторического романиста проявился в романе «Марфа-посадница» (1972), охватывающем период с 1470

по 1478 и посвященном присоединению Новгорода к Московскому Великому княжеству. Опираясь на труды историка В. Л. Янина («Новгородские посадники» и др.), показал внутренний кризис новгородского вечевого устройства, трагический образ Марфы, пытающейся объединить силы в борьбе с Москвой. Целостное, исторически документальное воссоздание эпохи сочетается в романе с воплощением ярких, драматических характеров людей из разных сословий. Вместе с тем критика отмечала, что в романе «противоборство Москвы и Новгорода увидено лишь по-новгородски» (С. Котенко). Апология «воли», симпатии к новгородским еретикам XV в. при явной антипатии к москвитянам и деятелям Православной церкви (в чем проявилось некоторое следование В. Л. Янину) в известной мере лишили роман «объективности и мудрого историзма» (С. Семанов).

Главный труд Балашова-художника — цикл романов «Государи Московские», включающий в себя книги: «Младший сын» (1975), «Великий стол» (1979), «Бремя власти» (1981), «Симеон Гордый» (1983), «Ветер времени» (1987), «Отречение» (1989), «Похвала Сергию» (1992), «Святая Русь» (1991—97), «Воля и власть» (2000). Цикл представляет собой уникальную историческую хронико-эпопею, охватывающую период русской истории с 1263 (кончина св. блгв. кн. Александра Невского) до 1425. Именно в «Государях Московских» впервые в художественной литературе мир русского средневековья воссоздан с непревзойденной степенью полноты, исторической достоверности и философской насыщенности. В нем погодно отражены основные исторические события, геополитическое положение Руси, жизнь главнейших княжеств, быт и нравы всех сословий, воплощены судьбы, облик и характер сотен исторических деятелей. Соединение эпичности с напряженными нравственно-психологическими коллизиями, духовное содержание русской истории XIV в., высокие художественные достоинства поставили романы Балашова в ряд серьезных реалистических произведений, повествующих о мире и человеке. За цикл «Государи Московские» Балашов награжден Большой Российской литературной премией (1997).

В художественную ткань органично включены произведения древней русской и переводной литературы, открывается глубинный смысл иконописи, церковного зодчества. Опираясь на труды Г. М. Прохорова, писатель показывает сущность движения исихазма и его роль в судьбах Руси.

Проблемы добра и зла, власти и совести связаны в книгах Балашова с образами владык мирских (князья, бояре) и духовных (митрополиты). Следуя нравственной традиции средневековья, Балашов открывает таинственную взаимосвязь личности правителя и вверенной ему «земли». Однако в центральных романах цикла («Бремя власти», «Симеон Гордый», «Ветер времени») ключевым в авторской трактовке проблемы цели и средств становится понятие «грех ради блага»: преступления, совершаемые героями романов ради высшей цели, расцениваются как подвиг, мученичество. Евангельские слова «нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих» (Ин. 15, 13) трактуются как сознательное обречение души на адские муки ради блага ближних. Последовательно приписывая князьям Ивану Калите, Симеону и даже митр. Алексию мысль, что «погубление» души есть жертва, избавляющая страну от бедствий, романист отходит от воплощения свойственного эпохе православного сознания.

В этих же романах художественный мир Балашова утверждает идею невозможности святости (отождествляемой

с безгрешностью) в мирской жизни. Балашов отказывает в святости большинству канонизированных лиц описываемой эпохи, начиная со св. блгв. кн. Александра Невского. Из всех многообразных типов святости (благодарные князья и княгини, святители, мученики и т. п.) Балашов рассматривает в качестве подлинного лишь один — пустынножителство. Мессианский мотив связывает с фигурой прп. Сергия Радонежского, который противопоставлен всей «земле» как исключительный «спаситель». Однако осмысление его чудотворений как проявлений сверхчужденных способностей духовно тонкого человека, описание Божественной Литургии в контексте древней «магии посвящения», уравнивание таинства пресуществления с появлением стигматов у экстатически верующих («Похвала Сергию») порой оставляют болезненное ощущение у православного читателя.

Книги Балашова погружают читателя в огромный массив средневековой историко-философской мысли. В спорах героев, в рассуждениях автора сталкиваются, противостоят, накладываются друг на друга различные философские взгляды, богословские представления. Зачастую автор ведет спор-диалог с самим собой. Абсолютизация крайностей приводит к нередкому в книгах Балашова дуализму, противопоставлению «духа» и «плоти», сакрального и мирского. Отголоски еретических учений древности (зороастризм, гностицизм, манихейство) слышатся в рассуждениях о добре и зле как двух извечных первоначалах, борьба между которыми признается необходимой для поступательного развития человечества.

Однако в финальных романах цикла («Святая Русь», «Воля и власть») православное вероучение, присущее описываемому времени, раскрывается более глубоко и последовательно. На смену нешерковной философии приходят темы эсхатологические, размышления о вечности, о прожитой судьбе. Лейтмотивом последнего романа писателя становится мысль о милосердном и справедливом Суде Господнем, который рассудит все дела людей. Явственно звучит тема Промысла Божия, непостижимыми для современников путями проводящего страну и народ через историческое бытие.

Сочетая в себе талант художника и филолога, используя древнерусские грамматические формы, лексику, диалектизмы, Балашов превратил язык своих книг в тонкий инструмент для передачи духа и понятий эпохи средневековой Руси. Романами Балашова свойственны драматическая напряженность, экспрессия, кинематографичность сцен, панорамность авторского видения. Постоянно сменяют друг друга планы повествования: любовные томления, монашеские подвиги, захватывающие политические детективы, исторические экскурсы. И лирические описания российского пейзажа, и развернутые публицистические отступления согреты пронзительно-нежной любовью к «родимой земле».

В 1998 Балашов публикует историческую повесть «Деметрий из Херсонеса» (о временах Византийской империи), в 1999 — путевые очерки-раздумья «На “Седове” вокруг Европы», «Любовь» (о «Славянском ходе» по балканским странам, участником которого был Балашов) и рассказы.

В 1990-е публицистика Балашова обретает особую остроту. Балашов выступает со статьями в защиту национального достоинства русского народа, целостности Российской державы. Он резко обличает политику, предавших национальные интересы в послеперестроечную эпоху, и высказывает свой взгляд на острые вопросы современности (чеченская война, рыночная экономика и пр.). Анализ причин, поставивших Россию на грань исторического су-

ществования в канун третьего тысячелетия, конструктивная программа спасения государства от расчленения и гибели предложены Балашовым в итоговой работе «Заметки на полях истории», опубликованной посмертно.

Соч.: Собр. соч.: В 6 т. М., 1991—93; Похвала Сергию. М.; СПб., 1992; Святая Русь. М., 1997; Воля и власть // Роман-газета. 2000. № 5, 6; И нужна любовь // Личное мнение. М., 1990. Вып. 3; Кто мы и куда идем? // Писатель и время. М., 1991; Народ должен знать свою историю: Беседа с писателем // Слово. 1991. № 11; Союз равных народов: Национальный вопрос в СССР // Наш современник. 1991. № 7; Память учителя (Л. Н. Гумилев) // Там же. 1993. № 8; Жестокие игры патриотов // Завтра. 1995. № 11 (67); Любовь: Повести и рассказы // Роман-газета. 1999. № 3.

Лит.: Семанов С. О величии духа русского // Москва. 1973. № 10; Котенко С. Свой удел // Аврора. 1977. № 9; Бойко М. Выбор // Лит. обозрение. 1980. № 1; Бондаренко В. Стрела времени Дмитрия Балашова // Реальная литература. Двадцать лучших писателей России. М., 1996; Казинцев А. Чтобы не погасла свеча // Лит. обозрение. 1985. № 8; Рогощеников И. Без праздника и хлеб горек // Критика и время. Л., 1984; Личутин В. Бремя власти // Душа неизъяснимая. М., 1989; Любомудров А. Вечное в настоящем: Лит. исследования. М., 1990.

А. Любомудров

БАЛЛАДА, лиро-эпическое произведение с ярко выраженным сюжетом исторического или бытового характера. От *былины* она отличается меньшим размером, от *песни* — сюжетностью. Среди русских народных баллад есть такие известные песни-баллады, как «Ванька-ключник», «Сестра и братья-разбойники», «Конь и сокол», «Сокол и ворона», «Горе».

В русской книжной поэзии зачинателем баллады как жанра был В. Жуковский («Светлана», «Людмила»), вслед за которым образцы русских баллад дал А. Пушкин («Песнь о вещем Олеге»), а затем М. Лермонтов («Бородино», «Спор», «В избушке поздней порой»), И. Козлов, А. К. Толстой, В. Брюсов и др.

БАЛЬМОНТ Константин Дмитриевич (3[15].06.1867—23.12.1942), поэт, критик. Родился в д. Гумнищи Шуйского у. Владимирской губ. в дворянской семье. Учился в гимназии в г. Шуе. Отец поэта почти полвека прослужил в Шуйском уездном

суде и земстве. Мать слыла женщиной образованной. Позднее Бальмонт особенно отмечал влияние матери, которая ввела его в мир музыки, словесности, истории, языкознания. В 1886 Бальмонт поступил на юридический факультет Московского университета, но был исключен за участие в студенческом движении. Неоднократные попытки получить высшее образование не увенчались успехом, однако благодаря неутомимому трудолюбию и огромной любознательности Бальмонт стал одним из самых эрудированных и культурных людей своего времени. По свидетельству современников, он «ежегодно прочитывал целые библиотеки», кроме литературы и искусства, изучал историю, этнографию, химию и др. науки. Стихи начал писать в детстве.

Первая, скромно изданная на средства автора книжка «Сборник стихотворений» вышла в 1890 в Ярославле. Вторая — «Под северным небом» в 1894. В ней преобладали мотивы гражданской скорби и жертвенности — отзвук поэзии поздних народников. Вскоре Бальмонт выступает как один из зачинателей *символизма*.

В к. XIX — н. XX в. поэт выпустил сборники стихотворений «В безбрежности», «Тишина», «Горящие здания», «Будем как солнце». В десятилетие 1895—1905 Бальмонт был едва ли не самым известным среди русских поэтов. Поэзию Бальмонта отличают гибкость и музыкальность языка, искусная рифма. Поэтом «с утренней душой» называет его А. Блок. В статье «О лирике» (1907) он писал: «Когда слушаешь Бальмонта — всегда слушаешь весну. Никто не опутывает души таким светлым туманом, как Бальмонт. Никто не развеивает этого тумана таким свежим ветром, как Бальмонт. Никто до сих пор не равен ему в его “певучей силе”».

В 1907 в книге «Жар-птица. Свирель славянина» поэт разрабатывает фольклорные темы. Он ставит перед собой задачу: «по неполным страницам» русских народных заговоров, былин, языческих мифов воссоздать мир переживаний древних славян, утраченную городской цивилизацией гармонию народной души. Следом за этой книгой один за другим выходят сборники: «Птицы в воздухе» (1908), «Хоровод времен» (1908), «Зеленый вертоград» (1909).

Бальмонт совершил несколько кругосветных путешествий, описав их в очерковых прозаических книгах. Был захвачен революционными событиями 1905.

С к. 1905 жил за границей, получив возможность вернуться на родину лишь в 1913. Много переводил из поэзии Запада и Востока. Первым переложил на русский язык поэмы классика грузинской литературы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Свои взгляды на поэзию выразил в трактате «Поэзия как волшебство» (1915). В 1920 эмигрировал, жил, сильно нуждаясь, во Франции. Создал там цикл ярких стихотворений, полных тоски по России. Знаменательно его признание в одном из писем: «Я рад, что родился русским, и никем иным быть бы не хотел. Люблю Россию. Ничего для меня нет прекраснее и священнее ее».

Тоска по Родине обострял глущий интерес Бальмонта ко всему славянскому. В н. 30-х он побывал в Польше, Болгарии, Чехословакии, Сербии, увлеченно переводил стихи национальных поэтов. А в 1930 публикует свой стихотворный перевод «Слова о полку Игореве».

Последнюю свою книгу Бальмонт назвал «Светослужение» (1936—37).

В историю литературы Бальмонт вошел как один из видных поэтов символизма, с которым связан расцвет русской поэзии на рубеже XIX—XX столетий, ее «серебряный век».

Соч.: Полн. собр. стихотворений, т. 1—10. М., 1908—13; Стихотворения. Л., 1969; Три века русской поэзии / Сост. Банников. М., 1979; Избранное. М., 1983; Стозвучные песни. Сочинения / Вступ. ст. П. Куприяновский, Н. Молчанова. Ярославль, 1990.

С. Мариков

БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Дмитрий Николаевич (5[16].11.1778—25.1[6.02].1850), исторический писатель, сын историка Н. Н. Бантыш-Каменского. Родился в Москве. В 1800 помещен юнкером в Московский Архив иностранных дел. Тогда же обнаружил любовь к работам по архивным материалам. Перед 1810 был командирован в Сербию, проехал и занимался изучением юга России и лежащих по пути стран. После 1812 слушал лекции в Московском университете, но уже в 1814, когда умер отец, поступил на службу в

Коллегию иностранных дел и переехал в Петербург. Около того же времени ездил за границу и готовился идти по дипломатической части, тем более что был большим знатоком иностранных языков, но дела сложились так, что он был назначен сперва чиновником особых поручений, а потом правителем канцелярии военного губернатора Малороссии кн. Н. Г. Репнина (1816). Результатом предшествующего изучения источников в Архиве иностранных дел, пребывания в Малороссии и изучения материалов Архива

Малороссийской коллегии (в Чернигове), архива кн. Репнина и др. явилась известная «История Малой России от присоединения ее к российскому государству до отмены гетманства с общим введением, приложением материалов и портретами» (1822). В 1825 Бантыш-Каменский был назначен тобольским губернатором и проявил в этой должности большую энергию и добросовест-

ность, однако в 1828 попал безвинно после сенаторской ревизии под следствие и суд, тянувшийся до 1834. В то же время он пересматривает и дополняет свою «Историю Малой России» (2-е изд. 1830) и работает над «Словарем достопамятных людей русской земли...». В 1836 Бантыш-Каменский был назначен виленским губернатором, затем состоял членом совета Министерства внутренних дел и Департамента уделов, в 1841 пожалован в тайные советники. Бантыш-Каменский скончался в Петербурге, а погребен в Москве, в Донском монастыре. Из многочисленных сочинений Бантыш-Каменского важнейшие, кроме «Истории Малой России»: «Россиянин при гробе патриарха Гермогена». М., 1804; 2-е изд. испр. 1806; «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию». М., 1810; «Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Петра Великого». М., 1813; «Историческое собрание списков кавалерам четырех Российских Императорских орденов (Андрея Первозванного, св. Екатерины, Александра Невского и св. Анны) с приложением старых статуты и алфавита фамилиям упоминаемых кавалеров». М., 1814; «Княжна Мария Меншикова», роман без имени автора. М., 1833; «Жизнь Мазепы», с портретом. М., 1834; «Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, мужей государственных и проч.» в 5 ч. М., 1836. Дополнение 3 ч. издано в 1847; «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов», 4 ч. СПб., 1840—41. Кроме перечисленных трудов Бантыш-Каменского, некоторые отдельные его брошюры (об Н. Н. Бантыш-Каменском, преосвящ. Амвросии, архиепископе Московском) вошли позже в «Словарь».

БАРАТЫНСКИЙ Евгений Абрамович (19.02[2.03].1800—29.06[11.07].1844), поэт. Родился в с. Вежле Тамбовской губ. Кирсановского у. и был сыном генерал-адъютанта А. А. Баратынского и фрейлины А. Ф. Баратынской, урожд. Черепановой. В детстве у Баратынского дядькой был итальянец Боргезе, и мальчик рано ознакомился с итальянским языком; вполне овладел он также французским, принятым в доме Баратынских, и лет восьми уже писал по-

французски письма. В 1808 Баратынского отвезли в Петербург и отдали в частный немецкий пансион, где он выучился немецкому языку. В 1810 умер отец Баратынского, и его воспитанием занялась мать, женщина образованная и умная. Из немецкого пансиона Баратынский перешел в Пажеский корпус, но пробыл там недолго. Сблизившись с некоторыми товарищами, Баратынский участвовал в серьезных шалостях, из которых одна, граничившая с преступлением (кража), повела к исключению его из корпуса, с воспрещением поступать на какую бы то ни было государственную службу, кроме военной — рядовым. Это происшествие сильно подействовало на юношу, которому было тогда лет 15; он признавался позднее, что в ту пору «сто раз был готов лишиться себя жизни». Бесспорно, позор, пережитый поэтом, оказал влияние на выработку пессимистического его мирозерцания. Но было бы ошибкой придавать случайному событию слишком большое значение в духовной жизни Баратынского. Из его детских и юношеских писем видно, что он духовно созрел очень рано и с первых лет сознательной жизни уже был склонен смотреть на весь мир сквозь мрачное стекло. 8-летним ребенком, из пансиона, он писал матери о своих школьных товарищах: «Я надеялся найти дружбу, но нашел только холодную и аффектированную вежливость, дружбу небескорыстную: все были моими друзьями, когда у меня было яблоко или что-нибудь иное». 11 лет он писал: «Не лучше ли быть счастливым невеждою, чем несчастным мудрецом? Отказываясь от того, что есть в науках хорошего, но избавляемся ли мы и от утонченных пороков?» Утешая мать, после смерти бабушки, Баратынский в 1814 рассудительно замечал: «Я понимаю вашу скорбь, но подумайте, дорогая мамаша, что это — закон природы. Мы все родимся затем, чтобы умереть, и, на несколько часов раньше или позже, всем придется покинуть тот ничтожный атом грезы, что называется землей!» Из Пажеского корпуса, еще до обнаружения печальной истории, он писал матери: «Существует ли такое прибежище в мире, кроме пределов океана, где жизнь человеческая не была бы подвержена тысячам несчастий, где смерть не похищала бы сына у матери, отца, сестру? Повсюду самое слабое веяние может разрушить тот бранный состав, что мы называем нашим существованием». Конечно, все эти рассуждения были почерпнуты Баратынским из книг, т. к. он читал охотно и много, но характерно, что именно такие мысли привлекали внимание мальчика и юноши. В те же годы юный *Луикин*, на лицейской скамье, зачитывался Анакреонтом и легкомысленными французскими поэтами XVIII в. Покинув Пажеский корпус, Баратынский несколько лет жил частью с матерью в Тамбовской губ., частью у дяди, брата отца, адмирала Б. А. Баратынского, в Смоленской губ., в сельце Подвойском. Из школы Баратынский вынес некоторое знание математики, к которой у него были большие способности и которую он не переставал интересоваться до последних лет жизни. Живя в деревне, Баратынский начал писать стихи. Раньше, подобно мн. др. людям того времени, он охотно писал французские куплеты, не придавая тому ни-

французски письма. В 1808 Баратынского отвезли в Петербург и отдали в частный немецкий пансион, где он выучился немецкому языку. В 1810 умер отец Баратынского, и его воспитанием занялась мать, женщина образованная и умная. Из немецкого пансиона Баратынский перешел в Пажеский корпус, но пробыл там недолго. Сблизившись с некоторыми товарищами, Баратынский участвовал в серьезных шалостях, из которых одна, граничившая с преступлением (кража), повела к исключению его из корпуса, с воспрещением поступать на какую бы то ни было государственную службу, кроме военной — рядовым. Это происшествие сильно подействовало на юношу, которому было тогда лет 15; он признавался позднее, что в ту пору «сто раз был готов лишиться себя жизни». Бесспорно, позор, пережитый поэтом, оказал влияние на выработку пессимистического его мирозерцания. Но было бы ошибкой придавать случайному событию слишком большое значение в духовной жизни Баратынского. Из его детских и юношеских писем видно, что он духовно созрел очень рано и с первых лет сознательной жизни уже был склонен смотреть на весь мир сквозь мрачное стекло. 8-летним ребенком, из пансиона, он писал матери о своих школьных товарищах: «Я надеялся найти дружбу, но нашел только холодную и аффектированную вежливость, дружбу небескорыстную: все были моими друзьями, когда у меня было яблоко или что-нибудь иное». 11 лет он писал: «Не лучше ли быть счастливым невеждою, чем несчастным мудрецом? Отказываясь от того, что есть в науках хорошего, но избавляемся ли мы и от утонченных пороков?» Утешая мать, после смерти бабушки, Баратынский в 1814 рассудительно замечал: «Я понимаю вашу скорбь, но подумайте, дорогая мамаша, что это — закон природы. Мы все родимся затем, чтобы умереть, и, на несколько часов раньше или позже, всем придется покинуть тот ничтожный атом грезы, что называется землей!» Из Пажеского корпуса, еще до обнаружения печальной истории, он писал матери: «Существует ли такое прибежище в мире, кроме пределов океана, где жизнь человеческая не была бы подвержена тысячам несчастий, где смерть не похищала бы сына у матери, отца, сестру? Повсюду самое слабое веяние может разрушить тот бранный состав, что мы называем нашим существованием». Конечно, все эти рассуждения были почерпнуты Баратынским из книг, т. к. он читал охотно и много, но характерно, что именно такие мысли привлекали внимание мальчика и юноши. В те же годы юный *Луикин*, на лицейской скамье, зачитывался Анакреонтом и легкомысленными французскими поэтами XVIII в. Покинув Пажеский корпус, Баратынский несколько лет жил частью с матерью в Тамбовской губ., частью у дяди, брата отца, адмирала Б. А. Баратынского, в Смоленской губ., в сельце Подвойском. Из школы Баратынский вынес некоторое знание математики, к которой у него были большие способности и которую он не переставал интересоваться до последних лет жизни. Живя в деревне, Баратынский начал писать стихи. Раньше, подобно мн. др. людям того времени, он охотно писал французские куплеты, не придавая тому ни-

какого значения. От 1817 до нас дошли уже русские стихи Баратынского, впрочем, весьма слабые. Но уже в 1819 Баратынский вполне овладел техникой, и его стих стал приобретать то «необщее выражение», которое впоследствии он сам признавал главным достоинством своей поэзии. В деревне дяди Баратынский нашел небольшое общество молодежи, которая старалась жить весело, и он был увлечен в ее забавы. «Мы здесь проводим время приятно, все поют, смеются», — писал он матери. Но это не мешало ему добавлять: «О счастья много спорим, но эти споры напоминают споры нищих, рассуждающих о философском камне», и вновь говорит о «мраке, нашем общем отце». В 1819 Баратынский, по совету родных, поступил рядовым в гвардейский Егерский полк в Петербурге. В это время интерес Баратынского к литературе настолько определился, что он стал искать знакомства с писателями. Он показал свои стихи *Дельвигу*, которого они заинтересовали и который познакомил его с *Жуковским*, *Плетневым*, *Кюхельбекером* и *Пушкиным*. Влиянию Дельвига надо приписать, что Баратынский серьезно стал относиться к своей поэзии и в «служении Музам» увидел новую для себя цель жизни. «Ты дух мой оживил надеждою возвышенной и новой», — писал он позднее Дельвигу. В 1819 благодаря содействию Дельвига стихи Баратынского появились впервые и в печати. В следующем, 1820, Баратынский был произведен в унтер-офицеры и переведен в Нейшлотский полк, расположенный в Финляндии, в укреплении Кюмени и его окрестностях. Пятилетнее пребывание в Финляндии оставило глубочайшее впечатление в Баратынском и ярко отразилось на его поэзии. Впечатлениям от «сурового края» обязан он несколькими лучшими своими лирическими стихотворениями («Финляндия», «Водопад») и прекрасной поэмой «Эда». Первоначально Баратынский вел в Финляндии жизнь очень уединенную, «тихую, спокойную, размеренную». Все общество его ограничивалось двумя-тремя офицерами, которых он встречал у полкового командира, полковника *Лутковского*, старинного друга семьи Баратынских и их соседа по имени, который принял к себе в дом юного унтер-офицера. Впоследствии Баратынский сблизился с *Н. В. Путятой* и *А. И. Мухановым*, адъютантами финляндского генерал-губернатора *А. А. Закревского*. Дружба его с *Путятой* сохранилась на всю их жизнь. *Путята* описал внешний облик Баратынского, каким он его увидел в первый раз: «Он был худощав, бледен, и черты его выражали глубокое уныние». Осенью 1824, благодаря ходатайству *Путяты*, Баратынский получил разрешение приехать в Гельсингфорс и состоять при корпусном штабе генерала *Закревского*. В Гельсингфорсе Баратынского ожидала жизнь шумная и беспокойная. К этому периоду его жизни относится начало его увлечения *А. Ф. Закревской* (женой генерала *А. А. Закревского*), той самой, которую *Пушкин* назвал «беззаконной кометой в кругу расчисленного светил» и к которой редко кто приближался без того, чтобы поддаться очарованию ее своеобразной личности. Эта любовь принесла Баратынскому немало мучительных переживаний, отразившихся в таких его стихотворениях, как «Мне с упоением заметным», «Фея», «Нет, обманула вас молва», «Оправдание», «Мы пьем в любви отраву сладкую», «Я безрассуден, и не диво», «Как много ты в немного дней». Впрочем, у Баратынского страсть всегда уживалась с холодной рассудительностью, и не случайно он одинаково любил математику и поэзию. В одном стихотворении (правда, заимствованном у *Парни*) он, напр., дает совет: «близ любезной укротим желаний

пылких нетерпенья», потому что «мы ими счастию вредим и сокращаем наслажденье». А в письме к *Путяте* Баратынский пишет прямо: «Спешу к ней. Ты будешь подозревать, что я несколько увлечен: несколько, правда; но я надеюсь, что первые часы уединения возвратят мне рассудок. Напишу несколько элегий и засну спокойно». Надо, однако, добавить, что сам Баратынский тут же писал: «Какой несчастный плод преждевременной опытности — сердце, жадное страсти, но уже неспособное предаваться одной постоянной страсти и теряющееся в толпе беспредельных желаний! Таково положение М. и мое». Из Гельсингфорса Баратынский должен был вернуться к полку в Кюмень, и туда весной 1825 *Путята* привез ему приказ о производстве его в офицеры. По словам *Путяты*, это Баратынского «очень обрадовало и оживило». Вскоре после того Нейшлотский полк был назначен в Петербург держать караулы. В Петербурге Баратынский возобновил свои литературные знакомства. Осенью того же года Баратынский возвратился с полком в Кюмень, затем вышел в отставку и переехал в Москву. «Судьбой наложенные цепи упали с рук моих», — писал он по этому поводу. В Москве, 9 июня 1825, Баратынский женился на *Настасье Львовне Энгельгардт*; тогда же он поступил на службу в Межевую канцелярию, но скоро вышел в отставку. Еще до женитьбы, из Москвы Баратынский писал *Путяте*: «В Финляндии я пережил все, что было живого в моем сердце. Ее живописные, хотя угрюмые горы походили на прежнюю судьбу мою, также угрюмую, но, по крайней мере, довольно обильную в отличительных красках. Судьба, которую я предвижу, будет подобна русским однообразным равнинам...». В значительной степени Баратынский оказался прав, и его жизнь после 1826 становится однообразной. Его жена не была красива, но отличалась умом ярким и тонким вкусом. Ее спокойный характер причинял много страданий самому Баратынскому и повлиял на то, что многие его друзья от него отделились. В мирной семейной жизни постепенно сгладилось в Баратынском все, что было в нем буйного, мятежного; он сознавался сам: «Весельчакам я запер дверь, я пресыщен их буйным счастьем, и заменил его теперь пристойным, тихим сладострастьем». Только из немногих стихотворных признаний Баратынского мы узнаем, что не всегда он мог силой своего разума победить свои страсти. По стихотворениям 1835 мы видим, что в эту пору он пережил какую-то новую любовь, которую называет «омрачением души болезненной своей». Иногда он пытается убедить себя, что остался прежним, восклицая: «Свой бокал я наливаю, наливаю, как наливал!» Замечательно, наконец, стихотворение «Бокал», в котором Баратынский рассказывает о тех «оргиях», которые он устраивал наедине с самим собой, когда вино вновь будило в нем «откровенья преисподней». Внешняя его жизнь проходила без видимых потрясений. Он жил то в Москве, то в своем имении, в сельце *Мураново* (неподалеку от *Талиц*, близ *Троицко-Сергиевой лавры*), то в *Казани*, много занимался хозяйством, ездил иногда в Петербург, где в 1839 познакомился с *Лермонтовым*, в обществе был ценен как интересный и иногда блестящий собеседник и в тиши работал над своими стихами, придя окончательно к убеждению, что «в свете нет ничего дельнее поэзии». Проводя много времени в Москве, Баратынский сошелся здесь с кружком московских писателей, с *И. В. Киреевским*, *Языковым*, *Хомяковым*, *Соболевским*, *Павловым*. Известность Баратынского как поэта началась после издания в 1826 его поэм «Эда» и «Пирры» (одной книжкой, с любопытным

предисловием автора) и в 1827 первого собрания лирических стихотворений. В 1828 появилась поэма «Бал» (вместе с «Графом Нулиным» Пушкина), в 1831 — «Наложница» («Цыганка»), в 1835 — второе издание мелких стихотворений (в двух частях), с портретом. Современная критика отнеслась к стихам Баратынского довольно поверхностно, и литературные неприятели кружка Пушкина (журнал «Благонамеренный» и др.) довольно усердно нападали на его будто бы преувеличенный «романтизм». Но авторитет самого Пушкина, высоко ценившего дарование Баратынского, был все же так высок, что, несмотря на эти голоса критиков, Баратынский был общим молчаливым согласием признан одним из лучших поэтов своего времени и стал желанным автором всех лучших журналов и альманахов. Но Баратынский писал мало, долго работал над своими стихами и часто коренным образом переделывал уже напечатанное. Будучи истинным поэтом, он вовсе не был литератором; для того чтобы писать что-либо, кроме стихов, ему нужна была внешняя причина. Так, напр., по дружбе к юному А. Н. Муравьеву он написал прекрасный разбор сборника его стихов «Таврида», доказав, что мог бы стать интереснейшим критиком. Затронутый критикой своей поэмы «Наложница», он написал «антикритику», несколько сухую, но в которой есть весьма замечательные мысли о поэзии и искусстве вообще. Когда в 1831 И. В. Киреевский, с которым Баратынский сошелся близко, предпринял издание «Европейца», Баратынский стал писать для него прозой, написав, между прочим, рассказ «Перстень» и готовясь вести в нем полемику с журналами. Когда «Европеец» был запрещен, Баратынский писал Киреевскому: «Я вместе с тобой лишился сильного побуждения к трудам словесным». Все люди, лично знавшие Баратынского, говорили, что его статьи далеко не вполне «высказывают» тот мир изящного, который он носил в глубине души своей». «Излив свою душевную мысль в драгоценном разговоре, живом, разнообразном, невероятно увлекательном, исполненном счастливых слов и многозначительных мыслей... Баратынский часто довольствовался живым сочувствием своего близкого круга, менее заботясь о возможно далеких читателях». Так, в сохранившихся письмах Баратынского рассыпано немало острых критических замечаний о современных ему писателях, — отзывов, которые он никогда не пытался сделать достойным печати. Очень любопытны, между прочим, замечания Баратынского о различных произведениях Пушкина, к которому он, когда писал с полной откровенностью, далеко не всегда относился справедливо. Баратынский, конечно, сознавал величие Пушкина, в письме к нему лично льстиво предлагал ему «возвести русскую поэзию на ту степень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами», но никогда не упускал случая отметить то, что почитал у Пушкина слабым и несовершенным (см., напр., отзывы Баратынского о «Евгении Онегине» и пушкинских сказках в письмах к Киреевскому). Позднейшая критика прямо обвиняла Баратынского в зависти к Пушкину и высказывала предположение, что Сальери Пушкин списал с Баратынского. Есть основание думать, что в стихотворении «Осень» Баратынский имел в виду Пушкина, когда говорил о «буйственно несущемся урагане», которому все в природе откликается, сравнивая с ним «глас, пошлый глас, вешатель общих дум», и в противоположность этому «вешателю общих дум» указывал, что «не найдет отзыва тот глагол, что страстное земное перешел». Известие о смерти Пушкина застало Баратынского в

Москве именно в те дни, когда он работал над «Осенью». Баратынский бросил стихотворение, и оно осталось незавершенным. В 1842 Баратынский, в то время уже «звезда разрозненной плеяды», издал тоненький сборник своих новых стихов «Сумерки», посвященный кн. П. А. Вяземскому. Это издание доставило Баратынскому немало огорчений. Его обидел вообще тон критиков этой книжки, но особенно статья Белинского. Белинскому показалось, что Баратынский в своих стихах восстал против науки, против просвещения. Конечно, то было недоразумение. Так, напр., в стихотворении «Пока человек естества не пытал» Баратынский только развивал мысль своего юношеского письма: «Не лучше ль быть счастливым невеждою, чем несчастным мудрецом». В поэме «Последний поэт» он протестовал против того материалистического направления, какое начинало определяться тогда (к. 30-х и н. 40-х) в европейском обществе и будущее развитие которого Баратынский прозорливо угадал. Он протестовал против исключительного стремления к «насущному и полезному», а никак не против познания вообще, интересы которого именно Баратынскому были всегда близки и дороги. Баратынский не стал возражать на критику Белинского, но памятником его настроения той поры осталось замечательное стихотворение «На посеве леса». Баратынский говорит в нем, что он «летел душой к новым племенам» (т. е. к молодым поколениям), что он «всех чувств благих подавал им голос», но не получил от них ответа. Едва ли не прямо Белинского имеют в виду слова, что тот, «кого измял души моей порыв, тот вызвать мог меня на бой кровавый» (т. е. тот мог стремиться опровергнуть именно мои, Баратынского, идеи, не подменяя их мнимой враждой к науке); но, по мнению Баратынского, этот противник предпочел «изрыть под ним сокрытый ров» (т. е. бороться с ним несправедливыми путями). Баратынский даже заканчивает стихи угрозой вовсе после того отказаться от поэзии. «Отвергнул струны я», — говорит он. Но такие обеты, если и даются поэтами, не исполняются ими никогда. Осенью 1843 Баратынский осуществил свое давнее желание — предпринял путешествие за границу. Зимние месяцы 1843—44 он провел в Париже, где познакомился со многими французскими писателями (А. де Виньи, Мери-ме, оба Тьерри, М. Шевалье, Ламартин, Ш. Нодье и др.). Чтобы познакомить французов со своей поэзией, Баратынский перевел несколько своих стихотворений на французский язык. Весной 1844 Баратынский отправился через Марсель морем в Неаполь. Перед отъездом из Парижа Баратынский чувствовал себя нездоровым, и врачи предостерегали его от влияния знойного климата южной Италии. Едва Баратынские прибыли в Неаполь, как с Н. Л. Баратынской сделался один из тех болезненных припадков (вероятно, нервных), которые причиняли столько беспокойства ее мужу и всем окружающим. Это так подействовало на Баратынского, что у него внезапно усилились головные боли, которыми он часто страдал, и на другой день он скоропостижно скончался.

Особенности поэзии Баратынского лучше определил Пушкин, сказав: «Он у нас оригинален — ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правдиво и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко». «Поэзия мысли» — вот, действительно, самое общее определение, которое можно дать поэзии Баратынского. Сам он даже считал это свойство отличительной чертой поэзии вообще, жалуясь: «Все мысль да мысль, художник бедный слова!» В своих ранних стихах Баратын-

ский развивает то пессимистическое мирозерцание, которое сложилось у него с детских лет. Его основное положение, что «в сей жизни» нельзя найти «блаженство прямое»: «небесные боги не делятся им с земными детьми Прометея». Согласно с этим в жизни Баратынский видит две доли: «или надежду и волнение (т. е. мучительные беспокойства), или безнадежность и покой» (успокоение). Поэтому Истина предлагает ему научить его, страстного, «отрадному бесстрастью». Поэтому же он пишет гимн смерти, называет ее также «отрадной», признает бесчувствие мертвых «блаженным» и прославляет, наконец, «Последнюю смерть», которая успокоит все бытие. Развивая эти идеи, Баратынский постепенно пришел к выводу о равноценности всех проявлений земной жизни. Ему начинает казаться, что не только «и веселью и печали» дали боги «одинакие крыле» (двойственное число = крылья), но что равноправны добро и зло. Последнее выражено им в стихотворении «Благословен святое возвестивший», где этому возвестителю святого противопоставляется «какой-нибудь неправедный» (т. е. человек), обнажающий перед нами изгиб сердец людских, ибо «две области, сияния и тьмы, исследовать равно стремимся мы». Эти мысли выражены в стихах второго периода деятельности Баратынского и в его замечательных поэмах. Характерно, что герои поэм Баратынского — почти исключительно люди «падшие»; такова «добренькая Эда», отдавшаяся соблазнительно-офицеру; такова Нина («Бал»), переходившая от одного любовника к другому; таков Елецкий («Цыганка»), составивший себе «несчастный кодекс развратных, своеобразных правил», и особенно его подруга «наложница»-цыганка. Найти искры живой души в падших, показать, что они способны на благородные чувства, сделать привлекательными для читателя, — такова задача, которую ставил себе Баратынский в своих поэмах. Последний период деятельности Баратынского характеризуется его обращением к вере. Еще в одном из ранних стихотворений, в полном согласии со своим мировоззрением, он восклицал: «О человек! уверься, наконец, не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!» Но если «всезнанье» недоступно, стоит ли искать «полу-знанья»? Из этого вопроса возникает у Баратынского скептическое отношение к человеческим истинам; ему начинает казаться, что явления юдольного мира уже «все ведомы», что вся человеческая мудрость может открыть лишь то, что давно заключено в «точном смысле народной поговорки». Такой круг идей привел Баратынского к «оправданию Промысла»; он учит, что в нашей жизни лишь тот «невредим», кто пятой оперся «на живую веру»; он пишет молитву, в которой молит Бога подать ему силы на его «строгий рай»; наконец, в одном из последних стихотворений, записанных во время переезда из Марселя в Неаполь, многозначительно замечает: «Много мятежных решил я вопросов, прежде чем руки марсельских матросов подняли якорь, надежды символ». Однако нам не пришлось узнать, чем разрешилось бы для Баратынского это «последнее вихреврашенье» дум и чувств; неожиданная смерть не дала ему довершить полного развития его поэзии. Язык Баратынского не прост, он любит странные выражения, охотно употребляет славянизмы и неологизмы в архаическом духе, т. ч. о значении иных выражений Баратынского приходится догадываться («внутренней своей вовеки ты не передашь земному звуку», т. е. словами не расскажешь глубин души; поэт — «часть на пире неосязаемых властей», т. е. в мире мечты, и т. п.). Тон Баратынского почти всегда приподнят, иногда высокопарен. Особенное затруднение представляет то причудливое расположение слов, которое почему-то нравилось Баратын-

скому (он писал, напр.: «Предрассудок — он обломок древней правды, храм упал, но руин его потомок языка не разгадал», т. е. потомок не разгадал языка его руин). Наконец, затрудняет и та краткость, тот крайний лаконизм речи, к которому стремился Баратынский (он говорит, напр., о небесах «беспредельных, скорби тесных»). Однако если освоиться с этими особенностями поэзии Баратынского, если внимательно вникнуть в склад его речи, открывается меткость его выражений, точность его эпитетов, энергия его сжатых фраз. У Баратынского мало стихотворений, пленяющих музыкой стиха; чтобы оценить его музу, надо его стихи не только почувствовать, но и понять; к его поэзии применимо то, что кн. П. А. Вяземский сказал о нем как о личности: «Нужно допрашивать, так сказать, буравить этот подспудный родник, чтобы добыть из него чистую и светлую струю».

Соч.: Стихотворения. М., 1827; Стихотворения, ч. 1—2. М., 1835; Сумерки. М., 1842; Соч. 4-е изд., Казань, 1884 (сюда вошли проза и мн. письма поэта); Полн. собр. соч. / Под ред. и с примеч. М. Л. Гофмана. Т. 1—2. СПб., 1914—15; Полн. собр. стихотворений. / Ред., коммент. и биогр. статьи Е. Куприяновой и И. Медведевой. Т. 1—2. Л., 1936; Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма / Вступ. ст. К. Пигарева. М., 1951; Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. Н. Куприяновой, 2-е изд., Л., 1957; Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899 (здесь опубл. письма Баратынского и его детские стихи); Стихотворения. Поэмы. М., 1982.

В. Брюсов

БАРВИНОК Ганна (псевд.; наст. имя — **Белозерская-Кулиш Александра Михайловна**) (23.04[5.05].1828—20.06[6.07].1911), малороссийская писательница. Родилась на хуторе Мотроновке, под Борзною, Черниговской губ. В аристократическом доме Белозерских строго соблюдали народные обычаи и пользовались народным языком, и поэтому маленькая Леся, как звали дома Барвинок, с первых же лет своей жизни узнала и свой народ и свой родной язык. Первым учителем Барвинок был крепостной слуга, отличавшийся строгостью и считавший розгу необходимым условием успешности занятий, но когда мать Барвинок узнала о педагогических приемах учителя своей дочери, то она положила этому конец и сама стала руководить ее образованием. Когда Барвинок было 7 лет, она лишилась отца, и мать ее, имевшая на руках 8 человек детей и все хозяйство, отправила ее к своей приятельнице О. И. Козиковой: здесь прожила Леся до 12 лет, обучалась вместе с детьми Козиковой, и здесь же ознакомилась она с малороссийскими народными песнями и с произведениями *Котляревского*, *Гулак-Артемовского* и *В. Забелы*. На 13-м году, по смерти О. И. Козиковой, Барвинок вернулась домой к матери, которой стала деятельно помогать по хозяйству; хозяйственные заботы дали возможность ей ближе ознакомиться с народом, быт которого она впоследствии воспроизвела в своих повестях. По всей вероятности, у своего родственника Тимковского она познакомилась с *П. А. Кулишем*, мужем за которого вышла 22 янв. 1847, причем шафером у нее был *Т. Шевченко*. С этого времени жизнь Барвинок тесно была связана с жизнью П. А. Кулиша, с которым она делила до самой его смерти все радости и огорчения.

На литературное поприще Барвинок вступила сравнительно поздно, и, говорят, побудил ее к этому пример Марии Маркович (*Марко Вовчок*). Первыми литературными трудами ее были повести: «Лихо не без добра» и «В осени лето», напечатанные под псевд. Ганны Барвинок в альма-

нахе «Хата» в 1860. В 1861 появились под псевд. А. Нечуй-ветер три новых ее повести: 1) «Сиритський жаль», 2) «Не було з малку, не буде й до 'станку» и 3) «Хатне лихо», а в 1862 под тем же псевдонимом Барвинок напечатала в той же «Основе» повесть «Наш дид и пип». Затем под псевдонимом Ганна Барвинок ею были напечатаны следующие повести: «Домонтар» («Правда», Львов, 1869), «Трудящий шукае доле, а доля шукае трудящего», «Чорт у крпацтве» (обе в альманахе «Руська Хата», 1877), «Квитки с слъозами, слъозы з квитками» («Рада», Киев, 1884), «Перемога!», «Жиноче бидуванне» (обе в издании «Перший винок», Львов, 1887), «Пьяныця» («Складка». Альманах. Харьков, 1887), «Вирна пара» (иллюстр. календ. товарищества «Просвета» на 1886) и «Подожна пара» («Дзвоник», Львов, 1890). Кроме того, Барвинок написала шесть этнографического характера рассказов на великорусском языке: «С Волыни» (1861); «С дороги» (1861); «Жизнь в одном селе» (1862); «Молотники» (1888); «Половинщик» (1888) и «Русалка» (1889).

В повестях «Не було з малку, не буде й до 'станку» Ганна Барвинок подражала М. Маркович, более самостоятельной является она в повести «Домонтар», где изображена тихая домашняя жизнь. Лучше удавались Барвинок те повести, в основу которых крала она народный рассказ, каковы, напр., «Трудящий шукае доле, а доля шукае трудящего», «Чорт у крпацтве», «Пьяныця», «Перемога!», «Жиноче бидуванне». Некоторые критики считают выдающейся повестью «Верна пара», но существенным ее недостатком является ее неправдоподобность; гораздо выше стоит повесть «Перемога!», в основу которой положены слова песни: «Батько милый, маты мила, дружина милійшы». Хорошо написаны также ее рассказы на великорусском языке, а в одном из них — «Жизнь в одном селе» немало и автобиографического материала.

БАРВИНСКИЙ Александр (1847 — после 1804), политический деятель и публицист русского народа Галиции. Родился в Шляхтинцах, где отец его Григорий был священником. Всех детей у о. Григория было 8 — 5 сыновей и 3 дочери, и хотя вся семья жила чрезвычайно дружно, но особенно близок Барвинский был со старшим братом Осипом и с младшим — Владимиром. Эта дружба, основанная на единстве мировоззрения, определила характер деятельности всех трех братьев и покрыла их имена славой борцов за свой народ.

Первоначальное образование Барвинский получил в шляхтинцевской народной школе, откуда впоследствии перешел в тарнопольскую гимназию. В Тарнополе жил он вместе с братьями Осипом и Владимиром, и охотно просяживали они дома вечера, слушая малороссийские сказки и песни от наймишки, которую дал им отец в прислуги; благодаря этому братья, учаь в немецкой гимназии, не чувствовали себя оторванными от народа. В то время школьная русская молодежь жила идеями *Т. Шевченко*; далеко за городом, в тихой, уединенной хате начала собираться она громадою и переживала прошлое родной Малороссии: там молодые люди пели свои народные песни и думы, там вспоминали они об исторических событиях далекого прошлого, о временах казачества и гетманщины.

По окончании тарнопольской гимназии Барвинский поступил на философский факультет Львовского университета, где кончил курс в 1868 и тотчас же получил место в Брезнах; в 1871 он был назначен ст. преподавателем педагогики в Тарнополе, откуда в 1888 был перемещен во Львов. Первый свой труд — «Гуня и Острияница» поместил

в «Правде»; вскоре после этого он издал в трех частях хрестоматию новой малороссийской литературы для высшей гимназии. С 1879 принимает деятельное участие в газете «Реформа», где им был помещен ряд статей о внутренней жизни Галицкой Руси, гл. обр. он касался здесь отношений русских к полякам и правительству. Статьи эти сразу выдвинули его и сделали его имя громким и популярным. С этого времени Барвинский участник всех предприятий, которыми отмечена эпоха 80-х, так, он был одним из основателей газеты «Дело», в которой им было помещено много статей, в т. ч. «Гадки Подолянина», «Реформа народных шкил», «Огляд словесной праці Русинів австрійських», «Организація суспільної праці русинів», «Путешествие по Малороссии» и мн. др. С 1886 начала выходить в Тарнополе «Исторична бібліотека руска», содержащая переводы с русского и польского наиболее крупных исторических трудов, касающихся малороссийского народа. Барвинский издал здесь свой перевод костомаровской «Русской истории в биографиях». Принимал также деятельное участие Барвинский и в основании товарищества «Просвіта», для которого он составил несколько популярных книжек; таковы, напр., «Споминки про житте и діяльність Володимира Барвинського», «Старопопийське братство», «Убоге и богате село», «Исторія Руси» и др. Нельзя также не упомянуть крупного труда Барвинского «Літопись суспільної роботи и сили русинів».

БАРКОВ Иван Семенович (по др. данным Степанович) (ок. 1732—1768), поэт и переводчик. Родился в семье священника; был принят в число студентов академического университета. Учился Барков хорошо, в поведении был, как выразился один из академиков, «средних обычаев, но больше склонен к худым делам», пьянствовал и скандалил, за что, после ряда столкновений с полицией, был в 1751 исключен из университета и определен в академическую типографию учиться наборному делу, но в то же время прилежно продолжал учиться «российскому штилю» и новым языкам. В 1753

Барков был определен в академическую канцелярию писцом; потом был корректором и переводчиком.

Литературное искусство Баркова делится на две части — печатную и непечатную. К первой относятся «Житие князя А. Д. Кантемира», приложенное к изданию его «Сатир» (1762), ода «На всераспный день рождения» Петра III, «Сокращение универсальной истории Гельберга» (с 1766 несколько изданий). Стихами Барков перевел с итальянского «драму на музыку» «Мир Героев» (1762), «Книга Горация Флакка Сатиры или Беседы» (1763) и «Федра, Августа отпустиши, нравоучительные басни», с приложением двустийши Дионисия Катона «О благонаравии» (1764). По свидетельству Штелина, Барков начал переводить Фенелонова «Телемака» стихами. Барков мастерски владел стихом; это особенно видно по второй, непечатной части его литературной деятельности, которая одна и сохранила его имя от забвения. Уже в н. 1750-х, как рассказывает Штелин, стали ходить по рукам «остроумные и колкие сатиры, написанные прекрасными стихами, на

глупости новейших русских поэтов». *Н. И. Новиков* сообщает, что «сей человек, острый и отважный», написал «множество целых и мелких стихотворений в честь Вакха и Афродиты, к чему веселый его нрав и беспечность много содействовали». Степенный *Карамзин* называет Баркова «русским Скарроном», а *Бантыш-Каменский* сравнивает его с Пироном. В его здоровой и грубой (нет возможности привести даже заглавия стихотворений Баркова) порнографии нигде не чувствуется острого и заманчивого соблазна; она отражает дикий, но здоровый быт. Барков был сквернослов, какого не знает ни одна литература, но было бы ошибкой сводить его порнографию исключительно к словесной грязи. Опережая на много лет свою эпоху стихотворной техникой и литературным вкусом, Барков сознательно издевался над обветшалыми чужеземными традициями *оды* и *трагедии* и, отравляя своими веселыми и меткими пародиями жизнь «российскому Вольтеру» и «северному Расину» — *Сумарокову*, распространял в обществе семя критического отношения к старым литературным формам. Наблюдательный и задорный, Барков стал первым русским литературным пародистом. Несмотря на горькую, нищенскую и пьяную жизнь, юмор Баркова заразительно весел. Барков вполне народен и по языку, и по раскрывающемуся в его произведениях быту. Ему нельзя отказать в некоторой роли в истории русской литературы не только как талантливому юмористу и литературному пересмешнику, но и как выразителю своеобразной психологической черты народности. В Имперской публичной библиотеке хранится рукопись, относящаяся к к. XVIII или н. XIX в., под названием «Девическая игрушка, или собрание сочинений г. Баркова», но в ней рядом с несомненными стихами Баркова есть немало произведений др., безвестных авторов.

Распространенная легенда сообщает, что Барков умер от побоев в публичном доме и перед смертью успел произнести с горькой иронией: «жил грешно и умер смешно».

Соч.: Сочинения и переводы 1762—64. СПб., 1872.

БАРСКИЙ Василий Григорьевич (ГРИГОРОВИЧ — ПЛАКА — АЛЬБОВ) (1701—[7]18].10.1747), писатель-паломник. Родился в семье мелкого торговца. Учился в Киево-Могилянской академии. В 1724 предпринял многолетнее путешествие, посетил Италию, Грецию, Палестину, Сирию, Аравию, Египет. Вел подробные путевые записки (с многочисленными зарисовками), содержащие значительный исторический, географический и этнографический материал. Эти записки (4 тома) пользовались большой популярностью, распространялись в рукописных списках, 7 раз издавались.

Соч.: Странствования В. Г. Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 (изд. под ред. Н. Барсукова), ч. 1—4. СПб., 1885—87.

Лит.: Барсуков Н. Жизнь и труды В. Г. Барского. СПб., 1885.

БАРСОВ Антон Алексеевич (1[12].03.1730—21.12. 1791[1.01. 1792]), филолог, писатель. В 1738 был определен в низшую школу *Славяно-греко-латинской академии*. 24 марта 1748, будучи учеником класса риторики, был внесен *В. К. Тредиаковским* в список семинаристов, отправляемых для пополнения Академии университета. В 1753 Барсов получил звание магистра философии и свободных наук и был оставлен при Академии.

При организации Московского университета Барсов был зачислен в его штат преподавателем математики (1755), а в 1761 в звании ординарного профессора занял кафедру красноречия, т. е. преподавал риторику, поэтику и русский язык.

В задачи Барсова входило обучение переводу с древних языков, навыкам стихотворства и составлению речей. Практическое применение правил поэзии и красноречия Барсов демонстрировал на примерах из русской литературы, гл. обр. из *Ломоносова*. В общей сложности он рассмотрел похвальные «слова» поэта, поэму «Петр Великий» и наиболее известные *оды*; из Ломоносова черпались также примеры для описания правил русского стихосложения. Стихотворения древних авторов привлекались Барсовым более или менее случайно.

Научная деятельность Барсова была тесно связана с преподавательской. Он стал инициатором создания (2 авг. 1771) Вольного Российского собрания при Московском университете, вокруг которого сгруппировались не только московские, но и петербургские историки и литераторы и главной задачей которого являлись подготовка словаря литературного языка, а также издание «полезных» сочинений и переводов. Барсов оставался его бессменным секретарем до 1787, осуществив в качестве редактора выпуск ч. 1—6 «Опыта трудов Вольного Российского собрания» (1774—83). Из его собственных литературных выступлений здесь заслуживают внимания публикация старой «Речи о пользе учреждения Императорского Московского университета при открытии оного 1755 года апреля 26 дня» и полемика с М. И. Плещеевым («Англоманом») о метафорическом богатстве церковнославянского языка.

После прекращения деятельности Вольного Российского собрания Барсов в качестве председателя возглавил Общество любителей учености (1789). Оно, вероятно, должно было противостоять влиянию тесно связанного с *Н. И. Новиковым* и мasonicкими организациями Дружеского учебного общества.

В рамках собрания, с привлечением его членов и студентов университета, Барсов приступил к созданию «Словаря российского языка», выпустив в 1776 корректурный экземпляр литеры «А». Остальные материалы «Словаря» были позднее переданы в распоряжение Российской Академии, куда Барсов был избран с момента ее официального открытия (1783).

Репутация Барсова как знатока языка сложилась прежде всего на основании его работ в области грамматики, в которых он подверг пересмотру грамматическое наследие *В. Е. Адоурова*, *В. К. Тредиаковского* и *М. В. Ломоносова*.

Центральный труд Барсова «Российская грамматика» вырос из поручения Комиссии народных училищ (1783) составить пособие для учителей. Грамматические воззрения Барсова в определенной степени подготовили споры о языке между «шишковистами» и «карамзинистами». Сам Барсов как стилист принадлежал к стойким последователям теории «трех стилей» Ломоносова. Тем не менее *Н. М. Карамзин* в посвященной Барсову полуиронической статье «Великий муж Русской грамматики» (1803) особо выделил поднятый этим «педантом» и гибко решавшийся им вопрос о соотношении «правил» и живого словоупотребления, ставший центральным в практике русского *сентиментализма*. Затронутый Барсовым вопрос о различии исконно русского и церковнославянского языков позднее также стал одним из предметов общелитературной полемики.

4 дек. 1783 последовало распоряжение императрицы о привлечении московских профессоров к собиранию, согласно указаниям А. П. Шувалова, материалов по древней русской истории.

В бумагах Барсова остался план труда под названием «Симфония, или Свод бытий Российских». Он был задуман

ман как хронологический перечень событий русской истории с 860 по 1598.

Барсов принадлежал к патриотически настроенной части профессуры; в частности, он оказался среди осудивших диссертацию масона Д. С. Аничкова (1769). Не занимая административных постов, он, тем не менее, как член Университетской конференции имел возможность оказывать влияние на университетскую жизнь. С 1756 по сент. 1765 Барсов редактировал издаваемую университетом газету «Московские ведомости» и держал корректуру большинства книг Университетской типографии; в 1760-х был «инспектором» (начальником) обеих гимназий, дворянской и разночинной. С этим временем связано исключение из числа гимназистов некоторых впоследствии видных лиц (Г. А. Потемкин, Н. И. Новиков и др.).

В связи с широкой научно-общественной деятельностью, прежде всего цензурной, Барсову приходилось общаться со многими московскими литераторами. Сохранились сведения о близких отношениях Барсова с Карамзиным периода издания «Московского журнала» и *М. Н. Муравьевым*.

На стыке административной и ученой деятельности Барсова находятся его «речи», высоко ценимые современниками как образцы практического приложения теории элоквиенции. Барсов был постоянным оратором на торжественных заседаниях университета. Общее количество произнесенных им «слов» определить затруднительно; наиболее важные вошли в «Собрание речей...» (1788), посвященное автором И. И. Шувалову как личному «благодетелю» Барсова и покровителю литературы. Они приурочены к придворным или государственным событиям («На мир с Портою», 1775; «Первое семилетие мира в России», 1781 и др.) и примыкают к идущей от В. К. Тредиаковского традиции ораторской прозы.

Бумаги Барсова были приобретены *А. И. Мусиным-Пушкиным*; редкие книги и древние рукописи также вошли в его коллекцию; остальное, в т. ч. т. 1—6 автобиографических «Записок», которыми пользовался *Е. Болховитинов*, владелец предполагал передать в Архив Коллегии иностранных дел, но, видимо, не успел этого сделать, и они погибли вместе с его библиотекой.

В. С.

БАРСОВ Елпидифор Васильевич (1.11.1836—2.04.1917), фольклорист, собиратель и исследователь народного творчества и древнерусской письменности. В 1867—70 напечатал в Петрозаводске ряд исследований по этнографии, истории и археологии Олонецкого края. От сказительницы *И. Федосовой* записал произведения фольклора, большая часть которых вошла в 3-томное издание «Причитания Северного края» (т. 1—3, 1872—86). Барсову принадлежат работы: «Петр Великий в народных преданиях Северного края» (1872), «Северные предания о древнерусских князьях и царях» (1879), «Богатырское слово в списке н.

XVII в.» (1881). Крупным трудом Барсова, не потерявшим своего значения, является незавершенная монография «Слово о полку Игореве как художественный памятник Ки-

евской дружинной Руси» (т. 1—3, 1887—89). Барсов оставил собрание древних рукописей, хранящееся в Государственном историческом музее.

БАРСУКОВ Николай Платонович (8[20].11.1838—23.11[5.12].1906), историк, археограф, библиограф. Родился в д. Барсуки Тамбовской губ. в дворянской семье. В 1859—61 в качестве вольнослушателя посещал Петербургский университет. С 1863 служил в Археографической комиссии, с 1868 — помощником начальника Синодального архива и библиотеки, с 1883 до конца жизни — начальник архива Министерства народного просвещения. Еще студентом Барсуков был привлечен к научной работе историком *Н. И. Костомаровым*. В к. 60-х занялся разбором родового архива князей Вяземских, результатом чего явилось издание «Дневника А. В. Храповицкого» (1874) и 1-го тома полн. собр. соч. *П. А. Вяземского* (1878, все издание в 12 т. завершено в 1896). С 1878 Барсуков участвовал в работах Общества любителей древней письменности, которое издало его «Рукописи Археографической комиссии» (1882) и «Источники русской агиографии» (1882) — собрание сведений о рукописях житийной литературы. Барсуков также издал «Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима» (1879), «Странствования В. Г. Барского» (ч. 1—4, 1885—87) и др. Во 2-й пол. 80-х Барсуков занялся разбором архива и работой над жизнеописанием М. П. Погодина. Ценность многогранной работы Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» в публикации многочисленных архивных материалов по истории русской литературы и культуры.

Соч.: Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1—22. СПб., 1888—1910; Жизнь и труды Н. М. Строева. СПб., 1878; Письма А. И. Тургенева к К. С. Сербиновичу // Русская старина. 1881. Т. 31, 32; 1882, т. 34; Письма Н. М. Карамзина к П. А. Вяземскому. СПб., 1897; Письма А. С. Пушкина, А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского и П. А. Плетнева к кн. П. А. Вяземскому. СПб., 1902; Князь Вяземский и Пушкин. М., 1904.

БАРТЕНЕВ Петр Иванович (1[13].10.1829—22.10[4.11].1912), историк, археограф, библиограф. Родился в с. Королевщина

Липецкого у. Тамбовской губ. в дворянской семье. В 1851 окончил историко-филологический факультет Московского университета. Выступил со статьями «Род и детство Пушкина» («Отечественные записки», 1853. № 11), «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии» («Московские ведомости», 1854. 1855). В 1856 Бартенева опубликовал «Собрание писем царя Алексея Михайловича», в 1860 — «Записки Г. Р. Державина». С 1863 начинается полувекковая деятельность Бартенева по изданию журнала «Русский архив», где он публиковал материалы по русской истории XVIII—XIX вв. и литературно-биографические размышления о русских писателях. Бартенева собирал, готовил к печати и редактировал публикуемые материалы, сопровождая их примечаниями и пояснительными статьями. Бартенева также редактировал исторические сборники «Осмнадцатый век» (кн. 1—4, 1868—69), «Деятнадцатый век» (кн. 1—2, 1872), «Архив кн. Воронцова» (кн. 1—40, 1870—95). Как библиограф Бартенева известен составлением «Каталога Чертковской библиотеки» (1863—68), которой он заведовал в 1869—73, «Указателя к

изданиям Московского общества истории и древностей за 1815—1865 гг.» (1866), а также указателей к журналам «Москвитянин», «Русский вестник», «Русская беседа» и др. Бартеву принадлежат воспоминания о русских деятелях, печатавшиеся в 1891—1910 в «Московских ведомостях».

Соч.: Пушкин в Южной России. М., 1862, 2-е изд., 1914; Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—60 гг. Л., 1925.

БАРЫШНИКОВА Анна Куприяновна (прозвище — **Куприяниха**) (24.08.1868—23.08.1954),

сказочница. Родилась в д. Чуриково Землянского р-на Воронежской губ. в семье крестьянина-бедняка. Сказки переняла преимущественно от отца. В разнообразном репертуаре Барышниковой было более 100 сказок: прекрасно разработанные волшебные сказки, острые сатирические сказки о баях и полах, веселые сказки о животных. Сама Барышниковая больше ценила свои волшебные сказки. Для них характерны традиционные приемы повествования, рифмовка, живой, образный диалог. Исполнение Барышниковой отличалось высоким мастерством, тонким юмором. Из ее опытов создания патристического репертуара выделяется сказка «Как немецкий генерал к партизанам в плен попал» (1949).

Лит.: Гринкова Н. П. Сказки Куприянихи // Художественный фольклор. 1926, [кн.] 1; Сказки Куприянихи. Запись сказок. Статья о творчестве Куприянихи и коммент. А. М. Новиковой и И. А. Осовецкого. Воронеж, 1937; Сказки А. К. Барышниковой / Сборник сост. В. А. Тонков. Воронеж, 1939.

БАСАРГА и БОРЗОСМЫСЛ, действующие лица старинной русской повести, известной под заглавием «Слово о Дмитрии купце, прозванием Басарге, и о сыне его Борзосмысле» (Доброммысле) и т. п. По взгляду А. Н. Веселовского, повесть происхождения смешанного: в ней группируются мотивы из иноземных источников (преимущественно византийских) с туземным смыслом. Пыпин же считал ее русским оригинальным произведением. Форма, в которую облечен рассказ, безусловно заимствована: в этом отношении он принадлежит к числу общераспространенных сказок и повестей, основанных на загадывании и разгадывании остроумных загадок. Басарге задает языческий царь Несмеян Гордеевич хитросплетенные загадки, которые решает вместо отца умный сын и этим спасает отца от смерти и, убив Несмеяна Гордеевича, сам берет бразды правления во славу веры христианской. По внутреннему своему содержанию повесть нравоучительно-благочестивого характера и пользовалась в свое время (XVII и XVIII вв.) широкой популярностью. Упоминается Карамзиным, Полевым, Снегиревым.

БАСНЯ, жанр сатирической поэзии, небольшое произведение преимущественно стихотворное, нравоучительного характера. Как жанр появилась на Руси со времен Смуты, когда в 1607 переводчик Посольского приказа Ф. Гозвинский перевел с древнегреческого «Притчи, или Баснословие Эзопа Фриги», сопроводив переводы суждениями о

природе, назначении и разновидностях басни, и «Житие Эзопа», включавшее еще ряд басен. Русскому читателю открывались новые формы повествования и обширный круг новых сюжетов. Но главное состояло в секуляризации дидактического предмета — обращенности «Притчей» к мирскому, социально-этическому поведению человека, а не к религиозному долгу христианина. Перевод Гозвинского редко формулирует прямые поведенческие предписания, как «подобает» (или «не подобает») поступать в этом мире, но прежде всего «являет», как действительно в нем поступают: не должное, а данное, не нравственное, а нравы, расходясь и в этом с традициями прежней русской литературы: воспитывать добродетель добродетельными же образцами. В тексте Гозвинского даже нет слов «добро», «долг», «совесть», «сострадание». Злу и всему злему в «Притчах» противопоставлены «разум» и «мудрость», но не как этические начала человеческого социума и бытия, а как главные средства индивида в достижении личной выгоды, к которой рвутся все смертные. «Разумными», «премудрыми» и «мудрейшими» здесь предстают лишь те, кто успешнее других обеспечил свое земное благополучие, и противоположность добра и зла низводится до разграничения «полезного» и «вредного» для индивида и с точки зрения индивида. Предмет «Притчей» — не социальные коллизии, а человеческий эгоизм и всечеловеческое зло.

Перевод Гозвинского обрел широкое распространение. К сер. XVII в. возникает его вторая, «благочинно-дидактическая» редакция — как попытка приспособления перевода к духовным настроениям Московской Руси и затем четыре последовательные стилистические редакции. Известны также опыты изобретения оригинальных басен по образцам этого перевода.

В последней трети XVII в., в пору новых социально-политических и религиозно-общественных потрясений, появляются переводческие переработки еще ряда басенных сводов: «Зрелище жития человеческого», переведенное в 1674 с немецкого думным дьяком А. Виниусом (134 басни), и обширнейший сборник из 260 фабул Эзопа, Бабрия и Абстемия, переведенный в 1675 с польского сибирским ротмистром П. Кашинским. И та и другая переработки весьма отличны как идеологическим преломлением повествовательного материала, так и своими социально-этическими позициями. Тогда же выполнен и анонимный перевод басен индийца Локмана.

Предмет «Зрелища» — социальные и политические проблемы феодального общества и государства: взаимоотношения монарха и подданных, назначение государственной власти, экономическое и политическое положение сословий, требование социальной справедливости, праведного суда и т. д. Социальное неравенство для Виниуса — естественное продолжение самой природы, а цель царствования — в охране сословных прав и благополучия подданных. Но в мире благоденствуют не знающие труда «тунеядцы» и бедствуют «рукодельные» тяглые и «малые» служилые, чье положение никак не отвечает их вкладу в «общую пользу» и благо общества. Еще нестерпимее участь кабального люда. Как следствие — возмущение масс, потрясения и беды всего государства. Спасение, по Виниусу, в согласии и сотрудничестве сословий: «великим» следует отказаться от социального эгоизма, а «малым» — от непомерных претензий. Отсюда в «Зрелище» проповедь смирения низов, милосердия господ и благодарной преданности холопов.

По-новому ставятся этические акценты. Достоинство человека определяют не происхождение, чины и богатства, а

настойчивый труд, доблесть перед согражданами, служение отечеству. И только по делам должно воздаваться каждому.

Списки «Зрелища» исчисляются многими десятками и большей частью принадлежат Петровскому времени. В 1712, с рядом идеологических исправлений текста и устранением политически нежелательных сюжетов, «Зрелище» издано Московской типографией Синода.

За переводом Кашинского — тревоги и чаяния небогатого служилого, мятущегося между попирающими всех верхами и бесправными низами. Он служит государю и в том полагает свое общественное утверждение. Но он знает и о социальной пропасти, разделяющей его с «великими и мочными», и его главное желание — оградить себя от вельможного произвола. Он стремится держаться круга равных себе, быть верным долгу и достойным уважения на своем месте и не чужд сострадания к слабому. Его симпатии на стороне «простых и працовитых», задавленных тяглом и службами и все более затягиваемых в полное закабаление. Их праведное возмущение неизбежно, но всякий протест обречен, и маленький служилый консервативно держится данного, пытаясь приспособиться к властвующим верхам и даже рассчитывая на прибыль от этого компромисса.

На рубеже XVII—XVIII вв. басня — хорошо знакомый и даже популярный на Руси жанр. Его определения включаются в курсы риторик, а тексты — в учебные пособия и календари. Басенные сюжеты оказываются темами инсценировок «школьного» театра, декораций праздничных фейерверков, а затем скульптурных групп и фонтанов Летнего сада и Петергофа. И несмотря на враждебное отношение к Эзопу московской Церкви, его басни так или иначе используют — *Симеон Полоцкий, Евфимий Чудовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович*. В дидактических виршах «Вертограда многоцветного» Полоцкого сюжетов Эзопа не менее полутора десятков. А с выходом в 1700 в Амстердаме школьного сборника «Притчей Эссоповых» и его перепечаток в 1712 в Москве и в 1717 в Петербурге начинаются русские типографские издания басен.

В XVIII в. басни пишут *А. Д. Кантемир* и *В. К. Тредиаковский*. После оды басня — один из самых популярных жанров в русской поэзии XVIII в. Большую роль в его развитии сыграл *А. П. Сумароков* (1718—77). В своих многочисленных баснях-притчах, как он их называл (334 притчи), Сумароков определил и особенности жанра, придав басне характер живой бытовой сценки, миниатюрной комедии нравов, и создал самую стихотворную форму —вольный стих, в основе которого лежит разностопный ямб, наиболее полно передающий интонацию иронически-лукавого сказа басни. В соответствии с поэтикой *классицизма* Сумароков считал особенностью басни «низкий дух», поэтому его басни изобилуют вульгаризмами, нарочито грубы по лексике. После Сумарокова к басне обращались многие поэты XVIII — н. XIX в., в т. ч. *И. И. Хемницер, И. И. Дмитриев, А. Е. Измайлов*. Усвоив сильные стороны басен Сумарокова — их сатирическую направленность и просторечие, Хемницер избегал нарочитой вульгарности языка; басни и по лексике и по интонации приближаются к народной речи, щедро уснащены пословицами, поговорками, прибаутками; они разнообразны по форме — от лаконичной басни-эпиграммы в несколько строк до басни-повести, басни-новеллы. Блестящего расцвета жанр басни достиг в творчестве *И. А. Крылова*. «Басни Крылова — сокровищница русского практического смысла, русского остроумия и юмора, русского разговорного языка; они отличаются и простодушием и народностью». Крыловские басни оказали решающее

воздействие на сближение русской литературы с живой речью и обогатили разговорный язык. В Малороссии жанр басни в XVIII в. разрабатывал *Г. Сковорода*, в XIX в. — *П. П. Гулак-Артемовский, Е. П. Гребенка, Л. И. Глебов* и др.

Р. Т., Д. К.

БАТАЛИН Иван Андреевич (23.02.1844—1918), публицист, журналист, издатель. Сын священника. Окончил Калужское духовное училище (1860), учился в Калужской духовной семинарии (1860—64). В 1876—81 — редактор «Петербургской газеты», 1880—90 — редактор-издатель газеты «Минутка». Автор передовых статей, еженедельного раздела «Минутная беседа» об актуальных событиях политической и общественной жизни, литературы. Называл себя сторонником *И. С. Аксакова*, консерватором, признаваясь, что имеет «слабость и смелость любить отечество более, чем человека вообще и еврейского в особенности». В газете «Минутка» (1880) опубликовал свой роман «Разрушители» (не окончен), в котором обли-

чал преступную деятельность народолюбцев. В 1884—90 был издателем, до 1891 — редактором журнала «Колосья», где выступал и как литературный критик, после чего вернулся в «Петербургскую газету», где опубликовал еженедельные заметки «Отклики дня». В 1894—95 — редактор-издатель журнала «Новое слово». В 1896—97 вел еженедельные «Утренние беседы» в газете «Утро». В 1906 сотрудничал в газете «Русское государство», с 1914 — вновь в «Петербургской газете».

БАТУРИН Пафнутий Сергеевич (1740 или 1741 — 23.10 [4.11].1803), писатель. Происходил из старинного обедневшего дворянского рода. В 1754 вступил в лейб-гвардии конный полк. До 1781 служил в армии, вышел в отставку, поселился в Петербурге. Занимался литературной деятельностью.

Комедия Батурина «Игроки» основана на жизненных наблюдениях автора, участвовавшего в карточной игре. Вторая пьеса Батурина «Бездушник», «комедия характерная в пяти действиях», как определил ее жанр сам сочинитель.

В «Собеседнике» (1783) была помещена статья Батурина «Сумнительные предложения господам издателям Собеседника от одного невежды, пылающего приобретать просвещение», где подвергались критике напечатанные в журнале статьи *И. Ф. Богдановича, М. М. Хераскова* и др., а также стиль оды *Г. Р. Державина* «Фелица».

В Калужской типографии Батуриным анонимно напечатал свои переводы: «Колумб в Америке» (1786) — сокращенный перевод поэмы А.-М. Дю Бокажа «Колумбиана, или Вера, принесенная в Новый свет»; «Краткое повествование о аравлянах» — перевод с немецкого (1787). Басни собственного сочинения, а также переведенные с немецкого Батурином поместил в изданной им книге «Собрание разных нравоучительных повествований и басен» (1785). В 1790 в Туле Батуриным выпущен антимасонский трактат «Исследование книги «О заблуждениях и истине», направленный против изданной в русском переводе книги философа-мистика Л.-К. Сен-Мартена «О заблуждениях и истине...» (1785).

В конце своей жизни Батурич написал мемуары «Жизнь и похождения господина статского советника Батурича. Повесть справедливая, писанная им самим» (ч. 1—2 не сохранились, ч. 3 охватывает 1780—98).

Е. К., А. III.

БАТЮШКОВ Константин Николаевич (18[29].05.1787—7[19].07.1855), поэт. Родился в Вологде. Принадлежал к старинному дворянскому роду. Воспитывался в Петербурге, в частных иностранных пансионах. Кроме французского языка,

ка, в совершенстве владел итальянским, позднее латинским языками. Служил на военной (был участником трех войн, в т. ч. заграничного похода 1814) и мелкой чиновничьей службе, позднее — в русской дипломатической миссии в Италии. В 1822 заболел издавна подкрадывавшейся к нему наследственной душевной болезнью. С 1802 поселился в доме писателя *М. Н. Муравьева*, своего родственника; тогда же начал писать стихи. Вступил в члены

Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Стихотворной сатирой «Видение на берегах Леты» (1809), получившей широкое распространение в списках, Батюшков принял активное участие в полемике с «*Беседой любителей русского слова*». Батюшковым впервые было употреблено получившее позднее широкое употребление слово «славянофил». Батюшков вступил в противостоящий «Беседе» литературный кружок «Арзамас», куда входили представители новых литературных течений — от *В. А. Жуковского* и *Д. В. Давыдова* до юного *Пушкина*, могучее дарование которого Батюшков сразу высоко оценил. Сблизился с кружком *А. Н. Оленина*, где процветал культ античности. Произведения Батюшкова, печатавшиеся в журналах, в 1817 вышли отдельным изданием — «Опыты в стихах и прозе» (в 2-х частях).

Батюшков стал главой т. н. «легкой поэзии», восходящей к традиции анакреонтики XVIII в., наиболее выдающимися представителями которой были *Г. Р. Державин* и *В. В. Капнист* («образец в слог», как назвал его Батюшков). Воспевание радостей земной жизни — дружбы, любви — сочеталось в интимных дружеских посланиях Батюшкова с утверждением внутренней свободы поэта, независимости его от «рабства и цепей» феодально-абсолютистского общественного строя, чьим пасынком он остро себя ощущал. Программным произведением этого рода явилось послание «Мои Пенаты» (1811—12, опублик. 1814); по словам Пушкина, оно «...дышит каким-то упоеньем роскоши, юности и наслаждения — слог так и трепещет, так и летит — гармония очаровательна». Образцом «легкой поэзии» является стихотворение «Вакханка» (опубл. 1817). Патриотическое воодушевление, охватившее Батюшкова в связи с войной 1812, вывело его за пределы «камерной» лирики (послание «К Дашкову», 1813, историческая элегия «Переход через Рейн», 1814, и др.). Под влиянием тягостных впечатлений войны, разрушения Москвы и личных потрясений Батюшков переживает духовный кризис. Его поэзия все сильнее окрашивается в печальные тона (элегия «Разлука», 1812—13; «Тень друга», 1814; «Пробуждение», 1815; «К другу», 1815 и др.), доходя порой до крайнего песси-

мизма («Изречение Мельхиседека», 1821). К числу лучших элегий Батюшкова принадлежат «Мой гений» (1815) и «Таврида» (1817). Существенным вкладом в развитие русской поэзии явился глубокий лиризм Батюшкова, сочетавшийся с небывалой до тех пор художественностью формы. Развивая традицию Державина, он требовал от поэта: «Живи, как пишешь, и пиши, как живешь». Многие стихи представляют собой как бы страницы поэтизированной автобиографии Батюшкова, в личности которого уже сквозят черты разочарованного, рано состарившегося, скучающего «героя времени», нашедшие позднее художественное выражение в образах Онегина и Печорина. В отношении поэтического мастерства образцами для Батюшкова были произведения античных и итальянских поэтов. Он переводил элегии Тибулла, стихи Т. Тассо, Э. Парни и др. Одно из наиболее прославленных сочинений Батюшкова элегия «Умирающий Тасс» (1817) посвящена трагической судьбе поэта — тема, настойчиво привлекавшая внимание Батюшкова.

Жанры «легкой поэзии», по мнению Батюшкова, требуют «возможного совершенства, чистоты выражения, стройности в слог, гибкости, плавности» и потому являются лучшим средством для «образования» и «усовершенствования» стихотворного языка («Речь о влиянии легкой поэзии на язык», 1816). Писал Батюшков и в прозе, полагая, что это также яв-

ляется важной школой для поэта (преимущественно очерки, статьи по вопросам литературы и искусства; наиболее значительны из них «Вечер у Кантемира», «Прогулка в Академию художеств»). Стих Батюшкова достиг высокого художественного совершенства. Современники восхищались его «пластичкой», «скульптурностью», Пушкин — «итальянской» певучестью («Звуки итальянские! Что за чудотворец этот Батюшков»). Своими переводами «Из греческой антологии» (1817—18) и «Подражаниями древним» (1821) Батюшков подготовил антологические стихи Пушкина. Батюшков тяготился узостью тем и мотивов, однообразием жанров своей поэзии. Он задумывал ряд монументальных произведений, исполненных содержания «полезного обществу, достойного себя и народа», увлекался творчеством Байрона (перевод на русский язык из «Странствований Чайльд-Гарольда»). Все это было оборвано душевной болезнью, навсегда пресекавшей литературную деятельность Батюшкова. Поэт с горечью замечал: «Что говорить о стихах моих! Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги, поди узнай теперь, что в нем было». Пушкин, возражая критикам, нападавшим на поэзию Батюшкова, призывал их «уважать в нем несчастья и не созревшие надежды». Батюшков сыграл значительную роль в развитии русской поэзии: наряду с Жуковским он явился непосредственным предшественником и литературным учителем Пушкина, осуществившего многое из того, что было начато Батюшковым.

Соч.: Опыты в стихах и прозе, ч. 1—2. СПб., 1817; Соч., [Вступ. ст. Л. Н. Майкова, примеч. его же и В. И. Сайтова], т. 1—3, СПб., 1885—87.

Д. Б.

БАХАРЬ, баятель — в древней Руси рассказыватель *басен*, историй, *сказок*. Бахарями обычно были старики-инвалиды, часто слепые старцы. История сохранила имена некоторых придворных бахарей: у царя Михаила Федоровича бахарями были Клим Орефин, Петр Сапогов и Богдан Путята, у Василия Шуйского — Иван. Бахари изредка встречались и в XIX в. Так, Л. Толстой писал в своих «Воспоминаниях детства»: «Лев Степанович был слепой сказочник (он был уже стариком, когда я знал его), — остаток старинного барства, барства деда. Он был куплен только для того, чтобы рассказывать сказки».

БАХМЕТЕВА Александра Николаевна (4.04.1823—12.06.1901), писательница. Отец Н. В. Ховрин — пензенский помещик; мать М. Д. Ховрина была в дружеских отношениях с

С. Т. Аксаковым, Н. В. Гоголем. В 40-е сблизилась со *славянофилами* (А. С. Хомяковым, Ю. Ф. Самариним и др.). Выйдя в 1849 замуж за П. В. Бахметева, жила в основном в Москве, занимаясь благотворительностью и литературной деятельностью. Автор книг и брошюр для детей и народного чтения по евангельской и церковной истории: «Рассказы для детей о земной жизни... Иисуса Христа» (кн. 1—5. М., 1857—58. Выдержали 14 изданий); «Рассказы из истории христианской Церкви» (ч. 1—3. М., 1863. Выдержали 8 изданий); «Как Русь освободилась из-под татарского ига в 1480 г.» (М., 1880. 7 изданий); «Начало христианства в России...» (М., 1888. 5 изданий) и др.

БАХТИН Иван Иванович (1754—14[26].04.1818), поэт. Сын орловского дворянина. В 1772 поступил в артиллерию, а в 1782 перешел в судебное ведомство и служил сначала в Сибири, а затем в европейской России. В 1802 Бахтин поступил во вновь учрежденное Министерство финансов. Он сделался известен имп. Александру, который много раз поручал ему конфиденциальные следствия по злоупотреблениям администрации и чиновников. Через год он был произведен в действительные статские советники и назначен слободско-украинским, т. е. харьковским, губернатором. В 1814—15 Бахтин был в отставке, но затем снова поступил на службу и заведовал государственной экспедицией для ревизии счетов. Состоя на службе, Бахтин в то же время занимался и литературой, но литературные свои занятия он считал несовместимыми с званием губернатора, почему лишь по выходе в отставку издал 3 книги стихов: «Вдохновенные идеи» (СПб., 1816); «Ревнивый» — драма в 3 действиях (СПб., 1816) и «И я автор, или разные мелкие стихотворения» (СПб., 1816), которые представляют собой все литературное наследие Бахтина, первоначально разбросанное в разных журналах.

В книге «Вдохновенные идеи» Бахтин рассказывает о своем превращении из вольтерянца в христианина. В 1816—17 в «Духе журналов» печатает стихотворения, связанные с памятью Г. Р. Державина.

БАХТИН Михаил Михайлович (5[17].11.1895—6.03.1975), ученый, исследователь творчества Достоевского и Рабле, а также проблем эстетики, истории и теории литературы, социологии личности, аксиологии и др. Но сам он считал себя прежде всего философом, разрабатывавшим, начиная с ранних работ и на протяжении всей жизни, проблемы диалога как широкой мировоззренческой концепции гуманитарного исследования. С этих позиций он рассматривал поэтику Достоевского и смеховую, карнавальную культуру Рабле, а также фундаментальные проблемы человеческой жизни. Еще в 20-е он под-

верг критике психологическую концепцию понимания как перевоплощения и вживания в мысли и чувства автора текста. Он настойчиво подчеркивал, что понимание имеет диалогический характер и этим отличается от объяснения. «При объяснении только одно сознание, один субъект, при понимании — два сознания, два субъекта. К объекту не может быть диалогического отношения... Понимание всегда диалогично». Поэтому гуманитарные науки опираются именно на диалог, на выражение мыслей его участников. «Человек... всегда выражает себя (говорит), т. е. создает текст. Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека и др.)». Сам текст Бахтин рассматривает как знаковую систему, созданную человеком. В отличие от природных объектов знаки имеют смысл, и поэтому изучение текста всегда начинается с осмысления и понимания, которым предшествует интерпретация. В своих литературоведческих трудах Бахтин подчеркивал, что понимание всегда имеет контекстуальный и исторический характер, ибо осмысление предполагает как

«открытие наличного» смысла, так и «прибавление путем творческого соиздания».

Соч.: «Проблемы творчества Достоевского» (1929); «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965); «Эстетика словесного творчества» (1979); «Вопросы литературы и эстетики» (1975).

Г. Р.

БАХТИН Николай Николаевич (5[17].05.1866—2.04.1940), библиограф, переводчик, педагог. Воспитывался в кадетском корпусе в Орле и в Константиновском военном училище, окончил педагогические курсы для офицеров-воспитателей в 1902, был воспитателем в Орловском кадетском корпусе; полковник в отставке. Напечатал длинный ряд стихотворных переводов со славянских языков, под псевд. Н. Новича, в различных журналах, начиная с 1885. Отдельно им изданы: «С чужих полей» (СПб., 1896); «Под-росткам» (СПб., 1902); «Песни детства» (с нотами. 2-е изд. СПб., 1908); «Проект новой системы азбуки и орфографии» (Киев, 1886); «Основы русского правописания» (в «Русском филологическом вестнике», 1890—92, и отдельно: Варшава, 1892); библиографические работы (обзоры русской литературы, касающейся Шиллера и Шекспира, в изд. Брокгауза-Ефрона, «Шиллер», СПб., 1902, и «Шекспир», СПб., 1904). Ему принадлежат статьи педагогического характера: «Воспитательное значение театра» (в «Сборнике педагогических статей в честь А. Н. Островского». СПб., 1907); «Несколько мыслей о художественном воспитании» (в «Журнале Министрства народного просвещения», 1909); «Репертуар детских спектаклей» (в «Художественно-педагогическом журнале», 1910—11); «Театр и его роль в воспитании» (в шестом томе «Педагогической академии», озаглавленном «В помощь семье и школе»; СПб., 1911); переводы пьес для детского театра: Я. Квapiла — с чешского, Д. Бандич — с сербского и др. Заслуживает особенного внимания вышедшая под редакцией Н. Новича «Маленькая антология», 1895—1905 (вышли: «Китай и Япония в их поэзии», «С чужих полей», «Мадьярские поэмы», «Поэты Финляндии и Эстляндии», «Поэты Швеции», «Французские поэты», «Словацкие поэты», «Словинские поэты», «Песни ста поэтов. Японская антология») и «Детский театр» (1904—11).

БАШИЛОВ Александр Александрович (24.09[6.10].1807—5[17].01.1854), поэт. Сын сенатора А. А. Башилова. Служил в канцелярии нижегородского генерал-губернатора А. Н. Бахметьева, затем в Конно-егерской дивизии. В сер. 1820-х жил в Петербурге, печатался в петербургских альманахах («Элегия», «Все не впрок», «К барону А.» — «Альбом северных муз на 1828»; «С рук сойдет» («С тех пор, как я живу на свете») — «Невский альманах на 1826»; «Признание», отрывок из повести «Гусар» (1828). С к. 20-х постоянный участник московских изданий: «Московский телеграф» (1828, 1831), «Московский вестник» (1828), «Атеней» (1829), «Галатее» (1829—30), где помещает сатирические куплеты, альбомные стихи, послания, опыты философской лирики; его литературные образцы — П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. Башилов посещает литературные и светские салоны (в т. ч. семью Ушаковых, где бывает и Пушкин); его стихи в альбомах Е. Н. Ушаковой и П. А. Барановой опубликованы вместе с пушкинскими в «Галатее»; знаком с Вяземским, И. И. Дмитриевым, Е. А. Баратынским. Пушкин поощрял литературные опыты Башилова. Башилов гордился этим знакомством и печатно называл Пушкина своим «кумиром»; в альманахе «Радуга» (1830) Башилов поместил посвященное ему стихотворение «Поэт».

В поэзии Башилова заметно тяготение к эпическому и лиро-эпическому повествованию, иногда с фольклорной окраской, к балладным сюжетам, нередко натуралистическим и мелодраматическим: «Встреча старых знакомых. (Сказка)». В 1833 отдельным изданием выходит его «повесть в стихах» «Поселянка» (ч. 1, М.), которую он послал из Торжка Пушкину при письме от 7 июля 1833. «Поселянка» — романтическая поэма байронического типа с «вершинной композицией», мотивами тайны, преступления, написанная на материале русского крестьянского быта. В 1840-х Башилов работал в редакции и поступил на службу, позднее был сотрудником В. А. Кокорева по откупам.

В. В.

БАШИЛОВ Борис (псевд., наст. имя **Юркевич Борис Платонович**) (1908—2.01.1970), писатель, историк масонства и общественный деятель.

Родился в г. Златоуст Челябинской обл. Отец его был директор учительской семинарии, статский генерал, умерший

от голода во время революции. Фамилию Башилов, которую он взял себе как творческий псевдоним, носил один из его предков с материнской стороны. У дочери писателя до сих пор хранится старинный картон с графическим изображением кабинета А. А. Башилова — флигель-адъютанта имп. Павла I. По отцовской линии Башилов был в родстве с выдающимся русским филологом П. Д. Юркевичем.

Башилов начал писать с 16 лет, дважды получал премии за свои рассказы. В 1929 он участвовал в переписи населения на северных окраинах России. В 1930 был специальным корреспондентом журнала «Вокруг света» и архангельской «Правды Севера» на пароходе «Седов». В н. 30-х под псевд. Борис Норд он выпустил три книги о путешествиях по северным окраинам России — «17 000 000 собачьих шагов. Книга об агитпробегах от Свердловска до Москвы», «Льды и люди», «Флейта бодрости». Книги имели большой успех.

Предвоенные годы были для Башилова менее удачны. Он жил в Курске, перебиваясь временными заработками. Темы, за которые ему хотелось бы взяться, не устраивали властей. Будущий историк масонства постепенно осознает антирусский характер большевизма, посвящая все свободное время изучению русской истории и революционного движения в России. Незадолго до войны он начинает писать исторический роман из жизни XVIII столетия, который закончил уже в эмиграции.

С начала Великой Отечественной войны Башилов в действующей армии. В окт. 1941 его часть попала в окружение, и он вместе с др. бойцами оказался в плену. Почти 3 мес. до к. дек. 1941 Башилов провел в фашистском концлагере под Смоленском.

Окончив школу пропагандистов, Башилов некоторое время служил в рядах бригады Каминского. Имел звание капитана РОА. После разгрома гитлеровской Германии длительный срок находился в лагере для перемещенных лиц. В 1946 Башилов состоял в НТС и был секретарем издательства «Посев».

Во 2-й пол. 40-х в Мюнхене Башилов завершает работу над романом «Юность Колумба российского», начатым еще до войны, а также над книгой, написанной во время войны, «В моря и земли неведомые» (Историческая повесть из жизни XVII столетия). Здесь же, в Германии, выходит его повесть «Необычайная жизнь и приключения Аристарха Орлова». Писатель *Б. Зайцев* писал Башилову: «...За присланные Ваши писания искренно благодарю. Я читал Вас и раньше, впечатление было благоприятное, оно подтвердилось и теперь. У Вас есть свой мир, своя любовь, пишете Вы хорошо и умеете рассказать о том, что сердцу близко. Дарование несомненно и очень русское. Вы, конечно, русак насквозь, это сразу видно...».

Изучая историю и быт России, Башилов-писатель превращается в историка и мыслителя, начинает осознать, что спасение страны возможно только на основе возвращения к историческим и духовным ценностям Руси, к общенациональным идеалам, способным объединить весь народ. Для этого предстоит тяжелая борьба за духовное объединение нации вокруг чисто русских национальных идей. Вокруг идей, которые были бы одинаково святы и дороги всему народу.

Для этого необходимо очистить мирозерцание русского народа от того мусора, которым засорили его поколения фанатичной и невежественной русской революционной интеллигенции.

Перед русскими, считал Башилов, стоит задача разбить ореол политической и социальной мудрости, который накопился вокруг имен заклятых врагов русского национального прошлого, русской национальной государственности, русской духовной самобытности: бесконечной плеяды русских европейцев — большевистских предков, начиная от Радищева.

Лже-знаниям, принесенным русскими европейцами, русские должны противопоставить истинное знание, а не перелицованные на русский образец европейские и социальные идеи. Предстоит утвердить свои русские точки зрения на русское национальное прошлое, на русскую форму государственности, на причины национальной катастрофы, постигшей русский народ, и на пути преодоления этой катастрофы.

К этим выводам Башилов приходит в к. 40-х. Именно тогда он начинает серьезно изучать литературу по истории масонства, постепенно осозная, что именно оно стало школой создания целых поколений русской интеллигенции, ненавидевших историческую Россию и мечтавших перелицевать ее на западноевропейский лад, подчинив власти иудеев и масонов.

С к. 40-х Башилов становится твердым православным монархистом, принципиальным противником иудаизма и масонства. Конечно, с таким мировоззрением ему нечего было делать в рядах НТС, во многом состоявшем из различных мастей демократов и республиканцев, ненавистников исторической России, к тому же существовавшем на деньги ЦРУ и нередко выполнявшем разведывательные задачи в пользу США.

В 1948 он порывает с НТС и переселяется из Германии в Аргентину (Буэнос-Айрес) под именем Михаила Алексеевича Тамарцева (подчистив документы на имя Поморцева). В Аргентине в то время живет другой выдающийся деятель русского монархического движения *И. Л. Солоневич*. Башилов начинает сотрудничать в его газете «Наша страна». По свидетельству издателя «Нашей страны» В. К.

Дубровского, Башилов был автором девиза, обозначенного на первой странице над «шапкой» газеты — «После падения большевизма только царь спасет Россию от нового партийного рабства». В н. 50-х Башилов составляет политический справочник «Монархия, республика, диктатура», где на основании анализа трудов *И. А. Ильина*, *Л. А. Тихомирова* и *И. Л. Солоневича* показывает преимущества православной монархии перед др. формами государственного управления.

Жизнь в Буэнос-Айресе была нелегкой. Первые годы Башилов жил очень бедно, приходилось постоянно искать заработка, заниматься всем вплоть до разноски и продажи книг в эмигрантских семьях, одно время он работал даже электриком.

В течение 50-х Башилов создает 7 книг «Истории русского масонства», а в 60-е еще 2: восьмую и девятую (последняя так и не увидела свет при его жизни). Опираясь на серьезные исторические материалы XVII—XX вв., Башилов показывает «вольных каменщиков» как страшную антинациональную силу, стремящуюся погубить и расчленив Россию. С Петра I правящий класс и интеллигенция подпали под влияние масонской идеологии и, т. о., подготовили антирусскую революцию. Башилов рассматривал масонство не просто как западническую организацию, а как идеологическое оружие, направленное против России.

С самого начала у Башилова возникли серьезные проблемы с публикацией его труда. Даже дружественно настроенные к историку издательства, в т. ч. «Наша страна», в целях своей безопасности отказали ему. Впрочем, впоследствии «Наша страна» помогала Башилову в распространении его книг. Башилов вынужден создать собственное издательство «Русь», где он в одном лице совмещал несколько издательских профессий. Продолжая вести до предела напряженную жизнь, Башилов, тем не менее, не перестает печататься в русских патриотических изданиях: «Наша страна», «Знамение России», «Жар-Птица», «Владимирский вестник». Выходят и др. его книги — «Пламя в снегах», «Мифы о русской душе и русском характере», «Миф о русском сверх-империализме», «Незаслуженная слава (Мысли об антинациональной роли русской интеллигенции)», «Унтерменши, морлоки или русские» и др. В этих книгах Башилов раскрывает величие России, разбивает мифы иудейско-масонской пропаганды о «реакционности» и «бескультурности» русского народа.

В 50-е Башилов принимает участие в работе Российского Имперского Союза-Ордена. В 1955 он вместе с Н. И. Сахновским, А. Н. Макотченко и Сарматовым выпускает книгу «Всемирный тайный заговор» (протоколы Сионских мудрецов по тексту С. А. Нилуса) с комментариями, а в 1957 исследования В. М. Мокшанского «Сущность еврейского вопроса». В рамках Российского Имперского Союза-Ордена Башилов содействует выходу книг о русской монархии и убийстве Царской семьи (труды Н. А. Соколова и М. К. Дитерихса). Несмотря на небольшие тиражи (300—700 экз.), книги эти оказали большое влияние на идеологию русской монархической эмиграции.

Башилов стремился собрать и систематизировать как можно больше материалов о подрывной деятельности иудейских и масонских организаций. С этой целью он издает альманах «Былое и грядущее». Вышло 10 номеров.

О. Платонов

БАШКИРЦЕВА Мария Константиновна (11[23].11.1860—31.10.1884), художница и писательница, автор «Дневника». Родилась в богатом имении близ Полтавы. Большую часть своей короткой жизни прожила за границей.

Как художница оставила после себя 150 картин, эскизов и рисунков, выражавших христианские чувства добра и гармонического отношения к миру. Глубина христианской мысли выражена в ее незавершенной картине «Святые жены после погребения Христа».

После смерти Башкирцевой опубликован ее «Дневник», ставший событием мировой литературы. «Дневник» Башкирцевой, по ее собственному признанию, — это «жизнь женщины, записанная изо дня в день, без всякой рисовки, как будто бы никто в мире не должен был читать написанного, и в то же время с страстным желанием, чтобы оно было прочитано». В «Дневнике» рассказывается вся жизнь Башкирцевой, ее борьба с соблазнами света и тщеславия. В. Хлебников считал «Дневник» Башкирцевой уникальным явлением мировой культуры как «точный дневник своего духа».

БАШМАКОВ Иван Иванович (осн. псевд. **Иван Ваненко**) (? — апр. 1865), писатель, поэт. Биографические сведения скудны. Известность принес автору сборник «Приключения с моими знакомыми. Повести Ивана Ваненко» (ч. 1—2, М., 1839), стихи и песни в народном стиле, а также многочисленные обработки народных сказок: «Сказки русские (рассказанные Ив. Ваненко)» (М., 1838), «Народные русские сказки и побаски для детей меньшего возраста» (М., 1847), широкое хождение в народе имели сказки Ивана Ваненко «Солдат Яшка» (М., 1857), многократно переиздавались «Домашний детский театр» (ч. 1—2, М., 1856), «Азбука русского языка» (М., 1853) и др. Во время Крымской войны вышли стихотворные сборники Ивана Ваненко «Правое дело России» (М., 1854) и «Святая Русь и враги ее» (М., 1855), свидетельствующие о том, что их автор был истинным патриотом России.

БАШУЦКИЙ Александр Павлович (30.03[11.04].1803—26.03[7.04].1876), писатель, публицист, журналист, издатель. Родился в семье коменданта Петропавловской крепости, в 1822 выпущен из Пажеского корпуса прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк. С 1824 — адъютант гр. М. А. Милорадовича, при котором был в роковой день 14 дек. 1825. Оставил воспоминания «Убийство гр. Милорадовича» (1908). Первое выступление в печати — стихотворение на смерть Милорадовича. Автор книг «Панорама Санкт-Пе-

тербурга» (ч. 1—3. СПб., 1834), «Возобновление Зимнего дворца в Санкт-Петербурге» (СПб., 1839) и «Физиологические очерков» по истории столицы. В историю литературы Башуцкий вошел как инициатор и составитель альманаха «Наши, списанные с натуры русскими» (вып. 1—14. СПб., 1841—42), среди авторов которого, помимо самого Башуцкого, были В. И. Даль, В. В. Львов, Г. Ф. Квитко-Основьяненко и др. Башуцкий замыслил альманах как издание, в котором «должны выразиться мы, с нашим общественным устройством, с нашим бытом, характером... с нашими качествами и недостатками». Это был первый опыт «натуральной школы» или, по выражению А. А. Григорьева, «сентиментального натурализма». В 30—40-е Башуцкий издает еще несколько журналов, еженедельник «Иллюстрация», но терпит финансовый крах. С 1850 начинается новый этап в жизни блистательного гвардейского офицера, дослужившегося до генеральского чина действительного статского советника. Башуцкий уходит послушником в монастырь: пребывает в Сергиевском монастыре, *Оптиной Пустыни*, Киево-Печерской лавре и в др. обителях, посвятив свою жизнь религиозным и церковным интересам. Вернувшись «в мир», Башуцкий выступает в «Домашней беседе», «Северной пчеле» как православный публицист. Его известное «Письмо к приятелю. Оттуда и отсюда» (СПб., 1858) построено на противопоставлении секуляризованного Запада и православной России.

БЕГИЧЕВ Дмитрий Никитич (17[28].09.1786—12[24].11.1855), писатель. Из старинного дворянского рода Тульской губ. Окончил Пажеский корпус. Служил в действующей армии. В 1830—36 Бегичев — воронежский губернатор. Проявил себя как деятельный администратор, оказывал моральную и материальную поддержку А. В. Кольцову (см. стих. Кольцова «Благодетелю моей родины. Д. Н. Бегичеву»). С 1840 — сенатор. С 1844 — попечитель московского Дома трудолюбия.

В 1832 при содействии Н. А. Полевого опубликовал анонимно свой первый роман «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян» (ч. 1—6, М., 1832). Роман, проникнутый любовью автора к патриархальной поместной жизни и затронувший современные проблемы нравственного воспитания и общественного предназначения человека, пользовался широкой известностью.

Почти все др. произведения Бегичева подписаны псевд. Автор «Семейства Холмских». В 1840 вышли сатирически окрашенные «Провинциальные сцены» (СПб.), где действие отнесено к 1780-м, хотя изображаются быт и нравы XIX в. В 1851 опубликован сборник «Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни», где нравы чиновников и помещиков изображены с позиций просветительского вольнодумства (вып. 1—2, М., 1851).

Произведения Бегичева, в которых немало живых зарисовок и верных наблюдений, в целом ориентированы на нравоучительно-дидактический роман к. XVIII — н. XIX в. и основаны на противопоставлении добра и зла.

В. М.

БЕГУНОВ Юрий Константинович (р. 20.10.1932), литературовед, публицист и общественный деятель.

Родился в Ленинграде. Родители Бегунова происходили из купеческого сословия, отец участвовал в первой мировой войне, в годы гражданской войны воевал в рядах белых

вплоть до поражения Врангеля. Он не эмигрировал, а предпочел остаться на Родине, работая бухгалтером в совучреждениях. Но советская власть не забывала прошлое, и в 1942 отец Бегунова был расстрелян по обвинению в «шпионаже». Мать ученого, хотя и работала машинисткой, также была «нетрудового» дворянского происхождения и даже приходилась родственницей «реакционному» философу Л. Карсавину. Такое сопроисхождение родителей весьма

затрудняло жизнь и тем более научную карьеру в СССР, и все же Бегунов сумел в таких неблагоприятных условиях внести заметный вклад в отечественную науку. Дополнительные трудности только способствовали развитию у Бегунова упорства, выдержки и стремления докопаться до самой сути вещей. Окончив в 1950 среднюю школу, Бегунов поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, который и закончил с красным дипломом. Тяга к работе с первоисточниками способствовала увлечению Бегунова славянской, особенно древнерусской, филологией. По окончании университета Бегунов поступил в аспирантуру в Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Занимаясь древнерусскими летописями и литературными памятниками, Бегунов открыл много неизвестных ранее древних сочинений. После аспирантуры и защиты диссертации продолжал работать в Пушкинском Доме сотрудником сектора древнерусской литературы. Среди работ Бегунова следует особо указать энциклопедический «Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей» (с соавторами), без которого невозможна работа ни одного исследователя Древней Руси, хотя к нашему времени этот справочник успел устареть в первую очередь благодаря новым открытиям самого автора. Сфера научных интересов: славянская филология, русская история, древнерусская литература, национальный фольклор, традиции и обычаи, в 90-е известность Бегунову принесли работы по конспирологии. Ученый не только перебирал архивы, но и участвовал в 11 археографических экспедициях, в ходе которых было найдено св. 1000 летописей и книг. Об одной из таких экспедиций по Русскому Северу, возглавляемой писателем *Д. Балашовым* и Бегуновым, снят фильм «Путешествие за древними книгами», занявший 1-е место на конкурсе географических фильмов в 1967.

С. Лебедев

БЕКЕТОВ Никита Афанасьевич (8[19].09.1729—9[20].07.1794), писатель. Происходил из дворянской семьи. Образование получил в Сухопутном шляхетском корпусе (1742—51), где увлекся театром и литературой; был знаком с И. П. Елагиным, *А. П. Сумароковым* и др. молодыми дворянскими поэтами. Участвовал в первых любительских постановках русских пьес при корпусе, а 1 февр. 1750 был включен в составленную из кадетов труппу для устройства придворных спектаклей. По преданию, в н. 1751 Бекетов на короткое

время занял при дворе положение фаворита. В 1751 выпущен из Сухопутного шляхетского корпуса в адъютанты к А. Г. Разумовскому с чином премьер-майора. Падение Бекетова приписывают интригам М. Е. Шуваловой, которая распространяла слухи о его безнравственности, основываясь на том, что Бекетов часто разучивал с придворным хором песни своего сочинения. Во 2-й пол. 1751 он попал в опалу и был уволен от двора с чином полковника армии. В дальнейшем Бекетов принимал участие в битве при Гросс-Егерсдорфе (1757); при Цорндорфе (1758). С 1763 по 1773 Бекетов занимал должность астраханского губернатора.

Занятия литературой относятся к петербургскому периоду жизни Бекетова: он «в молодых своих летах много писал стихов, а более всего песен». Его песни вошли в сборники «Между делом безделье» (1759; высказывалось мнение, что часть песен Бекетов сам положил на музыку), «Письмовник» *Н. Г. Куранова* (1790) и «Собрание русских песен» *М. Д. Чулкова* (1770—72, ч. 1—2), однако атрибутирована из них только одна — «Везде мне скучно стало».

БЕЛЕЦКИЙ Алексей Викторович (1840—1907), государственный деятель, публицист, борец за права русского народа в западных губерниях России. Сын священника Новгородской епархии, магистр С.-Петербургской духовной академии. Был директором Полоцкой учительской семинарии, окружным инспектором Виленского учебного округа и с 1889 — помощником попечителя того же Виленского учебного округа. Содействовал устройству в Вильне музея имени гр. М. Н. Муравьева. Главные труды его: «Униатский вопрос с 1772 по 1827 г.» («Виленский календарь на 1889»); «Вопрос об образовании русских евреев в царствование Императора Николая I» (СПб., 1894); «Сорокалетие русской начальной школы в Северо-западном крае России» (Вильно, 1905), «Заботы Императрицы Екатерины II о распространении образования в Полоцкой и Могилевской губерниях» (Вильно, 1905); «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева» (Вильно, 1906); «Перемены в русском законодательстве о вере и Церкви Православной, последовавшие с 17 апр. 1905» (Вильно, 1907).

Лит.: «Церковный вестник». 1908. № 4, некролог; *Родосский А.* «Биографический словарь студентов Санкт-Петербургской Духовной академии: 1814—69» (СПб., 1907).

БЕЛЕЦКИЙ Павел Кузьмич (17[29].05.1871—19.03.1934), писатель, этнограф. Родился на Кавказе. Окончил Военно-фельдшерскую школу. Много путешествовал.

Первое выступление в печати — юмористический рассказ «На почве новых понятий». В 1897—98 печатает статьи по вопросам общественной жизни в петербургских газетах «Новости», «Неделя», «Русский труд»; позднее выступает в «Биржевых ведомостях», «Обозрении Петербурга», «Забайкальской нови», «Орловском вестнике», заведует провинциальным отделением и более 2 лет публикует цикл фельетонов «Провинциальные мотивы» в петербургской газете «Слово». Тема, обозначенная названием статьи — «Деревенский лекарь», постоянно в центре внимания Белецкого (ок. 70 статей в журнале «Фельдшер» в 1905—12). В мае 1898 в составе геологической экспедиции Я. А. Макарова уехал в Восточную Сибирь и провел в даурской тайге 2 года, в 1910—11 работал фельдшером на Амурской железной дороге, в 1912 совершил путешествие по Д. Востоку. Опубликовал статьи и очерки «Забайкальские раскольники», «К вопросу о реформе золотопромышленности», «Баргузинские ороченъ», корреспонденции в газете «Восточное обозрение» (Иркутск).

Художественное наследие Белецкого посвящено Забайкалью, его суровой природе и отважным людям, тяжелой

участи бурят, орочей и поселившихся здесь русских переселенцев, поискам счастья, далеко не всегда находимого в круговерти «золотой лихорадки», в то время охватившей золотоносные районы Сибири. В романах «В горах Даурии» и «Король тайги» — захватывающие погони за золотом, схватки, таежные приключения, в которых герои проявляют чудеса смелости, находчивости, благородства. Но здесь же и картины бедности и безграмотности забайкальского населения, не смеющего в своей заботности надеяться на лучшую участь. Сибирская тема раскрывается также в рассказах Белецкого: «Герои тайги», «Поклонники медведя», в повести «На вольной земле» (1914), в очерках «У бурят» (1912), «Переправа через Байкал» и др.

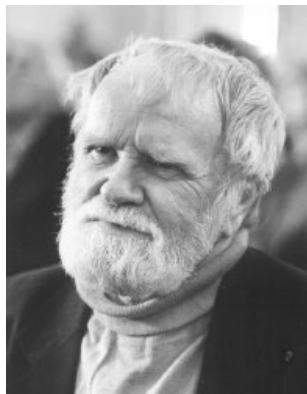
В. Б., Д. К.

БЕЛЕЦКИЙ-НОСЕНКО Павел Павлович (16[27].08. 1774—11[23].06.1856), писатель, литературный критик. Из дворян Полтавской губ.; в 1788 сражался под Очаковым, а в 1794 участвовал в штурме г. Праги. Ок. 1798 Белецкий-Носенко оставил военную службу и навсегда поселился в г. Прилуках (Полтавской губ.), где основал в 1789 двухклассное народное, в 1812 преобразованное в трехклассное поветовое (уездное) училище. Кроме того, Белецкий-Носенко учредил в Прилуках частный пансион, существовавший еще в 1831. Энциклопедически образованный, Белецкий-Носенко представлял собою тип человека Екатерининской эпохи, когда старались готовить людей способных ко всякого рода государственной службе. В своих свыше чем 60 сочинениях Белецкий-Носенко является эстетиком, романистом, философом, историком, филологом, этнографом, врачом, сельским хозяином и пр. Он вел с 1813 по 1826 деятельную переписку с обществом наук при Харьковском Императорском университете, а с 1826 по 1839 — с петербургским Вольно-экономическим обществом. Литературную деятельность начал переводом с французского романа «Семейство фон-Гальден» А. Лафонтена (4 части, 1808); затем последовали «Сказки на малороссийском языке» (1812); «Словарь немецких писателей» (1816); «Ломоносов и Державин, величайшие лирики российские» (1818); «Пасечник, или Опытное пчеловодство в южной полосе России» (1818; с дополнением, 1845); «Существенные свойства поэзии и риторики» (1821); «Логика» (1821); «Баллады на малороссийском языке» (1822—29); «Басни»; «Начальное основание римского права» (1826); «Зиновий Богдан Хмельницкий» (3 части, 1829); «О заразительной болезни холере» (1831); «Иван Золотаренко» (1839); «Словарь малороссийского или юго-восточного русского языка» (1841—42) и др. Перечень его трудов помещен в «Москвитяине» 1855. Изданы в 1871—72 в Киеве его «Горпинида чи вхопленная Прозерпина»; «Приказки»; «Гостинец землякам і спиви в образних ричах» и «Пасечник».

БЕЛОВ Василий Иванович (р. 23.10.1932), писатель, драматург, поэт. Родился в д. Тимониха Харовского р-на Вологодской обл. в крестьянской семье. Учился в школе ФЗО в г. Соколе Вологодской обл., работал столяром, мотористом, электромонтером; после службы в армии работал на заводе в Перми, затем был сотрудником районной газеты «Коммунар» (Вологодская обл., 1956). С этого времени начал выступать в печати. В 1959—64 учился в Литературном институте.

Ранние стихи и поэмы Белова несут на себе следы характерных настроений 50-х: душевная возбужденность в пору общественных перемен, пафос дали, новых пространств, поиски подлинно ценного в мире и в себе, жажда движения,

героики. В этом русле развивалась массовая поэзия того времени, с которой многообразно перекликаются стихи Белова: «Идет человек от порога, / В тревожные дали идет». Вместе с многими лириками 50-х молодой Белов в «святой тревоге», в борьбе, в социальном порыве видит настоящее назначение человека, единственно достойное содержание жизни. Еще в юности Белов покинул родные места, спеша

вырваться из малоподвижного уклада и замедленного темпа сельской жизни к притягательной яркости, ускоренно-разнообразному ритму жизни городской. Шаг этот казался радостным шагом к свободе, к небывалым возможностям; позже в поэме «О чем поет гармонь» Белов скажет о том: «И тогда совсем не горевал я, / Уходя из дому належке». В «Плотничьих рассказах» герой Константин Зорин (наделенный автобиографическими черта-

ми) вспоминает, как он расстался со своей деревней: «...я всей душой возненавидел все это. Поклялся не возвращаться сюда».

Но очень скоро тяга к «отцовскому краю» становится той господствующей силой, которая определяет судьбу Белова и направление его творчества. Тема «возврата» звучит уже в первом поэтическом сборнике «Деревенька моя лесная» (Вологда, 1961). «Слишком много дедовским местам / Мы с тобою, сердце, задолжали» — эта мысль с той поры не оставляет Белова.

Путь сердца к родине, к «почве», к дому и земле у Белова не путь сентиментальных воспоминаний, созерцательной ностальгии. Это путь интенсивной художественной, языковой работы, в результате которой с 60-х в книгах Белова воссоздается мир северной русской деревни в ее природных, бытовых, речевых чертах. Эпический по своему наполнению и по способам изображения, этот мир пронизан лиризмом различных оттенков — от скорби, горечи, грусти до нежности и мягкого юмора. В сборнике повестей и рассказов «Знойное лето» (Вологда, 1963) картины сельских будней развертываются в том неспешном порядке, который привычен деревенскому календарю, чреде домашних дел, течению беседы. Реальные подробности жизни деревни воссоздаются в общей сдержанной гамме. Стремясь к достоверности во всем, Белов прибегает почти к документальной точности в обрисовке характеров и нередко превращает рассказ в очерк («Тиша да Гриша»). Наброски знакомых крестьянских типов были уже в стихотворениях «Дед», «Свекровь»; одно из первых осмыслений своих отношений с родной землей состоялось у Белова в поэме «Белая кровь», над которой писатель работал в 1961. Не случайно отрывок из последней — «На родине» — лег в основу написанного впоследствии рассказа «Холмы». Переход от поэзии к прозе у Белова естествен и по-своему неизбежен.

Большая повесть «Привычное дело» (1967) — этапное произведение в творчестве Белова, она стала и заметным литературно-общественным событием. С ее появлением литература тема народа, крестьянства приобрела новую этическую остроту, встали новые вопросы о художественной разработке этой темы. Главное лицо повести, Иван Африканович, колхозный возчик, землелашец, плотник, чело-

век работающий, незлобивый, по всем свойствам своим скорее сливается с крестьянской средой, чем выделяется из нее. Белов не торопится обнаружить внутренние планы этого образа. Повествование движется от внешнего бытового комизма первых страниц к трогательным семейным сценам, затем к драме ухода героя из Сосновки и, наконец, к последней катастрофе — смерти Катерины, жены Ивана Африкановича. Судьба героя раскрывается автором вглубь, к ее вечным, как земля, основаниям, от которых все получает устойчивость, ценность, красоту: дом, дети, труд, охота, отдых, чувство, поступок и слово. Но когда нарушаются кровные связи с этими основаниями, человек теряет бытийные опоры. Решив уйти из деревни в поисках иной доли, Иван Африканович чувствует, как «что-то надломилось, треснуло в сердце». И как трагические следствия роковой этой надломленности воспринимаются смерть жены героя, смерть семейной кормилицы коровы Рогули, блуждание Ивана Африкановича в лесу, едва не кончившееся гибелью, хотя события эти будто вызваны естественными причинами или просто случайны.

Чуткость Белова к скрытому трагизму существования героев присутствовала уже в повестях «Деревня Бердяйка» (1961), «За тремя волоками» (1965).

В более сложных ракурсах эта тема дана в «Плотницких рассказах» (1968). Для повествователя Константина Зорина город давно стал своим; деревенское прошлое отделено от него годами, психологической и культурной дистанцией. Взгляд героя на деревню иногда чуть отстранен, рационалистичен, но его вопреки всему с неодолимой силой влечет к родному дому, к старой деревенской бане, отремонтировать которую он и приехал в отпуск. Как в очищающий поток, он погружается в медлительное существование полузаброшенного села, сходится с односельчанами. Он любовно живописует старого плотника Олешу Смолина, совестливого труженика, мудрого, но вместе с тем хитровато-озорного в своих бесконечных «рассказах». Только здесь, у себя дома, Зорин ощущает «первобытную, какую-то ни от чего не зависящую основательность мяса и хлеба»; для него «нет ничего лучше в мире прохладного предбанника, где пахнет каленой сосной и горьковатым настенным зноєм», пахнет «тящим запахи июня березовым венником <...>, родимой древностью». Но эта почвенная «первобытность» не противостоит высокой культуре: когда Зорин принес в баню приемник и раздался звуки шубертовской песни, он почувствовал, что «в этих естественных, удивительно отрадных звуках не было ничего лишнего, непонятного, как в хлебе или воде; они так просто <...> слились с окружающей, казалось бы, совсем неподходящей обстановкой».

Белов ищет возможность гармонической реальности и находит ее в уютном мире «малой родины», где «тихо спят теплые ельники», где от леса веет покоем, тишиной, где так хорошо жить. Однако подобное состояние — редкость и почти недоступно современному человеку. Оно удерживается в немногих вещах Белова — таких, как рассказ «Бобришный угор», и лишь эпизодически возникает в произведениях 70—80-х.

Обращаясь к городским сюжетам, Белов обыкновенно застаёт героя в состояниях дисгармоничных. Герой болезненно переживает недостаток сердечности, любви, простоты в людях, и только неиссякающая пока вера в добро да счастье сложившиеся обстоятельства позволяют ему не падать духом («Воспитание по доктору Споку», 1974). Рассказ о таком персонаже иногда сжимается у Белова до новеллистического изложения одной коллизии, в которой нравствен-

ная острота и психическая напряженность достигают крайней степени («Чок-Получок»). Превосходно владея приемами этого изложения, Белов создает художественно эффектную вещь, но окрашена она в весьма мрачные тона.

Мотив «надломленности» самих оснований крестьянской жизни намечен был еще в «Плотницких рассказах». Рядом с Олешей возникает фигура Авенира Козонкова, бывшего колхозного активиста, до старости не расстающегося с «руководящими» замашками.

Трагическая эпоха коллективизации оказывается в центре внимания Белова с н. 70-х. Писатель выходит к новому для него жанру — роману-хронике, создавая «Кануны» (ч. 1—3, 1972—84) и продолжение их — «Год великого перелома» (1989—91). По ходу создания романа границы изображения раздвигаются, одновременно суровой становятся краски, более жесткой — кисть.

Коренное крестьянство, представленное в хронике семьями Роговых и Пачиных, делается объектом экономического и политического, а затем и физического истребления. Исполнителями этой невиданной по числу жертв, по социальным последствиям акции становятся тоже выходцы из крестьян — «братья Сопроновы, их подручные». За конфликтом социально-психологическим проступает другая великая драма. Пачины, Роговы — любимые дети земли; Сопроновы — ее пасынки. Они лишены дара любить землю, людей, родину и неизбежно впадают в ненависть, одержимы «белоглазым бешенством». Здесь не борьба классов, а борьба вселенского зла с добром.

Книга «Год великого перелома» не воспринимается как завершение хроники. Трагический эпос о земле и крестьянстве, достигший кульминации в 30-е, остается не только без развязки, но и без высшего смысла. Ясно понимая это, Белов осмысление трагедии связывает с христианским взглядом на историю России. Знаменательно, что в 3-й части «Канунов» безбожник Степан Ключин ночь напролет читает односельчанам Апокалипсис, а Новожил толкует: «Добро станет жить, а жить некому будет, никого христиан на земле не останется...». Ольховский священник о. Ириной Сулоев говорит в романе о том, что источник всех нынешних бед в нас самих, отрицавших веру, отрицавших «церковную суть и дух православия».

Самая оптимистичная, даже праздничная книга Белова — «Лад» (1979). Мир крестьянской общины, семьи, хозяйства, мир работ и досугов, ремесла и искусств, быта и языка предстает в идеально «ладном» состоянии, в каком помнит его история и в каком видит его писатель. Лад порождается правильной ритмичностью всего кругооборота земной жизни.

Автор с большим тактом умеет соединить этнографическую точность с нравственной правдой. Сама его речь — где картинна, где задушевна, где мягко-иронична, но всегда крепка, ладна, отчетлива в понятиях и оценках, всегда в ней уместно народное слово.

Новую и непростую задачу поставил себе писатель в романе «Все впереди» (1986) — исследовать современную русскую жизнь, «человеческую породу» в условиях городского смещения наций, традиций, стилей, в столкновении разных нравственно-психологических типов.

Москва — место действия романа — многосложное, противоречивое, но тоже органичное порождение российской истории. В ней еще возможны такие здоровые, сильные натуры, как Дмитрий Медведев, потомок боярского рода по отцу, по матери же — крестьянский сын. Но город обрекает эти натуры на тяжкие испытания. Москва все более подчиняется и подчиняет других противостоив-

ному «машинному ритму жизни», все более уподобляется Вавилону. Деграция личности здесь особенно безобразна, в чем убеждает образ Натальи Зуевой и о чем скорбно размышляет нарколог Иванов — человек и верящий пока в жизнеспособность добра, и одновременно зараженный, как и большинство вокруг, скепсисом и цинизмом. Хотя автору и «жалко Москву» в ее нынешнем состоянии, он не боится ставить неутешительный диагноз городу (и городской цивилизации вообще): торжество «ненасытной гордости голого рационалистического ума» умножает зло, истребляет «уважение к великим человеческим тайнам», утверждает культ технического прогресса, которым «заворожен обыватель». И тогда закономерен вопрос: не прозрачны ли надежды на будущее, не иллюзия ли то всегдашнее наше ощущение, что «все впереди»? Вместе с тем роман подводит и к др. мысли: если в этих условиях и осуществимо возрождение человечности, духовных ценностей, то лишь в трудном, но необходимом преодолении урбанистического опыта истории.

Затронутые в романе мотивы переходят в публицистику Белова, переплетаясь с основными темами его творчества — темами крестьянства, нравственного самоопределения человека, сохранения природы и национальной культуры. В своей «почвенной» позиции Белов тяготеет к философским и историческим воззрениям *И. А. Ильина*, чьи избранные работы он подготовил и издал с собственным предисловием.

Перу Белова принадлежат рассказы для детей, юмористические миниатюры («Бухтины вологодские завиральные в шести частях»), пьесы («Князь Александр Невский», «Над светлой водой» и др.), киноповесть «Целуются зори...».

Соч.: Собр. соч.: В 5 т. М., 1991—93. Т. 1—3 (изд. продолжается); Лад. М., 1982; Раздумья на Родине. М., 1986; Год великого перелома // Новый мир. 1989. № 3; 1991. № 3, 4; Внемли себе. М., 1993; Час шестой. Хроника 1932 года // Наш современник. 1987. № 9—10.

В. Котельников

БЕЛОВ Михаил Никитич (1875 — не ранее окт. 1926), поэт-самоучка. Родился в с. Васильевка Симбирской губ. в семье малоземельных крестьян. Учился в сельской школе. В 1893 стал странником и с сумой обошел многие города России. В н. 1910-х в Симбирске вошел в кружок писателей из народа Н. Н. Ильина, ценившего в творчестве Белова правду «голого содержания» (т. н. крик жизни), проявления которой видел даже в небрежностях формы у Белова (ошибках в метрике и рифмовке). Белов печатался в издаваемых им сборниках и газете «Жизнь» (1910—11). В к. 1910 вышел сборник Белова «Стихотворения» (Симбирск). Неприятательным пейзажным и бытовым зарисовкам сопутствовали размышления о людской несправедливости, кратковременности жизни, непостижимости мироздания. Критик отмечал «тихий юмор, богатую наблюдательность», которые часто прорывались вместе «с злой сатирой на ненормальные условия жизни рабочего люда».

С. С.

БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, часть общерусской литературы, ведущая свое происхождение от литературы Древней Руси. Ряд памятников древнерусской литературы создан на территории современной Белоруссии (Туровское Евангелие, поучения Кирилла Туровского и др.). В Полоцке, Турове и др. белорусских городах писались и переписывались церковные и светские книги, создавались *летописи*. Формирование белорусского языка происходило в тот период, когда Белоруссия находилась под

властью литовских, а затем польских феодалов. Этот длительный процесс совершался в условиях острой борьбы крестьянства и городских низов против феодального гнета, католицизма и агрессии польской шляхты, за воссоединение с Россией. В XIII—XIV вв., когда белорусские земли вошли в состав Великого княжества Литовского, белорусская культура была более развитой; литовцы не имели своей письменности, и белорусский язык стал официальным языком в Литовском княжестве. На нем издавались законы, составлялись летописи, велась дипломатическая переписка. На языке, из которого впоследствии развился современный белорусский язык, в XIV—XV вв. были созданы «Литовская метрика», «Судебник Казимира Ягеллончика», переписывались переводные произведения церковной и светской литературы. В XVI в. на этом языке возникли три редакции «Литовского статута» (1529, 1566, 1588).

С к. XIV в. усиливаются агрессивные действия Польши. Опираясь на иудизированную идеологию католической церкви, Польша пытается поработить русский народ Белоруссии. В ответ возникает в белорусской литературе мощное антипольское, антикатолическое, антизападное движение, во главе которого встает Русская Православная Церковь.

К 1-й пол. XVI в. относится деятельность белорусского книгопечатника и православного просветителя Георгия (Франтишка) *Скорины*. Он положил начало книгопечатанию в Белоруссии и много сделал для распространения просвещения. В Праге он перевел на белорусский язык и начиная с 1517 печатал книги Библии со своими предисловиями, послесловиями и комментариями, в которых развивал патриотические идеи. В 1525 Скорина выпустил в Вильно «Апостол» и «Малую подорожную книжицу». Он печатал книги на понятном для народа языке, способствуя развитию белорусской письменной литературы.

На белорусском языке вышли: статут Литовский 1530; хроника Быховца, написанная пинско-брестским говором; летопись Федора Евлашевского (1546—1604); «Псалтырь» Скорины, изданный в Вильне в 1551, и его же «Акафисты»; «Устав на волоки» Сигизмунда Августа (изд. 1557); протестантский «Катехизис» Симона Будного и его же «Оправдание грешного человека», — то и другое издано в 1562 в Несвиже. В 1580 напечатано Евангелие монаха Тяпиньского; в 1595 — «Казанние на осмы артыкул веры и о Антыхрысте» *Стефана Зизания*, и «Апокрисис альбо одноведь на книжки о соборе Берестейском». К тому же времени относятся полемические произведения «Ектезис альбо короткое собрание справ, которые ся дялы на памятном сыноди Брестенском» и «Перестрога» неизвестного автора. Характер белорусской печати в XVII в. остается тот же, переводы Евангелия и богословско-полемические трактаты, «Омилии» или «Казанья», но к этому присоединяются «Вириши» и переводы разных «повестей смехотворных», а также трактатов по медицине, военному делу, истории. Список лиц, писавших в XVI в. по-белорусски, довольно велик: Азария, Бронский, Бернда, Баранович (Лазарь), Волкович, Гарчин Даниил, Дамиан пресвитер, Зизаний, Коссов, Кисель, Кирилл иеромонах, Кишка Лев митрополит, Копыстенский (Зах.), Максимович, Мужилловский Андрей, Радзивилловский Антоний, *Смотрицкие Мелентий и Герасим, Сакович*, Старушич Игнатий, Ставровский. Белорусская литература носила православный характер. Главными мотивами ее в XVI—XVII вв. была борьба с католичеством и «жидовским засильем». Публицистический сбор-

ник («Диариуш») А. Филиповича и полемические соображения Л. Карповича были направлены против унии. К литературным памятникам этого времени принадлежат стихи А. Рымши, мемуары («Дневник») Ф. Евлашевского (1546—1604) и «Записки жителя селца Баркалабова» («Баркалабовская летопись», 1563—1608). Из обличительной литературы того времени наиболее известна «Речь Мелешки» — острая сатира на польских королей и шляхту. Идеи борьбы за воссоединение белорусского народа с русским народом выражены в творчестве Симеона Полоцкого (1629—80), в сборниках его стихов «Рифмологион» и «Вертоград многоцветный» (1678). В 1697 польский сейм запретил издание белорусских книг, пользование белорусским языком в суде, школе и в учреждениях. Жестокая католическая реакция, наступившая в к. XVII в., тяжело отразилась на развитии белорусской культуры. В XVIII в. письменная литература пришла в упадок. В этот период создавались анонимные стихи, интермедии, т. н. школьные драмы.

В XIX в. началось научное изучение белорусской литературы. Линде в своем «Словаре» (1807—14) поместил немало белорусских выражений. В 1823 Данилович напечатал три литературно-русских летописи; в 1824 появился в Москве «Белорусский архив» И. Григоровича. Последовали издания белорусских песен Я. Чечота (1846), Е. Тышкевича (1847), Р. Зенкевича (1851) и др. Не раз встречаются также попытки в XIX в. воспользоваться белорусским языком для литературных целей. «Katechism w. dyalekcie krywiczanskim», изданный в Вильне в 1846, известен только по заглавию.

Почти единственным проявлением поэтического творчества народа в период польской оккупации был фольклор. Белорусы создали многообразную устную поэзию. Поэзия эта привлекла в XIX в. пристальное внимание собирателей и исследователей. Вышли сборники и исследования устного творчества: П. М. Шпилевский «Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических поверьях» (1853); И. И. Носович «Сборник белорусских пословиц» (1874), «Белорусские песни» (1874); И. Бессонов «Белорусские песни» (1871); П. В. Шейн «Материалы для изучения быта и языка русского полейся Северо-Западного края» (т. 1—3, 1887—1902); Е. Р. Романов «Белорусский сборник» (вып. 1—9, 1886—1912); М. Федоровский «Народ белорусский» (т. 1—6, 1897—1960) и др. Эти работы дали богатый материал для изучения истории, быта, языка и национального характера белорусов. В сборниках широко представлены сказания, легенды, героические и лирические песни, сказки и пословицы. Фольклор оказал большое влияние на развитие новой белорусской литературы.

Воссоединение в к. XVIII в. Белоруссии с Россией, возвращение белорусов в общерусскую культуру дало толчок развитию новой белорусской литературы. О благотворном влиянии русской культуры свидетельствовали анонимные «гутарки», стихи, диалоги и такие крупные произведения новой белорусской литературы, как сатирические поэмы «Энеида наизнанку» и «Тарас на Парнасе», созданные неизвестными авторами в 1-й пол. XIX в. Поэмы проникнуты сочувствием к крестьянству, угнетаемому польской шляхтой, ненавистью к польскому деспотизму, продолжавшему сохраняться в западно-русских землях даже после возвращения Белоруссии в состав России; они содержат реалистические картины крестьянского быта и труда, написаны колоритным народным языком. Автор «Тараса на Парнасе» тепло отзывался об А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, Н. В. Гоголе, В. А. Жуковском и др.

Возвращение белорусской литературы в общерусское русло, с одной стороны, значительно обогатило ее, а с другой, усилило процесс ее расслоения. Все наиболее талантливое и значительное создавалось на общерусском языке, а остальное приобретало черты областной, местной литературы, консервирующей некоторые отсталые черты языка.

Тем не менее местная литература на белорусском языке продолжала выходить, но была ориентирована преимущественно на крестьянство.

В 1830—40-е писал талантливый поэт из крепостных П. Баргим; из его произведений сохранилось лишь стихотворение «Заиграй, заиграй, хлопче малый». В идиллических тонах изображали жизнь крестьянства писатели консервативного направления (А. Рипинский, Я. Борщевский). Большой вклад в развитие белорусской литературы внес В. И. Дунин-Марцинкевич (1807—84). В произведениях доперформенного периода (либретто оперы «Селянка», 1843; поэмы «Гапон», 1854, «Вечорницы», 1855, «Купалье», 1856, «Щаровские дождинки», 1857) наряду с реалистическими картинами сельской жизни и труда заметна идеализация взаимоотношений крестьянина и помещика, патриархального деревенского быта. Писатель изображал добрых помещиков, заботящихся о своих крестьянах. Однако в поэмах «Былины, рассказы Наума» и «Халимон на коронации» (1857) отчетливо выступило реалистическое начало. В комедиях «Пинская шляхта» (1866) и «Сватовство» (1870) писатель резко обличал чиновников-взяточников. Это были первые значительные произведения белорусской драматургии. Художественная публицистика К. Калиновского и особенно стихи и поэмы видного поэта Ф. Богушевича (1840—1900) делают основной упор на развитие народной литературы на белорусском языке. В стихах и поэмах Богушевича (сб. «Дудка белорусская», 1891, и «Смычок белорусский», 1894, изд. за границей) выражен протест русского крестьянства против произвола польских помещиков. К 80—90-м относится деятельность поэтов Янки Лучины (И. Неслуховского, 1851—97) — автора сборника «Вязанка», А. Гуриновича (1869—94), А. Абухевича (1840—1905), Ф. Топчевского.

В русле народной литературы на белорусском наречии выходили стихотворения Янки Купалы, Якуба Коласа, Тетки (А. Пашкевич, 1876—1916). Крестьянскими идеями проникнуты стихи А. Пашкевича, собранные в книгах «Крещение на свободу» (1906) и «Скрипка белорусская» (1906). Я. Купала и Я. Колас выступили как подлинно народные поэты. По богатству идей и образов их творчество является вершиной белорусской литературы того времени. В н. XX в. Я. Купала издал сборники стихов «Жалейка» (1908), «Гусяр» (1910), «Дорогой жизни» (1913), драматические поэмы «Извечная песня» (1910), «Сон на кургане» (1912) и пьесу «Павлинка» (1913), написал драму «Разоренное гнездо» (1913, отд. изд. 1919). На материале фольклора Я. Купала создал поэмы «Курган», «Бондаровна» и «Могилла льва». Я. Колас выступал как поэт, прозаик и драматург, писал публицистические и критические статьи. Перед катастрофой 1917 вышли его сборники «Песни печали» (1910), «Рассказы» (1912), «Дар Немана» (1913), «Толстое полено» (1913), «Родные образы» (1914).

БЕЛОУСОВ Иван Алексеевич (27.11[9.12].1863—7.01.1930), поэт-самоучка. Сын ремесленника из крестьян. Написал: «Каждый для себя и немногих» (Самара, 1885), «Из “Кобзаря” Т. Г. Шевченко и украинские мотивы» (Киев, 1887), «Божья воля», рассказ (М., 1891), «Народные мотивы» (Киев, 1892), «Малыши», рассказы и стихотворения для детей

(СПб., 1893; М., 1896), «Из песен о труде», стихотворения (М., 1897), «Моим деткам», рассказы и стихи (2-е изд., М., 1898) и «Маленький кобзарь Т. Шевченко. Переводы». Под его редакцией изданы «Родные звуки», сборник стихотворений поэтов-самоучек (М., 1887).

БЕЛЫЙ Андрей (псевд.; наст. имя — **Бугаев Борис Николаевич**) (14[26].10.1880—8.01.1934), писатель, теоретик *символизма*. Родился в Москве в семье профессора математики

Н. В. Бугаева. В 1903 окончил естественное отделение математического факультета Московского университета. Изучение Ч. Дарвина, философов-позитивистов сочеталось у Белого с увлечением теософией и оккультизмом, философией Вл. Соловьева, А. Шопенгауэра, неокантианства. Белый выступил в печати со стихами в 1901. Принадлежал к символистам «младшего» поколения (вместе с А. Блоком, Вяч. Ивановым, С. Соловьевым, Эллисом).

Первый сборник стихов Белого «Золото в лазури» (1904) отразил восхищение патриархальной стариной и одновременно ее ироническое переосмысление. В написанных ритмической прозой и построенных как крупное музыкальное произведение четырех симфониях («Героическая», 1900, изд. в 1903 под названием «Северная симфония»; «Драматическая», 1902; «Возврат», 1905; «Кубок метелей», 1908) сказались новаторские черты поэзии Белого; мистические мотивы в них перемежаются с пародированием собственных апокалиптических чаяний (2-я симфония). Смута 1905 вызвала у Белого усиленный интерес к общественным проблемам. В поэтическом сборнике «Пепел» (1909) запечатлены картины народной скорби, трагедия деревенской Руси, даны остро сатирические портреты власть имущих. В дальнейшем Белый обращается к философской лирике («Урна», 1909), возвращается к христианско-мистическим мотивам («Христос воскрес», 1918; «Королева и рыцари», 1919; «Звезда», 1919; «После разлуки», 1922). В прозе Белого рассудочный символизм своеобразно переплетается с реалистическими традициями *Н. В. Гоголя*, *Ф. М. Достоевского*. В романе «Серебряный голубь» (1909) изображены мистические искания интеллигента, попытки сближения с народом. Лучшее прозаическое произведение Белого — роман «Петербург» (1913—14, перераб. изд. 1922), где сквозь символистскую образность проступает резкая сатира на чиновничий Петербург. Олицетворением чиновничьего режима становится гротескно-заостренная фигура сенатора Аbbleухова, живого мертвеца, пытающегося «подморозить» Россию, подавить смятенные «острова» столицы. Революционное движение в романе рисуется как танец вампиров. Находясь за границей, Белый в 1912 испытал влияние главы антропософов Р. Штейнера и увлекся его учением о самосовершенствовании. В 1916 возвратился в Россию. После 1917 Белый вел занятия по теории поэзии с молодыми писателями, издавал журнал «Записки мечтателей». В автобиографических повестях «Котик Летаев» (1922), «Крещеный китаец» (1927) и исторической эпопее «Москва» (ч. 1— «Московский чудака», 1926, ч. 2 — «Москва под ударом», 1926; «Маски», 1932) он оставался верен символистской поэтике с ее сюжетной разбросанно-

стью, смещением плоскостей, предельным вниманием к ритму фразы, звуковому ее смыслу. Картины разложения империи «прорывались» в прозе Белого сквозь апокалиптические и мистические видения о «пришествии антихриста». Как теоретик-стиховед и литературный критик Белый выступил с книгами «Символизм» (1910), «Луг зеленый» (1910), «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» (1929) и др., в которых широко разработал проблемы стиховедения. Значительный интерес представляют мемуары Белого: «На рубеже двух столетий» (1930), «Начало века. Воспоминания» (1933) и «Между двух революций» (1934), в которых дана широкая картина идейной жизни русской интеллигенции XX в.

Соч.: Собр. соч., т. 4, 7 [М.], 1917; Избр. стихотворения. Берлин, 1923; Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934; Петербург; М., 1935; Стихотворения. Л., 1949; Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940.

Лит.: Брюсов В. Далекое и близкое. М., 1912; Иванов-Разумник. Вершины. А. Блок, А. Белый. Пг., 1923.

О. Михайлов

БЕЛЫЙ СТИХ, название стихов без рифм. Белый стих наиболее употребителен в русской народной поэзии. В книжной же русской поэзии белый стих, наоборот, менее употребителен. Досиллабический и силлабический период русской поэзии характерен особенным вниманием поэтов к рифме. Но уже *В. Тредиаковский*, увидев основу стиха не в рифме, а в ритме, метре, пренебрежительно назвал рифму «детинской сопелкой». Он первый стал писать гекзаметры белым стихом, без рифмы. Вслед за ним *А. Кантемир* перевел белым стихом «Анакреонтовы песни» и «Письма» Квинта Горация Флакка — факт большой важности, свидетельствующий о том, что поэты-силлабисты считали главным в стихе не рифму, а, как писал Кантемир, «некое мерное согласие и некой приятной звон», т. е. метрический ритм, стопный размер. Если белые стихи гекзаметра и др. античных размеров были приняты в русской книжной поэзии без спора, то белые стихи в др. размерах не сразу привились в практике поэтов. Наиболее решительным защитником белого стиха в н. XIX в. был *В. Жуковский*. Его поддержали *А. Пушкин*, *А. Кольцов*, отчасти *М. Лермонтов*; и далее белый стих перестает быть редким явлением в русской поэзии. Для белого стиха характерна астрофичность или белая строфика, т. к. строфическое разнообразие в стопном стихе определяется разнообразной системой рифмовки. Однако отсутствие рифмы не лишает белый стих поэтических достоинств; основные компоненты стиха — ритм, образность языка и прочее — в белом стихе сохраняются. В частности, белый стих остается наиболее принятым в драматических произведениях.

БЕЛЮСТИН Иоанн Иоаннович (1820—1890), священник, публицист. Учился в Новгородской семинарии, был протоиереем в Калязине Тверской губ. Его публицистическая деятельность доставила ему много неприятностей. Сотрудничал в «Журнале Министерства народного просвещения», «Санкт-Петербургских ведомостях» (ред. В. Ф. Корш), «Неделе» и др. Отдельно издал: в 1859 анонимно за границей книгу «О сельском духовенстве в России», затем «Два и последние слова о народном образовании» (СПб., 1861), «Приходские учителя» (СПб., 1861), «О церковном богослужении» (2 ч., 5-е изд., СПб., 1862—75); «О Божественной литургии» (8-е изд., СПб., 1864—86), «Вечерние беседы с крестьянами» (2 кн., 2-е изд., СПб., 1865—86);

«Наука — путь к царству вечному» (СПб., 1867); «Страстная неделя» (М., 1869); «Путь узкий и широкий» (СПб., 1870) и «Из церковных бесед» (СПб., 1872).

БЕЛЯЕВ Александр Романович (4[16].03.1884—6.01.1942), писатель. Учился на юридическом факультете и одновременно в консерватории. Начал печататься в 1910. Переменил много профессий — был артистом, воспитателем в детдоме, библиотекарем и др. С 1925 занялся только литературной деятельностью. Беляев — один из основоположников русской научно-фантастической литературы. Его книги посвящены проблемам науки и техники будущего, освоения Вселенной, биологии, медицины и др.: «Голова профессора Доуэля» (1925), «Остров погибших кораблей» (1926—27), «Человек-амфибия» (1928), «Над бездной» (1927), «Борьба в эфире» (1928), «Прыжок в ничто» (1933), «Звезда КЭЦ» (1936), «Чудесное око» (1935), «Лаборатория Дубльва» (1938), «Под небом Арктики» (1938) и др. Беляев — автор сценария фильма «Когда погаснет свет», статей по теории научно-фантастического жанра. Лучшие произведения Беляева отличаются научностью, занимательностью и юмором.

Соч.: Избр. научно-фантастич. произведения. Т. 1—3. М., 1958; Остров погибших кораблей: Повести и рассказы. Л., 1958.

БЕЛЯЕВ Владимир Павлович (8[21].03.1909—11.02.1990), писатель. Родился в г. Каменец-Подольск. С 1926 работал литейщиком в Бердянске, Ленинграде; редактировал заводские газеты. В 1936 опубликовал повесть «Подростки», в 1939 — сборник рассказов «Украинские ночи». Трилогия «Старая крепость» (ч. 1—3, 1937—51; Сталинская премия, 1951) повествует о приключениях ребят пограничного городка в годы гражданской войны. По мотивам трилогии создан кинофильм «Тревожная молодость» (1955). Беляев — автор киносценариев «Голос Тараса» (1941), «Час расплаты» (1941) и др., а также очерков, повестей, рассказов. Ему принадлежат также острые политические памфлеты против украинских националистов, католической церкви (сборники — «Формула яда», «Расплители сознания»).

БЕЛЯЕВ Осип (Иосиф) Петрович (ок. 1763—1807), писатель. Сын священника. Учился в *Славяно-греко-латинской академии*; по указу о пополнении Академического университета семинаристами в марте 1783 из класса философии был переведен в Петербург, где продолжил образование, а впоследствии определен на службу. На экзамене Беляев показал, что «нарочито твердо» знает основы арифметики, начатки греческой грамматики, переводит с латыни, читает по-французски и совершенно не знает немецкого языка. В нояб. 1783 Беляев был произведен в студенты и одновременно определен на службу при Кунсткамере; 21 июля назначен в подчинение библиотекаря И. Ф. Буссе надзирателем музея вместо умершего С. Бухвоста. С 1797 Беляев числился унтер-библиотекарем; в 1800 исполнял обязанности корректора типографии и преподавателя «верхних и нижних российских классов» Академической гимназии. С 1804 преподавал в Пажеском корпусе. Умер в чине надворного советника.

Первые стихотворения Беляева стали появляться с 1788 — анонимно и за подписью «О. Б.». Позднее они вошли в книгу Беляева «Муза, или Собрание разных забавных сочинений в стихах». В сборнике представлены подражания легкой поэзии (дружеские и любовные стихи, «песенки»), но основную часть составляют сатирические

произведения (*притчи, басни, эпиграммы*), в которых ощущается влияние *А. П. Сумарокова*. Одна из эпиграмм Беляева (Маралов написал стихов велику груди) приписывалась Д. П. Горчакову.

Остальные сочинения Беляева носят популярно-исторический характер. Наиболее известен его каталог-путеводитель «Кабинет Петра Великого...» (1793, ч. 1—2), сохранивший значение первого на русском языке описания «восковой персоны», личных вещей имп. Петра I, коллекции медалей, монет и др. экспонатов Кунсткамеры. В описании включены исторические *анекдоты* и этнографические сведения о народах, представленных в Кунсткамере. Дополненное переиздание «Кабинета...» (СПб., 1800, ч. 1—3) было осуществлено по личному приказанию имп. Павла I «в пользу автора». Панегирическое отношение к имп. Петру I ощущается также в составленном Беляевым сборнике анекдотов «Дух Петра Великого <...> и соперника его Карла XII» (1798). Статьи сборника (224 посвящены Петру I, 40 — Карлу XII) имеют отчетливо сопоставительный смысл, акцент сделан на афористических фразах героев. Анекдоты представляют собой обработку материалов И. И. Голикова, Я. Я. Штелина, сочинений Вольтера («История России в царствование Петра Великого», «История Карла XII» и др.). Изданиями Беляева пользовался *А. С. Пушкин* при работе над «Историей Петра».

В последние годы жизни Беляев составил историческое описание русских монастырей под заглавием «Зерцало российских монастырей...». Предназначенное к печати в 1806, оно было остановлено Синодом, возвращено автору для исправлений и в свет не вышло.

В. С.

БЕЛЯНКИН Лука Евдокимович (1812—9[21].03.1874), писатель-самоучка.

В числе первых литературных произведений Белянкина — тщательно составленные популярное очерки: «Исторические записки и сведения о Покровском и св. Василия Блаженного соборе... почерпнутые из достоверных источников» (М., 1847, 1867), «Исторические записки о Фроловских, что ныне Спасские, Кремлевских воротах...» (М., 1850, 1872); писал их и в дальнейшем — «Описание Новгородского Софийского собора...» (М., 1862).

Участвовал (конторщиком, приказчиком) в деле отца, торговавшего свечами при Покровском соборе, затем свыше 30 лет вел дело самостоятельно. Отвлекаясь от монотонной обыденности, уносился фантазией в бурные моря и экзотические страны — писал приключенческие повести, адресованные детям и взрослым своего круга: «Приключения с индейцем на необитаемых островах» (М., 1856, 1870), «Игра случая, или Еще Робинзон Крузо...» (ч. 1—2, М., 1857, 1870), «Рассказы туриста для детей обоюбого пола и возраста о происшествиях, почерпнутых им в своей жизни из походов и воспоминаний во время кругосветного его плавания» (ч. 1—3, М., 1868, 1874), «Золотая рыбка» (ч. 1—2, М., 1869), «Морские тайны...», «Капитан корабля Б-лкин, или Некоторые черты из жизни моряков...» (обе — М., 1871), «Кораблекрушение...» (М., 1874). Для произведений Белянки-

на характерна попытка создать своего рода морской роман путешествий — на полулубочной основе. Писал Белянкин и стихи, вне каких-либо норм версификации (сб. «Думы, мысли, изречения и воспоминания о прошлом в стихах и прозе» М., 1862). Видимо, ему же принадлежат рассказы и сказки (частью, возможно, переделки) в изданных им сборниках: «Детская любовь» (М., 1854, 1865, 1871), «Незабудка. Нравственные рассказы для девочек и мальчиков» (М., 1857, 1865, 1871), «Материнская любовь к детям, или Рассказы и сказки» (М., 1865) — идиллические, прямолинейно-нравоучительные.

Лит.: Русские писатели 1800—1917. М., 1989. Т. 1.

БЕНЕДИКТОВ Владимир Григорьевич (5[17].11.1807—14[26].04. 1873), поэт, переводчик. Родился в Петербурге.

Отец из духовного звания. Образование получил в Олонецкой губернской гимназии. В 1821 принят во 2-й кадетский корпус в Петербурге. В 1827 выпущен прапорщиком в лейб-гвардейский Измайловский полк. С 1831 — поручик. В польскую кампанию (1830—31) участвовал в штурме Варшавы. Получил орден св. Анны IV степени «За храбрость». К этому времени относятся самые ранние его стихи: «Праздник на биваке», «Бранная красави-

ца», «Прощание с саблею».

В 1832 Бенедиктов вышел в отставку и поступил на службу в Министерство финансов. Быстро продвигался по служебной лестнице: в 1837 — старший секретарь Общей канцелярии (доверенное лицо министра Е. Ф. Канкрин). Увлекался математикой, астрономией, писал стихи. О последнем знали немногие. В дружеских отношениях с П. П. Ершовым (автором «Конька-горбунка»), В. С. Филимоновым (автором поэмы «Дурацкий колпак»), театралом А. К. Баумгартеном и актерами петербургских театров.

В 1835 давний приятель Бенедиктова, выпускник Олонецкой гимназии, участник польской кампании, автор военных рассказов В. И. Карлгоф (при поддержке А. В. Никитенко) издал «Стихотворения Бенедиктова». Книга стала сенсацией (в 1836 вышло 2-е издание). Бенедиктов вошел в число самых популярных поэтов. «Библиотека для чтения» в 1836—37 публикует его стихи из номера в номер. Бенедиктов — желанный автор и в др. изданиях. В 1838 выходят «Стихотворения. Вторая книга». В 1838—42 Бенедиктов выпускает двухтомник. О нем пишут, спорят, превозносят, низвергают. По свидетельству Я. П. Полонского, «не один Петербург, вся читающая Россия упивалась стихами Бенедиктова. Он был в моде — учителя гимназий в классах читали стихи его ученикам своим, девицы их переписывали, приезжающие из Петербурга молодые франты хвастались, что им удалось заучить наизусть только что написанные и еще нигде не напечатанные стихи Бенедиктова». Этот «феномен Бенедиктова» трудно объяснить только эротичностью его стихотворений «Кудри», «Вальс», «Кокетка», «Предостережение», быстропроходящей модой или же, по выражению того же Полонского, снижением поэзии до вкусов «значительно опошлившейся публики».

К этой публике трудно причислить В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, С. П. Шевырева, Ф. И. Тютчева.

В 50-е Бенедиктов отдал дань гражданским темам. Перевел стихотворение О. Барбье «Собачий пир», оно ходило в списках по России. Н. А. Некрасов в «Современнике» (январь 1861) опубликовал два стихотворения Бенедиктова («Борьба», «И ныне»). Молодежь рукоплескала его стихотворению «К новому поколению», в котором звучат строки: «Шагайте через нас!»

В 1858 Бенедиктов завершает свою довольно успешную карьеру в качестве крупного банковского чиновника. Удаляется он и от литературы. В последнее десятилетие ведет замкнутый образ жизни, занимается «для души» переводами.

Соч.: Стихотворения. Т. 1—3. СПб., 1883—84; Сочинения. 2-е изд. Т. 1—2. СПб.; М., 1902; Стихотворения. Л., 1939; Стихотворения. Л., 1983.

М. Шаповалов

БЕНЕДИКТОВ Михаил Степанович (1753—8[20].05.1833), писатель. Сын священника Смоленской губ.; получил образование в Духовной семинарии, некоторое время преподавал в Ярославской духовной семинарии; затем учился в Московском университете. До конца жизни находился на государственной службе.

Прекрасно образованный человек, заслуживший у современников прозвище «владимирского Гете», Бенедиктов всю жизнь проявлял интерес к литературе и был в курсе всех новинок. Еще студентом Московского университета он сочинил две прозаические идиллии, издал их под заглавием «Непорочные забавы, или Невинное препровождение праздного времени» (1783). Развивая мысль о необходимости и неизбежности зла в мире, Бенедиктов в духе христианского вероучения проповедовал смирение и покорность Божьей воле, утверждая, что «бедствия, которые нас терзают, провидение для того ниспосылает, дабы испытать мужество наше».

Бенедиктов владел латынью, итальянским и французским языками и всю жизнь много занимался переводами. После смерти Бенедиктова в его архиве были обнаружены многочисленные рукописи переводов, гл. обр. философского и юридического содержания. Обширная библиотека Бенедиктова легла в основу Владимирской публичной библиотеки.

Лит.: Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 1. Л., 1988.

БЕНЕЦКИЙ Николай Францевич (1804—5[17].12.1852), баснописец. Из дворян Витебской губ. По окончании Московского университета (1825) до конца жизни был учителем русского языка и чистописания. Бенецкий — автор единственного сборника «Басни и параболы» (Ревель, 1830), первого издания, вышедшего в Ревеле на русском языке. Печатался в Ревельском журнале «Радуга» (1832), издававшемся при негласном руководстве и участии М. Л. Магницкого, занимавшего резко негативную позицию по отношению к новейшей западной философии, науке и литературе. Басни Бенецкого, произвольно разделенные на «басни», «параболы» и «апологи», в остроумной форме критиковали западную жизнь.

БЕНИЦКИЙ Александр Петрович (1782—30.11[12.12].1809), писатель. Родился в дворянской семье. Был на военной службе, затем служил переводчиком в Комиссии составления законов. Литературную деятельность начал в 1805. В 1806 вступил в *Вольное общество любителей словесности, наук и художеств*. В 1807 издал альманах «Талия», в

1809 совместно с А. Е. Измайловым — журнал «Цветник», заполненные в значительной мере произведениями Бенитцкого. В «Талии» Бенитцкий опубликовал подборку басен в манере И. И. Дмитриева, а также напечатал кантату «Ино», подражание К. В. Рамлеру, и др. стихотворения; здесь же впервые заявил о себе как прозаик: «восточные» повести «Ибрагим, или Великодушный», «Бедуин» и «Параллели: Женщина и дама. Умный и дурак». В своих сатирических «восточных» повестях, стихах, баснях он обличал пороки дворянского общества. В литературно-критических статьях и рецензиях выступал сторонником Н. М. Карамзина.

БЕРГ Николай Васильевич (24.03[5.04].1823—16[28].06.1884), поэт и переводчик. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета, который

оставил в 1846. Первые стихотворные переводы опубликованы в 1845 в журнале «Москвитянин». В н. 50-х примыкал к «молодой редакции» «Москвитянина». В 1854—55 участвовал в обороне Севастополя. В 1859—63 — корреспондент журнала «Русский вестник» и др. в Италии, Египте, Польше и др. С 1868 был лектором русского языка и литературы в Варшаве. В 1874—77 редактировал «Варшавский дневник». Берг наиболее известен своими переводами: «Краледворская рукопись.

Собрание древних чешских эпических и лирических песен» (1846), «Песни разных народов» (пер. с 28 языков, 1854), кн. «Библиотека иностранной поэзии. Выпуск 1 — Переводы и подражания Н. В. Берга» (1860) и поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» (полностью опубл. 1875) и др. В главной работе Берга проявились славянофильские тенденции. Берг — автор «Записок об осаде Севастополя» (т. 1—2, 1858), «Записок о польских заговорах и восстаниях 1831—1862» (1873), воспоминаний о Н. В. Гоголе (впервые напечатаны в 1872, опубл. в сб. «Гоголь в воспоминаниях современников». М., 1952) и др.

БЕРГ Федор Николаевич (12[24].09.1839—4[17].04.1909), писатель, член Союза русского народа.

Учился в воронежском кадетском корпусе, некоторое время служил офицером.

Впервые публикуется в 1859 (стихотворение «Утро»). В этом же году сближается с А. Н. Плещеевым и В. Д. Костомаровым. С 1860 по рекомендации Плещеева публикует стихи, переводы, критические статьи и рецензии в журналах «Современник», «Эпоха», «Время» (в т. ч. стихотворение «Птицы», 1863). В 1860—63 получает известность как переводчик Гейне, а также О. Барбье, В. Гюго, П. Ж. Беранже, Х. К. Андерсена, А. Г. Эленшлегера и др.

В оригинальных стихах Берга ощутимы некрасовские мотивы: напр., «На улицах, среди толпящихся людей», посвященное Плещееву; «В поле» («Время». 1862. № 9), посвященное Ф. М. Достоевскому; «Зайка» («Время». 1862. № 12). Совместно с Костомаровым и на его средства выпускает «Сборник стихотворений иностранных поэтов» (вып. 1. М., 1860), а затем сборник «Поэты всех времен и народов» (вып. 2. М., 1861). Осенью 1861 переезжает в Петербург, в окт. подвергается аресту и заключению в Петропавловскую крепость по подозрению в сочувствии студенческим волнениям, а также по «костомаровскому» делу. В 1863 печатает в «Современнике» несколько стихотворений и роман «Закоулок» (№ 1—3), в котором передано стремление героя — воспитанника кадетского корпуса вырваться из-под гнета рутинной атмосферы. Эти публикации посвящены члену «Знаменской коммуны» нигилистов В. А. Слепцова — переводчице М. Н. Коптевой, с которой Берг был близок. Под впечатлением трагической гибели Коптевой, Берг резко меняет образ жизни, разрывает все отношения с нигилистами, полностью отказывается от поэтического творчества.

В 1864—68 он живет в Вологодской губ., где занимается этнографией, фольклором, краеведческими изысканиями.

Разорвав отношения с нигилистами, Берг переходит на православно-монархические, патриотические позиции. Издал книгу, посвященную государственному учению свт. Филарета (Дроздова), митрополита Московского, книгу о свт. Стефане Пермском и др. Посылает в журнал «Русский вестник» М. Н. Каткова, газету «Русский» М. П. Погодина очерки из жизни местного населения в форме «писем», выражая в них чаяния русского народа. В 1869 возвращается в Петербург, выступает гл. обр. как публицист в журналах «Заря» В. В. Кашпирева («Заметки из путевой книжки». 1869. № 10—12; «Страна гор». 1870. № 8 и др.) и «Русский вестник». С 1874 фактический, а затем и официальный редактор-издатель газеты «Русский мир». В 1878—87 редактор журнала «Нива». Публикует статью «Будущее дворянства» («Гражданин». 1887. 8 и 15 марта), в которой выступает за сословный характер землевладения как гарантию существования дворянства. В к. 1887, после смерти Каткова, арендует у его наследников «Русский вестник», переводит издание в Петербург и доводит число подписчиков до 6 тыс. Через 8 лет, вследствие финансовых затруднений, отказывается от журнала. Редактирует московскую газету «Русский листок» (1898—99), журнал «Родная речь» (1900—03) и газету «День» (1903—09). Был почетным членом Русского Монархического собрания и Русской Монархической партии. 29 апр. 1907 выступал на I-м Всероссийском Съезде представителей правой русской печати.

Скончался в Алексеевской психиатрической лечебнице, похоронен на Даниловом кладбище. 3 окт. во время Съезда русских людей в Москве 27 сент.—4 окт. 1909, когда исполнилось полгода со времени его кончины, о. И. И. Восторгов совершил панихиду, на которой присутствовал св. митр. Владимир (Богоявленский).

Соч.: Сборник стихотворений иностранных поэтов / Пер. В. Костомарова и Ф. Берга. Вып. 1. М., 1860; Поэты всех времен и народов. Сборник. Переводы Ф. Н. Берга, В. Д. Костомарова и др. Вып... М., 1862; Два ума (Государственное учение Филарета, митрополита Московского. М., 1885; Русские писатели о святых местах. И. С. Турганев, Н. Н. Страхов, С. П. Шевырев, гр. С. Д. Шереметев / Под ред. Ф. Н. Берга. М., 1899; Святой Стефан Пермский / Под ред.

Ф. Н. Берга. М., 1900; Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Под ред. Ф. Н. Берга. М., 1901.

Лит.: Федор Николаевич Берг. 30-летний юбилей литературной деятельности. Сборник. СПб., 1894.

Е. Б., А. С.

«БЕРЕГ», ежедневная русская патриотическая газета. Выходила в С.-Петербурге в 1880 под редакцией проф. П. Цитовича.

БЕРЕЗАЙСКИЙ Василий Семенович (1762—1821), переводчик и писатель; преподавал словесность и арифметику. Напечатал: «Храм безсмертных славы императора Петра Великого, или обстоятельное описание побед его над Карлом XII, королем шведским» (СПб., 1789, с фр.); «Любопытное открытие города Геркулана» (СПб., 1789—95, с фр.); Арифметика для употребления в обществе благородных девиц» (СПб., 1818). Большой популярностью пользовались «Анекдоты древних пошехонцев» (СПб., 1798; 2-е изд., 1863), большей частью взятые из народных преданий, но подвергшиеся литературной обработке.

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ, памятники древнерусской письменности XI—XV вв., открытые в 1951 и позднее при археологических раскопках в Новгороде. На 1961 найдено 400 берестяных грамот. Единичные найдены в Смоленске (1952), во Пскове (1958) и в Витебске (1959). Они различны по величине: одни представляют собой фрагменты из нескольких букв или слов, др. — целые тексты. Берестяные грамоты — ранее неизвестный тип памятников письменности. Они написаны заостренным предметом путем продавливания или процарапывания на внутренней (реже наружной) стороне бересты. До открытия берестяных грамот, кроме столь же древних текстов, написанных чернилами и красками на пергаменте, были известны лишь надписи, нанесенные путем выщербления или продавливания на камне, металле, дереве, штукатурке. Древними памятниками, равными по содержанию берестяным грамотам, наука не располагала вообще. Берестяные грамоты — памятники письменности, удовлетворявшие потребности всех новгородцев от посадника до крестьянина. Среди берестяных грамот имеется частная переписка, официальные документы (завешания, договоры, закладные, документы судопроизводства, распоряжения и т. п.), частные записи, ученические упражнения, детские рисунки с надписями, заклинания и, по-видимому, отрывки из художественных произведений. Авторы берестяных грамот — лица, принадлежавшие к разным социальным группам древнего Новгорода, в т. ч. ремесленники и крестьяне. До открытия берестяных грамот считалось, что грамотными в Древней Руси были лишь духовенство и феодалы. Берестяные грамоты, относящиеся к раннему периоду русской письменности, позволяют сделать вывод, что уже в то время грамотность на Руси была распространена широко, в частности среди женщин.

БЕРЫНДА Памва (? — ск. 13[23].07.1632), лексикограф, поэт, переводчик. Был активным членом Львовского братства, вел издательскую деятельность. С 1616 работал в типографии Киево-Печерской лавры. Автор знаменитого словаря «Лексикон славенороссийский...» (1627), оказавшего большое влияние на развитие русской лексикографии, стихов панегирического и духовного содержания.

Соч.: Лексикон славенороссийский... // Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. 2, кн. 5. СПб., 1849; *Титов Х.* Матеріалы для історії книжної справи на Україні в XVI—XVIII вв. Везбірка передмов українських стародруків. Київ, 1924.

БЕСЕДА, название вечеринок (особенно зимой) в русских деревнях; на этих беседах, нередко заканчивавшихся пирушкой, выступали рассказчики, сказочники, поселники, былинники; т. о., беседы были некогда своеобразными литературными собраниями. Беседы часто упоминаются в народных песнях: «Во пиру была, во беседушке».

«**БЕСЕДА**», ежемесячный журнал, выходивший в Москве в 1871—72 под редакцией С. А. Юрьева, умеренно славянофильского направления. Программа журнала старалась совместить «стихийные начала «народного духа» с самоопределением «нравственной личности» народа — в «строе своего государства» и при этом еще «содействовать, чтобы все великие истины, выработанные западными народами, стали достоянием русского сознания». Этой программе соответствовал разнообразный состав сотрудников (*Кошелев, Т. И. Филиппов, Будилович, А. Д. Градовский, С. М. Соловьев, О. Ф. Миллер* и др). В журнале печатались *И. С. Аксаков, М. П. Погодин* и др. В беллетристическом отделе — *А. К. Толстой, Я. П. Полонский, А. Н. Плещеев, А. Ф. Писемский*; в № 3 за 1872 опубликован рассказ *Л. Н. Толстого* «Бог правду видит, да не скоро скажет». Цензурные затруднения не выкупались вниманием читателей и журнал прекратил на втором году существования.

БЕСЕДА ИЕРУСАЛИМСКАЯ, апокрифический памятник, представляющий собой посредствующее звено между *Беседой трех святителей* и *Голубиной книгой*. Содержание Беседы Иерусалимской следующее: в Великую субботу на Синайскую гору, посторон града Иерусалима, к дубу мамврейскому, ко кресту лефанидову, к главе адамовой съезжают 42 царя, из которых главные — *Волот Волотович, Моисей Моисевич, Елисей Елисеич* и Давид пророк Иессевич. После литургии Василий Великий спрашивает всех, кто какой сон видел. Никто не отвечает. Тогда Василий говорит, что видел во сне, будто луч восходящего солнца осветил землю «светорусскую», а на юге выросло древо кипарис, у которого серебряные корни и ветви — «золото бумажное»; на дереве сидит белый кречет с колокольчиком. Василий просит разгадать этот сон, и Давид истолковывает его так: луч восходящего солнца означает, что «будет на Руси град Иерусалим начальный» с соборной церковью Софии; «ветвие золотое бумажное» — паникадилы со свечами; древо кипарис — что у Давида родится сын Соломон; колокольчик у кречета — что у Волота родится дочь Соломонида, на которой женится Соломон. Затем Давид и Василий задают друг другу вопросы такого рода: отчего свет светится? на чем земля стоит? какой град (река, птица, дерево, камень, зверь и т. д.) градом (рекам, птицам и т. д.) мать? Ответы гласят, что свет светится от Господних очей, земля стоит на 80 китах-рыбах малых и на 3 рыбах больших, что мать всем городам — Иерусалим (пуп земли), рекам — Иордан (течет из рая Едемского, и в ней крестился Иисус Христос), озерам — «Ильмень» и т. д.

«БЕСЕДА ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЛОВА», литературное общество, существовавшее в Петербурге в 1811—16; его возглавляли *Г. Р. Державин*, в доме которого происходили собрания общества, и *А. С. Шишков*. Большинство членов «Беседы» (*С. А. Ширинский-Шихматов*, *А. С. Хвостов*, *Д. И. Хвостов*, *А. А. Шаховской*, *И. С. Захаров* и др.) придерживались православно-монархических взглядов, являлись последователями классицизма, выступали против реформы литературного языка, проводившейся сторонниками *Н. М. Карамзина*. В «Беседу» входили также *Н. И. Гнедич* и *И. А. Крылов*, отстаивавшие, в противовес Карамзину и сторонникам сентиментализма, национальные традиции в развитии русского литературного языка. Этим определялась ориентация именно на «Беседу» писателей патриотического направления, в т. ч. *А. С. Грибоедова*. Деятельность «Беседы» была объектом критики со стороны литературного общества «*Арзамас*».

БЕСЕДА ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста), приписываемая попу Иеремии, известна по спискам, начиная от XV в. Она состоит из ряда вопросов и ответов, предлагаемых святыми друг другу и касающихся различных сторон мироздания. По представлению Беседы, до сотворения мира Бог жил «в трех каморех на воздушех», затем были сотворены ангелы «от духа Господня, от света и огня», солнце — «от выпретенных ризы Господни», луна — «от ветра и от воздуха и от престола Господня», планеты и земля, на которой 12 высоких гор, 20 морей, 30 великих рек, не считая 4, текущих из рая (Тигр, Фисон, Ефрат и Геиль) и 72 острова. Луна и каждая планета — такой же величины, как суша на земном шаре, а солнце — вдвое больше. Наконец, был сотворен человек, состоящий из 8 частей: тело — от земли, кости — от камня, кровь — от моря, глаза — от солнца, мысли — от облака, дух — от ветра, теплота — от огня, а душу вдохнул Господь. Назначение человека — угождать Богу и спасти свою душу, подавляя в себе природное стремление к греху. Особенно надо избегать славолюбия, слагостолбия и сребролюбия. Самый тяжелый грех — отчаяние и непокаяние. По смерти тела, души праведников будут питаться ангельским хлебом, а души грешников будут пребывать в аду почти все время без света. Затем в Беседе много вопросов об Адаме (сколько времени был в раю? где поселился после изгнания из рая? и т. д.) и Иисусе Христе (кто делал крест Господень? кто ударил Господа по ланите? и т. п.). Наконец, можно выделить ряд загадок, относящихся преимущественно к постоянно наблюдаемым явлениям и к лицам из священной истории.

БЕСЕДОВСКИЙ Алексей Михайлович (1817 — после 1900), писатель. Образование получил в Харьковском университете на юридическом факультете. Служил в коммерческом суде, в комитете иностранных поселенцев, в военном комиссариате, а в 1857—65 был помощником инспектора в Ришельевском музее в Одессе. Издал отдельными брошюрами: стихотворения «Одесский бульвар», «Картины разгула на Руси», «Наш кабак», «За родину и за Царя», «Народная скорбь о Государе Императоре Александре II», «Торжественный гимн на коронавание Александра III», биографические очерки провинциальных актеров *П. А. Никитина* и *Н. К. Милославского*. Кроме этого, он писал во всех одесских газетах о театре, о художественных выставках, об учебном деле и фельетоны.

«БЕСЕДУЮЩИЙ ГРАЖДАНИН», ежемесячный журнал, издаваемый «Обществом друзей словесных наук» с янв. по дек. 1789 в Петербурге; издатель *М. И. Антоновский*. Наряду со статьями религиозно-морального содержания для журнала характерны темы любви к Отечеству, гражданского долга.

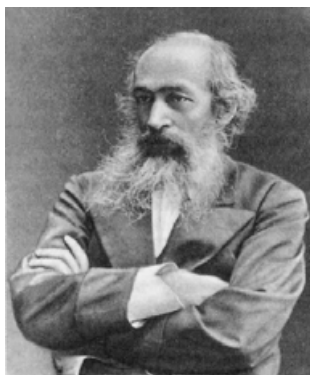
«БЕСЕДЫ С БОГОМ, или размышления в утренние часы, на каждый день года», «Беседы с Богом, или размышления в вечерние часы, на каждый день года», названия двух периодических изданий, выходивших в Москве (1787—89) под редакцией протоиерея московского Покровского собора Иоанна Харламова. Всего книжек Беседы с Богом вышло 8: 4 размышления в утренние часы (ч. 1—3, 1787, ч. 4 — 1789) и 4 размышления в вечерние часы (ч. 1—3, 1787, ч. 4 — 1789). Статьи, помещенные в «Беседе с Богом», преимущественно переводные, в числе сотрудников находились *И. А. Дмитриевский*, *Н. М. Карамзин*, *В. П. Петров*, сам редактор и др. Все статьи по содержанию мистико-философского и нравоучительного характера.

БЕСНОВАТАЯ ЖЕНА, Соломония, литературный персонаж, дочь устюжского попа, героиня легенды-повести XVII в. Соломония имела несчастье быть крещеной не по закону, пьяным попом, вследствие чего в продолжении всей своей жизни она одержима бесами, которые мучат ее, уводят от отца, разлучают с мужем и приживают с ней детей. Наконец она исцеляется при помощи Богородицы и устюжских угодников, Прокопия и Иоанна. Возникновение повести относится к 1661. Она входит в состав жития св. Прокопия устюжского. *А. Н. Веселовский* видит в повести смешение двух источников: византийского и народного русского.

БЕССОНОВ (Безсонов) Петр Алексеевич (4[16].06.1827—22.02 [6.03].1898), литературовед, славист. Родился в Москве. Сын священника. В 1851 окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1867—79 — библиотекарь Московского университета. С 1879 — профессор кафедры славянских наречий Харьковского университета. Бессонов издал памятники устного творчества русского, болгарского, сербского народов, снабдив их обширными комментариями и статьями о языке, быте и твор-

БЕСТУЖЕВ-РЮМИН Константин Николаевич (14[26].05.1829—2[14].01.1897), историк, публицист, журналист. Академик Петербургской Академии наук (1890). Родился в с. Кудряшки Горбатовского у. Нижегородской губ. Из старинного дворянского рода. В 1837 учился в Н. Новгороде в пансионе Л. Ф. Камбека (там познакомился с *А. Н. Плещеевым*), в 1840—45 воспитывался в благородном пансионе при Нижегородской гимназии. Закончил историко-филологический факультет Московского университета (1851). В 1859 Бестужев-Рюмин по приглашению А. А. Краевского переехал в Петербург для сотрудничества в «Энциклопедическом словаре», «Санкт-Петербургских ведомостях», а также в «Отечественных записках» (1858—62), в которых он исполнял обязанности помощника редактора и публиковал многочисленные рецензии, в т. ч. на «Русский раскол старообрядчества» А. П. Шапова (1859. № 11), «Сочинения» *К. Д. Кавелина* (1860. № 4, 6, 8), серию рассказов «Народные беседы» *Д. В. Григоровича* (1860, № 6) и др. Направленная против Н. Г. Чернышевского статья «Французские софизмы в параллель с русскими» вызвала полемический ответ Д. И. Писарева. В рецензии на фольклорные сборники *П. Н. Рыбникова*, *П. В. Киреевского*, *П. В. Шейна* и *П. А. Бессонова* Бестужев-Рюмин подчеркивал значение народознания для исторических разысканий, а также изложил свои взгляды на русский эпос. Разбор сочинений для народного чтения по русской истории побудил Бестужева-Рюмина к написанию цикла популярных книг по истории IX—XVI вв.: «О крещении Руси, о Владимире Святом, о сыновьях его и о монастыре Печерском» (СПб., 1864—65), «О злых временах татарщины и о страшном Мамаевом побоище» (СПб., 1864), «Кн. Владимир Всеволодович Мономах и потомки его...» (СПб., 1865), «О том,

как росло Московское княжество и сделалось русским царством» (СПб., 1866).

В 1864—79 Бестужев-Рюмин читал русскую историю будущему имп. Александру III и др. членам императорской фамилии, в т. ч. вел. кн. Константину Константиновичу — К. Р. В 1865—84 профессор русской истории Петербургского

университета. Докторская диссертация «О составе русских летописей до конца XIV в.» — первая попытка изучения памятника древнерусской литературы «*Повесть временных лет*» в связи с южнорусским летописным сводом. Главный обобщающий труд Бестужева-Рюмина «Русская история» (т. 1—2. СПб., 1872—85) представлял собой свод источников и их позднейших интерпретаций; от собственных суждений Бестужев-Рюмин, как правило, воздерживался, хотя был склонен к художественно-психологическому истолкованию исторических личностей (в частности, Ивана Грозного — т. 2, ч. 1). Ценным дополнением к «Русской истории» (доведенной до 1613) является 91 письмо Бестужева-Рюмина к С. Д. Шереметеву 1892—96 («Письма Бестужева-Рюмина о Смутном времени» СПб., 1898). Среди учеников Бестужева-Рюмина — В. И. Семевский, Е. Ф. Шмурло, И. А. Шляпкин, С. Ф. Платонов.

В статье «Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе» дан разбор основных положений славянофильства, устойчивые симпатии к которому сформировались у Бестужева-Рюмина под влиянием *А. Ф. Гильфердинга*. Разделял концепцию сменяющихся культурно-исторических типов *Н. Я. Данилевского*, чью книгу «Россия и Европа» восторженно приветствовал.

В статье «Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе» дан разбор основных положений славянофильства, устойчивые симпатии к которому сформировались у Бестужева-Рюмина под влиянием *А. Ф. Гильфердинга*. Разделял концепцию сменяющихся культурно-исторических типов *Н. Я. Данилевского*, чью книгу «Россия и Европа» восторженно приветствовал.

БЕСТУЖЕВ-РЮМИН Михаил Алексеевич (1798—6[18].03.1832), поэт, критик. Из старинного дворянского рода. Посещал лекции в Московском университете. С первых поэтических опытов (1816) выступал как патриот. Печатал *сатиры* на космополитические нравы современного общества. Следовал традициям «элегической школы», варьируя темы и мотивы *В. А. Жуковского*, *Е. А. Баратынского*, *Д. В. Давыдова*, *А. С. Пушкина*. Им изданы альманахи и сборники: «Майский листок 1824 г., весенний подарок для любителей и любителей отечественной поэзии» (СПб., 1824); «Сириус, собрание сочинений в стихах и прозе» (ч. 1. СПб., 1826) и «Северная Звезда 1829 г.» (СПб., 1829). Кроме того, Бестужев-Рюмин издавал «Северный Меркурий», литературную газету в 1830—32. Отдельно изданы им «Приношение новому 1816 году» (М., 1816); «Краткий памятник для полевых офицеров» (СПб., 1818); «Рассуждение о певце в стане Русских воинов» (СПб., 1822); «Певец в стане Русских воинов, возвратившийся в отечество в 1816 году» (СПб., 1828); «Оракул в новом роде, или Предсказания на 1828 год» (СПб., 1828) и «Мавра Васильевна Томская и Фрол Савич Калугин» (СПб., 1828).

БЕХТЕЕВ Сергей Сергеевич (7[19].04.1879—4.05.1954), поэт. О его жизни до революции сведения довольно скудны. Известно, что происходил он из родовитой дворянской семьи. Судя по стихам, накануне 1917 его семейная жизнь потерпела крах, брак распался, горячо любимая жена бросила его. Мы не знаем имени этой женщины, но то, что она нанесла роковой удар поэту, подтверждается всем его творчеством, сквозной нитью в его стихах проходит тема измены. Душевные страдания пытались облегчить сестры — Зоя (в замужестве Толстая), Екатерина и Наталья. С последней Бехтеев не расставался и в эмиграции. Будучи учеником Царскосельского лицея в те годы, когда его старшая сестра была фрейлиной, юный Бехтеев достаточно близко соприкасался с жизнью Царского двора и хорошо знал придворную атмосферу. Однако в предреволюционной истории всеобщей хулы на императорскую семью он только укреплял свою приверженность монархии. Чувства поэта нашли отражение в стихах «Немногим» (1921): «Бла-

жен, кто в дни борьбы мятежной, / В дни общей мерзости людской, / Остался с чистой, белоснежной, / Неопороченной душой». К таким немногим относился и сам поэт.

Весна 1917, события лета и осени стали для России историческим испытанием, которое выдержали далеко не все. Но именно в это время Бехтеев, обратившись от личной любовной драмы к событиям, которые переживал весь русский народ, пишет свой первый цикл гражданских стихов. Став участником Белого движения, он очень точно выразил общее настроение: «Свобода — темница! / Свобода — оковы! / Свобода — законный грабёж! / Свобода — венец, как и прежде, терновый! / Какая ужасная лож!» («Свобода»).

Эти строки были написаны еще в апр. 1917 в Орле, откуда вскоре Бехтеев отправился на юг. В Феодосии, Кисловодске, Одессе он создал еще несколько десятков стихов, многие из которых были опубликованы в ежедневных газетах и мгновенно стали популярными, их заучивали наизусть, переписывали, посылали друг другу. Именно в эти дни стихи Бехтеева «Молитва», «Верноподанным» и «Боже, Царя сохрани» были переданы через гр. А. В. Гендрикову семье Романовых в Тобольск. Вел. кн. Татьяна Николаевна переписала «Молитву» и вложила в английскую книгу, подаренную ей Александрой Федоровной (сохранилась надпись: «В. К. Ольге. 1917. Мама. Тобольск»). «Молитва» воистину стала легендой XX в.: «Пошли нам, Господи, терпенье / В годину буйных, мрачных дней / Сносить народное гоненье / И пытки наших палачей...» Стихотворение нашли колчаковцы в Ипатьевском доме среди немногих сохранившихся автографов расстрелянной царской семьи. И многие годы «Молитва» публиковалась без указания имени автора, т. к. в автографе вел. кн. Татьяны Николаевны имя не было названо.

Обстоятельства находки послужили основанием первоначально приписать авторство «Молитвы» вел. князю или даже самой императрице. Однако после первой публикации «Молитвы» в 1920 в «Воле России» (Прага), а затем в сборнике стихов Бехтеева (Мюнхен, 1923) вопрос об авторстве был прояснен.

С самого начала революционной смуты, когда в умах интеллигенции и офицерства царил разброд, Бехтеев занял четкую позицию верности присяге, престолу, вере. Важно отметить, что в армии к весне 1917, да и в годы гражданской войны, далеко не все придерживались монархических взглядов. Даже Добровольческая армия не была идеологически единой, с большевизмом боролись как за идеалы исторической России, так и под флагами Февраля. В душе Бехтеева не было и тени увлечения «революционной фразой», с самого начала ему была понятна скрытая сущность большевистского переворота.

Стихотворение «Молитва» датировано: «Елец. Октябрь 1917». Этим же годом датировано стихотворение «Боже, Царя сохрани»: «Боже, Царя сохрани / В ссылке, в изгнание, вдали, / Боже, продли его дни, / Боже, продли! / Дай ему силы сносить / Холод и голод тюрьмы; / Дай ему власть победить / Полчища тьмы! / Да не утратит он сам / Веру в мятежный народ; / Да воссияет он нам / В мраке невзгод...»

Венценосные жертвы Бехтеев уподоблял жертвам первохристиан: «Ликует Рим еврейского Нерона, / Живые факелы безропотно горят. / И льется кровь, и на ступенях трона / Победу празднует обожествленный ад...» («Мученики», июль 1921).

В рядах Белой армии поэт отступает в Крым (Джанкой, Феодосия), откуда начинается дорога в эмиграцию. Его

путь в Королевство Югославия длится около 3 недель: последнее стихотворение, написанное в Феодосии, помечено 23 сент. 1920, а первое уже в эмиграции — 13 окт. 1920. Бехтеев нашел прибежище в м. Новый Футог, неподалеку от г. Нови Сад в северной части Югославии — Воеводине.

Почти сразу по прибытии Бехтеев становится активным участником общественной и политической жизни русской диаспоры. Он член Русского Союза верноподанных, председатель новосадского отделения Русского Национально-монархического союза. Поэт встречается с людьми как член военных и политических организаций, ведет обширную переписку со многими европейскими центрами, пишет статьи, редактирует и успешно издает газеты, тираж которых постоянно растет, становится активным помощником настоятеля Русской церкви в Нови Саде прот. В. Востокова.

Лейтмотивом творчества 1920-х становится твердая убежденность в возрождении России. В этом отношении характерно стихотворение «Двуглавый орел», посвященное вел. кн. Николаю Николаевичу: «... Уж близко день, не за горами / Давно желанная пора, / И грозно грянет над войсками / Родное русское "ура"!..»

Политические стихи 1917—22 Бехтеев объединяет в сборник «Песня русской скорби и печали» (Мюнхен, 1923). Поэт предполагал выпустить второй сборник под тем же названием, а также сборник юмористических стихов «Песни свободы» и дневник русского интеллигента «Великая-бескровная», однако этим планам, видимо, не удалось осуществиться. Любовная лирика Бехтеева вошла в книгу «Песни сердца» (Белград, 1927). Наибольшую известность обрела гражданская поэзия Бехтеева. Сборники его стихов расходились достаточно большими тиражами и хорошо продавались как в книжных магазинах, так и в церковных лавках. Это давало повод оппонентам называть его «простонародным» и в определенной степени помешало его вхождению в т. н. «большую литературу». Тем не менее стихи Бехтеева находили широкое распространение среди патриотически настроенной молодежи, часто звучали на вечерах и концертах. Он был одним из популярнейших поэтов Русского Зарубежья.

В к. 1920-х Бехтеев с сестрой Натальей переезжает во Францию и поселяется в Ницце. Здесь поэт вновь оказывается в среде единомышленников, поскольку в Ницце находился один из монархических центров. В 1925 в Ницце, еще до переезда, вышла скромная книжка Бехтеева «Два письма. Роман в стихах», а затем «Царский гусярь» (1934). Но итоговой, вне всякого сомнения, стала книга стихов «Святая Русь» (1949). Сборник с тем же названием вышел в Ницце в 1952 и стал самым полным собранием стихотворений Бехтеева. Ключевым в этих последних сборниках является стихотворение «Святая Русь», датированное: Станция Джанкой. 1 сент. 1920: «Где ты, кроткая, православная, / Наша матушка-Русь широкая, / Меж сестер славян сестра главная, / Светлокоруя, синеокая..?».

Н. Бондарева

БЁМ Андрей (ок. 1758 — после 1835), поэт-самоучка. Ослеп в возрасте ок. 70 лет, жил в бедности (имел много детей), пользуясь поддержкой благотворителей. В 1834 опубликовал оду «Герою нашего времени графу Паскевичу Эриванскому. Приношение 76-летнего слепца» и стихотворение «Слепец благотворителям, или Восемилетнее несчастье от слепоты» (СПб.), исполненное сожалений об утрате радостей прежней «зрячей» жизни. Последнее издание — «Утренняя заря

при восходе солнца, стих к Светлому Христову Воскресению» (СПб., 1835) — содержит, наряду с автобиографическими деталями, колоритные зарисовки о том, как встречаются православные праздники различные сословия Петербурга того времени.

БИАНКИ Виталий Валентинович (30.01[11.02].1894—10.06.1959), детский писатель. Сын ученого-биолога. Учился на естественном отделении физико-математического факультета Петроградского университета. Литературную работу начал в 1923. В путешествиях, экспедициях, на охоте Бианки изучал жизнь природы, накопил огромный запас наблюдений. В первых же книгах Бианки природа, ее живой мир становятся главными героями писателя. Звери, птицы, насекомые в его повестях и рассказах приобретают свои «характеры». Увлекательные книги Бианки раскрывают перед детьми волшебный поэтический и в то же время реальный мир природы, учат проникать в ее тайны. Плодом богатых наблюдений над природой явилась «Лесная газета на каждый год» (1-е изд. 1928). Многократно переиздававшаяся и дополнявшаяся, она превратилась в своеобразную энциклопедию жизни леса и его обитателей. Бианки — тонкий и своеобразный мастер слова. Язык его книг — легкий и красочный, насыщенный веселыми звукоподражаниями, рифмованными определениями в сказочном духе — обращен непосредственно к воображению и фантазии ребенка; писатель умело подводит его к постижению, «открытию» окружающего мира природы.

Бианки считал родственным своей художественной манере стиль и образность фольклора, находя в нем свойства того же «мифотворчества», что и в игре детей. В народной творческой стихии художник видел опору собственным исканиям и распространял это суждение на литературное творчество вообще: «писатель — дитя народа, он растет из глубин народного мироощущения, мироопределения — народной веры, мифотворчества своего народа» (из письма в редакцию, сопровождавшего рукопись сказки-календаря, 1944).

Бианки не только освоил, но и развил фольклорные традиции. В жанрах сказки и близки ей несказочных историй: бывальщины, охотничьего рассказа, рассказа о бытовых случаях — он создал общепризнанные шедевры: «Кто чем поет?», «Первая охота», «Лесные домишки», «Хвосты», «Теремок», «Как Муравьишка домой спешил», «Мишка-Башка», «Мастера без топора», «Кукушонок» и др.

Соч.: Лесные были и небывальщины. Л., 1957; Повести и рассказы. Л., 1959; Рассказы и сказки. Л., 1960; Лесная газета на каждый год. 10-е изд. Л., 1961.

БИБИКОВ Василий Ильич (1747—1787), драматург. Сын генерала И. А. Бибикова. Участвовал в дворцовом перевороте *Екатерины II*, за что был щедро награжден. Участвовал в «кавалерских» представлениях комедий, дававшихся на придворном театре, и, возможно, был режиссером некоторых спектаклей. Известно, что Бибиков присутствовал при первом чтении *Д. И. Фонвизина* комедии «Бригадир».

В 1765 имп. Екатерина II назначила Бибикова «иметь дирекцию над Российским театром и всему, что до него принадлежит, быть в его ведомстве». В 1779 Бибиков стал «директором над зрелищами и музыкой». Одним из первых мероприятий Бибикова было приглашение в императорские театры новых русских и иностранных актеров. Бибиков угадал талант *П. А. Плавильщикова* и принял его на петербургскую сцену. Как свидетельствует *А. А. Шаховской*, по плану и

настоянию Бибикова в 1779 было учреждено петербургское театральное училище, преподавателем драматической части в котором стал *И. А. Дмитриевский*.

В к. 1765 — н. 1766 Бибиков написал комедию «Лихоимец», которая «многократно на придворном российском театре была представлена со успехом». В основу комедии легли «личные приключения» Бибикова; пьеса имела, очевидно, памфлетный характер. Текст «Лихоимца» не сохранился, известно лишь изложение сюжета: корыстолюбивый судья наказан, т. к. по несправедливому решению, вынесенному им самим, оказывается вынужден уплатить долги собственного сына. Существует основанное на французском источнике предположение, что комедия была напечатана небольшим тиражом для узкого круга лиц.

До последних лет жизни Бибиков продолжал службу при дворе, являясь камергером (с 1768) и тайным советником.

Бибиков был связан со многими русскими писателями; в частности, *М. Д. Чулков* посвятил ему «Краткий мифологический лексикон» (1767).

Е. К.

БИБИКОВА Елизавета Андреевна (9[21].01.1812—9[21].06.1854), поэтесса. Рано вышла замуж за полковника В. А. Бибикова, впоследствии генерала и видного полководца. В 1841 опубликовала в «Маяке» большое стихотворение «Нынешний свет» (ч. 24). Поэтесса пишет об одиночестве человека в мире, исполненном лицемерия и фальши; бездушному «нынешнему свету» противопоставлен царивший некогда «золотой век». В обличении пороков преобладает декларативность, а в сентенциях — явственное влияние гражданской лирики XVIII — н. XIX в.: «Ужели это просвещенье? / Ногами чувства попираешь, / Искать в пороках прославленное, / И добродетель презирать?». Стихотворение представляет интерес как образец женской поэзии сер. XIX в.

БИБЛЕЙСКИЕ КНИГИ. Библия — это собрание книг, почитаемых как Священное Писание. В составе Библии Ветхий Завет, состоящий из 48 книг, и Новый Завет, включающий четыре Евангелия, Деяния апостолов, Послания апостолов и Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис).

В Древней Руси Библейские книги функционировали в трех своих разновидностях: служебный тип, четий тип и толковый тип.

Четий тип Библейских книг, предназначенный для келейного (в монастырях) или домашнего чтения, во всей истории древнерусской литературы имел весьма ограниченное распространение. Вплоть до XV в. были известны лишь списки книг Нового Завета и Псалтири (древнейший список — Галичское Евангелие, 1144). От XV в. дошло несколько сборников, включающих в разных вариациях полные тексты Ветхозаветных книг: Бытие, Исход, Второзаконие, Левит и Числа (т. н. Пятикнижие), книги Иисуса Навина, Судей, Руфь, четыре книги Царств, Притчи Соломона, Екклесиаст, Песнь Песней, Премудрости Иисуса Сирахова, а также некоторые из книг пророков. Полный кодекс Библейских книг создается только в 1499 по инициативе Новгородского архиеп. *Геннадия*. При этом ряд книг был переведен для этого свода с латинского печатного издания. В 1580—81 *И. Федоров* издал в Остроге полный текст Библейских книг, в основу которого была положена *Геннадиевская Библия*. Еще раньше им же был издан Апо-стол (1564), во 2-й пол. XVI в. — Евангелие и Псалтырь.

Отсутствие четкого текста Библейских книг отнюдь не означает, что древнерусские книжники были с ним не знакомы до XV в.: пересказы исторических Библейских книг (Бытие, Второзаконие, книги Иисуса Навина, Судей, Царств) входили в хроники и *палеи*, книги пророков были известны в толковом варианте, Новозаветные книги использовались в церковной службе. Несравнимо большее распространение сравнительно с четырьмя получил служебный тип Библейских книг: без этих книг не могла функционировать Церковь, т. к. особым образом сгруппированные извлечения из Библейских книг обязательно читались во время богослужения.

На Руси были известны различные служебные Библейские книги. Евангелие-апракос состояло из подобранных в определенной последовательности отрывков из Евангелий, читаемых за один раз в ходе церковной службы. Евангелие-апракос существовало в двух разновидностях: в Полный апракос в полном объеме входит весь евангельский текст, в кратком — в полном объеме приводится лишь Евангелие от Иоанна, остальные Евангелия в объеме не более 30–40% текста. Евангелиями-апракос являются древнейшие древнерусские книги: *Остромирово Евангелие* 1056–57, Архангельское Евангелие 1092, Мстиславово Евангелие (до 1117), Юрьевское Евангелие 1119.

Апостол-апракос включает в себя расположенные в порядке чтений в церкви отрывки из Деяний и Посланий апостолов. Древнейшим русским списком Апостола-апракос является псковский список 1307, содержащий известную приписку, напоминающую текст «*Слова о полку Игореве*».

Также использовавшийся в богослужении паримейник представлял собой сборник извлечений из книг Ветхого Завета: в него входила в полном объеме книга прор. Ионы, около третьей части книги Бытия, извлечения из Притчей Соломона и книги прор. Исаяи, а также из др. Ветхозаветных книг. Древнейший список паримейника — Захарьевский паримейник, написанный в Пскове в 1271.

Широко использовалась в богослужении Псалтырь. В рукописях к тексту собственно Псалтыри добавлялись т. н. «Библейские песни» (извлеченные из Ветхозаветных и Новозаветных книг отрывки, близкие по своему характеру к гимнам) и «псалмы избранные» — выборки из Псалтыри для праздничных служб. Древнейшие списки Псалтыри относятся к XI в.

Большое распространение получил в Древней Руси и толковый тип Библейских книг. В таких книгах библейский текст разбивался на отрывки, сопровождающиеся толкованиями, принадлежащими обычно известным и авторитетным богословам: Иоанну Златоусту, Феодориту Киррскому, Феофилакту Болгарскому, Никите Ираклийскому. Толкования сопровождали как Ветхозаветные, так и Новозаветные Библейские книги. Некоторые Библейские книги были первоначально известны на Руси именно в этом толковом типе: так, ок. 50 списков книг пророков с толкованиями восходит к несохранившемуся списку 1047, написанному новгородским попом Упырем Лихим. К XI в. относятся старшие списки Толковой Псалтыри, к XIII в. список книги прор. Даниила с толкованиями Ипполита Римского.

С Библейскими книгами древнерусский читательзнакомился не только в церкви, во время богослужения, не только читая их в обеих разновидностях — четый и толковой, но и через пересказы Библейских книг в памятниках исторического содержания. Так, в «*Повести временных лет*» содержится «Речь философа», а в ней, помимо изложения сюжетов Священного Писания, находится значи-

тельное число цитат, по преимуществу из пророческих книг. Порой значительные фрагменты Библейских книг входили в хроники, *хронографы* и *палеи*. Цитаты из Библейских книг в большом числе обнаруживаются в памятниках торжественного и учительного красноречия (см.: Ораторская проза), в *житиях святых*. Особенно широкое распространение получила Псалтырь. Характерно, что в житиях непременно подчеркивается, что святой, занимаясь каким-либо делом, постоянно поет псалмы, что к псалмам обращается мученик в последние минуты перед кончиной. *Владимир Мономах* в своем «Почуении» цитирует Псалтырь и рассказывает, что «в печали» он обращается именно к этой книге, находя там мысли, созвучные его переживаниям и дающие ему душевную опору.

Новейшее издание Библии в переводе на современный русский язык: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Л., 1990. Т. 1—2. Может представлять интерес «Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия. Труд и издание архимандрита Никифора» (М., 1891; Репринтное издание: Свято-Троицко-Сергиева Лавра, 1990).

Лит.: *Евсеев И. Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.

О. Творогов

«**БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ**», ежемесячный журнал «словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод», выходивший в Петербурге в 1834–65. Издавался с 1834 *А. Ф. Смирдиным*. Редактором был *О. И. Сенковский* (до 1836 совм. с *Н. И. Гречем*), который печатал в журнале свои многочисленные статьи, фельетоны (большая часть под псевд. Барон Брамбеус). «Библиотека для чтения» — первый в России «толстый» журнал (до 30 печ. л.), положивший начало «торговому направлению» в русской журналистике. Ориентировался гл. обр. на провинциальных читателей (мелкопоместное дворянство, чиновничество, купцов, мещан); в 30-е пользовался большой популярностью (тираж достигал 7 000 экз.). Успеху «Библиотеки для чтения» способствовало напечатание в 1834–35 некоторых произведений *А. С. Пушкина* («Пиковая дама», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» и др.); позднее в журнале появились «*Хаджи-Абрек*» *М. Ю. Лермонтова*, произведения *Д. В. Давыдова*, *В. И. Даля*, *Н. А. Полевого*, *Н. В. Кукольника*, *В. Г. Бенедиктова* и др. В отделе иностранной словесности печатались произведения О. де Бальзака, Жорж Санд, У. Теккерея, Э. Сю, А. Дюма. Журнал заполнялся также светскими повестями, переводами французской романтической беллетристики. С 1836 журнал вел полемику с «*Современником*» *А. С. Пушкина*, *Н. В. Гоголем* и «*натуральной школой*», подвергался постоянным нападкам космополитической критики. С 1849 редактором стал *А. В. Старчевский*, затем *А. В. Дружинин* (с 1856), позднее — *А. Ф. Писемский* (с 1860) и *П. Д. Боборыкин* (с 1863 и до закрытия в 1865). В 50–60-е в журнале эпизодически участвовали *Л. Н. Толстой* (рассказ «Три смерти»), *А. Н. Островский* (пьеса «Воспитанница»), *И. А. Гончаров*, *А. Н. Майков*, *А. А. Фет* и др.

БИЛЕВИЧ Николай Иванович (21.11[3.12].1812—15[27].07.1860), писатель. Родился в Курске. Отец его был учителем в курской гимназии, в которой Билевич и получил первоначальное образование, перейдя затем в Нежинский лицей кн. Безбородко. Товарищами его по лицее были: *Гребенка*, *Кукольник*, *Прокопович* и *Гоголь*. В 1830 Билевич окончил курс в лицее и поехал в Москву, где приписался к юридическому факультету, желая сдать экзамен на магистра; но стесненные

материальные обстоятельства заставили его отказаться от этой мысли, и он поступил учителем истории и географии в Московскую Практическую академию. С этого же времени Билевич начал свою литературную деятельность переводами для журнала «Телескоп» и сошелся с различными литературными кружками, в особенности с кружком *Киреевских* и редакцией «Европейца». В 1832 вышел его сборник «Картинная галерея светской жизни, или Нравы XIX столетия» (Ч. 1—2. М., 1833).

В изданной анонимно книге «Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки» (Т. 1—2. М., 1836) Билевичем собраны «былицы в лицах», шуточные, грустные и поучительные сказочно-фантастические истории. Наряду с заметной затрудненностью в передаче «простонародного» языкового колорита они отмечены непринужденностью, с которой персонажи народной демонологии — черти, ведьмы, оживающие покойники — вписаны в повседневный быт, где им принадлежат роли незадачливых соблазнительей или, напротив, судей, наказывающих тех, у кого нечистая совесть («Белые колпаки, или Нездешние гости на здешнем свете», «Дедова история», «Зеленая птица», «Чудная встреча»). Одобряя книгу, *О. И. Сенковский* нашел в ней «что-то русское — грубое, тяжелое, мужицкое, но русское, национальное».

Билевич был любимым учителем *Ф. М. Достоевского*, оказавшим на него литературное и нравственное влияние. В своих книгах Билевич отстаивал православно-монархические, патриотические идеалы, выступая против космополитизма и западничества.

Как историко-литературная работа, до сих пор представляют ценность его статьи о русских писателях XVIII и XIX вв., напечатанные в «Московском городском листке» за 1847. Кроме того, Билевич печатал свои статьи в «Библиотеке для воспитания», «*Москвитяине*», «*Невском альманахе*» и «*Московских ведомостях*».

БИСЕР ДРАГОЦЕННЫЙ, старообрядческий рукописный сборник; составлен в к. XVII в., состоит из 40 глав и длинного предисловия. Понятие о его содержании дает заглавие: «Книга драгоценный бисер, о сотворении света, о падении же Адаме, о царствовании греха и о упразднении его, о слугах антихристовых и о самом господине их и о изряднейших правоверных, о св. Церкви, о пришествии Христове, о Страшном суде, о царствии же и о муках от Божественного Писания вкратце избрана».

БИСЕР ЗЛАТЫЙ (*Луцидарис*), рукописный сборник, нечто вроде средневековой христианской энциклопедии, составлен в форме разговора учителя с учеником и содержит в себе более ста глав. Содержание его очень разнообразно: есть рассказы из библейской истории, есть сведения о разных странах земли, людях, животных и т. п. Переведен на русский язык с немецкого в н. XVI в. псковским наместником, кн. Григорием Токмаковым. Несмотря на то, что образованнейшее духовенство строго осуждало эту книгу, — *Максим Грек*, напр., называет его не «Проветителем» (*Луцидарис*), а «Темнителем» (*Тенебрариус*), она пользовалась большой популярностью и дошла до нас во множестве списков. Издан *Луцидарис* был Тихонравовым в «Летописи русской литературы и древности», т. 1, отд. 2 (М., 1859).

БЛАГОВО Дмитрий Дмитриевич (28.09[10.10].1827—9[21].06.1897), поэт, историк, мемуарист, библиофил. Из старинного дворянского рода. Окончил юридический факуль-

тет Московского университета (1849), служил в канцелярии Московского генерал-губернатора А. А. Закревского. В 1867 стал послушником Николо-Угрешского монастыря; в 1882 принял постриг (под именем Пимена) и стал архимандритом Толгского монастыря. Последние годы служил настоятелем посольской церкви в Риме. В 1874 вышла автобиографическая поэма в стихах «Инок», в 1875 — сборник «Духовные стихотворения». Публиковался в журналах «Чтение для детей», «Душеполезное чтение», «Семейные вечера». Сочинения Благово по истории Русской Православной церкви выходили в журналах «*Русский архив*» и «Чтения в обществе истории и древностей российских». В течение 10 лет записывал рассказы своей бабушки Е. П. Янковой (правнучки историка В. Н. Татищева), издав мемуарную книгу «Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком» (СПб., 1878, 1885). Переизданы в 1988 в серии «Литературные памятники».

БЛАГОЙ Дмитрий Дмитриевич (28.01[9.02].1893—1984), литературовед. Профессор Московского университета (с 1943). Первые научные выступления Благого (с 1917) связаны с изучением поэзии *Ф. И. Тютчева*, затем поэтов пушкинской поры — *К. Н. Батюшкова*, *Д. В. Веневитинова* и др. Основные работы Благого посвящены жизни и творчеству *А. С. Пушкина*. Начиная с книги «Социология творчества Пушкина» (1929), Благой опубликовал много работ, в которых на большом материале исследованы связи великого поэта с предшествующим и последующим развитием русской литературы (статьи «Пушкин и русская литература XVIII в.», 1941, «Лермонтов и Пушкин», 1941 и др.), дан монографический анализ пушкинских творений [статьи «Маленькие трагедии», 1937, «Историческая поэма Пушкина («Полтава»), 1953 и др.], его мастерства (книга «Мастерство Пушкина», 1955). Итоговой работой явилась книга «Творческий путь Пушкина. 1813—1826» (1950; Сталинская премия, 1951). Труды Благого характеризуются стремлением осмыслить творчество Пушкина в свете современности. Благой написал также многочисленные работы, посвященные русскому литературному процессу XVIII—XX вв. (от *А. Д. Кантемира*, *Г. Р. Державина* до *А. А. Блока*, *А. Н. Толстого*, *М. А. Шолохова*), частично собранные в книге «Три века. Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX вв.» (1933) и «Литература и действительность» (1959). Благой — автор неоднократно переиздававшегося учебного курса по истории русской литературы XVIII в. Ему принадлежат статьи по общим проблемам литературоведения, о закономерностях историко-литературного процесса («Всемирное значение русской литературы», 1946, «О национальной специфике литературы», 1951 и др.). Как редактор и текстолог Благой участвовал в подготовке академического издания сочинений Пушкина. Под его редакцией вышли издания сочинений *А. И. Одоевского*, *К. Н. Батюшкова*, *Г. Р. Державина*, *Ф. И. Тютчева* и др.

БЛОК Александр Александрович (16[28].11.1880—7.08.1921), поэт. Родился в Петербурге в дворянской семье. Отец — А. Л. Блок (1852—1909), профессор права Варшавского университета, видный деятель православно-монархического движения, мать — А. А. Бекетова (1860—1923), писательница. Детские годы Блока протекали в семье деда — ректора Петербургского университета — в Петербурге и в подмосковном имении Шахматово. После окончания гимназии Блок поступил в 1898 на юридический, а в 1901 перешел на историко-филологический факультет Петербургского

университета, который окончил в 1906. В 1903 Блок женился на Л. Д. Менделеевой, дочери русского химика Д. И. Менделеева. Поэтическое дарование Блока, начавшего писать стихи еще в детском возрасте, формировалось в условиях бекетовской усадьбы, в атмосфере отрешенности от общественной жизни и влюбленности в искусство. Молодой Блок испытал влияние романтической поэзии В. А. Жуковского, «чистой» лирики А. А. Фета, Я. П. Полонского, «жестоких» романсов А. Н. Апухтина, что отразилось в цикле стихов, позднее названном «Ante Lucem». Погруженный в мир мечты, напряженно ищущий ответов на мучившие его мистические вопросы, Блок увлекается поэзией Вл. С. Соловьева, проникнутой культом «Вечно-женственного» и «Мировой души».

Первые стихи Блок опубликовал в журнале петербургских символистов Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус «Новый путь».

В 1904 вышла книга Блока «Стихи о Прекрасной Даме», в которой он выступил как символист. Центральная ее тема — любовь — служит выражению романтического чувства спитности индивидуальной души поэта с единой «мировой душой». Образ любимой очищается от всего земного, мистифицируется, однако сквозь «тайнопись» символизма в стихах о Прекрасной Даме прорывается, правда еще робкое, утверждение радости земного бытия. Уже к

к. 1902 Блок разочаровывается в соловьевской мистике; умиротворенно-молитвенный тон сменяется в его стихах мотивами «жесткой арлекинады» (цикл «Распутья», 1902—04). В стихах 1903—04 начинают появляться городские пейзажи. В обращении Блока к урбанистической теме большую роль сыграл сборник стихов В. Брюсова «Urbi et Orbi». Однако, в отличие от Брюсова, Блок не слагает городу-гиганту восторженных гимнов. Его город — «черный город», «пузатый паук», «черный ад». В стихах «Из газет» (1903), «Фабрика» (1903) социальные мотивы начинают преобладать над символистскими. Влияние Брюсова сказывается на поэтике Блока: опрощение словаря, отход от музыкально-импрессионистической манеры, поиски новой ритмики («должник»).

В обострении социального и художественного зрения Блока большую роль сыграла смута 1905, с которой связаны отход поэта от ортодоксального символизма и настоячивые поиски места художника в жизни. Для этого периода характерны такие стихотворения, как «Сытые» (1905), «Митинг» (1905). В стихах и особенно в песне «Баллаганчик» (1906, пост. В. Э. Мейерхольдом в театре В. Ф. Комиссаржевской в том же году) Блок подверг осмеянию декадентскую мистику. Для второго сборника лирики «Нечаянная Радость» (1906) характерно обращение к народной мифологии (цикл «Пузыри земли»), столкновение повседневности с романтической фантастикой («Незнакомка», 1906), обостренное внимание к «темной музыке» стихов. Лирическая стихия певучести находит наивысшее воплощение в цикле «Снежная Маска» (1907). Жизнеутверждающим чувством проникнут написанный в 1907 цикл «Вольные мысли». В 1907—08 Блок ведет критическое обозрение в журнале «Золотое руно», выступает по вопросам литературы, театра, пишет о задачах искусства. Во многих статьях и публичных докладах Блок гово-

рит о разрыве между народом и интеллигенцией (««Религиозные искания» и народ», «Народ и интеллигенция»). Тема искания путей интеллигента к народу, к родине находится в центре драмы Блока «Песня Судьбы» (1908). В патриотической лирике Блока оживает некрасовская традиция («Россия», 1908). Следуя славянофильскому представлению о России как православной, многоотерпеливой стране, Блок запечатлевает, однако, «широкие и тихие пожары», обещает «начало высоких и мятежных дней» (цикл «На поле Куликовом», 1908). В связи с этим происходит «открытие» Блоком забытого критика и поэта 40-х XIX в., сторонника «почвенничества» А. А. Григорьева, стихи которого Блок собрал, прокомментировал и издал со своим предисловием в 1916.

После выхода сборников «Снежная Маска» (1907), «Лирические драмы» (1908), «Земля в снегу» (1908), «Ночные Часы» (1911) и трехтомного собрания стихотворений (издано «Мусагет», 1911—12) упрочилась поэтическая слава Блока. Лирика зрелого Блока овеяна дыханием исторических бурь и житейских тревог. С исключительной остротой ощущал поэт назревавшую в России национальную катастрофу, воплотил свои предчувствия в трагическом образе одинокого, гибнущего героя, «человека, ослепшего в ночи». «Страшный мир» (таково название цикла стихов Блока 1909—16) вынуждает героя искать забвения в вине или бежать от жизни в безрадостную любовь («На островах», «В ресторане», «Унижение»). Неприятие «страшного мира» вызвало в лирике Блока струю романтической сатиры (цикл «Пляска смерти», 1912—14), наложило на его поэзию трагический отсвет. В творчестве Блока после подавления смуты 1905—07 отразились противоборствующие тенденции — «и отвращение от жизни и к ней безумная любовь». Но даже в пору «убийственного опустошения» в его лирике не перестает звучать оптимистическое начало, вера в победу светлых сил (стих. «О, я хочу безумно жить: все суше увековечить», 1914 и др. из цикла «Ямбы»). В его стихах, не иссякая, продолжает звучать оптимистическая тема («На железной дороге», 1910; «Поздней осенью из гавани», 1909). В дальнейшем в творчестве Блока сохраняется стремление освободиться от эстетических иллюзий, возникают черты пластической описательности, повествовательные элементы, получают развитие темы труда, социального неравенства. Таковы «Итальянские стихи» (1909), навеянные заграничными путешествиями (Италия, Бретань, юг Франции), драма «Роза и Крест» (1912—13, опубл. 1913), поэма «Соловьиный Сад» (1915). Крупнейшая поэма Блока «Возмездие» (1910—21; написаны пролог, 1-я глава, вступление ко 2-й и начало 3-й главы) должна была narrировать историю трех поколений одной семьи с 1870-х до 1905. Она содержит и художественную декларацию поэта, и размышления о судьбе интеллигента, оторвавшегося от народа, и беспощадную оценку «железного» XIX в. и «бездумного» XX в. По определению самого Блока, поэма эта полна «революционных предчувствий». В поэме «Возмездие» Блок, скорее всего под влиянием чтения «Сионских протоколов», проводит мысль о «неизбежности» мировых катастроф, которые готовит человечеству мировая иудейская закулиса. Он вскрывал истоки мирового зла, вышедшего на сцену западной политической жизни и намеревающегося разрушить Россию.

Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!)
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели **темные дела.**

Показывая развитие событий по «Сионским протоколам», Блок в поэтической форме раскрывает программу завоевания мира евреями:

*...Тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас.*

Блок показывал, что т. н. свобода в руках евреев становится оружием разрушения христианского мира.

*Так, с жизнью счет своя печальный,
Прозревши молодости пыл,
Сей Фауст, когда-то радикальный,
«Правел», слабел... И все забыл;
Ведь жизнь уже не жгла — чадила,
И однозвучны стали в ней
Слова: «свобода» и «еврей».*

Тема свершившейся «неизбежности» октябрьского переворота 1917 отразилась в его поэме «Двенадцать» (1918). Блоку кажется, что кровавый переворот обновит Россию, уничтожит капитализм и стоящее за ним «жидовство».

Стихотворение «Скифы» (1918) проникнуто утверждением земной исторической миссии России, обличением пагубной западной цивилизации.

В последние годы Блок много сил отдавал издательству «Всемирная литература». В 1920 Блока избрали председателем Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов.

В своих дневниках Блок осуждает еврейское засилье в русской культуре, с болью отмечает воинствующий характер «жидовства» в политической жизни.

Блок быстро разочаровывается в своих ожиданиях «обновления России» и «освобождения от жидовства». Большевицкий режим предстает перед ним как монолит «воинствующего еврейства».

Переживания за судьбу Отечества вызывают глубокий творческий кризис, депрессию и преждевременную смерть.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—12. Л., [1932—36]; Соч. в одном томе [Ред., вступ. ст. и примеч. Вл. Орлова]. М.; Л., 1946; Соч. Т. 1—2. М., 1955; Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. В. Н. Орлова. Т. 1—3. М.; Л., 1960; Стихотворения [Вступ. ст., подгот. текста, примеч. Вл. Орлова]. Л., 1955; Дневник / Под ред. П. Н. Медведова [т. 1—2]. Л., 1928; Письма Александра Блока к родным [Предисл. и примеч. М. А. Бекетовой]. Т. 1—2. М.; Л., 1927—32; Записные книжки [Ред. и примеч. П. Н. Медведова]. Л., 1930; А. Блок: Новые материалы и исследования // Литературное наследство. М., 1980—1993. Т. 92. Кн. 1—5.

А. Б., О. М., Д. К.

БЛУДОВ Дмитрий Николаевич (5[16].04.1785—19.02[2.03].1864), литератор, дипломат, государственный деятель. Дальний родственник *Г. Р. Державина* и двоюродный брат *В. А. Озерова*. Один из участников и организаторов «*Арзамаса*» (1815), арзамасское прозвище «*Кассандра*». После событий 14 дек. 1825 назначен делопроизводителем Следственного комитета по делу декабристов. С нояб. 1826 — помощник министра народного просвещения. С 1832 — министр внутренних дел. В 1842 возведен в графское достоинство. С 1855 — президент Академии наук, с 1862 — председатель Государственного совета и Кабинета

министров. Автор нескольких исторических работ, в т. ч. «Последние часы жизни Императора Николая I» (СПб., 1855). Его работы собраны в посмертной книге «Блудов Д. Н. Мысли и замечания» (СПб., 1866).

Лит.: Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1866.

БЛУДОВА Антонина Дмитриевна (7.05.1813—19.04.1891), ме-муаристка, публицист, общественная деятельница. Отец — *Д. Н. Блудов*, мать — княжна А. А. Щербатова. Литературно-общественные связи отца определили ее дружеские отношения с *В. А. Жуковским*, *Н. В. Гоголем*, *Ф. И. Тютчевым*, *А. С. Хомяковым*, семьей *Аксаковых*. По взглядам и духовным ин-тересам была близка к *славянофилам*. Получила известность своей благотворительной деятельностью как основательница в г. Остров Волынской губ. православного Свято-Кирилло-Мефодиевского братства (1864), ряда училищ, лечебницы и странноприимного дома. Автор путевых очерков: «Для немногих. Пять месяцев на Волыни...», «Воспоминания о Почаевской лавре» (СПб., 1868); исторических исследований: «Книга для чтения по русской истории» (СПб., 1869), «Император Николай Павлович» («*Русский архив*». 1893. кн. 1).

В 70—80-е ее публицистические очерки и статьи на православно-патриотические темы публиковались в журнале «Странник». Не утратила значение ее публицистическая статья «Раздумие отсталого человека в три периода революционной пропаганды в России» («Волыньские епархиальные ведомости». 1882. 21 февр.). Большой популярностью пользовались ее «Воспоминания», опубликованные в 1872—89 в «Русском архиве» и выпущенные отдельным изданием (М., 1888).

В 70—80-е ее публицистические очерки и статьи на православно-патриотические темы публиковались в журнале «Странник». Не утратила значение ее публицистическая статья «Раздумие отсталого человека в три периода революционной пропаганды в России» («Волыньские епархиальные ведомости». 1882. 21 февр.). Большой популярностью пользовались ее «Воспоминания», опубликованные в 1872—89 в «Русском архиве» и выпущенные отдельным изданием (М., 1888).

БОБОРЫКИН Петр Дмитриевич (15[27].1836—12.08.1921), писатель. Родился в Н. Новгороде; происходил из очень древнего помещичьего рода. Окончив курс в гимназии, поступил в Казанский университет на юридический факультет, но скоро начал увлекаться естественными науками, особенно химией, и тогда же перевел на русский язык учебник по химии Лемана. Для более удобного изучения естественных наук он перешел в Дерптский университет и прослушал там на медицинском факультете все предметы, но выпускных экзаменов не держал. Во время студенчества, под влиянием театральных впечатлений в кружке товарищей, где часто ставились любительские спектакли и где Боборыкин был режиссером, он напи-

сал несколько пьес: «Фразеры», «Ребенок», «Однодворец». Последняя была напечатана в 1860 в «Библиотеке для чтения», и это решило судьбу Боборыкина: он переехал в Петербург, решивши стать профессиональным литератором, и в 1861 сдал экзамен на кандидата прав. Неожиданно он получил большое наследство от деда. Еще раньше он стал в довольно близкие отношения к «Библиотеке для чтения», писал в ней постоянные фельетоны (под псевд. «Нескажусь») и напечатал роман «В путь-дорогу». Когда в 1863 *Писемский* отказался от редактирования «Библиотеки для чтения», Боборыкин купил ее и стал во главе издания. Сам Боборыкин это издательское увлечение считал крупнейшей ошибкой своей жизни. Он не был подготовлен к тому, чтобы руководить журналом в бурное время 60-х, когда в литературе происходила упорная борьба мнений и направлений. В автобиографии Боборыкин говорит по поводу этого периода своей жизни: «Я не примкнул ни к одной из редакций крайнего направления, меня не волновали страстно чисто общественные вопросы, борьба противоположных лагерей, разные лозунги и клички той эпохи». Это объясняет его неудачу в роли редактора журнала. Отсутствие умения разобраться в общественных настроениях скоро создало ему репутацию «ретрограда», а пестрый состав сотрудников «Библиотеки для чтения» совершенно лишил ее сочувствия читателей; в 1865 подписка на журнал была так незначительна, что издание его пришлось прекратить. Так кончилось это предприятие Боборыкина, поглотившее его наследство и обременившее его громадным долгом, который он выплачивал в теч. 20 лет. Боборыкин уехал в Париж, где, по его словам, «отдался изучению положительной философии и выяснил себе многие запросы чисто умственного и общественного характера, повлиявшие на дальнейшее его развитие». Летом 1866 он ненадолго приезжал в Россию для устройства дел, а затем снова уехал за границу. «Новый четырехлетний период заграничной жизни, — говорит Боборыкин, — разнообразный по перемене мест, тогдашним событиям, встречам, общественным и художественным явлениям жизни, какие я изучал, представлял собою постоянную работу романиста, критика и театрального рецензента, политического корреспондента». Большая часть жизни Боборыкина протекла за границей. Лишь в промежуток с 1876 по 1891 он провел довольно много времени в России, отчего он и называет этот период «русским». Он жил то в Петербурге, то в Москве и усиленно работал: читал публичные лекции, сотрудничал в разных отделах газет и журналов, занимался беллетристикой преимущественно летом и осенью. Лишь с 1889 Боборыкин получил возможность освободиться от мелкой срочной работы и всецело посвятить себя писательскому труду.

В 1902 он был избран почетным академиком. Продолжительная жизнь маститого писателя поражает своей содержательностью и продуктивностью. Все время Боборыкин учился, с ненасытной жадностью к знанию в самых разнообразных областях. В его автобиографии есть глава под названием «Чему и где я учился», в ней перечислены предметы, которые изучал Боборыкин, начиная с школьного до преклонного возраста. Области, возбуждавшие его внимание, весьма разнообразны и разноплодны: тут всевозможные виды словесных и социальных наук, естественные науки, медицина, политическая экономия, государственное право, театральное искусство, языковедение. Боборыкин знал 7 иностранных языков. Он был вольнослушателем в Петербурге, посещал лекции в парижском Collège de France и Сорбонне, занимался в парижской и

венской консерваториях, не пропускал и интересных частных курсов, всегда пользуясь случаем узнать что-нибудь новое. Несмотря на то что обширное образование Боборыкина имеет энциклопедический характер, его нельзя назвать дилетантом, по крайней мере, в тех областях, которые его наиболее интересовали. По отзывам специалистов, он всегда умел овладеть предметом; очевидно, ему помогала его чуткость к истине, необыкновенная впечатлительность и отзывчивость, являющаяся основной чертой его как беллетриста. Творческая плодовитость Боборыкина не имеет в русской литературе ничего равного. Им написано 18 больших романов, много десятков повестей и рассказов, 19 драматических произведений и множество мелких очерков. Кроме того, Боборыкин написал огромное количество статей критических и литературных, по эстетике, философии, теории творчества и др. предметам. Собранные вместе, все написанное Боборыкиным заняло бы ок. 70 объемистых томов. Боборыкин — бытописатель-хроникер, с тонкой психологией, умом и вкусом. В течение полувека он вдумчиво следил за всеми проявлениями русской жизни и детально, с необыкновенной точностью, отражал в своем творчестве все общественные переживания и настроения. Как жизнь идей, так и жизнь салонов находила в его лице великолепнейшего «отметчика» (собственный термин Боборыкина). В произведениях Боборыкина нет общественных типов, но им создан целый ряд живых, выразительных фигур, красноречиво говорящих о пережитых общественных полосах. Романы и повести Боборыкина — ценные документы эпохи. Каждый новый роман Боборыкина читался с интересом. Боборыкин кажется равнодушным к тому, что пишет, изображает жизнь слишком объективно, со стороны, как простой наблюдатель. Схватывая все оттенки интересующего явления, он не заглядывает вглубь его, не проникается им; он описывает его верно, точно, но, гл. обр., с внешней стороны. Вот как сам Боборыкин определяет свой процесс творчества: «Замысел является мне, конечно, неожиданно, непроизвольно и в образах, причем всегда вокруг общей творческой идеи... Я беру какое-нибудь явление, какую-нибудь «полосу жизни» и записываю одной фразой; большей частью эта отметка служит мне главным предостоящего романа. Таких отметок вы найдете в моих записных книжках не мало». Настоящим «отметчиком целых полос» общественной жизни Боборыкин делается, только начиная с романа «Солидные добродетели», появившегося в 1870. Первый его роман «В путь-дорогу» отличается автобиографическим характером, хотя в нем основным фоном является картина нравов, характерная для к. 50-х (1862). К тому же периоду относится и такое же переходное место в творчестве Боборыкина занимает роман «Жертва вечерняя» (1868), в котором изобличаются женская пустота и безделье. В «Солидных добродетелях» Боборыкин впервые выступает как общественный хроникер, насмешливо отмечая самодовольство людей, ослепленных своими общественными добродетелями и своею «прогрессивностью». Еще более смелым отметчиком новых веяний является он в романе «Дельцы» (1872), написанном на одну тему с «Дневником провинциала» *Щедрина* и дающем интересную картину первого вторжения в русскую жизнь капитализма. В нескольких романах из московской жизни изображен постепенный расцвет русской буржуазии. На первом плане между ними стоит «Китай-город» (1882), впервые отметивший зарождение «русской буржуазии», далеко ушедшей от «темного царства» *Островского*, но втайне поклоняющейся тем же кумирам.

Та же «просвещенная» буржуазия фигурирует в лице фабриканта Кумачева в «Перевале» (1894). Роман «Доктор Цибулька» посвящен обрисовке карьеристов — выходцев из славянских земель (1874). В своем главном романе «Василий Теркин» (1892) Боборыкин сделал попытку нарисовать нового человека деревни, вышедшего в люди благодаря собственным усилиям и сумевшего сочетать деловитый практицизм с преданностью идеалам. Эта совершенно новая фигура красноречиво говорит о больших переменах и о накоплении новых сил в русском обществе. Зоркость и отзывчивость Боборыкина больше всего сказываются в произведениях, посвященных интеллигентским переживаниям. Два из них: «Из новых» (1887) и «На ущербе» (1890) рисуют «бездорожье» идейной интеллигенции в эпоху царствования имп. Александра III. Той же теме посвящена повесть «Поумнел» (1890), имевшая большой успех. В «Василии Теркине» мы встречаемся с критикой космополитических настроений. Боборыкин успел их подглядеть раньше, чем они вполне обозначились в жизни. В «Перевале» перед нами уже расцвет этих настроений и возврат интеллигентов-индивидуалистов к старым космополитическим «идеалам». Последние романы Боборыкина тоже посвящены колеблющейся интеллигенции: «Побежденных — не судят» (1910) — впечатлени эпохи смуты и «Прорыв в вечность» (1911) — масонской мистике. Из др. романов следует назвать: «В чужом поле» (1866); «На суде» (1869); «Лихие болести» (1876); «Сами по себе» (1878); «За работу» (1885); «Ходок» (1895); «По-другому» (1897), «Тяга» (1898), «Куда идти» (1899) и комедия «Накипь». Многочисленные рассказы и очерки Боборыкина носят по преимуществу бытовой характер и свидетельствуют о громадном запасе наблюдений.

Соч.: Соч. Т. 1—12. СПб., 1884—86; Собрание романов, повестей и рассказов. Т. 1—12. СПб., 1897; За полвека. Мои воспоминания. М.; Л., 1929.

БОБРОВ Семен Сергеевич (1763 или 1765 — 22.03[3.04]. 1810), поэт. Учился в Духовной семинарии. Окончил Московский университет (1785). Работал переводчиком в государственной

Адмиралтейств-коллегии и состоял в Комиссии о составлении законов. Печататься Бобров начал с 1784. Судя по эпиграммам его литературных противников, называвших его Бибрисом, Бобров был любителем алкоголя. Этими эпиграмматическими отзывами (кн. П. А. Вяземского, Батюшкова и Пушкина, называвшего его «тяжелым Бибрусом») имя Боброва спасено от забвения. Это был писатель действительно тяжелый, о чем дают достаточное понятие самые названия его огромных книг, напр., «Рассвет полночи, или Созерцание славы, торжества и мудрости порфириносных, браненосных и мирных гениев России, с последованием дидактических, эротических и других разного рода в стихах и прозе опытов». Кроме больших поэм («Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе», упомянутый «Рассвет полночи», «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец»), Бобров писал и переводил оды, морально-дидактические сочинения; английской литературой он заинтересовался один из первых в России.

Поэтическое дарование его было небольшим, и недаром задолго до Вяземского, Батюшкова и Пушкина над ним издевались *Сумароков*, пародировавший его манеру (в «Оде в громко-нежно-нелепо-новом вкусе»), и Радиев, с намешкой упоминающий о нем в своей поэме «Бова». Но современники не сумели оценить в Боброве литературного теоретика с твердыми и даже прозорливыми взглядами. В те времена, когда литература была еще так молода, Бобров почувствовал, как тяжела борьба между замыслом и словесным воплощением. «Язык легок, но сколь обманчив! — писал он. — Вещь, проходя чрез слух, нередко теряет правоту свою», и смело создавал неологизмы, объясняя: «Обыкновенные и ветхие имена, кажется, не придали бы слову той силы и крепости, каковую свежие, смелые и как бы с патриотическим старанием изобретенные имена». Из множества изобретенных им слов, большей частью неуклюже-сложных и безвкусных, некоторые, однако, вошли в обиходную и литературную речь; особенно охотно пользовался он славянизмами, что привлекло к нему симпатии А. С. Шишкова и сделало его посмешищем карамзинистов. Он утверждал, что «рифма никогда еще не должна составлять существенной музыки в стихах» и что она, «часто служа буд-то некоторым отводом прекраснейших чувствований и изящнейших мыслей, почти всегда убивает душу сочинения», если автор делает ей лишние уступки. Задолго до *Бенедиктова*, *Бальмонта* и символистов к. XIX в. Бобров ощущал тоску по «неслыханному звуку» и «неведомому языку» и первый заговорил о красоте белого стиха. В русской поэзии он занимал скромное место, но в истории литературной теории и версификации его заслуги неоспоримы.

БОБЫЛЕВ Николай Иванович (6[18].12.1819—9[21].05.1865), писатель. Родился в Новгороде. В детстве и юности жил в Нерчинске.

В 1838 издал свой перевод книги «Палестина и места, освященные учением и страданиями апостолов» (Ч. 1—4). В 1838—40 издал 3 книги «Невского альбома»; первую книгу целиком и часть второй (1839) составляют «Опыты в стихах и прозе» самого Бобылева, во второй и третьей участвовали и др. авторы; критика встретила альманах благожелательно.

В 1864 опубликовал «Петербургские очерки. 1. Комиссионеры (факторы). 2. Ростовщики», в которых раскрывал махинации и алчность еврейских «предпринимателей».

БОБЫЛЕВ Федот Федотович (1819 — после 1866), поэт. Родился в Москве в купеческой семье. Учился в Московской гимназии; рано проявил поэтические способности: в 1-м классе написал стихотворение «Дух Россов» (в сб.: «Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Московской губернской гимназии...» М., 1829), выдержанное в одическом стиле. В 1836 в «Московском наблюдателе» напечатал стихотворение «Сочувствие» («Немного светлых вдохновений»). В 1839 под явным влиянием Н. В. Кукольника написал белыми стихами пространную драму в 5 частях «Асканию Риччи» (М., 1845). Сюжет о любви двух братьев-художников к дочери учителя автор совмещает со спорами о назначении искусства, прокламируя: «Поэзия — душа искусства. В ней является высокая борьба земного человека с недостижимой идеей Бога».

В 1866 опубликовано патриотическое стихотворение «Русская дума» (Посвящается сердцу России: Москве) об Александре-освободителе.

БОВА КОРОЛЕВИЧ, герой русской волшебной богатырской повести. Преодолевая различные препятствия, Бова Королевич добивается прекрасной царевны Дружевны, совершает подвиги, проявляет чудеса храбрости. Образ Дружевны — воплощение любви и преданности.

Русская повесть о Бове Королевиче восходит к рыцарскому роману о Бюэве из г. Анстона, который возник во Франции в эпоху крестовых походов и получил общеевропейское распространение. Этот текст явился источником нескольких русских списков повести в XVII в. Уже в 60—70-е XVI в. повесть была популярна в народной устной передаче. «Потешная книга в лицах о Бове» упоминается в числе книг царевича Алексея Петровича. Образ Бовы Королевича прочно входит в русский фольклор и лубок с XVIII в. В лубке XIX — н. XX в. Бова Королевич нередко изображается в кругу любимых героев русского эпоса: *Ильи Муромца*, *Ивана-царевича*. Лубочные сказки о Бове Королевиче выходили сотнями изданий с к. XVIII в. вплоть до н. XX в. в России. Сказки о Бове Королевиче вошли в репертуар современных сказочников и сказителей России (*М. Коргуев*, *М. Крюкова*, *Г. Сороковников* и др.). Тот же образ Бовы Королевича привлек внимание *А. С. Пушкина*; он начал писать поэму «Бова» (1814), от которой сохранилось несколько набросков.

БОГАТЫРЕВ Петр Григорьевич (16[28].01.1893—1971), фольклорист, этнограф, театровед.

Окончил в 1918 историко-филологический факультет Московского университета. Почти 20 лет (1921—40) жил и работал в Чехословакии, обследовал более 50 архивов. Собирал и публиковал, в частности, редкие материалы о русских писателях, композиторах, театральные деятели. Богатырев — крупнейший исследователь народного творчества. Опубликовал более 150 работ в России и за рубежом. Редактор и один из авторов уникального учебника «Русское народное поэтическое творчество», впервые вышедшего в 1954.

А. Баженова

БОГАТЫРЬ, герой русских былин, храбрец, витязь, посвящающий свою жизнь подвигам на защиту национальных и религиозных интересов русской земли; отсюда слово «богатырский», сделавшееся характерным эпитетом, прилагательным ко всему, что имеет какое-либо отношение к богатырям: конь богатырский, застава богатырская, поездочка богатырская и т. д.

Слово «богатырь» впервые встречается в *Ипатьевской летописи* в 1240.

В древнерусском языке слову «богатырь» соответствовали «храбр», «храбор», «удалец», «муж», «воин», которые продолжили существовать и позже рядом со словом «богатырь», постепенно уступая ему в общераспространенности своего употребления. Так, уже в описании битвы на Калке находим: «убиша Александра Поповича, а с ним богатырь 70», вместо обычного «храбрых 70»; с др. стороны, в Лаврентьевской, под 1263 — «зде же явишася 6 муж храбрых». Обозначая в своем восточном оригинале наездника, отличавшегося особенной неутомимостью, силой и храбростью и бывшего исполнителем ханских поручений, слово «богатырь» перенесло эти признаки вместе с «ароматом степи» в русские народные рассказы о подвигах их удальцов, «храбров». Ратные подвиги в чистом поле и исполнение возложенных кн. Владимиром поручений являлись в былинах действительно основными чертами, определяющими лицо богатыря. Таковы особенно: *Илья Муромец*, *Добрыня Никитич*, *Алеша Попович*, Поток Михайлович, Дунай Иванович, Данило Игнатьевич, Иван

Годинович, Сухмантий Одихмантьевич, Еким Иванович, Михайло Казарянин, Василий Казимирович, Никита Залешанин; богатырями же называются и Святогор-Самсон, без определенной цели разрезающий по степям, и Вольга, идущий походом на Турец-Сантала, и представители враждебной силы: *Тугарин Змиевич*, Идолище Поганое, Жидовин. Этот тип богатыря-наездника мог сложиться в эпосе русского населения, близкого к степям и условиям кочевников; к нему не подходят ни герои новгородских былин, в которых название «богатырь» почти не встречается, ни заезжие щеголи, как Соловей Будимирович, Дюк Степанович, Чурило Пленкович, ни такие «горожане», как Ставр Годинович, Хотен Блудович и т. д. По мнению *В. Миллера*, «под категорию “богатырь” не подводятся сказителями былин такие личности, которые не совершали подвигов в борьбе с басурманами и разными чудищами и не состоят на службе у князя». Эта точка зрения оправдывает деление былинного репертуара по характеру содержания на два отдела: а) былины богатырские и б) былины не-воинские, с событиями городской жизни на первом плане. Общие законы поэтизации, налагающие сходные идеальные черты, роднят, впрочем, между собою героев того и др. круга, и герои былин второго отдела весьма нередко носят то же название богатыря.

В Онежском крае сохранялся, по свидетельству *Гильфердинга* («Онежские былины»), рядом с богатырем-мужинойю образ богатыря-женщины или «поляницы». Не подлежит сомнению то обстоятельство, что созданию образа женщины-воительницы способствовали бытовые условия в северной части Олонецкой губ., где от женщины требуется не только равная доля физического труда, но та же неустранимость и отвага, как и от мужчины. В то время как лучшие певцы бессознательно, по старой памяти, употребляли название «поляница» собственно тогда, когда речь шла о женщинах-воительницах, другие сказители или затруднялись ближе определить это понятие, «так поется “поляница”, а что такое, не знаем», или разумели под этим словом богатыря второстепенного, стоявшего в их представлении ниже настоящих богатырей.

Каждый из былинных богатырей отмечен особыми типическими чертами, которые придают ему отпечаток индивидуальности, характерной законченности типа. *Илья Муромец*, напр., чужд всякой заносчивости и хвастовства; могучая сила дает ему твердую уверенность в своих поступках и решительный перевес над др. богатырями, но он властвует над ними гл. обр. нравственным авторитетом своей безусловно честной и прямой личности. Столь же типично выражено благородство и «вежество» древнерусского витязя *Добрыни Никитича*, наглость «бабьего перемешника» *Алеша Поповича* и др. Творческая идеализация, наделяющая богатырей необыкновенной физической силой, придает их действиям и всему, что имеет к ним отношение, элемент необыкновенного, чудесного, чего не бывает в обыденной жизни. Сказочные размеры богатырских подвигов, легкость, с какою они справляются с разного рода врагами земли русской, то избивая «силы сорок тысячей», то побеждая страшных чудовищ, драконов и змей, сообщают былинам фантастическую окраску не менее, чем такие эпические черты, как скачок богатырского коня: «выше лесу стоячего, чуть пониже облака ходячего», палица в девяносто пудов, чарочка в полтретья ведра, которую богатырь испивает «единым духом», крик богатырский, от которого земля колеблется, терема шатаются, с церковей валяются маковки... Эпитеты говорят о «цветном» богатырском платье, сапожках «зелен-сафьян», шапке «во

пятьсот рублей», подруги у седла «шелковыя», пряжки «красна золота»; окружающая природа дает певцу разнообразный материал для целого ряда эпических сравнений и сопоставлений. Характер нравственной основы былинных типов вместе с чертами поэтической идеализации должен быть отнесен всецело на долю творческой самодеятельности русского народа, которая оживляет предмет, дает ему краски и в то же время приобщает к общей национальной сокровищнице народно-поэтического мироздания.

БОГАЧ И ЛАЗАРЬ, русский *духовный стих*, заимствовавший сюжет из притчи о богаче и Лазаре, рассказывает, что жили два брата Лазаря, богатый и убогий. Убогий Лазарь просит у богатого милостыню, но тот отказывается от родства. Убогий Лазарь, выйдя от брата, молит Бога, чтобы Он послал ангелов, которые вынули бы его душу сквозь ребра и, посадив ее на копьё, понесли прямо в ад, в смолу кипучую. Между тем богач, почувствовав приближение смерти, молит, чтобы Бог послал тихих ангелов, которые бы вынули его душу «во сахарные уста», положили ее на пелены и вознесли к Аврааму в рай. Однако совершается как раз наоборот, и богач, видя убогого Лазаря в раю, признает его своим братом и просит его обмакнуть «безымянный перст в Окиян-море» и помазать им его «печальные уста». Убогий Лазарь напоминает ему его прежнее обращение и говорит: «Теперь воля не моя, воля Господа».

БОГДАНОВ Петр Иванович (1776—1816), поэт и переводчик. Сын московского дьякона. Окончил *Славяно-греко-латинскую академию*, затем учился в Медико-хирургической академии. С н. XIX в. преподавал словесность, логику и риторiku в Московском благородном пансионе. В 1807 он получил степень магистра философии.

Ранние стихи Богданова, вышедшие в виде литовок, написаны в традициях *Г. Р. Державина* и посвящены А. М. Голицыну: «Гимн его сиятельству <...> в день рождения 1798 года ноября 6 дня» (1798) и «Ода на открытие в Москве Голицынской больницы» (СПб., 1801).

Перевод поэмы А. Галлера «О происхождении зла» (1798) Богданов также посвятил А. М. Голицыну. Ранее эту поэму перевел прозой *Н. М. Карамзин* (1786). В поэме описан бунт Люцифера; одна из основных ее мыслей — об изначальной греховности человека — полемически направлена против масонских просветительских представлений («Лапландцы, что средь гор летяных обитают, Усердные рабы пороков также суть»). Богданов перевел поэму шестистопным ямбом; в стилистике, особенно в описаниях пейзажа, несомненно предромантические веяния.

Ода «Гений» была написана Богдановым по заказу печателя пансиона А. А. Прокоповича-Антонского и прочитана на торжественном акте в пансионе в 1805. *С. П. Жихарев* упоминает и др. произведения Богданова, в частности неизданную «Пиитику» и «Оду на Новый год по случаю Пултуской победы».

В 1806 Богданов издал «Краткую логику для юношества, обучающегося в Московском пансионе» (посв. М. Н. Муравьеву).

Ю. Ф.

БОГДАНОВИЧ Ипполит Федорович (23.12.1743[3.01.1744]—6[18].01.1803), поэт. Родился в м. Переволочное Полтавской губ. С детства Богданович проявлял любовь к поэзии, музыке и рисованию, а когда в 1754 его отвезли в Москву и зачислили в Юстиц-коллегию юнкером, то тут он увлекся театром и хотел поступить на сцену. Но бывший в то время

директором театров *Херасков* отговорил Богдановича от этого и, записав его в университет, поощрял к литературным занятиям. Первые опыты, даже по отзывам современников весьма слабые, в виде стихотворений, Богданович помещал в издававшихся при университете журналах «Полезное увеселение» и

«Свободные часы». По окончании университета, в 1761, Богданович был определен надзирателем над университетскими классами, а в 1762 членом комиссии «Торжественных приготовлений», в которой сочинил надписи для триумфальных ворот. В 1763 назначается переводчиком в штат гр. П. И. Панина, а с 1764 состоит в той же должности при иностранной коллегии; с 1766 по 1769 проводит за границей, в качестве секретаря русского посольства при саксонском дворе. В 1779 переведен в департамент герольдии; в 1780 назначен членом государственного архива и с 1788 был в нем председателем.

Наиболее плодотворный период литературной деятельности Богдановича был в 1769—75. В 1773 Богданович издал собрание своих сочинений под общим названием «Лира». С 1775 по 1782 редактировал «Санкт-Петербургские ведомости». Наконец, в 1775 написал составившую ему имя поэму «Душенька». Содержание ее Богданович заимствовал из повести Лафонтена «Les Amours de Psyche», в свою очередь воспользовавшегося поэмой Апулея об Амура и Психее. Как Лафонтен сделал Психею французской, так и Богданович старался превратить ее в русскую девушку Душеньку. Идея, которую Богданович хотел вложить в поэму, заключается в двустийшии:

...Наружный блеск в очах проходит так, как дым,
Но красоту души ничто не изменяет.

Поэма, стилизованная под русские народные сказки и содержащая шуточные, иронические мотивы, была противопоставлена героическим поэмам *классицизма*. В поэме присутствуют Кощей, Змей Горыныч, Царь-Девича. Поэма разделена на 3 книги. В 1-й книге описываются родные Душеньки и ее красота, которой начинает завидовать Венера и приказывает своему сыну Амуру хорошенько пострадать Душеньку. Родители преследуемой Душеньки обращаются к оракулу; последний велит отвезти ее на неведомую гору и там оставить, пока чудовище, которому она обречена в жены, не придет за ней. Кончается книга путешествием и прощанием Душеньки с родными. Во 2-й книге Душенька неведомою силой перенесена в царство Амура, но он является к ней только ночью и при первом свете дня исчезает. Душенька проводит все время в разных забавах и развлечениях. По ее желанию прислуживающие ей Амуры и Зефиры переносят к ней сестер, которые из зависти уговаривают ее убить «чудовище». Она ночью зажигает лампаду и, увидев спящего Амура, нечаянно проливает на него каплю горячего масла. Амур просыпается и улетает от нее. В 3-й книге Душенька снова на той горе, где оставили ее родители. Она хочет лишиться себя жизни, но тщетно: Зефиры поддерживают ее, когда она бросается в пропасть; деревья склоняют свои ветви, когда она хочет повеситься, и т. д. В пастушеском платье она попадает в храм Венеры, и та, желая погубить Душеньку, приказывает

ей достать кувшин живой и мертвой воды. Амур и тут ей помогает. Тогда Венера велит ей принести закрытый горшочек от Прозерпины. Душенька, подстрекаемая любопытством, раскрывает его и вылетающий оттуда дым чернит ей лицо. Она в отчаянии прячется от всех; но Амур отыскивает ее и объявляет Венере, что он не перестанет любить Душеньку и чернолицей. Венера возвращает Душеньке красоту и

Амур и Душенька друг другу равны стали,
И боги все тогда их вечно сочтали.

Критика того времени встретила Душеньку восторженно, и большинство современников возвело Богдановича в гении. *Карамзин* с восторгом отзывается о «Душеньке» и находит ее лучше оригиналов, т. е. поэмы Апулея и рассказа Лафонтена. Он восхищается «легкой игрой воображения, основанной на одних правилах нежного вкуса», говорит, что «многие стихи живы и прекрасны» и что Богданович «будет известен потомству как стихотворец приятный, нежный, часто остроумный и замысловатый». Столь же лестные отзывы дают о Богдановиче, как авторе «Душеньки», и др. современные ему критики, напр.: П. Бекетов, митр. *Евгений (Болховитинов)*, *Баратынский*, *Батюшков* и отчасти *Пушкин*. Но последующие критики становятся все менее и менее благосклонны к литературной деятельности Богдановича вообще и к его «Душеньке» в частности. Кн. *Вяземский*, Кс. Полевой дают о ней отзывы один суровее другого.

Торжество Душеньки

Напечатана «Душенька» была в 1783 и уже к 1841 выдержала 15 изданий. Из др. произведений Богдановича можно отметить: «Радость Душеньки» (1786), «Славяне» (1787), «Добромысл» (1805), «Блаженство народов» (1810), «Сугубое блаженство» (1765). В «Русских пословицах» (1785), переложенных в стихотворную форму, популяризовались идеи русского фольклора. Перевод поэмы Вольтера «*Sur le desastre de Lisbonne*» считался образцовым. Кроме упомянутого, Богданович написал: «Историческое изображение России» (1777), «Малая война, описанная майором в службе короля прусского» (пер. с фр., 1768); «Сокращение из проекта о вечном мире Руссо» (1771); «Вертога, история о бывших переменах в Римской республике» (1771—75) и множество од, эпиграмм, элегий, басен и проч.

Соч.: Собр. соч. и переводов, Изд. 2-е. Ч. 1—4. М., 1818—19; Стихотворения и поэмы. Л., 1957.

БОГДАНОВИЧ Максим Адамович (27.11[9.12].1891—25.05.1917), белорусский поэт. Родился в Минске в семье учителя. В 1896 семья Богдановича переехала в Н. Новгород. С 1908 до 1916 Богданович жил в Ярославле, где окончил юридический лицей. С 1916 работал в Минске в губернском продовольственном комитете и в Белорусском комитете помощи жертвам войны. Умер от туберкулеза.

Богданович начал печататься в 1907 в белорусской газете «Наша нива» (Вильно). Он выступил как поэт в 1913 (сб. стихов «Венок»). В отдельных ранних стихах Богдановича звучат мотивы тоски и одиночества. Но эти мотивы не были органичны для его поэзии. Лирика Богдановича тесно связана с народной поэзией. К лучшим стихотворениям Богдановича относятся: «Из песен белорусского мужика» («3 песняў беларускага мужыка», 1909), «Межи» («Мяжы», 1914), «Эмигрантская песня» («Эміграцкая песня», 1914), «Слуцкие ткачихи» («Слуцкія ткачыхі», 1912), «В деревне» («У вёсцы», 1909—12), «Дождь в поле и холод» («Дождж у полі і холод», 1909). В стихах Богдановича порой звучит смелый протест против мира насилия и социальной несправедливости: «Пан і мужык» (1912), «Двинемся, братья, скорей!» («Рушымся, брацця, хутчэй!», 1910).

Богдановичу принадлежат также талантливые переводы с польского, сербского и др. языков, критические работы, публицистические статьи, которые печатались в белорусской газете «Наша нива», в ярославском «Голосе», в журнале «Украинская жизнь» и др. изданиях. Много внимания уделял Богданович проблемам развития культуры славянских народов. Несколько этюдов он посвятил деятелям русской науки и искусства: *М. В. Ломоносову* («Поэзия гениального ученого», 1911), *Т. Г. Шевченко* («Краса и сила. Опыт исследования стиха Т. Г. Шевченко», 1914), *М. П. Мусоргскому* («Об интересном мнении Глебова», 1915) и др.

Соч.: Выбранные творы. Минск, 1946; Творы. Минск, 1957, в рус. пер.: Избранные произведения. М., 1953.

БОГОЛЮБОВ Николай Петрович (1821—1898), писатель. В 1842 окончил Морское училище, но далеко не всю жизнь провел на море. Большую часть ее прожил в д. Горки Могилевской губ., служил там директором Земледельческой школы. Неоднократно бывал в Саратове и радищевском родовом имении Верхнее Аблязово, помогал брату в практических делах устройства музея Радищева, делал пожертвования. Литературным сочинениям его свойственны живость и ясность, несмотря на то, что в одних преобладают художественные, в других — научные свойства.

Соч.: Славная оборона Петропавловского порта, 1854. СПб., 1885; Волга от Твери до Астрахани. СПб., 1862; История корабля.

М., 1879; Влияние наших мореходных школ на прибрежных жителей. М., 1881; Снаряды и способы для спасения людей при кораблекрушениях. М., 1881; Рассказы старого матроса. М., 1888 и 1887; Купец Иголкин. СПб., 1886; Лейтенант Казарский. СПб., 1888; Удалые поморцы Иван Рябов и Матвей Герасимов. М., 1889; Мореход Герасимов. М., 1889; Граф Бениовский. М., 1894 и др.

А. Баженова

БОГОМОЛОВ Владимир Осипович (р. 3.07.1926—30.12.2003), писатель. Родился в д. Кириллово под Москвой. В начале Великой Отечественной войны юношей ушел на фронт; был воспитанником полка; в 1941 получил первое офицерское звание; был ранен, награжден. Богомолу пришлось пройти немало фронтовых дорог — Подмоскowie, Украину, Северный Кавказ, Польшу, Германию, Маньчжурию; демобилизовался из армии в 1951.

Литературная биография Богомолу началась в 1958, когда была напечатана первая повесть «Иван». Образ главного героя повести стал безусловным открытием в русской литературе 60—70-х. Иван Булов (ребенок, переставший быть ребенком, человек, который в свои 10—11 лет всецело принадлежит только войне) не был похож на уже известных читателю «сыновей полка».

Вторая повесть Богомолу — «Зося» появилась в 1963. События в ней также разворачиваются на фоне военной действительности. Ее сюжет построен на контрастах. В ней сталкиваются две стороны жизни — любовь и смерть, мечта и суровая реальность. Это произведение (по замечанию самого Богомолу) о «несвершившемся» в судьбах молодых людей военного поколения.

Одновременно с повестью вышла в свет подборка рассказов-миниатюр: «Кладбище под Белостоком», «Второй сорт», «Кругом люди», «Сосед по палате», «Сердца моего боль». В них в наибольшей степени проявился характерный для стиля Богомолу лаконизм, умение в малой, но емкой форме поднимать проблемы самого широкого звучания. Им свойственны символичность, «притчевость», особое отношение к литературной детали. В этом смысле их ставят в один ряд со стихотворениями в прозе *И. С. Тургенева*, короткими рассказами *И. Бунина*, *А. Чехова*, с одной стороны, а с другой — сопоставляют с некоторыми произведениями *М. Пришвина*, *Ф. Абрамова*, *Ю. Бондарева*, *В. Солоухина*.

Затем наступил период молчания, продлившийся ок. 10 лет. Лишь в 1974 Богомолу опубликовал новое произведение — роман «В августе сорок четвертого...» (второе название «Момент истины»). Роман принес Богомолу огромную популярность; неоднократно переиздавался, вызывая неизменный читательский интерес. Он посвящен работе одного из подразделений русской контрразведки в годы Великой Отечественной войны. Напряженный сюжет дает возможность сравнивать его с произведениями приключенческого жанра. Однако наряду с детективной линией в романе есть более глубокий план. Во время работы над романом Богомолу изучил огромное количество фактического материала. Он стремился быть предельно точным во всем, начиная с изображения «мелочей» в профессиональной деятельности контрразведчиков и заканчивая раскрытием характеров. Увлекаемость в романе сочетается с реалистичностью, а реалистические детали наполняются символическим звучанием (ключевая фраза: «момент истины» — является термином, взятым из словаря сыщиков, она способна выразить как существо романа, так и главное в работе самого писателя: стремление к правде).

Роман имеет оригинальную композицию. Наряду с частой сменой способов повествования, когда рассказ ведется от лица разных героев и события перед читателем предстают порой с противоположных точек зрения, в нем огромную роль играют служебные записки, сводки, которые с предельной точностью повторяют форму реальных документов времен войны. Они представляют собой особое средство воссоздания «достоверной» художественной действительности.

Соч.: Рассказы. М., 1975. Роман. Повести. Рассказы. Л., 1981.

В. Вьюгин

«**БОГОМОЛЬЕ**», выдающееся произведение писателя *И. С. Шмелева*, одно из высших выражений мировоззрения Святой Руси. Написано в 1931.

В «Богомолье» показана живая, народная-простонародная, по-детски верующая, душою очищающаяся, сердцем умудряющаяся Россия. Она показана с великой простотой и наглядностью, с настоящей художественной убедительностью; и главное — с той звенящей духовной искренностью, отсутствие которой так огорчает в западных вероисповеданиях.

Собрались люди из одного московско-замоскворецкого гнезда, старые, молодые и ребята, и идут на богомолье к Троице-Сергию, шаг за шагом, день за днем; а нам рассказывается из чистой детской души (вроде блаженных воспоминаний...) все, что они думали и чувствовали, что видели и слышали, чего искали и что нашли.

В своем произведении Шмелев раскрывает великую правду о России. Он высказал и показал ее с той законченной художественной простотой, с той ненарочитостью, непреднамеренностью, с той редкостной безыскусственностью, которая дается только душам предельной искренности и последней глубины. Сила этой искренности такова, что расстояние от художника до его образов и расстояние от его образов до читателя — преодолевается и снимается совсем: все угасает, все забывается, все условности «авторства», «литературности», «чтения»; реально только богомолье — горсть людей, ведомых вдаль, к предподному, и путь, ведущий и приводящий их к Нему. Какая художественная и духовная радость — забыть себя и найти их! Как легко эта радость дается! Какая творческая сила, какое зрелое мастерство скрыто за этой легкостью.

Легчайшим дуновением входит это искусство в душу, ну, вот так, как даются нашим глазам цветы, цветущие в необъятных лугах нашей России, или как русская девичья душа мечтает и поет, собирая эти луговые цветы... Здесь искусство поднимается до той естественности и незаметности, на которой всегда живет природа. И в этой естественности и незаметности оно вливается в душу читателя, чтобы показать ей великую основу России — Святую Русь.

В этом повествовании все просто, как сама Россия, как русская душа, как русский быт. Просто и в то же время насыщено, или как бы проникнуто изнутри сияющим светом: светлые, прозрачно лучащиеся слова, слова совершенной изобразительности; легкий, светло-ласковый, все время кротко, облегченно, почти блаженно вздыхающий стиль и ритм, вливающий в душу целительное успокоение; образы солнечного лета, озаренной природы (какие утра! какой полуденный припек! какая гроза! какие закаты!..); и светлые, легкие души, детски чистые, и от этой своей детской чистоты жаждущие еще приблизиться к праведности и преклониться перед святостью Божьего Угодника, чтобы приобщиться ей и хоть раз в жизни коснуться безгрешности.

Здесь все пронизано благодатным, врачующим светом: и слово, и образы, и та последняя предметная глубина, ради которой пропето это повествование. А пропето оно для того, чтобы показать и утвердить бытие Святой Руси, ибо книга эта, так же как и книга о *«Лете Господнем»*, есть творение не только художественное, но и исповедническое.

Это исповедание есть порождение любви, любви столь детски-искренней и столь религиозно-беззаветной, что она может только петь, петь светлыми образами, и пением этим приводить в состояние благодарной умиленности всякую душу читающую, и застывшую, и ожесточенную, и гордую, и злую. Любовь, сказанная так, убеждает и побеждает простым вовлечением в круг своего блаженства. Она не то что «предлагает» радостно любить, а наливает душу радостной любовью до краев; и переполненная душа, сама не замечая, начинает петь и радоваться. Искусство совершает свое великое дело — магическое и благодатное, умудряющее и исцеляющее: душа чувствует себя прощенной и прощающей, примиренной и очистившейся. В ней самой просыпается то, что воспела любовь художника, — жажда праведности; и сквозь эту ожившую жажду чистоты и праведности душа начинает созерцать Россию, — видеть ее пространственные и душевные просторы, постигать строение и движение русского духа, осязать историю России, ее уклад, ее быт, ее пути и судьбы. Сила живой любви к России открыла Шмелеву то, что он здесь утверждает и показывает: что русской душе присуща жажда праведности и что исторические пути и судьбы России осмысливаются воистину только через идею «богомолья»...

Сказать — «русской душе присуща жажда праведности» — не значит оправдать и одобрить все то, что когда-нибудь и где-нибудь совершил и совершит человек, носящий русское имя. Не обо всех «русских» и не обо всех их делах идет здесь речь... Но тот, кто способен увидеть русскость русского человека, и действительно увидит ее и станет ее описывать, тот непременно отметит, что в саму сущность русскости входит мечта о совершенстве, жажда приблизиться к нему, помысел о «спасении души», вздох о Божием, взыскание Града, готовность преклониться перед праведником, склонность — рано или поздно, или многократно, или хотя бы перед смертью только — уйти в некое Богомолье.

Богомолье! Вот чудесное слово для обозначения русского духа. Как же не ходить нам по нашим открытым, легким, разметавшимся пространствам, когда они сами, с детства, так вот и зовут нас — оставить привычное и уйти в необычайное, сменить ветхое на обновленное, оторваться от каменеющего быта и попытаться прорваться к иному и радостному бытию; отойти странником в новую страну, где по-новому увидеть Бога, и в земном, и в небесах, и, вернувшись в свое жилище, обновить, освятить и его этим новым видением?.. Нам нельзя не странствовать по России; не потому, что мы «кочевники» и что оседлость нам «не дается»; а потому, что сама Россия требует, чтобы мы обзрели ее и ее чудеса и красоты и через это постигли ее единство, ее единый лик, ее органическую цельность; и более того: чтобы мы научились, созерцая ее, видеть Бога — и в ее природе, и в ее истории, и в осевших гнездах ее праведности (от Киевской Лавры до Китежа, от Соловков до гор Кавказа). Не об этом ли богомолье вздыхал *Пушкин*:

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ушелью,
Подняться к вольной вышине;
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!

И самая смерть не предносилась ли ему в образе бегства от суеты в блаженную обитель:

Давно завидная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег...

И не он ли сказал об этих осевших гнездах русской религиозности и праведности: «Мы обязаны монахам нашей истории, следственно и просвещением»?

Да, богомолье искони было на Руси началом просвещения и духовного очищения. Не только потому, что древние православные монастыри были живыми очагами и праведности и образованности; но и потому, что русский человек, уходя к святым местам через леса и степи, «уходил» ко святым местам своего личного духа, пробираясь через чашу своих страстей и через пустоты своей, религиозно еще не возделанной, души... Однажды приходил миг, когда он постигал, что быт засасывается, как болото; или, по выражению Шмелева, говорящего устами Горкина, что «всех делов не переделаешь», что «делов-то пуды, а она (смерть) — туды»... В этот миг душа его просыпалась, как бы откликалась на неслышимый зов. Он постигал, что надо хотя бы на время оторваться, сложить с себя все и уйти в богомолье, к богомыслию. Он делал усилие, вырывался из тисков обыденной полуслепоты и шел вдаль добывать себе трудами, лишениями и молитвами доступ к святости и к Богу.

Богомолье! Оно выражает само естество России — и пространственное, и духовное... Это ее способ быть, искать, обрета и совершенствоваться. Это ее путь к Богу. И в этом открывается ее святость.

Люди уходили как бы в религиозное научение. Легкие, сермяжно-лапотные, беззаботные, забвенные, с открытой для всяческого совершенства душой; по-новому, благодатно выходящие солнцем, и цветы, и овраги, и строгий бор; по-новому внимающие и всякому слову сердечному, верующему и чистому, «чующие святое сердцем» (Шмелев), — они шли по всей Руси, и не было им «пути далекого». Они учились религиозно созерцать, молиться и постигать тайну праведности; они вживались сердцем, воображением и волей в душевный уклад и облик чтимого святого, в обитель коего вела их дорога. Они становились «как дети»; а «таковых есть Царствие Божие» (Мк. 10, 14).

Русь именуется «святою» не потому, что в др. странах нет святости; это не гордыня наша и не самопревознесение; оставим др. народы грешить, терять, искать и спасаться по-своему. Речь о Руси, а не о др. народах; не будем на них оглядываться!

Русь именуется «святою» и не потому, что в ней «нет» греха и порока; или что в ней «все» люди — святые. Нет.

Но потому, что в ней живет глубокая, никогда не истощающаяся, а по греховности людской, и не утоляющаяся жажда праведности, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, художественно отождествиться с ней, стать хотя бы слабым отблеском ее... — и для этого оставить земное и обыденное, царство заботы и мелочей, и уйти в богомолье.

А в этой жажде праведности человек прав и свят.

Только немногие, совсем немногие люди на земле могут стать праведными, до глубины переродиться, целостно преобразиться. Остальные могут лишь отдаленно приближаться к этому. И когда мы говорим о Святой Руси, то не для того, чтобы закрыть себе глаза на эти пределы человеческого естества и наивно и горделиво идеализировать свой народ; но для того, чтобы утвердить, что рядом с не-святой Русью (и даже в той же самой душе!) всегда стояла и Святая Русь, молитвенно домогавшаяся ко Господу и достигавшая его лицецерия, — то в совершении совершен-

ных дел, то в слезном покаянии, то в «томлении духовной жаждою» (Пушкин), то в молитвенном богомолье. И Россия жила, росла и цвела потому, что Святая Русь учила и вела несвятую Русь — воспитывая в ней те качества и доблести, которые были необходимы для создания великой, имперской России. И так шло до тех пор, пока окаянная Нерусь не развязала наши несвятые силы, наши грешные, бурные страсти и не отстранила временно — да, конечно, временно, — Святую Русь от учения и водительства. А когда Святая Русь была мученически отстранена от водительства и окаянная Нерусь водворилась у руля — тогда Святая Русь ушла в новое, таинственное богомолье душевных и лесных пещер, вослед за уведшим ее Сергием Преподобным: там она пребывает и донныне. И мы видим, как за ним ушли туда многие и многие — и чудный Горкин, «голубь сизокрылый», и «простачок» Антипушка, и светлый, мечтательный Федя, и маленький Ваня, который донес свой «крестик» на высоту озаренного художества; и благодный «отец квасник», который весь изнутри «светится», а о себе говорит, на вопрос «откуда вы такие беретесь?» — «А Господь затирает... такой уж квасок творит... да только мы квасок-то неважный... ки-ислый, кислый... нам до первого сорту далеко».

И все они вернуться на Русь из лесов и дебрей, от непогибающего православного Китежа. А несвятая Русь опять пойдет за ними. Ибо жажда покаяния и праведности не может не проснуться в соблазненных и падших душах. Не может — потому что это русские души, в которых незримо продолжает жить Святая Русь. А окаянная Нерусь — какие бы имена она ни носила, русские или нерусские, — рассеется по всему миру смрадным дымом.

Истинное искусство невозможно и непроизвольно пересказывать. Его надо принять в себя; надо непосредственно приобщиться ему. И для этого надо обратиться к нему с величайшим художественным доверием — по-детски открыть ему свою душу, чтобы до глубины внять этой лирической поэме. Это песнь о том, как русские дети к Богу ходили и как Господь их обласкал и утешил; как Он открывался им во всем: и в этом «загоревшемся» от утренней зари «прутике над скворешней»; и в «радостных ягодках» душистой земляники; и в жертвенных порывах дарящего сердца; и в примирении после дорожной ссоры; и в страданиях калеки; и в водном наказании «шатающих веру» «охальников»; и в нужных, с виду «случайных», до глубины волнующих встречах; и в младенческой исповеди Горкина, годами кающегося в своем невольном грехе; и в тишости прозорливого старца, батюшки Варнавы; и в розовой лаврской колокольне, глядящей из голубого неба вблизи и вдале.

Как близко Божие к человеку, когда душа его открыта и внемлет! Какая тишина нисходит в душу при мысли о том, что «все тут исхожено Преподобным, огляжено; на всех-то лужах стоял, для обители место избирал; просвещено все тут, благословлено».

И вот душа незаметно становится по-детски прозрачной и радостной. Глубокими, верующими глазами смотрит она на все и чувствует несказанную благодатность мира; и чувствует подлинную осененность и окрыленность русской души в час молитвы и богосозерцания. И, вздыхая глубоким, трепещущим вздохом, перевертывает читатель последнюю страницу книги, зная рассудком, что это «только книга», и не постигает, как может простая книга столько показать и принести такие дары...

Ибо поистине здесь показана великая духовная красота. Красота, прикрытая, а от многих и совсем скрытая, рус-

ским простонародным рубищем. За простотой, за скудностью, за наивностью русского богомольца показана и душевная чистота молящегося, и благоуханная прелесть его молитвы, и неизреченная благодать Того, Кто отзывается на эту молитву; показан человек русский в его обращении к Богу — с великой художественной прозрачностью, с великим чувством меры, с любовным юмором, обессиливающим яд близлежащей бытовой пошлости.

Русским художественным актом создана поэма Шмелева: видением сердца, сердечной символикой, глубокомыслием любви, молитвенным созерцанием; а этой силе духа подчинились все остальные силы его, в легком творческом согласовании. Прав Горкин: «Одной рукой да глазом не сделаешь, тут душой радоваться надо»... — радоваться и любить. И петь.

Эта радость передается и нам. Она передается и всякому, кто не совсем еще, не до конца, окаменел и иссох сердцем. Она будет передаваться из поколения в поколение «по всей Руси великой», вызывая своим пением ответное пение в душах всероссийских «богомольцев», пробуждая и укрепляя русское национальное самосознание. Нерукотворным памятником будет жить эта поэма в истории русской литературы и русского духа. На великий, скорбный и страшный вопрос «кто мы? кто мы в истории человечества?!» — русские прозорливыцы не раз уже давали ответ и Богу, и своему народу, и чужим людям. И ныне, на наших глазах, после всего испытанного и поведенного, Шмелев дал новый ответ, по-новому. И ответ этот сразу — древен, как сама Русь православная, и юн, как детская душа или как раннее Божие утро. И в этой древности — историческая правда его ответа; а в этой юности — несравненная религиозная и лирическая прелесть его поэмы.

И. Ильин

БОГОРОДИЦА, в апокрифах и духовных стихах. Известные в русской литературе апокрифы и духовные стихи, имеющие отношение к Богородице, можно разделить на 3 группы.

1. Сон Богородицы, содержание которого представляет изложение событий жизни Спасителя. Внешней формой сна служит беседа Богородицы с Иисусом Христом, который говорит Ей, что Ее сон предвещает действительные события, и утешает Ее тем, что Он воскреснет и явится с неба, чтобы присутствовать при Ее Успении. Источником этого духовного стиха является апокрифический рассказ об Успении Богородицы, древнейшая редакция которого относится к IV в. Различие между содержанием апокрифа и духовного стиха заключается в том, что в апокрифе Иисус Христос предсказывает Богородице, что после Своего Воскресения Он явится, чтобы взять Ее на небо, а в духовном стихе Он объясняет Ее сон и утешает Ее.

2. Хождение по мукам. Богородица сходит в ад в сопровождении архистратига Михаила, который показывает Ей муки грешников: идолопоклонники томятся во мраке; проклятые родителями погружены в огненную реку до пояса, людоеды — до шеи, клятвopеступники — «до верха»; ростовщики висят головой вниз; не ходившие на заутреню в Святую неделю мучаются среди огненного облака; клеветники повешены за язык и т. д. Богородица просит Иисуса Христа помиловать христиан, и им дается свет с Великого Четверга до Пятидесятницы; помиловать же их совершенно Иисус Христос соглашается лишь в том случае, если Богородица согласится снова видеть Его на кресте. Этому апокрифу соответствует духовный стих «Страсти Христовы», где рассказывается о мучениях грешников в аду.

3. Плач Богородицы — Богородица с тремя женами-мироносицами ходит по Иерусалиму и встречает 3 иудов, которые на Ее вопрос, где они были, говорят, что они «били-мучили» Христа. При этом напоминании о смерти Иисуса Христа Богородица падает без чувств на землю, а потом, придя в себя, начинает плакать. Является Иисус Христос и утешает Ее тем, что воскреснет через 3 дня и прославит Ее. В др. вариантах жида говорят, что распяли Христа не они, а их прадеды, и указывают, как найти Гроб Господень: на Сионской горе (иногда просто на крутой горе) стоят в церкви 3 гроба: в одном лежит Св. Дева, в другом — Иван Богослов (или Предтеча), а в третьем — Сам Иисус Христос.

Лит.: Бессонов П. А. Калики переходные. Вып. 1—6. М., 1861—64.

БОДРЯГИН Сергей Егорович (5[17].07.1867—19.07.1920), поэт-самоучка. Родился в крестьянской семье в Тарусском у. Калужской губ. В 11-летнем возрасте привезен в Москву и отдан в учение в овощную лавку. Затем был разносчиком газет. В сер. 80-х познакомился с *М. Л. Леоновым*. Первые опубликованные стихи — «Сонет» и «Из далекого теплого края» (1890). Участник Суриковского литературно-музыкального кружка; в н. XX в. печатался в различных сборниках, издававшихся суриковцами. Стихи Бодрягина — подражательные элегии, где сквозь книжность образов и языковые штампы порой проглядывает непосредственное чувство («Пусть хороша весна душистыми цветами...» — в сб.: В поисках света. М., 1904). В 1900-е Книжно-газетный магазин Бодрягина близ Красной площади был местом, где собирались писатели из народа и где можно было купить их издания.

С. С.

БОДЯНСКИЙ Осип Максимович (30.01[12.11].1808—6[18].09.1877), филолог-славист. Родился в м. Варва Лохвицкого у. Полтавской губ. Сын священника. Окончил Московский университет в 1834. В 1835 напечатал (под псевд. Запорозец Исько Матьрынка) стихотворное переложение малороссийских народных сказок («Наши украинские сказки»). В 1834 опубликовал рецензию на повести *Г. Квитки-Основьяненко* (под псевд. Мастак). Примыкал к романтическому направлению. Был в дружеских отношениях с *Н. В. Гоголем*, *Т. Г. Шевченко* и *М. А. Максимовичем*. В 1837—42 совершил путешествие по славянским странам. В 1842—68 — профессор Московского университета. Как сторонник университетской автономии и устава 1863, Бодянский в 1868 был вынужден выйти в отставку. Главные труды: «О народной поэзии славянских племен» (1837), «О времени происхождения славянских письмен» (1855). Бодянский способствовал укреплению связей русской интеллигенции с западным славянством. Перевел с чешского труды *П. Й. Шафарика* «Славянские древности» (т. 1—2. 1837—48) и «Славянское народописание» (1843). В 1845—48 и 1858—77 — редактор «Чтений в Обществе истории и древностей российских», где

опубликовал множество ценных памятников, в т. ч. материалы о деятельности *Кирилла и Мефодия*, «Житие Бориса и Глеба» по списку XII в., «Житие Феодосия Печерского» по списку XII в., «Грамматическое исследование русского языка» *Ю. Крижанича*, «Собрание великорусских песен» *И. В. Киреевского* и др.

БОЙ ДОБРЫНИ С ДУНАЕМ, *былина*. Как и др. былинные сюжеты о поединках и братании богатырей, относится к числу поздних. В классическом — и более древнем — сюжете о совместном «добывании невесты» *Дунаем* и *Добрыней Никитичем* для кн. Владимира эти два богатыря едут «во товарищах». В данном же сюжете как бы воссоздана предыстория этой мирной поездки двух богатырей: рассказывается, как в богатырском поединке они познакомились друг с другом. Былинные «биографии» любимых героев «дописывались» самим народом, но при этом сохранялись и наиболее архаичные сюжеты, оставаясь ядром повествования, а новые лишь дополняли или поясняли их. В этих новых былинных сюжетах обычно использовался уже готовый «материал», но возникали и вполне оригинальные сцены, эпизоды. В былине «Бой Добрыни с Дунаем» богатыри дерутся друг с другом «уже трой суточки». В это время *Илья Муромец*, находясь далеко от них в чистом поле, велит *Алеше Поповичу* прижаться ухом к земле: «Не стучит ли где-ка матушка сыра-земля. / Не дерутся ли где русские богатыри». *Илья Муромец* предстает в былине примирителем, он для всех др. богатырей — непререкаемый авторитет. На еще одну особенность этой былины обратил внимание современный исследователь В. П. Аникин: «При равных с Дунаем силах, при равной доблести, воинском умении и благодетельстве высшей похвалы заслуживает именно Добрыня, так как действует во благо Руси. Наказание Дуная должно быть понято как осуждение воина-богатыря, свободно переезжающего из одной земли в другую. Понятие богатырства, как свидетельствует былина, обнаруживает связь с представлением о том, что отношение богатыря к Руси есть мера того уважения, которого он достоин».

В. Калугин

БОЙ ДОБРЫНИ С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ, *былина*. Обычно главные герои русского былинного эпоса — *Илья Муромец*, *Добрыня Никитич*, *Алеша Попович*, *Святгор*, *Дунай*, *Михайло Потык* предстают в былинах побратимами. Подобное ратное побратимство воспето в эпосе многих народов (в сербском — Марко братается с товарищем-юнаком). Хотя, как и принято в эпосе, знакомятся богатыри в «конфликтной ситуации», в столкновении друг с другом, после чего, испытывая силу, и становятся крестовыми братьями. Былина относится к числу поздних, вызванных желанием дополнить «биографии» любимых героев. Это, в определенном смысле, «новина», но по сравнению с советскими «новинами» 1930-х, новые былинные сюжеты о богатырских поединках и о братании Добрыни с Ильей Муромцем, Ильи Муромца с Добрыней, Добрыни с Дунаем возникали в самой народной среде, а не были навязаны носителям фольклора фольклористами.

В. Калугин

БОКОВ Виктор Федорович (р. 6[19].09.1914), поэт, песенник, собиратель фольклора.

Родился в д. Язвицы Александровского у. Владимирской обл., ныне Загорский р-н Московской обл., в семье крестьянина. Учился в Загорском педагогическом техникуме, работал токарем, зоотехником; служил в армии. В 1938 окончил Литературный институт.

Стихи начал писать рано; первое стихотворение опубликовано в загорской газете «Вперед»; с 1935 его стихи и рассказы стали появляться в журналах «Колхозные ребята», «Дружные ребята». В стихах Бокова ошутимо творческое осмысление традиций *А. В. Кольцова, Н. А. Некрасова, Н. А. Клюева, С. А. Есенина, А. Т. Твардовского и М. В. Исаковского*, в первую очередь — в использовании поэтических возможностей русского фольклора. Первым главным учителем Бокова был и остается фольклор — *песня, частушка, сказка, пословица, загадка*. Своими «боевыми помощниками» поэт по сей день считает балалайку, гармонь, гитару.

Боков — один из серьезнейших собирателей и творцов современной народной частушки. Ему принадлежит заслуга издания антологии «Русская частушка» (Л., 1950). Сотрудничество с известными собирателями русского фольклора, поездки в фольклорные экспедиции на Рязанщину, на Волгу, в Вологодскую и Воронежскую области убедили Бокова в неисчерпаемости, глубине и поэтичности народного творчества, в плодотворности освоения его традиций.

Песни на стихи Бокова — это особый пласт современной народной культуры. В них поэт настолько приблизился к народному миропониманию, что они уже стали неотделимы от времени, в которое были созданы и зазвучали (50—60-е): «Выходил на поля молодой агроном...», «Гляжу в поля просторные...», «На побывку едет...», «В чистом поле ясный месяц...», «Чтобы сердце было радо...», «Я назову тебя зоренька...», «Оренбургский пуховый платок». Песни Бокова органично соединяют озорство, юмор частушек и распев русских лирических протяжных песен.

Стихи Бокова обращены к тем первоосновам бытия, о которых часто забывают за суетой буден: вкус хлеба, воды, воздуха, бесконечность дорог и неповторимая прелесть «малой родины». Именно эти ценности в его стихах задают ритм, определяют смысл, направляют ход мысли (стих. «Луга России меня спросили...», «Не губите реченьку...», «Женщины белье полощут...» из цикла «Отчие просторы»; «Весеннее небо выстирано...», «Черный хлеб», «У метели рукава горностаевые...» из цикла «Закрома»; «Сказка снега», «Снегирь» из цикла «Снега России» и др.).

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. М., 1983—84.

Т. Ш.

БОЛОТОВ Андрей Тимофеевич (7[18].10.1738—4[16].10.1833), ученый, мыслитель, писатель. Родился в с. Дворяниново Каширского у. Тульской губ. Принадлежал к небогатому дворянскому роду. Отец Болотова, полковник, участник многих военных походов, в т. ч. взятия Хотина, человек честный, способный, знавший языки, оказал на сына самое благотворное влияние, приохотив его к труду и чтению книг. На шестом году Болотова стали обучать грамоте. Его учителями были старик-малороссиянин, полковой писарь Красиков, прививший мальчику любовь к рисованию, и унтер-офицер Миллер. Немецкому языку обучался в доме курляндского дворянина Нетельгорста, французскому — в петербургском пансионе преподавателя Сухопутного шляхетского корпуса Ферре. Образование, полученное Болотовым, не было ни серьезным, ни систематическим, но оно породило отвращение к праздности и потребность в постоянном пополнении знаний.

Весной 1748 Болотов был записан в Архангелогородский пехотный полк; с 1750 числился сержантом; в марте 1755 прибыл в полк, стоявший в Лифляндии. Записывая Болотова в военную службу, отец прибавил к его летам лишний год.

За эту невольную «просрочку» и «неявление» к полку Болотов был обойден чином при общем производстве и не сразу получил чин подпоручика. Военная служба тяготила Болотова, но он нес ее исправно, обучая солдат «без употребления строгости и всяких побой», «обходясь с ними ласково и дружелюбно, разделяя сам с ними труды». Участвовал в Семилетней войне (походы 1757 и 1758; Гросс-Егерсдорфское сражение). Постепенно Болотов пришел к мысли, что он «рожден» «не для войны, а для науки».

Точное изображение,
Мой кабинет и места, где писана
Сия книга. в 1789. и 1790. году. в Богородицкѣ.

В 1758, когда Архангелогородский полк держал караулы в Кенигсберге, Болотов был назначен письмоводителем, а затем переводчиком при канцелярии генерал-губернатора Пруссии Н. К. Корфа. Он посещает лекции по философии, участвует в публичных университетских диспутах, знакомится с московскими студентами, приехавшими в Кенигсберг для продолжения обучения, не пропускает ни одного театрального представления и пробует сам играть в спектаклях любительского театра, организованного Г. Г. Орловым. Он собирает библиотеку, рисует (по его эскизу Кенигсбергский монетный двор чеканит новую монету), много читает, переводит, пробует писать.

В 1760 Болотов получил чин поручика; в янв. 1762 был назначен флигель-адъютантом Корфа, ставшего петер-

бургским генерал-полицмейстером, и 24 марта 1762 прибыл в Петербург. Г. Г. Орлов попытался привлечь Болотова к готовящемуся заговору в пользу *Екатерины II*, однако, воспользовавшись указом о вольности дворян, 14 июня 1762 Болотов уходит в отставку.

3 сент. 1762 Болотов прибыл в Дворяниново. Занятый ведением хозяйства, он обращается к чтению иностранной экономической литературы, записывает и обобщает собственные «опыты хлебопашества». В марте 1766 Болотов отсылает в Петербург ответы на вопросы о формах земледелия, предложенные в «Трудах Вольного экономического общества», становится деятельным сотрудником журнала, ведет регулярную переписку с секретарем (потом президентом) общества А. А. Нартовым. 19 дек. 1766 Болотов избран членом общества. Сочинения Болотова трижды (в 1770, 1771 и 1777) удостоились награды общества (в частности, за «Наказ для управителя»).

В 1774 по рекомендации А. А. Нартова Болотов получил должность управителя собственных имений Екатерины II в Киясовской волости и поселился с семьей в Киясовке (женится в 1764 на А. М. Кавергиной). В 1776 Болотов занял место управителя дворцовых имений в Богородицкой волости.

Двадцатилетнее пребывание в Богородицке отмечено расцветом творческой деятельности Болотова. Он составляет проект застройки города, вызвавший восхищение петербургских архитекторов и императрицы, следит за отделочными работами в Богородицком дворце (построен И. Е. Старовым), разбивает пейзажный парк. С апр. 1778 по март 1779 Болотов издает (и выступает автором большинства статей) еженедельный журнал «Сельский житель» — первый русский частный сельскохозяйственный журнал, печатавшийся в типографии Московского университета на средства книгопродавца Х. Ридигера. Прекращение издания было вызвано его убыточностью: по подписке расходилось лишь 100 экземпляров. С некоторыми корреспондентами «Сельского жителя» — А. А. Владыкиным, А. А. Воейковым, известным промышленником Н. Демидовым — Болотов подерживал дружеские связи и переписку.

В 1770-е Болотову предложили вступить в масонскую ложу и прельщали разными выгодами тайного «братства», он ответил: «Прошу покорно меня от него уволить. Все, что вы ни говорите в похвалу вашему обществу, мне уже давным-давно известно, и вы не первые, а меня уже многие и многие старались склонить ко вступлению в масонский орден и в другие секты и общества... (не вступать в них) обязует нас... наш христианский закон, думаю, что нам и тех должностей и обязанностей довольно, какими он нас к исполнению обязует, и что нет никакой нужды обязывать себя какими-либо другими должностями, а нам дай Бог, чтоб и не только исполнить, которыми обязует нас христианская вера».

В 1779 в Москве (куда Болотов приезжал довольно часто) состоялось его знакомство с *Н. И. Новиковым*, переросшее в долгиелетнее сотрудничество и дружбу. Не принимая масонских взглядов Новикова, Болотов тем не менее отчетливо осознавал роль этого «всей России известного человека» в развитии литературы и всегда питал к нему, гонимому и опальному, самые добрые чувства. Судя по уцелевшим письмам Новикова к Болотову, относящимся к 1815, дружеские отношения между ними сохранялись до конца жизни Новикова. В течение 1780—89 Болотов редактировал журнал «Экономический магазин», своеобразное продолжение «Сельского жителя», печатавшийся на средства Новикова, в его типографии, в качестве приложения к «Московским ведомостям». Опубликовано

важные в «Экономическом магазине» материалы, оригинальные и переводные, помогли распространению новейших сельскохозяйственных и естественно-научных знаний.

В 1790 Болотов возобновил свое участие в «Трудах Вольного экономического общества» (1790—1807); Саксонское королевское экономическое общество в Лейпциге избирает его в 1794 своим почетным членом.

После смерти Екатерины II, когда Богородицкая волость была пожалована А. Г. Бобринскому, Болотов, не пожелав состоять на службе у частного лица, вышел в отставку в чине коллежского асессора, который он получил в 1783, и в н. 1797 возвратился в Дворяниново. Самое значительное событие его «второй деревенской жизни» — поездка в Петербург с 19 янв. по 18 нояб. 1803. Занятый хлопотами в Межевом департаменте Сената по земельной тяжбе с Пашковым (за Болотова перед министром юстиции *Г. Р. Державиным* ходатайствовал Ф. В. Ростопчин), Болотов в то же время участвует в собраниях Вольного экономического общества. В 1822—30 Болотов активно сотрудничает в «Земледельческом журнале». Последняя прижизненная публикация Болотова в этом издании — статья «О фруктовых садах» (1830). В 1828 Болотов избирается почетным членом Московского общества сельского хозяйства. Потеряв зрение и слух, он сохранил до конца дней живой интерес к жизни, прекрасную память и чувство юмора.

Чуждый стремления к богатству, карьере и славе (все его сочинения и переводы печатались анонимно), имевший репутацию «человека достойного и справедливого» (Державин), Болотов видел смысл жизни в непрерывной деятельности на пользу Отечества. Смелый экспериментатор, он был отцом русской помологии, занимался селекцией, лесоводством, огородничеством, различными ремеслами и медициной. С неутомимой энергией Болотов открывал школы (в частности, пансион для благородных детей, волостное училище для крестьян в Богородицке) и лечил крестьян, участвовал в любительских спектаклях, сочинял духовную музыку, рисовал маслом и писал акварели.

Первые литературные опыты писателя относятся к периоду его пребывания в Кенигсберге (1760—61) и являются результатом перелома, происшедшего в сознании Болотова под влиянием нравоучительной и философской литературы. Возникшие на грани литературы и быта письма Болотова к Н. Е. Тулубьеву (1760) и «Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил...» (1761) интересны не только как частный документ, «памятник тогдашнее <...> чувствованиям» автора и его «тогдашней способности к писанию», но и как наиболее раннее проявление сентиментальных тенденций в русской литературе.

Первое опубликованное произведение Болотова — «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми...» (1776—79, ч. 1—2) — создано под влиянием «Детского училища» М. Лепренс до Бомон и представляет собой популярное изложение учения И.-Г. Зюльцера об устройстве Вселенной. Написанная понятно и живо, книга знакомила детей с основными положениями системы Коперника, учила узнавать и любить природу. В рукописи остались ч. 3—8 «Детской философии...», посвященные физике, минералогии и ботанике. Болотов пользовался этой книгой в своих педагогических занятиях. Нравоучительные сочинения Болотова: «Чувствования христианина, при начале и конце каждого дня в неделе...» (1781) и «Путеводитель к истинному человеческому счастью...» (1—3 ч. 1784), проникнутые идеей нравственного усовершенствования.

Драматические произведения «Честохвал» (1779), «Несчастные сироты» (1780; изд. 1781), «Награжденная добродетель» (1781) предназначались для домашнего детского театра, созданного Болотовым в Богородицке. Одно из них, «Несчастные сироты», интересно многочисленными совпадениями с «Недорослем» *Д. И. Фонвизина*, к тому времени еще не оконченным. Сведений о постановке пьес Болотова на профессиональной сцене нет; они ставились только на домашнем театре Болотова.

В 1790-е Болотов сочиняет множество стихотворений духовного и натурфилософского содержания, в основном белым стихом (частично опубл. в изд.: С. Венгеров. Русская поэзия. Т. 1. Вып. 5. 1895). «Песнь к Вездесущему», «Утреннее расположение духа» и прозаический этюд «Оканчивающаяся зима» появились в журнале «Приятное и полезное» (1796—97). Стихотворения Болотова чаще всего писались на музыку известных песен, *романсов, духовных стихов*; он называл их «сельскими песнями». По собственному признанию Болотова, «природного дара и способности» к поэзии он «не имел».

Самое значительное произведение Болотова — «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» (Ч. 1—4. СПб., 1870—73; Сокращ. изд.: М., 1986). Работа над записками началась в 1789 и продолжалась в течение нескольких десятилетий. Повествование в них, по свидетельству М. П. Болотова, внука Болотова, было доведено до 1812, в сохранившейся же и опубликованной части — до 1795. Мемуары Болотова не предназначались для печати и создавались как история одной человеческой жизни. Однако они стали не только ценнейшим источником сведений по истории русского общества XVIII в., но и совершенно органичным выражением тех тенденций в литературном процессе к XVIII в., которые были связаны с усилением роли личного, биографического начала. *Л. Н. Толстой* назвал записки Болотова «драгоценными». Из неопубликованных произведений Болотова особого внимания заслуживает относящаяся к 1819 попытка описания собственного характера («Краткие записки о значительнейших происшествиях со мною в 82 год моей жизни <...> и некоторые общие замечания, касающиеся до моей жизни и характера»), предпринятая с точки зрения привычных для Болотова рационалистических представлений о психологии человека и являющаяся своеобразным итогом мемуаров.

В рукописи остались многочисленные и обширные исторические сочинения Болотова, посвященные событиям, современником которых он был, — русско-турецкой войне 1768, французской революции 1789, Отечественной войне 1812 и др. Опубликованный в 1875 «Памятник претекших времен...» (Ч. 1—2) интересен тем, что, наряду со сведениями, почерпнутыми из печатных источников, в нем зафиксированы бытовавшие в народе слухи.

Ист.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А—И. Л., 1988.

Р. Л.

БОНДАРЕВ Юрий Васильевич (р. 15.03.1924), писатель, публицист. Родился в г. Орск Оренбургской обл., в 7-летнем возрасте переехал с родителями в Москву. После окончания средней школы был призван в армию и направлен в артиллерийское училище, а затем на фронт. Командир артиллерийского орудия, Бондарев был дважды ранен (в первый раз — под Сталинградом, 1942), после второго ранения (1945) демобилизовался из армии. В 1946 поступил в Литературный институт.

В 1949 состоялась первая публикация Бондарева в журнале «Смена» — рассказ «В пути». Начинающий писатель стал печатать свои рассказы в журналах «Октябрь», «Молодая гвардия», «Огонек», «Советский воин» и др.

Из журнальных публикаций составил первый сборник рассказов Бондарева «На большой реке» (1953). В 1956 появи-

лась в печати повесть «Юность командиров» — о жизни курсантов артиллерийского училища, в 1957 — повесть «Батальоны просят огня», «первое собственно бондаревское произведение», «одно из первых истинно новаторских в нашей литературе произведений о Великой Отечественной войне».

Повесть стала классикой военной прозы в советской литературе. «Батальоны просят огня» и повесть о самом конце войны «Последние

залпы» (1959) принесли Бондареву славу. В них была сказана, по выражению критика, «беспримерная, обжигающая правда о войне». Но, несмотря на то, что критика стала относить творчество Бондарева к «военной прозе», уже в ранних повестях писатель остро ставил вечные вопросы: о подлинном смысле жизни, человеческого счастья, о добре и зле. Эти вопросы стоят и перед полковником Иверзевым («Батальоны просят огня»), и перед капитаном Новиковым («Последние залпы»), и перед героями последующих романов писателя.

В 1958 вышел сборник рассказов Бондарева «Трудная ночь», в 1962 — «Поздним вечером».

В 1960 появился в печати роман «Тишина» — первое масштабное произведение Бондарева, где герои находятся вне экстремальных обстоятельств войны. По мнению критики, «Тишина» и повесть «Родственники» (1969, единственное у Бондарева произведение о взаимоотношениях «отцов» и «детей») «стали шагом на пути создания нового типа романа, по форме психологического, «семейного», как назвали бы его раньше, но по сути остро социального, затрагивающего важные политические проблемы». Следующий роман Бондарева «Горячий снег» (1970) принес ему «поистине ошеломительный успех». «Горячий снег» — «роман дня»: его действие охватывает одни сутки, одно событие — бои на подступах к Сталинграду, боевые действия всего одной батарее.

Следующие романы Бондарева «Берег» (1975), «Выбор» (1980), «Игра» (1985), «Искушение» (1991) составили своего рода тетралогия о судьбе русской интеллигенции за последние полвека. В ней Бондарев повествует о духовных исканиях своих героев-интеллигентов: писателя Никитина («Берег»), художника Васильева («Выбор»), кинорежиссера Крымова («Игра»), ученого Дроздова («Искушение»). Никитин, преодолев все тяготы жизни на войне, приходит к ощущению собственной вины за происходящее в послевоенном мире. Недовольство самим собой, осознание призрачности человеческой жизни приводит его к мечте о некоем волшебном берегу. Переосмысление жизненных ценностей обнаруживает себя в последних пейзажах Васильева, который также общую беду воспринимает как личную вину. Трудность анализа «Берега» и «Выбора» состоит в том, что их герои соприкасаются с действительностью гл. обр. в пространстве рефлексии и мысли. Реальность проступает в романах лишь в отрывках, снах, воспоминаниях (так, действие «Берега», «романа-воспоми-

нения», разворачивается в мае 1945 и 30 лет спустя, выхвачивая из жизни главного героя лишь две его встречи с Эммой Герберт). В судьбе героя «Игры» Крымова Бондарев наметил трагические черты, которые через несколько лет станут доминирующими для героев романа «Искушение» — научных сотрудников академического института экологических проблем, вынуждаемых пойти на сделку с совестью и разрешить строительство крупной ГЭС в небольшом сибирском городке Чилиме.

Со 2-й пол. 70-х в периодической печати стали появляться этюды, небольшие рассказы Бондарева, объединенные одним названием — «Страницы из записной книжки». Обратившись к «малой форме», писатель размышлял над теми же проблемами, которые были в центре его романов, — жизни и смерти, добра и зла, молодости и старости. Эти публикации составили цикл миниатюр «Мгновения» (1978 и др. издания).

Критика неоднократно отмечала «необыкновенно пластичный, напряженно лирический стиль прозы» Бондарева, свойственную ему музыкальность, любовь к художественной детали. Начиная с повести «Батальоны просят огня», все произведения Бондарева становились событием в литературной жизни и вызвали самые противоречивые оценки критики. Не стал исключением и последний роман Бондарева «Непротивление» (1994—95), в котором, по мнению одного из критиков, «возникает лицо автора, которое ранее лишь смутно проступало через образ советского классика, а именно лицо русского писателя, томимого духовными исканиями».

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. М., 1973—74; Избр. произв.: В 2 т. М., 1977; Собр. соч.: В 6 т. М., 1984; Искушение. М., 1992.

Лит.: Михайлов О. Ю. Бондарев. М., 1976; Коробов В. И. Ю. Бондарев: Страницы жизни, страницы творчества. М., 1984.

В. Макашина

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (р. 16.02.1946), критик, публицист, гл. редактор газеты «День литературы», зам. гл. редактора газеты «Завтра».

Мать — Валентина Ивановна, родом из Холмогор Архангельской обл., из поморского рода Галушиных. Отец — Григорий Дмитриевич, родился в д. Покровка, недалеко от Хотмыни, на границе между Малороссией и Россией. Очевидно, соединение малороссийской и поморской кровей дали Бондаренко столь своеобразный боевой характер. Еще в советское время он приобрел репутацию одного из самых независимых литературных

критиков русского национального направления.

После окончания школы в Петрозаводске учился сначала в Ленинграде, в Лесотехнической академии. Но уже в те годы занялся литературой, стал печататься в ленинградских и карельских газетах, а затем и в журнале «Север». Писал стихи, короткие рассказы, позже переключился на критику и эссеистику.

Служил в армии в Козельске, после армии поступил в Литературный институт, который закончил в 1979. Работал в «Литературной России», журналах «Октябрь», «Совре-

менная драматургия» и «Слово». Из журнала «Октябрь» вынужден был уйти из-за неприятия антирусской позиции его гл. редактора А. Ананьева и самовольного привлечения в число авторов видных писателей и критиков русского направления М. Лобанова, В. Ганичева, А. Плетнева, В. Личутина и др. Окончательной причиной ухода стало участие Бондаренко в нашумевшей поездке по Русскому Северу практически всех видных писателей русского национального направления.

Вскоре в одной из основополагающих статей в газете «Правда» русофобствующего марксиста Ю. Суровцева прозвучала резкая критика в адрес «молодого критика Владимира Бондаренко» за его антиленинскую позицию по русскому национальному вопросу, выраженную в полемическом эссе в журнале «Север» под названием «Сокровенное слово Севера». Карельского цензора изгнали с работы, по поводу статьи было принято решение Карельского обкома КПСС. Постановление об ошибочности публикации статьи Главлит разослал по всем литературным изданиям страны. А в Москве состоялось заседание секретариата правления Союза писателей СССР, посвященное идеологическим ошибкам журнала «Север». После резкой критики идеологами космополитизма Бондаренко окончательно примкнул к «русской партии» в литературе, отстаивающей базовые национальные и православные культурные ценности.

Отлученный на некоторое время от литературных изданий, Бондаренко уходит в театральную критику и работает ок. 10 лет в театрах завлитом: в Малом театре во времена М. Царева и во МХАТе у Т. Дорониной.

В 1983 принят в Союз писателей СССР. Активно печатался в журналах «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Звезда», «Сибирские огни» и др., в газетах «Советская Россия», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Московский литератор».

Еще в к. 70-х был назван идеологом движения «сорокалетних», за что подвергался резкой критике в официальной печати, выпустил книгу о них «Московская школа или эпоха безвременья». Ядро «сорокалетних» составили А. Проханов, В. Личутин, В. Крутин и др.

Перестройку в горбачевском виде изначально не принял. Опубликовал в журнале «Москва» в 1987 ставшую знаменитой статью «Очерки литературных нравов», направленную против русофобии в культуре и американизации общества, за что и был назван известным масоном В. Коротичем «врагом перестройки номер один». Активно участвовал в русском патриотическом движении. Выдвигался от народно-патриотического блока кандидатом в депутаты Верховного Совета России. Входил во Фронт национального спасения.

В 1991 вместе с А. Прохановым создал газету национального сопротивления «День», где работал с первого ее номера и до ее трагической гибели в окт. 1993 зам. гл. редактора. После вооруженного налета на «День» в 1993 некоторое время скрывался от ареста вместе с А. Прохановым в рязанской глубинке в доме у В. Личутина, затем был в числе основателей газеты «Завтра». В 1997 учредил газету русских писателей «День литературы» и является ее гл. редактором. Автор 10 книг критики и публицистики, среди них наиболее известны «Позиция», «Непричесанные мысли», «Крах интеллигенции», «Московская школа или эпоха безвременья», «Россия — страна слова», «Реальная литература», «Время красного быка», «Дети 1937 года».

БОРИСОВ Петр Ф. (1811 — не ранее 1832), поэт-самоучка. Родился в с. Лопасня Серпуховского у. Московской губ. в семье зажиточного крестьянина. Грамоте выучился у местного дьякона; по книгам знакомого крестьянина рано начал заниматься самообразованием. К 15 годам ознакомился с произведениями *М. В. Ломоносова*, *А. П. Сумарокова*, *М. М. Хераскова*, *Г. Р. Державина*, *В. А. Жуковского*, *И. И. Дмитриева*. Уговорив родителей отпустить его учиться, в февр. 1826 вместе с сестрой приехал в Москву. В поисках покровительства отправился к Дмитриеву; показав ему свои произведения (стихотворение «Эхо», стихотворение в прозе «О любви к отечеству»), Борисов выразил горячее желание учиться словесности (из стихотворных размеров он знал только ямб и хорей), а также итальянскому языку, чтобы читать Ф. Петрарку и Т. Тассо, знакомых ему в русских переводах. По совету Дмитриева Борисов написал оду «На кончину Императора Александра I», одобренную поэтом, который через попечителя Московского учебного округа А. А. Писарева устроил Борисова в Московскую гимназию для подготовки к университету. Сочинение «Некоторые строфы из торжественной оды в воспоминание учреждения Императорского Московского университета» было напечатано в 1826 в юбилейном издании университета «Речи и стихи, произнесенные в память незабвенных благодетелей...» *Оды и басни* Борисова выдержаны в архаичной манере, восходящей к «натурфилософской» поэзии Ломоносова: «Познали цель всего творенья, / Планет познали отдаленье, / Измерили и глубь и высь...» Борисову покровительствовали также *П. П. Свиньин* и *И. М. Снегирев* (отметивший в примечании к «Письму издателю “Отечественных записок”»: «Не менее нравится в юноше-поэте откровенность, светлый взор и невинная доверенность к людям»), которые, как и Дмитриев, возлагали на него большие надежды.

С. С.

БОРНОВОЛОКОВ Третий Степанович (1764—9[21].01. 1813), писатель. Сын небогатого костромского помещика. С 1775 — на военной службе (Преображенский полк); в 1784 отставлен «за болезнью» армии поручиком. С 1785 — на государственной службе. В 1809 перебрался в Петербург, где был принят в канцелярию государственного казначейства; в 1810 получил место столоначальника первой экспедиции Министерства юстиции. После увольнения (апр. 1812) поступил на службу в Российско-Американскую компанию и был назначен помощником правителя «Русской Америки»; в авг. 1812 на корабле «Нева» отправился из Охотска в Новоархангельск (Аляска); у м. Эджком корабль потерпел крушение и затонул вместе с большей частью команды и пассажиров; по сообщению очевидца, Борноволокков был выброшен на берег, но вскоре скончался.

Первый литературный опыт Борноволокова — «Изобличенный Вольтер» (1792), типичный для к. XVIII в. памфлет, составленный на основе сочинения аббата А. Гене. Задачей Борноволокова было «показать юношам, сколь лживо и дерзко писал о религии г. Вольтер» и «отвлечь их от излишнего к нему доверия, а следственно от разврата».

С воспитательной целью были предприняты и два оригинальных труда Борноволокова: «Отцовский подарок дочери, при вступлении ее в свет» (1808) и «Советы семидесятилетней бабки внучке» (1809). В первом сообщались важнейшие правила «общественной жизни»; во втором (он служил продолжением первого) этот сюжет подробно развивался. Особенно обстоятельно характеризовались «общие и нужнейшие правила господствования над людьми» (т. е. крепостными). По

мнению Борноволокова, «люди, нам подданные, содержатся в границах обязанности их и принуждаются к исполнению должностей их не жестокостью и тиранством, паче снисхождением, благосклонностью и в необходимых токмо самых крайних случаях благоразумною и хладнокровием управляемою строгостью». В подтверждение этой точки зрения приводились выразительные зарисовки помещичьего быта, составлявшие своего рода «беллетристический раздел» этого дидактического трактата. Борноволокову принадлежал и ряд статей на различные естественно-научные темы.

С 1808 Борноволоков являлся членом-корреспондентом Вольного экономического общества, с 1809 — Академии наук.

П. З.

БОРОВИКОВСКИЙ Лев Иванович (10[22].02.1806—14[26].12.1889), малороссийский поэт. Родился в с. Мелюшки на Полтавщине в дворянской семье. Образование получил в Харьковском университете, где и окончил курс в 1830 по словесному факультету со степенью кандидата. По окончании университета был назначен в Курск преподавателем, сначала истории, а затем латинского языка. В 1838 Боровиковский был переведен преподавателем в Полтавскую гимназию, где кроме латинского языка он преподавал и русскую словесность, а потом был инспектором.

Литературную деятельность Боровиковский начал, еще будучи студентом, издав в 1829 *балладу* «Маруся», написанную по мотивам «Светлань» *В. А. Жуковского*. Став учителем, он приступил к собиранию произведений народной малороссийской словесности и за 5 лет собрал более 1000 малороссийских *пословиц*, которые расположил в алфавитном порядке; в это же время он написал 250 *басен*, собрал до 150 народных песен и дум и составил малороссийский словарь на буквы А—Г. Кроме того, за этот период он написал на малороссийском языке 12 баллад и столько же дум, перевел 7 крымских сонетов и несколько др. стихотворений А. Мицкевича и записывал народные поверья, предания, приметы, суеверия и т. п. Писал он и по-великорусски; так, на великорусском языке им были переведены сонеты Мицкевича и некоторые оды Горация и мелкие стихотворения. Весь этот перечень трудов Боровиковского мы находим в письме его от 1 янв. 1836 к *М. А. Максимовичу*. Басни Боровиковского были изданы А. Метлинским в Киеве в 1852 («Байки и прибаутки»). 10 басен было издано раньше, в 1841, в альманахе *Е. Гребенки* «Ластивка»; там же было напечатано 82 пословицы и 30 загадок, собранных Боровиковским, и 6 его стихотворений, лучшим из которых является «Розставания», где лирическая поэзия соединена с драматической. Из остальных трудов Боровиковского были напечатаны следующие: 1) 6 малороссийских народных баллад, переданных на русском языке размеренной речью, близкой к белым стихам, 2) перевод на малороссийский язык «Фариса» Мицкевича и 3) несколько из записанных им народных песен вошли в сборник А. Метлинского (1854). Из всех напечатанных произведений Боровиковского лучшими считаются его «байки и прибаутки»; в них сквозит неподдельный народный юмор и остроумие, хотя сравнительно немногие из них заслуживают названия оригинальных: большей частью они заимствованы, но и в заимствованиях своих Боровиковский оставался верен народному духу. В произведениях на историческую тему выражаются идеи Православия—Самодержавия—Народности.

Соч.: Маруся. Видав і пояснив Ів. Франко. Львів, 1902; Твори. Київ, 1957.

БОРОДИН Леонид Иванович (р. 14.04.1938), прозаик, поэт, публицист. Родился в Иркутске в семье сельских учителей.

По окончании общеобразовательной школы учится в школе милиции в Елабуге. В 1956 поступает на историческое отделение Иркутского университета. В то же время в этом заведении обучались *В. Распутин, А. Вампилов, М. Варфоломеев*. Борodin принимает активнейшее участие в организации студенческой группы «Свободное слово», которая ставила перед собой задачу самостоятельного осмысления русской истории. Выход свободного печатного органа и появление

в нем «Басни о Хрущеве» привели к тому, что уже через семестр Борodin был исключен из комсомола с последующим отчислением из университета.

В 1958 Борodin уезжает на «ударные стройки», по его словам, «познавать идеологию рабочего класса». Работает в угольных шахтах Норильска, строителем Братской ГЭС. Заочно поступает учиться в педагогический институт в Улан-Удэ. Преполагает историю на железнодорожной станции на Байкале. После окончания института — директор школы в Бурятии на ст. Гусино Озеро.

В 1965 приезжает в Ленинград для поступления в аспирантуру философского факультета. Темой для диссертации выбирает «Ранний (неокантианский) период философского творчества Н. Бердяева». Работы этого русского философа заставляют Борodина по-новому посмотреть на историю общественной жизни в стране. Через *Н. Бердяева* он знакомится с христианской доктриной развития общества, что сближает его с членами тайной политической организации «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народов» (ВСХСОН). Создателем и руководителем этой организации был *И. Огурцов*. В ее состав входили преподаватели и студенты ленинградских вузов, техническая интеллигенция городских предприятий. В основу деятельности была положена идея построения христианского государства социальной направленности, как она была изложена в работах *А. Хомякова, В. Соловьева, Вяч. Иванова* и *Н. Бердяева*. Религия рассматривалась только как социальный институт, несущий положительную мораль. Такая, во многом ограниченная религиозность была больше политическим действием, чем духовным поиском, о чем свидетельствует уже тот факт, что большая часть участников ВСХСОН (в т. ч. и сам Борodin) не были крещеными людьми.

Организация просуществовала не более 3 лет, ее деятельность была прекращена органами правопорядка. Вместе с Борodinым на скамью подсудимых попали 29 активных ее членов. В ожидании приговора, находясь в следственной тюрьме, Борodin пишет свои первые зрелые произведения: «Перед судом», «Повесть странного времени», «Вариант». Герои его произведений — выходцы из различных социальных слоев общества, они сталкиваются вокруг себя с проявлением лжи и насилия, но их одиночные усилия оказываются недостаточны, чтобы одолеть его. Их дело не находит поддержки, они остаются непонятыми окружающим.

Лагерный срок с 1968 по 1973 Борodin проводит в мордовском лагере для политзаключенных. Свои лагерные впечатления выразил в рассказе «Полюс верности» (1975) и повести «Правила игры» (1985).

Освободившись в февр. 1973, Борodin сближается с *В. Осиповым*, издателем первого легального машинописного журнала «Вече», где печатает несколько своих статей. После ареста *В. Осипова* одноименное издание с тем же идеологическим направлением (русская национальная идея) стало осуществляться русскими эмигрантами в Мюнхене; в Москве продолжением линии московского «Вече» стал рукописный «Московский сборник», редактором его был Борodin.

Кроме журналистской деятельности, Борodin в это время много работает над художественной прозой, которую отличает эмоциональная сдержанность и обращение к глубинам народного сознания. Главным действующим лицом его произведений становится рядовой сельский труженик, всем сердцем преданный родной земле; свою особую «третью правду» о жизни он готов отстаивать всеми возможными способами.

Не имея возможности публиковаться на страницах отечественной печати, Борodin печатается в таких западных изданиях, как «Грани», «Посев» и «Вече» (Мюнхен). В 1978 выходит отдельной книгой сборник его рассказов «Повесть странного времени», получивший положительный отклик западной литературной критики. В к. 70 — н. 80-х Борodin выпускает отдельными тиражами повесть «Гологор», «Третья правда», «Год чуда и печали».

Признание за рубежом не находит отклика на родине. Все это время Борodin вынужден скитаться вместе с семьей по стране в поисках угла и работы. Проживание в крупных городах России ему было запрещено. Но несмотря на сложное материальное и моральное положение покидать родину Борodin категорически отказывается, хотя такая возможность ему предоставлялась не один раз. Для Борodина всякая эмиграция, в сущности, всегда побег, в известной степени уклонение, потому что «всегда имеется альтернатива: остаться и бороться, бороться и погибнуть».

Главным мотивом выступлений Борodина как публициста на страницах мюнхенского журнала русской эмиграции «Вече» стало отстаивание российской государственности в том виде, в каком она была выработана на протяжении многих веков православной истории.

Итоговой работой этого периода можно считать роман Борodина «Расставание» (1982), где в художественной форме дана яркая характеристика социальных процессов, протекающих внутри советского государства. Вначале писатель думал назвать его «Другая жизнь», что более соответствовало тону повествования, но появление в это же время в печати романа *Ю. Трифонова* с тем же названием побудило писателя изменить заглавие. В романе Борodin выступает с резкой критикой всей политической оппозиции в стране и противопоставляет ей патриархальный уклад жизни российской провинции, в котором выразилась вся сущность социального строя прежней России.

В 1982 Борodина вновь арестовывают и за сотрудничество с западными изданиями осуждают на 10 лет лишения свободы и 5 лет ссылки, как «не ставшего на путь исправления». Его друзьям удалось передать рукописи Борodина за границу. В этот период выходит более 20 книг Борodина, переведенных на различные языки мира. В 1987 на волне «перестройки» дело Борodина повторно рассмотрено и писателя выпускают по амнистии на свободу.

В 1988 им написана повесть «Женщина и море», где сквозь призму нарастающих перемен в обществе показано появление нового поколения российских людей, для которых понятия веры, чести и достоинства не имеют никакой ценности; все ими раскрывается со счетов ради единственной цели — материального обогащения.

В 1990 в московском издательстве «Современник» выходит книга «Повесть странного времени», куда вошли лучшие произведения Бородина. В 1990 Бородин руководит отделом прозы журнала «Москва», а с 1992 становится его гл. редактором. При этом это издание обретает свой законченный облик журнала русской культуры. В основе его культурной политики лежат два основных постулата: Православие и Российская государственность, как не подлежащие сомнению ценности. Этот журнал первым выводит на свои страницы целый христианский раздел «Домашняя церковь». Сам Бородин ведет «Страничку главного редактора», где им раскрываются основные вехи истории России. Разбирая свои старые конспекты и дневниковые записи, Бородин приходит к выводу относительно современного состояния общества: «Если и помнит российская история времена более тяжкие, то более лукавые — едва ли». Наиболее часто для сравнения нынешней ситуации в стране писатель упоминает Смутное время Московского государства, история которого наглядно показала, насколько взаимосвязаны Россия и Православие, что умаление одного за счет другого всегда приводит общество к деградации. Об этом и первая историческая повесть Бородина «Царица Смуты» (1996).

В 1993 журнал «Наш современник» печатает роман Бородина «Божеполье», показывающий трагедию семьи бывшего номенклатурного работника, оказавшегося не у дел и пытающегося воздействовать на окружающий его мир с позиции старого кабинетного права. В следующем году в философской повести-притче «Ловушка для Адама» дается развернутая картина эсхатологического переживания настоящего времени на примере одной небольшой семьи, волею случая оказавшейся оторванной от всего мира, «одуревшего от свободы, ничего доброго не познавшего, кроме свободы ненависти».

Соч.: Повести странного времени. М., 1989; Ловушка для Адама. СПб., 1994; Полюс верности // Енисей. 1990. № 1; Правила игры // Грани. 1986. № 11; Царица Смуты // Москва. 1996. № 5; Вечное и дорожное: Стихи // Наш современник. 1991. № 9; Стихи // Юность. 1994. № 1; Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа // Вече (Мюнхен). 1984. № 13; Невостребованные пророчества // Наш современник. 1992. № 8; Опыт технологического оправдания нации // Вече (Мюнхен). 1983. № 9; Последний из диссидентов? // Комс. правда. 1990. 24 апр.; Третья правда // Правда. 1994. 12 окт.

Лит.: Куняев С. Дон Кихоты и «третья правда» // Литература в школе. 1991. № 2; Штокман И. Слово и судьба // Наш современник. 1992. № 9.

Ист.: Русские писатели XX века. Библиографический словарь. М., 1998. Т. 1.

А. Целовальников

БОРОДИН Сергей Петрович (псевд. — **Амир Саргиджан** (до 1941)) (12[25].10.1902—22.06.1974), писатель. Родился в Москве. В возрасте 11 лет поступил в реальное училище им. В. А. Жуковского в г. Белеве, где проучился 7 лет. Здесь же проявился его интерес к литературе. Печататься начал рано: первый очерк появился в 1915 в приложении к журналу «Путеводный огонек». С 1917 в печати стали появляться стихи Бородина. В это же время был активным участником литературной и художественной студии Пролеткульта. С 1922 по

1926 учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова, где специализировался по фольклору. В 1923—26 принял участие в экспедициях в Бухару и Самарканд, в 1925—28 — на север России, в Заонежье. Жил и работал на Д. Востоке, в Казахстане, Таджикистане, Армении, на Памире. Много путешествовал. Последние годы жизни (с 1951 по 1974) провел в Узбекистане.

С первых шагов литературной деятельности Бородина привлекала тема исторического прошлого народов его страны («Последняя Бухара», 1932; «Египтянин», 1932; сб. новелл «Мастер птиц», 1934). Писатель стремился найти точки соприкосновения прошлого и настоящего, связать судьбы народов различных эпох.

Широкую известность Бородину принес роман «Дмитрий Донской» (1941). По словам самого писателя, импульсом к его созданию «в преддверии третьего нашествия» (Отечественной войны 1941—45) послужила «необходимость показать современному читателю эпизод истории, который внушил бы ему чувство благородной гордости за прошлое своей страны, чувство, не лишнее в годину испытаний». Сюжетную основу романа составили события, связанные с судьбой и деяниями подлинной исторической личности — прогрессивного государственного деятеля, объединителя русских земель, великого Московского кн. Дмитрия Ивановича Донского и вымышленного персонажа — простолюдина, монаха-расстриги Кирилла. В полярных образах Дмитрия и Кирилла Бородин воплотил идею временного союза социально разрозненных слоев средневекового Русского государства перед лицом внешней опасности, союза, приведшего к победе русского воинства на Куликовом поле.

Несмотря на ярко выраженную аллюзивность романа «Дмитрий Донской», в целом произведения Бородина 30—40-х были созданы в т. н. объективной манере, когда писатель рассказывал о событиях прошлого, избегая открытых авторских оценок и параллелей с современностью. Однако желание глубже проникнуть в сущность исторического прошлого, найти ответы на идеологические вопросы современности потребовало от него поисков более гибких и емких форм исторического повествования. Новые принципы письма были реализованы Бородиным при создании трилогии «Звезды над Самаркандом» (1953—73), посвященной событиям к. XIV — н. XV в., в частности вторжению Тимура-Тамерлана в Малую Азию.

В сравнении с «Дмитрием Донским» трилогия «Звезды над Самаркандом» («Хромой Тимур», 1953—55; «Костры похода», 1957—59; «Молниеносный Баязет», 1968—73) имеет более обширный повествовательный размах. События российской жизни включаются в контекст мировой истории, отчего осмысление проблем прошлого и настоящего обретает укрупненный и углубленный характер, философское начало выходит на первый план. Совокупность романских глав, созданных в новеллистическом ключе с намеренно нарушенной хронологической последовательностью, нарочитой выборочностью и эпизодичностью, составляет сюжетную основу трилогии, порождая множественную панораму событий XIV—XV вв.

Центральным образом романа становится образ Повелителя Вселенной — Тимура, «грубого воина», «самонадеянного» «неуча», «жесточкого сердцем», «темного умом». Концепция романа связана с осознанием бесперспективности и порочности деятельности жестокого завоевателя, зыбкости и непрочности созданного им государственного образования, основанного на насилии, подавлении воли и свободы. Антитезой образу Тимура в романе становится

собираемый образ народа, созданный в традициях восточной литературы как образ народа-строителя, созидателя, творца. Рельефно выделен из народной массы образ учено-историка Ибн Халдуна, «мудреца, лицемера, добряка, мздоимца», который вносит в повествование философскую глубину и психологическую достоверность. Анти-тетичная пара героев поляризует повествование, контраст становится ведущим сюжетобразующим фактором, порождает противопоставленные мотивы (великое — малое, душа — плоть, вечность — миг, разрушение — созидание, государь — раб), пронизывающие все повествование.

В последние годы своей жизни Бородин мечтал «успеть написать» роман об Андрее Рублеве, «русском интеллигенте XV века», но смерть помешала воплощению этого замысла.

Соч.: Собр. соч.: В 5 т. / Вступ. ст. Г. Владимирова. Ташкент, 1958—60; Собр. соч.: В 6 т. / Вступ. ст. Л. Миля. Ташкент, 1973; Дмитрий Донской / Послел. П. Слетова. М., 1994; Звезды над Самаркандом. М., 1994.

О. Васильева

БОРОЗДИН Александр Корнилевич (23.03[4.04]1863—6.10.1918), литературовед. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1885. Магистерская диссертация — «Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в.» (1898, 2-е изд. 1900). С 1896 читал историю русской литературы в Петербургском университете. Основные работы Бороздина посвящены русской литературе XIX в. и собраны в книге «Литературные характеристики»: т. 1, 1903 (ст. о *В. А. Жуковском*, *И. А. Крылове*, *А. С. Пушкине*, *М. Ю. Лермонтове*,

Н. В. Гоголе и др.), т. 2, вып. 1—2, 1905—07 (ст. о *И. С. Аксакове*, *И. В. Киреевском*, *И. С. Тургеневе* и др.). Бороздин — автор работы «Ю. Ф. Самарин и освобождение крестьян» и др.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—2. СПб., 1914.

БОТКИН Василий Петрович (27.12.1811[8.01.1812]—10[22].10.1869), писатель, критик, переводчик. Родился в Москве в купеческой семье. Первоначальное образование получил в частном Московском пансионе Кряжева. Одаренный человек, увлекавшийся искусством и философией, Боткин в 30-е был участником кружков Н. С. Селивановского и *Н. В. Станкевича*, где сблизился с *В. Г. Белинским*. Начал печататься в 1833. Выступал как переводчик и автор статей по вопросам философии, литературы, живописи, музыки и театра в периодических изданиях 30—40-х. В 1843 Боткин опубликовал в «Отечественных записках» обзор германской литературы за 1842. В 1847—48 в «Современнике» печаталось наиболее значительное произведение Боткина — «Письма об Испании» (отд. изд. 1857).

В 50-е резко размежевался с Чернышевским и др. нигилистами, осуждая подрывную деятельность против России т. н. «революционных демократов». Его программная статья о стихах *А. А. Фета* (1857) была направлена против нигилистов в литературе, в защиту «чистого искусства». В статьях о музыке Боткин обращал внимание на «эстетическое значение» музыкального произведения, призывал говорить не об одной только форме, но и о содержании.

См. также ст. «Чистое искусство».

Соч.: Соч. Т. 1—3. СПб., 1890—93; Переписка: [Письма Боткина к *П. В. Анненкову*] // *П. В. Анненков и его друзья*. СПб., 1892; [Письма Боткина к *А. А. Краевскому*] // Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893; Письма *В. П. Боткина*. Сообщения *Н. Измайлова* // Литературная мысль. Т. 2. Пг., 1923; [Переписка *Л. Н. Толстого* с Боткиным] // Толстой *Л. Н.* Памятники творчества и жизни. Вып. 4. М., 1923; [Переписка с *И. И. Панаевым*] // Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847—61. М.; Л., 1930; *В. П. Боткин* и *И. С. Тургенев*. Неизданная переписка. 1851—69; М.; Л., 1930; Письма к *А. В. Дружинину* (1859—63) // Летописи лит. музея. Кн. 9. М., 1948.

Лит.: *Анненков П. В.* Лит. воспоминания. СПб., 1909; *Фет А.* Мои воспоминания. Ч. 1—2. М., 1890.

БОЧКОВ Алексей Поликарпович (в монашестве Антоний) (14[26].03.1803—5[17].04.1872), писатель. Родился в Петербурге в купеческой семье. Образование получил в иностранном пансионе.

Первые повести Бочкова на исторические темы носили подражательный характер, но «живость повествования» и хорошее знание истории способствовали их благожелательной оценке («Монастырь св. Бригитты», «Красный яхонт», 1827).

После смерти жены (в 1827) Бочков перенес душевную болезнь; дал обет в случае полного выздоровления принять монашество. С 1828 странствовал по монастырям почти десять лет, не принимая постриг — «вследствие его слишком идеальных понятий о монашеской жизни». В 1837 стал послушником, а в 1844 постригся в монахи; с 1845 (?) иеромонах. Сменил множество монастырей, бывал в *Отпущинской Пустыни*; с 1852 — духовник Николаевского монастыря, в 1863—66 был настоятелем Черемнецкого монастыря в Новгородской губ. Состоял в переписке с видными церковными и культурными деятелями: *Игнатием (Брянчаниновым)* (*Брянчанинов Игнатий*). Письма к Бочкову. М., 1875; вкл. письма к нему Бочкова), *С. А. Веснины*, а также с поэтессой-монахиней *Е. Н. Шаховой*, с которой обменивался стихами; с н. 1850-х Бочков в большом количестве пишет религиозные, политические и юмористические стихи. По впечатлениям паломничеств в Иерусалим в 1847—48, 1852 и 1857 оставил книгу путевых записок «Русские паломники в Иерусалиме» (М., 1875), где, отклоняясь от сложившихся жанровых канонов путешествий к святым местам (ср., напр., книги *А. Н. Муравьева*, *А. С. Норова*), значительное внимание уделил этнографическим описаниям и воспроизведению быта русских паломников.

А. Р.

БОЯН (XI в.), древнерусский поэт-певец, известный по упоминанию в «Слове о полку Игореве», где он назван 7 раз. Боян, без сомнения, имя собственное. Хотя имя Боян действительно существовало на Руси, многие исследователи, начиная с *А. Х. Востокова* и *А. С. Пушкина*, считали, что в данном случае это возведенное в ранг собственного имени нарицательное существительное «баян» (от «баяти»), означавшее на Руси певцов, т. е. равнозначное по значению словам «скальд», «бард». По предположению *А. Х. Востокова* (1821), «упомянутый песнетворец по превосходству назван общим именем Баян», т. е. имя Боян означало «Поэт с большой буквы».

Сказанное о Бояне автором «Слова о полку Игореве» позволяет составить довольно ясное представление о нем. По мнению многих исследователей, Боян — княжеский, придворный певец, живший в XI — н. XII в. и связанный с чернигово-тмутараканскими князьями. Это мнение основано на указании в «Слове о полку Игореве» имен тех кня-

зей, которым слагал свои хвалебные песни Боян. Он пел славы «старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред плькы касожьскими, красному Романови Святъславичю». Кроме того, автор «Слова» приводит две припевки Бояна, одна из которых была пропета в адрес Всеслава Полоцкого, а вторая — жене Олега Святославича. В «Слове» указывается также, что Боян был песнетворцем Святослава Ярославича. Анализируя эти сведения, Б. А. Рыбаков приходит к выводу, что Боян вначале был связан с черниговским и тмутараканским кн. Мстиславом Храбрым, затем с вел. князем Киевским Ярославом, к которому перешли черниговские и тмутараканские владения умершего бездетным Мстислава, потом с сыном Ярослава — Святославом и, наконец, — с сыновьями последнего — Романом и Олегом. По мнению Рыбакова, «гусли Бояна» звучали еще до 1036 (год смерти Мстислава) и продолжали рокотать славы князьям вплоть до 1083 (год возвращения Олегом Тмутаракани). По мнению др. исследователей, Боян продолжал творить по крайней мере до 1101 — года смерти Всеслава Полоцкого. Именно по поводу его смерти, как полагают исследователи, была сложена Бояном припевка о том, что «ни хытру, ни горазду... суда Божиа (т. е. смерти) не минути». Т. о., получается, что Боян, уже как опытный поэт-певец, пел более 80 лет, что едва ли возможно. Думается, следует с большим доверием отнестись к прямому указанию автора «Слова», что Боян был княжеским певцом Святослава, воспевавшим, в частности, и старое (т. е. минувшее) время Ярослава: «Рек Боян и Ходына, Святъславля песнетворця старого времени Ярославля...» Как придворный певец Святослава Боян воспевал не только его самого, но и отца Святослава — Ярослава, и сыновей Святослава — Романа и Олега, а также и др. князей этого рода. Очевидно, творчество Бояна не ограничивалось воспеванием чернигово-тмутараканских князей, о чем свидетельствует, в частности, припевка по поводу Всеслава Полоцкого. Вероятно, как предполагал В. Ф. Ржига, возразивший против приурочения творчества Бояна к черниговской ветви князей, Боян был «песнетворец более широкого размаха» и более широкого политического кругозора.

Фраза «Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию (некоторые исследователи читают «мысию» (т. е. белкой) по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы», по мнению ряда исследователей, выражает представление о Бояне как о человеке, обладающем, подобно шаману, сверхъестественной силой, способностью к оборотничеству, к путешествию по трем сферам космоса: по небу — в образе орла, по земле — в образе волка, по соединяющему их мировому древу — в образе белки (мыси). Такое толкование данной фразы подтверждается тем, что «стихотворная импровизация в древности воспринималась как магический обряд, сопровождающийся мистическими превращениями».

Из «Слова» ясно также, что Боян, как и скальды, продолжавшие традиции языческих певцов, пел нечто вполне определенное, однозначное по смыслу: либо славу, либо хулу, руководствуясь своим «замышлением», т. е. замыслом, не стремясь при этом непременно следовать исторической правде. Рассуждая о том, как бы спел Боян о походе Игоря, автор «Слова» сочиняет «под Бояна» две песни: одна из них — хула, в которой полки Игоря сравниваются со стадами галок, бегущими на свою погибель через поля широкие к Дону, а вторая — слава, которую «вещий» Боян, всемогущий «Велесов внук», смог бы спеть Игорю, несмотря на его поражение.

С точки зрения жанра, произведения Бояна являлись, по всей вероятности, лиро-эпическими песнями, содержащими не рассказ о событии, а лирический отклик на него, оценку этого события, прославление или осуждение участников этого события. Песни Бояна, вопреки мнению Ф. И. Буславяева, А. Н. Афанасьева, Г. Н. Поспелова и др., нельзя причислять к устному народному творчеству.

Как можно судить по двум припевкам Бояна, приведенным в «Слове», и двум фрагментам, сочиненным автором «Слова» «под Бояна», последний использовал в своем творчестве традиционные изобразительные средства русской поэзии, в т. ч. и народной (ср., напр., отрицательный параллелизм во фразе: «Не буря соколы занесе чрес поля широкая, — галицы стады бежат к Дону великому»). Характеристикой стиля песен-слав Бояна может служить вторая песня «под Бояна», особенно входящая в нее похвала курянкам с ее бравурностью, быстрым, энергичным ритмом и, вероятно, устойчивыми трафаретными выражениями дружинной поэзии.

Т. о., можно говорить о Бояне как о представителе дружинной поэзии с ее тематической заданностью и однозначностью (либо слава, либо хула), субъективным отражением событий, трафаретностью и афористичностью выражений, бравурностью песен-слав, меняющимся ритмом.

Автор «Слова о полку Игореве» приводит две припевки Бояна, имеющие характер афоризмов. Одна из них, приведенная выше, была произнесена в адрес Всеслава Полоцкого, а другая была обращена к жене Олега Святославича, тмутараканского «кагана»: «Тяжко ти головы кроме плечю; зло ли телу кроме головы».

Некоторые исследователи полагают, что в «Слове» есть, кроме того, скрытые цитаты из песен Бояна. Ф. И. Буслав считал отрывками из песен Бояна 5 фрагментов «Слова», 4 из которых — это лирические отступления автора «Слова» о событиях XI в. и 1 — припевка, сочиненная автором «Слова» от имени Бояна по поводу похода Игоря: «Не буря соколы...» Еще дальше пошел писатель А. Л. Никитин. По его мнению, большая часть текста «Слова» — это переработка, применительно к событиям похода Игоря, сочинения Бояна, посвященного Святославу Ярославичу и его сыновьям, написанного Бояном в к. 1084—85. Однако у нас нет никаких оснований приписывать Бояну что-либо из текста «Слова», кроме двух фрагментов, атрибутированных ему автором «Слова».

Л. Соколова

БОЯРИНОВ Владимир Георгиевич (р. 4.07.1948), поэт. Родился на Алтае в с. Солдатове Болшенарымского р-на Восточно-Казахстанской обл. в семье сельских учителей. После окончания школы некоторое время учится в технических институтах, скитается по Сибири, учителем в родном селе. При поддержке Ю. П. Кузнецова в 1974 устраивается на работу в московское издательство «Современник».

В 1978 выходит первый сборник Бояринова «Росстани». В 1979 заканчивает Литературный институт.

В 1980 выходит вторая книга Бояринова «Веселая сила». С н. 80-х увлеченно и ярко пишет для детей. В печати появляются публикации русских народных потешек из собрания Бояринова. Поэт извлекает из забытых, литературно обрабатывает десятки песенок, потешек, *побасенок, прибауток*. В 1983 выходит книга «Уже за холмами», принесшая автору известность. Сборник «Направо пойдешь...» (М., 1985) стал свидетельством уверенной поступи зрелого поэта.

Соч.: Почему у дуба листья облетели. М., 1985; Родня. М., 1987; Я не маменькин сынок. М., 1988; Жили мы у бабушки. М., 1989; В лесной избушке. М., 1990; Прорубь. М., 1990; Заря-заряница. М., 1991; Заинька. М., 1991; Рысий коготь. М., 1993; Петушок. Тверь, 1997; Сорок мышей. М., 2000; Красный всадник. М., 2003.

П. Калитин

БРАЗОЛЬ Борис Львович (1885—1963), писатель и общественный деятель. Во время первой мировой войны в русской военной разведке. В 1920-х один из главных сотрудников Г. Форда при подготовке американского издания «Сионских протоколов», а также обширных комментариев к ним «Международное еврейство» (4 т.).

Соч.: Женские силуэты в русской литературе. СПб., 1907; Критические грани. СПб., 1910; Мир на перепутье. Белград, 1922; Мотивы русского религиозно-философского сознания. Нью-Йорк, 1930; Пушкин и Россия. Нью-Йорк, 1949; Душевная драма Гоголя. 1952; Речи. Т. 1—2. Нью-Йорк, 1943; 1953.

БРЮСОВ Валерий Яковлевич (1[13].12.1873—9.10.1924), писатель. Родился в Москве в купеческой семье. Начал писать в раннем детстве. В 1899 окончил историческое отделение историко-филологического факультета Московского университета. В 1894—95 вышли три сборника «Русские символисты», составленные преимущественно из стихов самого Брюсова, отмеченных сильным влиянием западноевропейских поэтов (П. Верлен, А. Рембо, С. Малларме и др.). Брюсов рассматривал эти сборники как «сознательный подбор образов», нечто вроде маленкой хрестоматии различных приемов новейшей западной поэзии. Однако в предисловии к первому сборнику он предупреждал читателей, что отнюдь не считает французский символизм «поэзией будущего». Брюсову даже в те годы были чужды не только крайности декадентства, но и самая поэтика символизма с ее зыбкими светотенями и намеками.

В последующих книгах — «Chefs d'oeuvre» («Шедевры», 1895) и «Me eum esse» («Это — я», 1897) — уже намечаются некоторые существенные черты зрелого творчества Брюсова — урбанизм, мотивы научной поэзии, обращение к истории, тема смены культур. Эти книги также отмечены влиянием декаданта, но демонстративности, расчета на шумный эффект здесь уже нет. Это — поиски новых форм в поэзии, способных выразить новые чувства, «ощущения конца века».

Книга стихов «Tertia Vigilia» («Третья стража», 1900) знаменовала собой начало творческой зрелости Брюсова. Здесь уже ясно выступают характерные черты «поэзии мрамора и бронзы», как называли его современники: скульптурная выпуклость и строгая завершенность образов, четкая композиция отдельных стихотворений и всей книги в целом, декламационный строй стиха, ораторский пафос. Теперь Брюсов признает своими учителями А. С. Пушкина, Верхарна и Ф. И. Тютчева. От той книги ведут начало знаменитые бруссовские историко-мифологические циклы; в цикле «Любимцы веков» есть блестящие образцы творческого осмысления процессов прошлого и проекции его в настоящее, напр. «Ассаргадон», «Александр Великий», «Старый викинг» и др.

Ощущение опасности, которой подвергается христианская цивилизация в России на рубеже двух столетий, заставляет поэта напряженно размышлять о судьбах человечества («В дни запустений», «В неконченном здании»). Как и Блок, он предвидит неизбежность столкновения России с силами мирового зла. Эти предвидения особенно четко выражены в неоконченной поэме «Замкнутые» (1900—01). Резкая критика буржуазного общества (гл. обр. с позиций этического и эстетического максимализма) завершается предсказанием жестокой борьбы, которая, «как ярый вихрь, промчится по вселенной».

В следующей книге стихов «Urbi et Orbi» («Городу и миру», 1903) — одной из лучших своих книг — Брюсов говорит о горожанах, прежде всего рабочих, противостоящих христианской, крестьянской цивилизации: «И, спину яростно клоня, скрывают бешенство проклятий среди железа и огня давно испытанные рати» («Ночь», 1902). Там же был напечатан и знаменитый «Каменщик» (1901), ставший народной песней. «С «Tertia Vigilia» началось мое «признание» как поэта», — писал Брюсов в автобиографии. Брюсов становится лидером модернистской литературы. Он активно участвует в делах издательства «Скорпион», позднее редактирует журнал «Весь», крупнейший литературный центр русского модернизма. Однако положение Брюсова в лагере символистов было весьма сложным. «...Я — как заложник в неприятельском лагере», — писал он. Философско-общественная позиция Брюсова, его поэтика резко противоречили основным положениям русского символизма, вождем которого Брюсов считался. «Младшие символисты» (Вяч. Иванов, А. Белый и др.) развивали неоплатоническую теорию Вл. Соловьева об идеальном мире «высших реальностей», слабым, искаженным отражением которого является внешний, видимый мир; поэту, согласно этой теории, надлежало «видеть просвет вечного во временном», стремиться уловить скрытый в ней мистический смысл. Брюсов же был рационалистом, чуждым всякой мистики, певцом труда. В стихотворении «В ответ» (1902) он с умышленным антиэстетизмом уподобляет мечту волю, работающему на пашне («Вперед, мечта, мой верный вол!»). Это решительно противоречило символистскому представлению о поэте-пророке и провидце.

Книга стихов «Венок» (1906) — вершина поэзии Брюсова. Высокий взлет романтической лирики («Приветствие», «В полдень», «Встреча», «Из песен Мальдуна» и др.), великолепные образы из истории и мифологии («Медея», «Орфей и Эвридика», «Ахиллес у алтаря», «Антоний») сочетаются в ней с яркими образцами духовной поэзии. Цикл «Современность» представляет собой своеобразный политический дневник, где поэт высказывает свое отношение к войне и смуте.

Он надеется на гибель буржуазной цивилизации в стихии народного гнева. В «Грядущих гуннах» (10 авг. 1905) Брюсов восклицает: «Вас, кто меня уничтожит, встречаю приветственным гимном». Поэт гневно клеймит либералов, ликующих по поводу манифеста 17 окт.: «Довольство ваше — радость стада, нашедшего клочок травы» («Довольным», 18 окт. 1905); прославлял борьбу и певцов борьбы: «Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза, и песня с бурей — вечно сестры» («Кинжал», 1905).

Брюсов создает образы городской буржуазной цивилизации, в недрах которой таится ее гибель («Городу», 1907), прославляет подвиги безвестных тружеников — строителей египетских пирамид и римских дорог («Египетский раб», 1911, «На форуме», 1908), славит человека, его неукротимый дух исканий, отвагу и дерзкий разум («Хвала Человеку», 1906). В сборниках стихов «Все напевы» (1909), «Зерка-

ло теней» (1912), а также в сборнике «Семь цветов радуги» (1916) содержится немало образцов жизнеутверждающей поэзии («Веселый зов», 1910; «Голос мертвого», 1906; «Счастье Цезаря», 1911). В эти же годы Брюсов выступает как прозаик и драматург. Исторические романы «Огненный ангел» (1908) и «Алтарь победы» (1913) родственны по духу историко-мифологическим циклам Брюсова — это тоже проекция прошлого на современность. Изображая Германию XVI в. («Огненный ангел»), Брюсов пытался найти решение сложного психологического конфликта. Рисую трагическую судьбу юноши — гражданина Римской империи IV в., Брюсов спрашивал современников: с кем вы пойдете — с новым христианским миром или со старым языческим? Историческая эпоха в обоих романах изображена скрупулезно точно, без всякой модернизации, и все же за историческими образами ясно проступают черты современников Брюсова.

В сборниках «Земная ось» (1907), «Ночи и дни» (1913) интересны раздумья о будущем (драма «Земля», рассказ «Республика Южного Креста»). Брюсов в эти годы активно выступает как литературный критик, призывая поэтов изучать действительность, знакомиться «с последними выводами философской мысли, с новыми открытиями точных наук, с ходом политической и социальной жизни своего времени» (ст. «Новые течения в русской поэзии», 1913). В дальнейшем в поэзии Брюсова все чаще звучат мотивы усталости, одиночества («Умиравший костер», 1908; «Демон самоубийства», 1910 и др.), формальные поиски выступают как самоцель («Ночь», 1915; «Мой маяк», 1914), появляются перепевы прежних мотивов (сборники после 1917).

Соч.: Полн. собр. соч. и переводов. Т. 1—4, 12, 13, 15, 21. СПб., 1913—14; Далекие и близкие. М., 1912; Избр. произведения. Т. 1—3. М., 1926; *Ашукин Н.* [составитель]. Валерий Брюсов. В автобиографических записках, письмах... М., 1929; Из моей жизни... М., 1927; Дневники 1891—1910. М., 1927; Стихотворения и поэмы. Л., 1961; Собр. соч.: В 7 т. М., 1973—75.

А. Г., Д. К.

БРЯНЧАНИНОВ Анатолий Александрович (6[18].04.1839—1918), писатель. Родился в Вологде. Из родовитых дворян. Окончил Николаевское инженерное училище (1857), Николаевскую инженерную академию (1859). Служил в Вологодской палате уголовного суда мировым судьей. С 1891 — редактор неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей». Вышел в отставку в 1904 в чине действительного статского советника.

В 1870 опубликовал сборник «Повести и рассказы». С предисловием *И. С. Тургенева* дважды вышли его стихотворные обработки популярных сказок «Русские народные сказки в стихах» (СПб., 1885, 1895), стихотворные обработки былин «Старины и былины Печорского края» (Харьков, 1911). Определенный интерес представляет его антинигилистическая беллетристика: романы «В годину лихолетья. 1905—1906» (Харьков, 1913) и «В шестидесятые годы. 1862—1863» (Харьков, 1915), основная идея которых — спасение России от надвигающейся революции.

БУБЕННОВ Михаил Семенович (8[21].11.1909 — 03.10.1983), писатель. Родился в с. Поломошново Алтайского края в бед-

ной крестьянской семье. В школьные годы сотрудничал в местных газетах. Журналистикой занимался будучи учителем в средней школе. Первым литературным опытом Бubenнова были повести «Гремящий год» (1932) и «Бессмертие» (1939) и несколько рассказов. Уже на фронте Бubenнов задумал роман о войне и по горячим следам собирал и записывал для памяти интересные материалы. Сразу после окончания войны он начал работать над романом «Белая береза», вложив в него весь огонь души и сердца, прошедших через кровавый шквал войны. Герои его романа — его боевые однополчане, с которыми он прошел длинный путь по военным дорогам. Они выписаны автором ярко, убедительно, с жесткой и горькой правдой. В 1947 первая книга романа «Белая береза» была опубликована в журнале «Октябрь». Роман был благожелательно встречен читателями и получил положительную оценку критиков как лучшее художественное произведение о войне. Роман подкупает неподдельной правдой о ратном подвиге русских солдат и командиров, их беззаветной верности воинскому долгу, присяге, Отечеству. «Белая береза» была пиком творчества Бubenнова. Его автор приобрел мировую известность, т. к. книга была издана на английском, французском, японском и др. языках. В послевоенные годы он создает роман «Орлиная степь» (1950) — об освоении целинных земель Казахстана. В 1970 — роман «Стремнина», посвященный трудовым будням сибиряков.

В этих добротных патриотических произведениях Бubenнов как художник не поднялся выше своей главной книги. Будучи членом правления писательских организаций и членом редколлегии литературных журналов, Бubenнов вел бескомпромиссную борьбу с графоманством и делечеством скороспелых литераторов, чьи бездарные опусы были далеки от жизни русского народа, как и сами авторы из племени «богоизбранных», прикрывающие свое творческое бессилие русскими псевдонимами. За что за Бubenновым был закреплен ярлык «антисемит».

И. Шевцов

БУБНОВ Григорий Поликарпович (1813 — после 1830), поэт-самоучка. Из крестьянской семьи. В альманахе «Весенние цветы, подарок для Светлого праздника на 1830 год» (М.), посвященном Н. Б. Юсупову, опубликовал несколько стихотворений: «Ночь», «Сельская песня», «Зима» — довольно типичные, в стиле *Ф. Н. Слепушкина* и *Е. И. Алитанова*, образцы «сельской» идиллически-элегической поэзии. Наиболее удачная написанная в традициях народной песни «Сельская песня» («Ненаглядное / Красно солнышко, / Ты, Алешка, / Сердцу милая»).

С. С.

БУДИЛОВИЧ Антон Семенович (24.05.1846—1908), филолог-славист, публицист. Окончил Литовскую духовную семинарию. В 1863 поступил на историко-филологический факультет С.-Петербургского Императорского университе-

та. После окончания в 1867 Будиловича оставляют при университете для приготовления к профессорскому званию по славянской филологии, под руководством проф. *И. И. Срезневского* и проф. *В. И. Ламанского*. С 1869 — приват-доцент славянских наречий в С.-Петербургской духовной академии. С 1871 — преподаватель славянских наречий в С.-Петербургском историко-филологическом институте. Защитил магистерскую диссертацию «Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова, по рукописи Императорской публичной библиотеки XI в.» в 1871. В 1872—75 — в научной командировке по славянским странам и областям. В 1875—81 — ординарный профессор Историко-филологического института кн. Безбородко по русско-славянской филологии. С 1881 — профессор кафедры русского и церковнославянского языков Варшавского Императорского университета. Член-корреспондент С.-Петербургской Академии наук. В 1892—1901 — ректор и профессор кафедры сравнительной грамматики славянских наречий Юрьевского Императорского университета. В 1899 — получил звание заслуженного профессора. С 1901 — член Совета Министерства народного просвещения. Член Сербской Королевской академии. Член Русского Собрания. Был членом Монархической партии правового порядка, членом украинного общества, ставившего своей целью борьбу с сепаратизмом в Империи.

В 1907—08 — редактор газеты «Московские ведомости».

После участия в славянском съезде в Москве (1867) и затем во время первых своих зарубежных командировок, с к. 60-х Будилович настолько увлекся славянской политикой, что чисто научные работы, начатые диссертацией, отошли на второй план. В дальнейшем Будилович является по преимуществу политическим деятелем, публицистом и популяризатором, принимает живое участие в делах Петербургского Славянского благотворительного общества, развивает теорию Ламанского о культурном единстве всего греко-славянского мира, проводит идею гегемонии России и кирилло-мефодиевской миссии зарубежных славян. Таковы его: «О литературном единстве народов славянского племени» (СПб., 1877); «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» (Варшава, 1892); «Вопрос об общеславянских языках в западническом освещении» («Славянское обозрение», 1892, V—VI, 45—64) и др. Одновременно Будилович работает над русификацией русских окраин, незадолго перед смертью основывает специальный орган «Окраины России». Публицистический элемент проникает и в преподавательскую деятельность Будиловича (в Петербургской духовной академии, в историко-филологических институтах в Петербурге и Нежине, в Варшавском и Юрьевском университетах), в многочисленные статьи по этнографии, статистике, истории, истории литературы и культуры славян и в учено-журнальные труды, начиная с широко задуманного и неоконченного исследования «в области лингвистической палеонтологии славян», докторской диссертации «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным» (Киев, 1873—82).

Во всех своих научных и публицистических работах Будилович отстаивал идею славянофильства. Широкою известностью получили его работы «Славянские матицы и ученые дружества» (1869), «Не был ли православным человеком Иероним Пражский» (1870), «Мечта ли панславизм» (1872), «Несколько мыслей о греко-славянском характере деятельности свв. Кирилла и Мефодия» (1885), «К вопросу о племенных отношениях в Угорской Руси» (1903), «По вопросу об упрощении русского правописания» (1904).

Искренность и последовательность деятельности Будиловича уважали даже его политические противники. «Все сочувствующие политическому освобождению и культурному развитию славянских народностей с тяжелым чувством примут известие о кончине Будиловича, — писал С. Котляревский в «Русских ведомостях». — Каковы бы ни были разногласия по другим вопросам внутренней политики с покойным, нельзя забыть всего, что сделано Будиловичем в области ознакомления России со славянским миром и возбуждения у нас к нему симпатий. Нельзя не оценить те качества ума и чувства, которые никогда не могут заслоняться политическими различиями, чтобы оценить искреннюю, горячую веру покойного в славянство».

Соч.: Ломоносов как писатель. СПб., 1871. Совм. с А. П. Норанович; Чехия и Моравия. СПб., 1871; Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян. Ч. 1. Вып. 1—2. Киев, 1878; Ч. 2. Вып. 1. Нежин, б. г.; Очерки из церковной истории западных славян. Варшава, 1880; Несколько мыслей о греко-славянском характере деятельности свв. Кирилла и Мефодия. Варшава, 1885; Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т. 1—2. Варшава, 1892; Культурная деятельность народов греко-славянского мира. М., 1896; Несколько замечаний о научной постановке славянской истории, ее объеме, содержании и периодах. Юрьев, 1898; Историческая заметка о русском Юрьеве старого времени в связи с житием св. Исидора и 72 юрьевских мучеников. Юрьев, 1901; К вопросу о племенных отношениях в Угорской Руси. СПб., 1904; Академия наук и реформа русского правописания. СПб., 1904; Об отношении народного к общегражданскому, в связи с идеей русского национального единства. СПб., 1904; Наука и политика. СПб., 1905; Вопрос об окраинах России в связи с теорией самоопределения народностей и требованиями государственного единства. СПб., 1906; О единстве русского народа. СПб., 1907; Может ли Россия отдать иноземцам свои окраины? СПб., 1907.

Лит.: Карский Е. Ф. Будилович. Варшава, 1909; Пальмов И. С. Памяти почетного члена С.-Петербургской духовной академии Антона Семеновича Будиловича. СПб., 1908.

БУДИЩЕВ Алексей Николаевич (17[29].01.1864—22.11[5.12].1916), писатель. Родился в дворянской семье Саратовской губ.; мать — полька. Учился на медицинском факультете

Московского университета. С увлечением занимался зоологией, но почувствовал себя совершенно неспособным заниматься терапевтическими науками и с IV курса ушел. Писать начал еще студентом и с 1886 стал деятельным сотрудником «Будильника», «Русского сатирического листка», «Осколков», позднее «Русской жизни», «Петербургской газеты», «Нового времени», «России», «Руси», помещал также свои произведения в «Ниве», «Живописном обозре-

нии», «Северном вестнике», «Вестнике Европы». Часть многочисленных рассказов, очерков, небольших романов и стихотворений собрана им в книжках: «Степные волки» (СПб., 1897), «Разные понятия» (СПб., 1901), «Распря» (СПб., 1901), «Пробужденная совесть», «Лучший друг» (СПб., 1901), «Я и Он» (СПб., 1903), «Солнечные дни», «Черный буйвол» (СПб., 1909), «Стихотворения» (СПб., 1901).

В стихах Будищева отразились мистические настроения, характерные для поэзии рубежа веков, и связанные с ними поиски Истины; в пейзажной лирике ощутимо влияние А. А. Фета. В целом лирика Будищева носила камерный характер. В. М. Дорошевич писал, что в стихах Будищева — «красота и грусть, то, из чего складывается поэзия». Среди стихов Будищева, положенных на музыку, — «Калитка» («Только вечер затеплится синий»), ставшая популярным романсом. Получил известность литературными миниатюрами; лучшие из них вошли в сборник рассказов «Разные понятия». В книге рассказов «Степные волки» преобладают проблемы совести, долга, пробуждения в человеке нравственного чувства, характерные для всей последующей прозы Будищева, особенно для психологических романов, основанных на детективном сюжете, — «Пробужденная совесть», «Солнечные дни» («Вестник Европы», 1903, № 7—9), «Бунт совести» (СПб., 1909), «Степь грезит» (СПб., 1912). Будищев «также любит иметь дело с не вполне здоровою, сумрачною, надломленною или смятенною душою. Он вводит в мир людей мучительно ревнующих, тяжело ненавидящих, вечных сыщиков над чужой совестью...» (А. А. Измайлов).

В романе «Я и Он» заметно подражание Ф. М. Достоевскому. В романе «Лучший друг» Будищев обличает нищезанство, развенчивает русского «сверхчеловека».

«Настоящее призвание Будищева — литературная миниатюра. Небольшие рассказы его и, в частности, те, которые вошли в лучший его сборник — «Разные понятия», — написаны очень колоритно, с блестками настоящего юмора, с умением на небольшом пространстве газетного фельетона ярко обрисовать положение и целый тип. Будищев тонко чувствует природу, любит лес, степь и умеет передать свои настроения читателю. В ряду представителей созданного у нас Чеховым небольшого рассказа Будищев по художественным ресурсам должен был бы занять одно из первых мест» (С. Венгеров).

БУЖИНСКИЙ Гавриил Федорович (ок. 1680—14[25].04.1731), духовный писатель. Образование получил в Киево-Могилянской академии. В 1706 Бужинский был вызван Стефаном Яворским в Москву, где стал учителем Славяно-греко-латинской академии. В 1707 Бужинский был пострижен в монахи, а в 1709 назначен префектом Славяно-греко-латинской академии. Стал известен как проповедник имп. Петру I, который в 1714 вызвал Бужинского в Петербург, в Александро-Невский монастырь, а в 1718 назначил обер-иеромонахом флота. Бужинский жил то на кораблях, то в Александро-Невском монастыре и часто произносил торжественные проповеди в присутствии Петра I. С 1721 Бужинский — настоятель Костромского Троицкого Ипатьевского монастыря, а с 1722 — архимандрит Троице-Сергиевой лавры. С февр. 1721 Бужинский — советник Синода. Занимая до 1726 должность протектора всех подведомственных Синоду школ и типографий, Бужинский редактирует книги и документы, наблюдает за печатанием книг в Петербурге, Москве и в Малороссии.

В 1726 Бужинский переведен в Рязань, где занимает епископскую кафедру и восстанавливает (1727) славяно-греко-латинскую школу. Гонения на бывших сподвижников Петра I коснулись и Бужинского: его обвиняют в должностных злоупотреблениях и отступлении от Православия. С 1728 Бужинский живет в Москве. Оправданный в 1730 от возводимых на него обвинений, Бужинский уже не мог по состоянию здоровья выехать в Рязань или возвратиться в Петербург.

«Петра Великого дел славный проповедник», «весьма прилежный и тщательно трудолюбивый», пишущий «внятно и хорошим штилем», Бужинский принадлежал к возглавляемой *Феофаном Прокоповичем* группе ранних русских просветителей. Апология петровских преобразований и побед (Орешек, Полтава, Гангут) была стержневой темой проповедей Бужинского, проникнутых высоким гражданским пафосом. Бужинскому принадлежат также похвальное слово в честь семьи Петра I, а также слово на погребение фельд-маршала Б. П. Шереметева. Лучшие из проповедей: «Слово в похвалу Санкт-Петербурга» (окт. 1717), произнесенное по случаю возвращения Петра I из заграничного путешествия в свой «северный парадиз»; «Слово на день годовичного поминовения Государя Петра Великого, проповеданное над гробом его» (1726, перев. и изд. в 1729 на лат. и англ. Т. Консеттом в Лондоне). Витиеватость стиля, типичное для эпохи барокко смешение библейских и античных мотивов и сочетание в языке неологизмов петровского времени с церковнославянской лексикой были характерными чертами стиля Бужинского.

Как агиограф и гимнограф Бужинский известен составлением «Службы на воспоминание заключенного мира между империею Российскою и короною Свейскою» и «Синаксария» Александру Невскому (1725). Бужинский раздвигает рамки старых жанров, обращаясь к современной ему истории: в «Службе...» прославляются победы русского оружия в Северной войне, а в «Синаксарии» первоначальный текст проложного жития Александра Невского дополнен материалами из реляций о Северной войне и сказанием о перенесении мощей кн. Александра из Владимира в Петербург.

Бужинскому принадлежат переводы с латыни «Разговоров дружеских» Эразма Роттердамского (1716; с перераб. А. Бакера), «Введения в историю европейскую» С. Пуффендорфа (1718) и «Феатрона и позора исторического» В. Стратемана (1724). Бужинский редактировал и исправлял сделанный Иосифом Кречетовским перевод сочинения Пуффендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному» (1726). Обширная библиотека Бужинского поступила в Славяно-греко-латинскую академию, небольшая часть — в Типографскую синодальную библиотеку.

Ю. Бегунов

БУЛАЦЕЛЬ Павел Федорович (29.06.1867—5[18].02.1919), публицист и общественный деятель.

Родился в имении Малая Николаевка Славяносербского у. Екатеринославской губ. Принадлежал к довольно известному и богатому роду. Булацель окончил элитное Императорское училище правоведения. Затем служил присяжным поверенным в Прибалтийском крае, где имел лучшую практику. В 1900—03 он сотрудничал в газетах «Свет», «Юридическая газета» и «Россия». К этому времени Булацель был уже известен не только как адвокат, но и как ученый, автор труда «Самоубийство с древнейших времен до наших дней». Книга была запрещена духовной цен-

зуры.

зурой и предназначена к сожжению, от чего ее спас обер-прокурор Св. Синода *К. П. Победоносцев*.

В составе депутации Союза русского народа 23 дек. 1905 Булацель был на Высочайшем приеме, где обратился к государю с речью. Он говорил о значении самодержавия, призывал императора опереться на Союз русского народа: «Как дневной свет ненавистен кротам, так самодержавие ненавистно врагам России. Оно их обессиливает, а потому раздражает. Они понимают, что доколе будет существовать самодержавие, доколе Россия не распадется... Не верьте, государь, тому, кого выдвигают масоны и кто опирается только на инородцев... Обопритесь на русских людей, и врата ада не одолеют русского государя, окруженного своим народом».

Булацель активно сотрудничал в ведущей монархической газете — органе Союза русского народа «Русское знамя», в которой в 1906—07 исполнял обязанности редактора, а в дальнейшем много писал для газеты, причем безвозмездно. 26 мая 1909 в статье «Ответ моим клеветникам» сформулировал свое идейно-политическое кредо: «Я скорблю, болезненно мучаюсь, видя, что теперь какое-то скопище масонов заставляет раболепно пред собою преклоняться тех самых чиновников, которые пятнадцать лет тому назад беспрекословно подчинялись только воле русского государя. Я ненавижу всей душой торжество масонов». И пророчески предрекал: «Я глубоко убежден, что конституционно-парламентский строй неизбежно погубит Русское государство и приведет к всемирному краху христианской цивилизации». 28 июля 1909 в статье «Бюрократические козни против Союза русского народа» Булацель писал, что теперь «главная атака кадетско-жидовского лагеря» ведется не против правительства, а против Союза русского народа. Булацель понимал, что атака на монархов является частью общего наступления революции на монархию. Он предостерегал правительство: «Удар, наносимый Союзу при таких условиях, приобретает значение величайшего исторического события. Этим ударом хотят сокрушить самодержавную монархию».

В 1909 монархисты выдвигали его кандидатом на довыборах в Государственную думу по Петербургу. Листовка, распространенная среди избирателей, давала такую характеристику Булацелю: «Стоит на своем патриотическом посту, как всероссийский часовой, и не дает мимо себя ни масонской сове пролететь, ни кадетскому зверю пробежать, ни конституционной гадоке проползти. Метко бьет нечистую силу его громовое слово. Кто под его перо попадет, тот с конем пропадет и тому даже союз с масонами и младотурками не поможет». 20 февр. 1911 выступал на торжественном собрании монархистов в связи с 50-летием освобождения крестьян. Его пылкая речь неоднократно прерывалась рукоплесканиями. В своей речи Булацель призывал погрязших во внутренней борьбе вождей монархического движения: «Забудем дрязги, мелкие укуры самодобия; прочь местничество и горделивое мечтанье, и будем брать пример с простого русского народа, который тепло и свято сумел в предании сохранить, как люди в старину, даже при крепостном праве, когда-то умели верить и любить». В 1908 и в 1912 он издал 2 тома своих статей, докладов и речей под символическим названием «Борьба за правду». В предисловии к 1-му тому Булацель, называя себя «русским националистом», с гордостью заявлял, что «ни на шаг не отклонялся от главной идеи, которая мною руководила в общественной и политической деятельности: беспощадная борьба со злом».

Как величайшее несчастье воспринял Булацель начавшуюся в 1914 войну России с Германией. Он понимал, что она грозит потрясениями обеим монархиям. В к. 1915 он учредил журнал «Российский гражданин», на страницах которого начал борьбу против ставшего модным англофильства, стал обличать английское проникновение в Россию, масштабы которого могли привести страну к превращению в английскую колонию. Булацель считал Англию главной виновницей развязывания войны, полагая, что война для Британии является выгодным громадным торговым предприятием. В июле 1916 английский премьер-министр Асквит произнес речь, в которой говорил о возможности привлечения к суду германского и австрийского императоров. В ответ Булацель опубликовал резкую статью, в которой писал: «Итак, Асквит обещает осуществить мечту масонов о международном трибунале из парламентских дельцов и адвокатов, которому будет отдан на суд сам венценосный глава Германской империи». В своей статье Булацель предсказал будущий произвол тайной еврейской власти под вывеской международных организаций и, в частности, беззакония, творимые современным «Гаагским трибуналом».

Соч.: Самоубийство с древнейших времен до наших дней. Ист. очерк филос. воззрений и законодательств о самоубийстве. 2-е изд. СПб., 1900; Новые пути правосудия // Русское знамя. 1907. 14 янв.; Борьба за правду. Т. 1—2. СПб., 1908—12; Русское собрание. 1901—11. Краткий очерк // Вестник Русского собрания. 1911. № 5.

Лит.: Избирайте в члены Государственной думы надежного борца за святорусское дело присяжного поверенного Павла Федоровича Булацеля. СПб., 1909.

А. Степанов

БУЛГАКОВ Михаил Афанасьевич (3[15].05.1891—10.03.1940), писатель, драматург. Родился в Киеве в многодетной

семье профессора Киевской духовной академии. Детство и юность Булгакова прошли в Киеве — духовной колыбели писателя, изначально определившей тему и атмосферу многих его произведений. В творчество Булгакова Киев войдет как Город (роман «Белая гвардия») и станет не просто местом действия, но воплощением сокровенного чувства семьи, родины, России (очерк «Киев-город», 1923). Решающее влияние на формирование будущего писателя оказали: дружная обстановка большой интеллигентной семьи, душой которой была мать, Варвара Михайловна, учительница по профессии; город на Днепре, где все дышало русской стариной; учеба в Первой киевской гимназии (1901—09), из которой вышли многие знаменитые люди (впоследствии она займет свое место в одном из центральных эпизодов романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных»); медицинский факультет Киевского университета (1909—16), по окончании которого Булгаков получил звание «лекаря с отличием» («Автобиография», 1924); культурная среда (университетская и офицерская), окружавшая его. Все это воспитало в Булгакове человека, который смолоду превыше всего ценил честь, достоинство и независимость личности. Киевские годы заложили основы мировосприятия Булгакова. Здесь зародилась его мечта о писательстве. По словам его

сестры Н. А. Земской, в 1913 он читал ей свой рассказ «Огненный змей», что свидетельствовало о приобщении к литературным занятиям. Ко времени первой мировой войны, когда «внезапно и грозно наступила история» («Киевгород»), Булгаков уже сформировался как личность. После окончания университета, летом 1916, он работал в госпиталях Красного Креста на Юго-Западном фронте. Тогда же был призван на военную службу и переведен в Смоленскую губ., где стал врачом сначала сельской больницы (с. Никольское), затем с сент. 1917 — Вяземской городской больницы. Эти наполненные напряженным ежедневным трудом годы послужили материалом для восьми рассказов Булгакова, составивших цикл «Записки юного врача» (1925—27). Работу над ними он начал там же, в Смоленской губ., регулярно записывая свои впечатления от встреч с больными.

Плотную с событиями революции и гражданской войны Булгаков столкнулся в своем родном Киеве, куда возвратился в марте 1918. В условиях калейдоскопической смены властей в столице Украины 1918—19 остаться в стороне от схватки было невозможно. Сам Булгаков в одной из анкет напишет об этом так: «В 1919, проживая в Киеве, последовательно призывался на службу в качестве врача всеми властями, занимавшими город». О ключевом значении для его творчества этих крайне нестабильных и исключительно тревожных полутора лет пребывания в Киеве свидетельствуют роман «Белая гвардия», пьеса «Дни Турбиных», рассказ «Необыкновенные приключения доктора» (1922).

После взятия Киева генералом Деникиным (авг. 1919) Булгаков был мобилизован в Белую армию и отправлен на Северный Кавказ военврачом. Здесь появилась первая его публикация — газетная статья под примечательным заглавием «Грядущие перспективы» («Грозный». 1919. № 47. Ноябрь.). Написана она с позиции неприятия «великой социальной революции» (иронические кавычки Булгакова), свергнувшей народ в пучину бедствий, и предвещала неизбежную в будущем расплату за нее. Крушение монархии во многом означало для Булгакова крушение самой России, родины — как истока всего светлого и дорогого в его жизни. В тревожные годы социального разлома он сделал свой главный и окончательный выбор — расстался с профессией врача и целиком посвятил себя литературному труду. В 1910—21, работая во Владикавказском подотделе искусств, Булгаков сочинил 5 пьес; три из них были поставлены на сцене местного театра. Эти ранние драматургические опыты, сделанные, по признанию автора, наспех, «с голодухи», были впоследствии им уничтожены. Тексты их не сохранились, за исключением одной — «Сыновья Муллы». Здесь же Булгаков пережил и свое первое столкновение с «левыми» критиками пролеткультовского толка, нападавшими на молодого автора за его приверженность культурной традиции, связанной с именами *Пушкина*, *Чехова* и др.

Булгаков не сразу осознал всю трагедию потери милой его сердцу дореволюционной России. В самом конце гражданской войны, находясь еще на Кавказе, он готов был покинуть родину и уехать за границу, как это делали тысячи русских людей, не принявших большевизм. Но вместо этого осенью 1921 он неожиданно появился в Москве и с тех пор остался в ней навсегда. Начальные годы в Москве были очень трудными для Булгакова не только в бытовом, но и в творческом отношении. Чтобы выжить, он брался за любую работу: от секретаря ЛИТО Главполитпросвета до конференсье в маленьком театре на окраине. Литературное дарование и исключительное упорство в достижении цели помогли ему довольно быстро освоиться в столице, стать хроникером и фельетонистом ряда известных газет: «Гудка», «Рупора», «Рабочего», «Голоса работника просвеще-

ния», «Накануне», издававшейся в Берлине. В литературном приложении к последней были опубликованы «Записки на манжетах» (1922—23), а также его рассказы «Похождение Чичикова», «Красная корона», «Чаша жизни» (все — 1922). Среди множества ранних произведений, написанных «журналистом поневоле», выделяется своим художественным мастерством рассказ «Ханский огонь» («Красный журнал для всех». 1924. № 2). Это был период становления Булгакова как писателя, который проходил уже в зрелом возрасте при немалом жизненном опыте. В его творчестве той поры менее всего ощутимо влияние различных течений современной литературы от *А. Белого* до *Б. Пильняка*, воздействие которых испытали на себе многие молодые писатели, начинавшие вместе с Булгаковым. Ему глубоко чужды были и популярные тогда концепции «левого» искусства, формальные творческие эксперименты. Культурные корни Булгакова уходят в XIX в. Любимыми его авторами еще с юных лет были *Гоголь* и *Салтыков-Щедрин*. Гоголевские мотивы непосредственно вошли в творчество писателя, начиная с раннего сатирического рассказа «Похождения Чичикова» и кончая инсценировкой «Мертвых душ» (1930) и киносценарием «Ревизор» (1934). Что касается Щедрина, то Булгаков неоднократно и прямо называл его своим учителем. Наследуемый им творческий опыт русской литературы не ограничивается названными именами и включает в себя, как установлено современными исследованиями, традиции *Пушкина*, *Достоевского*, *Чехова* и др. Много соединяет писателя с западноевропейской литературной традицией, в частности с произведениями *Мольера*, *Гюго*, *Гёте* и т. д. И все же великие русские сатирики оказали на него, пожалуй, наибольшее влияние, особенно в начале творческого пути.

Основная тема фельетонов, рассказов, повестей Булгакова 20-х, говоря его словами, — «бесчисленные уродства нашего быта». Главной мишенью сатирика явились многообразные искажения человеческой природы под влиянием совершившейся общественной ломки. Тревожные симптомы этого недуга воспроизведены им в сатирических повестях «Дьяволиада» (1924) и «Роковые яйца» (1925). Подобно тому как в медицине результат лечения изначально зависит от верного диагноза, так и социальные болезни, с точки зрения Булгакова, лечатся с помощью их точного описания и анализа. В «Дьяволиаде» естественное желание делопроизводителя *Короткова* устранить несправедливость, допущенную по отношению к нему со стороны начальства, оборачивается для него настоящим

бюрократическим кошмаром. В «Роковых яйцах» открытый проф. *Персиковым* «луч жизни», сулящий республике немалые блага, в результате нетерпеливого и неумелого вмешательства властей ведет к ужасной по своим последствиям катастрофе почти всероссийского масштаба. В том же направлении движется авторская мысль и в сатирической повести Булгакова «Собачье сердце». Небывалый медицинский эксперимент проф. *Преображенского* (превращение дворянши *Шарика* в некое подобие человека путем пересадки гипофиза, взятого у пролетария *Клима Чугункина*) неожиданно дает очень опасный и ускользающий из-под контроля результат. С появлением на свет *Шарикова*, быстро адаптировавшегося к условиям «революционной разрухи», возникает реальная угроза существованию не только самого профессора, но и человеческой культуры как таковой. Насильно насаждаемому кодексу «пролетарского» поведения и морали, на словах возвышающего, а на деле принижающего человека, автор повести противопоставляет духовные и нравственные ценности гонимого «старомодного» прошлого. В названных повестях отчетливо обнаружилось своеобразие литературной манеры Булгакова-сатирика. Нелепости

послереволюционного бытия, находящиеся за гранью здравого смысла, естественно побуждают его переводить повествование в фантастический план, не отрываясь, однако, ни на шаг от реальности.

Рубежом, отделяющим раннего Булгакова от зрелого, явился роман «Белая гвардия» (1925). Главная отличительная черта романа, на которую обратили внимание современники, заключалась в том, что события революции в нем максимально очеловечены. Отход Булгакова от подчеркнуто отрицательного изображения белогвардейской среды навлек на писателя обвинения в попытках оправдать белое движение, вызвать жалость и симпатию к нему. При этом игнорировалось своеобразие таланта и позиции автора. Критика предпочитала ругать и поучать художника, вместо того чтобы подниматься до высоты его объективности, которая «не устраивала ни одну из воюющих сторон». Дом Турбиных для Булгакова — это воплощение в миниатюре той России, которая ему дорога. И хотя революционная стихия грозит этому дому разрушением, семейные узы в романе оказываются все же прочнее классовых.

Позднее на основе романа и в содружестве с МХАТом Булгаков написал пьесу «Дни Турбиных» (1926), которая до известной степени является самостоятельным произведением. У нее своя примечательная судьба, предопределенная знаменитой мхатовской постановкой (премьера состоялась 5 окт. 1926). Именно она принесла Булгакову широкую известность. «Дни Турбиных» пользовались небывалым успехом у зрителя, но отнюдь не у критики, которая развернула разгромную кампанию против «апологетичного» по отношению к белому движению спектакля, а следовательно, и против «антисоветски» настроенного автора пьесы. И все же абсолютный сценический успех, а также многократные посещения «Дней Турбиных» И. Сталиным, проявившим странный и непонятный для театральных чиновников интерес к «контрреволюционному» спектаклю, помогли ему выжить и пройти на мхатовской сцене (с перерывом в несколько лет) почти тысячу раз при неизменном аншлаге.

«Дни Турбиных» означали рождение Булгакова-драматурга, познавшего вместе с громкой славой и горечью несправедливых обвинений, коллективной критической обстановки. Отныне его жизнь была отравлена атмосферой глухого непонимания, гонений, вражды и подозрительности. Это не могло не сказаться на судьбе его произведений, в т. ч. и театральных. Первое движение холодного ветра репрессий Булгаков почувствовал в мае 1926, когда во время обыска его московской квартиры у него изъяли рукопись повести «Собачье сердце» и дневник. В дальнейшем его произведения методично, год за годом вытеснялись из литературной периодики и со сцены театров. «Турбины» были единственной пьесой Булгакова со столь удачной, хотя и не простой сценической историей.

На рубеже 20—30-х Булгаков оказался в наихудшем положении: пьесы его были сняты с репертуара, травля в печати не ослабевала, возможность публиковаться отсутствовала. В этой ситуации писатель вынужден был обратиться к высшей власти («Письмо правительству», 1930), прося либо предоставить ему работу и, следовательно, средства к существованию, либо отпустить за границу. К тому времени Булгаков уже окончательно убедился в невозвратности той России, с которой связывал свои мечты и надежды. Его стремление «стать бесстрастно над красными и белыми» («Письмо правительству») в условиях тоталитарного режима оказалось неоправданной иллюзией. За упомянутым письмом правительству последовал телефонный звонок Сталина Булгакову (18 апр. 1930), который несколько ослабил трагизм переживаний писателя. Он получил рабо-

ту в качестве режиссера МХАТа и тем самым решил проблему физического выживания. В 30-е едва ли не главной в творчестве Булгакова становится тема взаимоотношений художника и власти, реализованная им на материале разных исторических эпох: молюеровской (пьеса «Мольер», 1933), пушкинской (пьеса «Последние дни»), современной (роман «Мастер и Маргарита»). К какой бы эпохе ни обращался писатель, ответ трагического конфликта между деспотическим строем и художественным талантом неизбежно падал на его личную жизненную судьбу. Дело осложнялось еще и тем, что даже доброжелательно настроенные к Булгакову деятели культуры (напр., К. С. Станиславский) проявляли порой удивительное непонимание писателя, навязывая ему неприемлемые для него художественные решения. Со всей остротой это обнаружилось во время репетиционной подготовки «Мольера», из-за чего Булгаков вынужден был в 1936 порвать с МХАТом и перейти на работу в Большой театр СССР либреттистом. Многолетние и в целом плодотворные отношения Булгакова с МХАТом имели множество разных оттенков: от упоения совместной работой до глубокого разочарования.

К к. 30-х, в годы заката своей писательской славы, Булгаков закончил роман, прочитав который (в рукописи) А. Ахматова сказала об авторе: «Он гений». Роман «Мастер и Маргарита» принес писателю мировую известность, но стал достоянием широкого советского читателя с опозданием почти на 3 десятилетия (первая публикация в сокращенном виде: «Москва». 1966. № 11; 1967. № 1). Булгаков сознательно писал свой роман как итоговое произведение, вобравшее в себя многие мотивы его предшествующего творчества, а также ценнейший художественно-философский опыт русской классической и мировой литературы. Задуманный с самого начала как «роман о дьяволе» (под таким названием он упоминается в переписке Булгакова с близкими ему людьми), «Мастер и Маргарита» лишь постепенно обрел своих истинных героев, обозначенных в его заглавии. Новые герои органично вошли в ранее сложившуюся фабулу, где уже действовал Воланд и его свита. Тема «дьяволиады», начатая Булгаковым в 20-е, нашла свое завершение в московских сценах романа. Истекшие годы еще речче выявили в облике людей печальные последствия духовной и культурной самоизоляции, «нового общества», революционной нетерпимости, отбрасывания целых пластов всемирной истории ради ложно понятых ценностей. Похождения Воланда и его свиты в Москве позволили писателю оттенить все несовершенство земного мира, начиная с отнюдь не безобидного отрицания существования Бога и дьявола (Берлиоз, Иван Бездомный) и кончая такими известными общественными и человеческими пороками, как взяточничество (Босой), стяжательство (буфетчик варьете), воровство под маской респектабельности (Арчибальд Арчибальдович), приспособленчество и зависть (литераторы), нравственная нечистоплотность (Лиходеев, Семплеяров), «пустое место» вместо руководителя (Прохор Петрович) и т. д. Московские эпизоды романа — это пиршество сатиры Булгакова, но сатиры (и в этом ее особенность) веселой, не злобной, не исключающей и возможности преодоления порока. Автор не знает пощады лишь там, где обнаруживаются трусость, предательство, донос (критики, Алоизий Могарыч, барон Майгель).

Основной идеей для нравственно-философской концепции романа является мысль о вечном равновесии добра и зла, света и тени; в их постоянном и неизбежном сопутствии друг другу — залог гармонии бытия. Утверждению этой идеи служат и библейские главы романа, где ошутимо влияние книг Э. Ренана, Ф. Фаррара, Д. Штрау-

са, Г. Буассье и др. В центре этих глав — своеобразный поединок между прокуратором Иудеи Понтием Пилатом и «безумным философом» Иешуа Га-Ноцири. Обращение Булгакова к библейским мотивам для выяснения сложнейших нравственных проблем наводит исследователей на мысль об использовании им опыта автора «Братьев Карамазовых», опыта создания Достоевским «Легенды о великом инквизиторе». Тем более что имя Достоевского упоминается в романе вопреки официальному отношению в те годы к этому писателю, тоже оказавшемуся неугодным революционной эпохе. Библейские мотивы у Булгакова так или иначе сопряжены с глубоким драматизмом его собственной судьбы. Это не значит, что автор отождествляет себя с Иешуа, такая параллель наблюдается скорее между Иешуа и Мастером. Образ последнего и связанная с ним тема одинокого, ненужного и не понятого миром творца имеет несомненное автобиографическое происхождение. «Покой», обретенный ценою ухода из земной жизни, — не единственный дар и утешение Мастеру. Высшей наградой для него является любовь его верной подруги Маргариты, имя которой подчеркнуто совпадает с героиней Гете. Однако, в отличие от гетевского «Фауста», сделку с дьяволом в булгаковском романе совершает сама Маргарита, как бы заранее подготовленная к этой миссии (ведьмины черты в ее облике и поведении). Не в пример Мастеру, она хотя и по-своему, но активно сопротивляется миру низменных стремлений и страстей, не теряя при этом любви и милосердия. Наличие в романе героев, наиболее близких Булгакову (Иешуа, Мастер, Маргарита), все же не закрепляет за кем-либо из них исключительного права на выражение авторской точки зрения. В целом она может быть адекватно воспринята и осмыслена лишь с учетом всего многообразия персонажей романа. Злу реальному, часто торжествующему Булгаков противопоставляет не какого-либо «идеального» героя, а традиционные христианские ценности: творческий дар, любовь, сострадание, нравственный стоицизм. Эти ценности всеобщи и непреходящи, о чем свидетельствует опыт почти двух тысячелетий человеческой истории, отраженный в романе.

Последние свои годы Булгаков жил с ощущением загубленной творческой судьбы. И хотя он продолжал активно работать, создавая либретто опер «Черное море» (1937, композитор С. Потоцкий), «Минин и Пожарский» (1937, композитор Б. В. Асафьев), «Дружба» (1937—38, композитор В. П. Соловьев-Седой; осталась незавершенной), «Рашель» (1939, композитор И. О. Дунаевский) и др., это говорило скорее о неистощимости его творческой силы, а не об истинной радости творчества. Попытка возобновить сотрудничество с МХАТом посредством пьесы «Батум» (о молодом Сталине; 1939), созданной при активной заинтересованности театра к 60-летию вождя, окончилась неудачей. Пьеса была запрещена к постановке и истолкована политическими верхами как стремление писателя наладить отношения с властью. Это окончательно надломило Булгакова, привело к резкому обострению его болезни и скорой смерти.

Соч: Собр. соч.: В 5 т. М., 1989—92; Письма. Жизнеописание в документах. М., 1989; Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. М., 1926; Сов. писатели: Автобиографии. М., 1966. Т. 3.

Лит: Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. М., 1990; Дневник Елены Булгаковой. М., 1990; *Боборыкин В. Г.* Михаил Булгаков. М., 1991; *Палиевский П. В.* Шолохов и Булгаков. М., 1993; Творчество Михаила Булгакова. СПб., 1991—95.

Ист.: Русские писатели XX в. Библиографический словарь. М., 1998. Т. 1.

В. Муромский

БУЛГАРИН Фаддей Венедиктович (24.06.1789—1[13].09.1859), писатель, журналист, издатель. Сын польского шляхтича. С 1798 в Петербурге. По окончании 1-го кадетского корпуса (1806) корнет лейб-гвардии Уланского полка. Участвовал в военной кампании 1806—07 (ранен в сражении под Фридландом) и русско-шведской войне 1808—09. В 1809 за сатиру на командира полка переведен из Петербурга в Кронштадт, в 1810 — в Ревель.

С 1819 в Петербурге, где познакомился с *Н. М. Карамзиным*, *Н. И. Гречем*, *А. С. Грибоедовым*. В 1822—29 издавал журнал «Северный архив» (с 1825 совм. с Гречем). Наибольшую известность приобрел как редактор-издатель (совм. с Гречем) политической и литературной газеты «*Северная пчела*», где публиковал фельетоны, анекдоты, городские новости. В 1825—29 Булгарин — соиздатель и соредактор Греча по журналу «*Сын Отечества*», объединенному в 1829 с «Северным архивом». Издания Булгарина и Греча имели монопольное право на помещение политической информации, пользовались финансовой

поддержкой 3-го отделения. В 1826 Булгарин представил властям записки «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оного», «О цензуре в России и о книгопечатании вообще», в которых изложил план «успокоения» общественного мнения в России, искоренения мasonicкой идеологии, выступал за усиление цензуры и за передачу ее в подчинение полицейского ведомства. В записке «Социализм, коммунизм и пантеизм в России в последнее 25-летие» (1846) справедливо обвинял журнал «Отечественные записки» в пропаганде коммунистических идей. В 1826—27 издавал журнал «Дерптский собеседник», в 1841—53 — журнал «Эконом». В 1826—31 чиновник особых поручений Министерства народного просвещения, в 1844—57 член-корреспондент специальной комиссии коннозаводства.

Булгарин — автор популярных в 20—40-х XIX в. «нравоописательных» романов («Иван Выжигин», 1829; «Петр Иванович Выжигин», 1831; «Памятные записки титулярного советника Чухина», 1835) и очерков («Салопница», «Ворожея», «Корнет» и др.). В книгах «Картины русских нравов» (СПб., 1842), мемуарах («Воспоминания о незабвенном А. С. Грибоедове», 1830) и в исторических романах («Дмитрий Самозванец», 1829; «Мазепа», 1834) Булгарин доказывал, что сила России в единении народа с царем. Совместно с проф. Дерптского университета Н. А. Ивановым Булгарин издал книгу «Россия в исторических, статистических, географических и литературных отношениях» (ч. 1—6, 1837).

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—7. СПб., 1839—44; Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Ч. 1—6, СПб., 1846—49; Соч. М., 1990; Всякая всячина. Лит.-критич. статьи. Харьков, 1991; Записки в III отделение // Новое литературное обозрение. 1993. № 2.

Лит.: Греч Н. И. Ф. В. Булгарин. 1871. Т. 4. № 11; *Воейков А. Ф.* Булгарин, Греч и Полевой, 1828 // Русская старина. 1874. Т. 9. № 3.

БУЛИЧ Николай Никитич (5[17].02.1824—24.05[5.06].1895), литературовед. В 1845 окончил философский факультет

Казанского университета. Профессор истории русской литературы Казанского университета с 1854, в 1882—85 — ректор. Выступил в печати в 1854 с работой «Сумароков и современная ему критика» (докторская диссертация), где собраны также подробные сведения о русских сатирических журналах 2-й пол. XVIII в. Автор статей и речей о *М. В. Ломоносове*, *Н. М. Карамзине*, *А. С. Пушкине*, *В. А. Жуковском*, работ по истории Казанского университета («Из первых лет Казанского университета». Т. 1—2. 1887—91).

Соч.: Очерки по истории русской литературы и просвещения с XIX в. Т. 1—2. СПб., 1902—05.

БУЛИЧ Сергей Константинович (1859—1921), языковед-русист. Ученник И. А. Бодуэна де Куртенэ. Профессор Петербургского университета (с 1886) и преподаватель, затем директор Высших женских курсов. Первый руководитель (с 1899) экспериментально-фонетического кабинета при университете. Много сотрудничал в энциклопедических словарях; в словаре Брокгауза-Ефрона ему принадлежит свыше 1000 статей по во-

просам языкознания. Буличу принадлежат также биографические очерки о русских композиторах-романсистах (Г. Н. Теплове, Н. А. Титове, А. Е. Варламове). Несколько работ Булича посвящено роли музыки в жизни русских писателей и значению их творчества для развития русской музыкальной культуры: «Пушкин и русская музыка» (1900), «А. С. Грибоедов-музыкант», «М. Ю. Лермонтов и русская музыка».

Соч.: Заимствованные слова и их значение для развития языка. [Варшава], 1886; Лекции по русскому языку. СПб., 1892—94 (литогр.); Церковно-славянские элементы в современном литературном и народном русском языке. Ч. 1. СПб., 1893; Очерки истории языкознания в России. Т. 1. СПб., 1904.

БУНИН Иван Алексеевич (10[22].10.1870—8.11.1953), писатель. Родился в Воронеже в обедневшей дворянской семье. Детство провел на хуторе Бутырки Орловской губ.

Детство и юность его были свидетелями надвигающейся на семью безнадежной нужды. Отец поэта, побарски разгульный, беспечный на самом пороге этой бедности, мастерски поющий под гитару «Где ты закатилось, счастье золотое!», не только не вызывает в сыне осуждения или упрека, но наполняет его юношеское сердце чувством нежности и обожания: «Не судья тебе я за грехи былого...» О былом благополучии и знатности рода Буниных будущий писатель знает и по семейным преданиям, по «гербовнику» и по литературным источникам. «Я происхожу из старинного дворянского рода, — пишет Бунин в автобиографических заметках, — давшего России немало видных деятелей как на поприще государственном, так и в области искусства, где особенно известны два поэта начала прошлого века: Анна Бунина и Василий Жуковский, один из корифеев русской литературы, сын Афанасия Бунина и пленной турчанки Сальхи».

То обстоятельство, что среди предков Бунина были известные литераторы, он особо подчеркивает, — это связывало его с истоками дворянской культуры, с предтечами и старшими современниками самого *Пушкина*, своеобразный культ которого в доме Буниных исходил от матери, любившей читать детям («Певуче и мечтательно, на старомодный лад») стихи великого поэта.

Древний дворянский род, в прошлом оставивший столь заметный след в национальной культуре, и — захолустный степной хутор, доведенное до полного упадка хозяйство, заложенные ризы с икон, нависающие сроки уплаты процентов по закладным на имение, унижения перед лицом соседей, местных властей, крестьян. Дети еще при родителях, под родной, хотя и протекающей при каждом дожде крышей, но какая их ждет судьба? Старший брат Юлий, единственный окончивший курс в университете, отбывает дома, после тюрьмы, высылку под гласным надзором за участие в кружках народнического толка; Евгений бросил гимназию, женится на дочери управляющего соседним имением; Иван уходит из четвертого класса гимназии.

Поэт с юности живет в мире сладчайших воспоминаний — и своих воспоминаний детства, еще осененного «старыми

липами», еще делеемого остатками былого помещичьего довольства, и воспоминаний семьи и всей своей среды об этом быллом довольстве и красоте, благообразии и гармонии жизни. «Дух этой среды, романтизированный моим воображением, казался мне тем прекраснее, что навеки исчезал на моих глазах...»

Поэзия, литературный труд представлялись молодому Бунину как единственно надежное убежище от «ужаса» и «низости», ожидавшего его, недоучившегося гимназиста, «недоросля из дворян», в перспективе жизни. И не только и не столько в материально-правовом отношении, сколько в смысле избежания духовного убожества и пошлости буржуазного мира.

Великая русская литература, по понятиям Бунина, была знаменем дворянства, его культуры, его роли в исторической жизни общества. Смолоду Бунин уважительно отзывался о поэзии Некрасова, пишет восторженную рецензию на стихотворения И. С. Никитина, противопоставляя его здоровый, «дворницкий» реализм декадентствующим современникам. Но с годами он все далее отходит от этих настроений своей молодости. В интервью газете «Голос Москвы» в 1912 Бунин говорит об эволюции своих идейно-политических взглядов или увлечений молодости: «Прошел я не очень долгое народничество, затем толстовство, теперь тяготею больше всего к социал-демократам, хотя сторонюсь всякой партийности».

В «Жизни Арсеньева» Бунин пишет: «Я просто не мог слушать... когда мне проповедовали, что весь смысл жизни заключается “в работе на пользу общества”, т. е. мужика или рабочего. Я из себя выходил: как, я должен принести себя в жертву какому-нибудь вечно пьяному слесарю или безлошадному Климу, да и Климу-то не живому, а собирательному... в то время как я действительно любил и люблю некоторых своих батуриных Климов всем сердцем и последнюю копейку готов отдать какому-нибудь бродячему пыльщику...»

Несомненно, что «своего батуриного Клима» Бунин любит, готов всячески помочь ему и даже защитить его — все это не расходится с этикой гуманного помещика, несущего «отеческую» заботу о «своем Климе».

Дело в том, что «свой батуриный Клим», изображенный художником в правдивых чертах его бытия и сознания, он уже тем самым становится «собирательным Климом», от этого не уйти, если не уходить от правды жизни, не фальшивить, не лгать. Подлинный художник менее всего волен исказить реальную действительность в соответствии со своими более или менее прочными, но далекими от истины взглядами и убеждениями.

Бунинские образы крестьян и крестьянок наделены такими чертами индивидуальности, что мы, как это бывает только при соприкосновении с настоящим художником, забываем, что это литературные персонажи, плод фантазии автора. Когда Анисья Минаева («Веселый двор»), покинув пустую избу, в полуобмороке от истощения бредет в жаркий, цветущий летний день за двадцать верст к сыну, пустоболту и бродяге, пристроившемуся наконец на «место» в лесной караулке, она для нас как бы не литературный персонаж, а именно та, живая Анисья, каким-то чудом из горькой, мученической своей и безгласной, безвестной жизни занесенная на страницы книги. Ее материнская печаль и материнская нежность к беспутному сыну, оставившему мать без крошки хлеба, ее страдания вызывают у нас прежде всего не восхищение мастерски написанным портретом, а

просто душевный порыв, страстное желание помочь этой бедной женщине, накормить, приютить ее старость. Но вместе с тем эта женщина, бредущая проселками и полями, шатающаяся от слабости, жующая какие-то травинки («Горюх еще и не наливался. Кабы налился, наелась бы досыта и не увидал бы никто»), предстает нам и как образ всей нищей «оголодавшей» деревенской Руси, бредущей среди своих плодородных полей, плутающей по межам и стежкам.

Эта дорога матери к сыну, к слову сказать, написана так, что остается в памяти как одна из самых потрясающих страниц русской классической прозы, и нечего пытаться переказать своими словами «основное содержание таких страниц: в них все так плотно, так слитно и незаменимо, что нет, кажется, ни одной строки, ни одной ноты их музыкального течения вне этого “основного содержания”».

В отношении людей мужичьего мира в дореволюционных деревенских вещах Бунина все симпатии и неподдельное сочувствие художника на стороне бедных, изнуренных безнадёжной нуждой, голодом (почти все его деревенские герои, между прочим, постоянно хотят есть, мечтают о еде — о краюхе хлеба, луковице, картошке с солью), унижениями от власть или капитал имущих. В них его особо трогают покорность судьбе, терпение и стоицизм во всех испытаниях голода и холода, нравственная чистота, вера в Бога, простодушные сожаления о прошлом. К людям, так или иначе уже порывающим с этим исконным крестьянским миром, узнавшим соблазн отхожих заработков на фабрике, в городе, на железной дороге, недовольным, непоседливым и «вольным на слова» с их идеалом: «не пахать, не косить, девкам жамки носить...» — Бунин беспощаден. Дениска из «Деревни» — один из таких ненавистных Бунину людей.

Бунин любит изображать людей пожилых и старых, близких ему памятью о прошлом, которое они склонны видеть больше с хорошей стороны, забывая обо всем дурном и жестоким, — близких и своей душевной настроенностью, чувством природы, складом речи, куда более поэтичным, чем у молодых с их развязностью на городской манер, непочтительностью и цинизмом.

Светел и трогателен батрак Аверкий, добр и благороден Захар Воробьев, простодушный и милый деревенский богатырь. Замечателен и портрет своего рода сельской знаменитости стовосьмилетнего Таганка, которого в семье уже забывают накормить или сменить ему рубаху. Образ этой крестьянской старости с ее покинутостью и беззащитностью, с униженной в лице ее самой человеческой природой («За пять-то годов вошь съест. А то пажил бы»), опять же независимо от воли художника, предъявляет страшный счет обществу, социальному устройству жизни, он взывает к справедливости.

Еще в 1903 Бунин чутким ухом художника хорошо слышал те новые интонации в крестьянских голосах, которые уже не только не оставляли сомнений относительно противопомещичьих настроений, но были явными признаками предгрозового времени. Достаточно напомнить о таких рассказах, как «Золотое дно» или «Сны», печатавшихся в сборнике «Знание» под общим заглавием «Чернозем» и очень высоко оцененных скупым на похвалы Чеховым.

Свидетельство художника о назревающих в канун революции настроениях крестьянской массы тем более значительно, что художник этот был не только далек от революционных взглядов, но всей душой связан с тем миром помещичьих усадеб, для которых «красные петухи, упо-

мянутые в «Снах», были грозным, памятным со времен пугачевщины знаменем.

Чуткость и острота восприятия Буниным процессов, происходивших в деревне в канун, во время и после революции 1905, пожалуй, нигде не складывается в такой недвусмысленности, как в главном произведении его «деревенского цикла» — повести «Деревня».

«Деревня» перенасыщена материалом действительности, современным первой русской революции, отголосками общероссийских политических событий, толками, слухами, предположениями, полными бурных надежд и горьких разочарований тех лет. Здесь все: и пылающие вдалеке помещичьи усадьбы, и попытка мужицкого самоуправления в самой Дурновке, принадлежавшей теперь Тихону Красову, правнуку крепостного, затравленного борзыми помещика Дурново; и «озорство» на дорогах, и бегство помещиков в города, и казаки сотни, вызванные для защиты их, и конституция, и монополия на водку, и рассказы о хитроумных дипломатических маневрах министра «Вити» (Витте), и ночные страхи имущих, и беспечная, разгульная удаль неимущих, и необозримое половецкое народное недовольства, медленно входящее в берега «правопорядка».

В «Деревне» немного героев с именами и прямым участием в событиях, развивающихся в ней, — гораздо больше безымянного сельского и уездного люда, мужиков, покупателей в лавке Тихона Красова, нищих, странников, уездных торговцев, девок и баб на поденщине, ночных сторожей, — и почти все они что-то вспоминают, о чем-то рассказывают, называют множество людей, которые в натуре не появляются на страницах повести.

Сгушение темных красок в изображении деревенской действительности иногда кажется даже переходящим в крайности, в выборочное экспонирование уродств, жестокости, цинизма и кретинизма.

«Повесть моя, — говорил Бунин в своем интервью «Одесскому листку» в 1910, — представляет собою картины деревенской жизни, но, кроме жизни деревни, я хотел нарисовать в ней и картины вообще всей русской жизни».

При всем том, что сказано о «деревенских» вещах Бунина, об отразившейся в них ограниченности взглядов автора, они на поверку оказались более долговечными, чем его произведения, посвященные собственно «вечным» темам — любви, смерти. Эта сторона его творчества, получившая преимущественное развитие в эмигрантский период, не составляет в нем того, что принадлежит в литературе исключительно Бунину. Там реализм его делает заметные уступки модернистским поветриям, т. е. тому, от чего Бунин в своих высказываниях открепивался до конца дней и чему противопоставит все здоровое, земное в произведениях его наиболее продуктивной творческой поры.

Но и во многих лучших вещах, при всем своем эстетическом здоровье, приверженности реалистическим традициям, богатстве жизненного материала, он не свободен от той несколько эстетизированной философичности, которая невольно сближала его с ненавистным ему «модным» искусством упадка. Уже его ранний рассказ «На край света», посвященный расставанию с родными местами переселенцев, отправляющихся с семьями в далекий, неведомый путь на новые земли, заканчивается характернейшей для Бунина апелляцией к бесконечности вселенной и безмолвию исторической древности.

«И только звезды и курганы слушали мертвую тишину степи и дыхание людей, позабывших во сне свое горе и да-

лекие дороги. Но что им, этим вековым молчаливым курганам, до горя или радости каких-то существ, которые проживут мгновение и уступят место другим таким же — снова волноваться и радоваться и так же бесследно исчезнуть с лица земли? Много ночевавших в степи обозов и станов, много людей, много горя и радости видели эти курганы. Одни звезды, может быть, знают, как свято человеческое горе!» Этой красивой концовкой вдруг как бы снимается вся острота ответа на земной вопрос о бедственной крестьянской судьбе, о безмерных народных страданиях.

«Звезды» и «курганы», безмолвно взирающие на муравьиные беды и печали людей, становятся неизменными атрибутами всей бунинской поэзии. В самом деле: о чем толковать, о чем хлопотать и тревожиться перед лицом вселенной и вечности, перед лицом неизбежной смерти?

«Люди совсем не одинаково чувствительны к смерти, — говорит Бунин в «Жизни Арсеньева». — Есть люди, что весь век живут под ее знаком, с младенчества имеют обостренное чувство смерти (чаще всего в силу столь же обостренного чувства жизни)... Вот к подобным людям принадлежу и я».

Основное настроение стихотворной лирики Бунина — элегичность, созерцательность, грусть как привычное душевное состояние. И пусть, по Бунину, это чувство грусти не что иное, как желание радости, естественное, здоровое чувство, но у него любая, самая радостная картина мира неизменно вызывает такое состояние души.

Я не знаю ни у кого из русских поэтов такого неотступного чувства возраста «лирического героя», — он как бы не сводит глаз с песочных часов своей жизни, следя за необратимо убегающей струйкой времени. Все ценнейшее, сладчайшее в жизни он видит, только когда оно становится воспоминанием минувшего.

И тебя так нежно я любил,
Как меня когда-то ты любила...

Все как было. Только жизнь прошла...

Правда, поэзии Бунина в высшей степени присуще постоянное стремление найти в мире «сочетанье прекрасного и вечного», обрести желанную непреходящую, укрепиться хотя бы в чувстве вселенского и, так сказать, всевременного единства жизни, слиться с этим единством, раствориться в круговороте природы, в смене бесконечной чреды веков.

Пройдет моя весна, и этот день пройдет,
Но весело бродить и знать, что все проходит,
Меж тем как счастье жить веками не умрет...

Смерть и любовь — почти неизменные мотивы бунинской поэзии в стихах и прозе. Любовь — причем любовь земная, телесная, человеческая — может быть, единственное возмещение всех недостатков, всей неполноты, обманчивости и горечи жизни. Но любовь чаще всего непосредственно смыкается со смертью и даже как бы одухотворена ее близостью в своей краткости и обреченности. Любовные сюжеты у Бунина чаще всего разрешаются смертью. Иногда такие развязки любовных историй кажутся даже искусственными, неожиданными эпилогами, как, напр., в «Лике».

Бунину представляется пошлым развитие любви в браке, в семье. В той же «Лике» герой со страхом и возмущением думает о возможности появления у них с возлюбленной детей — тут конец любви и вообще «ужас и низость», как в перспективе мелкочиновничьей карьеры, нарисо-

ванной поэту в юности старшим братом и заставившей его разрыдаться.

Смерть как завершение любви предпочтительнее «пошлости», возвращения к будничной реальности после «солнечного удара», негданной встречи или законного брака после первоначальной запретной близости. Любовь, продолжающуюся в браке, даже в старости способную на верность и нежность, Бунин замечает только у простых людей, — напр., у батрака Аверкия и его старухи, на руках которой он умирает.

В чеховской «Даме с собачкой», где в самом заглавии объявлено нечто пошловатое, любовная история начинается с заурядного курортного знакомства, с незамедлительной близости, которая и не предполагает быть ничем иным, как курортным эпизодом. Но этот эпизод, вопреки обычной, утвержденной в мировой литературе схеме — в начале красота и восторг зарождающегося чувства, в конце скука и пошлость, — этот эпизод вырастает в настоящее большое чувство, противостоящее пошлости и ханжеству и бросающее им вызов.

Бунину чуждо подобное решение любовной коллизии, у него любовь по самой своей сути обречена, в конце концов, либо на пошлость, либо на смерть.

Перед лицом любви и смерти, по Бунину, стираются сами собой социальные, классовые, имущественные грани, разделяющие людей — перед ними все равны. Аверкий из «Худой травы» умирает в углу своей бедной избы; безмятный господин из Сан-Франциско умирает, только что собравшись хорошо пообедать в ресторане первоклассного отеля на побережье теплого моря. Но смерть одинаково ужасна своей неотвратимостью. Между прочим, когда этот наиболее известный из бунинских рассказов толкуют только в смысле обличения капитализма и символического предвестия его гибели, то как бы упускают из виду, что для автора гораздо важнее мысль о подверженности и миллионера общему концу, о ничтожности и эфемерности его могущества перед лицом одинакового для всех смертных итога.

Суходольская дворовая девушка Наталья, безумно влюбившаяся в молодого барина Петра Петровича, крадет принадлежащее ему зеркальце, крадет, не сознавая своего поступка, и, жестоко наказанная этим же Петром Петровичем, остриженная и с позором отправленная на дальний пустынный хутор пасти гусей, до конца жизни преданно обожает его, молится за него. И здесь главное для Бунина не в бесчеловечной жестокости крепостных времен, хотя он и не смягчает ее, а в этой удивительной способности простой крестьянки на такую большую, безответную и самоотверженную любовь, перед властью которой все равны. Так, барин из «Грамматика любви», влюбленный в свою крепостную и имевший от нее сына, после смерти ее сходит от любви с ума, создает в доме своеобразный культ памяти покойной возлюбленной и умирает с ее именем на устах.

Среди написанного Буниным в эмиграции много прекрасных в целом произведений или страниц, ради которых можно принять и менее значительные, и даже просто отмеченные знаком возраста, естественного угасания сил художника. Но когда читаешь подряд его вещи эмигрантского периода, то при всем их мастерстве, отделанности, доведенной до высшей степени, невозможно отстранить впечатление, что ты это уже читал раньше, что художник извлекает из своей памяти недосказанные прежде подробности, а иногда и просто повторяется.

Еще по дореволюционной автобиографии писателя известен трогательный эпизод, где юноша Бунин возвращается с почты, перечитывая в полученном там журнале свое первое напечатанное стихотворение, и по дороге через лесок собирает ландыши. Этот же эпизод рассказан, с некоторыми изменениями, и в «Арсеньеве», и ему же посвящено стихотворение «Ландыш»...

Но это еще не предмет для упрека художнику — могут быть излюбленные мотивы, к которым он не раз и не два возвращается. Хуже, когда он возвращается к написанным вещам, поправляя их в соответствии со своими позднейшими настроениями и взглядами.

В. Набоков, представитель верхушечной части эмиграции, литератор, пишущий на английском языке, в своей автобиографической книге «Другие берега», переведенной им самим на русский, рассказывает, между прочим, о встречах с Буниным. «Его болезненно занимали текучесть времени, старость, смерть...» Со снисходительной иронией сноба и космополита Набоков рассказывает, как Бунин пригласил его в ресторан (это было вскоре после Нобелевской премии) «для задушевной беседы». «К сожалению, — пишет Набоков, — я не терплю ресторанов, водочки, закусок, музыки — и задушевных бесед... К концу обеда нам уже было невыносимо скучно друг с другом».

В заключение Набоков незаметно переходит на пародирование бунинского стиля, выказывая, как и положено эпигону, незаурядные способности к имитации: «...в общем до искусства мы с ним никогда и не договорились, а теперь поздно, и герой выходит в очередной сад, и польхают зарницы, а потом он едет на станцию, и звезды грозно и дивно горят на гробовом бархате, и чем-то горьковатым пахнет с полей, и в бесконечно отзывчивом отдалении нашей молодости отпевают ночь петухи».

Легко себе представить, на какой холод и отчужденность натолкнулся старый писатель в лице этого младшего своего современника и бывшего соотечественника. Человеку преуспевающему, довольному собой, рисующемуся тем, что, мол, занятия энтомологией, открытие на земном шаре нового, еще одного вида бабочек, составляют большой предмет его честолюбия, чем литература, — этому человеку, отказавшемуся даже от родного языка, не понять было мучительной тоски настоящего поэта по родной земле, ее степям и речкам, перелескам и овражкам, снегам и ранней весенней зелени, по родной речи в ее живом народном звучании.

Бунин родился, вырос и определился как художническая натура «в том плодородном Подстепье, где древние московские цари, в целях защиты государства от набегов южных татар, создавали заслоны из поселенцев различных русских областей, где благодаря этому образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым и Толстым» («Автобиографические заметки»).

У него не было возможности явиться в литературу первооткрывателем неизвестных до него этнографических богатств родного края — ландшафта, народных типов, социально-исторических особенностей, как, напр., у *Мамына-Сибиряка* с его горнорудным и заводским Уралом, где новизна жизненного материала сама по себе имела ценность оригинальности даже при более или менее неприятельной форме. Усадебная, полевая и лесная флора Орловщины, типы мужиков и помещиков этой полосы были не в новинку русской литературе уже со времен «Записок охотника». Но это была его родная полоса, он ее по-своему

и задолго до знакомства с литературными ее отражениями воспринял, впитал в себя, а этот золотой запас впечатлений детства и юности достается художнику на всю жизнь. Он может многообразно приумножать его накоплением позднейших наблюдений, изучением жизни в натуре и по книгам, но заменить эту основу основ поэтического постижения мира невозможно ничем, как невозможно заменить в своей памяти родную мать другой, хотя бы и самой прекрасной женщиной.

Бесспорная и непреходящая художническая заслуга Бунина прежде всего в развитии им и доведении до высокого совершенства чисто русского и получившего всемирное признание жанра рассказа или небольшой повести той свободной и необычайно емкой композиции, которая избегает строгой оконтуренности сюжетом, возникает как бы непосредственно из наблюденного художником жизненного явления или характера и чаще всего не имеет «замкнутой» концовки, ставящей точку за полным разрешением поднятого вопроса или проблемы. Возникнув из живой жизни, конечно, преображенной и обобщенной творческой мыслью художника, эти произведения русской прозы в своих концовках стремятся как бы сомкнуться с той же действительностью, откуда вышли, и раствориться в ней, оставляя читателю широкий простор для мысленного продолжения их, для додумывания, «доследования» затронутых в них человеческих судеб, идей и вопросов. Может быть, зарождение этого жанра прослеживается и из большей глубины по времени, но ближайшим классическим образцом его являются, конечно, «Записки охотника».

В наиболее развитом виде эта русская форма связывается с именем Чехова, одного из трех «кумиров» Бунина в литературе (первые два — Пушкин и Толстой).

Бунин, как и Чехов, в своих рассказах и повестях пленяет читателя иными средствами, чем внешняя занимательность, «загадочность» ситуации, заведомая исключительность персонажей. Он приковывает вдруг наше внимание к тому, что как бы совершенно обычно, доступно будничному опыту нашей жизни, мимо чего мы столько раз проходили, не остановившись и не удивившись, и так бы и не отметили для себя никогда без его, художника, подсказки. И подсказка эта нисколько не унижает нас, как на экзамене, — она является в форме нашего собственного, совместного с художником открытия. Отсюда — наше повышающее самооценку чувство равенства с художником в чуткости, прозорливости, тонкой догадке. Словом, это и есть тот контакт читателя с писателем, приобщение некоему волнующему секрету, известному только им двоим, которые означают, что их встреча произошла при посредстве настоящего художественного произведения.

О взаимоотношениях художника со временем можно сказать, что он никогда не бывает влюблен только в свое, нынешнее время без некоего идеального образца в прошлом. Художнику дороги те черты его времени, которые связывают его время с предшествующим, продолжают традиционную красоту его, сообщают настоящему глубину и прочность. В любой новизне своего времени художник ищет связей с милой его сердцу «старинной». Слабый художник при этом впадает в обычный грех идеализации прошлого и противопоставления его настоящему. У сильного художника лишь обостряется чувство новизны, которая может ему представляться неполноценной, лишенной красоты, уродливой, неправомерной исторически, но она для него реальность, на которую закрыть глаза он не может.

Идеалом Бунина в прошлом была пора расцвета дворянской культуры, устойчивости усадебного быта, за дымкой времени как бы утрачивавшего характер жестокости, бесчеловечности крепостнических отношений, на которых покоилась вся красота, вся поэзия того времени. Но как бы ни любил он ту эпоху, как бы ни желал родиться и прожить в ней всю свою жизнь, будучи ее плотью и кровью, ее любящим сыном и певцом, как художник он не мог обходиться одним этим миром сладких мечтаний. Он принадлежал своему времени с его неблагоприятием, дисгармоничностью и неуютностью, и мало кому давалась такая зоркость на реальные черты действительности, бесповоротно разрушавшей все красоты мира, бесконечно дорогого ему по заветным семейным преданиям и по образцам искусства.

Из всех ценностей того уходящего мира оставалась прелесть природы, менее заметно, чем общественная жизнь, изменяющейся во времени и повторяемостью своих явлений, создающей иллюзию «вечности» и непреходящести, по крайней мере, хоть этой радости жизни. Отсюда — особо обостренное чувство природы и величайшее мастерство изображения ее в поэзии Бунина. Особыми чарами обладают его описания времен года со всеми неуловимыми оттенками света на стыках дня и ночи, на утренних и вечерних зорях, в саду, на деревенской улице и в поле.

Бунин — не просто мастер необычайно точных и тонких запечатлений природы. Он великий знаток «механизма» человеческой памяти, в любую пору года и в любом нашем возрасте властно вызывающий в нашей душе канувшие в небытие часы и мгновения, сообщающий им новое и новое повторное бытие и тем самым позволяющий нам охватить нашу жизнь на земле в ее полноте и цельности, а не ощущать ее только быстрой, бесследной и безвозвратной пробежкой по годам и десятилетиям...

По части красок, звуков и запахов, «всего того, — выражаясь словами Бунина, — чувственного, вещественного, из чего создан мир», предшествующая и современная ему литература не касалась таких, как у него, тончайших и разительнейших подробностей, деталей, оттенков.

В старости Бунин вспоминал в своей насквозь автобиографической «Жизни Арсеньева»: «...зрение у меня было такое, что я видел все семь звезд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пынел, обоняя запах ландыша или старой книги...» Поистине «внешние чувства» как средства проникновенного постижения чувственного мира у него были феноменальны от рождения, но еще и необычайно развиты с юных лет постоянным упражнением уже в чисто художнических целях.

Звяканье гайки, ослабшей на конце оси дрожек, — такая это случайная, необязательная мелочь, но из-за этого звука мы запоминаем столь значительный приезд мешанина — арендатора барских садов в разоряющуюся усадьбу, даже забыв его имя. Шум кустов под ветром, «как будто бегущих куда-то», — именно бегущих куда-то, это и нам так всегда казалось, а Бунин только напомнил, — шум, паразитический по выражению глубокой печали какого-то пастушеского полевого одиночества и сиротства. Отличить «запах росистого лопуха от запаха сырой травы» — это дано далеко не каждому, кто и родился, и вырос, и жизнь прожил у этих лопухов и этой травы, но, услышав о таком различении, тотчас согласится, что оно точно и ему самому памятно.

О запахах в стихах и прозе Бунина стоило бы написать отдельно и подробно — они играют исключительную роль

среди др. его средств распознавания и живописания мира сущего, места и времени, социальной принадлежности и характера изображаемых людей. Исключительно «душистый», элегически-раздумчивый рассказ «Антоновские яблоки» как бы непосредственно наваян автору запахом этих плодов осеннего сада, лежащих в ящике письменного стола в кабинете с окнами на шумную городскую улицу. Он полон этих яблочных запахов «меда и осенней свежести» и поэзии прощания с прошлым, откуда лишь доносится старинная песня подгулявших «на последние деньги» обитателей степных захолустных усадеб.

Помимо густо наполняющих все его сочинения запахов, при-сущих временам года, деревенскому циклу полевых и иных работ, запахов, знакомых нам и по описаниям других, — талого снега, весенней воды, цветов, травы, листвы; пашни, сена, хлеба, огородов и т. п., — Бунин слышит и запоминает еще множество запахов, свойственных, так сказать, историческому времени, эпохе. Это запахи веничков из перекати-поле, которыми в старину чистили платье; плесени и сырости испленного барского дома; курной избы; серных спичек и махорки; вонючей воды из водовозки; москательных товаров, ванили и рогожи в лавках торгового села; воска и дешевого ладана; каменноугольного дыма в хлебных степных просторах, пересеченных железной дорогой... А за выходом из этого деревенского и усадебного мира в города, столицы, заграничи и далекие экзотические моря и земли — еще множество др. разительных и памятных запахов.

Бунин, как, может быть, никто из русских писателей, исключая, конечно, Л. Толстого, знает природу своего Подстепья, видит, и слышит, и обоняет во всех неуловимых переходах и изменениях времен года и сад, и поле, и пруд, и реку, и лес, и овражек, заросший кустами дубняка и орешника, и проселочную дорогу, и старинный тракт, обезлюдивший с прокладкой «чугунки». Бунин предельно конкретен и точен в деталях и подробностях описаний. Он никогда не скажет, напр., подобно некоторым современным писателям, что кто-то присел или прилег отдохнуть под деревом, — он непременно назовет это дерево, как и птицу, чей голос или шум полета послышатся в рассказе. Он знает все травы, цветы, полевые и садовые, он большой, между прочим, знаток лошадей и их статей, красоте, норову часто уделяет короткие, запоминающиеся характеристики. Все это придает его прозе, да и стихам, особо подкупающий характер невиданности, подлинности, неуываемой ценности художнического свидетельства о земле, по которой он ходил.

Бунин отлично, с детских лет, по крови, так сказать, знал всякую охоту, но не был таким уж завзятым охотником. Он редко остается один в лесу или в поле, разве что скачет куда-нибудь верхом или бродит пешком — с ружьем или без ружья — в дни одолевающих его раздумий и смячений. Его тянет и в заброшенную усадьбу, и на деревенскую улицу, и в любую избу, и в сельскую лавку, и в кузницу, и на мельницу, и на ярмарку, и на покос к мужикам, и на гумно, где работает молотилка, и на постоялый двор — словом, туда, где люди, где копошится, поет и плачет, бранится и спорит, пьет и ест, справляет свадьбы и поминки пестрая, взбаламученная жизнь поздней пореформенной поры.

Бунин, как мало кто до него в русской литературе, знает житье-бытье, нужды, житейские расчеты и мечтания и мелкопоместной барина, часто стоящего уже на грани самой настоящей бедности, и «оголодавшего» мужика, и тучнее-щего, набирающего силу сельского торгаша, и попа с при-

чтом, и мешанина, скупщика или арендатора, шныряющего по деревням в чайнии «оборота», и бедняка учителя, и сельских властей, и барышников, и пришлых с севера, из еще более оголодавших губерний бродячих портных, шорников, косцов, пыльщиков. Он показывает быт, жилье, еду и одежду, ухватки и повадки всего этого разношерстного люда в наглядности, порой близкой к натурализму, но как истинный художник всегда знает край, меру — у него нет подробностей ради подробностей, они всегда служат основой музыки, настроению и мысли рассказа.

Нельзя не остановиться на той отчетливо выраженной у Бунина индивидуальности письма, по какой вообще в русской прозе различаются ее великие мастера — на особой музыкальной организации, если можно так выразиться, этого письма. Мы знаем эту опознавательную в отношении великих наших мастеров особенность: *Гоголя*, *Тургенева*, Толстого, Чехова развитой читатель узнает и отличит на слух с полустраницы, прежде того, как уловит детали содержания. Это та музыка, связующая отдельные слова в предложении, предложения в периоде, периоды в главе, главы в дальнейшем укрупненном членении повествования, которую читатель сознательно или бессознательно принимает и невольно следует ей.

Природа высокой музыкальной организации прозы — в ритмической основе живой человеческой речи со всеми интонациями, соответствующими предмету ее и степени эмоционального наполнения.

В одной из самых ранних вещей Бунина, в рассказе «На край света», с большим успехом прочитанном автором в Петербурге на литературном вечере в пользу переселенцев, уже с определенностью звучит музыка бунинской прозы.

И главное в этом рассказе, содержащем в себе лишь один-два намека на индивидуальные судьбы, — это вовсе и не рассказ с точки зрения даже свободных понятий жанра, — главное в нем — эта негромкая, сдержанная, но густая, глубокая музыка народной трагедии. Его невозможно цитировать, этот скорбный и торжественно-строгий рассказ, потому что, выбирая из него отдельные строки, прерываешь удивительно целостную его тональность, и сами эти строки, выпадая из нее, утрачивают в своем звучании, деревенют.

Но это маленький, в три-четыре странички рассказ молодого, в сущности, как мы говорим, начинающего писателя. А вот крупнейшее произведение зрелого таланта — «Деревня». Она уже основной своей музыкой выделяется из всей прозы Бунина. В противоположность различным вариациям лирико-раздумчивой, замедленной и как бы однозвучной интонации др. вещей, здесь с первой строки пролога взят строгий и жесткий ритм: «Прадела Красовых, прозванного на дворе Цыганом, затравил борзыми барин Дурново...» И вся повесть идет в энергическом, нервном, необычном для прежнего Бунина темпе.

Бунин вошел в русскую литературу со своей музыкой прозаического письма, которую не спутаешь ни с чьей иной. Говорят, что так четко определяется ритмически в прозе помогло ему то, что он еще и поэт-стихотворец, всю жизнь писавший наравне с прозой стихи, переводивший западную поэзию. Но это необязательное условие. У Бунина, превосходного поэта, стихи все же занимают подчиненное положение. Толстой же и Чехов никогда не писали стихов, но кто может отрицать магическую — свою особую у того и другого — музыку их прозаической речи?

Бунин всегда осознавал и в своих суждениях подчеркивал эту музыкальную сторону прозаического письма. В интервью «Московской газете» в 1912 он говорит, что вообще не принимает «деления художественной литературы на стихи и прозу». Поэтическое единство прозаической и стихотворной речи он видит в сближении их основных особенностей и взаимном обогащении: «...Поэтический язык (в смысле стихотворный. — А. Т.) должен приближаться к простоте и естественности разговорной речи, а прозаическому слогу должна быть усвоена музыкальность и гибкость стиха».

Стихи Бунина, при их строгой традиционной форме, густо оснащены элементами, характерными для его прозы: живыми интонациями народной речи, необычными для стихов того времени реалистическими деталями описаний природы, быта деревни и мелкопоместной усадьбы. В них можно встретить такие немислимые, по канонам «высокой поэзии», прозаические подробности, как тазы, подставляемые под каплю с потолка в запущенном барском доме с дырявой крышей («Дворецкий»), или «ключья шерсти и помет» на месте волчьих свадеб в зимней степи («Сапсан»).

Однако если вообще проза и стихи являются из двух основных источников всякого настоящего искусства — из впечатлений живой жизни и опыта самого искусства, то о стихах Бунина можно сказать, что они более наглядно, чем его проза, несут на себе отпечаток традиционной классической формы. Не забудем, что Пушкин, Лермонтов и др. русские поэты пришли к Бунину не через посредство школы и даже не через посредство книги самой по себе, а восприняты и впитаны в раннем ребячестве, может быть, еще до овладения грамотой, из поэтической атмосферы родного дома. Они его застали в детской, были семейными святынями, на их портреты он «смотрел как на фамильные». Поэзия была частью живой действительности детства, влиявшей на душу ребенка, определявшей его склонности и дорогие на всю жизнь эстетические пристрастия. Образы поэзии имели для него такую же личную, интимную ценность впечатлений детства, как и окружающая его природа и все «открытия мира», сделанные в этом возрасте.

Только самого раннего Бунина коснулись влияния современной ему поэзии. В дальнейшем он наглухо отгораживается от всяческих модных поветрий в поэзии, держась образцов Пушкина и Лермонтова, *Баратынского* и *Тютчева*, а также *Фета* и отчасти *Полонского*, но оставаясь всегда самобытным.

Конечно, неверно было бы думать, что он так-таки ничего и не воспринял в своем стихе от виднейших поэтов его времени, которых он всю жизнь ругал, оценивая всех вкуче и как бы не видя разницы между *Бальмонтом* и *Северяниным*, *Брюсовым* и *Гиппиус*, *Блоком* и *Городецким*.

В развитии русского стиха заслуги символистов бесспорны. Они расширили ритмические возможности стиха, много сделали по части его музыкального оснащения, обновления рифмы и т. п. Бунин не смог бы стать тем, чем он стал в поэзии, если бы только буквально следовал классическим образцам. И неверно, когда говорят, что стихи его будто бы ритмически однообразны, однотонны. Он вовсе не чужд и таким ритмическим поискам, которые выходят далеко за пределы привычных звучаний, напр.:

Как все спокойно и как все открыто...

Это ближе всего к уникальному в русской поэзии ритму тютчевского «Как хорошо ты, о море ночное...»

Наиболее жизнестойкая часть стихотворной поэзии Бунина, как и в его прозе, — это лирика родных мест, мотивы деревенской и усадебной жизни, тонкая живопись природы.

Уже менее трогают стихи, посвященные темам экзотического Востока, античности, библейским мотивам или сюжетам древних мифологий, былинно-сказочной русской старине, хотя и здесь остается в силе редкостной выразительности бунинский язык.

Без похвал этому языку, как, впрочем, и описаниям природы, не обходится ни одно высказывание о Бунине. Рассказывают, что, слыша похвалы своему языку, Бунин обычно отшучивался: «Какой такой особый язык у меня; пишу русским языком, язык, конечно, замечательный, но я-то тут при чем?» И хотя за этой шуткой чувствуется горечь художника, которому всегда обидно, так сказать, выборочное признание его достоинств, но по существу это очень верно, что у писателя не может быть иного языка, чем его родной язык, язык его народа. Однако у писателя не только может, но и должен быть язык иной, чем у др. писателей. И сам Бунин умел строго различать и предпочитать язык одних языку др. мастеров слов.

«Хороший колоритный язык народа средней полосы России, — говорил он в 1911, — я нахожу только у *Г. Успенского* и *Л. Толстого*. Что касается ухищрений и стилизации под народную речь модернистов, то это я считаю отвратительным варварством».

Нужно отдать должное его объективности, в данном случае в оценке языка. Он приравнивает чуждого ему по идейной направленности *Г. Успенского* к одному из своих трех «кумиров» — *Л. Толстому*. Язык Бунина — это язык, сложившийся на основе орловско-курского говора, разработанный и освященный в русской литературе целым созвездием писателей — уроженцев этих мест. Язык этот не поражает нас необычностью звучания — даже местные слова и целые выражения выступают в нем уже узаконенными, как бы искони присущими русской литературной речи.

Местные слова, употребляемые с тонким умением и безошибочным тактом, сообщают стихам и прозе Бунина исключительную земную прелесть и как бы ограждают их от «литературы» — всякого рифмованного и нерифмованного сочинительства, лишённого теплой крови живого народного языка.

«Обломный ливень» — непривычному слуху странен этот эпитет, но сколько в нем выразительной силы, дающей почти физическое впечатление внезапного летнего ливня, что вдруг хлынет потоками на землю, точно с обломившегося под ним неба.

«Листва муругая» для большинства читателей как будто бы требует пояснительной сноски — какой это цвет, муругий? Но из целостной картины, нарисованной в небольшом и прекрасном стихотворении «Зазимок», и без пояснений очевидно, что речь идет о поздней, жесткой, хваченной морозами, коричневатой листве степных дубняков, гонимой свирепым ветром зазимка.

Точно так же редкое, почти неизвестное в литературном обиходе слово «грудки» совершенно не нуждается в пояснении, когда мы его встречаем на своем месте: «Смерзшиеся грудки со стуком летели из-под кованых копыт в передок саней». Но слово-то какое звучное, весомое и обильное — без него куда беднее было бы описание зимней дороги.

Заятно, что в цейлонском рассказе «Братья» Бунин называет туземную пирогу уж слишком по-русски — дубок, и, однако, это не портит колорита тропического островного

побережья: что пирога, что дубок — это долбленная из цельного ствола лодка, и словечко это только как бы напоминает, что этот рассказ, такой далекий по содержанию от орловско-курской земли, пишет русский писатель.

В «Господине из Сан-Франциско» этот певец русских степных просторов, несравненный мастер живописания родной природы, свободно и уверенно ведет за собой читателя по комфортабельным салонам, танцалам и барам океанского парохода — по тем временам являвшего собой чудо техники. Он спускается с ним к «мрачным и знойным недрам преисподней... подводной утробе парохода... где глухо гоготали исполинские топки, пожиравшие своими раскаленными зевами груды каменного угля, с грохотом ввергаемого в них облитыми едким, грязным потом и по пояс голыми людьми, багровыми от пламени».

Попробуйте заменить это простонародное, почти вулгарное слово «гоготали» правильным «хохотали» — и сразу ослабевает адское напряжение этих котлов, утрашающая мощь пламени, от которой содрогается подводная часть корпуса парохода-гиганта, сразу утрачивается сила остальных слов о полуголых людях, загружающих топку углем... А слово-то взято опять же из запасов детской и юношеской памяти, из того мира, откуда вышел художник в свои далекие плаванья.

Бунина нельзя не любить и не ценить за его строгое мастерство, за дисциплину строки — ни одной полой или провисающей — каждая как струна, — за труд, не оставляющий следов труда на его страницах. Перо Бунина — ближайший к нам по времени пример подвижнической взыскательности художника, благородной сжатости русского литературного письма, ясности и высокой простоты, чуждой мелкотравчатым ухищрениям формы ради самой формы. Если уж говорить все до конца, так придется сказать и о том, что Бунин иногда бывает чрезмерно густ, как «неразведенный бульон», по замечанию Чехова о ранних его рассказах.

Нужно еще оговориться, что Бунин, конечно, не всегда обладал магией доходчивости, какая была, скажем, у Чехова, равно пленяющего и самого искушенного, и в самой малой степени подготовленного читателя без привлечения примитивных средств занимательности.

Бунин — художник строгий и серьезный, сосредоточенный на своих излюбленных мотивах и мыслях, всякий раз решающий для самого себя некую задачу, а не приходящий к читателю с готовыми и облегченными построениями подобий жизни. Сосредоточенный и углубленно думающий художник, хотя бы он рассказывал о предметах по первой видимости малозначительных, будничных и заурядных, — такой художник вправе рассчитывать и на сосредоточенность, и даже некоторое напряжение, по крайней мере поначалу, со стороны читателя.

Соч.: Собр. соч. М., 1965—67. Т. 1—9.

А. Твардовский

БУНИНА Анна Петровна (7[18].01.1774—4[16].12.1829), поэтесса, переводчица. Родилась в усадьбе с. Урусова Рязанского р-на Рязанской губ. Из древнего дворянского рода, к которому принадлежали *В. А. Жуковский* и *И. А. Бунин*.

Рано лишившись матери, она жила и воспитывалась у тетки, где могла научиться только грамоте. В детстве изумляла всех своими способностями и в 13 лет уже стала писать стихи. До 1802 жила у родственников в деревне, изредка посещая Москву, а в 1802 переселилась в Петербург, что дало ей возможность получить образование и сблизиться с литературными деятелями, из коих П. И. Соколов препода-

вал ей русскую словесность. Первым заметным трудом ее был сокращенный перевод «Правил поэзии» аббата Баттё, «с присовокуплением российского стопосложения, в пользу девиц» (изд. 1808). Книга эта в свое время считалась хорошим руководством. В 1809

вышло собрание ее стихотворений под заглавием «Неопытная муза». Оно обратило на себя внимание государыни Елизаветы Алексеевны, которая назначила поэтессе ежегодный пансион в 400 руб. В 1810 Бунина издала длинную дидактическую поэму «О счастии» в 4 песнях. В 1811 ее избрали членом «Беседы любителей русской словесности», и в том же году ею издан новый сборник стихотворений «Сельские вечера». За

одно из этих стихотворений — «Падающий Фазтэн» Бунина получила от императрицы золотую лиру, осыпанную бриллиантами, для ношения в торжественных случаях на плече. Это — время полного расцвета славы Буниной. В 1812 издана 2-я ч. «Неопытной музыки», а в 1814 она написала «Песнь Александру Великому, победителю Наполеона и восстановителю царств», чем заслужила особенное благоволение Александра Павловича. В 1815 Бунина заболела и была послана для лечения в Англию на казенный счет, но в 1817 вернулась оттуда, не излечившись. В 1819—21 она издала «Собрание стихотворений» и, по поднесении его императору, получила пенсию в 2000 руб. В 1821 Бунина оставила Петербург и остальную жизнь провела в провинции, большей частью в Тамбовской и Рязанской губерниях, занимаясь переводом проповедей Блэра, изданных в 1829 под названием «Нравственные и философские беседы».

Соч.: Собр. стихотворений. Ч. 1—3. СПб., 1819—21.

БУРАЧОК Степан Анисимович (17[29].05.1800—26.12.1876 [7.01.1877]), публицист, критик, прозаик, издатель; кораблестроитель. Сын адмирала

О. И. Бурачка. Родился в с. Заньки Нежинского у. Черниговской губ. Учился в Петербургском училище корабельной архитектуры (1812—15). В 1821—31 возглавлял Астраханское адмиралтейство, провел его реконструкцию. В 1834—64 — преподаватель Петербургского Морского корпуса. Автор ряда трудов по математике и кораблестроению. Закончил службу в чине генерал-лейтенанта корпуса корабельных инженеров.

В 1840—45 — издатель журнала «Маяк современного просвещения и образованности. Труды ученых и литераторов, русских и иностранных». С 1842 — «Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе русской народности». До 1842 Бурачок издавал журнал совместно с *П. А. Корсаковым*, опубликовавшим в «Маяке»

письма из Камчатки и Америки своего дяди Н. П. Резанова, стихи, статьи на религиозно-мистические темы, о «нравственном бесновании» современной литературы («Взгляд на французскую литературу 1840 г.». «Маяк», 1841, ч. 14). В этом отношении, как соредакторы «Маяка», они были единомышленниками, подчеркивая в «Программе издания», что основой нового журнала является «примерная религиозность, глубокая преданность отечеству и царю». Уже после первых номеров «Маяк» приобрел твердую репутацию одного из «самых одиозных, ретроградных изданий» (с точки зрения либерально-космополитической критики того времени). Эти «ярлыки» в адрес издателя «Маяка» и его авторов сохранились и в дальнейшем при возрастании культа имени В. Г. Белинского, основным оппонентом которого в самом начале 40-х был журнал кораблестроителя Бурачка, осмелившегося вести полемику как с «натуральной школой», так и с «торговым направлением» в литературе. Резкой критике подверг Бурачок «Героя нашего времени» за его «кривое» направление и клевету на целое поколение. Бурачок опубликовал на страницах «Маяка» свою повесть «Герои нашего времени» (1845, т. 19), полемически заостренную против «Героя нашего времени» *М. Ю. Лермонтова*. Бурачок противопоставлял Печорину положительных религиозно-нравственных героев. Отрицательные персонажи цитируют *Пушкина* и Лермонтова, а молодая девушка сходит с ума, обманутая офицером, подражавшим Печорину. Постоянным автором журнала был *С. Н. Навроцкий*, отстаивавший в своей драматургии, прозе, публицистике позиции «просвещенного патриотизма». В «Маяке» он опубликовал нравоучительную повесть «Испытание солдатскому сердцу» (1842, т. 6). Ведущим критиком «Маяка» был *А. В. Мартынов*, статьи которого «Замечания на статью о Менцеле, помещенную в „Отечественных записках“» (1842, т. 4), цикл статей «Подробный обзор стихотворений А. С. Пушкина» (1843, т. 7, 9—11), «Застой в русской литературе» (1845, т. 19) вызвали бурную реакцию оппонентов. В «Маяке» публиковались *М. Н. Загоскин*, *А. П. Бацуцкий*, *Н. В. Кукольник*, *Н. А. Полевой*, дебютировали *В. И. Аскоченский*, *В. Р. Зотов*. Близки к журналу по своим религиозным и монархическим взглядам были *А. М. Бакунина*, *А. В. Зражевская* (сестра жены Бурачка). Значительное место занимали публикации известных малороссийских авторов *П. П. Гулак-Артемевского*, *Г. Ф. Квитка-Основьяненко*, *Т. Г. Шевченко*.

В 1845 постоянные убытки заставили Бурачка отказаться от издания «Маяка». Многие из авторов перешли в «*Москвитянин*», сам Бурачок тоже продолжал выступать в печати с резкой критикой католицизма и протестантизма, по др. религиозным вопросам. Кораблестроительная деятельность Бурачка, его научные труды вошли в историю русского флота, а журнал «Маяк» остался одним из первых маяков русской православно-патриотической прессы.

В. К.

БУРНАШЕВ Владимир Петрович (24.07[5.08].1810—31.01[12.02].1888), писатель. Сын орловского вице-губернатора. Литературную работу начал в 1828. Сотрудничал в журналах и газетах различных направлений. В 1832—34 публиковал в газете «*Северная пчела*» по заказу *Н. И. Греча* биографические очерки русских промышленников (под назв. «Отечественная промышленность»). В 1835—38 под псевд. Виктор Бурьянов выпускал книги для детей. Критика высоко оценила первое произведение Бурнашева в этой области — повесть «Русская коса». Сочинения для детей, написанные в форме «бесед» и «прогулок», содержали множество сведений из естественно-научной, этнографической, бытовой и др. областей («Прогулка с детьми по

России». Т. 1—4. 1837) и носили дидактический характер. В 1871—75 Бурнашев печатал воспоминания о 20—40-х (иногда под псевд. Петербургский старожил). В 1886—88 Бурнашев написал под псевд. Вадим Байдаров 6 книг лубочного характера «для народа», гл. обр. на исторические темы: «Сатана в образе красавицы» (СПб., 1886), «Старо-рязанский клад» (СПб., 1886), «Кавалерист-девица Александров-Дурова» (СПб., 1887), «Отечественная война 1812 г.» (СПб., 1888), «Рассказы о народной войне 1812 г.» (СПб., 1888), «Перст Божий» (СПб., 1889).

Соч.: Мое знакомство с Воейковым... // Русский вестник. 1871. № 9—11; Четверги у Н. И. Греча // Заря. 1871. № 4; Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности (1834—50). М., 1873.

БУРЦЕВ-ПРОТОПОПОВ Василий Федорович (?—?), первый русский издатель. Подьячий. В 30—н. 40-х XVII в. работал на московском печатном дворе. Впервые в России стал выпускать массовыми изданиями светские книги: первые русские печатные учебники — азбуки, святцы и календари. В «Букваре» (1634) Бурцев-Протопопов опубликовал стихотворное сочинение «Сия зримая малая книжища...», автором которого, возможно, был он сам. Бурцев-Протопопов положил начало изданию малоформатных книг, используя наиболее совершенные для своего времени способы набора и печатания.

Лит.: Булгаков Ф. И. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. Т. 1. СПб., [1889]; Бахтияров А. А. История книги на Руси. СПб., 1890; Исторический очерк русского книгопечатного дела / Сост. И. Н. Божерянов. СПб., 1895; Книга в России / Под ред. В. Я. Адариюкова и А. А. Сидорова. Т. 1—2. [М., 1924—25]; Либрович С. Ф. История книги в России. [Ч. 1—2]. СПб.; М., 1913—14.

БУСЛАЕВ Петр (?— ск. до 1755), поэт. Учился в московской *Славяно-греко-латинской академии*, был дьяконом в московском Успенском соборе. В 1734 издал поэму «Умозрительство душевное, описанное стихами, о переселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Строгановой Марии Яковлевны», написанную *силлабическим стихом*. Несмотря на обилие архаизмов, язык поэмы отличался ясностью и выразительностью. С похвалой о ней отзывались *В. К. Тредиаковский*, *Н. И. Новиков*, *Н. М. Карамзин*. Тредиаковский сообщил немногие библиографические сведения о Буслаеве.

Соч.: Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. М.; Л., 1935; Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 1. СПб., 1897 (Отд. 3).

В. С.

БУСЛАЕВ Федор Иванович (13[25].04.1818—31.07[12.08].1897), филолог и искусствовед. Окончил Московский университет в 1838. Профессор Московского университета (с 1847), академик (с 1881). Труды Буслаева в области славянорусского языкознания, древнерусской литературы, устного народного творчества и истории древнерусского изобразительного искусства для своего времени составили целую эпоху в развитии науки и в значительной мере сохранили свое значе-

ние в наши дни.

В исследованиях по *русскому языку* Буслаев выступил сторонником сравнительно-исторического метода. Он сопоставлял факты современного русского языка с др. родственными индоевропейскими языками, со старославянским языком, привлекал данные древнерусских памятников письменности и народных говоров. Буслаев стремился установить связь истории языка с жизнью народа, с его нравами, обычаями, преданиями и верованиями («О преподавании отечественного языка». Ч. 1—2. 1844; «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию», 1848; «Историческая грамматика русского языка». Ч. 1—2. 1863 и др.; 1-е издание этого труда вышло под названием «Опыт исторической грамматики русского языка». Ч. 1—2. 1858). Он занимался также филологическим исследованием и изданием древних рукописей («Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из 15 рукописей Московской синодальной библиотеки», 1855; «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков», 1861 и др.).

Капитальный труд Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (т. 1—2, 1861) характеризует его как наиболее яркого и последовательного представителя мифологической школы в русской науке. Буслаев связывает воедино язык, поэзию и мифологию, он рассматривает фольклор как безличное творчество народа, как «осколки древних мифов». Позже Буслаев примкнул к т. н. школе заимствования. Буслаев считал, что родины европейского фольклора является Восток. Ему принадлежат заслуги в области сопоставления фактов устной поэзии с письменной, словесного искусства с изобразительным искусством, в частности с иконописью. Книга «Русский лицевой апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI в. по XIX» (т. 1—2, 1884) доставила Буслаеву мировую известность.

Соч.: Соч. Т. 1—3. СПб.; Л., 1908—30; Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

О. К., Э. П.

БУТКОВ Яков Петрович (1821(?)—28.11[10.12].1856), писатель. Выходец из мещан Саратовской губ. всю жизнь Бутков испытывал острую нужду, умер в бедности. В сборнике рассказов и очерков «Петербургские вершины» (ч. 1—2, 1845—46), посвященных жизни и быту городских низов, преимущественно бедняков-чиновников, сказались характерные черты *натуральной школы*, проявилось сильное влияние «петербургских повестей» *Н. В. Гоголя*. Для Буткова характерны интерес к комическим подробностям, обстоятельность повествования, переходящая часто в натуралистичность. В 1847—49 Бутков сотрудничал в «Отечественных записках», где опубликовал повести и рассказы «Горюн» (1847), «Невский проспект, или Путешествия Нестора Залетаева» (1848), «Странная история» (1849) и др.

Соч. в сб.: Русские повести XIX в. 40—50-х гг. Т. 1. М., 1952.

БУТУРЛИН Петр Дмитриевич (23.03[10.04].1859—24.07[5.08].1895), граф, поэт. Образование получил в Англии. Был дипломатом. Первые стихотворные опыты опубликовал на английском языке («First trials», 1878). В 80—90-е печатался в «Наблюдателе», «Севере», «Всемирной иллюстрации», «Рус-

Соч.: Стихотворения. Киев, 1897.

БЫВАЛЬЩИНА (также былиночка, былъ, быличка), в народном творчестве короткий рассказ сказочного характера о встречах с «нечистой силой», о найденных кладах, о невероятных происшествиях. Бывальщина отличается от сказок своей кажущейся достоверностью, т. е. выглядит как рассказ о каком-либо случае или происшествии, будто бы имевшем место в действительности. Противоположностью бывальщины являются т. н. «небывальщины», «небылицы», расцениваемые самими сказочниками как явная и преднамеренная нелепость.

БЫКОВ Петр Васильевич (20.10[1.11].1844—22.10.1930), писатель, библиограф. Окончил физико-математический факультет Харьковского университета. Начал печататься в 1861. Выступал со стихами, рассказами, статьями. Участвовал в редактировании журналов «Русское богатство» (1881—1900), «Современник» (1911—15), газет «Степь» (1885—86), «Слово» (1904—05). Быков — автор многочисленных биографических очерков о выдающихся литературных деятелях, напечатанных в иллюстрированных журналах, в собраниях сочинений писателей, издававшихся под его редакцией: соч. *А. С. Афанасьева-Чужбинского*, *А. Н. Плещеева*, *М. Л. Михайлова*, *И. В. Омелевского (Федорова)*, *Н. С. Лескова*, *М. Ю. Лермонтова*, *Ф. И. Тютчева* и др. Издания Быкова, как правило, снабжены подробной библиографией. Отдельно издавались библиографии сочинений *Л. А. Мея* (1887), *Н. С. Лескова* (1889) и др. Быкову принадлежат воспоминания о литературной жизни России 2-й пол. XIX в. («Силуэты далекого прошлого», 1930).

Л. М.

БЫКОВА Фекла Ивановна (19.06.1879 — после 1962), сказительница, песенница и вопленица. Была работницей Союзского лесозавода. Жила в Маячном поселке г. Беломорска (Карелия). От Быковой записано фольклористом *К. В. Чистовым* свыше 100 старинных плачей и песен.

БЫЛИННЫЙ СТИХ, древнейшая стихотворная форма эпического творчества русского народа (см.: Былины).

Русские былины представляют собой оригинальнейшее явление в мировой фольклорной литературе как по содержанию, так и по форме. В них с большой силой отразился дух русского народа — независимого, могучего, трудолю-

бивого, сурового и добродушного. Любовь к родине, глубокий историзм, неиссякаемая жизнерадостность — основные черты русских народных былин. Если содержание былин (идейный замысел, сюжет), их композиция (зачин, изложение, концовка) и стиль (образы, сравнения, метафоры, эпитеты, параллелизмы и пр.) изучены исследователями довольно подробно и уже установлены определенные особенности, отличающие былины от др. жанров народной поэзии, то изучение стихотворной формы былин до сих пор остается дискуссионным. В истории исследований стихотворной формы былин наметились три точки зрения. Одни исследователи утверждали, что «наша народная песня, а именно богатырская, не есть определенное стихотворение и не имеет определенного метра, отделяющего его от прозы» (К. Аксаков). Дальнейшего развития и поддержки эта точка зрения не получила. Вторая группа исследователей во главе с выдающимся ученым 1-й пол. XIX в. А. Востоковым (за ним С. Шафранов, частично И. Голохвастов, Н. Греч и др.) доказывала, что народный стих вообще, а былины в частности, есть стих акцентный, что строится он лишь на определенном количестве словесно-логических ударений (2 или 3 на стихотворную строку) и что «стопы» имеются лишь в конце строк, а «начало и середина, — по словам А. Востокова, — не имеют определенного стопосложения». Эта точка зрения на строй русского народного стиха имеет самую большую группу последователей вплоть до наших дней. Наконец, третья группа исследователей, начиная от автора тактовой теории стихотворного ритма А. Кубарева (30-е XIX в.), поддержанного Н. Надеждиным, А. Дубенским, а затем Ф. Коршем, утверждала, что в основе стихосложения русских народных песен и былин лежит своеобразная метрическая система тактового характера. Итак, 3 мнения: 1) стихи былин — это прозаическая речь; 2) русская былина зиждется на акцентной системе стихосложения; 3) русская былина имеет тактовую систему стиха. Говоря объективно, все эти теории русского народного стиха имеют основания для своего сосуществования с той, однако, поправкой, что часть былин действительно построена на интонационно-фразовой основе (*фразовик*), др. часть — на акцентной системе, а третья часть — на тактовом, вернее на тактометрическом, принципе. Отсутствие в русских былинах *силлабо-тонического стихосложения* в том виде, в каком оно представлено стихами русских поэтов от Ломоносова до Брюсова (т. е. ямба, хорей, дактиль и пр.), не дает права отрицать в строении былин метрический принцип. Русская классическая версификация коренным образом отличается от античной своим обязательным равносложием соизмеримых строк. Русские былины резко отличаются своеобразием своих форм от этих двух систем. На протяжении столетий русский народ выработал свои самобытные, оригинальные формы стиха, обусловленные природой самого языка и законами ритма, лежащими в основе гармонических процессов. Именно то обстоятельство, что былины, равно как и др. произведения народного творчества, передавались устно из рода в род, из века в век, через безымянных народных поэтов (сказителей, песенников), говорит об устойчивости народной традиции стихотворных форм, которые совершенствовались от поколения к поколению. Устная эстафета стала решающим фактором в разработке поэтического мастерства былин, своеобразных по своему ритмическому строению.

БЫЛИНЫ, эпические песни, сложенные в Древней Руси XI—XVI вв. о богатырях и добрых молодцах, в которых описываются их подвиги и приключения.

Сам термин «былины» не народного, а литературного происхождения. В народе эти повествования носили названия «старин» или «старинушек», свидетельствуя о своей древности и притязании на достоверность. Термин «былины» впервые использовал И. П. Сахаров в своих «Сказаниях русского народа о семейной жизни своих предков», назвав так отдел, в котором он поместил перепечатку эпических песен из более ранних сборников.

Первые былины были сложены, вероятно, еще до Крещения Руси и носили черты очень древнего языческого эпоса, хотя в последующем в достаточной мере «христианизировались». Они отличаются от более поздних былин слабым развитием исторического, достоверного содержания и хронологической неопределенностью времени действия. Из героев былин к дохристианскому циклу принадлежат *Святогор*, *Микита Селянинович*, *Вольга*. Многие их мотивы относятся к т. н. «бродячим сюжетам», корнящимся в общности религиозно-культурных элементов дохристианской Европы. Порой языческое влияние чувствуется и в былинах более позднего происхождения, а точнее говоря, там, где в дохристианские сюжеты народная фантазия внесла действия своих любимых героев позднего времени.

Крещение Руси и эпоха св. равноап. кн. *Владимира* стали ядром обширного былинного цикла, в основании которого лежат достоверные исторические события и личности. Главными действующими лицами киевских былин являются богатыри-воины, защищающие Святую Русь от посягательств иноверцев. Центральной фигурой этого цикла, да и всего русского эпоса, стал *Илья Муромец*. Его мощи вплоть до революции почитали нетленно в ближней Антониевой пещере Киево-Печерской лавры. Первые исторические свидетельства о почитании прп. Илии Муромца относятся к к. XVI в. Известно, что сперва его мощи находились в гробнице при Софийском соборе, а потом были перенесены в лаврские пещеры. Перенесение, вероятно, произошло в том же XVI в., поэтому житие древнего подвижника не попало в знаменитый Киево-Печерский патерик, составление которого относится к XIII в. В 1594 австрийский посол Эрих Лассота, проезжая через Киев, видел остатки разрушенной гробницы богатыря и его мощи в пещерах. Когда в 1661 в Киеве готовилось первое печатное издание патерика (оно было иллюстрированным), печерским черноризцем Илией была вырезана иконная гравюра — образ его небесного покровителя, прп. Илии Муромца. У др. печерского монаха — *Афанасия Кальнофойского*, соратника Киевского митр. *Петра Могилы*, в книге «Тератургим» — ее он написал в 1638 — указано, что прп. Илия Муромец жил за 450 лет до того. Сохранились свидетельства путешественников, еще в XVI в. видевших эти нетленные мощи. Настоятель собора Василия Блаженного о. Иоанн Лукьянов, посетив Киев проездом на пути в Иерусалим в 1701, так описывает мощи преподобного: «Видехом храброго воина Илию Муромца в нетлении под покровом златым, ростом яко нынешних крупных людей; рука у него левая пробита копием; язва вся знать на руке; а правая его рука изображена крестное знамение».

Сознание религиозного содержания его бранных подвигов — особого пути православного служения — пронизывает все былины. В одной из них, в частности, говорится: «Прилетала невидима сила ангельска и взимала-то его со добра коня, и заносила во пещеры во Киевски, и тут старый представился, и поныне его мощи нетленные». В др. былине перенесение прп. Илии в Киево-Печерский монастырь про-

исходит после того, как во время паломничества в Константинополь он находит на дороге дивный крест, под которым спрятано великое сокровище — серебро и золото. Сокровища преданобный жертвует кн. Владимиру на строительство храма, а сам чудесным образом переносится в лавру, где по его успению остаются нетленные мощи.

При общем числе былинных сюжетов, доходящем до 90, с бесчисленными их вариантами, Илье Муромцу посвящено более десятка, причем большинство из них имеют отношение к защите Православия на Руси. Все это говорит о том, что богатырство на Руси представляло собой особый вид церковного (а возможно, даже иноческого) служения, необходимого которого диктовалась заботой о защите веры. Вспомним события, предшествовавшие Куликовской битве в 1380. Св. блгв. кн. Дмитрий Донской приехал в Троицкий монастырь за благословением прп. Сергия Радонежского. Великий старец не только благословил князя на битву за Святую Русь, не только пророчествовал победу, но сделал, казалось бы, невозможное для монаха. Кроткий подвижник послал на бой двух смиренных иноков, Пересвета и Ослябю, «за послушание» отправив их с вел. князем на Куликово поле. Именно Пересвет, монах-воин, и был богатырем, сразившимся перед началом битвы с татарским великаном Темир-Мурзою.

Главнейшие сюжеты былин о прп. Илье следующие:

1. *Илья получает богатырскую силу.* «Просидев сиднем» долгие годы, парализованный Илья получает «силушку богатырскую» чудесным образом от «калика переходжего» — Божьего странника, фигуры, столь хорошо на Руси известной и столь любимой русским народом. В «Толковом словаре» В. И. Даля «калика» определяется как «паломник, странник, богатырь во смиреннии, в убожестве, в богоугодных делах. Калика переходжий — странствующий, нищенствующий богатырь». Подвиг странничества (часто соединяющийся с подвигом юродства о Христе) являет собой одно из высших состояний духа христианина, поправшего все искушения и соблазны мира и достигшего совершенства, по слову Господа Иисуса Христа: «Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим... и гряди в след Мене» (Мф. 19; 21).

Черты странничества и юродства о Христе есть и в поведении самого Ильи. У него нет ни постоянного дома, ни хозяйства, он не связывает себя никакими житейскими попечениями и заботами, презирая богатство и славу, отказываясь от чинов и наград. «Странничество, — говорит прп. Иоанн Лествичник, — есть невозвратное оставление всего, что сопротивляется нам в стремлении к благочестию. Странничество есть неведомая премудрость, необнаружимый помысл, путь к Божественному вождению, обилие любви, отречение от тщеславия, молчание глубины. Странничество есть отлучение от всего, с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучною с Богом... Велик и достоуваден сей подвиг».

Юродивые, обличая лицемерие и фарисейство современников, часто совершали на глазах у людей поступки оскорбительные, выходящие за рамки приличия. Этим они пытались пробудить у своих осуетившихся сограждан ревность о Боге, о защите «оскорбляемых» православных святых, о подвижнической, благочестивой жизни. Буйство юродивого — это его напоминание нам о страшном определении Божиим равнодушному и боязливому христианину: «Знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв. Ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 1; 15—16).

Юродствует и прп. Илья. В одной из былин, недовольный равнодушием князя к своему богатырскому служению, он уходит из дворца, собирает по всему Киеву «голи кабацкие», сшибает стрелами золоченые маковки киевских церквей и на выручку от них поит «зеленым вином» собранную им по кабакам толпу.

В сюжете об исцелении преподобного несомненно присутствует мотив преемственной передачи благодатного дарования — «харизмы». Дар получен для служения «Святой Руси» и народу «святорусскому», для сохранения в стране православной государственности и чистой веры. И если в «Слове о Законе и Благодати» митр. Илариона особенно отчетливо отражено начинающееся осознание православной соборности как народного русского качества, то в былинах об Илье Муромце отражается начавшееся осмысление второго драгоценного качества народа «святорусского» — его державности. Державности, отличившейся в XIX в. в чеканную формулу московского митр. Филарета: «Любите врагов своих, сокрушайте врагов Отечества, гнушайтесь врагами Божиими». То есть осмысление религиозной ответственности каждого за здоровье общества и крепость православной государственности. Не принудительной ответственности «за страх», а добровольного служения «за совесть».

2. *Вторым* сюжетом, в котором явственно отражена мысль о харизматической преемственности богатырства, является сюжет быliny об Илье и Святогоре, которая называется еще «Смерть Святогора». Происхождение образа Святогора очень сложно и вряд ли может быть однозначно определено. Любопытно, однако, что в нем есть черты сходства со святым великомучеником и победоносцем Георгием. Содержание быliny следующее: Святогор и Илья находят гроб. Для Ильи гроб велик, а Святогору как раз. Он ложится в гроб, крышка закрывается, и открыть ее Илья не может, как ни старается. Святогор остается в гробу, а силу свою передает Илье.

Как только ни пытались объяснить появление этого сюжета! Его истоки искали в египетских мифах об Озирисе и даже в повествованиях Талмуда о Моисее и Аароне. В действительности дело гораздо проще и «православнее».

В своем послании к Галатам ап. Павел говорит: «Я умер для закона (имеется в виду закон фарисейского иудейства), чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу» (Гал. 2; 19). И в др. месте: «Я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира» (Гал. 6; 14). Эта добровольная смерть, это распятие миру есть содержание и путь монашеского подвига. Такова и «смерть» Святогора.

Сам термин «монах» происходит от греческого «монос» — один. Лишь тот настоящий монах, кто преодолел искушения и соблазны мира, отвлекающие человека от исполнения его религиозного долга, и остался один, наедине с Богом — таково святоотеческое толкование монашества. «Когда слышишь о гробах, — говорит св. Макарий Великий, — представляй мысленно не только видимые гробы, потому что гроб и могила для тебя — сердце твое». Заключаясь, как в гробу, в себе самом, оставшись наедине с совестью, этим обличителем и судией грехов наших, монах трезненно, сосредоточенно и благоговейно рассматривает себя — все ли в нем приведено в соответствие с требованиями Заповедей Божиих? Так он чистит себя по слову Господа: «Блажен чистий сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5; 8). «Конец нашей подвижнической жизни есть Царствие Божие, а цель — чистота сердца, без которой невозможно достигнуть того конца», — свидетельствует прп.

Кассиан Римлянин, св. подвижник V в. по Р. X. Не умрешь для мира — не родишься для Бога. Таково безоговорочное мнение всех святых отцов. «Мир есть имя собирательное, обнимающее собою то, что называется страстями, — говорит великий наставник иноков прп. Исаак Сириянин. — И скажу короче: мир есть плотское житие и мудрствование плоти. По тому, что человек исхитил себя из этого, познается, что изшел он из мира». Образ и символ этой смерти для мира — монашеский постриг. Не напрасно одежда схимников носит черты погребальных одеяний. «Гроб» Святогора — это постриг в великую схиму, отрешающий человека от мирской жизни в его стремлении к Богу.

«Смерть и погубление, которых от нас требует Бог, состоят не в уничтожении существования нашего — они состоят в уничтожении самолюбия. Самолюбие есть та греховная страсть, которая составляется из полноты всех прочих разнообразных страстей». Этим словам прп. *Игнатия Брянчанинова*, сказанным в XIX в., из глубины столетий (V в. по Р. X.) вторит блж. Диадокх, еп. Фотики: «Кто себя любит, тот Бога любить не может».

Пройдя успешно послушание богатства, служения Богу и Церкви на попрание мятежной бранной жизни, Святогор заслужил освобождение от суеты, упокоение от страстей в священном безмолвии — бесстрастном предстоянии Богу, ненарушимом заботами земной жизни. Дар своей богатырской силы вместе с обязанностями этого служения он передал Илье. Такова в действительности православная основа сюжетных построений былины о смерти Святогора.

Коснувшись в своих рассуждениях вопросов, связанных с монашеством, мы прикоснулись к самому сердцу России, к самым глубоким основам русского мирознания и мироощущения. Многовековое сосредоточенное молчание России, так удивлявшее притких исследователей, стремившихся мерить ее привычными мерками «просвещенной» и многогребивой Европы, есть благоговейное молитвенное молчание тщательного монаха. Такое молчание прп. Исаак Сириянин назвал «таинством будущего века», ибо происходит оно не от невежества или лени, а от благодатной полноты религиозного чувства, от сосредоточенной ревности в богоугождении, от изумления перед величием Божиим, открывающимся благочестивому взору смиренного подвижника. Это состояние не нуждается в словесном выражении. Оно вообще не передается словами — оно постигается лишь любящим сердцем.

3. *Поездка Ильи Муромца в Киев*. Илья «стоял заутреню во Муроме, ай к обеденке поспеть хотел он в стольный Киевград». Исполнить это благочестивое желание ему помешала иноверческая «силушка великая», которой под Черниговом «нагнано-то черным-черно». Расправившись с этой силой и получив от «мужичков да тут черниговских» благоговейное величание: «Ай ты славный богатырь да святорусский», — Илья собрался ехать дальше, но выяснилось, что у «славного креста у Левонидова» сидит *Соловей-Разбойник* Одохмантьев сын (имеющий легко узнаваемое половецкое происхождение). Победив его и приторочив к стремени, Илья приезжает в Киев, где «ай Владимир-князь» только что «вышел со Божьей церкви». Подивившись мужеству Ильи, он попросил Соловья свистнуть. После того как смертоносные способности Разбойника подтвердились, Илья «во чистом поле срубил ему да буйну голову».

Удивительно, как неразрывно-тесно сплелась народная мысль с православным мироощущением. Начиная с побу-

дительной причины подвига и кончая бытовыми деталями, все в былине «оправославлено» и «воцерковлено». Глубоко ошибается тот, кто принимает это за дань традиции, за благочестивую риторiku. В риторических излишествах можно заподозрить официальный документ, неизбежно склонный к торжественности. Можно обвинить в этом автора, связанного личными склонностями и привычками. Но укоренившаяся «склонность» народа как соборного автора былин, пронесенная через века, должна именоваться иначе. Искренним, живым и глубоким благоговием проникнуто большинство былин. Это интимное, внутреннее чувство человеческого сердца невозможно подделать. И когда переживает это чувство весь народ, он оставляет неизгладимые следы своих переживаний на всем, к чему прикасается в жизни и творчестве.

4. *Илья Муромец и Калин-царь*. Этот сюжет еще можно назвать «Ссора Ильи с князем». Князь прогневался на Илью и посадил его в погреб. Былина не сомневается в правомочности княжеского поступка (уже формируется взгляд на божественное происхождение самодержавной власти), но осуждает его неразумность и поспешность, ибо «дело есть немалое. А что посадил Владимир-князь да стольно-киевский старого казака Илью Муромца в тот во погреб холодный» («казаком» Илья стал в период Смутного времени, т. ч. это свидетельствует о поздней редакции былины). Не дело сажать богатыря в погреб, ибо «он мог бы постоять один за веру, за отечество, за церкви за соборные». Да и нужда в защите не заставила себя долго ждать. «Собака Калин-царь» идет на Киев, желая «Божьи церкви все на дым спустить».

Расплакавшись, раскаивается князь, что сгубил Илью: «Некому стоять теперь за веру, за отечество. Некому стоять за церкви ведь за Божии». Но, оказывается, Илья жив — предусмотрительная дочь князя Апракса-королевична велела его в темнице холить и кормить. Илья обиды не помнит и спасает князя от «поганных».

Этот сюжет интересен тем, что доказывает существование целого сословия богатырей-верозащитников, широкую распространенность державного богатырского послушания. Когда Илья увидел, что силе поганой конца-краю нет, он решил обратиться за помощью к сотоварищам по служению — к «святорусским богатырям». Он приезжает к ним на заставу и просит помощи. Дальнейшее развитие повествования дает лишнее свидетельство правдолюбия былины, ее ненадуманности. Сперва богатыри помогать князю отказываются. При этом старший из них — Самсон Самойлович, «крестный батюшка» самого Ильи Муромца, мотивирует это так: «У него ведь есте много да князей-бояр, кормит их да поит да и жалует. Ничего нам нет от князя от Владимира». Но обида богатырей держится недолго, и, когда Илья, изнемогая в бою, вновь просит помощи, они, не раздумывая, вступают в битву и плененного «собаку Калина-царя» ведут по совету Ильи в Киев к Владимиру-князю. Показательно проявляющееся в былине уважение к царскому достоинству. Калин-царь хоть и «собака», но все же царь, и потому «Владимир-князь да стольно-киевский, Он берет собаку за белы руки, И садил за столки дубовые, Кормил его ястувшкой сахарною, Да поил-то питьищем медвяным». И только выказав уважение, обладающее царскому достоинству поверженного врага, Владимир-князь определяет его себе в вечные данники.

5. *Илья и Жидовин*. Былина описывает битву Ильи с Великим Жидовином, заканчивающуюся победой русского бога-

тыря. Существуют два достоверных исторических события, которые могли послужить отправной точкой для сюжета. Первое — разгром Святославом Хазарского каганата. Иудейское иго длилось по 965 году, когда хазарская держава пала под ударами дружин русского князя. Учитывая человеконенавистническое содержание учения талмудических религиозных сект, признающего человеческое достоинство лишь за «богоизбранным» народом и приравнивающего остальную часть человечества к скотам, лишенным бессмертной души, вполне вероятно, что общение с хазарскими «жидовинами» не оставило в русичах никаких приятных воспоминаний.

Вторым историческим событием, которое могло повлиять на былинку, стал разгром в к. XV в. ереси «жидовствующих», носившей, кроме чисто религиозных черт, и черты политического заговора. Не зная за пятьсот лет ни одной ереси, Русь была потрясена коварством еретиков, тайно разрушавших устои веры и государства при внешнем лицемерном благочестии. Впрочем, эти события вряд ли могли стать источником сюжета былин. Он явно более раннего происхождения. Борьба с ересью «жидовствующих» могла лишь оказать некоторое влияние на дальнейшее его развитие.

Столь же «оправославленными» и укорененными в соборном сознании народа являются и др. сюжеты былин об Илье, напр. былина о его бое с Идолищем Поганым. Есть, впрочем, и «секуляризованные» сюжеты, напр., бой Ильи с палицей (богатыршей) или бой Ильи с сыном (не узнавших друг друга).

Об исторических прототипах двух др. богатырей Киевского цикла — *Добрыни Никитича* и *Алеши Поповича* существуют разные мнения. Указывают на летописного Добрыню, дядо кн. Владимира, как на прототип былинного богатыря. Александр, или Олешко Попович, упоминается в русских летописях неоднократно, причем события, связанные с его именем, отстоят одно от другого на 250 лет. «В лето 1000 (от Рождества Христова) прииде Володар с половцы к Киеву, — повествует *Никоновская летопись*. — И изыде ношью во сретенье им Александр Попович и уби Володаря». В Тверской летописи имя Александра Поповича упоминается в связи с княжескими усобицами 1216, а в Суздальской летописи, в рассказе о битве на Калке, сказано: «И Александр Попович ту убит бысть с теми 70 храбрыми».

Но нам важны не исторические параллели былинных событий. Важно то, что былины отразили истинно народный взгляд на вероисповедный характер русской национальности и государственности. Мысль о неразделимости понятий «русский» и «православный» стала достоянием народного сознания и нашла свое выражение в действиях былинных богатырей.

Помимо Киевского цикла выделяют еще Новгородский цикл, состоящий из былин о *Садко* и *Ваське Буслаеве*. Один из возможных исторических прототипов Садко отличался большим благочестием — *Новгородская летопись* за 1167 упоминает об основании человеком по имени Садко Сытинич церкви Бориса и Глеба. Васька Буслаев тоже вполне православен — сюжет одной из былин составляет его паломничество в Иерусалим.

Говоря о былинах как о зеркале самосознания народа, нельзя не заметить, что их отвлеченно-философское содержание весьма скудно. И это понятно, ибо народу не свойственно облекать свои взгляды, основанные на живом опыте, в мертвые формы отвлеченного рассуждения. Ход истории и свое место в ней здоровое самосознание народа

воспринимает как нечто очевидное, естественно вплетающееся в общее мироощущение. Учитывая это, можно сказать, что былины являются яркими и достоверными свидетельствами добровольного и безоговорочного воцерковления русской души.

Изд. Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1938. Т. 1; М.; Л., 1951. Т. 2; Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960; Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева / Подгот. текста и примеч. А. М. Астаховой. Статьи А. М. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948; Былины М. С. Крюковой / Предисл., ред. и примеч. В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939; Былины и песни Алтая. Из собрания С. И. Гуляева. Барнаул, 1988; Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. подготовили А. М. Астахова, Э. Г. Бородин-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961; Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статьи и примеч. Г. И. Париловой и А. Л. Соймонова. Предисл. и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941; Былины / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958; Т. 1—2; Былины / Подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. С. Н. Азбелева. Л., 1984; Былина / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. Л., 1986 (Б-ка поэта. Б. серия); Былины / Сост., предисл. и вводные тексты В. И. Калугина. М., 1986, 1987, 1999; *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины, записанные летом 1871 года. СПб., 1873; То же. 4-е изд. М.; Л., 1949—51; *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 годах. Т. 1. М., 1904; Т. 2. Прага, 1939; Т. 3. СПб., 1910; Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974. (Серия «Литературные памятники»); Илья Муромец / Подгот. текстов, ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958. (Серия «Литературные памятники»); *Кривополенова М. Д.* Былины, скomorошины, сказки / Ред., вступ. ст. и примеч. А. А. Морозова. Архангельск, 1950; *Листопадов А. М.* Донские былины. Ростов н/Д., 1945; *Марков А. В.* Беломорские былины. М., 1901; Новгородские былины / Изд. подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978. (Серия «Литературные памятники»); *Озаровская О. Э.* Бабушкины старины. М., 1922; Онежские былины. Подбор былин и научная редакция Ю. М. Соколова / Подг. текстов, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948; *Ончуков Н. Е.* Онежские былины. СПб., 1904; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. М., 1909—10; Русская народная поэзия. Эпическая поэзия / Сост., подгот. текста, вступ. ст., предисл. к разделам и коммент. Б. Н. Путилова. Л., 1984; Сборник Кириши Данилова. 2-е изд., доп. / Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилова. М., 1977. (Серия «Литературные памятники»); Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1—3. Петрозаводск, 1989—91.

Лит.: Азбелев С. Н. Былины об отражении татарского нашествия // Русский фольклор. Л., 1971. Вып. 12; *Он же.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982; *Аксаков К. С.* Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1; *Аншкн В. П.* Русский героический эпос. М., 1964; *Он же.* Былины. Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М., 1984; *Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966; *Она же.* Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л., 1962; *Она же.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948; *Балашов Д. М.* Из истории русского былинного эпоса: Потык и Миккула Селянинович // Русский фольклор. Л., 1975. Вып. 15; Дунай // Русский фольклор. Л., 1976. Вып. 16; Святогор // Там же. Л., 1981. Вып. 20; *Белинский В. Г.* Статьи о народной поэзии // Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5; *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности. Русская народная поэзия. СПб., 1861; *Он же.* Русский богатырский эпос. Русский народный эпос. Воронеж, 1987; *Он же.* Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887; *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины. СПб., 1881—84. Т. 1—3; *Он же.* Из лекций по истории эпоса // Историческая поэтика. Л., 1940; *Востоков А. X.* Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817; *Дмитриева С. И.* Географическое распространение былин. М., 1975; *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895; *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1963; *Кирдан Б. Н.* Украинский на-

родный эпос. М., 1965; *Кирдан П. Б.* Собиратели народной поэзии. Из истории украинской фольклористики XIX века. М., 1974; *Кондратьева Т. Н.* Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967; *Кориш Ф. Е.* О русском народном стихосложении. Былины. СПб., 1897; *Литец Р. С.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969; *Лихачев Д. С.* Летописные известия об Александре Павловиче // Труды отд. древнерусской литературы. Т. 7. М.; Л., 1949; *Он же.* Эпическое время русских былин // Сборник в честь академика Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952; *Он же.* Народно-поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X—XI вв.) // Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 1; *Он же.* Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси — до татаро-монгольского нашествия (XII — н. XIII в.) // Там же; *Лобода А. М.* Русский богатырский эпос. Киев, 1896; *Он же.* Русские былины о сватовстве. Киев, 1905; *Майков Л. Н.* О былинах Владимиров цикла. СПб., 1863; *Марков А. В.* Бытовые черты русских былин // Этнографическое обозрение. 1903. № 3—4; *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963; *Миллер О. Ф.* Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869; *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. 1—2. М., 1897—1910. Т. 3, М.; Л., 1924; *Неклюдов С. Ю.* Время и пространство в былинах // Славянский фольклор. М., 1972; *Плисецкий М. М.* Историзм русских былин. М., 1962; *Он же.* Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса. М., 1963; *Пронн В. Я.* Русский героический эпос. М., 1962; *Путилов Б. Н.* Об историзме русских былин // Русский фольклор. М.; Л., 1966. Вып. 10; *Он же.* Героический эпос и действительность. Л., 1988; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; *Он же.* Язычество древних славян. М., 1981; *Он же.* Язычество Древней Руси. М., 1987; *Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин. Саратов, 1924; *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974; *Соколов Б. М.* Русский фольклор. М., 1929. Вып. 1. Былины; *Халанский М. Г.* Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1883; *Чистов К. В.* Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980; *Шевырев С. П.* История русской литературы. Лекции Степана Шевырева. М., 1859.

Митрополит Иоанн (Снычев)

БЫЛИЧКА — см. **БЫВАЛЬЩИНА**.

БЫСТРОВ Иван Павлович (30.01[10.02].1797—5[17].04. 1850), публицист, библиофил. Из семьи священника. Окончил Александров-Невскую духовную семинарию (1818). С 1821 служил подканцеляристом в хозяйственном департаменте МВД, с 1829 — писец, затем подбиблиотекарь в Русском отделе Императорской Публичной библиотеки, куда был приглашен по ходатайству *И. А. Крылова*. Проработал в библиотеке ближайшим помощником *И. А. Крылова* до 1845, оставил воспоминания о нем. Принадлежит к числу крупнейших русских библиографов. Опубликовал в журналах ряд статей по истории русской литературы и книги. Но ко времени перехода его в Императорскую Публичную библиотеку, в которой одновременно со знаменитым баснописцем служили *Н. И. Гнедич*, *А. Х. Востоков*, *М. Е. Лобанов*, *А. А. Дельвиг*, в 1828 уже вышла публицистическая работа Быстрова «Прозрение и будущее. Рукопись XII в.», в которой говорилось о всемирном значении России как православного государства, выражалось отрицательное отношение к Французской революции и идеям энциклопедистов. Тема освободительной миссии России посвящена и одноактная пьеса Быстрова «Галед и Зонгос, или Бред отчаянного туркофила» (СПб., 1830).

В

ВАГИЛЕВИЧ Иван Николаевич (2.09.1811—1866), писатель. Общественный деятель периода пробуждения русского национального самосознания в Галиции. Родился в имении Ясени Калужского у. в Галиции. Выступал со стихами («Мадей», «Жулин и Калина») и публикациями малороссийского народного творчества в альманахе «*Русалка днестровая*» (1837). Перевел на малороссийский язык прозой «Слово о полку Игореве». В результате преследований со стороны польской шляхты и униатского духовенства отошел от малороссийской литературы. Работал в редакциях польских газет. В 1848 Вагилевич примкнул к политической организации «Руський собор», провозглашавшей тесный союз русских и малороссов с польским национальным движением в борьбе против Австрии.

Соч. Вагилевича помещены в приложении к кн.: *Шашкевич М., Головацкий Я.* [Сочинения. 2 изд., Львов, 1913].

Лит.: *Половацкий Я.*, Судьба одного галицко-русского ученого (К биографии п. Н. Вагилевича) // *Киевская старина*, 1883, июль; *Франко І.* До біографії Івана Вагилевича // *Зап. Наукового товариства ім. Шевченка*. Т. 79, кн. 5. Львів, 1907.

ВАГНЕР Николай Петрович (18[30].07.1829—21.03[3.04].1907), ученый и писатель. Родился на Богословском заводе

на Урале, закончил Казанский университет. Профессор зоологии Казанского (с 1860), затем Петербургского (с 1871) университетов. Автор трудов по зоологии, организатор и директор (1881—99) Соловецкой биологической станции, крупный исследователь фауны Белого моря. В 1877—79 издавал и редактировал научно-популярный журнал «Свет». В 1891 был избран президентом Русского общества экспериментальной психологии. Вагнер проявил себя и как талантливый писатель. Наибольшую популярность приобрела его книга «Сказки Кота-Мурлыки» (1872), в которую вошло 25 сказок, многократно переиздававшихся. Основная тема их — борьба добра со злом — воплощается в фантастиче-

ских и аллегорических сюжетах. В яркой и увлекательной форме Вагнер стремится направить ум и чувства читателя в сторону подвига и добра. Добро всегда мистически побеждает зло. Для сказок Вагнера характерна философско-психологическая трактовка нравственных вопросов. Сказки Вагнера вызвали в свое время острую полемику в педагогической среде. Вагнер также автор повестей, рассказов и антиингилистического романа «Темный путь» (Т. 1—2).

В романе Вагнера впервые в русской литературе раскрывается международный заговор сионистов, стремящихся к мировому господству и готовых использовать для достижения своих целей самые низкие средства. Абстрактное зло из сказок Кота-Мурлыки в романе «Темный путь» воплощается в конкретное зло мирового сионизма.

Соч.: Повести, сказки и рассказы Кота-Мурлыки. Т. 1—2. СПб., 1887—99; Романы, повести, сказки и рассказы. Т. 1—7. СПб., 1902—08; Сказки. 7-е изд. СПб., 1907; Сказки Кота-Мурлыки. М.; Пг., 1923.

ВАДБОЛЬСКАЯ Варвара Алексеевна (урожд. княжна **Оболенская**; псевд. **Криницкий М.**) (20.05[1.06].1817—24.01[5.02].1868), писательница, переводчица. Родилась в Москве. Из старинного дворянского рода; дочь поручика; жена князя (штаб-ротмистра, затем генерал-майора). Общественные взгляды Вадбольской развивались под влиянием *М. Н. Каткова* и его статей 40—50-х. Сочинительством стала заниматься уже в зрелом возрасте благодаря знакомству с *С. Т. Славутинским*.

Литературный дебют — роман «Узкий путь» (Ч. 1—2. М., 1858) под псевд. Криницкий М. (имя героя романа). В 1861 «Библиотека для чтения» *А. Ф. Писемского* напечатала роман Вадбольской «Записки холостяка», явившийся попыткой представить «нового» героя — московского барина, решившего накануне отмены крепостного права сменить праздную лень на служение народу. Идея и характеры романа, достоверные картины быта московского «околосвета» (к которому принадлежала и сама Вадбольская), а также ирония в обрисовке главного героя придавали ее беллетристике злободневное звучание. В 1864 в издательстве журнала «Развлечение» Вадбольская опубликовала повесть «Пустоцвет», где современный «лишний человек», «по мыслям и речам» весьма похожий на Обломова, повествует о своем духовном падении. Выступала также в жанре этнографического очерка: «Деревенские предания» (1859—60).

Е. Б.

ВАЛУЕВ (Волуев) Дмитрий Александрович (14[26].09.1820—23.11[5.12].1845), историк, редактор, издатель. Из дворян. Мать Валуева, урожд. А. М. Языкова, — сестра поэта *Н. М. Языкова* и жены *А. С. Хомякова*. С 1832 воспитывался в пансионе М. Г. Павлова в Москве. В 1835 поселился в доме *С. П. Шевырева*, под руководством которого в том же году поступил на историко-филологическое отделение философского факультета Московского университета, где сблизился с *Ю. Ф. Самариним*; на последнем курсе (1840—41) жил в доме А. П. Елагиной; окончил университет со степенью кандидата. Вместе с Языковыми записывал в Симбирской губ. народные песни (опубликовано в кн.: *Собрание народных песен П. В. Киреевского*. Т. 1. Л., 1977). С июля 1843 по янв. 1844 путешествовал по славянским землям, собрал много сведений по истории и литературе южных и западных славян. В 1843 основал журнал «Библиотека для воспитания» (1843—46; сотрудничали: *Ф. И. Буслаев*, Т. Н. Грановский, *И. В. Киреевский*, Хомяков, П. Г. Редкин) и заведовал там отделом детского чтения. Перевел (частично переделав) для детей «Рождественскую песнь в прозе» Ч. Диккенса (русский перевод — «Светлое Христово Воскресение». М., 1844).

Собранные в Симбирской губ. исторические источники составили основное содержание изданного Валуевым «Симбирского сборника» (Т. 1. М., 1845). Опубликованной в нем «Разрядной книге» (записи распоряжений русского правительства 1559—1605) предпослано обширное «Введение» Валуева (отд. изд. — под названием «Исследование о местничестве». М., 1845), явившееся ценным вкладом в историческую науку. Стремясь к научно-историческому обоснованию славянофильского учения, Валуев подготовил «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единоверных и единоплеменных» (М., 1845), состоящий из работ Хомякова, *К. Д. Кавелина*, Грановского, С. Соловьева, *И. М. Снеурева* и др. «Предисловие» к сборнику, явившееся результатом «бесед и совещаний Киреевских и Хомякова с Валуевым», — этап в формировании славянофильского учения: оно выражает уверенность в особом духовно-историческом пути России на основе еще не познанных «духовных и вещественных богатств», но еще не содержит радикальной критики Запада и реформ имп. Петра I. По мнению Валуева, в Петровскую эпоху, завершившуюся в 1820-х, русская литература и искусство перенимали и переводили на русский лад все западное без разбора — и хорошее и дурное. *В. А. Жуковский* — «последний и даровитый представитель» литературы Петровской эпохи. *А. С. Пушкин* в последние годы и *Н. В. Гоголь* принадлежат уже «русской жизни и народной мысли». В воспоминаниях и письмах современников запечатлен образ Валуева как нравственно-чистого, неутомимо-деятельного юноши.

Ист.: *Гумеров Ш. Д. А. Валуев // Русские писатели 1800—1917*. Т. 2. М., 1992.

ВАМПИЛОВ Александр Валентинович (19.08.1937—17.08.1972), драматург. Родился в пос. Кутулик Аларского р-на Иркутской обл. Окончил филологический факультет Иркутского университета (1960). Печатался с 1958. Опубликовал сборник юмористических рассказов «Стечение обстоятельств» (1961, изв. А. Санин). В пьесах Вампилова, написанных на современном бытовом материале, решаются сложные нравственные проблемы. Острые конфликтные ситуации становятся проверкой нравственно-волевого потенциала, внутренней культуры его импуль-

сивных, порой эксцентричных героев. Трудным путем приходит к отказу от морального компромисса герой пьесы «Прощание в июне» (1966). Духовное «просветление», обретение смысла жизни — тема пьес «Старший сын» и «Прошлым летом в Чулимске» (1972). В пьесе «Утиная охота» (1970) Вампилов показал трагедию постепенной нравственной деградации личности, происходящей в атмосфере бездуховности, всеобщей безответственности, эгоизма.

Одноактные пьесы «Двадцать минут с ангелом» (1970) и «История с метранпажем» (1971), поставленные в театрах под общим названием «Провинциальные анекдоты» (1974), — обличение обывательской ограниченности, душевной черствости, неверия в бескорыстно творимое добро. Пьесы Вампилова соединяют комическое и драматическое, лирику и сатиру, динамику психологически напряженного действия и объемность характеров.

Соч.: Избранное [Послел. А. Демидова]. М., 1975.

ВАНЬКА КЛЮШНИК, герой песен о «Князе Волконском и Ване Ключничке», который сошелся с женой князя, а последний, узнав об этом, приказал Ваньку повесить, а жена князя, при известии о смерти Ваньки, умерла. (См.: *Сборник песен П. Киреевского*. Вып. 1—10. М., 1860—74).

ВАНЬКА УДОВКИН (вдовкин сын), герой одной из русских *былин*, заимствовавших литературный материал из иноземного источника (Византии). Иван, вдовый сын, сватается за дочь царя Волшана Волшановича на таком условии: он станет принимать различные образы; коли царь не узнает его в этих превращениях, пусть выдаст за него дочь; в противном случае, пусть отсечет ему «буйную головушку». Два раза царь узнает его при помощи книги волшанской (волшебной). На третий раз Иван получает от Могил-птицы три перышка и огниво, с помощью которых он лишает волшанскую книгу ее вешей силы: царь сжигает ее, а дочь выдает за вдовьего сына. *А. Н. Веселовский* в сопоставлении этой былины и былин об *Иване Гостином*, тоже сыне вдовы, с одной французской поэмой XII в. об Ираклии находит между ними любопытную связь, заставляющую предположить существование для них одного и того же источника, вероятно, какого-нибудь греческого сказания.

ВАРАКИН Иван Иванович (1759 или 1760 — не ранее 1817), поэт. Был крепостным. Стихи Варакина печатались в журнале *И. А. Крылова* «Зритель» (1792) и В. Г. Анастасевича «Улей» (1812). Отдельная книга его стихов вышла под названием «Пустынная лира забвенного сына природы» (1807).

ВАРЛЫГИН Дмитрий Порфирьевич (12[24].10.1863—9.01.1937), поэт. Родился в д. Марково Коломенского у. Московской губ. в крестьянской, религиозно настроенной семье. Слышанные в детстве *духовные стихи, жития*, Библия пробудили в нем «любовь к стихотворству, к поэзии». По окончании 4-классной сельской школы и Коломенского уездного

училища был определен в фабричную контору с. Озёры, где приказчиком служил его отец; пробовал заняться торговлей.

Немногие свободные часы посвящал чтению и сочинительству, которого стеснялся (это чувство в отношении к собственному творчеству осталось у Варлыгина навсегда). Поэзия Варлыгина — гл. обр. религиозного и нравоучительного характера. Первая публикация — 3 стихотворения под общим названием «Крестьянские стихотворения» («Воскресение». 1887. № 18; подпись — Д. П. В.). В 1892 переехал в Москву, продолжал служить. Решающим для Варлыгина стало знакомство с И. А. Белоусовым, М. Л. Леоновым и вступи-

пление в Суриковский литературно-музыкальный кружок. Он начинает печататься в коллективных сборниках писателей из народа: «Нужды» (М., 1896—97), «Малое — великим» (М., 1902), «Молодые всходы» (Вып. 1. М., 1903), «Песни мира» (М., 1910; 14 стихотворений) и др.

Л. И.

ВАСИЛИЙ (к. XI — н. XII в.), священник, автор «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича Теребовльского», вошедшей в «*Повесть временных лет*» под 1097.

Очевидно, Василий был свидетелем трагических событий 1097. Он был послан кн. Давидом Святославичем к находившемуся у него в заточении Васильку Теребовльскому, чтобы передать ему условия примирения, предлагаемые Давидом. Василий подробно описывает, как Василек был схвачен после Любечского съезда князей Давидом и Святополком, как он был ослеплен, и последующие события. А. А. Шахматов ограничивал повесть Василия некоторыми отрывками из статьи 1097, перемежающимися текстом летописца. Др. исследователи считают Василия автором всей летописной статьи 1097 и даже некоторых др., где прославляется *Владимир Мономах*. Возможно, что повесть создана по поручению этого князя. Некоторые исследователи предполагали, что «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского» была внесена в «Повесть временных лет» *Сильвестром*. А. А. Шахматов считал, что Василий был духовником кн. Василька. И. Хрущов предполагал, что Василий был из Волыни и написал повесть между 1112 и 1117. Б. А. Рыбаков высказал мнение, что Василий был «мужем» (приближенным) кн. Святополка Изяславича и может быть отождествлен с Василием, посадником в г. Владимире Волынском. Д. С. Лихачев считает, что поп Василий выполнял дипломатические поручения Владимира Мономаха и был связан с Выдубицким монастырем; он рассматривает повесть Василия в ряду др. повестей о княжеских преступлениях, таких, как «Повесть об убийстве Игоря Ольговича» (1147), «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» (1174). Существует также гипотеза, что Василий — один из редакторов «Повести временных лет», в 1119 он осуществил переработку ее текста, составленного *Нестором*, возможно, что Василий был священником киевского Андреевского монастыря, много путешествовал; бывал в Новгороде и Волыни. Кем бы ни был Василий, его повесть — интересное произведение древне-

русской литературы, ее автор с редким искусством использовал детали, психологические наблюдения, мастерски написал диалоги действующих лиц.

О. А.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ, герой двух *былин* новгородского цикла, созданных в период расцвета торговой и политической жизни Новгорода в XIV—XV вв. и испытавших позднейшее влияние

XVI—XVII вв. Первоначальная тенденция былины — осуждение Василия Буслаева, бесшабашного пьяницы и ушкуйника, вступающего в бой со всем Новгородом, нарушающего обычаи, сменяется любованием его широкой натурой, удалью, дерзостью, его свободомыслием, его «буйным озорством». Боярский сын в ранних вариантах былины, Василий Буслаев

становится со временем выразителем стремлений новгородской воляницы, участником набегов, имевших целью добычу товаров и отвоевание земель для Новгорода. Былины о Василии Буслаеве содержат много бытовых подробностей из жизни той эпохи. (См. также: Василий в былинах).

Лит.: Миллер В. Очерки русской народной словесности. Т. 1. М., 1897; *Шамбинаго* С. Песни времени царя Иоанна Грозного. Исследование. Сергиев Посад, 1914. С. 98—251; *Жданов* И. Русский былевой эпос. Исследование и материалы. СПб., 1895; *Пронн* В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М., 1958; *Пронн* В. Я., *Путилов* Б. Н. Былины. Т. 1—2. М., 1958.

ВАСИЛИЙ В БЫЛИНАХ. 1) *Василий Буслаевич*, еще будучи мальчиком, побеждает взрослых новгородцев на улице; затем собирает себе дружину, без зова идет со своей дружиной на пир новгородских мужиков; вызывает на драку весь Новгород; во время драки мать сажает его в погреб, но нянька Василия выпускает его и он избивает новгородцев 90-пудовой осью. Наконец, матери удается унять Василия. Василий едет со своей дружиной в Иерусалим, купается в Иордане; на горе Фаворе скачет через камень, но спотыкается и разбивает себе голову. 2) Василий Васильевич, переодетая жена Ставра Годиновича (см.: Василиса). 3) Василий Долгопольный, один из богатырей на заставе у Киева. 4) Василий Заморский, едет с Иваном Годиновичем, сватающимся за Настасью. 5) Василий Иванович со своим братом Федором едет, по поручению кн. Владимира, просить для него руки дочери литовского короля. 6) Василий Иванович или Василий Пьяница, при приступе Ботыги к Киеву на него указывают, как на человека, способного бороться с представителем татар. Кн. Владимир сам идет за ним в кабак. Василий, опохмелившись, убивает стрелой сына и зятя Ботыги, затем едет к нему, винится, выпрашивает 40 000 татар для взятия Киева, но всех их избивает. 7) Василий Казимирович вызывается отвезти дань от Владимира к Батуру Батвесову, в землю Поленецкую. На пути братается с Добрыней, возвращает Владимиру дань и едет к Батуру за данью. Батур угрожает ему смертью, но Василий избивает татар осью железной. 8)

Василий Окульевич, прекрасный царь (в Царьграде или в Новгороде), хочет увезти жену Соломона, Соломонею. Соломон приезжает с войском и велит повесить Василия Окульевича и Соломонею. 9) Василий Прекрасный, любимый зять Мамаю, вместе с ним осаждающий Киев. 10) Василий Пустоволосович, младой Таракашков сын, дает царю Василию Окульевичу совет увезти жену Соломона. 11) Василий Сурывлевич Боголюбович, царь в Цареграде, к которому отправляется Илья Муромец, чтобы избавить его от Идолица Поганого.

Лит.: Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Миллера. М., 1894; *Миллер Ор.* Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб., 1869.

ВАСИЛИЙ НОВГОРОДСКИЙ (Василий Калика, в миру — Григорий) (?—3.07.1352), архиепископ Новгородский, автор «Послания о рае» Тверскому епископу Феодору Доброму.

Летописи сообщают об активной культурной и градостроительной деятельности новгородского архиепископа. В 1331 он заложил каменные стены Новгорода. В 1333—42 обновил и заново устроил новгородский Софийский собор. В 1336—45 построил новые церкви — Входаиерусалимскую, Благовещенскую, Пятницкую, Космодемьянскую, Спасскую в Ковалевом монастыре. В 1338 построил новый мост через Волхов. Авторитет Василия Калики как строителя был столь высок, что в 1352 бояре и посад проसили его построить башни в крепости Орешек. Архиепископ просьбу выполнил быстро и успешно.

Участвовал в политической жизни Руси. В 1333 провел неудачные переговоры о мире с вел. князем Московским Иваном Калитой и приехал в Тверь, соперничавшую с Москвой. Здесь он крестил сына Тверского князя, а 8 лет спустя наставлял своего крестника в книжном учении. В 1335 Василий Калика замирился с Иваном Калитой. В 1340 заключил мир с новым вел. князем Московским Симеоном Гордым. В 1348 организовывал оборону Новгорода и Пскова от шведов.

В 1352 в Пскове вспыхнула моровая язва. Василий Калика в сопровождении многих священников тотчас отправился на помощь псковитянам. В Пскове он заразился и на обратном пути скончался в Михайловском монастыре на устье р. Узы, притока Шелони. Похоронен в новгородском соборе Св. Софии.

С именем Василия Калики связано важнейшее церковно-политическое и религиозно-мистическое событие в истории Руси. В 1335 и в 1346 Константинопольский патриарх прислал Василию Калике, первому на Руси, особые знаки епископского достоинства — «белый клобук» и «крещатые ризы». Эти знаки выделили новгородских епископов среди др. русских архиереев. «Белый клобук» позднее получил религиозно-мистическое значение. Его стали рассматривать как свидетельство того, что Русская церковь является наследницей не только «Второго Рима» (Византийской империи), но и «Первого Рима» (Римской империи). Согласно позднейшей «*Повести о белом клобуке*» этот монашеский головной убор в IV в. получил из рук римского имп. Константина первый папа римский Сильвестр. Затем он чудесным образом попал в Византию и столь же чудесным образом — на Русь. В сер. XVI в. «белый клобук» будет передан в Москву — его станут носить московские митрополиты и, позднее, патриархи.

Василий Калика — автор «Послания о рае» Тверскому епископу Феодору Доброму (1342—60). Послание сохрани-

лось в Софийской Первой, Воскресенской, Новгородской Третьей и др. летописях под 1347. Обычно этим годом и датируется время написания Послания. Само Послание связано с тем, что в Твери в это время разгорелись споры о рае — сохранился ли на земле рай, в котором жили Адам и Ева? В своем Послании Василий выступает с доказательствами в пользу существования этого «земного рая».

Очень важно объяснение Новгородским архиепископом причин, по которым он берет на себя смелость рассуждать на столь потаенные и, казалось бы, непозволительные для христианина темы: «Понеже, брате, по Божию повелению, должн есми другъ къ другу послания творити о исправленныхъ намъ Божественных писаний отъ святых апостолъ и великих святитель, якоже бо те святии апостоли бес престания послания творяху другъ къ другу, такоже и намъ подобно есть, в нихъ бо место поставлени есмы». Иначе говоря, архиеп. Василий осмысливает и свою роль, как иерарха Русской церкви, и роль всех др. иерархов как апостольскую миссию, ибо все они поставлены ныне на место апостолов. «Кто во что позванъ, тот в томъ пребывает», — заключает свою аргументацию Василий Калика. И следовательно, раз они «позваны» Самим Господом, то обязаны не только распространять Христово учение, но и имеют право постигать Божий Промысел. Потому-то, чуть ранее, новгородский архиепископ и пишет: «Премыхъ много дний о взыскании исправления Божественаго закона».

Источниками размышлений новгородского архиепископа служили не только книги Священного Писания. Большую, если не большую часть аргументов он находит в апокрифической литературе, обильно цитируя различные *апокрифы* — «Хождение Зосимы к рахманам», «Книгу Еноха», «Хождение Агапия в рай», «Слово о Макарии Римском». Подобное вполне понятно, ведь именно в апокрифах русские книжники могли найти самые разные описания рая или путешествия в рай.

В полемике с Тверским еп. Феодором, который, как следует из послания, признавал только «рай мысленный», Василий Новгородский формулирует свою концепцию существования «рая мысленного» и рая земного, что «насади Богъ на встоце». По его представлениям, «рай мысленный» — это время и место после Второго пришествия Христа, Царство Божие, пришедшее во всей силе («пришедша в силе»). Вся земля будет обновлена в этом раю огнем: «А мысленный рай то и есть, брате, егда вся земля огнемъ искушена будетъ». И этот рай недоступен простым людям, даже святым, пока они продолжают земную жизнь: «Не возможно бо его, брате, ни святымъ видети мысленаго рая, въ плоти суще. Того ради сие святии видевши, не могоша стояти, ниць на землю падоша». Существует и «рай земной»: «А насаженный — не погыбъл, и ныне есть, — утверждает Василий Новгородский, и конкретизирует свое представление: — На нем же светъ самосиянень, а твердь запята есть до горъ техъ раевыхъ».

Доказательства существования «рая земного» различны. Прежде всего, они открываются Василию в словах Самого Христа о том, что Он обещал человеку спасение и возвращение в рай: «Обеща ему паки внити в рай». Во-вторых, о существовании рая свидетельствуют апокрифы. Третье доказательство строится по принципу «от обратного»: раз на земле существует место «адовых мук», то должен быть и «земной рай». Сами «муки», по логике новгородского епископа, должны располагаться на западе, как оппозиция «насаженного» Богом на востоке рая. При этом Василий приводит рассказ неких новгородцев, которые повидали эти «муки» где-то на западе, и спрашивает: «И та вся места мучимая не погыбоша, а место се святое како погыбе, повежь ми, брате, в немъ же есть и

Пречистая Богородица, и множество святых, еже по воскрешении Господни явишася многимъ въ Иерусалиме и паки видюша в рай?».

Еще одно — четвертое — доказательство опять строится на народных легендах. Архиеп. Василий пересказывает некие предания о новгородцах, побывавших на севере и видевших там «земной рай». Рай тот расположен на высоких горах, осыан небывалой красоты, «многочасным» светом, а на вершине горы новгородцы увидели Деисуса, написанного чудесной ярко-голубой краской («лазорем»). Раздавалось в тех горах пение, веселье и ликование небывалое, привлекавшее людей. Двое новгородцев пошли туда, но не смогли вернуться. А третьему, посланному узнать, в чем дело, путешественники привязали к ноге веревку. И когда пытались удержать и его, то возвратили лишь мертвое тело. Следовательно, обратно из этого места дороги для живых не было.

И, наконец, еще одно доказательство бытия «земногорая». Утверждение о том, что рай может быть только «мысленным», Феодор, по мнению Новгородского архиепископа, все «мысленное» представляет лишь как видение: «И ныне, брате, мнить ти ся мысленный рай, но все мыслено мнится видениемъ». Но тогда и слова Христа о Второмъ пришествии тоже могут казаться лишь видением, а это уже серьезное заблуждение: «А еже Христос рече въ Еуангелии о Второмъ пришествии, и то ли мыслено скажете?». Такого же быть не может, ибо: «Ни едино же дело Божие есть тленно, но вся дела Божия нетленна суть».

Тверские споры о рае и вмешательство в них Новгородского архиепископа свидетельствуют о том, что многие сложные богословские дискуссии уже вышли за пределы только монастырских или церковных стен. Мистические рассуждения о конце света, о путях спасения, о райских кушах постепенно становятся достоянием широкой публики. А это означает, что простые миряне уже воспринимали христианское вероучение как свое собственное, пытались разобраться в различных богословских хитросплетениях, примерить их к своей реальной, обыденной жизни. Значит, проблема смысла жизни и посмертного спасения более чем серьезно волновала умы и сердца русских людей.

С. Перевезенцев

ВАСИЛИСА В БЫЛИНАХ, 1) Василиса Микулишна, жена Ставра Годиновича, хвастающего ею на пиру у кн. Владимира и посаженного за это в погребку глубокие; Василиса является к князю, выдавая себя за посла Василия, приехавшего свататься к племяннице его, Забаве Путятичне. Когда подозревают ее пол, то она устраняет это подозрение силой, ловкостью, хитростью и проворством. После пира, на который позвали Ставра играть на гусях, Василиса просила у князя позволения погулять со Ставром и, открывшись своему мужу, возвращается с ним к Владимиру. 2) Василиса Никулишна, жена Данилы Ловчанина; желая жениться на ней, кн. Владимир посылает убить Данилу его же братьев (родного и названного), но Данила сам себя убивает. Василиса просит у князя позволения проститься со своим мужем и убивает себя у его трупа.

Лит.: Муллер Ор. Илья Муромец, сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб., 1869.

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ, персонаж русских фантастических сказок. В большинстве из них Василиса Премудрая — дочь Морского царя, наделенная мудростью и способностью превращения; она может в одну ночь возвести хру-

стальный мост или вырастить чудесный сад; при ее помощи герой преодолевает козни Морского царя и бежит от него вместе с Василисой Премудрой. В вариантах этого сюжета Василиса Премудрая называется иногда Марьей-царевной, Марьей Моревной, Еленой Прекрасной. Она помогает Ивану-царевичу исполнять трудные задачи, которые задает ему ее отец (напр., построить в одну ночь хрустальный мост, церковь из чистого воска и др.). Женившись на Василисе Премудрой, Иван убегает с ней от Морского царя, который посылает за ними погоню. Но Василиса Премудрая обманывает посланных, обращая себя, царевича и коней в различные предметы. Приехав домой, Иван-царевич, не слушаясь предостережения Василисы Премудрой, целует свою сестру, забывает Василису Премудрую и хочет жениться на другой. Тогда Василиса Премудрая печет пирог, из которого вылетают голубь и голубка, напоминающие о ней Ивану-царевичу своим разговором. Иван-царевич разыскивает Василису Премудрую, приводит к отцу и матери и женится на ней.

ВАСИЛИСК, по народному поверью, царь-змей, все убивающий своим взглядом и дыханием, рождается из яйца, снесенного черным семилетним петухом и зарытого в горячий навоз. *А. Н. Афанасьев* указывает параллель к этому сказанию в мифе о рождении Тифона из яйца, зарытого Герою в землю. См.: *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1.

ВАСИЛЬЕВ Афанасий Васильевич (9[21].01.1851—17[30].05.1929), публицист славянофильского направления, государственный и общественный деятель. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета.

Стал одним из 40 членов-учредителей Русского собрания. Однако когда Собрание начало превращаться в политическую партию, Васильев

вышел из РС, объясняя свой поступок тем, что РС отошло от первоначальных идеалов славянофильства. В 1905 основал собственную организацию «Соборная Россия». Много писал по славянскому вопросу (опубликовал в 1876 сборник стихотворений «Славяне»). Был одним из редакторов-издателей журнала «Русская беседа», а в 1890—93 — редактором журнала «Благовест». В 1908 издал книгу «Миру-народу мой отчет за прожитое время», в которую во-

шла большая часть его статей, речей, стихов, докладов и заметок по вопросам христианской нравственности, права, государственного управления и хозяйства. Главной задачей своей литературной деятельности он считал истолкование значения соборности, призывал к созданию «соборного строя Земли Русской и свободного в ней труда» и «соборной самоуправляющейся, свободной в своих решениях и действиях Церкви». После 1917 — в эмиграции. Скончался в Белграде.

Соч.: Мы — русские принадлежим к великому племени славянскому. 2-е изд. СПб., 1875; Хомяков и славянское дело. (Очерк). СПб., 1877; Задачи и стремления славянофильства // Благовест. 1890. Кн. 1—

5. Пг., 1904; Памяти Тертия Ивановича Филиппова. Читано в Союзе ревнителей русского слова 10 февр. 1900. Пг., 1901; 2-е изд. Пг., 1907; Об исконных творческих началах и бытовых особенностях русского народа. Речь в Русском собрании 22 апр. 1901. Пг., 1902; 2-е изд. Пг., 1904; Алексей Степанович Хомяков. К столетию со дня его рождения. Пг., 1904; Призвание России по А. С. Хомякову // Русский вестник. 1904. Т. 290. Кн. 4; Русское мирозерцание. Вып. 1—7. Пг., 1904—07; Первое явление воскресающей соборности. Рижский епархиальный собор 20 сент. — 6 окт. 1905 // Церковные ведомости. 1905. № 48; Пг., 1906; Не убий! Против смертной казни и исключительных судов // Русский паломник. 1906. № 26—27. Пг., 1906; Возвращения сторонников соборности и свободного труда в земле русской. Пг., 1906; Миру-народу мой отчет за прожитое время. Сб. статей, докладов, речей, стихов и заметок по вопросам христианской нравственности, права, государственного управления и хозяйства. Пг., 1908; Что такое соборность? (Раскрытие понятия соборности. Особенное значение соборности для русского народа и России). Пг., 1912; За всеословное волостное земство. Речи, произнесенные в Государственном Совете А. В. Васильевым, Макс. Ковалевским, гр. А. П. Толстым и др. СПб., 1914; Вечная память. Помяник Соборной России. Пг., 1916; Объяснительная записка к начертанию западных границ России после войны и границ славянских областей, освобождаемых от немецкого, мадырско-го и турецкого ига. Пг., 1917.

Лит.: Некролог // Возрождение. 1929. 14 июня.

А. Степанов

ВАСИЛЬЕВ Павел Александрович (7.08.1929—10.05.1990), писатель. Родился в д. Троши Псковской обл. С детства жил в Ленинграде, поступил в школу, весной 1941 выехал в псковскую деревню к родным и с началом войны оказался на оккупированной территории. Васильев провел в оккупации 3 года, видел борьбу партизан с захватчиками, расстрелы стариков и детей, был свидетелем того, как отказавшихся переселиться за резервную линию обороны «Пантера» гитлеровцы уничтожали целыми деревнями. В 1955 закончил Ленинградский электромеханический институт. В 1972 защитил кандидатскую диссертацию.

К литературному творчеству Васильев обратился из потребности рассказать о жестоких картинах войны, свидетелем которых он был, о том, что волновало и мучило. Первая публикация — рассказ «Парень в кепке» в сборнике молодых авторов «Начало пути» (1960). Произведения Васильева воссоздают страшные и героические картины оккупации. Васильев рассказывает о том, чему сам был свидетелем. Кончина его прабабушки, которую немцы сожгли живьем в 1943, описана в повести «Выбор». Мужество, несгибаемая воля народа воплощена в образе Ивана Реброва — героя одноименной повести, прообразом которого послужил дядя писателя (1972). Для Реброва, перенесшего немало тягот и до войны, с приходом немцев невыносимо положение раба на собственной земле, и он становится участником сопротивления. Детективный сюжет повести «От прямого и обратного» — не самоцель, а возможность для психологического раскрытия судьбы человека, ставшего предателем. Писателя интересуют истоки падения человека. Остро драматичны военные рассказы «Весной, после снега», «Пятый рот».

Главный вопрос, которым задаются многие герои Васильева, — смысл человеческого существования, смысл страданий: «За что жизнь меня так?», «Зачем человеку дается жизнь?». Ответ писатель находит в гуманистическом принципе: «Надо жить для людей, для добра» («От прямого и обратного»). Критики отмечают точный, образный язык прозы Васильева. Среди ее достоинств — достоверность, «неожиданность ситуации, композиционный поворот... умение автора проследить за внутренней логикой развития характера... русского характера» (В. Веселов). Пейзажи

Васильева психологичны, «очеловечены», связаны с развитием сюжета. Сборник «Весной, после снега» (1972) — поэтическая, чистая книга «о замечательных людях, сильных духом своим, традициями, любовным отношением к Родине, к земле, к труду» (Е. Кутузов).

«Сберегли ли мы в сохранности все самое хорошее, завоеванное такими страданиями, лишениями, каких не ведал в мире никто?» — спрашивает герой повести «Судомо-гора» (1982) друга военного детства, с которым не виделся 40 лет. Это одновременно и вопрос автора к своему поколению, к самому себе. Нравственные проблемы ставятся и в др. рассказах книги: «По деревне шла и пела», «Фокус-покус», «Небольшая история». Рассказы и повести писателя «и о деревне, и о городе, и о школе, и о детстве, и о любви, и о старости объединяет авторское чувство доброты к честным трудовым людям» (С. Воронин). Книги Васильева несут добро, свет, любовь к людям и своей земле.

Соч.: Парень в кепке. Л., 1971; Весной, после снега. Л., 1972; Задача с двумя неизвестными. Л., 1975; Фронт рядом. Л., 1977; Веселыми и светлыми глазами. Л., 1981; Выбор Л., 1981; Судомо-гора. Л., 1982; Солнечный день. Л., 1982; Ребров [и др. повести] Л., 1984; Ступенька. Л., 1985; Турухтанные острова. Л., 1986; Жили-были рыбки: Сказка. Л., 1987; Нежданно-негаданно. Л., 1989.

А. Любомудров

ВАСИЛЬЕВ Павел Николаевич (23.12.1909[5.01.1910]—16.07.1937), поэт. Родился в г. Зайсан Семипалатинской обл. в семье школьного учителя. Дед был выходцем из сибирского линейного казачества. В 1926 окончил школу второй ступени. Первые стихи были написаны еще в школьные годы. «Записывать и писать сказки Павел начал еще с 3 класса, объединяя их общим названием “Сказки чернильного деда забавные...”», — вспоминала одноклассница поэта. Тяга к поэтическому творчеству пробудилась у начинающего поэта под влиянием сказок и песен деда Корнилы Ильича. Первые поэтические опыты были также навеяны чтением книг.

По окончании школы Васильев оставляет родной дом и отправляется на Д. Восток. Во Владивостоке он знакомится с бывшими друзьями С. Есенина — Р. Ивневым и Л. Повищем, которые высоко оценили его стихи, в которых уже явно пробивалась есенинская интонация.

Первая публикация состоялась во Владивостокской газете «Красный молодец» 6 нояб. 1926. В июле 1927 Васильев переехал в Москву, где поступил на рабфак и продолжал упорно работать над стихами, часть которых воплотила впечатления павлодарского детства.

Летом 1928 начинаются новые скитания Васильева по Сибири и Д. Востоку. На его пути сменяли друг друга Омск, Новосибирск, Томск, Павлодар... В течение 1928 стихи продолжают публиковаться на страницах «Сибирских огней» и газеты «Советская Сибирь», а также в газетах Читы, Иркутска, Сретенска, Хабаровска... В результате крайне нездоровой обстановки, созданной в Новосибирске местными раповлаками, писатели-«сибиряки», обвиняемые, в частности, в «антисемитизме», стали покидать город.

До осени 1929 длились скитания и работа на золотых приисках в Селемдже, на кораблях торгового флота. Впечатления об увиденном и пережитом отразились в серии очерков, позднее объединенных в книги «В золотой разведке» и «Люди в тайге», вышедших в Москве в 1931.

В стихах Васильева преобразование и пробуждение бескрайних, дышащих покоем просторов Передней Азии предстает перед глазами читателя как новый цивилизован-

ный слом в эпоху великого переселения народов. «Замолкни и вслушайся в топот табунный, — // По стертým дорогам, по травмам сырým // В разорванных шкурах бездомные гунны // Степной саранчой пролетали на Рим!.. // Тяжелое солнце в огне и туманах, // Поднявшийся ветер упрям и суров. // Полены горьки, как тоска полонянок, // Как песня аулов, как крик беркутов» («Киргизия»). И герои-покорители и созидатели нового мира кажутся иногда пришельцами из иных миров, вечными пилигримами, чьими костями будут устланы первобытные степи, за преобразование которых никто не потребует свою долю славы: «Ломило кости. Бред гудел. И вот // Вдруг небо, повернувшись тяжело, // Обрушивалось. И кричали мы // В больших ладонях светлого озноба... // А по аулам слух летел, что мы // Мертвы давно, что будто вместо нас // Достраивают призраки дорогу... // Простоволосые, посторонились мы, // Чтоб первым въехала мертвый бригадир // В березовые улицы предместья, // Шагнув через победу, зубы сжав...» («Путь на Семиге»).

Поэма «Песнь о гибели казачьего войска» (1930) — единственная из поэм Васильева, полностью лишенная изобразительного ряда. Она вся построена на голосовой и песенной переключке, причем поэт щедро использовал в ней слышанные с детства казачьи песни. В центре поэмы — казаки атамана Б. А. Анненкова, сложившие свои головы в Прииртышье. Вольно или невольно — Васильев напророчил в ней и свой собственный конец. «Синь солончак и звездую разбит. // Ветер в пустую косяшку свистит. // Дыры глазниц проколола трава, // Белая кость, а была голова... // Он, поди, тоже сигарку крутил, // Он, поди, гоголем тоже ходил... // И, как другие, умела она // Сладко шуметь от любви и вина...»

В марте 1932 Васильев был арестован по «делу сибирских писателей». По этому же делу были привлечены его новосибирские друзья, объединившиеся в Москве вокруг журнала «Красная новь» — Н. Анов, Е. Забелин, Л. Мартынов, С. Марков и Л. Черноморцев. Писателей обвиняли в «писании контрреволюционных стихов», «воспевании адмирала Колчака», а также в «фашизме», «шовинизме» и «антисемитизме».

1 июня 1932 Васильев был освобожден из-под стражи «в результате полного сознания». «Песнь о гибели казачьего войска» была изъята из большей части тиража «Нового мира», а также на стадии верстки было остановлено издание сборника стихотворений «Путь на Семиге».

На протяжении 1932—33 Васильев работал над поэмой «Соляной бунт», которую он сам охарактеризовал как «произведение на национальную тему», сюжетом которой стал поход казачьей вольницы, усмирявшей «киргизов» (казахов) на соляных озерах. Живописность, богатейшая образность и трагический пафос «усмирения» в этой поэме заставляют вспомнить античных авторов и великое «Слово о полку Игореве». Как и в древнерусском памятнике, в «Соляном бунте» природа пророчит недоброе с самого начала похода не только для «киргизов», но и для казаков. В поэме сталкиваются 2 слепые силы, сталкиваются велением исторической неизбежности и надмирного рока, а кровавые сцены «усмирения», казни Григория Босого, зарубившего одного из атаманов, и убоя быка покрываются песней, которая поднимается над собственной судьбой обреченных на гибель героев. Частушка сменяется плачем, а плач — любовной песней, ибо без песни в этом страшном и прекрасном мире невозможно было бы жить.

«Соляной бунт» был издан отдельным изданием в 1934 (единственная прижизненная книга Васильева). К этому

времени он обрел прочные дружеские связи с «новокрестьянскими» поэтами — Н. Клюевым, С. Клычковым и их молодыми друзьями и учениками — И. Приблудным и В. Наседкиным. С. Клычкову Васильев посвятил поэму «Лето», в которой выпал тонкий образ своего друга. «Послушай, синеглазый, — тихо // Ты прошепчи, пропой во мглу // Про то монашье злое лихо, // Что пригорюнилось в углу». Это последнее произведение поэта, на котором явно лежит отпечаток есенинской поэзии. «Я думаю: зачем жилье мы любим украшать цветами? // Не для того ль, чтоб средь зимы // Глазами злыми, пригорюнясь, // В цветах угадывали мы // Утраченную нами юность?»

К 1933—34 относится работа Васильева над поэмами «Синицын и К^о» о становлении капитализма в Сибири в н. века и «Кулаки» на животрепещущую тему коллективизации и классовой борьбы в деревне. Трагедии высылки «кулаков» и убийства «подкулачниками» сельской учительницы имеют равные права в этом произведении, но самое главное остается в подтексте, в неясном намеке, который внушает гораздо большую тревогу о происходящем, чем все живописные картины «классовой борьбы», ибо речь идет о том будущем, которое не сулит ничего доброго ни кулакам, ни колхозникам, ибо рушится навсегда прежняя «консервативная жизнь» и впереди ощущаются лишь ее дымящиеся руины, а очертаний новой жизни никто не может себе вообразить.

В 1934 опубликована статья М. Горького «О литературных забавах», в которой по адресу Васильева было сказано, что «расстояние от хулиганства до фашизма короче воробьиного носа». Эта статья положила начало массивной клеветнической кампании, организованной еврейскими литераторами.

С янв. 1935 Васильев был исключен из Союза писателей, а в мае стал жертвой провокации, учиненной А. Бельменским, Д. Алтаузенем, Голодным, А. Сурковым и др. «пролетарскими» поэтами. После драки с Алтаузенем он был предан суду и отправлен сначала в исправительно-трудовую колонию под Электросталью, а потом в рязанскую тюрьму. Весной 1936 он был ненадолго освобожден, а менее чем через год снова арестован и летом 1937 расстрелян.

В 1956 Васильев был реабилитирован «за отсутствием состава преступления», а через год вышла его первая посмертная книга избранных стихотворений.

Соч.: Соляной бунт. М., 1934; Избранные стихотворения и поэмы: Избранное. М., 1957; Стихотворения и поэмы. Л., 1968 (Библиотека поэта. Большая серия); Избранное. М., 1988; Верю в неслыханное счастье... М., 1988.

С. Кунаев

ВАССИАН ПАТРИКЕЕВ, по прозвищу **Косой** (в миру — **Патрикеев Василий Иванович**), монах (ок. 1470—1532), князь, публицист, один из лидеров нестяжателей в 1-й трети XVI в. Происходил из знатного литовского рода Гедиминовичей. Его отец, Иван Юрьевич, приходился двоюродным братом вел. кн. Ивану III. В 90-е XV в. кн. Василий Патрикеев был очень влиятельной фигурой в высших московских кругах. Участвовал в войне с Литвой, был воеводой во время русско-шведской войны 1495—97, участвовал в Высшем государственном суде.

В династической борьбе к. XV в. отец и сын Патрикеевы поддержали Дмитрия Ивановича. За это в 1499 оба попали в опалу и были пострижены в монахи. Василий Патрикеев под именем Вассиана оказался в Кирилло-Белозерском монастыре. Здесь он познакомился с *Нилом Сорским*, кото-

рый и стал наставником нового инока. В монастыре, выполняя наставления своего учителя, Вассиан знакомится с богословской литературой, изучает Священное Писание.

Несмотря на влияние Нила Сорского, Вассиан не смог следовать до конца его заповеди отречения от мира и сосредоточения на внутреннем духовном самосовершенствовании. Смысл своей последующей деятельности он видел в необходимости преобразования Церкви на принципах нестяжания. Ок. 1509 Вассиана возвратили в Москву, где он стал пользоваться расположением нового вел. кн. Василия III Ивановича. В 1512 произошло первое открытое столкновение *Иосифа Волоцкого* и Вассиана Патрикеева. Волоколамский игумен призвал вел. князя провести «обыск» новых еретиков в Нило-Сорском скиту. Тогда Вассиан написал «Слово ответное», в котором доказывал неканоничность призывов Иосифа к «казням» еретиков. Спор был решен государем — Василий III занял сторону Вассиана и запретил Иосифу письменную полемику с ним.

Влияние на вел. князя Вассиан Патрикеев сохранял до н. 30-х. Именно в этот период и сформировались 2 направления в отечественной религиозно-философской мысли, которые стали называться нестяжательством и иосифлянством. Полемика между сторонниками разных направлений проходила с переменным успехом, а предметом споров стали уже не только вопросы о еретиках, но и разнообразные стороны церковной жизни. И именно Вассиану Патрикееву принадлежит ведущая роль в том, что нестяжательство стало рассматриваться не как монашеское учение, а как средство решения церковных, социальных и даже политических проблем. Вассиан Патрикеев является автором нескольких сочинений. Особенный интерес представляет «Слово ответное».

По своим воззрениям Вассиан близок к Нилу Сорскому. Следуя учению Нила Сорского, в своих рассуждениях Вассиан Патрикеев основывается на идее евангельской любви. В «Слове ответном» он призывает Иосифа и его последователей вспомнить евангельские заповеди: «Вместо смирения Христова мирскую грьдость восприемше, во всех равне погрешаете и ничто же в вас здраво — ни слово, ни дело, ни умышление». В «Слове о еретиках» он отказывается принимать ссылки на Ветхий Завет, который свидетельствует о казнях еретиков — «мы противу сему речем». Зато он принимает евангельские заветы: «Аще от Ветхаго закона и к Новому закону что приведено от святых Христовых уст, от Еуангелиа, и от апостольских посланий во Апостоле, и от святых правил седми собор, и от поместных — сие приемлем». Эту же мысль он повторяет в «Прениях с Иосифом Волоцким» и дальше обвиняет Иосифа в том, что тот «презрел» заповеди Христовой любви. И наконец, в «Ответе кирилловских старцев», возражая Иосифу Волоцкому по поводу казней еретиков, он утверждал, что мир должен управляться любовью: «Видиши ли, господине, яже любовь Моисеова к согрешающим зло превозможе уголи гнев Божий... Нам же, в Новей благодати яви владыко Христос любовный союз, еже не осужати брату брата о том, но единому Богу судити согрешения человеце». Поэтому Вассиан и утверждал, что еретиков следует спасать молитвой и, в крайнем случае, держать в заключении, но ни в коем случае не подвергать смерти, ибо тогда нарушается завет Христовой любви.

В религиозно-философском плане крайне интересны постоянные ссылки Вассиана на Новый Завет. С одной стороны, в этом прослеживается явное влияние Нила Сорского, тоже стремившегося жить по Евангелию. Но отрицание норм Ветхого Завета, как представляется, имеет бо-

лее давнюю историю и в миропонимании Вассиана Патрикеева отразилось, быть может, еще давнее, но сохранившееся в русской религиозно-философской мысли осторожное отношение к ветхозаветным заповеданиям. И одно из согрешений Иосифа Вассиан как раз и видит в увлечении Ветхим Заветом. Чтобы достичь торжества евангельской Христовой любви, Вассиан прежде всего проповедовал нестяжательство — и как способ земной жизни, и как важнейшее условие спасения. Этой теме посвящены практически все его сочинения. Однако если для Нила Сорского нестяжательство было принципом личной жизни и жизни его обители, то Вассиан стремился к тому, чтобы нестяжательство стало принципом жизни всей Русской церкви. Вопрос о том, что Церковь не имеет права владеть селами и землей, поднимался Вассианом Патрикеевым как самый главный. Более того, в полемике с иосифлянами этот вопрос превратился в единственно главный, а все остальные проблемы отошли на второй план.

Основываясь на этом главном своем тезисе, Вассиан Патрикеев призывал, по сути дела, к церковной реформе. Именно поэтому он требовал, чтобы монастыри отказались от земельных владений, а их управление передали в руки «белого» духовенства. Резко отрицательно относился он и к тому, что монастыри владеют крепостными («поработают крестьян — братьев»). И вообще, он высказывался в пользу того, чтобы в основном развивать малые монастыри и скиты, отказавшиеся от имущества, но получающие денежное содержание от государства и богатых земледельцев.

Вассиан Патрикеев стремился к тому, чтобы нестяжательство стало теоретическим и практическим руководством для Русской церкви. Недаром главным своим трудом он считал особую редакцию Кормчей книги, где церковные правила были изложены не по хронологии соборов, а тематически, в соответствии с порядком глав в Сборнике XIV титулов. На сегодня известны 3 редакции Вассиановой Кормчей, причем 2 последние содержат все увеличивающееся количество переводов с греческого *Максима Грека*. Кормчая Вассиана, по мнению исследователей, позволяет расширить наше представление об учении нестяжателей. Напр., она демонстрирует особый интерес князя-инока к некоторым литургическим вопросам, к календарному счету, здесь Вассиан выступает против пострижения рабов в монастырь, толкует о поведении епископата, о монастырских селах и владельческих правах святительских кафедр и церквей.

В своей неприязни к иосифлянам Вассиан нередко доходил до крайностей. Ведь, по яркому убеждению Вассиана, виновными в забвении евангельских истин оказываются не столько еретики, сколько те, кто их казнит — иосифляне, развращающие Церковь богатством. И именно они являются чуть ли не главными врагами веры. Недаром он говорил: «Иосифова монастыря старцы у меня и в келье не бывали, я их к себе не пущаю, и дела мне до них нет». На свою сторону Вассиан Патрикеев сумел привлечь немало сторонников, в т. ч. и приехавшего в Россию Максима Грека. Однако последователи Иосифа Волоцкого не собирались сдаваться. В 1522 митрополитом стал его ученик Даниил Рязанец, который повел жестокую борьбу против нестяжателей. В итоге сначала осудили Максима Грека, а потом и самого Вассиана Патрикеева. Суд состоялся в 1531 и по его приговору Вассиан, обвиненного в нестяжательстве и ереси, заточили в Иосифо-Волоколамском монастыре, где он и погиб от рук «презлых иосифлян» уже в 1532.

ВАССИАН РЫЛО, архиепископ Ростовский (с 1468) (ск. 1481), церковный деятель и публицист. До поставления на архиепископство был монахом Боровского монастыря, затем игуменом Троицкого монастыря и архимандритом Новоспасского монастыря. Был связан с великокняжеским двором — крестил сына Ивана III Васильевича. В конфликте Ивана III с митр. Геронтием выступил на стороне вел. князя.

Многолетняя лояльность по отношению к Ивану III сделала особенно значительным увещание Вассиана Рыло, с которым он выступил во время «стояния на Угре» в 1480. Некоторые из советников вел. князя советовали ему уступить хану, московские горожане, напротив, требовали решительной борьбы с Ахматом. В этой обстановке Вассиан Рыло, незадолго до этого помиривший Ивана III с его братьями, выступил с обращенным к вел. князю «Посланием на Угру».

Осуждая «прежних развратников» вел. князя, ссылавшихся на то, что Иван «связан клятвой еже не поднимати руки против царя стати», Вассиан Рыло заявил, что эта клятва прародителей была дана «по нужди» и что «великому Русьских стран хрестыянскому царю» не подобает повинываться «богостудному» «царю Орды». Вассиан Рыло призывает вел. князя уподобиться «прежде бывшим прародителям» Игорю, Святославу, Владимиру Святославичу, а также Владимиру Мономаху, многократно бившемуся «с океаными половцами за Русскую землю», Дмитрию Донскому, показавшему «мужество и храбрство... за Доном», убеждает его в грядущей победе, в том, что «разыплются поганья страны, хотящая брани», их ослепит божественная молния, их погонит «ангел Господен».

ВАСЮТИНСКИЙ, о. Феодор Иоакимович (?—после 1913), протоиерей, духовный писатель и историк. Выпускник духовной семинарии, служил в Чернигове, где был инспектором духовных училищ города. В период смуты 1905 принял активное участие в монархическом движении, был избран председателем отдела Союза русского народа. Сотрудничал в журнале «*Мирный труд*», который издавал в Харькове проф. А. С. Вязигин. В 1913 там опубликовал важную статью «Масонство и его пагубное влияние в Западной Европе и России», в которой призывал беречь Православие как главное препятствие на пути распространения масонства и революции, которые приведут Россию к гибели: «Православие есть дух русского народа, оно — краеугольный камень русской государственности. Враги Православия всегда и неизменно враги России и русского народа. Пастыри Церкви и все просвещенные православные русские люди! Станем крепко на страже Православия и, по мере сил своих и разума, будем защищать его от всех врагов явных и тайных». О. Феодор был крупным проповедником, автором многочисленных поучений и слов в памятные дни.

Соч.: Русско-славянский букварь для церковно-приходских школ и школ грамоты. 5-е изд. Киев, 1905; Слово в день чудесного спасения Августейшего Царского семейства... 17 окт. 1888. Чернигов, 1906; Спиритизм и взгляд на него с точки зрения слова Божия. Харьков, 1910; Чернигов, его святые храмы, чудотворные иконы и местночтимые святыни. [1911]; Исторический очерк Божественной Литургии св. Иоанна Златоустого... Киев, 1912; Масонство и его пагубное влияние в Западной Европе и России // *Мирный труд*. 1913. № 4.

А. Степанов

ВВЕДЕНСКИЙ Александр Иванович (23.11[6.12].1904—20.12.1941), поэт, член ОБЭРИУ («Объединения реального искусства»). Родился в Петербурге. Отец, служивший экономистом в Поземельном банке, нарек сына в честь вел. кн. Александра Невского. Учился на юридическом факуль-

тете Петербургского университета. Стихи начал писать рано. Посылал их А. Блоку, которому они не понравились. В сравнении с будущими соратниками по ОБЭРИУ Введенский раньше других взял за основной творческий принцип открытую борьбу со здравым смыслом, считая, что в условиях большевизма именно формальная логика отделяет человека от познания реальной сущности мироздания и жизни. Первые (и единственные при жизни) опубликованные стихи Введенского демонстрировали его полное неприятие сложившегося миропорядка. В «Начале поэмы», как и во фрагменте из драматической поэмы «Минин и Пожарский» («Но вопли трудных англичан...», 1927), начисто нарушена привычная логика и во временном, и в пространственном, и в причинно-следственном плане (финал первой публикации: «На гусях смерть играет в рясе / она пропахшему подружка / чу сухопарые костры / свинья тихая Колхида, / горели мясом. Рьсь женилась»). «Сомнительность, неукладываемость в наши логические рамки есть в самой жизни, — скажет потом Введенский. — И мне непонятно, как могли возникнуть фантастические, имеющие точные законы миры, совсем не похожие на настоящую жизнь. Например, заседание».

Введенский ощущал основу своего творчества трагической. Он утверждал, что основными темами для него являются Бог, время, смерть. Считал, что не только разум человеческий, претендующий на постижение и устройство мира, но и само время — величины мнимые, фикция. В «Серой тетради» он записал: «Наша человеческая логика и наш язык не соответствуют времени ни в каком, ни в элементарном, ни в сложном, его понимании... Тем не менее <...> можно попробовать и написать если и не о времени, то хотя бы попробовать установить те некоторые положения нашего поверхностного ощущения времени, и на основании их нам может стать ясным путь в смерть и в широкое непонимание... Горе нам, задумавшимся о времени». В стихах эту мысль Введенский выразил так: «Горит бессмыслица звезда, / она одна без дна» («Кругом, возможно, Бог», 1931).

Эсхатологические настроения усилились у Введенского после его ссылки в Курск в связи со сфабрикованным ОГПУ делом, в частности о «вредительстве в области детской литературы» посредством использования «заумных стихов».

После освобождения и возвращения в Ленинград у Введенского начинается творческий подъем, и трагический пафос его стихов крепнет. Еще в декларации ОБЭРИУ творческий метод Введенского обрисовывался следующим образом: «А. Введенский (крайняя левая нашего объединения) разбрасывает предмет на части, но от этого предмет не теряет своей конкретности. Введенский разбрасывает действие на куски, но действие не теряет своей творческой закономерности. Если расшифровать до конца, то получается в результате — видимость бессмыслицы. Почему видимость? Потому что очевидной бессмыслицей будет заумное слово, а его в творчестве Введенского нет». В 30-е произошло обратное: «бессмыслица» стала у Введенского содержанием произведений, адекватным современной жизни, а словесное «разбрасывание на куски» сменилось стройной формой медитативного монолога или диалогического интеллектуального действия при сохранении принципа алогизма. Таковы лучшие из сохранившихся произведений Введенского (их — ничтожная часть от созданного: будучи человеком бездомным, поэт свои создания не хранил). Это — «Приглашение меня подумать» (1931—34?), «Мне жалко, что я не зверь» (1934), где звучит тоска по невозможности бытия индивидуума во всем многообразии мира. Это «Потец» — жуткая драма о всемогуществе смерти и упорстве человеческого сознания (1936 или 1937). Это драма для чтения «Елка у Ивановых» (1938), где полностью

торжествует абсурд при разумности всех реплик персонажей. Наконец, это «Элегия» (1940), которую восторженно читала А. Ахматова накануне войны, — величественное примирение со смертью («На смерть, на смерть держи равненье, / певец и всадник бедный»). И вслед за ней — «Где. Когда» (1941) — окончательное прощание с миром во всей его метафизической необъятности.

Введенский осознал свою несовместимость с большевистским режимом. В 1936 он переезжает в Харьков, но это его не спасет. 27 сент. 1941 он был подвергнут аресту и, по противоречивым свидетельствам попутчиков, погиб в ходе следования на Казань.

Реабилитация Введенского помог С. Михалков, который познакомился с ним в 30-е и чей знаменитый «Дядя Степа» возник не без влияния стихов Введенского.

Соч.: Полн. собр. соч. Анн Арбон: Адис. Т. 1. 1980; Т. 2. 1984; Полн. собр. произв.: В 2 т. М., 1993; Избранное. München, 1974; Ванна Архимеда. Л., 1991; Поэты группы ОБЭРИУ; Сб. СПб., 1994.

Г. Ф.

ВДОВИН Иван Матвеевич (8[20].09.1864—после 1929), поэт и публицист, самоучка. Родился в д. Бухолово Волоколамского у. Московской губ. Сын крестьянина, волостного старшины. Проведя год в земской школе (1875—76), стал помощником волостного писаря, а с 16 лет — волостным писарем. Начав статьи «Несколько слов по вопросу об улучшении сельского состояния» в газете «Русь» (1881, 25 июля), в которой выразились патриархально-славянофильские взгляды Вдовина, печатался также (80—90-е) в газетах «Свет», «Новости дня», в журналах «Звезда», «Детская помощь», «Детское чтение», «Детский отдых», «Наблюдатель», в сборнике «Каждый для себя и многих» (Самара, 1885). В 1890 в Москве вышла книга Вдовина «Для детей. Стихотворения». Интересны стихи Вдовина, помещенные в коллективном сборнике «Родные звуки» (Вып. 1—2. М., 1889—91) и периодике 90-х, повествующие о тяжелой доле простого человека.

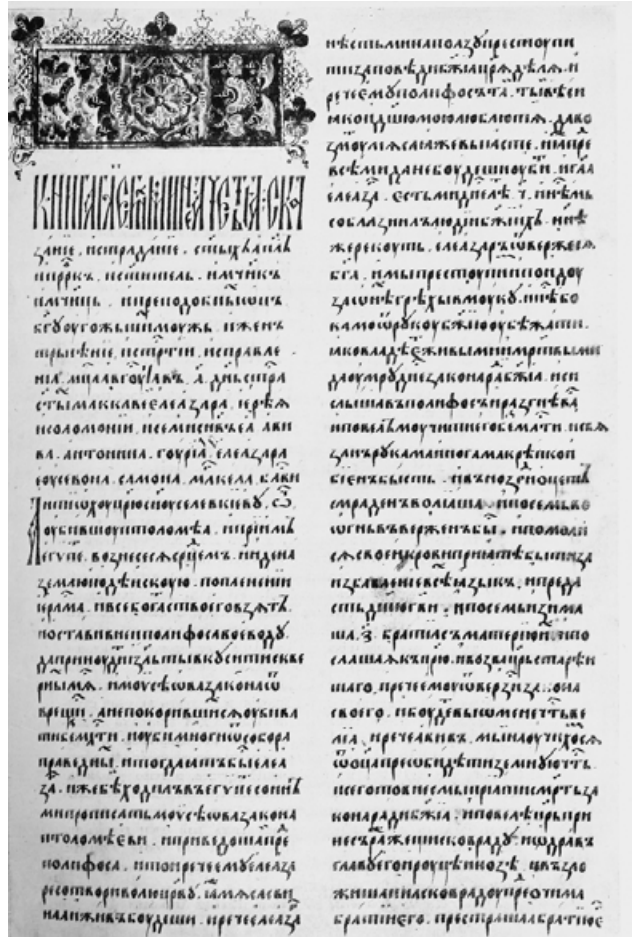
С. С.

ВЕЛИКАНЫ, по народным сказаниям, первоначально все люди были великанами, но постепенно люди мельчают, и когда они будут не больше муравьев, наступит конец света. Великаны, часто заменяемые в народных сказках змеями или чертом, ведут борьбу с богом-громовником, похищают свет и дождевую влагу; но иногда они являются его помощниками. Великаны живут в больших горных пещерах. Они обладают несметными сокровищами, заключенными в горах, которые раскрываются по их приказанию. Деятельность их проявляется в перенесении гор с одного места на другое, в бросании громадных камней. В битвах они употребляют каменные булавы и каменные щиты. Иногда великаны занимаются кузнечной работой. Великанам народ приписывает постройки из нагроможденных друг на друга массивных камней; в холмах или горах видит окаменелых великанов или считает их могилами великанов.

См.: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868.

ВЕЛИКАЯ ГРЕШНИЦА, сюжет *духовного стиха* «про душу великой грешницы»: ангелы, плывя по морю на кораблях, встречают Христа и рассказывают Ему, как душа, расставаясь с телом, каялась в своих грехах. На первом плане поставлено нарушение церковного устава; затем следуют преступления против ближних, против их спокойствия и собственности. Но гибель души основывается не на этих, а на двух грехах, выходящих из ряда вон: на волшебстве и колдовстве. И смерть «грешной души» была самая ужасная, беспokoянная.

ВЕЛИКИЕ МИНЕИ ЧЕТЬИ, свод из 12 месячных книг (миней), своеобразная рукописная энциклопедия древнерусской духовной книжности XVI в., включающая оригинальные и переводные памятники, гл. обр. житийные и риторические, религиозно-философские, церковно-учительные слова и др. сочинения отцов Церкви.

Великие Минеи Четьи были созданы по инициативе митр. Макария как своеобразный многотомный сборник «всех книг четых», «чтомых» на Руси (преимущественно «святых», предназначавшихся для «душеполезного» чтения). Состав их, подобранный и утвержденный Церковью, должен был регламентировать годовой «круг чтения» на каждый день.

Известны 3 «чистовых», полностью завершенных списка Великих Миней Четых, фактически представляющих 3 самостоятельные редакции или, точнее, — три 12-томных книжных свода: Софийский, Успенский и Царский (названия спискам даны по месту их первоначального хранения). Успенский список Великих Миней Четых — единственный из всех трех сохранившихся в полном составе на полках Патриаршей библиотеки.

Внешнее оформление книг Великих Миней Четых выдержано в торжественном стиле «второго монументализма». Размеры каждого 12-томного книжного свода огромны и вполне соответствуют названию «Великие» миней, в отличие от значительно меньших по объему миней домакареевского состава. Каждая из 12 книг Великих Миней Четых насчитывает

вает от 1500 до 2000 листов большого формата (т. н. «александрийский лист»).

Формирование трех беловых списков Великих Миней Четых длилось ок. 25 лет. Общее представление о ходе этого процесса можно составить на основе предисловий («Летописцев») митр. Макария, открывающих тома Великий Миней Четых. Создание Софийского свода Великих Миней Четых было начато в Новгороде в 1529—30 и длилось в течение 12 лет. Как свидетельствуют вкладные записи, 12 книг Софийского списка были вложены Макарием в Новгородский Софийский собор «на помин души» его родителей в 1541. 12 томов Успенских Великих Миней Четых митрополит внес как вклад «на память своей души и по своих родителей в вечный поминок» в Успенский Кремлевский собор в 1552. Работа над Царским списком, предназначавшимся для царя *Ивана IV*, продолжалась еще в 1554. В XVII в. этот список хранился в царских палатах: на его декабрьской книге осталась пометка дьяка Ивана Арбенева о принадлежности ее царю Федору Алексеевичу и Приказу книг Печатного двора.

Создание Софийского списка Великих Миней Четых происходило в Новгороде при архиепископском доме Макария трудами «многих различных писарей» и книжников, переписывавших произведения, переводивших их и предпринимавших новые переводы и сверку их по греческим оригиналам, «от иностранных и древних пословиц перевода на русскую речь», как писал в предисловии к Великим Миней Четым Макарий. Для формирования первоначального состава Великих Миней Четых были привлечены материалы всех подвластных архиеп. Макарию новгородских и псковских библиотек. Работа над Успенским и Царским списками частично продолжалась проводиться в Новгороде (здесь копировались тексты Софийского списка), но, став митрополитом «всей Руси», Макарий смог привлечь к работе писцов и книжников различных городов и монастырей со всех концов России, а окончательное оформление книг происходило, очевидно, под его наблюдением в Москве, в его митрополичьем скриптории.

В основу Великих Миней Четых были положены минейные сборники раннего времени, статьи из Пролога и Торжественника, обильно дополненные новыми материалами: русскими и переводными житиями святых, полными текстами пятериков, библейскими книгами, праздничными и похвальными словами, поучениями, посланиями, толкованиями, сочинениями отцов церкви — Василия Великого, Григория Богослова, целыми сборниками (Златоустом, Златоуструем, Маргаритом и др.), «Тактиконом» Никона Черногорца, а также разнообразными историческими и публицистическими произведениями, сказаниями и «хождениями», документальными материалами (уставами, актами, грамотами и пр.), *Кормчей книгой* и даже *апокрифами*.

Созданию Великих Миней Четых предшествовала огромная составительская, переводческая и редакторская работа: она заключалась в сплошной и весьма существенной идейно-стилистической переработке всего пестрого собранного материала с тем, чтобы изложение в Великих Миней Четых было выдержано в едином торжественном и велеречивом стиле «второго монументализма». Как правило, включение памятника в Великие Миней Четые приводило к созданию его новой редакции.

К созданию Великих Миней Четых были привлечены широкие круги русских писателей, переводчиков, книжников и переписчиков начиная с известных публицистов и агнографов, таких, напр., как *Зиновий Отенский*, Лев Филолог, *Василий Михайлович Тучков*, *Ермолай-Еразм*, дьяк *Дмитрий Герасимов*, пресвитер Илья, псковский священник-агнограф Василий Варлаам и др., но неопытных авторов какого-нибудь единственного сочинения, написать которое для Великих

Миней Четых им было поручено Макарием. «Во спасение души» предпринимали книгописные труды для Великих Миней Четых и высшие церковные иерархи XVI в., такие как Новгородский архиеп. Феодосий, еп. Крутицкий Савва Черный, еп. Вологодский и Владимирский Иоасаф.

Внешнему оформлению Великих Миней Четых и расположению материала по годичному кругу церковного календаря придавалось особое значение. В каждой из 12 книг Великих Миней Четых (по типу домакаръевских миней и прологов) произведения подобраны и расположены в порядке дней, на которые приходится «память» святого. Та часть материала, которая не поддавалась распределению по порядку дней календаря, не имея связи с именем какого-либо святого, помещалась в конце миней, в последних числах месяца, как своеобразное дополнение к тому. Составители стремились к приблизительному равенству объема всех 12 книг миней. Торжественному стилю соответствовал не только большой размер фолиантов, но и строго выдержанный полуустав, расположенный на листе в 2 колонки, выполненные четкой киноварной вязью заглавия и изящно изукрашенные заставки нововизантийского стиля (по золотому фону с преобладанием синей краски). Иллюстрированы были и отдельные сюжеты внутри книг (напр., в Софийском и Успенском списках за авг.). Часть книг сохранила старинные переплеты XVI в. (доски, обтянутые кожей, украшенной богатым тиснением).

Великие Миней Четые зафиксировали состав книг, особенно ценившихся и имевших наибольшее обращение в определенных кругах грамотных людей рубежа XV—XVI вв., а для нас способствовали сохранению от гибели многих литературных памятников. Сбор книг по городам и монастырям Руси способствовал также формированию в Москве будущей Патриаршей (Синодальной) библиотеки.

В XVII в. Великие Миней Четые были положены в основу Миней Четых Чудовских (1600), Миней Германа Тулупова и Миней И. И. Милютина, а в к. XVII — н. XVIII в. — в основу Миней Четых *Димитрия Ростовского*, завершившего замысел митр. Макария о заполнении произведениями всех дней годового «круга чтения» и сформировавшего Миней Четые как литературный жанр.

Особой популярностью Великие Миней Четые Макария пользовались у старообрядцев (выписки из них встречаются в составе старообрядческих сборников, «Цветников»). В подражание Великим Миней Четым Андрей Денисов составил свои Четые Миней для Выговской пустыни.

Изд.: Великие Миней Четые, собранные всероссийским митр. Макарием, изд. Археогр. комиссией: СПб.: М., 1868—1916; Из Великих Миней Четых Макария / Подг. текста и коммент. Н. Ф. Дробленковой; пер. Н. Ф. Дробленковой и Г. М. Прохорова // Памятники литературы Древней Руси: 2-я пол. XVI в. М., 1986.

Н. Дробленкова

«ВЕЛИКОЕ ЗЕРЦАЛО», памятник древнерусской литературы и философии, переводной сборник нравоучительных рассказов, предназначенных как для чтения, так и для иллюстрации проповедей. Составлен в XV в. на латыни, приобрел известность в Европе в XVII в. Переведен на польский, а с польского, в свою очередь, — на русский (посл. треть XVII в.). Переводов было 2: в 70-х, по указанию царя Алексея Михайловича и под наблюдением его духовника Андрея Постникова, и в 1690-х, причем оба раза сборник переводился не полностью. Тематически — прославленные добродетели и обличение порока — «Великое зеркало» напоминало традиционную агиографическую литературу и даже в русской версии включало отдельные национальные сюжеты (повесть о пресвитере Тимофее). Сборник чрезвычайно активно переписывался, в частности, в старообрядческой среде, повлиял на мировоззрение, фольклор (*сказки*,

легенды, *духовные стихи*), лубок, Синодик; сюжеты из «Великого зеркала» обрабатывали Антоний Радивиловский, Иоанникий Галатовский, Симеон Полоцкий, А. П. Сумароков, В. И. Майков, Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов, Н. С. Лесков и др.

М. О.

ВЕЛИТНИ, великаны малороссийских народных сказаний, существовали до потопа; их заменили обыкновенные люди, которые начали появляться на земле еще при существовании великанов. Эти последние были так огромны, что один из них, увидев пашущего человека, взял на ладонь плуг с шестью волами и самого «плугатяря». «Теперь нет велетнив, только в церкви в Киеве или Львове стоит нога одного из них: такая высокая, что достает до купола. Великанов заменили мы, обыкновенные маленькие люди, а нас заменят когда-то карлики, которые будут так малы, что в наших печах их двадцать будет молотить». (См. также: Великаны).

ВЕЛИЧКО Василий Львович (2.07.1860—31.12.1903), поэт, публицист, один из вдохновителей и организаторов Русского собрания (РС).

Родился в г. Прилуки в дворянской семье, происходившей от известного запорожского казака-летописца Самуила Величко, автора «Летописи событий в Юго-Западной России в XVII в.». Детство прошло в родовом хуторе Вернигоровщине, где бывали дружившие с его предками *Н. В. Гоголь*, *М. И. Глинка*, *Т. Г. Шевченко*, *Н. И. Костомаров*. Образование получил в киевском пансионе Даниэля и в Императорском училище праведения,

которое окончил в 1883. К тому времени Величко получил известность как поэт, в 1880 в «Живописном обозрении» было опубликовано его первое стихотворение. А вскоре его стихи уже печатали «Свет», «Русская мысль», «Новое время», «Вестник Европы», «Русский вестник», «Северный вестник», «Нива», «Неделя» и др. мало-мальски известные тогдашние периодические издания. В 1890 вышел первый сборник его стихов «Восточные мотивы», а 4 года спустя появились «Второй сборник стихотворений» и «Стихотворения для детей». Кроме стихов Величко написал несколько драматических произведений («Первая муха» (удостоена Грибоедовской премии), «Потомок Дон-Жуана», «Нефтяной фонтан» и др.), писал повести и рассказы. Он был организатором и душой литературного кружка, который существовал в С.-Петербурге в к. 80-х — н. 90-х. Кружок собирался у его родственницы и соавтора некоторых драматических произведений *М. Г. Муретовой*, которая позднее была членом РС (как и ее дети). В этот кружок входили известные деятели русской культуры: философ В. С. Соловьев, писатели *Н. С. Лесков* и *Д. Л. Мордовцев*, художники *И. Е. Репин* и *Н. Н. Каразин*, ученый *А. Н. Веселовский* и др. (О своем друге В. Соловьеве после его смерти Величко написал прекрасную книгу).

В 1896, порвав все дружеские и литературные связи, Величко уехал в Тифлис редактировать газету «Кавказ». Здесь он столкнулся с враждебной русскому делу, хорошо организованной и мощной армянской плутократией, сросшейся с

продажным чиновничеством. Новый редактор русской газеты объявил войну антирусским силам. За 3 года Величко удалось превратить газету в боевой патриотический орган, отстаивающий русские национальные интересы на Кавказе. Но одновременно он нажил себе множество влиятельных врагов в среде бюрократии. В февр. 1904 о. *Иоанн Восторгов*, выступая на панихиде по усопшему поэту в Тифлисе, отмечал: «Да, так много у него врагов, что даже открытые молитвенные собрания для поминовения покойного служителя русского дела не безопасны в смысле возможности... преследования за них, давления и осуждения со стороны сознательных или бессознательных врагов русского дела».

В 1899 Величко вынужден был оставить редакторское кресло и вернулся в Петербург. Отныне делом его жизни стало — зажечь «самосознания зарю» (строка из его стихотворения). Поэт становится не только певцом русской идеи (как было прежде), но и бойцом за русскую идею. Его опыт и боевой настрой вскоре были востребованы. В среде патриотической интеллигенции столицы велась работа по организации националистического кружка. Величко включился в нее, и вскоре было создано Русское собрание. В апр. 1902 он стал соредактором влиятельного национально-консервативного журнала «Русский вестник». Здесь в полной мере раскрылся талант Величко-публициста. В 1902—03 он опубликовал цикл статей под общим названием «Русские речи». Статьи были посвящены самым злободневным проблемам русской жизни. Об этом свидетельствуют их заголовки: «Самоуправление и самодеятельность», «Инородцы и окраины», «Вопрос о рабочих». Целых 3 статьи были написаны по еврейскому вопросу: «Роковой вопрос», «Сионизм» и «Исход». В них, по сути, была сформулирована патриотическая концепция решения еврейского вопроса. 1903 оказался одним из наиболее плодотворных в его творческой биографии. Величко издал историческую драму «Меншиков» и новый сборник стихов «Арабески», в котором он предстал как продолжатель традиций русской философской лирики. Одно из стихотворений сборника «Русскому Собранию» стало поэтической визитной карточкой патриотического движения. Однако в окт. Величко неожиданно заболел воспалением легких и вынужден был сложить с себя обязанности второго редактора «Русского вестника».

Величко скончался в самом расцвете сил — в возрасте 43 с половиной лет. «Таинственной и загадочной» считал известный духовный писатель *С. А. Нилус* смерть Величко, как и умершего незадолго до того (и тоже не старым) его друга В. Соловьева. Всего себя без остатка Величко отдавал делу борьбы за национальные интересы России. Даже на смертном одре его мысли были о судьбе Отечества. Очевидец его кончины приводит предсмертные слова поэта, обращенные к друзьям: «Думайте о благе России, Царя и народа!.. Душа Царя — душа народа! Он Божий ставленник, живая связь народа с Богом!.. Народ не виноват в пороках русской интеллигенции. На крыльях его духа Россия вознесется над миром!.. Уходите в деревню! Там будут выработаны формулы, которые победоносно выведут Россию на истинный путь!..». Господь даровал ему конец благий. Вот еще одно свидетельство очевидца: «Не было ни сутолоки, ни криков. Было тихо и торжественно... Так умирают лучшие русские люди. Чистая и могучая душа поэта и борца русской самоубитости уходила из пораженного болезнью тела величаво и спокойно».

Монархисты весьма почитали память поэта и одного из основателей РС. Ежегодно при большом стечении участников проходили вечера его памяти, на которых выступали многие лично знавшие Величко деятели патриотического движения. Доброй памяти о себе он был обязан не только общественной

деятельности, но и своим личным качествам. В статье «Духовная сущность и свобода писателя» Величко обращался с пламенным призывом ко всем русским литераторам посвятить свой талант служению не идолам бренного мира сего, но вечным идеалам и святыням. Он писал: «Пусть каждый, вступающий в священный храм литературы, скажет себе: “Не хочу быть ярким электрическим фонарем на дверях растленного кафешантана. Я предпочитаю быть еле видной восковой свечечкой пред алтарем моей святыни!!!”».

Соч.: Восточные мотивы. Стихотворения. СПб., 1890; Второй сборник стихотворений. СПб., 1894; Владимир Соловьев. Жизнь и творения. СПб., 1902; Арабские. Новые стихотворения. С портр. автора. СПб., 1903; Меншиков. Историч. драма в 5 действ., в стихах. СПб., 1903.; Полн. собр. публиц. соч. В 2 т. Т. 1: Кавказ: Русское дело и междуплеменные вопросы. СПб., 1904; Т. 2: Русские речи. СПб., 1905; Кавказ: Русское дело и междуплеменные вопросы. Репринт. Баку, 1990.

Лит.: Апраксин П. Н., Бурнашев С. Н. Последние дни Величко. М., 1904; Бородин М. М. Памяти Василия Львовича Величко (О его поэзии). Докл. в Русском Собрании и Харьковском отделе // Русский вестник. Кн. 2. 1904. Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы. 2-е изд. СПб., 1907; Возжин П. Как умер Величко // Русский вестник. Кн. 2. 1904. Восторгов, о. И. И. Борец за русское дело на Кавказе // Протоиерей Иоанн Восторгов. Полн. собр. соч.: В 5 т. Т. 2. СПб., 1995; Вязицин А. С. В. Л. Величко // В тумане смутных дней. Харьков, 1908; Де-ла-Барт Ф. Литературный кружок 90-х // Известия общества славянской культуры. Т. 2. Кн. 1. 1912; [Любомудров А. А.] Памяти патриота. (По случаю кончины В. Л. Величко). Тула, 1904; Ницус С. А. Близ есть при дерев. М.; СПб., 1999; Петров К. В. Л. Величко // Ист. вестник. Кн. 2. 1904.; Туманов Г. М. В. Л. Величко // Характеристики и воспоминания. Заметки кавказского хроникера. Т. 2. Тифлис, 1905.

А. Степанов

ВЕЛИЧКО Самойло Васильевич (1670 — после 1728), малороссийский летописец. Учился в Киево-Могилянской коллегии. Юношей вступил в запорожское войско; с 1690 по 1708 — канцелярист у генерального писаря Василия Кочубея, после казни которого был отстранен от службы. Занимался обучением детей и историографией. Автор знаменитой казацкой летописи «Сказание о войне козацкой з поляками, чрезъ Зиновия Богдана Хмельницкого, гетмана войск запорожских, в осми летех точившойся...». Эта летопись, законченная в 1720, не дошла до нас полностью (изложение обрывается на 1700). Она изобилует документальным материалом (акты, грамоты, письма, универсалы и др.); в ней использованы многочисленные малороссийские и иностранные литературные источники.

Соч.: Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. Т. 1—4. Киев, 1848—64.

Л. М.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ Анатолий Евгеньевич (1[14].12.1901—2.01.1981), поэт. Родился в Варшаве. Отец — преподаватель в юнкерском училище. Детство и юность Величковского прошли в Елизаветграде. Каждое лето Величковский проводил в деревне в родительском имении. Семнадцать лет вступил в Добровольческую армию. С 1920 жил в Польше, служил управляющим большого имения. Переехал во Францию, работал чернорабочим на металлургическом заводе в Каннах, водителем ночного такси в Лионе. Во время войны переселился в Париж. Печатать стихи начал в 1947. Первый поэтический сборник Величковского — «Лицом к лицу» (1952) — вышел в известном русском парижском издательстве «Рифма». Второй сборник Величковского — «С бору по сосенке» — вышел в 1974; третий — «О постороннем» — в 1979; четвертый был опубликован посмертно («Нерукотворный свет», 1981). «Ключ к моим стихам, — говорил Величковский, — отчаяние. Оно и сделало меня поэтом. Отчаяние — потеря родины, гибель ста-

рой России, гибель природы в наш технический век». Ю. Иваск писал о Величковском: «Он чувствовал себя побежденным», однако «находил в себе лирическую силу пять не только о горестях, но и о радостях». Жизнь для Величковского разделена на «верховный звездный путь и темный этот». Окружающее несет мало радости: «Смотрю в окно, а в окнах столько мрака, / Что хватит мне его на целый год». В первом сборнике Величковский сумел показать влияние некоего инобытия — темного и демонического. Основная тема второй книги — антисовременность («Куда ни ступит человек, / Течет фабричное зловонье»). Современность, техническое игло внушает страх: «Перед земным существованьем страх / Меня заставил сделаться поэтом». Современность отталкивает его во всех проявлениях (толпа «детей невинно улыбалась, / Пока котенок корчился в огне»). Только единение с природой еще дает возможность жить на этой земле.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ Иоанн (?—1726), малороссийский стихотворец. Работал в Чернигове в типографии *Лазаря Барановича*, позже был пресвитером Успенской церкви в Полтаве. Автор латино-польского панегрифика Барановичу и двух рукописных (полностью не изданы) сборников стихов «Зегар з полузегарком» (1690) и «Млеко от овцы пастыру належное» (1691), в которых разрабатывал теорию т. н. барочного стихосложения и дал образцы разных стихотворных «штучок» — *вирийей* очень сложной формы («эхо», «раки», «акростихи», «лабиринты» и др.).

ВЕЛЬТМАН Александр Фомич (8[20].07.1800—11[23].01.1870), писатель. Родился в Петербурге в семье бедного

служилого дворянина. Учился в Благородном пансионе при Московском университете, потом в пансионе в Петербурге, затем окончил (1817) корпус колонновожатых и был направлен в Бессарабию военным топографом. В Кишиневе сблизился с *А. С. Пушкиным* и *В. Ф. Раевским*. Увлёкся археологией и историей края. Плодом этого увлечения был ряд опубликованных в 40-х археологических и исторических работ. С 1842 — помощник директора Оружейной палаты, затем директор (1852). С 1854 — член-корреспондент Академии наук. С 1828 начал выступать со стихами в столичных журналах. Песня разбойника из поэмы Вельтмана «Муромские леса» («Что затуманилась, зоренька ясная») стала популярной песней. Первым произведением Вельтмана, имевшим успех, был своеобразный роман-путешествие «Странник» (Ч. 1—3. 1831—32) — рассказ о путешествии, совершающемся лишь в авторском воображении. В исторических романах «Кашей Бессмертный» (Ч. 1—3. 1833), «Лунатик» (Ч. 1—2. 1834), «Святославич, вражий питомец» (1835) и др. Вельтман в духе *славянофилов* с любовью и теплотой изображает великое прошлое России, восхищается патриархальной стариной.

Наибольшей оригинальностью содержания и формы выделяется роман «Саломея» (1846) — первый из цикла романов «Приключения, почерпнутые из моря житейского» (Кн. 1—4. 1846—63). Свообразие произведений Вельтмана

заключается в смешении фантастики и реальности, авантюрных и бытовых элементов, в использовании гротеска, каламбура, стилизованной речи.

Соч.: Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. М., 1957; Романы. М., 1985; Сердце и думка. М., 1986.

ВЕНЕВИТИНОВ Дмитрий Владимирович (14[26].09.1805—15[27].03.1827), поэт, критик. Родился в старинной дворянской семье. Получил отличное домашнее образование. Серьезно занимался музыкой и живописью. В качестве вольнослушателя посещал лекции в Московском университете. Сдав экзамены в университете в 1824, поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел. Стоял в стороне от масонского и декабристского движения. В окт. 1826 переведен на дипломатическую службу в Петербург, где и умер.

Необычайная одаренность Веневитинова проявилась очень рано и поражала современников своей глубиной и разносторонностью. Веневитинов был одним из инициаторов «Общества любомудров» (осн. в 1823), одного из главных предшественников славянофильского движения. В 1826 Веневитинов разработал план литературно-философского журнала нового типа, частично реализованный в журнале «Московский вестник»; вместе с А. С. Пушкиным он был одним из участников первого номера (1827). Небольшое по объему литературное наследие Веневитинова выделяется среди романтической поэзии 20-х своей философской направленностью и общественной значимостью. В поэзии Веневитинова отразились христианские идеи духовно свободной личности («Песнь грека», «Освобождение скальда», «Евпраксия», «Смерть Байрона»). Цикл стихов посвящен культуре дружбы — чувству, которое Веневитинов возвышал до всеобъемлющей любви к людям-братьям. Тема древней новгородской вольницы отражена в стихотворении «Новгород». Высокому назначению поэзии и поэта посвящены многие стихи и теоретические высказывания Веневитинова в его статьях. Философские мотивы лирики Веневитинова получили дальнейшее развитие в поэзии Е. А. Баратынского, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева. Веневитинову принадлежат переводы в стихах и прозе с латыни (Вергилий), французского (Ж. Б. Гресе, Ш. Мильвуа), немецкого (Э. Т. А. Гофман и др.) языков. Лучшими являются переводы Веневитинова из В. Гёте (отрывки из «Фауста», из трагедии «Эгмонт», драмы в стихах «Земная участь художника» и «Апофеоз художника»). Среди литературно-критических статей Веневитинова выделяется «Разбор статьи о «Евгении Онегине»», высоко оцененный А. С. Пушкиным. Веневитинов писал также о живописи, музыке. В эстетике он выдвигал идею исторического усложнения форм искусства, противостоя нормативности эстетики классицизма. Выступая за народность и самобытность искусства, он призывал поэта к гражданскому служению (статья «Ответ г. Полевому» и др.). В философских статьях («О состоянии просвещения в России», опублик. под назв. «Несколько мыслей в план журнала», 1831) выдвигал идеи православно-национального воспитания. Ранняя смерть Веневитинова вызвала поэтические эпитафии А. А. Дельвига, А. В. Кольцова, М. Ю. Лермонтова и др.

Соч.: Полн. собр. соч. / Под ред. и с примеч. Б. В. Смиренского. Вступ. ст. Д. Д. Благого. [М.; Л.], 1934; Избранное / Вступ. ст., подгот.

текста и примеч. Б. В. Смиренского. М., 1956; Стихотворения. [Л.], 1937; Стихотворения. Л., 1940; Полн. собр. стихотворений. Л., 1960.

Б. С., Д. К.

ВЕНЕЛИН (псевд.; наст. фамилия — Хуца) **Юрий Иванович** (22.04[4.05].1802—26.03[7.04].1839), филолог-славист. По происхождению русин. Учился на медицинском факультете Московского университета (1825—29), одновременно занимался историей и филологией. Печататься начал в 1828. Известность приобрела его работа «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (Т. 1—2, 1829—41), в которой доказывается славянское происхождение протоболгар. В 1830—31 в Болгарии и Румынии Венелин собирал материалы для исследований о культуре, быте и языке южных славян, на основе которых опубликовал несколько работ. В рукописи осталась «Грамматика нынешнего болгарского наречия» — первый опыт создания грамматики болгарского языка. Работы Венелина сыграли большую роль в пробуждении национального самосознания болгар, способствовали укреплению русско-болгарских связей.

Соч.: О характере народных песен у славян задунайских. М., 1835; О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838; Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты... СПб., 1840.

ВЕРГУН Дмитрий Николаевич, поэт, публицист. Принадлежал к числу поэтов Галицкой Руси, пишущих на русском литературном языке. Высшее образование получил во Львовском и Венском университетах. Изучив русский литературный язык в общегитии Народного дома во Львове, Вергун начал печатать в галицко-русской «Беседе» стихотворения и рассказы из галицко-русской жизни. За составление «Программы червонно-русской молодежи» был в 1897 посажен в австрийскую тюрьму, а впоследствии, под предлогом политической неблагонадежности, не был утвержден австрийским министерством в должности лектора русского языка, на которую был избран философским факультетом Венского университета после защиты диссертации о *Мелетии Смотрицком*. Вергун приступил к изданию в Вене на русском языке журнала «Славянский век» (1900—04), стоял во главе основанного в 1897 «Кружка любителей русского языка» в Вене и содействовал открытию таких же кружков в других городах. В 1901 вышел сборник его стихов «Червонно-русские отзвуки», в 1905 напечатано его сочинение «Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах», переведенное на французский, чешский, сербский и венгерский языки; в 1911 издал литературно-общественный сборник «Ладо», где помещена его работа об австро- и русско-славизме. В 1907 Вергун переселился в Россию, где продолжил начатое еще раньше сотрудничество в «Новом времени». Среди его стихотворений наибольшим успехом пользовались «Славянские звоны»; из которых были положены на музыку, напр., «Русский сокольский марш» — Главачем, «Кантата Гоголю» — А. М. Архангельским, «Вперед, народ Руси Червонной!» — Шолларом.

Лит.: Аристов Ф. Ф. Галицко-русские писатели. М., 1911.

ВЕРЕВКИН Михаил Иванович (1732—21.03[1.04].1795), драматург, переводчик. Родился в с. Покровское Московской губ. в дворянской семье. Воспитывался в Шляхетском корпусе. С 1743 служил во флоте. В 1756 назначен ассесором при Московском университете. В 1759—61 — директор

гимназии в Казани. Комедии Веревкина «Так и должно» (1773), «Именинники» (1774), «Астрей», «На нашей улице праздник» (две последние не сохранились) относятся к жанру т. н. слезной драмы. Веревкин отходит в них от некоторых правил драматургии *классицизма*. Он стремился правдиво изображать современные нравы, вызывать «только вкусные чувствительным сердцам» слезы, осуждал жестокость и скудость помещиков, взяточничество чиновников, метко используя живой народный язык, *половицы, поговорки*. Противопоставленные отрицательным персонажам добродетельные герои (Доблестин, Пульхерия, Воин Воинович Милой) риторичны. Пьеса Веревкина «Точь в точь» (1774, опубл. 1785) интересна колоритным изображением эпизодов пугачевского восстания, которое Веревкин наблюдал, будучи директором походной канцелярии гр. П. Панина; подавление восстания Пугачева оценивается как «истребление злодеев». В 80-е Веревкин переводил исторические и философские сочинения. Его переводы: «История о странствиях» Прево (Т. 1—22), «История Франции, Англии, Турции» Милоша (Т. 1—10), «Всеобщая система воспитания» Эберта и Штрека (Т. 1—12) и др. Как член Российской академии Веревкин принимал участие в составлении «Словаря Академии Российской» (1789—94).

Н. Б.

ВЕРЕЩАГИН Александр Васильевич (10[22].05.1850—28.01[10.02].1909), писатель, генерал-майор, брат художника Верещагина. Учился в Николаевском кавалерийском училище; участвовал в Турецкой кампании; под Плевной был тяжело ранен. Во время Текинской экспедиции состоял ординарцем при М. Д. Скобелеве. Был оценщиком Дворянского Земского банка. В 1900—02 служил на Д. Востоке. Напечатал: «Дома и на войне» (СПб., 1885. 2-е изд.; перев. на английский, французский и немецкий языки), «У болгар и за границей» (СПб., 1896; в эту же книгу вошли «Рассказы банковского оценщика»), «Новые рассказы», «По Маньчжурии», «В Китае» и «На войне».

В произведениях Верещагина звучали патриотические мотивы.

ВЕРЕЩАГИН Иван Афанасьевич, поэт. Первоначальное образование получил в Троицкой духовной семинарии, где дошел до класса богословия, откуда в 1775 поступил в Московский университет, который окончил в 1778. В 1776—79 Верещагин являлся кустосом (хранителем) библиотеки университета.

Первые *оды* Верещагина, посвященные победам русской армии в войне с Турцией, а также на заключение мира (1771—75), написаны в подражание ломоносовскому образцу. Наиболее значительное произведение Верещагина — «Песнь “Осеняемая свыше Россия” на высокаторжественный день тезоименитства императрицы Екатерины Алексеевны» (1775), где говорится, в частности, о заслугах имп. Петра I.

ВЕРЛИБР (*франц.* — свободный стих). Первоначально верлибром, или свободным стихом, в России назывались переведенные на русский язык стихи французских поэтов-символистов.

Однако в практике русских поэтов такие стихи появлялись задолго до символистов, напр. у А. Фета:

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я...
Чаще всего мне приятно скользить по заливу, —
Так, — забываясь

Под звучную меру весла,
Омоченного пеной шипучей, —
Да смотреть, много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...

Все формы верлибра распадаются на две категории: метрический верлибр и дисметрический верлибр. У русских поэтов обозначилась явная тенденция к трехдольному метрическому верлибру. Такие верлибры писали А. Фет, А. К. Толстой, К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Блок, М. Волошин, И. Бунин, М. Кузмин, А. Белый и др. Интересно, что М. Лермонтов первым написал стихи в форме трехдольного верлибра, вне периода: «Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, к небу меня приучали, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе...». Этот отрывок легко обратить в стихотворные строки:

Синие горы Кавказа,
приветствую вас!
вы взлелеяли детство мое;
вы носили меня на своих одичалых хребтах,
облаками меня одевали,
к небу меня приучали,
и я с той поры все мечтаю об вас да о небе...

В такой же форме трехдольного беспериодного верлибра написан роман А. Белого «Маски», который, по признанию автора, является поэмой в стихах и напечатан прозой лишь в целях экономии бумаги. Вот начало второй главы романа А. Белого:

Ах, как пышно были салоны московские, где бледно-желтые, но губоцветные дамы являлись взбеленными, как никогда, обвисая волнением кружев, в наколках сверкающих, или цветаясь горлицевыми шляпами; и как шампанское, пенилась речь «либеральных» военных сквозь залп постановочный из батареи Таирова: яркой Петрушкой; в партерах сидели военные эти, ведомые в бой Зоей Стрюти, артисткою (Ольгой Юльевной Живолгой).

Гораздо шире по количеству произведений область разнообразного дисметрического верлибра. Поэма «Слово о полку Игореве» — это классический пример русской полиметрии и свободного стиха. Некоторые произведения ранней вишневой поэзии, приближающиеся к форме равносложия силлабистов, многие русские былины и лирические стихопесни построены как свободные стихи, как верлибры. В русской поэзии сложились два основных вида дисметрического верлибра: интонационно-фразовый стих и ударник. И тот и другой могут быть с рифмами и без рифм. Примеры *фразовика* без рифм:

Ходит Спесь, надуваючись,
С боку на бок переваливаясь.
Ростом-то Спесь аршин с четвертью,
Шапка-то на нем во целу сажень,
Пузо-то его все в жемчуге,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашел бы Спесь к отцу, к матери,
Да ворота не крашены.
А и помолится б Спесь во церкви Божией,
Да пол не метён!
Идет Спесь, видит — на небе радуга;
Повернулся Спесь во другую сторону:
Не пригоже-де мне нагibasя!

(А. К. Толстой)

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

(А. Блок)

Фразовик народный, рифмы смежные (*раёшный стих*):

Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Шел, сам не зная куда.

(А. Пушкин)

Примеры верлибра акцентного строя (ударники).
Трехударник без рифм:

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года...

(А. Пушкин)

Четырехударник без рифм:

Вечерний сумрак над теплым морем,
Огни маяков на потемневшем небе,
Запах вербены при конце пира,
Свежее утро после долгих бдений,
Прогулка в аллеях весеннего сада,
Крики и смех купающихся женщин...

(М. Кузмин)

А. Квятковский

ВЕРТЕП [первоначальное значение — пещера (старослав.), старинный народный кукольный театр, наиболее распространенный в Малороссии в XVIII—XIX вв. Близок русскому *Петрушке* и белорусскому батлейке. Вертеп представлял собой ящик («скрынька») в виде небольшого домика с двумя ярусами, в полу которых имелись прорезы. Вертепщик приводил в движение куклы, прикрепленные к проволоке. Представление в вертепе разделялось на 2 части: 1-я — каноническая, или религиозная, на тему рождения Христа, родившегося в пещере, разыгрывалась в верхнем ярусе, 2-я — светская, народно-бытовая — в нижнем ярусе; состояла из интермедий, включавших комические бытовые сцены, сатирические рассказы, *анекдоты* и т. п.; в них высмеивались польские паны, жида, алчные дворяне, им противопоставлялись сметливые крестьяне, запорожские казаки. Вертепы пользовались большим успехом.

ВЕРХОВСКИЙ Юрий Никандрович (23.05[4.06].1878—23.09.1956), поэт, переводчик, историк литературы. Родился в Гришнево Смоленской губ. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1902) и был оставлен при университете. Печататься начал в 1899. Как поэт примыкал к «классическому» крылу *символизма*, выступал со стихотворными стилизациями («Идиллии и элегии», 1910). Переводил поэтов эпохи Возрождения, А. Мицкевича, грузинских лириков и др. Автор исследований и публикаций в области пушкинской эпохи: «Е. А. Баратынский. Материалы к его биографии. Из Татевского архива Ра-

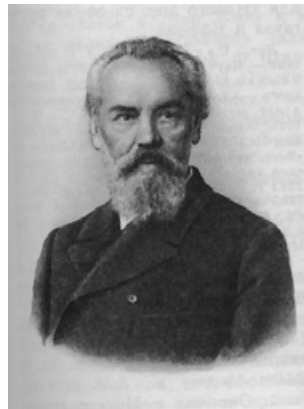
чинских» (1916), «Поэты пушкинской поры» (1919), «Барон Дельвиг. Материалы биографические и литературные» (1922). В годы Великой Отечественной войны выпустил сборник патриотических стихов «Будет так» (1943).

Соч.: Разные стихотворения. М., 1908; Стихотворения. Т. 1. М., 1917; Солнце в заочении. Стихотворения. Пг., 1922.

ВЕРХРАТСКИЙ Иван (1846 — после 1906), малороссийский писатель. Учитель малороссийской гимназии в Галиции. Работал по филологии («Початки до уложения номенклатуры і терминологіі природописної народної». 4 выпуска. Львов, 1864—72; «Знадоби до словаря южно-русского», 1877; «Материяли до словаря зоологичного» и др. лексические материалы), по естественной истории («Мотилі, шкодники господарству» и много отдельных статей), писал стихи (Сборники: «Калина», 1874; «Байки», 1876; «Триолети» 1876 и др.) оригинальные и переводные из Словацкого, Бюргера, Гёте, Шиллера и Краледворской рукописи. Много работал в различных галицких журналах: «Нива», «Русалка», «Боян», «Правда», «Ластівка», «Господарь и Промышленник», «Зоря», «Діло» и др.

ВЕРШИГОРА Петр Петрович (3[16].05.1905—27.03.1963), писатель. Родился в с. Севериновка Каменского р-на (ныне Молдавия) в семье сельского учителя. Был актером, кинорежиссером. С 1938 работал на Киевской киностудии. В годы Великой Отечественной войны был одним из командиров партизанского соединения С. А. Ковпака. Герой Советского Союза (1944). Автор книги «Люди с чистой совестью» (1946; Сталинская премия 1947) — документальной повести, посвященной самоотверженной борьбе партизан в тылу германских оккупантов. В книгах «Карпатский рейд» (1950), «Рейд на Сан и Вислу» (1959) Вершигора продолжает повествование о подвигах партизан. В 1960 вышел сборник рассказов Вершигоры «Иван-герой».

ВЕСЕЛОВСКИЙ Александр Николаевич (4[16].02.1838—10[23].10.1906), филолог, историк литературы. Родился в

семье генерала, военного педагога. Окончил Московский университет (1858). В 1859—69 многократно бывал в Западной Европе, занимался научными исследованиями в Испании, Германии, Чехии, Италии. С 1872 — профессор Петербургского университета. Академик (с 1880). Руководил отделением русского языка и словесности Академии наук. Научные познания Веселовского были необычайно разносторонни. Он был знатоком русско-славянской, византийской и западноевропейской литературы Средневековья, древнего и нового фольклора разных народов, литературы эпохи Возрождения, новой русской и западноевропейской литературы, этнографии. Ему принадлежат ценные работы о происхождении искусства, по теории литературы. Первая работа опубликована в 1859. С диссертацией на степень доктора Веселовский вступил в область историко-сравнительного изучения общенародных сказаний («Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные

легенды о Морольфе и Мерлине». СПб., 1872), причем в отдельной статье разъяснил значение историко-сравнительного метода, поборником которого он выступил («Журнал Министерства народного просвещения», ч. СЛII). Отстаивая теорию литературных заимствований, в противоположность прежней школе, объяснявшей сходство различных сказаний у индоевропейских народов общностью их источника в праиндоевропейском предании, Веселовский оттенил важное значение Византии в истории европейской культуры и указал на ее посредствующую роль между Востоком и Западом. Впоследствии Веселовский неоднократно возвращался к этому предмету, дополняя и отчасти исправляя высказанные им раньше предположения. С особой подробностью изучены им циклы сказаний об Александре Великом («К вопросу об источниках сербской Александрии» — «Из истории романа и повести», 1886), «О троянских деяниях» (там же, т. II; там же разбор повестей о Тристане, Бове и Атилле), «О возвращающемся императоре» (откровения Мефодия и византийского германская императорская сага), в ряде очерков под общим заглавием «Опыты по истории развития христианских легенд». Исследования Веселовского по народной словесности и фольклору (сличение сходных поверий, преданий и обрядов у разных народов) рассеяны в его трудах о памятниках древней письменности и в его отчетах о новых книгах и журналах по этнографии, народоведению и т. п.; отчеты эти печатались преимущественно в «Журнале Министерства народного просвещения». Веселовский неоднократно обращался и к рассмотрению вопросов по теории словесности, избирая предметом своих чтений в университете «Теорию поэтических родов в их историческом развитии». Вопросу о происхождении лирической поэзии посвящены рецензия Веселовского на «Материалы и исследования П. П. Чубинского», статья «История или теория романа?» в «Записках 2-го отделения Академии наук» (1886). Рассмотрению различных теорий о происхождении народного эпоса (ср. «Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса» — «Журнал Министерства народного просвещения», 1868) посвящен ряд исследований. Хотя Веселовский поставил изучение народного эпоса на почву сравнительного рассмотрения устных и книжных преданий в разных литературах, но главным объектом своих исследований он избрал русский народный эпос и предпринял серию «Разысканий в области русских духовных стихов». Содержание этих «разысканий» весьма разнообразно; зачастую молитвы духовной народной поэзии служат лишь поводом для самостоятельных экскурсов в различные области литературы и народной жизни (напр., IV выпуск), а в приложениях напечатаны впервые многие тексты древней письменности на разных языках. Веселовский проявил редкую способность к языкам и, не будучи лингвистом в тесном смысле слова, усвоил большинство неоевропейских (средневековых и новейших) языков, широко пользуясь этим для своих историко-сравнительных исследований. Теория заимствований, в пользу которой Веселовский привел ряд блестящих подтверждений, именно благодаря своей широкой начитанности и умелому указанию путей передачи, окончательно подорвала прежние построения на основе предполагаемых мифов. Веселовский остановился в своих работах только на применении и выяснении теории заимствований. Поставив в самом начале своей деятельности «вопрос о границах и условиях творчества» вообще, он исследовал эти условия и границы в разных направлениях: от историко-культурных и историко-сравнительных исследований в

области народной словесности, памятников старины и международных сказаний он переходил к анализу личного творчества выдающихся писателей («Боккаччо, его среда и сверстники», 1894; «Петрарка в поэтической исповеди Canzoniere, 1304—1904»; капитальный труд о В. А. Жуковском «Поэзия чувства и сердечного воображения», 1904; «Пушкин народный поэт» и др.) и затем как бы сосредоточил свои силы гл. обр. на разработке основ исторической поэтики. Такая поэтика, которую он имел в виду создать, должна была охватить в широком синтезе все формы и виды поэзии, решая вопрос о генезисе родов поэзии на принципе строгого историзма. Вполне осуществить эту задачу универсального объема ему не удалось, но в ряде статей, посвященных вопросам поэтики, им с достаточной ясностью намечены пути и методы в решении проблем зарождения поэзии, дифференциации ее родов из первоначального синкретизма, выделения песни из обряда, перехода от «коллективного» к личному творчеству, анализа разных атрибутов поэзии и поэтического языка. Как строгий аналитик, Веселовский отбрасывал всякие априорные построения и принятые раньше категории, отстраняя определения на основании отвлеченных признаков, держась лишь строгой последовательности фактов. Он группировал их или в исторической преемственности, или в эволюционном построении, не стесняясь для последней цели брать факты из самых различных источников, выясняя пробелы прошлого наблюдения над настоящим, сближая явления на низшей и высшей ступенях творчества, когда они вызваны аналогичными психическими условиями. Казалось, он действительно готов был охватить всю область художественного творчества человека и как бы сковать ее законами неумолимого детерминизма. Вопросы генезиса и эволюционные процессы его особенно увлекали. Эстетику он наивозможно обходил, если не вполне отрицал, но выказывал несомненное эстетическое чутье во многих оценках и отзывах. Не решая вопросов о сущности таланта и гениальности, Веселовский стремился вывести законы поэзии из наблюдений преимущественно над «групповыми» явлениями и «коллективным субъективизмом». Грандиозный замысел, над которым Веселовский неуклонно работал всю жизнь, остался незавершенным, но, быть может, он и не мог быть осуществлен в тех пределах позитивного историзма, которые Веселовский сам себе наметил. Им добыт ряд крайне ценных наблюдений и выводов над отдельными явлениями словесного творчества; собран большой материал, свидетельствующий об эрудиции, какою не обладал ни один из современных ему ученых — филологов, историков литературы, этнографов и фольклористов; сделано несколько важных сообщений и намечены пути для дальнейшей работы.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—6, 8, 16. СПб.; М.; Л., 1908—38 (незаконч.); Избр. статьи / Вступ. ст. В. М. Жирмунского, коммент. М. П. Алексеева. Л., 1939; Историческая поэтика / Вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. Л., 1940; Незданная глава из «Исторической поэтики», [предисл. В. М. Жирмунского] // Русская литература. 1959. № 2—3.

Лит.: Материалы для биографического словаря действительных членов имп. АН. Ч. 1, 2, 1915 (имеется список печатных работ Веселовского); Памяти академика Александра Николаевича Веселовского. По случаю десятилетия со дня его смерти (1906—16). Пг., 1921 (имеется библи.); Буслаев Ф. И. [рец. на кн. А. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине»] // Отчет о XVI присуждении наград гр. Ушакова, СПб., 1874; Пылин А. Н. История русской этнографии. Т. 2. СПб., 1891; Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910 («Энциклопедия славянской филологии». Вып. 1); Анчиков Е. Историческая поэтика А. Н. Веселовского // Вопросы теории и психоло-

гии творчества. Т. 1, 2-е изд. Харьков, 1911. *Энгельгардт Б. М. А. Н. Веселовский*. Пг., 1924.

Ф. Батюшков

ВЕСЕЛЫЙ Артем (псевд.; наст. имя — **Николай Иванович Кочуров**) (17[29].09.1899—2.12.1939), писатель. Родился в Самаре в семье грузчика. С 14 лет работал по найму. Окончил 4-классное городское училище. Участник гражданской войны. Был матросом Черноморского флота (1922), чекистом. Сотрудничал в большевистских газетах. В 1922 поступил учиться в Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова, затем в Московский университет. Первую пьесу «Разрыв-трава» написал в 1919. Вслед за тем Веселый создал пьесу «Мы» (1921), повести «Реки огненные» (1924), «Страна родная» (1926), рассказы «Масленица» (1921), «Дикое сердце» (1925) и др. Основное произведение Веселого — роман «Россия, кровью умытая» (частично опубл. в 1929, полностью в 1932), над которым он работал в течение многих лет, посвящен главной теме творчества писателя — судьбе России в годы великой смуты (преимущественно на Кубани и в Поволжье). Рисую могучий стихийный процесс, создавая красочные картины массовой борьбы, автор показывает ее тупиковый характер, невозможность построить новое на крови. В последнем произведении — историческом романе «Гуляй, Волга!» (1932) о завоевании Ермаком Сибири Веселого также привлекает изображение отважной, стихийной казацкой вольницы XVI в. Сочностью языка, колоритностью изобразительных приемов творчество Веселого близко к фольклору, говору крестьян и солдат эпохи гражданской войны.

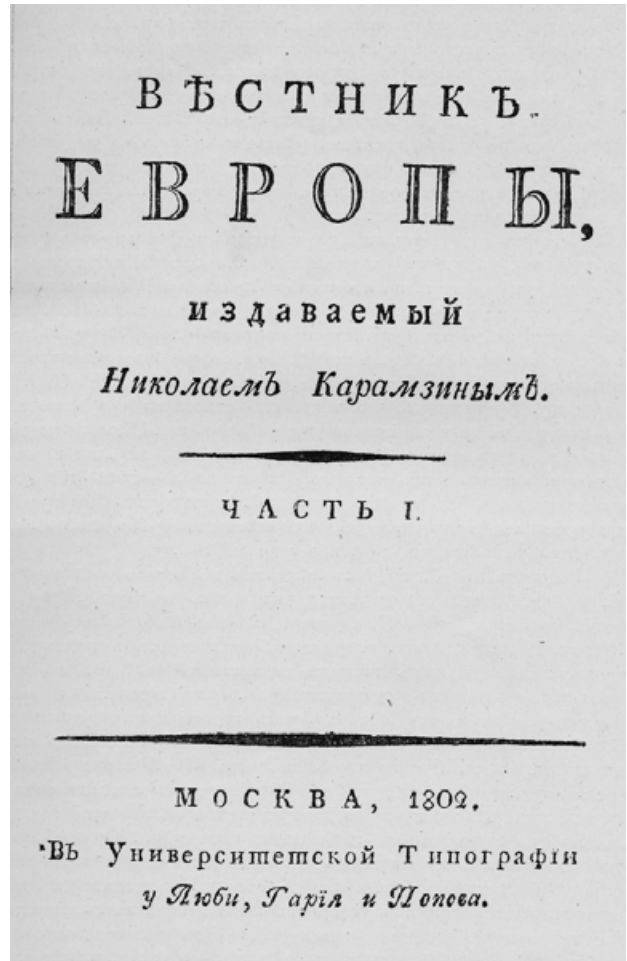
ВЕСНИН С. А. — см. **СЕРАФИМ СВЯТОГОРЕЦ**.

ВЕСНЯНКИ, русские обрядовые песни, связанные с магическим обрядом заклинания весны. Веснянки исполнялись девушками или детьми, выходившими зазывать и встречать весну, нередко держа при этом в руках ветки с изображениями птиц, выпеченными из теста. Веснянки призывают весну, заклиная ее принести с собой тепло, здоровье, урожай. Характер образов веснянок определяется их магической основой и связью с трудовыми процессами — весенними сельскохозяйственными работами. Близи к русским веснянкам весенние песни др. славянских народов.

Лит.: Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. Ч. 1—2. СПб., 1903—05; *Шереметьева М. Е.* Земледельческий обряд «Заклинания весны» в Калужском крае. Калуга, 1930; *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. М., 1941; *Русское народное поэтическое творчество* / Под ред. И. Г. Богатырева. 2-е изд., М., 1956.

«**ВЕСТНИК ЕВРОПЫ**». 1) Русский двухнедельный журнал, издававшийся в Москве в 1802—30. Основан *Н. М. Карамзиным*, который был его редактором до 1804 и активно в нем печатался. Последующими редакторами были: в 1804 — *П. П. Сумароков*, в 1808—09 — *В. А. Жуковский*, в 1814 — *В. В. Измайлов*, в 1805—07, 1811—13, 1815—30 — *М. Т. Каченовский*. «Вестник Европы» был одним из первых русских журналов, который наряду со статьями по литературе и искусству широко освещал вопросы внешней и внутренней политики России, историю и политическую жизнь зарубежных стран. В 1814 в «Вестнике Европы» было опубликовано первое стихотворение *А. С. Пушкина*. С 1815 «Вестник Европы», редактируемый Каченовским, приобрел более последовательное православно-патриотическое

направление, особенно усилившееся после подавления путча декабристов. В разное время в журнале печатались *Жуковский, Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, А. Ф. Мерзляков, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Н. И. Гнедич, А. Ф. Воигов* и др.

2) Русский ежемесячный журнал, выходивший в Москве в 1866—1918 (в 1866—67 по 4 т. в год). Редактор-издатель *М. М. Стасюлевич* (по 1908), с 1909 — издатель *М. М. Ковалевский*, редактор — *К. К. Арсеньев*, с 1913 по март 1918 (до закрытия журнала) редактор-издатель *Д. Н. Овсяннико-Куликовский*. Первые 2 года «Вестник Европы» был научным историческим журналом, в дальнейшем появились в нем отделы внутренней и внешней политики и литературы. В журнале преимущественное внимание уделялось вопросам истории и политики. В политическом отделе участвовали видные историки, юристы, экономисты — *С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, В. Д. Спасович, А. Ф. Кони, К. К. Арсеньев* и др. В литературном отделе опубликованы произведения *И. С. Тургенева* («Вешние воды», «Новь» и др.), *И. А. Гончарова* (роман «Обрыв»), *А. Н. Островского* (пьесы «Василиса Мелентьева», «Снегурочка» и др.), *П. Д. Боборыкина*, в 80-е, после закрытия журнала «Отечественные записки», — произведения *М. Е. Салтыкова-Щедрина* («Пестрые письма», «Мелочи жиз-

ни», «Пошехонская старина» и др.), отрицательно, однако, относившегося к общему направлению журнала. Поэзия была представлена стихами *Я. П. Полонского*, *А. К. Толстого*, *Вл. С. Соловьева* и др.

«ВЕСЫ», литературный и критико-библиографический ежемесячный журнал. Выходил в 1904—09 в Москве, в издательстве «Скорпион». Редактор-издатель — *С. А. Поляков*. Фактический руководитель журнала — *В. Я. Брюсов*. В «Весах» сотрудничали *К. Д. Бальмонт*, *А. Белый*, *А. А. Блок*, *М. А. Волошин*, *З. Н. Гиппиус*, *В. И. Иванов*, *М. А. Кузмин*, *Д. С. Мережковский*, *Н. Минский*, *В. В. Розанов*, *Ф. Сологуб* и др. Будучи основным периодическим органом символистов, журнал отстаивал идеалистическую эстетику и философию, защищал независимость художественного творчества от политики и общественной жизни.

«ВЗЯТИЕ КАЗАНИ», народная историческая песня. В основе песни — второй поход *Ивана Грозного* на Казань в 1552, завершившийся разгромом Казанского ханства. Эта победа имела решающее значение в становлении Московского государства. Взятие Казани Иван Грозный рассматривал как религиозный подвиг — победу христиан над «поганами» (язычниками). Русские воины перед штурмом исповедались и причастились. Часть ночи царь провел со своим духовником, а утром велел не прекращать богослужения во время штурма, отслужить службу до конца, упова на помощь Божию. В честь взятия Казани в Москве был возведен храм-памятник — собор Покрова Пресвятой Богородицы (Василия Блаженного). Этим событиям посвящена «Казанская история» (1564—66), названная автором «красной новой повестью», а в народной песенной летописи они нашли отражение в исторической песне «Взятие Казани». Песня во многом совпадает с летописными источниками и «Казанской историей», в которых тоже описываются презрительные насмешки осажденных татар на предложения о сдаче города. Есть в них и описание подкопов, и сцена с пушкарями. Но в книжных источниках пушкари — фрязи (итальянцы), к которым русский царь обратился за помощью, убедившись в неприступности крепости. «Казанская история» сообщает об этом: «Когда же фрязи предстали пред ним и увидели его лицо, то пали пред ним и поклонились ему до земли. Царь же, видя, что они достойные мужи и на вид благообразны, рассказал им о крепости и о стойкости казанцев. Они же ответили ему: “Не печалься, господин царь, мы быстро, за несколько дней, если дашь нам волю, до основания разрушим город, — ведь это наше ремесло, затем и пришли мы, чтобы служить Богу и тебе”». В исторической действительности, по всей вероятности, так оно и было: итальянские мастера-пушкари, впервые применив взрыв с помощью подкопа, способствовали победе русских войск. В народной исторической песне эпизод с пушкарями-фрязями становится центральным. Он превращен в конфликт царя с «пушкарями-зажигальщиками». Иван Грозный готов казнить их за измену, поскольку взрыва в назначенное время не произошло. И тогда один из пушкарей, оказавшийся «посмелее всех», объясняет царю, что затепленные свечи «воску ярого» на дубовых бочках «со злым черным порохом» не могли в подкопах гореть быстро: «В тиши-то свечи они тише горят, / На ветру-то свечи они шибче горят». И в этот момент происходит взрыв: «Как взорвало стену белокаменную, / Поломало все башенки узорчатые». Никакого упоминания о том, что пушкари были итальянские, в народной песне, разумеется,

нет. Все это — частности. Народ выделяет драматическую ситуацию, создает героический образ пушкаря. Фольклор верен не букве, а духу истории.

В. К.

ВИГЕЛЬ Филипп Филиппович (12[23].11.1786—20.03[1.04].1856), писатель-мемуарист. Родился в Симбухино Пензенской

губ. Воспитывался в Москве в имении кн. С. Голицына, где был знаком с *И. А. Крыловым*, воспитателем княжеских сыновей. Состоял на службе в Московском архиве коллегии иностранных дел; участвовал в посольстве Головкина в Китай. Позднее был черченским градоначальником и директором департамента иностранных вероисповеданий.

В 10-е XIX в. входил в литературный кружок «Арзамас». Был в дружеских отношениях с *В. А. Жуковским* и *А. С. Пушкиным*. Резко выступал против масонства, за что заслужил лютого ненависть вольных каменщиков, распространявших о нем клеветнические слухи.

Придерживался твердых православно-патриотических позиций. Один из немногих деятелей того времени, нашедших в себе мужество выступить против масона Чаадаева за его «Ужаснейшую клевету на Россию» в т. н. философском письме («Телескоп», 1836). Пасквиль Чаадаева получил достойную отповедь со стороны Вигеля и митр. Серафима. С гневной критикой Вигель выступал и против заговорщиков-петрашевцев, а позднее даже против *Н. В. Гоголя* за его пьесу «Ревизор», которую назвал «клеветой в пяти действиях». Зато после выхода в свет книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» в числе первых поблагодарил автора за выдающийся труд, справедливо отмечая, что те, кто критикует переписку, не любят своей Родины.

В историю русской литературы Вигель вошел прежде всего как автор «Записок» («Русский вестник», 1864—65 с дополнениями и приложениями к «Русскому архиву». Ч. 1—7, 1891—93), содержащих большой материал по истории русского общества и литературы.

ВИДЕНИЯ АПОКРИФИЧЕСКИЕ, сюжеты древнерусской литературы. 1) Видение Варуха, объясняющее происхождение вина. 2) Видение Исаии: ангел возносит его на твердь, где между добрыми и злыми духами происходит война, которая, по словам ангела, уподобляющего ее борьбе между добром и злом на земле, прекратится лишь тогда, когда придет Господь на землю. Дальше описывается восхождение Исаии на 7 небес, причем говорится, что слава небесная увеличивается по мере восхождения. 3) Видение Иаковом лествицы, на веру которой было «лице, акы человеке, из огня изсечено». Лествица состояла из 12 ступеней; на каждой ступени было по 2 лица: одно на правой, другое на левой стороне. После пробуждения Иакова ангел объясняет ему, что 12 ступеней лествицы означают времена века сего, а 24 лица — «цари язык беззаконного века». 4) Павлово видение: ангел показывает ап. Павлу ад и рай, а затем — как спорят добрые ангелы со злыми из-за души только что умершего человека. 5) В книге Эноха рассказы-

ваются 2 его видения, одно — о всемирном потопе; второе представляет краткий символический обзор всей ветхозаветной истории, причем люди изображаются под видом животных.

Лит.: Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872; Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862.

ВИКУЛОВ Сергей Васильевич (р. 13[26].09.1922), поэт, очеркист. Родился в д. Емельяновская Белозерского р-на Вологодской обл. в семье фельдшера, после окончания семилетней школы рабочей молодежи поступил в Белозерский педтехникум. Учился в Севастопольском зенитно-артиллерийском училище, затем военная учеба продолжалась в Саратовской обл., в Тоцких военных лагерях. В н. 1942 участвовал в боях северо-западнее Ржева; командовал взводом, батареей, был помощником начальника штаба артиллерийского полка.

До войны опубликовал стихи в районной газете «Белозерский колхозник». Во время войны несколько стихотворений под псевд. Я. Сервик (Я — Сергей Викулов) опубликовал в газете 3-го Украинского фронта.

После войны работает литконсультантом при областной газете «Красный Север», печатается в газетах «Красный Север», «Вологодский комсомолец», в 1951 заканчивает Вологодский педагогический институт. Много ездит по районам родной Вологодской обл., многочисленные очерки о сельской жизни публикует в местной печати и журнале «Октябрь», частично они вошли в книгу «Свежие пласты» (1964). Собирает и обрабатывает фольклор, составляет и издает сб. «Частушки» (1952) и «Вологодские частушки, пословицы, поговорки» (1957), сопроводив их своими вступительными статьями.

Первая книга стихов «Завоеванное счастье» вышла в Вологде в 1949. За ней последовали книги «Хозяева земли» (1950), «Новый берег» (1952), «Зеленый цех» (1954), «Заозерье» (1956), «Полушко-поле» (1958), «Хорошая будет погода», «Случай на реке» (обе — 1961), «Деревьям снятся листья» (1962).

В творчестве Викулова русская деревня предстает как духовно богатый мир, населенный интересными и содержательными людьми, судьбы которых глубоко волнуют поэта, как и проблемы, которые они решают. Первая поэма Викулова «В метель» (1955) посвящена драматической, но типичной ситуации: крестьянский сын Степан Завьялов уходит в город, покидает отчий край. В поэме «Галинкино лето» (1956) девочка-крестьянка, наоборот, вопреки желанию родной матери, знающей трудность деревенской жизни, не уезжает в город, остается в селе.

Поэт утверждает неразрывность связи человека с народом, отстаивает важность национальных традиций, совестливости и трудолюбия. Еще в 1-й пол. 60-х сложился как мастер поэмы. Книга «Деревьям снятся листья» содержала 5 поэм — «Трудное счастье», «Песня о друге», «Конек на крыше», «По праву земляка», «Преодоление».

В 1961 оканчивает Высшие литературные курсы при Литературном институте. В 1967 становится зам. главного редактора журнала «Молодая гвардия», в 1968 — гл. редак-

тором журнала «Наш современник», где публикует произведения В. Распутина, Ю. Бондарева, В. Шукшина, В. Солоухина, С. Зальгина и др.

Публикуются новые поэмы «Окнами на зарю» (1964), «Ивгора» (1969), «Одна навек» (1970), «Песня о кузнеце» (1973), «Дума о Родине», «Письма из деревни» (обе — 1976), «Остался в поле след» (1978).

В Викулове можно видеть бытописателя современной деревни. В книгах стихов «Хлеб да соль» (1965), «Околица» (1966), «А всего-то и помнится...» (1971), «Костер, что грел тебя» (1975), «Постоянство» (1977) поэт рисует полнокровные народные характеры. И в поэмах, и в стихах призывает не забывать крестьянского происхождения России («Когда-то ты вся началась с деревень»), но вместе с тем крепить единение города и деревни — «словно леса на окраинах трубы... И как высокие трубы леса!» Она одна, Россия пашни и космоса: «Плуги вонзаешь в весеннюю землю; / В небо взмываешь, турбинно трубя». Тему России Викулов раскрывает так же, как тему сохранения природы.

В год 60-летия поэта критика подчеркивала присутствие в поэзии Викулова «глубинной, творчески продолженной и преображенной некрасовской традиции»; ее общегражданское значение: «Поэзия Сергея Викулова возвращает нас к нашим истокам — родному и близкому — заветному... И пусть она воспринимается — в большей степени — как поэзия о русской деревне, в то же время это — слово о Родине, ее судьбе, ее боли и радости».

Соч.: Избр. произв.: В 2 т. М., 1982; Встать пораньше, шагнуть дальше: Очерки и статьи о вологодской деревне. М., 1980; Разговоры-разговоры... Стихотворения и поэма. М., 1985; В мире Есенина. М., 1986; Современность и литература. М., 1987; От крыльчика: Воспоминание о весне 1947 года // Уроки правды. М., 1988; *Рубцов Н.* Русский огонек. Вологда, 1994. Т. 1; Что написано пером... // Наш современник. 1996. № 9—12.

В. Шошин

ВИНОКУРОВА Наталья Осиповна (1860—1930), сказочница. Крестьянка с. Челпанова Верхнеленского р-на. Репертуар Винокуровой был обширен и разнообразен. Бытовые и волшебные сказки, носящие ярко выраженный сибирский колорит, проникнуты сочувствием к страдающим, неизменно подчеркивают победу добра над злом. Лучшие ее сказки: «Верная жена», «Орел-царевич и его сын», «Колдун и его ученик», «Брат и сестра». Первые записи от Винокуровой были сделаны в 1915 М. К. Азадовским. Ему же принадлежит исследование о творчестве Винокуровой.

Лит.: Азадовский М. К. Сказки Верхнеленского края. Вып. 1. Иркутск, 1925; *Он же.* Верхнеленские сказки. Иркутск, 1938.

ВИРШИ (польск. — стих), название авторских духовных, а затем светских стихов в России XVI, XVII и XVIII вв. Сами поэты-виршевики называли стихи «вершами» (верш — это двустышие, скрепленное рифмой); так, духовный стихотворец Кирилл Транквилион в предисловии к своей книге «Перло многоцветное» (Могилев, 1699) писал о себе: «Композитор, або складач сих вершов Кирилл старый Транквилион Старовецкий». Первоначально стихи виршевиков были дисметричны, они строились на смежных рифмах («краесогласиях»), в каждом стихе — неопределенное число слогов; напр., в книге Лаврентия Зизания «Грамматика словенска» (Вильно, 1596) напечатаны следующие стихи:

Непрестанно книжку называйте тую грамматику,
але наставницу словенскому языку.
Научает добре писати и добре читати,
досконалым и певным бытии а не в чом непастати.
Тую вы от студен малым коштом себе набывайте,
а великого ся разуму и рострупишти з ней научайте.

Если стихи Зизания выдержаны в женских рифмах, то в стихах Транквилиона встречаются и мужские, и женские, и трехсложные рифмы, что опровергает укоренившееся мнение, будто русские виршевики заимствовали нормы своего стихосложения у польских виршевиков; по условиям акцентологии польского языка у них могут быть только женские рифмы. Нижеследующие вирши Транквилиона по своему строению — типичный русский (белорусский) народный раешник:

О мудрости преславная,
От веков в человецех давная,
Любители твои тобою прославлены,
И на высоких достоинствах поставлены,
Тобою царие царствуют,
И сильным народами справуют.

(Из «Похвалы премудрости тройкой»)

Вторым этапом стихосложения русских виршевиков был переход на равносложный («силлабический») стих, который формировался частично, может быть, под влиянием польской версификации, но в основном явился развитием определенных традиций русского народного стиха.

Уже древнейшие вирши (в Острожской Библии 1581, вирши Андрея Рылина в Хронологии 1851 и в др. книгах, дубенского игумена Василия XVI—XVII в.) отличаются сравнительно немногими славянизмами, и хотя находятся под сильным влиянием польской силлабической теории, но представляют немало сходства с народными малороссийскими песнями, с обычной в малороссийских песнях цезурой после 7-го стиха и без искусственно поставленных ударений. Стихотворная теория впервые была изложена Л. Зизанием в его «Грамматике славенской» 1596; затем в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (1619). Во всяком случае, с н. XVII в. большинство малороссийских стихотворцев употребляют правильные силлабические вирши. Темати для вирш избирались приветствия, посвящения, описания важных в церковной истории случаев. Последние нередко представляли дословные переводы польских «псалмов» и включают в себе (в древнейших записях в особенности) порядочное количество полонизмов. Вирши эти составлялись учителями и учениками западно-русских школ, затем распеваались в городах и селениях бурлаками и постепенно проникли в народ, который сохранил их и теперь. Из западной Руси вирши перешли и в Русь Московскую, где распространителями их явились *Симеон Полоцкий*, *Феофан Прокопович* и др. Западно-русская (православная и униатская) церковь поощряла составление вирш на церковные темы. Очень большее число их вошло в напечатанный в Почаеве «Богогласник» (1-е изд., 1790; перепечатывался в 1805 и 1825), который является итогом религиозной поэзии XVII и XVIII вв. Из 250 песен «Богогласника» громадное большинство (216) на славянском языке с сильно заметным влиянием польского и малороссийского языков; стихотворения эти отличаются правильностью и разнообразием размеров. Помимо печати, много религиозных вирш сохранилось в рукописях XVII, XVIII и XIX вв.

ВИРШІ РІЗДВЯНІ І ВЕЛИКОДНІ, малороссийские стихотворения старинного школьного происхождения, перешедшие в народ и произносимые детьми и подростками, ходящими по домам на Рождество и праздник Пасхи с поздравлениями с праздником. Касаются преимущественно событий Рождества и Воскресения Христова. Вирши эти относятся к тому обширному разряду школьных стихов (на различные темы) старой малороссийской литературы, из которого многие вещи перешли в народное употребление и произносились или пелись (под названием «*колядок*», «псалм» и пр.) в различных случаях.

ВИСКОВАТОВ Павел Александрович (24.11[6.12].1842—16[29].04.1905), историк литературы, учился в Петербургском университете и в Германии. Придерживался славянофильских убеждений.

Одно время редактировал «Русский мир»; был профессором русской словесности в Дерптском университете, затем директором гимназии в Петербурге. Составил себе имя изучением биографии *М. Ю. Лермонтова* и изданием его сочинений. Висковатов разыскал и напечатал немало произведений Лермонтова, материалов для его жизнеописания и написал ряд небольших исследований по

истории его творчества, печатавшихся в «Русской старине», «Русском вестнике», «Русской мысли», «Вестнике Европы» и др. Написанная им биография Лермонтова, составившая шестой том редактированного им издания сочинений Лермонтова (М., 1891), ценна, гл. обр., как сводка старательно собранных фактических данных.

ВИСКОВАТОВ Степан Иванович (18[29].07.1786 — лето 1831), драматург, поэт, переводчик. Родился в с. Сторожна Псковской губ. В 1800 поступил на службу и в 1807 был сотенным начальником в псковском ополчении; в 1808 дежурным офицером и библиотекарем в горном корпусе, преподавая русскую словесность и историю; в 1811 служил в канцелярии министра полиции; в 1828—29 — переводчиком при дирекции С.-Петербургских театров. Летом 1831, вышедши из дому, он уже не возвратился и пропал без вести. Стихотворения его собраны в книге «И моя лира» (СПб., 1806). Его трагедии в стихах, в 5 действиях: «Ксения и Темир» (СПб., 1810); «Радамист и Зенобия», «Кребильона» (СПб., 1810); «Гамлет» (СПб., 1811 и 1829); «Ипермнестра» (подражание Лемьеру, СПб., 1812). Играны, но не напечатаны: «Инесса де Кастро» (1810); «Всеобщее ополчение» (1812); «Царица Амазонская» (1813); «Владимир Мономах» (1816); «Радость молдаван, или Победа» (1828).

Придерживался твердых православно-патриотических убеждений. Большой успех имела его драма «Всеобщее ополчение», поставленная в день получения известия об успешном исходе Бородинской битвы. За оду имп. Николаю I, призывавшую к суровому наказанию мазонов-декабристов, был награжден бриллиантовым перстнем.

Восхищаясь гением *А. С. Пушкина*, вместе с тем осуждал некоторые его «вольнодумные, вредные и развратные стихотворения».

ВИШЕНСКИЙ Иван (?—?), писатель-полемист. Родился в Галиции в местечке Судовая Вишня в сер. XVI в., вероятно, в семье городских мещан. В 70-х ушел на Афон, где принял монашество. Умер там же в 20-х XVII в. В 1604—06 посетил Малороссию. Активно проводимая иезуитами политика окатоличения малороссов и белорусов, приведшая к Брестской унии 1596, вызвала появление посланий и полемических трактатов Вишенского (их известно 16), в которых он резко выступил против религиозной агрессии Ватикана и его агентуры, против католицизма и унии. Вишенский энергично отстаивал интересы простого народа, утверждая равенство всех людей. Положительный идеал жизни человека Вишенский видел в аскетизме. При жизни его опубликовано только одно послание в т. н. «Острожской книжнице», 1598 (переизд. в «Кирилловой книге», М., 1644). По образцу этой «Книжицы» Вишенский составил свою книжку, куда вошли 10 его сочинений с двумя предисловиями, созданные в к. XVI в. «Книжка» в свое время напечатана не была; остальные 6 произведений Вишенского написаны в 1600—16; все они впервые опубликованы в XIX в. Вишенский — мастер ораторско-обличительного стиля; его сочинения отмечены простотой, эмоциональностью, богатством риторических фигур, яркими неологизмами.

Соч.: Соч. / Подгот. текста, ст. и коммент. И. П. Еремина. М.; Л., 1955; Твори. Київ. 1959.

Л. М.

ВЛАДИМИР (в миру **Богоявленский Василий Никифорович**), священикомученик, митрополит Киевский и Галицкий (1.01.1848—25.01[7.02].1918), духовный писатель.

Родился в с. Малые Моршки Моршанского у. Тамбовской губ. в семье священника Н. Богоявленского, также принявшего в конце жизни мученический венец. образо-

вание получил в Духовном училище и Духовной семинарии г. Тамбова. В 1874 окончил Киевскую духовную академию. После смерти жены и малолетнего ребенка 8 февр. 1886 в Тамбовском Казанском монастыре принял иноческий постриг с именем Владимир. С 1888 — епископ, с 1892 — архиепископ.

В 1898 возведен в сан митрополита и назначен правящим архиереем в Москву. Владыка сразу расположился к себе москвичей простотой в обращении. Он стремился, чтобы московские священники возможно ближе стояли к народу, чаще совершали богослужения и активнее проповедовали. Особое внимание владыка уделял распространению христианского нравственного учения в рабочем классе, среди которого пытались распространять свои идеи социалисты. Он был одним из инициаторов создания «Комиссии по организации чтений для фабрично-заводских рабочих». К чтениям и беседам с рабочими были привлечены лучшие умственные силы Москвы, в их числе Л. А. Тихомиров, В. А. Гринмут, Б. В. Назаревский и др. Митр. Владимир сам принимал участие в чтениях для московских рабочих, обращался к ним со словом христианского наставления. Он не только печатал многие свои слова и речи, но и переводил с иностранных языков лучшие литературные произведения по вопросам, касающимся социализма. В тяжелые для России времена окт. 1905 владыка распорядился прочитать во всех московских церквях составленное им (при участии *Никона Рождественского*) слово «Что нам делать в эти тревожные наши дни?» В этом слове рассказал православным людям Москвы о преступных антихристианских замыслах составителей Сионских протоколов. «Главное гнездо их за границей, — сообщал пастве митрополит, — они мечтают весь мир поработить себе; в своих тайных секретных протоколах они называют нас, христиан, прямо скотами, которым Бог дал, говорят они, образ человеческий только для того, чтобы им, якобы избранныкам, не противно было пользоваться нашими услугами. С сатанинской хитростью они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают в них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Обманув несчастного, они толкают его на самые ужасные преступления якобы ради общего блага и действительно обращают его в послушного раба. Они всячески стараются вытравить из души или, по крайней мере, извратить святое Учение Христово».

Слово митр. Владимира, зачитанное в московских церквях и содержавшее оценку Сионских протоколов, произвело сильнейшее впечатление на православных людей. Сам владыка выступил с этим словом в Успенском соборе Московского Кремля. Закончил он свою проповедь такими словами: «Чада Русской земли! В те дни, когда мы вспоминаем, как Матерь Божия по молитвам предков наших спасла землю Русскую в тяжелую годину междуцарствия, как освободила Она нашу первопрестольную Москву своею иконою Казанскою от нашествия поляков и литовцев, — сегодня прольем перед нею и Ее Божественным Сыном пламенные мольбы о спасении Родной Земли нашей от крамольников. Поплачем перед Нею о грехах наших. Помолится Ей о несчастных братьях наших, смутой увлеченных на погибельный путь». Давая оценку Сионским протоколам, владыка прямо связывал чудовищные планы их составителей с революционными событиями в России, рассматривал возникшую смуту не с политических, а с религиозных позиций, призывал православных людей выполнять свой долг перед Богом и стать «на брань с антихристом».

После захвата власти еврейскими большевиками митр. Владимир был зверски убит. В апр. 1992 митр. Владимир канонизирован на Архиерейском Соборе РПЦ.

Соч.: Что делать? Слово митр. Московского Владимира к рускому народу. Харьков, 1905; Работа в свете материализма и христианства. Речь. М., 1906; Социальная задача семьи. Беседа 27 авг. 1906... в Москве. М., 1906; Наша пастырская задача в борьбе с социал-демократическою пропагандою. Речь 30 окт. 1906. М., 1909; Архипастырский призыв духовенства и общества к борьбе с пьянством. Чит. в Моск. епарх. доме 15 сент. 1909. М., 1912; Наука и религия. М., 1912; О труде и собственности. Речь... для фабрично-заводских рабочих. М., 1912; Римский амфитеатр и христианские мученики. Пг., 1915; Поучения. (Молитва Господня в 9 беседах). М., 1992; Азбука православного воспитания: (Пастырские беседы с родителями и детьми). М., 1996.

Лит.: Венок на могилу Высокопреосв. митр. Владимира († 25 янв. 1918). Сб. Киев, 1918; Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н. Д. Жевахова. Т. 2. Новый Сад, 1928; Подробный отчет о Третьем Всероссийском Съезде Людей Земли Русской в Киеве. М., 1906; Труды Всероссийского Монархического Совещания в Н. Новгороде уполном. правых организаций с 26 по 29 нояб. 1915. Пг., 1916; «Я все время стоял довольно в близких отношениях к московскому духовенству». Из воспом. Н. П. Розанова. 1905—07, 1917 // Отечественный архив. 2000. № 3.

ВЛАДИМИР ВСЕВОЛОДОВИЧ МОНОМАХ (в крещении **Василий**) (1053 — 19.5.1125), князь Смоленский, Переяславский, вел. князь Киевский с 1113, православный мыслитель,

духовный писатель. Сын вел. Киевского кн. Всеволода Ярославича и византийской принцессы Марии, от отца которой, имп. Константина IX Мономаха, унаследовал свое почетное родовое прозвище «Мономах» (*греч.* — единоборец). Еще при жизни отца Владимир Всеволодович начал княжить в Смоленске, по поручению своего родителя участвовал в походах против врагов Руси. В 1093 после смерти Всеволода Ярославича киевляне пригласили его

на великое княжение. Но он отказался и, соблюдая принцип старшинства, уступил великокняжеский стол двоюродному брату Святополку Изяславичу.

В 1093 Владимир Мономах вместе с др. молодыми князьями принял участие в битве с половцами на р. Стугне. В 1097 по инициативе Владимира Мономаха состоялся княжеский съезд в Любече. В 1103 на Долобском съезде русские князья решили начать широкое наступление на половцев и отогнали степняков далеко за Дон и на Северный Кавказ. Вдохновителем и руководителем этих походов стал Владимир Всеволодович Мономах.

В 1113, после смерти Киевского кн. Святополка, в Киеве началось восстание против ростовщиков-иудеев и спекулянтов солью. Киевские бояре призвали на великокняжеский стол Владимира Мономаха. Чтобы успокоить киевлян, Владимир Всеволодович, не въезжая в охваченный восстанием Киев, в пригородном селе Берестове повелел составить новый «устав». Этот устав вводил более справедливые правила взимания долгов, упорядочил правила взаимных денежных расчетов купцов, а также определил повинности крестьян-закупов, оградившие их от превращения в рабов-холопов. Новые законы облегчили положение должников и закупов, стали составной частью «Русской правды», успокоили мятежное киевское

простонародье и снискали Владимиру Мономаху славу мудрого законодателя и правителя, заботящегося о благе всех своих подданных.

Еще при жизни Владимир Мономах прославился своим полководческим талантом, совершив более 80 «великих» военных походов, «малые» же походы исчислялись, видимо, сотнями. В историю Древней Руси Владимир Мономах вошел и как политический деятель, поставивший во главу угла идею единства Руси, которой он неизменно следовал в своих практических деяниях — он смог пресечь княжеские междоусобицы, возвысить авторитет великокняжеской власти, усмирить соседей-кочевников, объединить Русь под своим руководством.

Владимир Мономах был выдающимся духовным писателем. Об этом свидетельствует его знаменитое «Поучение» — наказ, завещание, которое Владимир Мономах предназначал для своих детей. «Поучение», с примыкающим к нему письмом Владимира Мономаха брату Олегу Святославичу, читается только в *Лаврентьевской летописи*, где вставлено между рассуждениями о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрготой Роговичем. В др. летописях — *Ипатьевской, Радзивилловской* и др. — «Поучение» отсутствует, а текст, разорванный в Лаврентьевской летописи, читается без всякого разрыва. По поводу того, когда было написано «Поучение», существует много литературы, но вероятнее всего это произошло в 1117.

«Поучение» — это первая в нашей истории настоящая, очень подробная автобиография, помимо прочего представляющая собой выдающийся памятник древнерусской литературы, политической и религиозно-философской мысли.

Текст «Поучения» показывает, насколько глубоко к н. XII в. христианское мирозерцание проникло в души и сердца мирских людей. Ведь, по сути дела, «Поучение» Владимира Мономаха — это первое известное нам в Киевской Руси светское произведение, основанное на христианском вероучении. Иначе говоря, это первое русское христианское сочинение, написанное светским человеком, а не монахом или священнослужителем.

Конечно, в «Поучении» можно увидеть, что на бытовом уровне в жизни русских людей XII в. еще сохраняются языческие обычаи. Так, сам Владимир Мономах продолжает носить 2 имени — «нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир». Языческий образ ожидания смерти — «на санех седа» — используется вел. князем для объяснения причин создания «Поучения». Именно по древней, но сохраняющейся еще на Руси языческой традиции, умершего везли либо в ладье, либо в санях. Следовательно, вел. князь написал свое «Поучение», находясь на склоне лет, готовясь отойти в мир иной. Не чуждо Владимиру Мономаху и воспевание воинской доблести князей, своими корнями уходящее в языческую древность.

И тем не менее весь строй, вся основная символика и основные идеи «Поучения» Владимира Мономаха — глубоко христианские. Многочисленные и объемные цитаты из Псалтири и трудов Василия Великого, приведенные в тексте «Поучения», показывают не только хорошее знание Владимиром Мономахом христианской литературы, но и то, что именно христианские идеи были фундаментом всего мироощущения вел. киевского князя. И главный наказ, который он обращает к своим детям, заключается в том, чтобы они всей душой приняли и исполняли правила христианского благочестия, хранили в своих сердцах истинную веру. И тогда у них сохранится надежда на избавление от грехов, на обретение вечного спасения и вечной жизни в Царствии Небесном, которая окрыляет душу всякого

христианина и составляет главную цель земного бытия: «...Избыти греховъ своихъ и Царствия не лишитися».

Красными нитями через текст всего «Поучения» проходят 2 глубинных христианских символа. Первый из них — символ сердца. В христианском понимании сердце — этоместилище и хранилище Божией благодати, средоточие и ядро всей человеческой личности. Поэтому именно к сердцам своих детей взывает Владимир Мономах, надеясь, что они примут его наказ «в сердце свое». И также к сердцам своих детей обращается он в надежде на то, что, истинно уверовав, они не будут лишены Божией благодати: «Аще вы Богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о гресех своих».

Второй символ — символ страха Божиего, который неразрывно связан с символом сердца. Уже в начале «Поучения» Владимир Мономах пишет: «Первое, Бога для и душа своя, страх имейте Божий в сердце своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру». По сути дела, здесь мы встречаемся с почти дословным прочтением библейской мудрости. «Начало мудрости — страх Господень», — говорится в Псалтири (111, 10) и в Притчах Соломона (1, 7; 9, 7). Более того, в тех же Притчах утверждается — «страх Господень прибавляет дней, лета же нечестивых сократятся» (Пр. 10, 27). Следовательно, испытание страхом Господним — это один из важнейших путей к спасению. Ведь, согласно православному вероучению, Господь насыплет Свои кары и страх Божий для того, чтобы очистить человека от скверны и избавить от грехов. Результатом же такого очищения является обретение премудрости и познание Божиих тайн. И недаром, завершая свои указы детям, Владимир Мономах вновь возвращается к этому символу: «Се же вы конецъ всему: страхъ Божий имейте выше всего».

В этом отношении интересен тот факт, что идея страха Божиего уже вышла из монашеской среды и проникла в умы и души светских людей, даже властителей.

Необходимо отметить, что позднее символы сердца, какместилища Божией благодати, и страха Божиего, как начала мудрости, станут одними из важнейших во всей древнерусской религиозно-философской мысли. Более того, эти символы будут сохранять свое значение и в XVIII—XX вв., став основой целого направления в отечественной философии, получившего именование «метафизика сердца».

В «Поучении» Владимира Мономаха перед нами разворачивается настоящая, яркая и образная картина христианского благочестия. И это тоже не случайно. Ведь одна из целей «Поучения» — показать идеальный образ христианского властелина. Покаяние, милосердие, молитва, попечение о слабых, справедливость, упование на Бога объявляются Владимиром Мономахом теми «мальми делами», которые доступны всем и которые должны служить основными принципами управления государством: «Да то вы, дети мои, не тяжба заповедь Божья, оже теми дела 3-ми избыти греховъ своихъ и Царствия не лишитися». Среди этих принципов — и обязательный союз с церковью, уважительное отношение к священнослужителям. Но при этом Владимир Мономах постоянно делает акцент на главной для него в этом случае идее: инициатива истинного христианского благочестия должна исходить от правителя.

Интересно в этом отношении, что Владимир Мономах, будучи светским правителем, довольно-таки скептически относился ко все более нараставшему с к. XI в. аскетизму. Наоборот, он утверждал, что исполнение Божиих заповедей не составляет больших трудностей, а включает в себя всего лишь «три малых добрых дел»: покаяние, слезы и милостыню. Он призывает своих детей: «А Бога для не леенитесь, молю вы ся,

не забываете 3-х деель теехъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, не голодь, яко иние добрии терпятъ, но малым деломъ можно уллучити милость Божию».

Идея «спасения малыми делами», столь ярко представленная в «Поучении» Владимира Мономаха, — это явный отголосок все еще сохраняющего свое влияние раннего древнерусского христианства, близкого к кирилло-мефодиевской традиции. Ведь и само христианское мироощущение вел. князя — достаточно светлое и оптимистичное, даже несмотря на то что ему близка идея страха Божиего. В этом смысле «Поучение» Владимира Мономаха — это пересечение двух христианских традиций внутри Православной веры. А по сути дела, даже трех традиций, если учитывать некоторое влияние языческих верований.

Важнейшей задачей истинного христианского правителя, помимо насаждения христианского благочестия, является сохранение единства своего государства. Поэтому, когда Владимир Мономах излагает в «Поучении» историю своей жизни, столь ярко вырисовывается идея единства Руси. Именно этой идее и служил сам Владимир Мономах. Понимая неизбежность процесса дробления Руси на отдельные княжества, он стремился убедить своих наследников сохранить их политическое, военное и культурное единство. Любопытен приведенный Владимиром Всеволодовичем пример: прилетающие весной из рая птицы занимают свое принадлежащее лишь им место; слабые занимают свое, а сильные — свое. И ни одна не пытается согнать других и занять лучшее место — каждая довольствуется своим уделом. Так, считал Мономах, должны поступать и князья Рюрикoviчи. Так всю свою жизнь поступал и сам Владимир Всеволодович, правивший в согласии со своей совестью, чувствуя нужды родной земли.

Об этом свидетельствует еще одно его произведение, дошедшее до нас: «Письмо к Олегу Святославичу», внуку Ярослава Мудрого и многолетнему сопернику Мономаха. В этом письме Владимир Мономах призывает своего соперника отказаться от кровопролитной борьбы и мести, несмотря даже на то что Олег Святославич убил в междоусобной борьбе за г. Муром сына Мономаха Изяслава.

Это письмо — свидетельство того, как сам Владимир Мономах, обуреваемый жаждой мести, подавляет в себе это низменное начало и пытается помириться с братом. Интересно, что в этом послании вновь важное место занимает символ сердца: «О многострастный и печальный аз! — восклицает Владимир Мономах. — Много борешься сердцемъ, и одолевши, душе, сердце моему, зане, тленьные суши, помышляя, како стати предъ Страшным Судьею, каянья и смиренья не примимши между собой».

Источником его мирных намерений служат, во-первых, идея Христовой любви, а во-вторых, забота о единстве Русской земли. Даже со смертью сына готов примириться Владимир Мономах во имя прекращения междоусобицы. Поэтому и обращается он к Олегу Святославичу с призывом к смирению и покаянию, утверждая: «...Не хочю я лиха, но добра хочю братъи и Русской земли».

Соч.: Повесть временных лет. Ч. 1, 2. М.; Л., 1950; Поучение Владимира Мономаха / Подг. текста, пер. и прим. Д. С. Лихачева // Изборник (1969); То же / Подг. текста и комм. О. В. Творогова; пер. Д. С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы. XI — н. XII в. М., 1978; То же / Пер. Д. С. Лихачева // Изборник (1986).

Лит.: Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1: Поучение к детям; Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901; Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946; Лихачев Д. С. Сочинения князя Владимира Мономаха // Лихачев. Великое наследие; Он же. Владимир Всеволодович Мономах // Словарь книжников. Вып. 1.

С. Перевезенцев

ВЛАДИМИР КРАСНОЕ СОЛНЫШКО, персонаж русских *былин*, ласковый, славный князь стольно-киевский, является в былинах лицом, объединяющим русских богатырей. Он посылает их на разные подвиги, угощает их, жалуется шубами соболяными, но сам постоянно сидит дома со своей супругой Апраксевной. При нападении врагов на Киев он выказывает трусливость и обращается за помощью к богатырям, посаженным им в погребя глубокие за неисполнение какой-либо его прихоти (напр., Сухмантия, не привезшего к княжескому столу лебеди, хотя побившего татар) или за похвальбу (напр., Ставра Годиновича, хвалившегося, и справедливо, своей женой). Очень часто в былинах говорится о корыстолюбии Владимира (он хочет отобрать богатство у *Дюка Степановича*, у сыновей *Соловья-разбойника*). Былины, представляющие Владимира холостым, приписывают ему намерение взять жену «от живого мужа» (напр., жену Данилы Ловчанина). Но подобные замыслы ему не удаются: отнять богатство у детей Соловья-разбойника не позволяет ему *Илья Муромец*, а жена Данилы Ловчанина убивает себя.

Лит.: Миллер О. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб., 1869; *Буслав Ф.* Народная поэзия. 1887; *Майков Л. Н.* О былинах Владимиров цикла. 1863; *Халанский М. Г.* Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885; *Миллер В. Ф.* Экскурсы в область русского эпоса. М., 1893.

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, с ростом могущества Северо-Восточной Руси, крупным политическим центром вслед за Суздалем становится Владимир. Андрей Боголюбский старался противопоставить новый центр Залесской Руси Киеву. Князь участвовал в составлении летописи, создании культа Владимирской Богородицы. Его идея политической и религиозной самостоятельности Владимирской земли отчетливо просматривается в таких произведениях, как «Слово о милости Божией к Андрею Боголюбскому», «Сказание о победе над болгарями 1164 года и празднике Спаса», «Сказание об обретении мощей Леонтия Ростовского», «Слово на Покров».

Летописный свод 1212 был торжественным, парадным и вместе с тем более доступным для людей, неискушенных в церковной книжности.

Важным этапом в развитии жанра исторической повести явилась «*Повесть об убийстве Андрея Боголюбского*», в которой, как и в произведениях этого жанра XI — н. XII в., фактология сочетается с публицистичностью. «Моление» *Данилы Заточника*, созданное в 1-й пол. XIII в., подчеркивало личностное человеческое начало, отражало сложность жизни. С Владимиром связано формирование «*Киево-Печерского патерика*» и «Слова» *Серапиона Владимирского*. Творчество Серапиона является соединительным звеном и дальнейшим развитием киевской литературной традиции, в частности ораторского красноречия.

Во Владимире была создана первая редакция *Жития Александра Невского*, составителем которой был житель Галицко-Волынской Руси, переселившийся во Владимир. Житие стало образцом для создания княжеских жизнеописаний.

Лит.: Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947.

II. II.

ВЛАДИМИРСКИЙ Виктор Александрович (4[16].11.1812—18[30].05.1877), писатель. Воспитывался в сиротском военном доме, а затем учился в С.-Петербургском университете. Был членом новгородского губернского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян, позже — почетным ми-

ровым судьей Белозерского у., земским гласным от крестьян, почтенным смотрителем белозерских училищ. В литературе участвовал с 1830-х корреспонденциями, заметками и статьями по общественным вопросам. Ему принадлежит ряд пьес: «Больные здоровяки», комедия (СПб., 1866); «Будущая любовь», драма (СПб., 1867); «Чудачка», комедия (СПб., 1869); «Современные труженики» (СПб., 1872); «Кого любят, того и губят» (СПб., 1874); «Телеграфистка» и пр. Пьесы Владимирского имели, как правило, дидактический характер. В 1872—77 он был одним из издателей «Петербургского листка». Перед смертью распорядился простить долги крестьянам своего имени.

ВЛАСОВ Юрий Петрович (р. 5.12.1935), спортсмен, писатель. Родился в г. Макеевка Донецкой обл. УССР. Образование: Саратовское суворовское училище, Военно-воздушная академия им. Н. Е. Жуковского.

В 1957 входит в состав сборной СССР по тяжелой атлетике; пятикратный чемпион СССР и мира в тяжелой весовой категории.

Соч.: «Красные валеты», «Себя преодолеть», «Справедливость силы», «Белое мгновение», «Верить», «Солёные радости», «Особый район Китая», «Огненный крест».

ВОВЧОК МАРКО (наст. имя **Мария Александровна Вилинская-Маркович**) (10[22].12.1833—28.07[10.08]. 1907), пи-

сательница. Родилась в семье мелкопоместного русского дворянина. Воспитывалась в частном пансионе. Вместе с мужем фольклористом и этнографом *А. В. Марковичем* собирала произведения народного творчества, изучала быт крестьянства. С сочувствием к крестьянству ею подготовлены сборники «Украинские народные рассказы» (Т. 1—2, 1858—62), «Рассказы народного русского быта» (1859). Известность получили также ее повести «Институтка» (1860), «Три доли», «Тюлевая баба» (обе 1861), «В глуши» (1875) и роман «Записки причетника» (1869—70).

ВОДЕВИЛЬ, один из видов драматического произведения, легкая комедийная пьеса, в которой диалог и драматическое действие, построенное на занимательной интриге, на анекдотическом сюжете, сочетаются с музыкой, песенкой-куплетом, танцем. В России водевиль появился в первые десятилетия XIX в., переняв от комической оперы XVIII в. интерес к национальным, историческим и современным сюжетам. Таковы водевильные пьесы *А. А. Шаховского* («Казак-стихотворец», пост. 1812, изд. 1815; «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец», пост. 1814, изд. 1816; «Крестьяне, или Встреча незваных», пост. 1814, изд. 1815, и др.). *А. С. Грибоедов* («Своя семья, или Замужняя невеста», 1817, в соавторстве с *А. А. Шаховским* и *Н. И. Хмельницким*) придал водевилю литературно-полемическую направленность против классицизма. К этому направлению близок *Н. И. Хмельницкий* («Бабушкины попугаи», 1819; «Суженого конем не объедешь, или Нет худа без добра», пост. 1821;

«Актеры между собой, или Первый дебют актрисы Тропольской», пост. 1821, и др.). Несмотря на идейную легковесность водевилей Хмельницкого, современники (в т. ч. Грибоедов, А. С. Пушкин) любили их за изящество, остроумие, полемический задор. Ранний русский водевиль связан с именем А. И. Писарева («Учитель и ученик, или В чужом пиру похмелье», 1824; «Три десятка», «Хлопотун, или Дело мастера боится», 1825, и др.), который, несмотря на консервативность убеждений, вносил в свои водевили обличительный оттенок.

Обилие бессодержательных водевилей, вытесняющих серьезный драматический репертуар, вызвало отрицательные отзывы Н. В. Гоголя. Однако большая часть современников желали увидеть на сцене русские народные водевили с русскими характерами и нравами. Лучшие водевили Ф. А. Кони, В. А. Соллогуба, П. С. Федорова, П. А. Каратыгина, П. И. Григорьева 1-го, Д. Т. Ленского и др. переносили на сцену русский быт и характеры. Типичен для этого периода водевиль Ленского «Лев Гурыч Синичкин» (пост. 1839, изд. 1840). Использовав фабулу французского водевиля, Ленский создал самостоятельную пьесу, показав правдивую картину жизни русского провинциального театра. Многие водевили 30—40-х сатирически высмеивали уродливые стороны современной действительности в образах помещиков, купцов, чиновников, дворян-мещенатов, продажных журналистов (напр., водевиль Ф. Кони «Петербургские квартиры», 1840). В 40-е водевиль под воздействием *натуральной школы* вводит нового героя — «маленького человека», вызывающего не смех, а сочувствие. Такие водевили, как «Дочь русского актера» (1844) П. И. Григорьева, «Жених из долгового отделения» (1858) И. Е. Чернышева и особенно водевили Н. А. Некрасова, выступившего в молодости в этом жанре («Актер», 1841, «Петербургский ростовщик», 1844, и др.), сближаются с реалистической бытовой комедией нравов, все больше теряя жанровые черты водевиля.

Во 2-й пол. XIX в. водевиль почти полностью исчезает из репертуара русского театра. Особняком стоят одноактные пьесы А. П. Чехова («Медведь», «Предложение», «Юбилей», «Свадьба», «О вреде табака», «Ночь перед судом» и др.), в известной степени развивающие традиции русского водевиля. Отказавшись от традиции куплета, Чехов сохранил водевильное построение сюжета (парадоксальность, стремительность действия, неожиданность развязки).

ВОЕЙКОВ Александр Федорович (30.08[10.09].1779—16[28].06.1839), поэт, переводчик, журналист. Родился в Москве в дворянской семье. Был членом «Арзамаса», близок к кругу А. С. Пушкина и его литературных друзей.

вступил в ополчение (состоял при Рязанском гражданском губернаторе по особым делам, затем находился в авангарде генерал-майора П. С. Кайсарова, участвуя в боевых действиях). В это время Воейковым написаны патриотические стихи «К Отечеству», «Князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому» (оба 1813). В 1814—20 состоял профессором русской словесности в Дерптском университете.

Переехав в Петербург, стал журналистом: соиздателем (1821—22) журнала «Сын Отечества», редактором (1822—38) газеты «Русский инвалид» и «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду»» (1831—39) и др. Начал печатать стихи в 1797. Позднее опубликовал переводы сочинений Вольтера (1809), Ж. Делиля (1816), Вергилия (1816—17). Наиболее известны стихотворные памфлеты Воейкова «Дом сумасшедших» (1-я редакция 1814, дополнял до 1838) в «Парнасский адрес-календарь» (1818—20). Они пользовались успехом благодаря сатирической меткости характеристик литературных деятелей 10—30-х XIX в.

Соч.: Дом сумасшедших // Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX в. Т. 1 / Сост. В. Орлов. М.: Л., 1931; Поэты-сатирики к. XVIII — н. XIX вв. [Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер]. Л., 1959.

ВОИНСКАЯ ПОВЕСТЬ, жанр древнерусской литературы XI—XVII вв. Воинская повесть представляла собой светскую историческую повесть как оригинальную, так и переводную, посвященную изображению воинских подвигов, с описанием битв, воинского быта, снаряжения и т. п. Большинство воинских повестей проникнуто патриотическим пафосом, тревогой за судьбу родины, отражает борьбу русского народа за национальную независимость. Воинские повести литературы киевского периода рассказывают о боевых столкновениях русских княжеских дружин с кочевыми ордами половцев. Среди творцов этих повестей были одаренные поэтическим талантом дружинники, непосредственные участники битв, славившие удачу русских витязей. Величайшим памятником воинской повести киевского периода является написанное в к. XII в. «Слово о полку Игореве». После разгрома Киевской Руси татарами возникает новый этап развития воинской повести. Облик ее героя — витязя окрашивается трагизмом. Мужество перед непобедимым врагом приобретает оттенок религиозного подвижничества. Воинская повесть сближается с произведениями житийного жанра. Наиболее характерное сочетание элементов воинской повести с житием обнаруживается в выдающемся памятнике XIII в. «Житии Александра Невского» и особенно в его более поздних редакциях. Борьбе с татарами посвящены воинские повести XIII в. — «Повесть о битве на Калке», «Повесть о разорении Рязани Батыем». Третий этап развития воинской повести начинается в к. XIV в. после Куликовской битвы, положившей конец татарскому владычеству. В воинской повести этого периода («Сказание о Мамаевом побоище», «Задонщина») героем становится вождь Московского государства, свершающий воинский подвиг с мыслью о высоком призвании родной земли, оплота христианской веры. Крупным этапом в развитии стиля воинской повести явилась «Повесть о Царьграде» *Нестора-Искандера*, связанная с событиями завоевания турками Константинополя в 1453. В ней значительно обогатились традиционные формулы воинского боя, нашедшие развитие в последующих воинских повестях XVI и XVII вв. Наиболее художественно ярким произведением жанра воинской повести этого периода является «История о Казанском царстве» (XVI в.). В этот период созданы также повести о борьбе с западными соседями («Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков»), некоторые повести XVII в., особенно повести об Азовском «сидении», и др. Из переводных воинских повестей были популярны на Руси: «Девгениево деяние», «Александрия»; из более поздних известны «Повесть о Скандербеге, князе албанском» и др. Многие воинские повести отличаются высоким художественным мастерством. Поэтический стиль во-

инских повестей сочетает литературную книжную традицию и черты народного героического эпоса. В изображении военной жизни вырабатывались традиционные схемы развития действия, складывалась особая фразеология, традиционная стилистика и риторические украшения. Поэтика воинских повестей оказала значительное влияние на развитие летописной и житийной литературы в описании сражений, героев и т. д. Воинская повесть — ценный исторический источник, содержащий сведения о действительных событиях, реальных исторических лицах.

Лит.: Воинские повести Древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949; Орлов А. С. Об особенностях формы русский воинских повестей (кончая XVII в.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских..., 1902. Кн. 4; *Он же.* О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII в. // Изв. Отделения русского языка и словесности АН, 1908. Т. 13, кн. 4; *Он же.* Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945.

ВОЛГИН Валентин, лубочный писатель к. XIX в. Первые издания его книг выходили в 1883—87 у *И. Д. Сытина*, в дальнейшем неоднократно переиздавались, некоторые — почти ежегодно. Небольшие по объему (в основном 2 печатных листа), они были снабжены броскими «страшными» названиями. Однако содержание книг представляло собой либо обработки традиционных сказочных сюжетов («Ночь у сатаны». М., 1884; «Чародей и рыцарь». М., 1886), либо подражания пушкинским произведениям: «Утопленница» (М., 1887) — «Станционному зрителю»; «Турецкий пленник» (М., 1886) и «Мертвец без гроба» (М., 1887) — «Кавказскому пленнику». Как и др. лубочные авторы, работавшие в самых разных жанрах, Волгин писал т. н. исторические повести, в которых исторический материал оформлялся в духе народной легенды («За Богом молитва, а за царем служба не пропадут». М., 1883; «Роковая тайна, или Отец и сын». М., 1886), юмористические рассказы («Телячье сердце». М., 1886), рассказы о преступлениях («Убийство на реке Шексне». М., 1884; «Страшная ночь». М., 1886).

Использование фольклорных мотивов, простота языка, построение рассказа в форме беседы с читателями обеспечили книгам Волгина, рассчитанным на чтение вслух деревенскими грамотеями, большую популярность в крестьянской среде.

А. Р.

ВОЛКОВ Александр Абрамович (1788 — не позднее 1845), поэт, переводчик. Сын вице-президента Медицинской коллегии, писателя А. С. Волкова. Офицер; выйдя в отставку, служил в Московском уголовном суде.

В 1804 выпустил сборник юношеских стихотворений «Страсть сердца моего» (М.). В 1808—10 участвовал в издаваемом *П. И. Шаликовым* журнале «*Аглия*». Публиковавшиеся здесь стихотворения («К Людмиле», «Кто прав?», «Служба царская» и др.) вошли в следующий сборник Волкова «Дар музам» (М., 1811), написанный, как и первый, в традициях сентиментальной поэзии.

Главное произведение Волкова — эпическая поэма «Освобожденная Москва» (М., 1820), посвященная событиям Смутного времени.

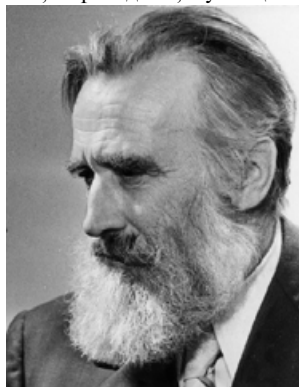
Считая себя представителем *классицизма*, Волков причислял *романтизм* к «греховному направлению словесности».

В 1826 выпустил «Альманах на 1826 для приезжающих в Москву и для самих жителей московской столицы» с описанием святых и памятников первопрестольной.

ВОЛКОВ Николай Иванович (11[23].11.1872 — не ранее 1932), поэт, прозаик, самоучка. Родился в д. Толстоухово Калязинского у. Степановской вол. Тверской губ. в крестьянской семье. Окончил сельскую школу. Работал приказчиком в лавке. В 1905 впервые опубликовал свои произведения в «Московских ведомостях» (стихотворение «Порт-Артур», 31 марта), сборнике «Народные досуги» (стихи и рассказ «На пароходе», М.), а также в газете «Вечерняя почта», журнале «Голос жизни» (М.), сборнике «Десять» (М.). В 1906—10 Волков печатает стихи, статьи и рассказы в газетах «Правда Божья», «Соха-кормилица», «Простое слово», «Простая жизнь», в журналах «Ясный сокол», «Родник», «Юная Россия», «Народная мысль» и мн. др. периодических изданиях. В к. 1911 вышла в свет книга стихов Волкова «Озимь» (М., на титульном листе — 1912): это преимущественно лирика — «меланхолические настроения русской души с печалью, грустью, с жалобами» (И. Белоусов).

Проза Волкова — в основном маленькие рассказы из крестьянской жизни, напоминающие по характеру его «стиховые новеллы».

ВОЛКОВ Олег Васильевич (21.01.1900—10.02.1996), писатель, переводчик, публицист, общественный деятель. Отец

Василий Александрович — директор правления Русско-Балтийских заводов, мать Александра Аркадьевна — из рода флотоводцев Лазаревых. О. Волков — правнук любимца Николая I, знаменитого адмирала, главнокомандующего Черноморским флотом М. П. Лазарева, воспитавшего В. Н. Истомина, В. В. Корнилова, П. С. Нахимова. Род Лазаревых дал России семерых адмиралов.

Авторитет патриарха русской литературы Волкову создали роман «Погружение во тьму», десятки повестей, рассказов, очерков, эссе, вышедших в сборниках «Чур, заповедано» (1976), «В конце тропы» (1978), «Каждый камень в ней живой. Из истории московских улиц» (1985), «Все в ответе» (1986), «В тихом краю» (1987), «Век надежд и крушений» (1989), «Два стольных града» (1994) и мн. др. Его блестящие переводы «Греческой цивилизации» А. Боннара, мемуаров Э. Эррио «Из прошлого. Между двумя войнами», «Ренуара» Ж. Ренуара, произведений Золя, Бальзака открыли русским читателям полнзвучие французского языка.

Страстное, жесткое, мужественное слово волковской набатной публицистики обороняло «священный Байкал», преодолимо встало на пути уже начатой было переборки северных рек на юг, защищало российский кедр, архитектуру старинных русских городов, заповедную Стрелецкую степь, Теберду, Баргузинский хребет, Кедровую падь Уссурийского края, склоны Сихотэ-Алиня, острова национального быта, векового сельского уклада — словом, все то, в чем сосредоточена живая и подлинная душа России.

И все-таки, когда русский народ, опяматовавшись и одумавшись, спохватится и примется возрождать свою державу, он вновь откроет для себя писателя Волкова, хотя и при жизни не обойденного ни писательской славой, ни читательской популярностью. Однако до сих пор не произошло главного — не стал настольной книгой каждого русского

человека его роман «Погружение во тьму», редчайший по силе духа роман во всей отечественной литературе. В нем во всей крепости и мощи представлен несгибаемый русский человек — в полноте Православной веры, преданности заветам отцов следовать тому, что подсказывает совесть, до смертного конца исполнять свой долг, помнить, что честь и достоинство превыше смерти.

Роман автобиографичен, в нем все из пережитого самим Волковым за 28 лет советских тюрем, лагерей, ссылки, собственного крестного пути, начатого в 1928 по бесчестным островам Архипелага Гулага — от Соловков до Ухты, от зырянских болот до восточносибирской тайги. Роман редкостной художественной мощи, русского языка родниковой чистоты, и в то же время подлинность описываемых событий делает его документом новейшей истории.

Б. Миронов

ВОЛКОВ Федор Григорьевич (9[20].02.1729—4[15].04.1763), основатель постоянного профессионального русского театра, актер, писатель, переводчик. Родился в Костроме в купеческой семье. С 1735 жил в Ярославле. Учился у ссыльного немецкого пастора, затем в Москве, где познакомился с т. н. школьным театром и спектаклями итальянской труппы. В 1748, вернувшись в Ярославль, организовал сначала домашний, а с 1750 публичный театр. В 1752 театр Волкова вызвали в Петербург. В 1754—56 Волков продолжал образование в Шляхетном кадетском корпусе. Деятельность Волкова имела большое значение для развития профессионального театра. Литературное творчество Волкова связано с театром. Он перевел либретто оперы Метастазियो «Титово милосердие» (пост. в Ярославле). Ему приписывают также 15 оригинальных и переводных пьес, до нас не дошедших (кроме переводов Мольера, хранящихся в Парижской библиотеке). Известные стихи Волкова «Ты проходишь, дорогая, мимо кельи...», «Станем, братцы, петь старую песню», получившие большое распространение и вошедшие в песенники XVIII в. Эпиграмма Волкова «Всадника хвалят...» опубликована в «Опыте исторического словаря о российских писателях» *Н. И. Новикова* (СПб., 1772). Волкову принадлежит центральная часть либретто маскарадного представления «Торжествующая Минерва», организованного в Москве в 1763 после коронации имп. *Екатерины II*. В либретто, содержащее и сатирические мотивы, наряду с образами, заимствованными из античной мифологии и истории (Диоген), введены образы, отражающие русскую действительность (Кривосуд, Взятколюб). В характерное для *классицизма* аллегорическое представление Волков ввел также элементы народных скорошальных игр. Волков умер, простудившись во время маскарадного шествия, происходившего на улице в зимнее время.

Н. Б.

ВОЛКОВА Анна Алексеевна (1781—25.05[6.06].1834), поэтесса. Из дворянской семьи; отец Волковой состоял на дипломатической службе. Получила домашнее образование, жила в Петербурге. Первое стихотворение опубликовала в 13 лет. В 1794—96 Волкова публикует цикл стихов о сельской жизни.

В них, наряду с традиционными условно-поэтическими пейзажами и прославлением добродетели, единения и душевной невозмутимости, встречаются не лишённые известной свежести конкретные зарисовки русского деревенского быта. В эти годы и позднее писала многочисленные оды, в т. ч. на коронацию имп. Павла I (СПб., 1796). После смерти отца жила в бедности. В помощь Волковой А. С. Шишков издал по подписке со своим предисловием сборник «Стихотворения девицы Волковой» (СПб., 1807), в котором преобладали стихи с чувствительными описаниями природы (в них наиболее заметно стремление Волковой к гладкости и правильности стиха и общий тон душевного «благочестия» («Гимн добродетели» и др.)). Шишков покровительствовал постоянно нуждавшейся поэтессе всю жизнь, что нашло отражение в посвященных ему стихах Волковой.

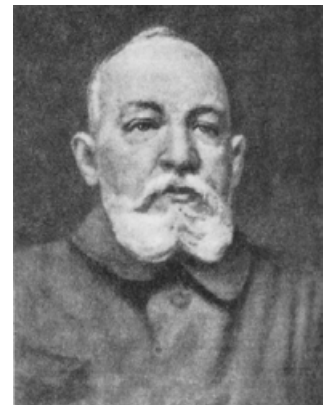

ВОЛКОНСКИЙ Михаил Николаевич (псевд. *Манценилов*) (7[19].05.1860—13[26].10.1917), князь, писатель и драматург. Представитель старинного княжеского рода, ведущего свое происхождение от Рюрика. Закончил Императорское училище правоведения. Известность получил как литератор, автор популярных исторических романов и повестей, а также драматических произведений (пародийная опера «Вампука, принцесса Африканская», «Гастроль Рычалова» и др.). Остроумная «Вампука» имела огромный успех у публики. В 1892—94 был редактором журнала «*Нива*», сотрудничал в «Новом времени» и в разных журналах. В 1905—06 принимал участие в правом сатирическом журнале «Виттова пляска», после его запрещения — в журналах «Плювиум» и «Продолжение Виттовой пляски». Кн. Волконский принял активное участие в монархическом движении. С первых лет существования он был членом Русского собрания и Союза русского народа.

Волконский автор многочисленных романов, повестей, рассказов и пьес. В прозаическом творчестве Волконского прослеживаются 2 линии. Первая представлена произведениями из современной ему жизни, исследующими поведение личности в состоянии выбора между укоренившимся в обществе материализмом и аморализмом («мертвое») и религиозно-нравственной тенденцией («живое»): романы «Семья Колениных» (1890), «Мертвые и живые» (1898), «Одержимые» (1899), повесть «Судьба» (1890), «Благородные чувства» (1902) и др. Другая, количественно преобладающая линия, преимущественно связана с разработкой русской исторической темы. В 1891—1915 Волкон-

ский принял активное участие в монархическом движении. С первых лет существования он был членом Русского собрания и Союза русского народа.

Волконский автор многочисленных романов, повестей, рассказов и пьес. В прозаическом творчестве Волконского прослеживаются 2 линии. Первая представлена произведениями из современной ему жизни, исследующими поведение личности в состоянии выбора между укоренившимся в обществе материализмом и аморализмом («мертвое») и религиозно-нравственной тенденцией («живое»): романы «Семья Колениных» (1890), «Мертвые и живые» (1898), «Одержимые» (1899), повесть «Судьба» (1890), «Благородные чувства» (1902) и др. Другая, количественно преобладающая линия, преимущественно связана с разработкой русской исторической темы. В 1891—1915 Волкон-

ский принял активное участие в монархическом движении. С первых лет существования он был членом Русского собрания и Союза русского народа.

ский опубликовал более 20 исторических романов и повестей, среди которых: «Мальтийская цепь» (1891), «Князь Никита Федорович» (1891), «Воля судьбы» (1893), «Брат герцога» (1895), «Кольцо императрицы» (1896), «Записки прадеда» (1897), «Вязниковский самодур» (1900), «Черный человек» (1901), «Два мага» (1902), «Гамлет XVIII века» (1903), «Ищите и найдете» (1904), «Тайные силы» (1907), «Жанна де Ламотт» (1910), «Тайна герцога» (1912), «Мне жаль тебя, герцог!» (1913), «Две жизни» (1914) и др. В центре исторических произведений — «неофициальная история» XVIII столетия, «сплетающаяся из целого ряда интриг и отношений, разгадать и открыть которые представляется возможным лишь спустя многие годы». Продолжая (вслед за *Вс. С. Соловьевым*) «авантюрную» линию развития исторического романа, Волконский почти полностью отказался от языковой стилизации и от точности в бытописании, что лишает многие его романы исторической достоверности. Тем не менее исторические романы Волконского воспитывали у читателя чувство любви к Родине и отечественной истории.

Соч.: Полное собрание исторических романов и повестей князя М. Н. Волконского. Испр. и отредактированное автором. Т. 1—6. П., 1916—17; Соч.: В 4 т. М., 1992.

А. С.

ВОЛОДИМЕРОВ Святослав Александрович (1868—1917 [по др. дан. 1919]), публицист, издатель патриотической газеты «Земщина».

Из семьи богатого помещика, крупного землевладельца Орловской губ. Окончил Лицей цесаревича Николая в Москве, основанный *М. Н. Катковым*, его учителем был *В. А. Грингмут*. Служил орловским уездным предводителем дворянства. С началом революционных беспорядков 1905 учредил Союз законности и порядка, начал издавать консервативную газету «Орловская речь». Депутат III Государственной думы от Орловской губ. Был членом Главного Совета Союза русского народа. На Пятом Всероссийском съезде русских людей в Петербурге 16—20 мая 1912 сделал доклад о необходимости очищения русского языка от иностранных слов и корней. Главный тезис доклада: богатство русского языка делает

совершенно излишними иностранные слова, они только варварски искажают русский язык. Володимеров призвал к борьбе за чистоту языка, предложив учредить при монархических организациях «Общество русского языка». Он предложил также возбудить ходатайство перед Министерством народного просвещения о принятии мер к очищению учебников от иностранных слов, а перед Академией наук ходатайство об издании дешевого доступного для народа Толкового словаря *В. И. Даля*. Володимеров был избран на Съезде членом просветительского разряда (комиссия по выработке решения по вопросам народного просвещения). Съезд принял его основные идеи и постановил учредить Ломоносовское общество русского языка.

Володимеров был видным публицистом и идеологом монархии. В его статьях было много правды и удивитель-

ной прозорливости. Его угнетало, что общество равнодушно смотрит на надвигающуюся катастрофу. В одной из статей, опубликованной в «Московских ведомостях» в н. 1914, он сравнивал эту социальную болезнь с «куриной слепотой»: «Точно какая-то куриная слепота напала на русское общество и какое-то роковое бессилие сковывает его волю в сумраке стелящейся по русской земле интеллигентской мути. В этой мути среди трескотни всероссийской иудейской печати тонут обличительные речи Пурешкевича с кафедры Государственной думы, проходят бесследно статьи Меншикова... Русское общество слишком обинтеллигентилось, оно утратило национальный инстинкт, — этот компас культуры, оно утратило чувство государственного самосознания. Вот в чем ужас!». Во время войны не терявший бодрости духа Володимеров призывал лидеров монархистов не опускать руки, использовать в своих политических целях антинемецкие настроения, получившие широкое распространение в обществе. В письме к *А. С. Вязигину* от 24 нояб. 1914 он писал: «Используйте противонемецкое течение», «не оставайтесь зрителем, заранее решившим, что все козыри на руках противников русских политических игроков и что играть поэтому не стоит».

Будучи издателем газеты «Земщина», он нередко публиковал там свои статьи. Среди его публикаций по глубине анализа, справедливости оценок и политической заостренности выделяется серия статей под общим названием «Накануне расплаты», опубликованная в «Земщине» в сент. 1911, а затем изданная отдельно. Вспоминая время смуты 1905, Володимеров тонко подметил: «После октябрьского столпотворения Вавилонского вся грамотная и в особенности малограмотная Россия заговорила. Слушать, а главное, думать было некогда. Надо было непременно говорить всякому, непременно спорить. Молчание производило впечатление, что сказать нечего, что молчащий в чем-то виноват, что оправдаться он или не может, или не умеет». Истоки этого политического абсурда Володимеров видел в том, что русская интеллигенция находится в духовном рабстве у иудеев. Известно, что «российскую интеллигенцию, диктующую у нас ныне по указке иудеев политические моды, уже с полвека хлебом не корми, давай только “реформ”, побольше всевозможных реформ, и непременно, конечно, либеральных. Всякие же либеральные реформы, т. е. попросту всякая ломка общественных и бытовых форм народной жизни, всегда на руку прежде всего иудеям, ибо это есть не что иное, как революция, хотя и революция сверху, но все же революция. Иудеи хорошо помнят великую истину: “Привычка — душа держав”. Они поэтому всячески стараются заставить законодательную мысль разрушаемых ими держав и поработаемых ими народов забыть эту великую мудрость арийских оседлых народов».

Анализируя современную политическую ситуацию в стране, Володимеров писал, что пока открытой измены нет, но «есть либеральничавший Петербург, есть интеллигентный, полуинопородческий газетно-канцелярский мир, не знающий и откровенно не желающий знать православной России, которую он командует, не понимающий безмолвствующего народа и до сего дня принимающий за его голос лживое, пошлое и наглое дребезжание иудейских газет». Он рисует картины упадка нравов в деревне, где правят бал шайки молодых парней, богохульников и непристойников, которые избивают и даже убивают любого, кто осмеливается перечить им. Молодежь не признает авторитета стариков. Кругом «победное шествие открытого

распутства»; «целомудренность стала признаком отсталости от века, ее стыдятся, ее скрывают»; внебрачное сожительство стало правилом у учащей молодежи. Володимиров прозорливо утверждал, что опасность революции отнюдь не миновала: «Разноплеменные полчища полудиких интеллигентов-безбожников, неудержимо пополняемые на казенный счет выпусками всех почти без исключения школ по России, отнюдь не отказались от своей решимости опрокинуть Престол Романовых, разорвать Их великую Державу на части и поработить развращенный пьянством, безсудностью и безначалием великий Русский народ». Их решимость крепнет, они становятся все наглее, они снова начали «кровавую расправу с наиболее надежными и сильными слугами Царя и России». Ясно, что «настоящее представление всероссийской жидовской революции начнется скоро». Подготовка к революции идет полным ходом. После подавления революции 1905 усилила иудеев были направлены на то, чтобы внести в армию «заразу младотурчества». И результат есть. Среди офицеров все чаще попадают люди с гучковским и милюковским душком. «Вообще воздух в офицерской среде некоторых, преимущественно армейских полков, стал заметно портиться». По его наблюдениям, освободительная зараза проникла даже на Дон.

Но всего ужаснее, на взгляд Володимерова, — «настоящее нашествие иудина племени». Он не жалеет красок для описания этого нашествия: «Небывалое опустошение лесов, разорение мелких промышленников и торговых людей, целыми улицами, целыми городами — вот картина иудейского нашествия. Как липкою паутиною окутали иудеи Россию бесчисленными своими газетами, театрами, кинематографами, и изо дня в день все глубже отравляют они своим ядом душу народную, разрушают семью, религию, гражданственность, патриотизм в целом поколении русского, вступающего в жизнь юношества». «Иудейское нашествие» есть главный козырь устроителей революции, которые рассчитывают на миллион, «рассыпавшихся по всей России жидов, сплоченных, надежных, в высшей степени старательных и искусных агитаторов и развратителей, жидов-агентов всежидовского заговора против России. Это «армия в штатском», несоизмеримо более опасная для целостности России, чем какая угодно японская или австрийская армия в мундирах, с ружьем и пушками».

Вывод, который делает из своего анализа Володимеров, неутешителен: «Россия накануне расплаты за конституционные упражнения и за политику либеральных реформ». Однако он все-таки видел и альтернативу упадку и гибели, выражая надежду (хотя и слабую), что придут министры-богатеры, которые станут достойными исполнителями великих предначертаний государя императора Николая II. Тогда «Россия вступит, наконец, на свой старый истинно-национальный и славный, и грозный исторический путь». Только таким министрам, убежден был Володимеров, по плечу снова сделать «патриотизм главным двигателем частной, общественной и государственной жизни». Только на прочной основе патриотизма может появиться и национальное единство. Но Володимеров, трезво понимая духовную природу этого явления, предостерегал от опасности бюрократизации. «Возрождение в русском народе национального единодушия немислимо без возрождения единодушия религиозного», а значит, «во главе этого животворящего, очищающего от старых грехов национального и, потому, народного движения должны встать отнюдь не чиновники, хотя бы и самые ретивые, а пастыри народные, такие светильники истинного народного Православия, как

Владимир митрополит Московский, Гермоген епископ Саратовский, Феофан епископ Таврический, архимандрит Виталий».

Сам Володимеров вскоре вступил в когорту тех «министров-богатырей», которые призваны были спасти Россию, — 9 марта 1915 он был назначен и. о. томского вице-губернатора. Он стал и одной из первых жертв победившей еврейской революции.

Соч.: Просвет в сельском хозяйстве России. Доклад. Орел, 1902; Крестьяне и земля. СПб., 1908; Интеллигентный нео-национализм // Вестник Русского собрания. 1908. № 30; Накануне расплаты (Политический очерк). СПб., 1912; Куриная слепота // Московские ведомости. 1914. № 27; Пчелкин хутор. Как быть, чтоб бедно не жить? 2-е изд. Пг., 1915.

А. Степанов

ВОЛОТ ВОЛОТОВИЧ, герой *духовного стиха* о Голубиной книге, а также одного из его источников — «*Беседы трех святителей*». Слово «Волот», по объяснению *Ф. И. Булаева*, означает «великан».

ВОЛОШИН (псевд.; наст. фамилия — **Кириенко-Волошин**), **Максимилиан Александрович** 16[28].05.1877—11.08.1932), поэт. Родился в Киеве в дворянской семье. Окончил фео-

доскую гимназию. Учился на юридическом факультете Московского университета, был исключен за участие в студенческих беспорядках. Выступил в печати в 1900. Примыкал к символистам, сотрудничал с журналами «*Весь*», «*Золотое руно*», в органе акмеистов «*Аполлон*». Долгие годы живя в Париже, испытал значительное влияние французских поэтов (П. Верлена, А. Реня и др.) и художников-импрессионистов. Занимался живописью (известны его крымские акварели). С 1917 Волошин постоянно жил в Крыму, в Коктебеле. В период гражданской войны стремился занять позицию «над схваткой», призывая «быть человеком, а не гражданином». В ходе революционных потрясений в России, свидетелем которых Волошин был в Коктебеле, он заявил, что «молитва поэта во время гражданской войны может быть только за тех и за других: когда дети единой матери убивают друг друга, надо быть с матерью, а не с одним из братьев». Родина-мать и становится главным образом в поэзии Волошина революционных лет. Точнее, не «родина-мать» в некрасовском воплощении, а российская Богоматерь. Свирепая, неприкаянная Русь возникает в его стихах — Русь безвременья, где вихри гуляют по ратному полю, зловеще мерцают болотные огни и из земной утробы выходит тело царевича Дмитрия («Дметриус-император»). Неистовый Аввакум живьем сгорает в срубе, гибелью своей утверждая истинную веру (поэма «Протопоп Аввакум», 1918). Гуляет по Руси Стенька Разин, верша жестокие суды над угнетателями и справляя кровавые празднования («Стенькин суд», 1917). Теснят друг друга типажи современности: «Красногвардеец», «Матрос», «Большевик», «Буржуй», «Спекулянт» (цикл «Личины»). И над этими сценами древних лет и современности возвышается лик Богоматери, свет животворной любви и очищения: «Тайна тайн непостижимая, / Глубь глубин необозримая, /

Высота невосходимая, / Радость радости земной, / Торжество непобедимое. / Ангельски дароносимая / Над родимую землей, / Купина Неопалимая» («Хвала Богоматери», 1919). Образ Неопалимой Купины не раз встречается в стихах Волошина тех лет. По библейской легенде, это — горящий куст терновника, который не сгорает и олицетворяет бессмертие духа. Такова, по Волошину, и Россия, охваченная революционным пламенем: «Мы погибаем, не умирая, / Дух обнажаем доглат...» («Неопалимая Купина», 1919). Даже в эти годы вера в возрождение России у поэта оставалась.

Иным пафосом преисполнена книга «Путиами Каина», создававшаяся параллельно с книгой «Неопалимая Купина». «Это — не столько стихи, сколько философский трактат в слегка повышенной ритмом прозе». Подзаголовок: «Трагедия материальной культуры». Поэт проследживает весь тревожный путь человечества: от первого противостояния Богу («Мятеж»), от первой искры цивилизации — использования огня («Огонь»), от первых религиозных исканий («Магия»), от первых внутренних раздоров, начавшихся с убийства Каином брата («Кулак»), через достижения средневековой и буржуазной мысли («Порох», «Пар», «Машина»), завершившихся тем, что «машина победила человека», а «свист, грохот, лязг, движенье превратили Царя вселенной в смазчика колес», через враждебное наступление новой государственности на личность («Бунтовщик», «Война», «Государство», «Левиафан»). Завершается этот путь у поэта прозрением будущего — где не Господь свершает Страшный суд надо всеми, а где «каждый... сам себя судил» («Суд»). Для поэзии Волошина характерны мотивы созерцания природы, раздумья над ходом истории, трагическими судьбами человека и судьбами древних культур, облакаемые обычно в живописные картины, зримые, вещественные образы. Материальная осязаемость, предметность изображения сочетались у Волошина с «опзраченностью» поэтической речи, конкретность — с символикой. Свой стиль Волошин определял как «нео-реализм», объединивший достижения *символизма* и импрессионизма. Явления современной эпохи Волошин стремится изображать как бы сквозь дымку истории, «из перспективы других веков», считая это важнейшим условием художественного восприятия. Философско-историческая направленность лирики Волошина усилилась в годы первой мировой войны и революции («Демоны глухонемые», 1919). Волошин — переводчик французских поэтов и автор статей по разнообразным вопросам культуры и искусства (частично собраны в книге «Лики творчества», 1914).

Соч.: Стихотворения. М., 1910; Anno mundi ardentis. М., 1916; Иверни. Избранные стихотворения. М., 1918; Демоны глухонемые. Харьков, 1919; Стихи. М., 1922; Стихотворения. Л., 1977; Стихотворения и поэмы. СПб., 1995.

Г. Ф., А. С.

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ, былинный герой мифологического эпоса. Образ Волха Всеславьевича не менее архаичен, чем *Святогора* и *Михайло Потыка*. Об этом свидетельствует само имя героя, он — волхв, умеющий «вражду чинить», т. е. волховать, ворожить; он — мудрый кудесник, волшебник, родившийся от змеи (что по древним представлениям являлось признаком мудрости); он — оборотень, обладающий способностью «обертываться» в сокола, волка, тура (что, в свою очередь, присуще языческому божеству охоты).

Исследователи приводят и исторические параллели, согласно которым былинный Волх — это Киевский кн. Олег, тоже считавшийся «вещим». *О. Миллер* приводил еще одну параллель: «Не по прозвищу только, а по действительно

вещим чародейным действиям он должен быть сопоставлен с другим летописным лицом, даже и рожденным, подобно ему, чудесным образом. Лицо это — знаменитый Всеслав, князь полоцкий». *С. П. Шевырев* обратил внимание на еще одну деталь: «Отчего же Индейское царство играет такую важную роль в песне о богатыре-кудеснике? Отчего трястись ему, когда он родился? Отчего же Волх — сопровитник самого царя индейского?.. Индия — родина чернокнижия и волхования. Оттуда, из этого первоначального родства с индийским племенем, наш народ черпал свои предания чернокнижные. Чудная память его сохранила темное о том сознание. Волх, представитель богатырский силы в кудесничестве, овладев всеми его тайнами, разрушает вконец индейское царство, самую родину волхования, и выселяется туда из своего отечества. Так может, по моему мнению, наука осмыслить песенное предание о борьбе с царством индейским Волха Всеславьевича, главного олицетворителя той части народа, которая сражалась с остатками язычества».

В. Калугин

ВОЛЬГА, былинный герой мифологического эпоса. Отдельный былинный сюжет о Вольге был записан однажды (*А. Ф. Гильфердинг* от Кузьмы Романова). Обычно имя Вольги встречается в сочетании с др. именем — *Микулы Селяниновича*. Образ Вольги, «с пяти годков» обучающегося всем «хитростям-мудростям», знанию «всяких языков разных» (имеются в виду «языки» зверей и птиц), наиболее близок к былинному образу *Волха Всеславьевича* (см.: Волга Святославович).

Но именно в этой былине воссоздан поэтический образ древнего охотника и рыболова (вполне возможно — бога охоты и рыболовства), умеющего не только ставить «веревочки шелковые», но и «заворачивать» куниц, лисиц, черных соболей, «поскакучих зайчиков и малых горностаюшков», приняв их облик. Точно так же происходит и при рыбной ловле: Вольга «повертывается» щукой и «заворачивает» рыбу в свои сети. Перед нами — подлинная охотничья поэма.

Возможная историческая параллель — кн. Ольга, имя которой писалось и произносилось как Вольга. Еще *Вс. Миллер* обратил внимание, что «глухое предание о каких-то грандиозных ловах Ольги, или по русскому произношению Вольги, вспоминаемых летописью, при дальнейшем его брожении в народных устах могло вызвать в фантазии народа представление об охотах какого-то богатыря кн. Вольги, жившего во времена Владимира и состоявшего с ним в родстве». Такая историческая параллель былинного Вольги и исторической Ольги станет еще более убедительной, если учесть, что все летописные рассказы о ней (месть Ольги древлянам и др.) в значительной степени фольклоризированы. Вполне вероятно, что в данном случае не история вторглась в фольклор, а фольклор — в историю. Народные предания вошли в летопись, произошла фольклоризация истории, что не исключает, а, наоборот, предполагает существование этих сюжетов в мифологическом эпосе.

В. Калугин

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВОВИЧ, персонаж двух *былин*, образ князя-дружинника. В образе Вольги Святославовича объединились сказочные черты идеального воина-охотника с чертами богатыря-оборотня (отсюда его второе имя — Волх, т. е. волхв, чародей). Вольга Святославович собирает дружину, охотится вместе с ней; при походе в Индийское царство превращает дружину в муравьев, а сам оборачивается птицей, потом гор-

ностаем. В былинах о встрече с *Микулой Селяниновичем* Вольга Святославович со своей дружиной оказывается слабее крестьянина-пахаря. В этом эпизоде ярко отразилась крестьянская идеология создателей былин, противопоставивших образу князя-дружинника образ богатыря-крестьянина. Известные варианты былин о Вольге Святославовиче сложились, очевидно, не ранее XV в. в Новгородской земле и отразили ряд бытовых и хозяйственных черт древнерусской жизни: охоту как основное занятие, земледелие лесосечного типа, собиранье князем дани, торговлю солью, переход к денежному обращению. (См.: Былины).

ВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, литературное объединение, существовавшее в С.-Петербурге в 1816—25. Первые три года существовало как патриотическая, православно-монархическая организация. Общество имело устав и большую библиотеку. В общество, в частности, входили *Н. И. Гнедич*, *А. А. Дельвиг*, *А. С. Грибоедов*.

С 1819 общество попало под контроль масонских лож, делается попытка превратить его в один из центров антирусского декабризма; попытки эти усилились после роспуска Союза благоденствия в 1821. Однако они не удалась. Общество издавало журнал «Соревнователь просвещения и благотворения», выходивший ежемесячно в 1818—25 (с некоторыми перерывами). В нем опубликованы произведения *А. С. Пушкина*, статьи Сомова о *романтизме* (1823), явившиеся первой попыткой теоретически обосновать эстетику русского прогрессивного романтизма, и др. Материалы журнала обычно читались и обсуждались на заседаниях общества. Православно-монархическая часть общества отставала национальную самобытность литературы, старалась привить интерес к народной поэзии, выступала за разработку историко-патриотической тематики.

ВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ, литературное общество, организация, существовавшая в Петербурге в 1801—25 (с перерывами). Первоначально создана как Дружеское общество любителей изящного (15 июля 1801) группой выпускников гимназии при Академии наук (*И. М. Борн*, *В. В. Попугаев*, *В. И. Красовский*, *В. В. Дмитриев*, *А. Г. Волков*, *М. К. Михайлов*), но вскоре переименовано в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. В следующем году его состав значительно расширился. В общество вошли молодые поэты *А. Х. Востоков*, *Н. Ф. Остолопов*, *Г. П. Каменев*, *А. Е. Измайлов*, позднее *К. Н. Батюшков*, *С. С. Бобров*; близко стоял к ним *Н. И. Гнедич*. В 1803 по ходатайству Борна и Попугаева получено правительственное утверждение Вольного общества. С 1804 отчеты о его заседаниях печатались в журнале «Северный вестник». 15 июля 1805 президентом общества вместо Борна был избран Пнин, вскоре умерший (17 сент. 1805).

На первом этапе деятельности общества была сделана попытка масонских лож поставить его под свой контроль. Однако сделать это им не удалось. В 1807 президентом общества вместо Борна стал *Д. И. Языков*, представлявший православно-монархическое его крыло. С этого времени началось вытеснение масонских элементов из состава общества. После 4-летнего перерыва (1812—16) заседания были возобновлены под председательством *А. Е. Измайлова* и нерегулярно продолжались до 1825.

Общество издавало альманах «Свиток муз» (Ч. 1—2, 1802—03) и журнал «Периодическое издание Вольного общества...» (1804, вышел один номер). В споре о «старом»

и «новом» слогe между сторонниками *А. С. Шишкова* и карамзинистами члены общества занимали промежуточную позицию, выступая и против крайностей ветхого *классицизма* и против камерных форм карамзинской школы.

ВОЛЬНЫЙ СТИХ, разновидность *силлабо-тонического стиха*, отличающаяся непостоянным числом стоп в стихе, причем стихи неравной длины сочетаются в свободной последовательности. Хотя в русской поэзии неоднократно делались попытки применять в вольном стихе различные стихотворные размеры, все же вольные стихи обычно пишутся ямбом с колебаниями числа стоп в стихе (от одной до шести), напр.:

По улицам Слона водили (4 стопы),

Как видно, напоказ (3 стопы).

Известно, что Слоны в диковинку у нас (6 стоп),

Так за Слоном толпы зевак ходили (5 стоп).

(*И. А. Крылов*. «Слон и Моська»)

Обязательный элемент вольного стиха — рифма, отдельные опыты вольного стиха без рифм (у *А. П. Сумарокова*, *В. А. Жуковского* и др.) не получили развития. Синтаксические переносы части предложения из одного стиха в следующий встречаются крайне редко. Интонация вольного стиха близка к обычной разговорной речи. Вольный стих прочно закрепился за басенным жанром, но встречается он и в больших эпических произведениях и в драме. Впервые примененный в «притчах» *А. П. Сумарокова*, вольный стих получил дальнейшее развитие у др. баснописцев XVIII и н. XIX в. (*М. М. Херасков*, *В. И. Майков*, *И. И. Хемницер*, *А. Е. Измайлов*, *И. И. Дмитриев*) и в «Душеньке» *И. Ф. Богдановича*. В XIX в. вольный стих достиг наивысшего расцвета в баснях *И. А. Крылова*, в лирических размышлениях *А. С. Пушкина* («Воспоминания в Царском селе»), в «Горе от ума» *А. С. Грибоедова* и «Маскараде» *М. Ю. Лермонтова*.

ВОПЛЕНИЦА (плачя, плакальщица) — исполнительница *причитаний*. В традиционном русском народном творчестве плач, причет, причитание входило как обязательный элемент в ритуал свадебного и похоронного обрядов, а также в проводы рекрутов. Известны вопленицы — мастера этого искусства. Творчество их носило профессиональный характер. Обычно они являлись знатоками и др. фольклорных жанров — *былин* или песен. Среди воплениц, живших во 2-й пол. XIX в., по силе таланта, социальной насыщенности плачей выделяется *И. А. Федосова*, олонекская вопленица. Ее плачи были использованы *Н. А. Некрасовым* в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

ВОРОБКЕВИЧ Исидор Иванович (псевд. — **Данило Младка**) (5[17].05.1836—19.09.1903), писатель и композитор. Родился в г. Черновцы. Был священником и преподавателем духовной семинарии. Продолжал просветительскую деятельность *О. Федьковича* на Буковине, вел борьбу за культурное объединение малороссийского народа в условиях австрийской оккупации западно-русских земель. В 1900 опубликовал сборник стихов «Над Прутом» с предисловием *И. Франко*. Воробкевич — автор новелл «Вымуштрованный кинь» (1865), «Цыганка» (1869), «Месть черногорца» (1876), исторических драм из народной жизни — «Гнат Приблуда» (1875), «Убогая Марта» (1878) и др., оперетты «Молодая пани из Боснии» («Пані молода з Боснії», 1880) и др.

Соч.: Твори. Т. 1—2. Львів, 1909—11.

ВОРОБЬЕВ Константин Дмитриевич (24.09.1919—2.03. 1975), писатель. Родился в с. Нижний Реутец, ныне Медвенского р-на Курской обл. Учился в военном училище (1941). Участник Великой Отечественной войны. Попал в плен, бежал, сражался в партизанском отряде в Литве. После войны сменил много профессий. Печатался с 1954. Первый сборник рассказов — «Подснежник» (1956). Герой последующих произведений Воробьева — его «ровесник», наделенный автобиографическими чертами. Писатель раскрывает его судьбу во взаимосвязи с важнейшими драматическими моментами истории России. Повесть «Алексей, сын Алексея. Сказание о моем ровеснике» (1963) посвящено гражданской войне; повести «Почем в Ракитном радости» (1964), «Тетка Егориха» (1967), рассказы «Ермак», «Синель», «Чертов палец» о коллективизации, о жизни предвоенной деревни. В повестях «Крик» (1962), «Убиты под Москвой» (1963), ряде рассказов — события Великой Отечественной войны. В повестях «Генка, брат мой...» (1969), «Вот пришел великан...» (1971), «...И всему роду твоему» (1975, незаверш.) рассказывается о жизни героя Воробьева после войны. Книги Воробьева пронизаны нетерпимостью ко всякого рода отступлениям от человечности, несут заряд высокой нравственности.

Ю. Т.

ВОРОНИН Сергей Алексеевич (р. 30.06[13.07].1913), писатель. Родился в г. Любим Ярославской обл. в семье крестьян. Окончил фабрично-заводское училище. Был токарем, геологом, журналистом. В 1947 опубликовал книгу рассказов «Встречи». Людям колхозной деревни посвящены роман «На своей земле» (Кн. 1—2, 1948—52), повесть «Ненужная слава» (1955). Воронин — автор сборников рассказов «Дом напротив» (1954), «В паводок» (1958), «Второй цвет» (1958). Гл. редактор журнала «Нева» (с 1957), в котором развивал идеи народности и патриотизма.

С к. 60-х Воронин месяцами живет в старой русской деревне на берегу Чудского озера. Рассказы и повести об обитателях этих мест выражают новые грани в трактовке «деревенской» темы в прозе 70—80-х («Родительский дом», «Проездом», «Бормотуха», «Родня», повести «Милый ты мой...», «Отпуск в Кузлеве»). «...Воронин решал по существу те же вопросы, которые занимали тогда “деревенскую прозу”. И прежде всего — вопрос о судьбах деревни (центральный для “деревенской прозы”), о тех важнейших нравственно-социальных процессах, которые там идут».

В 1984 Воронин создает документальную повесть «Жизнеописание Ивана Петровича Павлова» о судьбе великого русского ученого.

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. М., 1981; Ради земли своей: Повести и рассказы. М., 1983; Единственная ночь: Роман, повести, рассказы. Л., 1983; Жизнеописание Ивана Петровича Павлова: Док. повесть. Л., 1984.

ВОСЛЕНСКИЙ Иосиф (к. 1780 — н. 1790-х — после 1815), поэт, прозаик, переводчик. В 1809 учился в московской *Славяно-греко-латинской академии*. В 1811 — дьякон московской церкви кн. Владимира в Старых Садах.

Хотя Восленский на какое-то время подпал под влияние мASONства, его произведения проникнуты религиозным духом, неприятием вольтерьянства («Новый год», 1810; «К поврежденному человеку», «Пожар грозы», обе 1810; «Послание к И. А. А.», 1815). Ода-поэма «Падение и восстановление человека» (1810) в эсхатологических тонах рисует библейскую картину сотворения мира. Архаичность слога, сложная метафорическая система Восленского обнаруживают влияние *М. В. Ломоносова* и *С. С. Боброва*.

В прозаических произведениях («Письмо», «Минуты моей горести» [1809]) ощутимо воздействие сентименталистской литературы. В свой перевод известной итальянской поэмы Дж. Мариано «Избиение младенцев в Вифлееме» (М., 1811, со стихотворным посвящением московскому митр. Платону [Левшину]) Восленский ввел собственные строки, в которых проводится аналогия борьбы Христа с дьяволом и имп. Александра I с идеями французской революции 1789—94.

А. Р.

ВОСТОКОВ Александр Христофорович (16.03.1781—8.02.1864), поэт, филолог-славист. Член Российской академии (с 1820), академик (с 1841). Был внебрачным сыном барона Х. И. Остен-Сакена. Учился в Петербурге, сначала в Сухопутном кадетском корпусе, затем в Академии художеств. В 1801 вступил в члены *Вольного общества любителей словесности, наук и художеств* и в течение многих лет был секретарем общества. В 1805—06 вышли его «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах» (2 ч.). В 1812 опубликовал «Опыт о русском стихосложении» (отд.

изд. 1817), высоко оцененный *А. С. Пушкиным*, — одно из первых глубоких научных исследований системы русского тонического стихосложения. В лирике Востокова выражены научно-философские идеи, создан образ поэта, проникнутый гражданским пафосом. Как поэт Востоков разрабатывал высокие жанры (ода, философская лирика), вводил торжественную ораторскую речь и «витийственность» в поэтический язык. Большое значение имели стремления Востокова обновить русское стихосложение, использовать русский народный стих. Востоков изучал русские песни, *пословицы*, собирал материалы для этимологического словаря. В 1815 перешел на службу в Публичную библиотеку и с этого времени целиком отдался изучению памятников древнеславянской письменности, грамматики славянских языков, прежде всего русского. В 1820 опубликовал «Рассуждение о славянском языке», содержащее важные открытия из истории древнеславянских языков и заложившее основу сравнительного славянского языкознания. Из более поздних работ Востокова выделяются: 2 грамматики русского языка — «пространная» (1813) и «краткая» (1831), неоднократно переиздававшиеся в XIX в.; «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея» (1842), содержащее палеографические и лингвистические характеристики 473 рукописей различных славянских изводов; образцовое издание «*Остромирова Евангелия*» (1843); «Грамматика церковнославянского языка» (1863). Востоков участвовал в составлении «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847), редактировал «Опыт областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнение» к нему (1858). Составил «Словарь церковнославянского языка» (2 т., 1858, 1861). Впервые издал древнейший датированный памятник славяно-русской письменности «*Остромирово Евангелие 1056—57*», специально занимался исследованием «*Слова о полку Игореве*».

Соч.: Стихотворения. М., 1935; Филологические наблюдения. СПб., 1865 (имеется указатель научных трудов Востокова, сост. И. И. Срезневским); Заметки А. Х. Востокова о его жизни [сообщил В. И. Срезневский]. СПб., 1901; Переписка. СПб., 1873 (Сборник Отд. рус. яз. и слов. АН. Т. 5. Вып. 2).

ВОСТОРГОВ Иоанн Иоаннович, сщмч., протоиерей, (20.01.1864—5.09.1918), духовный писатель. Родился в кубанской станице в семье священника. После окончания Ставропольской семинарии рукоположен в священники, был законоучителем, а затем миссионером-проповедником на Кавказе, в Сибири, Туркестане, Иране и др. С 1905 Восторгов — один из руководителей Русской монархической партии (осенью 1907 возглавил ее), а также один из основателей и активистов Союза русского народа. В 1908—15 член Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела. Издатель и редактор русских патриотических газет — «Церковность» (1914; ред.-изд.), «Московские цер-

ковные ведомости» (1906, 1916; ред.), «Патриот». В 1913 основал в Москве Женский богословский институт.

Многочисленные проповеди, речи и статьи Восторгова опубликованы в собрании его сочинений (тт. 1—5; 1913—16). Убит еврейскими большевиками.

Соч.: Речи о Восторгова и кн. А. Г. Щербатова на Всероссийском Съезде Русских Людей 6 апр. 1906 в Москве. М., 1906.; Православие в истории России. М., 1907; Пять речей в память В. А. Грингмута. М., 1907; Клевета Н. Н. Дурново. Ответ прот. И. И. Восторгова. М., 1909; Духовный блуд. Слово в неделю о блудном сыне. М., 1911; Полн. собр. соч. Т. 1—5. М., 1913—16; Репринт. изд. СПб., 1995; Во дни войны. Голос пастыря-патриота. Вып. 1—4. М., 1914—17; Вопросы религии и Православия в современной великой войне. (Сб. речей и поучений). М., 1915; Пастырский голос во дни смуты. Проповеди и ст. в «Московских ведомостях» и журн. «Церковность», 1917. Вып. 1. М., 1917; [Воспоминания о февральской революции в Москве] // РГБ. Записки отдела рукописей. Вып. 51. М., 2000.

Лит.: Дивеев. Жертвы долга // Двуглавый орел. 1922. Вып. 31; Дурново Н. Н. Протоиерей И. И. Восторгов и его политическая деятельность. М., 1908; Светозарский А. Пастырь добрый. Жизнеописание прот. Иоанна Восторгова // Глаголы жизни. 1922. № 1 (2).

О. П.

«ВРЕМЯ», ежемесячный литературный и политический журнал русской православно-патриотической мысли. Издавался в Петербурге в 1861—63 М. М. Достоевским при ближайшем участии Ф. М. Достоевского, его фактического редактора. Постоянными сотрудниками «Времени» были критик А. А. Григорьев, философ и критик Н. Н. Страхов, писатели А. Н. Майков, В. В. Крестовский, Л. А. Мей, Я. П. Полонский и др. Наиболее значительные художественные, публицистические и литературно-критические произведения в журнале принадлежали Ф. М. Достоевскому («Записки из Мертвого дома», «Униженные и оскорбленные», ряд статей о русской литературе, в т. ч. «Грибоедов и вопрос об искусстве», «Два лагеря теоретиков» и др.). «Время» было органом «почвенников». Критикуя, с одной стороны, поместное дворянство, чиновничью бюрократию, а с др. — западноевропейскую буржуазную культуру, журнал призывал верхние классы общества, оторвавшиеся от народа, к сближению с «почвой». Сторонники этого взгляда, как и славянофилы, отстаивали самобытность русского национального характера, православно-патриотические ценности русского народа. Журнал вел ожесточенную полемику с либерально-космополитическими и революционными идеями журнала «Современник» и связанными с ним нигилистами, отстаивая

идею мирного пути развития России. В области эстетики журнал выступал как против теории «искусства для искусства», так и против т. н. революционных демократов, связывавших литературу с революционной бесовщиной. Как журнал русской патриотической мысли «Время» был главным органом противостояния нигилизму. Журнал был закрыт в апр. 1863 в связи со статьей Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», которая в правительственных кругах была ошибочно расценена как философско-историческое оправдание польского восстания. Продолжением «Времени» явился журнал «Эпоха» (1864—65).

ВЫХОДЦЕВ Петр Созонтович (19.06.1923—23.03.1994), ученый-филолог, педагог, общественный деятель. Доктор филологических наук, профессор, академик Петровской академии, член Союза писателей России. Автор 14 монографий и более 250 статей. Под его редакцией опубликован фундаментальный учебник для вузов «История русской советской литературы». Выходцев был составителем ряда фольклорных сборников.

Участник Великой Отечественной войны, с боями прошел путь от Сталинграда до Кенигсберга, несколько раз был ранен, награжден орденами и медалями («Отечественной войны» I и II степени, «Славы» II и III степени, «Красной звезды» и др.). В 1953—62 и в 1973—86 работал в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. В 1962—72 зав. кафедрой советской литературы филфака Ленинградского государственного университета.

Выходцев был активным участником национально-патриотического движения, бесстрашно выступал против врагов русского народа, в частности, против «архитектура перестройки» А. Н. Яковлева, против геноцида русских. В 1986 в связи с начатой М. С. Горбачевым и А. Н. Яковлевым русофобской кадровой чисткой был уволен из ИРЛИ за якобы «несоответствие занимаемой должности».

Большой общественный резонанс имела книга Выходцева «С думой о Родине» (1976). Остался неопубликованным подготовленный к печати 2-томный труд «Русский вопрос. История и современность». В н. 1990-х Выходцев возглавлял Ленинградскую областную писательскую организацию «Содружество», созданную при его ближайшем участии и объединившую русских писателей-националистов Ленинграда.

М. Любомудров

ВЯЗЕМСКИЙ Петр Андреевич (12[23].07.1792—10[22].11.1878), князь, поэт, критик. Потомок старинного княжеского рода. Получил домашнее образование. С 1807, оставшись сиротой, находился на попечении Н. М. Карамзина (женатого на старшей сестре Вяземского). В 1812 вступил в ряды ополчения, участвовал в Бородинском сражении. В эти годы у Вяземского возникают дружеские отношения с И. И. Дмитриевым, В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, а с сер. 1810-х с А. С. Пушкиным. В 1815 Вяземский — один из инициаторов создания «Арзамаса».

Последовательный патриот и монархист, порицавший радикальные

взгляды масонов-декабристов, Вяземский вместе с тем позволял себе некорректные выпады против некоторых лиц из царского окружения и даже иногда высказывал либеральные суждения о «просвещенной монархии» с «конституционными» и «законосвободными» учреждениями. Весной 1821 Вяземский попал в опалу и под тайный полицейский надзор. В 1828 появляется его сатира «Русский бог», с радостью принятая врагами России и опубликованная за рубежом.

Во многих своих либеральных заблуждениях Вяземский впоследствии раскаялся, был прощен царем и получил право поступить на государственную службу.

В 1830—55 Вяземский служил в Министерстве финансов. В 1856—58 — товарищ министра народного просвещения; возглавлял цензуру. Был близок к царскому двору. С 1863 почти постоянно жил за границей, где и умер.

Первые стихи Вяземский напечатал в 1808. Обратившись в 1810 к гражданской лирике, он создал стихи «Петербург» (1818), «Сибирякову» (1819), «Негодование» (1820).

С сер. 20-х в стихах Вяземского все явственнее ощущается влияние поэзии Пушкина; в стихотворениях «Станция» (1825), «Коляска» (1826), в «Дорожной думе» (1830) слышится «однозвучной жизни шум» из пушкинского стихотворения «Дар напрасный, дар случайный». С 30-х в поэзии Вяземского преобладает пейзажная и интимная лирика.

В 10—20-е Вяземский вместе с А. С. Пушкиным принимал активное участие в полемике «Арзамаса» против «Беседы любителей русского слова», выступая сторонником карамзинистов. В «Послании к М. Т. Каченовскому» (1820) Вяземский защищал Карамзина от критики его литературных оппонентов. В 1825—28 Вяземский участвовал в издании журнала «Московский телеграф», где выступал как критик в защиту романтизма, против классицизма и литературных староверов. В статьях «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» (помещена в виде предисловия к изданию «Бахчисарайского фонтана») и в «Письмах из Парижа» (1826—27) Вяземский рассматривал романтизм как утверждение исторического и национального начала в поэзии, как утверждение независимости личности. Позднее активно сотрудничал вместе с Пушкиным в «Литературной газете» и «Современнике», выступал против Ф. И. Булгарина и Н. И. Греча. В 1848 Вяземский опубликовал написанную еще в 1830 книгу о Д. И. Фонвизине, являющуюся первым опытом обстоятельного исследования жизни и творчества писателя. В 40-е литературно-критические статьи Вяземского, носившие православно-монархический характер, были направлены против либерально-масонских идей В. Г. Белинского («Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина», 1847; «Языков и Гоголь», 1847, и др.). Революция в Европе вызвала стихотворение Вяземского «Святая Русь» (1848), проникнутое ненавистью к революции и преданностью монархии. Политические стихи Вяземского 50—70-х носили православно-монархический характер и нередко подвергались травле со стороны либерально-масонских органов печати. Некоторые его поздние лирические стихи отражали грустные настроения поэта, ощутившего свой разрыв с современностью. По мнению Вяземского, пушкинская эпоха — золотой век русской культуры — ушла в прошлое, а настоящее не сулит Отечеству ничего хорошего. Все и всё измельчало. Величие прежней эпохи не вернуть. В 1855 в Лозанне были изданы «Письма русского ветерана 1812 года». В течение многих лет Вяземский печатал эпизодически отрывки из «Старой записной кни-

ки» (в 20—30-е — в «Московском телеграфе», «Северных цветах», в 70-е — в «Русском архиве»). Сводная их публикация, в т. ч. неизданных (32 книжки из 37, хранящихся в Остафьевском архиве), помещена в Полное собрание сочинений Вяземского (т. 8—10, 1883—86). В них Вяземский включил свои анекдоты, афоризмы, стихи, меткие зарисовки политического и литературного быта своего времени и портреты современников.

Вяземский — поэт высокой художественной культуры, владевший различными жанрами. В его лирике встречаются интонации торжественной оды, продолжающей державинские традиции; они сменяются тонкими зарисовками природы («Первый снег», 1819); негодующая публицистическая речь чередуется с изящной записью в великосветском альбоме или наброском народной песни («Тройка мчится, тройка скачет...»). Для поэтического языка Вяземского характерны свободные переходы от романтического пейзажа к куплетной форме («Зимние карикатуры», 1828), от высокого пафоса к языку «газетного стихотворения» фельетонного типа и к обиходной разговорной речи. «Поэту должно искать иногда вдохновения в газетах. Прежде поэты терялись в метафизике; теперь чудесное, сей великий помощник поэзии, на земле», — писал Вяземский в 1821 («Остафьевский архив кн. Вяземских». Т. 2. СПб., 1899). Певучей музыкальности поэтической речи Вяземский предпочитал прозаическую резкость стиха, отражающего точность острой мысли. Ради создания «поэзии мысли» Вяземский порой нарушал грамматические нормы языка, жертвовал легкостью и правильностью стиха. Его мастерство сатирика, автора острых эпиграмм и салонных каламбуров дало повод для пушкинской характеристики Вяземского: «Язвительный поэт, остряк замысловатый, и блеском колких слов, и шутками богатый...»

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—12. СПб., 1878—96; Избр. стихотворения. М.; Л., 1935; Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1. 1814—33. П., 1921 (Архив братьев Тургеневых. Вып. 6); Старая записная книжка. Л., 1929.

А. Б., Д. К.

ВЯЗИГИН Андрей Сергеевич (15.10.1867 — май-июнь [?] 1919), публицист, историк, профессор Харьковского университета, депутат III Государственной думы, один из идеологов монархического движения.

Родился в дворянской семье в родовом имении — на хуторе Федоровка Волчанского у. Харьковской губ. Образование получил в гимназии г. Харькова, в 1886 поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета, который окончил в 1891, и был оставлен стипендиатом для подготовки к профессорскому званию. С 1894 — приват-доцент, читал лекции по истории средних веков. В 1898 защитил магистерскую диссертацию на тему «Очерки из истории папства в XI в.» и стал экстраординарным профессором по кафедре всеобщей истории Харьковского университета. Занимал эту должность до 1913, с мая 1913 стал и. о. ординарного профессора. С этого времени он начал читать также лекции на Высших женских

курсах в Харькове. Научные работы Вязигина по истории папства в XI в., личности папы Григория VII высоко оценивались русскими и зарубежными специалистами и не утратили научной ценности до сих пор. В нояб. 1903 Вязигин стал организатором и первым председателем Харьковского отдела Русского собрания.

После отражения первого натиска революции в 1905—06 Вязигин призывал монархистов не почивать на лаврах, но произвести, прежде всего, обстоятельный анализ причин смуты и современного состояния внутренних и внешних врагов России. Во вступительной статье к сборнику своих трудов «В тумане смутных дней» он писал: «Пережитое недавно Россией “освободительное безумие” не было неожиданностью для многих, ибо подготовка революционного движения производилась у нас с редкой откровенностью: из года в год затаптывались все глубже в грязь наши исторические святыни, высмеивались народные верования... С ужасом и тревогой смотрели любящие Святую Русь люди на грозное будущее, сулившее великие потрясения для нашего Отечества, которое вдобавок ослаблялось экономическими нестроениями». Вязигин отмечал, что революция не стихийно созревала, но целенаправленно готовилась, десятилетиями «тайные общества и съезды работали над сплочением всех тех, кто с ненавистью и презрением относился к устоям русской жизни». Именно их лукавая пропаганда привела к тому, что русское юношество «лучшие годы своей жизни отдавало подготовке к революционным выступлениям, а не вдумчивому изучению родной земли». В результате «над Россией все гуще и гуще спускался сумрачный туман приближавшихся смутных дней». Однако первый бурный натиск революции разбился о «черносотенную плотину, это неприхотливое сооружение стихийных народных чувств». Вязигин отмечал, что именно с созданием Союза русского народа произошло сближение до сей поры разделенных и разрозненных «образованных русских людей, сознательных националистов с низами, носителями стихийного национализма». Однако опасность не миновала, революционный напор на Россию не прекратился, и «через плотину стали уже кое-где просачиваться предательские струйки». Поэтому Вязигин призывал русских патриотов к бдительности и кропотливой работе: «Опасность отсрочена, но не миновала, и надо укрепить воздвигнутую народом преграду. Надо детищу стихийного, оскорбленного чувства придать стойкость убежденного сознания, и не позволить врагу обойти народное дело, подмыть и ослабить его устои».

В III Государственной думе проф. Вязигин играл заметную роль благодаря своей активности и ораторским способностям. Наиболее важные его выступления в Государственной думе: «Незыблемость самодержавия — основа государственного строя России», «Незаконность решения Государственной думой религиозных вопросов», «Задача русского народного просвещения», «Цель похода против церковно-приходских школ». Во время одного из выступлений, когда Вязигин проводил анализ национального состава студенчества, отмечая непропорциональное преобладание в нем еврейского элемента, слева раздался выкрик, что выяснение национальности — это мракобесие, на что проф. Вязигин спокойно ответил: «Если до меня говорили представители различных национальностей и отстаивали свои интересы, то мне, как русскому человеку, можно отстаивать интересы того народа, к которому я принадлежу».

С 1902 Вязигин был редактором-издателем журнала «Мирный труд», лучшего провинциального «толстого» журнала правого направления. Однако в к. 1913 из-за финансовых трудностей он был вынужден прекратить его издание. В 1914—15 издавал газету «Харьковские губернские ведомости». Не принимая формального участия в политической деятельности, Вязигин сохранил авторитет как идеолог монархического движения.

Соч.: Григорий VII, его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1891; Распадение преобразовательной партии при папе Александре II. Харьков, 1897; Новый оплот Православия в Харькове // Мирный труд. 1904. Кн. 1; Папа Григорий Великий как церковно-исторический деятель. Харьков, 1908; В тумане смутных дней. Сборник статей, докладов и речей. Харьков, 1908; «Голобовский инцидент». (Страничка из истории политических партий в России). Харьков, 1909; Перед последней сессией // Вестник Русского собрания. 1911. № 27; Идеалы Божьего царства и монархия Карла Великого. СПб., 1912; Профессор С. В. Соловьев (По поводу 25-летия его научно-педагогической деятельности // Мирный труд. 1912. Кн. 1; Тридцатилетие научной деятельности профессора П. Н. Бушинского // Там же. 1912. Кн. 2; Итоги Третьей Государственной думы // Там же. 1912. Кн. 9; Думские выступления А. С. Вязигина. Харьков, 1913; Разные аршины. К вопросу о замещении университетских кафедр // Мирный труд. 1913. Кн. 12; Харьков, 1913.

Лит.: Денисов Я. А. А. С. Вязигин: По поводу 25-летия научно-педагогической деятельности. Харьков, 1917; Чествование члена Государственной думы профессора А. С. Вязигина. Харьков, 1908.

А. Степанов

Г

ГАВРИИЛ (в миру **Голосов Григорий Васильевич**), епископ Омский и Семипалатинский (6.01.1839 — к. 1916), духовный писатель и проповедник, председатель Омского отдела Русского народного союза им. Михаила Архангела.

Родился в семье псаломщика с. Калачево Ярославской губ. Закончил Ярославскую духовную семинарию и в 1867 С.-Петербургскую духовную академию.

С 1886 — епископ. В 1909 избран почетным членом С.-Петербургской духовной академии. В к. 1910 обратился к духовенству своей епархии с предложением стать членами Союза русского народа. Скончался в Успенском Желтиковском монастыре, погребен под колокольней монастыря.

Соч.: Православное нравственное богословие, составленное применительно к программе семинарского курса. Тверь, 1884; 2-е изд., испр. и доп. Тверь, 1891; Руководство по литургике, или Наука о православном богослужении. Тверь, 1886. Репринт. М., 1998; Отрочья монастырь в Твери. Тверь, 1894; Собр. слов, речей и др. ст. преосвященного Гавриила, епископа Велико-Устюжского. Т. 1. Великий Устюг, 1900; Т. 2. Омск, 1910; К сведению духовенства Омской епархии (О способах и путях духовного руководства паствою). Омск, 1907; Обращение к духовенству Омской епархии. Омск, 1908; Обращение к патриотам земли Русской в нынешнее лихолетье. Ч. 3. Омск, 1908; Обращение к духовенству Омской епархии и обращение к патриотам земли Русской Гавриила, епископа Омского и Семипалатинского. Омск, 1910; Голос архипастыря к выборам в IV Государственную думу. Заметка о действиях различных партий в современной общественной жизни со времени издания закона о свободах. СПб., 1912; Памятка русскому патриоту. СПб., 1912.

Лит.: Краткий очерк жизни и деятельности преосвященного Гавриила, епископа Омского и Семипалатинского (1839—1907). Омск, 1907; СПб., 1911; 50-летие служения в святом сане преосвященного Гавриила, епископа бывшего Омского и Семипалатинского. Житомир, 1914.

А. Степанов

«ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА», ежедневная иллюстрированная «политико-литературная, художественная и ремесленная» газета, выходившая в Москве в 1875—90. Ее издатель-редактор А. А. Гатцук (1832—91) — журналист и археолог,

автор статей по литературе, истории и археологии. В 70-х газета придерживалась православно-монархического направления, с 80-х стала склоняться в сторону либерализма. В ней печатались: *Н. С. Лесков, А. Ф. Писемский, Н. Ф. Щербина*, в последние годы — *Л. Н. Толстой, Г. И. Успенский, Н. Н. Златовратский* и др. Почти все анонимные статьи и заметки в газете написаны Гатцуком.

ГАЛАКТИОНОВА Вера Григорьевна (р. 18.09.1948), писательница. Родилась в г. Сызрани Куйбышевской обл. в семье, относящейся к технической интеллигенции. Росла и воспитывалась в селе. Училась на историческом факультете Уральского педагогического института. Окончила Литературный институт в 1986. Работала в редакциях газет Казахстана и России. Литературную деятельность Галактионова начала в 15-летнем возрасте с газетных публикаций. Первая книга Галактионовой «Шаги» («Жалын», Алма-Ата) вызвала живое обсуждение на страницах журнала «Простор». В 1989 в Алма-Ате вышел отдельным изданием роман «Зеленое солнце».

Галактионова возродила в русской литературе жанр сюжетного сказа, казалось, исчезнувший после *Б. Шергина* и *С. Писахова*. Сюжетный сказ, целиком выстроенный на монологе «человека из народа» — само по себе необычное явление в современной прозе. А повесть-сказ «Большой крест», в котором воплощена история жизни и гибели целого крестьянского рода, стала событием в нашей литературе, как явление нового эпоса. «Ушедшие из жизни гиперборей обретают дар речи в некий исторический час. И колодцы прошлого открываются в строго положенный срок», — так писательница обозначила неразрешимую и незримую связь между истребленными голодом 30-х крестьянами и погибшими «от демократического удущья неканонизированными людьми в погонах» — мучениками-морьяками атомной подводной лодки «Курск» в очерке «Белый геноцид». В «Большом кресте» Галактионова оживляет богатейший синтаксис, привлекает в современную литературу те краски, то языковое богатство, которое должно было, казалось, на пороге XXI в. уйти в небытие.

В «Очерках конца века» («Черная быль — Белая Русь», «Тайна храма Христа Спасителя», «Народ, разделенный в доме своем») Галактионова исследует исторические механизмы дробления — раскола Православия, русского духовного единства, разрушения Советского Союза, причины межнациональной вражды и пути консолидации общества на постсоветском пространстве. Историю создания, разрушения и возрождения храма Христа Спасителя она проследивает с никонианской церковной реформы, которую определяет как «грандиозный слом религиозно-католического строя народной соборной единой души» русского народа. И задает вопрос: если возможно возрождение храма — почему невозможно возрождение русского человека в его подлинной православной ипостаси, воссоединение человека, созданного по образу и подобию Божию, в самом себе, а через это воссоединение — и воссоединение народа в доме своем, и возрождение самого Дома — единого Восточного Полуся, способного удержать мир на краю пропасти? Не случайно в ответах на анкеты первым из своих учителей в литературе Галактионова называет Иоанна Златоуста — святого, чей аскетический подвиг был посвящен исследованию «корня зла — корня разбеднения». А пути духовного развития современного общества сверяются в ее публицистике с «философским кругом» аввы Дорофея.

В последнем по времени произведении Галактионовой — романе «На острове Буяне» сосредоточена духовная энергия сопротивления русского человека нахлынувшему на страну чужеземью. Остров Буян предстает в романе как островок посреди России, задавленной и униженной «демократическими реформами», а 2 героя романа — Бронислава и Степан Кормачов, получивший срок за избивание демократического агитатора и бежавший из лагеря — как 2 стержня, держащие последний русский бастион. Женское, мудрое, любящее начало — и мужское, не покорившееся напасти чужеземия в лютое время, когда вся Россия превращается в уголовную зону. Трагедия героев органически сопряжена с их несокрушимой верой в то, что перемелется и эта напасть, что впереди новое возрождение России — через боль, кровь и муки.

Соч.: Шаги. Алма-Ата, 1985; Зеленое солнце. Алма-Ата, 1989; По мосту — по мосточку. Алма-Ата, 1991; Слова на ветру опустевшего века. М., 2000; Крылатый дом. М., 2003.

Лит.: Филимонова И. Жизнь другая, моя — не моя // Простор. 1992. № 7–8; Винников В. Прекрасный знак беды // Наш современник. 2001. № 8; Куняев С. Беззаконная комета // Москва. 2002. № 4.

С. Куняев

«ГАЛАТЕЯ», еженедельный журнал литературы, новостей и мод, издававшийся в Москве С. Е. Раичем в 1829—30 и 1839—40 (с подзаголовком: журнал наук, искусств, литературы, новостей и мод), фактический редактор в 1839 — П. И. Артемов, в 1840 — В. С. Межевич. Издатель во вступительной заметке к № 1 провозглашал независимость «Галатеи» от литературных направлений. Основное содержание «Галатеи» 1829—30 составляла художественная проза, преимущественно переводная, отрывки из мемуаров, исторические сочинения. В «Галатее» напечатаны стихи Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, А. И. Потеяева, многие стихи Ф. И. Тютчева, Ф. Н. Глинки, А. С. Пушкина («Цветок» и «Ел. Н. Ушаковой»). Журнал вел полемику с «Московским телеграфом», «Северной пчелой» и «Литературной газетой», резко выступал против Пушкина. В 1839—40 значительно расширены отделы наук и искусств и библиографии; в отделе прозы больше стало печататься

русских авторов. Раич напечатал, кроме нескольких оригинальных стихотворений, перевод отрывка из «Неистового Роланда» Л. Ариосто.

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ, выдающийся исторический и литературный памятник Юго-Западной Руси. Являясь продолжением *Киевской летописи*, Галицко-Волынская летопись входит в состав Ипатьевского, Хлебниковского и др. списков. Для первой ее части, посвященной событиям 1201—61 в Галицкой земле, характерен интерес к светской истории. Центральный образ летописи — мудрый правитель кн. Даниил Романович (Галицкий). Говорится о его многочисленных походах, битве на р. Калке, разгроме тевтонов-захватчиков, борьбе с «крамоллой» галицких бояр. Автор, вероятно княжеский дружинник, прекрасно знал литературу своего времени, использовал народные афоризмы, предания. Стиль повествования — торжественный, драматичный. Вторая часть летописи охватывает события 1262—91 в Волынской земле при кн. Васильке Романовиче и его сыне Владимире; в этой части особенно сильны православные идеи.

ГАЛИЦКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ в XIX в. хотя и представляло местные, иногда важные, отличия от общего литературного малороссийского движения, но находится с этим последним в непрерывной связи. Особенно с 30-х, с основания кружка *Шашкевича, Вагилевича и Головацкого*, это влияние сказывается настолько сильно, что вся последующая литературная деятельность галицких малороссов идет под неослабевающим влиянием малороссийского литературного движения в России; с 60-х это влияние сказывается в еще большей степени, причем выдающиеся малороссийские писатели (П. Кулиш, А. Конисский, позднее О. Мирный, И. Левицкий, М. Драгоманов, М. Старицкий, С. Руданский и др.) начинают принимать очень деятельное участие в галицких изданиях, и теперь почти нет ни одного сколько-нибудь замечательного малороссийского писателя из России, который не печатал бы своих работ в Львове или в Черновцах, а ученики галицких гимназий и студенты университетов львовского и черновецкого занимаются изучением их произведений вперемежку с произведениями местных авторов. С др. стороны, с 70-х XIX в. начинается все более и более увеличивающееся влияние писателей-галичан и буковинцев на *малороссийскую литературу* в России. В XIX в. малороссы России, Австрии или Америки имели, конечно, свои местные жизненные задачи, что и отражалось в местной прессе, но наука, критика, отчасти публицистика и особенно изящная словесность на малороссийском языке все более и более делались общим достоянием всякого интересующегося родной литературой малоросса, где бы ни вышло то или др. сочинение. Ввиду этого история литературного движения галицких и буковинских малороссов в XIX в. входит в общую историю малороссийской литературы XIX в.

«ГАЛИЧАНИН», малороссийский литературный сборник, издававшийся в 1862—63 Я. Головацким и Б. Дедицким во Львове. Там помещались сочинения малороссийских писателей из Австрии и России: И. Гушаневича, Климовича, А. Конисского, О. Огоновского, Федьковича, Головацких, П. Кулиша, Ворожевича, Д. Мордовцева и др.

ГАЛЯТОВСКИЙ И. — см. ИОАННИКИЙ ГАЛЯТОВСКИЙ.

ГАНИН Алексей Алексеевич (28.07[9.08].1893—30.03.1937), поэт. Родился в д. Коншино Кадниковского у. Вологодской губ. в крестьянской семье. Окончил двухклассное земское училище в с. Усть-Кубинское, затем городскую гимназию в Вологде. В 1911—14 учился в Вологодском фельдшерско-акушерском училище. В 1913 — первая публикация стихов в вологодской газете «Эхо». В 1914 Ганин призывается в армию, проходит службу в Николаевском военном госпитале Петербурга. В н. 1916 знакомится с С. Есениным.

Принадлежащий по своему социальному происхождению, воспитанию и идейно-художественной направленности к группе *новокрестьянских поэтов*, Ганин отличается от них, начинавших свой путь в значительной степени от традиции поэтов-суриковцев, ориентацией исключительно на поэзию символистов (*Бальмонт, Блок, Белый*). В поэзии Ганина разлитое настроение грусти, кротости, вздоха по невидимому или утраченному миру, которое более всего присуще поэзии символистов. «Снова душа загрустила о Волге, о тихой печали, / О детских молитвах, поверила в сны золотые...» (Стихи из письма П. Витязеву, 1915). В *символизме* находит свои истоки и обнаженная философичность поэзии Ганина, заявляющая о себе в несколько отвлеченно разрабатываемых мотивах жизни и смерти, проходящего и вечного, тщетных усилий разума постичь мир и смысл жизни. Этой же традицией обусловлена и заметная рефлексивность лирики Ганина.

Символистские мотивы касались гл. обр. пейзажно-лирических горизонтов поэзии Ганина: «по скатам и холмам шершавые деревни, / Впивая тишину, уходят в глубь веков» («Предутрие», 1917). С *новокрестьянскими* поэтами Ганина роднит исключительно земледельческое восприятие мира. День представляется ему «сгорбившимся» от «мужичьих забот», а ветерок «домотканым». Подобно им, труд и жизнь крестьянина он возводит на уровень некоего природно-космического бытия, как, напр., в поэме «Памяти деда» (1918), в которой отдавший все свои силы земле старый пахарь выступает участником некоей созидательной вселенской мистерии, а его смерть представляется всего лишь паузой отдыха в бесконечном процессе совместного труда крестьянина и матери-земли.

В 1920—21 Ганин выпускает десять малотиражных литографированных книжечек стихов (с указанием на них вымышленного места издания «Коншино» (родная деревня поэта) и вымышленного же издательства «Глина»): «В огне и славе», «Вечер», «Золотое безлюдье», «Кибураба», «Красный час», «Мешок алмазов», «Певучий берег», «Раскованный мир», «Сарай», «Священный клич». Осенью 1923 Ганин переиздает из Вологды в Москву, где в 1924 выходит наиболее полный и последний сборник его стихотворений «Былинное поле».

Революцию 1917 Ганин воспринимает поначалу в духе эсхатологических ожиданий преображения несовершенного старого мира в царство гармонии и благоденствия. Но вскоре, однако, уясняет для себя антикрестьянскую сущность проводимых большевиками «преобразований» и создает ряд произведений, направленных (в индикативной форме) против сил, угрожающих России, и в первую очередь крестьянству («России», 1918; поэмы «Сарай», 1917, «Былинное поле», 1917—23). Сложным раздумьям о дальнейшем пути крестьянства в трудной и опасной для него исторической обстановке посвящает он своеобразный роман-притчу «Завтра» (1923). Это историческое прозрение, равно как и общее трагическое восприятие эпохи классовой борьбы и террора, придает творчеству Ганина

преобладающе пессимистическое звучание. Светлое начало связано с образами крестьянского и космического мира (звезд, Солнца), а также «вечного дня» (ожидаемого только в далеком будущем).

Осенью 1924 его в числе группы молодежи (среди которых поэты братья П. и Н. Чекрыгины) арестовывают по обвинению в принадлежности к «Ордену русских фашистов». Ганин был расстрелян в числе 7 человек, составлявших группу «Ордена» как его глава.

Соч.: Звездный корабль: Стихи. Вологда, 1920; Былинное поле. М., 1924; Стихотворения. Поэмы. Роман. Архангельск, 1991; Мир и свободный труд — народам: Тезисы // Наш современник. 1992. № 1.

А. М.

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (р. 3.08.1933), писатель и общественный деятель. Родился на ст. Пестово Новгородской обл., отец — машинист поезда, затем был переведен на парторботу и направлен в Сибирь. В 1945 семья переехала на Украину, Ганичев в 1956 окончил исторический факультет Киевского университета. Работал преподавателем в Николаеве, затем на комсомольской работе в обкоме, с 1960 — в ЦК ВЛКСМ, в 1964—65 — зам. гл. редактора журнала «Молодая гвардия» А. В. Никонова, работа с которым стала решающим шагом в определении его гражданской судьбы. В 1965—68 — зав. отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ, он и его товарищи провели в ту пору большую и исключительно важную работу по пропаганде русского патриотизма среди самых широких слоев молодежи, ранее совершенно оторванной от такого рода знаний.

В марте 1968 назначен директором издательства «Молодая гвардия». В короткое время превратил скромное ведомственное издание с пестрым составом авторов в один из главных оплотов русско-патриотических сил. Постепенно и настойчиво изгонял из планов представителей либерально-еврейских кругов, их место заняли молодые и очень талантливые авторы, которые до этого не могли пробиться к читателю именно из-за еврейско-либеральной публики, прочно оседлавшей столичные и ленинградские издательства (а провинциальные были маломощны и оглядывались на книжную политику центра).

Издавались, и не раз, массовыми тиражами книги писателей В. Астафьева, Д. Балашова, Ю. Бондарева, В. Распутина, В. Чивилихина, Ф. Чуева, И. Шевцова и др. В жанре исторической публицистики вышли книги В. Безуна, Е. Евсеева, В. Кардашова, В. Кожина, О. Михайлова, С. Семанова, В. Чалмаева и др. О двух изданиях следует сказать особо. В 1974 Н. Н. Яковлев выпустил книгу «1 августа 1914», где впервые с дореволюционных времен рассказывалось о деятельности масонов в России в подготовке февральской революции. В 1979 вышла в серии «Жизнь замечательных людей» книга А. Тяпкина и А. Шибанова «Пуанкаре», где острожно разоблачался всемирный миф об Эйнштейне. Позже их переиздали, и не раз.

Вокруг Ганичева постоянно клубились тучи, шедшие с очень большой высоты, но удавалось отбиваться. Отчасти

при поддержке дружественных изданий, но также и благодаря твердой, хоть и молчаливой поддержке первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова. В марте 1978 Ганичев назначается редактором «Комсомольской правды» — это была самая читаемая газета в СССР. Прежние редакторы и основной состав редакции состоял из лиц либерально-еврейской ориентации. С трудом, но Ганичеву удалось очистить коллектив и развернуть газету в русскую сторону, затронув самые широкие общественные вопросы.

В к. 1980 Ганичева без объявления причин отправили заведующим «Роман-газетой», где он всеми силами продолжал вести ту же русскую линию, даже в условиях «перестройки».

С 1994 — председатель Союза писателей России, самой массовой творческой организации ныне. Доктор исторических наук (1978), автор многих книг, сборников и статей. Ему принадлежит вышедшая многими изданиями книга об адмирале Ф. Ф. Ушакове, причисленном ныне к лику русских святых.

Соч.: Наследники. М., 1977; Чистые ключи. М., 1982; Русский духовный центр. М., 1994; Флотовождь. Адмирал Ушаков. М., 2001.

С. Семанов

ГАРЕЛИНА Любовь Васильевна (урожд. Соболева) (1824—22.03[3.04].1885), поэтесса, драматург. Родилась в Ярославле. В 1866 опубликовала 2 стихотворения: «На 4-е апреля 1866 г.» и «Молитва русского народа», в патриотическом духе откликнувшись на бандитское покушение на имп. Александра II нигилиста Д. Каракозова. В основном же в своих стихах, составивших сборник «Стихотворения элегические, лирические и дидактические» (Владимир, 1867), Гарелина, по благожелательному отзыву газеты «Деятельность», перепечатавшей большую часть сборника, «не обсуждает общественных вопросов», а «говорит только... о блаженстве любви... негодует на сплетни людей, рисует красоты природы». Мелодрамы Гарелиной, где злоключения сирот и несправедливо обиженных увенчиваются счастливой развязкой («Сиротинка ох! а за сиротинкой Бог», «Приемыш», «Тогда и цену мы узнаем, когда навеки потеряем»), и пьесы из жизни высшего круга («Не к месту», «Игра судьбы») ставились провинциальными театрами.

Соч.: Соч. Сцены. Владимир, 1867; Соч. Ч. 1—2. М., 1870 (Ч. 1 — пьесы. Ч. 2 — стих.; отзывы см.: газ. «Деятельность», 1870, 16, 17, 19, 30 сент., 3, 11, 16 окт.); Масленица и пост в провинции. М., 1870.

ГАРИН Н. (псевд.; наст. имя — **Николай Георгиевич Михайловский**) (8[20].02.1852—27.11[10.12].1906), писатель. Родился в Петербурге в семье военного. Учился в Ришельевской гимназии в Одессе. Окончил Институт путей сообщения в Петербурге в 1878. Работал на строительстве крупнейшей железной дороги, в т. ч. Сибирской ж. д., проявив себя талантливым инженером. Увлечшись народничеством, в н. 80-х Гарин поселился в деревне, пытаясь доказать жизненность «общинного быта» в своем имении в Самарской губ. Результаты этого опыта, окончившегося неудачей, Гарин описал в первых своих очерках «Несколько лет в деревне» (1892). Гарин выступил в литературе как реалист. В рассказах 90-х («На ходу», 1893, «Деревенские панорамы», 1894, и др.) рисовал образы технической интеллигенции и рабочих, проводя идею необходимости рационального устройства жизни («Вариант», 1888, изд. 1910; «На практике», 1903, и др.). Наиболее значительным про-

изведением Гарина явилась тетралогия, охарактеризованная критиками как «целая эпопея» русской жизни: «Детство Темы» (1892), «Гимназисты» (1893), «Студенты» (1895), «Инженеры» (опубл. посмертно, 1907). Она посвящена судьбам молодого поколения «переломного времени». Автор нарисовал эволюцию главного героя — Темы Карташева, который под влиянием национальной среды отказывается от нигилистических утопий юности и превращается в добропорядочного русского человека. Результатом многочисленных путешествий Гарина явились путевые очерки «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» (1899), «Вокруг света» (1902), в которых Гарин с большой симпатией отзывался о талантах и трудолюбии китайского и корейского народов, развенчивал теорию «неполноценности желтой расы». В 1898, находясь в Корее, составил сборник «Корейские сказки» (изд. 1899). В н. 1900-х сотрудничал в издательстве «Знание», но в смуте 1905 участия не принимал.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—9. 4-е изд. СПб., 1903—10; Т. 10—17. СПб.; М., 1913—14; Полн. собр. соч. Т. 1—8. С критико-биографическим очерком П. В. Быкова. П., 1916; Из дневников кругосветного путешествия. 3-е изд. М., 1952; Собр. соч. Т. 1—5. М., 1957—58.

Г. М., Д. К.

ГАРШИН Всеволод Михайлович (2[14].02.1855—24.03[5.04]. 1888), писатель. Родился в имении Приятная

Долина Бахмутского у. Екатеринославской губ. Отец Гаршина — офицер, участник Крымской войны 1853—56. Окончив Петербургскую реальную гимназию в 1874, Гаршин поступил в Горный институт. Начал печататься в 1876 (очерк «Подлинная история Энского земского собрания»). Гаршин сблизился с молодыми художниками-передвижниками, написал ряд статей о живописи с анализом худо-

жественных выставок («Вторая выставка «Общества выставок художественных произведений», 1877; «Новая картина Семирадского «Светочи христианства», 1877, и др.). В 1877 с началом русско-турецкой войны воодушевленный патриотическим подъемом Гаршин отправился добровольцем в действующую армию, был ранен при Аясларе (Болгария), затем произведен в офицеры, по окончании войны уволен в запас (1878).

Военные впечатления Гаршина отразились в рассказах, опубликованных в журнале «Отечественные записки»: «Четыре дня» (1877), в котором с большой художественной силой передана психология человека на поле сражения, «Трус» (1879), «Из воспоминаний рядового Иванова» (1883). Восхищаясь нравственной силой простых солдат, Гаршин дал выразительные зарисовки солдатских типов. Одна из основных тем творчества Гаршина — трагедия личности в условиях несправедливого устройства общества. Острая постановка этой темы звучит в рассказах «Происшествие» (1878) и «Надежда Николаевна» (1885), в которых раскрывается трагедия женщины, вынужденной стать проституткой. Образ Надежды Николаевны, сильной, незаурядной личности,

близок героиням романов *Ф. М. Достоевского*, оказавшего известное влияние на творчество Гаршина. Проблема выбора пути для интеллигенции поставлена в рассказах «Встреча» (1879) и «Художники» (1879). Гаршину одинаково ненавистен инженер-делец Кудряшов и практичный эстет Дедов; им противопоставлен художник Рябинин, жаждущий служить народу, жить вместе с ним. Образ рабочего-клепальщика («глухаря»), потрясший Рябинина, становится символическим, выражающим задачу искусства, как ее понимал Гаршин: оно должно «ударять в сердце» и «лишать спокойствия». В рассказах «*Attalea princeps*» (1880) и «Красный цветок» (1883) в образах гордой пальмы, стремящейся к воле, и безумца, решившегося ценой жизни уничтожить зло мира, воплощенное в красном цветке, в аллегорической форме изображены черты народников-семидесятников, их благородство и жертвенность. В этих произведениях выражено преклонение перед каждой подвиг и сознание его безысходности, когда народники отходят от православно-патриотической идеологии.

Гаршин — мастер короткого рассказа. Его проза отличается эмоциональной и философской содержательностью, драматической напряженностью. Крайне обостренное восприятие мирового зла гаршинскими героями приводило к тому, что будничные явления превращались в образы-символы. Наряду с социально-психологическими и лирико-философскими рассказами Гаршин обращался к жанру *сказки*, фантастической новеллы, а также *очерка*. Рассказы Гаршина высоко оценивали *Л. Н. Толстой*, *М. Е. Салтыков-Щедрин*, *И. С. Тургенев*. Гаршину становилась все очевиднее несостоятельность народнической идеологии, оторванной от Православия. Сомнения и искания нравственного идеала приводили его к увлечению философией *Л. Н. Толстого*. Под его воздействием Гаршин написал «Сказание о гордом Аггее» (1886) и «Сигнал» (1887). Однако в письмах Гаршина последних лет уже возникает полемика с теорией «непротивления злу насилием». С детства обладавший необычайной впечатлительностью, Гаршин болезненно реагировал на зло и несправедливость. С н. 70-х Гаршин страдал психическим заболеванием. В 1880 он вновь психически заболел и ок. 2 лет находился в лечебнице. В припадке безумия покончил с собой.

Н. А., Д. К.

ГЕЙНЦЕ Николай Эдуардович (13[25].06.1852—24.05[6.06].1913), писатель, журналист, драматург. Отец Гейнце — чех,

учитель музыки; мать — костромская дворянка (урожд. Ерлыкова). Окончил московский пансион Кудрякова, 5-ю московскую гимназию (1871) и юридический факультет Московского университета (1875). Работал адвокатом, судебным следователем, прокурором. Публиковаться начал с 1880 (мелкие рассказы, очерки, бытовые зарисовки). В 1891 опубликовал первый исторический роман «Малюта Скуратов» (СПб.). Многочисленные исторические

романы Гейнце первоначально появлялись в газетных «фельетонах», затем, как правило, в короткое время выдерживали несколько изданий: «Аракчеев» (СПб., 1893), «Князь Тавриды» (СПб., 1895), «Коронованный рыцарь (Тайны Таврического сада)» (СПб., 1895), «Генералиссимус Суворов» (СПб., 1896), «Первый русский самодержец» (СПб., 1897), «Ермак Тимофеевич» (СПб., 1900), «Дочь Великого Петра» (СПб., 1913) и др. Обычно повествование в них распадается на 2 слоя. Первый — изложение исторических событий (наскоро обличенных в романическую форму), несущее в основном компилятивный характер, — с обширными заимствованиями у др. авторов. В романах Гейнце часто искажает исторические факты.

Значительную популярность Гейнце приобрел как автор уголовно-бытовых романов и повестей — «В тине адвокатуры» (Т. 1—2. СПб., 1893), «Женский яд» (СПб., 1892), «По трупам» (СПб., 1895), «Под гнетом страсти» (СПб., 1896), «Герой конца века» (СПб., 1896), «В царстве привидений» (СПб., 1899) и мн. др. Книги Гейнце нередко основаны на событиях уголовной хроники, с действующими на реальном бытовом фоне адвокатами, дельцами, артистами, титулованными особами, газетчиками, кокетками и т. д., составлены из многочисленных интриг, переполненных изображением мрачных злодейств и роковых страстей. Свидетельствуя о бытовой наблюдательности автора, его неистощимости в изобретении острых сюжетов и неожиданных развязок, произведения Гейнце остаются легким, поверхностно-занимательным чтением, несмотря на склонность автора к сентенциям и морализированию.

Соч.: Соч. Т. 1—8. СПб., 1898—99; Собр. соч. [Т. 1—2]. М., 1911.

Н. О.

ГЕННАДИ Григорий Николаевич (18[30].03.1826—26.02[9.03]. 1880), библиограф. Родился в Петербурге. В 1847 окончил юридический факультет в Петербургском университете. Библиографическую деятельность начал в 1849. Геннади принадлежат библиографические работы по истории русской литературы и театра, истории, археологии, этнографии, краевой библиографии, библиографии русской библиографии и др. Наиболее ценные работы Геннади сохраняют справочное значение до сих пор. Работа «Литература русской библиографии» (1858) — первый систематически аннотированный указатель русской библиографической и книговедческой литературы. «Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825» [т. 1—3 (буквы А—Р), Берлин; М., 1876—1908; т. 4 осталась в рукописи] содержат сведения о русских писателях и ученых, умерших до 1874, а также о русских анонимных книгах, изданных в 1725—1825.

Геннади был одним из первых библиографов *А. С. Пушкина*; редактировал 2 издания его сочинений, выпущенных *Я. А. Исаковым* (1859—60 и 1869—71). В 1-м издании в каче-

стве приложения Геннади опубликовал «Библиографический список всех произведений А. С. Пушкина, дополнения, черновые отрывки, не вошедшие в текст, и примечания». Из др. работ выделяются «Русские книжные редкости» (1872), «Les écrivains franco-russes. Bibliographie des ouvrages français publiés par des russes» (1874), «Список русских книг, печатанных вне России» (1875).

Лит.: Иваск У. Г. Г. Н. Геннади. (Обзор жизни и трудов.) М., 1913.

ГЕННАДИЙ НОВГОРОДСКИЙ свт., архиепископ (?–4.12.1506), происходил из боярской семьи Гонзовых, но светской карьере предпочел иноческую жизнь, которую начал в Валаамском монастыре под руководством прп. Сав-

ватия Соловецкого. Вскоре он становится архимандритом Московского Чудова монастыря, а затем посвящается в архиепископа Новгородского. В это время в Новгороде, а затем в Москве иудейскими проповедниками стало распространяться тайное учение, получившее наименование «ереси жидовствующих». Оно искажало основы Православия и грозило изменить весь ход истории Русской церкви и государства.

Тяжелую 20-летнюю борьбу с еретиками, успешными получить некоторую поддержку при великокняжеском дворе, возглавил архиеп. Геннадий, совместно с др. великими русскими святыми *Иоисфом Волоцким* и *Нилом Сорским*.

Прежде всего были пересмотрены церковные книги, и из них изъято все чуждое русской православной традиции, ликвидированы иудейские синагогальные тексты, все сомнительные места, которыми еретики прельщали православных священников. По инициативе и под редакцией архиеп. Геннадия была полностью переведена Библия,

точнее, все книги Ветхого Завета. До этого их полного перевода не было не только у русских, но и у др. славянских народов. Полный свод переведенных священных текстов составил *Геннадиевскую Библию* (1499). Этот перевод окончательно обезоруживал еретиков, которым в своих аргументах против христианства оставалось прибегать только к открытому обману.

Архиеп. Геннадий организовал также перевод полемических сочинений, в которых представлялось систематическое опровержение иудейских сект. Были переведены сочинения магистра Николая Делира «чина меньших феологии преследователя, прекраснейшие стязания, иудейское безверие в Православной вере похуляюще»; сочинение «учителя Самоила Еврейна на Богоотметные жидове, обличительно пророческими речьми»; сочинение Иакова Жидовина «Вера и противление крестившихся иудей в Африкии и Карфагене».

В 1504 свт. Геннадию и его сподвижникам удалось добиться полного осуждения еретиков. С именем свт. Геннадия связаны и создание «Четвертой Новгородской летописи», и первое уставное указание о почитании русских подвижников, и составление пасхали «на осьмую тысячу лет» (от сотворения мира), появление которой пресекло зловещие слухи о скором конце света.

Свидетельством осмысления русскими книжниками возможного в 1492 конца света, прорицаемого некоторыми христианскими богословами, стало «Послание» Геннадия Новгородского Иоасафу Ростовскому. «Послание» написано в 1489, сохранилось в единственном списке. В нем Геннадий излагает не только обвинения против еретиков, но и некоторые важные положения самих еретических учений. А одним из главных положений оказывается сомнение еретиков в том, что в 1492, по окончании седьмого тысячелетия от сотворения мира, наступит конец света. Проблемой конца седьмой тысячи лет архиеп. Геннадий интересовался и ранее. В послании Димитрия Траханиота новгородскому владыке, датированном сент. 1488 — мартом 1489, воспроизводится вопрос Геннадия: «Како седми тысяч лет приходят, а знамения съвършения не явись которое?» Следовательно, новгородский архиепископ уже тогда задумался над проблемой приближения конца времен и не мог понять, почему Господь не предупреждает человечество Своими знамениями.

По сути дела, рассуждение о возможном конце света является главной темой и всего «Послания Иоасафу». Архиеп. Геннадий пытается понять основания «сомнений» еретиков и в то же время дать собственный ответ на вопрос о ближайших судьбах мира и человечества.

Ответы Геннадий ищет в Библии, в святоотеческой и др. христианской литературе. Он не может воспринимать пророчество о конце света просто на веру, а пытается серьезно разобраться в этом вопросе. Поэтому он просит своего адресата, бывшего Ростовского епископа Иоасафа, прислать ему книги. Из Библии его интересуют книги Бытия, Царств, книги Пророков, Притчи Соломона, книга Иисуса Сираха. Кроме того, он разыскивает труды Афанасия Александрийского против ариан и сочинение болгарского писателя X в. Козьмы против ереси богомилов, послание патриарха Фотия (IX в.) и житие римского папы Сильвестра I (IV в.), сочинения Дионисия Ареопажита. Внимательно изучает он и еретические сочинения, в частности «Шестокрыл» — еврейское астрологическое сочинение, состоящее из таблиц для определения лунных фаз и затме-

ний. Именно в «Шестокрыле» Геннадий находит объяснения «сомнений» еретиков — их сомнения основываются на иудейском летосчислении. Дело в том, что в византийском и древнерусском календарях дата сотворения мира определялась как 5500 или 5508 до Р. Х. А в иудейском лунном календаре — как 3761 до Р. Х. и, следовательно, до конца света было еще почти два тысячелетия. Глубокое изучение вопроса поселяет сомнение в душе самого архиеп. Геннадия: «А Еуангелие кончины не явлено, когда будеть». Более того, ему представляется, что чисто математическое решение этой важнейшей эсхатологической проблемы неверно в принципе. Ведь Промысел Божий неподвластен человеческому

Лист из Геннадиевской Библии

разуму, и рассчитать с уверенностью Божии деяния никто не в силах. Именно поэтому несколько раз повторяет Геннадий слова Григория Богослова о том, что конца мира нужно ждать во всякий час: «А по Богуслову, и намъ на всякъ часъ ждати сканчаниа». Архиеп. Геннадий понимает — если конец света не состоится, то это будет сильный удар по всему христианскому богословию и придется выдержать великое борение, ибо если окончатся годы пасхалии, а Бог еще продлит жизнь мира, то это прибавит дерзости еретикам: «Ино надобе о томъ подвигъ великъ дръжати, егда скончаются лета, а животомъ еще прибавить Богъ миръ. Ино то еретикомъ, жидовскаа мудрствующимъ, будетъ дрезость, а христианству будетъ спона велика».

Смущенный «простотой» своих сподвижников, свт. Геннадий выступил за создание училищ для духовенства.

При дворе свт. Геннадием было написано «Слово кратко» в защиту церковной собственности, позволяющей Церкви вести просветительскую и благотворительную работу.

Деятельность свт. Геннадия вызывала злобу тайных врагов Православия при дворе. Их интригами святой был смещен с архиепископской кафедры и заключен в Чудовом монастыре.

Память свт. Геннадию отмечается 4/17 дек.

О. П., С. П.

ГЕОРГИЙ КОНИССКИЙ, епископ (20.11.1717—13.02.1795), духовный писатель, педагог, церковный деятель. Родился в г. Нежин в семье бургомистра. В 1743 окончил Киевскую академию. С 1751 — ректор академии. С 1755 — белорусский епископ. Вел упорную борьбу с униатами. Написал школьную драму «Воскресение мертвых» (1746), где вскрываются противоречия между казачьей старшиной и простыми казаками. В драму включены 5 интермедий, которые занимают видное место в исторической малороссийской литературе. Автор курсов пиитики (1746), философии, богословия, многочисленных речей, *виршей*, писем.

Соч.: Резанов В. Драма украинська, в. 6. Киев, 1929.

ГЕРАКОВ Гавриил Васильевич (26.03[6.04].1775—2[14].07.1838), писатель. По происхождению грек. Воспитывался в Гимназии для чужестранных единоверцев в Петербурге (1783—91), которую окончил с золотой медалью поручиком. Оставлен там учителем истории, затем преподавал в 1-м Петербургском кадетском корпусе (1797—1809), где в это время учился Ф. В. Булгарин, писавший о Геракове впоследствии: «Он был отличным учителем истории, умел возбуждать к ней любовь в своих учениках и воспламенять страсть к славе, величию и подражанию древним героям...».

В 1800—10-х опубликовал ряд книг патриотического содержания. «И мои мысли по истреблении армий бонапартевых мудрым князем Гол<енищевым> Кутузовым-Смоленским с русскими» (СПб., 1813). Многочисленные сочинения Геракова, посвященные русской истории, — «Герои русские за 400 лет» (СПб., 1801), «Вечера молодого грека» (кн. 1, СПб., 1802), «Достопамятные происшествия в российской истории с рождения Петра Великого до кончины его» (СПб., 1807), «Князь Меншиков и в ссылке великий человек» (СПб., 1811) и др. пронизаны православно-патриотическими чувствами.

Основное произведение Геракова «Твердость духа русских» (Кн. 1—3. СПб., 1804; 2-е изд. Кн. 1—3. СПб., 1813—14) состоит из небольших рассказов о выдающихся русских людях различных исторических эпох (Дм. Донском, К. Минине и Д. М. Пожарском, А. Д. Меншикове, А. В. Суворове, новгородском купце Иголкине и др.).

ГЕРБЕЛЬ Николай Васильевич (26.11[8.12].1827—8[20].03.1883), поэт, переводчик, библиограф. Родился в семье офицера. Окончил Нежинский лицей. Служил в гвардии. В 1860 вышел в отставку и занялся литературно-издательской деятельностью. Выступил в печати в 1846. Стихи Гербеля не

отличались поэтическими достоинствами. Более значительны его переводы из Дж. Байрона, Ф. Шиллера, В. Гёте, Т. Г.

Шевченко, а также «Слова о полку Игореве». Гербель — составитель хрестоматии «Поэзия славян» (1871), «Русские поэты в биографиях и образцах» (1873, неск. изд.), «Английские поэты в биографиях и образцах» (1875), «Немецкие поэты в биографиях и образцах» (1877). Под редакцией Гербеля вышли «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений» (Берлин, 1861), включавшие стихи, запрещенные цензурой. Подготовил к печати собрание сочинений западноевропейских классиков в переводах русских писателей: Шиллера (ч. 1—9, 1857—61), Байрона (т. 1—5, 1864—67), Шекспира (т. 1—4, 1866—68), Гёте (т. 1—10, 1878—80) и др., издал «Кобзаря» Шевченко (1860), сочинения Е. П. Гребенки (т. 1—5, 1862), А. В. Дружинина (т. 1—8, 1865—67), снабдив их вводными статьями, примечаниями, библиографиями.

Соч.: Отголоски. Стихотворения. Ч. 1—2. СПб., 1858; Полн. собр. стихотворений. Т. 1—2, СПб., 1882.

Соч.: Отголоски. Стихотворения. Ч. 1—2. СПб., 1858; Полн. собр. стихотворений. Т. 1—2, СПб., 1882.

ГЕРМАН (?—11.12.1682), певец, поэт. В своих песнях Герман называет себя монахом, уставщиком, типикарем (регентом хора), строителем и иеромонахом. В 1681 стал архимандритом Новоиерусалимского монастыря, в котором провел всю жизнь, начав келейником патр. Никона. Герман был высокообразованным для своего времени человеком. В его библиотеке имелись книги на 4 языках, в т. ч. «Алвар», — латинская грамматика с приложением, как писать стихи. Творчество Германа приходится на 60—70-е XVII в. Герман — мастер *акростиха*, силлабических духовных книжных песен. В рукописных песенниках XVII в. находятся 14 его гимнологических песен. Акростихи постепенно усложняются; в поздних песнях имеется по 2 и даже 3 акростиха. Отдельные строфы песен сочинены *силлабо-тоническим стихом*. Строфика очень разнообразна. В лучшей песне Германа «Память предложити смерти» говорится о работных людях, которые сравниваются с князьями и епископами. Отдельные песни Германа в XVIII в. перешли в др. славянские страны.

ГЕРМАН Юрий Павлович (22.03[4.04].1910—16.01.1967), писатель. Родился в Риге в семье чиновника казенной палаты. Первый рассказ напечатал в 18 лет. В романе «Вступление» (1931) рассказывает о духовном прозрении ученого в борьбе за справедливость. Духовно-нравственные проблемы становления личности раскрываются и в др. произведениях Германа: роман «Наши знакомые» (1936), повести «Лапшин» и «Алексей Жмакин» (1937—38). В 1948 он становится лауреа-

том Сталинской премии за сценарий фильма «Пирогов», пронизанный духом возвышения нравственной личности и патриотизма.

Духом любви к Родине, к исторической России наполнен роман «Россия молодая». Он вышел в 1952 в самый разгар борьбы с космополитизмом и сыграл заметную роль в борьбе с этим злом.

Образ самоотверженного труженика, человека высоких нравственных качеств создан в сценарии «Доктор Калужный» (1939), романах «Подполковник медицинской службы» (1956), «Дело, которому ты служишь» (1-я кн. 1957, 2-я кн. — «Дорогой мой человек», 1961). Последний роман — лучшее произведение Германа. В нем раскрывается сложный человеческий характер, нарисован долгий путь нравственного и профессионального совершенствования. В 1958 по мотивам романа создан кинофильм «Дорогой мой человек».

ГЕРМОГЕН, святой, патриарх (ок. 1530—17.02.1612), духовный писатель. Участвовал в избрании на царство Бориса Годунова. Обличал Лжедмитрия I, требуя крещения Марины Мнишек в Православную веру, за что подвергся опале. В 1606 при царе Василии Ивановиче Шуйском был возведен на патриаршество и активно поддерживал деятельность царя. Рассылал грамоты против сторонников восстания И. И. Болотникова, в 1608 выступил против Лжедмитрия II.

В 1610 отказался целовать крест польскому королю и велел москвичам, собравшимся в Успенском соборе Московского Кремля, «королю крест не целовать». С дек. 1610 рассылал по русским городам грамоты, направленные против поляков. Был заточен поляками в Чудов монастырь и умер в заключении.

Имя Гермогена стало символом свободолюбия и твердости духа. «Непоколебимым столпом благочестия, предивным хранителем христианской веры, крепким твердым адамантом» называет его современник. О деятельности патриарха, его стойкости и мужестве говорится в целом ряде повестей Смутного времени, таких как «Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском», «Повесть о некоей брани», «Повесть князя Ивана Андреевича Хворостинина», «Летописная книга», «Сказание о Гришке Отрепьеве».

Патр. Гермогену принадлежат следующие произведения: «Сказание о явлении и чудесах иконы Казанской Богоматери», редакция «*Повести о житии Петра и Февронии*», «Слово» об обретении мощей митр. Алексия, грамоты и речи.

Память ему празднуется 12/25 мая и 17 февр./2 марта.

Л. К.

ГЕРЦЫК Аделаида Казимировна (в замужестве Жуковская) (16.02.1874—25.06.1925), поэт, прозаик, переводчик. Родилась в г. Александров Московской губ. в семье инженера-путейца, происходившего из обрусевшего польского дворянского рода. Детство провела в Александрове, с 1898 жила в Москве и в Судаче, где семья Герцык приобрела дом. Росла замкнутым, вдумчивым ребенком, склонным к самоанализу, создавала в воображении собственный фантастический мир. Получила многогостороннее гуманитарное образование. В юности совершила несколько поездок по Западной Европе.

Имя Герцык появилось в печати в самом начале века как переводчицы трудов Дж. Рескина, Ф. Ницше и автора литературно-критических и мемуарных эссе («Религия красоты» о Дж. Рескине, 1902 и др.), опубликованных в разных журналах. С 1905 Герцык сотрудничала как автор рецензий в журнале символистов «*Весы*» под псевд. Сирин.

В 1907 вышла замуж за Д. Е. Жуковского — ученого, издателя, переводчика философской литературы. В квартире Герцык собирались многие литераторы и философы, близкими друзьями Герцык были С. Булгаков, М. Волошин, Вяч. Иванов, М. Цветаева.

Первая значительная публикация стихотворений Герцык — цикл «Золотой ключ» в альманахе символистов «Цветник Ор. Кошница первая» (СПб., 1907). Для ранних стихов характерны состояния томления, духовного поиска, одиночества («я только сестра всему живому»). Стихи насыщены религиозно-философской символикой, но по форме близки к поэтике женского фольклора: заплачки, причитания, песни. Действительность мифологизируется, поэт погружен в мир знаков и символов, полных внутреннего значения. Утонченный мир лирической героини, напевность поэзии Герцык отмечали Балмонт, Волошин, Брюсов, Вяч. Иванов. Лучшие стихи раннего периода вошли в единственную книгу Герцык «Стихотворения» (1910).

Для периода 1910—17, когда Герцык печатается в журнале «Северные записки», «Альманахе Муз» и др., харак-

терны попытки обрести единство с бытием через эстетический пафос. В то же время лирика Герцык становится более предметной («Может быть, я к родине / Приближаюсь ныне, / Слушаю предания, / Узнаю святыни?» («У меня нет родины...», 1912). Возникает тема поэзии как служения Творцу («Благослови меня служить тебе словами...», 1911), неустанного бодрствования духа. Долгие религиозные искания Герцык приводят ее в Православную церковь.

Дореволюционная проза Герцык — очерки, посвященные становлению личности ребенка, эссе о ряде литературоведческих игр, 1906; «О том, чего не было», 1911, и др.).

Годы революции и гражданской войны Герцык проводит в Крыму, переживая красный террор, аресты и расстрелы близких, голод, едва не унесший жизнь детей. В янв. 1921 Герцык была арестована и провела несколько недель в тюрьме-подвале в Судаче, где создала цикл стихотворений «Подвальные». Позже, в 1924—25, написала «Подвальные очерки» (частично опубликованы Б. К. Зайцевым в рижском журнале «Перезвоны», 1926. № 25—27).

Последний период — важнейший для внутреннего развития и для поэзии Герцык, когда созданы лучшие ее стихи. «В сущности, она всегда была поэтесса-святая. Невидная собою, с недостатком произношения, недостатком слуха, А. Герцык была — великая скромность, чистота и душевная глубина», — писал Б. К. Зайцев («Светлый путь»). С. Н. Булгаков вспоминал, что Герцык была исполнена внутреннего света, который в силу страданий становился лишь ярче и чище. Этот внутренний свет озаряет и стихи, и прозу Герцык последнего периода.

Тема «Подвальных очерков» — пограничное состояние людей на пороге смерти, когда уходят временные, земные желания и заботы, и человеку открывается Истина Евангелия. Прощаясь друг с другом на земле, люди становятся «братьями в вечности». Трагические сцены выдержаны в строгом, сдержанном стиле. Все происходящее побуждает автора к раздумьям: «Не слишком ли мы полагаемся на себя? Не слишком ли редко обращаемся мыслями к незримой вневременной власти?» (очерк «Todesreif» (готовый к смерти)).

Те же мотивы жизни на грани смерти, предчувствия близкого перехода в мир иной звучат и в поэзии Герцык этих лет, которую можно охарактеризовать как редкую для XX в. «христианскую лирику». Путь Поэта, вслед за пушкинским «Пророком», осмысливается как следование Божию призыву: «Нейди вперед, не засветив лампы, / Чтоб каждый день в веках не угасал!» (Сонеты, 1919). Переживание вины, тоска, отчаяние — разрешаются в сладости жертвы Христу. В мире, где стало «пустынно и сурово», крепнет вера, что «смерти нет» («Какая радость снять оковы...», 1924—25). Страдания возвысили и очистили душу поэтессы. Стихи этого периода — «это религиозные гимны. Это великое приятие всех бедствий и страданий, величайшее утверждение смирения и любви к Богу» (Б. Зайцев. Светлый путь).

Соч.: Стихи и проза: В 2 т. М., 1993 / Сост., предисл., коммент. Т. Н. Жуковской; «Жарок был цвет души...» [Очерк и стихотворения] // Наше наследие. 1991. № 3.

Лит.: Герцык Е. К. Воспоминания. М., 1996; Волошин М. Лики творчества. Л., 1988; Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение. М.; Судак, 1997.

А. Любомудров

ГИЗЕЛЬ Иннокентий — см. ИННОКЕНТИЙ ГИЗЕЛЬ.

ГИЛЬФЕРДИНГ Александр Федорович (2[14].07.1831—20.06[2.07].1872), *славянофил*, собиратель и исследователь русского фольклора.

Родился в Варшаве в семье директора дипломатической канцелярии при наместнике царства Польского. Предки Гильфердинга приехали в Россию из Германии еще при Петре Великом. Отец Гильфердинга хотя и считал себя немцем и был католиком по вероисповеданию, но сына воспитал в истинно русском духе и крестил в Православии. Во многом это объяснялось близким знакомством отца Гильфердинга с *Хомяковым*

и др. славянофилами. Гильфердинг с детства был связан со славянофилами и органически вошел в их братство. В 1852 Гильфердинг окончил историко-филологический факультет Московского университета. По совету Хомякова Гильфердинг занялся изучением санскрита. В 1853 Гильфердинг публикует магистерскую диссертацию «Об отношении языка славянского к родственным», что стало значительным событием в науке. Одновременно Гильфердинг занялся популяризацией славянской истории для русской публики. Так, в 1854 в «Московских ведомостях» он помещает «Письма об истории сербов и болгар», в «*Москвитянине*» — «Историю балтийских славян». По окончании университета Гильфердинг стал работать в МИДе и в 1856 стал консулом в Боснии. Помимо дипломатической деятельности Гильфердинг собирал древние славянские рукописи, беседовал с народными сказителями. В 1859 на основе собранного материала Гильфердинг выпустил книгу «Босния, Герцеговина и Старая Сербия». Гильфердинг занимался не только зарубежными славянами. Так, в 1858 он выпустил на французском языке книгу «Восточные славяне», знакомившую западную науку с этнографией русской нации. В 1861 перешел на службу в Госканцелярию и уже 2 года спустя стал помощником гр. Н. А. Милютин. Граф проводил административные реформы в Польше после усмирения мятежа 1863—64. Гильфердинг был одним из творцов правительственной политики в Польше. Именно ему принадлежит проект преобразования польской системы просвещения, действовавшей до 1918. Помимо госслужбы в жизни Гильфердинга все более крупную роль стала играть его общественная деятельность. В 1867 он стал председателем Петербургского Славянского комитета. Впрочем, в первую очередь Гильфердинг оставался ученым. В к. 1860-х Гильфердинг возглавил этнографический отдел Русского географического общества. Гильфердинг не только руководил этнографами, но и сам ездил по самым «медвежьим углам» России, собирая образцы народного творчества. В Олонечкой губ. Гильфердинг стал одним из открывателей местного фольклора Русского Севера. Поскольку на Севере никогда не было крепостного права, не испытал он татарского ига, находится Север далеко от центральной России, то именно здесь к XIX в. сохранились многие черты культуры Киевской Руси. Результатом поездки Гильфердинга по Северу стал сборник из 318 *былин* с указанием имен сказителей и названием деревень, где они были записаны. Для этнографии XIX в., когда преобладало создание авторских произведений по фольклорным мотивам, это было внове.

Выпуск онежских былин стал научным подвигом Гильфердинга. Однако на выборах в Академию наук Гильфердинг был забаллотирован. Характерно, что многие академики не скрывали, что именно политические взгляды Гильфердинга привели его к неудаче. Гильфердинг отнесся к неизбранию спокойно, считая, что от немецкого состава российской Академии, не изменившегося со времен *Ломоносова*, другого ждать не приходится. В 1872 он отправился во вторую поездку на Север, но в дороге простудился и умер в Каргополе.

Лит.: Полное собрание произведений. Т. 1—4. СПб., 1868—74.

С. Лебедев

ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ Никита Петрович (23.05.1824—13[25].10.1887), писатель и публицист.

Родился в Коломне в семье священника П. Никитского, служившего в церкви Никиты Мученика (откуда происходила его фамилия). Начало жизненного пути Гилярова-Платонова было традиционным: учеба сначала в семинарии, затем, в 1844—48, в Московской духовной академии. Фамилия «Гиляров» была дана ему в академии, как это было распространено в то время, и образована от лат. *hilaris* — веселый. Эту же фамилию получили все его братья. Зато сам Никита Петрович получил вторую часть «Платонов» к своей фамилии, на что имели право наилучшие студенты, получавшие стипендию им. митр. Платона (Левшина). Успехи в учебе и преподавательские способности Гилярова-Платонова были замечены, и он был оставлен в академии

бакалавром по кафедре герменевтики и учения о вероисповеданиях, ересях и расколах. Семь лет с 1848 по 1855 длилась академическая деятельность Гилярова-Платонова. Закончилась она внезапно, когда Гиляров-Платонов вынужден был подать в отставку. Причины ее до сих пор не вполне понятны.

По-видимому, главную роль сыграл донос завистливых коллег о неосторожных высказываниях Гилярова-Платонова, критиковавшего преследования старообрядцев. Это было неуместно для преподавателя кафедры, задачей которой было именно обличение раскола. Кроме того, на дворе был 1855, шла Крымская война, в ходе которой некоторые группы старообрядцев-липован, живших в низовьях Дуная, поддерживали турок, и в этих условиях любая критика действий властей могла расцениваться чуть ли не как государственная измена. Московский митр. Филарет (Дроздов) вынужден был уволить Гилярова-Платонова, что только и спасло его от многих неприятностей. И в дальнейшем митр. Филарет всегда ценил и уважал Гилярова-Платонова, а тот считал владыку своим духовным отцом и учителем. В 1855 Гиляров-Платонов был также уволен в светское звание и стал служить в Министерстве народного просвещения (МНП), борясь за распространение в народе просвещения. В ведении МНП была цензура, и в 1856—63 Гиляров-Платонов был цензором книг научного и духовного содержания. В 1857 Гиляров-Платонов был командирован за границу для сбора сведений о зарубежных учебных заведениях, в первую очередь еврейских раввинских училищ. С этой задачей мог справиться только Гиляров-Платонов благодаря своему прекрасному знанию древнееврейского языка. Вскоре по возвращении в Россию Я. И. Ростовцев, председатель комиссии по выработке положений об улучшении быта крестьян, привлек Гилярова-Платонова к составлению «Свода печатных мнений по крестьянскому вопросу». Гиляров-Платонов прекрасно справился с поставленной задачей, обнаружив в себе способности редактора, умеющего найти самое ценное в ворохе бесчисленных проектов, посланных в комиссию Ростовцева. Одновременно Гиляров-Платонов продолжал служить в МНП и в 1862 стал чиновником особых поручений, заняв V классный чин (статский советник). В 1862 Гиляров-Платонов подготовил записку для министра с предложением использовать духовенство для распространения грамотности в народе. Собственно говоря, с момента Крещения Руси духовенство всегда занималось просвещением, но Гиляров-Платонов предложил придать этому государственную поддержку, разработать единую образовательную программу, единую систему оценок и т. п. Проект Гилярова-Платонова лег в основу создания церковно-приходских школ, расцвет которых, впрочем, приходится уже на 1870—90-е, на время руководства Св. Синодом К. П. Победоносцева. В авг. 1863 Гиляров-Платонов стал управляющим московской синодальной типографией. В том же году он составил записку о цензурных предостережениях газетам. В дальнейшем Гиляров-Платонов продолжал заниматься вопросами печати, хотя уже и не был цензором и участвовал в разработке «Временных правил о печати» от 6

апр. 1865, по которым русская пресса жила вплоть до 1905. Т. о., Гиляров-Платонов все больше открывал в себе тягу к журналистской деятельности.

Наконец, с 1 дек. 1867 он получил возможность издавать в Москве газету «Современные известия». Вскоре Гиляров-Платонов полностью оставил службу и занялся журналистикой. Помимо «Современных известий», которые Гиляров-Платонов издавал до конца своих дней, он также редактировал в 1883—84 еженедельный иллюстрированный журнал «Радуга». Помимо этого Гиляров-Платонов сотрудничал практически во всех славянофильских изданиях, особенно в журналах и газетах И. С. Аксакова. Его перу принадлежали многие передовицы, приписываемые самому И. С. Аксакову. Правда, Гиляров-Платонов «чистым» славянофилом не был, определяя свои взгляды как «близкие, но не тождественные» славянофильству. «Современные известия» сразу заняли заметное место в тогдашней русской прессе, выделяясь твердой защитой истинно русских охранительных начал. Хотя уже к тому времени в их защиту прозвучал мощный голос М. Н. Каткова, но в русской прессе продолжали заправлять либералы и поэтому появление еще одного талантливого борца значительно усилило позицию национальных сил в общественном мнении страны. При этом Гиляров-Платонов приходилось также много полемизировать и с дворянами, требующими дополнительных льгот привилегированным сословиям, что подрывало надклассовый характер самодержавия. К 80-м в русской национальной прессе сложился своеобразный триумvirат ведущих публицистов и идеологов, во многом определяющих духовную атмосферу в стране — М. Н. Катков, И. С. Аксаков и Гиляров-Платонов. Эти великие публицисты во многом прекрасно дополняли друг друга. Катков, ведущий национальный публицист и государственный деятель без государственной должности, основной упор в своей публицистике делал на защиту интересов государства и незыблемости самодержавия. Аксаков занимался больше проблемами славянства и сохранения национальной культуры. Гиляров-Платонов особое внимание обращал на духовную жизнь общества, освещая в своих изданиях жизнь Церкви, вопросы религиозного просвещения. Можно сказать, что Катков отстаивал самодержавие, Гиляров-Платонов — Православие, а Аксаков — народность. Различались публицисты и по темпераменту. Катков был, в первую очередь, политиком, он открыто критиковал в сильных выражениях министров или общественных деятелей, проводящих неправильный, с его точки зрения, политический курс; И. С. Аксаков тяготел к философским обоснованиям своей позиции; Гиляров-Платонов же, хотя и был человеком, прекрасно разбирающимся в философии, все же по образованию и призванию был педагогом и проповедником, предпочитающим не создавать новых доктрин, считая, что в учении Церкви содержится истина. Разумеется, не только литературный стиль и полемический темперамент отличали этих ярких публицистов друг от друга. Единство основополагающих ценностей не мешало им по тактическим вопросам резко расходиться. Так, в бурной дискуссии между «классицистами» (сторонниками развития классических гимназий с упором на древние языки) и «реалистами» (делающими ставку на развитие реальных училищ, дающих естественно-историческое и математическое образование) Гиляров-Платонов поддерживал последних. Это вызвало резкую полемику с убежденным «классицистом» Катковым. Никто из триумvirата не был официальным пропагандистом. Гиляров-Платонов, к примеру, за 20 лет журналистской дея-

тельности имел 20 цензурных кар, в т. ч. 13 запрещений номеров к продаже, а в 1877 на 2 мес. был приостановлен выпуск «Современных известий». Заслуги триумвирата публицистов невозможно отрицать: все писавшие об этой эпохе современники и историки признают, что в 1880-е в общественном сознании стали доминировать православно-монархические настроения, сменившие нигилистические и западнические теории. Эта «благодетельная реакция», по словам *К. Н. Леонтьева*, была бы невозможна без напряженного творческого труда Гилярова-Платонова.

Гиляров-Платонов не был простым газетчиком, сфера его интересов была разнообразна. Со студенческой скамьи он занимался философией. Уже в 1846 написал статью об онтологии Гегеля (опубликована посмертно в 1892), в которой обстоятельно критиковал односторонность гегелевской философии. В 1859 в работе «Рационалистическое движение в философии новых времен», написанной также в студенческие годы, Гиляров-Платонов со знанием дела рассмотрел особенности западных философских школ. Интересовался Гиляров-Платонов и теоретической политэкономией. В книге «Основные начала экономии», опубликованной посмертно в 1888 четырьмя частями в «Русском деле», он проанализировал учения Лассаля, Родбертуса, Маркса, Дюринга, Шеффле, Тедески, Мейера и др. современных ему экономистов. По мысли Гилярова-Платонова, не производитель, а потребитель должен быть владыкой хозяйственной жизни. В XX в. мировая экономическая наука также пришла к такому выводу. К сожалению, ни при жизни, ни посмертно научные заслуги Гилярова-Платонова не были оценены. Он и поныне остается великим неизвестным. «Неопознанным гением» назвал Гилярова-Платонова известный публицист *С. Ф. Шаранов*. К сожалению, эта характеристика остается в силе и поныне.

Гиляров-Платонов похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище, где служил священником его старший брат, по соседству с могилами *М. П. Погодина* и *С. М. Соловьева*.

Соч. Из пережитого. М., 1880; Собр. соч.: В 2 т. М., 1900; Вопросы веры и Церкви. В 2 т. М., 1906.

Лит.: Неопознанный гений. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова. М., 1903; Русский биограф. словарь. СПб., 1916. Т. 5.

С. Лебедев

ГИЛЯРОВСКИЙ Владимир Алексеевич (26.11[8.12].1853—1.10.1935), писатель. Родился в имении Вологодской губ. в семье служащего. В 1871 ушел на Волгу, «чтобы послужить народу».

Скитания Гиляровского по России длились 10 лет. Он близко познакомился с жизнью и бытом народа, работал бурлаком, крючником, пожарным, рабочим на заводе свинцовых белил, объездчиком диких лошадей, циркачом, провинциальным актером. В качестве солдата-добровольца участвовал в русско-турецкой войне 1877—78. Впервые выступил в печати в 1873, начал писать регулярно с 1881. Большой жизненный опыт опреде-

лил темы литературного творчества Гиляровского. Первая книга его рассказов «Трущобные люди» (1887) изображает народные низы, трагическое неустройство их жизни. По распоряжению цензуры весь тираж этой книги был сожжен до выхода в свет. Гиляровский много работал в журналистике. Основные его произведения созданы уже после 1917. Со страниц книг «Москва и москвичи» (1926), «Мои скитания» (1928), «Люди театра» (опубл. 1941), «Москва газетная» (опубл. 1960) и др. ярко и живо встает старая Россия: жизнь бурлаков, городской трущобной бедноты, театральные подмостков, быт, нравы и обычаи старой Москвы. Гиляровский был талантливым бытописателем; его произведения несли на себе отпечаток недюжинной, «богатырской» натуры, отражали его бурную, богатую событиями, встречами, приключениями жизнь. Книгам Гиляровского присущи образность, лаконичность, естественная разговорная интонация.

Соч.: Избр. собр. соч. Т. 1—3. М., 1960. [Вступ. статья Н. И. Замошкина, Е. Г. Киселевой и К. Г. Паустовского]; Забытая тетрадь. Сб. стихов. М., 1894; Были: Рассказы. М., 1909; Шутки: Рассказы. М., 1912; Петербург: Поэма. М., 1922; Стенька Разин: Поэма. М., 1926; От Английского клуба к Музею революции. М., 1926; На жизненной дороге. Вологда, 1959.

Е. К.

ГИМН (*греч.* — хвала, восхваление), в античном мире похвальная песнь богам (в трагедиях Еврипида, Гомеровы гимны). В русской литературе гимны религиозного и светского содержания сочиняли поэты XVIII и н. XIX вв.: *А. Сумароков* («Гимн о премудрости Божией в солнце»), *В. Жуковский* («Гимн Богу»), *И. Дмитриев* («Гимн Всевышнему»), *В. Капнист* («Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества») и др. В духе античности стилизован «Гимн Афродите» *В. Брюсова*.

ГИМНОГРАФИЯ, в Древней Греции *гимном* называли культовую обрядовую песнь в честь божества. Христианство в Византии создает свою гимнографию, используя на первых порах *псалмы*. С IV в. начинается расцвет христианской лирики, которая позже приходит на Русь. Такие сборники, как «Триодь Постная» (содержавшая службы до наступления Пасхи) и «Триодь Цветная» (содержащая службы на Пасху и после Пасхи), включали тексты молитв и торжественных песнопений, таких, как акафист, канон, кондак и др.

Акафист — поется стоя, содержит прославление святого и состоит из кокуля (зачина), 12 икосов, последовательно чередующихся с 12 кондаками.

Кондак (первоначально пергаменный список, на котором записывали песни), жанр церковной гимнографии, краткая песнь, раскрывающая смысл праздника, а потому пересказывающая Евангельские или житийные легенды.

Икос по содержанию близок к кондаку, но отличается большим размером.

Широко известный на Руси «Акафист Богородице» построен как раз т. о., что 12 икосов чередуются с 12 кондаками. В кондаках и первой трети икосов преимущественно раскрывается догматическое учение о деве Марии, а остальные строки каждого икоса состоят из обращений-похвал, вводимых словом «радуйся».

Канон (*греч.* — правило или образец), жанр литургической поэзии и вид религиозного гимна, состоящий из 9, иногда 8 песен. Каждая песнь в каноне слагалась из нескольких стихов. Первый из них ирмус (*греч.* — связь) служил заглавием для следующих за ним тропарей (*греч.* — лад, строй), коротких

песен в честь праздника или святого. Тропари повторяют мелодию и размер ирмоса. По типу ирмоса составлялись и песни, не входившие в состав канона, стихиры, которые также посвящались празднику или святому.

Мастерами канонического гимна были Андрей Критский (ок. 660—740), Роман Сладкопевец (к. V в. — ок. 560), Козьма Маюмский (с 743 епископ г. Маюмы), Иоанн Дамаскин (675 — до 753).

Гимнографические жанры в древнерусской литературе оказывали влияние на *ораторскую прозу*, особенно на красноречие панегирическое, или торжественное, которое часто определяется как «слово»; на произведение агнографического жанра — похвалу герою *жития* и на формирование образной системы древнерусской литературы.

II. П.

ГИПЕРБОЛА (греч. — излишек, преувеличение), стилистическая фигура, образное выражение, преувеличивающее какое-либо действие, предмет, явление; употребляется в целях усиления художественного впечатления. Конечно, гиперболическое выражение нельзя понимать буквально. Гипербола — любимый прием в русской народной поэзии. В «Слове о полку Игореве» говорится: «Тому в Полотске позвониша заутреннюю рано у святыхи Софеи в колоколы, а он в Киеве звон слыша». На гиперболе построена известная русская песня «Дуня-тонкопыха». В песне рассказывается, что куделюшку Дуня «три часа пряла, три нитки напряла», а нитки «потоньше полена, потолще колена»; затем она нитки «в огород вдевала, колом притыкала».

Часто встречается гипербола в русских *частушках*:

Сидит лодырь у ворот,
Широко разинув рот,
И никто не разберет,
Где ворота, а где рот.

В духе народного приема пользовался гиперболой в своих стихах *Н. Некрасов*:

Пройдет — словно солнцем осветит!
Посмотрит — рублем подарит!
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна.

Из русских писателей своими гиперболами прославился *Н. Гоголь*: «Редкая птица долетит до середины Днепра», «Миллион казацких шапок высыпал на площадь», казацкие шаровары «шириною с Черное море».

«**ГИПЕРБОРЕЙ**», русский журнал, «ежемесячник стихов и критики»; издавался в Петербурге в 1912—13. Редактор-издатель — М. Л. Лозинский. Всего вышло 10 номеров. Издававшийся как орган «Цеха поэтов», «Гиперборей», наряду с акмеистами — *А. А. Ахматовой*, *С. М. Городецким*, *Н. С. Гумилевым*, *О. Э. Мандельштамом*, *В. И. Нарбутом*, *М. А. Зенкевичем*, *Лозинским*, *Г. В. Ивановым*, — печатал также стихи *А. А. Блока*, *М. А. Кузмина*, *Н. А. Клюева*, *П. А. Радимова* и др. Небольшой критический отдел журнала уделял основное внимание вопросам поэтической формы. Несмотря на широко вещательную программу, «Гиперборей» остался в основном акмеистическим журналом. После его прекращения книги под маркой издательства «Гиперборей» выходили до 1918. В 1921 в Петрограде вышел гектографированный номер журнала «Новый Гиперборей», изданный обновленной группой акмеистов (*Гумилев*, *В. А. Рождественский*, *И. В. Одоевцева*, *Н. А. Оцуп* и др.). Эта группа издавала альманах «Дракон» (1921) и «Цех поэтов» (1922).

ГИППИУС Василий Васильевич (26.06[8.07].1890—1.02.1942), литературовед, переводчик. Родился в с. Артемово Псковской губ. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. С 1922 — профессор Пермского, затем Ленинградского университетов. Погиб во время блокады Ленинграда. Начал печататься в 1908. Переводил Горация, Новалиса, Мольера, Гейне, Р. Тагора и др. Выступал как поэт, близкий *акмеизму*. Основные работы посвящены *Н. В. Гоголю*. Гиппиус участвовал в редактировании академических изданий сочинений Гоголя и *А. С. Пушкина*, составил книгу «Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях» (1931). Гиппиус также автор работ о *И. С. Тургеневе*, *Н. Г. Помяловском*, *М. Е. Салтыкове-Щедрине*, для которых характерен интерес к эстетическому сознанию писателя, анализу формы и литературной среды. Под редакцией и со вступительными статьями Гиппиуса вышли сочинения *Ф. И. Тютчева* (1936, 1939).

А. Б.

ГИППИУС Владимир Васильевич (псевд. *Вл. Бестужев*, *Вл. Неделинский*) (15[27].07.1876—5.11.1941), поэт, литературовед. Брат *Вас. В. Гиппиуса*. Окончил Петербургский университет в 1900. Начал печататься в 1895. Гиппиус был ранним представителем русского декадентства, примыкал к *символизму*. В его лирике преобладают религиозно-мистические мотивы (сб. «Песни», 1897). Книга Гиппиуса «Пушкин и журнальная полемика его времени» (1900) содержит ценный фактический материал. Более поздняя работа о *Пушкине* («Пушкин и христианство», 1915) пронизана религиозными идеями. Произведения Гиппиуса, написанные после 1928, остались неопубликованными.

С. С.

ГИППИУС Зинаида Николаевна (8[20].11.1869—9.09.1945), писательница, критик. Жена *Д. С. Мережковского*. В 1888 опубликовала первые стихи в «Северном вестнике», вокруг которого группировались петербургские символисты «старшего» поколения. В 1903—04 вместе с Мережковским и *Д. В. Филосовым* издавала литературный журнал «Новый путь».

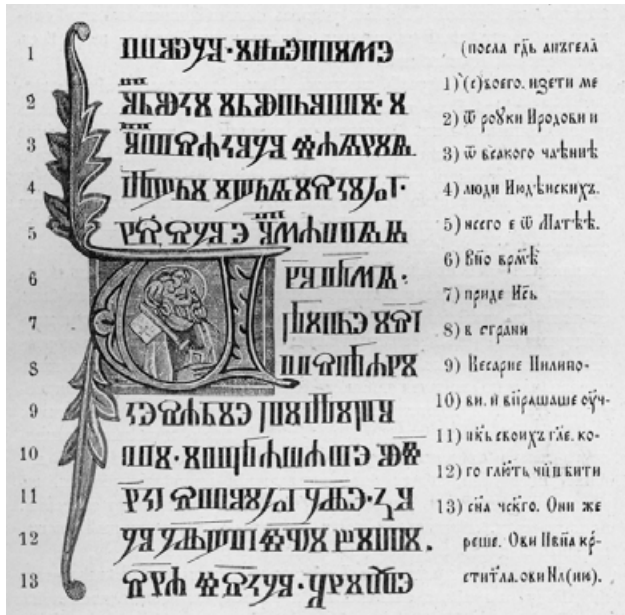

В стихах Гиппиус проповедь чувственной любви сочетается с мотивами смирения, страхом смерти и тлена. Главной ценностью для Гиппиус остается по-нищенски понимаемая собственная личность («Люблю я себя, как бога»). Автор нескольких сборников рассказов, романов: «Чертюва кукла» (1911), «Роман-царевич» (1913) и др., пьес: «Маков цвет» (1908), совм. с *Д. Мережковским* и *Д. Филосовым* и «Зеленое кольцо» (1916), мемуаров «Живые лица» (1925). Как критик (псевд. *Антон Крайний*) Гиппиус выступила с защитой *символизма* («Литературный дневник», 1908).

Соч.: Собр. стихов. Кн. 1—2. М., 1904—10; Стихи (Дневник 1911—21). Берлин, 1922; Последние стихи. 1914—18. М., 1918; Сияния. Париж, 1938; Дмитрий Мережковский. Париж, 1951.

О. М.

ГЛАГОЛИЦА (слав. — глагол — слово), одна из двух древнейших славянских азбук. Почти совпадая со второй азбукой — *кириллицей* по алфавитному составу (40 букв), порядку перечисления, звуковому значению и названиям

Образец глаголицы. Глаголическое Евангелие

букв, глаголица отличалась по форме букв, более сложной и вычурной. Древнейший памятник глаголицы — надпись 893 г. на развалинах Симеоновской церкви в Преславе (Болгария); древнейшая рукопись — «Киевские отрывки» (X в.). В создании одной из славянских азбук принимал участие в 60-х IX в. византийский миссионер в Моравии Константин Философ. Одни ученые (И. Тэйлор, И. В. Ягич, Д. Ф. Беляев и др.) считают, что глаголица была создана Константином на основе византийской скорописи; другие (Е. Ф. Карский, А. И. Соболевский, И. И. Срезневский и др.) утверждают, что глаголица возникла как тайнопись во время преследования католическим духовенством книг, написанных кириллицей; третьи (И. И. Мещанинов, П. Я. Черных, Д. С. Лихачев) склонны считать глаголицу докирилловским славянским письмом. В отличие от кириллицы, послужившей основой для русской, болгарской и др. систем письма, глаголица применялась недолго.

В. Истрин

ГЛАДКОБОРОДОВА Анна Ивановна (20.11.1893—20.05.1943), сказительница. Родилась в д. Конецгорье Пинежского р-на Архангельской обл. Дед и отец Gladkoborodova были сказители и песенники. С 14 лет Gladkoborodova ходила портняжить по округе. Знала много старых народных песен, *пословиц*, побывальщин, свадебных и похоронных причетов, *духовных стихов*, *сказок*. На события Великой Отечественной войны Gladkoborodova откликнулась сказами, проникнутыми патриотизмом («Бейте врага, мои соколы» и др.). Известность получил сатирический сказ Gladkoborodova «Истрепал Гитлер смазные сапоги» и бытовой рассказ «Как теща к зятю в гости ходила».

Соч.: Сказы и песни. Архангельск, 1947.

ГЛАДКОВ Александр Константинович (17[30].03.1912—1976), драматург. Родился в Муроме. Начал печататься в 1929 как газетный репортер. В 1934—37 работал в театре В. Э. Мейерхольда. Первая пьеса Gladkova — героическая комедия «Давным-давно» («Питомцы славы»), пронизанная духом патриотизма, — поставлена осенью 1941 в осажденном Ленинграде. В основу пьесы легли эпизоды из биографии героини Отечественной войны 1812 *Н. Дуровой*. На сюжет этой пьесы, переведенной на многие языки, композитором Н. Рахмановым написана музыкальная комедия «Голубой гусар». Этой же патриотической теме посвящен киносценарий Gladkova «Гусарская баллада» (1962). Драма «Бессмертный» (1942, совм. с А. Арбузовым), а также драматические этюды «Неизвестный матрос» (1942), «Нахал» (1942), «Новейший метод» (1942) рассказывают о борьбе с гитлеровскими оккупантами.

ГЛАЗУНОВЫ, владельцы книготорговой и издательской фирмы в Москве и Петербурге, выпускавшей гл. обр. сочинения классиков русской литературы и учебники. Фирма основана купцом Матвеем Петровичем Глазуновым (1757—1830), открывшим книжные лавки в Москве — ок. 1782, и в Петербурге — в 1783—84, совладельцами которых стали его братья Иван и Василий. Наиболее известны из семьи Глазуновых: Иван Петрович Глазунов (1762—1831), который в 1783—84 заведовал петербургской лавкой брата, а в 1788 открыл в Петербурге собственную книжную лавку, с 1790 начал издавать книги, а с 1803 основал собственную типографию. Он выпустил 178 изданий и открыл книжную торговлю в Москве, связав свою деятельность с Московским университетом и Академией наук; его сыновья Петр, имевший собственную книготорговлю в Москве, и Илья (1786—1849), продолжавший в Петербурге дело отца и выпустивший ок. 100 изданий (среди них первое миниатюрное и последнее прижизненное издание «Евгения Онегина» и 4 т. посмертных изданий сочинений А. С. Пушкина, произведения К. Н. Батюшкова, Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова и др., а также учебные книги и пособия); сыновья Ильи Ивановича — Иван (1826—89), Константин (1828—1914), продолжавшие издательское дело в Петербурге и выпустившие несколько сот изданий преимущественно учебной и художественной литературы (А. Д. Кантемир, М. Ю. Лермонтов, Д. И. Фонвизин, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Н. Островский и др.), и Александр, имевший собственное издательство в Москве (выпустил ок. 500 книг в основном по вопросам естествознания). С 1890 петербургскую фирму Глазуновых возглавлял Илья Иванович Глазунов (1856—1913). За время с 1803 по 1903 типографией Глазуновых было выпущено ок. 900 изданий. Одно из крупнейших русских издательств XIX в., фирма существовала до к. 1917.

Лит.: Лисовский Н. М. Краткий очерк столетней деятельности типографии Глазуновых в связи с развитием их книгоиздательства, 1803—1903. СПб., 1903.

А. III.

ГЛЕБОВ Дмитрий Петрович (13[24].12.1789—7[19].05.1843), поэт, переводчик. Родился в Москве. Из старинного дворянского рода. Учился в Московском университетском благородном пансионе. Служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Первые стихи напечатаны в 1807.

В 1810—16 публикует ряд патриотических *од*, в т. ч. о событиях Отечественной войны 1812, в которой принимал участие. В 1812—16 отдельными изданиями вышли «Сражение при Бородине», «Певец в кругу россиян», «Глас московского жителя на освобождение России от врагов» (все

опубл.: М., 1813). В 1817—27 постоянно помещает стихи в периодических изданиях. Его основные поэтические жанры — романс и медитативная элегия, в которых, в частности, угадывается влияние *К. Н. Батюшкова*. По своей литературной ориентации Глебов принадлежит к позднему *сентиментализму* с преромантическими влияниями («Сон», «Отчужденный», «Отъезд» — 1827). Глебов пытается создать позднесентиментальный вариант романтической баллады («Клятва», «Луиза и Линдор»); обращается и к литературной обработке фольклорных мотивов; его песня «Скушно, матушка, мне сердцем жить одной» (1817) получила широкую популярность и удержалась в песенном репертуаре донны («Вдоль по улице метелица метет» — музыка А. Е. Варламова). Глебов был связан дружескими и родственными связями (его мать — урожд. Кошелева) с широким кругом московских писателей, преимущественно карамзинистов: *М. Н. Макаров*, *П. И. Шаликов*, *В. Л. Пушкин*, *А. И. Кошелев*.

В. В.

ГЛЕБОВ (Глибов) Леонид Иванович (21.02[5.03].1827—29.10[10.11].1893), поэт-баснописец. Родился в с. Веселый Подол на Полтавщине в семье управляющего имением. В 1855 окончил Нежинский лицей. Был учителем гимназии. С 1867 и до смерти заведовал земской типографией в Чернигове. Первый сборник Глебова «Стихотворения» на русском языке вышел в Полтаве в 1847. С произведениями на малороссийском языке Глебов выступил в 50-х. Некоторые его стихи («Стоит гора высокая...» и др.) стали народными песнями. Он пробовал свои силы и в драматургии: комедия «К мировому» («До мирового», 1862). Однако славу принесло ему *басни*. Начав с заимствования басенных сюжетов у *И. А. Крылова* и Лафонтена, Глебов стал со временем оригинальным мастером этого жанра. Его самобытные басни, созданные на основе малороссийских народных *пословиц* и *поговорок*, направлены против бюрократии, сутяжничества, против взяточников, подхалимов и т. д. («Вовк та Ягня», «Вовк і Кіт», «Шука», «Громада», «Ведмідь-пасічник», «Хазяйка й Челядки», «Солом'яний дід», «Сила» и др.). Поэт противопоставляет им трудового народ как носителя благородной морали, творца материальных благ. Собрания басен Глебова («Байки») выходили в 1863 и 1882.

Глебов один из зачинателей детской литературы на малороссийском языке.

Соч.: Твори. Т. 1—2. Харьков, 1927; Вибрині твори. Київ, 1955; Байки і вірші. Київ, 1959.

ГЛИНКА Авдотья Павловна (19[30].07.1795—26.07[7.08]. 1863),

поэтесса, прозаик, переводчица, общественная деятельница. Родилась в Петербурге. Дочь П. И. Голенищева-Кутузова. Получила домашнее образование. В 1831 вышла замуж за *Ф. Н. Глинку*, и в этом же году опубликованы ее первые стихи.

Ближайшее литературное окружение Глинки составляли *М. А. Дмитриев*, *Ф. Б. Миллер*, *М. П. Погодин*, *П. А. Плетнев*, *С. Е. Раич*, *Е. П. Ростопчина*, *С. П. Шевырев*.

При жизни Глинки опубликована только небольшая часть ее стихов. Ее лирика отмечена строгим благочестием и обличительно-назидательными интонациями, укорами искателям «наслаждений и ума». Подавляющее большинство стихов — религиозного содержания, с повторяющимися заглавиями: «Тебе», «Себе», «Ты все», «Он все», «Никто более», «Верующим» и т. д. Стихотворения на общественно значимую тему, вызванные потребностью «возвысить голос», чрезвычайно редки, в т. ч.: «Русское чувство», «Голос души» — патриотический отклик на Крымскую войну. Будучи ревностной поборницей укрепления религиозной нравственности в обществе, Глинка выступила также популяризатором Священного Писания в народной среде. Из произведений такого рода успехом пользовалась ее «Жизнь Пресвятой девы Богородицы из книг Четьи-Минеи» (М., 1840; 16-е изд., М., 1915).

В 50-е выступила с нравоучительными повестями «для народного чтения» («Гибель от пустого чванства». М., 1852). Повесть «Катя» (СПб., 1858) выдержана в традициях сентиментальных произведений простонародной литературы.

Повесть Глинки «Леонид Степанович и Людмила Сергеевна» (СПб., 1856) сохраняет историко-литературный интерес как один из первых образцов антиингилистического романа. В ней отчетливо выразилась борьба Глинки против распространения «дурных политических мнений». Повести созвучно известное письмо Глинки к А. И. Герцену (январь 1859) с призывом отказаться от пропаганды «хаоса и разрушения», как следствия заблуждения ума, и «пойти дорогою сердца», учась добродетели и смирению у «отцов Церкви». Перу Глинки принадлежит также «Житие святой великомученицы Анастасии, проименованной Узорешительницею» (М., 1863).

Б. М.

ГЛИНКА Владислав Михайлович (6[19].02.1903 — после 1978), писатель, историк. Родился в семье врача. Окончил правовое отделение Ленинградского университета (1927). В 1944—64 — гл. хранитель Отдела истории русской культуры Эрмитажа. Печатается с 1938. Опубликовал повести «Бородино» (1941), «Домик магистра» (1943), роман «Старосольская повесть» (1948). Его книги — беллетризованные биографии реально существовавших «простых» людей прошлого — патриотов и труженников: «Жизнь Лаврентия Серякова. Повесть о русском гравере» (1959), «Повесть о Сергее Непейцыне» (1966), «Дорогой чести» (1971), «История унтера Иванова» (1976) и др. Книги Глинки основаны на изучении архивных материалов, отмечены прекрасным знанием языка и быта того времени, о котором он пишет. Художественно-документальные биографии героев Отечественной войны 1812 вошли в книгу «Военная галерея Зимнего дворца».

ГЛИНКА Григорий Андреевич (22.02.1776—9[21].02.1818), филолог, поэт, прозаик, переводчик. Родился в с. Закуп Духовщинского у. Смоленской губ. в семье потомственного русского дворянина. В 6 лет он был зачислен в пажи, в 1796 пожалован в камер-пажи, в 1797 произведен в капитан-поручики Семеновского полка. Но находиться в армии мягкий характером, мечтательный Глинка не хотел. Его влекли науки и литература. В 1799 он перешел на службу в Коллегию иностранных дел. Затем стал цензором в Кронштадте и Петербурге. А в 1803 был назначен профессором русского языка и русской словесности в Дерптском университете, где, русский, он должен был преподавать на немецком языке.

ке. Он был первым русским профессором из дворян (ибо дворяне тогда считали учительскую работу низким поприщем для своего сословия), о чем писал *Н. М. Карамзин* в «*Вестнике Европы*» (1803, ч. IX, № 11 «Дворянин-профессор в России»). Надо сказать, недворянская эта профессия разочаровала Глинку. Особенно обескураживали натянутые отношения профессоров-немцев. Ни простодушие русской искренности, ни дружеского расположения в новой для него профессорской среде Глинка не встречал. В это время он увлекся славянской мифологией — предметом тогда почти неизвестным в России. В № 15 «*Вестника Европы*» за 1803 вышла его статья «Храм Световида», а в 1804 в Митаве книга «*Древняя религия славян*», где он не только сообщает об известных ему славянских богах, но и предпринимает попытку классификации славянских богов, создания систематизированной, цельной картины мифологических представлений наших древних предков. Книга, содержащая оригинальный материал, не переиздавалась 200 лет (до «*Мифы древних славян*». Саратов, 1993) и долгое время была библиографической редкостью. Ходатайство Глинки об отставке из университета было удовлетворено в 1810. А через несколько месяцев товарищ по Пажескому корпусу Саврасов, служивший при дворе, предложил ему занять место помощника воспитателя при вел. князьях Николае (будущем царе Николае I) и Михаиле Павловичах; в то же время Глинка читал русскую словесность имп. Елизавете Алексеевне, вел. кн. Анне Павловне и невесте вел. кн. Николая Павловича принцессе прусской Шарлотте. Благодаря хлопотам Глинки был приближен ко двору поэт *В. А. Жуковский*, которому Глинка передал свои занятия с невестой будущего царя Николая I. В 1816—17 Глинка сопровождал великих князей в путешествиях по России и за границей. Кроме оригинального труда о религии славян, многочисленных переводов, дневников (записок), он издал «*Рассуждение о русском языке*» (1813), «*Учебную книгу Российского языка для употребления в лифляндских, эстляндских и курляндских школах*» (1805), «*Собрание сочинений в стихах и прозе*», 2 части (1802) и др.

А. Баженова

ГЛИНКА Сергей Николаевич (5[16].07.1776—5[17].04. 1847), писатель, журналист. Брат *Ф. Н. Глинки*. Родился в имении Сутоки Смоленской губ. в дворянской семье. Воспитанник

кадетского корпуса. Служил в ополчении в 1807, был участником Отечественной войны 1812. Награжден орденом св. Владимира IV степени «За любовь к Отечеству, доказанную сочинениями и деяниями». Издавал журнал «*Русский вестник*» (1808—20 и 1824), выступавший с православно-монархических позиций против французского влияния. В 1827—30 Глинка — цензор Московского Цензурного комитета. Автор

исторических пьес («*Наталья, боярская дочь*», 1806; «*Минин*», 1809; «*Осада города Полтавы, или Клятва полтавских жителей*», 1810), поэм («*Пожарский и Минин, или*

Пожертвования россиян», 1807), а также «*Русской истории*» в 14 частях, многочисленных стихотворений, исторических и нравоучительных повестей, анекдотов и т. д. Сохраняют интерес его «*Записки о 1812 году*» (1836) и «*Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 гг.*» (1837).

Соч.: Сочинения. Ч. 1—12. М., 1817—20; Записки. СПб., 1895.

Лит.: Федоров Б. Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки [СПб], 1844; Вяземский К. Сергей Николаевич Глинка. [СПб], 1847.

ГЛИНКА Федор Николаевич (8[19].06.1786—11[23].02.1880), поэт, публицист, прозаик. Родился в имении Сутоки Смоленской губ. Дворянский род Глинки берет начало от вотчинника смоленского воеводства, шляхтича, принявшего

Православие, Виктора-Владислава Глинки. Отец Глинки, Николай Ильич, отставной капитан, находясь при гр. П. А. Румянцеве-Задунайском ординарцем, отличился в Кагульском сражении. Вместе с женой, Анной Яковлевной (урожд. Каховской), владел небольшим имением Сутоки Духовщинского у. Смоленской губ. *Екатерина Великая* во время путешествия по тем местам в 1780

гостила у него и была поражена 104-летним прадедом поэта, который был так здоров, что мог ездить верхом и стрелять дичь. Императрица тогда же записала двух братьев Глинки, Сергея и Николая, в Сухопутный кадетский корпус, в котором впоследствии учился и Федор.

С 1798 по 1803 обучается в Петербургском 1-м кадетском корпусе, где огромное влияние на него оказал учитель Закона Божия о. Михаил (впоследствии митрополит Петербургский), способствовавший укреплению его религиозных чувств, стремлению жить по христианским заповедям. Он вспоминал, что, покидая корпус, поклялся «говорить всегда правду». Молодой прапорщик Апшеронского пехотного полка привлек внимание прославленного суворовского генерала М. А. Милорадовича. В 1805—06, в качестве адъютанта Милорадовича, участвует в военной кампании против Наполеона, чуть не погибает в битве при Браунау, ходит в штыковые атаки в Аустерлицком сражении. Эти события он описал в «*Письмах русского офицера о Польше, австрийских владениях и Венгрии с подробным описанием похода россиян противу французоз в 1805 и 1806 гг.*» (1808), ставших его литературным дебютом.

Выйдя в отставку по болезни и поселившись в Сутоках, Глинка приводит в порядок записи военной поры, пишет стихи. Первое стихотворение «Глас патриота», опубликованное в «*Русском вестнике*», посвящает *М. В. Ломоносову*. С серьезностью относясь к научным изысканиям, участвует в работе высочайше утвержденного Общества истории и древностей российских. Для изучения народного быта и нравов путешествует по Смоленской, Тверской, Московской губерниям, совершает поездки по Волге, Киевской и Черниговской губерниям.

Весть о вторжении наполеоновских полчищ в Россию застала Глинку в родовом смоленском имении. По вызову Милорадовича он с отступающими войсками доходит до Бородина и принимает участие в сражении. Глинка участвовал во всех боевых действиях наступающей армии, полковником дошел до Парижа, был награжден русскими и иностранными орденами за боевые заслуги, золотым оружием за храбрость.

После войны Глинку, переведенного в лейб-гвардии Измайловский полк, захватывает водоворот общественной жизни северной столицы. Он входит в члены Военного общества, возглавляет «Военный журнал», председательствует в *Вольном обществе любителей российской словесности*, издает частями «Письма русского офицера...» (1815—16), ставшие одним из ярчайших памятников отечественной военной мемуристики об эпохе наполеоновских войн 1805—06 и 1812—15. Одна из основных идей этой книги — сохранение «коренных добродетелей» русского народа, не затронутых «наносными пороками». Пишет книги для народа — «Подарок русскому солдату», «Лука да Марья» (1818).

В 1819 Глинка «с ведением и по повелению Государя Императора, употребляем был для производства исследований по предметам, заключающим в себе важность и тайну», стал заведовать личной канцелярией гр. М. А. Милорадовича, военного губернатора Петербурга. К этому времени Глинка был уже членом масонской ложи «Избранного Михаила», вступает в Союз спасения, а затем в Союз благоденствия. Но известно, что в н. 1820 на совещании Коренной управы Союза благоденствия Глинка доказывал, что «в России не может существовать никакого правления, кроме монархического». Видя радикализацию взглядов заговорщиков, порвал с ними связи и вышел из масонской ложи. О готовившемся восстании 1825 Глинка знал, но никакого участия в нем не принял, убеждая заговорщиков «не делать никаких насилий». После ареста имп. Николай I сказал поэту: «Глинка, ты совершенно чист, но все-таки тебе надо окончательно очиститься». Существуют сведения, что раненый генерал Милорадович просил императора помиловать Глинку. Со снятием двух чинов Глинка был направлен на гражданскую службу в Петрозаводск Олонецкой губ.

Именно там, занимаясь канцелярской работой советника губернского правления, Глинка создает свои важнейшие произведения: переводит на русский язык карело-финский эпос «Калевала», пишет поэмы «Дева карельских лесов» и «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой». А. С. Пушкин, содействовавший публикации «Карелии...» в Петербурге отдельным изданием (1830), писал в «Литературной газете»: «Изо всех наших поэтов Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный... Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностью, какая-то вялость и в то же время энергичная пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной, — все дает особенную печать его произведениям...»

Годы ссылки благотворно повлияли на поэта, будто «переродилось все во мне», — записал он в стихотворении той поры.

В 1830 Глинка, все еще опальный, поселяется в Твери, где его навещают А. С. Пушкин с кн. П. А. Вяземским; занимается географическими и археологическими исследованиями. За работу «О древностях в Тверской Карелии» получает премию Географического общества.

В становлении Глинки-поэта большую роль сыграло сближение с литературно-философским кружком С. Е.

Раича, среди воспитанников которого были многие «любомудры», а в дальнейшем с С. П. Шевыревым и с редакцией «*Москвитянина*», в котором он опубликовал лучшие свои поздние стихи. Особенно характерно в этом отношении его стихотворное послание Ф. И. Тютчеву, бывшему воспитанником С. Е. Раича, и ответ Тютчева в письме от 16 февр. 1850: «Вы из малого, малого числа весьма зрячих и разумеющих», — пишет Тютчев, поясняя далее: «Не на Западе — поверьте мне — в этот горький, противный век истинно встретишь совершенное непонимание — а здесь, в так называемом кругу нашего отечественного общества. На Западе, — слишком поздно, может быть, для его спасения — но не поздно для истины — найдутся многие самостоятельные умы, которые, вопреки вековым предрассудкам, — не откажут в сочувствии к русской мысли — но для русских, охмелевших на чужом пиру, она недоступнее, чем для кого-либо». Ф. Тютчев, как известно, находил понимание лишь в узком кругу своих друзей-славянофилов, среди которых был и Глинка. В своей религиозно-философской поэзии С. П. Шевырев, А. С. Хомяков и Ф. И. Тютчев были последователями духовной поэзии Глинки. Обычно принято считать, что смысл духовной поэзии Глинки в том, что «декабристы использовали “Священное Писание” в целях политической агитации» (В. Г. Базанов). «Элегические псалмы» Глинки — «К Богу правды», «Горе и благодать», «Картина иудейских нравов», «Гнев Господа на нечестивых», «Плач плененных иудеев», «Глас Бога избранному Его», публиковавшиеся в 1823—25 в «Соревнователе просвещения и благотворения» и вышедшие в 1826 отдельным изданием «Опыты священной поэзии», имели определенное гражданское звучание, но оставались при этом именно духовной поэзией. Религиозные мотивы становятся центральными в поэзии Глинки 30—40-х. Подлинными шедеврами русской духовной лирики стали его стихи «Искание Бога», «Глас к Господу», «Ангел», «Молитва и чаяние», «Молись душа».

В 1840-е Глинка пишет поэму «Таинственная капля», в основе которой апокрифическое сказание о разбойнике, распятом на кресте вместе со Спасителем. Огромной популярностью в патриотических кругах пользовалось стихотворение Глинки «Москва» (1840): «Город чудный, город древний, / Ты вместил в свои концы / И посады и деревни, / И палаты и дворцы!». Во время Крымской войны Глинка прославился стихами «Ура!» и «Голос Кронштадту». Его романсы «Вот мчится тройка удалая...», «Не слышно шуму городского...» принадлежат к числу классических.

Уйдя со службы в 1835, Глинка жил вместе с женой Авдотьей Петровной (урожд. Голенищевой-Кутузовой), с которой «почти всегда и везде был неразлучен», сначала в Орле и Москве, с 1853 — в Петербурге, а с 1856 до конца дней — в Твери. Авдотья Петровна тоже была достаточно известна как поэтесса, прозаик, переводчик (см.: Глинка А. П.)

К 1875 Глинка почти совсем отошел от литературы, признаваясь, что его поэтические силы иссякли. В поздних письмах к М. П. Погодину он жалуется на «век безверия», обличает западников, социалистов в гибели России, с грустью восклицая в одном из последних стихотворений: «Летать по *высям* нет уж силы, / А ползать не хочу!»

Скончался Глинка в Твери, дожив до глубокой старости, и был похоронен в Жёлтиковом монастыре рядом со своей женой А. П. Глинкой. Хоронили его с воинскими почестями как героя Отечественной войны, автора знаменитых «Записок офицера...»

Соч.: Избранные произведения. Л., 1957 (Б-ка поэта. Большая серия); Поэты тютчевской поры. М., 1982; Письма русского офицера. Проза. Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма. М., 1986; Письма к другу. М., 1990.

Лит.: Базанов В. Г. Поэтическое наследие Ф. Глинки (10—30-е гг. XIX в.). Петрозаводск, 1950; Карпец В. И. Федор Глинка. М., 1983; Он же. Ф. Глинка // Герои 1812 г. М., 1987 (серия «ЖЗЛ»).

С. Мариков

ГЛИНКА-ВОЛЖСКИЙ Александр Сергеевич (наст. фамилия Глинка, псевд. Волжский) (6[18].06.1878—7.08.1940), религиозный мыслитель и историк литературы. Сын адвоката, с детства был глубоко религиозен. В гимназии попал под влияние негиллиста Н. К. Михайловского, примыкает к народникам, а потом к легальным марксистам. Подобно Л. А. Тихомирову, нашел в себе силы вернуться к вере, вырваться из растленной среды, объявив ее представителям, что марксизм изжил себя и на смену ему «явился идеализм, абсолютный, метафизический, религиозный» (1903). М. Горькому, В. Вересаеву и др. писателям-масонам он заявил, что «упразднение Бога, исключение религиозного элемента из предметов обсуждения — условие (для него) неприемлемое».

«Вся русская история, — считал Глинка-Волжский, — история Святой Руси — только все еще тянущаяся и доселе Страстная седмица; путь грядущих судеб, в глубь святых страстей, в тишину тайны Голгофы, — и суждено ей Воскресение в последний день».

Соч.: «Из мира литературных исканий» (1906), «Ф. М. Достоевский. Жизнь и проповедь» (1906), «Гаршин как религиозный тип» (1906), «В обители преподобного Серафима» (1914), «Святая Русь и русское призвание» (1915).

О. П.

ГЛИНКА-ЯНЧЕВСКИЙ Святослав Казимирович (1844—1921), публицист, редактор газеты «Земщина».

Учился в Царскосельском корпусе, затем в Новгородском гр. А. А. Аракчеева кадетском корпусе. В 1862 закончил Николаевское инженерное училище. Занимался предпринимательством. В 1899 издал брошюру «Пагубные заблуждения. По поводу сочинения К. Ф. Харлутари «Право суда и помилования, как прерогативы российской державности»», а в 1900 брошюру «Во имя идеи», в которых обличал неправильную постановку судебного дела. После публикации

брошюр он был приглашен сотрудником в газету «Россия», откуда скоро перешел в «Новое время». В 1902 Глинка-Янчевский стал действительным членом Русского собрания. С началом русско-японской войны, когда возник сильный патриотический подъем, подал записку В. К. Плеве, в которой советовал, воспользовавшись общим настроением, созвать Земский собор. Необходимость этой меры он обосновывал тем, что после неизбежного поражения России в войне поднимет голову революция, которая не преминет воспользоваться угнетенным состоянием народа. Плеве не принял его предложения,

опасаясь, что Земский собор станет рассадником либерализма. С началом революции Глинка-Янчевский ушел из умеренно-патриотического «Нового времени» редактировать более боевые газеты: сначала «Слово», затем «Русскую землю» в Москве. С 3 июня 1909 стал редактором «Земщины». Как отмечалось в юбилейной брошюре, «главное его внимание обращено на борьбу с засилием иудеев и на разоблачение масонства, поставившего себе целью разрушение алтарей и престолов». Глинка-Янчевский выступал сторонником экономических преобразований и противником политических, «видя в них путь к ограничению самодержавия и к господству Израиля».

В н. окт. 1911 он написал статью «Долой войну! да здравствуют убийцы!», которая имела серьезный резонанс в правых кругах. Статья была посвящена актуальнейшему после убийства П. А. Столыпина вопросу: как остановить террор против видных государственных деятелей империи, террор, парализовавший общественную жизнь. Автор обращал внимание на такой парадокс: либералы и революционеры являются активными противниками внешних войн, пацифистами, но одновременно выступают сторонниками войн внутренних, гражданских междоусобиц и снисходительно относятся к террору. Он пытался объяснить такой парадокс тем, что революционным движением в России руководят евреи. В глазах русских людей, «сохранивших хоть каплю любви к родине, нет ничего ужаснее, как взаимное истребление», напротив, «междоусобицы — это жидовская стихия». Евреи-революционеры выступают против войн, ибо они к ним «не способны по низости своей души и беспредельной трусости», а междоусобица «требует совсем других качеств, и именно тех, коими в наибольшей степени обладают иудеи, — подлости, предательства, нападения исподтишка, подкупа убийц». Глинка-Янчевский утверждал: «Внешние войны способствовали возвышению и сплочению народа. В нем пробуждались лучшие человеческие свойства, тогда как внутреннее взаимное истребление поселяет зависть, ожесточенную злобу между отдельными классами и развивает в населении самые низменные инстинкты. Продолжительные междоусобицы неминуемо расшатывают все устои государства, и оно должно рухнуть». Глинка-Янчевский пророчески предсказывал: «Если мы лишимся Царя, нас будут рвать на части все соседи, и от всего нашего государства останется, в лучшем случае, Московское царство шестнадцатого столетия». Однако он выражал надежду, «что русское дело еще не погибло». По его мнению, положить конец смуте и остановить террор возможно лишь тогда, когда «правительство коренным образом изменит свои отношения к воинственному иудейству». Привычными методами с террором справиться не удастся, убийцы остаются безнаказанными, а общество, видя беспомощность правительства, впадает в уныние. Выход из этой ситуации Глинка-Янчевский видел в «установлении круговой ответственности головой и имуществом». И разъяснял суть своей оригинальной идеи борьбы с террором: «Если за каждого убитого сановника известное число интеллигентных иудеев по жребью, т. е. по указанию Божьего Перста, будет расстреляно, и имущество кагала в определенном размере будет конфисковано, — террор сам собой прекратится». На возможные обвинения в негуманности такой меры он возражал, что «крови будет пролито несравненно меньше, ибо интеллигентные иудеи, которые разводят у нас революцию, будут дрожать за свои собственные головы». И с пафосом заканчивал

статью: «И если в нас сохранилась еще жизненная энергия, — мы придем к тому, что заставим иудеев нести круговую ответственность за всякое политическое убийство. Ибо это единственное средство к спасению государства, к спасению самого существования России».

Глинке-Янчевскому принадлежит мысль, высказанная в начале мировой войны на страницах «Земщины», что «не Германия затеяла войну, а жида, которые выбрали Германию орудием своих планов», ибо именно им нужно было натравить одну на другую две державы, где монархический принцип наиболее силен, чтобы ослабить их обеих в ожесточенной взаимной борьбе. Он был противником сближения с Великобританией, опасаясь не только ее экономического влияния, но и давления в пользу предоставления равноправия евреям. На страницах «Земщины» он высказывался и по польскому вопросу. Глинка-Янчевский был не против воссоздания Польского королевства, но без войны. По его мнению, Польша для России «только обуза. Она высасывает ежегодно сотни миллионов русских денег, а мятежами своими вызвала громадные расходы. Польская интеллигенция пробиралась во все учреждения и влияла разлагающе на русскую интеллигенцию». В целях предотвращения «большой беды» летом 1915 он призывал не уповать на «общественные силы», а действовать в стране с помощью «железной диктатуры».

После прихода к власти еврейских большевиков Глинка-Янчевский был замучен в тюрьме.

Соч.: Русский мир по отношению к Туркестанскому краю. Ташкент, 1875; Основные положения социально-экономических преобразований. СПб., 1883; Основные положения долговременной фортификации. Крепости-лагери. СПб., 1886; Свод прений по поводу предложений отставного капитана Глинки-Янчевского, происходивших в Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1887; Пагубные заблуждения. По поводу сочинения К. Ф. Харлутари «Право суда и помилования, как прерогативы российской державности». СПб., 1899; Во имя идеи. СПб., 1900; Долой войну! да здравствуют убийцы! // Вестник Русского собрания. 1911. № 25.

Лит.: Клементьев В. Ф. В большевизмской Москве (1918—10). М., 1998.; Речь А. С. Шамова в защиту С. К. Глинки. М., 1915; Святослав Казимирович Глинка-Янчевский. К 50-летию его литературной и общественной деятельности (1864—1914). СПб., 1914.

А. Степанов

ГЛУХАРЕВ Иван Никитич (1809 — не ранее 1840), прозаик. Учился в Московской университетской гимназии и в Московском университете (1829—32). В 1830-х написал ряд романов из русской истории: «Ольга Милославская...» (ч. 1—2. М., 1831) и его продолжение «Графиня Рославлева, или Супруга-героиня, отличившаяся в знаменитую войну 1812 года» (ч. 1—2. М., 1832), «Проклятый. Историко-военно-описательный роман XIX столетия» (ч. 1—2. М., 1833). Писал также драматизированные исторические «хроники»: «Иноки, или Вторичное покорение Сибири» (М., 1834), «Князь Пожарский и нижегородский гражданин Минин, или Освобождение Москвы в 1612 г.» (ч. 1—2. М., 1840; 2-е изд. М., 1852). Печатался в «Дамском журнале» *П. И. Шаликова*: стихи с автобиографическими мотивами («История моей жизни» (1833), главы из романа «Братоубийца, или Святополк-Окаянный» (1833), отдельное издание которого было запрещено цензурой.

ГЛУХАРЕВ М. Я. — см. **МАКАРИЙ (ГЛУХАРЕВ).**

ГЛУШКОВА Татьяна Михайловна (21.12.1939—22.04.2001), поэт, прозаик, критик. Родилась в Киеве. Великую Отечественную войну пережила в малороссийском селе. В 13-летнем возрасте осталась без родителей. В 1960 окончила Литературный институт. До 1964 работала экскурсоводом в Пушкинском заповеднике в Михайловском, радиожурналистом и библиотечкарем в Киеве.

Ее дипломная работа в Литературном институте — цикл «София Киевская» — поначалу не был принят и вызвал резко отрицательную реакцию у руководителя ее творческого семинара И. Л. Сельвинского.

В 1971 вышла в свет первая книга поэта — «Белая улица». Некоторые из произведений этой книги Глушкова позднее включала в свои сборники избранных стихотворений. Следующие две книги — «Выход к морю» и «Разлуки нет» — были изданы в 1981.

В стихах Глушковой «сказки поются» и «речь течет в горло» сплошным музыкальным потоком, повесть о трагической судьбе народа органически сливается с воспоминаниями о детстве («Как румяны крещенские зимы! Как метет по военной земле! Мы еще не видали России, мы — в Украине, украдкой, в селе, где копилка, младенчество, голод, где — не запад, не юг, не восток; как далек мой разрушенный город, как он там одинок, одинок!.. Уцелеем! Не выдан, не съеден этот нищенский дерзостный дух...»). Совокупность праздничности мироощущения и трагической интонации отчетливо воплотилась в свое время в поэзии *А. Ахматовой*. Глушкова воспроизводит иные из ахматовских нот, не боясь повторения, зная за собой то, что дает ей право на прямые реминисценции. Отличительные свойства ее таланта — безотглядность, способность полностью отдаться услышанной ноте. Она, как поэт, искала абсолюта во всем, каждое ощущение воплощала с максимальной силой, каждый эмоциональный всплеск доводила до своего предела. И при всем трагизме мироощущения, когда речь заходит о России, о русской истории, в голосе поэта начинают звучать ноты буквально патетические, и этот пафос неотделим от переживания свершившейся трагедии. («...Это вести с далекого фронта — далеченько откатится фронт! Далеченько солдаты уйдут, унося черноземье в кисете. Будут правы. А те — подождут терпеливые тощие дети. Будут правы. А те — подрастут, зашумят, как пустырные травы. На задах комендантской управы отчий дом, наконец, обретут...») Мотив родных корней, родного языка — определяющий мотив поэзии Глушковой. В «военных» стихах образ России «смертию смерть поправшей» и России умиротворенной воплощается в единой интонации, которая повышается от строки к строке, сочетая в себе лирическую пронзительность с отзвуком потаенных нот, остающихся в глубине души.

Традиционный стих поэт берет как основу, как данность и уже внутри него дает волю своим порывам. Мотив птичьего пения, старинного вальса или неизвестно где играющей свирели — еще один сквозной мотив ее стихов. Навязчивая музыка, преследующая поэта — соловьиная трель, то ласкающая слух, то изматывающая, мучающая, с трудом исторгающая последние ноты («...все, что хочешь, проси у судьбы — в час, когда зацветают дубы, в час, когда

соловей задохнется!..») А когда поэт задумывается о собственной судьбе, об одиночестве, о недолговечности и хрупкости земной жизни — тогда исчезает патетический накал, ликующий лирический пафос, остается та же безоглядность и то же бесстрашие, но при этом усиливается трагическая мелодия, которая с наибольшей силой звучит в любовной лирике. Во имя любви — истребовать всего, пойти на унижение, причинить кому угодно боль, страдая самой вдвойне, наконец — принять смерть от руки избранника... Героиня стихов Глушковой ведет свою родословную от женщин *Достоевского* («Наш стих — наследник русской прозы...»), неистовых в своей страсти, способных сложить голову на любовном алтаре. («Нелюбимая слез не прольет, нелюбимая песни не сложит. Только ветер в трубе запоет, да ручей — точно косточку гложет...») Когда пение соловья замолкает, и слышится порыв ледяного, жгучего ветра — оказывается, что героиня уже по ту сторону, и нет пути назад. Значит, нужно полностью отдаться этому ощущению, не страшась близкого конца. С полной беспощадностью к себе и к своему спутнику совершаются последние расчеты, подводится итог прошедшему. Все это происходит тогда, когда не слышно ни птичьего пения, ни звона колокольчика, ни цокота копыт. Кругом беззвучие («...Под соломенной крышей вокзала спят в ожогах мои соловьи»). Героиня подводит свой итог. Но как бы безрадостен он ни был, в самых трагических стихах Глушковой звучит нота жизнеутверждения, восторга перед всеми земными красотами, восхищения матерью-землей, которая вечно будет жить и плодоносить, на которой одно поколение будет сменять другое. А размышляя о собственной жизни, можно тихо произнести: «Сколько лет, сколько зим протекло... Как тюрьма, укатала свобода!» Констанция смерти, как неизбежности бытия, отвергается с порога. И сама смерть чревата сиюминутным воскрешением — так велика жизненная сила героини. Ее словно заставляет подняться со смертного одра звук той же свирели, что всю жизнь будил в ее душе самые страстные и жгучие чувства. («Не ходи ты за гробом моим: час неровен — пожалуй, воскресну, прогнано погребальной песню старым пенъем моим молодым...») Наступает завтра, которое «как будто — вчера», и заново проживается вся жизнь — самые светлые и трагические минуты истории России, сопряженные с жизненной судьбой и духом женщины, готовой заново любить и с бесстрашием всецело отдаваться музыке души, звучащей в унисон с музыкой, разлитой по бескрайним просторам, на которых кружится листва, воют холодные ветры, разносится соловьиная трель и играют невидимые свирели.

Глушкова была известна не только как поэт, но и как литературный критик. Ее критическое слово отличалось многомерностью, тонким проникновением в материю стиха, беспощадностью тона и стиля по отношению ко всему, не имеющему отношения к главной и единственной традиции — пушкинской. В статье «Традиция — совесть поэзии» Глушкова определила традицию «как воплощенную в творчестве философию искусства поэзии — это все то, что объединяет всех без исключения поэтов, что отличает их от непоэтов, а не то, в чем разнятся поэты между собой». «Традиция поэзии — это мужество знания, обретенного путем прозрения. Это — неснижаемость мысли. Это — вечная, бескорыстная помощь поэта человечеству». Пристальное внимание вызвала ее статья «Притча о Сальери», в которой была заново, ярко и современно прочитана «маленькая трагедия» *Пушкина*, и где Сальери был охарактеризован, как «повышенных способностей человек толпы». В статье «Куда ведет Ариаднина нить» Глушкова вос-

стала против корыстных интерпретаций творчества «возвращенных» русских поэтов, интерпретаций, направленных на «разрушение государства, разрушение исторического сознания людей, развитие нигилистического отношения к Родине и ко множеству этических ценностей, сохранившихся еще нашим народом».

Расвал исторического Российского государства и расстрел Дома Советов 1993 воплотились в стихах, вошедших позднее в книгу «Всю смерть поправ...». Здесь в единый звуковой поток соединились плач по убитым и стон ненависти к палачам. Эти же стихи проникнуты жаждой возмездия за содеянное. («Катились слезы по щекам моим, темнело горе лик моих сограждан. Но с каждым павшим в листопаде страшном был наш союз отныне нерушим. И нету мощи, чтобы одолеть ту крепь — коль встанут мертвые с живыми, единого Отечества во имя готовые вторично умереть...»)

Расстрел 1993 и последующие черные дни обозначили роковой чертой разброд и шатание, воцарившиеся в русском патриотическом сообществе, что, к сожалению, сказало и на Глушковой. Со всем пылом души и со всем жаром острого и язвительного ума она обрушилась в серии статей, опубликованных в «*Молодой гвардии*», на своих бывших соратников и единомышленников. Само по себе явление, точно обозначенное ею как «номенклатурный патриотизм», нуждалось в спокойном и вдумчивом анализе, но Глушкова стала причислять к нему писателей, к которым этот грех никогда не имел никакого отношения.

Соч.: Традиция — совесть поэзии. М., 1987; Снежная гроза. М., 1988; Стихотворения. М., 1992. Не говорю тебе прощай... М., 2002.

С. Куняев

ГНАТЮК Владимир Михайлович (9[21].04.1871—6.10.1926), малороссийский фольклорист и этнограф. Окончил философский факультет Львовского университета (1898). Жил в Галиции, входившей в состав Австро-Венгрии, а с 1918 — Польши. Член-корреспондент Академии наук (с 1902). Член чешских и австрийских научных обществ. Был редактором «Этнографического сборника». Наиболее важные публикации: «Коломыйки» (Т. 1—3. 1905—07), «Гаввки» (1909), «Колядки і шедрівки» (Т. 1—2. 1914), «Етнографічні матеріал из Угорської Русі» (Т. 1—6. 1897—1911), собранные в Закарпатье. Гнатюк выступал и как языковед, диалектолог, литературовед, автор работ по истории материальной культуры. Был одним из редакторов журнала «Літературно-науковий вісник», организатором и редактором «Українсько-рускої видавничої спілки».

ГНЕДИЧ Николай Иванович (2[13].02.1784—3[15].02.1833), поэт, переводчик. Родился в небогатой дворянской семье. В 1793 поступил в Полтавскую духовную семинарию, в 1800—02 учился в Московском университетском пансионе, где сблизился с Дружеским литературным обществом (*А. И. Тургеневым*, *А. Ф. Мерзляковым*, *А. С. Кайсаровым*) и драматургом *Н. Н. Сандуновым*. Гнедича увлекают тираноборческие идеи, творчество молодого Ф. Шиллера. В 1802 вышла повесть

Гнедича «Мориц, или Жертва мщения», в 1803 перевод трагедии Шиллера «Заговор Фиеско» (совм. с Аллером) и роман «Дон Коррадо де Герера». Переехав в Петербург (1803), Гнедич с 1811 долгие годы служил в Императорской публичной библиотеке.

В основе раннего творчества Гнедича — идея народности. Поэт стремился создать идеал трудового, гармоничного человека. Его интересовал исполненный страстей свободолюбивый герой. Отсюда интерес к Шекспиру (в 1808 Гнедич опубликовал трагедию «Леар» — перевод «Короля Лира»), к поэзии Оссиана и особенно к античному искусству. В героях Гомера Гнедич увидел образы героического народа, в их жизни — идеал патриархального равенства. В 1807 Гнедич начал переводить «Илиаду» *александрийским стихом*, но под влиянием А. Х. Востокова и Мерзлякова перешел на гекзаметры.

Пытаясь создать образ современного народа как синтез гомеровской стилистики и русского фольклора, Гнедич написал «Рыбаки» (1822), перевел «Простонародные песни нынешних греков» (1825). В 1829 он издал полный перевод «Илиады», над которым работал более 20 лет; перевод имел огромное поэтическое и общественно-культурное значение. Пушкин оценил труд поэта как совершение «...высокого подвига. Русская Илиада перед нами».

ГОВОРУХА-ОТРОК Юрий Николаевич (29.01[10.02].1850—27.07[8.08].1896), публицист и критик. Родился в состоятельной дворянской семье, происходящей от запорожских казаков.

Учился в харьковской гимназии, затем в Харьковском университете, но не закончил его, т. к. с юных лет Говоруха-Отрок втянулся в революционное движение, став членом народнического кружка. Вероятно, наряду с революционной романтикой, столь неотразимой в молодости, решающим в этом ответственном шаге для Говорухи-Отрока было искреннее желание бороться за социальную справедливость, покончить с бедностью и угнетением народа.

В 1874 Говоруха-Отрок участвовал в «хождении в народ», был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. В 1877 он был в числе осужденных по «делу 193-х». Правда, учитывая молодость Говорухи-Отрока и отсутствие конкретных преступлений, он вскоре был выпущен на свободу. Провал «хождения в народ» не мог не навести Говорухи-Отрока на мысль о том, что не оторванным от реальной народной жизни городским беспощенным интеллигентам решать социальные проблемы России. С др. Стороны, Говоруха-Отрок столкнулся в ходе «хождения» с реальным русским народом, православным и монархическим, сохранившим свои исконные традиции, исчезнувшие у европеизированной дворянской интеллигенции. Все это не могло не подвигнуть его на путь переоценки ценностей и постепенно проделать ту же эволюцию, которую проделали в разные годы Ф. М. Достоевский и Л. А. Тихомиров, перейдя к русской православно-монархической идее. Поселившись в Харькове, Говоруха-Отрок начал работать в местном журнале «Мирь» и газете «Южный край». В литературе Говоруха-Отрок дебютировал

рассказами «Из неоконченного романа» («Слово», 1880) и «Fatum» («Полярная Звезда», 1881) под псевд. Юрко. В этих рассказах главными героями являются революционеры, но при этом нет ни апологии, ни критики революционного движения. Слишком много честных людей, исходя из самых лучших побуждений, ушли в революцию и стали вольными или невольными врагами исконной Руси. После царевубийства 1 марта 1881 Говоруха-Отрок, и ранее не одобрявший террор, окончательно стал на защиту Православия, Самодержавия и Народности. Его талантливые полемические статьи в «Мире» и «Южном крае», направленные против нигилистов, либералов и украинских самостийников, сделали его имя известным далеко за пределами Харьковщины и превратили Говоруху-Отрока в публициста всероссийского значения. Особенную славу ему принесла критика кумира русских радикалов Н. К. Михайловского, которого Говоруха-Отрок хорошо знал лично и потому разоблачал со знанием дела. Одновременно в печати появляются новые рассказы Говорухи-Отрока, в которых публицист уже без колебаний показывает нутро русского нигилизма. Ярость харьковских нигилистов была беспредельна — под окнами дома Говорухи-Отрока устраивались «кошачьи концерты», в харьковском университете, охваченном беспорядками, группа студентов нанесла Говорухе-Отроку оскорбление действием. Все это было еще в период народовольческого терроризма, и Говоруха-Отрок вполне рисковал жизнью за отстаивание антинигилистических взглядов. В 1889 в жизни Говорухи-Отрока происходит знаменательное событие — его приглашают в Москву вести литературный и театральный отделы в газете «Московские ведомости», которую четверть века редактировал умерший незадолго до этого М. Н. Катков. Факт приглашения харьковского публициста в ведущую православно-монархическую газету страны, где трудились воспитанные Катковым опытные журналисты, означал признание гражданской смелости и литературных способностей Говорухи-Отрока. На протяжении 7 лет появлялись подписанные псевд. «Ю. Николаев» статьи, рецензии, обзоры, заметки Говорухи-Отрока, посвященные литературной и театральной жизни России. Отдельно Говоруха-Отрок выпустил книги литературных очерков о Короленко, Толстом, Островском, Боборыкине и др. деятелях изящной словесности. Помимо «Московских ведомостей» Говоруха-Отрок опубликовал много заметок и статей под псевд. «Ю. Елагин» в «Русском обозрении» и «Русском вестнике». В своих статьях Говоруха-Отрок упорно боролся с распространенным с 1860-х вульгарным материализмом, упрощенчеством, оторванностью от народной почвы. Говоруха-Отрок может считаться одним из создателей консервативной критики и эстетики. Хотя эстетические вопросы всегда волновали национально мыслящих русских деятелей культуры (можно вспомнить эстетические концепции *славянофилов*, *Ап. Григорьева*, *Н. Н. Страхова*), но в целом в русском искусстве XIX в. сложилась парадоксальная ситуация: правые художники творили, левые критики выносили суждения. Понятно, почему откровенно слабый в художественном плане роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» стал одним из значительнейших событий духовной жизни России, зато несравненно меньшее значение имела гражданская поэзия Ф. И. Тютчева. Говоруха-Отрок талантливо и смело боролся за русское искусство. Он владел прекрасным литературным слогом, и порой его рецензия на книгу читается лучше, чем сама книга. Словом, заметки критика под пером Говорухи-Отрока сами являются изящной словесностью. Смерть унесла Говоруху-Отрока в самый расцвет его творчества в июле 1896. Говоруха-Отрок не отли-

чался крепким здоровьем, сказались годы тюрьмы и труд литературного поденщика.

Соч.: Последние произведения графа Л. Н. Толстого. М., 1890; Очерки современной беллетристики. В. Короленко. М., 1893; Тургенев. М., 1894.

Лит.: Памяти Ю. Н. Говорухи-Отрока. Сб. ст. М., 1896.

С. Лебедев

ГОГОЛЬ Николай Васильевич (20.03[1.04].1809—21.02[4.03]. 1852), прозаик, драматург, критик, историк, публицист. Родился в благочестивой патриархальной дворянской семье. По воспоминаниям одного из гоголевских однокашников, религиозность и склонность к монашеской жизни были заметны в Гоголе «еще с детского возраста»,

когда он воспитывался у себя на родном хуторе в Миргородском у. и был окружен людьми «богобоязливыми и вполне религиозными». Когда впоследствии писатель готов был «заменить свою светскую жизнь монастырем», он лишь вернулся к этому первоначальному своему настроению. Семья Гоголей, как по отцу, так и по матери, принадлежала к старым казачьим родам. Атмосфера веры и христианского благочестия была присуща как старшим, так и младшим ее членам. На столе постоянно лежало Евангелие, а любимым чтением были *Четы Мишеи*, в старинных кожаных переплетках. Быт родового имения с. Васильевка Гоголь изобразил позднее в повести «Старосветские помещики», а прошлое рода нашло отражение в «Тарасе Бульбе». Неподалеку от Васильевки находилась и кочубевская Диканька, с именем которой в свою очередь связан цикл ранних повестей Гоголя. По семейным традициям, брак родителей писателя был благословлен Божией Матерью. Отцу его, Василию Афанасьевичу, было видение, когда он совершал паломничество к чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, именуемой Ахтырской. Во сне ему явилась Царица Небесная и указала на дитя, сидевшее на полу у Ее ног: «...Вот твоя жена». Через некоторое время в грудном младенце, дочери соседней по имению Косяров-

ских, он вдруг, застыв от изумления, узнал те самые черты ребенка, которые показали ему во сне. Спустя 13 лет, на протяжении которых Василий Афанасьевич не перестает следить за своей суженой, видение еще раз повторяется, и он просит руки девушки. Молодые были помолвлены, через год была назначена свадьба. Николаем Гоголь был назван в честь свт. Николая Мирликийского, перед чудотворной иконой которого его мать, Мария Ивановна, дала обет. Свойственное Гоголю ощущение своего пророческого призвания, очевидно, во многом поддерживалось этими семейными преданиями.

Первоначальное образование будущий писатель получил дома, от «наемного семинариста». В 1818—19 вместе с младшим братом Иваном (ск. ок. 1820) Гоголь обучался в Полтавском уездном училище; летом 1820 готовился к поступлению в Полтавскую гимназию. В 1821 он был принят в только что открывшуюся Гимназию высших наук в Нежине. Обучение здесь, в соответствии с поставленной имп. Александром I задачей борьбы с европейским вольнодумством, включало в себя обширную программу религиозно-воспитания. Домовая церковь, общий духовник, общие утренние и вечерние молитвы, молитвы перед началом и окончанием уроков, Закон Божий два раза в неделю, каждый день полчаса перед классными занятиями чтение священником Нового Завета, вечером после занятий чтение книг духовного содержания, ежедневное заучивание наизусть по 2-3 стиха из Писания, строгая дисциплина — таким был определенный Уставом гимназии почти «монастырский» быт ее учащихся, многими чертами которого Гоголь воспользовался впоследствии при описании бураского обихода в «Тарасе Бульбе» и «Вии» (Нежинскую гимназию он называл даже в шутку «бурсой»).

В к. дек. 1828 Гоголь приехал в Петербург с широкими (и смутными) планами о благородном труде на благо Отечества. Стесненный в материальных средствах, пробует свои силы в качестве чиновника, актера, художника, зарабатывает на хлеб уроками. В печати Гоголь дебютировал дважды. Сначала — как поэт. В 1829 опубликовал стихотворение «Италия» (без подписи) и написанную еще в Нежине подражательную (в духе немецкой романтической школы) поэму «Ганц Кюхельгартен» (под псевд. В. Алов). Последняя получила в журналах отрицательные рецензии, после чего Гоголь постарался сжечь все имевшиеся у книгопродавцев экземпляры тиража. Второй дебют был в прозе и сразу поставил Гоголя в число первых литераторов России. В 1831—32 вышел в свет цикл повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» — не содержащих уже, в отличие от первого опыта, «ничего германского и прежнего». Гоголь познакомился в то время с *В. А. Жуковским*, *П. А. Плетневым*, бароном *А. А. Дельвигом*, *А. С. Пушкиным*. Своими повестями он стал известен при дворе. Благодаря Плетневу, бывшему воспитателем Наследника, в марте 1831 Гоголь вступил в должность младшего учителя истории Патриотического института, находившегося в ведении имп. Александры Феодоровны. Лето 1831 писатель провел на родине, в Васильевке. Проездом в Москве он познакомился с *М. П. Погодиным*, *Аксаковыми*, *И. И. Дмитриевым*, *М. Н. Загоскиным*, *М. С. Щепкиным*, *Киреевскими*, *О. М. Бодянским*, *М. А. Максимовичем* и др. Пребывание в первопрестольной послужило ему толчком к размышлениям о принципиальных отличиях между самобытной («старосветской») культурой России и новейшим европейским «просвещением» «цивилизованного» Петербурга, критика которого была развернута им в цикле т. н. «петербургских» повестей. Эти размышления легли позднее, после не-

скольких лет пребывания Гоголя за границей, и в основу противопоставления «идиллического», «несовременного», но культурно-ценного Рима и духовно-пустого, суетного Парижа в повести «Рим» (1842).

В 1834 Гоголь вместе с близкими друзьями — Плетневым, Жуковским, Погодиным, Максимовичем, а также С. П. Шевыревым и К. М. Базили становится одним из первых сотрудников министра народного просвещения С. С. Уварова, провозгласившего в своей деятельности следование исконным началам Православия, Самодержавия и Народности. Результатом этого сотрудничества стала публикация Гоголем в основанном Уваровым «Журнале Министерства народного просвещения» 4 статей, тесно связанных с написанной год спустя повестью «Тарас Бульба», а также поступление адъюнкт-профессором на кафедру всеобщей истории при С.-Петербургском университете. Начавшееся плодотворное сотрудничество Гоголя с Уваровым было, однако, прервано резким конфликтом, в который вступил с Уваровым в 1835 Пушкин.

В 1835 выходят в свет сборники Гоголя «Арабески» и «Миргород». Экземпляр «Миргорода» он передает Уварову для поднесения имп. Николаю I. Критики были единодушны в оценке таланта Гоголя. Особо среди повестей «Миргорода» они выделили «Тараса Бульбу». Летом того же года Гоголь вновь посещает Москву, Васильевку, отдыхает в Крыму, заезжает в Киев к Максимовичу, где совершает продолжительные прогулки по старому Киеву и его святым местам. В этом же году он оставляет службу в Петербургском университете и Патриотическом институте, начинает работать над поэмой «Мертвые души», создает комедию «Ревизор». Оба этих замысла имеют непосредственное отношение к проблеме народности, поставленной перед литераторами министром Уваровым. Сам Гоголь так излагал свое понимание народности: «Хорошо возделанные в сердце семена Христовы дали все лучшее, что ни есть в русском характере... Для того, чтобы сделаться русским... к источнику всего русского, к Нему Самому, следует за этим обратиться». В этом определении заключается главная, основополагающая идея «Мертвых душ». Смерть души героев поэмы заключается, по Гоголю, в том, что вместо Источника всего русского — Спасителя — его герои, герои «Мертвых душ», обращаются к западному еретическому «просвещению», являются носителями европейского «чужесердия». Выведенные Гоголем типы являются «мертвыми душами» потому, что они неправославны, неверноподданны (в подлинном смысле этого слова) и ненародны. Эти убеждения и определяют основное содержание творчества Гоголя — критику плодов европейского секуляризованного «просвещения» на русской почве (на самом обыденном, бытовом уровне) и утверждение идеалов патриархального русского быта.

19 апр. 1836 состоялась премьера «Ревизора» на сцене Александринского театра в Петербурге, на которой присутствовал государь Николай Павлович, разрешивший пьесу к постановке и печатанию. За экземпляр «Ревизора», поднесенный императору, Гоголь получил бриллиантовый перстень.

6 июня 1836 Гоголь уезжает за границу, предполагая провести там полтора года. Из своих зарубежных странствий он вынес глубокое убеждение в великом призвании России как единственной свободной державы в мире, исповедующей Православие. Объясняя свое долгое пребывание вне пределов отечества, Гоголь признавался: «...Из каждого угла Европы взор мой видит новые стороны России». О своей поэме в то же время он писал: «Вовсе не гу-

берния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет “Мертвых душ”. Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех... раскрыться в последующих томах...» Разгадка этой «тайны» заключается во многом в том, что в «Мертвых душах», как и в «Ревизоре», выведены Гоголем отнюдь не русские типы, а, по словам самого писателя, «временные, преходящие лица, образовавшиеся среди брожения новой закавки» — представляющие собой результат европейского влияния. Поэтому не только в воспоминаниях о России, но и в непосредственных впечатлениях от Западной Европы, — где гл. обр. и создавались «Мертвые души», — Гоголь черпал материал для своей поэмы, объездив для этого почти все европейские земли. Представлением о преимущественно западных истоках общемировой апостасии, изображенной в «Мертвых душах», во многом и объясняется патриотический замысел «Тараса Бульбы», вторая редакция которого была написана Гоголем — «возлюбившим, — по его словам, — спасение земли своей» — одновременно с окончанием первого тома поэмы.

Весной 1840 Гоголь отправляется в Рим — предположительно на 5 мес., однако проводит здесь почти полтора года — до завершения первого тома «Мертвых душ». Тогда же он начинает работу над вторым томом поэмы, продолжение которой было связано с размышлениями писателя о духовном, «небесном братстве» русского народа, его верой в то, что всякий русский человек, подобно самоотверженным запорожцам «Тараса Бульбы», способен «вдруг» «поступить в рыцарство». Осенью 1841 Гоголь возвращается в Россию для издания первой части «Мертвых душ» (1842) и подготовки в печати собрания сочинений (1843), где впервые были напечатаны «Шинель», «Театральный разъезд», вторая редакция «Тараса Бульбы» и др.

И. Виноградов

В 1842 выпущено в свет собрание сочинений Гоголя в 4 томах. Здесь впервые были напечатаны новая расширенная редакция «Тараса Бульбы», а также «Шинель» — последняя из написанных Гоголем повестей. По сути, к 1842, когда ему исполнилось 33 года, Гоголь создал и напечатал практически все свои художественные произведения, — как писатель он сформировался почти сразу. В конце жизни Гоголь задумал новое издание своих сочинений в 5 томах. Печатание было начато осенью 1851 и прервано смертью автора.

Раннее творчество Гоголя, если взглянуть на него с духовной точки зрения, открывается с неожиданной для обыденного восприятия стороны: оно не только собрание веселых рассказов в народном духе, но и обширное религиозное поучение, в котором происходит борьба добра со злом и добро неизменно побеждает, а грешники наказываются («Ночь перед Рождеством», «Сорочинская ярмарка», «Вий»). Эта же борьба — но уже в более утонченной форме, иногда со злом невидимым, — явлена и в петербургских повестях; как прямая защита Православия предстает она в «Тарасе Бульбе». Самое известное комедийное произведение Гоголя — «Ревизор» — имеет глубокий морально-дидактический смысл, раскрытый автором в «Развязке “Ревизора”» (1846): «Что ни говори, но страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба. Будто не знаете, кто этот ревизор? Что прикидываться? Ревизор этот — наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя». Такой же глубокий подтекст имеет и главное творение Гоголя — поэма «Мертвые души». На внешнем уровне она представляет собой череду сатирических и бытовых характеров и ситуа-

ций, тогда как в окончательном виде книга должна была показать путь к возрождению души павшего человека.

Если брать нравоучительную сторону раннего творчества Гоголя, то в нем есть одна характерная черта: намерение вести людей к Богу путем исправления их недостатков и общественных пороков — т. е. путем внешним. Вторая половина жизни и творчества Гоголя озаменована направленностью к искоренению недостатков в себе самом — и т. о. он идет к более сложному, вступая на путь богословски оправданной аскетике. «Говорить и писать о высших чувствах и движениях человека нельзя по воображению, — утверждал Гоголь, — нужно заключить в себе самом хотя небольшую крупицу этого, — словом, нужно сделаться лучшим».

Отражение духовной жизни Гоголя н. 1840-х можно найти во 2-й редакции повести «Портрет» (1842). Художник, создавший портрет ростовщика, решает уйти из мира и становится монахом. Приготовив себя подвижнической жизнью отшельника, он возвращается к творчеству и создает картину, которая поражает зрителей как бы исходящим из нее светом духовности. В конце повести монах-художник наставляет сына: «Спасай чистоту души своей. Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится». Вторая редакция «Портрета» свидетельствует, что Гоголь вполне сознательно шел по избранному пути религиозного осмысления искусства. В повести он как бы наметил программу своей жизни.

В н. июня 1842, сразу после выхода из печати первого тома «Мертвых душ», Гоголь уезжает за границу — и там в его жизни начинает преобладать аскетическое настроение. Он принимается за систематическое чтение книг духовного содержания, оказывая преимущественное внимание святоотеческой литературе. Друзья и знакомые шлют ему творения святых отцов, издаваемые Московской духовной академией, сочинения свт. Тихона Задонского, свт. *Дмитрия Ростовского*, епископа Харьковского Иннокентия, номера журнала «Христианское Чтение». В «Авторской исповеди» Гоголь писал об этой эпохе своей жизни: «Я оставил на время все современное, я обратил внимание на узанье тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще. Книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека стали моим чтением. Все, где только выражалось познание людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустытника, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в Нем ключ к душе человека...»

Зимой 1843/44 в Ницце Гоголь составил обширный сборник выписок из творений святых отцов. Тогда же у него появляется потребность глубже войти в молитвенный опыт Церкви. Результатом этой духовной жажды явилась толстая тетрадь переписанных им из служебных Миней церковных песен и канонов. Эти выписки Гоголь делал не только для духовного самообразования, но и для предполагаемых писательских целей. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) он, в частности, замечал: «Еще тайна для многих этот необыкновенный лиризм — рождение верховной трезвости ума, — который исходит от наших церковных песней и канонов...» Тайна этого лиризма была открыта Гоголем и известна не понаслышке, а из личного опыта. Как явствует из содержания тетради, он внимательно прочел Миней за полгода — с сент. по февр. — и сделал выдержки на каждый день.

Судя по всему, Гоголь искал путей к тому, чтобы стать духовным писателем в собственном смысле этого слова. Духовная (церковно-православная) литература по форме имеет многие отличия от светской, хотя между ними имеются общие приемы, в т. ч. и художественные. Но духовное творчество имеет строго определенную цель, направленную к объяснению смысла жизни по христианскому вероучению. Такое творчество основывается на Священном Писании. Писатель, взявшийся решать вопросы сокровенной жизни «внутреннего человека», должен быть православным христианином; он должен иметь благословение на свои труды от архиерея или священника. Он обязан основательно знать предшествующую традицию церковной литературы, идущую от Святого Евангелия. Для церковного писателя необходима живая вера в Промысл Божий. В своем позднем творчестве Гоголь пришел именно к такому пониманию целей литературы. В Ницце он написал для своих друзей два духовно-нравственных сочинения, которые предложил им для руководства в повседневной жизни, — «Правило жития в мире» и «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии». Эту попытку духовного окормления ближних можно рассматривать как подступ к «Выбранным местам из переписки с друзьями» — в этих «правилах» содержатся многие идеи будущей книги. Здесь Гоголь открыл новый для себя жанр, близкий к традиции святоотеческой литературы.

В н. 1845 в Париже Гоголь работает над книгой «Размышления о Божественной Литургии», оставшейся незавершенной и увидевшей свет после его смерти. Цель этого духовно-просветительского труда, как ее определил сам Гоголь, — «показать, в какой полноте и внутренней глубокой связи совершается наша Литургия, юношам и людям, еще начинающим, еще мало ознакомленным с ее значением». Однако стремление к постижению сокровенного смысла Литургии возникло у Гоголя гораздо раньше. Осенью 1842 он писал матери из Гастейна: «...есть много тайн в глубине души нашей, которых еще не открыл человек и которые могут подарить ему чудные блаженства. Если вы почувствуете, что слово ваше нашло доступ к сердцу страждущего душою, тогда идите с ним прямо в церковь и выслушайте Божественную Литургию. Как прохладный лес среди палящих степей, тогда примет его молитва под сень свою».

Эта вера во всеразрешающую силу литургической молитвы вызрела у Гоголя постепенно и после нескольких лет заграничных странствий и душевных тревог вылилась в желание передать другим накопленный опыт. В работе над книгой Гоголь использовал многочисленные труды по литургии древних и современных авторов, но все они служили ему лишь в качестве пособий. «Размышления о Божественной Литургии», в которых органично сочетаются богословская и художественная (стилистическая) стороны, представляют собой оригинальное произведение и один из лучших образцов русской духовной прозы. В книге воплощен и личный опыт Гоголя. «Для всякого, кто только хочет идти вперед и становиться лучше, — писал он, — необходимо частое, сколько можно, посещение Божественной Литургии и внимательное слушанье: она нечувствительно строит и создает человека. И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышат полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная Литургия, напоминающая человеку о святой, небесной любви к брату».

Параллельно с новыми сочинениями Гоголь трудится над 2-м томом «Мертвых душ». Писание подвигалось медленно. Продолжение поэмы он не мыслит теперь без предварительного воспитания своей души. «Сочиненья мои так тесно связаны с духовным образованием меня самого и такое мне нужно до того времени внутреннее сильное воспитание душевное, глубокое воспитание, что нельзя и надеяться на скорое появление моих новых сочинений», — писал он П. А. Плетневу в окт. 1843. А в июле 1844 отвечал поэту *Н. М. Языкову* на его запрос: «Ты спрашиваешь, пишутся ли “Мертвые души”? И пишутся и не пишутся... Я иду вперед — идет и сочинение, я остановился — не идет и сочинение».

Летом 1845 разразился кризис. Как бы предчувствуя смерть, Гоголь пишет духовное завещание, впоследствии включенное в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», и сжигает рукопись второго тома. О самом сожжении мы почти не имеем др. сведений, кроме сообщенных Гоголем в последнем из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”», напечатанных в той же книге. «Не легко было сжечь пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясением, где было много того, что составляло мои лучшие помышления и занимало мою душу». В этом же письме Гоголь указал на причины сожжения: «Появление второго тома в том виде, в каком он был, произвело бы скорее вред, нежели пользу».

В несомненной связи с сожжением второго тома и написанием «Завещания» находится и попытка Гоголя в к. июня — н. июля 1845 оставить литературное поприще и уйти в монастырь. Об этом, в частности, рассказывает в своих записках М. С. Сабина, дочь веймарского православного священника С. Сабина. По ее словам, Гоголь приехал в Веймар, чтобы поговорить с ее отцом о своем желании поступить в монастырь, но тот, видя болезненное состояние Гоголя, отговаривал его и убедил не принимать окончательного решения. Отзвук поездки в Веймар можно найти в письме Гоголя «Нужно проездиться по России», вошедшем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» и адресованном гр. А. П. Толстому, чьи душевные устремления также были направлены к монашеству: «Нет выше звания, как монашеское, и да сподобит нас Бог надеть когда-нибудь простую ризу чернеца, так желанную душе моей, о которой уже и помышлять мне в радость. Но без зова Божьего этого не сделать. Чтобы приобрести право удалиться от мира, нужно уметь распротиться с миром... Нет, для вас так же, как и для меня, запорты двери желанной обители. Монастырь ваш — Россия!»

По словам В. А. Жуковского, настоящим призванием Гоголя было монашество. «Я уверен, — писал Жуковский П. А. Плетневу в марте 1852 из Бадена, получив известие о смерти Гоголя, — что если бы он не начал свои “Мертвые Души”, которых окончание лежало на его совести и все ему не давалось, то он давно бы стал монахом и был бы успокоен совершенно, вступив в ту атмосферу, в которой душа его дышала бы легко и свободно». Однако подлинный трагизм ситуации заключался в том, что монашеский склад был только одной и, вероятно, не главной стороной натуры Гоголя. Художническое начало преобладало в нем; кризис Гоголя — следствие глубочайшего разлада между духовными устремлениями и писательским даром.

Последнее десятилетие жизни Гоголя проходит под знаком все усиливающейся тяги к иночеству. Не давая монашеских обетов целомудрия, нестяжания и послушания, он воплощал их в своем образе жизни. «Нищенство

есть блаженство, которого еще не раскусил свет. Но кого Бог удостоил отвесть его сладость и кто уже возлюбил истинно свою нищенскую сумку, тот не продаст ее ни за какие сокровища здешнего мира». Гоголь не имел своего дома и жил у друзей, — сегодня у одного, завтра у другого. Свою долю имения он отказал в пользу матери и остался нищим, — помогая при этом бедным студентам из средств, полученных за издание своих сочинений. Оставшееся после смерти Гоголя личное его имущество состояло из нескольких десятков рублей серебром, книг и старых вещей — а между тем созданный им фонд «на вспоможение бедным молодым людям, занимающимся наукою и искусством», составлял более 2,5 тыс. руб.

Современники не оставили никаких свидетельств о близких отношениях Гоголя с какой-либо женщиной. О его церковном отношении к послушанию говорит тот поразительный факт, что он по совету своего духовного отца сжег главы незаконченного труда и фактически отказался от художественного творчества. О том, насколько труден этот шаг был для Гоголя, можно судить по его признанию в «Авторской исповеди»: «Мне, верно, потяжелее, чем кому-либо другому, отказаться от писательства, когда это составляло единственный предмет всех моих помышлений, когда я все прочее оставил, все лучшее приманки жизни, и, как монах, разорвал связи со всем тем, что мило человеку на земле, затем чтобы ни о чем другом не помышлять, кроме труда своего».

Устремление Гоголя к монашескому образу жизни выражено в конкретных словах составленной им молитвы, которая содержится в его записной книжке: «Милосердия, Господи. Ты милосерд. Прости все мне грешному. Сотвори, да помню, что я один и живу в Тебе, Господи; да не возложу ни на кого, кроме на одного Тебя, надежду, да удалюсь из мира в святой угол уединения». Попытка Гоголя оставить мир летом 1845, по всей видимости, не предполагала окончательного отказа от творчества, но как бы подразумевала возвращение к нему в новом качестве. Путь к большому искусству, полагал Гоголь, лежит через личный подвиг художника. Нужно на время умереть для мира, чтобы пересоздаться внутренне, а затем вернуться в мир, т. е. к творчеству.

Напряженная внутренняя жизнь этих лет отразилась и на внешнем облике Гоголя. П. В. Анненков, встретивший его в 1846 в Париже, вспоминал: «Гоголь постарел, но приобрел особенного рода красоту, которую нельзя иначе определить, как назвав красотой мыслящего человека. Лицо его побледнело, осунулось; глубокая, томительная работа мысли положила на нем ясную печать истощения и усталости, но общее выражение его показалось мне как-то светлее и спокойнее прежнего. Это было лицо философа».

Итогом кризиса 1845 стали «Выбранные места из переписки с друзьями», вышедшие из печати в самом начале 1847. Книга была написана быстро — как бы на одном дыхании. «Вдруг остановились самые тяжкие недуги, вдруг отклонились все помешательства в работе, и продолжалось все это до тех пор, пока не кончилась последняя строка труда» (из письма Гоголя к П. А. Плетневу от окт. 1846). В книге Гоголь во всеуслышание высказал свои воззрения на веру, Церковь, царскую власть, Россию, слово писателя, поэзию. Собственно говоря, для тех, кто знал Гоголя и кому адресованы письма, взгляды эти были не новы. Новыми они оказались для читающей публики и критиков. Кн. П. А. Вяземский не без остроумия писал в этой связи: «...наши критики смотрят на Гоголя, как смотрел бы барин на крепостного человека, который в доме его занимал место сказочника и потешника и вдруг сбежал из дома и постригся в монахи».

Новая книга Гоголя вызвала переполох в обществе. Ее решительно осудили А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, писатель *И. С. Тургенев*, критики *В. П. Боткин* и *П. В. Анненков*. Апофеозом неприятия книги стало известное письмо Белинского к Гоголю из Зальцбрунна от 15 июля (н. ст.) 1847. Он считал, что Гоголь изменил своему дарованию и убеждениям. Бросил ему обвинения в лицемерии и даже корысти, утверждая, что «гимны властям предрежащим хорошо устраивают набожного автора» и что книга написана с целью попасть в наставники к сыну наследника престола; в языке книги он видел падение таланта и недвусмысленно намекал на умопомрачение Гоголя. Но главный пункт, на который нападал Белинский и который является центральным в книге, был вопрос о религиозном будущем народа. «По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: лож!.. — писал критик. — Приглядитесь пристальнее и вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности... Мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем».

Гоголь был потрясен несправедливостью упреков. Сначала он написал большое письмо, в котором ответил Белинскому по всем пунктам. «Что мне сказать вам на резкое замечание, будто русский мужик не склонен к религии, — писал, в частности, Гоголь, — и что, говоря о Боге, он чешет у себя другой рукой пониже спины, замечание, которое вы с такою самоуверенностью произносите, как будто век обращались с русским мужиком? Что тут говорить, когда так красноречиво говорят тысячи церквей и монастырей, покрывающих Русскую землю. Они строятся не дарами богатых, но бедными лептами немущих, тем самым народом, о котором вы говорите, что он с неуваженьем отзывается о Боге... Нет, Виссарион Григорьевич, нельзя судить о русском народе тому, кто прожил век в Петербурге, в занятиях легкими журнальными статейками...» Этого письма Гоголь, однако, не отправил. Он написал другое, короткое и сдержанное, заключив его пожеланием критике душевного спокойствия, «без которого нельзя действовать и поступать разумно ни на каком поприще».

Среди немногих безоговорочно принявших книгу был П. А. Плетнев, который назвал ее в письме к Гоголю «началом собственно русской литературы», но оговорил, что она «совершит влияние свое только над избранными». Вряд ли это устраивало Гоголя, ведь он собирался наставить на путь истинный *всю Россию*. Сдержанно отнеслось к «Выбранным местам...» и духовенство, традиционно не вмешивавшееся в дела светской литературы. С. Т. Аксаков в письме к сыну Ивану от янв. 1847 передал мнение свт. Филарета, митрополита Московского, который сказал, что «хотя Гоголь во многом заблуждается, но надобно радоваться его христианскому направлению».

Архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий, которому Гоголь послал книгу, свое отношение к ней высказал в письме к М. П. Погодину: «...скажите, что я благодарен за дружескую память, помню и уважаю его, а люблю по-прежнему, радуясь перемене с ним, только прошу его не парадировать набожностью: она любит внутреннюю клетвь. Впрочем, это не то чтоб он молчал. Голос его нужен, для молодежи особенно, но если он будет неумерен, то поднимут на смех, и пользы не будет». Гоголь отвечал преосвященному Иннокентию (в июле 1847), что не хотел «парадировать набожностью», т. е. выставлять ее напоказ: «Я хотел чистосер-

дечно показать некоторые опыты над собой, именно те, где помогла мне религия в исследовании души человека, но вышло все это так неловко, так странно, что я не удивляюсь этому вихрю недоразумения, какой подняла моя книга».

Отрицательное мнение о «Выбранных местах...» имел ржевский протоиерей Матфей Константиновский. Отзыв его не сохранился, но мы можем судить о нем по ответу Гоголя, который писал ему в мае 1847 из Неаполя: «Не могу скрыть от вас, что меня очень испугали слова ваши, что книга моя должна произвести вредное действие и я дам за нее ответ Богу». По-видимому, о. Матфей упрекал Гоголя в непрошеном учительстве, а также в увлечении светскими темами (в частности, он нападал на статью «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», как уводящую общество от Церкви). Гоголь пытался защищаться тем, что «закон Христов можно внести с собой повсюду... Его можно исполнять также и в звании писателя» (из письма от сент. 1847). И далее — в этом же письме — знаменательная фраза, возможно, отзвук веймарских событий: «Если бы я знал, что на каком-нибудь другом поприще могу действовать лучше во спасенье души моей и во исполнение всего того, что должно мне исполнить, чем на этом, я бы перешел на то поприще. Если бы я узнал, что я могу в монастыре уйти от мира, я бы пошел в монастырь. Но и в монастыре тот же мир окружает нас...».

Книгу свою Гоголь адресовал в первую очередь людям неверующим, тем, кто не ходит в церковь. «Мне кажется, — писал он о. Матфею, — что если кто-нибудь только помыслит о том, чтобы сделаться лучшим, то он уже непременно потом встретится со Христом, увидевши ясно, как день, что без Христа нельзя сделаться лучшим, и, бросивши мою книгу, возьмет в руки Евангелие». Можно сказать, что эта мысль Гоголя и есть тот итог, к которому он пришел в результате своих размышлений о писательстве. Но этот итог не запрещал ему художественного творчества, а лишь подвигал к решительному его обновлению в свете евангельского слова.

В своей книге Гоголь сказал, чем должно быть, по его мнению, искусство. Назначение его — служить «незримой ступенью к христианству». По Гоголю, литература должна выполнять ту же задачу, что и сочинения духовных писателей, — просвещать душу, вести ее к совершенству. В этом для него — единственное оправдание искусства. Осознание ответственности художника за слово и за все им написанное пришло к Гоголю очень рано. Еще в «Портрете» редакции 1835 старый монах делится с сыном своим религиозным опытом: «Дивись, сын мой, ужасному могуществу беса. Он во все силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самое вдохновение художника». В «Выбранных местах...» Гоголь со всей определенностью ставит вопрос о назначении художника-христианина и о той плате, которую он отдает за вверенный ему дар Божий — слово. «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку... Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще — слово...»

Талант Гоголя не померк в его публицистике, но проявился непредсказуемо для него самого и для читающей публики. Вокруг Гоголя сложилась атмосфера трагического непонимания. Он сделал вывод из резких критик (может быть, и неверный): «Не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье». Он возвращается к «Мертвым душам» с убеждением: «Здесь мое поприще» — и рабо-

тает над ними вплоть до своей смерти. Но поиски нового литературного пути и тяга к иноческой жизни остаются.

После Веймара Гоголь еще по меньшей мере дважды пытался если не уйти в монахи, то хотя бы приблизиться к монастырю — в конце жизни он собрался на Святой Афон и несколько раз ездил в *Оптину Пустынь*. Одним из наиболее содержательных моментов его духовной жизни стало паломничество в Иерусалим. Истоки этой поездки уходят в детство Гоголя. В своем доме он, несомненно, слышал многочисленные рассказы странников о Святой Земле и читал книжки об Иерусалиме, выпускавшиеся для народа. Это отразилось потом в его ранних произведениях. «Читали ли вы, — спросил Иван Иванович после некоторого молчания, — книгу “Путешествие Коробейникова ко Святым Местам”? Истинное улаждение души и сердца! Теперь таких книг не печатают... Истинно удивительно, государь мой, как подумать, что простой мешанин прошел все места эти... Подлинно, его Сам Господь сподобил побывать в Палестине и Иерусалиме» («Иван Федорович Шпонька и его тетушка», 1832).

В н. 1842 Гоголь получил благословение на путешествие в Иерусалим от преосвящ. Иннокентия, в ту пору епископа Харьковского. С. Т. Аксаков так рассказывает об этом: «Вдруг входит Гоголь с образом Спасителя в руках и сияющим, просветленным лицом. Такого выражения в глазах у него я никогда не видывал. Гоголь сказал: “Я все ждал, что кто-нибудь благословит меня образом, и никто не сделал этого; наконец, Иннокентий благословил меня. Теперь я могу объявить, куда я еду: ко Гробу Господню”. Гоголя провожал преосвящ. Иннокентий, и тот на прощание благословил его образом. Когда жена Аксакова, Ольга Семеновна, сказала, что ожидает теперь от него описания Палестины, Гоголь ответил: «Да, я опишу вам ее, но для того мне надобно очиститься и быть достойну».

О своем намерении отправиться в Святую Землю Гоголь публично объявил в предисловии к «Выбранным местам...», прося при этом прощения у своих соотечественников, испрашивая молитв у всех в России — «начиная от святителей» и кончая теми, «которые не веруют вовсе в молитву», и, в свою очередь, обещая молиться о всех у Гроба Господня.

В 1847 в Иерусалиме в связи с возрастающим потоком паломников из России была основана Русская Духовная миссия. Начальником ее был назначен архим. Порфирий (Успенский), впоследствии епископ Чигиринский, крупнейший знаток культуры христианского Востока. В составе миссии находились также свт. Феофан, в то время иеромонах, будущий епископ Тамбовский, Владимирский и Суздальский, знаменитый затворник Вышенский, и только что окончившие Петербургскую духовную семинарию два студента. Один из них, священник Петр Соловьев, оставил воспоминания о встрече с Гоголем в янв. 1848 на пароходе «Истамбул», следовавшем к берегам Сирии — в Бейрут, откуда миссия должна была отправиться в Иерусалим. Архим. Порфирий отрекомендовал Гоголю о. Петра как художника. Гоголь показал тому маленький образ Николая Чудотворца и спросил его мнения о работе. «По всему видно было, что он высоко ценил в художественном отношении свою икону и дорожил ею, как святынею», — вспоминал о. Петр.

Из Бейрута Гоголь в сопровождении своего школьного приятеля К. М. Базилы, русского генерального консула в Сирии и Палестине, «через Сидон и древний Тир и Акру» отправился в Иерусалим. Впоследствии в письме к В. А. Жуковскому от 28 февр. 1850 он живыми и поэтическими

красками описал это путешествие: «Видел я как во сне эту землю. Подымаясь с ночлега до восхождения солнца, сядились мы на мулов и лошадей в сопровождении и пеших и конных провожатых; гусем шел длинный поезд через малую пустыню по мокрому берегу или дну моря, так что с одной стороны море обмывало плоскими волнами лошадиные копыта, а с другой стороны тянулись пески или беловатые плиты начинавшихся возвышений, изредка поросшие приземистым кустарником; в полдень колодезь, выложенное плитами водохранилище, осененное двумя-тремя оливами или сикоморами. Здесь привал на полчаса и снова в путь, пока не покажется на вечернем горизонте, уже не синем, но медном от заходящего солнца, пять-шесть пальм и вместе с ними прорезающийся сквозь радужную мглу городок, картинный издалека и бедный вблизи, какой-нибудь Сидон или Тир. И этакий путь до самого Иерусалима».

В сер. февр. 1848 путешественники прибыли в Иерусалим. В записной книжке Гоголя появляется запись: «Николай Гоголь — в Св. Граде». И вот Гоголь проходит по местам земной жизни Спасителя, говееет и приобщается Святых Таин у Гроба Господня, а также молится за всю Россию — подобно своему далекому предшественнику, игумenu *Даниилу*, первому русскому паломнику, который в н. XII в. принес к Святому Гробу лампаду «от всей земли Русской».

Гоголевское описание Литургии у Гроба Господня исполнено высокого воодушевления и теплого чувства: «Я стоял в нем (алтаре. — В. В.) один; передо мною только священник, совершавший Литургию. Диакон, призывавший народ к молению, уже был позади меня, за стенами Гроба. Его голос уже мне слышался в отдалении. Голос же народа и хора, ему ответствовавшего, был еще отдаленнее. Соединенное пение русских поклонников, возглашавших “Господи, помилуй” и прочие гимны церковные, едва доходило до ушей, как бы исходившее из какой-нибудь другой области. Все это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моленья и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моленья не в силах бы угнаться за нею. Я не успел почти опомниться, как очутился перед Чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщенья меня, недостойного...» (из письма к В. А. Жуковскому из Бейрута от 6 апр. 1848).

Эта ночь, проведенная у Гроба Господня, навсегда осталась в памяти Гоголя. Между тем из его писем можно вывести заключение, что паломничество не дало тех плодов, на которые он рассчитывал. «Скажу вам, что еще никогда не был я так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима, — писал Гоголь в апр. 1848 о. Матфею из Одессы. — Только разве что больше увидел черствость свою и свое себялюбье — вот весь результат». Однако эти смиренные слова приобретают несколько иной смысл, если мы вдумаемся в то, что предшествует им и что следует после них. «Часто я думаю: за что Бог так милует меня и так много дает мне вдруг, — говорит Гоголь в начале письма, — и могу только объяснить себе это тем, что мое положение действительно всех опаснее, и мне трудней спастись, чем кому другому... Дух-обольститель так близок от меня и так часто меня обманывал, заставляя меня думать, что я уже владею тем, к чему только еще стремлюсь и что покуда пребывает только в голове, а не в сердце».

И далее, сказав, что никогда еще он не был так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после

Иерусалима, Гоголь прибавляет: «Была одна минута... но как сметь предаваться какой бы то ни было минуте, испытавши уже на деле, как близко от нас искушение! Страхуясь всего, видя ежeminутно, как хожу опасно. Блестит вдали какой-то луч спасенья: святое слово *любовь*. Мне кажется, как будто теперь становятся мне милее образы людей, чем когда-либо прежде, как будто я гораздо больше способен теперь любить, чем когда-либо прежде. Но Бог знает, может быть, и это так только кажется; может быть, и здесь играет роль искушение...»

Подлинный результат поездки Гоголя в Святую Землю — приобретение настоящего духовного смирения и братской любви к людям. В этом смысле следует понимать и слова Гоголя из письма к Жуковскому от к. февр. 1850: «Мое путешествие в Палестину точно было совершенно мною затем, чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика *черствость* моего сердца. Друг, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у Гроба Спасителя, я удостоился приобщиться от Святых Таин, стоявших на самом Гробе вместо алтаря, и при всем том я не стал лучшим, тогда как все земное должно было бы во мне сгореть и остаться одно небесное».

Паломничество Гоголя благотворно отразилось на его характере. Так, княжна В. Н. Репнина-Волконская в своих воспоминаниях следующим образом описывает приезд Гоголя в их имение Яготино в 1848: «Лицо его носило отпечаток перемены, которая воспоследовала в душе его. Прежде ему были ясны люди; но *он* был закрыт для них, и одна ирония показывалась наружу. Она колола их острым его носом, жгла его выразительными глазами; его боялись. Теперь он сделался ясным для других; он добр, он мягок, он братски сочувствует людям, он так доступен, он снисходителен, он дышит христианством. Потом в Одессе я дала ему прочесть эти строки; он сказал мне: “Вы меня поняли, но слишком высоко поставили в своем мнении”. Перемену в Гоголе заметили и другие. *Ф. В. Чижов* писал 1 июня 1848 художнику А. А. Иванову из Киева: «Четвертого дня приехал сюда Гоголь, возвращаясь из Иерусалима, он, кажется, очень и очень успел над собою, и внутренние успехи выражаются в его внешнем спокойствии».

Как память о путешествии Гоголя к Святым Местам в Васильевке хранились кипарисовый посох, подаренный им сестре Ольге Васильевне, с которым она не расставалась всю жизнь; сердоликовые крестики, перламутровые иконки-ящички с изображением Благовещения, цветы из Палестины, освященное иерусалимское мыло, которым омывают Гроб Спасителя в ночь перед Пасхой, и др. реликвии. *Г. П. Данилевский*, автор популярных исторических романов, лично знавший Гоголя и совершивший в мае 1852 поездку на родину писателя, рассказывает в своих воспоминаниях, что местные крестьяне не хотели верить, что Гоголь умер, и среди них родилось сказание о том, что похоронен в гробе кто-то другой, а барин их будто бы уехал в Иерусалим и там молится за них.

Не раз еще собирался Гоголь в Святую Землю. Однажды, в 1850, Н. Н. Сорен, урожд. Смирнова, дочь Александры Осиповны, тогда еще маленькая девочка, спросила его: «А меня возьмете в Иерусалим?» Гоголь ответил задумчиво: «Я не скоро поеду; мне нужно прежде кончить дело». В Иерусалим Гоголю съездить больше не удалось — как не пришлось ему побывать и на Святой горе Афон, куда он также стремился. Вместо этого Гоголь оказался в Оптиной Пустыни.

Козельская Введенская Оптина Пустынь стала к сер. XIX в. одним из центров духовной жизни России — благо-

даря старчеству, процветавшему в ее Иоанно-Предтеченском скиту. Слух о благодатных Оптинских старцах начал привлекать в монастырь всю верующую Россию — от простого крестьянина до государственного деятеля, искавших духовного утешения и наставления, а также ответа на жизненно важные вопросы. Приезжали туда и русские писатели-мыслители — *Ф. М. Достоевский*, *Л. Н. Толстой*, *К. Н. Леонтьев*. Первым в этом ряду был Гоголь, который трижды посетил святую обитель: в июне 1850 и в июне и сент. 1851.

По всей вероятности, в Оптину Гоголя направил *И. В. Киреевский*. Духовный сын прп. Макария, он как никто другой понимал значение старчества. «Существеннее всяких книг и всякого мышления, — писал он *А. И. Кошелеву*, — найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты мог бы сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение святых отцов. Такие старцы, благодаря Бога, еще есть в России...» Возможно, нечто подобное Киреевский высказывал и Гоголю. Во всяком случае, в июне 1850 Гоголь вместе с *М. А. Максимовичем*, проездом на юг, в Малороссию, заезжает в Оптину.

13 июня друзья выехали из Москвы на долги. Первую ночь они провели в Подольске, где встретили *А. С. Хомякова* с супругой и провели вечер в дружеской беседе с ними. 15 июня Гоголь и его спутник ночевали в Малом Ярославце, утром отстояли молебен в тамошнем Николаевском монастыре, настоятель которого о. Антоний напоил их чаем и благословил каждого финифтяным образком Николая Чудотворца. 16 июня Гоголь и Максимович провели в Калуге, а днем обедали у *А. О. Смирновой*, супруги калужского губернатора, давней приятельницы Гоголя. Здесь в присутствии известного поэта гр. *А. К. Толстого* Гоголь говорил о своем намерении «проездиться по России». Первый биограф Гоголя *П. А. Кулиш* рассказывает со слов Максимовича: «Между прочим, путешествие на долги было для него (Гоголя. — *В. В.*) уже как бы началом плана, который он предполагал осуществить впоследствии. Ему хотелось совершить путешествие по всей России, от монастыря к монастырю, езда по проселочным дорогам и останавливаясь отдыхать у помещиков. Это ему было нужно, во-первых, для того, чтобы видеть живописнейшие места в государстве, которые большею частью были избираемы старинными русскими людьми для основания монастырей; во-вторых, для того, чтобы изучить проселки Русского царства и жизнь крестьян и помещиков во всем ее разнообразии; в-третьих, наконец, для того, чтобы написать географическое сочинение о России самым увлекательным образом. Он хотел написать его так, “чтоб была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился”».

Из Калуги Гоголь и его спутник отправились в Оптину Пустынь. Последние две версты до монастыря они прошли пешком, как и полагается паломникам. По дороге встретили девочку с мисочкой земляники и хотели купить у нее ягоды. Но та, видя, что они люди дорожные, не захотела взять с них денег и отдала землянику даром со словами: «Как можно брать со странных людей». «Пустынь эта распространяет благочестие в народе, — сказал Гоголь, умиленный этим явлением. — И я не раз замечал подобное влияние таких обителей».

В Оптиной Гоголь, по воспоминаниям иноков, присутствовал на всеобщем бдении, во время которого «молился весьма усердно и с сердечным умилением», затем посетил старцев. Было это, по всей видимости, 17 июня (этот день в 1850 приходился на субботу, когда совершается под

воскресенье всенощное бдение). 19 июня путешественники уехали в имение И. В. Киреевского Долбино, находившееся в 40 верстах от монастыря. Здесь Гоголь на следующий день написал письмо оптинскому иеромонаху Филарету: «Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо...»

Именно в первый свой приезд Гоголь познакомился со столпами оптинского монашества — старцем Макарием и игум. Моисеем. В монастыре сохранилось предание, что прп. Макарий, обладавший даром прозрения, предчувствовал приход Гоголя. Старец Варсонофий рассказывал своим духовным детям в н. XX в.: «Говорят, он был в то время в своей келлии (кто знает, не в этой ли самой, так как пришел Гоголь прямо сюда) и, быстро ходя взад и вперед, говорил бывшему с ним иноку: “Волнуется у меня что-то сердце. Точно что необыкновенное должно совершиться, точно ждет оно кого-то”. В это время докладывают, что пришел Николай Васильевич Гоголь».

Гоголь был едва ли не единственным русским светским писателем, творческую мысль которого могли питать святоотеческие творения. В один из приездов в Оптину (возможно, и в первый) он прочитал рукописную книгу — на церковнославянском языке — прп. Исаака Сирина (с которой в 1854 старцем Макарием было подготовлено печатное издание), ставшую для него откровением. В монастырской библиотеке хранился экземпляр «Мертвых душ», принадлежавший гр. А. П. Толстому, а после его смерти переданный о. Клименту (Зедергольму), с пометами Гоголя, сделанными по прочтении этой книги. На полях 11-й главы, против того места, где речь идет о «прирожденных страстях», он набросал карандашом: «Это я писал в “преlestи” (обольщении. — В. В.), это вздор — природженные страсти — зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении природженных страстей — теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о “гнилых словах”, здесь написанных. Мне чуялось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении природженных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых душ”. Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души, встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, — не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души».

Посещение Оптиной произвело на Гоголя глубокое впечатление. Спустя три недели он писал гр. А. П. Толстому из Васильевки: «Я заезжал на дороге в Оптинскую Пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует... Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное. Я не расспрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами все».

В первый приезд Гоголя в Оптину произошло его знакомство с человеком удивительной судьбы, П. А. Григоровым (в монашестве Порфирием). В миру он был гвардейским офицером и служил в конной артиллерии. Из прошлой

его жизни известен забавный эпизод. Однажды к нему на батарею приехал незнакомый молодой человек; когда в нем был узнан Пушкин, пылкий артиллерист, поклонник великого поэта, немедленно произвел пушечный салют в его честь, за что и был посажен на гауптвахту. Иноческую жизнь Григоров начал келейником у знаменитого Задонского затворника Георгия, духовную близость к которому он сохранил и перейдя в Оптину Пустынь. Им были изданы «Письма в Бозе почивающего затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия» с кратким жизнеописанием, составленным по запискам его келейников.

По приезду Гоголя игум. Моисей поручил послушнику Петру показать гостю все примечательные места в обители. Несмотря на краткость знакомства и беседы, Гоголь очень полюбил Григорова и впоследствии говорил о нем: «Он славный человек и настоящий христианин; душа его такая детская, светлая, прозрачная! Он вовсе не пасмурный монах, бегающий от людей, не любящий беседы. Нет, он, напротив того, любит всех людей как братьев; он всегда весел, всегда снисходителен. Это высшая степень совершенства, до которой только может дойти истинный христианин».

Гоголь рассказывал Григорову много любопытного, в частности — о чуде у мощей свт. Спиридона Тримифунтского. В Оптиной сохранилось следующее предание, пересказанное прп. Амвросием: «С IV века и донныне Греческая Церковь хвалится целокупными мощами угодника Божия святого Спиридона Тримифунтского, которые не только нетленны, но в продолжение пятнадцати веков сохранили мягкость. Николай Васильевич Гоголь, бывши в Оптиной Пустыни, передавал издателю жития и писем затворника Задонского Георгия (отцу Порфирию Григорову), что он сам видел мощи святого Спиридона и был свидетелем чуда от оных. При нем мощи обносились около города, как это ежегодно совершается 12 дек. с большим торжеством. Все ежегодно тут прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы прорезана и тело набальзамировано, потом, однако, решился подойти, и мощи сами обратились к нему спиной. Англичанин в ужасе пал на землю пред святыней. Этому были свидетелями многие зрители, в том числе и Гоголь, на которого сильно действовал этот случай».

По отъезде из Оптиной, уже из Васильевки, Гоголь написал Григорову письмо, прося показать обитель и своему племяннику Н. Трушковскому, едущему поступать в Казанский университет. О посещении монастыря Гоголь вспоминал с сердечной теплотой: «Ваша близкая к небесам пустыня и радушный прием ваш оставили в душе моей самое благодатное воспоминанье». В заключение Гоголь просит молитв, «в особенности отца игумена», и передает деньги на молебен (10 руб. серебром) о благополучном путешествии к святым местам и о благополучном окончании сочинения своего — «Мертвых душ» — «на истинную пользу другим и на спасенье собственной души».

Н. Трушковский приехал в Оптину в очень неподходящий момент; Петр Григоров только что был пострижен в монахи с именем Порфирий и неизбежно находился пять дней в храме. Но он поручил др. человеку показать юноше монастырь и дал ему рекомендательные письма к влиятельным лицам в Казани.

Переписка Гоголя с о. Порфирием продолжалась зимой 1850/51. Очевидно, еще летом у них шел разговор о книге затворника Задонского Георгия. Его письма Гоголь читал и раньше: выдержки из них есть в составленном им сборни-

ке выписок из творений святых отцов и учителей Церкви. Тогда Гоголь пользовался изданием 1839. Теперь о. Порфирий посылает ему последнее издание — 1850, дополненное новыми письмами и «Кратким известием о жизни затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия». Отвечая на не дошедшее до нас письмо Гоголя из Одессы (от дек. 1850), о. Порфирий писал ему из Оптиной Пустыни в янв. следующего 1851 (последнего года в своей жизни): «Препровождаю к вам обещанные мною книги затворника Задонского Георгия... Вы увидите, что и он был поэт и душа его стремилась к небу... Я надеюсь, что и поэзы его прочтете с удовольствием».

Гоголь отвечал о. Порфирию из Одессы 6 марта 1851: «Много благодарю вас и за письмо и за книгу Затворника. Как она пришлась мне кстати в наступивший Великий пост!.. Как мне не ценить братских молитв обо мне, когда без них я бы давно, может быть, погиб. Путь мой очень скользок, и только тогда я могу им пройти, когда будут со всех сторон поддерживать меня молитвами». В приписке Гоголь передавал душевный поклон настоятелю, отцу Филарету и всей братии.

Этого письма о. Порфирий, по всей видимости, получить не успел: он мирно почил о Господе 15 марта 1851 47 лет от роду, приобщившись за несколько минут до кончины Святых Таин. Свою смерть инок предсказал за неделю. Во время своей предсмертной болезни он имел извещение о близкой кончине, и ему трижды являлся во сне преставившийся за 6 лет перед тем послушник Николай (которому при жизни о. Порфирий оказывал особое благорасположение) и говорил ему, чтобы он готовился к исходу из сей жизни. А накануне его кончины 90-летний старец о. Иларион Троекуровский, живший в Лебедянском у. за 300 верст от Оптиной и не знавший ничего о болезни о. Порфирия, прислал ему рубашку (в которой он и преставился), пузырек масла и кусок ржаного хлеба, выразив, однако, сомнение, что посланное застанет инока в живых.

Во второй раз Гоголь был в Оптиной Пустыни проездом с юга в Москву в июне 1851. Об этом посещении известно из записи в дневнике оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова) от 2 июня 1851: «Пополудни прибыл проездом из Одессы в Петербург (на самом деле в Москву. — В. В.) известный писатель Николай Васильевич Гоголь. С особенным чувством благоговения отслушал вечерню, панихиду на могиле своего духовного друга, монаха Порфирия Григорова, потом всенощное бдение в соборе. Утром в воскресенье 3-го числа он отстоял в скиту Литургию и во время поздней обедни отправился в Калугу, поспешая по какому-то делу. Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образец благочестия».

В этот приезд Гоголь узнал об обстоятельствах смерти о. Порфирия и беседовал со старцами. По возвращении он пишет письма игум. Моисею и старцу Макарию, в которых благодарит за гостеприимство, просит молитв и посылает деньги на обитель (25 руб. серебром). Старцы, в свою очередь, благодарят Гоголя, а прп. Макарий, кроме того, благословляет его на написание книги по географии России для юношества. Замысел этого труда возник у Гоголя давно и именно с ним связаны предполагаемые поездки по монастырям. В набросках официального письма (июль 1850) высокому лицу, испрашивая материальной помощи на три года, он излагает свои соображения по этому поводу: «Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он

отдается во власть губернеров-иностранцев... Книга эта составляла давно предмет моих размышлений. Она зреет вместе с нынешним моим трудом и, может быть, в одно время с ним будет готова».

Старец Макарий преподал искомое благословение, но предупредил сочинителя, чтобы тот ждал препятствий в благом деле: «Как пишут святые отцы, что всякому святому делу или предыдет, или последует искушение, то и вам предложится в сем деле искуса, требующий понуждения». Гоголь не успел осуществить этого замысла.

Третий и последний раз Гоголь посетил святую обитель в сент. 1851. 22 сент. он выехал из Москвы в Васильевку на свадьбу сестры Елизаветы, намереваясь оттуда проехать в Крым и остаться там на зиму. Однако, доехав до Калуги, он отправился в Оптину, а потом неожиданно для всех вернулся в Москву. Поездка породила разнообразные толки среди знакомых Гоголя. Достоверно известно следующее. 24 сент. Гоголь был у старца Макария в скиту и на др. день обменялся с ним записками, из которых видно, что Гоголь пребывал в нерешительности — ехать или не ехать ему на родину. Он обратился к старцу за советом. Тот, видя подспудное желание Гоголя возвратиться в Москву, и посоветовал ему это. Но Гоголь продолжал сомневаться. Тогда о. Макарий предложил все-таки поехать в Васильевку. Очевидно, мысль о дальнем путешествии испугала Гоголя, и старец, в полном недоумении, оставил решение за ним самим, благословив его образком прп. Сергия Радонежского, память которого совершалась в тот день.

Вероятно, во время последней встречи Гоголя со старцем Макарием между ними состоялся какой-то разговор, содержание которого нам неизвестно. Возможно, Гоголь имел намерение остаться в монастыре. Оптинский старец Варсонофий рассказывал в беседе со своими духовными чадами, что незадолго до смерти Гоголь говорил своему близкому другу: «Ах, как я много потерял, как ужасно много потерял...» — «Чего? Отчего потеряли вы?» — «Оттого, что не поступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит?». Это предание отчасти подтверждается свидетельством сестры Гоголя Анны Васильевны, которая сообщала В. И. Шенроку, биографу писателя, что брат ее «мечтал поселиться в Оптиной Пустыни».

По возвращении в Москву Гоголь на Покров (1 окт.) едет в Троице-Сергиеву лавру, чтобы помолиться в день именин своей матери. Там он вместе с архим. Феодором (Бухаревым), с которым познакомился еще в 1848, посетил студентов Московской духовной академии. «Студенты приняли его с восторгом, — вспоминал о. Феодор. — И когда при этом высказано было Гоголю, что особенно живое сочувствие возбуждает он к себе тою благородною открытостью, с которой он держится в своем деле Христа и Его истины, то покойный заметил на это просто: “Что ж? Мы все работаем у одного Хозяина”. Несмотря на краткость сказанных Гоголем слов, он все же выразил пред будущими пастырями очень важную мысль о том, что чувствует свою общность с ними в служении Христу».

На обратном пути из Троице-Сергиевой лавры Гоголь в коляске, присланной из Абрамцева, заехал в Хотьков Покровский женский монастырь за О. С. Аксаковой и сам заходил за ней к игум. Магдалине. Отсюда Гоголь приехал в Абрамцево, отстоявшее в 3 верстах от монастыря. «За обедом Гоголь поразвеселился, — вспоминал С. Т. Аксаков, — а вечером был очень весел. Пелись малороссийские песни, и Гоголь сам пел очень забавно. Это было его последнее посещение Абрамцева и последнее свидание со мною».

3 окт. Гоголь возвратился в Москву. Вечером того же дня он пишет письмо родным в Васильевку: «Не удалось мне с вами повидаться, добрейшая моя матушка и мои милые сестры, нынешней осенью. Видно, уж так следует и угодно Богу, чтобы эту зиму я остался в Москве... Бог, иде же хочет, побеждает естества чин. А потому верю, что если вы будете обо мне усердно молиться, то и здесь соберутся во мне силы и я буду здоров и годен для труда и работы». В приписке Гоголь сообщал: «В день ваших именин, матушка, молился я у мошей св. Сергия о вас и о всех нас». А сестру Ольгу, которая лечила крестьян, извещал в записке, что посылает ей 10 рублей серебром на бедных и лекарства. Больше Гоголь Москвы не покидал.

Предсмертная болезнь, сожжение рукописей и кончина Гоголя заключают в себе много таинственного. События эти для многих современников явились полной неожиданностью. Гоголь жил в доме гр. А. П. Толстого на Никитском бульв. Он занимал переднюю часть нижнего этажа: две комнаты окнами на улицу (покои графа располагались наверху).

В н. 1852 Гоголь готовит к печати собрание своих сочинений. Никто в это время не замечал в нем никакой болезненности. За девять дней до масленицы, т. е. 25 янв., Гоголя посетил *О. М. Бодянский*. Он застал его за столом, на котором были разложены бумаги и корректурные листы. Гоголь пригласил Бодянского на воскресенье (27 янв.) к *О. Ф. Кошелевой* (жившей неподалеку, на Поварской) слушать малороссийские песни. Однако встреча не состоялась.

26 янв. умерла после непродолжительной болезни *Е. М. Хомякова*, 35 лет от роду, человек Гоголю близкий и дорогой. Она была сестрой одного из ближайших друзей Гоголя, *Н. М. Языкова*. Смерть эта так тяжело отозвалась в душе Гоголя, что он не нашел в себе сил пойти на похороны. После первой панихиды он сказал Хомякову: «Все для меня кончено». С этих пор мысль о смерти овладевает Гоголем. Он почти ежедневно бывает в церкви.

30 янв. Гоголь в своем приходе заказывает панихиду по *Екатерине Михайловне*. Дом гр. Толстого относился к приходу церкви Преподобного Симеона Столпника, что на Поварской. После панихиды он заходит к сестрам Аксаковым, жившим в ту зиму на Арбате, в Николо-Песковском пер., говорит, что ему стало легче. «Но страшна минута смерти», — добавляет он. «Почему же страшна? — возразил кто-то из Аксаковых. — Только бы быть уверены в милости Божией к страждущему человеку, и тогда отраднo думать о смерти». — «Ну, об этом надобно спросить тех, кто перешел через эту минуту», — ответил он.

1 февр., в пятницу Гоголь — на обедне в своей приходской церкви (Родительская суббота мясопустной недели в том году приходилась на 2 февр. — праздник Сретения Господня, поэтому поминовение усопших было перенесено на пятницу). После обедни он снова заходит к Аксаковым, хвалит свой приход и священника (о. Алексия Соколова, впоследствии протопресвитера Храма Христа Спасителя). «Видно было, что он находился под впечатлением этой службы, — вспоминала *В. С. Аксакова*, — мысли его были все обращены к тому миру».

На следующий день, 2 февр., в праздник Сретения, Гоголь, как можно предположить, был в храме у обедни, а накануне — на всенощной. Днем он пишет письма разным лицам (в т. ч. матери и *В. А. Жуковскому*), в которых просит молитв. В письме к Жуковскому Гоголь в последний раз говорит о своем главном труде — «Мертвых душах»: «О себе что сказать? Сижу по-прежнему над тем же, занимаюсь тем же. Помолись обо мне, чтобы работа моя была

истинно добросовестна и чтобы я хоть сколько-нибудь был удостоен пропеть гимн красоте небесной».

3 февр., в воскресенье, Гоголь опять на обедне в своем приходе, оттуда пешком идет к Аксаковым, снова хвалит священника и всю службу, жалуется на усталость. «В его лице, — отмечала *Вера Сергеевна*, — точно было видно утомление, хотя и светлое, почти веселое выражение». Он еще занимается чтением корректур, но в начале масленицы в нем замечают нечто тревожное.

В понедельник, 4 февр. Гоголь сказал *С. П. Шевыреву*, что «некогда ему теперь заниматься корректурами». На вопрос о здоровье отвечал, что «дурно себя чувствовал и кстати решился попоститься и поговеть» (11 февр. начинался Великий пост). На следующий день Гоголь едет к своему духовнику о. Иоанну Никольскому в приходскую церковь Саввы Освященного на Девичьем поле известить, что говет, и с просьбой назначить день, когда можно приобщиться. Тот сначала советовал дожидаться поста, но потом согласился и назначил четверг. Вечером того же дня Гоголь провозжал на станцию железной дороги гостившего у гр. А. П. Толстого о. Матфея Константиновского. С этих пор он прекратил всякие литературные занятия.

7 февр. рано поутру Гоголь едет в свою бывшую приходскую церковь, исповедуется и причащается там. *М. П. Погодин* со слов священника свидетельствует, что перед принятием Святых Даров, за обеднею, он пал ниц и много плакал. Был уже слаб и почти шатался. Вечером Гоголь снова возвращается в ту же церковь и просит священника отслужить благодарственный молебен, упрекая себя, что забыл исполнить это поутру. Из церкви он заехал к жившему по соседству *Погодину*, но пробыв несколько минут, уезжает.

Княжна *В. Н. Репнина-Волконская* вспоминает, что последний раз видела Гоголя в четверг на масленой, т. е. 7 февр.: «Он был ясен, но сдержан, и всеми своими мыслями обращен к смерти; глаза его блистали ярче, чем когда-либо, лицо было очень бледно. За эту зиму он очень похудел, но настроение духа его не заключало в себе ничего болезненного; напротив, оно было ясным, более постоянно, чем прежде. Мысль, что мы его скоро потеряем, была так далека от нас; а между тем тон, с каким он прошался, на этот раз показался нам необычайным, и мы между собою заметили это, не догадываясь о причине. Ее разъяснила нам его смерть».

В ночь на 9 февр. после продолжительной молитвы на коленях перед образом Гоголь уснул на диване без постели и во сне слышал некие голоса, говорившие ему, что он умрет. В тревоге он призвал приходского священника и хотел сбираться, но когда тот пришел, Гоголь уже успокоился и решил отложить совершение таинства.

В Прощеное воскресенье, 10 февр., Гоголь просит гр. А. П. Толстого передать свои рукописи свт. Филарету, митрополиту Московскому, чтобы тот определил, что нужно печатать, а чего не следует. Граф не принял бумаг, опасаясь утвердить в нем мысль о смерти. С этого дня Гоголь перестал выезжать из дому.

В понедельник первой недели поста в доме графа (на верхней половине) служили Великое повечерие. Гоголь едва смог подняться наверх по ступеням, однако отстоял всю службу. День он провел почти без пищи, ночь — в молитве со слезами. Гр. Толстой, видя, как все это изнуряет Гоголя, прекратил у себя богослужения.

В ночь на 12 февр., в третьем часу, Гоголь будит своего слугу Семена, велит ему бесшумно подняться на второй этаж, где располагались печные задвижки, растопить печь в кабинете и затем сжигает бумаги. Наутро он сказал гр. Тол-

стому: «Вот что я сделал! Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег все. Как лукавый силен, вот он до чего меня довел. А я было думал разослать на память друзьям по тетрадке: пусть бы делали, что хотели».

Физическое состояние Гоголя в эти дни резко ухудшается: очевидцы заметили в нем усталость, вялость и даже изнеможение — отчасти следствие обострения болезни, отчасти действие поста. Со слов гр. Толстого известно, что Гоголю принимал пищу два раза в день: утром хлеб или просфору, которую запивал липовым чаем, вечером — кашницу, саго или чернослив. Но всего очень понемногу. К нему приглашали знаменитейших московских докторов, однако он наотрез отказывался от лечения.

14 февр., в четверг Гоголь, по свидетельству Хомякова, сказал: «Надобно меня оставить, я знаю, что должен умереть». В эти же дни Гоголь делает распоряжения гр. Толстому насчет своего крепостного слуги Семена и рассылает деньги «бедным и на свечки». Средства, которые будут выручены от последнего издания его сочинений, он незадолго до этого просил раздать неимущим.

16 февр., в субботу Гоголя посетил доктор А. Т. Тарасенков и убеждал его подчиниться указаниям врачей. Гоголь отвечал вяло, но внятно и с полной уверенностью: «Я знаю, врачи добры: они всегда *желают* добра». При этом ничем не выразил готовности следовать совету Тарасенкова. «Он смотрел как человек, для которого все задачи разрешены, всякое чувство замолкло, всякие слова напрасны...» В тот же день Гоголь приобщился Святых Таин. Древний христианский обычай причащаться в субботу первой седмицы Великого поста издавна существовал на Руси и связан с празднованием памяти св. вмч. Феодора Тирона. Гр. Толстой стремился употребить все возможное для исцеления Гоголя: просил Московского гражданского губернатора И. В. Капниста, которого Гоголь очень любил и уважал, уговорить его послушаться указаний медиков; ездил к митр. Филарету, чтобы тот подействовал на больного. Владыка велел передать, что «сама Церковь повелевает в недугах предаться воле врача». Но ничего не помогло.

Утром 18 февр., в понедельник о. Иоанн Никольский предложил Гоголю собороваться, исповедаться и причаститься. Тот согласился с радостью. Все положенные на соборовании Евангелия он выслушал «в полной памяти, держа в руках свечу, проливая слезы». Видя критическое положение, гр. Толстой созвал консилиум, который подтвердил диагноз проф. А. И. Овера, что у Гоголя менингит, и принял решение лечить его насильно. С Гоголем обращались, как «с сумасшедшим», как «с человеком, не владеющим собою». Об этом рассказывает в своих записках доктор Тарасенков.

21 февр., в четверг около восьми утра, Гоголь представился о. Господе. Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: «Как сладко умирать!». Накануне, часу в одиннадцатом, он громко произнес: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!..» Подобные же слова о лестнице сказал перед смертью свт. Тихон Задонский. Доктор Тарасенков, прибывший через 2 часа после кончины Гоголя, писал об увиденном: «Нельзя вообразить, чтобы кто-нибудь мог терпеливее его сносить все врачебные пособия, насильно ему навязываемые; лицо умершего выражало не страдание, а спокойствие, ясную мысль, унесенную с собою за гроб».

Известно, что одной из любимых книг Гоголя с юности была «Лествица» прп. Иоанна Синайского. Доктор Тарасенков вспоминал: «...он указал мне на сочинение Иоанна Лествичника, в котором изображены ступени христианского совершенства, и советовал прочесть его». Еще в 1842

Гоголь писал В. А. Жуковскому: «...живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя я стою еще на нижайших и первых ее ступенях»; в 1843 Н. Н. Шереметевой: «Долгое воспитанье еще предстоит мне, великая, трудная лестница». В этом свете вся жизнь Гоголя, сопоставимая с монашеским подвигом, — мучительная борьба между духовными и художественными устремлениями, сожжение рукописей, попытка ухода в монастырь, в конечном итоге отказ от себя и мученическая кончина — предстает как образ духовной лестницы, постоянного восхождения, а произведения его являются некими ступенями на этом нелегком пути.

Догадки современников и позднейших биографов о том, что сжег Гоголь перед смертью, разноречивы. Большинство считало, что погибла беловая редакция 2-го тома «Мертвых душ». Были и др. предположения: уничтожены «Размышления о Божественной Литургии» (над которыми Гоголь работал в последние годы жизни), политически опасные бумаги, — вплоть до версии о том, что Гоголь вовсе ничего не сжигал, а рукописи были спрятаны гр. А. П. Толстым. Все эти догадки не имеют документального подтверждения, тем более что мы даже не знаем, закончил ли Гоголь второй том.

Последним, кто ознакомился с главами 2-го тома, был о. Матфей. Это произошло, вероятно, во время их последней встречи с Гоголем незадолго до сожжения рукописей. Ему нередко ставят в вину, что именно он подтолкнул писателя к этому. О. Матфей отрицал, что по его совету Гоголь сжег 2-й том, хотя и говорил, что несколько набросков не одобрил и даже просил уничтожить. Вот как об этом рассказывает прот. Феодор Образцов, бывший свидетелем беседы *Т. И. Филиппова* с о. Матфеем.

«Говорят, что вы посоветовали Гоголю сжечь 2-й том “Мертвых душ”? — “Неправда и неправда... Гоголь имел обыкновение сжигать свои неудавшиеся произведения и потом снова восстанавливать их в лучшем виде. Да едва ли у него был готов 2-й том; по крайней мере, я не видал его. Дело было так: Гоголь показал мне несколько разрозненных тетрадей с надписаниями: *Глава*, как обыкновенно писал он главами».

Помню, на некоторых было написано: глава I, II, III, потом, должно быть, VII, а другие были без означения; просил меня прочитать и высказать свое суждение. Я отказывался, говоря, что я не ценитель светских произведений, но он настоятельно просил, и я взял и прочитал. Но в этих произведениях был не прежний Гоголь. Возвращая тетради, я воспротивился опубликованию некоторых из них. В одной или двух тетрадях был описан священник. Это был живой человек, которого всякий узнал бы, и прибавлены такие черты, которых... во мне нет, да к тому же еще с католическими оттенками, и выходил не вполне православный священник. Я воспротивился опубликованию этих тетрадей, даже просил уничтожить. В другой из тетрадей были наброски... только наброски какого-то губернатора, каких не бывает. Я советовал не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмеют за нее даже больше, чем за переписку с друзьями».

Свидетельство о. Матфея крайне важно для нас потому, что это едва ли не единственный человек, который в то время был для Гоголя авторитетом, даже более — судьей его труда, приобретшего для самого автора не столько литературное, сколько духовно-нравственное значение. Трудно предположить, что Гоголь, имея законченный беловик, мог дать ему на суд разрозненные тетради с набросками.

Нередко можно встретить утверждение, что Гоголь жег рукописи в состоянии глубокого уныния, с сознанием греховности своего творчества. В опровержение подобного мнения можно привести слова о. Матфея: «Говорят даже, что Гоголь сжег свои творения потому, что считал их греховными?» — «Едва ли, — в недоумении сказал о. Матфей, — едва ли...» Он как будто в первый раз слышал такое предположение. «Гоголь сожег, но не все тетради сожег, какие были под руками, и сожег потому, что считал их слабыми». О. Матфея упрекали в непонимании Гоголя как писателя. Говорили, что он запрещал ему писать светские произведения. О. Матфей отвечал на это: «Неправда. Художественный талант есть дар Божий. Запрещения на дар Божий положить нельзя; несмотря на все запрещения он проявится...»

Среди тех, кто знал Гоголя, о. Матфей понимал его едва ли не больше всех. «С ним повторилось обыкновенное явление нашей русской жизни, — говорил он. — Наша русская жизнь не мало имеет примеров того, что сильные натуры, наскучивши суетой мирской или находя себя неспособными к прежней широкой деятельности, покидали все и уходили в монастырь искать внутреннего умиротворения и очищения своей совести... Так было и с Гоголем. Он прежде говорил, что ему “нужен душевный монастырь”, а пред смертью он еще сильнее пожелал его».

Гоголь хотел так написать свою книгу, чтобы из нее путь к Христу был ясен для каждого. Напомним его слова, сказанные по поводу сожжения 2-го тома в 1845: «Бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, пути и дорог к нему для всякого». Цели, поставленные Гоголем, далеко выходили за пределы литературного творчества. Невозможность осуществить свой замысел, столь же великий, сколь и несбыточный, становится его личной писательской трагедией.

После кончины Гоголя в его бумагах были обнаружены обращение к друзьям, наброски духовного завещания, молитвы, написанные на отдельных листках, предсмертные записи.

Молюсь о друзьях моих. Услыши, Господи, желанья и моления их. Спаси их, Боже. Прости им, Боже, как и мне, грешному, всякое согрешенье пред Тобою.

Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелезай иначе есть тать и разбойник.

Помилуй меня, грешного, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственной силою неисповедимого Креста!

Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок? И страшная История Всех событий Евангельских...

В завещании Гоголь советовал сестрам открыть в своей деревне приют для бедных девиц, а по возможности и превратить его в монастырь, и просил: «Я бы хотел, чтобы тело мое было погребено если не в церкви, то в ограде церковной, и чтобы панихиды по мне не прекращались».

В. Воронаев

Гоголь как мыслитель и публицист. Особое значение в творчестве Гоголя имели православно-публицистические произведения «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), «Размышления о Божественной Литургии».

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь выступает как сторонник самобытных начал Святой Руси и призывает соотечественников осознать свою неповторимую национальную сущность, историческое призвание России,

уникальность ее культуры и литературы. Как и *славянофилы*, Гоголь был убежден в особой миссии России, которая, по его словам, слышит Божию руку на всем, что сбывается в ней, и чувствует приближение иного царства. Эта особая миссия России связывалась в представлении Гоголя с Православием как истинным, неискаженным (в отличие от католицизма или протестантизма) христианством.

Размышляя об основах русской цивилизации, Гоголь особое внимание уделяет роли Православной церкви в жизни России, утверждая, что Церковь не должна существовать отдельно от государства, а оно, в свою очередь, немисливо вне монарха. Монарх, по мнению Гоголя, важнейший компонент государственного устройства, без Монарха невозможно полноценное его существование. Он был согласен с Пушкиным в том, что «государство без полномочного монарха — автомат: много-много, если оно достигнет того, чего достигли Соединенные Штаты? Мертвечина: человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит. Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера...»

Православная церковь, монарх и народ — это, по Гоголю, неразрывное целое, соединенное соборным духом христианской любви. Но как полюбить ближнего своего, если он так несовершенен, если в нем так мало прекрасного, — задает вопрос Гоголь и сам отвечает: «Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви ведет теперь Сам Бог... А не полюбивши России, не полюбит нам братьев своих, а не полюбивши своих братьев, не возгорится нам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спаситесь вам».

Национальная идея в публицистике Гоголя порождается этим духом христианской любви к Богу, братьям своим, соборным служением всех подданных монарху и государству. Жизнь каждого человека независимо от его положения в обществе должна быть службой Богу и государю, а через служение им и всему народу.

С горечью пишет Гоголь в «Выбранных местах...» об отсутствии подобного соборного согласия, о том хаосе и разладе, который царит вокруг и который впоследствии Достоевский назовет «обособлением»: «Теперь все между собой в ссоре и всяк друг на друга лжет и клеветает беспощадно... Все перессорилось; дворяне у нас между собой, как кошки с собаками; купцы между собой, как кошки с собаками; мещане между собой, как кошки с собаками... Даже честные и добрые люди между собой в разладе; только между плутами видится что-то похожее на дружбу и соединение в то время, когда кого-нибудь из них сильно станут преследовать».

Один из источников подобной разобщенности и вражды — это, по словам Гоголя, роскошь, к искоренению которой необходимо стремиться каждому: «Гоните эту гадкую, скверную роскошь, эту язву России, источницу взяток, несправедливостей и мерзостей, какие у нас есть. Если нам одно это удастся сделать, то вы уже более принесете существенной пользы, чем сама княгиня О. А это, как вы сами видите, даже не требует никаких жертвований, даже и времени не отнимает».

Вместе с тем Гоголь призывает не отчаиваться и не приходить в смущение от внешних беспорядков, но стараться навести порядок в собственной душе: «Недурно взглянуть всякому из нас в свою собственную душу. Загляните также и вы в свою. Бог вещь, может быть, там увидите такой же беспорядок, за который браните других... Не бе-

жать на корабле из земли своей, спасая свое презренное земное имущество, но, спасая свою душу, не выходя вон из государства, должен всяк из нас спасать себя самого в самом сердце государства».

Свои надежды на спасение души писатель связывает с природой русского человека, который, по его словам, так умеет быть благодарным за всякое добро и который, как только заметит, что другой проявляет в нем участие, сам уже готов чуть не просить прощения.

Русскому человеку, по словам Гоголя, присущ особый такт ума, позволяющий ему «выразить истинное существо всякого дела... выразить его так, что никого не оскорбит выражением и не восстановит ни против себя, ни против мысли своей даже несходных с ним людей». Этот «верный такт ума» проявляется даже в простом крестьянине, который способен говорить со всеми, даже с царем, с такой свободой и с таким достоинством, какие трудно найти у образованных и светских людей.

«Верный, истинно русский такт ума» сочетается в нем с молодецкой удалой и отвагой, решимостью «рвануться на дело добра... если только представится случай рвануться всем на дело, невозможное ни для какого другого народа...»

Говоря о самобытности отечественного национального характера, Гоголь отмечает и такую его особенность, как склонность к иронии или, точнее, добродушному юмору: «У нас всех много иронии. Она видна в наших пословицах и песнях и, что всего изумительней, там, где, видимо, страдает душа и не расположена вовсе к веселости... Трудно найти русского человека, в котором бы не соединилось вместе с умением пред чем-нибудь истинно возблагодарить — свойство над чем-нибудь истинно посмеяться».

Это свойство «истинно посмеяться», по убеждению Гоголя, предопределило возникновение в нашей литературе сатирического направления, виднейшими представителями которого были *Кантемир*, *Фонвизин*, *Грибоедов*, да и сам автор «Ревизора» и «Мертвых душ».

Свойство «истинно посмеяться», и прежде всего над самим собой, Достоевский впоследствии назовет склонностью к самоосуждению, подчеркивая при этом, что самоосуждение (или, по словам *И. А. Ильина*, мнительно-покаянное преувеличение своих грехов) есть признак нравственного здоровья и надежный залог спасения собственной души.

Но спасти свою душу невозможно без веры в Бога, которая часто заменяется верой в человеческий разум. Ненадежность последнего в решении важнейших нравственных вопросов для Гоголя очевидна: «Ум для современного человека — святыня: во всем усомнится он — в сердце человека, которого несколько лет знал, в правде, в Боге усомнится — но не усомнится в своем уме». Гордость ума, про словам Гоголя, никогда еще не возростала до такой степени, как в XIX в.: «Она слышится в самой боязни каждого прослыть дураком. Все вынесет человек века: вынесет название плута, подлеца; какое хочешь дай ему название, он снесет его — и только не снесет название дурака. Над всем он позволит посмеяться — и только не позволит посмеяться над умом своим. Ум для него святыня. Из-за малейшей насмешки над умом своим он готов сию же минуту поставить своего брата на благородное расстояние и посадить, не дрогнувши, ему пулю в лоб. Ничему и ни во что он не верит; верит только в один ум свой».

Этот гордый ум есть не что иное, как проявление темного дьявольского начала: «Дьявол выступил уже без маски в мир. Дух гордости перестал уже являться в разных образах и пугать суеверных людей, он явился в собственном своем

виде. Почуя, что признают его господство, он перестал уже и чиниться с людьми».

Отвергая мысль о революционных потрясениях как средстве улучшения жизни, Гоголь был солидарен с Пушкиным в том, что «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые приходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений человеческих, страшных для человечества». Нравственное же обновление всех слоев общества невозможно вне духовного возрождения, вне Бога, вне христианизации всей жизни и культуры.

Глубоко чувствуя сам дух Православия, Гоголь не был сторонником индивидуального спасения души и понимал, как и Хомяков, что опасаться должно всем миром со всеми братьями. Говоря об этом, *К. Мочульский* подчеркивал: «Религия Гоголя — соборная. Люди — братья, живущие друг для друга, связанные общей виной перед Господом, круговой порукой и ответственностью. Всякий индивидуализм и эгоистическая обособленность — от дьявола. В духовной области нет частной собственности: все Божье, все дары посылаются для всех».

«Кто приобрел крупицу мудрости, — говорил Гоголь, — тот уже не имеет права скрывать ее в себе от других: она не твоя, а Божие достояние. Бог ее выработал в тебе; все же дары Божии даются нам затем, чтобы мы служили собратьям нашим».

В этой гоголевской идее соборности и «службы» раскрывается глубочайшая истина русского Православия.

Считая Россию страной, особо избранной Промыслом Божиим, Гоголь был убежден, что она ближе всех подошла к Христу, что в народной душе живет правда Христова, что русское государство не просто христианское, но «небесное государство». В такой несколько парадоксальной религиозной форме подходит Гоголь к осмыслению национальной идеи.

Мысль о светлом братском единении людей — сущность этой идеи, когда человек оказывается способным увидеть в ближнем своем брата, которого хочется обнять и прижать к груди. В одном из последних писем «Переписки с друзьями» Гоголь задает вопросом: «Почему только в одной России так радостно и торжественно празднуется Пасха? Почему мы верим, что свет грядущей Пасхи разольется из России по всему миру?» И, отвечая на вопрос, Гоголь утверждает, что именно в русской душе есть «начало братства Христова, ощущение личной греховности, жажды покаяния и любви, устремленность к братскому единению всех сословий». Дело не в патриотических возгласах и пасхальных пошелухах, поясняет Гоголь, но в том, чтобы «взглянуть в этот день на человека, как на лучшую свою драгоценность, — так обнять и прижать его к себе, как наироднейшего своего брата, так ему обрадоваться, как бы своему наилучшему другу, с которым несколько лет не видались и который вдруг неожиданно к нам приехал».

Эту соборную идею всечеловеческого единения и братства впоследствии будет развивать Достоевский на страницах «Дневника писателя» и особенно в Пушкинской речи.

«Не умрет из нашей старины, — заключает Гоголь, — ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, разведется благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее, и праздник Светлого Воскресения воспродуется, как следует, прежде всего у нас, чем у других народов». В этих гоголевских словах нет никакой гордыни, ибо здесь же он замечает, что мы не лучше др. народов: «Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. “Хуже мы всех прочих” — вот что

мы должны говорить о себе. Но есть в нашей природе то, что нам это пророчит. Уже самое неустройство наше нам это пророчит. Мы еще расплавленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней».

Христианское начало братского единения, по словам Гоголя, кроется в самой славянской природе нашей: «Побратание людей было у нас родней даже кровного братства... нет у нас непримиримой ненависти сословья противу сословья и тех озлобленных партий, какие водятся в Европе и которые препятствуют преоборимое к соединению людей и братской любви между ними».

Именно это дремлющее в душе русского человека чувство братства пробуждается в решающую минуту, как это было в 1812, и помогает сплотиться для одоления враждебной напасти: «В такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды — все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия — один человек... И твердо говорит мне это душа моя: и это не мысль, выдуманная в голове. Такие мысли не выдумываются».

Одним из первых Гоголь поставил вопрос о необходимости создания новой культуры, которая бы способствовала духовному возрастанию человека, его нравственному очищению и просветлению. Эта новая культура должна строиться на основах Православия, ибо в нем заключена возможность решения тех вопросов, которые встают перед человеком. Новое искусство, по Гоголю, должно служить «незримой ступенью к христианству», выполнять ту же задачу, что и сочинение духовных авторов, т. е. вести душу по пути духовно-нравственного совершенствования.

Все это относится и к литературе. Вот почему, предупреждает Гоголь, обращаясь со словом нужно честно, ибо Слово есть «высший подарок Бога человеку». Но для честного обращения с ним необходимо привести «в стройность» собственную душу, в противном случае «с самым чистейшим желанием добра можно произвести зло... Беда, если в предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздастся гнилое слово о гнилых предметах. Все великие воспитатели людей налакали долгое молчание именно на тех, которые владели даром слова, именно в те поры и в то время, когда больше всего хотелось им пошеголять».

В «Выбранных местах...» Гоголь не устает утверждать, что главное дело его жизни — это устройство и очищение собственной души: «Дело мое — душа и прочное дело жизни». Свобода в этом смысле заключается не в том, чтобы «говорить произволу своих желаний: да, но в том, чтобы уметь сказать им: нет». Но здесь же писатель добавляет, что «никто теперь в России не умеет сказать самому себе твердого "нет"». Вновь и вновь Гоголь заклинает: «Душу и душу нужно знать теперь, а без того не сделать ничего. А узнавать душу может один только тот, кто уже начал работать над собственной душой своей...»

Мысль о связи художественного таланта с душевным и нравственным воспитанием — одна из основных у позднего Гоголя. В 1846 он пишет А. М. Вильегорской: «В писателе все соединено с совершенствованием его таланта и обратно: совершенствование его таланта соединено с совершенствованием душевным». При этом Гоголь акцентировал внимание на собственном несовершенстве как факторе первостепенной важности в своей духовной и творческой эволюции: «Редко кто мог понять, что мне нужно было вовсе оставить

поприще литературное, заняться душой и внутренней своей жизнью для того, чтобы потом возвратиться к литературе создавшимся человеком». Одним из положительных свойств своей личности писатель считал «желание быть лучшим»: «Бог дал мне многостороннюю природу. Он поселил мне также в душу, уже от рожденья моего, несколько хороших свойств; но лучшее из них, за которое не умею, как возблагодарить его, было желание быть лучшим. Я не любил никогда моих дурных качеств... По мере того, как они стали открываться, чудным высшим внушеньем усиливалось во мне желание избавляться от них...».

Л. Толстой, говоря об этих внутренних переменах, происходивших в душе Гоголя в поздний период жизни, заметил: «Гоголь почувствовал потребность собственного душевного подъема. Правда, ему не удалось пережить этот процесс, он не успел... но из этого не следует, что это было падение: это был шаг, который пресекла смерть...» И далеко не случайно, что сам Толстой в своей «Исповеди» почти буквально повторяет гоголевские слова о «желании быть лучшим», определившие его собственную духовную и нравственную эволюцию: «Я вернулся к тому, что главная и единственная цель моей жизни есть то, чтобы быть лучше, т. е. жить согласно с этой волей: я вернулся к тому, что выражение этой воли я могу найти в том, что в скрывавшейся от меня дали выработало для руководства все человечество».

В неустанной работе над устройением собственной души значительную помощь может и должна оказывать Церковь (Толстой в этом расходился с Гоголем), которая, по мнению последнего, еще не вошла в русскую жизнь в нужном масштабе. Возврат к Церкви необходим как отдельно взятому человеку, так и всей отечественной культуре в целом. Беда, однако, в том, что современники Гоголя, впадшие в апостасию, скептически относились к официальной Церкви, не замечая при этом духовных сокровищ Православия, хранимых и развиваемых в Оптиной Пустыни и др. центрах православной духовности. Именно эти сокровища должны стать источником духовного, нравственного и экономического обновления России. Все беды и неустройства ее, по мнению Гоголя, происходят от того, что отечественная интеллигенция, увлеченная копированием и заимствованием западных форм жизни и не замечавшая самобытных духовных основ отечественной цивилизации, перестала ценить (скорей всего она и не могла оценить) духовные ценности Православия, которыми на протяжении веков руководствовался простой народ.

Любопытен в этом смысле образ генерала Бетрищева во 2-м томе «Мертвых душ», который считал, что стоит только одеть русских мужиков в немецкие штаны, так сразу «науки возвысятся, торговля подымется и золотой век наступит в России». Прозападно ориентированная русская интеллигенция, по Гоголю, принадлежит к числу тех доморощенных умников, о которых Костанжолло иронически замечал, что они, «не узнавши прежде своего, набираются дури вчуже».

Необходимо, подчеркивал Гоголь, не только, чтобы русский гражданин знал дела Европы, но прежде всего не упускал из вида русские начала, в противном случае «похвальная жадность знать чужеземное» не принесет добра: «И прежде и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только с помощью этого знания можно почувствовать, что именно нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит».

Ю. Сохряков

Соч.: Соч.: В 7 т. 10-е изд. М.; Пб., 1889—96; Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1937—52; Собр. соч.: В 6 т. М., 1952—53; Собр. соч.: В 7 т. М., 1984—86.

Лит.: Русская литература XIX в. М., 1984; Гоголь в русской критике. М., 1963; Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952; *Котляревский Н. Н.* В. Гоголь (1829—42). 4-е изд. П., 1915; *Мережковский Д. С.* Гоголь и черт. Исследование: В 2 ч. М., 1906; *Белый А.* Мастерство Гоголя. Исследование. М.; Л., 1934; *Набоков В. В.* Николай Гоголь // Новый мир. 1987. № 4; *Гиппиус В.* Гоголь. Л., 1924; *Он же.* Творческий путь Гоголя // Гиппиус В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966; *Виноградов В. В.* Эволюция русского натурализма: Гоголь и натуральная школа. Этюды в стиле Гоголя // Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976; *Переверзев В. Ф.* Творчество Гоголя // Переверзев В. Ф. Гоголь, Достоевский. Исследования. М., 1982; *Бахтин М. М.* Рабле и Гоголь: Искусство слова и народная смеговая культуры // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; *Иофанов Д. Н.* В. Гоголь. Детские и юношеские годы. Киев, 1951; *Иофанов Г. Н.* Творчество Н. В. Гоголя. М., 1953; *Степанов Н. Л.* Гоголь. Творческий путь. 2-е изд. М., 1959; *Ермилов В. В.* Гений Гоголя. М., 1959; *Боголепов П., Верховская Н.* Тропа к Гоголю. М., 1976; *Турбин В.* Пушкин. Гоголь. Лермонтов. М., 1978; *Хранченко М. Б.* Николай Гоголь. Литературный путь. Величие писателя // Собр. соч.: В 4 т. М., 1980. Т. 1; *Николаев Д.* Сатира Гоголя. М., 1984; *Макогоненко Г. П.* Гоголь и Пушкин. Л., 1985; *Смирнова Е. А.* Поэма Гоголя «Мертвые души». Л., 1987; Гоголь: история и современность. М., 1985; Гоголь и мировая литература. М., 1988; *Мани Ю.* Поэтика Гоголя. 2-е изд. М., 1988.

ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ Арсений Аркадьевич (26.05 [7.06].1848 — 28.01[10.02].1913), поэт. Родился в Царском Селе. В 1871 окончил Петербургский университет. Поступил на государственную службу. С 1895 до конца жизни возглавлял личную канцелярию имп. Марии Федоровны.

Стоял на твердых православно-монархических позициях, разделял идеологию *славянофилов*. Общественная позиция Голенищева-Кутузова определилась в сборнике «Затишье и буря» (СПб., 1878), а также в сборнике «Стихотворения» (СПб., 1884), который в художественном отношении уступал первому и отличался более откровенной славянофильской тенденцией: «...предреkania родине небывалого могущества и славы, обеты смирения, сетования о том, что мы порвали связь с прошлым нашей отчизны и нашего народа — кому это неизвестно, кому это не удалось надоеть?» (С. Я. Надсон). В стихотворениях этого периода преобладают религиозно-мистические настроения, проникнутые фатализмом, отрешенностью от реальной жизни и борьбы («Как странник под гневом палящих лучей»). Устремления за грань земной жизни, туда, «где тихий свет иного бытия», «где отдых, и тень, и любовь, и привет, каких на земле не бывало и нет», призывы к созерцанию и покою делали Голенищева-Кутузова истинно православным поэтом.

Истинный пафос поэзии Голенищева-Кутузова в стихотворениях: «Прекрасен жизни бред», «Прошумели весенние воды», «Снилось мне утро лазурное чистое», «Обнял землю мрак волшебный». Поэзия Голенищева-Кутузова, по словам *В. Брюсова*, «в ее целом, говорит нам, что поэт

вовсе не отрицал мира, что он любил красоту земли и жизни, что его приветы смерти, в сущности, сводятся к признанию гр. Ал. Толстого: “Гляжу с любовью я на землю / Но выше просится душа...”».

В 1904—05 Голенищев-Кутузов работал над трилогией в прозе (не окончена): «Даль зовет. Из воспоминаний скитальца» (СПб., 1907), «Жизнь зовет», «Бог зовет». По жанру это путевые очерки, в которых Голенищев-Кутузов от лица вымышленного героя, странствующего по Европе, излагает, помимо художественных впечатлений, мысли о прошлом и современном состоянии европейской цивилизации, неприемлемой для России. Возрождая старые споры с либеральными западниками, Голенищев-Кутузов развивал концепцию русского почвенничества, полемизировал с идеями французской революции, считал, что «взятые напрокат» для России, они вносят в «государственную и бытовую жизнь народа лишь борьбу, смуту и разорение».

На стихи Голенищева-Кутузова написали много романсов С. В. Рахманинов, Ц. А. Кюи, А. С. Аренский.

Соч.: Соч. Т. 1—3. СПб., 1904—05; Соч. Т. 1—4. СПб., 1914; [Стихотворения] // Поэты 1880—1890.

Л. Н., Д. К.

ГОЛИЦЫН Дмитрий Петрович (6.12.1860—3[16].12.1928), князь, тайный советник, член Государственного Совета (1912), писатель (литературный псевд. **Муравлин**), один из

учредителей и первый председатель Совета Русского собрания.

Родился в Висбадене, в Германии, представитель древнего княжеского рода. В 1881 окончил Императорский Александровский лицей. По отбытию воинской повинности в лейб-гвардии Павловском полку поступил на службу в Государственную канцелярию. В 90-е — помощник статс-секретаря Государственного Совета, с 1902 член совета министра народного просвещения. С 1906 товарищ главноуправляющего, а с 1 янв. 1910 главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям Императрицы Марии. Почетный член екатерининского сельского попечительства детских приютов (Тулская губ.). В апр. 1879 в «Живописном обозрении» были опубликованы его первые стихотворения, с 1884 появляются повести и романы (наиболее известны «Тенор», «Баба», «Мрак», «Убогие и нарядные», «Рубли», «На безлюдье», «От смутных дней», «Святыни» и др.). Основная тема произведений — вырождение русской аристократии. В 1899 в С.-Петербурге была поставлена его историческая драма «Максим Сумбулов». Восторженно была встречена публикой сказка-драма кн. Голицына «Кошей». Многие его сочинения были переведены на иностранные языки. Член Совета Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III, член-директор Литературно-художественного общества. В янв. 1901 избран председателем Совета РС; эту должность занимал до марта 1906.

В 1920 бежал из советской России, жил в Венгрии. В 1921 был представителем Высшего Монархического Совета в Венгрии, но вскоре отошел от политической деятельности, продолжая лишь печататься в монархических изданиях. Выход для монархистов видел прежде всего в сохранении Православия и в уповании на милость Божию. В стихотворении «Молитва» он взывал к Царю царей: «Боже правый, будь нам силой / В эти тягостные дни... / Заступи, спаси, помилуй, / Благостию сохрани».

Кн. Голицын был одним из наиболее активных авторов журнала «Двуглавый орел», где публиковал свои статьи и стихотворения. С верой в грядущее возрождение Отечества он написал в предсмертном стихотворении «День настает»: «Я дошел, пойдут другие дале, / Я могу, им указавши путь, / Отдохнуть, / Пусть они спешат к пресветлой дали, / Чтоб Руси величие вернуть».

Соч.: О своем доме. Сообщение, читанное в Русском собрании. Харьков, 1905; Исконный враг русского народа. Из речей. СПб., 1914; О правизне // Двуглавый орел. 1921. Вып. 5; О падении власти // Там же. Вып. 9; О правописании // Там же; В защиту русского языка // Там же. 1922. Вып. 23; О русском просвещении // Там же. Вып. 27; Берегите Православие // Там же. Вып. 30; От смутных дней: Роман. СПб., 1902; На безлюдье: Роман. СПб., 1910; Святый: Роман. СПб., 1913.

Лит.: Вязигин А. С. В тумане смутных дней. Сб. ст. Харьков, 1908; Юбилей кн. Д. П. Голицына-Муравлина // Исторический вестник. 1917. № 2.; [Некролог] // Двуглавый орел. 1928. № 24;

А. Степанов

ГОЛИЦЫН Михаил Григорьевич (31.05[12.06].1808—19[31].12.1868), князь, поэт, публицист. Сын сенатора, воспитывался за границей, но любил все русское, служил в Саратовском губернском правлении и по болезни вышел в отставку в чине губернского секретаря. Писал стихи, многие из которых стали *романсами*, музыку на них писал Глинка («К ней») и брат Голицына, Лев Григорьевич («О спой еще», «На молодость твою смотрю», «Только птичкой мимолетной», «Темно-русою головкой»); печатался в «Библиотеке для чтения», 1836 («Вечер», «Дальние звуки бала»), «Отечественных записках», т. 14 («Конь»), в Москве выходили 2 сборника в 1847 и 1868 («Проблески», получившие похвальную рецензию от «Северной пчелы»). В произведениях Голицына проявляются патриотические мотивы. Из публицистики известны: «Заметка по поводу народного пьянства» // Московские ведомости. 1860. № 66; «Несколько замечаний по поводу предстоящего введения у нас рационального хозяйства» // Журнал сельского хозяйства. 1861. № 2; брошюры «Пропойца» (1865), «Просвещение и цивилизация». М., 1867. В последней Голицын доказывает, что истинное просвещение связано с Православием и не имеет ничего общего с «западной цивилизацией» и «русским нигилизмом».

А. Баженова

ГОЛИЦЫН Николай Николаевич (21.04[03.05].1836—30.04[12.05].1893), князь, библиограф, историк, публицист. Родился в слободе Михайловка Новоскольского у. Курской губ. Получил домашнее образование. Учился на историко-филологическом факультете Харьковского, а с 1856 — на юридическом факультете Московского университета. По окончании университета (1858) служил судебным следователем. В 1862—85 — помощник председателя Курского губернского статистического комитета и редактор его изданий. В 1872—75 — подольский губернатор. С 1875 состоял в Собственной Его Императорского Величества канцелярии по делам Царства Польского. Входил в комиссию для пересмотра законодательства о евреях. Был редактором

патриотического журнала «Варшавский дневник». Состоял при Министерстве внутренних дел. С 1890 — член Совета Крестьянского поземельного банка. В конце жизни — секретарь вел. кн. Марии Павловны.

Еще в студенческие годы Голицын написал статью «Пифагор», легшую в основу брошюры «Очерк философской деятельности пифагорейцев». Стремясь «познакомить общество с нравственным развитием русской женщины», Голицын в течение многих лет составлял «Словарь русских писательниц». В варианте, опубликованном в 1865 в «Русском архиве», словарь содержал сведения о 440 писательницах, в 3-м издании — «Библиографический словарь русских писательниц» — о 1286. Результатом работы Голицына в департаменте полиции, куда он был прикомандирован для составления по материалам дознаний аналитических отчетов о революционном движении для высших чиновников, стали труды «История социально-революционного движения в России. 1861—81» и «Хроника социалистического движения в России. 1878—87», являющиеся важным источником для изучения антирусских организаций. В отчете проводилась мысль о неизбежности поражения революционеров. Голицын автор брошюры на французском языке «Письмо редактору газеты «Фигаро» в защиту взглядов М. Н. Каткова».

Соч.: Очерк философской деятельности пифагорейцев. М., 1858; Записка по еврейскому вопросу, составленная подольским вице-губернатором... Каменец-Подольск, 1873—75; О необходимости и возможности еврейской реформы в России. СПб., 1876; О свободе совести во взаимных отношениях еврейства к христианству. СПб., 1876; Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных. Киев, 1880; О пересмотре «Временных правил» 3 мая 1882. СПб., 1886; История социально-революционного движения в России. 1861—81. СПб., 1887; Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889; Употребляют ли евреи христианскую кровь? Замечания по поводу спора Н. И. Костомарова с проф. Д. А. Хвольсоном. Варшава, 1879; Родословная роспись потомства Гедимины (до кн. Михаила Ивановича Голицы). СПб., 1891; Род князей Голицыных. Т. 1. Матер. родословные. СПб., 1892.

Д. К.

ГОЛИЦЫН Сергей Григорьевич (22.07[3.08].1803—19.11[1.12].1868), князь, военный, певец, композитор, писатель. Родился в Риге. Поступил на службу в 1819 юнкером в лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду. В 1829 поручиком конно-батарейной роты отправился на театр военных действий и принял участие в осаде Шумлы; совершил поход через Балканы до Адрианополя, за что получил орден св. Анны III ст. с бантом. Во время подавления польского восстания участвовал во многих боях и занятии Кракова, был награжден орденом св. Владимира IV ст. с бантом, золотой саблей и чином штабс-капитана. В 1837 уволен в отставку капитаном (по домашним обстоятельствам).

Кн. Голицын играл видную роль в высшем обществе 1820—50. «Это был, — говорил В. Д. Давыдов (сын поэта), — один из остроумнейших и приятнейших собеседников своего времени; русский образованный барин в полном смысле слова и один из таких рассказчиков, каких весьма редко можно встретить». Голицын обращал на себя внимание атлетичным сложением и ростом; разносторонне талантливый: музыкант и стихотворец, обладал прекрасным басом и с удовольствием пел. Его эпиграммы, экспромты, стихи, рассказы на русском, французском и польском языках были распространены среди высшего света. Он первый ввел в петербургское общество т. н. шарады в действии. Голицын был в дружеских отношениях с М. И. Глинкою и А. С. Пушкиным. Глинка вспоминает: «Я был тогда чрезвычайно застенчив; он умел ободрить меня и ввел в круг молодых людей высшего тона. Благодаря его дружескому участию, я приобрел много приятных и полезных знакомств. Сам же он умел ловко возбуждать меня к деятельности, писал для меня стихи и охотно исполнял мои сочинения». Глинка указывает несколько произведений, написанных на тексты Голицына (хотя это иногда были и переводы, и переделки): «Скажи, зачем явилась ты», канон на слова «Мы в сей обители святой», куплеты с хором «Лицо в черной мантии», «Разочарование. Где ты, о первое желанье», «Забуду ль я волшебство слов твоих», «К ней»; из музыкальных произведений Голицына издан романс на его же слова: «Мой друг, хранитель, ангел мой». Из литературных произведений напечатана повесть «Вы струсили?» в «Библиотеке для чтения» за 1835 (Т. 3. Ч. 1); В. Д. Давыдов напечатал рассказ Голицына о его разговоре с Ротшильдом перед Крымской кампанией и о разговоре Наполеона III с русским посланником Н. Д. Киселевым в 1851 («Русский архив». 1871. № 4—5). А. С. Пушкин написал на Голицына («длинного Фирса») и А. О. Смирнову-Россет, поклонниками которой они оба были, шуточные стихи «Полюбуйтесь же вы, дети». *А. Баженова*

ГОЛИЦЫНА (урожд. Энгельгардт) **Варвара Васильевна** (12[23].03.1752—2[14].05.1815), княгиня, писательница, переводчица.

Родилась в г. Белая Церковь, племянница Г. А. Потемкина, замужем за генералом С. Ф. Голицыным (1748—1810), участником русско-турецкой войны 1787—91 и взятия Очакова (1788). Была близко знакома с *Г. Р. Державиным* в бытность его тамбовским губернатором. Родовое имение Голицыных — Зубриловка — находилось в Балашовском у. Саратовской губ., в 150 верстах от Тамбова — культурный провинциальный центр своего времени, душою которого была Голицына. Известная своей красотой, она не раз была воспета Державиным, бывавшим в ее имении (напр., стихотворение «Осень во время осады Очакова», 1788). Державин пользовался посредничеством Голицыной в своих обращениях к Потемкину.

С 1797 *И. А. Крылов*, поступивший секретарем к С. Ф. Голицыну, жил в Казацком, малороссийском имении Голицыных, обучая их детей.

А. Баженова

ГОЛЛЕРБАХ Эрих Федорович (11[23].03.1895—1942), литературовед, искусствовед. Родился в Царском Селе. Выступил в печати в 1915. Автор книг: «В. В. Розанов. Жизнь

и творчество» (1922), «Алексей Н. Толстой» (1927), антологии «Царское Село в поэзии» (1922), книг «Образ Ахматовой» (1925) и «Город муз» (1927) — о Царском Селе. При его участии составлены иллюстрированные пособия: «А. С. Пушкин в портретах и иллюстрациях» (1937), «Н. А. Некрасов в портретах и иллюстрациях» (1938), «М. Е. Салтыков-Щедрин в портретах и иллюстрациях» (1939); три последние книги — совм. с В. Е. Евгеньевым-Максимовым; «М. Ю. Лермонтов в портретах и иллюстрациях» (1941, совм. с В. А. Мануйловым) и др. Голлербахом написаны также книги о художниках: «Рисунки М. Добужинского» (1923), «Силуэты Е. И. Нарбута» (1926), «Рисунки и гравюры В. Д. Замирайло» (1925), «Графика М. А. Кирнарского» (1928), «Акварели М. А. Волошина» (1927), «Рерих» (1939, совм. с В. Н. Ивановым), работы краеведческого, библиографического, книговедческого характера. Погиб во время блокады Ленинграда.

ГОЛОВАЦКИЙ Яков Федорович (17.10.1814—13.05.1888), поэт и ученый. Сын униатского священника. Окончил Львовский университет (1841). С 1848 — профессор малороссийского языка и литературы, затем ректор Львовского университета. Литературную и научную деятельность Головацкий начал в сер. 30-х. Пешком обошел Галицию и Закарпатье, изучал жизнь и быт народа, его фольклор. Вместе с писателями *М. Шашкевичем* и *И. Вагилевичем* явился зачинателем новой русской литературы в Галиции, находившейся под игом Австро-Венгрии. Выступил с оригинальными и переводными стихами в альманахе «*Русалка Днестровая*» (1837). В 1846 в сборнике «Вінок русинам на обжинки» опубликовал 20 сербских песен в переводе на малороссийский язык. В работах 30—40-х Головацкий пропагандировал идею единства русского народа, боролся за развитие литературы на родном языке. В 50-х Головацкий стал близок *славянофилам*, позднее стал последовательным православным монархистом. После 1867 переехал в Россию. Из наследия особенно ценны собранные им «Народные песни Галицкой и Угорской Руси» («Народні пісні Галицкої і Угорської Русі»). Кн. 1—4, 1878).

После Головацкого осталось много трудов разнообразного содержания — стихотворения, беллетристические произведения с содержанием из народной жизни (под псевд. Яцка Балагура), статьи исторические, археологические, библиографические, этнографические, филологические. Наиболее известны: «Росправа о языке южнорусском» (1849), «Грамматика русского языка» (1849), «Хрестоматия церковно-славянская и древнерусская» (1854), «Очерк мифологии» (1860), «О литературно-умственном движении русинов» (1865), «Карпатская Русь» (1875), «Дополнение к очерку славяно-русской библиографии Ундольского», «Воспоминания о Вагилевиче» («Киевская старина». 1883. VII), «О сборнике песен Жеготы Паули» («Киевская старина». 1885, и «*Русский вестник*». 1886). В 1884 Головацкий издал «Географический словарь западнославянских и югославянских земель и прилежащих стран». Цель автора — восстановить славянскую местную терминологию, большей частью в немецкой переделке вошедшей в русскую литературу (Лемберг вместо Львов, Тропау вместо Опава и пр.). К книге приложена карта земель.

Соч.: Твори. Вид. 2. Львів, 1913.

ГОЛОВИН Константин Федорович (12.07[2.08].1843—13[26].09.1913), писатель, общественный деятель.

Представитель старинного дворянского рода, который вел свое начало от знатного византийского рода Комнинов. Закончил юридический факультет С.-Петербургского университета в 1864. Поступил на службу во Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в 1870—75 был редактором 14-го тома Свода Законов Российской империи. С 1875 первый секретарь посольства в Вене. С 1877 в Министерстве государственных имуществ.

Блестящая карьера оборвалась на 37-м году жизни из-за потери зрения. Тяжелый недуг не сломил

его, вопреки ему Головин занялся литературной деятельностью, став известным и плодовитым писателем, публицистом, критиком (писал под псевд. Орловский К. Ф.). Уже в 1879 он заявил о себе как о литераторе, опубликовав ряд статей по аграрному вопросу и повесть «Серьезные люди», в 1882 вышел первый большой роман «Вне колеи». Его повести и романы печатались в «Русском вестнике», «Русском обозрении» и др. журналах. В 80-е были опубликованы романы «Блудный брат», «Дядюшка Михаил Петрович», «Молодежь»; в 90-е — «Опустелый дом», «Чья вина», «Погром», «На весах», «Медовый месяц». В 1909 был опубликован последний большой роман «Язычники», который был переведен на многие иностранные языки. Помимо романов его перу принадлежат несколько драм, из которых самая известная «Внуки Репетилова». Головин получил известность и как критик, его книга «Русский роман и русское общество» выдержала три издания с 1897 по 1914. Он автор нескольких крупных публицистических произведений, из которых наибольшее значение имеют: «Наше местное управление и местное представительство» (1884); «Крупное землевладение в Западной Европе и в России» (1887); «Сельская община в литературе и в действительности» (1887); «Социализм как положительное учение» (1894); «Мужик без прогресса или прогресс без мужика. (К вопросу об экономическом материализме)» (1896); «Наша финансовая политика и задачи будущего» (1899); «Вне партии. Опыт политической психологии» (1905). Очень популярна была книга его мемуаров «Мои воспоминания» (он успел подготовить и издать только два тома, которые охватывали период до 1894). Изданное в 1902—03 «Полное собрание сочинений» состояло из 12 томов.

Соч.: Наше местное управление и местное представительство. СПб., 1884; Крупное землевладение в Западной Европе и в России. М., 1887; Сельская община в литературе и в действительности. СПб., 1887; Социализм как положительное учение. СПб., 1894; Мужик без прогресса или прогресс без мужика. (К вопросу об экономическом материализме). СПб., 1896; Русский роман и русское общество. СПб., 1897; Наша финансовая политика и задачи будущего. СПб., 1899; Мои воспоминания. Т. 1—2. СПб., 1900—10; Полн. собр. соч. Т. 1—12. СПб., 1902—03; О необходимости преобразования Государственного Совета. СПб., 1904; Вне партии. Опыт политической психологии. СПб., 1905; Предположен-

ные административные реформы. Доклад 5-му съезду уполномоченных объединенных дворянских обществ. СПб., 1909; Финансовое положение России в связи с приходно-расходной сметой на 1909. Доклад 5-му съезду уполномоченных объединенных дворянских обществ. СПб., 1909; Язычники. Роман из современной жизни в 2-х частях. 2-е изд. СПб., 1909; Великая реформа 19 февраля. 2-е изд. СПб., 1911; К вопросу о волостном земстве. СПб., 1912.

Лит.: Некролог // Исторический вестник. 1913. № 10.

А. С.

ГОЛОТА Петр Иванович (21.12.1811[2.01.1812] — не ранее 1857), писатель. Сын киевского мещанина. Окончил Московский университет. В 1830-е написал ряд исторических романов. Обратившись к истории казачества — роман «Иван Мазепа» (Ч. 1—4. М., 1832; переизд. М., 1897), «Наливайко, или Времена бедствий Малороссии» (Ч. 1—4. М., 1833), «Хмельницкие, или Присоединение Малороссии» (Ч. 1—3. М., 1834), — Голота сделал своей темой национальное и религиозное самоопределение малороссов, достигаемое в борьбе с польской шляхтой и католической церковью и ведущее к воссоединению с Россией.

ГОЛОХВASTОВ К. К., лубочный писатель к. XIX — н. XX в. Начав печататься в 1890, Голохвастов выпустил более 50 книг разных жанров, многие из которых неоднократно переиздавались. Поскольку Голохвастов ориентировался не на сельских читателей, а на более требовательные, «полубразованные» городские низы, его произведения по тематике, языку и повествовательной технике несколько отличались от книг др. писателей-лубочников. Пересказы «бродячих» сюжетов («Сказка о славном и сильно-могучем богатыре Еруслане Лазаревиче и о прекрасной супруге его Анастасии Вахрамеевне», СПб., 1904; «Гуак и царица Аварская», СПб., 1905) нетипичны для его творчества, а к обработке книг др. авторов он вообще не обращался. В его лубочных произведениях варьировались темы превосходства Православия над др. религиями («Оломар, или Литовский волк», СПб., 1890, «Первые просветители Руси», СПб., 1893, «Черный монах. Повесть из жизни черниговцев», СПб., 1894) и патриотизма («Матрос 30-го Черноморского экипажа Петр Кошка и другие доблестные защитники Севастополя», СПб., 1893; «На смерть обреченные, или Геройский подвиг полковника П. М. Карягина и рядового Сидорова...», СПб., 1903).

В 1900-х Голохвастов пишет в основном «уголовные» романы с героями городского фольклора: «Ванька Канин, знаменитый московский сыщик (фискал)» (СПб., 1900), «Приключения петербургского Макарки Душегуба» (СПб., 1901), «Страшный злодей и разбойник Федот Чуркин» (СПб., 1906), «Новый цыган Яшка. Роман из современной жизни» (Ч. 1—4. СПб., 1906).

ГОЛОХВASTОВ Павел Дмитриевич (15[27].02.1838—4[16].07.1892), историк-славянофил, публицист, филолог. Окончил Пажеский корпус; в 1857—58 служил в московском Главном архиве Министерства иностранных дел, в 1858—59 — в Азиатском департаменте. Был известен как знаток древнего русского быта, истории и народного творчества.

В 1869 стал известен в литературных кругах как автор драмы «Алеша Попович», вольной переработки нескольких русских *былин*. Критика отмечала «прекрасное знание» Голохвастовым былинного стиха и роли в нем «смыслового ударения». Голохвастов опубликовал разбор «Книги былин» В. П. Авенаруса, статьи о записи А. С. Пушкиным народных песен и о его «Песнях о Степане Разине», исследова-

дование «Земское дело в смутное время». В 80-е резко осуждал антиправославные искания *Л. Н. Толстого*, который «дочиста выписавшись», «хочет... рушить Церковь — нерушимую... Народа он, надеюсь, не развратит, но обществу — развратит окончательно...» (письмо *Н. Н. Страхову* от 12 дек. 1886)

В н. 1882 как теоретик славянофильской идеи Земского собора Голохвастов был вызван министром внутренних дел *Н. П. Игнатьевым* в Петербург для разработки основ этого органа, назначен чиновником особых поручений при министре, вел обширную переписку с *И. С. Аксаковым*, составил проект императорского манифеста о созыве Собора. Однако эта идея была отвергнута имп. Александром III, и Голохвастов в том же году вышел в отставку.

ГОЛТЯКОВ (Гольтеков) Никита Васильевич (1792—3[15]. 10.1830), автор исторических сочинений, переводчик. Сын тульского купца. Окончил Московский университет. В 1890 издал «Оду на прибытие в Москву императора Александра I 6 дек. 1809 г.» (М.). Студентом Голтыков был активным сотрудником журнала «Друг юношества», в котором публиковал свои, написанные архаичным слогом, поэтические опыты («Ода на разрушение Иерусалима». 1808. № 10; «Ода на заключение мира между Россией и Швецией...». 1809). Черты политического памфлета — с вольной интерпретацией исторических и биографических фактов — носила книга Голтыкова «Характер Наполеона, или Дух и свойства Наполеона Бонапарте и всех его родственников и сообщников и проч. Сочинение, взятое из секретных французских записок» (ч. 1—2. М., 1814), где неприятие идей французской революции, враждебное отношение к Наполеону, приносящему в «жертву свирепому своему честолюбию нынешнее поколение французов», выразилось уже в названии глав: «Наполеон гнуснейший лицемер и обманщик...», «Наполеон развратен», «Бонапарте грабитель государств и народов» и пр.

ГОЛУБЕВ Валентин Павлович (р. 25.11.1948), поэт. Родился в пос. Сосновая Поляна Ленинградской обл. в семье плотника. В н. 1970-х Голубев — член литературной мастерской Союза писателей при журнале «Аврора». В 1976 выходит первая книга стихов «Праздник». В ней заметно стремление к философскому осмыслению действительности и цельность поэтического характера. «Прошлое Родины для Голубева — не просто опозитивированная история, а нерушимая основа, живительный источник творчества. Его стихи уходят корнями в русскую былину, сказку, песню» (А. Шевелев). Вместе с тем критика указала и на недостатки первой книги поэта: в ряде стихов проступила излишняя громогласность, нарочитая красавица; в условно-сказочных Аленушках, Несмеянах усматривали «заведомую искусственность», когда «условность поглощает живые мысли и чувства» (Н. Сотников).

Голубев совмещает литературный труд с работой на производстве, пройдя путь от слесаря, автомеханика до начальника крупного заводского цеха.

В 1980-е Голубев близко сходит с *Н. Тряпкиным*, *Ст. Куняевым*. В к. 1980-х активно участвует в создании Ленинградской областной писательской организации, объединившей патристически настроенных литераторов города; создает и возглавляет поэтическую мастерскую «Содружество».

Яркие, сочные зарисовки деревенского быта и пейзажи Голубева отличает живописная пестрота, «размашистость, цветистость образа, любование сказочными персонажами» (Н. Сотников). Голубев насыщает язык разговорными интонация и словами, заимствованными из живой народной речи. Его стихи лежат в русле песенно-фольклорной традиции, идущей в русской поэзии от *А. Кольцова*.

Отличительные черты поэзии Голубева — острое чувство гражданственности, богатый язык, уходящий корнями в русскую сказку и песню, насыщенность приметам окружающей жизни, яркая образность, свежие речевые обороты, любование песенным русским словом.

Сборники «От весны до весны» (1985) и «На черный день» (1990) — о сложности и богатстве человеческой души, о стремлении к счастью. Темы их многообразны, традиционны: любовь, Родина, мотивы одиночества, неудачной любви.

В книгах «Русская рулетка» (1998) и «Жизнь коротка» (2002) Голубев предстает как поэт глубоко драматический. В этих сборниках поэзия Голубева насыщена напряженным лирико-философским размышлением. Входят мотивы религиозные, прежде всего — прощания с жизнью и неизбежного предстояния перед Богом, греха и покаяния. При этом в стихах нет следов «декоративного православия», христианство в стихах Голубева предстает как его собственная вера, внутренне цельная. В теме смерти — вера в светлое загробное существование, надежда на встречу с близкими людьми: «Здравствуй, последний мой милый приют, / Путник веселый к вам в двери стучится. / Здесь меня любят и здесь меня ждут...» («В церквушке на Охтинском кладбище...»).

Религиозно-поэтическая тема Голубева — мученичество Родины и мученичество Сына Божия в России (тютчевский мотив страдающего и благословляющего Царя Невесного, «исходившего Россию»). Эта неотступная тема от стихотворения к стихотворению звучит все горше («На досках русский Бог распят...», «Нас, как распяли, облукавили...», «Благодать»).

Стихи книги «Русская рулетка» — о русской исторической стуже, о лихом и страшном времени 1990-х. Автор пишет о горькой исторической перспективе: «Мы как в “яблочко” попали / В век, где бед, как звезд и чисел, / Самый светлый здесь в опале, / Самый честный — беззащитен» («Рождество»).

Финал книги — три плача по митрополиту С.-Петербургскому *Иоанну*, объединенные в цикл «Тризна» («Мы стоим последнюю заставой / Смертные, готовые на смерть»).

Венчает сборник «Жизнь коротка» одно из лучших стихотворений «Русская душа». Поэт размышляет о месте России в мире и своеобразном ее характере: «Немец капнет, где русский плеснет, / Чтобы душу живьем внимало. / Здесь на праздник Чернобыль рванет / Так, что всем не покажется мало». Таинственная судьба России — «жутко-прекрасная», с крайностями гордыни и нищеты, крови и смирения, ее «нельзя объяснить», остается лишь признать, что она «Богом дана». На пороге XXI в. Голубев, обогащенный опытом минувшего столетия, развивает темы историко-философской лирики *Тютчева*, *Блока*.

Соч.: Праздник. Л., 1976; От весны до весны. Л., 1985; На черный день. Л., 1990; Русская рулетка. СПб., 1998; Жизнь коротка. СПб., 2002; Пора возвращаться // Наш современник. 2001. № 7; Цветы скучают без хозяев // Там же. 2002. № 6.

«ГОЛУБИНАЯ КНИГА», памятник древней русской духовности и поэзии, свое название получила от слова «глубина», т. к. в ней содержалась «глубинка», премудрость знаний о происхождении мира, объяснялись сложные явления природы. Название «Глубина» нередко давалось Псалтири. Будучи первоначально книгой дозволенной, эта «Глубина», или «Голубиная книга», в XIII в. переходит в разряд запрещенных, или т. н. апокрифических (см.: Апокрифы). Последнее объясняется тем, что в книге объединились как христианские, так и языческие мотивы.

«Голубиная книга» известна в нескольких списках. Несмотря на некоторые их различия, книгу можно разделить на 3 части. В первой части, служащей эпическим введением, рисуется обстановка события — появления необыкновенной книги. По одним вариантам, «из-под тучи темная», по другим — «на славную на Фавор гору, ко чудну кресту животворящему, ко Алатырю белу камню, ко честной главе ко Адамовой»; по третьим — «на матушке на святой Руси» выпадает книга голубиная, лебединая, божественная книга евангельская. «И не малая, не великая, долины книга сорок сажень, поперечины двадцать сажень». Около этой книги собираются различные лица: сорок царей, сорок князей, сорок попов и т. д. Вторая часть заключает разговор двух лиц: *Волот Волотович* (иначе Володимер Володимирович) предлагает вопросы, а Давид Есеевич отвечает. Первый ряд вопросов касается космогонии. Волот спрашивает, отчего произошли свет, солнце, месяц, зори, звезды, ночи, росы, ветры, гром и дробен дождик. Ответы даются в духе христианского мирозерцания. Источник всех этих явлений — или Бог (Отец), или Христос — Царь Небесный, или Дух Святой Саваоф. В некоторых вариантах дальше идут вопросы о создании человека и сотворении каст. На вопрос о создании человека Давид отвечает: «у нас ум-разум самого Христа; наши помыслы — от облац небесных; мир-народ от Адамия; кости крепкия — от камня; телеса наши — от сырой земли; кровь-руда наша — от Черна моря». Ответы на вопросы о создании сословий, — по всей вероятности, позднейшая вставка: «оттого у нас в земле цари пошли от святой главы, от Адамовой; оттого зачалились князья-бояры — от святых мошей от Адамовых; оттого крестьяны православные — от свята колена от Адамова». Далее во всех списках идут вопросы о первенстве, или старейшинстве, различных предметов. «Какой царь над царями царь, какой город всем городам отец», и так далее в такой же форме вопросы о Церкви, о горе, море, реке, озере, о рыбе, птице, звере, о древе, траве и камне. Ответы дают следующие указания на первенство: белый царь, Иерусалим, Церковь соборная, или Святая святых Иерусалимская, гора Фавора, Окиян море (в одних списках, потому что обошло вокруг земли; в других, потому что на нем выходит раз в год Церковь соборная, а в ней моши Клима, Климентьева, папы Римского), Иордань-река, кит-рыба, потому что на ней держится вся сыра земля, птица Страфиль, или Естрафиль; зверь-индрик, или единорог, или лев; трава-плакун, пошедшая от слез Богоматери; и, наконец, всем камням мати — камень *Алатырь*, или Латырь, на котором сидел Христос. Третья часть стиха в «Голубиной книге» передает сон, рассказанный Волотом: спорят правда и кривда, в образе или двух зверей лютых, или двух юношей, или двух зайцев, белого и серого. В некоторых вариантах излагается др. сон, пророческий: у Волота должен родиться сын, а у Давида — дочь Соломония, и они должны сочетаться браком.

«Голубиная книга» сыграла большую роль в развитии русского национально-православного самосознания и начал философской мысли (см. также: Алатырь-камень).

Лит.: Мочульский В. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887; *Серяков М. Л.* «Голубиная книга». Священное сказание русского народа. М., 2001; Стихи духовные / Сост. Е. А. Ляцкий. СПб., 1912; *Топоров В. Н.* Русская «Голубиная книга»... // Этимология. М., 1978; *Тихомиров Н.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1—2.

ГОЛУБКОВА Маремьяна Романовна (17.02[1.03].1893—8.09.1959), сказительница. Родилась в д. Голубково Нижегородского р-на Архангельской губ. в крестьянской семье. Голубкова — выдающаяся хранительница традиционного фольклора: от нее записано свыше 400 песен, много причетов, *пословиц, загадок*. Незаурядные способности импровизатора находили выражение в плачах Голубковой. Светлым оптимизмом проникнуты сказы Голубковой о жизни печорских крестьян и рыбаков на фоне прекрасной и суровой северной природы. На события Великой Отечественной войны Голубкова отозвалась произведениями: «Проклятие Гитлеру», «Пусть падут слова материнские», «Отдал жизнь свою не жалеючи» и др. Совместно с писателем и фольклористом *Н. П. Леонтьевым* написаны книги Голубковой «Два века в полвека» (1946), «Оленьи края» (1947), «Мать-Печора» (1950), роман «Маришка» (опубл. 1960).

Э. П.

ГОЛУБОВ Сергей Николаевич (8[20].06.1894—8.02.1962), писатель. Родился в Саратове. Окончил юридический факультет Московского университета. Писал исторические романы, повести, рассказы, печататься начал в 1933, в 30-е создал художественно-биографические книги о В. И. Баженове (1937), И. И. Ползунове (1937), А. А. Бестужева-Марлинском (1938). Перед самой войной в 1939 вышла «Солдатская слава» — книга о борьбе русских с чеченцами в Кавказской войне 1830. Важнейшее произведение Голубова — «Багратион» (1943) — оказалось очень актуальным и служило подъему патриотического духа нашего народа. Столь же сильный патриотический пафос отличал и книгу «Когда крепости не сдаются» (1953) — об обороне Брестской крепости и необыкновенном подвиге Героя Советского Союза Д. М. Карбышева. При жизни Голубова вышли его «Избранные произведения» в 2 т. (1958). Творчество Голубова основано на документальном материале, к изучению которого писатель подходил со всей серьезностью, именно поэтому интерес читателей к его лучшим произведениям был велик.

А. Баженова

ГОЛЯТОВСКИЙ И. — см. **ИОАННИКИЙ (ГОЛЯТОВСКИЙ)**.

ГОНЧАРОВ Иван Александрович (6[18].06.1812—15[27].09.1891), писатель, критик. Родился в Симбирске в зажиточной купеческой семье, быт которой приближался к дворянскому. Учился в частном пансионе, затем в коммерческом училище в Москве, а с 1831 по 1834 — на словесном отделении Московского университета. После кратковременной службы секретарем канцелярии Симбирского губернатора переезжает в Петербург (1835), служит в Департа-

менте внешней торговли Министерства финансов в качестве переводчика. Получив приглашение от художника Н. А. Майкова быть домашним учителем его сыновей, Аполлона и Валериана, Гончаров становится активным участником литературно-художественного салона Майковых, где встречается с писателями и журналистами. Осенью 1852 Гончарову предоставилась возможность совершить кругосветное путешествие на военном фрегате «Паллада» в качестве секретаря экспедиции. Творческим итогом путешествия стала книга очерков экспедиции «Фрегат “Паллада”», опубликованная в 1858, где в увлекательной художественной форме описываются нравы и быт др. народов. В 1855 возвращается в столицу, а в 1856 определен на должность цензора Петербургского цензурного комитета.

Первые литературные опыты относятся к 1838 (повесть «Лихая болеть»). Но известность приходит к писателю только в 1847, когда в «Современнике» был опубликован роман «Обыкновенная история». В 1859 появляется в печати роман «Обломов», который закрепляет за писателем славу крупнейшего писателя-реалиста. В 1867 Гончаров вышел в отставку, а через два года опубликовал свой третий роман «Обрыв», который вызвал немало нареканий в критике. Либерально-демократические круги считали, что Гончаров дал карикатурное изображение революционной молодежи.

В 70—80-е проявляется талант Гончарова-критика. Он написал ряд статей, очерков, воспоминаний, среди которых особое место занимает «Мильон терзаний» (1872) и «Заметки о личности Белинского» (1874). Умер Гончаров в Петербурге признанным классиком русской литературы.

Гончаров именовал свои сочинения «трилогией», где действует один и тот же герой — тип дворянского интеллигента. Во всех трех романах представлена барская усадебная культура в период ломки традиционного уклада, кризиса русской жизни, когда вместе с наступлением технического прогресса рушились устоявшиеся представления о жизненных ценностях, прежде всего духовно-нравственных идеалах.

В первом романе показана история превращения молодого дворянина, жившего мечтой о значительной деятельности, в обыкновенного трезвого дельца.

В основе сюжета лежит конфликт молодого человека с новой действительностью, в которой на первом плане деловитость, расчет, рационализм. Александр Адуев живет не головою, а чувствами по преимуществу; он, по замечанию В. Г. Белинского, «трижды романтик — по натуре, по воспитанию и по обстоятельствам жизни». С этим можно согласиться, но до определенной степени, т. к. глубинный замысел писателя значительно шире обозначенной формулы. Для Гончарова важно было не просто описать какую-либо историю «романтика», но и определить «скрытый механизм» современной действительности, где гаснут мечты, черствеет сердце, а «дело» лишено подчас каких бы то ни было красок. Речь идет не только о судьбе Адуева-младшего, а о смене двух эпох в русской жизни: смене традиционного уклада новым нарождающимся веком технической цивилизации и прагматизма.

Коренные начала национальной, самобытной жизни сохранились в родной усадьбе Александра с патриархальным и милым сердцу названием «Грачи». С описания этого уголка начинается роман. Жизнь деревенских обитателей протекает неторопливо, размеренно, в гармонии с природой, в любви и согласии. Необозримая ширь золотых лугов, синее озеро, высокое небо с раннего детства воспитывали в молодом барине естественную тягу к красоте и добру. Мечтал юный

идеалист и о большой, вечной любви, крепкой дружбе, громких подвигах. Говоря о наивности этих стремлений, необходимо помнить, что побуждения такого рода исходят из благородных и чистых представлений о ценностях человеческой жизни. «Мечтал он о пользе, которую принесет отечеству», — пишет Гончаров. Для большинства дворянской молодежи сер. XIX в. такие намерения казались смешными на фоне всеобщего очерствения и эгоистического себялюбия, овладевшего умами в столичных кругах.

Но все-таки поэзия сельского уголка для молодости недостаточна. Героя тянет вдаль, взоры его устремлены в Петербург, в мнящую неизвестность, где, как ему кажется, есть широкий простор для человеческой деятельности.

Развитие конфликта начинается сразу по приезде в Петербург. Александр встречается с дядюшкой Петром Ивановичем Адуевым, который вот уже 17 лет безвыездно живет в столице. Петр Адуев — большая художественная удача Гончарова. Он показан не схемой, а живым человеком, дан в противоречивом единстве своих качеств, как хороших, так и плохих. Человек умный, образованный, он сразу понял характер своего племянника и терпеливо выслушал ему трезвый взгляд на жизнь. Адуев-старший явил собою начало торжества деловитости и рационализма, не замечавшего последствий жесткой регламентации этого принципа. С первых слов выясняется, насколько далеки представления племянника от реальной действительности. Картины петербургской жизни, данные в восприятии неискушенного соблазнами и эгоизмом провинциала, противопоставлены в романе народно-национальным началам деревенского бытия. Петербург дан как символ бездушия и однообразия, замкнутого пространства, лишающего личность индивидуальности, символ духовной пустоты и равнодушия к человеческой судьбе: «...суматоха, все бегут куда-то, занятые только собой, ...однообразные каменные громады ...все одно да одно ...нет простора и выхода взгляду: заперты со всех сторон, — кажется, и мысли и чувства людские также заперты».

Постепенно, расширяя повествование, Гончаров показывает, как герой испытывает одно разочарование за другим. Оказалось, что служба в департаменте не требует какой-то особой умственной сосредоточенности. На «фабрике бумаг» первейшая обязанность чиновника — подчинение старшему по должности и аккуратное переписывание документов. Душа Александра никак не может примириться с ежедневными прозаическими хлопотами. Он все ждал, «какой государственный вопрос предложат ему решить». А вместо этого пришлось переводить статьи «о наземе» для отдела сельского хозяйства. На литературном поприще его также ждала неудача. Выяснилось, что стихи, привезенные из деревни, годятся, по замечанию дяди, только на оклейку окон. Любимая девушка оказалась не романтической феей, а земной обыкновенной женщиной, которая оставила его, позабыв жаркие клятвы и таинственные летние ночи. Светское честолюбие в Наденьке Любецкой взяло верх над сердечным увлечением. Как все романтики, Адуев-младший идеализирует людей, часто проявляя доверчивость в оценке тех или иных качеств человека. Страдания молодого человека достигают кульминационной точки, когда ему кажется, «что люди обокрали его душу», т. е. лишили высокого идеала.

Дружба, как и все другое, обернулась химерой: отношения между людьми строятся в новой реальности на холодном расчете. «Ужели во всем так? — восклицает Александр. — Ужели я ошибался и в заветных, вдохновенных думах, в теплых верованиях в любовь, в дружбу и в людей?»

Не выдержав столкновения с деловой торгово-промышленной действительностью, герой бежит от нее в деревню. Но оказывается, прежний юноша... исчез! Переосмысливая свой горький опыт, он постепенно приходит к мысли о том, что нельзя оставаться в изоляции: «Что делать, ...век такой. Я иду наравне с веком: нельзя же отставать!» Признание реальной действительности рождает нового человека — решительного и преуспевающего по служебной линии. В финале мы видим его укрепившимся в петербургском обществе — слегка лысеющего, но вполне довольного жизнью господина. Он готовится к женитьбе на богатой невесте. Следовательно, с ним произошла *обыкновенная история*: проза жизни победила юношескую мечтательность.

Оценить однозначно это перерождение нельзя. Есть, несомненно, плюсы и минусы в том превращении, которое описал Гончаров. Положительным результатом надо признать избавление героя от пустой мечтательности, чрезмерной восторженности, его отказ от претензий на значительность своего творческого дарования. Осознав себя как человека средних способностей, он перестал тешить себя иллюзиями и научился делать дело, не стал подменять жажду романтического пустыми светскими развлечениями.

Но вместе с тем он утратил способность к непосредственному переживанию, потерял былую тягу к красоте, разуверился в добре и благодетельстве. Он стал жить сугубо практическими интересами, т. е. стал прагматиком, утерял на жизненной дороге наиболее ценные духовные задатки. Поэтому итог первого романа Гончарова печален: жизнь вынуждает человека либо к разладу с современностью, либо к полному подчинению ей.

В романе «Обломов» показан др. вариант столкновения героя с практической жизнью. Более 10 лет работы над романом изменили и углубили первоначальный замысел писателя. Роман был задуман еще в 1847 как своеобразный очерк барства, как попытка обрисовать тип помещика сер. XIX в.: его быт, идеалы, деятельность. Размышляя в «Сне Обломова» (1849) над условиями воспитания Илюши, Гончаров переходит от истории русского барина к вопросам более масштабным — о судьбе духовно значимого человека в современном мире.

Характеристику Обломова нельзя ограничить одной лишь неспособностью к действию, барской леностью. Это сложный, многоплановый образ, в котором угадывается не только «знамение времени» в том смысле, в каком понимал его Н. А. Добролюбов, — т. е. крах помещичьего сословия. Но вместе с Обломовым из жизни уходит духовное начало, высокие нравственные требования к жизни.

Вся первая глава романа посвящена описанию того, как проводит утро бывший чиновник, петербургский житель Илья Ильич Обломов. С одной стороны, видим, что Обломов не может подняться с дивана, хотя уже полдень, и весь деловой Петербург в хлопотах. Черты его лица, халат, домашние тапочки, в которые он сразу попадал, опустив ноги, детали обстановки, казалось бы, говорят сами за себя — характеризуют его как человека неопределенного, вялого.

Вместе с этим замечаем, что типы современных петербургских «деятелей», собранные в гостиной Обломова, призваны оттенить, подчеркнуть незаурядность его человеческих задатков: тонкий наблюдательный ум, высокие духовные запросы, чистоту и доброту «голубиного сердца». Он пробуждается от сна, чтобы поспорить со своими бывшими сослуживцами. В этих диалогах раскрывается человек, не приемлющий ценностей суетно-практического мира.

Светский шеголь Волков, занятый примеркой и демонстрацией нового фрака, вызывает сожаление и ироническую

усмешку читателя. «Блистающий господин» озабочен тем, как в один день успеть в десять мест: катания в Екатерингофе, балеты, балы и приемные дни у многочисленных князей и вельмож. Горькие и верные замечания Обломова сопровождают его уход: «Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается?» В пустой, безудержной погоне за блеском и шумом развлечений некогда задуматься о нравственной стороне «дела».

Чиновник Судьбинский озабочен получением звания, продвижением по служебной лестнице. Человек без ума, воли и чувства — бездушный канцелярский исполнитель. Чрезвычайная деловитость и «занятость» скрывают его пустую, ограниченную натуру, отсутствие подлинно человеческих интересов — ума и сердца, для которых он «слеп и глух».

Наконец, Пенкин — журнальный поденщик, собиратель грязных новостей, представитель т. н. массовой бульварной прессы. Скучность подобного рода литературы понимает Обломов. В разговоре с Пенкиным он гневно осуждает отсутствие любви к человеку в новейшей литературе, глумление над добродетелью, критику порока без сострадания и сердечной боли, когда в погоне за сенсацией, в стремлении поразить воображение читателя смакуются грязные стороны человеческой жизни, преступаются нравственно дозволенные границы изображения. Беспринципные журналисты, подобные Пенкину, готовы за мзду «менять убеждения, торговать умом и воображением... И все писать, все писать, как колесо, как машина». Куда может завести подобная, с позволения сказать литература, изгнавшая со своих страниц стремление к благородному и возвышенному идеалу?

Мысленному взору Обломова открывается безрадостная картина петербургской жизни, где суета и внешняя деловитость скрывают отсутствие подлинно духовных человеческих потребностей. Как загорается сердце Обломова в споре со Штольцем о существе жизни: «...вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек, особенно жадности, ...сплетни, пересуды... Где ж тут человек? Где его целость? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь?... Жизнь: хороша жизнь! Чего там искать? интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается все это: нет его, нет ничего глубокого, задевающего за живое. Все это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества! Что водит ими в жизни?... А наша лучшая молодежь, что она делает? Разве не спит, ходя, разъезжая по Невскому проспекту, танцуя? Ежедневная пустая перетасовка дней! ...все заражаются друг от друга какой-нибудь мучительной заботой, тоской, болезненно чего-то ищут. И добро бы истины, блага себе и другим — нет, они бледнеют от успеха товарища. ...Вот этот желтый господин в очках пристал ко мне: читал ли я речь какого-то депутата, и глаза вытаращил на меня, когда я сказал, что не читаю газет. ...Рассуждают, рассуждают и вкось, а самим скучно — не занимает это их; сквозь эти крики виден непробудный сон! Это им постороннее; они не в своей шапке ходят. ...Под этой всеобъемлемостью кроется пустота, отсутствие симпатии ко всему!» Становится понятным, что это одна из причин его апатии, равнодушия к жизни.

Разочарование пришло к Обломову, как и к Адуеву-младшему, не сразу. Обломов пытался заняться делом: прослужил в департаменте около двух лет, но не выдержал однотонной канцелярской рутин. Жизнь как бы обломала, сломила его. Он убедился, что настоящее чуждо надеждам и желаниям. Больше нечего ждать от судьбы, как прежде, в молодости.

В обстановке его кабинета, убранстве комнат заметно желание отгородиться от мира, укрыться от суеты, забыться сном, т. к. в условиях всеобщего очерствения, лжи и порочности мечты о чистой, гармоничной жизни не осуществимы. И если в «Обыкновенной истории» герой становится как все, то в романе «Обломов» — он уходит от действительности в мир мечтаний.

Но не только черствость и меркантильность окружающего мира были причиной гибели Обломова. Причина его неподвижности кроется еще и в условиях воспитания. Автор не случайно знакомит нас с детством Обломова, рисуя безмятежную картину, где все давалось легко маленькому Илюшеньке. Взрослого Илью обслуживает преданный Захар. И как справедливо замечает Штольц, у Обломова все началось «с неумения надевать чулки, а кончилось неумением жить». Отсутствие привычки к труду послужило одной из причин духовного бессилия Обломова, неумения противостоять жизненным трудностям, неспособности к волевому усилию, борьбе за свое счастье. Он лишь сумел указать зло, овладевающее миром, но не смог противостоять его распространению.

С др. стороны, картины деревенского детства Илюши заставляют задуматься не только о безмятежном житье-бытье, но и о нравственно-духовной норме жизни. Представления об этом Обломов вынес из детских лет: обломовцы «не принимали за жизнь круговорота вечных стремлений куда-то, к чему-то», жизнь их наполнялась «коренными и неизбежными событиями» (что в особенности важно подчеркнуть сегодня), в гармонии с природой, в преемственности форм национальной жизни, в желании передать детям и сохранить эти неизбывные начала жизни, которые есть основа и залог человеческой индивидуальности. Не случайно образ родового гнезда во всех трех романах Гончарова выступает как основа нравственно-духовных начал человеческой личности.

Гончаров глубоко постиг психологию человека, от природы доброго и чуткого, умного и чистого, но зараженного болезнью — «обломовщиной». Слово это не раз повторяется в романе. Трагедия усугубляется тем, что сам Обломов признает свою болезнь, видит ее признаки, но непреодолимая сила обломовщины убивает его, как духовно, так и физически.

Любовь к Ольге Ильинской была последней попыткой героя вернуться к жизни. Автор, как бы убедившись в несостоятельности своего героя, с горечью и сожалением оставляет его умирать на окраине Петербурга, в доме мешанки Пшеничиной, где он обретает уют и тепло, долгожданный покой, но без духовных порывов, без развития и движения.

Ответ на вопрос, почему герой не нашел места в жизни, не имеет однозначного решения. По Добролюбову, причина состоит в нравственно-психологических следствиях крепостного права, развенчанной барской жизни, в обломовщине. На самом деле, авторская позиция более глубокая. Гончаров учитывает еще и трагические закономерности бытия, влияющие на судьбу личности в новых условиях жизни.

Человеческие качества Обломова в полной мере раскрываются в его любви к Ольге. Именно эта чистота и искренность ставят его в некотором отношении даже выше окружающих его лиц. Это вызывает и горячую любовь у читателей. Обломов обладал довольно редким качеством среди людей: не делать «зла» другому, не приносить его в жертву своим прихотям, подчас вздорным и жестоким. В мире пошлости и обмана с таким свойством не прожить. Обломов, в отличие от многих, не скрывал своих «пороков», слабостей природы, он отошел от мира, замкнулся в себе и умирает...

Но таким образом ничего нельзя доказать людям и ничего нельзя решить в пользу своих идеалов, даже если они чисты и возвышенны. Нужны др. пути в жизни, прежде всего — активное духовное противостояние злу. Попытку отыскать такие пути Гончаров предпринял в третьем романе «Обрыв».

В предисловии к роману, объясняя замысел нового произведения, Гончаров говорит, что он написал «...не три романа, а один». В первом изображен Обломов молодых лет, во втором — человек зрелого возраста. Герой третьего романа, художник Райский, — «проснувшийся Обломов», ринувшийся к делу, к обновлению, к жизни. Такой виделась Гончарову эволюция дворянского интеллигента. В последнем, завершающем трилогию, романе писатель попытался обозначить пути возможного оздоровления нравственно-философских исканий «лишних людей».

Сюжетным стержнем романа стал поиск Райским красоты. Райский — «художник от природы», наделенный избытком фантазии и тонкою нервной организацией. поклонник красоты, Райский ищет в чувстве любви к женщине идеала физического и нравственного совершенства. Он хочет увлечь и других теми стремлениями, которые страстно проповедует. Идеал красоты — цель жизни Райского.

В начале романа герой не может четко обрисовать формы и границы прекрасного начала, воплощения которого он добивается в жизни. Его порывы часто оказываются всего лишь поисками новых источников «восторга». Его романтическая настроенность несет на себе черты обломовщины, которая проявляет себя в неумении и нежелании сосредоточиться на чем-то одном, постоянном и прочном. Так же, как и Обломов, Райский не способен к усидчивому труду.

В первой части романа герой действует в великопетербургской среде Петербурга. Он хочет «пробудить» Софью Беловодову, зажечь в ней внутренний свет эмоциональной «восторга». вдохнуть в нее страсть, заставить задуматься о судьбе др. людей, их бедах и нуждах, страданиях и радостях. Это вызывает лишь ироническую улыбку у равнодушной, холодной, но более практичной, чем он, светской красавицы. Убедившись в невозможности изменить кузину, он уезжает в свое родовое поместье, деревню Малиновку, где развивается основное действие романа. Там Райский увлекается новым типом красоты: сначала Марфинькой, затем — Верой.

Образ Веры — центральный персонаж романа, с ним связано решение вопроса о «старой» и «новой» правде. Суть конфликта в том, что «старая» правда бабушки, России оказалась как бы изжитой новым поколением, а новая еще не найдена. В характере Веры достаточно сильны «старые» основы, связанные прежде всего с ее религиозными представлениями. Но также сильно в ней желание обновления, стремление к свободе, к высокой цели. Независимый гордый ум толкает Веру на самостоятельные поиски нового — так происходит ее сближение с Марком Волоховым. Волохов олицетворяет собой тип революционера, социалиста крайнего толка, сеющего смуту в сердцах гимназистов. Та разновидность общественного деятеля, которую нарисовал Гончаров в образе Марка Волохова, явилась самой злой для России, поскольку связана с проповедью вседозволенности, с разнузданным отрицанием всех положительных понятий. В борьбе с ним, со своей страстью и проявляются все незаурядные качества натуры Веры. Она ничего не принимает на веру, все хотела бы подтвердить опытом, практикой. Отсюда — ее ошибки и падения. Для Веры отношения с любимым не ограничива-

ются страстью, как у Райского, а подчиняются высшим нравственным критериям: чувству долга, ответственности перед Богом за свои решения и поступки.

Вера проходит через искус соблазна т. н. новыми веяниями, увлечение Марком и его теорией о «заре будущего», о «прогностике» и социальной справедливости, об узаконенности любви на срок. Ситуация Веры, как пояснял сам Гончаров, вовсе не случайна: «Пала не Вера, не личность, — пала русская девушка, русская женщина жертвой в борьбе старой жизни с новой... Она хотела не разрушения, а обновления, но она не знала, где и как искать». Судьба Веры обобщает поиски молодого поколения русского интеллигентного общества 60-х XIX в., когда молодые люди оказывались в силу своего естественного интереса к новому в трагическом разладе с ценнейшими национальными заветами. На практике борьба за свободу личности, устремленность к прогрессу оборачивалась разрушением, отказом от вековых устоев, собственной самобытности и потерей нравственных ориентиров.

Вера прошла весь путь обольщения «новой» правдой, она искупает свой грех путем страданий и признания «правды бабушки». Постепенно она приходит к ясному осознанию того, что не может жить без родины, без Волги, близких и родных людей. В лице помещика Тушина, лесника-предпринимателя, мужественного и честного человека, она обретает надежную опору, друга-помощника. Возможно, именно в союзе с этим человеком, по мысли автора, Вера найдет истинные пути «восстановления» своей личности. Он способен понять и оценить ее самостоятельность, дать ей то, чего она так долго и мучительно искала — крепкую семью, основанную на взаимопонимании и доверии.

Т. о., Гончаров показал, что самый тяжелый «грех» русского человека проявляется в том и тогда, когда он под влиянием новых «веяний» начинает поиск разумного в отрыве от здоровых традиций и родной почвы, когда в абстрактных поисках меркнет национальное самосознание, когда разрываются связи с высшими религиозно-нравственными принципами бытия. Это приводит к потере защитных инстинктов самосохранения, к гибели нации в конечном итоге. Промежуточным итогом такого разрыва является тот «обрыв», который изображен в романе. «Обрыв» ощущается не только в судьбах отдельных героев, но и в духовно-нравственном, историческом развитии России. И тут, как можно судить по роману, повинны все слои общества: светско-петербургские (Беловодова, Пахотины), напрочь оторванные от своих корней, равнодушные ко всему, кроме собственного благополучия, и уездно-дворянские (Татьяна Марковна и ее окружение), утратившие в себе уверенность, способность влиять на ход жизни, и интеллектуальные аристократы типа Райского, и такие, как Козлов, самозабвенно ушедшие от реальной жизни в антикварную науку, и, конечно, отрицатели существующего благополучия, взбалмошные нигилисты, как Волохов. Все у «обрыва», у обрыва и Россия с ее противоречивостью, что порождает боль писателя.

Конечный, итоговый момент в эволюции Райского связан с общей философской концепцией трилогии. «Проснувшийся Обломов» (т. е. Райский) вступает в прямые контакты с жизнью, пытается «выправить» ее по своим идеалам, терпит «поражения», как и Александр Адуев, как и Обломов, но именно через горький опыт и глубокие переживания он в конце концов приходит к истине. Он проникается сознанием того, что создавать «красоту» и вообще делать что-либо полезное в жизни можно только при наличии твердой почвы под ногами, ясного мироощущения. Прозрение наступило в

Италии, в отрыве от родины, когда он почувствовал огромную, всепроникающую силу влечения трех фигур: «его Веры, его Марфиньки, бабушки, за которой стояла другая великая бабушка — Россия». Все дорожие и близкие ему люди сливаются в сознании героя с образом России, которая отныне станет вдохновляющей основой в творческом труде, в новых поисках истинной красоты. Путь из «обрыва» указан — это Отечество и его нужды.

Так завершается цикл «превращений» в трех романах одного и того же характера — русского человека из дворянской интеллигентной среды, наделенного природной чистотой, благородными помыслами, но с большим опозданием обретающего (а порою и вовсе не обретающего) идею отчизны как центра, вокруг которого и на основе которого развивается и крепнет личность.

Повествовательная манера Гончарова-романиста отличается неспешностью, вниманием к подробностям, деталям, раскрывающим глубинный смысл характеров. Краткие биографические описания включены в сюжет, который развивается не стремительно, но тем не менее ощущается острота происходящих событий и драматический накал страстей. Писатель оказал большое влияние на развитие социально-психологического романа, правдиво и широко воспроизвел жизнь России в пореформенную эпоху.

Соч.: Собр. соч.: В 8 т. М., 1977—80; Обломов: Литературные памятники. М., 1987.

Л. Шевцова

ГОРБОВСКИЙ Глеб Яковлевич (р. 4.10.1931), поэт. Родился в Ленинграде. С 6 лет остался без отца (незаконно репрессирован), бродяжничал, попал в исправительную колонию. Писать стихи начал в 15 лет в колонии, первая публикация в районной газете в 1955. В своей ранней поэме «Право на себя», которая была написана в 1948, Горбовский отстаивал свое право сказать слово от лица поколения «подранков». Ранняя лирика Горбовского двупланова: в ней выделяются стихи «народные» (блатные), «не для печати» («Фонарики», «На диване» и др.), городской фольклор, принесший ему известность, — и стихи «для печати», которые вошли в 4 сборника «Поиск тепла» (1960), «Спасибо, земля» (1964), «Косые сучья» (1966) и «Тишина» (1968). В ранней лирике Горбовского выявляются несколько тематических «пластов» (стихи о военном детстве, о природе, о горечи одиночества, городские стихи), которые скреплены мотивом поиска тепла. Лирический герой пытается разорвать замкнутый круг одиночества: «Нынче ночь сырая... / Ночь, как яма. / Напишите мне письмишко, / мама» («Письмо из экспедиции», 1963). Ситуация разлуки с близким человеком (матерью, любимой) в стихах повторяется («Закрыли дверь, убрали сходни...», 1963). Особого напряжения драматизм достигает в сборниках «Косые сучья» и «Тишина». Несмотря на жизненные неудачи, выход из состояния одиночества герой находит в чувстве родства и слиянности с живым миром природы: «Свернуть с раздавленной дороги, / Перешагнуть кювет и лечь... / «Эй, вы, ромашки, как здоровье?» / Букашки, слышу вашу речь. / Земля, а как твоё лежанье? / Тебе — тепло? А муравей? / Когда наступит отдыханье / Смешной коллекции твоей?» («Поле», 1961). В этом ряду — «Приходите ко мне ночевать...» (1963) и др. Даже человеческая смерть в «поэтической космогонии» Горбовского изображается как акт естественного растворения человека в бытии («не в дожде, не в земле раствориться, а в вечность скользнуть»). В этом отношении характерно стихотворение «Местопробывание — Земля» (1963): «Заночую буду-

щей весной / на уютном кладбище России. / И склонится ветка над мной, / как-то вдруг по-женски обессилев, / А потом я встану, но не я, / и опять возрадуюсь погоде, / И моя веселость, не моя, / растворится музыкой в природе». В этом ряду — цикл стихотворений об ушедших из жизни поэтах «Живые из мертвых», стихотворение «Не плачь ты, осень, безутешно...» (1973) и др. Путь сближения человека с миром ярко прослеживается в любовной лирике Горбовского. В его ранних стихах любовное чувство романтически окрашено и связано с мотивом дороги, странствий. Позднее романтика уступает место любви с разговорами, драмами («Страшной всего остаться одному...», «Уйти граненым переулком...» (оба — 1963), «В душе свила гнездо тревога...» (1964) и др. В коротких стихотворных миниатюрах Горбовский запечатлевает психологическое состояние любовной драмы («Прощается женщина с мужем...»). Пройдя испытание разрывом и одиночеством («Наедине», 1977), лирический герой обретает горький опыт жизни. В к. 70-х новой темой поэта явилась тема возвращения лирического героя в дом: «Возвращение в дом под родное крыло / — Неизбывная тема российских поэтов. Возвращаюсь и я». Дом — это отчий край, Россия. Этой теме посвящены сборники «Видение на холмах» (1977), «Крепость» (1979), где Горбовский, поднимая свой взор «на холмы истории земной», размышляет о русской душе, судьбе славянства. Рубеж 70—80-х стал временем подведения итогов для поэта. Выходят из печати, не повторяя одна другую, книги: «Монолог» (1978), «Явь» (1981), «Черты лица» (1982). В 1983 Горбовскому была присуждена Государственная премия РСФСР. Итогом для Горбовского стал и сборник «Отражения» (1986). Сборники последнего десятилетия — «Сорокоуст» (1991) и «Грешные песни» (1995). «В «Сорокоусте» Горбовский пришел к мудрости смирения перед тем, что выше гордыни» (Г. Горьшин). Размышляя о своей судьбе, сущностных проблемах бытия, суете сует современной жизни, Горбовский пришел к Богу. «Религия большинства поэтов — одиночество <...> Вырваться из одиночества можно только — идя к Богу. Точнее — придя к Нему <...> Любовь к Богу вызрела из страха перед смертью, затем — из преклонения перед красотой жизни и уж только затем — из любви к ближнему»

Соч.: Стихотворения. Л., 1975; Монолог / Вступ. ст. И. Кузьмичева. Л., 1977; Избранное / Вступ. ст. Н. Бланк. Л., 1981.

В. Запевалов

ГОРБУНОВ Иван Федорович (10[22].09.1831—24.12.1895 [5.01.1896]), писатель и актер.

Родился в семье дворового человека, мать — крепостная крестьянка. Учился в московской гимназии, которую из-за отсутствия средств не окончил. Был репетитором (в т. ч. в семье актера П. М. Садовского). Занимался переписыванием пьес *А. Н. Островского*. В н. 50-х сблизился с «*молодой редакцией*» журнала «*Москвитянин*». С 1854 — артист Малого театра в Москве, с 1855 — Александринского театра в Петербурге. Горбунов известен как мастер устных рассказов (впоследствии напеча-

танных) из жизни мещан, мастеровых, крестьян. Они отличались колоритностью диалогов, народным юмором, сочным языком, обличительной направленностью. В 80-е в рассказах Горбунова появились новые персонажи из судебной, педагогической, мещанской среды Петербурга. Изменился и стиль рассказов Горбунова; он начал создавать сценки, своеобразие которых заключалось в анекдотичном характере сюжета и неожиданности концовки. Наиболее характерный образ, созданный в устных рассказах Горбунова, — отставной генерал Дитятин, самодур; в его лице сатирически высмеян бюрократизм. Разыскания Горбунова в области языка Московской Руси и Петровской эпохи привели его к тонким подражаниям в духе старинной письменности. Горбунову принадлежат статьи по истории русского театра XVIII — н. XIX в.

Соч.: Полн. собр. соч. 3-е изд. Т. 1—2. СПб., 1904; Соч. Т. 1—3. [СПб.] 1904—07; Сцены из народного быта. СПб., 1875; Юмористические рассказы и очерки. М., 1962.

ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ (псевд.; наст. фамилия — **Горбунов**) **Иван Иванович** (4[16].04.1864—12.02.1940), педагог, публицист, издатель. Родился в Колпино, близ Петербурга. Сын

инженера. С 1884 стал последователем идей *Л. Н. Толстого*. С 1885 — сотрудник, с 1897 — бессменный руководитель основанного Толстым издательства «*Посредник*», выпускавшего книги гл. обр. для народного чтения и самообразования: «Библиотека для детей и юношества», «Календарь для всех», «Борьба с пьянством» и др., в которых пропагандировались идеи Толстого. Популярен был его букварь «*Азбука-картинка...*» (1889). Горбунов-

Посадов — составитель многочисленных сборников рассказов, стихов, притч и др. Писал стихи. Выпускал журнал для детей «*Маяк*», журнал «*Свободное воспитание*», в которых проявил себя сторонником трудового воспитания.

Стихотворения Горбунова-Посадова пронизаны толстовскими мотивами, стремлением к новой, освобожденной от оков насилия жизни, к борьбе за победу любви и братства: сборники «*В Христову ночь и др. стихотворения*» (М., 1905), «*Братская кровь. Враги. Гимн братству. Дружьям добра*» (М., 1906). Автор антивоенных сборников «*Война. Стихотворения (1914—1917)*» (М., 1917), «*Корабль дьявола и др. наброски в дни войны*» (М., б. г.), «*Что такое война*», «*Мы, мертвые, говорим вам...*», «*Святая ночь*» (все — М., 1917), «*Опомнитесь, братья!* Стихотворения. 1900—1917», «*Девять в минуту*» (оба — М., 1918). Наполненные подкупающей искренностью и убежденностью (это неоднократно отмечал Толстой), стихи Горбунова-Посадова пользовались популярностью в широкой читательской среде. Теми же настроениями отмечена и его проза (гл. обр. короткие рассказы и притчи): «*Милосердные звери*» (М., 1896), «*Белый гость*. Сборник притч и рассказов» (М., 1900), «*Порука и др. рассказы*» (М., 1902), «*Дочь китайского вельможи и др. рассказы*» (М., 1903), очерки «*Освободители черных рабов*» (М., 1910).

ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ — см. ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ.

ГОРОДЕЦКИЙ Сергей Митрофанович (5[17].01.1884—7.06.1967), поэт. Родился в Петербурге в дворянской семье. Отец

Городецкого, Митрофан Иванович, служил в Земском отделе Министерства внутренних дел и был писателем-этнографом; дружил с *Н. С. Лесковым*, переписывался с *Вл. Соловьевым*. Мать, Екатерина Николаевна, как писал поэт, «получала комплименты от Тургенева, когда обрезала буйные косы и надела очки на ясные глаза».

С раннего детства у Городецкого обнаружился поэтические способности, а записывать стихи он «стал девяти лет, после семейной

катастрофы — смерти отца».

Окончив с золотой медалью гимназию, Городецкий поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета и одновременно слушал лекции по биологии, физике, юриспруденции, увлекался живописью, фольклором и модными тогда западными философами. В автобиографии писал: «Погнался за тремя зайцами: наукой, живописью и поэзией. Ни одного еще не догнал, но и ни один еще не убежал от меня».

В 1904 Городецкий знакомится в университете с *А. Блоком*. Влияние Блока оказалось так велико, что, преуспевая в науках (Городецкому предлагали остаться работать на нескольких кафедрах при университете), он оставляет университет и выбирает литературный путь. Первые «ярильские» стихи Городецкий прочел в янв. 1906 на «башне» *Вяч. Иванова*. Это был его поэтический дебют. «Что-то очень русское, задорное. Какой-то Васька Буслаев», — отметил *В. Я. Брюсов*. В том же году вышла его знаменитая книга «Ярь». В 1912 сам Городецкий назовет «провозвестником новой силы народной культуры» *Н. Клюева*, а через 3 года состоится его встреча с 19-летним «весенним братиком» *С. Есениным*. Но в 1906 таким «провозвестником» была воспринята многими именно его «Ярь» — языческий пафос, мифологические образы «ярильских стихов». Правда, уже тогда *И. А. Бунин* отметил, что автор «Яри» «просто выдумал» имена «не существовавших никогда и ни в чьих представлениях и сказаниях демонов, богатырей, чудищ». Вслед за 1-й вышла 2-я книга «Перун» (1907) и вскоре 3-я — «Дикая воля» (1908), в которых Городецкий обращался все к той же «силе пращуров», дохристианской старине.

После путешествия по Волге Городецкий выпускает сборник «Русь» (1910), а затем — «Ива» (1913), в которых отразились «мотивы некрасовской, а еще сильнее никитинской поэзии».

К этому времени Городецкий становится одной из самых заметных фигур на «русском Парнасе». В 1911 совместно с *Н. С. Гумилевым* и *А. А. Ахматовой* и др., в противовес *символизму* Городецкий организует литературное объединение «Цех поэтов», давшее начало новому литератур-

ному течению — *акмеизму*. В 1914 он издает свой программно-акмеистический сборник «Цветущий посох», составленный из «вереницы восьмистиший». На деле акмеисты, как признавался сам Городецкий, «оказались лишь привеской к символизму и были столь же далеки от живой жизни, от народа». К этому времени намечается кризис в творчестве поэта. «Факт появления Есенина был осуществлением долгожданного чуда», — вспоминал Городецкий о первой встрече с *С. Есениным*, которого к нему 9 марта 1915 направил *А. Блок*. С тех пор имя Городецкого неизменно связано с именем Есенина, вхождением его в литературу, изданием первого сборника «Радуница». Вскоре Городецкий совместно с *А. Ремизовым* организует литературную группу «Краса», в которую входят «крестьянские» поэты *С. Есенин*, *Н. Клюев*, *П. Карпов*, *А. Ширяевец*, *С. Клычков*, *П. Радимов*, *Б. Верхоустинский*. «Краса» преобразуется в «Страду», приобретая черты «новокрестьянской» школы, но лидером ее «городскому» Городецкому не суждено было стать. Об их различии Клюев писал Есенину: «...Я помню, как жена Городецкого в одном собрании, где на все лады хвалили меня, выждав затишье в разговоре, вздохнула, закатила глаза и потом изрекла: “Да, хорошо быть крестьянином”».

С патриотическими настроениями Городецкий встречает известие о войне с Германией и в 1916 едет на Кавказский фронт в турецкую Армению корреспондентом газеты «Русское слово», оказав большую помощь армянам — жертвам турецкой резни. Февральская революция застала его в Персии. Впечатлениями тех дней стал роман «Алый смерч».

Оказавшись в Тифлисе, Городецкий читал лекции по эстетике в консерватории, печатался в местных изданиях. Там же, в 1919 выпустил книгу стихов «Ангел Армении». Вынужденно покинув Тифлис, Городецкий перебрался в Баку. Летом 1920 поэт вернулся в Петроград, а весной 1921 переехал в Москву. В эти годы Городецкий активно выступает в печати: пишет критические статьи и рецензии, выпускает книжечки агитационных и пропагандистских стихов. Ему принадлежат многочисленные оперные либретто, в т. ч. новый текст оперы *М. И. Глинки* «Жизнь за царя», получившей и новое название «Иван Сусанин».

Соч.: Стихотворения и поэмы. М., 1960; Стихи. М., 1964; Три века русской поэзии. М., 1979; Жизнь неукротимая. Очерки. Воспоминания. М., 1984; Избранные произведения. Т. 1—2. М., 1987.

С. Мариков

ГОРОДЧАНИНОВ Григорий Николаевич (1772—22.12.1852[3.01.1853]), поэт, критик, переводчик. Из купеческой семьи. Окончил Нижегородскую духовную семинарию и в 1797 Московский университет. Дебютировал авантюрной повестью «Жизнь и приключения одного молодого из знатнейших турков, или Фортуна, играющая человеком» (М., 1788), публикует нравоучительную повесть «Добродетельный богач» (М., 1791), «драматическое действие для детей» «Кукла Лизаньке, или Награжденное прилежание» (СПб., 1799), комедию «Митрофанушка в отставке» (М., 1800) — подражание *Д. И. Фонвизину*, а также выступает со стихами и переводами с французского.

Литературную ориентацию Городчанинова определяет относящаяся к 1805 сближение — через митр. *Евгения Болховитинова* — с издателями журнала «Друг просвещения», прежде всего с *Д. И. Хвостовым*.

С 1814 — профессор российской словесности Казанского университета. В своей педагогической практике, критических выступлениях — «Опыте краткого руководства к эстетическому разбору по части Российской словесности...» (Казань, 1813), примечаниях к переводу Хвостова «Науки о стихотворстве» Н. Буало (СПб., 1818), «Разговоре... о новомодном слоге некоторых российских стихотворцев», направленном против *К. Н. Батюшкова* и *П. А. Вяземского* и др., а также в одах и стихах «на случай», вошедших в его сборник «Сочинения в стихах и прозе» (Казань, 1816), Гордчанинов выступает убежденным приверженцем *А. С. Шишкова*. Вместе с тем критические работы Гордчанинова содержат неизменно уважительные отзывы о *Н. М. Карамзине*, хотя, по свидетельствам мемуаристов, он считал его «опасным писателем».

В 1816—29 Гордчанинов 6 раз избирался деканом словесного и нравственно-политического отделений, дважды — проректором университета. Расцвет его карьеры приходится на годы попечительства *М. Л. Магницкого*, которому импортировали благонамеренность и патриотизм Гордчанинова.

Следуя указаниям Магницкого, Гордчанинов в эти годы работал преимущественно над сочинением статей богословского характера, где опровергал древних и новых писателей и философов — от Цицерона и Вергилия до И. Канта и Ж. Ж. Руссо — ссылками на Священное Писание, а также над переводами из католических авторов; они составили значительную часть сборника «Сочинения в прозе и стихах» (Казань, 1831).

А. 3.

ГОРОХОВ Прохор Григорьевич (27.07[8.08].1869—2.02.1925), поэт. Родился в крестьянской семье. Учился в сельской школе. Регулярно писать начал в 1898. В н. 1900-х стал одним из основателей Суриковского литературно-музыкального кружка. В 1901 издал в Москве на собственные средства сборник стихов «Самобытная свирель». Два стихотворения из сборника («Истерзанный, измученный» и «Бывало, в дни веселые») стали народными песнями и были записаны на грамофонные пластинки. В 1903 вышел сборник «С родных полей» (М.), составленный из стихов И. Репина, А. Кузнецова и Горохова. Новые стихи свидетельствовали о стремлении Горохова выйти за рамки песенной лирики, освоить др. поэтические жанры: поэму, стихи-размышления, пейзажные и бытовые зарисовки. В 1900-е Горохов часто выступает в сборниках писателей из народа не только со стихами, но и с рассказами из деревенской жизни.

ГОРЧАКОВ Владислав Николаевич (27.03[8.04].1822 — не ранее 1853), поэт. Родился в семье отставного капитана. Обучался дома, затем, по-видимому, — в Харьковском университете.

В 17 лет издал единственный сборник «Стихотворения» (М., 1839), в стилистическом и жанровом отношении опирающийся на стихотворную культуру 1810—20-х; в сборнике прослеживаются характерные романтические мотивы: в лермонтовском ключе раскрыта тема «отрадных звуков» — «посланников неба» в стихотворении «Арфа», посвященном *И. И. Срезневскому*, и «Грусть». Сборник включает также несколько опытов фольклорной стилизации: «Русские песни» (подражание *А. В. Кольцову*), стихотворение «Майское утро».

ГОРЧАКОВ Дмитрий Петрович (1[12].01.1758—29.11[11.12].1824), князь, поэт и драматург. С 1807 — член Российской академии, с 1811 — член «Беседы любителей русского слова».

В 80-е написал ряд комических опер, где в духе комедий *А. П. Сумарокова* обличал крючкотворство, взяточничество, неправосудие. Подражание «Страданиям молодого Вертера» В. Гёте заметно в «русской повести» Горчакова «Памир и Раида» (1796). Сатиры Горчакова, распространявшиеся в списках, содержали резкие нападки на современное общество, на известных лиц. *А. С. Пушкин*

ценил в них «колкий стих, знанье света и слога чистоту».

Соч.: Соч. кн. Д. П. Горчакова. М., 1890; Поэты-сатирики к. XVIII — н. XIX в. Л., 1959.

ГОРЧАКОВА Елена Сергеевна (30.04[12.05].1824—5[17].09.1897), княжна, поэтесса.

Получила домашнее образование. В течение многих лет была начальницей гимназии. В 1879 выпустила сборник стихотворений патриотического содержания.

В 1881 вышла книга очерков «Воспоминания о Крыме» (М., 1881; 2-е доп. изд. Ч. 1—2. М., 1883—84), где наряду с морскими и горными пейзажами, описаниями мечетей, монастырей, развалин крепостей, пропитанными духом легенд и древней истории, в общий лирический строй повествования органично входят живые подробности быта. Вслед за книгой «Киев» (М., 1885) выпустила серию очерков о монастырях: «Поездка в Новый Иерусалим...» (М., 1886), «Женский Топловский монастырь св. Параскевы в Крыму» (М., 1888), «Херсонесский монастырь в Крыму» (М., 1888); «Святогорская Успенская общежительная пустынь» (М., 1890) и др.

Соч.: Сказки / Запись текста, вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941; Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937.

ГОСПОДАРЕВ Филипп Иванович (1865—1838), сказочник. Родился в д. Забавья Рогачевского у. бывш. Могилевской губ. в крестьянской семье. В детстве часто слышал сказочника *К. К. Шевцова*, от которого перенял репертуар. В 1903 принимал участие в крестьянском восстании, был пожизненно сослан в Олонецкую губ. В 1907 поселился в Петрозаводске, работал на Онежском заводе. Пользовался широкой известностью как сказочник. В 1937 с ним встретился фольклорист *Н. В. Новиков*, который записал и опубликовал сказки Господарева. От Господарева записано 106 сказок, среди которых главное место занимают волшебные сказки («Солдатские сыны», «Незнайка», «Про глупого Омелю» и др.).

Соч.: Сказки / Запись текста, вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941; Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937.

ГОТОВЦЕВА (Готовцова) Анна Ивановна (в замужестве Корнилова) (1799—17[29].07.1871), поэтесса. Из древнего дворянского рода. Получила хорошее домашнее образование. Самые ранние из сохранившихся стихов датированы 1823; печататься начала в 1826: «Одиночество», «К Н. Н., нарисовавшей букет поблекших цветов».

При посредстве *Ю. Н. Бартенева* познакомилась в Костроме с *П. А. Вяземским*, беседы с которым и его советы произвели на Готовцеву сильное впечатление. В 1828 передала ему стихотворение «А. С. П<ушкину>» («О Пушкин, слава наших дней...»), где, воздавая должное гениальному поэту, полемизировала с его «Отрывками из писем, мыслями и замечаниями»: в них утверждалось, что женщины лишены «чувства изящного», не способны постичь «поэтическую гармонию». Это стихотворение вместе с написанным по настоянию Вяземского «Ответом А. И. Г.» *А. С. Пушкина* и «стансами» («Анне Ивановне Г.») самого Вяземского было опубликовано в «Северных цветах» на 1829. Там же — дружеское послание Готовцевой «Ю. Н. Бартеневу», в котором, несмотря на условные формулы этого жанра, выразилась неподдельная благодарность адресату и русским поэтам, образовавшим ее душу.

В. Б.

«ГРАЖДАНИН», еженедельная «газета-журнал политики и литературы» православно-монархического направления, издатель — кн. *В. П. Мещерский*.

Выходила с 1872 по 1914. Некоторое время, в 1873—74, ее редактировал *Ф. М. Достоевский*. «Гражданин» не был газетой для масс, Мещерский с гордостью говорил, что извозчики «Гражданин» не читают. Редакция, расположенная по Невскому проспекту, д. 77, была штаб-квартирой русских патриотов. Здесь вырабатывались программы и требования «партии порядка» к власти, которые на страницах «Гражданина» излагались петербургскому обществу. Понятно, что предназначенная для избранных, газета не могла иметь массовый тираж и приносить прибыль, но зато к мнению «Гражданина» прислушивались на самом вершине. Благодаря давнему знакомству с цесаревичем Александром Александровичем, в дальнейшем имп. Александром III, кн. Мещерский был постоянно в курсе всего происходившего на политической «кухне» страны и мог оказывать с помощью «Гражданина» непосредственное влияние на политический курс России. «Гражданин» был рупором православно-монархических сил, и кн. Мещерский не случайно уже в № 2 за 1872 поместил программную статью «Вперед или назад». В ней он, в частности, писал: «К реформам основным надо поставить точку, ибо нужна пауза, пауза для того, чтобы дать жизни сложиться». Такое мнение не разделяло большинство патриотически настроенных мыслителей и публицистов, напр., *М. Н. Катков* или *И. С. Аксаков*, активно поддерживавших те реформы, что укрепляли государство и способствовали тем самым усилению истинно русских охранительных начал. В результате многократно возникала полемика «Гражданина» с др. национальными изданиями и личные конфликты Мещерского с политиками национального направления, напр. с *К. П. Победоносцевым*. Несмотря на влияние при дворе, «Гражданин» не избежал столкновений с цензурой, пережив общей сложностью 24 цензурных взыскания. Причинами были оскорбления должностных лиц (Мещерский не стеснялся в выражениях), предоставление страниц «Гражданина» политически неблагонадежным авторам (так, в спецприложении «Гражданина» был опубликован текст речи *И. С. Аксакова* с критикой действий россий-

ских дипломатов на Берлинском конгрессе 1878) и т. п. Хотя «Гражданин» был политическим изданием, в нем были и разделы беллетристики. Правда, хотя в «Гражданине» и печатались *Ф. М. Достоевский*, *В. В. Розанов* и ряд др. писателей, большую часть художественной литературы составляли художественные произведения самого *В. П. Мещерского*. Это были романы о великосветской жизни, имевшие в свое время большой успех, поскольку Мещерский выводил в качестве персонажей легко узнаваемых реальных лиц петербургского «света». В целом, однако, Мещерский мало обращал внимания на изящную словесность. В н. XX в. влияние «Гражданина» начало падать. Это объяснялось как изменением социальных и политических условий в России, так и физическим постарением бессменного редактора. После его смерти какое-то время «Гражданина» пытался редактировать *П. Ф. Булацель*, но начавшаяся первая мировая война и установление военного контроля над всей печатной продукцией не дали возможность сохранить газету.

С. Лебедев

ГРАММАТИН (Грамотин) Николай Федорович (13[24].11.1786—17[29].01.1827), поэт, переводчик, филолог. Родился в д. Матвеевское Кинешемского у. Костромской губ. Из небогатой дворянской семьи. С 1802 учился в Московском университетском благородном пансионе, который окончил с отличием в 1807. В пансионе сблизился с *М. В. Милоновым* и *Д. В. Дашковым*, писал и печатал переводные и оригинальные стихи в пансионских изданиях «Утренняя заря», «И отдых в пользу». Его литературные опыты одобрил *И. И. Дмитриев*. Дружеские отношения сложились у Грамматина с *А. Ф. Мерзляковым* и *В. А. Жуковским*. Глубокие и разносторонние филологические познания дали возможность Грамматину после выхода из пансиона составить 1-й том «Нового англо-русского словаря» (М., 1808), а за труд «Рассуждение о древней русской словесности» (М., 1809) получить ученую степень магистра.

В сер. 1809 Грамматин переезжает в Петербург и определяется на службу в Экспедицию о государственных доходах. Он сблизается с кружком литераторов при журнале «Цветник», печатая в нем свои стихотворения. В 1810 уходит в отставку, уезжает в Кострому, но в 1811 на короткое время, по приглашению *И. И. Дмитриева*, возвращается в Петербург и служит в Министерстве юстиции. Здесь Грамматин публикует первое собрание своих стихотворений («Досуги». Ч. 1. СПб., 1811; ч. 2 не вышла) и вступает в члены *Вольного общества любителей словесности, наук и художеств*, а также сблизается с литераторами из *Беседы любителей русского слова*.

С сер. 1812 Грамматин служит в Костроме директором гимназии и училищ. В 1818 уходит в отставку, живет в костромском имении Гуленово и продолжает литературные занятия, публикуясь в «Вестнике Европы» и «Сыне Отечества». Литературные позиции Грамматина близки к Мерзлякову: он считает, что древнерусская словесность и устное народное творчество во многом превосходят современную литературу. Они должны быть положены в основу дальнейшего развития литературного языка. Этот взгляд Грамматин творчески реализует в оригинальной балладе «Улад и Всемила» (1810), в стилизованных «народных песнях», где «чувствительная» поэтичная лексика «карамзинистов» сочетается с церковнославянскими «архаизмами». В таком же русском фольклорно-эпическом стиле Грамматин переводит «Древние галльские песнопения Оссиана» (Дж. Макферсона), «Краледворскую рукопись»

чешского филолога В. Ганки (1820), а также «Суд Любуши» из «Зеленогорской рукописи» (в подлинности этих исторических документов Грамматин, подобно большинству своих современников, не сомневается). В том же стиле он переводит «Слово о полку Игореве» (1821; 2-е доп. изд. М., 1823). В комментариях к переводу и в «Критическом рассуждении о «Слове о полку Игоревом» («Вестник Европы». 1822. № 18) Грамматин разъясняет «темные места» и «загадки» «Слова» (некоторые из толкований Грамматина были иронически обыграны *Пушкиным* в заметке «Буквы, составляющие славенскую азбуку...»).

В поэме «Освобожденная Европа» («Вестник Европы». 1815. № 3) Грамматин славит в своем эпико-героическом стиле освободительную миссию России в наполеоновских войнах.

Соч.: Стихотворения. Ч. 1—2. СПб., 1829; Песни и романы русских поэтов. Т. 1—2. Л., 1989; Поэты 1709—1810-х гг. Л., 1971 (Большая серия Б-ки поэта).

Ю. Лебедев

ГРЕБЕНКА Евгений Павлович (21.01[2.02].1812—3[15].12.1848), писатель. Родился в с. Марьяновка, близ г. Пириятина, Полтавской губ. в семье мелкопоместного дворянина. Окончил в 1831 Нежинскую гимназию высших наук. С 1834 жил в Петербурге, преподавал русский язык и литературу в учебных заведениях. Принимал участие в выкупе из крепостной неволи *Т. Г. Шевченко* и в его дальнейшей судьбе. На литературных вечерах Гребенки бывали *В. И. Даль*, *И. И. Панаев*, *П. П. Ершов* и др. Печататься Гребенка начал в 1831 в русских журналах и альманахах. Широкую известность получили его

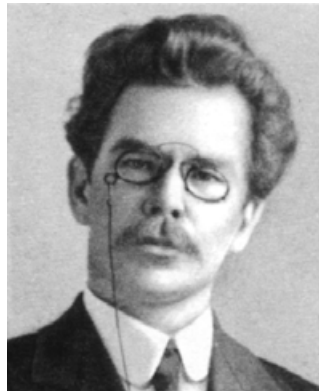
басни — «Малороссийские приказки» (1834, 2-е изд., 1836). Развивая народно-сатирические традиции, используя опыт *И. А. Крылова*, а также *Г. Сковороды*, *И. Котляревского*, *П. Гулака-Артемовского*, Гребенка в своих баснях обличал несправедливость, произвол, взяточничество, бюрократизм («Медвежий суд», «Рыбак», «Волк и огонь», «Ячмень» и др.). Отдельные стихотворения Гребенки как на малороссийском, так и собственно на русском языках («Ні, мамо, не можна нелюба любити...», «Молода еще я девица была...», «Черные очи») стали популярными песнями. Романтическая поэма Гребенки «Богдан» (1843) посвящена единству малороссов и великороссов. Перевел на малороссийский язык «Полтаву» *А. С. Пушкина*. В прозе на русском языке изображал малороссийскую жизнь сначала в романтическом духе, потом с позиций реализма («Рассказы пириятинца», 1837; «Братья», 1840; «Нежинский полковник Золотаренко», 1842; «Чайковский», 1843). Он показал быт чиновников («Лука Прохорович», 1838; «Дальний родственник», 1841; «Полтавские вечера», 1848), помещичий произвол и угнетение крепостных («Кулик», 1841; «Приключения синей ассигнации», 1847), гибель «маленького человека» в бездушном обществе («Записки студента», 1841; «Доктор», 1844; «Заборов», 1848). Гребенка был бли-

зок к *натуральной школе*. Очерк «Петербургская сторона» опубликован в альманахе *Н. А. Некрасова* «Физиология Петербурга» (1845). Некоторые рассказы и повести Гребенки высоко ценила критика. Гребенка подготовил и издал один из первых малороссийских альманахов («*Ластівка*» — «Ласточка», 1841), в котором напечатаны сочинения Шевченко, *Г. Квитки-Основьяненко* и др.

Соч.: Полное собр. соч. // Под ред. Н. Гербеля. Т. 1—5. СПб.; 1862. Русские повести XIX в. 40—50-х годов. Т. 1. М., 1952; Твори. Т. 1—5. Киев, 1957; Поетичні твори. Киев, 1959; Вибране. Киев, 1961; Байки. Киев, 1962; Поэты 1840—1850-х годов. М.; Л., 1962.

С. З.

ГРЕБЕНЩИКОВ (наст. фамилия; псевд. — **Сибиряк**) **Георгий Дмитриевич** (24.04[6.05].1883—11.01.1964), писатель.

Родился в с. Николаевский рудник Томской губ. в крестьянской семье. С 1906 в сибирских газетах помещал бытовые очерки, зарисовки, рассказы. В 1906—10 в Томске принимал участие в организации литературно-художественного журнала «Молодая Сибирь» и «Сибирская новь». В 1912—13 редактировал газету «Жизнь Алтая» (Барнаул). С 1912 выступал в журнале «Современник». В 1920 эмигрировал во Францию, потом в США. Первые сборники рассказов и повестей «В просторах Сибири» вышли в Петербурге (Т. 1—2. 1913—15), затем последовали книги «Змей Горыныч» (1916), «Степь да небо» (1917), «Волчья жизнь» (1918), «Любава» (1919). В начале творчества Гребенщikov — художник-реалист, тяготеющий к ясным классическим формам. Лучшие его произведения — рассказ «В полях» (1912), повесть «Ханство Батырбека» (1913), первые тома романа «Чураевы» (Т. 1—6. 1913—36) — отличаются пластичностью образов. В точных и живописных пейзажах запечатлена красота сибирской природы, ее запахи и краски. Хорошо зная жизнь и быт старой Сибири, ее людей, писатель поэтизировал крестьянский труд («Весною», «У хлебов»), рисовал трагедию честного труженика, который не может выбиться из нужды («Дело одинокое»), раскрывал «нутро» деревенских «властителей».

В штате Коннектикут Гребенщikov создает русский поселок Чураевка, по-видимому призванный стать как бы островком России, маленькой родиной на чужбине (под таким же названием существовало литературное объединение русских писателей-эмигрантов в Харбине в 20—30-е). Название поселка связано с заглавием самого крупного произведения Гребенщикова — «Чураевы. Роман-хроника одной старообрядческой семьи» (Т. 1—6. Париж, 1922). В первых книгах показаны быт и жизнь сибирской деревни, распад патриархального уклада под натиском городской цивилизации, судьбы поколений — остаются центральными и для романа. В книгах, написанных в эмиграции, бытописание сменяется обостренным вниманием к мистическим переживаниям главного героя романа, интеллигента из крестьян Василия Чураева (чья точка зрения во многом близка авторской), не удовлетворенного верой отцов и уехавшего из родной де-

ревни на поиски «новой веры», способной обеспечить «всечеловеческое благо». Религиозные искания Чураева, пережившего «годы странствий», смыкались с толстовской проповедью «всемирной пашины», мужицкой культуры чувствования природы.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—6. Париж, 1922—23; Алтайская Русь. Историко-этнографический очерк // Алтайский альманах. СПб., 1914; Змей Горыныч. СПб., 1916; Степь да небо. Рассказы. П., 1917; Любава: Рассказы. Одесса, 1919; В некотором царстве. [Рассказы]. Париж, [1921]; Путь человеческий. [Рассказы]. Берлин, 1922; Родник в пустыне. [Рассказы]. Париж, 1922; Чураевы. Т. 2 — Спуск в долину. Париж, 1923; Очерки народной литературы (1880—1923). Л., 1924; Из моей жизни // Зарницы. 1925. № 1; Чураевы. Т. 3 — Веление земли, Париж, 1925; Чураевы. Эпопея в 12 т. Т. 1—6, Нью-Йорк; Париж; Рига; Харбин, 1925—37.

ГРЕКОВ Николай Порфирьевич (21.02[5.03].1807 — лето 1866), поэт-переводчик. Родился в с. Казанское Ефремовского у.

Тульской губ. в семье офицера. Окончил Московский университет (1827). Переводил с английского, французского, немецкого и испанского языков. Из переводов его выделяются 2 драмы Кальдерона: «Ересь в Англии» и «Жизнь есть сон»; первая часть «Фауста» Гёте (М., 1843, и СПб., 1859); «Ромео и Джульетта» Шекспира (СПб., 1862); драма Жирардена «Пытка женщины»; поэма Альфреда де Мюссе «Ролла» (М., 1864) и пр. Переводы Грекова отличаются хорошим

стихом и довольно близки к подлинникам. Он и сам обладал большим поэтическим талантом, стихотворения его, появлявшиеся в журналах 1830—50, — большей частью впечатления, навеянные картинами природы. Творчество Грекова развивалось в русле «чистой поэзии» и перекликалось с А. А. Фетом. Отдельно изданы: «Стихотворения» (М., 1866) и «Рассказы и очерки» (М., 1865).

ГРЕЧ Николай Иванович (3[14].08.1787—13[24].01.1867), журналист, писатель, филолог, общественный деятель. Родился в Петербурге в семье чиновника.

В 1812 при поддержке гр. С. С. Уварова основал журнал «Сын Отечества», привлек к сотрудничеству лучших представителей русской литературы. С 1818 близок к литературному кружку «Арзамас». После событий 14 дек. 1825 занял патриотическую позицию, уже 15 дек. подал «по начальству» верноподданническую записку о при-

чинах восстания. Эволюции взглядов Греча в сторону крайнего консерватизма способствовало также знакомство с Ф. В. Булгариным (1820), перешедшее вскоре в тесное деловое

сотрудничество: они совместно издавали газету «Северная пчела», в 1829 Греч слил «Сын Отечества» с журналом «Северный архив» Булгарина. В 1828 Греч участвовал в выработке нового цензурного устава, в 1829 определен чиновником особых поручений в Министерство внутренних дел, в 1829—31 редактор «Журнала внутренних дел», в 1834—35 соредактор О. И. Сенковского в журнале «Библиотека для чтения», в 1833—36 редактор «Энциклопедического лексикона» А. А. Плюшара, в 1835—40 — «Военно-энциклопедического лексикона», в 1841 — журнала «Русский вестник». С 1836 член Общего присутствия Департамента мануфактур и торговли Министерства финансов. В 1837 по поручению министра совершил поездку в Германию, составил описание немецких учебных и технических заведений. В 1840 представил в 3-е отделение проект, в котором предлагал регулярно помещать в немецких изданиях опровержения на критику действующий российский правительства, в 1844 по согласованию с III отделением издал за границей на немецком и французском языках брошюру, в которой опровергал клеветнические вымыслы, опубликованные в книге маркиза де Кюстина «Россия в 1839» (Париж, 1843).

Греч — член-корреспондент Петербургской Академии наук, автор ряда трудов по грамматике русского языка (наиболее известны «Пространная русская грамматика» (1827) и «Начальные правила русской грамматики» (1828), с 10-го издания — «Краткая русская грамматика»), истории русской литературы («Опыт краткой истории русской литературы» (1822) — одна из попыток дать систематическое представление о русском литературно-историческом процессе). Греч помогал В. И. Далю в его работе над «Толковым словарем живого великорусского языка». В 30-х XIX в. пользовались популярностью романы Греча «Поездка в Германию» (1831) и «Черная женщина» (1834).

Мемуары Греча «Записки о моей жизни» — ценный источник по истории русского общества 1-й пол. XIX в.

Соч.: Соч. Т. 1—3. СПб, 1855.

ГРИБОЕДОВ Александр Сергеевич (4[15].01.1795 (по др. данным, 1794)—30.01[11.02].1829), писатель и дипломат.

Родился в Москве в семье гвардейского офицера. Получил разностороннее домашнее образование. С 1802 (или 1803) по 1805 учился в Московском университетском благородном пансионе. В 1806 поступил в Московский университет на философский факультет. В 1810, окончив словесное и юридическое отделения, продолжал учиться на физико-математическом фа-

культете. В университете Грибоедов выделялся разносторонней талантливостью, незаурядными музыкальными способностями; владел несколькими европейскими языками. Научные интересы Грибоедов сохранил на всю жизнь. В 1812 Грибоедов поступил добровольцем в армию; кавалерийские части, в которых он состоял, находились в резерве. В 1814 Грибоедов опубликовал в журнале «Вестник Европы» корреспонденцию «О кавалерийских резервах», «Письмо из Бреста-Литовска к издателю». В 1815 опубликована и поставлена на сцене комедия Грибоедова

«Молодые супруги» — перделка комедии французского драматурга Крезе де Лессера «La secret du menage», вызвавшая критику *М. Н. Загоскина*. Грибоедов ответил памфлетом «Любочный театр». В 1816, выйдя в отставку, Грибоедов поселился в Петербурге. В 1817 он зачисляется на службу в Коллегию иностранных дел, знакомится с литераторами — В. К. Кюхельбекером, *Н. И. Гречем*, позднее с *А. С. Пушкиным*. В начале литературной деятельности Грибоедов сотрудничает с *П. А. Катениным*, *А. А. Шаховским*, *Н. И. Хмельницким*, *А. А. Жандром*. В 1817 написана комедия «Студент» (совм. с Катениным), направленная против поэтов «*Арзамаса*», последователей *Н. М. Карамзина*. Высмеивая их, Грибоедов полемизировал как с чувствительностью *сентиментализма*, так и с мечтательностью *романтизма* в духе *В. А. Жуковского*. Разделяя литературные позиции *И. А. Крылова* и *Г. Р. Державина*, Катенина и Кюхельбекера, Грибоедов был близок к группе т. н. «архаистов», состоявших в «*Беседе любителей русского слова*», возглавлявшейся *А. С. Шишковым*. Эти взгляды сказались в статье Грибоедова «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «*Леонора*», в которой он защищал перевод, сделанный Катениным, от критики *Н. И. Гнедича*. Комедия «Своя семья, или Замужняя невеста» написана в 1817 в основном Шаховским, но с помощью Грибоедова (ему принадлежит начало 2-го действия) и Хмельницкого. Комедия «Притворная неверность», являющаяся вольным переводом (совм. с Жандром) комедии французского драматурга Барта «*Les fausses infidelites*», в 1818 была представлена на сценах Петербурга и Москвы, в 1820 — в Орле.

В сер. 1818 Грибоедов назначен секретарем русской миссии в Персии. Назначение это было по существу ссылкой, поводом для которой послужило участие Грибоедова секундантом в дуэли офицера В. А. Шереметева и гр. А. П. Завадовского из-за артистки Истоминой. В февр. 1819 Грибоедов приехал в Тавриз. Вероятно, к этому времени относится отрывок из его поэмы «Путник» (или «Странник») — «Кальянчи» о пленном мальчике-грузине, которого продают на Тавризмском рынке. С 1822 Грибоедов состоит в штате главноуправляющего Грузией генерала А. П. Ермолова «по дипломатической части» в Тифлисе. Здесь написаны 2 первых акта комедии «Горе от ума», задуманной, по свидетельству С. Н. Бегичева, еще в 1816. В 1823—25 Грибоедов был в длительном отпуске. Летом 1823 он пишет в тульском имении своего друга Бегичева 3-й и 4-й акты комедии «Горе от ума». Осенью того же года написал вместе с *П. А. Вяземским* водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом», музыку для которого сочинил А. Н. Верстовский. Летом 1824 Грибоедов завершил окончательную обработку комедии «Горе от ума».

В к. 1825 Грибоедов возвратился на Кавказ. У Грибоедова зрели замыслы новых произведений, дошедшие до нас лишь во фрагментах. План драмы «1812 год» (1824—25) свидетельствует о том, что Грибоедов предполагал изобразить героев Отечественной войны, среди которых — крепостной крестьянин, изведавший в боях чувство высокого патриотизма; возвращенный по окончании войны «под палку своего господина», он кончает жизнь самоубийством. Дошедшая до нас в отрывке и в пересказе *Ф. В. Булгарина* трагедия «Грузинская ночь» (1826—27), основанная на народном грузинском предании, проникнута антикрепостнической мыслью. План трагедии из истории Древней Армении и Грузии «Родамист и Зенобия» показывает, что Грибоедов отдавал, с одной стороны, дань склонности к историческим исследованиям, а с другой — политическим проблемам настоящего, перенесенным в далекую эпоху; он размышлял о царской

власти, провале заговора вельмож, не опиравшихся на народ, о роли народа и т. д.

С 22 янв. по 2 июня 1826 Грибоедов находился под следствием по делу декабристов. Однако никаких обвинений против него не выдвинули. Более того, выяснилось, что задолго до декабристского путча Грибоедов вышел из мажоранской ложи, отказавшись с ней сотрудничать. После возвращения в сент. 1826 на Кавказ Грибоедов выступает уже как государственный деятель и выдающийся дипломат. В 1827 ему предписано ведать дипломатическими сношениями с Турцией и Персией. Грибоедов принимает участие в вопросах гражданского управления на Кавказе, составляет «Положение по управлению Азербайджана»; при его участии были основаны в 1828 «Тифлиские ведомости», открыт «рабочий дом» для женщин, отбывающих наказание. Грибоедов составляет вместе с П. Д. Завелейским проект об «Учреждении Российской Закавказской компании», чтобы поднять промышленность края. В 1828 принимает участие в Туркманчинском мирном договоре, заключенном с Персией. Затем он назначается полномочным министром в Персию. Грибоедов рассматривал это не как «монаршую милость», а как «политическую ссылку», как «чашу страданий», которую ему предстояло испытать. В авг. 1828 в Тифлисе, перед отъездом в Персию, Грибоедов обвенчался с Н. А. Чавчавадзе. Оставив жену в Тавризе, выехал с посольством в Тегеран. Здесь он стал жертвой заговора, во главе которого стояли Фет-Али шах и его сановники, подкупленные Англией, боявшейся усиления влияния России в Персии после русско-персидской войны 1826—28. Во время истребления русского посольства в Тегеране Грибоедов был убит толпой персидских фанатиков. Тело его было перевезено в Тифлис и похоронено на горе св. Давида.

Грибоедов вошел в ряд великих русских и мировых драматургов как автор комедии «Горе от ума». Отвергнутая цензурой (при жизни Грибоедова были опубликованы отрывки в альманахе «Русская Талия», 1825), комедия распространялась в многочисленных списках.

Есть гении, вся творческая деятельность которых исчерпывается созданием одного великого произведения. Таковы были Данте, Сервантес, таков и Грибоедов. «Его комедия, — как говорит *Гончаров*, — появилась раньше Онегина, Печорина, пережила их, прошла невредимо через Гоголевский период и до сих пор живет нетленной жизнью, переживет и еще много эпох и все не утратит свой жизненности». Это происходит оттого, что Грибоедов, осмеивая в «Горе от ума» современное ему московское общество и подметив характерные этому времени черты, осмелял и общечеловеческие пороки, которые во все времена остаются те же: ложь, безделье, лесть, низкопоклонство, соединенное с важничаньем перед низшими, сплетни, взяточничество, корыстолюбие, невежество, что в общем составляет упадок человеческого достоинства и полное пренебрежение к нравственному идеалу. Вся картина написана ярко, все выведенные им лица типичны и отнюдь не карикатурны. Как писал он сам И. Катенину: «Карикатуры ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь». «Это картина нравов, галерея живых типов и вечно-острая жгучая сатира и вместе с тем комедия, больше всего комедия», — пишет *Гончаров*. «Соль, эпиграмма, сатира, этот разговорный смех, кажется, никогда не умрут». Проза и стих слились во что-то нераздельное. Имена действующих лиц стали нарицательными, большинство фраз «Горя от ума» сделались обиходными в разговорной речи, настолько они характерны, метки, точны и лаконичны. Типы Грибоедова явились прообразами следующих лиц нашей литературы. Разве Фамусов в миниатюре не повторен в об-

разе Сквозник-Дмухановского, Молчалин разве не представляет Чичикова, Скалозуб — Собакевича, Репетилов — Хлестакова, Платон Михайлович — Тентетникова или Обломов, Софья — Татьяну, Чацкий — Рудина? «Горе от ума» как бы распадается на 2 части: одна — комедия, сатира на общество, другая — драма Чацкого.

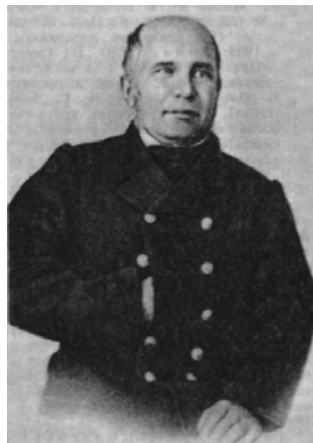
Это раздвоение, отсутствие одной общей идеи, многими критиками признано как крупный недостаток. Что же такое Чацкий и в чем состоит его драма? Чацкий человек умный, искренний и пылкий. Он старается развить себя, подготовиться к какой-нибудь деятельности. В нем совершенно нет скушающей лени байронизма, игры в разочарованность, как у Онегина и Печорина. Софью он любит сердечно, но имеет и другие цели в жизни, кроме любви, поэтому отъезжает на 3 года и думает, что любовь Софьи перенесет это испытание так же легко, как и его собственная. Вернувшись в Москву, он сразу замечает, что его блестящее остроумие, живость разговора — все то, что раньше ее пленяло, теперь перестало интересовать. У него является мысль о сопернике, что подтверждается разговорами Фамусова и обмороком Софьи. Под влиянием личной неудачи он нервно и желчно относится к недостаткам окружающего общества. Они его раздражают, он не может теперь спокойно и добродушно острить над ними, как делал это в момент приезда. Искренний, пылкий Чацкий начинает громить общество, не думая о бесцельности и неуместности этих выходок и все еще надеясь найти, по старой памяти, в Софье сочувствие и единомыслие. В данное время для него существует только Софья и только для нее он говорит. Когда же в последнем акте Чацкий узнает выбор Софьи, когда к оскорбленному чувству присоединяется развенчивание кумира, разочарование в Софье — тогда только он вполне разбит и уносит в груди «милion терзаний». Измену еще Чацкий мог перенести, но полное разочарование заставляет его бежать «искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок». Чацкий, как человек прямолинейный, не понимал Софью раньше, не понял и теперь. Воспитанная на французских романах, очень юная — она необыкновенно сентиментальна. Но у нее есть задатки недюжинной натуры, живого ума и страстности. Женщины в то время учились только воображать и чувствовать и не учились мыслить и знать. Мысль безмолвствовала, говорили одни инстинкты. «Софья, это смесь хороших инстинктов с ложью, живого ума с отсутствием всякого намека на идеи и убеждения, путаница понятий, умственная и нравственная слепота, но все это не имеет в ней характера личных пороков, а является, как общие черты ее круга» (Гончаров). Чацкий бессознательно пленял ее своею искренностью, но его резкость и ирония пугали Софью и отталкивали. По натуре она была выше своего круга, но бессознательно; привычки, воспитание мешали ей понять всю пошлость окружающей обстановки и многие выходки Чацкого против близких ей людей даже оскорбляли ее. Кроме того, Чацкий оставил Софью почти ребенком, понадеявшись на прочность чувства, которое с ее стороны было только «детскою дружбой». Оставшись одна, она стала искать друга и нашла его в Молчалине. Он лучше сумел понять Софью и сыграть на струнке сентиментальности. Она искренно идеализировала Молчалина, и вскоре дружба перешла в любовь постепенно, незаметно для нее самой. «Я не старалась, Бог нас свел», — говорит она Чацкому. Софье всего исполнилось 17 лет, и это была ее первая любовь, сменившая детскую дружбу с Чацким, поэтому она не считает себя даже виноватой перед Чацким и дает ему понять с первых же слов, что «все прошедшее» было «ребячество». Личная драма Чацкого и произошла оттого, что он прекрасно понимал все общество, но не понял Софьи. Сперва поставил ее слишком высоко в умственном отноше-

нии, требуя полного единомыслия от ребенка 14 лет, а затем в ее увлечении Молчалиным не понял идеализации, основанной на сентиментальном воспитании, а видел только желание найти «мужа-мальчика, мужа-слугу».

Значение «Горе от ума» как картины нравов, типичность его действующих лиц, необычайный язык и стих признаны всей критикой, но относительно личности Чацкого и Софьи существуют разноречивые мнения. Так, в XIX — н. XX в. некоторые критики считали Чацкого «единственным героическим лицом нашей литературы» (А. Григорьев), другие гением, в лице которого предсказана печальная судьба наших талантов — Пушкина, Лермонтова, загнанных западно-ориентированным, космополитизированным обществом в безысходную драму («Оскорбленный гений» М. О. Меншикова). Третьи считали его Дон-Кихотом, не обращавшим внимания на метанье бисера перед свиньями, личностью трагической.

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—2. СПб., 1889; Полн. собр. соч. Т. 1—3. Пг., 1911—17; Избранные произведения. Л., 1967; Сочинения. М., 1986.

ГРИГОРОВИЧ Виктор Иванович (30.04[12.05].1815—19[31].12.1876), славист. Окончил Дерптский университет. Профессор Казанского, Московского, Новороссийского университетов. В 1844—47 со-

брал памятники письменности и народного творчества в южнославянских землях. Одним из первых начал сравнительно-историческое изучение славянских литератур и языков. Определил особенности болгарского и македонских диалектов. Теория происхождения старославянского языка, которую предложил Григорович, была ошибочна. Григорович много сделал для подготовки русских славистов и развития межславянских культурных связей.

Соч.: Краткое обозрение славянской литературы. Казань, 1841; Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах. Казань, 1843; Изыскания о славянских апостолах. СПб., 1847.

ГРИГОРОВИЧ Дмитрий Васильевич (19[31].03.1822—22.12.1899[3.01.1900]), писатель. Детство провел в усадьбе

отца, симбирского помещика. Учился в частных немецком и французском пансионах в Москве (1832—35), затем в инженерном училище и Академии художеств (Петербург, 1836—40). Служил в Дирекции императорских театров. В 60—80-х — секретарь Общества поощрения художеств. В 40-х Н. А. Некрасов привлёк Григоровича к участию в альманахах «Физиология Петербурга» (1845) и

«Первое апреля» (1846), где были помещены очерк «Петербургские шарманщики» и рассказ «Штука полотна». В 1846 Григорович создал повесть «Деревня», в которой поведал трагическую историю деревенской девушки-сироты, выданной бариним за нелюбимого. В повести проявилась ориентация на принципы «физиологического очерка». Основное внимание Григорович уделяет не анализу чувств и мыслей героини, а изображению событий, внешности действующих лиц, деталям обстановки. Сильной стороной повести явилась резкая критика крепостничества, в условиях которого человеческая судьба и жизнь зависят от прихоти господина.

«Деревня» была, по словам *И. С. Тургенева*, «по времени первая попытка сближения нашей литературы с народной жизнью».

Подлинную литературную славу Григоровичу принесла вторая его повесть «Антон Горемыка» (1847). Задавленный нуждой и произволом мужик, герой произведения, становится воплощением лучших качеств национального характера, самораскрытию которого мешает гнет крепостного права. Фигура всеильного управляющего рисуется в сатирических красках. Протест против бесчеловечных порядков звучит здесь еще сильнее, чем в «Деревне».

В «Антоне Горемыке» Григорович преодолел односторонность «физиологического очерка» и приблизился к роману. Повесть была единодушно одобрена писателями и критиками. *М. Е. Салтыков-Щедрин*, *Л. Н. Толстой* и др. указывали на воспитательное значение «Антон Горемыки».

Овладев «малыми формами», Григорович пробует силы в освоении масштабного произведения. Свое понимание России он выразил в романе «Проселочные дороги» (1852). Взяв за образец «Мертвые души» *Гоголя*, Григорович создал «роман без интриги», проникнутый отрицанием паразитического существования помещиков-«небокопителей» и явной симпатией к представителям народа, которые являются лишь эпизодическими персонажами. Критика справедливо указывала на растянутость и подражательность «проселочных дорог».

Через год Григорович опубликовал новый роман «Рыбаки», целиком посвященный народу. В свободном от крепостной зависимости крестьянине писатель усматривал подлинные живые силы нации, залог ее будущего успешного развития. Однако он считал, что деревня может существовать, только соблюдая верность патриархальным устоям, «фабрика» развращает народ, разлучает его с землей. Вместе с тем Григорович понимал, что патриархальная крестьянская община не сможет устоять под натиском капитализма, и показал в «Рыбаках» первые признаки власти капиталистов в деревне. К достижениям Григоровича следует отнести и картины родной природы, долгое время помещавшиеся в качестве образцовых в школьных хрестоматиях.

В романе «Переселенцы» (1855) Григорович построил конфликт на взаимоотношениях помещиков с их «крещеной собственностью». Всем ходом повествования писатель убеждает, что непримиримость интересов рабов и господ достигла высшей степени. Супруги Белицыны по-своему даже заботятся о крестьянах, но, совершенно не зная их нужд и желаний, становятся невольными виновниками драмы мужицкого семейства. И тем не менее Григорович надеялся, что просвещенные помещики, вникающие в жизнь деревни, могут значительно улучшить ее.

В период обострения борьбы между сторонниками «чистого искусства» и нигилистами Григорович пытался сохранить нейтралитет и призывал Некрасова прекратить «перебранки с журналами». «По одной новости такого поступка, — писал он поэту, — был бы уже произведен силь-

ный эффект в публике. Право, душу теснят статьи, исполненные ненависти, невольно обращающиеся во вред и автору и журналу». Выступая против попыток нигилистов «раскачать» Россию и взбунтовать крестьян, Григорович пишет повесть «Пахарь» (1856), где прославляет мощь и красоту народного духа, любителю терпением и выносливостью крестьянина.

Под воздействием *А. В. Дружинина*, не желавшего терять положение ведущего критика «Современника», Григорович напечатал повесть «Школа гостеприимства» (1855), представляющую собой обличение идейной позиции Чернышевского. Политические взгляды автора «Что делать?» оставались для него неприемлемыми.

Надеясь, что смена обстановки благотворно повлияет на него, Григорович принял приглашение Морского министерства совершить путешествие на военном корабле. О нем рассказывал Григорович в серии очерков «Корабль “Ретвизан”» (1858—63). Возвратившись на родину, Григорович предпринял издание книги для народного чтения «Народная беседа» (1860, 10 выпусков).

На последствия отмены крепостного права Григорович откликнулся романом «Два генерала» (1864, не окончен), в котором хотел изобразить «два поколения: отживающих помещиков старого закала и новых, мечтающих о сближении с народом». Образы последних получили нежизненными, а в «нигилистах» Григорович не увидел ничего, кроме дешевой демагогии.

В сер. 60-х Григорович надолго оставляет литературу и выступает в печати преимущественно как критик-искусствовед. Интерес к изобразительному искусству был у него давним и стойким: уже в 50-е Григорович стал известен как коллекционер и знаток скульптуры и живописи. С 1864 он занял предложенный ему пост секретаря Общества поощрения художников, где он проработал почти 20 лет, много сделал для улучшения художественного образования в стране. По инициативе Григоровича при Обществе поощрения художников был организован музей, который «может быть смело поставлен наряду с лучшими подобными же музеями Европы». Наблюдая за работой начинающих художников, Григорович одним из первых заметил и поддержал дарования *Ф. А. Васильева* и *И. Е. Репина*. Основной мотив искусствоведческих работ Григоровича — призыв к расширению общего образования художников, необходимость признания за прикладными видами искусства равных прав с живописью и скульптурой (см. его статьи: «Несколько слов о поощрении художеств в России», 1863; «Художественное образование в приложении к промышленности на Всемирной парижской выставке 1867 года»; «Очерки художественно-промышленных производств», 1886, и др.).

Вновь к литературному творчеству Григорович возвратился только в 80-е. Его повесть «Гуттаперчевый мальчик», повествующая о несчастном жребию маленького акробата-сироты, была воспринята как «маленький шедевр». Хвалил ее и Тургенев. «Гуттаперчевый мальчик», переиздававшийся множество раз и в наше время, числится в классическом репертуаре детского чтения. По этой повести в 1915 и 1957 были поставлены одноименные фильмы.

В 1883 Григорович снова попробовал свои силы как переводчик. Его перевод повести *П. Мериме* «Этрусская ваза» до сих пор остается непревзойденным и включается во все издания сочинений французского писателя. Сатирическая повесть «Акробаты благотворительности» (1885), обнажавшая фальшь светского общества, имела успех у читателей. Ее название стало общеупотребительным выражением.

Основной труд последних лет жизни Григоровича «Литературные воспоминания» (1892—93), в которых освещена литературная жизнь 40—50-х. В них Григорович почти не касается политических взглядов писателей, но тем не менее в мемуарах воссозданы выразительные портреты Тургенева, *Боткина*, *Дружинина*, Л. Толстого и др. литераторов того времени.

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—12. СПб., 1896; Избр. произв. М.; Л., 1959; Лит. воспоминания. М., 1961.

ГРИГОРЬЕВ Александр Дмитриевич (3[15].10.1874—4.11.1940), фольклорист, историк древнерусской литературы. Окончил Московский университет, был учеником М. И. Соколова и *В. Ф. Миллера*. Преподавал в Московском университете с 1903 по 1912; с 1914 — профессор Варшавского, в 1916—21 — Томского университетов. В 1899—1901 выезжал на побережье Белого моря и по рекам Мезени, Кулою и Пинеге, где записал свыше 400 *былин, исторических песен, духовных стихов и баллад*. Он «открыл» сказительницу *М. Д. Кривоколонову*, спевшую ему уникальную песню «Путешествие Вавилы со скоморохами». 1-й и 3-й тт. «Архангельских былин», собранных Григорьевым (записи на Поморье, Пинеге и Мезени), были изданы Академией наук в 1904 и 1910. Издание это является образцовым; кроме текстов эпических песен, оно содержит свыше 150 их напевов, указатели, географическую карту распространения былин, статьи по диалектическим особенностям местных говоров, отраженных в записях песен. Исследование Григорьева «Повесть об Акире Премудром» (1913) охватывает историю сюжета за 2 тыс. лет, от его образования в ассирийско-вавилонской литературе, с изучением арамейской, сирийской, арабской, греческой, армянской и славянской версий. Критика отмечала необычайную скрупулезность работы Григорьева и трудность разработки вопроса. Григорьеву принадлежат работы о былинах (1906), по истории русского народного и литературного языка, о повести XVIII в. о Василии Златовласом (1916), о говорах Николаевского у. Самарской губ. (1919). В 1922 уехал за границу; жил в Польше и Чехословакии. В 1939 в Праге издан 2-й т. его «Архангельских былин» (записи на р. Кулою). Многие труды Григорьева не опубликованы.

Соч.: Архангельские былины. Т. 1. М., 1904; Т. 2. Прага, 1939; Т. 3. СПб., 1910; Повесть об Акире Премудром. М., 1913.

А. Позднеев

ГРИГОРЬЕВ Аполлон Александрович (16[28].07.1822—25.09[7.10].1864), поэт, литературный и театральный критик. Предки

из духовенства и крестьянства. Вырос в Замоскворечье в патриархальной семье. Закончил юридический факультет Московского университета (1842). Университетскими товарищами были *А. А. Фет* и *Я. П. Полонский*. «Оказалось, — вспоминал Фет, — что Аполлон Григорьев, невзирая на примерное рвение к наукам, подобно мне, заразился страстью к стихотворству, и мы каждое свидание передавали друг другу вновь написанное стихотворение».

Первые стихи Григорьева опубликованы в 1843 в «*Москвитяине*» *М. П. Погодина*. Первая книга стихов вышла в 1846 в Петербурге. К этому времени относятся и ранние, т. н. «масонские» повести Григорьева. В дневнике Погодина сохранилась запись 1844 о своих недавних студентах и молодых авторах «Москвитянина»: «Были Григорьев и Фет. В ужасной пустоте вращаются молодые люди. Отчаянное безверие и увлечения масонскими идеями, но его автобиографический герой, прозревая, убивает своего соблазнителья. Это свидетельствует о том, что Григорьев вырвался из умственной кабалы. В 1847 он публикует рецензию на «Выбранные места из переписки с друзьями», оказавшись одним из немногих, кто встретил книгу *Н. В. Гоголя* не с негодованием и бешенством. Гоголь, получив от *С. П. Шевырева* этот отзыв в русской печати, писал ему в мае 1847 из Италии: «Статья Григорьева, довольно молодая, говорит в пользу критика, чем моей книги. Он, без сомнения, юноша очень благородной души и прекрасных стремлений. Временный гегелизм пройдет, и он станет ближе к тому источнику, откуда черплется истина». Шевырев познакомил своего недавнего студента с отзывом Гоголя, и Григорьев написал еще 3 письма, в которых поведал, какое огромное значение в его перерождении сыграла «Переписка с друзьями...». Он признавался: «Книга его осветила для меня всю бездну, в которой я стоял, — бездну шаткого безверия, самодовольных теорий, разврата, лжи и недобросовестности; позорно стало мне звание софиста, стыдно взглянуть на все свое прошедшее».

В 1850 Григорьев сближается с *А. Н. Островским*. «Явился Островский, — вспоминал он, — и около него как центра — кружок, в котором нашлись все мои, дотоле смутные верования». В этот «кружок Островского» вошли ближайшие друзья молодого драматурга *Т. Филиппов*, *Б. Н. Алмазов*, *Е. Н. Эдельсон*, знаменитый в будущем актер, автор и исполнитель устных рассказов *И. Горбунов*. В 1851 в погодинском «Москвитяине» была опубликована первая пьеса Островского «Свои люди — сочтемся», имевшая настолько огромный успех, что тираж журнала увеличился вдвое. После чего Погодин и Шевырев (соредактор журнала) и пригласили Островского в «Москвитяин». С ним пришли и его друзья. Так образовалась «молодая редакция», в которой уже вскоре Григорьев стал ведущим критиком, провозгласившим Островского новым явлением в литературе. «У Островского, — писал он, — одного в настоящую эпоху литературную, есть свое прочное, новое и вместе идеальное мирозерцание, с особенным оттенком, обусловленным как данными эпохи, так, может быть, и данными натуры самого поэта. Этот оттенок мы назовем, насколько не колеблясь, коренным русским мирозерцанием, здоровым и спокойным, юмористическим без болезненности, прямым без увлечений в ту или другую крайность, идеальным, наконец, в справедливом смысле идеализма, без фальшивой грандиозности или столь же фальшивой сентиментальности».

В самом н. 1850-х это коренное русское мирозерцание предстанет в «Москвитяине» в ряде блистательных публикаций, среди которых 3 новых пьесы Островского, «Тюфяк» *А. Ф. Писемского*, «Мужичьи драмы» *А. А. Потехина*, «раскольничьи рассказы» *П. И. Мельникова-Печерского*, очерки *И. Т. Кокорева*, роман о казачьем «рыцарстве» и казачьей вольнице уральского казака *И. И. Железнова*, стихи *Л. Мея*, *Ф. И. Тютчева*, *Я. П. Полонского*, *А. А. Фета* и др.

В «молодой редакции» «Москвитянина» в полной мере раскрылся критический дар Григорьева, программные ста-

тьи которого «Русская литература в 1851 году», «Русская изящная литература в 1852 году», «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене» определили пути развития русской критической мысли. В «Кратком послужном списке», составленном Григорьевым, буквально за несколько дней до скоропостижной смерти, значится: «С 1851 по 1854 включительно — энергия деятельности — и ругань на меня непомерная, до пены у рта».

Эта ругань не только от литературных и идейных противников, каковыми были для Григорьева западники. Он не скрывал своего неприятия их «затаенной мысли узаконить, возвести в идеал распутство, утонченный разврат, эмансипированный блуд». В отношениях со своими неизменными союзниками — *славянофилами* он тоже плыл «против течения». «Как с славянофильством, так и с западничеством, — объяснял он Погодину, — расходится исповедуемая мною правда в том еще, что и славянофильство и западничество суть продукты головные, рефлексивные», подчеркивая — «мы не ученый кружок, как славянофильство и западничество: мы — народ». В то же время, по сути своей, никаких принципиальных расхождений между «молодой редакцией», от имени которой выступал Григорьев, не было. Пытаясь сформулировать эти расхождения, Григорьев выделяет 2 пункта. Славянофильство опирается на «разноплеменное славянство», а «мы убеждены... в особенном превосходстве начала великорусского перед прочими». 2-й пункт расхождений сводится к тому, что славянофилы видят «залог будущего России» в основном в крестьянстве, а «молодая редакция» — «в классе среднем, промышленном и купеческом по преимуществу». Радикализм «молодой редакции» входил в определенные противоречия с консерватизмом «старой редакции». Но «старую» представлял издатель и редактор «Москвитянина» Погодин, который оставался солидарным со своими друзьями и единомышленниками — братьями *И. и П. Киреевскими*, *С. П. Шевыревым*, *А. С. Хомяковым*. «О старцы, старцы! — восклицал Григорьев. — Прошло уже много лет с тех пор, как мы, т. е. кружок, во главе которого стояли Погодин и Островский, несли со всем пылом и энергией молодости, с ее весельем и свежестью лучшие силы, лучшие соки жизни на служение национальному направлению и не могли, однако, поднять наш журнальный орган именно потому только, что глава редакции, Погодин, не мог отречься от губительных солидарностей».

В 1857 Григорьев уезжает в Италию в качестве воспитателя юного кн. И. Ю. Трубецкого. Живет за границей, как сам признается, «мучимый своим неистовым темпераментом», не утратив надежды на возрождение «Москвитянина». «Насчет “Москвитянина”, — пишет он Погодину, — вот что-с. Если вы серьезно думаете о нем, то имейте в виду, что коалиция “Современника” расстраивается, что Островский, Толстой и Тургенев могут быть нашими...» Но пока он в Италии воспитывал князька, все более отчаиваясь сделать его совсем человеком, в России коалиция «Современника» усилилась приходом в нее не А. Н. Островского, Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева, а молодого Н. А. Добролюбова. Именно в этот период отсутствия Григорьева, властителями дум стали Чернышевский и Добролюбов. В окт. 1858 Григорьев едва ли не бежит из Европы, чтобы вновь вернуться на журнальное поприще. Становится помощником редактора нового журнала «Русское слово», в котором в течение года были опубликованы его статьи «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина», «И. С. Тургенев и его деятельность» и др., вновь поставившие Григорьева в ряд ведущих критиков и публицистов. Со-

трудничество с «Митрофанушкой-меценатом» (как назвал Тургенев издателя журнала гр. Г. А. Кушелева-Безбородко) продолжалось лишь до авг. 1859. «Я не позволил, — напишет Григорьев о причине разрыва, — ...вымарывать в моих статьях дорогие мне имена Хомякова, Киреевских, Аксаковых, Погодина, Шевырева. Я был уволен от критики». После еще более кратковременного сотрудничества в «Русском мире» (Григорьев опубликовал в нем одну из самых важных своих статей «После “Грозы” Островского») и «*Сыне Отечества*» в «Послужном списке» Григорьева следует запись: «Не сошлись».

Григорьеву было все труднее с журналами не только в силу «трудных» черт характера. В письме к *Ан. Майкову* от 26 окт. 1860 он выразит свои горькие раздумья этого периода: «Любезные братья! “Антихрист народился” в виде материального прогресса, религии плоти и практической». Эту «печать антихриста» он видит в грядущем торжестве социальных утопий Чернышевского, когда «останется только повеситься на одной из тех груш, возделыванием которых стадами займется уличное человечество». Он обращается к друзьям, к тем, кто «ознаменован печатью Христовой, печатью веры в душу, в безграничность жизни, в красоту». Эти апокалипсические прозрения Григорьева могли найти место только в одном журнале — «*Время*». С 1861 по 1863 Григорьев — ведущий критик журнала братьев Достоевских. Незадолго перед этим в журнале «Свечеч» появилась статья М. М. Достоевского о «Грозе», в которой он, вслед за Григорьевым, развивал мысль о том, что Островский «не славянофил и не западник», а «свободный художник, не связанный служением какой-либо партии или постоянной идее». М. М. Достоевский вместе с Григорьевым оказались основными оппонентами Добролюбова, его «темного царства». У Григорьева были все основания считать, что он наконец-то обрел единомышленников. Программа «Времени» фактически развивала его идеи времен «Москвитянина». *Ф. М. Достоевский* отмечал домашние раздоры славянофилов и западников, провозглашая русскую идею как идею общечеловеческую.

Ко времени сотрудничества Григорьева во «Времени» относятся статьи «Народность и литература», «Западничество в русской литературе», «Знаменитые европейские писатели перед судом русской критики», «Белинский и отрицательный взгляд в литературе», «Стихотворения А. С. Хомякова», «Граф Л. Толстой и его сочинения» и др. Во «Времени» его идеи «органической критики» обретают почву, становятся основой новой идеологии и нового литературного направления «почвенничества» *Ф. М. Достоевского*. Они вместе поднимают как знамя имя *Пушкина*. Девизом стали слова Григорьева: «Пушкин — наше все».

Григорьеву казалось, что вернулись времена «молодой редакции» «Москвитянина». Он не случайно отметил в «Послужном списке», сравнивая свои статьи н. 60-х со статьями н. 50-х: «мысли-то мои прежние, москвитяньские — вообще все как-то получило право гражданства». Эти москвитяньские мысли привели к разрыву с «Москвитянином». Через десятилетие произошло то же самое. В «Послужном списке» Григорьев напишет об этом: «Начало “Времени”... Хорошее время и время недурных моих статей. Но с четвертой покойнику М. М. стало как-то жутко частое употребление имен (ныне беспрестанно повторяемых у нас) Хом<якова> и проч. Вижу, что и тут дело плохо. В Оренбург. Размолвка с братьями Достоевскими была, скорее, поводом. О причине Григорьев скажет в разговоре с друзьями: «“Время” мной дорожит и дорожило. Но

«Время» имеет наклонность очевидную к Чернышевскому с компанией, — и я не остался в Петербурге». Григорьев, уехав в 1857 в Италию, порвал с Погодиным из-за его солидарности с друзьями-славянофилами. В 1861 он уезжает в Оренбург, порывая с Ф. М. Достоевским, который в ту пору по некоторым вопросам еще оставался солидарен со своими бывшими друзьями-западниками («Бесы» появятся лишь через 10 лет). Но сам Ф. М. Достоевский называл иную причину разрыва: «Я полагаю, что Григорьев не мог бы ужиться вполне спокойно ни в одной редакции в мире. А если бы у него был свой журнал, то он бы утопил его сам, месяцев через пять после основания».

В Оренбурге Григорьев преподает в Неплюевском детском корпусе. Пребывание в Оренбурге отмечено чтением цикла публичных лекций о Пушкине. 19 янв. 1862 он писал *Н. Н. Страхову*: «Первая лекция — направленная преимущественно против теоретиков — а здесь, как и везде, все, кто читает — их последователи, привела в немалое недоумение. Вторая кончилась сильнейшими рукоплесканиями. В третьей защитой Пушкина как гражданина и народного поэта я озлобил всех понимавших до мрачного молчания. В четвертой я спокойно ругался над поэзией «О Ваньке Ражем» и о «куще, у коего украден был калач», обращаясь прямо к поколению, «которое ничего, кроме Некрасова, не читало»».

В мае 1862 Григорьев вернулся в Петербург, продолжив сотрудничество с «Временем» братьев Достоевских. Верным учеником его и последователем стал молодой сотрудник редакции Страхов. После запрещения «Времени» (поводом послужила статья Страхова о польских событиях «Роковой вопрос») Григорьев стал ведущим критиком «Эпохи». Но это произошло уже в последний 43-й год его жизни, когда он дважды отсидел в долговой тюрьме. В свое время, отвечая на упреки Погодина, он писал: «Вы строги, потому что у вас есть определенное будущее, — вы не знаете страшной внутренней жизни русского пролетария, т. е. русского развитого человека, этой постоянной жизни накануне нищенства (да не собственного — это бы еще не беда!), накануне долгового отделения или третьего отделения, этой жизни каинского страха, каинской тоски, каинских угрызений!» Он умер от удара на третий день после выхода из долговой тюрьмы.

«Противоположности сломали его жизнь», — напишет Страхов. Ф. М. Достоевский в послесловии к воспоминаниям Страхова о Григорьеве добавит: «Может быть, из всех своих современников он был наиболее русский человек как натура (не говорю — как идеал; это разумеется)».

Все эти свойства нашли отражение и в поэзии Григорьева, которая осталась почти неизвестной его современникам. При жизни Григорьева вышел только один его поэтический сборник «Стихотворения» (СПб., 1846) тиражом 50 экз., в который вошли самые ранние и самые беспомощные его стихи и переводы мasonicких гимнов. В более зрелые времена были лишь отдельные журнальные публикации, но даже стихи «О, говори хоть ты со мной...» и «Цыганская венгерка» («Две гитары, зазвенев...») стали знаменитыми не как поэтические произведения, а как цыганские романсы. Григорьева-поэта «откроют» через полвека после его смерти. Это сделает *А. Блок* в статье «Судьба Аполлона Григорьева» (1915) и в сборнике «Стихотворения» (1916), в котором он впервые представил поэтическое наследие выдающегося критика.

Соч.: Избранные произведения. Л., 1959 (Большая серия Б-ки поэта); Воспоминания. Л., 1980 (Серия «Литературные памятники»); Эстетика и критика. М., 1980; Сочинения. Т. 1—2. М., 1990; Полное собрание писем. М., 1999 (Серия «Литературные памятники»).

Лит.: Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Пг., 1917; *Носов С.* Аполлон Григорьев. Судьба и творчество. М., 1990; *Глебов В. Д.* Аполлон Григорьев. М., 1996; *Егоров Б. Ф.* Аполлон Григорьев. М., 2000 (Серия «ЖЗЛ»).

В. Калугин

ГРИГОРЬЕВ Петр Григорьевич (Григорьев 2-й, или младший) (1807—17[29].10.1854), водевиллист; актер. Из петербургских мещан. Григорьев — автор более 30 водевилей, близких жанру бытовой комедии — с преимущественным изображением сцен из купеческой и крестьянской жизни. Стихом владел слабо, *Ап. А. Григорьев* назвал его автором «грубых, но беспритязательных и просто душно-даровитых картин из купеческого и народного быта».

Большим успехом пользовался водевиль Григорьева «Филатка и Мирошка — соперники, или Четыре жениха и одна невеста» (СПб., 1833), на протяжении многих лет не сходящий с петербургской и московской сцен и выдержавший 10 изданий (последнее — в 1904), несмотря на отрицательное отношение критики, осуждавшей изображение простонародной жизни. В «Филатке и Мирошке» сказалось свойственное Григорьеву отсутствие какой-либо социальной ориентации: интриги мошенника-старосты и пройдохи-стряпчего благополучно разрешаются вмешательством добродетельного помещика. Существующая точка зрения на водевиль Григорьева как выражение «издевательства», «глумления» над «глупым мужиком» игнорирует комедийную природу выведенных Григорьевым водевильных персонажей. Успех водевиля побудил Григорьева создать ряд произведений с теми же персонажами («Еще Филатка и Мирошка, или Праздник в графском селе» (1838); «Филатка, возвратившийся из путешествия» и др.), значительно уступающих первоначальной пьесе.

Популярностью пользовалась пьеса «Охотник в рекруты. Сцены из русского народного быта», неопубликованная, как и большинство пьес Григорьева (пост. 1846), в которой водевиллист создал правдивый образ крестьянского парня, продавшегося в пьяном виде в рекруты и «для рассеяния тоски» певшего народные песни.

ГРИНГМУТ Владимир Андреевич (3[15].03.1851—28.09 [11.10].1907), публицист, один из идеологов монархического движения, организатор и руководитель Русской монархической партии.

Родился в Москве. Его предки принадлежали к старинному славянскому роду из Прусской Силезии. Грингмут учился в Московском университете (вольнослушатель). В 1870—96 преподаватель, а затем директор Лицея цесаревича Николая в Москве.

Самой главной заслугой Грингмута было построение преподавания в лицее не просто в согласии с Церковью, но в Церкви. Директор лицея ввел обычай — в начале учебного года и перед экзаменами приносит чудотворные иконы Спасителя, Божией Матери и свмч. Пантелеимона. Были установлены дни, в которые все ученики должны были собираться в храм лицея для молитвы одной семьей. По просьбе Грингмута 22 февр. 1895 в Лицей прибыл прот. *Иоанн*

Кронштадтский, который с того дня и до 1905 ежегодно служил в лицейском храме.

Гринмут был не только педагогом, но и маститым публицистом. Первые пробы пера относятся еще к 1871, когда он опубликовал в изданиях *М. Н. Каткова* «Московские ведомости» и «*Русский вестник*» выборки из немецких журналов о состоянии образования в Германии. В 70—80-е он сотрудничал и в др. консервативно-националистических органах печати: «*Гражданин*», «*Современные известия*» и др. В 1885 и 1887 под псевд. Р. К. (Русский Консерватор) он напечатал в «*Гражданине*» 2 сочувственные статьи о *К. Н. Леонтьеве*, которого тогда не замечали. После смерти Каткова в 1887 газета «*Московские ведомости*» была передана его заместителю *С. А. Петровскому*. Гринмут стал членом редакции и фактически первым помощником нового главного редактора. Он стал чаще печататься, появляются его передовицы, посвященные проблемам образования и внутренней политики, заметки о школе и вопросах искусства. В 1890 в Москве начал издаваться журнал «*Русское обозрение*». Среди его сотрудников с самого начала оказался Гринмут, которому были поручены отделы «Текущие вопросы международной политики» и «Летопись современной беллетристики», а в 1894—96 он вел один из главных отделов издания «*Современные вопросы*». В 1896 *С. А. Петровский* оставил пост редактора «*Московских ведомостей*», и Особое совещание приняло решение передать газету Гринмуту. О том, насколько был высок к тому времени его авторитет, свидетельствует надпись государя императора Николая II на представлении Особого совещания от 17 апр. 1896. Она гласила: «Очень рад этому выбору».

В «*Московских ведомостях*» Гринмут почти ежедневно готовил передовые статьи, вел, продолжая традицию «*Русского обозрения*», еженедельную рубрику «*Вопросы русской жизни*», публиковал статьи по вопросам театра и искусства, писал для рубрики «*Памяти почивших*». Кроме того, он не прекратил сотрудничать с «*Русским вестником*», «*Календарем Лицея Цесаревича Николая*» и др. изданиями. Помимо публицистики он пробовал себя и как беллетрист — написал комедию и несколько рассказов; был причастен и к научному сообществу. Он состоял членом-корреспондентом Московского археологического общества. Участвуя в трудах восточной комиссии общества, он был известен как специалист по Древнему Египту. Гринмут состоял почетным или действительным членом почти всех славянских обществ, членом Общества любителей духовного просвещения, членом Московского общества любителей художеств. По случаю столетнего юбилея со дня рождения *А. С. Пушкина* от имени нескольких московских изданий он составил и прочитал в заседании *Общества любителей российской словесности* памятный доклад-адрес.

По возникновении в Петербурге первой монархической организации Русское собрание, Гринмут вступил в ее ряды. С присущей ему энергией и организаторским талантом он принялся за создание Русской монархической партии, которая стала одной из самых влиятельных монархических организаций. По его инициативе в нояб. 1905 разрозненные до той поры московские патриотические организации объединились во Всенародный Русский союз. Московская смута окт.-дек. 1905 стала для Гринмута тяжелым испытанием. Эти события вызвали, по его собственной оценке, «душевное оцепенение» и «горькое раздумье». Во время смуты он жил под постоянной угрозой разгрома редакции и покушения на свою жизнь. Однажды в марте 1906 по-

пытка покушения состоялась — в редакцию явилась террористка с бомбой, но была обезврежена патриотами. Еп. *Никон* (Рождественский) рассказывал: «Вспоминаю тяжелые и позорные для Москвы дни октябрьских забастовок и декабрьского восстания... Нас, Русских людей, носителей родных заветов Святой Руси, поносили, оплевывали, а в революционных подпольных листках приговаривали и к смерти. Оставалось одно утешение: Богу молиться, да взаимно ободрять, нравственно поддерживать друг друга. И вот с тоскующей душой, бывало, приходишь к телефону, звонишь и спрашиваешь: живы ли вы, Владимир Андреевич? Все ли благополучно? И слышишь в ответ: «За все Слава Богу: сегодня сподобил Бог Святых Тайн приобрести, и чувствую себя спокойно»... Вот в чем искал он себе подкрепления — в общении с Господом! В Вере Православной он видел единственный якорь спасения и для родной земли. И стоял крепко за Православие, мужественно отражая все издевательства иудействующей печати, всегда готовый умереть за святые идеалы родной Церкви Православной и родной Русской земли». Учтя тяжелый опыт осени 1905, в 1906 и 1907 Гринмут занимался активной организаторской деятельностью. Он писал воззвания к избирателям, призывы к русским людям не поддаваться на революционную агитацию.

Осенью 1906 Гринмут пишет статью «Руководство черносотенца-монархиста». В систематизированной и доступной для простого человека форме он давал ответы на все важнейшие социально-политические вопросы современности. В статье четко определялись благородные цели монархического движения. Монархисты стремятся, писал Гринмут, «к тому, чтобы воссоздалась могущественная, единая, неделимая Россия и восстановилась грозная сухопутная и морская ее сила; к тому, чтобы Россия управлялась Неограниченным Самодержавным Государем и чтобы Государя от народа не отделяли ни чиновники, ни думы; чтобы внутренний порядок и всестороннее, свободное развитие государственных и народных сил строго ограждались твердыми законами, на полное благополучие России и в согласии с ее вековыми историческими основами». Не случайно эту статью называли «политическим катехизисом черносотенства».

Гринмут стремился воспрепятствовать тенденции превращения монархических организаций в типичные политические партии, занимающиеся, гл. обр., выборами в Государственную думу. Он считал, что у монархического движения есть более высокие и вечные цели — национальное и религиозно-нравственное возрождение русского народа. Удастся достичь этих целей — и тогда никакие враги не одолеют Россию.

В 1884 Гринмут подарил своей дочери дневник, в котором написал такие слова: «Жизнь человеческая есть великий дар Божий, и мы должны дорожить каждым днем, принимать его с благодарностью и по возможности долгие сохранять его в памяти, так как каждый день, не только счастливый, но и горестный, содержит в себе бесчисленные свидетельства премудрости и всеблагости Господа и дает нам тысячи драгоценных указаний и наставлений не на один год, а на всю нашу жизнь».

В речи на погребении Гринмута его ближайший сподвижник о. *Иоанн Восторгов* сказал: «Наделенный от Бога не одним, а всеми пятью талантами, он в избранном тернистом пути жизни, в служении Русскому народу, его вере, историческим заветам и устоям его государственности работал на все таланты, ему данные, и ни одного из них не закопал в землю... И блажен ты, раб благий и верный,

со тщанием и страхом Божиим трудившийся. Ты увидишь в радость Господа своего».

25 апр. 1910 на могиле Грингмута был освящен крест-памятник, исполненный по рисунку художника В. М. Васнецова. На памятнике были высечены предсмертные слова Грингмута, его завещание русскому народу: «Православные русские люди, собирайтесь, объединяйтесь, молитесь».

Соч.: Золаизм в России. М., 1880; Где наша будущность: в Европе или в Азии? // Русское обозрение. 1891. № 10; Современные вопросы. Т. 1—2. М., 1893—94; Россия на распутии // Русское обозрение. 1894. № 10; Ближайшая будущность России. М., 1895; М. Н. Катков как государственный деятель // Русский вестник. 1897. № 8; Русские и евреи в нашей революции. М., 1907; История народовластия. Докл., прочитанный 24 июня 1907 в Тверском благородном собрании. М., 1908; Блокнот профессора Баррикадова. М., 1908; Собр. ст. Владимира Андреевича Грингмута. Полит. ст. 1896—1907. Вып. 1—4. М., 1908—10; Руководство черносотенца-монархиста. 2-е изд. М., 1911.

Лит.: *Меньшиков М. О.* Заслуга Грингмута // Новое время. 1907. № 11336; *Загуляева Ю.* К кончине Грингмута // Вестник Русского собрания. 1907. № 24; *Садовский Е.* Памяти Грингмута // Там же. № 26; Богатырь мысли и дела. Памяти Владимира Андреевича Грингмута. М., 1909; Памятник В. А. Грингмуту // Исторический вестник. 1910. Т. 120; Владимир Андреевич Грингмут. Очерк его жизни и деятельности. М., 1913.

А. Степанов

«ГРОЗА», ежедневная литературно-политическая и общественная газета патриотического направления.

Издавалась в С.-Петербурге с 1 сент. 1909 по нояб. 1917 (с перерывом). Газету учредил и был ее первым редактором-издателем Н. И. Большаков (Артамонов-Большаков), получивший широкую известность как редактор-издатель журналов «Кронштадтский Маяк» и «Свет России», автор книг о св. прав. о. *Иоанне Кронштадтском*. После смерти Большакова (1910) издателем газеты стал видный деятель монархического движения Н. Н. Жеденов. Во главе «Грозы» стояли и известные в правых кругах журналисты: М. П. Петров (возглавлявший одно время «Русское знамя»), А. М. Гашков, И. Л. Степанов, Н. Д. Швено-Дунин-Барковский, Н. Г. Политов (последний редактор газеты, возглавлявший ее в 1915—17). В 1914 издатель газеты Н. Н. Жеденов организовал и возглавил «Общество изучения иудейского племени», а газета стала фактически органом Общества, публикуя материалы на еврейскую тему.

После февральского переворота газета была закрыта, а ее издатель заключен в тюрьму. Однако по выходе из заключения Н. Н. Жеденову удалось вновь наладить выпуск газеты. На ее страницах продолжалась борьба с захватившими власть либерально-масонскими деятелями, отстаивались русские национальные интересы. Своим союзником в борьбе против либералов Жеденов видел народные массы, поэтому «Гроза» писала о тех проблемах, которые волновали народ. Порою риторика газеты была похожа на риторику большевистской прессы. Газета заявляла, что продолжать войну — безумие и преступление, ставящее всю Россию на край пропасти; что война идет ради интересов евреев, инородцев и западных союзников; что русские войска обречены на поражение, после которого все равно будет заключен сепаратный мир, только уже на позорных условиях. Газета обвиняла новую власть в том, что она «напустила голод», что раньше народ «питался только чечевицей с рыбой да хлебом вдосталь», а ныне «недостает у него и хлеба». Забастовки, хотя и осуждались, как грех, но обращалось внимание, что рабочий голоден, бос и обор-

вался. Газета выступала за решительное наведение порядка в стране, замечая, что главные деятели «великой русской революции» совершенно не способны навести порядок, всякая власть исчезла, общественная безопасность под угрозой. Предпочтительной для России формой правления называлась монархия. Справедливо замечалось, что нынешняя власть ответа перед Богом не несет, что при царе безбожники православных святых не трогали, а теперь торжествует «явное безверие и богохульство, отвержение всяких истинных начал веры». После большевистского переворота газета была закрыта окончательно.

А. С.

ГРОМЕКА Степан Степанович (псевд. **Хроникер «Отечественных записок»**) (1823—15[27].09.1877), публицист, государственный деятель.

Из дворян. Был близок к кругу *Ю. Ф. Самарина, И. С. Аксакова, А. А. Фета, М. Н. Каткова* и др. представителям православно-монархического лагеря.

В своих публицистических работах Громека порицал западничество и нигилизм, полемизировал с «эгоистической», по его определению, теорией Чернышевского («От С. С. Громеки к Н. Г. Чернышевскому», 1861), не принимал «базаровщину». Отвергая резкость суждений в кружке «Молодая Россия», Громека выступал против всяких «партий», защищал «бесхарактерность», т. е. объективистскую линию поведения.

Называя себя прежде всего «человеком дела», Громека в 1864 бросает публицистику и пытается содействовать практическому проведению земельной реформы в Царстве Польском (председатель Радомской комиссии по крестьянским делам). С 1867 седлецкий губернатор. Заботясь о просвещении народа в духе Православия, Громека принимает жесткие меры против униатства.

ГРОТ **Яков Карлович** (15[27].12.1812—24.05[5.06].1893), филолог. Академик (1858), вице-президент Академии наук (с 1889). Профессор русского языка, словесности и истории Гельсингфорского университета (1841—52). Профессор Петербургского лицея (1852—62). Автор работ по истории шведской и финской литературы, по скандинавскому фольклору и мифологии, переводов скандинавских поэтов, а также исследований о писателях XVIII — н. XIX в.: «Пушкин, его личейские товарищи и наставники» (1887, 2-е изд., 1889), «Литературная жизнь Крылова», «Сатира Кры-

лова и его «Почта духов», «Заметки о баснях Крылова» (1869), «Очерк жизни и поэзии Жуковского» (1883). Грот издал собрание сочинений и писем *Державина* («Сочинения Г. Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 1—9, 1864—83»); опубликовал: «Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову» (1862), «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву» (1866), «Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям с биографической статьей и примечаниями Я. Грота» (1873), «Екатерина II в переписке с Гримом» (1880—81), «Сочинения и переписка П. А. Плетнева» (1885). В своих изданиях Грот сохранял языковые особенности авторов, давал историко-литературный комментарий. Работы Грота отличаются обилием фактов и использованием архивных материалов. «Филологические разыскания» (Т. 1—2, 1873, 4-е изд., 1899) содержат исследования по русской грамматике и лексикологии. Среди них: «Карамзин в истории русского литературного языка», работы по литературному ударению, разбор «Толкового словаря» *В. Дала*. В истории русской орфографии большое значение имел труд Грота «Русское правописание» (1885, 22-е изд., 1916), установивший нормы русского правописания. Правописание «по Гроту» с небольшими изменениями сохранялось до орфографической реформы 1918. В 1891 под руководством Грота и по разработанной им программе стал издаваться академический «Словарь русского языка» (Грот участвовал в трех выпусках — буквы А—Д).

За свои православно-монархические взгляды подвергался травле со стороны либеральных кругов, особенно масона А. Н. Пыпина. В 1861 Грот выпустил брошюру «Белинский и его мнимые последователи», в которой разоблачал нигилистов в литературе.

Соч.: Труды. Т. 1—5 / Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1898—1903; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 1—3. СПб., 1896.

ГРУДЦЫН Андрей Платонович (15[27].04.1850—1917), поэт-самоучка. Родился в многолетней крестьянской семье. 3 года учился в церковно-приходской школе; рано проявил интерес к поэзии, к чему в семье отнеслись неодобрительно, т. к., по словам Грудцына, «грамоту ненавидели и даже боялись ее, книжки нужно было прятать». В 19 лет, подражая образам лубочных изданий песенников, Грудцын написал первые стихи. Начал печататься с 1870. Увлеченность юноши поэзией заметил учитель Н. И. Мышкин, отославший в редакцию народной газеты «Мирское слово» несколько его стихотворений: одно из них — «Молитвенная песнь» — без изменений было напечатано в 1873. В том же году в Петербурге были изданы «Стихотворения крестьянина Андрея Платоновича Грудцына. С присовокуплением сведений о нем Николая Ильича Мышкина». В следующем году вышло 2-е изд. сборника под названием «Самоучка-поэт, крестьянин А. П. Грудцын и его стихотворения».

Т. Б.

ГРУЗИНОВ Иван Васильевич (8[20].11.1893—1942), поэт. Родился в д. Шебаршино Смоленской губ. в крестьянской семье. Начал печататься в 1912. С 1919 Грузинов состоял в группе имажинистов, где выступал как теоретик (книга «Имажинизма основное», 1921). Вышел из нее вместе с С. А. Есениным в 1924. В главной своей книге стихов «Избяная Русь» (1925) Грузинов тяготеет к пластичности и крайней вещественности образа, доходящей до натурализма. Главная тема — деревня, которая предстает у Грузинова как

постоянная духовная сила, не подверженная веяниям времени. В 1939—40 подготовил итоговый сборник стихов (неопубл.).

Соч.: Бубны боли. М., 1915; Западня слов. М., 1926; Роды. М., 1926; Малиновая шаль. М., 1926; С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве. М., 1927.

ГРУЗИНСКИЙ Алексей Евгеньевич (21.04[3.05].1858—22.01.1930), литературовед. В 1883 окончил филологический факультет Московского университета, ученик *Ф. И. Буслаева* и *Н. С. Тихонравова*.

Печатался с 1886. Начал научную деятельность исследованиями по этнографии и народному творчеству (статьи в «Этнографическом обозрении», «Русских ведомостях»). Редактировал издания «Русских народных сказок» *А. Н. Афанасьева* (1897 и 1913—14), «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (Т. 1—3, 1909—10). Грузинский работал как популяризатор русской и западно-европейской литературы (популярные очерки о *Д. И. Фонвизине*, Данте,

Шекспире, *М. Ю. Лермонтове*, *И. С. Тургеневе* и др.). Много внимания уделял преподаванию литературы: читал курс лекций по методике преподавания русского языка и литературы, составил совм. с А. Д. Алферовым хрестоматию по русской литературе XVIII в. (1907). При участии Грузинского издавалась пятитомная «История русской литературы XIX века» (1908—10), историко-литературная библиотека в издательстве *И. Д. Сытина*, библиотека европейских классиков (издательство «Окто»). Грузинский известен и как переводчик: арабских сказок (1922—23), произведений Низами (1922), Р. Тагора (1918). С 1896 Грузинский — член *Общества любителей российской словесности*, с 1909 — его бессменный председатель. Грузинский — один из первых исследователей текстов Тургенева («К истории “Записок охотника” Тургенева», в журнале «Научное слово», 1903. № 7) и *Л. Н. Толстого* («К новым текстам из романа “Война и мир”», в журнале «Новый мир», 1925, № 6). Участвовал в подготовке юбилейного полного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

ГУДЗЕНКО Семен Петрович (5.03.1922—12.02.1953), поэт. Родился в семье инженера-строителя, в 1939—41 учился в Московском историко-философском и литературном институте, в июле 1941 ушел добровольцем на фронт, участвовал в боях под Москвой, зимой 1942 в составе лыжного отряда воевал в Смоленской обл., где был ранен; позднее работал литсотрудником военной газеты. Первые стихи Гудзенко опубликовал в армейской печати в 1941. В последние годы вышли его книги «Однополчане» (1944), «Стихи и баллады» (1945), «После марша» (1947), «Закарпатские стихи» (1948), «Битва» (1948), «Дальний гарнизон. Поэма» (1953), «Новые края» (1953).

Наиболее значительными в творчестве Гудзенко являются его фронтовые стихи и баллады. В стихотворении «Перед

атакой» поэт выразительно и правдиво рассказал о психологическом состоянии солдата перед боем: «Когда на смерть идут, — поют, / А перед этим можно плакать. / Ведь самый страшный час в бою — / Час ожидания атаки... Мне кажется, что я магнит, / Что я притягиваю мины. / Разрыв — и лейтенант хрипит. / И смерть опять проходит мимо. / Но мы уже не в силах ждать. / И нас ведет через траншеи / Окопавшая вражда, / Штыком дырявящая шеи. / Бой был короткий. А потом / Глушили водку ледяную / И выковыривал ножом / Из-под ногтей я кровь чужую».

Среди баллад Гудзенко выделяется своей психологической проникновенностью и достоверностью «Баллада о дружбе» (1942—43) и «На снегу белизны госпитальной...» (1945). Фронтная дружба проверяется трагедийным, но добровольным выбором: кому из друзей идти на боевое задание, с которого трудно вернуться живым: «Не зря мы дружбу берегли, / Как пехотинцы берегут / Метр окровавленной земли, / Когда его в боях берут». В балладе «На снегу белизны госпитальной...» Гудзенко рассказал о самоотверженности военного врача, который, спасая других, погибает сам: «...Одного человека не спас военврач — / Он лежит на снегу белизны госпитальной». Лирическую проникновенность балладе придает обращение поэта к девушке с просьбой не плакать о своем ненаглядном и милом, хотя поэт и чувствует, что о таком самоотверженном человеке, как погибший военврач, не плакать нельзя.

В стихотворении «Мы не от старости умрем, — / От старых ран умрем мы» Гудзенко не только предсказал свою раннюю смерть, но и сказал, от чего будут умирать др. фронтовики.

Соч.: Избранное: Стихи и поэмы. М., 1957; Армейские записные книжки. М., 1962; Стихотворения / Предисл. С. Ярославцевой. М., 1985.

ГУЛАК-АРТЕМОВСКИЙ Петр Петрович (16[27].01.1790—1[13].10.1865), писатель. Родился в мест. Городище на Киевщине в семье священника. Учился в Духовной академии. В 1817 поступил в Харьковский университет, где с 1825 был профессором, а с 1841 — ректором. Начал печататься с 1817 в журнале «Украинский вестник». Приобрел известность после опубликования басни-сатиры «Пан та собака» (1818), в которой осуждается произвол помещиков по отношению к крепостным слугам. Эта сатира стояла особняком среди др. басен Гулак-Артемовского, направленных против скупости и невежества («Солоний та Хивря», 1819, «Батько та син», 1827), иногда проповедовавших покорность и смирение («Рыбка», 1827). Следуя отчасти *И. П. Котляревскому*, Гулак-Артемовский перерабатывал в бурлескном стиле оды Горация. Переработка баллад В. Гёте («Рыбак») и А. Мицкевича («Пани Твардовская») была попыткой передать, по словам Гулак-Артемовского, «на малороссийском языке чувства нежные, благородные, возвышенные»; эти баллады можно рассматривать как ранние произведения малороссийского романтизма. С н. 30-х Гулак-Артемовский выступал в печати мало. В стихотворении «Упадок века» (1856) он выразил мысль о незыблемости христианской иерархии мира.

Соч.: Твори. 3 вид. Харьков, 1930; Твори. Киев, 1956; Байки, баллады, лірика. [Вст. ст. І. І. Пильцука]. Киев, 1958.

Н. Пивоваров

ГУМИЛЕВ Николай Степанович (3[15].04.1886—25.08.1921), поэт, прозаик, драматург, критик. Отец, Сте-

пан Яковлевич, служил корабельным врачом, был в кругосветных плаваниях, его рассказы о путешествиях не могли не возбудить в мальчишке интереса к экзотическим странам, как, впрочем, и постоянная близость моря — и в Кронштадте, и в Царском Селе, куда семья переехала еще в младенческую пору будущего поэта, и в Петербурге. Характер отца, волевой и целеустремленный, отразился на жизненном поведении сына, отважного путешественника, храброго офицера и мастера стиха. От матери, Анны Ивановны, происшедшей из старинной дворянской семьи (имение Слепнево Тверской губ.), поэт унаследовал страсть к чтению, а также выдержку, уравновешенность и, что, может быть, особенно важно, любовь к самой жизни, к ее внутренней гармонии. Глубоко религиозный, как и мать, Гумилев, согласно христианской вере, относился к жизни как к священному Божьему дару. Подобное мировосприятие впоследствии своеобразно и опосредованно выразилось в его литературных (акмеистических) убеждениях.

В сознательной памяти поэта Царское Село, куда после отставки отца переехала семья и где прошли почти все гимназические и более поздние годы, сыграло особую и, возможно, решающую — душестроительную — роль. В этом «городе муз» (как называли Царское Село, где, по выражению Ахматовой, тогда тоже царскосельской гимназистки, «так много лир повешено на ветках») самый воздух был наэлектризован как бы живым, неисчезающим присутствием Пушкина. Подросток Гумилев не мог не впитывать неоскудевающие поэтические токи, пронизывающие атмосферу этого священного для русского сердца места; царскосельские парки неизменно напоминали, что по их дорожкам и озерным берегам бродил столетие назад его «ровесник» — лицеист Пушкин. Гумилев на всю жизнь сохранил уважительно-трепетное отношение к культуре, ее традициям. Когда в революционную пору воцарилось модное ниспровержение кумиров «с парохода современности», он противопоставил модернистскому нигилизму свой акмеизм как оплот общечеловеческой культуры.

Наряду с Царским Селом (где произошла и встреча с гимназисткой Аней Горенко — будущей Ахматовой) значительной ветхой в жизни Гумилева стал и Тифлис (Тбилиси). Кавказская яркая природа и своеобразный восточный быт произвели на его душу неизгладимое впечатление. Кавказ с его декоративной экзотикой как бы затмил на время и плоский о. Котлин с крепостью Кронштадт посреди Маркизовой Лужи, и «игрушечный городок» Пушкин, как называла его Ахматова, и даже блистательный Петербург, оставшийся в памяти бесконечно унылой Лиговской улицей, по которой он ежедневно, с ранцем на спине и с тоскою в сердце, направлялся в гимназию. Кавказ стал не только утолением жажды по необычному, он резко подтолкнул все душевное развитие гимназиста-поэта, впервые насытив его неумелое и раздражительное в те годы поэтическое слово интенсивностью цвета и той орнаментально-

стью и ориенталистикой, что всегда, как известно, неотрывны от романтизма мироощущения. Участь в тифлисской гимназии, Гумилев написал немало стихов. Первая публикация Гумилева появилась в газете «Тифлисский листок» 8 сент. 1902 — стихотворение «Я в лес бежал из городов...».

В 1903 семья вернулась в Царское Село. Гумилев поступил в VII класс Николаевской Царскосельской гимназии — той самой, где еще директорствовал поэт И. Анненский, кумир и Гумилева, и особенно Ахматовой. Впоследствии Гумилев в сборнике «Колчан» (1916) поместил стихотворение «Памяти Анненского», а в 1905 он подарил Анненскому книгу «Путь конквистадоров».

«Путь конквистадоров» — наивная и ученическая книжка, которую впоследствии поэт старался «забыть»: так, напр., четвертую по счету книгу «Чужое небо» (1912) он назвал третьей, тем самым решительно вычеркнув из собственной литературной биографии свой формальный дебют. В 1906 после окончания гимназии он уезжает в Париж, слушает лекции в Сорбонне, знакомится с поэтами и художниками, издает 3 номера собственного журнала «Сириус», где печатается и под своей фамилией, и под псевдонимами (К-о, Анатолий Грант). В 1908 выпускает сборник «Романтические цветы», а в 1910 — «Жемчуга». В это же время у Гумилева возникает острый интерес к Востоку, ставший вскоре страстью, лишь отчасти удовлетворенной путешествиями в Африку. Испытывает и острый интерес к оккультизму. Одновременно с работой над стихами, очень тщательной и принесшей несомненные успехи, Гумилев выступает со статьями и рецензиями. В журнале «Аполлон» Гумилев вел постоянную рубрику, составившую впоследствии книгу «Письма о русской поэзии» (отд. изд. — 1923). В 1911 был создан «Цех поэтов», в 1912 состоялось публичное выступление акмеистической группы (в «Бродячей собаке»), а в 1913 появились манифесты, написанные Гумилевым и С. Городецким. Гумилев считал, что символизм закончил круг развития, исчерпал свои возможности и что именно акмеизм с его вниманием к вещной конкретности мира, реализмом мироощущения и слова пришел ему на смену. Символизм действительно переживал в то время острый кризис. В Брюсов, недавний покровитель Гумилева, отрицательно отнесся к декларациям и к практике акмеистов. Первой по-настоящему акмеистической книгой в творчестве Гумилева стало «Чужое небо». Книгу приветствовал М. Кузмин, Д. Философов и др. Надо учитывать, что акмеизм не был для Гумилева эстетической прихотью, он был выражением его внутренней, не только художественной, но и человеческой, личностной сути. При всем своем романтизме, преувеличениях и даже риторике (в молодых стихах) постоянно стремился к достоверности. Другое дело, что достоверность, т. е. сама жизнь, чтобы заслужить честь (именно так происходило это в практике поэта) попасть в его стихи, должна была быть необычной в проявлении какой-то своей высшей степени красоты и силы. Отсюда, кстати, и термин «акмеизм», означающий по-гречески высшую степень чего-либо. Конечно, такой экспрессивно-яркой действительности Гумилев вокруг себя — в Петербурге или Царском Селе — не видел. Какой-то другой мир мерещился ему в дальних странах. Особенно в Африке, куда он и попал — сначала путешественником (сент. 1910 — март 1911), а потом в составе научной экспедиции Российской Академии наук (апр. — авг. 1913). Африку он полюбил на всю жизнь. Гумилев был патриотом, в годы первой мировой войны заслужил 2 Георгиевских креста и любовь своих однополчан, единодушно отмечавших его храбрость (с 1914 по 1917 Гумилев находился в дейст-

вующей армии и в штабе русского экспедиционного корпуса в Париже).

В патриотических стихах Гумилев писал о тяготах войны, зная ее не понаслышке. Именно в годы мировой войны родились его замечательные строки: «Словно молоты громавые / Или воды гневных морей, / Золотое сердце России / Мерно бьется в груди моей...» («Наступление»). Помимо стихов Гумилев писал в годы войны очерки и корреспонденции («Записки кавалериста»), отличавшиеся документальностью и достоверностью.

Открытых социальных мотивов в творчестве Гумилева всегда было крайне немного: «Я вежлив с жизнью современной, / Но между нами есть преграда...» («Я вежлив с жизнью современной...»). Одним из главнейших требований акмеизма был принципиальный аполитизм — отрешенность от социальных и, тем более, политических бурь современности. Конечно, подобных бурь никому из акмеистов избежать не удалось, но почти все они — с большим или меньшим успехом — стремились следовать провозглашенному ими принципу «чистого», аполитичного искусства. Правда, не надо забывать, что, обходя прямую политику или социальность, искусство даже тогда, когда оно провозглашает себя таковым, тем не менее воздействует на социальный человеческий мир, хотя и косвенными подчас путями. Так и с Гумилевым. В своем «позднем» творчестве (в «Заблудившемся трамвае», 1921; «Дракон», 1921; книге «Огненный столп», 1921; и др.) Гумилев с большой художественной силой выразил прозрения и ощущения человека новой «космической эры». В какой-то момент, перед самой гибелью, Гумилев вдруг ощутил, что его художническая задача, по сути, заключается даже не столько в том, чтобы радостно воспеть те или иные страны, а поэтически и философски осмыслить органическую связь, родство человека с космосом. Его поэтическое мышление становилось планетарным, а гордость конквистадора и завоевателя пространства сменялась сложным, могучим и неизведанным чувством космичности бытия. Чуткий стих Гумилева принял и закрепил это новое мироощущение в слове и поэтическом образе. В его стихах, в частности, возникло то, что мы сейчас, идя вслед за Вернадским, называем «генетической памятью человечества». Люди, страны, города, цивилизации связаны и породнены у Гумилева единством изначального происхождения, тянущегося из непроглядной тьмы веков и тысячелетий. Гумилев был верующим, религиозным человеком и угаданную им первопричину назвал Богом. «Понял теперь я: наша свобода / Только оттуда бьющий свет, / Люди и тени стоят у входа / В зоологический сад планет» («Заблудившийся трамвай»). Так недавний конквистадор стал апостолом человеческого братства. «Сумасшедшие» идеи науки, как правило, бывают родственны «сумасшедшим наитиям» поэзии. И наоборот. Вот почему в «Заблудившемся трамвае» Гумилев так свободно перемежает в одном миге своей жизни разные времена и разные страны. Он задумывает грандиозную философско-поэтическую эпопею, где собирается показать мир со дня его сотворения до возникновения цивилизаций. Перед гибелью он успел лишь написать первую поэму из задуманных двенадцати — «Поэма начала. Книга первая. Дракон». То должен был быть своеобразный эпос, напоминающий библейский. В «Поэме начала» Гумилев с какой-то исключительной, завораживающей, гипнотической живописальностью, яркостью и экспрессией показал тот темный «прахаос», который породил огромное «прачудовище» — Дракона, объемлющего всю Землю, подобно некоей первобытной живой массе,

еще не выделившей из себя человеческий разум. И рядом с Драконом поставил хрупкую, но победную фигурку человека, победившего при своем появлении бессмысленный хаос силой пробудившейся мысли. В изображении Гумилева этот человек подобен всеильному магу, прочитавшему по узорам драконовой чешуйки заветный «код жизни». «Код» этот умещается лишь в одном слове — «ОМ» (у индейцев означает — благословение). При его произнесении издыхает Дракон и вступает в свои права человеческая жизнь: В Начале было Слово.

За участие в «контрреволюционном заговоре» 3 авг. 1921 арестован ЧК и через 3 недели расстрелян.

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. Вашингтон, 1962—68; Неизд. стих. и письма. Париж, 1980; Стих. и поэмы / Вступ. ст. А. Павловского; Биограф. очерк. В. В. Карпова. Л., 1988 (Б-ка поэта. Б. серия); Драматич. произв. Переводы. Статьи. Л., 1990; Письма о русской поэзии. М., 1990.

Ист.: Русские писатели XX в. Биобиблиографический словарь. М. 1998. Т. 1. С. 411—415.

А. П.

ГУРИЙ (в миру **Григорий Тушин**) (1452 или 1455—1526), автор летописца, книгописец.

Происходил из старинного боярского рода Квашниных, постригся в Кирилло-Белозерском монастыре в возрасте 23—26 лет (1478—79). В 1484—85 в теч. 9 мес. игуменствовал. Стремясь точно следовать примеру и предписаниям основателя обители *Кирилла Белозерского*, Гурий возвратил великому князю полученные от него при предыдущем игум. Серапионе земли и просил только «в тех деревень место оброку житнаго». Став снова простым монахом, остался в Кирилло-Белозерском монастыре (возможно, следуя завету св. Кирилла не менять обители по собственному почину). Гурий состоял в переписке с *Нилом Сорским*, умер окруженный общим почитанием (по словам «иосифлянина» Саввы Крутицкого, старец «честен»), имел учеников.

Гурий составил «Летописец русский» — свод событий от смерти *Феодосия Печерского* до похода Василия III на Казань в 1523. Первая часть «Летописца» восходила к краткому летописцу Кирилло-Белозерского монастыря, ряд сообщений которого, преимущественно о ростовской епархии, исключался, а вторая часть (с 1461) была написана Гурием. «Летописец русский» придерживался общерусской точки зрения на историю, отличался интересом к татаро-монгольской теме, к природным явлениям, содержал некоторые уникальные сведения (судьба опального боярина Федора Басенка, бегство Софии Палеолог в Кириллов монастырь во время набега монголо-татар на Москву в 1481).

Гурий (возможно, под влиянием Нила Сорского) «особенно прилежал» к переписыванию книг; причем иногда составление, редакция и переписывание рукописей осуществлялись им самим, а иногда его «строением и потружением» — под его руководством (таких рукописей было не менее 37). В деятельности Гурия — составителя и редактора определенно выразилась его личная и мировоззренческая близость с «нестяжателями». Он переписывал житийные сборники Нила Сорского, перевод Толкований Псалтири *Максима Грека*, Кормчую *Вассиана Патрикеева*, а также соединил в одну рукопись послания Нила Сорского, создал оригинальные редакции полемических сочинений князя-инока Вассиана «Собрание некоего старца» и «Слово о еретиках» (придав им относительную умеренность). Рукописи Гурия копировались уже при его жизни (напр.,

известным книжником Исааком Собакой, соратником Максима Грека и Вассиана Патрикеева).

Изд.: *Казакова Н. А.* Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина // Труды Отдела древнерусской литературы. М.: Л., 1961. Т. 17.

Лит.: *Никольский Н. К.* Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI вв. и в н. XVII в. // Христианское чтение. 1908. № 8.

М. О.

ГУРЬЕВ Вахв Васильевич (1830—1890), духовный писатель. Родился и был священником в Воронежской губ. Во время русско-турецкой войны 1877—78 был военным священником, а затем протоиереем в Калише. Написал: «Письма священника с похода 1877—78» (М., 1883); «Невольные раскольники» (1881); «Исповедный штраф в Сибири в течение XVIII в.» (1881); «Историк Миллер в Томске» (1881) и др.

ГУСЕВ Владимир Иванович (р. 18.05.1937), писатель, доктор филологических наук. Родился в Воронеже в семье преподавателей Воронежского государственного университета (ВГУ). В 1954—59 учился на филологическом факультете ВГУ. С 1970 — преподаватель Литературного института. С 1990 — председатель правления Московской городской организации Союза писателей России.

Первая публикация Гусева была в 1955 в воронежской университетской газете. В 1967 вышла первая книга Гусева «В середине века».

Творчество Гусева представляет собой разножанровое, многостилевое, энциклопедическое явление в современной русской литературе. Начиная как прозаик и журналист, Гусев осваивает поэтическое искусство, причем не только в его традиционных, но и экспериментальных (ритмизированных, метрических) формах.

В 70-е проявилась ключевая особенность творчества Гусева, связанная с опережением им своего времени и со своего рода пророчеством. В первую очередь это проявилось в «тетралогии» Гусева о современной интеллигенции «Спаское-Лутовиново» (1979), где в первом же романе с одноименным названием проявилась, по словам *В. Бондаренко*, «переломная веха в появлении такого сложного эстетического явления, как “проза сорокалетних”, или “амбивалентная московская школа” — с ее описанием «много русского героя, а не степенных простых селян» («деревенской» прозы), уже по выражению самого Гусева. Автор тетралогии открывает органическую, естественную раздвоенность своего главного персонажа, Алексея Осенина, в условиях по сути мистериального, испытующего «мелочами» быта и особенно его любовных коллизий, предвосхищая т. о. последующий социокультурный и метафизический кризис советской интеллигенции при перестройке и капиталистических реформах. Показана трагедия «женского нигилизма», который смыкается с «самосожжением народа — через уничтожение памяти»

ради торжества легкой, беззаботной и безответственной жизни.

В 90-е главным в творчестве Гусева становится «Дневник».

Соч.: В середине века: Теоретическая критика. М., 1967; Утро и день: Проза. М., 1968; Огонь в синеве: Проза. М., 1973; Год как день: Проза. Воронеж, 1973; Сказки и были зеленого моря: Проза. М., 1976; Душа года: Проза. М., 1980; Высокая любовь: Проза. М., 1980; Дни: Рассказы и роман. М., 1986; Огненный ветер Юга: Роман. М., 1988; Искусство прозы: Теоретическая критика. М., 1993; Дневник-92. М., 1995; Ямбы и отступления. Дневник метрический. М., 1995 (под псевд. Георгий Косцов); Библиотечка поэзии. М., 1996 (под псевд. Георгий Косцов); Визит по-нашему. Проза. М., 1996; Дневник-93. М., 1999; С утра до утра: Романские и поэтические рассказы. Повесть. М., 1999; Искусство прозы. Статьи о главном. М., 1999; Год как день. «Дневник метрический. 1996». М., 2000.

П. Калитин

ГУСЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ (псевд.; наст. фамилия — **Гусев**) **Сергей Иванович** (23.09[5.10].1867—1.06.1963), писатель.

Родился в Оренбурге в купеческой семье. Окончил Уфимскую духовную семинарию. Был народным учителем. В 1893 стал священником в глухом мордовском селе; в 1898, не чувствуя в себе сил на церковное служение, по благословению епископа снял с себя духовный сан.

В центре литературного творчества Гусева-Оренбургского — русское духовенство (в основном сельское и уездное), его быт, умонастроение, исполненные драматизма взаимоотношения с крестьянами и власть имущими. В ряде произведений священники показаны настойчиво и самоотверженно выполняющими задачи «апостольского служения», защитниками христианской нравственности и народных интересов: «Пастырь добрый» (1900), «Проводы» (1900), «Мирской слуга» (1910), «Отец Савватий» (1910), повести «Курычанские прихожане» (1913), «Вещий сон» (1914). Изображенное сельское духовенство «подавлено бюрократией», честные священники часто бессильны выполнить свои обязанности, беззащитны перед местной властью, не удовлетворены собой, растеряны (автобиографический мотив): «Девушка в белом» (1908), «Несокрушимый оптимист» (1914), «В глухом уезде» (1912). В последней повести важен мотив ожидания чуда, знаменующего торжество милосердия и правды. Люди духовного звания у Гусева-Оренбургского нередко примиряются с положением вещей,

превращаются в обывателей и самонадеянных лжеучителей, предаются стяжательству или спиваются, пособничают местным властям, угнетающим крестьян («Обида», 1900; «Могилла», 1904; «Отец Геннадий», 1906; «Грани», 1909; «Призрак», 1912). Драматически освещает Гусев-Оренбургский рознь в семьях духовенства («Мгновение», 1914), подвластность некоторых священников чувственным соблазнам («Наваждение», 1915).

Считая деятельность духовенства насущной для общества и народа, Гусев-Оренбургский вместе с тем (особенно сильно — в сер. и 2-й пол. 1900-х) испытывал воздействие «левых» течений, с их отрицательным отношением к духовному сословию, что привело его к некоторой непоследовательности в освещении жизни и душевному смятению. Подобные настроения запечатлены в рассказе «Христианин» (1918) — о духовном кризисе, переживаемом русским композитором, который, исповедуя христианство, со временем становится анархистом, осознавая это как свое падение.

Для творческой манеры Гусева-Оренбургского характерно сочетание публицистичности с жанровыми сценами и анекдотичностью сюжетов, юмора с обличительным пафосом.

В 1921 выехал в Харбин, где опубликовал пьесу «В Красной Москве», позднее эмигрировал в США. В эмиграции опубликовал роман «Страна детей» о русской жизни 1915—20, а также имеющие автобиографический характер книги «Святая Русь: эмигрантские рассказы» (1957), «В поисках пути: ритмические размышления» (1955).

Соч.: Собр. соч. Т. 1—16. СПб., 1913—18 (незаконч.); Рассказы. [М.], 1938; Повести и рассказы. М., 1958.

ГУСЛЯР, древнерусский певец-профессионал, исполнявший *былины* и песни под звон «яровчатых» гуслей. В XX в. в России артисты-гуслиры исполняли русские народные песни под гусельный аккомпанемент.

ГУШАНЕВИЧ Иван (1823 — после 1902), малороссийский писатель. Родился в Галиции, в крестьянской семье, учился в Львовском университете, принял духовное звание, был учителем малороссийского языка в львовской гимназии, затем священником. В 1861 его выбрали депутатом в Галицкий сейм, а 1867—70 он был депутатом австрийского рейхсрата. Он редактировал несколько периодических изданий: «Новини» (1849), «Пчолоа» (1849); «Зоря галицька» (1851—53). В 1852 во Львове вышел сборник его стихотворений: «Цвіті из наддністрянської левади», а в 1861 — «Поэзія». Его стихотворения очень ценились галичанами (одно из них «Мир, вам, братя» вплоть до н. XX в. пелось среди галицкой интеллигенции). С 1866 он примкнул к т. н. в Галиции «моеквофилам», и последующие его сочинения (второй том «Поэзія», мелодрамы, статьи и пр.) написаны на т. н. «язычій», смеси слов польских, малорусских, великорусских и церковнославянских.

Д

ДАВЫДОВ Денис Васильевич (16[27].07.1784—22.04[4.05].1839), поэт и военный писатель. Родился в Москве в военной дворянской семье. Большую часть жизни Давыдов провел на службе в армии, выйдя в отставку в 1832 в чине генерал-лейтенанта. В период Отечественной войны 1812 явился одним из организаторов и руководителей партизанского движения. Первые литературные опыты Давыдова относятся к 1803—05, когда в рукописном виде широко распространились его политические стихи (басни «Голова и Ноги», «Река и Зеркало», «Орлица, Турухтан и Тетерев», сатира «Сон»).

На попытки масонов вовлечь его в тайное общество Давыдов ответил резким отказом.

В историю русской литературы Давыдов вошел как создатель жанра «гусарской лирики», отличной по своей тематике и поэтике от традиционной батальной поэзии. Его стихи — своего рода лирический дневник русского офицера, показывающий его в обстановке военных будней. Герой стихов Давыдова — поэт-воин, гусар, удалой рубака, презиравший лицемерие светских моралистов, противник насилия над личностью. Стихи его проникнуты патриотическим пафосом, отражающим подъем русского народного самосознания в Отечественной войне 1812. В образе лирического героя Давыдова переплелись поэтический идеал с некоторыми сторонами личности самого Давыдова. Различные черты психологической жизни героя, показанного в состоянии веселья («Бурцову. Призывание на пунш», «Бурцову», «Гусарский пир», 1804; «Песня», 1815), или грусти («Песня старого гусара», 1817; «Полу-солдат», 1826; «Бородинское поле», 1829), или любви («Поэтическая женщина», 1816; элегия «О, пощади!», 1817; «В былые времена она меня любила», 1834—35), составляют вместе яркий и цельный характер. Давыдов решал задачу построения характера в поэзии субъективным романтическим методом. Однако в превращении индивидуального сознания в объект изображения намечался переход от романтического типа творчества к реалистическому. Своеоб-

разию лирического героя отвечает и стиль Давыдова, в котором пластичность и гармоничность стиха сочетаются с напряженной экспрессивностью и живописностью.

Значительным явлением в литературе 30-х была военная проза Давыдова. Его воспоминания об А. В. Суворове, Н. Н. Раевском, Я. П. Кульневе, М. Ф. Каменском написаны в живой, остроумной форме. Партизанскому движению 1812 посвящены работы Давыдова: «Опыт теории партизанского действия» (1821), «Дневник партизанских действий 1812 г.» (опубл. посм. 1860), явившиеся важным вкладом в историю военного искусства и мемуарную литературу. В 1832 Давыдов выпустил сборник стихов, как бы подводивший итог его поэтической деятельности. Последнее стихотворение Давыдова, получившее широкую известность — «Современная песня» (1836); в ней Давыдов с патриотических позиций выступает против либералов и космополитов своего времени.

Поэзию Давыдова высоко ценил А. С. Пушкин, отмечавший, что именно Давыдову он был обязан тем, что не поддался исключительно влиянию В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова и что поэтический слог Давыдова служил для него образцом оригинальности.

Соч.: Соч. / Прим. А. О. Круглого. Т. 1—3. СПб., 1893; Соч. М., 1962; Полн. собр. стихотворений. Л., 1933; Стихотворения. Л., 1956; Стихотворения. Л., 1984.

Л. Е.

ДАЛЬ Владимир Иванович (псевд. Казак Луганский) (10[22].11.1801—22.09[4.10]. 1872), писатель, лексикограф, этнограф. Отец Даля — датчанин, приехал в Россию по приглашению имп.

Екатерины II, принял русское подданство, передал любовь к своей второй родине детям. К моменту рождения сына работал врачом. Мать — обрусевшая немка, дочь известной переводчицы М. Фрейтаг. Родители Даля знали много языков. Он получил хорошее домашнее образование. В 1814 Даль поступает в Морской корпус в Петербурге. В 1817 в числе 12 лучших гардемарин-

нов Даль совершил плавание на бриге «Феникс» к берегам Швеции и Дании; выяснилось, что Даль страдает морской болезнью. Однако он заканчивает корпус (1819) и направляется мичманом на службу во флот в Николаеве. В этом же году Даль начинает собирать слова, которые войдут позже в его «Толковый словарь живого великорусского языка». По дороге из Петербурга в Николаев он записывает от новгородского ямщика первое удивившее его слово «замолаживает» (пасмурнеет). С тех пор, куда бы ни бросала его судьба, он всегда находит время записать меткое слово, выражение, *песню, сказку, загадку*.

Даль прослужил во флоте 7 лет (этот срок был обязательным для выпускников Морского корпуса). Одновременно он занимается литературой и сборанием слов. В Николаеве Даль сочиняет стихи и одноактные комедии: «Невеста в мешке, или Билет в Казань» (1821) и «Медведь в маскараде» (1822). Среди друзей Даля — *А. П. Зонга*, будущая писательница, родственница *В. А. Жуковского*. В 1823 в Николаеве Даль был арестован за сочинение пасквиля на вице-адмирала *А. С. Грейга*, но вскоре был освобожден. Получив повышение, был переведен на Балтику. Прослужив полтора года в Кронштадте, он с 1 янв. 1826 подает в отставку: решив идти по стопам отца (умершего в 1820), поступает на медицинский факультет университета в Дерпте.

Дерптский период своей жизни Даль называет «временем восторга и золотым веком нашей жизни». Здесь он дружит с *Н. М. Языковым*, возглавляющим в университете кружок русских студентов. В доме наставника и друга Даля, профессора хирургии *А. Ф. Мойера* часто бывают *В. А. Жуковский*, *А. Ф. Воейков*, сыновья *Н. М. Карамзина*; здесь читаются стихи *А. С. Пушкина*. В 1827 в журнале «Славянин», издаваемом Воейковым, появляются стихи Даля. Хирург *Н. И. Пирогов*, находившийся в то время в Дерпте, вспоминает о Дале как об остроумном, жизнерадостном юноше, блестящем рассказчике и балагуре. Учеба в Дерптском университете была прервана русско-турецкой войной. В марте 1829 Даль досрочно защищает диссертацию и отправляется на берег Дуная, где оперирует раненых, борется с чумой и холерой. Общаясь с солдатами, собранными со всех концов России, военный врач успевает вести и собирательскую работу. Записи слов и произведений народного творчества вырастают у него до таких размеров, что для перевозки материала приходится использовать верблюда. Весной 1831 корпус, где служил Даль, направили в Польшу для подавления восстания. Для переправы через Вислу нужно было навести мост и затем сразу же его разрушить (чтобы не дать пройти противнику). Генерал-лейтенант Ридигер вспомнил о второй профессии Даля и поручил ему эту операцию; за ее отличное исполнение Даль получил орден св. Владимира, впоследствии — перстень с бриллиантом. С марта 1832 Даль работает ординатором военно-сухопутного госпиталя в Петербурге, приобретает известность хирурга-окулиста. Однако конфликты с начальством вынуждают его оставить медицину. Он поступает на службу чиновником особых поручений к военному губернатору Оренбургского края *В. А. Перовскому*, ценителю искусств, близко знавшему Пушкина, поощрявшему литературные занятия Даля.

7 лет пробыл Даль в Оренбургской губ., сопровождая *В. А. Перовского* в его разъездах по Уралу, участвуя в 1839—40 в Хивинском походе, где погибла большая часть русского отряда. Одновременно со службой Даль занимается литературой, продолжает собирать лексикографический, этнографический и фольклорный материалы.

Начало литературной деятельности Даля относится к 1830. Его первая повесть «Цыганка» была названа издателем журнала *Н. А. Полевым* «превосходным сочинением», но широкая публика ее не заметила. Известность Дालю — казаку Луганскому (псевд. взят по месту рождения) принесли «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к опыту житейскому приуроченные и поговорками бродячими разукрасенные казаком Владимиром Луганским. Пятюк первый» (СПб., 1832). Используя фольклорные сюжеты, Даль свободно их изменял, комбинировал, вносил черты сентиментальности в сказочную фантастику. Из-за сатирической направленности некоторых сказок (высмеивались «блюдолизы придворные», тупые чиновники) сборник был расценен III отделением как «насмешка над правительством», запрещен и изъят из продажи. Автор был арестован, но сразу же освобожден: имп. Николай I припомнил заслуги Даля в польской кампании и простил его. История с запрещением сказок принесла Дालю известность среди литераторов. Сказки стали поводом для знакомства в 1832 с Пушкиным, к которому он пришел со своим сборником как литератор к литератору. В 1833 Даль встречается с Пушкиным в Оренбурге, куда поэт едет за материалами о Пугачеве. По дороге в Бердскую слободу Пушкин рассказывает Дालю сказку о Георгии Храбром и волке (позже Даль ее напечатает); Даль же в ответ — сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке». Через месяц Пушкин пришел Дालю рукопись этой сказки с надписью «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин». По свидетельству историка *П. И. Бартенева*, «за словарь свой Даль принял по настоянию Пушкина». В 1837 Даль по служебным делам оказался в Петербурге и, узнав от *А. П. Башуцкого* о дуэли, тотчас поспешил на Мойку, неотлучно сидел у изголовья умирающего поэта как врач и близкий друг, слышал его предсмертные слова. В память о Пушкине Далу был подарен сюртук, в котором стрелялся поэт, и его перстень-талисман с изумрудом.

В 1839 в «Отечественных записках» появляется повесть Даля «Бедовик», где главный герой — честный и неподкупный уездный чиновник, на долю которого приходится одни невзгоды.

В Оренбургском крае Даль занимается не только службой и литературой. Он организует в Оренбурге зоологический музей, собирает коллекции местной флоры и фауны, публикует статьи по вопросам местной медицины, составляет учебники зоологии и ботаники. В 1838 Академия избирает его членом-корреспондентом по отделению естественных наук.

С 1841 по 1849 Даль служит в Петербурге сначала секретарем товарища министра уделов *Л. А. Перовского* (брата *В. А. Перовского*), а после того, как *Л. А. Перовский* стал министром внутренних дел, заведует Особой канцелярией.

Командировки в южные губернии дали возможность познакомиться с южными наречиями. Здесь же он столкнулся со страшными случаями ритуальных убийств, совершенных иудейскими фанатиками. По этому поводу Даль написал книгу «Разыскание о убийнии евреями христианских младенцев и потреблении крови их» (1844).

В 40-е творчество Даля развивается в русле «*натуральной школы*», где одним из ведущих жанров становится физиологический очерк, ставивший своей целью показать человека как представителя определенной социальной среды, профессии, местности, соответствующим образом индивидуализировалась речь персонажей. При описательной-повествовательной композиции, почти бессюжетности

очерков характерность речи, образа жизни персонажей была в центре внимания читателей. В 1842 в альманахе А. П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими», Даль печатает очерк «Уральский казак». Большую популярность принесли Далю и др. физиологические очерки: «Денщик» (1845), «Русский мужик» (1845), «Русак». В некрасовском альманахе «Физиология Петербурга» (1845) был напечатан очерк «Петербургский дворник», признанный одним из лучших в книге. Успеху очерков способствовало превосходное знание им самых разнообразных сфер русской жизни, тонкая наблюдательность, яркое своеобразие речи его героев. *Н. В. Гоголь* называл сочинения Даля «живой и верной статистикой России». Он писал о Далю: «Он не поэт, не владеет искусством вымысла, не имеет даже стремления производить творческие создания; он видит всюду дело и глядит на всякую вещь с дельной стороны». В эти годы активно сотрудничает в журналах «*Москвитянин*», «*Русская беседа*», «*Библиотека для чтения*», «*Отечественные записки*», в «*Литературной газете*».

Кроме очерков, в эти годы Даль пишет также повести и рассказы. Наиболее значительные из повестей: «*Вах Сидоров Чайкин*» (1843), «*Хмель, сон и явь*» (1843), «*Павел Алексеевич Игривый*» (1847), «*Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту*» (1843). В них Даль также изображал «маленького человека», противопоставляя ему самодуров-помещиков, тупых блюстителей закона. В рассказах «*Мертвое тело*» (1857), «*Двухаршинный нос*» (1856), «*Хлебное дельце*» (1857) и др. Даль продолжает тему бесправия человека из народа перед законом, перед устоями общества. В 1853 по заказу вел. кн. Константина Даль выпускает сборник «*Матросские досуги*» («*Солдатские досуги*» были напечатаны в 1843), оба сборника предназначались для простого народа и пользовались большим успехом. В это время Даль уже был управляющим удельной конторой в Н. Новгороде (с 1849 по 1859). Служба в столице тяготила Даля, хотя он и был правой рукой Л. А. Перовского, неохотно отпустившего его в Нижний. Хорошие отношения между ними сохранились, что видно из переписки, где Даль часто обращается к Л. А. Перовскому с просьбами помочь крестьянам Нижегородской губ. В течение всей своей многолетней службы Даль очень добросовестно исполнял свои обязанности, искренне любил крестьян и всегда стремился помочь им в решении отдельных вопросов. Вскоре после смерти Л. А. Перовского (1856) Даль по состоянию здоровья и из-за конфликта с новым министром подает в отставку и поселяется в 1859 в Москве.

К сер. XIX в. значительно вырос интерес русского общества к истории, этнографии, фольклору. 19 сент. 1845 на квартире у Даля в Петербурге состоялось учредительное собрание Русского географического общества, развернувшего вскоре большую собирательскую работу. В 1845—46 в журнале «*Иллюстрация*» Даль печатает свои статьи о народных верованиях. (Позже они вышли отдельной книгой: *О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа*. СПб.; М., 1880.) В эти же годы появляются статьи Даля о языке: «*Полтора слова о нынешнем русском языке*» («*Москвитянин*», 1842) и «*Недовесок*» к той же статье (Там же. № 9). В 1847 Даль выступает на заседании географического общества с докладом, в котором раскрывает свой замысел составления сборника пословиц. В 1852 в статье «*О наречиях русского языка*» Даль намечает основные разделы русской диалектологии, дает характеристики отдельным наречиям. На отношение Даля к языку сказывались его политические воззрения, близкие к *славянофилам*: он при-

зывал к очищению русского языка от «иноземщины». Не случайно в 60-е статьи Даля о вреде грамотности (если она не сочетается с «просвещением») вызвали полемику в ведущих журналах.

В 1853 Даль представил в Академию наук свой сборник «*Пословицы русского народа*», включавший свыше 30 тыс. *пословиц, поговорок, загадок, прибауток, народных верований*. На титульном листе стоял эпиграф: «*Пословица несудима*». В «*Напутном*» (предисловии к сборнику) Даль обращался к своим читателям: «*Что если бы каждый любитель языка нашего и народности, пробегаая на досуге сборник мой, делал заметки, поправки и дополнения, насколько у кого достанет знания и памяти, и сообщал бы заметки свои, куда кому сподручнее, для напечатания, или передавал бы их собирателю — не правда ли, что следующее издание, если бы оно понадобилось, могло бы оставить далеко за собой первое? Дружно — не грузно, а один и у каши загинет*» (Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957). Своих помощников в собирании Даль называл «*доброхотными дателями*». Академик *А. Х. Востоков* дал положительный отзыв на сборник Даля, но второй рецензент, протоиерей-академик *И. С. Кочетов*, категорически воспротивился печатанию сборника, охарактеризовав его как «*куль муки да щепотку мышьяку*» и заявив, что «*он небезопасен*» и «*посягает на развращение нравов*». «*Пословицы русского народа*» были напечатаны лишь в 1861—62 после смерти имп. Николая I. Помимо этой книги, Даль под псевд. Русопят составил сборник эротических пословиц «*Русские заветные пословицы и поговорки*», который по цензурным соображениям так и не был напечатан.

«*Живое слово дороже мертвой буквы*» — Даль любил эту пословицу и на протяжении всей жизни собирал слова, народные выражения, стремясь показать богатство живого языка, а через него — раскрыть различные стороны народной жизни. Ни служба, ни занятия литературой и наукой не могли прервать его настойчивой и кропотливой работы по составлению «*Толкового словаря живого великорусского языка*». Полностью отдаться этому главному делу своей жизни Даль смог после выхода в отставку. Первый том словаря был издан в 1863 *Обществом любителей русской словесности*, расходы по выпуску следующих томов взял на себя имп. Александр II, пожаловавший Далю орденскую ленту. Последний, 4-й том словаря вышел в 1866. Академия наук присудила Далю за словарь Ломоносовскую премию и избрала его в почетные члены, Географическое общество наградило золотой Константиновской медалью, а Дерптский университет прислал диплом и немеккую премию.

В словарь Даля вошло более 200 тыс. слов, из них 80 тыс. собрано самим Далем, они не входили раньше ни в один словарь. Впервые Даль применил расположение слов по гнездовому способу. Объясняя этот способ составления словаря, Даль писал: «*При обработке словаря своего составитель его следовал такому порядку: идучи по самому полному из словарей наших, по академическому, он пополнял его своими запасами; эта же работа пополнялась еще словарями... и затем, собрав слова по гнездам, составитель пополнял и объяснял их по запискам и по крайнему своему разумению...*» Эти «*записки*» и «*разумение*» Даля — большого знатока народной жизни, рассказывали о труде крестьян, их быте, народном искусстве, верованиях, мироощущении. При объяснении значений слов Даль пользовался пословицами, поговорками, народной фразеологией.

В последние годы своей жизни Даль переиздает свои художественные произведения. В 1861 выходит полное

собрание его сочинений в 8 т. (СПб., 1861). В своем доме на Пресне (сохранившемся) Даль мастерит ларцы, вырезает рогатые мотовила для пряжи, трудится на токарном станке. За год до смерти Даль принял Православие. До последней минуты он трудился над словарем, готовил его 2-е издание.

Даль вошел в историю нашей культуры прежде всего как создатель «Толкового словаря живого великорусского языка», отразившего с исключительной полнотой словарный состав языка XIX в. Словарь Даля выдержал 6 изданий. Богатством материала труд Даля превышает все, что когда-нибудь у нас было сделано силами одного лица. Даль фактически совершил подвиг в науке, создав за 50 лет труда словарь, «для составления которого потребовалась бы целая академия и целое столетие» (*Мельников П. И.*).

Высоко оценивают деятельность Даля и ученые-фольклористы. «Пословицы русского народа» — крупнейшее собрание малых жанров народного творчества, тем более ценное, что Даль не занимался отбором пословиц, а дал объективную картину мировоззрения народа со всеми его противоречиями. Сборник пословиц, собранных Далем, живет активной жизнью. Старые народные пословицы живут в произведениях писателей, повседневной речи людей как мудрость народа, как золотой фонд его творчества. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность Даля не ограничивалась словарем и сборником пословиц. Большое количество записанных им сказок было передано *А. Н. Афанасьеву* для его сборника «Народные русские сказки», записи песен вошли в собрание песен *П. В. Киреевского*, лубочные картины, собранные Далем, стали основной частью труда *Д. А. Ровинского* «Русские народные картинки».

Соч.: Автобиографическая записка // Русская старина. 1878. № 5; Полн. собр. соч. В. Даля (Казака Луганского): В 10 т. СПб., 1897—98; Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. А. И. Бодуна Куртене. СПб., 1912—14; Рассказы. Очерки. Сказки / Вступ. ст. Л. П. Козловой. Л., 1961; Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Вступ. ст. А. М. Бабкина. М., 1878—80; Повести и рассказы / Вступ. ст. Ю. М. Акутина и др. М., 1984; Избр. произв. / Сост. Н. Н. Соколовой. М., 1983; Бикей и Мауляна: Повести. Рассказы. Очерки / После сл. М. Чванова. Челябинск, 1986.

В. И., Д. К.

ДАНИИЛ (2-я пол. XI — н. XII в.), игумен одного из черниговских монастырей, посетивший в н. XII в. Палестину и описавший свое путешествие в сочинении, носящем в рукописях заглавие «Житие и хождение Даниила, Русской земли игумена».

В Палестине, входившей в те годы в состав созданного крестоносцами Иерусалимского королевства, Даниил провел 16 месяцев. Он жил в монастыре св. Саввы, откуда совершал поездки по стране, посещая места, связанные с земной жизнью Иисуса Христа и библейскими событиями. Именно эти достопамятности Даниил описывает особенно подробно, не упуская возможности напомнить связанные с ними предания или апокрифические легенды. Он описывает, напр., скамью, на которой покоилось тело снятого с креста Христа, находящийся неподалеку камень, сидя на котором ангел возвестил о грядущем воскресении Иисуса, описывает Голгофу и даже то углубление в скале, в которое, по преданию, был вставлен крест; он упоминает место, откуда был вознесен на небо в огненной колеснице пророк Илья, пещеру, в которой постившегося Иисуса пытался искусить дьявол, здание претории, куда Христа привели к Пилату, и т. д. В некоторых случаях Даниил воспроизводит отдельные эпизоды, передает или сам со-

чиняет реплики участников событий (таков, напр., возглас Богородицы, видящей распятие Иисуса).

Столь же конкретно и образно описывает Даниил природу Палестины. Он восторгается плодородием южной земли, где хорошо произрастают пшеница и ячмень, а в садах — обилие разнообразных плодовых деревьев. Стремление Даниила к конкретности и наглядности поразительно: расстояния он измеряет то длиной перелета стрелы, то длиной броска камня («как взрослый мужчина добросит», — поясняет при этом Даниил), реку Иордан он сравнивает со знакомой ему на Руси рекой Сновь (притоком Десны): так же быстро ее течение, так же извилисто русло. Тивериадское озеро, пишет Даниил, можно обойти, а вода в нем так вкусна, что не может ею насытиться пьющий. В озере том водится рыба — вкуснее всех рыб, ее любил есть Христос, с виду она напоминает карпа. Столь же обстоятельны и наглядны описания архитектурных сооружений: Даниил рассказывает о мраморных колоннах, расписанных сводах, мозаичных полах палестинских храмов, о крепостных сооружениях.

Хождение игумена Даниила. Рукопись XVII в.

Даниил упоминает о встречах с иерусалимским королем Балдуином, о рискованных поездках по горным дорогам, где путников подстерегали засады «сарацинов», о богослужении в Иерусалимском храме. Даниил постоянно ощущал себя посланцем Руси: не случайно он оставляет в храме св. Саввы поминовение за всех русских князей, перечислив их, как отметил В. Л. Янин, в соответствующем своему времени иерархическом порядке.

«Хожение» Даниила ценно не только как обстоятельный путеводитель для паломников; оно воспроизводит знания и представления русских христиан о событиях и персонажах Священной истории, свидетельствуя о широком кругозоре русских книжников н. XII в.

«Хожение» сохранилось более чем в ста списках, начиная с XV в. Оно оказало влияние на развитие жанра «хожений» в литературах восточных славян.

Изд.: Житие и хожение Даниила, Русьская земля игумена: 1106—07 гг. // ППС. 1883. Т. 1. Вып. 3; 1885. Т. 3. Вып. 3; Хожение игумена Даниила / Подг. текста, перевод и комм. Г. М. Прохорова // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1978.

О. Т.

ДАНИИЛ ЗАТОЧНИК (к. XII — н. XIII в.), автор, его именем подписано послание князю, известное под двумя названиями «Слово Даниила Заточника» и «Моление Даниила Заточника».

Одна из самых загадочных фигур в древнерусской литературе и религиозно-философской мысли. Кроме подписи под посланием, о Данииле Заточнике ничего не известно: ни точного времени жизни, ни времени написания послания, ни даже того, какому князю оно адресовано.

Вокруг послания Даниила Заточника уже долгие годы в науке продолжаются дискуссии. Оно известно в пяти редакциях, наиболее известные из которых «Слово» и «Моление». Едва ли не все вопросы возникновения этого документа до сих пор не решены окончательно. Не ясно, историческая ли личность Даниил Заточник, или же литературный образ (иногда вообще отрицается существование реального Даниила, который считается чисто литературным персонажем), не выяснено и время создания памятника (называют и XII, и XIII вв.). Спорным является вопрос и взаимоотношения между собой «Слова» и «Моления». Последняя точка зрения на этот вопрос высказана Л. В. Соколовой, которая считает «Моление» литературным откликом на «Слово». Однако и само «Слово», дошедшее до нас в более поздних списках, значительно дополнено и расширено позднейшими вставками.

И это притом, что послание Даниила Заточника — одно из самых ярких произведений древнерусской литературы домонгольского периода, в котором столь сильно и однозначно выражено авторское личностное начало. Ведь главный герой этого сочинения, центр притяжения всего внимания — сам автор, с обостренной чувствительностью буквально кричащий о своем «я» и повествующий некоему князю о своей горестной судьбе. И в этом смысле сочинение Даниила Заточника — исключительное явление в древнерусской духовной мысли.

Даниил, видимо, не случайно назвал себя «Заточником». Мы не знаем, был ли «заточен» он в прямом смысле этого слова, но его страстное послание свидетельствует: он был «заточен» обстоятельствами жизни. Высокообразованный, литературно одаренный, ироничный человек, каковым представляется Даниил, оказался лишним человеком своего времени. Его интеллект, его образование, его литературный талант оказываются никому не нужными. Даниил «выпадает» из обычной жизни, остается невостребованным и, следовательно, несчастным. Ведь он настолько одинок, что даже друзья и родственники «отвергли» его от себя, а те, кто не гнушаются его, — на самом деле, в сердце своем, осмеивают страдальца Даниила: «Друзи же мои и ближнии мои и тии отвергошася мене... Очима бо плачутся со мною, а сердцемъ смеють ми ся».

Интересно, что в «Слове» опять, как и в ряде др. памятников древнерусской мысли, центральным образом становится символ сердца — именно сердце Даниила страдает от одиночества. Но в данном случае символ страдающего сердца дополняется еще символом страдающего ума: «Имею бо сердце — аки лице безъ очию, и бысть умъ мой — аки ношный вранъ на ныриши». При этом сам образ бодрствующего филина заимствован из Псалтири (Пс. 101, 7—8). Как заметила Л. В. Соколова, вполне возможно, что в данном случае Даниил стремится объяснить свои страдания тем, что руководствовался в поступках не сердцем, а разумом.

Такое объяснение вполне возможно, ибо сам Даниил не только не разделяет 2-го символа, но даже стремится объединить их в один своего рода «смешанный символ» — «сердце бо смысленаго», т. е. «сердце разумного», утверждая: «Сердце бо смысленаго укрепляется въ телеси его красотою и мудростию». Следовательно, при всем уповании на сердце, Даниил Заточник вполне осознанно подчеркивает и значение разума в жизни каждого человека, и ниже всячески подчеркивает собственную «мудрость» и «разумность». Впрочем, именно это и становится источником всех его бед.

Для самого Даниила — это настоящая личностная трагедия, из которой он видит только один выход — наняться на княжескую службу. Поэтому его послание внутренне противоречиво — вынужденный самоуничужительно «молить» князя о предоставлении ему службы (недаром же одна из редакций его послания носит название «Моление»), он, одновременно, красочно расписывает собственные достоинства. С одной стороны, Даниил не шадит ни сил, ни красок, похваляясь своим умом и многочисленными дарованиями, — он и «разумом обилень», и мысль его парит «аки орель по воздуху», и красноречив так, что с уст его слова каплют «слажше мѣду». А с др. стороны — он и нищий, и одинокий, и «всем обидимъ есмь». И все эти стилистические и смысловые ухищрения нужны Даниилу лишь для того, чтобы князь избавил его от нищеты. «Княже мой, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от уст лвовъ», — восклицает он.

Но вот что важно. В своем самоуничужении Даниил не опускается до самоуничужения, до признания своего полного ничтожества. Нет, жалуясь на жизненные обстоятельства, он с небывалой ранее в древнерусской литературе силой отстаивает право образованного человека на достойное существование. Да, он нищий, но — это нищий мудрец, а даже нищий мудрец стоит достойного к себе отношения, ибо обладает несомненным богатством — мудростью: «Нишь бо мудр — аки злато в кални судни».

И здесь, чтобы совсем не впасть лишь в слезливое попрошайничество и, одновременно, стремясь защитить собственное достоинство, Даниил Заточник призывает на помощь иронию.

Сколь выразительны его метафоры и сравнения, сколь свободно обращается он и с библейскими аллегориями, и с народными поговорками, вплетая их в свое повествование! А в итоге, даже самые уничижительные характеристики, которыми Даниил награждает себя, превращаются в образчики прекрасного литературного стиля, лишний раз подчеркивающие его таланты. И это снова совершенно осознанный прием — Даниил, прекрасно понимающий нравы тогдашнего высшего общества, хочет вызвать у князя к себе уважение, а не одну только жалость. Ибо убог и нищ он в силу несправедливости судьбы, а не из-за собственного убожест-

ва. Так и кажется, что Даниил Заточник восклицает: «Дайте мне возможность проявить себя, и я займу самое достойное место в обществе! А все мои “плачи” и “моления” — от безысходности!».

Явление в Древней Руси послания Даниила Заточника — это свидетельство того, что в древнерусском обществе на рубеже XII—XIII вв. появился новый социальный слой, состоящий из образованных, но невестребованных людей. Эти люди уже стремились опираться на свой разум и строить свою жизнь в зависимости от собственных интеллектуальных способностей. Для нас же важно, что впервые в истории русской религиозно-философской мысли идея свободного разума в произведениях Даниила Заточника зазвучала столь ярко и определенно.

Более того, образ Даниила Заточника оказался близок и тем тысячам русских людей, которые, может быть, и не были одарены талантами, но в результате социального расслоения древнерусского общества оказались «выброшенными» из привычного для них мира. Это те самые «русские скитальцы», о которых столь пронзительно писал через 700 лет Ф. М. Достоевский.

Личность Даниила Заточника крепко врезалась в народную память, а его послание было воспринято в народе как свое кровное произведение. На протяжении столетий оно неоднократно переписывалось, дополняясь при этом новыми сюжетами, ибо каждый переписчик стремился поделить себя и собственными горестями. А послание Даниила Заточника предоставляло для этого самую благодатную почву.

Поэтому в конечном итоге не так важно — жил ли на самом деле некий Даниил Заточник и был ли он автором «Слова» или «Моления». В любом случае послание, подписанное именем Даниила Заточника, — это определенная веха в развитии отечественной религиозно-философской мысли, отмечающая появление идеи отдельной человеческой личности, живущей плодами своего разума, как в духовной мысли, так и в общественной жизни Древней Руси.

Лит.: Зарубин Н. Н. «Слово Даниила Заточника» по редакциям XII—XIII вв. и их перделкам. Л., 1952; Слово Даниила Заточника / Подг. текста, пер. и комм. Д. С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси: XII в. М., 1980; Слово Даниила Заточника, еже написал своему князю Ярославу Володимировичю // Златоструй: Древняя Русь X—XIII вв. М., 1990; Бессонов П. А. Несколько замечаний по поводу напечатанного в «Русской беседе» «Слова Даниила Заточника» / Москвитянин. 1856. Т. 2. № 7, 8; Гудзий Н. К. Моление Даниила Заточника // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1946; Воронин Н. Н. Даниил Заточник // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967; Рыбаков Б. А. Даниил Заточник и владимирское летописание к. XII в. // АЕ за 1970. М., 1971; Лихачев Д. С. Моление Даниила Заточника // Великое наследие; Он же. Даниил Заточник // Словарь книжников. Вып. 1.

С. Перевезенцев

ДАНИИЛ (Даниил Рязанец) (2-я пол. XV в. — 1547), митрополит Московский и всея Руси в 1522—39, религиозный мыслитель и писатель, идеолог «иосифлянства».

Родом из Рязани. Монах, а после смерти *Иосифа Волоцкого*, игумен Иосифо-Волоколамского монастыря (с 1515). Был неукоснительным исполнителем заветов своего учителя, пытался ввести в монастыре еще более строгие правила — запрещал инокам держать в кельях собственные книги. 27 февр. 1522, видимо, по воле вел. кн. Василия III стал митрополитом. Поддерживал вел. князя во всех даже самых шекотливых ситуациях. В 1525 помог устроить Василию III неканонический развод с первой женой Соломонией Сабуровой из-за ее бесплодия.

Даниил прилагал максимум усилий к тому, чтобы сохранить внутрицерковное единство и без пошады расправлялся с теми, кто мог этому единству помешать. Вел непримиримую борьбу с «нестяжателями». В 1525 по его инициативе был затеян судебный процесс против *Максима Грека*, обвиненного в нарушении православной догматики. В 1531 Максим Грек был осужден вторично, но уже с привлечением новых обвинений — в «нестяжательстве». Сразу же после вторичного осуждения Максима Грека осужден был и главный «нестяжатель» *Вассиан Патрикеев*. Митр. Даниил лично готовил и проводил суд над Вассианом, обвинив его в еретичестве и в том, что Вассиан хочет лишить Церковь ее прав на владение землей и селами.

После смерти Василия III в 1533 положение Даниила ухудшилось. В 1539 бояре Шуйские заставили его подписать отречение от митрополии по неспособности. Последние годы жизни Даниил провел в Иосифо-Волоколамском монастыре.

Перу митр. Даниила принадлежат 16 «слов», 18 посланий, поучение и окружное послание. Некоторые из своих сочинений митр. Даниил еще при жизни свел в одну книгу под названием «Соборник». В. Г. Дружинин обнаружил, помимо названных, еще 26 посланий и поучений, однако единого мнения о принадлежности их именно митр. Даниилу пока нет. Впрочем, и само творческое наследие Даниила изучено недостаточно. Единственное издание, содержащее относительно внушительный список произведений митр. Даниила, осуществлено в 1881. Затем подробный обзор творений Даниила был проведен митр. *Макарием* (Булгаковым) в его «Истории Русской церкви». В советское время публиковались лишь отдельные послания. Кроме того, Даниил принимал участие в составлении *Никоновской* и *Иоасафовской* летописей, *Сводной Кормчей*. Современные исследователи выявили многочисленные рукописи, которые Даниил частично переписал или отредактировал.

И в «Соборнике», и в др. своих произведениях Даниил предстает как великолепный знаток Священного Писания, святоотеческой и др. христианской литературы. Сочинениям митр. Даниила присуща глубина понимания богословских проблем, яркость стиля, понятность изложения. Все это вместе взятое позволило Максиму Греку назвать митр. Даниила «доктором Христова закона».

Наследуя своему учителю Иосифу Волоцкому, митр. Даниил был полностью проникнут верой в то, что Церковь должна исполнять организующую роль в обществе и своими трудами привести людей ко спасению. Поэтому в богословских вопросах он вполне традиционен, ведь своей задачей он видел не развитие, а утверждение канонов Православной веры. Причем Церковь, по его вполне «иосифлянскому» убеждению, воплощает в себе неразрывное единство догматов и обрядов. Митр. Даниилу было столь важно подчеркнуть единство догматической и обрядовой стороны православного вероучения, что нередко преданиям обрядовым он приписывал такую же важность, как и догматическим. В одном из «слов» он утверждает, что задача Православной церкви состоит в неуклонном сохранении всех писанных и неписанных преданий: «Яко прияхомъ предания писаная и неписаная».

Кстати, существует точка зрения, что именно митр. Даниил, используя в своем четвертом «слове» «Слово Феодорита», нашел богословские основания практике двуперстного крещения, утвержденного в 1551 Стоглавым Собором. Как известно, 100 с лишним лет спустя вопрос о том, как

креститься — двумя или тремя перстами, — послужит одним из поводов к расколу Русской церкви.

Главная цель деятельности Церкви, по мнению митр. Даниила, — вселение в сердца людей любви к Богу и к ближним своим, ибо только тот, кто постиг сущность евангельской любви, поистине может спастись. А возможность познания Христовой любви заключается в соблюдении божественных заповедей: «Преблагий Бог сотворил нас из небытия в бытие и даровал нам все блага, обещал и будущая неизреченные блага, но только если мы соблюдаем заповеди Его и будем совершать угодная Ему».

Однако и отдельный человек и все общество в целом охвачены грехами и скверной. Митр. Даниил вообще рассматривает земную жизнь как временное пребывание: «Якоже бо в мимотечении zde esмы в настоящем сем житии и якоже в гостех пребываемъ; несть бо прочно нам сие житие, ни бо zde есть нам жити». Более того, он рассматривает земную жизнь как «изгнание», наказание людей за грехи: «Не сие бо есть отечество наше, но преселение и паче, истинно реши изгнание. Ибо во изгнании zde, esмы вси человеци, якоже писано есть, яко пришелици esмы zde и преселници».

Причина тому — плотское начало, торжествующее в земном мире. Даниил очень суров в отношении земной и, тем более, плотской жизни. Для него была очень важна идея очищения человека и общества от скверны, исходящей от плотского начала. В одном из своих посланий он призывает «возненавидеть мир», ибо мир — это совокупность зла. Близка ему была и идея «истязания плоти». Говоря о плотской греховности, искушающей людей, он прямо призывает истязать и умерщвлять плоть, приводит многочисленные примеры из жизни святых и подвижников, истязавших себя в борьбе с дьявольскими соблазнами, пишет, что истинный христианин обязан «распинать свою плоть со страстными и похотями, умерщвлять своя уды», вплоть до оскпления.

Поэтому единственным средством, которым можно исправить мир, Даниил называет страх Божий. В трактовке митр. Даниила страх Божий учит людей удаляться от грехов, побуждает к подвигам добродетели, является началом спасения и источником жизни. Поэтому всякий искренне верующий человек должен постоянно пребывать в страхе Божием, руководиться этим страхом всегда и везде: «Сего ради незабытно и неленостно шествуем настоящий сей наш путь и подвигъ и имеем в себе всегда страх Божий и страшный онъ день суда Христова, да благочестно и любодобродетельно житие проживем на земли сей Божией... Много бо нам предлежит страха и боязни в настоящем сем житии, и вниманию и трезвению всегдашнему потреба».

Страхом Божиим обязан руководствоваться не только один человек, но и Церковь в целом. Многие сочинения митр. Даниила содержат рассуждения о пользе наказаний и о необходимости преследования тех, кто не подчиняется церковным законам. Ведь тезис о страхе Божием в отношении Церкви реализовывался и в том, что Церковь должна была сама очиститься от еретиков и от иных нарушителей канонов. Именно поэтому митр. Даниил прилагал максимум усилий к тому, чтобы достичь внутрицерковного единства, и без пощады расправлялся с теми, кто мог этому единству помешать.

Он считал, что с еретиками недопустимы никакие отношения, даже за один стол с ними садиться нельзя. А в сердце православных не должно быть никакого чувства, кроме «совершенной ненависти» к еретикам. И Даниил призывает обрушить на еретиков с «божественною ревностью» и «проявлять к ним праведную ярость».

В отношении простых мирян Церковь должна была строго следить за соблюдением обрядности, ибо, по убеждению митр. Даниила, путь от внешнего порядка к внутреннему убеждению был самым коротким путем к торжеству православных истин. И во множестве своих слов, посланий и поучений Даниил стремится воздействовать на паству словом и делом, убеждая любовью и грозя казнями Божиими, желая отвратить людей от греха и наставить на путь истинный.

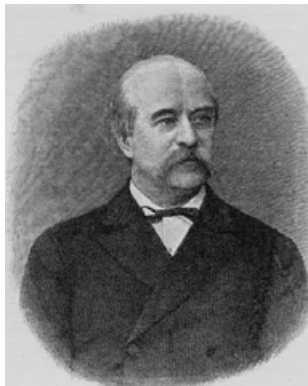
Достойным наследником Иосифа Волоцкого выступал Даниил и в вопросах об имущественных правах Церкви. Конечно, он призывал к строгому личному аскетизму черного духовенства. Интересно, что он не настаивал на преимуществах какой-либо одной разновидности монастырей, но требовал соблюдения уставов, канонов вероучения и богослужения от всех из них.

Сама же Церковь, чтобы иметь влияние в обществе, обязательно должна быть богатой. В этом отношении митр. Даниил не знал никаких компромиссов. Когда дело дошло до реальных столкновений со сторонниками «нестяжания» Церкви, он не остановился до тех пор, пока «нестяжатели» не были окончательно «ниспровергнуты».

Митр. Даниил, несомненно, сыграл важную роль в том, что «иосифлянство» превратилось всего лишь из одного из направлений в отечественной религиозно-философской мысли в основную идеологию Русской церкви. По сути дела, с тех пор «иосифлянство» занимало самые ведущие позиции в Русской церкви на протяжении двух веков.

С. Перевезенцев

ДАНИЛЕВСКИЙ Григорий Петрович (псевд. **А. Скавронский**) (14[26].04.1829—6[18].12.1890), писатель, переводчик.

Родился в с. Даниловка Изюмского у. Харьковской губ. Принадлежал к старинному роду малороссийских помещиков. Детские годы прошли в атмосфере патриархальной старины. Большую роль в раннем развитии ребенка сыграли простые дворовые: няня Аграфена, ее муж Анисим.

Учился Данилевский в Московском университетском пансионе и Петербургском университете, где кончил курс со степенью кандидата прав. За год до

того он по ошибке был привлечен к делу Петрашевского и несколько месяцев просидел в Петропавловской крепости в одиночном заключении. Служа в Министерстве народного просвещения, неоднократно получал командировки в архивы южных монастырей. В 1856 он был одним из писателей, посланных вел. кн. Константином Николаевичем для изучения различных окраин России. Ему было поручено описание побережья Азовского моря и устьев Дона. Выйдя в 1857 в отставку, Данилевский поселился в своих имениях, был депутатом харьковского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, позднее губернским гласным и членом харьковской губернской земской управы. В 1868 Данилевский поступил было в присяжные поверенные харьковского округа, но вскоре получил место помощника гл. редактора «Правительственного вестника», а в 1881 был

назначен гл. редактором этой газеты; состоял также членом совета главного управления по делам печати.

Ранние произведения Данилевского: поэма из мексиканской жизни «Гвая-Лир», «Украинские сказки» (8 изд.), «Крымские стихотворения» (1851), переводы из Шекспира («Ричард III», «Цимбелин»), Байрона, Мицкевича не имели успеха. Удачнее были повести из малороссийского быта и старины, собранные в 1854 в книжку «Слобожане». Первый роман, обративший на Данилевского внимание большой публики, — «Беглые в Новороссии» (1862), подписанный псевд. А. Скавронский. За ним последовали «Беглые воротились» (1863) и «Новые места» (1867). В 1874 появился «Девятый вал». Повестью «Потемкин на Дунае» (1878) начинается 2-я пол. литературной деятельности Данилевского, почти исключительно посвященная исторической беллетристике. Одно за другим появляются: «Мирович» (1879); «На Индию при Петре» (1880); «Княжна Тараканова» (1883); «Сожженная Москва» (1886); «Черный год» (1888) и ряд рассказов из семейной старины. В 1866 Данилевский издал книгу «Украинская старина» (исторические и биографические очерки).

Герои первого романа Данилевского «Беглые в Новороссии» крестьяне, бежавшие в поисках воли от крепостной зависимости и своих хозяев-притеснителей и попавшие в новую, еще более ужасную кабалу. Таков Левенчук, вызывающий сочувствие автора. Вначале нерешительный, тихий и робкий, он, доведенный до отчаяния, поднимается до активного протеста, готовый на убийство богача-душегуба Панчуковского за поруганную невесту, за искалеченную жизнь.

Роман «Воля» является своеобразным продолжением «Беглых в Новороссии», на что указывает и подзаголовок «Беглые воротились». Характеры и события «Воли» складываются непосредственно под влиянием реформы о крепостном праве, обманувшей надежды крестьян. Возвращаясь в свои родные места к крестьянскому труду, беглые не получили земельных наделов. Сомнение крестьян в их освобождении в период подготовки реформы («Село Сорокопановка») заменяется в «Воле» открытым возмущением: «Нас наддули, обманули! Настоящий закон спрятан». Данилевскому в новом романе удалось отразить логику событий, приводящих к пореформенным крестьянским волнениям. «Воля та, когда сам ее взял», — поучает горький бродяга Зинца Илью Танцура — главного героя книги. Судьба Зинца, рассказанная в своеобразной вставной новелле, напоминает историю Левенчука, отомстившего своему барину. Танцур, ставящий дело народного отмщения выше личного благополучия, противопоставлен в нравственном плане персонажам, представляющим западно ориентированную дворянскую среду.

В романе «Черный год» («Пугачевщина» 1888—89) Данилевский пытается ответить на вопрос: «Почему <...> наш бедный, темный народ, сбитый с толку самозванцем, в коем он видел царя... пролил столько крови, будучи от природы добрым?» В романе «Черный год» Данилевский продолжает освоение исторической тематики, которая с 70-х становится ведущей в его творчестве. Интерес к историческим сюжетам проявляется у писателя еще в 50-е (рассказы «Вечер в тереме царя Алексея», «Царь Алексей с соколом», «Екатерина Великая на Днепре»). К н. 70-х относится цикл художественных очерков «Семейная старина» из истории рода Данилевского, к 1878 — роман «Потемкин на Дунае». Широкою известностью Данилевскому принес роман «Мирович» (первоначальное название «Шлиссельбургский узник»), написанный в 1875. Он был запрещен цензурой и напечатан только в 1879 («Вестник Европы») с измененным названием.

В нем писатель обратился к эпизоду из истории российского престола сер. XVIII в. — убийству при попытке освобождения офицером Мировичем таинственного Шлиссельбургского узника Ивана Антоновича, провозглашенного в младенчестве императором и низложенного вскоре гвардейцами Елизаветы.

Использование Данилевским документальных источников, лежащих в основе повествования, отразило уровень развития отечественной историографии 70-х, когда, наконец, стали доступны многие запрещенные материалы. Писателя отличает внимательное отношение к историческим сведениям. Роман «Мирович» включает непосредственно документы эпохи (Данилевскому был известен, напр., дневник Мировича, он первым установил факт посещения принца Петром III, неизвестный даже историку С. М. Соловьеву), различные версии событий (особенно ценными из них писатель считал записки В. П. Кочубя (1860) и Д. Н. Блудова (1871), работы историков М. И. Семевского (1866), А. Г. Брикнера (1874), С. М. Соловьева (в 1875 вышел 26-й т. «Истории России»). Данилевский интересовался мнением академика Я. К. Грота и преданиями своего рода (прадед писателя, земляк Мировича, воспитывался с ним в одном корпусе). Единственным литературным источником был план к роману о Мировиче Г. Ф. Квитки-Основьяненко, откуда Данилевский заимствовал некоторые сюжетные ходы.

Авторская трактовка исторических лиц и событий романа позволяет говорить о том, что трагедия Иоанна не связана со злой волей русских монархов, которые даже проявляли к нему сочувствие (Елизавета плачет, глядя на него, Петр III собирается разделить с ним трон и пр.). Несчастный принц показан игрушкой в руках судьбы, невольной жертвой роковых обстоятельств. Перед новой имп. Екатериной вновь неминуемо встает выбор — сострадания или спокойствия государства, и она выбирает последнее.

Герои «Мировича» не производят впечатления людей, искусственно перенесенных в чуждую для них среду. Они представляют конкретную историческую эпоху. Особое мастерство Данилевского проявилось в изображении внешних черт эпохи — ее предметного мира и быта. Этнографический материал романа и занимательность и драматизм фабулы, «сочиненной самой исторической действительностью», были, по мнению критики, причиной его популярности.

Своеобразным продолжением «Мировича» был роман «Княжна Тараканова» (1883), разрабатывающий схожую проблематику на материале той же эпохи. В основе его сюжета лежит авантюрная история самозванки — претендентки на царский престол, выдававшей себя за дочь имп. Елизаветы. Вновь применяя нравственный критерий к оценке исторических событий, Данилевский симпатизирует своей героине, жертве борьбы за власть, и осуждает ее врагов. При создании образа А. Орлова Данилевский отступает от стереотипа в изображении личности графа как исполина века и показывает его жестокость и вероломство. Форма дневника очевидца событий лейтенанта Концова, в которой дана 1-я ч. романа, свидетельствует о мастерстве авторской стилизации.

Петровскому времени посвящен роман «На Индию при Петре» (1880) и последнее незаконченное произведение «Царевич Алексей». В 1883 Данилевский публикует отрывки из незавершенного романа о декабристах «Восемьсот двадцать пятый год». Лучшим его произведением часто называют роман «Сожженная Москва» («Русская мысль», 1886) на тему Отечественной войны 1812. В «Сожженной Москве»

Данилевский остался по-прежнему верен своему излюбленному способу отражения исторической действительности, в основе которого лежит авторский интерес к отдельному эпизоду из прошлого. Поэтому внимание автора сосредоточено на перипетиях личной жизни героев, на их переменчивых в условиях войны судьбах, сами же исторические события составляют фон повествования. В центре сюжета «Сожженной Москвы» — романтическая история исключительной любви Авроры и Базиля Перовского. Война властно вторглась в их судьбы, разрушила их счастье. Базиль испытывает все тяготы плена, Аврора становится партизанкой и погибает при попытке убить Наполеона.

Разоблачение завоевателя составляет часть антивоенной темы, которая раскрывается в изображении патриотической борьбы с ним защитников России. Символом ее является образ спаленной, но не покоренной Москвы. В ряде выразительных эпизодов показана самоотверженность простых людей — старосты Клима, дворецкого Сокова, дворника Карпа, мельника Петра, поджигавшего свою избу с находившимися в ней французами, и др. «Вот он, русский-то народ! Они вернее и проще нас поняли прощенье наших завоевателей».

Соч.: Соч.: В 24 т. 9-е изд. СПб., 1902; Мирович. Княжна Тараканова. Сожженная Москва. М., 1961; Мирович. Княжна Тараканова. Сожженная Москва. М., 1977; Сожженная Москва. М., 1968; Сожженная Москва: Исторический роман. М., 1979; Беглые в Новороссии. Воля. Княжна Тараканова. М., 1983.

Т. Р., Д. К.

ДАНИЛЕВСКИЙ Николай Яковлевич (28.11[10.12].1822—7[19].11.1885), мыслитель, философ, социолог, естествоиспытатель. Родился в с. Оберец Ливенского у. на Орловщине, в семье генерала. В 1842 окончил Царскосельский лицей и поступил в качестве вольного слушателя на физико-математический факультет Петербургского университета. Получил степень магистра ботаники на естественном факультете Петербургского университета. Увлечшись идеями Фурье, примкнул к петрашевцам и за принадлежность к этой группе просидел 100 дней в Петропавловской крепости. Был выслан из Петербурга, работал чиновником в канцелярии вологодского губернатора, а затем при губернаторе Самары. Свою научно-литературную деятельность начал в к. 50-х, опубликовав в журнале «Отечественные записки» статьи об Александре фон Гумбольдте. В 1850-е занимался рыболовством на Волге, в Каспийском море, на Русском Севере. В 1860-е приступил к исследованию проблем цивилизации. В книге «Россия и Европа» (1871) развивает теорию культурно-исторических типов человечества. По его учению, общечеловеческой цивилизации нет и быть не может. Существуют лишь ее различные типы, такие как египетский, китайский, ассирио-вавилонско-финикийский, еврейский, греческий, римский, германо-романский, славянский (русский).

Каждая цивилизация имеет самобытный характер и развивается по собственным законам.

В целом выводы Данилевского о природе цивилизации сводятся к следующему:

— всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, близких между собой, составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно по своим духовным задаткам способно к историческому развитию;

— чтобы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходима политическая независимость ее народов;

— начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам др. типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых ему предшествовавших или современных цивилизаций;

— цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, только тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государства.

В современной истории Данилевский больше всего уделяет внимание германо-романским и славянским типам, последний из которых только начинает оформляться. Основы цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются цивилизации др. типа. Период роста культурно-исторического типа неопределен. Период же его цветения и плодоношения краток. Последний период исчерпывает раз и навсегда жизненные силы культурно-исторического типа. «Человечество», по мнению Данилевского, это абстракция, пустое понятие, а народ — конкретная и существенная действительность. Значение культурно-исторических типов состоит в том, что каждый из них выражает идею человека по-своему, а эти идеи, взятые как целое, составляют нечто всечеловеческое. Господство одного культурно-исторического типа, распространенное на весь мир, означало бы постепенную деградацию. Данилевский подчеркивал враждебный и агрессивный характер западной цивилизации по отношению к формирующемуся самобытному славянскому типу и настаивал на необходимости утверждения на Востоке Всеславянского союза, призванного служить гарантом всемирного равновесия. Этот союз, с точки зрения Данилевского, должен стать «мерю чисто оборонительной», ибо «всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное ли господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа — одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории».

Данилевский полагал, что ни один из культурно-исторических типов не может претендовать на то, что он представляет высшую точку мирового развития человечества. Вместе с тем он подразделяет культурно-исторические типы на уединенные, которые не передают плоды своей деятельности, и преемственные, способные подготавливать почву для развития последующих культурно-исторических типов. Воздействие преемственных культурно-исторических типов определяется им как пересадка, прививка и удобрение. Пересадка обычно осуществляется посредством колонизации. Народ, подвергнувшийся прививке, превращается в средство для чужеродного культурно-исторического типа. Удобрение же, напротив, способствует развитию и того народа, который удобряет, и того, который удобряется. Но, знакомясь с ценностями др. культурно-исторического типа, новый тип может заимст-

воват только то, что «стоит вне сферы народности». Каждый культурно-исторический тип должен создавать свои собственные основы самостоятельно. «Дух», «природа» народов не заимствуется, ибо в противном случае они усваивают чужую культуру, утрачивая собственную. А это означает обречь себя на подражательность, признать бессмысленным свое историческое прошлое и будущее.

Хотя сам Данилевский может быть причислен к *славянофилам*, путь, который он прошел, чтобы получить те же самые славянофильские выводы, был совершенно самостоятельный, совсем иной, чем у его предшественников *Хомякова* и *Киреевского*. Сам Данилевский оценивал славянофилов так: «Учение славянофилов было не чуждо оттенка гуманности, что, впрочем, иначе и не могло быть, потому что оно имело двойной источник: германскую философию, к которой оно относилось только с большим пониманием и большею свободой, чем его противники, и изучение начал русской и вообще славянской жизни — в религиозном, историческом, поэтическом и бытовом отношении. Если оно напирало на необходимость самобытного национального развития, то отчасти потому, что, создавая высокое достоинство славянских начал, а также видя успевающую уже высказаться в течение долговременного развития односторонность и непримиримое противоречие начал европейских, считало, будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники».

В отличие от большинства славянофилов, веривших в мессианские задачи русского народа, Данилевский, исходя из своей теории культурно-исторических типов, отрицал возможность существенного влияния славяно-русской цивилизации на западную и др. цивилизации. Вместе с тем он считал, что славянской (русской) цивилизации принадлежит будущее. Именно славянская цивилизация должна прийти на смену угасающей западной. Славянская цивилизация в отличие от западной неагрессивна. В ней общественный элемент преобладает над личным, индивидуальным, ибо психология славян сложилась преимущественно под влиянием Православия. России предстоит сделать выбор: либо вместе с др. славянскими народами создать всеславянскую цивилизацию, либо полностью утратить свое культурно-историческое значение и стать этнографическим материалом для др. цивилизаций. Данилевский считал необходимым создание Всеславянского союза или федерации — добровольного объединения славянских народов вокруг России. Столица этого равноправного союза славянских народов должна быть установлена в бывшем Константинополе, «пророчески именуемом славянами Царьградом».

Связывая главные понятия бытия — Бога и материи, Данилевский осознавал их через понятия красоты. «Бог пожелал создать красоту, — писал он, — и для этого создал материю». «Красота есть единственная духовная сторона материи — следовательно, красота есть единственная связь этих двух основных начал мира. То есть красота есть единственная сторона, по которой она (материя) имеет цену и значение для духа, — единственное свойство, которому она отвечает, соответствует потребностям духа и которое в то же время совершенно безразлично для материи как материи. И наоборот, требование красоты есть единственная потребность духа, которую может удовлетворить только материя».

Данилевский считал, что гармонию Вселенной, которая явлена человеку в красоте окружающего мира, невозможно объяснить без допущения идеи целеустремленности всего сущего к взаимной согласованности. В основе ее лежит

недоступное человеческому разумению божественное целеполагание, проявляющееся также в функционировании каждого организма, в приспособленности растений и животных к окружающей среде, в общей направленности жизненных процессов на Земле. Все сущее, считал Данилевский, развивается по единому закону — закону зарождения, расцвета и увядания. Каждая более или менее целостная система любого уровня сложности есть замкнутый мир, живущий и умирающий в меру отпущенных ему внутренних сил и возможностей. В результате исчерпывания внутренних потенций восходящее развитие формы сменяется нисходящим, и она деградирует. Подобный процесс и приводит, по Данилевскому, к вымиранию определенных видов растений и животных. По аналогии с природой, с многообразием видов, которым отведено свое место во времени и пространстве, историю можно считать чередованием (или сосуществованием) самобытных, эквивалентных по своей ценности больших и малых культур. Одни из них преимущественно религиозны (Древний Восток), другие ориентированы на создание художественных ценностей (Греция), третьи основаны на стремлении сформулировать юридические установления и следовать им (Рим) и т. п. В основе каждой из культур в качестве ее энергетического центра лежит национальное начало, способное к развитию благодаря сообщенной ему божественной энергии. Совокупность племен, ощущающих внутреннее единство и говорящих на родственных языках, может развиваться в культурно-исторический тип.

В 1864 Данилевский покупает имение на южном берегу Крыма. Здесь в гостях у Данилевского бывали славянофилы *Н. Н. Страхов*, *И. С. Аксаков*, здесь же в 1885 побывал *Л. Н. Толстой*, который с глубокой симпатией отнесся к Данилевскому. В Крыму Данилевский ведет научно-исследовательскую работу, является директором Никитского ботанического сада. В последние годы жизни работал над трудом, в котором опровергал дарвинизм. Критикуя дарвиновскую теорию естественного отбора, Данилевский объясняет происхождение организмов деятельностью высшего разума. Сам Данилевский определял свой труд как «естественное богословие». Он стремился рассмотреть природную эволюцию, исходя из единства материи и духа. Данилевский не успел закончить свой труд — он скоропостижно скончался в г. Тифлисе во время очередной научной поездки. Похоронен в глуме крымском имении.

Труды Данилевского оказали большое влияние на развитие русской и мировой философской мысли, и в частности на формирование взглядов О. Шпенглера и А. Тойнби.

Соч.: Россия и Европа. СПб., 1871 (М., 1991); Дарвинизм. Критическое исследование. Т. 1—2. Т. 2 (одна посмертная глава). СПб., 1885—89; Сб. полит. и эконом. ст. Н. Я. Данилевского. СПб., 1890.

Д. К.

ДАНКЕВИЧ Лука (1791—1867), галицко-русский писатель, священник в Коломые, один из первых по времени публикаторов галицко-русского национального самосознания и просвещения. В «Венке русинам» (1847) он поместил 3 стихотворения. Позднее писал *басни* под псевд. Лука из Ракова.

Н. С.

ДАНКОВ Иван Иванович (2[14].05.1811—5[17].12.1844), стихотворец. Родился в погосте Водинцев Холмского у. Псковской губ. Учился в Московском университете. Его стихотворные брошюры «по поводу»: комический панегирик «Блины» (М., 1839) — к масленице, «Красное яичко, или Светлодневный подарок москвичам» (М., 1839; СПб.,

1846) — ряд колоритных зарисовок о том, как встречают Пасху в Москве, пригороде, деревне, «Семь столов для бедных, в богоблагословенной Москве» (М., 1840) — по случаю благотворительного обеда Комитета для призрения бедных и сирот, написанные разговорно-просторечным языком с бедной рифмовкой, имели успех среди простого народа.

Другой характер носила стихотворная брошюра «Могила боярина Артамона Сергеевича Матвеева» (М., 1840), описывающая «былинным стихом» гибель во время Стрелецкого бунта наставника матери имп. Петра I — «Обновителя, / Просветителя, / Царства сильного, / Царства русского». Неодобрительное отношение университетского начальства к поэтическим занятиям студентов запечатлено в широко ходившем в студенческой среде шуточном стихотворении *Я. П. Полонского* — в связи с напечатанными «стишками к масляной» Данкова. Последнее из опубликованных им сочинений — напечатанный в 1841 дидактический прозаический рассказ «Сорок лет пьяной жизни» (М.).

ДАРАГАН Анна Михайловна (23.02[7.03].1806—11[23].08.1877), детская писательница, педагог. Родилась в Петербурге. Получила домашнее образование. Первым ее литературным трудом был букварь «Елка. Подарок на Рождество» (Ч. 1—2. СПб., 1846; 14-е изд. Ч. 1. СПб., [1907]) — иллюстрированное методическое руководство по домашнему обучению детей азбуке и чтению с поурочными разработками, в основе которых лежал слоговой метод обучения и принцип постепенного усложнения материала.

В 1848 Дараган выпустила книгу «Чтение для детей из Священной истории» (СПб.) — пересказ трех библейских сюжетов, каждый из которых сопровождался религиозно-назидательной сентенцией автора. Критика отметила простой и ясный язык книги. Другая популярная книга: «Естественная история животных, рассказанная для детей» (СПб., 1849).

ДАШКОВА Екатерина Романовна (17[28].03.1743 (по данным, 1744) — 4[16].01.1810), княгиня, писательница.

Урожд. Воронцова; воспитывалась в доме дяди — канцлера М. И. Воронцова. С 1758 сблизилась с имп. *Екатериной II*; активно участвовала в переводе, приведшем *Екатерину II* на престол. Начала печататься в основанном ею журнале «Невинное упражнение» (1763). Ее «Записки» («Mon histoire», 1804—06, изд. в переводе на англ. яз., 1840, Лондон; на фр. яз. 1859, Париж; на рус. яз. 1859, Лондон) были популярны в России и

за рубежом. Несмотря на недостоверность в изложении исторических фактов, они содержат интересные сведения о времени царствования имп. *Екатерины II*, о московской жизни XVIII в. Будучи директором Академии наук и президентом основанной при ее участии Российской Академии (1783—96), Дашкова основала 2 научно-литературных издания: «Собеседник любителей российского слова...» (1783—84) и «Новые ежемесячные сочинения» (1786—96); к участию в них привлекла лучшие литературные силы (*Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, В. В. Капнист* и

др.). При участии Дашковой был начат «Словарь Академии Российской» и периодически издаваемый «Российский феатр» (1786—94). В 1794, впад в немилость имп. *Екатерины II*, Дашкова была отстранена от дел за опубликование в «Российском феатре» трагедии Княжнина «Вадим Новгородский» (1793).

Соч.: Записки... / Под ред. и с предисл. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907; Тоисоиков // Российский феатр, или Полн. собр. всех российских феатр. сочинений. Ч. 19. СПб., 1788.

М. Р.

ДВУСТИШИЕ, простейшая форма строфы, популярная у всех народов мира. В русской народной поэзии любимым двустушием является *частушка*, хотя ее принято записывать в четыре строки. Русские поэты-силлабисты также писали преимущественно двустушиями:

[Муза! не попра ли слог ^| отменить твой грубый, ^^|
[И сатир уж | не писать? ^| Многим те не | любви, ^^|
[И ворчит уж | не один, ^| что где нет мне | дела, ^^|
[Там мешаюся | и кажу ^| себя черезчур | смела. ^^|

(*А. Кантемир*)

Двустушие является основой *александрийского стиха*, самого популярного в русской поэзии XVIII в. и н. XIX в. Многие русские поэты пользовались формой двустушия, напр., *Пушкин*:

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Эту форму строфы применяли *М. Лермонтов* («Три пальмы») и особенно *Н. Некрасов*, у которого ряд произведений написан двустушиями — поэма «Саша», «Псовая охота», «Родина», «Дедушка Мазай и зайцы», «Свобода». На двустушиях построено такое известное стихотворение, как «Она веселой невестой была» *А. Блока*.

«ДЕВГЕНИЕВО ДЕЯНИЕ», древнерусская повесть. Пересказ или перевод сделан не позднее XII—XIII вв. с греческого оригинала — византийской поэмы X в., текст которой до нас не дошел. Поэма основана на сказаниях византийского героического эпоса о борьбе греков с сарацинами и подвигах народного героя Дигениса Акрита, имя которого в русской повести преобразилось в Девгения. В стиле русского текста ощутима устная традиция и стилистика воинской повести Киевской Руси. В образе Девгения воплощено представление об идеальном герое, характерном для древнерусской культуры. «Девгениево деяние» дошло до нас в поздних списках. Самый древний список XVI в. находился в одном сборнике вместе со «Словом о полку Игореве».

ДЕЛЬВИГ Антон Антонович (6[17].08.1798—14[26].01.1831), барон, поэт. Учился в Царскоевском лицее (1811—17),

по окончании которого определился на службу. С 1824 Дельви́г целиком отдается литературной работе. Он начал печатать стихи еще будучи воспитанником лицея, там же установились его художественные взгляды. В 1818 был избран в *Вольное общество любителей словесности, наук и художеств*. Дельви́г отказался участвовать в декабристском

путче. Он выступил в поэзии оригинальным продолжателем классической традиции (*К. Н. Батюшкова* и др.). Основными видами его лирики становятся подражания древним (идиллии) и стихи в духе русских народных песен. Увлечение античностью для Дельвига, как и для многих поэтов н. XIX в., обуславливалось романтическими поисками гармоничной личности, отличающейся простотой и естественностью чувств. Именно в этом заключался идейный смысл таких идиллий, как «Цефиз», «Дамон», «Купальницы», «Конец Золотого века». В идиллии «Отставной солдат» Дельвиг стремился воспроизвести особенности русского народного характера, быта, языка. В жанре народных песен он значительно глубже отразил народный дух по сравнению с предшественниками (*Ю. А. Нелединским-Мелецким, И. И. Дмитриевым*). Некоторые из песен пользуются широкой популярностью («Соловей», муз. А. А. Алябьева, «Не осенний мелкий дождичек», муз. М. И. Глинки). Дельвиг одним из первых разработал в русской поэзии форму *сонета*. Как показывает набросок «Ночь на 24 июня», Дельвиг искал новых путей в области драмы и смело обращался к новым метрическим формам, вводя их в литературу. Лирика Дельвига, несмотря на свою камерность, сыграла большую роль в развитии поэтических форм и метрической техники в поэзии. *Пушкин*, высоко ценивший стихи Дельвига, указывал, что в них «...заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял».

Издательская деятельность Дельвига, его альманахи «*Северные цветы*» (1825—31) и «*Литературная газета*» (1830—31) имели большое значение для объединения поэтов пушкинского круга и защиты их позиций в литературной борьбе 20-х. С первых же номеров газета повела борьбу за идейную свободу художника. Литераторы пушкинской группы через газету Дельвига отстаивали свою творческую независимость. Издателя газеты несколько раз вызывал к себе шеф жандармов А. Х. Бенкендорф. В результате «состоялось высочайшее повеление о запрещении издания под его редакцией» (дек. 1830). Вскоре после этого Дельвиг скончался.

Соч.: Полн. собр. стихотворений. [Л., 1934]; То же. 2-е изд. Л., 1959; Стихотворения. [Л.], 1936; Стихотворения. 2-е изд. Л., 1951.

Л. А.

ДЕМЧЕНКО Яков Григорьевич (8.10.1842—1.02.1912), публицист, автор сочинений, посвященных критике иудаизма и еврейских замыслов мирового господства.

Родился в дворянской семье в с. Деняга Золотоношского у. Полтавской губ. По окончании 1-й Киевской гимназии и курса юридического факультета Киевского университета св. Владимира в 1868 начал службу по судебному ведомству. В теч. 28 лет Демченко был непрерывно мировым судьей Чигиринского у. Киевской губ., а также исполнял должность судебного следователя. В 1897 вышел в отставку и поселился в своем имении в Александрийском у. Херсонской губ., где занялся хозяйством и общественно-литературной деятельностью. Он был избран почетным мировым судьей и земским гласным Александрийского у. и по-прежнему принимал активное участие в земской жизни. Все свободное время Демченко посвящает творчеству. Его статьи экономического и политического характера не раз помещались в газете «Киевлянин», а также выходили отдельными изданиями.

В своей публицистике Демченко разоблачал планы еврейского порабощения России, выступал категорическим противником снятия черты еврейской оседлости. Помимо

антииудейских сочинений, Демченко обращался и к др. актуальным вопросам. Одну из своих книг он посвятил проблематике и причинам украинофильства. Демченко занимал по этому вопросу оригинальную позицию. Он симпатизировал украинофилам, отстаивал самобытность малороссийского языка и жизни, но вместе с тем отвергал подозрения украинофилов в сепаратизме и призывал великороссов и малороссов объединиться для борьбы с общими врагами: еврейством и полонизмом. Он писал: «Единодушные, проявленное в этот критический для России момент во всех концах ее обеими отраслями русского племени, показывает, что подозрение малороссов в склонности к сепаратизму могло внушаться только врагами русского народа (доносы Сиона и польской sprawy), а приниматься на веру только по недоразумению правительства... Националист-украинофил не может быть социалистом, тем более что социализм вовсе не по нраву украинскому народу, который, как известно, склонен к индивидуализму. Истинный и сознательный украинофил не станет повторять зады евреев Маркса и Лассаля... Наоборот, в центре Малороссии, Киева, революция проявилась совсем в слабой мере, выражаясь отнюдь не малорусским, а еврейским, польским и ублюдочным элементами. В некоторых малороссийских кружках заводилась речь об автономии Малороссии. Но ведь это далеко не то, что бунт в Москве!.. Итак, украинофилы в лице своих передовых людей повинны лишь в любви к родине и родному языку и литературе. Эта склонность дает им возможность познавать свой народ и его духовные проявления, как часть целого славянства и направлять свою деятельность, стоя на родной почве. Все, что сделают на поле освещения своей среды малороссы, послужит на пользу и великороссам, и наоборот. Мы советуем обоим народностям работать на этом обширном поле дружно и относиться друг к другу родственно, стараясь сближаться между собой, а не разъединяться...».

Соч.: О наводнении Арало-Каспийской низменности для улучшения климата прилежащих стран. Киев, 1871; 2-е изд. Киев, 1900; Образование и сочетание словесных звуков. Киев, 1900; Заметки по вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Киев, 1903; Беседы о текущих событиях в России. Киев, 1905; По поводу нашей смуты и Высочайшего указа 12 дек. 1904 г. Киев, 1905; По поводу нашей смуты и Высочайших указов 12 дек. 1904 г. и 18 февр. 1905 г. 2-е изд. Киев, 1905; Еврейское равноправие или русское порабощение? Исследование тайных еврейских планов и программ, направленных к ослаблению и разрушению коренного населения и порабощению его еврейству. Киев, 1906; Правда об украинофильстве. Киев, 1906; Противоречия и несообразности в нашей внутренней политике. Киев, 1907; К вопросу о программе правых. Одесса, 1908; Еврейская стратегия и тактика в деле покорения мира мирным путем. Одесса, 1909; Оклеветание Шевченка некоторыми патриотами. Киев, 1910; О снятии черты еврейской оседлости. Одесса, 1911.

Лит.: Некролог // Киевлянин. 1912. 3 февр.

Т. Кальченко, А. Степанов

«ДЕНЬ», еженедельная славянофильская общественно-политическая газета, издававшаяся *И. С. Аксаковым* в 1861—65.

Помимо передовиц имела отделы: «литературный», «областной» (посвященный жизни русской провинции), «славянский» (посвященный проблемам славянских народов и славянского движения), «критический», «смесь». Среди сотрудников газеты были *М. О. Коялович, И. Д. Беляев, Н. П. Гиляров-Платонов*, болгарин Жинзифов, писавший под псевд. «Велешанин», и ряд польских, чешских и сербских авторов. «День» критиковал нигилистов, польских мятеж-

ников, много материалов было посвящено проблемам славянских народов. Пристальное внимание авторы уделяли вопросам церковной жизни, положению духовенства. Меткая критика петербургской бюрократии и европеизированной «публики» вызывала постоянные конфликты редакции с цензурой. С июня по окт. 1862 Аксаков был отстранен от редактирования газеты. Помимо политических статей печатались стихи *Я. П. Полонского*, *Ф. И. Тютчева*, *А. Н. Плещеева*, критические заметки о состоянии русского искусства. В к. 1865 издание «Дня» было прекращено. Помимо проблем с цензурой главную роль сыграло стремление *И. С. Аксакова* издавать качественно иную еженедельную газету. Тем не менее аксаковский «День» оставил неповторимый след в истории национальной журналистики.

С. Лебедев

«ДЕРЕВЕНСКАЯ» ПРОЗА, уникальное явление в русской и мировой литературе 2-й пол. XX в., порождено страстным стремлением осмыслить те глубочайшие изменения, которые произошли с русской деревней, с родной землей, с «малой родиной» в XX в.

Отсюда и духовно-нравственный потенциал творений наиболее значительных и талантливых представителей «деревенской» прозы — *Ф. Абрамова*, *В. Астафьева*, *В. Белова*, *С. Залыгина*, *Б. Можалева*, *Е. Носова*, *В. Распутина*, *Н. Рубцова*, *В. Солоухина*, *В. Шукшина* и др. Все они выступают как продолжатели традиций русской классики XIX в., *Тургенева*, *Толстого*, *Чехова* и др. русских классиков, имена которых неизменно связываются с живописными деревенскими местами средней полосы России — Михайловским, Грешневым, Спасским-Лутовиновым, Ясной Поляной и т. д.

«Человек связан с природой тысячами нерасторжимых нитей» — эта крылатая тургеневская фраза стала одним из основных эстетических принципов «деревенской» прозы и поэзии. Трудно найти в мире национальную литературу, в которой уделялось бы столько внимания теме «природа и человек».

Встреча героя с миром природы в «деревенской» прозе отнюдь не означает его бегства от жизни, от реальных жизненных проблем. Наедине с природой человек, по словам *С. Залыгина*, особенно переживает свою сопричастность роду человеческому. Герой, соприкасающийся с миром природы, переживает процесс духовного и физического обновления.

Сокровенно-интимное общение с природой способствует духовно-нравственному становлению личности, суть которого не только в постижении прекрасного, но и в осмыслении себя как частицы всеобщего, как звена в длинной, нескончаемой цепи человеческих поколений.

Мотив целительной силы природы — один из основных в «деревенской» прозе. В своей книге «Босиком по траве» *А. Яшин* признается, что ему просто необходимо бродить босиком по земле, чтобы физически ощущать, как через босые ноги вливается в него животворная энергия земли, жажда любить и быть любимым.

А. Доде, отмечая в свое время высокие душевные свойства тургеневских героев, писал, что «русские степи пробудили чувства в сердце Тургенева. Человек становится лучше, когда он внимает природе, тот, кто любит ее, не может быть безучастен к людям. Вот чем объясняется сострадательная доброта, сквозящая в книгах славянского романиста». Подобная «сострадательная доброта» пронизывает многие произведения *Е. Носова*, в т. ч. и повесть «Шумит луговая овсяница», главная героиня которой ведет свою родословную от тургеневской Лукерьи из «Живых мошей», восхитившей в свое время *Ж. Санд* своей неизбывной душевностью.

Чудо единения человека с природой в «деревенской прозе» — это не выдумка эстетствующих беллетристов. Чудо это заключает в себе глубокий смысл. Именно тогда, когда человек начинает ощущать себя частью природы, свою неотделимость от нее, в нем происходит этическое созревание, духовное становление личности. Он начинает сознавать, что природа — это язык, на котором Господь разговаривает с человеком (*П. Сорокин*), и напротив, человек, не чувствующий живого языка природы, перестает быть не только причастным к родине, народу, но перестает воспринимать мир во всем его многообразии и соцветии.

В «деревенской» прозе и поэзии природа существует не просто как объект эстетического созерцания и сюсюкающего умиления, и земля — это не только лес, малина, брусника алая. Земля — это поля, на которых родится хлеб, это черные пласты, перевернутые плугом:

Не забывай об этом никогда:
Всему начало —
Плуг и борозда.

(*С. Вукулов*)

Мир деревенского детства у *С. Вукулова*, *А. Жигулина*, *В. Личутина* — это не только мир сельской патриархальности, красоты и забавных ребячьих проказ. Это еще и мир труда: в деревне ребенок быстрее и естественней вовлекается в трудовую деятельность, начинает понимать мудрую истину: земля — это кормилица человеческая, а земледельческий труд — основа всего сущего.

Интимно-сокровенная любовь к земле отнюдь не означает, что «деревенщики» не замечают негативных аспектов деревенской жизни. Однако еще *Достоевский* подчеркивал, что необходимо различать под наносным слоем житейской грязи и крепостнического варварства живую красоту народной души. Этому завету следуют представители «деревенской» прозы и поэзии, в числе которых и *Г. Горбовский*. Для него в русской деревне главное не «худоба пустых полей», не «гомон пения хмельного», но «свет, идущий изнутри»:

И если что-то есть и дышит
В моей строке, сверля покой,
Оно идет на сердце свыше:
От тех избушек над рекой!

В творчестве «деревенских» прозаиков и поэтов, продолжающих традиции русской классической литературы, любовь к природе — это прежде всего любовь к земле. Великая истина, которую постигает земледелец, в том, что землю нельзя перехитрить, обмануть, в хлеборобском деле нельзя схалтурить, и тот, кто пытается это сделать, неизбежно остается в убытке. Земля просто и ясно отвечает ему неурожаем. Это природное чувство земли, к которой некогда припадали *Антей*, *Геракл* и др. герои древнегреческой мифологии, никогда не может иссякнуть окончательно в душе человека. В противном случае это будет означать конец жизни. Эта мысль является одной из главных в произведениях *В. Солоухина*, *В. Астафьева*, *Ф. Абрамова*, *С. Залыгина*, *В. Шукшина* и др.

Другая не менее важная мысль в «деревенской» прозе — это мысль о том, что труд на земле вместе со всеми и для всех есть источник счастья и душевно-духовного здоровья. Не случайно сенокосная страда — излюбленный объект любовного изображения у *Ф. Абрамова*, *В. Солоухина*, *С. Залыгина*, *В. Потанина* и мн. др. прозаиков и поэтов.

Многие произведения «деревенской» прозы и поэзии проникнуты стремлением осознать свою первооснову, ос-

мыслить корни, связывающие человека с народом и придающие смысл его существованию. Без осмысления этой связи с истоками народного сознания не может существовать нормальный человек. Как говорил А. Твардовский, с годами память человеческая становится все взыскательней к тому, что есть «начало всех начал».

Отсюда и сокровенная тема возвращения в «отчий дом», — которая проходит через всю поэзию Н. Рубцова, прозу В. Шукшина и его фильм «Калина красная». Свидание с «отчим домом» перед большой дорогой, перед расставанием с жизнью способствует душевному очищению героев. В этом смысле возвращение к родным пригоркам и березкам — это великое чувство, чувство Родины, чувство России, которое немислимо вне любви к той «малой родине», к деревне, где прошли детские годы.

Сводить всю обширную проблематику «деревенской» прозы к идеализации «патриархальщины» — это значит не разбираться не только в литературе, но и в сущности тех процессов, которые происходили в стране, где большая часть городов возникала на месте бывших деревень. Из окна крестьянской избы видно многое, особенно пороки современного урбанизма, которые с каждым днем все заметней: загазованный воздух, сутолока, психологическая отчужденность и пр. В деревне же, как заметил Н. Рубцов, «виднее природа и люди», а стало быть, виднее отдельный человек.

Воспевая труд на земле, представители «деревенской» прозы и поэзии воевали против представлений о деревне как о невежественном и косном мире, где царят лишь мрак и убожество. Видеть в деревенской жизни лишь идиотизм и убожество — значит становиться на сторону тех, для кого деревня представляла лишь обиталище холопов, лапотников, быдла, обеспечивающего праздное существование господ. Выступая в защиту униженного и поправного достоинства крестьянина-труженика, представители «деревенской» прозы подготавливали сознание к формированию нового отношения к природе, миру, к выработке нового экологического мышления.

Одна из важнейших заслуг «деревенской» литературы в том, что она во весь голос устами таких ее представителей, как Ф. Абрамов, В. Распутин, В. Солоухин и др., заговорила об опасности экологической катастрофы.

В одном из своих выступлений С. Залыгин сказал, что «нам не привыкать к потерям, но только до тех пор, пока не настанет момент потерять природу, после этого терять уже будет нечего».

Мысль о том, что природа наша — это наш дом, который человек разрушает собственными руками, звучит во многих произведениях «деревенской» прозы и поэзии. И когда исчезают навеки целые виды растений, рыб и животных, рубятся подчистую хвойные леса, происходит усыхание рек и озер, это означает, что человек губит не только природу, но и самого себя.

О духовно-нравственном оскудении человека как закономерном результате деградации и гибели окружающей природы свидетельствовала и поэзия:

Равновесие природы,
Равновесие души
Мы теряем с каждым годом,
Хоть тужи,
Хоть не тужи.
Реки гаснут,
Лес мертвеет...
И наверно, потому
Души добрые черствеют,
Чувства передав уму.

(В. Фирсов)

Горюя о том, что мир природы становится с каждым годом беднее, поэт В. Федоров предлагает свою программу спасения природы и человека:

Чтобы себя и мир спасти,
Нам нужно, не теряя годы,
Забудь все культуры
И введи
Непогрешимый
Культь природы.

В. Распутин, размышляя о «деревенской» прозе, заметил: «Никогда еще литература с такой силой не говорила о судьбе человека и о судьбе земли, на которой живет человек. Тревога эта доходит до отчаяния». И действительно, мрачные, поистине трагические интонации возникают в литературе, когда речь заходит об исчезновении сотен и тысяч «малых» родин, тех самых крохотных деревушек, с которых, по словам Н. Рубцова, когда-то начиналась Великая Русь и которые были повсеместно объявлены неперспективными.

Защита природы, по словам В. Астафьева, — это защита самого человека от нравственного саморазрушения. С гневным презрением пишет Астафьев о тех, кто утратил чувство кровной связи с землей, которая не только кормит, поит, одевает и принимает в свое лоно человека после его смерти, но и формирует его личность, делает человеком в подлинном смысле слова.

Одна из важнейших мыслей «деревенской» прозы в том, что воспитание нового экологического мышления — это непрерывное условие физического выживания человечества. Но физическое выживание далеко не все. Человек еще и духовное существо, и духовность не менее важна для его бытия на земле, той самой земле, с которой неразрывно связано понятие «народ». Как заметил В. Распутин, народ всегда объединяла забота о земле, на которой он живет. Когда эта забота исчезает и человеку становится безразлично, что станет с его землей, с его родиной, тогда и происходит распадение народа на отдельные группы, прослойки, т. е. превращение народа в население.

Новое экологическое мышление должно начинаться если не с благоволения, то хотя бы с уважительного отношения к земле и всему живому на ней. В противном случае природа будет мстить. Человек должен не просто общаться с природой, он должен трудиться вместе с нею и, самое главное, признать себя блудным сыном своей кормилицы матери-земли.

Отношение к земле определяет духовно-нравственный уровень героев «деревенской» прозы и делит их на 2 противоположные категории. С одной стороны, распутинский Жук, заботящийся в первую очередь о туристах, которые поплывут по затопленной Матёре, и плюющий на самое святое, что есть у матёринцев («Прощание с Матёрой»). Это и Гога Герцев в «Царь-рыбе» Астафьева, «турист» по профессии, который никогда никого не считал друзьями и товарищами и который был, по его собственному признанию, «свободной личностью». Это и Вени Китаев из повести В. Потанина «На чужой стороне», утверждающий, что туристы — самый веселый народ в мире и что жизнь на то и дана, чтобы поездить по свету, людей посмотреть и себя показать.

«Туристы» вроде Гоги Герцева или Вени Китаева, на первый взгляд, могут вызвать даже симпатию. Они не скопидомы, они кажутся «сильными» личностями. Им свойственна жажда нового, стремление повидать мир и людей. Но, как замечает В. Астафьев, «туристы» — это те, в ком «утрачено благородство, дух дружбы и справедливости к

природе, ожирело все в них от уверенности в умственном превосходстве над нею... Распоясавшиеся в стрельбе, пусть даже по зверю, по птице и мимоходом, играючи проливающие кровь, не ведают они, что, перестав бояться крови, не почитая ее, горячую, живую, сами для себя незаметно переступают ту роковую черту, за которой кончается человек и из дальних, наполненных пещерной жутью времен выставляется и глядит, не моргая, низколобое, клякстое мурло первобытного дикаря».

Именно такие «туристы» топтали, сокрушали, калечили и сжигали знаменитые пинежские леса, устоявшие в войну и в послевоенные лихолетья. И когда Егорше из романа Ф. Абрамова «Дом» открывается унылый вид бесконечных лесных вырубок некогда могучего бора, в его душе что-то переворачивается, и он начинает ощущать свою вину за происшедшее: «Да, двадцать лет он топтал и разрушал человеческие леса, двадцать лет оставлял после себя черные палы... Да, Мамаем прошел он по человеческим лесам, и ему ли сейчас предъявлять счет за пинежские леса».

При внимательном рассмотрении, однако, оказывается, что «туристы» при всей своей внешней броскости и внушительности вовсе не являются «сильными» личностями, за которых они выдают себя. Их «своеволие» — разрушительно по своей природе. Случайно поскользнувшись, погибает в тайге «сильная» личность Гога Гершев, как бы подтверждая тем самым мысль о том, что случайность — это проявление закономерности. Спивается в городе непонятый гений Вениа Кутасов, мечтавший когда-то покорить мир своими картинами. Попадает в книгу Астафьева «Царь-рыба» в кручю собственных самоловов «своевольник» Игнатич, гниет заживо после гибели дочери Командор. Всех их роднит бездуховное отношение к жизни и природе («после нас хоть потоп»), порождаемое гипертрофированным самомнением, и это, в конечном счете, приводит их к ощущению абсурдности бытия, к духовной деградации и физической гибели.

К иной категории героев относятся такие люди, как Иван Африканович в повести В. Белова «Привычное дело», Аким в «Царь-рыбе» Астафьева, старуха Дарья в «Прощании с Матёрой» В. Распутина, Михайло Беспалов из рассказа В. Шукшина «Светлые души». В отличие от «туристов» они органически не способны руководствоваться формулой «после нас хоть потоп». Вечные труженики, они стойко выносят жизненные невзгоды, щедро выпадающие на их долю. Их корни — там, где родной дом, в котором жили и трудились их деды и прадеды. И куда б человек ни уезжал из родных мест, они всюду будут жить в его душе до последнего вздоха.

В отличие от бездомных «туристов» эти герои не просто связаны с землей, им свойственно пронзительное чувство ответственности за все, что совершается на ней. «Эта земля-то рази вам одним принадлежит? — спрашивает бабка Дарья в «Прощании с Матёрой». — Мы все сёдни есть, завтра нету. Все, как калики перехожие. Эта земля-то всем принадлежит — кто до нас был и кто после придет... А вы чё с ней сотворили? Вам ее старшие поручили, чтобы вы жисть положили и младшим передали. Оне ить с вас спросют. Старших не боитесь — младшие спросют».

Пафос «деревенской» прозы в том, что все рассуждения о покорении природы, ее подчинении не только лишены здравого смысла, но вредны с народнохозяйственной точки зрения. Человек не должен воевать с природой, она — не враг ему, ибо он сам есть часть ее. И потому жизнь заодно с землей, любовное участие в ее преображении делает человека самим собой, т. е. счастливым. Как писал один из видных представителей «деревенской» литературы А. Яшин: «Я не

знаю другого рабочего места, кроме земли, которое бы так облагораживало и умиротворяло человека».

«Деревенская» проза проникнута светлым православным любовным мировосприятием. Несмотря на бесчисленные жизненные невзгоды, выпавшие на долю Ивана Африкановича, Акима, Михайлы Беспалого и др. «светлых душ», они не ожесточаются, не черствеют, не приходят к мысли о бессмысленности земного существования. Они по-прежнему сохраняют веру в жизнь, в то, что добро перемелет зло. Это их светлое любовное жизнеприятие есть часть православно-го сознания. И перефразируя слова К. Леонтьева, можно сказать, что вся «деревенская» проза и поэзия дышит Православием. В этом главное отличие ее от казенного оптимизма литературы социалистического реализма.

И совсем не случайно недруги России и всего русского придумали название «деревенская» проза, надеясь тем самым принизить, умалить всю духовную глубину и мощь этого направления в русской литературе 2-й пол. XX столетия.

«Деревенская» проза в лице ее лучших представителей сумела художественно осмыслить трагическую судьбу русского крестьянства в XX в. (романы В. Белова «Кануны», М. Алексеева «Драгуны», Б. Можая «Мужики и бабы» и др.). Но она сумела и предвидеть грядущую опасность для России — наступление бесовства и сатанизма.

В повести «Пожар» В. Распутин рассказал об орде «архаровцев», нахлынувших на деревню Сосновку. Отличительная особенность этих «архаровцев» — их безразличие ко всякому делу, ко всему вокруг. Они явились как хорошо организованная сила со своими законами и старшинством и помutilи в сознании людей все прежние представления о нравственных устоях. Если раньше люди жили по принципу «не трожь чужого», то теперь воровство даже у своих за грех не считается. А работать на совесть стало считаться не то что заторным, предосудительным, но почти грехом. Человек стал оцениваться не по уму, доброте и благородству, а по тому, как и во что одет, какие связи имеет, что достать способен.

«Водились и раньше “бесы” на Святой Руси, — приходит к выводу главный герой повести Иван Петрович, — но чтоб сбиваться в круг, разрастаться в нем в открытую, ничего не боящуюся и не стыдящуюся силу с атаманом и советом, правящим властью, — такого нет, не бывало». Мир перевернулся с ног на голову, и то, за что раньше держались всем миром, ныне превратилось в пережиток, в какую-то ненормальность. Нахлынувшая бесовская орда «архаровцев» оказалась опаснее татарской, ибо угроза духовного растления страшнее материальных потерь.

Не только совесть, но и другие понятия — «душа», «правда», «грех» стали считаться как допотопные, устаревшие и ненужные, как свидетельство неполноценности, кто принимает их всерьез. «Добро и зло перемешались. Добро в чистом виде превратилось в слабость, зло — в силу».

«Пожар в умах, а не на крышах домов», — говорил Достоевский в романе «Бесы» устами одного из своих героев. Как бы продолжая его мысль, Распутин в своей повести пишет: «Что прежде творилось по неразумению, сделалось искусом просвещенного ума. От чего веками уходили, к тому и пришли. Не пришли, а скоровько подъехали на моторе, объявив величайшей победой человека то именно, что уходили пешком, а подъехали на моторе».

Распутинские «архаровцы» открыто, без зазеркала совести надругаются над тем, что веками почиталось святым: над родной землей, разоренной и растерзанной, над могилами отцов и дедов, теми самыми могилами, возле которых

можно оправиться. Свидетелем чему и стал однажды Иван Петрович.

Об опасности духовного развращения размышлял до В. Распутина В. Шукшин в комической повести-сказке «До третьих петухов», где в одной из сцен рассказывается об осаде старинного монастыря распоясавшейся оравой чертей. Говоря об этой невесте откуда взявшейся напасти, медведь Михайло Иваныч сокрушается: «Бабенок всяких ряженных подпускают, вино наливают — сбивают с толку. Такой тарарам навели на округу — завязывай глаза и беги. Страсть что творится, пропадает живая душа. Я вот курить возле них научился... Нет житья никакого... Подумал, подумал — нет, думаю, надо уходить, а то вино научусь пить... Раза два напивался уже».

Черти, расположившиеся возле монастыря, творили меж тем «вялый бедлам». Кто, засунув руки в карманы узеньких брюк, отбивал копытцами четку, кто листал журналы с картинками, кто тасовал карты и жонглировал черепами, а кто сидел вокруг коньяка с закусками. Однако за внешней вялостью ощущалась внутренняя напористость. Чувствуя это, Михайло Иваныч предупреждает Ивана: «Эти похуже Горыныча будут... Забудешь, куда идешь. Все на свете забудешь. Ну и охальное же племя! На ходу подметки рвут. Оглянуться не успеешь, а ты уже на поводке у них — захомутали».

Когда Мудрец задает одному из чертей вопрос о цели захвата монастыря, то получает четкий, недвусмысленный ответ: «Разрушение примитива... Ну тошно же смотреть. Одни рысы чего стоят... Неужели не ясно, что они безнадежно отстали?» Соглашаясь с этим доводом, Мудрец приходит к заключению, что здесь следует говорить о «возможном положительном влиянии крайне “бесовских” тенденций на некоторые устоявшиеся нормы морали».

Эти «крайне бесовские тенденции» расцветают после захвата монастыря, когда черти устраивают развеселый шабаш с песнями и переплясом. Монахи же, изгнанные из своей обители, сами того не желая, начинают в такт подергивать плечами и легонько пристукивать ногами. Иван тоже не заметил, как стал подергиваться и притоптывать, словно зуд его какой охватил. В этот момент из монастыря выходит изящный черт и обращается к монахам:

— Мужички, — сказал он, — есть халтура. Кто хочет заработать?

— Ну? А чего такое? — зашевелились монахи. — Чего надо-то?

— У вас там портреты висят... в несколько рядов...

— Иконы.

— А?

— Святые наши, какие портреты.

— Их надо переписать: они устарели.

Монахи опешили.

— И кого же заместо их писать? — тихо спросил самый старый монах.

— Нас.

Теперь уже все смолкли. И долго молчали.

— Гром небесный, — сказал старик-монах. — Вот она карато.

Пораженные столь кощунственным предложением, монахи кидаются на изящного черта с намерением побить его, но тот резко скрывается в монастыре за каменными стенами и оттуда начинает ругать мужиков: «Какие вы все же... грубые... Невоспитанные. Воспитывать да воспитывать вас... Дикари. Пошехонь. Ничего, мы за вас теперь возьмемся».

При всем комизме сцена эта проникнута болью за мужиков, которые не без помощи Ивана умудрились сдать

монастырь, а теперь с фаталистической покорностью предаются рассуждениям о том, что ничего не поделаешь, против силы не поперешь, надо терпеть беду, посланную свыше за грехи и т. д. и т. п.

Можно с уверенностью сказать, что «деревенская» проза — это не просто глубоко художественная эпопея о судьбе русской деревни, русского крестьянства, русского народа, но являе собой высочайший взлет отечественной художественно-философской мысли 2-й пол. XX столетия.

Ю. Сохряков

ДЕРЖАВИН Гаврила Романович (3[14].07.1743—8[20].07.1816), поэт, государственный деятель. Родился в д. Кармачи или д. Сокура Казанской губ. в небогатой дворянской семье, учился в Казанской гимназии (1759—62).

Резкие взлеты и падения, сопровождавшие служебную карьеру Державина, осложнялись особенностями его натуры: энергией и пылкостью, независимостью и прямоотой, чувством собственного достоинства. С 1762 Державин служил солдатом в гвардейском Преображенском полку, участвовавшем в дворцовом перевороте, приведшем *Екатерину II* на престол. Произведенный спустя 10 лет в офицеры, Державин вскоре участвовал в подавлении пугачевского восстания. Обойденный наградами, перешел на гражданскую службу. Недолго служил в Сенате, где пришел к убеждению, что «нельзя там ему ужиться, где не любят правды». После сочинения «Оды к Фелице» (1782), обращенной к императрице, был обласкан и награжден Екатериной II. Назначенный губернатором олонекским (с 1784) и тамбовским (1785—88), Державин пытался бороться

с «крючкотворством», отстаивать справедливость; много сделал для просвещения тамбовского края. Нежелание «ладить» с высшими вельможами заканчивалось смещением с должностей. В качестве кабинет-секретаря Екатерины II (1791—93) Державин не сумел угодить императрице, был отставлен от службы при ней; назначенный сенатором, в резких формах выражал свое «правдолюбие» и нажил много врагов. В 1802—03 был министром юстиции.

Начал печататься в 1773 (в сб. «Старина и новизна»). В ранний период (до 1779) пытался следовать традициям как *М. В. Ломоносова* («Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 г.» и др.), так и *А. П. Сумарокова* (интимная лирика). Позднее в автобиографической записке 1805 Державин писал о себе: «Он в выражении и стиле пытался подражать г. Ломоносову, но хотел парить, не мог выдерживать постоянно красивым набором слов, свойственного единственно российскому Пиндару великолепия и пышности. А для того, с 1779 г. избрал он совсем другой путь». Во второй период творчества (1779—91) Державин создал свой поэтический стиль, нашедший наиболее яркое выражение в стихотворениях «Ода на смерть кн. Мещерского» (1779), «Ода к Фелице» (1782, опубл. 1783), «Бог»

(1784), «Осень во время осады Очакова» (1788, опубл. 1798), «Видение Мурзы» (1789, опубл. 1791), «Водопад» (1791—94, опубл. 1798) и др. Первая «Ода к Фелице», утвердившая поэтическую славу Державина, вызвала восторженные отзывы многих современников. В ней, как и в др. одах Державина, блестяще отразились некоторые важные черты, характеризующие царствование Екатерины II: рост русской государственности, героика военных побед, национальный патриотизм. Основной жанр этого периода — торжественная ода; наряду с прославлением монарха, полководцев, она включала изображение недостойных вельмож, нравов придворного общества, а также интимно-лирические мотивы. Поэтическое новаторство Державина проявилось в разрушении чистоты классицистического жанра: он соединил элементы оды и сатиры в одном стихотворении. В оде появился образ и самого поэта — живой, с индивидуализированными переживаниями («Сегодня властную собою: А завтра прихотям я раб»). Державин гневно осуждал общественные пороки, обличал даже высокопоставленных лиц («Властителям и судиям», 1780—87, «Вельможа», 1774—94, опубл. 1798). Пушкин в «Послании цензору» так охарактеризовал его поэзию: «Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры, их горделивые разоблачал кумиры». В философской лирике Державина возникла и трагическая антитеза жизни и смерти («Где стол был яств, там гроб стоит» — в «Оде на смерть кн. Мещерского»), и острое восприятие величия и одновременно ничтожности человека («Я — царь, — я раб, — я червь, — я бог» — в оде «Бог»), и ощущение неустойчивости человеческих судеб («Водопад»). Державин разрешает эти противоречия, обращаясь к вере (ода «Бог» и др.).

В третий период (90-е) у Державина преобладает анакреонтическая лирика. В стихотворении «Философы пьяный и трезвый» (1789, опубл. 1792), «Храповицкому» (1793, опубл. 1808), «К лире» (1794, опубл. 1798), «Похвала сельской жизни» (1798, опубл. 1808) Державин декларирует отказ от торжественной оды и обращение к интимной лирике, тем самым полемизируя с принципами героической поэзии, провозглашенными Ломоносовым. Эстетические воззрения Державина выражены им в трактате «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» (1811—15). Прославление сельской жизни, интимных радостей, мудрой умеренности выражало вместе с тем порицание придворной жизни, праздной роскоши. С н. XIX в. творчество Державина клонится к упадку, хотя и в эти годы он создает порой великолепные произведения («Снегирь», 1800, опубл. 1805, «Евгению. Жизнь званская», 1807, и др.). Державин стремился разрешить характерную для классицизма коллизию «долга» и «страсти» на основе компромисса, выражением которого был принцип «золотой середины». В последние годы жизни Державин обратился и к драматургии. Начиная с 1804 он написал ряд трагедий и др. пьес («Добрыня», «Пожарский», «Ирод и Мириамна», «Евпраксия» и др.). С 80-х XVII в. Державин возглавлял литературный кружок, в который входили его друзья-писатели *Н. А. Львов*, *В. В. Капнист*, *И. И. Хемницер*, поддерживавшие поэта и одновременно влиявшие на него. Их объединяли идеи блага Отечества, а в литературных взглядах — освобождение от риторики классицизма, стремление к поэтической естественности и простоте. С 1811 Державин состоял в литературном обществе «Беседа любителей русского слова». Здесь он своим авторитетом подкреплял литературных консерваторов, но в то же время благожелательно отнесся к *В. А. Жуковскому* и «заметил» юного *Пушкина*.

Для художественного метода Державина характерны конкретность изображения, обилие подчеркнуто личных биографических мотивов, пластика образов и в то же время типичная для классицизма дидактика и аллегоризм. Поэтический словарь Державина богат определениями, передающими оттенки цвета, насыщен звукописью. Соединение в пределах одного произведения тематики оды и сатиры привело к сочетанию «высокого» и «низкого» «штиля». Державин внес элементарно живой разговорной речи в поэтический язык. Его творчество подготовило почву для поэзии *К. Н. Батюшкова*, Пушкина.

Павел I поручил Державину исследовать еврейский вопрос в России. По итогам этого исследования была подготовлена специальная записка, в которой Державин отметил зловещую роль кагалов — органов иудейского самоуправления на основе изуверских законов Талмуда, которых «благоустроенно политическое тело терпеть не должно», как государство в государстве. Державин вскрыл, что иудеи, считавшиеся угнетенными, устроили в черте своей оседлости настоящее тайное израильское царство, разделенное на кагалы округа с кагалными управлениями, облеченными деспотической властью над евреями и бесчеловечно эксплуатирующими христиан и их имущество на основе законов Талмуда.

Державин также раскрыл понятие «херем» — проклятие, которое выносит кагал всем, кто не подчинится законам Талмуда. Это, по справедливой оценке русского поэта, «непроницаемый святотатственный покров самых ужасных злодеяний».

В своей записке Державин первый начертил стройную, цельную программу для решения еврейского вопроса в русском государственном духе, «имея в виду объединение на общей почве всех русских подданных».

Начало изданию и комментированию державинских текстов было положено самим Державиным, который выпустил свои сочинения в 5 томах, снабдив их иллюстрациями и объяснениями (1808—16. СПб.). Самое полное издание текстов Державина (в 9 тт.), включавшее, кроме художественных произведений, «Записки», «Рассуждение об оде», письма, деловые бумаги и т. п., а также биографию поэта и комментарии, было подготовлено *Я. К. Гротом*.

Соч.: Сочинения, с объяснит. прим. Я. К. Грота. Т. 1—9. СПб., 1864—83; То же. Т. 1—7. СПб., 1866—68; Стихотворения / Ред. и прим. Г. Гуковского, вступ. ст. И. А. Виноградова. Л., 1933; Стихотворения. М., 1935; То же. [Л.], 1947; Стихотворения. М., 1958.

Г. Л., Д. К.

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР, в понятие «детский фольклор» входят все виды и жанры устного народного творчества: произведения, созданные взрослыми для детей, и произведения самих детей. Детский фольклор — универсальная педагогическая система, в которой тысячелетия народного опыта отобрали самые естественные и самые необходимые формы развития речи, музыкальных способностей, логического и образного мышления, трудовых навыков, этических и нравственных идеалов. И не просто отобрали, как сумму неких методических приемов, а облекли в художественную форму.

Все начинается с поэзии пестования — колыбельных песен, пестушек, потешек. Древнерусское слово «баять», «убаюкивать» означает не только «говорить», «уговаривать», но и «заговаривать». Колыбельные песни — это одни из самых древних в истории человечества заговоры-обереги, основанные на магической силе слова и музыки, на их спо-

собности успокоить, уберечь, охранить. Может показаться странным, что в некоторых колыбельных мать едва ли не желает ребенку смерти: «Баю, баю, баю, бай / Поскорее умирай...» Но именно такие колыбельные пелись как заговоры-обереги, основанные на магической силе воздействия слова, но от обратного: призывая смерть, тем самым отгоняли ее, оберегали ребенка.

С первых же минут своего земного бытия ребенок оказывался не в хаосе, не в какофонии звуков, а во власти слова и музыки, в упорядоченной музыкально-поэтической среде: колыбельные песни, пестушки и потешки вводили его в гармонию (а не в дисгармонию) мира, настраивали на определенный музыкально-поэтический лад. Даже самые обыкновенные потягушеньки или ладушки сопровождалась песенками-приговорками. Купая ребенка, приговаривали: «С гуся вода, / С лебедя вода, / С моего дитя / Вся худоба...» И эта ритмическая пестушка тоже имела магическое значение. Мать с помощью очищающей силы воды отгоняет «худобу», произносит (в большинстве случаев даже не ведая о том) заговор-заклинание.

В детском фольклоре всех народов сохранилось «детство» человечества, и самые простые формы колыбельных песен, пестушек оказываются самыми древними, реликтовыми. Всемирно известные в разных вариациях стихотворные обращения к Божьей коровке, к жучкам, кузнечикам, к солнышку, дождику, радуге-дуге — это тоже магические заговоры. Но время (исчисляемое тысячелетиями), тем не менее, выдвинуло на первый план не магические, а эстетические, педагогические функции детского фольклора. Ведь «Ладушки, ладушки...», «Сорока-сорока, кашу варила...» — это наилучший способ развития в ребенке координации движения, детской гимнастики, как скороговорки — развития речи, устранения ее природных недостатков (народная логопедия), где все основано на ритме, на поэтическом слове.

«Идет коза рогатая», «Кошкин дом», детские игры-прибаутки — это уже следующая ступень народной педагогики, первые уроки детского театра, веками существовавшего в детском песенно-игровом и сказочном фольклоре. Уже в приговорках развивается форма поэтических игровых диалогов: «Уточка-горожаночка, / Где ты ночь-то ночевала?» / — «У города». / — «Чего ж ты ночью работала?» / — «Овец пасла». / — «Чего выпасла?» и т. д. Детская игра «Бояре» тоже основана на поэтическом диалоге. Почти все детские сказки — это миниатюрные одноактные пьесы театра зверей.

А в результате — незаметно и ненавязчиво — уже к двум-трем годам ребенок оказывается вполне подготовленным к самостоятельному словотворчеству. Он прошел необходимую поэтическую и музыкальную «школу», получил представление о ритме и рифме, как говорится, «впитал с молоком матери». Давно замечено, что детский фольклор — скороговорки, загадки, залички, дразнилки, считалки отличаются удивительной поэтической изощренностью. Их внутренним рифмам-созвучиям, *ассонансам*, музыкальной инструментовке может позавидовать любой поэт (как детский рисунком — любой художник). «Скороговорка, скороговорка, — отмечал *В. И. Даль*, — слагается для упражнения в скором и чистом произношении, почему в ней сталкиваются звуки, затрудняющие быстрый говор». Даже эти «упражнения» стали в детском фольклоре образцами искусства слова: «У нас во дворе подворья погода размокропогодила», «Шли три попа, три Прокопья-попа, три Прокопьевича, говорили про попа, про Прокопья-попа, про Про-

копьевича», «Свинья тупорыла весь двор перерыла, вырыла полрыла, до норы не дорыла».

Детские игры, считалки, жеребьевки, заклички тоже основаны на чувстве ритма и чувстве слова. Самая обыкновенная дразнилка может стать поэтической миниатюрой: «Хотел Федя / Убить медведя, / А ему медведь: / “Федь, не сметь...”» Помимо дразнилок существуют подделки-диалоги, подделки-заманки, цель которых поймать, поддеть на слове: «Скажи: Двести. — Сиди, дурак, на месте» и т. д. В считалках, скороговорках, дразнилках, подделках, издевках большое значение имеет само звучание слова — звукоряд. В этом отношении детская поэзия не знает себе равных. С помощью звукоряда в ней передается колокольный звон: «Солнышко-колоколнышко»; «Тили-бом, тили-бом, загорелся кошкин дом»; грохот телеги: «Трах, трах, тарарах! Едет баба на волах»; топот конских копыт: «От топота копыт пыль по полю летит». В песенках-закличках с помощью звукоподражания передаются голоса птиц: «Не сей бобы! Иди по грибы! Худо тут! Худо тут» (Удод); «Чьи вы? Чьи вы? — Вшивик! Вшивик!» (Чибиc).

Считалки тоже во многом основаны на «звукописании», на внутренних рифмах-созвучиях, звуковой инструментовке стиха: «Раз, два — голова; три, четыре — платье шили...» Подчас используется «заумь». Но поэтическая форма, звуковая или смысловая «заумь» никогда не бывают в детском фольклоре самоцелью. Вся система фольклорного воспитания основана на нерасторжимой связи пользы и красоты.

Детский фольклор закладывал основы не только эстетического, но и нравственного воспитания. Почти все детские сказки основаны на нравовании, сказочный дидактизм начинается с первых же незамысловатых сюжетов сказок о животных, он присутствует и в бытовых, и в сатирических, и в волшебных, и в богатырских сказках. При этом воспитательное значение сказок, в свою очередь, неотделимо от познавательного. Сказки — художественный способ познания окружающего мира. Но любое нравование в них достигается не назойливой морализацией, а ненавязчиво, как бы само собой. Такая скрытая назидательность заключена почти во всех детских сказках, смысл которых порой предельно прост: нельзя без спроса выходить на улицу, нельзя пить из лужицы, нельзя быть жадным... Но ребенок даже не подозревает, что в сказках ему внушают эти педагогические табу.

Психология детей, основные законы детской логики, воспитания окружающего мира — все это учтено в детском фольклоре, в педагогическом опыте народа. Даже чувство страха использовано в сказках-страшилках как одна из форм воспитания чувств. «Страшилки» учили преодолевать страх, проходить испытание страхом.

Загадки, в свою очередь, развивали сообразительность, смекалку. Они основаны на уподоблении, метафорическом описании предмета. А некоторые загадки, как и считалки, — это еще и «живая арифметика», своеобразный способ обучения счету. Если добавить ко всему этому *пословицы* и *поговорки*, которые точно так же, с младенческих лет, учили, наставляли, приобщали к сокровищам народной мудрости, то детский фольклор предстанет именно как система комплексного воспитания.

В фольклорной педагогике, как и в природе, все развивается от простого к сложному. Сначала односюжетные сказки, затем — соединение двух-трех сюжетов и, наконец, — многосюжетные композиции волшебных и богатырских сказов, *былин*. Какой-то четкой, раз и навсегда установленной границы между детским и недетским фольклором не существует. Есть нижняя черта (колыбельные песни, пес-

тушки, потешки) и верхняя — былины. Ребенок рос от колыбельных до былин, он исподволь готовился к постижению сложнейшего эпического мира. Эпос всегда был школой патриотического воспитания. Воспитания веры в непобедимость богатырей, в непобедимость Руси, осознания кровной связи с судьбами Родины.

В. Калугин

ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ (в миру **Даниил Саввич Туптало**), митрополит Ростовский и Ярославский (12.1651—28.10.1709), проповедник и писатель, православный святой.

Родился в с. Макарово на р. Ловиче. Его отец Савва Григорьевич, казачий сотник, затем постригся в монахи, прожил 103 года. Мать — Марья Михайловна. Даниил в 1662 поступил в *Киево-Могиланскую академию*. 9 июля 1668 еще юношей принял монашеский постриг в Киевском Кирилловском монастыре под именем Димитрия и связал всю свою жизнь со служением Церкви. С 1675 по 1700 Димитрий был игуменом и проповедником в различных монастырях на Украине, в Вильне, в Минской губ. В февр. 1701 приехал в Москву и был назначен на Сибирскую митрополию в Тобольске. Но из-за болезни не смог выехать в Сибирь. Петр I, лично знавший Димитрия, заботясь о его здоровье, отменил указ. В 1702 Димитрий был назначен митрополитом Ростовским и Ярославским.

Большое значение в своей деятельности Димитрий Ростовский придавал просветительству. Многие современники отмечали его талант проповедника. Будучи митрополитом, открыл в Ростове общеобразовательную или, как он сам называл, «грамматическую» школу, в которой обучалось 200 чел. Сам святитель был очень образованным че-

ловеком, знал иностранные языки, имел большую библиотеку — 288 книг, из которых 173 — на латинском и греческом языках, 96 — на церковнославянском, 12 — на польском, 7 — многоязычные.

В 1684, находясь в Киево-Печерской лавре, Димитрий Ростовский принял на себя послушание — составление *Четий Миней*, т. е. сборника *житий*, расписанных по дням богослужений. Именно этот труд, которому Димитрий Ростовский отдал почти 20 лет жизни, и прославил его имя. При составлении Четий Миней Димитрий Ростовский использовал как русские, так и латинские, греческие, польские источники. Он не просто переписывал известные ему жития, но зачастую, на основе разнообразных вариантов, писал свой вариант. Поэтому многие жития, вошедшие в его Четий Миней, могут считаться оригинальными. Первая часть Миней была издана в 1689. Затем уже после смерти святителя, в 1711—16, вышло 2-е издание Миней в 3 частях. Далее труд Димитрия Ростовского издавался еще несколько раз. Четий Миней Димитрия Ростовского до сих пор остаются одним из самых читаемых отечественных агиографических сочинений.

Перу Димитрия Ростовского принадлежат много проповедей, драматические произведения, стихи. Особое место занимает противостароверское сочинение «Розыск о раскольничей брынской вере» (написан в 1709, издан полностью в 1745, отдельные главы издавались в 1714 и 1717). Этот трактат состоит из 3 частей, в которых автор стремится подробно и доходчиво объяснить происхождение раскола, а также резко выступает против сторонников старообрядчества.

В 1752 вскрытие его гробницы показало, что мощи святителя остались нетленными. В 1757 Димитрий Ростовский был канонизирован. Сейчас рака с мощами святителя хранится в Успенском соборе Ростовского Кремля. Дни памяти: 21 сент. (4 окт.) и 28 окт. (10 нояб.).

Соч.: Сочинения святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Ч. 1—5. Киев, 1895—1905; Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четий-Миней св. Димитрия Ростовского с дополнениями из Пролога. Т. 1—12. М., 1902—11.

Лит.: *Нечаев В. Св. Димитрий, митрополит Ростовский.* М., 1849; *Шлякин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время.* СПб., 1891; *Попов М. С. Святитель Димитрий Ростовский и его труды, 1709—1909.* СПб., 1910.

С. Перевезенцев

ДИССОНАНС, один из видов неточной рифмы, в которой совпадают только послеударные звуки, ударные же гласные не совпадают. Как рифмоиды, идущие от флективной основы, диссонансы известны в древней русской поэзии, напр. в «Слове о полку Игореве»:

Седлай, брате, свои бръззы *комони*,
а мои ти готови, *оседлани*...

У Г. Смотрицкого:

Мечь бо обнажен в деснице имея острый *обоюду*,
Им же крепци на врага приемлют *победу*.
Отстекни, Константине, мрак идольския *лести*,
Хошет бо Бог человеком ся *спасти*,
И отгонял еретиков полки *умовредные*;
Приидоша бо в мир волки *нещадные*.

Или у Симеона Полоцкого:

Царь локренский Салевский егда *царствоваше*,
Закон во своем царстве сей *народствоваше*,

Диссонансы встречаются в народной поэзии:

Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой *беленький*,
Полюбися дружок *миленький*.

ДМИТРИЕВ Дмитрий Савватиевич (18[30].04.1848—27.03 [9.04].1915), писатель, драматург. Сын купца. Воспитывая Дмитриева в строго религиозном духе, отец не позволил ему поступить в гимназию. Грамоте его обучила монашенка. В 1870-е публикует рассказы, сценки, очерки, преимущественно бытовые. В 1880-е пишет пьесы для «народных сцен», отмеченные сильным влиянием *А. Н. Островского*. Это, как правило, мелодрамы из крестьянской («Грех ходит не по миру, а по людям», М., 1882; «Чужая душа — дремучий лес», М., 1896) и провинциальной («За любовь и за деньги», М., 1883) жизни. С успехом шли в театре М. В. Лентовского «Скоморох» пьесы «Лиходейка-мачеха» (1886, продолжала ставиться на столичной и провинциальной сцене до 1917; см. одноименный рассказ в сборнике Дмитриева «Былое на Руси», М., 1901) и «Мельник» (1887).

С к. 80-х Дмитриев пишет в основном исторические романы и повести (опубл. более 60). Построенные на материале русской истории, они, как правило, охватывают ее основные этапы — «из эпохи», как обычно указано в подзаголовке, Владимира Красное Солнышко, Ивана Грозного, Алексея Михайловича, Петра I, Павла I и др.: романы «Иван Мазепа» (М., 1899), «Государева невеста» (М., 1899), «Таинственный дом» (М., 1901), «Золотой век» (Ч. 1—2. М., 1902), «Змей огненный» (Варшава, 1904), «Полудержавный властелин» (М., 1905); повести, посвященные Отечественной войне 1812, — «Два императора» (М., 1896), «Русские орлы» (М., 1891) и др. Произведения Дмитриева — типичные образцы массовой («народной») исторической беллетристики. Кроме перечисленных сочинений Дмитриева известны повести: «Самосжигатели...» (М., 1889), «В прошлом веке» (М., 1889), «Зачало Москвы и боярин Кучка» (М., 1896), «Кавалерист-девица» (М., 1898), «Княгиня Елена Глинская» (М., 1899), «Князь Владимир Красное Солнышко» (М., 1899), «Большой Боярин» (М., 1901), «Боярыня Морозова» (М., 1901), «Ермак и Сибирь» (М., 1901). Романы: «Чудобогатырь» (М., 1899), «Русский американец» (СПб., 1912), «Осиротевшее царство» (СПб., 1913), «Авантюристка» (СПб., 1914).

Лит.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2.

ДМИТРИЕВ Иван Иванович (10[21].09.1760—3[15].10.1837), поэт, государственный деятель. Родился в с. Богородское Сызранского у. Казанской (позднее — Симбирской) губ. Принадлежал к знатному роду.

Детство провел в деревнях под Сызранью. Учился в пансионах Казани и Симбирска, но отец вскоре снова привез его в деревню. Здесь он сам доучивался. В частности, французский язык изучил, читая и переводя романы (на русском тогда книг было мало). Особенно любил

переводить Лафонтена, перелагая басни не только по смыслу, но и в склад, т. е. стихами. В 1774 Дмитриев выехал в Петербург на действительную службу в Семеновский полк, где был записан с 1772. На службе его любили за дисциплинированность и веселый нрав, он был компанейским офицером, балагуром и остроумным рассказчиком. В 1783 в Петербург приехал *Н. М. Карамзин*, они часто встречались, обменивались книгами, ходили в театр, мечтали об издании своего журнала. Вскоре Карамзин начал издавать «Московский журнал», где печатались и стихи Дмитриева. Принеся из XVIII в. старомодный державинский слог, аллегории, внутреннюю закрытость (при внешнем блеске и отточенности письма), он же смело разработал поэтический диалог, узаконил в поэзии легкую иронию и мягкую отеческую уместку над своими героями, внес в литературные произведения быт (вместе с *Богдановичем* и *Державиным*) и всю полноту жизни. Первое время он увлекся песнями, начал составлять сборники их. Изучая тексты, постигал и особенности русских песен, их строй, композицию, лексику. К 1792 он стал одним из ведущих русских поэтов, написал песни «Стонет сизый голубочек...», «Ах, когда б я прежде знала...», «Тише, ласточка болтлива!..». Первые 2 — «точное подражание старинной народной песне». Он придал своему литературному варианту новеллистический характер. Драматизм народной песни смягчен. Главное, чего хотел добиться поэт, создать настроение — стихию тихого чувства, окрашенного грустью. «Приятность чувствования», отсутствие резкости и грубоватости иных народных выражений пришлись по душе современникам. Песни Дмитриева на музыку Жучковского, Ф. М. Дубянского, А. Н. Верстовского пели в салонах, они звали «любить печаль», находить «приятность в грусти». В песенном стихотворении «Коль надежду истребила...» герой любит без надежды, но и сердечные муки дороги ему, он ценит сам процесс любви, страдания, дорожит проснувшимися богатыми чувствами. В 1794 Карамзин издал сборник своих произведений «Мои безделки», а через год ему последовал Дмитриев, назвав свой сборник «И мои безделки».

«Карманный песенник, или собрание лучших светских и простонародных песен», изданный Дмитриевым в 1796, имел 3 раздела: оригинальные песни русских поэтов (*В. В. Капнист*, *Г. Р. Державин*, *М. М. Херасков*, *И. Ф. Богданович*, *Ю. А. Нелединский-Мелецкий*, Дмитриев и др.); во вкусе простонародном (т. е. подражания); и простонародные. Соединением литературной, литературно обработанной и народной песни в одном сборнике Дмитриев стремился подчеркнуть национальные корни русского песенного творчества и песенное богатство России. Это было единственное в XVIII в. столь авторитетное и обширное собрание отечественных песен. Поэты еще долгие десятилетия черпали из этого источника сюжеты, образы, лексику.

В к. 1790-х сложилось новое русское литературное направление, переходное от классицизма, — *сентиментализм*. В европейской литературе заметно было разочарование в цивилизации и городской тесной жизни. Многие обернулись в это время к природе, стали воспевать «естественное» состояние человека. Карамзин и Дмитриев, следившие за европейскими течениями, возглавили новое направление, но впоследствии от него отошли.

Песни в народном духе, принесшие Дмитриеву популярность, однако, не удовлетворяли его, он понимал всю несамостоятельность в этом жанре, с одной стороны, а с другой — грусть-тоска ему самому, человеку жизнерадост-

ному, изрядно надоели. Ему был интересен мир в многообразии, поэтому, продолжая писать песни, он сменил тональность, шагнул ближе к державинской «Кружке», одна из песен называется «Наслаждение». В ключе анакреонтической поэзии написаны «Видел славный я дворец...», «Пой, скачи, кружись, Параша!..». Чувство гармонии и меры не давало Дмитриеву долго застывать или идти в одном направлении. В анакреонтических песнях Дмитриева призывы к наслаждению вином и бурному времяпровождению нашли символический характер, были данью моде тех лет. Сам Дмитриев отнюдь не вел богемную беспорядочную жизнь. Трудолюбие более сближало его с крестьянином, чем с праздным повесой.

В 1794—95 Дмитриев создал совершенно иной тип оды, где оставался незбылемым пафос любви к Отечеству, но исчезли всевозможные штампы, характерные для подражателей *Ломоносову*. Это «Ермак», «К Волге», «Освобождение Москвы», в которых было много лиризма и естественности стихотворной речи, содержалось зерно будущих романтических *элегий*. Белинский позже сказал о «Ермаке»: «Что же касается до манеры и тона, — это было решительное нововведение, и Дмитриев потому только не был прозван романтиком, что тогда не существовало еще этого слова». Дмитриев как поэт проявил себя многосторонне. Он создал тип образцовой классической русской *басни*, где басенный морализм был вытеснен выражением личной точки зрения. На высокий уровень поднялось с Дмитриевым и русское остроумие, обогатившееся изысканной тонкостью. Одна из таких весьма индивидуализированных басен «Пчела, Шмель и я».

«Сказки» Дмитриева — вовсе и не сказки, ибо в них нет ничего сказочного. «Картина», «Модная жена», «Сказка» («Ну, всех ли, милые мои, пересчитали?..»), «Искатели фортуны», «Воздушные башни», «Причудница», «Воспитание Льва», «Каиф» — остроумные легкие стихотворные новеллы из современной поэту жизни. Слово «сказки», как и «безделки», — уловка, призванная смягчить сатирический тон стиха. Дмитриев намеревался создать сатирические картины Петербурга и русского быта. Первую сказку назвал двусмысленно «Картина», ибо речь идет и о конкретной художественной картине, и о картине Петербурга. «Модная жена» продолжает картины Петербурга. Социально-психологические намеки в этой «сказке» весьма тонкие, напр., при всеобщем уровне регламентированности жизни русского общества тех лет всем было понятно, что шестеркою ездили только особы первых четырех классов, т. е. герой «Модной жены» достиг генеральского чина и был действительным или тайным советником. Дмитриев не называет это, а просто рисует картину. *П. А. Вяземский* писал: «В сказках найдем его одного: ни за ним, ни до него, никто у нас не является на этой дороге... Нигде не оказал он более ума, замысловатости, вкуса, остроумия, более стихотворного искусства, как в своих сказках». Точное изображение нравов, мягкий юмор, манера балагур-рассказчика, всегда готового «поболтать» с читателем, умение с лирической емкостью передать диалоги, легкость (которая так трудно дается!) — сделали сказки Дмитриева весьма популярными, как и сатирические, литературно-полемические произведения. Многие и тогда и позже подражали ироническим новеллам Дмитриева. В ироническом «Путешествии N. N...», посвященном дяде *Пушкина* Василию Львовичу, Дмитриев является предшественником «онегинского» стиля, тона шутилой насмешки над своими героями, которых любит. Не случайно и сам Дмитриев присутствует в «Евгении Онегине»:

Тут был в душистых седилах
Старик, по-старому шутивший:
Отменно, тонко и умно,
Что нынче несколько смешно.

В своих сочинениях Пушкин использовал некоторые рассказы Дмитриева. Его, записанного сызмальства в полк, изобразил он в «Капитанской дочке» в образе Гринева. Дмитриев видел казнь Пугачева и рассказал Пушкину; поведал и о своем «дяде честных правил», у которого была одна приемная дочь и одна воспитанница.

Дмитриев, вместе с Карамзиным, современниками считался реформатором и установителем русского литературного языка, образвателем поэтического вкуса в стихах, как Карамзин — в прозе. «Дмитриев установил поэтический вкус», — писал Жуковский. А Белинский говорил о Дмитриеве: «Он был в некотором отношении преобразователь стихотворного языка».

Выйдя в 1796 в отставку с военной службы, Дмитриев, по просьбе имп. Павла I, вступил в гражданскую, очутившись в совершенно непривычной для него среде. «Здесь и знакомства и ласки основаны... на расчетах своекорыстия; эгоизм господствует во всей силе», — писал Дмитриев. Сенат был завален множеством дел, решение которых не производилось годами, бесчисленные челобитчики жили в Петербурге месяцами, отчаявшись добиться какого бы то ни было решения. Третий департамент сената, в который назначен был Дмитриев, заведовал делами Малороссии, Курляндии, Лифляндии, Эстляндии, здесь должно было применяться не только Русское право, но и Литовский статут, Магдебургское право и проч. Но все эти законы или не были переведены на русский язык, или переведены неграмотно. Дмитриев представлял свои предложения усовершенствования работы генерал-прокурору, но представление осталось без последствий. Претерпев кроме этой неудачи много других, он вышел в отставку (1799) с чином тайного советника и переселился в Москву. Пробыв 6 лет в отставке, занимавшийся литературной деятельностью Дмитриев в 1806 назначен сенатором в IV (московский) департамент. Ему было поручено наблюдать за сбором земского ополчения пяти губерний. Царю нужен был честный человек, чтобы контролировать немалые средства, отпущенные на эти цели. За успешные труды он получил орден св. Анны I степени. Затем Дмитриев инспектировал костромского губернатора Пасынкова, за что удостоился благодарственного рескрипта. В 1810 назначен членом Государственного Совета, а на другой же день — министром юстиции. Дмитриев видел недостатки «этой машины» и старался сделать улучшения: издать тексты законов, очистить министерство «от приказных трутней», упразднить некоторые промежуточные инстанции. Что-то ему удалось, а что-то, как, напр., учреждение в нескольких городах училищ законоведения с целью распространения юридического образования, — так и осталось предложением. Усовершенствования его дали государству несколько млн руб. увеличения доходов, за что Дмитриев получил орден св. Александра Невского, но в то же время он нажил немало врагов и завистников; чтобы не погрязнуть в интригах, он подал в отставку. Царь пригласил его на обед и отпустил с приличным пенсионом. Дмитриев поселился в Москве у Патриарших прудов, где он принимал литераторов, государственных деятелей, в т. ч. и царя. Он несколько раз переиздал собрание своих сочинений, продолжал писать мемуары «Взгляд на мою жизнь». В 1816 на него было возложено последнее государственное дело (оно требовало честности и справедливости): назначение председателем ко-

миссии, выдававшей пособия жителям Москвы, потерпевшим от нашествия неприятеля. За честную работу Дмитриев был награжден чином действительного тайного советника и орденом св. Владимира I степени. Поэт-современник писал: «Он службой знаменит равно царю и Фебу; мил людям за талант, за справедливость — небу». Служебные повышения Дмитриева происходили без малейших к тому исканий с его стороны. Такова его счастливая фортуна, к которой, впрочем, неплохим довеском были честность, порядочность, справедливость, благородство, трудолюбие и современные взгляды на жизнь, основанные на православно-монархической идеологии.

В последние годы Дмитриев отдавал немало времени общественной работе, он был членом: *Общества любителей российской словесности*, Общества истории и древностей российских, Физико-математического общества — при Московском университете; С.-Петербургской духовной академии; Казанского, Харьковского университетов; Общества любителей коммерческих знаний; Общества учреждения училищ по методу взаимного обучения. В более молодые годы возглавлял одно из звеньев «*Беседы любителей российской словесности*» и посещал «*Арзамас*».

Соч.: Сочинения / Ред. и прим. А. А. Флоридова. Т. 1—2. СПб., 1895; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / Прим. и указатель Я. Грота и П. Пекарского. СПб., 1866; *Карамзин Н., Дмитриев И.* Избр. стихотворения / Вступ. ст., прим. А. Я. Кучерова. Л., 1953.

А. Баженова

ДМИТРИЕВ Михаил Александрович (23.05[3.06].1796—5[17].09.1866), поэт, критик, мемуарист. Родился в с. Богородское Симбирской губ. Окончил курс в Московском уни-

верситете. Был обер-прокурором VII департамента. Дебютировал баснями в «*Вестнике Европы*» и в «*Российском Музее*» В. Измайлова. В 30-х он много занимался Шеллингом и Океном, писал статьи философского содержания и печатал их без подписи в «*Московском вестнике*» и «*Телескопе*». Помещал стихи и литературно-критические статьи в повременных изданиях. Большая часть его стихотворений вошла в отдельные издания (М., 1831 и

1865). Переводил Гейне, Шиллера, Гёте, Уланда, Горация. Его воспоминания «Мелочи из запаса моей памяти», напечатанные в «*Москвитяне*» 1853, в 1864 вышли отдельно. Значительно дополненные, они в 1869 были изданы редакцией «*Русского архива*». Не всегда точные, грешащие большой анекдотичностью, «Мелочи» не лишены историко-литературного значения и заключают в себе воспоминания о писателях карамзинского периода и о жизни провинции н. XIX в. Дмитриев постоянно вращался среди писателей и всю свою жизнь был «любителем» литературы, считая, что цель поэзии состоит «в облагораживании и возвышении духа идеями и формами изящного». В начале литературной деятельности он часто выступал, в качестве «классика», противником романтического направления. Участвуя в литературной полемике 20—40-х Дмитриев неизменно критиковал

западников. В 20-х как блюститель традиций классицизма резко полемизировал с П. А. Вяземским, выступал против романтических поэм и романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, против сатиры «Горе от ума». Дмитриев был постоянным литературным противником В. Г. Белинского. Позже, отвечая на упреки, что он не любит новую литературу, говорил: «Всякий просвещенный человек знает, что литература изменяется с ходом времени; что она не только не может стоять на одном месте, но и не должна», но в литературе 50—60-х он часто видел «уклонения от изящного вкуса». Как *славянофил*, он сетовал на оскудение христианской любви, ослабление семейных связей, забвение обычаев и переимчивость иностранного. Кроме вышеозначенного, отдельно издал: «О противниках и защитниках историкографа Карамзина» (М., 1829), «К радости Шиллера» (М., 1843), «Кн. Ив. Мих. Долгорукий и его сочинения» (М., 1851 и 1863), «Московские элегии» (М., 1858) и др.

Соч.: Стихотворения. Ч. 1—2. М., 1865; Мелочи из запаса моей памяти. 2-е изд. М., 1869.

ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ Федор Иванович (1728 — ок.

1790), писатель, бригадир. Писал под псевд. Дворянин-философ. Издал «Любовь Псиши и Купидона» Лафонтена (М., 1769, с 4 гравюрами); «Слава России, или Собрание медалей дел Петра Великого и прочее» (2-е изд. М., 1783, с 20 таблицами медалей и портретом Петра I); «Эпистола от генерала к его подчиненным, или Генерал в поле со своим войском» (М., 1770); «Любовь» (поэма в 7 песнях. М., 1771); «Хронология» (М., 1782).

ДМИТРИЕВА Валентина Ивовна (28.04[10.05].1859—18.02.1947), писательница. Родилась в с. Воронино Балашовского у. Саратовской губ. в семье крепостного, управляющего имением. Окончила тамбовскую гимназию (1877), врачебные курсы в Петербурге (1886). Вернувшись в родные места, работала сельской учительницей, земским врачом. Начала печататься в 1877. Наибольшую ценность представляют мемуарно-очерковые произведения: «По деревням. Из заметок врача» (1896); «Доброволец» (1889); «Автобиография» (1901, в расширенном виде под назв. «Так было» издана в 1930), а также небольшие рассказы и повести, в которых Дмитриева описывает деревенские нравы.

Дмитриева писала также для детей; большую популярность завоевал ее рассказ «Малыш и Жучка» (1896).

А. Баженова

ДМИТРЕВСКИЙ (псевд.; наст. фамилия — **Дьяконов-Нарыков**) **Иван Афанасьевич** (28.02[11.03].1734—27.10[8.11].1821), актер, драматург, переводчик. Родился в Ярославле в семье протоиерея. Обучался в семинарии, в 1752—56 — в Шляхетном кадетском корпусе. Артистическую деятельность Дмитриевский начал в труппе Ф. Г. Волкова, после

смерти которого стал ведущим актером и режиссером придворного театра. В 50—60-х Дмитриевский был виднейшим представителем русского сценического классицизма, но позднее вышел за рамки классицистической эстетики. С 1780 руководил «Вольным Российским театром» в Петербурге. Выдающийся театральный деятель, Дмитриевский был близок с драматургами А. П. Сумароковым, Я. Б. Княжениным, Д. И. Фонвизиным (осуществил первую постановку «Недоросля», 1782; играл роль Стародума). Перевел несколько пьес с французского и итальянского языков (музыкальная драма М. Кольтеллини «Антигона», 1772, трагедия Сорена «Беверлей», 1773, поэма Томсона «Четыре времени года», 1798 и др.). Участвовал в переводе многоотного сочинения Ж. Ж. Бартеlemi «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» (1804—09). Около 20 лет Дмитриевский трудился над «Историей русского театра» (рукопись не сохранилась) по поручению Российской академии, членом которой был избран в 1802. В 1811—16 участвовал в «Беседе любителей русского слова».

ДМИТРИЙ ГЕРАСИМОВ (Митя Малый) (ок. 1465 — после 1536), дипломат, переводчик.

Дмитрий посещал школу в Ливонии, где изучил немецкий и латинский языки (по замечанию Н. А. Казаковой, первый русский, учившийся в западноевропейском среднем учебном заведении). Толмач (переводчик) Посольского приказа, побывал во многих странах Западной Европы и неоднократно участвовал в приеме посольств. В 1525 доставил важное послание Василия III римскому папе Клименту VII, интересовался достопримечательностями «вечного города». На основании рассказов Дмитрия картограф Б. Аньезе составил одну из первых карт России, а итальянский гуманист П. Джовио написал содержательную книгу о Москве и охарактеризовал своего собеседника как «человека опытного в делах государственных и особенно сведущего в Священном Писании». Считается, что Дмитрию принадлежит высказанная в книге П. Джовио идея о возможности Северного морского пути в Китай.

Дмитрий активно участвовал в деятельности кружка Новгородского архиеп. *Геннадия*: вместе с толмачом Власием Игнатовым для Геннадиевского перевода Библии перевел названия псалмов из немецкой Псалтыри, а также с латинского, вероятно для полемики с «жидовствующими», антииудейские трактаты Н. де Лира и Самуила Евреина. В 1518—19 сотрудничал с *Максимом Греком* в переводе Толковой Псалтыри. Ученый грек диктовал ему и Власию Игнатову с греческого на латынь, а они уже — Михаилу Медоварцеву и Силуану — перевод с латыни на церковнославянский. В 1533—36 Дмитрий перевел для архиепископа Новгородского Макария, приступившего к собиранию *Великих Миней Четких*, латинские толкования Псалтыри Бруно Вюрцбургского, добавив послесловие, в котором называет меру украшением «всякой вещи» и словами Иоанна Златоуста напоминает о трудностях перевода Священного Писания. Кроме того, Дмитрий перевел латинскую грамматику Доната и, видимо, «Письмо Максимилиана Трансильвана», повествующее о кругосветном путешествии Ф. Магеллана.

В послании М. Г. Мисюрю-Мунехину, дяку во вел. князя во Пскове и корреспонденту старца *Филофея*, Дмитрий передает отзыв Максима Грека об иконе, необычность которой тревожила ее любознательного хозяина, и рассказывает, как был организован Максимов перевод Толковой Псалтыри.

Выдвигались гипотезы о том, что Дмитрий — автор «Сказания о князьях Владимирских», посланий Геннадию Новгородскому о «летех седми веков» и об аллилуйи. Чрезвычайно сложен вопрос о принадлежности Дмитрию «Повести о Новгородском белом клобуке». В предвещающей эту легендарно-публицистическую повесть посланию Геннадию Новгородскому, которое составлено от имени Дмитрия, сообщается, что она является переводом обнаруженной в римских библиотеках рукописи. В подлинности послания заставляет усомниться то, что Дмитрий смешивается в нем с другим Дмитрием-толмачом (Траханиотом) и что о «Повести о Новгородском белом клобуке» ничего не знают на Соборе 1564. Церковный Собор 1666—67, осудивший эту повесть, без колебаний приписал ее Дмитрию и постановил, что сочинял он «от ветра главы своея». У старообрядцев сказание и его автор, действительный или мнимый, пользовались стойкой популярностью на протяжении XVII—XVIII вв.

Лит: Горский А. В. Максим Святогорец // Прибавл. к изд. творений святых отцов. М., 1859. Ч. 18; Послания Дмитрия Герасимова к архиепископу Новгородскому Геннадию // Православный собеседник. 1861. № 1; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. 1; Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М.; Л., 1985.

«**ДМИТРИЙ СОЛУНСКИЙ**», *духовный стих*. В основе — болгаро-византийская повесть о Дмитрии из Солуни (древнеболгарского города, откуда родом «солунские братья» — Кирилл и Мефодий), его воинских подвигов и испытаний в вере. «Духовный стих о воине — Дмитрии Солунском, — подчеркивал акад. Ю. М. Соколов, — связанный с соответствующим книжным сказанием о нем, получил чисто русское историческое и бытовое приурочение — Дмитрий Солунский поражает не царя Колюяна (как в книжной легенде), а татарского царя Мамая, и избавляет от плена двух русских полонянок».

Подобное сближение произошло благодаря совпадению имен Дмитрия Солунского и Дмитрия Донского, в результате чего Дмитрий из Солуни стал восприниматься победителем Мамая, и в духовный стих о нем был введен оригинальный и типично былинный сюжет о двух русских полонянках, которых Мамай принуждает вышить портрет Дмитрия. Такое историческое приурочение было настолько устойчивым, что даже на иконах с изображением Дмитрия Солунского встречаются надписи: «Святой Дмитрий победи царя Мамая и всю силу его вражью».

В. Калугин

«**ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ**», периодическое издание Ф. М. Достоевского, включавшее в себя его публицистические и художественные произведения. Начал печатать его в 1873 — н. 1874, когда редактировал журнал «Гражданин», издававшийся кн. В. П. Мещерским. Впоследствии он стал печатать его отдельными выпусками, издавать ежемесячно в 1876, 1877, один выпуск вышел в 1880, один — в 1881. Наряду с размышлениями на злободневные темы общественной жизни, литературно-критическими откликами и воспоминаниями, имеющими первостепенное значение для понимания социально-политических и эстетических воззрений Достоевского, в них помещено несколько художественных рассказов: «Мальчик у Христа на елке», «Кроткая», «Сон смешного человека» и др., занимающих видное место в творчестве писателя. Большое место в «Дневнике писателя» уделялось рассмотрению еврейского вопроса.

«**ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ**», ежемесячное монархическое издание Д. В. Аверкиева, выходило в Петербурге в 1885—86. Отстаивая исторические ценности русского народа, противостояло западничеству и космополитизму.

ДОБРОЛЮБОВ Александр Михайлович (27.08[8.09].1876—1945(?)), поэт. Родился в семье чиновника. Учился на филологическом факультете

Петербургского университета. Отстаивал позиции эстетизма и индивидуализма, впоследствии — аскетизма. Добролюбов был «отшельником», странствовал по Олонечкой губ., жил в Соловецком монастыре, организовал в Поволжье секту «добролюбовцев». Отбывал тюремное заключение за отказ от воинской повинности и антивоенную пропаганду. Литературную деятельность начал как символист. Первая книга стихов «Natura naturans. Natura naturata» (1895), посвященная темам смерти и возрождения, была эксцентрична и причудлива по форме. В 1900 в Москве вышло «Собрание стихов» Добролюбова (с предисловием И. Коневского «К исследованию личности Александра Добролюбова» и В. Брюсова «О русском стихосложении»). Последний сборник Добролюбова «Из книги Невидимой» (1905) — проповедь покаяния, любви ко всем людям, животным и даже стихиям. Здесь же Добролюбов навсегда отрекся от литературной деятельности. Для стихов Добролюбова характерно стремление к формальному словотворчеству, к «растворению слова в мистических переживаниях». Его стих — нечто среднее между свободным и народным стихом (использование заговоров и т. п.).

О. В.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША, *былина*. В основе сюжета — «неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» и его конфликт с Добрыней Никитичем. Сам этот сюжет «муж на свадьбе своей жены» относится к числу «бродячих», широко известных в мировом фольклоре. В русском эпосе таким «обманутым мужем» суждено было стать Добрыне, а «совратителем» — Алеше Поповичу. Конфликтная ситуация осложнена еще и тем, что богатыри — крестовые братья, а ратное побратимство приравнялось к кровному родству. Именно эту былинку обычно приводили как пример «снижения» образа Алеши Поповича. В. Я. Пропп, категорически отвергавший подобные трактовки, утверждал: «Конфликт в этой былинке приобретает особый интерес и остроту потому, что он назревает между двумя русскими героями, причем оба они — настоящие, подлинные герои, соратники по подвигам, братья по общему для них великому делу, делу защиты родины. По существу такие герои не могут стать антагонистами в полном смысле этого слова, не могут стать врагами. Отсюда вытекает невозможность кровавого исхода этого конфликта. В русском эпосе этот конфликт — и это специфическая русская особенность трактовки этого сюжета — всегда в конечном итоге принимает шуточный характер и исход».

Об огромной популярности былины о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича свидетельствует такой факт: ни

одна былина не имеет такого количества записей и вариантов — их более трехсот. «Популярность былины, — отмечала А. М. Астахова, — была обусловлена ее богатым бытовым и психологическим содержанием. Отдельные эпизоды, из которых строился сюжет, давали большие творческие возможности для создания и поэтической разработки образов. Включение в качестве активного участника интриги Владимира сообщало определенную социальную остроту. В лучших вариантах былина представляет увлекательную стихотворную повесть с мастерски очерченными характерами, высокохудожественными изобразительными и эмоциональными образами».

В. Калугин

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ, *былина*. Центральный и наиболее значимый сюжет в былинах о *Добрыне Никитиче* — змеборческий. Добрыня изображен «молоденьким», это былина о юности богатыря, о его первых подвигах и «поездках молодцевских». Если богатырские подвиги и вся былинная «биография» *Ильи Муромца* начинается с очищения «дорожек прямоезжих», с победы над Соловьем-разбойником, то не менее значим первый богатырский подвиг юного Добрыни. Он освобождает русский полон, выручает от неволи, от рабства заточенных в «норах змеиных» (кочевники держали пленных в земляных ямах) русских «князей-бояр» и «могучих богатырей». Но, освобождая полон, Добрыня Никитич нарушает «записи промеж собой», которые у него были заключены со Змеем Горынычем. Условия записи: «Не съезжаться бы век по веку во чистом поле» ничем не отличаются от подобных же договоров русских князей с хазарами, печенегами, половцами, которые для обеих сторон были не более чем военной уловкой, хитростью, коварством. Подобный же договор, согласно народной легенде, заключает со Змеем Никита Кожемяка. Былина о змеборчестве Добрыни и народная легенда о Никите Кожемяке воссоздают вполне типичные отношения с кочевниками — коварство «мирных» договоров с ними. Но этот же змеборческий мотив позволил исследователям связать былинную «Добрыня и Змей» с конкретными фактами биографии исторического Добрыни. Так возникло известное толкование былины, как эпическое воплощение реальных фактов крещения Добрыней новгородцев в 988, когда Добрыня огнем, а Путята (в былине действует Забава Путятична) мечом заставили новгородцев принять новую веру.

В народном эпическом сознании эти реальные исторические события, как считают исследователи, приняли сказочно-фантастическую форму борьбы Добрыни со Змеем. Былина относится к числу самых распространенных, известно более ста ее записей, начиная со «Сборника Кириши Данилова», собраний П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, А. Д. Григорьева, А. В. Маркова до фольклорных экспедиций 1960—70-х.

В. Калугин

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА КАЙДАЛОВНА, *былина*. Сюжет о колдунье, жене-чародейке, оборачивающей героя волком, лисой или туром (с последующим обратным превращением), достаточно широко известен в мировом фольклоре. В русском былинном эпосе две такие колдуньи — жена *Михайло Потыка* Марья Лебедь Белая и Маринка Кайдаловна («кайдал» — гурт, стадо). Маринка Кайдаловна очаровывает и превращает в тура одного из самых популярных народных былинных героев — *Добрыню Никитича*, который становится т. н. «вынужденным оборотнем». Некоторые исследова-

тели находят в былине определенную историческую параллель: Маринка Кайдаловна — Марина Мнишек. Жена двух самозванцев сыграла в русской истории не менее «еретическую» роль, чем киевская колдунья. Былинные строки о Маринке Кайдаловне вполне применимы к «царице смуты»: «Она много нонь казнила да князей князевичев, // Много королев да королевичев, // Девять русских могучих богатырей, // А без счету тут народушку да черняди». Само сочетание имен могло получить в Смутное время неожиданное актуальное звучание, как это бывало не раз со многими др. былинами в разные исторические эпохи. Сам былинный сюжет относится к числу архаических, к которым более применимы мифологические трактовки.

В. Калугин

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ, один из главных героев народного былинного эпоса. Вместе с *Ильей Муромцем* и *Алешей Поповичем* Добрыня входит в богатырскую «троицу».

Былинная «биография» Добрыни Никитича разработана в народном эпосе не менее тщательно, чем Ильи Муромца. Есть былины о рождении и детстве Добрыни, его женитьбе на богатырше-полянице, его первом знакомстве с Ильей Муромцем, конфликте с Алешей Поповичем. Известны имена Добрыниной матери — Амелы Тимофеевны; отца — Никита Романович, жены — Настасья Микулична; «тетушки крестовой» — Авдотья Ивановна. В отличие от Ильи Муромца, Добрыня Никитич имеет вполне реального исторического «прототипа» — это знаменитый дядя кн. Владимира Святославича, посадник новгородский, а затем воевода киевский Добрыня, рассказы о котором есть и в «*Повести временных лет*», и в др. летописных источниках. Но существует и др. версия, согласно которой былинный Добрыня — собирательный образ, вобравший черты многих древнерусских Добрын. «С домонгольской Русью, — отмечает современный исследователь Ю. И. Смирнов, — летописи связывают, по крайней мере, семь Добрын: в сведениях по X в. упоминается несколько раз Добрыня, дядя Владимира I Святославича; по XI в. — Добрыня Рагуилович, воевода новгородский, по XII в. — новгородский посадник Добрыня, киевский боярин Добрынка и суздальский боярин Добрыня Долгий; по XIII в. — Добрыня Галичанин и Добрыня Ядрейкович, епископ новгородский. Выбор достаточно велик — почти четыре столетия, и теоретически нельзя исключить никого из этих «прототипов» или сводить всех Добрын к первому из них, как это часто делается». Само имя Добрыня относится к числу «некалендарных» имен, а это значит, что оно было или вторым — языческим именем, или же — прозвищем, полученным за определенные личные качества: доброту, красоту, величие. По отчеству же он — Никитич, т. е., в переводе с греческого, — славный, блестящий, победитель. Русский народный эпос немислим без героя с таким именем — Добрый Победитель.

Лит.: Добрыня Никитич и Алеша Попович. (Серия «Лит. памятники»). М., 1974.

В. К.

ДОВГАЛЕВСКИЙ М. — см.: МИТРОФАН (ДОВГАЛЕВСКИЙ).

ДОГАНОВИЧ Анна Никитична (30.12[11.01].1858—29.04.1930), писательница. Жена писателя А. В. Круглова. Из дворянской семьи. Получила домашнее образование. Известность Доганович получила как детская писательница. Ряд ее произведений («Печальник земли русской», СПб.,

1886; 5-е изд. М., 1914; «Фомка-дурак». М., 1896; 9-е изд. М., 1916; «Вася-горбун». М., 1903; 6-е изд. М., 1917; «Золотые искры. Сказки...». М., 1915) был рекомендован для внеклассного чтения в школах и гимназиях. Писала также рассказы о животных («Любимчик. История одного попу- гая». М., 1901; 3-е изд. М., 1916), исторические повести («Ермак — покоритель Сибири». М., 1900; 4-е изд. М., 1914), популярные брошюры («Важные работники. Крепкие зубы — здоровье желудку». СПб., [1909]).

Повести и рассказы Доганович для взрослых — в основном мелодрамы с аффектированным изображением чувств и сентиментальным автором-повествователем («Три. Бытовые рассказы». М., 1906; и др.). Доганович — автор мемуаров «Из воспоминаний фельдшерицы» (1885).

ДОДОН (Дадон), царь, персонаж, упоминающийся в русских сказках и поговорках как название неловкого, несообразного человека, а также является одним из героев русской сказки о *Бове Королевиче*, которому тот приходится отчимом. В сказке Бова мстит Додону за убийство своего отца.

ДОЛГОРУКОВ Иван Михайлович (7[18].04.1764—4[16].12.1823), князь, поэт. Окончил Московский университет в

1780. В 1780—91 Долгоруков — офицер гвардии, затем вице-губернатор в Пензе, губернатор во Владимире. Начал печататься в 1788. Первый сборник стихов «Бытие сердца моего» вышел в 1802. Долгоруков — автор любовных посланий, песен, од, шуток, в стиле которых заметно подражание *Н. М. Карамзину* и *И. И. Дмитриеву*. *П. А. Вяземский* отмечал близость Долгорукова к поэзии *Г. Р. Державина*.

Успех доставили Долгорукову *сатиры* и любовные послания, легкие, остроумные. Они все очень искренни. Наибольшей известностью пользовался его «Послание к швейцару» («Андрюшка! кинь топор! я в знать тебя пустил»), «Камин в Пензе» и «Авось», оригинальные по форме и по содержанию. «Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с которыми я был в разных отношениях в течение моей жизни» были изданы в «Чтениях общественной истории и древностей» за 1872, в дополненном и исправленном виде в «Русском архиве» 1890.

Знаток театра и талантливый актер-любитель, Долгоруков написал несколько пьес — оперу «Любовное волшебство» (1799), комедии «Отчаяние без печали» (1799, изд. 1818), «Дурылом» (1817). Домашний театр Долгорукова существовал в Москве с 1816.

Соч.: Бытие сердца моего. Ч. 1—4, 3-е изд. М., 1817—18; Сочинения. Т. 1—2. П., 1849; Капище сердца моего. 2-е изд. М., 1890; Повесть о рождении моем... П., 1916; Поэты-сатирики к. XVIII — н. XIX в. [Вступ. ст. и прим. Г. В. Ермаковой-Битнер]. Л., 1959.

Лит.: *Дмитриев М. А.* Князь И. М. Долгоруков и его соч. 2-е изд. М., 1863.

ДОМАШНЕВ Сергей Герасимович (24.09[5.10].1743—29.08[9.09].1795), писатель. Родился в дворянской семье. Учился

в Московском университете вместе с *Д. И. Фонвизным*. В 1775—83 — директор Петербургской академии наук. С 1760 Домашнев был в числе студентов Московского университета, группировавшихся вокруг журналов *М. М. Хераскова* «Полезное увеселение» и «Свободные часы», в которых печатал стихи и статьи о литературе. Известность получила «Ода на восшествие на престол Екатерины II» (1762). Статья Домашнева

«О стихотворстве» («Полезное увеселение», 1762) явилась одной из первых попыток создания истории русской поэзии. Домашневу принадлежат переводы на русский язык иностранных авторов (некоторые из них приписываются ему ошибочно). Домашнев писал по вопросам литературы и в «Академических известиях». Известны его выступления против употребления буквы «ѣ». Печатал в виде опыта без этой буквы в «Академических известиях» отдел «Показания новейших трудов разных академий», что вызвало создание анонимной «Челобитной от ера», в которой высмеивалось стремление Домашнева обойтись без буквы «ѣ». С 1783 прекратил литературную деятельность.

«**ДОМАШНЯЯ БЕСЕДА**» (до 1866 — «Домашняя беседа для народного чтения»), ежедневная газета, издавалась в Петербурге с июля 1858 до нояб. 1877; редактор-издатель *В. И. Аскоченский*. Первоначально издавалась в виде листка, отстаивавшего идеи Православия, самодержавия, народности. Возникла как ответ русского народа на создание *А. И. Герценом* в 1857 антирусской, антиправительственной газеты «Колокол». Стремясь «давать уроки и правила нравственности русскому народу», газета с патриотических позиций раскрывала духовные ценности русской цивилизации, выступала против всех ее противников и прежде всего иудеев и масонов.

С 1859 программа была расширена, объем газеты увеличен. С мая 1860 в «Домашней беседе» появился отдел «Блестки и изгарь», где Аскоченский разоблачал подрывную деятельность либералов, космополитов, нигилистов, критиковал недостаток религиозности в чиновничьих кругах, отход от обычаев, традиций и идеалов народной жизни.

Объявляя в последнем номере о прекращении издания, газета напоминала, что она «всегда была врагом духа века сего и стояла крепко на твердой почве святого Православия и народности русской». «Домашняя беседа» и ее редактор служили объектом постоянных нападок со стороны антирусской печати.

ДОМОНТОВИЧ (Домантович) Василий Васильевич (1807—12[24].10.1868), поэт, военный. Из дворян. Участник русско-турецкой войны 1828—29 и военных действий в Польше в 1831. В составе многочисленных экспедиций воевал против горцев; в 1857 произведен в полковники; в 1859 принял участие в пленении Шамиля. В 1862 вышел в отставку в чине генерал-майора.

В 1820—30-х Домонтович выступает со стихами в разных журналах; подборки его стихов появляются в альманахе «Памятник отечественных муз» (СПб., 1827; в т. ч. романс «Я счастлив, коль с тобой бываю»). Популярностью пользовался романс «Что поешь, краса-девица...» (1832), положенный на музыку А. А. Алябьевым и сохранившийся в современном репертуаре. В поэтических опытах Домонтовича, в т. ч. дружеских посланиях, преобладают настроения меланхолии, неясной мечтательности; в сглаженных стихах воспеваются сентиментальная чувствительность и уединение («Меланхолия», «Мечты», «К Вельяшеву» (1827), «Летнее утро» (1827)). В стихах, написанных во время русско-турецкой войны, для выражения острой тоски по родине Домонтович находит простую незамысловатую форму: «Письмо к дяде», «К морю»; отрывок из письма «Плавание на корабле “Императрица Мария”», «Стих к поручику кн. Голицыну». Непосредственно пережитым впечатлениям войны посвящены исполненные патриотического воодушевления стихотворения «Воспоминание переправы Дунайской» (1830) и «Смерть воина» (1828).

Н. О.

«ДОМОСТРОЙ» (полное название — «Книга глаголемая Домострой имеет в себе вещи зело полезны, поучения и наказание всякому православному христианину...»), свод советов и правил, определявших все стороны жизни русского человека XVI в., поражающий нас сегодня почти неправдоподобной одухотворенностью даже мельчайших бытовых деталей. «Домострой» не просто сборник советов — перед читателем разворачивается грандиозная картина идеально воцерковленного семейного и хозяйственного быта. Упорядоченность становится почти обрядовой, ежедневная деятельность человека поднимается до высоты церковного действия, послушание достигает монастырской строгости, любовь к царю и отечеству, родному дому и семье приобретает черты настоящего религиозного служения.

«Домострой» создан в 1-й пол. царствования *Ивана Грозного*. Авторство окончательного текста связывают с именем сподвижника и наставника Ивана Грозного благовещенского иерея *Сильвестра*.

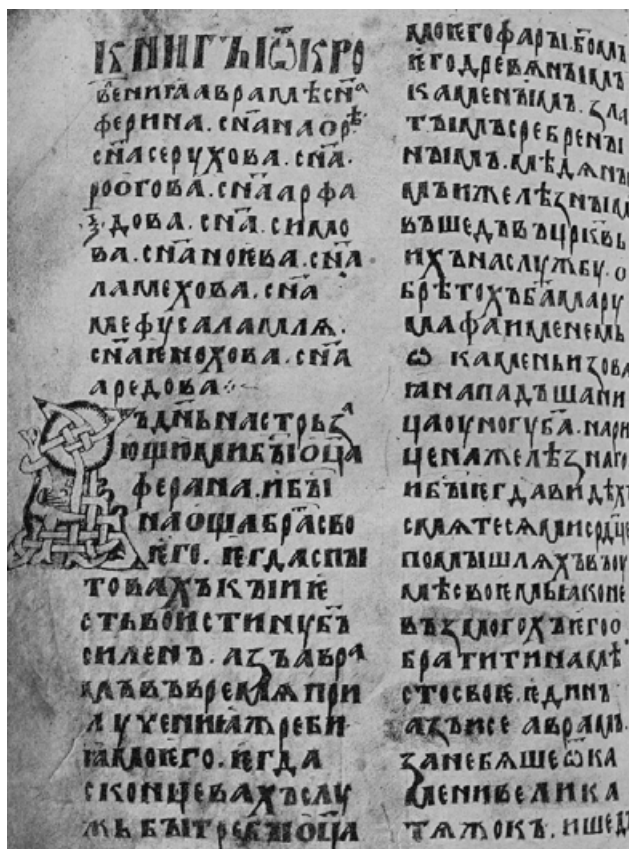
«Домострой» состоит из 3 частей: об отношении русского человека к Церкви и царской власти; о внутрисемейном устройении; об организации и ведении домашнего хозяйства.

«Царя бойся и служи ему верою, и всегда о нем Бога моли, — поучает «Домострой». — Аще земному царю правдою служиши и боишия е, тако научишия небесного Царя боятися...». Долг служения Богу есть одновременно и долг служения царю, олицетворяющему в себе православную государственность: «Царю... не тщится служить лжею и клеветою и лукавством... славы земной ни в чем не желай... зла за зло не воздавай, ни клеветы за клевету... согрешающих не осуждай, а вспомни свои грехи и о тех крепко пекися...», «А в котором либо празднике... да призывают священнический чин в дом свой... и молят за царя и великого князя (имярек), и за их благородные чада...».

Та же часть сборника, которая посвящена вопросам семейного быта, учит, «как жити православным христианам в миру с женами и с детьми и домочадцами, и их наказывать и учить, и страхом спасати и грозюю претити и во всяких делах их беречь... и во всем самому стражу над ними быть и о них пецишь аки о своем уде... Все бо есьми связаны единою верою к Богу...».

В «Домострое» есть все. Есть трогательные указания, «како детям отца и матерь любить и беречи и повинovati-

ся им и покоити их во всем». Есть рассуждения о том, что «аще кому Бог дарует жену добру — дражайше есть камения многоценного». Есть практические советы: «како платья всяко жене носити и устроить», «како огород и сады водити», «како во весь год в стол ествы подают» (подробно о том, что — в мясоед и что в какой пост). Есть указания по чину домашнего молитвенного правила для всей семьи — «как мужу с женою и домочадцами в доме своем молитися Богу». И все это — с той простотой, основательностью и тихой, мирной неторопливостью, что безошибочно свидетельствует о сосредоточенной молитвенной жизни и непоколебимой вере.

Страница из «Сильвестрова сборника»

«Каждый день вечером, — поучает «Домострой», — муж с женою и детьми и домочадцами, если кто знает грамоту — отпеть вечерню, повечерие, в тишине со вниманием. Предстоя смиренно с молитвою, с поклонами, петь согласо и внятно, после службы не есть, не пить и не болтать никогда... В полночь, встав тайком, со слезами хорошо помолиться Богу, сколько можешь, о своих прегрешениях, да и утром, вставая, так же... Всякому христианину следует молиться о своих прегрешениях, и об отпущении грехов, о здравии царя и царицы, и чад их, и братьев его и сестер и христоролюбивом воинстве, о помощи против врагов, об освобождении пленных, и о святителях, священниках и монахах, и об отце духовном, и о болящих, о заключенных в темницах — и за всех христиан...»

Митр. Иоанн (Снычев)

ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (30.10[11.11].1821—28.01[9.02].1881), писатель, журналист, публицист. Родился в Москве, в семье врача Московской Мариинской больницы для бедных — Михаила Андреевича Достоевского. Дед писателя по отцу, Андрей Михайлович, был протоиереем в г. Брацлаве Подольской губ. Один из сыновей о. Андрея, Лев Андреевич, дядя писателя, тоже был священником. Из 6 дочерей о. Андрея — 3 стали матушками, выйдя замуж за священников. Мать Достоевского, Мария Федоровна Нечаева, происходила из купеческой семьи. Она любила поэзию, ценила и любила Жуковского и Пушкина, зачитывалась романами, была очень музыкальна, пела народные песни и романсы под собственный аккомпанемент на гитаре. Будучи любящей женой и матерью, Мария Федоровна умела смягчать жесткий, угрюмый и вспыльчивый характер мужа и была первой учительницей всех своих детей.

После смерти матери (когда Федору Достоевскому было 16 лет) отец вышел в отставку, поселился в своем имении в Тульской губ., купленном в 1831, стал пьянствовать и в пьяном виде бесчинствовать и буйствовать. В 1839 он был убит крестьянами при невыясненных обстоятельствах.

Достоевский унаследовал от отца вспыльчивость, подозрительность, чрезвычайно повышенную чувствительность, болезненную обидчивость, такую же болезненную ревность и склонность к приступам тоски. В детстве у него отмечались явления, похожие на слуховые галлюцинации. Впоследствии же — появились эпилептические припадки. Рано пробудившиеся и долго мучившие Достоевского чувственные страсти — также были получены по наследству от отца. От матери он унаследовал религиозную одаренность, чув-

кость, доброту, высокое сознание нравственного долга и способность каяться в каждом проступке. Судя по стилю матери, дар художественного словесного творчества Достоевский тоже получил от нее.

Воспитание в патриархальной семье Достоевских было строгое, требовательное, суровое, которое смягчалось и духовно просвещалось влиянием доброй матери. Отец преподавал старшим сыновьям латынь. Во время уроков они должны были стоять. Начальное образование все дети получили от матери. Читать учились по Священному Писанию Ветхого и Нового Завета, с картинками. Затем, позднее, для преподавания Закона Божьего приходил дякон, который благодаря блестящему дару слова, умению приноровиться к складу детского ума и глубокому религиозному чувству имел огромное влияние на детей Достоевских и навсегда оставил по себе благоговейную память. В семье Достоевских, несмотря на суровую строгость воспитания, никогда не применялось телесное наказание. Одна няня рассказывала детям народные сказки (Лукерья), а другая — Алена Фроловна — научила 3-летнего Федю Богородичным молитвам. По праздникам детей очень часто водили в церковь. Вечерами устраивалось семейное чтение. Отец часто читал вслух «Историю Государства Российского» Карамзина. Из занятий с матерью (которая читала детям Историю Ветхого и Нового Завета) сильнейшее впечатление оказала «Книга Иова». В 1875 Достоевский писал своей жене Анне Григорьевне: «Читаю книгу Иова, и она приводит меня в болезненный восторг, бросаю читать и хожу по часу в комнате, чуть не плача... Эта книга, Аня, странно это, — одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда почти младенцем!»

После прекрасной домашней подготовки Федор Достоевский с братом Михаилом были отданы сначала в пансион француза Сушара, в 1833 (этот пансион описан в романе «Подросток»), а затем, через год, переведены в привилегированный пансион Чермака, в котором преподавали лучшие профессора Москвы.

После смерти матери братья Достоевские были отвезены отцом в Петербург. После краткого временного пребывания в подготовительном пансионе К. Ф. Костомарова, в янв. 1838 Достоевский выдержал экзамен и был принят в интернат С.-Петербургского Военно-инженерного училища. Незадолго до Достоевского, в Инженерном училище учился замечательный духовный писатель — *Игнатий Брянчанинов*.

Трагическая смерть отца, убитого крестьянами, была самой тяжелой психической травмой в юности Достоевского, которому было тогда 18 лет. Он никогда и нигде не упоминал и не писал об этом событии и, по словам его друга барона Врангеля, «просил о нем не спрашивать».

Дочь Достоевского, Любовь Федоровна, в своих «Воспоминаниях» писала: «Мне всегда казалось, что Достоевский, создавая тип старика Карамазова, думал о своем отце». Это очень похоже на правду.

Чрезвычайно характерно, что первые опыты художественного творчества Достоевского были в драматической форме (отрывки из своих драм — «Мария Стюарт» и «Борис Годунов» — он читал брату Михаилу). В 1843 Достоевский кончил училище, производится в подпоручики и поступает на службу в Инженерный корпус.

Уничтожив свои первые драматические опыты, Достоевский обратился к повестям и рассказам, а затем перешел и к большим романам. Но по своему творческому художественному темпераменту и по психологии самого процесса творчества Достоевский остался драматургом. Вот почему все его

произведения, начиная с первого романа «Бедные люди» и кончая последним романом «Братья Карамазовы» — полны драматических сцен. Недаром очень многие романы и повести Достоевского переделаны для театра («Хозяйка», «Село Спепанчиково», «Униженные и оскорбленные», «Мертвый Дом», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы и др.).

Первый роман «Бедные люди» Достоевский начал писать еще в Инженерном училище. Писал он его, по собственному признанию, «со страстью, почти со слезами». В литературном генезисе романа «Бедные люди» следует отметить несомненное влияние трех художественных произведений: «Станционного смотрителя» Пушкина, «Шинели» Гоголя («мы все вышли из «Шинели»», — говорит Достоевский) и «Евгений Гранде» Бальзака.

Появление этого романа было огромным событием в истории русской литературы. В «Дневнике писателя» за 1877, в главе «Старые воспоминания», Достоевский подробно описывает всю историю «Бедных людей». Отдав рукопись романа при помощи Григоровича редактору «Современника» Некрасову, он вечером того же дня пошел куда-то далеко к одному из своих прежних товарищей. «Воротился я домой, — пишет Достоевский, — уже в 4 часа, в белую, светлую как днем, петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время и, войдя к себе в квартиру, я спать не лег, отворил окно и сел у окна. Вдруг звонок, чрезвычайно меня удививший, и вот Григорович и Некрасов бросаются обнимать меня, в совершенном восторге, и оба чуть не плачут. Они накануне вечером воротились домой, взяли рукопись и стали читать на пробу: “с десяти страниц видно будет”. Но прочтя 10 страниц, решили прочесть еще десять, а затем, не отрываясь просидели всю ночь до утра, читая вслух, а затем, не отрываясь просидели уже всю ночь до утра, читая вслух и чередуясь, когда один уставал... Когда они кончили, то в один голос решили идти ко мне немедленно: “что же такое что спит, мы разбудим его, это выше сна!”»

На следующий день Некрасов снес рукопись Белинскому, со словами «новый Гоголь явился!». Белинский сначала рассердился («у вас Гоголи-то как грибы растут»). Но, познакомившись с рукописью, был «просто в волнении» и потребовал, чтобы автора немедленно привели к нему.

Достоевский ушел от Белинского очарованный. «Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни», — вспоминал он через 30 лет.

Белинский назвал «Бедные люди» первым русским социальным романом. После этого молодой Достоевский вошел в кружок социалиста Белинского и на короткое время стал его учеником. Однако Белинский, так восторженно встретивший первое произведение Достоевского, совершенно не понял и не смог оценить его последующих произведений — «Двойника», где поразительно точно и правдиво и в то же время тонко художественно изображалось чрезвычайно редкое состояние раздвоенности сознания, и «Хозяйку» — где впервые были художественно и психологически верно проанализированы явления гипноза и внушения. Достоевский является единственным в мире писателем, который совершенно правильно изображал в своих художественных произведениях душевные аномалии.

В кружке Белинского Достоевский пробыл недолго. Вскоре последовал неизбежный разрыв, ибо Белинский и Достоевский были идеологическими и психологическими антиподами.

В 1846 после ссоры и разрыва с окружением Белинского Достоевский сближается с братьями Бекетовыми и с

литературным салоном Майковых. Дружба с поэтом А. Майковым сохранилась на всю жизнь. Это новое общество, в котором велись живые беседы, обсуждались литературные новости, было спокойнее, чем общество Белинского. Здесь (в доме Майковых) Достоевский мог вдумчиво и обстоятельно разбирать и анализировать характеры произведений Гоголя, Тургенева и сравнивать их с героями своих повестей.

После написания целого ряда повестей у Достоевского возникла идея большого романа. Этот роман был «Неточка Незванова». По замыслу он был грандиозен. Задуманный еще в 1846, появился в печати только в 1849, в «Отечественных записках». Напечатанный отрывок, по замыслу автора, был только прологом. Арест и ссылка прервали работу, и роман навсегда остался незаконченным.

В 1846 Достоевский знакомится с Петрашевским и в 1847 входит в его кружок. Цели и средства кружка, намеченные и сформулированные наиболее радикально настроенными членами, не могли разделяться членами более умеренными. Ибо, по мнению первых, цель общества — готовить народ к восстанию; для этого решено завести тайную типографию. Во главе должен стоять комитет из 5 членов. Для сохранения тайны «должно включить в одном из параграфов приема угрозу наказания смертью за измену; угроза будет еще более скреплять тайну, обеспечивая ее». Это напоминает «Катехизис революционера» Нечаева. В «Дневнике писателя» за 1873, в главе «Одна из современных фальшей», Достоевский искренно сознался: «Нечаевым (т. е. олицетворением беса-революционера), вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но нечаевцем, не ручаюсь, может быть и мог бы... во дни моей юности».

В ночь с 22 по 23 апр. 1849 были арестованы: Петрашевский и 33 члена его кружка, в числе которых был 27-летний Достоевский.

О периоде своей юности, когда Достоевский начал постепенно переходить от идеализма романтика Шиллера к увлечению идеями французского утопического социализма, он так вспоминает в «Дневнике писателя» за 1873: «Тогда понималось дело еще в самом розовом и райски-нравственном свете. Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации». Социализм, во многих его оттенках, от бледно-белозерного до явно красного — стал временным великим соблазном для души Достоевского.

Социальная, политическая, этическая и религиозная проблемы в сознании Достоевского (в первый, докаторжный период его жизни) представляли собой исключительно сложный и своеобразный сплав, в котором извращена была иерархия ценностей: гуманистические этические ценности занимали в ней первоверховное место, тогда как ценности религиозные — стояли на втором. Но в душе Достоевского, с раннего детства, в течение всей жизни сохранилось величайшее сокровище, полученное по наследству от матери: живая, неумирающая, беспредельная любовь ко Христу. Эта любовь и спасла его от многих соблазнов, в т. ч. и от соблазна социализма. Чрезвычайно характерные признания находим мы в известном письме Достоевского к жене декабриста Фонвизина — Н. Д. Фонвизиной, подарившей ему в Тобольске Евангелие, которое Достоевский все годы заключения держал под изголовьем. После освобождения из каторжной тюрьмы Достоевский ей пишет: «Я слышал от многих, что Вы очень религиозны, Н. Д. Не потому, что Вы религиозны, но потому, что сам

пережил и прочувствовал это, скажу Вам, что в такие минуты жаждешь, как “трава иссохшая”, веры и находишь ее, собственно потому, что в несчастьи яснее истина. Я скажу Вам про себя, что я дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И однако же Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие минуты я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост; вот он: верить, что ничего нет прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной». Отсюда можно заключить, что личность Христа, даже не как Богочеловека, а только как идеальная человеческая личность, — уже давала силу и крепость убеждениям Достоевского и помогала ему бороться с убеждениями Белинского. Атеистическому социалистическому гуманизму последнего Достоевский противопоставлял христианский гуманизм. Но это была не вера в Богочеловека Христа, а любовь к Христу-человеку. Хотя он и говорит про себя, что он «дитя века, дитя неверия и сомнения» и предполагает, что останется таковым навсегда, однако тут же признается, что жажда веры становится у него тем сильнее, чем больше у него доводов противных. До поры до времени он живет с такими противоречиями между разумом и чувством. И даже допускает кощунственную мысль, что истина может быть вне Христа. Правда, и тогда ему Христос дороже истины, но здесь противоречия достигают уже своего предела. И, наконец, его совесть задает ему самому пилатовский вопрос — «Что же есть Истина?» После мучительной борьбы с самим собой, отображенной в его романах, в которых — в художественной форме высказаны все аргументы «за» и «против», — Достоевский обретает, наконец, истинного Христа, сказавшего: «Я есмь Путь и Истина и Жизнь» (Ин. 14; 6), т. е. только во Христе находится Путь к Абсолютной Истине; только Его Слова есть Абсолютная Истина; и только во Христе может быть истинная жизнь. Но христианства нет без Церкви, основанной Христом. Придя к Истинному Христу, Достоевский придет и к Истинной, Православной церкви. Путь Достоевского был чрезвычайно длительный, трудный, мучительный, но однако и терпеливый, неустанный, целенаправленный, честный и поучительный.

Приговор суда был очень жесткий. Все, признанные виновными (в т. ч. и Достоевский), были приговорены к смертной казни (расстрелу), выведены на Семеновский плац в Петербурге, поставлены на эшафот и пережили весь невыразимый ужас ожидания смертной казни. В последний момент казнь была приостановлена для оглашения воли государя императора Николая Павловича, пожелавшего смягчить наказание и заменить смертную казнь различными сроками каторжной тюрьмы. Достоевский получил сначала 8 лет каторжных работ, но позднее наказание было еще более смягчено государем: «4 года каторги, а потом — рядовым».

На каторге Достоевский перенес чрезвычайно тяжелые физические и еще более мучительные нравственные страдания. Но эти Богом посланные муки и закалили духовно. Именно на каторге, и именно благодаря каторге, началось

медленное перерождение его убеждений и сложились основы нового, истинно христианского мировоззрения.

15 февр. 1854 Достоевский вышел из Омской каторжной тюрьмы и отправился в Семипалатинск рядовым. 1 окт. 1856 он был произведен в прапорщики.

6 февр. 1857 в г. Кузнецке он повенчался со своей первой женой М. Д. Исаевой (после смерти ее первого мужа). Мария Дмитриевна была по происхождению француженка, по фамилии Констант (ее отец был сыном французского эмигранта). Она была чрезвычайно истерична и больна туберкулезом. Брак был несчастным. Начавшись у Достоевского неистовой страстью, он закончился после 7 лет совместной жизни только мучительной жалостью.

20 февр. 1857 Достоевский поселился в Семипалатинске и снова начал писать. В 1858 он закончил повесть «Дядюшкин сон» (где описал в комическом духе провинциальные нравы) и повесть «Село Степанчиково и его обитатели», в которой вывел в лице ханжи Фомы Опискина тип русского Тартюфа, а в лице полковника Ростанева — тип прекрасного русского помещика.

В «Поучениях» Опискина нельзя не видеть явной пародии на «Переписку с друзьями» Гоголя. Пародия на Гоголя — своего учителя — большой грех Достоевского. В этом акте нельзя не видеть остаточного яда, влитого в душу Достоевского в свое время Белинским. В марте 1859 Достоевский получает разрешение поселиться в Твери, а в дек. 1859, после 10 лет отсутствия, возвращается в Петербург.

Впечатления от каторги Достоевский отразил в своих «Записках из Мертвого Дома» (1860—62). Одновременно с «Записками» он писал и большой роман «Униженные и оскорбленные» (1861). В этом идейно-психологическом романе очень много автобиографического элемента. Один из героев этого романа — Иван Петрович — это сам Достоевский в прошлом, в 40-х, вернее — это пародия Достоевского на самого себя. Но главные герои — другие. Это — кн. Валковский и его сын Алеша. Кн. Валковский — циник, развратник, у которого, по собственному признанию, «угрызений совести не было ни в чем». Многие черты его повторяются позднее в образах Свидригайлова и Ф. П. Карамазова.

Его сын Алеша — «доброе сердце», при отсутствии ума и воли. Этого героя Достоевский, между прочим, вводит в кружок «идеалистов-утопистов». В этом образе нельзя не видеть пародии на членов кружка Петрашевского. Имена членов этого кружка — Левеньки и Бореньки — взяты из «Горя от ума» Грибоедова. К. Мочульский совершенно справедливо говорит, что «в лице Алеши Достоевский казнит свое «невинное» прекраснодушие 40-х. После опыта каторги оно представляется ему сплешным легкомыслием — хлестаковщиной и репетиловщиной».

В романе «Униженные и оскорбленные» показано циничное торжество зла, когда ему противостоит бессилие гуманистического добра.

В период 1861—64 Достоевский, вместе со своим братом Михаилом, издает «свой» журнал: сначала «*Время*», а затем «*Эпоха*».

Летом 1862 Достоевский впервые едет за границу. Он побывал в Берлине, Дрездене, Висбадене, Баден-Бадене, Кёльне, Париже, Лондоне (где встретился с Герценом), Люцерне, Женеве, Генуе, Флоренции, Милане, Венеции, Вене и др. местах, объехав все эти города за 2,5 мес. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (напечатанных в 1863 в журнале «*Время*») он рассказал о своих впечатлениях от Европы. Европа ему показалась кладбищем.

В 1863 вспыхивает польское восстание. В журнале братьев Достоевских «Время», в апрельской книжке, появляется злободневная статья *Н. Страхова* «Роковой вопрос», в которой проводится мысль, что с поляками бороться внешнею силой недостаточно и что победа над ними должна быть морально оправдана. За эту статью журнал «Время» был закрыт.

Весной этого же 1863 здоровье жены Достоевского Марии Дмитриевны резко ухудшилось, вследствие чего пришлось ее увезти из губительного для туберкулезных больных петербургского климата в г. Владимир. Летом 1863 Достоевский снова уезжает за границу, где переживает глубоко личную драму — роман с Аполлинарией Суловой, типичной шестидесятиницей, 23-летней писательницей, поклонницей Герцена, Прудона и... Достоевского. Ее тенденциозные рассказы с проповедью эмансипации женщин («Некуда», «До свадьбы», «Своей дорогой») печатались в журнале «Время». Еще осенью 1861 Сулова написала Достоевскому восторженное и в то же время наивно-поэтическое письмо, результатом которого стал мучительный роман 40-летнего писателя и редактора «Времени» со своей сотрудницей. Неосторожная, восторженная, идейная, страстная, неопытная девушка искала, по-видимому, возвышенной любви, а Достоевский ответил ей страстной влюбленностью. И Сулова становится любовницей писателя, но вскоре уезжает от него в Париж. Достоевский пытается вернуть Сулову, отправляясь за ней в Париж.

По дороге в Париж, в Висбадене, Достоевский страстно увлекается рулеткой. С этого времени начинается длительная новая страсть Достоевского к азартной игре, благодаря которой он временами проигрывает огромные деньги, запутывается в бесчисленных долгах, закладывает ценные вещи, свои и чужие, оказываясь часто в униженном положении, не будучи в состоянии оплатить отель и питание в нем.

Подробное описание этой длительной многолетней неудержимой страсти мы имеем в «Воспоминаниях» второй жены Достоевского, Анны Григорьевны, которая своей глубоко одухотворенной, нежной, чуткой, самоотверженной любовью и поразительным терпением и выдержкой чудесным образом излечила, наконец, своего мужа. Роман Достоевского «Игрок» несомненно имеет автобиографический характер.

1864 был трагическим годом в жизни Достоевского: 15 апр. умерла от чахотки его первая жена Мария Дмитриевна; в июле умер старший любимый брат Михаил, а затем — близкий друг и сотрудник журнала, критик А. Григорьев. В мае 1865 любимое детище Достоевского, «свой» журнал «Эпоха» (заменивший закрытый раньше журнал «Время») также прекратил свое существование. В последней (февр.) книжке «Эпохи» была напечатана злая сатира на общественные настроения 60-х («Крокодил»), в которой левая критика усмотрела (не без основания) пародию на Чернышевского, хотя Достоевский это категорически отрицал.

В том же трагическом 1864 были напечатаны знаменитые «Записки из подполья», являющиеся ответом на роман Чернышевского «Что делать?». Социалистический «земной рай», «хрустальный громадный дом», о котором мечтает героиня романа «Что делать?», Достоевский клеймит образами «курятника» и «муравейника». Если «земной рай» социализма покупается ценой рабства и превращения людей в «домашних животных», то Достоевский устами подпольного человека такое благополучие с негодованием отвергает и прокликает.

Перерождение политических убеждений Достоевского не было мгновенным: наоборот, это был очень длительный процесс, находившийся в теснейшей связи с религиозно-нравственным перерождением. До каторги «религией» Достоевского был гуманизм. И даже Христа, которого он любил с детства, Достоевский в молодости считал величайшим гуманистом.

«Ни к чему мы не бываем так резки, как к оставленным нашим заблуждениям», — говорил Гёте. Достоевский вполне это подтвердил. Никто с таким гневом и негодованием не говорил о социализме, как бывший социалист Достоевский. Но прозрев, он еще не сразу понял, что социализм есть сатанизм. Постепенно осозная это, он начал борьбу с социализмом и его тончайшими, ядовитыми, подчас невидимыми корнями — прежде всего в своей душе, в закоулках своего ума и своего сердца.

Социальная проблема, которая всю жизнь мучила Достоевского, начала намечаться к разрешению, на основах постепенно создаваемой совершенно правильной и ясной иерархии ценностей: высшая ценность — религия, затем нравственность, основанная на религии, затем идут др. ценности, которые должны основываться на религиозно-нравственных началах. И социальная проблема должна быть разрешена исключительно в свете религиозной, именно христианской, нравственности.

«Записки из подполья» — это введение в 5-актную трагическую симфонию его последних пяти великих романов: «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868—69), «Бесы» (1873), «Подросток» (1875) и «Братья Карамазовы» (1880), которые представляют собой замаскированную в художественные образы и длившуюся 15 лет авторскую исповедь.

Для работы над романом «Игрок» (1866) Достоевскому понадобилась стенографистка. Ему порекомендовали Анну Григорьевну Сниткину, которая в н. окт. 1866 начала свою работу стенографистки, а 30 окт. — закончила стенографировать «Игрока» и последние страницы «Преступления и наказания». 8-го же нояб. произошло объяснение в любви. Достоевский сочинил целый рассказ о пожилom художнике, который полюбил молодую девушку, и закончил этот рассказ следующими словами: «...поставьте себя на минуту на ее место... Представьте, что этот художник — я, что я признался вам в любви и просил быть моей женой. Скажите, что вы бы мне ответили?»

«Лицо Федора Михайловича, — сообщает в своих воспоминаниях Анна Григорьевна, — выражало такое смущение, такую сердечную муку, что я, наконец, поняла, что это не просто литературный разговор и что я нанесу страшный удар по самолюбию и гордости, если дам уклончивый ответ. Я взглянула на столь дорогое мне, взволнованное лицо Федора Михайловича и сказала: “Я бы вам ответила, что люблю и буду любить всю жизнь”».

Венчание происходило в Троицком Измайловском соборе, в Петербурге, 15 февр. 1867. Вскоре после свадьбы, неожиданно для Анны Григорьевны раскрылось, что ее муж тяжело болен падучей болезнью. Появились кредиторы с исполнительными листами на большие суммы. И вот новобрачные решаются уехать от всего этого, хотя бы на несколько месяцев, за границу. Но путешествие затянулось на долгое время. «Мы уезжали за границу на 3 месяца, — вспоминает Анна Григорьевна, — а вернулись в Россию через четыре с лишним года». Для этой поездки Анна Григорьевна решила пожертвовать всем своим приданым. Она отдала в залог новую мебель, рояль, меха, золотые и серебряные вещи, выигрышные билеты. За

время, проведенное за границей, почти все имущество Анны Григорьевны пропало. «Но там, — писала впоследствии Анна Григорьевна, — началась для нас с Федором Михайловичем новая счастливая жизнь, которая прекратилась только с его смертью».

Первые годы семейной жизни Достоевского омрачались не только падушей болезнью и болезненной страстью писателя к рулетке, но еще и др. скорбными событиями. Из дрезденского «Дневника» Анны Григорьевны мы узнаем, что Достоевский в это время получал последние, перед окончательным разрывом, письма от А. Суловой, которые попали в руки Анны Григорьевны. Запись в дневнике об этом событии характеризует нравственную чистоту, душевную глубину и жертвенность натуры жены Достоевского. Вот ее трогательные, печальные строки: «Мне было холодно, я дрожала и даже плакала. Я боялась, что старая привязанность возобновится и что любовь его ко мне исчезнет. Господи, не посылай мне такого несчастья. Я была ужасно опечалена. Как подумаю об этом, у меня сердце кровью обольется! Господи, только не это, мне слишком тяжело будет пережить его любовь». Другую тяжкую скорбью для четы Достоевских была смерть 3-месячного первого ребенка, младенца Сонечки, последовавшая 24 мая 1868 (в это время Достоевский писал «Идиота»).

Когда Достоевские покидали Женеву, оставляя в ней могилу умершей Сонечки, Федор Михайлович на палубе грузового парохода рассказал Анне Григорьевне, с трогательными мелкими подробностями, всю свою жизнь, которая представляла собой, по его словам, преимущественно целую длинную цепь обид, оскорблений, скорбей, несчастий и разочарований. «Вспоминая, — пишет об этом Анна Григорьевна, — он мне рассказал про свою печальную одинокую юность после смерти нежно им любимой матери, вспоминал насмешки товарищей по литературному поприщу, сначала признавших его талант, а затем жестоко его обидевших. Вспоминал про каторгу и о том, сколько он выстрадал за 4 года пребывания в ней. Говорил о своих мечтах найти в браке своем с Марьей Дмитриевной столь желанное семейное счастье, которое, увы, не осуществилось: детей от Марьи Дмитриевны он не имел, а ее «странный, мнительный и болезненно-фантастический характер» был причиной того, что он был с ней несчастлив. И вот теперь, когда это «великое и единственное человеческое счастье иметь родное дитя» посетило его и он имел возможность сознать и оценить это счастье, злая судьба не пощадила его и отняла у него столь дорогое ему существо...»

Живя в Женеве, Достоевский посетил состоявшийся там «Международный конгресс мира» и слышал речи Бакунина. В первый раз в жизни он увидел крупнейших идеологов социализма и мировой революции. Он поразился убожеством их мыслей. Перед 5-тысячной толпой они открыто проповедовали необходимость истребления христианской веры, уничтожения большинства государств и частной собственности, чтобы «все было по приказу». «А главное — огонь и меч, и после того, как все истребится, то тогда, по их мнению, и будет мир». «Международный конгресс мира» дал Достоевскому много материала для будущего романа «Бесы». Бакунин в романе превратился в Ставрогина.

Первым великим романом, который выдвинул Достоевского на арену всемирной литературы, был роман «Преступление и наказание». Л. Толстой и Ф. Ницше считали «Преступление и наказание» величайшим романом в мире. Но Ницше высоко ценил только первую часть романа

(бунт и преступление Раскольникова), тогда как Толстой, наоборот, особенно высоко ценил вторую часть («наказание» и перерождение Раскольникова).

Роман «Преступление и наказание» Достоевский начал писать с осени 1865, сначала за границей, а затем в Петербурге, при исключительно тяжелых душевных и материальных условиях. В сент. этого года он пишет издателю «Русского вестника» М. Н. Каткову: «Могу ли я надеяться поместить в Вашем журнале “Русский вестник” мою повесть? Это психологический отчет одного преступления... Молодой человек, исключенный из университета, мещанин по происхождению, и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шаткости в понятиях, подавшийся некоторым странным, “недоконченным идеям”, которые носятся в воздухе, решил разом выйти из своего скверного положения. Он решил убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты... с тем, чтобы сделать счастливую свою мать, живущую в уезде, избавить сестру, живущую в компаньонках у одних помещиков, от сластолюбивых притязаний главы этого помещичьего семейства — притязаний, грозящих ей гибелью, закончить курс, ехать за границу и потом всю жизнь быть честным, твердым, неуклонным в исполнении “гуманного долга к человечеству”, чем уже, конечно, “загладится преступление”, если только можно назвать преступлением этот поступок над старухой, глухой, злой и больной, которая сама не знает, для чего живет на свете и которая через месяц, может быть, сама собою померла бы... Ему совершенно случайным образом удастся свое предприятие и скоро, и удачно.

Почти месяц он проводит после того до окончательной катастрофы. Никаких на него подозрений нет и не может быть. Тут-то и развертывается весь психологический процесс преступления. Неразрешимые вопросы восстают перед убийцей, не подозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божия правда, земной закон берут свое, и он предпочел погнубить на каторге, но примкнуть опять к людям, чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же до совершения преступления, замучило его. Закон правды и человеческая природа взяли свое. Преступник сам решает принять муки, чтобы искупить свое дело...»

Под «недоконченными идеями», о которых Достоевский упоминает в начале письма, он, очевидно, подразумевал модную в то время теорию т. н. «утилитарной морали», выводящей все поведение человека из принципа «разумной пользы» (ведь, по словам Раскольникова, старуха-процентщица «никому не полезна» и «никуда не годна»). В этих словах нельзя не видеть выпада против Чернышевского и его учеников, провозвестников «утилитарной морали», «разумной пользы», «теории разумного эгоизма». Совершив «разумно полезное» преступление, Раскольников ведь намеревается «потом всю жизнь быть честным, твердым, неуклонным в исполнении “гуманного долга к человечеству”».

До нас дошли 3 черновые тетради с материалами о «Преступлении и наказании». Эти черновые материалы чрезвычайно интересны и дают яркое представление о характере психологии творчества Достоевского, о процессе работы над «Преступлением и наказанием». Из них видно, что основная идея этого романа некоторое время была не вполне ясной для автора. Первоначально главная идея романа была та, которая в общих чертах излагалась в приведенном выше письме Достоевского к Каткову в сент. 1865.

В черновых тетрадях мы находим указание на то, что Достоевский сам себе хотел уяснить точную психологию

скую мотивировку преступления Раскольникова. «Главная анатомия романа» — так Достоевский назвал заметку, в которой ставил себе задачу «так или иначе объяснить все убийство», а уже потом изобразить переживания Раскольникова, которые заставили его сделать «логический выход к закону природы и долгу».

Разрешая эту задачу, Достоевский начал колебаться между двумя мотивировками преступления. Первая — ясно выражена была в письме к Каткову: деньгами убитой он хотел осчастливить мать, спасти от гибели свою сестру, закончить свое образование и потом всю остальную жизнь жить честно и тем «загладить свое преступление». Вторая мотивировка — та, которой он коротко объясняет свое преступление Соне: «Я хотел Наполеоном сделаться, потому и убил». А в др. месте он говорит: «Я не человека убил, а я принцип убил». Раскольников рассуждает так: «Люди, по закону природы, разделяются на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и на собственно людей, т. е. имеющих дар или талант сказать в своей среде новое слово».

Соне Раскольников разъяснил свои мысли. Сначала он думал, как бы поступил Наполеон, если бы ему для карьеры пришлось бы не через Монблан переходить, не Египет завоевывать, а убить и ограбить смешную старушонку. Долго он мучился над этим вопросом, пока не догадался, что для Наполеона тут и вопроса преступления не было бы.

В конце концов Достоевский соединил обе мотивировки преступления в одной, сложной личности Раскольникова.

Для опровержения теории Раскольникова Достоевский подвергает его мучительным душевным страданиям, доказывая этим, что преступление в себе содержит и наказание. Но эти страдания не обычные угрызения совести. Это — интеллектуальные страдания человека-рационалиста, который ошибся в своих расчетах. Это злобная досада на себя за то, что своим преступлением он доказал противоположное тому, что хотел доказать: он не принадлежит к избранным, «сильным», «власть имеющим» дерзать и совершать преступления людям, он сам просто «дрожащая тварь». Наказанием Раскольникову после совершения преступления служит не только сознание, что он не принадлежит к «особому ряду» людей, но и состояние морального одиночества, этического солипсизма, полного отчуждения от всех людей, от всего мира. Особенно остро он это пережил при встрече с матерью и сестрой. В черновых тетрадах мы находим такой душевный вопль: «Теперь всю жизнь один! Один с женой, один и с людьми, один всегда».

Излагая в письмах к Каткову замысел романа, Достоевский писал, что «Божья правда» берет свое и понуждает убийцу донести на себя. Но в романе Раскольников, донося на себя, еще не знает этой «Божьей правды» и приходит к ней лишь на каторге, под влиянием Сони, которая воистину становится «служителем его Ангела-Хранителя» и чудесным образом спасает Раскольникова от духовной смерти.

Роман Раскольникова с Соней Мармеладовой — совершенно исключительное, гениальное, единственное во всей мировой литературе столкновение двух замечательных личностей, двух родных антиподов, двух изумительных характеров, двух глубоко одиноких душ, преступивших моральные нормы: одержимого отвлеченной идеей убийцы и блудницы поневоле, которые по великой неисповедимой милости Господней, через великие личные страдания и глубочайшее сострадание друг к другу пришли, наконец, к простой и ясной, как чистое голубое небо, «Божьей правде», заключающейся в великом Таинстве Любви, ибо Бог есть Любовь.

Чистое, доброе, женское сердце Сони согрело холодное сердце Раскольникова. На все его умственные отвлеченные рассуждения Соня отвечала словами, шедшими из глубины ее религиозного чувства. Приведем только один пример такого диалога Раскольниковского ума с Сониным сердцем. (Пример — в черновых тетрадах Достоевского). «Ну-с, так вот, говорит он ей, если бы вдруг все это теперь на ваше решение отдал: этому или тем жить на свете, т. е. Лужину ли жить и делать мерзости или умереть Екатерине Ивановне?» Подобный вопрос Раскольников уже задавал самому себе — кому умереть: ему, сестре Дуне и матери — или старухе-ростовице, и ответил на него: старухе умереть. Но Соня отвечает иначе: «Да ведь я Божьего Промысла знать не могу... И кто меня тут судьей поставил, кому жить, кому не жить». Замечательный, строго православный ответ. В этом ответе не только защита своего убеждения, но и глубочайшая и сокрушительная критика и осуждение «принципиального убийцы», ибо отказываясь от суда, она морально осуждает того, кто смеет судить Промысел Божий. Но вся ситуация осложняется еще тем обстоятельством, что Соня тоже имела в своей жизни трудный вопрос — кому пострадать: умереть ли от голода и нищеты всей ее семье или самой пасть и вступить на путь проституции? Раскольников убил процентщицу, а Соня — пожертвовала собой. «Можно великим быть и в смиреннии», — говорила Раскольникову Соня.

Раскольников и Соня полюбили друг друга и этой любовью исцелили свои одинокие души. Две личности дополнили друг друга в трогательной гармонии истинного человеческого счастья. Великое женское счастье Сони заключалось в том, что она спасла своего любимого от духовной смерти, а такое же великое мужское счастье Раскольникова заключалось в том, что он любил такую светлую, чистую, святую женскую душу и был любим ею. Оба осознали свое подлинное счастье, как чудо милости Божьей. Данте утверждал, что истинная любовь не может не быть взаимной. Раскольников и Соня полюбили друг друга подлинной истинной любовью, которая не могла не быть взаимной. Сложный, глубокий, тонкий, нежный как утренняя заря процесс полного перерождения Раскольникова Достоевский только намечил в конце романа, только указал на него, только обещал нам его, но ясно и полно не показал.

Об огромной работе над «Преступлением и наказанием» в трудных условиях жизни в это время можно заключить по письму Достоевского к своему другу Врангелю: «В конце ноября (1865) было много написано и готово: я все сжег; теперь в этом можно признаться. Мне не понравилось самому. Новая форма, новый план меня увлек, и я начал сызнова. Работаю я дни и ночи и все-таки работаю мало. Роман есть дело поэтическое, требует для исполнения спокойствия духа и воображения. А меня мучат кредиторы, т. е. грозят посадить в тюрьму». Кроме кредиторов, Достоевского мучили и редакторы «Русского вестника» Катков и Любимов. Они требовали от него многих существенных изменений, на которые он соглашался с большим трудом. Посылая исправленное, он писал: «А теперь до вас величайшая просьба моя: ради Христа оставьте все остальное, как есть теперь». Но Катков все-таки вычеркнул ряд строк «относительно характера и поведения Сони». Сам Достоевский в конце концов был своей работой удовлетворен, что видно из письма его, в апр. 1866, к своему новому другу, священнику висбаденской Русской православной церкви о. И. Янышеву (впо-

следствии крупному русскому православному богослову, протопресвитеру, ректору и профессору нравственного богословия Петербургской духовной академии): «...Надо заметить, что роман мой удался чрезвычайно и поднял мою репутацию, как писателя. Вся моя будущность в том, чтобы кончить его хорошо».

Философ и религиозный мыслитель С. А. Аскольдов (1871—1945) был одним из наиболее замечательных комментаторов Достоевского. Аскольдов способствовал расшифровке и переводу «мыслей-образов» Достоевского на язык религиозно-философских понятий в своем чисто теоретическом исследовании проблемы иерархии ценностей и связи добра и зла. Аскольдов устанавливает такую схему. Существует Абсолютное Добро — Бог и Абсолютное (вернее максимальное) Зло — дьявол. Затем следует различать первичное добро — религиозное добро, питающееся из источника Абсолютного Добра, и первичное зло — религиозное зло, инспирируемое дьяволом и питающееся из источника максимального зла. Кроме этого, следует различать вторичное, второстепенное, чисто гуманистическое добро и вторичное, второстепенное, чисто гуманистическое зло. Если христианину необходимо сделать выбор из двух положений, когда в обоих имеется слитое вместе добро и зло, то следует выбирать тот слиток, в котором находится первичное добро, несмотря на то, что с ним неразрывно связано и вторичное второстепенное зло. А тот слиток, в котором находится первичное зло — следует отвергнуть, несмотря на то, что с ним неразрывно связано вторичное, второстепенное добро. Дьявол, чтобы обмануть и соблазнить нас, прибегает к следующему приему. В первом слитке, где имеется первичное, первостепенное добро, связанное, соединенное, слитое со вторичным злом, — дьявол всячески старается скрыть от нас, завуалировать первичное добро, отвлечь от него наше внимание и, наоборот, подчеркивает слитое с ним вторичное зло, возмущаясь им, и призывает к борьбе с ним, для чего предлагает отвергнуть весь слиток, чтобы ни в коем случае не допустить первичного добра. Во втором же случае, где в слитке имеется первичное зло, соединенное со вторичным, второстепенным добром, — дьявол прежде всего вуалирует первичное зло, прячет его, отвлекает от него наше внимание и, наоборот, подчеркивает слитое с ним вторичное, второстепенное, чисто только гуманистическое добро, рекламирует его, восхищается им, проповедует его, вытаскивает на показ и — предлагает принять именно этот слиток, т. е. такой, в котором под маской второстепенного добра спрятано первичное зло. И как рыба, хватая червяка, попадает на крючок, так и многие попадают на этот соблазн и — уничтожают первичное религиозное добро только потому, что к нему прилипло, пристало вторичное, второстепенное зло, а вместо отвергнутого первичного добра принимают первичное зло, слитое со второстепенным, чисто гуманистическим только добром.

Раскольников в романе Достоевского рассуждал так: убить процентщицу, вредную, никому не нужную старуху, которая и сама-то должна скоро умереть, — он на ее деньги сделает много добра (поможет матери, сестре, сможет сам закончить образование и т. п.). Конечно, и по его рассуждению, убийство есть преступление, т. е. зло, но зло небольшое, незначительное по сравнению с тем добром, которое он собирается сделать. Роковая ошибка Раскольникова заключалась в том, что он первичное зло (нарушение заповеди Божьей — «не убий») считал злом второстепенным, а вторичное добро (помощь матери,

сестре и себе) — добром первостепенным. Истина же заключалась в том, что убийство было злом первостепенным, а добро, купленное ценою этого убийства, добром второстепенным.

Социальные мотивы преступления Раскольникова позволяют нам рассматривать это преступление как своего рода символ русской октябрьской революции. Государственный строй царской России представлял собой соединение первичного добра и вторичного, второстепенного зла. А революция несла на своих знаменах второстепенное добро (обещание якобы благодетельных социально-политических реформ) и несомненное первостепенное зло (уничтожение религии и Церкви как основы русской государственности).

Свое страстное увлечение рулеткой и мучительный роман с Сусловой Достоевский отразил в автобиографическом романе «Игрок». От героини романа Полины идут образы др. «фатальных женщин» его романов: Настасьи Филипповны и Аглаи из романа «Идиот», Катерины и Грушеньки — из «Братьев Карамазовых».

В письме к Майкову от 12 янв. 1868 Достоевский, между прочим, пишет: «...Всегда в голове и в душе у меня мелькает и дает себя чувствовать много зачатий художественных мыслей. Но вид только мелькает; а нужно полное воплощение, которое всегда происходит нечаянно и вдруг, но рассчитывать нельзя, когда именно оно произойдет: и затем уже получив в сердце полный образ, можно приступить к художественному выполнению. Тут уж можно даже и рассчитывать без ошибки...». Это очень характерное признание писателя о психологии своего творчества. Черновики подтверждают этот процесс. Идея произведения рождается сразу во множестве замыслов, которые толпятся и борются между собою, пока, в минуту особого вдохновения, получается «в сердце полный образ». Из черновых тетрадей романа «Идиот» видно, что образ «идиота» сначала был совершенно непохожий на окончательный, который зафиксирован в каноническом последнем тексте. Среди образов первоначального замысла, когда эти образы толпились и боролись между собой, мы находим самые невероятные психологические типы «идиота»: то это гордая личность, духовный брат Раскольникова, то тип, родственник Аркадию Долгорукову, то он приближается к типу Рогожина, то приближается к герою рассказа «Кроткая», то он — злодей Яго (Шекспировский), то тип злодея, который кончает божественно, и т. д. Подобные метаморфозы представляют собою и др. лица романа «Идиот». Наконец найден окончательный образ, «полное воплощение», которое, по словам Достоевского, «всегда происходит нечаянно». Такого совершенно исключительное явление психологии творчества Достоевского. Наиболее ярко проявилось это сложное явление в процессе именно образа «идиота» — кн. Мышкина.

В вышеуказанном письме Достоевского к Майкову от 12 янв. 1868 имеются чрезвычайно ценные строки, искренне и подробно раскрывающие великие тайны творчества, может быть, одного из самых гениальных писателей в мире, с которым могут сравниться только Шекспир и Пушкин. Приведем обширные цитаты из этого письма к Майкову. «18 декабря я стал писать новый роман, 5 января (нов. стиля) я отослал в редакцию пять глав первой части (листов около 5), с удостоверением, что 10 января (нового стиля) вышлю остальные две главы первой части. Вчера, 11-го числа, я выслал эти две главы и таким образом отослал всю первую часть — листов 6 или 6,5 печатных.

В сущности, я совершенно не знаю сам, что я такое послал. Но сколько могу иметь мнения — вещь не очень-то казистая и отнюдь не эффектная. Давно уже меня мучила одна мысль, но я боялся из нее сделать роман, потому что мысль слишком трудная, и я к ней неприготовлен, хотя мысль вполне соблазнительная, и я люблю ее. Идея эта — изобразить вполне прекрасного человека. Труднее этого, помимо, быть ничего не может, в наше время особенно... Идея эта и прежде мелькала в некотором художественном образе, но ведь только в некотором, а надобно полный. Только отчаянное положение принудило меня взять эту невыносимую мысль. Рискнул, как на рулетке: «может быть, под пером разовьется»».

Чрезвычайно примечательно, что письмо это написано после того, как автор уже отослал в редакцию всю первую часть романа. Образ кн. Мышкина был ему еще неясен и дальнейшее развитие неизвестно. Окончательный целостный образ главного героя должен был развиваться только в процессе писания романа. Мир законченных полных художественных образов Достоевского живет как бы своей собственной жизнью. Это самое характерное в психологии его творчества.

На др. день после письма к Майкову Достоевский пишет письмо своей любимой племяннице С. А. Ивановой (1[13] янв. 1868): «Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете и особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже европейские, кто только брался за изображение положительно прекрасного, всегда пасовал. Поэтому что эта задача — безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть только одно положительно прекрасное лицо — Христос, т. ч. явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица — уже, конечно, есть бесконечное чудо. (Все Евангелие Иоанна в этом смысле: оно все чудо находит в одном воплощении, в одном появлении прекрасного.) Но я слишком далеко зашел. Упомяну только, что из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон Кихот; но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон. Пикквик Дикенса (бесконечно слабейшая мысль, чем Дон Кихот, но все-таки огромная) тоже смешон и тем только и берет. Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному — а, стало быть, является симпатия в читателях. Это возбуждение сострадания и есть тайна юмора. Жан Вальжан тоже сильная попытка, но он возбуждает симпатию по ужасному своему несчастью и несправедливости к нему общества. У меня нет ничего подобного, ничего решительно, и потому боюсь страшно, что будет положительная неудача... Вторую часть, за которую сажусь сегодня, окончу в месяц (я и всю жизнь так работаю). Мне кажется, что она будет покрепче и покапитальнее первой». Роман был закончен в февр. 1869. 25 янв. Достоевский пишет С. А. Ивановой: «Теперь он (роман «Идиот») кончен, наконец! Последние главы я писал день и ночь с тоской и беспокойством ужаснейшим... Романом я недоволен; он не выразил и десятой доли того, что я хотел выразить, хотя все-таки я от него не отрицаюсь и люблю мою неудавшуюся мысль до сих пор».

В романе «Идиот» упоминаются Дон Кихот и «Бедный рыцарь» Пушкина. Последнее стихотворение было одним из самых любимых стихотворений Достоевского. Образ кн. Мышкина затмил все предыдущие попытки создания «положительно прекрасного человека» во всей всемирной литературе, но автора он не удовлетворил. По черновым

тетрадам романа «Идиот» видно, что Достоевский, в конце концов, хотел придать образу кн. Мышкина как можно больше черт «хриstopодобия»: сострадание, всепрощение, самоотверженная христианская любовь ко всем людям, мудрость юродства (которую так хорошо поняла и оценила Аглая), самопожертвование, подлинное окончательное христианское смирение. По поводу последнего в черновиках имеется такая запись: «Смирение — самая страшная сила, какая только может на свете быть!» Но в то же время смиренный герой, по мысли Достоевского, должен быть не святым, а простым, обыкновенным человеком. Чтобы придать жизненный характер такому образу и не сделать из него абстрактный нежизненный тип «идеального человека», Достоевский наделяет кн. Мышкина человеческими слабостями: непрактичностью, нетактичностью, наивностью, чудачеством, инфантильностью, чертами «Иванушки-дурачка» из русских народных сказок, беспомощностью, бессилием в борьбе со злом. Кн. Мышкин — «идиот». Слово «идиот» значит «отдельный», «особый», «одинокий», «странный». Он скудоумен «низшим умом», но главный его ум, по определению Аглаи — «лучше, чем у всех, такой же, какой им и не снился». Кн. Мышкин духовно прекрасен. Но его не понимают окружающие. Правда, на короткое время все, с ним соприкасающиеся, становятся как будто лучше (даже такие проходимцы, как Келлер и Бурдовский), но в конечном результате никто не может стать ни его другом, ни его последователем. Все окружающие его охватываются вихрями страстей, отталкиваются от него, временами ненавидят, хотят погубить, губят при этом друг друга, духовно и физически, и, наконец, сама жизнь (трагическая жизненная ситуация) губит несчастного «идиота». Кн. Мышкин одинок, непонятен, странен, потому что он совершенно несозвучен миру. Его жизнь в конце концов — бездеятельная и безрезультатная. Мышкин нарушает «категорический императив Канта» («поступай так, чтобы правило твоей воли могло служить вместе с тем и началом всеобщего законодательства»), ибо он поступает так, как другие поступать совершенно не могут. Непостижимое миру «добро» кн. Мышкина вызывает бесплодные желания у окружающих, а потому только мучает и озлобляет их.

В трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери» Сальери так мотивирует свое убийство Моцарта: «Как некий херувим занес он несколько к нам песен райских, чтобы возмутить бескрылые желанья в нас, чадах праха, после улеть... Так улитай же! Чем скорей, тем лучше».

По этим же мотивам мир, «во зле лежащий», мстит кн. Мышкину и убивает его.

Но, повторяем, «Идиот» не удовлетворил Достоевского. Таково ли действительно должно быть добро в жизни? Нет, добро не бессильно! Добро — деятельная, творческая сила. Оно имманентно миру и должно быть действительно на земле. «Положительно прекрасный человек» должен быть другим. Этого «другого» Достоевский выводит сначала в образе архиерея Тихона в романе «Бесы», затем в образе странника Макария Ивановича в романе «Подросток» и, наконец, в образе старца Зосимы и его ученика и послушника — Алеши Карамазова (в романе «Братья Карамазовы»).

Прообразом архиерея Тихона и старца Зосимы был, несомненно, святитель Тихон Задонский (причисленный к лику святых в 1858), писания которого произвели на Достоевского глубокое впечатление и про которого он писал

А. Н. Майкову: «Правда, я ничего не создам, я только выставлю действительного Тихона, которого я принял в свое сердце давно с восторгом».

Ища образ «положительно прекрасного человека», Достоевский одновременно ищет и образы «максимально отрицательных людей», в которых персонифицируется Зло мира. Кто мешает Добру? Кто ненавидит его? Кто съел плевелы между пшеницей? Кто клеветает на Истину и стремится губить праведников, уничтожать лучших? Конечно, «клеветник», «отец лжи», «человекоубийца искони» — дьявол. Но через кого и как?

После эшафота, на каторге, в кандалах, на нарах, «причтенный к злодеям», в первую каторжную ночь в «Мертвом Доме», в страшные, тяжкие минуты глубокого душевного кризиса, в смятении ума и сердца, на грани полного отчаяния, — обращается Достоевский ко Христу с молитвенным воплем о вразумлении, прощении и спасении, — и открывает Евангелие, подаренное ему женой декабриста Фонвизина. И ему открылось следующее место: «...И они (бесы) вышедши пошли в стадо свиное. И вот, все стадо свиное бросилось с крутизны в море и погибло в воде» (Мф. 8, 32). Из этого семени, через 20 с лишком лет, вырос роман «Бесы».

В романе «Бесы» Достоевский показал, как «бесы» входят в некоторых людей и как тогда эти люди становятся подобными свиньям, бросающимся в море зла, и гибнут, увлекая за собой массы др. людей.

Социальная проблема в сознании Достоевского становится до ужаса ясной. Эта проблема прежде всего религиозная: революция — первичное, религиозно-социальное зло.

Шизоидный психопат, атеист и материалист Ставрогин и либерал Степан Трофимович Верховенский духовно и физически порождают Петра Верховенского, организатора революции. Затем приходит диалектик и теоретик революции «гениальный» Шигалев. Позднее в романе «Братья Карамазовы» Достоевский создает образ Смердякова — обезьяны и лакея мыслей Ивана Карамазова (тоже рационалиста). Смердяковы, вместе с Федьками-каторжниками — главные исполнители революции на практике. После Достоевского русскую, т. н. «социальную» революцию нельзя уже определять иначе, как с помощью понятий: «верховенщина», «шигалевщина», «смердяковщина» и, наконец, — «бесовщина».

До нас дошли черновые тетради, представляющие собой подготовительные материалы к роману «Бесы». Этих материалов не меньше, чем к роману «Идиот». Масса образов толпится перед духовным оком Достоевского, пока не вырисовываются полные, цельные, окончательные образы целостного романа.

Образ «положительно прекрасного человека» — архиепископа Тихона — к сожалению, в канонический печатный текст романа не попал. Это отразилось и на композиции романа, и на идейной целостности его. Ведь архиепископ Тихон должен был противостоять Ставрогину. Образу максимального зла должен был противостоять образ светлого добра. Редакторы романа — Катков и Любимов — главу «У Тихона» не пропустили, благодаря чему основная религиозная идея романа осталась неясной.

Достоевский считается создателем новой формы «романа-трагедии», который начал выработываться в «Преступлении и наказании», развивался в «Идиоте» и достиг совершенства в «Бесах». Последние романы — «Подросток» и «Братья Карамазовы» также могут считаться романами-

трагедиями. В пяти последних романах Достоевского содержится огромное, можно сказать, неисчерпаемое количество глубочайших религиозно-философских идей и целостных идеологий, почему эти романы и принято называть «идеологическими романами». В романах Достоевского мы наблюдаем диалектические столкновения целостных мировоззрений, обычно представленных в живых образах. Поэтому роман Достоевского в конце концов можно определить как «идеологический роман-трагедия, в диалектике живых художественных образов».

Прекрасный анализ образа «теоретика революции» Шигалева мы находим в труде исследователя творчества Достоевского К. Мочульского: «В процессе работы над романом (“Бесы”) из фигуры Петра Верховенского выделился его дополнительный образ — Шигалев. За “мелким бесом” (Верховенским), шныряющим, хихикающим и суетливым, стоит грузный, неуклюжий и пасмурный черт. Верховенский — легкомысленный Хлестаков от революции, Шигалев — тяжеловесный Собакевич. Характеризован этот теоретик разрушения — ушами. “Всего более, — говорит хроникер, — поразили меня его уши, неестественной величины, длинные, широкие, толстые, как-то особенно врозь торчавшие. Он произвел на меня впечатление зловещее”. На заседании “у наших” Шигалев собирается читать “толстую и чрезвычайно мелко исписанную тетрадь”. Он создатель новой системы “устройства мира”. Правда, система еще не закончена и противоречива, но все же, “никакого другого разрешения общественной формулы не может быть”. Великое открытие его заключается в следующей фразе: “Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом”. Одна десятая человечества получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятками, которые превращаются в стадо. Тогда наступит земной рай. Система Шигалева — логическое продолжение идеи Раскольникова; она будет осуществлена на практике Великим Инквизитором. Мысль “длинноухого” теоретика полностью переходит в легенду, придуманную Иваном Карамазовым».

В своем «гимне разрушению» Петр Верховенский вдохновляется теорией Шигалева, этого «нового Фурье». Из научного трактата он делает лирическую импровизацию. Ученый социолог и “полупомешанный поэт” дополняют друг друга в преклонении перед идеалом сатанинской красоты».

Исключенная глава («У Тихона»), по замыслу Достоевского, должна была быть кульминационной. Тут происходит столкновение атеиста Ставрогина и святого христианина — Тихона. Когда Ставрогин насмешливо рассказывает Тихону о своих галлюцинациях (не веря в видения и привидения, он считает, что это — болезнь), Тихон ему отвечает: «Бесы существуют несомненно, но понимание о них может быть весьма различное» (т. е. некоторые могут понимать их как галлюцинации). Тогда раздраженный и взбешенный Ставрогин с дьявольской гордостью заявляет: «Я вам серьезно и нагло скажу: я верую в беса, верую канонически, в личного, не в аллегория и мне ничего не нужно ни от кого выпытывать, вот вам и все». На вопрос богоотступника — верует ли Тихон в Бога, последний отвечает — «Верую», а позднее заявляет — «Креста Твоего, Господи, да не постыжуся».

В романе «Подросток» (1875) Достоевский отразил многое из пережитого и передуманного. Из анализа черновиков этого романа видно, что прототипом главного героя — Версилова — служили личности Чаадаева и Герцена.

Но чем более было установлено первоисточников и прототипов, послуживших Достоевскому для создания как образов героев романа, так и отдельных сюжетных ситуаций, — тем более загадочным становится роман и как художественное целое, и как идейное единство.

Пафос предыдущего романа «Бесы» сменяется здесь глубоким грустным раздумьем прежде всего над собственной душой, в которой оказалось еще так много беспорядка, противоречий, непреодоленного стремления беспокойного ума к острой диалектике и одновременно все возрастающей тоски по умиротворяющей тишине правды, в гармонической целостности духа.

Хотя роман назван «Подростком» и героем романа должен был быть этот подросток со своей «идеей Ротшильда» (видоизмененная идея «Скупого рыцаря» Пушкина, которого Достоевский чрезвычайно высоко ценил и перед писанием «Подростка» перечел), но против желания автора главным героем оказался отец подростка — Версилов. Аналогичный случай главного героя, явившегося «против желания автора», мы видели лишь в лице Ставрогина, занявшего место, назначенное автором для Петра Верховенского. Это характерно для психологии творчества Достоевского.

Своего отца — Версилова — подросток так характеризует: «Живет один лишь Версилов, а все остальное, кругом него, все с ним связанное прозябает под тем непререкаемым условием, чтобы иметь честь питать его своими силами, своими живыми соками». Когда от связи с Софьей Андреевной родился незаконный сын Версилова — Аркадий («Подросток»), «мать была еще молода и хороша, а, стало быть, нужна Версилу, а крикун-ребенок, разумеется был всему помяху, особенно в путешествиях». Поэтому его отдали на воспитание в чужую семью. Однажды, в Великом посту Версилов так умилился, что решил исповедываться и причаститься, но «что-то не понравилось ему в наружности священника, в обстановке»; но только он воротился и вдруг сказал с тихой улыбкой: «Друзья мои, я очень люблю Бога, но — я к этому не способен». Это так типично для розового русского интеллигента и эгоиста до мозга костей. Подобно Ставрогину (будучи до некоторой степени даже двойником последнего), Версилов способен одновременно испытывать два противоположных чувства. Он сам так и говорит про себя: «Я могу чувствовать преудобнейшим образом два противоположных чувства в одно и то же время». Глубокий и правильный анализ личности Версилова мы находим у Н. О. Лосского, в книге «Достоевский и его христианское миропонимание». «Ничему не отдаваясь, но всего требуя для себя, — пишет Лосский, — гордый человек подвергается особенно тяжкому испытанию, если случится ему полюбить женщину, которая не отдается жертвенно и беспрекословно и стремится сохранить хоть какую-нибудь самостоятельность. Такова была история любви Версилова к Екатерине Николаевне Ахмаковой. Как это часто бывает с гордыми людьми, любовь его была вместе с тем и ненавистью...» Кошунственный поступок Версилова, расколовшего икону ударом о печь, был совершен им в состоянии раздвоения и одержимости. В день погребения Макара Ивановича, совпавший с днем рождения Софьи Андреевны, он пришел к ней с красным букетом живых цветов. Он сознавал свой долг исполнить данное Макару Ивановичу «дворянское обещание» жениться после смерти его на Софье Андреевне и тем не менее сделал предложение Ахмаковой, собрался отправиться на свидание с ней. Находясь в состоянии мучительного раздвоения, он, неся букет, несколько раз хотел «бросить его на снег и растоптать ногой».

Ставрогин, как известно, кончил свою дикую жизнь самоубийством. Его до некоторой степени двойник — Версилов — делает попытку самоубийства. Смысл и идею самоубийства (Аркадия Долгорукого) Достоевский формулировал в «Дневнике писателя» так: «Я взял душу безгрешную, но уже загаженную страшной возможностью разврата, ранней ненавистью за ничтожность и “случайность” — свою и той широкостью, с которой еще целомудренная душа уже допускает сознательно порок в свои мысли, уже лелеет в сердце своем, любит ее им еще в стыдливых, но уже в дерзких и бурных мечтах своих — все это, оставленное единственно на свои силы и свое разумение, да еще, правда, на Бога. Все это выкидыши общества, “случайные” члены “случайных семей”».

Антиподом Версилу в романе «Подросток» является странник Макар Иванович Долгорукий. Он — носитель идеи «благообразия», по которому тоскует подсознательно подросток. Макар Иванович — один из образов «положительно прекрасного человека», родственного образу архиепископа Тихона. Несомненно, что на образ Макара Ивановича повлияло стихотворение Некрасова «Влас», которым Достоевский восхищался и о котором даже написал восторженную статью в своем «Дневнике писателя». Образ этот — чрезвычайно правдивый, в высшей степени жизненный, своеобразный и привлекательный. Он восхваляет пустыню, благоговейно относится к монастырям, но, прибавляет Достоевский, «ни в пустыню, ни в монастырь, ни за что не пойдет, потому что в высшей степени “бродяга”». Рассказывая о своем паломничестве в Богородицкий монастырь, Макар Иванович делится своими воспоминаниями о красоте тамошней природы: «Проснулся я за утра рано, еще все спали и даже солнышко из-за леса не выглянуло. Восклонился я, милый, главой, обвел кругом взор и вздохнул: красота везде неизреченная! Тихо все, воздух легкий, травка растет — расти травка Божия, птичка поет — пой, птичка Божия, ребеночек у женщины на руках пискнул — Господь с тобой, маленький человек, расти на счастье, младенчик!»

Макар Иванович — один возвышается над всеми «беспорядочными», мятущимися окружающими его людьми. По мысли Достоевского — распадение семьи и нравственное разложение общества объясняется оскудением веры в Бога и веры в бессмертие души.

Еще в янв. 1873 Достоевский принял предложение кн. Мещерского редактировать его газету «Гражданин». Предыдущим редактором этой газеты был Градовский. После его ухода положение газеты было критическим. Об этом так пишет в своих «Воспоминаниях» кн. В. П. Мещерский: «...И в эту трудную минуту, в одну из сред, когда за чашкою чая мы говорили об этом вопросе, никогда не забуду, с каким добродушным и в то же время вдохновенным лицом Ф. М. Достоевский обратился ко мне и говорит мне: “Хотите, я пойду в редакторы?” В первый миг мы подумали, что он шутит, но затем явилась минута серьезной радости, ибо оказалось, что Достоевский решился на это из сочувствия к цели издания. Но этого мало, решимость Достоевского имела свою духовную красоту. Достоевский был, не смотря на то, что он был Достоевский, — беден, он знал, что мои личные и издательские средства ограничены и потому сказал мне, что он желает для себя только самого нужного гонорара, как средств к жизни, сам назначил 3000 р. в год и построчную плату». Однако вскоре после ряда неприятностей с цензурой Достоевский отказался от редакторства. В письме к М. П. Погодину в это время (1873) он сообщал: «Роятся в голове и слагаются в сердце образы

повестей и романов. Задумываю их, записываю, каждый день прибавляю новые черты к записанному плану и тут же вижу, что все время мое занято журналом («Гражданином»), что писать я уже не могу больше и прихожу в раскаяние и отчаяние... Тем не менее борьба — вещь хорошая. Борьба настоящая есть для мира будущего... Решительно думается мне иногда, что я сделал большое сумасбродство, взявшись за «Гражданина»».

В это же время Достоевский в письмах к жене сообщает о своих кошмарных снах, связанных с несчастьями и страданиями детей своих: то он видит во сне, что сын Федя упал из окна 4-го этажа, то видит, что какая-то жестокая мучительница засекала до полусмерти его дочь Лилу. «Слезы детей», о которых впоследствии будет говорить Иван Карамазов, по верному замечанию критика К. Мочульского, «выстраданы в ночных кошмарах Достоевского».

За время редактирования «Гражданина» Достоевский создал в нем особый отдел, который назвал «Дневником писателя». В первом же номере «Гражданина» Достоевский сообщает: «Положение мое в высшей степени неопределенное. Но я буду говорить сам с собой и для собственного удовольствия в форме этого дневника, а там что бы ни вышло. Об чем говорить? Обо всем, что поразит меня или заставит задуматься». К этому же времени относится и первое знакомство Достоевского с будущим обер-прокурором К. П. Победоносцевым, с которым в конце жизни Достоевский дружески сблизился.

В «Дневнике писателя» (который издавался в 1873, 1876, 1877, в авг. 1880 и в янв. 1881), кроме религиозно-философской публицистики, имеются еще чисто художественные произведения, как, напр., «Мальчик у Христа на елке», «Сон смешного человека», «Бобок», «Кроткая» — повесть, за которую Кнут Гамсун готов был «отдать всю западно-европейскую литературу».

Последний свой роман — «Братья Карамазовы» — Достоевский обдумывал и писал 13 лет. Образ старца Зосимы создавался сначала под влиянием книжного образа Тихона Задонского, но затем к нему были прибавлены черты оптинского старца Амвросия, к которому вместе с В. Соловьевым Достоевский ездил в Оптину Пустынь в 1878. (По указанию митр. Антония Храповицкого некоторые черты старца Зосимы взяты и от др. старца Оптиной Пустыни — Макария, умершего в 1860, которого Достоевский не знал, но о котором очень много слышал.)

Старец Амвросий после посещения его Достоевским сказал о последнем одно слово — «кающийся». Смысл этого эпитета не вполне ясный. Некоторые из насельников Оптиной Пустыни (напр., старец Досифей, духовник старца Нектария) позднее толковали это так: «кающийся, т. е. перманентно кающийся, но не умеющий вполне раскаяться».

Героем романа «Братья Карамазовы», по замыслу Достоевского, должен был быть Алеша. Но в написанном романе (который, по объяснению Достоевского, представлял собой только «Введение» к другому, главному, ненаписанному, второму роману) героем является Иван.

Симпатии Достоевского явно на стороне старца Зосимы и Алеши, но автор предоставляет Ивану говорить настолько сильно, умно и убедительно, что некоторые критики склонны отождествлять Ивана с самим Достоевским.

Да, конечно, голос Ивана звучит так сильно потому, что он был когда-то голосом самого Достоевского, и эхо этого голоса сохранялось в его душе очень долго. Вот почему впоследствии Достоевский и мог сказать про себя: «Моя «осанна» через многие горнила сомнений прошла».

В «Братьях Карамазовых» анализируется проблема «Бога и мирового зла», т. е. проблема теодицеи.

Все, что только возможно сказать против Бога и созданного Им мира, — сказано. А полная защита еще не вполне высказана. Она лишь намечена: ибо подробный исчерпывающий ответ и полная апология — должны быть даны во втором, окончательном романе, где главным героем должен был стать Алеша. Однако эта защита в написанном романе намечена чрезвычайно ясно и твердо.

Кто прав — Иван или Зосима? Алеша, будущий главный герой романа, внимательно слушает обоих. Его чистое юношеское сердце «чует правду». Но этого мало. Надо знать, надо понимать, надо уметь защищать свою веру и свое знание, а главное — надо жить и действовать во славу Божьей Правды.

«Иночество в миру» — вот новая идея Достоевского. Эта идея ни в коем случае не отрицает «иночества над миром». Наоборот, она — идея «иночества в миру» — питается сверху, дышит «горным воздухом» «иночества над миром». Инок в миру — переводчик духовного языка на язык душевный, миссионер не только словом, но и примером, поступками, всей своей жизнью — в миру.

Старец Зосима благословляет Алешу на подвиг «иночества в миру», благословляет на женитьбу, на вхождение в мир для борьбы за примат духовного начала в мирской жизни. Алеша Карамазов тщательно готовится к своему подвигу. С Алешей идеологически борется Иван. Борьба только начинается, но сразу приобретает острый и напряженный характер. Иван ставит проблемы, которые ясно и окончательно разрешить должен будет во втором романе Алеша. Иван не только ставит проблемы, но и дает свое, определенное отрицательное разрешение их. Прежде всего он ставит проблему зла. После потрясающих примеров страданий невинных младенцев, Иван говорит: «Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет Ему почтительнейше возвращаю» (билет на вход в будущую мировую гармонию). Иными словами, Иван, подобно Вольтеру, протестует не против существования Бога, а против созданного Богом мира, в котором имеются страдания невинных младенцев.

О, конечно, в голосе Ивана мы здесь узнаем голос самого Достоевского, до-каторжного периода, голос Достоевского — гуманиста, социалиста, петрашевца.

«— Это бунт, — тихо потупившись, проговорил Алеша.

— Бунт? Я бы не хотел от тебя такого слова, — проникновенно сказал Иван».

В ответе на «бунт» своего брата Алеша напоминает ему о Христе и Его искупающих страданиях. Тогда Иван рассказывает младшему брату свою «Легенду о Великом Инквизиторе». Но все грандиозное здание этой критики христианства — рушится от двух замечаний Алеши: 1) «Это Рим...», т. е. это католичество, а не христианство; 2) «Инквизитор твой не верует в Бога, вот и весь его секрет». Замечания эти — глубоко правильны и проникновенны. Несомненно, что истинная вера в Бога — просвещает ум человеческий умом Христовым до понимания тех Истин, которые не могут быть понятны и доступны атеисту.

Алеша отвечает Ивану по существу, но его ответы — это только семена духовного понимания проблемы, из которых в душевном человеке должны вырасти и принести плоды ясные и убедительные, простые душевные мысли и чувства. Все это должно было быть показано и доказано во втором, главном романе, который остался не написанным. Но если мы лишены возможности воочию увидеть ответы Алеши в убедительных художественных образах ненаписанного романа, то мы все-таки можем до некоторой степени выяснить

их теоретически, исходя из тех семян духовных, которые нам даны. Итак, попробуем перевести на душевный язык краткие духовные ответы Алеши Ивану.

Чем можно оправдать страдания невинных детей? — гордо спрашивает Иван и тотчас сам себе отвечает — «ничем!» Но самая постановка вопроса неправильна. Такие вопросы нельзя ставить в плоскости только одного изолированного человеческого разума.

Иисус Христос, Сын Божий, воплощается, чтобы искупить и спасти мир. Будучи абсолютно безгрешным, он совершенно безвинно претерпевает страдания и мученическую смерть. Безвинные младенцы, претерпевая безвинные муки, — сораспинаются Христу, соучаствуют в Его страданиях, за что получают в Царствии Небесном высшую вечную награду мученических нетленных венцов неизреченной славы и радости Святого Духа.

Кровь невинных замученных младенцев — страшная человеческая жертва. Но разве Божественная кровь невинного Спасителя мира — не является еще более страшной Богочеловеческой жертвой? Перед Голгофой — «да молчит всякая человеческая плоть». Может ли, смеет ли какой-нибудь человек, кроме воинствующего безбожника с сожженной совестью, «возвратить билет на право входа в мировую гармонию», т. е. на участие в вечном спасении человеческих душ от греха, проклятия и смерти и получения вечного блаженства в Царстве Небесном, — стоя перед Голгофой невинно распятого Спасителя мира? Сможет ли сам Иван Карамазов, не «теоретически только мысля», а лично стоя перед Распятым Христом, — нагло возвращать Ему свой билет, купленный кровью Богочеловека?

Какое право имеет Иван «не прощать» безвинных страданий младенцев, когда эти младенцы (некоторые из них сами бросаются в огонь) не только «простят», но благословят свои страдания и возблагодарят Господа за то, что избрал их на безвинные муки, сораспяты с Собою, и тем уготовал им самую высшую вечную награду нетленных мученических венцов в Царстве Небесном...

Чрезвычайно знаменательно, что чистого Алешу гораздо лучше, чем ученый брат Иван, понимает старший брат, беспутный Дмитрий, который способен на такое духовное самоотречение, как примирение с мыслью идти на каторгу за «отцеубийство», которого не совершал. Ибо, по убеждению Достоевского, «все за одного и один за всех виноваты». Такова социальная этика христианства.

В 1878 Российская Академия наук избирает Достоевского в члены-корреспонденты по отделению русского языка и словесности. Это вызывает восторги друзей писателя и озлобление его врагов.

«Лебединой песней» Достоевского была знаменитая его речь о Пушкине, на Пушкинском празднике при открытии памятника величайшему гениальному русскому поэту, 8/20 июня 1880 (за 7 месяцев до кончины Достоевского). Основная идея этой речи (которая была плодом 20-летних размышлений) — анализ исторической миссии России. Эту миссию Достоевский видел в содействии Всечеловеческому Братству народов. В основу такого Братства он считал необходимым положить разрешение социально-политических проблем в духе Православия. Православную Христианскую Правду он считал величайшей реальной исторической Правдой. Успех речи был совершенно необыкновенный. Это было не только замечательное событие в истории русской литературы, но и одно из самых значительных явлений в истории русской духовной культуры XIX в.

Вернувшись с праздника, Достоевский писал жене: «...Когда же я провозгласил в конце о всемирном единении

людей, то зала была как в истерике... люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить».

Это была правда. Тургенев — со слезами обнимал своего старого врага. И. Аксаков отказался говорить свою речь после речи Достоевского, которую он квалифицировал как событие в русской литературе. Аксакова за эти слова наградили аплодисментами, но заставили произнести и свою речь. Один студент упал в обморок от волнения. Достоевский получил от имени русских женщин огромный лавровый венок, который он, проезжая после праздника мимо памятника Пушкину, положил к ногам своего Учителя.

Победоносцев прислал Достоевскому приветственное письмо, в котором выражал свою благодарность за то, что Достоевскому удалось «отодвинуть назад безумную волну, которая готовилась захлестнуть памятник Пушкина».

Решив с 1881 возобновить издание своего «Дневника писателя», Достоевский писал 4 нояб. 1880 И. С. Аксакову: «Вам дружески признаюсь, что предпринимая с будущего года «Дневник», часто и многократно на коленях молился уже Богу, чтобы дал мне сердце чистое, безгрешное, нераздражительное, независтливое». Эти слова Достоевского — чрезвычайно знаменательны. Ведь последний «Дневник» был полон весьма раздражительными словами, хотя сердце писателя всегда было чисто. Такая самокритика, такое осторожное отношение к слову напоминает нам подобное же отношение к слову Гоголя в последний период его жизни.

Первый и последний выпуск «Дневника писателя», в янв. 1881, вышел уже после кончины Достоевского. Самыми замечательными скорбными словами великого гениального русского писателя в этом последнем выпуске были слова о левой русской интеллигенции. «Вся глубокая ошибка их (т. е. левых интеллигентов), — писал Достоевский, — в том, что они не признают в русском народе — Церкви... «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христа. Вот наш русский социализм».

Достоевский верил, что трагедия истории человечества завершится преображением мира и Вторым пришествием Спасителя. Эта пламенная вера его еще не нашла ясных образов и носила хилиастический оттенок. Сущность же идеи всеобщей апостасии и тайны реального пришествия антихриста Достоевский еще себе не уяснил. Любил он пламенно Христа. Любил он пламенно и Россию. Он допускал, что душа русского народа может стать одержимой «бесами», но горячо верил, что с сущностью русской души они никогда не сольются и никогда до конца ее не поработят. Рано или поздно душа русского народа, подобно гадаринскому бесноватому, вполне исцелится через покаяние и тихо сядет у ног Спасителя.

Никто так потрясающе ярко не изображал человеческих страданий и никто не обладал таким даром проникновенного сострадания и утешения скорбящих, как Достоевский. О страданиях много и сильно писал и Некрасов, которого Достоевский назвал за это «страстным к страданию поэтом», но Некрасов рассматривал страдания преимущественно в социологическом освещении, тогда как Достоевский анализировал их с религиозно-философской точки зрения.

В образе распятого Спасителя мира Достоевский находил оправдание всех видов скорби на земле. Эшафот, каторга и ссылка научили и дали Достоевскому нравственное право учить других людей христианскому смирению, терпению и благодарению за скорби. Отсюда становится совершенно

понятно, почему левые критики всегда были врагами Достоевского, и чем они левее, тем резче и грубее была их критика. Но превзошел всех в слепой ненависти к Достоевскому, именно за его христианское оправдание страданий, М. Горький. Страдая душевно за «униженных и оскорбленных», Достоевский духовно восхищался кротостью и смирением их и одновременно негодовал и резко осуждал революционеров, называя их «бесами».

Незадолго до своей кончины Достоевский познакомился с гр. А. А. Толстой, двоюродной теткой Л. Толстого. Александра Андреевна была старше Толстого на 11 лет. Почти всю жизнь она провела при Дворе в звании фрейлины. Тетку и племянника связывала многолетняя дружба, отраженная в их интенсивной длительной переписке, продолжавшейся с 1875 по 1903. Переписка эта чрезвычайно интересна и представляет собой борьбу глубоко религиозной, православной, умной и образованной женщины с нелепыми и капризными убеждениями и заблуждениями Л. Толстого.

Толстой и Достоевский лично никогда не встречались, но, конечно, знали произведения друг друга и иногда высказывались друг о друге. Достоевский высоко ценил художественные произведения Толстого, но возмущался его «философскими», «религиозными» и «моральными» рассуждениями, считая Толстого неисправимым гордецом, в высшей степени сложным и изломанным человеком, который только представляется смиренным и простецом. Толстой же говорил о Достоевском: «“Записки из Мертвого дома” — прекрасная вещь, но остальные произведения Достоевского я не ставлю высоко». Однако, когда Достоевский умер, Толстой написал: «Я никогда не знал лично этого человека, но когда он умер, я почувствовал, что это был самый близкий, самый нужный мне человек. Какая-то опора отскочила от меня и я растерялся».

Гр. А. А. Толстая, незадолго до смерти Достоевского познакомившаяся с ним, решила свою переписку с Л. Толстым показать автору «Братьев Карамазовых» и просить его совета и помощи.

В своих «Воспоминаниях» А. А. Толстая так об этом написала: «Он назначил мне день свидания, — и к этому дню я переписала для него эти письма, чтобы облегчить ему чтение неразборчивого почерка Льва Николаевича... Этот очаровательный и единственный вечер навсегда запечатлелся в моей памяти; я слушала Достоевского с благоговением: он говорил, как истинный христианин, о судьбах России и всего мира; глаза его горели, и я чувствовала в нем пророка... Когда вопрос коснулся Льва Николаевича, он просил меня прочитать обещанные письма громко. Странно сказать, но мне было почти обидно передавать ему, великому мыслителю, такую путаницу и разбросанность в мыслях... Вижу еще теперь перед собою Достоевского, как он хватался за голову и отчаянным голосом повторял: “Не то, не то!” Он не сочувствовал ни единой мысли Льва Николаевича; несмотря на то, забрал все, что лежало писанное на столе: оригиналы и копии писем Льва. Из некоторых его слов я заключила, что в нем родилось желание оспаривать ложные мнения Льва Николаевича... Я несколько не жалею потерянных писем, но не могу утешиться, что намерение Достоевского осталось невыполненным: через 5 дней после этого разговора Достоевского не стало...» Действительно, глубоко жаль, что не состоялась литературная дуэль между Толстым и Достоевским. Более убежденного, более мощного и более гениального критика кощунственных идей Толстого невозможно представить.

И. Андреев

Творчество Достоевского посвящено постижению глубины человеческого духа. Писатель анализирует самые потаенные лабиринты сознания, последовательно проводя почти в каждом из своих произведений 3 ключевые идеи: идею личности как самодовлеющей ценности, одухотворенной Божьим Духом; идею страдания как реальной подоплеку нашего существования; идею Бога как высшего этического критерия и мистической сущности всемирного бытия.

По своему миропониманию Достоевский был близок к *славянофилам*; труд *Н. Я. Данилевского* «Россия и Европа» писатель считал будущей настольной книгой всех русских.

Достоевский убедительно и беспощадно вскрывает духовное убожество и нравственную нищету людей, не верующих в Бога и противопоставляющих Ему разум.

Подходя к проблеме человеческой личности, Достоевский с неизменной последовательностью указывал на иррациональность ее природы, на невозможность путем одних логических выкладок осмыслить ее значение и место в обществе и государстве. Если бы человек в своем поведении руководствовался соображениями исключительно рассудочными, напр., выгоды, пользы, гармонии или порядка, если бы конечной целью его стремлений было устройство общества по какому-то раз и навсегда неизблемо-установленному образцу — все равно, пчелиного ли улья, муравейника, или хрустального дворца, — тогда, быть может, задача осуществления рая на земле, теоретически по крайней мере, была бы разрешима. Тогда вопрос сводился бы к отысканию каких-то научно-экономических классификаций, какой-то статистической средней равнодействующей или социально-биологической нормы. И коль скоро такая формула была бы найдена, тотчас все бы устроилось и потекли бы молочные реки в кисельных берегах. Равным образом тогда было бы просто определить, что именно лучше — республика Платона, утопическое государство Мура, фаланстера Фурье или коммунистическая царзма Маркса.

Достоевский положительно отрицал возможность подобного решения социальной теоремы не только потому, что искомое является величиной непостоянной, вечно меняющейся в зависимости от бесчисленного множества непредвиденных условий и обстоятельств, но и вследствие того, что сам-то ищущий, т. е. человек, далеко не всегда действует по утилитарной схеме бентамовской пользы. Впервые Достоевский отчетливо выразил эту мысль в 1856, в «Записках из подполья». «О, скажите, — восклицает герой этой психологической хроники, — кто первый провозгласил, что человек потому только делает пакости, что не знает своих собственных интересов, а что если бы его просветить... то он тотчас... стал бы добрым и благородным, ибо, будучи просвещенным... увидел бы в добре собственную свою выгоду... О, младенец! О, чистое, невинное дитя! Да когда же, во-первых, бывало, чтобы человек действовал только из одной своей... выгоды? Что же делать с миллионами примеров, свидетельствующих о том, что люди знают, вполне понимая свои настоящие интересы, оставляли их на второй план и бросались на другую дорогу, на риск, на авось... как будто... не желая указанной дороги, и упрямо, своевольно пробивали другую, трудную, нелепую, отыскивая ее чуть ли не в потемках».

Достоевский идет еще дальше. Он рисует картину целесообразно устроенного хрустального дворца, в котором установлены благополучие, гармония и порядок; в котором обеспечены все выгоды и соблюдены все личные интересы, так что человеку остается лишь кататься как сыру в масле. «И вдруг, — говорит Достоевский, — ни с того ни с сего,

среди всеобщего благоразумия, возникает какой-нибудь джентльмен, и с насмешливой физиономией упрет руки в боки и скажет нам: “А что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу ногой, прахом, единственно с тою целью, чтобы все эти логарифмы отправились к черту и... нам опять по своей глупой воле пожить!..”»

Десять лет спустя Достоевский развил эти иррациональные противоречия в заключительной и воистину пророческой части «Преступления и наказания». Там снова поставлен вопрос о кажущейся непостижимости человеческой природы и о безнадежности устройства судьбы человечества на утилитарных принципах теоретической мысли.

Жуткий сон приснился Раскольникову. «Ему грезилось, что весь мир обречен в жертву какой-то неслыханной... моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселившиеся в тела людей. Но существа эти были духи, одаренные умом и волею. Люди, принявшие их в себя, тотчас становились бесноватыми... Но никогда люди не считали себя такими умными и непоколебимыми в истине, как считали себя эти зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга. Всякий думал, что в нем одном заключается истина... Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром... Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии уже в походе вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались. В городах целый день били в набат, созывая всех, но никто не знал, кто и для чего зовет... Оставляя самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться. Остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, клялись не расставаться, но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое... начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары; начался голод. Все погибали. Язва росла и продвигалась все дальше и дальше. Спасти во всем мире могли только несколько человек: это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю. Но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слов и голоса». В этой злобейшей картине, особенно знаменательной в дни нашего преступного лихолетья, заключается мистическое провидение будущих судеб человечества, отказавшегося от Бога и надменно, но безумно мечтающего изобрести схему универсального счастья.

В «Бесах» Достоевский дал конкретное изображение того «земного рая», который должен будто бы явиться поправкой к иррациональности человеческой психики, а также завершением социального строительства в царстве мира сего. Автором этого плана представлен некто Шигалев, один из бесчисленных бесенят, которым полвека спустя удалось свалить в бездну величайшую в мире империю. «Объявляю заранее, — говорит на товарищеской сходке Шигалев, — что система моя не окончена. Я запутался в собственных данных, и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей... Исходя из безграничной свободы я заключаю безграничным деспотизмом. Прибавлю, однако, что, кроме моего разрешения общественной формулы, не может быть никакого». А смысл этой

формулы разъясняет «державный бес» Верховенский в своем разговоре со Ставрогиным. «У Шигалева хорошо в тетради, — у него шпионство. У него каждый член следит за другим и обязан доносить. Каждый принадлежит всем, а все — каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях — клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, науки и талантов. — Не надо высших способностей!.. Высшие способности не могут не быть деспотом. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкальвают глаза, Шекспира побивают камнями — вот Шигалевщина!..» Именно эти принципы, гениально разгаданные Достоевским, легли в основание, сделались главою угла власти еврейских большевиков с его всеобщим рабством и всепроникающим шпионством, в котором потерявшие и разум, и веру, и совесть бездарные поводыри пытаются устроить «хрустальный дворец», «гармонию целого», за счет единственно реальной ценности — пусть иррационального, но неповторимого и духовно-бессмертного «Я».

Этой предвечной дисгармонии между безличной «гармонией целого» и самоутверждением человеческой личности Достоевский посвятил в «Дневнике писателя» замечательный очерк под названием «Приговор». Но мысли, высказанные в нем, непосредственно вводят нас в круг второй главной идеи его мировоззрения — идеи страдания.

В длинной галерее выведенных Достоевским типов тема страдания, повторяясь в бесконечных вариантах, вырастает в универсальную проблему. Разрешение ее, по его убеждению, следует искать не столько в политике и экономике, сколько в религии и этике, в обновлении и очищении нравственной природы человека, ибо страдание неотделимо от зла, все равно извне ли причиняемого, или гнездящегося в темных закоулках человеческой души.

Есть что-то жгучее и страстное в той боли, с которой Достоевский останавливается на страданиях детей, которому посвящены многие бессмертные, написанные кровью его сердца страницы. Достаточно вспомнить разговор Ставрогина с Кирилловым, когда тот играет мячиком с ребенком; душераздирающие сцены семейной жизни Мармеладовых; характер и судьбу Нелли в «Униженных и оскорбленных»; Неточку Незванову; мальчика на елке у Христа и, наконец, скорбный образ Илюшечки в «Братьях Карамазовых».

Чем, спрашивается, каким нравственным законом, какой нормой справедливости оправдываются страдания безвинных существ? — На этот вопрос Достоевский не нашел ответа. В самом деле, если в отношении взрослых можно утверждать, что страдание является следствием первородного греха, а страдание может рассматриваться как неизбежное возмездие за зло, причиняемое человеком своему ближнему, по формуле: «Мне отмщение и Аз воздам», то все эти богословские и догматические рассуждения явно неприменимы к малюткам, никакого яблока не скушавшим; к мальчику, замерзающему в рождественскую ночь где-то на задворках большого города; к грудному младенцу, которому башибузки, потехи ради, из садизма, раздробляют голову пистолетом; к семилетней девочке, которую родители засекают чуть не до смерти; к шестилетнему парнишке, растерзанному по приказанию крепостника-изверга сворой борзых, — словом, ко всем этим чистым ангельским душам, никакого греха не принявшим, никакого зла не совершившим, которые, однако, по какому-то роковому велению, подвергаются мучениям и обрекаются на незаслуженный ими ад.

В разговоре с Алешей Иван Карамазов переносит проблему страдания в область религиозно-метафизическую:

«Понимаю, — говорит он, — каково должно быть сотрясение вселенной, когда все на небе и все на земле сольется в один хвалебный гимн, и все живое и жившее воскликнет: “Прав Ты, Господи, ибо открылись пути Твои!” Уж если мать обнимется с учителем, растерзавшим псами сына ее, и все трое возгласят со слезами: “Прав Ты, Господи!”, то, конечно, настанет венец познания и все объяснится... Но вот... этого-то я и не могу принять... Пока еще время, ... от высшей гармонии совсем отказываюсь. Не стоит она слезинка хотя бы только одного замученного ребенка... Не стоит потому, что слезки его остались неискупленными... Я не хочу оставаться с неотмщенными страданиями... Да и слышимо дорого оценили гармонию — не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу вернуть обратно... Не Бога я не принимаю... Я только билет Ему почтительнейше возвращаю». В этих болезненных словах, а жгучая боль делается столь невыносимой, что он не в силах уже идти дальше. Он оглядывается на весь пройденный путь, взвешивает свое бремя и в отчаянии спрашивает себя: «Куда я иду? Не безумием ли была моя надежда и не зло ли в той непонятной мне воле, которая внушила мне эти несбыточные мечты?»

Но в этом «бунте» Ивана слышится и др. мотив, непосредственно связанный с фатальной болезнью нашего лукаво-мудрствующего века. Иван утверждает, что принимает Бога, но лишь «почтительнейше возвращает» Ему билет на вход в храм гармонии. Так ли это, однако? Не есть ли это лишь диалектический прием для оправдания того безнадежного скептицизма, который оказывается порождением гордыни разума? Не знаменует ли это поспешное возвращение билета прямое отрицание Божественного Промысла?

Бунт Ивана так же, как бунт Раскольникова в «Преступлении и наказании», так же, как бунт Кириллова в «Бесах», — бунт разума, тщетно пытающегося найти этический критерий вне религии и устроить судьбы человеческие по рецептам, продиктованным не религиозным сознанием, а эмпирическим познанием. Но Достоевский отрицал возможность автономной морали, т. е. такой, где поведение человека определяется субъективной, произвольной, им самим установленной оценкой понятий добра и зла. Вслед за славянофилами Достоевский утверждал, что природа нравственности гетерономна, что живым источником и высшей санкцией этического импульса является правда Божественной благодати, нас посещающая, научающая нас отличать дозволенное от недозволенного и побуждающая нас следовать тому, что Кант назвал «категорическим императивом».

В своих произведениях, в этих великих поэмах человеческого духа Достоевский показал, что нравственность, построенная на шатких основаниях личного произвола, неизбежно приводит к принципу «все дозволено», т. е. к прямому уже отрицанию всякой нравственности. И действительно, наполеоновский лозунг «Tout est permis» толкает Раскольникова на убийство, Ивана Карамазова — на отцеубийство, и Кириллова — на самоубийство.

Достоевский знал, что человечество, уверовав в безграничную будто бы силу науки и выведя идею Бога за скоб-

ки, неудержимо, всей своей 2-миллиардной массой устремляется в зловеще зияющую бездну, в которой ему и суждено погибнуть. В частности, Достоевский указал и на то, что Западная церковь, некогда сплотившая Европу в единый организм под знаменем католического Рима, не в состоянии уже предотвратить надвигающейся катастрофы потому, что она сама, Западная церковь, перестала быть церковью Христовой, подменив идею Христа идеей Его Наместника на земле в лице якобы непогрешимого папы. К этой теме Достоевский возвращался часто. Впервые она была затронута, но как бы мимоходом, в «Идиоте»; более подробно она была разработана в «Дневнике писателя», получив, наконец, полное и гениальное выражение в «Легенде Великого Инквизитора».

В «Легенде» затронуты глубочайшие тайны эсхатологии и христианского богопознания. Сквозь туман лукавых социальных утопий, которые предлагали человечеству люди, отрекшиеся от Христа и поклонявшиеся антихристу, Достоевский ясно различал бездну, в которую ведет мир иудейско-масонская цивилизация.

Действие «Легенды» отнесено к XVI в., когда уже произошло распадение Церкви: Восток, в частности Россия, озарились тихим светом замкнувшегося в себе Православия. В Центральной Европе начались бурные и буйные протесты против папской власти: Лютер, Кальвин и гуманисты подвергли сомнению не только церковно-административный, но и религиозно-догматический авторитет Римского Первоосвященника. Однако на крайнем Западе, в Испании, католичество еще теснее сомкнуло свои ряды, введя железную дисциплину среди пастырей и пасомых и противопоставив шумливой Реформации молчаливо-грозную силу Ордена иезуитов и священной инквизиции. По приказу Великого Инквизитора в темницу был брошен Сын Божий, по безмерному своему милосердию снизошедший на жаркие стоны южного града и там сотворивший чудо, воскресив мертвого ребенка.

Пятнадцать веков усталое, страждущее человечество ожидало исполнения завещанного ему обетования: «Се гряди скоро». Только безграничная вера в святую Божественного Слова поддерживала людей, давая им силы нести возложенное на них непосильное бремя. И вот Слово исполнилось.

Севилья. Тихо спускается вечер на древний город. Дневной труд окончен, и толпы медленно расходятся туда и сюда. И вдруг появляется Он, в том самом образе человеческом, в котором 15 веков назад, ходил между людьми. По внешности Он ничем не отличается от остальных. Но, странное дело, все узнают Его. Неизъяснимой силой народ стремится к Нему, окружает Его, следует за Ним. Молча проходит Он среди них с улыбкой бесконечного сострадания. Солнце любви горит в Его сердце, лучи света струятся из Его очей и, изливаясь на людей, сотрясают их ответной любовью. Он простирает к ним руки, благословляет их, и от одного прикосновения к Его одежде исходит целующая благодать... Народ плачет и целует землю, по которой Он идет. Дети бросают перед Ним цветы, поют и вопиют Ему: «Осанна!» — «Это Он, это Он сам!» — восклицают все. Он останавливается на паперти собора в эту самую минуту, когда в храм вносят детский гробик; в нем семилетняя девочка, единственная дочь знатного гражданина. Мертвый ребенок утопает в цветах. «Он воскресит твое дитя!» — кричат из толпы рыдающей матери, и она повергается к стопам Его и молит, простирая к Нему руки. «Если это Ты, — воскреси дитя мое!» Процессия останавливается. Гробик опускают к ногам Его. Он глядит с любовью и сострадани-

ем, и уста Его произносят: «Талифа куми!» Девочка поднимается в гробе, садится и оглядывается кругом удивленными глазами. В народе смятение, рыдания и крики.

Все это безмолвно наблюдает 90-летний старец, Великий Инквизитор, воплощающий идею католичества, христианства без Христа, идею западной цивилизации.

Кардинал слышит восторженные клики, он видит чудо воскресения. Властным жестом подзывает он стражу и указывает ей на Виновника смятения и торжества. И народ, приученный и покорный, раздвигается; воины подходят к Спасителю, накладывают на Него руки и уводят. Толпа склоняется до земли перед сумрачным служителем Церкви. Он благословляет народ и молча проходит далее. Пленника приводят в темное подземелье Святого Судилища и запирают там.

Бархатной ризой спускается на землю южная, бездыханная ночь. Воздух напоен ароматом цветущего лавра и лимона. Севилья объята и мраком и сном. Тишина. Но вот среди глубокого молчания вдруг зашуршали ржавые петли тюремной двери и в темноту с тусклым светильником входит старец-Инквизитор. Он остается с глазу на глаз со своим Пленником. Долго всматривается он в лицо Его, подходит ближе и шепчет: «Это Ты?» Но, не получая ответа, он быстро прибавляет: «Не отвечай, молчи! Да что хоть бы Ты мог сказать?.. Я слишком знаю, что Ты скажешь, но Ты и права не имеешь ничего прибавить к тому, что уже сказано Тобою... Зачем Ты пришел в нам мешать? Ибо Ты пришел к нам мешать... Я не знаю, кто Ты и знать не хочу: Ты ли это, или только подобие Его. Но завтра я осужу Тебя и сожгу на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал Твои ноги, завтра, по одному моему мановению, бросится подгрести угли к твоему костру». Христос не нужен Инквизитору. Окостеневшие, мертвые формы церковного уклада давно уже утратили живое содержание учения Христова. Ничто не должно посягать на выкованные веками догматы, и новое Божественное Откровение было бы преступлением не только против человеческого стада, покорно бредущего за земным пастырем к неведомой цели, но и против Самого Бога, ибо это дополнение к ранее сказанному явилось бы признанием неполноты, а стало быть, и несовершенства преподанного Спасителем завета. И Великий Инквизитор в своей обвинительной речи против Пленника прямо объявляет, что Истина и нравственная свобода, возвещенная Им для искупления первородного греха и спасения человечества, идут вразрез с его природой. Не к Истине стремится человек, а к избеганию страдания; не к свободе, а к освобождению от нее. А если так, то земные судьбы его не могут строиться на заветах Спасителя.

Отвергнув в пустыне все 3 искушения Великого и Страшного Духа, Христос, по мысли Инквизитора, лишил себя тех средств, которые могли бы побудить людей следовать за Ним.

«Ты хочешь, — говорит кардинал, — идти в мир с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого он в простоте своей и прирожденном бесчинстве своем не может и осмыслить, которого он страшится, ибо никогда и ничего не было для человека невыносимее свободы. А видишь ли сии камни?.. Обрати их в хлебы, и человечество побежит за Тобой как стадо... Но Ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же это свобода, рассудил Ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не одним хлебом. Но знаешь ли, что во время этого самого хлеба... восстанет на Тебя Дух Земли, и сразится с Тобою, и победит Тебя, и все пойдут за

ним, восклицая: «Кто подобен Зверю сему? — он дал нам огонь с небеси!»

Ныне мы уже присутствуем при восстании Духа Земли, при предсказанном Достоевским торжестве всего земного, когда человек, заглушив в себе возвышенное, горнее и святое, разрушил храмы Истины, воздвигнув вместо него капище Лжи, в котором служатся кощунственные черные мессы не только земному, но и низменному, всему, что будто бы питает тело, но в действительности отравляет душу смертельным ядом безграничного материализма.

Инквизитор признается, что католичество, воспользовавшись именем Христа, внесло в учение Его «поправку», выкинув из заповеди Его «НЕ единым хлебом будет жив человек» крошечную частицу «не», превратив ее в мертвящую формулу «Единым хлебом жив будет человек» и заменив завещанную Христом нравственную свободу безнравственным духовным рабством, извне навязанной дисциплиной церковно-административного произвола. И в награду за отказ от свободы Римская церковь готова санкционировать не только мораль, лишенную Божественного утверждения, но и отрицание морали в форме греха. «Мы разрешим им и грех, — говорит старец. — Они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы позволим им грешить. Мы скажем, что всякий грех будет искуплен, если будет сделан с нашего позволения». Т. о., все то, что Христос с негодованием отверг в пустыне, все дары Великого и страшного Духа кладутся в основу устройства западной, по сути дела, антихристианской цивилизации.

В чем же спасение? — На это Достоевский с глубоким убеждением ответил, что нет большей мудрости, чем та, которая заключается в учении Спасителя, и нет большего подвига, нежели следовать Его заветам. Ложной и лживой философии Инквизитора он противопоставил тихое, как майское утро, миропонимание др. старца — старца Зосимы (прототипом которого был св. старец Амвросий из Оптиной Пустыни), любовью и состраданием врачующего душевные язвы стекающихся к нему со всех сторон страдальцев и грешников. В образе этого великого, но кроткого провидца Достоевский дал поразительное по глубине и тонкости воплощение восточного христианства, сохранившего в чистоте веру в богочеловечество, смерть, воскресение Христа и в приявшего эту тайну не как закон, канонически навязанный ему извне, а как свободой и любовью созданную нравственную необходимость.

Достоевский знал, что в этой тайне разрешаются все антиномии: безусловность Творца и условность твари; объективная гармония Космоса и субъективное ощущение Хаоса; покой вечности и объемлемое им вечное движение.

Достоевский звал ошалевшее и исподличавшееся человечество смирить гордыню разума и понять, наконец, что в богоотступничестве нет спасения. Он подошел к больным и заблудившимся сынам своего века со словами милосердия и устами старца Зосимы сказал им: «Любите человека и в грехе его, ибо сие уже подобно Божеской любви».

При этом он говорил не о гордой и себлюбивой нищанской «любви к дальним», а именно о христианской и Христовой любви к ближним, о той любви, которая в смирении своем двигает горы и творит чудеса, которая в самых недостойных и грешных сердцах поселяет надежду на оправдание и очищение. И более, чем кто-либо, Достоевский был убежден, что перед мудрым судом Всевышнего скорее осужден будет рассудочный пуританин, лицемерно соблюдающий заповеди, нежели опустившийся в бездну духовного неряшества какой-нибудь Мармеладов, всей силой

истрадавшей души своей верующий, что Бог всех рассудит, всех простит — добрых и злых, премудрых и смиренных. Верует Мармеладов и веру свою исповедует в молитве, равно которой по детской трогательности едва ли что-либо создано в мировой литературе.

Всех рассудит и всех простит... И когда уже кончит со всеми, тогда возлаголит к ним: «Выходите, — скажет, — и вы! Выходите пьяненькие, выходите соромники! И мы выйдем все, не стыдясь, и станем, и скажет: “Свиньи вы! Образа звериного и печати его, но придите и вы!” И возлагают премудрые, возлагают разумные: “Господи, почто сих приемлешь?” И скажет: “Потому их приемлю, премудрые, потому их приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным”. И прострет к ним руци свои, и мы припадем и заплачем, и все пойдем. Тогда все пойдем... все поймут... Господи, да придет Царствие Твое!»

Достоевский и еврейский вопрос. Предсказывая еще в 1870-х грядущую еврейскую революцию в России, Достоевский видел в ней войну против христианской цивилизации, конец христианской культуры, всеобщее духовное одичание человечества и установление «жидовского царства».

«Евреи, — писал Достоевский, — всегда живут ожиданием чудесной революции, которая даст им свое “жидовское царство”. Выйди из народов и... знай, что с сих пор ты един у Бога, остальных истреби, или в рабов обрети, или эксплуатируй. Верь в победу над всем миром, верь, что все покорится тебе. Строго всем гнушайся и ни с кем в быту своем не сообщайся. И даже когда лишишься земли своей, даже когда рассеян будешь по лицу всей земли, между всеми народами, — все равно верь всему тому, что тебе обещано раз и навсегда, верь тому, что все сбудется, а пока живи, гнушайся, единись и эксплуатируй и — ожидай».

Явление «бесов» на Русь Достоевский прямо связывает с «жидами и жидишками», составлявшими идейное ядро революционеров и либеральной интеллигенции. Все они — воплощение сатанизма и антихриста.

Предрекая грядущие потрясения и предсказывая, что «от жидов придет гибель России», Достоевский видел в революции бунт антихриста против Христа, дьявола и его слуг иудеев против Бога.

«Верхушка иудеев, — писал Достоевский, — воцаряется все сильнее и тверже и стремится дать миру свой облик и свою суть».

Бичуя бесов либерализма и социализма, Достоевский видел в идеях коммунистической революции «начала антихристовы, дух приближения ига князя мира сего, воплощенного в иудейских вождях». Социализм с его соблазном (а фактически обманом) создания земного царства блаженства есть религия антихриста, стремление уничтожить христианскую цивилизацию. И социализм, и капитализм были для Достоевского не противоположными началами, а лишь двумя формами одного и того же — сатанинского — стремления к упоению земными благами.

Социализм и капитализм — выражение общего иудейско-сатанинского идеала «вожделений избранного народа», замаскированных лукавством дьявола, искушавшего в пустыне Христа своими соблазнами хлеба земного и чувственных наслаждений.

Вот некоторые мысли великого русского писателя о грядущей еврейской революции и царстве антихриста из «Дневника писателя»:

«Вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения на-

ступает материализм и слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения», «Идея жидовская охватывает весь мир», «Наступает торжество идей, перед которыми никнут чувства христианские», «Близится их царство, полное их царство».

«На протяжении 40-вековой истории евреев двигала ими всегда одна лишь к нам безжалостность... безжалостность ко всему, что не есть еврей... и одна только жажда напиться нашим потом и кровью», «Некая идея, движущая и влекущая, нечто такое мировое и глубокое... Что религиозный-то характер тут есть по преимуществу — это-то уже несомненно. Что свой промыслитель (антихрист), под прежним именем Иеговы, со своим идеалом и со своим обетом, продолжает вести свой народ к цели твердой — это уже ясно», «Все они одной сути», «Глубоки тайны закона и строя еврейского народа... Окончательное слово человечества об этом великом племени еще впереди».

«Жид и банк — господин уже теперь всему: и Европе, и просвещению, и цивилизации, и социализму, социализму особенно, ибо им он с корнем вырвет христианство и разрушит ее цивилизацию. И когда останется лишь одно безначалие, тут жид и станет во главе всего. Ибо, проповедуя социализм, он останется меж собой в единении, а когда погибнет все богатство Европы, останется банк жида. Антихрист придет и станет в безначалии».

«Наступит нечто такое, чего никто не мыслит... Все эти парламентаризмы, все гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки... все рухнет в один миг бесследно, кроме евреев, которые тогда одни сумеют так поступить и все прибрать к своим рукам».

«Да, Европа стоит на пороге ужасной катастрофы... Все эти Бисмарки, Биконсфильды, Гамбетты и другие, все они для меня только тени... Их хозяином, владыкой всего без изъятия и целой Европы является еврей и его банк... Иудейство и банки управляют теперь всем и вся, как Европой, так и социализмом, так как с его помощью иудейство выдернет с корнями христианство и разрушит христианскую культуру. И даже если ничего как только анархия будет уделом, то и она будет контролируемая евреем. Так как, хотя он и проповедует социализм, тем не менее он остается со своими сообщниками — евреями вне социализма. Так что, когда все богатство Европы будет опустошено, останется один еврейский банк».

«...Революция жидовская должна начаться с атеизма, так как евреям надо низложить ту веру, ту религию, из которой вышли нравственные основания, сделавшие Россию и святой и великой!»

«Безбожный анархизм близок: наши дети увидят его... Интернационал распорядился, чтобы еврейская революция началась в России... Она и начинается, ибо нет у нас против нее надежного отпора — ни в управлении, ни в обществе. Бунт начнется с атеизма и грабежа всех богатств, начнут разлагать религию, разрушать храмы и превращать их в казармы, в стойла, зальют мир кровью и потом сами испугаются. Евреи сгубят Россию и станут во главе анархии. Жид и его кагал — это заговор против русских. Предвидится страшная, колоссальная, стихийная революция, которая потрясет все царства мира с изменением лика мира сего. Но для этого потребуется сто миллионов голов. Весь мир будет залит реками крови».

Все предсказания великого русского писателя сбылись с ужасающей точностью и продолжают сбываться в наше время.

Б. Б.

После войны стал военным журналистом. Трудился в газетах «На боевом посту», «Сталинский сокол», «Советская армия». В 1956 в звании капитана демобилизовался. Закончил Литературный институт и 10 лет проработал в газете «Известия» — собственным корреспондентом по Уралу, Донбассу, затем специальным корреспондентом и обозревателем.

Печататься начал в 1936. Вначале писал стихи, но позже перешел на прозу. Печатал рассказы, повести, а в 1968 в издательстве «Донбасс» напечатаны повесть «Радуга просится в дом» и роман о шахтерах «Покоренный атаман», затем в 1972 появляется роман «Подземный меридиан», а в 1973 роман «Горячая верста». Оба романа были подвергнуты ожесточенной критике со стороны сионистов.

В романах Дроздова была затронута картина тайной деятельности «граждан мира» в науке, театре, государственных учреждениях, в печати. Автор решал шекотливую тему посредством образной системы: он рисовал характеры и поступки, которые обличали евреев, делая их узнаваемыми.

В 60-х после знакомства с акад. Ф. Угловым Дроздов начинает борьбу против алкоголизма. В соавторстве с хирургом-академиком он пишет книгу: «Живем ли мы свой век». Всего лишь за один год издательство «Молодая гвардия» трижды повторяет ее издание, и тираж книги достигает полмиллиона экз., а вскоре книга переводится на др. языки и печатается в республиках Советского Союза. 200 учителей подписывают письмо министру просвещения с просьбой сделать эту книгу школьным учебником. Вскоре Дроздов напишет и др. книгу на эту же тему: «Унесенные водкой». В ней он с болью и сочувствием повествует о русских писателях, которые увлеклись алкоголем и ушли из жизни в расцвете творческих сил. Один за другим выходят 2 романа, посвященные алкогольной проблеме: «Судьба чемпиона» и «Мать-Россия, прости меня грешного».

В 90-е Дроздов выпускает ряд романов, посвященных раскрытию темы еврейского засилья в России — СССР. В романе «Баронесса Настя» показано гнездо иудо-масонства, впервые в отечественной культуре писатель изобразил институт еврейских жен, т. е. женщин, которых сионисты готовят в жены государственных деятелей. Разоблачению сионизма и масонства посвящены романы: «Шальные миллионы», «Окупация», «Поднятая купель», «Филимон и Антихрист», «Голгофа», «Похищение столиц», «Морской дьявол».

«Похищение столиц» — о страшных делах, которые творятся в современной Москве, о том, как «русская столица все более становится нерусской и на земле московской, как в адском котле, заваривается косовская трагедия».

В документальном автобиографическом романе «Последний Иван» Дроздов рассказывает о своей личной борьбе с сионизмом и масонством.

Б. II.

«ДРУЖЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО», романтический литературный кружок, возникший в 1801. Ядро его составляли В. А. Жуковский, А. Ф. Мерзляков, А. С. Кайсаров, А. Ф. Воейков, А. И. Тургенев. На заседаниях общества молодые русские писатели и поэты размышляли о путях лучшей службы Отечеству, искали идеал истинного сына Отечества, гражданина, патриота. На заседаниях общества был сделан, в частности, доклад А. И. Тургенева «К Отечеству».

Доклады участников «Дружеского литературного общества» дошли до нашего времени и являются памятниками русской философской мысли н. XIX в. На основе программы и устава общества была составлена программа литературного кружка «Арзамас».

ДРУЖИНИН Александр Васильевич (8[20].10.1824—19[31].01.1864), мыслитель, критик, писатель, переводчик. Уроженец Петербурга. Отец его был высокопоставленным чиновником почтового ведомства, семья отличалась честностью и порядочностью. Благодородство духовных помыслов в полной мере унаследовал Дружинин, который в основу своего творчества и жизненного кредо положил 3 высокие идеи: добра, правды и любви. В 1843 окончил Пажеский корпус, 3 года отдал военной службе.

Литературную популярность приобрел в 1847, опубликовав в журнале «Современник» повесть «Полинька Сакс». Крупнейшие критики и литературоведы того времени приветствовали рождение нового таланта. С 1849 выступает как журналист-критик, активный сотрудник журнала «Современник», на страницах которого публикуются его ежемесячные обзоры «Письма иногороднего подписчика в редакцию “Современника” о русской журналистике». Такой же цикл был создан об английской литературе и журналистике. Благодаря Дружинину русская публика имела возможность познакомиться с новинками иностранной литературы, соотнести ее течения и направления с развитием отечественной словесности.

В наибольшей степени способности Дружинина как литератора и критика раскрылись, когда он возглавил журнал «Библиотека для чтения» в 1856. Именно в этом журнале были опубликованы основные статьи критика. Самое ценное из его творческого наследия издано Н. В. Гербелем в 8-томном собрании сочинений (1865—67). В дальнейшем перепечатывалась только популярная повесть «Полинька Сакс». Имя его никогда не подвергалось полному забвению, но отношение к нему как к крупному литературному деятелю сер. XIX в. менялось, в зависимости от того, какое направление получали господствующие течения в общественном развитии страны. Только в 1983 и 1988 выходят отдельным изданием собрания основных статей критика, а в 1989 — «Полинька Сакс» и дневниковые записи.

Причина такого своеобразного отчуждения достаточно талантливого и высокообразованного критика в его эстетической позиции, которая почти всегда рассматривалась сквозь призму общественно-политической позиции, которая объявлялась либерально-консервативной, идеализирующей жизнь, уводящей читателей в сферу чистого искусства, оторванного от реальной действительности.

В истории русской литературы Дружинин вошел как глава школы «чистого искусства», «триумвирата» (Анненков, Боткин, Дружинин), как антагонист революционных демократов.

Между тем Дружинин не был равнодушен к общественным нуждам, тем более нуждам народных слоев. Но путь осуществления идеалов цивилизации и прогресса ему виделся по-своему. Что касается литературы и искусства, то критик был убежден, что поэзия (любых времен и народов) «не могла служить одним отголоском несчастий политических и общественных», что поэзия «есть плод свободного вдохновения и усилий людей, созданных для искусства и

дышащих для него одного». Он искренне стремился обратить внимание не на прикладную, а на глубинную функцию искусства: быть светочем человеческой жизни, выражать высшие и совершеннейшие стимулы жизни, воплощенные в таких понятиях, как красота, любовь, добросердечие. Связь искусства с жизнью он рассматривал не как дидактическое воздействие на человека, а как возвышение его чувств, приобщение к прекрасному посредством духовного преображения личности. Тем более что создание истинной поэзии критик не мыслил в отрыве от родной национальной почвы: «Не для фантазий и утопий поэт рожден на свет, а для сильного труда... Для изучения быта, им избранного, он должен... сцепляться с ним всеми фибрами своего существования, любить его при всех его несовершенствах, даже отчасти быть несовершенным с ним вместе».

Стараясь доказать правоту своей позиции, Дружинин прибегал иногда к намеренно заостренным формулировкам, что давало повод его противникам обвинять критика в непонимании искусства, в прямом содействии т. н. «чистому искусству», разумея под этим творчество, лишенное не только связей с общественной жизнью, но и вообще серьезных мыслей.

Так случилось, к примеру, с известным рассуждением Дружинина в статье «Критика гоголевского периода и наши к ней отношения» о том, что все «критические системы, тезисы и воззрения... могут быть подведены под две, вечно одна другой противодействующие теории, из которых одну мы назовем артистической, т. е. имеющую лозунгом чистое искусство для искусства, и дидактическую, т. е. стремящуюся действовать на нравы, быт и понятия человека через прямое его поучение». Дружинин употребляет выражение «чистое искусство» для обозначения искусства свободного («чистого») от дидактической направленности, а не от содержательных начал творчества как таковых. Речь идет лишь о недопустимости влияния в форме прямого поучения.

Что касается самого влияния искусства на нравственно-духовное состояние людей, то критик в этом усматривал как раз высшее назначение художественного творчества. Но чтобы быть способным выполнить такое назначение, художник должен «очистить» свое творение от чужеродных примесей, от того, что мешает ему предаться «вдохновению», «молитвам», столь необходимым человечеству.

Дружинин основывает свои суждения об искусстве на двух важнейших с точки зрения формирования эстетической системы положениях: 1. Искусство имеет дело с бессмысленным и «вечным», воспроизводя его посредством красоты, прекрасных (при наличии идеала) образов. 2. Будучи призванными формировать устремления человека к идеалу, развивая свои формы в условиях постоянно меняющейся действительности, искусство и литература не могут, однако, подчинить себя голой «натуральности», общественному прагматизму до такой степени, чтобы утратить свое главное назначение — быть источником нравственного преображения.

Т. о., борьба с дидактизмом, отрицание первенства в искусстве «скоропреходящих» вопросов жизни, разъяснение категории «вечного» в искусстве как высшей качественной меры художественных образов — вот что составляет основу эстетической теории Дружинина и его сторонников, получившей название теории «чистого искусства». «Чистое» у Дружинина не значит «бесплотное», отвлеченное искусство, лишенное каких бы то ни было земных соответствий. Чистое — это прежде всего духовно наполненное, сильное по способам самовыражения искусство, чурающееся простой фиксации малозначительных явлений и фактов. Степень

духовной красоты, нравственного совершенства, явленная в произведениях искусства, отражает ту высоту, к которой должен стремиться настоящий художник, ибо он ответствен перед Богом и людьми за чистоту нравственного идеала, выраженного в его творениях.

Дружинин был одним из первых, кто повел принципиальную борьбу с односторонним, вульгарно-социологическим пониманием творчества *Н. В. Гоголя*. За попытку установить верный взгляд на творчество великого писателя он на долгие годы был причислен к противникам реализма и даже к ниспровергателям самого Гоголя как обличителя человеческих пороков. В действительности же сегодняшний, более широкий, взгляд на Гоголя невозможен без учета того, что говорил в свое время Дружинин.

Основной тезис, который защищал Дружинин в характеристиках Гоголя, сводится к тому, что Гоголь «не есть поэт отрицания», что в своих произведениях он выступает «человеком любящим, поэтом всесторонним».

Ведь Гоголь, действительно, не есть поэт «отрицания» в том смысле, что он не ставил целью целую же-то покарать, внушить идею о «неприглядности» социально-политических порядков в России 40-х, порождающих нравственных уродов типа Коробочки или Ноздрева. Его целью было верное, художественно убедительное изображение аномалии человеческого духа, человеческих страстей, когда они получают беспредельную власть над ним, искажая в нем образ Божий и умертвляя все живое. Целью Гоголя было потрясти неиспорченную душу правдивым и глубочайшим изображением нравственной гибели человека, от которой нельзя спастись простым «отрицанием», потому что требуется для этого сосредоточение каждого в самом себе, уяснение общей трагедии человечества, поставившего уже душу свою на грань разрушения. По словам Дружинина, Гоголь высказывается любящим, как надо понимать, не именно Плюшкина и Ноздрева, а человека вообще, всячески сострадавая ему и безмерно печалься, когда он становится (или может стать) Плюшкиным и Ноздревым. Иначе говоря, как к этому подводит Дружинин, у Гоголя была более сложная задача, чем простое отрицание уже «свершившихся» ноздревых и плюшкиных, — задача, связанная со спасением души человеческой. Однако в годы Дружинина в многостороннем, многоаспектном творчестве Гоголя была выделена преимущественно одна линия — отрицание. И все гоголевское направление в русской литературе было отождествлено с острокритическим, сатирическим направлением, которое к тому же еще и противопоставлялось *Пушкину*. В этих условиях Дружинин был вынужден выступать с осуждением т. н. гоголевского направления, когда под ним понималось только засилие *сатиры* и дидактизма. В этих случаях Дружинин старался, где можно было, отделить Гоголя от его рьяных односторонних последователей, подчеркивая его генетическую связь с Пушкиным.

Развитие реалистических тенденций в отечественной литературе Дружинин связывал не с усилением ее критической направленности, как Чернышевский, а с расширением объектов изображения русской жизни, углублением многосторонних и поэтических анализов ее внутренних закономерностей. Эта линия наиболее отчетливо сказалась в статье о романе *И. А. Гончарова* «Обломов».

Дружинин шире посмотрел на всю проблему «обломовщины» и выделил в ней 2 стороны: одна видимая, бытовая, так сказать, определившая реальное «место» Обломова в окружающей жизни, испорченной практицизмом. Другая, внутренняя, связанная с неприятием губительного для человека «рационализма» существующей действи-

тельности. Двусторонность житейского состояния героя не придумана критиком, она обозначена в самом романе. Добролюбов не пожелал остановиться на этом подробно, Дружинин извлек из своего наблюдения выводы, без которых сегодня нельзя оценить по достоинству реалистической глубины гончаровского романа.

Если следовать логике Дружинина, то Обломов «омертвел», потому что не мог удовлетвориться тем, чем так тешит себя себялюбивая посредственность. Он сникает, полагая, что лучше не жить вовсе, чем так, как живут многие его сослуживцы и знакомые, т. е. — в суете, корысти и стяжательстве, с вечной неприязнью и завистью к другим, с равнодушием к истине и красоте. Обломов, по замечанию критика, «сам не способен ни к какой деятельности», но он «не заражен житейским развратом и на всякую вещь смотрит прямо». И может быть, главный вопрос не в том, что лень и ничегонеделание ступили человека, а в том, что бескорыстная доброта к людям пока еще не может стать в человеческом мире действенным рычагом его гармонического развития. Анализ духовной трагедии Обломова, сделанный Дружининым, подводит к подобному заключению.

Рассматривая образ Обломова как глубоко национальный характер, связанный с «почвой народной жизни», Дружинин не считал «обломовщину» только русским явлением. «По всему свету рассеяны многочисленные братья Ильи Ильича, — замечал критик, — т. е. люди, не подготовленные к практической жизни», укравшиеся «от столкновения с нею», не умеющие и не желающие вступить в «мир волнений, к которым они не способны». Инертность составляет драму, а не злостный порок таких людей. Что касается русской «обломовщины», то при всем нашем негодовании против нее как общественного явления, она, по решительному заявлению критика, не может отождествляться с «плодом гнилости и растрепанности», и в этом он видел большую заслугу Гончарова, сумевшего показать сложную взаимосвязь обломовских недугов с природной чистотой его натуры, сохранившимся чувством совести и правды.

Значительным вкладом в развитие эстетических представлений читателя о подлинной поэзии можно считать статью Дружинина о А. А. Фете. От Дружинина идет такое важное уточнение: Фет — мастер в изображении не просто «неуловимых» (т. е. скрытых), но и мимолетных, длящихся какой-то миг ощущений. При этом критик подчеркивает духовную природу схваченных ощущений, указывает на исключительную тонкость психологических очертаний в поэзии Фета.

К лучшим статьям Дружинина следует отнести также и отзыв на пьесы А. Н. Островского. Он убедительно раскрыл поэтические стороны первых пьес Островского и определил главную силу драматурга — живописность языка и образов. Дружинин указал на благотворность освоения национального колорита в драматических жанрах. В Островском ему виделся писатель крупный, в то же время ни на кого не похожий, обладающий своим совершенно русским художественным складом.

В этой связи полезно обратить внимание на дневниковую запись от 17 сент. 1845, где еще неизвестный в критике молодой Дружинин размышляет над тем, какими путями идет развивающаяся Россия: «Мы все в политике любим поклоняться раз принятым идеям и обо всех государствах готовы судить по Франции или Англии... мы смотрим на Россию и, пораженные тем, что она не подходит под раз созданные правила, провозглашаем ее нестройным колосом, варварским государством, едва ли способным для внутреннего совершенствования. Тогда как довольно ви-

деть, что Россия непохожа ни в чем на государства Европы, что она сформировалась иначе». В искусстве, в литературе — будь то русская, французская или английская — Дружинин всегда старался отыскать и выделить то, что характеризует писателя как со стороны общих эстетических качеств, так и со стороны национального своеобразия. Единство этих сторон, их полнота и масштабность определяли, по убеждению Дружинина, значимость и место таланта в истории отечественного и мирового искусства. Необходимо заметить, что такая четкая постановка вопроса о влиянии национального компонента на уровень и качество литературного развития была свойственна из крупных критиков до Дружинина только Белинскому. Чернышевский и Добролюбов, углубляя проблему народности литературы, заметно ослабили ее со стороны национального проявления ввиду радикальности своих общественно-политических убеждений. «Почвенническая» позиция *Ан. Григорьева*, при всей ее значимости в борьбе с «западническими» теориями искусства, все-таки не получила широкой поддержки. В этом смысле конструктивная, эстетически обоснованная установка Дружинина на формирование национальной самобытности русской литературы может рассматриваться как существенный вклад в разработку наиболее перспективных путей ее развития.

Т. о., Дружинин откликнулся в своих критических статьях почти на все крупные литературные произведения своего времени: повести и рассказы *Л. Толстого*, *И. Тургенева*, стихотворения А. Фета, *Н. Некрасова*, роман И. Гончарова «Обломов», пьесы 40—50-х А. Островского, «Губернские очерки» *Н. Щедрина* и др. В поле зрения Дружинина постоянно было творческое наследие А. Пушкина, Н. Гоголя, *М. Лермонтова*. Две статьи написаны о В. Белинском.

К. 40 — н. 50-х — во многом «узловой этап в развитии русской литературы», поскольку в эти годы словесность обрела новые силы на путях органического слияния пушкинских и гоголевских начал. Дружинин именно в этот период выдвинулся как острый полемист в борьбе с крайними суждениями об искусстве сторонников радикально-демократического крыла. Он выступал за слияние «пушкинских» и «гоголевских» начал с некоторым перевесом «пушкинского» элемента, поскольку это элемент чистой художественности, а Пушкин — ее родоначальник. Сатира же, по убеждению Дружинина, «изнурила» русскую литературу, т. к. в искусстве она оказывается часто пособницей дидактизма, гипертрафируя одну, притом неприглядную, сторону жизни. Другая же, «вечная» сторона: любовь, светлая лирическая устремленность к прекрасному нравственному идеалу — отходит зачастую на второй план.

Тревога Дружинина о пагубности увлечения «натуральностью» свидетельствовала не о консерватизме эстетической позиции критика, а о желании защитить наиболее перспективные традиции русской литературы, которые в конечном итоге возобладали во 2-й пол. XIX в.

Л. Шевцова

ДУБРОВИНА Элида Михайловна (22.06.1925—10.04.1992), поэт, публицист. Родилась в Минске. Детские годы провела в рязанской д. Поочье, отрочество — в Керчи. С началом войны эвакуирована в Казахстан. В 1950 окончила философский факультет Ленинградского государственного университета; несколько лет работала преподавателем на Украине; в 1955 окончательно переехала в Ленинград и стала профессиональным литератором. Дубровина публи-

куется в периодических изданиях (журналы «Нева», «Звезда», «Аврора», «Сибирские огни», альманах «День поэзии» и др.). Участница литобъединения при газете «На страже Родины».

Дубровина вошла в поэзию как русский лирик, искренно и с творческим мужеством отстаивающий правду своего восприятия современности. В 1950—60-е в поэзии Дубровиной присутствуют популярные в те годы темы: Днепротэкс и Магнитка, подвиги космонавтов-первопроходцев, наряду с ними существенный пласт занимают стихи военной тематики, посвященные памяти юных героев — Матросова, Гастелло. Вместе с тем — неприкрашенные картины нелегкого быта учительской семьи в рязанской глубинке 1930-х (поэма «Материнская шаль»), горечь существования в эвакуации. Возникает мотив «святой любви» к Родине («Хлеба»), который станет ведущим во всех книгах Дубровиной.

Дубровина — автор 13 сборников поэзии, вышедших в 1959—88. Первый сборник Дубровиной «Медуница» вышел в 1959. В нем, так же, как и во втором («Синий лес», 1962), критика отметила удачу: строки о родной земле, глубокая человечность («Розовое платье»), решение темы эгоистичного, мнимого счастья («Маринкины ромашки») и просчеты: измены художественному вкусу, тяжеловесность языка, аляповатость.

К к. 1960-х оттачивается поэтическое мастерство Дубровиной. Сборник стихов «Белый камень» (1969) получил более высокие оценки: «Лирика Дубровиной искренна и проникновенна, рассказывает ли автор о любви безногого гармониста (“Юные годы”), о подвиге сапера (“Баллада о партийном билете”) или о своих погибших друзьях (“Отсутствие”). Поэтесса верна себе, избегая облегченных решений. Подвиг в ее толковании — не порыв, а трудная и осознанная победа над частными интересами, которая по плечу только сильным духом» (Г. Любацкая).

В книге «Вереск» (1973) Дубровина разрабатывает фольклорный пласт, создавая стихи-сказки, стихи-легенды, причем она не стилизует народную сказку, а органично вплавляет ее в стихотворную ткань («Поджигающий закат», «Купальница»), где явления природы воплощаются в сказочные образы. Обращаясь к фольклорным мотивам, к сказаниям, притчам, песням, поэтесса подчеркивает в первую очередь приметы светлого народного мироощущения.

В сборнике стихов «Лесная сестра» (1975) светлые картины детства, образы родных людей возникают отчетливо и рельефно, озаренные сожалением об ушедшем времени, когда были «беспечальные годы, черный хлеб, молоко и тепло пятистенной избы». Горькая история любви — в лирической поэме «Над старую тетрадку стихов», героиня которой предстает как сильная духом, волевая, гордая и просветленная натура, преодолевающая боль. В сборнике много стихов, посвященных прошлому Родины, причем временной диапазон необычайно широк: от павшего в бою древнего ружья до погибшего космонавта В. Комарова («Голоса»). Ключевая мысль книги: «Я верю в силу незабвенных слов, / Я верю до сих пор, как верят дети: / В любой беде, в любое лихолетье / Тоску и ужас победит любовь» («Аленький цветочек»). Главная тема книги «Росстань» (1981) — человек в его связях с Родиной. По сравнению с предыдущими сборниками она заявлена более масштабно. Заметно стремление автора «к выходу за пределы камерной лирики, тяготение к большой форме, типа баллад» (Г. Ермакова). Отсюда былинный лад «Колыбели Курчатова».

В книгах 1980-х нарастают чувства тревоги за судьбы Отчизны. Автора волнуют необратимые изменения родного прошлого. Дубровина постоянно вызывает в памяти

приметы уходящего: «О милое — в репях и щипках, / В задоре, бьющем через край, / В родных знаменах и улыбках! / Хоть в памяти не отцветай!». «Осознанный патриотизм, зрелость гражданской позиции позволяют поэтессе увидеть единый поток минувшего и настоящего» (В. Николаева). В стихи Дубровиной вплетаются сюжеты и образы русской мифологии и истории. Стрибог и Купала, св. Ксения и Евпатий Коловрат, Александр Невский и Степан Разин — ее персонажи, создающие многоликий мир языческой и православной Руси. В нем поэтесса призывает черпать энергию для отпора «безродным вихрям», сменившим «вихри враждебные». В «Колыбельной воину» поэтесса призывает к верности заветам отцов: «А вырастешь — будь начеку / И помни, что к счастью подкова, / А воля — не праздное слово, / А поле — всегда Куликово, / А слово — всегда о полку!». В поэме «Сад», построенной на переключке с поэзией *Блока*, с его пронзительным до боли ощущением России, поэтесса вновь обращается к образу мальчика — будущего защитника Родины.

Дубровина знает и любит русскую природу, подмечает малейшие оттенки и перемены в ней. Наряду с природой, силой, противостоящей разрушительным ветрам истории, выступает в поэзии Дубровиной семейный очаг, хранящий тепло поколений. «Образы Матери, ребенка, дома в сочетании с эпитетами “родной”, “теплый”, становятся символами непреходящей жизни» (В. Николаева).

Когда с началом «перестройки» стали подвергаться тотальному пересмотру ценности русской культуры, Дубровина создает в Ленинграде Есенинский клуб, публикует эмоционально-яркие и документально-аргументированные статьи в защиту русских поэтов. В статье «Не отгорят рябиновые кисти» («Наш современник». 1987. № 9) Дубровина вскрывает корни «заговора молчания» вокруг наследия *Есенина*, определяет суть культурно-идеологических процессов, протекавших в стране при жизни поэта и после его гибели (в частности, зловещую роль А. Крученых), ратует за создание музея Есенина в Ленинграде. В той же работе Дубровина вступает в полемику с Ю. Суровцевым, С. Чуприниным, Д. Самойловым, неприязнь которых к поэтическим темам «малой родины», национальной истории, по мнению Дубровиной, родственна давним выпадам против Есенина. Отстаивая нравственные нормы литературной жизни, Дубровина протестует против оскорбления памяти *Н. Рубцова* (в годовщину гибели которого был напечатан хвалебный отзыв о книге его убийцы), *А. Пушкина* (спектакль-пасквиль Кама Гинкаса «Пушкин и Натали», статья В. Фридкина, Н. Эйдельмана).

Статья, прозвучавшая в самом начале эпохи гласности остро и ярко, вызвала поток сочувственных читательских писем, и, вместе с тем, обвинения со стороны И. Луначарской и Н. Трифонова в искажении облика А. В. Луначарского. Отвечая оппонентам, Дубровина привела документы, подтверждающие тот факт, что нарком просвещения не оказал действенной помощи бедствовавшим А. Блоку и дочери Пушкина М. А. Гартунг.

Поэзия и публицистика Дубровиной помогают ощутить «старинную гордость» за свой народ, пробудить в душе «щемящую радость родства» со своей страной, своей историей.

Соч.: Медуница. Л., 1959; Синий лес. М.; Л., 1962; Жду необыкновенного. Л., 1965; Белый камень. Л., 1969; Голубые города: Повесть [в соавторстве с Е. А. Янишевской]. Л., 1970; Жалейка. М., 1972; Вереск. Л., 1973; Лесная сестра. М., 1975; Страна апреля. Л., 1977; Росстань. Л., 1981; Соловиный час. М., 1982; Зажи снега. М., 1982; Огонь рябиновый. Л., 1983; Гори ясно. Л., 1988.

А. Любомудров

ДУДИН Михаил Александрович (7[20].11.1916—31.12.1993), поэт. Родился в д. Клевнево Ивановской губ. в семье крестьянина. С 1939 по 1945 — в армии, работал во фронтовых газетах. Участник обороны Ханко. В первой книге стихов «Ливень» (1940) преобладают лирика, зарисовки природы. Как поэт Дудин сформировался на фронте (сборники «Фляга», 1943; «Военная Нева», 1943; «Дорога гвардии», 1944; «Костер на перекрестке», 1944).

Военно-патриотические стихи Дудина по своей тональности мужественны, энергичны. В них создан лирико-романтический образ русского солдата.

Поэзия Дудина, звучная и волевая по своему ритмико-интонационному строю, остропублицистична, оптимистична и эмоциональна. Для книги «До востребования» (1963) характерны простота и ясность поэтической речи, близкой к народной песенности.

Дудин — лирик в прямом смысле этого слова. «Книга лирики» (1986) — его основная книга, где и поэмы — части, звенья, лирического монолога. Последняя книга Дудина «Дорога крови по дороге к Богу» (1995) вышла уже после его смерти. Свой гонорар за издание этой книги он хотел передать на восстановление церкви в родном селе.

Соч.: Избранное. Иваново, 1951; Стихотворения. Поэмы. М., 1956; Стихи. М., 1960; Останется любовь. М.; Л., 1962; Янтарь. Л., 1963; Песня Вороньей горе: Поэма. Л., 1964. Собр. соч.: В 4 т. М., 1987—88.

ДУДЫШКИН Степан Семенович (25.12.1820[6.01.1821]—16[28].09.1866), журналист, литературный критик. Происходил из купеческой семьи. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1847 был сотрудником, в 1860—66 — одним из редакторов-издателей журнала «Отечественные записки», где заведовал критическим отделом; печатал обзоры русской литературы. Художественный кружок семьи *Майковых*, к которому принадлежал Дудышкин, оказал большое влияние на его взгляды. Дудышкин в 50-е выступал как сторонник теории «чистого искусства», выступал против «утилитаризма» «Современника». В 60-е противостоял нигилистической позиции Чернышевского, Писарева и др. литераторов, связанных с «Современником».

Дудышкин — автор статей о *Д. И. Фонвизине*, *А. Д. Кантамире*, *М. Ю. Лермонтове*, *Н. В. Гоголе*, *Л. Н. Толстом*, *И. А. Гончарове*, *И. С. Тургеневе* и др. Редактор сочинений Лермонтова (изд. 1860 и 1862).

ДУМЫ, эпический лирический жанр малороссийского фольклора. Исторические по своему содержанию, думы возникли и развивались в условиях казацкой вольницы XV—XVII вв. и были важнейшей частью репертуара слепых певцов-кобзарей (бандуристов). Думы исполняются мелодической декламацией в сопровождении кобзы (бандуры). Текст думы и подчиненная ему мелодия, родственная похоронным причитаниям, импровизировались при каждом исполнении, но в известных пределах. Стих думы — свободный, имеющий от 4 до 20 и более слогов; рифма почти исключительно глагольная; строф нет, текст делится на смысловые единицы-периоды. Этими особенностями стиха думы четко отличаются

от родственных им по содержанию *исторических песен*. Для поэтики думы характерны постоянные эпитеты («тихі води», «ясні зорі»), общие места, повторяющиеся в одной и даже нескольких думах, детальное, умышленно замедленное эпическое повествование. Большинство развитых дум имеют устойчивую композицию и состоят из своеобразной начальной музыкальной фразы-запалки (запева), далее идет изложение событий (сюжета) думы и завершается она концовкой — обращением к слушателям от имени

Остан Вересай, невец-бандурист, исполнитель дум XIX в.

кобзаря или действующих лиц думы. Размер думы достигает иногда 400 стихов. Старейшие думы XV — н. XVII в. (т. н. «невольницькі плачі», Дума о Марусе Богуславке, о победе трех братьев с Азова и др.) рассказывают о тяжелых страданиях пленников-рабов в татарско-турецкой неволе. Высокий патриотизм, мужество, верность духу товарищества, проявленные в самоотверженной борьбе против иноземных угнетателей, воспеваются в думе о казаке Голоте, или Нетяге (древнейшая запись ее известна в списке 1684), о Федоре Безродном, Иване Коновченке, Матьяше Старом, Самойле Кошке и др. Большая группа дум возникла по свежим следам освободительной войны малороссийского народа против польско-шляхетского гнета. На первый план в этих думах выдвигается мужественный и мудрый образ гетмана Богдана Хмельницкого, образы его со-

ратников, героизируются победы малороссов над шляхетскими войсками, осмеиваются польские магнаты и паны, осуждаются предатели из среды казацкой старшины (Дума о Корсунской победе, о походе в Молдавию, о Хмельницком и Барабаше, о смерти Хмельницкого и др.). Борьба «голоты» (образ «народного гетмана» Ганжи Андыбера) против старшины, «дуківсрібляників», против панов-поляков, жидов, орендарей-шинкарей отражена в ряде дум яркого социального звучания. Существовали также думы бытового характера (о сестре и брате, о казацкой жизни), иногда сплошь юмористические по обрисовке ситуаций и образов (дума об овчаре, о теще).

Лит.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 2.

ДУНАЙ (Дунай Иванович), былинный герой киевского эпоса. Тема «добывания невесты» — одна из самых распространенных и одна из самых древних в фольклоре всех стран и народов. В русском народном эпосе эта тема развита во многих былинах и является, по сути, центральной в киевском эпосе. Таковы былины о Дунае и *Добрыне*, добывающих невесту для кн. Владимира, о *Соловье Будимировиче* и др.

«Добывание невесты» кн. Владимиру имеет вполне убедительные исторические параллели. «Предметом песни, — отмечал *В. Я. Пропп*, — служат не романтические интересы, а интересы государственные». Т. о., кн. Владимир, помимо Рогнеды Гориславны, которую ему, согласно летописному рассказу, «добыл» исторический Добрыня, был женат «на чехине, на грекине и на болгарыне», а его сын Ярослав Мудрый сам женился на дочери шведского короля, а через сестру и десятерых детей породнился едва ли не со всеми европейскими домами.

Но в былине о Дунае двойное «добывание невесты» — для князя и для богатыря. В первой части былины Дунай вместе с «чудесным помощником» Добрыней добывают невесту для кн. Владимира. А во второй — Дунай вступает в бой с богатыршей-поляницей и добывает себе невесту в богатырском поединке. Легенды об амазонках широко известны в мировом фольклоре, в русском они предстают в образе богатырш-поляниц. *Д. М. Балашов* отмечает: «Поляницы преудалые русского эпоса чрезвычайно оригинальны. Это — степные наездницы и вместе с тем, после сражения с героем, — жены богатырей. Допустить их коренное славянское происхождение едва ли возможно, этому противоречит факт упорной, постоянной борьбы с ними русских героев, хотя нарицательное имя этих наездниц — “поляницы” — славянское. По-видимому, надо признать женщин-поляниц сарматскими конными воительницами, а наличие славянского названия их означает, что представление о поляницах утвердилось в эпическом творчестве до появления в русском языке тюркского слова “богатырь”. Когда же появилось слово “богатырь”, название женщин-воительниц не изменилось».

В. Калугин

ДУНИН-МАРЦИНКЕВИЧ Викентий Иванович (1807—5[17].12.1884), белорусский писатель. Родился в семье дворянина. Учился на медицинском факультете Петербургского университета. Был чиновником. С 1840 жил в небольшом имении под Минском. Первое произведение Дунина-Марцинкевича — либретто оперы «Крестьянка» (1846). В нравоучительных, сентиментально-дидактических поэмах («Гапон», 1855, и др.) и стихотворных рассказах («Купала», 1856; «Щаровские дожинки», 1857) Дунина-

Марцинкевич изображал гл. обр. деревню. Он возвеличил простого человека, крестьянина, как носителя высоких моральных качеств и духовной одаренности. Вместе с тем Дунин-Марцинкевич поэтизировал жизнь дворянской усадьбы, создавал образы идеальных помещиков. В пореформенный период написаны лучшие его комедии «Пинская шляхта» (1866) и «Сватовство» (1870); в них созданы сатирические образы чиновников и зажиточных крестьян. *Сентиментализм* ранних произведений в комедиях уступает место реалистическому изображению пореформенной белорусской деревни.

Соч.: Збор творау. Мінск, 1958; в рус. пер. в кн.: Белорусская поэзия. М.; Л., 1963.

ДУРОВА Надежда Андреевна (1783—21.03[2.04].1866), писательница, первая женщина-офицер, известная как «кавалерист-девица». Родилась в семье кавалерийского офицера. До 1789, когда отец Дуровой получил место городничего в г.

Сарапул Вятской губ., росла в условиях походной жизни гусарского эскадрона, в котором служил отец. Дурова получила домашнее образование. В 1801 была выдана замуж за чиновника В. С. Чернова. В 1804, оставив мужа и ребенка, возвратилась к отцу. В 1806, переодевшись в казачью форму, бежала из дому и, догнав выступивший из Сарапула казачий полк, упростила командира принять ее в полк, назвавшись сыном помещика Александром Васильевичем Дуровым.

В Гродно Дурова завербовалась в 1807 в Коннопольский уланский полк под именем Александра Васильевича Соколова, участвовала в Прусской кампании. За спасение в бою офицера награждена Георгиевским крестом. Император Александр I, узнав о том, что улан Соколов — женщина, вызвал Дурову в Петербург, произвел в офицеры, приказал называться Александровым и назначил корнетом в гусарский полк. Дурова участвовала в боях 1812—14. В Бородинском сражении была контужена, потом служила ординарцем у М. И. Кутузова. В 1816 уволена в отставку в чине штабс-ротмистра.

Дурова выступила в печати в 1836 — в «Современнике» (№ 2) были опубликованы отрывки из записок «кавалерист-девицы». *А. С. Пушкин* в предисловии к этим запискам писал: «С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным». Затем Пушкин опубликовал в «Современнике» заметку по поводу вышедшей 1-й ч. книги «Кавалерист-девица». Ее произведения печатались в журналах «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» и др. Мемуарные сочинения Дуровой «Год жизни в Петербурге...» (1838), «Записки Александрова (Дуровой). Добавление к Девице-кавалерист» (1839), рассказывающие о пережитом, а также роман в 4 ч. «Гудишки» (1839) написаны просто и выразительно. Сочинения романтического характера («По-

вести и рассказы», 1839; «Клад», 1840; «Угол», 1840; «Ярчук собака-духовидец», 1840), отличавшиеся запутанным сюжетом, обилием таинственных приключений, имели успех. После 1841 Дурова прекратила литературную деятельность. Жизнь Дуровой воспроизведена в романе *Д. Л. Мордочева* «Двенадцатый год» (1885), повести Я. С. Рыкачева «Надежда Дурова» (1942), пьесе *А. К. Гладкова* «Давным-давно» (1940, изд. 1942), по мотивам которой поставлен кинофильм «Гусарская баллада» (1962), в опере А. Богатырева «Надежда Дурова» (1957) и др.

Соч.: Записки кавалерист-девицы. СПб., 1912; Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1988.

ДУРЫЛИН Сергей Николаевич (14[26].09.1886—14.12.1954), литературовед, искусствовед, театральный критик. Окончил Московский археологический институт (1914). Начал печататься в 1906. Выступал как поэт, беллетрист (повесть «В школьной тюрьме», 1906). Сотрудничал в издательстве «Посредник» (с 1904).

Начиная с 1906, Дурьлин совершил несколько поездок по Русскому Северу и старообрядческому Заволжью (давших, в частности, материал для искусствоведческих и этнографических очерков «Древнерусская иконопись и Олонецкий край» (Петро-заводск, 1913), «За полночным солнцем» (М., 1913), «Кандалакшский “вавилон”» (М., 1914), «Под северным небом» (М., 1915) и к н. 1910-х погрузился в «изучение народного аспекта Православия», прежде всего — легенды о Китеже («Церковь невидимого Града. Сказание о граде Китеже», М., 1914). Дурьлин утверждал «невещественный град Церкви» как верховный символ русского народного религиозного сознания и отстаивал свою правоту ссылками на фольклор, в т. ч. и написанный им самим на оз. Светлояр.

В 1913 Дурьлин создал издательство «Лирика», где воспринимался как идейный вдохновитель. На это время приходится основная часть стихов Дурьлина, в большинстве оставшихся неопубликованными; в них очевидна опора на поэзию «*калик переходящих*», *духовные стихи*: «Я не сеявший семени пахарь, / Я не сжавший до вечера жнец, / И сплету я из черного праха ль / Оправданий небесных венец?».

С начала первой мировой войны Дурьлин занимает твердую православно-патриотическую позицию, сближается с неославянофилами. В лекции «Лик России. Великая война и русское призвание» (М., 1916), с чтением которой он выступает в 1914—16 в Москве, Костроме, Рыбинске и др. городах, война оправдывается провиденциальным предназначением России сбросить Православие, освободить славян и армян от гнета Австрии и Турции. В книге «Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании» (М., 1915) Дурьлин говорит о «нашем единственном, но безмерном праве» на Константинополь, обусловленном почитанием Софии Премудрости Божией со времен Древней Руси.

ДУХНОВИЧ Александр Васильевич (24.04.1803—18.03.1865), поэт, писатель, православный просветитель, педагог, деятель национального возрождения Карпатской Руси. Писал на т. н. язычи (язык, созданный кругом русофильски настроенных писателей Закарпатья и Галиции на основе русского и церковно-славянского языков, местных диалектов).

Родился в с. Тополя, близ Пряшева, в семье священника. По семейной легенде, род Духновичей происходил от князей Черкасских, один из которых, замешанный в стрелецком бунте, бежал в Венгрию; переменяв фамилию, женился, был рукоположен в священнический сан. По окончании Ужгородской гимназии (1821) Духнович учился в Ужгородской семинарии (1824—27). Служил чиновником в епархиальной семинарии в Пряшеве и одновременно домашним воспитателем. В 1833—37 — приходской священник. С 1843 — каноник (протоиерей) Пряшевского собора; преподавал русский язык в Пряшевской гимназии.

В годы подъема национальных культурных движений в Закарпатье, связанных с венгерской революцией 1848—49, был у истоков общественно-политического течения «москвофилов», пропагандировавших единение «русинов» (самоназвание восточно-славянского населения Галиции, Буковины, Закарпатья, сохраняющееся и в XX в.) с русским народом, в т. ч. в целях противостояния «мадьяризации». 27 апр. 1849 был арестован восставшими мадьярами, которые, невзирая на священнический сан, препроводили его босиком за 30 верст из Пряшева в Кошицы и предали суду; 5 мая выпущен и возвратился в Пряшев, но некоторое время оставался под полицейским надзором.

Твердую позицию занимал Духнович в вопросах веры: «Пускай латинствующие Венские каноники веруют как хотят; я же... ни за что не отступлю от преданий святых отцов и учения святой Восточной церкви». Важнейшим средством сохранения национального сознания и самобытности народа Духнович считал развитие словесного творчества и образования на родном языке, при этом главную задачу видел в формировании в народе религиозных и нравственных начал, «добронравия». Просветительская тематика явилась ведущей в его художественном и публицистическом творчестве. Духнович создал впервые в Венгрии педагогические произведения и учебники для русинов, в т. ч. и «Народная педагогия...» (Львов, 1857) для учителей сельских народных школ, развивающая идеи чешского педагога Я. А. Коменского, первый русский букварь «Книжица читальная для начинающих» (Будапешт, 1847), «Сокращенная грамматика письменного русского языка» (Буда, 1853). Духнович основал в Пряшеве благотворительное Общество Иоанна Крестителя, помогавшее русским учащимся гимназии, и культурно-просветительское общество «Литературное заведение» (1850), которое ставило целью издание стихотворных *альманахов* и просветительских сборников («Календари» на 1850, 1851, 1853, 1854, 1857 и др. издания).

Литературная деятельность Духновича определялась стремлением создать единый для «карпатороссов» литера-

турный язык на основе русского литературного языка и народной разговорной речи и в то же время способный передать особенности жанровых разновидностей. Отсюда широкое жанровое разнообразие произведений Духновича, в целом отражающее его ориентацию на систему жанров XVIII в.: торжественные и философские *оды* (первые из сохранившихся сочинений — «Триумф Николая Павловича Самодержца, царя всея России, когда против турок грядый в Болгарию всею силою переселился» и «Ода на взятие Варны...»; обе — 1829), *элегии* («Тоска на гробе милой»), аллегорические стихи, *сатиры*, *басни* в прозе, подражания народным песням, драмы, сентиментально-назидательные повести («Милен и Любица. Идилльская повесть от древних русинов времен», 1851; «Женская свирепость», 1852), афоризмы, шарадки, загадки, логогрифы. В поэзии Духновича преобладали патриотические мотивы, идея славянской солидарности («Песнь земледельца — весною», «Подкарпатские русины», несколько «Поздравлений русинов»), духовные установки: цель жизни — благо ближнего, счастье — в умении довольствоваться малым, вечность и красота природы как мерило земного бытия (напр.: «Мысль в начале весны», 1852; «Надежда», 1860-е). Вместе с тем у Духновича немало и лирических, любовных стихов, в т. ч. посвященных безвременно угасшей возлюбленной. (Большинство названных произведений печаталось в альманахе «Поздравления русинов» на 1850, 1851 и 1852, изданном в Будине и Перемышле, все вошли в его сочинения.) Широчайшей популярностью среди русинов пользовалось стихотворение «Я русин...» (1851), которое было положено на музыку и стало своего рода народным гимном: «Я русин, был, есмь и буду, / Я родился русином, / Честный мой род не забуду, / Останусь его сыном». В стихотворных опытах Духнович разрабатывал поэтическую технику: стихи, особенно ранние, были в основном *силлабическими*, впоследствии появилась *силлабо-тоника*. Разрабатывая в поэзии язык высоких жанров, с активным использованием церковно-славянского элемента, в драматических произведениях Духнович стремился выразить «простонародную... свойственность» языка русинов, для чего избрал «мысль без всякие украсы сущую, низкую и простонародную». Драма «Добродетель превышает богатство» (Перемышль, 1850; поставлена в соседних сельских школах в 1851), написанная на материале народной жизни (по мотивам легенды о разбойнике, окончившем свою жизнь на виселице), призвана убедить своего читателя в необходимости доброй, «богобоязненной и честной жизни».

Литературные интересы Духновича были сосредоточены гл. обр. вокруг славянофильской школы. Он был активным читателем журнала «Русская беседа» (2-я пол. 1850-х), прежде всего материалов на темы истории и национального возрождения славянских народов, народной культуры, стихотворений В. А. Жуковского, И. С. Асакова, А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева (с особым вниманием к образным или близким народной речи выражениям). Принимал участие в подготовке сборника «Народные песни Галицкой и Угорской Руси» (сост. Я. Головацкий).

Духнович активно сотрудничал в публицистическом издании «Вестник» И. Ф. Головацкого, «Семейная библиотека» С. Г. Шеховича, «Церковная газета» и «Церковный вестник» И. И. Раковского, «Слово» Б. А. Делицкого. Его статьи были посвящены в основном культурно-просветительскому движению в Закарпатье, рассматривали вопросы формирования литературного языка Угорской Руси. Популяризации идеи славянского единства служат краеведческие сочинения Духновича,

главное из которых — «Истинная история карпатороссов...» (1853). Духнович оставил «Записки» (1858, 1861, 1863; не опублик.), содержащие и автобиографические сведения.

Соч.: Вибране. Пряшив, 1963; Соч. (Твори). Т. 1—2. Братислава; Пряшев, 1967—68.

Лит.: Попов Н. А. Русский писатель в Венгрии. А. В. Духнович // Беседы в Обществе любителей российской словесности. 1871. № 3; Терлецкий Вл. Угорская Русь и возрождение сознания народности между русскими в Венгрии. Киев, 1874; Аристов Ф. Ф. Карпаторусские писатели. М., 1916; Русские писатели 1800—1917. Биограф. словарь. Т. 2. М., 1992.

А. Толстихина

ДУХОВНЫЕ СТИХИ. Духовными стихами в русской словесности называют народные песни на религиозные сюжеты. Песни эти пелись бродячими певцами-странниками на ярмарках, базарных площадях, у ворот монастырских церквей — везде, где находилось достаточное число благочестивых слушателей. О любви русского человека к такой форме религиозного самовыражения достаточно говорит тот факт, что вплоть до н. XX в. духовный стих бытует гораздо шире, чем даже *былины*. По сравнению с героическим эпосом религиозная поэзия проявляет гораздо большую жизненность. Если «старинушки» о «святोरусских богатырях» со временем остаются в репертуаре народных певцов преимущественно на севере России, то духовный стих продолжает сохраняться почти на всем протяжении земли Русской.

Время их появления установить с достаточной точностью затруднительно, можно лишь уверенно утверждать, что пелись они «каликками *перехожими*» на Святой Руси с незапамятных времен. В той форме, в которой стихи эти дошли до нас, они существовали уже в XV—XVI в. На это время — учитывая общий духовный подъем в России — приходится и расцвет русской духовной поэзии.

Высота религиозного чувства и обширность познаний, отраженные в стихах, столь резко обличают несостоятельность точки зрения на русскую историю, предполагающей «темноту» и «невежество» средневековой Руси, что исследователи XIX—XX вв. вынуждены были придумывать самые неуклюжие объяснения, дабы спасти честь «исторической науки».

«В основе духовных стихов всегда лежали книжные повести», — уверенно заявляет один из них. «Можно ли утверждать, что все эти понятия и сведения, передаваемые духовными стихами, были вместе с тем общим достоянием народа?.. Разумеется, нет!» — вторит ему другой. Допустим, так, но только чем тогда объяснить, что на протяжении столетий, из поколения в поколение передавая искусство духовного пения, народ с такой удивительной любовью и постоянством поет то, чего не понимает?

На деле, конечно же, все обстояло иначе. И чтобы понять это, даже не надо быть ученым-фольклористом. Достаточно просто быть церковным, от сердца верующим человеком. Тогда станет понятно, что народ пел от полноты сердечного чувства, созидая духовную поэзию как молитву, под благодатным покровом покаяния и умиления, свидетельствуя тем о богатстве своего соборного опыта, поднимавшегося в иные мгновения до вершин истинно святоотеческой чистоты и ясности.

Певец духовных стихов не умствует лукаво, не «растекается мыслью по древу» немощного человеческого рассуждения. Он — верует:

А я верую самому Христу, Царю небесному,
Его Матери Пресвятой Богородице,
Святой Троице неразделимой...

Живя в мире церковного опыта, народ твердо знает, что вся вселенная управляется всемогущим промыслом Всеблагого Бога:

Основана земля Святым Духом,
А содержана Словом Божиим.

И — о том же, еще поэтичнее:

У нас белый свет взят от Господа,
Солнце красное от лица Божия,
Млад-светёл месяц от груди Его,
Зори белыя от очей Божьих,
Звезды частыя — то от риз Его,
Ветры буйные — от Свята Духа...
Роса утренняя, дробен дождик
От слез Его, самого Христа.

Нелепо искать в духовных стихах богословски точных, догматически выверенных формулировок. Вообще ученость — как принадлежность рассудка — не может служить показателем духовной зрелости и мудрости. Зато их недвусмысленно подтверждает благоговейно-сыновнее, трепетное и любовное отношение ко Спасителю, составляющее главный нерв народной веры.

«Ох Ты гой еси, Батюшка наш, Иисус Христос!» — обращаются ко Господу в детской простоте певцы стихов. При этом религиозное целомудрие народа, чувствующего в земной жизни Спасителя высокий, таинственный мистический смысл, почти никогда не позволяет себе касаться ее подробно в сюжетах песен. Острое сознание своей греховности, своего нравственного несовершенства, питая дух покаяния, разрешило народному творчеству одну тему — тему страстей Господних, Его невинных страданий, которыми Сын Божий искупил грехи человеческие.

В нее вложил русский человек всю силу своего сердечно-го чувства, весь поэтический дар своей души:

Над той над рекою над Иорданью,
На крутом, на красном бережочке,
Вырастало древо купарисо;
На том на древе купарисе
Там чуден Крест проявился...
На том Кресте Животворящем
Там жиды Христа мучили-распинали.

Так тесно соединил народ в своем сознании судьбу России со Христом и его учением, что есть даже стихи, говорящие о распятии Господа «во Русен» — ибо где же, как не на Святой Руси, происходить Таинству Искупления? Плачет Русь у подножия Креста Господня. Плачет, повторяя слова Спасителя, обращенные ко Пресвятой Богородице:

По Мне, Мати, плачут небо и земля,
По Мне, Мати, плачут солнце и луна,
По Мне, Мати, плачут реки и моря,
По Мне, Мати, плачут старики-старичи,
По Мне, Мати, плачут вдовы-сироты.

В благоговейном страхе певец не смеет даже пристально взгляды в страдания Христовы. В стихах мало подробностей, есть несоответствия с евангельскими текстами. Зато сколько в них живого религиозного чувства! Воистину это все-народный «плач сердца», о котором, как о состоянии благодатно-высоком, часто писали о своих творениях святые отцы:

И тут проклятые Христу плащаницу сковали,
Христа в плащаницу клали,
Обручи набивали
И оловом заливали...

Желтыми песками засыпали,
Каменными горами закатали,
Горючими камнями завалили...
В третий день Христос воскрес...
Вставал наш батюшка
Истинный Христос, Отец Небесный.

Сознание, что человек искуплен от греха высочайшей, безмерной ценой вольных страданий Божьих, рождает сознание огромной личной религиозной ответственности:

Со страхом мы, братие, восплачемся:
Мучения — страдания Иисуса Христа.
Восплачемся на всяк день и покаемся,
И Господь услышит покаяние,
За что и нам дарует Царствие Свое,
Радости и веселию не будет конца.

Спасение души — смысл жизни человеческой. Этой главной цели подчиняется, в идеале, вся народная жизнь. Русь не потому «святая», что живут на ней сплошные праведники, а потому, что стремление к святости, к сердечной чистоте («Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят» (Мф. 5,8) и духовному совершенству составляет главное содержание и оправдание ее существования.

Это ощущение всенародного религиозного служения столь сильно, что понятие «Святая Русь», приобретает в русских духовных стихах вселенское, космическое звучание. Святая Русь есть место — понимаемое не узкогеографически, но духовно, — где совершается таинство домостроительства человеческого спасения. Такова ее промыслительная роль, и народ русский есть народ-богоносец в той мере, в которой он соответствует этому высокому призванию.

«По Святой Руси» скитается Богородица в поисках распятого Христа. На Руси происходит мучение Егория (Георгия Победоносца) царем Демьянищем (имп. Диоклетианом), в действительности имевшее место в Риме в 303 по Р. Х. «Не бывать Егорью на Святой Руси», — скорбит о своем герое певец. «Выходил Егорий на Святую Русь», — радуется он освобождению героя. Другой св. воин — Феодор Тирон (Гирянин), умученный при имп. Максимиане ок. 305 по Р. Х., в одном из вариантов стиха идет «очистить землю святорусскую» от несметной «силы жидовской». Причем, в отличие от героического эпоса былин, даже сама битва за Святую Русь носит черты духовной брани. С Евангелием отправляется св. Феодор на борьбу:

Он пошел в Божию церковь,
Он и взял книгу евангельскую,
Он пошел ко синю морю,
Он читает книгу, сам мешается,
Горючьми слезами заливается.

Даже в самой битве его оружие «книга, крест и Евангелие». Подобно Феодору, и Егорий Храбрый, очищая Русскую землю от нечисти, не сражается, а силой своего слова укрощает стихии и устроит землю. Это очень показательно — и в ратном подвиге, в доблестных войнах народ прежде всего чит святых, страдальцев и страсотерпцев.

Русь в духовных стихах становится местом действия лиц из священной истории Нового Завета:

Посылает Ирод-царь посланников
По всей земле Святорусской.

Рай — и тот создается на Русской земле, как поется об этом в «Плаче Адама»:

Прекрасное солнце
В раю осветило
Святорусскую землю.

Но это не гордыня. В стихах нет и намека на утверждение своей национальной исключительности. Вопросы национальной принадлежности вообще не занимают певцов. Вера и верность, чистота и полнота исповедания православного вероучения — вот единственные значимые для них человеческие качества. С ними связана особая судьба России, русского народа и православного царя — Помазанника Божия. Вот как говорит об этом знаменитая *«Голубиная книга»*:

А сама книга распечаталась,
Слова Божии прочитались:
У нас белый царь над царями царь.
Почему белый царь над царями царь?
Он принял, царь, веру хрещёную,
Хрещёную, Православную,
Он и верует единой Троицы,
Единой Троицы неразделимая:
Потому тот царь над царями царь.

Пусть тяжела русская судьба, полон скорбей и теснот путь служения «святорусского» — верность своему долгу не остается без небесного воздаяния. Эта мысль характерна для духовного стиха. Особенно показательно, что подтверждение берутся из реального исторического опыта народа:

По тому ль полю Куликову
Ходит сама Мать Пресвятая Богородица,
А за ней апостоли Господни,
Архангели-ангели святые...
Отпевают они мощи православных,
Кадит на них сама Мать Пресвятая Богородица.

К Матери Божией на Руси отношение испокон веку было особенно трепетным и ласковым — не зря называли Русскую землю Домом Пресвятой Богородицы. Ощущение этой особой близости, особого почтения и одновременно дерзновения не могло не отразиться и в духовной поэзии. «Вся тоска страдающего человечества, все умиление перед миром божественным, которые не смеют излиться перед Христом в силу религиозного страха, свободно и любовно истекают на Богоматерь, — пишет современный исследователь. — Вознесенная в мир божественный... Она, с другой стороны, остается связанной с человечеством, страждущей матерью и заступницей».

Самые нежные и трогательные слова посвящает Ей певец, обращаясь к Ней в дерзновении искренности и простоты, как к собственной матери — ласковой и близкой:

Мать моя — Матушка Мария,
Пречистая Дева, Пресвятая,
Свет Мати Мария,
Пресвятая Богородица,
Солнце красное,
Пречистая голубица,
Мати Божья, Богородица,
Скорая помощница,
Теплая заступница,
Заступи, спаси и помилуй...

Мир, освященный кровью Христа, освящен и слезами Его Матери:

А Плакун трава всем травам мати.
Почему Плакун трава всем травам мати?
Мать Пречистая Богородица
По своем по Сыне по возлюбленном,
По своем по Сыне слёзно плакала.

А роняла слёзы на землю пречистыя,
А от тех от слёз от пречистых
Зараждалася Плакун трава — травам мати.

Событиями Священной истории обусловлена жизнь мира. Не только земля и растения, но и человеческое общежитие — его устройство и бытие — укоренены в мистической библейской первооснове. Русское общество четко и ясно признавало эту связь, освящая сословное деление как деление единого для всех религиозного долга, а сами сословия — как церковные послушания, разные пути «израбатывания» спасения души:

От того у нас в земле цари пошли
От святой главы от Адамовой;
От того зачались князья-бояры
От святых мощей от Адамовых;
От того крестьяне православные
От свята колена от Адамова.

Это благоговейное отношение к миру земному вовсе не означает, однако, его идеализации. Чуткая народная совесть безошибочно определяет грех — искажение, искривление Божественного порядка вещей — как первопричину мирских неурядиц:

От Кривды земля восколебалася,
От того народ весь возмущается;
От Кривды стал народ неправильный,
Неправильный, злопамятный;
Они друг друга обмануть хотят,
Друг друга поесть хотят.

При свете церковного вероучения видней и собственные извращения, собственное недостойнство:

Дает нам Господь много,
Нам кажется мало:
Ничем мы не насытимся...
Очи наши — ямы,
Руки наши — грабли,
Очи завидуши,
А руки загребуши.

Особенной укоризны заслуживает уклонение от исполнения своего религиозного долга:

Вы за хрест, за молитву не стояли,
Господней вы воли не творили,
Господни заповеди нарушали,
Земных поклонов не кладали.

Однако нравственное несовершенство человека исправимо. Путь исправления — путь христианского подвижничества, путь православной аскезы. При общей целомудренной строгости народной жизни аскетические подвиги вызывают у певцов особое уважение, описываются с особой любовью. В описаниях «пустынного жития» — на удивление (для постороннего взгляда) поэтичных и ласковых — отражается богатейший благодатный духовный опыт русского благочестия, монашеского и мирского, внешне различный, но единый в сокровенных, таинственных глубинах мистической жизни Церкви. Так идет спасаться в девственную пустыню молодой царевич Иоасаф:

Научи меня, мать пустыня,
Как Божью волю творити,
Достави меня, пустыня,
К своему небесному царствию.

Красота пустыни — главная тема стиха. В некоторых вариантах он так и начинается: «Стояла мать прекрасная пустыня». Однако красота эта безгрешная, духовная, неземная:

Тебя, мать пустыня,
Все архангелы хвалят...

Трудничество — вот самое постоянное выражение, которым народ отмечает православную аскезу. «Трудник, трудничек, тружданик, труженик, тружельник» — так именует народ подвижников. «Со младости лет Богу потрудиться» жаждут герои русских духовных стихов. Их подробное исследование еще ждет своего часа. И все же в области религиозно-нравственной, в области народного самосознания их свидетельство бесспорно — к моменту расцвета духовной поэзии русский народ ясно и безоговорочно сознавал смысл своего существования в том, чтобы «Богу потрудиться», т. е. привести свою жизнь в возможно более полное соответствие с Заповедями Божиими и промыслительным Его смирением о земле Русской. Вместе с героями своих любимых песен всю свою надежду в этом святом деле возлагает народ на помощь свыше:

Я надеюсь, сударь батюшка,
На Спаса на Пречистого,
На Мать Божию Богородицу,
На всю силу небесную,
На книгу Ивangelия...

Надежда эта и доньше помогает народу нашему претерпевать скорби его нелегкого, исповеднического пути...

Изд.: *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860; Стихи духовные / Сост. Е. А. Ляцкий. СПб., 1912.

Лит.: *Адрианова В. П.* Житие Алексея, человека божия, в древнерусской литературе и народной словесности. Пг., 1917; История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. М.; Л., 1948; *Безонов П. А.* Калики переходные / Сб. стихов и исследование. Т. 1—2. М., 1861—63; *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. М., 1941; *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. Вып. 1—6. СПб., 1880—91; *Максимов С. В.* Бродячая Русь Христа-ради. СПб., 1877; *Сахаров В.* Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879; *Тихомиров Н.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1—2; *Федотов Г.* Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. Париж, 1935 (М., 1991).

Митр. Иоанн (Снычев)

ДЬЯКОВ (Житель) Александр Александрович (2[14].11. 1845—16[28].07.1895), публицист. Родился в г. Ржеве Тверской губ. в купеческой семье. Образование получил в уездном училище. Нужда заставила его уехать на юг в качестве учителя, затем год пробыл нотариусом, опять учительствовал, примкнул к нигилистической партии. После этого Дьяков вернулся в С.-Петербург и напечатал в «Новом времени» роман «Степные миссионеры», не имевший успеха. С чужим паспортом Дьяков уехал в Цюрих, откуда стал писать рассказы о нигилистах в «Русский вестник» под псевд. Незлобин. В 1875 Дьяков

несколько раз приезжал в Россию под чужими именами; затем отправлялся корреспондентом от «Московских ведомостей» в Сербию и Черногорию. В 1880 был арестован на границе в Волочичске. После убийства имп. Александра II порвал с нигилистами. Занял прочную православно-монархическую позицию. Состоял главным сотрудником во все время существования «Берега» *Цитовича*. Наконец начал сотрудничать с «Новым временем» *А. Суворина*, где писал под псевд. Житель воскресные фельетоны. Из более крупных произведений Дьякова можно назвать: «Книга раздора», «Сусальные звезды», «Наши дамы», «Чужая жена», «Лесной царь», «Денежная оргия», «Этюды и картинки», «Головка красавицы», «Рублевая деревня», «На отдыхе». Последнее его произведение «Ангел мой» (фельетон «Нового времени»). Фельетоны Дьякова отличаются страстными разоблачениями деятелей либерально-космополитического лагеря.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ, былинный герой *Киевского эпоса*. Образ этого былинного героя не менее колоритен, чем образы *Василия Буслаева*, *Садко*, *Дуная*, хотя все богатырские подвиги совершает, собственно, не Дюк Степанович, а его волшебный конь «бурушка-ковурушка», во многом напоминающий сказочного Конька-горбунка. Конь выручает Дюка, ослушавшегося предупреждения матери, расхватавшегося перед князем киевским, побившегося «о велик заклад» с киевлянами.

Среди предполагаемых источников былины называлась и византийская поэма о Дигенисе — описание несметных богатств Дигениса, и приезд в Галич в 1165 Андроника, двоюродного брата византийского императора. А в имени Дюка Степановича видели производное от дука Стефана IV, венгерского короля. Но наиболее вероятным источником признано византийское «Сказание об Индийском царстве» XII в., получившее широкое распространение на Руси и оказавшее влияние на многие литературные памятники. Современный исследователь древнерусской литературы Г. М. Прохоров отмечает: «В числе других произведений испытала влияние «Сказания» и былина о Дюке Степановиче. Для читателя русского средневековья «Сказание об Индийском царстве», очевидно, играло ту же роль, какую в современной нам литературе имеет научная фантастика». Дюк Степанович, предстающий в былине боярином из Индии, действительно, не менее красочно описывает свои сокровища и диковинки, чем Индийский царь. Но на этом все сходство и исчерпывается. Задача исследователей — разгадывать «былинные ребусы», а читатели вполне могут довольствоваться тем, что былина «Дюк Степанович» — одна из самых оригинальных в русском эпосе. «По мастерству композиции, — отмечала *А. М. Астахова*, — и разработанности изобразительной части былина о Дюке принадлежит к лучшим созданиям былинного новеллистического жанра».

В. Калугин

ЕВАНГЕЛИЕ, первые 4 книги Нового Завета. Первые 3 книги называются синоптическими, т. к. в их содержании очень много общего. Происхождение Евангелия относится ко 2-й пол. I в. Были попытки некоторых ученых отнести его происхождение к к. II в., но эти попытки не имели успеха. Эти книги были вызваны самой жизнью, т. к. первые апостольские послания стали недостаточны для научения христианских общин и явилась потребность в более подробном изложении жизни и учения Иисуса Христа. Первые Евангелия были написаны на греческом, т. н. александрийском, языке, т. к. этот язык был тогда наиболее распространенным и наиболее понятным всем народам, составлявшим Римскую империю. Вопрос о том, насколько составители Евангелий заимствовали из прежде существовавших записей о жизни Христа, — вопрос трудный, по этому предмету существует много теорий, которые часто противоречат друг другу. Записи, конечно, существовали до появления Евангелий, о них даже упоминает Лука во введении к своему Евангелию. Среди первых христиан ходило много устных преданий, из коих некоторые, подтверждаемые апостолами как очевидцами самих событий, принимали твердо установившуюся форму; эти предания были некоторыми учениками записаны и т. о. могли послужить источником для составителей Евангелий, но, по-видимому, последние не пользовались указанными источниками, что подтверждается различиями в повествовании и изложении событий в Евангелиях синоптических и в Евангелии от Иоанна: в то время как первые излагают деятельность Христа в Галилее, последнее повествует лишь о Его деятельности в Иудее и т. п. Несмотря на эти различия, они тем не менее друг другу не противоречат, а, наоборот, многие факты даже подтверждают; так, Иоанн, не повествуя о галилейской деятельности Христа, знает о Его пребывании в Галилее; и синоптики, не говоря о Его деятельности в Иудее, свидетельствуют, что у Него там были друзья, ученики и приверженцы; особенное значение приобретают слова: «Иерусалим, Иерусалим! Как часто хотел Я собрать твоих детей, как курица собирает своих птенцов», эти слова очевидно предполагают долгое пребывание Иисуса Христа в Иерусалиме. Затем синоптики, говоря о Христе, подчеркивают в нем человеческую сторону, изображая Его как Сына человеческого, Иоанн же оттеняет в Нем божественную сторону, выставляя Его как Сына Божия, но и это различие большого значения не имеет, т. к. это еще не значит, что у синоптиков отсутствует божест-

венная сторона, а у Иоанна — человеческая. Т. о., синоптики и Иоанн лишь дополняют друг друга и дают образ Христа вполне определенным и ярко выраженным. Первым Евангелием считается Евангелие от Матфея. Будучи сборщиком податей и пошлин, он умел читать и писать. Первое свое Евангелие он написал на еврейском языке, потом оно было переведено на греческий, каковое и дошло до нас. Т. к. первым Евангелием он имел в виду воздействовать на своих единоплеменников-евреев, то в нем часто упоминается, что Иисус и есть тот Мессия, которого все иудеи ожидают, каждое событие Матфей связывает и объясняет ветхозаветными пророчествами, для чего часто ссылается на Ветхий Завет, таких ссылок у него не менее 65. Его Евангелие делится на 28 глав, начинается повествованием о родословии Христа и кончается беседою Спасителя с апостолами перед Вознесением. Второе Евангелие принадлежит св. Марку. Сначала он назывался Иоанн-Марк, а затем последнее имя, как более употребительное, осталось одно. На просьбу слушателей св. Петра видеть его учение написанным, св. Марк изложил все, что слышал от ап. Петра о жизни Иисуса. По-видимому, он писал свое Евангелие для язычников, т. к. очень мало ссылается на Ветхий Завет, а часто объясняет иудейские обычаи. Его Евангелие состоит из 16 глав, начинается явлением Иоанна Крестителя, а оканчивается рассказом, как апостолы пошли проповедовать учение Христа после Его Вознесения. Третье Евангелие написано Лукой и предназначалось для некоего «достопочтенного Феофила», перешедшего в христианскую Церковь, по предположению, из язычества. Этот Феофил пользовался большим почетом и уважением Церкви и желал познать ясно и определенно те основания, на которых зиждется христианская Церковь. Для этого, правда, были в обращении написанные первые два Евангелия, но св. Лука хотел описать Феофилу подробно и последовательно всю жизнь Христа, насколько знал сам и слышал от других. Его Евангелие, не так как у прочих, начинается от Адама, и в нем особенно подробно изложены те события и обстоятельства, которые предшествовали рождению Христа. Оно делится на 24 главы и кончается Вознесением Христа. Четвертое Евангелие написано любимейшим учеником Христа, Иоанном, в Ефесе. Ефес — это город, который после падения Иерусалима сделался центром как христианской Церкви, так и вообще всей умственной жизни Востока. В этот город стекались многие ученые и проповедовали свои учения, вследствие этого

здесь легко могли породиться различные отступления и искажения в учении христианской Церкви; предвидя это, местные христиане и обратились к Иоанну как к одному из ближайших свидетелей и очевидцев «служения Слова» с просьбой изложить на письмо земную жизнь Христа. Ему были принесены первые 3 Евангелия, и он, похвалив их за правдивость и искренность, тем не менее заметил, что в них недостаточно ярко выражено божество Христа, а это может породить суждения о Нем лишь постольку, поскольку Он являлся в земной жизни, поэтому Евангелие Иоанна начинается не с человеческой стороны в жизни Христа, а с божественной, с указания на то, что Христос есть Слово изначальное, которое «в начале было у Бога и само было Бог». Это указание было необходимо еще потому, что к этому времени относится учение Керинфа, говорившего, что Иисус — простой человек, но принял божество лишь в период от крещения до страданий. В Евангелии Иоанна больше всего описывается деятельность Иисуса в Иудее и посещение Им Иерусалима; оно делится на 21 главу и заканчивается словами, что «истинно свидетельство его».

ЕВГЕНИЙ (Болховитинов) [18[29].12.1767—23.02[7.03].1837),

митрополит Киевский и Галицкий, духовный писатель. Сын священника. Учился в Воронежской духовной семинарии (1778—84), в *Славяно-греко-латинской академии* (1784—88), одновременно посещал лекции в Московском университете, подрабатывал на жизнь корректором в типографии. Сблизился с кружком *Н. И. Новикова* (В. А. Левшин, Е. И. Костров, И. А. Дмитревский, Н. М. Карамзин, А. А. Петров

и др.), под влиянием которого начал свою литературную деятельность переводами преимущественно французских сочинений литературно-философского характера: «Краткое описание жизни древних философов» Ф. Фенелона (1788), сатирическое «Похвальное слово чему-нибудь» Л. Кокле (1787) с пародийным посвящением «Никому», анонимная «Парнасская история» (1788) с восторженными похвалами Вольтеру и резкими выпадами против «поэтов-ласкателей», поэтов-схоластов, поборников «академических правил», поэма М. Эйкенсайда «Удовольствие от способности воображения» (1788) о свободе поэтического вдохновения, о радостях чувствительного человека в общении с природой. Сам отбор этих сочинений, «примечания» и «предуведомления» к ним свидетельствуют о критическом отношении молодого писателя к некоторым сторонам русской социальной действительности, к устаревшим литературным традициям, напыщенной риторике. Одновременно он зачитывается произведениями Н. М. Карамзина, сам пишет трогательные стихи и канты.

В 1789 будущий митр. Евгений (Болховитинов) вернулся в Воронеж, стал преподавателем, библиотекарем, потом ректором Воронежской духовной семинарии, а с 1796 также и соборным протоиереем в Павловске. С местным духовенством особенно не сходилась, зато был дружески близок с молодыми людьми из светской разночинной среды, увле-

кался театром, стоял во главе литературного кружка, где велись горячие споры не только литературного, но и политического характера. В семинарии он поощрял литературные упражнения учащихся. Под его руководством был осуществлен перевод «Размышлений о красноречии...» Н. Трюбле (1793), он снабдил предисловием и отредактировал перевод «Волтеровых заблуждений...» аббата К.-Ф. Ноннота (1793). Евгений (Болховитинов) также усердно работал в местных архивах; результатом этих занятий явилось «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» (Воронеж, 1800). В этом же году он издал свой перевод философской поэмы А. Попа «Опыт о человеке» (в прозе), переработав некоторые острые места, напр. рассуждение о «множестве миров».

После смерти жены и детей в 1799 Евгений (Болховитинов) при поддержке *Н. Н. Бантыш-Каменского* переехал в Петербург и принял монашество. С 1800 он учитель философии, высшего красноречия и префект Александроневской духовной академии. Впоследствии занимал высокие церковные должности — в Новгороде (1804), Вологде (1808), Калуге (1813), Пскове (1816); с 1822 — митрополит Киевский и Галицкий, член Синода. 14 дек. 1825 по «высочайшему поручению» Евгений (Болховитинов) на Сенатской площади призвал восставших к покорности, потом принимал участие в суде над ними.

Евгений (Болховитинов) активно работал в «румянцевском кружке» (Н. П. Румянцев, А. Х. Востоков, П. М. Строев, К. Ф. Калайдович), обследовал древние церкви, их библиотеки и архивы, публиковал и комментировал исторические документы и литературные памятники («Хождение игумена Даниила», «Сказание о Борисе и Глебе» и др.). В 1834 Евгений (Болховитинов) выпустил «Собрание поучительных слов» (т. 1—4).

Евгений (Болховитинов) состоял членом Российской Академии, Общества истории и древностей российских, почетным членом ряда др. ученых обществ и университетов. Придерживаясь твердой православно-монархической позиции, митр. Евгений вместе с тем иногда разделял некоторые заблуждения западного «просветительства». Это вызывало иногда и столкновения с духовной цензурой, находившей в некоторых сочинениях Евгения (Болховитинова) «несходство с известными в Церкви преданиями». Цензурные возражения вызвали «Волтеровы заблуждения...», «Каталог писателей» А. Селлия (М., 1815), «Киевский месяцеслов» (Киев, 1834). Запрету подверглось «Исследование о славянском переводе Священного Писания» (1812); материалы Евгения (Болховитинова) использовал О. М. Новицкий в книге «О первоначальном переводе Священного Писания на славянский язык» (Киев, 1837).

Трудом всей жизни Евгения (Болховитинова) было создание «Словаря русских писателей». Отдельные статьи о писателях, первоначально помещаемые им в журналах «Друг просвещения» (1805—06), «Улей» (1811—12), «Сын Отечества» (1821—22), вошли в издание «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина...» Т. 1—2. СПб., 1818 (2-е изд., испр. и доп. СПб., 1827). В 1838 (после смерти Евгения (Болховитинова)) И. М. Снегирев начал издание его «Словаря русских светских писателей...» (М., 1838, т. 1) со своими дополнениями и исправлениями; подлинный текст «Словаря» Евгения (Болховитинова) издал *М. П. Погодин* (М., 1845, ч. 1—2). Создание «Словаря» Евгений (Болховитинов) рассматривал как большое патриотическое дело, имеющее целью запечатлеть историю русской словесности. Он вел обширную переписку, стараясь собрать и зафиксировать возмож-

но больше имен и фактов. И сам Евгений (Болховитинов) щедро делится своими познаниями, помогает в работе В. С. Сопикова, В. Г. Анастасевичу, *Н. И. Гречу* — и многое получает от них. Статьи «Словаря» в ряде случаев основаны на автобиографиях писателей — современников Евгения (Болховитинова); иногда биографические данные взяты у их близких (статью о *Я. Б. Княжнине* писал его сын, А. Я. Княжнин; мн. статьи о драматургах написаны при участии И. А. Дмитриевского).

«Словарь» Евгения (Болховитинова) хронологически ограничен: он дает сведения преимущественно об умерших писателях. Словарные статьи неравноценны по содержательности и достоверности, в них редко высказываются какие-либо критические суждения: «...боюсь открывать даже и за тайну свое мнение, потому что и сам я в оном не уверен» (письмо Евгения (Болховитинова) к *Д. И. Хвостову* от 30 марта 1804). С глубоким уважением Евгений (Болховитинов) пишет о Н. И. Новикове, на «Словарь» которого опирался.

Литературные взгляды Евгения (Болховитинова) не отличались последовательностью. Знаток и поклонник античности, воспитанный на литературных образцах *классицизма*, он в целом отрицательно относился к его строгой нормативности. Утверждая, что творчество *А. Д. Кантемира* и *А. П. Сумарокова* безнадежно устарело, он, однако, брал под защиту поэзию «учителя нашего старика Тредиаковского», поскольку «вкус словесности с веками переменяется и для потомства, может быть, многие из наших современников покажутся Тредиаковскими» (письмо к *Д. И. Хвостову* от 30 апр. 1820); поэзию *Г. Р. Державина*, с которым многие годы был дружен, судил сурово и пристрастно: «Мало у него было пиес совершенно отделанных» (письмо к *Д. И. Хвостову* от 19 авг. 1816); в то же время он постоянно (хотя и не всегда искренне) восхищался неуклюжими творениями *Д. И. Хвостова*.

Е. К.

ЕВНЕВИЧ Григорий Николаевич (псевд. **Ольшанский**) (5[17].08.1850—13[26].01.1917), писатель. Из дворян. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1870), после чего 32 года служил в армии, выйдя в отставку в чине полковника. Выпустил 3 сборника рассказов: «Фантастические рассказы» (СПб., 1907), «Новые сказки для малых детей» (СПб., 1907), «Откровенные речи в 33-й Государственной думе» (ч. 1—3. СПб., 1908). Основную часть сочинений Евневича составляла сатира, в т. ч. *сказки*, написанные в духе *М. Е. Салтыкова-Щедрина*, и сатирическая фантастика; обычный прием — сновидения героя. Главной мишенью сатиры Евневича была смута 1905—07 («так называемая революция», по его выражению) и ее социально-политические последствия: выступления и забастовки, нарушавшие привычный ход жизни, «пустопорожня болтовня» в Думе, «чрезмерная» свобода слова и печати и т. п. Причины бедствий России Евневич видел в засилье бюрократов, в утрате народом и интеллигенцией исконных идеалов, а также в еврейском засилье, с которым призывал нещадно бороться. Его идеал — православная монархия, где «государь правит, а Дума советует», где все работают и живут на жалованье, занимаясь лишь своими прямыми обязанностями, а отнюдь не политикой, свобода же ограничивается «разумной строгостью».

ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ (? — н. 1238), рязанский боярин и воевода, один из героических персонажей «*Повести о разорении Рязани Батыем*».

В дек. 1327 войско Батыев разорило Рязанское княжество и сожгло Рязань. Евпатий Коловрат был в эти дни в Чернигове. Узнав о страшном побоище, Евпатий примчался в Рязань. Собрав дружину в 1700 чел., он догнал войско Батыев в Суздальской земле. Евпатий Коловрат и его воины внезапно напали на монголо-татар и вступили в беспощадный бой. Когда у Евпатия затупился меч, он выхватил татарский меч и рубился им. После этого боя Батый послал против Евпатия царевича Хостоврула. В единоборстве с монгольским воином Евпатий рассек его надвое до самого седла. Затем побил еще нескольких монгольских богатырей.

Монголо-татары начали бить по русской дружине из стенобитных орудий и почти всех перебили. Собравшиеся над телом Евпатия Коловрата монгольские ханы говорили: «Таких удалцов и резвцов не видали... Ибо это люди крылатые и не имеющие страха смерти!» Батый же воскликнул: «О Евпатий Коловрат! Здорово ты меня попотчевал с малюю своей дружиною! Многих богатырей сильной орды убил, и много войск пало. Если бы у меня такой служил, любил бы его всем сердцем!». По приказу Батыев, тело Евпатия отдали оставшимся в живых русским воинам, а самих их отпустили, не причиня никакого вреда. О подвиге Евпатия Коловрата известно только по «*Повести о разорении Рязани Батыем*», в др. источниках его имя не упоминается.

С. Перевезенцев

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, одна из проблемных тем русской литературы, критики и публицистики; отражение духовного конфликта между православным мировоззрением и идеологией иудаизма. Тема духовной брани между истиной православного вероучения и ложной идеей расового превосходства талмудистов получила развитие в устно-поэтической традиции, летописных сводах, святоотеческой, древнерусской литературе.

Русские предания хранят память о столкновении славянских племен с Хазарским каганатом, торгово-паразитическим государством, совершавшим набеги на Русь еще до Крещения в VIII в. В образе Казарина и Жидовина обобщены черты представителей правящего класса евреев-талмудистов, захвативших господство над тюркско-монгольским населением Хазарии. В борьбе с «царем иудейским и силою жидовскою» закалялся богатырский дух русского ратника. Один из вариантов былины об *Илье Муромце* повествует о битве с великаном по имени Жидовин, которого одолели русские богатыри.

Фольклорная традиция, т. о., зафиксировала весьма важное историческое событие — разгром русскими дружинами под водительством кн. Святослава Хазарского каганата. С падением иудейской столицы Итиль в 965—69 прекратилось разграбление южной окраины славянского государства, что дало возможность укрепить будущий духовный центр христианской цивилизации.

Часть иудейской верхушки после падения Хазарии переместилась на западные земли славян, впоследствии оказавшиеся под влиянием Польши, обустроив там себе новую почву для ростков веры «избранного народа». В то время как на Руси крепла и развивалась самобытно-национальная православная цивилизация, в Западной Европе христианство сдавало свои духовные позиции. Историки свидетельствуют о распространении антихристианских реформаторских движений под влиянием иудейских сект. Ереси проникали и на русскую землю, с ними велась ожесточенная борьба.

Торгашеский дух еврейских общин, стремление иудеев возвыситься над коренным населением и над всеми народами мира были в корне противоположны началам добро-

толюбия Православной веры, вызывали неприязнь у русского населения. Иудейские купцы в Киеве часто провоцировали народные возмущения против спекулянтов, о чем сообщают русские летописные своды (Воскресенский список). Отрицательное отношение к иудаизму носило на Руси религиозный характер.

Венцом древнерусской духовной мысли стало «Слово о Законе и Благодати» митр. Илариона, в котором сформулировано отличие православного мировоззрения от талмудистского. Православная философия держится на признании добра как высшего блага, стремление к этому благу признается спасительным для души человеческой. Святая Русь, следуя за Христом, отвергает ветхозаветный формализм Закона, ветхозаветного человека, живущего земным упоением, в страстях и зле. Русская мысль в лице митр. Илариона обозначила рубеж противостояния Добра и Зла, их земного обозначения — национально-религиозного опыта народов. Осуждая кастовый характер талмудистов, митр. Иларион указывал: «...Иудеи в Законе ищут свое оправдание, христиане на Благодати основывают свое спасение; и если иудеи оправдываются законом, то христиане Истиной и Благодатью не оправдываются».

Иудеи веселятся о земном, христиане же пекутся о небесном. И кроме того, оправдание иудейское скупое и завистливо, оно не простирается на другие народы, но остается в одной Иудее; напротив, христианское спасение щедро и благостно, растекается на все земли». Т. о., через Благодать, т. е. Истину Православной веры, открывается путь спасения не только для русского, но и др. народов, коль скоро они способны подняться до принятия истины в ее христианско-православном изложении.

Владимир Мономах принял на совете князей закон о высылении иудеев: «Ныне из всяя Русские земли всех жидов высылать и впредь их не впускать».

Тем не менее иудеи проникали в русские города и даже участвовали в заговорах против русских князей. Предательское убийство св. кн. Андрея Боголюбского новообращенными Анбалом и Офремом зафиксировано в летописи; верный слуга князя Кузьма обращается к убийце не иначе как «еретиче» и «жидовине». Летописное повествование о коварном убийстве одного из лучших русских князей раскрывало характер отношения иудеев к христианству, когда они «принимали крещение» с целью проникновения во властные структуры.

По мере того как укреплялась православная государственность, в западнорусских землях складывался союз католиков и иудеев. По признанию самих еврейских историков (Ю. Гессен), в XV—XVIII вв. центром иудаизма стало немецко-польское еврейство, которое к XVI в. в городах Польши и Литвы стало уже средним классом. К этому же времени относится и насильственное распространение Брестской Унии на Украине, что привело к закабалению русского населения польскими помещиками и католическим духовенством. Часть украинского дворянства поддержала Унию, тогда как простой народ продолжал держаться Православия. Гонения на Русскую церковь осуществлялись католиками с помощью иудеев: православные храмы отдавали на откуп иудеям, надеясь тем самым отвратить русских людей от Православия. «Церкви не соглашавшихся на унию прихожан отданы жидам в аренду, и положена в оных за всякую отпавшую денежная плата от одного до пяти талеров», свидетельствуют исторические источники (Маркевич Н. История Малороссии. Киев, 1842). В «Истории Русской Церкви» архиеп. Филарета указывается, что «храмы... отданы были в аренду жидам; ключи храмов и колоколен пере-

шли в жидовские корчмы. Нужно совершать требу — иди торговаться с жидом, для которого золото — идол, вера Христова — предмет злобных насмешек и ругательств. Приходилось платить до пяти талеров за каждую литургию, то же самое за крещение и погребение. Униат свободно получал, где и как хотел, пасхальный хлеб, а православный не мог печь его сам и покупал не иначе, как у жида и по жидовской цене. На просфоре, купленной для поминовения за здоровье или упокой, жид делал знак углем — и только тогда она могла быть принята к жертвеннику».

Экспансия католицизма и иудаизма носила воинствующий, антихристианский характер, грозила гибелью коренным началам Православной веры, а вместе с ней и государственности. Потому наступление с Запада было опаснее татарского гнета.

Не случайно Н. В. Гоголь в повести «Тарас Бульба» обратился именно к этому периоду нашей истории — героическому времени борьбы с Польско-Литовской шляхтой. В повести много хронологических неточностей: вначале события отнесены к XV в., затем упоминается XVI в., а некоторые детали свидетельствуют о сер. XVII в. Причину такого столь вольного обращения с историческими фактами исследователи видели в условно-романтическом характере повествования. Но думается, что для Гоголя не столь важно было соотнести события с точными десятилетиями конкретного века, но указать на особый и долгий период нашей истории, когда испытывалась стойкость русского национально-религиозного самосознания, твердость в защите коренных основ жизни. И если вспомнить признание еврейского историка Ю. Гессена о действиях иудаистов в Польше и Литве в XVI—XVIII вв., то указание Гоголя именно на эти века становится глубоко символическим. Вот один из поворотных эпизодов сюжета, когда посольный рассказывает казакам о кощунственном посягательстве на русскую веру:

«— Такая пора теперь завелась, что уже церкви святые теперь не наши.

— Как не наши?

— Теперь у жидов они на аренде. Если жиду впредь не заплатишь, то и обедни нельзя править.

— Что ты толкуешь?

— И если рассобачий жид не положит значка нечистою своею рукою на святой пасхе, то и святить пасхи нельзя».

Это известие всколыхнуло всю сечь разом и превратило ее в «грозную силу негодования». Гоголь указывает на одну из причин столь бедственного положения в Малороссии: «Э, как попустили такому беззаконию? А пробовали бы вы, когда пятьдесят тысяч было одних ляхов, да и, нечего греха таить, были тоже собаки между нашими — уж приняли их веру». «Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги». Так развивается в повести тема соблазна и гибели человеческой души. Ослабев перед прелестью чужеземных соблазнов, сдается младший сын Тараса Бульбы — Андрий («И погиб казак!»). В порыве страсти Андрий отказывается от родины: «Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего». Эти рассуждения напоминают либерально-космополитические установки диссидентствующих писателей еврейского происхождения 60-х XX столетия. Известно, что слабому сердцу «милее всего» комфорт земной жизни. Но твердость в вере, сыновий долг перед родиной и честь требуют от человека напряжения сил *духовных*. Поэтому в образных характеристиках Гоголя угадываются тревожные раздумья православного мыслителя о судьбе русского народа. Ни о каком ложном гуманизме в данном случае не могло быть и речи: или сломить врага, отстоять свою самобытную веру, или поко-

рится ему. Оттого так непреклонен Тарас Бульба в своем решении пресечь зло, даже если оно исходит от собственного сына — осознать трагическое мужество отца, убивающего сына, можно только с позиции автора, который в лице главного героя вывел идеальный образ защитника Православия. Это коренной русский характер, созданный «для бранной тревоги» и поднимающий меч только во славу христианства. Тарас венчает собой собирательный образ русского товарищества, братства во Христе: «Это было точно необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед».

Сквозная тема повести — участие евреев в западной экспансии, жизнь еврейских общин, селившихся рядом с Сечью. Евреи, как показывает Гоголь, приспособились к соседству с запорожцами, выгодно используя лихую казачью волюницу для извлечения прибыли. Даже страх стихийного возмущения против мошенничества не останавливал плутов. Психология лавочника, приспособленца раскрыта в образе Янкеля и его соплеменников. Янкель деловито собирается вместе с казаками в поход, после того, как Бульба пощадил его и спас от гнева товарищей: «“Пусть пан только молчит и никому не говорит, между казачьими возами есть один мой воз; я везу всякий нужный запас для казаков и по дороге буду доставлять всякий провиант по такой дешевой цене, по какой еще ни один жид не продавал; ей-Богу, так, ей-Богу, так”».

Пожал плечами Тарас Бульба, подивившись жидовской натуре, и отъехал к табору».

Евреи успешно лавировали между Шляхтой и Русью, организовывая свой гешефт. Приметы племенного быта евреев, характерные особенности темперамента, поведения, обусловленные иудаизмом, достоверно воспроизводятся в повести. Измученный тоской по старшему плененному сыну, Тарас Бульба решает разведать во что бы то ни стало, жив или нет Остап. Оставалось одно — прибегнуть к хитрости, т. е. обратиться к Янкелю, в надежде, что человек помнит добро. Но душе корчмара чужда благодарность: «Тарас вошел в светлицу. Жид молился, накрывшись своим довольно запачканным саваном, и оборотился, чтобы в последний раз плюнуть, по обычаю своей веры, как вдруг глаза его встретили стоявшего назади Бульбу. Так и бросились жиду прежде всего в глаза две тысячи червонных, которые были обещаны за его голову; но он постыдился своей корысти и силится подавить в себе вечную мысль о золоте, которая, как червь, обвивает душу жидка». Оживился Янкель только при виде денег, которые предложил Бульба за помощь, их сумма была в два раза выше той, которую обещали поляки за поимку Тараса.

Гоголь обращает внимание на род занятий Янкеля в приграничной полосе: «Он уже очутился тут арендатором и корчмарем; прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно озадачил свое жидовское присутствие в той стороне... как после пожара или чумы, выветрился весь край». В такой обобщенной характеристике угадывается в целом типичное отношение к христианскому миру представителей иудаизма. Пророческое значение повести Гоголя не сразу оценила русская общественность. Лишь в н. XX столетия в трудах *М. О. Меньшикова* находим точную характеристику замысла Гоголя: «Судя по “Тарасу Бульбе”, где “рассобачий жид” изображен во всей правде народного его понимания, Гоголь далек был от идеи не только “полноправия”, но даже “равноправия” еврейского. Борьба запорожских рыцарей, наша русская “Илиада”, представлена Гоголем не с турками, не с крымскими тата-

рами, а с наиболее заклятыми врагами малорусской и общерусской народности — с поляками и евреями. Так понимал Гоголь, коренной русский человек, вынесший душу свою из недр народных. Он нашел в истории, то есть в самой природе, вековой отпор польщине и жидовству и воспел этот отпор, одобрил всем пафосом своей души» (*М. О. Меньшиков*. Он не ваш. 1909). Меньшиков обращает внимание на повествование «во всей правде народного понимания», что свидетельствует о глубоком реализме Гоголя, о полноте и верности исторической действительности. Это в полной мере подтверждается и словами *И. С. Аксакова*, который еще прежде в 1881 высказывался на страницах газеты «Москва» по вопросу о расселении евреев в России: «Все песни казачьей эпохи, до сих пор живущие в народе, воспевают по преимуществу подвиги казачьей расправы с жидами и ляхами, которые отдавали жидам на откуп православные церкви».

Необходимо помнить, что на последнюю треть XV — н. XVI в. приходится пик «ереси жидовствующих», после разоблачения которой русские цари ужесточили ограничения для иудеев. Иудаизм показал свою враждебность по отношению к государству и народу. Русская держава боролась за чистоту веры, против врагов Христовых, а не против этносов. Прп. *Феодосий*, игум. Печерский, в своем Поучении о казнях Божиих указывал: «Божии суть враги: жидове, еретицы, держаше кривую веру, и прящейся по чужой вере».

Вплоть до XX в. русская власть пыталась ограничить деятельность иудеев и не допустить их в страну. *Иван Грозный* запрещал въезд иудеев в Россию, т. к. «от них многие лиха делаются». Это была политика, охраняющая государство от разложения.

Когда в состав России были возвращены западнорусские земли, оккупированные Польшей, число иудеев в русском государстве увеличилось многократно. Государыня *Екатерина II* признавалась: «Русское государство столкнулось с самыми многочисленными еврейскими массами, бывшими в Европе». Поток иноверцев устремился в центральные области России. Чтобы остановить их продвижение, была введена «черта оседлости», за пределы которой евреи не могли выезжать. «Черта оседлости» простиралась на всю Беларусь, Екатерининскую и Таврическую области.

В Белоруссии небольшие города назывались местечками (от польского «място» — город; у *Даля* — посад, селение в виде городка, местечко). Иудеи по привычке селились именно в таких небольших городках. С течением времени в русском языке закрепились выражения «местечковый юмор», «местечковые манеры». Определение «местечковый» стало синонимом еврейского поведения.

До сер. XIX в. русские писатели свое творчество подчиняли интересам государства, не только воспевали державные успехи России, но и аналитически оценивали идеологическую ситуацию. *А. Кантемир* писал: «По мудрости Государей российских Великая Россия доселе есть единственное государство европейское, от страшной жидовской язвы избавленное. Но zelo тайно иудеи, притворно в христианство пришедшие, в Россию ныне проникают и по телу ее расплозаются... Посему за кознями и происками жидовскими зорко следить надобно». Творческий дух русского писателя был неотделим от государева дела, т. к. в большинстве своем писатели были людьми служилыми, честно выполнявшими свой долг.

Имп. Павел I поручил *Г. Р. Державину* провести специальное исследование еврейского религиозного и общест-

венного быта. Записка Державина открывала многие тайны еврейского самоуправления (кагалов) в западных окраинах России. Он отмечал жестокую эксплуатацию христиан талмудистами и предлагал программу по выходу из кризисной ситуации. При Александре I Державин стал членом Комитета о благоустройстве евреев в 1802. Он подготовил еще одну записку «Об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного, обуздании корыстных помыслов евреев, и о их преобразовании и о прочем». Но тогда уже стало сказываться влияние масонов на государственные решения, и предложения Державина — генерал-губернатора игнорировали. Еврейский мир постарался, чтобы неугодного раввинам чиновника Державина убрали с должности, а в случае неудачи посчитали возможным «посягнуть на его жизнь». Т. о., кагальная обособленность евреев усиливалась вопреки желанию государственных мужей как-то включить еврейские общины в государственную жизнь России.

В XIX в. в общественном сознании окончательно закрепился устойчивый образ еврея, с характерными психологическими чертами, мировоззрением, меркантильным образом жизни. Этот тип получает отражение в творчестве и публицистике А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. В. Крестьевского, П. Д. Боборыкина, А. П. Чехова и др. С этим типом связано осуждение страсти к золоту, ростовщичества, стяжательства, обмана, мошенничества — тяжких пороков человеческой природы.

Образ ростовщика-еврея выведен в поэме А. С. Пушкина «Скупой рыцарь». Соломон — типичный представитель торгашеского клана. Пользуясь отчаянным положением молодого рыцаря, он предлагает ускорить кончину скупого отца — отравить родителя, но так, чтобы преступление не обнаружилось. Соплеменник Соломона — Товий — «торг ведет иной — // Он составляет капли... // Ни вкуса в них, ни цвета не заметно; // А человек без рези в животе, // Без тошноты, без боли умирает». Соломон в таком «решении» проблемы не видит ничего предосудительного, тем более что после смерти отца наследник сможет расплатиться с кредитором. В диалоге Альбера с Жидом раскрываются отвратительные черты ростовщичества, замешанного на подлости и цинизме. Убедившись, что Альбер не пойдет на сделку с совестью (как он ни зол на отца, но все же не опускается до убийства), Соломон отступает со словами: «Простите: я шутил». Взбешенный Альбер с горечью восклицает: «Вот до чего меня доводит // Отца родного скупость! Жид мне смел // Что предложить!».

Зловещая тень ростовщичества, утверждающего власть золота над душой человека, вызывала тревогу в обществе. Эта тема расширилась в отечественной прозе (в антинигилистическом романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» выведен образ откупщика Галкина и его сыновей), в т. ч. и в сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина. В романе «Современная идиллия» резкими, беспощадными (что было свойственно художнику) штрихами обозначен дух меркантильной эпохи, опустошительного наступления капитала на жизнь. Братья Ошмянские, Вооз и Лазарь, символизируют предпринимательство, основанное на грабеже и разбое: «Еврей не дремал: рубил леса, продавал движимость, даже всех крупных карасей в пруде выловил... Правда, что он уже был сыт по горло и даже сам нередко мечтал пуститься в более широкое плавание, но оставалась еще одна какая-то невырубленная пустошонка, и он чувствовал смертельную тоску при одной мысли, что она выскользнет у него из рук».

Об этом же рассказывает в одном из своих произведений Г. И. Успенский: «Приходит крестьянин к жида, просит рубль серебром в долг и дает в заклад полушубок. Жид берет полушубок и говорит, что процентов на рубль в год будет тоже рубль. Мужик соглашается и взял рубль. Но только что он хотел уйти, как жид говорит ему: “Послушай, тебе ведь все равно, когда платить проценты, теперь или через год”.

Мужик соглашается с этим и говорит: “Все равно”. — “Так отдай теперь и уж не беспокойся целый год”. Мужик и с этим согласился и отдал рубль, чтобы уж совсем не беспокоиться о процентах. Отдав рубль, он приходит домой и без денег, и без полушубка, и в долгу».

Ф. М. Достоевский фиксирует в своих героях скряжничество как черту еврейского менталитета. Делец Лужин в романе «Преступление и наказание» «более всего на свете любил и ценил ... добытые трудом и всякими средствами, свои деньги: они равняли его со всем, что было выше его». Как видим, не гнушался герой «всякими средствами». По «научной» теории Лузина возлюбить нужно «прежде всех одного себя», свой экономический интерес. Такие рассуждения прямо выводят читателя на ветхозаветные иудейские принципы жизни, которые исповедует Лужин. Потерпев фиаско в своих циничных расчетах на безропотность и беззащитность Авдотьи Раскольниковой, Лужин анализирует свои действия: «Ошибка была еще, кроме того, и в том, что я им денег совсем не давал, — думал он, грустно возвращаясь в каморку Лебезятникова, — и с чего, черт возьми, я так ожидал?».

Глава семейства Карамазовых, Федор Павлович, человек безнравственный и разгульный, но вместе с тем, как замечает Достоевский, всегда «устраивал делишки свои ... почти всегда подловато... Года три-четыре по смерти второй жены он отправился на юг России и под конец очутился в Одессе, где и прожил сряду несколько лет. Познакомился он сначала, по его собственным словам, “со многими жидами, жидками, жидамишками и жиденятами”, а кончил тем, что под конец даже не только у жидов, но “и у евреев был принят”. Надо думать, что в этот-то период своей жизни он развил в себе особенное умение сколачивать и выколачивать деньги». Так что определение карамазовщины нельзя ограничить только сладострастием и безудержным разгулом. Карамазовщина как явление социальной жизни характеризуется стяжательством, стремлением к материальному взамен истины духовной. Это пагубное стремление, как считал Достоевский, развивается в мире под влиянием идей иудаизма. В публицистических выступлениях писателя четко сформулирована мысль о противостоянии двух типов цивилизации: христианства и иудаизма. Из «Дневника писателя» за 1877: «Уж не потому ли обвиняют меня в “ненависти”, что я называю иногда еврея “жидом”? Но, во-первых, я не думал, чтобы это было так обидно, а вторых, слово “жид”, сколько помню, я упоминал для обозначения известной идеи: “Жид, жидовщина, жидовское царство и пр”. Тут обозначалось известное понятие, направление, характеристика века. Можно спорить об этой идее, не соглашаться с нею, но не обижаться словом». «Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов. Наступает, напротив, материализм, слепая, плотоядная жажда личного (курсив Ф. М. Достоевского) материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами — вот все, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей».

«Еврей предлагает посредничество, торгует чужим трудом. Капитал есть накопленный труд; еврей любит торговать чужим трудом! Но все же это пока ничего не изменяет: зато верушка евреев воцаряется над человечеством все сильнее и тверже и *стремится дать миру свой облик* (выделено мною. — Н. Г.) и свою суть. Евреи все кричат, что есть же и между ними хорошие люди. О Боже! Да разве в этом дело? Да и вовсе мы не о хороших или дурных людях теперь говорим. И разве между теми нет тоже хороших людей? Разве покойный парижский Джемс Ротшильд был дурной человек? Мы говорим о целом и об идее его, мы говорим о *жидовстве* и об *идее жидовской* (курсив Достоевского), охватывающей весь мир, вместо “неудавшегося” христианства...».

Бурная политическая жизнь страны, необходимость обсуждать злободневные идеологические, нравственные и литературные темы заставляла писателей обращаться к публицистике, журнальной, редакторской деятельности. Журналы «*Время*», «*Эпоха*», «*Гражданин*», издаваемые Ф. М. Достоевским, отстаивали идеи почвенничества, патриотического служения православной отчизне. Разговор Достоевского с читателем принял форму «Дневника», в котором писатель полемизировал с либералами-западниками, пророчески предугадывал судьбу мира, променявшего христианство на золотого телца.

Введение системы питейных откупов, позволявшей евреям-откупщикам (Гинзбургу, Горфункелю, Бернадскому и мн. др.) получать огромные деньги на спаивание русского народа, нашло отклик во многих произведениях русской литературы и публицистики. Так, А. К. Толстой в стихотворении «*Богатырь*» писал:

За двести миллионов Россия
Жидами на откуп взята —
За тридцать серебряных денег
Они же купили Христа.

И много Понтийских Пилатов,
И много лукавых иуд
Отчизну свою распинают,
Христа своего продают.

Стучат и расходятся чарки,
Рекою бушует вино,
Уносит деревни и села
И Русь затопляет оно.

Об опасности распространения талмудического духа живы, стяжательства, антипатриотизма предупреждает Н. А. Некрасов. В поэме «*Современники*» он, утрируя местечковый говор, вводит «еврейскую мелодию»:

Денежки есть — нет беды,
Денежки есть — нет опасности
(Так говорили жида,
Слог я исправил для ясности).

Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику.
Вы нам продайте паи,
Деньги пошлите в Америку...

Денежки — добрый товар, —
Вы поселяйтесь на жительство,
Где не достанет правительство,
И поживайте как — царrr!

И. С. Аксаков, после смерти А. С. Хомякова (1860), стал ведущим славянофильским редактором и издателем. На страницах газет «*День*», «*Москва*» и «*Русь*» он стремился

довести до читателя истинное понимание важнейших политических событий, среди которых вопрос о расширении прав иудеев был одним из злободневных в публицистике 60—80-х XIX в. Протестуя против этого «расширения», И. С. Аксаков писал: «Можно предположить, что никогда никто из этих ревнивых заступников за еврейство и не заглядывал в наши южные и западные губернии, потому что даже поверхностное знакомство с краем не может не вызывать добросовестного человека на серьезное размышление о способах избавления от тирании еврейского могущественного кагала, о создании сносных не для евреев, а для русских социальных и экономических условий существования». «Шинкарь, корчмарь, арендатор, подрядчик — везде, всюду крестьянин встречает еврея: ни купить, ни продать, ни нанять, ни наняться, ни достать денег, ничего не может он сделать без посредства жидов — жидов, знающих свою власть и силу, поддерживаемых целым кагалом (ибо все евреи тесно стоят друг за друга и подчиняются между собой строгой дисциплине), и потому дерзких и нахальных». «Либерализм относительно евреев — кабала для русского населения; образ действий, согласный будто бы с указаниями “современного прогресса”, другими словами — снятие плотины, задерживающей напор на остальную Россию еврейского потока, в сущности послужил бы только к регрессу русского народа, ибо остановил бы его самобытное экономическое развитие». «Если еврейский вопрос действительно будет рассматриваться теперь в высших правительственных сферах, то единственное правильное к нему отношение — это изыскание способов не расширения еврейских прав, но избавление русского населения от еврейского гнета. Гнет этот пока экономический, но с распространением высшего образования в еврейской среде, повторяем, он примет иной вид и образ — образ гнетущей русский народ “либеральной интеллигенции”, да еще, пожалуй, во имя народа».

Писатель В. В. Крестовский, автор «*Петербургских трущоб*», направил редактору «*Русского вестника*» Н. А. Любимову письмо, которое получило не меньшую популярность, чем известное послание В. Г. Белинского Н. В. Гоголю. Крестовский выразил, вслед за Достоевским и Аксаковым, озабоченность русских людей наступлением космополитов на коренные начала национального устройства: «Мысль моя, коли хотите, может быть выражена двумя словами: “Жид идет!” Понятно ли?... куда ни киньте взгляд, повсюду вы видите, как все и вся постепенно наполняется наплывом жидовства. И это не у нас только — это и в Европе, и даже в Америке, которая наконец тоже начинает кряхтеть от жидовства. Это явление общее для всего “цивилизованного” мира индоевропейской расы, обуславливаемое одряблением ее; одрябление же есть следствие того, что раса вообще разменяла себя на мелочи; так, например, идея христианской религии заменилась более дешевой, но зато более удобной идеей “цивилизации”, вместо христианской любви мы выставили гуманность и т. д. ...жид — космополит по преимуществу и для него нет тех больших вопросов, вроде национальной и государственной чести, достоинства, патриотизма и пр., которые существуют для русского, немца, англичанина, француза».

Русская журналистика в лице своих лучших представителей защищала национально-государственные приоритеты в условиях масштабного наступления века «цивилизации», биржевого спекулятивного бизнеса, иудаистского духа разрушения. М. О. Меньшиков открыто выступал на страницах газеты «*Новое время*» против еврейского засилья

в политических и экономических сферах управления. С его именем в русской истории, критике и публицистике связан взлет имперского национально-религиозного сознания накануне трагического крушения государства. Он был расстрелян большевиками в 1918 за свои обличительные статьи, за день до расстрела он написал: «Запомните — умираю жертвой еврейской мести». Творческая сила идей, высказанных Меньшиковым, поражает сегодняшнего читателя провидческой глубиной. Он считал, что русскому сознанию не достает воли в борьбе с инородческой смутой. «В чем должна состоять русская оборона? — вопрошал Меньшиков в 1911. — В общем и стихийном отпоре еврейскому племени, хотя бы совершенно мирном. Правительство наше должно же наконец убедиться, что евреи с ним соперничают и по всем направлениям посягают на чисто правительственную роль... Хитрое племя оставляет нашим сановникам пышные звания и титулы, а себе отбирает втихомолку силу действительного влияния и даже силу *распоряжения*. Не сочтите последнее слово преувеличением. Захватив форум общества — печать, евреи сделали нас стоящими хозяевами либеральной партии, самой многочисленной в России и до сих пор самой влиятельной. Либералами радикально-еврейской марки, проще — жидокадетами переполнены все наши государственные и общественные учреждения...»

Мне кажется, в этом *национальная наша* опасность. Нельзя великому народу отказываться от элементарной необходимости иметь национальную власть... Только при национальной власти народ свободен, ибо сам надлежит собой...

Скоро дойдет до того, что в своей собственной стране, в век политической свободы русский человек потеряет право свободного мнения: и печатать, и говорить с кафедры он будет в состоянии только то, что угодно евреям. Скоро русскому человеку нельзя будет отдать своих детей в школу, не захваченную евреями или их прихвостнями. Скоро нельзя будет найти русского врача или русского адвоката, так как эти профессии сплошь захватываются евреями. Скоро нельзя будет послушать русской музыки или посмотреть русской драмы, так как и консерватория, и театральные школы уже превратились в еврейские местечки. Скоро трудно будет, как в западном крае, найти христианский магазин, фабрику, мастерскую без опасности еврейской фальсификации. Скоро нельзя будет, даже обладая талантом и энергией, получать трудовой кусок хлеба иначе как из рук жида. Доживем, может быть, до того, что и храмы наши, как в эпоху Тараса Бульбы, будут в еврейской аренде. Мне кажется, киевский злоеший выстрел (убийство П. А. Столыпина. — *Н. Г.*) должен пробудить непробудно дремлющее русское христианство».

Но дремлющая и беспечная русская общественность сдавала свои позиции под натиском «либеральной интеллигенции». Уже в к. XIX в. выходцы из еврейских кругов стали играть заметную роль в литературно-общественном движении, особенно в критике. Именно критическая деятельность более всего подходила для создания своего рода негласной цензуры, которая следила за антиеврейскими настроениями среди литераторов. Постепенно эти критики занимали доминирующее положение в литературном процессе. Они же и определяли направление художественной мысли, тематику литературных произведений, приветствуя гл. обр. произведение острокритического пафоса в отношении русской действительности. На эту особенность развития русской литературы обратил внимание А. П. Чехов: «Такие писатели, как Н. С. Лесков, И. С. Максимов не могут иметь у нашей кри-

тики успеха, так как наши критики почти все евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, ее духа, ее форм, ее юмора, совершенно непонятного для них, и выдающиеся в русском человеке ни больше ни меньше, как скучного инородца. У петербургской публики, в большинстве руководимой этими критиками, никогда не имел успеха Островский, и Гоголь уже не смешит их».

Критики не простили Чехову негативного изображения еврейского характера. В рассказе с символическим названием «Тина» Чехов рисует образ нервной, но чрезвычайно изворотливой особы — Сусанны Моисеевны — наследницы водочного производства. На глазах у изумленного кредитора Сусанна уничтожает вексель, по которому ей следует оплатить долги, а затем вовлекает его в преступную связь. Поручик Сокольский с недоумением признается брату: «Первый раз в жизни насочил на такое чудовище! Не красотой берет, не умом, а ...наглостью, цинизмом». Повествование, как это часто бывает у Чехова, пронизано грустным чувством уныния при мысли о том, как люди «могут унижать себя до такой жалкой, грошовой веселости!». Посетителям в гостиной Сусанны недовольно, «точно место, где они встретились, было непристойно». Тина непристойности, мелочности затягивает обывателей, лишая их человеческого облика.

Метко характеризует действия сплоченных еврейских групп *Куприн* в письме к Ф. Д. Батюшкову, 16 марта 1909: «Можно печатно, иносказательно обругать царя и даже Бога, а попробуй-ка еврея! Ого-го! Какой вопль поднимется среди этих фармацевтов, зубных врачей, докторов и особенно громко среди русских писателей, — ибо, как сказал один очень недурной беллетрист Куприн, каждый еврей родился на свет божий с предначертанной миссией быть русским писателем». Еврей «стихийным кровным презрением презирает все наше, земляное. От того-то он так грязен физически, от того-то во всем творческом у него работа второго сорта, от того он опустошает так зверски леса, от того равнодушен к природе, истории, чужому языку... Но есть одна, — одна только область, в которой протителен самый узкий национализм. Это область родного языка и литературы. А именно к ней еврей, вообще ко всему приспособляющийся — относится с величайшей небрежностью... Ведь никто, как они, внесли и вносят в прелестный русский язык сотни немецких, французских, польских, торгово-условных, телеграфно-сокращенных, нелепых и противных слов <...> Ради Бога, избранный народ! иди в генералы, инженеры, ученые, доктора, адвокаты — куда хотите! Но не трогайте нашего языка, который Вам чужд и который даже от нас, вскормленных им, требует теперь самого нежного, самого бережного и любовного отношения. А вы впопыхах его нам вывихнули и даже самого этого не заметили, стремясь в свой Сион. Вы его опоганили, потому что вечно переезжаете на другую квартиру и у вас нет времени, ни охоты, ни уважения для того, чтобы поправить свою ошибку <...> Писали бы вы, паразиты, на своем <...> жаргоне и читали бы сами себе вслух свои вопли. И оставили бы совсем, совсем русскую литературу. А то они привязались к русской литературе, как иногда к широкому, умному, щедрому, нежному душой, но чересчур мягкосердечному человеку привяжется старая истеричная, припадочная проститутка, найденная на улице, но по привычке ставшая давней любовницей. И держится она около него воплями, угрозами скандалов, угрозой отравиться, клеветой, шантажом, анонимными письмами, а главное жалким зрелищем своей болезни, страсти и изношенности. И самое верное средство — это дать ей однажды

ногой по заднице и выбросить за дверь в горизонтальном направлении».

О пагубном воздействии еврейства на русскую литературу свидетельствовали многие современники, даже стоявшие на противоположных общественных позициях. «Главарями национальной культуры, — писал в 1909 А. Белый, активно сотрудничавший с либеральными и социалистическими кругами, — оказываются чуждые этой культуре люди...». «Евреи, — отмечал он, — народ иной, чуждый задачам русской культуры; в их стремлении к равному с нами пониманию скрытых возможностей Русского народа мы безусловно против них». Русское общество должно понять, что еврейская «штемпелеванная культура» не культура вовсе. Русский писатель А. Белый обеспокоен тем, что «чистые струи родного языка засоряются своего рода безличным эсперанто из международных словечек, и далее: всему оригинальному, идущему вне русла эсперанто... объявляется бойкот. Вместо Гоголя объявляется Шолом Аш, провозглашается смерть быту, учреждается международный жаргон... рать критиков и предпринимателей в значительной степени пополняется однородным элементом, вернее, одной нацией, в устах интернационалистов все чаще слышится привкус замаскированной проповеди... юдаизма». Вы посмотрите, говорит поэт, «списки сотрудников газет и журналов России. Вы увидите сплошь имена евреев. Общая масса еврейских критиков совершенно чужда русскому искусству, пишет на жаргоне “эсперанто” и терроризирует всякую попытку углубить и обогатить русский язык. То же и с издательствами: все крупные литературно-коммерческие предприятия России или принадлежат евреям, или ими дирижируются; вырастает экономическая зависимость писателя от издателя. Морально покупается за писателем писатель, за критиком критик. Власть еврейского “штемпеля” нависает над творчеством: национальное творчество трусливо прячется по углам; фальсификация шествует победоносно. И эта зависимость писателя от еврейской или юдаизированной критики строго замалчивается: еврей-издатель, с одной стороны, грозит голодом писателю; с другой стороны — еврейский критик грозит опозорить того, кто поднимает голос в защиту права русской литературы быть русской, и только русской».

Во всех редакциях Западной и Южной России, пишет редактор русской патриотической газеты «Киевлянин» Д. И. Пихно, «не только репортеры, но и сплошь и рядом весь состав сотрудников состоял из разных еврейчиков». Их считали юркими, не всегда опрятными в нравственном отношении. Когда они делали маленькие пакости и переругивались между собой, русское общество не обращало на них внимания или просто посмеивалось. А между тем эти маленькие юркие люди «в рамках цензурных условностей часто высказывали самые разрушительные идеи и все более открыто соврашали молодежь в еврейско-коммунистическую веру Маркса и превозносили его как величайшего гения и непогрешимого пророка».

Даже масон А. И. Гучков, рожденный от матери еврейки, в беседе с царем говорил о еврейском засилье в духовной области. «В области печати — евреи... всеильны; художественная театральная критика — в руках евреев».

Историю еврейского засилья в русской литературе дает писатель А. Буракин. Приводим обширную цитату из его статьи.

«Нашествие евреев в русскую литературу, пленение иудеями русского слова, русской мысли началось со времени либеральных реформ Александра II. Евреи жадно присосались к этим реформам и быстро наполнили университеты,

газеты и журналы... На смену дворянской чопорности и лояльности пришли неугомонное будирование, нытье, неприменная оппозиция, дух недовольства и отрицания... Но тяжелая рука Александра III давала себя чувствовать, и еврейские шептуны ворожили исподтишка, наускивали из недостижимой Жены... Благородное свободолюбие Герцена заменилось шипением еврейского недовольства... Началась на многие годы литература о плохом городском... К 90-м печатное слово уже представляло чуть ли не сплошное еврейское засилье, уже диктовали Вайнберги и Венгеровы; уже нагнали ежесдневные развратители — Натовичи и Липскеровы, Пропперы и Фейгины; уже умножились Слонимские, Герценштейны, Иоллосы; уже осадили русскую литературу Минские и Волинские; уже засоряли русский язык, уродовались русские идеи, насаждалось безверие и отрицание, расцвели мешанство, пригнеталась русская душа к земле, оскудевала русская мечта, наполнялись русские сердца мезью и злобой; корчило общество в судорогах самооплевывания, с грязью смешивался патриотизм, позором клеймилось национальное достоинство. “Новости”, “Новости дня”, “Курьеры”, “Северные вестники” делали свое черное дело, а за ним шло покорное стадо шабесгоев, жидовствующих недоумков, зажимающих рот каждому, кто рещался протестовать против еврейского кодекса... И “Русское богатство” Михайловского, и “Русская мысль” Гольцева, и “Вестник Европы” Стасюлевича — все были одержимы “страхом иудейским”...

“Антисемитизм” у нас не первый день — он в нашей литературе со времен Достоевского и Лескова... Достоевский с ужасом воскликнул: “Жида погубят Россию!” Его статья “Еврейский вопрос” достаточно ярко рисует злонамеренность тогдашнего еврейства. Захватили евреи в свои лапы общественное мнение, но антисемитизм усиливался...

Евреи устами своих русских рабов, всяких теоретизирующих недомысленников наложили херем на всех, кто позволил себе усомниться в искренности еврейского культурирегера... отвели проплеванный угол “мракобесия” и “отсталости”...

Еврейский натиск расколол всю русскую литературу на два враждебных стана, еврейское “равноправие” стало пробным камнем “честных убеждений”, рубником политической нравственности, мерилем личных достоинств, билетом на райское блаженство, паспортом литературности и художественности. И так до сего дня, сколько у нас в литературе несправедливо отвергнутых и забытых — и всё из-за жида! ...Ради него раскололась литература и междоусобствует насмерть. Он все внес: и непримиримость, и озлобление, и ядовитую клевету, и неразборчивую мезь. Прежде этого не было. Герцен и Хомяков дружески беседовали в одном салоне, а у них ли не были различные взгляды? В. Белинский и К. Аксаков горячо любили друг друга, а разве были они единомышленниками?... Стоит только вспомнить “Вехи” и тот гвалт, который подняли из-за них еврейские борзописцы. Писатели и журналисты перегрызлись как собаки, а почему? Да, видите ли, потому, что в сборнике гг. Струве и Булгаков усомнились в нравственной порядочности революционеров, т. е. лиц еврейского происхождения, — обидно стало единомышленникам Азефа, и вот — гвалт и ссора...

Окончательное пленение евреями русской литературы относится к началу нового столетия. Победа марксистов над народниками была победой евреев над русскими писателями. Уже “социал-демократические” журналы “Начало”, “Правда”, “Жизнь” сплошь пестрели еврейскими псевдонимами. Да и победу декадентства приходится приписать

тому же Израилю. Родоначальником декадентства является “Северный вестник”, журнал, основанный Волинским-Флексером вкупе с Минским-Виленкиным и Любовью Гуревич... Дейч, Гершуни, Гоц, Рутенберг, Азеф, Хрусталева-Носарь, Троцкий-Бронштейн, Парбус, Рубинович и т. д. Чем не “русская” революция? Или вот “русская” скульптура — кто ее творцы: Антокольский, Гинзбург, Аронсон, Бернштам, Синаев-Бернштейн... Теперь они во всех шелках, во всех порах литературы, имя им теперь — легион.

В критике: Горнфельд, Айхенвальд, П. Коган, Волинский-Флексер, Мендельсон, Лурье, Кранихфельд, Абрамович-Кадмин, Н. Лернер, Л. Гуревич, Бродский, А. Эфрос, Венгерова, Л. Шестов-Шварцман, Фриче, Долинин-Искоз, К. Сунненберг.

В театральной критике: Н. Эфрос, Э. Бескин, Кугель, А. Койранский, О. О. Мунштейн, Я. Львов-Розенштейн.

В публицистике: А. Яблоновский, Гессены, Вл. Жаботинский, Н. Иорданский, Вл. Брендер, Мускатблит, Меб-Бескин, Манделштам, Берлин, Изгоев, Диснео-Шкловский, Слоимский, Оль-Д’ор, В. Волин-Шмерлинг, Ратнер, Гольберштадт, И. Матусевич, Клейнборг, Каминка, Вейдемюллер, С. Прокопович, Вл. Азов-Ашкинази, Дж. Браунинг-Любошиц, Зак, М. Шик, Волжанин-Израильсон.

В беллетристике: О. Дымов-Перельман, А. Кипен, Н. Осипович, Архипов-Бенштейн, С. Юшкевич, Ю. Ауслендер, А. Грин, Д. Айзман, С. Антский, Аверченко-Лифшиц.

В стихотворстве: Минский-Виленкин, Вл. Ленский-Абрамович, Янтарев-Бернштейн, Саша Черный-Гликберг, Тан-Богораз, Муни-Киссен, Амары, Дм. Цензор, С. Рафалович, К. Львов (псевд.), М. Гофман, С. Рубанович, Фейга-Коган, Нарбут, Биск, Тефи-Лохвицкая, Вилькина, Волькенштейн, Як. Годин, Дикс, М. Папер, Эренбург.

Список далеко не исчерпывает всю пишущую саранчу иудейскую... Столичные книгоиздательства сплошь еврейские. “Московское книгоиздательство” Пализена, “Полюза” Антика, “Универсальное к-во” Столяр, “Современные проблемы” Кадиша, “Мир”, “Культура”, “Освобождение”, “Шиповник” Копельмана, “Просвещение” Цейтлина, “Общественная польза”, “Брокгауз и Эфрон” (энциклопедический словарь) Левенсона.

Из столичных газет и журналов специфически еврейскими являются: “Речь Гессенов”, “Современный мир” Иорданского, “Сатирикон” Корнфельда, “Солнце России”, “Синий журнал” Корнфельда, “Биржевые ведомости” и “Огонек” Проппера, “Запросы жизни” Бланка, “Копейка” Городецкого, “Раннее утро” Казецкого, “Московская газета” Бескина...

Ужас в том, опасность в том, что евреи, перенимая наш язык, наши литературные формы, внешне усиленно прикидываются русскими, всячески стараясь внешне обрусеть, остаются все теми же евреями, влагают в русские формы свое еврейское содержание, свой дух, вытесняя наши духовные ценности, нашу психологию, нашу нравственность, наши русские идеалы... Пиши евреи на своем говоре, нам бы от этого не было убытка, но их еврейская мысль получает русское выражение и таким образом пролазит в наш русский обиход, ибо они по-еврейски любят и оценивают. Достоевский у Волинского получился с длинным носом, а К. Аксаков у Венгерова похож на цадику; а у наших классиков, как они выставлены у Айхенвальда, чуть-чуть гортанный говор и какая-то семитическая чувствительность. И я не знаю, и еще вопрос, что страшнее для России, для нашей литературы — ненависть или любовь евреев? Думаю, что

любовь. Разве не пылал спрут-Израиль пламенной любовью к Ханаану и разве не всосал в себя все его сокровища?..

Они, быть может, и от нас уйдут, но дух их останется, дух отрицания и низменности. Быть может, такова задача вселенского спрута: возлюбить, приспособить, присосаться, высосать, опустошить, оставить мерзость запустения и уйти дальше. Для евреев наша литература, конечно, обетованная Палестина. Какая радость: обрядить свое духовное убожество, свою трусливую похоть, свою ладную корысть в такой пурпур и висон, придать своей низменности полет и дерзание, похоти — красоту, корысти — размах и нравственное оправдание и втянуть в свою нарядную грязь еще одну неиспорченную душу! Бойтесь еврейской любви, страшитесь ее нежных толкований — волки приходят в овечьей шкуре, но надо поглядеть на зубы, вникнуть в волчьи инстинкты, приглядеться к блеску волчьих глаз. Необходимо обратиться к психологии еврейского творчества, еврейского мышления, добраться до еврейской изнанки.

Художественную оценку роли евреев в русской жизни дает А. Блок в своей крупнейшей поэме «Возмездие» (1910—21), написанной скорее всего под влиянием чтения «Сионских протоколов». Блок проводит мысль о «неизбежности» мировых катастроф, которые готовит человечеству мировая иудейская закулиса. Он вскрывает истоки мирового зла, вышедшего на сцену западной политической жизни и намеревающегося разрушить Россию.

Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели темные дела.

Показывая развитие событий по «Сионским протоколам», Блок в поэтической форме раскрывает программу завоевания мира евреями:

Тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас.

Блок показывал, что т. н. свобода в руках евреев становится оружием разрушения христианского мира.

Так, с жизнью счет сводя печальный,
Прозревши молодости пыл,
Сей Фауст, когда-то радикальный,
«Правел», слабел... И все забыл;
Ведь жизнь уже не жгла — чадила,
И однозвучны стали в ней
Слова: «свобода» и «еврей».

Возмущаясь наплывом нерусских интонаций, Блок 8 июля 1917 записал в своем дневнике: «Истерия идет, что творится; а жидки жидками: упористо и смело, неустанно нюхая воздух, они приспособливаются, чтобы не творить ... так как сами лишены творчества; творчество — вот грех для еврея... Господи, когда, наконец, я отвыкну от жидовского языка и обрету вновь свой русский язык.. Со временем народ все оценит и произведет свой суд, жесткий и холодный, над всеми, кто считал его ниже, кто не только из личной

корысти, но из своего еврейского интеллигентского недоумения хотел к нему спуститься».

Однако суд народный не спешил с оценками, бесы антирусской революции набирали силу, опасения литераторов и историков подтвердились. Самыми активными разрушителями вековых основ русской государственности стали еврейские большевики. В 1918 был введен закон против антисемитизма, запрещающий любые критические высказывания на тему еврейства. Нарушение этого закона каралось смертной казнью. Прямой разговор о евреях стал невозможен. В экономике и культуре насаждались чуждые русскому сознанию принципы, активно внедрялся лозунг о переделке человека. Этот тезис о переделке жизни на новый лад проникал не только в политику и культуру, но и в научные сферы. На этом основывался дух времени. Создание нового человека представлялось в полном отрыве от культурных, национальных, религиозных традиций. Эта опасная установка несла в себе разрушительное начало и грозила отбросить общество назад к примитивным понятиям и отношениям, основанным часто на произволе личности. Наиболее дальновидные писатели понимали пагубность таких процессов и, как могли, противостояли натиску революционной бесовщины. М. Булгаков в условно-фантастической форме в повести с символическим названием «Собачье сердце» (1925) показал перспективу «нового» жизнеустройства. Глубинный философский план повествования связан с мыслью о крахе социальных экспериментов, основанных на атеистической гордыне. Профессор Преображенский, претендующий на роль творца, решается на рискованный опыт. Как показывает Булгаков, вмешиваться в законы природы с целью их переделки — дело очень опасное, не имеющее ничего общего с подлинно научными поисками. Нигилистическое сознание революционного общества порождает чудовище в образе Шарикова. В искусственно созданном новом существе стало побеждать животное начало. Появилась агрессивность животного и остались все пороки дурного человека из маргинальной среды, без образования, с хамскими манерами поведения. Собачье сердце — условный термин для обозначения комплекса агрессии, примитивизма, отсутствия совести и культуры. Шариков — производное от революции, страстей, но не народа.

Однако сам по себе Шариков еще не столь опасен. Он становится исчадьем ада, когда за его спиной вырастает зловещая тень управдома Швондера. Булгаков показывает, что маргинальной средой руководят евреи-бюрократы, они умело манипулируют агрессивной волей и направляют силу разрушения в удобную швондерам сторону. Швондеры сеют «разруху в головах» деклассированных элементов, культивируя примитивные инстинкты толпы. Т. о., Булгаков в условно-фантастической художественной форме убедительно показал пагубность атеистических начинаний, роль евреев-большевиков в революционных «преобразованиях» и в сатирическом плане высмеял новые социальные порядки.

С. Есенин в своей драме «Страна негодяев» вывел образ комиссара Чекистова, «пламенного революционера», прибывшего в Россию на «ловлю счастья и чинов». Настоящее лицо революции — чекиста-еврея, переполненного ненавистью к русскому народу, желающего уничтожить «русского равнинного мужика». Правдивое изображение карателя 20-х действительно соответствовало реальности, когда еврейские революционеры открыто выражали свою религиозную нетерпимость в отношении носителей христианской цивилизации. Есенин обозначил типичные приметы жестокого времени. Вот характерный диалог солдата Замарашкина и

Чекистова: «Слушай, Чекистов!.. С каких это пор ты стал иностранец? Я знаю, что ты еврей, фамилия твоя Лейбман, и черт с тобой, что ты жил за границей... Все равно в Могилове твоя дом».

Чекистов отвечает: «Нет, Замарашкин! Я гражданин из Веймара и приехал сюда не как еврей, а как обладающий даром укрощать дураков и зверей. Я ругаюсь и буду упорно проклинать вас хоть тысячи лет... Странный и смешной вы народ! Жили весь век своей нищими и строили храмы Божии... Да я б их давным-давно перестроил в места отхожие».

В этом кратком диалоге, емком по мыслям и ярком по художественному образу, дан объемный тип местечкового еврея-окупанта Лейбмана, ненавидящего Россию и ее народ.

Подобный мотив звучит в стихотворении современного поэта В. Сорокина, названное «Льву Троцкому»:

Мы не звали тебя, не просили,
Не лобзали при встрече в уста.
Ты явился как жулик в Россию
От ночного распятыя Христа.
И теперь нас куда б ни бросало,
Ты везде, как судьбы приговор,
Посвежевший от нашего зала,
Первый в мире предатель и вор.
Это ты по кровавым законам,
Там, где села от горя тихи,
Мордовал мужика за икону
У скрипучей дубовой сохи.
Это ты, в революциях скорый,
Потерявший родительский кров,
В золоченые наши соборы
Лошадей загонял и коров...

История РАППА (Российской ассоциации пролетарских писателей) и Пролеткульта свидетельствует о жестоком наступлении «космополитов» всех мастей, при руководящей роли евреев, на русскую художественную литературу. В основу рапповского отношения к писателям был положен лозунг: союзник или враг. Тезисы критика Г. Лелевича (одного из идеологов новой «пролетарской литературы») о борьбе с контрреволюционной идеологией на 1-й конференции ассоциации Московских писателей (1923) стали программным документом, на основе которого преследовались русские таланты. Всякая иная литература, кроме «пролетарской», объявлялась враждебной, авторы подвергались шельмованию. Рапповские критики закрывали путь в литературу национальным талантам, культивировали произвол и кастовость. В руководстве писательскими объединениями преобладали еврейские лица: Х. Гильдин, А. Исбах, Г. Лелевич, С. Родов, Л. Авербах. Прикрываясь политико-идеологической риторикой, еврейские литераторы утверждали свое право на монополию в искусстве и литературе.

Новые руководители русской литературы пытаются перевернуть всю систему духовных ценностей русского народа. Духовные ценности Святой Руси подменяются талмудическими представлениями о добре и зле.

Евангельское «простить» заменяется иудейскими отомстить, «око за око».

Любовь к Родине — ненавистью к ней и насаждением космополитизма.

Добротолубие — принципом «дашь на дашь», «ты мне, я тебе».

Скромность и целомудрие в отношениях мужчины и женщины — «свободной любовью» (животным сожительством).

В литературе и искусстве меняются сюжеты и темы. Описание души и внутреннего состояния человека сменяется иллюстративным повествованием внешних событий, смакующим зверств, жестокостей (напр., рассказы Бабе-ля), развратных действий и натуралистических сцен.

Антирусские литературные объединения стремятся заглушить все мало-мальские ростки русского сознания в литературе. М. Пришвин, А. Толстой, П. Романов, Н. Заболоцкий, В. Шишков, А. Платонов, М. Булгаков и др. подвергаются постоянной травле не только в рапповских журналах «На литературном посту», «Октябрь», «Молодая гвардия», но и также в журналах др. объединений — «Леф», «Красная Ночь», «Новый мир», «Звезда».

В 20-е засилье еврейских критиков в литературе стало абсолютным. Даже космополитически настроенный Маяковский, когда речь заходила о критиках, не стеснялся, говорил: «Все они Коганы». Евреи монополизировали все журналы. Так, В. Полонский редактировал три журнала — «Новый мир», «Красная нива», «Печать и революция», о чем В. Маяковский с тонкой иронией говорил, что тот «редактирует и «Мир», и «Ниву», и «Печать», и «Революцию». Сформировалась целая когорта критиков и литераторов, готовых травить любое проявление самобытного русского таланта.

Свою ненависть к русскому еврейские критики прикрывали разными ярлыками — «кулацкой литературы», «отсутствием классового подхода» (О. Бескин, А. Безыменский, Б. Розенфельд и т. п.), а также лозунгами борьбы против «кумачовой халтуры», «фальши», «буржуазного индивидуализма» — Л. Авербах, Б. Бухштаб, Б. Беккер, А. Горнфельд, И. Гроссман-Рошин, С. Дрейден, В. Ермилов, К. Зелинский, П. Коган, А. Лежнев, Г. Лелевич, И. Машбиц-Веров, Н. Насимович-Чужак, М. Ольшевец, А. Селивановский, Д. Тальников, Ю. Юзовский.

Особо огостелой критике подвергались С. Есенин, П. Васильев, Н. Клюев, А. Толстой, Н. Сергеев-Ценский, А. Чапыгин, М. Пришвин, М. Шолохов.

«Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни, чем время, в которое мы живем, — писал С. Есенин. — Тяжелое за эти годы состояние государства... выдвинуло на арену литературы революционных фельдфебелей... (которые трубят)... около семи лет об одном и том же, что русская современная литература контрреволюционна...» Эти фельдфебели поучают русских писателей, что и как им писать.

Ярчайшим выразителем «еврейской школы критики» был В. Шкловский, заслуживший брезгливое презрение многих русских писателей. Ахматова и Блок, напр., считали, что он принадлежит к тому «бесчисленному разряду критиков, которые, ничего не понимая в произведениях искусства, не умея отличить хорошее от плохого, предпочитают создавать об искусстве теории, схемы — ценят то или иное произведение не за его художественные качества, а за то, что оно подходит (или не подходит) к заранее придуманной ими схеме». А схема эта была изначально космополитической и антирусской. Все, что не укладывалось в нее, и прежде всего национально-русское восприятие жизни и патриотическая позиция, представлялось проявлением черносотенства, ретроградства и антисемитизма, а еврейские литераторы объявлялись великими писателями. А. Толстой с горечью писал: «Сколько примеров, когда большой художник затравлен и не воспринят. Сколько примеров, когда бездарность возводилась в гении».

В печати развернулась острая полемика по вопросам искусства и политики, гл. обр. за «чистоту партийной ли-

нии». Наиболее одиозной фигурой был С. Родов, имя которого стало символом предвзятости, политиканства в критике. По свидетельству современников, Родов обладал способностью мастерски плести разного рода интриги вокруг неугодных авторов. Этот кризисный период истории литературы подробно описан в книге русского литературоведа С. Шешукова «Неистовые ревнители» (1970). Само название монографии указывает на ожесточенный характер борьбы литературных группировок в 20—30-е. Книга впервые приоткрыла русскому читателю завесу тайны над антирусской деятельностью литераторов-евреев.

Борьба против родовщины продолжалась почти целое десятилетие, а между тем русские самобытные авторы формировались вопреки рапповскому натиску (Шолохов, напр.). После ликвидации РАППА в 1932 и создания Союза писателей в 1934 русская литература стала развиваться более динамично. Настоящие художники слова дали русскому читателю в канун Великой Отечественной войны произведения национально-патриотического содержания: С. Сергеев-Ценский «Севастопольская страда», «Брусилевский прорыв», А. Толстой «Хождение по мукам», М. Шолохов «Тихий дон», поэзия М. Исаковского. Национально-патриотический дух русской литературы укреплялся в годы войны, когда тема ратного подвига заняла главенствующее положение. Стимулом для развития русской литературы и государства в целом послужило обращение высшего партийного руководства в лице И. В. Сталина к национальным чувствам русских людей. Наметился поворот от политики «интернационализма» к возрождению (и возвращению в идеологическую практику) национально-державного самосознания народа.

Художественное отражение этого поворота представлено в романе Л. Леонова «Русский лес» (1953). В книге показана борьба русского ученого Вихрова с хищником Грацианским, который, прикрываясь идеей прогресса, пропагандирует разрушение, уничтожение русских лесов. Русский лес — самостоятельный поэтический образ, символ родины, России, ее мощи и красоты, на которую покушается Грацианский. В образе Грацианского угадывается тип двурушника, паразитирующего на научных достижениях своего коллеги. Благодаря многолетним и хитроумным стараниям Грацианского, репутация Вихрова была подорвана, несмотря на очевидные заслуги перед отечественной наукой.

И. Вихров — тип труженика, символизирующий созидательное начало, Грацианский — разрушительное. В образе Грацианского — обобщены черты русофобствующих либералов, захватывающих командные места в бюрократической системе управления наукой, общественным мнением, вкусами обывательских кругов интеллигенции. В их поединке раскрываются приемы воздействия на общественное мнение и подавления национально-патриотического сознания.

Природная скромность не позволяет Вихрову использовать грязные методы своего оппонента. Вопрос об активном противодействии злу — остается неразрешенным в романе: ведь это качество русского человека позволяет торжествовать грацианским в жизни. Центральный эпизод романа раскрывает символический смысл противостояния вихровых и грацианских на русской земле. Вихров-лесничий свято оберегает в лесной глуши место «тайственного рождения реки» — прозрачный источник родниковой воды. Он показывает этот овражек приезжим гостям (Грацианскому и Чередилову) «с видом человека, который показывает чужому ладанку или карточку невесты». Како-

ва же реакция Грацианского? «Какая-то смертельная борьба чувств происходила в его побледневшем лице, как если бы перед ним билось обнаженное от покровов человеческое сердце...

— Сердитый... — непонятно обнажая зубы, протянул Грацианский и вдруг, сделав фехтовальный выпад вперед, вонзил палку в родничок и дважды самозабвенно провернул ее там, в темном пятнышке его гортани.

Все последующее слилось в один звук: стон чередилловской досады, крик Вихрова — я у б ь ю т е б я! — и хруст самой палки, скорее разорванной надвое, чем даже сломленной в его руках, — причем Грацианский каким-то зачарованным, странным взглядом проследил полет ее обломков. Потом, как после удара грома, все трое стояли, очумело дыша, обессиленные происшедшим, пока сквозь ржавую муть в родничке не пробилась прозрачная жилка воды.

— Ну, хватит с нас, пожалуй, этой лирики, — через силу, все еще бледный, сказал Грацианский. — Ничего ей не делается, твоей воде... заживет.

...Так и не выяснилось никогда, что именно толкнуло Грацианского на его отвратительный поступок, и Чередилов, любивший при случае рассказать про истоки знаменитой лесной распри, сперва объяснял его приступом гипнотического страха, с оттенком мгновенного безумия, а впоследствии, наконец сойдясь с Грацианским, даже оправдывал его как проявление научно-исследовательской пытливости к явлениям природы).

Так ненавистен Грацианскому источник жизни, малый родничок, без живой воды которого «не рождаются ни дети, ни хлеб, ни песня, и одного глотка ее хватало прадедам на подвиги тысячелетней славы».

После смерти Сталина произошел космополитический реванш, выбросивший на поверхность значительное число литераторов, преисполненных ненависти к России и готовности свести счеты с русским народом. Начинает выходить из подполья и расширяться слой людей, у которых понятие русского патриотизма и величие русского государства вызывали ненависть и активное неприятие. Постепенно формируются группы евреев-единомышленников, узнававших друг друга по общим символам. Хорошими в их понимании были те, кто любил Эренбурга, предпочитали иностранную литературу русской, увлекались космополитической поэзией Евтущенко, Вознесенского, Рождественского. Плохими и отсталыми — кто восхвалялся Шолоховым и др. русскими писателями, считали себя патриотами, любили поэзию Есенина.

Еврейские литераторы, вроде того же Эренбурга, не стесняются выступать с нападками на русских писателей, привычно обвиняя их в антисемитизме. Их неудовольствие вызывают даже *А. Т. Твардовский* и *А. И. Солженицын*, которых они обвиняют во враждебности к интеллигенции, имея в виду еврейскую интеллигенцию.

Еврейские литераторы создают себе особый иллюзорный мир, ориентированный на Запад. Духовным ценностям русской культуры, продолжавшим существовать в произведениях русских писателей, они предпочитают вымышленный мир (удивительно напоминающий западный), куда пытаются поселить и нашего современника, своеобразно трактуются модные произведения тех лет «Алые паруса» и «Человек-амфибия». Проводится мысль, что все хорошее только за горизонтом, из нашей мрачной (русской) действительности можно уйти в прекрасный зарубежный мир, где «красивая жизнь», где «благородные дамы и господа» научат народ, как надо жить по-настоящему. Репертуар театров наполняют переводные зарубежные

песны, которые с упоением и своеобразными акцентами и трактовками играют преимущественно еврейские актеры, смакующие бытовые подробности нездешнего мира.

Если в 20—30-е еврейские литераторы воспевали геноцид русских и восхищались разрушением России, то после Сталина они по-прежнему привержены «героике» тех лет, но уже посматривают в сторону Запада и как бы духовно эмигрируют из России.

Именно на этой закваске возникает т. н. шестидесятиничество. Движение это апеллировало к «золотой эре» советской власти, «двадцатым годам» и по своей сути было антирусским. Оно выступало не столько против советской системы, сколько против ценностей русской цивилизации и русского государства, частично возрожденных при Сталине.

Ортодоксальный большевизм и его новая модификация «шестидесятиничество» были ветвями одного антирусского дерева. И тех, и др. объединила общая ненависть к исторической России. Недаром в 60-е официальные партийные журналы и орган либеральных шестидесятников «Новый мир» совместно ополчились на журнал «Молодая гвардия», робко отстаивавший русские национальные интересы.

Как в свое время еврейские литераторы 20-х призывали народ отречься от своего прошлого, порвать со своими темными предками, еврейские литераторы 60-х призывают отречься от сталинского прошлого, заклеить своих отцов.

Пользуясь поддержкой сверху, еврейские деятели открыто выступают против любых проявлений коренной русской культуры, настаивают на участии евреев в любом русском органе печати.

В к. авг. 1956 русский художник В. А. Серов напечатал в «Правде» статью, где пытался защищать национальные корни русского искусства. В ответ на его статью восстала вся еврейская публицистика, привычно обвиняя художника в черносотенстве и антисемитизме.

Обострение национальной борьбы среди интеллигенции в 1962 привело к реорганизации газеты «Литературная Россия», что вызвало приступ откровенной злобы со стороны космополитических сил. В. Шкловский, С. Образцов, С. Шипачев демонстрировали свой протест против довольно робкой попытки русских писателей создать умеренный национальный орган, требуя ввести туда целую группу евреев, в частности, воинствующего еврейского националиста З. Паперного. Образцов заявил, что не будет соперничать с новой газетой, пока в ее редакции состоит писатель *Г. М. Марков*, обвинив его и многих др. русских писателей в антисемитизме, угрожая им физической расправой.

В 60-х в московской организации Союза писателей 65% составляли евреи, кроме того, у многих русских писателей были жены еврейки. Один из старейших русских поэтов той поры *И. Молчанов*, когда литераторы «малого народа» исключили его из Союза писателей, дал по адресу *К. Симонова* такую телеграмму:

У каждой банды свой закон,
Свои пути, свои дороги.
Толстой от Церкви отлучен,
Я отлучен от синагоги.

Народная русская литература принималась еврейскими литераторами в штыки. Лучшие ее произведения с большим трудом попадали в печать. Московские журналы отвергали «Районные будни» *В. Овечкина*, повесть *В. Белова* «Привычное дело» (и только позднее она была опубликована в журнале «Север»), не давали ходу первому роману *Ф. Абрамова*

«Братья и сестры», а когда он вышел, всячески травили, как и за предыдущие «Пути-перепутья», «Вокруг да около». Коммунистические идеологи и еврейские критики смыкались в единый фронт, не давая развиваться корневой русской литературе.

На II съезде писателей группа еврейских литераторов организовала выступление против М. Шолохова. Руководил действием сам член Политбюро Сулов. Этот партийный функционер перед съездом позвонил Ф. Гладкову и сказал: «Вы должны дать Шолохову отпор». Гладков выступил, страшно волнуясь. На следующее утро ему позвонили: «Вашим выступлением вполне удовлетворены, вы должны провести последнее заседание». На этом последнем заседании Гладков снова выступил против Шолохова. Письма, которые стали поступать Гладкову, не оставляли сомнения, что большинство писателей поняло антирусский характер выступления Гладкова.

Острое неприятие коренной русской литературы в стане еврейских литераторов выразилось в злых нападках на рассказ А. Солженицына «Матренин двор». Больше всего наследников комиссаров раздражал образ самой Матрены. Еврейская публицистка Л. Иванова заявила: «Не такие “праведницы” восстанавливали колхозы и теперь работают, чтобы сделать их передовыми. Жизнь преобразуют сильные и активные люди, воодушевленные высокими гражданскими идеалами». А по мнению др. еврейского критика Г. Бровмана, не следует изображать таких людей, как Матрена, с ее «костным страдальческим праведничеством», т. к. они «составляют действительную моральную опору и села, и города, и всего нашего советского мира».

Книги И. Эренбурга, Е. Евтушенко (Гангнуса), Б. Окуджавы, А. Вознесенского, В. Аксенова подавались читателям как самые выдающиеся явления русской литературы. Благодаря бесстыдной саморекламе и наглому нахрапу, эти творчески бесцветные личности сумели завоевать доверие коммунистического руководства, сочиняя дежурные партийные стишки вроде этих:

— Я, — писал Евтушенко, —
если мучают сомненья,

Ища от них исцеленья,
Иду ходоком к Ленину...

Или он же:

Не умрет веками Ленин
И Коммуна не умрет.

Или еще он же:

И пусть, не в пример неискренним,
Рассчитанным чьим-то словам,
«Считайте меня коммунистом», —
Все жизнь моя скажет вам.

Не обладая творческим талантом, эти деятели привлекают к себе внимание периодическими скандалами, которые сами организовали вокруг своих имен. Будучи обычными прислужниками космополитического режима, еврейские литераторы создавали себе образ «гонимых».

На встрече Хрущева с творческой интеллигенцией в дек. 1962 именно еврейские литераторы больше всего пресмыкались перед партийной верхушкой. Тот же Евтушенко в своей речи, в частности, сказал: «Вся наша жизнь — борьба... и мы должны бороться неустанно, каждодневно за окончательную победу идей ленинизма».

«Бой за советскую власть, — патетически восклицал этот еврейский поэт, — бой за советскую власть продолжается! Я как никогда понимаю, что мы отвечаем за завоевания революции, за каждую ниточку знамени нашей революции. И на наших плечах сегодня как никогда лежит большая ответственность перед ленинскими идеями, перед завоеваниями революции, как никогда!» В таком же духе обращался к Хрущеву В. Аксенов.

Русские писатели презирали подобных деятелей и избегали их. А. Твардовский, напр., не считал Евтушенко настоящим поэтом, а видел в нем только фигляра, который вечно чувствует себя под прожектором. Эта точная оценка «творчества» Евтушенко разделялась многими русскими писателями. Подобным образом они оценивали и В. Аксенова. *Чивилхин* записывает в своем дневнике в 1963, какое отталкивающее впечатление производил этот еврейский литератор. «Эти факты (имея в виду Аксенова), — писал он, — узаконили в нашей литературе тип молодого литератора — фанфарона, всезнайку и трепача. Когда наступят другие времена? Что этим шеглам до народа, до его бед и проблем. Прочирить, и ладно».

Ностальгические нотки по ушедшей эпохе 20-х — н. 30-х олицетворялись у еврейских литераторов в понятии «Арбат», певцом которого при хрущевском режиме стал сын видного еврейского большевика Б. Окуджава. «Ах, Арбат, мой Арбат, ты моя религия», — пел, бренча на гитаре, этот еврейский бард, тоскуя по временам, когда его соплеменники чувствовали себя полными господами великой страны.

Арбатство, растворенное в крови,
Неистребимо, как сама природа, —

декларировал сын большевика. —

Ах, Арбат, мой Арбат!
Ты мое призвание,
Ты и радость моя, и моя беда.

Или:

Солнце, май, Арбат, любовь —
Выше нет карьеры...

Недаром примерно в это же время др. еврейский литератор Рыбаков писал роман «Дети Арбата» (опубликован в 1980-е), в котором также ностальгически описывал эпоху 20-х.

Особняком среди еврейских литераторов стоял Б. Пастернак. Этот воистину выдающийся поэт был козырной картой в нечистой игре, которую вели против русского народа западные спецслужбы при поддержке еврейских литераторов и эмигрантов.

В н. 1956 Б. Пастернак тайным образом переправил в итальянское издательство рукопись своего романа «Доктор Живаго», который явно не принадлежал к лучшим образцам русской литературы. Напр., известный литературовед К. Чуковский роман Б. Пастернака сильно разочаровал. Роман этот, писал Чуковский, «не слишком понравился — есть отличные места, но в общем вяло, эгоцентрично, гораздо ниже его стихов». Появление этого романа на Западе было использовано в целях антисоветской (и прежде всего антирусской) пропаганды. С помощью западных спецслужб организуется шумная рекламная кампания и массовая публикация книг в ряде стран. В теч. 1957 за рубежом вышло 8 изданий романа, а уже в 1958 Шведская Академия наук присудила за него Нобелевскую премию. Сам писа-

тель, казалось, с горечью понял, что шумиха, поднятая вокруг него, имела мало отношения к художественным достоинствам книги. «По истечении недели, — писал Пастернак, — когда я увидел, какие размеры приобретает политическая кампания вокруг моего романа, я убедился, что это присуждение — шаг политический, теперь приведший к чудовищным последствиям, я по собственному побуждению, никем не принуждаемый, послал свой добровольный отказ». Однако на самом деле Пастернак занял двудличную позицию. Утверждая о своей верности «советской родине», он вместе с тем продолжал отправлять за границу материалы, которые способствовали дальнейшему усилению пропагандистской шумихи вокруг его имени. Подобная лукавая позиция взаимоотношений между писателем и властью с легкой руки Пастернака стала своего рода образцом для др. еврейских литераторов. Среди них утверждается убеждение в том, что только на Западе могут понять и оценить «настоящий талант». Характерно настроение Пастернака: «Жить мне в Советском Союзе невозможно, и я вижу только два выхода из создавшегося положения: покончить с собой или уехать в Англию, там я буду жить свободно, и меня оценят по достоинству и побеспокоятся обо мне».

Еврейские литераторы стремились всеми путями очернить, огрубить, осквернить духовное представление о русской жизни, карикатурно-бездушно представить ее самые трагические страницы. Это бездушие к России было самой отличительной чертой этой литературы. Как справедливо писал Солженицын в отношении поэта А. Вознесенского, но что в равной степени относится ко всем еврейским литераторам: «Нет у вас русской боли. Вот нет — так и нет. Не страдает его сердце ни прошлыми бедами России, ни нынешними... Деревянное сердце, деревянное ухо».

Еврейские литераторы создавали некую полукультуру, а точнее эрзац-культуру, поп-литературу, которая серьезно угрожала духовному развитию России. Как отмечал К. Чуковский: «Подлинно культурные люди скоро окажутся в такой изоляции, что, напр., Герцен или Тютчев — и все, что они несут с собой, будет задушено массовой полукulturой. Новые шестидесятые годы, но еще круче, еще осатанелее. Для них даже “поп-литература” — слишком большая вершина. Две-три готовых мыслишки, и хватит на всю жизнь».

Почти все известные еврейские литераторы принадлежали к певцам коммунистического режима. Е. Евтушенко выпустил первую книгу стихов, в которых воспевал Сталина (естественно, неискренне), впоследствии подвизался на обличении американского империализма, хотя на самом деле был ярким поклонником американского образа жизни. Как справедливо отмечала С. Аллилуева о западнических стихах Евтушенко, от них несет «за версту провинциальностью и допотопными реверансами перед каждым французским парикмахером». Подобно Евтушенко, литератор В. Коротич прославился одним-единственным романом, посвященным борьбе с американским империализмом, «Лицо ненависти», впоследствии переехал жить в США. Верным ленинцем объявлял себя и А. Вознесенский, с чувством вешавший в своих стихах: «Уберите Ленина с денег».

В антирусской литературе, рожденной еврейским большевизмом, не последнее место принадлежит Синявскому. Он демонстративно использовал псевд. Абрам Терц, хотя и не был евреем. Как справедливо отмечалось, это был типичный продукт большевистской системы, пронизанный «двоедушием, двоемыслием, двоечувствием, двословием». Прошедший через систему советских лагерей, в строительстве которой активное идейное уча-

стие приняли предыдущие поколения еврейских литераторов, Синявский ненавидел Россию и почти в каждом своем «сочинении» стремился ее больнее ударить: «Россия — сука, и ты ответишь и за это...», «Либо миру быть живу, либо России». Причем свое извращенно-патологическое представление о России он, как и др. еврейские литераторы, пытается распространить на весь великий русский народ. В книге «Мысли врасплох» Синявский как бы выдает всю суть менталитета еврейских литераторов. Они воспринимают русскую жизнь как блатной на нарах и видят в ней только то, что им в ней больше всего близко, — насилие, эротику, безобразия, хаос. «Как только вековые устои, — пишет Синявский, — сословная иерархия рухнули и сменились аморфным равенством, эта блатная природа русского человека (правильнее, еврейских литераторов. — *Авт.*) выперла на поверхность. Мы теперь все блатные. Кто из нас не чувствует в своей душе и судьбе что-то мошенническое? Мы способны прикарманить Европу или запузырить в нее интересной ересью, но создать культуру мы просто не в состоянии. От нас, как от вора, как от пропойцы, можно ожидать чего угодно».

Позднее, уже после выхода из лагеря, Синявский выпустил одну из самых гнусных в истории русофобии книгу — «Проглуки с Пушкиным», содержавшую откровенное глумление над великим русским поэтом. Совершенно фальшивая, манерная и придуманная книга выплескивает ушат мерзких ассоциаций, главная цель которых была опоганить даже не Пушкина, а Россию вообще, великую русскую культуру.

Шумным успехом среди еврейских литераторов пользовался один из наиболее ярких представителей еврейский бард В. Высоцкий. Не лишенный песенного таланта и за это принимаемый частью русских людей, деформированных десятилетиями космополитической власти, этот бард, тем не менее, был глубоко чужд России, пришедшая в ее народную культуру несвойственные ей уголовные, блатные нотки. Как справедливо писал поэт С. Ю. Куняев: «Высоцкий многое отдавал за эстрадный успех. У “златоустого блатара”, по которому, как сказал Вознесенский, должна “рыдать Россия”, нет ни одной светлой песни о ней, о ее великой истории, о русском характере, песни, написанной любовью или хотя бы блоковским чувством... Знаменитый бард ради эстрадного успеха, “ради красного словца” не шадил наших национальных святынь... Песни (его)... не боролись с распадом, а наоборот, эстетически обрамляли его».

Еврейские литераторы приложили большие усилия для раздувания славы И. Бродского, пытаясь представить его крупнейшим поэтом. Беззастенчиво они обходили русских писателей, убеждая их подписаться под телеграммой в защиту Бродского. И не у каждого из них хватало смелости отказаться. Некоторые боялись, что их отказ будет расценен как проявление антисемитизма, и поэтому соглашались. Явно по этой причине подписался и литератор В. К. Чуковский, который записал в своем дневнике: «Кома (В. В. Иванов, литератор, масон. — *Авт.*)... предложил мне подписаться под телеграммой к Микояну о судьбе Бродского. Я с удовольствием подписал... Там сказано, будто Бродский замечательный поэт. Этого я не думаю. Он развязный».

Выступить с осуждением антисоветских, по сути дела антирусских произведений литераторов-диссидентов и космополитов было большим гражданским мужеством, чем, опираясь на поддержку западных средств массовой информа-

ции, клеветать на свою Родину. М. Шолохов не побоялся выступить с осуждением Синявского и Даниэля на XXIII съезде КПСС, позднее на IV Всесоюзном съезде советских писателей, открыто высказался о «ревнителях свободы печати». «Мне стыдно, — писал великий русский писатель, — не за тех, кто оболгал Родину и облил грязью все самое святое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытается взять их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась».

Весьма характерным эпизодом в борьбе русских писателей с еврейскими литераторами была статья «Глухота» поэта *И. Лыцова*, напечатанная в московской областной газете в марте 1969 и вызвавшая ярость еврейских критиков. Суть ее состояла в том, что Лыцов показал поэтическую глухоту и бездарность многих авторов альманаха «День поэзии 1968 года». Русских поэтов от участия в этом альманахе оттеснили, а их место бесцеремонно заняли еврейские литераторы с их витиеватостью, манерностью, умеренной сложностью стихотворных поделок, претендующих на мастерство, но на самом деле являвшихся посредственной маскировкой скудости, а то и вовсе бессмыслицы содержания.

Альманах стал типичным примером издания, полностью оккупированного «избранным народом» и не подпускавшего к нему «чужих», т. е. русских поэтов. Лыцов совершенно справедливо отмечает, что глухота многих авторов альманаха вовсе «не физического или музыкального свойства, а сугубо гражданственного ее толкования, когда посредственные “песни” и “перезвоны” наших песнопевцев все более и более замыкаются в себе, иллюстрируя бесплодные теории “искусства для искусства”. С одной стороны, они сплошь и рядом оказываются элегиями личного, “исповедально-возрастного ряда”, или стихами о стихах, или же совсем не имеют отношения к нашей жизни, к делам, заботам и нуждам народа, а то и обладают специфическим, на обывателя рассчитанным душком». В статье приводились примеры поэтической манерности, глухоты, оторванности от русского народа таких поэтов, как М. Зенкевич, Ю. Мориц, М. Алигер, Б. Ахмадулина, Р. Рождественский, Б. Слуцкий.

В ответ на справедливую критику последовал коллективный донос еврейских поэтов в высшие инстанции; доносчиков поддержали партийная печать и своя критика, в частности, в лице Л. Аннинского, заявившего о некоей угрозе «частичного» проявления русской патриархальной «агрессивности». После этой статьи злопамятная еврейская критика травила Лыцова четверть века. Его творчество замалчивалось, упоминания о нем вычеркивались из газетных и журнальных статей, запрещались выступления. Таким же образом еврейская критика преследовала поэта Б. Примерова, «осмелившегося» в своей статье критиковать их кумира А. Вознесенского. Десятилетиями космополитические критики травили Д. Блинского, *Н. Рубцова*, *А. Передреву*, *А. Прасолова*, Е. Маркина, В. Богданова, И. Хабарова, П. Мелехина и множество др. русских поэтов.

Еврейские литераторы желали купаться в лучах известности и славы. Но к к. 70-х поэзия и проза евреев-«шестидесятников» уже не находили поклонников. Многие распознали их творческое бесплодие и фальшивый пафос. Чтобы вернуть себе внимание бывших поклонников, еврейские литераторы Евтушенко, Ахмадулина, Окуджава, Рождественский предпринимают в н. 1979 выпуск литературного альманаха «Метрополь». «Увы, — замечает писатель *С. Семанов*, — уровень постаревшей “молодежной поэзии” оказался через 15–20 лет столь жалок, что никакого отклика среди интеллигенции не вызвал, произошел политический скандал, и только». Впрочем, этого больше всего и ждали авторы «Метрополя». Обсуждение их

«проступка» на страницах советской печати пробудило память о них, уже было заснувшую навсегда в общественном сознании. «Гонимые» и «преследуемые» еврейские литераторы вновь оказались на слуху в излюбленной ими атмосфере скандала. Альманах «Метрополь» удивил русских писателей отсутствием таланта, безвкусицей, графоманией, самохвальством, игнорированием высокого нравственного уровня, достигнутого великой русской литературой от Достоевского и Толстого до Распутина и Белова. В альманахе приняли участие А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Ф. Искандер, Ю. Алешковский, В. Ерофеев, А. Битов, В. Аксенов и тому подобные личности. Стремясь идти вровень с «высокой американской культурой», авторы альманаха поместили в нем «произведения», чуждые и враждебные вековым духовным традициям русской литературы. Ориентируясь на западную маскультуру, участники «Метрополя» как бы декларировали «порнографию духа». Основное направление альманаха было вульгарно-фрейдовское, рассчитанное на бесстыдную рекламу и эпатаж. «Свобода и раскрепощенность» выражались не в художественных формах, а в обилии гнусных, пошленьких, физиологических описаний, нагромождении грубых непристойностей. Как справедливо отмечал писатель *С. Залыгин*, «целый ряд авторов этого альманаха... просто не являются писателями и не могут делать профессиональную литературу... Это не литература, это нечто другое».

Однако с помощью зарубежных радиостанций псевдо-литература, представленная в альманахе, объявлялась на весь мир вершиной российской прозы и поэзии, а его в основном бездарные и непристойные авторы — самыми талантливыми писателями СССР, преследуемыми антисемитской властью.

Из-за боязни прослыть антисемитами русские писатели сознательно обходили в своих произведениях еврейскую тему, и если и показывали евреев, то только в хвалебном духе. Однако художественное, публицистическое отражение жизни требовало правды, замалчивание действительной роли евреев, особенностей их менталитета в общественной жизни вызвало много серьезных вопросов у читателей. Русские писатели начинают тяготиться еврейской цензурой. Наиболее мужественные из них делают первые, сначала робкие, попытки преодолеть антирусский гнет.

В 1956 выходит роман *В. Иванова* «Желтый металл», рассказывающий о хитроумной цепочке хищений золота с сибирских золотых приисков и перепродаже его за границу. За этой уголовной группой стоят еврейские ловкачи, которые отладили преступную систему сбыта. Иванов первым в советской литературе затронул проблему разлагающего влияния сионистской идеологии, чем вызвал на себя удар еврейских кругов.

Однако в центре идеологических баталий сер. XX в. оказался роман *И. Шевцова* «Тля» (1964), который вызвал наиболее острую журнально-газетную полемику. Именно в адрес этого произведения был выпущен целый поток злобных рецензий либерально-космополитической интеллигенции, которая в авторе усмотрела врага «прогресса». В романе показано тлетворное влияние узкой прослойки интеллигенции (ядро «малого народа», по определению *И. Шафаревича*), которая в 60-е активизировала свои усилия по разложению моральных устоев общества, выполняя известную доктрину А. Даллеса о ликвидации СССР изнутри. Автор обратился к волновавшей в то время общественность теме — противостояние в искусстве космополитов и патриотов. Ориентация еврейских кругов на западные, авангардистские течения в искусстве означала

идеологический подрыв внутри государственной системы. Писатель в концентрированной, обобщенной форме изобразил действия «пятой колонны» в рамках партийной системы. В салонике некоего Осипа Давидовича защитники западного образа жизни разрабатывают планы наступления на русское искусство и русскую жизнь. Тонко выписаны характерные приметы русофобов: циничное отношение к русской культуре, грубый практицизм, преследование талантов, страсть к интриганству, жажда золота и власти.

Последующие романы И. Шевцова («Во имя отца и сына...», «Любовь и ненависть», «Бородинское поле», «Грабеж», «Остров дьявола» и др. (см. более подробно ст. в энциклопедии) посвящена анализу общественного развития на протяжении двадцати с лишним лет. Шевцов пророчески предупреждал о духовном и политическом рабстве, которое несет миру сионистское движение. С выходом в свет романа «Тля» в советском обществе окончательно оформился раскол интеллигенции на два лагеря: патриотов и диссидентов (космополитов, антипатриотов).

У Шевцова появились последователи. Под влиянием его произведения был создан роман «Богиня победы» (1967) Н. Асанова. Действие происходит в среде ученых, где своеобразная «тля» разъедает научный коллектив.

Остросюжетные романы В. Кочетова («Журбины», «Братья Ершовы», «Секретарь обкома», «Чего же ты хочешь?») также жестко высветили тему противостояния патриотов и космополитов. В романе «Чего же ты хочешь?» (1970) иноземные гости, посещая СССР, занимаются идеологической диверсией, вербуют внешних и внутренних диссидентов. Таковы американские евреи Порция Браун и Юджин Росс. Тем же занимаются и евреи — представители компартий Франции, Англии, Италии и др. Характерным типом в романе представлен итальянец Бенито Спада, «липовый» коммунист, поклонник идей Троцкого, женатый на русской женщине Лере. Усилия этих групп были направлены на «разложение, подпиливание идеологических, моральных устоев советского общества». По ходу повествования выясняется, что «братья браунов и россов, пожалуй, находится на верном пути, расшатывая устой советской морали». Прямой продукт их деятельности — ловкий молодой человек, готовый за валюту стать агентом др. государства.

Творчество А. Иванова, одного из крупнейших русских писателей 2-й пол. XX в., мастера эпических произведений, гл. редактора журнала «Молодая гвардия», замалчивалось сионистской критикой по причине антисемитизма. В своих романах «Тени исчезают в полдень» (1963), «Вечный зов» (1971—76) писатель резкими штрихами очертил преемственность «пятой колонны» в Советском Союзе и троцкизма в его откровенно иудейской форме.

Арнольд Лахновский в беседе с Полиповым цинично размышляет о будущих планах сокрушения державной мощи страны в разгар Великой Отечественной войны: «Борьба да-леко не окончена! наших людей еще много в России. А за ее пределами еще больше.. Ты даже не представляешь, какими мы располагаем силами. Какой мощью... Только действовать теперь будем не спеша. С дальним прицелом». «Мы будем бороться за людей с детства, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь... Так это умел делать Троцкий».

70—90-е XX столетия ознаменовали собой новый этап борьбы за влияние на души людей. Средоточием духовной брани стали литературно-общественные журналы и газеты, в которых собирались лучшие силы русской литературы и

публицистики — с одной стороны («Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва»). А с др. стороны — на противоположном полюсе резко обозначили свое неприятие любого проявления русского национального самосознания поборники демократии («Юность», «Новый мир», «Литературная газета», «Знамя»).

Журнал «Молодая гвардия» первым делает вызов еврейским литераторам, начинает с ними полемику, называет имена врагов России. В «Молодой гвардии» впервые увидели свет замечательные образцы русской национальной публицистики — «Письма из русского музея» В. А. Солоухина, записки-воспоминания художника И. С. Глазунова, статьи о русской духовной культуре М. П. Лобанова («Просвещенное мещанство», 1968), Д. Балашова («Господин Великий Новгород»), стихи В. Фирсова, Ф. Чуева, И. Савельева, В. Сорокина и др.

«Молодая гвардия» необыкновенно смело (по тем временам) заговорила о трагической судьбе русской культуры, и прежде всего Православной церкви, в эпоху еврейских большевиков. Авторы журнала предпочитали русских духовных подвижников Сергея Радонежского, Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского революционным демократам вроде Чернышевского. В русской деревне они видели основу духовности, явно симпатизировали национальной культуре XIX в. (напр., церковной живописи Врубеля и Нестерова), не боялись критиковать кумира либеральных демократов М. Горького, показывать «просвещенное мещанство» еврейских литераторов. Журнал фактически призывал русских людей открывать, изучать, охранять и беречь свое великое духовное наследие, противостоять «американизации духа». В борьбе «Молодой гвардии» за сохранение русской культуры и против «американизации духа» главным оппонентом выступил леволиберальный «Новый мир». Еврейских авторов и редколлегия этого издания «возмущала наглость» русских патриотов, осмелившихся возрождать то, что, по «новомировским» взглядам, уже давно умерло и глубоко похоронено. Статьи «Нового мира» против русского возрождения напоминали обычные доносы, а по злости и концентрированной ненависти к русскому оставляли далеко позади официальные поношения журнала «Коммунист». Так, в статье против «Молодой гвардии» в «Новом мире» члена его редколлегии еврейского публициста А. Г. Дементьева чувствуется просто звериная злоба к «добрым храмам» и «грустным церквям», «пустынножителям и патриархам», к русской крестьянской культуре (ее ценителей критик называет «мужиковствующими»). Взамен всего этого еврейский большевик предлагает бодрое строительство коммунистического общества по директивам ЦК КПСС, симпатизируя на самом деле космополитизму и американизации духа.

На антирусский выпад Дементьева в июле 1969 последовало письмо 11 известных русских писателей, в их числе — М. Алексеев, С. Видулов, А. Иванов, П. Проскурин, С. Смирнов, В. Чивилихин. Русские писатели отметили космополитический характер направления, заданного «Новым миром», стремление этого журнала извратить и очернить развиваемую «Молодой гвардией» программу воспитания русского патриотизма, беззаветной любви к Отечеству. В открытом письме показывались лживость и фальшивость позиции Дементьева, фактически раскрывалась еврейская подоплека его общественных взглядов.

Во 2-й пол. 60-х русские писатели, особенно активно противостоящие еврейскому засилью в русской литературе, начинают селиться в окрестностях Троице-Сергиевой лавры, в Радонеже, прежде всего возле станции Семхоз.

Здесь обосновались А. Иванов, С. Куняев, В. Фирсов, И. Шевцов, И. Кобзев, Г. Серебряков, Ф. Чуев, В. Сорокин, И. Акулов, Н. Камбалов, С. Высоцкий, Б. Орлов, В. Чалмаев, В. Шугаев и др. — многие из них были авторами «Молодой гвардии». Возник своего рода союз единомышленников, объединенных общими духовными устремлениями и готовностью бороться с сионизмом. Т. к. почин этому объединению дал писатель И. Шевцов, то Би-би-си в одной из радиопередач объявило, что «черносотенец Шевцов создал под Загорском в пос. Семхоз анти-Переделкино». Как прокомментировал сообщение Би-би-си сам Шевцов, «эти слова надо понимать так, что в подмосковном Переделкино обитают в подавляющем большинстве писатели-евреи».

Духовная струя журнала «Молодая гвардия» стала живой силой при возникновении еще одного центра формирования и развития русского национального сознания и борьбы с идеологией «избранного народа». Им становится журнал «*Наш современник*» во главе с поэтом С. В. Викуловым (до этого занимавшим пост зам. гл. редактора «Молодой гвардии»), который впоследствии писал: «Новая команда “Нашего современника” с самого начала была одержима целью пробуждать в народе национальное сознание, угнетенное тяжелым прессом “пролетарского интернационализма”, а через него — патриотизм (причем не только советский, как требовали от нас идеологи партии), воспитывать в русских чувство человеческого достоинства, готовность немедленно дать сдачу тем, кто это достоинство унижит или оскорбит». Викулов сделал ставку на талантливую русскую молодежь, живущую в глубине России. В журнал потянулись писатели, имена которых позднее стали знаменитыми по всей России — В. Белов, В. Распутин, Е. Носов, Ф. Абрамов, В. Лихоносов, О. Фокина, В. Астафьев, А. Знаменский, В. Шукшин. Все они были убежденными противниками еврейского засилья в литературе в жизни.

В 1977 в рамках писательских организаций проходит дискуссия «Классика и мы», ознаменовавшая собой первое крупное восстание русских писателей, борющихся за влияние на общество с силами еврейских литераторов, поддерживаемых прозападной частью партийной верхушки. В противостоянии еврейскому засилью в литературе решающую роль на этой дискуссии сыграли С. Куняев, В. Кожин, П. Палиевский.

Продолжая эту борьбу, Куняев в 1978 написал открытое письмо в ЦК КПСС (поводом было издание альманаха «Метрополь»), где обвинял партийных чиновников в политическом двурушничестве, в потворстве антирусским антигосударственным группам еврейских писателей.

В 80-х большое значение имели открытые письма Астафьева известному сионисту и масону Н. Эйдельману, выступившему с резкими выпадами против русского народа и деятелей русской культуры. Эйдельман обвинял в «бедах» евреев русский народ. В ответ Астафьев напомнил Эйдельману, что его соплеменники находились в лагерях и страдали за свои преступления против России, что евреи пытались решать судьбу русских, не спрашивая их самих, хотя ли они этого. Оповесть Астафьева сионистам была поддержана русской общественностью и прежде всего такими писателями, как В. Распутин и В. Белов.

Еврейский вопрос начинают поднимать даже те писатели, которые считались верными сторонниками «избранного народа», напр., В. Катаев. В 1960—70-х он выпускает ряд мемуарных произведений — «Святой колодец» (1966), «Трава забвения» (1967), «Алмазный мой венец» (1978), в которых в осторожной форме показывает затхлую атмо-

сферу, вносимую в русскую литературу еврейскими литераторами, считавшими себя «хозяевами жизни».

В своей повести «Уже написан Вертер» (1979) Катаев показывает тот ад, который принесли русскому народу еврейские большевики. Герой повести, чудом спасшийся от расстрела юнкер Дима, воспринимает жуткую явь как сон. В повести описаны фантомы-вещи и фантомы-люди: черно-кожаные комиссары с маузерами, здание гаража, в котором происходят расстрелы, Наум Бесстрашный, утверждающий на крови мировую революцию. На крови и предательстве основана и любовь главных героев в дни еврейской революции.

Поэт Я. Смеляков одним из первых поднял тему ответственности еврейских большевиков перед русским народом. В стихотворении «Жидовка» Смеляков писал:

Прокламация и забастовка.
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала жидовка
Комиссаркой гражданской войны.

Ни стирать, ни рожать не умела,
Никакая не мать, не жена —
Лишь одной революции дело
Понимала и знала она...

Брызжет кляксы чекистская ручка,
Светит месяц в морозном окне,
И молчит огнестрельная штучка
На оттянутом сбоку ремне.

Неопрытна, как истинный гений,
И бледна, как пророк взаперти.
Никому никаких снисхождений
Никогда у нее не найти.

Все мы стоим того, что мы стоим,
Будет сделан по-скорому суд,
И тебя самое под конвоем
По советской земле повезут...

В трудах видного литературоведа и критика В. Кожина содержится объективный анализ литературно-общественного развития советского периода. В своих публикациях Кожин затрагивает еврейскую тему: «У нас развелось много сочинителей, которые объявляют любого неугодного им литератора “антисемитом”, если он имел неосторожность критически отозваться о том или ином человеке “еврейской национальности”».

Такого рода насюки преследуют нередко сразу две задачи: дискредитировать литературного “противника” и более или менее явно заявить о мнимых “преследователях” и “дискриминации” евреев в нашей стране».

«Итак, с точки зрения Заславского, любое критическое суждение о евреях и даже молчание о них (вместо восхваления) есть антисемитизм. Надо прямо сказать, что он ошибался, говоря о некоем “трусливом” молчании русской литературы о евреях после Некрасова. Дело совсем в другом: собрания сочинений Толстого, Лескова, Чехова, Куприна, Блока, Андрея Белого и мн. др. с к. XIX в. издавались и продолжают до сих пор издаваться в урезанном виде (притом сокращения касаются только одного — еврейского “вопроса”), даже если называются “полными”».

Кожин говорит о нечистоплотных методах, которые используются в борьбе против неугодных русских авторов, когда вместо серьезного разговора «сразу же сыплются обвинения в антисемитизме, шовинизме, черносотенстве, даже фашизме».

«И надо прямо сказать: этого рода “практика” неизбежно ведет к результату, прямо противоположному задаче, которую вроде бы ставят перед собой некоторые литераторы: все большее число людей начинает ясно понимать, кто являются собой действительных шовинистов, не терпящих абсолютно никакой критики в свой адрес...».

В романе В. Белова «Все впереди» (1993) выведен образ еврея-дельца, «идущего впереди» Миши Бриша, который действует в среде технической интеллигенции. Прозвали его так за необыкновенное умение чувствовать перемену идеологического «ветра» и вовремя «пересаживаться на свежую лошадь», выгодно используя обстоятельства. М. Бришу не страшны никакие житейские бури, т. к. крепкая еврейская спайка защищает его интересы. Бывший приятель Бриша, Медведев, справедливо замечает, что в случае неприятностей на спасение Бриша «бросилась бы целая армия защитников. Пол-Москвы встало бы, стало стеной».

В идеологических спорах ученых-интеллигентов раскрываются способы «перестройщиков» — революционеров новой формации:

«— Чтобы уничтожить какой-нибудь народ, вовсе не обязательно забрасывать его водородными бомбами, достаточно посорить детей с родителями, женщин противопоставить мужчинам.

— А сколько других приемчиков. “Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет”. Это любимая поговорка Миши Бриша. Нашего общего друга. Однажды, я понарошку сказал ему, что Христос не еврей. Конечно же Миша немедленно присобачил мне здоровенный антисемитский ярлык. А ведь еще за минуту до этого доказывал, что никакого Христа вообще не было. Нет, какова логика, а?»

Ловкий преуспевающий делец, Михаил Гергиевич Бриш, не задумывается о «вечных» нравственных проблемах, давно освободился от оков совести и чести, мечтает покинуть варварскую страну. Тысячелетняя ненависть к русскому духу и чванство просыпаются в этом современном, казалось бы, интеллигентном и цивилизованном господине: «Мой народ, кстати, не чета твоему. Не чета. Мы дали миру столько великих людей, что вам и не снилось! Мы обогатили мировую культуру. Нашими мифами до сих пор питается христианство, а вы? Вы — скифы, как сказал Блок. Вам вообще суждено исчезнуть!»

Потому выводы автора неутешительны и обращены к сердцу русского человека. Устами одного из своих героев (трагически погибшего) писатель предупреждает: «Теперь нам пора отрешиться от всяких иллюзий. В том числе и от той, что все впереди. Конечно, тут легко впасть в другую крайность, решив, что впереди у нас ничего уже нет. Это было бы не меньшей ошибкой. ... Мы обязаны жить. Но как? Мне кажется, что для нас нет выбора в способе жизни. Одна лишь ясность ума, наше мужество и жажда добра помогут нам выстоять среди лжи и страдания. Но прежде надо сбросить с глаз пелену иллюзий». Т. е. перестать быть замороженным обывателем и покупать на иллюзии технического «рая», научиться различать бесовское обличье под маской либерала-прогрессиста.

В русской публицистике выделяется имя В. Хатюшина — ведущего критика журнала «Молодая гвардия». В своих острейших статьях он разоблачал критиков «поколения Нового Арбата», которые практиковали субъективизм и тенденциозность в оценке художественных произведений. Хатюшина отличает стремление к четким бескомпромиссным формулировкам, помогающим выявить подлинное лицо т. н. «демократической», «перестроечной» литературы, которая выдвинулась из Союза писателей в отдельное объединение под

названием «Апрель» (1989). В эту группу в основном вошли писатели еврейского происхождения, насаждавшие нетерпимость, кастовость в творческих союзах.

Хатюшин определяет вектор движения литературы 80—90-х: «...тенденциозность — это сознательное нежелание писателя видеть и изображать жизнь во всей совокупности ее проявлений. Когда автор увлечен какой-либо, взятой из реальной действительности, а головной идеей, долженствующей утвердить в общественном сознании субъективную точку зрения, выгодную ему самому или некоей, пусть даже многочисленной, группе людей, тогда неизбежно и выступает на арену искусства это дурное явление — тенденциозность». Тенденциозность проявляется в навязывании всему обществу выдуманных диссидентами штампов: «Арбат внедрился в наше общественное сознание не случайно, он стал как бы центром оторванного от жизни и от народа круга интеллигентствующих бездельников, именующих себя неконформистами и разуверяющихся во всем: в Родине, в народе, в себе, наконец».

«Пусть даже “дети Арбата” для них своего рода метафора, тем не менее народ наш — это столь грандиозная величина, что она никак не уместится в границах подобного метафорического видения.

Что же касается романа А. Рыбакова, то приходится с уверенностью говорить: роман этот абсолютно тенденциозный, от начала до конца написанный по заданной схеме».

Творчество Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной получает в статьях Хатюшина исчерпывающую характеристику как проявление узко-салонного, отчужденного от действительной жизни, графоманства с политическим уклоном.

В романе В. Хатюшина «Поле битвы» (2001) в острозаметной, символически-философской форме раскрываются действия еврейской кагальной элиты в современной России, которая «надолго вперед отработала избирательные технологии» и не собирается выпускать власть из своих рук.

В н. 90-х место гл. редактора журнала «Молодая гвардия» занял А. Кротов, сменивший на этом посту А. Иванова. Кротов продолжил патристическую линию журнала, в своих статьях и романах отстаивал идеологию русского возрождения. В сборнике «Русская смута» (1999) представлена хроника борьбы за власть и негативная роль интернационал-интеллигентов в современной действительности: «...высшая интеллигенция космополитична и интернациональна. Она — источник всех катаклизмов и всех бед на земле. Она и главная угроза существованию земной цивилизации, ибо создает и обслуживает идеологию любой власти вне Бога, вне гармонии и вне единения человека с природой». Свое творчество и публицистику Кротов посвятил разоблачению сионистских корней современной демократии.

В 1999 вышел роман А. Проханова «Красно-коричневый», посвященный трагическим событиям 1993. Роман о русском сопротивлении, о баррикадах в центре Москвы. Не случайно название романа: красно-коричневыми еврейские либералы объявили в к. 80-х русских патриотов, не желающих мириться с разрушительными «реформами». Острое, напряженное повествование раскрывает многие тайны современного мира. Еврейский стрелок «Иерихона», снайпер Марк, открывает детали заговора, военно-психологической операции против защитников Дома Советов: «Мы будем их убивать, чтобы кровь стекала по ступеням Белого Дома... Мы устроим здесь такое побоище, такой пожар, чтобы он был виден на всю Европу и Азию и весь следующий век нам бы никто не мешал работать».

В XXI в. тема сионизма продолжает оставаться одной из острейших тем поэзии и публицистики. Поэты патриотического направления А. Харчиков, Л. Корнилов обращаются к теме американо-масонского наступления на христианский мир.

Публицистические выступления Б. Миронова посвящены анализу духовного кризиса в мировой и отечественной истории с к. XIX в. Книги Б. Миронова продолжают ту линию русской публицистики, которая связана с идеологией национального возрождения (М. Меньшиков, И. Ильин), национального освобождения от иудейского ига: «Лишить нас национального инстинкта, национальной памяти, национального самосознания — единственная возможность евреев укрепиться в России. Сохранить за собой богатство и власть». Миронов рассматривает демократические «перемены» в России к. XX в. как завершение начатого в 1917 сионно-масонского переворота. Он определяет историческую задачу современного поколения: «Ни в чем другом так остро не нуждается Россия и ничто не способно спасти ее, обеспечить расцвет грядущей России, как свободный, достойный, гражданственный русский человек».

Перестройка и установление криминально-космополитического режима Ельцина — Путина поставили точки во многих дискуссиях русских и еврейских писателей. Для тех и др. отпала необходимость скрывать свои национальные ценности и приоритеты. Позиции каждой стороны обнажились до предела. Еврейские литераторы создали свои организации в духе «Апреля» и ушли из рядов бывшего Союза писателей СССР. Многие из них, уже не скрываясь, раз и навсегда выбрали для себя круг литературных тем и сюжетов, близких им по своему менталитету талмудических истин: «бери от жизни все, не дай себе засохнуть», «всё и сразу, ведь ты этого достоин...». Для этой группы литераторов, как и в эпоху еврейских большевиков, доминирующими стали темы разрушения христианской культуры, воинствующего безбожия, сатанизма, антипатриотизма, воспевания свободного секса, описания ненормальной психики, смакования зверств, жестокостей, развратных действий и натуралистических сцен. Как и ранее, столкновение талмудической и христианской идеологии завершилось полным размежеванием. Русская литература продолжила свой путь духовного возвышения, очищения и преобразования человека на основе незыблемых христианских истин. Основной пафос русской литературы связан с поиском и утверждением героического начала в современной борьбе христианства с духом иудаизма.

О. Платонов, Н. Григорьев

«ЕВРОПЕЕЦ», журнал наук и словесности, выходил в Москве в 1832 (№ 1—3). Издатель И. В. Киреевский. В числе сотрудников журнала были Е. А. Баратынский, В. А. Жуковский, А. С. Хомяков, Н. М. Языков и др. Запрещен из-за статьи самого Киреевского «Деятельный век», в которой впервые раскрывались особенности русской цивилизации и ее отличие от западной.

ЕВСЕЕВ Николай Николаевич (1891 [по др. данным — 1892]—6.02.1974), поэт. Из старинного казачьего рода донской станицы Михайловской. Окончил с золотой медалью тамбовскую гимназию и юридический факультет Московского университета. Во время первой мировой войны учился в Михайловском артиллерийском училище, был произведен в офицеры. Служил в Донской батарее. В годы гражданской войны воевал на стороне белых, участник Степного похода. После окончания гражданской войны — эмигрант, жил в

Турции и на Балканах, большую часть жизни провел в Париже. Литературная деятельность Евсеева началась в 20-е в Париже. Здесь он издал 2 больших поэтических сборника — «Дикое поле» (1963) и «Крылатый шум» (1965), в которых его поэзия представлена во всей полноте. Критика обращала внимание на искренность, сдержанность и даже скромность поэтического чувства в стихах Евсеева наряду с напряженным чувством любви ко всему, о чем пишет, причем пишет с тревогой за судьбу каждого человека, на чью долю выпало горчайшее испытание — хранить на чужбине верность своему прошлому: «Родиться русским, им остаться, / И это счастье уберечь, / Когда бы, где бы ни скитаться — / Таким, как деды, в землю лечь...» Евсеев был лириком по складу своего дарования. Его поэзия глубокими корнями связана с Доном, его природой и историей. Он бережно хранил на чужбине верность своей далекой родине, которую воспел в стихах: «Не сплю, не сплю и вижу / Во сне, как наяву, / Что я не под Парижем, / Я на бахче живу. / И что не май цветущий, / Но август золотой — / Мой месяц самый лучший на полосе степной».

В. З.

ЕВСТАФЬЕВ Алексей Григорьевич (1783—1857), первый в Северной Америке писатель русского происхождения. Родом из донских казаков. Служа певчим церкви русского посольства в Лондоне с к. 1790-х, издал (анонимно) ряд сочинений на английском языке, в т. ч. перевод трагедии А. П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец» (1806) и несколько брошюр «в опровержение клевет на Россию». После опубликования сочинения «Ключ к недавним действиям императора Российского» (1808) был назначен русским консулом в США и служил в этой должности в Бостоне (1809—27) и Нью-Йорке (1829—52; по др. данным, 1834—47). В США выступал как поэт, драматург, историк и публицист. Среди его сочинений — трагедия «Царевич Алексей», вошедшая в книгу «Рассуждения, замечания и подлинные эпизоды, поясняющие душевные свойства Петра Великого» (1812). Эпическая поэма в 7 песнях «Дмитрий Донской» (1818) пронизана патриотическими мотивами, пафосом борьбы за «древнюю свободу». В свидетельстве современников упоминаются поэмы Евстафьева об Отечественной войне 1812 и «Петр Великий». Известно также о неопубликованных правово-экономических сочинениях Евстафьева на русском языке («Рассуждение о пользе страхового постановления в России на основании, принятом народами» и др.).

Соч. на рус. яз.: Письма А. Г. Евстафьева Н. С. Мордвинову и А. Д. Меньшикову // Архив графов Мордвиновых. Т. 7. СПб., 1903.

ЕВСТИГНЕЕВ Михаил Евдокимович [3[15].11.1832—26.06 [8.07].1885), лубочный писатель (обычно подписывался Миша Евстигнеев). Незаконнорожденный сын мещанина и вольноотпущенной. В 1847—54 казеннокоштный воспитанник Технологического института. В печати выступил в к. 1850-х: рассказы «Похождения Ваньки Годуна в Питере» (листок «Смех Смехович», окончание рассказа не обнаружено), «Проказы индийского чудодея...», очерки «Панорама Толкучего рынка» (ч. 1—2, совм. с А. К. Нестеровым) (все — СПб., 1858), пародийно-юмористическая поэма «Митька под мостом, или Ночь с лешим» (СПб., 1859; совм. с Нестеровым).

Евстигнеев был необычайно плодовит (более 150 книг), работал в разных жанрах (и нередко самостоятельно оформлял свои произведения, в т. ч. эскизы обложек): *сказки* («Водяной на мельнице, или Мельник-колдун». М., 1869; «Не-

победимый витязь». М., 1869; «Баба Яга и добрый богатырь». М., 1870; «Лесной бес». М., 1870), обработки фольклорных и литературных текстов («Пан Твардовский». Ч. 1—3. М., 1868; «Громобой, витязь новгородский и семь морских красавиц». М., 1874), романы уголовные («Мститель». М., 1870; «Сын нищего». М., 1873) и исторические («Ведьма из-за Днепра, или Разбойник Соловей». Ч. 1—3. М., 1868; «Страшный клад, или Татарская пленница». Ч. 1—2. М., 1874; «Раскольничье гнездо сообщников царевны Софии». Ч. 1—3. М., 1874), сборники *анекдотов* («Весельчак с площади». С., 1870; «Ха! Ха! Ха!». М., 1872), детские книги (сб. «Басни Крылова и других русских писателей. С применениями в рассказах и толкованиями». М., 1873; сб. рассказов «Детское зеркальце». М., 1878), песенники («Соловей». М., 1870), письменники («Сборники любовных писем...». Ч. 1—2. М., 1868). Широкою известность Евстигнееву принесли рассказы из народного быта («Паук и знахарь». М., 1867; «Хороша Маша, да не наша». М., 1867; «Говорящий покойник, или Вот так смерть!». М., 1869; «Доморощенный танцор из Ножевой линии». М., 1870; сб. «Все приятели». М., 1882; «Москвичи с натуры». М., 1884).

ЕВФИМИЙ ЧУДОВСКИЙ (?—28.04.1705), инок, позднее келарь Чудова монастыря в Москве, один из идеологов «грекофильства».

Достоверные сведения о Евфимии появляются с 1651, когда он был одним из «справщиков» (редакторов) Печатного двора. Систематического образования он, видимо, не получил. Своей образованностью и обширной начитанностью обязан своему учителю *Епифанию Славинецкому*. С 1652 по 1660 и с 1670 по 1690 инок Евфимий был связан с московским Печатным двором и принимал активное участие в переводе новых богослужебных книг, творений отцов Церкви и иных богословских сочинений. При его участии были изданы «Ирмологий» (1654), «Скрижаль» (1656), «Требник» (1658), «Пролог» (1659—60), «Чиновник архиерейского священнослужения» (1677), «Устав» (1682) и др. книги. Вместе с Епифанием Славинецким участвовал в подготовке нового перевода текста Нового Завета. Большая часть переводов самого инока Евфимия не была издана и сохранилась только в рукописях. Иноку Евфимию принадлежит и ряд собственных сочинений («Остен» и «Воумление священникам»), церковных поучений, а также стихотворений.

Свои богословские убеждения инок Евфимий выразил в полемике со старообрядцами и с «латинствующими». Самыми известными стали его споры в 80-е XVII в. с *Сильвестром Медведевым* по поводу пресуществления Святых Даров в таинстве Евхаристии. В этих спорах инок Евфимий отстаивал чистоту «греческого учения». Он оберегал его от искажений и уклонений любого толка, проявил себя ярким сторонником догматического мышления. По мнению инока Евфимия, любые догматические вопросы надо решать, во-первых, «по разуму святых восточных церквей», а не по «западным церквям разумению» и, во-вторых, следовать «разумению святых отцев...» Он был убежден, что своими рассуждениями «латинствующие» «ум неискусен имущим подвергают и общаются им умерщвляют». Самих же «латинствующих» Евфимий Чудовский воспринимал как врагов истинного Православия. Обвиняя Сильвестра Медведева, Евфимий называл его мнение «ядом ереси латинския», утверждая, что такие мысли «никогда церковь святая восточная имаше, неже имать».

После смерти благоволившего Евфимию патр. Иоакима, он был отрешен от Печатного двора.

С. Перевезенцев

ЕГОРИЙ ХРАБРЫЙ, герой русских народных *духовных стихов*. «Большой популярностью, — отмечал известный исследователь фольклора акад. *Ю. М. Соколов*, — пользовался эпический духовный стих об Егории Храбром. Известны 2 сюжета об этом «святом воине», получившем в обработке духовного стиха довольно много общих черт с образом былинного богатыря».

Оба сюжета (мучения Георгия, Георгий и Змей) восходят к двум раннехристианским повестям о юном римском воине Георгии, замученном во время т. н. диаклектиановых гонений. Первые переводы этих повестей появились на Руси уже в XI в., а вскоре получили необычайно широкое распространение как в книжных списках, тоже подчас весьма далеких от первоисточника, так и в устной народной интерпретации. Столь необычная судьба этих переводных повестей на Руси имеет свое объяснение: образ Георгия оказался созвучным времени, которое требовало такой же стойкости и непоколебимости в преодолении мучений многовекового ига — иноплемennого и иноверного. Егория мучают «муками разноличными», его рубят топорами и пилат пилами, бросают в кипящую смолу и закапывают на 30 лет живым в землю, но он остается неуязвим. Преодолев все мучения, Егорий возвращается в свой родной город (в русском народном эпосе Каппадокия превратилась в Чернигов-град, а имп. Диаклектиан — в «царище Демьянище»), он идет по «Святой Руси, по сырой земле», видит «разоренную и развоеванную», преодолевает все вражеские заставы и настигает своего мучителя, казнит его «за кровь горячую христианскую».

Так византийская легенда, подчиненная законам народной поэтики, стала произведением русского фольклора, национальным как по форме, так и по содержанию. Как яркий пример богатыря-мстителя рассматривает образ Егория Храброго современный исследователь Б. Н. Путилов: «Исторические и героические мотивы стиха несомненно принадлежат времени татарского ига. Они свидетельствуют о том, что историческая тема захватывала самые различные жанры песенного фольклора, что для народной поэзии типичны картины разгрома городов, уничтожения и увоза в плен их населения, мотивы мщения за поругание и обиды родной земли, патриотической стойкости, противостоящей вероломному врагу, спасения из плена, путешествия во вражескую землю (с преодолением труднейших препятствий) ради мщения и ради спасения близких». Добавим к этому лишь то, о чем нужно говорить в первую очередь — ради христианской веры, ради Святой Руси.

Разнообразные испытания в вере и мучения Егория Храброго представляли прекрасную возможность для сближения его образа с образами русских богатырей. Характерным примером такого сближения может служить стих о Егории Храбром, записанный в 1915 от *М. Д. Кривополеновой*. Здесь Егорий и вовсе предстает не римлянином, а сыном черниговского купца Федора: «Как Федора купца, // У черниговца, // Уродилося и два отрока, // И два отрока и две дочери, // Уродилося еси да тут Егорей свет». Как и положено богатырю, Егорий растет не по дням, а по часам: «В людях-то да таки трех годов, // Егорий свет да такой трех недель; // В людях-то да таки шести годов, // Егорей свет да такой шести недель». О рождении богатыря «распозналось царишко Демьянишко», который забирает к себе Егория «во свою землю, да в прокляту Орду» и начинает испытывать его в вере. Вариант *М. Д. Кривополеновой* заканчивается освобождением Егория Храброго. В др. вариантах (в «Каликах переходных» *П. А. Бессонова*) есть продолжение, которое отсутствует в книжных источниках. Егорий Храбрый изображен идущим по «светло-русской земле», он возрождает

ее, разоренную и обезлюдившую. Егорий Храбрый обращается к лесам: «Ой вы леса тёмные, // Вы леса дремучие! Заростите вы, леса, // По всей земле светло-русской, // По крутым горам по высоким». Он обращается к рекам: «Ой вы еси, реки быстрые, // Реки быстрые, текучие! // Протеките вы, реки, по всей земле, // По всей земле свято-русской, // По крутым горам по высоким, // По темным лесам по дремучим...» Он обращается к зверям: «Ой вы гой еси, звери лютые, // Звери лютые, вы рысучие! Разбегайтесь вы, звери, по всей земле, // По всей земле светло-русской, // По крутым горам по высоким, // По темным лесам по дремучим...»

Эта сцена возрождения «светло-русской земли» — одна из самых выдающихся и оригинальных в русском народном поэтическом творчестве.

Существовали и прозаические варианты апокрифов о Егории Храбром, бытовавшие в народной среде как легенды. Одна из таких легенд была записана В. И. Далем и вошла в «Народные русские легенды» А. Н. Афанасьева. И здесь действие тоже разворачивается во времена татарского полона — «не в чуждом царстве, а в нашем государстве», родителей Егория зовут Антип и Марья, а римский император становится заново Брагимом, по прозвищу Змей-Горюныч (замечательно само это народное фонетическое переосмысление: Змея Горыныча на Змея Горюныча): «Не в чуждом царстве, а в нашем государстве было, родимый, времечко — ох-ох-ох! В то время было у нас много царей, много князей, и Бог весть кого слушаться; ссорились они промеж себя, дралась и кровь христианскую даром проливали. А тут набежал злой татарин, заполонил всю землю мечерскую, выстроил себе город Касимов, и начал он брать вьюниц и красных девиц себе в прислугу, обращал их в свою веру поганую». Подросший Егорий отправляется в Касимов-град, чтобы избавиться от «злой неволи» свою мать. А в завершение, пройдя все испытания, «выстроил святый Егорий соборную церковь, завел монастырь, и сам захотел потрудиться Богу. И много пошло в тот монастырь православных, и создались вокруг него келии и посад, который и поныне слывет Егорьевском».

В этой народной легенде использованы мотивы двух средневековых апокрифов — «Чудо Георгия о змие и о девице» и «Федор Тирон еже о змий», при этом Егорий «заменил» Федора Тирона в сюжете об освобождении матери из змеиного царства. Средневековые «змееборческие» апокрифы в данном прозаическом народном варианте полностью переработаны, приняли форму чисто народной легенды, объясняющей название Егорьевского монастыря и города Касимова, который, как известно, до падения Казани был татарским Касимовским царством внутри Руси (так приурочивались к определенной местности или названиям многие популярные «бродячие» сюжеты). Юный римский воин и трибун Георгий уже с трудом «узнается» в русском Егории Храбром. Если и узнаем мы в нем, то совсем иные образы — русских богатырей, точно так же сражающихся — и в былинах, и в сказках — «за светло-светлую Землю Русскую».

Сближение образа Егория Храброго с образами русских богатырей было глубоко оправдано, находило живой отклик в народной среде. Недаром именно на Руси св. Георгию средневековых легенд и Егорию Храбром народных духовных стихов и народных легенд суждено было стать Георгием Победоносцем — величественным и подлинно народным символом стойкости и непобедимости, прошедшим через многие столетия русской истории и не утратившим своего значения и поныне.

В. Калугин

ЕГОРОВ Яков Егорович (19.11[1.12].1857—8[21].02.1902), писатель, поэт. Родился в с. Кривино Новгородской губ. в

семье крепостного крестьянина, бывшего ополченца Отечественной войны 1812. После окончания учительской семинарии (1876) работал учителем. Первая публикация — стихотворение «Ночью». Вместе с И. И. Горбуновым-Посадовым издал хрестоматию для детей «Красное солнышко» (М., 1892), «Ясная звездочка» (М., 1894), «Азбука-картинка» (М., 1895), которые много раз переиздавались. В 1893 вышла книга Егорова «Русская грамматика в примерах, или Как научиться толково и грамотно писать по-русски» (М.; 2-е изд. Ч. 1—3. СПб., 1898). Одновременно Егоров постоянно публикует свои стихи. Значительное место в стихах Егорова занимает деревня, ее быт, крестьянский труд, который поэт раскрывает с чувством восторга («Песнь грабельщиц», «Молотба»), раздумья крестьянина о своей доле («Песни и думы пахаря»), мечты о светлой жизни («Сон»). В них ошутливо влияние песен и дум А. В. Кольцова, поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Опираясь на песенную фольклорную традицию, Егоров создал ряд стихотворений-песен, которые стали популярны в народе («Беглец», «Охотники» и др.).

ЕКАТЕРИНА II (21.04[2.05].1729—6[17].11.1796), императрица. Екатерина II выступала как автор политических трактатов («Наказ, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения», 1767), издательница журналов («Всякая всячина», 1769; «Собеседник любителей русского слова», 1783—84), как драматург (комедии «О время!», «Именины г-жи Ворчалкиной», «Г-жа Вестникова с семьей», 1772; «Обманщик», «Обольщенный», 1785, «Шаман Сибирский», 1786; ряд комических опер), историк («Записки касательно российской истории»), а также как детская писательница («Сказка о царевиче Хлоре», «Сказка о царевиче Февее», 1782). Екатерина II выдвигает на первое место в своих сочинениях нравственный элемент — вкоренение в душе справедливости, уважения к законам, снисходительности к людям. В то же время она требует, чтобы умственная и физическая стороны воспитания получали надлежащее развитие. Лично ведя воспитание своих внуков до семилетнего возраста, она составила для них целую учебную библиотеку. Для вел. князей были написаны Екатериной и «Записки касательно российской истории». В чисто беллетристических сочинениях, к которым принадлежат журнальная статья и драма-

тические произведения, Екатерина II является гораздо более оригинальной, чем в сочинениях педагогического и законодательного характера. Указывая на фактические противоречия идеалам, существовавшие в обществе, ее комедии и сатирические статьи должны были в значительной мере содействовать развитию общественного сознания, делая более понятными важность и целесообразность принимаемых ей реформ. Начало публичной литературной деятельности Екатерины II относится к 1769, когда она явилась деятельной сотрудницей и вдохновительницей сатирического журнала «Всякая всячина». Покровительственный тон, усвоенный «Всякой всячиной» по отношению к др. журналам, и неустойчивость ее направления вскоре вооружили против нее все тогдашние журналы; главным противником ее явился смелый и прямой «Трутень» *Н. И. Новикова*. Резкие нападки последнего на судей, воевод и прокуров сильно не нравились «Всякой всячине»; кем велась в этом журнале полемика против «Трутня» — нельзя сказать положительно, но достоверно известно, что одна из статей, направленных против Новикова, принадлежит самой императрице. В промежутке между 1769 и 1783, когда Екатерина II снова выступила в роли журналиста, ею было написано 5 комедий, и между ними лучшие ее пьесы: «О время!» и «Именины г-жи Ворчалкиной». Чисто литературные достоинства комедий Екатерины II невысоки: в них мало действия, интрига слишком несложна, развязка однообразна. Написаны они в духе и по образцу современных ей французских комедий, в которых слуги являются более развитыми и умными, чем их господа. Но вместе с тем в комедиях Екатерины II выводятся на посмеяние чисто русские общественные пороки и являются русские типы. Ханжество, суеверие, дурное воспитание, погоня за модой, слепое подражание французам — вот темы, которые разрабатывались Екатериной II в ее комедиях. Темы эти были намечены уже ранее русскими сатирическими журналами 1769 и, между прочим, «Всякой всячиной»; но то, что в журналах представлялось в виде отдельных картин, характеристик, набросков, в комедиях Екатерины II получило более цельный и яркий образ. Типы скупой и бессердечной ханжи Ханжахиной, суеверной сплетницы Вестникова в комедии «О время!», петиметра Фирлюфюшкова и проектера Некопейкова в комедии «Именины г-жи Ворчалкиной» принадлежат к числу наиболее удачных в русской комической литературе XVIII столетия. Вариации этих типов повторяются и в остальных комедиях Екатерины II. К 1783 относится деятельное участие Екатерины II в «*Собеседнике любителей русского слова*», издававшемся при Академии наук, под редакцией кн. *Е. Р. Дашковой*. Здесь Екатерина II поместила ряд сатирических статей, где было, по видимому, сатирическое изображение слабостей и смешных сторон современного императрице общества, причем оригиналы для таких портретов нередко брались государыней из среды приближенных к ней лиц. Скоро, однако, «Были и Небылицы» стали служить отражением журнальной жизни «Собеседника». Екатерина II была негласным редактором этого журнала; как видно из переписки ее с Дашковой, она прочитывала еще в рукописи многие из статей, присылавшихся для помещения в журнале. Некоторые из этих статей задевали ее за живое: она вступала в полемику с их авторами, нередко вышучивала их. Для читающей публики не было тайной участие Екатерины II в журнале; по адресу сочинителя «Былей и Небылиц» нередко присылались статьи и письма, в которых делались довольно прозрачные намеки. Екатерина II старалась по возможности сохранить хладнокровие и не выдать своего инкогнито;

один лишь раз, разгневанная «дерзкими и предосудительными» вопросами *Фонвизина*, она настолько ярко выразила свое раздражение в «Былях и Небылицах», что Фонвизин счел необходимым поспешить с покаянным письмом. Кроме «Былей и Небылиц», Екатерина II поместила в «Собеседнике» несколько мелких полемических и сатирических статей, по большей части осмеивавших напыщенные сочинения случайных сотрудников «Собеседника» — Любова и гр. С. П. Румянцева. Одна из таких статей («Общества незнающих ежедневная записка»), в которой кн. Дашкова увидела пародию на заседания только что основанной, по ее мысли, Российской академии, послужила поводом к прекращению участия Екатерины II в журнале. В последующие годы (1785—90) Екатерина II написала 13 пьес, не считая драматических пословиц на французском языке, предназначавшихся для эрмитажного театра. Масы уже давно привлекали внимание Екатерины II. По ее словам, она подробно ознакомилась с громадной масонской литературой и не нашла в масонстве ничего, кроме «сумасбродства». Пребывание в Петербурге (в 1780) Калиостро, которого она называла негодяем, достойным виселицы, еще более вооружило ее против масонов. Получая тревожные вести о все более и более усиливавшемся влиянии московских масонских кружков, видя среди своих приближенных многих последователей и защитников масонского учения, Екатерина II решила бороться с этим «сумасбродством» литературным оружием и в течение двух лет (1785—86) написала 3 комедии («Обманщик», «Обольщенный» и «Шаман Сибирский»), в которых разоблачала и осмеивала масонство. В комедии «Обольщенный» встречаются жизненные черты, напоминающие московских масонов. «Обманщик» направлен против Калиостро. В «Шамане Сибирском» Екатерина II сравнивала масонское учение с шаманскими фокусами. Несмотря на критику, масоны продолжали обманывать людей, и, чтобы нанести им решительный удар, императрица прибегла уже не к кратким способам исправления, как называла она свою сатиру, а к крутым и решительным административным мерам. К указанному времени, по всей вероятности, относится и знакомство Екатерины II с Шекспиром, во французском или немецком переводе. Она переделала для русской сцены «Виндзорских проказниц». В подражание историческим хроникам Шекспира она сочинила 2 пьесы из жизни Рюрика и Олега. Главное значение этих исторических представлений заключается в тех политических и нравственных идеях, которые Екатерина II вкладывала в уста действующих лиц. Разумеется — это мысли самой Екатерины II. В комических операх Екатерина II не преследовала никакой серьезной цели: это были обстановка пьесы, в которых главную роль играла сторона музыкальная и хореографическая. Сюжеты для опер взяты, по большей части, из народных сказок и былин, известных ей по рукописным собраниям. Лишь «Горе-богатырь Косометович», несмотря на свой сказочный характер, заключает в себе элемент современности: эта опера выставляла в комическом свете шведского короля Густава III, открывавшего в то время неприязненные действия против России, и была снята с репертуара тотчас же по заключении мира со Швецией. Французские пьесы Екатерины II, т. н. «пословицы» — небольшие одноактные пьески, сюжетами которых служили, по большей части, эпизоды из современной жизни. Большого значения они не имели, повторяя темы и типы, уже выведенные в др. комедиях Екатерины II. Сама Екатерина II не придавала значения своей литературной деятельности. «На мои сочинения, — писала она Гримму, —

смотрю как на безделки. Я люблю делать опыты во всех родах, но мне кажется, что все написанное мной довольно посредственно, почему, кроме развлечения, я не придавала этому никакой важности».

Соч.: Соч. Т. 1—5, 7—12. СПб., 1901—07; Наказ. СПб., 1907.

ЕЛАГИН Василий Алексеевич (13[25], по др. сведениям — 2[14].06.1818—22.07[3.08].1879), историк, мыслитель, публицист. Сын *А. П. Елагиной*; брат по матери *И. В. и П. В. Киреевских*. Родился в с. Долбино Лихвинского у. Калужской губ.

Окончил Московский университет. За границей подружился с Ф. В. Чижовым. В 1844—45 содействовал *Д. А. Валуеву* (наиболее близкому из младшего поколения *славянофилов*) в издании «Симбирского сборника». Первая публикация Елагина — рецензия на «Очерки Южной Франции и Нишцы» *М. С. Жуковой*. Называя «Очерки» «ярким образом края», рецензент особо выделил в нем 3 момента, заветных

для славянофила: укор трубадурам, которые, «играя в поэзию и любовь», выразили «одну светлую сторону жизни», не затронули «сердца и бытия народа», страдающего от рыцарских распрей, а истинная поэзия может быть только «сестрою страдания»; хвалу поэту-плебею, оставшемуся «простым булочником», равнодушные общества к запустению храмов в северной Франции.

В 1847 вышла основная историческая работа Елагина «Об «Истории Чехии» Франца Палацкога», явившаяся одновременно славянофильским откликом на пробудившееся национально-освободительное движение славян XIX в. К числу важнейших созидательных факторов исторической судьбы каждого народа Елагин относит верность его национальным задаткам и крепость его религиозной веры. У каждого народа есть неискоренимое «темное чувство его собственного достоинства». «Провидение» дарует ему «особенные нравственные и даже физические свойства, особенный язык, особенное отеческое предание, и отречение от них наказуемо «нравственным м умственным ничтожеством». Главным хранителем «жизнестроительных» начал у славян, по Елагину, оставался простой народ и верно ему духовенство.

К сер. 50-х Елагин сдружился с *И. С. Аксаковым* и стал участником его периодических изданий, наиболее деятельным — в еженедельнике «*День*» (1861—65; работал без оплаты). Занятие публицистикой (что сильно проявилось и в его переписке этих лет) оживило его контакты со старинными друзьями дома Елагиных — *И. А. Кошелевым* и *Ю. Ф. Самариным* (как раз в 1862 написавшим Аксакову: «Как он даровит, сколько у него ума, такта»).

Высокой репутацией у лидеров славянского «Возрождения» «*День*» во многом обязан Елагину. Сам публицист ценил «чисто нравственное значение» газеты в славянском мире, а в России — «ее неполитическую, антиреволюционную, губительную для поджигателей» «силу» (из письма Аксакову 14 июня 1863).

В корне расходясь с основателем «государственно-исторической школы» С. Соловьевым (отводившим пер-

венствующую роль в истории России «государству», а не «земле», и потому высоко чтившим миссию Петра-реформатора), Елагин обвиняет Петра I, помимо раскола нации «на две половины» и дальнейшего закрепощения крестьянства, в том, что он укоренил в русском государстве и законе «римское языческое начало» (в др. работах Елагина — «*романтизм*»), суть которого в «подчинении и религии и народности — государству», что вело к «уничтожению народной и личной совести перед государственными соображениями» (русские стали принуждаться думать о пользе государства, а «потом уже спрашивать себя: “что есть истина”»). Живучие тенденции «романтизма» Елагин усматривал как в католической церкви, так и в выросшем при ее невольном содействии атеистическом социализме (рукописная работа «Зло родит зло»).

После смерти П. Киреевского предпринял издание его «Собрания народных песен».

ЕЛАГИН Иван (наст. имя — **Матвеев Иван Венедиктович**) (1.12.1918—8.02.1987), поэт. Родился во Владивостоке. Родители были репрессированы. Сам поэт во время Великой Отечественной войны оказался на оккупированной территории и вместе с семьей после долгих мытарств оказался в США.

Первые книги стихов были изданы в Германии — «По дорогам оттуда» (1947) и «Ты мое столетие» (1949). Последующие сборники стихов выходили в США — «Отсветы ночные» (1963), «Косой полет» (1967), «Дракон на крыше» (1973), «В зале Вселенной» (1982). До последнего вздоха он верил в свою неотделимость от русской поэзии: «Не была моя жизнь неудачей, / Хотя не шел я по красным коврам, / А шагал как шарманщик бродячий / По чужим незнакомым дворам. / Полетать мне по свету осколком, / Нагуляться мне по миру власть / Перед тем, как на русскую полку / Мне когда-нибудь звездно упасть». Тоска по России прошла через всю его поэзию: «Где-то старого света оставленный край, / Дом. Каштан. Потемневшие стекла аптеки. / Сколько жизни моей там осталось навеки — / Если хочешь, попробуй, поди, подсчитай». И еще: «...Из всей давно оставленной России / Мне не хватает русского окна. / Оно мне вспоминается доньне, / Когда в душе становится темно — / Окно с большим крестом посередине, / Вечернее горящее окно». Крест и вечерний свет — пронзительный образ, осенявший творческую судьбу Елагина. Русскому читателю Елагин стал известен по самиздату и спискам 60-х: «С милицией, с прокуратурой, / С правительством — я не в ладу, / Я в русскую литературу / Без их разрешения войду. / Не в темном хлеву на соломе, / Не где-нибудь на чердаке, — / Как в отчем наследственном доме / Я в русском живу языке». По горькой иронии судьбы первые стихи Елагина пришли в Россию в переводах с немецкого и английского языков: «Я живу на расстоянье / От страны моей студеной. / Я живу на заиканье / С языка переведенный. / В оригинале — откровенье, / А в переводе — подражанье, / В оригинале — вдохновенье, / А в переводе — прилежанье!»

ЕЛАГИНА Авдотья (Евдокия) Петровна (урожденная **Юшкова**, в первом браке **Киреевская**) (11[22].01.1789—1[13].06.1877), хозяйка литературно-философского салона, в котором зародилась и развивалась идеология *славянофильства*; переводчица. Мать *И. В. Киреевского*, *П. В. Киреевского* и *В. А. Елагина*, племянница и друг *В. А. Жуковского*.

Родилась в с. Петришево Белевского у. Тульской губ. Получила прекрасное воспитание в семье своей бабушки Буниной. С немецким языком и литературой она познако-

милась при посредстве Жуковского, ее дяди. 16 лет вышла замуж за Василия Ивановича Киреевского, довершившего ее образование. В 1812 Киреевский добровольно принял в свое заведение госпиталь в Орле, привел его в порядок, но при этом заразился и умер, оставив 2 сыновей, Ивана и Петра, получивших впоследствии большую известность, и

дочь Марию. В 1817 Елагина вступила во 2-й брак с А. А. Елагиным. В 1821 Елагины переехали на житье в Москву. С этого времени Елагина принимает живое, непосредственное участие в жизни литературных и ученых московских кружков, сначала в блестящем кружке, который еще в царствование Александра I образовался вокруг *Н. А. Полевого* и к которому принадлежали *А. С. Пушкин*, кн. *П. А. Вяземский*, *С. П.*

Шевырев, *М. П. Погодин*, *М. А. Максимович*, *А. И. Кошелев*. С 1826 кружок Полевого сменился другим, не менее блестящим и талантливым, сгруппировавшимся около *Д. И. Веневитинова*. Кроме Пушкина и кн. Вяземского в нем участвовали *С. И. Мальцев*, *С. А. Соболевский*, поэт *Е. А. Баратынский*, *Д. Н. Свербеев* и др. В 1831 в салоне Елагиной возникла мысль об издании журнала «*Европеец*», во главе которого стал *И. В. Киреевский*. К этому же времени относится появление в кружке *А. С. Хомякова*.

В доме Елагиной собирались студенты и профессора Московского университета, литераторы, ученые: кроме товарищей и сверстников старших сыновей — *В. Одоевского*, *В. П. Титова*, *Рожалина*, *Д. В. Веневитинова*, *А. О. Армфельда*, *М. А. Максимовича*, *А. И. Кошелева*, *С. А. Соболевского*, *Шевырева* и др. — бывали *А. С. Пушкин* и *П. А. Вяземский*, *А. Мицкевич* и *Каролина Павлова*, *А. И. Тургенев*, *А. С. Хомяков*, *М. П. Погодин*, *В. А. Жуковский*. С 1830 своим человеком в доме стал *Н. М. Языков*, как позже и его племянник *Д. А. Валуев* (в 1840—41 живший там постоянно). В 1831 с семейством Елагиных знакомится *С. Т. Аксаков*. В 40-е здесь бывают также *Н. В. Гоголь* (впервые посетил в 1832 или 1835), *М. Ю. Лермонтов* (1840—41), *Т. Н. Грановский*, *Ф. И. Тютчев*, *И. С. Тургенев*, профессор-правовед *П. Г. Редкин*, *Н. Х. Кетчер*, *Н. Ф. Павлов*, *Н. А. Мельгунов*, *М. А. Дмитриев*, *А. Ф. Гильфердинг*, а также поколение ровесников сыновей от 2-го брака, о которых поздний друг (с н. 50-х) дома Елагиной *П. А. Бартевев* скажет: «*П. А. Валуев*, *К. Д. Кавелин*, *А. Н. Попов*, *А. П. Ефремов*, *Вас. А. Панов*, *М. А. Страхович*., братья *И. и К. Аксаковы*, братья *Бакунины*, *В. Ф. Чижов*, *Ю. Ф. Самарин*, кн. *В. А. Черкасский* любили пользоваться ее (Елагиной. — *Ред.*) беседой».

Последние годы жизни Авдотья Петровна прожила в Дерпте, в семействе единственного оставшегося в живых сына своего, Василия Елагина. Елагина не была писательницей, но в движении и развитии русской литературы и русской мысли участвовала более, чем многие писатели по профессии. Литературные, художественные, религиозно-нравственные интересы преобладали в ней над всеми прочими; политические и общественные вопросы отражались в ее уме и сердце своей духовной и эстетической стороной. Она была замечательно

терпима ко всяким взглядам, лишь бы они были искренни и выражены не в грубых формах. Живость, веселость, добродушие, удивительная память — все это придавало ее беседе особую прелесть. Елагина спешила на помощь всякому, кто только в ней нуждался, часто даже вовсе незнакомому. Она много переводила с иностранных языков, но печатала мало. Биографию Елагиной написали *К. Д. Кавелин* в «Северном вестнике» (1877, № 68 и 69) и *П. И. Бартевев* в «Русском архиве» (1877, № 8). Письма Елагиной к *А. Н. Попову* напечатаны в «Русском архиве» (1886, I).

ЕЛЕОНСКАЯ Елена Николаевна (23.06[5.07].1873—3.10.1951), этнограф и фольклорист. Специализировалась по фольклору и этнографии под руководством *В. Ф. Миллера*. Составила сборник великорусских *частушек* (1914) — первый научный труд, посвященный этому жанру. Заслуживают внимания работы Елеонской о *сказках*, *заговорах* и *загадках*. В журналах «Этнографическое обозрение», «Русский архив» и др. она поместила ок. 100 статей, рецензий и обзоров по вопросам фольклора и этнографии. Совм. с *В. Ф. Миллером* подготовила к изданию сборник «Былины новой и недавней записи из разных местностей России» (1908) и «Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.» (1915).

ЕЛЬЧАНИНОВ Богдан Егорович (1744—20[31].10.1770), писатель, комедиограф. Обучался в *Киево-Могилянской академии*. Поступил на военную службу, участвовал в русско-турецкой войне, убит

в бою. Начав с прозаических переводов с французского языка («Письмо от мистрис Фанни Буртлед к милорду Карлу-Алфреду де Кайтомбридж», 1765), Ельчанинов вскоре обратился к драматургии переводной и оригинальной. Был сторонником «прелатательного» направления, ставившего своей целью приношение иностранных пьес к русским бытовым условиям («Награжденная добродетель», переложка «Шотландки» Вольтера). Одним из первых Ельчанинов обратился к творчеству *Д. Дидро* (переводы драм «Чадолубивый отец» и «Побочный сын», трактата «О драматическом искусстве»). Сохранилась лишь одна оригинальная сатирическая комедия Ельчанинова «Наказанная вертопрашка» (написана до 1767), направленная против модников, дворянских недорослей и кокеток; в ней впервые в русской драматургии изображен положительный герой *Ераст*, «прямой русский человек».

Соч.: Наказанная вертопрашка // *Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е.* Соч. и переводы. СПб., 1868.

ЕПИФИНИЙ ПРЕМУДРЫЙ, монах (к. XIV — н. XV вв.), духовный писатель и мыслитель, автор *житий* и *посланий*, раскрывающих мировоззрение Древней Руси.

О его жизни можно узнать только из его сочинений. Получил образование, вероятно, в ростовском монастыре Григория Богослова. После 1370 совершал паломничество в

Святую землю. После 1380 был иноком Троице-Сергиева монастыря. Видимо, в 90-х XIV в. переселился в Москву.

Его перу принадлежат «Слово о житии и учении Стефана Пермского». Похвальное слово и Житие Сергия Радонежского, Послание «иеромонаха Епифания к некоему другу своему Кириллу», в котором дана высокая оценка деятельности художника Феофана Грека, хорошо знавшего Епифания. По мнению некоторых исследователей, Епифаний был автором «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия».

Епифаний Премудрый составляет Житие Сергия Радонежского. Миниатюра из рукописи XVI в.

За работу над «Словом о житии и учении Стефана Пермского» взялся «желанием одержим... и любовью подвигаем», и это подтверждает очень живая и богатая тональность произведения и авторская щедрость на разные, казалось бы, необязательные экскурсы (напр., о месяце марте, об алфавитах, о развитии греческой азбуки). Местами в его тексте сквозит ирония (над собой, над церковными карьеристами, над волхвом Памом). В свою речь и в речь своих персонажей, в т. ч. язычников, Епифаний обильно включает библейские выражения. Иногда в тексте Епифания встречаются как бы пословицы («Видение бо есть вернейши слышания,

аки на воду сеяв»). Во вкусе Епифания игра словами вроде «епископ “посетитель” наречется, — и посетителя посетила смерть». Он очень внимателен к оттенкам и смысловой, и звуковой стороны слова и иногда, как бы остановленный вдруг каким-то словом или вспыхнувшим чувством, пускается в искусные вариации на тему этого слова и не может остановиться. Используя прием созвучия окончаний, откровенно ритмизуя при этом текст, Епифаний создает в своем повествовании периоды, приближающиеся, на современный взгляд, к стихотворным. Эти панегирические медитации находятся обычно в тех местах, где речь идет о чем-то, возбуждающем у автора невыразимое обычными словесными средствами чувство вечного. Подобные периоды бывают перенасыщены метафорами, эпитетами, сравнениями, выстраивающимися в длинные цепи.

Яркое литературное произведение, «Слово» о Стефане Пермском является также ценнейшим историческим источником. Наряду со сведениями о личности Стефана Пермского оно содержит важные материалы этнографического, историко-культурного и исторического характера о тогдашней Перми, о ее взаимоотношениях с Москвой, о политическом кругозоре и эсхатологических представлениях самого автора и его окружения. Примечательно «Слово» и отсутствием в его содержании каких бы то ни было чудес. Главное, на чем сосредоточено внимание Епифания, — это учеба Стефана, его умственные качества и его труды по созданию пермской азбуки и пермской церкви.

Живя в Москве, Епифаний был знаком с Феофаном Греком, любил беседовать с ним, и тот, как он пишет, «Великую к своей худости любовь имяше». В 1408, во время нашего отсутствия Едигея, Епифаний со своими книгами бежал в Тверь. Приютивший его там архим. Кирилл, спустя 6 лет, вспомнил и спросил его письмом о виденных им в Евангелии миниатюрах, и в ответ на это в 1415 Епифаний написал ему Письмо, из которого единственно и известно о личности и деятельности Феофана Грека. Из этого письма мы знаем и то, что его автор тоже был «изографом», художником, по крайней мере, книжным графиком.

В 1415 Епифаний уже не жил в Москве. Скорее всего, он вернулся в Троице-Сергиев монастырь, т. к. в 1418 закончил требовавшую его присутствия там работу над житием основателя обители Сергия Радонежского.

Житие Сергия Радонежского еще больше по объему, чем «Слово» о Стефане Пермском. Как и «Слово» о Стефане, повествование о Сергии состоит из множества главок с собственными заголовками, напр.: «Начало житию Сергиеву» (здесь речь идет о его рождении), «Яко от Бога дасться ему книжный разум, а не от человек» (тут говорится о чудесном обретении отроком Варфоломеем — это светское имя Сергия — способности «грамоте умети»), «О начале игуменства святого», «О составлении общего жития», «О победе еже на Мамаа и о монастыре, иже на Дубенке», «О посещении Богоматере к святому», «О преставлении святого».

По своей стилистике и тональности оно ровное и спокойное. Здесь нет экскурсов «в сторону», меньше иронии; почти нет ритмизованных периодов с созвучными окончаниями, гораздо меньше игры со словами и цепочек синонимов, нет «плачей», есть в конце лишь «Молитва». Однако у Жития и «Слова» много и общего. Совпадает ряд цитат из Писания, выражений, образов. Сходно критическое отношение к действиям московской администрации на присоединяемых землях.

Г. П., П. П.

ЕПИФАНИЙ СЛАВИНЕЦКИЙ (н. XVII в. — 19.11.1675), поэт, переводчик, оратор-богослов, один из самых ярких представителей «грекофильства».

Мирское имя неизвестно. Монашеское имя принял при пострижении в Киево-Печерской лавре. Не позднее 1639—40 преподавал латынь, греческий и церковно-славянский языки в Киевской братской школе. В 1649 царь Алексей Михайлович пригласил его и др. киевских «справщиков» для подготовки нового издания Библии. Издание было осуществлено в 1663 с предисловием самого Епифания Славинецкого (московское издание Библии повторяло Острожскую Библию с незначительными исправлениями и поновлением языка). С 1674 готовил новый перевод Библии, успел закончить переводы Пятикнижия и Нового Завета. Как переводчик, писатель и поэт Епифаний Славинецкий пользовался непререкаемым авторитетом. Его перу принадлежат больше 150 сочинений: переводы и собственные произведения, среди которых 60 слов-проповедей и ок. 40 книжных силлабических песен.

С 1651 он жил в Кремле, в Чудовом монастыре. Именно Чудов монастырь на протяжении всей 2-й пол. XVII в. оставался оплотом сторонников «грекофильства». Уже в 1653 патр. Никон привлек Епифания Славинецкого к подготовке церковной реформы. Полностью поддерживающий начинания Никона, Епифаний перевел «Деяния Константинопольского Собора 1593», которые стали богословским обоснованием всей реформы — именно они убедили церковный Собор 1654 в необходимости «исправления книг». В дальнейшем Епифаний Славинецкий становится главным ученым экспертом и, фактически, руководителем всех переводчиков московского Печатного двора, участвовавших в «книжной справе».

Однако несмотря на то что церковный Собор 1654 постановил исправить богослужебные книги «по старым харатейным и греческим», фактическая же правка велась по новым греческим изданиям, напечатанным в Венеции. Более того, сам Епифаний Славинецкий, видимо, даже не притрагивался к той массе книг, которая была собрана из русских и восточных библиотек и монастырей. Так, в основу нового «Служебника», вышедшего в свет в 1655, он положил венецианское издание греческого служебника 1602. Именно этот новый московский «Служебник» и утвердил большинство богослужебных нововведений (троеперстие, исключение слова «истинный» из восьмого члена Символа веры, четырехконечный крест и др.). Собственно говоря, именно этот «Служебник» и стал одним из поводов к расколу Церкви.

Несмотря на то что он мог достигнуть значительных чинов в церковной иерархии, Епифаний Славинецкий последовательно избегал подобных искусов и до самой смерти оставался простым иеромонахом.

В своих религиозно-философских взглядах Епифаний ориентировался прежде всего на современную ему греческую догматику, на современную греческую «ученость». Он не стремился разобраться в специфике и истории собственно русского традиционного понимания православного вероучения.

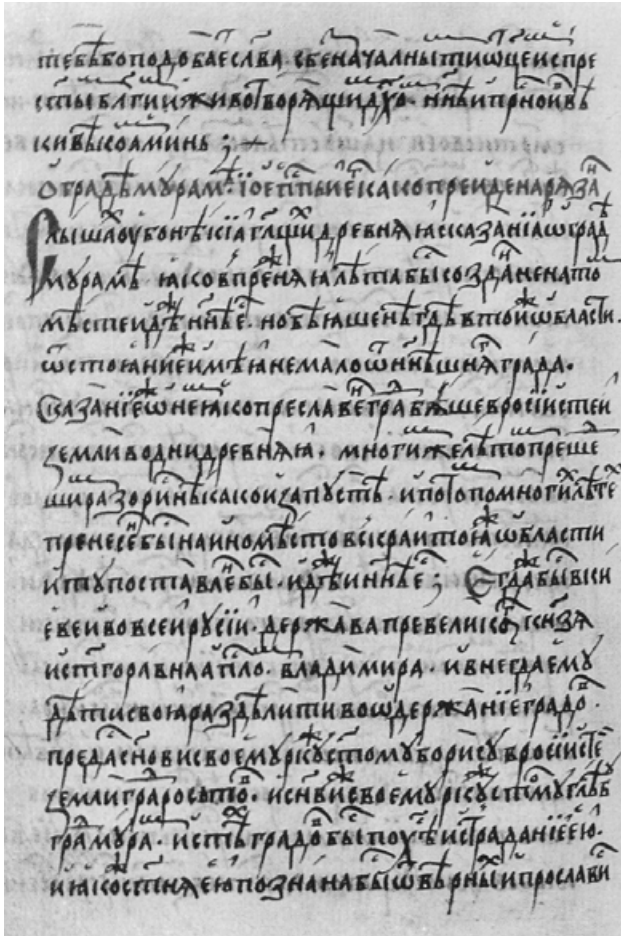
На формирование религиозно-философских взглядов Епифания Славинецкого, несомненно, решающее значение оказало учение и служба в Киевской братской школе. Он был знатоком не только греческой богослужебной литературы, но и прекрасным латинистом. Так на основе

словаря Амброзия Калепина он подготовил учебный «Лексикон латинский», старейший список которого датирован 1642. Проповеди Епифания Славинецкого были сложны для понимания. Это были проповеди ученого богослова, а не проповедника, ибо он нес своей пастве в большей степени знание о вере. С этим же фактом связано, что в его проповедях нередко встречаются чуждые русскому языку лексические конструкции. Само же понимание вероучительных и религиозно-философских вопросов было достаточно традиционным для греческой догматики, но выраженное в прекрасных стилистических формах. Так, размышляя о противоречивости бытия, он создает настоящее литературно-художественное полотно: «Вознесох бо очеса горе и видех пространственное небо беспрестанным движением от востока на запад многоличным разньствием точащесе со светилы и всюю лепотою своею; зрех низу и се вся непостоянна и мимогрядущая. Еще возвед очи на стихия, вижу, яко аер исполнь есть различнаго применения, огонь скорому повинен изменению, земля же ныне благовонными украшена цветы, на утрие нага внезапно зрится и бесплодна. Соньмище паки водное коль есть непостоянное, чаю, никомуждо невестно небыти...»

Значительную роль сыграл Епифаний Славинецкий в спорах о «царстве» и «священстве». Его описание соборного заседания от 14 авг. 1660, сделанное по поручению царя Алексея Михайловича, носит название «Деяние московского собора». По мнению А. С. Елеонской, «Деяние московского собора» — это «не простая протокольная запись, а литературно обработанный памятник». Так, само слово «собор» используется автором как собирательный эпический образ, причем подобный литературный прием используется для того, чтобы подчеркнуть полное согласие, единодушие собравшихся с царем. В религиозно-философском и практическом смысле Епифаний Славинецкий четко занимал ту позицию, которая доказывала необходимость преимущества «царства» над «священством». Причем свои мысли он выражал опять же в прекрасной литературной форме: «твое пресветлое величество царское есть светоносная благочестия твердь, есть незыблемый православия столп, есть непобараемый правоверия щит... Да благочестие во благочестивом твоём царстве, яко золотозарное солнце сияет; да православию, яко крин благовонный процветает». За царем Славинецкий признает право на решение всех церковных дел, созывать церковные соборы, раздавать церковные чины.

Однако при этом Епифаний Славинецкий считал, что др. иерархи Русской церкви не вправе судить патриарха как главу Церкви, т. к. они имеют дело со «всей России патриархом, со отцем отцов и пастырем пастырей. Кто же из сынов отца, которая овца пастыря судити дерзость воспримет, отнюд моим рассуждением немощно...» Эту мысль он выразил в Послании царю Алексею Михайловичу (1660). По-видимому, именно авторитет Епифания Славинецкого повлиял на то, что в 1660 так и не было принято решение о лишении Никона патриаршего сана. Следовательно, именно авторитет Епифания Славинецкого «продлил» междупатриаршество и сделал необходимым Собор 1666—67 с участием вселенских патриархов.

ЕРМОЛАЙ-ЕРАЗМ (Ермолай Прегрешный), писатель, публицист, православный мыслитель. Литературное творчество его относится к 40—60-м XVI в. Биографические сведения о нем скудны и устанавливаются, гл. обр., на основании его собственных сочинений. В 40-е Ермолай-Еразм жил в Пскове, в к. 40-х — н. 50-х он оказался в Москве. Как полагают ученые, именно он упоминается в *Никоновской летописи* под 1555 среди лиц, участвовавших вместе с митр. Макарием при поставлении Гурия епископом казанским — «прототип Спасской з дворца Ермалай». В 60-х он постригся в монахи под именем Еразма.

«Повесть о Василии Рязанском».
Авторграф Ермолая-Еразма

Переезд Ермолая в Москву и получение им должности протопопа дворцового собора надо, скорее всего, связывать с привлечением к нему внимания как образованному писателю. В это время как раз под руководством митр. Макария особенно интенсивно работал большой круг церковных писателей по созданию житий русских святых (см.: Жития святых). Макарий, по всей видимости, привлек к этой работе и Ермолая-Еразма. По поручению митрополита им было написано по крайней мере 3 произведения. Ермолай в своем «Молении к царю» сообщает о том, что «благословением превеликаго всея России архiereя Макария митрополита составих три вещи от древних драги». Существуют разные

мнения, о каких именно 3 произведениях говорит здесь Ермолай-Еразм. Упоминание, что в них говорится об историческом прошлом («от древних»), позволяет из числа произведений Ермолая-Еразма выбрать «*Повесть о Петре и Февронии*» и «*Повесть о епископе Василии*». Тематика их действительно связана с историческим прошлым Руси. Кроме того, они удовлетворяют и второму признаку, названному Ермолаем-Еразмом: появление рассказов с муромской тематикой обусловлено было писательской деятельностью в связи с Собором 1547, на котором были канонизированы муромские святые, поэтому и можно думать, что написаны они были по поручению митр. Макария. «*Повесть о Петре и Февронии*» была написана как жизнеописание муромских святых, а сюжет «*Повести о епископе Василии*» был использован в «*Житии муромского князя Константина и его сыновей*». Вопрос о третьем произведении остается спорным.

Время работы над этими произведениями было для Ермолая-Еразма наиболее благоприятным и для его творчества и в его церковной карьере, но оно оказалось очень непродолжительным. Уже в упомянутом выше «*Молении*», которое исследователи датируют к. 40-х — н. 50-х, Ермолай-Еразм жалуется на притеснения и враждебное отношение к себе со стороны царских вельмож. Видимо, скоро и Макарий охладил к писательскому таланту Ермолая-Еразма — его явно не удовлетворили произведения на муромскую тему. Он не захотел включать «*Повесть о Петре и Февронии*» в составляющиеся в это время «*Великие Четыи Миней*», а текст «*Повести о епископе Василии*» был значительно переработан, прежде чем его использовали в составе «*Жития кн. Константина*», написанного др. автором, видимо, в 1554.

Хотя Ермолай-Еразм и находился в непосредственном общении с влиятельными церковными и политическими деятелями своего времени, он не принадлежал к какой-либо определенной группировке или к какому-либо из существовавших в то время идейно-политических направлений. В его сочинениях, с одной стороны, прослеживаются идеи, близкие нестяжателям, противникам церковного землевладения, с др. — исследователи отмечают наличие концепции иосифлян в вопросе о соотношении церковной и царской власти. Не имея поддержки со стороны какой-либо определенной политической группировки, Ермолай-Еразм не смог сыграть сколь-либо значительной церковно-политической роли.

Преодолеть создавшуюся вокруг него неблагоприятную обстановку, видимо, не удалось, и примерно в н. 60-х Ермолай-Еразм постригся в монахи, о чем свидетельствует появившееся второе имя в списках некоторых его произведений («Ермолай, во иноцех Еразм»). Его писательское имя было еще известно в 60-е, но позже о нем забывают и произведения его переписываются как анонимные.

Благодаря счастливой случайности в настоящее время мы имеем сравнительно полное представление о творчестве Ермолая-Еразма. Дело в том, что его произведения (за исключением посланий) дошли до нас в 2 сборниках, написанных самим автором.

Наиболее важным публицистическим произведением Ермолая-Еразма является трактат «*Благохотящим царем правительница*», который был направлен им царю с предложением проведения социальных реформ. Это произведение датируется серединой века. Трактат содержит проект податных реформ и переустройства поземельного обеспечения военной службы. Автор «*Правительницы*», безус-

ловно, сочувственно относится к крестьянству как основному создателю благосостояния общества. По его мнению, крестьянство терпит непосильные лишения, более всего крестьянское боярством.

Поэтому он предлагает среди прочих реформ и такие, которые могли бы облегчить его тяготы. Ермолай-Еразм призывает царя к действиям на благо всего общества — «ко благополучию всем сущим под ним, не едиными вельможами, еже о управлении пешись, но и до последних».

Сочетание темы милосердия и христианской любви одновременно с осуждением и неприязненным отношением к вельможам и боярам прослеживается в его сочинениях назидательного содержания («Главы о увещании утешительном царем, аще хошеши и вельмож», «Поучение о своей душе», «Слово о разсуждении любви и правде и о побеждении вражде и лже»).

Князь Петр убивает змея.
Рукопись XVII в.

Однако надо отметить, что он стоял на твердых официальных позициях в вопросах церковной догматики, на протяжении многих лет он тщательно разрабатывал проблему троичности божества, имеющую в XVI в. принципиально важное значение в споре с еретическими учениями.

Не случайно его «Книгу о Троице» переписывали рядом с «Просветителем» *Иосифа Волоцкого*. Но, в отличие от Волоцкого игумена, в спорах с современными ему русскими еретическими вероучениями Ермолай-Еразм участия не принимал. «Книга о Троице» и «Зрячая пасхалия» свидетельствуют о большой начитанности их автора в церковно-богословской литературе.

Ермолай-Еразм был не только публицистом и церковным писателем. Ему принадлежат 2 произведения — «Повесть о Петре и Февронии» и «Повесть о рязанском епископе Василии», которые можно характеризовать как произведения художественной прозы. Эти повести были написаны одновременно — в к. 40-х, они имеют много общих черт: источниками для них послужили муромские легенды и изложены они в одной стилистической манере. «Повесть о епископе Василии» написана предельно жато, сюжетные детали в ней не разработаны. Совершенства в разработке сюжета (ясность в передаче главной мысли, конкретность деталей, четкость диалогов, имеющих большое значение в развитии сюжета, композиционная завершенность) Ермолай-Еразм достиг в «Повести о Петре и Февронии». Определяющим в разработке сюжета оказалось воздействие устного источника, более всего связанного с жанром новеллистической сказки. Влияние народного предания о муромском князе и его жене на Ермолая-Еразма оказалось столь велико, что он, образованный церковный писатель, перед которым была поставлена цель создать жизнеописание святых, написал произведение, несколько отличающееся от житийного жанра.

В «Повести о Петре и Февронии» рассказывается история любви князя и крестьянки. Сочувствие автора героине, восхищение ее умом и благородством в борьбе против всемогущих бояр и вельмож, не желающих примириться с ее крестьянским происхождением, определили поэтическую настроенность произведения в целом. Сюжет «Повести» таков. Петр, брат Муромского кн. Павла, мечом, найденным при таинственных обстоятельствах, убивает змея, посещавшего жену Павла, приобретая его облик. Капли змеиной крови обрызгали Петра, и тело покрывается язвками. Отрок, посланный Петром на розыски лекаря, заходит в с. Ласкове в дом, где видит прядущую девушку, перед которой скачет заяц. Ее речь к вошедшему ставит отрока в тупик (она сетует: «Не лепо есть быти дому безо ушню и храму безо очию»; смысл этих слов в том, что нет в доме ни пса, который залаял бы, ни ребенка, который предупредил бы ее о приходе постороннего). Пораженный мудростью ответов девушки, отрок рассказывает ей о болезни князя. Феврония соглашается исцелить его с условием, что князь женится на ней. С помощью изготовленной Февронией мази Петр выздоравливает, но не выполняет своего обещания жениться (как может князь взять в жены дочь простого деревенского бортника!), и язвы возникают вновь. Вторично исцеленный Февронией, Петр женится на ней. Но боярские жены не хотят, чтобы ими повелевала княгиня — дочь «древолазца» (бортника). Они требуют изгнания Февронии. Она соглашается с выдвинутым условием, что ей разрешат взять с собой, что она пожелает. Бояре не возражают, и Феврония уводит с собой мужа. После ухода Петра в княжестве начинаются распри, бояре просят Петра возвратиться и смиряются с кн. Февронией. Поразительна

своим психологизмом сцена смерти святых. Супруги решают умереть «во один час». Чувствуя приближение кончины, Петр посылает к Февронии сказать, что он уже умирает. Но она хочет окончить вышивание воздуха (завесы) с изображением святых. Петр посылает снова, и снова Феврония просит ее подождать. И лишь на третий раз она прерывает работу, жестом домовитой хозяйки втыкает иглу в ткань, обернув ее остатком нити, и умирает. Их хоронят в разных гробах, но чудесной силой они оказываются в единой гробнице.

«Повесть о Петре и Февронии» является одним из шедевров древнерусской мысли и литературы, и имя автора ее должно стоять в ряду самых видных писателей русского средневековья.

Соч.: Повесть о Петре и Февронии Муромских / Древнерусский текст и пер. Л. А. Дмитриева // Русская литература XI—XVIII вв. М., 1988.

Лит.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996.

Р. Дмитриева

ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ, герой народной сказки, старейший текст которой принадлежит XVII в. Из изданий сказки о Еруслане Лазаревиче считается наиболее ценным издание *Н. С. Тихонова*, по рукописи *Ундольского*. Сказка проникла и в лубочные издания. В ней рассказывается, как молодой богатырь Еруслан, достав себе коня, совершает на нем ряд воинских и любовных подвигов. *В. Ф. Миллер* указывает на влияние сказки о Еруслане Лазаревиче на одну малороссийскую сказку об *Илье Муромце*, а также отмечает одну *былину*, представляющую яркий пример смешения обеих личностей. Еруслан Лазаревич проник и в малороссийский заговор против змеиного укуса: «На осиянском мори стоит дуб, а в том дубе Еруслан Лазаревич. Еруслан Лазаревич! не будешь ты своего гаду собирать, из желтой кости зуба вынимати — полевой, медовой, травяной, болотняной — побьет тебя день середя! Аминь».

Лит.: *Тихонов Н. С.* Летописи русской литературы и древностей. 1859; *Миллер В. Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса. 1892.

ЕРШ ЕРШОВ, сын Щетинников, изворотливый, плутоватый герой бытовых сказок, в которых высмеиваются дурные общественные порядки, подкупность судей, судебная ябеда и волокита. Представлено озеро, в котором плавают лещ, судьи и свидетели, всего 9 рыб; кругом озера 33 мужика (есть и крестьянки), о чем и говорят надписи, взятые из стихотворного списка о ловле ерша, а внизу краткое изречение из «судного дела, как был суд у Леща с Ершом». В этой пародии на суд сохранены с поразительной верностью формы московского судопроизводства XVI в. и тогдашний юридический язык. (См.: Повесть о Ерше Ершовиче).

ЕРШОВ Петр Павлович (22.02[6.03].1815—18[30].08.1869), поэт, писатель, драматург.

Родился в д. Безруково Ишимского у. Тобольской губ. в семье чиновника. Раннее детство провел в г. Березове, где прожил до 12 лет, пока отец не увез его вместе со старшим братом Николаем в Тобольскую гимназию, директором которой был И. П. Менделеев, отец гениального русского ученого. Атмосфера, царившая в гимназии, способствовала формированию патриотизма; все подчинялось здесь идее культурного возрождения Сибири и учителя, и местная интеллигенция видели в гимназистах будущих работников на поприще сибирской науки.

В 1830 Ершов оканчивает гимназию, и отец переезжает с сыновьями в Петербург, чтобы дать им возможность продолжить образование. Ершов поступает на философско-юридическое отделение Петербургского университета. В студенческие годы он сотрудничает в рукописном журнале семьи *Майковых* «Подснежник», пишет не дошедшие до нас оперные либретто из древнерусской жизни, печатает в «Библиотеке для чтения» свои стихи. В 1832 с увлечением читает сказки *А. С. Пушкина* и под их влиянием приступает к работе над собственной — «Конек-Горбунок». В 1834 первая часть сказки представлена в виде курсовой работы профессору словесности *П. А. Плетневу*, который высоко оценивает опыт студента и подвергает его лестному публичному разбору на одной из лекций. Тогда же сказка публикуется в третьем томе «Библиотеки для

чтения» с похвальным отзывом *О. И. Сенковского*, а затем выходит отдельной книжкой.

При жизни Ершова сказка выдерживает 7 изданий, но только с 4-го (1856) печатается с восстановлением стихов, выброшенных цензурой, и авторскими дополнениями. Ершов утверждал, что его сказка — произведение народное, почти слово в слово взятое из уст сибирских рассказчиков. Однако в действительности она является творческой контaminaцией различных сказочных сюжетов об Иванушке-дураке и Сивке-Бурке. Ершов использует в «Коньке-Горбунке» следующие сказочные мотивы: 1) поручение отца трем сыновьям оберегать добро от таинственного вора; 2) помощь чудесного коня; 3) перо чудесной птицы, прельщающее героя и приносящее несчастье; 4) добыча героем чудесной птицы; 5) наговор зложелателей-придворных; 6) добыча героем царевны-девицы; 7) извлечение со dna моря ее имущества; 8) перерождение героя в кипящей жидкости с помощью чудесного коня в красавца и доброго царя. Все эти мотивы находят подтверждение в изданных позднее народных сказках *А. Н. Афанасьева*. Встречаются в «Коньке-Горбунке» и отголоски сатирической сказки о *Ерше Щетинникове*, мотив путешествия героя в иное царство есть в сказках о Марке Богатом и Василии Бесчастном.

Успех «Конька-Горбунка» в читательских кругах не был случайным: Ершов пошел дальше своих предшественников и современников в литературном освоении фольклора. Глубина и полнота слияния поэта-сказителя с миром народной сказки у Ершова оказалась более живой, непосредственной и органичной. Сам Пушкин сказал: «Ершов владеет языком, точно крепостным мужиком. Теперь мне можно и оставить этот род поэзии». В ершовском повествовании в меньшей степени ощущается литературер, интерпретирующий сказку, и в большей мере — влюбленный в свое дело русский сказочник, прямой соавтор народных мастеров.

Ершов точно передает мифо-поэтические основы народного мирозерцания. Село, где начинается действие сказки, воспринимается как частица вселенной, а мужицкий труд — как основа благосостояния нации. Сказочный мир Ершова органически слит с повседневным крестьянским существованием, даже мифологические образы в нем овеяны красотой жизни земной. *Жар-птица* является собирательным образом стихий русской природы: ветра, облака,

молнии, солнечного света, вещих зарниц над созревающими августовскими хлебами — и крестьянского домашнего обихода: жара в печи, голосистого огненно-рыжего петуха. Царь-девица, богиня света, весны, живущая в золотом дворце, олицетворяет заветную мечту крестьянина о вольной, сказочной стране. В духе народной мифологии древние языческие поверья срастаются с христианскими.

Таков райский сад, в котором расположен чудесный терем, жилище солнца: «А на тереме — из звезд / Православный русский крест». И врата райского града напоминают резные царские врата сельской церкви, украшенные руками народных умельцев золотыми змеями и виноградными гроздьями. Ершов творит мир в духе сказочного крестьянского мироощущения, постоянно связывая небо и землю, придавая бытовым сторонам крестьянского существования неожиданный вселенский масштаб. Далекая райская страна приближается к деревенской околице-окоему, где «небо сходится с землею», «где крестьянки лен прядут, прялки на небо кладут».

В освещении сказочных образов и конфликтов Ершов не выходит за пределы народного мироощущения, но в то же время раскрывает изнутри все потенциальные его возможности, все скрытые в нем резервы. Иванушка — типичный сказочный персонаж, который дурачит окружающих «умников». В его «глупости» есть сознательное пренебрежение к обывательскому здравому смыслу, он равнодушен к внешнему успеху, не умеет и не желает «устраиваться» в жизни, не жаден до денег и почестей, богатств и прочих материальных благ. Благодаря этому он самый свободный герой в сказке, свобода позволяет ему быть накоротке со всем миром, как житейским, бытовым, так и волшебным, фантастическим. Он одинаков в общении с отцом и братьями, с царем и его слугами, с солнцем и месяцем. В то же время он более ершист и колюч, чем традиционный сказочный персонаж. Острую социальную конкретизацию получают у Ершова образы царя, придворных и др. государевых слуг. Оригинален и образ Конька-Горбунка, созданный на основе известного в народной сказке «паршивого» жеребенка. «Игрушка-Горбунк» за своей внешней неказистостью таит все признаки богатырского коня: он не только чудесный помощник, но и надежный друг, добрый утешитель.

Эстетическое освоение разных пластов фольклорной культуры позволяет Ершову соединять в полемическом противостоянии исконно народную и уже тронутую «литературностью» мешански-городскую сказочную традицию. Рассказ о Царь-девице звучит первоначально в исполнении одного из служителей двора, из того слоя, который читает «Еруслана». Но мешанская сказка сталкивается с народными представлениями и вкусами Иванушки. Если для царя и придворных Царь-девица — образец красоты, то для Иванушки она «И бледна-то, и тонка. / Чай, в обхват-то три вершка; / А ножонка-то, ножонка! / Тыфу ты! Словно у цыпленка! / Пусть полюбитесь кому, / Я и даром не возьму». Так появляется в «Коньке-Горбунке» сказка в сказке: литературная иронически снижается народной, возникает контраст между «господскими» и чисто народными эстетическими представлениями. Нередко автор вводит в сказку прямые или скрытые заимствования из высокой поэтической традиции русской литературы к. XVIII — н. XIX в. В итоге Ершов пробивается к органическому синтезу двух еще обособленных в его эпоху культур — фольклорной и книжно-поэтической. Тонкое ощущение гармонии сказочного жанра помогает ему осуществить

этот синтез, создавая образ сказителя в той же мере народного, в какой и литературного, выходящего за пределы сказки, чтобы создать художественно завершенный, литературно освоенный тип ее.

Свободное соединение волшебного с бытовым, космического с повседневным, столь характерное для народного мирозерцания и столь органично введенное Ершовым в литературную традицию, оказалось исторически значимым для последующих судеб русской литературы. Без сказочно-реалистической повествовательности Ершова была бы невозможна поэма *Н. А. Некрасова* «Кому на Руси жить хорошо». Именно народное сознание, легко преодолевающее типичную в «книжной» культуре дистанцию между «высоким» и «низким», «небесным» и «земным», «историческим» и «частным», стало главным нервом «мысли народной» в романе-эпопее *Л. Н. Толстого* «Война и мир». Оказалось, что в крестьянском культурном «космосе» сохранялась еще не подвергавшаяся анализирующему и дифференцирующему сознанию целостность, от которой периодически уходила высокая культура, но лишь для того, чтобы на новом витке своего развития уже осознанно возвратиться к ней.

Ершов написал своего «Конька-Горбунка» на исходе той поэтической волны, которая на взлете русского национального самосознания, пробужденного Отечественной войной 1812, увлеклась «русской песней», сказками и *былинами*.

В 1835 Ершов серьезно задумывается о необходимости возвращения в Сибирь: умирают отец и старший брат; мать писателя, оставшаяся на родине, нуждается в попечении. В 1836 он возвращается в Тобольск на место учителя, инспектора, а с 1857 — директора Тобольской гимназии. Ершов еще занимается литературой, сочиняя «быль» (балладу) «Сибирский казак», поэму «Сузге», пьесу «Суворов и станционный смотритель», пишет романтические стихи. Но все эти произведения не выдерживают сравнения с шедевром творчества Ершова — сказкой «Конек-Горбунк». Она знаменовала по-своему конец пушкинской эпохи в истории русской литературы, вступавшей в период «любомудрия» и романтического самоуглубления. Это был закономерный этап в ее развитии, т. ч. Ершов со своим «Коньком-Горбунком» неожиданно оказался на пустынном берегу. Его последующее погружение в романтические волны явилось неудачной попыткой преодоления совершенного в юности великого поэтического открытия.

Лит.: Ярославцов А. К. П. П. Ершов, автор сказки «Конек-Горбунк». Биографические воспоминания университетского товарища. СПб., 1872; Утков В. П. Ершов. Биографический очерк. Новосибирск, 1950.

Ю. Лебедев

ЕСЕНИН Сергей Александрович (21.09[3.10].1895—28.12.1925), поэт. Родился в д. Константиново Рязанской губ. в крестьянской семье.

Память ребенка сохранила картины жизни в доме, где часто собирались странники, слепцы, пели *духовные стихи* о *Голубиной книге*, о райском вертограде, о Лазаре, о заступнике крестьянском Миколе, о Женихе Светлом, Госте из Града Неведомого. Сам полуграмотный, дед пытался учить внука читать, а по субботам и воскресеньям рассказывал ему по памяти притчи из Священной истории.

В 1909 Есенин окончил константиновскую земскую школу, а в 1912 — церковно-учительскую школу в Спас-Клепиках. Тогда же он пишет свои первые стихи — еще самостоятельные, подражательные.

В авг. 1912 Есенин приезжает в Москву. В первые три года московской жизни поэта уместилось многое: работа в типографии ради хлеба насущного и роман с Анной Изрядновой, закончившийся рождением сына, учеба в университете им. Шанявского, признание в литературно-музыкальном Суриковском кружке. О внутренней жизни

поэта в эти годы известно из писем, которые он посылал другу Грише Панфилову. Письма эти — удивительная страница жизни поэта. Он посылал их из Москвы. Было ему тогда 17—18 лет. Ни у кого из русских классиков мы не найдем в таком юном возрасте столь глубоких размышлений о самых сложных тайнах бытия, совести, человеческого призвания, религиозного поиска. Диапазон сомнений и чувств в письмах чрезвычайно широк — от наивности до мудрости, от глубочайшей веры до отчаяния, от мучительного самоанализа до растворения своего «я» в море христианского чувства.

В одном из писем он писал: «В настоящее время я читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового... Христос для меня совершенство. Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из страха: что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородною душою, как образец в последовании любви к ближнему.

Жизнь... Я не могу понять ее назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни. Он указал только, как жить, но чего этим можно достигнуть, никому не известно. Невольно почему-то лезут в голову думы Кольцова:

Мир есть тайна Бога,
Бог есть тайна мира.

Да, однако если это тайна, то пусть ей и останется».

В Москву Есенин приехал с поэмой «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолище и Спасе нашем Иисусе Христе». Работает над поэмами «Пророк» и «Тоска», тексты которых остались неизвестными. В янв. 1914 в журнале «Мирок» публикует стихотворение «Береза» — первая известная на сегодняшний день публикация Есенина.

Сменив несколько работ за 2 года, в дек. 1914, как вспоминала А. Изряднова, «бросает работу и отдается весь стихам. Пишет целыми днями». основополагающий образ в стихах Есенина этого периода — образ живого Христа, Иисуса-странника, нищего, просящего милостыню, одного из многих «слепцов, странствующих по селам» и поющих «духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Микеле и о женихе, светлом госте града неведомого». Иисус народных апокрифов, не теряющий своей божественной сути, естественно приходящий из Царства Божия на землю, неся с собой трагедию гибели и чудо Воскресения.

И в каждом страннике убогом
Я вызнать пойду с тоской,
Не помазуемый ли Богом
Считит берестяной клюкой.

И может быть, пойду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях — крылья херувима,
А под пеньком — голодный Спас.

Иисус приходит на землю «пытать людей в любви» в человеческом облике, подобно «жильцу страны нездешней» Микеле, герою есенинской поэмы, посланному Богом на русскую землю, дабы было кому защитить «скорбью вытерзанный люд» и соединиться с ним в единой молитве. Но есенинский Иисус в мгновение ока может расстаться с человеческой оболочкой и раствориться в русской природе, преображая ее и создавая на земле подлинное ощущение нездешнего мира.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным.

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

Так незримый божественный мир легко и естественно воплощается в земной ипостаси, и в то же мгновение земная реальность окутывается сказочной дымкой, обретает нездешние черты, и сам поэт преображается под впечатлением встречи с Иисусом в облике человеческого, обретает ощущение пограничности между двумя мирами.

Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.

Льется пламя в бездну зренья.
В сердце радость детских снов.
Я поверил от рождения
В Богородицын Покров.

Есенинская цветопись ранних стихов, по существу, в точности воспроизводит расположение цвета на русской иконе, а пламя, льющееся в «бездну зренья», как и «алый мрак в небесной черни», — основополагающий цвет образа Спаса в силах, который возникает в глазах поэта именно на границе перехода из мира земного в мир небесный. И сама икона в его стихах становится подлинным окном в иной мир, а отворенное его словом, оно преображает и мир здешний.

8 марта 1915 Есенин выехал из Москвы в Петроград, где встретился с А. Блоком, высоко оценившим его стихи, и получил от Блока рекомендательные письма к С. Городецкому и М. Мурашеву. В течение всего года он печатается в петроградских журналах, а осенью знакомится с Н. Клюевым, ставшим его «наставником и рачителем» в первые годы жизни в столице. И до конца дней, до конца «дружбы-вражды» двух великих поэтов Есенин называл Клюева своим учителем.

Осенью 1915 Есенин входит в литературную группу «Краса» и литературно-художественное общество «Страда», ставшие первым объединением «поэтов-новокрестьян» или, как называл это сообщество Есенин, «крестьянской купницы», объединившей самого Есенина, Н. Клюева, С. Клычкову, П. Карпова, П. Орешина, А. Ширяевца.

В янв. 1916 выходит первая книга стихов Есенина «Радуница». Тогда же поэт призывается в армию, но благодаря хлопотам Н. А. Клюева и полковника Д. Н. Ломана получает назначение в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. Вместе с Клюевым

он выступает в Москве и Петрограде на приемах у меценатов, в литературных салонах, а также в придворных кругах. Дважды они выступают в Марфо-Мариинской обители, а 12 янв. 1916 перед вел. кн. Елизаветой Федоровной в ее собственном доме. Об этом выступлении сохранились воспоминания художника М. Нестерова: «В начале месяца мы с женой получили приглашение к великой княгине послушать у нее “сказителей”. Приглашались мы с детьми. В назначенный час мы с нашим мальчиком были на Ордынке... Великая княгиня с обычной приветливостью принимала своих гостей». Далее М. Нестеров описывает встречу с зоркой точностью художника, запоминающего подробности и детали: «В противоположном конце комнаты сидели сказители. Их было двое: один молодой, лет двадцати, кудрявый блондин, с каким-то фарфоровым, как у куколки, лицом. Другой — сумрачный, широколицый брюнет лет под сорок. Оба были в поддевках, в рубахах-косоворотках, в высоких сапогах. Сидели они рядом».

В обществе «Свободная эстетика» они читали стихи уже в новых костюмах, заказанных для них Ломаном и изготовленных в Москве в их присутствии. Как писала газета «Утро России»: «Оба были в черных бархатных кафтанах, цветных рубахах и желтых сапогах». Полковник Ломан, заказавший эти костюмы и устроивший, видимо, вечер «сказителей» у вел. княгини, смотрел далеко вперед. Он уже думал о том, чтобы «сказители» стали своими людьми в Царском Селе. Его планы совпадали с планами и самих поэтов.

О своей встрече с императрицей Есенин вспоминал так: «По просьбе Ломана однажды читал стихи императрице. Она после прочтения моих стихов сказала, что стихи мои красивые, но очень грустные. Я ответил ей, что такова вся Россия. Ссылался на бедность, климат и проч.». Среди прочитанных императрицей стихотворений была и поэма «Русь», где война предстает как неизбежная работа, как общее переживание народное, особенно трогательное в те минуты, когда вся деревня, получив весточки с фронта, собирается, и кто-то из баб, умеющих читать, разбирает «каракули», выведенные в «родных грамотках»:

Собрались над четницей Лушею
Допытаться любимых речей.
И на короточках плакали, слушая,
На успехи родных силачей.

А где-то между этим избами, среди баб и детей, бродит поэт и шепчет слова «люблю», «верю» — каждый раз по-разному:

Но люблю тебя, родина кроткая!..
Я люблю эти хижинки хилые
С поджиданьем седых матерей.

«Русь» — может быть, самое «соборное» стихотворение Есенина, никогда, пожалуй, больше он не растворял столь полно свое «я» в стихии народной жизни, как в этой маленькой поэме:

Помирился я с мыслями слабыми,
Хоть бы стать мне кустом у воды.
Я хочу верить в лучшее с бабами,
Тепля свечку вечерней звезды.

Поэт в «Руси» предстает как бы лишь неким отражателем народного чувства, угадчиком не своих, а общих надежд и переживаний.

1917 Есенин встретил ожиданием перемен к лучшему. В программном стихотворении «О Русь, взмахни крылами...»

Есенин как бы реализует клюевскую цепкую и волевою мысль о том, что «наше время пришло», он, как юный князь, собирает перед решительным сражением свою дружину, в которой в «златой ряднине» идет А. Кольцов, а за ним с «снегов и ветра из монастырских врат, идет, одетый светом, его середний брат» — «смиранный Миколай», мудрый Клюев, который в жизни совсем не «монашья мудр и ласков» — но не все ли равно Есенину, он творит легенду обо всех, в т. ч. и о Клюеве.

Доживая время в Петрограде и переселившись в 1918 в Москву, Есенин создает цикл «религиозно-революционных» поэм. В облике сказочного русского мужика в поэме «Отчарь» на глазах проступал то ли образ *Святогора*, то ли *Микулы Селяниновича*, то ли русского крестьянского Саваофа или святителя Николая. На зов Отчаря откликается вся земля, все великие злодеи прошлых времен каются и получают его прощение, и даже «рыжий Иуда целует Христа, но звон поцелуя деньгой не гремит, и цепь Атакуя — тропа перед скит...». И пророк-поэт видит, словно Иоанн Патмоский, «новое небо и новую землю» и горд тем, что именно от России осуществляется преобразование мира.

Там дряхлое время,
Бродя по лугам,
Все русское племя
Сзывает к столам.

Перед воротами в рай
Я стучусь:
Звездами спеленая
Телицу-Русь.

П. Орешин вспоминает, как Есенин однажды пришел к нему и разыграл сцену: якобы он читал Иванову-Разумнику новую поэму, Разумник был в восторге, а сам он, Есенин, до сих пор не понимает — что написал.

— А ну-ка... — попросил его Орешин.

И тогда Есенин отодвинулся от него в глубину дивана и почти шепотом прочитал четверостишие:

Облака лают,
Цветет златозубая высь...
Пою и взываю:
Господи, отелись!

И вдруг громко, сверкая глазами: «Ты понимаешь: Господи, отелись! Да нет, ты пойми хорошенько: Го-спо-ди, оте-лись!.. Понял? Клюеву и даже Блоку так никогда не сказать...»

Ходасевич совершенно справедливо замечает, что эти строки напрасно вызвали в свое время взрыв негодования и осуждения, «ибо Есенин даже не вычурно, а с величайшей простотой, с точностью, доступной лишь крупным художникам, высказал главную свою мысль... Он говорил: “Боже мой, воплоти свою правду в Руси грядущей”».

«Инония» — иная страна. Название рождено из «Откровения» Иоанна: «И увидел я новое небо и новую землю». Несмотря на еретические мотивы, поэма «Инония» не порицание Бога, а попытка переосмысления его воли человеком, потерявшим в революционной смуте. Это не порицание христианства, а попытка по-новому истолковать его и по-настоящему приневолить на службу тяготам и нуждам земным. Вошедши в образ поэта-пророка, Есенин заговорил в «Инонии» и др. поэмах пророческим языком.

За год Есенин написал 30 стихотворений и несколько небольших поэм — «Товарищ», «Певучий зов», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение». А к осени записал

на бумаге еще 3 самые главные поэмы своего крестьянско-апокалиптического цикла, для воплощения которого он, держа в памяти «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьева, Библию, «Слово о полку Игореве», создал свою собственную мифологию. Небо в ней — символ отцовского мужского начала. Богородица — мать Христа — земное лоно, Приснодева — она же Русь крестьянская — она же священная корова.

Новая Россия, как когда-то Христос с его Новым Заветом, рождается по Божьей воле в лоне старой России, словно телок, выходящий из коровьего лона... Русь-Приснодева должна «отелиться» сыном, телком, в котором будущее человечества.

Летом 1918 Есенин написал «Иорданскую голубицу». В ней было выражено мягкое, умиротворяющее чувство печальной неизбежности русской судьбы, чувство какого-то внутреннего примирения с грядущими испытаниями, личными и народными, чувство причастности ко всем, покидающим нашу землю, уходящим «в ту страну, где тишь и благодать».

Есенин принимает участие в двух сборниках «Скифы», выпущенных одноименной литературной группой, куда входили и новокрестьянские поэты, негласным духовным вдохновителем которой был литературный критик Р. В. Иванов-Разумник. Но через короткое время поэт отходит и от него, и от Клюева в надежде создать новую литературную школу, открывающую иные поэтические горизонты. Как обоснование новых дум и чаяний пишется книга «Ключи Марии» — не столько теоретический труд, сколько вдохновенная поэма в прозе, посвященная зерну народного образа, проявляющегося и в крестьянском быту, и в народном поэтическом слове.

В «Ключах Марии» была сконцентрирована идея «духовной революции», вплотную приближающей человека к космическим тайнам бытия, к разгадке «тайны Бога». Это был манифест поэтической школы, так и не состоявшейся в XX в. в России. «...Только фактом восхода на крест Христос окончательно просунулся в пространство от луны до солнца, только через Голгофу он мог оставить следы на ладонях Елеона (луны), уходя вознесением к отцу (т. е. солнечному пространству); буря наших дней должна устремить и нас от сдвига наземного к сдвигу космоса... Душа наша Шехерезада. Ей не страшно, что Шахриар точит нож на растленную девственницу, она застрахована от него тысяча одной ночью корабля и вечностью проскакивающих небо ангелов. Предначертанные спасению тоскою наших отцов и предков чрез их иаковскую лестницу орнамента слова, мысли и образа, мы радуемся потоку, который смывает сейчас с земли круг старого вращения, ибо места в ковчеге искусства нечистым парам уже не будет».

Через несколько лет, пережив «потоп» и убедившись своими глазами, что «ковчег искусства» по-прежнему переполнен «нечистыми парами», Есенин уже с совершенно иной интонацией обращается к Богу, как бы исповедуясь и в то же время зная про себя, что его глобальные мечтания остались его личным достоянием, не понятые и не востребованные никем из современников.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились —
Значит, ангелы жили в ней.

В 1919 Есенин пишет поэму «Кобыльи корабли» — воплощение распада плоти и самого человеческого бытия. Глубину этой поэмы можно оценить, вспомнив окончание

есенинских «Ключей Марии»: «То, что сейчас является нашим глазам в строительстве пролетарской культуры, мы называем: “Ной выпускает ворона”. Мы знаем, что крылья ворона тяжелы, путь его недалек, он упадет, не только не долетев до материка, но даже не увидев его, мы знаем, что он не вернется, знаем, что масличная ветвь будет принесена только голубем — образом, крылья которого спаяны верой человека не от классового осознания, а от осознания обстающего его храма вечности».

Лошадиные трупы с воронами, напоминающими собой черные паруса, — вот чем обернулись мечты Есенина об Ионии, о Преображении, Иорданской Голубице. Большевицкая власть обманула? Он никогда особенно и не обольщался на сей счет — «Ключи Марии» ясно дают это понять. Просто воочию стало ясно, что великая революция духа, о которой мечталось, не состоится при его жизни на этой грешной, омытой кровью земле. Хуже того, то омерзительное кровопролитие и всеразрушение, которое он еще недавно оценивал как некое озорство, от которого взрослых детей легко отговорить, стало основой жизни, бытом, привычным делом.

Мир есенинской поэзии в 1919—20 явно менялся. Исчезала яркость и свежесть красок, пропадало ощущение прозрачности, одухотворения всего живого — черное, таинственное, пугающее вторгалось в поэтический мир, меняло музыкальный настрой, преображало мироощущение. Поэт уже не чувствовал себя пророком и не рвался «на колею иную». «Горечь молока под ветхой кровлей» надо было испить до конца. И родным становится ему свист ледяного ветра, гуляющего по России, кровью умытой.

В 1920 во время гастрольной поездки на Кавказ Есенин пишет поэму «Сорокоуст», в основу которой был положен реальный эпизод — в окне вагона виделся бегущий жеребенок, словно вступивший в неравное состязание с паровозом.

Сорокоуст — служба по умершему, совершаемая в церкви в течение 40 дней после смерти. Поэма Есенина напоминала скорее не заупокойную службу, а отчаянный крик человека, обреченного на гибель и все еще сопротивляющегося в последней агонии. Блудным сыном, покинувшим родной дом в поисках свободы, ощущал себя Есенин, с горечью признаваясь, что возвращаться ему некуда, ибо сметен с лица земли родной очаг и не стало милого деревенского мира, раздавленного безжалостной железной пятой. Грань между жизнью и смертью практически стерта. Ибо жизнь русской деревни этих лет жизнью назвать нельзя. Право на существование «мира таинственного и древнего» можно и нужно было отстаивать только силой, только отчаянным сопротивлением.

Уничтожение породившего и вскормившего поэта крестьянского мира в братоубийственную гражданскую войну, крестьянские восстания, в частности, самое крупное из них — Тамбовское, под председательством А. Антонова — все это нашло свое косвенное отражение в драматической поэме «Пугачев», написанной в 1921. В «Пугачеве» Есенин менее всего задавался целью написать историю восстания и рассказать о причинах его поражения. Пугачевщина стала для него стихией, перед лицом которой открывались глубинные противоречия человеческой природы. Нерв самой трагедии, ее суть — в постоянном, напряженном, непрекращающемся конфликте внутри человеческой души, в постоянных мучениях личности, не отделившей себя от природы до конца, еще представляющей собой физически и духовно одно целое с окружающим миром.

Действие «Пугачева» протекает в беспросветной мгле, в которой разыгрывают свою трагическую мистерию призраки — ожившие покровители деревьев, птиц, зверей. «Музыка трагедии» звучит в монологах действующих лиц, пытающихся разгадать тайный смысл вакханалий живых сил природы. Здесь властвует звериная языческая стихия. Все действующие лица понимают ее язык, ибо в каждом из них сохранилась та часть души, в которой находит отзвук каждое явление природы, каждый ее мистический жест. Глубокой ночью, когда призраки, словно макбетовские ведьмы, покидают свои убежища и бродят по земле, совершаются все основные моменты действия: появление Пугачева, бунт казаков, появление Хлопуши, разгром восставших и, наконец, предательство.

В 1922 Есенин начинает работу над новой драматической поэмой «Страна негодяев», которая будет завершена через год с небольшим. Главные герои поэмы — Номах (прототип — Нестор Махно), комиссар железнодорожной линии Чекистов-Лейбман (прототип — Л. Троцкий), комиссар Рассветов, большевик ленинской закалки и мечущийся между двумя огнями Замарашкин — собирательный образ новоиспеченного советского интеллигента.

Чекистов — вечный эмигрант, перекасти-поле, явившийся взнуздывать Россию и подавлять железной рукой стихийное русское начало. «Гражданин из Веймара», местечковый революционер... Вся программа жизни заявлена в первых же репликах:

Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик.
Коль живет он в Рязанской губернии,
Так о Тульской не хочет тужить.
То ли дело Европа?
Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давно под топор...

«Сочувствующий коммунистам» Замарашкин пытается урезонить распоясавшегося комиссара, достучаться до его совести... Совесть? Чекистов-Лейбман слова такого не знает. И даже услышанное от Замарашкина «жид», должное, по идее, подействовать на него как красная тряпка на быка, не производит никакого впечатления, ибо понятие национального происхождения в теориях этого интернационалиста отсутствует как таковое.

Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы божиц...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.

На этой почве, в стремлении романтизировать безобразия, кровь и убийство, протягивают друг другу руки два непримиримых противника, два антипода — комиссар и крестьянский вождь, Чекистов и Номах, Троцкий и Махно.

Поэт создает образы двух бандитов: один в кожаной куртке, другой — в русском полушубке. Один исполняет волю политической элиты, другой — личную, собственную. Но при этом оба становятся похожими друг на друга, как родные братья. Между этими двумя непримиримыми врагами мечется, как затравленный заяц, «сочувствующий коммунистам доброволец» — Замарашкин, безуспешно пытающийся отстоять свою «третью правду» и вынужденный попеременно подлаживаться к каждому из них.

3 окт. 1921 Есенин знакомится с американской танцовщицей Айседорой Дункан и уезжает с ней за границу. В письме из Дюссельдорфа он писал: «Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мешанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде господин доллар, на искусство начхать — самое высшее мюзик-холл...

Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину...»

Есенина на Западе охватил приступ глубочайшей депрессии и ностальгии:

«Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва. В Чикагские “сто тысяч улиц” можно загонять только свиней. На то там, вероятно, и лучшая бойня в мире...

Боже мой, лучше было есть глазами дым, плакать от него, но только бы не здесь, не здесь. Все равно при этой культуре “железа и электричества” здесь у каждого полтора фунта грязи в носу».

В Америке Есенин в окружении еврейских литераторов, в т. ч. и троцкистов, читал сцены из «Страны негодяев», в частности, монолог Замарашкина: «Я знаю, что ты — настоящий жид. Фамилия твоя Лейбман. И черт с тобой, что ты жил за границей. Все равно в Могилеве твой дом». Еврейские литераторы подняли скандал в газетах, где поэта объявили «антисемитом» и «большевиком». Возвращаясь в Европу, поэт написал отчаянное письмо А. Кусикову: «Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть...» А в Германии произошла сцена, о которой вспоминал Р. Гуль: «Мы шли медленно. Алексеев держал Есенина под руку. Но на воздухе он быстро трезвел, шел тверже и вдруг пробормотал:

— Не поеду в Москву... Не поеду туда, пока Россией правит Лейба Бронштейн...

— Да что ты, Сережа? Что ты — антисемит? — проговорил Алексеев.

И вдруг Есенин остановился. И с какой-то невероятной злобой, просто яростью закричал на Алексеева:

— Я — антисемит?! Дурак ты, вот что! Да я тебя, белого, вместе с каким-нибудь евреем резать могу... и зарезу... понимаешь ты это? А Лейба Бронштейн, это совсем другой, он правит Россией, а не должен ей править... Дурак ты, ничего этого не понимаешь...»

С июня 1922 по авг. 1923 в Европе и Америке он написал 9 или 10 стихотворений. И в каждом из них Россия, Москва, деревня, земля обетованная. Для тех, кто слушал его, Москва и Россия тоже были такой землей. «Я люблю этот город вязевый, пусть обрюзг он и пусть одрях. Золотая дремотная Азия опочила на куполах...», «На московских изогнутых улицах умереть, знать, судил мне Бог...», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут под гармонки желтую грусть. Проклинают свои неудачи, вспоминают московскую Русь...».

По возвращении в Москву Есенин стал объектом различных провокаций. Признанный русский поэт, на каждом шагу подчеркивавший свою русскость, он вызывал ненависть у еврейских и денационализированных правителей и «подхалимствующей писательской братии».

20 нояб. 1923 планировалось празднование 5-летия Союза поэтов. В этот день Орешин, Есенин, Клычков и Ганин зашли в Госиздат, где вели переговоры об издании книги, а спустя некоторое время забрели в столовую на

Мясницкой. За столом зашел откровенный доверительный разговор о России, советской власти, культурной и национальной политике, отношении к русским поэтам, выходцам из крестьянства. В выражениях друзья не стеснялись. Тут же оказался согладатай в серой кожанке по имени Марк Родкин, спровоцировавший арест поэтов по обвинению в «антисемитизме». Товарищеский суд вынес поэтам общественное порицание и, по сути, спас их от гораздо более тяжелых последствий, но не оградил от клеветнической кампании, поднятой в газетах. В общей сложности на поэта в последние 2 года жизни было заведено 6 уголовных дел по обвинению в «хулиганстве» и «антисемитизме».

В н. 1924 Есенин работает над поэмой «Гуляй-поле», от которой сохранился лишь небольшой отрывок под названием «Ленин». А летом того же года по приезду на родину, в Константиново, пишет 2 небольшие поэмы — «Возвращение на родину» и «Русь советская».

Осенью 1924 Есенин отправляется на Кавказ, где ощущает новый прилив вдохновения. В последние 2 месяца 1924 и в янв. 1925 им написаны, кроме нескольких «персидских» стихотворений, «Письмо от матери», «Ответ», «Льву Повицкому», «Русь уходящая», «Письмо деду», «Батум», «Метель», «Весна», «Мой путь». «Письмо от матери», «Ответ», «Письмо деду», «Метель» — самые пессимистические, самые безнадежные страницы поэзии Есенина.

В Батуме он также пишет поэму «Анна Снегина» — воспоминание о безответной, но счастливой любви стало для него «роковой зацепкой за жизнь» на переломе 1924—25, когда его, казалось, оставили все душевные силы. Поэма эта о любви и одновременно о семнадцатом годе, о революции в деревне, о своем дезертирстве. В «Анне Снегиной» Есенин показывал лицо тех, кто разрушал русскую деревню: гольгѣба, пьяницы, люмпены, участники коллективного убийства старшин, «лихие злодеи», «воровские души». «Их нужно б в тюрьму за тюрьмой». А их вождь — П. Оглоблин — «булдыжник, драчун, грубиян». Его брат Лабутя — «хвальбишка и дьявольский трус», он из тех, кто «всегда на примете. Живут не мозоля рук».

Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица Русь...

Так говорит об этих, появившихся на глазах поэта, новых начальниках жизни пожилая степенная мельничиха, воплощение крестьянского здравого смысла, с которым невозможно спорить. А потому поэт молча соглашается с приговором и уходит в другой слой воспоминаний, гораздо более важный для него, ради которого, собственно, и написана была поэма-воспоминание о несуществующей, но счастливой любви, о времени, когда

...У той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

Кроме «Анны Снегиной», Есенин написал в Батуме «Персидские мотивы». Поэт насыщает этот цикл стихотворений священным для него синим цветом, что делает этот мир нереальным, живущим лишь в его душе, своеобразной персидской «Инонией». Когда в «Анне Снегиной» он окончательно попрощался с голубой Русью, то создал себе другой мир, где могла бы успокоиться его измученная душа, мир персидских мотивов, мир новой «Инонии», его

личной, не имеющей никакой связи с реальной жизнью. Эти образы для него, поскольку не искажены страстями, так же сказочны и прекрасны, как и образ «Пречистой Девы», как образ непорочной «Телицы-Руси» или старушки-матери, которая в русском синем раю старается пойма пальцами луч заката, или как сверкающий святостью лик деда, сидящего под Маврикийским дубом. «Персидские мотивы» — своеобразное продолжение есенинского иконостаса, который он писал всю жизнь.

В последний год, готовя к изданию 3-томное собрание сочинений, Есенин пишет «зимний» цикл стихотворений. Мотив тихой метельной ночи, снежной равнины, залитой лунным светом, все настойчивее вторгался в его стихи. Где-то лают собаки, поскрипывают санные полозья, деревья словно беседуют друг с другом, склоняясь и треща под порывами ветра. Налетела метель и угомонилась, снова тишина и покой, навевающие странные мысли о близкой смерти.

Лунный свет, вызывавший приступы ужаса несколько лет назад, заливал его «зимние» стихи. Он, как знак потустороннего, неотмирного, играл и переливался уже в «Персидских мотивах» («Волнистая рожь при луне», «При луне собачий слышен лай», «Лунным светом Шираз осиянен», «Золото холодное луны...»).

В нояб. 1925 Есенин закончил поэму «Черный человек», первый вариант которой был написан еще в Америке.

Действие поэмы разворачивается глубокой ночью в полнолуние, когда силы зла властвуют безраздельно и приходят соблазнять душу поэта. Тихий зимний пейзаж, уже знакомый по последним лирическим стихотворениям, на сей раз теряет свою умиротворенность, и кажется, что снова нечто угрожающее притаилось в самой ночной тьме, каждое дуновение ветра воспринимается как предвестие появления «прескверного гостя». Ощущение страшного одиночества рождает желание обратиться к неведомому другу, который, увы, не придет и не протянет руку помощи.

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее [в] ночи
Маячить больше невмочь.

Голова, размахивая «крыльями» в ночи, напоминает черную птицу — вестницу несчастья в «Пугачеве». Природа снова начинает угрожать и пророчить недоброе, словно нечисть в гоголевском «Вии», бушующая вокруг Хомы Брута, она — лишь предвестие появления самого страшного: «Поднимите мне веки. Не вижу». «Не гляди!» — шепнул какой-то внутренний голос философу. Не вытерпел и глянул».

Поэт же вступает в поединок с нечистью, не очерчивая себя заветным кругом. Он должен заглянуть в покрытые «голубой блевогной» глаза черного гостя, так напоминающего его самого и в то же время — каждого из недавних знакомцев во фраках и цилиндрах, собирающих все черное, что окружает стихотворца, проникает ему в душу, дабы потом вытащить по строчке, извлечь по крупичкам все самое отвратительное в его жизни и составить из этой мер-

зости свой портрет поэта. Поэт терпит до конца. И срывается только тогда, когда в речи гостя возникает образ «мальчика в простой крестьянской семье, желтоволосого, с голубыми глазами».

«Черный человек» продолжал преследовать поэта и в жизни. Устав от провокаций, от «литературного окружения», постоянно чувствуя за собой слежку, поэт решил оставить Москву и уехать в Ленинград, где рассчитывал взяться за издание толстого литературного журнала. 24 дек. 1925 он, приехав в Питер, остановился в гостинице «Англетер». А утром 28 дек. был найден повешенным к трубе парового отопления. По официальной версии поэт покончил жизнь самоубийством. Сохранившиеся документы дознания свидетельствуют о том, что в лучшем случае здесь можно говорить о трагической гибели при невыясненных обстоятельствах.

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1926—27; Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1995—2002.

Лит.: Белоусов В. Сергей Есенин. Литературная хроника: В 2 ч. М., 1969—70; Сб.: С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1986; С. А. Есенин. Материалы к биографии. М., 1993; *Куняев Ст., Куняев С.* Сергей Есенин. М., 1997.

Ст. Куняев, С. Куняев

ЕФРЕМОВ Иван Антонович (9[22].04.1907—5.10.1972), писатель, ученый-палеонтолог. В 1925 в качестве палеонтолога-любителя участвует

в научных экспедициях в Закавказье, Средней Азии, Якутии, Восточной Сибири, на Д. Востоке. В 1935 экстерном окончил геологоразведочный факультет Ленинградского горного института; в 1940 получил степень доктора биологических наук. В 1942 Ефремов написал ряд научно-фантастических и приключенческих новелл, понравившихся *А. Н. Толстому* «правдоподобностью необычайного». Эти новеллы вошли в цикл «Рассказы о необыкновенном», опубликованный в первых сборниках Ефремова: «Встреча над Тускаророй» (1944), «Пять румбов» (1944), «Белый рог» (1945), «Алмазная труба» (1946). Уже в этих произведениях, а также в научно-фантастической повести «Звездные корабли» (1948) проявилось умение Ефремова строить увлекательные сюжеты, рисуя столкновение человеческого разума с тайнами природы. В историко-фантастических повестях, объединенных в дилогии «Великая дуга» («На краю Ойкумены», 1949, и «Путешествие Баурджеда», 1953), поэтически воссозданы представления древних греков и египтян об

окружающем их мире, содержатся размышления об основах человеческой культуры, искусства.

Успех первого научно-фантастического романа Ефремова о человечестве ХХХ в. — коммунистической утопии «Туманность Андромеды», появление которого совпало с запуском первого советского спутника Земли, был уникальным. В самый короткий срок произведение стало известно во всем мире.

В к. 1962 Ефремов завершил роман «Лезвие бритвы» (1963). В увлекательном приключенческом сюжете с элементами детектива раскрываются представления о нереализованных возможностях, заложенных природой в человеке, нераскрытых могучих силах, пробуждение которых (путем соответствующего воспитания и тренировки) может изменить лицо мира. Особое место в романе занимает концепция красоты как высшей целесообразности и размышления о задачах подлинного искусства.

В 1968 Ефремов заканчивает роман-предупреждение, антиутопию «Час Быка». Если в первом космическом романе Ефремов воплотил свои представления о высшем типе цивилизации, то «Час Быка» показал, как зло, запрограммированное в прошлом, во многом деформирует будущее.

В романе шла также речь о бесчеловечном устройстве общества, в котором ни во что не ставилась человеческая жизнь, где правили ложь и бездарные властители. Ефремов предупреждает людей о возможной катастрофе, к которой ведет мир западная потребительская цивилизация и глобализация человечества на основе западных «ценностей».

Соч.: Собр. соч.: В 6 т. М., 1992.

ЕФРОСИН (2-я пол. XV в.), монах Кирилло-Белозерского монастыря, книгописец. Сохранилось 6 рукописных сборников, частью переписанных его рукой, частью собранных им из рукописей др. писцов. О времени литературной деятельности Ефросина свидетельствуют даты, которыми он обозначал в своих рукописях начало и конец работы. Самая ранняя дата — 1463, самая поздняя — 1491.

Сборники Ефросина отличает характерный для литературы XV в. энциклопедизм, отразивший широту интересов русского читателя и книжника. Наряду с обычными для монашеского чтения церковно-учительными произведениями в сборниках Ефросина встречается большое количество светских произведений.

Ефросин выступал не только как переписчик, но и как редактор и даже соавтор. Так, в ефросиновской редакции «Задонщины» имеется фрагмент из «Слова о погубели Русской земли», Толковую палею он дополняет выписками из «Шестоднева», «Физиолога», хроник, к «Слову о Хмеле» Ефросин прибавил отрывок из «Слова о ленивых, сонливых и упьянчивых» и т. д. Некоторые из памятников, помещенных у Ефросина, не встречаются в др. рукописях и могут быть признаны его собственными сочинениями.

Ж

ЖАДОВСКАЯ Юлия Валериановна (29.06[11.07].1824—28.07[9.08].1883), поэтесса. По материнской линии из древнего рода Готовцевых. Родилась калекой, без левой руки и с тремя пальцами на правой. Рано осиротела, оставшись без матери, воспитывалась бабушкой А. П. Готовцевой в усадьбе Панфилово Буйского у. Костромской губ., затем — теткой, поэтессой *А. И. Готовцевой*, жившей в Костроме.

В 1840 отец, В. Н. Жадовский, служивший в Ярославле председателем Казенной палаты, взял Жадовскую на воспитание и пригласил учителем П. М.

Перевлесского, молодого преподавателя Демидовского лицея, выходца из сельского духовенства, будущего известного ученого-литератора. Любовь между воспитателем и воспитанницей была грубо прервана отцом, не пожелавшим видеть в доме «плебея», и оставила глубокую рану в душе юной девушки, определила основной мотив ее лирики.

Впервые опубликовалась в 1841 в журнале «*Москвитянин*» (№ 7) — «Письмо из Ярославля о посещении государя императора». С тех пор вошла в число постоянных авторов журнала московских *славянофилов*: в 1843 публикует этнографический очерк «Проводы масленицы в уездах Буйском и Солигалицком» («*Москвитянин*», № 3) и первые стихи — «Много капель светлых...» и «Лучший перл таятся...» («*Москвитянин*», № 12).

В 1840—50-х часто посещает Москву и Петербург, заводит знакомство с литераторами *П. А. Вяземским*, *И. С. Тургеневым*, *А. С. Хомяковым*, *М. Н. Загоскиным*, *Ф. Н. Глинкой* и др., с художником К. П. Брюлловым. Помимо «*Москвитянина*» печатается в «*Библиотеке для чтения*», «*Сыне Отечества*» и др. изданиях. Затем ее стихи выходят в свет в сборнике «*Стихотворения*» (СПб., 1846), а потом, в обновленном и расширенном виде, в сборнике «*Стихотворения*» (СПб., 1858).

В центре поэзии Жадовской 1840-х — исповедь женской души, любовное чувство передается в драматических взлетах и спадах, в трагической безысходности, в одиночестве и воспоминаниях, иногда в упованиях на загробную встречу. Ее первый поэтический сборник напоминает лирический дневник, в котором отражена история возникновения, расцвета и увя-

дания любовного чувства. Лейтмотив сборника — «жажда небесного», безгрешного существования: «Уничтожь во мне силой небесною, / Все земное; пошли мне небесное!» («Жажда небесного»). Глубокими религиозными мотивами проникнуты стихотворения «Искушение», «Молитва», «Стремление» и др. Критики отмечали в ее стихах «чистую поэзию чувств».

К н. 1850-х в поэзии Жадовской расширяется тематический диапазон, появляется социальная тема, в лирику входит народная жизнь, фольклорные песенные интонации. Лучшие ее стихи «Нива» (1857; положена на музыку А. Т. Гречаниновым), «Грустная картина!» (1848) вошли в классику русской поэзии и постоянно включались в детские хрестоматии. Замеченные М. И. Глинкой и А. С. Даргомыжским стихотворения Жадовской «Ты скоро меня позабудишь» (1844) и «Я все еще его, безумная, люблю!» (1846) стали классическими русскими романсами.

В повестях Жадовской к. 1840 — н. 50-х («Переписка», «Отрывки из дневника молодой женщины», «Непринятая жертва», «Простой случай», «Неугомонная душа» и др.) варьируется один и тот же сюжетный мотив непринятой, отвергнутой, несчастной любви. Поздняя, во многом автобиографическая проза, — романы «В стороне от большого света» (1857), «Женская история» (1861), повесть «Отсталая» (1861), опубликованные в «*Русском вестнике*» *М. Н. Каткова* и в первых номерах «*Времени*» братьев Достоевских, стали заметным явлением литературной и общественной жизни. Но после выхода романов и повестей Жадовская, тайно обвенчавшись с пожилым вдовцом, ярославским врачом К. Б. Севеном, уезжает в Кострому и прекращает литературную деятельность. Выполняя дочерний долг, она в течение пяти лет ухаживает за парализованным отцом. В 1870 она переезжает в Буй, а в 1873 приобретает в нескольких верстах от уездного города усадьбу Толстиково, где через 10 лет и была похоронена на погосте Воскресеня.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894; Избранные стихотворения / Вступит. ст. П. Лосева. Ярославль, 1958; Поэты 1840—1850-х гг., 1972; Русские поэтессы XIX в. М., 1979; В стороне от большого света. Отсталая. М., 1993.

Лит.: Благово В. А. Поэзия и личность Ю. В. Жадовской. Саратов, 1981.

Ю. Лебедев

ЖАР-ПТИЦА, сказочная птица с яркими перьями, блистающими, как молния. Распространенный персонаж русских *сказок*. Она питается золотыми яблоками, дающими вечную молодость, красоту и счастье. Добыть Жар-птицу считается одним из самых трудных подвигов сказочного героя. В некоторых сказках Жар-птица оживляет мертвого; в других же перо ее, поднятое героем, приносит несчастье.

ЖЕВАХОВ Николай Давыдович (24.12.1874 — после 1939), князь, духовный писатель.

В своих трудах, и прежде всего «Воспоминаниях» (1923—28), Жевахов дает глубочайшее историческое и религиозно-философское осмысление одной из самых трагических эпох жизни русского народа, пророческое предвидение многих событий 1920—30-х.

Революция, отмечал Жевахов, была не выражением «народного гнева против царя и его правительства», а лишь плодами безверия, самомнения и гордости людской. Осмысливая свою эпоху, Жевахов писал, что люди настолько ушли от правды, что перестали узнавать ее. «Если (люди) в явлениях повседневной жизни не прозревают промыслительных путей Божьих, ведущих к предопределенным Господом целям; если испосылаемые Богом испытания для пробуждения и вразумления людей всегда застают их врасплох и кажутся тем более неожиданными, чем более они ужасны, то кто не способен рассмотреть признаки приближения кончины мира, явления антихриста и Суда Божия над миром?! И кто же поверит пророку, если бы он даже явился в наше время?!» Такие пророки, пишет кн. Жевахов, есть, один из них — *С. А. Нилус*. Каждый православный человек обязан знать наизусть его книгу «Великое в малом» и опубликованные там документы тайного правительства.

Темные силы иудейства и масонства стремятся господствовать над миром. На пути к этому стоит православная Россия. «Великая столько же пространством, сколько и своей духовной мощью, но смиренная и кроткая Россия прозревает грядущие судьбы Европы, видит неумную и близорукую игру Англии и Франции, но не осуждает ни той, ни другой, ибо знает, что эти несчастные страны обречены на гибель, в порядке очереди, установленной интернационалом, так же, как и Россия, что программы интернационала столь же необъятны, как и гениальны, и сводятся к одной цели — ликвидации христианства как единственного препятствия для завоевания мира...» Нужно пристальнее всмотреться в грядущие перспективы, пророчески писал Жевахов, чтобы содрогнуться от ужаса при мысли и возможности порабощения христиан иудаизмом и масонством, которым чужда и ненавистна христианская мораль.

Кн. Жевахов раскрывает сокровенные планы врагов русского народа. Задача антирусской революции 1917 заключалась в «уничтожении России» и образовании на ее территории «царства» антирусского интернационала как опорного пункта для последующего завоевания др. христианских государств. Планы темных сил «имели в виду развалить Россию в наикратчайший срок».

Соч.: Письма земского начальника // Гражданин. 1904. № 11, 13, 18, 20, 22, 26, 33, 34, 39, 45, 51, 62, 63; О назначении школы. СПб., 1906; СПб., 1998; Святитель Иоасаф Горленко, епископ Белгородский и Обоянский (1705—54): Мат. для биогр., собранных и изданных кн. Н. Д. Жеваховым в 3 т. и 5 ч. Киев, 1907—11; Т. 1. Ч. 1: Предки святителя Иоасафа. Киев, 1907; Т. 1. Ч. 2: Святитель Иоасаф и его сочинения. Киев, 1907; Т. 1. Ч. 3: Жизнь и деятельность святителя Иоасафа. Киев, 1909; Т. II. Ч. 1: Письменные донесения от разных мест и лиц в разные времена о чудесных исцелениях, совершаемых в Бозе почивающим Преосвященным Иоасафом епископом Белгородским. Киев, 1908; Т. 2. Ч. 2: Предания о святителе Иоасафе. Киев, 1908; Т. 3. Дополнительный. Киев, 1911; Николай Николаевич Неплюев. Биогр. очерк. СПб., 1909; Бари. Путевые заметки. СПб., 1910; Житие святителя Иоасафа, Чудотворца Белгородского. СПб., 1910; 2-е изд. Новый Сад, 1929; Святитель Иоасаф / Сост. кн. Н. Д. Жевахов. Пг, 1916; Чудеса

святителя Иоасафа / Сост. кн. Н. Д. Жевахов. Пг, 1916; СПб, 1998; Речь председателя Русско-сербского общества кн. Н. Д. Жевахова, произнесенная при торжественном открытии Общества в г. Вршаце (Сербия, Бенат), 20 июля 1920 // Двуглавый орел. 1921. Вып. 19; Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н. Д. Жевахова. (Т. 1. Мюнхен, 1923; Т. 2. Новый Сад, 1928). М., 1993; Еврейский вопрос. Нью-Йорк, 1926; Памяти гр. А. Череп-Спиродовича. Нью-Йорк, 1926; Светлой памяти шталмейстера Высочайшего двора Ф. Винберга. Париж, 1928; Причины гибели России. Новый Сад, 1929; Раб Божий Николай Николаевич Иваненко. Новый Сад, 1934; Кн. Алексей Александрович Ширинский-Шихматов: Крат. очерк жизни и деят. Новый Сад, 1934; Корни русской революции. Кишинев, 1934; Сергей Александрович Нилус: Крат. очерк жизни и деят. Новый Сад, 1936.

Лит.: Жевахов В. Д. Родословная роспись рода князей Жеваховых. (Российская ветвь). Киев, 1914; *Комолова Н. П.* Русское зарубежье в Италии (1917—45) // Русская эмиграция в Европе (20—30-е XX в.). М., 1996.

О. Платонов

ЖЕЛЕЗНОВ Иоасаф Игнатьевич (12[24].11.1824—10[22].06.

1863), писатель, фольклорист, этнограф. Сын казака. Окончил Уральское войсковое училище (1841). В 1853—62 жил в Москве, сблизился с кружком *А. Н. Островского*. Первый очерк «Картины аханного рыболовства» (1854) был одобрен критикой. Опубликовал книгу очерков «Уральцы» (1858). Записи былин, исторических песен и др. составили сборники «Предания и песни уральских казаков» (1859), «Сказания уральских казаков» (1861).

ЖЕЛИХОВСКАЯ Вера Петровна (17[29].04.1835—5[17].05.1896), писательница. Родилась в Екатеринославе. Получила домашнее образование. Печататься начала в Тифлисе в к. 70-х. Благодаря занимательной фабуле и экзотическим сюжетам пользовались популярностью повести и рассказы Желиховской из кавказской жизни, предназначенные для детей и юношества: «Кавказский легион» (1887), «Князь Илико», «В татарском захолустье» (1888), «В осетинских горах» (1894), «Кавказские рассказы» (1895) и др. Эти произведения привлекали читателей не только свежими зарисовками природы Кавказа, нравов его обитателей, но и православно-монархическими мотивами. Желиховская показывала представителей царской власти на Кавказе в качестве носителей цивилизации. Проблемы воспитания Желиховская разрешала в православных традициях. Ее книги «Любовь правдой крепка» (1890), «Как я была маленькой» (1891), «Мое отрочество» (1894) в сентиментально-дидактическом духе рисуют жизнь детей из аристократической среды. Православно-монархические взгляды Желиховской выражены в книгах исторического характера «Забитые герои» (1887—88), «Ермолов на Кавказе» (1889) и др. Рассказы Желиховской для маленьких детей (сб. «Розанчик», 1889, и др.) написаны в духе Православия.

ЖЕМЧУЖНИКОВ Алексей Михайлович (11[23].02.1821—25.03[7.04].1908), поэт. Родился в м. Почеп Черниговской

губ. в дворянской семье. В 1841, окончив Петербургское училище правоведения, поступил на службу в сенат. В 1858 вышел в отставку. Долго жил за границей. В 1900 избран почетным академиком. Был близко связан с *Н. А. Некрасовым* и *М. Е. Салтыковым-Щедриным*. Дебютировал в «Современнике» комедиями в стихах «Странная ночь» (1850), «Сумасшедший» (1852). Сотрудничал в «Отечественных записках»

и «Искре». В 50—60-х участвовал в создании *Козьмы Пруткова*. Поэзия Жемчужникова проникнута гражданскими мотивами и связана с традициями Некрасова. Жемчужник ратовал за честного общественного деятеля («Памятник Пушкину», 1880; «Забывшие слова», посвящено *М. Е. Салтыкову*, 1889; «Завещание», 1897; и др.). В пейзажной лирике воспел русскую природу (циклы стихов «Зимние картинки», 1857; «Сельские впечатления и картинки», 1886—91; и др.).

Соч.: Стихотворения. Т. 1—2 (с автобиографическим очерком), СПб., 1892; То же. 2-е изд. СПб., 1898; Песни старости. 1892—98. СПб., 1900; Прощальные песни. 1900-07. СПб., 1908; Избранное. Тамбов, 1959; Избр. произв. М.; Л., 1963.

ЖЕМЧУЖНИКОВ Владимир Михайлович (11[23].04.1830—

6[18].11.1884), поэт. Брат *А. М. Жемчужникова*. Учился в Петербургском университете. Вместе с братом и *А. К. Толстым* участвовал в создании *Козьмы Пруткова*. Ему принадлежат стихотворные пародии на поэтов «чистого искусства». Редактировал первое «Собрание сочинений Козьмы Пруткова» (1884).

«ЖЕНИТЬБА ДОБРЫНИ», былина. Как и былины «*Бой Добрыни с Ильей Муромцем*», «*Бой Добрыни с Дунаем*», восполняет «пробелы в биографии» любимого народного героя. При этом сказители использовали уже готовый «материал» — сцену из былины «*Илья Муромец и Святогор*», почти полностью перенеся ее в былинку о женитьбе Добрыни на великанше Настасье Никуличне.

«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» 1) Еженедельный журнал, издавался в Москве в 1835—44; издатель Август Семен (т. 1—8, 1835—42, т. 9, 1844). Фактическим редактором и автором большинства статей был *Н. А. Полевой*, который в 1837 передал редактирование брату. «Живописное обозрение» — первый в России научно-популярный, богато иллюстрированный журнал энциклопедического характера.

2) Ежемесячный иллюстрированный журнал, издавался в Петербурге в 1868; издатель-редактор *Н. Флиге*.

3) Еженедельный журнал, издавался в Петербурге в 1872—1905 (до 1874 под названием «Живописное обозрение стран света»; в 1903 не выходил); среди издателей-редакторов были *А. К. Шеллер-Михайлов* (1897—99), *И. Н. Потапенко* (1904). «Живописное обозрение» — иллюстрированный журнал «для семейного чтения». В 90-е беллетристический отдел журнала становится ведущим. Здесь печатались *Н. С. Лесков*, Шеллер-Михайлов, *Я. П. Полонский*, *К. Д. Бальмонт*, *Ф. Сологуб*, *З. Н. Гиппиус*, а также переводы иностранных писателей. С 1892 выходило ежемесячное литературное приложение к «Живописному обозрению» отдельными книжками, содержащими одно большое произведение. С 1892 приложение к «Живописному обозрению» приняло характер литературного журнала, в котором печатались произведения *В. И. Немировича-Данченко*, *З. Н. Гиппиус*, *Д. С. Мережковского*, стихи *И. А. Бунина*, *Ф. Сологуба* и др., литературно-критические и научно-популярные статьи и библиография.

ЖИГУЛИН Анатолий Владимирович (1.01.1930—6.08.2000), поэт. Родился в Воронеже в крестьянской семье. В 1949 Жигулин — студент-первокурсник Воронежского политехнического института — был арестован за участие в подпольной организации (в к. 80-х Жигулин расскажет об этом в автобиографической повести «Черные камни»); до 1954 включительно находился в заключении в Сибири — строил железную дорогу Тайшет — Братск, работал на золотых и урановых рудниках.

Образ России — один из главных в поэзии Жигулина: знакомые с детства «маковки церквей за пиками елок» («Дорога на плес», 1964), «И ржавый крест над колокольней...» («О, Родина! В неярком блеске...», 1967). Жигулин вместе с такими поэтами, как *В. Н. Соколов*, *Н. М. Рубцов*, помогал сохранить в сознании современников традиционный облик Святой Руси и выразил чувство горечи, вызванное утратой многих духовных ценностей. Но Жигулину дорог «И низкий холмик со звездой...», ибо она над могилкой товарища по лагерю или солдата, защищавшего страну от фашистского нашествия.

В 70-е «церковь белая» с «серебряным крестом» перестает быть только приметой национального пейзажа или принадлежностью русской культурной истории. Герой Жигулина задумывается о Боге («Воронеж, детство, половодье», 1972); его все сильнее волновал вопрос смерти и бессмертия души вне «этой жизни на земле» («Скоро, скоро холода...», 1973), о «связи небес и человека» («Суздаль», 1973; «Крещение. Солнце играет», 1976). Образ света озаряющего становится сквозным в поэзии Жигулина в к. 70-х и в 80-е («кресты не померкли», «кресты блестят», «светится лик золотой»).

Христианская идея любви определяет теперь этику Жигулина: «церковь» — «для меня — любовь» («Коломенское», 1975). Он убежден, что только «Бог — задумчив и суров» и еще «Любовь, что так кропка и терпелива» могут вдохновить на создание подлинных произведений искусства («Архангельское», 1973). Духовность, заботу о душе Жигулин полемически противопоставлял «радостям быта» («Пишу о душе. А душа...», 1974).

В те же годы Жигулин активно разрабатывал историческую тему (фрагменты поэмы «За други своя»). Особое внимание Жигулин уделял фактам уничтожения духовных ценностей в н. 30-х («Из российской истории», 1976; «Сто лет горит лампада...», 1980). «Огонь лампады» у могилы героя русско-турецкой войны 1878 Жигулин ставил в один ряд с Вечным огнем у могил солдата Великой Отечественной войны. В 1984 он написал об исторической связи между Георгиевским крестом и орденом «Знак Почета» («Геор-

гиевский крест — награда небольшая...»). Идея единства русской истории и преемственности поколений защитников чести и достоинства Отечества — характерная черта исторического сознания Жигулина 80-х.

В 80-е усилилось трагическое начало в поэзии Жигулина: жизнь «боли полна»; «ветер боли и тревоги / Над бедной родиной моей...» («Покинутая деревня», «На родине»). В 1982 Жигулин написал о своей вешней тревоге, о предчувствии новых бед и страданий: «С кроткой молитвой / За камни святые берусь, / Вижу, как ворон кружится / Далече-далече...» («На псковской земле»).

В н. 90-х Жигулин создал цикл из 12 стихотворений «Тревожное время России» (Литературная газета. 1992. 23 дек.), где нашли отражение основные темы жигулинского творчества (ответственность перед прадедами за целостность Отечества, память о «колымском конвое»; любовь, неподвластная времени; защита исторической правды). Стихи цикла объединяет пронизывающая боль и скорбь поэта, видящего укрепление власти дьявола и разгул зла, терзающих «горемычную страну». Жигулин рисовал картину разрушения родины.

Соч.: Избр. М., 1981; Из разных лет, из разных далей: Стихотворения и эссе. М., 1986; Летящие дни. М., 1989; Черные камни. М., 1989; 2-е изд. М., 1990.

В. П.

ЖИРКЕВИЧ Александр Владимирович (17[29].11.1857—13.07.1927), писатель, публицист, военный юрист. Из семьи военных. Получил военное образование. Первая публикация — рассказ «Из воспоминаний охотника» (1881). Публицистика Жиркевича вызвала горячую полемику в печати. В. В. Розанов видел в нем человека, который «бесконечно верит в доблесть и благородство своего отечества», и считал, что людей, подобных ему в нравственном отношении, нет среди революционеров.

Руководствуясь христианской моралью, Жиркевич оказывал помощь людям разных убеждений, вероисповеданий, социальной принадлежности, принимал участие в защите нижних чинов, арестантов, помогал раненым, военнопленным. Многие (в т. ч. А. Ф. Кони, М. В. Нестеров) называли его последователем доктора Ф. П. Гааза.

Большая часть литературных произведений Жиркевича создана в 1890-е: поэма «Картинки детства» (СПб., 1890, псевд. А. Нивин; 2-е изд., значит. перераб. Вильна, 1900), сб. стихов в 2 частях «Друзьям» (СПб., 1899), «Рассказы. 1892—1899» (СПб., 1900).

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО, памятник древнерусской литературы (к. XIII в.), рассказывающий о подвигах блгв. кн. Александра Невского. Уже в первые годы татаро-монгольского завоевания, среди др. русских князей оказался князь, который стал зримым символом будущего возрождения Руси. Это сын вел. кн. Ярослава Всеволодовича и внук вел. кн. Всеволода Большое Гнездо — Александр Ярославич Невский (ок. 1220—63), получивший свое прозвание за победу над

шведами на р. Неве. Александр Невский был не только выдающимся военачальником, но и мудрым политическим руководителем, не раз сумевшим путем дипломатических переговоров спасти Русское государство от разорительных татарских набегов и поборов. Уже при жизни он пользовался огромным уважением своих подданных, а вскоре после смерти было написано первое Житие вел. князя, подчеркивающее истинную святость Александра Невского и ставшее начальным звеном в дальнейшей канонизации его.

Самый ранний вариант Жития Александра Невского не имеет устойчивого названия и в разных рукописях именуется «житием», «словом» или «повестью о житии». Составление Жития относят к 80-м XIII в., а инициаторами его составления считают кн. Дмитрия Александровича, сына Александра Невского, и митр. Кирилла. Первым центром почитания Александра Невского как святого в те же годы стал монастырь Рождества Богородицы во Владимире, где был похоронен князь и где, видимо, возникла первая редакция Жития. Автор этой редакции неизвестен, но, судя по всему, он был книжником из окружения митр. Кирилла и современником последних лет жизни вел. князя. Всего же, с распространением почитания Александра Невского, сложилось более 15 редакций его Жития.

Ледовое побоище. Лицевой свод XVI в. Миниатюра

В этом Житии нет подробного изложения биографии Александра Невского, что, судя по всему, и не входило в задачу неизвестного автора. Он концентрирует внимание на основных эпизодах из жизни князя, которые позволяют воссоздать, с одной стороны, его образ героического воина, а с др. стороны, образ христианина.

Решению первой задачи служат рассказы о воинских подвигах Александра Невского, из которых особо выделяются победы над шведами и немецкими рыцарями на Чудском озере.

Для решения второй задачи автор прибегает к более выразительным средствам. Прежде всего, описывая вел. князя, он широко использует библейские образы, сравнивая качества

Александра Невского с красотой Иосифа, силой Самсона, мудростью Соломона. Сам вел. князь предстает перед читателями истинно верующим человеком. Он проявляет полную стойкость перед соблазном принять католичество в обмен на военно-политическую помощь Рима: «А от вас учения не приемлем», — гордо отвечает князь папским посланникам. Верный православному вероучению, Александр Невский каждый свой шаг освещает молитвой и упованием на Божью помощь. И Господь не оставляет его без Своей благодати.

В Житии приводится рассказ о нескольких чудесах, явленных Господом в помощь вел. князю. Так, перед битвой со шведами старейшине земли Ижорской, некоему Пелугию, явились святые братья Борис и Глеб, и сказал Борис Глебу: «Брате Глебе... да поможем сроднику своему князю Александру». А во время Чудского сражения на помощь вел. князю пришел «полкъ Божий», который видели в воздухе. И недаром сам Александр Невский, не раз проявлявший исключительную решимость, говорил: «Не в силе Бог, но в правде». Ведь если Господь зримо являл свою помощь, то это значило, что правда находится на стороне русского вел. князя и вedomой им державы.

Образ святого князя-воина Александра Невского стал очень популярен в Древней Руси, а сам святой прославлялся как один из заступников за Русскую землю. Позднее в разные времена и в разных памятниках будут записаны многочисленные свидетельства чудес, явленных св. Александром Невским. Он являл чудеса во время самых тяжелых и решительных периодов в истории Руси — во время Куликовской битвы, при взятии Казани. Иногда чудеса он совершал один, иногда со своими «сродниками» свв. Борисом и Глебом и др. святыми князьями. К Александру Невскому обращались с молитвами об исцелении от болезней. В 1547 был установлен общерусский праздник в честь св. Александра Невского — 23 нояб., а в 1724 установили и новый праздник — 30 авг., в честь перенесения мощей блгв. князя из Владимира в С.-Петербург. Мощи святого князя-воина, заступника за Русскую землю, и по сей день хранятся в С.-Петербурге, в Александро-Невской лавре.

С. Перевезенцев

ЖИТИЕ АЛЕКСЕЯ (АЛЕКСИЯ), ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ, памятник древнерусской литературы.

Житие посвящено христианскому подвижнику Алексею. Сказания о нем известны всем христианским литературам; греческая версия Жития известна в списках X—XII вв., с нее и осуществлен славянский перевод.

События, о которых повествуется в Житии, происходят на рубеже IV—V вв. в правление римских императоров, братьев-соправителей Аркадия (377—408) и Гонория (395—423) при папе Иннокентии I. Алексей — единственный, вымоленный сын богатых и благочестивых патрициев Евфимиана и Аглаиды (Агласей). Прекрасно воспитанному и образованному сыну родители готовили блестящее будущее. Алексей был обручен с девушкой «царского рода», но, вдохновленный стремлением к христианскому подвигу, он, оставшись наедине с новобрачной, отдает ей обручальное кольцо со словами: «Возьми и сохрани, и да будет между нами Бог до той поры, как он изволит». Тайно покинув Рим, Алексей идет в Едессу Месопотамскую поклониться нерукотворному образу Иисуса Христа и начинает свой многолетний подвиг добровольной нищеты: раздав все, что имел, в рубище вместе с нищими кормится он подаванием и молитва при дверях церкви Пресвятой Богородицы. Святость его раскрывает пономарь. Через 17 лет, став

всеми почитаемым, Алексей пытается бежать от людского поклонения, но волею судеб вновь оказывается в Риме, в доме своих родителей. Не признанный никем, доживает он последние 17 лет жизни, питаясь вместе с другими нищими от щедрот родителей, с христианским смирением перенося издевательства и оскорбления собственных слуг. Лишь после смерти святого становится известно, что неузнанным в доме 17 лет пребывал исчезнувший и оплакиваемый сын и муж.

Перевод Жития был известен на Руси, видимо, с XI в.; от XII в. сохранился пергаменный сборник с отрывками из Жития, а от XIV в. — древнейшие его полные списки. Среди многочисленных списков памятника имеется несколько лицевых, с миниатюрами к тексту Жития. Русская иконография восходит к византийской: лик святого Алексея напоминает облик Иоанна Предтечи.

Особую популярность Житие приобретает в XVII в., в годы царствования Алексея Михайловича, чьим небесным покровителем является святой. Была написана и в 1671—74 издана «Служба святому Алексею». На Украине создается драма «Алексей Божий человек» (1672—73), ему посвящаются свои вирши и «слова» *Стефан Яворский*, *Симеон Полоцкий*, *Лазарь Баранович*.

Позднее, при Петре I, когда его противники сравнивали царевича Алексея с героем Жития, Г. Тепчегорский создает (в 1714) виршевой акафист, посвященный Алексею Петровичу.

К XVII в. относится и сложение *духовного стиха* о св. Алексее, человеке Божьем, впитавшего в себя и черты книжного Жития, и фольклорные традиции (самая ранняя запись духовного стиха датирована к. XVIII в. — 1790). Духовный стих о св. Алексее, человеке Божьем, до н. XX в. пользовался особой популярностью у певцов-профессионалов, сказителей-былинщиков, лирников и распространялся слепыми певцами, «*каликами перехожими*».

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996.

Н. Дробленкова

ЖИТИЕ АННЫ КАШИНСКОЙ, агиографическое произведение XVII в. Анна Кашинская (?—1368) — дочь ростовского кн. Дмитрия Борисовича, а с 1295 — жена кн. Михаила Тверского, мученически погибшего в Орде. Супруга узнала о его смерти только через год. Вместе с сыновьями Димитрием, Александром и Василием она встречала святые мощи своего мужа, отправившись по Волге на кораблях. До смерти своей жила в Твери, приняла монашеский постриг под именем Евфросинии. Похоронена была в деревянной Успенской церкви.

Местное почитание Анны Кашинской возникло в XVII столетии. Связано это было с тем, что в 1649 в Твери были обретены ее нетленные мощи и тогда же перенесены в Кашин. А до 1649, до официального освидетельствования ее мощей, у гроба княгини произошло 8 чудес исцелений. В следующем 1650 Анна Кашинская была официально канонизирована. Причем службу на перенесение мощей написал *Епифаний Славинецкий* по прямому распоряжению царя Алексея Михайловича.

Уже в 1650—52 возникает первый вариант жития Анны Кашинской, а окончательное его составление относится к 1675—76. Именно тогда житие Анны Кашинской и сложилось как комплекс из четырех памятников. Этот цикл состоит из собственно жития и статей — о явлении княгини пономарю Герасиму, об обретении мощей и о перенесении мощей Анны

из деревянной Успенской церкви в Кашинский Воскресенский собор. Точный автор жития неизвестен, хотя в источниках называются несколько имен.

С. Перевезенцев

ЖИТИЕ ВАРЛААМА ХУТЫНСКОГО. Варлаам Хутынский, в миру Алексей Михалевич (ск. 1194), основал Хутынский монастырь в 10 км севернее Новгорода, на правом берегу Волхова. В Новгороде и Хутынском монастыре бытовало много легендарных преданий, связанных с его именем. Все они вошли в его Житие, литературная история которого охватывает период времени с XIII по XVIII в.

Варлаам Хутынский

включительно. В легендарных рассказах Жития отразились исторические и бытовые события, происходившие в монастыре и в Новгороде как при жизни Варлаама, так и после его смерти в течение нескольких столетий. Некоторые рассказы о чудесах Варлаама в древнерусской рукописной традиции бытовали как самостоятельные повести: рассказ о двух осужденных, которых должны были сбросить с Волховского моста в реку, «Пророчество Варлаама о снеге и мразе в Петров пост» (Петров пост бывает в начале лета), «Видение Хутынского пономаря Тарасия (Прохора)» (в основе «видения» — моровое поветрие в Новгороде в 1506—08 и катастрофический пожар города в 1508). Вместе с тем в Житие на одном из этапов его литературной жизни включается «Сказание о Тумгане», написанное митрополитом Родием Кожухом. (В 1460, во время посещения Новгорода Московским кн. Василием II, умер постельничий князя Родием Кожух, когда его привезли к гробнице Варлаама Хутынского, то он воскрес.) Житие

сохранилось более чем в 10 редакциях, подразделяющихся, в свою очередь, на ряд вариантов и групп.

Первая редакция Жития — короткий рассказ проложного типа, в котором сообщается о рождении будущего святого от благоверных родителей, о его уходе в пустынное место, борьбе с бесовскими наваждениями, построении церкви, создании монастыря, о кончине и погребении святого. Эта редакция Жития была написана в период с сер. XIII по н. XIV в. Вторая редакция, составленная в 20-е XV в., помимо повествования о жизни Варлаама, содержит рассказы о 6 чудесах. К этой редакции Жития часто присоединяются «Слово похвальное Варлааму» и «Сказание о Тумгане». Следующую по времени редакцию написал *Пахомий Сербский*. Он использовал текст 2-й редакции, добавил 4 рассказа о посмертных чудесах Варлаама и предварил текст риторическим вступлением, в котором размышляет о величии подвигов святых и оправдывает перед читателем свою решимость написать Житие русского святого. Это Житие Пахомий написал во время своего первого пребывания в Новгороде в 1429—40, позже, в 70-х, он присоединяет к этому тексту свою переработку «Сказания о Тумгане» Родиона Кожуха. В XVI в. создаются Распространенная и Особая редакции Жития — это основные, наиболее интересные в литературном отношении редакции памятника.

Первоначальный вариант Распространенной редакции Жития был составлен в 1526. Он до нас не дошел. К нему восходит 2-й вариант этой редакции и Особая редакция. В Распространенной редакции Пахомиевская редакция Жития объединена с возникшими уже после ее написания новгородскими и монастырскими легендами о Варлааме. В текст, общий с Пахомиевской редакцией, внесены дополнительный рассказ об искушении Варлаама «снедию» и добавлено 26 новых эпизодов-чудес. 13 из них — рассказы об исцелениях, 8 — рассказы о чудесах с монахами (обычно речь идет о наказаниях тех, кто нарушает правила монастырского быта и монастырского устава). Остальные 5 чудес делятся на три группы: 1) чудеса общеновгородские — «Пророчество Варлаама о снеге и мразе в Петров пост», «Видение Хутынского пономаря Тарасия»; 2) два рассказа о мошгах Варлаама — об осмотре его останков Новгородским архиеп. Евфимием II (в 1440) и о наказании вел. князя Московского Ивана III Васильевича (в 1471), захотевшего вскрыть гробницу Варлаама; 3) московские чудеса — чудо о Тумгане и явление Варлаама вел. князю Московскому Василию Ивановичу (в 1517). В Особой редакции Жития по сравнению с Распространенной на 12 эпизодов меньше. Все эпизоды Особой редакции, параллельные оригинальным эпизодам Распространенной, следуют в хронологическом порядке (в Распространенной редакции его нет), и все они относятся ко времени не позже 1-й четв. — 30-х XVI в. Это отражает состав и последовательность не дошедшего до нас первоначального варианта Распространенной редакции. В Особую редакцию вставлена заимствованная из летописи краткая повесть о наводнении и буре в Новгороде в апр. и мае 1421, переработан рассказ о попытке вел. князя Московского открыть мощи Варлаама, сделана вставка о Новгородском архиеп. Феофиле (был архиепископом в 1470—80), в ином варианте дан рассказ о видении хутынского пономаря. Характер изменений в Особой редакции свидетельствует о составлении ее новгородцем, хорошо знавшим местные предания и легенды, а также новгородские летописи. Составитель являлся сторонником единения Новгорода с Москвой и великокняжеской власти в Новгороде; он принадлежал, видимо, к церковной среде.

Одновременно с созданием Распространенной и Особой редакциями и в более позднее время составлялись и др. редакции Жития. Последняя из них была написана по-гречески в 1706—07 братьями Иоанником и Софронием Лихудами. С греческого текста был сделан перевод на русский язык. В последовательности эпизодов и по сюжетному содержанию сочинение Лихудов полностью соответствует 2-му варианту Распространенной редакции. За счет риторических вставок, теологических рассуждений и стилистических украшений Житие Варлаама Хутынского братьев Лихудов по объему в несколько раз превосходит свой источник.

Ист.: Литература Древней Руси. Биобиблиографический словарь. М., 1996. С. 60—61.

Л. Дмитриев

ЖИТИЕ ЗОСИМЫ И САВВАТИЯ СОЛОВЕЦКИХ. Житие соловецких святых было создано на рубеже XV—XVI вв. История его написания была зафиксирована письменно и дошла до нас в составе самого Жития: в «Слове о сотворении жития начальник соловецких Зосимы и Савватия»

Зосима и Савватий Соловецкие

Досифея, инок Соловецкого монастыря, автора первоначальных записей о деятельности основателей монастыря и в предисловии, и послесловии *Спиридона-Саввы*; последнему принадлежит и литературная обработка материалов, собранных Досифеем, осуществленная им по настоянию Новгородского архиеп. Геннадия. Спиридон-Савва завершил свою работу в 1503.

В дальнейшем Житие видоизменялось и дополнялось чудесами. Значительный интерес представляет судьба это-

го произведения в течение 1-й пол. XVI в. На основании текста Жития в редакции Спиридона-Саввы была создана новая редакция, включенная в Софийский список *Великих Минея Четьих*. Обработка текста Жития в этой редакции выразилась в устранении некоторых бытовых подробностей, в т. ч. о происхождении Зосимы из «веси Шунга», а также в изъятии некоторых длиннот в авторских рассуждениях и в цитировании святоотеческой литературы. Надо думать, что при канонизации святых на Соборе 1547 учитывался этот текст Жития, который получил широкое распространение в списках сер. XVI в. в виде самостоятельного единого повествования. На основании этой редакции была написана новая редакция, условно названная «редакцией с предисловием *Максима Грека*», т. к. в этом предисловии использован текст из сочинения Максима Грека «Сложение вкратце о бывшем пожаре Тверском». О своей работе над текстом Жития составитель ее пишет: «Аз же, окаянный и грубый, понужения ради твоего, честный отче, ...начав к древнему новая прикладывати». Редактор пользовался дополнительными источниками. Так, им приведены несколько иные биографические данные о Зосиме, чем в редакции Спиридона-Саввы; кроме того, он назвал место встречи Зосимы с Германом, откуда они отправились на Соловки — поморье у Сумы-реки. Вероятнее всего, возникновение этой редакции надо связывать с инициативой соловецких старцев, по заданию одного из них и был написан новый вариант Жития. Можно с уверенностью говорить, что этот вариант вполне удовлетворил иноков Соловецкой обители. Дело в том, что, заботясь об увековечении памяти основателей обители, они обратились к сербскому писателю Льву Филологу с просьбой о создании похвальных слов Зосиме и Савватию. Для этого была организована поездка на Афон (или в Сербию) монаха Богдана между 1533—38, которая завершилась удачно: Соловецкий монастырь получил тексты похвальных слов святым. При написании этих слов Лев Филолог пользовался текстом Жития последней из редакций. Т. о., названные редакции Жития возникли в период между 1503—38.

Судя по заглавию произведения («Житие и подвизи и от части чудес преподобнаго отца нашего Зосимы, начальника Соловецкаго монастыря, и о зачале монастыря того, понеже бо зачатая святая сия обитель житием и начальством раба божия старца Саватия и подруга его Германа, некоего боголюбива мниха»), перед Спиридonom-Саввой стояла задача дать жизнеописание святых — основателей монастыря. Это ему удалось осуществить, включив в его содержание описание двух чудес, выражающих предопределенность роли героев в создании Соловецкой обители. Стремление Савватия к уединенному служению Богу привело его из Кирилло-Белозерского монастыря в Валаамский монастырь, затем, достигнув места, «наречимо Сороча», на Выге-реке, он встретился с «неким мнихом» Германом, «родом корельских людей». Совершив «путное шествие» по морю, они в течение двух дней достигли Соловков. Там они осмотрели остров и нашли «место некое строим и начаста здати келиа себе близ езера». Над озером тем была гора «превысока зело». Здесь случилось чудо, которое явилось предсказанием о создании монастыря на острове по Божьему провидению. Однажды, находясь в келье, Савватий и Герман услышали «глас и вопль велик». Герман направился в сторону, откуда слышался вопль, и обнаружил лежащую и плачущую женщину. Она сообщила Герману, что ее встретили «два юноши страшна образом светла зело» и избили прутьями. Они сообщили ей, что этот остров не для поморов, а для иноческого житель-

ства. Герман возвратился к Савватию и рассказал о случившемся. И они «так поразумеша: от Бога хотящую быти благодать на острове том». Самая высокая гора, возле которой произошло чудо, до сих пор называется Секирной. После нескольких лет совместной жизни на острове, «во всяцех трудах и злостраданиях мнозех», Герман удалился «на Онегу-реку некия ради потребы», надеясь к осени возвратиться обратно. Однако из-за плохой погоды он вынужден был вернуться на Онегу «озимети», а в следующее лето «хотяше ити в путь», но не смог из-за болезни. Савватий же, не дождавшись Германа и получив известие от Бога, «еже отрешитися съюз плотских и отити к Господу», решил вернуться на морской берег в надежде получить причащение. С Божией помощью он «преплу пучину морскую» и оказался на Выге-реке, где скончался и был похоронен игуменом Нафанаилом.

Зосима оказался продолжателем дела, начатого Савватием. Согласно повествованию Спиридона-Саввы, Зосима был сыном богатых и благочестивых родителей, выходцев из Великого Новгорода, проживавших в веси Шунга на берегу Онежского озера. Далее традиционно сообщается, что он «из млада възраста нрав имея ангельский» и при достижении определенного возраста, «отвержеса мира и бысть мних и желаеше места пустынного». При случившейся встрече с Германом они договорились о совместном «путном шествии» на Соловки. Достигнув острова, Зосима стал искать места, подходящего для строительства монастыря. В результате поисков «обрете же место ко устроению довольно на вмещение обители и зело изрядно и прекрасно, да и езеро близ над морем, яко едином стрелением вдалье, и пристанище моря тихо и невлаемо». Здесь был поставлен шатер. После ночного моления, выйдя из шатра, Зосима увидел «луч пресветлый» и «к востоку церковь превелику зело пречюдну, простерту на воздухе стояшу». Зосима подробно рассказал Герману о том, что видел он «неизреченный свет и церковь прекрасну». Герман это видение истолковал так, что именно Зосиму «благослови Бог на место сие». После случившегося видения они приступили к строительству келий и земледельческому труду. Так был заложен Соловецкий монастырь, постепенно пополнявшийся приходящими с берега иноками. Из событий монастырской жизни наиболее известным является эпизод на пиру у боярыни Марфы Борецкой в Великом Новгороде, где Зосима увидел 6 бояр, сидящих без голов, что явилось предсказанием казней, учиненных Иваном III после похода на Новгород в 1471, и бед, угрожающих семье хозяйки дома.

Житийные тексты сопровождаются посмертными чудесами, в которых главным действующим лицом выступает Зосима, помогающий попавшим в беду и монахам монастыря, и жителям Беломорского побережья. Следует отметить, что это Житие является одним из ранних источников, освещающих начальную историю Соловецкого монастыря и освоения Беломорья, в Житии нашли реальное отражение суровые условия быта этого края.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 61—63.

Р. Дмитриева

ЖИТИЕ ИОАННА МОСКОВСКОГО, ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВОГО, агиографическое произведение сер. XVII в. В Житии рассказывается об известном московском юродивом Иоанне (?—1589), по прозвищу Большой Колпак. Согласно Житию, он родился в Вологде. Работал на солеварне, получил прозвище Водоносец. Затем переселился в Ростов, поставил келью возле Успенского собора, наложил на тело вериги,

кресты, медные кольца, железное распятие и стал вести жизнь юродивого. Одежанием Иоанну служил валенный колпак, переходящий в подобие плаща. Питался гнилым хлебом с водою. Имел обычай смотреть на солнце, кротко, с улыбкой переносил издевательства детей и взрослых. Прославился обличениями «неистовств» сильных мира сего, в т. ч. Бориса Годунова, и предсказаниями будущего. Иоанна называют не только московским, но и ростовским, а иногда и ярославским юродивым. Дата смерти Иоанна в разных списках Жития различна: 1588, 1589, 1590, числа — 3 или 12 июня, 3 или 12 июля, 13 нояб. По завещанию, Иоанн был похоронен в Покровском соборе, что на Рву (соборе Василия Блаженного). Во время погребения разразилась буря, молния убила одного из клириков, гром оглушил москвичей, некоторым отбило руки и ноги. После смерти у гроба Иоанна Московского произошло несколько чудесных исцелений — от 17 до 19.

По мнению исследователей, Житие состоит из 3 частей, самостоятельных по происхождению: 1) собственно Житие, 2) Сказание о погребении, 3) чудеса. Наиболее подробные сведения содержит Сказание о погребении, которое, возможно, было написано ранее всего. Всего известно 17 редакций Жития, при этом каждая из составных частей памятника существует, по крайней мере, в 2 редакциях. Кроме Жития, Иоанн Московской фигурирует еще в нескольких литературных памятниках: в Милотинских Четых Минеях, Житии Иринарха Ростовского. В XVII в. была написана Служба Иоанну Большому Колпаку.

В 1672 состоялось обретение мощей Иоанна, и вскоре произошла его канонизация. Именно Иоанн Московский стал прототипом образа юродивого в драме А. С. Пушкина «Борис Годунов».

День памяти: 3 (16) июля.

С. Перевезенцев

ЖИТИЕ ЛЕОНТИЯ РОСТОВСКОГО, одно из самых пространственных древнерусских житий, повествует о деятельности Ростовского еп. Леонтия, его борьбе с язычниками за распространение христианства в Ростове в XI в. Древнейшая редакция встречается в составе Пролога уже в его списках XIII—XIV вв., всего же исследователи выделяют 12 редакций Жития.

Первоначально в Житии повествовалось об обнаружении в 1160-х мощей Леонтия при строительстве Успенского собора в Ростове, и в этой связи вспоминалась деятельность Леонтия. Согласно Житию, он родился в Константинополе, с детства отличался благочестием, постригся в одном из константинопольских монастырей, по требованию Константинопольского патр. Фотия отправился в Ростов, откуда, не устояв в борьбе с местными язычниками, были вынуждены уйти епископы Федор и Иларион. Этот мотив — направление Леонтия патр. Фотием — совершенно легендарен: Фотий патриаршествовал до 886, т. е. за столетие до Крещения Руси. В Ростове Леонтия встретили враждебно. Когда же он обратил свою проповедь к молодым ростовчанам, воинствующие язычники набросились на него с оружием и дубинами, однако, увидев Леонтия и окружавший его клир в святительских ризах, пали мертвыми или ослепли. Леонтий воскрешает и исцеляет нападавших ростовчан и продолжает свою миссионерскую деятельность. По одним версиям Жития, он был все же убит язычниками, по др. — мирно почил в Ростове.

Сказание создано было в 60—80-х XII в., т. е. столетие спустя после описываемых событий, и опиралось не на отголоски действительных фактов, а на поздние легенды. Житие входило в круг произведений владимирской литературной школы, призванных поднять церковный авторитет

Леонтий Ростовский. Икона XVII в.

княжества, уравнять его по святости с Киевом, а ростовских епископов — с киевскими святыми подвижниками. Этот расцвет литературной деятельности во Владимире связывают с годами княжения Андрея Боголюбского, который и сам являлся инициатором или даже автором литературных произведений. В то же время, как отмечал Г. Филипповский, Житие Леонтия «открывает длинный ряд святительских агиобиографий Древней Руси, призванных отстоять самостоятельность и права русской церковной иерархии», оно «легло у истоков новой самобытной собственно русской традиции владими́ро-суздальской, ростовской, а потом московской агиографии XIII—XV вв.».

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь М., 1996.

О. Творогов

ЖИТИЕ МИХАИЛА КЛОПСКОГО (?—11.01.1453 или 1456), агиографическое сочинение XV в. Написано в 70-е XV в., посвящено новгородскому юродивому и чудотворцу Михаилу Клопскому и представляет собой собрание чудес и пророчеств святого. Согласно житию, Михаил Клопский родился в Москве в очень знатной семье. Некоторые современные исследователи считают его сыном кн. Д. М. Боброка-Вольнского, героя Куликовской битвы, и сестры Дмитрия Донского кн. Анны Ивановны. О жизни Михаила до появления в Новгороде ничего не известно. Чудесным

было явление святого в Новгородском Клопском Троицком монастыре в 1408 ночью, в канун «Иванова дня», отмечаемого 24 июня. Поп Макарий пришел в свою келью и вдруг увидел старца, который переписывает «Деяния апостола». Макарий испугался, позвал игумена и братию. Явившись, те обнаружили келью запертой, а в окно увидели пишущего старца. Трижды молился игумен и вопрошал старца: «Кто ты есть — человек ли или бес? Как твое имя?». А старец отвечал теми же словами: «Человек ли или бес? Как твое имя?». Наконец, сломали дверь в келью, вошли и вновь спросили. А старец ответил теми же словами. И молвил игумен: «Не бойтесь его. Бог послал нам этого старца».

Чудо Михаила Клопского

Старец стал жить в монастыре, в отдельной келье, но имени его никто не знал. В 1414 в монастырь приехал сын Дмитрия Донского Константин Дмитриевич и опознал в нем своего родственника Михаила. С тех пор старец стал жить под своим именем. Михаил Клопский прославился многими чудесами и предсказаниями. Позднейшее предание приписывает ему предсказание, сказанное 22 янв. 1440, в день рождения будущего вел. кн. Ивана III Васильевича: «Родился у великой княгини сын Иоанн. Будет сей наследником отцу своему и захочет разорить обычаи земли нашей Новгородской, и будет граду нашему

от него погибел; злата и серебра соберет много и будет страшен господарь всей земли Русской». Предсказал Михаил Клопский гибель Дмитрия Шемяки. Кн. Дмитрий просил блаженного: «Михайлушко, моли Бога, чтобы добиться мне великого княжения». Михаил же отвечал: «Добьешься, княже, трехлокотного гроба!». А в другой раз сказал Дмитрию: «Княже, земля по тебе стонет». Вскоре Дмитрий Шемяка скончался.

Михаил Клопский канонизирован в 1547. День памяти: 11/24 янв.

С. Перевезенцев

ЖИТИЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО. Житие Тверского кн. Михаила Ярославича (1271—1318), убитого в Орде по приказу хана Узбека, было создано его духовником Александром, игуменом Тверского Отроча монастыря, вскоре после гибели князя. Александр сопровождал князя в Орду и был очевидцем произошедших там событий.

Михаил Тверской. Настенная роспись XVIII в.

Житие написано в традиционном агиографическом каноне: оно открывается риторическим рассуждением о «венце многоцветном», которым украшаются мученики; этот фрагмент оказывается заимствованным из переводного жития Коинта.

Далее следует изложение истории христианства и его распространения на Руси; этот мотив, как полагают, возник под влиянием Чтения о Борисе и Глебе *Нестора* (см.: Жития Бориса и Глеба). Излагая сами события, агиограф обнаруживает свою отличную информированность о них (что подтверждает мысль об авторстве Александра, находившегося с Михаилом в Орде), но дает всему происходящему типично житийную оценку. Михаил обладает всеми христианскими добродетелями: мать воспитала его «в страхе господни и научи святым книгам и всякой премудрости», действиями врагов Михаила руководит дьявол, а сам Тверской князь постоянно руководствуется в своих поступках высоконравственными христианскими побуждениями. Так, решая ехать в Орду, где уже находится один из его сыновей, «крепкий... умом» Михаил, «исполнился смирения», говорит: «Если я где уклонюсь, то (народ) отчины моей весь будет пленен и истреблен, а после того и я смерть приму, так лучше мне сейчас положить душу свою за многие души», и вспоминает при этом подвиг св. Дмитрия Солунского. В Орде, будучи на положении почетного пленника, над которым постоянно нависала угроза расправы, Михаил, «как привык смолоду, никогда не изменял правилу своему, по ночам пел псалмы Давыдовы», и с тех пор, как покинул Владимир, постился и не спал по ночам, а беспрестанно молился и т. д. В Житии приводятся сами молитвы святого, сочинивший их агиограф демонстрирует свое мастерство церковного ратора. Перед смертью Михаил причащается, кается и исповедуется своему духовному отцу и поет псалмы все то время, когда у хана решается его судьба. Он отвергает предложения своих спутников о побеге, с покорностью и достоинством встречает смерть. «И принял венец неуываемый от руки Господа, которого и желал». Над телом святого происходят чудеса: «два облака светлых всю ночь осеняли тело блаженного, расступаясь и снова соединяясь вместе, и сияя как солнце». Видевшие знамение поняли, что князь был святым и что был убит без вины, а облака знаменуют сошествие к нему ангелов.

Житие является одним из лучших образцов жизнеописания святых князей-мучеников.

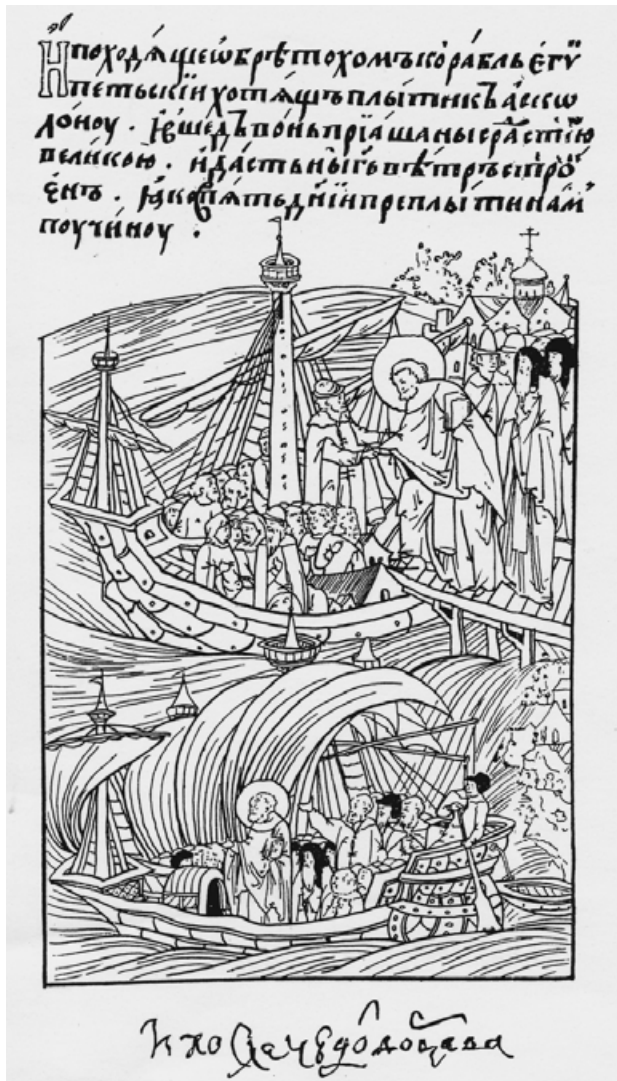
Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 66.

О. Творогов

ЖИТИЕ НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. Этот памятник переводной литературы получил необычайно широкое распространение в древнерусской письменности начиная с XII в. Св. Николай (Николай Чудотворец, Николай Угодник, Никола) — один из самых почитаемых на Руси святых. Его считали покровителем русского народа, в иконописи и храмовой живописи Николая Мирликийского нередко изображали по левую руку от Христа (по правую руку изображалась Богородица), ему было посвящено множество *легенд* и *духовных стихов*. Он выступал в преданиях как покровитель и защитник домашнего скота и земледелия, как защитник путешествующих и плавающих по морю.

Источником русского Жития являлось греческое Житие Николая Пинарского, жившего, по преданию, в VI в.; его еще в Византии отождествляли с Николаем из Мир (оба города — Пинары и Мир — находились в малоазиатской провинции Ликии). На Руси было известно два Жития Николая. Одно из них именуется в науке «иным житием» («Житие и деяние иже во святых отца нашего Николая, архиепископа Мирликийского, чудотворца и заступника роду христианского»). Старший список его относится к XIV в. В Житии рассказывается, что будущий святой с первых дней жизни поражал окружающих своим поведением: он около двух часов простоял на ногах во время купания,

отказывался от материнской груди по средам и пятницам (в постные дни), семилетним отроком сам назвал имя своего будущего учителя. В 19 лет Николай становится священником. Большая часть Жития посвящена описанию творимых им чудес, число которых достигает в некоторых списках 27: святой изгоняет бесов, исцеляет, воскрешает мертвых, умножает хлеб и вино. Очень часто к этим чудесам присоединяются чудеса посмертные (общее число чудес достигает тогда 40).

Миниатюра из Жития Николая Чудотворца, XVI в.

Одно из чудес происходит в Киеве. Рассказывается, как женщина, возвращавшаяся с мужем в лодке через Днепр после праздника святых Бориса и Глеба, уронила в воду ребенка. Отец погибшего обратился с молитвой к Николаю. На другой день не известный никому плачущий ребенок был обнаружен в запертой на замок «палатке» Киевского Софийского собора. Митрополит велел поведать об этом на торгу. Отец утонувшего дитяти, пришедший посмотреть на найденныша, к изумлению своему, опознал в нем упавшего в реку сына.

В чуде «О Агрике и о сыне его Василии» рассказывалось, в частности, как Николай спас от казни трех невинно осужденных. На этот сюжет написана известная картина И. Е. Репина.

Помимо «иноного жития» на Руси было известно другое Житие Николая, созданное известным византийским агиографом Симеоном Метафрастом. Николаю Мирликийскому было посвящено несколько похвальных слов, краткие статьи о нем входили в списки Пролога под 6[19] дек. Печатные издания всего цикла произведений о Николае Мирликийском появились уже в XVII в.: «Службы и житие Николая Чудотворца» (М., 1640; переиздания 1641 и 1643), «Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца» (М., 1662, с переизданиями).

К сказаниям о Николае примыкает цикл преданий о его иконе, перенесенной из Корсуни в Зарайск (см.: «Повесть о взятии Рязани Батыем»).

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 67.

О. Творогов

ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО. Было написано Епифанием Премудрым в 1417—18. Оценивая художественные особенности составленного Епифанием преподобнического текста Жития, Н. К. Гудзий считает, что «риторические излишества» в нем «значительно умеряются стремлением автора к возможно большей фактичности и документальности изложения». В то же время в тексте есть и лиризм, и теплота.

Сергий Радонежский и дикие звери.
Миниатюра из Жития Сергия Радонежского, XVI в.

Житие было переработано Пахомием Лагофетом по официальному заказу в связи с обретением мощей Сергия Радонежского в 1422 и с его канонизацией в 1448—49. Он придает тексту внешнюю торжественность и нарядность. Им создаются служба Сергию Радонежскому, Канон с Акафистом и Похвальное слово. С текстом Жития тесно связано иконографическое изображение Сергия Радонежского.

В XVI в. текст Жития заключается в летописи, в состав *Великих Миней-Четиух* митр. Макария.

В XVII в. к тексту Жития обращаются Герман Тулупов, Симон Азарьин, а на рубеже XVII—XVIII вв. текст Жития обрабатывает Дмитрий Ростовский для Миней Четиух.

ЖИТИЕ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО. Написано *Епифанием Премудрым* в к. XIV — н. XV в. Герой Жития епископ Пермский Стефан (ум. 1396). В Житии прославляется его просветительский подвиг: создание пермской азбуки и перевод *Евангелия* на коми-пермяцкий язык, обращение в христианство пермяков. Епифаний создал яркий образ самоотверженного христианского проповедника, одержавшего победу над языческим волхвом-шаманом Памом и

личным примером убедившего язычников принять христианскую веру. Житие исполнено чувством восторга, преклонения перед подвигом просветителя коми-пермяков. Житие написано эмоционально-экспрессивным стилем, который сам Епифаний называет стилем «плетения словес». В композицию Жития включаются плачи пермских людей, пермской Церкви, плач и похвала «инока списающа».

II. II.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО было написано *Нестором* в к. XI — н. XII в. Оно состоит из не связанных между собой эпизодов, объединенных главным героем и автором-повествователем; содержит богатый материал, позволяющий судить о быте и нравах монастыря и отчасти о роли монастыря в жизни города и государства, основано на устных легендах и преданиях. Является одним из первых преподобнических житий, послуживших образцом при создании последующих, таких, как *Житие Сергия Радонежского* и др. От византийских житий Житие Феодосия Печерского отличается историзмом и патриотическим пафосом.

II. II.

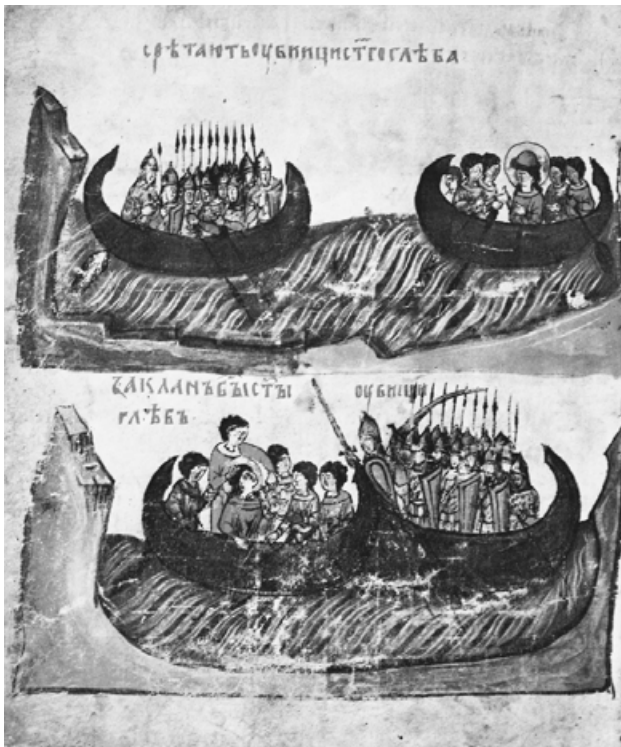
ЖИТИЯ БОРИСА И ГЛЕБА. Борис и Глеб — первые святые, канонизированные Русской Православной церковью, младшие сыновья Владимира Святославича. Вскоре после смерти их отца в 1015 они оба были убиты своим

Миниатюра из «Сказания о Борисе и Глебе»

старшим братом Святополком. Борис погиб на р. Альте 24 июля, а Глеб 5 сент. близ Смоленска. В результате четырехлетней войны Святополк был побежден сыном Владимира — Ярославом Мудрым. Очевидно, при Ярославе и была принята первая попытка канонизации святых братьев. Тогда же начали складываться первые повествования об их гибели. Ко временам Ярослава относится возникновение местного культа Бориса и Глеба в Вышгороде, где они были похоронены. Перенесение мощей Бориса и Глеба в новый храм сыновьями Ярослава 20 мая 1072 считается моментом их окончательной канонизации. Даты их памяти, 24 июля, а позднее и 2 мая (день второго перенесения мощей в 1115), становятся общерусскими праздниками. Первоначально их почитали как целителей, но очень скоро Борис и Глеб становятся покровителями всех русских князей как их святые сродники. Они — помощники в битвах, их именем призывают к единству Руси, прекращению междоусобных войн.

Жизни и мученической кончине Бориса и Глеба посвящен ряд древнерусских памятников. Это т. н. «Летописная повесть» — рассказ о гибели князей, читающийся в составе «*Повести временных лет*» (статья 1015), «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глеба» *Нестора* и анонимное «Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба». О взаимоотношениях этих текстов в науке существуют различные суждения.

Миниатура из «Сказания о Борисе и Глебе»

В литературном отношении наиболее совершенным является «Сказание». Оно открывается краткой исторической экспозицией, повествующей о Киевском кн. Владимире и его сыновьях. Перед смертью Владимир посылает «блаженного и скоропослушливого» сына своего Бориса против печенегов. Возвращавшегося в Киев Бориса встре-

чает вестник, сообщающий о смерти отца. Автор Жития приводит пространный плач Бориса, исполненный самых высоких похвал умершему и горестных сетований о его кончине. И тут же Борис, как бы предугадывая свою участь, с одной стороны, изъявляет готовность «горькую печаль» свою «прострети» к брату Святополку, с др. — констатирует, что он «о биении моемъ помышляеть». Не обманываясь в коварных намерениях Святополка, Борис оплакивает свою грядущую гибель, но ни в коей мере не помышляет о сопротивлении старшему брату. Побуждаемый дьяволом, Святополк посылает убийц к Борису, а тот в предвещии своей гибели вспоминает аналогии из житийной литературы, когда праведник бывал убит своими близкими. Бориса одолевают тяжелые предчувствия, он страстно молится, поет псалмы и, уже слыша шепот убийц, подошедших к шатру, лишь благодарит Бога, что он сподобил его принять смерть от брата. Аналогично описано и убийство Глеба. Но здесь автор Жития вносит новый оттенок: Глеб изображен им как совсем юный, едва ли не отрок, молящий убийц: «Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлбия налитого». Далее в «Сказании» повествуется о битве на Альте со Святополком Ярослава, о победе последнего и злой смерти Святополка «в пустыни межю Чехы и Ляхы». Завершает «Сказание» похвала святым. В старшем из известных списков — в Успенском сборнике XII — XIII вв. — «Сказание» соединено со «Сказанием чудес» святых. Оно содержит также историю строительства посвященных им храмов. Т. к. оба памятника — собственно «Сказание» и «Сказание о чудесах» — обычно переписывались вместе, то некоторые исследователи (напр., Н. Н. Воронин) считали, что они написаны одновременно, и датировали время создания «Сказания» периодом после 1115. Этому выводу противоречат стилистические различия между памятниками, композиционная законченность как самого Жития так и «Сказания чудес». Последнее имеет собственное предисловие и не имеет заключительной части, очевидно, потому, что текст мыслился как открытая структура: к нему могли присоединяться новые рассказы о чудесах. Поэтому большинство исследователей считают, что «Сказание чудес» было составлено независимо от Жития, возможно, на основе записей, ведшихся при Вышегородской церкви.

Из всех произведений Борисо-Глебского цикла «Сказанию» наиболее близок рассказ об убийении братьев в «Повести временных лет», который, очевидно, возник раньше «Сказания» и «Чтения». Само «Сказание» было, скорее всего, приурочено к торжественному перенесению мощей в 1072.

«Чтение», написанное Нестором, внешне более соответствует агиографическому канону (напр., оно открывается пространным рассуждением о вечной борьбе добра со злом, что и является, по мысли агиографа, содержанием всемирной истории; изображение князей-мучеников более традиционно, лишено живых, естественных оттенков, присутствующих в «Сказании»). По словам Д. С. Лихачева, «Чтение» — публицистическое произведение, проникнутое стремлением «убедить князей прекратить губительные для русского народа усобицы».

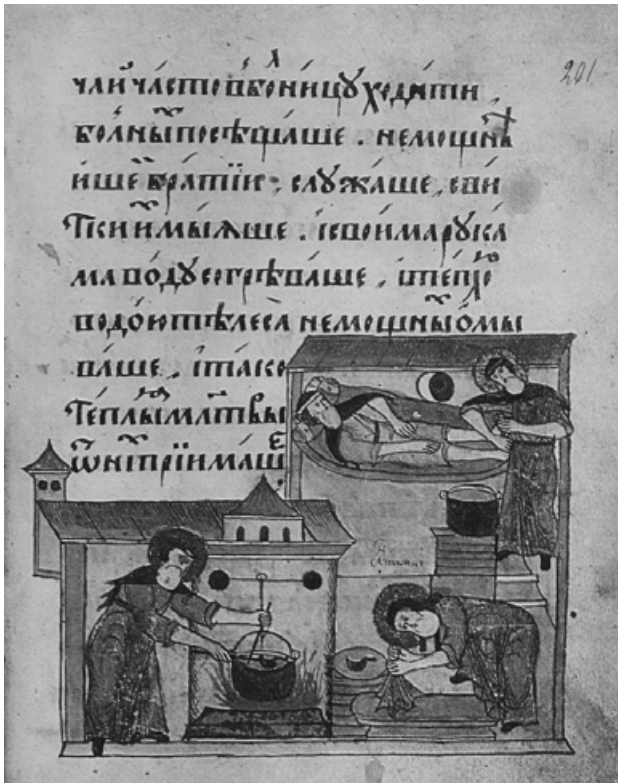
Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996.

Н. Милютенко

ЖИТИЯ СВЯТЫХ, описания жизни и деятельности людей, наделенных Богом за свою веру и добрые дела особым качеством святости. В житиях святых выражались самые главные и сокровенные мысли и идеи святых и подвижников Руси. Жи-

тия святых были любимыми чтениями русских Любомудров, на лучших духовно-нравственных примерах развивающих свои представления о мире и духовной иерархии.

На Русь первые сборники житий святых пришли из Греции. Они назывались синаксарями. Самый древний из них — синаксарь в рукописи еп. Порфирия Успенского. Затем следует синаксарь имп. Василия (X в.). Русские прологи представляют собой переделки этого синаксаря. Минеями называются сборники подробных сказаний о святых и праздниках, расположенных по месяцам. Они разделяются на служебные и минеи четыри. В первых для жизнеописания святых имеют значение обозначения авторов над песнопениями. С введением на Руси христианства и богослужения эти минеи являются первыми сборниками житий святых. Затем в русской литературе появляются специальные сборники житий святых — *патерики*.

Житие Антония Сийского

Из них известны переводные патерики: синайский («Лимонарь»), азбучный, скитский, египетский. По их образцу составлен и «*Патерик Киево-Печерский*». Что касается календарей, то они начали составляться уже в I в. христианства, а в IV в. они были настолько полны, что содержали имена на все дни года. Месяцесловы же не столь давнего происхождения. Они обыкновенно бывают приложены к *Евангелиям* и к апостолам. Древнейший из них приложен к *Остромирову евангелию* (XII в.). Святцы — те же календари, с той разницей, что содержание их более подробно и они существуют отдельно от евангелий. Составители сборников житий русских святых пользовались как образцом сборником Метафраста. Самыми первыми по времени житиями русских святых являются *Жития свв. Бориса и Глеба* и *Житие Феодосия Печерского*, составленные прп.

Нестором. В XV в. как составитель сборников житий русских святых известен митр. Киприан, написавший жития митр. Петра и др. русских святых («*Стенная книга*»), житие св. *Сергия*, прп. Никона, св. *Кирилла Белозерского*, свв. Новгородских архиепископов Моисея и Иоанна, слово о перенесении мошей св. Петра. Пахомий пользовался как составитель большой известностью и являлся образцом для др. духовных писателей. Третий автор жизнеописаний — *Епифаний Премудрый* был знатоком Священного Писания, прекрасно изучил греческие *хронографы*, *палею*, *лествицу*. Он написал *Жития св. Стефана Пермского* и прп. *Сергия*. Следующие за ними авторы жизнеописаний святых не ограничиваются сообщением сведений о жизни и чудесах их, но и описывают церковные и общественно-государственные условия, при которых протекала жизнь святого. Т. о., эти послания — жизнеописания являются и историей жизни Древней Руси. XVI в., когда всероссийским митрополитом был *Макарий*, является расцветом жизнеописаний святых. При нем были составлены «*Великие Четыри Минеи*», в которые были внесены все имевшиеся к тому времени русские жития. Самая подробная рукопись этих миней — Московского собора 1552 в XIX в. издавалась археологической комиссией, которая, при содействии П. И. Савваитова и М. О. Кояловича, выпустила несколько томов житий за месяцы сент. и окт. Центром христианской культуры на юге Руси являлся Киев, и в частности Киево-Печерская лавра. Киевский митр. *Петр Могила* собрал материалы, относящиеся к житиям, гл. обр., южно-русских святых, а киево-печерские архимандриты Иннокентий и Варлаам продолжали его дело. Последний архимандрит привлек к участию в этой работе св. Димитрия, впоследствии митрополита Ростовского, который, пользуясь сборником Метафраста, Великими Четырьмя-Минеями Макария и др. пособиями, составил Четыри-Минеи святых всей Церкви. Отличие его труда от Великих Четырех-Миней в том, что в него вошло жизнеописание и южно-русских святых, опущенное в этих минеях. Жития святых, составленные св. Димитрием, написаны художественным языком и до сего времени являются любимым чтением благочестивых людей, которые находят здесь поучение и назидание. В первый раз Четыри-Минеи св. Димитрия были изданы в 1711—18. С 1745 по 1759 они подверглись, согласно постановлению Св. Синода, пересмотру и исправлениям и в исправленном виде вышли в 1759. Из пересказов и сокращенных изданий Четырех-Миней св. Димитрия следует указать — «Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству «Четыри-Минеи», «Русские святые» Филарета, архиепископа Черниговского.

Перечислим некоторые древнерусские жития святых, группируя их по характеру героев житий.

Жития подвижников во славу Церкви и создателей монастырей: Авраамия Ростовского, *Авраамия Смоленского*, Александра Ошевенского, Александра Свицкого, Антония Сийского, Варлаама Хутынского, Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого, Зосимы и Савватия Соловецких, Иоанна Новгородского, Кирилла Белозерского, Леонтия Ростовского, Павла Обнорского, Пафнутия Боровского, Сергия Радонежского, Стефана Пермского.

Жития иерархов Русской церкви — митрополитов: Алексея, Ионы, Киприана, Петра, Филиппа.

Жития юродивых: Василия Блаженного, Иоанна Устюжского, Исидора Ростовского, Михаила Клопского, Прокопия Устюжского.

Из княжеских житий наиболее известные: жития Александра Невского, Бориса и Глеба, кн. Владимира, Всеволода-Гавриила Псковского, Дмитрия Донского, Довмонта-

Тимофея, Михаила Александровича Тверского, Михаила Всеволодовича Черниговского, Михаила Ярославича Тверского, Феодора, князя Смоленского и Ярославского.

Женские жития: Анны Кашинской, Ефросинии Полоцкой, Ефросинии Суздальской, Иулиании Вяземской, Иулиании Осорбиной, кн. Ольги.

Некоторые жития носят сюжетно-повествовательный характер. Это «Повесть о Петре и Февронии Муромских», *Ермолая-Еразма*, «Повесть о Петре, царевиче Ордынском», «Повесть о Меркурии Смоленском». В XVII в. на Русском Севере возникают жития, полностью основанные на местных легендах о чудесах, происходящих от останков людей, жизненный путь которых с подвигами во славу Церкви не связан, но необычен — они страдальцы в жизни. Артемий Веркольский — мальчик, погибший от грозы во время работы в поле, Иоанн и Логгин Яренские — то ли поморы, то ли монахи, погибшие в море и найденные жителями Яренги на льду, Варлаам Керетский — священник села Кереть, убивший жену, наложивший сам на себя за это тяжкие испытания и прощенный Богом. Все эти жития примечательны чудесами, в которых красочно отражена жизнь крестьян Русского Севера. Многие чудеса связаны со случаями гибели поморов на Белом море.

Убиение св. царевича Дмитрия в Угличе.
Миниатора летописца XVII в.

В древнерусской книжности известны сотни житий, при этом переводные (византийские, реже болгарские и сербские) жития имели распространение не меньшее (а в XI—XV вв. и значительно большее), чем оригинальные русские жития.

Из византийских житий наибольшее распространение получили переводы житий Алексея, человека Божьего, Андрея Юродивого, Варвары, Георгия Победоносца, *Дмитрия Солунского*, Евстафия Плакиды, Евфимия Великого, Ефросинии Александрийской, Екатерины, Епифания Кипрского, Иоанна Златоуста, Козмы и Дамиана, Марии Египетской, Николая Мирликийского, Параскевы-Пятницы, Саввы Освященного, Симеона Столпника, Федора Стратилата, Федора Тирона и др. святых.

Мысли и идеи, проводимые в житиях святых, стали важнейшей составляющей духовного, подвижнического, патриотического характера русской литературы.

ЖИХАРЕВ Степан Петрович (18[29].02.1788—31.08[12.09].1860), литератор, драматург, переводчик. Родился в Данковском у. Рязанской губ. Учился в Московском университете (1805—06). С к. 50-х — председатель театрально-литературного комитета при Дирекции императорских театров в Петербурге. Началом литературной деятельности Жихарева можно считать перевод либретто оперы «Любовные шутки» (1804). Жихарев опубликовал несколько стихотворений и написанную по мотивам Оссиана поэму «Октябрьская ночь, или Барды» (1808). В 1809 участвовал в коллективном переводе трагедии «Заира» Вольтера. Жихарев составлял водевили для актерских бенефисов. Известен гл. обр. как автор мемуарной книги «Записки современника», замечательной по богатству материала, выразительности портретных характеристик общественных, политических и театральных деятелей. «Записки современника» состоят из дневников Жихарева, охватывающих период 1805—07 (1-я ч. — «Дневник студента», впервые опублик. в «Москвитянине», 1853 и 1854; 2-я — «Дневник чиновника» была напечатана в «Отечественных записках», 1855). К ним примыкают «Воспоминания старого театрала» («Отечественные записки», 1854). Значительная часть «Дневника чиновника» (с записями до 1819) опубликована не была и считается утерянной. С 1805 Жихарев был в центре театральной жизни своего времени; был знаком с *Г. Р. Державиным*, *Н. И. Гнедичем*, *А. А. Шаховским* и др. писателями, позднее вошедшими в «Беседу любителей русского слова».

В 1810 Жихарев стал членом *Вольного общества любителей словесности, наук и художеств*, а в 1815 — общества «Арзамас».

Соч.: Записки современника. М.; Л., 1955.

ЖУКОВ Анатолий Николаевич (р. 5.01.1931), писатель, родился в потомственной крестьянской и православной семье в с. Новая Хмелевка Елховского р-на Средне-Волжского края (ныне Самарской обл.). В 1951—54 служил в армии. В 1955 — в газете «Защитник родины» появился первый рассказ «Дружба». После армии работал в совхозе, но вскоре был приглашен литсотрудником в районную газету.

В 1960 в Ульяновске вышла первая книга прозы «Опоздавший пассажир», а через год Жуков поступил в Литератур-

ный институт, учился в семинаре критика *М. П. Лобанова*. С тех пор в Заволжье уже не вернулся.

Жуков выпустил около 2 десятков книг. Лучшие из них: роман «Дом для внука» (1977), повести и рассказы «Счастливо доехать» (1983), «Необходимо для счастья» (1986), «Судить Адама!» (1989).

Наиболее охотно Жуков работает в жанре рассказов и повестей. В послесловии к книге «Необходимо для счастья» он пишет о рассказе как о «самом любимом, самом емком, самом гибком жанре». Рассказам и повестям Жукова свойственны фантазия, энергия, лиризм.

Наиболее оригинальное, выходящее из ряда привычных жанров, произведение Жукова одновременно и единственное, неповторимое явление в русской литературе — роман в четырех сатирических повестях «Судить Адама!». Повести «Безразмерное чудо», «Судить Адама!», «Печать», «Голова в облаках» объединены единым пространством и общими героями.

Сатира Жукова имеет особый характер. В обычном представлении сатира — обличение, осмеяние, бичевание, отрицание. У Жукова это — смех изнутри, самопародирование, смех добродушный, шадящий, сожалеющий, некое любовное подтрунивание над своими героями, которых он, вместе с их недостатками, принимает и понимает, хотя и не прочь бы и исправить кое в чем... Роман в повестях Жукова отличает легкость юмора, острота, свежесть и, главное, глубокая справедливость и точность юмористических характеристик и критических замечаний. Вместе с тем рядом с точными реалистическими приметамы современного села и живыми характерами присутствует буйная фантазия писателя, которая помогает нам выявить парадоксы и несуразности советской жизни, приобретшие черты привычности.

А. Баженова

ЖУКОВ Дмитрий Анатольевич (р. 30.08.1927), писатель, литературовед, переводчик. Родился в г. Грозном в семье инженера-нефтяника. Потомок старинного дворянского рода, давшего России воевод, наместников, губернаторов, дипломатов и писателей. В дек. 1944 добровольно вступил в ряды Советской Армии. В 1947 окончил Киевское военное училище связи. По окончании Военного института иностранных языков (1949—54) зачислен в распоряжение Генштаба, служил за границей и в Москве до 1960. Имеет боевые и правительственные награды.

Перед увольнением из армии Жуков занимался переводом зарубежной художественной литературы. В 1956 опубликовал в «Роман-газете» (№ 4—5) роман известного писателя, впоследствии прези-

дента Югославии, Добрицы Чосича, а также многие произведения сербских классиков. Отказавшись вступить в КПСС, Жуков был отстранен от заграничных командировок и приставлен к созданию первой электронной машины-переводчика с английского на русский: его логические схемы действуют по сей день в компьютерных программах. После увольнения из армии Жуков написал несколько научно-художественных книг о своей работе. В результате журнальной полемики вокруг этих книг («Новый мир», «Молодая гвардия», «Московский комсомолец») Жуков вошел в круг сотрудников ИМЛИ *В. Кожина*, *П. Палиевского* и др., патриотов и противников структурализма.

По окончании Высших сценарных курсов (1962—64) Жуков публикует десятки статей, очерков, рассказов в периодической печати. Наибольший успех имели сентиментальный рассказ «Растут ли яблоки на березах?» и книга «В опасной зоне. Хроники атомного века» (1965). Жуков переводит английскую, американскую, сербскую классику и современную литературу. Всего Жуковым издано ок. 100 книг переводов.

С ростом национального самосознания Жукова все больше захватывает борьба против разрушительных тенденций в отношении русской культуры со стороны лиц, захвативших видные посты в партийном аппарате. Жуков принимает активное участие в создании Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, во 2-й пол. 60-х становится членом его правления и вместе с др. писателями, журналистами, историками, художниками организует при нем «вторники», называемые часто в мемуарах «Русским клубом».

Расцвет творчества Жукова падает на 70-е прошлого столетия. В серии «Жизнь в искусстве» выходит первый большой труд о замечательном сербском драматурге Брониславе Нушиче (1972).

Одновременно Жуков работает над биографической повестью о трагической судьбе протопопа *Аввакума*, религиозного бунтаря и автора своего «Жития», написанного «природным» языком первого русского реалистического романа. В повести отражено взрывное превращение Московской Руси в могучее государство, распространившееся до берегов Тихого океана под влиянием национальной идеи «Москва — Третий Рим», опровергнуто ходячее представление о том, что русские были лишь покорным стадом, приведены доказательства высокой грамотности городского и даже сельского населения, повсеместно участвовавшего в диспутах во времена церковного раскола. Жуков проделал весь путь в Сибири и на Севере по следам мученических странствий *Аввакума*, который ни разу не изменил своим убеждениям, несмотря на все гонения и даже пытки, «до самых до смерти» на костре. Повесть была набрана в «ЖЗЛ» в 1972, а потом рассыпана из-за появления статьи зав. идеологическим отделом ЦК КПСС *А. Яковлева* «Об антиисторизме». Будущий «великий демократ» исчислял историю России от октябрьского переворота 1917. Через год повесть был «спрятана» в сборнике «Русские писатели XIX века», снабженном предисловием *Д. Лихачева*, и благожелательно воспринята читателями и критиками. Созданный тогда же совместно с режиссером *Б. Карповым* полнометражный документальный антисионистский фильм «Тайное и явное» был запрещен.

В последующие годы одно за другим на страницах печати и в сборниках появляются повествования Жукова о художнике *Верещагине* и генерале *Скобелеве*, *Л. Толстом* и *Грибоедове*, борце *Поддубном* (1973), рассказы, очерки, почти все отмеченные в журналах как лучшие произведения года, а также медалью «Золотое перо».

Повесть «Владимир Иванович», об ученом-археографе Малышеве, посвятившем жизнь бескорыстному служению делу поисков и сохранения нашего духовного богатства — древних рукописей, была опубликована в «Новом мире» (1978) и «Роман-газете» (1981). В ней причудливо переплетаются события русской истории с перипетиями современной жизни. Она составила вместе с повестью об Аввакуме дилогию «Огнепальный», общий тираж которой с переводами на др. языки превысил 4 млн экз.

Отталкиваясь от аввакумовского «Жития», Жуков стремился придать дилогии тот же эмоциональный накал, пользуясь живописным, идущим от грубовато-яркого просторечия слогом. Жуков пишет не исторические биографии и не романы в традиционном понимании, а нечто новое — жанр, вобравший в себя достоинства художественной прозы, но твердо опирающийся на факты. В книге «Козьма Прутков и его друзья» (1976) столько выдумки, неистощимой фантазии, явного и скрытого пародирования, что это скорее юмористический роман-мистификация, где вымышленный персонаж — Козьма Прутков — беседует, спорит, путешествует со своими создателями: братьями Жемчужниковыми и А. К. Толстым.

Перо Жукова обладает редкостным свойством: оно оживает все, к чему прикасается. Самые непохожие, полярные фигуры, самые далекие друг от друга жанры покоряются этому веселому и точному перу, этой крепкой и талантливой руке. Стержневым началом его творчества служит тема патриотическая, тема любви к России, старой и новой. В книге «Корни» (1977) он писал: «Живое чувство патриотизма должно проявляться естественно, на основе гордого сознания крепости и вечности тех корней, из которых выросла наша культура. Величие народа покоится на его прошлом, и давнем и недавнем. Отними это прошлое, и останется просто громадная пестрая толпа, неспособная строить свою будущность».

В художественных исканиях Жукова объединяющим началом стало стремление расширить русло традиционных форм биографического жанра. Он улавливает такие связи, которые придают его биографиям романную, даже драматургическую сюжетность, делая при этом биографию своего героя фактом собственной, внутренней, интимной жизни, отправляясь с ним не только в географическое путешествие, но и в «путешествие души».

Сам Жуков пытался изложить историю жанра и осознать свой опыт в труде «Биография биографии», впервые опубликованном в журнале «Наш современник» (1979), за чем последовала редакционная статья С. Чуприна в «Литературной газете» за подписью «Литератор». Жуков осуждался за намеки на некие «влиятельные разрушительные силы», провоцирующие «массированное наступление авангардистов... ради торжества... массовой культуры». Ему инкриминировалось применение буржуазных терминов в отношении советской литературы и искусства и отступление от марксистско-ленинских принципов, которых Жуков не придерживался никогда. Были и прежде статьи о сочувствии Жукова *славянофилам*, теперь же началась настоящая журнально-газетная травля. В частности, «Правда» (1983) писала о его книге «На семи холмах» (1981), что «здесь расточаются безудержные славословия святым Сергию Радонежскому, Пафнутию Боровскому, Кириллу Новозерскому (!?), делается неосновательный вывод о неразрывной связи в прошлом культа и культуры». В заключение говорилось, что «подобным изданиям требуется создать надежный заслон».

Именно в этой книге сосредоточены статьи Жукова о безобразном отношении к памятникам истории и культуры, о разрушенной *Оптиной Пустыни*, грибоедовской

Хмельте, церкви Знамения в Дубровицах и др., о безответственном расточительстве средств, выделявшихся на реставрацию. Они публиковались в периодической печати и вызвали крупные разбирательства, завершившиеся подлинным восстановлением святынь. В 1987 Жуков вместе с В. Распутиным в обращении к народу начинает кампанию по возвращению русским городам древних имен.

Соч.: Загадочные письма. М., 1962; На руинах Вавилона. М., 1963; Переводчик, историк, поэт? Слово тебе, машина. М., 1965; В опасной зоне. Хроники атомного века. М., 1965; Бронислав Нушич. М., 1972; Протопоп Аввакум // Русские писатели XVII века. М., 1973; Мы — переводчики. М., 1973; Иван Поддубный. М., 1975; Козьма Прутков и его друзья. М., 1976; Корни. М., 1977; Огнепальный. М., 1979; Крут размыкаемый. М., 1979; Биография биографии. М., 1980; За Терским хребтом. М., 1981; Заветное. М., 1981; На семи холмах. М., 1982; Портреты. М., 1984; Богатырское сердце. М., 1985; Звезда влохновенья. Тула, 1986; Избр. произв.: в 2 т. М., 1987; Прозрения. Россия на Голгофе. М., 1991; Таинственные встречи. М., 1992; Имам Хомейни. М., 1988; Русские биографии: в 2 т. / Предисл. О. Михайлова. М., 2003.

О. Михайлов

ЖУКОВА Мария Семеновна (урожд. Зевакина) (1805—

14[26].04.1855), писательница. Родилась в г. Арзамас Нижегородской губ. Дочь бедного дворянина, уездного стряпчего. Детство и юность провела в Арзамасе и в доме отца близ Саровской пустыни. В 1837 дебютировала сборником повестей «Вечера на Карповке». Из-за болезни вынуждена была выехать в 1838 на юг Франции, где провела ок. 4 лет, возвращаясь в Россию лишь на лето. С 1830 жила в Сарове, куда переехал ее отец.

Главная тема ее многочисленных повестей — судьба женщины. Герои ее повестей «Инок» (содержит впечатления от Сарова) и «Черный демон» ищут ответы на мучающие их вопросы, обращаясь к Богу.

А. Баженова

ЖУКОВСКИЙ Василий Андреевич (29.01[9.02].1783—12[24].04.1852), поэт, прозаик, переводчик. Автор гимна «Боже, Царя храни!», воспитатель наследника Российского престола вел. кн. Александра Николаевича. Родился в с. Мишенское Тульской губ. Побочный сын знатного тульского и калужского помещика А. И. Бунина от пленной турчанки Сальхи.

Обучался в тульском пансионе Христофора Роде и Главном народном училище (1790—94). По совету знаменитого тульского ученого и мемуариста А. Т. Болотова в 1797 определен в Московский университетский благородный пансион, где сближается с братьями Тургеневыми, брать-

ями Кайсаровыми, *А. Воейковым*, *Д. Блудовым*, *Д. Дашковым*. Верность пансионному товариществу они сохраняют на всю жизнь. Одно из самых ярких впечатлений юности — коронация имп. Александра I в Московском Кремле 15 сент. 1801. 18-летний Жуковский был дежурным — провёл пригласительные билеты на Кремлевскую площадь. Летом 1802, после неудачного дебюта на служебном приеме в Соляной конторе, в Мишенском переводит элегию «Сельское кладбище» Т. Грея, которую назовет впоследствии своим первым стихотворением. Дебют в литературе оказался более удачным: «Сельскую элегию» публикует карамзинский «*Вестник Европы*». Там же, в Мишенском, пробует свои силы на педагогическом приеме — в качестве домашнего учителя дочерей своей старшей сводной сестры Е. А. Протасовой — Маши и Сашки. Так обозначатся 3 основные линии жизни и творчества Жуковского — государственная служба, поэзия и педагогика. И драма всей жизни тоже определится в Мишенском. Жуковский сам поражен зародившемуся чувством любви к ребенку, объясняя в дневниках, что видит Машу Протасову «не таковою, какова она есть, а таковою, какова она будет». Выпускает 6 томов перевода «Дон Кихота», пишет элегию «Вечер», множество др. стихов, принесших ему известность в литературных кругах.

П Ъ В Е Ц Ъ
В Ъ С Т А Н Ъ
РУСКИХЪ ВОИНОВЪ. (1)

П ъ в е ц ѝ.

На полѣ бранномъ тишина!
Огни между шапрами!
Друзья! здѣсь свѣшпшь намъ луна,
Здѣсь кровь небесъ надъ нами!
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружиѣ руку въ руку!

Но после публикации в 1805 оды «Песнь барда над гробом славян-победителей» он заставил говорить о себе всех. Жуковский затронул патриотические чувства. «Песнь барда» появилась после Аустерлица, как «Певец во стане русских воинов» — после Бородино.

В 1808 один из ведущих российских журналов, основанный *Н. М. Карамзиным*, вышел под новой редакцией. На титульном листе значилось: «Вестник Европы, издаваемый Василием Жуковским». Жуковский заявлял в программной статье: «Ожидая великую пользу от хорошего журнала в России! Хороший журнал действует вдруг и на многих; одним ударом приводит тысячи голов в движение». Жуковский — не только редактор, но, по сути, основной автор журнала. Среди десятков его переводов, критических заметок, стихов — повесть «Марьяна роща», баллада «Людмила». В основе баллады не перевод, а, как скажет позднее *А. С. Пушкин*, перевыражение баллады «Ленора» немецкого поэта-романтика Бюргера («поэзии ужасов» своего времени). Свое переводческое кредо Жуковский выразил в словах: «Излишнюю верность почитаю излишнею неверностью».

Перед Отечественной войной Жуковский работает над переводом «*Слова о полку Игореве*», разрабатывает план исторической поэмы о временах кн. Владимира. Он всецело поглощен идеей труда как исцеления от всех недугов. Записывает: «Работа — средство к счастью, она же и счастье». В эти же предвоенные годы его посетил гений стихотворства. В первые дни войны Жуковский заканчивает балладу «Светлана» и «Послание к Плещееву».

29-летний Жуковский одним из первых вступил в московское ополчение. 7 авг. Маша Протасова запишет в дневнике: «Получено письмо от Жуковского, он прошел пешком 28 верст, идет к Можайску. Сохрани его Господь». В эти же дни Карамзин сообщал поэту *И. И. Дмитриеву*: «Я благословил Жуковского на брань: он вчера выступил отсюда навстречу неприятелю». Жуковский оставил одно из самых ярких описаний ночи перед Бородинским сражением: «...Наконец, армия заснула вся с мыслью, что на другой день быть великому бою. И тишина, которая тогда воцарилась повсюду, неизобразима; в этом всеобщем молчании и в этом глубоком темном небе, полном звезд и мирно простертом над двумя армиями, где столь многие обречены были на другой день погибнуть, было что-то роковое и несказанное. И с первым просветом дня грянула русская пушка, которая вдруг пробудила повсеместное сражение». Во время войны Жуковский работал в походной газете *А. Кайсарова*, писал воззвания. Участвовал в сражениях под с. Красным, откликом на которое стало стихотворение «Вождю победителей», посвященное М. И. Кутузову. В к. 1812 Жуковский получает чин штабс-капитана и награду за Бородино и Красное — боевой орденом св. Анны 2-й степени. Все это же время пишет поэму «Певец во стане русских воинов», которая вышла в к. 1812 — н. 1813 сразу тремя изданиями, прославив имя Жуковского по всей России. *И. Лажечников* записывает в «Походных записках»: «Часто в обществе военном читаем и разбираем “Певца во стане русских”, новейшее произведение г. Жуковского. Почти все наши выучили уже сию пиесу наизусть. Какая поэзия! Какой неизъяснимый дар увлекать за собой душу воинов!.. Довольно сказать, что “Певец во стане русских” сделал эпоху в русской словесности и — в сердцах воинов!» В том же 1812 Д. Бортнянский создал на основе «Певца...» патристическую песнь для хора, ее исполняли в виде застольной песни с хоровым припевом.

После войны, пережив тяжелое заболевание горячкой, Жуковский возвращается в свое небольшое имение Холх, подаренное ему приемной и родной матерью в 1810 вместе с 17 душами крепостных. Притягательная сила этой деревеньки для него состояла еще и в том, что буквально напротив находилось имение Протасовых — Муратово, где жила его Дульсиная — Маша. Жуковского встретили в Муратово как героя Бородинского сражения, прославленного поэта-воина. Маше уже исполнилось 20 (Жуковский был всего лишь на 10 лет старше ее). Жуковский просит ее руки, но получает решительный отказ. «Тебе закон христианский кажется предрасудком, а я чту установления Церкви», — отвечает ему Екатерина Афанасьевна. Жуковский пытается объяснить: «Я вовсе вам не родня: закон, определяющий родство, не дал мне имени вашего брата». Формально он был прав: по документам они не состояли в родстве. Но Екатерина Афанасьевна отвечала на уговоры друзей и родных: «Я говорила с умными и знающими закон священниками; никто не уничтожил нашего родства с ним. Родство наше признано Церковью».

Тем временем младшая сестра Маши Александра вышла замуж за пансионного друга Жуковского поэта и издателя Воейкова. Свадьба откладывалась из-за отсутствия денег. Жуковский продает свою деревеньку и вырученные 1000 руб. дарит в приданое своей крестнице (к ней обращены его строки «гений чистой красоты», повторенные А. С. Пушкиным). Саше Протасовой Жуковский посвятил балладу «Светлана», после чего за ней закрепилось второе имя — Светлана. Вся семья Протасовых-Воейковых переезжает в Дерпт, где Воейков с помощью все тех же пансионных друзей получает место профессора литературы в Дерптском университете. Екатерина Афанасьевна разрешает Жуковскому быть вместе с ними, но только в качестве брата. Жуковскому удалось победить себя, он даже принимает участие в поисках Маше достойного жениха. Маша выходит замуж за профессора медицины и виртуоза-пианиста И. Ф. Мойера. Жуковский покидает Дерпт, записав в дневнике: «Мне везде будет хорошо — и в Петербурге, и в Сибири, и в тюрьме, только не здесь... прошедшего никто у меня не отыщет, а будущего — не надобно».

Друзья давно звали его в Петербург. «Ныне Петербург стал единственным приличным для нас местопребыванием... Право, приезжайте!» — писал С. С. Уваров. Казалось нелепым, что он, автор «Певца во стане русских воинов», до сих пор не представлен Двору, вянет в Белеве. В 1815 такое представление состоялось. Жуковский целый час беседовал с Императрицей-матерью Марией Федоровной. И в этом же году, осенью, произошло еще одно его приятное знакомство — не менее значимое. Жуковский сам поехал в Царское Село, чтобы обнять юного собрата по перу лицеиста Александра Пушкина. Сразу же после встречи Жуковский напишет *Вяземскому*: «Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Царском Селе. Милое, живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не мешал себе созреть! Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет...» Пройдет 5 лет, и Жуковский подарит Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя». Через месяц в доме Уварова на Малой Морской состоялось первое заседание «Арзамаса» («Арзамасского общества безвестных людей»).

«Мы объединились, — писал Жуковский, — чтобы хохотать во все горло, как сумасшедшие; и я, избранный секретарем общества, сделал немалый вклад, чтобы достигнуть этой главной цели, т. е. смеха; я заполнял протоколы галиматъей, к которой внезапно обнаружил колоссальное влечение».

В 1816 Жуковскому назначается пожизненный пенсион. Указ имп. Александра I гласил: «Взирая со вниманием на труды и дарования известного писателя, штабс-капитана Василия Жуковского, ...обогадившего нашу словесность отличными произведениями, из коих многие посвящены славе русского оружия, повелеваю, как в ознаменование моего к нему благоволения, так и для доставления нужной при его занятиях независимости состояния, производить ему в пенсион по четыре тысячи рублей в год из сумм Государственного Казначейства». В 1817 Жуковский назначается учителем русского языка к невесте вел. кн. Николая Александровича прусской принцессе Шарлотте, ставшей после венчания вел. кн. Александрой Федоровной. Записывает в дневнике: «Милая, привлекательная должность. Поэзия, свобода!» А в письме к Светлане (Протасовой-Воейковой) сообщает: «Моя ученица мила, добродушна и сердце у меня лежит к моему делу. Мне весело иметь теперь цель моих занятий, цель небесную... Милое, небесное создание: простота, добродушие и прелестное ребячество. Великий Князь очень добр в обхождении, он привязывает к себе своей лаской, мне то и надобно. Хочу любить свою должность, а не об выгодах заботиться. Выгоды будут, если Бог велит, но лбом до них добиваться — не хочу, трудно, скучно и для меня бесполезно, ибо не имею и не буду иметь нужного для того искусства».

В 1818 выходит 3-томное собрание сочинений Жуковского. Его принимают в члены Российской Академии. В 1820 в составе свиты вел. кн. Александры Федоровны Жуковский совершает первое двухгодичное путешествие за границу: Берлин, Дрезден, Швейцария, Северная Италия. В пути получает письмо от Маши, сообщавшей о радостной весте: «Милый ангел! какая у меня дочь! Что бы я дала за то, чтобы положить ее на твои руки». Через 2 года, по пути домой, его догонит еще одно письмо от Маши: «Брат мой! твоя сестра желала бы отдать не только жизнь, но и дочь за то, чтоб знать, что ты ее еще не покинул на этом свете!» В марте 1823 неделю проводит в Дерпте рядом с Машей, тяжело переносившей вторые роды. «Мы простились, — запишет он. — Она простила, чтоб я ее перекрестил, и спрятала лицо в подушку». Вернувшись в Петербург, получает известие о смерти Маши при родах ребенка. Последнее, предсмертное письмо, ему передали на ее могиле: «Друг мой! Это письмо получишь ты тогда, когда меня подле вас не будет, но когда я еще ближе буду к вам душою. Тебе обязана я самым живейшим счастьем, которое только ощущала!.. Жизнь моя была наисчастливейшая... И все, что ни было хорошего, — все было твоя работа... Сколько вещей должна я была обождать только внутри сердца, — знай, что я все чувствовала и все понимала. Теперь — прощай!»

В июле 1824 Жуковский назначается воспитателем 6-летнего наследника Российского престола, вел. кн. Александра Николаевича. *Дельвиг* сообщал об этом Пушкину: «Жуковский, думаю, погиб невосвратно для поэзии. Он учит Великого Князя Александра Николаевича русской грамоте и, не шутя говоря, все время посвящает на сочинение азбуки. Для каждой буквы рисует фигурки, а для складов картинки. Как обвинять его! Он исполнен великой идеи: образовать, может быть, царя. Польза и слава народа

русского утешает несказанно сердце его». Сам Жуковский писал об этом: «Мне жаль моих веселых, вдохновенных, беззаботных поэтических работ. Но это сожаление делает для меня желательную цель только драгоценнее. Занятия мои сами по себе детские; это только механические; я сделался просто учеником. Учю, чтобы учить. Привожу в порядок понятия, чтобы передать их с надлежащей ясностью. Черчу таблицы для ребенка, с тем чтобы после их уничтожить, словом, мои работы сами по себе должны исчезнуть. Но жизнь моя истинно поэтическая. Могу сказать, что она получила для меня полный вес и полное достоинство с той только минуты, в которую я совершенно отдал себя моему теперешнему назначению. Я принадлежу наследнику России. Эта мысль сияет передо мной, как путеводная звезда. Все, что у меня теперь в душе, приливает к ней, как кровь к сердцу. На всю свою жизнь смотрю только в отношении к этой высшей животворной мысли».

Лето 1825 Жуковский проводит в Павловске и Царском Селе, занимаясь с царственным питомцем. Осенью переезжает в Аничков дворец. Весть о смерти в Таганроге имп. Александра I застаёт его в придворной церкви Зимнего дворца. «В этот день, — записывает он, — все было на краю гибели... В 10 часов я приехал во дворец. Видел новую Императрицу с Императором. Присягнул в дворцовой церкви...»

Получив отпуск для лечения на водах в Германии, Жуковский использует его для изучения педагогической литературы, в особенности системы Песталоцци. Разрабатывает «План учения» для вел. князя по четырем возрастным периодам. «По Плану учения, — пишет он своей бывшей ученице, молодой Государыне Александре Федоровне, — все главное лежит на мне. Все лекции должны сходиться в моей, которая есть для всех пункт соединения; другие учителя должны быть только дополнителями и репетиторами». Преподавание наиболее важных предметов он взял на себя, в первую очередь, истории, считая ее «главною наукою Наследника Престола». О том, насколько глубоко он понимал проблемы религиозного образования и религиозного воспитания Наследника Престола, можно судить по письму из Дрездена. «Особенно умоляю ваше Величество, — обращается Жуковский к имп. Александре Федоровне, — не торопиться выбором духовного лица, которое должно будет дать Великому Князю религиозное образование: это предмет слишком серьезный и требует большой осмотрительности. Нам нужен человек, который мог бы вполне разделить наш план. Религия не отдельная наука, которую изучают так, как, например, математику; она не может быть рассматриваема только как предмет обучения; она скорее служит средством воспитания, она должна входить во все, должна сливаться со всеми чувствами, со всеми мыслями, чтобы стать жизненным правилом, иначе влияние ее будет ничтожно. Все зависит от выбора учителя. Если мы не будем в состоянии найти то, что нам нужно, то по крайней мере возьмем то, что есть лучшего».

«План учения» предусматривал постепенное постижение науки царствовать. Наставления Жуковского гласили: «Уважай закон и научи уважать его своим примером: закон, пренебрегаемый Царем, не будет храним и народом... Владычествуй не силою, а порядком... Будь верен слову: без доверенности нет уважения, неуважаемый — бессилен... Окружай себя достойными помощниками: слепое самолюбие Царя, удаляющее его от людей превосходных, предаёт его на жертву корыстолюбивым рабам, губителям его чести и народного блага... Уважай народ свой: тогда он делается достойным уважения».

При завершении «приготовительных занятий в первом возрасте» Жуковский произнес речь, которая звучала как напутствие наследнику престола: «На том месте, которое вы со временем займете, вы должны будете представлять из себя образец всего, что может быть великого в человеке, будете подписывать законы другим, будете требовать от других уважения к закону. Пользуйтесь счастливым временем, в котором можете слышать наставления от тех, кои вас любят и могут свободно говорить вам о ваших обязанностях; но, веря им, приучайтесь действовать сами, без понуждения, произвольно, просто из любви к должности, иначе не сделаетесь образцом для других, не будете способны предписывать закон и не научите никого исполнять закона, ибо сами не будете исполнять его».

С 1828 Жуковский живет в специально надстроенном для него четвертом этаже Шепелевского дворца, входившего в ансамбль зданий Зимнего дворца. Здесь он по будням ведет занятия с наследником престола, а по субботам на его «олимпийском чердаке» собираются, как отмечал А. Тургенев, «литераторы всех расколов и всех наций, художники, музыканты». Субботники Жуковского — яркое явление культурной жизни столицы. Постепенно и сам Жуковский возвращается к литературному творчеству. В «*Северных цветах*» на 1829 публикуется его «Малая Илиада» — первое соприкосновение с Гомером. Летом 1831 в Царском Селе наступает его «болдинская осень». «Жуковский, — сообщал А. С. Пушкин Вяземскому, — завел 6 тетрадей и разом начал 6 стихотворений; так его и несет. Редкий день не прочтет мне чего нового; нынешний год он верно написал целый том».

В 1833 в день Рождества Христова в Зимнем дворце был впервые исполнен гимн «Боже, Царя храни!» композитора А. Ф. Львова на слова Жуковского. Сам Жуковский называл его «молитвой Русского народа» и не акцентировал внимания на своем авторстве, подчеркивая, что автором гимна-молитвы является народ, это народное произведение. Аналогичную задачу ставил пред собой и композитор А. Ф. Львов. «Я чувствовал надобность, — писал он, — написать гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войска, годный для народа».

В этот же период, предшествовавший гибели Пушкина, Жуковский вместе с драматургом Розеном работает над либретто оперы М. И. Глинки «Жизнь за Царя». «Когда я изъявил свое желание приняться за русскую оперу, — вспоминал М. И. Глинка, — Жуковский искренне одобрил мое намерение и предложил мне сюжет «Жизни за Царя». Сцена в лесу глубоко врезалась в мое воображение; я находил в ней много оригинального, характерного, русского». Жуковский написал эпилог оперы и трио «Ах, не мне бедному, ветру буйному...» В обсуждении замысла оперы принимал участие Пушкин.

М. И. Глинка написал несколько романсов на стихи Жуковского: «Дубрава шумит», «Сто красавиц светлоликих», «Ночной смотр». В апр. 1836 выходит первый номер пушкинского «*Современника*», задуманного на чердаке Жуковского. «Жаль, что нет журнала, — писал после одного из субботников Вяземский, — куда бы выливать весь этот кипяток, сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего». В июне Жуковский вместе с Вяземским отбирают для публикации в «Современнике» стихи Ф. Тютчева, открывая новое имя в русской поэзии. В нояб. Жуковский узнает об интриге, в которую оказался втянут Пушкин. По просьбе семьи Гончаровых пытается не до-

пустить дуэли между Пушкиным и Дантесом. Барон Геккерен тоже уверен, что только Жуковский сможет убедить Пушкина встретиться с Дантесом. «Свидание представляется мне необходимым, — пишет он Жуковскому 9 нояб., — обязательным — свидание между двумя противниками, в присутствии лица, подобного вам, которое сумело бы вести свое посредничество со всем авторитетом полного беспристрастия и сумело бы оценить реальное основание положений, послуживших поводом к этому делу». Пушкин от свидания отказывается, тем не менее Жуковский вновь присылает ему записку: «Я не могу еще решиться почитать наше дело конченным. Еще я не дал никакого ответа Геккерену... Ради Бога, одумайся. Дай мне счастье избавить тебя от безумного злодейства, а жену твою от совершенного посрамления». Жуковский был убежден, что Пушкин, слывший дуэлянтом и отличным стрелком, убьет Дантеса и совершит тем самым безумное злодейство — убийство.

Вечером 27 янв. 1837 Жуковский получает известие о дуэли и смертельном ранении Пушкина. Пушкин призывает его к себе. В тот же вечер, 27 янв., Жуковский получает записку от вел. кн. Елены Павловны: «Добрейший г. Жуковский! Узнаю сейчас о несчастье с Пушкиным — известите меня, прошу вас, о нем и скажите мне, есть ли надежда спасти его. Я подавлена этим ужасным событием, отнимающим у России такое прекрасное дарование, а у его друзей — такого выдающегося человека». Все последующие 2 дня и 3 ночи Жуковский почти неотлучно находится в квартире Пушкина, он выпускает бюллетень о его состоянии.

В письме к отцу Пушкина Жуковский опишет эти роковые дни 27—29 янв. Рисунок Жуковского «Пушкин в гробу» и его стихотворение: «Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе // Руки свои опустил. Голову тихо склоняя, // Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем // Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза...» завершают эту скорбную летопись.

После выноса тела Жуковский запечатал кабинет Пушкина своей печатью, а затем получил разрешение перенести рукописи поэта к себе на квартиру. Все последующие месяцы Жуковский занимается разбором рукописей Пушкина, подготовкой к изданию посмертного собрания сочинений и всеми имущественными делами, став одним из трех опекунов детей поэта (по выражению Вяземского, ангелом-хранителем семьи). В том же 1837 Жуковский заканчивает свои занятия с вел. князем, продолжавшиеся почти непрерывно 13 лет, и отправляется в составе его свиты в 3-месячное путешествие. Но на этот раз не на Запад, а на Восток. По принятой традиции, 19-летний наследник престола, заканчивая свое образование, начиная самостоятельную жизнь, должен был совершить путешествие по Российской Империи.

Жуковский возвращается в Петербург к концу года и вновь поселяется на чердаке — в Шепелевском дворце. Здесь его ожидает письмо от Гоголя из Рима. «Я получил вспоможение, — сообщает Гоголь о 5000 рублей от государя. — Все вы, все вы! Ваш исполненный любви взор бодрствует надо мною!» Отныне, оказавшись не в силах уберечь Пушкина, Жуковский станет ангелом-хранителем Гоголя (в письмах он называл его ласково Гоголёмком).

Вслед за путешествием по России следует новое длительное путешествие в составе свиты вел. князя, теперь уже заграничное: Германия, Дания, Швеция, Австрия, Италия, Голландия, Англия. Совершает поездку в Милан вместе с Ф. Тютчевым. В Риме встречается с Гоголем и С. Шевыревым. Убеждает вел. князя приобрести для императорской коллек-

ции близкую к завершению картину А. Иванова «Явление Христа народу» и др. картины русских художников. Путешествует по Италии вместе с Гоголем, посещает музеи Ватикана, рисует римские древности.

По возвращении на родину принимает участие в Бородинском празднике и открытии памятника. «Итак, — отмечает Жуковский, участник сражения, автор «Певца во стане русских воинов», — привел Бог по прошествии четверти века на то же место, где в молодости душа испытала высокое чувство, повторить то же, что было в ней тогда, но уже не в тех обстоятельствах. Чего не случилось в этот промежуток времени между кровавым сражением Бородинским и мирным, величественным его праздником!» В дни праздника пишет стихотворение «Бородинская годовщина».

Жуковский думает об отставке, но получает новое назначение: обучать русскому языку невесту наследника престола — прусскую принцессу Марию Гессенскую.

В июне 1841 58-летний Жуковский подает в отставку и венчается в русской посольской церкви Штутгарта на 19-летней дочери известного немецкого художника Г. Рейтерна Елизавете. Они поселяются в уютном 2-этажном особняке в Дюссельдорфе. Казалось, что уже ничто не сможет помешать столь долгожданному семейному счастью Жуковского. Он записывает в дневнике: «Постараюсь, чтобы мое пребывание за границей не осталось бесплодным для русской литературы».

Последние годы жизни Жуковский работает над переводом «Одиссеи» Гомера. «Вся литературная жизнь Жуковского, — отмечал Гоголь, — была как бы приготовлением к этому делу. Нужно было его стиху выработаться на сочинениях и переводах из поэтов всех наций и языков, чтобы сделаться потом способным передать вечный стих Гомера».

В янв. 1846 Жуковский записывает в дневнике: «Ослабление глаз. Надобно заранее подготовиться к слепоте; помоги Бог переносить ее: это жаживо смерть». Продолжает работать, несмотря на наступающую слепоту. В Дюссельдорфе, а затем во Франкфурте-на-Майне у него часто гостит Гоголь, работающий над «Авторской исповедью». Жуковский внимательно читает «Выбранные места из переписки с друзьями» и задумывает книгу «Отрывки из писем к Гоголю, написанные к нему о его книге».

1847—48 датируются 3 статьи Жуковского, написанные в форме писем к Гоголю: «О смерти», «О молитве», «Слова поэта — дела поэта». 7 апр. 1848 пишет Гоголю, совершающему паломничество в Святую Землю: «Я надеюсь, если на то воля Божия, увидиться с тобою в России в конце нынешнего года. Если Бог даст жизни, то мы можем еще рука в руку пройти по одной дороге, имея перед глазами цель высокую и святую, для пользы души нашей, а с нею и для пользы нашего отечества... Весьма может случиться, что все мы сойдемся под отечественным небом».

Становится очевидным рождение в Европе нового чудовища революции 1848. Записывает: «Я не политик и не могу иметь доверенности к своим мыслям; но кажется мне, что нам в теперешних обстоятельствах надобно китайскую стеною отгородиться от всеобщей заразы». Заканчивает перевод последней части «Одиссеи». Готовится к переводу «Илиады». Вновь рисует картинки для азбуки, но теперь уже для собственных детей, называя свои занятия педагогической поэмой. «Мой труд для моих детей, — записывает Жуковский, — если Бог позволит кончить его, может со временем быть полезен и всем в домашнем воспитании; он охватит систематически весь круг сведений, которые нужно иметь».

В янв. 1850 в письме к Гоголю вновь сообщает о намерении вернуться в Россию и о своих творческих замыслах: «Между тем берет меня подчас и охота пропеть мою лебединую песнь, хотелось бы написать моего “Странствующего жиди”». Продолжает занятия с детьми и параллельно с этим переводит для них с славянского текста Новый Завет, Деяния Апостолов, Апокалипсис. Другим признается: «Глаза слабеют и слух тупеет. Я уже выдумал себе машину для писания в случае слепоты. Надобно придумать отвод и от глухоты». Не менее тяжкие недуги свалились на него и в семейной жизни. «Не покоем семейной жизни дано мне под старость наслаждаться, — напишет он в отчаянии, — беспрестанными же, всякую душевную жизнь разрушающими страданиями бедной жены моей уничтожается всякое семейное счастье».

Жуковский предпринимает попытку, как он сам выражался, писать на белой бумаге ума: набрасывает небольшие прозаические отрывки своих философских размышлений о христианстве, самодержавии, истории, нравственности, литературе. Отправляет их в Петербург Плетневу с просьбой отдать на «пытку цензуры». Эта «пытка» продолжалась несколько месяцев. Плетнев сообщал Жуковскому: «Два узла держат все дело: они боятся имени вашего и не желают прослыть обскурантами, а еще более боятся — ну, если пропущенное не понравится кому-нибудь повыше!» Тем временем Жуковский принимает решение, о котором сообщает Плетневу: «Возьмите назад манускрипты мои из цензуры». Он отказывается от публикации своих размышлений, объясняя: «Я знаю по совести, что у меня в том, что представлено в манускриптах моих на суд цензуры, нет ни одной вредной мысли... Вредное выходит из источника нечистого. По моему направлению философическому я строгий христианин; я теперь вполне убежден, что не может быть другой философии кроме христианской, то есть кроме основанной на откровении. О разных исповеданиях я не спорю; по моему глубокому убеждению, я принадлежу православию, и наиболее утвердился в нем последнее время жизни... Что же касается до других моих мнений политических, философских и чисто литературных, то я уверен, что они не только не заключают в себе ничего вредного, но могли бы иметь доброе влияние на русских читателей и особенно на нашу молодежь. Относительно политики я, по глубокому убеждению, а не по страху полиции, верую в необходимость самодержавия и более всего желаю сохранить его для нашей России неприкосновенным».

Жуковский готовится к возвращению в Россию. 1 февр. 1851 сообщает Гоголю: «Я надеюсь, верно, возвратиться нынешнею весною или в начале лета в Россию. Прежде всего поеду в Дерпт и там на первый случай оставлю жену и детей; сам же в августе месяце отправлюсь в Москву и там отпраздную коронацию и царские юбилеи; туда, надеюсь, на это время съедутся все мои родные; туда, равно надеюсь, приедешь и ты». В дневнике записывает: «Каждый день утром и вечером между прочими молитвами говорю перед Богом: возврати меня в Отечество!»

Но за 2 дня до отъезда из Баден-Бадена у Жуковского обострилось воспаление глаз. Доктора запрещают ему выходить из темной комнаты. Жуковский оказывается в заточении в своем собственном кабинете. «И странное дело! — пишет он уже с закрытыми глазами, — почти через два дня после начала моей болезни загомозилась во мне поэзия... Леплю поэтическую мозаику и сам еще не знаю, каково то, что до сих пор слепо ошупью». В авг. записывает: «Во время моего затворничества нашло на меня поэтическое наитие и я начал нечто, давно у меня гнездившееся в голове, и что должно быть моею лебединою песнью».

В дек. посылает Плетневу новые стихи, среди которых сборничек стихов для детей и «Царскосельский лебедь». В февр. 1852 получает весточку от Гоголя. Последнее гоголевское письмо датировано 2 февр. Гоголь отправил его из Москвы в праздник Сретения Господня. А в н. марта пришло письмо от Плетнева с известием о смерти Гоголя. Это был последний удар в его жизни. Силы — духовные и физические — покинули Жуковского. 9 апр., как свидетельствует о. Иоанн Базаров, Жуковский вместе с детьми «прочитал Молитву Господню и исповедание пред причащением. Причастились дети, принял и он причащение». 12 апр. в Светлое Христово Воскресение он скончался.

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—12. СПб., 1902; Дневники / Прим. И. А. Бычкова. СПб., 1903; Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895; «Уткинский сборник». Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904; Собр. соч.: В 4 т. М.: Л., 1959—60.

Лит.: Афанасьев В. В. Жизнь и лира. М., 1977; Афанасьев В. В. «Родного неба милый свет...» (В. А. Жуковский в Туле, Орле и Москве). М., 1981; Афанасьев В. В. Жуковский. Серия «ЖЗЛ». М., 1986; Плетнев П. А. О жизни и сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1853.

В. Калугин

З

ЗАБЕЛА Виктор Николаевич (?—1869), малороссийский поэт. Писал стихотворения преимущественно лирические, из них при жизни его напечатано было только 3 в альманахе *Гребенки* «Ластівка» (1841), а из оставшихся в рукописях лишь немногое попало впоследствии в печать. 2 его песни: «Гуде вітер вельми в полі» и «Не щебечи, соловейку», были положены на музыку Глинкой и сделались, особенно последняя, очень популярны в Малороссии.

ЗАБОЛОЦКИЙ Николай Алексеевич (24.04[7.05].1903—14.10.1958), поэт. Родился на ферме близ Казани в семье агронома и учительницы.

В сер. 20-х Заболоцкий, редактор детской секции Госиздата, автор книги «Хорошие сапоги» (1928), знакомится с участниками группы ОБЭРИУ (объединение реального искусства) Д. Хармсом, А. Введенским, К. Вагиновым и др. и становится деятельным сторонником, «теоретиком» этого течения. Оно, правда, существовало скорее в пылких декларациях, театрализованных выступлениях, заявляло о себе на диспутах, на «Афишах Дома печати» в Ленинграде. От этого значение обэриутов, или «чинарей», как раньше называли себя Д. Хармс, А. Введенский, — совмещение слов «чин» (т. е. духовный ранг) и «чинарик» (т. е. маленький окурок) для ранней поэзии Заболоцкого не умалялось.

Первая книга серьезных стихов Заболоцкого «Столбцы» (1929), имевшая большой успех, несет в себе следы программ ОБЭРИУ, в т. ч. и программ, написанных лично им.

Обэриуты искали смысл в абсурде, ум — в зауми, представляли мир в формах гротеска, фантастических видений. Они «сдвигали» всю жизнь и слово в стихию игры, часто алогичной, «нелепой». Не в таком ли плане звучат метафоры и раннего Заболоцкого: «Прямые лысье мужья / Сидят как выстрел из ружья» («Свадьба»); «Младенец крепнет и мужает / И вдруг, шагая через стол, / Садится прямо в комсомол» («Новый быт»).

Заболоцкий обладал слишком сильным природным началом, чтобы разделить восторги собратьев по поводу «заумного языка», «сдвигологии», «войны всем смыслам» во имя создания абсурдной действительности. Но он поддержал их стремление возродить в поэзии «новое ощущение жизни и ее предметов», очистить конкретный предмет от литературной и обиходной шелухи. Он мечтал явить читателю мир, до этого «замусоленный языками множества глупцов», запутанный в тину «перезживаний» и «эмоций», во всей чистоте своих конкретных мужественных форм» (Из декларации обэриутов. 1928).

Сборник «Столбцы» — в лучших стихотворениях, составивших его, — фантазмагоричная картина Ленинграда, поданного с изнанки, с нарочитой, обывательски-нэповской стороны. Здесь царствует густой, мешанский быт, стихия чревоугодничества, рынка, пивных. Эта стихия сплющила, сдавила человека, сузила его кругозор. В «Столбцах» вечерний бар превращается в «глушь бутылочного рая», где официантка или певица, «сирена бледная за стойкой, гостей попотчует настоящей», в нем живет «бедлам с цветами пополам». Здесь «новый быт» осознает свою новизну в таких приметах свадьбы, как явление председателя жилкома (или профсоюза) вместо

И принимая красный спич,
Сидит на столике Ильич.

Под влиянием обэриутов в сборнике идет всяческое усиление негативных, мешанских черт Ленинграда 20-х:

Народный дом — курятник радости,
амбар волшебного житья,
корыто праздничное страсти,
густое пекло бытия.

Из всех обозначений девичьей красоты, очарования молодости Заболоцкий в «Столбцах» знает, увы, только одно: «тут девка водит на аркане свою пречистую собачку»; «он девок трогает рукой»; «целует девку Иванов»; «но нету девок перед ним»... «Бабы», конечно, — «словно кадки»...

При описании рынка у Заболоцкого далеко не все воссоздано в духе обэриутов, их вселенской ироничности. Поэт настроен смеяться, создавать вывернутый, гротескный мир, но в его картинах оживает веселый, здоровый дух карнавала, дух французского романиста Рабле, может быть, даже пышность базаров Б. М. Кустодиева:

Сверкают саблями селедки,
Их глазки маленькие кротки,
Но вот, разрезаны ножом,
Они свиваются ужом...
Угри, подобные колбасам,
В копченой пышности и лени
Дымились, подогнув колени,
И среди них, как желтый клык,
Сиял на блюде царь-балык.

Да это уже не рынок, а пиршество земли, коллекция ее даров, демонстрация жизнотворчества и мощи природы! Этого вывода поэт в «Столбцах» еще не делал: уж очень примитивны, незаметны или вульгарны на его рыбных базарах, свадьбах

обитатели, хозяева и посетители рынков. Здесь «весы читают "Отче наш"», здесь мораль никак не пробьется «сквозь мясные жирные траншеи», здесь «самовар шумит домашним генералом». Поэт с ужасом смотрит на это царство живописной неодушевленной материи и не знает, где же его место в мире новых героев быта:

Ужели там найти мне место,
Где ждет меня моя невеста,
Где стулья выстроились в ряд,
Где горка — словно Арарат?..

Свое будущее место в «Столбцах» он лишь намечает, скорее намекает на него. В стихотворении «Обед» он воссоздает весь обряд «кровавого искусства жить» — рубку мяса, овощей. Мы видим метанье луковиц и картофелин в кипящей кастрюле. Поэт возвращает память к земле, где все эти продукты, и картофелины, и луковицы, еще жили, еще не узнали смерти, этого метанья в кипятке:

Когда б мы видели в сиянии лучей
блаженное младенчество растений, —
мы, верно б, опустились на колени
перед кипящею кастрюлькой овощей.

Вскоре после «Столбцов» поэт нашел и с тех пор не утрачивал свое место в мире природы, в царстве растений и животных. Нашел его вовсе не через рынок, не через обжорный ряд и прилавки с битой птицей, мясом. В 1929—30 он напишет натурфилософскую поэму «Торжество земледелия», затем поэмы «Безумный волк», «Деревья», «Венчание плодами». Это был его поэтический проект установления единства мироздания, объединения живых и неживых форм материи, умножения чистоты и гармоничности отношений человека с природой.

Природа и человек в ней должны выйти из состояния «вековой давилни» — это ключевой образ всей поэзии Заболоцкого, — когда сильные пожирают более слабых, но и сами затем становятся добычей сильнейших.

В 1934 поэт опять создаст образ мира, где слабые существа поедаются другими, более сильными, а эти сильные становятся кормом для еще более сильных: это процесс бесконечный, соединяющий бытие и смерть. А где же бессмертие? Его герой Лодейников однажды услышал (осознал) в ночном саду страшную гармонию пожирания, круговорот последовательного истребления:

...Над садом
шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшись адом,
свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
хорек пил мозг из птичьей головы,
и страшно перекошенные лица
ночных существ смотрели из травы.
Природы вековая давилня
соединяла смерть и бытие
в единый клуб.

(«Лодейников в саду»)

Весьма непредсказуем такой страшный миропорядок. И увенчивается этот круговорот, увы, человеческим «грабежом» природы во всех ее видах.

Картина «природы вековой давилни» — не собственное открытие Заболоцкого. Он создал эту картину на основе идей и образов философа Н. Ф. Федорова, создателя грандиозной философской утопии «Философия общего дела» и, конечно, его последователя, калужского мечтателя К. Э. Циол-

ковского. С последним Заболоцкий переписывался в 1932, соглашаясь и споря, посвящая его в круг своих тем. Поэт мечтал о том, чтобы изжить в природе процесс пожирания одних существ другими, «природы вековую давилню» — воплощение ее рынок.

В марте 1938 Заболоцкий был арестован. В тюрьме и лагерях Заболоцкий пробыл с 1938 по 1944. После возвращения в Москву, в Тарусу, где он подолгу жил, начался самый плодотворный период его творческой жизни. Поэт перевел «Слово о полку Игореве» (уже в 1945), поэму Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», создал целую антологию переводов грузинской лирики. Но самое главное — он раскрыл потенциальные богатства человеческой души как высшего проявления всей, и духовной в том числе, жизни природы. Это очень драматичная страница его лирики. В ней, как заметил ученый В. П. Смирнов, поэт не только «стремился постичь противоречия, но и брал самого себя как элемент противоречия».

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. М., 1983—84; Грузинская классическая поэзия в переводах Н. Заболоцкого. Тбилиси, 1958. Т. 1, 2; Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1965. (Б-ка поэта. Б. серия); Избр. произведения: В 2 т. М., 1972; Змеиное яблоко: Стихи, рассказы, сказки / Кн. сост. по материалам журн. «Чиж» и «Еж» 20—30-х. Л., 1973; Столбцы. Стихотворения. Поэмы. Л., 1990; История моего заключения. М., 1991; Огонь, мерцающий в сосуде...: Стихотворения и поэмы. Переводы. Письма и статьи. Жизнеописание. Воспоминания современников. Анализ творчества. М., 1995.

В. Чалмаев

ЗАВАРЗИН Аммос Петрович (1790[1788?]) — не позднее 1845), писатель. Родился в дворянской семье. Служил чиновником. В 1813 опубликовал в Москве (в губернской типографии А. Решетникова) сочинение «К россиянам и россиянкам цветущего возраста. Святошная забава в 19 лет моей жизни. 1813. Рязань», посвященное «любителям просвещения». Книга, состоящая из рассуждений афористического характера о разуме, добродетели, любви, славе, долге, а также управлении «телесными чувствами» и т. д., по-видимому, представляет собой переложение хорошо известного автору дидактических сочинений. Нравственные поучения Заварзина выдержаны в строго христианском духе: гордости и «утончению ума» противостоят «образование сердца» и разум — «дейтельное свойство души». Обращаясь к состоянию нравов, Заварзин акцентирует последовательную связь нравов самодержцев, «дворов» и народов.

Следующее сочинение «Чувствования сына отечества» (СПб., 1814) — размышления по поводу окончательного поражения Наполеона в марте 1814. Возвышению Наполеона, этого «орудия казни», определенного свыше для «избранных народов» (прежде всего, французского), способствовали, по Заварзину, «гибельные успехи» «новой философии» (Вольтера, Ж. Ж. Руссо), безбожные идеи которой, разрушив «благотворную теплоту» веры, завоевали бесчисленное множество последователей — как среди «ученых гордецов», так и «буйных невежд». Честолюбивым замыслам Наполеона автор противопоставляет славу, воплощенную в деяниях Петра, императрицы Елизаветы, *Екатерины II*, имп. Александра I и др. «мужей, благодетелей отечества» («Россиянин в столице Отечества» — 2-я ч. книги). Трактовка Наполеона и Отечественной войны, жанр отвлеченно-назидательных рассуждений на темы истории, нравственности, патриотизма, «приподнятый» слог сочинения Заварзина свидетельствуют о его тяготении к литературе «патриотического» (шишковского) направления, в русле которого «Чувствования...» явились характерным откликом на события 1814.

А. Т.

ЗАГАДКА, замысловатое поэтическое выражение, в котором признаки отгадываемого предмета даны в зашифрованном, вводящем в сторону виде. Вот несколько примеров народной загадки: «Черный конь прыгает в огонь» (отгадка включена в текст по слога: ко-чер-га); «О ста ногах, о семи хребтах» (борона); «В лесу котелок кипит, кипит, а укипи нет» (муравейник); «Стоит поп низок, на нем сто ризок, сорок одежек и все без застежек» (кочан капусты); «Кланяется, кланяется, придет домой — растянется» (топор); «Конь стальной, хвост льняной» (игла с ниткой); «Два конца, два кольца, а посередине гвоздик» (ножницы). Часть народных загадок построена в форме «каверзных вопросов»: «После семи лет что козе будет?» (пойдет восьмой год); «Что с земли не подыметь?» (тьень). Некоторые поэты излагают загадки в форме небольшого стихотворения; такова, напр., «Радуга» В. Жуковского:

Нечеловечьими руками
Жемчужный разноцветный мост
Из вод построен над водами.
Чудесный вид, огромный рост!
Раскинув паруса шумящи,
Не раз корабль под ним проплыл;
Но на хребет его блестящий
Еще никто не восходил.
Идешь к нему — он прочь стремится
И в то же время недвижим;
С своим потоком он роднится
И вместе исчезает с ним.

Загадка заставляет видеть поэтическую сторону в самых прозаических вещах и предметах («Малая малышка, золотая кубышка» — просо). Происхождение и первоначальные функции загадок-вопросов связаны с существованием в древности особых бытовых и промысловых тайных языков. Знание «подставных слов» — условных обозначений и названий, принятых в этих языках, требовало тренировки памяти. Вопрос-загадка помогал запоминанию образных иносказаний. Знание тайной речи входило в обряд посвящения юношей. Остатки тайной речи, отмеченные в XVIII в. С. Крашенинниковым у русских охотников, дают образцы совпадения тайных «подставных слов» с иносказаниями в загадке. С забвением тайных языков загадки превратились в чисто художественное явление. Первоначально иносказания-обозначения развернулись в описание. В самом воспроизведении окружающего мира народ обнаруживает трудовую точку зрения на действительность: «Летит птица, не ест ни ржи, ни жита, а ест тура да оленя до красного деня» (овод).

В загадках ярко отразился поэтический склад народа. Их образцы красочны, звучны, предметы очерчены резко, отчетливо («Бела как снег, черна как уголь, зелена, как лук, вертится, как бес, и дорога в лес» — сорока). Загадки полны движения («Секу, секу — не высеку, рублю, рублю — не вырублю» — солнечный луч). В загадках действительность предстает в развитии, столкновении, в многообразных связях, напр., — «Били меня, били, колотили, ключьями рвали, по полю валяли, под ключ запирали, на стол сажали» (лен, пряжа, холст, скатерть). Наряду с загадками — развернутыми метафорами типа «В темной темнице красны девицы без нитки, без спицы вяжут вязеницы» (улей, пчелы и соты), столь же часто встречаются загадки-метонимии — «На дворе горой, а в небе водой» (снег), загадки-олицетворения — «Ревнул вол за сто сел, за сто речек» (гром) и пр. Как правило, загадки предельно кратки, богаты звукописью, композиционно четки, многообразны в своей ритмике.

Лит.: Худяков И. А. Великорусские загадки. М., 1861; То же. 2-е более полн. изд. // Этнографический сборник Русского географического общества. Вып. 6. СПб., 1864; *Садовников Д.* Загадки русского народа. Сб. загадок, вопросов, притч и задач. СПб., 1876; СПб., 1901; М., 1959; *Рыбникова М. А.* Загадки. М.; Л., 1932; *Колесницкая И. М.* Народные загадки // Русское народное поэтическое творчество / Под ред. проф. П. Г. Богатырева. 2-е изд. М., 1956; *Аникин В. П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957.

А. К., В. А.

ЗАГОВОР, старинная форма народной, т. н. «магической» поэзии. Это заклинания, произносимые с целью повлиять на «божество», на «нечистую силу» или на силы природы. Русские заговоры сочинялись в старину в виде рифмованных или аллитерированных стихов, напр.: «Встану я, раб божий, благословясь, умоюсь водою, росою, утруся платком тканым... Будьте, слова мои, крепки и лепки до-веку, нет моим словам переговора и недоговора... Как у замков смычки крепки, так и мои слова метки...».

В Древней Руси заговоры были широко распространены. Поскольку в них отразились различные стороны хозяйственной, общественной и духовной жизни народа, они имеют большую историческую ценность. Русские заговоры являются в основном языческими магическими заклинаниями, но они несут в себе и элементы христианской магии. Поэтичность и выразительность заговоров, богатство языка, ритма и художественных средств дают основание рассматривать их как одно из явлений народного искусства слова.

Лит.: Майков Л. Великорусские заклинания. СПб., 1869; *Елеонская Е. К.* Изучению заговора и колдовства в России. [М.], 1917; *Познанский Н.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917.

ЗАГОРСКИЙ Михаил Петрович (1804—30.07[11.08].1824), поэт. Родился в Петербурге в семье ученого. Закончил Петербургский университет. Ранняя смерть не позволила Загорскому осуществить многие замыслы. Сохранившиеся работы свидетельствуют о его тяготении к русской старине и фольклору. Наибольший интерес представляют фрагменты «Ильи Муромца» — волшеббно-рыцарской поэмы в духе «Неистового Роланда» Л. Ариосто и «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина на материале русского фольклора (*былины, исторические песни*) и древнерусской поэзии («*Слово о полку Игореве*). Сохранились также набросок поэмы о богатыре Мстиславе (написанной «русским стихом»), переложение «Слова о полку Игореве» («Ярославна», романс, 1825), «русская народная идиллия» «Бабушка и внучка». Загорский был одним из первых, кто в н. XIX в. пытался возродить национальные формы русской литературы.

ЗАГОСКИН Михаил Николаевич (14[25].07.1789—23.06[5.07].1852), писатель, драматург. Родился в с. Рамзай Пензенской губ. Детство Загоскина прошло в дворянской

усадьбе. В 1812, вступив в ополчение, участвовал в Отечественной войне, был ранен. Работал в Императорской публичной библиотеке (Петербург), затем в дирекции театров. С 1823 — в Москве в управлении московских театров. В 1831 назначен директором театров Москвы, с 1842 был директором Оружейной палаты. Литературный дебют — комедия «Проказник» (1815).

В комедиях «Богатонов, или Провинциал в столице» (1817) и «Богатонов, или Сюрприз самому себе» (1821), пользовавшихся популярностью, Загоскин высмеивал помещика-космополита, разоряющего себя и своих крестьян бессмысленными «реформами». В 1829 вышел роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», рассказывающий о великих подвигах русских патриотов в Смутное время. А. С. Пушкин высоко оценил роман Загоскина («Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни!», но отметил, что «...неоспоримое дарование г. Загоскина заметно изменяет ему, когда он приближается к лицам историческим». Критика отмечала, что в «Юрии Милославском» действующие лица не только носят русские имена, но и говорят русской речью, и даже чувствуют и мыслят по-русски. Умение Загоскина передать национальный колорит эпохи, показать (не без влияния исторических романов Вальтера Скотта) исторические характеры в их «домашней» жизни, нарисовать быт и нравы старины — все это имело значение как важный шаг на пути создания русского исторического романа. За роман «Юрий Милославский» Загоскин получил от царя благодарность и перстень. Роман выдержал 8 прижизненных изданий и был переведен на 6 европейских языков.

Такие же патриотические чувства содержал и следующий исторический роман Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831). В условиях совершающейся в то время космополитизации столичного общества роман встретил более прохладный прием. Только Н. И. Надеждин сумел высоко оценить его патриотизм и народность. Новый исторический роман «Аскольдова могила. Повесть из времен Владимира I» (М., 1833) имел серьезные осложнения с духовной цензурой; успехом пользовалась созданная на основе либретто Загоскина одноименная опера А. Н. Верстовского (1835).

Вскоре Загоскин создает цикл «фантастических» рассказов «Вечер на Хопре» (1834), историческую повесть «Кузьма Рошин» (1836); вместе с нравоописательной повестью «Три жениха» эти произведения вошли в сборник «Повести Михаила Загоскина» (Ч. 1—2. М., 1837). Не оставляет Загоскин и драматургию: в Москве, а потом и в Петербурге ставятся его комедии «Недовольные» (в стихах) (пост. 1835; опубл.: М., 1836) и «Урок матушкам» (сценич. переработка повести «Три жениха»).

В 1838 Загоскин пишет роман на современную тему — «искуситель» (Ч. 1—3. М.); создан, как сам Загоскин определяет свою задачу, с целью «показать, что в нынешнем т. н. просвещении участвует сам сатана». Загоскин точно определил главное направление вторжения в Россию западной, иудейско-масонской цивилизации, рассматривал западное просвещение как угрозу всему христианскому миру. В романе «Искуситель» прослеживались автобиографические черты — опыт противостояния писателя-патриота мракобесам-космополитам.

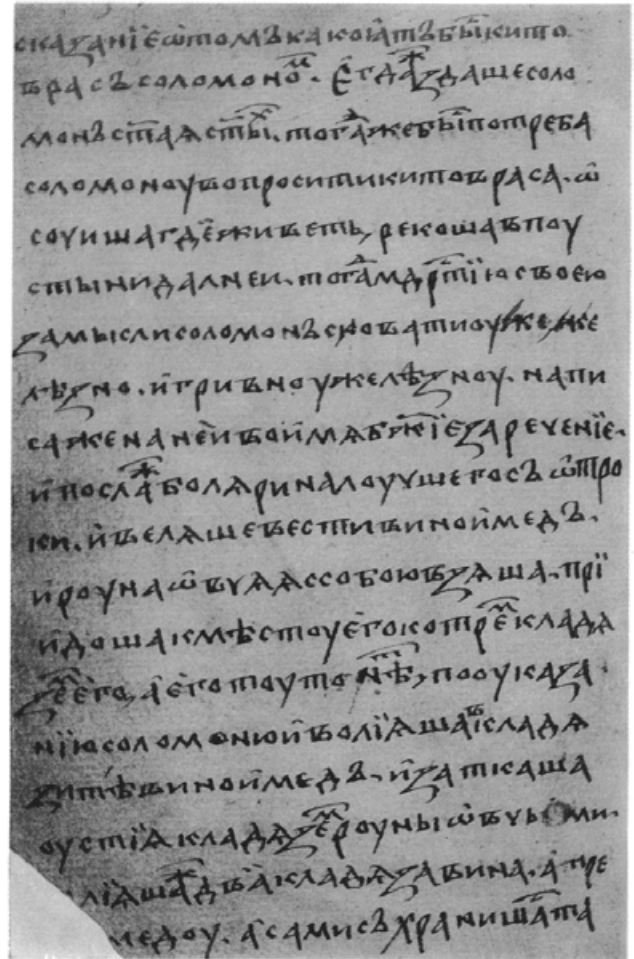
Патриотический характер носил и роман «Тоска по родине» (1839), послуживший основой либретто для одноименной оперы композитора А. Н. Верстовского.

В 1842—50 Загоскин издает 4 выпуска рассказов «Москва и москвичи. Записки Богдана Ильина Бельского», в которых были изображены нравы, быт, речь, одежда разных слоев общества, населявших Москву и провинцию.

Заметным явлением русской литературы были и др. исторические романы Загоскина («Кузьма Петрович Мирошев. Русская быль времен Екатерины II». Ч. 1—4. М., 1842; «Брынский лес. Эпизод из первых годов царствования

Петра Великого». Ч. 1—2. М., 1846; «Русские в начале восемнадцатого столетия. Рассказ из времен единодержавия Петра I». Ч. 1—2. М., 1848). В «Мирошewe...» С. Т. Аксаков оценил как удачу попытку Загоскина воплотить образ «смирного» и незаметного до «бесцетности», но истинного русского христианина: он «тверд и постоянен в сопротивлении всему, нарушающему его совесть».

«ЗАДОНЩИНА». 8 сент. 1380 на Куликовом поле (местность в пределах Тульской обл., расположенная в верховьях р. Дона, в месте впадения в него р. Непрядвы, в 1380 — «дикое поле» — незаселенная степь) произошла битва коалиции русских князей, возглавляемой вел. князем Московским Дмитрием Ивановичем, с монголо-татарским

«Задонщина», 1480-е, автограф Ефросина

войском, усиленным наемными отрядами, под водительством ордынского правителя Мамая. Это было первое большое сражение русских с поработителями после установления монголо-татарского ига (1237), окончившееся полным разгромом монголо-татар. Куликовская битва (часто называется Мамаевым побоищем) не положила предела иноземному игу на Руси (это свершится лишь через 100 лет — в 1480), но характер взаимоотношений русских княжеств с Ордой резко изменился, обозначилась главенствующая

объединительная роль Московского княжества и Московского князя. Куликовская битва показала, что в союзе русские княжества могут успешно противостоять монголо-татарам. Победа на Куликовом поле имела огромное морально-нравственное значение для национального самосознания. Не случайно с этим событием связано имя св. Сергия: основатель и настоятель Троицкого монастыря, по преданию, благословил поход Дмитрия Московского (прозванного после битвы на Куликовом поле «Донским») против Мамаю и, вопреки монастырским правилам, послал с воинами Дмитрия на поле брани двух монахов своего монастыря — Ослябю и Пересвета. К событиям Куликовской битвы интерес на Руси не ослабевал со времени битвы до наших дней. В Древней Руси был создан ряд произведений, посвященных битве 1380, которые в науке объединяются под названием «Куликовский цикл»: летописные повести о Куликовской битве, «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище». «Задонщина» — эмоциональный, лирический отклик на события Куликовской битвы. «Задонщина» дошла до нас в 6 списках, самый ранний из которых, Кирилло-Белозерский (К-Б), составленный монахом Кирилло-Белозерского монастыря *Ефросином* в 70—80-е XV в., представляет собой переработку только 1-й пол. первоначального текста «Задонщины». Остальные 5 списков более позднего времени (самый ранний из них — отрывок к. XV — н. XVI в., остальные — XVI—XVII вв.). Лишь два списка содержат полный текст, во всех списках много ошибок и искажений. Поэтому на основе данных только всех вместе взятых списков можно реконструировать текст произведения.

По совокупности ряда косвенных данных, но, гл. обр., на основании самого характера произведения большинство исследователей датируют время его создания 80-ми XIV в. В. Ф. Ржига, уделивший в своих работах много внимания «Задонщине», писал: «Попытки приурочить памятник ко времени, более близкому к 1380, представляются вполне целесообразными. Они отвечают тому явно эмоциональному характеру, какой имеет Слово Софония с начала до конца. В связи с этим есть основания считать, что Слово Софония появилось сразу же после Куликовской битвы, может быть, в том же 1380 или в следующем».

Традиционным считается, что автором был некий *Софоний Рязанец*: в двух списках «Задонщины» он назван в заглавии автором произведения. В Тверской летописи имеется небольшой отрывок текста, близкий отдельными чтениями к «Задонщине» и «Сказанию о Мамаевом побоище», начинающийся такой фразой: «А се писание Софония Рязанца, брянского боярина, на похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимру Андреевичу» (перед этой записью стоит дата Куликовской битвы — 1380). А. Д. Седельников обратил внимание на сходство этого имени с именем рязанского боярина из окружения Рязанского кн. Олега — Софония Алтыкулачевича (Олег Рязанский в 1380 собирался выступить на стороне Мамаю). Т. о., Софоний Рязанец, бесспорно, как-то связан с памятниками Куликовского цикла. Но можно ли считать его автором «Задонщины»? В некоторых списках основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» Софоний назван автором этого произведения. В самом тексте «Задонщины» о нем сказано как о человеке, по отношению к автору «Задонщины» постороннем: «Аз (т. е. «я» — автор «Задонщины») же помню резанца Софония...» На основании этого чтения «Задонщины» исследователь Куликовского цикла И. Назаров еще в 1858 утверждал, что оно определяет Софония как предшественника автора «Задон-

щины». В последнее время гипотеза об авторстве Софония была рассмотрена Р. П. Дмитриевой, которая пришла к выводу, что Софоний не был автором «Задонщины»: «...последний ссылается на Софония как на поэта или певца своего времени, творчеству которого он склонен был подражать» Видимо, Софоний был автором не дошедшего до нас еще одного поэтического произведения о Куликовской битве, поэтические образы которого повлияли на авторов и «Задонщины», и «Сказания о Мамаевом побоище». Это предположение согласуется с гипотезой акад. А. А. Шахматова о существовании несохранившегося «Слова о Мамаевом побоище».

Основная идея «Задонщины» — величие Куликовской битвы. Автор произведения восклицает, что слава победы на Куликовом поле донеслась до разных концов земли («Шибла слава к Железным Вратам, и к Караначи, к Риму, и к Кафе по морю, и, к Горнаву, и отголе ко Царюграду на похвалу русским князем»). В основе произведения лежат реальные события Куликовской битвы, но это не последовательный исторический рассказ о подготовке к сражению, о самом сражении, о возвращении победителей с поля брани, а эмоциональное преломление всех этих событий в авторском восприятии. Рассказ переносится из одного места в другое: из Москвы на Куликово поле, снова в Москву, в Новгород, опять на Куликово поле. Настоящее переплетается с воспоминаниями о прошлом. Сам автор охарактеризовал свое произведение как «жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу». «Жалость» — это плач по погибшим, по трудной доле Русской земли. «Похвала» — слава мужеству и воинской доблести русских воинов и их предводителей. О многих событиях, о которых подробно повествует «Сказание о Мамаевом побоище», в «Задонщине» сказано одной-двумя фразами, полунамеком. Так, напр., о действиях засадного полка под командованием князя Серпуховского Владимира Андреевича, двоюродного брата Дмитрия Донского, решивших исход боя, сказано: «И нюкнув (кликнув клич) князь Владимир Андреевич гораздо, и скакаше по рати во полех поганых в татарских, а злаченым шеломам посвечиваючи. Гремят мечи булатные о шеломы хиновские». Если бы не сохранилось подробное повествование «Сказания о Мамаевом побоище», многие места «Задонщины» остались бы для нас загадочными, необъяснимыми.

Уже по характеру произведения, по сочетанию в нем плача и похвалы «Задонщина» близка к «Слову о полку Игореве». Но близость эта носит не только общий характер, но самый непосредственный, и в этом еще одна замечательная черта этого произведения древнерусской литературы. «Слово» явилось для автора «Задонщины» образцом и на текстовом уровне. От «Слова» зависит план «Задонщины», ряд поэтических образов «Задонщины» — повторение поэтических образов «Слова», отдельные слова, обороты, большие отрывки текста «Задонщины» повторяют соответствующие места «Слова». Автор «Задонщины» обратился к «Слову» как к образцу с целью сопоставить и противопоставить политическую обстановку на Руси времени «Слова» (80-е XII в.) с 80-ми XIV в. Основной идейный смысл «Слова» заключался в призыве автора к русским князьям забыть междоусобные распри и объединить свои силы для борьбы с внешними врагами Руси. Автор «Задонщины» в победе, одержанной над ордынцами, увидел реальное воплощение призыва своего гениального предшественника: объединенные силы русских князей смогли разгромить монголо-татар, считавшихся до этого непобедимыми. Ав-

тор «Задонщины» переосмысляет текст «Слова» в соответствии с событиями Мамаева побоища и многое вносит от себя. «Задонщина» отличается стилистической непоследовательностью — поэтические части текста чередуются с прозаическими, носящими характер деловой прозы.

«Задонщине» в большей степени, чем «Слову», свойственны приемы устного народного поэтического творчества. Главное состоит в том, что в «Слове» приемы и элементы, близкие к устному народному творчеству, представлены в артистически выполненной авторской переработке, авторском переосмыслении, в «Задонщине» же они гораздо ближе и словесно, и по характеру к устным источникам. Это обстоятельство и состояние списков «Задонщины» (многочисленные искажения и ошибки) послужили основой для предположения о фольклорном, устном происхождении памятника. То, что отдельные списки «Задонщины» записаны по памяти, а не переписаны с др. списков, вполне возможно, но считать, что «Задонщина» изначально произведение устного творчества, нет оснований. «Задонщина» восходит к «Слову» — памятнику литературному. Сочетание в «Задонщине» поэтического текста с прозаизмами, близкими по своему характеру к деловой письменности, говорит о книжно-литературном характере памятника. Об этом свидетельствует и сильно выраженная в «Задонщине» церковно-религиозная символика и терминология.

«Задонщина» неоднократно переводилась на современный русский язык, создано несколько поэтических переложений памятника (В. М. Саянова, И. А. Новикова, А. Скрипова), «Задонщина» переведена на ряд иностранных языков.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 71—76.

Л. Дмитриев

ЗАДОРНОВ Николай Павлович (22.11[5.12].1909—18.09.1992), писатель. Работал актером, режиссером в театрах Сибири и Урала. С 1935 — журналист. Первый роман Задорнова «Амур-батюшка» (Кн. 1—2, 1941—46; перераб. изд. 1958) посвящен истории заселения русскими огромных пространств Сибири и Д. Востока. Патристический роман, в котором была показана определяющая роль русского народа, сплотившего многонациональную державу, и прославление русского оружия, выглядел современным и злободневным. В повести «Мангму» (1946), романах «Далекий край» (1949), «К океану» (1949; 1 ч. трилогии о Г. И. Невельском) Задорнов продолжает разрабатывать тему о русских землепроходцах, широко показывая и жизнь коренного населения — гольдов (нанайцев) и др. малых народностей Д. Востока. Романы «Капитан Невельской» (1956—58) и «Война за океан» (Кн. 1 — 1960. Кн. 2 — 1962) завершают эпопею о подвиге русского адмирала Невельского, открывшего устье Амура и много сделавшего для возрождения Д. Востока. «Амур-батюшка» и «Мангму» тяготеют к жанру историко-бытовой хроники. Через все сочинения Задорнова проходит мысль о великой культурной роли русского народа, который, вопреки вероломной политике западных стран, завязывал с коренным населением Сибири и Д. Востока отношения, основанные на взаимном уважении и дружбе. Эта же тема легла в основу повести «Могусюмка и Гурьяныч» (1956), рассказывающей о восстании башкир и горнозаводских крестьян на Южном Урале в 60-е XIX в. В 1951 за романы «Амур-батюшка», «Далекий край», «К океану» Задорнову присуждена Сталинская премия.

ЗАЙЦЕВ Борис Константинович (29.01[10.02].1881—28.01.1972), писатель, очеркист, мемуарист, переводчик. Родился в

Орле в дворянской семье, детство провел в имении родителей — с. Усты Жиздринского у. Калужской губ. Окончив в 1898 Калужское реальное училище, учился в Императорском техническом училище в Москве, Горном институте в Петербурге, на юридическом факультете Московского университета, но, не закончив его, предался всецело литературной деятельности. Первые рассказы Зайцева напечатаны *Л. Андреевым* в 1901 в московской газете

«Курьер». В 1900-х Зайцев погружается в литературную жизнь Москвы и Петербурга, публикуется в самых различных изданиях, участвует в собраниях телешовского кружка «Среда», московского литературно-художественного кружка, «Башни» *Вяч. Иванова* в Петербурге и сближается с многими литературными современниками (*И. Бунин*, *Л. Андреев*, *П. Муратов* и др.). В 1906 вместе с Г. Глаголем, П. Ярцевым, Эллисом основывает литературную группу «Зори», выпускавшую одноименный журнал. В 1906 в петербургском издательстве «Шиповник» вышла в свет первая книга Зайцева «Рассказы» в оформлении М. Добужинского, принесшая автору громкий успех. До революции были изданы еще 5 рассказов Зайцева и роман «Дальний край» (1912).

Главными чертами прозы Зайцева критика называла «доверие к жизни и оправдание ее», «просветленный оптимизм». «Это не чеховское убеждение-вера, что жизнь станет прекрасною через 1000 лет, а признание благо самой первоосновы жизни — принятие ее даже в настоящем ее проявлении», — отмечала Е. А. Колтоновская. В литературе Серебряного века книги Зайцева выделяются особой тихостью, умиротворенностью. Просветленное и гармоничное, творчество Зайцева устремлено к миру горнему; его лирические герои — «путники» и «странники» по жизни — ощущают нераздельность, целостность природы и человека, их слиянность в едином Космосе. На духовное развитие Зайцева немалое влияние оказал *В. Соловьев*, который «пробивал пантеистическое одеяние юности и давал толчок к вере» («О себе»).

От первых, импрессионистических «рассказов-поэм» Зайцев постепенно переходит к сюжетным произведениям, написанным в «тургеневско-чеховской» манере. Взаимодействие реалистической и модернистской традиций русской литературы определяет неповторимый зайцевский стиль, отличающийся особой прозрачностью, акварельностью красок, сердечным лиризмом. Ритмическая и звуковая организация речи придает прозе Зайцева живописную музыкальность.

Начиная с 1904 Зайцев часто бывает в Италии, ставшей его второй духовной родиной, и создает цикл очерков, вошедший в книгу «Италия» (1918). Зайцев осуществил перевод «Ада» Данте ритмизованной прозой (вышел в свет только в 1961 в Париже).

Первый период творчества Зайцева завершает повесть «Голубая звезда» (1918), которую породила «Москва мирная и покойная, послечеховская, артистическая и отчасти богемная, Москва друзей поэзии и Италии — будущих православ-

ных» («О себе»). В светлой печали, судьбах героев (напоминающих отчасти персонажей *Достоевского*), картинах литературной и театральной жизни сквозит предчувствие крушения этого непрочного мира.

В исторической катастрофе, постигшей Россию, Зайцев сохранил незапятнанной честь русского писателя, офицера, интеллигента. Первая мировая война застала Зайцева в имении Притыкино Каширского у. Тульской губ. Это — «великое испытание, посланное людям за то, что они много нагрешили и “забыли Бога”, — пишет он *Г. И. Чулкову*. — ...Все без исключения ответственны за эту войну. Я тоже ответствен. Мне — это тоже напоминание — о несправедливой жизни». По окончании Александровского военного училища в марте 1917 Зайцев был произведен в офицеры, но участвовать в боях ему не довелось: заболев крупозным воспалением легких, он получает отпуск и незадолго до окт. 1917 уезжает в Притыкино. 1917—22 стали самыми тяжелыми для семьи Зайцевых. В первый день февральской революции убит его племянник, в 1919 умирает отец, вскоре арестован и расстрелян сын жены Зайцева от первого брака А. Смирнов. Зайцев сотрудничает в «Книгоиздательстве писателей в Москве», в 1921 избран председателем Всероссийского союза писателей; как член Комитета помощи голодающим арестован и несколько дней проводит на Лубянке.

Страдания и потрясения революционных лет приводят Зайцева к осознанному принятию Православной веры и к Церкви, верным чадом которой он остается до конца дней. С этого времени в его творчестве, по собственным словам писателя, «хаосу, крови и безобразию» будут противостоять «гармония и свет Евангелия, Церкви» («О себе»). Православное мировоззрение автора отразилось уже в рассказах 1918—21 («Душа», «Белый свет», «Уединение»), где Зайцев, расценивая революцию как закономерное возмездие за «распущенность, беззаботность... и маловерие», не впадает в озлобленность или ненависть, но призывает современника-интеллигента к покаянию, любви, кротости и милосердию. Рассказ «Улица св. Николая» — образная хроника исторической жизни России начала века, редкая по точности и глубине осмысления событий; кроткий старичок возница Миколка (не сам ли Николай Чудотворец?), спокойно погоняющий лошаденку по Арбату, крестящийся на церкви, вывезет страну, как верится автору, из самых тяжелых исторических испытаний. Главнейший мотив, проходящий сквозь творчество — мотив смирения, понимаемого в христианском смысле, как мужественное принятие всего, посылаемого Богом.

В 1922 Зайцев с семьей выезжает на лечение за границу в Берлин, а с 1924 живет в Париже, где и проходит его более чем полувековой период эмигрантского творчества. Зайцев печатается почти во всех изданиях Русского зарубежья, организует литературные вечера и встречи, поддерживает дружеские отношения с И. Бунинным, *А. Ремизовым*, *Д. Мережковским*, *З. Гиппиус*, *А. Куприным*, *И. Шмелевым*, *М. Осоргинным* и др. Духовником семьи Зайцевых стал известный богослов, архим. Киприан (Керн). В 1928 Зайцев принимает участие в первом съезде писателей Русского зарубежья в Белграде, указом короля Югославии Александра награжден орденом св. Саввы Сербского. С 1947 и до конца жизни Зайцев находится на посту председателя Союза русских писателей и журналистов, возглавляет литературный отдел в газете «Русская мысль».

В 1925 увидел свет роман Зайцева «Золотой узор». Беспечная, нравственно надломленная жизнь образованных слоев предреволюционной России сменяется страшной

обстановкой расстрелов, лишений, террора. Зайцев обнаруживает истоки национальной трагедии и те силы, которые способны противостоять ей. Этот роман одновременно и суд над революцией, и покаяние. Герои образуют «союз людей», творящих дела любви и смиренно несущих крест испытаний.

Облик России трагической, «терзающей и терзаемой», воссоздан и в «повестях смертей» к. 20-х: «Странное путешествие» (1926), «Авдотья-смерть» (1927), «Анна» (1929). В творчестве Зайцева они уникальны по мрачному колориту, жесткому письму, обилию страшных и жестоких сцен. Но трагизм их не безысходен: в темноте, под рев метели, опустившейся на Россию, молится «за всех» в своей комнатке хрупкая девушка, смиренная непреклонность которой является тем камнем, на котором утверждается Россия («Авдотья-смерть»).

Благодаря страданиям и потрясениям революции, как писал сам Зайцев, он открыл для себя неведомый прежде материк — «Россию Святой Руси». В эмиграции, вдали от родины, тема Святой Руси становится главной в творчестве художника. В 1925 вышла в свет книга Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» — жизнеописание самого почитаемого русского святого. Монашеский подвиг Сергея, возродившего духовную силу Руси в годы ордынского ига, служил напоминанием о том, что нынче, когда Россия оказалась под новым, более страшным игом, необходима прежде всего духовная, созидательная работа. В то же время Зайцев избежал политизации облика преподобного. Др. важной задачей книги было показать характер русской православной духовности. Устоявшемуся представлению, что все русское — «гримаса, истерия и юродство, достоевщина», Зайцев противопоставил духовную трезвость Сергея — пример «ясности, света прозрачного и ровного», любимейшего самим русским народом.

«Россия Святой Руси» воссоздается Зайцевым во множестве очерков и заметок 20—60-х — об *Оптинной Пустыни* и ее старцах, о святых Серафиме Саровском, *Иоанне Кронштадтском*, патриархе Тихоне, церковных деятелях русской эмиграции, Богословском институте и Сергиевом подворье в Париже, русских монастырях во Франции. Многие из них пронизаны чувством позднего раскаяния и горечи, как, напр., очерк о св. Серафиме Саровском, которого дореволюционная интеллигенция считала слишком «простонародным», посмеивалась над его канонизацией в 1903 и лишь теперь, вдали от родины, открыла для себя этого величайшего святого.

В мае 1927, вдохновленный рассказами поэта кн. *Д. Шаховского*, принявшего монашество, Зайцев совершает паломничество в центр вселенского Православия — на Святую гору Афон, а в 1935 вместе с женой посещает Валаамский монастырь, принадлежавший тогда Финляндии. Итогом этих поездок явились книги очерков «Афон» (1928) и «Валаам» (1936), ставших лучшими описаниями этих святых мест в литературе XX столетия. Паломничество на Афон Зайцев считал важнейшим событием в своей биографии. На Святой горе он жил напряженной религиозной жизнью, много молился, беседовал со старцами и вернулся оттуда, по свидетельству жены, «обновленный и изнутри светлый» («Другая Вера»). Однако в его книге нет рассуждений о сугубо богословских и церковных предметах, цель автора иная: «Я пытаюсь дать ощущение Афона; как я его видел, слышал, вдыхал...» Писатель, не предлагая читателю проповедь, вводит его в мир Церкви путем светским — «эстетическим», и эта «сверхзадача» книги «глубоко скрыта под внешне ярким, как бы сугубо светским описанием». Зайцев дает читателю возможность почувствовать мир пра-

вославно монашества, пережить вместе с автором минуты тихого созерцания. Шемящим чувством родины проникнуты картины уникального оазиса русской духовности, образы привлекли иноков и молитвенников-старцев. Свою миссию русского писателя, оказавшегося в изгнании, Зайцев осознал как приобщение и соотечественников, и западного мира к святыням Православия, как «просачивание в Европу и в мир, своеобразная прививка Западу чудодейственного “глазка” с древа России...» («Ответ Мюллеру»). В его книгах, однако, нет никакого учительства. Метод автора — не доказать истинность Православия, но показать его облик, пробудить к нему интерес, острожно развевать предубеждения. Предложить Истину — и преклониться перед ее сиянием.

В романе «Дом в Пасси» (1935) воссоздана жизнь русской эмиграции во Франции. Драматические судьбы русских изгнанников, выходящих из различных слоев общества объединяет мотив «просветляющего страдания». Центральный персонаж романа — монах Мельхиседек, подвижающийся в миру. Он воплощает православный взгляд на мир, на происходящие события, на проблему зла и страдания: «Последние тайны справедливости Божьей, зла, судеб мира для нас закрыты. Скажем лишь так: любим Бога и верим, плохо Он не устроит».

На протяжении 20 лет Зайцев создавал автобиографическую тетралогия «Путешествие Глеба», состоящую из книг «Заря», «Тишина», «Юность» и «Древо жизни» (1934—53), охватывающую период с 1880-х по 1930-е. Сам автор определял ее жанр как «роман-хроника-поэма» и говорил, что главное действующее лицо в ней — Россия, «тогдашняя ее жизнь, склад, люди, пейзажи, безмерность ее...» («О себе»). Все персонажи хроники, стоящей в одном ряду с «Жизнью Арсеньева» И. Бунина, «Летом Господним» И. Шмелева, «Детством Никиты» А. Толстого, имеют реальные прототипы. «Осмысляя образ Глеба, Зайцев подчеркивал в нем... черты, характерные для всего поколения в целом... Созерцательный, пассивный и отчасти жертвенный характер героя соответствует облику его небесного покровителя — св. Глеба (наряду со св. Борисом), первого русского святого-мученика, завещавшего России свой “образ кротости”» (*Воропаева Е. В.* Жизнь и творчество Бориса Зайцева).

Зайцев известен и как вдумчивый критик и литературовед. Его очерки и мемуары о деятелях русской культуры (среди которых *Блок, Белый, Бальмонт, Вяч. Иванов, Бердяев, Ал. Бенуа, Муратов, Мочульский, Бунин, Шмелев, Цветаева, Ремизов, Мережковский, А. Толстой* и др.), собранные в книгах «Москва», «Далекое», «Братья-писатели», остаются непревзойденными по спокойной объективности и глубине постижения духовной сущности человека. Исполняя христианскую заповедь о неосуждении ближнего, Зайцев в то же время четко разделяет добро и зло. Жизнь сердца и души русских классиков бережно воссоздана Зайцевым в беллетризованных биографиях «Жизнь Тургенева» (1932), «Жуковский» (1951), «Чехов» (1954).

Соч.: Собр. соч.: В 7 т. М., 1916—19; Собр. соч.: В 6 т. Берлин; М.; Пг., 1922—23; Соч.: В 3 т. М., 1933; Собр. соч.: В 8 т. М., 1999—2000; Странник (Цикл очерков). СПб., 1994; Дни (Цикл очерков). М., 1995; Знак Креста. Роман. Очерки. Публицистика. М., 2000; Б. К. Зайцев о русских и советских писателях / Публ. Л. Н. Назаровой // Русская литература. 1989. № 1.

Лит.: Борис Константинович Зайцев. Библиография / Сост. Р. Герра. Париж, 1982; *Катановская Е. А.* Борис Зайцев // Русская литература XX в.: 1890—1910. Т. 3. Кн. 8. М., 1916; *Романенко А.* Земные странствия Бориса Зайцева // Зайцев Б. К. Голубая звезда. М., 1989; *Прокопов Т. Ф.* Вступ. статья // Зайцев Б. К. Осенний свет. М., 1990; *Воропаева Е. В.* Жизнь и творчество Бориса Зайцева //

Зайцев Б. К. Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1993; *Любомудров А. М.* Монастырские паломничества Бориса Зайцева // Русская литература. № 1. 1995; *Дунаев М. М.* Православие и русская литература. Ч. 6. М., 2001; Вступ. статьи к тт. 1—8 собр. соч.; Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева. [Вып. 1]. Калуга, 1998; [Вып. 2]. Калуга, 2000; В поисках гармонии (О творчестве Б. К. Зайцева). Орел, 1998; *Зайцева-Соллогуб Н. Б.* Я вспоминаю. М., 1998.

А. Любомудров

ЗАКРУТКИН Виталий Александрович (27.03[10.04].1908—10.10.1984), писатель. Родился в Феодосии в семье учителя, вырос в деревне. В 1941 опубликовал сборник статей «Пушкин и Лермонтов». Первая повесть Закруткина — «Академик Плюшов» (1940). Произведения военной поры вошли в книги «Коричневая чума» (1941), «Сила» (1942), «Повесть о слободе Крепкой» (1944), «Кавказские записки» (1947) и др. После демобилизации (1945) Закруткин поселился в станице Кочетовской на Дону. Теме гражданской войны посвящен роман «У моря Азовского» (1946); трудовым будням рыбаков — роман «Плавучая станица» (1950; Сталинская премия 1951). Роман «Сотворение мира» (1955—56) дает панораму жизни обитателя небольшой деревни. Точка отсчета повествования — страшный голод 1921. Заканчивается роман 1945. В этот отрезок времени вмещаются огромные испытания, которые русский народ вынес под властью большевиков и сумел, несмотря ни на что, победить беспощадного иноземного врага. В творческой манере и языке Закруткина ощущается влияние шолоховской традиции. По киноповести Закруткина «Без вести пропавший» (1957) снят одноименный фильм.

Соч.: Собр. соч.: в 4 т. М., 1977—80; Рассказы. Очерки, статьи. Ростов н/Д, 1959; Лик земли: Рассказы и очерки. М., 1962.

ЗАЛЫГИН Сергей Павлович (23.11[6.12].1913—19.04.2000), писатель. Родился в с. Дурасовка Стерлитамакского у. Уфимской губ. Писать начал в 1929, систематически печатается с 1936. В 1939 окончил гидромелиоративный факультет Омского с.-х. института. Первая книга «Рассказы» вышла в Омске в 1941. Во время войны был инженером Гидрометеослужбы на обском севере, руководил гидрографической экспедицией. Жизненный материал, накопленный здесь, лег в основу второй книги Залыгина «Северные рассказы» (1947). Автор книги очерков «Весной нынешнего года» (1954), в которых поднял важные вопросы развития сельского хозяйства, и «Красный клевер» (1951). Повесть «Свидетели» (1956) — остросатирическое произведение о «свидетелях», а не участниках нашей жизни, о людях, ставших благодушными обывателями. После поездки в Китай (1956) Залыгин опубликовал книгу очерков (1958). В 1962 в журнале «Новый мир» опубликован новый роман Залыгина «Тропы Алтая», посвященный мужественным исследователям Горного Алтая, философскому осмыслению обширной проблемы современных взаимоотношений человека и природы. Повесть «На Иртыше» (1964) рассказывает о раскулачивании в сибирской деревне. В романах «Соленая Падь» (1967—68; Гос. премия СССР, 1968), «Комиссия» (1975), «После бури» (кн. 1—2, 1980—85) — народно-философское осмысление важнейших этапов жизни послереволюционной Сибири, историческая достоверность, психологизм. Очерки, рассказы; публицистика по проблемам экологии. В «Экологическом романе» (1993), повестях «Однофамильцы» (1995), «Свобода выбора» (1996) — анализ современного состояния рос-

сийского общества и его корней в прошлом, новая, фрагментарно-эссеистическая, свободная манера письма. Работы о литературе (*А. П. Чехов, Л. Н. Толстой*). В 1986—98 был гл. редактором журнала «Новый мир».

Соч.: Собр. соч.: В 6 т. М., 1991; На Большую землю: Рассказы. М., 1953; Обыкновенные дни. М., 1957; Красный клевер: Рассказы. М., 1960; Блины: Рассказы. М., 1963; Свобода выбора. М., 1998.

ЗАМЯТИН Евгений Иванович (псевд. **Мих. Платонов**) (20.01[1.02].1884—10.03.1937), писатель, теоретик литературы.

Родился в Лебедяни Тамбовской губ. в семье священника. Мать, Мария Александровна, обладала музыкальным дарованием. В доме постоянно ютились странники и паломники, чьи колоритные рассказы навсегда запали в душу писателя, чья незамысловатая речь отразилась в его произведениях. После

окончания Воронежской гимназии (1902) Замятин поступил на кораблестроительный факультет Петербургского политехнического института. Во время студенческой практики совершил длительные путешествия как по России, так и за ее пределами. Летом 1905 находился в плавании Одесса—Александрия. Получив специальность морского инженера (1908), Замятин был оставлен при кафедре корабельной архитектуры для научной работы. С 1911 преподавал в том же институте.

Литературный дебют Замятина — рассказ «Один». Публиковал специальные статьи в журналах «Теплоход», «Русское судоходство». В 1911 в Лахте (под Петербургом) Замятин написал повесть «Уездное». За повесть «На куличиках» был предан суду. Решением Петербургского окружного суда выслан на север, в Кемь. В 1914—15 публиковал в «Ежемесячном журнале», «Русской мысли» и в «Современнике» рассказы и рецензии, поддерживал связь с «заветниками» — *М. Пришвиным, А. Ремизовым* и др. В марте 1916 уехал в Англию работать на судостроениях в Глазго, Ньюкасле и Сандерленде. Под его руководством построен один из самых крупных русских ледоколов «Александр Невский». В Англии Замятин написал «Островитянина» («Скифы», 1918, сб. 2) — тонкую сатиру на английский быт.

В сент. 1917 Замятин вернулся в Россию. В статьях 1917—18 в газетах «Новая жизнь» и «Дело народа» выступал против произвола (в т. ч. литературного) и прислужничества перед властью, напр., некоторых футуристов. Протестовал против расправы над инакомыслящими, сатирически противопоставлял граждан покорных и непокорных. О покорных писал, что это «домашний мечтатель», «удобнейший гражданин. Бьют морду: но, Боже мой, ведь это же ради высшей свободы. Вместо ста тридцати тысяч прежних столбовых — помыкают страной двести сорок тысяч столбовых новых; но, Боже мой, ведь это — ради высшего равенства». Замятин высмеивал размахавшихся научных обозревателей, предлагавших неосуществимые проекты, в частности, использование энергии северных рек. В своей публицистике Замятин беспощадный аналитик, темпераментный полемист, отстаивающий приоритет культуры.

Разновидностью публицистики явились сказки Замятина (1-я — «Бог», опубл. в 1916 в «Летописи», затем цикл миниатюр в 1918 в «Деле народа»; в 1922 в Лейпциге сб. «Большим детям сказки»). В иноказательной форме Замятин писал о разьедающем все живое бюрократизме, о насильственной переделке человека.

В 1918 Замятин вошел в группу экспертов «Всемирной литературы», редактировал сочинения Г. Уэллса, Дж. Лондона, стал одним из руководителей издательств «Алконост» и «Эпоха», выпускал с группой писателей альманах «Дом искусств» (1921), журналы «Русский современник» и «Современный Запад». В 1920 оказал влияние на литературную группу «Серапионовы братья». По словам Ю. Анненкова, превратил петроградский «Дом искусств» «в своего рода литературную академию», читал там лекции. Утверждал, что «настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики» (ст. «Я боюсь», 1921). 17 авг. 1922 был арестован, провел более месяца в петроградской тюрьме ГПУ, приговорен к бессрочной высылке за границу, но приговор был отменен. Написал рассказ «Пещера» и роман «Мы», в которых гротескно нарисовал картины человеческих переживаний периода военного коммунизма и связанные с ним представления о будущем.

В 1921 издательство З. Гржебина в Берлине предложило Замятину дать собрание сочинений в 4 томах. За рубеж были посланы старые и новые произведения писателя, в т. ч. роман «Мы», предназначенный для 4-го тома. Разорившийся издатель успел выпустить лишь один, 3-й том, куда вошли повести и рассказы. Роман «Мы» без согласия автора был переведен на английский язык и издан в Нью-Йорке в 1924. В России усилия Замятина издать роман оказались безуспешными: советские цензоры увидели в нем прикрытую издевку над коммунистическим строем.

В 1927 издательство «Круг» выпустило книгу Замятина «Нечестивые рассказы». В 1929 издательство «Федерация» выпустило его собрание сочинений в 4 томах; в 4-й том Замятин включил несколько «сказок», но из-за них том был задержан и вышел урезанным тиражом. С 1927 журнал «Воля России» (Прага) начал печатать без согласия автора главы романа «Мы». В СССР последовали резкие обвинения в адрес писателя. Роман вышел отдельным изданием на чешском (1927) и французском (1929) языках, после чего произведения Замятина перестали печатать в СССР. Безвыходное положение вынудило Замятина просить Сталина о временном выезде за границу. Разрешение было дано. В нояб. 1931 на Рижском вокзале в Москве его провожали Вс. Иванов и *М. Булгаков*. После недолгой остановки в Риге Замятин перебрался в Берлин, с февр. 1932 — в Париж, где он был связан с узким кругом друзей (Ремизов, Ю. Анненков, Б. Григорьев), которые, как и он, стремились сочетать новаторскую форму с бытовым сюжетом.

Первые свои произведения за границей Замятин написал для французских газет, среди них статья «Советские дети» — о системе принудительного воспитания в школе (дек. 1932). Основная же тема — состояние современной русской прозы, а также искусства авангарда. Лучшее из всей публицистики парижского периода Замятина — обширное исследование «Москва—Петербург» (1933), выделяющееся тонким сарказмом сопоставлений, независимостью суждений и чувством меры и вкуса в оценках. Главная работа, которой был занят Замятин в 30-е — роман «Бич Божий» (Париж, 1938), посвящен владыке Великой Скифии — Атилле. Еще в 1927 трагедия «Атилла» была

представлена Большому драматическому театру в Ленинграде, доведена до премьеры и снята с постановки губерперткомом. Последовало судебное разбирательство, окончившееся для писателя безрезультатно. В это время и начал вырисовываться для Замятина контур романа «Бич Божий». Автор считал, что на протяжении истории человечества есть параллельные, одинаково звучащие эпохи. Такой параллелью нашей эпохе является эпоха «переселения народов». В центре его внимания — величайшие войны, столкновения стареющей западной и молодой, варварской культур. Он пожелал устроить некую переключку времен и свой роман об Атилле мыслил как произведение, вызывающее живой непосредственный интерес у современного читателя. Роман «Бич Божий» остался незаконченным (написана лишь 1-я часть).

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. М., 1923; Соч. М., 1988; Избр. произведения. М., 1989.

А. Стрижев

ЗАПЕВ, начало *былины*, обычно не связанное с ее основным содержанием. Назначение запева — картинами природы, прибауткой и т. п. — привлечь внимание слушателей к исполнению былины. Известный запев былины «Соловей Будимирович» (из сборника *Кириш Данилова* «Древние российские стихотворения», 2 изд., 1818) использован Н. А. Римским-Корсаковым в опере «Садко» — «Высота ль, высота поднебесная...». Запев в былине подобен *приказке* в сказке.

«**ЗАПИСКИ МЕЧТАТЕЛЕЙ**», литературно-художественный журнал, издаваемый группой символистов во главе с *А. Белым* в Петрограде (изд-во «Алконост») в 1919—22; вышло всего 6 номеров. Журнал в основном носил декадентский характер, выступал под флагом отрицания общественной направленности литературы, проповедовал «искусство для искусства». Главное место в «Записках мечтателей» заняла проза *А. Белого* (эпопея «Я» — «Записки чудака», «Преступление Николая Летаева»; «Дневник писателя» и др.), а также произведения *Евг. Замятина*, *А. Ремизова*, *Ф. Сологуба*, *Вяч. Иванова* и др. В «Записках мечтателей» опубликованы циклы стихов *А. Блока* (1919), 3-я глава поэмы «Возмездие» с предисловием автора (1921), черновые наброски к этой поэме и статья *А. Блока* «Памяти Леонида Андреева» (1922). Последний, 6-й номер журнала полностью посвящен *А. Блоку* (воспоминания *К. Чуковского*, *А. Белого* и др.).

ЗАРУБИН Павел Алексеевич (10[22].05.1816—31.07[12.08].

1886), публицист, писатель, изобретатель-самоучка. Родился в посаде Пучеж в мяшанской семье. В 1863—83 был помощником директора с.-х. музея в Петербурге; в 1867—78 редактировал «Петербургский листок». Печата- л в «Библиотеке для чтения», «Эпохе», «Записках для чтения» и др. этнографические очерки, научные статьи и рецензии. Основные произведения Зарубина — автобиографический роман «Темные и светлые стороны русской жизни» (1872), со- держащий колоритные описания «торговой Волги».

Соч.: [Автобиография], в кн.: Знакомые. СПб., 1888.

«**ЗАРЯ**», ежемесячный литературный и политический журнал, издавался в Петербурге с 1869 по февр. 1872. Редактор-издатель — *В. Кашпирев*. Журнал был органом славянофильства.

В 1869 в «Заре» (№ 1—6 и 8—10) было опубликовано сочинение *Н. Я. Данилевского* «Россия и Европа». «Заря» полемизировала с органами либерально-масонской журналистики: «Отечественными записками», «Делом», «Вестником Европы» и др. Большую роль в редакции играл *Н. Н. Страхов*, опубликовавший в «Заре» (1869, № 1 и 2; 1870, № 1) статьи о «Войне и мире» *Л. Н. Толстого*, в которых впервые была провозглашена мысль о мировом значении романа. В «Заре» опубликован «Кавказский пленник» *Л. Н. Толстого* (1872, № 2), «Вечный муж» *Ф. М. Достоевского* (1870, № 1 и 2), произведения *Ф. И. Тютчева*, *А. А. Фета*, *А. Н. Майкова*, *Я. П. Полонского*, *А. Ф. Писемского*, *К. Н. Леонтьева*, *Д. В. Аверкиева*, *Вс. В. Крестовского*, *В. П. Ключникова*, *В. Г. Авсеевко*, *Д. Л. Мордовцева* и др.

Журнал внес заметный вклад в формирование русского мировоззрения.

ЗАСЕЦКИЙ Алексей Александрович, писатель и краевед к. XVIII в. Служил в лейб-гвардии капитаном-поручиком. Переложил на стихи «Книгу премудрости Иисуса сына Сирахова» (М., 1777). Оставил труды по краеведению Вологды.

ЗАСОДИМСКИЙ Павел Владимирович (1[13].11.1843—4[17].05.1912), писатель. Родился в Великом Устюге в небогатой дворянской семье. Окончил Вологодскую гимназию, был вольнослушателем юридического факультета Петербургского университета. Как участник «хождения в народ» учительствовал в деревне. Засодимский принадлежал к писателям-семидесятникам народнического направления. Сотрудничал в журналах «Дело», «Отечественные записки», «Русское богатство».

Превосходное знание народной жизни, сочувствие обездоленным помогли ему создать правдивые зарисовки быта крестьянства и городского бедноты: «Повести из жизни бедных» (1876), «Степные тайны» (1880), «По градам и весям» (1885) и др. Засодимский — автор произведений для детей: «Задумевные рассказы» (Т. 1—2, 1883—84), «Бывальщины и сказки» (1888). Наиболее значительное произведение Засодимского — роман «Хроника села Смурина» (1874); в нем изображена жизнь крестьянина, талантливого организатора, защищающего интересы односельчан в условиях распада крестьянской общины.

ЗАХАРИЯ КОПЫСТЕНСКИЙ (2-я пол. XVI в. — 1627), защитник Православия, писатель. Учился во Львовской братской школе. В н. XVII в. Захария совершил путешествие в Молдо-Валахию; в 1617 издал часослов с двумя предисловиями, в 1619 «Книгу о вере», а вместе с Памвоем Берындою «Анфологион», переведенный с греческого игуменом Михайловского монастыря *Иовом Борецким*; в 1623 Захария издал написанный им трактат под заглавием «Книга о правдивой единности православных христиан», а в

1625 две речи по поводу архимандрита Киево-Печерского монастыря Плетенецкого. Когда Захария сделался Киево-Печерским архимандритом, издательская деятельность его приобрела еще большую интенсивность. В это время изда-на была им «Триодь» с предисловием (1627). Но самым важным произведением архим. Захария была «Палинодия или книга обороны кафолической святой апостольской Восточной церкви и св. патриархов и о грехах и россах христианех»; это было выдающееся полемическое сочинение против Унии (1621).

ЗАХАРЬИН Петр Михайлович (1750—1800), писатель. Ол-нодворец из Козлова, Захарьин близко знал *Г. Р. Державина*. Он напечатал: «Арфаксад, халдейская повесть» (М., 1793—95, 2-е изд. Николаев, 1798); «Путь к благонравию или сокращенное наставление обучающемуся юношеству» (М., 1793 и 1796, Николаев, 1798); «Новый синопсис или краткое описание о происхождении Словено-Российского народа, владычество всероссийских государей в Новгороде, Киеве, Владимире и Москве» (Николаев, 1798); «При-ключение Клеандра, храброго царевича Лакедомонского и Нютилды, королевы Фракийской» (Николаев, 1798).

ЗАЧИН, народный термин, обозначающий начало *былины, сказки, песни* или *заговора*. Термин принят и в русской фольклористике. Зачином, как правило, является тради-ционная формула, напр., в былинах: «Во славном во городе во Киеве, у ласкового князя у Владимира...»; в сказках — «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве...» или «Жили-были...». В былинах зачину может предшествовать *запев*, в сказках — *приказка*, зачин может разрастаться до самостоятельного эпизода (напр., в былинах подробно излагается похвальба гостей на пиру) и даже заключать в себе завязку всего повествования.

«**ЗВЕЗДА ПРЕСВЕТЛАЯ**», памятник древнерусской ли-тературы, сборник легенд, связанных с почитанием Пресвя-той Богородицы. Переведен с белорусского языка на вели-корусский, по свидетельству одного из списков, в Москве в 1668 «простолоудином Никитой». Сборник разделен на 15 глав, посвященных рассказам о чудесах Богородицы. 15-я глава, отсутствовавшая в белорусском оригинале, состав-лена из великорусских преданий об иконах и выписок из др. сборников.

ЗВОНАРЕВ Александр Александрович (ок. 1829—17[30].08.1905), поэт. Из купеческой семьи. Осиротев, воспитывался в приюте.

С 1860-х купец 2-й гильдии. Издавал на свои средства по-этические сборники: «Стихотворения, басни и песни» (Ч. 1—2. М., 1869); «Басни» (СПб., 1874), «Русско-турецкая война 1877—78 в стихах и др. стихотворения и басни» (СПб., 1878); «Сказки, басни и стихотворения» (СПб., 1882, на обложке 1883), «Стихотворения» (СПб., 1893) и др.

В первом сборнике Звонарев часто обращается к высо-ким, в т. ч. героическим темам. В стихах «на случай» Звонарев отклоняется как на текущие, так и на исторические события («На освобождение крестьян 1861 года», «Воспо-минание о новгородцах», «Недород хлеба в 1891 г.» и пр.), отмечает военные победы России (напр., оды «На память героев, скончавшихся в мире: Тотлебену, Теркугасову, Скобелеву, Мирскому и Гейману», «Россия славою покры-та»). Стихотворения на житейские темы, как правило, но-сят дидактический характер: в них автор, опираясь на пра-вославные представления о морали, проповедует патрио-

тизм, благочестие, скромность и бережливость («Маша», «Добряк», «Бедняк чиновник»). В число «слабостей лю-дских», осуждаемых Звонаревым, попадают курение табака и противная «закону и природе» мода брить бороду.

ЗГАРСКИЙ Евгений (1834—1892), малороссийский писатель. Литературную деятельность начал в 1875 стихотворением «Бу-вай здоров». Среди его стихов две поэмы «Святой вечер» и «Маруся Богуславка».

Прозой написаны им повести и рассказы «Анна Смохівська» (1855), «Дарунки», «Продана коса», «Рукавичка», «Отец Юрій» и др. В «Правді» напечатан в 1867 «Народная философія, списана по народнім пословицам і при повідкам», а в 1808 «Сліди поганської просвіти на Руси ведля народніх пісень, повірок, сказок і историчних записок».

Соч.: Поэзия. Львов, 1877.

ЗЕЛЕНИН Дмитрий Константинович (21.10[2.11].1878—31.08.1954), фольклорист, диалектолог и этнограф. Родился в с. Люк Сарапульского у. Вятской губ. В 1904 окончил Юрьев-ский университет. С 1925 был профессором Ленинградского университета. Член-корреспондент АН СССР (с 1925). Ос-новные труды Зеленина о русской народной поэзии и говорах вышли из печати в 1900—15. В них Зеленин рассматривал язык народа в тесной связи с его бытом, историей и фольклором, а народную поэзию — как важный источник для харак-теристики мировоззрения крестьян. Зеленин выступал в за-щиту новых жанров народной поэзии — *частушек*, городских песен. В развитии русской фольклористики заметную роль сыграли известные сборники сказок Зеленина и его мысли о значении русских частушек, о богатых эстетических возмож-ностях этого фольклорного жанра.

Соч.: Новые веяния в народной поэзии. М., 1901; Песни дере-венской молодежи. Вятка, 1903; Народные присловия о вятчичах. Вятка, 1904; Из быта и поэзии крестьян Новгородской губ. По материалам из бумаг В. А. Воскресенского «Живая старина». 1905. Вып. 1—2; Великорусские говоры... СПб., 1913; Великорусские сказки Пермской губ. Пг., 1914; Великорусские сказки Вятской губ. Пг., 1915; Библиографический указатель русской этнографи-ческой литературы о внешнем быте народов в России. 1700—1910. СПб., 1913; Russische (Ostslavische) Volkskunde, В.; Lpz., 1927; Вос-точнославянская этнография. М., 1991.

ЗЕРЦАЛО, литературно-философский жанр, распро-страненный на Руси в XIV—XVII вв. Чаще всего это краткий свод сведений по какому-либо вопросу, имеющий позна-вательное назначение («Зерцало душезрительное», «Зерца-ло градов и стран», «Зерцало историческое», «Зерцало ес-тествозрительное», «Зерцало учености» Винченцио из Бо-ве, XVIII в.); но зеркало может быть и сборником разнообразных рассказов, изображающих различные сто-роны человеческой жизни, дурные и хорошие поступки людей (сб. «Великое зеркало»). В последнем случае зер-цало обычно заключает в себе элементы сатиры и поучения в духе христианской морали. В эпоху апостасии зеркало превращается в свод правил поведения, выходящих за пре-делы христианских ценностей («Юности честное зеркало», н. XVIII в.; «Зерцало законов» и т. п.).

Лит.: Срезневский И. Древние памятники письма и языка. Вып. 1. СПб., 1867; Райков Б. Е. Натуралистическое просвещение в Древней Руси // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1947. Т. 57; Владимиров П. В. «Великое зеркало». Из истории рус. переводной лит-ры XVII в. М., 1884; Он же. К исследованию о «Великом зеркале». Казань, 1885; Державина О. А. «Великое зеркало» и его судьба на рус. почве. М., 1965.

ЗИЗАНИЙ Лаврентий, протоиерей, духовный писатель, педагог. Первоначально был преподавателем в Львовском братском училище, откуда в 1592 перешел в Брест, затем в Вильно, где в 1596 издал азбуку и славянскую грамматику. Был воспитателем у кн. Александра Константиновича Острожского в Ярославле Галицком. С 1626 в Москве.

ЗИЗАНИЙ Стефан (?—до 1621), малороссийский и белорусский духовный писатель, педагог и проповедник. Родился, по одной версии, в Галиции, по др. — на Виленщине в Троцком у. Принимал участие в деятельности братских общин Львова и Вильно. Автор не дошедшего до нас православного «Катехизиса» (Вильно, 1595) и популярного по всей России (включая Малороссию и Белоруссию) духовного трактата «Казанье святого Кирилла, патриарха Иерусалимского, о антихристе и знаках его» (Вильно, 1596), в котором резко обличал папу римского как антихриста и высшее духовенство, принявшее унию ради материальных благ; выступал в защиту братского движения.

ЗИЛОВ Лев Николаевич (27.10.1883—24.01.1937), писатель. Родился в с. Вербилки Московской губ. Печататься начал в 1904. Первый сборник стихов Зилова вышел в 1908. В сборник вошла в основном пейзажная лирика, а также стихи о родных местах («Злат ручей», «Мать», «Лазурные сказки», «Березы»). Особый раздел составили портреты преподобных Серафима Саровского, Сергея Радонежского, Симеона Столпника и др. В 1912 опубликовал поэму «Дед». После революции выпустил ряд сборников, содержащих зарисовки гл. обр. послереволюционного быта: «Ворона в трубе» (1924), «Рассказы на ходу» (1925), «Подпольные жители» (1930) и др. (два последних под псевд. Гавриков). Написал для детей в стихах и прозе свыше 50 книжек, раскрывающих природу вещей и явлений. Опубликовал также рассказы из жизни *Л. Н. Толстого* и *А. С. Пушкина*: «Новеллы о Толстом» (1934, предисл. М. Цявловского, 2-е изд., 1937); «Возвращенный Пушкин» (1938, посмертно).

ЗИНОВИЙ ОТЕНСКИЙ (? — до 1572), инок Отенского монастыря в Новгороде, духовный писатель.

О жизни Зиновия Отенского известно лишь то, что в н. 30-х XVI в. он стал иноком новгородского Отенского монастыря. По предположению современных исследователей, в этот монастырь Зиновий был сослан в наказание за то, что был учеником *Максима Грека*.

Довольно долгое время считалось, что Зиновий Отенский является автором двух очень крупных сочинений противоречительного характера: «Истины показание к вопросившим о новом учении» и «Послание многословное к вопросившим на зломудрие Косого». Эта точка зрения еще в прошлом веке поддерживалась П. Ф. Николаевским, Ф. Калугиным. Фрагмент из «Послания многословного» в наши дни был включен в один из томов «Памятников литературы Древней Руси», как принадлежащий Зиновию Отенскому.

В то же время некоторые исследователи опровергали тот факт, что «Послание многословное» принадлежит перу именно Зиновия. После того как были открыты новые послания новгородского инок и проведен сравнительный текстологический анализ, Л. Е. Морозова, автор единственной на сегодняшний день монографии о творчестве Зиновия Отенского, поставила под серьезное сомнение факт его авторства «Послания многословного». Необходимо также отметить, что единственное издание «Истины показание...» вышло в 1863.

Впрочем, даже если иметь в виду, что «Послание многословное» не принадлежит Зиновию Отенскому, тем не

менее тех сочинений, авторство которых установлено точно, вполне достаточно для анализа взглядов новгородского инок. Эти произведения показывают, что Зиновий был широко образованным, глубоко начитанным человеком, прекрасно знавшим Священное Писание, труды отцов Церкви и др. христианскую литературу. Более того, он обладал самостоятельными взглядами на многие вопросы духовной жизни, отличавшими его от др. религиозных мыслителей. Отличия заключались не в том, что Зиновий Отенский отходил от православных канонов, а в том, что он оригинально и своеобразно аргументировал каноничность православного учения.

Само появление противоречительных сочинений Зиновия Отенского было вызвано тем, что в сер. XVI в. возникло и распространилось новое еретическое учение, названное по имени ее основателя ересью Феодосия Косого, проповедовавшего сначала в Московской, а затем в Западной (Литовской) Руси. Ересь Феодосия Косого представляла собой самое радикальное из всех еретических движений Древней Руси. Еретики отрицали практически все основные христианские догматы, в т. ч. и догмат о Святой Троице, не признавая Христа Богом, единосущным Богу Отцу, и считая Бога единым, а не троячным. Кроме того, они отрицали все книги Ветхого и Нового Заветов, кроме Пятикнижия Моисея. Отвергали они и все обряды и таинства Православной церкви (крещение, причастие и др.), иконопочитание, а также всякую церковную иерархию и богоустановленность светской власти.

Зиновий Отенский включился в спор с еретиками уже после того, как Феодосий Косой бежал в Литву, и только потому, что к нему, простому монаху, стали обращаться с вопросами о сути еретических заблуждений. Будучи, судя по всему, очень основательным человеком, новгородский инок воспринял эти вопросы со всей серьезностью. Итогом его размышлений и стали «Истины показание к вопросившим о новом учении», созданные после 1566. Основу этой книги составили 12 бесед с некими «клирошанами».

По своим задачам это сочинение схоже с «Просветителем» *Иосифа Волоцкого*. Раскрывая лживость еретических учений, Зиновий Отенский, так же как и в свое время Иосиф Волоцкий, создал глубокий и основательный богословский трактат, в котором объяснены и заново аргументированы все важнейшие догматические и богослужебные традиции Православной церкви. Правда, Зиновий Отенский, в отличие от Иосифа Волоцкого, не обладал столь же страстной натурой проповедника. Его сочинение в большей степени напоминает научный трактат — настолько оно аргументировано, основательно и подробно. Недаром иногда Зиновия Отенского называют «русским схоластом».

Как уже говорилось, главная цель этого сочинения — защита православного вероучения. Однако Зиновий Отенский в отдельных случаях поднимается до изложения и самостоятельной трактовки некоторых важнейших религиозно-философских вопросов, которые до него не занимали большого места в древнерусской религиозно-философской традиции.

К числу таких вопросов относится, напр., проблема истины бытия Божия. В главах 5—20 своей книги истину бытия Божия Зиновий Отенский подтверждает следующими соображениями. Первое — мы видим, что все роды животных, птицы, рыбы, звери, скоты и люди происходят от своих родителей, а те от своих родителей, и т. д. Т. о., через ряд рождений мы постепенно восходим до самых первых родоначальников всех животных и людей. Откуда же эти родоначальники? Из воздуха или из чего-то другого они произойти не могли, ведь со времени сотворения

мира прошло уже более 7000 лет и ничего подобного не случилось. Следовательно, все они получили свое бытие и были сотворены от Бога. Второе — душа человеческая по естеству влечется к Богу, ищет Его, старается служить Ему, и все народы земли служат Господу, все веруют и исповедуют, что Бог есть, хотя одни служат Богу истинному, а др. — богам ложным (идолопоклонники). Следовательно, Бог есть, и душа так и создана Им, чтобы к Нему стремиться. Третье — небо, звезды, все стихии (земля, вода, воздух, огонь) не самобытны, не безначальны, не вечны, потому что все они подлежат переменам, все имеют движение, которое некогда должно было начаться, а стихии еще и враждебны между собой и действуют одна на др. разрушительно. Следовательно, необходимо признать, что есть Бог, Который всему дал бытие и содержит стихии в порядке, чтобы они не погубили одна др. и не разрушили мира.

Эти 3 доказательства в пользу истины бытия Божия — уникальное явление в истории древнерусской литературы и религиозно-философской мысли. Уже говорилось, что древнерусским книжникам были чужды логические доказательства бытия Божия, столь характерные для римско-католических теологов. В частности, Фома Аквинский еще в XIII в. разработал 5 доказательств бытия Божия, ставших догматической основой всего римско-католического вероучения. Конечно, доказательства Зиновия Отенского не имеют никакого отношения к учению Фомы Аквинского, хотя один из тезисов, последний, напоминает тезис Аквината о движении. Тем более интересна попытка новгородского инока самостоятельно аргументировать важнейшую богословскую проблему.

Подробнейшему рассмотрению подвергает Зиновий Отенский и др. проблемы — о Святой Троице, об исповедании и богочеловеческой природе Христа, о воплощении Христа, о почитании Пресвятой Богородицы и святого Креста, об иконопочитании, о церковном Предании, об устройстве мира и человека и др.

При определенной склонности Зиновия Отенского к рациональным рассуждениям он все же остается в русле отечественной религиозно-философской традиции. Ведь главным доказательством истинности христианского вероучения он считает многочисленные чудеса, явленные за многие века его существования. Кстати, именно по этой причине он отказывает в истинности учению Феодосия Косого — всякое учение, которое дается людям от Бога, утверждает Зиновий Отенский, непременно свидетельствуется знамениями и чудесами, как было и в Ветхом и в Новом Заветах. Учение же Феодосия Косого никакими чудесами не засвидетельствовано.

Особый интерес представляет защита Зиновием Отенским исторически сложившихся обычаев Русской православной церкви. Зиновий вообще выступает как жесткий сторонник сохранения всего исторического опыта Русской церкви и противник любых нововведений. Так, опровергая утверждения Феодосия Косого, новгородский инок со ссылками на Священное Писание раскрывает православное учение о почитании *святых*, их святых мощей и икон, в т. ч. и русских святых.

Стоит напомнить, что установление многочисленных культов русских святых вызывало в XVI в. вопросы не только у еретиков, но и у православных мыслителей, воспитанных в Греческой церкви. Так, еще Максим Грек сомневался в святости многих русских святых. Собеседники Зиновия Отенского напомнили иноку об этих сомнениях Максима Грека, учеником которого считался сам Зиновий. Однако он счел возможным не согласиться с Максимом

Греком, доказывая неправоту его сомнений. Более того, он резко выступил и против нестяжательских убеждений Максима Грека и *Вассиана Патрикеева*, утверждая, что наличие собственности не мешало русским инокам оставаться внутренне чистыми подвижниками. Он вообще спорит с противниками стяжания, утверждая его пользу. По его мнению, св. чудотворцы *Феодосий Печерский*, *Сергий Радонежский*, *Кирилл Белозерский* и все прочие хотя и имели села, но умели угодить Богу и быть великими подвижниками. Они принимали села как милостыню для содержания братии, для поддержания монастырских церквей и келий, но сохранили себя от стяжательности, победили свои страсти и потому были прославлены Богом знамениями и чудесами. Более того, отстаивая самобытность и самостоятельность Русской церкви, Зиновий Отенский считает, что нельзя законы и обычаи греческих монастырей переносить в Россию: «Нельзя бо един обычай единогряданств во вся страны ввести».

Трактат Зиновия Отенского «Истины показание к воспросившим о новом учении» стал самым глубоким религиозно-философским и богословским сочинением сер. XVI в. Да и сам Зиновий Отенский являл собой пример оригинально мыслящего, своеобразного древнерусского мыслителя, давшего себе отчет во всем, о чем он говорил или писал. Он не довольствовался готовыми мыслями и свидетельствами «от Божественных Писаний», как по большей части поступали многие др. его современники, а пытался самостоятельно разобраться в сложнейших теологических и религиозно-философских вопросах. Этот трактат свидетельствует о новом уровне, на который поднялась в XVI столетии русская литературная и религиозно-философская мысль вообще.

С. Перевезенцев

ЗИНОВЬЕВ Климентий (?–?), малороссийский поэт и фольклорист 2-й пол. XVII в. и 1-й трети XVIII в. Вел бродячий образ жизни. Автор сборника силлабических стихов, сохранившегося в автографе (н. XVIII в.), чрезвычайно разнообразного по своей тематике. Зиновьев начал в малороссийской литературе тему труда, он писал о землепашцах, пастухах, казаках, рыбаках, токарях, бондарях, печатниках и др., прославляя «честное ремесло», писал о погоде, о женщинах, монахах, болезнях и пр. Он обличал взяточничество судей, социальную несправедливость. Широко употреблял народные *пословицы* и *поговорки*. Язык Зиновьева близок к народному малороссийскому языку.

Соч.: Вірші ером. Климентія Зиновієва сина. Львів, 1912.

ЗИНЬКОВСКИЙ Трофим Абрамович (1861—1889), малороссийский писатель. В 1889 издал «Малюнки справжнього життя» (СПб.), 2 талантливых рассказа из сельской и солдатской жизни. Офицерская жизнь описана им в рассказе «Моншер-козаче». Др. его рассказы: «Кудюю йти?» (из римской истории), «Сон», «Исторична казка». Написал драматические картины «Сумліннэ», писал *басни*. Из публицистических и научных трудов известны: «Національне печатанье в Росії», «Тарас Шевченко в світі європейської критики», «Молода Украина, становище і шлях». Наиболее крупная его работа «Штунда, українська раціоналістична секта» осталась незаконченной за смертью автора. Неоконченной и неизданной осталась и большая работа по грамматике малороссийского языка. Сочинения его, печатавшиеся в различных журналах, собраны в двух, изданных в 1893 и 1896 во Львове, томах.

«ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ», памятник древнерусской христианской письменности, содержащий в основе собрания толкования святых отцов на Священное Писание. В отличие от греческих и западных образцов русская «Златая цепь» содержала не только толкование Библии отцами Церкви, но и разные духовно-нравственные статьи и выписки, отражавшие русское мировоззрение.

ЗЛАТОВРАТСКИЙ Николай Николаевич (14[26].12.1845—10[23].12.1911), писатель. Родился в семье мелкого чиновника, выходца из среды сельского духовенства. Нужда помешала ему получить высшее образование; он вынужден был оставить

Петербургский технологический институт. В 1866 Златовратский дебютировал рассказом «Чупринский мир» в журнале «Отечественные записки», где систематически сотрудничал вплоть до его закрытия (1884). В 1876 Златовратский опубликовал сборник «Маленький Щедрин. Сапирические рассказы золотого человека», где подражал ма-

нере *М. Е. Салтыкова-Щедрина* в изображении человека «золотой середины». Главной в творчестве Златовратского стала тема деревни. В повести «Крестьяне-присяжные» (1874—75) ярко проявилось народническое мировоззрение Златовратского. Критически изображая пореформенную действительность, сочувственно рисуя жизнь народа, он противопоставляет жителей города людям деревни — носителям истинной морали.

В рассказах 2-й пол. 70-х — н. 80-х Златовратский создает галерею излюбленных им крестьянских типов («Авраам», 1878, «Деревенский король Лир», 1880, «Горе старого Кабана», 1880, и др.). В публицистических и беллетристических произведениях этой поры — «Деревенские будни» (1897), «Очерки деревенского настроения» (1881), «Красный куст» (1881) — Златовратский реалистически показывал картины пореформенной деревни, с любовью рисовал общину, которая представлялась ему единственным средством в борьбе с капитализмом. «Мирским заступником» из среды народнической молодежи посвящена повесть «Золотые сердца» (1877). В 1878—83 в «Отечественных записках» печатался программный роман Златовратского «Устой». Его героем выступает Петр Волк, носитель, по мысли Златовратского, «мужичьей идеи». Роман утверждал нравственную красоту крестьянского «мира» и нерушимость общинных устоев. Писатели нигилистического лагеря враждебно встретили эту народническую книгу. В. Г. Короленко объявил Златовратского литературным представителем «теперешнего жалкого и захудалого народничества» с его «мистическим» преклонением перед «народной мудростью». К к. 80-х героем произведений Златовратского становится интеллигент, ищущий положительного идеала, сближения с народом. Повести на эту тему («Скиалец», 1881—84, «Барская дочь», 1883, «Безумец», 1887, и др.) проникнуты пессимизмом и разочарованием в творческих возможностях российской интеллигенции. Увлечение Златовратского идеями толстовства отразилось в рассказе «Мои сидения» (1885) и др. Златовратский оставил инте-

ресные воспоминания «Детские и юные годы» (1908—11), цикл автобиографических рассказов «Как это было» (1890 и 1911), «Литературные воспоминания» (1895—97, 1910).

Соч.: Собр. соч. Т. 1—8. СПб., 1912—13; Избр. произв. М., 1947; Устой. М., 1951.

«ЗЛАТОСТРУЙ», памятник древнерусской письменности, сыгравший заметную роль в формировании русского мировоззрения. Сборник слов и поучений, принадлежавших и приписывавшихся св. Иоанну Златоусту. По преданию, перевод статей с греческого и составление сборников были осуществлены по инициативе болгарского царя Симеона (IX—X вв.). «Златоструй» предназначался для домашнего назидательного чтения. Известны 2 редакции «Златоструя». Более древний, «Златоструй» полного извода, состоит из 135 статей на духовно-нравственные и моральные темы (напр., «о покаянии», «о зависти», «о казнях Божиих», «о злых женах» и т. д.). Ряд статей посвящен социальным проблемам (напр., «о убогих и богатых», «о подаянии нищим и сребролюбию», «о лихоимстве»), решение которых носит также моральный характер. «Златоструй» был очень популярен в Древней Руси. Древнейшие списки, дошедшие до нас, относятся к XI—XII вв. Материал «Златоструя» был использован при создании «Моления Даниила Заточника», «Домостроя» и др. произведений русской литературы.

«ЗЛАТОУСТ», древнерусский сборник духовно-нравственного содержания, составленный преимущественно из произведений Иоанна Златоуста. «Златоуст» предназначался для чтения во время церковного богослужения в дни Великого поста. Статьи были подобраны и расположены в соответствии с церковным календарем. Возникновение «Златоуста» относят к XV в. Заглавие «Златоуст» встречается в рукописях не ранее 1-й пол. XVI в. Материалы «Златоуста» нередко использовались в др. сборниках («Златая цепь», «Измарагд» и др.). Списки «Златоуста» образуют 6 различных редакций. В некоторых списках встречаются сочинения *Кирилла Туровского*. «Златоуст» напечатан в 1795 в старообрядческой типографии в Почаеве под названием «Книга глаголемая Златоуст, в ней же всяко ухищрение Божественного Писания истолковано св. великим Иоанном Златоустом и св. отцы».

«ЗОДИЙ», древнерусская гадательная книга. Была популярна на Руси в XVI в. Вместе с «Рафлями», «Шестокрылом» и «Звездочетом» была осуждена на Стоглавом соборе и внесена в список запрещенных книг.

«ЗОЛОТОЕ РУНО», ежемесячный художественный и литературно-критический журнал, выходивший в Москве в 1906—09. Редактор-издатель П. П. Рябушинский. Журнал был обильно иллюстрирован и в 1-е полугодие выходил параллельно на русском и французском языках. Первоначально в «Золотом руно» печатались все основные представители русского символизма, но в 1907, после конфликта с Рябушинским, *В. Брюсов*, *А. Белый*, *Д. Мережковский*, *З. Гиппиус*, *М. Кузмин* и *Ю. Балтрушайтис* порвали с журналом. После этого руководящую роль в «Золотом руно» заняли *Вяч. Иванов*, *А. Блок*, *Г. Чулков*. Журнал полемизировал с «Весами», противопоставив эстетизму и индивидуализму «Весов» понимание искусства как религиозно-мистического, мифотворческого, «сборного» действия. Особое место в «Золотом руно» занимали статьи *А. Блока*,

поднимавшего вопрос о гражданской ответственности художника перед народом и обществом. В «Золотом руне», помимо названных авторов, сотрудничали *К. Бальмонт, Ф. Сологуб, Н. Минский, М. Волошин, С. Городецкий, В. Розанов, И. Бунин, Л. Андреев, Б. Зайцев, А. Ремизов, И. Новиков, Б. Садовский, К. Чуковский* и др. «Золотым руном» были изданы книги *К. Бальмонта, Ф. Сологуба, А. Блока, А. Ремизова* и др.

ЗОЛОТЦЕВ Станислав Александрович (р. 21.04.1947), писатель, критик. Родился в д. Крестки Псковской обл. в семье учителей. Окончил филологический факультет Ленинградского университета (1968). 2 года работал переводчиком в Индии. В 1970—72 преподавал в Московском историко-архивном институте. С 1972 по 1975 служил офицером в авиации Северного флота. Окончил аспирантуру кафедры зарубежной литературы МГУ, кандидат филологических наук.

Печататься начал как поэт в 1970. Первая книга стихов «Зимняя радуга» вышла в 1975. Почти одновременно началась критико-литературоведческая работа, касавшаяся зарубежной словесности, и та, где автор отстаивал идеи русской национальной культуры. В 70—80-х Золотцев был участником почти всех литдискуссий в периодике.

Особое внимание к имени автора привлекли его «антиперестроечные» публицистические статьи и очерки к 80-х — н. 90-х («Московский литератор», «Молодая гвардия», «Наш современник», «Север»), где он выступал против горбачевско-яковлевской, а затем ельцинской клики, против разрушения Союза ССР и унижения русского народа. В окт. 1993 он принимал участие в защите Дворца Верховного Совета РФ.

С 1993 по 1999 работал сопредседателем Московского литературного фонда. С 1995 по 2001 руководил писательской организацией в родном Пскове (результатом чего стало издание 30 книг псковских авторов). С 1982 по 2001 — секретарь СП России. У Золотцева вышли 17 книг стихов, более 20 книг переводов из поэзии Востока и Запада, 3 книги критико-литературоведческих работ, несколько романов, повестей и рассказов, опубликованных в периодике.

Соч.: Дело чести. М., 1979; Зов Азии: Стихи и переводы. Душанбе, 1987; Приворот. М., 1989; Сыновья поэма: Книга-родословная. М., 1991; Прощеное воскресенье. СПб., 1992; Все пройдет, а Россия — останется. М., 1998; Псковская рапсодия. Псков, 2003; Нет в поэзии провинций: Книга статей о поэзии. М., 1986; Поэзия и Смута: Книга-эссе. Мурманск, 1993.

ЗОНТАГ Анна Петровна (урожд. Юшкова) (6[17].07. 1786—18[30].03.1864), детская писательница, тетка *И. и П. Киреевских*. Родилась в с. Мишенское Белевского у. Тульской губ. Получила домашнее образование. Произведения Зонтаг, просто изложенные, прочувствованные, задушевные, носят несомненный отпечаток влияния *В. А. Жуковского*, с которым Зонтаг вместе воспитывалась и сохраняла дружеские отношения. Она удачно сочетала занимательный сю-

жет, часто заимствованный, с положительными сведениями из жизни людей, животных, природы; вообще она являлась не только интересным рассказчиком, но и хорошим популяризатором. Из оригинальных произведений Зонтаг впервые появились в 1830 ее «Повести для детей»; за ними последовали небольшой рассказ «Блестящий червячок» (1834), «Восточные повести» (1839), «Три комедии» (1842), «Подарок детям» (1861), «Волшебные сказки» (1862) и др. Наибольшим успехом пользовались: «Новые повести для детей», «Сочельник» (1864).

Книги Зонтаг, ставшей наряду с *А. И. Ишимовой*, ведущей детской писательницей сер. XIX в., были непременной частью детского чтения и домашнего воспитания: Зонтаг исходила из того, что детям нужна полезная книга, которая разовьет в них нравственное и религиозное чувство, возбудит любознательность, удовлетворит воображение, сообщит общепользные сведения, как, напр., в книге «Подарок детям в день Светлого Воскресения, или Собрание детских повестей и рассказов» (Ч. 1—2. М., 1861—62) о ремеслах, хозяйстве, животных и растениях. Нравственные уроки детям (проповедь доброты, бескорыстия, предостережение против лени и расточительства, тщеславия, лицемерия и жеманства — «дурных привычек», которые необходимо «победить», — в ее книге «Сочельник» (1880) Зонтаг преподносит в виде наглядных примеров, обусловленных детской психологией, личным нравом и семейным воспитанием ребенка. Зонтаг показывает первые пробуждения стыда, угрызания совести, указывает на опасность гордости. Добрыми поступками учит чувство ответственности, предпочитать «великодушные сердца справедливости ума» (см., напр., повести «Подражатель», «Браслеты», «Опрокинутая карета» (вошли в переизд. «Сочельник пред Рождеством Христовым, или Собрание повестей и рассказов для детей». Ч. 1—2. М., 1864), повесть «Оленька и бабушка ее Назарьевна», посвященная «Катиньке Мойер» (дочери Маши Протасовой, сердечной привязанности Жуковского; вошла в указанное собрание «Волшебные сказки...») (многие первые книги Зонтаг, изданные малыми тиражами, «зачитывались» и отсутствуют даже в основных книгохранилищах).

Повести Зонтаг нередко остроосужетны, в их основе — исключительная ситуация, помещающая ребенка в необычные для него обстоятельства, постоянное использование Зонтаг контраста бедного и состоятельного семейств — для пробуждения у ребенка чувства сострадания и стремления к немедленной помощи: повести «Подарок на Новый год», «День рождения матери» — в сб. «Три комедии для детей» (СПб., 1842, посв. «девицам В. и К. Свербеевым»); сюда же вошла повесть «Вексель» — с переплетающимися мотивами верности в дружбе.

Одна из самых популярных книг Зонтаг «Священная история для детей, выбранная из Ветхого и Нового завета» (Ч. 1—2. СПб., 1837. 9 изданий) рассматривалась современниками как образец воспитательного детского чтения наряду с «Историей в рассказах для детей» Ишимовой и стала частью школьного образования.

О. Л.

ЗОСИМА, иеромонах, путешественник в Святую Землю, автор сочинения «Книга глаголемая Ксенос, сиречь Странник диакона Зосимы о пути иерусалимском до Царяграда и до Иерусалима», или «Хождение инока Зосимы». Зосима, по видимому, принадлежал к братии Троице-Сергиева монастыря. В 1414 он посетил впервые Царьград, сопровождая княжну

Анну Васильевну, помолвленную за Иоанна, сына имп. Мануила Палеолога. Весной 1419 Зосима вторично предпринял путешествие на Восток, посетил Афон, остров Хиос, Патмос и 7 апр. 1420 достиг Иерусалима. В своем «Страннике» он подробно описывает достопримечательности святого Града. Впервые «Странник» Зосимы издан в «Сказаниях русского народа» *И. П. Сахарова*.

ЗОТОВ Владимир Рафаилович (22.06[4.07].1821—6[18].02.1896), писатель, журналист. Родился в Петербурге. Сын *Р. М. Зотова*. В 1841 окончил Царскосельский лицей; до 1861 служил чиновником. Печататься начал в 1840. В 1842 поставил свою первую драму в стихах «Святослав». Из 41 пьесы больше половины попали на сцену и держались на репертуаре. Наибольшим успехом пользовались «Жизнь Мольера» (1843), «Дочь Карла Смелого» (1843) и «Чума в Милане» (1844).

Зотов автор либретто оперы «Куликовская битва» (совм. с В. Сологубом), романов «Старый дом» (1850—51), «Коломенская роза» (1850), «Человек с характером» (1852), повестей и рассказов, поэм «Две колонны» (1841), «Последний Хеак» (1842), «Леший», повестей «Любовь и приличия», «Опекун», рассказов «Докторша», «Лев и барышня», «Черный таракан».

В молодости вместе с отцом Зотов сотрудничал в «Северной пчеле». В 1847—49 редактировал «Литературную газету». В 50-е сотрудничал в «Сыне Отечества», «Отечественных записках» и др., опубликовал отрицательный отзыв на «Эстетические отношения...» Н. Г. Чернышевского. В журнальных обзорах дал положительные отзывы о «Губернских очерках» *Н. Щедрина*, стихах *Н. А. Некрасова*, В. С. Курочкина, произведениях *Л. Н. Толстого*. С 1858 до сер. 70-х Зотов — редактор еженедельников «Иллюстрация» (1858—63), «Воскресный досуг» (1863—72) и др. Почти все анонимные статьи и заметки в этих изданиях принадлежат Зотову. Среди них заслуживают внимания статьи «О. И. Сенковский», «Н. В. Гоголь», «Мишкевич», «Некрасов» и др. 4-томная работа Зотова «История всемирной литературы» (1877—82) носит компилятивный характер. Зотов участвовал в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» (1861—64), «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона.

ЗОТОВ Рафаил Михайлович (1795 [по др. данным, 1796] — 17[29].09.1871), писатель и театральный деятель. Отец *В. Р. Зотова*. Окончил Петербургскую гимназию (1810).

Участник Отечественной войны 1812. С 1818 служил в Дирекции императорских театров в Петербурге, был начальником репертуара немецкой, а в 1826—36 — русской драматической труппы. Ок. 15 лет (до 1858) вел театральную хронику и политическую летопись в «Северной пчеле». Написал и перевел более 100 пьес в стихах и прозе, многие из них шли на сцене. Автор исторических романов «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона» (1832), «Таинственный монах» (1836), «Последний потомок Чингис-хана» (опубл. 1880) и др. Многочисленные произведения Зотова, имевшие успех у зрителя и читателя, проводили идеи люб-

ви к родине, царю и русской народности. Представляют интерес его мемуары: «Рассказы о походах 1812 и 1813...» (1836), «Записки Р. М. Зотова» («Исторический вестник». 1896. № 6—12).

ЗОЩЕНКО Михаил Михайлович (29.07[10.08].1894—22.07.1958), писатель-сатирик. Будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, ушел добровольцем на фронт первой мировой войны 1914—18.

Был ранен и демобилизован в чине штабс-капитана. В 1918 вступил добровольцем в Красную армию. Печататься начал в 1922. Принадлежал к литературной группе «Серапионовы братья». Первая книга Зошченко «Рассказы Назара Ильича, господина Синябрюхова» (1922) и последовавшие за ней рассказы принесли автору широкую известность. В этих рассказах преимущественно в форме сказа Зошченко создал комический образ литературного героя — обывателя с убогой моралью и примитивными взглядами на окружающее. Часто автор противопоставляет глупости, грубости и эгоизму своих «героев» мечты о светлом дружелюбии и душевной тонкости, какими будут проникнуты отношения между людьми в будущем (рассказы «Страдания Вертера», 1933; «Огни большого города», 1936; и др.).

Значительное место в творчестве Зошченко занимают фельетоны, в которых писатель непосредственно откликнулся на реальные события дня. Зошченко принадлежат также крупные произведения, разнообразные по жанру и манере повествования: повести «Мишель Синягин» (1930), «Возвращенная молодость» (1933), «Голубая книга» (1934), «Керенский» (1937), «Тарас Шевченко» (1939), а также пьесы сатирического характера «Парусиновый портфель» (1939) и «Пусть неудачник плачет» (1946).

Соч.: Собр. соч. Т. 1—6. М., 1929—31; Избранные рассказы и повести. 1923—56. Л., 1956; Соч.: В 3 т. Л., 1986—87.

ЗРАЖЕВСКАЯ Александра Васильевна (28.04[10.05].1805—3.11.1867), писатель, переводчица. Из семьи архитектора. Образование получила дома и в частном пансионе в Петербурге.

В литературных привязанностях испытала влияние крестной матери В. И. Бакуниной. С 1830-х начинают выходить ее оригинальные и переводные сочинения, среди которых роман «Картины дружеских связей» (СПб., 1833, 1839), получивший широкий резонанс. С н. 40-х — постоянный сотрудник и автор журнала «Маяк». Единомышленник его редактора С. А. Бурачка (мужа сестры

Зражевской). Публикует в «Маяке» переводы и роман в письмах «Зверинец» (1842. Т. 1). В критических статьях, вслед за С. А. Бурачком и др. авторами «Маяка», выступает против «западной мишурности», призывая вернуться к русской вере, искренности, человечности, теплоте. Эстетические категории для нее неотделимы от религиозно-этических. С. П. Шевырев видел в прозе Зражевской надежду на преодоление французского влияния («Взгляд на современную русскую литературу...» — «Москвитянин». 1842. № 3).

«ЗРИТЕЛЬ», ежемесячный журнал, издававшийся в Петербурге с февр. по дек. 1792. Издатели и гл. сотрудники: И. А. Крылов, А. И. Клушин, П. А. Плавильщиков. Оригинальные сочинения и переводы помещали также И. А. Дмитриевский, И. И. Варакин, Д. И. Хвостов, А. Бухарский, В. Свистуновский и др. Сатирические сочинения Крылова и Клушина были направлены против невежества помещиков, «модного» воспитания и т. п. Антикрепостническая сатира Крылова «Похвальная речь в память моему дедушке...» явилась одним из первых образцов типических обобщений в русской художественной литературе. В «восточной» повести «Каиб» Крылов осуждал деспотическое правление. Статьи Плавильщикова были посвящены проблемам национального своеобразия русского искусства. Издателей объединяла борьба за самобытность русской культуры и критика *сентиментализма*.

ЗРЯХОВ Николай Ильич (1782[1786?] — к. 1840-х), писатель. Из небогатой дворянской семьи. Родился на Кавказе, с 1801 на военной службе.

Стал известен авантюрно-любовными романами из русской жизни, в которых отстаивал представление о превосходстве православного царя и отечества над иноземными порядками. Выпустил «российско-исторические» романы: «Прекрасная астраханка, или Хижина на берегу реки Оки» (М., 1836), «Михаил Новгородский, или Нарушенная клятва» (М., 1837, 6-е изд. М., 1897); «Геройство и любовь, или Замок на берегах Дона» (М., 1845, написан до 1835), «Дева закубанская, или Любовь до могилы. Роман, сочиненный жителем Кавказа» (М., 1836, издан анонимно); «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга. Русская повесть в 2-х ч. с военными маршами и хорами певчих» (М., 1840); «Дагестанский пленник, или Неуловимый мститель» (М., 1848; 3-е изд. М., 1853). В основе сюжета этих сочинений — воссоединение юных влюбленных после ряда приключений. Уникальную литературную судьбу имела «Битва русских с кабардинцами...» (40 переизд., включая переделки, до 1917). Зряхов совместил здесь сюжетную схему «Кавказского пленника» А. С. Пушкина, «высокий чувствительный язык карамзинского времени» и злободневную тематику (война на Кавказе) — в форме, доступной для самого широкого читателя. Все это обеспечило необычайный успех «Битвы...» у простонародного читателя; роман породил не только переделки, но и подделки («Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная Земира, умирающая на могиле своего друга», ч. 1—2. М., 1854; «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная мусульманка, умирающая на могиле своего друга». Повесть в 2 ч. М., 1856). Утратив имя автора, «Битва...» вошла в состав лубочной литературы, а позднее попала в лубочную картинку и даже в фольклор (см.: Народная гравюра и фольклор в России в XVII—XIX вв. М., 1976).

ЗУБОВ Платон Павлович (ок. 1796 — не ранее 1857), писатель. Сын генерала П. П. Зубова. В начале Отечественной войны 1812 в ополчении.

С 1834 издавал по несколько томов своих сочинений в год. В произведениях Зубова проводились идеи избранничества России в борьбе с врагами христианства, непобедимости русской армии, связанные с убеждением в превосходстве Святой Руси, русского царя и Православия. Таковы романы Зубова: «Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752» (Ч. 1—2. М., 1834), «Прекрасная грузинка, или Нашествие Аги Магмет Хана на Тифлис в 1795» (Ч. 1—2. М., 1834), «Талисман, или Кавказ в последние годы царствования императрицы Екатерины II» (Ч. 1—2. СПб., 1847), «Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанные в 1833» (М., 1834), «Картина Кавказского края...» (Ч. 1—4. СПб., 1834—35), «Картина последней войны России с Персией 1826—28... с воспоминаниями о Эривани» (СПб., 1834), «Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800 по 1834» (Ч. 1—4. СПб., 1835—36; не оконч., открывается Туркманчайским миром 1828; ч. 3-я и 4-я перепечатаны: СПб., 1837, под названиями «Подвиги русских на Кавказе...» и «Персидская война в царствование императора Николая I». В романах Зубов нередко использовал собственные записи и воспоминания о военных событиях.

Во время Крымской войны 1853—56 Зубов писал множество патриотических стихов (песни, сатирические куплеты и проч.), издававшихся в 1854—55 отдельными брошюрами (напр., «Вот это чисто по-русски! Или князь Бебутов под Карсом». СПб., 1854) и в его сборниках: «Альбом патриотических стихотворений на нынешнюю войну», «Стихотворения и русские солдатские песни в 1854» (оба — СПб., 1854). В них он обращался к патриотическому сознанию русских людей, призывал равняться на подвиги суворовских солдат и героев Отечественной войны 1812.

ЗУРОВ Леонид Федорович (18.04[1.05].1902—9.09.1971), писатель. Родился в г. Остров Псковской губ.

Рано потеряв мать, воспитывался бабушкой. Учился в Псковском реальном училище им. цесаревича Алексея. В окт. 1918 «по зову совести» юным добровольцем воевал в

Северо-Западной армии генерала Юденича, участвовал в походе на Петроград. Дважды раненный, Зуров возвращался в строй; в 1919 интернирован в Эстонию. Учился на археологическом факультете Карлова университета в Праге; позднее жил в Риге, где работал такелажником в порту, маляром, затем — секретарем журнала «Перезвоны». В рижском издательстве «Саламандра» в 1928 вышли первые книги Зурова —

сборник рассказов «Кадет» и повесть «Отчина».

«Отчина» возникла как результат работы автора в архиве Псково-Печерского монастыря, находившегося тогда на территории Эстонской республики. Повесть рисует историю этой обители и Псковской земли в трудные годы Ливонской войны и похода *Ивана Грозного* на Псков. Книга посвящена темам самостояния Руси, стремления к смиренной («в страхе Божиим») трудовой и мирной жизни,

военной беды и обороны Русской земли. Писатель запечатлел крестный путь Руси, которая предстает у Зурова как святая земля, осеняемая иконами, оглашаемая колокольным звоном и молитвенным пением. Картины трагических испытаний прошлого перекликаются с современностью.

Первые книги Зурова привлекли внимание *И. А. Бунина*, который высоко оценил художественное дарование молодого писателя. По настоянию Бунина Зуров в 1929 переезжает во Францию и становится его личным секретарем. В семье Буниных Зуров прожил долгие годы и впоследствии стал наследником и публикатором бунинского архива. Крест над могилой Буниных в Париже сделан по зарисовке Зурова с древнего русского памятника.

Зуров хорошо знал и любил свой родной край — Псковскую землю, его интересовала русская деревня, ее быт и люди. В 1935, 1937 и 1938 он совершает археологическо-этнографические поездки по русским районам Прибалтики, реставрирует Никольскую надвратную церковь и звонницу в Псково-Печерском монастыре, возвращая им первоизданную красоту, публикует статьи и заметки историко-этнографического характера.

В предвоенные годы Зуров занимал пост председателя Союза молодых писателей в Париже, оставив память о себе как о доброжелательном и справедливом человеке. Его рассказы и повести печатались в журналах «Иллюстрированная Россия», «Современные записки», газете «Последние новости».

Действие романов Зурова «Древний путь» (1933), «Поле» (1938), рассказов 30-х происходит в годы первой мировой и гражданской войн в пограничных с линией фронта областях, переходящих то к немцам, то к большевикам. Книги Зурова — бесценное свидетельство большого художника, запечатлевшего образ родины на разломе русской истории. Трагический раскол народа, вакханалия братоубийства, когда смерть человека становится заурядным явлением, крушение вековых нравственных устоев — таково содержание его произведений. Как могло случиться, что русский труженик-крестьянин стал убийцей и грабителем, усвоившим мораль: «А только слово одно, что буржуй. Все потомство бить надо?». Об этом мучительно размышляет молодой офицер, герой рассказа «Дозор» (1937) — представитель «потерянного поколения» русской молодежи, часть которого сложила головы на полях борьбы с большевиками, часть — сгинула в застенках НКВД или влачила одинокое существование в изгнании.

Зурову удается передать «чувство русской земли». Стихийное движение огромных масс людей, панорама «страшных лет России», запечатленная Зуровым; тема человека, захваченного кровавым вихрем истории и пытающегося сохранить свою человечность, свою веру на «трудной земле», особый реализм Зурова, когда отстраненное авторское повествование контрастирует с катастрофичностью совершающихся событий, сила чувственного восприятия мира, конкретность и метафорическое богатство письма — все эти моменты роднят книги Зурова с художественным миром эпопеи *М. Шолохова* «Тихий Дон». В романе «Поле» богатый и набожный мужик Ермолай спасается от преследующих его красноармейцев. Тяжело раненный, он прячется с женой в лесу. «Но земля была холодна, и трудно было на ней озябшему, раненому, бежавшему от людей, потерявшему много крови человеку, и единственно, что можно было делать, это греться на этой земле друг другом, человеческой, единственной, живой, родственной теплотой». Символ России, пошедшей «древним путем» Христа, распятой и погребаемой, видится в Плащанице, к которой приникает герой в финале романа «Древний путь».

В послевоенные годы Зуров публикуется в журнале «Новоселье», «Новом журнале» (Нью-Йорк). Лучшие рассказы Зурова 30—50-х вошли в сборник «Марьянка» (Париж, 1958). Долгие годы Зуров работал над большим романом о днях октябрьского переворота «Зимний дворец», оставшимся незаконченным. Зуров совершил поездку в Шотландию, где произвел исследование о предках *М. Ю. Лермонтова*.

На приглашение приехать в СССР Зуров ответил отказом, полагая, что освобождение России «придет вследствие религиозно-духовного возрождения нашего народа, придет изнутри, и этот процесс возрождения потребует значительного количества времени».

Соч.: Обитель: Повести, рассказы, очерки, воспоминания. М., 1999; Древний путь: Роман // Север. 1992. № 6; Поле. Роман // Там же. № 7; Марьянка. Рассказы. Париж, 1958; Воспоминания // Новый журнал (Нью-Йорк). 1962. № 69.

Лит.: *Стрижев А. Н.* Леонид Федорович Зуров // Зуров Л. Ф. Обитель. М., 1999; *Варшавский В.* [Рец.: «Поле»] // Совр. Записки (Париж). Т. 66. 1938; *Андреев Н.* «Отчина» и ее автор // Новый журнал. 1971. № 105; *Величковская Т. О.* Л. Ф. Зурове // Там же. 1983. № 152; *Шаховская З. А.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991.

А. Любомудров

И

ИАКОВ ЧЕРНОРИЗЕЦ (Мних Иаков), монах (?—?), православный мыслитель и писатель. В первый раз имя Иакова упоминается в летописи в 1074, когда *Феодосий Печерский*, умирая, предложил братии поставить в игумены Иакова Пресвитера. В Харатейной Кормчей 1282 упоминается о. Иаков Черноризец и Чернец Иаков. Иаков Черноризец написал: «Сказание о свв. страстотерпцах Борисе и Глебе»; «Житие блаженного кн. Владимира»; «Память и похвала русскому кн. Владимиру, како крестися Владимир идети своя крести и всю землю русскую от конца и до конца, и како крестися бабка Владимира»; «Послание к вел. кн. Изяславу». «Сказание» с небольшими изменениями внесено в летопись *Нестора*. Благодаря своей ясности, последовательности и занимательности, сказание Чернориза было распространено больше, чем летописный рассказ. Язык «Жития» указывает на древность этого сочинения. В «Житии» говорится о желании князя переменить веру, о походе на Корсунь, крещении и смерти Владимира. В «Похвале» события излагаются без хронологического порядка, часто повторяются, видно, что автор не пользовался летописью Нестора, а составил «Похвалу» на основании устных преданий. Митр. Макарий предполагает, что 2 последние части «Похвалы» прибавлены переписчиками. «Послание» содержания нравственного. Сочинение Иакова Чернориза сыграло заметную роль в формировании русского православного мировоззрения.

ИВАН ГОДИНОВИЧ, литературный персонаж, былинный богатырь, имя которого связано с сюжетами о добывании женщин (Авдотьи, Марьи Белой Лебеди) и сопровождающих его боевых подвигах. По *былинам*, записанным в н. XX в. (*Марков А.* Беломорские былины. М., 1901), Иван Годинович является в роли дядюшки, добывающего королеву Настасью Митреяновну для своего племянника. В некоторых вариантах сказители смешивают Ивана Годиновича с *Иваном Гостиным сыном*. Годин — общеславянское прозвище XIII в.

ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН, литературный персонаж, былинный богатырь, стоящий на третьем плане. Он не совершает никаких подвигов, но обладает чудесным конем («бурушка косматый»), превосходящим всех коней кн. Владимира. Былины о нем развились на новгородской почве, в среде богатого купечества, увлекавшегося молодецкими забавами. Эта среда определяет до известной степени характерные черты личности Ивана: он хвастлив, любит вина и женщин, в торговле способен зарваться до того, что спускает все свое состояние.

Лит.: Миллер В. Очерки народной словесности. М., 1897.

ИВАН IV ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ (25.08.1530—18.03.1584), великий князь Московский с 1533, русский царь с 1547.

Иван Грозный был очень образованным человеком, автором нескольких посланий. Как отмечали его современники, царь был «муж чудного рассуждения, в науке книжного почтения доволен и многогочив зело». И до конца дней своих

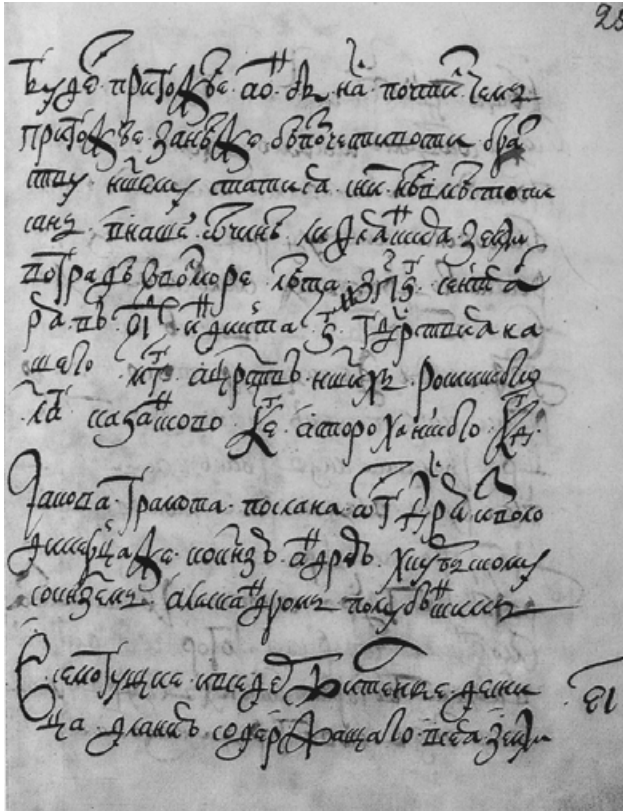
Иван Васильевич оставался знатоком Священного Писания и прочей христианской литературы, прекрасным писателем, великолепно владеющим как высоким языком, так и простонародным, «кусательным» стилем. Образчиками писательского таланта Ивана Грозного являются его многочисленные послания, авторство которых установлено точно, и отдельные произведения, которые Грозному приписываются предположительно, — напр., «Послание против люторов»

и стихотворный «Канон ангелу грозному воеводе», в оригинале подписанный именем Парфения Уродивого, считающимся литературным псевдонимом царя. Выдающимся произведением сер. XVI в. является его письмо кн. *А. М. Курбскому*, в которых царь сформулировал свои религиозные, исторические и политические воззрения.

Послания Ивана Грозному *А. М. Курбскому* не сохранились ни в автографах, ни в современных им списках, хотя и были известны современникам, нашли отражение в подлинных документах XVI в. Послания сохранились до нашего времени в рукописной традиции XVII—XIX вв. и в нескольких редакциях. В 1951 были найдены и опубликованы древнейшие версии первых посланий Ивана Грозного.

В своих произведениях Иван Грозный предстает как интереснейший писатель и религиозно-философский мыслитель, обладающий оригинальным взглядом на окружающую действительность. Особенно ярко эти взгляды Ивана Васильевича выражены в его переписке с кн. Андреем Курбским, бывшим участником Избранной Рады, бежавшим из России от царского гнева. Именно в этих посланиях царь формулирует уже совершенно устойчивую религиозно-мистическую концепцию царя — Пома-

занника Божиего, облеченного Высшей Благодатью на труды свои. Причем важно отметить, что эта концепция появилась, во-первых, еще до введения опричнины (первое послание написано в 1564), и, во-вторых, стала религиозно-мистическим обоснованием ее введения. И именно эти взгляды превратили царя Ивана Васильевича в Ивана Грозного.

Второе послание Ивана Грозного Андрею Курбскому

Историко-юридическим обоснованием своих прав на царское звание и самодержавное правление Иван Грозный считал версию, изложенную в «Сказании о князьях Владимирских» — династия Рюриковичей происходит от римского имп. Августа, а царские регалии из Константинополя еще в XII в. получил Владимир Мономах. Русский государь многократно говорил об этом в своих посланиях монархам иных держав, подчеркивая тем самым собственное превосходство. И следует признать, что усилиями Ивана IV эта версия становится официальной генеалогией Рюриковичей.

Но главный аргумент в свою пользу он находит все же в другом — в прямом Божиим волеизъявлении. «Сего убо православия истиннаго Росийскаго царствия самодержавство началось Божиим изволением почтен от великаго князя Владимира», — пишет царь в начале Первого послания А. Курбскому, утверждая тем самым принцип Божественного происхождения государственной власти на Руси. О себе же он говорит: «...Божием изволением и прародителей своих и родителей благословением, яко же родихомся в царствии, тако и воспитахомся и возрастохом и воцари-

хомся Божиим велением, и прародителей своих и родителей благословением свое взяхом, а чюжого не восхотехом».

В дальнейшем, в своих аргументах против Курбского, Иван Грозный главным доказательством постоянно, в разных вариациях, приводит одну и ту же незбылемую для него истину — только он, Иван IV, является истинным самодержцем Росийским, ибо так повелел Господь. Поэтому даже не он, грешный человек, правит государством, а сам Господь через него проливает на Россию свою Благодать. Личность же Ивана Грозного в таком мироощущении становится единственным посредником между Господом и русским народом, а то и всеми земными народами. «Мы же, — пишет Иван Грозный, — уповаем милостию Божиею, понеже доидохом в меру возраста исполнения Христова, и, кроме Божия милости и Пречистые Богородицы и всех святых, от человек бо учения не требуем, ниже подобно есть владети множеством народа, и разума от них требовати».

Поэтому совершенно обоснованной, с религиозно-мистических позиций, оказывается убежденность Ивана Грозного в том, что подданные его — это такие же рабы и холопы его, как он сам раб и холоп Господний. Более того, свою главную ответственность перед Господом на Страшном Суде он видит в одном — Господь спросит с него за то, как он управляет своими рабами, смог ли наставить их на путь истины: «Аз же убо верую, о всех своих согрешениях вольных и невольных суд прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих, но и подовластных дати ми ответ, аще что моим несмотрением погрешится... Сиче убо аз верую неумытному Спасову судищу. И от Божия всемогущия десницы живым и мертвым возможно где укрытися? Вся нага и отверста пред ним». И также искренне верит Иван Васильевич в то, что, ревностно исполняя Господнюю обязанность, возложенную на него, он будет удостоен спасения: «И не отчеваюся Создателя милосердия, во еже спасену быти ми... Аще бо и паче числа песка морскаго беззакония моя, но надеюся на милость благоутробия Божия: аще не самостроит?». «А Росийское самодержавство изначала сами владеют своими государствами, а не бояре и вельможи!» — однозначно заявляет он.

С этой же точки зрения следует оценивать позицию Ивана Грозного по отношению к любым покушениям на его самодержавство. Иван Грозный видел в подобного рода претензиях своих приближенных только одно — покушения на Самого Бога. «Тем же наипаче, противляясь власти, Богу противится!» — восклицает он. И с недоумением вопрошает: «А се ли тма, яко царю содержати царство и владети, рабом же рабская содержати повеленная? Како же и самодержец начертается, аще не самостроит?». «А Росийское самодержавство изначала сами владеют своими государствами, а не бояре и вельможи!» — однозначно заявляет он.

Поэтому любые попытки ограничения власти самодержца — это уже предательство веры, вероотступничество. «И вы... злобесным своим хотением, выше меры желающе славы и чести и богатства, и разорению христианскому желающе быти!», — обвиняет царь Курбского и всю Избранную Раду. А самого себя Иван Грозный сравнивает со святыми, пострадавшими от гонителей христианства: «Бесному подобяешься, колеблется и Божий суд восхизающе... изложили есте, собацки осуждающе. И сего ради, Богу проивни являющеся, како и святых всех преподобных... И якова они бо от бесов пострадаша, таковая аз же от вас пострадах».

Убежденность Ивана Грозного в собственной богоизбранности настолько велика, что воспринималась и многими современниками. Когда в 1582 в Москве побывал папский посланец, иезуит Антонио Поссевино, он увидел эту уверенность царя: «Он считает себя избранником Божиим, почти светочем, которому предстоит озарить весь мир», — написал Поссевино об Иване Васильевиче. Интересно, что в беседах с иезуитом царь ни слова не сказал на эту тему.

Каким образом православный самодержавный государь, Помазанник Божий, может исполнять свои обязанности? В Первом послании Курбскому Грозный сравнивает четыре формы служения Господу — отшельничество, монашество, священническую власть и царское правление. Отшельничество, столь любезное последователям *Нила Сорского*, Грозный уподобляет «агницу, непротиву никому же, или яко птице, иже ни сеявшу, ни жнушу, ни в житницу собирающу». «Во общем убо житии, — продолжает царь, — аще и мира отрехшимся, но обаче строения и попечения имеет, тако же наказание, аще ли сего невнимателни будут, то общее житие разорится». Священническая же власть «требует зельного запрещения языком, по благословней же вине, ярости, славы, и чести, и украшения, и председания, еже иноком неприлично». И, наконец — «царскому же правлению — страха, и запрещения, и обуздания, и конечнейшаго запрещения по безумию злейших человек лукавых».

Главным оружием правителя объявляется «страх». Стоит напомнить, что в православном миросозерцании страх Божий напрямую ассоциировался с одним из возможных путей спасения. Иван Васильевич, созвучно иосифлянам, избирает этот путь как единственно возможный. Более того, русский царь превратил тезис о страхе Божиим в главное обоснование всех своих последующих действий. В ответ на очередное обвинение Курбского государь приводит слова ап. Иуды (1, 22—23): «К одним будьте милостивы, отличая их, других же страхом спасайте, исторгая из огня». И комментирует приведенные апостольские слова: «Видиши ли, яко апостол страхом повелевает спасти? Тако же и во благочестивых царех и временах много обрящещи злейшее мучение».

Т. о., страх Божий — это главное и единственное средство спасения. Исполнителем же воли Господа на земле может быть только он, православный государь, Помазанник Божий, Иван Васильевич: «Тшужеса со усердием люди на истинну и на свет наставити, да познают единого истиннаго Бога, в Троице славимаго, и от Бога данного им государя...». По сути дела в этих словах выражена вся программа действий Ивана Грозного — страхом Божиим обратить людей к истине и свету, а значит, спасти их души.

Русский царь вполне серьезно считает, что он должен исполнять и мирские, и духовные обязанности, ибо царская власть объединяет их в одно целое и неразрывное. Однако Иван Грозный не претендует на исполнение обязанностей церковного первоиерарха. Он понимал суть царской власти иначе, можно сказать, более мистически — как разновидность монашеского подвига.

Иван Грозный очень часто, в течение всей жизни соотнесил свою деятельность с монашеским служением, выражал желание принять постриг. В Послании в Кирилло-Белозерский монастырь встречаем такие его слова: «И мне мнится, окаянному, яко исполу есмь чернец...». Вот это мироощущение — «исполу есмь чернец...», т. е. «наполовину я уже чернец...» — и определяло избранную Иваном Грозным линию поведения в мирской жизни.

Монашеский подвиг исполнять ведь можно тоже по-разному. Нил Сорский видел его суть в «умной» молитве, *Иосиф Волоцкий* — в строгом соблюдении устава. Иван Грозный, судя по всему, пошел иным путем, возродив на Руси идею древнего аскетизма в том виде, как ее понимали самые первые русские монахи — в виде «истязания плоти».

Иван Васильевич принял для себя как руководство к действию саму суть «печерской идеологии» — для спасения души нужно «истязать плоть». Более того, идеал монашеской жизни он стремился распространить на жизнь мирскую, собираясь решать мирские проблемы методами монашеского подвижничества.

Создается впечатление, что Иван Грозный внутренне уверился в том, что он имеет полное и несомненное право относиться к собственному государству и к собственному народу, как к телу, которое необходимо истязать, подвергать всеческим мучениям, ибо только тогда откроются пути к вечному блаженству. И только пройдя через страх Божий в его самом непосредственном, телесном выражении, Российское государство, ведомое своим государем-иноком к «истине и свету», сможет построить на земле «Третий Рим».

В данном случае в источниках есть подтверждения тому, что идея «истязания плоти» была близка Грозному. Подчеркивая свое отличие от простых монахов, Иван Грозный писал: «...Ино убо же свою душу спасти, ино же многими душами пещися». И, развивая мысль о своем царско-монашеском долге перед Господом заботиться о спасении подданных, он выводит незыблемый для себя принцип: «Обрящещи же много и во отрехшихся мира наказания, аще и не смертию, но зело тяжкая наказания. Колми же паче во царствие подобает наказанию злодейственным человеком быти». Следовательно, царская власть должна наказывать злодеев намного суровее, нежели монахи наказывают сами себя в борьбе с искушениями.

В 1582, во время беседы с Иваном Грозным, папский посол Антонио Поссевино, доказывая преимущества католицизма, сказал о том, что римские папы во имя христианской веры проливали кровь. Русский царь, по свидетельству Поссевино, так прокомментировал его слова: «Ты, Антоний, говоришь, что папы проливали кровь во имя Христа, это хорошо. Ведь сказал Спаситель: “Не убийтеся от убивающих тело, душу же не могущих убить”».

Одно из обвинений, которое Иван Грозный предъявил Курбскому, состояло в том, что опальный воевода испугался претерпеть телесную муку от руки царя. Для царя очевидно — спасая свою жизнь, свое тело, Курбский предал дьяволу бессмертную душу: «Почто, о княже, аще мнишися благочестие имети, однородную свою душу отвергл еси? Что же даси на ней измену в день Страшнаго суда? Аще и весь мир приобрящещи, последи смерть всяко восхитит тя: чесо ради на теле душу предал еси, аще убоялся еси смерти, по своих бесозыбких друзей и назирателей ложному слову?» И продолжает: «Ты же, тела ради, душу погубил свою еси, и славы мимотекущая, нетленную славу презрел еси, и на человека възярився, на Бога возстал еси».

Между прочим, вполне возможно, что именно в этом компоненте мировосприятия первого русского царя можно найти и одно из объяснений разделения государства на две части — земщину и опричнину. Земщина представляет собой часть «плоти» единой Русской земли, которую государь подверг жесточайшему истязанию, дабы проучить врагов Православия и поселить в их душах страх Божий. Потому и войско опричное изначально строилось по принципу военно-монашеского ордена, главой которого является сам царь, исполнявший обязанности игумена.

Ивану Грозному сообщают об измене Андрея Курбского.
Лицевой летописный свод XVI в.

Т. о., жестокая борьба со своими подданными, которую вел Иван Грозный в годы опричнины, — это вовсе не плод его больной воспаленной фантазии, не следствие самодурства и нравственной распушенности. Это — совершенно сознательная борьба с изменниками Богу, с теми, кем овладел бес, кто предал истинную веру. Иван Грозный, карая измену, последовательно и целенаправленно отсекал от «плоти» Русского государства все греховное. И недаром писал он: «Прогнанных же от нас несть никого же, разве сами от православия отторгошася. Избиенныя же и заточенныя по своим винам, яко же выше рехом, по тому тако и приаша». Наказанные же за измену, настолько виновны, что достойны лишь одного — прямым путем отправиться в ад, ибо спасения их душ Господь не допустит: «Убиенных же по своим изменам у престола Владычня предстояти како возможно есть, паче же человеком неведомо».

Уже в 1564, в Первом послании Курбскому Иван Грозный сформулировал собственную концепцию «богоизбранного инокса-самодержца». Уже существовавшие в России представления о роли и значении государя он довел до

абсолюта, считая, что царь обязан сосредоточивать в своих руках не только политическую власть, но и быть религиозно-духовным лидером общества. Иначе говоря, царскую власть Иван Грозный рассматривал как форму религиозного служения. Причем он придавал своему пониманию царской власти общегосударственное значение, — Первое послание Андрею Курбскому рассылалось по всем городам, как официальный государственный документ. Следовательно, оно предназначалось не столько опальному воюводе, сколько всему русскому народу.

Впрочем, эта концепция так и не была в полной мере реализована на практике, ибо ее пагубность ярко проявилась в годы опричнины. И, как известно, опричнина была отменена. Со временем Иван Васильевич и сам признал незаконность казней, совершенных по его приказу в те времена. Свидетельством тому — «Синодик опальных царя Ивана Грозного», составленный в н. 80-х. В этот «Синодик» по личному распоряжению царя включили 4 тыс. имен казненных — для поминовения во всех монастырях. Следовательно, в конце жизни царь не только замалывал собственные грехи, но и признал право погибших от его руки на спасение.

С. Перевезенцев

ИВАН (Михаил) ДАНИЛОВИЧ, литературный персонаж, былинный богатырь, сохранивший в былинах с его именем память об историческом лице — «храбре» Иване Даниловиче, погибшем в битве при Супое в 1136. Он принадлежал к дружине кн. Ярополка и, вероятно, в том же веке дал повод к созданию дружинной песни. Сказителями он рисуется в виде юного богатыря, совершающего необыкновенные подвиги. Имя Михаила в былинах с указанными сюжетами объясняется вероятным влиянием дружинных песен о богатыре Михаиле Юрьевиче, отличившемся в победах над половцами.

ИВАН ДОРОДОВИЧ, литературный персонаж, богатырь *былины*, записанной в Архангельской губ. Человек праведной жизни, он был заподозрен в любовной связи с двоюродной сестрой Софьей-царевной, племянницей кн. Владимира: он был убит вместе с нею расходившейся чернью.

ИВАН ТИМОФЕЕВ СЫН СЕМЕНОВ (Семенов Иван Тимофеевич, по прозвищу **Кол**), дьяк (ок. 1555 — н. марта 1631), политический и государственный деятель, писатель, православный мыслитель. Долгое время считалось, что его зовут Иван Тимофеев. Историк В. И. Корецкий установил, что Тимофеев — это отчество дьяка, а настоящая его фамилия Семенов, но в литературе, так сложилось, его называют Тимофеевым.

Тимофеев — крупный политический и государственный деятель к. XVI — н. XVII в. В 1598—99 занимал 17-е место среди приказных дьяков. Принимал самое активное участие во всех политических событиях этого времени. Его подпись стоит на избирательной грамоте Бориса Годунова. В 1606—17 по распоряжению разных московских правительств находился на службе в Новгороде, где пережил шведскую оккупацию. Впоследствии Тимофеев исполнял разные службы в Астрахани, Ярославле, Н. Новгороде, Москве.

Тимофееву принадлежит сочинение под названием «Временник по седмой тысячи от сотворения света во осмой в первые лета», или более кратко «Временник». Уже среди современников Иван Тимофеев почитался как «книгогонец и временных книг писец». И тем не менее «Времен-

ник» — это единственное известное нам сочинение Ивана Тимофеева.

«Временник» Ивана Тимофеева — это один из крупнейших литературно-филологических памятников н. XVII в., в котором содержатся интересные оценочные суждения автора, позволяющие судить о представлениях русского человека той поры о целевых и смысловых установках существования России. Сам текст памятника довольно подробно изучался многими исследователями. Его текст сохранился в единственном списке, который был сделан с дефектного оригинала несколькими писцами и подвергся редакторской правке в 30-х XVII в., а спустя 2—3 десятилетия был пополнен отдельными тетрадями, листами, еще раз отредактирован и переплетен. По мнению современных исследователей, «Временник» первоначально писался в виде отдельных набросков и статей. Работа над текстом началась еще в к. XVI в., продолжалась во время Смуты. Значительная часть сочинения была написана в Новгороде в «шведском плену». Работа же над текстом продолжалась вплоть до смерти Тимофеева, однако так и не была завершена. Именно поэтому общая композиция «Временника» сложна и непоследовательна, а язык очень труден.

Впрочем, сам Тимофеев не стремился создать некое последовательное историческое описание событий к. XVI — н. XVII в., ибо Тимофеев больше размышляет, чем рассказывает о случившемся. Главная тема всего повествования — размышления потрясенного событиями Смуты автора над причинами «разорения» России.

Само по себе потрясение, которое испытал Иван Тимофеев, вполне понятно. Он был уверен в особом, Богом данном, предназначении России, верил в то, что Россия будет вечно и неколебимо стоять под небесами. И недаром в разных местах своей книги он пишет, что Россия — это «как бы другой Рим», это «часть вселенной под небом», воплотившая в себе «все благочестие» мира. Следовательно, «разорение другого Рима» (иными словами — «Третьего Рима») могло свершиться только по воле Божией. Саму же Россию Тимофеев уже в заглавии вступительной главы именуется «Новым Израилем», позднее это именование повторяется еще несколько раз. Вообще «Временник» полностью проникнут апокалиптикой, ожиданием конца света и связанными с этими идеями ветхозаветными аналогиями. Даже само название — «по седмой тысящи от сотворения света во осмой в первые лета» — свидетельствует, что Смута, по мнению Ивана Тимофеева, является доказательством истинности давнего убеждения: восьмая тысяча от сотворения мира — это время воцарения антихриста.

Поэтому религиозно-мистическая основа «разорения» Ивану Тимофееву ясна — Россия наказана Господом «за грехи наши». Самому понятию греха Тимофеев придает всеобъемлющее значение, ибо виновно все русское общество, от младенца до старцев согрешили: «Согрешиши бо от главы до ноги, от величайших до малых, сиречь от святитель и царя, иннок же и святых».

Только подобная всеобщая виновность всего русского народа перед Господом и могла стать, по убеждению Тимофеева, причиной глобальных бедствий. И недаром он пишет: «Не чюддии земли нашей разоритили, а мы есмь сами той потребители».

Главный же грех, конечно же, заключается в том, что русские люди в «безумной гордости» своей утратили «страх Божий» и уклонились от заданного Господом пути: «Сего ради на нас, познавших Его волю и не творящих ю, прежде всех язык Божий изыде ответ во гневе и к Себе и Он нака-

занным нас, яко кормилом, обращая от заблуждения пути Его».

Однако Тимофеев не останавливается лишь на утверждении всеобщего морального несовершенства и нравственного оскудения русского народа. В отличие от др. мыслителей Смутного времени он стремится определить степень виновности различных слоев русского общества. Т. о., Тимофеев переносит акцент из моральной сферы в область социальных отношений.

Простой народ, перестав бояться Бога, утерял, по мнению Тимофеева, основу всякого благоустроенного общества — истинное «самопослушание». Забыв о «страхе Божию», народ стал бояться только своих властителей, оказывая им честь, «едва не равную Богу». Однако подобное «самопослушание» властителям, т. е. таким же людям, противно Богу. Ведь столь «самопослушный» народ, подобно «рыбам безгласным» развращает властителей, поскольку своим «безсловесным молчанием» оправдывает всяческий произвол. И на протяжении всего своего сочинения Иван Тимофеев многократно подчеркивает более чем пагубную роль «безсловесного молчания» народа в различных конкретных исторических событиях Смуты: «безсловесным молчанием спокрывшееся», «нам от немужества умолчавшим необличие», «не безсловеснаго ли ради молчания».

В свою очередь, властители, привыкшие к безусловной покорности народа и тоже забывшие «страх Божий», начали произвольно менять древние порядки, установления, добрые обычаи. Забыв о нуждах государства и народа, они преследовали только собственные интересы. И тем самым все больше теряли авторитет в глазах своих подданных. В итоге же все общество утратило между собой общий любовный союз («друг друже любовным союзом растояхомся») и оказалось в состоянии «разгласия и небратолюбного разстояния»: «Сопротивна бо древних царей уставным законом начаша вся во всех бывати: малая великих одолевати, юнныя же старых и бесчестная честных, рабы своих им владык».

Подобная ситуация, которую Тимофеев рассматривает как социальную причину «разорения», привела к тому, что во всем русском обществе «загорелся огонь соблазна самовластия» — «во всем поступать по своему безумному хотению». Как сторонник истинного древнего «самопослушания», Тимофеев резко осуждает «самовластие», особенно когда этому соблазну оказывается подвержен простой народ. Ведь в этом случае лишенная разума чернь, задумавшая управляться сама собой, уподобляется скоту и ввергает государство в еще более страшную пучину бедствий.

В своих рассуждениях Тимофеев старается определить и конкретных виновников «разорения». Отсюда возникает еще одна сквозная тема всего «Временника» — роль личности в истории. И недаром Тимофеева интересует изображение сложности, противоречивости, изменчивости человеческого характера, а его сочинение превращается в собрание характеристик деятелей времен Смуты. При этом автор сознательно избегает характеристик однотонных, старается дать многомерные портреты различных людей, найти истинные мотивы людских поступков, взвешивая на весах справедливости доброе и злое в душах своих героев.

Вполне понятно, что наибольшее внимание Тимофеев уделяет личностям «властителей» — русским царям, которые являются ведущими участниками русской истории и, следовательно, несут особую ответственность за совершенные деяния. Начало трагедии русского общества, по

мнению Тимофеева, положил *Иван Грозный*, поведение которого во времена опричнины Тимофеев осмысливает как ужасную игру людьми — «тако Божиими людьми играя». Разлад в обществе несколько утих при Федоре Ивановиче, отличавшемся благочестивостью и добродетельностью. Однако, как пишет Тимофеев, «Аще же благочестивне державный Феодор и пресветле тогда нами царствуя, но убо своими добродетельми един довляшеся богатея, наше же всех оскудение, еже о добрых неплодство, в нашедших к того избытком не удостоитися; тако же убо и быти может то, яко единого добродетель не может спокрыти всех челоуек прегрешение».

И Ивана Грозного, и Федора Ивановича Тимофеев не подвергает жесткому осуждению. Причина в том, что он считает их «законными», т. е. истинными богоданными государями, получившими престол по праву наследия. Зато после смерти Федора Ивановича, когда династия Рюриковичей пресеклась, на престоле один за др. оказываются властители незаконные. Эти государи вознеслись к власти исключительно благодаря «безсловесному молчанию» народа, да и сами, даже будучи боярами, оставались «рабами»: «От синглитских чиноу срабне на царствия верх возводити начаша».

Главную персональную вину за все последующие события Тимофеев возлагает на Бориса Годунова — первого, кто незаконно захватил царский престол. Поэтому, отмечая многие достоинства этого правителя, автор «Временника» в то же время гневно осуждает Бориса за гордость, жестокость, коварство, непомерное властолюбие. Еще при Федоре Ивановиче Борис Годунов запятнал себя многими богомерзкими поступками, и особенно — убийством царевича Дмитрия. Множились недостойные деяния Бориса и во время его царствования. Все это в итоге привело к окончательному разложению русского общества и рождению Смуты. И как бы подчеркивая то, что Борис Годунов не был достоин царского звания, Тимофеев дает ему уничтожительную характеристику — «рабочарь».

Размышляя над причинами бедствий, постигших Российское государство, Иван Тимофеев, естественно, пытается определить и пути выхода из сложившейся ситуации. А выход один — признать грехи, покаяться в них и возратить утерянное: веру, единоумслие, общественное согласие, древние обычаи общественного устройства. Как пишет Тимофеев: «И аще близ любовию братски, елико по Писанию быти достоин, не совокупимся, врази наши в прочее наветовати и одолевати нас не престанут убо».

Впрочем, сам Тимофеев, находящийся под впечатлением Смуты, высказывает серьезные сомнения в возможности нового объединения всего русского общества: «Наше разнствие на вкупное сложение нам во всем мире нашем на противные и донныне добросоставления тверда не имать, понеже неблагословных есмо одолени страхом». Даже выборы «всем миром» нового царя Михаила Федоровича Романова, которого сам Тимофеев всячески превозносит, не снимают его сомнений. Он уже не верит в способность всеобщего «большого собрания» русского народа найти всех устраивающее решение: «Таковое бо за страх невозможное совокупление в нас...»

Однако в то же время Иван Тимофеев понимает и др. — иного пути, кроме объединения, нет. Поэтому он и заканчивает свое повествование призывом к единению, в очередной раз предупреждая своих читателей: «Аще ли они в прочее, не уже к тому живем, но о всекупно погибели земных пред Богом в будущем безответни бывшемся ответницы».

Подводя итоги, необходимо сказать, что «Временник» Ивана Тимофеева стал одним из немногих литературно-философских произведений периода Смутного времени, в

котором столь глубоко и последовательно были осмыслены важнейшие причины «разорения» Русской земли. Выдвигая на первый план, в полном соответствии с традицией, причины религиозно-мистического характера, Тимофеев в то же время оказался способен внести в свое сочинение определенную долю исторического прагматизма. Этот исторический прагматизм проявился прежде всего в том, что Тимофеев стремился осмыслить поступки людей как причины тех или иных исторических событий.

С. Перевезенцев

ИВАНИЦКИЙ Александр Иванович (1812[1814?]-7[19].06.1850), писатель. Из обер-офицерских детей. Первая книга Иваницкого — повесть «Неразменный червонец», сюжет которой строится на традиционном для *романтизма* противопоставлении героя с персонафицированной потусторонней силой. В православно-патриотическом журнале «*Маяк*» опубликованы повести «Мечтатель» (1840), «Сыновняя обязанность» (1842) и «Восток и Запад» (1843). Обрисовка нового «героя времени», возвышенно-чувствительного и одновременно «делового», стремящегося к полезной деятельности, сочетается с утверждением превосходства неиспорченной православной русской души над эгоистическим порочным Западом.

ИВАНОВ Анатолий Степанович (5.05.1928—31.05.1999), писатель, журналист, публицист, критик, сценарист. Родился в с. Шемонаиха Восточно-Казахстанской обл. в крестьянской семье. Детские и юношеские годы были трудными, после смерти отца на руках матери осталось трое малолетних детей. Особенно тяжело семье приходилось в годы Великой Отечественной войны. Участь в школе, Иванов работал на колхозном поле; школу успешно закончил в 1945. После окончания в 1950 Казахского университета начинающий журналист в течение года работал литературным сотрудником в семипалатинской областной газете «Прииртышская правда», откуда был призван в 1951 на военную службу, в армии публиковался в военной газете.

Первый рассказ Ивана «Дождь» появился в журнале «Крестьянка» (1954. № 10), это произведение о зарождающейся любви отличалось известной наивностью и выдавало неопытность автора. Подлинным началом своего литературного творчества Иванов считал рассказ «Алкины песни» (1956), в котором писателю удалось создать самобытный характер героини, мечтавшей о чистой и светлой любви. Рассказ «Алкины песни» вскоре был инсценирован на радио, инсценировку ожидал большой успех. По этому рассказу Иванов написал одноименную пьесу (1964), а затем оперное либретто (опера «Алкина песня», 1967, композитор Г. Н. Иванов). В свою очередь оперный спектакль лег в основу телевизионного фильма, снятого в 1973 Новосибирской студией телевидения. Первой книгой Ивана была сборник рассказов «Алкины пес-

ни».

ни» (Новосибирск, 1956), затем — рассказы «Случайная встреча» (1964), «Гость» (1969). Рассказ «Случайная встреча» дал название и небольшому сборнику рассказов Иванова (1966).

В 1957 Иванов переезжает в Новосибирск, работает редактором Новосибирского книжного издательства; с 1958 по 1964 Иванов — заместитель гл. редактора журнала «Сибирские огни». Свое первое крупное произведение (начатое в 1955 в Мошкове) — роман «Повитель» (1958) Иванов опубликовал в «Сибирских огнях» (1958. № 2—4). Роман «Повитель» имел большой читательский успех. Иванов показывает жизнь сибирского с. Локти на протяжении нескольких десятилетий (начиная от первой мировой войны). Острые сюжетные коллизии, выявляющие социальные и психологические конфликты, мастерство бытописания, глубокое знание особенностей сибирской деревни (старой и новой), богатая языковая палитра — все это придает произведению особую притягательность.

Второй роман Иванова «Тени исчезают в полдень» (1963) посвящен драме, разыгравшейся в с. Зеленый Дол в н. 60-х в связи с сектантскими изуверствами таких персонажей, как Пистимья и Устин Морозовы, Илья Юргин, Филипп и Демид Меньшиковы. В 1974 Иванов говорил о своем романе: «Иногда пишут, что этот роман направлен против сектантов, ведущих свою подрывную работу. Конечно, в нем есть мотивы, которые могут быть таким образом истолкованы. Но на самом деле больше всего меня интересовал человек, сложность его духовной структуры. В романе много тяжелых, даже мрачных страниц. Я ничего не хотел скрывать от читателя — правда должна была предстать во всей своей обнаженности». Как показывает время, роман «Тени исчезают в полдень» не только не утрачивает своего значения, но, наоборот, обретает все большую актуальность. В к. 60-х Иванов переезжает из Новосибирска в Москву; с 1969 становится заместителем гл. редактора журнала «Молодая гвардия», а с 1972 до 1995 — гл. редактором этого журнала.

Третий роман «Вечный зов» (Кн. 1: «Москва». 1970. № 4—7; Кн. 2: Там же. 1976. № 7—10) — самое масштабное произведение писателя, которое создавалось на протяжении 13 лет. Действие романа охватывает почти 6 десятилетий жизни Сибири в XX в. «“Вечный зов” — название аллегорическое, — подчеркивал автор романа. — Один из моих героев говорит, что человек рано или поздно начинает задумываться над сутью и смыслом бытия, жизнью окружающих его людей, общества и над своими собственными делами и поступками. Это его заставляет делать властный зов жизни, вечное стремление найти среди людей свое человеческое место. Мне хотелось показать, что человек становится гражданином, а потом и бойцом за справедливость, за человеческое достоинство и за человеческую радость». В центре повествования род Савельевых — 3 поколения одной сибирской семьи. Сквозь события, происходящие в Шантаре и Михайловке, легко просматривается история страны 1-й пол. XX в., ощущается трагическое и героическое дыхание истории.

Обращение писателя в 70—80-е к жанру повести раскрыло новые грани его таланта. В повестях Иванова, при всем драматизме их содержания, наблюдается усиление лирического начала, в них доминирует поэтическое мироощущение: «Жизнь на грешной земле» (1970) (в 1976 на киностудии «Мосфильм» была осуществлена экранизация повести, имевшая немалый зрительский успех); «Вражда»

(1979); «Печаль полей» (1981; впервые: «Печаль полей. Повести». М., 1983); «Повесть о несбывшейся любви» (1982). Историческим повествованием «Ермак», написанным в 1985 (опубл.: «Молодая гвардия». 1993. № 9), Иванов подтвердил свой давний интерес к отечественной истории (кинофильм «Ермак» — 1997, реж. В. Краснополский, В. Усков).

Проза Иванова, отличающаяся остроконфликтностью и «заселенностью» яркими, сложными характерами, драматургична по своей основе. Не случайно многие из сочинений писателя получили сценическую и экранную жизнь. Иванову также принадлежит героическая драма «Баллада о пылающем факеле» (1968).

В книге «Живая красота творчества» (1985) Иванов предстает темпераментным публицистом, обеспокоенным судьбой Отечества и духовным здоровьем нации; здесь помещены многие выступления Иванова по вопросам литературы и искусства; весьма любопытны суждения на тему «Литература и телевидение» (прежде всего по поводу создания многосерийных телевизионных фильмов). В очерках и статьях, посвященных таким писателям, как А. Н. Толстой, Л. М. Леонов, В. Я. Шишков, Е. Н. Пермитин, Г. М. Марков, М. Н. Алексеев, И. Ф. Стаднюк, К. Ф. Седых, М. А. Стельмах, Н. Т. Сизов и др., Иванов демонстрирует свойственный ему дар критика. Среди мастеров слова XX в. Иванов особо выделяет М. А. Шолохова, которого он считает своим литературным учителем и которому он посвятил повесть «Жизнь на грешной земле».

Произведения Иванова не раз оказывались в центре острых полемик; писателя обвиняли в «консерватизме», «национализме» и т. п. Независимо от критических ниспровержений, произведения Иванова продолжают пользоваться большим читательским спросом. Общий тираж книг Иванова превышает 30 млн экз.

Соч.: Собр. соч.: В 5 т. М., 1979—81; (То же. М., 1996); Повесть о несбывшейся любви: Повести. М., 1984 (Роман-газета. № 2 (984)); Черный хлеб искусства: Диалог писателя Анатолия Иванова и критика Валентина Свининникова // Наш современник. 1988. № 5. С. 171—179.

П. Бекедин

ИВАНОВ Валентин Дмитриевич (31.07.1902—7.04.1975), писатель. Родился в Самарканде. Окончил железнодорожный техникум. Прошел большую жизненную школу.

В 1951 вышел его научно-фантастический роман «Энергия, подвластная нам», пронизанный верой в созидательные возможности человека. Далее последовало десятилетие исключительно плодотворной работы писателя: 1952 — роман «В Карстовых пещерах», 1953 — роман «По следу», 1954 — «Возвращение Ибадуллы», 1955 — «Повесть древних лет. Хроника IX века» (в этом произведении Иванов сделал «заявку» на главную тему своего творчества — духовное наследие русского народа).

В книге «Желтый металл» (1956) Иванов первым в советской литературе затронул проблему разлагающего влияния сионистской идеологии, чем вызвал на себя удар еврейских кругов. Другая книга Иванова — «Русь изначальная» (1961; тт. 1 и 2) создала писателю широкую известность, она буквально зачитывалась до дыр. Но идеологические структуры КПСС, а также русофобская критика сделали все, чтобы замолчать это произведение, по сути излагающее основы русского национального мировоззрения в самой доступной — художественной — форме. Попытки переизданий блокировались. Телевизионная экранизация в 1970-е также натолкнулась на глухую стену враждебного молчания.

«Русь изначальная» и др. произведения Иванова все последние годы, вплоть до его кончины, вычеркивались из издательских планов чьими-то недобрыми руками, что привело писателя на грань нищеты.

Иванов был признанным знатоком Востока, его обычаев и нравов. В этом он схож, пожалуй, еще с одним ярким русским талантом Л. В. Соловьевым, автором «Повести о Ходже Насреддине».

Н. Глуценко

ИВАНОВ Всеволод Никанорович (7[19].09.1888—9.12.1971), писатель. Родился в г. Волковыск Гродненской губ. Окончил историко-философский факультет Петербургского университета (1912). Начал печататься в 1909. С 1922 по 1945 жил в Китае, вначале как эмигрант; в 1931 получил советское гражданство, сотрудничал с ТАСС. С 1923 жил в Шанхае, где работал над книгой «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности». В к. 20—30-х выпустил ряд книг: автобиографический роман «1905 год: Роман молодой души» (1929); сборник политической эссеистики и воспоминаний «Огни в тумане: Думы о русском опыте» (1932); «Дело человека: Опыт философии культуры» (1933); этические искания Иванова нашли отражение в «Повести об Антонии Римлянине» (1934), где действие памятника древнерусской житийной литературы XIV в. перенесено в Рим I—III вв. н. э.

В сер. 1950-х Иванов вновь обратился к собственной юности: события 1905 в Костроме нашли свое отражение в романе-хронике «На Нижней Девре» (1958); образ главного героя Николая Прокшина носит автобиографические черты.

Начатые в 1910-е размышления о судьбе России («Мы», 1926) воплотились в его главном романе «Черные люди» (1963). Здесь нашли отражение едва ли не все наиболее значимые события русской истории XVII в.; особая роль среди персонажей была отведена Ерофею Хабарову, протопопу *Ававакуму* и патр. Никону; на страницах романа можно встретить многих реально существовавших исторических лиц. На примере семьи купцов Босых показаны духовные и физические предпосылки, которые позволили русским людям пройти огромное пространство, вплоть до китайских пустынь, вод Северного Ледовитого океана, и выйти на берега Тихого океана. Историческая концепция Иванова, изложенная им в книге «Мы» и проиллюстрированная «Черными людьми», нашла свое продолжение в книге «Императрица Фике» (1967). Этот сборник состоит из трех повестей: «Иван Третий», «Ночь царя Петра» и «Императрица Фике» (о молодости Екатерины II), каждая из которых призвана показать неустойчивое в переломные моменты русской истории динамическое равновесие внутри триады «эпоха—личность—народные массы». По замыслу Иванова «Иван Третий» должен был иметь продол-

жение — роман «Александровская слобода» об эпохе Ивана Грозного (неоконч.). К этому циклу «исторических повествований» (жанровое определение самого Иванова) органически примыкает и роман-исследование Иванова «Александр Пушкин и его время» (1970). Не претендуя на какие-либо открытия в области пушкинистики, Иванов постарался показать Пушкина прежде всего как человека государственного мышления, верноподданного Российской империи не только в своих взглядах, но и в повседневной жизни.

М. Л.

ИВАНОВ Вячеслав Иванович (16[28].02.1866—16.06.1949),

поэт, драматург, историк. Родился в Москве. Учился на филологическом факультете Московского университета, завершил образование в Берлине, где в 1899 защитил диссертацию по истории (об откупах в Древнем Риме). Много путешествовал, собирая материалы об эллинском культе Диониса, давшем начало театру трагедии. В 1904 опубликовал работу «Эллинская религия страдающего бога». Как поэт выступил в

1898. Вслед за первой «книгой лирики» «Кормчие звезды» (1903) появляются: сборник «Прозрачность» (1904), трагедия с «античными хорами» «Тантал» (1905), статьи, переводы. В 1905 Иванов вернулся в Россию и вскоре стал одним из теоретиков русского *символизма*. Вместе с женой Л. Д. Зиновьевой-Аннибал Иванов устраивал в петербургской квартире литературные приемы — «Ивановские среды» (1905—07). Увлекался идеями *славянофилов*, философией В. Соловьева и Ф. Ницше. Поклоняясь идеалам западного прошлого, обращаясь к античности и европейскому средневековью, Иванов уходил за границы русской жизни.

В философских, эстетических и критических работах он выступал за воссоздание «вещей окружающей действительности», однако высшую задачу поэта видел в выявлении божественной сущности этих вещей, т. е. в раскрытии «символов», являющихся зерном религиозного мифа. Лучше всего этой цели, по мнению Иванова, отвечает театр мистерий, где зрители становятся как бы участниками действия, приобщаясь к «мифотворчеству». В созидании такого «соборного» искусства будущего, по мысли Иванова, должно участвовать все человечество («Родное и вселенское», 1917). В 1921 он защищает диссертацию по филологии («Дионис и прадионисийство»). Глубокий духовный кризис толкнул его сначала к тесному сотрудничеству с еврейскими большевиками (он стал зам. наркома просвещения Азербайджана), а затем к эмиграции в Италию и принятию там католичества (правда, без формулы отречения от Православия)

Соч.: По звездам. СПб., 1909; *Cor ardens*. СПб., 1911; Эрос. СПб., 1907; Нежные тайны. СПб., 1912; Борозды и межи. М., 1916; Младенчество. Пг., 1918; Родное и Вселенское. М., 1918; Прометей. Трагедия в стихах. Пг., 1919; Свет вечерний. Оксфорд, 1962.

ИВАНОВ Георгий Владимирович (29.10[11.11].1894—26.08.1958), поэт. Родился в Ковно (Русская Прибалтика) в дворянской семье. Окончил кадетский корпус (1910). Начал печататься в 1911. Сотрудничал в журналах «Аполлон», «Современник» и др. как поэт и

литературный критик акмеистического направления. Первая книга стихов «Отплытие на остров Цитеру» вышла в Петербурге в 1912. Она получила благожелательные отзывы. Особенно лестной была оценка *Н. Гумилева*. Вместе с тем критики отмечали сильное влияние *М. А. Кузмина*.

Второй сборник «Горница» (1914) выходит в акмеистическом «Гиперборее».

Третий — «Памятник славы» (1915) был пронизан патриотическим духом, отражая настроения, которые царили в русском обществе. В 1916 выходит сборник «Вереск». Стихи Иванова насыщены настроениями тоски, утомленности, эротики, романтическими картинами старины; их герой живет прошлым, его вера в Бога носит искусственный, отвлеченный характер. Продолжение этих мотивов в сборниках «Сады» (1921) и «Лампада» (1922).

В 1922 эмигрирует со своей женой поэтессой *И. Одоевцевой*. С изданием в Париже сборника «Розы» (1931), по отзывам эмигрантских ценителей, «превращается в “королевича” русских поэтов».

В поздней поэзии — сборники «Распад атома», «1943—58. Стихи» (1958) преобладают трагические настроения, горький опыт изгнанничества.

Книга воспоминаний «Петербургские зимы» (Нью-Йорк, 1928).

Соч.: Горница. Кн. стихов. Пг., 1914; Вереск. Вторая кн. стихов. Пг., 1916; Сады. Третья кн. стихов. Пг., 1921; Лампада. Собр. стихотворений, кн. 1—2. Пг., 1922; Розы. [Париж], 1931; Отплытие на остров Цитеру. Избр. стихи. Берлин, 1937; Распад атома. Париж, 1938; Портрет без сходства. Париж, 1950; Стихотворения. М., 1989; Собр. соч.: В 3 т. М., 1994.

ИВАНОВ Федор Федорович (4[15].07.1777—31.08[12.09].1816), поэт, драматург. Из дворянской семьи. Получил домашнее воспитание. В н. 1800-х публикует первые стихи.

Известность Иванову принесли его комедии «Женихи», «Не все то золото, что блестит» (обе в 1808) и в особенности драма «Семейство Старичковых, или За Богом молитва, а за царем служба не пропадают» (3-е изд. М., 1808—24). Комедии Иванова были проникнуты патриотическими чувствами и осуждением галломании. В 1815 издавал, вместе с *А. Ф. Мерзляковым* и *С. В. Смирновым*, журнал «Амфион». Его «Сочинения и переводы» изданы в 4 т. (М., 1824) с приложением биографии, написанной *Мерзляковым*.

ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ Николай Дмитриевич (30.09[11.10].1790—25.01[6.02].1849), поэт. Родился в Москве в дворянской семье, получил домашнее образование. Принадлежал к литературному кружку *И. И. Дмитриева*, *А. Ф. Мерзлякова* и *М. Т. Каченовского*; сотрудничал стихами и прозой в «Аглае», «Вестнике Европы» (с 1814), «Сыне Отечества», «Северной пчеле», во многих альманахах 20-х и 30-х и почти во всех московских журналах, а в 40-х в «Москвитяине» и в «Чтениях общественной истории и древностей Российских». Отдельно издал 3 сборника своих стихотворений (М., 1819, 1828 и, безымянно, 1832), «Дух Карамзина, или Избранные мысли и чувствования сего писателя» (М., 1827), «Отечественная галерея» (1832), «Взгляд на старинную русскую поэзию» (1837). Ему же принадлежит следующий ряд исторических сочинений: «Михаил, великий князь Киево-Черниговский и боярин его Феодор» (1830), «Утро в Новоспасском» (1841), «Спасо-Андроников» (1842) и «Прогулка по древнему Коломенскому уезду» (1843).

В 40-х Иванчин-Писарев сближается с кругом «Москвитянина», ведет переписку с *М. П. Погодиным*.

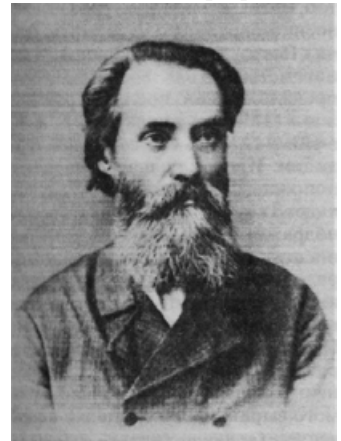
ИВИН Иван Семенович (псевд. **Кассиров**) ([13].09.1886 (1868?)—1918[1919]), поэт-самоучка, лубочный писатель. Родился в д. Старая Тяга Можайского у. Московской губ. Сын крепостного. Отходничал на ткацких фабриках. В

конце жизни стал священником. Первую книгу выпустил в 1878 — «Приключения русского, рядового солдата, возвращавшегося с войны. Рассказ в стихах» (М.). В 1883—96 выпустил более 100 книг, часть которых неоднократно переиздавалась.

Литературная деятельность Ивина протекала в двух направлениях. Вначале он выступал в литературе только как поэт-самоучка в журналах «Мирской толк» (1880), «Нива» (1881), «Развлеченье» (1884—85), «Родина» (1884—85), «Россия» (1890) и газетах «Новости дня» (1883—85), «Русский курьер» (1889) и др. Позднее стихотворения за 1873—93 собраны в книге «Песни родины» (М., 1893).

К этим публикациям примыкают рассказы в стихах (с использованием сюжетных ходов и цитат из «Руслана и Людмила» *А. С. Пушкина*) — «Солдат на том свете в гостях у Берендея» (М., 1880), «Старый знакомый. Дружба с Берендеем...» (М., 1881). Для лирики Ивина характерны темы крестьянской жизни с ее повседневными заботами, размышления о своей тяжелой доле, патриотические мотивы.

Основной жанр Ивина 80-х — нравоучительные рассказы из крестьянского или слободского быта, иногда — с элементами волшебной сказки («Шалишь, кума! Не с той ноги плясать пошла». М., 1883; «В чем наше счастье». М., 1886 — переделка сказки *Н. П. Вагнера* «В чем счастье»; «Проклятый горшок». М., 1889; «Домовой проказит». М., 1886 — переделка рассказа *И. С. Тургенева* «Бежин луг» и др.); было популярно военно-авантюрное сказочное повествование «Сказка о храбром, сильном и неустрашимом воине Портупей-прапорщике» (М., 1889, более 40 изд.). В 90-е преобла-

дают исторические повести (чаще всего переделки романов 30-х XIX в.) — «Япанча татарский наездник» (М., 1892 — по роману А. Москвичина), «Страшная смерть без вины» (М., 1892 — по роману *И. И. Лажечникова* «Басурман»), «Княжья могила» (М., 1894), «Ведьма, или Страшная ночь за Днепром» (М., 1894 — по А. И. Чуровскому) — и сказки: «Народная сказка об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке» (М., 1891, ок. 20 изд.); «Сказка о сильном, славном и храбром витязе Бове-Королевиче и прекрасной супруге его королевне Дружевне» (М., 1891, более 20 изд.); «Тысяча и одна ночь» (М., 1898, и др.). В эти годы Ивин опубликовал и ряд духовно-назидательных сборников и компиляций («Загробная жизнь», 2-е изд. М., 1893; «Описание города Иерусалима и его окрестностей...» М., 1894) и др. Книги Ивина были широко распространены в крестьянской среде.

Ист.: Дубин Б., Рейблат А. И. С. Ивин // Русские писатели 1800—1917. М., 1992. Т. 2.

ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ (в миру **Брянчанинов Димитрий Александрович**), епископ (5[17].02.1807—30.04[12.05].1867), духовный писатель. Происходил из славного дворянского рода. С юных лет мечтал о монашестве, но отец отдал его в военное инженерное училище, которое юноша с успехом закончил. Литературные опыты его одобрял сам *А. С. Пушкин*. Болезнь освободила св. Игнатия от постылой мирской работы. В 1827 Димитрий Александрович становится послушником Троицкого Александро-Свирского монастыря, а в 1831 принимает постриг в Вологде. Через 2 года он уже архимандрит Троице-Сергиевой пустыни под С.-Петербургом, которую он буквально вернул к жизни. Здесь был образован хор, советы которому давал *М. И. Глинка*. В 1857 святой был рукоположен во епископы Ставрополя. По причине крайне расстроенного здоровья в 1861 он ушел на покой и поселился в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии, где и отошел ко Господу. После святителя осталось богатое литературно-богословское наследие, которое он сам объединил в 8 томов. Оно зиждется на древнейших традициях святого Православия.

Первые 3 тома сочинений св. Игнатия составляют «Аскетические опыты» — сборники статей по аскетике, умнолитвенному деланию и т. п.: 4-й том — «Аскетическая проповедь» — сборник омилий и бесед, носящих аскетическо-делательный характер; 5-й том — «Приношение современному монашеству» — ценнейшее руководство для монашествующих и монахолюбцев; 6-й том — «Письма»; и отдельно изданный «Отчник», составленный еп. Игнатием по многочисленным патерикам и прокомментированный. Кроме того, существует целый ряд разнообразных произведений еп. Игнатия, не вошедших в названные издания. Большинство этих произведений были включены иеромонахом Марком (Лозинским) в сборник «Неизданные произведения епископа Игнатия (Брянчанинова)». В числе др. в указанный сборник входит очень интересное и важное исследование «Понятие о ереси и расколе» в 4 статьях.

Ценность сочинений св. Игнатия в том, что они раскрывают святоотеческое учение применительно к современности. На страницах своих аскетических сочинений святитель последовательно раскрывает перед христианами святоотеческое учение о покаянии, как полном духовном перерождении человека. Составными частями такого покаяния являются, по указанию святителя, непрестанная молитва, отсечение греховных помыслов и смиренное терпение ниспосылаемых скорбей. Научению этим трем деланиям и посвящена значительная часть сочинений просвященного писателя. Благодаря своим аскетическим сочинениям св. Игнатий может по праву быть назван учителем монашествующих.

Кроме того, в своих произведениях и особенно в своем эпистолярном наследии свт. Игнатий честно говорит о язвах, поразивших современное ему общество; его размышления по этому поводу остаются актуальными и сегодня.

Святитель пишет: «Очевидно, что христианство, — этот таинственный духовный дар человеку — удаляется неприемлемым образом для невнимающих своему спасению из общества человеческого, пренебрегшего этим даром. Надо увидеть это, чтобы не быть обманутым актерами и актерством благочестия; увидев, надо отворачивать взоры от грустного зрелища, чтобы не подвергнуться пороку осуждения ближних, надо обратить взоры на самих себя, позаботиться о собственном спасении».

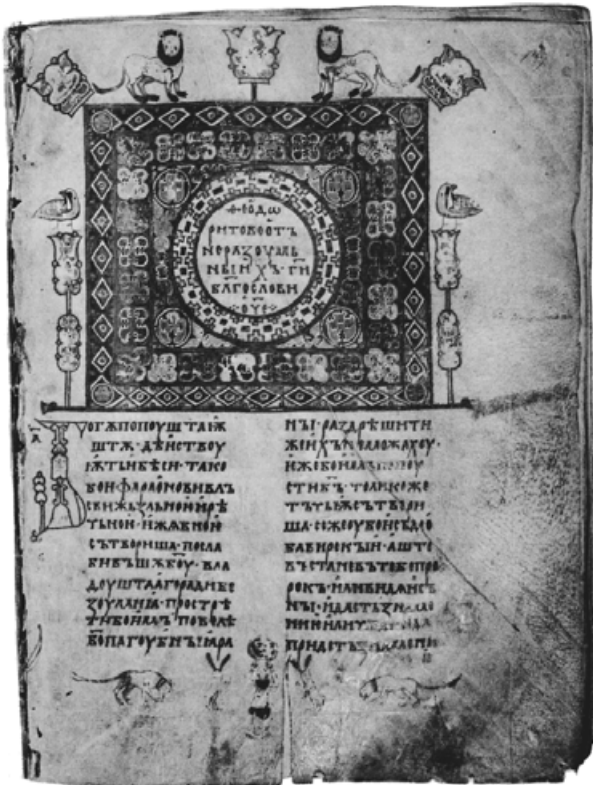
Произведения еп. Игнатия написаны хорошим и легко усвояемым языком. Они обладают четкостью и логичностью построения. Как справедливо отмечает современная исследовательница творчества святителя монахиня Игнатия (Петровская), еп. Игнатий сделал созерцание природы одним из слагаемых поиска Живого Бога, а пейзажные зарисовки — непременной составляющей своих произведений. Литературный стиль святителя и особенный характер изложения его мыслей выработались благодаря нескольким причинам. Во-первых, благодаря поэтическому дару преосвященного писателя. Во-вторых, благодаря его обширным познаниям в области естествознания и дисциплинирующих ум и волю военных наук. И, наконец, в-третьих, благодаря очень тщательно и кропотливому труду по составлению собственных произведений.

Соч.: Соч. епископа Игнатия (Брянчанинова). Т. 1—4. СПб., 1856—67; 3-е изд. Т. 1—5. СПб., 1905. (Репринт: М., 1991); Отчник, сост. епископом Игнатием (Брянчаниновым). 3-е изд. СПб., 1891; (Репринт: М., 1992).

Г. Ф., Д. К.

ИЗБОРНИКИ (сборники), памятники древнерусской литературы и мысли. Известны Изборники 1073 и 1076.

Изборник 1073 написан для вел. кн. Изяслава Ярославича и перешел потом к брату его, Святославу. Он представляет собой русский список с болгарского перевода одного византийского сборника, переведенного для болгарского царя Симеона. Точное название Изборника «Собор от мног отец толкования о неразумных словесехъ в еуагелии и в апостоле и в инех книгах, вкратце сложено на память и на готов ответ» указывает на задачу Изборника — доставить назидательное чтение — и на его богословско-энциклопедический характер. Сборник — не что иное, как ряд выписок из творений свв. отцов: Василия Великого, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Исидора Пелусиота, Иустина, Августина, Иринея и др. Кроме глав строго богословского содержания, в Изборнике находятся научные статьи по логике, грамматике и риторике, оставшиеся, впрочем, в нашей древней письменности почти одиночными. Зато в нем впервые попадают рассуждения на популярные у нас темы: глава «о книжном почитании», доказывающая необходимость чтения для «праведного жития» примерами Василия Великого, Иоанна Златоуста, Кирилла Философа; слово «о женах злых и добрых»;

Изборник Святослава, 1073

древнейшие русские списки «сокровенных (т. е. ложных) книг»; статьи «от апостольских устав», заключающие в себе общее запрещение ложных языческих книг и «Богословца от словес» (Григория Богослова), дающего список главнейших апокрифов Ветхого и Нового Завета. Немало в Изборнике притч и даже загалок. К Изборнику приложен «летописец вкратце от Августа даже и до Константина и Зоя, cesарь

греческих», — составленный между 1042 и 1050, в то время как византийский подлинник Изборника относится к н. Х в. Рукопись Изборника, к которой приложен интересный семейный портрет кн. Святослава с женой и детьми, хранился в московской синодальной библиотеке, а затем в Государственном историческом музее в Москве.

Изборник 1076 написан «рукой грешнаго Иоанна дьяка в лето 7584, при Святославе, князи Русьскы земля», имеет строго нравоучительный характер. Все статьи его говорят о том, как «правверну веру имети», «како подобает человеку быти», «како книги чести» и т. д. На этом основании исследователи делают вывод о его местном киевском происхождении, на что могут указывать слова записи: «избрано из многих книг княжьих», т. е. из княжеской библиотеки. Материал Изборника очень пестрый: рядом со «словом некоего калуирия о четыи книги» и «Ксенофонта наставлением детям своим» находим «Наставление Нила Черногорца». По содержанию своему Изборник тесно примыкает к более поздним сборникам, напр., к т. н. Измарагдам: в нем встречаются и «Стословец» константинопольского патр. Геннадия, и «Слово некоего отца к сыну своему, словеса душеполезна», и «Афанасьевы ответы противу нанесенных ему вопросов», и краткие поучения о посте, молитве, пьянстве, избранные из слов Златоуста, Василия Великого и др., и, наконец, почти неизбежное «слово о женах добрых и злых».

Входящее в сборник «Слово некоего калуиера о четыи книги» (калуиер — греч. «прекрасный старец») — одно из древнейших наставлений о пользе знаний и чтении книг. Оба Изборника были известны *Владимиру Мономаху*, как показывает текст его «Поучения» к детям.

Изд.: Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880.

Лит.: Шимановский В. К. Сборник Святослава 1076 г. 2-е изд. Варшавы, 1894.

ИЗВЕКОВА Мария Евграфовна (12[23].02.1789(?)—15[27].01.1830), писательница. Родилась в Зубцовском у. Тверского наместничества. Дочь «армии бригадира». Получила домашнее образование. В 1805 приехала в Москву. Публикует патриотические стихи («Стихи на победы... Гр. Каменского»). СПб., 1806; «Стихи к русским героям». Б. м., [1806], отд. листки).

Свой первый роман «Эмилия, или Печальные следствия безрассудной любви» Извекова, по собственному признанию («в предисл. к роману «Торжествующая добродетель...»), написала в 15 лет и выпустила в свет по настоянию матери и друзей (ч. 1—4. М., 1806). В целом сентименталистский, он насыщен авантюрно-приключенческим элементом (вплоть до сказочного).

В 1809 выходят в свет романы Извековой «Торжествующая добродетель над коварством и злобою» (ч. 1—3. СПб., 1809) и «Милена, или Редкий пример великодушия» (СПб., 1809). Их героини — смелые, деятельные (в «Торжествующей добродетели...» героиня выходит на дуэль вместо мужа); основная идея — добродетель всегда вознаграждается; цель — «утвердить в чувствительных сердцах читателей правила добронравия». Сама Извекова считала, что ее романы имеют успех и что «любовь к отечеству и желание быть полезно защитят ее против ядовитых стрел критики» (предисл. к «Торжествующей добродетели»). Действие «Милены» происходит в русском провинциальном городе (мужа героини лишают чинов, дворянства, отправляют в ссылку, а погибает он на войне «за веру, за государя и за Отечество»). Сюжет романа — насильственный брак, разлучение с любимым, борьба супружеского долга и страсти, двоеженство.

Извекова осталась в русской литературе как первая романистка.

ИЗВОД, 1) Совокупность важнейших языковых и орфографических особенностей, характерная для списка или списков памятников древней письменности, сложившаяся в процессе многократной переписки текста в определенной языковой среде, а также в результате применения орфографических норм новой среды бытования. Напр., *Остромирово Евангелие* 1056—57 и Мстиславово Евангелие 1115—17, написанные русскими писцами: первое — для Новгородского посадника Остромира, второе — для Новгородского кн. Мстислава Владимировича, являются памятниками старославянского языка русского извода. В них наряду с многими южнославянскими написаниями содержались написания, отражающие языковые черты русского народа; 2) (В текстологии) самый список или списки памятника древней письменности, отличающиеся от др. списков особенностями определенного извода в 1-м значении.

ИЗВОЛЬСКИЙ Сергей Петрович, лубочный писатель к. 1860-х — н. 1870-х. Первая выявленная публикация — сборник «Стихотворения» (М., 1863).

В к. 1860-х начинает выпускать повести с сюжетами из отечественной истории, выражавшими русское мировоззрение — преданность Православию и монархии, патриотизм. Небольшие по объему, но содержавшие разнообразные сведения о прошлом страны, повести Извольского отличались простотой языка и ясностью изложения.

В рамках общего эпического стиля повествования в одних случаях он приближался к исторической хронике [«Гражданин Минин и князь Пожарский, освободители Москвы и Отечества в 1612 году» (М., 1867), «Дмитрий Донской...» (М., 1867; 3-е изд. М., 1879), «1812 год...» (М., 1867)], в других — к романтизированной биографии [«Ермак Тимофеевич, покоритель Сибирского царства» (ч. 1—2. М., 1866; 3-е изд. М., 1872), «Иван Мазепа, гетман Малороссии» (М., 1868), «Стенька Разин» (М., 1868)]. Обращался также к западноевропейскому прошлому: повести «Александр Македонский, великий царь и покоритель народов» (ч. 1—2. М., 1866), пересказы античных мифов и средневековых легенд — «Елена Прекрасная, или Большая Троянская война» (ч. 1—2. М., 1866), «Храбрый рыцарь Родриг, или Прекрасная Лара» (ч. 1—2. М., 1867).

Извольский также обрабатывал *жития святых* («Жизнь и страдания св. мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Рассказ в стихах». М., 1867; «Жития святых... Составлено по Четьи Минеи». Т. 1—12. М., 1873—77; 4-е изд. М., 1895), переделал популярную книгу *Н. И. Зряхова* «Битва русских с кабардинцами» (изд. в 1840) — «Храбрый Андрей Победоносцев и прекрасная Селима, умирающая на его гробе» (ч. 1—2. М., 1865; 3-е изд. М., 1871). Подготовил «Новый народный образцовый письмовник...» (2-е изд. М., 1867), книгу «Интересные записки для молодых людей, желающих сделаться в обществе развязными, ловкими, умными, образованными и любезными кавалерами» (М., 1867); опубликовал также ряд бытовых повестей («Вот как достаются двести тысяч». М., 1868; «Беда от стучалки». М., 1869; «Рыцарь поневоле или все к лучшему». М., 1873), сатирические зарисовки чиновничества и купеческой жизни «Вы за кого, за пруссаков или французов? Современная будничная жизнь пополам с политикой» (М., 1870).

ИЗМАЙЛОВ Александр Ефимович (14[25].04.1779—16[28].01.1831), баснописец, писатель, журналист. Родился в Петербурге. Окончил Горный кадетский корпус, был вице-губернатором в Твери и Архангельске. С 1802 — член *Вольного общества любителей словесности, наук и художества*, в 1816—25 — председатель его. В 1809—10 издавал журнал «Цветник», в 1812 — газету «Санкт-Петербургский вест-

ник», в 1818—26 — журнал «Благонамеренный». Первое печатное произведение Измайлова — перевод стихотворения Ф. Малерба «Смерть» (1798). В романе «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества» (1799—1801) Измайлов продолжал традиции нравописательного романа и сатирической журналистики XVIII в. Измайлову принадлежат 2 повести: «Бедная Маша. Российская, отчасти справедливая, повесть» (1801), написанная по канонам *сентиментализма*, и «Ибрагим и Осман, или Трудись, делай добро и будешь счастливым» (1806) — восточная повесть морально-назидательного характера. Здесь впервые Измайлов иллюстрирует «философию малых дел», которую он начинает проводить в своей практической деятельности. Главное место в творчестве Измайлова занимают басни, печатавшиеся с 1805 и пользовавшиеся у современников большим успехом. Лучшие из них — жанровые сцены из чиновничьего, купеческого и разночинного быта.

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—3. М., 1890; Поэты-сатирики к. XVIII — н. XIX в. Л., 1959; Бедная Маша // Русская сентиментальная повесть. М., 1979.

ИЗМАЙЛОВ Владимир Васильевич (5[16].05.1773—4[16].04.1830), писатель. Родился в Москве. Учился в гимназии при Московском университете, служил в гвардии, был цензором в Москве. В журнале «Приятное и полезное препровождение времени» появилась одна из первых его повестей: «Ростовское озеро» (1795) в сентиментальном роде, полная сочувствия к крестьянам и природе. Измайлов был одним из видных последователей *Н. М. Карамзина*. Подражания Измайлова, впрочем, доходило даже до полного копирования Карамзина. Измайлов участвовал в «*Аонидах*», «*Вестнике Европы*». Следуя патриотической линии Карамзина, Измайлов издавал: «Патриот, журнал для воспитания» (1804); «Вестник Европы» (1814); «Российский Музеум» (1915) и альманах «Литературный Музеум» (1827); описание «Путешествия в полуденную Россию» (1800—02; 2-е изд., 1805), совершенного под впечатлением «Писем русского путешественника», мало дает для характеристики посещенных местностей: Измайлов останавливается не столько на предметах, им виденных, сколько на «идеях и чувствах», возбужденных ими. Большой поклонник Ж. Ж. Руссо, Измайлов явился выразителем его идей в своем «Патриоте»; перевел часть «Новой Элоизы» и «Руссовы письма о ботанике» (1810).

«**ИЗМАРАГД**» (*греч.* — изумруд), русский нравоучительный сборник XIV в. Возникновение «Измарагда» связывают с Владимирским княжеством. «Измарагд» содержит ок. 100 статей, большей частью переведенных с греческого языка, частично переработанных применительно к русским условиям. Тематика сборника разнообразна: «слова»-поучения о «почитании книжном», христианских добродетелях, пороках (жадности, пьянстве и т. п.), добрых и злых женах, воспитании детей в отношении к слугам, о тяжести рабства. Вместе с др. сборниками «Измарагд» повлиял на создание «*Домостроя*».

ИКОСОВ Павел, писатель к. XVIII в. Он написал 3 книги в стихах: «Игра стихотворческого воображения, или Письмо похвальное пункту к г. N от приятеля его» (2-е изд. СПб., 1789—99), «Дифирамб, изображение ужасных деяний французской необузданности, или Плачевная кончина царственного мученика Людовика XVI» (СПб., 1793) и «Имн на высокаторжественный случай бракосочетания Их Имп. В. В. Кн. Александра Павловича с В. Кн. Елисаветою Алексеевною» (СПб., 1793).

ИЛАРИОН (XI в.), митрополит Киевский, духовный писатель. Первый русский (по происхождению) предстоятель нашей Церкви Иларион был поставлен на митрополию в 1051 собором архиереев по воле вел. князя Киевского Ярослава Мудрого. Сам факт его поставления имел в глазах современников промыслительный характер: «Вложил Бог князю в сердце, и поставил его (Илариона) митрополитом в святой Софии».

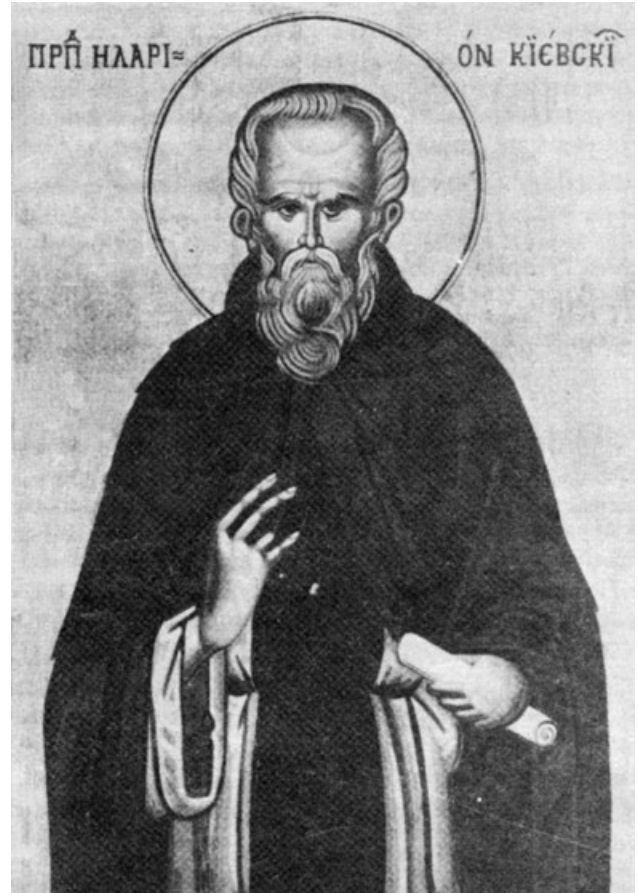
«Муж благ, книжен и постник», по выражению летописца, Иларион был давно известен киевлянам как пресвитер княжеской церкви Святых Апостолов в местечке Берестове под Киевом. Там, возможно, и написал он свое знаменитое «Слово о Законе и Благодати», ставшее одной из первых попыток христианского осмысления русской истории. Творение Илариона есть как бы голос всенародного раздумья о призвании русского народа — «глас радования» православного люда, ощутившего избавление от томительного рабства греху и в то же время напряженно размышляющего о том, какого служения ожидает Господь от Своих новообретенных чад. Мысли, созвучные «Слову», мы встречаем во многих памятниках эпохи, и это свидетельствует, сколь серьезно занимали они внимание всего общества.

Главным прозрением Илариона стало его утверждение о духовной природе той силы, которая соединила разрозненные славянские племена в единый народ. Митрополит говорит о русском народе как о целостности, объединенной под властью Божией вокруг религиозного христианского начала, идеал которого воплощен в Православной церкви. Само «Слово» является едва ли не единственным памятником XI в., в котором употреблено словосочетание «русский народ», а не обычное для того времени понятие «Русская земля».

В этом стремлении к христианской святине как к национальному идеалу — истоки русской соборности, «соборности» вокруг Церкви, сознания духовной общности народа, коренящейся в общем служении, общем долге. Соборность — это единство народа в исполнении христианского долга и самопожертвовании, в стремлении по-настоящему приблизиться к Богу, «обожиться», «освятиться», воплотить в себе нравственный идеал Православия. «Благодать же и истина всю землю исполни, — возвещал митрополит, — и вера во вся языки прострется и до нашего языка русского... Не невеждам ведь пишем, а обильно насытившимся книжной сладостью, не врагам Божиим — иноверцам, но сынам Его, не чужим, а наследникам Небесного Царства». Общность территории и происхождения соединилась с общностью религиозной судьбы — так было положено начало образованию русской православной государственности.

Чудом просвещения Владимира началось распространение веры: «...Когда он жил и пас землю свою справедливо с мужеством и пониманием, тогда сошла на него милость Всевышнего — взглянуло на него Всемиловитое око благого Бога, и воссиял разум в сердце его, чтобы понять суетность идольской лжи и обрести единого Бога, создавшего

всю тварь видимую и невидимую». Начавшаяся при особенном Божием благоволении, русская судьба и дальше видится Илариону как результат неперестанного промыслительного попечения: «И так, веруя в Него, и святых Отцов Семи Соборов заповеди соблюдая, молим Бога еще и еще потрудиться и направить нас на путь, заповеданный Им».

Митрополит говорит о Боге определенной роли именно для русского народа, «спотыкавшегося» ранее «на путях погибели» (т. е., по сути, и не бывшего русским народом в том смысле, как он его понимает), а ныне «во всех домах своих» восклицающего: «Христос воскрес из мертвых!» Эти-то, славящие Христа, и молят Бога «еще и еще потрудиться и направить нас на путь, заповеданный Им», т. е. открыть, для чего новообращенным дано ощутить и осознать свою общность, для чего определено им быть единым народом, каковы в качестве такового их обязанности.

Цель этого всенародного единения в духе церковного миропонимания — сохранить чистоту веры, удержать ее апостольскую спасительную истину, «святых Отцов Семи Соборов заповеди соблюдая». Здесь — корни русской державности, понимающей государственную мощь не как самоцель, а как дарованное Богом средство к удержанию народной жизни в рамках евангельской непорочности.

Молитва Илариона, помещенная в конце «Слова», возносимая им «от вся земли нашей», как бы подводит итог сказанному: «Не оставь нас, — взывает к Богу Иларион, — хоть еще и заблуждаемся, не отвергай нас, хоть

еще и согрешаем пред Тобой... Не погнушайся, хоть и малое (мы) стадо, но скажи нам: “не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отец ваш дати вам Царство” (Лк. 12; 32)... Научи нас творить волю Твою, потому что Ты Богу наш, а мы люди Твои... Не воздеваем рук наших к богу чужому, не следуем ни за каким лжепророком, не исповедуем еретического учения, но к Тебе, истинному Богу, взываем, к Тебе, живущему на небесах, возводим наши очи, к Тебе воздеваем руки, молимся Тебе ... Поэтому простри милость Твою на людей Твоих... владыками нашими пригрози соседям, бояр умудри, города умножь, Церковь Твою укрепи, достояние Свое убереги, мужчин, женщин и младенцев спаси».

Это молитвенное воззвание митрополита-русина, предстоятеля Русской церкви, печальника за вверенный ему Богом народ — стало как бы первым словом той горячей, детской молитвы, которую вот уже тысячу лет слагает Россия среди бесчисленных искушений, соблазнов и гонений, памятуя слова Священного Писания: «Чадю, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение, управи сердце твое, и потерпи» (Сир. 2; 1—2).

Иларион недолго занимал митрополичий престол, т. к. самостоятельное поставление русского митрополита являлось очевидным нарушением обычных правил. Это ли или что другое сыграло свою роль, мы не знаем, однако после смерти Ярослава Мудрого Иларион оставил кафедру, которую с 1055 занимает новый митрополит — грек Ефим. Иларион же, поселившись в Киево-Печерском монастыре, принял схиму. Душа его давно тяготилась миром и стремилась к созерцанию и безмолвию. Будучи еще пресвитером в Берестове, он, по свидетельству *«Повести временных лет»*, «ископа пещерку малу двусажену» на берегу Днепра на месте, где «бе... лес велик», и в ней, «приходя к Берестова отпеваше часы и молящися ту Богу в тайне». В обители он переписывал книги в келье прп. Феодосия, пребывая у него в послушании и спрашивая советов, когда случались затруднения и искушения. Память прп. Илариона, схимника Печерского, Русская православная церковь празднует 21 окт. по ст. ст.

Митр. Иоанн (Снычев)

ИЛЬИН Иван Александрович (16[28].03.1883—21.12.1954), мыслитель, философ, публицист, литературный критик. Закончил юридический факультет Московского университета, где в 1918 стал профессором. В к. 1922 выслан из

России. Жил в Берлине, где преподавал в Русском научном институте. В 1927—30-е издавал «журнал волевой идеи» — «Русский колокол». После прихода к власти Гитлера был вынужден уехать из Германии и обосноваться в Швейцарии.

Первоначально Ильин приобрел известность как исследователь философии Гегеля. Впоследствии он разрабатывает собственное учение, в котором продолжает традицию русской духовной философии. Анализируя современное общество и человека, Ильин считает, что их основной порок состоит в «расколотости», в проти-

впоставлении ума сердцу, разума чувству. В основе пренебрежения, с которым современное человечество относится к «сердцу», лежит, по мнению Ильина, представление о человеке как вещи среди вещей и тела среди тел, вследствие которого творческий акт трактуется «материально, количественно, формально и технически». Именно такое отношение, считает Ильин, облегчает человеку достижение успеха чуть ли не на всех его жизненных поприщах, способствуя карьере, получению прибыли, приятному времяпрепровождению. Однако «мышление без сердца», даже самое умное и изворотливое, в конечном счете релятивистично, машинообразно и динично; «бессердечная воля», сколь бы упорной и настойчивой она ни была в жизни, оказывается по существу животной алчностью и злым произволением; «воображение в отрыве от сердца», каким бы картинным и ослепительным оно ни представлялось, остается в конечном счете безответственной игрой и пошлым кокетством. «Человек, душевно расколотый и нецельный, есть несчастный человек. Если он воспринимает истину, то он не может решить, истина это или нет, ибо он не способен к целостной очевидности... он теряет веру в то, что человеку вообще может быть дана тотальная очевидность. Он не желает признать ее и у других и встречает ее иронией и насмешкой». Ильин видит путь преодоления расколотости в том, чтобы восстановить в правах опыт как интуицию, как сердечное созерцание. Рассудок должен научиться «взирать и видеть», чтобы стать разумом, человек должен прийти к разумной и светлой вере «достаточного основания». С «сердечным созерцанием», «совестной волей» и «верующей мыслью» Ильин связывает надежды на будущее — на решение проблем, неразрешимых как для «бессердечной свободы», так и для «противосердечного тоталитаризма». Широкий резонанс получила работа Ильина «О сопротивлении злу силою», в которой Ильин аргументированно критиковал учение Л. Н. Толстого о непротавлении. Рассматривая физическое принуждение или предупреждение как зло, не становящееся добром от того, что оно используется в благих целях, Ильин считает, что за неимением др. средств человек для протавления злу не только имеет право, но и может иметь обязанность применять силу. «Насилием» же, согласно Ильину, оправданно называть только произвольное, безрассудное принуждение, исходящее из злой воли или направленного ко злу.

Выдающийся вклад Ильин внес в разработку русской национальной идеологии. В своем докладе «Творческая идея нашего будущего», сделанном в Белграде и Праге в 1934, он формулирует назревающие проблемы русской национальной жизни. Мы должны сказать всему остальному миру, заявлял он, что Россия жива, что хоронить ее — близоруко и неумно; что мы — не человеческая пыль и грязь, а живые люди с русским сердцем, с русским разумом и русским талантом; что напрасно думают, будто мы все друг с другом «перессорились» и пребываем в непримиримом разномыслии; будто мы узколобые реакционеры, которые только думают сводить свои личные счета с простолудином или «инородцем».

В России грядет всеобщая национальная судорога, которая, по мнению Ильина, будет стихийно мстительной и жестокой. «Страна вскипит жаждой мести, крови и нового имущественного передела, ибо поистине ни один крестьянин в России ничего не забыл. В этом мнении встанут деятели авантюристов, из коих три четверти будут “работать” на чьи-нибудь иностранные деньги, и ни у одного из них не будет творческой и предметной национальной идеи».

Чтобы преодолеть эту национальную судорогу, русские национально мыслящие люди должны быть готовы генерировать эту идею применительно к новым условиям. Она должна быть государственно-исторической, государственно-национальной, государственно-патриотической. Эта идея должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из их духовного лада. Эта идея должна говорить о главном в русских судьбах — и прошлого, и будущего, она должна светить целым поколениям русских людей, осмысливая их жизнь и вливая в них бодрость.

Главное — воспитание в русском народе национального духовного характера. Из-за его недостатка в интеллигенции и массах Россия рухнула от революции. «Россия встанет во весь рост и окрепнет только через воспитание в народе такого характера. Это воспитание может быть только национальным самовоспитанием, которое может быть проведено самим русским народом, то есть его верной и сильной национальной интеллигенцией. Для этого нужен отбор людей, отбор духовный, качественный и волевой».

Процесс этот, по мнению Ильина, уже начался «незримо и бесформенно» в России и более или менее открыто за рубежом: «отбор несоблазненных душ, противопоставивших мировой смуте и заразе — Родину, честь и совесть; и непреклонную волю; идею духовного характера и жертвенного поступка». Начиная с меньшинства, возглавляемого единоличным вождем, русский народ в ближайшие 50 лет должен одолеть и перешагнуть все преграды совокупным, соборным усилием духа.

В работах Ильина (и прежде всего в сборнике статей 1948—54 «Наши задачи») выкристаллизовывается идея русского духовного патриотизма, который «есть любовь».

Патриотизм, по Ильину, — высшая солидарность, сплоченность в духе любви к Родине (духовной реальности), есть творческий акт духовного самоопределения, верный перед лицом Божиим и поэтому Благодатный. Только при таком понимании патриотизм и национализм могут раскрыться в их священном и непререкаемом значении.

Патриотизм живет лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, и прежде всего святости своего народа. Именно национальная духовная жизнь есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него. В ней сущность Родины, та сущность, которую стоит любить больше себя.

Родина, отмечает Ильин, есть Дар Святого Духа. Национальная духовная культура есть как бы гимн, всенародно пропетый Богу в истории, или духовная симфония, исторически прозвучавшая Творцу всяческих. И ради создания этой духовной музыки народы живут из века в век, в работах и страданиях, в падениях и подъемах. Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни, ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны.

По Ильину, национализм есть любовь к исторически-духовному облику своего народа, вера в его Богоблагодатную силу, воля к его творческому расцвету и созерцание своего народа перед лицом Божиим. Наконец, национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания. Истинный национализм не темная, антихристианская страсть, но духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ к духовному расцвету. Христианский национализм есть восторг от созерцания своего народа в плане Божиим, в дарах Его Благодати, в путях Его Царствия.

Правильные пути, ведущие к национальному возрождению России, по Ильину, следующие: вера в Бога; историческая

преемственность; монархическое правосознание; духовный национализм; российская государственность; частная собственность; новый управляющий слой; новый русский духовный характер и духовная культура.

В своей статье «Основная задача грядущей России» Ильин писал, что после прекращения коммунистической революции основная задача русского национального спасения и строительства «будет состоять в выделении кверху лучших людей, — людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости, сверхклассового единения». Этот новый ведущий слой — новая русская национальная интеллигенция должна будет прежде всего осмыслить заложенный в русском историческом прошлом «разум истории», который Ильин определяет следующим образом:

— ведущий слой не есть ни замкнутая «каста», ни наследственное или потомственное «сословие». По своему составу он есть нечто живое, подвижное, всегда пополняющееся новыми, способными людьми и всегда готовое освободить себя от неспособных — дорогу честности, уму и таланту!

— принадлежность к ведущему слою — начиная от министра и кончая мировым судьей, начиная от епископа и кончая офицером, начиная от профессора и кончая народным учителем — есть не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности. Ранг в жизни необходим, неизбежен. Он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать строгость к себе у того, кто выше, и беззавистая почтительность у того, кто ниже. Только этим верным чувством ранга воссоздадим Россию. Конец зависти! Дорогу качеству и ответственности!

— новая русская элита должна «блужать и крепить авторитет государственной власти... Новый русский отбор призван укоренить авторитет государства на совсем иных, благородных и правовых основаниях: на основе религиозного созерцания и уважения к духовной свободе; на основе братского правосознания и патриотического чувства; на основе достоинства власти, ее силы и всеобщего доверия к ней».

— указанные требования и условия предполагают и еще одно требование: новый русский отбор должен быть одушевлен творческой национальной идеей. Безыдейная интеллигенция «не нужна народу и государству и не может вести его... Но прежние идеи русской интеллигенции были ошибочны и сгорели в огне революции и войн. Ни идея «народничества», ни идея «демократии», ни идея «социализма», ни идея «империализма», ни идея «тоталитарности» — ни одна из них не вдохновит новую русскую интеллигенцию и не поведет Россию к добру. Нужная новая идея — «религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию». Эту идею Ильин определяет как идею русского Православного Христианства. Воспринятая Россией тысячу лет тому назад, она обязывает Русский народ осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы предметности.

Русский народ, считал Ильин, нуждается в покаянии и очищении, и те, кто уже очистился, «должны помочь неочищенным восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого Россию не возродить и величия ее не воссоздать. Без этого Русское государство, после неминуемого падения большевизма, разползется в хлябь и в грязь».

Ильин, конечно, отдает себе отчет в том, насколько трудна эта задача, весь процесс покаяния и очищения, но через этот процесс необходимо пройти. Все трудности этого покаянного очищения должны быть продуманы и преодолены: у религиозных людей — в порядке церковном (по исповеданиям), у нерелигиозных людей — в порядке светской литературы, достаточно искренней и глубокой, и затем в порядке личного совестного делания.

Покаянное очищение — только первый этап на пути к решению более длительной и трудной задачи: воспитание нового русского человека.

Русские люди, писал Ильин, должны обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновленных основах. Это значит, что русские люди должны:

— научиться верить по-новому, созерцать сердцем — целно, искренно, творчески;

— научиться не разделять веру и знание, вносить веру не в состав и не в метод, а в процесс научного исследования и крепить нашу веру силою научного знания;

— научиться новой нравственности, религиозно-крепкой, христиански-совестной, не боящейся ума и не стыдящейся своей мнимой «глупости», не ищущей «славы», но сильной истинным гражданским мужеством и волевой организацией;

— воспитать в себе новое правосознание — религиозно и духовно укорененное, лояльное, справедливое, братское, верное чести и Родине;

— воспитать в себе новое чувство собственности — заряженное волею к качеству, облагороженное христианским чувством, осмысленное художественным инстинктом, социальное по духу и патриотическое по любви; воспитать в себе новый хозяйственный акт — в коем воля к труду и обилию будет сочетаться с добротой и щедростью, в коем зависть преобразится в соревнование, а личное обогащение станет источником всенародного богатства.

Взгляды Ильина во многом перекликались с программой национального возрождения на основах народной монархии, которую обосновал *И. Л. Солоневич*.

О. Платонов

Ильин как литературный критик. Ильин вошел в историю отечественной культуры не только как православный мыслитель, правоведа, оратор, но и как крупный литературный критик, труды которого отличаются философской глубиной, острой наблюдательностью и независимостью от обветшалых штампов и ложных мифов. Самобытность его критической манеры в том, что эстетический анализ художественного произведения или творчества писателя в целом сочетаются у него с духовно-философско-религиозным анализом.

Проблемы культуры, искусства и литературы Ильин рассматривает в свете величайшего в истории человечества духовного кризиса, достигшего в XX столетии своего апогея. Особенность этого кризиса в том, что люди не просто утратили веру в Бога, но и ополчились на саму идею Бога. «Непросвещенные неверы» на протяжении нескольких последних веков всеми силами стремились не только скомпрометировать эту идею, но и одержать победу в борьбе с верующими, порой истребляя их физически. Все остальные разновидности кризиса (культурный, экономический, экологический и др.) являются, по мнению Ильина, результатом духовно-религиозного оскудения, которое началось еще в эпоху Ренессанса, а с к. XVIII столетия стало интенсивно развиваться вследствие широкого рас-

пространения в мире атеистических и материалистических доктрин, различных оккультных и теософских теорий.

Не случайно в XIX в. в европейской культуре началась новая эпоха — эпоха оправдания дьявольского начала: многие европейские писатели, композиторы обратились к демонической теме. Причем у многих из них (Байрон, Гофман, Гёте) демоны изображались в привлекательном виде. Отчуждение культуры и искусства от веры, религии в течение последних столетий привело к возникновению современного безбожного псевдоискусства с его похотливой разнузданностью, духовной бессодержательностью и нравственной пустотой. Кинематограф, а в наши дни телевидение, заменили человеку храм, заставив забыть о высших целях Бытия. В подобном мнимом искусстве, создаваемом и распространяемом «беспочвенными людьми, забывшими о Боге», царит, по словам Ильина, безответственность и вседозволенность. В сущности, это уже не искусство, а «чувственное марево», предназначенное для эротического возбуждения и праздного времяпрепровождения скачающих и сытых.

Между тем история европейской цивилизации есть не что иное, как великий поиск подлинно христианской культуры. Важно, что при этом Ильин подчеркивает различие между культурой как явлением духовно нравственным, органичным, затрагивающим глубины человеческой души, и цивилизацией как порождением материально-технического прогресса: «Народ может иметь древнюю и утонченную духовную культуру, но в вопросах внешней цивилизации (одежда, жилище, пути сообщения, промышленная техника и т. д.) являть картину отсталости. И наоборот: народ может стоять на последней высоте техники и цивилизации, а в вопросах духовной культуры (нравственность, наука, искусство, политика, хозяйство) переживать период упадка».

Истинная культура, по Ильину, всегда проникнута светом духовности и надежды, любви и устремленности к совершенству, когда художник обращен сердцем к Богом созданному миру, полному таинственных и неизъяснимых чудес, когда он понимает и всей душой ощущает, что все великое и гениальное, созданное человечеством, исходит из светлых пространств Божьего мира, из созерцающего и поющего сердца человеческого.

Истинная культура, по словам Ильина, заключает в себе ту самую духовность, которую часто отождествляют с идеологией, интеллектуальностью, образованностью и т. п. Заслуга Ильина в том, что он показал и раскрыл в своих трудах неоднозначность и сложность понятия «духовность», включающую в себя не только веру в Бога, иноматериальный мир и бессмертие души, но и любовь к «отеческому гробу, родному пепелищу»; любовь к родной природе, Родине, равно как и ответственность за их судьбу. Духовность также предполагает устремленность к идеалу совершенства, т. е. к исполнению евангельского завета «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».

В лекции «Александр Пушкин как путеводная звезда русской культуры» (1943) Ильин называет *Пушкина* ренессансной личностью, гармонически поющим классиком, родоначальником прекрасных художественных форм, уничтожающим своим светом хаос. Высоко оценивая личность Пушкина с его пламенным и вместе с тем деликатным сердцем, с его подкупающим благородством и искренностью, Ильин подчеркивает, что он «обладал гениальным искусством прозревать сущность вещей — без аналитических подробностей, без диалектического педантизма и теоретических выкладок: он лишь бросал взгляд и

точно, быстро схватывал самое главное — божественную сущность всего».

С этой задачей, продолжает Ильин, «не справился ни Вольтер с его холодной версификацией и скептической улыбкой, ни лорд Байрон с его недовольно-мрачным аффектированным одиночеством, с его жадным презрением к миру и с его отчаянием обрести самого себя. С этой задачей не справился и Гете... который жил, творил и умер в не связи с христианством и последняя мудрость которого состояла в том, чтобы с благоговением относиться к непознаваемому».

Для Ильина Пушкин представляет замечательный пример национального гения, гениального пророка, показавшего, что Родина — это не обычное слово, но глубоко духовное понятие. И тот, кто не живет Духом, тот не имеет Родины. Она останется для него темной загадкой и странной ненужностью.

Творчество Пушкина не случайно возросло на ниве тысячелетнего искусства, которое в России родилось как действие молитвенное, как акт церковный, духовный: «Кто сумеет вчувствоваться и всмотреться, тот найдет ту же самую традицию (мудрое пение, поющую мудрость. — Ю. С.) и в “Слове о полку Игореве”, и в пении Калик перехожих, и в былинах, и в народных сказках. Русское искусство прежде всего умудряет, оно есть своего рода Книга Голубиная, содержащая мудрость “вселенной”; оно дает или жизнеумудрение, как в былинах или светской сказке, или богоумудрение, как в акафисте, житии и легенде. Тот, кто не заметит или недооценит эту национальную традицию, тот немного поймет в истории русского искусства».

Именно эту традицию продолжил Пушкин, произведения которого служат не просто делу удовольствия, развлечения и украшения жизни, но представляют «постижение сущности, проникновение в мудрость и водительное служение».

Центральную идею Пушкина и *Гоголя* Ильин видит в том, что они хотели породить в России эпоху религиозного очищения и для этого хотели использовать художественно вдохновение и видение: «Этой эпохи мир ждет и по сей день. И следовательно, задача вразумления и очищения с тех пор так и не устарела, не сошла с повестки дня, а наоборот, стала более настоятельной и острой».

Говоря о *Мережковском*, Ильин подчеркивает, что в его романах обнаруживается «атмосфера большого искусства и большой мистики». Мережковский, по мысли критика, не только не любит своих героев, но постоянно и настойчиво их компрометирует. Подводя итоги анализа, Ильин задается вопросом: что же представляет творчество Мережковского: «Теософия это? Но тогда это искажено, выдуманно, ложно. Искусство это? Но тогда это искусство, попирающее все законы художественно прекрасного. Религия это? Нет — это, скорее, безверие и безбожие. Может быть, это особого рода масонская магия? Но тогда надо ее нещадно разоблачать — и давно уже... Если совокупить это все вместе, то получится некая единая атмосфера — атмосфера большого искусства и большой мистики; некое духовное болото, испаряющее соблазн и смуту».

Особое место в литературно-критическом наследии Ильина занимает работа «О тьме и просветлении. Книга художественной критики», в которой критик анализирует с точки зрения духовных ценностей Православия творчество *Бунина*, *Ремизова* и *Шмелева*. Этих трех художников объединяет, по его словам, единство предмета и единство национального опыта.

Бунин для Ильина — это художник внешнего опыта, мастер внешнего зрения, мастер изображения русской природы и тайн чувственной любви. «Он видит телесным глазом — точно, остро, тонко, обычно “в фокусе”». Острой и точно отличается у Бунина обоняемый образ: «Бунин умеет показать вещь через ее запах с такой яркостью и силой, что образ ее как бы вонзается в душу». Ильин отмечает и звуковое мастерство Бунина, его умение изобразить вещь через ее звук. При этом писатель стремится к точности, красоте и силе внешнего изображения. Особенно хорошо у Бунина получаются изображения душевных переживаний, связанных с естественным естеством человека, с его инстинктивной жизнью — это охотничья страсть, половое влечение, жадность, свирепая мстительность и пр. Однако, когда Бунин берется за описание душевных переживаний героев, его предложения становятся тизеловскими, затрудняющими понимание. Ильин связывает это с невозможностью чувственным актом, присутствием Бунину, изобразить движения души, которые требуют раскрытия изнутри, акта внутреннего опыта.

Бунин, по мнению Ильина, видит в человеке мрак и хаос и не потому, что он сознательно сводит человека к природной сущности. Ему дано такое видение мира и героя, каков его художественный акт. При этом сам Бунин чувствует наличие в мире духовного и божественного. Но выявить этот другой мир Бунин не может. Вот почему его произведения лишены светобожественной радости. То, что Бунин называет богом, заключает Ильин, есть начало страшное, темное, стихийное. Сущность его творчества — страсть и демоническая жажда наслаждения, не знающая путей к Богу.

Ремизов для Ильина — художник, осуществляющий свой талант в мире фантазии, словотворчества и мифотворчества. Истоки его творчества — *сказки, легенды, апокрифы* христианские и византийские; приметы, обычаи, обряды, бытовые предания, шутки, *поговорки*, поверья, суеверия, ведовство и колдовство — «все то, что живет в подполье всенародного сознания в неоформленном виде и то грезится в сумерках, то снится по ночам, то зрится в страшных мороках, то тревожит душу поэта, — вот скопище и обиталище ремизовских видений и повествований».

Общая тональность произведений Ремизова — обреченность, сострадание, ощущение братской вины за всех. Ремизовских героев в отличие от бунинских характеризует не чувственная страсть души, а сострадание и любовь как выражение женственного начала. «Ремизов вступил в жизнь с исключительно нежной, сверхвпечатлительной душой, как бы от рождения обреченной на то, чтобы учиться в земной жизни, — долго, остро и всесторонне». Такое обостренное чувствование с детства обратило Ремизова в глубь себя, где он стал жить своею «затаенною» жизнью. Однако никакое отрешение от внешней жизни не могло избавить Ремизова от боли и терзаний, возникавших по пустяковым, с точки зрения подавляющего большинства людей, поводам. При этом художественная форма у Ремизова все больше освобождается от всяких условностей и запретов. Все это позволяет Ильину назвать Ремизова юридическим в русской литературе.

Важнейшая особенность видения Ремизова, и художественного и человеческого, — это страдание. Некоторые его герои наделены как бы оголенной душой — таков и сам Ремизов. Его сердце разрывается не столько от собственных страданий, сколько от страданий окружающего мира. Такое страдание за всех порождает у Ремизова и чувство вины за всех, за весь мир.

Вина перед миром и жалость к нему неотделимы у Ремизова от страха и ужаса перед миром. Это ужас восприимчивой души, увидевшей, как много зла на земле и в человеке. Этот страх будит в душе писателя чувство беззащитности и обреченности, он не приемлет такой мир и, спасаясь от безысходности, начинает фантазировать в своем воображении, надеясь на приближение чуда, которого жаждет его душа.

Однако иногда, по мнению Ильина, словотворчество Ремизова выходит у него из-под контроля, перестает служить средством изображения художественного предмета. И Ремизов начинает выдумывать слова и языковые обороты, за которыми трудно уловить смысл писателя и чувствуется лишь его «шалость» и произвол.

В целом, Ремизов, по словам Ильина, прозревая темные глубины человеческого существования, не упивается ими, а мучается, и мучка эти могут привести человека к свету. Однако Ремизов, как считает Ильин, не открывает перед читателем путь просветления и очищения, путь, который животную муку человека превращает в страдание — состояние духовное, ведущее к Богу.

Высший тип писателя для Ильина — И. Шмелев, подлинно национальный и подлинно православный художник, выразивший в своем творчестве глубинную сущность русского человека, а также показавший Россию в ее духовной устремленности, как Святую Русь, а русского человека как простого, уветливого и душевно открытого. Ильин сравнивает Шмелева с Достоевским, называя его ясновидящим человеческого страдания, с помощью которого человечество осмысливает свой земной путь как путь к небу, небесному.

Герои Шмелева — это люди, живущие с обнаженным сердцем, чутко воспринимающие жизненную фальшь, холод и грубость. Но наделенные жадой правды, они воплощают идею Богомолья, спасения души, мечту о совершенстве и жадю обретения его. Часто он показывает это через восприятие детской души, чья искренность, чистота и нежность позволяют увидеть подлинный облик Православной Руси. Детская душа, еще не постигшая православного учения, не знающая церковного ритуала, постигает Православную веру во всех мелочах окружающей жизни. Такое постижение Православия предполагает, что цель его в том, чтобы ввести деяние Духа Святого во все уголки душевной и бытовой жизни, научить человека любить Бога и в больших и в малых делах.

За Россией земной, убежден Ильин, живет, созерцает, поет, молится и творит Россия духовная, сложившаяся в «суровой борьбе с прекрасной, но строгой русской природой... с ее пассивной терпеливостью, которая кажется слабостью, но которая перетерла и пережгла не одну исторически-стихийную силу».

Самобытность русской поэзии Ильин видит в том, что она «срослась, срастворилась с русской природой: русская поэзия научилась у своей природы — созерцательности, утонченности, искренности, страстности, ритму; она научилась видеть в природе не только хаос и космос, но живое присутствие и живую силу Божества. Вот отчего существует тесная связь, нерасторжимое родство между русской природой и светлым православным мировосприятием русской души, тоскующей о любви, милосердии и благословляющей все живое на земле, от последней былинки в поле до каждой звезды в ночном небе».

Особенность русской поэзии, по Ильину, в ее естественности, безыскусности: «Она не есть ни продукт ума, ни продукт риторики. Она есть порождение и изливание русского

сердца — во всей его созерцательности, страстной искренности, во всем его свободолюбии и дерзновенности; во всем его Богоискательстве, во всей его непосредственной глубине». Русский поэт не описывает свои предметы, а перевоплощается в них; не рассказывает о них, как это делают французы (и Виктор Гюго и Мюссе), а «поет из них».

Однако русские поэты видели и историю России, ее пути и судьбы, ее опасности и соблазны. Русская поэзия на протяжении веков была выразительницей «русской религиозности, русской национальной философии и русского пророческого дара. Она выговаривала своим вдохновенным языком то, что у других народов давно уже стало достоянием публицистики».

Вместе с тем русская поэзия всегда воспринимала Россию как живое существо, как живое братство народов, даже «не настаивая на старшинстве русского племени и славянского ствола, а просто осуществляя это старшинство собою, поэтическим вдохновенным, этим проявлением духовной зрелости, духовного парения и водительства». Никогда русская поэзия не воспевала порабощения народов и угнетения малых наций. И не случайно, что русская поэзия числит в своих рядах остзейца *Дельвига*, обрусевшего полунемца *Мея*, евреев *Надсона* и *М. Волошина*, сына англичанина и польки *Диксона* и мн. др.

И наконец, самая существенная особенность русской поэзии в том, что для нее не существовало мелкого и ничтожного. Она обладала величайшей способностью поэтизировать повседневность, когда и «пустяк начинает играть и сверкать в ее лучах; и проза лучится смехом и весельем, а быт оказывался поэтизированным и воспетым». Этот опозитизированный и воспетый мир, по словам Ильина, становится ясновидческим и прозрачным, и из него начинает сиять и лучиться сама Святая Русь.

Наряду с этим Ильин отмечает и иные тенденции как в русской поэзии, так и в жизни, тенденции, возникшие не без влияния французских просветителей — вольтеровской иронии, его «рассудочного прозаизма» и «прикровенного, всеразъедающего нигилизма», с одной стороны, а с др. — мрачной и унылой «мировой скорби» Байрона. Эти два влияния, господствовавшие в Европе в 1-й пол. XIX в., во 2-й дошли до России, чтоб затем «освежиться и обновиться влиянием Ницше и Маркса».

Русская интеллигенция, не без сарказма пишет Ильин, «научилась у Вольтера нигилистической улыбке, а у Байрона богоборческой позе. Она переняла у Байрона манеру аффективно идеализировать черный угол своей души».

Не случайно в русской поэзии того времени возникает и нарастает интерес к теме злого духа, осужденного и отвергнутого, но не сдавшегося, не подчинившегося:

Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

О негативном влиянии этого злого духа, выражавшегося в безверии, злобе, зависти и отчаянии, говорится не только в пушкинском «Демоне», но и в стихотворении «Мой демон» *Лермонтова*, у *Баратынского* «В дни безграничных увлечений...», у *А. К. Толстого* «Бывают дни, когда злой дух меня тревожит...» и др.

Из скрещения демонической иронии и рассудочной полунатуки, продолжает Ильин, возникает тот «душевный уклад, который имел сначала вид светского разочарованного снобизма, потом позитивистского нигилизма, потом нигилистической революционности и наконец воинствующего безбожия, большевизма и сатанизма».

Особое место в творческом наследии Ильина занимает статья «Когда же возродится великая русская поэзия?», в которой критик связывает возрождение русской поэзии с грядущим духовно-религиозным возрождением России, с процессом «прикровенного, тайного возвращения к вере и молитве». Вся великая русская поэзия прошлого была, по его словам, «порождением чувства восторга, одушевления, вдохновения, света и огня — именно того, что мы называем сердцем и отчего душа человека начинает петь...».

С изживанием «великого сердечного созерцания» начинается измельчение содержания поэзии, ее сентиментализация, беспредметное и туманное фантазирование, эротическая «трельковщина». Поэзия превращается в стихослагательство либо талантливое, либо бездарное, в беззастенчивую лабораторию словесных фокусов. Отказ от духовного созерцания, уверенность, что в искусстве все дозволено, и готовность поклониться демоническому превращают поэта в «безответственного болтуна», «кокетливого хвастуна», выражающего в стихотворной форме свою личную «чувственную эротику» при «все возрастающем бесстыдстве».

Поэтому первая задача настоящего поэта заключается в том, чтобы углублять и оживлять свое сердце, вторая — расти и очищать и облагораживать свой духовный опыт. В этом видит Ильин истинный путь к великой поэзии, которая всегда и во всем ищет возвышенного, Божественного и из него поет. Именно ощущение этого начала породило поэтический огонь Пушкина, восторг *Языкова*, мировую скорбь Лермонтова, ощущение бездны *Тютчева*, любовь к Отечеству гр. А. К. Толстого.

Грядущие русские поэты, заключает Ильин, сумеют осветить историю крушения России в н. XX столетия и вместе с тем сумеют показать своеобразие и величие русского духа и глубину Православной веры.

В своей книге «О сопротивлении злу силою» (Берлин, 1925) Ильин, полемизируя с учением Толстого, утверждал: «Воин как носитель меча и мироприемлющего компромисса, нуждается в монахе, как в духовнике, и источнике живой чистоты, религиозной умудренности, нравственной плеромы: здесь он приобщается благодати в таинстве и получает силу для подвига; здесь он укрепляет свою совесть, проверяет цель своего служения и очищает свою душу. Таков Дмитрий Донской у св. Сергия перед Куликовской битвой».

Книга Ильина «О сопротивлении злу силою» была высоко оценена его современниками. П. Б. Струве в статье «Дневник политика» писал, что Ильину удалось «поставить и в определенном христианском смысле разрешить проблему противления злу силою». Н. О. Лосский назвал книгу Ильина «ценным трудом», направленным против толстовского учения о непротивлении, и согласился с ее автором, что бывают в жизни случаи, когда «применение силы по отношению к злу безусловно правильно и спасительно». В свою очередь В. В. Зеньковский утверждал, что от книги Ильина «веет подлинностью и глубиной, в ней есть особая суровая честность», она «чрезвычайно современная, насыщена тем, чем живет и волнуется наше время».

Такая высокая оценка книги Ильина не случайна, ибо автор ее был одним из первых, кто начал полемику с Толстым на глубоком философском уровне. Свою критику толстовской теории непротивления он начал с четкого, философски точного определения сущности зла, подчеркивая при этом, что насилие как таковое и есть зло, против которого необходимо бороться, и всякий человек, подвергшийся насилию, заслуживает сочувствия и помощи. Характеризуя признаки зла,

Ильин отмечает его внешнюю агрессивность, лукавство, единство и многообразие.

Если бы зло не обладало тенденцией к агрессивности и не проявлялось бы во внешних поступках, сопротивляться ему посредством физического пресечения было бы не нужно и невозможно. Только наивный человек, поясняет Ильин, может не замечать лукавства зла и полагать, что ему присуще простодушие, прямота и рыцарственная корректность, что с ним можно договариваться, ожидая от него верности, лояльности и чувства долга.

Вся история человечества, по Ильину, состояла в том, что в разные эпохи и в разных общинах лучшие люди гибли, насильюемые худшими, причем это продолжалось всегда до тех пор, пока лучшие не решались дать худшим «планомерный и организованный отпор».

«Прав будет тот, — пишет Ильин, — кто оттолкнет от пропасти зазевавшегося путника; кто вырвет пузырек с ядом у ожесточившегося самоубийцы; кто вовремя ударит по руке прицеливающегося революционера; кто в последнюю минуту собьет с ног поджигателя; кто выгонит из храма кощунствующих бесстыдников; кто бросится с оружием на толпу солдат, насильюющих девочку; кто свяжет невменяемого и укротит одержимого злодея».

При этом Ильин формулирует четкие условия, в которых применение силы не только оправдано, но и необходимо. К числу таких условий относятся: верное определение зла по характеру совершаемых им поступков, волевое отношение к жизни, принятие ответственности за свое решение и действие и, наконец, последующее прижизненное нравственно-религиозное очищение. И все это при ясном осознании того, что в конкретных жизненных обстоятельствах бессильны мирные средства противостояния злу.

Ильин напоминает, что на Руси сопротивление злу всегда мыслилось и творилось как активное, организованное служение делу Божьему на земле. Эту идею любви и меча Ильин связывает с древнерусскими православными образами Михаила Архангела и Георгия Победоносца, приводя слова св. *Феодосия Печерского*: «Живите мирно не только с друзьями, но и с врагами, однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими».

Высокоодаренной, духовно сильной личностью и пророком назвал Ильина немецкий философ В. Офферманс, выпустивший в 1979 книгу под названием «Дело жизни русского религиозного философа Ивана Ильина — обновление духовных основ человечества». В ней он отмечает, что размышления Ильина о художественном творчестве опираются на его глубокое знание шедевров во всех областях мирового искусства: «Он был тонким и взыскательным знатоком искусства, для которого всегда самое главное заключалось в духовной глубине, в добротности и внутреннем содержании произведения, а творить художественно означает служить Богу и нести людям радость».

Ю. Сохряков

ИЛЬИН Николай Иванович (1777[1779?]-29.08[10.09]. 1823), драматург. Из дворян. Ему принадлежат первые опыты драм из народной жизни, отмеченные сильным влиянием *Н. М. Карамзина*: «Лиза, или Торжество благодарности» (1802), «Великодушие, или Рекрутский набор» (1805, в трех актах) и 2 комедии: «Физиономист и хиромантик» (1816) и «Семик» (1818). Обе первые пьесы имели на сцене огромный успех, особенно «Лиза». Нравственность и добродетель в драмах Ильина весьма приторны, но они сценичны и написаны хорошим народным языком. Ильин вообще стремился верно

изображать народ, за что ему доставалось от современной критики, которой не нравились «грубые выражения грубых понятий», «подлый язык бурмистров и подьячих»; автору советовали «почерпать образцы из того круга общежития, где есть более занимательных физиономий, более разнообразных страстей, более предметов, достойных кисти живописца». Эти требования показывают, что Ильин являлся новатором в литературе и в театре. Ильин перевел с французского, с переложением на русские нравы, несколько комедий; издавал (1809) журнал «Друг детей».

ИЛЬИН Павел Петрович (к. 1810-х — между 1[13].05 и 25.10[6.11].1851), писатель, драматург. Жил в Москве. Служил помощником аптекаря.

В духе романтизма сочинил пьесы «Леонора, или Мшенице италианки» (Харьков, 1841), «Жена и дочь, или Два рода любви» (М., 1844), трагедию «Кальдерон» (М., 1844).

Близка к пьесам по поэтике «светская повесть» Ильина «Бешеная любовь» (М., 1847), в которой явственно ошутима и нравственно-дидактическая струя. В небольшой сборник «Мои фантазии» (М., 1843) вошли стихи, лирическая проза, ученические философские рассуждения и сцена из стихотворной трагедии «Сизара».

Определенный успех имели его книги для простонародного чтения, комические истории: «Украинские анекдоты» (М., 1842), «Забавные приключения четырех жидков в Хохландии» (М., 1844), а также нравоучительный рассказ о «раскававшемся разбойнике» «Росказни о былом на Руси» (М., 1847), вошедший в репертуар *лубочной литературы* (последнее изд. — М., 1896).

ИЛЬИНСКИЙ Иван Иванович (?—1737), писатель и переводчик. Родом из Ярославля, воспитывался в Московской духовной академии; состоял воспитателем и преподавателем словесности у кн. *А. Д. Кантемира* и вместе с тем переводчиком у его отца (перевел с латинского «Систему, или Состояние Мухамеданской религии» кн. *Д. К. Кантемира* (СПб., 1722). С 1727 был переводчиком при Академии Наук. Ильинский написал «Симфонию, или Согласие на священное четвероевангелие и Деяния св. Апостолов» (СПб., 1783, др. изд. 1761, 1821) и, по всей вероятности, принимал участие в составлении изданной Кантемиром «Симфонии на псалмы». В доме Кантемира Ильинский вел дневник «Notationes quotidianae» (часть его напечатана П. П. Пекарским в книге «Наука и литература при Петре»).

ИЛЬИНСКИЙ Николай Степанович (1759—1846), писатель. Родом из приказных. Служил в Пскове и Петербурге. При имп. Александре I состоял в Комиссии для составления законов и юрисконсульт Министерства юстиции. Ильинский любил занятия литературой. Писание стихов обратило на него внимание *Г. Р. Державина*. Основные мотивы писаний Ильинского — патриотизм и религиозное смирение, характерные и для его «Записок» («Русский архив». 1879. дек.), касающихся гл. обр. царствования имп. Павла I. Этими «Записками» пользовался М. А. Корф для своего труда «Жизнь графа Сперанского». Др. сочинения Ильинского: «Историческое описание города Пскова и его древних пригородов и пр.» (СПб., 1790—95, 6 частей); «В память славному мужу нижегородскому купцу Козьме Минину» — стихотворение, которое Ильинский поднес при весьма характерном прошении *Екатерины II*, в котором просил о постановке памятника знаменитому патриоту; «Описание жизни и приключений купца Козьмы Минина» (СПб., 1799), «Житие Франца Яковлевича Лефорта и опи-

сание жизни нижегородского купца Козьмы Минина» (СПб., 1799; 1-я ч. принадлежит И. Виноградову); «Мысль о человеке», с стихотворным посвящением *М. А. Ладыженскому*; «Изображение человека», в стихах (СПб., б. г.). Ильинскому, по-видимому, принадлежат и стихи: «На взятие Очакова» (СПб., 1790) и «Разные стихотворения», сочиненные во Пскове.

ИЛЬКЕВИЧ Григорий (?—1841), галицкий писатель, изучавший песни, пословицы и суеверия галицких русских. Был одним из основателей и деятельных членов кружка галичан-студентов Львовского университета, возникшего в н. 1830-х с целью возродить галицкую народность и литературу (в этот кружок входили *М. Шашкевич*, *И. Н. Вагилевич*, *Я. Ф. Головацкий* и др.). Статьи Илькевича вошли в известный сборник «*Русалка Днестровая*» (1837). Отдельно издал «Галицкие проповедки и загадки» (1841), куда вошли до 2700 пословиц.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, *богатырь*, центральный герой русского народного богатырского эпоса. Причислен к лику святых. В православных календарях 19 дек. отмечается как «память преподобного нашего Ильи Муромца, в двенадцатом веке бывшего». Воплотил в себе лучшие идеалы и чаяния народа, его понятия о добре и зле, о бескорыстии, о верности родной земле, о богатырской удали и чести.

«Спокойное величие древнего эпоса дышит во всех рассказах, и лицо Ильи Муромца выражается, может быть, полнее, чем во всех других, уже известных сказках», — писал *А. С. Хомяков* в предисловии к первой публикации *былин* из собрания *П. В. Киреевского* («Московский сборник», 1852), когда былины не считались *сказками*. В 1860 в первом выпуске «Песен», собранных П. В. Киреевским, была опубликована «Заметка о значении Ильи Муромца *К. С. Аксакова*. С этих работ основоположников славянофильства, а также со знаменитых лекций *С. П. Шевырева* о народном эпосе, прочитанных в 1844—45 в Московском университете, начинаются попытки осмысления образа Ильи Муромца. *К. С. Аксаков* обратил внимание на то, что образ Ильи Муромца является рубежом, разделяющим две эпохи в развитии русского эпоса. «Илья Муромец, — подчеркивал он, — не принадлежит к титанической, но к богатырской эпохе; он есть величайшая, первая человеческая сила». В 1869 вышло фундаментальное исследование «Илья Муромец и богатырство Киевское» крупнейшего фольклориста, историка литературы *О. Миллера*. Об Илье Муромце писали *Ф. И. Буслаев*, *А. Н. Веселовский*, *Вс. Миллер*, *А. И. Соболевский*, *А. В. Марков* и мн. др. дореволюционные исследователи русского эпоса. Из работ советского времени следует назвать прежде всего известную книгу *В. Я. Проппа* «Русский героический эпос» (1958), несколько глав которой полностью посвящены Илье Муромцу, статью и комментарии *А. М. Астаховой* к изданию «Илья Муромец» в серии «Литературные памятники» (1958). «Илья Муромец, — отмечает *А. М. Астахова*, — это образ огромной, осознающей себя, разумно, целесообразно направленной силы. Многочисленные подвиги Ильи Муромца, описанные в былинах, всегда связаны исключительно с задачей служения народу, он изображен в русском эпосе прежде всего как оберегатель родины. Илья Муромец борется с иноземными захватчиками, спасает родную землю от вражеских полчищ, побеждает чужеземных богатырей, приезжающих на Русь с враждебными намерениями. Ему также приписываются подвиги в борьбе с насильниками внутри страны, с разбойниками, от которых он очищает прямоезжие дороги, охраняя мирный труд и благосостояние народа».

Поиски исторических «прототипов» былинного Ильи Муромца не дали каких-либо ощутимых результатов. Причина одна: в летописях и др. исторических источниках нет похожего, хотя бы по созвучию, имени, как, напр., Тугорхан — Тугарин, Ставр Гордятинич — Ставр Годинович и т. п. Исследователи оказались лишенными возможностей для сближений, сопоставлений, гипотез. Единственная же прямая параллель с громовержцем Ильей Пророком была использована последователями «мифологической школы» в их трактовках образа Ильи Муромца, как двойного «замещения» в народном сознании языческого бога Перуна: Перун — Илья Пророк — Илья Муромец.

В исторических материалах исследователи не обнаружили даже таких параллелей. Хотя в зарубежных источниках это имя известно. В германских эпических поэмах, записанных в XIII в., но основанных на более ранних эпических сказаниях, упоминается Илья Русский. В поэме «Ортнит» рассказывается о царствующем в Гарде короле Ортните и о его дяде по материнской линии Илье Русском. Илья — центральный персонаж этой поэмы. Он оказывает Ортниту помощь, предводительствует его войсками, дает мудрые советы. О нем говорится как о выходе из Руси. «Я хочу пойти на Русь, — произносит он перед походом. — Прошел уже почти год с тех пор, как я был дома. Я бы с радостью увидел свой дом, свою жену, а также своих детей. Я должен увидеть тех воинов, которых тебе пообещал». А пообещал он королю Ортниту привести из Руси 5 тыс. воинов. Еще один вариант сказания об Ортните сохранился в скандинавской «Саге о Тидрике Бернском» («Тидрексаге»), записанной в Норвегии ок. 1250. В ней приводится несколько эпизодов, связанных с сильным витязем Ильей Русским. Немецкий исследователь эпоса К. Мюленгов еще в 1860 выдвинул гипотезу о переработках в германской поэме и скандинавской саге былинного образа Ильи Муромца. Эту гипотезу развивали или опровергали многие ученые, основываясь на «логике имен».

Но все это весьма отдаленные и условные параллели. В русских летописных и литературных источниках не сохранилось таких же записей об Илье Муромце, какие сохранились у двух др. богатырей былинной «троицы» — Добрыне Никитиче и Алевсе Поповиче. Тем не менее Илья Муромец — единственный герой русского эпоса, причисленный к лику святых (кн. Владимир Святославич тоже был канонизирован, но не как былинный герой). Существует одно из самых неопровержимых доказательств реальности Ильи Муромца — его гробница в знаменитой Антониевой пещере Киево-Печерского монастыря. Она находится рядом с гробницами первого русского летописца *Нестора* и первого русского иконописца Алимпия, мн. др. реальных исторических деятелей Киевской Руси, ее подвижников и великомучеников. Первое упоминание о мошах Ильи Муромца относится к к. XVI в. Посланник римского имп. Рудольфа II Эрих Лассота, побывавший в Киеве в 1594, оставил описание своего путешествия к запорожским казакам. Рассказывая о достопримечательностях киевского Софийского собора, он сообщает о гробницах кн. Ольги и Ярослава Мудрого, а затем добавляет: «В другом приделе церкви была гробница Ильи Муромца, знаменитого героя или богатыря, о котором рассказывают много басен. Гробница его разрушена, но в этом же приделе сохранилась гробница его товарища». Свидетельство римского посланника — не единственное. В известной книге Афанасия Кальнофойского, изданной в 1638, называется имя богатыря Ильи Муромца и даже сообщается дата его кончины — лет за 450 до написания книги. Отсюда возникла эта дата — 1188, как

дата кончины богатыря Ильи Муромца. Основоположник малороссийской фольклористики, друг *Н. В. Гоголя*, *М. А. Максимович* писал по этому поводу: «Афанасий Кальнофойский был один из тех ученых сподвижников достопамятного Петра Могилы, которые вместе с ним (1635) открыли гробницу св. Владимира в развалинах Десятинной церкви... Конечно, не наугад написал он свое показание о принадлежности Ильи Муромца 2-й пол. XII в. в киевских пещерах, над мошами почивающих там подвижников, были стародавние доски с краткими о них известиями. Теми надписями руководились все, писавшие в том веке о св. отцах Печерских». К числу таких свидетельств XVII в. относится изображение Ильи Муромца на гравюре киево-печерского «изобразителя» Ильи. Сохранилось более 400 его работ, в т. ч. и гравюры к «*Киево-Печерскому патерику*». Гравюра «Илья Муромец» входила в «Киево-Печерский патерик».

Канонизация Ильи Муромца, его гробница в Антониевой пещере — акрополе великомучеников и праведников Древней Руси — еще одно свидетельство огромной популярности образа былинного героя, его значения в народном сознании, в исторических судьбах Руси. Мировая литература — ни письменная, ни устная — не знает подобного случая причисления фольклорного, эпического героя к лику святых. Этот факт сам по себе принадлежит к числу исторических.

Илья Муромец вышел за пределы народного былинного эпоса, многочисленные сказки о нем, легенды, быльвальшины, народные лубочные картинки, как созданные на основе былинных сюжетов, так и вполне самостоятельные, — все это тоже продолжение «биографии» центрального былинного героя, его жизнь во времени, в веках.

Лит.: Илья Муромец / Подг. текста, ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958. Серия «Лит. памятники».

В. Калугин

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ, былина. В конфликт, в столкновение с кн. Владимиром вступают многие богатыри — Данило Ловчанин, Ставр Годинович, Суханьша Замантьев, Чурила, Иван Гостинный сын, Михайло Данилович. Причины конфликтов самые разнообразные: и коварство, и жестокость князя, и неосторожное слово, похвальба богатыря на княжеском пиру. Но в случае с Ильей Муромцем мы имеем дело не с отдельным эпизодом, а с постоянным конфликтом, отголоски которого можно встретить во многих былинах. Уже самая первая поездка Ильи Муромца в Киев влечет за собой столкновение с князем Владимиром, заканчивающееся «посрамлением» князя (см.: «Илья Муромец и Соловей-разбойник»). Теме ссоры главного героя русского эпоса Ильи Муромца с кн. Владимиром посвящены 2 былины: «Илья Муромец в ссоре с кн. Владимиром» и «Илья Муромец и голи кабацкие». Ссора с князем и бунт против князя лежат в основе сюжета этих былин. Отличаются лишь причины ссоры. В первом былинном сюжете кн. Владимир не узнает появившегося у него на пиру Илью Муромца, назвавшегося Никитой Заолешаниным, и сажает его не «со боярами», а «с детьми боярскими», что богатырь воспринимает как оскорбление богатырской чести (потому и назывались княжеские пиры «почетными»), он говорит князю: «Не по чину место, не по силе честь: // Сам ты, князь, сидишь со воронами, // А меня садишь с воронятами». Во 2-м былинном сюжете Илья Муромец вообще не получает приглашения на княжеский «почетный пир», а потому бросает вызов кн. Владимиру, устраивает свой пир для всех

«голей кабацких» (т. е. всей киевской бедноты). Илья Муромец заставляет кн. Владимира бить ему поклоны, князь посылает к богатырю «завывальщиков», которые упрашивают взбунтовавшегося богатыря сменить гнев на милость, пойти на княжеский пир. Оба этих былинных сюжета, как и былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник», заканчиваются «посрамлением» князя и полным торжеством Ильи Муромца.

В. Калугин

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ, *былина*. В эпосе любого народа есть свой центральный герой и свой центральный сюжет. В русском героическом эпосе они объединены в былинне «Илья Муромец и Калин-царь»: центральный эпический герой — Илья Муромец, центральный эпический сюжет — «борьба за землю святорусскую». Эта былина имеет совершенно исключительное значение еще и потому, что именно в ней с наибольшей силой выражена глубоко народная идея патриотизма, верности родной земле.

Как и в большинстве фольклорных произведений, это один из основных законов народного творчества — в былинне «Илья Муромец и Калин-царь» отражено не отдельное историческое событие, реальное сражение, на р. Калке в 1223 или на Куликовом поле в 1380, а целый ряд подобных сражений, как великих, так и малых. Перед нами эпическая условность — такого сражения не было и одновременно эпическое обобщение — такие сражения были; верность не букве, а духу истории.

Исследователи относят возникновение цикла былин о бое Ильи Муромца с Калином-царем (в некоторых вариантах — Ермака-богатыря с Калином-царем) ко времени первых столкновений Руси с «народом незнаемым». «Начало формирования цикла, — считает *А. М. Астахова*, — относится к XIII в., ко времени первых татарских нашествий, в дальнейшем под воздействием исторической действительности последующего времени цикл этот продолжал развиваться путем создания новых сюжетных ситуаций и путем включения в сложившиеся композиции новых эпизодов».

Былина «Илья Муромец и Калин-царь» входит почти во все фольклорные сборники, начиная со «Сборника Кириши Данилова», она известна в исполнении многих сказителей. Но самым признанным по своей полноте и художественным достоинством остался текст, записанный *А. Ф. Гильфердингом* 6 июля 1871 в Кижях от *Т. Г. Рябинина*.

В. Калугин

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК, *былина*. Первый подвиг Ильи Муромца связан с победой над Соловьем-разбойником, очищением «дорожки прямоезжей». Что имело большое значение и вполне соответствовало исторической действительности. Прямые дороги (по Днепру — к Черному морю или по Оке и Волге — к Каспийскому) обычно оказывались перехваченными: в X—XIII вв. — печенегами, хазарами, половцами, а позднее, с XIII по XVI в. — волжскими или крымскими татарами. Поэтою их очищение от «соловьев-разбойников», чинивших разбой, имело огромное значение, было равнозначно подвигу.

В былинне Владимир Стольно-киевский поначалу не верит Илье Муромцу, обвиняет его во лжи, не может допустить, что тот смог проехать «дорожкой прямоезжей», по которой не пройти ни человеку, ни коню, ни зверю. Это недоверие кн. Владимира имеет совершенно явное социальное звучание. Дочери Соловья-разбойника и кн. Вла-

димир называют Илью Муромца одинаково презрительно — «мужичишо-деревенщина». Тем большее значение приобретает последующая сцена, когда богатырь доказывает свою правоту. Первая же встреча Ильи Муромца с кн. Владимиром заканчивается посрамлением князя. Символически финал былинны. Любимый народный эпический герой расправляется с Соловьем-разбойником, чтобы тот больше «не слезил» отцов, матерей, «не вдвил» молодых жен, «не сиротил малых детушек».

Начиная с прозаических пересказов в рукописных сборниках XVII—XVIII вв., сборника *Кириши Данилова*, собраный *П. В. Киреевского*, *П. Н. Рыбникова*, *А. Ф. Гильфердинга* до фольклорных экспедиций 1960—70-х, было записано более 100 вариантов этой былинны. Известна она и в литературной обработке XVII в. — «История о славном и о храбром и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче и о Соловье-разбойнике», в *лубочной литературе*, а также в многочисленных сказочных вариантах. Это один из самых распространенных и популярных в народе былинных сюжетов.

В. Калугин

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА ЗАСТАВЕ БОГАТЫРСКОЙ, *былина*. Имеет несколько вариантов развития сюжета. В большинстве из них Илья Муромец встречается и вступает в поединок со своим «неузнанным» сыном Сокольников, или Подсокольников («Бой Ильи Муромца с сыном»), но есть варианты о бое Ильи Муромца с дочерью, с татарчонком, с богатырем-турком.

Отдельно и вполне самостоятельно существует еще одна версия этого сюжета — «Бой Ильи Муромца с Жидовином».

Все варианты и версии объединены единством места действия — богатырской заставой. Заставы богатырские, как и «дорожки прямоезжие» — не просто поэтический вымысел, плод народной фантазии, а отражение вполне реальной исторической действительности. Именно такие богатырские заставы ограждали Русь со стороны Дикого поля, первыми принимали на себя удары косоогов, хазар, печенегов, половцев, а позднее — «языц незнаемых», были военными крепостями, пограничными форпостами Древней Руси.

Былина «Бой Ильи Муромца с Жидовином» позволила исследователям провести вполне конкретную историческую аналогию. Киевская Русь в течение нескольких веков противостояла Волжской Хазарии, правящая верхушка которой, как известно, исповедовала иудаизм. В летописях хазары называются «жидове хозарстии» не по национальной, а по религиозной принадлежности. Русским богатырям приходилось не раз сталкиваться с хазарскими богатырями (таков Ратмир в пушкинской поэме «Руслан и Людмила», а в народном эпосе — *Михайло Козарин*). Время возникновения этого былинного сюжета относится к IX—XI вв., когда Хазарский каганат был одним из основных соперников Руси в Причерноморье и Приволжье. У *А. С. Пушкина*: «Как ныне собирается веший Олег // Отмстить неразумным хазарам». В былинне: Илья Муромец встречается на богатырской заставе богатыря-нахвалящика Жидовина.

В. Калугин

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ С ДОБРЫНЕЙ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ, *былина*. Относится к числу поздних в эпической «биографии» главного героя русского народного эпоса Ильи Муромца. Датируется XVII—XVIII вв. и связывается с казачьими песнями о Степане Разине, с казачьими походами на Каспийское (Хвалынское) море, столкновениями

с турками, нагайскими татарами и персами. В этой новой казачьей среде возник новый жанр — казачьих былинных песен. «Возникновение данной быliny, — отмечает *А. М. Астахова*, — свидетельствует о широкой популярности образа Ильи Муромца, о котором на основе позднейших исторических событий складывались новые героические сюжеты». В н. XX в. казачья былинная песня «Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле» приобрела широкую известность в исполнении Ф. И. Шаляпина.

В. Калугин

ИННОКЕНТИЙ (в миру **Борисов Иван Алексеевич**) (15[27]. 12.1800—26.05[7.06].1857), архиепископ, православный мыслитель, богослов, духовный писатель, проповедник. Родился в г. Елец Орловской губ. в семье священника. Учился в Воронежской и Орловской духовных семинариях, а затем в Киевской духовной академии (1819—23). В 1823 принял монашество. С 1836 епископ, с 1845 архиепископ. С 1848 управлял Херсонской епархией. С 1856 член Св. Синода.

Широкому кругу читателей имя Иннокентия стало известно после публикации в «Христианском чтении» (1828—30) «Последних дней земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» (отд. изд. по-смертно: ч. 1—5, СПб., 1857; Одесса, 1857; 3-е изд., ч. 1—2. СПб., 1907), объемного повествования с реконструкцией психологических мотивировок, не лишённой рационалистических элементов: события Священной истории показаны через отношение к ним народа Израиля, фарисеев, учеников Христа и самого Богочеловека. Здесь впервые в России Иннокентий применил т. н. историко-археологический метод (многочисленные обращения к историческим и географическим реалиям).

Будучи ректором Киевской духовной академии (1830—41; степень доктора богословия получил в 1829), Иннокентий коренным образом изменил систему обучения, приблизив ее к современной жизни; тесно общается с Евгением, в то время Киевским митрополитом, принимавшим непосредственное участие в начинаниях Иннокентия. В киевский период полно раскрылся его дар проповедника. По свидетельству митр. *Макария (М. П. Булгакова)*, «для слушания его слов, всегда произносившихся без пособия тетради... стекались несметные толпы: имя Иннокентия, как затмившего собою всех проповедников, когда-либо бывших в Киеве, переходило из уст в уста» (сборник «Венок на могилу высокопреосвященного Иннокентия, архиеп. Таврического». М., 1867). Издания «слов» Иннокентия, и особенно его «Седмиц» («Светлая седмица»; к 1842 вышло 4 изд. в Киеве и 3 изд. в Москве; «Страстная седмица», к 1843 — 6 изд. в Харькове, в Москве — впервые в 1841, и др.), по воспоминаниям того же Макария, с «жадностью читались и перечитывались... людьми всех сословий» (там же). В 1836 Иннокентий был избран членом Российской академии по Отделению русского языка и словесности. Им был основан при Киевской академии духовный журнал «Воскресное чтение» (1837).

Во время Крымской войны 1853—56 проповедует на бастионах и в военных лагерях; образцы его духовной патриотической публицистики составили «Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского...» (т. 1—2, Одесса, 1855—56).

Речи, слова, проповеди и поучения Иннокентия входили в круг чтения русского общества 1830—40-х. «Слова к пастве вологодской...» (Киев, 1843; рец.: Библиотека для чтения, 1843, т. 61), «Великий пост, или Беседы...» (Харьков, 1847) и указанные «Седмицы» получили высокую оценку *С. П. Шевырева* за «Жизненность» и современность: Иннокентий «взглядом проницательным постиг современные недуги, признал и объявил их вслух» («Москвитянин». 1842. № 4). Об отзывчивости Иннокентия на «врачевание» «немошей» современного человека («душевная холодность» и «умственная запальчивость», «утонченное раздвоение ума») говорил и *И. В. Киреевский* в своей рецензии на «Молитву св. Ефрема Сирина» и «О грехе и о его последствиях» (обе — Харьков, 1844) — сочинения Иннокентия, «равно согревающих сердце человека безграмотного и многоученого»; богословские сочинения Иннокентия, по мнению Киреевского, составляют «богатое украшение нашей словесности вообще».

Иннокентий творчески обогатил русскую проповедь, освободив ее от схоластики, изобилия славянизмов, свойственных церковному красноречию XVIII и н. XIX в.; язык и слог Иннокентия способствовали усвоению народными кругами литературного языка. По композиции слова и поучения Иннокентия — небольшие духовно-назидательные произведения с эффектным, психологически острым, неожиданно-оригинальным началом. Иннокентий умело переходит от внешнего образа к внутреннему, духовному. Иногда он в целях образного назидания вносит в проповедь картины природы; патетичность нередко сменяется лиризмом.

Иннокентий был близок ко многим представителям русской культуры — *Н. В. Гоголю*, Шевыреву, *М. П. Погодину* (см. статью последнего в сб. «Венок...» и письма к Иннокентию 1847—56 в кн.: Письма разных лиц знаменитому архиеп. Иннокентию Борисову... М., 1884); из литераторов был знаком также с *М. А. Максимовичем*, *А. И. Кошелевым*, *А. С. Хомяковым*, *Н. Ф. Щербиной*, *И. И. Давыдовым* и др., состоял в переписке с *С. С. Уваровым*, *А. С. Норовым*, *Я. И. Ростовцевым*. Гоголь встречался с Иннокентием, благословившим его на поездку к святым местам.

Соч.: Соч. Т. 1—12. СПб., 1901. Соч. Кн. 1—7. СПб., 1907.

Ист.: Гумеров Ш. Иннокентий (Борисов) // Русские писатели 1800—1917. Т. 2. М., 1992.

ИННОКЕНТИЙ ВОЛОГОДСКИЙ (Комельский), в миру — **Иван Охлябинин**), святой, (XV—XVI вв.), духовный писатель, основатель Спасо-Преображенского Комельского монастыря.

Родом из князей Охлябиных. Вместе со своим наставником *Нилом Сорским* путешествовал на Афон и в Константинополь, вернулся в Кирилло-Белозерский монастырь, ушел в Сорский скит и потом отправился в Комельский лес (Вологодская обл.), где стал основателем монастыря, получившего впоследствии название Иннокентиева и Комельского (упразднен в 1764). Сведения о жизни Иннокентия Вологодского противоречивы: с одной стороны, он якобы оставил Сорский скит после смерти Нила Сорского (1508), с др. — его кончина датируется 1491. Похоронен в основанном им монастыре.

Писания Иннокентия Вологодского развивают идеи Нила Сорского. Ему приписывают тропарь, кондак и икос сорскому

скитнику, а также Надсловие и Пристяжение к Ниловому Уставу и Преданию, в которых «умная молитва» не только уравнивается в спасительной силе с внешними деаниями, но и определенно превозносится над ними. Иннокентий Вологодский жестко обличал «самочинников» — отшельников, дерзко освободившихся от какого-либо надзора и контроля.

Иннокентий Вологодский — автор «Завета», т. е. Устава монахам его обители. За основу взяты предписания Нила Сорского. В собственных наставлениях Иннокентий Вологодский также следует своему учителю — призывает иноков жить мирно, не принимать юных и безбородых, не допускать в монастырь женщин. Кроме того, он просит поставить церковь в память Иоанна Крестителя, «наставника всем инокам и пустынножителям»; требует считать кельи братьев, покинувших обитель, собственностью обители, наконец, он велит изгонять всякого монаха, который не пожелает «управляти своя жителство по Бозе и святых отец предании и по писанию господина и учителя моего Нила, и по сему нашему Завету», призывая, однако, принимать и прощать одумавшихся.

Память игум. Иннокентию отмечается 13/26 марта.

ИННОКЕНТИЙ (Гизель), архиепископ (ок. 1600—18[28]. 11.1683), церковный деятель, историк, духовный писатель.

Архиеп. Иннокентий происходил из прусской протестантской семьи. В Киеве принял Православие, постригся в монахи. По инициативе Петра Могилы получил образование в Западной Европе, а по возвращении стал учителем Киевской коллегии.

В 1643 — игумен Дятловского монастыря, затем — Киево-Братского (и ректор Киевской коллегии), Кирилловского, Киево-Никольского. В 1656 архиеп. Иннокентий достиг вершины своей карьеры: архимандрит Киево-Печерской лавры. Будучи в числе авторитетнейших малороссийских иерархов, архиеп. Иннокентий активно участвовал в политической жизни. Он, с одной

стороны, придерживался московской ориентации, проявляя заботу о царских войсках, стремясь предупредить польские выступления казачества, а с др. — противился подчинению Киевской митрополии Московскому патриарху (переговоры в Москве 1654). Ректор коллегии, архиеп. Иннокентий оказывал поддержку и даже воспитал видных писателей и деятелей духовного просвещения — *Лазаря Барановича*, *Епифания Славинецкого*, *Симеона Полоцкого*, *Иоанникия Галатовского*, *Антония Радивилловского*.

Архиеп. Иннокентий известен как автор «*Синописа*» (печатные издания 1674, 1678, 1680; возможно, существовали и более ранние). Это изложение событий русской истории по 1679 пользовалось популярностью вплоть до времен *М. В. Ломоносова*. Поскольку «Синописис» печатался в типографии Киево-Печерской лавры без имени архиеп. Иннокентия, высказывались сомнения в его авторстве, но большинством исследователей оно принимается.

Перу архиеп. Иннокентия принадлежит богословский трактат «Мир человека с Богом» (1669, 1671), посвященный исповеди и излагающий взгляд на таинства, которого

впоследствии придерживались московские «латинствующие»; оставшееся ненапечатанным антикатолическое сочинение «О истинной вере»; значительное число писем. Известно, что до поставления в Печерские архимандриты архиеп. Иннокентий произносил проповеди, но тексты их не обнаружены.

«Синописис» архиеп. Иннокентия сыграл важную роль в славянской культуре XVII—XVIII вв., он включался в русские хронографы последней трети XVII в., в т. н. «подробную летопись» (XVIII в.), использовался историками *С. Величко*, *В. Н. Татищевым*, *М. В. Ломоносовым*, *Паисием Хилендарским*. «Мир человека с Богом» воздействовал на спор о времени пресуществления Святых Даров (1680-е). Об архиеп. Иннокентии сохранились исполненные уважения и восхищения отзывы *Антония Радивилловского*, *Лазаря Барановича*, *Дмитрия Ростовского*, *С. Величко*.

М. О.

ИОАКИМ (в миру **Иван-Большой Петрович Савёлов**) (6.01.1621—17.03.1690), патриарх Московский и всяя Руси в 1674—90, автор поучений, полемических произведений и посланий. Московский дворянин, ведущий род из Великого Новгорода. До н. 50-х XVII в. находился на военной службе. Узнав о смерти жены и детей, в 1652 постригся в монахи в Киевском Межигорском монастыре под именем Иоакима. В 1664—72 Иоаким был архимандритом Чудова монастыря в Москве, что приблизило его ко двору царя Алексея Михайловича. В 1672 Иоаким принял сан митрополита Новгородского. После смерти патр. Питирима, в 1674 стал патриархом.

По своим взглядам Иоаким был убежденным «грекофилом», активно отстаивал новые обрядовые и догматические правила, введенные во время церковной реформы. В годы его патриаршества Церковь жестко боролась как со старообрядцами, так и с «латинствующими». В 1682 к смерти были осуждены ведущие деятели старообрядчества, в т. ч. протопоп *Аввакум*. На 80-е приходится пик массовых самосожжений старообрядцев, в которых погибло ок. 20 000 чел. В 1689 Иоаким добился немедленного изгнания из России иезуитов. В 1690 Церковный собор осудил «латинствующих еретиков». В 1685 усилиями патр. Иоакима и руководителя правительства царевны Софьи В. В. Голицына в состав Московской патриархии вошла Киевская митрополия, с к. XV в. подчинявшаяся Константинопольскому патриархату. Принимал активное участие в политической жизни государства. В 1689 поддержал Петра I в его борьбе с царевной Софьей.

Патр. Иоаким был непримирим к иностранцам: отказывался обедать с ними за одним столом, запрещал обращаться к немецким врачам. Перед смертью составил духовное завещание, в котором содержался завет царям, отличающийся суровой неприязнью к иноземцам. После смерти патриарха обсуждался вопрос о его канонизации и было написано Житие (автор неизвестен, предполагается, что ими могли быть или Игнатий Римский-Корсаков, или безымянный инок, иконописец Новоспасского монастыря).

Патр. Иоаким является автором нескольких сочинений, многие из которых печатались в Московской типографии. Все его произведения являются откликами на события политической и церковной жизни. Наиболее известные: «Слово на Никиту Пустосвята», «Возглашение увещательное всему российскому народу», «Слово благодарственное о избавлении Церкви от отступников». Более 40 посланий, грамот и писем патр. Иоакима вошли в сборник под на-

званием «Икона, или изображение великие соборные церкви всероссийской и всех северных стран патриарша престола приключившихся дел в разные времена и лет». Два произведения Иоакима опубликованы в составе сборника *Евфимия Чудовского «Остен»*.

Кроме того, патр. Иоаким, видимо, участвовал в создании Иоакимовской летописи, «Краткого летописца новгородских владык», Мазуринской летописи.

С. Перевезенцев

ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ (в миру **Иоанн Ильич Сергиев**) (18[30] или 19[31].10.1829—22.12.1908[4.01.1909]), проповедник, духовный писатель; святитель. Родился в с. Сура Пинежского у. Архангельской губ. Отец — псаломщик из рода священнослужителей, насчитывавшего 350 лет; мать — крестьянка. По окончании Архангельской духовной семинарии (1851) был послан на казенный счет в Петербургскую духовную академию (1851—55); окончил кандидатом богословия (диссертация «О Кресте Христовом, в обличение мнимых старообрядцев»). Священник (с 1855), митрофорный протоиерей (с 1898) Андреевского собора в Кронштадте. Законоучитель в городском училище (1855—62) и классической гимназии (1862—89) в Кронштадте. Член Синода (1907).

Иоанн Кронштадтский был дан русскому народу накануне великих кровавых испытаний. Простой, бесхитростный батюшка, родом из глухого северного села, своей дерзновенной молитвой и непоколебимой верой в милосердие Божие исцелил и обратил на путь истинный десятки и сотни русских людей, живших в прагматичный и не склонный к чудотворениям век. Цари и вельможи, купцы и фабриканты, священнослужители, рабочие, крестьяне,

православные и католики, мусульмане и иудеи — звали его к себе или стремились в Кронштадт к батюшке Иоанну. Он, в ученические годы мечтавший посвятить себя миссионерскому служению среди диких народов Азии или Америки, в сер. XIX в. обнаружил дикие нравы и непросвещенный народ — своих соотечественников в портовом городке возле самой столицы. Законоучитель, молитвенник, пастырь, врачеватель душ и телес, основатель школ, мастерских, библиотек, приютов, наконец, монастырей и храмов в различных епархиях... Через его руки проходили миллионные пожертвования, возле его дома пришлось открыть специальное почтовое отделение — столь велика была корреспонденция, получаемая им со всех концов света... Ежедневный служитель Божественной литургии, проводивший 12-часовые исповеди, на которые приходили по шести тысяч человек... Это было явление необычайное даже в истории Церкви. Батюшка Иоанн призывал хранить веру, царя и Отечество. Заветы великого молитвенника не были исполнены, но исполнились его суровые пророчества. Однако множество душ и в последующие годы было спасено его посмертным предстательством.

Вера в чудотворную силу молитв Иоанна Кронштадтского, постепенно распространившаяся в обществе (так, он был приглашен семьей к умиравшему *М. Е. Салтыкову-Щедрину*; на его руках скончался Александр III), его постоянные разъезды по стране и «выходы» к народу, а также деятельность основанных им благотворительных учреждений в Кронштадте с сер. 80-х приковали к нему внимание: «Он окружен густою толпой и еле движется... Его буквально рвут на части, и огромных усилий ему стоит сесть на извозчика, за которым бежит толпа без шапок». В сознании народа Иоанн Кронштадтский был олицетворением народного представления о русской святости и поэтому пользовался исключительной любовью.

В русскую литературу Иоанн Кронштадтский вошел как великий духовный писатель. Его беседы, проповеди, поучения, слова и т. п. сыграли большую роль в воспитании русского народа.

В 1890—94 вышло «Полное собрание сочинений» Иоанна Кронштадтского в 6 томах, из которых некоторые переиздавались много раз. Позже появились в печати: «Моя жизнь во Христе, или Минуты духовного трезвления и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге» (М., 1891), «Беседы о Боге Творце и Промыслителе мира» (СПб., 1896), «Мысли о различных предметах христианской веры и нравственности» (СПб., 1897; 2-е изд. 1899), «Несколько слов в обличение лжеучения графа Л. Н. Толстого» (М., 1898), «Слова и поучения, произнесенные в 1896, 1897 и 1898 годах» (СПб., 1897—99), «Правда о Боге, о церкви, о мире и о душе человеческой. Из нового дневника. Размышления православного христианина» (М., 1900), «О блаженствах евангельских» (СПб., 1896); «Правда о Боге, мире и человеке» (Кронштадт, 1899); «Богопознание и самопознание, приобретаемые из опыта» (СПб., 1900); «Благодатные мысли о небесном и земном» (СПб., 1901); «Христианская философия» (СПб., 1902); «Созерцания и чувства христианской души» (СПб., 1905); «Мысли христианина» (СПб., 1905).

Особой популярностью пользовался дневник Иоанна Кронштадтского, выходивший под названием «Моя жизнь во Христе». Он представлял собой собрание молитв, бесед со своим «я», носящих характер нравственной рефлексии, и проповеднических фрагментов. Публикация дневника имела целью представить читателю «школу духовной жизни», благотворность которой, кроме укорененности в цер-

ковном учении, удовлетворялась еще и духовной практикой самого автора («истинно с опыта!» — то и дело пояснял Иоанн Кронштадтский то или иное свое свидетельство или рекомендацию). Высоко оценивая богословское достоинство «Моей жизни во Христе», прот. Г. В. Флоровский подчеркивал, что «это дневник созерцателя, а не моралиста. И молитва не лирика, не только устремление души, но именно ее встреча с Богом, веяние Духа, духовная реальность... У о. Иоанна вновь открывается “забытый путь опытного богопознания...” и в этом “опыте”, духовном и евхаристическом, преодолевается всякий богословский “психологизм”».

Б. Е., А. И., П. С.

ИОАНН (в миру **Снычев Иван Матвеевич**), митрополит С.-Петербургский и Ладужский (9.10.1927—2.11.1995), всероссийский проповедник, христианский мыслитель и писатель, доктор церковной истории.

Родился в с. Ново-Маячка Херсонской обл. в крестьянской семье. Родители его хотя изредка и посещали храм Божий, но особого внимания религиозному воспитанию детей не уделяли. Однако Господь Сам вел Своего избранника. Еще в отрочестве Иоанн никак не мог примириться с атеистическим понятием о смерти как об исчезновении, о небытии и пытался узнать, как учит о жизни и смерти Православие. Но окончательно и бесповоротно он пришел к Богу в 16 без малого лет. Это случилось 1 авг. 1943, в день памяти прп. Серафима Саровского и канун праздника пророка Илии. В тот вечер он пришел на танцплощадку, чтобы посмотреть, как отдыхают другие. И вдруг произошло нечто необычайное: «Будто пелена свернулась с моих

глаз — слева направо, — рассказывал впоследствии владыка, — и в образах танцующих я увидел не людей, а кривляющихся бесов, от которых исходил смрад и леденящий, адский холод». Когда видение кончилось, будущий архипастырь в страхе бежал с танцплощадки. Бежал — с верой в Бога. Господь послал в духовные руководители неопиту благочестивую подвижницу Февронию и священника о. Леонида Смирнова, который впервые напутствовал юношу Святыми Таинами. В к. 1944 Иоанн был призван в армию, в 36-й стрелковый полк. Через несколько месяцев службы он попал в санчасть, а оттуда, по проискам врача-еврейки, недовольной тем, что больной молился и соблюдал пост, — в дом для умалишенных, под Уфу. Однако предательством Пресвятой Богородицы юношу скоро, 20 апр. 1945, отпустили домой, признав здоровым в смысле рассудка, но негодным к несению воинской службы.

После возвращения из армии Иоанн стал пономарем Петропавловского храма в г. Бузулуке Оренбургской обл. Отсюда его взял себе в келейники правящий архиеп. (впоследствии митрополит) Мануил (Лемешевский), ставший его духовным руководителем. Келейник нес послушание в келье владыки и в храме в качестве иподиакона. Кроме того, ему было поручено почти после каждой литургии пересказывать прихожанам *жития святых*. 9 июня 1946 после пострига в рясофор он был рукоположен своим старцем-архиереем во диакона, а 14 янв. 1948 — во иерея. Вскоре владыку Мануила арестовали. За годы разлуки со своим духовным отцом о. Иоанн закончил Саратовскую духовную семинарию (1951) и Ленинградскую духовную академию (1955) со степенью кандидата богословия, после чего его оставили профессорским стипендиатом на кафедре сектоведения. В дек. 1955 вернувшегося из ссылки архиеп. Мануила назначили на Чебоксарскую кафедру. О. Иоанн, как мог, помогал ему в научных изысканиях и в свободное от стипендиатской работы время составлял вместе с ним «Чин архиерейского отпевания». Осенью 1956 о. Иоанн был пострижен в мантию и назначен преподавателем Минской духовной семинарии. Там он преподавал гомилетику и практическое руководство для пастырей, одновременно заведя семинарской библиотекой. В сент. 1957 по ходатайству архиеп. Мануила иеромонах Иоанн был освобожден от преподавательской деятельности. Он приехал к старцу в Чебоксары, где в теч. 2 лет помогал ему работать над капитальными трудами: «Каталог русских православных архиереев периода с 1893 по 1956», «Топография архиерейских кафедр и викариатств того же периода» и «Фотоальбом православных архиереев от начала Крещения Руси до 1958». За участие в их написании патриарх Алексий наградил в марте 1959 иеромонаха Иоанна крестом с украшениями. С сент. 1959 по сент. 1960 он преподавал в Саратовской духовной семинарии гомилетику, сравнительное богословие и Священное Писание Ветхого Завета, а затем вновь был направлен в распоряжение Высокопреосвященного Мануила, в то время бывшего уже архиепископом Куйбышевским и Сызранским. Владыка назначил его священником и ключарем Покровского кафедрального собора г. Куйбышева (Самары). Совершая священническое служение в соборе, иеромонах Иоанн продолжал заниматься научной работой, помогая своему старцу в литературных трудах и готовя магистерскую диссертацию. За эти годы он сумел собрать богатый архив по церковной истории. В апр. 1961 иеромонаха Иоанна возвели в сан игумена, а к Пасхе 1964 — в сан архимандрита. Наконец, 12 дек. 1965 состоялась его хиротония во епископа Сызранского. В февр. 1966 владыка Иоанн защитил

в Московской духовной академии диссертацию и был удостоен ученой степени магистра богословия. В 1969 он был утвержден епископом Куйбышевским и Сызранским, а с сент. 1972 ему поручили к тому же временное управление Чебоксарской епархией. В сент. 1976 еп. Иоанн был возведен в сан архиепископа. В июне 1987 он впервые посетил Святую Землю. В 1988 за чтение в Ленинградской духовной академии курса лекций по новейшей церковной истории получил звание доктора церковной истории. С авг. 1990 Высокопреосвященнейший Иоанн в сане митрополита возглавил С.-Петербургскую кафедру.

Много пришлось потрудиться владыке по восстановлению и ремонту возвращенных епархий храмов. Возобновились богослужения в Казанском и Измайловском соборах, старинных церквях свв. Симеона и Анны, Пантелеимона, Благовещения и мн. др. Общее число действующих храмов выросло в епархии почти в 3 раза. Архиепископ возстановил в северной столице утраченную практику грандиозных крестных ходов. Святитель редко покидал свою епархию. В основном он ездил в Москву на заседания Св. Синода, постоянным членом которого являлся с 1990. Принимал участие в работе комиссии по подготовке канонизации свв. царственных мучеников, состоявшейся уже после его кончины. В дек. 1994 митр. Иоанн вновь посетил Святую Землю, где отслужил литургию в храме Воскресения Христова у Гроба Господня. Ко времени приезда в С.-Петербург владыка был уже не только опытным архиереем, но и дивным старцем, окормлявшим сотни духовных чад, стяжавшим от Господа множество Его дивных дарований: милосердия, нестяжательности, прозорливости, а главное — ревностной, богоугодной молитвы, многократно спасавшей от бед и напастей обращающихся к нему за помощью. Но в северной столице Господь возложил на избранника Своего еще одно служение — всероссийскую проповедь Православия пред лицом утративших веру соотечественников. Проповедуя за каждым богослужением, митр. Иоанн находил время встречаться с горожанами на вероучительных беседах, выступать в телепрограммах, участвовать в деятельности учебных заведений и культурно-просветительских организаций. По его инициативе возродился журнал «С.-Петербургские епархиальные ведомости», начала выходить газета «Православный С.-Петербург», было создано православное книжное издательство «Царское дело». Сам же архиепископ со страниц всероссийской прессы (прежде всего газеты «Советская Россия» и журнала «Наш современник») обращался к своим обезверившимся соотечественникам с пламенными словами проповедей, где доступным, понятным каждому языком разъяснял, что есть для русского человека вера Православная и что вообще значит — быть русским.

Причины нынешней русской смуты, трагедия уничтожения великой некогда державы, духовное одичание народа, отданного на откуп лжеучителям и слепым вождям, — таковы лишь некоторые темы многочисленных выступлений владыки Иоанна на страницах российской печати. В чем смысл русской истории? Что необходимо сделать, чтобы возродить самосознание русского народа, величие и мощь Святой Руси? Есть ли враги у национальной России? Как осуществляется в нашей многострадальной стране тайна беззакония? Ответы на эти и др. вопросы давал митрополит в своих литературных трудах. Издательство «Царское дело» выпустило в свет в 1991—95 книги митр. Иоанна «Самодержавие Духа», «Одоление смуты», «Голос Вечности», «Русь Соборная», «Стояние в вере»...

Владыка неустанно напоминал, что русский — понятие не национальное, а вероисповедное, что Россия сильна только

верой Православной, а без нее отечество наше ждет разорение и окончательная погибель:

«Помним ли, знаем ли мы, что означает быть русским? Что для этого надо? Достаточно ли иметь соответствующую запись в паспорте или требуется нечто еще? Если требуется, то что именно? Ответить на эти вопросы — значит обрести точку опоры в восстановлении национально-религиозного самосознания, опомниться после десятилетия атеистического космополитического забвения, осознать себя — свой путь, свой долг, свою цель. Для этого надо прежде всего вернуть народу его историческую память. Только вспомнив, “откуда есть пошла русская земля”, где, в какой почве окрепли благодатные корни, в течение десяти веков питавшие народную жизнь, можно правильно ответить на вопросы, не ответив на которые не жить нам дальше, а догнывать. На этом пути не обойтись без Православной церкви, древнейшего хранилища живой веры и нравственной чистоты. Без ее любовного, отеческого окормления — запутаемся и заблудимся, утонем в пучине противоречивых стремлений, честолюбивых амбиций, лукавых советов» («Одоление смуты»).

«Россия... Святая Русь... Дом Пресвятой Богородицы... Что стоит за этими именами? Не разобравшись в том, какво действительное, непридуманное содержание тысячекратней русской истории, в том, чем была Русь в собственных глазах и пред лицом Божиим, — не устраним и нынешний пагубный разброд в среде русских патриотов. Россия есть государство народа русского, которому Господь вверил жертвенное, исповедническое служение народа-богоносца, народа — хранителя и защитника святынь веры. Эти святыни есть религиозно-нравственные начала, позволяющие строить жизнь личную, семейную, общественную и государственную так, чтобы воспрепятствовать действию зла и дать наибольший простор силам добра. Именно таким было исторически сложившееся самовоззрение россиян. Это — основа основ русского самосознания в том виде, в котором сформировали его десять веков отечественной истории. Оно столетиями лежало в основании государственной политики Русской державы» («Одоление смуты»).

«Вот уже несколько лет, как по всем земным законам и человеческим расчетам Россия должна пылать в огне гражданской войны, гибнуть во мраке и гладе хозяйственной разрухи, безвластия, беззакония и хаоса. Что же удерживает ее от этой страшной судьбы? Наше рачение и предусмотрительность? Нет! Наша бдительность, мудрость и мужество? Нет! Наше единство, сила и верность долгу? Нет! Промысел Всеблаготворного Бога, попирая “чин естества”, сокрушая неизбежность земных закономерностей и расчеты многоопытных губителей, хранит Русь на краю пропасти, милосердствуя о нашей слепоте и немощи, давая — в который раз! — время одуматься, раскаяться, перенести-ся. И что же? Пользуемся ли мы этим щедрым, незащищенным даром? Увы, мы ищем оправданий, усматривая причины произошедшего где угодно: в неблагоприятных исторических условиях, в предательстве вождей, в недостатках ближних, во внешнем влиянии — но только не в самих себе! Полно глумиться над истиной — Бог поругаем не бывает! Мы сами, со своими пороками и страстями: властолюбием и тщеславием, завистью и лицемерием, высокоумием, превозношением и маловерием — причина всех бед!» («Одоление смуты»).

Все смуты, все революции, происходившие на Руси, говорил святитель, были результатом богоотступничества и клятв-вопребступлений русского народа:

«Смута означает утерю народом, обществом, государством согласного понимания высшего смысла своего существования» («Русская симфония»).

«Не случайно обе величайшие русские смуты (н. XVII и н. XX в.) связаны с царевубийством. В первом случае обезумевшая толпа, обманутая самозванцем, вломилась в Кремль, предав законного государя, сына Бориса Годунова Феодора Борисовича с матерью в руки бессовестных убийц, во втором — у имп. Николая II насилем и ложью было вырвано отречение от престола, в результате которого полтора года спустя вся августейшая семья пала жертвой убийц-изуверов...» («Русская симфония»).

Что же требуется от народа, по мысли архипастыря, чтобы остановить беспредел?

«Ни молитвы праведников, ни подвиги терпения скорбей сами по себе недостаточны для того, чтобы обуздать злокозненных бесов смуты, зловещих демонов междоусобия и раздора. Необходимо осознанное покаяние, закрепленное соборным действием, направленным на устранение причин, породивших хаос» («Русская симфония»).

Немало статей-проповедей митр. Иоанн посвятил демократии, ее лукавым, оболстительным принципам.

«Все идеи демократии замешаны на лжи, — писал он. — Уже в определении — ложь! Слово это переводится на русский язык как “власть народа” или “народоправство”, но ни в одной из стран, считающихся демократическими, народ на деле не правит. Заветный плод государственной власти всегда в руках узкого слоя, немногочисленной и замкнутой корпорации людей, чье ремесло — политика, профессия — жестокая и беспощадная борьба за эту власть. Более того, человеческая история на всем своем протяжении не знала ни одного государства, где был бы на деле реализован принцип народоправства. Древняя Греция, Древний Рим — страны-родоначальницы демократии, ее классические представители — одновременно являлись классическими рабовладельческими хищниками, относя сам термин “народ”, “граждане” лишь к элитарному кругу людей, составлявшему ничтожный процент от общего населения страны...» («Русская симфония»). «Благородная, на первый взгляд, идея абсолютизации “прав” питает гордыню, высокоумие и тщеславие, ведет к обособлению, разделению, противопоставлению интересов и, в конечном счете, к сословной и классовой вражде, к войне “всех против всех”, по-живому рассекающей народное тело... Формальное право есть лишь инструмент реализации в жизни общества определенного нравственного идеала. Как всякий инструмент, само по себе право нейтрально, оно может быть использовано как на пользу, так и во вред. На пользу — тогда, когда способствует воплощению в жизнь высших религиозно-нравственных законов праведности, милосердия и любви. Т. е. тогда, когда помогает созданию условий для торжества добродетели и обуздания порока. Придавать же формальному праву самодовлеющее значение — гибельная ошибка! Еще хуже, когда говорят, что право должно фиксировать существующее положение вещей, “естественные” человеческие запросы. Т. о. подспудно признается законность, легальность страстей, греховных язв, равно гибельных для духовного здоровья личности и основ государственной безопасности. “Настроив” правовую систему определенным образом, можно исподволь и незаметно, действуя полностью в рамках закона, развалить изначально прочную страну, растлить здоровый и нравственный народ. Такова реальная цена “правового идолопоклонства”, являющегося одной из основополагающих черт демократической квазирелигии» («Русская

симфония»). Размышляя о власти, «оптимальной, исторически опробованной, естественной формой государственного бытия российской цивилизации» митр. Иоанн признавал монархию. Однако, говорил он, «восстановление монархии в России немислимо без одновременного духовного возрождения и всестороннего просвещения обманутого и оболганного русского человека, который стараниями разномастных политиков сегодня окончательно запутался в вопиющих противоречиях эпохи. Необходимо найти действенные и эффективные способы, чтобы объяснить людям: монархия означает вовсе не произвол бесконтрольной власти, но, наоборот, — самую совершенную форму правовой государственности, возводящую ответственность как правителей, так и подданных к высшим источникам правосознания — к совести, к патриотизму, к Богу и Его святым заповедям» («Одоление смуты»).

Среди многочисленных проблем современной России, которые затрагивал в своих трудах владыка Иоанн, ни одна, пожалуй, не вызвала столь шумной полемики, как проблема русско-еврейских отношений. Дело дошло до того, что Первый съезд Конгресса еврейских организаций и общин России (23 февр. 1993) заявил о своем намерении обратиться к патриарху Алексию II с требованием «принять неотложные меры в связи с публикациями митрополита Иоанна». При этом Генеральный секретарь Всемирного еврейского конгресса Израэль Зингер заявил: «Мы найдем лучших адвокатов, неважно, сколько нам это будет стоить...» (Сообщение агентства РИА, 24 февр. 1993). Шума и скандалов было столько, что стороннему наблюдателю могло показаться, будто эта тема является едва ли не главной в публицистической деятельности петербургского архиерея. На самом же деле в многочисленных трудах владыки ей посвящены 3 статьи («Тайна беззакония», «Творцы катаклизмов», «Нераскаянное преступление»), 2 интервью и небольшая глава о ереси жиждовствующих в книге «Самодержавие Духа». Причем в большинстве случаев инициатива обсуждения этого вопроса исходила вовсе не от митр. Иоанна. Для него русско-еврейский вопрос всегда был второстепенным, эпизодическим, и затрагивал его архипастырь лишь постольку, поскольку обсуждая проблемы русского духовного возрождения, невозможно было миновать тему межнациональных отношений в России.

Благодаря активной публицистическо-проповеднической деятельности, митр. Иоанн стал признанным духовным лидером православно-патриотических, национальных сил России, создателем современной идеологии русского национального возрождения. Он стал тем звеном, которое соединило современную Россию с ее многовековой исторической и религиозной традицией, доказав жизнеспособность и перспективность «русской идеи» перед лицом либерально-демократического засилья и богоборческих прожектов «нового мирового порядка». Митр. Иоанн опроверг многочисленные измышления о «неспособности Церкви ответить на вызовы современности», о «духовном бессилии Московской патриархии», о «поголовной продажности иерархов» и «полной зависимости РПЦ от кремлевских политиков». Он открыл для публичного, гласного и конструктивного обсуждения многие «запретные» темы. Но самое главное — то, что митр. Иоанн сумел сформулировать целостную, подробную и исторически обоснованную идеологию русского национально-религиозного возрождения, соответствующую современным запросам общества, нынешнему положению Российского государства и русского народа.

«Доктрина митрополита Иоанна» сводится к нескольким важнейшим истинам:

- «Русская идея» — это неутолимое стремление к святости, праведности и чистоте;
- «Русская демократия» — это соборность;
- «Русская идеология» — это Православие;
- «Русский порядок» — это державность;
- «Русское государство» — это Россия во всем многообразии исторических форм ее существования;
- государственно-политический и одновременно нравственно-религиозный идеал России — Святая Русь;
- Патриотизм — религиозный долг каждого благочестивого христианина;
- Русская православная церковь — соборная совесть народа...

2 нояб. 1995 митр. Иоанн скоропостижно скончался в результате сердечного приступа. Похоронен он на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Надпись на кресте лаконична: «Иоанн (Снычев), Божией милостию митрополит С.-Петербургский и Ладожский, священноархимандрит Александро-Невской лавры».

Соч.: Митрополит Мануил (Лемешевский). Биогр. очерк. СПб., 1993; Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского. Тула, 1994; Голос вечности. Проповеди и поучения. СПб., 1994. Русь Соборная. Очерки христианской государственности. СПб., 1994; Самодержавие Духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994; Стояние в вере. Очерки церковной смуты. СПб., 1995; Одоление смуты. Слово к русскому народу. СПб., 1996; Дай мне твое сердце. Письма духовным чадам. СПб., 1997; Наука смирения. Письма монашествующим. СПб., 1998; Пою Богу моему. Акафисты. Портреты русских архиереев. Дневниковые записи. СПб., 1998; Время приобретения. Письма духовной дочери. СПб., 1999; Посох духовный. Выбранные места из трудов архипастыря. СПб., 2000.

К. Душенов

ИОАННИКИЙ (Голятовский), архимандрит (ум. 1688), южнорусский духовный писатель и проповедник. Окончив курс *Киево-Могилянской коллегии*, Иоанникий принял монашество и вскоре получил место преподавателя, а затем ректора академии. Исполняя и улучшая вверенные ему учреждения, он в то же время выступает на литературном поприще. Первым его произведением был сборник проповедей «Ключ разумения», выдержавший 3 издания (1659, 1660, 1665). Проповеди, входящие в состав сборника, по содержанию почти не касаются современных событий. Приложением к «Ключу» была «Наука о сложении казаний», первый в России учебник гомилетики. «Наука» объясняет все существенное в проповедничестве; выбор темы, разделение проповедей на части и приемы воздействия на слушателей. Иоанникий был одним из главных деятелей кружка, принявшего горячее участие в борьбе православных с латино-униатами. К его полемическим произведениям принадлежат: напечатанная в 1676 «Беседа белоцерковская»; «Мессия правдивый», написанный в опровержение учения лже-мессии Сабефы, изданный на 3 языках: латинском, польском и русском, «Скарбница», напечатанная в 1678; «Старый костел», изданный в том же году, против польского иезуита Боймы, написавшего «Старая вера», 1683; «Фундаменты», самое выдающееся его произведение, направлено против католиков. Против магометан архим. Иоанникийем написаны «Лебедь» и «Алкоран»; против еретиков вообще — «Алфавит», против ариан в частности — «София мудрость». В 1686 он издает «Боги поганские». Из др. его произведений следует упомянуть «Небо Новое» и «Души». «Небо» имело важное историко-литературное значение,

т. к. через него проникли в Малороссию рассказы и легенды, почерпнутые архим. Иоанникийем из средневековых сочинений. «Души» отличаются схоластическим характером киево-могилянской науки.

ИОАСАФ I (?—28.11.1640), патриарх Московский и всея Руси в 1634—40, автор грамот. Дворянин, служивший при царском дворе. Постригся в монахи в Соловецком монастыре. В 1621 стал архимандритом Псково-Печерского монастыря, затем архиепископом Псковским. После смерти патр. Филарета, 6 февр. 1634 был поставлен в патриархи. Выбран был за то, что считался «в нравах и житии добродетельный и к царю не дерзновенен». Практически не участвовал в политической жизни государства, поэтому значение патриархата при нем резко снизилось. Имя патриарха не упоминалось в царских указах. На запросы царя патр. Иоасаф I или уклонялся от ответа, или отвечал, что дело патриарха и Церкви — молиться.

Занимался изданием богословских книг и частичными мерами по упорядочению богослужения и быта духовенства. Между 1635 и 1637 составил «Лестницу властям», закрепив ею своего рода местничество в среде высшего духовенства, основанное на установлении иерархии между русскими монастырями.

С. Перевезенцев

ИОАСАФ II (по прозвищу **Новоторжец**) (? — 1672), патриарх Московский и всея Руси в 1667—72, автор посланий и грамот. Родом из Тверской земли, почему и получил свое прозвище Новоторжец. В 1654—56 по назначению патр. Никона был архимандритом Владимирского Рождественского монастыря. В 1656—66 — архимандритом Троице-Сергиева монастыря. В 1666 престарелый Иоасаф был поставлен в патриархи, сменив на этом посту низложенного Церковным собором Никона. Царь Алексей Михайлович, утомленный борьбой с Никоном, пожелал иметь на патриаршем престоле «недерзновенного» человека.

Иоасаф II принимал активное участие в работе Большого собора 1667, затем претворял в жизнь его постановления. При нем завершилось окончательное обособление старообрядцев, была выпущена суровая по отношению к ним Увещательная грамота, старообрядцев стали подвергать государственному уголовному преследованию. Иоасаф II лишил места тех священников, которые придерживались старых обрядов и читали старые книги. В 1668 в иконописи был узаконен византийский стиль и осуждена западноевропейская манера письма. Учреждена новая Белгородская епархия.

В книгоиздании по благословию патриарха важную роль сыграл *Симеон Полоцкий*, издавший несколько книг, в т. ч. «Жезл правления» (в 1667), два катехизиса и др. В период патриаршества Иоасафа II была восстановлена устная проповедь в церквях. Православные миссионеры действовали на Крайнем Севере до островов Новой Земли, а на Д. Востоке — до Даурии. На Амуре, близ границы с Китаем в 1671 был основан Спасский монастырь.

Иоасаф II автор ряда грамот и посланий. Все они носят официальный характер и, видимо, нередко составлялись др. лицами. Наиболее интересная и известная — «Выписка от Божественных Писаний о благолепном писании икон и обличение на неистово пишущих оныя». Эта грамота подписана от имени трех патриархов: иерусалимского Паисия, антиохийского Макария и Иоасафа II.

С. Перевезенцев

ИОГЕЛЬ Михаил Константинович (6[18].05.1848—2[15].01.1909), писатель, публицист. Родился в Москве в дворянской семье. Окончил юридический факультет Московского университета (1871).

В первом романе Иогеля «Между вечностью и минутой» (1880), частично построенном на автобиографическом материале и сочетающем элементы «романа воспитания» и «светской повести», читателю предлагаются многословные рассуждения (в них теряются отдельные живые сцены) о столкновении сиюминутного и вневременного («вера в Бога, сознание своего долга, борьба во имя его») в душе и бытовом поведении героя.

Конфликт первого романа (между чувством долга и гедонистическими настроениями героя) Иогель воспроизводил (также на основе автобиографических реалий и мотивов) и в большинстве последующих произведений: роман «Сестры Кудеяровы» (М., 1889), диалогия «В старом доме» (М., 1891) и «Мученики мира» (М., 1893), повесть «Присяжный поверенный Свалынский» (1892). Критически оценивая процессы духовной жизни, охватившие все поколение 1880—90-х («Все убито в людях. Религия, совесть, сознание своего достоинства, воля, разумение, — все, все!»), Иогель утверждал принципы монархизма, религиозной веры и действенной любви к ближним в форме частной благотворительности. В романе «Мрак и свет» (М., 1900) он нарисовал картину справедливого

общества в среде крестьян, организованного и поддерживаемого помещиком.

В публицистических произведениях Иогеля критике подвергались либерально-космополитические реформы 60—70-х, осуждались безверие и женская эмансипация.

ИОИЛЬ (Быковский) (1706—25.08[5.09].1798), архимандрит, духовный писатель. С 1741 по 1753 (?) учился в *Киево-Могилянской академии*. В 1757 принял монашество и стал учителем в Киево-Могилянской академии. В февр. 1758 Киевская духовная консистория отправила его в Петербург преподавать в Сухопутном шляхетном корпусе. В н. 1760-х переведен в Чернигов архимандритом Троицкого Ильинского монастыря, с 1776 — архимандрит Спасо-Ярославского монастыря, до 1787 — ректор семинарии при Спасо-Ярославском монастыре и духовный цензор печатавшихся книг. 3 июня 1787 по «высочайшему указу» об упразднении Спасо-Ярославского монастыря и превращении его в архиерейский дом архим. Иоиль был уволен на пенсию и остался жить в монастыре, отстраненный от всех дел.

Архим. Иоиль издал «Букварь, или Начальное учение хотящим учиться книг писмены славенскими» (Чернигов, 1765) и компилятивный трактат духовно-нравственного содержания «Истина, или Выписка о истине» (Ярославль, 1787), содержащий более тысячи выписок из 220 книг разного содержания, причем не только из богословских сочинений, но и из таких изданий XVIII в., как «Славенские сказки», «Домашний лечебник», «Флоринова экономия», из трудов *М. В. Ломоносова*, из «Санкт-Петербургского вестника», «Полезного увеселения», «Живописца» *Н. И. Новикова*, из произведений Цицерона, Сенеки, Попа, Вольтера и из французской «Энциклопедии». В предисловии к «Истине...» архим. Иоиль включил автобиографические сведения.

Известны 3 проповеди архим. Иоила: «1760 года, февраля 27 дня <...> в Кадетском корпусе», в том же году «на посещение епархии» и «на день Перображения», произнесенная архим. Иоилем 6 авг. 1778 в Спасо-Ярославском монастыре.

В рукописных сборниках архим. Иоила сохранились многочисленные произведения *Феофана Прокоповича*, переписанные в бытность архим. Иоила преподавателем Киево-Могилянской академии.

Г. М.

ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ (в миру **Иван Санин**), преподобный (1439—9.09.1515), богослов, духовный писатель.

Будучи 20 лет от роду, Иван поступил в Рождества Богородицы Боровский монастырь в послушание св. старцу Пафнутию. По смерти своего учителя прп. Иосиф стал игуменом монастыря. Он хотел ввести более строгий устав, который для братии оказался непосильным. Тогда Иосиф покинул Боровскую обитель и со своими единомышленниками в 20 верстах от Волоколамска учредил монастырь, который скоро получил известность своим высоким иноческим уставом, аскетической строгостью монашеского общежития.

Иосиф Волоцкий сыграл огромную роль в истории Русской церкви, объединив всех верных в борьбе с ересью жидовствующих. Преподобный активно выступал против нестяжателей за сохранение монастырского землевладения. Его активное вмешательство на Соборе 1503 позволило разбить попытки *Нила Сорского* и Паисия Ярославова добиться решения об отобрании монастырских земель в пользу вел. князя.

Преподобный оставил после себя обильное духовное наследие. Он, несомненно, — самый плодовитый автор своего времени. До и после него среди русских духовных писателей мало было людей столь начитанных, как он, и — что еще важнее — так умевших пользоваться своей начитанностью для себя и для др. До нас дошли от него более 20 посланий к различным лицам по моральным и богословским вопросам, кроме того Устава, которым он наделил свой монастырь, и, наконец, 16 речей («Слов») против жидовствующих, которые составили сборник под общим заглавием «Просветитель».

Устав. Св. Иосиф написал его под конец своей жизни как свод правил и образа жизни, введенных им в его монастыре.

Из 14 глав, составляющих его, 9 посвящены материальным вопросам. Монашеская жизнь регулируется ими до мельчайших подробностей. Каждый шаг, каждое действие, каждое слово монаха подчиняются определенным правилам, и для всех нарушений заранее установлены строгие наказания: от 50 до 100 поклонов, пост на черством хлебе, а иногда, за более тяжкие проступки, — телесные наказания. Внешнее благолепие Иосиф не только считает средством для достижения внутреннего монашеского совершенства, но он и пользуется им иногда для «назидания» наблюдателей из внешнего мира, чтобы привлечь их благожелательство. Так, он требует особо ревностного отправления церковных служб, если присутствует светское лицо или монах из чужого монастыря.

При составлении своего Устава Иосиф Волоцкий взял за основу Устав Феодосия Печерского, лишь приспособляя некоторые правила к потребностям своего монастыря. Каждое отдельное правило сопровождается текстами из «Писаний». В Уставе проявляется необыкновенная начитанность его автора. По своему содержанию Устав может быть разделен на 3 части. В 1-й, состоящей из 11 глав, изложены правила жизни, действия и поведения, относящиеся ко всем монахам, без различия между руководителями и подчиненными. Вторая часть (12-я и 13-я главы) говорит об обязанностях игумена и старших среди братии, т. е. настоятеля и состоящего при нем совета. Наконец, последняя часть (14-я глава) определяет пределы власти начальников над подчиненными вообще и над провинившимися в частности.

В 1-й главе, где речь идет о молитве в общине и о храмовом благолепии, указано, что при первом ударе колокола монах должен спешить в церковь. Там он не имеет права переходить с места на место, разговаривать или смеяться. По окончании богослужения он не должен оставаться в церкви. Иосиф подкрепляет эти требования примерами: так, он рассказывает, что в Иерусалиме от монахов шел дурной запах и это побудило одного святого старца сказать, что только огонь может их очистить; так и случилось — пришли персы и сожгли их.

Не менее красочны предписания о том, как монах должен вести себя в трапезной. Запрещая им разговаривать за едой, Иосиф без обиняков напоминает им о свиньях, которые всегда хрюкают, когда едят. Справедливо считая, что пьянство весьма вредносно в монашеской жизни, он запрещает монахам держать в монастыре крепкие напитки.

Ни одно действие, даже самое незначительное, не может быть совершено без разрешения игумена или наставника. В силу этого монах не может распоряжаться сам собой. «Не его воля, но монастыря».

В 10-й главе Иосиф сохранил подробности того образа жизни, который существовал в некоторых известнейших монастырях его времени. Иосиф лично уже не встречал их великих основателей — прп. Сергия, Кирилла, Варлаама, — но он говорил, что знал многих из их прямых учеников. Во многих случаях уставы монастырей, оставленные их создателями, подверглись изменениям со стороны новых игуменов, хотя встречались и такие монахи, которые, не останавливаясь даже перед мученичеством, боролись за верность древним обычаям и за их сохранение. Этих подробностей достаточно, чтобы получить представление о том монастырском идеале, который рисовался Волоколамскому игумену. С его точки зрения, монастырь должен представлять собой точно организованное общество, где права и обязанности равномерно распределены между всеми. Исключение делается только для опытных в монастырской жизни монахов, но и они обязаны подчиняться тем общим жизненным правилам, согласно которым никто

не владеет собственной волей. Развивая эти идеи в своем Уставе, Иосиф занимается лишь внешним поведением монахов и требует как можно более точного исполнения всех своих предписаний. Он уверен в том, что этого достаточно и что внешнее благолепие, будучи результатом общего и притом сознательного усилия, само собой поведет к совершенству внутренней жизни. Между тем и другим существует полное соответствие и взаимодействие. По убеждению Иосифа, монах, постоянно занятый общей молитвой или работой, не может уклониться от пути истинного, потому что у него нет времени ни предаваться вредным мыслям, ни осуществлять их. Вот почему Устав так преследует праздность, матерьял всех пороков, и лень. Та и др. рассматриваются им как первые шаги на пути греха.

Внутреннее совершенствование предоставляется собственному благоразумию иноков. Устав не говорит ни об искушениях, ни о степенях духовной жизни. По этим вопросам он ограничивается двумя советами: чтобы обезопасить себя от греха и сохранить чистоту своей совести, следует постоянно думать о смерти и о Страшном суде; а если кто согрешил, то для исправления провинившегося надо прежде всего довести его до сознания своей вины. Его внутреннее улучшение за этим последует неизбежно.

Призванный служить образцом не только для обитателей монастыря, но и для людей вне его, монах, по мысли Иосифа, должен быть знаком с мирской жизнью и с потребностями мира, лежащего за монастырскими стенами. Для этого все его внешние потребности должны быть полностью обеспечены, чтобы недостаток в материальных вещах не мешал ему заниматься своей монашеской задачей. Он должен работать сам, чтобы ценить достоинство труда и заслуживать свое пропитание. Он должен заниматься трудом не единственно для себя самого, а для всех, чтобы в нем не родилось ни помышлений о личной собственности, ни привязанности к материальным вещам, которые отвлекали бы его от Бога. Согласно требованиям Иосифа, монах должен знать, в чем монастырь нуждается и как управляется, он должен быть хорошо образованным или стараться получить образование. На этом Иосиф настаивает, имея в виду подготовить из своих монахов «смену» для управления Церковью.

Хотя он и не допускает изменений в существующих частях Устава, Иосиф разрешает переделки в подробностях, соответственно обычаям, нравам и законам различных стран. Эта уступка показывает, что ему хотелось бы сделать из своего Устава универсальное руководство для монахов, применяющееся не только в Волоколамском монастыре, но и вне его.

Послания. Их насчитывается 20, написанных разным лицам на разные темы. Они свидетельствуют о разнообразной деятельности их автора. Одни из них написаны во время борьбы с жидовствующими, др. возникли из участия Иосифа в общественной жизни его эпохи, третьи связаны с его игуменской деятельностью; некоторые носят просто личный характер. Все послания отличаются практическим смыслом, который вообще так свойствен Иосифу Волоцкому. Литургические правила, исторические сведения — все вообще клонится в этих письмах к тому, чтобы дать их читателю правильное представление о христианстве вообще и об обязанностях каждого отдельного христианина в частности. В этих посланиях содержится совет — прибегать к «благоразумной хитрости» для сыска еретиков, в подражание патр. Антиохийскому Флавиану, который «божественно внушенной ему хитростью» открыл и подавил мессалийскую ересь.

«Просветитель». Эту книгу Иосиф Волоцкий написал в период борьбы с жидовствующими. Она возникла не сразу, а постепенно, и только после смерти автора получила от Собора 1553 то заглавие, под которым она известна с тех пор. В течение более чем 3 столетий «Просветитель» сохранился лишь в рукописном виде, и только в 1859 он был издан профессорами Казанской духовной академии и стал доступным широкой публике.

«Просветитель» представляет собой значительное явление в истории русской духовной письменности. Можно сказать, что в нем собрано все русское духовное просвещение того времени. А т. к. это русское просвещение состояло гл. обр. в знакомстве со святоотеческой литературой, то заранее можно представить себе особо сильное влияние, оказанное на труд Иосифа произведениями свв. отцов, в силу уже самой цели, которую Иосиф преследовал. Действительно, его труд настолько пронизан духом, мыслями и изречениями свв. отцов, что, даже не сличая его текстов с греческими оригиналами, уже приходится удивляться тому, что такое произведение могло быть написано в России русским человеком, не знавшим греческого языка.

«Просветитель» содержит почти все, что христианин должен знать о своей вере. Его построение таково, что достаточно прочесть его внимательно, чтобы быть в состоянии дать ответ на любой вопрос, могущий смутить верующего христианина. Книга разделена на 16 «Слов», которым предшествует предисловие, кратко излагающее историю ереси жидовствующих и общее содержание каждого из последующих «Слов». Продолжение истории жидовствующих дано в 15-м «Слове». Согласно задаче, поставленной автором, «Слова» можно разделить на 2 части. Первая состоит из 11 «Слов» и представляет собой часть богословскую. В ней автор разоблачает ложность утверждений противников и излагает истины христианской веры. Эта часть была, очевидно, составлена до первого Собора, созванного для борьбы с жидовствующими (в 1491), когда еще была надежда обратиться еретиков убедительными доводами. Вторая часть — 5 «Слов» — по-видимому, была составлена тогда, когда стремление переубедить еретиков не увенчалось успехом.

Исключительная начитанность Иосифа проявляется в этом труде. Он цитирует более 40 духовных авторов и свв. отцов, не считая текстов самого Священного Писания (в настоящем смысле слова). Местами встречаются целые фразы, принадлежащие различным авторам. Можно ли признать этот труд независимым произведением? Или это скорее только компиляция, результат начитанности Иосифа в святоотеческой литературе? Этого последнего мнения придерживались, напр., профессора Казанской академии, ставшие его первыми издателями. Как бы то ни было, за Иосифом остается та заслуга, что он собрал весь этот материал в одно единое целое, привел его в порядок и использовал для тогдашних нужд Русской церкви.

«Просветитель» начинается введением, трактующим новую ересь. Это, несомненно, — собственное произведение Иосифа. Первое «Слово» излагает христианское учение о Пресвятой Троице. Это — целый трактат, очень хорошо составленный, содержащий в зародыше особую философскую терминологию русского языка, с тех пор, к сожалению, забытую и вышедшую из употребления. Во втором «Слове» речь идет о воплощении Второго Лица Пресвятой Троицы. Жидовствующие его отрицали, Иосиф его доказывает ссылкой на сон Навуходоносора. Это место представляет собой, по-видимому, развитие материала, заимствованного из византийского источника. Следует

особо отметить выраженную тут мысль, что с пришествием Царства Христа настал конец земной идеи всемирного завоевания. В этих размышлениях русского мыслителя XV в. чувствуются проблемски основные идеи определенной христианской философии истории. Часть, посвященная тайне Искупления, составлена исключительно из текстов Священного Писания.

В третьем «Слове» говорится об упразднении закона Моисеева, которого еретики считали необходимым при держиваться; это, по-видимому, — независимое произведение Иосифа. Он начинает его с изложения 15-й главы Деяний Апостолов, где речь идет о Иерусалимском соборе. Предав анафеме еретиков и их учение, автор переходит к текстам Ветхого Завета и рассматривает вопросы обрезания и ветхозаветных жертвоприношений.

Четвертое «Слово» посвящено доказательству той истины, что Воплощение принципиально возможно для Бога и не недостойно Его. Это — богословское изложение, составленное из текстов Писания и великих учителей Церкви, писавших о Воплощении: Афанасия Великого, Кирилла Александрийского, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина. В этом «Слове» Иосиф высказывает мысль, что Бог Воплощением Сына «перехитрил дьявола».

Пятое «Слово» оправдывает ссылкой на видение Авраама обычай изображать на иконах Пресвятую Троицу. Жидовствующие утверждали, что ветхозаветный патриарх видел не Троицу, а Бога в сопровождении двух ангелов. Рассмотрением библейского текста Иосиф доказывает обратное. Это «Слово» представляет интерес для изучения иконописной символики. Странники, изображающие Пресвятую Троицу, должны восседать на престолах, чтобы по этому признаку можно было узнать их «царственное, господственное и владычественное» происхождение; на головах у них должны быть круглые венцы, ибо круг символизирует Бога, не имеющего ни начала, ни конца; у них должны быть крылья, чтобы по этому узнавались их возвышенность, их движение (динамизм) и их отчужденность от земных вещей.

Шестое «Слово» имеет целью доказать примерами из Ветхого Завета, что христианин обязан почитать святые иконы; Иосиф следует здесь Иоанну Дамаскину, пересказывая его речь против иконоборцев. То же относится и к седьмому «Слову», где продолжается речь об иконах, о почитании Святого Креста и иных священных предметов, а также говорится о таинствах и вообще о различных формах того поклонения, которое люди должны воздавать Богу. Говоря о предметах богослужебного культа, Иосиф объясняет их скрытую символику. За этим следует длинный параграф о различии и единственности Трех Лиц Божества, о соединении двух природ во Христе и об исхождении Святого Духа только от Отца; эта последняя часть направлена против латинян. За этим параграфом следует трактат о культе, воздаваемом Богу. Автор говорит здесь о молитве, о необходимости во время молитвы обуздывать свои чувства, о помышлении о смерти и о др. средствах, располагающих к молитве; он указывает на превосходство общественной молитвы над личной и молитвы в храме над молитвой у себя дома, но упоминает и о возможности и действительности молитвы вне храма, когда верующий не имеет возможности пойти в церковь.

«Слово» кончается увещанием на тему: «Как служить Единому Богу?» Тут ясно и убедительно, в форме афоризмов, дана краткая сводка обязанностей христианства. Все это написано отличным языком и с большой искренностью.

На этом примере можно судить о том, насколько полезно бывает для писателя углубленное изучение святоотеческой литературы. Одно это «Слово» дает право причислить Иосифа к первоклассным писателям (*С. П. Шевырев*).

Восьмое, девятое и десятое «Слова» направлены против утверждений еретиков о подложности произведений святых отцов (восьмое «Слово»), апостольских писаний (девятое) и произведений прп. Ефрема Сирина (десятое), касающихся конца света, который в то время считался близким на том основании, что Пасхалии (т. е. расчеты, определяющие даты празднования Пасхи) останавливались на 7000-м годе от сотворения мира.

Одиннадцатое «Слово» написано в защиту монашества. Оно очень характерно для Иосифа и показывает, что он был, действительно, монахом до глубины души, так что даже и символика монашеских одеяний была ему дорога. Он доходит даже до утверждения, со ссылкой на св. Климента, папу римского, что монашество, монастыри и черная монашеская одежда установлены самим ап. Петром.

Двенадцатое «Слово» содержится лишь в немногих рукописях. Оно говорит о действительности отлучения от Церкви, даже если епископ, принимающий эту меру, — сам еретик: этим имеется в виду случай митр. Зосимы, который был обвинен в ереси и в конце концов низложен 17 мая 1494. Трудно сказать окончательно, была ли эта постигшая его кара результатом обвинений, выдвинутых против него Иосифом, или он был низложен «за пьянство и нерадение», как то утверждает летописец.

Несмотря на свой полемический характер, все эти вкратце нами рассмотренные «Слова» не лишены некоторой доли академической невозмутимости. Начиная с седьмого «Слова», тон меняется совершенно. Пять последних «Слов» своим тоном полностью противоречат тому, что говорится в четвертом «Слове»: «Бог Сам есть Истина и Любовь, и приводит от нечестия к благочестию не силою ратною, не понуждением, не в воде топя, не огнем сжигая, но кротостию и долготерпением, смирением, милосердием и любовью» Проповедовавший милость к врагам, он по отношению к еретикам проявляет непреклонную жесткость. Каждый или почти каждый раз, когда о них говорит, он обзывает их самыми оскорбительными словами и желает им самой злой смерти. Последние 4 «Слова» написаны с единственной целью — убедить светские власти в необходимости наказывать еретиков либо пожизненным заключением, либо смертью.

Составление «Просветителя» было обусловлено потребностями тогдашнего русского общества, и поэтому этот труд, как единственный в своем роде и полностью соответствовавший своему назначению, с неизбежностью оказал огромное влияние на мышление и нравы Московской Руси. Труд содержит множество изречений, полных здравого смысла, он весь пропитан благочестием и твердостью убеждений. Изложенный им свод обязанностей в отношении людей между собой (в седьмом «Слове») и с Богом отличается простотой, ясностью и сжатостью формулировок. Знаменитый «*Домострой*» священника *Сильвестра*, давший свод правил, охватывающих всю жизнь с ее основами и с ее бытовыми сторонами, а с др. стороны и Стоглавый собор — оба вдохновлялись «Просветителем»: это доказывает, что его идеи глубоко укоренились на русской почве. Их отпечаток лежит на московской жизни вплоть до самой Петровской эпохи. Некоторые из них пережили даже Петра и продержались до наших дней.

Соч.: Просветитель или обличение ереси жидовствующих: Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1857 (переизд.: 1882, 1904); Послания Иосифа Волоцкого / Подг. тек-

ста А. А. Зими́на, Я. С. Лу́рье. М.; Л., 1959; Слово об осуждении еретиков Иосифа Волоцкого / Подг. текста и коммент. Я. С. Лу́рье, пер. А. А. Алексе́ева // Памятники литературы Древней Руси: к. XV — 1-я пол. XVI в. М., 1984; Послание Иосифа Волоцкого кн. Голениной / Подг. текста, пер. и коммент. Я. С. Лу́рье // Там же.

Лит.: Хрущов И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868; Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916; Зимин А. А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. 1953. Т. 9; Еремин И. П. Иосиф Волоцкий как писатель // Еремин И. П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1960.

Иеромонах Иоанн (Кологривов)

ИПАТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ, летописный свод рубежа XIII—XVI вв., выдающийся памятник древнерусской литературы.

Летопись сохранилась в нескольких рукописных копиях, выполненных в XV—XVI вв. Свое имя она получила по древнейшей из этих копий, которая была переписана в 1-й пол. XV в. и впоследствии сохранялась в Костромском Ипатьевском монастыре. Текст летописи легко делится на 3 части. Первую часть составляет «*Повесть временных лет*», рассказывающая о событиях с древнейших времен до 1118. Вторая часть включает в себя летописание Киева и др. южнорусских городов и содержит подробное повествование о происшествии 1119—1200. Третья часть представлена особой Галицко-Волынской летописью, доведенной до 1292. Эта последняя часть, в отличие от остальных древнерусских летописей, первоначально не была разделена на погодные главки. Наиболее ярким в ней является украшенный многочисленными военными подробностями рассказ о жизни Галицкого кн. Даниила Романовича (1201—66). Выразительный и поэтический язык этого рассказа перекликается временами с языком героических былин и «*Слова о полку Игореве*». Ипатьевская летопись опубликована во 2-м томе «Полного собрания русских летописей».

А. Лаушкин

ИРИНЕЙ (в миру **Иван Акимович Фальковский**), епископ Смоленский (28.05[8.06].1762—29.04[11.05].1823), духовный писатель. Сын священника. Родился в с. Белоцерковка Полтавской губ. Учился в Киевской духовной академии, а затем в гимназиях Пресбурга и Офена, в Венгрии и в Офенском университете, который окончил в 1782, а в 1783 снова поступил в Киевскую духовную академию, в которой затем был преподавателем и ректором до 1804. В 1786 пострижен в монахи. Он был одним из образованнейших иерархов своего времени и много писал на русском, славянских, латинском, немецком и французском языках по самым разнообразным предметам: сочинял богословские трактаты, проповеди, толкования Святого Писания, трактаты и статьи по философии, хронологии, медицине, астрономии, высшей математике, истории, географии, статистике, архитектуре, писал псалмы, тропари, стихиры, гимны и элегии, составлял учебники и календари и проч. Его книги: «Пасхалия» (М., 1792) и «*Christianae orthodoxae dogmatico-polemicae theologiae compendium*» (1802) служили распространенными учебниками. Его «Беседы» (1811), напечатаны с примечаниями Н. Шеголева в «Трудах Киевской духовной академии» (1867. № 1—3). В проповедях («беседах») уличал в злочестии «Сионский вестник» масона и «мистика» А. Ф. Лабзина, обличал вольтерьянцев («прощеннейшие мира сега заговорщики»), деистов («худших Эпикурова лобомудрия истолкователей») и особенно новейших сторонников Оригена, проповедовавших загробное

всепрошение, а не «воздаяние каждому по делам его» (об этом свыше 180 бесед); немало проповедей посвятил осуждению ханжества, лицемерия, сплетен, в т. ч. в среде священнослужителей. Говоря о религиозно-нравственной основе жизни русского человека, Ириней связывал религиозность и народность. Проповеди Иринея лишены красноречия и тяготеют к раннехристианской беседе.

Обширные повседневные и мемуарные записи Иринея затрагивают разнообразные сферы русской жизни и свидетельствуют об энциклопедичности знаний и интересов их автора; опубликована лишь малая их доля: «Хроника жизни преосвященного Иринея Фальковского, составленная по его рукописям» («Прибавления к “Киевским епархиальным ведомостям”», 1861. № 6, 8, 10), «Автобиографические записки Иринея Фальковского». Ч. 1 («Чтения в церковно-историческом и археологическом обществе». Киев, 1908. Вып. 9).

Большинство сочинений осталось неизвестными.

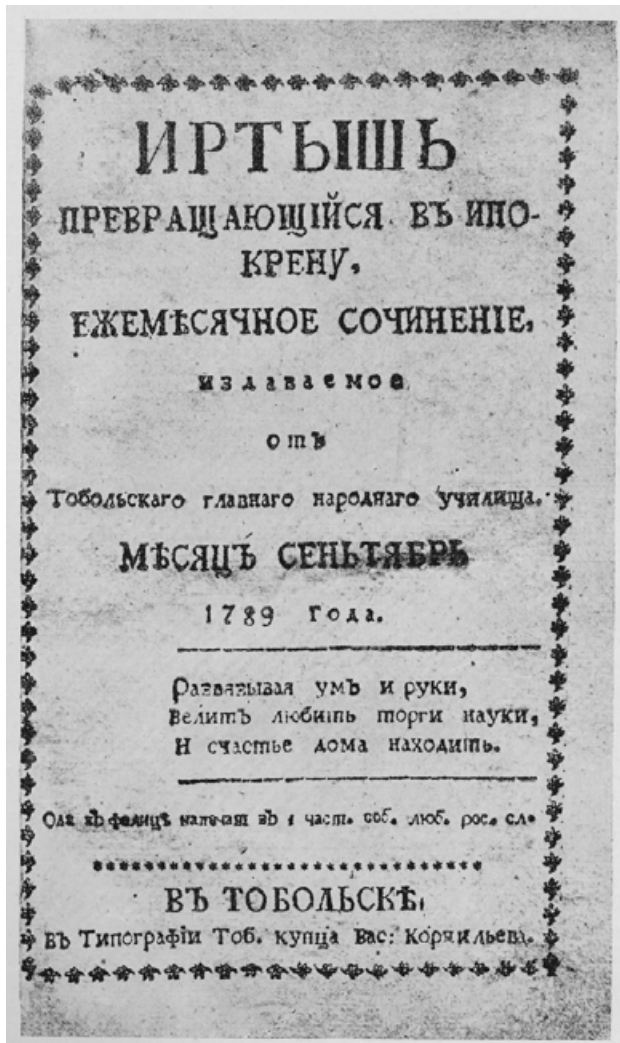
Лит.: Филарет. Обзор русской духовной литературы; Хроника жизни преосвященного Иринея (Фальковского), составленная по его рукописям («Киевские епархиальные ведомости». № 6—10); Булашев Г. О. Преосвященный Ириней (Фальковский). Киев, 1883.

ИРОИКОМИЧЕСКАЯ ПОЭМА, литературный жанр, широко распространенный в литературе русского классицизма в XVIII в. В его основе лежит комическое несоответствие стиля произведения его событиям и героям. В ироикомической поэме описываются высоким стилем, характерным для героической поэмы, «низкие» простонародные персонажи и бытовые происшествия, вследствие чего возникает пародийно-комический эффект. Противоположностью ироикомической поэме являлась трагестивированная (перелицованная) поэма, в которой высокий героический сюжет (чаще всего «Энеида» Вергилия) излагался просторечным, «площадным» стилем. Поэты и теоретики русского классицизма XVIII в. ориентировались на «Перелицованную Энеиду» (1648—52) П. Скаррона и полемически ей противопоставленную ироикомическую поэму Н. Буало «Налой» (1674). В «Эпистоле о стихотворстве» (1748) А. П. Сумароков высказался за равноправие обоих видов ироикомической поэмы. Наиболее раннее проявление интереса в России к этому жанру — перевод поэмы А. Попа «Букля волос похищенных, поэма ироикомическая», сделанный в 1749 И. П. Шишкиным (остался в рукописи). В 1761 эта поэма была напечатана в прозаическом переводе незадолго до появления первой русской оригинальной ироикомической поэмы «Игрок ломбера» (1763) В. И. Майкова, имевшей большой успех (вскоре вышли еще 2 издания — 1765 и 1774). Русская ироикомическая поэма появилась как итог разработки стихотворного сатирического и комического жанров в творчестве Сумарокова, М. М. Хераскова, Майкова, А. А. Ржевского и др. баснописцев 1750—60-х. В ироикомических поэмах М. Д. Чулкова «Стихи на качели» (1769), «Плачевное падение стихотворцев» (1769) и Майкова «Елисей, или Раздраженный Вах» (1771) злободневная общественная и литературная сатира преобладает над пародийным заданием. «Елисей» Майкова по тону и пафосу обличения примыкает к журналам Н. И. Новикова и впервые дает картину нравов городского «дна».

Перелицованная комическая поэма в чистом виде появилась в русской литературе в к. XVIII в.: «Вергилиева Энеида, вывороченная наизнанку» (1781—96) Н. Осипова, «Ясон, похититель златого руна во вкусе нового “Енея”» (1794) И. М. Наумова, «Похищение Прозерпины» (1795) Е. П. Люценко. Эти поэмы не подымались выше безобидной бытовой сатиры

и примитивного комизма. Литературная пародия в них преобладала над общественными темами. «Энеида» Осипова послужила образцом и материалом для перелицованной «Энеиды» (1798) *И. П. Котляревского*, дополнившего свою перелицовку мотивами малороссийского фольклора и бытовой сатиры. Литературная полемика сторонников *Шишкова* и *Карамзина* на рубеже 1800—10-х породила большое количество полемических стихотворных произведений, среди которых особое место заняли ироикомиические поэмы *А. А. Шаховского* «Расширенные шубы» (1811—15) и *В. Л. Пушкина* «Опасный сосед» (1811). Вторая из них ближе к «Елисею» Майкова по своему сюжету и персонажам, чем поэма Шаховского, созданная по образцу «Налоя» Буало.

«ИРТЫШ, ПРЕВРАЩАЮЩИЙСЯ В ИПОКРЕНУ», ежемесячный журнал, издававшийся в Тобольске с сент. 1789 по 1791 под наблюдением учителей Тобольского народного училища. Известны 24 книжки. Номера за сент.—дек. 1790 во всех известных комплектах отсутствуют. «Иртыш...» — первое периодическое издание в Сибири.

В нем сотрудничал писатель *П. П. Сумароков*, на котором, по видимому, лежали и редакторские обязанности. В журнале участвовали тобольский прокурор *И. И. Бахтин*, *Н. П. Сумарокова* (сестра писателя *А. П. Сумарокова*), *Н. П. Николев*, а также учителя и ученики тобольского училища. Основное место в прозаической части занимали переводы (Вольтер, Юнг и пр.). Из большого количества стихов выделяются принадлежащие *П. П. Сумарокову*.

ИСАЕВ Егор (Георгий) Александрович (р. 2.05.1926), поэт. Родился в с. Коршево Воронежской обл. в семье сельского учителя. С 1943 в армии, участвовал в боях за освобождение Чехословакии. Печатается с 1945 — стихи в армейских газетах «За честь Родины», «На разгром врага». В 1951 написана первая поэма «Лицом к лицу». В 1955 окончил Литературный институт.

В 1962 опубликовал лиро-эпическую поэму «Суд памяти», которая сразу же сделала имя автора известным. Автор поставил вопрос о личной ответственности каждого человека за поступки, имеющие общественное значение, о непреложности суда памяти и совести над ними; о равнодушии, которое становится тягчайшим преступлением. Недавний фронтовик, автор разоблачал то равнодушие, которое помогло Гитлеру прийти к власти, а затем с огнем и мечом шагать по просторам Европы.

Называя поэму «Суд памяти» философской и ведя ее родословную от пушкинского «Медного всадника» с его проблемами трагического и взаимосвязи личного и государственного, критики отмечали и художественное своеобразие произведения Исаева. Автор прибег к гротеску и условным формам образного раскрытия темы, что и помогло придать глубокий философский смысл затронутым темам. Он развертывает в глобальную метафору образ стрельбища как драматического чистилища перед трагическим переходом тренирующихся на стрельбище солдат в смертельный ад мировой войны. Значителен в поэме «Суд памяти» и аллегорический образ исторической памяти, как больной женщины, идущей через времена и границы. В ее глазах «то одиночество вдовы, то глубина печали материнской», и обелиски кланяются ей в пояс «от всех фронтов, от всех концлагерей, от всех могил от Волги до Ла-Манша».

В 1976 поэму «Суд памяти» дополнила поэма «Даль времени», составившая с ней диологию. В сложном полифоническом пространстве этой обширной поэмы основными оказываются 3 образных мотива: Память — Земля — Дорога; они взаимно переплетаются, ибо Память порой оборачивается Дорогой, а Дорога идет по Земле. В центре поэмы — историческая судьба русского народа, ее лирическим героем является Степан Разин, воплощающий мотив удали, раскрывающий силу народного характера. Потомок крестьян, автор утверждает, что матерью всех самых современных городов является деревня, поэтизирует красоту крестьянской жизни и труда.

Толчком к первым стихам Исаева, написанным еще подростком, послужили деревенские посиделки с *частушками*. Традиции фольклора развиваются и в поэме «Даль памяти». Развившись на фольклорной основе, поэтические образы придают реалистическим картинам былинную окраску, что подчеркивает духовную значительность героев произведения. Язык Исаева назван «просторным», и действительно, его метафорическая красочность помогает создать историческую панораму душевного раздолья, романтического движения истории «во всю длину проселочной России». В поэме «Даль памяти» особенно примечательна глава «Кремень-слеза», где

в центральном образе автор новаторски соединяет, казалось бы, несоединимое — слезу и кремь как олицетворение выстрадавшего и пережитого.

Соч.: Избр. произв.: В 2 т. М., 1990.

В. Шошин

ИСАЕВ Савва (Савелий) Исаевич (1725—1799), духовный писатель, филолог. С 1768 был священником придворной церкви, с 1795 духовником *Екатерины II* и цесаревича Павла. В 1783 избран в члены Российской академии для участия в составлении словаря, для которого он собрал слова на букву «Н», а также подготовил дополнения к др. словам.

ИСАЕВ Федор Михайлович (? — после 1866), лубочный писатель, издатель. Из мещан. С н. 1830-х занимался книготорговлей и изданием книг, гл. обр. лубочных, среди которых — анонимные повести «Фаддей Дятел, атаман разбойников» (М., 1838), «Кондрашка Булавин бунтовщик...» (Ч. 1—2. М., 1841; 4-е изд. М., 1849), «Иван Фаддеевич, атаман разбойников» (М., 1843), возможно принадлежаше самому Исаеву. Широкую популярность приобрело подготовленное им «Собрание русских песен» (М., 1839; 10-е изд. М., 1857). В 50—60-е, отойдя, по видимому, от дел, опубликовал цикл обработок бытовавших ранее в *лубочной литературе* сказок и рыцарских романов: «Сказка о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче...» (М., 1858), «Сказка о славном и сильном богатыре Бове Королевиче...» (М., 1859), «Сказка об Иване Царевиче...» (М., 1859), «История о храбром рыцаре Францле Венциане...» (М., 1860), «Сказка об Илье Муромце» (М., 1864) и др. Пересказывая литературным (хотя и несколько архаизированным) языком эти произведения (Исаев использовал фигуру рассказчика), он контаминировал различные варианты сюжета, вставлял большие цитаты из произведений *Н. М. Карамзина*, *А. С. Пушкина*, *Н. М. Языкова*, *В. А. Жуковского*. Исаев стремился «обработать народно-лубочную сказку в стиле сентиментально-богатырской поэмы, введя в нее мораль мещанской сентиментальной повести». Его книги, успешно соединяющие старину и современность, пользовались популярностью в среде простого народа. Они неоднократно переиздавались и породили множество подражаний; в частности, «Сказка о ... Бове» за 1858—1918 выдержала, по некоторым подсчетам, 128 лубочных изданий (с учетом последующих переделок). В отличие от обработок, оригинальные произведения Исаева — повесть из крестьянской жизни «Великодушие, или Рекрутский набор» (М., 1859) и «фантастический рассказ» «Сын миллионера, или Тайна быть счастливым» (М., 1860) — успеха не имели.

Др. произведения: «Кольцо мертвой царевны. Русская сказка в стихах» (М., 1858, подпись: И. М.), «Сказка об Иване Богатыре...» (2-е изд., М., 1858; 5-е изд. М., 1867; отрицательный отзыв: «Народная беседа», 1863. № 3), рассказ «О семи Семюнах родных братьях» (М., 1859).

Ист.: *Рейблат* А. Ф. М. Исаев // Русские писатели 1800—1917. Т. 2. М., 1992. С. 425—426.

ИСАКОВ Яков Алексеевич (1811—16.07.1881), издатель. Начал свою деятельность в 1823 у И. Панькова, в 1829 приобрел его книжную лавку, в 1846 открыл в Париже контору для закупки французских изданий. С 1854 начал торговать русской книгой, рекламируя ее посредством каталога, со-

ставленного В. И. Межовым («Систематический каталог русских книг» Я. А. Исакова, за годы 1875—76 и 1877—78. СПб., 1877, 1880). О вновь поступивших книгах регулярно сообщала газета «Северная пчела». При магазине была открыта библиотека для чтения иностранных книг. С 1859 началась интенсивная издательская деятельность Исакова. Он выпустил «Полное собрание сочинений А. С. Пушкина» (1859—60) и серии «Библиотека путешествий» (1877—78), «Классная библиотека» (1876), «Записки иностранцев о России в XVIII столетии» (1874), сотни детских книг и т. д. В издательстве Исакова работали лучшие графики того времени — В. Ф. Тимм, И. С. Щедровский, *Т. Г. Шевченко*.

ИСАКОВСКИЙ Михаил Васильевич (7[19].01.1900—20.07.1973), поэт. Родился в д. Глотовка Ельнинского у., ныне Вхотский р-н Смоленской обл., в крестьянской семье. Окончил начальную школу. Крайняя нужда заставила его уйти из 6-го класса гимназии. В 1919 становится редактором газеты г. Ельня. В 1921 переезжает в Смоленск и в теч. 10 лет сотрудничает в редакции областной газеты «Рабочий путь». В 1931 Исаковский переезжает в Москву. К этому времени он был уже известным поэтом. Еще в детские годы Исаковский начал писать стихи (в 1914 в московской газете «Новь» опубликовал стихотворение «Просьба солдата»). В 1921 в Смоленске вышли 3 маленькие книги стихов Исаковского («По ступеням времени», «Взлеты», «Четыреста миллионов»). Однако началом своей литературной деятельности поэт считал 1924, когда были напечатаны стихотворения «Подпаски», «Родное» и др. В 1927 в Москве вышла книга «Провода в соломе». Затем появились сборники «Провинция» (1930), «Мастера земли» (1931), «Четыре желания» (1936) и др. Поэзия Исаковского посвящена русской деревне.

Всероссийскую славу Исаковскому принесли его песни, которые он начал писать с сер. 30-х («Прощание», «Провожанье», «И кто его знает», «Катюша», «Шел со службы пограничник», «На горе — белым-бела» и др.).

Большое место в поэзии Исаковского занимает Великая Отечественная война. Поэт воспевает подвиги русских воинов, героизм тружеников в тылу; в его стихах звучит голос простых людей («Русской женщине», «Слово о России» и др.). Много песен создал поэт в годы Великой Отечественной войны: «До свиданья, города и хаты», «В прифронтовом лесу», «Ой, туманы мои...», «Огонек», «Где ж вы, где ж вы, очи карие», «Лучше нету того цветку» и др. Успешно продолжает работать поэт в этом жанре и в послевоенные годы («Услышь меня, хорошая», «Снова замерло все до рассвета», «Летят перелетные птицы» и др.). Положенные на музыку композиторами В. Г. Захаровым, М. И. Блантером и др., песни Исаковского поются во всем мире.

Сила поэзии Исаковского в близости к жизни. Поэт пишет всегда по глубокой душевной потребности. Поэтому и политические темы выражены в его стихах лирически, взволнованно. По выражению *А. Твардовского*, Исаковский «...нашел для насущной политической, часто непосредственно агитационной темы средства выражения лирические, задушевные, располагающие сердца к тому, о чем идет речь в произведении». По своей форме и языку поэзия Исаковского отличается ясностью, народностью. Ей чужды сложные метафоры и сравнения, изощренные ритмы и размеры. Исаковский умело использует богатства русского языка, его способность передать любые оттенки чувств и мысли. Многие строчки стихов и песен Исаковского стали общими выражениями.

Отличительная черта поэзии Исаковского — ее песенность и музыкальность. Почти каждому стихотворению присуща внутренняя мелодия, соответствующая тем чувствам и думам, которые выражает поэт. Творчество Исаковского развивает плодотворные традиции русской классики. Тесно связаны стихи Исаковского и с устным народным творчеством, с народной лирической песней, с *частушкой*. Исаковский использует особенности фольклора, его традиционные размеры, символику, приемы психологического параллелизма, композиционные повторы и др. Подобно народным песням, песни Исаковского сюжетны. Исаковский дважды удостоен Сталинской премии: в 1943 — за тексты песен: «Шел со службы пограничник», «Провожанье», «И кто его знает», «Катюша» и др., в 1949 — за сборник «Стихи и песни».

Соч.: Соч. Т. 1—2. 2-е изд. М., 1956; Соч. Т. 1—2. М., 1959; Соч. Т. 1—2. М., 1961; О поэтическом мастерстве. 3-е изд., доп. М., 1962; Ты по стране идешь... М., 1964.

ИСТОМИН КАРИОН — см.: КАРИОН ИСТОМИН.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ, музыкально-поэтические произведения русского народа, посвященные историческим событиям. Первоначально развивались как составная часть устного народного творчества, являясь продолжением былевого эпоса и сохраняя во многом традиционные приемы былинной поэзии. Отличались от *былин* меньшим размером и более достоверной передачей исторических фактов. Сказители не выделяли исторических песен, называя их также старинами. Первые сохранившиеся русские исторические песни относятся к к. XIII в. Татаро-монгольское нашествие, оставившее глубокий след в народном сознании, породило ряд исторических песен («*Авдотья-рязаночка*», *песни о татарском полоне*, «*Шелкан*»). Борьба с татарским игом нашла отражение в «*Задонщине*», которая исполнялась как историческая песня.

В России исторические песни достигли наивысшего расцвета в XVI в. В центре их внимания стоят важнейшие моменты истории (песня об обороне Пскова от Стефана Батория и др.). Для песен этого времени характерна большая передача реальных фактов (так, в песне «*Взятие Казани*» изображено русское войско того времени, а не легендарные богатыри), вместе с тем утрачивается масштабность в раскрытии исторической действительности, обобщенность образов, характерные для ранних песен, опиравшихся на традиции *былин*. В XVI в. появляется и новая разновидность исторических песен — своеобразная политическая поэма (цикл песен об *Иване Грозном*, в котором отражены различные взгляды: песни-памфлеты и песни, воспевающие царя). Народные движения нашли свое отражение в цикле песен о Ермаке. Исторические песни XVII в. еще более развивают эту линию (цикл песен о Степане Разине, об осаде Соловецкого монастыря). Время преобразовательной деятельности Петра I нашло отражение в ряде интересных, но малоисследованных песен («*Казнь стрельцов*», «*Полтава*», песни о кончине Петра I). Большинство этих песен возникло в народной, преимущественно солдатской, среде, в них отразились и тяжелые стороны времени Петра I. Исторические песни XVIII в. — в значительной степени солдатского происхождения, они посвящены гл. обр. военной тематике — Семилетней войне (песня о Захаре Чернышеве), русско-шведским и русско-турецким войнам (о бое под Бендерами). Большое внимание в исторической песне уделено бунту Пугачева (песни о бунте в Яицком городке, о гибели Пугачева и др.).

В русской исторической песне XIX в. по-прежнему значительное место занимает военная тематика (песни об Отечественной войне 1812 и Крымской войне). В XVIII—XIX вв. русские исторические песни, выражая основную тенденцию времени, все более утрачивают черты конкретных исторических событий (в центре песни о Полтавской битве оказывается Шереметев, солдатские песни нередко воспевают подвиги Суворова даже в тех боях, где он не участвовал, песни о Крымской войне в значительной степени повторяют песни о русско-турецких войнах XVIII в.).

Е.Ж.

Ермак в Чингиде. Из «Истории Сибири», XVII в.

Первые записи исторических песен были сделаны *Киршей Даниловым* в XVIII в. Много труда по отысканию, записям и изданию исторических песен было положено *П. Киреевским*, *П. Рыбниковым*, *А. Гильфердингом* и др. Исследователями XIX в. Полный сборник исторических песен московского периода (XXI—XVII вв.) был подготовлен *В. Миллером* и издан Академией наук в Петрограде (1915). Наибольшее количество исторических песен записано на Севере России — в Архангельской и Олонецкой губерниях. Большинство исторических песен сложено о царе *Иване Грозном*, далее идут песни о завоевателе Сибири *Ермаке Тимофеевиче*, о народном вожде *Степане Разине*, о стрелцком бунте, о терских казаках и пр. Показательно отношение простого русского народа к *Ивану Грозному*: он осуждает в царе его страсти, многоженство, женитьбу на *Марье Темрюковне*. Общий характер всех исторических песен — ярко выраженный патриотизм, любовь к России.

Исторические песни представляют истинный клад для исследователя национальных форм русского народного стиха. Здесь можно встретить интонационно-фразовый стих (*фраза-вик*), акцентный стих (ударник) и несколько видов своеобразного метрического стиха (тактовик). Бытование этих форм стиха (судя по датам записей) в разных губерниях России говорит о многовековой поэтической традиции и преемственности народных самобытных форм стиха. Ниже приводится ряд примеров исторических песен:

Фразовик с двухсложной *клаузулой*:

Жил-был государь-царь,
Алексей сударь Михайлович Московский,
А выходит от ранней заутрени христовской,
И становится на лобное место,
И на все стороны государь поклонился,
Испроговорил надежа государь-царь:
«Ай же вы, князья и бояра!
Пособите государю думу думать,
Думу думать, а не продумать бы,
Что наступает король литовский,
Наступает-то на город на Смоленец».

(«Оборона Смоленска»)

Трехударник с трехсложной *клаузулой* (кроме первого стиха):

Ты, боже, боже, спас милостивый!
К чему рано над нами прогневался —
Послал нам, боже, прелестника,
Злого расстригу Гришку Отрепьева?
Ужели он, расстрига, на царство сел?
Называется расстрига прямым царем,
Царем Дмитрием Ивановичем Углицким...

(«Про Гришку-расстрижку»)

Трехударник, построенный на широкой интонационной волне, строфической формы (очень редкий образец):

{ Собирается наш православный царь
Да он ко заутрени, —
{ Ко тому ли свету, свету-светику
Ивану Великому.
{ Как становился наш православный царь
Да на свое место,
{ Как становился наш православный царь
У правого клироса.
{ Уж как молится наш православный царь
Ивану Великому,
{ Уж он молится наш православный царь,
Да он низко кланяется.
{ Как позадь-то его всё бояре-князья,
Они остановились,
{ Уж промеж-то себя ухмыльнулись,
Князья усмехнулись.

(«Грозный в церкви после убийства сына»)

Четырехударник с трехсложной *клаузулой*:

Ай да на славной было, братцы, на речушке,
Да на славной было, братцы, на Камышинке,
Собирались там ^ люди вольные —
Все донские, гребенские, казаки яичкие.
Собирались они, братцы, во единый круг.
Во кругу-то стоят они, думу думают:
«Ну кому-то из нас, братцы, атаманом быть?»
Ай старику Ермаку, сыну Тимофеевичу!

(«Ермак зовет казаков в поход»)

Сибирское посольство к царю Федору Иоанновичу.
Из «Истории Сибири», XVII в.

Среди исторических песен встречаются произведения, составленные популярным в русском народе пятидольным размером, напр. двукратным пятидольником:

Не спала, млада, || не дремала ^
Ничего во сне || не видала. ^
Только | видела — ||сповидала: ^
Со восточною|| со сто|ронку ^
Поды|малася ||гуча грозна, ^
Со гро|мами ^|| со дождями, ^
Со круп|ными ^|| со градами.

(«Девушка в полоне»)

Или трехкратный пятидольник:

Уж не травушка || во чистом поле || заша|талась, ^
Не му|равая || ко сырой земле || приклонялась — ^
Поды|мается || с Моск|вы большой || боярин, ^
Он на | Тихий Дон || на И|ванович || гуляти. ^
Не до ехавши || он Ти|ха Дону || становился ^
Похвалялся он || каза|ков всех там || пере|вешать.

(«Убийство князя Карамышевского»)

Правильные метрические стихи, четырехкратный четырехдольник третей, почти всюду выдержано равнорядие строк (16 слогов):

Как у | нас было на |Волге не чер|ным-то зачернелось,
Не чер|ным-то зачернелось, не бел|ым-то забелелось.
Не бел|ым-то забелелось, не красным-то закраснелось.
Не крас|ным-то закраснелось —

зачернелось-елось на | Волге.

Зачерн|е-елось на | Волге Стеньки | Разина соб|ранье,
Забел|елися на |Волге Стеньки | вольны пару|сочки,
Закрасн|елися на | Волге Стеньки | вольные стру|жочки.

(«Поход Степана Разина на Астрахань»)

Вполне законченный четырехдольный тактовик:

Вы по|слушайте, ребя|та, что мы |станем гово|рять,
А мы |старые ста|рушки станем |ска-азыва|ти ^
Про грозного царя И|вана про Ва|си-илье|вича. ^
А как |царь госу|дарь под Ка|зань подсту|пал, ^
Он под |речку, под Ка|за-анку под|коп подко|пал, ^
Что |с тем ли яр|ым |зельем, черным |по-оро-о|хом, ^
А на |бочки ста|новили воску |ярова све|чи. ^

(«Былевые песни» П. В. Шейна)

Эти примеры показывают, какие огромные ритмологические резервы таятся в исторических песнях русского народа.

См. также: Былины, Народный стих, Частушки.

«ИСТОРИЯ О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ», памятник древнерусской литературы, повествующий о завоевании русскими Казанского ханства (1552). Автор — очевидец событий, прошедший 20 лет в татарском плену при дворе хана Сафа-Гирея. В качестве письменных источников в истории используются *Никоновская*, Новгородская пятая, Софийская и др. летописи, *Хронограф*, разрядные и родословные книги, посольская переписка, некоторые сочинения *Ивана Грозного*. Оценка событий дается с позиций русского патриота 60-х XVI в., когда и была написана «История», восхваляющая подвиги Ивана Грозного. «История о Казанском царстве» — выдающийся образец древнерусского литературного стиля, особенно в батальных сценах. В ней своеобразно сочетаются торжественная риторика XVI в., художественная традиция «воинских повестей» и «плачей», образы русских и татарских народных преданий, приемы устной речи. Поэтическим лиризмом овеян рассказ о последней казанской царице Сумбеке.

Лит.: Полное собрание русских летописей. Т. 19. СПб., 1903; *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905.

«ИСТОРИЯ РУССОВ», памятник малороссийской литературы к. XVIII в., рассказывающий о событиях в Малороссии с древнейших времен до 1769. Центральное место в «Истории руссов» занимает образ гетмана Богдана Хмельницкого. «История руссов» проводила идеи русского патриотизма. Она оказала влияние на творчество ряда писателей (*Н. Гоголь*, *А. Маркевич*, *А. Метлинский*, *Н. Костомаров*, *Т. Шевченко*), хотя позже была выявлена ее неполная достоверность как исторического источника. Высокие художественные достоинства «Истории руссов» были отмечены *А. С. Пушкиным* («...Картины, начертанные кистью великого живописца»). Долгое время «Историю руссов» приписывали *Г. Конисскому*. Наиболее вероятные авторы ее — *Георгий Полетика* и его сын *Василий*.

Соч.: *Конисский Г.* История руссов или Малой России / Предисл. О. Бодянского // Чтения в императорском обществе истории и древностей при Московском университете. 1846. № 1—4; Подробный обзор Истории руссов. Указатель // Там же. 1846. № 3.

«ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА», *былина*. «Сюжетом об исцелении, — отмечает *А. М. Астахова*, — открывается поэтическая биография Ильи Муромца. Это как бы пролог к повествованию о богатырских подвигах Ильи». В основе сюжета о чудесном исцелении Ильи Муромца — широко распространенные народные *сказки* и *легенды* о «сидне», известные в фольклоре многих стран и народов. Это типично «бродячий» сюжет мирового фольклора. «Богатырскому эпосу, — писал *Я. Гримм*, — свойственно представлять детство и первую молодость омраченного телесными недостатками, потом же вдруг давать выступить вперед

блистательнейшему проявлению долго сдерживаемой силы». Совпадают и сроки сидения (или же ослепления, онемения): тридцатилетний — в европейском эпосе, сорокалетний — в восточном. «Наш сидень Илья, — замечает по этому поводу *О. Миллер*, — т. о. оказывается имеющим эпическую родню в различных краях света, и чтобы составить его мозаически из различных “сидней”, нашим родным певцам пришлось много и долго “трудиться”. Дело, вероятно, происходило проще — без всякой мозаики».

Само приурочение «бродячего» сюжета о сидне к Илье Муромцу связано с желанием видеть начало былинной биографии любимого героя, объяснить природу его неодолимой силы и непобедимости в бою. Эту неодолимую силу Илья Муромец получает или от *калик переходжих-переброжих*, которые, по всей вероятности, и создали свой вариант этой популярной былины, или от Святогора-богатыря. В некоторых вариантах чудесные странники отождествляются с Христом, чудотворцем Николаем. И всюду подчеркивается крестьянское происхождение Ильи Муромца. После исцеления и получения силы от калик переходжих Илья Муромец идет «на тую на работу на крестьянскую», впервые показывает свою богатырскую силу не в бою, не в последующем поединке с Соловьем-разбойником, на «этой работе на крестьянской». Помогая отцу с матерью, богатый очищает поле от «лубья-колоды», вырывает «дубьицу с кореньцом».

В. Калугин

ИШИМОВА Александра Осиповна (25.12.1804[6.01.1805]—4[16].06.1881), писательница, переводчица, педагог. Родилась в Костроме в дворянской семье. Училась в частных пансионах. Была знакома с *В. А. Жуковским*, *А. С. Пушкиным*, *Н. В. Гоголем*, *И. С. Тургеневым*. Начала печататься в 1831. Приобрели известность ее рассказы для детей, представляющие большей частью переложения исторических сочинений, в т. ч. «Истории государства Российского» *Н.*

М. Карамзина («История России в рассказах для детей». Ч. 1—6. 1837—40), высоко оцененные многими выдающимися деятелями русской культуры (*А. С. Пушкиным*, *Н. В. Гоголем* и др.).

Взгляды Ишимовой на Русь и православную культуру были близки духовно-нравственным позициям Гоголя, сформулированным им в книге «Выбранные места из переписки с друзьями».

Ишимова активно занималась журналистской деятельностью, потребовавшей от нее энергии и предприимчивости: издавала ежемесячный литературно-художественный журнал «Звездочка» (1842—63; до 1850 — в 2 изд., для детей младшего и среднего возраста) и «Лучи» (1850—60), в которых поместила свыше 600 своих оригинальных и переведенных произведений, впоследствии собранных в отдельные книги. Особенно популярной была «Звездочка» — первый частный и сумевший обеспечить себе столь продолжительное существование детский журнал.

Стремление дать самые разнообразные знания о мире — его истории, географии, русской и мировой литературе, нацио-

нальных достопримечательностях, соединялось в журналах и книгах Ишимовой с задачей религиозно-нравственного воспитания, желанием развить в юных читателях чувство добра и сострадания (внушаемое им языком живых примеров, не лишенных сентиментального обрамления), способность стойко переносить несчастья, а также любовь к Отечеству и «отечествоведению»: «Рассказы старушки» (СПб., 1839), «Священная история в разговорах для маленьких детей» (СПб., 1841; 6-е изд. СПб., 1864 — одна из популярнейших книг Ишимовой), «Каникулы 1844 г., или Поездка в Москву» (СПб., 1846), «Исторические рассказы А. Ишимовой» (СПб., 1849), «Бабушкины уроки, или Русская история для маленьких детей» (2-е изд. СПб., 1859). Учебник Ишимовой «Первое чтение и первые уроки для маленьких детей» (СПб., 1856) широко использовался, как и др. книги Ишимовой, для

домашнего воспитания. В книге «Рассказы для детей из естественной истории» (СПб., 1877) сделана попытка дать обзор животного мира земли. Собственно беллетристические произведения Ишимовой, напр. «Колокольчик. Книга для чтения в приютах» (СПб., 1849), откровенно дидактичны, лишены простоты и занимательности ее научно-популярных книг и переводов.

Др. произведения: «Чтение для детей первого возраста» (СПб., 1845), «Маменькины уроки, или Всеобщая история в разговорах для детей» (Вып. 1—5. СПб., 1858—63), «Сокращенная русская история» (СПб., 1867; 4-е изд., 1879), «Рассказы из Священной истории для крестьянских детей» (СПб., 1877), «О молитве Господней для маленьких детей» (СПб., 1881).

И. Ш., Д. К.

К

КАВЕЛИН Дмитрий Александрович (28.04[9.05].1778—14[26].03.1851), поэт. Из старинного дворянского рода. Родился в Калужской губ. Учился в Московском благородном пансионе. Был знаком со многими выдающимися деятелями русской культуры, в т. ч. с *В. А. Жуковским*, *С. С. Уваровым*, *М. Л. Магницким*, *П. А. Вяземским*, митр. Филаретом (Дроздовым). Входил в общество «*Арзамас*».

С юношеских лет писал стихи, примыкал к карамзинистам.

В 1812 выпускал отдельными листками «солдатские песни» патриотического содержания, а также «Хор на освобождение Москвы от французов» (СПб., 1812). В 1815 издал 6-ю ч. «Собрания русских стихотворений», служившую дополнением к одноименному изданию В. А. Жуковского.

В н. 1820-х поддержал справедливую борьбу М. Л. Магницкого и Д. П. Рунича с западническими либерально-масонскими элементами в русском просвещении.

КАВЕЛИН Константин Дмитриевич (4[16].11.1818—3[15].05.1885), публицист, историк, правовед. Первоначально занимал либеральные позиции, позднее отошел от них и сблизился со *славянофилами*. Стоял на позиции сильной самодержавной власти. В 1866 подал царю записку «О нигилизме и мерах против него необходимых».

Кавелин наряду с Б. Н. Чичериным стал основателем государственной школы исторического последования. В своих трудах «Взгляд на юридический быт Древней России» (1847), «Мысли и заметки о русской истории» (1866), «Краткий взгляд на русскую историю» (опубл. 1887) Кавелин показывает решающую роль самодержавного государства в жизни народа. По мнению ученого, русское государство явилось высшей формой общественного бытия в жизни России.

Кавелин был одним из творцов крестьянского законодательства 1861, в числе первых отечественных ученых исследовал сельскую общину, доказав, что в ее сохранении — основа

социальной и экономической устойчивости России. Разрушение тысячелетних обычаев крестьянского мира, по мнению Кавелина, приведет к упадку экономики и падению самого Русского государства.

Кавелин выступал противником личной собственности на землю, считая, что в условиях России она приведет к массовому обнищанию крестьян. Чтобы не допустить этого, ученый предлагал передать землю крестьянам в пожизненное пользование с правом наследования, но без права продажи. Причем выделение земли должно осуществляться строго в рамках уже существующих общин, являющихся, по сути дела, коллективными владельцами земли.

Соч.: Собр. соч., т. 1—4, СПб., 1897—1900; Наш умственный строй... М., 1989.

О. Платонов

КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ, одно из самых интересных и значительных историко-публицистических сочинений русской литературы 2-й пол. XVI в., представляющее собой беллетризованный рассказ о 3-вековой истории русско-татарских отношений со времен образования Золотой Орды до завоевания в 1552 *Иваном IV Васильевичем* отпочковавшегося от нее в сер. XV в. Казанского ханства. Казанская история пользовалась на Руси большой популярностью.

Неизвестный автор, согласно автобиографической справке, содержащейся в начале произведения, 20 лет прожил в Казани при дворе казанских ханов как русский пленник, принявший мусульманство, и лишь во время взятия Казани вышел из города и поступил на службу к Ивану Грозному. Возможно, находясь в Казани, он выполнял тайное задание русского правительства.

Казанская история выделяется среди современных ей историко-публицистических сочинений своим художественным своеобразием: хорошо разработанным сюжетом, причудливым переплетением различных стилей повествования, использованием художественных достижений едва ли не всех жанров, известных на Руси к сер. XVI в., активным насыщением повествования беллетристическим вымыслом.

Вместе с тем Казанская история — произведение остропублицистическое. Написанная в годы обострения отношений Грозного с феодальной знатью (1564—65), она отразила в трактовке исторических событий политическую борьбу 60-х XVI в., в которой автор последовательно стоит на стороне Ивана Грозного. Это привело к немеренному искажению в Казан-

ской истории целого ряда исторических фактов (замалчивает важную роль в казанской победе некоторых уже попавших в опалу воевод — участников взятия Казани, введены разряды войск времени Ливонской войны, когда Грозный активно покровительствовал татарским царевичам, перешедшим к нему на службу после завоевания Казани, и др.).

Иван Грозный на коне. Казанский летописец, XVII в.

Однако свободное обращение автора Казанской истории с многочисленными источниками имело и чисто художественные причины: оно позволяло связать отдельные исторические факты в единый телеологический (целенаправленный) сюжет, заинтересовать читателя перипетиями военных кампаний и человеческих судеб.

В основу своего произведения автор положил основные идеи, определившие тот угол зрения, под которым ведется повествование: мысль об исторической справедливости и предопределенности божественным промыслом завоевания русскими Казанской земли, о первостепенном значении личных заслуг Ивана VI в казанской победе. Для раскрытия этих идей автор Казанской истории нашел новые, чисто беллетристические средства, создав яркое и увлекательное сочинение, убеждавшее

читателей не столько авторскими сентенциями, сколько самим ходом повествования.

Стремясь создать ретроспективный фон для политических и военных успехов Ивана Грозного, находящихся в центре внимания автора, он предвдвигает рассказ о походе 1552 на Казань обширной предысторией русско-казанских отношений. В этой первой части Казанской истории (главы 1—50) повествование попеременно ведется по трем разным сюжетным линиям. Первая развивает историю Казанского царства (главы об основании Казани сначала преемником Батыева легендарным царем Саином, затем ордынским ханом Улу-Ахметом, о правлении в Казани его сына Мамотяка, а после него попеременно московских и крымских ставленников — Махмет-Амина, Шигалея, Геналея, Сахыб-Гирея и Сафа-Гирея, жены последнего Сумбеки и ее любовника улана Кошка); вторая проследживает наиболее важные моменты русской истории с XIII до сер. XVI в. (главы о восстановлении русских городов после Батыева нашествия вел. князем Владимирским Ярославом Всеволодовичем, о правлении вел. князей Московских — Василия Дмитриевича, Василия II, Ивана III, его сына Василия Ивановича, о приходе к власти Ивана Грозного); третья воссоздает историю русско-казанских дипломатических и военных отношений (рассказы о набегах на Русь первых казанских ханов Улу-Ахмета и Мамотяка, о взятии Казани в 1487 войсками Ивана III, трех походах на Казань в правление Василия III в 1508, 1524 и 1530 и двух первых походах, организованных Иваном Грозным в 1545 и 1550, о строительстве Свяжска вблизи Казани, о пленении казанской царицы Сумбеки и ее отправке в Москву).

Благодаря такому построению сюжета автору Казанской истории удалось к началу повествования о победоносном походе Ивана Грозного на Казань расставить в своей повести все необходимые акценты: показать страдания русского народа от беспощадных набегов казанцев, создать образ Казани как «змеиного гнезда», напивавшегося русской кровью, на ряде примеров показать «жестокосердие» казанцев, их лукавство и лицемерие, сочетавшиеся со странной их «слепотой», недалекостью. С др. стороны, автору удалось также показать и преступную безответственность русской княжеско-боярской военной элиты, своей бесталанностью и трусостью зачеркнувшей результаты нескольких военных операций против Казани. Наконец, ему удалось подвести читателя к провиденциальной идее богоизбранности Ивана Грозного, создав галерею образов его предшественников, которым не удалось одержать победу над коварным ханством, т. к. Бог «приберег» славу победителя для своего избранника — первого венчанного на царство московского самодержца.

Существенно отличается от созданных в предшествующих историко-публицистических произведениях XVI в. и образ Ивана Грозного, сближающийся в Казанской истории с фольклорным: подобно *историческим песням*, легендам и *сказкам*, создающим образ справедливого царя — народного заступника, Казанская история изображает Ивана Грозного всегда уважительно и заботливо относящимся к народу, «потом и кровью» которого была завоевана победа над Казанью. Близка к фольклорной и позиция автора Казанской истории по отношению к боярам и воеводам: в исторических песнях и преданиях они также обычно характеризуются как жадные, корыстолюбивые, трусливые, способные на клевету и предательство.

Автор Казанской истории адресовал свой труд широкому кругу читателей: простым воинам, которых он хотел своим произведением отвлечь от скорби по погибшим в казанской войне русским людям, их отцам, братьям, сыновьям.

Казанская история.

Поход Ивана Грозного из Москвы на Казань, 1552

Изд.: История о Казанском царстве (Казанский летописец) / Подг. Г. З. Кунцевичем // Памятники средневековой литературы. Т. 19. 1903; Казанская история / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954; Казанская история / Подг. текста и перевод Т. Ф. Волковой; Комм. Т. Ф. Волковой и И. А. Евсеевой // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI в. М., 1985; Казанская история / Пер. и комм. Т. Ф. Волковой // За землю Русскую! Древнерусские воинские повести. Челябинск, 1991.

Лит.: Орлов А. С. Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945; Он же. Казанский летописец // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1946.

Т. Волкова

КАЗАЦКИЕ ЛЕТОПИСИ, исторические и литературные произведения, освещающие освободительную борьбу малороссийского народа 1648—54, возглавленную Богданом Хмельницким, а также др. события малороссийской истории до н. XVIII в. Самые выдающиеся из Казацких летописей — летопись Самовидца, составленная в последней трети XVII в., летопись Григория Грабянки (написана в 1710)

и 4-томная летопись *Самойла Величка* (окончена в 1720). Эти Казацкие летописи, возникшие в казацко-старшинской среде, отражают в основном ее сословные интересы. Компилятивные по составу, они содержат огромный исторический и собственно литературный материал — тексты официальных документов, свидетельства очевидцев, народные предания, легенды, *пословицы*, стихи, заимствования из иностранных авторов и т. п. Стиль летописей — разный; в языке преобладает смесь малороссийского, великоросского, старославянского, латинского и польского элементов.

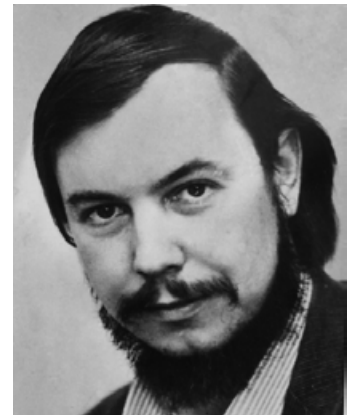
КАЗИНА Александра Никандровна (урожд. **Кутузова**), писательница. Родилась в сер. 40-х XIX в. Обратила на себя внимание талантливо написанными очерками, напечатанными в «Отечественных записках» под названием «Картинки домашнего воспитания». В том же журнале были напечатаны ее роман «Женская жизнь» (1875, №№ 3 и 4; 1877, №№ 3—5) и «Картинки наблюдения» (1876, № 8). Отдельно изданы: «До рассвета», рассказы из детской жизни (СПб., 1873), «Картинки домашнего воспитания», педагогические этюды (2-е изд., доп. СПб., 1901) и роман «Мысли и думы» (СПб., 1901).

КАЗИНЦЕВ Александр Иванович (р. 4.10.1953), критик, публицист. Родился в Москве. Сын крупного советского хозяйственника. Окончил факультет журналистики МГУ и аспирантуру МГУ. Творческий путь начинал как поэт. Выпускал самиздатский журнал «Московское время» (1975—77). В 1981 после знакомства с творчеством *В. Шукшина* резко порвал с диссидентским кругом и поступил на работу в журнал «Наш современник» («НС»). С 1987 — зам. главного редактора этого журнала.

В 80-е Казинцев выступал в основном как литературный критик и историк литературы. Вел острую полемику с русофобской критикой, прикрывавшейся лозунгом «интернационализма», а также с т. н. «бытовой» (др. наименование — «амбивалентной») прозой, демонстративно отказавшейся от различения добра и зла. Само появление этого литературного течения Казинцев рассматривал как серьезный симптом нравственной болезни общества.

В связи с обострением ситуации в стране в период перестройки Казинцев обращается к публицистике. В статьях «Формула нестабильности», «Четыре процента и наш народ», «Масконы, или технология миражей», опубликованных на страницах «НС» в к. 80-х, предостерегал от «революционного» разрыва с советской системой, что ставило под вопрос целостность страны, обращал внимание общества на появление «активных особей», претендующих на роль новой элиты.

С 1991 и по настоящее время ведет в «НС» авторскую рубрику «Дневник современника». Среди публикаций выделяются циклы статей «Россия: уроки сопротивления», «Россия: попытка самопознания», «Вечная Россия», работы «Дао Тун» (обобщающая опыт китайской модернизации), «Big Boom» (о событиях 11 сент. 2001 в США).

В философско-публицистической книге «Симулякр, или Стекольное царство» (2002—03) на большом фактическом материале показана «неподлинность», виртуальность современного западного мира.

Казинцев продолжает традиции русской публицистики XIX—XX вв. Для его работ характерны общественный пафос, ораторский стиль, патетика, полемичность. Многочисленные статьи Казинцева, опубликованные с к. 80-х в «НС», выстраиваются в единый цикл, своеобразную хронику времен российской смуты. Основная идея — необходимость единения русского народа перед лицом внешних и внутренних угроз. Казинцев считает, что в сегодняшних условиях невозможно воспроизвести ни советскую, ни дореволюционную имперскую модели. Необходим поиск новых форм и путей развития при неременной опоре на национальный опыт. В качестве примера Казинцев выдвигает принцип, в качестве примера Казинцев выдвигает принцип, в качестве примера Казинцев выдвигает принцип: «Вернуться к истоку и открыть новое». Не традиционен для почвенника и его подход к идее человеческой свободы. Казинцев не противопоставляет ее соборному единству народа, но полагает, что именно связь с народом, в т. ч. его историей, надеждает человека истинной свободой — в противовес разрушительному индивидуализму.

Соч.: Лицом к истории. М., 1989; Новые политические мифы. М., 1990; Россия над бездной. М., 1996; В поисках России. Калуга, 2001; Симулякр, или Стекольное царство. М., 2004.

КАЙСАРОВ Андрей Сергеевич (16[27].11.1782—14[26].05.1813), первый русский профессор из дворян, преподававший на русском языке, первый русский ученый-славист, писатель, общественный деятель, герой Отечественной войны 1812.

Родился в д. Барановка (?) Аткарского у. Саратовской губ.

На 13-м году жизни Кайсаров поступил в благородный пансион Московского университета, где почти не пришлось учиться, т. к. вступивший на престол Павел I призвал всех, записанных в полки, явиться к службе. В 1796—1801 Кайсаров служил в С.-Петербурге и в Москве, дослужившись до штаб-ротмистра.

Еще служа в Москве, Кайсаров стал посещать вечера Московского бла-

городного пансиона, где учились тогда его братья Петр и Михаил. В это время Кайсаров сблизился с *А. И. Тургеневым*, *В. А. Жуковским*, учившимися в пансионе, *А. Ф. Мерзляковым*, адъюнктом университета, с поэтом и журналистом *А. Ф. Воейковым*. Это была пора чистой сентиментальной юношеской дружбы, возводимой в культ. Друзья чаще всего собирались в 1799—1801 на квартире Тургеневых или в старом доме Воейкова на Девичьем поле («подевические собрания»). На основе этой дружбы, благодаря инициативе Тургенева и Мерзлякова, организовалось «Дружеское литературное общество 1801». Малочисленность кружка и кратковременность существования не умаляют его значения в формировании литературных направлений ранней пушкинской эпохи (борьба с *сентиментализмом* и зарождение *романтизма* Жуков-

ского и т. д.) и вполне компенсируются большой интенсивностью работы, энергией, вдохновением. Кайсаров сделал здесь несколько докладов — «О кротости», «О том, что мизантропов несправедливо почитают бесчеловечными», «О том, что мнение о славе зависит от образа воспитания». Идеи последнего доклада во многом предуготовили судьбу самого Кайсарова. Кайсаров доказывал возвышенный характер патриотического чувства. «Пусть сердце воина ожесточится, — заявлял он, — если враги грозят его отечеству...» Слово «отечество», так же как и слово «дружество», в эти годы на устах у всех. Молодое поколение размышляло о путях лучшего служения отечеству, искало идеал истинного сына отечества, гражданина и патриота. К этому периоду принадлежит блестящий доклад А. И. Тургенева «К Отечеству», начало работы над одноименным стихотворением.

Небольшая статья Кайсарова «О религии», видимо написанная в 1799—1800, опубликована в журнале «Иппокрена, или утех любословия», № 11 за 1801. В 1801 Кайсаров публикует остроумную пародию, высмеивавшую сентиментализм, «Свадьба К.», которая тогда опубликована не была и ходила в многочисленных списках. Кайсаров изобразил в шуточном виде настоящую свадьбу Карамзина, составив пародию из отрывков его различных сентиментальных произведений. При этом Кайсаров и весь круг его друзей искренне любили Карамзина. Выступал же Кайсаров против пустой сентиментальности, которая тогда «затапливала» слезами эпигонов Карамзина многие российские издания, от нее страдал и сам Кайсаров.

В 1802—04 Кайсаров учился в Геттингенском университете, изучая здесь кроме общей программы славянские языки.

В 1804 Кайсаров совершает путешествие по западноевропейским славянским землям. Путешествуя, Кайсаров с удивлением узнавал, что мир славянина — это уютный обжитой мир, остроумно и разумно устроенный, во всем соразмерный человеку, удивительно пластичный на поверхности и статичный в глубине. Поля, овраги, холмы, леса, горы, реки — все было названо словами с точным и привычно-понятным смыслом. Детали природного ландшафта обожествлялись славянами и входили в мир *сказок*, легенд, мифов.

Еще до путешествия, в Геттингене Кайсаров издал на немецком языке книгу «Славянская и российская мифология» (1804), написанную в «азбучном порядке», которая затем на русском языке вышла в Москве в 1807 и 1810. Это был первый в России словарь славянских мифов. Вызывает уважение отвага молодого исследователя, взявшегося в одиночку за столь обширную и неразработанную тему. При своей кажущейся нам сейчас наивности и недостаточности этого первого исследования, книга Кайсарова является уникальным памятником отечественной науки и литературы. Тщательное изучение древнейшей славянской культуры и литературы легло в основу неоплощенного замысла — составления «Сравнительного словаря славянских наречий» (1805, Геттинген).

В 1810 освобождалось профессорское место в Дерптском университете. Кайсаров был вторым после *Г. А. Глинка* русским профессором из дворян и первым, преподававшим на русском языке. Необычный по тем временам курс лекций Кайсарова назывался «Древняя русская история в памятниках языка». Поскольку учебников на эту тему не существовало, он учил своих студентов по древнерусским летописям и древним книгам. Кайсаров оставил Дерптскому университету большую часть своей библиотеки, которую собирал по всей Европе, интересуясь в основ-

ном славянскими древностями. В то же время 28-летний профессор продолжал работать над составлением первого исторического словаря русского языка, мечтал о создании словаря древнерусского языка, написал «Примерный устав нового предполагаемого общества переводчиков» — по сути программу просвещения России в области издания здесь шедевров мировой литературы.

Первым его выступлением в стенах Дерптского университета на русском языке была взволнованная, страстная «Речь о любви к Отечеству на случай побед, одержанных русским воинством на правом берегу Дуная...», произнесенная в нояб. 1811, за полгода до вторжения в Россию Наполеона. Слово полемизируя с модным тогда и не понаслышке известным ему масонством, Кайсаров говорил об истоках патриотизма, о самых святых его струнах, о нравственных границах отечества: «Тщетно лживые мудрецы прошедшего века старались осмеивать любовь к отечеству... Как могли вообразить сии мудрствователи, что, не быв истинным сыном отечества, возможно быть достойным гражданином мира? Как могли они представить, что не любя своих кровных, можно любить чужих?.. Проклята да будет ненавистная мысль, что там отечество, где хорошо!.. Вне отечества нет жизни!» В «Речи...» Кайсаров трагивал древнейшую историю человечества и русскую историю, находя в них примеры для иллюстрации своих мыслей. Кратко очерчивались также политические события первого десятилетия XIX в., в т. ч. и победы в Русско-турецкой войне 1806—12, одержанные тогда командующим Молдавской армией М. И. Голенищевым-Кутузовым. Именно потому, что «Речь...» Кайсарова отражала острые современные события и обращалась к патриотическим чувствам народа, она оказалась всем понятна и близка. Университет напечатал ее за свой счет.

В первые дни Отечественной войны с французами Кайсаров через друзей передал царю смелое предложение: организовать при русской армии походную типографию и создать пропагандистский центр при штабе Главнокомандующего. Он очень быстро получил разрешение, царь назначил его директором походной типографии и предписал быстро и в секрете собрать типографское хозяйство. Кайсаров догнал армию у Дриссы. Он горячо взялся за дело. Выпускал листовки («летучие листки») на немецком, французском, итальянском и русском языках тиражом 10 тыс. экз., рассылая их с отрядами партизан Ожаровского, Сеславина, *Давыдова* в районы боевых действий и в стан врага. Регулярно печатал «Известия из армии», которые противопоставлялись французским бюллетеням, не отличавшимся правдивостью, и которые перепечатывали и цитировали многие газеты мира; выпускал на русском и немецком газету «Россиянин», агитационные брошюры.

При типографии Кайсарова в таругинский период Отечественной войны, когда армия собирала силы, стихийно возник литературный кружок армейских офицеров, многие из которых участвовали в сочинении листовок, памфлетов, публицистических стихов. Сюда входили друзья Кайсарова В. А. Жуковский и партизан А. Ф. Воейков; автор первой книги о войне 1812 Д. И. Ахшарумов; будущий историк войны А. И. Михайловский-Данилевский; генерал и писатель И. Н. Скобелев (дед известного полководца); партизаны братья М. А. и П. А. Грабе (последний писатель и переводчик, знакомый *Пушкина*); адъютант Милорадовича, поэт, прозаик, мемуарист *Ф. Н. Глинка*; археограф и историк *К. Ф. Калайдович*; князя Трубецкие и др. Походная типография печатала басни *И. Крылова*, стихотворения Воейкова и Жуковского «Вождю победителей», «Певец во

стане русских воинов» (где есть строки и о А. С. Кайсарове, водившем в атаки лихие казачьи полки: «Орлов отважностью орел; и мчит грозу ударов сквозь дым и огонь, по гудам тел, в среду врагов Кайсаров»).

После смерти Кутузова в апр. 1813, когда русская армия освобождала от захватчиков Германию, Кайсаров сражался в отряде, входившем в корпус легендарного гр. Платова. В одном из боев в обоз с походной типографией и боеприпасами попало неприятельское ядро, находившегося неподалеку Кайсарова смертельно ранило при взрыве порохового ящика.

А. Баженова

КАЛАЙДОВИЧ Константин Федорович (май 1792—19.04.1832), археограф, историк, филолог. Член кружка *Н. П. Румянцева*. Автор многочисленных трудов по славяноведению, археологии, дипломатике, палеографии и археографии. Издал «Русские достопримечательности» (т. 1, 1815), «Древние Российские стихотворения», собранные *Кирием Даниловым* (1818), «Законы...» Ивана III и *Ивана IV*. В Воскресенском Новоиерусалимском монастыре Калайдович обнаружил и произвел первое описание «Изборника Святослава»; выявил сочинения *Кирилла Туровского*. По настоянию Калайдовича было выпущено 13 листов издания *Лаврентьевской летописи*.

КАЛАШНИКОВ Иван Тимофеевич (22.10[2.11].1797—8[20].09.1863), писатель. Родился в Иркутске в семье чиновников. Учился в Главном народном училище и Иркутской гимназии.

Первое литературное произведение Калашникова — *ода* на изгнание французов («Торжество России», 1813); в столичной печати дебютировал элегическими стихами с религиозными мотивами в журналах «Сын Отечества» и «Северный архив»: «Видение», «Буря», «Время», «Бессмертие» (1829).

В романе «Дочь купца Жолобова» (1831) Калашников знакомит читателя с историей, культурой, бытом и природой малоизвестного тогда края, жестокими нравами старой Сибири (сер. XVIII в.). Исповедуя христианское благочестие, верность престолу и закону, Калашников не скрывает своих симпатий к людям труда и долга, независимо от их социального положения.

В 1834 вышла повесть «Изгнанники» (СПб.), в которой, как и в романах, сказалось отсутствие жанрообразующего начала; время действия повести чисто условно прикреплено к 1730 (к «бионовской эпохе»). На примере судеб двух ссыльных семей в дидактической форме раскрывается мысль о губительном характере дурных страстей, о спаси-

тельности человеколюбия в самых тяжелых ситуациях (герой Калашникова всегда противостоит злу, но не считает возможным оказать ему своевольное сопротивление). В повести «Жизнь крестьянки» (1835) характерная для Калашникова проповедь христианского смирения сочетается с разработкой тем и мотивов, предвосхищающих «натуральную школу» (неотвратимость воздействия обстоятельств на человеческую судьбу, трагизм крестьянской и особенно женской доли).

В 1842 Калашников выступил со статьей «Патриотический взгляд на русскую литературу», в которой с православно-монархических позиций оспаривал тезис — «у нас нет литературы», невежественно развитый Белинским в «Литературных мечтаниях» и др. статьях.

Соч.: Дочь купца Жолобова. Ч. 1—4. М., 1871; Камчадалка. М., 1871; Записки иркутского жителя (отрывок) // Старая Сибирь в воспоминаниях современников. Иркутск, 1939; Дочь купца Жолобова: Романы. Повести. Иркутск, 1985 / Комм. и послесл. М. Д. Сергеева; Изгнанники // Восточная Сибирь в ранней художественной прозе. Иркутск, 1938; Предслава и Добрыня. Ист. повести русских романтиков, М., 1986.

КАЛИКА ИВАНИЩЕ, один из центральных героев *былины* «Илья Муромец и Идолище» (см.: Калика перехожие).

Тема былины — защита родной земли, единоборство *Ильи Муромца* с иноземным богатырем «идолищем поганым». Действует в былине и могучий калика Иванище. Но роли Ильи Муромца и калики Иванища далеко не однозначны. Оба они — богатыри, но во всех вариантах (и особенно в народных лубочных картинках) подчеркивается, что по силе своей Иванище явно превосходит Илью Муромца.

Начинается былина с описания сборов, аналогичного описанию в «Сорока каликах»: «сильноё могучо-то Иванищо» точно так же, как и сорок калик-богатырей, «справляется и снаряжается», чтобы отправиться в дальний путь. Описывается в былине и его паломничество в Святую землю, ритуал с купанием и умыванием, после которого Иван «поворот держал».

Возвращается же Иванище через Царь-от-град (таким был путь многих паломников, посещавших одновременно 2 священных города — Иерусалим и Царьград), на который «наехало поганое тут Идолище». После этого описания, узнав, что в Царьграде «святые образы» поколоты и потоптаны, «могуче-то Иванища» продолжает свой путь: «идет вперед опять». Иными словами, он нарушает все неписаные законы богатырской чести и богатырского долга. Ведь примерно в такой же ситуации оказывается и Илья Муромец (в былине «Илья Муромец и Калин-царь»), но он, узнав, что Калин-царь «всех мужиков повырубил, а церкви все на дым спустил», выходит с ним на поединок. Калика-богатырь уклоняется от поединка, он идет «своим путем да дорожкой», в это время его и встречает Илья Муромец. Богатыри, как и полагается, приветствуют друг друга, после чего (тоже так полагается) Илья Муромец начинает расспрашивать калику Иванища: «Ты откуль идешь, ты откуль бредешь, // А ты откуль еще да путь держишь?» Иванище рассказывает все по порядку: как ходил в «Еросолим», как молился, как в «Ердане» купался и как «назад поворот держал». Илья Муромец предлагает ему поменяться одеждой, чтобы самому идти неузнанным в Царьград. Эта сцена переодевания русских богатырей в калик перехожих известна по многим текстам рукописного «Сказания о хождении русских богатырей в Царьград» XVII—XVIII вв.

Описание дальнейших событий былины «Илья Муромец и Идолище» достаточно хорошо известно. Илья Муромец, переодевшись каликой, проникает неузнанным в Царь-от-град и встречается там с Идолищем, который похваляется своим обжорством и силой. Илья Муромец наказывает Идолище за похвальбу, побивает поганых и возвращается в «условно это местечко», где его поджидает калика Иванище. Они вновь переодеваются, Илья Муромец садится на своего добра коня и на прощанье укоряет калику за то, что тот не выручил «Русию от поганых».

В прощальных словах Ильи Муромца слышен упрек не только Иванищу, но и всем «каликам перехожим переброжим» Древней Руси. Богатыри переодевались в калик, чтобы обмануть, обхитрить противника, стать неузнанными, но сами калики в битвах не участвуют, они лишь предупреждают о приближении врага, выступают традиционными эпическими вестниками. В былине «Илья Муромец и Идолище» устами главного героя былинного эпоса выражено народное отношение к подобному «нейтралитету» калик перехожих.

В. Калугин

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ, персонажи русского народного былинного эпоса (см.: Калика Иванище, «Сорок калик со каликою»).

Калики предстают в русском народном эпосе далеко не второстепенными персонажами. Калики исцеляют и надеются силой *Илью Муромца*; «сокрутившись» каликой, проникает он неузнанным в «Царь-от-град»; с каликой меняются одеждой и *Алеша Попович*, выходя на бой с Тугарином; каликами «справляются» Илья Муромец и *Добрыня Никитич*, спасая *Михайло Потыка*. Есть среди былинных героев Калика-богатырь, побивающий «силушку», которой «сметы нет», причем не где-нибудь, а «на тех полях да на Куликовых». Не менее значителен образ др. былинного богатыря, «сильного могучего Иванища», с которым не решается вступить в единоборство даже Илья Муромец. Иванище — тоже «калика перехожая переброжая».

И есть т. н. каличи *былины*, созданные самими каликами перехожими Древней Руси. К высочайшим образцам русского народного эпоса принадлежит былины «Голубиная книга» и «Сорок калик со каликою».

«Голубиная книга», по единодушному мнению специалистов, один из самых древних памятников фольклора, а «Сорок калик со каликою» — один из самых популярных. Всего же каликами созданы десятки произведений, составляющие особую каличью поэзию (см.: Духовные стихи).

Калигвы, калиголовки, калиги, калички, калижки — названия (по *В. И. Далю*) в разных губерниях России «обуток» косцов, пастухов. Но чаще калиги — обувь странников, паломников (лоскут холста, затянутый на подъеме веревкой).

Отсюда и калики перехожие, всегда находящиеся в былинах в пути, в дороге, предупреждающие об опасности. Не случайно такой важной деталью является в былинах обувь каличья: не какие-нибудь «лапотки», а — в соответствии с поэтикой былин — «семи шелков», точно так же как «сума каличья» опять же не какая-нибудь, а «рыта бархата», и столь же непременный «посох каличий», выступающий в былинах в качестве богатырской палицы в «девяносто пуд».

Среди первооткрывателей каличьей поэзии и *духовных стихов* имена *А. С. Пушкина*, *Н. М. Языкова*, *П. В. Киреевского*.

«Бездомного, безродного // Немало попадаетея // Народу на Руси», — так начинается глава «Странники и богомольцы» в поэме *Н. А. Некрасова* «Кому на Руси жить хорошо». Стихотворение *С. Есенина* «Калики» из цикла «Русь» стриж полвека как бы продолжает этот рассказ: «Проходили калики деревнями, // Выпивали под окнами квасу, // У церквей перед затворами древними // Поклонялись Пречистому Спасу». Стихотворение Есенина заканчивается, казалось бы, неожиданным сближением калик переходных со скоморохами: «Вынимали калики поспешливо // Для коров сбереженные крохи. // И кричали пастушки насмешливо: // «Девки, в пляску! Идут скоморохи!» Но сближение двух образов — калик и скоморохов — далеко не случайно, имеет свои глубокие исторические корни. Скоморохи — похваляющиеся (в былинах «Вавило и скоморохи») «переиграть царя Собаку», и калики — их «страдальные речи» — 2 полюса, 2 противоположных и тем не менее неотделимых друг от друга явления народной культуры и народной жизни.

И былинные, и литературные калики являются странниками, паломниками, но при этом обращает на себя внимание одно явное несоответствие. Ведь былинные калики — отнюдь не слепцы, не старцы, не «сырые и убогие», каковыми они предстают не только у *Н. А. Некрасова*, *С. А. Есенина*, но и в «Губернских очерках» *М. Е. Салтыкова-Щедрина*, в книге *С. В. Максимова* «Русь бродячая», в стихотворении 1946 «Слепой» *Н. Заболоцкого*. Как раз наоборот, в былинах всюду подчеркивается, что ни в силе, ни в удали они не уступают богатырям, а зачастую и превосходят их. Эпические, монументальные образы калик предстают перед нами в былинах «Сорок калик со каликою». Это не убогие странники, а сорок удалых добрых молодцев, которые, проходя мимо потешных княжеских островов и завидя на охоте кн. *Владимира*: «Скричат калики зычным голосом, — // Дрогнет матушка сыра земля, // С дерев вершины попадали, // Под князем конь окарачелся, // А богатыри с коней попадали». Глубоко символический образ Калики-богатыря, защитника родной земли воссоздан в былинах «Калика-богатырь»: «О костьль каликушка опиралася, Высоко каликушка поднималася, // Поднялся тут каликушка поповыше лесу стоячего, // Поднялся тут каликушка пониже оболочка ходячего, // Прискакал Каликушка ко Пучай речке...»

Перед нами совершенно явное стремление создать героический образ калики, поставить его в один ряд с главными героями русского богатырского эпоса. Эта тенденция выделить калик последовательно прослеживается в целом ряде былин. Былина «Сорок калик со каликою» — такая же апология количества, как «Вавило и скоморохи» — скomorошества. Калики и скоморохи — единственные, кто оставил в русском эпосе произведения, прославлявшие самих себя.

Видимо, была необходимость в таком прославлении и утверждении себя с помощью искусства. Каликам и скomorохам в равной степени было важно утвердить в народном сознании мысль, что они люди не простые.

Особой святостью скоморохи не отличались (о чем можно судить по целым страницам отточий в скomorошных из «Сборника Кириши Данилова»), тем нужнее им было оправдать свое скomorошье искусство, создать вокруг себя ореол святости.

Калики переходные Древней Руси, каковыми мы их знаем по легендам, духовным стихам, летописным рассказам, былинам — паломники, идущие на поклонение в Святую землю и добывающие себе пропитание милостыней. Так было принято испокон веков — подавать каликам мило-

стыню, кормить их «ради Христа». Ту же самую картину мы видим и в былинах «Сорок калик со каликою», когда «сорок удалых добрых молодцев», напугавшие до полусмерти своим криком каличим кн. *Владимира*, тут же склоняют перед ним головы и «прошают у него светлую милостыню». «Ведь убили много буйных головушек понапрасно ведь, // Ай пролили крови да горючий», — так объясняют они причину своего паломничества. И эта тема — «паломничества как раскаяния» присутствует не только в былинах «Сорок калик со каликою». В былинах «Василий Буслаев молиться ездил» паломничество новгородского богатыря объясняется аналогичным образом: «смолоду бито, много граблено, под старость надо душу спасти». *Василий Буслаев* тоже под старость становится каликой переходной, но его нрав новгородского бунтаря дает о себе знать и в паломничестве на Святую землю.

Психологический мир былинных героев включает в себя и эту черту — осознания и искупления своих грехов. Пример тому — обращение *Добрыни Никитича* к матери в былинах «Добрыня Никитич» (в записи *А. Ф. Гильфердинга* от *Петра Калинина*). Богатырь, вернувшись после долгой разлуки к матери, не хвастает своими ратными подвигами, а обращается к ней со словами упрека за то, что она его, *Добрыню*, на свет породила, а не завернула в тонкий в льняной рукавчик и не опустила в море синее: «Я не ездил бы нонь, *Добрыня*, по Святой Руси, // Я не бил бы нонь, *Добрыня*, бесповинных душ, // Не слезил бы я, *Добрыня*, отцей матерей, // Не спускал бы сиротать да малых детушек».

В народном эпосе нашли отражение и традиционные формы искупления грехов — паломничество и уход в монастырь. В былинах «Сорок калик со каликою» калики-богатыри, вернувшись на родину, начав «седлать-уздать» своих ретивых коней, чтобы отправиться «по своим да по сторонущам», напоследок дают зарок: не ездить больше в чисто поле и «не кровавить рук да богатырских». А в былинах «Данило Ловчанин» состарившийся богатырь обращается к кн. *Владимиру* со словами: «Благослови, осударь, слово повымолвить, // Не сруби, осударь, буйной головы, // Не вынь сердца со печенью. // Благослови Динилу в монастырь ийти, // Как постричься во старцы во черные, // Покоромиться во книги спасенные, // При старости Данилы бы душу спасти».

В древнерусских летописях и рукописных книгах сохранилось немало в высшей степени любопытных рассказов о каликах. Один из них — легенда о сорока новгородских каликах (таковым был, по всей видимости, обычный состав каличьих дружин) из рукописного сборника к. XVI — н. XVII в., датированный 1163. Но самое древнее упоминание о каликах относится к XI в. В княжеском уставе *Владимира Святославича* они перечислены среди людей соборных, Церкви приданных, на которых «опроче мирян» распространяется не княжеский, а церковный суд. С 1099, после освобождения крестоносцами Иерусалима от многовекового владычества турок-магометан, Святая земля и Гроб Господень стали доступны для христианских паломников. Немало их приходило и из православной Руси. Новгородский игум. *Даниил* совершил свое знаменитое хождение через 7 лет после освобождения Иерусалима, в 1106—08, и был, по всей видимости, одним из самых первых русских паломников. В 1200—04 в Святой земле побывал не менее известный новгородец *Добрыня Ядрейкович*, также описавший свое «Хождение», в котором, в частности, упоминается о существовании под Иерусалимом целой русской колонии, где паломники-калики находили себе приют и пропитание.

После игум. Даниила и Добрыни Ядрейковича за перо брались многие, чтобы рассказать об увиденном и услышанном. «Все описано в правду, или услышал от кого», — скажет один из таких паломников. А видели и слышали многое, их путешествие по тем временам было явлением не только необычным, почти сказочным, но и опасным. Все они, как правило, описывают традиционный путь русских паломников. Своеобразную «подорожную» составил в XV в. *Епифаний Премудрый* «От великого Новгорода до Великих Лук 300 верст, от Лук до Полоцка 180, от Полоцка до Меньска (Минска) 200, от Меньска до Слуцка до Белгорода 500, от Белгорода до Царя-града 500». Ну, а дальше, до Святой земли, как говорится, рукой подать — пройти еще всего-то три моря... Тот же игум. Даниил из Царьграда идет пешком лукоморьем, описывая близлежащие острова — Крит, Самос, Родос и др.: «Все ти острова полны людьми и скотом, стоят в ряд друг другу». Достигнув Яффы (от Кипра Даниил идет морским путем), русский паломник считает необходимым сообщить общее расстояние пройденного пути: «От Царя-града до Родоса 8 сот верст; а от Родоса до Афа 8 сот верст; то ти все пути по морю до Афа есть 1000 и 600».

Игум. Даниил, как и мн. др., описывал прямой путь. Но был и др. — окольный. Об этом свидетельствует былина «Василий Буслаев молиться ездил». Гости-корабельщики, которых встречает новгородский богатырь, говорят ему: «А и гой еси, Василий Буслаевич! // Прямым путем в Ерусалим-град // Бежать семь недель, // А окольной дорогой — полтора года».

В течение нескольких столетий прямой путь оказывался наиболее опасным, в нем царил «разбой велик». Но цель паломничества во всех случаях была одна. В былине «Сорок калик со каликою» она описывается следующим образом: «А и будут в граде Ерусалиме, // Святой святыни помолилися, // Господню гробу приложилися // А всю-та молодцы отправили».

Помимо былины «Сорок калик со каликою» основу каличей поэзии составляли и т. н. духовные стихи — о Егории Храбром, об Алексее человеке Божьем, об Аникевоине, о Дмитрии Солунском, являвшиеся своеобразными распетыми народными вариантами христианских апокрифов и легенд.

Соч.: Бессонов П. А. Калики переходные. Вып. 1—2. М., 1861—64; Русские народные стихи, собранные П. В. Киреевским // Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. Кн. 9. М., 1849; Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981; Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записки Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подг. текстов к печати, ст. и коммент. А. Д. Соимонова. Т. 1. Л., 1977; Собрание народных песен П. В. Киреевского / Сост., предисл., посл. и коммент. В. И. Калугина. Тула, 1986.

Лит.: Адрианова (Перетц) В. П. Житие Алексея человека Божия в древнерусской литературе и народной словесности. Пг., 1917; *Калугин В. И.* Калики переходные // Струны рокотаху... Очерки о русском фольклоре. М., 1989; *Максимов С. В.* Русь бродячая Христа ради. СПб., 1877; *Соколов Б. М.* История старин о сорока каликах со каликою // Русский филологический вестник. № 1—2. 1913.

В. Калугин

КАЛИНИН Анатолий Вениаминович (р. 9[22].08.1916), писатель. Родился в станице Каменская, ныне Каменск-Шахтинский, в семье учителя. С 1932 работал в газетах Дона, Кубани, Кабарды. В 1941 вышла повесть Калинина «Курганы». Героической борьбе русского народа с немецко-фашистскими захватчиками посвящены повести «На юге» (1944), «Товарищи» (1945) и роман «Красное

знамя» (1945), вобравший в себя эти повести. В послевоенное время выходят очерки Калинина — «Неумирающие корни» (1947), «На среднем уровне» (1954), «Лунные ночи» (1955) и др., поднимающие насущные вопросы развития сельского хозяйства. В романе «Суровое поле» (1958) на фоне событий Великой Отечественной войны, событий в Венгрии, послевоенной жизни донской деревни раскрываются судьбы двух поколений русской семьи. Роман носит откровенно полемический характер. Автор утверждает в нем мысль о необходимости доверия к людям, веры в них. В 1961—74 опубликована повесть «Цыган», в 1963 — повесть «Эхо войны», в которой события предвоенных и военных лет тесно переплетены с современной жизнью, судьбами людей. В повести содержится страстная критика собственнической психологии, исследуется феномен предательства и, как в Евангельском сказании, главной причиной зла называется своекорыстие, желание сохранить и преумножить свое богатство любым способом, даже ценой предательства.

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. М., 1982—83; Иван Смоляков. М., 1943; Тихие вербы. Ростов н/Д, 1950; Красное знамя. 2-е изд., М., 1955; Суровое поле: Повести и рассказы. М., 1960; Лунные ночи: Рассказы и очерки. Ростов н/Д., 1960; Запретная зона: Роман, М., 1962; Эхо войны, М., 1965.

КАЛЛАШ Владимир Владимирович (1[13].03.1866—1919), литературовед, библиограф. Родился на хут. Якубовка Черниговской губ. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1890. Выступил в печати в 1884. Основные труды посвящены творческой истории, текстологии и библиографии сочинений русских писателей XIX в. Под редакцией Каллаша вышло первое научно комментированное Полн. собр. соч. *И. А. Крылова* (т. 1—4, СПб., 1904—05), включающее письма и варианты басен; Полн. собр. соч. *М. Ю. Лермонтова* (т. 1—6, М., 1914—15), в последний том которого включены мемуары и критические материалы о поэте; Сочинения и письма *Н. В. Гоголя* (т. 1—9, СПб., 1907—09).

КАЛЛИНИКОВ Иосиф Федорович (1[13].01.1890—4.05.1934), поэт, писатель. Родился в с. Мелеч Трубчевского у. Орловской губ. Внук дьякона, сын почтового служащего. Учился в Орле — в Александровской гимназии (1899—1906), затем в реальном училище. В 1911—16 учился на экономическом отделении Петербургского политехнического института. С детства был погружен в атмосферу религиозного быта; на каникулах жил в келье Белобережского монастыря; рано почувствовал горячий интерес к религиозно-нравственной проблематике в ее русском понимании.

Стилизаторство на фольклорно-религиозной основе, эротизм (в духе проповеди «святости пола» *В. В. Розанова*) и напряженная вычурность формы (напр., «поэмы в триолетах») характерны для поэзии Каллиникова, в частности — для его сборника «Крылатые песни» (Орел, 1915), вышедшего на правах рукописи. Посылая сборник *А. А. Блоку*, Каллиников писал, что прежде чем «выступить с книжкой перед широкой публикой», он «должен иметь еще и нравственное право», которое дадут ему «мнения людей, близких литературе». Почти одновременно вышел и его сборник «Песни войны» (Орел, 1915; перепечатан в сб. «Братьям-героям», Орел, 1915; совм. с А. Кошеверовым), в котором события начала первой мировой войны были осмыслены в стихии национального «эроса» — как знаки и символы мистической «судьбы» России, стоящей на пороге преображения.

Т. Н.

КАЛУГИН Сергей Федорович (1842—11[23].03.1890), писатель, драматург. Сын купца. Учился в Московском коммерческом училище. Писал очерки о купеческом быте. Выступал против ополячивания русских земель и прежде всего русских губерний, входивших в Литву, «проповедуя... что Литва не была Польшею и что в ней некогда кипела русская жизнь, лилась русская речь, господствовало Православие!» (письмо *М. П. Погодицу*). Посвятил доказательству этого тезиса исторические пьесы «Свержение язычества в Вильне» (1866) и «Бирута и Кейстут» (1867), исторический роман «Ягайло» (1867—71). Пропаганде антипольских взглядов Калугин посвятил также заметки «Вильна» (1866) и исторический очерк «Издавняя борьба Православия с латинством в Западно-Русском крае» (1866). В повести «Полякующий» (1867) и очерках «Из-под Москвы» и «Отголосок с берегов Оки» (1866) поддерживал мысль *М. Н. Каткова* об угрожающей русскому государству «польской интриге». Интерес представляет пьеса Калугина «Еврейка-талмудистка» (1868), посвященная разоблачению еврейской кагалной системы.

КАМЕНЕВ Гавриил Петрович (3[14].02.1772—25.07[6.08].1803), писатель. Родился в Казани в купеческой семье. Учился в частном немецком пансионе. Переводные и оригинальные стихи и повести Каменева печатались в журналах «Муза» (1796), «Иппокрена» (1799—1801), «Новости русской литературы» (1802) и др. Переводил А. Коцебу, С. Геснера, Э. Х. Клейста и др. С 1802 был членом *Вольного общества любителей словесности, наук и художеств*, в «Периодическом издании» которого (ч. 1, 1804) была впервые напечатана условно-сказочная богатырская повесть Каменева «Громвал», написанная дактило-анапестическим стихом. Это одно из первых произведений *романтизма* в русской литературе; *А. С. Пушкин* высоко отзывался о Каменеве.

КАМЕНЕВИЧ-РВОВСКИЙ Тимофей (?—?), писатель и историограф последней четв. XVII в., иеродьякон. Будучи с 1683 уставщиком Афанасьевского (Холопьяго) монастыря (на р. Мологе), составлял церковные поучения, а также писал послания, исторические сочинения, своеобразные молитвы («Молитва поетицкая, или реши, творческая»), перерабатывал древние литературные памятники («Повесть о семи мудрецах»). В сочинении «О начале славяно-российского народа и градов Москвы, Новограда Великого и протчия» (1699) Каменевич-Рвовский изложил легенды о происхождении Москвы от библейского «князя» Мосоха. Каменевич-Рвовский — автор стихотворно-прозаического послания *Кариону Истопнику* «Божий град» (1681). Сочинения Каменевич-Рвовского адресовались к «препростому» народу, но отличались отвлеченно-схολатическим стилем, обилием искусственных неологизмов, тропов и фигур, обнаруживающих подражание литературной манере *Симеона Полоцкого*.

КАНДОРСКИЙ Иван Михайлович, духовный писатель и переводчик н. XIX в. Перевел с французского «Благословенный зритель природы, или утренние, полуденные, вечерние и ночные размышления славного Гервея» (М., 1800) и др. Оригинальные сочинения: «Образование духа и сердца в непрестанном богомыслии» (М., 1700), «Жертва величию Божию, или Умиленные мысли о делах его» (4 ч., 1801) и пр. (См.: митр. *Филарет (Гумилевский)* «Обзор русской духовной литературы»; *Геннади Г. Н.* «Справочный словарь» и др.)

КАНДОРСКИЙ Илья Михайлович, духовный писатель и переводчик к. XVIII в. Написал «Сердечные чувствования, излитые от отца к сыну при последних часах жизни» (М., 1798) и перевел с латинского «Христианин, здраво рассуждающий о презрении сует мирских» (3 ч., 1795). (См.: митр. *Филарет (Гумилевский)* и *Геннади Г. Н.* «Справочный словарь», т. 2.)

КАНТ (*лат.* — песня), вид словесно-музыкального непрофессионального искусства в России XVIII в., объединяющий панегирические, любовные, застольные, сатирические и др. книжные (ненародные) песни (см. Песенная книжная поэзия XVII—XVIII вв.), а также духовные песни, или псалмы (см. Духовные стихи). Он восходит к древнерусским многоголосым умиленным и покаянным песням, близким к церковным песнопениям, но не совпадающим с ними, а также к малороссийским и белорусским, а через них и польским псалмам. Кант аналогично народной песне возникал и существовал как изначально единство текста и напева (напр., *В. К. Третьяковский* сочинил песенки с напевами и сам исполнял их); позже музыкальный мотив подбирался к готовому тексту (создание певческим дьяком Василием Титовым напевов со стихотворным переложением псалмов *Симеоном Полоцким*). Однако поэтика и стиль канта идут не от народной песни, а от литературной поэзии. В отличие от новой литературной поэзии, канты бытовали во многих др. вариантах, доступные широкому массам неграмотного населения в пении, и одновременно грамотными записывались (обычно с трехголосными напевами) в рукописные песенники. Канты, обычно безымянные (иногда автор зашифровывал свое имя в *акростихе*), создавались в городе, в средних слоях населения. Светские канты заметно обособляются в петровское время и интенсивно бытуют в 1-й пол. XVIII в. С 1740-х среди кантов появляются пасторали, а с 1760—70-х канты в рукописных песенниках вытесняются народными песнями и песнями сентиментального характера. В посл. четв. XVIII в. канты бытуют в провинции, особенно в семинариях и у старообрядцев. Русские канты сохраняют следы ладовых пластов с явными признаками мажорно-минорной системы. У кантов есть свои попевки, обороты, интонации. Отзвуки кантов заметны в хоре «Славься» в опере М. И. Глинки «Иван Сусанин», в петровском марше в «Хованщине» М. П. Мусоргского.

КАНТЕМИР Антиох Дмитриевич (10[21].09.1708—31.03[11.04].1744), поэт. Сын молдавского кн. Д. Кантемира, получил домашнее образование. Литературную деятельность начал с переводов. Затем начал писать политические эпиграммы (1727—28) и *сатиры* (1729—31). В этих произведениях он выступал как защитник наследия Петра I в политике и культуре, развивал идею естественного равенства людей и преимуществва личных заслуг перед «породой» («Сатиры» II, V).

В 1730 Кантемир принял деятельное участие в борьбе против попытки старой знати ограничить в свою пользу самодержавные права Анны Ивановны, опиравшейся на дворянство. В том же году он перевел книгу Фонтенеля «Разговор о множестве миров» (опубл. 1740). В 1731 правительство Анны Ивановны, по-видимому, недовольное политической и литературной активностью Кантемира, назначило его русским послом в Лондон, а в 1738 — в Париж, где он и умер.

За границей Кантемир переделал 5 сатир, написанных в России, создал новые (VI—IX сатиры), переводил Горация, Анакреонта, добиваясь, хотя и безуспешно, печатания своих стихов в Петербурге. Он следил за развитием поэзии в России и, прочитав трактат В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735), ответил на него статьей «Письмо Харитона Макентина» (1743), в которой защищал *силлабический стих* от критики Тредиаковского — сторонника *тонического стиха*. В Париже Кантемир сблизился с Ш. Л. Монтескье; переводил его «Персидские письма». Сатирические произведения Кантемира, не напечатанные при жизни, находились в России во множестве списков и после его смерти. Кантемир был одним из основоположников русского *классицизма* и новой сатирической поэзии. Созданные им образы оказали плодотворное влияние на формирование сатирического направления в русской литературе: его смелое обращение к просторечию, народным *поговоркам* и *поговоркам* во многом определило стиль русской сатирической поэзии 2-й пол. XVIII в.

Соч.: Соч., письма и избр. переводы. Т. 1—2. СПб., 1867—68; Собр. стихотворений. Л., 1956.

КАПНИСТ Василий Васильевич (12[23].11.1758, по др. данным, 1757 — 28.10.[9.11].1823), поэт и драматург. Родился в с. Обуховка Полтавской губ. Сын помещика. В 1770—75 служил в гвардии, где сблизился с *Г. Р. Державиным*, *Н. А. Львовым*. Был убежденным монархистом. Его «Сатира первая» (1780) осмеивала пороки российского общества.

В «Оде на рабство» (1783), написанной по поводу закрепощения крестьян в Малороссии, Капнист сочувствует крепостным и признает рабство гибельным для государства, хотя и не предлагает мер для его устранения. В восторженной «Оде на истребление в России звания раба» (1786) он выражал уверенность, что

Екатерина II может улучшить положение крестьян. В 1793 Капнист пишет сатирическую комедию в стихах «Ябедник» о суде и судейских, запрещенную цензурой. В переделанном

виде под названием «Ябеда» она опубликована и поставлена в Петербурге в 1798 с изъятием наиболее резких нападок на продажность суда. Тем не менее вскоре издание было конфисковано, постановки запрещены (запрещение снято лишь при Александре I в 1805). Злободневность темы, мастерство композиции при соблюдении трех единств в духе правил *классицизма*, разговорность речи в рамках *александрийского стиха* обеспечили успех комедии и в н. XIX в. (ставилась до 40-х). Стилистические поиски Капниста повлияли в некоторой мере на *А. С. Грибоедова*.

В 1806 вышли «Лирические сочинения», пронизанные предромантическими веяниями. Мотивы грусти, философского пессимизма, бегства на лоно природы, в мир семейных радостей нашли отражение в образе лирического героя Капниста, умеренного эпикурейца. Стремясь запечатлеть сложные движения души, Капнист в своих «подражаниях Горацию» выступил как предшественник психологической лирики *К. Н. Батюшкова*.

Соч.: Избр. соч. / Под ред. Б. И. Коплана. Л., 1941; Соч. / Вступ. ст. Д. Л. Благого. М., 1959; Собр. соч. / Вступ. ст. и примеч. Д. С. Бабкина. Т. 1—2. М.; Л., 1960.

КАПНИСТ Петр Иванович (14[26].04.1830—26.03.1898), поэт, публицист, драматург. Сын полтавского предводителя дворянства. Родился в имении Обуховка Миргородского у. Полтавской губ.

Рано начал писать стихи, но не печатал их. После его смерти дочь издала «Сочинения» Капниста (М., 1901), в которые вошли стихотворения, драматические произведения, публицистические и критические статьи. Для юношеских поэтических сочинений Капниста (включены в 1-й отдел — «Утренняя заря») характерны пейзажная лирика, стихотворения «на случай», «в альбом», на традиционные «светские» темы («Кокетка», «Гусар»), главное достоинство которых в том, что они «чисты и искренни». Однако постепенно происходящая у Капниста смена настроений выдвигает в центр его поэзии размышления о «земном жребии человека», «небытии», «забвении». Капнист

отстаивает концепцию одухотворенности мира, в котором человеческая душа прикосновена «святой тайне бытия» («Есть в жизни нечто выше жизни...»). Чем более в лирике Капниста продолжает нарастать ощущение мимолетности человеческих чувств, глениности жизни, подчиненных неизвестным чуждым человеку силам («Над нами ночь, и до рассвета...»), тем настойчивее звучит излюбленный Капнистом мотив духовности, торжествующей над небытием («Забвенья нет, пока живу я жизнью духа...»).

Духовные идеи Капниста концентрированно выражены в незавершенной поэме «Голоса любви», построенной как спор мировых стихий и Люцифера, носителя вселенского зла, стремящегося уничтожить любовь, без которой, как сказано в прозаической вставке, «религия станет — индифферентизм. Наука — материализм. Государство — социализм».

Капнист выступает против нигилизма и космополитизма. В статьях «Музыкальный материализм» (1869) и др. он резко

критикует роман «Дым» *И. С. Тургенева* за антидворянскую направленность; статья «Мольер на русской сцене» (1868) направлена против Д. И. Писарева, нигилистов, *Н. А. Некрасова*. В некрологе французскому легитимисту П. А. Беррье Капнист проводит свою излюбленную мысль о том, что «существуют эпохи, когда гораздо труднее быть другом охранительных начал, чем ревностным сторонником революционных тенденций и агитаций».

КАРАБАНОВ Петр Матвеевич (19[30].07.1765—19.04[1.05].1829), поэт, переводчик. Из старинного дворянского рода. Родился в Смоленске.

В печати выступал со 2-й пол. 1780-х. В журналах «Расстущий виноград» («Ода в похвалу воинской жизни», 1785), «Лекарство от скуки и забот», «Зритель», «Санкт-Петербургский Меркурий» и др. публиковал оригинальные и переводные стихи разных жанров (*оды, сказки, басни, идиллии, песни* и т. д.). Карабанову принадлежит одно из первых русских подражаний У. Шекспиру: «Вольное подражание монологу трагедии Гамлета» (1786).

Многие стихи Карабанова приурочены к официальным торжествам (в т. ч. победам Г. А. Потемкина в 1789—91 в русско-турецкой войне, датам рождения членов царской семьи). Писал тексты для хоров, положенных на музыку О. А. Козловским. К написанной Карабановым популярной в к. XVIII — н. XIX в. «Песне гренадерской» («Гренадеры — молодцы...») музыку написал И. Е. Хандошкин. Среди более камерных произведений Карабанова известность приобрело стихотворение «Искренность пастушки», его текст использован в либретто оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама» (песня «Мой миленький дружок»).

Почти все публиковавшиеся в журналах стихи вошли в его сборник «Стихотворения Петра Карабанова, нравственные, лирические, любовные, шуточные и смешанные, оригинальные и в переводе» (СПб., 1801).

КАРАБЧЕВСКИЙ Николай Платонович (29.11[11.12].1851—22.11.1925), писатель, поэт, публицист; адвокат. Из семьи полкового командира. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1869—75).

Самое значительное произведение Карабчевского — роман «Господин Арсков» (1893). Роман, как и рассказы «Свидание» (1889), «Приподнятая завеса» (1892), это, как писал позднее Карабчевский, плоды «часов глубоко пессимистического раздумья, идеи о самоубийстве». В прозе Карабчевского чувствуется влияние идей *Л. Н. Толстого*. Герой романа «Господин Арсков» — молодой преуспевающий инженер — уже не может оправдать свою «языческую жизнь», в которой забыт главный человеческий долг — «все преодолевающая любовь к ближнему», собирается уехать в деревню и в конце концов кончает с собой. Свою поэзию (в традициях *С. Я. Надсона* и П. Ф. Якубовича) и беллетристические произведения Карабчевский объединяет в сборнике «Приподнятая завеса» (СПб., 1905).

После 1905 Карабчевский отошел от литературной работы и возобновил ее лишь в эмиграции. В 1-м томе мемуаров «Что глаза мои видели в детстве» (Берлин, 1921) идиллическая картина жизни в уездном городе противопоставлена буре революций и катаклизмов, потрясших Россию в н. XX в. Политическому и этическому анализу этих событий посвящен 2-й том — «Революция в России» (Берлин, 1921). В этой книге, написанной в 1918, развиваются 2 основные темы: разоблачение русской интеллигенции, которую Карабчевский называет «залежалой тряпичей» и считает главной виновницей «еврейской революции», и идея нового монарха («царь скрепляет все»).

М. Р.

КАРАЗИН Николай Николаевич (27.11[9.12].1842—6[19].12.1908), писатель, журналист, художник. Родился в семье военного в слободе Новоборисоглебская Богородуковского у. Харьковский губ.

20-ти лет поступил в войска туркестанского военного округа, пробыл в Средней Азии 9 лет, участвуя во всех делах русских войск при среднеазиатских завоеваниях. Принимал участие в ученой экспедиции на Амударью, давшую ему возможность собрать богатый этнографический и альбомный материалы. Выйдя в отставку (1871), посвятил себя литературной и художественной деятельности. Каразин — автор многих романов, повестей и очерков, преимущественно рисующих среднеазиатскую жизнь с православно-монархических и патриотических позиций, многие из них появились в журнале «Дело» 1880-х. Отдельно вышли: «В пороховом дыму» (СПб., 1886, на нем. языке «Der Zweibeinige Wolf», 1876); «В камышах» (2-е изд., СПб., 1879), «Барвара Лепко и ее семья» (СПб., 1879); «На далеких окраинах» (СПб., 1875), «Погоня за наживой» (СПб., 1876), «Тигрица» (2-е изд., М., 1882; повесть из ненапечатанных «Странствий и встреч»); «От Оренбурга до Ташкента» (с иллюстрациями, СПб., 1886); «Хивинский поход» (СПб., 1882); «Ак Томак. Очерки нравов центральной Азии» (переведено на нем. язык И. Куртцем: «Deut. Rundschau», 1875). Под редакцией Каразина и с его иллюстрациями появились 2 издания «Ченслера»; Жюль Верна (1875 и 1876); он издал альбом «Из русской жизни». «Повести, рассказы и очерки» Каразина вышли в 1874. В своих литературных произведениях Каразин больше стремится к эффективности и занимательности, чем к художественной и этнографической правде.

Соч.: ПСС. Т. 1—20. СПб., 1904—05.

КАРАМЗИН Александр Николаевич (31.12.1815[12.01.1816]—9[21].07.1888), поэт. Сын *Н. М. Карамзина*. Получил домашнее образование.

8-ми лет написал сказку, которую *В. А. Жуковский* напечатал тогда в виде маленькой брошюры, с соблюдением правописания. В предисловии Жуковский остроумно придал сказочке шуточную важность.

Служил в гвардии. Писал стихи, которые помещал в «Современнике» (1843) и в «Отечественных записках» (1839). Отдельно напечатан «Борис Ульин» (повесть в стихах, СПб., 1839).

КАРАМЗИН Николай Михайлович (1[12].12.1766—22.05 [3.06].1826), писатель, критик, историк, журналист. Родился в с. Михайловка Бузулукского у. Самарской губ. в семье помещика. Образование получил в Москве в пансионе проф. Шаде-на (1780—83). Первым печатным трудом Карамзина был перевод идиллии С. Геснера «Деревянная нога» (1783). В 1784

сблизился с новиковским просветительским центром, многие деятели которого (в т. ч. сам *Н. И. Новиков*) были масонами. Испытав влияние масонов А. А. Петрова, А. М. Кутузова, Карамзин занялся переводами религиозно-нравоучительных сочинений. Постепенно освобождаясь от влияния масонов, а потом порвав с ними, Карамзин проявлял все больший интерес к писателям французского и немецкого Просвещения. В 1787 он начал печатать свои переводы из «Времен года» Томсона (прозой), «Деревенских вечеров» Жанлис и др. (в журнале «Детское чтение», издаваемом *Н. И. Новиковым*). В том же году Новиков опубликовал его перевод трагедии Шекспира «Юлий Цезарь», тогда же написано стихотворение «Поэзия», где Карамзин выразил мысль о высокой общественной роли поэта. В 1788 Карамзин опубликовал перевод трагедии Лессинга «Эмилия Галотти»; в «Детском чтении» — первую оригинальную повесть «Евгений и Юлия» (1789).

Убеждения молодого Карамзина противоречивы. Философия Просвещения и литература *сентиментализма* пробудили в нем интерес к человеку, чье нравственное достоинство не зависит от богатства и сословной принадлежности. Идея личности стала центральной в эстетической концепции Карамзина.

Весной 1789 Карамзин уехал за границу, посетил Германию, Швейцарию, Францию, где наблюдал деятельность революционного правительства, посещал заседания Учредительного собрания. Карамзин писал: «Французская революция относится к таким явлениям, каковые определяют судьбы человечества на долгие годы. Открывается новая эпоха. Мне дано видеть ее, а Руссо предвидел...» (это суждение, относившееся к 1791—92, вошло в статью «Несколько слов о русской литературе», опубликованную в гамбургском журнале в 1797). Из Франции Карамзин направился в июне 1790 в Англию.

В Москву Карамзин вернулся осенью 1790. В 1791—92 он издавал ежемесячный «Московский журнал», в котором напечатал большую часть «Писем русского путешественника», повести «Лиодор», «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», очерки, рассказы, критические статьи и рецензии, переводы из Стерна, Оссиана и др. Впервые в русском журнале большое место заняла критика: рецензии на русские и иностранные книги, спектакли парижских и московских театров. К сотрудничеству в нем Карамзин привлек своих друзей *И. И. Дмитриева* и *А. А. Петрова*, а также *М. М. Хераскова*, *Г. Р. Державина*, *Ю. Нелединского-Мелецкого*, *Н. А. Львова*, *С. С. Боброва*. Статьи Карамзина развенчивали эстетику *классицизма* и утверждали новое направление — *сентиментализм*. Для сентиментализма Карамзина этого периода характерен не только интерес к «жизни сердца», но и внимание к обстоятельствам жизни

человека. В «Письмах русского путешественника» нарисован «портрет души» автора, и по его признанию — «жизнь первых наций Европы, их нравы, обычаи и мельчайшие черты характера, которые складываются под влиянием климата, степени цивилизации и, главное, государственного устройства». Осенью 1793 Карамзин был потрясен «ужасными происшествиями» во Франции — расправой якобинцев с врагами революции. Якобинская диктатура возбудила в нем сомнение в возможности для человечества достичь счастья и благоденствия вне христианских ценностей. Карамзин осудил революцию и просветителей как пустых и опасных мечтателей (публицистические очерки-письма «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору», стихотворные послания *И. И. Дмитриеву* и *А. А. Плещееву*). Философия отчаяния и фатализма пронизывает новые произведения Карамзина. Его сентиментализм приобрел субъективистский характер: складывалась новая поэтика, для которой были характерны неприятие буржуазного мира («сущность бедна: играй в душе своей мечтание»), отрицание деятельности поэта на благо людям, объявление его «искусным лжецом», умеющим «вымышлять приятно» («К бедному поэту»); интерес к таинственному и недоговоренному, к напряженной внутренней жизни, чуждой миру, где господствуют зло и страдания. В повестях «Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена» показана обреченность людей на страдания. По убеждениям Карамзина, в мире сосуществуют законы сердца и природы, следование которым несет человеку счастье, и противостоящие им законы людей и неба, ломающие жизнь человека. Повести Карамзина проповедуют христианское смирение перед этой роковой неизбежностью, проникнуты состраданием к несчастным, тихим осуждением безжалостных законов человечества. Утешаясь в любви и дружбе, человек находит «приятность грусти». Карамзин воспевае меланхолию — «нежнейший перелив от скорби и тоски к утехам наслаждения» (стихотворение «Меланхолия»). Произведения этого 2-го периода опубликованы в альманахе «Аглая» (1794—95). К сер. 1790-х Карамзин становится главой русского сентиментализма. Политический консерватизм оплодотворил силу нового художественного метода. Карамзин и писатели его школы сумели принести новые темы, создали новые жанры, выработали «особый слог, объективно помогая рождению новых взглядов. Утверждая в «Бедной Лизе» (1792), что «и крестьянки любить умеют», Карамзин учил ценить не сословную принадлежность человека, а его душевный мир: он расширял возможности искусства в изображении человека. Переводя «все темное в сердцах на ясный нам язык», найдя «слова для тонких чувств», Карамзин создал лирику нового типа. Достижения Карамзина усваивали *В. А. Жуковский*, *К. Н. Батюшков*, молодой *А. С. Пушкин*.

Опираясь на опыт *Н. И. Новикова*, *Д. И. Фонвизина*, *Г. Р. Державина*, Карамзин много сделал для становления национального литературного языка. В повестях и «Письмах русского путешественника» он отказался от тяжелой книжной конструкции предложения с глаголами на конце. Используя нормы разговорной речи, Карамзин создал легкую, изящную фразу, передающую эмоциональную выразительность слова. Он открывал новые семантические оттенки в старых, часто книжно-славянских словах («потребность», «развитие», «образ» — применительно к искусству и т. п.), широко применял лексические и фразеологические кальки (с французского). Новые понятия и представления получали обозначения в новых словосочетаниях; создавал Карамзин и новые слова («промышлен-

ность», «общественность», «общеполезный», «человечный» и др.). «Новый слог», создание которого современники ставили в заслугу Карамзину, широко применялся им в «средних» жанрах — повестях, письмах (частных и литературных), критических статьях, в лирике. В. Г. Белинский писал, что Карамзин «преобразовал русский язык, совлекши его с ходуль латинской конструкции и тяжелой славянщины и приблизив к живой, естественной, разговорной русской речи». В то же время Карамзин не отвергал ломоносовского учения о необходимости и важности особого «высокого» слога в произведениях политического, философского, исторического характера. Карамзин вводил в литературу преимущественно словоупотребление образованного дворянского общества. Отсюда — известное засорение речи иностранными словами и лексикой аристократических кругов, деление слов на «благородные» и «низкие» (типа «мужик», «парень» и др.), изгонявшиеся из литературного обращения, создание по западноевропейскому образцу оборотов речи и выражений, которые вели к вычурности слога. С пристрастием Карамзина к иностранным словам, с манерностью его слога боролся А. С. Шишков. Сам Карамзин при переиздании «Писем» в н. XIX в. отказался от многочисленных галлицизмов и заменил иностранные слова русскими. Позже Пушкин эту «манерность, робость и бледность» стиля Карамзина называл «вредными последствиями» подражательности и боязни обогащать русский язык за счет народных источников.

Увидев гибель якобинцев (1795) и победу буржуазии, спешившей утвердить строй социального неравенства, Карамзин стал рассматривать революцию как трагическую ошибку. Он предсказывал, что Наполеон в ближайшее время из консула станет монархом, и объяснил это превращение политическим учением французских просветителей, которые считали, вслед за Монтескье и Руссо, что республиканское правление оправдывает себя только в маленьких странах, а в больших должна быть монархия, смягченная просвещением. Поскольку Россия — огромная страна, ей, по мнению Карамзина, больше, чем Франции, присуща монархия; нужно только, чтобы она была просвещенной. Надежду на это подал Александр I (с 1801), которого Карамзин приветствовал одой («Ты будешь солнцем просвещения»). В 1802—03 он издавал журнал «Вестник Европы», где преобладали литература и политика. К сотрудничеству Карамзин привлек Державина, Хераскова, Дмитриева и своих молодых последователей — В. В. Измайлова и В. А. Жуковского, напечатавшего там элегию «Сельское кладбище» и повесть «Вадим Новгородский». Отказываясь от субъективизма, Карамзин в критических статьях «Вестника Европы» изложил свою новую эстетическую программу, осуществление которой помогало литературе стать национально-самобытной. Литература должна заботиться о нравственном и патриотическом воспитании сограждан. Теперь для Карамзина художник не «лжец», умеющий «вымышлять приятно», но «орган патриотизма», обязанный изображать «героические характеры». Ключом к самобытности Карамзин объявлял историю (статья «О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств»). Карамзин-публицист доказывал, что «дворянство есть душа и благородный образ всего народа». В новых повестях Карамзина появились сатирические краски («Моя исповедь»), ирония (неоконченный роман «Рыцарь нашего времени»). Последнее произведение интересно как первая попытка запечатлеть характер героя своего времени. Наибольшее значение имела повесть «Марфа-посадница», в которой, обращая к ис-

тории, Карамзин создал сильный характер русской женщины, не желавшей покориться деспотизму московского царя Ивана III, уничтожившего вольность. Карамзин считал исторически неизбежным уничтожение новгородской республики и подчинение ее русскому самодержавию. Но женщина, готовая умереть за свободу, вызывает у него восхищение.

В политических статьях Карамзин обращался с рекомендациями к правительству, пропагандировал идею всесловного, хотя и не одинакового для разных сословий, просвещения. Программа царствования изложена им в работе «Историческое похвальное слово Екатерине II» (1802). Прикрываясь «Наказом» Екатерины, Карамзин считал необходимым осуществление политики просвещенного абсолютизма. Стараясь воздействовать на царя, Карамзин передал ему свою «Записку о древней и новой России» (1811, при жизни Карамзина не печатались). Повторив мысль, что «самодержавие есть палладиум России», что крепостное право должно быть сохранено, он подвергал резкой критике реформы масона Сперанского. Он заявлял, что «Россия наполнена недовольствами», что реформа министерств Сперанского ничего не дала, что она отдала власть губернаторам — «глупцам» или «грабителям». В 1819 Карамзин подал ему новую записку — «Мнение русского гражданина». Карамзин верил в спасительную силу самодержавия и осудил восстание декабристов 1825. Выступления Карамзина служили укреплению русского государственного порядка, с которым боролись декабристы-масоны. Достижения Карамзина-художника высоко ценили молодые писатели. Когда в н. XIX в. А. С. Шишков вел полемику с языковыми новшествами Карамзина, в поддержку последнего выступили поэты, объединившиеся в литературный кружок «*Арзамас*». Карамзин не принимал участия в кружке, хотя и сочувствовал его программе.

С 1803 до самой смерти Карамзин занимался «по высочайшему повелению» «Историей государства Российского». В 1805—08 были закончены 3 тома этого труда, главы из которых Карамзин читал Александру I. В 1811 Карамзин подал Александру I «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», в которой изложил свою концепцию российской истории и резкую критику «новшества», проводимых в первое десятилетие царствования Александра I. «Требуем больше мудрости охранительной, нежели творческой», — писал Карамзин. Он признавал, что крепостное право — «зло», но освобождать крестьян теперь — «не время», ибо крестьяне еще «не доросли» до свободы. «Для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу».

С 1814 Карамзин возобновил написание своей «Истории» — главного исторического труда. В 1816—17 вышло 8 томов. 3-тысячный тираж разошелся за месяц, поэтому в 1818—19 издание было повторено. В 1824 вышел 9-й том, в 1824 — 10-й и 11-й тома, в 1829 (после смерти Карамзина) — 12-й. Изложено было доведено до «Смутного времени» н. XVII в. Каждый том имел обширные документальные приложения, не уступающие по своему объему основному тексту. Красной нитью в «Истории» Карамзина, как и в его трактате 1811, проходит идея — судьба России и ее величие заключены в развитии самодержавия. При сильной монархической власти Россия процветала, при слабой — приходила в упадок.

Консервативно-монархические взгляды Карамзина легли в основу русской историографии XIX в. Величие труда Карамзина состояло в том, что на основании большого количества исторических источников он впервые дал

цельное изложение истории России с древнейших времен до XVII в. В обширные «Примечания», которыми снабжена «История», вошло много печатных документов, ранее неизвестных, а впоследствии погибших. Работа Карамзина способствовала пробуждению интереса к истории в широких кругах русского общества. «История» явилась также своеобразным художественным произведением, запечатлевшим не только политический идеал Карамзина, но и его художественную концепцию русского национального характера. Утверждая, что реальная жизнь нации наполнена истинной поэзией, Карамзин на историческом материале учил ценить поэзию действительной жизни. При описании некоторых событий (восстание россиян при Донском, падение Новгорода, взятие Казани, «торжество народных добродетелей во время междоусобицы») главным героем «Истории» становился русский народ. Важной художественной особенностью «Истории» явилась ее «занимательность». Написана она сочным русским языком. Карамзин теперь не боялся «грубостей», прислушивался к говору улицы, языку песен, летописей, обогащал язык старорусскими.

Соч: Соч. Т. 1—9, 3-е изд., М., 1820; Соч. Т. 1—3. СПб., 1848; Неизд. соч. и переписка. Ч. 1. СПб., 1862; Письма русского путешественника. Т. 1—2. 4-е изд., СПб., 1900; Записка о древней и новой России / Ред. и предисл. В. В. Сиповского, СПб., 1914; [Стихотворения] // Карамзин Н., Дмитриев И. Избр. стихотворения / Вступ. ст. и прим. А. Я. Кучерова. Л., 1953; История государства Российского. Кн. 1—3, 5-е изд., СПб., 1842—43 (репринт. воспроизведение 5-го изд., М., 1988—89); Избр. соч. Т. 1—2 / Вступ. ст. П. Н. Беркова и Г. П. Макогоненко. М., 1964; Письма русского путешественника. Л., 1984.

КАРАТЕЕВ Михаил Дмитриевич (5[18].03(?) .1904—24.10.1978), писатель. Родился в дворянской семье. Потомок В. А. Жуковского, состоял в родстве с братьями Киреевскими. Отец Каратеева был высокообразованным человеком. Каратеев с детства впитал традиции большой дворянской культуры. 10-летним мальчиком был отдан в Полтавский кадетский корпус, подростком участвовал в Белом движении. В 1920 с врангелевскими частями эвакуировался из Крыма в Константинополь, затем, в 1924, — в Болгарию. С 1929 по 1933 учится в Бельгии и получает диплом инженера-химика. В 1938 встречается в Перу своего отца, ректора университета в Сан-Маркосе, живет в семье отца, работает по своей профессии. В 1944 переезжает в Уругвай в одну из русских колоний Южной Америки. В 1958 в Буэнос-Айресе выходит исторический роман Каратеева «Ярлык великого хана», в 1974 последовало второе, исправленное и дополненное автором издание романа. По словам Каратеева, его первый роман был встречен «с долей национальной удовлетворенности и душевного тепла». Каратеев «получил за минувшие 4 года несколько сот писем, и свыше 50 рецензий появилось в зарубежной русской прессе». Каратеев решает расширить границы своего повествования и превратить его в трилогию: в 1962 в Буэнос-Айресе выходит роман «Карач-Мурза (Тверь против Москвы)», в 1963 — роман «Богатыри проснулись». Трилогия дополнится двумя романами: «Железный хромед» (1966) и «Возвращение» (1967). Каратеев добросовестно и любовно подошел к изучению исторической эпохи. Помимо древнерусских и восточных источников в поле его зрения были исследования Б. Грекова, Д. Лихачева, исторические романы советских писателей. Первый роман Каратеева «Ярлык великого хана» повествует о судьбе Карачаевского кн. Василия: в результате сговора родственников-князей он теряет княжество — «ярлык великого хана» отдан др. князю. Василий едет в Орду восстанавливать справедливость. Во 2-й и 3-й

книгах трилогии автор отдает важную роль Карач-Мурзе, сыну погибшего в орде Василия и его жены-татарки Фейзулы. В «Ярлыке великого хана» определились позиции Каратеева, его взгляды на задачи исторического романа. Следуя древнерусской традиции, Каратеев делает своими главными героями историю с ее подлинными действующими лицами. Закономерны эпитафии из древнерусских летописей и произведений, предвещающие главы, развернутые примечания, комментарии: роман «Карач-Мурза» открывается авторским введением — статьей, в которой анализируется общественно-политическое положение Руси и Орды в н. 2-й пол. XIV в. Каратеев выступает против разного рода нигилистических точек зрения на историю Руси. По убеждению Каратеева, общественные отношения на Руси испокон веков развивались своими собственными путями, не схожими с практикой др. народов. И вопреки мнению об отсталости Руси, Каратеев доказывает (на сравнении правовых норм), что «древняя средневековая Русь была гораздо гуманнее Запада». Каратеев резко возражает против норманнской теории. В Каратееве удачно сочетаются пылкий, эрудированный историк с художником, вглядывающимся во внутренний мир героев. Каратееву удалось избежать идеализации и модернизации героев. Писателю присущи историческое чутье и чувство меры. В романах любовно воссоздана особая атмосфера русского бытового уклада, описания детальные, излишнего этнографизма в них нет. Любовные сцены отличаются целомудренностью. Романы написаны добротным русским языком, писатель не злоупотребляет архаизмами (он близок к традиции А. Н. Толстого в «Петре Первом»).

В романах «Карач-Мурза» и «Богатыри проснулись» выдвигается тема Москвы и Дмитрия Донского, который, по мысли Каратеева, «заслуживает наречения великим» более, чем др. монархи. У писателя есть ряд претензий к роману С. П. Бородин «Дмитрий Донской», связанных с образом кн. Дмитрия Ивановича. Романы Каратеева содержат полемику с романом Бородина, в котором он увидел принижение роли кн. Дмитрия Ивановича. Каратеев работал и в жанре исторического очерка (сборники «Из нашего прошлого», «Арабски истории»). Его перу принадлежат очерково-документальные книги «Белогвардейцы на Балканах» и «Русские в Парагвае».

Соч.: Русь и Орда: Т. I. Ярлык великого хана: Роман / Вступ. ст. О. Михайлова; Русь и Орда: Т. II. Карач-Мурза (Тверь против Москвы): Роман. М., 1991; Богатыри проснулись: Роман. М., 1991.

А. Филатова

КАРАТЫГИН Петр Андреевич (29.06[11.07].1805—24.09[6.10].1879), актер и драматург. Родился в Петербурге. Брат

актера-трагика В. А. Каратыгина. Известен как исполнитель эпизодических комических ролей. Написал ок. 70 пьес, в т. ч. 46 водевилей (20 оригинальных, остальные — переделки французских водевилей). Лучшие водевили Каратыгина — «Дом на Петербургской стороне» (1838, изд. 1943), «Ложка 1-го яруса на последний дебют Тальони» (1838), «Булочная, или Петербургский немец» (1843), «Видмундир» (1845) — пользовались успе-

хом благодаря злободневности сюжета, живому диалогу, занимательности куплетов. В литературной борьбе 30–40-х XIX в. Каратыгин сыграл большую роль: в водевиле «Натуральная школа» (1847) с православно-монархических позиций он высмеял нигилистическое направление в русской литературе и театре. Интересный материал по истории русского театра содержат «Записки» Каратыгина (1872–79).

Соч.: Водевиль / Вступ. ст. М. Паушкина. М., 1937; Записки / Предисл. В. В. Казанского. Т. 1–2. Л., 1929–30.

КАРИН Александр Григорьевич (?–22.09[2.10].1769), драматург, поэт. Учился в университетской гимназии, потом в Московском университете, где познакомился с *Д. И. Фонвизиним* и *И. Ф. Богдановичем*. По окончании университета служил в лейб-гвардейском Конном полку (в который, как тогда водилось, был записан сызмала) и принимал участие в возведении на трон имп. *Екатерины II*. Карин тяготел к литературным занятиям, имел библиотеку на разных языках. *Д. И. Хвостов*, племянник Карина, к которому библиотека перешла по наследству, насчитал в ней 3000 томов. В 1760-е Карин переводил, писал пьесы, стихи. Первая оригинальная пьеса, сделавшая его известным, появилась ок. 1764. «Россияне, возвратившиеся из Франции» (название варьировалось, напр., в постановке 1880-х — «Русский француз»), она предшествовала «Бригадиру» Фонвизина. Тема ее — сатира на галломанию. В комедии высказана острота ума, твердая нравственная позиция, лишённая преубеждений. Стихи Карина (*оды*, элегии, *сонеты*, *притчи*, мадригалы, эпиграммы, письма и т. д.) печатались в журнале *М. М. Хераскова* «Полезное увеселение» («Сон», «Ода о суете мира», «Стансы», переложения псалмов, молитвы, притча), в «Свободных часах» (притчи) и др. У Карина было 2 младших брата — Николай и Федор — оба офицеры и литераторы. Обычно пишут о братьях Кариных.

А. Баженова

КАРИОН (Истомин), монах (1640 — не ранее 1718), духовный писатель, переводчик, педагог. Постригся в монахи в Молченской Путивльской обители, где в это время (1672–75) находился *Сильвестр Медведев*, земляк и свойственник. С 1679 служил на Печатном дворе; иеродиакон в кремлевском Чудовом монастыре, преподаватель в Типографской и в Заиконоспасской школах Сильвестра Медведева. В 1682 справщик Печатного двора. Писал проповеди, вел переписку, составлял послания и грамоты для патр. Иоакима, выполнял секретарские обязанности при его преемнике Адриане. При царевне Софье Алексеевне — придворный поэт; сохранил высокое положение и после утверждения на престоле Петра I, став воспитателем царевича Алексея Петровича. В 1698–1701 — начальник Печатного двора. В это время особенно тесно общался с Димитрием Ростовским.

Перу монаха Карiona принадлежат книги «Едем», «Екклесия», «Град царства небеснаго» («Полис»), «Домострой» (перевод трактата Эразма Роттердамского, заглавие позднее), по характеру своему просветительские и религиозно-дидактические; «Книга Стамна духоносная» — стихи в честь святых; «Стихи на воскресение Господа нашего Иисуса Христа»; стихотворные обличения старообрядцев и протестантов; шуточные вирши; службы, молитвы, акафисты, кондаки, икосы, каноны.

Карion — автор букварей печатных (1694, 1696) и рукописных подносных (1692, 1693, 1695), двадцати двух «слов» (сборник «Веселиил»), которые, вероятно, не только

Астрономы. Лист из букваря Карiona Истомина, 1689

составлялись, но и произносились (характер проповедей — учений); толкований, исторических повестей, поучений; «Катехизиса», в котором развивались идеи «Манной» Сильвестра Медведева; исторических трудов (предположительно — «Летописец великия земли российской»).

Л. К.

КАРНАУХОВА Ирина Валерьяновна (7[20].11.1901–13.06.1959), писательница, фольклорист, тещ-исполнитель народных сказок. Родилась в Киеве. В 1926–32 принимала участие в северных фольклорных экспедициях (Заонежье, Пинега, Мезень, Печора, Поморье). В 1931 опубликовала повести «Кружево на мачте» и «Ой-хо. Повесть о самоедском мальчике». Обработала для детей различные произведения народной поэзии. Написала пьесы для детей: «Старинка стародавняя про могучего русского богатыря Илью Муромца» (1938); совместно с Л. Т. Браусевичем — «Аленький цветочек» (1946), «Золотые руки» (1948), «Колокола-лебеди» (1948); совместно с Н. Ф. Крамовой «Золотое руно» (1959). Написала «Повесть о дружных» (1949) и др. Сочинения Карнауховой отмечены художественным вкусом, они воспитывают в детях лучшие качества русского человека.

Соч.: Сказки и предания Северного края. М.; Л., 1934; Сказки бабушки Арины. 2-е изд., Петрозаводск, 1939; Сказки. Л., 1940; Радуга дуга. М.; Л., 1946; Жар-птица. М.; Л., 1947; Ненаглядная красота. М.; Л., 1949; Русские богатыри. Былины. М.; Л., 1949; Повесть о дружных. М.; Л., 1954; Бандероль, 1957; Наши собственные: Повесть. М.; Л., 1958; Повести. Л., 1961.

КАРНОВИЧ Евгений Петрович (28.10[9.11].1823—25.10[6.11].1885), писатель. Родился в с. Лупандино близ Ярославля. Происходил из старинной дворянской семьи. В 1844 окончил Петербургский педагогический институт. В молодости Карнович перевел комедии Аристофана «Облака» («Репертуар и Пантеон». Кн. 1. 1845) и «Лизистрата» («Библиотека для чтения». 1845. № 12). В 1858 в «Современнике» опубликована повесть «Варенька Ченцова» (отд. изд. 1860), в которой выражены антикрепостнические настроения. Позднее Карнович выступал с историческими романами и повестями: «Любовь и корона» (1879), «Мальтийские рыцари в России» (1877), «Самозванные дети» (1878), «На высоте и на доле» (1879), «Придворное кружево» (1883) и др.

Исторические повести и романы Карновича по жанру сближались с беллетризованной монографией, строго соблюдая историческую достоверность. Изданная посмертно книга «Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими» (СПб., 1886) посвящена исследованию вопроса об этнографических наслоениях в составе русской народности. Тщательно изучив множество родословных, Карнович собрал обширный материал о происхождении родовых русских фамилий, в подавляющем большинстве, как показывает Карнович, имеющих иноземные или инородческие корни. Исследуя состав русского титулованного дворянства, Карнович приходит к выводу, что в этом составе преобладают люди «случайные», всплывшие во времена господства придворного фаворитизма.

Соч.: Собр. соч. [приложение к журналу «Родная речь»]. Кн. 1—10. М., 1909; Воспоминания Охотского // Современник. 1858. № 3; Проблески счастья // Там же. 1860 № 8, 9; Наследство Крушихина // Отечественные записки. 1861. Кн. 4, 5.

КАРПЕНКО Степан Данилович (24.12.1814[5.01.1815] — не ранее 1886), литератор-любитель, актер, певец.

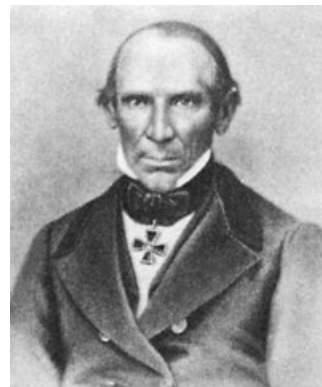
Писать начал рано. Первая опубликованная книга — роман «Любила двух, или Чувствительное сердце только раз любит» (М., 1837) — в духе *сентиментализма* рассказывал о любви во время нападения татаро-монголов на Киев (XIII в.).

В этом же духе вышла «малороссийская повесть» «Плачевная участь древнего Василькова» (М., 1837). Пытаясь дать образцы национальной литературы на малороссийском языке (который он считал диалектом русского), Карпенко издает юмористическую повесть «Твердовский» и ряд сборников, включавших его произведения, а также прозу и стихи младшего брата Григория: «Барвинок Украйны» ([Кн. 1], Киев, 1815); в 1860 вышли «Сочинения Григория и Степана Карпенко на русском и малороссийском языках» (Кн. 1—4, СПб.). Эти издания включают самые разнообразные по жанру и тематике произведения: стихи (в т. ч. на польском языке), стихотворную «фантазию» «Земля души и небо тела», песни, автобиографическую поэму «Драматический артист» (Ч. 1 — «Барвинок...». Кн. 2; Ч. 2 — сб. «Ландыши Киевской Украйны». Кн. 2, 3. СПб., 1851), пьесу «Заложение города Киева», историче-

ский очерк «Боярин Иван Кириллович Нарышкин...», переработанный вариант «Твердовского», а также бытовые пьесы и пьесы в популярном жанре «малороссийской оперы» («Татьяна Переяславка...», «Киевский сват по прозвищу хваст», «Суд и расправа пана Тысяцкого...»).

КАРПОВ Василий Николаевич (2[14].04.1798—3[15].12.1867), философ, поэт, переводчик. Родился в с. Хреновое Бобровского у. Воронежской губ. Сын священника. Окончил Воронежскую духовную семинарию (1814—21). Преподавал в Киевской и Петербургской духовных академиях.

Литературная деятельность Карпова — художественное воплощение его философских идей. Мысли о том, что человек — среднее звено между бесконечным Богом и конечной природой («Ясли». — «Странник». 1865. № 12), что философии необходима вера в Бога («На земли мир». — «Странник». 1866. № 1), иначе увлечение материализмом неминуемо приводит к бездуховности («Глумление над крестоносцем». — «Странник». 1866. № 2), нашли свое отражение в этих и др. стихах Карпова, опубликованных под псевд. Хреновской. Для стихов Карпова характерны назидательность и рационализм. В отличие от духовной поэзии таких его современников, как Ф. Н. Глинка, Ю. В. Жадовская, И. Г. Кульжинский, стихи Карпова — не столько «переложение» мотивов Священного писания, сколько использование их как отклики на актуальные проблемы общественной жизни. Тенденция к «обмирщению» духовной поэзии появилась у Карпова и в обыденности стихотворной лексики, в отказе от обилия славянизмов. Самостоятельностью отличалась позиция Карпова в оценке некоторых умонастроений современности. Если в традицию духовной поэзии Карпов стремился привнести мирское начало, то в таком бездуховном явлении русской жизни 1860-х, как нигилизм, он, напротив, старался подметить искру Божию и, не замечая наивной парадоксальности своих благих порывов, призвал: «Педагогически пытайтесь / Ту искорку воспламенить, — / И все меж нами нигилисты, / Все атеисты, анархисты / По христиански будут жить» («Нигилист». — «Странник». 1866. № 8). В подражание Платону Карповым написаны литературно-философские прозаические диалоги — то в форме размышлений философа о бессмертной душе у гроба жены («О бессмертии души против натурализма». — «Странник». 1861. № 5), то в виде бесед отца с детьми о сущности духовного начала в человеке и о различных формах духовной деятельности [«Таинственная лампада», «Лампадный елей», «Писец, живописец и художник», «Заключение о существе души». — «Чтение для детей» (изд. при журнале «Странник»), СПб., 1864, тетр. 1—4]. Диалоги эти доступны и с помощью традиционных, но ярких образов (душа — лампада, елей для нее — чувство прекрасного) излагают основы миропонимания Карпова, удачно сочетая отвлеченные рассуждения с реальной жизнью, дидактизм — с художественностью. Любопытно, что, по мнению Карпова, отличие между писцом, живописцем и художником состоит в том, что писцы воздействуют на человека «чувствен-

ными» формами, опирающимися на факты жизни, художник — с помощью «духовных» форм, в которых воплощаются определенные «идеи», а живописец использует деятельность как того, так и др. в качестве материала. В своих произведениях Карпов стремился слить воедино черты, присущие всем трем ипостасям творческой личности.

Ист.: А. Рогачевский. В. Н. Карпов // Русские писатели 1800—1917. Т. 2. М., 1992.

КАРПОВ Владимир Васильевич (р. 28.07.1922), писатель. Родился в Оренбурге. Герой Советского Союза (1944). Участник Великой Отечественной войны. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1947) и Литературный институт (1954). До 1965 служил в Советской армии. Печатается с 1945. Автор сборников рассказов и повестей: «Двадцать четыре часа из жизни разведчика» (1960), «Командиры седеют рано» (1965), «Жили-были разведчики» (1970) и др. Романы Карпова «Вечный бой» (1967) и «Маршальский жезл» (1970) посвящены мирным будням армии, воспитанию солдат. В романе «Взять живым!» (1975; частично опубликован в 1974 как повесть «Такая работа») показаны подвиги русских разведчиков в годы войны.

Персонажи Карпова — реально существующие люди: типизация, реалистическое обобщение, художественный вымысел присутствуют в творчестве Карпова в минимальной степени; сюжеты его произведений, как правило, строго следуют событийной логике жизненной и исторической правды, что и обусловило прежде всего читательский успех его произведений. Написанные языком военных сводок и воспоминаний военачальников, книги Карпова представляют собой обширный компендиум фактов, сведений, цитат, материалов бесед автора с разными людьми, различных суждений и интерпретаций, включая собственные размышления и комментарии писателя. Изобретенный Карповым жанр он сам назвал «литературной мозаикой». В этом жанре выдержаны его главные произведения — документальная повесть «Полководец» (1982—84, Гос. премия СССР за 1986), трилогия «Маршал Жуков: Его соратники и противники в дни войны и мира» (1989—99), а также сочинение о И. В. Сталине «Генералиссимус» (2000, Т. 1—2).

Соч.: Тайна: Рассказы. Ташкент, 1966; Маршальский жезл: Роман. М., 1972; Солдатская красота: Романы, повести, рассказы. Ташкент, 1973; Взять живым! Роман. М., 1975; М., 1980; Истоки. Размышления о мужестве, доблести и славе. М., 1977; Мужают не только в бою. М., 1981; Не мечом единым: Романы, повести и рассказы. М., 1979; Избр. произв.: В 2 т. М., 1982; Избр. произв.: В 3 т. М., 1990.

КАРПОВ Пимен Иванович (6[18].08.1886—27.05.1963), поэт, прозаик, драматург. Родился в с. Турка Рыльского у. Курской губ. в старообрядческой семье. Детство будущего писателя прошло в тяжелейшем крестьянском труде. Одно время он пребывал в обучении у местного сапожника, а летом снаряжался в город на случайные заработки. В 1899 окончил школу грамоты Рыльского у. Начало своей творческой деятельности он отнес к 1904. Первая книга Карпова вышла в свет в 1909. Это был сборник статей-памфлетов «Говор зорь. Страницы о народе и интеллигенции», в котором Карпов обрушился на русскую интеллигенцию. Карпов писал, что интеллигенты «ограбили народ духовно» и это «ужаснее грабежа материального, который совершали над крестьянами помещики и капиталисты», что даже в своих протестах против

социальной несправедливости интеллигенты озабочены лишь преследованием собственных целей и совершенно не думают о забитом и униженном крестьянстве, что террористические акты и студенческие демонстрации совершаются с корыстными целями. Выделяя имена современных ему русских писателей, «сочувствующих народу» (Карпов называл А. Блока, Вяч. Иванова, Д. Мережковского), писатель утверждал, что их народолюбие не вполне искренно, и предлагал им «пожертвовать благами духовной жизни» и «пойти за плугом», ибо только таким путем «интеллигенты переродятся и полюбают все близкое: родную землю, родной язык, родной народ».

В 1913 вышел роман Карпова «Пламень». Наиболее пронизательно оценил роман А. Блок, размышляя о неминуемом столкновении государства и интеллигенции с народной стихией. «Так и из “Пламени” нам придется, рады мы или не рады, запомнить кое-что о России. Пусть это приложится к “познанию России”, и мы лишний раз испугаемся, вспоминая, что наш бунт, так же, как и был, может опять быть “бессмысленным и беспощадным” (Пушкин)... Не все можно предугадать и предсказать. Кровь и огонь могут заговорить, когда их никто не ждет. Есть Россия, которая, вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть, еще более страшной».

Основную идею своего романа Карпов охарактеризовал, как «вопл о земле». Это вопль о радости жизни, о слиянии с землей и о стремлении к свету, солнцу, Светлому Граду, который сектанты-пламенники пытаются найти внутри себя, предаваясь радениям и пытаясь найти отдохновение в любви, сознавая в то же время, что их «любжа — пытка, не радость». Сектанты-сатанилы ищут путь к Светлому Граду через «язвы и муки», их глава Феофан переступает «через кровь», убивая собственную мать, растлевая сестру и дочь. Пламенники и их вождь Крутогоров стремятся к гармонии с миром через радость, но смертный надрыв ощущается в их радениях, не находят они ни мира, ни отдохновения в плясках и любви, которая чревата смертной мукой и жгучей болью. Путь к Светлому Граду недостижим, и ликующие финальные аккорды в конце романа не приносят облегчения. Ведь не забыть сектантам того, что оставили они на своем пути. Реки крови и моря огня льются на страницах романа, кровавый разгул правит бал, и сама земля, прекрасная и нежная, стонет в мучениях, от которых не скрыться ни праведнику, ни грешнику. Страшен мир адского чрева, города, но не менее страшен и мир разбушевавшейся народной стихии, страшна власть земли, околдовывающей своей красотой, тянущей к себе, соблазняющей покоем и отдохновением, которого никогда не достичь. И дойти до Светлого Града можно разве лишь простясь навсегда с этим миром, чтобы переселиться в тот мир, откуда нет возврата.

Карпова можно назвать уникальной фигурой в русской литературе XX в. в том смысле, что он, подобно своим героям, выискал Светлого Града как никто в прозе и стихах. И контраст между мечтой и реальностью в его творчестве просто разительный. Чем прекраснее и возвышеннее мечта, тем менее она достигаема, тем больше стущаются и нагнетаются кошмары реальной жизни в его произведениях. Уже после революции, составляя книгу избранных стихотворений «Русский ковчег», он соединил в ней стихи, в которых сама Россия, взыскующая Света и Солнца, очищается кровью и огнем, обретает искупление в страшных мучениях, дабы воцарились, наконец, гармония и мир на родной обезображенной земле. («И Русь, в огне любви сгорая, все так же жизнь крестьян огнем, прошла от края и до

края полмира с солнцем и мечом; но, напоив миры свободой, железным голосом крича, — под голубым и звездным сводом сама сгорела, как свеча...».)

В н. 20-х Карпов издает 2 сборника стихов «Звезд» и «Русский ковчег», книги рассказов «Трубный голос» и «Погоня за радостью», в которых с меткостью и проницательностью профессионального журналиста фиксирует разгром и развал всей жизни в среднерусской полосе, куда он постоянно наезжал летом. Тогда же выходят и 2 его пьесы из жизни сектантов — «Богобес» и «Три зари». В 1922 Карпов переживает обыск в родном доме, угрозу ареста и фактически лишается какой-либо возможности печататься и издаваться. Одно из своих писем этого периода писатель подписывает: «Неудобный Пимен, умученный жидами».

В дек. 1925 Карпов пишет гневную стихотворную инвективу «История дурака», в которой проклинает Троцкого и «наркомубийцу Джугашвили», а также себя и своих соотечественников, попавшихся на удочку ловких политических авантюристов и пошедших за ними, не зная удержу в надругательстве над родной землей. В 1926 он пишет стихотворение, посвященное памяти расстрелянного по делу «Ордена русских фашистов» *А. Ганина*: «От света замурованный дневного, в котях железных погибая сам, ты создал, что племени родного невольно отдать на растерзание псам». А в к. 20-х он пишет поэму, так и оставшуюся без названия (очевидно, писатель прекрасно понимал, что предлагать ее журналам не только бессмысленно, но и опасно для жизни), в последних строках которой раз и навсегда ставит точку в оценке современного ему бытия. («Бархатаясь в крови по горло, таща чугунных пушек жерла, за колесницей князя тьмы, — венчали дьяволицу мы... И дьявол сам себя прославил, а смердов посадил на трон, но никого он не избавил от савана и похорон...».)

С к. 20-х Карпов начинает работать над автобиографической повестью, позднее названной «Из глубины». В 1933 в издательстве «Никитинские субботники» вышла в свет небольшая частица из написанного к тому времени под названием «Верхом на солнце». В дальнейшем оригинальные произведения Карпова не появлялись в печати почти 25 лет. Остались неопубликованными многочисленные его рассказы, стихотворения, повесть «Кожаное небо», писавшаяся в 1920—22. В сер. 30-х Карпов пишет роман «Путешествие по душам», также оставшийся неопубликованным, и работает над книгой «Из глубины». Эта автобиографическая повесть становится главным делом его жизни. Не рассчитывая на публикацию своих произведений о современности, потеряв надежду на то, чтобы увидеть в печати свои стихотворения, он все свои душевные и творческие силы сосредотачивает на воспоминаниях детства, юности, вспоминает о своих первых шагах в литературе, о писателях, с которыми его столкнула судьба. Лишь перед войной он обрел свое жилище в Москве, а жил в основном на пособия от литературных организаций и на командировочные, которые брал во время поездок на родину в с. Турки. После 1953 он немного ожил и попытался выйти из затворничества. Уже будучи тяжело больным стариком, подготовил 2 рукописи избранных стихотворений (ни одна из них не стала книгой), написал повесть «Простец в обороне» и в конце концов издал 1-ю часть своей многострадальной повести «Из глубины» в «Советском писателе». 2-я и 3-я части — собственно литературные воспоминания — изданы при его жизни не были. Ни рассказы, ни последние повести также не увидели света. Да и последняя книга уже

не могла разорвать завесу забвения над одним из старейших русских писателей, «умученным жидами».

Соч.: Пламень. Из жизни и веры хлеборобов. СПб., 1913; Звезд. М., 1920; Русский ковчег. М., 1921; Из глубины. М., 1956; Пламень. Роман. Русский ковчег. Книга стихотворений. Из глубины. Отрывки воспоминаний. М., 1991.

Лит.: Блок А. Пламень // Россия и интеллигенция. Пг., 1919; Баскевич И. Курские вечера. Воронеж, 1979; Солнцева Н. Пимен // Китежский павлин. М., 1992.

С. Куяев

КАРПОВ Федор Иванович (? — до 1545), боярин, духовный писатель, один из руководителей восточной политики России в к. XV — 1-й пол. XVI в.

В историю древнерусской литературы Карпов вошел как автор нескольких посланий, из которых до нас дошло четыре: 2 — *Максиму Греку*, 1 — митр. *Даниилу* и 1 — инок *Филофею*.

«Послание митрополиту Даниилу» — наиболее интересное сочинение русского мыслителя. Оно представляет собой ответ на письмо митрополита, в котором Даниил призывал своего адресата к «терпению». Карпов же, воздав в начале своего Послания хвалу уму и литературному таланту митрополита, всю вторую часть посвящает опровержению мнения Даниила.

Все опровержения строятся, казалось бы, на простой идее — «терпением» следует строить жизнь духовную, но мирское общество не может жить на основе этого принципа. Мысль эта, конечно, не новая, и каждый реально действующий политик Древней Руси с ней был знаком давно на практике. Однако Карпов выстраивает целую систему возражений, благодаря чему он, можно сказать, представляет митр. Даниилу концепцию своеобразного «идеального общества», в основе которого должны лежать «правда», «закон» и «милость».

Как показали современные исследования, источником столь стройной концепции Карпова послужили труды Аристотеля — «Никомахова этика» (Карпов прямо ссылается на 10-ю книгу этого сочинения) и «Политика». Положения аристотелевской теории писатель рассматривал через призму христианского мирозерцания.

По убеждению Карпова, терпение должно быть присуще всем христианам — «овем боле, овем менши по различию лиц, и дела, и времени». Однако если «терпение» становится во главу общественного устройства, то общество погибает: «Долготерпение в людехъ безъ правды и закона общества добро разрушает и дело народное ни во что низводит, злыя нравы въ царствехъ вводит и творить людей государемъ непослушныхъ за нищету».

Следовательно, основание всякого государства составляет «правда». В толковании Карпова «правда» — это справедливость. В реальной жизни «правда» находит свое выражение в «законах». Карпов утверждает: «Нужа бе человекомъ во вся времена под законы жити». Более того, «закон» превращается у русского мыслителя в оригинальную теорию поэтапного развития человечества. Первый период, «въ время естества», люди жили «под закономъ естественнымъ». Во второй период, во времена Закона, — «под закономъ Моисейскимъ». В третий период, длящийся до сих пор, «во время благодати», люди живут «под закономъ Христовымъ».

Хотелось бы обратить внимание, не проводя строгих параллелей, что подобная периодизация человеческой истории во многом схожа с периодизацией, которую за 300 лет до Карпова, в XII в., предложил *Климент Смолятич* в своем «Послании к Фоме».

Справедливые законы позволяют устроить справедливое же общество. Подданные оказываются защищенными от притеснений со стороны правителя: «Того ради даны законы, да не кто сильнее вся възможесть». Начальствующие с помощью законов добиваются подчинения подданных. Добрые люди перестанут страдать от злых: «Сего ради законом быти нужна бе, да тех страхом человеческая дерзость запретится, и опасно будет меж неключимых не повинств».

Вполне естественно, что законы издаются «начальниками». Более того, в понимании Карпова все люди нуждаются во власти царей («имамы жити под цари»), которых он сравнивает с гусями библейского царя Давида: «Въ всякомъ языке и людехъ треба есть быти царем и начальникомъ, иже подобають имети подобие гуслей играца Давида в себе». Ведь как музыкант, играя на гусях, создает гармоничную мелодию, так и цари обязаны своими действиями создать гармоничное общество.

И здесь на помощь царям приходит «милость», ибо «милость без правды есть малодушество, а правда без милости есть мучительство». Вместе же они и поддерживают гармонию в обществе: «Милость, правдою подстрекаема, а правда, милостью укрощаема, сохраняють царя царство въ многоднестве». Царь же, не соблюдающий справедливости, достоин осуждения на Страшном суде: «Ответъ въздати велиему Судьи должень».

Конечно, Карпов понимал всю теоретическую отвлеченность своих, основанных на Аристотеле, рассуждений. Поэтому он всячески сокрушается и о несовершенстве мира, и о несовершенстве российской жизни. Недаром он писал: «По апостолу “яко дние злие суть” мню, конци векъ достигоша». И утверждает: «Коль вредными и неугодными стезями хромыми ногами, спепыма очима она земная власть и все естество человеческая ходитъ ныне». А свои горестные рассуждения о несовершенстве мира он завершает иллюстрациями из поэтических сочинений Овидия.

В сложной духовной атмосфере 1-й пол. XVI в., наполненной многочисленными спорами и дискуссиями, Карпов, тем не менее, пользовался всеобщим уважением. И недаром с его мнением считались и Максим Грек, и инок Филофей, и митр. Даниил. «Разумным мужем» называл его и кн. Андрей Курбский.

С. Перевезицев

КАРПОВА Наталия Ивановна (15.07.1940—5.02.1995), поэт, переводчик. Родилась в Ленинграде. Окончила Ленинградский институт культуры (1965) и аспирантуру при нем (1968), кандидат педагогических наук.

Первая подборка стихов напечатана в альманахе «Молодой Ленинград» в 1965.

Выросшая в семье верующих родителей, Карпова с детства была глубоко религиозна. Уже в первой книге «Колодец» явно чувствовалась высота души поэтессы, ее тяготение к религиозно-философскому осмыслению мира: «Мне так нужны бессмертные слова, / В которых есть и корень, и основа...». «Поэтесса не боится высоких слов, не прячется в иронию, не маскируется витиеватой метафорой, и “душа”, “Честь”, “Совість” для нее — не поэтические символы, а смысл жизни». «Вера в людей, радость общения, счастье бытия — все это необходимые слагаемые ее мироощущения». Удивление мирозданию, видение в «обычном ходе вещей», в траве и дожде — икону Творца.

Последняя книга — «Над темной водою канала». Сумеречный настрой, непримечательные приметы времени: «незрячие кинулись в поводыри», «взрывчаткой самодельной

преполнены дома», «и не светла печаль, и ненадежен дом». Эта ненадежность земного бытия начинала казаться предвестием заслуженного и неотвратимого возмездия. Мотивы ухода звучат в них с роковой неотступностью, но раз звучит мысль о тщете земных усилий. «Немотою подернуты стены домов», Петербург — «город большой», а «люди злобой подогреты». Но это и приметы последнего времени («Уже на улицах раздают листовки...») порой сближаются с древними духовными покаянными стихами: «Человек, поумай, ты сам разрушен, / Словно храм, так спасай свою душу голую, / Омраченную, уже смердящую душу!»

Выход — в Боге: важно не то, что «мы дети безвременья», важно, что «все мы Божии дети» («О том, что времена последние...»). Встречи с людьми, некогда приносившие радость, теперь воспринимаются как «искушенья, соблазны, ибо «всяк человек — ложь» («Господи, да будет воля Твоя!»). Не идеализируя прошлое, когда калечили души, нынешнее время — эпоха нового безвременья. Мир становится безрадостным и бесчеловечным, прекрасный город — больным, поколение — эпоха безвременья, оно поглощает «громады газетной отравы», толкается «в колоннах у разных знамен», и «кто спасется во тьме, властно, ачно опутавшей землю, / Где коммерция, бизнес, богатство — весь смысл бытия?». «Но, увы, на съездах заседа, / И монах сегодня — депутат».

В творчестве Карповой все большее место занимает тема исповеди, покаяния, отчаянной борьбы с грехом, жертвенная готовность. Последний цикл Карповой озаглавлен «Стихи покаянные». Предчувствуя свою гибель, Карпова молитвенно обращается к Богу, прощается с близкими: «Всех простила от сердца — / Простите меня, дорогие, ее надежда и мольба «Только б пройти через узкую дверь / К Господу без преткновенья!»; «Возьми мою жизнь, Господи, / Обретшую пару крыл». Карпова была убита воскресным утром в день поминовения Новомучеников российских, по пути в Спасо-Преображенский храм. Похороны пришли на день гибели А. Пушкина.

Соч.: Колодец. Л., 1976; Совпадения. М., 1980; Мой город. Л., 1981; Трамвайный перекресток. Л., 1987; Краски дня. Л., 1988; Над темной водою канала. СПб., 1994; Разлук и встреч печаль и радость... СПб., 1996.

А. Любомудров

КАРТАШЕВА Нина Васильевна (р. 1.01.1953), поэтесса. Родилась на Урале в Верхотурье, в поселке спецпереселенцев, куда были высланы обе ее бабушки с семьями. Со стороны матери Нина Карташева происходит из псковско-новгородских крестьян, раскулаченных и сосланных в Верхотурье в 1929. Со стороны

отца — русские дворяне, бабушка по отцу после заключения (ст. 58) уже в ссылке на Урале приняла монашеский постриг в миру. Мать поэтессы умерла, когда девочке было 6 лет, воспитывала ее бабушка-монахиня. На Урале Карташева закончила общеобразовательную и музыкальную школы, а затем музыкально-педагогическое училище в Ленинграде. В 18 лет вышла замуж и переехала в Под-

московье. Работала преподавателем в детской музыкальной школе и Московском камерном оркестре.

Первые стихи записаны в дневнике в возрасте 6—7 лет. Но печататься начала в к. 1990. В журнале «*Наши современники*» № 9 за 1990 вышла первая подборка стихотворений и была принята читателями с большим успехом.

Главное в творчестве Карташевой — целомудрие. Это несомненная художественная ценность. Ведь сколько веков мировая поэзия воспевала сладость греха и порока, наслаждаясь ядовитым ароматом цветов зла. Противоположная же аскетическая поэзия святых или отречшихся от мира, увы, не столь трогает живущих в миру со всеми его страстями, такая поэзия слишком далека от здешней юдоли. Феномен поэзии Карташевой в том, что она, оставаясь светской женщиной, живет в миру, но остается всегда во всех проявлениях православной, поэтому не может воспевать грех, интуитивно сопротивляясь соблазнам, которых, конечно, не избежать, но победить можно, если душа чиста и высока. Именно в этом Карташева обретает красоту единственную и подлинную. Делается это без затей просто, на уровне дыхания жизни:

Приподнятый славянский нос
И детский рот неискушенный,
И легкость русая волос,
И лоб от мира отрешенный.
Но шеи гордость и изгиб,
Плечей покатая картинность —
Не девственный, а женский тип,
Но все-таки и в нем невинность.
И взгляд души не подведен
Теньями красок и страстями,
Он чистотою огражден,
Как будто осенен крестами.

Стихи Карташевой отличает бесстрашие назвать по имени русскому народу его тайных врагов, ее неподкупность и искренность, аристократическое пренебрежение к «иудейским страхам». Некоторые строки ее стихов стали афоризмами и у многих на устах: «жизнь кончилась — настало житие»; «сняла кольцо, чтоб ты купил оружие», «усадьбы сгорели, но почва осталась»; «пусть кто-то от Общей Европы, а я от Всея Руси», «дворянство надо снова заслужить», «не были Русские люди рабами, даже советские Русскими были», «смиряться надо перед Богом, но не смиряться перед злом» и т. д.

Карташева пишет мало и, как сама говорит, без черновиков, т. е. не работает над строкой, поэтому иногда нет отделки и завершенности. Она много читает на сцене. Это ее второй самородный талант. Она в единственном числе создала театр русской поэзии. Пока он единственный в России, поэтому ее творческие вечера всегда вызывают восторг зрителей.

Творческие встречи и вечера русской духовной культуры Карташева проводит во многих городах России и постоянно в Москве, уже 10-й год в Международном Славянском культурном центре и 3-й год в музее художника К. Васильева.

О себе Карташева пишет так: «Если бы другой поэт искренно и горячо сказал то, о чем пишу я, я бы уступила, потому что хочу жить спокойно, для меня семья главное. Когда 10 авг. 1999 под утро к нам ворвались в масках не просто разбойники, а сатанисты, бросив мне под ноги ножицы (слава Богу, я не пострадала), то потом мне звонили по телефону и с издевкой говорили, что меня никто убивать не собирается, слишком много “чести” делать из меня Талькова, но угрожали опозорить, перестать печатать

и т. п. Но совесть моя перед Богом, перед Родиной и перед Русскими чиста. Я никому не делаю зла, я только врага называю врагом и не могу перед ним заискивать, будь он трижды богат и властен “печатать или не печатать, дать возможность выступать или лишить”, я все равно пишу: Смиряться надо перед Богом, но не смиряться перед злом!

И вся моя простая, незатейливая натура в этих женских, безыскусных строках:

Нет, я люблю не битву, а уют,
Детей, наряды, музыку, природу.
Да только жить спокойно не дают,
Конец готовят русскому народу.

Но за уют я не пойду в полон,
Напрасно ворон надо мною кружит,
Как испокон, я встала у икон,
Сняла кольцо, чтоб ты купил оружие!

Соч.: Стихи из России. Мельбурн, 1991; Чистый образ. М., 1993; Имперские розы. М., 1996; Порфира и Виссон. М., 2000; Слава России. М., 2001.

КАСАТКИН-РОСТОВСКИЙ (Косаткин-Ростовский) Федор Николаевич ([13].11.1875—22.07.1940), поэт, прозаик, драматург. Происходил из древнего княжеского рода (по прямой линии от кн. Константина Ростовского, сына Всеволода Большое Гнездо). После окончания в 1895 Пажеского кор-

пуса произведен в подпоручики лейб-гвардии Семеновского полка. В 1908 опубликовал «Памятку семеновца» (СПб.) — краткую, написанную в патриотическом духе историю полка, в которой, напр., о расстреле 9 янв. 1905 сказано: «...верные своему Царю и Родине, войска честно исполнили свой долг и не дали рабочим дойти к Зимнему дворцу».

В 1900 вышла первая книга Касаткина-Ростовского «Стихотворения» (СПб.) с посвящением вел. кн. Константину Константиновичу. В книги «Стихотворения. (1900—06)» (СПб., 1907) и «...“Песни разлуки”» (Стихотворения). 1906—09» (СПб., 1909) помимо оригинальных стихов и поэм вошли переводы.

В 1912 на конкурсе патриотических песен в память Отечественной войны 1812 получил премию и был принят для войск гвардии, армии и скаутов текст песни Касаткина-Ростовского «1812-й год».

Главная тема книги стихов «С войны». (Листки походной тетради) (тетр. 1—3. П., 1915—17) — стремление победить («Пока мы вражий пыл победой не умерим, / Мы не положим ратного меча»), прославление русского солдата (любопытны зарисовки солдатской жизни — «В бою», «Разоренный фольварк», «Война» и др.), проклятие войне.

После 1919 Касаткин-Ростовский эмигрировал, жил в Сербии и Франции, до конца своих дней писал стихи.

КАССИАН (XV в.), монах Киево-Печерского монастыря, создатель двух редакций *Киево-Печерского патерики*.

В 1460 был клирошанином Киево-Печерского монастыря и посвятил свой труд «священному Акакию, бывшему наме-

стнику киевскому» (эту редакцию патерика называют либо Кассиановской первой, либо Акакиевской). В 1462 Кассиан стал «уставником печерским» и создал новую, более полную редакцию патерика.

По мнению А. А. Шахматова, первая Кассиановская редакция патерика была создана на основе переработки патерика печерским монахом Иоанном, восходившей к первоначальной редакции памятника и включавшей в себя: «Слово о создании церкви Печерской» Симона, «Сказание о начале Печерского монастыря», «Житие Феодосия Печерского» Нестора, «Слово о перенесении его мощей, похвалу Феодосию Печерскому», «Послания Симона и Поликарпа». Кассиан дополнил патерик рассказами о вписании имени Феодосия Печерского в Синодик, о пострижении кн. Николая Святоши, о видении и смерти Нифонта Новгородского, о преставлении игум. Поликарпа и об избрании на его место попа Василия. По мнению А. А. Шахматова, эти записки были заимствованы из Киевского летописного свода. Во 2-й редакции (1462) Кассиан стремится расположить рассказы патерика по хронологическому принципу. А. А. Шахматов считал, что Кассиан, возможно, заимствовал свои дополнения из Печерской летописи и Жития Антония.

О. А.

КАСЬЯНОВ Иван Аникиевич, сказитель *былин*, крестьянин Олонецкой губ. Петрозаводского у. Кижской вол. с. Космозера, единовец. Выучился петь у стариков, преимущественно у некоего «кривого Ивана Трофимова». Былины о Волге, о Детине и змее, о *Михаиле Потыке*, о Дюке, «Взятие Казани», «Земский собор», «Молодец и королевна» записаны А. Гильфердингом. В 1871 Касьянов пел былины в Петербурге в Русском географическом обществе, в 1872 — в Москве.

КАТАЕВ Валентин Петрович (16[28].01.1897—12.04.1986), прозаик, драматург, поэт, член Союза русского народа (СРН) (1911—17).

Родился в Одессе в семье учителя. Будучи гимназистом, начал писать стихи, которые опубликовал в 1910. Его стихотворения выходят в «Одесском вестнике» — органе губернского отдела СРН. В одном из них были такие строки:

И племя иуды не дремлет,
Шатает основы твои,
Народному стону не внемлет
И чтит лишь законы свои.

Так что ж! Неужели же силы,
Чтоб снять этот

тягостный гнет,
Чтоб сгинули все юдофилы,
Россия в себе не найдет?

В 1913 «Одесский вестник» публикует его стихотворение «Привет Союзу Русского Народа в день семилетия его».

В 1915, не окончив гимназию, вступил добровольцем в действующую армию.

Начинал службу под Сморгонью младшим чином на артиллерийской батарее, дважды был ранен, отравлен газами; произведен в прапорщики

В 1919 мобилизован в Красную армию, командовал батареями на Донском фронте.

В повестях Катаева «Растратчики» (1926) и «Квадратура круга» (1928) основной темой была борьба с мешанством. В 20—40-е — детский писатель: «Белеет парус одинокий», «Волны Черного моря», «Сын полка» (за последнее произведение получил Сталинскую премию в 1946). Детские произведения Катаева воспитывали любовь к Родине, дух патриотизма.

В 1955—61 Катаев гл. редактор журнала «Юность».

В 1960—70-х выпускает ряд мемуарных произведений — «Святой колодец» (1966), «Трава забвения» (1967), «Алмазный мой венец» (1978), в которых в осторожной форме показывает затхлую атмосферу, вносимую в русскую литературу еврейскими литераторами, считавшими себя «хозяевами жизни».

В своей повести «Уже написан Вертер» (1979) Катаев описывает тот ад, который принесли русскому народу еврейские большевики. Герой повести, чудом спасшийся от расстрела юнкер Дима, воспринимает жуткую явь как сон. В повести описаны фантомы-вещи и фантомы-люди: черно-кожаные комиссары с маузерами, здание гаража, в котором происходят расстрелы, Наум Бесстрашный, утверждающий на крови мировую революцию. На крови и предательстве основана и любовь главных героев в дни еврейской революции.

В Одессе еврейские большевики творили неслыханные зверства, о которых Катаев знал не понаслышке. Во время террора погибали почти все его друзья по Союзу русского народа, еврейские большевики убивали всех русских патриотов.

Соч.: Собр. соч.: В 10 т. М., 1983—86; Святой колодец. Алмазный мой венец. Уже написан Вертер. М., 1992.

КАТЕНИН Павел Александрович (11[22].12.1792—23.05 [4.06]. 1853), поэт, переводчик, драматург, критик. Родился в усадьбе Шаёво Кологривского у. Костромской губ. Отец Катенина Александр Федорович — отставной генерал, мать Дарья Андреевна (урожд. Пурпур) — полугреческого происхождения.

Получил домашнее образование. Знал латынь и с полдюжины европейских языков. По воспоминаниям актера В. А. Каратыгина, «...не было всемирно-исторического флекта, который бы он не смог объяснить со всеми подробностями, в хронологии он никогда не затруднялся — это просто была живая энциклопедия».

С 1806 Катенин на службе в Петербургском министерстве народного просвещения. В 1808—09 посетил салон А. Н. Оленина, где познакомился с К. Н. Батюшковым, Н. И. Гнедичем, А. А. Шаховским и др. деятелями литературы и театра. Опубликовал первые стихи в «Цветнике» (1810); играл в любительских спектаклях. В 1810 поступил на службу в лейб-гвардейский Преображенский полк. Известность пришла в Катенину, когда в февр. 1811 в Петербурге в бенефис актрисы Е. С. Семеновой была поставлена в его переводе трагедия Корнеля «Ариадна».

В 1812—14 Катенин — участник Отечественной войны и заграничного похода, был под Бородином, Лютценом, Баутценом, Кульмом, Лейпцигом. Удостоен ордена св. Владимира 4-й степени с бантом и Кульмским крестом. В

Париже посещал французский театр. Много писал для театра (в 1810—20-е), поставляя для сцены гл. обр. переводные пьесы. По возвращении в Россию пользовавшийся репутацией «большого вольнодумца» штабс-капитан Катенин вступил в Союз спасения, но позже отошел от движения и членом тайных организаций заговорщиков не стал.

1815—22 — период наиболее активного участия Катенина в литературной жизни. Он заявил о себе, как поэт, стихами и балладами в народном духе. В балладе «Наташа» девушка говорит любимому: «...прости мне укоризну: // Не сражаться за отчизну, // Одному отстать от всех — // Русским, нам, и стыд и грех». Жених Наташи вступает в народное ополчение и погибает под Бородином. Во сне она видит его и поспешает на свадьбу в небеса: «Тут Наташа помолвилась, // Тут во сне перекрестилась: // Как сидела, как спала, // К жизни с милым умерла». Катенин воспевает в «Наташе» патриотизм и верность — чувства, издревле свойственные русской женщине. Деревенские реалии, простонародный язык — отличительные черты др. известной баллады Катенина — «Убийца». Повествуя о преступлении, о муках душегуба (свидетель — «месяц плешивый»), Катенин говорит о неминуемом возмездии: «Казнь Божья вслед злодею рыщет; // Обманет пусть злодей, // Но виноватого Бог сыщет — // Вот песни склад моей». Баллады Катенина написаны в противовес переводным романтическим балладам *В. А. Жуковского*, в них все свое, русское.

Летом 1818 Катенин познакомился с *А. С. Пушкиным*, и с этого времени литературная деятельность его проследивается во взаимосвязи с гениальным собратом по перу. Пушкин всегда ценил ум и талант Катенина, хотя он и не принадлежал к кругу его ближайших друзей. В 1818—20 они часто виделись: Пушкин читал Катенину новые песни из «Руслана и Людмилы», которые Катенин подвергал критическому разбору.

В сент. 1820 полковник Преображенского полка Катенин за «сознательное противоречие» вел. кн. Михаилу Павловичу был уволен в отставку. Пушкин писал ему из ссылки: «Для малого числа избранных желаю еще увидеть Петербург. Ты, конечно, в этом числе...» Но в нояб. 1822 Катенин оказался в центре скандала на представлении «Поликсены» *В. А. Озерова* в театре, где саркастично отозвался о петербургском генерал-губернаторе гр. М. А. Милорадовиче. Катенина выслали из Петербурга в родовое имение Шаёво без права жить в столицах. «Правда ли, что говорят о Катенине?» — с беспокойством запрашивал Пушкин у *П. А. Вяземского* из Кишинева.

В Шаёво Катенину пришлось нелегко (тяжба, хлопоты, нездоровье), и вдруг его посетила нечаянная радость: ему прислали выпуск первой главы «Евгения Онегина», где он прочел о себе: «Там наш Катенин воскресил // Корнеля гений величавый». В письме Пушкину он признавался: «...с отменным удовольствием проглотил господина Евгения (как по отчеству?) Онегина. Кроме прелестных стихов, я нашел тут тебя самого, твой разговор, твою веселость...».

На берега Невы, выхлопотав разрешение, Катенин вернулся в авг. 1825. У него больше творческие планы: издать книгу стихов, поставить на сцене свою пьесу «Андромаха». Встретившись с приехавшим в Петербург Пушкиным, Катенин засвидетельствовал: «Я заметил в нем одну только перемену: исчезли замашки либерализма. Правду сказать, они всегда казались угождением моде, нежели собственным увлечением; еще прежде из тех стихов его, которые по рукам ходили, он всегда упорно отказывал мне что-нибудь прочесть, отговываясь, что они не про меня написаны и показать знающему стыдно...».

В 1827 трагедия «Андромаха», которую Катенин считал главным своим произведением (Пушкин назвал ее «едва ли не лучшим произведением нашей Мельпомены по силе истинных чувств, по духу истинно трагическому»), на сцене провалилась. Ученица Катенина актриса Колосова в главной роли симпатий зрителей не снискала, пьесу исключили из репертуара.

В 1828 отношения между Катениным и Пушкиным вылились в скрытую стихотворную дуэль, вызванную балладой Катенина «Старая бль», на которую Пушкин ответил ироническими стихами «Ответ Катенину», но охлаждения между ними не произошло. Пушкин высоко ценил критический дар Катенина, его способность избегать «всех пристрастных и односторонних суждений». Пушкин писал ему: «Голос истинной критики необходим у нас; кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление? Покамест, кроме тебя, нет у нас критика. Многие (в том числе и я) много тебе обязаны; ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли. Если б согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принес бы ты русской словесности...». Живя в деревне, Катенин внял совету Пушкина и приступил к написанию книги «Размышления и разборы».

С большой эрудицией Катенин пишет о древней поэзии, о греческой трагедии, непрерывно полемизируя с признанным теоретиком романтической школы *А. В. Шлегелем*. Считая *романтизм* чуждым русской литературе, Катенин делает важное признание: «Россия искони не имела ничего общего с Европой западной; первые свои познания, искусства и науки получила она вместе с верою православною от Цареграда... Правда Петр Первый много ввел к нам немецкого; но неужели, перенимая полезное, должны мы во всем обезьянить и утратить все родовые свойства и обычаи? По счастью, это невозможно, и одна вера своя предостережет нас от ничтожности».

После того как родовое имение Шаёво было взято в опеку, нужда заставила Катенина приехать в Петербург в поисках военной службы. В июле 1832 возобновились его встречи с Пушкиным. Катенин поздравил его с завершением «Евгения Онегина»: «Спи спокойно с Онегиным в изголовье; он передаст имя твое поздним векам, а конец увенчал все дело, последняя глава лучше всего».

В 1832 вышли в свет «Сочинения и переводы Павла Катенина» в 2 частях. *Ф. Булгарин* их высмеял, а *Н. Полевой* отвел им место в прошлом российской словесности. Пушкин думал иначе, в рецензии на издание он выделил независимость Катенина: «Никогда не старался он угождать господствующему вкусу в публике... первый введши в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные, он первый отрекся от романтизма и обратился к классическим идолам...» С похвалой отозвался Пушкин о балладах «Ольга» и «Убийца». Отметил «Мстислава Мстиславича», «стихотворение, исполненное огня и движения», и «Старую бль», «где столько простодушия и истинной поэзии». Но вердикты Булгарина и Полевого о Катенине как поэте возобладали у современников над пушкинским.

В 1833—36 Катенин служит на Кавказе, участвует в военных экспедициях. В 1836 назначается комендантом крепости Кизляр. В 1838 уходит в отставку с производством в чин генерал-майора.

Возвращается в Шаёво, где живет последние 15 лет. Имя его исчезло из театральных репертуаров, стихи по-

являлись в журналах крайне редко. Как писателя его забыли. Одна из последних публикаций появилась в «*Москвитянин*» (1841, № 4) — басня «Охотник до птиц», в которой изображена аллегорическая картина собственной изоляции. В сказке «Княжна Милуша», получившей одобрение еще Пушкина, Катенин так сказал о своем закате: «Что ж делать? Петь, пока еще поется... // Власть — слушать, власть — не слушать; я пою».

По просьбе П. В. Анненкова Катенин написал в н. 1850-х «Воспоминания о Пушкине».

Соч.: Стихотворения. Л., 1937 (БП, м. с.), 2-е изд. Л., 1954; Избранные произведения. М.; Л., 1956 (БП, б. с.); Размышления и разборы. М., 1981; Избранное. М., 1989.

М. Шапошников

КАТКОВ Василий Данилович (26.04.1867 — после 1917), правовед, публицист. Происходил из крестьянского сословия (отец — бывший крепостной музыкант). Окончив прогимназию в станице Каменской Войска Донского, Катков поступил в Таганрогскую гимназию. По окончании Харьковского университета (юридический факультет) был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, а затем продолжил образование за границей.

С 1898 преподает в Харьковском университете и одновременно активно выступает как публицист. Среди излюбленных публицистических тем у Каткова особое место занимали гражданские проблемы: государства (верховой власти), религии, нации, национальной измены во время смутного времени, школы, диктатуры.

Народ, считал Катков, не может быть свободен, не может обладать полнотой своих прав, если он не может отстоять свою национальную государственную власть.

Основой национальной власти Катков считал Православие, господство русских в империи и неограниченность верховной власти самодержца. Наряду с Православием, — писал он, — «другим элементом объединения ядра Русского государства является русская национальность. Государственная власть соединяется у нас со множеством народностей, но опорой ее, как и опорой силы государства, является русский народ, в этнографическом смысле этого слова. Всякое политическое общество, живущее самостоятельной жизнью, т. е. опираясь на свои собственные силы, должно быть по необходимости национально. Одна нация по необходимости должна занять центр, вокруг которого группируются другие... Государственная власть служит всем национальным элементам, объединенным ею. Но в немигнуемой борьбе интересов различных групп она не может жертвовать в пользу других интересами той национальной группы, на которую опирается самое ее бытие, особенно в критические минуты государственной жизни».

На основе столь высоко ставимой необходимости для государства опоры на господствующую национальность у Каткова сформировалось особое понимание измены Родине. Для инородца в революции 1905 он видит измену Русскому государству, но никак не измену своей национальности (инородческой). Революционерам же из русских он предъявляет двойное обвинение в измене — Русскому государству, против которого был поднят бунт, и русской национальности, являющейся этнической основой империи. Изменой Родине для него была не только всякая услуга внутренним врагам, социалистам и либералам, но и любое слово и даже помышление против государя и его верховной власти.

Политическая публицистика Каткова была посвящена практически полностью защите главного идеологического пункта обороны империи — идее самодержавия. «Гибель Трона, — писал он, — влечет за собой и гибель народной самостоятельности... Только убив власть, можно убить свободу народа и умалить его права».

Катков был православным христианином в наиболее ортодоксальном понимании этого слова. Его религиозный дух, как у глубоко верующих людей, был пропитан святоотеческим мировоззрением и личностно — растворена в Церкви. В простоте своей души он принял учение Христово и не мудрствовал лукаво о Церкви, как это модно было в среде большинства тогдашней интеллигенции. «Учитель, — писал Катков, — который не привел своих питомцев ко Христу, не протививший их светом Евангельского учения и полагающий, что он достаточно сделал для них, если вложил в их голову какие-либо знания специального или общего характера, имеющие отношение исключительно к материальному миру и жизни "века сего", — плохой учитель, он не понял всей высоты своего призвания и не исполнил ни завета Великого Наставника, ни воли своего государя, ни задушевных желаний любящих своих детей родителей, вверивших его руководству лучше свое сокровище».

Опыт революции привел Каткова к мысли о необходимости в таких чрезвычайных и смертельно опасных для государства политических ситуациях вводить основанный на особом, чрезвычайном законодательстве институт диктатуры. Диктатуры — как возможности верховной власти (государя) или назначаемого от нее специально лица или нескольких лиц вступать в урегулирование государственных дел со всей неограниченной полнотой верховной власти.

Видя, как огромные массы консервативного населения всколыхнула и возмутила революционная волна насилия, Катков требовал от власти организовать и направить эти силы в нужное для государства русло. Контрреволюционные силы пребывали в основном в бездействии, будучи готовы «с радостью, — писал он, — ринуться на губителей и мучителей своей родины, как строй солдат, которому после "раз, два, три" не сказали последнего условного "пли". Власть, которая бы поняла этот психологический момент и сделала призыв к этой бескорыстной и самоотверженной армии, избавила бы нашу родину от тяжелого кошмара революции с наименьшими жертвами. Как дым рассеются враги закона и порядка; как снег растают они в огне народного гнева».

Предреволюционные годы, проведенные в Новороссийском Императорском университете, были для Каткова наиболее плодотворными. После февральской революции 1917 он в числе нескольких правых профессоров был уволен Временным правительством из университета. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Соч.: Наука и философия права? Берлин, 1901; О привилегиях (патентах) на промышленные изобретения. Харьков, 1902; К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков, 1903; Общее учение о векселе. Харьков, 1904; О русском самодержавии. Харьков, 1906; Нравственная и религиозная санкция русского самодержавия. Харьков, 1907; Передача векселя по надписи (индоссамент). Одесса, 1909; К вопросу о школе. М., 1909; О власти русского императора и ее недругах. Одесса, 1912; Очерки статистики экономической и культурной. Одесса, 1912; Jurisprudentiae novum organon (Реформированная общим языковедением логика и юриспруденция). Одесса, 1913.

М. Смолин

КАТКОВ Михаил Никифорович (1[13].02.1818—20.07[1.08].1887), публицист и издатель. Родился в Москве в семье мелкого чиновника, происходившего из личных костромских дворян, служившего в московском губернском правлении. Мать его, Варвара Акимовна, урожд. Тулаева, происходила из рода грузинских князей. Когда Мише было 5 лет, умер его отец и семья, включавшая также младшего брата Мефодия, впала в крайнюю бедность. Первые годы сознательной жизни Катков провел в сиротском Преображенском училище. В дни юности вел жизнь типичного пролетария умственного труда, живя за счет репетиторства, перебиваясь с хлеба на квас, упорно работая по ночам над книгами, отказывая себе во всем

и отдавая почти все заработанные деньги семье. В 1834—38 учился в Московском университете. 18-летним студентом Катков перевел «Историю Средних веков» О. Демишеля, а в 1838 в «Московском наблюдателе» Катков поместил перевод статьи Г. Ретшера об эстетике Гегеля, что было первым знакомством русской публики с творчеством великого философа. В 1838 в «*Сыне Отечества*» был опубликован переведенный Катковым первый акт «Ромео и Джульетты». Одновременно Катков пробовал свои силы и как критик, поместив в «Отечественных записках» статьи, названия которых говорят сами за себя — «О русских народных песнях», «Об истории древней русской словесности Максимовича», «Сочинения гр. Сарры Толстой», «Отзыв иностранца о Пушкине». В 1840 Катков перевел с английского роман Ф. Купера «Следопыт». Интерес к литературе и философии привел его в кружок *Н. В. Станкевича*. В этом кружке благодаря удивительному дару *Н. В. Станкевича* сближать людей состояли будущие западники (*Т. Н. Грановский*), революционеры (*В. Г. Белинский*, *А. И. Герцен*, *М. А. Бакунин*), *славянофилы* (*К. С. Аксаков*). Катков быстро выдвинулся в кружке благодаря своим литературным способностям, знанию философии и владению языками. В 1840 Катков уехал в Германию, где полтора года изучал философию у знаменитого Шеллинга, одного из крупнейших немецких философов, искреннего русофила. По возвращении в Россию он поступил на службу в МВД помощником столоначальника, в свободное время продолжая самостоятельно заниматься наукой. В 1845 Катков защитил магистерскую диссертацию «Об элементах и формах славяно-русского языка». После этого он несколько лет был преподавателем философии в Московском университете. В 1850 преподавание философии было запрещено по распоряжению министра просвещения *Ширинского-Шихматова*. В 1851 Катков стал редактировать принадлежащую университету газету «Московские ведомости». Однако в то время из-за цензурных ограничений пресса могла лишь сообщать правительственные указы и хронику текущих событий без всяких комментариев. И тем не менее даже в таких невозможных условиях Катков удвоил число подписчиков, несмотря на повышение цены. Одновременно Катков продолжал заниматься литературой и философией, опубликовав в сборнике «Прописи» (1854) «Очерки древнейшего периода греческой философии».

Тем не менее Катков стал осознавать, что его подлинным призванием является публицистика и, кроме того, несмотря на знакомство и даже личную дружбу со многими левыми радикалами, он оставался убежденным сторонником Православия, Самодержавия, Народности и был готов отстаивать их на страницах прессы. С воцарением Александра II произошло некоторое смягчение цензуры и началось гласное обсуждение готовящихся реформ. Катков не мог оставаться в стороне. С 1856 Катков начал издавать ежемесячный журнал «*Русский вестник*», а с янв. 1863 также вновь стал редактировать ежедневную газету «Московские ведомости». С этого времени и до самой смерти Катков стал, по выражению своего сотрудника *Е. Феоктистова*, «государственным человеком без государственной должности», одним из наиболее влиятельных политиков в России. Современники употребляли выражение «партия «Московских ведомостей»», «Катковское направление» без всякой иронии. По мнению *К. П. Победоносцева*, «были министерства, в которых ничто важное не решалось без участия Каткова».

Редактируемые Катковым издания сразу же выделились на фоне основной массы тогдашних русских изданий своей четкой русской православно-монархической позицией. При этом Катков вовсе не был официальным пропагандистом правительственного курса. Один из биографов Каткова справедливо заметил, что он «в сущности, был самым ярким представителем оппозиции, и не было почти случая, когда он был вполне доволен Петербургом, как еще реже, мы думаем, были случаи, когда Катковым были довольны в Петербурге». «Русский вестник» и «Московские ведомости» были не только органами печати, но также и штабом и мозговым центром охранителей, вырабатывающих, пропагандирующих и способствующих проведению в жизнь своих вариантов решений стоящих перед Россией проблем. В 1856—62 журнал «Русский вестник» был одним из тех журналов, которые настойчиво добивались проведения в стране реформ, в первую очередь крестьянской. Поскольку подобные предложения реформ выдвигали либеральные издания, то впоследствии родилась легенда о Каткове как о либерале, перешедшем в стан охранителей. В действительности же он представлял собой редкий среди русских интеллигентов тип человека, который никогда не «сменял вех», «не сжигал того, чему поклонялся», и «не поклонялся тому, что сжигал». Катков был за те реформы, что укрепляли государство и самодержавие. Но как только нововведения начинали вредить территориальной целостности империи, Катков и его «партия» требовали принятия решительных мер для пресечения ненужных новшеств.

С первых же номеров «Русского вестника» в 50-х Катков выступил против нигилистов (термин, употребленный впервые в современном значении именно Катковым). За нигилистов вступились Герцен, издававший в Лондоне «Колокол», и Чернышевский, издававший «Современник» в России. Развернулась журнальная полемика, о результатах которой можно судить по падению влияния «Колокола». Но по-настоящему Катков стал знаменит во время польского восстания, начавшегося в янв. 1863. Мятежники свои основные надежды возлагали на помощь западных стран и на поддержку традиционно полонофильских либералов и радикалов внутри России. Эти надежды были не беспочвенны. Уже 17 апр. Англия, Австрия, Франция, Испания, Португалия, Италия, Швеция, Нидерланды, Дания, Османская Империя и папа Римский предъявили российскому правительству дипломатическую ноту, более похожую на ультиматум, с требованием изменить политику в

польском вопросе. 27 июня последовала еще более резкая нота, содержащая угрозу военного вмешательства западных стран. Российская «передовая» интеллигенция заняла в условиях польского мятежа антигосударственную позицию, легко поддаваясь на польскую агитацию о «нашей и вашей свободе». Восстание началось 9 янв., а уже 19 февр., во 2-ю годовщину освобождения крестьян в Москве и Петербурге появились прокламации русских нигилистов с призывами поддержать поляков. Положение осложнялось тем, что наместник в Царстве Польском, надежда русского либерализма, вел. кн. Константин Николаевич оказался неспособен управлять краем, охваченным мятежом. По всей Польше и Литве шли бои, происходили массовые убийства проживавших там русских жителей, но не было предпринято никаких мер военного порядка. Более того, когда украинские крестьяне начали громить поместья мятежных панов в Киевской губ., то против крестьян посылались войска. Вот в таких условиях Катков, вновь возглавивший газету «Московские ведомости», обрушился на заправлявших общественным мнением либералов. Он писал: «Давно уже пущена в ход одна доктрина, нарочно сочиненная для России и принимающая разные оттенки, смотря по той среде, где она обращается. В силу этого учения прогресс русского государства требует раздробления его области понационально на многие чуждые друг другу государства... Она возбуждает и усиливает все элементы разложения, какие только могут оказаться в составе русского государства, и создает новые. Людям солидным она лукаво шепчет о громадности России, о разноплеменности ее народонаселения, об удобствах управления, будто бы требующего не одной административной, но и политической децентрализации; людям либеральных идей она с лицемерною услужливостью объявляет, что в России невозможно политическое устройство иначе, как в форме федерации; для молодых, неокрепших или попорченных умов она соединяется со всевозможным вздором, взятым из революционного арсенала». Катков разоблачал пропаганду мятежной шляхты о народном характере восстания. В самом деле, польское восстание 1863—64 было восстанием шляхты и католического духовенства, стремившихся воссоздать Речь Посполитую в границах 1772 и навязать господство панов и ксендзов над православным населением Белоруссии и Правобережной Украины. Катков справедливо писал: «Польское восстание вовсе не народное восстание: восстал не народ, а шляхта и духовенство. Это не борьба за свободу, а борьба за власть». Ближайшим аналогом польского мятежа была война рабовладельческого Юга США в защиту рабства или восстание «санфедистов» — клерикальных банд на юге Италии с целью сохранения светской власти папы и нового разделения Италии. Печально, но даже современные русские патриоты почему-то испытывают чувство вины перед поляками за усмирение их мятежей XIX в., хотя что могло бы больше помочь полякам в национальном развитии, чем разгром реакционного слоя шляхты. А для православных жителей Белоруссии усмирение шляхты стало не только национальным, но и социальным освобождением. До крестьянской реформы 1861 нигде в России не было столь жестокого крепостнического гнета. Об этом свидетельствуют данные статистики: самый низкий естественный прирост населения в империи был именно в Белоруссии. В Витебской и Могилевской губерниях в 1804—49 (за 45 лет) смертность превышала рождаемость в течение 15 лет! Вот за такую «нашу и вашу» свободу сражались мятежники. Катков призывал правительство к решительным мерам против мятеж-

ников, к игнорированию дипломатических демаршей западных стран, стыдил либералов и нигилистов. Но он не ограничился этим. С весны 1863 Катков начал кампанию против вел. кн. Константина Николаевича, фактически обвиняя его в измене. Это была неслыханная дерзость — никогда еще в открытой печати никто не смел обвинять в чем-либо особу Императорской Фамилии! К счастью, общественное мнение, во многом под влиянием статей Каткова, было настроено на отпор мятежу. Константин Николаевич уехал за границу «на лечение». Для усмирения мятежа Катков предложил направить в Северо-Западный край с диктаторскими полномочиями генерала М. Н. Муравьева. Действуя жестко и решительно, Муравьев быстро подавил мятеж. Итак, в 1863 Катков занял своеобразную политическую позицию, выступая как против оппозиционеров, так и критикуя справа правительство за бездействие через свою печать, и сумел повлиять на общественное мнение, переломив его в пользу национально-государственных сил. После 1863 Катков стал одним из виднейших политиков России, по-прежнему не занимая государственных должностей. Благодаря влиянию своих изданий, он стал «диктатором общественного мнения». Благодаря своей осведомленности обо всем происходящем на политической «кухне», тонкому чутью, сильному аналитическому уму, решительности и воле, будучи независимым журналистом, Катков мог иметь независимое суждение, которое открыто высказывал на страницах своих изданий. Он обладал способностью первым уяснить возникающие перед страной проблемы, показать пути их решения, прямо объявить о тех, кто этому способствует или препятствует, невзирая на лица. Благодаря этому и стал возможен «феномен Каткова» — политика вне правительства, публициста, критикующего власти и указывающего им на то, что надлежит делать.

В 1881, после убийства царя Александра II Освободителя, Катков снова сыграл значительную роль в сохранении незыблемости самодержавия. На совещании высших чинов Российской империи 8 марта 1881 состоялась решительная схватка конституционалистов, поддерживающих конституционный проект М. Т. Лорис-Меликова, и охранителей. Благодаря энергичному выступлению К. П. Победоносцева, охранители победили, и 29 апр. 1881 по всем церквям России был зачитан Высочайший Манифест «О незаблестимости Самодержавия». Катков откликнулся на него восторженными словами: «Теперь мы можем вздохнуть свободно. Конец малодушию, конец всякой смуте мнений! Перед этим непрерываемым, перед этим столь твердым, столь решительным словом Монарха должна наконец поникнуть многоглавая гидра обмана. Как манна небесной народное чувство ждало этого царственного слова. В нем наше спасение; оно возвращает русскому народу Русского Царя Самодержавного». В царствование Александра III Катков становится одним из тех политиков, что проводили в жизнь курс национальных контрреформ 1880-х. При этом Катков оставался независимым журналистом, периодически вступающим в конфликты с влиятельными сановниками и членами правительства, чьи действия, по мнению Каткова, не отвечали национальным интересам России, о чем публицист открыто писал в своих изданиях. В целом ни один русский публицист того времени не имел столько столкновений с цензурой, как Катков. Уже в начале своей журналистской карьеры в 1858 за статью в «Русском вестнике» болгарина Г. Даскалова «Турецкие дела», в которой речь шла о неблагоприятной деятельности греческого православного духовенства в находившейся тогда под

турецким игом Болгарии, что вызвало гнев Константинопольской патриархии и международный скандал, Каткову предложили принести извинения. Он отказался и в докладной записке министру просвещения (в чьем ведении находилась цензура) доказывал правоту Даскалова. Скандал удалось замять, но уже через несколько месяцев Катков поместил статью о произволе цензуры в Пруссии, причем всем читателям было понятно, что под Пруссией подразумевается Россия. Лишь вмешательство некоторых сановников, которым импонировало направление журнала, спасло «Русский вестник» от закрытия. В период польского мятежа 1863 Катков постоянно был под угрозой не только закрытия своих изданий, но и ареста за критику высшей администрации и наместника в Польше. Национально мыслящие деятели в окружении царя смогли защитить Каткова, но цензурные придирки за оскорбление в печати Катков получал непрерывно. За один месяц в 1863 он как-то заплатил штрафов на 950 руб. (годовое жалование генерала составляло около 2 тыс. руб.). Крупные столкновения с цензурой были у Каткова в 1866 и 1870. Как журналист, Катков никогда не был официальным. Беззаветно борясь за незыблемость самодержавия, Катков часто вступал в конфликты с правительственными лицами. В разные годы его врагами были такие могущественные люди, как вел. кн. Константин Николаевич, министры П. А. Валуев, Н. Х. Бунге, А. В. Головин, Н. П. Игнатьев, М. Т. Лорис-Меликов и др. Критикуя их, Катков помещал разоблачительные статьи, но это был не компромат на их личную жизнь, а оценка их практической деятельности. В борьбе против либеральных министров Катков видел свой долг верноподданного: «При всем уважении, которое подбавляет правительственным лицам, мы не можем считать себя их верноподданными и не обязаны сообразовываться с личными взглядами и интересами того или другого из них. Над правительственными и неправительственными деятелями, равно для всех обязательно возвышается Верховная Власть; в ней состоит сущность правительства, с ней связывает нас присяга; ее интересы суть интересы всего народа». Показателем могущества Каткова как политика и независимости как журналиста служит история его борьбы с министром внутренних дел П. А. Валуевым. В 1866 Валуев вступил в конфликт с «Московскими ведомостями». Катков на страницах газеты пропагандировал идею предоставления крестьянам Украины преимущественного права на покупку земли у разорившихся польских помещиков. Валуев из соображений дворянской солидарности стал тратить огромные средства на поддержку обанкротившихся панских имений. В завязавшейся борьбе Катков начал травлю могущественного министра, печатая разоблачительные материалы. 31 марта 1866 Катков получил цензурное предостережение, что никак не отразилось на тоне «Московских ведомостей». 4 апр. неожиданная поддержка пришла отсюда, откуда ее Катков ждал меньше всего. В этот день Д. Каракозов покушался на жизнь Александра II, что сразу изменило отношение царя к министру, не обеспечившему ему должной безопасности. Между тем увлекшийся Валуев продолжал борьбу с Катковым, и 6 мая «Московские ведомости» получили второе предостережение, а на др. день третье. По воспоминаниям сотрудника газеты Н. Мешерского, «злора Валуева и его единомышленников была безгранична. С минуты на минуту можно было ожидать закрытия «Московских ведомостей»». Чтобы спасти газету, Катков оставил пост редактора. Но общественное мнение было всецело на его стороне. К Александру II со всей России шли телеграммы и прошения с просьбой ока-

зать монаршую милость яростному публицисту. 25 мая Катков получил аудиенцию у государя, долго с ним беседовал и получил разрешение продолжать редактирование. Валуеву же пришлось уйти с поста министра. Последний его конфликт с цензурой состоялся незадолго до смерти Каткова, поместившего статью о Тройственном Союзе и уступках ему русской дипломатии. Лишь вмешательство К. П. Победоносцева спасло Каткова от закрытия «Московских ведомостей» цензурой.

Какое же значение вкладывал Катков и его последователи в слово «охранители»? Уже из биографии Каткова ясно, что он вовсе не был безоговорочным сторонником всего существующего. Борьба за отмену крепостного права и других укрепляющих страну реформ, формирование общественного мнения — все это свидетельствует о том, что охранители отнюдь не были ретроgrадами. Однако перемены и новшества необходимы не как самоцель, а лишь как средство сохранения и укрепления истинно русских начал национальной жизни. Сущность этих начал охранители выражали знаменитой триадой гр. С. С. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность». Это означало единство царя и народа при духовной власти Православной церкви. Единство этих начал Катков называл «царским путем» и так говорил оппонентам: «Предлагают много планов... Но есть один царский путь. Это — не путь либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса. Это и не путь золотой середины между двумя крайностями. С высоты царского трона открывается стомиллионное царство. Благо этих ста миллионов и есть тот идеал и вместе с тем тот компас, которым определяется и управляется истинный царский путь. В прежние века имели в виду интересы отдельных сословий, но это не царский путь. Трон за тем возвышен, чтобы пред ним уравнивалось различие сословий, цехов, разрядов и классов. Бароны и простолюдины, богатые и бедные, при всем различии между собой, равны перед царем. Единая власть и никакой иной власти в стране, и стомиллионный, только ей покорный народ, вот истинное царство. В лице монарха оно владеет самой сильной центральной властью для подавления всякой крамолы и устранения всех препятствий к народному благу. Она же, упраздняя всякую иную власть, дает место и самому широкому самоуправлению, какого может потребовать благо самого народа — народа, а не партий». Катков стоял на страже самодержавия, под которым подразумевается не западный абсолютизм и не восточный деспотизм, но действительно народная монархия, в которой не должно быть привилегированных сословий и классов и в которой неограниченная власть царя уравновешена чисто духовной властью Церкви. Русские охранители, большинство из которых, включая Каткова, вышли из разночинных кругов, отрицательно относились ко всем попыткам аристократических кругов претендовать на особенное положение в России и особенно на стремление верхушки дворянства ограничить самодержавие в своих интересах. Катков в своей публицистике постоянно подчеркивал служилый характер всех российских сословий, включая дворянство, причем сословия всегда отличались друг от друга не привилегиями, а характером выполнения государственной службы. Дворянство является первенствующим сословием России только потому, что дворяне обязаны быть первыми слугами государства. Миссию дворянства Катков определял так: «Дворянство только потому и дворянство, что оно стоит непрерывно и неустанно на страже общих интересов, меж тем массы народа лишь в минуты чрезвычайной опасности поднима-

ются на их призыв. Все достоинство дворянства состоит в чутком, неослабном, разумном патриотизме».

На демагогические рассуждения о «свободе», на которые не скупились дворянские конституционалисты и революционеры, Катков отвечал: «Русские подданные имеют нечто большее, чем права политические; они имеют политические обязанности. Каждый из русских обязан стоять на страже прав Верховной власти и заботиться о пользах государства. Каждый не только что имеет только право принимать участие в государственной жизни и заботиться о ее пользе, но призывается к тому долгом верноподданного. Вот наша конституция. Она вся без параграфов содержится в краткой формуле нашей государственной присяги на верность». Православие, по мнению Каткова, было духовной основой России, что, впрочем, совершенно не означало, что православные не могут быть русскими патриотами. Он справедливо замечал: «Национальная церковь в России есть Церковь православная и никакая иначе не может быть русским национальным учреждением. Но из этого отнюдь не следует, чтобы люди, исповедующие веру, не признаваемую в качестве русской национальной, не могли быть русскими. Национальность в христианском мире есть дело светское и определяется не религией, а государством».

В национальном вопросе Катков занимал позицию твердого и решительного сторонника единой и неделимой России. Еще до польского мятежа 1863 он выступал против проектов некоторых петербургских кругов распространить на малороссийские губернии, где имелось значительное польское помещичье землевладение, административные законы Царства Польского, справедливо считая это воссозданием Речи Посполитой. В 60—70-е Катков много писал по остзейскому вопросу, настаивая на ликвидации немецких баронов. Это было большой смелостью, учитывая огромное влияние баронов при Дворе в царствование имп. Александра II. Катков, пожалуй, первым из русских публицистов с тревогой обратил внимание на появление инспирируемого из-за рубежа украинского самостийничества. В 1863 он писал: «Год или два тому назад почему-то вдруг разыгралось украинофильство... Польские публицисты с бесстыдной наглостью начали доказывать Европе, что русская народность есть призрак, что юго-западная Русь не имеет ничего общего с остальным Народом Русским, и что она по своим племенным особенностям гораздо более тяготеет к Польше. На это грубейшее искажение истории наша литература, к стыду своему, отозвалась тем же учением о каких-то двух русских народностях и двух русских языках. Возмутительный и нелепый софизм!.. И вот мало по малу из ничего образовалась целая литературная украинофильская партия, вербующая себе приверженцев из нашей беззащитной молодежи... Из ничего вдруг появились герои и полубоги, предметы поклонения, великие символы новосочиняемой народности. Явились новые Кириллы и Мефодии с удивительными азбуками и на Божий Свет был пущен миф какого-то небывалого малороссийского языка. По украинским селам начали появляться в бараньих шапках усердные распространители малороссийской грамотности и начали заводить малороссийские школы в противность усилиям местного духовенства, которое вместе с крестьянами не знало, как отбиться от этих непрошенных просветителей. Пошли появляться книжки на новосочиненном малороссийском языке... Какой же смысл может иметь в самой России это так называемое украинофильское движение? Грустная судьба постигает эти украинофильские стремления! Они точь-в-точь совпадают с враждебными русской народности польскими инте-

ресами и распоряжениями австрийского правительства». И в дальнейшем Катков постоянно обращал внимание на украинское самостийничество, издевался над перлами изобретенной литературной «мовы». К сожалению, статьи Каткова оказались поистине гласом вопиющего в пустыне, и власти Российской империи почти не обращали внимания на «украинство». И в XX в. это привело к политическому разъединению русской нации. Катков обратил внимание на формирование среди русских еще одного антирусского национализма. Польские мятежники распространяли среди казаков листовки и вывешивали плакаты такого содержания: «Знаете ли вы, что есть казак? Москаль-плут, прибрал вас в свои нечестивые лапы, спрятал от вас казацкую летопись и сочинил другую, исполненную лжи и клеветы, и отуманил и одурманил вас до того, что вам теперь и не знать, кто вы такие. Казак — это человек вольный и благородный, который никакому черту-москалю не должен ни служить, ни повиноваться». Далее следовало рассуждение о том, что казаки есть отдельная вольная нация, с москалями ничего общего не имеющая, и призыв примыкать к полякам или поднимать мятежи в России против царя за государство вольных казаков. Катков, хотя и уделял много места «польской интриге» в России, но все же отмечал, что сами поляки не более чем марионетки иных, более могущественных и влиятельных сил, предпочитающих действовать скрытно. Эти силы Катков назвал «мировой закулисой». В 60—80-х XIX в. роль «закулисы» была не столь заметна в России, как в Западной Европе, и надо было отличаться особой политической зоркостью, чтобы заметить ее. Катков с самого начала публицистической деятельности отмечал, что в России объективно не существует базы для проявления особых «общественных интересов» и, следовательно, невозможна и общественная борьба, лозунги же либералов и радикалов — «степное марево», лишенное почвы. Только поддержка из-за рубежа придает определенную силу русскому нигилизму и либерализму. Главным же проводником влияния закулисных сил внутри России являются польские сепаратисты и беспочвенная русская интеллигенция. Не удивительно то презрение, с которым Катков отзывался о «передовой» интеллигенции: «Панургово стадо, бегущее на всякий свист, политики без национальности, жрецы и поклонники всякого обмана». О либеральной печати и создаваемым ею общественном мнении, которое было особенно сильным в начале реформ имп. Александра II, Катков ядовито писал: «Нет на свете двух вещей, менее соответствующих одна другой, как наша печать и наше общество. По нашей печати не только нельзя судить о глубине народных сил, глубине таинственной и неизведанной — наша печать не может служить даже меркою того, что мы знаем, — нашего образованного общества.

Что совершенно невозможно у нас в печати, то было бы невозможно в обществе. Глубокая образованность, зрелый ум, всесторонняя мысль, богатый опыт жизни встречаются у нас часто в различных сферах общества, но все это редко является или вовсе не является в печати и по многим причинам не чувствует к тому охоты». После четверти века ожесточенной идейной борьбы Катков стал «диктатором общественного мнения». Собственно, вся уникальная политическая судьба Каткова и объяснялась его талантом публициста вносить национальное мировоззрение в среду интеллигенции. Т. о., все антиинтеллигентские выпады Каткова объяснялись его критикой самодетельных вождей интеллигенции, претендующих на роль наставников «темного народа». Сам он всю жизнь пропагандировал мысль о том, что интеллигенция выполняет свой долг пе-

ред народом честным исполнением своих профессиональных обязанностей, а главной движущей силой России остается самодержавие, свободное от узкопартийных теорий и очередных увлечений интеллигенции. Итак, не неприязнь к людям интеллектуального труда, а борьба с внутренними ставленниками «мировой закулисы» в виде либеральной интеллигенции способствовали недоверию Каткова и его единомышленников к «просвещенному слою». Сам же Катков был образцом национально-мыслящего интеллектуала. Об этом свидетельствуют как его взгляды, так и вклад его изданий в русскую культуру. Интересны социально-экономические взгляды Каткова. Он был сторонником достижения страной экономической самостоятельности, для чего являлось необходимым проведение ускоренной индустриализации. Хотя Катков не призывал к изоляции России, но он считал, что ключевые предприятия и отрасли промышленности должны контролировать государство. Министра финансов Н. Х. Бунге, проводящего невыгодную для России политику привлечения иностранного капитала, Катков обвинял в космополитизме и вел против него пропагандистскую кампанию, закончившуюся отставкой министра.

О своих внешнеполитических взглядах Катков писал 20 июля 1886, ровно за год до смерти: «Мы гораздо более можем способствовать обеспечению всеобщего мира, если мы в нашей политике будем самостоятельно управлять собственным чутьем и смыслом... Не отвлеченными принципами должны мы руководствоваться, а тем, что понятно сердцу всякого благом для Отечества... Только тот и может быть нам истинным союзником, кого ход событий сблизит с живыми и существенными интересами нашего Отечества, будь то президент Соединенных Штатов или богдыхан Китайский. Нам нет надобности справляться, в какую клетку помещают классификаторы то или другое правительство. Мы должны знать только интересы нашего Отечества и руководствоваться в наших делах, наших сближениях и разрывах только нашим долгом пред судьбами России».

Следует отметить заметный вклад Каткова в развитие русской культуры. На страницах его изданий печатались практически все классики русской литературы 2-й пол. XIX в.: *И. С. Тургенев* («Накануне», «Отцы и дети», «Дым»), *Л. Н. Толстой* (которому Катков дал путевку в жизнь), поместив в своих изданиях его первое произведение «Казачьи», а затем также «Севастопольские рассказы», «Войну и мир», «Анну Каренину», *Ф. М. Достоевский* (все произведения 60—80-х), *Н. С. Лесков* («Соборяне», «Запечатленный ангел», «Захудалый род»). Печатались также произведения *К. Н. Леонтьева*, братьев *Аксаковых*, *И. А. Гончарова*, *И. И. Лажечникова*, *А. Ф. Писемского*, *Б. М. Маркевича*. Именно Катков ознакомил читающую Россию с философией *П. Д. Юркевича*, историческими трудами *С. М. Соловьева*. Катков нередко сам предлагал писателям темы для сочинений (напр., именно он предложил *Ф. М. Достоевскому* сюжет «Бесов»). Характерно, что Катков тщательно редактировал присланные ему произведения, порой заставляя писателей переписывать целые главы. Катков как издатель и редактор оказал заметное влияние на развитие русской литературы 50—80-х XIX в., едва ли не самого творческого для нее времени. Он не только издавал литературу, но и заботился о расширении грамотности в народе. Воспитать всесторонне образованного гражданина, по мнению Каткова, могло классическое гуманитарное образование. Эту мысль он не только пропагандировал на стра-

ницах своих изданий, ведя борьбу с несколькими министрами просвещения, но и на собственные средства открыл в 1868 в Москве Лицей им. Цесаревича Николая. В 1872 при Лицее была учреждена Ломоносовская учительская семинария для бесплатного обучения мальчиков из народа для подготовки к учительству. Катков оставил после себя большую группу публицистов национального направления, в число которых входили *Л. А. Тихомиров*, *Ю. Н. Говоруха-Отрок*, *В. А. Гринмут* и ряд других, продолжавших дело своего учителя.

Катков скончался в своем имении в с. Знаменском Подольского у. Московской губ. Похоронен в Московском Алексеевском монастыре. После революции кладбище монастыря было разрушено, могила Каткова не сохранилась.

Соч.: Собрание передовых статей «Московских ведомостей»: В 25 т. (1863—87). М., 1887—97; Собрание передовых статей по польскому вопросу 1863—64: В 3 т. М., 1887; О Самодержавии и Конституции. М., 1905.

Лит.: *Любимов Н. А.* М. Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889; *Макарова Г. Н.* Охранитель // Славянин. 1996. № 1; *Невединский С. Г.* Катков и его время. СПб., 1888; Памяти М. Н. Каткова. Сборник. М., 1897; *Сементковский П. И.* М. Н. Катков. СПб., 1892; *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. М., 1991.

С. Лебедев

КАТЫРЕВ-РОСТОВСКИЙ Иван Михайлович (? — ок. 1640), государственный деятель.

Принадлежал к высшей московской знати: происходил из княжеского рода и был женат первым браком на Татьяне Романовой, сестре будущего царя Михаила Федоровича. Подпись Катыврева-Ростовского стоит под грамотой об избрании на царство Бориса Годунова (1598). При Лжедмитрии I и Василии Шуйском — на высших придворных должностях. В 1608 сражался с «тушинским вором», заподозрен в измене, пытан и послан в Тобольск воеводой. В 1613 возвращен в Москву, в царствование шурина выполнял ряд важных поручений: воевал с татарами (1614—15, 1619, 1625), поляками (1618). Присутствовал на первой свадьбе царя Михаила (1624). В 1630—32 Катыврев-Ростовский — начальник Владимирского судного приказа, затем, до 1635—36 — первый воевода в Новгороде. Умер дворянином московским, в перечнях которых всегда числился первым.

Катыврев-Ростовский считался автором т. н. «Летописной книги», относительно объективного и наиболее последовательного повествования о Смуте. Кроме него, «Летописная книга» приписывалась *С. И. Шаховскому*, а также *С. Кубасову*, *И. А. Хворостинину*. Не исключено, что Катыврев-Ростовский принимал участие только в ее редактировании (наличие похвалы М. П. Катывреву-Ростовскому, его отцу). По предположению *С. Ф. Платонова*, Катыврев-Ростовский создал обращенный к патр. Филарету антиеретический трактат «На иконоборцы и на вся злыя еретики».

Лит.: Летопись занятий Археографической комиссии за 1905. СПб., 1907. Вып. 18; Памятники литературы Древней Руси. К. XVI — н. XVII в. М., 1987.

КАФТАРЕВ Федор Яковлевич (17.02[1.03].1803—11[23].06.1836), поэт, переводчик. Из дворян. С 1824 на военной службе, с 1832 — на гражданской. Первые публикации в 1831. В 1832 в Петербурге вышли 2 стихотворных сборника Кафтарева «Петропольские ночи» и «Мои мечты» (кн. 1—2). Оба сборника объединяет тема непостоянства земного бытия, тщетности, суетности человеческих усилий перед лицом вечности. В «Петропольских ночах» 12 коротких

зарисовок ночного Петербурга, в которых возникают мимолетные образы властителя (Петра I), вельможи, «рыбара», одинаково подвластных «реке времен». В связи с темой «тщетности» Кафтарев неоднократно обращается к образу Наполеона (в «Моих мечтах»): честолюбивого завоевателя ожидает зауридная участь, забвение «во мраке ночи» («Смерть Наполеона») — своего рода воздаяние за преступление (созвучно славянофильской трактовке образа Наполеона у *А. С. Хомякова* и *А. И. Подолинского*).

Под влиянием «Истории» *Н. М. Карамзина* Кафтарев создает трилогию в стихах «Театральные представления. Святослав, Олег Древлянский, Ярополк Киевский, или Война Святослава с Цимискием, Смерть Олега под Овручем, Разорение Полоцка и убиение Ярополка в Киеве» (СПб., 1834).

КАФТЫРЕВ Дмитрий Никанорович (8[20].02.1847—8[20].02.1877), драматург, прозаик, поэт. Брат *С. Н. Кафтырева*. Родился в Москве в мещанской семье.

Наибольший интерес в творчестве Кафтырева представляют рассказы и очерки из крестьянского быта, в которых «видно хорошее знание простого народа, можно найти живые диалоги и образы» (*Н. А. Соловьев-Несмелов*). Они публиковались в журнале «Грамотей» («Опростоволил», (1873), «Сечение — плохое ученье» (1874), «У страха глаза велики» (1874), «Общественный приговор» (1874), «Женитьба дяди Изота» (1875)) и в «Ремесленной газете» («Самосуд» (1875), «Деревенский портной» (1876)). В конце своей жизни Кафтырев сблизился с *И. З. Суриковым* и поэтами его кружка.

КАФТЫРЕВ Семен Никанорович (1843 — не ранее 1903), прозаик, стихотворец. Старший брат *Д. Н. Кафтырева*. Служил суфлером в провинции и на любительских сценах в Москве, учительствовал. Стихи и физиологические очерки Кафтырева о жизни московского купечества, мещанства, жителей «дна», опубликованные в журнале «Развлечение» (1861—66) и «Московской газете» (1882—83), частично вошли в составленный им коллективный сборник «Вот она, наша матушка Москва!» (М., 1883). В 1890-х выпускал у лубочных издателей книги: о предсудках в среде купцов (роман «Похищенный клад, или Потерянное счастье», М., 1891) и крестьян (рассказы «Колтун-болтун», М., 1892; «Домовой виноват», М., 1892; «Гуси по пьяному делу», М., 1892); пересказы легенд («Таинственный черный рыцарь, или Страшная казнь самого себя», М., 1893), «Степной богатырь, или Наши предки — язычники и варвары печенег», М., 1895; «Королева-рабыня», М., 1898) и исторических романов («Огнедышащая гора Везувий, или Гибель Помпеи», М., 1891); научно-популярные очерки («Золотое дно... Очерк сибирской жизни», М., 1892; «Волга-матушка, кормилица попилица русского народа», М., 1894).

А. Р.

КВАШНИН-САМАРИН Петр Андреевич (1671—1749 или 1750), поэт. Принадлежал к старинному боярскому роду Квашниных-Самариных. Внук писателя XVII в. *кн. С. И. Шаховского*, с 1686 по 1692 — стольник жены царя Иоанна Алексеевича — царицы Прасковьи Федоровны. В 1698 женился на вдове *А. М. Ржевской*.

Квашнин-Самарин — автор любовных лирических песен, написанных в к. 90-х XVII в. («Свет, моя милая, дорогая», «Развейте мою кручину, буйные ветры», «Как иссохла трава-былиночка осенью» и др.). Тексты песен (их более

20, в т. ч. и малороссийские, в целом виде и в отрывках), писанных скорописью в строку, без деления на стихи, были обнаружены в к. 1920-х М. Н. Сперанским на оборотной стороне документов XVII в. (столбцов) из семейного архива Квашниных-Самариных, хранившихся в Государственном Историческом музее. М. Н. Сперанский считал, что песни, записанные Квашниным-Самариным, заслуживают внимания «как редкие записи произведений устной поэзии, сделанные еще в XVII в.». Исследователи утверждают, что найденные песни — это сочинение Квашнина-Самарина, который в своем творчестве опирался на народную лирическую песню, бытовавшую в среде городской и служилой. Об этом свидетельствуют и вид рукописных текстов с многочисленными поправками, говорящими о том, что скорее всего Квашнин-Самарин исправлял свои же собственные записи, и тематическое однообразие песен: во всех говорится о любовных переживаниях и неразделенной любви. Опираясь на народную песню, Квашнин-Самарин украшает свои «вириши» образами и речевыми оборотами, заимствованными из повествовательной литературы. Песни Квашнина-Самарина — памятники русской любовной лирики к. XVII в., созданные на основе лирической песни и книжной культуры XVII в.

КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО Григорий Федорович (наст. фамилия — **Квитка**; псевд. — **Грицько Основьяненко**) (18[29].11.1778—8[20].08.1843), малороссийский писатель. Родился в родовитой дворянской семье. Был одним из издателей и редакторов журнала «Украинский вестник» (1816—17); возглавлял профессиональный театр в Харькове. Был предводителем дворянства, председателем Харьковской палаты уголовного суда и др. Литературную деятельность начал в 1816 на русском языке. Первая комедия Квитка-Основьяненко «Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе» (1827, опубл. 1840) по сюжету сходна с «Ревизором» *Н. В. Гоголя*.

Пьесы «Дворянские выборы» (1829) и «Дворянские выборы, часть вторая, или Выбор исправника» (1830) развивали традиции *Д. И. Фонвизина* в русской сатирической комедии XVIII в. Дальнейшее усиление реалистических тенденций характерно для пьес «Шельменко — волостной писарь» (1831), «Шельменко-денщик» (1840) и др. Комедия «Сватанья на Гончарівці» (1836) пользовалась значительным успехом и до сих пор идет на сцене. Две книги «Малороссийских повестей, рассказываемых Грыцьком Основьяненком» вышли на малороссийском языке в 1834 и 1837. Обличая ограниченность и тупость казачьей старшины, выступая против пьянства, обжорства и др. пороков («Конотопська вільма», «Мертвецький великдень», «Підбрихач»), Квитка-Основьяненко с великой симпатией изобразил простых людей, раскрыл тяжелые условия их жизни («Маруся», «Козырь-дівка», «Сердешна Оксана»).

Для его повестей характерны дидактизм и проповедь христианского смирения. В 30—40-х малороссийские повести Квитка-Основьяненко были опубликованы в рус-

ских переводах. В повестях и романах на русском языке: «Пан Халыевский» (1839), где сатирически изображен быт малороссийского помещного дворянства, «Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова...» (1841), Квитка-Основьяненко зарекомендовал себя как талантливый представитель *натуральной школы*. Он известен также своими физиологическими очерками («Ярмарка», 1840; «Знахарь», 1841), историко-этнографическими набросками и преданиями («Головатый», 1839; «Украинцы», 1841; «Сказания о Гаркуше», 1842; и др.).

Соч.: Соч. / Под ред. А. А. Потебня. Т. 1—6. Харьков, 1887—94; Твори. Т. 1—3, 5, 7, 9. Харьков, 1829—33; Твори. Т. 1—6, Киев, 1956—57; Русские повести XIX в. Т. 2. М., 1950.

С. 3.

КВЯТКОВСКИЙ Александр Павлович (22.04[4.05].1888—1968), литературовед. В 1919 выступил в печати со стихами.

Квятковский разработал оригинальную ритмологическую теорию, ценность которой — в стремлении объяснить сложные ритмические процессы, наблюдаемые в различных системах русского стихосложения, с единых позиций — путем нахождения объективной меры любого метрического стиха, каковой, по мнению Квятковского, являются крата и тактометрический период. Исследования Квятковского основаны на анализе народного стиха и всего богатства русской поэзии XVIII—XX вв.

Соч.: Поэтический словарь. М., 1966.

КЕДРИН Дмитрий Борисович (14[17].02.1907—18.09.1945), поэт. Родился в Донбассе, Богодуховский рудник, ныне пос. Щегловка. Начал печататься в 1924 в Днепропетровске. В 1931 переехал в Москву. В 1940 вышел единственный прижизненный сборник стихов «Свидетели». В начале Великой Отечественной войны Кедров добровольцем ушел на фронт, был спецкором авиационной газеты «Сокол Родины» (1942—44). В лирике Кедрова преобладают интонации доверительно-сердечной беседы. Кедров — один из задушевных певцов русской природы («Подмосковная осень», 1937; «Зимнее», 1939; «Осенняя песня», 1940; «Аленушка», 1942—44). В стихах военных лет Кедров создал образ Родины с ее народно-историческими традициями и реликвиями, скорбью первых месяцев войны и могучей волей к сопротивлению врагу («1941», «Плач», «Глухота», «Весь край этот, милый навеки...», «Колокол», «Победа»). В историко-эпических произведениях Кедрова выразителями духовных сил нации, создателями прекрасного выступают безвестные люди из низов, умельцы и бунтари, чьи судьбы складывались трагически: «Зодчие» (1938) — наиболее популярная баллада Кедрова, написанная по мотивам предания об ослеплении Иваном Грозным строителей храма Покрова; поэма «Конь» (1940) посвящена легендарному самородку — «горододельцу» к. XVI в. Федору Коню; «Песня про Алену Старицу» (1939) — легендарной участнице разинского восстания. Кедров мастерски воссоздает национально-исторический колорит, обладая точным живописным видением русской старины. Обращается он и к истории др. народов («Приданое», 1935; «Пирамида», 1940; «Варвар», 1933—40). Одно из самых значительных произведений Кедрова — стихотворная драма «Рембрандт» (1938, опубл. 1940) о трагическом единоборстве гениального художника с миром корысти и наживы, о его борьбе за свою духовную свободу.

Соч.: Избранное. М., 1947; Избранное. М., 1953; Избранное. М., 1957; Избранное. Стихотворения и поэмы. М., 1991.

КЕЛЬСИЕВ Василий Иванович (16[28].06.1835—2[14].10.1872), публицист, писатель. Из дворян. Родился в Петербурге. Закончил Петербургское коммерческое училище.

Во 2-й пол. 1850-х связался с Герценом и русскими нигилистами, за границей начал вести революционную антирусскую работу. За отказ вернуться в Россию на суд по делу «о сношениях с лондонскими пропагандистами» был приговорен к лишению всех прав состояния и вечному изгнанию из страны.

В 1-й пол. 60-х осознает преступный характер революционной деятельности и отходит от нее (см. его письмо Д. В. Аверкиеву от 17 дек. 1864 о разочаровании в «нигилизме» и о намерении печататься в русских журналах). Переселяется в Вену. С

1866 публикует в «Голосе», «Отечественных записках» и «Русском вестнике» статьи по этнографии и мифологии славян. В мае 1867 Кельсиев добровольно сдался русским властям. Находясь под арестом, написал биографическую «Исповедь», в которой, создав впечатление полной искренности, сумел избежать упоминания лиц и событий, неизвестных правительству. Александр II читал записку Кельсиева и простил его. В сент. 1867 Кельсиев был выпущен на свободу и поселился в Петербурге. Сотрудничал в изданиях славянофильского и патриотического направления («Заря», 1869—70; «Всемирный труд», 1868—70; «Русский вестник», 1869—70).

Главная работа Кельсиева «Пережитое и передуманное» (СПб., 1868) — произведение мемуарно-публицистического жанра, являющееся сокращенной редакцией «Исповеди», — отразила смещение акцентов в идейной позиции автора. В этой книге и серии очерков «Из рассказов об эмигрантах» Кельсиев создает подлинный образ политического эмигранта, потерявшего связь с реальностями русской жизни, чуждого России. Большим успехом пользовались путевые заметки Кельсиева и газета «Голос» (1866—67), составившие книгу «Галичина и Молдавия» (СПб., 1868), где бытовые зарисовки сочетаются с пропагандой идеи панславизма: «Вся цель и идеал славянства состоит в том, чтобы слиться во что бы то ни стало воедино; слиться в один народ, возыметь один язык, одну азбуку». Объединение славян (вследствие их «освобождения... из-под чужеземного ига») считал не только идеалом, но и ближайшей политической задачей. В своих очерках Кельсиев показывал разрушительный характер еврейства, его отрицательное влияние на славянскую культуру.

В 1870—72 Кельсиев помещает в «Ниве» и «Семейных вечерах» ряд популярных исторических очерков («Александр Невский и Дмитрий Донской», «Первый русский царь Иван III Васильевич», «Просветители славян свв. Кирилл и Мефодий» и др.). В это же время он обращается к беллетристике (исторические романы «Москва и Тверь» (1872), «На все руки мастер» (1871), «При Петре» (1872)).

КЕЛЬЦЕВ Сергей Андреевич (1858(?) — после июня 1917), писатель, публицист, председатель Русского монархического союза.

Родился в г. Спасск Рязанской губ. в семье чиновника. Его дед был священником с. Келец Рязанской губ., а дядя

М. В. Левитов — известным протоиереем, скончавшимся в сане епископа Пензенского и Саранского. Отец получил духовное образование (закончил семинарию), но избрал карьеру чиновника. Кельцев закончил Рязанское духовное училище, Рязанскую духовную семинарию и поступил на юридический факультет С.-Петербургского университета, затем перевелся на медицинский факультет Московского университета, но университетского

курса не окончил «по случайным обстоятельствам». Женится, и пришлось оставить мечту об окончании университета, поскольку женатых в студенты не принимали.

В 1878—80 служил чиновником Московского губернского правления в Сергиевом Посаде. С 1878 начал постоянно сотрудничать в печати, публиковался в «*Московских ведомостях*» М. Н. Каткова, «*Современных известиях*» Н. П. Гилярова-Платонова и др. московских изданиях. В 1880 стал штатным сотрудником «*Современных известий*», но в 1883 снова вернулся на государственную службу в Московское губернское правление, продолжая сотрудничать в газетах. В 1883—91 постоянный сотрудник «*Московских ведомостей*», заведующий московским отделом газеты. Завел знакомства среди московского чиновничества и общественных деятелей, исполнял личные поручения Московского генерал-губернатора кн. В. А. Долгорукого, который называл его — «мое золотое перо, подаренное Катковым».

После отставки и смерти в 1891 своего покровителя кн. Долгорукого вынужден был оставить «*Московские ведомости*». С 1893 чиновник московской таможни, одновременно с 1895 правитель канцелярии Совета Александровской общины сестер милосердия. Принимал активное участие в общественной жизни Москвы, был членом целого ряда общественных организаций: Общества спасения на водах, Общества распространения полезных книг, Красного Креста, Общества призрения слепых детей, Общества искусств и литературы, Человеческого общества, Палестинского общества и др. Занимался сельским хозяйством, в 1888 создал в подмосковном с. Черкизово опытно-образцовый хутор «Отрада», был членом Общества сельского хозяйства, писал статьи на эти темы.

Кельцев выпустил несколько религиозно-исторических книг («*Схимонах Филипп, основатель пещерной обители...*». М., 1881; «*Иверская Выксунская община и основатель ее иеромонах Варнава*. М., 1881) и книги официального характера («*Двадцатилетие генерал-губернаторства в Москве* кн. В. А. Долгорукова». М., 1886 (совм. с А. И. Кудашевым), «*Из поездки на Урал*» М., 1888, и др.). Издал под своей фамилией «*Очерки из русской военной истории*» (М., 1887) и «*Чтения для офицеров по русской военной истории...*» (М., 1887), представляющие обработку цикла лекций, прочитанных военными историками для офицеров при Гренадерском корпусе.

Перу Кельцева также принадлежит повесть «*Невеста с медалью. Быль из времен Екатерины II*» (М., 1882).

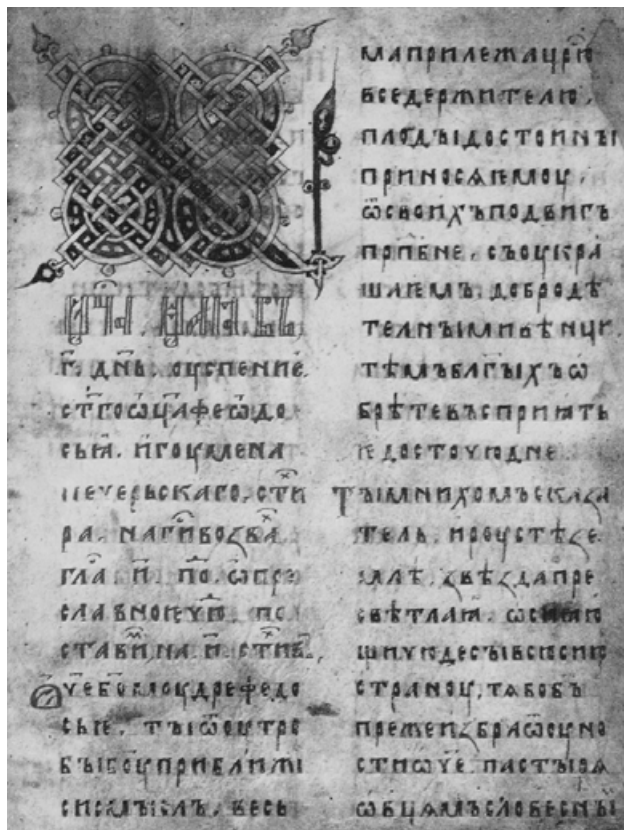
Соч.: Схимонах Филипп, основатель Пещерной обители и киновии Боголюбивой Богоматери при Гефсиманском ските близ Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1881; Дело Мельничих. Полные отчеты из зала суда. М., 1884; Иверская Выксунская женская община и основатель ее иеромонах Варнава. М., 1884; 10-летие комитета «Христианская помощь» Российского общества Красного Креста. 3 июня 1877—3 июня 1897. Составил сотрудник комитета С. Кельцев. М., 1887; Очерки из русской военной истории. Чтение для офицеров... М., 1887; Московское общество поощрения трудолюбия. Летопись первого 25-летия (1863—88). М., 1888; Из поездки на Урал. 1. Путешествие Их Императорских Высочеств Великих Князей Михаила Николаевича и Сергея Михайловича. 2. От Москвы до Екатеринбурга. (Из путевых заметок). 3. Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка. М., 1888; Богородское Сергиевское общество хоругвеносцев. М., 1894.

Лит.: Макаревский М. И. и др. 25-летие литературной, общественной и служебной деятельности С. А. Кельцева. 16 янв. 1878—16 янв. 1903. М., 1903.

А. Степанов

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК, сборник *житий* монахов Киево-Печерского монастыря.

Сложился в XIII в. на основе переписки еп. Владимир-Суздальского Симона и монаха Киево-Печерского монастыря Поликарпа. В письмах рассказывается об основании монастыря, его главных святых, сказания о его иноках. Духовными образцами для Симона и Поликарпа послужили переводные патерики: Синайский, Скитский, Египетский. Но основными источниками Поликарпа стали монастырские предания и некая печерская летопись.

Жития, созданные Поликарпом, отличаются живостью и непосредственностью по сравнению с произведениями Симона.

Киево-Печерский патерик — наиболее яркий памятник т. н. «печерской идеологии», создателем которой считается *Феодосий Печерский*. Печерские старцы и, в первую очередь, Феодосий внесли в древнерусскую духовную жизнь чуждую ей до этого идею аскезы, т. е. отречения от всего земного, мирского и плотского в пользу духовного самосовершенствования. Они считали, что главный источник дьявольского искушения — человеческое тело, изначально греховное. Поэтому путь к спасению лежит, во-первых, через подавление человеком в себе присущего ему плотского начала, а во-вторых, в результате неустанной и искренней молитвы. Очень популярной в Печерской обители была идея и практика «истязания плоти». В рассказах Симона и Поликарпа именно плоть, плотские наслаждения — источник греха. Поэтому страницы патерика заполняет борьба иноков с плотскими искушениями. Важным способом борьбы было затворничество — полный разрыв связей с внешним миром.

Киево-Печерский патерик вплоть до XVIII в. оставался одной из самых популярных книг у русских читателей.

С. Перевезенцев

КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ. В 1631 при Киево-Печерском монастыре была открыта школа, получившая название Лаврская. Создателем ее был архимандрит (впоследствии митрополит) *Петр Могила*. Школа была средним учебным заведением, и современники называли ее «гимназионом». Программа школы отражена в панегирике «Евхаристион» (1632), поднесенном учениками школы Петру Могиле.

С 1632 — коллегиум. В 30—40-е XVII в. коллегиум состоял из 7 классов-школ. В низших преподавали грамматику церковно-славянского, книжного русского, латинского, польского и греческого языков. В высших изучали риторiku, поэтику, философию, частично богословие. Преподавание велось на латинском языке, и по своему уровню коллегиум не уступал европейским университетам, но он не имел официального «привелея» на чтение курса теологии, а именно это было prerogative высшего учебного заведения.

Книга «Стоп веры» киевского издания

В коллегиуме сосредоточились лучшие научные и литературные силы того времени, такие, как И. Кононович-Горбакский, И. Гизель, Л. Баранович, И. Галатовский и др. В 1615 была создана Лаврская типография, вокруг которой объединились П. Берында, Л. Зизаний, Т. Земка, И. Боретский, Г. Дорофеевич и др. В типографии выходили: «Служебник», «Псалтирь», «Номоканон», «Триодь», «Акафист»... В 1661 и 1678 и с 1689 по 1705 — «Киево-Печерский патерик», с 1689 по 1705 — «Четы-Минеи» Дмитрия Ростовского (Туптало) в 4 книгах. В большом количестве издавались учебные пособия, в частности букварь. В 1701 по

указу Петра I Киевский коллегиум получил статус и права академии. Обучение в академии продолжалось 12 лет. Первый класс был подготовительным, в следующих трех ученики обучались языкам, в средних классах изучались общие правила составления поэтических произведений, их форма и содержание. В первых шести классах, кроме того, изучались катехизис, арифметика, геометрия, давались некоторые сведения по истории и географии. Обучение в высших классах продолжалось 6 лет: в классе философии — 2 года, богословия — 4. В высших классах читался курс натуральной физики, который состоял из физики, математики и метафизики. Физика, в свою очередь, изучала космогонию (происхождение мира), метеорологию, уранографию (природу небесного тела: солнце, звезды), физиологическую психологию в связи с зоологией. Математика включала изучение арифметики и геометрии.

Со 2-й четв. XVIII в. Киевская академия постепенно начала терять значение ведущего высшего учебного заведения страны.

Лит.: *Аскоченский В.* Киев с древнейшим его училищем и академией. Киев, 1856; *Голубев С.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Т. 1. Киев, 1833; *Петров Н. И.* Киевская академия во 2-й пол. XVII в. Киев, 1895; Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Киев, 1904; *Хижняк З.* Киево-Могилянська академія. Видання друге. Київ, 1981.

II. II.

КИЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ, исторический и литературный памятник Киевской Руси. Продолжает «*Повесть временных лет*» и предшествует *Галицко-Вольнской летописи*. Киевская летопись охватывает события с 1111 по 1200. Составлена в Киево-Выдубецком монастыре на основании местных летописей. Центральная идея Киевской летописи — призыв к единству русской земли, к защите ее от половцев, осуждение княжеских усобиц. Киевскую летопись отличает обилие ярких деталей, описываемых очевидцами.

Лит.: Полн. собр. рус. летописей. Т. 2 — Ипатьевская летопись. СПб. 1843, то же, 2-е изд., СПб., 1908; *Повесть временных лет по Ипатьевскому списку.* СПб., 1871; Полн. собр. рус. летописей. 3-е изд. Т. 2, вып. 1 — Ипатьевская летопись. Пг., 1923.

КИПРИАН, митрополит Киевский и всея Руси в 1381—82 и 1390—1406, православный святой (ок. 1340—16.09.1406), писатель, публицист, переводчик. Болгарин, родом из г. Тырново. Принадлежал к богатой семье. Рано принял монашество и ок. 10 лет провел на Афоне, после чего служил в Константинополе. В 1375 Константинопольский патриарх поставил Киприана митрополитом Литовским и Русским по требованию Литовского кн. Ольгерда. Но с условием, что после смерти митр. Алексия Киприан станет митрополитом Киевским и всея Руси. Алексий умер в 1378, и Дмитрий Иванович попытался утвердить на митрополитской кафедре своего ставленника архим. Михаила (Митяя). В 1378 Киприана, попытавшегося занять кафедру, арестовали, а затем выставили за пределы Московского княжества — в Литву. Но Михаил (Митяй) умер по дороге в Константинополь. В 1381 Киприан все же утвердился в Москве. В 1382 во время нашествия Тохтамыша он не пошел с князем в Коломну и не остался в Москве, а бежал в Тверь. Это навлекло гнев Дмитрия, и Киприана опять выслали из Москвы. До смерти Дмитрия Ивановича Киприан жил в Киеве и в Константинополе. Киприан смог вернуться в Москву после смерти Дмитрия Ивановича в 1390. 26 авг. 1395 во время приближения к Москве Тамерлана (Ти-

мура) по инициативе Киприана в Москву из Владимира была перенесена икона Владимирской Божией Матери. После ухода на месте ее встречи основаны церковь и Сретенский монастырь.

На посту митрополита главной заботой Киприана было сохранение единой митрополии. Он подолгу жил в Киеве, вел переговоры об унии с польским королем Ягайло. Киприан в целом ориентировался на политику Константинополя, а его деятельность объективно способствовала интересам Литвы и Орды. Интересы Московского княжества для него были далеки, он не понимал задач, стоящих перед Русью.

Перу митр. Киприана принадлежат одна из редакций Жития митрополита Петра и Служба митрополиту Петру, «*Ответы*» игум. Афанасию, несколько грамот и посланий, перевод «*Лествицы*» Иоанна Синайского. Киприан стал инициатором создания Троицкой летописи — первого общерусского митрополичьего свода. При Киприане в русскую церковную практику вошли чтение Учительного Евангелия, Иерусалимский устав и литургия в редакции патр. Филофея. После смерти похоронен в Успенском соборе. Канонизирован Русской православной церковью. Дни памяти: 27 мая (9 июня) и 16 (29) сент.

С. Перевезенцев

КИРЕЕВ Александр Алексеевич (23.10[4.11].1833—13[26].07.1910), военный и общественный деятель, публицист славянофильского направления.

Происходил из старинного дворянского рода. Родовое владение Киреевых в Тульской губ. часто посещали земляки и соседи *А. С. Хомяков*, *И. В. Киреевский*, *Ю. Ф. Самарин*, семья Аксаковых. Сама атмосфера этих исконных русских земель с давним традиционным укладом жизни сделала Киреева, по его словам, *славянофилом* по происхождению. В 1849, после смерти отца, по личному указу имп. Николая I, Киреев был определен в Пажеский корпус — одно из самых привилегированных учебных заведений России. Закончив его в 1853, Киреев

определился в лейб-гвардии Конный полк, также одно из самых элитных военных соединений в гвардии. Впрочем, Киреев не собирался вести только «гвардейский» образ жизни, и когда началась Крымская война, видя, что его полк остается в столице, предпочел отправиться на театр военных действий в рядах армейских частей. Вернувшись с войны, на которой он проявил большую храбрость и получил ряд наград, молодой офицер стал в 1856—59 вольнослушателем Петербургского университета, желая пополнить запас знаний. В 1862 Киреев как один из самых образованных, храбрых и исполнительных офицеров стал адъютантом вел. кн. Константина Николаевича, наместника в Царстве Польском. В Польше вскоре вспыхнул мятеж и Киреев принял участие в военных действиях при усмирении края. Постепенно Киреев, оставаясь на военной службе, постоянно повышаясь в чинах, дослужившись до генерала, стал превращаться в публициста. Он сотрудничал в таких изданиях, как «Русское обозрение», «Богословский вестник», «Церковные ведомости» и др. Ревностный христианин, «воцер-

ковленный солдат», Киреев стал в 1872 одним из основателей, а впоследствии и руководителем петербургского отделения «Общества любителей духовного просвещения». Помимо религиозных вопросов Киреева как истинно русского человека волновала судьба балканских славян, и не случайно он стал также одним из создателей Петербургского Славянского комитета. В период восстания герцеговинских сербов против турок в 1875 Киреев организовал специальную Герцеговинскую комиссию, став одним из организаторов всесторонней, в т. ч. и военной, помощи балканским славянам. С помощью Славянских комитетов в Сербию отправились тысячи русских добровольцев и в числе первых из них брат Киреева, Николай, погибший смертью героя в н. июля 1876. Его гибель, о которой сообщили все русские газеты, вызвала активизацию добровольческого движения. Один из современников писал: «Движение добровольцев из России, сначала слабое и боязливое, со смертью Н. А. Киреева быстро двинулось вперед». 12 апр. 1877 Россия объявила Турции войну, которая завершилась победой русского оружия в февр. следующего года. Сам Киреев рвался на фронт, но вынужден был повиноваться приказам начальства и заниматься в тылу организационной и пропагандистской работой. Проблемы славянства вместе с глубоким знанием христианского учения не могли не привести Киреева к попытке найти способ преодоления религиозного раскола славян на православных и католиков. Понятно, что как истинный христианин он отрицательно относился ко всем проектам «слияния церквей», предлагаемым *В. С. Соловьевым* (с самим Соловьевым Киреев вел многолетнюю переписку-полемику). Славянское движение и проблемы христианства не были единственными темами в публицистике Киреева. Главное, о чем говорил, писал и чему служил Киреев, была Россия. На рубеже XIX—XX вв., уже будучи в отставке, Киреев оставался одним из виднейших теоретиков славянофильства, причем он подчеркивал, что остается «последним могикинином» классического славянофильства А. С. Хомякова и И. В. Киреевского. Киреев также по праву может считаться теоретиком политической доктрины славянофильства. Особый интерес представляют его взгляды на самодержавие. Под самодержавием Киреев понимал полную, совершенно независимую от давления извне, единую и нераздельную верховную власть. Он выделял три вида самодержавия: 1. Бюрократическое (абсолютная монархия при опоре на чиновничество, сущность которой выражается фразой «Государство — это я!»); 2. Славяно-русское (много умов, но одна воля); 3. Парламентское (много умов и много воля). Понятно, что либеральная пресса, не ведая полемики по существу предмета, ответила на статьи генерала лишь насмешками и деланным возмущением. Впрочем, Киреев привык спокойно сносить насмешки в свой адрес. Его больше волновало распространение неверия и западных теорий среди молодежи. Свою тревогу он изложил в 1903 в книге «Россия в начале XX века», представляющей собой письма к государю Николаю II. Старый генерал писал о том, что у России в новом веке два пути: или опрокинуться в конституцию и правовой беспорядок, или «вернуться домой» к истокам национальной жизни.

Соч.: Славянофильство и национализм. СПб., 1890; Краткое изложение славянофильского учения. СПб., 1896; Польский вопрос и старокатолицизм. М., 1898; Россия в начале XX века. СПб., 1903.

Лит.: Хвостов А. Н. Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. СПб., 1877.

С. Лебедев

КИРЕЕВСКИЙ Иван Васильевич (22.03[3.04].1806—11[23].06.1856), один из виднейших *славянофилов*. Родился в дворянской семье. Отец Киреевского был близок к масонским кругам XVIII в.; мать — глубоко религиозная женщина, под влиянием своего родственника — поэта *Жуковского*, была горячей поклонницей немецкого *романтизма*. Его отчим, Елагин, являлся почитателем Канта и Шеллинга. К двенадцати годам Киреевский знал в совершенстве немецкий язык, изучал древние языки. С 1822 слушал лекции в Московском университете, в частности, по философии

Шеллинга. С 1824 Киреевский служил в архиве Министерства иностранных дел, где встретил ряд талантливых молодых людей, вместе с которыми основал философский кружок «любомудров». В 1831 Киреевский предпринимает поездку в Германию, слушает лекции Гегеля (с которым знакомится лично), Шлейермахера в Берлине, потом едет к Шеллингу в Мюнхен. По возвращении в Россию издавал журнал «*Европеец*» (1832), запрещенный на втором номере. Переходит от западничества к славянофильству. Существенным моментом в этом переходе служило обращение внимания со стороны жены на то, что идеи Шеллинга «давно ей известны — из творений святых Отцов». И постепенно, как отмечает В. В. Зеньковский, Киреевский стал читать творения святых Отцов, а затем у него завязались близкие отношения с духовными лицами.

Особое значение имела близость имени Киреевского к *Оптиной Пустыни*. «Киреевский в каком-то смысле ближе к Церкви, чем Хомяков, — он находился в постоянном общении с церковными людьми, особенно со старцами Оптиной пустыни. И если у Хомякова центральным понятием (не только в богословии, но и философии) является понятие Церкви, то для мысли Киреевского таким центральным понятием является понятие

духовной жизни. Отсюда исходил Киреевский в своих философских размышлениях; в известном смысле, его главные построения базировались именно на понятии духовного опыта» (В. Зеньковский. «История русской философии»). В работах к. 30—50-х Киреевский развил философскую и социологическую систему, явившуюся теоретической основой славянофильства. Согласно Киреевскому, существуют две формы познания — отвлеченно-рациональная (свойственная западноевропейскому миру) и полная, «живая», включающая в себя, кроме рационального, также этический, эстетический и др. моменты. Совокупность моментов этого «живого знания» подчинена высшему познавательному акту — религиозной вере. Эта форма познания в истинном и чистом виде свойственна православно-славянскому миру. Жизнь человека, группы наций основана на религии, которая определяет тип образованности и весь характер общества. Гибель западной цивилизации, пораженной язвой рационализма, неизбежна; ее может спасти только восприятие православно-славянской цивилизации, наиболее полно раскрывающейся в духе русского народа. Славянофильские идеи Киреевского тесно связаны с его учением о личности и с его антропологией (учением о духовной сфере как «внутреннем ядре» в человеке).

Соч.: Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911; Критика и эстетика. М., 1979; Избр. статьи. М., 1984.

Лит.: Ляковский В. Братья Киреевские, жизнь и труды их. СПб., 1899; Лушников А. Г. И. В. Киреевский. Казань, 1918.

КИРЕЕВСКИЙ Петр Васильевич (11[23].02.1808—25.10 [6.11].1856), собиратель и издатель народных песен, переводчик. Родился в с. Долбино Калужской губ.

Семья Киреевских принадлежит к числу старинных дворянских родов. В грамоте на обширное Долбинское поместье говорится, что оно пожаловано государем Михаилом Федоровичем семье В. С. Киреевского «за отца его многие службы», который «при царе Василье, в тяжелое и прискорбное время за веру христианскую и за святые Божьи церкви и за всех православных христиан против врагов наших, польских и литовских людей, которые до конца хотели разорить Царство Московское и веру христианскую попороть... стоял крепко и мужественно и много дородства, и храбрости, и службы показал».

С тех пор с. Долбино в Белевском у. Тульской губ. станет родовым дворянским гнездом Киреевских. Отец Киреевского — Василий Иванович при Павле I служил в гвардии, выйдя в отставку, поселился в Долбино, где занимался, по его словам, «божественной наукой» — химией. Но при всей своей склонности к естественным наукам, он не стал вольтерьянцем. Сохранились известия, что отец будущих *славянофилов* сжег в своем Долбинском имении сочинения Вольтера. Он умер 1 нояб. 1812 в Орле, заразившись бальничным тифом при оказании помощи раненым в госпитале. Авдотья Петровна Киреевская (урожд. Юшкова) в 23 года осталась вдовой с тремя малолетними детьми — шестилетним Иваном, четырехлетним

Петром и годовалой Марией. Она переезжает с детьми к бабушке М. Г. Буниной, жившей в Долбино у своей младшей дочери Е. А. Протасовой, тоже рано овдовевшей и оставшейся с двумя дочерьми — Машей и Сашей. В 1813 к ним приезжает овеянный славой участника Бородинского сражения и автора «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковский, приходившийся сводным братом Е. А. Протасовой по отцу. Любовь поэта к Маше Протасовой станет драмой всей его жизни. И в эти же годы в Муратово, а затем в Долбино, Жуковский — будущий воспитатель наследника престола, фактически возмет на себя воспитание своих осиротевших племянников и племянниц — Ивана, Петра, Маши и Саши. Это во многом определило их дальнейшие судьбы: религиозно-философские искания Ивана и подвижническую собирательскую деятельность Петра. Жуковский разработал для детей программу домашнего образования, а самой Авдотье Петровне и ее сестрам писал в 1816: «Я давно придумал для вас работу, которая может быть для меня со временем полезна. Не можете ли вы собирать для меня русские сказки и русские предания: это значит заставляя себе рассказывать деревенских наших рассказчиков и записывать эти рассказы. Не смейтесь. Это национальная поэзия, которая у нас пропадает, потому что никто не обращает на нее внимания: в сказках заключаются народные мнения; суеверные предания дают понятия о нравах их и о степени просвещения и о старине».

Пройдет 15 лет, и сын Авдотьи Петровны Петр Киреевский приступит к созданию национального свода фольклора.

В 1822 семья Киреевских переехала в Москву, чтобы продолжить образование детей. Среди учителей братьев Киреевских — ведущие профессора Московского университета. Братья занимаются по одной и той же программе у одних и тех же учителей, а в 1828 одновременно дебютируют в журнале «архивных юношей» «Московский вестник». Иван выступит со статьей «Нечто о характере поэзии Пушкина», которая сразу же заставила говорить о нем как о ведущем критике. «Благословляю его обеими руками писать — умная, сочная, философская проза», — пишет Жуковский Авдотье Петровне. Дебют Петра был более скромным. Он опубликовал в журнале московских любителей перевод из Кальдерона. В совершенстве владея семью языками, он всю жизнь будет заниматься переводами, но опубликует лишь несколько из них. Так, в 1829 в Москве вышла книга, на титульном листе которой значилось: «Вампир. Повесть, рассказанная лордом Байроном. Пер. с английского П. К.». К лорду Байрону она не имела никакого отношения, но представляла характерный образец европейского «неистового романтизма». В примечаниях П. Киреевского приводились довольно обстоятельные сведения о фольклорных источниках «страшилок» об упырях и вурдалаках.

Завершили свое образование братья Киреевские в Германии, что тоже соответствовало программе, которую разработал для них Жуковский, советовавший своей долбинской сестре: «Они непременно должны быть отданы в университет и, если можно, в немецкий. Характерно, что то же самое Жуковский писал после первого знакомства с 15-летним лицеистом *Пушкиным*: «Ему надобно непременно учиться, и учиться не так, как мы учились!.. Я бы желал переселить его года на три, на четыре в Геттинген или какой-нибудь немецкий университет». Братья Киреевские прошли эти немецкие университеты, получив самое лучшее по тем временам образование. Но на Западе они стали не западниками, а славянофилами. Петр писал брату из

Мюнхена: «Только побывши в Германии, вполне понимаешь великое значение Русского народа, свежесть и гибкость его способностей, его одушевленность. Стоит поговорить с любым немецким простолюдином, стоит сходить раза четыре на лекции Мюнхенского университета, чтобы сказать, что недалеко то время, когда мы опережим их в образовании».

Братья Киреевские отправились в Мюнхенский университет, прежде всего, слушать лекции Шеллинга. «Я направлялся к нему, как к здешнему папе, на поклонение», — писал Петр. Почти все любомудры — *Веневетинов, Тютчев, Шевырев, В. Одоевский* причисляли себя к шеллингианцам. Петр и Иван конспектируют лекции Шеллинга, подолгу беседуют со знаменитым философом, но все более убеждаются в том, что «Колумб нашел не то, что искал», что «гора родила мышь». Зато в Мюнхене братья обрели дружбу с секретарем русского посольства Ф. Тютчевым, стали одними из первых его читателей и почитателей.

Петр вернулся в Россию в к. 1830. А 12 июля 1831 поэт *Н. Языков*, гостивший в подмосковном имении Киреевских Ильинское, сообщил брату Александру: «Главное и единственное занятие и удовольствие составляют мне теперь русские песни. П. Киреевский и я, мы возмели почтенное желание собрать их и нашли довольно много еще не напечатанных и прекрасных. Замечу мимоходом, что тот, кто соберет сколько можно больше народных песен, сличит их между собою, приведет в порядок и проч., тот совершит подвиг великий и издаст книгу, какой нет и не может быть ни у одного народа, положит в казну русской литературы сокровище неоценимое и представит просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского. Не хочешь ли и ты участвовать в сем деле богоугодном и патриотическом?»

Именно такую задачу — создать национальный фонд фольклора, как золотое зеркало всего русского, — П. Киреевский и *Н. Языков* составили уже в самом начале, при первых записях. С 1831 собирательская деятельность Киреевского стала фактом национальной культуры. Отныне он — центр и глава целого движения, у него, вслед за братьями Языковыми, появляются корреспонденты и помощники почти во всех губерниях России.

Хотя сама идея Собрания Русских Песен, как единого песенного свода, принадлежала не Киреевскому, а Пушкину. И собирательская деятельность Киреевского начиналась с записей для собрания Пушкина. Тем большее значение приобретает тот факт, что Пушкин и др. собиратели передали свои записи молодому Киреевскому. Произошло это 26 авг. 1833, когда Пушкин, Соболевский и Шевырев, встретившись в Москве, в доме Елагиных-Киреевских у Красных ворот, приняли решение передать все свои записи и само дело издания большого собрания Киреевскому. Речь шла именно о большом собрании, о соединении всех имевшихся «малых» в единый песенный свод. Вскоре после этой встречи Соболевский сообщил *Востокову*, что Киреевский «уже получил от Языкова, Шевырева и А. Пушкина более тысячи повестей, песен и так называемых стихов».

Киреевский сразу же приступил к осуществлению этого грандиозного замысла. Через 3 недели после встречи у Красных ворот он писал *Н. Языкову*: «Знаешь ли ты, что готовящееся Собрание Русских Песен будет не только лучшая книга нашей Литературы, не только из замечательнейших явлений Литературы вообще, но что оно, если дойдет до сведения иностранцев в должной степени и будет ими понято, то должно ошеломить их так, как они ошеломлены быть не желают! Это будет явление беспримерное».

У Киреевского были все основания для такого утверждения. «У меня теперь под рукою большая часть значительнейших собраний иностранных народных песен», — сообщал он *Н. Языкову* в том же письме, сравнивая эти иностранные собрания с готовящимся русским и приходя к выводу, что большинство из иностранных сборников составлены «не по изустному сказанию, а из различных рукописей» и что песни в них «обезображенные и причисленные по последней картинке моды».

По предварительным подсчетам самого Киреевского издание в 1833 должно было состоять из 4 томов, что в количественном отношении тоже значительно превышало все знаменитейшие зарубежные собрания. «Известнейшее собрание шотландских песен Вальтера Скотта, — писал он по этому поводу, — содержит в себе 77 номеров, собрание шведских песен, которого количественному богатству дивятся, включает в себе 100 номеров». У самого Киреевского к тому времени было уже более 2000 «номеров», «могущих поступить в печать». А открываться это собрание должно было пушкинским предисловием. Существует прямое свидетельство Киреевского о том, что Пушкин обещал написать предисловие. В набросках поэта н. 30-х сохранился план статьи о народных песнях.

В предисловии к изданию «Русских Народных Стихов» 1847 Киреевский приводит полный список своих вкладчиков, дающий представление о масштабах и значении издания. За внешне скупыми строками этого списка — подвиг целого поколения подвижников народной культуры пушкинской поры.

Начинается список с имен трех братьев Языковых и почти всей семьи Языковых, которая осуществляла записи в Симбирской и Оренбургской губерниях. Затем следует: «А. С. Пушкин еще в самом начале моего предприятия доставил мне замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии». А уже далее перечисляются имена др. вкладчиков и их вклады. Среди этих имен *А. Х. Востоков, Н. В. Гоголь, М. П. Погодин, И. М. Снегирев, С. П. Шевырев, К. Д. Кавелин, Д. П. Ознобишин, А. Ф. Вельтман, В. И. Даль, А. Н. Кольцов, С. А. Соболевский, П. И. Якушкин*.

Изданию 1833, как и изданию 1838, тоже почти подготовленному, не суждено было увидеть свет. Лишь в 1847 в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей при Московском университете», выходящих под редакцией *М. О. Бодянского*, были изданы «Русские Народные Стихи». Все попытки Киреевского в предыдущие годы провести их через обычную и духовную цензуру не увенчались успехом. Стихи были изданы в «Чтениях», не подлежавших цензуре как чисто научное издание, под видом древности невинной. В предисловии Киреевский особо подчеркивал, что это «не церковные гимны и не стихотворения, составленные духовенством в назидание народа, а плоды народной фантазии, носящие на себе и все ее отпечатки». Это была первая публикация *духовных стихов* (термин появился позднее), основанных, в большинстве своем, на *апокрифах*, что и явилось причиной вмешательства духовной цензуры.

В последние годы жизни Киреевский живет в своем орловском имении Киреевская Слободка, общаясь родным, что почти все время занят «приведением своих песен хоть в некоторый порядок». Его верным помощником становится младшая сестра Мария Васильевна. В 1852 четыре текста, в т. ч. 2 былины, были опубликованы в первом выпуске «Московского сборника» *И. С. Аксакова*. Киреевский подготовил тексты и для второго «Сборника», но он был запрещен. Среди подозрительных по смыслу оказалась и статья *К. Аксакова* «Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням»,

в которой автор, по мнению цензуры, «из песен и сказок вывел небывалую в России общину и вольницу и дерзает богатырей ставить против великого князя». Статья К. Аксакова появилась в печати лишь в 1856 в «Русской беседе» А. И. Кошелева одновременно с продолжением публикации из Собрания народных песен П. В. Киреевского с послесловием А. С. Хомякова. Это была последняя прижизненная публикация Киреевского.

В июле 1856 Авдотья Петровна, встретившись с младшим сыном Петром на похоронах старшего сына Ивана, напишет Аксаковым: «Петр В. состарился как 80-летний, помолитесь о нем...» Через 3 мес. она приедет в Киреевскую Слободку к умирающему 48-летнему младшему сыну. 25 окт. 1856 Авдотья Петровна сообщит родным: «Петр скончался, как праведник, выдержавши терпеливо жестокую болезнь и тела и души». Похоронен Киреевский в *Оптиной Пустыни*.

Соч.: Русские народные стихи, собранные Петром Киреевским // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1847. Кн. 9; Песни, собранные П. В. Киреевским. Ч. 1, вып. 1—4. М., 1860—62; ч. 2, вып. 5—7. М., 1863—68; ч. 3, вып. 8—10. М., 1870—74; Песни, собранные П. В. Киреевским (Новая серия). Вып. 1. М., 1911; вып. 2, ч. 1. М., 1918; ч. 2. М., 1929; Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского // Литературное наследство. М., 1968. Т. 79; Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подг. текстов, ст. и коммент. А. Д. Соимонова. Л., 1977. Т. 1. Серия «Памятники русского фольклора»; Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записки П. И. Якушкина / Подг. текстов, вступ. ст. и коммент. З. И. Власовой. Л., 1983—86. Т. 1—2. Серия «Памятники русского фольклора»; Собрание народных песен П. В. Киреевского / Предисл., послесл., коммент., сост. В. И. Калугина. Тула, 1986. Серия «Отчий край».

Лит.: Баландин А. И., Ухов П. Д. Судьба песен, собранных П. В. Киреевским // Литературное наследство. М., 1968. Т. 79; Соимонов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1971; Калугин В. И. «Вкладчики» Петра Киреевского // Калугин В. И. Струны роко-таху... Очерки о русском фольклоре. М., 1989.

В. Калугин

КИРИК НОВГОРОДЕЦ (1110 — после 1156—58), первый известный нам по имени древнерусский математик, монах Новгородского Антониева монастыря, регент церковного хора монастырской церкви Святой Богородицы.

Автор богословского сочинения «Вопрошания Кирика, иже вопросы епископа Нифонта и инех». В нем рассматриваются различные догматико-канонические проблемы Православной церкви: взаимоотношения между церковными людьми и простыми прихожанами, вопросы крещения, причащения, перехода из латинской веры в православную, правила захоронения умерших. Это сочинение отразило и разнообразные стороны жизни древнего Новгорода. Кирик сообщает, что в Новгороде были широко распространены *берестяные грамоты*, а горожане, случайно на них наступившие, порицались. Представлены сведения о быте новгородцев.

Второе сочинение Кирика — «Учение им же ведати человеку числа всех лет» — оригинальный математический и астрономический трактат. Он посвящен проблемам летоисчисления. Исследователи считают, что Кирик изложил в своем трактате систему вычисления Пасхи и основы теории календарного счета. Кирик систематизирует известные ему способы вычисления лет, месяцев, дней и часов, проводит сложнейшие для того времени математические вычисления, свободно оперирует суммами в пределах десятков миллионов, дробями порядка $\frac{1}{4}$. Но он не ограничивается «математической» стороной дела. В центре его

сочинения оказывается само понятие времени, его «протяженности» и цикличности.

Сочинение Кирика показывает высокий уровень математических знаний в Древней Руси.

С. Перевезенцев

КИРИЛЛ БЕЛОЗЕРСКИЙ (в миру — **Косьма**) (1337—9.06.1427), самый знаменитый ученик Сергия Радонежского, основатель и первый игумен Кирилло-Белозерского монастыря под Вологодой, автор посланий, православный святой. Родился в Москве, в знатной семье. После смерти родителей воспитывался в доме своего родственника Т. В. Вельяминова, окольного при дворе вел. кн. Дмитрия Донского. Вельяминов был против принятия Косьмой иноческого сана. Но Косьма настоял на своем желании. В возрасте 30 лет он принял пострижение в подмоновском Симоновом монастыре под именем Кирилла. В иноки его посвятил игум. Федор, племянник Сергия Радонежского. В обители Кирилл исполнял обязанности хлебопекаря. Посещавший монастырь Сергий Радонежский часто беседовал с Кириллом с глазу на глаз, причем сначала Сергий встречался с Кириллом, а потом уже шел к игумену. В 1390 Кирилла избрали игуменом Симонова монастыря. Но вскоре Кирилл отказался от игуменства, ушел в свою прежнюю келью и затворился в ней.

Согласно Житию, однажды во время ночной молитвы он услышал голос: «Кирилл, уйди отсюда. Иди на Белое озеро и найдешь там покой, там тебе уготовано место, в котором спасешься». Взглянув в оконце кельи, Кирилл увидел белый свет и некую местность, находящуюся далеко на севере. Вскоре видение исчезло. В 1397 Кирилл вместе с др. иноком, Ферапонтом, покинули обитель и ушли на север. Они обошли несколько мест, пока Кирилл не узнал то, которое было указано в чудесном видении. Кирилл вырыл здесь землянку и стал жить. Вокруг кельи Кирилла собралась братия. Совместными усилиями они построили деревянную церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы. Так, на берегу Сиверского озера возник Успенский Кирилло-Белозерский, или просто Кириллов монастырь. Кирилл ввел в монастыре строгий общежительский устав. Ферапонт через некоторое время оставил это место и в 15 верстах основал иной монастырь, позднее известный как Ферапонтов.

Кирилл вел обширную переписку с князьями, сыновьями Дмитрия Донского, он автор нескольких посланий и духовного завещания. До нашего времени дошли 12 книг из личной библиотеки прп. Кирилла — первая известная нам русская частная библиотека.

Кирилл еще при жизни прославился многими чудесами. Совершались они и после смерти Кирилла. В XV—XVI вв. Кириллов монастырь пользовался особым уважением в России, особенно у царского семейства.

День памяти св. Кирилла: 9 (22) июня.

С. Перевезенцев

КИРИЛЛ (ок. 827—869) и **МЕФОДИЙ** (ок. 815—885), просветители славянских народов, создатели славянской азбуки, проповедники христианства, первые переводчики богослужебных книг с греческого на церковнославянский язык.

Кирилл и Мефодий — братья, родились в г. Солуни.

Кирилл (до принятия монашества в 865 — Константин) получил образование при дворе византийского имп. Михаила III, отказался от административной карьеры, стал патриаршим библиотекарем, затем преподавал философию (отсюда

прозвище «философ»). Участвовал в диспутах с иконоборцами, в спорах с мусульманами, хазарскими раввинами.

Мефодий был управителем одной из славянских стран, затем удалился в монастырь и, отказавшись от сана архиепископа, стал игуменом монастыря Полихрон на берегу Мраморного моря.

В 836 Кирилл и Мефодий были отправлены византийским императором в Моравию проповедовать христианство. Речь шла о создании в Моравии самостоятельной, не связанной с Баварией церковной организации.

Славянская азбука была создана Кириллом задолго до поездки и была продолжением деятельности, начатой при дворе византийского имп. Михаила III, связанной с освоением византийской властью славянских земель. Перед отъездом Кирилл с помощью Мефодия перевел с греческого на славянский язык несколько богослужебных книг (избранные чтения из *Евангелия*, апостольские послания, Псалтирь и др.).

В науке нет единства мнений о том, какую азбуку создал Кирилл — *глаголицу* или *кириллицу*. Проповедь на славянском языке вызвала протест немецкого духовенства, т. к. на латинском Западе существовала доктрина, согласно которой общение верующего с Богом должно было обязательно осуществляться на одном из трех священных языков — еврейском, греческом или латинском. В 866 братья были обвинены в ереси и вызваны в Рим, где Кирилл и умер. Мефодий уже в сане архиепископа вернулся в Моравию, где снова подвергся гонениям и с 882 жил в Византии. О деятельности братьев дают представления их *жития*.

Лит.: Мальшевский И. Святые Кирилл и Мефодий первоучители славянские. Киев, 1886; *Лауров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930; Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ (1130—1182), епископ Туровский не позднее чем с 1169 (? — до 1182), крупнейший древнерусский мыслитель и писатель, православный святой. Всю свою жизнь он прожил в Турове, небольшом городе на р. Припяти, центре Турово-Пинского княжества. Выходя из богатой семьи, он получил прекрасное богословское образование, кроме того, специально обучался красноречию. Уже в зрелые годы Кирилл ушел в монастырь. Стремясь к подвигам во имя Христа и не удовлетворяясь обычными монашескими тяготами, он через некоторое время покидает обитель и затворяется «в столп» — уединенную башню, где предается духовному самосовершенствованию и литературным занятиям. Авторитет туровского затворника был столь велик, что, по инициативе местного кн. Юрия Ярославича, Кирилл возводится в сан епископа (это произошло до 1169).

Став епископом, Кирилл принимает активное участие в церковно-политической борьбе. В это время Владимирский кн. Андрей Боголюбский поставил в Ростове епископом некоего Феодора, выгнав из города епископа-грека. Киевский митр. Константин, тот самый, который сместил *Климента Смолятича*, резко воспротивился своеволию и, призвав на помощь константинопольского патриарха, потребовал отменить поставление. В итоге Андрей Боголюбский уступил, а «лжеепископ Феодорец» — как презрительно называют его летописные источники — был обвинен в ереси и казнен в 1169. Во всех этих событиях Кирилл Туровский занимал сторону киевского митрополита. Более того, именно об обличении Феодорца, как главной заслуге Кирилла, говорится в его проложном *Житии*.

Кирилл Туровский оставил большое литературное наследство, несравнимое с наследием иных отечественных мыслителей того времени. За свои таланты уже вскоре после смерти он был прозван «вторым Златоустом», «просиявшим на Руси». Большое количество произведений Кирилла Туровского, дошедших до нашего времени, свидетельствует о значительной популярности сочинений этого мыслителя в русском обществе. Кирилл Туровский, яркий, талантливый художник, великолепно владевший словом, образом, стилем, умел так излагать свои мысли, что на протяжении всего времени чтения внимание читателя не ослабевало. Кирилл Туровский выступал как прямой приемник школы византийских проповедников, чьи трактовки христианского вероучения набирали все большую силу в XII — XIII вв. Из сочинений Кирилла Туровского особый интерес представляет его «Притча о человеческой душе и теле» (др. название — «Повесть о слепце и хромце»).

Произведения Кирилла Туровского пользовались такой популярностью и авторитетом, что включались в рукописные сборники наряду с творениями эпцов Церкви. И это было вполне заслуженно — ведь его сочинения отличались не только глубиной содержания, но и высочайшим литературным мастерством. Один из первых исследователей его творчества И. П. Еремин отмечал, что именно Кирилл Туровский довел до совершенства метод символически-аллегорического толкования Священного Писания, сочетая смелую образность изложения с изысканной стилистикой и настоящей художественностью слова.

Причем Кирилл не ограничивал себя лишь цитированием ветхо- и новозаветных сюжетов. Нередко он домысливал их, дописывал, превращал в пространное повествование. Так, используя небольшую эпизод об исцелении Иисусом Христом человека, страдающего параличом (Ин. 5; 1—19), Кирилл Туровский пишет «Слово о расслабленном». В этом «Слове», домыслив евангельский эпизод, он создает грандиозную картину взаимоотношений человека с Богом, по сути дела, обобщенный портрет человечества.

Интересно, что в своих произведениях Кирилл порой использовал тексты неканонические, а то и нехристианские. Напр., в основе «Притчи о человеческой душе и о теле» лежит сюжет, взятый Кириллом из Вавилонского Талмуда («Беседа императора Антонина с раввином»). Где могла возникнуть славянская переработка этого сюжета, которой, судя по всему, и воспользовался Кирилл Туровский, в Болгарии X в. или в Древней Руси, хорошо знакомой с иудеями и иудаизмом, сказать сегодня трудно.

Главная тема религиозно-философского творчества Кирилла Туровского — проблема человека и его служения Господу. В самом деле, лишь человек, как «венец Творения», способен бороться за торжество Божией правды на земле.

Кирилл создает в своих сочинениях похвальную песнь человеку, ради которого Господом создан весь мир. «Аз бых человек, да Богомъ человека сътвори! — восклицает Кирилл Туровский устами Иисуса Христа в «Слове о расслабленном». — ...И кто ин Мене верней служай тебе? Тобе всю тварь, на работу створих; небо и земля тебе служита — оно влагою, а си плодомъ. Тебе ради солнце светом и теплою служить, и луна съ звездами ношь обеляеть!.. Тебе ради реки рыбы носить и пустыни звери питають!» И главное: «Тебе ради, беспльтън сы, плътию обложихся, да всех душевныя и телесныя недугы ищелю! Тебе ради, невидим сы ангельским силам всем, человекомъ явихся, не

хощю бо Моего образа в тлении презрети лежаща, нъ хощю и спасти и в разум истинный привести. И глаголеши: Человека не имам!»

Но именно потому, что человек есть Божие творение, он обязан подавлять в себе все земное, плотское и греховное ради чистоты духовной. В «Притче о человеческой душе и о теле» Кирилл в символически-аллегорической форме раскрывает перед читателями существо взаимоотношений тела и души.

Суть притчи такова. Некий домовитый человек, устроив виноградник, посадил охранять свои владения слепца и хромца, понадеявшись на то, что эти убогие люди не смогут проникнуть за ограду. За исполнение работы он пообещал им плату, за воровство — наказание. И все же сторожа соблазнились легкой добычей, хромец сел на слепца, они вдвоем вошли в виноградник и украли все добро, за что и были наказаны.

Кирилл Туровский насыщает эту притчу многочисленными образами. Домовитый человек — это Бог Отец, Его Сын — это Иисус Христос, виноградник — это земля и мир, а то, что внутри виноградника — рай, ограда вокруг виноградника, — Закон Божий и заповеди, слуги домовитого человека — ангелы, пища — Слово Божие, незапертые ворота — устроенный Господом порядок и возможность познания «Божия существа». Наконец, образы хромца и слепца. «Хромецъ есть тело человече, а слепецъ есть душа», а вместе они — образ человека. При этом «тело без душа хромо ест и не наричеться человек, но труп».

В толковании Кирилла, смысл притчи в том, что Господь, создав мир и землю, обещал даровать ее в свое время человеку, но человек, преступив закон Божий, решил сам взять обещанное.

Интересно, что в интерпретации Кирилла Туровского инициатором преступления становится слепец (т. е. душа) — именно слепец услышал сладкий запах из виноградника и уговорил хромца обокрасть виноградник, именно он несет на себе хромца. Туровский специально комментирует этот сюжет: «Вижь душевное бремя грехъ».

Однако виновен и хромец, даже, быть может, более виновен, нежели слепец. Ведь это хромец расписывает прелести виноградника и соблазняет ими слепца, перед чем слепец не может устоять. Иначе говоря, тело — это непосильное бремя для души, которая не может устоять перед телесными соблазнами и тем самым обрекает человека на преступление перед Господом. «Се помышления суть ищющихъ не о Бозе света сего санов и о телеси токмо пекущихся, не чающихъ ответа о делехъ въздати, но акы сутну пару свою душу в ветрь полагаюшем».

Но в результате виновны оба — и хромец, и слепец. Первый — потому что искушал, второй — потому что не устоял перед искушением. Причина же тому — забвение Божиих заповедей, излишняя забота о теле и безразличие к своей душе: «бесстрашие Божия заповеди и о телеси печение нерожение же о своей души».

Однако и это не главная причина. Основная причина совершения греха — забвение страха Божиего, ибо все искренне верующие и жаждающие посмертного воскресения руководствуются именно страхом Божиим: «Никто же бо страх Божий имея, в плотскихъ прельститься... — никто же смерти чая и по смерти паку възресения». В др. месте Туровский пишет: «Покайся о злобе, о зависти, о лъсти, о убийстве, о лжи, смириша, постися, бди, на земле лежи. Но понеже сего створи, но изыде от лица Божия — неядальствомъ земля, но неименность страха Божия при свои души».

В этом случае Кирилл Туровский явно является продолжателем «линии Феодосия», развивающим именно византийскую традицию в русском Православии. Это тем более заметно в сюжетах, посвященных Церкви. В толковании «Притчи о человеческой душе» Кирилл Туровский постоянно проводит идею Церкви как главного вместилища Божьей благодати. При этом в его толкованиях появляются трактовки роли Церкви, которых не было в сочинениях, напр., *Илариона*, *Климента Смолятича* или *Иакова Мниха*. Так, говоря о Крещении Руси, Иларион и Иаков Мних пишут прежде всего о роли кн. Владимира и, конечно же, Самого Господа, просветившего русского князя. Кирилл Туровский делает уже совсем др. акценты. «Рай бо место есть свято, яко же церкви олтарь, — пишет Кирилл Туровский. — Церкви бо всемъ входна. Та бо ны есть мати, поражаючи вся крещениемъ и питаючи живущая в ней нетрудно, одеваючи же и веселящи вся вселящая в ню».

Следовательно, в XII в. в жизни русского общества значительно возрастает роль самой Церкви и именно с ней связывается сам факт крещения, а значит и возможность посмертного спасения. Более того, смысл служения Господу начинает связываться не столько с добрыми делами, сколько с ревностным исполнением обетов и ритуалов. Да и само служение Господу, восходящее к идее страха Божиего, приобретает более мрачные черты, нежели это понималось в раннем русском христианстве.

Нельзя не рассмотреть и еще одну проблему, которая вырвана Кириллом Туровским в аллегорических образах «Притчи о человеческой душе и о теле» — проблему познания. Как можно заметить у Кирилла, в полном соответствии с догматами, Господь дает человеку знания только в форме Откровения и запрещает ему преступать те пределы познания, которые Он установил. Однако человек то и дело впадает в «Адамово высокомыслие» и, побуждаемый греховными желаниями, постоянно нарушает Божественный запрет. Тем самым человек обкрадывает сам себя, как обокрали сами себя слепец и хромец. Поэтому Кирилл резко осуждает любые попытки своеволия в области познания и призывает абсолютную непознаваемость «внутренней сущности» Бога.

Вывод же, который делает Кирилл Туровский из своих рассуждений, однозначен — каждый человек должен крепить свою душу и изгонять телесные искушения. Только тогда перед ним откроются врата Царства Небесного, и он будет достоин вечного спасения.

В этом смысле мировоззренческие устои Кирилла Туровского были более чем крепки. И в жизни, и в своих сочинениях он выступает как сторонник «печерской идеологии», мистико-аскетической трактовки христианского вероучения. «Что есть древо животное? — спрашивает Кирилл и отвечает: — Смиреномудрие, ему же корень исповеданье... Того корене стебло — благоверье... Того стебла многи и различны ветви — мнози бо, рече, образи покаяния: слезы, пост, молитва чиста, милостыни, смирение, въздыхания и прокая. Тех ветвий добродетелии плод: любви, послушанье, покорение, нищелюбие — мнози бо суть путь спасения».

Следовательно, не само крещение открывает путь человеку к спасению, но постоянная, каждодневная, ежесекундная забота о душе, чистая молитва, покаяние, смирение и т. д. Иначе говоря, истинный путь спасения открыт только иноку, причем иноку, соблюдающему самые жесткие правила монашеского жития. Более того, Кирилл — приверженец самых суровых форм монашества — затворничества и столпничества. Ибо только абсолютный отказ от мирских, плотских забот и полное смирение отождествлялись у него с идеей служения Господу, чему человек обязан посвятить свою земную жизнь.

В «Слове о бельцах и монашестве» Кирилл Туровский утверждает, что монах должен носить самую грубую одежду — власяницу, суконные одежды или облачения из козьих шкур, ибо «всяка бо добра риза и плотское украшение чюжь есть игумена и всего мнишьскаго уставленья». Монастырский устав должен быть таков, чтобы «никтоже своевольство имать, но всеем вся обща суть, суть бо вси под игуменом, аки уди телеснии под единою главою, съдержжими духовными жилами». И Кирилл Туровский далее усиливает аскетический аспект монашеской жизни, говоря, что истинный монах — это полный аскет и молчальник: «А иже в нем седяй мужь, в последний нищете, — се есть весь чернецъский чин. Седение же безмолвие являеть...».

Поэтому монастырь, в его понимании, — это идеал, образец земного существования, единственное место, где человек может справиться с дьявольскими искушениями. Более всего Кирилл Туровский прославляет Киево-Печерский монастырь и его игум. *Феодосия Печерского*, говоря, что он больше всех возлюбил Бога, но и Бог его за это возлюбил больше всех: «И все яве есть от Феодоса игумена Печерского, иже в Киеве, понеже нелицемерно мнишьствова възлюбив Бога и братью свою акы своя уди; темже и Бог възлюби и место его ради прослави паче всех, иже монастырь в Руси».

И недаром сам Кирилл Туровский считается духовным наследником Феодосия Печерского, самым ярким и талантливым представителем византийской традиции в отечественной религиозно-философской мысли XII в.

Так же как и Феодосий Печерский, Кирилл Туровский был непримирим ко всякого рода ересям и инакомыслию. Так, в «Слове и похвале святым отцам Никейского собора» он яростно обличает арианство, которое, видимо, еще таилось в каких-то русских христианских общинах. Особое неприятие вызывало у Кирилла какое-либо покушение на единство Церкви. Поэтому «Притча о человеческой душе и о теле» — это, помимо прочего, острый памфлет, написанный в к. 60-х — н. 70-х XII в. по мотивам «дела Феодорца» («слепец» — это ростовский еп. Феодор, «хромец» — Андрей Боголюбский, который и в самом деле был хромым).

Но, если вспомнить, поучения прп. Феодосия были направлены прежде всего к монашеской братии и к киевским князьям. Кирилл Туровский идет дальше — он формулирует «печерский идеал» как идеал общественный, как нравственный призыв, обращенный уже ко всему русскому обществу.

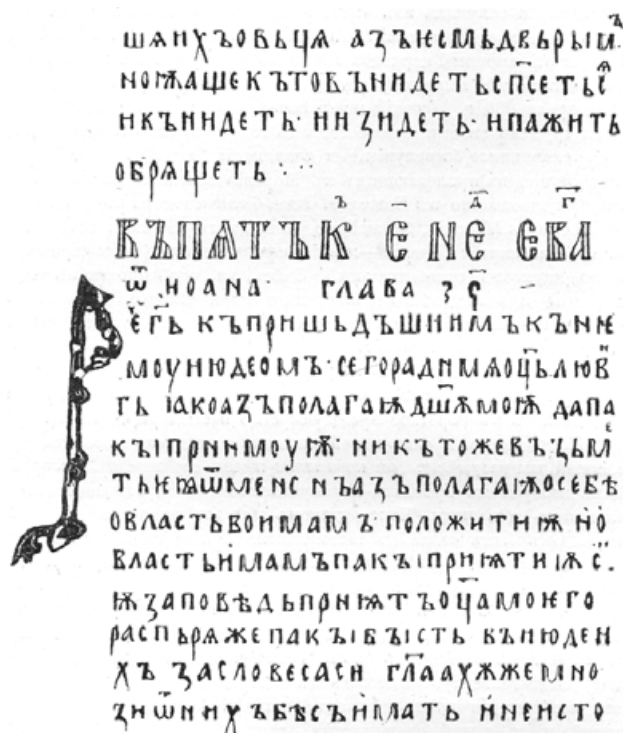
Кирилл Туровский причислен к лику святых, день памяти 28 апр. (по н. ст. 11 марта).

С. Перевезенцев

КИРИЛЛИЦА, одна из двух наряду с глаголицей древнейших славянских азбук. Название «кириллица» происходит от имени болгаро-византийского ученого и известного славянского просветителя сер. IX в. *Кирилла* (до принятия монашества — Константин Философ). Согласно его *житию* и др. источникам, Кирилл в 863 перед миссионерским путешествием в Моравию и Паннонию создал первую упорядоченную славянскую азбуку и осуществил перевод на славянский язык основных христианских богослужебных книг. Древнейшие памятники кириллицы относятся примерно к тому же времени, что и древнейшие памятники глаголицы: надписи на стенах и плитах церкви царя Симеона в бывшей столице Болгарии Преславе, относимые некоторыми учеными к к. IX в., др. — к X и даже к XI вв.;

древнейшая датированная 943 кирилловская болгарская надпись, найденная в румынском Добрудже; древнейшая датированная рукопись — древнерусское «*Остромирово евангелие*» 1056—57; вероятно, еще древнее (н. XI в.) некоторые недатированные болгаро-кирилловские рукописи — «Саввина книга», «Супрасльская рукопись» и др. Древнейшими памятниками русской бытовой переписки являются *берестяные грамоты* XI—XV вв., открытые при раскопках в Новгороде.

Происхождение кириллицы неясно. Одни ученые считают, что кириллица была создана в 863 Кириллом, глаголицу же создали ученики Кирилла в Моравии в к. IX в., когда кириллица, слишком похожая на византийское письмо, подверглась преследованиям со стороны соперничавшего с Византией католического духовенства. Другие считают, что Кирилл создал глаголицу, а кириллица была создана в к. IX — н. X в. в Болгарии с целью приближения славянского письма к византийскому.

Туровское Евангелие

До XI—XII вв. кириллица и глаголица применялись параллельно; позже графически более совершенная кириллица почти повсеместно вытесняет глаголицу. На основе кириллицы построены алфавиты большинства народов России (кроме грузинского, армянского, латышского, литовского и эстонского), а также сербский, македонский и монгольский алфавиты. Системами письма, в основе которых лежит кириллица, пользуются народы, говорящие более чем на 70 языках и составляющие ок. 10% населения земного шара. Буквенный состав кириллицы за 1100 лет ее существования неоднократно изменялся. Значит, изменения претерпела в России и графика кирилловского письма. Так, первоначальное уставное письмо было вытеснено с XIV в. более белым в написании, но более трудным для

чтения *полууставом*, на основе которого строились до XVIII в. и русские печатные шрифты. С к. XIV в. в бытовой и канцелярской переписке получила распространение еще более беглая скоропись, а в книжных заголовках — орнаментальная вязь; с к. XVII в. возникает близкое к современному гражданское письмо. В 1708—10 Петр I вводит вместо полууставного новый гражданский шрифт.

Лит.: Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия, София, 1952; Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. София, 1952; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956; Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963.

В. Истрин

КИРИЛЛ-ТРАНКВИЛЛИОН-СТАВРОВЕЦКИЙ-БЕЗБОРОДЫЙ (? — после 1646), принадлежит к числу замечательнейших южно-русских духовных писателей. Он был сначала иеромонахом и проповедником в Киево-Печерском монастыре, а затем ок. 1628 был назначен настоятелем в г. Чернигов. Из его сочинений известны: «Перло многоценное» (собрание похвал Богородице и святым), «Зерцало Богословия», «Евангелие учительное» и разные похвальные слова. В Москве сочинения Кирилла не пользовались авторитетом, и в некоторых из них патриарх Филарет усмотрел даже неправославные мнения и подверг их сожжению.

КИРША ДАНИЛОВ (Кирилл Данилович), предполагаемый составитель первого русского сборника *былин*, певец-импровизатор северной (урало-сибирский) эпической школы, скomorох. Свой первый репертуар записал на горнозаводском Урале после 1742. Сборник Кирши Данилова — первая книга подлинных, часто уникальных записей русских былин, *исторических*, лирических *песен*, *скоморошин*, *баллад*, *духовных стихов* (всего 71 текст с нотами). Оригинал владел с 1768 П. А. Демидов. Сохранилась копия сборника на бумаге 60—80-х XVIII в. Первое издание сборника «Древние русские стихотворения» (26 текстов без нот) было опубликовано под редакцией А. Ф. Якубовича в 1804 в Москве. Второе издание вышло в 1818 в Москве под редакцией К. Ф. Калайдовича — «Древние российские стихотворения» (61 текст с нотами). Сборник открыл читателям былевой эпос, повлиял на развитие литературного языка. Высокие художественные достоинства сборника привлекли внимание Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, позже — М. А. Шолохова, Н. Н. Асеева и др.

Лит.: Сборник Кирши Данилова. Изд. имп. Публичной библиотеки... / Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л., 1958.

КИСЛОВ Александр Степанович (1808—3[15].04.1866), писатель. Служил преподавателем русской словесности в институте С.-Петербургского воспитательного дома. Написал учебник минералогии, исторический роман «Падение Шуйских, или Времена бедствия России» (3 тома, СПб., 1836). Роман пронизан православно-монархическим мировоззрением, ему присущ психологизм в обрисовке образов главных героев, иногда приближающийся к глубоким религиозным переживаниям, с нотами морализации и патетики. Ощущается влияние Н. М. Карамзина.

Среди произведений Кислова известны также роман «Проказы молодого человека», несколько др. беллетристических произведений и «Детский минералогический каби-

нет, заключающий в себе приспособленное к детским понятиям описание земель, камней, солей, горючих веществ и металлов» (СПб., 1853).

КИСЛОВ Федор Александрович (1842—16[28].02.1916), поэт-самоучка, музыкант. Из семьи крестьянина. В детстве — свирельщик у помещика Глебова-Стрешнева; последний продал его гр. Д. Н. Шереметеву, который помог одаренному юноше уехать в Петербург, где тот занялся торговлей и изучением музыки.

Вскоре Кислов стал незаурядным музыкантом; Шереметев перевел его к себе в дом, подарил дорогие гусли. Благоговейное отношение к музыке Кислов сохранил до конца жизни. «Каждый проповедник, каждый оратор не должен... прикасаться к душе народной, если он не любит музыки», — говорил Кислов впоследствии. А. М. Пазухин в романе «Серебряный колокол» писал: «На всю Ярославскую губ. в настоящее время славится один уцелевший гусяр, обитатель заволжского села Давыдкава — Ф. А. Кислов. Этого гусяра слушают любители старинной музыки и до сих пор, да и есть что послушать. Гусли у этого Ф. А. так и поют, звонкие струны так и оживают под его умелыми пальцами». На 1-й Всероссийской выставке музыкальных инструментов (1906) Кислов за игру на гусях был награжден бронзовой медалью.

«Сборник песен гусяра Ф. А. Кислова» (М., 1915) — единственный вышедший у него сборник. Часть помещенных в издании стихотворных песен принадлежит др. авторам (А. Ф. Мерзлякову, П. И. Кузнецовой-Горбуновой, Дм. Ростовскому и др.). Кислов изменял их, приближая по форме и содержанию к собственным произведениям. Общим для «своих» и «чужих» были близость к структуре народной песни и единство авторского стиля (при «размытости» авторства). Строй народной песни в значительной степени определял поэтику песен Кислова. Это сказало в преобладании тонических размеров (ударник) или паузника с цезурой посередине, характерного для исполнения под балалайку («Гусли самогудочки, звонко-голосистые...»), в упрощении рифмы (часто тавтологической и неточной), в использовании фольклорной лексики и стилистики. На этот канон, характерный для произведений многих поэтов-самоучек, накладывались мягкие грустные авторские интонации («Ах, грустно, скучно жить на свете, / Когда в гробе друг лежит»), частые мысли о смерти, эсхатологические мотивы.

В стихах Кислова (он «сам придумывал для них мотивы») заметно влияние И. И. Дмитриева, Мерзлякова, И. И. Лажечникова, чьи песни он с особенной любовью перерабатывал, следуя традиции русской сентиментальной поэзии с характерным для последней пристрастием к «мучительной радости», типологически сближающим ее с городским романсом («Сердце мое бедное», «Кладбище» и др.). Сильно также влияние Н. А. Некрасова (напр., «Горе и радость»), К. М. Фофанова («Ночь на Ивана Купала», «Тайна»). При переработке

чужих вещей Кислов обычно обрывает стихотворный сюжет (что не характерно для народной поэзии) и этим не только оставляет в тайне развитие событий, но и усиливает суггестивность своей лирики. Не были чужды ему и мотивы, общие для поэтов-суриковцев (Кислов был участником Суриковского литературно-музыкального кружка): одиночество, возвышенная дружба, поэтизация бедности.

Ист.: Кислов Ф. А. // Русские писатели 1800—1917. Т. 2. М., 1992.

И. Вартанова

КИЧЕЕВ Александр Александрович (26.06[8.07].1867—20.07[2.08].1917), поэт, юрист. Окончил Московский университет (1892).

Печатные выступления Кичеева относятся к 1911, когда он выпустил в Твери сборник «Стихотворения» и свой перевод «Слова о полку Игореве» (отд. изд.). Объединенные в сборнике стихи 1886—1910-х носят преимущественно камерный характер, при этом некоторые из них отмечены непосредственностью лирических переживаний, искренностью интонаций: «Василек», «Могила матери», сюжетная «легенда» «Яблоня», посвященная судьбе *М. К. Башкирцевой*, и др. Интерес к русской истории отразили произведения о царе Алексее Михайловиче и его эпохе («Царь-сокол», «Анна Мирославская»), с попыткой построить сюжет (любовная интрига), использовать элементы фольклорной поэтики. Часть стихотворений («Жизнь в природе», «Спор», «На море житейском» и др.) свидетельствует о склонности автора к философствованию (мотивы единства духовного мира человека и природы, всеобщей христианской любви, обычно окрашенные дидактизмом: «Чтоб жизнь была полна, / Советую к природе приглядеться...»). Переложение Кичеевым «Слова о полку Игореве» сохраняет разделение текста памятника на 12 «песен» (восходящее к пер. *Н. Гербеля*); использование размера «Песни о вешем Олеге» (чередующегося с четырехстопным ямбом) стилистически сближает перевод с *балладами А. К. Толстого*.

А. К.

КЛАССИЦИЗМ, литературное направление XVIII — н. XIX в., опиравшееся на культ разума и подражание античным образцам и прежде всего поэтике Аристотеля и Горация. Жизнь, ее безобразные проявления должны предстать в литературе облагороженными, эстетически прекрасными. Но эстетическое наслаждение не самоцель: оно лишь — путь к совершенствованию человеческой природы.

Русский классицизм, возникший во 2-й четв. XVIII в., отражает решающий сдвиг, происшедший в литературе послепетровского периода. Развиваясь под влиянием западноевропейского классицизма и в связи с русской государственной идеологией, характерной для продолжателей реформ имп. Петра I, классицизм служил художественным выражением ее идеалов. Для русского классицизма уже в начале его появления характерны сатирическая направленность (сатиры *А. Д. Кантемира*), непосредственное отражение конкретных явлений русской действительности, а также преобладание национально-исторической тематики над античной (в трагедиях *А. П. Сумарокова*). Большое место в русском классицизме занимают стихотворные жанры: героическая поэма, *ода*, *басня*, *сатира*. В рамках классицизма протекает творчество крупнейших русских поэтов и драматургов XVIII в. — от Кантемира и *В. К. Тредиаковского* до *Д. И. Фонвизина* и *Я. Б. Княжнина*. В творчестве *М. В. Ломоносова* и *Сумарокова* отразились разные аспекты русского классицизма в

пору его высшего расцвета: высокий гражданско-патриотический пафос и научно-философская тематика в одах Ломоносова, коллизии долга и чувства на историческом материале Древней Руси в трагедиях Сумарокова.

В н. XIX в. классицизм вытесняют *сентиментализм* и *романтизм*.

КЛАУЗУЛА (лат. — заключение, концовка). В русском стихосложении — группа заключительных слогов в стихе, начинающая с последнего, ударного слога. Т. о., в стихе могут быть односложная, мужская клаузула:

Немного лет тому назад,
Там, где сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь...

(*М. Лермонтов*)

Двусложная, женская клаузула:

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала,
И над тусклою землею
Небо, полное грозюю,
От зарниц все трепетало.

(*Ф. Тютчев*)

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.

(*А. Пушкин*)

Трехсложная, дактилическая клаузула:

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с дороги возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава Богу, добираемся.

(*Н. Некрасов*)

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца.
Не сокол летал по поднебесью —
Есаул гулял по посадике;
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодец побуживал.

(Народная песня о казни Степана Разина)

Четырехсложная, гипердактилическая клаузула:

Уж и знать, что мне по сеничкам не хаживати,
Мне мила дружка за рученьку не важивати.

(Русская народная песня).

КЛИМЕНТ (в миру **Зедергольм Карл Густав Адольф**, после принятия Православия — Константин Карлович), иеромонах (23.07[4.08].1830 — апр. 1878), духовный писатель, публицист, переводчик. Сын протестантского пастора, доктора философии К. Зедергольма. Был одним из лучших студентов историко-филологического факультета Московского университета (1847—51), находился в дружеских отношениях с П. М. Леонтьевым, *И. В. Киреевским* (у которого был некоторое время домашним учителем), П. В. и *А. В. Жуковскими*, *М. П.* и *С. И. Погодиными*, *Б. Н. Алмазовым*, *К. Н. Бестужевым-Рюминым* и др. В последние годы жизни

Климент был духовником и близким другом *К. Н. Леонтьева*. Их связывала общность духовной жизни и религиозных воззрений. Климент был близок К. Леонтьеву и по своим политическим взглядам.

Немец по национальности, живя в России, Климент искренне хотел стать по духу русским: «...симпатия к русским национальным формам славянофильского даже рода, с одной стороны, а с другой — не удовлетворенные протестантством сердечные религиозные потребности — вот пути, которыми меня привел Господь сперва в Церковь, а потом и сюда, в скит». Климент принял Православие в 1853. По окончании Московского университета Климент поступил на службу в Синод, вскоре стал чиновником по особым поручениям при обер-прокуроре гр. А. П. Толстом и прослужил до 1862.

Беседы с подвижниками св. Афонской горы, которую Климент посетил в 1860, находясь в Греции и Турции по поручению Синода, окончательно утвердили его в необходимости стать монахом. Некоторые из заметок его об этой поездке были опубликованы («Из воспоминаний о поездке на Восток в 1860 г.», М., 1867), но большая часть осталась в рукописи (значительное место занимают описания Афона); по словам К. Леонтьева, «этот молодой петербургский бюрократ почти не видит и не слышит на Востоке, кроме Православия, монашества, афонских старцев, кроме церковной истории и церковных древностей». В результате этой поездки появились брошюры: «Описание богословских училищ Востока» (М., 1868) и «О жизни и трудах Никодима Святогорца» (М., 1865). Климент записывал и разговоры с дипломатами и представителями Константинопольского патриархата и собственные мысли.

Позиция его по современным церковным вопросам была строго православной и совпадала с позицией митр. *Филарета (Дроздова)* и гр. Толстого: «не безденежье, а безверие губит Россию»; «от натиска лжеучений люди перестают понимать высокое значение Православия»; «всякое ослабление вредно, если дело касается пользы Церкви» и т. д. Те же мысли возникли у него и позднее, в результате путешествий по Европе, и нашли свое отражение в статьях, опубликованных в «Душеполезном чтении»: «О Лютеровом переводе Библии» (1871, № 8), «Иероликон Палладий» (1875. № 3), «Поездка за границу» (1877. № 7). К ним примыкает критическая «Заметка о сочинении г. Алоизия Пихлера “История разделения церквей”» («Чтение в ОЛДП». 1873. № 8; отд. изд.: М., 1873). Климент говорит о растлевающем влиянии Запада на русское образованное общество, отмечая вместе с тем, что «многие русские, и не выезжая за границу, живут очень далеко от своей Церкви и от своего народа» («Поездка за границу»).

Через 2 года после командировки в Турцию и Грецию Климент вышел в отставку (1862) и поступил в послушники *Оптиной Пустыни*. Толстой построил ему за свой счет бревенчатый домик (сохранился как «дом Зедергольма»). Поселившись в скиту, Климент стал помогать тяжело больному старцу *Амвросию* в обширной переписке его с духовной паствой и принял самое деятельное и влиятельное участие как переводчик и редактор в изданиях *Оптиной Пустыни* — вместе с *С. П. Шевыревым*, *И. В.* и *П. В. Киреевскими*, о. Ювеналием (Половцевым), о. *Леонидом (Кавелиным)*, прот. *Ф. А. Голубинским*, *Филиповым*. Им составлены жизнеописания оптинских старцев: о. *Леонида* (в схиме *Льва*; 1768—1841), первого учредителя старчества в обители (Одесса, 1890), о. *Антония (Путилова)*, восстановившего из запустения *Оптину Пустынь*, старца *Мака-*

рия. Незадолго до своей кончины Климент стал собирать материалы и для биографии архим. *Моисея*, но не успел закончить этот труд. По всей видимости, большинство работ осталось в рукописи; К. Леонтьев отмечал, что в жизнеописаниях этих изобразительно и живо переданы личные особенности каждого старца, показано, что святость возможна при всех характерах и при всех натурах. Кроме того, описана история возобновления старчества в *Оптиной Пустыни* и содержится ряд ценных мыслей о старчестве вообще как о духовном руководстве для монахов и мирян.

Ист.: Фролова-Багрева Т. Климент (Зедергольм) // Русские писатели 1800—1917. Т. 2. М., 1992.

КЛИМЕНТ СМОЛЯТИЧ, митрополит Киевский в 1147—56 (ск. после 1164), православный мыслитель.

Родом из Смоленска, откуда и произошло его прозвание — *Смолятич*. До 1147 был монахом располагавшегося близ Киева *Зарубского монастыря*, схимником, а одно время даже «молчальником», т. е. принявшим обет молчания. Ко времени возвышения Климент уже прославился своими глубокими познаниями, широкой эрудицией, литературным даром. В *Ипатьевской летописи* о нем написано: «...И был книжник и философ, каких на Русской земле не бывало».

В киевские митрополиты *Климента* возвели 27 мая 1147 без благословения константинопольского патриарха, но по инициативе вел. кн. *Изяслава Мстиславича*. Т. о., Климент *Смолятич* стал вторым русским по происхождению митрополитом (после *Илариона*). Поставление *Климента* в митрополиты было напрямую связано с желанием вел. князя и некоторых церковных иерархов утвердить независимость как Русской церкви, так и всего Киевского государства от Византии. Именно поэтому вспомнили о некоторых традициях раннего, еще *Владимировой* поры, русского христианства.

Так, акт поставления нового митрополита предлагалось совершить мощами св. *Климента*, которые хранились в Десятинной церкви. Св. Климент почитался защитником Русской земли именно в раннем русском христианстве. Право же на избрание русскими своего митрополита находили в событиях и более близких — указывали на факт избрания митрополитом *Илариона* (1051). Видимо, совсем не случайно, что выбор пал именно на *Климента Смолятича*. Он был известен как активный церковно-политический деятель, представитель т. н. «русской партии», борющейся с засильем греческих иерархов в Русской церкви.

Однако Климент оставался митрополитом только до тех пор, пока *Изяслав Мстиславич* был жив. После его смерти началась борьба за киевскую кафедру и, в конце концов, в 1156 Климент был «испровергнут» с митрополитства прибывшим из Византии *Константином*, а священникам, поставленным *Климентом*, было запрещено служить, пока они не отречутся от бывшего митрополита. В 1158—61 и в 1163 дети *Изяслава Мстиславича* вновь попытались поставить *Климента* в митрополиты, но их намерение не удалось.

Единственное дошедшее до нас произведение *Климента Смолятича* «Послание *Фоме*» показывает, как элементы раннего русского христианства продолжали жить еще и в XII столетии. Этот памятник сохранился в испорченном виде: перепутаны местами отдельные его части, сам текст позднее был истолкован неким монахом *Афанасием*.

«Послание к *Фоме*», главное сочинение *Климента Смолятича*, несомненно, связано с церковно-политической борьбой вокруг митрополичьей кафедры. Ведь одна из целей написа-

ния Климентом этого послания — снять выдвигаемые против него обвинения в славолубии и доказать свое право на руководство Русской церковью.

Главный вопрос, поставленный Климентом в «Послании», — можно ли допускать расширенное толкование Священного Писания? Отвечая на него, Климент отстаивает свое право тщательно исследовать «божественные письмена» и, хотя он не отрицает буквального понимания Библии, тем не менее библейские тексты имеют для него прежде всего символическое значение, а сам Климент выступает как сторонник символически-аллегорического метода прочтения библейских сюжетов. «Что же ми Зароу и Фаресом! — восклицает Климент по поводу одного из библейских сюжетов, который он толкует в своем послании. — Но нуждся и уведети преводне», т. е. иносказательно. И в этом смысле Климент Смолятич оказывается продолжателем того толкования христианского вероучения, которое утверждал митр. Иларион.

Более того, Климент отстаивает право русского книжника на использование не только богословия, но и философии — светской, даже языческой науки. «А речеши ми: “Философью пишеша”, а то велми криво пишеша, а да оставь аз почитаемаа Писания, ах писах от Омира, и от Аристотеля, и от Платона, иже во елинских нырех славне беша», — отвечает на обвинения Климент в самом начале своего «Послания». А чуть ниже восклицает: «Что философью писах, не свемь! Христос рекль святымь ученикомь апостоломь: “Вамь есть дано ведати тайны царствия, а прочим въ притчах”. Списающим евангелистом чудеса Христова, хошу разумевати преводне и духовне».

Климент вообще показывает себя знатоком античной философии, вспоминая, что «излагал» в своих сочинениях Гомера, Аристотеля и Платона, «прославленных в греческих странах» философов.

Своеобразное продолжение «линии Илариона» можно заметить и в др. рассуждениях Климента Смолятича. Так, в истории человеческого общества он выделяет 3 состояния, которые соответствуют этапам утверждения Божественной истины в людских сердцах — «Завет», «Закон» и «Благодать». «Завет» — это пророчество будущей Благодати, которое Господь даровал праотцу Аврааму, а в его лице и всем язычникам. «Закон» (Ветхий завет) — это пророчество истины, данное Моисею для иудеев. «Благодать» (Новый Завет) — это и есть истина, дарующая вечное спасение уже всем людям.

Наступление каждого нового состояния отрицает предыдущее: «Закон бо упраздни Завета. Благодать бо упраздни обое, заветное и законное, солнцу въсиявшу, — пишет Климент Смолятич и продолжает аллегорическим сравнением: — Нужа есть всему миру пребывати под мраком, но осветитися подобает пресветлами лучами». Следовательно, только Благодать освещает мир «пресветлыми лучами» и человечество «уже не теснится в Законе», но «въ Благодати пространно ходит. Законнаа бо вся стена подаша и образ бяху будущих, а не сама та истинна».

А свои размышления об истинности Благодати Климент, опять же в духе митр. Илариона, иллюстрирует своеобразным толкованием библейской притчи о Заре и Фаресе, сыновьях-двойняшках библейского патр. Иуды и его невестки Фамари. Зара должен был родиться первым, но во время родов лишь выставил руку, на которую тотчас же была навязана красная нитка. Первым же на свет появился Фарес.

В толковании Климента Смолятича рука Зары — это образ Завета («преже бо Закона беаху неции богочестиемь

облежаше, не по Закону, но по вере живуще»); Фарес — образ Закона («среда бо есть Фарес преже бывших благочестию и хотящих быти Благодати»). Сам же Зара — это образ Благодати, явивший вначале свою руку, как пророчество будущей истины. В целом же это толкование позволяло Клименту доказывать правоту собственных рассуждений, опираясь на Священное Писание.

Климент Смолятич совсем не случайно столь много времени уделяет внимательнейшему прочтению Библии. Ведь, по его мнению, в познании Божиего Промысла и в посмертном спасении заключается высшая цель человеческой жизни. Даже признавая, что Господь, в принципе, непознаваем, Климент стремится к осмыслению сути сотворенного Господом мира. Познание же «божественной твари» может способствовать и познанию Божиих тайн.

Возможность постижения Божиего Промысла дает право Клименту защищать еще один важный для него тезис — право человека на свободную волю. Вообще человек, по мнению русского мыслителя, — это не просто Божие творение, а любимое и опекаемое Господом создание. «Нас же деля что не имать сътворити преславно, яко по образу Божию и по подобию быхом!» — восклицает Климент. Поэтому человек имеет возможность свободно распоряжаться всеми данными ему Богом вещами, ибо эта свобода предопределена Самим Богом.

Однако свобода имеет и свои пределы, установленные опять же свыше. «Да аще мы убо, тварь суще Божия, от него сотвореноу тварию действуемь, якоже хошем, то что ны есть, возлюбленнии, паче наипаче помышляти о Бозе, Его же совета и премудрости наш умь ни худе достигнути не можеть, не токмо наш умь, но и ти святии ангели и архангели и вся чиноначалиа», — пишет Климент Смолятич. Следовательно, человек не должен противиться божественному «смотрению», но должен только славить Господа и благодарить. Более того, все свои аллегорические рассуждения Климент подчиняет одной цели — научить людей искать спасения, не уклоняясь от Божиего Промысла «ни на шую, ни на десно». Даже в жизни животных, пусть и мифических, видит Климент поучительные для людей сюжеты: «Се бо есть и намь на поучение, иже просити что от Бога добрых дель и полезных и спасение когда улучити и снабдети, имже Богъ о бесловесных промышляеть и устанавливаеть», — такими нравоучительными словами заканчивает Климент рассуждение о некоей птице Алкионе.

И спасения, по убеждению Климента, достойны все, уверовавшие в Бога и искренне служащие Ему. В ответ и Господь никого не оставит и каждому дарует спасение и жизнь вечную: «Ничто же бо преобидно от Господа, все видить безсонное Его око, то все смотреть, у всего стоять, даа комуждо спасение... Устрааеть и промышляеть премудрено спасение наше и повелевает комуждо, якоже хошеть».

В этом понимании сущности спасения опять же можно видеть продолжение «линии Илариона», а вернее, традиций раннего русского христианства.

С идеей свободы Климент напрямую связывает и идею нестяжательства. Возражая на обвинения в тщеславии, он пишет: «Да скажу ти сущих славы хотящих, иже прилагают домъ к дому, и села к селомь, изгой же и сябры, и бърти, и пожни, ляда же, и старины, от нихже океанный Климь зело свободен. Нъ за домы, и села, и борти, и пожни, сябрь же и изгой — землю 4 лакти, идеже гроб копати, емуже гробу самовидци мнози».

Основываясь на собственном опыте, он подчеркивает, что истинная свобода возможна лишь тогда, когда человек полностью отказывается от имущества, бремя которого мешает

направить все силы на духовное самосовершенствование. Климент Смолятич — первый в истории отечественной религиозной философии мыслитель, который сформулировал идею нестяжательства, ставшую столь популярной в России в более поздние времена.

Конечно, на первый взгляд «Послание к Фоме» носит чисто богословский, отвлеченный характер. Казалось бы, чем могут привлечь современного читателя рассуждения о ехионе и алкионе, о саламандре прованском? Но за этими аллегориями, за размышлениями над текстами Библии нужно увидеть другое. Отстаивая свое право на символическое толкование Священного Писания, Климент тем самым отстаивает право Русской церкви на самостоятельность, а значит и право Руси на независимость. И в этом смысле Климент Смолятич, несомненно, выступает духовным наследником митр. Илариона и др. русских мудрецов, близких традициям раннего русского христианства.

С. Перевезенцев

КЛИМОВ Григорий Петрович (псевд., наст. фамилия **Калмыков Игорь Борисович**) (р. 27.09.1918), писатель. Родился в Новочеркасске в семье врача.

В 1936 с отличием окончил школу, без экзаменов был принят в Новочеркасский индустриальный институт. В авг. 1938 арестовали его отца как спеца «из бывших» (отец раньше служил врачом в казачьем полку, а 2 его брата — царскими следователями). Но все же институт удалось окончить со специальностью инженер-электрик. Когда началась война, Климова в армию вначале не брали как политически неблагонадежного (из-за отца). Первые 2 года войны работал в

Горьком на судоремонтном заводе им. Ульянова, потом поступил в аспирантуру Горьковского индустриального института. В нояб. 1943 Климов был призван в армию и попал на Ленинградский фронт. Оттуда, благодаря знанию иностранного языка, его направили в Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА), предложив (приказав!) скрыть анкету. По окончании ВИИЯКА направлен в Берлин, в Главный штаб Советской военной администрации СВА ведущим инженером Управления промышленности СВА. Но вскоре возникла угроза ареста за то, что он скрыл правду о своем отце, Климов решает остаться за границей. Первые 3 года эмиграции жил в Штутгарте. Там начал писать книгу «Берлинский кремль». Там родился его герой Григорий Климов. Книга была переведена на несколько языков и вышла 17-миллионным тиражом, Голливуд поставил по ней фильм «Путь без возврата», который на Международном Берлинском кинофестивале 1953 получил первый приз как «Лучший немецкий фильм года». В янв. 1950 Климов переехал в Мюнхен, там был центр русской эмиграции в Германии. Участвовал в Гарвардском проекте, где вырабатывались планы начинавшейся тогда психологической войны против СССР; был членом редколлегии журнала «Сатирикон»; председателем Центрального объединения послевоенных эмигрантов из СССР — ЦОПЭ; гл. редактором журнала ЦОПЭ «Свобода»; гл. редактором журнала на немецком языке «Антикоммунист»; по-

ставлял материалы для «Голоса Америки» и радио «Свобода». В 1955, по сложившимся обстоятельствам, вынужден был переехать в США. Страну и язык он знал плохо, поэтому больше отдавался литературным занятиям и исследованиям.

Начав писать в 1955, только в 1970 он выпустил книгу «Князь мира сего». В 1958 пошел работать по своей инженерной специальности, женился, получил американское гражданство. Когда американцы воевали во Вьетнаме, некоторое время работал инженером на строительстве военного аэродрома. В 1970, проработав 12 лет, оставил работу и посвятил себя литературе. В 1975 вышла книга «Имя мое легион» (продолжение «Князя мира сего»). С сент. 1975 по май 1981 писал «Протоколы советских мудрецов». В 1988, когда Климов уже оставил литературную деятельность, один из его друзей, порывшись в богатой картотеке писателя, сказал: «У Вас есть столько интересных материалов, а Вы ничего не пишете». Он предложил Климову прочесть цикл лекций по его архивным материалам, сидя за письменным столом, а сам эти лекции снимал на пленку. С 1988 по 1990 получилось 35 видеокассет по 2 часа каждая. Материал был издан в виде двух книг — «Красная кабала» и «Божий народ».

Климов, возможно, единственный писатель, который работал и в советском военном ведомстве за рубежом, и в американской разведке, отработавшей самые изощренные методы ведения психологической войны. Почти все, о чем он говорит, — исторические факты, и многие факты были секретны. Но еще больший секрет — то, что стоит за этими фактами: мотивы и тайная кухня войн и революций, политических убийств и тотального уничтожения народов. В рамках американского Гарвардского проекта разрабатывались принципиально новые приемы психологической агрессии с использованием в качестве вируса психически ненормальных людей: садистов, истеричек, вырожденцев, дегенератов, сексуальных маньяков, извращенцев, всегда стремящихся переделать мир по своему подобию, истребляя здоровую, мешавшую воплощению их дьявольских замыслов часть общества. Люди-вирусы из различных групп (нигилисты, атеисты, анархисты, декаденты, террористы, диссиденты, авангардисты, секс-меньшинства и т. д.), которых Климов называет легионерами сатаны, заражают общество, как раковая опухоль, парализуют здоровые силы, внося хаос в сознание, порождая социальную неустойчивость общества. Среди легионеров-извращенцев много людей садистских наклонностей с комплексом власти, который американские мудрецы из ЦРУ назвали комплексом Ленина.

Главный герой романа «Князь мира сего» — советник Сталина по делам нечистой силы, он возглавляет 13-й отдел Главного управления НКВД, представляющий собой научно-исследовательский институт по изучению всякой чертовщины, сатанизма разных видов, парапсихологии, патологии, спиритизма, телепатии, каббалистики и пр. У научных сотрудников странного института из-под белых халатов, как хвост у черта, выглядывают малиновые петлицы НКВД. Задача этого более чем необычного учреждения — чрезвычайная сверхчеловеческая концентрация на вышеназванных потусторонних предметах (если их можно назвать предметами) и нахождение за частностями закономерностей, из которых можно сделать практические выводы, необходимые для человечества.

Климов повсюду утверждает, что дегенераты, садисты, вырожденцы, извращенцы — легион сатанинских сил — не только живут среди нас, но порой и управляют нами, насаждая оголтелый атеизм — причину духовного одичания народов и нарастания кровавых беспорядков. Мир, приспособленный, окультуренный тысячами многими поколениями людей для нормальной человеческой жизни,

антихрист пытается переделать под своих легионеров — дегенератов-биороботов, подобий людских, лишь пожирающих плоды и плоть общества, порабащающих его здоровый дух и нравственность.

Аналитический материал в произведениях Климова блестяще организован, впечатляют исторические параллели. В XX в. бациллы коммунизма попали в нашу страну вместе с легионерами садистского и прочего толка. Теперь общество сильно заражено страстью к инодемократии, которую, по аналогии с принятыми сейчас названиями сексуальных извращений, именуют демофилией. Демофилия с агрессивным напором разрушает гармоническую систему нравственных ценностей, напр., объявляет презумпцию права над нравственными нормами (т. н. правовое государство). Всем хорошо известно, что закон, параграф всегда можно обойти, нравственные же нормы не поддаются изменению. Они или выполняются, или нет. Как в Евангелии: да — да, нет — нет — остальное все от лукавого. Опасность демофилии западного и американского образца для ослабленного легионерами государства вызывает тревогу: не стоим ли мы на краю бездны? Каким образом побороть вырождение общества, нарастающее как снежный ком, катящийся под гору? Произведения Климова в этом плане очень ценны как предупреждения. Разоблаченный дьявол не так страшен. Вместе с Климовым мы заглядываем за грань предельную и размышляем, как распознать антихриста, избавиться от сатанинских влечений, от дьявольских искусов?

А. Баженова

КЛИМОВСКИЙ Семен, писатель из малорусских казаков. Его книга, написанная стихами — «О правде и великодушии благодетелей» (1724), осталась в рукописи. Климовскому приписывают еще: «О дивных Всероссийского Монарха (Петра I) делах, о премудрости его и трудах»; «О пришествии короля Шведскаго Карла XII внутрь Украины»; «Об измене Мазепы» (стихами) и «О правосудии начальствующих»; также несколько малорусских стихотворений («Не хочу я ничего, только тебя одного»). О Климовском кратко упомянуто в Пантеоне Российских писателей, издание Бекетова, с приложением его портрета.

КЛУШИН Александр Иванович (1763—11[23].05.1804), писатель. Родился в г. Ливны. Сын мелкого чиновника из дворян. С 1788 жил в Петербурге. Перевел с французского комедию Патра «Рассудительный дурак, или Англичанин» (пост. 1787, изд. 1790). Сблизившись с *И. А. Крыловым*, *И. А. Дмитриевским*, *П. А. Плавильщиковым*, стал соиздателем и сотрудником журналов «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий». В связи с обыском в типографии (1792) был подвергнут тайному наблюдению. В 1793 с успехом ставились сатирические комедии Клушина «Смех и горе» (в стихах) и «Алхимист» (в прозе). Последующая деятельность Клушина (оды *Екатерине II*, *Павлу I* и др.) вызвала его расхождение с Крыловым. С 1799 Клушин — театральный цензор и режиссер русской труппы. В произведениях Клушина отразились достижения французских комедиографов, черты сатирической русской журналистики, стилистическое новаторство *Н. М. Карамзина* и *Г. Р. Державина*. Выступая против карамзинистов как критик, Клушин в то же время создал сентиментальную повесть «Вертеровы чувствования, или Несчастный М-в» (1793, изд. 1802), сюжетно повторяющую «Страдания юного Вертера» Гёте, но идейно далеко от его творчества.

Соч.: Русская комедия и комическая опера XVIII в. М.; Л., 1950; Русская проза XVIII в. Т. 2. М.; Л., 1950.

КЛЫЧКОВ Сергей Антонович (30.06[12.07].1889—8.10.1937), поэт, прозаик, переводчик. Родился в д. Дубровка Калязинского у. Тверской губ. в старообрядческой крестьянской семье. В своей автобиографии упоминал, что родился в малиннике в Чертухинском лесу, и мать принесла его домой в ку-

зовке втайне от отца и соседей. Окончив Талдомскую сельскую школу, поступил в 1900 в Московское реальное училище И. И. Филлера, где проучился до 1906. Первые стихи — «больше про домовых и леших» — начал писать еще в школе. Первые публикации в журнале Московского университета «На распутье» относятся к 1906 («Мужик поднялся», «Гимн свободе»). В 1907 в альманахе «Белый камень» впервые публикует прозу.

В 1908 уезжает в Италию. Осенью того же года поступает на естественный факультет Московского университета, в дальнейшем переводится на историко-филологический и юридический факультеты, но в 1913 вынужден был оставить учебу из-за недостатка средств.

Первой заметной публикацией Клычкова стала подборка стихотворений в альманахе «Антология» в 1911. В том же году выходит первый сборник «Песни», а через 2 года — книга стихов «Потаенный сад».

В стихах Клычкова н. 10-х господствует лирическое, песенное начало, чувство гармонии между природой и человеком, окрашенное в цвета древней языческой Руси. Образ Троеручицы органически сочетается с образами лешего, Лады, лесного колдунка. Нежная печаль пронизывает мелодии его «Песенки о счастье», «Черемушки», «Садко».

Счастлив я и в горе, глядя в тайный сад:
В нем зари-подруги янтари висят,
Ходят звезды-думы, грусть-туман плывет,
В том тумане сердце-соловей поет...

«Есть ли что краше первой любви? — писал Клычков в письме к Д. Семеновскому. — Ничего нет слаще, прекраснее и радостнее. Ходите, ходите по миру с широко открытыми глазами, мир входит Вам теперь в душу и над Вашей уносящейся, заходящей юностью загораются звезды и всплывает волшебный месяц недолгих очарований. Пойте о них, пока есть голос, пока не набежали тучи, ибо еще большее счастье — песня».

В 1911—14 Клычков живет в родной деревне, занимается крестьянским трудом. Весной 1913 он совершает паломничество в монастырь около г. Дмитрова, а осенью того же года — на оз. Светлояр. В 1914, призванный в действующую армию, он более 2 лет служит писарем и прапорщиком в 427-м Зубцовском полку в Гельсингфорсе. Его стихи продолжают появляться в «Ежемесячном журнале», «Нашей заре», «Заветах», «Проталинке». Во 2-й пол. 1916 Клычков переведен на Западный фронт, а в 1917 он в составе 4-го осадного полка отправляется в Крым. Впечатления от войны отразились в романе «Сахарный немец», написанном в 1925.

Вернувшись с фронта в Петроград, Клычков публикуется вместе с др. «новокрестьянскими» поэтами (*Есениным*, *Клюевым*) в газете «Дело народа». Переехав в 1918 в Москву, он вместе с Есениным, *А. Белым*, *Орешиним* создает

книгоиздательство «Московская трудовая артель художников слова», где издает книги стихов «Бова», «Дубравна», «Кольцо Лады». В сб. «Дубрава» преобладают ноты прощания с Русью природной, языческой, породившей и вскормившей поэта, и предощущение тревожных перемен в самом облике любимой родины («Жаль мне юности только минувшей / В чаше тихой, опавшей, заснувшей, / Никому не поведанных слез!.. / Слушай, сердце, повечеру слушай / Похоронную песню беззвучно...»).

В 1919—20 Клычков снова в Крыму, где дважды был приговорен к смерти белогвардейцами, как «анархист», и спасся только чудом. В 1921 он возвращается в Москву, где становится секретарем отдела прозы журнала «Красная новь». В эти годы им пишется новая книга лирики «Домашние песни», где «тесная избенка» и «хутор с лугом и леском» остаются единственной опорой в окружающем жестоком и расчеловеченном мире. Тонкий и светлый лирик по мироощущению, он не впускал ни в стихи, ни в прозу ни грана остревения и озлобленности. Самые тяжкие переживания отливались в чистую печаль поэзии, где грусть — естественное состояние человека, озабоченного краткостью земной жизни, где слово «душа» повторяется с годами все чаще и чаще. («Душа моя, как птица, / Живет в лесной глуши, / И больше не родится / На свет такой души...»; «Была душа моя светла / Той теплотой человечьей, / С какою глупая ветла / Хватает путника за плечи...»; «Закрыв метельный саван всполье / И дальний лес, и пустоша... / И где с такой тоской и болью / Укроется теперь душа?...»). Заеденный травлей «собратьев по перу», он уходил в мечтах в родную природу, пропадал в «лунных туманах», общался с любимыми фантастическими существами, размышлял о скором неизбежном конце, о своем человеческом одиночестве.

В № 5 «Красной нови» за 1923 была опубликована ключевая статья Клычкова «Лысая гора», в которой он оценил современные ему варварские эксперименты с русским литературным языком, как натуральный ведьминский шабаш. «Едва ли это разнообразие и пестрота — от богатства, от избытка творческих сил, от уверенности в них... Искания только формы завели нас в тупик — к полному афоризму и какой-то действительно сказочной легкости достижений в области формы... Дорого стоила нам эта всеобщая мобилизация бессмыслицы и крестовый поход против человеческого нутра и здравого смысла».

Осенью 1923 Клычков вместе с Есениным, Ганиным и Орешниным был привлечен к товарищескому суду по обвинению в «антисемитизме». Это был первый всплеск будущей громной волны, направленной против русских писателей. Товарищеский суд вынес приговор, гласящий, что поэты могут продолжать свою литературную работу.

В 1925 отдельным изданием вышел роман «Сахарный немец» — первая часть задуманной девятилогии, для которой были написаны романы «Чертухинский балакирь» и «Князь мира», а также неоконченный «Серый барин».

Герой «Сахарного немца» — зауряд-прапорщик Зайчик пытается найти отдохновение, душевный лад и гармонию в единении с родной ему природной стихией, от которой он внутренне еще не отделен до конца. Мир крови и насилия чужд нежной душе зауряда, и если бродят в его неприкаваемой голове мысли о смерти, то о той, «коли в головах у тебя и в ногах теплятся тихо путеводные свечи, а у дома, плечом прислонясь к крыльцу, терпеливо дожидается сосновая крышка...» Только разве кому удавалось с такой легкостью и покоем отдать Богу душу в эпоху, когда жизнь человеческая ценится дешевле полушки? Все время

«кажется, с самого неба занесен несчастный чугунный колун, под которым сама земля дрожит и рассыпается, рассыпаясь пылью и прахом».

Не находит Зайчик успокоения и в родном Чертухине. Сладкие грезы окутывают его разум, мечтается ему о блаженной разголубой стране, где струится живая вода, а молятся мужики в лесу на мшисто узорном подрушнике, и нет над ними власти никакой, ни налогов, ни поборов... Но нет проезда, прохода в эту страну обетованную. А здесь, в родном Чертухине, все давно вкривь и вкось пошло. Надвинулся на родной с детства мир окаянный город, ад бесчеловечной чистоганной цивилизации, город, «под которым и земля не похожа на землю. Убил, утрамбовал ее сатана чугунным копытом, укатал железной спиной, катаясь по ней, как катается лошадь по лугу в мыти...» Затеряна навечно в глухих лесах чудодейственная древлеправославная книга «Златые уста», и наука не в помощь, ибо не ведает о ней народ, чей разум плавает, как «котенок в ведре». Зайчик — последний Лель — убивает немецкого солдата и долго не может опомниться после совершенного убийства. Его неотвязно преследует образ крови, сладкой, как сахар. Для него — выходца из старообрядческой среды, сахар — грех, великий соблазн. И кровь становится соблазном в дни всеобщего одичания и озверения.

Клычков с его пантеистическим мироощущением и глубоким пониманием самоценности человеческой жизни всем своим творчеством сознательно противостоял апологии убийства, находившей себе оправдание в необходимости классовой борьбы. Он в своих стихотворениях, романах и публицистических статьях до конца отстаивал вечные ценности, завещанные древнерусской и русской классической литературой. Романы «Чертухинский балакирь» и «Князь мира» с их вечными вопросами о жизни и смерти, с вторжением нечистой силы, разлагающей цельный незамутненный мир, как бы предвворяли апокалиптическую позднюю поэзию Н. Клюева и прозу М. Булакова.

После выхода в 1930 последней прижизненной книги стихов «В гостях у журавлей» Клычков подвергся массовой травле как «кулацкий поэт». 31 июля 1937 он был арестован как «организатор антисоветской группировки лиц... из среды писателей», а также как член мифической «Трудовой крестьянской партии», возглавляемой Н. Д. Кондратьевым и А. В. Чаиновым. Попутно был обвинен в «русском фашизме». 8 окт. 1937 был расстрелян. В 1956 приговор был отменен и дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Соч.: Песни. М., 1911; Потаенный сад. М., 1913; Домашние песни. М.; Пб., 1923; Сахарный немец. М., 1925; Чертухинский балакирь. М., 1926; Талисман. Л., 1927; Князь мира. М., 1928; В гостях у журавлей. М., 1930; Стихотворения. М., 1985; Собр. соч.: В 2 т. М., 2000; Мадур-Ваза Победитель. М., 2000.

Лит.: Морозов В. Доля // Москва. № 8. 1989; Солнцева Н. Последний Лель. М., 1993; Польнская Г. Иное измерение Сергея Клычкова // Наш современник. № 7. 2001.

С. Куняев

КЛЮЕВ Николай Алексеевич (10[22].10.1884—23 или 25.10.1937), поэт. Родился в одной из деревень Вытегорского у. Олонецкой губ. Отец — бывший урядник — служил сидельцем в винной казенной лавке. Мать — Прасковья Дмитриевна — ревнительница древнего Православия, пельселиница и плачя — была духовной наставницей будущего поэта. «Родительница моя, — писал Клюев, — была садовая, а не лесная, по чину серафимовского православия... Памятовала она несколько тысяч словесных гнезд стихами

и полууставно; знала Лебедя и Розу из Шестокрыла, Новый Маргарит — перевод с языка черных христиан, песнь искупителя Петра III, о Христовых пришествиях из книги латынской удивительной, огненные письмена протопопа Аввакума, индийское Евангелие и много другого, что по-тайно осоляет народную душу — слово, сон, молитву, что осолоило и меня до костей, до преисподних глубин моего духа и песни...»

Биографические сведения о Клюеве начала его жизни крайне скудны. Известно, что в 1893—95 он учился в Вытегорской церковно-приходской школе, затем — в 2-классном городском училище;

один год занимался в Петрозаводской школе, которую оставил по болезни. Сам Клюев в своих автобиографических заметках, написанных по образцам житийной литературы, упоминал, что «в Соловках... жил по два раза... Вериги я на себе тогда носил девятифунтовые, по числу 9 небес, не тех, что видел ап<остол> Павел, а других. Без 400 земных поклонов дня не кончал». Что ушел из Со-

ловецкого монастыря с «братьями-голубями» в Самарскую губ.: «Там я жил, почитай, два года царем Давидом большого Золотого Корабля, белых голубей — христов». Упомянул о своих странствиях по Кавказу и о том, что «от Соловков до персидских оазисов знакомы мне журавлиные пути... Жизнь моя — тропа Батыева: от студеного Коневца (головы коня) до порфириного быка Сивы пролегла она. Много на ней слез и тайн запечатленных...»

Первые стихи Клюева были опубликованы в петроградском сборнике «Новые поэты» в 1904.

В 1907 завязывается переписка Клюева с А. Блоком, которому он присылает свои стихи, как навеянные блоковской книгой «Нечаянная радость», так и вдохновленные народной песней («Песня о соколе и трех птицах Божиих»). При посредничестве Блока публикует стихи в журналах «Бодрое слово» и «Золотое руно».

В 1911 вышла первая книга стихов Клюева «Сосен перезвон» с посвящением «Александру Блоку — Нечаянной радости» и с предисловием В. Брюсова, а в 1912 — книга «Братские песни» с предисловием В. Свендицкого.

В этот период в поэзии Клюева сосредотачиваются три смысловых и стилистических потока. Стихи, религиозные гимны и песни, не стилизация под фольклор, а сотворенный песенный пласт, органически существующий в музыкальной и обрядовой стихии Русского Севера. Это — одна из характерных черт поэзии Клюева — органическое совмещение в едином творческом мире мотивов, кажущихся несовместимыми. По сути, он явил в русской литературе XX в. отношение к Слову, свойственное летописцам и проповедникам дониконовской Руси — стихотворение, проза, публицистические статьи, письмо, дарственная надпись на книге — все это в клюевском мире лишь разные ипостаси одного текста.

В его поэтическом мире природа неотделима от храма, а храм от природы, которая в его мире настолько одухотворена, что, кажется, живой Христос незримо проходит среди русских дубов и берез, вязов и кленов, и сам лес становится алтарем, а в его шуме слышатся звуки ектении: «В златотканые дни сен-

тября / Мнится папертью бора опушка. / Сосны молятся, ладан куря. / Над твоей опустелой избушкой».

Клюев не подражает народной песне или *былине*, а творит ее («Обидин плач», «Песня о Соколе и о трех птицах Божиих»), также и творит религиозный гимн, а не подражает уже известным образцам («Путь надмирный совершая...», «Брачная песня», «Радельные песни»). В 1913 выходит его книга стихов «Лесные были», где перед нами предстает уже не поэт откровения и мистических прозрений, а певец северной деревни, глухих олонецких лесов. Здесь особенно густой концентрации достигает его олонецкий говор, органически вплетенный в классический метр русской силлабо-тоники («Водянице столярную кикю: самоцвет, заренец, камень-зель. Стародавнему верен навыку, прихожу на поречную мель. Кличу девушку с русской косою, с зыбким голосом, с вишенем щек, ивы шепчут: «Сегодня с красую поменялся кольцом Солонок. Подарил ее зарною кикой, заголублил в ночном терему...» С рощи тянет смолой, земляникой, даль и воды в лазурном дыму»).

В 1912—13 Клюев живет в Москве и Петербурге, где нередко выступает на вечерах с чтением собственных произведений, в частности, в салонах собирательницы народного творчества О. Э. Озаровской, графини П. С. Уваровой, в Обществе свободной эстетики, в «Бродячий собаке». Впечатление от этих чтений отразилось в письме Клюева к А. Ширяеву, с которым у него завязалась переписка весной 1913: «Был я зимой в Питере и в Москве, таскали меня по концертам, по гостиним, но всегда забывали накормить, и ни одна живая душа не поинтересовалась, есть ли у меня на завтрак кусок хлеба, а так слушали, собирались по 500 человек в разных обществах слушать меня... Тяжко мне с книжками, и с дамами, и с писателями, лучше бы не видеть и не знать их — будь они прокляты и распрокляты!»

В к. 1912 — н. 1913 Клюев посещает заседания «Цеха поэтов», завязывает тесные контакты с акмеистами, которые рассчитывали на него, как на литературного союзника, хотя сам Клюев держался наособицу и сближение его с акмеистами было достаточно кратковременным. Ближайшим его другом и соратником в поэзии в эти годы становится С. Клычков. А в 1915 завязывается переписка Клюева с Есениным, с которым он встречается осенью того же года. Клычков, Ширяевец, Есенин, П. Карпов создали объединение «*новокрестьянских поэтов*», духовным наставником которого стал Клюев.

«Голубь мой белый, — писал Клюев Есенину, — ведь ты знаешь, что мы с тобой козлы в литературном огороде и только по милости нас терпят в нем... Особенно я боюсь за тебя: ты как куст лесной шипицы, который чем больше шумит, тем больше осыпается... Быть в траве зеленым, а на камне серым — вот наша с тобой программа, чтоб не погибнуть... Я холодею от воспоминаний о тех унижениях и покровительственных ласках, которые я вынес от собачьей публики... Видите ли — неважен дух твой, бессмертное в тебе, а интересно лишь то, что ты, холуй и хам смердяков, заговорил членораздельно...»

В 1916 выходит книга Клюева «Мирские думы», сосредоточившая в себе «военные стихи» — выражение народного взгляда на первую мировую войну, былины («Мирская дума», «Скрытый стих», «Беседный наигрыш, стих доброписный») и «Песни из Заонежья». В эти же годы складывается цикл «Избяные песни», посвященный памяти матери, относящийся к вершинным произведениям поэта.

В этом цикле всеобъемно воплощен клюевский избяной космос. Изба, как живое существо, тоскует по ушедшей хо-

зайке, каждый предмет деревенского обихода не может по-человечески смириться с утратой: «Где в красном покое дубовы столы / От мис с киселем, словно кипень белы, / Там Митрий Солунский, с Миколою Влас / Святых обряжают в камлот и атлас, / Креститель Иван с ендывы расписной / Их поит живой иорданской водой».

В том же 1916 Клюев пишет цикл «Земля и железо», где поэтическое слово обретает свою изначальную Божественную природу («Звук ангелу собрат, бесплотному лучу») и где мир и дух русской земли предстают, как последний несокрушимый оплот надвигающемуся концу мира — железу, бездушной и расчлененной цивилизации, грозящей стереть с лица земли все ее многоцветие, «цветущую сложность». Здесь он воочию являет образ обретшего «цветущий посох»: «Мы внуки земли и огню родичи, / Нам радостны зори и пламя свечи, / Язвит нас железо, одежд чернота, / И в памяти нашей лишь радуг цвета».

Клюеву, без сомнения, были известны рассказы о поисках благодатного края, духовной и физической свободы, о походах старообрядцев вплоть до к. XIX в. Знал он также, что имеется в виду не мифическая, а реальная земля — Индия: «Индийская земля, Египет, Палестина — / Как олово в сосуд, отлились в наши сны. / Мы братья облакам, и савана холстина — / Наш верный поводырь в обитель тишины».

Не только и не столько «мужицкий рай» предвкушал Клюев в своих мечтаниях о «Белой Индии». К 1916 относятся первые его гимны Белой Индии, что входит неотъемлемой составной частью в избяной космос, созданный творческим воображением поэта.

Знакомые с детства реалии обретают космический смысл, вселенское значение, становятся символом вечного счастливого бытия, несколько не теряя при этом своего земного предназначения, что еще раз подчеркивает реальность существования Града Невидимого в восприятии Клюева. В этом Граде пириشتهя плоти и духа, вечное бессмертие, мотив которого перекликается с мотивом преодоления смерти. Сокровища мировой философии и культуры, бессмертные творения живописного, музыкального, словесного искусства под пером олонечского странника становятся в один ряд с нерукотворной красотой северных лесов и восточных пустынь, прелестью русской избы и индийской пагоды. Где же находится этот край чудесный, найденный Град Китеж? Клюев дает точное направление поистине: «На дне всех миров, океанов и гор / Цветет, как душа, алмановый бор, — / Дорога к нему с Соловков на Тибет, / Через сердце избы, где кончается свет...».

Яркие картины Избяной Индии соседствуют с духовными воспоминаниями поэта о Тибете и Палестине — воспоминаниями, как бы незаметно переходящими в настоящее, совершающееся на наших глазах, одновременно оставляющее впечатление прекрасной поэтической фантазии, не бывшего в реальности, но не могущего не произойти. Образ цыганки, ворожащей крючнику, при всей своей фантастичности и реальности одновременно, очевидно, та же маска, призванная помочь поэту скрыть то, что не должно быть видно постороннему глазу, поселять сомнение в увиденном, в то время, как сам поэт знает: было это и навечно останется в памяти, как прекрасный сон, как видение будущего счастливого мира.

С 1918 по 1923 Клюев живет в Вытегре (с коротким выездом в Петроград в 1922). Источником его вдохновения по-прежнему остается великая культура крестьянской Руси. «Тайная культура народа, — писал поэт, — о которой на высоте своей учености и не подозревает наше так называемое образованное общество, не перестает излучаться и

до сего часа. («Избяной рай» — величайшая тайна эстетического мужицкого ведения — сердце избы, конек на кровле — знак всемирного пути)... Направляя жало пулемета на жар-птицу, объявляя ее подлежащей уничтожению, следует призадуматься над отысканием пути к созданию такого искусства, которое могло бы утолить художественный голос дремучей, черносошной России («Самоцветная кровь»): «Строгановские иконы — / Самоцветный мужицкий рай, / Не зовите нас в Вашингтоны, / в смертноносный железный край».

В 1919 в Петрограде выходит двухтомник Клюева «Песнослов» (самое полное его прижизненное собрание) и сборник «Медный кит». В 1921 в Москве выходит сборник стихотворений «Львиный хлеб». «Львиный хлеб это в конце концов — судьба Запада и Востока. Россия примет Восток, потому что она сама Восток, но не будет уже для Европы шитом. Вот это обретение родины—Русью своей изначальной родины — Востока и есть Львиный хлеб».

В 1922 в Петрограде отдельными изданиями выходят поэмы Клюева «Четвертый Рим» и «Мать-Суббота». В «Четвертом Риме» максимальной концентрации достигают мотивы предыдущей книги «Львиный хлеб», и с предельной (точнее, запредельной) отчетливостью выражена вечная клюевская антитеза — «земля—железо». Ощущение полной выжитости из колеи и потери всяких надежд на возрождение крестьянского рая — «Четвертого Рима» — сказывается буквально на всем протяжении поэмы. Пытаясь переломить это настроение, Клюев концентрировал образы в невероятной даже для него сгущенности, устроив в поэме настоящий «пир плоти», а также заложил в ее содержание горчайший антисеннинский заряд. Сближение Есенина с имажинистами, появление «Кобыльих кораблей» и «Исповеди хулигана» стали настоящей трагедией для Клюева, и заново пытаясь построить крестьянский мир на развалинах в его первоначальном виде, он отпускает проклятия некогда любимому собрату: «Не хочу быть знаменитым поэтом в цилиндре и в лаковых башмаках. Предстану миру в песню одетым с медвежьим солнцем в зрачках».

О поэме «Мать-Суббота» с ее волшебным рефреном — «ангел простых человеческих дел» — Клюев говорил Н. Архипову: «У избы есть корни; они как кондовая сосна: хвоя на ней ржаная, а шишки золотом сычены. Семь чаш притоно на избу: первая чаша — покой, вторая — нетление, третья — духовидчество, четвертая — мир миров, пятая — жертва Авеля, шестая — победа, седьмая — и во веки веков. Мистерия избы — Голубая Суббота, заклатие Агнца и урочное Его воскресение. Коврига — Христос избы, хлеб животный, дающий жизнь верным. Рождество хлеба, его заклатие, погребение и воскресение из мертвых, чаемое как красота в русском народе, и рассказаны в моей «Голубой Субботе». Приращение Космическим Христом через видимый хлеб — сердце этой поэмы».

В 1923 Клюев был арестован в Вытегре и доставлен в Петроград. Освободившись, он принял решение больше в Вытегру не возвращаться. В к. 1923 он возобновляет дружеские отношения с Есениным, приезжает к нему в Москву, принимает вместе с ним и с А. Ганиным участие в «Вечере русского стиля».

В 1926 после гибели Есенина Клюев пишет поэму «Плач о Сергее Есенине», которая полностью публикуется в 1927. В предисловии к поэме критик и литературовед П. Медведев отмечал, что «это — не поэма. Это — и не похоронная заплачка, дающая выход только чувству личной потери и скорби. Это — именно плач, подобный плачам Иеремии,

Даниила Заточника, Ярославны, князя Василька. В нем личное переплетается с общественным, глубоко интимное с общиесторическим, скорбь с размышлением...»

В 1926—27 в журнале «Звезда» и в сборнике «Костер» появляются поэмы Ключева «Деревня» и «Заозерье», в которых пророчески предсказывалось зверское уничтожение коренной, народной России. После публикации «Деревни» на Ключева окончательно навесили ярлык «кулацкого поэта», что означало политический приговор. В 1928 вышла его последняя прижизненная книга стихотворений «Имба и поле», и в этом же году была закончена одна из лучших его поэм — «Погорельщина», которую он тщетно пытался опубликовать в журналах, читал на многочисленных писательских собраниях и которая расходилась по рукам в списках.

В поэме «Погорельщина» образы Чирина, Парамшина, Андрея Рублева служат своеобразным оплотом избяного космоса, старой деревни, которую грозит опустошить змей. Исчезновение с иконы образа Георгия Победоносца — свидетельство неминуемой катастрофы. «На божнице змий да сине море...» Жители Сиговца станут жертвами чудовища, морские волны поглотят последний оплот старого народного, родного поэту крестьянского мира, живущего по своим древним тысячелетним законам, подобно Китежу, навечно скрытому водами озера Светлояра.

Последняя молитва жителей этого сказочного мира — мольба о возвращении Егория, обращенная к Святому Николаю, к Богоматери-Приснодеве, перед иконами гениальных русских мастеров, воплотивших разные лики Богородицы, исполнена силы, поистине трагической.

Герои «Погорельщины» — мужики-богомазы под руководством лучшего из них — иконописца Павла — пишут образы красками, ни одна из которых не названа своим именем. Как некогда в стихах Ключева совершалось «Рождество избы», рождение избяного космоса под рукой «Красного Древодела», так теперь совершается «Рождество Иконы», оставляя при этом ощущение нерукотворности. Само Явление Иконы — «прилет журавля» и «Должное письмо» — антураж, обрамляющий «Видение Лица» — не пишется собственно кистью, а «смирному Павлу в персты и зрачки / Слетятся с павлинами радуг полки», что выводят «голубых лебедей»... На этом фоне пишется «Видение Лица», которое

...богомазы берут
То с хвойных потемок, где теплится труд,
То с глуби озер, где ткачиха-луна
За кросом янтарным грустит у окна.
Егорию с селезня пишется конь,
Миколу — с крещатого клена фелонь,
Успение — с перышек горлиц в дупле,
Когда молотба и покой на селе.
Распятие — с редьки: как гвозди креста,
Так речечный сок опалает уста...

Сама природа помогает иконописцам в их работе, отдавая свои лучшие краски образу, который перестает восприниматься, как собственно искусство художника. «Божественный промысел» вибрирует в себя все богатство и разнообразие мира внешнего, природного, зримого.

Классические строки существовали в сознании Ключева, как алмазоты врата, вход в которые доступен относящимся к поэзии не легкомысленно, но тем, кто готов преклониться перед гением, перед бессмертной традицией *Пушкина* и *Кольцова*. Для непосвященных же вечное искус-

ство остается «Нерушимой Стеной», окружающей мир Великого Слова.

В 1929 Ключев писал поэму «Каин», сохранившуюся в отрывках, найденных в архиве бывшего КГБ СССР лишь в н. 90-х. Это была поэма покаяния. Братоубийцу Святополка в народе называли окаянным — «окаинившимся». Раскаяние — освобождение из-под власти Каина. Ключев понимал, что ему самому это покаяние за содеянное с Россией нужнее, чем кому бы то ни было. Сотни стихотворцев, талантливых и бездарных, были в этом отношении безразличны. Охмелев от крови бессудных расправ, они продолжали петь в том же духе, независимо от того, что одни герои их виршей, вставшие к стенке, сменялись другими, еще не вставшими.

Грехи Ключева в этом отношении не сравнить с грехами его поэтических собратьев. Но ему жизненно необходимо было очиститься перед собой и Богом за те минуты, когда он поддавался общему опьянению. В результате родилось одно из величайших произведений русской эпической поэзии XX столетия.

Поэтическая сила и мощь ключевской поэмы сродни лермонтовскому «Демону», но тем страшнее в ней сам Каин, уже не притягивающий и не завораживающий, а открыто соблазняющий, указывая на дело рук своих.

Взгляни на Радонез крылатый.
Давно ли — светлый Алконост,
Теперь ослицею сохотой
Он множит тленье и навоз!
Задонск — Богоневесты роза,
Саров с Дивеева канвой.
Где лик России — лвы и козы
Расшиты ангельской рукой —
Все перегной, жилище сора.
Братоубийце не нужны
Горящий плат и слез озера
Неопалимой Купины!

Узнай меня, ткач дум и слова,
Я — враг креста, он язва нам,
Взалкавшим скипетра срамного
Державным тартара сынам!

Вся поэма воспринимается в ключе сновидения, в котором перемежаются картины прошлого, настоящего и будущего.

В н. 30-х Ключев пишет эпическую поэму «Песнь о Великой Матери», изъятую у него при аресте. В те же годы создается лирический цикл «О чем шумят седые кедры». Это произведение создавалось большей частью уже после переезда Ключева в Москву в 1932.

2 февр. 1934 Ключев был арестован, и все последние произведения его были изъяты при обыске. К счастью, они сохранились, ибо были подшиты к «делу» в качестве вещественных доказательств антисоветских настроений поэта. Ему инкриминировалось чтение и распространение «контрреволюционной» «Погорельщины». «Я сгорел на своей «Погорельщине», как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на костре пустозерском. Кровь моя волей или неволей связует две эпохи: озаренную смолистыми кострами и запалами самосожжения эпоху царя Федора Алексеевича и нашу такую юную и поэтому много не знающую», — писал он в письме Клычкову из Колпашева, куда был отправлен отбывать 5-летнюю ссылку. После многочисленных хлопот Ключев был переведен в Томск. В ссылке он продолжал писать стихи и написал две поэмы: «Кремль», текст которой сохранился, но до сих пор не

опубликован, и неизвестную ныне поэму «Нарым». 5 июня 1937 тяжело больной поэт был арестован в Томске по обвинению в принадлежности к мифической монархической организации «Союз спасения России». А 23 или 25 окт. того же года приговорен к расстрелу в Томской тюрьме.

Соч.: Соч.: В 2 т. Мюнхен, 1969; Стихотворения и поэмы. Л., 1977; Песенослов. Петрозаводск, 1990; Стихотворения и поэмы. М., 1991; Сердце единорога: Стихотворения и поэмы. СПб., 1999; Словесное древо: Проза. СПб., 2003.

Лит.: Базанов В. Г. С родного берега. О поэзии Николая Клюева. Л., 1990; Николай Клюев. Исследования и материалы. М., 1997; Азатовский К. Жизнь Николая Клюева. СПб., 2002.

С. Кунаев

КЛЮШНИКОВ Виктор Петрович (10[22].03.1841–7[19].11.1892), писатель, мыслитель. Родился в дворянской семье. В 1861 окончил физико-математическое отделение естественного факультета Московского университета.

Первый роман Клюшников «Марев» (1864) – яркий образец антинигилистического направления. В романе раскрывается подрывная деятельность против России

нигилистов, либералов, космополитов, их духовное родство между собой. Клюшников показывает, что неустройство России 1-й пол. 1860-х – результат эгоизма либеральных дворян и чиновников, пытающихся тянуть страну по чуждому ей западному пути. Кульминацией этого настроения является террор нигилистов, действующих по принципу моральной вседозволенности.

Клюшников справедливо утверждает, что нигилистическое движение в России лишено исторических корней, отмечает его связь с польскими русофобами и просто уголовниками, вскрывает заговор «католическо-аристократической» партии (игрушкой в руках которой оказывается и А. И. Герцен). Вслед за *Писемским* Клюшников устанавливает преемственную связь «марева» с либеральным фразерством людей 40-х.

Клюшников не только разоблачает подрывную работу антирусских сил, но и создает идеальный образ борца с силами зла, героя-патриота – консерватора, верного патриархальным устоям. В романах «Большие корабли» (1855, полн. изд. 1874), «Шыгане» (1969) и в повести «Не-Марев» (1871) Клюшников показывает людей, разочаровавшихся в западнических, космополитических идеях, находящих духовное удовлетворение в восстановлении патриархально-монархических устоев жизни. В произведениях Клюшников показ верных путей сочетается с реалистическими описаниями. Православно-монархическими тенденциями проникнуты повести Клюшников для юношества «Другая жизнь» (1865), «При Петре» (1872, совм. с В. Кельсиевым), «Семья вольнодумцев» (1872, совм. с П. Петровым), «Государь-отрок» (1880). В 60–90-е Клюшников выступал как журналист-патриот. С 1870 по 1892 (с перерывом) был редактором журнала «Нива». В 1877–82 редактировал «Всеобщий (энциклопедический) словарь».

КЛЮШНИКОВ Иван Петрович (2[14].12.1811–16[28].02.1895), писатель. Родился на хуторе Криничный Сумского у. Харьковской губ. Окончил Московский университет в 1832. Был деятельным членом кружка *Н. В. Станкевича*, в котором изучал Гёте и немецкую философию. В 1838 в журнале «Московский наблюдатель» Клюшников напечатал «Элегии». Сотрудничал в «Отечественных записках» и «Современнике». В 1841 в «Литературной газете» опубликовал первое произведение в прозе – рассказ «Привидение первого мужа, или Вдова замужем», затем в «Отечественных записках» – повесть «Любовная сказка» (1849). После длительного перерыва напечатал несколько стихотворений в «Русском вестнике» (1883), в т. ч. и стихи памяти *А. С. Пушкина*. Философско-романтическая лирика Клюшников однообразна по мотивам. Стихотворение «Утренний звон» и «На смерть девушки» («Закрылись прекрасные очи...») положены на музыку Л. Ф. Лангером. *Я. П. Полонский* изобразил Клюшников в романе в стихах «Свежее предание» в лице главного героя Камкова.

Соч.: В сборнике «Поэты кружка Н. В. Станкевича (вступ. ст. С. Машинского). М.; Л., 1964.

Б. С.

КНИГА, первые русские книги, как и на Древнем Востоке и в Египте, представляли собой свитки или деревянные дощечки с процарапанными на них письменными знаками, сохранявшимися, как правило, языческие ритуалы и заклинания.

Страница Евангелия. Около 1556, Москва

Время возникновения первоначальной славянской письменности относится к 1-й пол. I тысячелетия н. э. «Отнюдь не являлось бы смелым предположением, — писал академик С. П. Обнорский, — о принадлежности каких-то форм письменности уже русам антского периода». Иностранцы путешественники, посещавшие славянские племена в этот период, свидетельствуют о виденных ими подписях в языческих капищах.

Ученым известны древние письменные знаки славянских племен, в т. ч.:

Гравюра из «Апостола» Ив. Федорова

1. «Причерноморские знаки», открытые в сер. XIX в. в Херсоне, Керчи, Ольвии и в других местах греческого поселения на территории нашей страны. Знаки эти по своему рисунку имеют довольно сложную линейно-геометрическую форму. Некоторые из них напоминают одну из древнеславянских азбук — глаголицу. Большинство знаков относятся к III—IV вв. н. э. и представляют собой, по-видимому, родовые, племенные или личные знаки, знаки собственности и магические культовые знаки;

2. Знаки на предметах быта, на различных ремесленных изделиях — горшках, медных бляхах, свинцовых пломбах, пряслицах и монетах и т. п. Значительный интерес представляет т. н. «алекановская» надпись. Она была нанесена на глиняный сосуд X—XI вв., обнаруженный в 1847 во время раскопок у с. Алеканово под Рязанью, и состоит из 14 знаков;

3. Изобразительный символический орнамент, обнаруженный на вазах и кувшинах, найденных при раскопках на территории Волыни и близ Киева и относящихся к памятникам «черняховской культуры» (II—IV вв. н. э.). По мнению акад. Б. А. Рыбакова, орнаментированные вазы и кувшины «черняховской культуры» представляют собой древнеславянские сельскохозяйственные календари.

В «Сказании о письменах» болгарского монаха Храбра (IX—X вв.) сообщается, что еще в древности славян умели записывать свою речь «чертами и резами». По мнению известного русского ученого И. И. Срезневского, существовали книги и документы, написанные «русскими письменами», которые представляли собой греческие буквы, приспособленные к славянской речи.

О достаточно широком развитии письменности еще до Крещения Руси свидетельствуют тексты договоров русских князей с Византией, относящиеся к I-й пол. X в., которые писались на двух языках — греческом и славянском. Из договора кн. Олега с греками (911) явствует, что давняя «дружба» между христианами-греками и русскими язычниками многократно подтверждалась «не только словом, но и писанием». В том же договоре сказано об обычае русских купцов делать письменные завещания на случай смерти.

На основании ранее существовавших «русских письмен» свв. монахи Кирилл и Мефодий в 863 создали упорядоченную славянскую азбуку. Как сообщается в «Паннонском житии» св. Кирилла, он в к. 850-х — н. 860-х в Корсуни (Херсонесе) нашел Евангелие и Псалтирь, написанные русскими буквами. Там же он встретил человека, говорившего по-русски, беседовал с ним и вскоре сам начал читать и говорить по-русски. В одной из русских рукописей «Тол-

ковой Палеи» (XV в.) приводится факт, подтверждающий это. «А грамота русская, — говорится в «Палее», — явилась, Богом дана, в Корсуни русину, от него же научился философ Константин (св. Кирилл) и отсюда сложил и написав книги русским языком».

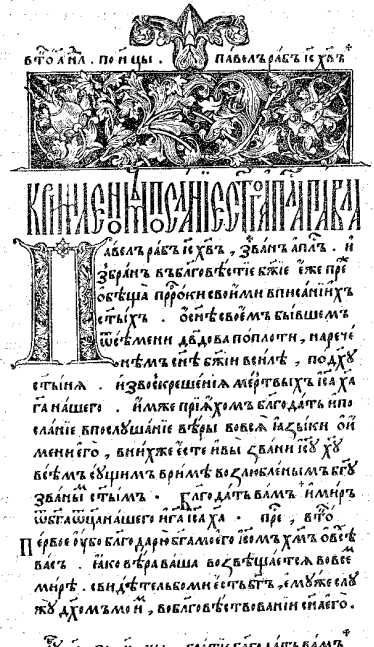
С помощью своей азбуки свв. Кирилл и Мефодий перевели на славянский язык основные богослужебные книги. Древнейшие славянские надписи и рукописи были выполнены двумя графическими разновидностями славянского письма. Одна известна под названием кириллица (названа в честь Кирилла — Константина Философа); название второй, глаголица, происходит от старославянского «глагол», что значит «слово».

С принятием новой славянской азбуки книжное дело широко распространилось по всей Руси. С X до сер. XIII вв. на Руси было построено и снабжено книгами ок. 10 тыс. церквей, для которых требовалось не менее 90 тыс. книг. С учетом четвей и светской литературы книжное богатство Древней Руси следует определить в 130—140 тыс. томов.

Широкое распространение берестяных грамот, найденных при раскопках в Новгороде в 1951, позволили русским

Гравюра «Псалтири», 1568, Москва

Страница из «Апостола» Ив. Федорова, 1563—64, Москва

исследователям сделать вывод о высоком уровне грамотности не только среди высших слоев, но и среди простых людей. Берестяные грамоты и писала были обнаружены в 40 русских городах. Русские люди переписывались между собой и просили «да пришли мне чтения доброго» (берестяная грамота от Якова к Максиму, XIV в.). Русский исследователь А. И. Соболевский подсчитал, что в XV—XVII вв. грамотными были примерно половина служилого класса, около 15% крестьян и подавляющая часть купечества.

Титульный лист «Библии» Ив. Федорова, 1880—81, Острог

Уже в XI—XIII вв. в русском обществе сложилось восторженное отношение к книге как к источнику мудрости и духовного, философского осмысления мира. В «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку (1037) находим настоящий гимн книге: «Велика бо бывает польза от ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есьми пути покаяню, мудрость бо обретаем и воздержанье от словес книжных, се бо суть реки, напоющие вселенную, се суть исходиша мудрости, книгам бо есть несчетная глубина, сими бо в печали утешаеми есмы, си суть узды воздержанью... Аще бо поищеши

в книгах мудрости прилежно, то обрящеши великую полузу души своей; иже бо книги часто чтет, то беседует с Богом, или святыми мужи, почитая пророческие беседы и Евангельские ученья и апостолская жития святых отец восприемлет души великую полузу».

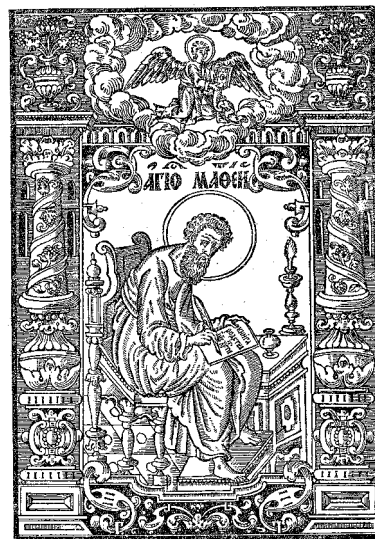
«Изборник» (1076) начинался «Словом некоего монаха о чтении (святых) книг»: «Добро есть, братие, почитание книжное... Когда читаешь книгу, не торопись быстро дойти до другой главы, но поразмысли, что говорят книги и словеса те и трижды обращайся к одной главе... Узды коню правитель есть и воздержание, праведнику же книги, не построить корабль без гвоздей, ни праведника без почитания книжного... Красота воину оружие, кораблю — ветрила, также праведнику почитание книжное».

В Троицком списке Новгородской летописи сохранилось «Слово святого Ефрема Сирина о том, како достоин со всем прилежанием чести святые книги без ленисти». «Брате... Имея в утробе место книги божественныя, тасим же образом труба въпиющи, сзывает ны, тако божественныя книги что-

Гравюра из «Евангелия», 1606, Москва

мы, собирают помыслы на страх Божий... Тако и святые книги вставятти ум, прилежати на благое и укрепят ти на страсти. Там же, брате мои, понужал себя часто почитати я, да получим истинный разум писания почитанием. Черпающе от него воду живую, могущую устудити, ражжения наши страсти и наставят ны на всю истину. Муж мудр, не имея книг, подобен есть оплоту без подпор стоящу: аще будет ветер, то падется. Тако и мудрии: пахнувши на нь ветру греховному, падет ся не имещи подпоры книжных словес. Аще ли

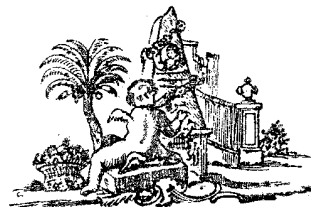
Гравюра из «Евангелия», 1681, Москва

СЛАВА РОССІИ,
или
СОБРАНІЕ МЕДАЛЕЙ,
ОЗНАЧАЮЩИХЪ ДѢЛА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
и
ДРУГІЯ НѢКОТОРЫЯ.

Сія Книга сочинена съ Медалей, находящихя въ Кабинетѣ Бригадира Θεодора Іоанновича Аматрева-Мамочова, и стараніемъ и издвѣніемъ сего Дворянина Философа вырѣзана на мѣдныхъ доскахъ.

Изданіе Второе.

ВЪ МОСКВѢ,
1783. года.

Титульный лист книги «Слава России», 1783, Москва

мудрость книги, то свершен есть. Иван Богослов рече: птицам того ради даны крылья, да сети человецъи избяжать, а человекам же книги, аще всю неприязную леть отгоняют. Менаандр рече: именье книг паче злата, в множестве злата души помощи нет».

В «Пчеле» (1199) читаем: «Ум без книги, аки птица опешена. Якож она взлетети не может, тако же и ум недомыслится свершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное, его же лишився, безумный, аки во тьме ходит и погибнет вовек».

Блестящий оратор и проповедник Древней Руси (1160-е) Кирилл Туровский утверждал: «Сладко бо медвенный соть и добро сахаръ, обоего же добре книгий разум». В «Златой цени» — весьма распространенном в средние века сборнике — говорилось, что если «вежа» — это человек духовный, книжный, то «невежа» в противоположность ему — человек не книжный, не духовный.

Новая эпоха в истории русской книги открылась с возникновением книгопечатания. Первые печатные книги кирилловского шрифта выпущены были Ш. Фиолем в Кракове в 1491. Книгопечатание в Москве началось в 1550-х. Первая точно датированная русская печатная книга выпущена Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в 1564 («Апостол»). В 1574 Иван Федоров во Львове издает первые малороссийские печатные книги («Азбука» и «Апостол»). Еще раньше Франциск Скорина издает первую белорусскую печатную книгу «Псалтирь» (1517), а затем приступает к изданию «Библии русской», «абы братия моя Русь люди посполитые, чтучи могли яснее разумети».

К н. XX в. по числу выпускаемых книг Россия стала одной из ведущих книгоиздательских держав мира, выгодно отличаясь от др. стран по качеству книг или количеству духовной, научной и учебной литературы. Еще через 60 лет, по данным ЮНЕСКО, Россия была признана самой читающей страной мира.

Лит.: Бахтиаров А. А. История книги на Руси. СПб., 1890; Божерянов И. Н. Исторический очерк русского книгопечатного дела. СПб., 1895; Булгаков Ф. Иллюстрированная история книгопечатания. СПб., 1898; Жуковская Л. П. Сколько книг было в Древней Руси? // Русская речь. 1971. № 1; Каринский Н. М. Образцы письма древнейшего периода русской книги. Л., 1925; Капцэжак Е. И. История книги. М., 1964; Куфаев. История русской книги в XIX в. Л., 1927; Либрович С. Ф. История русской книги в России. СПб., 1913—14; Луппов С. П. Книга в России в XVII в. Л., 1970; Он же. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973; Он же. Книга в России в послепетровское время, 1725—1740. Л., 1976; Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. М., 1972; Ляхов В. Н. Оформление советской книги. М., 1966; Он же. Очерки теории искусства книги. М., 1971; Книга. Исследования и материалы. Сб. 1—25. М., 1959—72; Искусство книги. (Альманах.) Вып. 1—7. М., 1960—71; Назаров А. И. Октябрь и книга. М., 1968; Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания. М., 1971; Он же. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964; Книга в России. Ч. 1—2 / Под ред. В. Я. Аларюкова и А. А. Сидорова. М., 1924—25; Пахомов В. В. Книжное искусство. Кн. 1—2. М., 1961—62; Розов Н. Н. Книга Древней Руси XI—XIV вв. Л., 1977; Он же. Книга в России XV в. Л., 1981; Русское книгопечатание до 1917. 1564—1917. М., 1964; 400 лет русского книгопечатания. Т. 1—2. М., 1964; Сидоров А. А. Книга и жизнь. М., 1972; Он же. История оформления русской книги. 2-е изд. М., 1964; Санунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978; Слуховский М. И. Из истории книжной культуры России. М., 1964; Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV—XVII веков. СПб., 1892; Соловьев А. Н. Государственный Печатный двор и Синодальная типография в Москве. М., 1903; Срезневский И. И. Древнерусские книги. СПб., 1864.

О. Платонов

«КНИГА БОЛЬШОМУ ЧЕРТЕЖУ», рукописное описание крупнейших русских карт, составленное в 1627.

В описание вошли «Старый чертеж», составленный при Борисе Годунове, и «новый» чертеж «полю», дополнивший «старый чертеж» изображениями вновь присоединенных к России в XVII в. территорий. В описание были включены земли, лежавшие от Северного Ледовитого океана («Студеного моря») на севере и до Черного моря на юге, от Финского залива («Котлина озера») на западе до р. Обь на востоке.

«Книга Большому чертежу» в подлинном виде не сохранилась. Известна лишь по спискам, самый ранний из которых датирован 1660-ми.

В. Волков

КНИГА РУКОПИСНАЯ, древнерусская рукописная книга — это рукопись, написанная на отдельных тетрадках, сшитых вместе и переплетенных. Техника переплетного дела была такова: тетрадь пришивалась к ремням, которые, в свою очередь, прикреплялись к деревянным доскам-переплетам (отсюда фразеологический оборот «прочитать книгу от доски до доски»). Доски снаружи обтягивались кожей или какой-нибудь тканью, либо облекались в оклады. Корешок переплета в Древней Руси делался плоским или округлым. К переплетам прикреплялись кожаные завязки или застежки.

Материалом для русских книг до XIV в. служил пергамен, а затем — бумага. Пергамен получали из кожи телят или ягнят, поэтому на Руси его называли «телятиной» или «харатьей». Пергамен предварительно разрывался писцом при помощи линейки с цепочкой. Затем писец выписывал на листе каждую букву. Почерк с правильным, почти квадратным начертанием букв назывался *уставом*.

Писец употреблял чернила из сажи («копченые») и из отвара дубовой или ольховой коры. Для просушки чернил употреблялся мелкий кварцевый песок, которым посыпали лист из песочницы, имевшей крышку с отверстием. Исписанные листы сшивали в тетради.

Пергаменные рукописи не имели столь строгих стандартов, как бумажные. Формат будущей книги выбирал сам переписчик, а из шкуры можно было выкроить любые куски.

Пергамен был очень дорог, поэтому ремесленники в своей переписке часто пользовались берестой, которая также выполняла функцию ученических тетрадей. Об этом убедительно свидетельствуют новгородские *берестяные грамоты*.

Слова в строке не разделялись, а только абзацы рукописи выделялись киноварной буквицей — инициалом. Широко известные слова писались сокращенно под особым надстрочным знаком «титлом» (бѣ — Бог, бца — Богородица и т. д.).

П. П.

«КНИГА РУССКОЙ СКОРБИ» (КРС), литературный памятник всем верным слугам Царя и Отечества, кромольно убиенным, памятник жертв революционного террора н. XX в.

Книгу готовила и издавала созданная по решению Главной Палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела (РНСМА) Редакционная комиссия (председатель — В. М. Пуришкевич, секретари — сначала Н. А. Казаринова, затем — Н. М. Юскевич-Красковский). С 1908 и до н. 1914 были опубликованы 13 выпусков, подготовлены материалы еще по 380 биографиям, которые должны были составить 14-й и 15-й тома (обложку к ним сделал художник Е. И. Мерчанский, участник обороны Порт-Артура, полный кавалер ордена св. Георгия). В состав Редакционной комиссии в разное время входили такие известные деятели патриотического движения, как: депутат Госдумы И. И. Балаклеев, приват-доцент Л. А. Балицкий, Д. М.

Бодиско, генерал М. М. Бородкин, гр. А. А. Буксгевден, С. Н. Бурнашев, художник В. М. Васнецов (подготовил обложку к двум выпускам), депутат Госдумы о. А. В. Вераксин, Ф. В. Винберг, депутат Госдумы С. В. Воейков, прот. И. И. Восторгов, депутат Госдумы проф. А. С. Вязигин, К. Ф. Головин, Г. Г. Данилов, М. Н. Дитрих, И. И. Дудниченко, Н. Н. Жеденов, художник Л. Т. Злотников, В. В. Казаринов, Г. И. Кушнырь-Кушнарев, А. М. Лавров, депутат Госдумы Н. Н. Ладомирский, И. С. Леонтьев, С. Л. Облеухова, Н. Д. Облеухов, депутат Госдумы В. А. Образцов, Н. В. Плеве, художник Е. П. Самокиш-Судковская, В. М. Скворцов, депутат Госдумы Ф. Ф. Тимошкин, Н. П. Тихменев, проф. Ф. С. Хлеборад, Н. Н. Шавров, кн. М. Л. Шаховской, депутат Госдумы Г. А. Щечков, депутат Госдумы В. В. Шульгин и др.

Первый выпуск, вышедший в 1908, открывался статьей, посвященной памяти имп. Александра II, которая заканчивалась символическим стихотворением «Ступени» (автором которого был, видимо, Пуришкевич): по ступеням на Небеса следом за своим убиенным Государем идет весь русский народ, люди разного социального положения («Он первый!.. Он первая жертва!.. За ним вереница идет»). Рефреном в стихотворении звучат слова, с которыми обращаются жертвы террора к своему Царю: «Мы

тоже! И мы за Тобой». Выпуски «КРС» дают ясное представление о масштабах и характере революционного террора. Рядом со статьями об убиенных министрах, губернаторах и генералах помещены статьи о рабочих, крестьянах, низших чинах полиции, убитых бандитами от революции.

Выпуски выходили по мере готовности материалов, поэтому статьи помещены без всякой систематизации. По некрологам, опубликованным в «КРС», можно понять, как нагнеталась волна террора против высших должностных лиц, целью которого был паралич власти: министр народного просвещения Н. П. Боголепов († 2.03.1901); уфимский губернатор Н. М. Богданович († 6.05.1903); министр внутренних дел В. К. Плеве († 15.07.1904); генерал-губернатор Москвы вел. кн. Сергей Александрович († 4.02.1905); московский градоначальник гр. П. П. Шувалов († 28.06.1905); бывший военный министр генерал-адъютант В. В. Сахаров († 22.11.1905); начальник московской сыскной полиции А. И. Войлошников († 14.12.1905); тамбовский вице-губернатор Н. Е. Богданович († 17.12.1905); начальник Пензенского гарнизона генерал-лейтенант В. Я. Лисовский († 2.01.1906); начальник штаба Кавказского военного округа генерал-майор Ф. Ф. Грязнов († 16.01.1906); тверской губернатор П. А. Слепцов († 25.03.1906); вице-адмирал Н. Е. Чухнин († 29.06.1906); самарский губернатор И. Л. Блок († 21.07.1906); пензенский губернатор С. А. Хвостов († 12.08.1906); командир лейб-гвардии Семеновского полка Г. А. Мин († 13.08.1906); прокурор Ташкентской судебной палаты М. М. Шарыгин († 6.09.1906); симбирский губернатор, генерал-майор К. С. Старынкевич († 23.09.1906); бывший Киевский генерал-губернатор, член Государственного Совета гр. А. П. Игнатьев († 9.12.1906); акмолинский губернатор, генерал-майор Н. М. Литвинов († 15.12.1906); петербургский градоначальник В. Ф. фон-дер-Лауниц († 21.12.1906); главный военный прокурор В. П. Павлов († 27.12.1906); пензенский губернатор С. В. Александровский († 25.01.1907); одесский генерал-губернатор, генерал-майор К. А. Карангозов († 23.12.1907); начальник Главного тюремного управления А. М. Максимовский († 15.10.1907); экзарх Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский Никон († 28.05.1908); владимирский губернский предводитель дворянства А. А. Куломзин († 24.06.1909); начальник Петербургского охранного отделения полковник С. Г. Карпов († 8.12.1909); председатель Совета министров П. А. Столыпин († 1.09.1911).

«КРС» дает представление еще об одной особенности кровавого террора — кроме представителей органов правопорядка и высших должностных лиц империи излюбленной мишенью революционных бандитов были монархисты. 27 янв. 1906: в Петербурге террористы взорвали харчевню «Тверь», которая принадлежала Союзу русского народа (СРН) и была местом сбора рабочих-монархистов (убиты 2, ранено 11 чел.). 20 апр. 1906: в Иркутске убит инициатор открытия отдела Русского собрания (РС) преподаватель церковно-учительской семинарии В. А. Тронин. 26 апр. 1906: в Петербурге на Невском судостроительном заводе в перестрелке с революционерами погибли вожак заводского отдела СРН мастер котельного отделения В. М. Снесарев и Лавров, позже были убиты еще четверо рабочих-патриотов. 27 июля 1906: в Ростове убит активист СРН мастер железнодорожных мастерских И. И. Башков. Янв. 1907: в Тифлисе совершено покушение на почетного председателя Тифлиского Патриотического общества священника Сергея Городцова (будущий митр. Варфоломей), который был тяжело ранен шестью пулями и чудом остался жив; в Симферополе ранена малолетняя дочь председателя отдела СРН Гранкина. 28 марта 1907: в Клинцах убит в собственной квартире отставной фельдфебель товарищ председателя отдела СРН

М. М. Рыжков; 15 мая там же убит сменивший его на посту товарища председателя отдела СРН купец С. А. Ветковский. 8 апр. 1907: в Златоусте боевиками местной РСДРП убит председатель отдела СРН А. Е. Аникеев. 4 июня 1907: в местечке Вержиево Нежинского у. Черниговской губ. убит основатель местного подотдела СРН волостной старшина П. И. Дудченко. Июль 1907: в Москве на Богородско-Глуховской мануфактуре садисты-революционеры замуровали в котел рабочего-монархиста и сварили заживо. 23 окт. 1907: убит председатель Верхне-Белозерского подотдела СРН крестьянин И. А. Шило. 17 нояб. 1907: в Одессе убит активист СРН железнодорожный рабочий Е. А. Лопаткин. В Уфе убит активный монархист столяр железнодорожных мастерских Д. Г. Попов, переживший до того три покушения боевиков. 21 янв. 1908: в Тифлисе убит ученик Тифлиского железнодорожного училища, организатор Кружка молодежи при Патриотическом обществе 18-летний М. Сергеев. 15 февр. 1908: в Одессе убит активист СРН рабочий С. М. Бончаковский. 8 сент. 1909: в Томске убит товарищ председателя отдела СРН, заведующий Томской церковно-учительской семинарией иеромонах Игнатий (Дверницкий). 4 июня 1909: в Красноуфимске убит член СРН маляр Г. Д. Данилов. Революционные бандиты убивали прежде всего патриотов-простолыдинов, которые мешали им совращать на путь антигосударственной, антинациональной борьбы простой народ.

В период управления Министерством внутренних дел Н. А. Маклакова власть пыталась использовать пропагандистско-агитационный потенциал «КРС» для противодействия революции в информационной сфере. Циркулярными предложениями МВД от 8 апр. 1911 и 19 дек. 1912 Книга была рекомендована в качестве настольной для каждого полицейского отряда и полицейского управления. В связи с празднованием 300-летия Дома Романовых министр Н. А. Маклаков распорядился закупить у РНСМА около 30 тыс. экз. для бесплатной раздачи нижним чинам. В циркулярном письме министр отмечал, что «чины полиции почерпнут, читая эти книги, новые силы для своей трудной службы на пользу Родины, и пример описанных жертв долга подкрепит их и воодушевит их работу». Однако такая практика имела место только во время возглавления министерства Н. А. Маклаковым.

Лит.: Книга русской скорби. Вып. 1—14. СПб., 1908—14; Шестая годовщина Русского Народного Союза имени Михаила Архангела. Отчет о деятельности Союза за 1912—1913. СПб., 1914.

А. Степанов

КНЯЖЕВИЧ Дмитрий Максимович (25.04[6.05].1788—1[13].10.1844), писатель. Служил по Министерству финансов. В 1837 назначен попечителем Одесского учебного округа, провел реорганизацию Ришельевского лицея, основал Общество истории и древностей в Одессе и др. В 1809—12 помещал в современных изданиях филологические исследования о синонимах русского языка. В 1820—21 выпустил «Подарок на святки» (СПб.). В 1822 издал

«Полное собрание русских пословиц и поговорок» (СПб.). Издание это явилось одним из лучших собраний русских пословиц, предварявшим труды *И. М. Снегирева* и *В. И. Дала.* В 1822—23 издавал «Библиотеку для чтения».

В 1837 был избран в члены Российской академии и участвовал в трудах по составлению словаря русского языка. В 1839 и 1840 издал 2 сборника под заглавием «Одесский Альманах», а также издавал «Новороссийский календарь». Первый том «Записок» общей истории и древностей в Одессе им одним составлен и редактирован.

КНЯЖНИН Александр Яковлевич (29.03.[9.04].1771—31.03[12.04].1829), драматург и поэт. Родился в Петербурге. Печатал свои стихотворения в «Санкт-Петербургском Меркурии», «Новостях литературы» и др. журналах; отдельно издал

«Оду на новый 1815 г.» (СПб., 1818). Но более он был известен как драматург, писавший комедии, драмы с хорами и балетами, оперы и комические оперы. Всех драматических произведений было написано им 16 и большинство их имело успех и пользовалось популярностью. Изданы были: «Неудачный примиритель, или Без обеда домой не поеду», комедия («Российский театр», СПб., 1790, ч. 33), «Андромаха и Персей» (1802), «Цирцея и Улисс» (1803), «Женех трех невест», комедия (1807), «Мужья женихи своих жен», комедия (1825), «Амур-судья, или Спор трех граций», опера (1820). Более же всего славилась его трилогия из комических опер (все эти 3 комические оперы изд. в 1809): «Ям», «Посиделки, следствие Яма» (2-е изд., 1826) и «Девышник, или Филаткина свадьба, следствие Яма и Посиделок» (2-е изд., 1824).

КНЯЖНИН Яков Борисович (3[14].10.1742—14[25].01.1791), драматург, поэт, переводчик. Родился в Пскове. Сын псковского вице-губернатора. Учился в гимназии при Академии наук в частном пансионе. Писать начал еще в школе. С 1757 находился на должности переводчика в Канцелярии о строениях домов. В 1762 перешел на военную службу. Обвиненный в растрате казенных денег, был судим (1773), лишен дворянского звания, уволен со службы. В 1778 был прощен *Екатериной II*, работал секретарем И. И. Бецкого, главным попечителем просветительских и воспитательных учреждений. С этого времени начинается расцвет литературной деятельности Княжнина, он сотрудничает в журналах, печатает переводы, ставятся его пьесы. В 1783 Княжнин выбран членом Российской Академии. Княжнин написал 8 трагедий («Дидона», 1769, «Рослав», 1784, «Вадим Новгородский», 1789, и др.), 3 комедии («Хвастун», 1784—85, «Чудаки», 1790, «Траур, или Утешенная вдова»), 6 комических опер («Несчастье от

кареты», 1779, «Сбитенщик», 1783, и др.), мелодраму «Орфей» и др. Из др. трагедий Княжнина чаще всего давалась трагедия «Титово милосердие», подражание опере Метастазии; трагедия эта написана по желанию имп. Екатерины II и имела целью прославить «милосердие» не столько Тита, сколько Екатерины.

Княжнин — характерный представитель русского просветительского классицизма. «Переимчивый Княжнин», по выражению Пушкина, заимствовал драматические коллизии у западных драматургов, ориентируясь преимущественно на Вольтера, Метастазии, Мольера, Дюшана, Гольдони. Однако Княжнин усложнял композицию, вводил в ряде трагедий хор. Патристический пафос трагедий, сюжеты, заимствованные из национальной истории, создавали им успех у современников. Комедии Княжнина, касавшиеся актуальных вопросов русской жизни 2-й пол. XVIII в., отличались живостью языка, простотой композиции. Некоторые персонажи их предвосхищали образы комедий А. С. Грибоедова и Н. В. Гоголя. Княжнин перевел поэму Вольтера «Генрияд» (1777), трагедии Корнеля «Сид», «Цинна», «Смерть Помпея» (1779), «Родогун» (1788) (переводы трагедии «Гораций» и комедии «Лжец» не опубликованы), поэму Дж. Б. Марино «Избиение младенцев» (1779), комедии Гольдони «Хитрая вдова», «Тщеславные женщины», «Светский человек» (не опубликована) и др. Княжнин одним из первых в русской литературе стал применять белый стих. Примечательна судьба трагедии Княжнина «Вадим Новгородский», в основе которой — борьба республиканца Вадима против правителя Новгорода монарха Рурика. Трагедия заканчивалась победой добродетельного монарха.

Написанная еще в 1789, она не была ни поставлена на сцене, ни напечатана при жизни автора, но после смерти Княжнина, бумаги его, в т. ч. и рукопись «Вадима», были проданы книгопродавцу Глазунову, от которого перешли к кн. Е. Р. Дашковой. Дашкова, в то время бывшая не в ладах с императрицей, как полагают некоторые, сознательно напечатала «Вадима». Дело было в 1739, во время разгара французской революции. Трагедия была конфискована и сожжена, т. к. в ней найдены были республиканские тенденции.

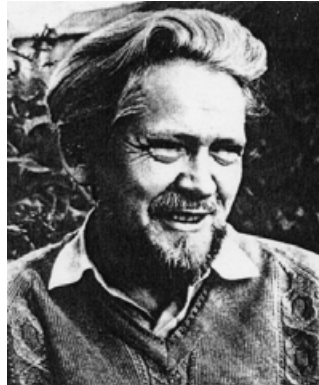
Соч.: Собр. соч. Т. 1—4. СПб., 1787; Соч. Т. 1—2. СПб., 1847; Избр. произв. / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1961.

КНЯЖНИНА Екатерина Александровна (урожд. **Сумарокова**, дочь известного драматурга) (1717—?), одна из первых русских писательниц. Была замужем за Я. Б. Княжниным. Печатала свои стихотворения в издававшемся ее отцом журнале «Трудолюбивая пчела» (1759). Из них более замечательны: «Элегия» (март 1759) и «На злодеев» без подписи и без ведома отца, при содействии Я. Б. Княжнина (музыка к ее стихотворениям была сочинена Раупахом).

КОБЗАРЬ, малороссийский народный певец, аккомпанирующий себе на кобзе (бандуре). Кобзари выражали в своих произведениях надежды, социальные чаяния трудового народа, в первую очередь крестьянства, призывали его к борьбе с угнетателями. Кобзари принимали участие в казацких войсковых походах и воспевали в своих думах и песнях военные события, героев народной борьбы с иноземными захватчиками — татарами, турками, позднее — поляками. Высокого расцвета искусство кобзарей достигло в XVI—XVII вв. — период напряженной борьбы украинского народа за свою национальную независимость. В XIX—XX вв. известными кобзарами были: А. Шут (ск. 1873), О. Версей (ок. 1803—90), И.

Крюковский (1820—55), Ф. Холодный (1832—1902), М. Кравченко (1858—1918) и др.

КОБЗЕВ Игорь Иванович (19.08.1924—10.05.1986), поэт и общественный деятель. Родился в г. Ростов-на-Дону в семье железнодорожника. Окончил Литературный институт. Как поэт печататься начал еще в годы войны. Первые стихи были опубликованы в армейской газете 4-го Украинского фронта. Первая книга стихов «Прямые пути» вышла в свет в 1952. Кобзев входил в литературу как поэт-лирик. Стихи о любви, верности, дружбе пользовались большой

популярностью у молодежи. Они подкупали свежестью и чистотой, душевным светом, радостью жизни («Лебеди в Москве», «О цветах», «Чувство жизни», «Доброта», «Красивая девушка», «Шага чести», «Вечерние тени», «Белые ночи», «Когда ушла ты, не любя», «Первое свидание» и др.). Очень нежно и зримо рисует поэт картины родной природы. Восторг перед красотой и добротой, будь то в природе или в челове-

ке, присущ большинству лирических стихов Кобзева. Поэт много путешествовал в качестве журналиста. Непосредственные впечатления вкладывались в поэтические строки («В Ясной Поляне», «В Михайловском», «Поездка в Суздаль», «Покров на Нерли», «Город Китеж», «Палехские узоры», «Дума о Родине»). В них поэт обращается к истокам Отечества, к исторической славе России. С годами мотивы истории и судьбы России становятся лейтмотивом в творчестве Кобзева. Они особенно усиливаются после того, как поэт «оторвался» от «цэдээловской» суэты и поселился на даче в поселке Семхоз в окрестностях Сергиева Посада (1965). Там он влился в литературный кружок писателей-патриотов, которые последовали примеру И. Шевцова и приобрели себе дачи в Семхозе. Впоследствии эта группа из 20 чел. во главе с автором только что появившейся «Тли» И. Шевцовым превратилась в отряд патриотов-«радонезцев». С той поры в поэзии Кобзева преобладают гражданские мотивы. Поэт активно включается в идеологическую борьбу с отщепенцами, как внутренними, так и сбежавшими на Запад за «чечевичной похлебкой» диссидентами.

Когда М. Алексеев, будучи главным редактором журнала «Москва», опубликовал явно провокационное стихотворение сиониста С. Липкина «Союз И», Кобзев немедленно откликнулся стихотворением «Ответ Семену Липкину». Стихотворение Липкина заканчивалось строками: «Без союзных язык онемел и пожалуй сойдет с колес. Человечество быть не сумеет без народа по имени “И”». В ответ Кобзев писал: «Хоть вы избрали, Липкин, эзоповский язык, читатель без ошибки в ваш замысел проник. Итак, выходит что же? Вы из чужой семьи? Вам Родины дороже народ на букву “И”. Не подрывайте корни Союза Эс-Эс-Эр, где поит вас и кормит народ на букву “Эр”».

Тематически муза Кобзева многопланова и многогранна. Большой цикл стихов посвящен жизни и событиям за рубежом («В Стамбуле», «В тропиках», «В венской опере», «На площади Испании» и др.). Перу Кобзева принадлежат

полдюжины небольших по объему поэм («Радонежский лес», «Дума о России» и др.), в которых поэт с позиций истинного патриотизма поднимает животрепещущие проблемы и вопросы действительности. Кобзев также выступал в периодической печати и как литературный критик, и как публицист. Когда в 1970 сионистская критика как за рубежом, так и в нашей стране обрушила шквал разгромных статей на И. Шевцова в связи с выходом в свет его патриотических романов «Любовь и ненависть» и «Во имя отца и сына», Кобзев единственный в нашей стране на страницах «Советской России» выступил в защиту опального писателя-патриота.

В дек. 1977 Кобзев создает в Москве общественный музей «Слова о полку Игореве». Он возглавлял его со дня основания вплоть до своей кончины. Активистами музея были около 100 чел. Главной целью музея было не только изучать и пропагандировать великие памятники литературы, но и всеми возможными способами содействовать возрождению русского национального сознания.

Основную, очень многостороннюю работу вел сам Кобзев. В течение ряда лет он работал над поэтическим переделанием «Слова о полку Игореве». Оно было издано в одном из его сборников.

Его перевод отличается особая точность в передаче древнерусского текста, тонкое поэтическое чутье и следование ритмике поэмы.

Кобзев был также хорошим художником. Он написал серию картин, посвященную «Слову о полку Игореве».

Разрабатывая древнерусскую тему в поэзии, Кобзев писал о герое «Слова о полку Игореве». В его поэме «Меч-кладенец» высказывается мнение, что автором «Слова» был сам кн. Игорь.

На заседаниях музея вопрос об авторстве поэмы поднимался неоднократно. И надо сказать, что многие активисты поддерживали мнение об авторе — кн. Игоре. Этого же мнения придерживался и писатель *В. А. Чивилихин*, неоднократно присутствовавший на заседаниях музея «Слова о полку Игореве», впоследствии посвятивший «Слову» несколько глав своего романа-эссе «Память».

На заседаниях музея «Слова о полку Игореве» обсуждались не только русские древности, но и ставились вопросы о сегодняшнем положении русского народа. Многие активисты и посетители музея впоследствии стали членами таких патриотических организаций, как «Витязи» и общество «Память».

Л. И.

КОБРЫНСКАЯ Наталья Ивановна (8.06.1855—22.01.1920), галицийская писательница. Родилась в с. Белелуи Снятинского р-на Иванофранковской обл. в семье священника. Получила домашнее образование. Мировоззрение Кобринской формировалось под влиянием дружеских отношений с *И. Я. Франко*. В 1884 Кобринская организовала в г. Станиславе «Товариство руських жінок». С помощью Франко и Е. Пчилки она издала альманах «Первый венок» (1887), куда вошло ее первое сочинение «Дух времени» под первоначальным названием «Шуминская», а также рассказ «Судья» (1884) и статья по женскому вопросу в Галиции. В 1893—96 Кобринская выпустила 3 альманаха под названием «Наша доля». Издала 2 выпуска альманаха «Женская библиотека» (1912). В своих лучших рассказах: «Дух времени», «Ради куска хлеба» (1884), «Выборщик» (1889), повести «Ядзя и Катруся» (1890) Кобринская показала положение женщины, крестьянина, отразила быт закарпатского села, создала оригинальные реалистические образы. Рассказ «Выборщик», критикующий избирательную систему в Австро-Венгрии, был напечатан в журнале «Русское

богатство», трижды выходил отдельным изданием на русском языке в серии «Новая библиотека» (Петербург).

При жизни писательницы вышел сборник «Дух времени» (1899), повесть «Ядзя и Катруся», «Сказки» (1904) и др.

Соч.: Выбрані твори. Киев, 1958.

КОБЫЛЯНСКАЯ Ольга Юлиановна (27.11.1863—21.03.1942), писательница. Родилась в г. Гура Гумора Кимполунгского у. в Южной Буковине в семье мелкого чиновника. Окончила 4-классную школу на немецком языке (Буковина находилась под властью Австро-Венгрии). Писать начала в 80-х (сначала по-немецки), печататься — с 90-х. В ранних произведениях: «Человек» (1886—91, изд. 1894), «Он и Она» (1892, изд. 1895), «Царевна» (1888—95, отд. изд. 1896) — Кобылянская отстаивала право женщины на независимость, боролась против приспособленчества интеллигенции и мещанского окружения, против покорности, унижающей человеческое достоинство. Эти же вопросы занимают Кобылянскую и в таких произведениях, как «Покорность» (1898), «Что я любил» (1896), «Impromptu phantasie» (1894), «Valse melancholique» (1894), а также в более поздних повестях «Через мостки» (1911) и «В поисках ситуаций» (1913), осложненных влиянием *Л. Н. Толстого*, проблемой нравственного самоусовершенствования.

Ожесточенная борьба буковинского крестьянства за хлеб насушный изображена в рассказах Кобылянской «У св. Ивана» (1891, изд. 1896), «Некультурная» (1896), «Сельский банк» (1895), «На полях» (1898) и особенно в большом социально-психологическом романе «Земля» (1901, изд. 1902).

Теме человеческого достоинства, большой любви, верности, красоте чувств посвящена поэтическая повесть «В воскресенье утром зелье копала...» (1909), в основе которой — сюжет малороссийской народной песни «Ой не ходи, Грицю, та на вечерниці». Для Кобылянской характерно стремление проникнуть во внутренний мир человека, раскрыть психологию героев. Не движение событий, а движение человеческой души, разума, чувств должно, по мысли Кобылянской, руководить писателем в его творчестве. В 1915—23 Кобылянская опубликовала цикл рассказов, направленных против войны («Иуда», 1915; «Навстречу судьбе», 1915; «Письмо осужденного солдата к своей жене», «Сошел с ума», 1923, и др.), против алчности, убивающей в человеке все человеческое (повесть «Волчиха», 1923). Тогда же она работала над романом «Апостол черни».

Соч.: Твори. Ч. 1—9. Харьков, 1927—30; Твори. Т. 1—3. Киев, 1956; Твори. Т. 1—5. Киев, 1962—63; Избранное. М., 1953.

КОВАЛЕВ Иван Федорович (31.03[12.04].1885 — после

1966), сказочник. Родился в с. Шадрино Семеновского у. Нижегородской губ. в крестьянской семье. Крестьянствовал, был коробейником, служил в царской армии, участвовал в первой мировой войне. После 1917 был колхозным бригадиром, конюхом, избачом. В репертуаре Ковалева преобладают волшебные и авантурные сказки. Их герой — бедняк, благодаря своему уму и находчи-

ности достигающий богатства и счастья. Сказки Ковалева отличаются обстоятельностью разработки деталей, психологизмом. Лучшие из них: «Про Емелю-дурака», «Два купца», «Разодрались комар с мухой», «Микола Дупленской». Несколько аллегорических сказок посвящены темам советской жизни. Отдельные сказки Ковалева впервые записаны в 1931. Полностью его репертуар записан в 1937—39.

Соч.: Сказки И. Ф. Ковалева. М., 1941.

Э. П.

КОВАЛЕВСКИЙ Павел Иванович (1849—1923), психиатр, публицист, идеолог русского национализма. Основатель первого русского психиатрического журнала. Член Русского собрания. Член Всероссийского национального союза. Ковалевский дал одну из наиболее исчерпывающих формулировок национализма: «В широком смысле национализм, — писал он, — духовное веяние, течение, направленные в данном народе, имеющие целью и задачей поднятие и совершенствование блага данной нации. Это будет национализм массовый, партийный... Но есть национализм и личный, индивидуальный, присущий природе каждого человека. Личный индивидуальный национализм — проявление уважения, любви и преданности до самопожертвования в настоящем, почтение и преклонение пред прошлым и желание благоденствия, славы и успеха в будущем той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит... Национализм может проявляться двояко: в форме национального чувства и в форме национального сознания. Национальное чувство есть прирожденное свойство человеческого духа, присущее каждому человеку от рождения и состоящее в инстинктивной необъяснимой животной любви к данному народу, к данной местности... Национальное сознание есть выражение определенно выраженного воззрения о любви к родине, ее славе, ее чести, величии и силе».

Исследуя национальную психологию русского народа, Ковалевский очень точно давал определения нации, национализму, национальному чувству и национальному самосознанию — понятиям, столь существенным для общего мировоззрения.

«Нация — большая группа людей, объединенных между собою единством происхождения, — единством исторических судеб и борьбы за существование, — единством физических и душевных качеств, — единством культуры, — единством веры, — единством языка и территории...»

Национализм — это проявление уважения, любви и преданности, до самопожертвования, в настоящем, — почтения и преклонения перед прошлым и желание благоденствия, славы, мощи и успеха в будущем — той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит...

Национальное чувство есть прирожденная принадлежность физической и душевной организации. Оно инстинктивно. Оно обязательно. Национальное чувство прирожденно нам так же, как и все другие чувствования: любви к родителям, любви к детям, голода, жажды и т. д...

Национальное самосознание есть акт мышления, в силу которого данная личность признает себя частью целого, идет под защиту и несет себя само на защиту своего родного целого, своей нации».

Господство русской нации в Российской империи Ковалевский выводил из права принесенных жертв, права пролитой крови за Отечество. «Наши права на обладание этим государством, — писал Ковалевский, — есть права крови, вытекающие из крови, пролитой нашими предками, — права

имущественные, вытекающие из затрат наших предков, проценты на которые нам приходится платить и поныне, — права исторических судеб родины, обязующие нас хранить целыми и невредимыми завоеванное предками».

По поводу панславистских идей, широко распространенных и обсуждавшихся в русском обществе 1910-х, Ковалевский писал следующее: «Союз славян мыслим, если Россия станет во главе его, — если русский язык станет общеславянским языком, — если русское дело станет общеславянским делом, — если не только Россия будет для славян, но и славяне для России».

Соч.: «Основы русского национализма»; «Психология русской нации».

М. Смолин

КОВАНЬКО Иван Афанасьевич (1774 или 1775—4[16].12.1830), поэт. Из малороссийских дворян.

Как поэт Кованько становится известным в 1790-е; первая публикация — «Тленность» («Приятное и полезное

препровождение времени», 1795. Ч. 5). В глазах современников молодой Кованько — «хороший поэт и сочинитель, но бедный и несчастный» (А. Т. Болотов). Этот образ поддерживают проникнутые самосожалением автохарактеристики: «Моя ночь, или Чувство благодарности... М. Ф. Соимонову» (1799), «Перестроенная лира» (1802. Ч. 1), «В альбом С. Д. Пономаревой» (1819). В целом для Кованько характерна сильная зависимость от поэзии Г. Р. Державина,

на которого он сознательно ориентировался (см. особенно оду «Бог», а также «Стихи Великому Певцу Великих» — «Новости русской литературы», 1802. Ч. 1) и от которого удостоился стихотворного комплимента. Из многообразного в жанровом отношении творчества Кованько (оды, анакреонтика, мадригалы, надписи, шарады) выделяются первый русский печатный стихотворный перевод песни Ф. Шиллера «К радости» и получившая беспрецедентную для Кованько известность «Солдатская песня» («Хоть Москва в руках французов...») — агитационное стихотворение, открывшее 1-й номер журнала «Сын Отечества» (1812) и вошедшее в народные песенники; периодически он продолжает печататься в этом журнале: патриотическая «Песня русского солдата...» (1815. № 21), «Песня русских воинов перед сражением» («Друзья! На смертный мир!..» (1818).

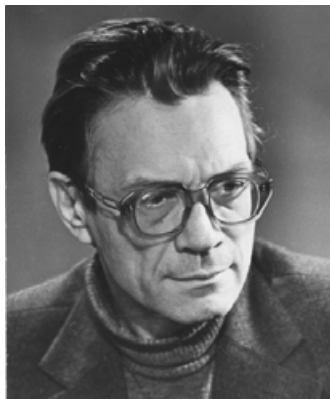
С. К.

КОЖИНОВ Вадим Валерианович (05.07.1930—25.01.2001), критик, литературовед, историк. Родился в Москве. В 1948—53 учился на филологическом факультете Московского государственного университета, по окончании которого до конца жизни работал в Институте мировой литературы в должности ведущего научного сотрудника.

Творческая деятельность Кожинова началась с теоретических работ в области поэтики художественной литературы. В н. 60-х он принимал участие в числе др. молодых сотрудников ИМЛИ в написании 3-томного научного тру-

да «Теория литературы», работал над книгами «Роман Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”» и «Происхождение романа».

Мировоззренческий путь Кожинова был непростым и извилистым. «Скажу со всей откровенностью, — писал он, — что в университете я довольно быстро стал, если угодно, искренним, убежденным “сталинистом”.

Это отнюдь не означало бездумного принятия всего, что я видел, слышал, знал... Если говорить, по крайней мере, о людях этого, молодого тогда поколения, о них, по сути дел, нельзя судить в зависимости от их отношения к Сталину. Но это отношение — что очень важно — было, так сказать, “надмирным”, а каждый из нас непосредственно сталкивался с вполне конкретными земными явлениями. И вот с этой точки зрения люди и тогда доста-

точно резко различались». В к. 50-х Кожинов, по его признанию, пришел к отрицанию всего исторического пути России после 1917. Решающее значение для его научной, критической, исторической работы, а также для всего его мировоззрения имело знакомство с *М. М. Бахтиным*, с которым он встретился в Саранске и которому помог перебраться на постоянное жительство в Москву. Именно благодаря Кожинову были в н. 60-х изданы книги Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» и «Творчество Франсуа Рабле», заново открывшие для России уникального отечественного философа и мыслителя.

На протяжении 60—70-х Кожинов работал над исследованиями, посвященными русской классической поэзии, вошедшими в «Книгу о русской лирической поэзии XIX века» и в книгу «Стихи и поэзия».

Главной его работой в этом направлении стала книга о *Ф. М. Тютчеве*, изданная в серии «Жизнь замечательных людей». Кожинов представил читателю Тютчева во всем его гармоническом единстве великого русского поэта, выдающегося дипломата, пронизательного публициста и как бы заново раскрыл смысл его поэтического творчества. «Для Тютчева все подлинное бытие России вообще совершалось как бы на глубине, недоступной поверхностному взгляду. Истинный смысл этого бытия и его высшие ценности не могли — уже хотя бы из-за своего беспредельного духовного размаха — обрести предметное, очевидное для всех воплощение».

В 1977 Кожинов инициирует дискуссию «Классика и мы», прошедшую в Центральном доме литераторов 21 дек. Эта дискуссия обозначила окончательное размежевание по самым острым граням двух направлений в литературе и — шире — в искусстве: русского и русскоязычного, патриотического и космополитического. Причем аргументация и тональность представителей русского направления (*П. Палеевского*, *Ю. Селезнева*, *Ст. Куняева*) производили столь убедительное впечатление, что на их сторону встали и тогдашние умеренные либералы (*И. Золотусский*, *С. Ломинадзе*). Сам же Кожинов убедительно отверг все демагогические попытки обвинения его и его друзей в «антисемитизме».

В годы «перестройки» Кожинов выступил с яркими статьями «Правда и истина» и «Самая большая опасность», разоблачающими наиболее крикливых «перестройщиков» и

«антисталинистов», показав все их двуличие, ложь и невежество в обращении с историей. Для него любая историческая дискуссия, касалась ли она взаимоотношений Руси с Хазарским каганатом или национального состава первого советского правительства, питалась живыми токами современности и была непосредственным зеркальным отражением страстей, бурлящих в жизни, творящейся на его глазах. С н. 80-х его внимание все более и более сосредоточивалось на истории, которая при этом не отделялась и от истории русского слова. «Первой ласточкой» такого рода «органического исследования» стала статья «И назовет меня всяк сущий в ней язык», опубликованная в № 11 «*Нашего современника*» за 1981, после чего был снят с должности подписавший эту статью в печать первый зам. гл. редактора *Ю. Селезнев*, а в недрах Комитета государственной безопасности Кожинов стал числиться как ярчайший представитель «русизма», который андроповское ведомство почитало за самую главную опасность.

Наиболее существенные труды Кожинова последних лет — «История Руси и русского слова» и «Россия. Век XX». Наибольший интерес в последней книге представляет серия глав, посвященных «черносотенцам». Кожинов впервые показал, что люди, исповедовавшие «черносотенную» идеологию, составляли самый высококультурный слой России н. XX в. и — единственные в то время — обладали ясным пониманием происходящего и прозрением грядущих катаклизмов. Он показал также, что эти идеи, пусть неоформленные в их сознании, исповедовали и широкие народные массы, «третья сила», которая в сложившихся исторических условиях была, увы, обречена на поражение. Но поражение политическое не стало поражением духовным, смысловым, что и показал писатель в последующих главах «Истории».

Соч.: Книга о русской лирической поэзии XIX века. М., 1978; Стихи и поэзия. М., 1980; Тютчев. М., 1988; Размышления о русской литературе. М., 1991; Судьба России. Вчера, сегодня, завтра. М., 1997; История Руси и русского слова. М., 1997; Россия. Век XX. В 2 ч. М., 1999. Великое творчество и великая победа. М., 1999; Победы и беды России. М., 2000.

С. Куняев

КОЗАНОВИЧ Михаил (1807—1877), малороссийский стихотворец. Жил в Галиции. Был сельским священником. Писал стихи лирического и эпического характера.

КОЗИЦКИЙ Григорий Васильевич (1724—26.12.1775 [6.01.1776]), писатель, переводчик. Учился в Киевской духовной академии, Лейпцигском университете. С 1756 преподавал языки и словесность. Первые переводы из Биона, Овидия, Лукиана появились в журнале «Ежемесячные сочинения» (1757) и «Трудолюбивая пчела» (1759). С 1767 — депутат Комиссии нового уложения, учрежденной *Екатериной II*; с 1768 — статс-секретарь по принятию челобитных при императрице и участник ее литературных предприятий. Перевел с русского на латинский язык «Наказ» *Екатерины II* (1768), с французского на русский язык — главу из «Велизарии» *Мармонтеля* (1768). Был литературным редактором журнала «Всякая всячина» (1769), где помещал переводы из античных авторов и статьи сатирико-нравоучительного характера. С 1768 руководил «Собранием, старающимся о переводе иностранных книг». Являлся посредником в переписке императрицы с писателями *А. П. Сумароковым*, *Н. И. Новиковым*, *М. М. Щербатовым* и др. Современники ценили Козицкого как знатока языков и стилиста.

КОЗЛОВ Иван Иванович (11[22].04.1779—30.01[11.02]. 1840), поэт, переводчик. Родился в Москве. Происходил из знатного дворянского рода. Служил в гвардии, с 1798 — на гражданской службе. В 1821 после долгой болезни (паралич и слепота) Козлов занялся литературным творчеством.

Первое стихотворение Козлова «К Светлане» опубликовано в 1821. Увлечение литературой привело Козлова к близкому знакомству с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским. В 1824 избран членом *Вольного общества любителей российской словесности*. Уже в ранних стихах (послание «другу В. А. Жуковскому») проявились характерные для Козлова тенденции: стремление к земному счастью и «надежда на лучшую жизнь за гробом».

Мужественно сопоставляясь трагической судьбе, поэт находил утешение в воспоминаниях о прошлом, в дружбе, любви и вдохновенном творчестве («Гимн Орфея»). Успех принесла Козлову поэма «Чернец» (полн. изд. 1825), написанная в форме лирической исповеди молодого монаха. Своеобразие этой романтической поэмы определил В. Г. Белинский: «Несколько сентиментальный характер поэмы, горестная участь ее героя, а вместе и горестная участь самого певца...». Поэму высоко оценил А. С. Пушкин (стихотворение «Козлову»), она оказала влияние на «Мцыри» М. Ю. Лермонтова и «Гризну» Т. Г. Шевченко. Козлов приветствовал национально-освободительную борьбу в Греции («Пленный грек в темнице») и в Ирландии («Молодой певец»), прославлял отвагу и мужество («Байрон», «Киев», «Плач Ярославны»). В исторической поэме «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» (1824, полн. изд. 1828) Козлов основное внимание уделяет раскрытию духовных и сердечных переживаний Долгорукой. Тяжелая личная жизнь усилила мотивы скорби в поэзии Козлова: «К П. Ф. Балк-Полеву», «Обетованная земля», «Пловец» и др.; в последних двух стихотворениях тепло говорится о павших за родину борцах. Мрачным романтико-мистическим колоритом отмечены «кладбищенские» стихи и *баллады* Козлова: «Тайна», «Бренда», «Отплытие витязя» и др. Знаменательно обращение поэта к народности в некоторых произведениях 30-х: поэма «Безумная», стихи «Обманутое сердце», «Тревожное раздумье», «Песня». Козлов выступал и как талантливый переводчик, пропагандировавший западноевропейскую поэзию: Дж. Байрона («Абидосская невеста»), В. Скотта, Данте, Т. Тассо, Л. Ариосто, А. Шенье, Р. Бернса, А. Мицкевича и др. Перевод стихотворения Т. Мура «Вечерний звон» стал популярной русской песней.

Переводы Козлова — в основном вольные переложения. Козлов — тонкий элегик и лирик, поражающий современников «песнями дивными» (Пушкин), «музыкально-сердечными звуками» (Гоголь), легкостью стиха. Некоторые его стихи стали известными песнями и *романсами* («Пловец», «Не бил барабан перед смутным полком», «Тревожные раздумья», «Венецианская ночь»). Поэмам Козлова свойственна острота драматических ситуаций; для его лирики характерны достоверность переживаний лирического героя, яркость зрительных образов.

Соч.: Полн. собр. стихотворений. Л., 1960; Дневник / Вступ. заметка К. Я. Грота // Страница и новизна. 1906. № 11.

КОЗЛОВ Павел Алексеевич (23.03[4.04].1841—15[27].03. 1891), поэт-переводчик. Родился в Москве в дворянской семье. Жил в Италии и Франции, где познакомился со многими выдающимися писателями. Начал печататься в 1870. В 1884 вышло 2-томное собрание стихотворений Козлова, где преобладали темы любви, смерти, воспевание красоты. На слова Козлова написаны популярные *романсы* («Забыли вы...», «Глядя на луч пурпурного заката...»). На стихотворение «Когда б я знал...» Козлов сам написал музыку. Основная заслуга Козлова — его переводы сочинений Дж. Байрона, У. Шекспира, А. де Мюссе, Ю. Словацкого, В. Сырокомли, Ю. Залеского и др. Перевод «Дон-Жуана» Байрона (1889), сделанный стихом, близким к подлиннику, был лучшим дореволюционным переводом этой поэмы.

Соч.: Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 1—4. М., 1897.

КОЗЬМА ИНДИКОПЛОВ (VI в.), купец, византийский монах, автор книги «Христианская топография» (ок. 547), посвященной устройству мироздания. Козьма отвергал представление о шарообразности Земли. Обитаемый мир он представлял в виде прямоугольника, окруженного океаном и стенами с небесной твердью в форме двойной арки, где укреплены небесные светила, которыми управляют особые ангелы, следящие за сменой дня и ночи. Солнце движется вокруг конусообразного возвышения в северной части земной плоскости. Видимое небо, или твердь небесная, скрывает за собой невидимые небеса, где пребывает на седьмом небе Бог.

Средняя часть изображения содержит текст на старославянском языке, который является частью рукописи «Христианская топография» Козьмы Индикоплова. Текст описывает устройство мира и небесных светил.

«Христианская топография» была известна на Руси в XI—XII вв. (старший из дошедших до нас списков датируется XV в.).

Изд.: Книга глаголемая Козьмы Индикоплова. СПб., 1886; *Редис Е. К.* Христианская топография Козьмы Индикоплова. М., 1916.

Лит.: *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. М.; Л., 1951.

КОЗЬМА ПРУТКОВ, коллективный псевдоним группы писателей: *А. К. Толстого* и братьев *А. М.* и *В. М. Жемчужниковых*, выступавших совместно в 50—60-е XIX в. со стихами, баснями, афоризмами, комедиями, литературными пародиями. В работе над некоторыми стихотворениями и комедиями участвовал Александр М. Жемчужников. Козьма Прутков постепенно приобрел самостоятельное значение; ему была придана, по выражению самих авторов, «литературная физиономия», т. е. в его лице создан комический тип поэта-чиновника, «...самодовольного, тупого, добродушного и благонамеренного, судящего обо всем с казенной точки зрения. Был опубликован и вымышленный портрет Козьмы Пруткова, рисованный А. М. Жемчужниковым, А. Е. Бейдеманом, Л. Ф. Лагио. Имя Козьмы Пруткова появилось в 1854 в «Литературном ермаше» (юмористическое приложение к журналу «Современник»), где опубликованы «Досуги Козьмы Пруткова»; в них пародировались самодовольная пошлость, мнимое величие. В литературной жизни произведения Козьмы Пруткова сыграли значительную роль. Авторы пародировали *романтизм В. Г. Бенедиктова* («Аквилон»), издевались над «чистым искусством» («Философ в бане») и над лженаукой («Предисловие к «Гисторическим материалам...»»). Произведения Козьмы Пруткова печатались в 1859—63 в «Искре», «Современнике», «Развлечении». Сатирические черты образа Козьмы Пруткова особенно ярко выражались в таких его «произведениях», как: «Проект о введении единомыслия в России», «Торжество добродетели», «Военные афоризмы». В 1863 в «Современнике» был напечатан «Краткий некролог», извещавший о смерти знаменитого «автора» басен и афоризмов.

КОКОРЕВ Иван Тимофеевич (6[18].09.1825—14[26].06.1853), писатель. Родился в Зарайске. Из крепостных-вольноотпущенных. Учился во 2-й московской гимназии, которую оставил на 5-м классе по недостатку средств. С 1843 — сотрудник «Живописного обозрения», с 1846 — журнала «Москвитянин», где работал до конца жизни. Войдя в 1850 в «молодую редакцию» «Москвитянина», руководил отделом «внутреннее обозрение», где помещал очерки о Москве в духе *натуральной школы*. Особенностью их являлось изображение людей «низших профессий» — извозчиков, пильщиков, кухарок, половых в трактирах и пр. Обладая острой наблюдательностью, изучив быт московских улиц, Кокорев правдиво изображал народные нравы, жизнь низов, городскую нищету. Лучшее произведение — повесть «Саввушка», высоко оцененная *И. С. Тургеневым*, *А. А. Григорьевым*.

Образ Москвы, к которой Кокорев сохранил особенное чувство (с юности он собирался «ратовать» в литературе за «родимую Белокаменную» — «Москва сороковых годов»), очерки и зарисовки ее быта преимущественно 2-й пол. 1840-х составили самую значительную часть его наследия: «Кухарка», «Старьевщик», «Чай в Москве», «Ярославцы в Москве», «Извозчики — лихачи и няньки».

Программный характер имел очерк-статья Кокорева «Публикации и вывески» («Москвитянин». 1850. № 2—3), в котором

даже мелкие факты городского обихода рассмотрены сквозь призму национально-бытового уклада и характера. Свойственный Кокореву «московский патриотизм» выражался в отступлениях против введения иностранных слов, прививки внешним примет западной «образованности», ведущих к исчезновению «русского духа», русских обычаев и «старины».

В рассказах из предполагавшегося цикла «Русское сердце» («Дядя Тимофей», «Отцовский долг» и др., 1849—50) Кокорев стремился показать «светлую сторону нашей жизни».

Соч.: Очерки Москвы сороковых годов. М.; Л., 1932; Москва сороковых годов. Очерки и повести о Москве XIX в. М., 1959; Соч. М.; Л., 1959; Публикации и вывески // Очерки московской жизни. М., 1962.

КОКОРИН Павел Михайлович (25.10[6.11].1884 — не ранее 1938), поэт. Из крестьян. Окончил церковно-приходскую школу. Был учителем в сельской школе.

С помощью *К. М. Фофанова* в 1909—10 выходят 2 сборника стихов Кокорина «Песни и думы» и «Фантастическая явь». В этих сборниках преобладали пейзажные картины, проникнутые «кольцовской» философической созерцательностью (о мечтах: «Им нет преграды, / Им нет конца, / Найти им надо / Начало Творца»), и любовные стихи, написанные от лица деревенской молодухи в русле русской песенной традиции («Что попричилось с ним? / Отчего не идет? / Мной ли он не любим? / Где он лучше найдет!»). Вместе с тем несколько наивное стремление Кокорина «соответствовать» своему представлению о «настоящей» поэзии порождало в его стихах поэтические штампы. Сборник «Песни девушек» (СПб., 1912), представляющий стилизации под обрядовую и календарную поэзию, был замечен *В. Я. Брюсовым*, увидевшим в нем «при всей неправильности языка» «свежие строчки».

Критика отмечала в стихах Кокорина психологизм и знание русского фольклора.

КОЛОМЫЙКА, короткая песенка, напоминающая *частушку*, жанр малороссийского народно-поэтического творчества. Отличается от частушки устойчивыми ритмическими признаками. Коломыйка представляет собой рифмованное двустишие, в котором стихи разделяются двумя цезурами на три колена: 4, 4 и 6 слогов:

Заспівали // сині гори, // зашуміли ріки;
Закарпаття // й Україна // з'єднались навіки!

Если рассматривать вторую цезуру как концевую паузу, то коломыйка может быть записана в виде четверостишия с чередующимися восьми- и шестисложными стихами. Такое написание даже употребительнее, хотя оно и менее точно. Коломыйка тесно связана с танцем, во время которого она часто исполнялась; ее мелодии выдержаны в такте $\frac{2}{4}$. Коломыйка известна уже в записях XVII в. Подобно частушке, при исполнении она имеет тенденцию объединяться в тематические «вязочки». В коломыйке отразились многие исторические события, быт, семейная жизнь, любовные переживания и др. Записано множество коломыек рекрутских, гайдамацких, опришковских (опришки — участники восстаний в Карпатах). Коломыйковым размером сложены и многие «долгие» исторические, бытовые и др. песни. *Т. Г. Шевченко* в основу своего тонического стиха положил размер коломыек, реформировал его; большая часть его произведений написана таким стихом. Многие малороссийские поэты пользовались ритмичной коломыек (*И. П. Котляревский*, *О. Ю. Федькович*, *С. В. Руданский*, *И. Я. Франко*).

М. П.

КОЛОСОВ Василий Михайлович (1782—1857), поэт. Из купеческой семьи. Учился в Московском университете.

Первое опубликованное стихотворение «Плач России — и неизреченная радость о восшествии на престол его имп. величества... Александра Павловича» и «Плод энтузиазма. Лирич. соч. ...» по случаю восшествия на престол и коронации Александра I. Ряд стихотворений Колосова был напечатан в «Друге просвещения» (1805) и «Новостях русской литературы» (1803), где его «Песнь юному сыну века» представлена как «опыт молодого стихотворца» (1803. Ч. 5). Здесь же появился его очерк «Воробьевские горы» (1804), который, как и вышедшие отдельно «Прогулки в окрестностях монастыря Симонова» (М., 1806), представляет собой соединение жанра сентиментальной повести, ориентированной на *Н. М. Карамзина* и *В. В. Измайлова*, путеводителя, научно-популярной статьи и отчета о филантропических мероприятиях. В тексте «Прогулок...» есть упоминание Колосова о его «пьесах... в разных журналах помещаемых».

Публикации Колосова возобновляются в 1814, когда он пишет стихотворные тексты для представлений в доме московского «хлебосола» П. А. Позднякова: «Стихи его превосходительству П. А. Позднякову на случай открытия им в его доме публичных представлений и маскарадов в пользу бедных и инвалидов», «Хор в честь русских героев, избавивших Европу от французского ига», «Польский в честь государя императора Александра I», «Польский на всерадостнейший день рождения избавителя и миротворца Европы императора Александра I», «Глас россиянина главноначальствующему кремлевской экспедиции... тайному советнику и сенатору П. С. Валуеву» (1814).

А. З.

КОЛОСОВА Марианна Ивановна (в замужестве **Покровская Римма Ивановна**; псевд.: **Джунгар, Елена Инсарова**) (13.05.[26.05].1903—6.10.1964), поэтесса. До эмиграции жила в Барнауле. Дочь священника, доброго «воинствующими безбожниками». «Говорили, что ее жениха чуть ли не у нее на глазах расстреляли коммунисты». Приехала в Харбин в н. 1920-х. Училась на юридическом факультете. В студенческие годы сблизилась с поэтессой *О. Скопиченко*. В харбинский период своей жизни издала 4 поэтических сборника. Первый — «Армия песен» — вышел в 1928. В книге «Не покорюсь!» (1932) преобладает стихотворная публицистика, продиктованная чувством непоправимой беды и негодования: «Грузину, не татарам платят дань. / Где гордость? Где любовь к родному краю? / “Ах, почему же мы такая дрянь?” — / Чужую фразу снова повторяю». Публицистичность этих стихов подчеркнута цитатой — «чужой фразой» — «Ах, почему же мы такая дрянь?» Облепившими всю эмиграцию словами «Отчего мы такая дрянь?» начинается книга А. Амфитеатрова «Стена плача и стена нерушимая», вышедшая двумя изданиями в н. 1930-х. По книге «Не звон мечей...», изданной в 1934, можно составить представление о Колосовой как о зрелом поэте. С неправильными или стилистически спорными словосочетаниями совмещается темпераментный лирический напор, яркая эмоциональность, а во многих случаях душевность, мелодичность и плавность стиха. Многие строфы продиктованы гневом или ненавистью, как, напр., в стихотворении, посвященном памяти *Гумилева*: «Ташить в подвал на расправу / Свою небесную весть, / Свою высокую славу, / Свою народную честь!.. / За воина и поэта, — / Чей взор орлиный был горд, — / Расстрелять бы в ту ночь, до рассвета, / Сотню бездумных морд!»

Пятый сборник Колосовой «Медный гул» вышел в Шанхае в 1937, куда Колосова переехала в 1934. Стихи Колосовой печатались в харбинском журнале «Рубеж», в сборнике «Парус», в газете «Русское слово». Колосова была связана с Чураевкой (литературным кружком в Харбине). Написала множество патриотических стихов. Колосову называли «бардом Белой армии». «Ее отталкивали вообще все “левые”» и поэтому «свои политические симпатии она перенесла на русских фашистов... на крошечную горсточку, оставшуюся около А. Покровского, первого “зачинателя” русского фашизма в Харбине». Японцы выселили ее из Харбина. В Шанхае содержала вместе с Покровским русскую библиотеку. После войны эвакуировалась на Филиппины, откуда переехала в Бразилию, затем (ок. 1957 или 1958) в столицу Чили Сантьяго. Здесь вместе со своим мужем Покровским Колосова, как и раньше в Китае, держала платную библиотеку — собрание русских книг числом более 4 тыс. «У них практически не было никаких вещей. Единственное их богатство — книги». *А. Несмелов* определял стихи Колосовой как преимущественно гражданскую лирику. Многие стихотворения Колосовой, появлявшиеся в периодических изданиях, не были включены в ее книги.

Соч.: Армия песен. Харбин, 1928; Господи, спаси Россию! Харбин, 1930; Не покорюсь! Харбин, 1932; На звон мечей. Харбин, 1934; Медный гул. Шанхай, 1937.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ, песня, напеваемая при укачивании ребенка, особый лирический жанр, популярный в народной поэзии:

Баюшки, баю, баю!
Живет барин на краю.
Он ни скуден, ни богат,
Много у него ребят;
Все по лавочкам сидят,
Кашу масляную едят.
Каша масляная,
Ложка крашенная.
Ложка гнется,
Сердце бьется,
Душа радуется.

Колыбельные песни писали некоторые русские поэты, напр., *М. Лермонтов* («Казачья колыбельная песня»), *Ф. Соловьев*. Форма колыбельной песни была использована поэтами-сатириками как пародия или как сатирический перифраз. Так, *Н. Некрасов* заимствовал форму лермонтовской колыбельной песни для своей острой сатиры на карьериста-чиновника.

КОЛЬЦОВ Алексей Васильевич (3[15].10.1809—29.10[10.11].1842), поэт. Родился в Воронеже в зажиточной мещанской семье В. П. Кольцова, прасола — скупщика и торговца скотом, слывшего во всей округе честным партнером и строгим домохозяином. Человек крутого нрава, страстный и увлекающийся, отец поэта, не ограничиваясь прасольством, арендовал земли для посева хлебов, скупал леса под сруб, торговал дровами, занимался скотоводством. И в торговых делах, и в частном быту Василий Петрович оправдал известную народную пословицу: «Прасол — поясом опоясан, сердце пламенное, а грудь каменная». С детских лет он определил сыну торговое поприще, и Кольцов служил при отце сначала мальцом, потом молодцом, а в зрелые годы — приказчиком и помощником. Летом они отправлялись в степь для надзора за

скотом, зимой — для забора и продажи товара. Неделями приходилось скакать на коне, ночевать под открытым небом, коротать досуг в деревнях, толкаться среди народа в праздничной ярмарочной толпе. Прасольское ремесло воспитывало в человеке умение легко и свободно общаться с самыми разными людьми, входить в чужие заботы и интересы, прислушиваться к противоречивым голосам крестьянской молвы, проникаться мотивами русских песен. Воронежская природа, где лесной север переходит в южную степь, щедро наделила будущего поэта полнотою впечатлений, остротою восприятия. Приходилось вникать изнутри и в самые разные хозяйственные заботы сельского жителя: садоводство и хлебопашество, скотоводство и лесные промыслы. В одаренной, переимчивой натуре мальчика формировались широта души и интересов, непосредственное знание народной жизни.

С 9 лет Кольцов постигал грамоту на дому и проявил столь незаурядные способности, что в 1820 смог поступить в двухклассное уездное училище, минув училище приходское. Но из 2-го класса отец взял его в помощники. Однако страсть к учению проснулась в мальчике: сначала это были сказки и лубочные издания, покупаемые у коробейников, потом библиотечка в 70 книг у приятеля по училищу, сы-

на воронежского купца, — арабские сказки, проза писателей XVIII в. и, в частности, роман *Хераскова* «Кадм и Гармония».

В 1825 Кольцов приобрел на базаре сборник стихов *И. И. Дмитриева* и пережил глубокое потрясение, познакомившись с «русскими песнями» «Стонет сизый голубочек», «Ах, когда б я прежде знала». Он убежал в сад и стал распевать в одиночестве эти стихи, уверенный в том, что все стихи — песни, что все они поются, а не читаются. Возникло желанье самому писать стихи, и Кольцов переложил в рифмованные строчки рассказ товарища о троекратно повторявшемся сне. Получилась поэма «Три видения», которую он впоследствии уничтожил.

К этому времени Кольцов познакомился с книготорговцем Д. А. Кашкиным, человеком образованным и умным, любящим русскую словесность. Кашкин поощряет юного поэта, снабжает его руководством по сочинению стихов «Русская просодия», дает советы, правит его поэтические опыты, но главное — разрешает пользоваться своей библиотекой. В лавке Кашкина Кольцов знакомится с поэзией *М. В. Ломоносова*, *Г. Р. Державина*, *И. Ф. Богдановича*, а затем *А. Ф. Мерзлякова*, *А. А. Дельвига*, *А. С. Пушкина*. Юношеские опыты Кольцова («Разуверенье», «Плач», оба — 1829; «Земное счастье», 1830) литературны, вторичны, написаны в подражание популярной сентиментально-романтической поэзии. Однако проблемски самобытного дарования ощутил в «Путнике» и «Ночлеге чумаков» (1828).

К н. 1830-х Кольцов становится известным в культурном кругу Воронежа «стихотворцем-мещанином», «поэтом-прасолом». Он сблизается с А. П. Серебрянским, сыном сельского священника, студентом Воронежской семинарии, поэтом, талантливым исполнителем своих и чужих стихов, автором статьи «Мысли о музыке» и популярной некогда студенческой песни «Быстры как волны

дни нашей жизни». Серебрянский относится к другу серьезно, помогает ему словом и делом. «Вместе с ним мы росли, вместе читали Шекспира, думали, спорили», — вспоминал Кольцов. Серебрянский прививает другу вкус к философскому мышлению, знакомит с профессорами семинарии П. И. Ставровым и А. Д. Вельяминовым. Появляются стихи, предвестники будущих «дум» — «Великая тайна», «Божий мир», «Молитва».

В 1827, «на заре туманной юности», Кольцов переживает тяжелую сердечную драму. В доме отца жила крепостная прислуга, горничная Дуняша, девушка редкой красоты и чуткости. Юный поэт страстно полюбил ее, но отец счел унижительным родство со служанкой и во время отъезда сына в степь продал Дуняшу донскому помещику в отдаленную казачью станицу. Кольцов слег в горячке и едва не умер. Оправившись от болезни, он пустился в степь на поиски невесты, оказавшиеся безрезультатными. Неутешное свое горе Кольцов выплакал в стихах «Первая любовь» (1830), «Измена суженой», «Последняя борьба» (оба — 1838) и особенно в проникновенной «Разлуке» (1840), впоследствии положенной на музыку А. Л. Гурилевым и ставшей популярным романсом.

В 1830 стихи Кольцова впервые появились в печати. Начинающий поэт В. И. Сухачев, остановившийся у Кашкина проездом из Одессы в Москву, познакомился с Кольцовым и поместил его произведения в сборнике «Листки из записной книжки Василия Сухачева» (1830) в числе собственных стихов, без имени автора («Не мне внимать», «Приди ко мне», «Мщение»). А в 1831 Кольцов выходит в большую литературу с помощью *Н. В. Станкевича*, который встретился с поэтом в Воронеже и обратил внимание на его незаурядное дарование. По рекомендации Станкевича в «Литературной газете» (1831. № 34) была опубликована одна из первых «русских песен» «Кольцо», а в 1835, на собранные по подписке среди московских друзей деньги, Станкевич издает первый поэтический сборник «Стихотворения Алексея Кольцова», принесший поэту славу в среде столичных литераторов.

Знакомство со Станкевичем открыло «воронежскому поэту-прасолу» доступ в московские и петербургские литературные салоны. В 1831 он приезжает в Москву по торговым делам отца и сходитя с членами философского кружка Станкевича, студентами Московского университета, в т. ч. с В. Г. Белинским. В 1836 через Белинского знакомится с московскими литераторами *Н. И. Надеждиным* и *Ф. Н. Глинкой*, а в Петербурге на «олимпиадинском чердаке» *В. А. Жуковского* в Шепелевском дворце происходит знакомство Кольцова с *П. А. Вяземским*, *В. Ф. Одоевским*, *И. А. Крыловым*. Он заводит дружбу с художником А. Г. Венециановым, появляется на знаменитых литературных вечерах у проф. П. А. Плетнева. Особое впечатление на Кольцова производит знакомство с Пушкиным и беседы с ним на литературные темы. Потрясенный безвременной кончиной поэта, Кольцов посвящает его памяти стихотворение «Лес» (1837), в котором через эпический образ русской природы передает богатырскую мощь и национальное величие поэтического гения Пушкина.

Летом 1837 Кольцова навещает в Воронеже Жуковский, сопровождающий наследника престола в путешествии по России. Этот визит возвышает поэта в глазах отца, который к литературным трудам сына относится прохладно, однако ценит связи с высокопоставленными людьми, рекомендуя использовать их для успешного решения судебных и торговых дел. В 1838 он охотно отпускает сына в Москву и Петербург, где Кольцов посещает театры, увлекается музыкой и

философией, тесно сближается с Белинским. Под влиянием критика обращается к философской поэзии, создавая одну за другой свои «думы». Совершается стремительный рост Кольцова, достигает расцвета его поэтический талант. Он уходит далеко вперед в своем духовном развитии, и провинциальный купеческий быт Воронежа начинает тяготить его: «Тесен мой круг, грязен мой мир; горько жить мне в нем; и я не знаю, как я еще не потерялся в нем давно».

В сент. 1840 Кольцов совершает последнюю поездку в столицу, чтобы закончить 2 тяжбы и продать 2 гурта быков. Но торговое усердие оставляет его: «нет голоса в душе быть купцом». В Петербурге он останавливается у Белинского, вызывая у критика искреннее восхищение глубиной таланта, острым умом и щедростью натуры: «Кольцов живет у меня — мои отношения к нему легки, я ожил немножко от его присутствия. Экая богатая и благородная натура!.. Я точно очутился в обществе нескольких чудеснейших людей». В свою очередь и Кольцов попадает под обаяние страстной, увлекающейся личности «неистового Виссариона». Пробуждается желание навсегда оставить Воронеж и перебраться в Петербург.

Но эта мечта остается неосуществимой. Невыгодно завершив торговые дела, прожив вырученные деньги, Кольцов возвращается в Воронеж к разгневанному отцу. Охлаждение сына к хозяйственным хлопотам вызывает упреки «грамотею» и «писаке». Начинаются ссоры, которые еще более ожесточаются после того, как Кольцов влюбляется в женщину, «отверженную» воронежским обществом. Семейный конфликт разрастается, в него втягивается столь близкая поэту и любимая им сестра Анисья. Драму завершает чахотка: она длится около года и сводит Кольцова в могилу 33 лет от роду.

В 1846 выходит в свет первое посмертное издание стихотворений Кольцова. «Русская песня» вынесла Кольцова на непревзойденную высоту среди современных ему писателей. Жанр «русской песни» возник в к. XVIII в. и получил особую популярность в 20—30-е XIX в., в эпоху исключительного подъема русского национального самосознания после Отечественной войны 1812. Этот жанр родился на пересечении книжной поэзии и устного народного творчества, но у современников и предшественников Кольцова он не поднимался над уровнем изысканной стилизации. Кольцов шел к литературной песне от «почвы», от устной народной поэзии, которую он чувствовал более органично, глубоко и непосредственно, чем его собратья по перу.

Песням Кольцова нельзя подобрать какой-либо «прототип» среди известных фольклорных текстов. Он сам творил песни в народном духе, овладев им настолько, что в его поэзии воссоздается мир народной песни, сохраняющий все признаки фольклорного искусства, но уже и поднимающийся в область собственно литературного творчества. В русских песнях Кольцова сохраняется общенациональная основа. Добрые молодцы, красные девицы, пахари, косари, лихачи-кудрявичи — характеры общерусского масштаба. Но общенародное чувство передается Кольцовым с таким трепетом сиюминутности, с такой полнотою художественности, какая фольклору несвойственна. В его «русских песнях» ошутима душа творца, живущего с народом одной жизнью. Читая Кольцова, присутствуешь при таинстве приобщения индивида к общенародному чувству. Кольцов проникает в самую суть, самую сердцевину народного духа, и прежде всего — в поэзию земледельческого труда («Песня пахаря», 1831; «Урожай», 1835; «Косарь», 1836).

Кольцов поэтизирует праздничные стороны трудовой жизни крестьянина, которые придают его существованию

особую силу, стойкость и выносливость. Мужик, тесно связанный с землей-кормилицей, в его поэзии — цельный человек. Труд на земле удовлетворяет сполна все его духовные потребности. Способствуя рождению живого организма, его росту и созреванию, проходя вместе с природой весь круг жизненного цикла, его пахарь радуется прорастанию зерна, ревниво следит за созреванием колоса, волнуется, помогает природе как соучастник и сотворец великого таинства возникновения жизни.

В «Песне пахаря» мать-сыра земля ощущается как живой организм, глазами мужика-поэта воспринимается весь трудовой процесс в творческих его сторонах. Как и в народной песне, здесь нет аналитической детализации и конкретизации: речь идет не об узком земельном наделе, не о скудной полосоньке, а о «всей земле», о всем «белом свете». И в «Урожае»: «Красным полымем / Заря вспыхнула; / По лицу земли / Туман стелется». Родственная еще не отделившемуся от природы крестьянскому мирозерцанию космичность восприятия «света белого», «земли-матушки» придает и облику пахаря вселенские черты былинного богатыря *Микулы Селяниновича*. Работа мужика нерасторжимо слита с творчеством природы, человек-пахарь — друг и брат коня-пахаря.

Замечательно и др. подмечено *Д. С. Мережковским* обстоятельство: «В заботах о насущном хлебе, об урожае, о полных закромах у этого практического человека, настоящего прасола, изучившего будничную жизнь — точка зрения вовсе не утилитарная, экономическая, как у многих интеллигентных писателей, скорбящих о народе, а, напротив, — самая возвышенная, идеальная даже, если хотите, мистическая, что, кстати сказать, отнюдь не мешает практическому здравому смыслу. Когда поэт перечисляет мирные весенние думы сельских людей, третья дума оказывается такой священной, что он не решается говорить о ней. И только благоговейно замечает: “Третью думушку как задумали, Богу Господу помолилися”».

Поэтическое восприятие природы у Кольцова так целостно и так слито с народным эпическим мирозерцанием, что снимается типичная в литературной поэзии условность эпитетов, сравнений, уподоблений. Плодотворящее, животворное солнце в полном согласии с мифопоэтическими представлениями народа является в облике царственного божества: «С величества трона, / С престола чудес / Божий образ — солнце / К нам с неба глядит».

Кольцов творит поэзию в духе народной песни, но в то же время оживляет и воскрешает застывшие в фольклоре традиционные образные формулы. Народный фразеологизм «кровь с молоком» получает в его «Косаре» пластическую реализацию: «На лице моем / Кровь отцовская / В молоке загла / Зорю красную». В «Крестьянской пирушке» формула «от ворот поворот», конкретизируясь, приобретает живописную образность: «От ворот поворот / Виден по снегу». «Сокол» теряет обычную в литературной поэзии аллегорическую условность и превращается в целостный образ человека-птицы: «А теперь, как крылья быстрые / Судьба злая мне подрезала» («Тоска по воле»). Герой «русских песен» Кольцова наделен решительной волей, он идет всегда прямым путем, без колебаний и рефлексии, «подрезая крылья дерзкому сомнению» («Не разгаданная истина», 1836), предпочитая верить «силам души да могучим плечам».

Любовь у Кольцова — чувство цельное, сильное, свежее, без полутонов, без романтической изощренности. Она преобразует души любящих и мир вокруг так, что зима оборачивается летом, горе — не горем, а ночь — ясным днем. Любовь возвышает духовные и физические силы,

превращая добра молодца в героя-богатыря: «Не любивши тебя, / В селах был молодцом, / А с тобою, мой друг, / Города нипочем!» («Нынче ночью к себе...», 1842). Не только в радости, но и в горе, и в несчастье герои Кольцова сохраняют силу духа, торжествуя над судьбой, предпочитая «и с горем в пиру быть с веселым лицом».

Широта и масштабность природных образов в поэзии Кольцова слиты с человеческой удачей и богатырством. Бескрайняя степь в «Косаре» является и определением широты человека, пришедшего в эту степь хозяином, пересекающего ее «вдоль и поперек». Природная сила, мощь и размах ошутимы как в самом герое, так и в поэтическом языке, исполненном динамизма и внутренней энергии: «расстилается», «пораскинулась», «понадвинулась».

Песенный, космически-природный взгляд на мир трансформируется и усложняется в философских «думах». В них Кольцов предстает самобытным поэтом, размышляющим о тайнах жизни и смерти, о смысле существования («Великая тайна», 1833; «Неразгаданная истина», 1836; «Вопрос», 1837), о высоком назначении человеческой личности («Человек», 1836), о роли искусства («Поэт», 1840).

Поэзия Кольцова оказала большое влияние на русскую литературу. Под обаянием его «свежей», «ненадломленной» песни находился в 1850-е А. А. Фет, народно-крестьянские мотивы Кольцова развивали в своем творчестве Н. А. Некрасов и поэты «некрасовской школы», Г. И. Успенский вдохновлялся аналитическим осмыслением поэзии Кольцова, работая над классическими очерками «Крестьянин и крестьянский труд» и «Власть земли». В XX в. песенные традиции Кольцова подхвачены М. В. Исаковским, А. Т. Твардовским и др. поэтами.

Соч.: Стихотворения Алексея Кольцова. М., 1835; Стихотворения Кольцова. СПб., 1846; Полн. собр. соч. А. В. Кольцова. 3-е изд. Пб., 1911; Полн. собр. стихотв. Л., 1958; Соч.: В 2 т. М., 1958; 1966.

Лит.: Де-Пуле М. Ф. А. В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке. Пб., 1787; Сталинский Е. Кольцов и Серебрянский. Воронеж, 1968; Современники о Кольцове. Воронеж, 1959; Скотов Н. Н. Поэзия Алексея Кольцова. Л., 1977; Он же. Кольцов. М., 1983 (серия «ЖЗЛ»); А. В. Кольцов и русская литература. М., 1988; Лебедев Ю. В. «Песни веще Кольцова» // Литература в школе. 1933. № 1.

Ю. Лебедев

КОЛЯДКИ, обрядовые песни, исполняющиеся в ночь под Рождество. Колядки известны всем славянским народам, а также румынам. С этнографической точностью малороссийское колядование описано Н. В. Гоголем в «Ночи под Рождество». В колядках звучали пожелания богатства, доброго здоровья, хорошего урожая. Магическая основа колядок сказывалась не только в их заклинательном характере, но и в том, что желаемое богатство или призываемый заклинаниями урожай изображался гиперболически. Относительно значения и происхождения самого слова «колядки» высказывались различные мнения. Убедительна точка зрения А. Н. Веселовского, который связывал славянские и румынские колядки с греко-римскими праздниками — календами. К колядкам близки такие обрядовые песенки, как «Овсень» или «Таусень», и *щедровки*, исполнявшиеся накануне Нового года.

КОМАРОВ Виссарион Виссарионович (14[26].10.1838—22.12.1907[4.01.1908]), редактор-издатель ряда крупных патристических изданий, один из членов-учредителей и член Совета Русского собрания (РС).

Выходец из дворянской семьи, родовое имя Драгодино в Новгородской губ. Образование получил во 2-м кадетском

корпусе и Николаевской академии Генерального Штаба. Служил начальником штаба 37-й пехотной дивизии, затем в чине полковника состоял при канцелярии Военного министерства. С 1861 начал выступать в печати, его статьи публиковались в «Московских ведомостях». Из-за несогласия с проводимыми военным министром Д. А. Милютиним реформами вышел в отставку. В 1871 основал консервативно-оппозиционную газету «Русский мир», которая повела борьбу с милютинской военной реформой (в 1875 газета перешла к М. Г. Черняеву). В 1876 вместе с Черняевым и др. русскими добровольцами

(братья Киреевы, С. Ф. Шаранов и др.) Комаров отправился в Сербию на помощь восставшим против турецкого ига братьям-славянам. Он занял место начальника штаба Тимокоморавской армии, руководил действиями войск в бою под Шумовичей, за что был произведен в сербские генералы. Восстание было подавлено, оставшиеся в живых русские добровольцы вынуждены были возвращаться домой. Но уже в следующем 1877

Комаров снова оказался на Балканах, теперь в роли специального корреспондента газеты «С.-Петербургские ведомости». Началась русско-турецкая война 1877—78, и Комаров, прекрасно ориентированный в ситуации, посылал блестящие репортажи прямо с полей сражений. Благодаря такому толковому корреспонденту газета «С.-Петербургские ведомости» лучше других освещала волновавшую все русское общество проблему. Вернувшись в Россию, Комаров получил в аренду эту газету. Редактором-издателем «С.-Петербургских ведомостей» он был до 1881, затем газета была передана В. Г. Авсеенко, а Комаров, приобретший к тому времени собственную типографию, основал в 1882 первую дешевую ежедневную газету «Свет», которую он вел до конца жизни. Помимо нее Комаров издавал в 1886—91 журнал «Звезда», в 1889—91 «Славянские известия», а также и др. издания. Однако именно газета «Свет» была самым успешным издательским проектом Комарова, долгое время являясь единственной дешевой газетой в России. Газета «Свет» была предметом гордости Комарова и предметом зависти конкурентов. Успеху газеты способствовало то, что в приложениях к ней печатались популярные беллетристы: Г. П. Данилевский, на дочери которого был женат Комаров, В. В. Крестовский и др. В лучшие времена ее тираж доходил до 100 тыс. экз., что позволило редактору-издателю создать немалое состояние, и он даже купил огромный дом в Петербурге. Немаловажным был тот факт, что издателью удалось сплотить коллектив редакции и типографии, создать почти семейные отношения между сотрудниками редакции и рабочими типографии. Даже в 1905, когда забастовка охватила весь Петербург, типография Комарова работала и газета выходила. Забастовщики били стекла в типографии, но рабочие не бросили дело.

Комаров скоро стал видным общественным деятелем столицы. С 1884 по 1906 он был председателем им же организованного Общества ночлежных домов Петербурга. В 1888 был избран гласным городской думы, в которой состоял почти 20 лет, долгое время занимая в ней важный пост председателя ревизионной комиссии, а также был председателем конюшной и больничной комиссий. В 1892 он стал организатором Рос-

сийского телеграфного агентства, которым руководил до 1904. Но несмотря на многообразие своих обязанностей и служений, Комаров находил время и для творчества, он не только писал статьи, но и занимался переводами, а также сам сочинял стихи, некоторые из них были положены на музыку.

Комаров был одним из активнейших и авторитетнейших деятелей славянского движения в России, он являлся одним из руководителей Петербургского славянского благотворительного общества. Говорили, что Комарова не избрали председателем общества только под прямым нажимом министра внутренних дел, который опасался, что популярному славянскому деятелю вполне по силам поднять широкое славянское движение против Турции, что поставило бы Россию перед необходимостью вмешательства, что, в свою очередь, осложнило бы международные позиции Империи. Авторитет Комарова в славянских странах был действительно весьма значителен. Он поддерживал самые тесные отношения со многими политическими деятелями русофильского направления в Сербии, Болгарии и Чехии. По своим убеждениям Комаров был истым патриотом-монархистом. Сам он так формулировал суть своих воззрений: «Преобладание Русской народности, главенство Православия, Самодержавие, соединенное с народоправством». К классической формуле гр. С. С. Уварова «Православие — Самодержавие — Народность» здесь добавлен только излюбленный тезис позднего славянофильства о народоправстве, или самоуправлении, который, впрочем, не противоречит идее самодержавия. На первом же заседании Комаров был избран членом первого состава Совета РС. В 1902 64-летний Комаров взял в аренду журнал «Русский вестник», бывший когда-то флагманом русской консервативной журналистики, но после кончины великого М. Н. Каткова порядком захиревший. Пригласив в соредакторы блестящего поэта и публициста В. Л. Величко, Комаров попытался возродить некогда популярное издание, превратить его в теоретический орган набиравшего силу монархического движения. Он был вдохновлен этой благородной идеей и говорил своим друзьям и коллегам: «Журнал имеет блестящее прошлое, в нем писали Тургенев, Толстой, сам покойный Катков. Публика вероятно не забыла этого блестящего прошлого “Русского вестника” и, я думаю, можно поднять этот журнал, внести в него жизнь, обогатить литературными и материальными средствами». Действительно, уже через год тираж журнала вырос, однако неожиданная смерть Величко в к. 1903 разрушила амбициозные планы. В итоге в к. 1906 Комаров отказался от издания журнала. Очень тяжело он переживал революционные беспорядки 1905—06, особенно его возмущала беспомощность власти. Он говорил одному из близких друзей: «Невыносимое время, тяжелое время. В Петербурге не видно проблеска, нет творческого начала, Вы посмотрите кругом, словно все вымерло. Ни одного имени, ни одного лица указать нельзя. Люди ужасно измелъчали. Петербург погряз в фальши, и здесь Вы не услышите ни одного искреннего мнения. Но Россия не измелъчала людьми. Вот в такие моменты и должно пробуждаться самосознание, рыцарство».

Соч.: Персидская война 1722—25. Материалы для истории царствования Петра Великого. М., 1867; В память священного коронования Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Марии Федоровны / Под ред. В. В. Комарова. СПб., 1883; Альбом портретов русских писателей / Предисл. В. В. Комарова. Вып. 1. СПб., 1891.

Лит.: Кулаковский П. А. В. В. Комаров как славянский деятель. Доклад в Русском собрании. СПб., 1908; Лендер Н. Н. Виссарион Виссарионович Комаров (Воспоминания) // Исторический вестник. 1908. № 2.

А. Степанов

КОМАРОВ Матвей (1730-е — 1812?), писатель. Вероятно, крепостной, затем домоуправитель. Впервые выступил со стихотворным «Письмом кн. А. В. Хованскому» (1771). Подписываясь обычно «Матвей Комаров, житель города Москвы», Комаров издал литературные обработки популярных в рукописной традиции сер. XVIII в. произведений: «История Ваньки Каина», «Повесть о приключениях аглинского милорда Георга...» (1782), «Невидимка, история о феюком королевиче Аридесе и о брате его Полумедесе...» (1789). Выпустил, кроме того, «Описание тринадцати старинных свадеб великих российских князей и государей» (1785). Комаров адресовал свои издания «простолюдинам» и «самым поселянам». Занимательная запутанная интрига, изображение «бурных страстей» и сравнительно простой язык сделали произведения Комарова, особенно роман о приключениях «аглинского милорда», необычайно популярными среди простого народа. В XIX в. роман перешел в лубок, переиздавался десятки раз вплоть до 1918, послужил образцом для др. лубочных романов. Комарову приписывался также анонимный роман «Несчастный Никанор» (1775).

Соч.: Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина... СПб., 1779; Старинные письма китайского императора к российскому государю. М., 1787; Разные письменные материи... М., 1791.

В. З.

КОНАШКОВ Федор Андреевич (1860—1941), сказитель. Родился в д. Семеново Олонецкой губ. Пудоожского р-на Карелии в семье крестьянина. Крестьянствовал, рыбачил. Был неграмотным. Былины перенял от деда и дяди. В н. XX в. былины от Конашкова записывал О. М. Добролюбов (записи не сохранились). В 1928 члены экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» (Б. М. Соколов, С. П. Бородин, Э. Г. Бородина-Морозова, Ю. А. Самарин, В. И. Чичеров и В. И. Яковлева) записали от Конашкова 19 былинных текстов. Позже былины (всего 22 сюжета), сказки, побывальщины, духовные стихи от Конашкова записывали фольклористы Петрозаводска, Ленинграда и Москвы. Лучшие из былин: «Илья Муромец и голи кабацкие», «Добрыня и Змей» и «Михайло Потык». Большим успехом пользовалось исполнение Конашковым великолепного варианта сказки о *Ерише*. По разнообразию репертуара и прекрасной сохранности текстов Конашков может быть отнесен к лучшим русским сказителям.

Лит.: Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. А. М. Линева. Петрозаводск, 1948; Чичеров В. И. Сказители Онего-Каргопольщины и их былины // Онежские былины. М., 1948.

КОНДРАТЬЕВ Александр Алексеевич (11[23].05.1876—26.05.

1967), поэт. Родился в семье директора Государственной типографии. Гимназическим учителем будущего поэта был И. Анненский. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Служил в Министерстве путей сообщения, а позднее делопроизводителем в Государственной думе (до янв. 1918). Зимой 1918 уехал в Крым, оттуда на Вольнь, которая в 1920 отошла к

Польше. С 1920 и до к. 1939 жил в с. Дорогобуж неподалеку от Ровно. Позднее в одном из своих писем он иронически заметил, что не он уехал из России, а Россия уехала от него. В 1939 в усадьбу, в которой Кондратьев прожил 19 лет, вошла Красная армия. Взяв с собой несколько записных книжек со стихами, Кондратьев ушел пешком в Ровно, а оттуда — на Запад. Последовали годы скитаний (Холмщина, Галиция, Австрия, Германия, Югославия), затем лагерь перемещенных лиц в Триесте, старческий дом «Пеликан» в Швейцарии, переезд в 1957 по вызову дочери в Америку.

До революции Кондратьев печатался в лучших русских журналах («Русская мысль», «Весы», «Аполлон» и др.). Вышло 8 его книг, в т. ч. 2 поэтических сборника: «Стихи» (1905) и «Черная Венера» (1909). В числе др. его книг — роман «Сатириесса» (2 издания), сборник рассказов «Белый козел» и «Улыбка Ашеры», монография об А. К. Толстом. Живя в эмиграции, Кондратьев издал 2 книги, обе связанные с его глубоким интересом к славянским древностям: демонологический роман «На берегах Ярыни» (1930) и книгу сонетов «Славянские боги» (1936). Посмертно опубликованы повесть «Сны», сборник стихотворений «Закат».

Вместе с архаичностью образов в стихах Кондратьева дышит свежее веяние. Его всегда влекла юность мира — древние культы и цивилизации. Он был близок к символистам, но назвать его самого символистом можно лишь с оговорками. Кондратьев участвовал в модернистских кружках, но не был чужим и на традиционных «Вечерах Случевского». Ему близки поэты XIX в. А. Толстой, *Щербина*, *Бутурлин*. В посвящении к первому сборнику («Вам, призраки богов, которые витали с улыбкой надо мной») Кондратьев выразил стойкое устремление всей своей творческой жизни. Книги Кондратьева — свидетельство тонкого вкуса и чувства языка, основательных познаний в мифологии, способности чувствовать себя дома в дебрях древности. Лучшие его стихи звучат как гимны высшему свету и источнику человечности. В пейзажной лирике он полон любви к зримому миру. Особенность его любовной лирики — сладкозвучие. В религиозных стихах он исполнен благоговения.

Соч.: Славянские боги. Ровно, 1936; Закат: Посмертный сборник стихотворений. Орэндж, 1990.

КОНИ Анатолий Федорович (29.01.[10.02].1844—17.09.1927), юрист, писатель, общественный деятель. Сын Ф. А. Кони. Окончил юридический факультет Московского университета (1865). Как судебный оратор Кони сочетал в своих выступлениях глубокую аргументацию с художественным талантом.

Выступал как лектор и писатель. Известны его речи об А. С. Пушкине, В. С. Соловьеве, И. Ф. Горбунове, И. А. Гончарове, о французской литературе к. XIX в., о Ренане. Кони был в дружеских отношениях с Л. Н. Толстым, И. С. Тургеневым, Ф. М. Достоевским, Н. А. Некрасовым, В. Г. Короленко и др. писателями. Сюжет романа Л. Н. Толстого «Воскресение» основан на рассказе

Кони из его судебной практики. Воспоминания Кони «На жизненном пути» (1912—13), содержащие живые литературные портреты писателей, деятелей русской культуры, отличаются тонким реалистическим мастерством.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—2. М., 1966—69.

КОНИ Федор Алексеевич (9[21].03.1809—25.01[6.02].1879), писатель и театральный деятель. Родился в купеческой семье. Окончил медицинский факультет Московского университета (1833). Был доктором философии (1845). Выступил в 1830 с переводом мелодрамы французского

писателя В. Дюканжа «Смерть Каласа». Затем переводил и перелаживал иностранные пьесы для русской сцены («Жених по доверенности», «Карета», «Муж всех жен», «Муж в камине, а жена в гостях» и др.). Кони вводил в них русские образы, давал живые зарисовки быта, куплеты на злобу дня («Иван Савельич», «Женишок-горбунок», 1835, и др.). Элементы сатиры ощущаются в водевиле «Принц с хохлом, бельмом и горбом» (1836). Яркость характеров, остроумие куплетов отличают водевиль «Девушка-гусар» (пост. 1836). В 1836 Кони переехал в Петербург. Его водевили 40-х — «Петербургские квартиры», «Титулярный советник», «Деловой человек» и др., написанные в духе «натуральной школы», были отмечены критикой. Кони — один из видных мастеров русского водевильного жанра. Его водевили отмечены сценическим мастерством, острой комедийностью. Некоторые из них близки к русской реалистической комедии XIX в. («Беда от сердца и горе от ума», 1852, и др.). Кони — издатель лучших русских театральных журналов «Репертуар русского театра» и «Пантеон» (позже объединены под названием «Репертуар и Пантеон», 1842—57). В 1841—43 Кони редактировал «Литературную газету». В эти годы он поддержал молодого Н. А. Некрасова, который постоянно печатался в газете. Выступал Кони и как театральный критик и историк театра.

Соч.: Водевиль. М., 1937 // Старый русский водевиль 1819—49 / Вступ. ст. М. Паушкина. М., 1936; Поэты 1840—50-х. М.; Л., 1962.

КОНИССКИЙ Александр Яковлевич (6[18].08.1836—29.11[12.12].1900), малороссийский писатель. Родился в помещицкой семье. Жил в Галиции. Был адвокатом. Учился в Нежинском дворянском училище в Черниговской гимназии. За украинофильство в 1863 был сослан в Вологду, потом в Тотьму. Печататься начал в 1861. В повестях «Семен Жук и его родня» («Семен Жук і його родичі», 1873), «Юрій Горовенко» (1883) и др. реалистически отражена жизнь отдельных слоев малороссийского общества. Конисский — один из первых биографов Шевченко, автор книги «Тарас Шевченко — Грушівський. Хроника його життя» (1898).

КОНЧАЛОВСКАЯ Наталья Петровна (6[19].01.1903—1988), писательница. Отец — художник П. П. Кончаловский, мать — дочь художника В. И. Сурикова. Выступила в печати в 1938 с переводами из английских поэтов — Шелли, Браунинга, Вордсворта. Писала преимущественно для детей. Автор книжек «Сосчитай-ка» (1944) и «Нотная азбука» (1954), повести о Сурикове «Сын земли Сибирской» (1960). Основные произведения Кончаловской — историческая поэма «Наша древняя столица» (кн. 1—3, 1947—53) — посвящена 800-летию Москвы, раскрывает роль народа в становлении русской государственности. В поэме широко использована ритмика русского фольклора. Впечатления от поездки в Китай легли в основу повести «Чжунго, нинь хао!» (совм. с Ю. Семеновым, 1959). Кончаловская написала новые тексты к операм «Дон-Жуан» Моцарта, «Фра-Дьяволо» Обера, «Банк-бан» Эркеля, «Фальстаф» Верди, к оперетте Оффенбаха «Орфей в аду». Романтическая быль «Дар бесценный» (1964) посвящена жизни и творчеству Сурикова.

Соч.: Сказ про Муравья Великана. М., 1958; Стихи. М., 1961; Цвет: Стихи. М., 1961; Песня, собранная в кулак. М., 1965.

КОНШИН Николай Михайлович (10[21].12.1793—31.10 [12.11].1859), поэт. Из дворян. С 1820 знаком с *Е. А. Баратынским*.

Первой публикацией Коншина было послание «Баратынскому». Через Баратынского устанавливает связь с *Вольным обществом любителей российской словесности*

(принят в 1821) и сближается (в 1821—22) с кругом *А. А. Дельвига*, с которым связаны его послание «К нашим» (1821, опубл. 1853) и ряд др. стихотворений, в т. ч. «Поход» (1822) и «Ропот» (1822).

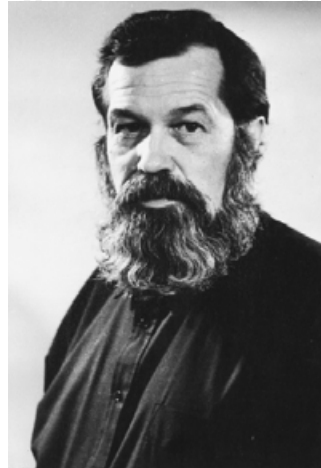
С сер. 1820-х в его стихах усиливаются тенденции к философской медитации и к аллегоризму, в т. ч. и религиозно-мистического характера (сказка «Владелец волшебного хрусталька», СПб., 1825; «Запад», 1826, под загл. «Дверь»). Однако к 1825 относится анакреонтическая «Ария» («Век юный, прелестный...», 1826) — едва ли не самое популярное стихотворение Коншина, получившее известность как романс (музыка *А. Л. Гурилева*). В 1830 вместе с *Е. Ф. Розеном* издал альманах «Царское Село», объединивший произведения литераторов дельвигского круга (в т. ч. 3 стихотворения *А. С. Пушкина*).

В лирике Коншина к. 30—40-х медитативно-философское начало продолжает усиливаться, а традиционные элегические мотивы приобретают черты социального и личного пессимизма. Обращается он и к переводам (*Ф. Шиллер*, *Дж. Байрон*); изредка печатается в газете «Северный Меркурий» (1830), журналах «*Маяк*» (1840—42), «*Москвитин*» (1842) и «*Современник*» (1841). В 1840—50-х усиленно занимался русской историей XVI—XVII вв.; им был обнаружен и издан древнейший (XVI в.) список полной («силвестровской») редакции «*Домостроя*» — т. н. коншинский список, до настоящего времени наиболее ценный в историческом и текстологическом отношении. Коншин устанавли-

вает связи с *М. П. Погодиным*, *С. П. Шевыревым*, *Н. М. Языковым*; поддерживает переписку с *П. А. Плетневым*, пишет мемуарные заметки о Дельвиге, *В. А. Жуковском*, Баратынском, движимый желанием противопоставить «золотой век» русской поэзии современной литературе.

В. В.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (р. 1949), писатель. Родился в пос. Вознесенье на берегу Онежского озера. Закончил Литературный институт. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом в многотиражной газете, редактором на киностудии

«Беларусьфильм» и в издательстве «Советский писатель» (1984—86), заведовал отделом прозы в журнале «Нева» (1986—88). Первый рассказ опубликован в альманахе «Молодой Ленинград» (1974).

Уже первые книги Коняева, вышедшие в н. 80-х — «Земля, которая помнит все», «Первые уроки», «Такой ветер», привлекли внимание читателей и критики.

«Народная подпочва многих произведений Коняева, — писал тогда в журнале «Звезда» *А. Арьев*, — как бы смывание сюжетов во-

дами фольклора, чрезвычайно насыщает многие истории прозаика, рассказывать которые он мастер».

Последовавшие за этим сборники рассказов «Ненайденные клады», «У тихой воды», «Марсиане», романы «Пригород» и «Заводское поле» открывали читателю непривычный и вместе с тем такой узнаваемый мир северных поселков и окраин больших городов, где в каждом герое писатель раскрывал прежде всего те человеческие черты, на основе которых происходит становление личности — честность, доброту, обостренное чувство справедливости.

Как говорит он сам в различных статьях и интервью, подлинного художественного осмысления действительности не произойдет, пока Россия не выйдет из состояния непрерывного разрушения, в которое ее завели, пока, наконец, не будет определен знак бесконечных блужданий, пока не вернется страна на свой исторический путь...

В последние годы Коняев все чаще обращается к жанру документалистики. На документальной основе — документах, письмах, воспоминаниях современников изданы его повести «Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Вологодская трагедия», посвященные судьбе выдающегося русского поэта *Н. Рубцова*.

Документы — основа книги-исследования о деятельности *ПетроЧеКа* в 1918 «Гибель красных Моисеев» («*Наш современник*», 1995—96). Коняев тщательно прослеживает механизм жуткой провокации, приведшей к страшному красному террору, что был обрушен соратниками Володарского и Урицкого на Россию. Большой общественный резонанс получила его документальная повесть «Последние часы жизни митрополита Иоанна» (СПб., 1997).

Одна из последних работ Коняева в документальном жанре — очерк «Исполнить последний долг христианина» («*Москва*», 1999) — посвящена кончине *А. С. Пушкина*.

Большое место в творчестве Коняева занимает тема Православия, отечественных святых. Он автор книг о свт. Стефане Великопермском, сщмч. Вениамине Петроградском, игумене Валаамского монастыря Дамаскине и др.

Соч.: Такой ветер. Сб. рассказов // М.: «Молодая гвардия», 1980; Земля, которая помнит все. Л.: «Советский писатель», 1982; О себе Ермак известие дал. Повесть, рассказы // Б-ка журнала «Молодая гвардия». М., 1983; Ненайденные клады. Рассказы // Л.: «Советский писатель», 1987; Рассказы о землепроходцах. Л.: «Детская литература», 1987; Долгие годы лета. Роман, рассказы // Л.: «Лениздат», 1988; У тихой воды. Рассказы, повести // М.: «Современник», 1989; Пригород (Два романа и рассказ) // Л.: «Советский писатель», 1990; Путник на краю поля. Книга о жизни, смерти и бессмертии Николая Рубцова. Переиздания повести: М.: «Роман-газета», 1994; М.: «Эллис лак», 1997; ООО ИКЦ «Сказ», 1996; «Эксмо-пресс», 1999, повт. изд. в 2000; Марсиане. Рассказы и повести // М.: «Молодая гвардия», 1991; Святитель Стефан Великопермский // СПб.: «Лицей», 1993; Свирские святые (в соавт. с М. Коняевой) // СПб.: «Дума», 1997; Последние часы митрополита Иоанна. СПб., 1997; Люди против нелюди. Документальные повести. Военное издательство. Серия «Редкая книга». М., 1999; Дальний приход. Сб. рассказов. «Диоптра». В серии «Русская духовная проза». СПб.

КОПЬЕВ Алексей Данилович (?—1846), драматург и поэт. В конце царствования *Екатерины II* имели большой успех его комедии: «Обращенный филантроп, или Лебединская ярмарка» (СПб., 1794); «Что наше, тово нам и надо» (1794) и ненапечатанная «Княгиня Муха». Его сатирические и юмористические стихотворения остались неизданными. Павел I разжаловал его в солдаты за насмешку над новой военной формой; прощен Александром I.

КОРГУЕВ Матвей Михайлович (1883—1943), сказочник. Родился в с. Кереть, ныне Лоуховского р-на Карелии в семье бедняка-помора. Рано осиротел; с 9 лет начал трудовую жизнь. В 30-х от Коргуева записано *А. Н. Нечаевым* свыше 100 сказок (78 из них опубликовано в 1939). Кроме сказок, Коргуев знал несколько *былин* и карельских *рун*, перенятых им от матери. В репертуаре Коргуева преобладают волшебные сказки, отличающиеся выдержанностью эпического стиля, насыщенностью бытовыми деталями. Лучшие из них: «Андрей Стрелец», «Шкип», «Елена Прекрасная».

Соч.: Сказки. М., 1938; Сказки. Кн. 1—2. Петрозаводск, 1939.

Э. П.

КОРЕНИЦКИЙ Порфирий, малороссийский стихотворец, сын священника, учившийся в бурсе, по-видимому, харьковской, автор сатирической поэмы «Вечерниц», напечатанной в харьковском альманахе «Сніп», 1841 (грубоватое подражание «Энеиде» *Котляревского*), и басни «Панько та верства» (альманах «Ластівка», СПб., 1841).

КОРИНФСКИЙ Аполлон Аполлонович (29.08[10.09].1868—12.01.1937), поэт, прозаик. Родился в Симбирске в семье дворянина, мирового судьи и мирового посредника.

Детство Коринфского прошло в родовом имении, в сельце Ртищево-Каменский Отколок Симбирского у. Матери лишился в день своего рождения, отца — в 5-летнем возрасте. Но именно благодаря отцу, страстному любителю поэзии и музыки, Коринфский, еще не умея читать, знал наизусть стихи *А. А. Фета*, *А. Н. Майкова*, *Я. П. Полонского*, «явившихся т. о. первыми учителями его в области изыснного». Самостоятельно овладев грамотой, Коринфский рано пристрастился к чтению и «в то же время с жадностью прислушивался» «к народному слову, доходившему до него в виде сказок, пословиц, загадок

и преданий словоохотливой деревни». Оставшись сиротой, Коринфский воспитывался родственниками и гувернерами. В 1879 поступил в Симбирскую классическую гимназию. С первых классов начал писать стихи, в 5-м издавал рукописный журнал «Плод досуга». В 1886 пытался стать театральным антрепренером, разорился, продал имение. Решив проявить себя на литературном поприще, опубликовал первое стихотворение в одном из мелких петербургских журналов и почти одновременно рассказ «Живой покойник».

В дек. 1889 переехал в Москву, где сотрудничал с журналом «Россия», печатался в «Русском богатстве», «Гусяре», «Русском сатирическом листке». Весной 1891 переехал в Петербург, служил в журнале «Наше время», «Всемирная иллюстрация».

С мая—июня 1894 заведовал редакцией журнала «Север», в 1897—99 редактировал его самостоятельно, выступая в нем также с обзорами «Литература и журналистика» (под псевд. Присяжный читатель), направленными против «тенденции» в литературе и критике, в защиту «чистого искусства»; писал о творчестве *В. Я. Брюсова*, *Ф. Сологуба*, *М. А. Лохвицкой*, *К. М. Фофанова*, *П. В. Засодимского*, *Н. Н. Златовратского*. Одновременно (с 1895 по 1904)

состоял помощником редактора «Правительственного вестника» *К. Случевского* по историческому отделу, где ему принадлежали все историко-этнографические очерки, составившие впоследствии книгу «Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа» (М., 1901). С осени 1904 по март 1908 — редактор газеты «Голос правды».

С 1894 начали выходить его книги стихов «Песни сердца (1889—93)» (1894, 1897), «Черные розы. 1893—95» (1896), «Гимн красоте и др. новые стихи. 1896—98» (1899), «В лучах мечты. 1898—1905» (1906, 1912). Стихи Коринфского — лирика, публицистика, «народные сказания» — имели читательский успех.

Коринфский писал для детей стихи и прозу о природе, нравоучительные зарисовки, произведения на исторические темы: «На ранней зорьке» (1896, 1903), «В детском мире» (1909), «В родном краю» (1911) и др., а также много переводил из английских, немецких, французских, польских, армянских и др. поэтов: «Старый моряк» *С. Т. Колриджа* (1893; 2-е изд., 1897), «Полное собрание песен Беранже в переводе русских поэтов» (Т. 1—4. СПб., 1904—05), «Песни Баумбах» (1906, 1912). Был одним из первых переводчиков на русский язык *Я. Купалы*, с которым встречался и переписывался.

Выросший в приволжской деревне, Коринфский навсегда сохранил интерес к народному слову, собирал и записывал тексты календарно-обрядовой и духовной поэзии Смоленской, Симбирской, Казанской, Олонецкой, Нижегородской и др. губерний, изучал и издавал их: «Народная Русь...», «Трудовой год русского крестьянина» (вып. 1—10, 1904), «В мире сказаний. Очерки народных взглядов и поверий» (1905) и др.; интересовался творчеством писателей из народа, писал о них статьи (в т. ч. о *Д. Н. Садовникове*, *А. Е. Разоренове*), много лет дружил с *С. Д. Дрожжиным*. Наибольшее значение поэт при-

давал своим т. н. *бывальщинам* — стихотворным переложениям сюжетов из исторического прошлого России: «Волга. Сказания, картины и думы» (1903), «Бывальщины. Сказания, картины и думы» (1896, 1899, 1900), «В тысячелетней борьбе за Родину. Бывальщины X—XX вв. (940—1917)» (1917) и др.

Соч.: Стихотворения // Поэты 1880—90 годов. Л., 1972. [Николаева Л. А. Биографическая справка] (Б-ка поэта. Б. серия).

Л. Иванова

«КОРМЧАЯ КНИГА» («*Номоканон*»), сборник правил «Церкви и касающихся ее государственных постановлений, перешедший к нам и др. славянам из Константинопольской церкви после принятия христианства. В Греческой церкви «Кормчая книга» называется номоканон, что в переводе на славянский язык означает «законоправило», «законоправилик». Первый перевод на славянский язык греческого сборника был дан свт. Мефодием. Первым в России на славянском языке был составлен сборник под названием «Синтагма» Иоанна Схоластика, включающий правила вселенских и местных соборов, извлечения из «Закона суднаго» Льва Исаврянина и из Прохирона — сборник государственных узаконений. Кроме сборника Схоластика (известен у нас под названием «Болгарский сборник»), известностью на Руси пользовался сборник под названием «Синтагма XIV титулов», имевший две редакции — дофотиевскую и фотиевскую, и появившийся у нас уже до Ярослава I (в дофотиевской редакции). В 1225 появляется у нас сербский перевод «Кормчей книги», сделанный архиеп. св. Саввою, который получил на Руси большое распространение, во множестве переписывался особенно в XIV—XVI вв. и известен под названием «рязанской редакции». Но древнейшей редакцией называют софийскую, — список, найденный в Новгороде в Софийском соборе, составленный в XIII в.; в нем, кроме общеизвестных всем сборников правил, заключаются отрывки из «Русской Правды», уставов свв. Владимира, Ярослава, из правил Владимирского собора 1274 и др. Списки вышеуказанной редакции сохранились и до настоящего времени. Известные на Руси списки подвергались пересмотру не раз; первая попытка была сделана в к. XV в. митр. Киприаном, потом *Максимом Греком*, иноком кн. *Васианом Патрикеевым*, прп. Иосифом Волоколамским, в XVI в. митр. Даниилом, в XVII — при патр. Иосифе, Никоне, в XVIII в. старообрядцами.

КОРНИЛОВ Борис Петрович (16.07.1907—21.11.1938), поэт. Родился в с. Покровское Нижегородской губ. Первые стихи опубликовал в 1923.

В к. 20-х участвовал в литературном объединении при журнале «Смена» в Ленинграде. В первой книге стихов «Молодость» (1928) ошутимо влияние *С. А. Есенина*. В «Книге стихов» (1933) и сб. «Стихи и поэмы» (1933) Корнилов обретает свой поэтический язык. Ему свойственны злободневность, романтическая приподнятость, тяготение к песенности, образная насыщенность, упругая ритмика стиха.

Корнилову принадлежат поэмы: «Соль» (1931), «Тезисы романа» (1933) — о рождении комсомола, «Агент уголовного розыска» (1933), «Начало земли» (1936), «Самсон» (1936), «Триполье» (1933), «Моя Африка» (1935). Писал также песни («Песня о встречном», «Комсомольская-краснофлотская» и др.), стихотворные агитки («Вошь»), стихи для детей («Как от меда у медведя зубы начали болеть» др.).

Соч.: Стихотворения и поэмы. 2-е изд. Л., 1960.

КОРНИЛОВ Леонид Софронович (р. 8.12.1952), поэт. Родился на Урале в семье рабочих. Окончил Государственный институт кинематографии.

В трагическое для Отечества и народа время во весь голос заговорила патриотическая поэзия, выражая боль и скорбь, ярость и проклятия врагам России. Именно поэты вышли на передний край борьбы с разрушителями

державы — ворами-олигархами, сионистским отребьем, оккупировавшим страну. И среди поэтического многоголосия неожиданно прозвучал мощный голос малоизвестного поэта Корнилова. Он вошел в русскую поэзию со страниц патриотических газет стремительно, с распахнутой настежь душой и открытым сердцем, вобравшим в себя боль и горе народные, священный гнев и ненависть к иудо-масонским поработителям. Муза Корнилова унаследовала и продолжила традиции великих русских поэтов *Лермонтова* и *Некрасова*. В ней — пламенная страсть и афористическая образность первого, боль и гнев за поруганный и ограбленный народ, за распятое и униженное Отечество — второго. Громовержский порыв его музы проникает во все горячие, кровоточащие точки России. Его истрадававшая душа извергает огненные стрелы протеста, несгибаемой воли, священное чувство чести и достоинства русского человека. Вот выразительные строки из разных стихов: «Шахтеры ложатся на рельсы, чтоб поезд пустить под откос», «не извлекают пули из земли, чтоб ненароком не разрыть могилы», «мы позволили нашим глазам запотеть и не видим, где криво, где прямо», «пуская крепости ко дну, мы топим целую страну», «Я на тайное вече зову всех, заблудших в измене и лжи»; «Когда меняют на мощну границы, славу и страну. И как на золотое дно ныряет сволочь в казино»; «Надоело на рать уповать, вся она дембельнулась вчера. Надоело кричать: “Вашу мать!” Так и хочется крикнуть: “Ура!”», «Если трогают землю, как душу, руками, если в русскую душу, как в землю, плюют, — то растут из нее мужики с кулаками... И бревенчатый домик за ветхим забором — это все еще крепость, я кровью клянусь. И не трудно понять тех, кто едет за город, потому что за городом все еще — Русь», «И я привыкаю к войне. От сводки тупею, как с водки. И негу прямее наводки, как бить с телебашни по мне».

Стихи Корнилова чеканны, словно отлиты из драгоценного металла. Тематический диапазон их широк и многообразен («Курилы», «Третий отсек», «Я — русский»). В них не толь-

ко голос трибуна-патриота, зовущего народ на битву с коварным врагом. В них и философский подтекст, и едкая ирония, и трогательная лирика. В них — набатный призыв, надежда и вера в Россию.

И. Шевцов

КОРОБЕЙНИКОВ Трифон (? — после 1594), путешественник, писатель XVI в. Был московским купцом, затем дворцовым дьяком. Дважды отправлялся на Восток в составе русского посольства: в 1582—84 — в Царьград (Стамбул) и на Афон, затем в 1593—94 — в Царьград, Иерусалим и Антиохию. Коробейников написал «хождение» с описанием пути до Царьграда (1594). Авторство Коробейникова традиция неосновательно приписывала также широко распространенному (более 200 списков и св. 40 печатных изданий) «Хождению Трифона Коробейникова и како ходил во Иерусалим и многия святые места видел», датированному 1582. Однако это сочинение основано на заимствовании описания более раннего (1558—61) путешествия купца Василия Познякава. «Хождения», связанные с именем Коробейникова и известные в нескольких редакциях, занимали значительное место в древнерусской паломнической литературе. Они содержали географические и историко-бытовые сведения о восточных странах, а также местные легенды.

Лит.: Лопарев Х. Хождение Трифона Коробейникова 1593—94 // Православный Палестинский сборник. Т. 9. Вып. 3. СПб., 1889.

КОРОВИН Евгений Дмитриевич (1850—1876), писатель. Сын уездного учителя, он обучался в Саратовской гимназии. Затем поступил на работу в балашовское уездное училище и одновременно писал прозу, печатал ее в «Саратовском справочном листке». Известны его произведения «Из деревни», «Остановка», «Несколько слов о наших мастеровых». Будучи патриотом, в 1876, во время сербского восстания, Коровин отправился ратоборствовать за освобождение славян, где вскоре был убит.

А. Баженова

КОРОЛЬКОВА Анна Николаевна (15.02.1892 — после 1966), сказочница. Родилась в д. Старая Тойда, ныне Анненского р-на Воронежской обл. в крестьянской семье. С восьми лет пошла в услужение. Крестьянствовала, занималась поденщиной. В Воронеже руководила хором (до 1955) на заводе. В к. 30-х В. А. Тонков записал от Корольковой 32 сказки, часть которых вошла в книгу «Сказки А. Н. Корольковой» (1941) и в сборник «Песни и сказки Воронежской области» (1940). В 1956 от Корольковой записаны 72 сказки. Репертуар Корольковой разнообразен: с одинаковым мастерством она рассказывала богатырские сказки, волшебные, бытовые, авантюрные, сказки о животных, анекдоты. Лучшие из них: «Незнайка», «Ковер-самолет», «Сивка-бурка», «Финист — Ясный Сокол», «Мальчик с пальчик», «Сума, дай ума», «Ворожей». В репертуаре Корольковой есть редкие сказки: «Бова-Королевич», «Царь Соломон», «Баба хуже черта» и уникальная сказка «Князя Петра верная жена», восходящая к древнерусской «Повести о Петре и Февронии». Королькова соблюдала при рассказе традиционную сказочную обрядность (*зачины*, концовки, общие места), традиционную композицию. Сказки насыщены бытовыми деталями, юмором, мастерски отделаны по форме. Кроме сказок, Королькова знала много песен, *загадок, пословиц и частушек*.

Э. П.

КОРОТАЕВ Виктор Вениаминович (8.01.1939—18.05.1997), поэт. Родился в Вологде. Детство, совпавшее с годами войны, провел в д. Липовицы Сокольского р-на Вологодской обл. Бабушка привила Коротаеву любовь к народному творчеству, родной деревне. Мальчик рано приобщился к чтению. Начал систематически писать стихи с 14 лет. Публиковался в областных газетах, альманахах, сборниках. В 1963 закончил историко-филологический факультет Вологодского педагогического института. Работал в газете «Вологодский комсомолец». В 1962 в Вологде вышла первая книга стихов «Экзамен», в 1965 — книга «Мир, который люблю». В разных издательствах с 1962 по 1991 вышла 21 книга стихотворений.

В 1973—78 Коротаев возглавлял Вологодскую писательскую организацию.

Коротаев — самобытный представитель т. н. «тихой лирики», «вологодской школы» 1960—70-х. Предшественниками и соратниками Коротаева были *А. Яшин, А. Передреев, А. Прасолов, Н. Рубцов, Ю. Кузнецов, А. Романов*. Главная тема творчества Коротаева — любовь к большой и малой Родине, кровная связь с Отечеством. Коротаева волнует судьба России, им движет чувство неразрывной связи с миром деревни, с родной землей и людьми, которые трудятся на ней. Коротаев раскрывает внутренний мир простых тружеников — крестьян, солдат. «Поэтический характер в поэзии Коротаева многосторонен. В нем юношеская жесткость и сознание долга, и проникновенная нежность, неумность и бескомпромиссность чувств (особенно свойственные стихам о любви)» (В. Оботуров). «Ранний Коротаев — тонкий бытописатель, знаток народных обычаев, мастер разговорной речи. В его стихах — зоркость художественного видения, подлинный юмор, точность языка, естественность жизненных ситуаций» (И. Федоров).

В 1970—80-е в поэзии Коротаева нарастает чувство гражданской ответственности за родину, за поэзию, за судьбу народа. Все ошутимее становится тревога, звучит зов о неотложной помощи гибнущим деревням и вековой, связанной с ними культуре. «Притяжение» (1976), как и др. книги этого периода, — это дневник, исповедь взволнованной души, мучающейся, плачущей, жаждущей радости и откровений. Один из главных уроков поэзии Коротаева — «желание быть, а не казаться» (В. Харчев). Книга «Вечный костер» (1984) — по мнению *С. Куняева*, — «попытка понять русскую народную натуру, тайну ее живучести, попытка поглядеть на нее трезво, а порой и беспощадно, но для того, чтобы окончательно уверовать в ее будущее».

Поэтическая система Коротаева близка народной песне и романсу. Коротаев умело использует прием повторов, фольклорную метафоричность. Коротаев широко вводит в поэтический язык разговорную речь. Его стихам присуща поэтика контрастов: любовь и ненависть, жизнь и смерть, добро и зло. В последние годы жизни его стихи овеяны болью за человеческую нищету, страдания, нищету и распад страны. Поэзия н. 1990-х — «это соприкосновение чуткой души поэта с горевыми вздохами всего российского народа. Это гнев и отрезвление от речей лукавых властителей» (А. Романов).

На слова Коротаева написаны песни «Девичья лирическая», «Марш металлургов», «Песенка о Вологде», «Матери рождают не солдат...». Коротаев обращался и к эпическим жанрам. В основе поэмы «Славянка» (1972) — легенда о спасении в годы войны памятника ценой жизни нескольких русских женщин.

На памятнике поэту в Вологде начертаны слова, которые можно считать его творческим завещанием: «Но Русь была, и есть, и будет / При нас, до нас и после нас!»

Соч.: Экзамен. Вологда, 1962; Славянка. М., 1972; Солнечная сторона. М., 1975; Притяжение. Архангельск, 1976; Чаша. М., 1978; Перекапы. Архангельск, 1980; Прекрасно однажды в России родиться. Архангельск, 1982; Пока звезда не закатилась. М., 1982; Вечный костер. М., 1984; Третий гулок. М., 1987; Святыня. Архангельск, 1988; Единство. М., 1991; Козырная дама. Вологда, 1991.

А. Любомудров

КОРСАКОВ Петр Александрович (28.08.1790—13.04.1844), переводчик, драматург, критик, публицист, издатель. Родился в с. Буриги Порховского у. Псковского наместничества. Из родовитых дворян. Получил домашнее образование. Имя Корсакова известно в петербургских литературных кругах с н. 1810-х как драматурга, театрала, издателя (совм. с *М. П. Загоскиным*) в 1817 еженедельного журнала «Северный наблюдатель», который просуществовал полгода. С 1835 Корсаков — цензор в Петербургском цензурном комитете и в этой «шекотливой должности» (из письма *А. С. Пушкина* к Корсакову) прослужил до конца жизни, публикуя в различных изданиях переводы, стихи, обработки народных легенд. В 1840 совместно с *С. А. Бурачком* становится соиздателем журнала «Маяк» современного просвещения и образованности. Труды ученых и литераторов, русских и иностранных, ставшего одним из самых известных православно-патриотических изданий своего времени. В «Маяке» Корсаков пробыл недолго — год и 3 мес. и ушел, ссылаясь на служебную занятость. Но опубликованные им статьи свидетельствуют, что он вполне разделял позицию «Маяка». Особенно в этом отношении характерна его статья «Взгляд на французскую литературу 1840» («Маяк». 1841. Т. 14), в которой Корсаков обвиняет О. Бальзака, В. Гюго, Ж. Санд, Э. Сю в «нравственном бесновании», призывая русских писателей «выражать высокие стихи русской народности, высокие свойства и достоинства русского народа». Произведения самого Корсакова, публиковавшиеся в «Маяке» и «Библиотеке для чтения», представляли образцы нравоучительной прозы, которая пыталась противостоять «натуральной школе», возобладавшей в либеральных журналах.

В. К.

КОРСУН Александр Алексеевич (1818—1892), малороссийский писатель. Воспитывался в Харьковском университете (окончил в 1842). Будучи еще студентом, он в 1841 издал в Харькове альманах «Снип, украинский поворічник на 1841 рік». Затем стихотворения его печатались в журнале «Маяк» (1840. № 5—6, 1842. № 3—4, 1845. № 21—26). В них прослеживается славянофильское направление. В последние годы жизни он напечатал русский перевод трагедии *Н. Костомарова* «Переяславська ніч» («Северный вестник». 1886. № 1) и воспоминания о Костомарове («Русский архив». 1890. № 10).

КОСАЧ Ольга Петровна (1852 — после 1906), малороссийская писательница. Родилась в помещицкой семье. Сестра *М. П. Драгоманова*.

Готовила материалы для «Исторических песен малорусского народа» Антоновича и Драгоманова (1874—75), «Очерков звуковой истории малорусского наречия» Житецкого (1876) и «Малорусских народных преданий и рассказов» Драгоманова (1876) и тогда же, в 1876, издала в Киеве «Украин-

ский народный орнамент. Образцы вышивок, тканей и писанок», с предисловием о научном значении материала. К этнографии относится и ее статья «Очерки национальных типов в украинской народной словесности» («Киевская старина». 1883. Т. 5). Затем вышли в книжке «Переклади з Н. Гоголя» (Киев, 1881) ее переводы «Записок сумасшедшего» и «Майской ночи» с предисловием о малорусском литературном языке. Несколько своих стихотворных переводов из Сыромли, *Пушкина* и *Лермонтова* Косач издала в книжке «Украинским дітям» (Киев, 1882).

КОСМОГРАФИИ, сочинения, содержащие описание различных стран и обычаев населяющих их народов.

В Древней Руси получили распространение в основном переводные космографии. «Христианская топография» *Козьмы Индикоплова* известна в переводе не позднее XIV в. В XVI в. переведены «География» Помпония Мела и «География» К. Мартина Бельского. В XVII в. были переведены еще несколько космографий: «Атлас» Меркатора, «География» Яна Ботера, «География» Луки де Линда. Кроме того, из разных иностранных источников составлялись компилятивные космографии.

Наибольшей популярностью на Руси пользовалась «Христианская топография» *Козьмы Индикоплова*, известно свыше 90 списков. Индикопловом византийского купца *Козьму* прозвали потому, что он будто бы посетил Индию. На самом деле в Индии *Козьма* не был, хотя и плавал по Средиземному и Красному морям, по Персидскому заливу.

«Христианская топография» состоит из 12 разделов, большая часть посвящена рассказу об устройстве Земли. Земля, по мнению *Козьмы*, плоская, окруженная океаном, солнце по ночам заходит за большую гору. Описываются животные, которых на Руси не знали: носорог, жираф, дельфин и др. Сопровождающие текст иллюстрации показывают, что и художник не имел об этих животных даже смутного представления.

С. Перевезиц

КОССИНСКИЙ Владимир Дмитриевич (6[18].09.1830—22.01[3.02].1889), поэт, драматург, военный деятель. Из дворян. Окончил Кадетский корпус.

Главной темой творчества Коссинского является Севастопольская оборона 1854—55. В сборнике «былин в стихах» «Под Севастополем» (СПб., 1867, 1874; избр. «былины» включены в сб. «Крым в русской поэзии», Симферополь, 1897, 1902) Коссинский, вводя рассказы солдат и офицеров о героизме защитников Севастополя, стремился доказать историческое значение Севастопольской битвы: она «...двинула русский народ Невидимой силою быстро вперед». Эпизод Севастопольской битвы послужил завязкой мелодраматического сюжета (любовь ветерана войны к

дочери матроса, спасшего ему жизнь) пьесы для народных и солдатских театров «Дитя Севастополя» (СПб., 1879, 1880).

КОСТОМАРОВ Николай Иванович (псевд. — **Геремія Галка, Иван Богучаров** и др.) (4[16].05.1817—7[19].04. 1885), публицист, историк, критик, писатель. Родился в с. Юрасовка Воронежской губ. в семье русского помещика; мать

— малороска из крепостных. В 1837 окончил Харьковский университет. В Харькове был в центре литературного кружка романтического направления. Был дружен с *Г. Ф. Квиткой-Основьяненко, И. И. Срезневским, А. Метлинским*. В 1844 защитил магистерскую диссертацию на тему «Об историческом значении русской народной поэзии». С 1846 — профессор Киевского университета по кафедре истории. По инициативе Костомарова и его единомышленников в Киеве

было организовано тайное Кирилло-Мефодиевское общество, в котором Костомаров занимал правое крыло. После разгрома общества (1847) Костомаров был арестован, отбыл годичное заключение и сослан в Саратов. В 1856 был амнистирован. В 1861—62 принимал участие в журнале «Основа», выходящем на малоросском и великорусском языках. Общественная деятельность Костомарова, его работы по истории народных движений, статьи в журналах «Современник» и «Отечественные записки», лекции в Петербургском университете создали ему широкую известность. Однако уже в 1862 он вынужден был уйти из университета, отказавшись поддержать антирусские акции либеральной профессуры. Костомаров изучал историю Малороссии, участвовал в работе Археографической комиссии; под его редакцией в 1861—84 вышло 12 томов «Акт» по истории Малороссии и Белороссии.

В 1839 Костомаров опубликовал сборник стихов «Украинские баллады», в 1840 — сб. «Ветка». Многие его стихи проникнуты элегическими настроениями, с любовью воспевают малороссийскую старину. В некоторых произведениях он проводил идею всеславянского объединения под эгидой русского самодержавия. В исторической драме «Савва Чалый» (1838), в трагедии «Переяславська ніч» (1841) Костомаров рисовал национально-освободительную борьбу малороссов под углом зрения национально-религиозных побуждений. Костомаров писал и на великорусском языке: повести «Сорок лет» (1840), «Сын» (1865), «Холоп» (1878), «Черниговка» (1881). Костомаров — один из первых малороссийских литературных критиков. Его статья «Обзор сочинений, писанных на малороссийском языке» (альманах «Молодик», 1843) охватывает новую малороссийскую литературу от *И. П. Котляревского* до *Т. Г. Шевченко*.

Костомаров был категорически против украинского сепаратизма. Он писал: «Судьба связала малорусский народ с великорусским неразрывными узами... Между этими народами лежит кровная, глубокая неразрывная духовная связь, которая никогда не допустит их до нарушения политического и общественного единства».

Соч.: Лит. наследие. СПб., 1980 (библ.); Собр. соч. Ист. монографии и исследования. Кн. 1—8. Т. 1—21. СПб., 1903—06; Автобиография. М., 1922; Науково-публіцистичні і полемічні писання. Харків, 1928; Етнографічні писання. Харків, 1930; Твори. Т. 1—2, Київ, 1967;

Сын. Холоп. Сорок лет. Повести. Киев, 1987; [Стихотворения] // Украинські поети-романтики. Київ, 1987; Кудяев. М., 1989; Ист. произведения. Автобиография. Киев, 1989; Ист. монографии и исследования. Т. 1—2. М., 1990; Рус. история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1—2, вып. 1—5. М., 1990—91; Мазепа. М., 1992.

КОСТРОВ Ермил Иванович (сер. 1750-х—9[20].12.1796), поэт и переводчик. Родился в с. Синеглинье Вобловицкой вол. Вятской губ. в семье крестьянина. Учился в Вятской семинарии, с 1775 — в *Славяно-греко-латинской академии*, затем в Московском университете. С 1782 служил в Москве. *А. С. Пушкин* в стихотворении «К другу стихотворцу» писал: «Костров на чердаке безвестно умирает...». Печать стихов Костров начал в 1773; сотрудничал в «*Собеседнике любителей российского слова*», «*Аонидах*» и др. Сочинял *оды* в духе классицизма, пытаясь следовать *М. В. Ломоносову*. В дальнейшем стремился использовать поэтические достижения *Г. Р. Державина* в своих одах. Написал также несколько песен и стихов, близких к поэзии *сентиментализма*. Главное в литературной деятельности Кострова — переводы. Он перевел поэму Вольтера «Тактика», поэму Арно старшего «Эльвир» и др. Его перевод книги Апулея «Превращения, или Золотой осел» (1780—81) был единственным в России вплоть до XX в. Костров впервые перевел шестистопным ямбом «Илиаду» Гомера (песни 1—6, 1787; песни 7—9, изд. 1811). Прозаический перевод «Песен Оссиана» (1792, с фр.) Костров посвятил *А. В. Суворову*, с которым был в дружеских отношениях. Интерес Кострова к Оссиану, отражающий предромантические веяния, способствовал распространению «оссианизма» в России. Внимание писателей XIX в. привлекали не только литературные труды, но и романтическая личность поэта.

Соч.: Полн. собр. соч. Ч. 1—2, СПб., 1802; Соч. СПб., 1849 (совм. с соч. Аблесимова); в кн. «Русская поэзия». Под ред. С. А. Венгерова. Т. 1. СПб., 1897; Стихотворения // Поэты XVIII в. Т. 2. Л., 1958.

Н. К.

КОСТРЮК, историческая песня, пользовавшаяся широкой популярностью в народной среде. В ее основе — известный исторический факт о женитьбе *Ивана Грозного* на кабардинской княжне *Марии Темрюковне* в 1561. Женитьба православного царя на «басурманской» княжне оказалась явлением столь необычным, что народ сложил об этом песню. Причем, что тоже характерно, кроме самого факта женитьбы и имен героев: *Ивана Грозного*, *Марии Темрюковны* (Демрюковны) и ее брата *Мамстрюка* (Кострюка), все остальное выдуманно, принадлежит к области народного поэтического творчества. В исторической действительности царский шурин был у *Ивана Грозного* в немилости, постоянно подвергался со стороны царя насмешкам и издевательствам и в 1571 был казнен. В народной исторической песне *Мамстрюк* потешается над царем во время свадебного пира, вызывает на поединок его борцов: «На ладонь их посажу, / Другой рукой раздавлю» — похваляется он. И тогда, вслед за другими, в борьбу вступает *Потанька-хроменький*: «Костылем попирается, / Сам

вперед подвигается, / К Мамстрюку приближается». Народный богатырь выигрывает поединок с богатырем-татаринном, показывая, как «русак тешится».

Один из вариантов этой песни был записан в 1900 от знаменитой *М. Д. Кривополеновой*. «Любимой же перегудкой нашей бабушки, — рассказывала собирательница *О. Э. Озаровская*, — является “Кострюк”. Стоит только подмигнуть ей да сказать: “пировал-жировал государь...”, как бабушка заляется смехом». *М. Д. Кривополенова* пела «Кострюка» под «погудку» — так называла она веселье скоморошины, исполняющиеся под «гудки» — трехструнные древнерусские скрипки. В сборнике *Кириш Данилова* «Кострюк», как и «Шелкан», тоже записаны в скоморошья обработке. Образам отрицательных героев в народных исторических песнях приданы черты гротеска, *сатиры*.

КОСТЫЛЕВ Валентин Иванович (1884—29.08.1950), писатель. Родился в Москве в семье ж.-д. служащего. Занимался самообразованием. Первый рассказ «Мелкий случай» опубликовал в журнале «Развлечение» в 1903. В ранних произведениях Костылев описывал быт городских окраин, жизнь бедноты.

В 30-е Костылев выступил как исторический романист. Тема романа «Питирим» (1936) — борьба Нижегородского еп. Питирима против старообрядцев, враждебных государственным преобразованиям Петра I. В романе «Жрецы» (1937), продолжающем предыдущий, изображено начало царствования Елизаветы Петровны, национальное движение мордвы в Нижегородской губ. В 1939 появился роман Костылева «Кузьма Минин»; в 1942 — одноименная историческая драма. В трилогии «Иван Грозный» (1-я кн. — «Москва в походе», 1943, 2-я кн. — «Море», 1946, 3-я кн. — «Невская твердыня», 1947; Сталинская премия 1948) обрисована роль Ивана IV в образовании централизованного Русского государства. Он изображен царем, все дела которого подчинены интересам народа.

Соч.: Избр. соч. Т. 1—6. Горький, 1951—52; Иван Грозный. Кн. 1—3. М., 1955.

КОТЛЯРЕВСКИЙ Александр Александрович (1837—29.09. [11.10].1881), славист, археолог, этнограф, профессор Дерптского (1868—72) и Киевского (с 1875) университетов.

Родился в посаде Крюково, предместье г. Кременчуга. Ученик *Ф. И. Буслаева*. Автор более 100 печатных работ, из которых важнейшие — «О погребальных обычаях языческих славян» (М., 1868, магистерская дисс.), «Древности юридического быта балтийских славян» (Прага, 1874), «Древняя русская письменность. Опыт библиологического изучения» (Воронеж, 1881). В работах по истории литературы, фольклору и языкознанию Котляревский испытал влияние мифологической школы, не разделяя ее крайностей.

Соч.: Соч. Т. 1—4. СПб., 1889—95.

Лит.: *Пытин А. Н.* Очерк биографии А. А. Котляревского // Соч. А. А. Котляревского. Т. 4. СПб., 1895.

Н. Гудзий

КОТЛЯРЕВСКИЙ Иван Петрович (29.08[9.09].1769—29.10[10.11].1838), малороссийский писатель. Родился в Полтаве в семье мелкого чиновника. Учился в духовной семинарии в Полтаве. Был домашним учителем в помещичьих семьях. В 1794 начал писать поэму «Энеида», которая сразу же стала распространяться в списках. В 1796—1808 находился на военной службе, участвовал в русско-турецкой войне. В 1798 в Петербурге «Энеида» была издана без ведома автора с посвящением «любителям малороссийского слова», которые горячо приняли поэму. В 1809 Котляревский выпустил 3-е изд. «Энеиды» (ч. 1—4) с исправлениями и дополнениями. Для полтавского театра, директором которого он был, Котляревский сочинил пьесы «Наталка Полтавка» (опубл. 1838) и «Солдат-чародей» («Москаль-чаривник», опубл. 1841). Эти пьесы, поставленные в 1819 при участии молодого *М. С. Щепкина*, положили начало новой малороссийской драматургии. Щепкин ставил их в Москве, Петербурге и др. городах. В своих общественно-политических взглядах Котляревский стоял на позициях умеренного просветительства. Был почетным членом *Вольного общества любителей российской словесности* в Петербурге.

«Энеида» Котляревского (полное изд. 1842), продолжавшая традиции старого малороссийского бурлеска и *сатиры*, а также русской травестированной поэмы XVIII в. («Вергилиева Энеида, вывороченная наизнанку» *Н. Осипова*), содержит реалистическую картину жизни разных слоев малороссийского общества 2-й пол. XVIII в. В образах троянцев, карфагенян, латинян поэт вывел малороссов с их бытом, языком и общественными отношениями. Эней и его соратники воспринимаются как образы запорожцев; сатирические обрисованные боги и цари — как малороссийские паны-помещики и чиновники. Поэма очаровывает веселостью и остроумием. Добродушная и лукавая ирония сквозит в описаниях снаряжения войск, развлечений, поверий и т. п. В обличительных тонах изображены картины ада и рая. Поэма проникнута любовью к народу, патриотическим чувством.

Значительным достижением реализма в малороссийской литературе н. XIX в. были пьесы Котляревского, особенно «Наталка Полтавка» с ее живыми образами, напряженным развитием действия, индивидуализированным языком персонажей. Сила пьесы — в связи с жизнью народа и народной поэзией. Она прочно вошла в репертуар малороссийских театров, особенно после того как *Н. Лысенко* сочинил музыку одноименной оперы (1889).

Соч.: Повие зібрання творів. Т. 1—2. Кив., 1952—53; Твори. Кив., 1960; Енеида. Кив., 1962.

КОТОВ Владимир Петрович (30.05.1928—1975), поэт. Родился в Москве. Окончил литературный факультет Московского пединститута (1950). Автор лирических и сатирических стихов: сб. «Летние дни» (1955), «Была у девушки коса» (1959), «Зайцы на пляже» (1959), «Кленовый лист» (1961), «Две улыбки» (1962), «Сокольники» (1964), «Защищайте любовь» (1960) и др., документальной повести в прозе «Людиновцы» (совм. с

В. Александровым, 1967), текстов лирических песен к кинофильмам («Высота», «Повесть о первой любви» и др.). Заведовал отделом поэзии в журнале «Молодая гвардия».

Входил в когорту русских писателей и поэтов — патриотов «радонезцев». Дружил с Е. Вучетичем, *И. Шевцовым*, *И. Кобзевым* и др.

Выступал против еврейской экспансии в русской литературе. Котов писал:

Вы, кто словом
приблудным красен
И кто внемлет им
среди тишины,
Вы ведь просто
разносчики грязи
Производства одесской
шпаны,
той, что всюду,
всегда и поныне,
что лишь нимбы
монет золотых,
прет походом
на наши святыни,
не имея своих никаких!

Котова глубоко волновало предчувствие торжества «скверны», объявившей «великий поход» на русские святыни. Волновали агрессивные попытки подменить русские ценности на мишуру, как когда-то западные колонизаторы покупали у наивных туземцев золото за стеклянные бусы («За стеклянную бусинку», 1969).

Соч.: Солнечная совместимость. М., 2000; Избранное. Рязань, 2003.

КОХАНОВСКАЯ Н. (псевд., наст. имя — **Надежда Степановна Соханская**) (17.02[1.03].1825—3[15].12.1884), писательница. Родилась на хуторе Веселый, близ г. Короча, ныне Курской обл., в семье помещика. Окончила Харьковский институт благородных девиц. С 1840 жила в родовом хуторе Макаровка. В 1844 в журнале «Сын Отечества» опубликовала первую повесть «Майор Смагин». В 1850 стала сотрудничать в «Современнике». Кохановская изображала гл. обр. быт мелкопоместного дворянства и жизнь народа в духе славянофильства: повести — «После обеда в гостях» (1858), «Гайка» (1860), «Кирилл Петров и Настасья Дмитрива» (1862), «Давняя встреча» (1862), «Старина» (1862) и др., пьеса «Слава богу, что мужик лапоть сплел» (1871) и др. В повестях и пьесах Кохановской сочеталось стремление проникнуть в сложный внутренний мир простых людей, отличное знание жизни мелкого дворянства и одновременно аскетическая проповедь христианского терпения и всепрощения.

С 1863 сотрудничала в православно-монархической печати («День» *И. С. Аксакова*, «Русь», «Заря», «Гражданин»).

Соч.: Повести. Т. 1—2. М., 1863.

КОЧЕТОВ Всеволод Анисимович (4.02.1912—4.11.1973), писатель, общественный деятель. Родился в Новгороде. Окончил сельскохозяйственный техникум. Публиковаться начал в 1931. В годы Великой Отечественной войны — военный корреспондент. После войны активный участник борьбы с еврейским засильем в литературе. В 1955—59 — гл. редактор «Литературной газеты», в 1961—73 — гл. редактор журнала «Октябрь».

Первый роман Кочетова «Журбины» (1952) посвящен жизни и труду рабочих судостроительного завода. Роман

пользовался большой популярностью у читателей и был удостоен Сталинской премии. Сюжетные коллизии кочетовских романов всегда прозрачны, а прототипы персонажей узнаваемы. Писатель преднамеренно обнажает Добро и Зло, сталкивая их в жестоком поединке. Он беспощадно высвечивает мерзостные уголки современной жизни. В этом отношении характерен роман «Братья Ершовы» (1958), где любовь и ненависть выносятся на самый гребень житейской волны. И границы между ними четки и определены, никакой «размытости». Добро олицетворяют братья Ершовы — честные труженики, верные идеалам и долгу пред Отечеством. Среди них и рабочие-сталевары, технические и творческие интеллигенты. Они — подлинные представители народа, созидатели и творцы, наделенные высокой нравственной чистотой. На противоположном полюсе — их антиподы, амбициозные эгоисты, заикленные на лицемерии, с притязанием на свою исключительность, с гипертрофированной амбицией при ничтожных способностях. Таковы инженер Крутилич, театральные режиссер Томашук и их самозванный лидер, авантюрист и демагог — инженер Константин Орлеанцев. Как литературный тип, ставший нарицательным, он напоминает Грацианского из романа *Леопольда* «Русский лес». Фигура знаковая, расхожая в российской действительности советского периода. Карьерист и подстрекатель, изворотливый и коварный, лишенный элементарных нравственных принципов, он, как поплавок, неизменно стремится быть не просто на виду, а на вершине. Он презирает Ершовых и ненавидит власть, благами которой пользуется непомерно. Он решительно поддерживает непримиримого «гения» — новатора Крутилича, заметив в нем своего единоверца. Но когда дружба с Крутиличем грозит авторитету самого Орлеанцева, он, не раздумывая, отрекается от своего единомышленника.

Роман «Братья Ершовы» построен на обнаженных контрастах мировоззрений и характеров, идентичности жизненных коллизий в повествовании и в текущей действительности. Роман пользовался большим успехом у читателей. Активная гражданская позиция Кочетова, его бойцовская страсть к бичеванию пороков, исходящих из властных верхов, снискали писателю славу смелого правдолюбца. Эти качества Кочетова проявились с неменьшим дерзновением и в последующем его романе «Секретарь обкома» (1961). Если в «Братьях Ершовых» партийный руководитель изображен в привлекательном виде — умным, порядочным и честным, что было неременной тенденцией того времени, то в «Секретаре обкома» писатель вызывающе нарушил негласное «табу». Это было время хрущевского самодурства, выдаваемого за новаторство, бесстыжая показуха «небывалых успехов», рождения «маяков», на которых следовало ровняться. И с «благословения» Хрущева возник такой «маяк» — на Рязанщине в образе первого секретаря обкома партии. Область давала немислимые рекорды по производству мяса и молока. На самом деле это был блеф: рязанцы скупали в соседних областях сельхозпродукты, поставляли их сверхпланово государству якобы собственного производства. Когда вся эта хрущевская афера была раскрыта, финал ее оказался трагическим: областной партруководитель покончил с собой. Этот печальный эпизод и лег в основу романа «Секретарь обкома». Написанный с кочетовской обнаженностью острых углов действительности, роман получил одобрение читателей и недовольство «верхов».

Политическая обстановка в стране за период от «Братьев Ершовых» до «Секретаря обкома» заметно изменилась. Активизировала свою деятельность «пятая колонна», по-

лучив уже открытую поддержку западных спецслужб. Зарубежные эмиссары зачастили с визитами в СССР, приглашая к себе с ответным визитом антирусски настроенных представителей «творческой» интеллигенции. Там их величали, награждали титулами выдающихся, всемирно известных гениев. Домой они возвращались уже коронованными «священными коровами». Так создавались в СССР диссиденты и «агенты влияния», которые уже тогда вели подрывную работу против России, готовили горбачевскую перестройку. Кочетов в числе первых почувствовал опасность, которую несли России эти люди, и рассказал об этом в романе «Чего же ты хочешь?» (1970). Здесь четче и яснее, чем в др. его романах, просматриваются прототипы действующих лиц. Кочетов писал их с натуры, каждого с характерной внешностью и повадками. Недруги русского государства делятся в романе на внешних и внутренних. Первые представлены в образе итальянца Спада, коммуниста — прототипа Горбачева и Яковлева. Учился в Москве в МГУ на юридическом факультете. Женился на русской девушке-патриотке, уехал с ней в Италию, где у них родился сын. Брак был случайным: сразу выявилась идейная несовместимость супругов. И дело закончилось разводом. Бенито Спада в романе олицетворяет сионистскую ветвь руководства коммунистическим движением. Он ненавидит Россию, как и группа «деятелей культуры», прибывшая в Москву якобы для изучения русской древности, а на самом деле — для подрывной работы против России. Ее возглавляет английская журналистка и разведчица Порция Браун и американский разведчик Юджин Росс. Встречаясь с молодежью, с «обиженными» художниками, — они организуют «пятую колонну» из диссидентов. Писатель создал интересные колоритные образы «неопределенного» художника Свешникова, человека честного, но идейно «никакого», желчного писателя Саввы Богородицкого, журналиста «без принципов», «внутреннего диссидента» Зародова и его отпрыска, достойного отца, — шалопая и комбинатора, заводилы кружка «золотой» молодежи, где собираются сыновья влиятельных отцов. С др. стороны им противостоят писатель-патриот Булатов и его единомышленники.

Если в романе «Братья Ершовы» действуют герои различных социальных групп, то в романе «Чего же ты хочешь?» писатель сосредоточился на характеристике исключительно интеллигентских слоев советского общества. Писатель раскрывает механику враждебной деятельности западных спецслужб, которые под маской культурных связей бесцеремонно готовили диссидентский слой разрушителей, «агентов влияния». «Разложение, подпиливание идеологических мостов, устоев советского общества — вот на что в Лондоне... решили потратить несколько десятков тысяч фунтов стерлингов», — говорит Кочетов, желая обратить внимание Кремля на надвигающуюся беду.

Но в Кремле и на Старой площади только морщились от таких предупреждений, автора обвиняли в попытке помешать «консолидации». Важные посты в ЦК КПСС занимали те самые люди, против которых был направлен пафос романа, естественно, они не только не вняли голосу писателя, но и осудили его произведение как «противоречащее духу времени». После публикации романа в журнале «Октябрь» ни одно московское издательство не решилось выпустить «Чего же ты хочешь?» отдельной книгой. Лишь руководитель компартии Белоруссии П. М. Машеров, оценив достоинства романа, приказал издать эту чрезвычайно актуальную книгу. В 1989 вышло собрание сочинений Кочетова. Романа «Чего же ты хочешь?» в нем не

было: не допустила цезура. Все последующие попытки переиздать роман наталкивались на каменную стену неприязни и к роману, и к автору.

Соч.: Собр. соч.: В 6 т. М., 1987—89; Избр. произв.: В 3 т. М., 1982; Ленинградские повести: Повести, рассказы. М., 1981; Молнии бьют по вершинам: Роман. М., 1983; Улицы и траншеи: Записки военных лет. М., 1984; Угол падения: Роман. М., 1986.

И. Шевцов

КОЧЕТОВ Евгений Львович (писал под псевд. **Евгений Львов и Русский странник**) (13[25].01.1845—26.01[8.02]. 1905), беллетрист и публицист. В 1860-х служил в гвардии, причем участвовал в военных действиях в Польше. Сотрудничал в 1870-х в «Московских ведомостях», а с 1880 стал постоянным сотрудником и корреспондентом «Нового времени». Отдельно изданы: «Из недавних воспоминаний о недалеком Западе», повесть в 2 ч. (М., 1871); «В Сибирь на каторгу: повести, характеристики и арабески» (1876); «Румелийский переворот; исторический этюд» (1886); «Болгария в период террора и анархии: из личных воспоминаний» (1888); «Правдивые рассказы» (СПб., 1888). «Несколько подробностей о смерти А. Е. Викторовова» (М., 1883); «По студеному морю» (1888).

С лета 1884 в «Новом времени» под псевд. Русский странник появляются корреспонденции Кочетова из Польши, в которых главное внимание уделено «русскому делу» в западных губерниях. Патриотизм определил тональность репортажей Кочетова: озабоченность активностью иностранного вмешательства в экономику Польши, прочностью позиций католицизма. По мнению Кочетова, это ведет к вытеснению из края русского православного элемента, и он выступает за самые решительные меры, ограничивающие права «инородцев». В сент. 1885, сразу после Румелийского переворота, Кочетов выезжает в Болгарию. Освещение им событий на Балканах с точки зрения русских интересов в регионе вызвало противодействие болгарских властей. Кочетов доказывал, что в подготовке переворота решающая роль принадлежала русским нигилистам, эмигрировавшим в Балканские страны в 60—70-е и стремившимся подорвать международный авторитет России.

Читатели благодарили автора «за беспристрастный, чисто русский взгляд на события, за смелые обличения антирусских интриг».

Читатели благодарили автора «за беспристрастный, чисто русский взгляд на события, за смелые обличения антирусских интриг».

КОЧЕТОВ Иоаким Семенович (1789—1854), духовный писатель. Учился в С.-Петербургской духовной академии, в которой затем состоял профессором (1814—51), сначала всеобщей и гражданской истории, затем библейской и церковной истории. Был членом Российской академии, а с 1841 ординарным академиком Императорской академии наук, причем деятельно участвовал в составлении «Словаря церковнославянского и русского языков» (СПб., 1847); весь 4-й (последний) том этого словаря (с буквы «Р») составлен им одним. Главные его труды: «Черты деятельного учения веры» — выдержало 5 изд. (1823—55); «Начертание христианских обязанностей по учению православной греко-

российской церкви» (7 изд. СПб., 1842—53), долго было распространенным учебником. Кроме того, написал «О пагубных следствиях пристрастия к иностранным языкам» («Труды Российской академии», 1840—43) и др.

КОЧНЕВ Михаил Харлампиевич (р. 28.10[10.11].1914), писатель. Родился в с. Шегодское Юрьев-Польского у. Владимирской губ. в крестьянской семье. Окончил филологический факультет МГУ (1939). В 1938 выступил в печати со стихами. В 1943 в Иваново вышел сборник стихов «Объятия земли». Известность получила книга сказов Кочнева «Серебряная пряжа» (1946), написанная на основе фольклора ивановских текстильщиков. Затем вышли сборники сказов Кочнева: «Расписной узор» (1948), «Сорок веретен» (1948), «Дело человеком славится» (1950), «Живой родник» (1951), «Цвет зари» (1955); в книгу «Время-полюмя» (испр. и доп. изд., 1958), наряду со сказами вошли рассказы. В сказах Кочнева созданы образы русских умельцев, людей творческого труда. В жанре сказа Кочнев стремится следовать традициям *Н. С. Лескова* и *П. П. Бажова*. Кочнев — автор сценария первого советского широкоэкранного фильма «Илья Муромец» (1959) и романа «Потрясение» (1964).

Соч.: Сказы / Вступ. ст. Б. Волгина. М.; Л., 1953; Илья Муромец (Сын рода вольного). Киносценарий. М., 1959; Волжские были. М., 1963.

КОШЕЛЕВ Александр Иванович (9[21].05.1806—12[24].11.1883), публицист. С детства был близок с братьями *Киреевскими* и *В. Ф. Одоевским*. В 1823—25 член «Общества любителей». С 1840-х вошел в кружок *славянофилов*. Издавал и редак-

тировал их журналы «Русская беседа» и «Сельское благоустройство». Участвовал в подготовке крестьянской реформы 1861. Выступал за созыв земской думы, работал в органах земского и городского самоуправления.

В последние годы жизни (1869—83) Кошелев создал наиболее значительное свое произведение — «Записки. (1812—1883)». (Изд. в 1884 женой О. Ф. Кошелевой; включают 2 отрывка из дневника за 1857 и 1882—83; прил. к

книге содержит 7 публицистических статей и «записок» Кошелева; местонахождение рукописи неизвестно.) В целом мемуарная книга охватывает события 1812 — н. 80-х и является прямым продолжением его публицистических работ. В ней сдержанно и беспристрастно нарисованы фигуры современников (*А. С. Пушкина*, *Одоевского*, *Герцена*, друзей-славянофилов и мн. др.), рассказывается о становлении литературного общества («Общество любителей», славянофильский и западнический кружки) и представлена под славянофильским углом зрения широкая панорама русской литературной и общественно-политической жизни. «Записки» остаются ценнейшим документом для истории литературно-общественной мысли России в 20—70-е XIX в.

КОЯЛОВИЧ Михаил Осипович (20.09[2.10].1828—23.08[4.09].1891), историк и публицист. Родился в семье православно священника. Окончил Супрасльское духовное училище, а затем в 1851 закончил Литовскую духовную семинарию. В 1855 завершил курс в С.-Петербургской духовной академии. С 1856 преподавал на кафедре сравнительного богословия и русского раскола, а в следующем году перешел на кафедру русской церковной и гражданской истории. Начал печататься с 1858, когда в журнале «Христианское чтение» вышла первая его научная статья «Замечание об источниках для истории Литовской уни».

Вышедшее в 1859—61 исследование «Литовская церковная уния» было защищено Кояловичем как магистерская диссертация. В 1873 защитил докторскую диссертацию под названием «История воссоединения западнорусских униатов старых времен (до 1800)». С 1873 — ординарный профессор С.-Петербургской духовной академии.

С 1888 Коялович вместе с сыном Михаилом стал издавать политико-литературный еженедельный журнал «Правда», сотрудничал в издаваемой *И. С. Аксаковым* газете «День», а также в консервативном журнале «Гражданин».

Коялович автор исследования «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям». Белорус по происхождению, Коялович был общерусским писателем и отстаивал единые для всех русских православные идеалы. «История русского самосознания» представляет яркий пример особого национального мышления. Мышления, по-являющегося только в уникальной обстановке империи, допускающей любые культурные традиции, но требующей государственного единомыслия. Выходец из-под Гродно, Коялович первым в научной русской литературе широко исследовал историю русского самосознания. Не будучи теоретиком, он не развивает в своем труде философских концепций русского самосознания, а скрупулезно, по деталям выявляет и анализирует исторические памятники и научные сочинения, тематически касающиеся исследуемой им проблемы. «Главнейшая задача, — как писал он, — которую я старался выполнить и которая обозначается самим заглавием книги, могла бы быть поставлена гораздо шире. Можно было бы проследить русские сочинения по всем у нас наукам, не исключая даже естествознания и математики, и показать, какие русские особенности они отражают в себе». Но, считая невозможным поставить перед собою такую титаническую задачу, Коялович оставляет объектом исследования лишь историческую науку. Главное внимание он обращает на связь и преемственность научных школ в изучении русской истории, на «постепенное развитие русского научного сознания по отношению к нашему историческому прошедшему».

Хорошо изученная литература времен Киевской и Московской Руси у Кояловича дается лишь в кратком обзоре, где в нескольких небольших главах анализируются русские первоисточники (летописи, послания, государственные акты, поучения и т. п. литература) и иностранные свидетельства о России.

Особое значение в труде проф. Кояловича имеет изложение периода нового послепетровского времени, когда

появляются научные исследования по русской истории. Конечно, не он первый начал выявлять в русской науке исторические школы, это делали и до него, но его заслуга состоит в том, что он выработал целостную систему классификации школ русской истории и первым смог изложить историю русской исторической науки.

Выстраивая преемственность исследования русской истории (от трудов Байера, Миллера, Татищева, *Ломоносова* к работам историков екатерининского времени Шлецера, кн. Щербатову, Болтину), Коялович выделил важный момент «перехода» в XVIII в. центра изучения русской истории из Академии наук в С.-Петербурге в новый центр — Москву. В частности, это объясняется им переездом туда Миллера и *Новикова*. Именно из их среды, из среды молодых людей, связанных с Московским университетом и новиковским кружком, вышел затем *Н. М. Карамзин*.

Появление «Истории государства Российского» разделило русскую историческую науку на две противоположные школы — союзников Карамзина и скептиков. Эти школы, в свою очередь, имели прямое отношение к появлению западничества и славянофильства с их историческими концепциями. Научное противостояние русских национально мыслящих ученых прибалтийским ученым-немцам и школе скептиков, а также влияние на их научные взгляды работ западнославянских историков сформировали уже не только научные школы, а два противоположных взгляда на русскую историю. Западничество (Пыпин, Чичерин, Иконников, Чаадаев и др. публицисты) и славянофильство (*К. Аксаков*, *И. Беляев*, *Ю. Самарин*, *В. Лешков*) выставили два мировоззрения, две взаимоисключающие шкалы оценок нашего прошлого.

На какое-то время эти споры были отодвинуты на второй план появлением в исторической науке огромного труда *С. М. Соловьева* «История России» с его родовой теорией быта — работы, ставшей классической.

Последующее развитие изучения русской истории, по Кояловичу, связано с тремя более или менее пересекающимися направлениями исторической науки. Во-первых, с последователями *С. М. Соловьева*, развивавшими его положения государственной школы. Во-вторых, с петербургской школой *К. Н. Бестужева-Рюмина* и *Е. Е. Замысловского*, уделявшей особое внимание изучению первоисточников. А в-третьих, с тесно связанной с археологией группой историков (*Д. И. Иловайского*, *С. Геденова* и *И. Е. Забелина*), опровергавших норманнскую теорию происхождения русской княжеской династии.

Как писал в своей рецензии на книгу Кояловича акад. *К. Н. Бестужев-Рюмин*, автор ставил своей целью «допросить каждое явление (литературное или научное. — *М. С.*) о том, насколько оно послужило выражению народного самосознания, и с этой точки зрения произносит над ним свой суд».

Будучи непримиримым борцом с «объективизмом» в науке, не веря в его реальную возможность, Коялович считал его вредным. Он открыто заявлял свой постулат как ученого: «Не доверяйте обманчивой объективности, в истории ее меньше всего; в истории почти все субъективно». Выработав многолетними научными занятиями уверенность в неизбежности и положительности для историка субъективного взгляда на исторический процесс, Коялович дал в «Истории русского самосознания» панораму или энциклопедический свод всех на его время существовавших систем и мнений, или, как он их называл, «субъективизмов» понимания русской истории. Проанализировав их все, он «показал, что лучший из них — это так называемый славянофильский субъективизм». «Он лучше других, — ут-

верждал профессор, — и в народном, и в научном смысле, и даже в смысле возможно правильного понимания и усвоения общечеловеческой цивилизации».

Первые изданная в 1884, книга была широко распространена в среде читающей русской публики. Благодаря своей необычной для того времени страстности, она стала настольной книгой многих выдающихся деятелей России. Так, *И. Аксаков* писал, что «История русского самосознания» — «это превосходнейший и крайне полезный труд». *Л. Тихомиров* считал обязательным иметь ее у себя каждому думающему человеку.

Соч.: Литовская церковная уния. Т. 1—2. СПб., 1859—62; Лекции по истории Западной России. СПб., 1864; Воссоединение западнорусских униатов старых времен (до 1800). СПб., 1873; Три подвига русского национального духа для спасения нашей государственности во времена самозванческих смут. СПб., 1880; История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884.

Лит.: *Чистович И. С.* С.-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858—88). СПб., 1889; *Пальмов И. С.* Памяти Михаила Осиповича Кояловича. СПб., 1891; *Черепица В. Н.* Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества. Гродно, 1998; *Смалин М. Б.* Очерки Имперского пути. Неизвестные русские консерваторы 2-й пол. XIX — 1-й пол. XX в. М., 2000.

М. Смолин

К. Р., великий князь **Константин Константинович Романов** (10[22].08.1858—2[15].06.1915), поэт, драматург. Получил разностороннее домашнее образование. С детства готовился

к службе на флоте, был 2 года в дальнем плавании. Во время войны с Турцией (1877—78) состоял в экипаже фрегата «Светлана»; провел понтоны, под неприятельскими выстрелами, из устья р. Ольты к мосту у Зимницы. Затем служил в Измайловском полку. В 1891 назначен командиром лейб-гвардии Преображенского полка. В 1900 — главным начальником военно-учебных заведений, в 1910 — генерал-инспектором военно-учебных заведений. С 1889 президент Академии наук; с 1900 почетный академик по разряду изящной словесности.

Вел. князь Константин Константинович наследовал от отца артистические вкусы и способности: он пианист и выступал как актер в ролях: Гамлета, дон-Цезаря в «Мессинской невесте» Шиллера и Иосифа Аримафейского в своей трагедии «Царь Иудейский». Как поэт, он известен под инициалами **К. Р.**; дебютировал в «Вестнике Европы» (1882. № 8) стихотворением «Псалмопевец Давид». Сборник его стихотворений издан в 1886, но в продажу поступило лишь 2-е издание (СПб., 1889; 78 стихотворений, относящихся к 1879—85), одновременно с «Новыми стихотворениями **К. Р.**, 1886—88» (СПб., 1889; 54 произведения). Здесь помещены, между прочим, лирические стихотворения, гекзаметры, стихотворения религиозного характера («Ты победил, Галилеянин», «Царь Саул», «Севастьян мученик», переложения из Апокалипсиса), послания, стихотворения из полковой жизни. 4-е издание вышло в 1902. В 1911 вышли стихотворения 1900—10. В 1913 вышел 1-й т. полного собрания всех стихотворений **К. Р.** 1879—1912. В 1914 двумя

изданиями, обыкновенным и роскошным, вышла драма «Царь Иудейский». Главные переводы К. Р.: «Мессианская невеста» Шиллера, «Ифигения в Тавриде» Гете, «Гамлет» Шекспира (СПб., 1899; 2 тома, с обширным историко-литературным комментарием). Ряд отзывов К. Р. о представленных на соискание пушкинских премий стихотворных сборниках напечатан в «Отчетах о присуждении пушкинских наград» и «Трудах разряда изящных слов. Императорская Академия Наук». Оттиском из «Журнала Министерства народного просвещения» вышла брошюра «Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова» (1914). По направлению своему, музыка К. Р. всецело примыкает к «поэзии чистого искусства». Оставшись совершенно в стороне от поэзии страстей и бурных переживаний, К. Р. вырос под обаянием поэзии *А. Н. Майкова*, *Я. П. Полонского*, *А. А. Фета*, которым он посвятил несколько восторженных посланий. Основные воззрения и стремления поэта всего ярче выражены в двух стихотворениях. В первом из них («Я баловень судьбы») поэт высказывает желание:

Но пусть не тем, что знатного я рода,
Что царская во мне струится кровь,
Родного православного народа
Я заслужу доверье и любовь.
Для этой высокой цели он избирает иной путь:
Пускай прольются звуки
Моих стихов в сердца толпы людской,
Пусть скорбного они врачуют муки,
И радуют счастливого души!

Источники своего вдохновения К. Р. указывает в обращении к «Поэту»:

Лишь тем, что свято, безупречно,
Что полно чистой красоты,
Лишь тем, что светит правдой вечной
Певец, пленяться должен ты.
Любовь — твое да будет знание:
Проникнись ей — и песнь твоя
В себе включит и все страданья,
И все блаженство бытия.

Одним из симпатичнейших отделов сборников К. Р. являются «Очерки полковой жизни». Они отличаются большой простотой, согреты искренней привязанностью к товарищам по службе и искрятся добродушной веселостью, которая подчас переходит в грусть, когда поэт рисует участь простого солдата (стихотворение «Умер»). В лирических стихотворениях своих К. Р. — поэт «живых и светлых упований» по преимуществу; он воспевает очарования весны, распутившейся черемухи, расцветшей сирени, белоснежного ландыша, пленительно-тихой летней ночи, улыбки утра. В этой светлой радости — главный источник его вдохновения: «опять томит очарованьем благоуханная весна, опять черемухи дыханьем ее краса напоена. Нежно зеленой, сквозистой оделись дымкой леса. Струей повеяло душистой, лаская, греют небеса. Мне запах милый и знакомый былое в сердце воскресил: обаятый тайною истомой, прилив учя свежих сил, дышу черемухи дыханьем, внимаю жадно соловью, весь отдаюсь весны лобзаньям и — очарованный — пою».

Ясные по настроению и певучие, лирические стихотворения К. Р. привлекают к себе особое внимание композиторов; более 50 из них положено на музыку. Из драматических произведений К. Р. особое внимание возбудила трагедия на евангельский сюжет «Царь Иудейский». Несмотря на высокое положение автора, трагедия эта могла быть только несколько раз поставлена при совершенно исключительных условиях, в

придворном Эрмитажном театре, для высокопоставленной публики. Между тем в «Царе Иудейском» нет и намека на что-либо отступающее от канонического понимания и в какой бы то ни было степени напоминающее евангельскую историю в искажении ее Ренаном или в изображениях Мункачи и Ге. Для автора тут события не просто истории, а именно истории священной; «Царь Иудейский» — божественное явление. Это придает трагедии характер иконописный, но вместе с тем и стильный. Глубочайшее благочестие настолько органически пронизывает произведение, что дает возможность, не утомляя читателя и зрителя, все время держать его на высоте настроения и обходиться без обычных театральных эффектов и декораций.

Соч.: Стихотворения. 1879—1912. Т. 1—3. СПб., 1913—15; Избр. лирич. стихотворения. С биографией и портретом. П., 1915 (три изд.); Полн. собр. соч. / Под ред. и с предисл. А. А. Геринга. Т. 1—3. Париж, 1965—67 (750 экз.); Избранное. М., 1991; Стихотворения. М., 1991; [Стихи] // Поэты 1880—90; Песни рус. поэтов. Т. 2. Л., 1989 (БПбс); Из дневника Константина Романова. 1904—1906 / Публ. Н. Лапина // Красный архив. 1930. Т. 6; 1931. Т. 1—2.

С. В.

КРАЕВСКИЙ Андрей Александрович (5[17].02.1810—8[20].08.1889), издатель и журналист. Родился в Москве. Окончил философский факультет Московского университета (1828). Был помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения» (1834—38), техническим редактором пуш-

кинского «*Современника*» (1836—37). Участвовал в «Энциклопедическом лексиконе» А. А. Плюшара (1835). Редактор газет «Литературное прибавление к «Русскому инвалиду»» (1837—39), «*Литературная газета*» (1840, 1844—45), «Русский инвалид» (помощник редактора — 1843—47, редактор — 1847—52), «С.-Петербургские ведомости» (1852—62), «Голос» (1863—84). С 1839 издавал журнал «Отечественные записки», куда привлек лучших писателей своего времени: *М. Ю. Лермонтова*, *И. С. Тургенева*, *Ф. М. Достоевского*, *Е. А. Баратынского*, *Н. В. Гоголя*, *В. А. Жуковского*, *А. В. Кольцова*, *Н. А. Некрасова* и др.

В 1848 выступил со статьей «Россия и Западная Европа в настоящую минуту», в которой отстаивал православно-монархические ценности Русского государства. Его статья после 1855 (напр., «Заметки на-лету», «Кто виноват?» в «С.-Петербургских ведомостях», 1857) были проникнуты монархическим и либерально-консервативным духом. Как издатель Краевский проявил себя способным организатором. Он — один из основателей общественно-политической газеты в России, один из учредителей первого русского телеграфного агентства (РТА, с 1866). С н. 60-х Краевский, оставаясь издателем «Отечественных записок», фактически уже не редактировал их, занятый газетным делом. Он в 3 раза увеличил тираж «С.-Петербургских ведомостей» (в 1862 — 12 тыс. экз.); основанная им газета «Голос» к к. 70-х печаталась тиражом ок. 23 тыс. экз. Последние годы Краевский работал в области народного просвещения.

Соч.: Царь Борис Федорович Годунов. СПб., 1836; Об исторических таблицах В. А. Жуковского. СПб., 1836; История новых времен от 1648 до 1818. СПб., 1841 (литография).

КРАСКОВСКИЙ Ипполит Феофилактович (?—1899), писатель. Учился в С.-Петербургской духовной академии. Переселившись в к. 60-х в Москву, Красковский стал постоянным сотрудником сперва «Московских ведомостей», а затем «Русского вестника», где напечатал ряд повестей и рассказов. Часть этих повестей и рассказов издана им в 2-томнике под заглавием «На западной окраине России» (М., 1884) и посвящена описанию западно-русского края и Беловежской пуши. В к. 80-х Красковский совершил путешествие на Афон, где пробыл год; результатами этого путешествия явились ряд статей об Афоне в «Московских ведомостях» и книга «Макарий Афонский, игумен и священо-архимандрит Афонского и Пантелеймоновского монастыря» (М., 1860).

КРАСНОВ Петр Николаевич (10[22].09.1869—16.01.1947), военачальник, писатель, историк. Родился в Петербурге. Принадлежал к знаменитому роду, известному на Дону и в России своими военными и литературными традициями.

Детство и юность провел в Петербурге. Числившийся казаком станицы Вешенской, часто бывал на Дону. Получил прекрасное домашнее воспитание. Из V класса 1-й Петербургской гимназии перевелся в Александровский кадетский корпус, который окончил в 1887, поступил в 1-е Павловское военное училище, где был фельдфебелем роты Его Императорского Величества. Имя Краснова, окончившего училище по 1-му разряду,

было занесено на мраморную доску. Из училища выпущен хорунжим в комплект донских казачьих полков и прикомандирован к лейб-гвардии Атаманскому полку. В 1892 поступил в Николаевскую Академию Генерального штаба, откуда через год по собственному желанию (по др. сведениям, из-за конфликта с начальником) вернулся в свой полк.

Краснов рано начал проявлять интерес к литературе. В 12-летнем возрасте писал детские рассказы, издавал их в домашнем журнале «Юность», собственноручно осуществляя набор и печатание. Активной литературной деятельностью начал заниматься с 1891. В ранних повестях и рассказах, печатавшихся преимущественно в приложениях к журналу «Нива» и вошедших в сборники «На озере» (1895) и «Ваграм» (1898), Краснов изображал жизнь кадетов, юнкеров, офицеров (во многих из них присутствовала любовная интрига), развивая «мысль об офицерстве как особой благородной касте, отстаивая привилегии гвардейцев...». Однако определяющей темой ранних произведений Краснова являлась тема героического прошлого донского казачества («Атаман Платов»), «Донцы: Рассказы из казачьей жизни», «Донской казачий полк сто лет тому назад», «Казачи в начале XIX века: Исторический очерк» (все — 1896). Уже в раннем творчестве Краснов заявил о себе как защитник монархии, старинных устоев и традиций донского казачества. В 1887—98 был командирован в Абиссинию в качестве начальника конвоя при российской дипломатической миссии к негусу Менелику. За три месяца Краснов проделал опаснейший переход на верблюдах и мулах по сомалийской пустыне и Данакийским горам. За 11 дней он доставил из Абис-

синии в Петербург пакет с секретной корреспонденцией. За выполнение этого задания Краснов был произведен в подесаулы и помимо российских наград (орден Станислава 2-й ст.) был отмечен офицерским крестом эфиопской звезды 3-й ст. и французским орденом Почетного легиона. Абиссинские впечатления нашли отражение в книге Краснова «Казачи в Африке. Дневник начальника конвоя рос. импер. миссии в Абиссинии в 1897—1898 гг.» (1899) (через год книга была переиздана под названием «Казачи в Абиссинии...» с посвящением цесаревичу Михаилу Александровичу и вел. кн. Ольге Александровне) и сборнике «Любовь абиссинки и др. рассказы» (1903).

В 1901—05 в качестве специального корреспондента военной газеты «Русский инвалид» Краснов выезжал на Д. Восток для освещения хода китайской войны (участия русских экспедиционных сил в подавлении народного восстания ихэтуаней); по заданию военного ведомства ознакомился с условиями жизни и быта российских и иностранных войск в Маньчжурии, на Д. Востоке, в Японии, Индии. Результатом этих впечатлений явились книги Краснова «Борьба с Китаем» (1901), «По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии» (1903). В 1902 Краснов посетил Закавказье, где изучал жизнь и быт казаков в гарнизонах на турецкой и персидской границах, о чем рассказал в очерках «В сердце Закавказья» (1902—03). Краснов постоянно выступал в печати относительно быта и строевой жизни в казачьих войсках (книга «Суворов» (1900) — «жизнеописание для войск и народа» и др.).

В 1904 Краснов был командирован на Д. Восток в качестве корреспондента «Русского инвалида». Его «талантливые и дельные корреспонденции», печатавшиеся в «Русском инвалиде» под заголовком «На войне», обращали на себя внимание образованной и серьезной публики, освещая многие подробности тяжелой русско-японской войны (сб. «Донцы». XIX в.). 3 янв. 1905 имп. Николай II записал в дневнике: «Приняли атаманца Краснова, который приехал из Маньчжурии; он рассказывал много интересно о войне <...> он пишет статьи о ней».

Краснов принимал участие в боях русско-японской войны, был награжден за храбрость орденами. Русско-японской кампании посвящены его книги «Год войны. 14 месяцев на войне. Очерки русско-японской войны с февр. 1904 по апр. 1905 г.» (1905—11), «Русско-японская война. Восточный отряд на реке Ялу. Бой под Тюренгеном» (1911) и «Погром. Роман из русско-японской войны» (1915).

В 1909 выходит книга Краснова «Картины былого тихого Дона», представляющая собой «краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях». Как и в ранних своих произведениях о героическом прошлом донского казачества, Краснов смотрит на историю Войска Донского глазами монархиста. В основе «Картин...» лежит идея государственного и христианского домостроительства. Идеи православной монархии пронизывают и книгу «Российское победоносное воинство. Краткая история русского войска от времени богатырей до Полтавской победы (1709)» (1910), представляющую собой популярный очерк истории русской армии и русского оружия. В 100-летнему юбилею Отечественной войны 1812 Краснов выпустил книгу «Донцы и Платов» (1912), также предназначенную для чтения в семье, школе и войсковых частях. Краснов зарекомендовал себя как талантливый популяризатор русской военной истории, прежде всего — истории казачества.

За исключительную храбрость в военных действиях Краснов был награжден многими боевыми орденами, в т. ч. Георгиевским оружием и орденом св. Георгия 4-й ст. Вышедшие в

это время повести «Фарфоровый кролик», «Волшебная песня» (1915) и роман «В житейском море» об армейской жизни обнаруживали схематизм сюжетных ситуаций, элементы сентиментальности. Краснов поддержал Корниловский мятеж. После Октябрьского переворота выступил против советской власти. Организованное Корниловым наступление на Петроград потерпело неудачу.

До начала Верхне-Донского восстания Краснов жил в станице Константиновской. Здесь написал приключенческий роман «У подножия Божьего Трона» (1919) (в эмиграции переиздан под названием «Амазонка пустыни», 1922). Одним из первых Краснов откликнулся на события гражданской войны на Дону, создав сборник острокопфликтных рассказов «Степь» (1918).

В мае 1918 «Кругом спасения Дона» Краснов был избран атаманом Всеволоцкого Войска Донского. Поднял донских казаков «на национальную, народную войну» против большевиков. В своей политике ориентировался на помощь Германии. В февр. 1919 из-за противоречий с командованием Добровольческой армии и в связи с поражением Донской армии подал в отставку. В сент. 1919 вступил волонтером в Северо-Западную армию ген. Н. Н. Юденича, где ведал вопросами пропаганды. В янв. 1920 являлся русским военным представителем в Эстонии и членом Ликвидационной комиссии войсковых частей, соединений и штабов и учреждений Северо-Западной армии, участвовал в переговорах с правительством Эстонии об эвакуации русских солдат и офицеров. После окончания гражданской войны Краснов жил в Берлине (некоторое время издавал, вместе с *И. А. Родионовым*, журнал «Казачий вестник») и Париже, занимался литературной и политической деятельностью: сотрудничал с вел. кн. Николаем Николаевичем, «Русским общевоинским союзом» (РОВС) и др. монархическими организациями.

В эмигрантский период было опубликовано более 40 книг, тематический и жанровый диапазон которых был достаточно широк. Мемуарные и историко-публицистические произведения «На внутреннем фронте» (1921); «Накануне войны» (1937) — повествование из жизни пограничного гарнизона, куда входил 10-й Донской казачий полк; «На рубеже Китая» (1939) — о командовании 1-м Сибирским казачьим полком; «Павлоны» (1943) — книга о юнкерах Павловского военного училища; приключенческое произведение для юношества «Мантык, охотник на львов» (1928).

Краснова продолжала волновать тема современной жизни и исторических судеб донского казачества: «Казачья самостийность» (1921); «Все проходит» (1926) — историческая повесть в 2-х книгах о взаимоотношениях вольного Дона и боярской Москвы в допетровские времена; «С Ермаком на Сибирь!» (1930); «Исторические очерки Дона» (1944).

Антиутопическим романом «За чертополохом» (1922; 2-я, перераб. ред. — 1928) о будущем большевистской России Краснов заявил о себе как мастер фантастического жанра. В этом произведении наиболее отчетливо отразился политический идеал Краснова-писателя — стремление видеть Россию страной, где восстановлена монархия и Православная вера.

Краснов проявлял интерес к теме судеб русской интеллигенции, создав такие произведения, как «Опавшие листья» (1923) — лиро-эпическую хронику предреволюционной жизни, воспроизведенную через призму сознания молодого человека; 3-томную эпопею о русской интеллигенции 10—20-х «Largo» (1930), «Выпашь» (1931), «Подвиг» (1932).

Важное место в обширном творческом наследии Краснова занимает цикл романов, посвященных «великой русской тра-

гедии» (революции 1917): «Единая неделимая» (1925), «Понять — простить» (1928), «Белая свитка» (1928). Открывает этот цикл главное произведение Краснова, над которым он работал в течение 27 лет, — роман-эпопея «От Двуглавого Орла к красному знамени. 1894—1921» (1921—22). В нем нашли отражение ключевые события эпохи царствования имп. Николая II и первых пореволюционных лет.

Несомненный интерес представляют исторические романы Краснова о русских государынях: «Цесаревна. 1741—1762» (1933) — о Елизавете Петровне и «Екатерина Великая» (1935), а также роман о народовольцах «Царевубийцы (1 марта 1888 года)» (1938), считающийся одним из лучших произведений на эту тему. В революционерах-террористах (Перовской, Желябове и др.) Краснов увидел исторических предшественников большевиков. В отличие от политической беллетристики, с характерной для нее тенденциозностью, нарочитой заданностью и схематизмом характеров, исторические романы Краснова являются незаурядными художественными произведениями, они написаны с глубоким знанием реалий эпохи.

Знарок русской истории, Краснов с оптимизмом смотрел в будущее России: «Глядя в прошлое, не могу не видеть, что будущее России окажется прекрасным. Пройдут тяжелые годы лихолетья, как проходили и раньше. Россия воскреснет и станет еще краше, нежели была, потому что русский народ полон героев».

Занятая бывшим атаманом бескомпромиссная позиция («Хоть с чертом, но против большевиков») привела к тому, что он пошел на сотрудничество с фашистской Германией. Краснов принял участие в работе казачьего отдела министерства восточных территорий. В марте 1944 он был назначен начальником Главного Управления казачьих войск при министерстве, руководил организацией «Казачий стан». В мае 1944 был интернирован англичанами, передан советскому командованию, приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни. На свидании с внучатым племянником Н. Н. Красновым он сказал перед смертью: «Что бы ни случилось — не смей возненавидеть Россию. Не она, не русский народ виновники всеобщих страданий <...> Недостаточно любили свою родину те, кто первыми должны были ее любить и защищать».

Лит.: Попов К. «Война и мир» Л. Н. Толстого и «От Двуглавого Орла к красному знамени» П. Н. Краснова. Париж, 1934; Краснов Н. Н. Незабываемое. 1945—1956. Сан-Франциско, 1957; Поляков И. А. Краснов — Власов. Нью-Йорк, 1961.

В. Запевалов

КРАШЕНИННИКОВ Николай Александрович (14[26].02.1878—11.10.1941), писатель. Праправнук знаменитого путеше-

ственника, исследователя Камчатки С. П. Крашенинникова. Окончил юридический факультет Московского университета. Первый рассказ «Лесной сторож» опубликован в 1899. Книга очерков и рассказов Крашенинникова «Угасающая Башкирия» (1907) получила широкий отклик в России. Башкирии посвящен и роман «Амея» (1915). В предреволюционные годы Крашенинников воспевал в своих произведениях чистую любовь и

целомудрие: пьесы «О маленькой Тасе» (1908) и «Плач Рахили» (1910), повесть «Сказка любви» (1912), романы «Барышни» (1911) и «Девственность» (1913). Повесть «Целомудрие» (1925) посвящена теме пробуждения любви у подростков. Крашенинников инсценировал «Вешние воды» *И. С. Тургенева* (1913), «Капитанскую дочку» *А. С. Пушкина* (1937), «Войну и мир» *Л. Н. Толстого* (1938) и др.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—8. М., 1911—16; Т. 9. М., 1926; Под солнцем Башкирии. 4-е изд. М., 1936; К земле обетованной: Рассказы. Уфа, 1963.

КРЕСТОВСКАЯ (по мужу — Картавцева) **Мария Всеволодовна** (30.11[12.12].1862—24.06[6.07].1910), писательница. Дочь писателя *В. В. Крестовского*. В юности готовилась к театральной деятельности, с успехом выступала на частных сценах.

В 1885 в «*Русском вестнике*» (№ 2, 8, 9) за подписью «М. Кр.» появились ее первые произведения — «Иса. Уголок театрального мирка» и «Лея. Уголок театрального мирка», тесно связанные с личными переживаниями Крестовской и ее впечатлениями о пребывании на театральных подмостках. В романах и повестях «Ранние грозы» (1886), «Ревность» (1892), «Сын» (1893), «Артистка» (1896) и др. отразились волновавшие Крестовскую стремления женщины найти свое место в жизни. Ее творчество было ограничено рамками личных мотивов и переживаний. Тем не менее произведения Крестовской имели успех у читателей и не раз переиздавались. В последние годы Крестовская почти отошла от литературной деятельности.

Соч.: Повести, рассказы и романы. Т. 1—4. СПб., 1889—96; Исповедь Мытишева. М., 1903; К солнцу. Путевые очерки. М., 1906.

КРЕСТОВСКИЙ В. (псевд., наст. имя — **Надежда Дмитриевна Хвоцинская** [по мужу — Зайончковская]) (20.05[1.06].1824—8[20].06.1899), писательница. Родилась в семье чиновника. До 1884 жила в Рязани, затем в Петербурге. Выступила в 1842 со стихами, в которых звучали мотивы протеста и гражданской скорби, писала их до к. 50-х (под фамилией Хвоцинская). С н. 50-х перешла к прозе. В 1850 в «Отечественных записках» опубликована повесть «Анна Михайловна» под псевд. В. Крестовский, который стал постоянным (когда появился подлинный писатель В. В. Крестовский, Хвоцинская стала подписываться «Крестовский—псевдоним»). В 1853 опубликована повесть в стихах «Деревенский случай». В трилогии 50-х «Провинция и старые годы» (романы «Кто же остался доволен?», «Свободное время», «Последнее действие комедии») изображены распад дворянской семьи, страдающие, одинокие в своей семье девушки и противостоящие им наглые, морально растленные дельцы. Те же темы развиваются в романах и повестях «Деревенская история» (1855), «Стоячая вода» (1862), «Домашнее дело» (1864) и др.

В 60—80-е в творчестве писательницы появляются образы новых людей, готовых на лишения ради народного счастья: «Пансионерка» (1861), «Большая медведица» (1870—71), «Былое» (1878), «Учительница» (1880). Женские обра-

зы в этих произведениях имеют много общего с тургеневскими героинями. В одной из лучших ее повестей «Первая борьба» (1869) ставится проблема отцов и детей, раскрывается процесс формирования душевно опустошенного человека. Позднее образы отступников все чаще появляются в др. произведениях писательницы — в рассказе «Счастливые люди» (1874), в цикле «Альбом. Группы и портреты», повестях «Здоровые» (1883), «Прощание», «Обязанности» (1885—86) и др. Выступала и как литературный критик.

Соч.: Романы и повести. Т. 1—8. СПб., 1859—66; Собр. соч. 2-е изд. Т. 1—5. СПб., 1898; Повести и рассказы. М., 1963.

КРЕСТОВСКИЙ Всеволод Владимирович (10[22].03.1839—18[30].01.1895), писатель. Родился в с. М. Березанка Киевской губ. в дворянской семье. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Выступил в печати в 1857. В 1892 — гл. редактор официального «Варшавского дневника». В 40—50-е главное место в литературной деятельности Крестовского заняла поэзия, чаще всего — подражания стихам *А. Н. Майкова* и *А. А. Фета* («Стихи». Т. 1—2. 1862). Ранние стихи и поэмы Крестовского содержат иногда мотивы народного горя, социальной несправедливости; позднее на первый план выступает эротическая тема. В 60-е Крестовский переходит к прозе. В известном романе «Петербургские трущобы» (1864—67) он дал интересные зарисовки великосветской роскоши, нищеты и преступлений столичного «дна», хотя шаблоны авантюрных романов дают о себе знать в этом сочинении. Качества авантюрного повествования полнее развернулись в «антинигилистических» романах Крестовского «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874), объединенных в диологию «Кровавый пух». Революционное движение 60-х изображено как результат деятельности польских националистов, устраивающих заговоры и поджоги, русские нигилисты выступают их слепым орудием.

Объясняя революционное движение 60-х как явление беспочвенное, следствие «польской интриги», Крестовский по-своему следует за концепцией, выдвинутой *М. Н. Катковым* и уже разработанной антинигилистической литературой (*А. Ф. Писемский*, *В. П. Ключников*, *Н. С. Лесков*). Его главный герой — нигилист не по убеждению, а по стечению обстоятельств, сюжет — возвращение блудного сына. В отличие от предшественников Крестовский шире вводит мотивы авантюрного романа: герой хитростью завлечен польскими эмиссарами, обольщен полькой. Одновременно Крестовский еще больше политизирует антинигилистический роман, включая репортажное изображение реальных событий 1861—63: крестьянских и студенческих волнений, петербургских пожаров, польского восстания. Обильно цитируются русские газеты, «Колокол», революционные прокламации, др. документы, описаны исторические лица (Чернышевский, Александр II, М. Н. Муравьев, К. Калиновский), иногда под др. именами. Крестовский

назвал свой роман «хроникой о новом смутном времени государства Российского», раскрывая в нем преступный характер деятельности нигилистов и космополитов-либералов, стремившихся разрушить историческую Россию.

Дальнейшая работа над темой о подрывной работе антирусских сил приводит Крестовского к пониманию трагической роли еврейства в русской истории. В трилогии, посвященной этому вопросу под условным названием «Жид идет»: «Тьма Египетская» (1888), «Тамара Бен-давид» (1889—90) и «Торжество Ваала» (1891—92) Крестовский объясняет подрывную работу революционеров растущим влиянием еврейства и «одряблением» арийской расы. Мытарства еврейки, перешедшей в христианскую веру, доказывали могущества кагала (еврейской общины) и предательство русским земством национальных интересов. Источником многих сведений послужила «Книга Кагала» Я. Брафмана (Вильно, 1869) (восторженная рецензия Крестовского на книгу Брафмана: «Заря». 1870. № 11). К авантюрному сюжету (похождения аристократа-мошенника и соблазнителя) Крестовский подключил политическую хронику 70-х (восточный вопрос и русско-турецкая война, студенческие демонстрации, народническое и рабочее движение, «диктатура сердца» М. Т. Лорис-Меликова, деятельность земства, уголовые процессы).

Соч.: Соч. Ч. 1—2. СПб., 1862; Соч. Т. 1—2. СПб., 1866—67; Собр. соч. Т. 1—8. СПб., 1899—1900; 2-е изд. Т. 1—8. СПб., 1898—1905; Повести, очерки и рассказы. СПб., 1868, 1871, 1972; Средний солдат. [Рассказ] // Русская военная проза XIX в. Л., 1898; Петербургские трущобы. Т. 1—3. М.; Л., 1935—37 (подготовка текста, вступ. ст. и прим. И. Н. Кубикова); в ч. 4 выпущены главы 18—22; др. изд. Л., 1990; М., 1990; [Стих.] // Поэты 1860-х. Л., 1968 (вступ. ст. и прим. И. Н. Ямпольского); Песни русских поэтов. Л., 1957; Песни и романсы; Деда // Русская историческая повесть. Т. 2. М., 1988.

КРЕЧЕТОВ Сергей Алексеевич (наст. фамилия **Соколов**) (25.09[7.10].1878—14.05.1936), поэт. Родился в Москве. Отец — присяжный поверенный. Кречетов получил юридическое образование в Москве (1901), работал присяжным поверенным. Печататься начал в возрасте 25 лет. Основал издательство «Гриф», в котором были опубликованы книги *И. Анненского*, *К. Бальмонта*, *А. Белого*, *А. Блока*, *И. Северянина*, *В. Ходасевича* — всего 37 книг. Издательство «Гриф» закрылось в 1914 в связи с уходом Кречетова в действующую армию. Кречетов был также редактором альманаха «Гриф» (вышло 4 выпуска). В течение одного года был редактором знаменитого журнала «Золотое руно». После выхода из редакции «Золотого руна» Кречетов основал в 1906 журнал символистов «Перевал» и стал его редактором-издателем. До революции вышли сборники стихов Кречетова «Алая книга» (1907) и «Летучий голландец» (1910), а также книга записок с фронтов мировой войны «С железом в руках, с крестом в сердце». На оба поэтических сборника откликнулся А. Блок. И. Анненский писал об «Алой книге»: «Кречетов немножко нервен для барда. Но я люблю невравственность и — может быть даже искреннюю — этих строк “Алой книги”... О, какой это интересный документ, не для Кречетова, конечно... а для всех нас». О «Летучем голландце» резко и иронически писал *Н. Гумилев* в «Аполлоне» (1909. № 2). Во время мировой войны Кречетов был взят в плен. Сидел в лагере для офицеров-военнопленных. Участвовал в гражданской войне. Эмигрировал в Берлин. Основал там издательство «Медный всадник», в котором в числе др. книг зарубежных писателей вышел и единственный эмигрантский стихотворный сборник Кречетова «Железный перстень» (Берлин, 1922).

В зарубежье Кречетов вел активную политическую жизнь, был основателем общества «Русская правда», редактировал национально-монархический орган этого общества, также называвшийся «Русская правда».

КРИВОПОЛЕНОВА Мария Дмитриевна (19[31].03.1843—2.02.1924), сказительница, песенница, сказочница. Родилась в с. Усть-Ежуга на Пинеге в семье крестьянина. Выйдя замуж за

крестьянина И. Т. Криво-поленова, переехала в д. Шототорку того же Пинежского у. Архангельской губ. Первые записи были сделаны от Кривополоеновой в июле 1900 *А. Д. Григорьевым* и опубликованы им в 1904. В 1915 с ней познакомилась московская артистка *О. Э. Озаровская* и привезла ее в Москву, а затем в Петроград. В 1916 Кривополоенова совершила в сопровождении Озаровской большую поездку по стране. Выступая перед разнообразной аудиторией (школьники, студенты,

ученые и др.), Кривополоенова неизменно покорила слушателей своим исполнительским мастерством, выразительностью, лукавым юмором. Кроме *былин* и *исторических песен* великолепной сохранности и высокого художественного качества, Кривополоенова исполняла *скоморошины* и *сказки*, знала много песен. От нее записана уникальная былина «Вавило и скоморохи». В 1921 Кривополоенова снова приезжала в Москву, где с успехом выступала уже перед новой аудиторией. Образ Кривополоеновой запечатлен в гравюре на дереве П. Я. Павлинова, в скульптуре «Вещая старушка» С. Т. Коненкова и др. Портретное изображение Кривополоеновой включено в композицию триптиха П. Д. Корина «Древний сказ».

Лит.: Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. Т. 1—2. М., 1904; Озаровская О. Э. Бабушкины Старины. 2-е изд. М., 1922; Былины, скоморошины, сказки / Ред., вступ. ст. и примеч. А. А. Морозова. Архангельск, 1950 (Библиогр.).

Э. Померанцева

КРИВОРОТОВ Василий Иванович (1901—1984), писатель, публицист. Криворотов, по его словам, родился «в одном из сел Российской империи», в большой крестьянской семье. В годы гражданской войны погиб 21 его родственник, среди них — отец. Криворотов участвовал в белом движении. После разгрома белого движения на Юге эмигрировал. В Югославии Криворотов окончил университет и получил диплом инженера-строителя. В годы второй мировой войны Криворотов участвовал в борьбе против фашистской Германии. После войны переезжает в Бразилию, где образовалась большая русская колония; там Криворотов прожил до конца жизни; работал инженером-строителем и занимался литературой. Произведения Криворотова печатались в русской зарубежной печати, выходили отдельными изданиями. Криворотов не принял большевистскую Россию, но через всю жизнь пронес сыновнюю любовь к Родине и тревогу за ее судьбу. Россия стала предметом долгих и трудных размышлений писателя о ее участии и путях грядущего Возрождения; писатель не утрачивал веры в тающиеся в России мощные силы. По словам Кри-

воротова, он всю «жизнь зрелого человека серьезно и, можно сказать, последовательно занимался вопросами нашей российской катастрофы».

По словам Криворотова, цель книги публицистических статей «Некоторые мысли к русской возрожденческой идее» (Мадрид, 1985) заключается в желании автора «вне-сти свою скромную лепту в формирование и сознание русской возрожденческой идеи, которая будет необходимым основанием для формирования новой России, которая приходит и ...придет». Обновление России Криворотов ставил в зависимость от роста национального сознания, подъема духовных сил. Криворотова волновали проблемы своеобразия исторического пути России. В работах Криворотова постоянна мысль о связи времен, о важности ушедших событий для современности. Трудна судьба народа, не забывающего своего прошлого. Еще опаснее, по Криворотову, нигилистическое отношение к прошлому, его перечеркивание, искажение: «Еще трагичнее бывает с народом, когда он тяжело заболевает и попадает в руки всеотрицателей, изуверов и насильников, в интересе которых лишь его родства, выжечь ложью и пороком из его памяти все то, что составляет его прошлое...».

Криворотову принадлежат книги «На страшном пути до Уральской Голгофы», исторический роман «Контрреволюционеры».

Соч.: Христианство, масонство и экуменизм // Кубань. 1990. № 11; Левое подполье в СССР // Некоторые мысли к русской возрожденческой идее. Кубань, 1993. № 1—2; Письмо А. Солженицыну // Кубань. 1991. № 1.

А. Филатова

КРИЖАНИЧ Юрий (ок. 1618—12.09.1683), славянский ученый и писатель, по национальности хорват, католический священник. Пропагандировал идею славянского единства. Главную роль в сплочении славян отводил Русскому государству, которое впервые посетил в 1647. Прибыв в Москву в 1659, по подозрению в шпионаже был сослан в 1661 в Тобольск, где прожил до 1676. В Тобольске Крижанич продолжал свои исследования и написал ряд книг — «Политика» (1663—66), «Об Божьем смотреии» (1666—67), «Толкование исторических пророчеств» (1674).

В своих исследованиях Крижанич приходит к выводу о необходимости объединения славян путем просвещения и литературного сближения. Крижанич увлекся изучением истории России и считал ее родиной всех славян. «Русский народ, — писал он, — и имя всем прочим, начало и корень». Чтобы объединить все славянские племена, считал Крижанич, необходимо прежде всего создать единый «всеславянский» язык и написать на этом языке книги, доступные всем славянам. Крижанич лично показывает пример такой работы: в Тобольске он создает свой вариант всеславянского языка, представлявшего собой смесь церковнославянского, русского и хорватского языков. Именно на этом языке написана его книга «Политика». Крижанич одним из первых подверг критике летописные легенды о «призвании варягов» на Русь, дарах Мономаха, вскрыл грубые искажения русской действительности в современных ему иностранных сочинениях о России (Адама Олеария, П. Петрея).

Славянский ученый доказывал необходимость упрочения связей Великороссии и Малороссии. Для укрепления могущества России Крижанич предлагал усилить государственный аппарат, реформировать армию, законодательно закрепить права всех сословий русского общества, перестроить организацию внутренней и внешней торговли, стимулировать развитие российской промышленности и

ремесел. Крижанич резко выступал против низкопоклонства перед всем иностранным, дав этому явлению свое название — чужебесие. Не исключая возможности использования положительного зарубежного опыта, Крижанич призывал сделать главную ставку на «высвобождение» богатейшего внутреннего потенциала русского народа.

О. Платонов

КРОТОВ Александр Анатольевич (1.05.1945—25.10.1999), писатель, публицист. Окончил Литературный институт. С 1996 и до кончины — гл. редактор журнала «Молодая гвардия», сменил на этом посту тяжело больного А. Иванова. Под руководством Кротова журнал «Молодая гвардия» не только продолжил патриотическое

направление, но получил еще большую остроту и боевитость в разоблачении антинародной политики просоциалистического режима. Публикуемые на его страницах материалы были направлены на пробуждение чувства национального самосознания, гражданской ответственности, активности в противостоянии чужебесию.

Тон серьезной, глубоко аргументированной публицистике задавал сам Кротов, публикуя из но-

мера в номер цикл статей «Русская смута», вошедших впоследствии в отдельную книгу под этим же названием. Это хроника текущих событий с глубоким философским анализом, собственным, порой парадоксальным, вызывающим на дискуссию, видением происходящего. Он говорил: «“Молодая гвардия” — русский журнал... То, что мы печатаем, помогает снять шоры с глаз».

Как и в публицистике, в русской литературе стремительно появился писатель-прозаик Кротов. Почти ежегодно его новые романы появляются на страницах «Молодой гвардии»: «Час фортуны», «Космический меридиан», «Неведомая Россия», «Музыка нежна» и др. «Космический меридиан», написанный в жанре детектива, посвящен нашим разведчикам времен Великой Отечественной войны. Но это не то легкое чтиво, где главенствует острый сюжет, а персонажи отличаются только именами. Кротов создал зримые образы и характеры. Их портреты написаны скупой, но твердой густой кистью. Это относится и к персонажам романов «Неведомая Россия» и «Музыка нежна». Писатель сосредоточивает свое внимание на раскрытии внутреннего мира сильных и благородных русских патриотов, не ослабляя при этом сюжетной остроты. Кротов считал, что современная русская жизнь требует от писателя создания, поиска нового героя — не мягкотелого, говорливого и вечно ноющего интеллигента, а сильного, твердого в своих убеждениях человека, способного победить в последней битве за Россию. Романы Кротова — попытка воплотить в литературе образ ратника-патриота. Своей вулканической энергией Кротов сам зажег окружающих, он обладал сильным бойцовским характером, присущим русским ратникам. Его внезапный уход из жизни был загадочным и необъяснимым. За несколько дней до кончины к нему попросился на прием незнакомец-еврей и с ходу положил на стол рукопись и пачку долларов. Кротов

отстранил деньги и, не оставив читать рукопись, сказал, что не продается, и указал посетителю на дверь. Через несколько дней, никогда не болевший, не обделенный здоровьем, спортсмен, он внезапно скончался среди ночи.

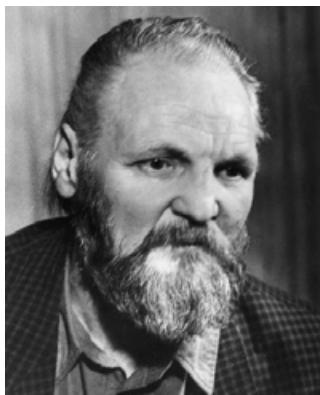
И. Шевцов

КРУГЛОВ Александр Васильевич (псевд. **Веселый Устюжанин**, **Скучающий Вологжанин** и др.) (5[17].06.1852—9[22].10.1915), прозаик, поэт, журналист. Родился в г. Великий Устюг Вологодской губ. Окончил педагогические курсы (1869). Выступая с позиций умеренного, с религиозным налетом, народничества (позднее под влиянием толстовства), Круглов осознавал себя просветителем «среднего» читателя и всю жизнь стремился воспитывать свою аудиторию.

В 80—90-х Круглов вошел в число наиболее популярных детских писателей: книги для малышей «За мною, детки!» (СПб.; М., 1888), «Маленьким читателям» (М., 1898; 3-е изд., М., 1914), сборники рассказов и стихов «Подарок на елку» (СПб., 1880), «Зимние досуги» (СПб., 1880), «Незабудки» (СПб., 1885, 1900), повести «Иван Иванович и компания» (СПб., 1882; 5-е изд., М., 1913), «Большак» (СПб., 1883; 10-е изд., Пг., 1917), «Из золотого детства» (М., 1889; 7-е изд., М., 1916), «За чужим горбом» (М., 1890, 7-е изд., М., 1916), «Всякому гвоздю свое место» (СПб., 1892; 4-е изд., М., 1915).

К концу века Круглов полностью отошел от народничества, перейдя на православно-монархические позиции. Регулярно выступал с публицистическими статьями в журналах «Приходская жизнь», «Душеполезное чтение», «Кормчий», «Русский паломник» (собраны в сборниках: «Из дневника православного мирянина», М., 1901; «Задуманные речи», СПб., 1904). В 1907—14 издавал и редактировал журнал «Дневник писателя» (с 1910 — «Светоч и дневник писателя»), на страницах которого подвергал резкой критике революционное движение и т. н. демократическую литературу.

КРУПИН Владимир Николаевич (р. 7.09.1941), писатель. Родился в с. Кильмезь Кировской обл. в крестьянской семье, отец работал в лесничестве. В детские годы испытал все тяготы деревенской жизни военных и послевоенных лет. Стремление к писательству проявилось у Крупина уже в школьные годы. «Только родная литература помогла мне

определить на всю дальнейшую жизнь смысл моего существования, — вспоминал впоследствии Крупин. — Русская литература всегда отдавала и отдает предпочтение образу жизни, духовно наполненному. Она всегда знала, что жизнь — поиск духовности».

Работал селькором в районной газете, комбайнером, слесарем, служил в армии. Во время учебы на филологическом факультете Московского областного педагогического института сотрудничал в различных многотиражках. После окончания института (1967) работал редактором в разных издательствах, сценаристом на телевидении, преподавателем литературы в школе.

Первые публикации Крупина — очерки, репортажи, заметки — появлялись в районной периодике, армейских и заводских газетах; несколько стихотворений Крупина в 60-е были опубликованы в сборниках произведений молодых поэтов. Однако с н. 70-х Крупин всецело посвящает себя прозаическим жанрам. Первая книга «Зерна» (1974) выявила Крупина как самобытного автора т. н. «деревенской» (традиционной) прозы, творчество которого питается корнями родины, живыми воспоминаниями детства и юности. Книга объединяла произведения различных жанров. Народная мудрость проступала в бесхитростных историях, рассказанных простой крестьянкой (они составили повесть в рассказах «Варвара»): в нескольких новеллах о детстве повествовалось о том, как в нищей и голодной послевоенной деревне юные герои все-таки сохраняли трепетно-доверчивое, светлое отношение к миру; «Ямщицкая повесть» была посвящена трагическим событиям на вятской земле в период братоубийственной гражданской войны.

Широкую известность имя Крупина получило после опубликования повестей «Живая вода» (1980) и «Сороковой день» (1981). Полная юмора, гротеска, фантазии и фольклорных реминисценций повесть-сказка «Живая вода» затронула многие болевые моменты жизни русского народа в период «застоя» (оскудение нравственного запаса деревни, всеобщая апатия и алкоголизм). Главный персонаж этой социально-философской притчи, конюх Кирпиков, неожиданно для окружающих становится трезвенником. В его размышлениях проступает глубокая тоска по обретению смысла жизни, а в граничащих с юродством поступках — обличение пустоты, неподлинности «рьяного» и несправедного окружающего мира. Повесть разоблачает «бытоулучшительные» средства, которые изменяют телесную, но не духовную жизнь человека. Их символом выступает чудесно забивший из-под земли фонтан якобы «живой» воды. Крупин переосмысливает фольклорный образ; вода, внешне омолаживая людей, парализует их совесть и в конце концов оборачивается фонтаном спирта.

Повесть в письмах «Сороковой день» получила широкий общественный резонанс из-за неприкрашенного показа современной российской деревни. Книга исполнена боли о родной земле, лежащей в нищете и пьянстве; скорби о пропадающих без применения душевных сил народа. В центре «писем» автора — горестная судьба отца, труженика, фронтовика, чье поколение вынесло на своих плечах тяжесть самой страшной из войн. Крупин описывает антинациональную политику властей: снос деревень, заброшенность полей, уродующую и губящую природу мелиорацию. Лейтмотив повести — слово «ложь»: жизнь народа погружена в атмосферу лжи — со стороны властей, прессы, телевидения. Книга не была беспощадным обличением существующих порядков, это скорее стон, плач по России (сороковой день — поминальный). В то же время это и суд над самим собой, его покаяние в той неправде, которую он вольно или невольно писал в своих очерках и репортажах, и упрек конъюнктурным журналистам, которые «думают одно, говорят другое, пишут третье». Реакция идеологических органов на повесть, публикация которой в тех условиях была актом гражданского мужества, была скорой и жесткой; она подверглась проработке в печати, зам. гл. редактора «Нашего современника» Ю. С. Селезнев был уволен. Крупин подготовил сокращенный вариант повести, и под названием «Тринадцать писем» она издавалась вплоть до 1987, когда снова была восстановлена в первоначальном виде.

Лучшие произведения Крупина питаются корнями малой родины, вятской земли, светлыми и горькими воспоминаниями детства и юности. В прозе писателя преобладают рассказы-исповеди, истории, свидетелем или участником которых был сам автор. Судьба России, душа русского человека — вот темы, которые волнуют писателя в первую очередь. Излюбленные персонажи Крупина — деревенские чудаковатые мужики, доморощенные философы. В их на первый взгляд наивных, порой косноязычных суждениях проступает точное и глубокое понимание народом происходящего со страной. Это Евлания («Повесть о том, как...», 1985), отец («Сороковой день»), Костя («Прощай, Россия, встретимся в раю», 1991), земляки писателя («Во всю Ивановскую», «Боковой ветер», 1985). В книгах Крупина постоянно звучат *частушки*, остроумные афоризмы, песенные куплеты, стихотворные цитаты, присловья и *поговорки*; яркими гранями сверкает вятский фольклор, живое и образное народное слово. История родного края запечатлена Крупиным в цикле исторических очерков «Вятская тетрадь» (1987).

Повести «Прости, прощай» (1986), «Курс молодого бойца» (1990), посвященные службе Крупина в армии и учебе в институте, открывают картину эпохи 50-х — н. 60-х, рисуют характеры и психологию юного поколения того времени. Тема любви, загадка непредсказуемой и своеобразной женской души, непростые взаимоотношения мужчины и женщины также постоянно волнуют писателя (рассказы «Увидеть, чтобы забыть», «Семейная сцена», повесть «Прости, прощай...» и др.). Вместе с тем Крупин стремится донести мудрый опыт предков, русские нравственные традиции молодым людям, только вступающим на путь супружества: этому посвящен цикл заметок «Свет любви», а также составленный Крупиным сборник «Мы строим дом. Книга о молодой семье» (1981).

В прозе Крупина 80-х звучит задушевное, сочувственное слово собеседника, преобладают светлые, умиротворенные интонации. Особое, смиренно-покаянное настроение, обостренная совесть присущи творчеству писателя, который видит слабости и немощи человеческой натуры (в первую очередь, своей собственной), что порождает теплый и добрый мир. И хотя в произведениях Крупина до 90-х нет религиозной проблематики, в них живет ощущение незримого присутствия в мире высшей силы, сознание грядущего суда над всеми делами и помыслами человека, за которые он даст ответ до окончания земной жизни. Любимых героев Крупина отличает смиренное принятие окружающего бытия, подвижническое терпение. А в статье «Крест и пропасть» писатель прямо говорит о спасительности этого качества: «Кажется, что некуда быть тяжелее российскому Кресту, но это еще не предел. Зато грядущие пропасти мы перейдем благодаря ему». По словам *В. Распутина*, Крупин «мягко и неназойливо, почти незаметно для читателя подводит к основам человеческого бытия — к отзывчивости, самоотверженности, любви к ближнему, к постепенному осознанию конечной истины: для подлинной свободы и счастья человеку необходимо больше отдавать, чем брать».

Немногочисленные у Крупина «городские» произведения открывают чаще всего нравственно большой, ущербный мир интеллигенции (повести «На днях или раньше», 1982; «От рубля и выше», 1989; роман «Спасение погибших», 1988). Этот мир наполняют пропивающие свой талант художники, хищные женщины, разрушенные семьи, исковерканная любовь. Настоящая, цельная жизнь проходит в стороне от этого выморочного существования. Проблемы духовного состояния современной России затраги-

ваются также в остроумной повести «Как только, так сразу» (1992), написанной в форме записок врача-психиатра, ставшая с помощью своих пациентов диагноз многим социальным болезням общества.

Публицистика Крупина 80-х, собранная в книгах «Кольцо забот» (1982), «Свет любви» (1990), посвящена заветам русской классики, современному культурному процессу (творчество В. Распутина, И. Глазунова), воспитанию детей, спасению молодежи от уродливого мира масс-культуры. Достоинство русского национального характера Крупин отстаивает в публицистическом эссе, заголовком которого стала строка из частушки: «До чего, хриstopродавцы, вы Россию довели...» (1991).

С н. 90-х все большее место в книгах Крупина занимает тема Православия. Жизнь героя повести «Великорецкая купель» (1990), испытывавшего на себе всю тяжесть религиозных преследований, не один раз заключаемого в тюрьму, стала исповедническим подвигом за веру Христову. К этой повести примыкает очерк «Крестный ход» (1994), рассказывающий о традиционном паломничестве к месту прославления Великорецкой иконы Николая Чудотворца в вятской земле, участником которого был автор в 1993. С 1990 по 1992 Крупин — главный редактор журнала «Москва». В эти годы журнал стал большое внимание уделять духовным корням России, был введен раздел «Домашняя церковь», знакомящий читателя с Православным вероучением. Кредо писателя выражено в его словах: «И теперь, уже насовсем, литература для меня — средство и цель приведения заблудших (и себя самого) к свету Христову».

К сер. 90-х в творчестве Крупина нарастает чувство великой общенародной беды, ощущение случившейся со страной исторической катастрофы. Сильное, эмоциональное, публицистически открытое слово автора побуждает читателя увидеть пропасть, на краю которой оказалось государство, содрогнуться от стихии безнаказанного зла. В рассказах «Москва — Одесса», «Янки, гоу хоум!», «Вася, отбрось костыли!» и публицистических заметках предстает панорама Руси терзаемой, обманутой и страдающей, развертываются картины всеобщего обнищания, озлобления и нравственной усталости. Писатель остро переживает увиденные им страшные картины окт. 1993, когда «брат убивал брата» («Горе горькое»).

В повествованиях Крупина «Слава Богу за все. Путевые раздумья» (1995), «Мы не люди, мы вятские. Повесть-стенограмма» (1997) мозаика человеческих судеб, событий, характеров (как реальных, так и собирательно-фантастических) обретает апокалипсическую трактовку. Единственное, что может спасти страну — воцерковление народа: «одно осталось русскому — Церковь православная и молитва». Вслед за *Ф. М. Достоевским*, *И. А. Ильиным* и др. отечественными мыслителями Крупин убежден, что «Россия, по обилию своих жертв, по величине своей святости — последний бастион» в мировой схватке сил добра и зла («Слава Богу за все»).

Близкую к отчаянию, кровоточащую душу автора исцеляет и утешает дивный неземной свет, проникающий временами из горнего мира, дающий покой и тишину («Поздняя Пасха»); надежду вселяет чистая детская душа, впитывающая в себя стихию Православия («Прошли времена, остались сроки», «Первая исповедь»), реальность Божественного Промысла открывается в цикле миниатюр «И к падшим милосерден Господь». Крупин составил «Православную азбуку» (1997) — книгу, знакомящую детей с основами воцерковленной жизни. В 1998 Крупин опубликовал повесть «Люби меня, как я тебя» — о трагической, чистой и всепобеждающей любви.

В 1994—2000 Крупин преподавал в Московской духовной академии православную педагогику. В 1995 писатель, исходя из своих православных убеждений, публично отказался от выдвижения на литературную премию им. Л. Н. Толстого. С 1998 Крупин — гл. редактор журнала «Благогатный огонь»; с 2000 — автор рубрики «Дневник писателя» в православной газете «Вера». Миссию современного русского художника Крупин видит в том, чтобы бороться «за воскрешение России, за ее место в мире, за чистоту и святость Православия...».

Соч.: Избр.: В 2 т. М., 1991; Кольцо забот. М., 1982; Свет любви: Книга прозы. М., 1990; Прощай, Россия. Встретимся в раю // Наш современник. 1991. № 11; «До чего, хриstopродавцы, вы Россию довели...» // Москва. 1991. № 12; Как только, так сразу // Наш современник. 1992. № 12; Последние времена: Рассказы // Москва. 1994. № 9; Крестный ход // Там же. 1994. № 1; Слава Богу за все: Путевые раздумья // Наш современник. 1995. № 1. Мы не люди, мы вятские. Повесть-стенограмма // Там же. 1997. № 10, 11; Люби меня, как я тебя // Москва. 1998. № 9; Рассказы // Там же. 2000. № 4, 10.

Лит.: Латынина А. Кирпиков и вечные проблемы // Лит. обозрение. 1981. № 9; Распутин В. О Родине с любовью и виной // Крупин В. Дорога домой. М., 1985; Стрелкова И. О живой и мертвой воле // Наш современник. 1991. № 12; Володин Э. Состояние любви // Русь державная. 1999. № 2.

А. Любомудров

КРУШЕВАН Павел (Паволакый) Александрович (15[27].01.1860—5[18].06.1909), писатель, публицист и общественный деятель. Родился в Бессарабии в помещичьей семье. Образование получил в Кишиневе. В возрасте 22 лет Крушеван публикует в Петербурге 2 свои первые повести — «Разоренное гнездо» и «Счастливей всех», в которых чувствуется влияние *Л. Н. Толстого*. В своих более поздних произведениях — романе «Дело Артабанова» (1896) и сборнике «Призраки» (1897) Крушеван становится самостоятельным, зрелым писателем, пользующимся популярностью среди русских людей.

Во время своих многочисленных поездок по западнорусским землям Крушеван сталкивается с вопиющими фактами еврейского засиления и пытается противостоять ему. С 1897 он начинает выпускать ежедневную политическую, экономическую и литературную газету «Бессарабец», в которой борется с иудейско-масонской идеологией, разоблачает преступления и махинации еврейских вожаков. Позднее он основывает и общероссийскую патриотическую газету «Знамя», в которой еще более остро и основательно выступает против врагов русского Православия и монархии. Еврейские бандиты из тайных организаций неоднократно пытались его убить, однажды даже серьезно ранили из-за угла, но не смогли запугать. Еще за несколько месяцев до начала русско-японской войны и революции Крушеван пытается предупредить правительство о начале «иудейско-масонского наступления». Революционная борьба против России, как известно, началась одновременно с русско-японской войной, в янв. 1904. Именно в этот месяц деятельность подпольного либерально-масонского «Союза освобождения» (возглавляемого масоном П. Б. Струве) переносится из Швейцарии в Россию.

В своей газете «Знамя» с 28 авг. по 7 сент. 1903 в девяти номерах он публикует полный текст Сионских протоколов под названием «Программа завоевания мира евреями». Предисловие и послесловие к первой публикации были написаны, по-видимому, самим Крушеваном, а, кроме того, в «Знамени» была напечатана статья от переводчика, принадлежавшая перу *С. А. Нилуса*.

Публикация этого документа совершила прорыв в понимании той страшной опасности, которая угрожает миру и России со стороны «иудейско-масонских заговорщиков».

В 1906 Крушеван был избран в Государственную думу, став одним из духовных вождей ее патриотического крыла. Играл большую роль в деятельности Союза русского народа.

Соч.: Что такое Россия? Путевые заметки. М., 1896; Всероссийский Союз русского народа. Одесса, 1906; Флик и Флок. Два портрета из галереи эпохи освободительного канальства. Этого никогда не будет! К вопросу об упразднении черты еврейской оседлости. Кишинев, 1906; Слушай, Россия. Доклады. СПб., 1907.

Лит.: Некролог // Исторический вестник. 1909. № 7; *Ромов Р.* «Консервативный бомбист» в русском парламенте // Завтра. 2000. 18 апр.

О. Платонов

КРЫЖАНОВСКАЯ Вера Ивановна (2[14].06.1857—29.12.1924), писательница. Родилась в Варшаве, где служил ее отец генерал-майор И. А. Крыжановский, дворянин из Тамбовской губ.; оба родителя жили высокодуховной жизнью, предельно любя себя и балуя ребенка. Воспитывалась Крыжановская в С.-Петербургском Екатерининском институте, который, однако, окончить не удалось из-за разорения (имущество было продано с молотка) и скорострительной смерти отца. Образование продолжала самостоятельно, в совершенстве владела французским языком. В 18 лет приступила к литературной деятельности, публикуя первые художественные произведения на французском языке во Франции. Удостоена звания почетной сотрудницы (Officier d'Academie) Французской Академии.

Но напряженное самообразование и творческая работа при материальном недостатке подорвали здоровье — возникло легочное заболевание, которое вместе с тем способствовало появлению особой чувствительности к восприятию — с православных позиций — в ней открылись дары Святого Духа, такие как знание давно забытых древних языков, духовидение. Крыжановская обратила на себя внимание крупного вельможи Императорского двора, камергера С. В. Семенова, бывшего намного старше ее, который вел при Дворе Общество для психических исследований, иногда посещаемое самим имп. Николаем Александровичем. Вскоре Крыжановская связывает свою судьбу с С. В. Семеновым, у них рождается дочь, материальное положение поправляется, туберкулез легких отступает.

Писала Крыжановская одинаково быстро и на французском, и на русском языках, а обработку записей для публикации ей помогали делать друзья. Она берет псевдоним — И. В. Рочестер.

Главный период творчества приходится на годы 1887—1917. За это время опубликовано ок. 70 произведений, в т. ч. 40 романов. Сейчас по достоинству мы можем оценить дар предвидения писательницы — ряд ее произведений, в т. ч. роман «Мертвая петля» (1906), стал для России и русского народа пророческим вплоть до настоящего времени. В романе «Светочи Чехии» (1904), получившем отзыв Российской Императорской академии наук, Крыжановская показала как чехи во времена Яна Гуса героически приостановили продвижение германизма на славянские земли. После этого романа писательницу в свете стали называть «женщиной непонятной и странной». Вера же в спасение русского народа при надвигающихся нестроениях в н. XX в. выражается писательницей в рассказе «На Москве» (1906), а призыв к оздоровлению русского общества звучит в романе «Паутина» (1906).

Начало гражданской войны приносит несчастье — гибель мужа, а далее — скитания с дочерью. Бежав из советской России, Крыжановская не нашла в приютившей ее Эстонии средств к существованию. Непосильной для нее 2-летний физический труд на лесопильном заводе в Нарве подорвал и без того ослабевшие силы, а переезд в Таллин не изменил ее бедственного трагического положения. Книгоиздательские попытки оканчивались полной неудачей. Сильно нуждаясь, не имея крова, Крыжановская умирает от воспаления легких 29 дек. 1924. Похоронена на русском Александро-Невском кладбище в Таллине.

Все творчество писательницы можно охарактеризовать как светский русский исихазм. В советский период ни одно ее произведение переиздано не было, многие же из них были выкрадены из библиотек, «списаны» либо переведены в «спецхран» как не отвечающие коммунистической идеологии. В 1990 году Крыжановская умирает от воспаления легких 29 дек. 1924. Похоронена на русском Александро-Невском кладбище в Таллине.

В. Ковальков

КРЫЛОВ Иван Андреевич (2[13].02.1768 (или 1769)—9[21].11.1844), баснописец, драматург, журналист, издатель. Родился в Москве в семье армейского офицера. В мемуарах *Ф. Булгарина* сообщается о детстве Крылова:

«Воспитывался он дома, по тогдашнему обычаю, т. е. был вскормлен и обучен русской грамоте, четьрем правилам арифметики и молитвам. Иван Андреевич сказывал мне, что этим он обязан своей матери, доброй, тихой и набожной женщине. Отец его был человек добродушный, храбрый, но крутого нрава, и мало занимался семейством». Тем не менее известно, что в Крылове рано проявились музыкальные и

математические способности.

С 1775 Крыловы живут в Твери. 10-летний Крылов записан на службу подканцеляристом в Калязинский нижний земской суд. В 1778 умирает отец, и семья Крыловых,

состоявшая к тому времени из 4 чел. (престарелой бабушки, матери и годовалого брата Левушки), остается без всяких средств к существованию, поскольку никакие вотчин у капитана Крылова не было. Единственная надежда — подканцелярист Крылов, приступивший к исполнению своих канцелярских обязанностей на месте службы покойного отца. В авг. 1783 семья Крыловых отправляется в Петербург, надеясь выхлопотать хоть какое-то подкрепление за 27-летнюю беспорочную и ревностную службу отца. Поселяются на окраине столицы — в Измайловском полку. Живут на крохи, которые зарабатывает мать чтением псалтири на похоронах, а будущий баснописец — перепиской прошений и писем солдат. Благодаря сослуживцам отца, Крылов получает место канцеляриста в Петербургской казенной палате. Существуют известия, что еще в Твери Крылов написал комическую оперу «Кофейница» о плутовских приемах гадательницы на кофейной гуще.

В столице молодой драматург сблизается со знаменитым актером *И. А. Дмитриевским* и др. не менее знаменитыми представителями петербургской сцены *П. А. Плавильщиковым*, *С. Н. Сандуновым*. В 1785—86 создает трагедии «Клеопатра», «Филомела», оперу «Бешеная семья», комедию «Сочинитель в прихожей», но ни одна из них не увидела свет. Первой его публикацией были стихи и эпиграммы, появившиеся в журнале «Лекарство от скуки и забот». В 1787 Крылов лишается самого дорогого и близкого человека — матери, которую он боготворил.

Несмотря на явные неудачи, Крылов продолжает писать комедии и оперы, изобразив в «Проказниках» своих «благодетелей» — драматурга *Я. Б. Княжнина* и директора Императорских театров *П. А. Соймонова*. Разразился скандал. Крылов посылает Княжнину письмо, пронизанное едким сарказмом: «Обижая меня, вы обижаете себя, находя в своем доме подлинники толико гнусных портретов». Второе письмо он направляет Соймонову.

В этих письмах-памфлетах Крылов прощается со своей театральной молодостью. После отлучения от театра он публикует в журнале «Утренние часы» оду «Утро» и несколько басен, среди которых «Стыдливый игрок» и «Судьба игроков». Но продолжения им не последовало. Крылов выбирает для себя другое поприще — журнальное. В «*Московских ведомостях*» появляется объявление «на выходящее вновь с генваря сего 1789 года ежемесячное издание под заглавием “Почта духов”». Это был журнал одного автора, своеобразный сборник сатирических новелл и публицистических фельетонов Крылова. Августовский номер «Почты духов» за 1790 был последним. Но Крылов не падает духом. Совместно с *И. А. Дмитриевским*, *П. А. Плавильщиковым* и молодым литератором *А. И. Клушиным* он основывает «Типографию Крылова с товарищи» с книжной лавкой при ней. В 1792 друзья-единомышленники начинают выпускать журнал «*Зритель*». «Ему казалось, — отмечал *П. А. Плетнев*, — что периодическими изданиями и заведением собственной типографии можно приобрести все: независимость, известность и деньги». Ни «Зритель», ни «Санкт-Петербургский Меркурий» не принесли желаемого результата. Последним стихотворением Крылова в «Меркурии» была ода «К счастью», в которой звучали горькие слова: «Вот как ты, счастье, куролесишь; // Вот как неправду с правдой вешишь!»

В 1794 Крылов покидает столицу. Начинаются годы скитаний по российским городам и весям. Но к литературной деятельности Крылова это не имеет никакого отношения. Он полностью отдается другой страсти, полностью овладевшей им: становится карточным игроком.

Иллюстрация к басне «Безбожники»

Не любителем, а профессионалом. Крылов ездит по игорным домам Ярославля, Н. Новгорода, Тулы, Тамбова, Саратова, проводя дни и ночи в карточном угаре. Игорные дома были запрещены указом императрицы в 1795. Составлялись реестры игроков, подлежащих высылке в Сибирь. В них значилось и имя Крылова, который предпочел отсидеться в глуши. Он живет в подмосковном имении гр. Татищева, а затем принимает предложение влиятельного опального вельможи кн. С. Ф. Голицына, становится его личным секретарем и учителем младших детей. Так он оказывается в княжеском имении Казацкое, принимая участие в домашних концертах в качестве скрипача. А для домашнего театра пишет шуто-трагедию «Подшипца, или Триумф».

«Дней alexандровых прекрасное начало» сказалось и на судьбе Крылова. Кн. Голицын получает должность лифляндского генерал-губернатора, а Крылов становится правителем канцелярии. Но, как отмечают биографы, «вскоре, однако ж, обнаружилась его неспособность к такой должности». Правитель канцелярии большую часть времени проводит не за служебным, а за карточным столом. В 1803 Крылов покидает Ригу. Он возвращается в столицу и, несмотря на все превратности судьбы, решает все начать сначала.

1805—09 — самые плодотворные в творчестве Крылова-драматурга. На столичной сцене одна за другой ставятся его пьесы: «Пирог», «Модная лавка», волшебная опера «Илья Богатырь», комедия «Урок дочкам». Это был триумф Крылова-драматурга, на фоне которого весьма скромно выглядела публикация трех его переводов басен Лафонтена, появившаяся в 1806 в январском выпуске «Московского зрителя». Но именно эта публикация положила начало триумфа Крылова-баснописца.

Пьесы Крылова (особенно «Модная лавка») и в дальнейшем десятилетиями не сходили со сцены, принадлежат к классическим образцам русской драматургии н. XIX в. Но в 1808 «Драматический вестник» публикует 17 басен Крылова, а в 1809 выходит первое отдельное издание 23 басен, которые и определяют всю его дальнейшую судьбу.

В 1808 его зачислили на службу в Монетный двор, и с этого года стали регулярно выходить басни. В 1809 появилась первая рецензия. Она принадлежала В. А. Жуковскому. К этому времени относится и сближение Крылова с А. Н. Олениным. Он вошел в Оленинский кружок, в котором обрел самых верных друзей и почитателей.

В дек. 1811 выходят «Новые басни Ивана Крылова». Его избирают в члены Российской академии. После смерти гр. А. С. Строганова, являющегося одновременно президентом Императорской академии художеств и директором Императорской публичной библиотеки, император назначает на эти высокие должности Оленина. В янв. 1812 Оленин приглашает Крылова на должность помощника библиотекаря. Помимо Крылова в Императорскую библиотеку были зачислены К. Батюшков, Н. И. Гнедич, А. Х. Востоков, М. Е. Лобанов, позднее — А. А. Дельвиг, М. Н. Загоскин.

В окт.—нояб. 1812 в журнале «Сын Отечества» появились знаменитые крыловские патриотические басни «Волк на псарне», «Обоз», «Ворона и Курица», которые сразу же приобрели колоссальную популярность. Этому во многом способствовали народные лубки на сюжеты басен Крылова о войне 1812, распространившиеся по всей России в десятках тысяч экз. К. Батюшков писал из действующей армии сослуживцу по библиотеке Н. И. Гнедичу: «Скажи Крылову, что ... в армии его басни все читают наизусть». Широкую известность в действующей армии получил и рассказ о том, как после кровопролитного сражения под Красным М. И. Кутузову была передана собственноручно переписанная для него Крыловым басня «Волк на псарне». Кутузов собрал вокруг себя солдат и офицеров и обратился к ним со словами: «Вот послушайте, господа!» Он вынул из-за пазухи листок с басней Крылова и прочел ее вслух. При словах «Ты сер, а я, приятель, сед», прочтенных с особенной выразительностью, фельдмаршал снял фуражку и указал на свои седины. В ответ раздались одобрителльные отзывы и громкое «Ура!»

Самыми популярными литературными произведениями во время Отечественной войны 1812 были патриотические басни Крылова и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского.

К 1815 относится сближение Крылова с двором матери-императрицы Марии Федоровны, которая приложит немало усилий, чтобы поправить его здоровье после удара (паралича) в 1822, приглашает его в Павловск под присмотр придворных врачей.

В 1825 в Петербурге выходит новое иллюстрированное издание басен Крылова в 7 томах, а в Париже — иллюстрированное издание на русском, французском и итальянском языках. Предисловие к этому изданию Лемонте было опубликовано в «Сыне Отечества». На эту публикацию и откликнулся летом 1825 А. С. Пушкин из Михайловской

ссылки, подчеркивая значение и своеобразие басен Крылова. В это время *П. Вяземский* в письмах к Бестужеву и Пушкину пытался убедить их, что золото басен *И. И. Дмитриева* гораздо лучшей пробы. «Что выдало ему открытый лист на общенародное уважение? — писал он Бестужеву. — «...А, моська! Знать она сильна, что лает на слона» и шутки подобные, да вот и все!» Кн. Вяземский (и он был не одинок) «не допускал появления Хавроньи в поэзии» (слова Олениной), он отстаивал ее «чистоту». Ответ Пушкина на все эти доводы Вяземского был однозначен. «Милый, — писал ему Пушкин, — грех тебе унижать нашего Крылова. Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей совести и покровительствуешь черт знает кому. И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова».

Во время мятежа Крылов оказался на Сенатской площади. Оленина записала: «Крылов 14 декабря пошел на площадь к самим бунтовщикам, так что ему голоса из каре закричали: “Иван Андреевич, уходите, пожалуйста, скорей”. И когда он воротился в батюшкин дом, его спросили, зачем он туда зашел, он отвечал: “Хотелось взглянуть, какие рожи у бунтовщиков. Да не хороши, нечего сказать”».

В апр. 1928 на чердаке Жуковского Крылов вместе с Вяземским, *А. С. Грибоедовым*, Плетневым присутствует при чтении Пушкиным «Полтавы». Он часто посещает субботники Жуковского на 4-м этаже Шепелевского дворца (олимпиадинском чердаке), где по будням тот вел занятия с наследником престола, будущим царем-освободителем Александром II, а по субботам принимал в своем просторном кабинете друзей-писателей. Крылов был одним из самых желанных гостей, своеобразной достопримечательностью столицы. На чердаке Жуковского он познакомился с молодым *Гоголем*, кн. *В. Одоевским*, легендарным *Д. Давыдовым*, приехавшим из Воронежа поэтом-прасолом *А. Кольцовым*.

Но не меньшей популярностью, чем басни, пользовались остроты Крылова, всевозможные анекдоты о нем. Некоторые современники даже считали, «что лично Крылов был выше своей печатной славы».

Почти во всех воспоминаниях и анекдотах о Крылове, наряду с его забывчивостью, неопрятностью, присутствует и «гастрономическая» тема. Современники сохранили в воспоминаниях и письмах именно тот образ поэта-баснописца, который он, будучи выдающимся драматургом, создал сам. Оленина вспоминала: «Я осмелилась раз, еще в юных летах, заметить Крылову, зачем он выбрал такой род стихотворений». Отвечал он мне: «Ах, фавориточка: ведь звери мои за меня говорят». Точно так же и в этой пьесе, в этом театре одного актера, каковым и был сам баснописец, люди говорили за него и о нем. Плетнев не случайно подчеркивал: «Трудно найти человека, которого жизнь была бы до такой степени обогащена анекдотическими событиями, как жизнь Крылова. По своему характеру, привычкам и образу жизни он беспрестанно подвергался тем случаям, в которых выражаются резкие особенности ума, вкуса, добродушия или слабостей. Если бы можно было собрать в одну книгу все эти случаи и сопровождавшие их явления, они составили бы в некотором смысле энциклопедию русского быта и русского человека — в виде Крылова». И в этой энциклопедии особое место занимала, по выражению Вяземского, застольная летопись. Лобанов писал: «Любил покушать наш Иван Андреевич! Не многие осмеливались с ним сстя-

заться в этом деле; он выдерживал в гастрономии сильные поединки и всегда оставался победителем».

В 1828 Крылов передает право на издание своих басен *А. Ф. Смрдину*. По подсчетам Лобанова с 1809 по 1843, т. е. со времени выхода первого издания до последнего прижизненного, было продано 77 тыс. экз. «С этим итогом, — отмечал он, — единственным явлением в нашей словесности, никакое сочинение на русском языке не может не только состязаться, но и приблизиться к нему. Немудрено: ими усладились и дети, и старцы, и простолюдины, и вельможи. Они составляли в полном смысле русскую народную книгу».

Через год, на чествовании «пятидесятилетних занятий и успехов Крылова на поприще русской словесности», здравицы в его честь произнесут министр народного просвещения гр. *С. С. Уваров*, Жуковский, а от имени младших деятелей *В. Одоевский*. В честь юбилея по Высочайшему повелению была выбита памятная медаль с портретом Крылова, по общественной подписке учреждены 2 Крыловские стипендии для немущих учеников гимназий.

Умер Крылов в кругу семьи, обретенной на закате дней. Отпевание и вынос тела происходили в Исаакиевской церкви в Адмиралтействе, а затем через весь Невский проспект мимо Императорской публичной библиотеки погребальная процессия последовала к Александро-Невской лавре. «Будущее поколение, — писала “Северная пчела”, — знающее наизусть поучительные рассказы дедушки Крылова, студенты здешнего университета окружили гроб, поддерживали балдахин и несли орден. При сопровождении гроба в Александро-Невскую лавру множество народу следовало за печальной процессией и встречало ее на улицах. Отцы и матери провожали добродушного наставника своих детей; дети оплакивали своего любимого собеседника и учителя, весь народ прощался со своим писателем, равно для всех понятным, занимательным и поучительным».

Соч.: Полн. собр. соч. И. Крылова, с биографией его, написанной П. А. Плетневым. Т. 1—3. СПб., 1847; Полн. собр. соч. / Редакция, вступ. статьи и примеч. В. В. Каллаша. Т. 1—4. Пг., 1904—05; Соч.: В 2 т. / Вступ. статья, подг. текста и примеч. Н. Л. Степанова. М., 1955; Соч. Т. 1—2. М., 1984.

Лит.: Библиографические и исторические примечания к «Басням Крылова» / Сост. В. Каневич. СПб., 1868; Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. Л., 1975; И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. Серия литературных мемуаров.

В. Калугин

КРЫЛОВ Иван Захарович (1816—12[24].12.1869), писатель. Из купцов. Окончил Московскую практическую академию коммерческих наук. Крылов опубликовал ок. 20 книг различных жанров (исторические и бытовые романы и повести, сказки, очерки исторического и религиозного содержания) в манере, усвоенной *лубочной литературой*, и адресованных преимущественно читателю из городских низов.

Роман-пьеса в диалогах с авторскими ремарками («Русская быль») «Юрий, последний великий князь Смоленский» (кн. 1—22. М., 1840), основанный на известном историческом предании о любви кн. Юрия Святославича к жене своего друга, примечателен обращением к летописным источникам, цитируемым по «Истории» *Н. М. Карамзина*. На популярном сказочном сюжете о бывалом солдате, который в опасности смело идет вперед и после разнообразных испытаний побеждает разбойников и нечистую силу, построены «Предание о том, как солдат спас Петра Великого от смерти» (М., 1843; вышло множество изданий; по сведениям *А. С. Пругавина*, книга под этим

названием без указания автора в 1880-е была у офеней в числе наиболее ходовых лубочных изданий) и «Странные и чудные приключения отставного солдата Архипа Сергеевича» (М., 1844; 5-е изд., под назв. «Приключения отставного солдата», М., 1914).

Обычная сюжетная основа — бытовой анекдот: невинная страсть к соловьиному пению, обернувшаяся несчастьем всей жизни («Для чего женился человек!», М., 1851, 1853); история неудачных брачных замыслов мелкого чиновника, простодушно влюбленного в свою красоту («Влюбленный в самого себя, или Приключения с красавцем», ч. 1—2, М., 1852); счастливо обнаруженное наследство («Гюфяк», ч. 1—2, М., 1855, 1862). Мещанская среда, к которой принадлежат герои, их быт, круг повседневных занятий и развлечений очерчены с умной простотой и наблюдательностью; Крылов стремится к естественному развитию действия, избегая ложных эффектов и натянутых положений.

Среди исторических очерков Крылова примечательны «Достопамятные могилы в Московском Высоко-Петровском монастыре» (М., 1841) о судьбе Нарышкиных, родственников Петра I, ставших жертвами стрелецкого бунта. «Очерк жизни и литературных трудов Н. А. Полевого» (М., 1849) написан в 1846 под свежим впечатлением его смерти, воспринятой Крыловым как народная утрата.

Н. О.

КРЮКОВ Федор Дмитриевич (2[14].02.1870—4.03.1920), писатель, общественный деятель. Родился в станице Глазуновская, ныне Волгоградской обл. в семье станичного атамана. В 1892 окончил петербургский Историко-филологический институт. В 1893—1905 был учителем. В 1906 избран депутатом I Государственной думы от Области Войска Донского. В 1906—07 выступал в Думе и в печати против использования донских полков для подавления революционных выступлений. Начал печататься в 1892 («Гулебники. Очерк из быта стародавнего казачества»). В рассказах («Пособие», «В родных местах», «Клад», «Казачка» и др.) рисовал колоритный быт донского казачества, изображал также жизнь русского учительства, духовенства, чиновников, военных.

Соч.: Казачьи мотивы: Очерки и рассказы. СПб., 1907; Рассказы. Т. 1. М., 1914.

КРЮКОВА Аграфена Матвеевна (28.06[10.07].1855—27.04.1921), народная сказительница. Родилась в д. Чаваньга, Терский берег Белого моря, в семье рыбака. Вышла замуж в д. Верхняя Золотица. В эпическом репертуаре Крюковой отражены 2 местные традиции — терская и зимне-золотицкая. Крюкова училась былинам гл. обр. у матери и дяди, затем у свекра В. Крюкова. Наделенная даром импровизации и творческой самостоятельностью, Крюкова вносила изменения в усвоенные сюжеты и перекладывала в *былины сказки* и *исторические песни*. Обширный эпический репертуар Крюковой (64 текста былин, *баллад*, исторических песен и *духовных стихов*) был записан в 1900-е *А. В. Марковым*. Исполнение Крюковой отличалось простотой и выразительностью.

Соч.: В кн. «Беломорские былины, записанные А. Марковым». Предисл. В. Ф. Миллера. М., 1901; Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским // Труды муз.-этнографич. комиссии... Т. 1. М., 1906.

Лит.: Морозова (Бородин) Э. Г. Беломорская сказительница Аграфена Крюкова // Альм. «Север». Архангельск, 1946.

А. Астахова

КРЮКОВА Марфа Семеновна (1876—7.01.1954), народная сказительница. Дочь *А. М. Крюковой*. Родилась в д. Нижняя Зимняя Золотица Приморского края Архангельской обл.

Беломорские сказительницы

Была мастером-исполнителем традиционных богатырских *былин*. Былины начала исполнять с 15 лет, перенимая их от матери, дедов В. Л. и Г. Л. Крюковых и др. Эпический репертуар Крюковой очень велик. Наделенная еще в большей мере, чем мать, даром импровизации, Крюкова обогащала былинное наследие новыми мотивами и сюжетами, переосмысляла *исторические песни*, предания, *баллады*, *сказки* и литературные произведения. В русском эпосе Крюкова остро чувствовала и выделяла патриотическое содержание. Первые записи от Крюковой сделаны в 1900-е *А. В. Марковым* (7 былин и 2 *духовных стиха*). Широкую известность Крюкова получила в советское время. В 1934 (В. П. Чужимовым) и в 1937—38 (*А. М. Астаховой*, Э. Г. Бородиной-Морозовой и Р. С. Липец) был записан весь ее репертуар былин и переложенных в былины др. произведений (более 150 текстов).

Соч.: Былины. Т. 1—2. М., 1939—41 (Летописи Гос. Лит. музея, кн. 6 и 8); Новины. М., 1939; Сказки. Архангельск, 1940; На Зимнем берегу, у моря Белого. Архангельск, 1950; О богатырях старопрежних и нынешних, Архангельск, 1946.

Лит.: Астахова А. М. Беломорская сказительница М. С. Крюкова // Советский фольклор. Сб. ст. и материалов. № 6. М.; Л., 1939; Липец Р. С. Введение в кн. «Былины М. С. Крюковой». Т. 1. М., 1939.

А. А.

КРЮКОВА Ольга Петровна (1817[1815?]-1885), писательница. Из дворянской семьи. Публиковаться начинает с 1830-х.

В 1859 выпускает сборник очерков «Старина» (М.), написанных по воспоминаниям детства, содержащих изображения «старинных» русских людей из бедных городских слоев, с чертами «кротости, врожденной деликатности чувств и совершенным отсутствием эгоизма». Крюкова призывает молодое поколение бережно относиться к этим «старым сокровищам веры, терпения, честности и правоты». Др. очерки (опубл. в 1860) — «Захолустье», «Ямщик», «Порча», «Мститель», «Служба» представляют серию бытовых зарисовок с «натуры», отражающих просветительские представления о быте и духовной жизни русского крестьянства. Там же опубликована записанная «со слов старушки О. П. Крюковой» «Притча о нужде и лихоимстве».

Лучшее из выявленных произведений Крюковой — сказка в стихах «Данило Бессчастный» (СПб., 1876). Построенная по традиционно-фольклорным канонам (герой проходит тройной иску и, «долгу, совести послушный», обретает, наконец, счастье в супружеской любви и верности).

М. Б.

КРЮКОВСКИЙ Иван Григорьевич (иначе **Кравченко**) (1820—1885), кобзарь. Ослеп после 3-летней болезни, 18-ти лет, и был отдан матерью в науку к слепому кобзарю, своему однофамильцу, Ивану Кравченко. 27-ми лет женился, и т. к. помещик не дал ему земли, то пришлось сколачивать хозяйство самому. Репертуар Крюковского состоял из 12 дум, песен и псалмов. Девять из них записаны В. П. Горленко, а три — художником П. Д. Мартыновичем.

КРЮКОВСКИЙ Матвей Васильевич (16[27].11 или 20[31].10.1781—1811), драматург, переводчик. Из дворян. Был на военной службе.

В 1806 Крюковский знакомится с *Н. И. Гречем*, в 1807 — с *А. Л. Нарышкиным* и *А. А. Шаховским*, сближается с *А. С. Шишковым*. В том же году создает патриотическую стихотворную трагедию «Пожарский, или Освобожденная Москва» (СПб., 1807), в трактовке главного героя близкую к пьесе «Освобожденная Москва» *М. М. Хераскова*. Спектакль имел необыкновенный успех. Восторженный прием пьесы, появившейся, по мнению современников, «очень кстати», отражал антинаполеоновские настроения значительной части русских людей накануне заключения Тильзитского мира. *П. А. Вяземский* поставил «Пожарского» по поэтическим достоинствам рядом с «Дмитрием Донским» *В. А. Озерова*.

Другая стихотворная трагедия Крюковского «Елисавета, дочь Ярослава» была менее удачна и опубликована только после смерти автора в 1820.

КУБАРЕВ Алексей Михайлович (25.09[6.10].1796—14[26].06.1881), филолог. В 1819 окончил Московский университет, в 1826—39 был в нем профессором римской словесности. Автор работ (преимущественно палеографических) о древней русской литературе. Из трудов Кубарева по античной литературе выделяется статья «Мнение Вольфа о том, как составились Гомеровы поэмы» («*Москвитянин*», 1856. Т. 2. № 5), в которой он выступил против теории немецкого филолога *Ф. А. Вольфа*, отрицавшего единство гомеровских поэм. В работах о русском стихосложении («О тактах, употребляемых в русском стихосложении», «*Московский вестник*», 1829. Ч. 4; «Теория русского стихосло-

жения», 1837, и др.) первым формулировал музыкально-тактовую теорию русского народного стиха.

КУБАРОВСКАЯ Надежда Авдеевна (урожд. Городцова) (19[31].01.1856—1916), поэтесса.

С 1884 учительствовала в Н. Новгороде. Под псевд. Сфинкс и собственным именем Кубаровская печаталась в «Нижегородских губернских ведомостях», «Волгаре», «Нижегородских епархиальных ведомостях», «Церковно-общественном вестнике», газете «Колокол», журналах «Монастырь», «Странник» и др., помещая в них гл. обр. стихи и поэмы религиозного содержания (напр., поэма «Апостол Петр» — «Странник», 1904. № 6), переложения молитв и церковных песнопений (см. отд. изд.: «Мотивы из Великого канона св. Андрея Критского в стихах», «Канон св. Серафиму Саровскому», оба — Н. Новгород, 1904).

КУБАСОВ Сергей Иевлевич (? — после 1694), писатель. Был родом из Тотмы, служил в Сибири. В 1654—57 вместе с *Ф. И. Байковым* ездил в Китай. Составитель одной из редакций русского хронографа т. н. «особого состава», заключающего в себе события мировой истории от «сотворения мира» до времени *Ивана IV*. Некоторые исследователи считают Кубасова автором т. н. «Строгановской летописи». В конце хронографа Кубасов поместил повесть о событиях «смутного времени», приписываемую *И. М. Катыреву-Ростовскому*. Кубасов — автор записки «О способах к увеличению казенных доходов в Тобольске и пригородах тамошнего уезда» (написана в 1668).

Лит.: *Попов А. Н.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2; *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913; *Старович А.* Сергей Кубасов и Строгановская летопись // Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922.

О. Державина

КУГУШЕВ Григорий Васильевич, князь (5[17].03.1824—21.09[3.10].1871), писатель, поэт, драматург. Получил домашнее образование. Учился в Петербургском университете.

Кугушев был аристократом по образу жизни и консервативным по убеждениям; по воспоминаниям современника, был поклонником изданий *М. Н. Каткова*, порицал «коммунистические затеи».

Романы Кугушева пользовались популярностью. Наиболее известен роман «Корнет Отлетаев». Произведение построено по канонам авантюрного романа с элементами мелодрамы, образ главного героя — своеобразная вариация гоголевского Ноздрова. *В. В. Каллаш* писал, что «из-за старомодного рассказа, наивного построения» в нем «ярко и выпукло» проступают характерные черты предреформенной России; автор «с затаенной симпатией относится к своему беспутному герою. По его

замыслу — этот добрый малый, широкая даровитая русская натура, исковерканная нелепым воспитанием», гибель крепостной девушки в развязке сюжета — результат бессознательного злодейства, неразвитого нравственного чувства в «этом скорее положительном, чем отрицательном представителе крепостной эпохи».

В романе «Пыль» (1856) передана атмосфера московского «света» (пустота, суета, мотовство, поиски богатой невесты разоряющимся аристократом). Роман «Постороннее влияние» (ч. 1—4. М., 1858—59) был встречен неодобрительно «демократической» критикой, хотя и пользовался успехом у читателей.

Соч.: Драматические сочинения. Т. 1—2. М., 1897.

КУГУШЕВ Николай Михайлович, князь (1777 — не ранее окт. 1825), поэт, драматург, писатель.

С молодых лет на военной службе, участник суворовских походов. Был дважды ранен.

Печатался с 1800. Опубликовал стихи и сентиментальные («чувствительные») повести: «Петр и Параша» (1802) и «Испытание верности» (1805). Отдельно вышли две одноактные комедии: «Любовная шутка» (Смоленск, 1800) и «Соболья шуба, или Спорь до слез, а об заклад не бейся» (М., 1803), высеивающие недалеких и спесивых дворян.

В подражание *Н. М. Карамзину* издал поэму «Грановитая палата» (1805—08), в которой излагались события до к. XII в.

В 1810-е напечатал ряд статей («Разговор между Сократом и Вольтером о царстве мертвых», «Разговор Сократа с Альфибадом») и стихотворений. Из них наиболее значителен стихотворный «Отрывок из повести о князе Мстиславе» (1814) — одно из первых подражаний «Слову о полку Игореве». В сборник стихов «Праздное время инвалида» (М., 1814) вошли и ранее опубликованные, и новые стихи (дружеские послания, *басни*, песни, поэтические «мелочи»). Для поэзии Кугушева характерно восхваление радостей сельской жизни, дружбы, любви, интерес к исторической тематике. Наиболее удачны стихи с автобиографическими мотивами: «Инвалид в деревне» (1804), «Письмо к П. И. Смыву» (1805), «Инвалид в городе» (1806), «Мой уголок» (1814); в них воспоминания о походах и боевых схватках («Семь часов в огне сражался», «Страшный Сент-Готард») чередуются с подробным описанием времяпрепровождения в отставке.

Н. К.

КУДАШЕВ Николай Всеволодович (1905—сент. 1979), князь, поэт-монархист. Детство прошло на Украине, на Днепре. «Вырос на песнях о “Варяге” и “Стерегушем” и на рассказах участников обороны Порт-Артура», — писал он в предисловии к сборнику «Тени». Юношей, почти мальчиком, вступил в Добровольческую армию. К тому времени относятся его первые стихи. Творческие попытки во-

зобновились в Словении, где Кудашев жил в лагере вместе со своими товарищами по кадетскому корпусу, эвакуированному с армией Врангеля в нояб. 1920. 20 лет Кудашев прожил в Югославии, служил пограничником. В 1941 поступил добровольцем в русский белый корпус. В 1949 переехал в США. В Нью-Йорке в течение многих лет был простым рабочим на пищеперерабатывающем комбинате. За годы жизни несколько раз утрачивал рукописи, и только выйдя на пенсию, постепенно восстановил некоторые из своих стихотворений. Они и составили его сборник «Тени» (1978). В авторском предисловии к «Теням» говорится об этом сборнике как о «первом и, вероятно, последнем». Оставшаяся после него тетрадь неопубликованных лирических стихотворений, вероятно, пропала.

Юность, такая же, как у его дворянских предков, участие в боях и походах, символы русской славы — вот мир его поэзии. Он был из числа тех, кто мог искренне сказать о своем творчестве: «Пусть из этих обрывков моих песен узнают и поймут, как мы любили Родину и жили только думами о ней». Зрелые стихи конкретно связаны с биографией поэта. Интересно своими роковыми контрастами стихотворение, посвященное деду-декабристу:

Его и меня за служенье народу
Ждал тот же суровый конец...
Он жаждал свободы — я жертва свободы!
Он сеятель смуты — я жнец!

Соч.: Тени. Сан-Франциско, 1978.

КУДАШЕВА Раиса Адамовна (3[15].08.1878—4.11.1964), детская писательница. Из семьи чиновника. Работала учительницей, библиотекарем.

Первая публикация Кудашевой — в 1896. Всего было опубликовано ок. 200 песенок, стихотворений, рассказов и сказок для детей.

В 1903 она написала стихотворение «В лесу родилась елочка», ставшее знаменитым. Перу Кудашевой принадлежат также стихотворные книжки «Бабушка-Забавушка и собачка Бум» (1906), «Санки-самокатки» (М., 1910), «Беда петушка» («Петушок», М., 1915).

Соч.: В лесу родилась елочка. М., 1958.

КУЗИН Николай Григорьевич (р. 2.12.1941), литературный критик и публицист. Публикуется с 1969. Интересы Кузина как литературного критика обращены преимущественно к современному литературному процессу. В поле его зрения — творчество писателей, продолжающих и развивающих реалистические традиции русской классики — *А. Платонова*, *Ф. Абрамова*, *В. Белова*, *В. Распутина*, *В. Шукшина*, *В. Лихоносова*, *В. Потанина* и др. В ряде статей критик затрагивает проблемы преемственности поколений в литературе, пытаясь выявить своеобразие тех писателей, что интересно заявили о себе в 70-е (*В. Кручин*, *В. Сукачев*, критики *Ю. Селезнев*, *В. Васильев*).

В 90-е Кузин пишет в основном статьи публицистического характера (опубликованы в газетах «Завтра», «Литературная Россия» и др.), резко обличая разрушителей Отечества.

Соч.: Плещеев (ЖЗЛ). М., 1988; Решение: Стихи. М., 1994; На рубеже веков (совм. с В. Сутыриным): Очерки. Екатеринбург, 1999; «...Страдать и радоваться тысячьо сердцем...». Сжатый очерк жизни и творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка. Екатеринбург, 2002.

КУЗМИН Михаил Алексеевич (6[18].10.1872—1.03.1936), поэт, прозаик, драматург, член Союза русского народа (СРН).

Родился в Ярославле в дворянской старообрядческой семье, детские годы прошли в Саратове, с 1885 жил в Петербурге, учился в гимназии, затем поступил в консерваторию по классу композиции, был учеником Римского-

Корсакова, однако консерваторию по болезни не окончил. Много путешествовал по Италии, Египту и др. странам, а также по старообрядческим селениям севера России.

В разгар смуты 1905 искал опору в патриотических организациях. В дневнике 11 нояб. записал: «“Русское собрание” не унывает, есть “Союз русских людей”; и видя это, слыша это, окруженный этим, а не газетными воплями, я чувствую себя

бодрее». А 29 окт. 1905 Кузмин записался в СРН, встретив в штаб-квартире Союза множество русских людей всех сословий: рабочие приносили взносы и списки желающих вступить в Союз, тут же находились офицеры, дамы, чиновники, мужики. Его записывал в СРН барон М. Ф. Таубе, который задал Кузмину всего два вопроса: «Вы православный? Вы патриот?» Вдохновленный увиденным, по пути домой Кузмин задавался вопросом: «Конечно, движение делают не два жида, но отчего и Лассаль, и Маркс, и Бебель — евреи? И русские освободительные деятели, и Носарь, и Гольдштейн, и Гапон, и Гершун?» Для характеристики его политических воззрений показательна запись в дневнике 2 дек. 1905, посвященная вышедшему т. н. «финансовому манифесту» — провокации, нацеленной на создание паники на рынке: «Вышел “манифест” всех мерзавцев. Я говорю сам для себя и называю все своими именами; жида и жидовствующие нахалы, изменники и подлецы губят Россию; они ее не погубят, но до полнейшей нищеты и позора могут довести... Я ненавижу всеми фибрами души этих наглых выскочек и их прихвостней... Что им Россия, русская культура, история, богатство? Власть, возможность изблевать свое лакейское, поганое краснобайство, дикая пляска наглых осатанелых жидов». Однако свидетельств активного участия Кузмина в монархическом движении до нас не дошло. После революции он остался в России, не принимая никакого участия в политике.

В начале литературного пути примыкал к символистам, затем в его творчестве обозначился переход к *акмеизму*. Поэзия, проза и драматургия Кузмина обращены к чувственно-осознаемому, предметному миру, в изображении которого господствует мотив иллюзорности, зыбкости, непостоянства («Разве меньше я стану любить эти милые хрупкие вещи за их тленность?»). В поэтическом мироощущении Кузмина доминируют утонченность и изящество, переходящие в манерность, стилизация, обнажающая условный характер реминисценций, снисходительно-иронический взгляд на вещи. Отсюда же — своеобразие образного рисунка, нарочитые «небрежности» слога и ритма, призванные сообщить интонации наивность безыскусной речи. «Дар стиха певучего и легкого» (*В Брюсов*) позволил Кузмину заметно раздвинуть ритмический

диапазон камерной лирики (напр., в «Александрийских песнях», написанных свободным стихом). В его творчестве на первый план выдвинут момент «игры» театрального и кукольного представления, «священного фарса» (*А. Блок*), что сближало его с художниками «Мира искусства» (*К. Сомов, С. Судейкин* и др.). В прозаических «жизнеописаниях» Кузмина («Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро», 1919, и др.) острая занимательная фабула диктуется «капризами судьбы», повинуюсь которой герои испытывают множество приключений и метаморфоз. Со временем в стиле Кузмина сгущаются утрировка, гротеск, приемы т. н. остранения. В поздних произведениях намечаются модернистские тенденции, близкие сюрреализму («Для Августа», 1927; «Лазарь», 1928).

С 1924 его постепенно вытесняют из литературной жизни. Последний сборник стихов вышел в 1929, после чего в печати не появилось ни одной его книги, и он вынужден был заниматься переводами из Боккаччо, Апулея, Шекспира, писал по вопросам литературы, театра, живописи. Умер в Ленинграде в нищете, похоронен на Волковом кладбище.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—9. Пг., 1917—18; Нездешние вечера: Стихи. Пг., 1921; Вторник Мари: Представление в 3-х ч. для кукол живых или деревянных. Пг., 1921; Параболы: Стихи. 1921—22. Пг., 1923; Условности: Статьи об искусстве. Пг., 1923; Новый Гуль: Стихи. Л., 1924; Форежь разбивает лед: Стихи. 1925—28. Л., 1929.

Лит.: Дневники 1905—07. СПб., 2001.

А. С., А. К.

КУЗМИЧЕВ (Кузьмичев) Федот Семенович (1799—1860?), писатель. Сын крепостного. В 13-летнем возрасте принял участие в Бородинском сражении (в составе Московского ополчения), в заграничных походах 1813—14 (в Германии

и Франции). По возвращении на родину — дворовый княжны А. М. Голицыной, у которой длительное время оставался служить и после получения вольной (в 1830 или 1831), приписавшись к мещанскому сословию. Жил в Москве и Подмосковье. Писать начал с 1824, интенсивно печататься — с н. 30-х, самостоятельно издавал и продавал свои сочинения. Утверждая, что к этому его побудили «любовь, свобода, честолюбие и непреодолимое желание прославить свое ничтожное имя» («Картины моей юности», написаны в н. 30-х; опубл.: М., 1844), выпустил более полусотни книг на самые различные темы и в разных жанрах. Их объединяет заявленный уже в этой книге образ автора, «сына природы», как называл себя Кузмичев, стремящегося, однако, «к великой науке... познания Создателя природы» («Путь к счастью...») и желающего принести «в речах приличных / пользу для простых умов» («Златолавровый венок...»). В своих многочисленных бытовых рассказах, отмеченных простодушной позицией повествователя, Кузмичев широко использует как сатирические, так и сказочные приемы и мотивы («Слепой на горе, или Бесчеловечие нищих», М., 1834, — с подробным опи-

санием ярмарки; «Сельский колдун, или Крестьянская свадьба», М., 1853; «Жених взаперти», М., 1840)

Явное пристрастие к исключительному порождает своеобразный у Кузмичева жанр бытовой фантастики, часто вызывающий не предполагаемый автором комический эффект: «Ночи сумасброда, или Фантастические чудеса в явлениях» (М., 1844), «Дочь разбойница, или Любовник в бочке. Нар. предание из времен Бориса Годунова» (М., 1839; 7-е изд., М., 1858, — наиболее известная из книг Кузмичева); нередко включаются черты *притчи* или *басни*: «Девушка Сидячка и жена Лежачка» («нравственно-сатирическая сказка»), «Басни. Ссора музыкальных инструментов» (обе — М., 1834). Сочетание sentimentalной и высокопарно-книжной лексики (в религиозно-патриотических отступлениях) с разговорной речью и просторечием в бытовых картинах, жанровых сценах («Дочь разбойница...», «Москворецкие рыболовы, или Зеваки на Каменном мосту», М., 1834) создает характерную для книг Кузмичева стилистическую пестроту.

С центральным для самосознания Кузмичева историческим событием — Отечественной войной 1812 — связан целый ряд его книг, объединенных многократно повторяющимся сюжетом — сельская идиллия, разрушенная войной; увиденные глазами «самовидца» «Картины Бородинской битвы» (М., 1839), «Ратник на московских развалинах в 1812 г. ...» (М., 1842), «Ратник за границей, или Рассказы, как в Германии принимали русских солдат в 1813 и 1814 гг.» (М., 1843), «драматическое представление» «Бегство французов в 1812 г.» (М., 1843; включает множество «русских песен»; среди действующих лиц — сам Кузмичев, его мать, отец). О победах русского оружия он говорил, обращаясь к иному историческому материалу («Ночь во граде Арзеруме...», М., 1829, и призывающий к ней «Знаменитый день во граде Арзеруме...», М., 1830). Верой в принадлежность к избранному православному народу проникнуты его «поучительные» книги религиозно-нравственного содержания: прозаическая «поэма в 4 песнях» «Спасенная Ниневия пророчеством Ионы» (М., 1831), «Путь к счастью, или Нравоучительные беседы об образовании ума и сердца» (2-е изд., М., 1848), «Небесное звание, или Величественное сияние над Москвою» (М., 1848). Постоянные мотивы в них — страх перед грядущими катаклизмами, надежда на провидение, вера в скорое и обязательное возмездие, призывы к почитанию родителей, обличение лицемерия и т. д. — едва ли не весь комплекс народно-традиционного сознания.

В литературном отношении из книг Кузмичева выделяются автобиографические «Картины моей юности», проникнутые непосредственно поэзией детства, семейных отношений, добрым юмором.

Ист.: Б. Дубин, А. Рейблат. Ф. С. Кузмичев // Русские писатели 1800—1917. Т. 2, М., 1992. С. 208.

КУЗНЕЦОВ Юрий Поликарпович (11.02.1941—17.11.2003), поэт. Родился в станице Ленинградская Краснодарского края в семье кадрового военного и учительницы. Отец, воевавший с первыми днями Великой Отечественной, погиб в Крыму в 1944. После окончания школы Кузнецов проучился один год в Кубанском университете (Краснодар). Время его службы в армии совпало с Карибским кризисом. Кузнецов 2 года (1961—63) отслужил на Кубе. В 1970 закончил Литературный институт.

В 1966 в Краснодаре вышел 1-й сборник стихотворений Кузнецова «Гроза». Но настоящее творчество, обретение своего стиля, своего поэтического мышления нача-

лось во время учебы в Литературном институте. Уже вторая книга «Во мне и рядом — даль», вышедшая в Москве в 1974, заставила говорить о Кузнецове как об одном из значительнейших современных поэтов. В эту книгу вошли такие ставшие хрестоматийными стихотворения, как «Атомная сказка», «Возвращение», «Отец космонавта», поэма «Дом».

Поэзия Кузнецова — своего рода завершение дисгармонического начала XX в., и одновременно в ней ощущается

соприкосновение с гармонией века XIX-го, уже в совершенном ином качестве. Неслучайно обращение поэта к *Н. В. Гоголю*, воплотившему в XIX столетии разлом сознания и высвобождения потусторонних стихий, противостоящих светлому человеческому началу («Тайна Гоголя»). При чтении стихов Кузнецова ощутима неодолимая жажда поэта «рвануться во все концы света»: «я рванусь на восток и на запад», «душа, ты рванешься на запад, а сердце пойдет на восток». И каждая строка Кузнецова — своеобразная веха на этом трагическом пути. Душа полна недобрых предчувствий, и поэт видит, как черные силы испекают человеческую жизнь, как человек гибнет, но продолжает жить в иной — нематериальной ипостаси («Возвращение»).

В «Прологе» Кузнецов раскрывает родословную своей поэтической ноты. Флейта, на которой он играл свою мелодику, — из тростинки, через которую дышали русские воины, скрывавшиеся под водой от татарских мечей. Так в туманных грезах вспоминается прошлое. Оживает чудотворная сила старых мудрых легенд, мифов, сказаний. Она, подобно Китеж-граду, сохраняется глубоко под спудом, «влачит свою згу под водой» в потусторонней ипостаси, подобно Фениксу, который восстанет из праха и пепла в последний день существования мира, обещая навеять вечный сон. Но поэт общается с людьми в яви, вспоминая о необратимых потерях человеческого духа и народной памяти.

«Драконы земного кольца», собравшиеся «по милую душу» поэта, вещающего о переживаемой нами сейчас трагедии, не оставляли его в покое все время. Но ему чудится иное видение, вселяющее тревожное ликование в истерзанную душу. Это сон, но сон, навевающий уже не страх и не сладкую тоску, а предвестие чего-то совершенно неизведанного, которое прозревал поэт в развалинах храма: «Мир не шелохнется. Пусто, и что ж? Поле задумалось. Клонится рожь. Тихо прохлады волной обдала. Без дуновенья даль полегла. Это она мчится во ржи! Это она!» И перед этой «полегшей далью» — «клонится слава, и время, и дым... Клонится древо познания в раю...» Так склоняют головы перед Божественным видением, перед очистительным огнем и под тяжестью вины за утрату духовных глубин, за забвение всего, чем жили многие века. Так склоняются перед грядущей бурей, грозящей смести всю нечисть. Так открывается тайна славян, долго влачившая «свою згу под водой».

«Ни рано ни поздно приходит герой. До срока рождается только святой...» Ни рано ни поздно Кузнецов обратился к древней славянской мифологии, к жанру стихотворной притчи. А поэтический символ для Кузнецова не просто знак, «которым человек передает то, что им поймано в явлении внутреннем или внешнем» (С. Есенин. «Ключи Марии»). Символ для него имеет космическое, вселенское значение и в своем отношении к символу он смыкается с С. Есениным, ведшим начало своего символизма от «Голубиной книги», «Златой цепи», «Моления Данила Заточника», «Слова о полку Игореве». Кузнецову принадлежит заслуга восстановления в наши дни по крупицам того богатейшего поэтического мира, которым жили наши предки, введения в живую поэтическую речь древних символов, языческих и православных полнокровных образов света и тьмы, заговоров и заклинаний. «Древние смыслы» и «тайные знаки» для поэта — не принадлежность глубокого прошлого, покрытые архивной пылью, но достояние наших дней. И если черты реального злодейства угадываются в выходах с того света, то таинственная символика раскрывается в здешней реальности, в простых и всем понятных деяниях, что проходят перед нашими глазами. («Дух отрицания учуял: победа! Нюхом мгновенно постиг племя, укравшее тень у соседа, память, богов и язык». «А живые воздали телам, что погибли геройски. Поделили добро пополам и расстались по-свойски. Ведь живые обеих сторон — люди близкого круга. Почитай, с легендарных времен понимают друг друга». «Все готово, великий магистр. Только жертвы одной не хватает...»). Люцифер и Прометей отождествляются в поэтическом сознании Кузнецова как противники Божественной воли. Падший ангел и непокорившийся титан в его представлении едины в своей ненависти к Богу. Их порождение — «племя», воплощающее дух отрицания и сомнения, не способно ни на что, кроме как на то, чтобы сеять смуту и раздор в людские сердца.

Что противопоставить разладу и дисгармонии, ведущей к уничтожению всего живого на земле — не во сне, а наяву? Перед нашими глазами появляется мужик, невозмутимо сидящий на крыльце, в то время, когда над ним кружится птица с символическим именем «Всему конец». Конец? Ничего подобного. По крайней мере для русского мужика. Нечисть, сметающая горы и страны на своем пути, оказывается бессильной перед внутренней устойчивостью и надежностью мужика, которому неведом мистический ужас. Не отсюда ли и олимпийское спокойствие Фомки-хозяина, вроде бы не желающего видеть ничего за пределами двора? Что ему до того, что «мир на пределе». «Топнув ногой, никуда не глядит, не замечает. — Там ничего моего не летит, — так отвечает». Не это ли тот стержень, который удерживает от внутренней расколотости и шарахания во все стороны, как и героиню стихотворения Федору, стоящую и не сдвинутую с места никакими катаклизмами? («На опечатке, на открытой ране, На камне веры, где орел сидит, На рельсах, на трибуне, на вулкане Федора-дура встала и стоит. Меж двух огней Верховного Совета, На крыше мира, где туман сквозит, В леуах прожесторов, нигде и где-то Федора-дура встала и стоит»).

Поэт слышит древние сказания и голоса павших в недавних сражениях, которые жаждают воскрешения словом, ибо только они могут поддержать в ныне живущих честь и достоинство человеческое, русское самостояние. И воскрешенные словом поэта герои приходят из глубокой древности на рубежи Сталинградской обороны, на поле жестокой брани («Сталинградская хроника»). Приходят

отразить последнюю атаку, когда еще не успели охладеть тела павших («Тень за светом, за сыном отец, за отцом обжалился конец, уходящий к началу народа...»).

В последние годы Кузнецов обратился к стихотворному переложению «Слова о Законе и Благодати» митр. Илариона, будучи уже автором многочисленных стихотворных переводов как поэтов из национальных республик, так и зарубежных (Дж. Г. Байрон, Дж. Китс, А. Рембо, А. Мицкевич, В. Неизвал и др.). Наиболее противоречивую реакцию вызвала его последняя по времени поэма «Путь Христа», поэма, проникнутая апокалиптическим настроением, где поэт явил мироошущение человека, пришедшего к живому Христу.

Наибольшее отторжение критиков и многих читателей вызвала третья часть поэмы «Сошествие в ад», где в ад опускается сам поэт, сопровождаемый Христом, и где он видит заключенных в аду практических всех главных персонажей мировой культуры и цивилизации.

Соч.: Гроза. Краснодар, 1966; Во мне и рядом даль. М., 1974; Край света — за первым углом. М., 1976; Выхода на дорогу, душа оглянулась. М., 1978; Отпущу свою душу на волю. М., 1981; Русский узел. М., 1983; Ни рано, ни поздно. М., 1985; Душа верна неведомым пределам. М., 1986; После вечного боя. М., 1989; Пересаженные цветы. М., 1990; Ожидая небесного знака. М., 1992; До свиданья! Встретимся в тюрьме. М., 1995; Русский зигзаг. М., 1999; Путь Христа. М., 2001.

Лит.: Глушкова Т. Призраки силы и вольности. // Литературное обозрение. 1977. № 6; Кожин В. О поэтическом мире Юрия Кузнецова // Кожин В. Статьи о современной литературе. М., 1982; Селезнев Ю. Мысль чувствующая и живая. М., 1982; Кунаев С. Мир с тобой и отчизна твоя! // Литературное обозрение. 1987. № 8.

С. Кунаев

КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА Елизавета Юрьевна (урожд. — Пиленко, по второму браку — Скобцова, в монашестве — **мать Мария**; псевдонимы — **Юрий Данилов, Ю. Д.**) (8[20].12.1891—31.03.1945), поэтесса. Отец юрист, товарищ прокурора Рижского окружного суда. Уже в гимназические годы начала писать стихи.

В 1909—11 была слушательницей Высших женских (Бес-тужевских) курсов. В 1910 вышла замуж за юриста Д. В. Кузьмина-Караваева, знакомого с литераторами модернистской ориентации. Кузьмина-Караваева стала участницей «сред» на «башне» Вяч. Иванова, позже — членом акмеистского «Шека поэтов», где и был издан ее первый стихотворный сборник «Скифские черепки» (1912). В нем за романтической поэтизацией легендарного прошлого угадывалось острое ощущение душевного кризиса, переживаемого современником.

Дебют поэтессы был оценен критикой неоднозначно. По мнению В. Я. Брюсова «сочетание воспоминаний о “предсуществовании” в древней Скифии и впечатлений современности придает этим стихам особую остроту». Н. С. Гумилев считал, что в книге «слишком много юношеского лиризма», игры метафорами, и отделял надуманную внешнюю фабулу — историю любви царевны-рабыни к своему господину — от «подлинно древних и странных строк пейзажа». С Блоком у Кузьминой-Караваевой сложились особые, творчески-доверительные отношения, о чем она вло-

следствии рассказала в мемуарах «Встречи с Блоком» (1936). Личность поэта в восприятии Кузьминой-Караваевой отразилась в образе главного героя ее неоконченной поэмы-мистерии «Мельмот-скиталец».

Вторая книга Кузьминой-Караваевой — повесть «Юрали» (1915), написанная ритмической прозой и стилизованная в духе аллегоризма евангельских притч. Ее лейтмотив — тема духовного пути, предопределенного свыше. Поэтический сборник «Руфь» (1916) — книга уже зрелого автора, пережившего религиозный переворот. Начиная с этого сборника и до конца жизни Кузьмина-Караваева выступает как религиозный поэт, размышляя о трудном пути к Богу, о христианском долге и подвижничестве служения.

В годы революции Кузьмина-Караваева жила в Анапе. В 1918 была избрана городской головой Анапы, арестовывалась белогвардейцами за сотрудничество с большевиками. В 1920 — в эмиграции, с 1923 — в Париже. В 1924—25 под псевд. Юрий Данилов вышли хроникально-автобиографические повести Кузьминой-Караваевой «Равнина русская» и «Клим Семенович Барынькин», повествующие о годах революций и гражданской войны в России. В к. 20-х сближается с русскими религиозными философами Н. О. Лосским, Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, участвует в создании Православного богословского института в Париже. В 1927 вышла книга Кузьминой-Караваевой «Жатва духа. Жития святых» (вып. 1—2, Париж), в 1929 — монографические очерки о А. С. Хомякове, Вл. С. Соловьеве и Ф. М. Достоевском, проникнутые пафосом религиозного служения. В 1932 в Париже Кузьмина-Караваева приняла монашество (православное) и имя Мария. Став «монахиней в миру», она неутомимо занималась благотворительной деятельностью. Противница религиозного аскетизма, она была глубоко убеждена, что «путь к Богу лежит через любовь к человеку, и другого пути нет...». Она продолжала писать стихи, христианские по содержанию: о жизни и смерти, о добре и зле, о современном человеке, переживающем свою богооставленность в «пустыне мира» (Стихи. Берлин, 1937).

Во время фашистской оккупации Парижа стала активной участницей движения Сопротивления: укрывала гонимых, спасала бежавших советских военнопленных, отправляла посылки заключенным. В февр. 1943 была арестована гестапо и в апр. отправлена в концлагерь Равенсбрюк, где погибла в газовой камере, добровольно пойдя на смерть вместо одной из заключенных.

Соч.: Мать Мария. Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере Равенсбрюк. Париж, 1947; Стихи. Париж, 1949; Избранное / Вступ. ст., сост. и примеч. Н. В. Осьмакова. М., 1991.

Н. Грякалова

КУКЛИН П. С., крестьянский поэт, автор стихотворной книги «Благоразумный и трудолюбивый сын текущих времен, оставшийся сиротой в младенчестве» (М., 1883; 6-е изд., М., 1901). В нем описана судьба юноши-сироты: воспитан родственником, выучился на приказчика и «600 рублей стал получать», служил со славою в солдатах — теперь прибыльно торгует, всем помогает, имеет крепкую семью. Отсюда — мораль: «Кто старается трудиться / И Бога не забывает, / Того и Господь не оставляет». Автор подчеркивает, что его герой — образец для подражания, его жизненный путь — цель стремлений обычного крестьянина. В книге Куклина заметно влияние не столько письменной литературы, сколько народной духовной поэзии.

И. В., С. С.

КУКОЛЬНИК Нестор Васильевич (8[20].09.1809—8[20].12.1868), писатель. Родился в семье профессора Петербургского педагогического института. Учился вместе с *Н. В. Гоголем* в Нежинской гимназии высших наук, где отец Кукольника в 1820—21 занимал должность директора. Позднее был петербургским чиновником. В

1833 опубликовал драматическую фантазию «Торкватто Тассо», имевшую шумный успех. За ней последовали исторические пьесы: «Рука Всевышнего Отечество спасла» (СПб., 1834), «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» (1835), «Роксолана» (1835), «Князь Даниил Дмитриевич Холмский» (СПб., 1840) и др. Драматическому творчеству Кукольника свойственны возвышенный пафос

и гордость за прошлое Родины, пьеса «Рука Всевышнего Отечество спасла» проникнута патриотической идеей: Православие — Самодержавие — Народность.

В исторических пьесах представлены моменты русской истории, наиболее ярко демонстрирующие процессы национального единения и самосознания (в т. ч. «смутное время», эпоха Петра I). Политическая схема Кукольника являет из себя двучленную формулу «монарх — народ», в которой монарх является высшим воплощением народной воли и разума, а народ — носителем национального чувства («монархический демократизм»). Всякое опосредование этой связи (аристократическая оппозиция, забота о правах личности) рассматривается как проявление своекорыстных или своевольных страстей (эгоизма, честолюбия) и приравнивается к измене и преступлению. (Монархизм и патриотизм Кукольника носят явно антиаристократический характер, чему свидетельством — сцена избрания Михаила Романова, образы нижегородских людей и выпады против своевольных бояр в «Руке Всевышнего»). Герой Кукольника — образец служения «царю и отечеству» — одновременно героичен и трагичен: выигрывая борьбу с внешними, «естественными» врагами, он терпит тяжкий урон или поражение от врага «внутреннего» — измены. Популярность исторических пьес Кукольника (многие из них шли на сцене десятилетиями) обуславливались приемлемостью их идеологии для всех слоев русского народа, выступавшего за национальное единство и консолидацию страны вокруг царя.

Интересны повести и рассказы Кукольника, посвященные эпохе Петра I («Два Ивана, два Степаньча, два Костылькова», 1844, и др.) и современной русской жизни («Надинька», 1843). Их отличают юмор и живописность в обрисовке русского быта, выразительность диалога. Некоторые произведения Кукольника, напр., повесть «Сервант Иван Иванович, или Все за одно» (1841), содержали критические ноты в изображении крепостного права и произвола помещиков. Повесть «Максим Созонтович Березовский» (1844) рисует трагическую судьбу русского крепостного композитора XVIII в. Это дало повод В. Г. Белинскому в 1847 отметить, что Кукольник «...одной стороной своего таланта примкнул к т. н. натуральной школе...». Кукольник издавал «Художественную газету» (1836—41), «Дагеротип» (1842), «Иллюстрацию» (1845—47) и др. Ему принадлежат стихи романтического характера. Кукольник был дружен с М. И. Глинкой. Многие романы

и песни Глинки («Сомнение», «Прощальная песня», «Жаворонок», цикл «Прощанье с Петербургом» и др.) написаны на слова Кукольника. Глинка написал также музыку к драме Кукольника «Князь Холмский».

Соч.: Повести и рассказы. Т. 1—2. СПб., 1843; Соч. Т. 1—10, СПб., 1851—53; Повести и рассказы. Кн. 1—6. СПб., 1871; Исторические повести. Кн. 1—6, 3-е изд., Пг., 1894—1901.

КУЛЖИНСКИЙ Иван Григорьевич (14[26].04.1803—26.03 [4.07].1884), писатель. Преподавал латинский язык в нежинской гимназии высших наук, где был учителем *Гоголя* и *Кукольника*. В 1829—32 читал лекции по русской словесности в Харьковском университете. Кулжинский писал

очень много, в течение почти 60 лет. Он помещал в журналах свои беллетристические, драматические, исторические, публицистические и разные др. произведения с 1825, когда начал печатать свои исторические статьи и стихи. Отдельно Кулжинский издал: «Малороссийская деревня» (М., 1827), «Речь о различии между классической и романтической поэзией» (Харьков, 1830), «Федюша Мотавильский, украинский роман» (М., 1934).

КУЛИШ Пантелеймон Александрович (26.07[7.08].1819—2.02[14.02].1897), малороссийский писатель и ученый. Родился в семье помещика в м. Воронеж Глуховского у.

Литературную деятельность начал в 1840. С 1841 был учителем в Луцке, Киеве, Ровно, Петербурге. За участие в Кирилло-Мефодиевском братстве был арестован в 1847 и сослан на службу в Вологду (заменена службой в Туле). После обращения к царю получил прощение. В 1850 переехал в Петербург. Последние годы жизни провел в Малороссии.

Кулиш был одним из основателей движения за национально-культурное самоопределение Малороссии в составе России. Дебютировал в альманахах «Киевлянин» обработками малороссийских сказок и преданий.

В альманахе «Киевлянин» были опубликованы «Малороссийские рассказы» на русском языке и в альманахе «Ластівка» («Ласточка», 1841) — на малороссийском языке. Как писатель Кулиш эволюционировал от *романтизма* к этнографическому реализму. В повести «Михайло Чернышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад» (ч. 1—3, 1843, на рус. яз.) осуждалась молодежь, оторвавшаяся от родины. В поэме «Украина» (1843, на малороссийском яз.) Кулиш пытался в жанре малороссийских народных дум дать всю историю Малороссии, но довел ее лишь до Б.

Хмельницкого. В идиллии «Ория» (1844, на малороссийском яз.) изображена романтическая картина патриархального малороссийского быта.

В нашумевшем историческом романе «Черная рада, хроника 1663 года» (1845—57, на малороссийском и русском яз.) красочные реалистические картины жизни XVII в. — борьбы казачества за независимость — проникнуты идеализацией гетманской верхушки. Сборник «Украинские народные предания» (1847) был конфискован уже после ареста Кулиша. В 1850—57 Кулиш издал ценный литературно-этнографический сборник «Записки о Южной Руси». В 1860 выпустил малороссийский альманах «Хата». Основав в Петербурге малороссийскую типографию, Кулиш издал сочинения *Т. Г. Шевченко*, *И. П. Котляревского*, *Г. Квитки*, *Марко Вовчка*, принимал ближайшее участие в издании журнала «Основа» (1861—62). Кулиш произвел реформу малороссийского правописания, которое положено в основу современной орфографии. Два издания вышел его малороссийский букварь «Граматка» (1857, 1861). Сборник малороссийских стихов «Рассвет» («Досвітні», 1862) идейно противостоял поэзии Т. Г. Шевченко. Следующие сборники малороссийских стихов: «Хуторная поэзия» (1882), «Колокол» (1893) выражают православно-монархические идеи, противостоящие т. н. «революционной демократии». Издал на малороссийском языке произведения У. Шекспира, Дж. Г. Байрона, И. В. Гёте, Ф. Шиллера, Г. Гейне, А. Мицкевича, *А. С. Пушкина* и др. В историческом труде «История воссоединения Руси» (т. 1—3, 1874—77) положительно оценивал возвращение Малороссии в состав Русского государства.

Соч.: Соч. и письма. Т. 1—5. Киев, 1908—10; Поэты шевченківської доби. Збірник. Київ, 1961; в кн.: Антологія української поезії. Т. 1. Київ, 1957.

КУМОВ Роман Петрович (21.11[3.12].1883—20.02[5.03].1919), писатель. Родился в станице Казанская Области Войска Донского. В 1910 окончил юридический факультет Московского университета. В дальнейшем жил преимущественно в станице Усть-Медведицкой. В студенческие годы печатал рассказы и очерки в журналах. Между 1907 и 1916 в Петербурге и Москве вышло несколько сборников его рассказов и очерков. Критика сочувственно отзывалась о сборнике «В Татьянину ночь». Драма «Конец рода Коростомысловых» (1916) поставлена в 1917 в Петрограде и Москве.

Соч.: Бессмертники. СПб., 1909; В Татьянину ночь. СПб., 1913; Очерки и рассказы. 2-е изд. Пг., 1915; Лиза. М., 1916; Конец рода Коростомысловых. Пг., 1916; Маша с Перекопских гор // Летопись. 1917. Кн. 7—8.

КУНЯЕВ Станислав Юрьевич (р. 27.11.1932), поэт, публицист и общественный деятель, гл. редактор журнала «*Наш современник*».

Родился в Калуге. Мать — из семьи калужских крестьян, в советское время окончила два высших учебных заведения — институт физкультуры и медицинский, стала известным врачом в своем городе.

Предки по отцовской линии из Петрозаводска и Н. Новгорода — русские офицеры, губернские чиновники, земские врачи.

Имя деда по отцу — А. Н. Куняева, профессора медицины, увековечено на двух мемориальных досках в нижегородском краю: на здании больницы Красного Креста в центре города и на стене земской Карамзинской больницы в Арзамаском у., вблизи Дивеевского монастыря и Серафимо-Саровской пустыни, где

дед и бабушка Куняева работали врачами в начале века.

Там же родился его отец, который впоследствии стал преподавателем истории и погиб в н. 1942 во время ленинградской блокады. Похоронен на Пискаревском кладбище. А дед с бабушкой умерли во время гражданской войны от тифа — их нижегородская больница в те годы была военным тифозным госпиталем для красноармейцев. Похоронены были, как известные нижегородские граждане, на кладбище Печерского монастыря. Когда монастырь в н. 30-х закрыли, то монастырское кладбище сравняли с землей, и могилы предков поэта были утеряны.

Сам Куняев закончил в 1951 в Калуге среднюю школу с золотой медалью, отучился на филологическом факультете МГУ и по своей воле уехал работать в Тайшет Иркутской обл. в районную газету «Сталинский путь». В Сибири проработал с 1957 по 1960. Сначала заведующим сельхозотделом местной газеты, а потом собственным корреспондентом областной иркутской газеты «Восточно-Сибирская правда». Стихи начал серьезно писать в университете, первые публикации в Иркутске и в Новосибирске (журнал «Сибирские огни») появились у Куняева во время сибирского периода его жизни.

Тогда же он познакомился с молодыми иркутскими писателями *В. Распутиным*, *А. Вампиловым*, *В. Шугаевым*.

Первую книгу стихотворений «Землепроходцы» издал по возвращении из Сибири в своем родном городе Калуге в 1960. По этой своей первой книге Куняев в том же году был принят в Союз писателей СССР.

С тех пор у него вышло более 30 книг — стихотворных сборников, книги критики и публицистики, за одну из которых — «Огонь, мерцающий в сосуде» поэт был удостоен звания Лауреата Государственной премии России.

Куняев не без оснований считается одним из самых значительных поэтов своего поколения. Некоторые его стихотворения стали широко известными — даже знаменитыми («Добро должно быть с кулаками», «Размышления на Старом Арбате», «Карл Двенадцатый» и др.).

В 60—90-х он вместе с *Н. Рубцовым*, *А. Передревым*, *А. Жигулиным*, *Ю. Кузнецовым* неизменно входил в перечень поэтов, определяющих патристическое, почвенное, русское начало в современной поэзии с большой «присадкой» имперской государственной идеи.

Именно в этот период его поэзия постоянно присутствовала в идейных схватках и спорах, которые велись в печати и устных дискуссиях самыми разными, порой враждующими между собой группами критиков и поэтов (*В. Кожин*, *А. Анинский*, *Т. Глушкова*, *С. Чупринин*, *Ю. Селезнев*, *О. Михайлов*, *Е. Евтушенко* и др.).

Но если в поэзии Куняева властвует чувственная многоликая, противоречивая стихия жизни и даже культ свободы творчества («Отдам всю душу Октябрю и Маю, но только лиры милой не отдам»), то в своих гражданских деяниях, поступках и заявлениях он крайне резок, целеустремлен и пристрастен.

Будучи уверен в значительности и неколебимости своего поэтического мира, Куняев весьма рискованно несколько раз в жизни и в советское и в постсоветское время ставил на карту и свою литературную репутацию, и карьеру, и житейское благополучие.

В 1977 он один из главных участников знаменитой дискуссии «Классика и мы», ознаменовавшей собой первое крупное восстание русских национальных сил, борющихся за влияние на общество с силами советского еврейского культурного истеблишмента, поддерживаемого прозападной частью партийной верхушки. Продолжая эту борьбу, в 1978 Куняев написал известное подцензурное письмо в ЦК КПСС (поводом было издание группой советских писателей диссидентского склада альманаха «Метрополь»), где прямо обвинил высших партийных чиновников в политическом двурушничестве, в потворстве антирусским и антигосударственным группам писателей, процветающим в те времена в литературной жизни страны. В результате этих двух акций он в 1980 был освобожден от должности рабочего секретаря Московской писательской организации, где работал с 1976.

Все последующее десятилетие поэт жил жизнью свободного художника, много ездил по России — подолгу жил в Сибири, на русском Севере, писал стихи, рассказы, очерки, жил одной жизнью с геологами, рыбаками, охотниками, что впоследствии помогло ему в создании двухтомника своих воспоминаний и размышлений «Поэзия. Судьба. Россия».

В 1989 благодаря настойчивым требованиям писателей *С. Видулова*, *Ю. Бондарева*, *В. Распутина*, *В. Белова* ЦК КПСС соглашается с тем, чтобы Куняев стал гл. редактором популярного литературного журнала «Наш современник». На этом посту в течение последующего десятилетия в полной мере он показал себя, как русский человек и продолжавший лучшие национальные традиции государственного патристического крыла «шестидесятников». Журнал «Наш современник» за эти годы становится поистине духовным центром, объединившим все лучшие духовные силы России.

В условиях жесточайшей борьбы за существование, открыто борясь с масонским прозападным горбачевско-ельцинским режимом, журнал искал и ищет пути возрождения России и спасения русской цивилизации.

Куняев, будучи на острие этой борьбы, как и в прежние времена принимал страстное участие в событиях авг. 1991, открыто поддержав попытку ГКЧП спасти страну от разрушения, в спасении Союза писателей России от погрома «демократов» (именно он разорвал бумажку Музыкантского, в которой было требование закрыть Союз писателей России за его поддержку антигорбачевского ГКЧП), в событиях окт. 1993 у Белого дома и в Останкино. К 100-летию со дня рождения *С. Есенина* Куняев вместе с сыном выпускает книгу «Сергей Есенин», выдержавшую 4 издания.

Опубликованы воспоминания Куняева «Поэзия. Судьба. Россия» (кн. 1—3).

Соч.: Избранное. М., 1979; Свободная стихия. М., 1979; Избр. произв.: В 2 т. / Вст. ст. Л. Барановой-Гончаренко. М., 1988; Времена и легенды: (Диалог со временем). М., 1990; «Не сотвори себе кумира...»: Ст. и дневники эпохи перестройки. Саратов, 1990; Растерзанные тени: Избр. страницы из «дел» 20—30-х гг. ВЧК—ОГПУ—НКВД... / Совм. с С. С. Куняевым. М., 1995; Среди шумного бала...: Повести, рассказы, публицистика. М., 1996; Сергей Есенин / Совм. с С. С. Куняевым. 2-е испр. и доп. изд. М., 1997.

Лит.: Кожин В. Путь поэта // Кожин В. Статьи о современной литературе. М., 1990.

КУПРИН Александр Иванович (26.08[7.09].1870—25.08. 1938), писатель. Родился в г. Наровчат Пензенской губ. в семье мелкого чиновника. Мать, урожд. Кулунчакова, — дворянского происхождения, принадлежала к старинному княжескому татарскому роду. Отец умер,

когда Куприну не исполнилось и года. Семья оказалась в столь бедственном материальном положении, что мать Куприна была вынуждена поселиться с сыном в московском Вдовьем доме. Когда мальчику исполнилось 6 лет, Любовь Алексеевна определила его в Разумовский сиротский пансион, где он прожил почти 4 года. В 1880 Куприн поступил во II Московскую военную гимназию, которая через 2 года была реорганизована в кадетский корпус. Тягостная жизнь «казенного мальчика» изображена им в повести «На переломе (Кадеты)» (1900).

По окончании корпуса в 1888 Куприн поступил в III Александровское военное училище, готовившее пехотных офицеров. К этому «юнкерскому» периоду относится первая публикация Куприна: в 1889 он напечатал в «Русском сатирическом листке» рассказ «Последний дебют», наивный и подражательный. Летом 1890 Куприн окончил училище и, получив чин подпоручика, был зачислен в 46-й Днепровский пехотный полк, располагавшийся в захолустном городке Проскурове Подольской губ. Провинциальный быт, скука, утомительная муштра, грубые нравы — все это сильно расходилось с его представлениями об офицерской службе. Вместе с разочарованием в нем зрел протест, который и привел в конце концов к отставке в 1894. На такое решение Куприна повлияло и одно немаловажное обстоятельство. К тому времени он опубликовал повесть «Впотьмах» (1893) и рассказ «Лунной ночью», готовился к печати рассказ «Из отдаленного прошлого» («Дознание»). Он ощутил в себе писательский дар и получил первое его признание.

В автобиографии Куприн упоминает множество перепробованных им профессий: он был репортером, управляющим при постройке дома, разводил табак, служил в технической конторе, выступал на сцене, изучал зубоорточное дело и т. д. Между тем житейская необходимость все более соединялась у Куприна с желанием глубже познать мир и людей. Им двигали «безмерная жадность к жизни и нестерпимое любопытство». Итогом первых после офицерской службы беспокойных лет стали 2 книги: сборник очерков «Киевские типы» (1896) и сборник рассказов «Миниатюры» (1897). Позднее Куприн оценил их как «первые ребяческие

шаги на литературной дороге». Уже в пору творческой зрелости Куприн одну из своих писательских заповедей сформулировал так: «Ты — репортер жизни... суйся решительно всюду... влезь в самую гущу жизни...»

Работая корреспондентом, он побывал на заводах Донбасса, где был поражен открывшейся ему «страшной и захватывающей картиной», правдой о цене машинной цивилизации. Об этом Куприн написал в своем первом крупном произведении — повести «Молох» (1896). Главному герою ее — инженеру Боброву — завод мерещится железным чудовищем, пожирающим «серых тружеников». Он сравнивает его с идолом, богом огня и войны Молохом, которому древние моавитяне приносили человеческие жертвы. Ему кажется, что человек все больше становится заложником технического прогресса.

Мир в сознании Куприна все больше делился надвое. С одной стороны, нетронутая, свободная природная стихия, с др. — мир современной цивилизации, во многом уродливый, фальшивый, несправедливый. Один мир жил вопреки другому. Куприн не колебался в выборе между ними: он всецело доверял природе, его влекло к «естественному» человеку, к непосредственным натурам. Казалось, он следовал здесь *Л. Толстому*, которого очень почитал (он называл его Великим Стариком), но прежде всего это было проявлением его собственной глубинной сути. Он всегда исповедовал философию «живой жизни». Эта купринская черта отчетливо проглядывает в таких произведениях 2-й пол. 90-х, как «Лесная глушь» (1898), «На глухарей» (1899), «Олеся» (1898). В «Олесе» Куприн, пожалуй, впервые показал себя мастером живописания природы в самых разнообразных ее проявлениях. В основе повести — история любви юной полесской «колдуньи» и полупраздного интеллигента Ивана Тимофеевича. Куприн сталкивает не просто две разные натуры, а два совершенно различных мировосприятия. Героиня — «дитя природы», она хранит в себе ее свободу, ее загадки и таинства, ее первобытную цельность. Герой — «добрый, но только слабый» — городской житель, заключенный в рамки всевозможных условностей, он пытается охватить и объяснить жизнь своей «небольшой наукой», он — чужестранец в этом девственном зеленом краю. Он жив для истинной любви лишь в той мере, в какой способен отдаться во власть беззаветного чувства девушки. В повести ярко воплотился купринский идеал всепоглощающей, «великодушной» любви. Еще в раннем написанном рассказе «Allez!» любовь-страсть цирковой наездницы и акробатки Норы изображалась им как чувство магической силы, лишшающее человека рассудка.

В нояб. 1901 Куприн приезжает в Петербург, и с этого момента окончилась его неустрашенная, беспорядочная жизнь. Он сделался наконец профессиональным литератором и женился. В 1909 он задумал по-настоящему крупную вещь — повесть «Поединок». Повесть задумывалась как автобиографическая, исповедальная, и в то же время в ней должен был содержаться модный обличительный подтекст. Все те разнообразные впечатления Куприна о военной службе, которые фрагментарно отразились в ранних рассказах («Дознание», «Куст сирени», «Прапорщик армейский», «Ночная смена» и др.), теперь должны были вылиться в целостную, обобщающую картину армейской жизни. Определяющая роль в повести отводилась поручику Ромашову. Это очень ранимый, доверчивый человек, который с душевным страданием воспринимает грубый, циничный миропорядок: бесправие солдат, опустошенность и бездуховность многих офицеров, сословные пред-

рассудки и обычаи. «Поединок» принес писателю заслуженный успех и широкую известность. Свой триумф Куприн переживал двояко. Он окупился в стихию полубогемной жизни (новые знакомства, рестораны, кутежи, бессонные ночи и т. п.). Это была его своеобразная (неизбежная, как он считал) «плата» за громкий успех. Однако, с др. стороны, ободренный этим безоговорочным успехом, он обрел окончательную веру в свои творческие возможности. Еще не улеглись страсти вокруг «Поединка», а Куприн уже задумал его продолжение — повесть под условным названием «Нищие», в которой хотел показать свой поединок с жизнью, борьбу за право быть свободным человеком. Но работа над повестью скоро зашла в тупик. Зато многое получалось в любимом жанре — рассказе. С подлинным вдохновением создавались им новеллы «Штабс-капитан Рыбников» (1906), «Река жизни» (1906), «Измурд» (1907), «Гамбринус» (1907), цикл «Листригоны» (1907—1911). Два последних связаны с дорогими сердцу художника Одессой и Балаклавой. Рассказ о скрипаче Сашке, прошедшем кровавую войну, изувеченном в тюрьме, «дважды воскресшем», Куприн завершает знаменательной фразой: «Ничего! Человека можно искалечить, но искусство все перетерпит и все победит». «Листригоны» повествуют о балаклавских рыбаках, с которыми писатель дружил и с которыми не раз выходил в море.

В эти же годы были созданы «Суламифь» (1907) и «Гранатовый браслет» (1910). Оба они — о любви. И в них Куприн остался верен себе: он изображает истинную любовь как высшую ценность мира, как непостижимую тайну. Для такого всепоглощающего чувства не существует вопроса «быть или не быть?», оно лишено сомнений, а потому часто чревато трагедией. «Любовь всегда трагедия, — писал Куприн, — всегда борьба и достижение, всегда радость и страх, воскрешение и смерть». Куприн был глубоко убежден в том, что даже безответное чувство способно преобразить жизнь человека. Об этом он мудро и трогательно поведал в «Гранатовом браслете», грустном рассказе о скромном телеграфном чиновнике Желткове, который был столь безнадежно и самоотверженно влюблен в графиню Веру Шеину. Куприна самого очень волновала эта вещь.

С 1908 Куприн начал работать над романом «Яма», повествующем о жизни обитательниц публичного дома. Роману писатель предпослал посвящение: «Знаю, что многие найдут эту повесть безнравственной и неприличной, тем не менее от всего сердца посвящаю ее матерям и юношеству». Гуманный по своему замыслу, роман оказался перегруженным натуралистическими подробностями, элементами очерковой описательности, что снижало его художественную значимость.

Куприн протестовал против еврейского засилья в русской литературе. «Все мы лучшие люди России, — писал он в марте 1909 *Ф. Д. Батюшкову*, — давно уже бежим под хлыстом еврейского галдежа, еврейской истеричности, еврейской повышенной чувствительности, еврейской страсти господствовать, еврейской многовековой спайки, которая делает этот избранный народ столь же страшным и сильным, как стая оводов, способных убить в болоте лошадь. Ужасно то, что все мы сознаем это, но в сто раз ужаснее то, что мы об этом только шепчемся в самой интимной компании только на ушко, а вслух сказать никогда не решимся. Можно печатно и иносказательно обругать царя и даже Бога, а попробуй-ка еврея! Ого-го! Какой вопль и визг поднимется среди всех этих фармацевтов, зубных врачей, адвокатов, докторов и особенно громко среди русских писателей, — ибо каждый еврей родится на

свет божий с предначертанной миссией быть русским писателем».

С 1911 Куприн жил в Гатчине. Когда в окт. 1919 в нее вошли войска Юденича, он целиком подчинился обстоятельствам военного времени. Вместе с разгромленными остатками белых он отступал в направлении Нарвы и в конце концов вынужден был покинуть родину (о драматических событиях того времени Куприн рассказал в повести «Купол св. Исаакия Далматского», 1928). Летом 1920 он приехал с семьей в Париж. Куприн мучительно переживал разрыв с Россией. «Боль и тоска по родине не проходят, не притерпеваются, а все гуще и глубже», — признавался он в одном из писем в 1924.

Долгое время Куприн никак не мог вернуться к художественному творчеству. Лишь во 2-й пол. 20-х он снова начинает писать. Один за другим выходят сборники прозы «Новые повести и рассказы» (Париж, 1927), «Купол св. Исаакия Далматского» (Рига, 1928), «Колесо времени» (Белград, 1930), «Жанета» (Париж, 1934) и др. Во многих произведениях эмигрантского периода Куприн возвращается к памяти к прошлой жизни в России. Он продолжает развивать в них свои излюбленные темы и мотивы. Так, цирку посвящены новеллы «Ольга Сур» (1929), «Дурной каламбур» (1929), «Блондель» (1933); русская природа воссоздана в рассказах «Елань», «Ночь в лесу», «Вальдшнепы» и др. Последняя крупная вещь — роман «Юнкера» (вышел отдельным изд. в Париже в 1933) — повествует о годах юности писателя, о той Москве конца минувшего века, которую он запомнил цепкой памятью художника. Куприна не покидала мысль о возвращении на родину. И последняя мечта его жизни сбылась. В мае 1937 писатель приехал в Москву, где был радушно встречен соотечественниками. Он был уже неизлечимо болен, и ему оставался лишь год с небольшим жизни.

Соч.: Собр. соч.: В 6 т. М., 1857—58; Собр. соч.: В 9 т. М., 1970—73; Собр. соч.: В 5 т. М., 1982.

В. Б., Б. Б.

«КУРАНТЫ» (голл. — газета), «Вести», «Вестовые письма» — русская рукописная газета, выходившая в XVII в. «Куранты» писались на узких длинных листах бумаги в одном, двух, трех экземплярах. Самый ранний из сохранившихся экземпляров относится к 1621. «Куранты» составлялись 2, 3 или 4 раза в месяц в Посольском приказе по материалам иностранных газет и донесениям русских людей, находившихся за границей. Предназначенные для царя и ближних бояр, «Куранты» сообщали о событиях в Западной Европе: военных победах, торговых договорах, стихийных бедствиях и т. д. Приводились также выдержки из зарубежной печати, посвященные России. С к. 1702 вместо «Курантов» стали выходить явившиеся их продолжением печатные «Ведомости».

КУРБСКИЙ Андрей Михайлович (1528—1583), князь, воевода, боярин (с 1556), писатель, православно-мыслитель.

Происходил из знатного рода смоленско-ярославских князей, потомков Рюрика, и по женской линии был в родстве с царской фамилией. Первые годы его службы были связаны с царским двором и воинским делом. В 1549 он уже имел дворовый чин стольника и в звании есаула участвовал в военных походах. В 1552 он уже прославился как храбрый полководец при взятии Казани, а в 1556, в 28 лет, был пожалован боярским чином. К началу Ливонской войны, в 1558, Курбский командовал сторожевым полком.

Андрей Курбский активно участвовал в деятельности правительства, руководившего страной с к. 40-х XVI в. при молодом царе *Иване Грозном*. Лидерами этого правительства были духовник царя, священник *Сильвестр* и костромской дворянин, получивший высокий чин окольничего, Алексей Адашев. Позднее, с легкой руки Курбского, это правительство стали называть «Избранной Радой».

В н. 60-х царь, недовольный ограничением собственной власти, разгоняет Избранную Раду, а Сильвестра и Адашева отправляет в изгнание, где они вскоре умирают. В те же годы начинаются первые гонения и казни бояр. Когда царь начал гонения на своих недавних друзей, Курбский командовал всем русским войском в Прибалтике. Невзирая на одержанные им победы, в апр. 1563 он был отстранен от командования и назначен воеводой в отвоеванный у литовцев г. Юрьев (Дерпт). Опасаясь царского гнева, Курбский бежал в Литву.

Польский король с распростертыми объятьями встретил столь знатного беглеца, пожаловал Курбскому богатую Ковельскую волость с г. Ковелем, др. земельные владения в Литве и Польше. Находясь на службе у литовского князя, а затем у польского короля, Курбский участвует в военных походах, в т. ч. и против России, продолжая участвовать уже на вражеской стороне в сражениях и битвах Ливонской войны.

В молодости Курбский получил хорошее образование, а своим учителем он многократно и с большим почтением называл *Максима Грека*. Уже в России Курбский написал ряд сочинений — несколько посланий, а также 2 «Жития Августина Гиппонского». Но его творческий расцвет наступает в литовский период жизни. Из-под его пера выходят многочисленные послания разным людям, в т. ч. 3 послания Ивану Грозному. Эти послания, в которых впервые был обвинен Иван Грозный в многочисленных преступлениях, стали основой переписки с царем — интереснейшим документом религиозно-философской мысли России XVI в.

В 1573 Курбский пишет яркое философско-публицистическое сочинение — «История о великом князе московском», рассказывающее о правлении Избранной Рады и об измене Ивана Васильевича общим начинаниям. Кроме того, в своем поместье он организовал своего рода скрипторий, где переписывались и переводились рукописи, писались различные сочинения. Среди переводов необходимо назвать сборник «Новый Маргарит», основу которого составляли труды Иоанна Златоуста и сочинения Иоанна Дамаскина. А Курбскому принадлежит также перевод трактата протестантского мыслителя И. Спангенберга «О силлогизме».

Послания Курбского Ивану Грозному не дошли до нас ни в автографах, ни в современных им списках, хотя послания опального князя были известны современникам, нашли отражение в подлинных документах XVI в. Послания сохранились до нашего времени в рукописной традиции XVII—XIX вв. и в нескольких редакциях. В 1951 были найдены и опубликованы древнейшие версии первых посланий Курбского.

Написанная Курбским «История о великом князе Московском» сегодня известна более чем в 70 списках, существующих в четырех редакциях: полной, сокращенной, краткой и компилятивной. Более половины всех известных списков относятся к полной, наиболее близкой к архетипу редакции. Самые ранние списки датируются 1-й пол. XVII в.

Сочинения Курбского свидетельствуют о том, что он, оставаясь светским человеком, в то же время был ярким православным мыслителем, который немало трудов по-

ложил на то, чтобы защитить истинность православного вероучения. Он совершенно сознательно не принимает католичества, и особенно протестантизма. Против «люторей», «цвинглиан», «кальвинов» и иных «нечестивых ругателей» направлена значительная часть посланий Курбского, написанных в Литве. Резко осуждает он и любые попытки реформировать Православие, что было свойственно тем, кого на Руси называли «еретиками». В одном из посланий Курбский заявил о недопустимости того, чтобы «христианин правоверный ото арианина христоненавистного» принимал «писания на помощь церкви Христа Бога». Критически Курбский относился и к появившимся в Западной Руси гуманистическим учениям. И вообще, познав в эмиграции «свободы христианских королей», он пришел к отрицанию всех учений, которые эти свободы обосновывали, называя всю неправославную литературу Польско-Литовского государства как «польскую барбарию», «польщизну».

В то же время, несмотря на свой побег из России, Курбский считал Русское государство единственной в мире страной, сохранившей истинное христианство. Поэтому в своих сочинениях он неоднократно именует Россию «Святорусской землей» и «Святорусским царством».

В своем толковании православного вероучения, Курбский был близок к Максиму Греку и нестяжательству, порицая при этом «сребролюбивых» иосифлянских иерархов. Как и все мыслители нестяжательского направления, он считал, что мир творится Христовой Любовью, которая, как дар Святого Духа, наполняет сердца людей, внушает людям «правость сердечную»: «...Дар духа даетца не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной, ибо не зрит Богъ на могоутство и гордость, но на правость сердечную и даетъ дары, сиречь елико хто вместит добрымъ произволениемъ!».

Основываясь на идее «правости сердечной», Курбский развивает мысли о существовании «свободного естества человеческого» и «естественного закона», по которому должны жить люди. В первом случае он говорит о Руси: «Иже затворил еси царство Руское, сиречь свободное естество человеческое, аки во аде твердыни». Во втором случае, говоря о «естественном законе», Курбский ссылается и на опыт «языческих философов», и на Послание Римлянам ап. Павла (11, 14—15): «Аще поганские философи по естественному закону достигли такую правду и разумность со дивного мудростию между табаю, яко апостол рече: “Помыслом осуждающим или оставляющим”, а того ради и всею вселенною попустил Бог им владети, а мы христиане нарицаемся, а не токмо достигаем книжников и фарисеев правды, но и человек, естественным законом живущих!».

И хотя эти мысли не получили подробного объяснения в сочинениях Курбского, тем не менее можно предположить, что он довольно широко трактовал понятие «свободы естества человеческого», во всяком случае, намного шире, нежели мыслители-иосифляне и государь Иван Грозный.

Идеал социально-политического устройства России — «православное истинное христианское самодержавство» — Курбский считал уже созданным во времена Избранной Рады. Именно в этот период государь в наиболее полной мере соответствовал «нестяжательским» представлениям о «благочестивом царе» — окружил себя мудрыми советниками, прислушивался к их мнению и управлял своим государством, исходя из идеи Любви. Как писал Курбский, «самоу царю достоит быти яко глава и любити советников своих яко своя уды». Более того, по мнению опального князя, «царь, аще и почтен царством, а даровании, которых от Бога не получил,

должен искать доброго и полезного совета не токмо у советников, но и у всенародных человек».

Однако царь недолго мирился с определенными ограничениями своей власти и вскоре этот идеал, воплощенный в жизнь усилиями «Избранной Рады», рухнул. И тогда Курбский обрушивается на Ивана Грозного с обвинительными посланиями. По сути дела, все 3 послания царю и большая часть «Истории о великом князе Московском» — это горькая песнь об утраченном «Святорусском царстве».

Сразу же необходимо сказать, что переписка Курбского и Ивана Грозного — это свидетельство не столько политического, сколько религиозно-философского спора. В их письмах столкнулись 2 разных понимания сути православного учения, поэтому каждый из них столь яростно обвиняет др. в вероотступничестве, в ереси, в предательстве правой веры. «Помяни первые дни. Поки нагою главою безстыдствуешь супротив Господа твоего? — гневно вопрошает Курбский в одном из писем. — Або еще не час образумитися и покаяться, и возвратитися ко Христу?». Иначе говоря, Иван Грозный для Андрея Курбского такой же вероотступник, каковым считает государь опального князя.

Вероотступничество царя Курбский видит в том, что тот изменил «нестяжательским» идеалам Избранной Рады и перестал соответствовать образу «благочестивого царя». Во всяком случае, все свои обвинения против Ивана IV Андрей Курбский сводит к одной идее, — «забыв» нестяжательские идеалы, Иван Васильевич утерял «благочестие», перестал быть «благочестивым царем». Более того, Курбский обвинял Ивана IV в том, что, отказавшись от помощи Избранной Рады, государь разрушил социальную гармонию и собственными руками уничтожил «Святорусское царство», «православное истинное христианское самодержавство», уже созданное совместными усилиями царя и его советников. Поэтому все страшные события, которые испытала Россия в годы правления Ивана Грозного — это лишь последствия «измены» царя истинной веры.

Суть вероотступничества он видит в том, что царь, подерживаемый «злыми» советниками, непомерно высоко возмнил о себе как о единственном на земле помазаннике Божиим. В Третьем послании Курбский демонстрирует прекрасное понимание внутренних устремлений московского самодержца — просветить чуть ли не всю вселенную: «А еже от преизлишнаго надмения и гордости, мнящего о себе мудр и вся вселенная учитель быти». И отвергает претензии Ивана Грозного на роль вселенского православного государя, обвиняя его в «непомерной гордости и зазнайстве».

И все же опальный князь надеется, что разум вернется к царю, а царь вернется ко временам правления Избранной Рады. Поэтому Курбский призывает его «покаяться и возвратиться к Христу»: «Мудр бывал еси, и, мню, ведаешь о тричасной души, како порабощаются смертные части безсмертной. Аще ли же не ведаешь, и ты научися у мудрейших и покори, и поработи зверскую часть Божию образу и подобию: все бо от века так спасаютца, покаяюще худшее лутшему».

Свидетельством измены веры Курбский считает и увлечение царя колдовством и волхованием, что совершенно не принималось нестяжателями. Почти что в духе Максима Грека, обличавшего астрологию, Курбский обвиняет Ивана Грозного в том, что тот окружил себя гадателями и языческими колдунами и верит им более, нежели Слову Божию.

А различные неудачи Ивана Грозного Курбский однозначно трактует как «Божии кары» за вероотступничество. Так, когда в н. 70-х на Россию обрушились голод, эпидемия

чумы, а затем крымские татары, сжегшие всю Москву, Курбский написал: «Яковые язвы, от Бога пушенные, глады, глаголю, и стрелы поветренные (имеется в виду чума. — С. П.), и последи мечь варварский, мститель закона Божия, преславу-таго града Москвы внезапное сожжение, и всяя Руские земли спустошение...».

Поэтому и итоговая оценка Курбским деяний Ивана Грозного более чем жесткая: «Поправши заповеди Христа своего и отвергнуши законоположения евангелского, егда не явствено обшася дияволу и ангеломъ его...»

В измене истинной вере Курбский обвиняет не только царя, но и его новое окружение, как и, практически, всех иосифлян. Так, про монаха-иосифлянина Вассиана Топоркова, который, по мнению Курбского, сыграл решающую роль в изменении религиозно-политических предпочтений государя, в разрушении его «крепости души», устроенной в свое время Сильвестром, он писал: «О, сыну дияволу! Про что человеческого естества, вкратце реши, жилы пресеки и, всю крепость разрушити...» А др. «льстецов» и «губителей» называет служителями «сатаны и его бесов», которые по собственной «свободной воле» губят не только царя, но и свои души: «О воистину новое идолослужение и обещание, и приношение не балвану Аполонуву и прочим, но сомому сатоне и бесомъ его: не жертвы воловь и козловъ приносяще, влекомые носилием на заколение, но самые души свои и тела самовластною волею, сребролюбия ради и славы мира сего, ослепше сия творяще!». А результат деятельности и царя, и его нового окружения один — разрушение «Святорусского царства».

Образ «Святорусского царства», созданный в сочинениях Курбского — это одно из свидетельств проявления нестяжательских идеалов в отечественной литературе и религиозно-философской мысли.

С. Перевезенцев

КУРИЛОВ Александр Сергеевич (р. 22.07.1937), литературовед, историк литературы. Родился в Москве. Окончил Литературный институт (1969). Докторская диссертация — «Формирование русского литературоведения как науки (конец XVI — начало XIX в.)» (1984). Основные работы посвящены истории русской литературы, литературоведения и критики XVIII — 1-й пол. XIX в. Преодолевая одно-сторонность социологического подхода, свойственного советской науке и литературе, предложил иное определение сущности Возрождения, *классицизма, романтизма, сентиментализма* и реализма, решительно выступил против несправедливо заниженной оценки русской литературы и литературоведения XVIII в., показывая, что они не отставали от европейского художественного развития и теоретико-литературной мысли, что русские писатели решали точно такие же творческие задачи, что их собратья по перу в западноевропейских странах («Литературно-общественные предпосылки возникновения романтизма в России» (1979), «О сущности понятия “классицизм” и характере литературно-художественного развития в эпоху классицизма» (1982), «Русская литература XVIII века: новые понятия — новая история» (1977), «История литературы Нового времени: логика художественного развития от итальянского Возрождения до русского сентиментализма» (2003) и др.). Занимался изучением отечественной историко-литературной и теоретико-литературной мысли («Теоретико-литературная мысль в России XVIII в.», «Русская теоретико-литературная мысль в начале XIX в.» (1975), «“Слово о полку Игореве” и русская историко-литературная мысль конца XVIII — начала XIX в.» (1978), «В. К. Тредиаковский и начало формирования в России

историко-литературного мышления» (1979), «Памятники Куликовского цикла и русское литературоведение 1-й пол. XIX в.» (1980) и др.) Его монография «Литературоведение в России XVIII века» (1981) внесла значительный вклад в изучение истории русской науки о литературе, ее национального своеобразия. Занимался изучением наследия *славянофилов* («Теоретико-литературные взгляды славянофилов» (1978), «Константин и Иван Аксаковы» (1981), «И возродится Русь святая» (1992) и др.), содействовал возвращению в культурную жизнь страны национальных духовных ценностей, созданных в прошлые годы, впервые в советское время издав литературно-критические статьи *К. С. и И. С. Аксаковых* (1981) и историческую прозу писателя, критика и журналиста 20—30-х XIX в. *Н. А. Полевого*.

В. Троицкий

КУСКОВ Платон Александрович (18[30].11.1834—15[28].08.1909), поэт, критик. Родился в Петербурге в семье чиновника. Публиковаться начал в 1854. Современники причисляли Кускова к т. н. направлению чистой поэзии. Следы влияния *А. А. Фета*, *Я. П. Полонского* — любимых поэтов Кускова — отчетливо прослеживаются в его творчестве, но эпитомом он не был: его поэзия явление новаторское. Лирика Кускова преимущественно пейзажная и любовная (интимная, исповедальная, с сильным автобиографическим акцентом), иногда с претензией на философичность, чаще «заземленная», с подчеркнутым вниманием к быту, с характерными прозаизмами и нарушениями стихотворного ритма (сближающими его поэзию с произведениями *К. К. Случевского*).

В к. 1869 — н. 70-х Кусков сближается с *А. Н. Майковым*, *Н. Н. Страховым* и кругом почвенническо-славянофильского журнала «Заря». Майков сообщал *Достоевском* (дек. 1869),

что Кусков читал у него свой перевод «Отелло» («Заря». 1870. № 4): «...прелесть! Смело говорю — это первый перевод Шекспира по-русски». В «Заре» были опубликованы также отрывки из «Ромео и Джульетты» в переводе Кускова (1870).

В 80-е стихи Кускова печатаются в «Руси», «Ниве», «Труде», «Русской старине». Выходят поэтические сборники Кускова «Стихотворения» (СПб., 1886, «издание не для продажи»)

и «Наша жизнь» (СПб., 1889), включающий, в частности, навеянный поэзией Майкова цикл «Легенды», религиозный цикл «Он», переводы сонетов У. Шекспира (стихотворения «Родное» и «Дух мира», вырезанные по требованию цензора, вклеены в книгу автографов М. И. Семевского «Знакомые»).

Последние произведения Кускова — философско-публицистические статьи «Наши идеалы. Разговор на палубе» («Русское обозрение». 1893. № 2) и религиозно-этический трактат «Наше место в вечности» (Киев, 1907, б. п.; «Это плод мыслей его за всю его долгую, почтенную жизнь и... его любимейшее дитя», — писал сын Кускова в янв. 1908 Буренину). Они ориентированы на почвеннические идеи Достоевского.

Соч.: Стихотворения // Поэты 1860-х. 3-е изд., Л., 1968.

Л

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ, летописный свод XIV в., памятник древнерусской литературы и общественной мысли. Летопись сохранилась в единственном списке, выполненном в 1377 на пергамене по заказу Суздальско-нижегородского вел. кн. Дмитрия Константиновича (тестя Дмитрия Донского). Название получила по имени переписчика — монаха Лаврентия. Летопись доводит повествование до 1305 и представляет собой копию со свода, созданного в н. XIV в. при дворе Владимирского вел. кн. Михаила Ярославича Тверского — племянника Александра Невского. Текст летописи распадается на 3 части. Вначале читается «*Повесть временных лет*», охватывающая время от Всемирного потопа до 1110, далее следует рассказ преимущественно о событиях в Южной Руси, а с сер. XII в. действие переносится в Северо-Восточную Русь. Эта последняя часть, охватывающая полтора столетия, включает в себя крупные фрагменты летописания Ростова и Владимира, а также известия, происходящие

из др. городов. В составе летописи сохранился уникальный памятник древнерусской литературы — «*Поучение*» *Владимира Мономаха*. Лаврентьевская летопись опубликована в 1-м томе «*Полного собрания русских летописей*».

А. Лаушкин

«ЛАГЕРНАЯ ПРОЗА», литературные произведения, созданные бывшими узниками мест заключения.

Лагерная проза — явление уникальное не только в русской, но и в мировой литературе. Она порождена напряженным духовным стремлением осмыслить итоги катастрофических событий, совершившихся в стране на протяжении XX столетия. Отсюда и тот нравственно-философский потенциал, который заключен в книгах бывших узников ГУЛАГа *И. Солоневича*, *Б. Ширяева*, *О. Волкова*, *А. Солженицына*, *В. Шаламова*, *А. Жигулина*, *Л. Бородин* и др., чей личный творческий опыт позволил им не только запечатлеть ужас гулаговских застенков, но и затронуть «вечные» проблемы человеческого существования.

Естественно, что в своих творческих исканиях представители «лагерной прозы» не могли пройти мимо художественно-философского опыта *Достоевского*, автора «*Записок из Мертвого дома*». Не случайно в книгах *А. Солженицына*, в рассказах *В. Шаламова*, в повестях *Л. Бородин* и др. мы постоянно встречаемся с реминисценциями из *Достоевского*, ссылками на его «*Записки из Мертвого дома*», которые оказываются отправной точкой отсчета в художественном исчислении. В своих размышлениях о человеческой душе, о борьбе добра и зла в ней эти прозаики приходят к тем же выводам, к каким приходил их великий предшественник, утверждавший, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают социалисты.

Безмерная личная боль за трагическую судьбу сотен тысяч крестьян, попавших в ГУЛАГ, пронизывает книгу *О. Волкова* «*Погружение во тьму*», книгу *И. Солоневича* «*Россия в концлагере*», проникнутые состраданием к судьбе народной, что всегда отличало подлинного российского интеллигента. Соприкосновение с чудовищной несправедливостью заставляет авторов этих книг забыть о собственных личных обидах и невзгодах, которые начинают казаться мелкими и нестоящими перед лицом избитого в кровь тюремщиками крестьянина. «*Положение интеллигенции*, — пишет Солоневич в своей книге «*Россия в концлагере*», — по сравнению с этим океаном буквально неизмеримых страданий многомиллионного и действительно многострадального русского мужика — ерунда. И перед лицом этого

океана как-то неловко, как-то язык не поворачивается говорить о себе, о своих лишениях: все это булавочные уколы. А мужика бьют по черепу дубьём».

Размышляя о виновниках, повергших страну в пучину ужасов и страха, О. Волков, И. Солоневич вспоминают тех бесчисленных политэмигрантов, которые начали слетаться в Россию после революции, чтобы приняться за устройство ее судьбы. Этим самонадеянным людям даже не посещало сомнение в собственной пригодности для такого дела, не смущало их полное незнание России и народной жизни. Сила их, по словам О. Волкова, заключалась лишь в готовности бесовски экспериментировать на живых людях, в беспринципности, всегда свойственной ограниченными доктринами, лишенным нравственных критериев.

Обрекая на мучения и гибель ни в чем не повинных тружеников, эти «экспериментаторы» не предполагали, что им самим в скором времени предстоит попасть под жернова, ими же приведенные в движение и уничтожившие тысячи безвинных жертв.

Особое внимание в «лагерной прозе» уделяется той категории узников, которая возникла в XX в. и которую обычно называют урками, уркаганами, блатарями. Полемизируя с идеей их нравственного возрождения, В. Шаламов заявляет, что эта категория блатарей не просто утратила человеческий облик, она — антисоциальна по своей природе: «Вор-блатарь стоит вне человеческой морали». Хулиганство, по словам Шаламова, слишком невинное, слишком целомудренное дело для вора: «Вор развлекается по-другому. Убить кого-нибудь, распороть ему брюхо, выпустить кишки и кишками этими удавить другую жертву — вот это по-воровски... Бригадиров в лагерях убивали немало, но перепилить шею живого человека поперечной двуручной пилой — на такую мрачную изобретательность могу быть способен только блатарский, не человеческий мозг. Самое мерзкое хулиганство выглядит по сравнению с рядовым развлечением блатаря — невинной детской шуткой».

Законы блатного мира, его нечеловеческая мораль отравляют своим «зловонным» дыханием молодежь — в этом видит Шаламов одну из грозных опасностей, которую несет с собой эта антисоциальная категория блатарей, не способная к «перековке». Она способна лишь существовать в способах и средствах растления подрастающего поколения. С едкой иронией отзывается Шаламов о современной ему беллетристике — «Аристократах» Погодина, «Дневнике следователя» Шейнина, — которая «вместо того, чтобы развенчивать уголовщину, романтизировала ее».

К аналогичным выводам приходит и Солженицын, который так же категорично утверждает, что ни о каком исправлении человека в лагере не могло быть и речи: ничего, кроме усвоения воровской морали и жестоких лагерных нравов как общего закона жизни. Но самое страшное в блатных, по словам Солженицына, это осквернение ими всего того, что для нас представляет естественный круг человечности: «Абсолютная бесчеловечность, точнее сатанинская античеловечность, ярко выразилась в их афоризмах: “Сдохни ты сегодня, а я — завтра”, “Чем больше делаешь людям гадостей, тем больше тебя уважают”, “Пусть трактор работает, он железный”» и т. д. и т. п.

Растлевающая сила блатного мира, утверждают представители «лагерной прозы», распространилась на многие сферы жизни, проявилась и в жаргонных выражениях, в манерах, в поведении свободных людей, никогда не сидевших в лагерях, и даже ребятня, не слышавшая о Колыме и Магадане, шеголяет блатными словечками: фраер, фикса, ксива, пахан, шмон, шестерка, филонить, курочить и пр.

Растлевающая сила блатного мира проявилась и в высокомерном и презрительном отношении к сельскохозяйственному труду как уделу «фраеров», «быдла» и т. п. Именно под ее могучим напором отодвинулся в тень, на задний план человек труда, в течение долгого времени старавшийся противостоять бесовской нечисти, сохранить свою совесть и порядочность.

Значение «лагерной прозы» определяется тем, что она позволяет глубже осознать процессы, происходящие в современной действительности, ту «сатанизацию», которая захватывает мир. Знакомство с «лагерной прозой» убеждает, как неисчерпаемы психологические глубины человека, способного не только на духовный взлет, но и на разнообразные формы морального падения. При всем эстетическом разнообразии и стилиевой разноплановости «лагерная проза» пронизана мыслью, что в кровавых событиях XX в. виновен и сам человек, оказавшийся не столь совершенным, как мы предполагали, провозглашая: «Человек! Это великолепно! Это звучит гордо!»

Наряду с этим в «лагерной прозе» встречаются и др. заключенные, сумевшие в нечеловеческих условиях сохранить мужество, достоинство и человечность. К их числу принадлежит герой одного из «непридуманных» рассказов Л. Разгона эск по фамилии Рошакowski. Выходец из старинной дворянской семьи, убежденный монархист и государственный, он воспринимал все происходящее в России после революции в связи с восстановлением русской государственности. «Вам, евреям, — говорит он рассказчику, — уже давно позабывшим о собственном государстве, этого не понять! Вы заняты вещами благородными и красивыми: философией, искусством... А государство — оно может быть только национальным, и делается такое государство не поэтами и музыкантами, а холодными, железными людьми... Наши дворяне, да и капиталисты — прохлопали они Россию... Мировая революция — сказка для недоразвитых голов... Без самодержавия не обойтись. Но и тут русский интеллигент не может, чтобы не возжелать своей интеллигентской мечты: и чтобы русское государство было, да на западный манер — с партиями да парламентом... И чтобы самодержавие управляло Россией, но вполне цивилизованно с оглядкой на газетчиков в Лондоне и Париже... А одной задницей сидеть на троне и парламентской скамье — невозможно».

К вопросу об инстинкте державности возвращаются и И. Солоневич, и Д. Андреев. Первый в своей книге «Народная монархия» утверждает, что доминанта русской души заключается в государственном инстинкте, в умении уживаться с др. народностями на основах равноправия и справедливости, что позволило русскому народу создать империю, в которой мирно соседствовали самые различные этносы.

Бесспорный нравственно-философский потенциал «лагерной прозы» предопределен страстным желанием осмыслить личный трагический опыт пребывания в ГУЛАГе и связь этого опыта с судьбой России XX в. Примечательна в этом отношении написанная в лагере книга Д. Андреева «Роза мира», в которой автор также приходит к выводу, что идея государственности вошла в нашу плоть, культуру, что государство всегда цементировало общество на принципе насилия, ибо уровень нравственного развития человека, необходимый, чтобы цементировать общество на каком-либо др. принципе, никогда не был достигнут: «Государство до сих пор остается единственным испытанным средством против социального хаоса».

Задача, по словам Д. Андреева, в том, чтобы рассматривать социальные преобразования не как нечто внешнее, заранее

обреченное на неудачу, но «ставить их в неразрывную связь с совершенствованием внутреннего мира человека». Вот почему необходимо, чтобы во главе общественного устройства стояли достойнейшие праведники, ибо праведность есть «высшая ступень нравственного развития человека».

В повести Л. Бородина «Правила игры» перед нами уже не ежовско-бериевский застеночек, но современный, так сказать, гуманно-модернизированный исправительный лагерь, где не пытаются и не расстреливают.

Два главных героя повести Юрий Плотников и его друг Моисеев, как и положено классическим русским мальчикам, пытаются осмыслить судьбы русской нации в контексте «еврейского» вопроса. Примечателен в этом отношении один из их диалогов:

— Вместе со Свердловым и с Урицким революцию делал какой-нибудь Ванька Манькин. Но Ванька землю хотел иметь, чтобы хлеб сеять, Свердлов — власти хотел! Есть разница? Манькины, кто активно в революции участвовали ради земли, раскулачились и на севере подошли, а Свердлов евреям дорогу проложил к пультам. А начинали одинаково, с листовок да речей...

— Откуда ты знаешь, чего хотел Свердлов?.. Ну пусть не Свердлов, а другой какой-нибудь еврей, может быть, хотел, чтобы в России всем лучше было, а не только евреям.

— Может быть, такой еврей и был, и даже наврное был. Только когда власть они взяли, то Россию кромсать начали. По поговорке: «Сначала твое съедим, потом каждый свое». Сначала русскую религию — в землю, крестьянина — на север, культуру — в костер, традиции — на свалку, а потом и расцветом равноправно!.. Русский народ хотел землю. Получил он ее? Евреи хотели равноправия. Получили? Да если бы Россия тогда не планировалась как земля обетованная, да разве она выстояла бы в чужом окружении? Но прогрессивное человечество ее бед не замечало, потому что евреям в ней было хорошо. Сейчас не стреляют, не пытаются, и в лагерях сотни, а не миллионы, а сколько гнева благородного! Почему? Потому что и евреям стало неуютно. Десять михоэлсов оказались значимее десяти миллионов русских крестьян!

— Значит, во всем евреям виноваты! И что? Драться теперь с ними? Как Гитлер?

— Я знаю одно, — уже не так уверенно продолжал Моисеев, — нужно понять, чего хотят евреи... Если мы это поймем, то, по крайней мере, будем знать, чего нам не нужно хотеть. Если они сегодня за демократию, значит, это наша погибель. Если они завтра побегут в православие, значит, с нашим православием не все в порядке... А наша сегодняшняя история — это история еврейской идеи на русском материале. Мы чужую национальную идею проверяем своей шкурой!

Когда в ответ на это Плотников заявляет, что аргументы Моисеева не убедили его, он ссылается на автора «Братьев Карамазовых»:

— Но я читал Достоевского. Ведь Смердяков не еврей, и Иван Карамазов не еврей. А трагедия человеческая не столько вовне, сколько в душе человека. В ней и добро, и зло.

Предвосхищая дальнейшее развитие этой идеи, собеседник главного героя повести возражает не без иронии:

— Давай будем колупаться в своих душах, самоусовершенствоваться, самобичеваться, только имей в виду, Осинский этим заниматься не будет. Он к тому времени новый проект мирового счастья сочинит, проверит его на ЭВМ и шархнет по твоей каюшейся голове новыми социальными логарифмами. А ты что понимаешь в логарифмах? То же, что и в русской истории. Тебе ведь некогда этим заниматься, ты душу спасаешь! До России ли тебе?

Нетрудно заметить, что в последних словах героя ковертная для русской культуры и Православия идея духовно-нравственного совершенствования отвергается. Причем отвергается по тем же самым причинам, что и в известной статье Ленина, который, говоря о *Толстом*, утверждал, что негоже толковать о самоусовершенствовании, когда на самостеке дня стоит вопрос о захвате власти, свержении самодержавия, установлении диктатуры пролетариата. Иными словами, то же самое стремление достичь совершенных форм Бытия чисто механическими изменениями, путем перестройки экономических и политических структур вне связи с внутренним миром человека.

Спору нет, если в дом забрались грабители или в доме случился пожар, нелепо толковать о нравственном совершенствовании и бессмертии души. Однако, спасая имущество и даже саму жизнь, нельзя забывать, что и то и другое не самоцель. Жизнь и имущество обретают смысл при наличии высших целей Бытия.

В романе И. Головкиной (Римской-Корсаковой) «Побежденные» примечательна финальная сцена: конвойной Косым в одном из сибирских концлагерей пригласилась русская девушка с золотистыми волосами Леля Нелидова. Внучка сенатора, получившая блестящее воспитание, тонкая и целомудренная натура, она оказалась одной из безвинных жертв пресловутой 58-й статьи. Ни болезненная изможденность, ни лагерная роба не могли скрыть ее внутренней интеллигентности и целомудрия. Не мог не заметить этого и охранник Косым. Глядя на нее в упор масляными, похожими на чернослив глазами, он повторял: «Карош русский дэвушка... Русский дэвушка такой гладкий... Нэ бойся, дэвушка, Косыма... Косым тэбя полюбил. Будут тэбэ и хлэб и дэньги, коли приголубишь Косыма». Возможность сожительствовать с охранником означала для узницы более легкую работу, лишний кусок хлеба и послабление со стороны конвоя. Иными словами, представлялась возможность физически выжить в нечеловеческих условиях Гулага.

Ясно сознавая, что отказ от сожительства равносителен смерти, Леля выбирает последнее. По дороге на трелевочные работы, она выбегает из строя и бросается к лесу, имитируя побег. И тут же падает, сраженная пулей Косыма, поклявшегося отомстить в случае ее отказа.

Подобный трагический финал символичен. Погибает приговоренный к расстрелу князь Олег Дашков, воплощавший в романе аристократическую рыцарственность и благородство. Замерзает в лесу по дороге в отделение НКВД его жена, талантливая пианистка и заботливая мать двух малолетних детей Ася, олицетворение душевной красоты и утонченности. Обречен по сути и честный партизанин, бывший красный партизан, возлюбленный Лели Вячеслав Конопляников.

Роман И. Головкиной — это трагическая сага не только о гибели дворянской аристократии, но и о гибели Святой Руси, той самой, в которой, по словам *И. А. Ильина*, «живет глубокая никогда не истощающаяся жажда праведности, мечта о совершенстве, вздох о Божием».

В письме к И. П. Сиротинской Шаламов называет Достоевского одним из великих пророков, который еще в прошлом столетии предупреждал о грядущих испытаниях — кровавых трагедиях XX в.: «Запад изучал Россию именно по Достоевскому, и потому готов был встретить всякие сюрпризы, поверить любому пророчеству и предсказанию. И когда шигалевщина приняла резкие формы, Запад поторопился отгородиться от нас барьером из атомных бомб...» Заявляя, что после двух мировых войн, революций, Колы-

мы, Освенцима и Хиросимы читатель не может удовлетвориться старой русской прозой, Шаламов ставит перед собой задачу создания «новой прозы», более отвечающей духу времени. Эта «новая» проза, по его словам, должна сочетать документальную достоверность с эмоциональной убедительностью: «Документальная проза будущего и есть эмоционально окрашенный, окрашенный душой и кровью мемуарный документ, где все — документ и в то же время представляет эмоциональную прозу... Все, что не выходит за документ, уже не является реализмом, а является ложью, мифом, фантомом, муляжом».

К этой «новой» прозе писатель относит и свои колымские рассказы, которые, по его словам, являются «не документальной прозой, а прозой пережитой, как документ, без искажений “Записок из Мертвого дома”». Книгу Достоевского Шаламов признает за изначальную точку отсчета, от которой отталкивается в своем творчестве: «Мои рассказы — своеобразные очерки, но не очерки типа “Записок из Мертвого дома”, а с более авторским лицом... Рассказы — это моя душа, моя точка зрения, сугубо личная, то есть единственная». Говоря о том, что на свете есть тысяча правд, а в искусстве одна правда — талант художника, писатель подчеркивает, что именно поэтому «мы прислушиваемся к пророчествам Достоевского».

Классика, как видим, с одной стороны, притягивает автора «Колымских рассказов», а с др. — и отталкивает, и причины отталкивания в новом видении жизни, порожденном личным трагическим опытом.

Ю. Сохряков

«ЛАД», произведение русского писателя *В. И. Белова*, посвященное русской народной эстетике, своего рода словарь народного быта. Впервые опубликовано в 1982. Лад в народной жизни — стремление к совершенству, целесообразности, простоте и красоте в жизненном укладе, труде и быте. На конкретных примерах жизни русского народа Белов раскрывает красоту, мудрость и глубину народных представлений, традиций и обычаев. Столетия гранили и шлифовали жизненный уклад, сформированный еще в пору язычества. Все, что было лишним или громоздким, или не подходившим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, — все это отсеивалось временем. «Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию. Красоту нельзя было отделить от пользы, пользу — от красоты. Мастер назывался художником, художник — мастером. Иными словами, красота находилась в растворенном, а не в кристаллическом, как теперь, состоянии» (В. И. Белов).

ЛАДИНСКИЙ Антонин Петрович (19[31].01.1896—4.06.1961), поэт, писатель, переводчик. В 1915 поступил на юридический факультет Петербургского университета, через год был призван в армию, был участником первой мировой и гражданской войн, в 1921 раненый подпоручик Ладинский был эвакуирован с госпиталем в Египет, там прожил 4 года, работал писцом в Международном суде. В 1925 Ладинский переехал во Францию. На правах журналиста объездил многие страны.

Ладинский начинал как поэт, ему принадлежат 5 поэтических сборников, изданных за границей: «Черное и голубое» (1931), «Северное сердце» (1932), «Пять чувств»

(1935), «Стихи о Европе» (1937), «Роза и чума» (1950). Стихи Ладинского связаны с традицией Серебряного века. Ощутимо влияние *акмеизма*. Во многих стихах жизнь представляется поэту «туманным царством», «непрочным, как туман». В них — непреходящие ценности — любовь, женская красота, прелесть и очарование природы («прислушайся к женской красоте и слушай, как шумят деревья мира»). В стихах вырываются реалистические детали, говорящие о нелегкой судьбе поэта: Ладинский вспоминает «об этом беженском и черном хлебе», «о двадцатом страшном веке, когда минуты нет вздохнуть о человеке, послать улыбку вслед». Современная Европа вызывает иронию

Ладинского: «Тут все благополучно до конца, тут дева церковь ждет, а банк — конца». Важную часть литературного наследия Ладинского составляют исторические романы. В 30-е были опубликованы романы «XV легион» (о Риме) и «Голубь над Понтом» (из истории Киевской Руси). Замысел трилогии о Киевской Руси возник в к. 30-х. Тогда был написан роман «Голубь над Понтом» (Таллин, 1938). В путешествии гречанки Анны в Херсонес после взятия города Владимиром Ладинский видит миссию мира. Анна, опозитированная Ладинским — вестник мира, голубь над Понтом. Под названием «Когда пал Херсонес» книга была опубликована на родине писателя в 1959.

Ладинским были написаны ставшие широко известными исторические романы. «Анна Ярославна — королева Франции» (вторая часть трилогии) завершена в Москве. Париж — Москва, 1937—1958 — так Ладинский обозначил время и место создания романа, первая публикация — 1967. Роман «Последний путь Владимира Мономаха» Ладинский не завершил, он был опубликован после его смерти в 1966.

Внимание писателя приковано к переломной эпохе X—XI вв., когда Русское государство выходило на международные просторы, поражая Византию и Европу энергией, напористостью, непохожестью на др. народы («Русская земля! Откуда она родилась? Откуда громоподобная музыка нового мира?»). Романы Ладинского пронизаны горячей любовью к родине. История молодого Русского государства рассмотрена писателем на широком международном фоне. Солидная эрудиция в источниках по средневековой истории и большой изобразительный дар Ладинского способствовали тому, что картина, нарисованная им, предстала в своей исторической достоверности. Ладинский склонен к социальному исследованию действительности. Романы написаны поэтом, они лиричны и романтичны. В романтическом ореоле предстают молодое Русское государство, образы гречанки Анны, Анны Ярославны и др. героев. Писателю важно рассказать о человеческой сущности героев, рассказать об их страданиях и радостях, о красоте мира и зле. Герои Ладинского — люди доброго склада, они повидали мир, обладают немалой эрудицией. Их живой, пылкий ум пытается проникнуть в смысл событий, герои мыслят широкими категориями (просвещенный ромей Ираклий Метафраст, *Владимир Мо-*

номах). Повествование ведется от лица главного персонажа. Воссоздание действительности через призму сознания, ретроспективно восстанавливающего ход событий, становится главным художественным приемом в романе «Последний путь Владимира Мономаха». Воспоминания князя организуют огромный исторический материал, воссоздающий не только жизнь Киевского государства, но и Византии, Германии, Англии.

Соч.: Когда пал Херсонес. Анна Ярославна — королева Франции. Последний путь Владимира Мономаха: Ист. романы. М., 1989; XV легион: Роман, рассказы. М., 1994; Из парижских воспоминаний А. П. Ладинского // Встречи с прошлым. М., 1988.

А. Филатова

ЛАДЫЖЕНСКИЙ Владимир Николаевич (8[20].03.1859—19.01.1932), писатель, поэт, критик, журналист. Родился в с. Секретарка Сердобского у. Саратовской губ. в дворянской семье подпоручика. Мать Ладыженского была религиозна и не раз прибегала за советом и молитвенной помощью к прп. Серафиму Саровскому. В 1870—75 Ладыженский обучался в Училище правоведения в Петербурге. Работал учителем в основанной им сельской школе. С н. 1880-х Ладыженский печатает стихи и рассказы в журналах. В 1890 в Петербурге Ладыженский знакомится с *А. П. Чеховым*, с которым затем поддерживает тесные дружеские отношения.

Первая книга прозы Ладыженского — короткие рассказы и сказки для детей «На пашне» (М., 1893). В дореволюционные годы вышло несколько сборников прозы Ладыженского, основанных на личном опыте автора — земского деятеля, хорошо знакомого с бытом дворян, крестьян, чиновников. Рассказы Ладыженского отличает светлая тональность, художественная проповедь доброты и милосердия.

Сочувствие к обездоленным, защита человечности характерны и для лирики Ладыженского («Стихотворения». М., 1896; «Стихи». СПб., 1908), в которой находили родственность с поэзией *А. Апухтина* и *С. Надсона*. В канун революции Ладыженским написан цикл очерков «Дни и встречи», посвященных общественным деятелям, педагогам, писателям.

В 1919 эмигрировал во Францию, жил в Медоне под Парижем, публикуется в эмигрантских изданиях: «Возрождение», «Современные записки» и др., где выступает с рассказами из быта эмиграции и воспоминаниями о *Лескове*, *Плещееве*, *Найденове*, *Лаврове*, вошедшими впоследствии в сборник «За рубежом» (Белград, 1930). Сотрудничал в журнале «Перезвоны» (Рига), где опубликовал литературно-критические статьи о творчестве *Б. К. Зайцева* («Поэт долга и примирения». 1926. № 26), *Е. Н. Чирикова* (1927. № 29), а также рецензии на книги *Бунина*, *Шмелева* и др.

Соч.: А. С. Пушкин: О жизни и сочинениях. М., 1899; О книгах и сочинителях: В 2 т. М., 1899—1901; Н. А. Некрасов. М., 1902; Кольцов и Никитин. М., 1902; Н. В. Гоголь: О жизни и сочинениях. М., 1902; Из воспоминаний о Чехове. В сумерки // Мир Божий. 1905. № 4; Памяти Чехова // Современный мир. 1914. № 6; Далекие дни. СПб., 1909; Рассказы. СПб., 1912; Дома. СПб., 1913; Церковь и государство в советской России // Современные записки. Париж, 1921. № 4; На острове // Колос: Русские писатели русскому юношеству. Париж, 1928; Н. С. Лесков // Московский журнал. 1995. № 4.

А. Любомудров

ЛАДЫЖЕНСКИЙ Сергей Александрович (псевд. *Булкин*) (7[19].09.1830—25.02[9.03].1877), писатель. Родился в дворянской семье. Окончил Московский университет (1852). Служил чиновником. Начал выступать в печати в 1858, опубликовав в «Журнале охоты» цикл небольших очерков и стилизованных «рассказов простолюдина»: «Из рассказов старого охотника» (1858—59), «Как мы поохотились» (1859), «Мои воспоминания» (1859), «Об охоте за грибами» (1860). С 1860 печатался в издательстве *М. Н. Каткова* (под псевд.).

В н. 60-х выпустил несколько повестей — «Век нынешний и век минувший» (1860); «Барышня и барыня» (1860), «Специалист» (1863) — с обширными детализированными описаниями, изображающими в основном уездный помещичий быт; в них варьировались проблемы взаимоотношения поколений (актуализировавшиеся в связи с реформами 60-х), воспитания, женской эмансипации. Ладыженский пытается деромантизировать, развенчать тип «лишнего человека»; изображая его в традиции *И. С. Тургенева* и *И. А. Гончарова*, стремится усилить отрицательные черты персонажа, показать его аморальность и внутреннюю ничтожность.

Необходимость произведений, раскрывающих сложность внутреннего мира человека, Ладыженский обосновывал в обширной статье «Обличительная литература...» («Московские ведомости». 1862, 19 и 22 июня), носящей, судя по редакционной предисловию, программный для газеты характер и полемически заостренный против очерков *М. Е. Салтыкова-Щедрина* «Литераторы-обыватели», «Наши глуповские дела» и др. Обвиняя «обличителей» в поверхностности, неспособности «положительно развить» ни одной нравственной идеи, Ладыженский доказывал, что «обличительная литература» в силу своей эстетической ограниченности неблагоприятно воздействует на общество.

ЛАДЫЖЕНСКИЙ Павел Алексеевич, поэт н. XIX в. Автор сборников «Басни и сказки» (Кн. 1—2. М., 1816—17) и «Новые басни и сказки» (М., 1817). Произведения Ладыженского краткие по стилю, несколько архаичны по своей сухости: минуя современные тенденции развития жанра (*И. А. Крылов*, *И. И. Дмитриев*, *А. Е. Измайлов*), тяготеют к басням XVIII в.

Вероятно, Ладыженскому принадлежит поэма «Менальк, превращенный в розу» (СПб., 1811), написанная в подражание «Илье Муромцу» *Н. М. Карамзина* («Мерой русской, мерой древности, ...ныне Муромцы / На Руси у нас описаны»).

ЛАЖЕЧНИКОВ Иван Иванович (14[25].09.1790—26.06[8.07].

1869), писатель. Родился в Коломне в богатой купеческой семье. Отца Лажечникова отличала тяга к просвещению, упреченная знакомством с *Н. И. Новиковым*. Получив хорошее домашнее воспитание, Лажечников рано пристрастился к чтению, узнал русскую, затем французскую и немецкую литературу. С 1807 в журналах «*Вестник Европы*», «*Русский вестник*», «*Агая*» появляются сочинения Лажечникова, собранные

позднее в его книге «Первые опыты в прозе и стихах» (М., 1817). По жанрам и по характеру их разработки они принадлежат сентиментальной традиции. При подражательности, художественном несовершенстве уже здесь можно уловить патриотические настроения, определившие впоследствии идейный строй исторических романов Лажечникова.

Увлеченный патриотическим порывом, Лажечников в 1812 бежал из родительского дома и вступил в русскую армию. Участник последнего этапа Отечественной войны и европейских походов 1813—14 и 1815, он наблюдал «деяния соотечественников», «возвышающие имя и дух русского», быт и нравы Польши, Германии, Франции, прибалтийских земель, сопоставляя виденное с картинами русской жизни. В «Походных записках русского офицера» (1817—18; отд. изд. в 1820) определились интерес Лажечникова к истории, стремление по сходству и контрасту поставить ее в связь с современностью. В к. 1819 Лажечникову, восторженному поклоннику молодого *А. С. Пушкина*, довелось встретиться с поэтом и предотвратить его дуэль с майором Денисевичем, о чем позднее Лажечников рассказал в мемуарном очерке «Знакомство мое с Пушкиным» (опубл. в 1856). После отставки (1819) Лажечников начал службу по Министерству народного просвещения, которую продолжал с перерывами до 1837.

Главным направлением своего творчества Лажечников избирает исторический роман. В отличие от Пушкина и *Н. В. Гоголя* Лажечников находит для своих исторических романов такие моменты прошлого, когда действующим пылкие возвышенные одиночки, а народ, во имя которого они жертвуют собой, играет в событиях страдательную роль. Соответственно любимый герой Лажечникова — лицо вымышленное или историческое, но в любом случае надежденное сложным внутренним миром и исключительной, трагической судьбой. Своих героев Лажечников высоко поднимает над прозой быта, сообщая им символическую масштабность и глубокую поэтическую выразительность.

Первый роман Лажечникова — «Последний Новик» (1831—33). Действие его происходит в годы Северной войны, которую вел имп. Петр I со шведами за выход к Балтийскому морю. Истинному патриоту Лифляндии И. Р. Паткулю ясно, что спасение его многострадальной страны состоит в присоединении к державе Петра. Нравственную победу дела Петра знаменует и судьба главного героя романа. По рождению и воспитанию Владимир предназначен быть врагом юного Петра. После покушения на жизнь царя он бежит на чужбину, со временем осознает историческое значение петровских реформ и полагает целью жизни искупить свою вину перед Россией. Отвергнутый родиной, Владимир тайно служит ей, способствуя, подобно провидению, победам русских войск в Лифляндии. «Последний Новик» принес Лажечникову известность и признание.

Высшее достижение Лажечникова-романиста — «Ледяной дом» (1835). Роман имел шумный успех и упрочил литературную репутацию Лажечникова. На этот раз Лажечников стремился воссоздать события зимы 1739/40, последнего года царствования Анны Иоанновны. Болезнь императрицы, отсутствие прямых наследников престола крайне обострили борьбу при дворе и в правительстве. Сродоточием ее стало у Лажечникова выступление русских патриотов во главе с кабинет-министром *А. П. Волыньским* против засилья иноземцев в лице фаворита императрицы Бирона, по имени которого народ прозвал это бездарное и жестокое царствование бироновщиной. Центральный, сквозной образ романа — ледяной дворец, существовавший на деле, построенный по воле царицы для потешного

придворного праздника шутовской свадьбы. У Лажечникова ледяной дом — символ царствования Анны Иоанновны, он отбрасывает тень на все перипетии политической интриги и романтической истории пылкой любви Волынского к княжне Лелемико. Волынский, пламенный романтик в любви и в политике, — любимый герой Лажечникова. «Это природа чисто русская, это русский барин, русский вельможа старых времен!» Самая гибель Волынского в неравной борьбе стала для Лажечникова источником исторического оптимизма.

Приметы художественного роста Лажечникова отметил в «Ледяном доме» Пушкин. «...Поэзия останется всегда поэзией, и многие странички вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык», — писал поэт автору, упрекнув его, однако, что «истина историческая» им «не соблюдена»: идеализирован Волынский, карикатурно снижен образ Третьяковского. «Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он <Третьяковский> лице мученика. Его донесение Академии <об избииении его Волыньским> трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя». Верный своему романтическому методу, Лажечников не принял упреков поэта, полагая, что «в историческом романе истина всегда должна уступить поэзии, если та мешает этой».

Вдохновленный успехом «Ледяного дома», Лажечников за 3 года создает последний из законченных им исторических романов — «Басурман» (1838). От XVIII в. он исходит здесь в XV столетие, в суровую переломную эпоху, когда Иван III, сокрушая удельные княжества, обновляя и украшая свою столицу, строит могучую державу. Несомненная удача Лажечникова — неоднозначный характер Ивана III. Осторожный и дальновидный политик, умный монарх, неутомимый собиратель земли Русской, добивающийся цели хитростью и силой. С благородной целью содействовать счастью поднимающейся к новой жизни страны приезжают на зов князя в далекую Московию архитектор Аристотель Фиоравенти и лекарь «немчин» Антон. Иван III жалует обоих своею милостью, но подчиняет их замыслы своим нуждам. Романтикам и творцам, этим любимым героям Лажечникова, приходится трудно: Антон и его невеста боярышня Анастасия гибнут жертвой коварства и злобы.

«Басурман» не случайно был последним крупным достижением Лажечникова. С расцветом творчества Гоголя, *М. Ю. Лермонтова*, с выступлением писателей «*натуральной школы*» роль исторического романа 30-х была исчерпана. В новых исторических условиях общественная позиция писателя обнаруживает усиление патриотических тенденций. С 1842 Лажечников снова служит: сначала тверским, затем витебским вице-губернатором, а с 1856 до выхода в отставку (1858) — цензором петербургского цензурного комитета. Он пробует силы в драматургии, пишет трагедии и комедии. Из сочинений Лажечникова-драматурга наиболее известна стихотворная комедия «Опричник» (1843). Задержанная цензурой, она увидела свет лишь в 1859, а впоследствии послужила основой для либретто одноименной оперы П. И. Чайковского. Два последних романа Лажечникова — «Немного лет назад» (1862) и «Внучка панцирного боярина» (1868), где от исторической тематики он обратился к современной.

Соч.: Соч. Посмертное полное издание / Вступ. ст. С. Венгерова. Т. 1—12. Пб.; М., 1883—84; Ледяной дом / Вступ. ст. М. В. Нечкиной; Примеч. Е. М. Шуб. М., 1958; Соч. / Вступ. ст. Н. Н. Петруниной; Примеч. Н. Г. Ильинской. Т. 1—2. М., 1986.

ЛАЗАРЬ БАРАНОВИЧ (к. XVI в.—н. XVII в. или 1620 — 3[13].09.1693), церковный и общественный деятель, малороссийский писатель. Учился в Виленской, Киевской и Калишской коллегиях. Был учителем, с 1650 — ректором Киевской коллегии. С 1657 — Черниговский и Новгород-Северский архиепископ. Способствовал воссоединению Малороссии с Россией. В 1674 открыл типографию в Новгороде-Северском, в 1679 перенес ее в Чернигов. Автор популярных в свое время сборников проповедей «Меч духовный...» (1666) и «Трубы словес проповедных» (1674), а также автор «слов», панегириков, полемических сочинений против католицизма, стихотворений («Lutnia Apollinowa» — «Лютня Аполлона», на польском яз., 1671, и др.). Оставил значительное эпистолярное наследие.

По форме сочинения Барановича отличаются обычными недостатками старой полонизированной западнорусской литературы: искусственностью, отрешенностью от жизни и сухостью. Значение Барановича заключается в том, что он был связующим звеном между разрозненными литературными и научными тружениками, вызывая и направляя их деятельность. В политическом отношении Ба-

ранович старался примирять Москву и Малороссию, склоняя, с одной стороны, малороссов к могущественной Москве, и с др. стороны, Московского царя к сохранению церковных и гражданских привилегий малороссов.

ЛАМАНСКИЙ Владимир Иванович (26.06[8.07].1833—9.11[2.12].1914), историк-славист, геополитик, создатель исторической школы русских славистов, общественный деятель.

Родился в Петербурге в старинной дворянской семье. Закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, был учеником знаменитого слависта *И. И. Срезневского*. Со студенческой скамьи показал себя вдумчивым и строгим исследователем. За сочинение о языке «Русской правды» студент Ламанский получил серебряную медаль («золото» не досталось за критику официально принятой «норманнской теории»). По окончании университета молодой ученый, став формально чиновником губернского правления, много работал в Публичной библиотеке и Государственном архиве, основательно разгребая неизвестные науке летописи и рукописи. В 1859 защитил магистерскую диссертацию «О славянах Малой Азии, Африки и Испании», удостоенную Демидовской премии Академии наук. После триумфальной защиты новоиспеченный магистр два года путешествовал по славянским землям, выучив все славянские языки и заведя знакомства со многими общественными и политическими деятелями славянских народов. Научная карьера Ламанского развивалась успешно. В 1865 он становится доцентом, в 1871 защищает докторскую диссертацию «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», становится профессором по кафедре славянской филологии. Ламанский извлек, опубликовал и прокомментировал много архивных документов, редактировал издание трудов *М. В. Ломоносова*. Помимо Петербургского университета также преподавал в Академии Генерального штаба и Духовной академии. В 1899 становится академиком. Помимо преподавательской деятельности Ламанский активно занимался работой в Русском Географическом обществе как секретарь, а затем председатель этнографического отделения. В 1890 он основал журнал «Живая старина», посвященный историческим и этнографическим исследованиям, который редактировал до 1912. Ламанский был ученым широко профиля, помимо славянской истории и филологии он занимался многими др. историческими проблемами. Напр., в 1884 опубликовал на французском языке книгу «Государственные тайны Венеции» на основании материалов, которые извлек из венецианских архивов.

Однако, как бы ни была велика научная деятельность Ламанского, все же в историю он вошел, прежде всего, как общественный деятель и политический мыслитель. Ламанский был одним из организаторов состоявшегося в Москве в 1867 Славянского съезда. Вместе с генералом А. А. Киреевым он создал Петербургское отделение Славянского комитета, сыгравшего большую роль во время восточного кризиса 70-х XIX в. Не менее важную роль сыграл

Ламанский как публицист русского направления. Парадоксально, но он опубликовал многие острые публицистические статьи в изданиях либерального и даже леворадикального толка. Это объяснялось, впрочем, тем обстоятельством, что Ламанский писал об общеславянских проблемах, которые горячо интересовали читателей и потому левая пресса стремилась привлечь к себе внимание, публикуя Ламанского. Кроме того, искренний патриотизм Ламанского отнюдь не сводился к прославлению существующего порядка вещей, напротив, он с горечью констатировал элементарную историческую безграмотность многих русских людей, считающих себя просвещенными. Мировую известность Ламанскому принесла большая статья в «Отечественных записках» в 1864 «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношении». 1860-е были временем объединения итальянцев и немцев в единые государства после почти тысячелетней раздробленности этих народов. Как филолог, Ламанский обращал особое внимание на то обстоятельство, что у итальянцев и немцев за века раздробленности сложилось множество диалектов, зачастую взаимно не понимаемых. Величайший полиглот в истории кардинал Медзофанти, знавший 114 языков, и то не понимал многие итальянские диалекты. Литературным итальянским языком стал искусственно воссозданный флорентийский диалект XV–XVI вв., на котором в момент объединения Италии говорило всего только ок. 600 тыс. чел. из 27-миллионного населения страны. Но ни языковые, ни религиозные (у немцев) различия не мешали итальянцам и немцам чувствовать себя едиными нациями. Между тем языки даже самых отдаленных друг от друга славянских народов значительно ближе друг к другу, чем итальянские диалекты, а религиозные различия во 2-й пол. XIX в. уже не считались непреодолимым препятствием. Ламанский вслед за словаком Штуром, чехом Гавличком и др. западнославянскими теоретиками панславизма, но первым в России, высказал в этой статье мысль о существовании единого славянского народа. Препятствия на пути общеславянского объединения, по словам Ламанского, это – слабость интеллигенции славянских народов, а также, как самокритично признавал автор, «важные недостатки нашей гражданственности, несознание Россией своего славянского призвания». Ламанский высказал также убеждение в том, что *русский язык* вполне может выполнять роль общеславянского языка, благо более двух третей славян говорит на нем, он был более или менее понятен всем славянам и, наконец, на нем существует значительная, признанная во всем мире литература. Кстати, здесь Ламанский вовсе не демонстрировал русский шовинизм, он лишь повторил идею Л. Штура и др. панславистов о превращении русского языка в общеславянский. Кроме филологических и расово-антропологических фактов, Ламанский рассмотрел и географические обстоятельства. Славяне южные отделены от других славян австрийскими немцами, венграми и румынами. Правда, Ламанский обращал внимание и на более высокий уровень рождаемости у славянских народов, которые даже начали стихийное обратное заселение некогда захваченных у них германцами и мадьярами земель. Во 2-й пол. XIX в. самым крупным городом по числу проживающих там чехов в мире была Вена (200 тыс. из 700-тысячного населения), сербы заселили Воеводину – южную часть Венгрии, которая и поныне в составе Сербии. Поэтому тогда казался оправданным тот оптимизм Ламанского, когда он писал: «Народы славянские, инстинктивно чужа

вред и опасность этих чужих островов в море славянском, издавна старались и стараются прорвать эти массы иноплеменников. В самом деле, пробуждение славянской стихии в Силезии, движение в собственную Австрию словенцев с юга, чехов с севера, словаков с востока, несколько ослабляет клин немецкий, цепь сербских поселений в Венгрии с юга на север, русских и словацких с севера на юг, так сказать, пронизали тело мадьяр в различных направлениях, точно так же, как и тело румын поселения болгарские с юга на север, а русские с севера на юг. Произойдет ли и когда такой великий разлив ручьев славянских, что в полюю воду смоят они все чуждые наносы, затопят немецкие, мадьярские и румынские острова или... дадут им общую славянскую растительность?». Любопытно, что в 1918–19, после распада Австро-Венгрии чехословацкий деятель Т. Масарик выдвигал на Версальской мирной конференции проект создания «Славянского коридора», который бы отделил остатки немецкой Австрии от Венгрии и дал бы прямую сухопутную границу между только что появившимися Чехословакией и Югославией. Но Антанта опасалась панславизма и после крушения Российской Империи, а потому оставила за Австрией населенные словенцами провинции Штирия и Каринтия. Так немецко-венгеро-румынский клин в славянском теле сохранился до сих пор. После этой статьи Ламанский продолжал вести активную научную и общественную деятельность. Так, в 1903 он установил, что «хазарская миссия» *Кирилла и Мефодия* была в сущности «русской миссией», закончившейся крещением Руси, и что русские первыми из славян начали пользоваться кириллицей. Ламанский также серьезно занялся антропологией и геополитикой (такого термина еще не существовало, Ламанский использовал громоздкий термин политикогеография). Одним из самых первых и самых значительных русских геополитических трудов является книга Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Он выделил на этом материке германо-романский, греко-славянский и азиатский «миры культурного человечества», имеющие географические, этнографические и культурные основы самостоятельного бытия. Греко-славянский мир включает не только славянские, но и другие восточно-христианские народы. Граница его проходит от Данцига (ныне Гданьска) на Балтике до Триеста на Адриатическом море, охватывает Восточную Европу и Балканы, Царьград, Малую Азию и часть Сирии. Борьба между мирами неизбежна. Еще в 1870-х Ламанский предсказывал неминуемую войну с германизмом. Наконец, Ламанский вовсе не был деятелем, интересующимся славянством «вообще». Под его руководством этнографический отдел Русского Географического общества провел огромную работу по всестороннему изучению антропологии, языка и диалектов, быта и обычаев русского народа. Уже в н. XX в. Ламанский участвовал в издании (редактором был его ученик В. П. Семенов-Тян-Шанский, сын знаменитого путешественника) многотомного справочника «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (1899–1914), и поныне остающегося непревзойденным образцом научного энциклопедического труда. Необходимо отметить, что, говоря о необходимости объединения славян под эгидой России и о неизбежной борьбе с германизмом, Ламанский вовсе не был апологетом войн, не делил народы на «высшие» и «низшие» расы. «Миродержавная роль нашего славянского племени – не завоевания, а хозяйственно-культурный подъем страны», – считал он. Ламанский умер в нояб. 1914, успев увидеть

окончательное освобождение южных славян от турок в 1912 и начало давно ожидаемой им с тревогой войны с Германией и Австро-Венгрией, успев увидеть первые победы и поражения в этой борьбе.

Соч.: Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях // Отечественные записки. 1864. № 11—12; Чтения о славянской древности в Петербургском Императорском университете. СПб., 1867; Три мира азиатско-европейского материка. 2-е изд. Пг., 1916.

Лит.: Шахматов А. А. Ламанский. Пг., 1914; Семенов-Тянь-Шанский В. П. Ламанский как антропогеограф и политикогеограф. Пг., 1915.

С. Лебедев

ЛАПИН Василий Иннокентьевич (между 1823 и 1827 — 11[23].01.1886), детский писатель, педагог. Родился в Перми. Окончил 2-ю Казанскую гимназию (1843) и Казанский университет (1847).

Первые его книги — сборники «Песенки с музыкой и похвальные стихи на разные случаи, для детей от 6 до 10 лет» (СПб., 1854) и «Рассказы» (Казань, 1854). В 1854—55 появилась сатира на домашнее воспитание — бытовая повесть из провинциальной жизни «Костенька» и трагедия «Взятие Казани» (СПб., 1855); сюжет (покорение Казанского царства Иваном Грозным) и отдельные реплики персонажей заимствованы автором в «Истории государства Российского» *Н. М. Карамзина*.

Писал книжки для народного и детского чтения: «Рассказы из Священной истории Ветхого и Нового Завета» (СПб., 1859), «История России в рассказах для детей» (СПб.; М. 1866, 1868, 1875; 4-е изд., СПб.; М., 1899), совм. с А. Е. Разиным — «Откуда пошла русская земля и как стала быть» ([в.] 1—46, СПб.; М., 1875. Т. 1—3. СПб.; М., 1878—79; [Т. 1—2], СПб.; М., [1904]; [Т. 1]. СПб.; М., 1914; «Русская правда, или Суд в стародавние времена» (СПб., 1880, 1885, 1889, 1894, 1899); «Историческая повесть из времен татарского погрома» (СПб., 1880), «Из времен покорения Сибири» (СПб., 1881, 1882), «Покорение Царства Казанского» (2-е изд., СПб., 1887), которые нашли свой круг читателей благодаря их доходчивости и живому языку.

ЛАРИОНОВ Арсений Васильевич (р. 01.07.1937), писатель, издатель. Родился в д. Цильма Лешуконского р-на Архангельской обл. в крестьянской семье. Окончил МГУ. Перу Ларионова принадлежат романы «Лидина гарь», «Рок», «Раскаянье». В своих произведениях автор концентрирует внимание читателей на психологии поступков и дум персонажей.

С особой силой это выражено в романе «Раскаянье». Автор вторгается в религиозную сферу, монашескую жизнь, исследуя ее с философских позиций. В драматических ситуациях, в конфликте между правдой и ложью, верой и сатанизмом писатель раскрывает сложный духовный мир рядового русского человека в смутные времена «ельцинизма». Персонажи романа, как монастырские старцы, так и обычные православные люди, объединены общей

национальной идеей — неколебимой верой в Россию как носительницу Добра. В романе обращает на себя внимание образный народный русский язык.

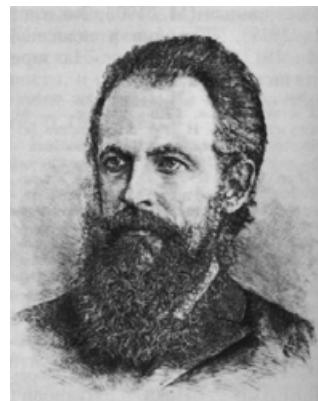
Будучи руководителем издательства «Советский писатель» и гл. редактором журнала «Слово», Ларионов опубликовал немало произведений русских авторов-патриотов, в частности *Ю. Бондарева*, *Л. Леонова*, *В. Сорокина*, *Н. Федя*, *В. Федорова*.

Соч.: Лидина гарь. 4-е изд. М., 1997; Рок. 2-е изд. М., 2002; Заповеди блаженства. 2-е изд. М., 1999; Раскаянье. М., 2000.

И. Ш.

ЛАШЕВСКИЙ Варлаам (светское имя — **Василий**) (ок. 1704—28.07[8.08].1774), писатель и педагог, церковный деятель. В 1726—37 учился в Киевской академии, в 1739—47 преподавал в ней. В 1747 был вызван в Петербург для подготовки и издания Библии (изд. 1751). С 1753 — архимандрит Донского монастыря и ректор Московской академии. Автор школьной драмы-моралите «Трагедокомедия о тщете мира сего» (ок. 1742), содержащей полемические и сатирические элементы. Составил «Греческую грамматику...» (в рус. пер. изд. 1745, 1788), написал ряд «слов» и др. произведений.

ЛЕБЕДЕВ Николай Константинович (псевд. — **Н. Морской**) (25.09[7.10].1846—30.03[11.04].1888), писатель. Родился в Симбирске. В 70—80-х сотрудничал в журнале «Гражданин» и в газете «Новое время», где печатал беллетристику, критические статьи, преимущественно по французской литературе, заметки на общественные темы. В 1884—88 писал фельетоны для газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Первые романы Лебедева — «Аристократия гостиницы двора (1879)» и «Содом» (1881) — получили одобрение *Ф. М. Достоевского*. Симпатии автора к помещному дворянству и критика социалистических учений сочетаются в них с обличением буржуазных порядков, тлетворного влияния власти денег. Заметно приращение душевных переживаний на грани патологии, к натуралистическим сценам. Написал также романы «Бароцейская королева» (1883), «Купленное счастье» (1880), «Сандрильона» (1886), повесть «Моничка» (1890), рассказы «О детях — не для детей» (1883) и др.

ЛЕБЕДЕВ Павел Федорович (р. 13.07.1926), собиратель фронтового фольклора, литературовед. Родился в семье крестьянина в с. Новодольск Суземского р-на Еланьской обл., живет в г. Балашов Саратовской обл. Лебедев нелегкими фронтовыми дорогами прошел от Псковщины до Восточной Померании, был наводчиком, командиром миннометного расчета. За бои под Кенигсбергом награжден орденом Славы III ст. Несмотря на походную жизнь, в противогазной сумке носил толстую тетрадь с поговорками и песнями, которая постоянно пополнялась. После войны еще 7 лет служил в армии, не переставая собирать фронтовой фольклор. В 1956 окончил МГУ, в 1964 защитил кан-

дидатскую диссертацию. Лучшие годы отданы собиранию и исследованию фронтовых и партизанских песен. Собрано и прокомментировано 10 000 песен Великой Отечественной войны, вышло 25 собственных и составленных Лебедевым книг: «Партизанские пословицы и поговорки» (1958), «Пословицы и поговорки Великой Отечественной войны» (1962), «Песни и частушки брянских партизан» (1963), «Песни, звавшие на подвиг» (1978), «Дорогами побед» (1980), «О боях-пожарищах: Сборник фронтовых песен» (1983), «Песни боевых походов» (1986), «Партизанская песня» (1991), «Русское современное афористическое творчество: истоки, традиции, поэтика» (1998), «Русские частушки» (1998), «Русские народные песни» (1999), «Частушки Брянской области» (2001) и мн. др.

А. Баженова

ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ (псевд.; наст. фамилия — **Лебедев**), **Василий Иванович** (27.07[8.08].1898—20.02.1949), поэт. Родился в Москве в семье сапожника. Писал стихи с 13 лет. Печататься начал в 1916. Написал тексты песен к кинокомедиям

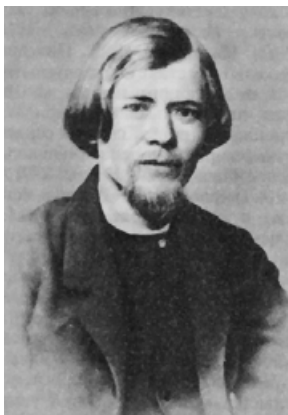

«Веселье ребят» (1934), «Цирк» (1936), «Дети капитана Гранта» (1936), «Волга-Волга» (1937) и др. Песни на слова Лебедева-Кумача, жизнерадостные, полные молодого задора, стали весьма популярными. В годы Великой Отечественной войны Лебедев-Кумач служил в Военно-морском флоте; написал много массовых песен и стихов, звавших русских людей на борьбу с германскими оккупантами («Священная война», 1941;

сб. «Споём, товарищи, споем!», 1941, «Комсомольцы-моряки», 1943, и др.). Лебедев-Кумач — автор стихов для детей («Петина лавка», 1927; «Про умных зверюшек», 1939; «Под красной звездой», 1941). В литературу Лебедев-Кумач вошел как один из создателей массовой песни.

Соч.: Лирика. Сатира. Фельетон. М.; Л., 1939; Стихи и песни. М., 1951; Песни и стихотворения. М., 1960.

ЛЕВИТОВ Александр Иванович (30.08[1.09].1835—4[16].01.1877), писатель. Родился в с. Доброе Лебединского у. Тамбовской губ. в семье дьячка. Ушел из Тамбовской духовной семинарии после учиненной над ним за чтение Гоголя экзекуции. В 1855 принят в Петербургскую медико-хирургическую академию, в 1856 по неустановленным причинам арестован, сослан в Вологду, затем переведен в Шенкурск Архангельской губ. В 1859, по окончании срока ссылки, пешком возвратился в Лебединь, служил домашним учителем. В 1860 перебрался в

Москву, жил в трущобах, влачил нищенское существование. Позднее скитался по России.

Печататься начал в 1861; в журнале «Время» опубликованы «Ярмарочные сцены (Очерки из простонародного быта)». С первых произведений определилась преемственная связь Левитова с традициями «натуральной школы», сблизившая его с *Г. И. Успенским*, *В. А. Слепцовым*. В 1866 совместно с *М. А. Вороновым* издал сборник «Московские норы и трущобы». Главная тема Левитова — трагизм судьбы народных поэтов. В очерковых произведениях «Накануне Христова дня» (1861), «Мирской суд» (1862), «Расправа» (1862), «Сказка и правда» (1872), «Всеядные» (1876) Левитов изображал пореформенную деревню, страдающую от проникновения в нее капиталистических отношений. Левитов трезво оценивал процесс проникновения капитализма в деревню, но с возмущением относился к ее «безмолвию» и с сочувствием ко всякому проявлению протеста: «Выселки (Степные очерки)» (1864), «Бесприютный» (1870). С глубокой скорбью рисовал Левитов в очерках и повестях обитателей трущоб, мелкий городской люд, бесконечный ряд лиц, сокрушенных безвыходным горем своей жизни («Московские нищие на поминках», 1861; «Грачевка», 1862; «Московские «комнаты снебилю»», 1863; «Нравы московских девственных улиц», 1864; «Фигуры и тропы о московской жизни», 1865; и др.), бесчеловечность собственнического мира. В ряде рассказов Левитов обращался к истории деревенской девушки, развращенной городом («Дворянка», «Девичий грешок», 1874). Начатый в 1870 роман «Говорящая обезьяна», в котором Левитов рисовал судьбу погибающего от безумия и запоя молодого художника, остался незаконченным.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—2. М., 1884; Собр. соч. Т. 1—8. СПб., 1911; Соч. Т. 1—2. М.; Л., 1932—33; Соч. М., 1956.

ЛЕВИЦКИЙ Иван Емельянович, галицкий писатель. Участвовал в периодических изданиях т. н. «москалефилской» прессы («Пролом», «Слово», «Бескид», «Наука»). Под псевд. Иван з Берліг написал по-малороссийски ряд книжек для народного чтения, выходивших в серии: «Видавництво народне у Львові»; таковы: «Два образки с жата для науки селянам», «За віру і отчину», «Під зборовом», «При будь разум, шасте буде», «Провидіне Боже» (все в 1884). Писал также для детей и составил несколько календарей. Главный его труд: «Галицко-русская бібліографія XIX ст. с увзгляненіем руских изданій в Угорщине и Буковине».

ЛЕВИЦКИЙ Орест Иванович (13[25].12.1848—9.05.1922), историк и писатель. Родился в с. Маячны Полтавской губ. Окончил Киевский университет (1874). С 1919 — академик и вице-президент АН УССР. Известны его исторические повести и рассказы: «Ганна Монтовт» (1888), «Богдан Хмельницкий» (1889), «Волынские рассказы» («Волинські оповідання», 1914), «Неожиданный брак» («Несподіваний шлюб», 1916) и др. Литературные произведения писал под псевд. *Л. Орленко*, *И. Беркут*, *Левко Маяченко* и др. Автор исторических трудов: «Очерк внутренней истории Малороссии во 2-й пол. XVII века», вып. 1, 1875), «Очерки древнего быта Волины и Украины» («Нариси стародавнього побуту Волини і України», 1891). Труды его ценны богатством фактическим материалом.

Соч.: Историчні оповідання / Вступ. ст. И. Черкаського. [Харьков], 1930.

«ЛЕГЕНДА О ГРАДЕ КИТЕЖЕ», памятник древнерусской литературы. «Легенда о граде Китеже» была очень популярным сюжетом в отечественной литературе, особо почитаемым в среде старообрядцев, — именно в старообрядческой «Книге, глаголемой летописец» до нас дошел наиболее древний вариант этой легенды. В своем окончательном виде «Книга, глаголемая летописец» сложилась в XVIII в., хотя корни ее восходят к веку XIII.

Сама «Книга» состоит из двух частей. В первой части повествуется о вел. князе Владимирском и Суздальском Георгии (Юрии) Всеволодовиче (1188—1238), который погиб во время битвы с войсками Батя на р. Сити (позднее он был причислен к лику святых). По легендарной версии, именно кн. Георгий княжил в Малом Китеже на Волге и основал Большой Китеж близ оз. Светлояр. Во время нашествия Батя Георгий сначала укрывался в Малом Китеже, а затем перешел в Большой Китеж. Здесь князь был убит, а город разорен. И тогда Большой Китеж стал невидим и исчез.

Интересно, что легендарные сведения имеют под собой вполне историческую основу. С 1216 по 1219, еще до занятия великокняжеского стола, Георгий Всеволодович и вправду был удельным князем в землях, где располагался Малый Китеж. А в 1237 кн. Георгий укрывался от татар в Ярославских землях, в пределах которых и находились оба города, Большой и Малый Китеж, и где состоялась проигранная русскими битва.

Вторая часть — «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже» — это легендарное повествование об исчезнувшем Большом Китеже, лишенное уже всякого исторического фона. По своей форме это повествование принадлежит к типу апокрифических памятников, рассказывающих о «земном рае».

Невидимый Китеж — это место, которое Господь «сокрыл» от «гибели» во время Батыева нашествия. Именно в Китеже покоренная татарами и «погибшая» Русь все же сохранила свою святость и свою красоту, укрыв, по Божией воле, и то и др. в «сокровенном» граде. «И сей град Большой Китеж невидим бысть и покровен рукою Божию», — говорится в легенде.

Однако образ града Китежа приобрел в сознании древнерусских людей гораздо более широкое значение — он превратился в символ русской святости вообще. Видимо, и не могло быть иначе. Ведь если татаро-монгольское нашествие рассматривалось как Божья кара за грехи русского народа, то, следовательно, русская святость должна быть укрыта не только от иноземных захватчиков, но и от русской же греховности.

Поэтому и утверждается в легенде, что град Китеж никогда не будет доступен людям гордым, корыстным, развратным, лживым. Более того, по причине извечной греховности человека, град останется невидим до конца земной истории: «И не видим будет Большой Китеж даже и до пришествия Христова».

И тем не менее град Китеж открывает свои врата — для тех немногих, кто хочет и желает спастись всем сердцем, кто «никакова помысла» не имеет «лукава и развращенна, и мятущего ум и отвоядшаго в места одного мысли человека того хотящаго итти». Поэтому в невидимом граде пребывают лишь праведники, гонимые злым миром, но собравшиеся в одном месте в ожидании Второго Пришествия Христа. Праведники молятся за всех искренне жаждающих спасения и приемлют всякого, кто достоин избранного пути: «Молят же ся и о хотящих спастися истинным сердцем, а не ложнымъ обещанием. И хотящим спастися и молитися, который человек обратитися к ним и аще кто

откуда обратился, такового приемлет с радостию, яко от Бога наставляема».

Итак, невидимый град Китеж — это символ русской святости, образ «земного рая», в который может попасть каждый человек, всем сердцем верующий в Бога и жаждающий спасения души. И в этом смысле «Легенда о граде Китеже» отразила и выразила очень важную черту как русского самосознания вообще, так и русской религиозно-философской мысли — мечту о рае на земле, желание устроить Царство Небесное уже в земной жизни.

С. Перевезенцев

ЛЕЙКИН Николай Александрович (7[19].12.1841—6[19].01.1906), писатель и журналист. Родился в Петербурге в купеческой семье. Учился в Петербургском немецком реформатском училище. Печататься начал в 1860. Сотрудничал в журналах «Библиотека для чтения», «Современник», «Отечественные записки», «Искра». Большое влияние на творчество Лейкина оказали братья В. С. и Н. С. Курочкины. С н. 70-х Лейкин — сотрудник «Петербургской газеты». С 1882 до 1905 — редактор-издатель юмористического журнала «Осколки», к участию в котором привлек многих бывших сотрудников «Искры» — В. В. Билибина (И. Грек), Л. И. Пальмина, Л. Н. Трефолева и др. Основная тема многочисленных романов, повестей, пьес, нескольких тысяч рассказов, очерков, сенок Лейкина — нравы петербургского купечества. Основной жанр Лейкина — сценки. Даже его романы («Стукун и Хрустальников», 1886, «Сатир и нимфа», 1888, и др.) представляют собой ряд сцен, связанных единством лиц и фабулы. Лейкин привлек в «Осколки» А. П. Чехова, который под псевд. «Антоша Чехонте» в течение 5 лет (1882—87) опубликовал здесь более 200 рассказов. «Осколки» были для Чехова, по его выражению, литературной «купелью», а Лейкин — его «крестным батюшкой», по совету которого он начал писать «коротенькие рассказы-сценки».

Соч.: Неувядающие россияне. СПб., 1879; Саврасы без узды. СПб., 1880; Наши забавники. 2-е изд. СПб., 1881; Цветы лазоревые. СПб., 1885; Под южными небесами. 6-е изд. СПб., 1903; Апраксинцы. 4-е изд. СПб., 1904; Наши за границей. 26-е изд., СПб., 1907; Сватовство профессора. 5-е изд. СПб., 1911; Где апельсины зреют. 18-е изд. СПб., 1913; Шуты гороховые. М.; Л., 1927.

ЛЕНКЕВИЧ Федор Иванович (н. 1780-х — не позднее 10[22].12.1810), поэт, переводчик. В н. 1800-х учился в Московском университете на юридическом факультете.

В своем оригинальном творчестве — *одах*, стихах, речах — Ленкевич культивирует архаичную по стилю духовную оду, ориентированную на державинскую традицию, экспериментируя со строфическими формами; ее философской основой является распространенное в XVIII в. учение о теодицее. Место и бытие человека мыслятся в границах строгого и соразмерного мироздания, в цепи существ «от атома до Серафима», Вселенная предстает как Божий храм, идеал гармонии и упорядоченной иерархичности — «велепие миров» («Феодицея», «Гимн Богу» — «Цветник», 1809, ч. 1). Отсюда предельная обобщенность и космическая масштабность образов («К другу моему на Новый год» — «Новости русской литературы», 1802, ч. 1; «К благотворительности» — «Любитель словесности», 1806, ч. 3). Говоря о неустрашимости борьбы «двух духов» Вселенной — добра и зла — и веря в торжество первого, Ленкевич, однако, не освобождает человека от действительного участия в этой борьбе («Два Зороастрова гения» — там же, 1806, ч. 4). В одических стихах «Феодицея» (там же, 1806, ч. 2) он, в духе

просветительского мировоззрения, прямо наделяет человека свободой нравственного выбора: «Но есть на свете человек — / И зло на свете существует, / Но есть на свете человек — / И существует добродетель... Ключ ада и рая... у нас».

ЛЕОНИД (в миру **Лев Александрович Кавелин**) (20.02[4.03].1822 по др. сведениям — 19.02[3.03] или 22.02[6.03]. 1822—22.10[3.11].1891), архимандрит; историк, археограф-славист, библиограф, переводчик, автор стихов, мемуарной и очерковой прозы. Родился в с. Спас-Волженское Вяземского у. Смоленской губ. Из 4-го класса Калужской гимназии определился

в 1-й Московский кадетский корпус (1835—40), о котором оставил теплые воспоминания в своем очерке о преподавателях «В. Ф. Святловский и А. П. Хрушов» (опубл.: «Русский архив». 1878. Кн. 3). «За отличные успехи» выпущен офицером в лейб-гвардии Волынский полк, где прослужил 12 лет.

Первое литературное выступление — очерк о военных маневрах, посвященных юбилею Бородинского сражения, «Письмо из Бородина» («Журнал для

чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1839. № 81); тогда же сочинил стихотворение «Бородинское поле» (опубл.: «Маяк». 1845. Кн. 38). В 1843—46 сблизился с С. А. Бурачком и А. П. Башуцким, сотрудничал в журналах «Маяк» и «Иллюстрация», публикуя проникнутые христианским благочестием, но не отмеченные оригинальным дарованием стихи (в т. ч. «Скорбной матери на смерть ее сына» — «Маяк». 1845. Кн. 41), прозу, в которой общий нравочувствительный пафос ослабляет сюжетное начало (в т. ч. «Предчувствие. Рассказ доктора» — Там же. Кн. 44), переводы, преимущественно с польского (в т. ч. «Вилия» — отрывок из поэмы «Конрад Валленрод» А. Мицкевича («Иллюстрация». 1846. № 17); «Душа в чашотке. Отрывок из записок доктора» («Маяк». 1844. Кн. 33 и 34, с подзаголовком «Записки Карла Козенице»); назидательный рассказ-перелдка «Езоп и Рафаэль. Воспоминания юности» («Маяк». 1845. Кн. 43), очерки («Очерки Ораниенбаума» — «Иллюстрация». 1845. № 15), воспоминания («Отрывок из дневника закавказского офицера. Дербент» — «Маяк». 1845. Кн. 37), литературно-биографическое исследование «А. Е. Измайлов» («Иллюстрация». 1846. № 17, 18). В 1847 опубликовал очерк об известном святостью монастыре *Оптина Пустынь*, которую знал с детства: «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни...» (ч. 1—2. СПб.; 4-е изд. М., 1885). В одобрителной рецензии М. П. Погодин отметил, что описание очень подробно и «все источники... употреблены в дело рукою искусною» («Москвитянин». 1848. № 4).

Испытав в разные годы духовное влияние *Игнатия (Брянчанинова)*, старца Макария Оптинского (позже о нем написал книгу «Сказание о жизни и подвигах... старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Макария». М., 1861), а также *И. В. Киреевского*, в 1852 оставил армию и стал послушником Оптиной Пустыни; в 1857 пострижен в монахи с именем Леонида. В 1857—59 член Иерусалимской православной миссии; с 1863 архимандрит, начальник Российской духовной миссии в Иерусалиме; свои впечатления

изложил в ряде очерков (в т. ч. «Старый Иерусалим и его окрестности» — «Душеполезное чтение». 1870. № 1—12; 1871. № 1, 3—6, 9—12; отд. изд. — М., 1873; др. очерки — «Душеполезное чтение». 1870—73). В 1865 переведен настоятелем посольской церкви в Константинополе, где познакомился с *К. Н. Леонтьевым*. Неоднократно ездил на Балканы в славянские земли, работал в южнославянских древлехранилищах. В 1867 сопровождал вел. кн. Алексея Александровича на Афон для исторического объяснения тамошних святынь. С 1869 настоятель Воскресенского ставропигиального монастыря (иначе называемого Новым Иерусалимом); будучи знатоком палестинских, византийских, славянских и русских древностей, возобновил архитектурный ансамбль монастыря в первоначальном виде (XVII в.); составил его «Историческое описание...» (М., 1886, 1894).

Учено-литературная деятельность архим. Леонида чрезвычайно обширна и разнообразна: изыскания в области славяно-русской древней письменности, в т. ч. «О родине и происхождении глаголицы и об ее отношении к кириллице» (СПб., 1891), исследования о древнерусских писателях, в т. ч. «Дьякон Луговской, по Татишеву писатель XVII в. и его соч. "О суде над патриархом Никоном"» (СПб., 1885), «Благовещенский иерей Сильвестр и его писания» (ЧОИДР. 1874. Кн. 1; начата Д. П. Голохвастовым; Толстой писал архим. Леониду: «Очень много благодарен Вам за столь любопытное и прекрасное исследование о Сильвестре» [авторе «Домостроя»] — LXII, 161), публикации (с исследовательским вступлением) ценных памятников древней славянской и русской словесности, в т. ч. «Житие и чудеса Св. Николая Мирликийского и Похвала ему» (СПб., 1881), «Житие преподобного Власия Мниха. Памятник словено-болгарской письменности IX в.» (СПб., 1887) и «Два памятника древнерусской киевской письменности XI и XII в.», подробные исторические описания многих монастырей, в т. ч. «Абхазия и в ней Ново-Афонский... монастырь» (Ч. 1—2. М., 1885).

Архим. Леонид известен как видный библиограф: описание многих частных и монастырских библиотек; «основательная, ставшая уже классической» книга по русской агиографии «Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII в.)...» (СПб., 1891); капитальный труд «Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова» (Ч. 1—4. М., 1893—94).

Ист.: о. Афанасий (Гумеров). Леонид Кавелин // Русские писатели 1800—1917. Т. 3. М., 1994. С. 320—321.

ЛЕОНОВ Леонид Максимович (19[31].05.1899—8.08.1994), писатель, драматург, публицист. Леонов родился в семье известного поэта-суриковца Максима Горемыки. Детство Леонова прошло в Москве, в Зарядье, в купеческой лавке деда — Леона Леоновича Леонова, который привил мальчику любовь к древнерусской и духовной литературе. Лето Леонов проводил в с. Полухино Тарусского у. Калужской губ. Окончил Петровско-Мясницкое городское училище (1909), 3-ю Московскую гимназию (1918). Гимназистом Леонов в каникулы выезжал в Архангельск. В 1915 появилось в печати первое стихотворение Леонова, а позднее заметки об общественной жизни, театральные и художественные рецензии. Ранние стихи Леонова, по его собственному признанию, «детски меняющийся голос, первая проба голоса, настройка лиры», были связаны с народнической и символистской эстетикой, во многом подражательны. В гимназические годы Леонов пишет сказку «Царь и Афоня», рассказ «Валина кукла». После

окончания гимназии уезжает к отцу в Архангельск, работает в газетах «Северное утро», «Северный день», знакомится с художником С. Писаховым, писателем Б. Шергиным. Встречи с «поэтами севера» открыли перед Леоновым мир русских преданий, нетронутой девственной природы, исконной былинной Руси с ее поэзией и символикой.

Роман «Барсуки» (1924) вывел Леонова в первый ряд молодых русских прозаиков. Созданный по классическим законам романного жанра, он был посвящен острейшей теме современности — крестьянскому мятежу в деревне против советской власти (1920—21). Истоки этого мятежа Леонов видел не только в репрессиях власти, увеличившей продрозверстку до огромных размеров, но и в исторической неприязни деревни к городу, своих внутренних деревенских противоречиях, спорах о земле, зависти и, что самое главное, общей катастрофичности бытия, заряжающей ненавистью огромные массы людей. Образ народа в этом романе был наиболее приближен к реальности, крестьянские характеры воссозданы с психологической убедительностью, живописной индивидуализацией, яркостью, философской много-

значностью. Роман проникнут сочувствием к трудовому человеку, охваченному наивной беспомощностью перед лицом больших событий, восхищением талантливой народной речью, «озорством мужичьей мысли».

Роман «Вор» (1927), задуманный в 1925 как «история из жизни воров и циркачей», проникнут иными настроениями, написан в иной творческой манере. Трагедия главного героя — Дмитрия Векшина (красный командир, совершивший в гражданскую войну бессмысленное убийство белого офицера и ставший в годы нэпа главарем воровской шайки) представлена в романе в сложном фокусе критического отношения автора и романтизированного отношения со стороны одного из героев — писателя Фирсова. Леонов в романе «Вор» разработал сложную повествовательную форму («роман в романе»), благодаря которой события получают двойное освещение: о них рассказывали автор и писатель Фирсов, создающий роман о Мите Смурове, прототипом которого был Дмитрий Векшин. В романе разворачивался спор о судьбе и предназначении человека в революционную эпоху. Одни герои говорят о поступательном движении («вперед и вверх»), другие сомневаются в прогрессе, предупреждая о том, что нет «окольной дорожки в рай». Пафос романа выражен в словах Векшина: «Разбродную, бессмысленно текущую по равнинам истории людскую гущу направить надо на общую, умную турбину и выплавить от дряни великую человеческую силу. По ту сторону турбины и будет новый человек. А если обманет?». Леонов одним из первых в литературе того времени поднял вопрос о «блестинке» наследия, о культурной преемственности, обеспечивающей духовную стойкость личности. Ориентация на традицию *Достоевского* (проблема «преступления и наказания»), нота скептицизма в оценке «нового человека», усложненная форма произведения вызвали гневные нападки критики.

Романы Леонова 30-х — «Соть» (1930), «Скутаревский» (1932), «Дорога на Океан» (1935) — отражали, по словам

самого писателя, «историю столкновения наступающей новизны с российской архаикой, историю первой встречи машины с дремучими недрами». Однако Леонова интересовало не просто рождение новой стройки, преодоление природной стихии, он размышлял о месте России в цивилизованном процессе, о соотношении идеи «сотворения нового мира» с генетическим материалом — простым, «стихийным человеком», обремененным грузом прошлого: утраченной верой, выродившейся в слепое поклонение идолам, мещанским, заскоружлым чувством собственности, прогнившими устоями быта.

Конец 30-х отмечен взлетом драматургического творчества Леонова: написаны пьесы «Скутаревский» (1934), «Половчанские сады» (1938), «Волк» (1938), «Метель» (1939), «Обыкновенный человек» (1941). Особое значение в творчестве этого периода занимает пьеса «Метель», где воссоздана атмосфера страха и недоверия, характерная для жизни в стране в к. 30-х. Огромный «ветровал», обрушивший на Россию массовые репрессии, получил в пьесе образ страшной, выжженной метели, которая губит в народе все дееспособное и живое. Леонов изменил привычные для того времени представления о типе героев. В образе положительного персонажа предстал возвратившийся эмигрант, а его брат — директор советского завода — изобличен как индивидуалист, карьерист и мещанин.

Во время Великой Отечественной войны Леонов был в эвакуации в г. Чистополе, занимался драматургией и публицистикой, неоднократно выезжал на фронт в качестве корреспондента газет «Правда» и «Известия». В пьесах «Нашествие» (1942) и «Ленушка» (1943) нашло свое отражение символическое осмысление народного подвига и народного горя, причиненного войной. Сочетание бытовой достоверности, символической выразительности и высокой трагедийной интонации ставило эти произведения в разряд классических пьес о войне. Главная тема — созревание народного гнева и ненависти — являлась сквозной и в публицистике Леонова. Повесть «Взятие Великошумска» (1944) публиковалась на страницах «Правды». Она написана после поездки писателя на фронт в к. 1943. Повесть, исполненная в монументальной былинной манере, посвящена танкистам, совершающим дерзкий рейд в тыл врага, в процессе которого выявляется героизм солдат, обессмертивших свое имя в борьбе с фашизмом.

После войны Леонов пишет пьесу «Золотая карета» (1946) — наиболее символическую из всей драматургии. Леонов обращает внимание на общее, философское содержание конфликта между героями — патриотами и эгоистами-мещанами.

С 1950 по 1953 Леонов работает над романом «Русский лес» (1953). Разрабатывая основную тему романа, Леонов досконально изучил лесоводческие проблемы, труды классиков русского лесоводства и современные дискуссии на эту тему. Однако смысл романа не исчерпывался идеей постоянного лесопользования, через тему леса Леонов выходил к размышлениям об исторической судьбе России, об изменении русского национального характера, об экологических проблемах, грозящих катастрофой всему человечеству. Главный конфликт романа, воплощенный в образах ученых Вихрова и Грацианского, касался не только проблем леса, а философской концепции жизни. Вихров отстаивал материалистическое понимание природы вещей, демократический взгляд на мир с «обиженной улыбкой выходца из грубого крестьянского сословия», идею общественного служения России. Грацианский стоял на позиции субъективного идеализма, обрамленного философией

Ницше и Штирнера и завуалированной фразеологией Маркса. Эти образы вскрыли новый конфликт в обществе послевоенного периода — конфликт между трудом творческим и псевдоработой, затемненной социалистической демагогией и наисовременнейшими лозунгами. Открытием в «Русском лесе» стала и та «национальная координата жизни», которая, по Леонову, должна определять результаты любой деятельности. Роман в жанровом отношении приближается к «Дороге на Океан». Главы о настоящем (время действия — Великая Отечественная война) чередуются с главами о прошлом (дореволюционная Россия). В результате этого сопоставления возник образ меняющегося, движущегося времени, в котором в определенных точках сходились линии исторического развития. Стиль «Русского леса» временами обретает характер метафорически оформленного философского текста, в котором в емком экспрессивном движении зафиксированы черты той или иной эпохи.

В к. 50—60-х Леонов возвращается к некоторым своим произведениям предшествующих лет, публикует новую редакцию романа «Вор» (1959), где усиливает мотивы вины в образе главного героя, новую редакцию «Метели» (1963), «Золотой кареты» (1964), публикует кинопамфлет «Бегство мистера Мак-Кинли» (1961), где воссоздается атмосфера ужаса, связанная с возможностью осуществления на Земле ядерной войны. Завершает работу над емкой, изящной повестью «Evgenia Ivanovna» (1938—63), посвященной судьбе невольной эмигрантки, так и не сумевшей «избавиться» от любви к родине.

В 1994 выходит в свет последний роман писателя «Пирамида», над которым он работал с н. 40-х. Этот роман подводит итоги и собственному творчеству Леонова, и всей реалистической литературе XX в. В нем с особой отчетливостью проявилось стремление Леонова совместить в своем творчестве научную картину мира с теологической, воссоздать путь развития цивилизации, объяснить суть исторических катаклизмов в России, «где во всевозможных рассечениях представлена человеческая душа». Роман овеян трагическими предчувствиями, эсхатологическими настроениями, ощущением тревоги и грусти. Он сложен для восприятия, ибо в нем много сюжетных линий, героев, принадлежащих как к миру реальности, так и inferнальной действительности, много непростых ассоциаций, специальной (научной, мистической, богословской) терминологии. Роман отмечен временными смещениями, сложными диалогами персонажей, философскими размышлениями о прошлом и будущем человечества. Главный герой романа — священник, о. Матвей — пытается заглянуть «по ту сторону Добра и света», еретически размышляет о том, чему можно только верить, поэтому терпит всеческие бедствия, как от персонафицированных представителей зла на земле (коммунистов), так и от сатанинских сил, воплощенных в образе Шатаницкого. Леонов ставит перед читателями сложные вопросы: почему с такой легкостью русский народ отошел от Бога, в результате чего свершились все катастрофы на его пути? Какой «порочный ген» заставил Россию поменять веру на социальные догмы, Бога — на посланцев преисподней? Хотя присутствие активных леоновских героев ощущается в романе (один из персонажей вспоминает лесника Вихрова), но главный акцент автор ставит на др. сторонах национального характера — стремлении к познанию, к самопознанию, спору с самой собой, непредсказуемости, мистике, тайне.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—5. Харьков.; М.; Л., 1928—30; Собр. соч. Т. 1—6. М., 1953—55; Собр. соч. Т. 1—9. М., 1960—62; Собр. соч. Т. 1—10. М., 1981—84; Пирамида. М., 1994.

Т. Вахутова

ЛЕОНТИЙ КАРПОВИЧ, архимандрит (ок. 1520—1620), духовный писатель. Родился на Пинщине в семье шляхтича. Служил писарем, затем старшим печатником и корректором в типографии Виленского православного братства. В 1610 за издание знаменитого «Фриноса» М. Смотрицкого польские власти заточили Леонтия Карповича на 2 года в тюрьму. Будучи архимандритом Виленского Святодухова монастыря, Леонтий Карпович возглавил борьбу Виленского братства против Брестской церковной унии (1596), против католицизма и полонизации, насаждаемых на белорусской и малорусской землях. Леонтию Карповичу принадлежат поучения, послания, сказания и др. Пафос его религиозно-полюемических произведений, отмеченных высокими для того времени литературными достижениями, — в защите Православия против католицизма и униатства: «Казанье двое» (1615), «Сказание вкратце о ересях тридцати и четырех» и др. Его красноречие современники сравнивали с «витийством» Златоуста.

Соч. в кн.: Коршунаў А. Хрэстаматыя па старажытнай літаратуры. Мінск, 1959.

В. Борисенко

ЛЕОНТЬЕВ Константин Николаевич (13[25].01.1831—12[24].11.1891), религиозный мыслитель и публицист, прозаик, литературный критик. Родился в сельце Кудиново Мещовского у. Калужской губ. Сын небогатого помещика; мать, Феодосия Петровна, — из старого дворянского рода Карабано-вых. После окончания Калужской гимназии (1849) и кратковременного пребывания в ярославском Демидовском лицее стал студентом медицинско-го факультета Московского университета. Воспринятые в эти годы навыки философско-натуралистического, «реалистического» мышления (по автохарактеристике: «Ум мой, воспитанный с юности на медицинском эмпиризме и на бесстрастии естественных наук...») позднее скажутся в философско-исторических построениях Леонтьева («Византизм и славянство»). Молодой Леонтьев, по собственному позднему воспоминанию, был воспитан «на либерально-эстетической литературе 40-х (особенно на Ж. Санд, Белинском и Тургеневе)...». Первое произведение Леонтьева — комедия «Женитьба по любви», основанная, по автохарактеристике, на «тонком анализе болезненных чувств». Весной 1851 с этой комедией Леонтьев пришел к И. С. Тургеневу и встретил горячий прием и поддержку: «Он наставил и вознес меня». Тургенев ввел Леонтьева в салон Евг. Тур., где он познакомился с Т. Н. Грановским, М. Н. Катковым, А. В. Сухово-Кобылиным, Н. Ф. Щербиной, В. П. Боткиным, А. В. Дружининым, несколько позже — А. А. Фетом, А. Н. Майковым, Н. Н. Страховым и др.

Первое произведение в печати — повесть «Благодарность» (1854; первоначально эта повесть, названная «Немцы», была запрещена петербургской цензурой).

В связи с Крымской войной Леонтьев, не окончив курса, с мая 1854 служил батальонным лекарем (делал и ампутации) в прифронтовых госпиталях, при Донском казачьем 65-м полку. По увольнении в 1857 — домашний врач в ни-

жегородском имении барона Д. Г. Розена. В дек. 1860 переехал в Петербург, решившись оставить медицину ради литературы. Своим призванием молодой Леонтьев считал художественную прозу: до 42 лет «...все стремился создать какое-нибудь замечательное художественное произведение» (из письма В. В. Розанову от 13 июня 1891). Наиболее оригинальное и поэтическое сочинение ранней прозы Леонтьева — роман-воспоминание об усадебном отрочестве героя-автора «Подлипки» (1861), допускающее сопоставление с автобиографическими повестями Л. Н. Толстого. Главенствующее в романе лирическое начало доходит до редких в русской литературе XIX в. форм выражения, проявляясь в прихотливом импрессионизме описаний и эмоциональных характеристик и в эксперименте с повествовательным временем, развертывающимся вспять в памяти героя. В романе «В своем краю» (1864) в речах одного из основных персонажей определяется столь значимая для Леонтьева формула: прекрасное как «главный аршин». В дальнейшем это понимание эстетического критерия как наиболее всеобъемлющего, приложимого ко всем явлениям мировой жизни («Я считаю эстетику мерилу наилучшим для истории и жизни...») и в то же время «обреченного» «вступать в антагонизм и борьбу» с двумя иными важнейшими критериями оценки жизненных явлений, нравственным и религиозным, получит разработку у Леонтьева. В обоих ранних романах — непривычная для русской литературы насыщенность чувственно-эротическими мотивами, а в «Исповеди мужа» — необычная трактовка темы «свободной любви».

В ходе событий 60-х («при первой же встрече с крайней “демократией нашей” 60-х годов») и под впечатлением польских событий 1863—64 общая либерально-эстетическая настроенность Леонтьева сменяется эстетически-консервативной. Острым фактором эволюции убеждений Леонтьева стала резкая оппозиция критическому направлению «Современника» («время господства ненавистного Добролюбова» — характеристика Леонтьева эпохи). «Я слишком многое любил в русской жизни», — объяснял он в воспоминаниях эту оппозицию «отрицательному» направлению леворадикальной мысли. В то же время на него влиял почвенническая программа журнала М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», который «шел в упор “Современнику”». «Я идеями не шутил, и не легко мне было “сжигать то”, чему меня учили поклоняться и наши и западные писатели», — вспоминал он об этом мировоззренческом повороте. В февр. 1863 Леонтьев определяется на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел; с окт. 1861 — секретарь и драгоман русского консульства в Кандии (о. Крит). Начинается почти 10-летняя дипломатическая служба в греческой и славянской областях Турецкой империи. После скандального инцидента (ударил хлыстом французского консула за оскорбительный отзыв о России) Леонтьев назначен в Адрианополь (авг. 1864—66), в Белград, затем вице-консулом в Тульчу в низовьях Дуная (1867—68), в Янину в Эпире (январь 1869 — н. 1871), консулом в Салоники (1871). Служба на Балканах приблизила Леонтьева к сосредоточенным в этой части Европы острым проблемам ее национальной и политического будущего (полвека спустя здесь зародилась первая мировая война) и стала важнейшим фактором формирования его историко-философских и политических взглядов.

На Балканах Леонтьев написал (или задумал и начал) целый ряд «восточных» рассказов и повестей («Хризо», «Хамид и Маноли», «Пембе», «Аспазия Ламприди», «Дитя души» и др.), собранных позднее вместе с романом «Одис-

сей Полихрониадес» в сборнике «Из жизни христиан в Турции» (т. 1—3. М., 1876). Эволюция прозы Леонтьева отвечала развитию его историко-политических взглядов: он «отвернулся» от русской жизни, вставшей с реформами 60-х на путь буржуазно-эгалитарного прогресса, по его убеждению, ведущий к гибели поэзии русской жизни, «барской и мужицкой» (моделью ее была для Леонтьева гибнущая дворянская усадьба), эстетический противовес этому процессу Леонтьев нашел в слабо затронутом европейским прогрессом патриархальном укладе балканских народностей. Художественно, как и биографически, происходило «величавое удаление среди восточных декораций», подобное эстетическому «бегству» от буржуазной цивилизации европейских романтиков. Смене материала в новой прозе Леонтьева отвечали изменения стиля: автор стремился к эпической простоте и объективности рассказа, к этнографичности описаний, окрашенной эстетическим любуем экзотическим живописным бытом. В отличие от ранних произведений Леонтьева «из русской жизни», его «восточная» проза была оценена в т. ч. (по свидетельству А. Александрова) Л. Н. Толстым: «Его повести из восточной жизни — прелесть. Я редко что читал с таким удовольствием»; в целом, однако, для русской литературы она оказалась малосущественной. На Востоке Леонтьев писал цикл романов «Река времен» (о русской жизни от 1811 до современности); по свидетельству Леонтьева (письмо Розанову от 13 июня 1891), рукопись была сожжена в авг. 1871 (сохранилась одна из частей — «От осени до осени»). Актуальной русской современности касается роман «Две изобранны» (1-я ч. — 1885, 2-я ч. — неопубл.), начатый также на Балканах; политические мотивы (сюжет — любовь блестящего генерала, строй мыслей которого близок взглядам самого Леонтьева, и умной нигилистки) сочетаются здесь с новой вариацией темы свободной любви. Более поздний роман, основанный на балканских впечатлениях, — «Египетский голубь» (1881).

Поворотным в жизни Леонтьева стал душевный кризис лета 1871, приведший к религиозному обращению. После острой болезни и выздоровления, в которое он верил как в чудесное исцеление, покинув консульство в Салониках, он уезжает на Афон, где живет с сент. 1871 до авг. 1872 в русском Пантелеймоновом монастыре, беседуя со старцами и думая о монашестве. Религиозность развивается в мирозерцании Леонтьева на почве острого переживания тленности и обреченности красоты и самой жизни; свое православие он характеризовал как «религию разочарования, религию безнадежности на что бы то ни было земное» («Четыре письма с Афона»). На своем религиозном пути Леонтьев выделял три эпохи: детства вера, сливавшаяся с переживанием красоты церковных обрядов, в котором «религиозное соединялось с изящным»; кризис детской веры в 50—60-е приводит к успокоению «на каком-то неясном деизме, эстетическом и свободном», Леонтьев в эту эпоху — «эстетик-пантеист»; наконец, приход к идеалу строгого монашеского православия в итоге кризиса 1871. После пребывания на Афоне, уйдя с дипломатической службы (в отставке с 1 января 1873), Леонтьев живет в Константинополе и на о. Халки до возвращения в Россию весной 1874.

Жил попеременно в Москве, Кудинове (до 1882, когда, будучи постоянно в долгах, Леонтьев продал его разбогатевшему крестьянину) и монастырях — подмосковном Николо-Угрешском (где он провел послушником зиму 1874—75) и часто посещаемой *Оптиной Пустыни*. К сер. 70-х становится очевидной неудача художественно-беллетристи-

ческой деятельности Леонтьева, «приговор» которой он мог прочитать в письме (от 4 мая 1876) Тургенева к нему: «Так называемая беллетристика, мне кажется, не есть настоящее Ваше призвание; несмотря на Ваш тонкий ум, начитанность и владение языком, Ваши лица являются безжизненными»; здесь же Тургенев советовал ему писать не романы, а «ученые, этнографические или исторические сочинения». Но и независимо от этого совета в н. 70-х меняется направление литературной деятельности Леонтьева. Основной его формой стала политическая и философско-религиозная публицистика; печатался гл. обр. в изданиях православно-патриотического направления («Русский вестник», «Московские ведомости», «Гражданин» и др.). В янв.—апр. 1880 Леонтьев — помощник редактора «Варшавского дневника»; там напечатал статью с получившей известность фразой: «надо подморозить хоть немного Россию, чтобы она не “гнила”...». В цикле статей «Записки отшельника» («Гражданин». 1887—91) сказалось влияние «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского. Публицистика Леонтьева переросла в обширные философско-исторические трактаты — «Византизм и славянство» (1875), «Племенная политика как орудие всемирной революции» (1888), «Плоды национальных движений на православном Востоке» (1888—89), «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». Статьи и трактаты Леонтьева единственный раз при жизни собраны автором в книге: «Восток, Россия и славянство» (Т. 1—2. М., 1885—86).

Философия истории Леонтьева оформилась в работе «Византизм и славянство» (в значительной мере под впечатлением книги *Н. Я. Данилевского* «Россия и Европа», 1869); свою концепцию Леонтьев называл органической, а о методе ее говорил как о перенесении идеи развития из «реальных, точных наук... в историческую область». Исторические «организмы» — общественные, государственные, культурные — рассматриваются по типу организмов биологических, и развитие их оказывается подвержено «естественным» законам созревания и расцвета (период «цветущей сложности», который для каждого государственно-социально-культурного организма есть его эстетическое состояние), а затем старения и умирания (период «вторичного смесительного упрощения»). Натуралистический детерминизм в объяснении хода истории и преобладающая эстетическая оценка ее явлений [леонтьевский «эстетический позитивизм», по определению С. Н. Булгакова, — статья «Победитель-Побежденный». (Судьба К. Н. Леонтьева)] характеризуют, т. о., исторически-культурную идею Леонтьева (вслед за Данилевским она явилась русским предвестием «морфологии культуры» О. Шпенглера в н. XX в.). Актуальным же импульсом философско-исторических построений Леонтьева является его реакция на современное состояние европейской цивилизации, свидетельствующее о «разрушительном ходе современной истории» — крушении иерархического сословного строя, отличавшего «старую и поэтически разнообразную Европу», и утверждении на его месте «эгалитарного» буржуазного общества с господствующим «серым» типом «среднего человека», европейского буржуа. Свою позицию Леонтьев определяет как «философскую ненависть к формам и духу новейшей европейской жизни»; себя Леонтьев считал диагностом-«патологом» современного общества; в плане же его религиозного сознания патология смыкалась с эсхатологией, острым чувством исторического конца, подлинности мирового процесса «космическому закону разложения». Писал он и о грядущей «всеземной катастрофе» в результате «прогрессивного физико-химического баловства».

Леонтьев интересовался социалистическими учениями, читал Ж. П. Прудона и Ф. Лассалья и пророчил европейской цивилизации политическую победу социализма, описывая его в виде «феодализма будущего», «нового корпоративного принудительного закрепощения человеческих обществ», «нового рабства». Россию при этом он не исключал, подобно *славянофилам*, из общеевропейского процесса, предполагая возможность осуществления наиболее радикальных его тенденций на русской почве: «Почва рыхлее, постройка легче».

Со славянофильством Леонтьев всю жизнь не переставал выяснять идейные отношения, называя себя славянофилом «на своей салтык». Связанная со славянофильской традицией (прежде всего отрицанием западноевропейского исторического пути), мысль Леонтьева разошлась с ней тотальным историческим пессимизмом.

Литературно-критические выступления Леонтьева 80-х (о новых произведениях Достоевского, Н. Я. Соловьева и *А. Н. Островского*, *Б. М. Маркевича* и др.) тесно связаны с его публицистикой. Характер религиозной философии Леонтьева выразился в статьях — «О всемирной любви. По поводу речи Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике» («Варшавский дневник». 1880. 29 июля, 7, 12 авг.) и «Страх Божий и любовь к человечеству, по поводу рассказа гр. Л. Н. Толстого “Чем люди живы”», объединенных Леонтьевым в отдельной брошюре «Наши новые христиане» (М., 1882). Толстовскую мысль о любви, которую «люди живы», и пафос всечеловеческого братства в речи Достоевского Леонтьев оценил как «общегуманитарное», «сентиментальное», «розовое» еретическое «новое христианство», противопоставив ему свою модель (не одобренную видными церковными писателями — см. статью *Антония Храповицкого* в сб.: «Памяти Леонтьева») «настоящего церковного православия» как религии «страха Божия» и церковной дисциплины, с признанием единственной целью христианской жизни достижения личного загробного спасения («трансцендентный эгоизм» Леонтьева), в противовес какому-либо земным историческим и общественным чаяниям («Никогда любовь и правда не будут воздухом, которым бы люди дышали, почти не замечая его»). С Толстым Леонтьев несколько раз встречался в 80-е в Москве и Оптиной Пустыни и непримиримо спорил, неизменно в то же время восхищаясь его художественным гением. (Отзыв Толстого о статьях Леонтьева, переданный Александровым: «он в них все точно стекла выбивает; но такие выбиватели стекла, как он, мне нравятся».)

Эстетическая теория Леонтьева и его концепция русской литературы XIX в. наиболее полно выявились в «критическом этюде» — «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого» (1911). На фоне русской литературной критики XIX в. необычность подхода Леонтьева к литературе — как в его исключительном «эстетизме», сосредоточенности на стилистических проблемах литературы, на «внешних приемах (имеющих, впрочем, великое внутреннее значение), так и в парадоксальной сопряженности этого «чисто эстетического» подхода с резкой идеологической и политической тенденциозностью. В сочинении Леонтьева развернута критика «общей манеры» русской «реалистической школы», родоначальника которой он видел в *Н. В. Гоголе* и именовал манеру «гоголевщиной»; сущность ее — в нарастающей психологии и вещественной «кропотливый дух» послегоголевской литературы; а в этом стилистическом «веянии» (важнейший термин эстетики Леонтьева, усвоенный им из статей *Ан. Григорьева*) выражается исторический процесс разложения общественно-

государственного уклада (твердой социальной, государственной и бытовой «формы») императорской и дворянской России в пореформенную эпоху. В ходе этого историко-эстетического анализа Леонтьев не только дал тонкие разборы произведений Толстого и наметил существенные вопросы их понимания, но и выявил целый узел общих теоретических проблем поэтики, которые стали предметом внимания в филологии XX в. (вопросы психологии и социологии художественного творчества, повествования, соотношения авторской и «чужой» речи, «точки зрения» и др.), вообще обнаружил столь пронизательное внимание к собственному историческому содержательному значению художественной формы и стиля, в котором Леонтьев можно считать пионером в русском литературоведении.

В 1880—87 Леонтьев — цензор Московского цензурного комитета. Выйдя в отставку, поселился в Оптиной Пустыни, где жил «полумонашескою, полупомещичьей жизнью» в снятом у ограды монастыря отдельном доме со слугами и женой. Постоянно общался со старцем *Амвросием* как своим духовным руководителем и занимался литературной работой, благоговение на которую получал у старца. Значительную часть поздней литературной продукции Леонтьева составила мемуарная проза, а также обширная переписка, к которой он относился как к литературной работе. В мемуарной и эпистолярной прозе литературный дар Леонтьева проявился свободнее и ярче всего; поэтика не скованного повествовательным сюжетом вольного размышления определяет существенное и мало еще оцененное место в русской литературе, в ряду таких ее явлений, как художественно-документальная и мемуарно-психологическая проза *П. А. Вяземского*, *В. В. Розанова*. Мемуарные и религиозно-философские мотивы объединяются с оптинскими духовными впечатлениями в очерке «Отец Климент Зедергольм, Иеромонах Оптиной Пустыни».

Окружение Леонтьева в поздние годы составляют выпускники Катковского лицея (А. А. Александров, И. И. Фудель и др.), Ю. Н. Говоруха-Отрок, В. А. Гринмут, Л. А. Тихомиров и др. Сложные личные и идейные отношения связывают в 80-е Леонтьева с *Вл. С. Соловьевым*: восхищенное увлечение «гением» нового религиозного философа (самая «возможность появления у нас этого русского самобытного мыслителя вдохновляла Леонтьева), маскировало до времени глубокое расхождение в религиозных и общественных идеалах (в 1883 Соловьев выступил с защитой Достоевского от обвинения Леонтьева в «новом христианстве»); оно выявилось в резко враждебной реакции Леонтьева на доклад Соловьева «Об упадке средневекового миросозерцания» (окт. 1891), содержащий «гуманитарную» критику традиционного догматического «внешнего» христианства во имя христианства «социально-нравственного», деятельно участвующего в усовершенствовании земной человеческой жизни. Последние месяцы жизни Леонтьева отмечены бурной перепиской с Розановым, в котором он увидел наследователя своих идей. В письме от 13 авг. 1891 содержатся «безумные афоризмы», в которых Леонтьев заостренно формулировал основной внутренний конфликт своего миросозерцания — оставшийся непримиренным антагонизм эстетического и религиозного принципов, разрешение которого видит лишь в подчинении эстетики религии: «Итак, и христианская проповедь, и прогресс европейский совокупными усилиями стремятся убить эстетику жизни на земле, т. е. самую жизнь... Что же делать? Христианству мы должны помогать, даже и в ущерб любимой нами эстетики...».

23 авг. 1891 Леонтьев в Оптиной Пустыни принял тайный монашеский постриг под именем Климента, исполнив т. о.

данный еще за 20 лет до того (после исцеления в Салониках) обет; по указанию старца Амвросия ему надлежало сразу же после пострижения перейти в Троице-Сергиеву лавру для прохождения там монашеского пути. В Сергиевом Посаде, куда Леонтьев переехал в конце авг., он узнал о кончине старца и успел на нее откликнуться памятной статьей «Оптинский старец Амвросий» (1891). Здесь, в лаврской гостинице, на пороге монастыря, не вступив в число его братии, Леонтьев внезапно умер от воспаления легких.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—9. М.; СПб., 1912—13; Египетский голубь. М., 1991; Кто правее? Письма к В. С. Соловьеву. Письмо третье // Наш современник. 1991. № 12.

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 323—327.

С. Бочаров

ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич (в ночь на 3[15].10. 1814—15[27].07.1841), поэт. Родился в Москве. По материнской линии происходил из известного в России и богатого дворянского рода Столыпиных. Бабушка поэта Елизавета Алексеевна (по мужу Арсеньева) — родная сестра Д. А. Столыпина, внук которого Председатель кабинета министров П. А. Столыпин приходился троюродным братом Михаилу Юрьевичу Лермонтову.

По мужской линии род Лермонтовых (отец поэта — Юрий Петрович Лермонтов, капитан в отставке из небогатых помещиков Тульской губ.) ведет свое начало от Георга Лермонта (Шотландия). Находясь на службе у польского короля, в 1613 Г. Лермонт перешел на сторону русских, сражался в чине офицера в отряде Д. Пожарского и за хорошую службу царю получил грамоту в 1621 на владение земель в Галицком у. Костромской губ. От него и пошли Лермонтовы, уже во втором колене, принявшие Православие. Поэт Лермонтов является восьмым коленом от прибывшего в Россию шотландского воина.

Детские годы будущего поэта, с марта 1815, прошли в с. Тарханы Чембарского у. Пензенской губ. в имении бабушки.

Прекрасная природа, заботливое отношение бабушки, хорошие условия домашнего образования способствовали пробуждению эмоционально-творческих сил мальчика, его высоких нравственно-религиозных чувств: «Моя душа, я помню с детских лет, // Чудесного искала...» Однако была и др. сторона в развитии будущего поэта.

Ранняя смерть матери (1817), размолвка Елизаветы Алексеевны, хозяйки Тархан, с Юрием Петровичем, вынужденный отъезд его в свое небольшое село Кротопово Ефремовского у. Тульской губ. с целью сохранения за сыном права наследования Тархан (4081 десятин земельных угодий и 496 крестьянских душ) — все это омрачало детские годы поэта, породив ощущение дисгармонии своего внутреннего мира и окружающей среды. Создалась коллизия одиночества, неприметной для обычного взора отчужденности от внешних стихий жизни. Отсюда постоянный анализ своих раздумий и вывод, окончательно сложив-

шийся после смерти отца (1831), о том, что оба они стали «жертвою страданий», осуждены «толпой» людей, «то злых, то благосклонных» («Ужасная судьба отца и сына...»).

Вместе с тем ранние стихотворения Лермонтова, значительная часть которых выходит за рамки литературного ученичества, убеждают в том, что личные страдания юный поэт осмыслил в широком духовно-мировоззренческом аспекте. Он глубоко воспринял наказ отца: «...ты одарен способностями ума, — не пренебрегай ими... это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчет Богу! ...ты имеешь, мой сын, доброе сердце, — не ожесточай его даже и самою несправедливостью и неблагодарностью людей, ибо с ожесточением ты сам впадешь в презираемые тобою пороки. Верь, что истинная, нелицемерная любовь к Богу, к ближнему есть единственное средство жить и умереть спокойно».

Нелицемерная любовь к Богу и ближним, тяга к совершенному, прекрасному в человеческих отношениях определили главный «нерв» поэзии Лермонтова. Отклонение от такой любви в людях (а порою и в самом себе) порождали страдания у поэта в сочетании с протестом, последовательным и энергичным.

Но это нелегкая миссия — «любить необходимость мне!» Она и накладывала на поэзию Лермонтова отпечаток тоски и недовольства, мятежной страстности, то безутешной («И скучно и грустно»), то устремленной к высокому идеальномудаземному, порою сверхчеловеческому («Звезды и люди»). Этим объясняется также и поразительное по своей точности и эстетико-философской значимости признание еще совсем юного поэта (1832):

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник.
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой.

Странник с «русскою душой» означает образ человека, устремленного к Любви, Красоте, Истине, иначе — к Богу.

У Лермонтова были периоды ожесточения и сомнений в святости земного назначения человека («И скучно и грустно», 1840). Но всегда побеждала вера в справедливость Божьего решения, непреложность благих его промыслов («Выхожу один я на дорогу...», 1841). С учетом сказанного в произведениях Лермонтова следует видеть в качестве доминанты не отрицание (вульгарно-социологическая точка зрения марксистского литературоведения), а пафос пророчества и обновления. Пророчества беды в случае засилия злых инстинктов в человеке («Предсказание», 1830) и — обновления, если главные компоненты жизни (добро, совесть, социальная справедливость) будут соединены с любовью к Отчизне, с ее охранительным Ворованием («Родина», 1841).

Творческий путь Лермонтова принято делить на два периода: ранний (1829—36) и зрелый (1837—41). Такое разграничение можно принять, имея в виду, что практически до появления в списках стихотворения «Смерть поэта» (отклик на гибель Пушкина в янв. 1837) имя Лермонтова было неизвестно. Но действительная эволюция поэта осуществлялась по фазам духовно-нравственного развития. Таких «фаз» в основном было три.

Первая связана с осмыслением поэтом своего внутреннего «я», личных отношений с окружающей средой и мирозданием (1828—34).

Этот период оказался насыщенным многими событиями в жизни поэта: приезд в Москву (1827), подготовка в Московском университетском благородном пансионе с последующим зачислением в университет на нравственно-

политическое отделение (1830—32), увлечение Е. А. Сушковой, Н. Ф. Ивановой и В. А. Бахметьевой, тяжелые переживания по поводу смерти отца и огорчительные неудачи в любовных отношениях, разрыв с «московским» окружением, переезд в Петербург, неожиданное решение об определении в двухгодичную школу гвардейских подпрапорщиков (1832—34).

Можно предполагать, что именно эта фаза трудного поиска своего места в жизни и беспощадного самоанализа оказала решающее воздействие на развитие того поэтического феномена, о котором скажет впоследствии *Л. Толстой* применительно к Лермонтову: «власть имеющий». Власть — в сфере искусства и самооценки.

В отмеченные годы Лермонтов пытается уяснить тайну своего стремления к творчеству («Поэт», 1828, «Русская мелодия», «Молитва», 1829, «Песнь барда», 1830, «1831 июня 11 дня», «Нет, я не Байрон...», 1832, «Когда надежде недоступный», 1834 и др.). Уже в этот момент он осознает свою исключительность и высокое назначение как поэт («...Пыл страстей // Возвышенных я чувствую, но слов // Не нахожу...»). Жизнь меж тем бежит — «И все боюсь, что не успею я // Свершить чего-то!». Отсюда неодолимое желание «действовать», превышающее традиционные границы романтического порыва. Но часто «леденеет быстрый ум», и сам «предмет желаний мрачен». Эта внутренняя борьба «меж радостью и горем» вносит глубокий диссонанс в ощущения поэта. В такие минуты — жизнь ненавистна, но и смерть страшна». Ясно, что перед нами не столько проба «пера», характерная для начинающих поэтов, сколько поиск своей духовной константы, необходимой для опоры в вечно меняющемся и противоречивом внешнем мире. Промежуточные итоги такого поиска определены в указанные годы поразительно емко:

Находишь корень мук в самом себе,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

Отсюда и др. вывод, едва ли не гениальный по точности и масштабности заключенной в нем мысли:

В одном все чисто, а в другом все зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят от того.

Встреча «священного» с «порочным» в человеке раскрывается Лермонтовым поначалу как личная психологическая коллизия. Центральным для творчества начинающего поэта становится образ романтически разочарованного юноши, рано испытывавшего страдания, столкнувшегося с обманом и коварством безнравственной окружающей среды («Мой демон», «Монолог», 1829, автобиографические драмы «Menschen und leidenschaften», 1830, «Странный человек», 1831, стихотворение «Элегия», 1830, поэма «Исповедь», 1831 и др.). Сомнения в возможности покоя и счастья на земле часто в этот период охватывают поэта («Я верю, обещаю верить...», «Чаша жизни» и др.). Этим (а не «космическим» происхождением поэта) объясняется его порыв в надземные сферы — туда, где «ясны далекие звезды, ясны, как счастье ребенка» («Небо и звезды», 1831) и где бескорыстная и чистая любовь «предстанет нам, как ангел нежный» («Когда б в покорности незнания», 1831).

Однако по мере углубления в действительные причины утраты в человеке «священного» (нарушение законов Предвечного, ослабление духовно-нравственных приоритетов) творческая мысль поэта выходила за рамки субъек-

тивных ощущений. В центре внимания оказывается теперь не только личность, но и среда, все то порочное, что драматизирует общественное развитие человечества. Романтические краски при этом не приглушаются, но они получают новую функцию. С опорой на романтическую поэтику Лермонтов глубже и полнее раскрывает бедственное состояние общества, когда оно под напором «зла» оказывается во власти нескончаемых противоречий добра и ненависти, великодушия и эгоизма, искренности и лжи, прикрываемой маской благовоспитанности. Убедительное, почти безупречное с точки зрения высшей художественности постижение диссонансов жизни знаменует вторую «фазу» в творческом развитии Лермонтова (1835—39).

В этот период Лермонтов работает напряженно, создавая яркие образцы почти во всех жанрах: драма «Маскарад» (1835), поэмы «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837), «Мцыри» (закончена в 1839), большая часть романа «Герой нашего времени» (1840) и ряд выдающихся лирических шедевров, принесших поэту всеобщую известность («Смерть поэта», 1837, «Дума», «Поэт», 1838, «Три пальмы», «Молитва», 1839 и др.). В указанные годы поэт близок к завершению своего итогового грандиозного труда — философской поэмы «Демон», которая будет окончена уже в третьей, заключительной фазе творчества.

Личная жизнь поэта во второй фазе характеризуется дальнейшим обострением отношений с окружающей средой, в т. ч. с управленческой властью. В марте 1837 за распространение последних 16 строк стихотворения «Смерть поэта» Лермонтов был переведен из лейб-гвардии Гусарского полка (располагался в Царском Селе под Петербургом) на Кавказ в Нижегородский драгунский полк. В к. апр. 1838 возвращается в Петербург, восстанавливает светские связи, бывает в литературных салонах семьи Карамзиных, В. Одоевского, на балах Петербурга, на приемах многих аристократических фамилий (Валуевы, Репнины, Смирнова-Россет и др.). Т. н. высший свет становится ему «более чем несносным», потому что «нигде ведь нет столько низкого и смешного, как там» (из письма к М. А. Лопухиной, к. 1838). Все это порождало новые осложнения, избежать которые, не поступаясь своей честью, было порою невозможно. В февр. 1840 на балу у гр. де Лаваль поэт был втянут в конфликт с сыном французского посланника Э. де Барантом и после дуэли с ним вновь отправлен на Кавказ в боевые расположения Тенгинского полка. Т. о., нескончаемые превратности личной жизни поэта разбивали в прах его мечты о «счастье и покое». С др. стороны, они порождали в душе поэта и мощные, совершенно уникальные всплески творческих импульсов («...на мысли, дышащие силой, как жемчуг, нижутся слова»). Однако ни личные страдания, ни бунтарство против пороков света не заслоняли в порывах поэта Божьей правды как единственной и самой высокой меры человечности на земле, а заодно и всего сущего в Мироздании. В этом и состоял нравственно-философский и эстетический смысл протестующих творений Лермонтова.

Долгое время в радикальном и марксистском литературоведении мотивы протеста в творчестве Лермонтова рассматривались преимущественно с политической стороны как прямые выпады против самодержавия, крепостного права, религиозных убеждений («с небом гордая вражда»). На самом деле его произведения имеют иной характер. Они обращены к очищению человека (в т. ч. изуродованного социальными обстоятельствами) от нравственной скверны. Лермонтов выступал в защиту совершенного и

прекрасного, что идет от промыслительных заповедей Бога и что способствует приближению к красоте и истине. Тем самым Лермонтов полностью освобождает поэзию от гедонистически-эпикурейских элементов, что частично было свойственно даже произведениям Пушкина. Едва ли не эсхатологически — и в этом можно видеть проявление гениальности поэта — Лермонтов сосредоточился исключительно на анализах соотношений в человеке света и тьмы, благородной силы и слабости, идеально-высокого — с низменным и пошлым. Антитеза этих состояний определяет сюжетно-композиционный строй, своеобразие символов и метафор, лексико-слоговую организацию произведений Лермонтова второго этапа.

С наибольшей отчетливостью эти признаки поэтического мышления Лермонтова в указанную пору проявились в «Маскараде».

Обычно содержание «Маскарада» связывают с критикой аристократической среды, с осуждением «реакции», наступившей якобы в России после разгрома декабристов. Но это весьма поверхностные и, в сущности, неверные толкования.

Лермонтов не в восторге от морали высших светских кругов, где все есть «маскарад», порою и сама человеческая честь. И все же главный вопрос, освещаемый в драме, — вопрос о том, как жить. Жить ли по совести, оправдывая свое появление на свет добродетелью и трудом, или — за счет изощренности, «обгона» других, считая, что человеческая жизнь — «игра», ринг, где побеждает лишь «сильный» да «изворотливый», пренебрегая законами чести.

Обращаясь к теме «игры», «маскарадности», Лермонтов поднимал одну из самых злободневных социально-философских тем не только своего времени, но и последующих десятилетий, вплоть до наших дней. Перипетии пьесы убеждают читателя, что жизнь — отнюдь не игра. Но многие, однако, начинают и понимают ее, как игру, демонстрируя тем самым трагический смысл существования человека на земле, когда он расходится с законами Мироздания, нравственными принципами, данными свыше. В этом глубинная суть «Маскарада» и главная причина жизненного краха Арбенина. У него был выход из кризисной ситуации (ложные подозрения в неверности Нины). Но он отверг спасительный вариант (согласие с доводами супруги), т. к. считал, что все в жизни «игра». В игре же нет доверия, нет места «чувствам», хотя бы они и были искренни. На первом плане в игре («карточной» и наяву) — диктат «ума», «опытности», «силы». А чтобы «здесь выигрывать — Вам надо кинуть все: родных, знакомых, честь». Это философия эгоизма, дьявольских искусителей, отвергающих Божью справедливость. Доверившись такой философии, полагаясь на силу своего «гордого» ума, не принимающего даже клятвы именем Бога, Арбенин гибнет. «И этот гордый ум сегодня изнемог», — сказано в конце пьесы. Изнемог не только и не столько в борьбе с «коварствами» света, но в борьбе с самим собой, в усилиях обозначить посредством своей «гордыни» ложь как истину.

Конфликт сильной, но индивидуалистически настроенной личности (Кирибеевич) с общепринятыми на Руси нормами бытия раскрыт в поэме «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Эта поэма приблизила творческий дух поэта к подлинной народности вне «лубочного», равно как и официального ее восприятия.

Сюжетное ядро поэмы составляет поединок купца Калашникова с царским опричником Кирибеевичем.

Кирибеевич, будучи профессиональным воином, физически превосходил Степана Парамоновича. Но побеждает

в кулачном бою Калашников. Побеждает морально, поскольку отстаивал не только честь своей жены, но и общенародную правду, нерушимость нравственных устоев, освоенных Православной верой.

Образ Калашникова выписан эпическими красками. Это цельная личность. В нем воплощены лучшие стороны народного характера. Он руководствовался высшим долгом христианина, устранив «басурмана-осквернителя».

И когда Грозный потребовал изложить причины неслыханной расправы над любимым опричником, Парамонович отказывается давать объяснения:

Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею.
А за что про что — не скажу тебе,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть.
Мне головушку повинную [...].

Правда, в защиту которой выступил Калашников, выше царского суда, вообще — выше любого «земного» суда. Поэтому Калашников не только не боится, но и желает предстать за свое «убийство» перед небесным судом.

Царь понимает, что ответ купца был дан по чести, по совести, и исполнит все, о чем просил Калашников, не забыв и его малых детушек. Схоронили удалого купца за Москвой-рекой, на «чистом поле промеж трех дорог»:

Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — присосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гуслеры — спокот песенку.

Смерть за неоскверненность веры, за общенародные идеалы не стирается в людском сознании — она в ореоле святости. Такова подспудная мысль финала лермонтовской поэмы, где впервые в отечественной литературе XVIII—XIX вв. столь наглядно и убедительно раскрыта органическая связь духовной крепости и чистоты русского человека с Православной верой. В этом смысле поэма Лермонтова не знает себе равных и по сей день.

Незаурядность поэмы сказывается также в певучести ее языка, где воедино слились литературные и фольклорные стихии, в композиции, отличающейся динамизмом и стройностью, в рельефной обрисовке характеров и человеческих страстей. Историческая конкретика угадывается в верной передаче духа прошедших времен, в поэтическом изображении (преимущественно реалистического плана) бытовых и психологических примет ушедшей эпохи.

В 1839 Лермонтов создает еще одну крупномасштабную поэму — «Мцыри», также отличающуюся красотами стиха, ярким описанием природы Кавказа (место действия поэмы), тонкой передачей психологического состояния главного персонажа. Поэма написана в форме исповеди 15-летнего отрока Мцыри, пытавшегося покинуть монастырь, приютивший его, чтобы отыскать дорогу в отчий дом, «прижать» свою «пылающую грудь» к «грудь другой, хоть незнакомой, но родной».

В поэме ощущается противоречивость центрального мотива романтического повествования. С одной стороны, Мцыри стремится обрести гармонию, утвердить в себе «священное», т. е. вернуться на родину, стать свободным. С др. стороны, он действует как бунтарь-индивидуалист, отвергая помощь других и волю Провидения. Мало того, он готов променять и «рай и вечность» за «несколько минут / Между крутых и темных скал», где он в «ребячестве играл». Ясна поэтическая условность данного выражения,

его символическая окраска. «Крутые» и «темные скалы», где герой в ребячестве играл — это символ отчизны, память о которой священна для любого живущего на земле. Рай и вечность — тоже можно рассматривать как символ благополучия, которого не хочет получать юноша (как и всякий верующий человек) без необходимых для того труда и усилий. Но все-таки «рай и вечность» — категория всеобщего, связанная с промыслительной сущностью Провидения. Замена одного («рая и вечности») другим (мгновения «свободы») не равноценна. Неравноценна и в том случае, если учесть, что она выговаривается отроком с воспаленным перед смертью сознанием. Лермонтов здесь чрезмерно «передоверился» герою, прибегнул к символике, романтическому гиперболизму не совсем точного значения.

При всем том в «Мцыри», конечно же, ощущается страстный порыв к идеалу, прекрасному, не приниженному человеческой заурядностью. Этот мотив связан с прославлением стойкости Мцыри, его мужества (поединок с барсом) в борьбе за то, что крепнущему духу кажется «священным».

Многообразно и последовательно преодолевает Лермонтов прагматизм и порочность современного ему мира в лирических жанрах 1834—39.

Взрывным по тону и силе отрицания «палачей» человеческого гения явилось стихотворение «Смерть поэта», за которое Лермонтов подвергся опале и был переведен на Кавказ. Между тем в стихотворении нет и намек на «возмущение» против политической системы, существовавшей в стране. Поэт клеймит позором тех, кто прибывает в Россию «на ловлю счастья и чинов», кто презирает «земли чужой язык и нравы», кому ненавистна честь России и кто «жадною толпой» теснится у трона, дабы любой ценой, в т. ч. злословия и предательства, обрести земное благополучие. Глубоко патриотический пафос стихотворения не был понят аристократическими верхами. Не было принято во внимание и то, что Лермонтов взывает не к «революции», как утверждали доносчики, а к «Божьему суду» с тем, чтобы поразить «наперсников разврата».

Через год Лермонтов окончательно приходит к мысли о том, что напоминание о Божьей каре не может утратить тех, кто отпал от Бога и поклоняется лишь «звону злата». Лермонтов как никто до него в планетарных масштабах осознает страшные последствия безверия — состояния, парализующего не только волю отдельного человека, но и процессы исторического развития («Дума»):

Печально я гляжу на наше поколенье,
Его грядущее иль пусто иль темно.
Меж тем под бременем познания и сомненья
В бездействии состарится оно [...]

Осуждается не само «познание», а познание, ставшее орудием сомнения (сомнение в идеалах прекрасного, по Лермонтову, есть безверие). Оттого — «и ненавидим мы, и любим мы случайно», т. е. не согласуя свои чувства с нравственными принципами. Неверие, по Лермонтову, стало психологическим оправданием собственной бесплодности. Им уже бравируют и — что еще ужаснее — прикрывают свои «надежды лучшие и голос благородный», если таковые где-либо и проявляются. Субъективные ощущения поэта смыкались в данном случае с правдой действительных противоречий, с объективной характеристикой порочности общества.

В этих условиях перед Лермонтовым вставал вопрос о собственной позиции как художника и гражданина. Поиск оказался нелегким.

Союза с обществом, все подвергавшим сомнению и отрицанию, ставшим «игрушкой» низменных страстей, быть не могло, хотя во внешних отношениях Лермонтов ничем не отделял себя от окружающей среды.

Большое место и в жизни, и в лирике поэта занимала природа. Это отразилось во всех его произведениях ранней и более поздней поры. Природа не только сглаживала страдания Лермонтова — она, напоминая ему о вечности, способна была навеять сладостный «сон» души, в котором на какой-то миг сглаживались противоречия мира. Именно в такие минуты лирической герой Лермонтова полнее, чем всегда, мог ощутить присутствие Бога:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.
(«Когда волнуется желтеющая нива...», 1837)

Однако природа не все могла дать поэту, и умиротворение наступало ненадолго. Оставались еще творчество и женская любовь.

Лермонтов не сомневался в высоком назначении поэзии и верил, что были времена, когда стих поэта

...как Божий дух, носился над толпой,
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но время Лермонтова — другое. И в «век изнеженный» поэт, подобно «заржавевшему» кинжалу, «свое утратил назначенье» («Поэт», 1939). Отсюда: «Не верь, не верь себе, мечтаешь молодой // Как язывы, бойся вдохновенья...» (1839).

К пониманию того, что истинный поэт — это «пророк», убежденный в высоте своей миссии, Лермонтов придет лишь незадолго до гибели, в третьей фазе своего творчества.

Одним из самых впечатляющих и ярких мотивов творчества Лермонтова следует считать мотив любви, интимных отношений с женщинами. Но как раз в этих отношениях Лермонтов так и не отыскал желаемого успокоения. Да и не могло этого случиться, потому что Лермонтов максималистски рассматривал любовь как «союз» двух сердец, устремленных к высшим, духовно значимым целям. Отсюда уподобление души возлюбленной «вечному храму» (ранняя вариация темы любви, оставшаяся в сознании поэта на все годы), от которого можно и должно ждать «спасенья своего». Между тем реальная жизнь, жизнь в обществе, где не только «ненавидят», но и любят «случайно» (т. е. «на срок», без всяких нравственных убеждений), безжалостно развеивала иллюзорные надежды. Этим объясняется постоянно углублявшееся неверие поэта в возможность обретения счастья в любви. Предельной силы такое неверие достигает в стихотворении «И скучно и грустно», написанном в 1840. С этого момента начинается третья и последняя фаза в развитии Лермонтова, длившаяся всего полтора года.

Суть перемены — в полном осуждении мира порочности и зла, где бы это ни проявляло себя: в роскошных ли аристократических залах («Как часто пестрою толпою окружен...», 1840) или в местах обитания провинциальных армейских романтиков и авантюристов («Герой нашего времени», 1840). С др. стороны, наблюдается как бы и отрешение от этого мира, погружение в самого себя, поиск действительных путей к духовному спасению вконец измученной и в чем-то уже раздробленной души («И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, — такая пустая и глупая шутка»).

Эти процессы нерасчленимы в творческом сознании поэта и его художественной практике. Однако их центральные линии ясно просматриваются почти в каждом произведении последних лет.

В стихотворении «Как часто пестрою толпою окружен» Лермонтов говорит о своей полной чужеродности бездушному светскому обществу. При «шуме музыки и пляски // При диком шепоте затверженных речей» мелькают перед ним «приличьем стяннутые маски». Здесь нет живых лиц, здесь — «образы бездушные людей». Естественно, душа поэта порывается в др. мир — мир своего детства (Тарханы). Там и осеняет его вольная «мечта» о гармонии и «ладе», где нет фальши, жизнь не имитируется, а предстает во всей своей полноте. Контраст мечты и действительности, столь характерный для ранней лирики, приобретает еще более наглядное изображение. Но мечта теперь получает свою «прописку», свой адрес: это родина, Россия. На ее дорогах, в ее судьбах надо искать обновления. Таков объективный смысл знаменитого стихотворения Лермонтова.

Как бы в «перевернутой» конструкции этот смысл сказался и в центральной идее романа «Герой нашего времени».

Печорин «гоним» своим обществом и презирает его, нисходя в нем бездушные и пошлость. Душа его, терзаемая противоречиями, также жаждет обновления («...не мелькнет ли... желанный парус»). Но Печорин не Лермонтов. Выученик абстрактного философизма по западному образцу (отсюда его постоянная тяга к рефлексии и сама эгоцентрическая сущность), Печорин лишен чувства отчизны, чувства России. Оторвавшись от «ветки родимой», от отечественных традиций (в этом смысл скрытой антиязы: Печорин — Максим Максимыч), герой не знает, что делать с собой. Действительная жизнь, которую он понимал в чем-то глубже окружающих его людей, нравственные ценности русского народа, воспитанного в лоне Православия, — все это не затронуло героя, не вошло в плоть и кровь его деяний, чувств. По возвращении из Персии — многозначительная деталь: знак чужбины! — Печорин умирает.

Для подтверждения того, как глубоко и верно уяснилась Лермонтовым в последний период творчества неразрывность идей Отчизны и Бога, важно обратить внимание не только на стихотворение «Родина» (1841), но и на «Казачью колыбельную песню» (1840).

Знаменательно, что «Казачья колыбельная песня» была написана в год завершения работы над романом «Герой нашего времени». С учетом этого обстоятельства «Песню» можно рассматривать как своеобразный комментарий к вопросу, который задает себе Печорин и который можно отнести к каждому человеку, живущему среди своего народа, независимо от занимаемой ступеньки на общественной лестнице. Печорин спрашивает себя: «Зачем я жил? Для какой цели я родился? А верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое... Но я не угадал этого назначения». Действительно, не угадал. Но истинно высокую цель жизни и не угадывают, по Лермонтову, ею — живут. Живут так, как персонажи «Казачьей колыбельной песни». Живут полнокровно и праведно, любя Бога, отца, мать, Отчизну.

С трогательной простотой поэт раскрывает в гениально найденных образах-символах спасительную нить поколений, когда их жизнь проходит в честном, хотя и суровом, служении Богу и Отчизне. Младенец еще в зыбке, но он охраняем любовью и лаской матери, мужеством отца, закаленного в «боях» за

общее дело. Получит благословение родителей на такое дело и их подрастающий первенец:

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье...

Здесь не обязательно подразумевать лишь «ратное» деяние, хотя речь идет в первую очередь о нем. Однако важно учесть, как относится сама мать к исполнению сыном своего долга, во всех случаях нелегкого:

Я сидельце боевое
Шелком разошью...

Это не бравада, а сознание необходимости всем и вместе защищать благополучие родной земли:

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой (т. е. отважный и честный),
Провожать тебя я выйду,
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!

Есть ли надежда на успех и где залог благополучного исхода праведного служения? По смыслу колыбельной песни, а значит, и по убеждению автора, такой залог есть:

Дам тебе я на дорогу
Образок святой,
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой.

Иначе: не отклоняйся от долга и заветов Православной веры!

Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи младенец, мой прекрасный,
Баюшки-баю.

В русской литературе нет произведения, где бы столь же органично и художественно, без назидательности и дидактизма были сведены воедино три самые фундаментальные основы жизни русского человека: Бог, Отчизна, дом родной. В этом следует видеть также и высшую точку духовного подъема самого Лермонтова как поэта. Его последние произведения («Выхожу один я на дорогу...», «Пророк» и «Демон») подтверждают данное заключение.

В поэме «Демон», имеющей восемь авторских редакций (последняя завершена в 1840, но, видимо, дорабатывалась до самой кончины поэта), необходимо учитывать три слоя романтико-аллегорического повествования: философский, социально-исторический и психологический. Уяснить содержание поэмы, масштабность ее замысла и исполнения можно только с учетом сложного взаимодействия всех трех линий как в композиционном, так и в идейно-смысловом плане.

Демон — противник Бога, сатана. Он же в поэме Лермонтова и «царь познания», и в то же время — «сеятель зла». Столь противоречивые свойства образа вполне объяснимы, если принять во внимание, что «познания», сопровождаемые «сомнением», Лермонтов считал тяжелейшим бременем своего поколения и даже злом, поскольку такое познание осуществлялось вне веры и идеала.

Демон, однако, тяготится своей миссией («и зло наскучило ему»). Он ищет гармонии, любви и даже с «небом примиренья»: «Хочу любить, хочу молиться, // Хочу я веровать добру».

Но душа, убитая ядом безверия и отрицания, возродиться не может. Прикосновение Демона к Тамаре оказалось смертельным для нее, потому что в любви, «как в злобе», искуситель был и «неизменен и велик». Любовь адского духа к чему бы то ни было есть, по логике сюжета, та же «злоба», только большей силы. И все же душа Тамары спасена: «она страдала и любила // И рай открылся для любви».

В борьбе за душу Тамары, в схватке с Ангелом (посланником Бога) Демон не одолел благого защитника:

И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упования и любви!..

Любовь в поэтике последних лермонтовских произведений становится знаком, условием достижения подлинной гармонии как самого качественного состояния мира и человека. Но это уже не только и не столько интимное чувство, порождаемое духовно-физиологическим влечением к женщине. Это любовь к Добру, Истине, Богу.

Именно к такой любви окончательно приходит Лермонтов в последней фазе своего творчества, полностью признав Бога как изначальный источник всех благих и прекрасных побуждений на земле. В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...», написанном за две недели до гибели на дуэли с отставным майором Н. С. Мартыновым, Лермонтов выражает желание «забыться и заснуть», т. е. дистанцироваться от противоречий и тщеты суетного мира, который дал ему лишь «трудности» и «боли» («Что же мне так больно и так трудно?»). Но преодолеть невзгоды суетного мира не означало у Лермонтова заснуть «холодным сном могилы». Напротив:

Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтоб всю ночь, весь день, мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел.

О какой любви мечтает здесь поэт? О той, которая врачует душевные раны, которая может стать залогом беззлбия и силы, постоянной сущью человеческих отношений, устремленных к гармонии и к Богу.

Все это означает, что поэзия Лермонтова и все его творчество последних лет не только крик отчаяния, но и мудрый наказ русскому человеку: во что бы то ни стало воспрянуть духом, стремиться к добру и милосердию. Лермонтов хотел, чтобы человек обновился, чтобы вечная борьба священного с порочным, которая проходит в душе каждого из нас и определяет глубинную суть человеческой жизни, завершилась если не абсолютной победой, то перевесом священного.

Соч.: Соч.: В 6 т. М.; Л., 1954—57; Собр. соч.: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1969—81.

Лит.: М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989; Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.; Л., 1964; Лермонтовская энциклопедия. М., 1981; Ковалевская Е. А., Мануйлов В. А. М. Ю. Лермонтов в портретах. Л., 1959; Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1987; Литературное наследство. М. Ю. Лермонтов. М., 1941—48. Т. 43—44; 45—46; Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов. Биография. М., 1954. Т. 1; Максимов Д. Поэзия Лермонтова. 2-е изд. М.; Л., 1964; Федоров А. В. Лермонтов и литература его времени. Л., 1967; Мануйлов В. А., Назарова Л. Н. Лермонтов в Петербурге. Л., 1984; Коровин В. И. Творческий путь М. Ю. Лермонтова. М., 1973.

И. Щельбыкин

ЛЕСКОВ Николай Семенович (4[16].02.1831—21.02[5.03].1895), писатель. Родился в с. Горохово Орловской губ. Отец Лескова — мелкий чиновник из семинаристов, служил заседателем орловской палаты уголовного суда. Детство Лескова прошло в поместье его родственников, затем в

Орле, потом в купленном отцом сельце Панино Кромского у. Мать Лескова была глубоко верующим, православным человеком, воспитавшим сына на духовных ценностях Нового Завета. После смерти отца Лесков вследствие материальной нужды поступил в 1847 в орловскую палату уголовного суда, давшую ему обильный материал для будущих зарисовок. В 1849 перевелся в Киев, где его дядя проф. медицины С. П. Алферьев ввел его в просвещенный

круг киевского общества. В качестве вольнослушателя Лесков посещал в Киевском университете лекции по агрономии, криминалистике, государственному праву, анатомии. В Киеве его пленили образцы древнерусской архитектуры и живописи. Лесков овладел украинским и польским языками. Он лично знал *Т. Г. Шевченко*, *Марко Вовчок*, *А. А. Котляревского*, ценил *А. Мицкевича*, *В. Сырокомлю*, *Ю. Крашевского*, в некоторой степени повлиявших на формирование его стиля. Киевский период жизни дал Лескову материал для «Печерских антиков» (1883), «Последней встречи и последней разлуки с Шевченко» (1861) и др. В 1857 Лесков вышел в отставку и поступил на частную службу к своему родственнику со стороны матери, обрусевшему англичанину *А. Я. Шкотту*, управлявшему крупными поместьями. Исполняя его поручения, Лесков сопровождал большую партию крестьян-переселенцев из Орловской губ. по Оке и Волге в саратовские степи. Лесков навсегда запомнил картины распродажи крестьянского хозяйства, тяжелые сцены «навечной разлуки», бедствия самого путешествия на переселенческой барке. На эту тему позднее написан рассказ Лескова «Продукт природы» (1893). Письма-отчеты, которые Лесков посылал во время деловых разъездов, через Шкотта стали известны публицисту *Ф. И. Селиванову*, заслужили лестные отзывы литераторов и ученых. С 1860 Лесков начал печататься в столичных изданиях. В 1861 переехал в Петербург, всецело отдавшись литературной работе.

Писательскую деятельность Лесков начинал как журналист очерками и статьями на темы крестьянского расселения, социальной гигиены, искоренения пьянства. С горечью он писал о «тяжелых отношениях, в которые у нас поставлен труд к капиталу, работник к хозяину», призывал к уважению «неотъемлемых прав человеческой свободы». В это же время Лесков сблизился с *Артуром Бенни*, о драматической жизни которого он впоследствии написал повесть «Загадочный человек», и с *П. И. Мельниковым (Печерским)*, оказавшим на него литературное влияние. С дифференциацией идейных групп в 60-е и с выступлением нигилистов Лесков примкнул к писателям, группировавшимся вокруг «Отечественных записок» и противостоявшим «Современнику» *Н. Г. Чернышевского* и *Н. А. Добролюбова*. В 1862 распространились слухи о том, что проис-

шедшие в мае петербургские пожары организованы студентами под влиянием прокламации «Молодая Россия». Лесков выступил тогда же в «Северной пчеле» со статьей, в которой требовал от полиции либо опровергнуть слухи, либо обнаружить и наказать виновников. Статья вызвала резкий отзыв *Д. И. Писарева*, Лескова обвиняли в натравливании органов власти на студентов.

Первыми художественными произведениями Лескова были крестьянские рассказы «Погащенное дело» (1862), «Язвительный» (1863) и др. Наиболее значителен в этом ряду «опыт крестьянского романа», как назвал сам писатель «Житие одной бабы» (1863), впоследствии переработанный и получивший название «Амур в лапоточках». Интерес Лескова к народному творчеству сказался на построении этой деревенской биографии, в которой звучат русские песни — святочные, свадебные, бытовые, любовные, «веселье-разудале». Трагическая история безответной Насти, «песельницы», насильно выданной за немилую, бежавшей с возлюбленным, арестованной, поротой розгами в полиции, ставшей «бесноватой» и, наконец, замерзающей в лесу, развертывается в условиях патриархального семейного быта и жестокого произвола полицейских чиновников.

В сер. 60-х Лесков создает особый жанр «русской новеллы», изображающей глухой, но не лишенный живописности быт уездной Руси. «Леди Макбет Мценского уезда» (1865) — история страсти и преступления Катерины Измайловой. Лесков достиг в ней сильного драматизма и замечательной выпуклости в изображении героев. *Ф. М. Достоевский* высоко оценил этот рассказ, напечатав его в своем журнале «Эпоха».

Общественная позиция Лескова и его отношения с нигилистами в 60—70-е определились в результате опубликования антинигилистических романов «Некуда» (1864, под псевд. *М. Стебницкий*) и «На ножах» (1870—71). Несколькими ранее (1863) появился рассказ «Овцебык». Овцебык — прозвище семинариста-агитатора, отказавшегося от монашества ради пропаганды социализма. Погибая в глубокой тоске по оставленному духовному призванию, он приходит к убеждению, что по избранному им пути социалиста-реформатора идти некуда. Вывод этот лежит в основе романа «Некуда», в котором дана сатирическая галерея «новых» людей. Материалом для романа послужила реальная история девушки, поселившейся в «знаменской коммуне», устроенной *В. А. Слепцовым*. Полемика с нигилистами и особенно с Чернышевским содержится и в романе «Обойденные» (1865). Героиня его, подобно *Вере Павловне* из романа Чернышевского «Что делать?», руководит швейной мастерской, но не стремится организовать по-новому труд и быт девушек. Ее внутренняя жизнь сосредоточена на любви к молодому литератору *Долинскому* (автопортрет Лескова). Оба они затеряны в эпохе и обойдены общественным вниманием, направленным на нигилистов и «лженигилистов». Наиболее отчетливо памфлетная тенденция сказалась в романе Лескова «На ножах» — резком обличении нигилистов. После опубликования романа литературные нигилисты начинают травлю Лескова.

В 70-е и особенно в 80-е Лесков сблизился с *Л. Н. Толстым*, и это оказывает на него как на художника большое влияние. Роман «Соборяне» (1872) положил начало серии сказаний о народных праведниках («Несмертельный Голован», 1880, «Одному», «Пугало», «Фигура» и др.). Лесков изображал в них верных чад Русской церкви. Его герои были сильные духом люди из народа, борцы за справедливость. Таков в «Соборянах» протопоп *Савелий Туберозов* — бесстрашный борец с церковными чиновниками и сто-

личными ревизорами. К нему близок и дьякон Ахилла Десницын, «стихийный исполин», у которого сердце «билося верно». Образу этому Лесков придавал особое значение, как выразителю подспудных национальных сил, могучих, но до времени скованных. Широкой разработке этого же замысла посвящена повесть «Очарованный странник» (1873). Художественность натуры ее героя Ивана Флягина, беглого крепостного, знатока лошадей в иноческом подрянике, влечет его к скитаниям по Руси. Артистизм и страстность его необузданной натуры проявляются в поступках благородных и героических, а порой в жестокостях и диких запоях. В поисках красоты жизни он «всю жизнь погибал и никак не мог погибнуть».

Лесков написал и несколько повестей о художниках — «Чертовы куклы», «Островитяне», «Запечатленный ангел» (1873). Последняя — это как бы художественный трактат о старинной иконописи, мастерски развернутый на фоне рабочей жизни артели каменщиков-староверов. Устами простонародного живописца автор рассказывает о мастерах Палеха и Мстеры, о чудесном письме Андрея Рублева и Ушакова, о школах устюжских и вологодских, о росписях новгородской и киевской Софии.

Тема высокой одаренности русского народа получила развитие и в сказании «Левша (Сказ о тувльском косом Левше и о стальной блохе)» (1881). Сам писатель сообщает, что история стальной блохи выросла из народной пословицы, но выражает «гордость русских мастеров ружейного дела». «Сказ о косом Левше» — образец стилизации под лубок, под расшник. Единственная развернутая на фоне рабочей жизни артели каменщиков-староверов. Устами простонародного живописца автор рассказывает о мастерах Палеха и Мстеры, о чудесном письме Андрея Рублева и Ушакова, о школах устюжских и вологодских, о росписях новгородской и киевской Софии.

К жемчужинам русской литературы принадлежат «Тупейный художник», «Человек на часах», «На краю света», «Владычий суд». Особую группу составляют легенды на материале древнерусских *житий* и назидательных новелл. В этих сказаниях («О богоугодном дровоколе», «О Федоре-христиане и Абраме-жидовине», «Скоморох Памфалон», «Совестный Данила», «Прекрасная Аза», «Аскалонский злодей» и др.) художественная археология сочетается с нравственной философией. Лесков стремится соединить, по собственным словам, стиль Флобера-историка с манерой Толстого-моралиста.

В наследии Лескова большое место занимает сатира. Свойственные его дарованию черты юмора, а порой и острого сарказма часто приводили к созданию разоблачительных произведений. Сатира Лескова претерпела за 40 лет значительную эволюцию. В 60-е она была обращена против нигилистов. В 70-х меняется не только содержание его сатиры, но и самый ее характер. Он сам определял свою позднюю иронию как «добрую», «незлобивую и снисходительную». Его юмор укладывается в рамки шутки, анекдота, иронического рассказа, близкого к шаржу. Иные из таких сатирических «мелочей» (как он сам их называл), сильные по началу повествования, получали в дальнейшем неожиданное искривление и не достигали намеченной цели. Таковы «Отборное зерно», «Бесстыдник», «Пустоплясы», «Уха без рыбы» и др., в которых изображение «калейдоскопической пестроты» и «сюпризов» русской жиз-

ни затемняет направленность его иронии. Под конец жизни Лесков обращается к бичующей и гневной сатире. Он писал: «Мои последние произведения весьма жестоки: “Загон”, “Зимний день”, “Дама и фефела”... Эти вещи не нравятся публике за цинизм и прямоту. Да я и не хочу нравиться публике... Я хочу бичевать ее и мучить».

Из произведений 70-х к типу разящего памфлета близок рассказ «Железная воля» (1876), направленный против всемерной ограниченности и тупого педантизма, враждебного живой жизни (повесть «Заячий ремиз» (1891—94)).

За 4 десятилетия литературной деятельности Лесков выработал свою теорию прозы. В основе ее — провозглашение идейного искусства и его служебного значения для жизни. Лесков искал новые жанры, отходил от общепринятых канонов. Его таланту были близки такие жанры, как мемуары, биография, хроника, *притча* и *анекдот*, но в смелом изображении и яркой расцветке. «Человек живет словами», утверждал Лесков, и полнее всего может быть изображен своей речевой характеристикой. Живая лексика — вернейший путь к постижению психологии образа. Лесков изучал безбрежную стихию народного языка для выработки новой повествовательной манеры, расцветченной всевозможными наречиями и жаргонами, варваризмами, неологизмами, обильной технической терминологией и богатым лексиконом вымысленных слов, придающих особый колорит, пестроту и веселость его неповторимо выразительной речи.

В последние годы жизни творческий путь писателя был омрачен глубоким духовным затмением. В 1891 в 11—12-м номерах возглавляемого масонами журнала «Вестник Европы» он опубликовал пасквиль на великого русского святого *Иоанна Кронштадтского*. В памфлете «Полуношники» он пытался очернить старца, выполняющего заказ масонов «низвести с пьедестала народности “народного святого”», представляя его в виде аморального сектанта. Почему Лесков взялся за этот пасквиль, сейчас понять трудно. Возможно, сказались обида на то, что св. Иоанн Кронштадтский справедливо осудил др. пасквильное произведение Лескова «Мелочи архиерейской жизни», вышедшее в мasonicкой газете «Новости» (1878). Есть сведения, что перед смертью Лесков глубоко сожалел о совершенном им поступке.

Соч.: Собр. соч. 2-е изд., с критико-биографич. очерком Р. И. Сементковского и библиографией соч. Лескова за 1860—89 / Сост. П. В. Быковым. Т. 1—12. СПб., 1889—96; Полн. собр. соч. 3-е изд. Т. 1—36. СПб., 1902—03; Избр. соч. / Вступ. ст. Б. М. Друтова. Биография и коммент. А. Н. Лескова. М., 1946; Собр. соч. Т. 1—11. М., 1956—58; Собр. соч. Т. 1—6 / Вступ. ст. В. В. Троицкого. М., 1989.

«ЛЕТО ГОСПОДНЕ», произведение писателя *И. С. Шмелева*, одно из высших выражений русского мировоззрения. Написано в 1927—31, 1934—44.

В своем произведении Шмелев раскрывает источники русской национальной духовной силы. Все трудности русской природы, все испытания русской истории, все неимоверные задачи русской государственности русские люди вынесли благодаря тому, что ставили свою душу в трепетную близость к Богу, получая от этой молитвенной близости: живую совесть, мудрое терпение, тихое трудолюбие, умение прощать и повиноваться. И еще глубже и священнее: душу, открытую для каждого веяния Божьего Духа, душу, по-детски доверчивую, искреннюю, добрую и смиренно-покаянную; дар — верить сердцем и освящать лучами этой веры весь свой уклад, и быт, и труд, и природу, и саму смерть. Таков был дух Руси. Дух православной

Руси. Она крепла, непоколебимо верила в то, что близость к Богу дает не только правоту, ведущую на вершинах своих к святости, но и силу, жизненную силу, и, стало быть, победу над своими страстями, над природой и над врагами. В революцию 1917 русский народ утратил все это сразу, в час соблазна и потемнения, — и близость к Богу, и власть над страстями, и силу национального сопротивления, и органическое единомыслие с природой.

Когда читаешь эту книгу, видишь саму Русь, народную Русь, православную Русь, московскую, замоскворецкую, во всей ее темпераментной широте, во всем ее истовом спокойствии, в этом чудесном сочетании наивной серьезности, строго добродушия и лукавого юмора.

Великий мастер слова и образа, Шмелев создает здесь в величайшей простоте утонченную и незабвенную ткань русского быта; этим словам и образам не успеваешь дивиться, иногда в душе тихо всплеснешь руками, когда выбросится уж очень точное, очень насыщенное словечко: вот «таратанье» «веселой мартовской капели»; вот в солнечном луче «суетятся золотишки», а от капусты на базаре идет «кислый и вонякий дух»; «топоры хряпкают»; «арбузы с подтреском»; «черная каша галок в небе». А этот разлитый «постный рынок»... А запахи и молитвы Яблочного Спаса!.. А крещенское купание в проруби... Да всех богатаев и не упомянуть!.. И уж потом только, когда выпьешь всю книгу и захочется начать чтение опять сначала, — в промежутке невольно спрашиваешь себя: что это за сила художественного воображения, на которую читатель не может не отозваться всем своим существом?

Это и есть воображение — насыщенное трепетом сердца. Здесь каждый миг взят любовно, нежным, упоенным и упоительным проникновением; здесь все лучится от сдержанных, не проливаемых слез умиленной и благодарной памяти. И такова сила этих непролитых художником слез, что у читателя они то и дело накапливаются в сердце. Шмелев показывает нам Россию и православный строй ее души — силой ясновидящей любви.

Эта сила воображения возрастает и утончается еще оттого, что все берется и дается из детской души, вседоверчиво разверстой, трепетно отзывчивой и радостно наслаждающейся. С абсолютной впечатлительностью и точностью она подслушивает звуки и запахи, ароматы и вкусы. Она любит земные лучи и видит в них — неземные; любовно чует малейшие колебания в настроении у др. людей; ликует от прикосновения к святости; ужасается от греха и неустанно вопрошает все вещественное о скрытом в нем таинственном и высшем смысле. Шмелев показывает православную Русь — сквозь искренность, чистоту и нежность младенчества.

И вот эта сила любви и эта нежность младенчества блаженно впитывают в себя стихию Православия. Не в порядке богословия, и не в порядке богослужения; ибо обе эти стороны требуют не младенческого разума. А в порядке непосредственного жизнеосвящения.

Православие всегда искало раскрыть сердце человека навстречу Христу и ввести веяние Духа Святого во все уголки душевной и бытовой жизни: пробудить в людях голод по священному; озарить жизнь незримо присутствующей благодатью; научить человека любить Бога и в больших и в малых делах. И вот, с тех пор как существует русская литература, впервые художник показал эту чудесную встречу — мироосвящающего Православия с разверстой и отзывчиво-нежной детской душой. Впервые создана лирическая поэма об этой встрече, состоявшейся не в догмате, и не в таинстве, и не в богослужении, а в быту. Ибо

быт навсвоем пронизан токами православного созерцания; и младенческое сердце, не постигающее учения, не разумеющее церковного ритуала, пропитывается излучениями Православной веры, наслаждается восприятием святого в жизни; и потом, повернувшись к людям и к природе, радостно видит, как навстречу ему все радостно лучится лучами скрытой божественности. Лирическая поэма об этой чудной встрече разрастается, захватывает весь быт взрослого народа и превращается в эпическую поэму о России и об основах ее духовного бытия. Шмелев показывает русскую православную душу в момент ее пробуждения к Богу, в период ее первого младенческого восприятия Божества; он показывает нам православную Русь — из сердечной глубины верующего ребенка.

Прежде всего он показывает обновление. «Новое все теперь, другое». «Душа начнется». «Другое все! — такое необыкновенное, святое». «И будет теперь другое, совсем другое, и навсегда». Открывается мир по-новому; обнаруживается новый мир, мир, насыщенный божественной значительностью, священностью, святостью. Все, что прикасается к Божественному, к богослужению, к очищению души, к благословию, к молитве — все чувствуется как священное. «И малютке самому хочется стать святым — навертываются даже слезы». И про любимца своего, старичка Горкина — а он «сама правда», свеча Божия, — ребенок уже допытывается, «кто он будет, святомученик или преподобный, когда помрет?».

Все освящается и очищается от молитвы: и жизнь, и двор, и животные, и яблоки, и самый воздух. Во всем раскрывается некая тайна и чистота; по-новому сияет «двор обмоленный», и кажется, что даже «во всех шелях, в дырках между досками, в тихом саду вечернем — держится голубой дымок, стелются петые молитвы, — только не слышно их. И ото всего этого исчезает страшность жизни: «Мне теперь ничего не страшно... потому что везде Христос»; «и все во мне связывается с Христом»... и все это «для Него». Исчезает страшное — и начинается радость: «радостное до слез бьется в душе»; душа поет первую песнь озаренности, благодарности и любви. «Благодаренье... и каждый должен обрадовать кого-то, а то праздник не в праздник будет»; и вот, летят Божьи птички на Божью свободу. И лошадь, старую Кривую, надо «снежком порадовать», и людей: согрешивших простить, недовольных примирить, трудящихся обласкасть, награждать. Ласка любви летится отовсюду на детскую душу; и ответной любовью и лаской отвечает детская душа. И золотому лучу сердца — весь мир видится праздничным, радостным и золотым. Как же не радостным, когда идет сам «Господь, во святой Троице, по всей земле»... Неужели и «к нам» зайдет Господь? «Молчи, этого никто не может знать!» Пройдет он по земле и благословит: «и будет лето благоприятное»...

Так отверзаются духовные очи ребенка — и он видит Бога; и мир видит по-новому; и себя и свой народ он начинает разуметь свяшенно. И все это проникает в его родовое, национальное ощущение и будит в нем последнюю глубину общенародной памяти. Вот он смотрит с моста на Московский Кремль:

«Что во мне бьется так, наплывает в глазах туманом? Это — мое, я знаю. И стены, и башни, и соборы, и дымные облачка за ними, и эта моя река, и черные полыньи в воронах, и лошадки, и заречная даль посадов — были во мне всегда. И все я знаю. Там, за стенами, церковка под бугром — я знаю. И щели в стенах — знаю. Я глядел из-за стен... когда? И дым пожаров, и крики, и набат — все помню! Бунты, и топоры, и плахи,

и молебны... — все мнится былью, мою былью — будто во сне забытом».

Блаженно детство, исполненное таких восприятий, постижений и радостей! Жив и никогда не умрет народ, создавший такое и умеющий так пробуждать к жизни своих детей! Еще ли русским не верить, и сомневаться, и роптать? Еще ли русским не чувствовать своей национальной судьбы в руке Божией? Еще ли не слышать духовным слухом звона московского на Рождество Христово: «В Кремле, — древний звон, степенный, с глухотой. А то — тугое серебро, как бархат звонный. И все запело, тысяча церквей играет. Такого не услышишь, нет. Не Пасха, перезвону нет, а стелет звоном, кроет серебром, как пенье, без конца-начала... — гул и гул».

Еще ли русским не чутя и не разуметь, чем строилась и держалась Россия? И как жили русские в ней, русские все — «птицы Божии» и как омывались духовно святой водой: «крещенская-богоявленская, смой нечистоту, душу освяти, телеса очисти, во имя Отца и Сына и Святого Духа». Это вечное, это навеки так; ибо жива Россия. И в сердце русском должны слышать это всегда. И не «сны» это, уцелевшие в обрывках; а сама духовная, благодатная ткань православной Руси. Это — дух русского народа.

И. Ильин

ЛЕТОПИСИ, исторические произведения XI—XVII вв., в которых повествование велось по годам. Рассказ о событиях каждого года в летописях обычно начинался словами: «в лето» — отсюда название — летопись. Слова «летопись» и «летописец» равнозначны, но летописцем мог называться также и составитель такого произведения. Летописи — важнейшие исторические источники, самые значительные памятники общественной мысли и культуры Древней Руси. Обычно в летописи излагалась русская история от ее начала, иногда летописи открывались библейской историей и продолжались античной, византийской и русской. Летописи играли важную роль в идеологическом обосновании княжеской власти в Древней Руси и пропаганде единства русских земель. Летописи содержат значительный материал о происхождении восточных славян, о их государственной власти, о политических взаимоотношениях восточных славян между собой и с др. народами и странами.

Характерной чертой летописи является вера летописцев во вмешательство божественных сил. Новые летописи составлялись обычно как своды предшествующих летописей и различных материалов (*исторических повестей, житий, посланий* и пр.) и заключались записями о современных летописцу событиях. Литературные произведения вместе с тем использовались в летописях в качестве источников. Предания, *былины*, договоры, законодательные акты, документы княжеских и церковных архивов также влетались летописцем в ткань повествования. Переписывая включаемые в летопись материалы, он стремился создать единое повествование, подчиняя его исторической концепции, соответствовавшей интересам того политического центра, где он писал (двор князя, канцелярия митрополита, епископа, монастыря, посадничья изба и т. п.). Однако наряду с официальной идеологией в летописях отображались взгляды их непосредственных составителей. Летописи свидетельствуют о высоком патристическом сознании русского народа в XI—XVII вв. Составлению летописей придавалось большое значение, к ним обращались в политических спорах, при дипломатических переговорах. Мастерство исторического повествования достигло в них вы-

сокого совершенства. Списков летописей дошло не менее 1500. В их составе сохранились многие произведения древнерусской литературы: «Поучение» *Владимира Мономаха*, «Сказание о Мамаевом побоище», «Хождение за три моря» *Афанасия Никитина* и др. Древние летописи XI—XII вв. сохранились только в позднейших списках. Древнейший список летописей с датой — краткий летописец Константинопольского патр. Никифора, дополненный русскими статьями до 1278, содержащийся в Новгородской кормчей 1280. Наиболее известный из ранних летописных сводов, дошедший до нашего времени, — «Повесть временных лет». Ее создателем считают *Нестора* — монаха Печерского монастыря в Киеве, написавшего свой труд ок. 1113.

«Повесть временных лет»
в Радзивилловской летописи

В Киеве в XII в. летописание велось в Киево-Печерском и Выдубицком Михайловском монастырях, а также при княжеском дворе. Галицко-волинское летописание в XII в. сосредоточивается при дворах галицко-волинских князей и епископов. Южнорусское летописание сохранилось в *Ипатьевской летописи*, которая состоит из «Повести временных лет», продолженной в основном киевскими известиями (кончая 1200), и *Галицко-Волинской летописи* (кончая 1289—92). Во Владимир-Суздальской земле главными центрами летописания были Владимир, Суздаль, Ростов и Переяславль. Памятником этого летописания является *Лаврентьевская летопись*, которая начинается «Повестью временных лет», продолженной владимиро-суздальскими известиями до 1305, а также Летописец Переяславля-

Суздальского (изд. 1851) и *Радзивилловская летопись*, украшенная большим количеством рисунков. Большое развитие получило летописание в Новгороде при дворе архиепископа, при монастырях и церквах.

Монголо-татарское нашествие вызвало временный упадок летописания. В XIV—XV вв. оно вновь развивается. Крупнейшими центрами летописания являлись Новгород, Псков, Ростов, Тверь, Москва. В летописных сводах отражались гл. образом события местного значения (рождение и смерть князей, выборы посадников и тысяцких в Новгороде и Пскове, военные походы, битвы и т. д.), церковные (построение и смерть епископов, игуменов монастырей, постройка церквей и пр.), неурожай и голод, эпидемии, примечательные явления природы и др. События, выходящие за пределы местных интересов, отражены в таких летописях слабо. Новгородское летописание XII—XV вв. наиболее полно представлено *Новгородской первой летописью* старшего и младшего изводов. Старший, или более ранний, извод сохранился в единственном Синодальном пергаменном (харатейном) списке XIII—XIV вв.; младший извод дошел в списках XV в. В Пскове летописание было связано с посадниками и государственной канцелярией при соборе Троицы.

Разорение русской земли монголо-татарами.
Лицевой летописный свод, XVI в.

В Твери летописание развивалось при дворе тверских князей и епископов. Представление о нем дают Тверской сборник и *Рогожский летописец*. В Ростове летописание велось при дворе епископов, и летописи, созданные в Ростове, отражены в ряде сводов, в т. ч. в Ермолинской летописи к. XV в.

Новые явления в летописании отмечаются в XV в., когда складывалось Русское государство с центром в Москве. Политика московских вел. князей нашла свое отражение в общерусских летописных сводах. О первом московском общерусском своде дают представление Троицкая летопись н. XV в. (исчезла при пожаре 1812) и Симеоновская летопись в списке XVI в. Троицкая летопись кончается 1409. Для составления ее были привлечены разнообразные источники: новгородские, тверские, псковские, смоленские и др. Происхождение и политическая направленность этой летописи подчеркиваются преобладанием московских известий и общей благоприятной оценкой деятельности московских князей и митрополитов. Общерусским летописным сводом, составленным в Смоленске в к. XV в., была т. н. Летопись Авраамки; др. сводом является Суздальская летопись (к. XV в.).

Летописный свод, основанный на богатой новгородской письменности, «Софийский временник», появился в Новгороде. Большой летописный свод появился в Москве в к. XV — н. XVI в. Особенно известна Воскресенская летопись, кончающаяся на 1541 (составление основной части летописи относится к 1534—37). В нее включено много официальных записей. Такие же официальные записи вошли в обширную Львовскую летопись, включившую в свой состав «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», до 1560. При дворе *Ивана Грозного* в 1540—60-х был создан *Лицевой летописный свод*, т. е. летопись, включающая рисунки, соответствующие тексту. Первые 3 тома Лицевого свода посвящены всемирной истории (составленной на основании «Хронографа» и др. произведений), следующие 7 томов — русской истории с 1114 по 1567. Последний том Лицевого свода, посвященный царствованию Ивана Грозного, получил название «Царственной книги». Текст Лицевого свода основан на более ранней — *Никоновской летописи*, представлявшей огромную компиляцию из разнообразных летописных известий, повестей, житий и пр. В XVI в. летописание продолжало развиваться не только в Москве, но и в др. городах. Наиболее известна Вологодско-Пермская летопись. Летописи велось также в Новгороде и Пскове, в Печерском монастыре под Псковом. В XVI в. появились и новые виды исторического повествования, уже отходящие от летописной формы, — «Книга степенная царского родословия» и «История о Казанском царстве».

В XVII в. происходило постепенное отмирание летописной формы повествования. В это время появились местные летописи, из которых наиболее интересны Сибирские летописи. Начало их составления относится к 1-й пол. XVII в. Из них более известны Строгановская летопись и Есиповская летопись. В к. XVII в. тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым была составлена «История Сибирская». В XVII в. летописные известия включаются в состав степенных книг и хронографов. Слово «летопись» продолжает употребляться по традиции даже для таких произведений, которые слабо напоминают летописи прежнего времени. Таким является Новый летописец, повествующий о событиях к. XVI — н. XVII в. (польско-шведская интервенция и крестьянская война), и «Летопись о многих мятежах».

М. Тихомиров

Взятие г. Владимира Батыем.
 Лицевой свод, XVI в. Голицынский том

Православное мировоззрение в русской летописной традиции. «Русская история поражает необыкновенной сознательностью и логическим ходом явлений», — писал К. С. Аксаков более 120 лет назад. Мы часто забываем об этой осознанности, невольно возводя хулу на своих предков, подверстывая их высокую духовность под наше убожество. Между тем история донесла до нас многочисленные свидетельства их гармоничного, воцерковленного мировоззрения. В ряду таких свидетельств особой исторической полнотой отличаются летописи.

В развитии русского летописания принято различать три периода: древнейший, областной и общерусский. Несмотря на все особенности русских летописных традиций, будь то «Повесть временных лет», в редакции прп. Нестора-летописца, новгородские летописи, с их лаконичностью и сухостью языка, или московские летописные своды, — не вызывает сомнения общая мировоззренческая основа, определяющая их взгляды. Православность давала народу твердое ощущение общности своей исторической судьбы даже в самые тяжелые времена удельных распрей и татарского владычества.

В основании русских летописей лежит знаменитая «Повесть временных лет» — «откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве начал первое княжить и откуда русская земля стала есть». Имевшая не одну редакцию, «Повесть» легла в основу различных местных летописей. Как отдельный памятник она не сохранилась, дойдя до нас в составе более поздних летописных сводов — Лаврентьевского (XIV в.) и Ипатьевского (XV в.). Повесть — это общерусский летописный свод, составленный к 1113 в Киеве на основании летописных сводов XI в. и др. источников — предположительно греческого происхождения. Прп. Нестор-летописец, святой подвижник Киево-Печерский, закончил труд за год до своей кончины. Летопись продолжил др. святой инок — прп. *Сильвестр*, игумен Выдубицкого Михайловского монастыря в Киеве. Память их Святая Церковь празднует соответственно 27 окт. и 2 янв. по ст. ст.

В Повести хорошо видно желание дать, по возможности, всеобъемлющие понятия о ходе мировой истории. Она начинается с библейского рассказа о сотворении мира. Заявив т. о. о своей приверженности христианскому осмыслению жизни, автор переходит к истории русского народа. После Вавилонского столпотворения, когда народы разделились, в Иафетовом племени выделилось славянство, а среди славянских племен — русский народ. Как и все в тварном мире, ход русской истории совершается по воле Божией, князья — орудия Его воли, добродетели следуют воздаяние, согрешениям — наказание Господне: глад, мор, трус, нашествие иноплемненных.

Бытовые подробности не занимают автора летописи. Его мысль парит над суетными попечениями, с любовью останавливаясь на деяниях святых подвижников, доблестях русских князей, борьбе с иноплемненниками-иноверцами. Но и все это привлекает внимание летописца не в своей голой исторической «данности», а как свидетельство промыслительного попечения Божия о России.

Этом ряду выделяется сообщение о посещении Русской земли св. ап. Андреем Первозванным, предсказавшим величие Киева и будущий расцвет Православия в России. Фактическая достоверность этого рассказа не поддается проверке, но его внутренний смысл несомненен. Русское православию и русский народ обретают «первозванное» апостольское достоинство и чистоту веры, подтверждающиеся впоследствии равноапостольным достоинством святых *Мефодия* и *Кирилла* — просветителей славян, и св. блгв. кн. *Владимира* Крестителя. Сообщение летописи подчеркивает промыслительный характер Крещения Руси, молчаливо предполагая за ней соответственные религиозные обязанности, долг православно-церковного послушания.

Автор отмечает добровольный характер принятия служения. Этому служит знаменитый рассказ о выборе вер, когда «созва Володимер боляры своя и старци градские». Летопись не приводит никаких стесняющих свободу выбора обстоятельств. «Аще хощеси испытати гораздо, — послав испытай когждо... службу и како служит Богу». Желание богоугодной жизни, стремление найти неложный путь к Богу — единственный побудительный мотив Владимира. Чрезвычайно показателен рассказ послов, возвратившихся после испытания вер. Мусульмане отвержены, ибо «нестъ веселия в них, но печаль», католики — из-за того, что у них «красоты не видехом никоея же». Речь идет, конечно, не о мирском «веселье» — его у мусульман не меньше, чем у кого-либо иного, и не о житейской «печали». Речь — о живом религиозном опыте, полученном послами. Они искали то веселие, о котором говорит Псалмопевец: «Вонми гласу моле-

ния моего, Царю мой и Боже мой... И да возвеселятся вси, уповающие на Тя, во век возрадуются; и вселишься в них, и похвалятся о Тебе любящие имя Твое» (Пс. 5, 3; 12). Это веселие и радость богоугодного жития — тихие, немязежные, знакомые всякому искренне верующему православному человеку по умирительному личному опыту, не объяснимому словами. Послы ощутили в мечети вместо этого веселия печаль — страшное чувство богооставленности и богоотверженности, свидетельствуемое словами Пророка: «Увы, язык грешный, людие исполнены грехов, семя лукавое, сынове беззаконие — остависте Господа... Что еще уязвляется, прилагающе беззаконие, всякая глава в болезнь и всякое сердце в печаль» (Ис. 1, 4—5).

И у католиков послы поразились не отсутствием вещественной красоты — хотя по красоте и пышности католическое богослужение не идет ни в какое сравнение с православным. Здоровое религиозное чутье безошибочно определило ущербность католицизма, отсекающего себя от соборной совокупности Церкви, от ее благодатной полноты. «Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе», — свидетельствует Священное Писание. Отсутствие этой красоты и почувствовали благонамеренные

Книзьвездный поучитель поезда, и в птх
 истинногослужения и в кресте гора. Да
 снийжеамитишестипучитилюкнсьвп
 лнкіневогосла Федорацелііе
 пнужкоурн
 цы
 па

Посольство Федора Курицына.
 Лицевой летописный свод, XVI в.
 Шумиловский том

послы. Тем разительней был для них контраст от присутствия на литургии в соборе святой Софии в Царьграде: «Приидом же в греки и ведоша ны идеже служат Богу своему». Богослужение так поразило русов, что они в растерянности твердят: «И не знаем, были ли мы на небе, или на земле — ибо не бывает на земле красоты такой — только то верно знаем, что там с человеками пребывает Бог... И не можем забыть красоты той». Их сердца, ищущие религиозного утешения, получили его в неожиданной полноте и неотразимой достоверности. Исход дела решили не внешние экономические соображения (обоснованность которых весьма сомнительна), а живой религиозный опыт, обильное присутствие которого подтверждает и вся дальнейшая история русского народа.

Довольно полную картину взглядов современников на ход русской жизни дает Лаврентьевский свод. Вот, напр., картина похода русских князей на половцев в 1184: «В то же лето вложи Бог в сердце князем русским, ходиша бо князи русские вси на половци».

В 70-х XII в. усиливается натиск половцев на границы русских княжеств. Русские предпринимают ряд ответных походов. Следует несколько местных поражений половецких войск, результатом которых становится их объединение под властью одного хана — Кончака. Военная организация половцев получает единообразие и стройность, улучшается вооружение, появляются метательные машины и «греческий огонь»: Русь лицом к лицу сталкивается с объединенным сильным войском противника.

Половцы, видя свое превосходство, принимают удачно складывающиеся обстоятельства за знамение благоволения Божия. «Се Бог вдал есть князи русские и полки их в руки наши». Но Промысл Божий не связан с соображениями человеческой мудрости: «не ведуще» неразумные иноверцы, «яко несть мужества, ни есть думы противу Богови», — сетует летописец. В начавшейся битве «побегоша» половцы «гоними гневом Божиим и Святой Богородицы». Победа русских не есть результат их собственного попечения: «Содеял Господь спасенье велико нашим князьям и воям их над враги нашими. Победена быша иноплеменицы» промыслительной помощью Божией под Покровом Пресвятой Богородицы, покрывающей попечением Своим боголюбивое русское воинство. И сами русские это прекрасно сознают: «И рече Владимир: се день иже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны. Яко Господь избавил ны есть от враг наших и покорил врази наша под нозе наши». И возвратились русские войска домой после победы, «славяше Бога и Святую Богородицу, скорую заступницу рода христианского». Вряд ли можно полнее и четче выразить взгляд на русскую историю как на область всеохватывающего действия Промысла Божия. При этом летописец, как человек церковный, остался далек от примитивного фатализма. Действуя в истории определяющим образом, Промысл Божий в то же время не подавляет и не ограничивает свободы личного выбора, лежащей в основании ответственности человека за свои дела и поступки.

Историческим материалом, на фоне которого утверждается понятие о религиозно-нравственной обусловленности русской жизни, становятся в летописи события, связанные с изменчивым военным счастьем. На следующий год после удачного похода на половцев, совершенного объединенными силами князей, организывает неудачный самостоятельный набег Игорь Святославич, князь Новгород-Северский. Знаменитое «Слово о полку Игореве» дает исключительное по красоте и лиричности описание этого похода. В летописи о походе Игоря Святославича сохрани-

лись два рассказа. Один, более обширный и подробный, — в Ипатьевском своде. Др., покороче — в Лаврентьевском. Но даже его сжатое повествование достаточно ярко отражает возвращение летописца на свободу человеческой воли как на силу, наравне с недомыслимым Промышлением Божиим определяющую ход истории.

На этот раз «побеждены быхом наши гневом Божиим», нашедшим на русские войска «за наше согрешенье». Сознательная неудача похода как закономерный результат уклонения от своего религиозного долга, «воздыхание и плач распространися» среди русских воинов, вспоминаящих, по словам летописца, слова прор. Исаяи: «Господи, в печали помянухом Тя». Искреннее покаяние было скоро принято милосердным Богом, и «по малых днех ускочи князь Игорь у половец» — т. е. из плена половецкого — «не оставит бо Господь праведного в руках грешных, очи бо Господни на боящихся Его (взирают), а уши Его в молитву их (к молитвам их благопослушны)». «Се же содеяся грех ради наших, — подводит итог летописец, — зане умножишася греси наши и неправды». Согрешающих Бог вразумляет наказаниями, добродетельных, сознающих свой долг и исполняющих его — милует и хранит. Бог никого не принуждает: человек сам определяет свою судьбу, народ сам определяет свою историю — так можно кратко изложить возвращение летописца. Остается лишь благоговейно удивляться чистоте и свежести православного мироощущения летописцев и их героев, глядящих на мир с детской верой, о которой сказал Господь: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам; ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение» (Лк. 10, 21).

Развивая и дополняя друг друга, русские летописцы стремились к созданию целостной и последовательной картины родной истории. Во всей полноте это стремление отразилось в московской летописной традиции, как бы венчающей усилия многих поколений летописателей. «Летописец Великий Русский», Троицкая летопись, писанная при митрополите Киприане, свод 1448 и другие летописи, все более и более подходившие под название «общерусских», несмотря на то что они сохраняли местные особенности, да и писались частью не в Москве, представляют собой как бы ступени, по которым русское самосознание восходило к осмыслению единства религиозной судьбы народа.

Сер. XVI в. стала эпохой величайшего церковно-государственного торжества на Руси. Были собраны воедино исконно русские земли, присоединены Казанское и Астраханское царства, открыт путь на восток — в Сибирь и Ср. Азию. На очереди стояло открытие западных ворот державы — через Ливонию. Вся русская жизнь проходила под знаком благоговейной церковности и внутренней религиозной сосредоточенности. Неудивительно поэтому, что именно в царствование Иоанна IV Васильевича был создан грандиозный летописный свод, отразивший новое понимание русской судьбы и ее сокровенного смысла. Он описывал всю историю человечества в виде смены великих царств. В соответствии со значением, которое придавалось завершению столь важной для национального самосознания работы, летописный свод получил самое роскошное оформление. Составляющие его 10 томов были написаны на лучшей бумаге, специально закупленной из королевских запасов во Франции. Текст украсили 15000 искусно выполненных миниатюр, изображавших историю «в лицах», за что собрание и получило наименование «Лицевого свода». Последний, десятый, том свода был посвящен царствованию Иоанна Васильевича, охватывая события с 1535 по 1567.

Когда этот последний том (известный в науке под именем «Синодального списка», т. к. принадлежал библиотеке Святейшего Синода) был в основном готов, он подвергся существенной редакционной правке. Чья-то рука прямо на иллюстрированных листах сделала многочисленные дополнения, вставки и исправления. На новом, чисто переписанном экземпляре, который вошел в науку под названием «Царственная книга», та же рука сделала опять множество новых приписок и поправок. Похоже, редактором «Лицевого свода» был сам Иоанн IV, сознательно и целенаправленно трудившийся над завершением «русской идеологии».

Др. летописным сборником, который должен был наравне с «Лицевым сводом» создать стройную концепцию русской жизни, стала *Степенная книга*. В основании этого громадного труда лежал замысел, согласно которому вся русская история со времен Крещения Руси до царствования Иоанна Грозного должна предстать в виде семнадцати степеней (глав), каждая из которых соответствует правлению того или иного князя. Обобщая главные мысли этих обширнейших летописей, можно сказать, что они сводятся к двум важнейшим утверждениям, которым суждено было на века определить течение всей русской жизни:

1. Богу угодно верить сохранение истин Откровения, необходимых для спасения людей, отдельным народам и царствам, избранным Им Самим по неведомым человеческому разуму причинам. В ветхозаветные времена такое служение было вверено Израилю. В новозаветной истории оно последовательно вверялось трем царствам. Первоначально служение принял Рим — столица мира времен первохристианства. Отпав в ересь латинства, он был отстранен от служения, преемственно дарованного православному Константинополю — «Второму Риму» средних веков. Покусившись из-за корыстных политических расчетов на чистоту хранимой веры, согласившись на унию с еретиками-католиками (на Флорентийском соборе 1439), Византия утратила дар служения, перешедший к «третьему Риму» последних времен — к Москве, столице Русского православного царства. Русскому народу определено хранить истины Православия «до скончания века» — второго и славного Пришествия Господа нашего Иисуса Христа. В этом смысл его существования, этому должны быть подчинены все его устремления и силы.

2. Принятое на себя русским народом служение требует соответственной организации Церкви, общества и государства. Богоучрежденной формой существования православного народа является самодержавие. Царь — помазанник Божий. Он не ограничен в своей самодержавной власти ничем, кроме выполнения обязанностей общего всем служения. *Евангелие* есть «конституция» самодержавия. Православный царь — олицетворение богоизбранности и богоносности всего народа, его молитвенный председатель и ангел-хранитель.

Изд.: Полное собрание русских летописей. Т. 1—41. СПб.; Л.; М., 1841—1995.

Лит.: Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до к. XIV в. СПб., 1868; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; Он же. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.; Л., 1938; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947; Он же. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. 2-е изд. Л., 1983; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960; Библиография русского летописания / Сост. Р. П. Дмитриева. М.; Л., 1962; Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР.

Вып. 1. С древнейших времен до к. XVIII в. М., 1962; *Он же*. Русское летописание. М., 1979; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., [1963]; *Он же*. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — н. XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969; *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1964; *Еремин И. П.* Литература Древней Руси. (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966; *Он же*. Лекции и статьи по истории древнерусской литературы. 2-е изд. Л., 1987; *Кузьмин А. Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань., 1969; *Черепнин Л. В.* Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—60-х гг. // ИСССР. 1972. № 4; *Бузанов В. И.* Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М., 1975; *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв., Л., 1976; *Он же*. Две истории Руси XV в. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994; *Мыцк Ю. А.* Украинские летописи XVII в. Днепропетровск, 1978. *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980; *Муравьева Л. Л.* Летописание Сев.-Вост. Руси к. XIII — н. XV в. М., 1983; *Она же*. Московское летописание 2-й пол. XIV — н. XV в. М., 1991; *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985; *Корецкий В. И.* История русского летописания 2-й пол. XVI — н. XVII в. М., 1986.

Митр. Иоанн (Снычев)

ЛЁВШИН Алексей Ираклиевич (1799(?)—16[28].09.1879), писатель, ученый, общественный деятель. Почетный член АН (с 1856), член Географического (с 1827) и Азиатского (с 1828) обществ в Париже, один из основателей Русского географического общества (1845). Первая книга Лёвшина «Письма из Малороссии» (Харьков, 1816) примыкала к сентименталистской традиции «Писем русского путешественника» *Н. М. Карамзина*, была насыщена материалами о быте и культуре малороссийского народа. Во время службы в Оренбургской пограничной комиссии (1820—22) собрал ценные сведения о ящичках казаках, казаках, киргизах и др. С сер. 20-х, перейдя на службу в Одессу, опубликовал серию очерков о «киргиз-кайсацких» (казахских) ордах и степях. В статье «О просвещении киргиз-кайсаков» (1825) впервые на русском языке напечатал казахские народные лирические песни («Черные брови не сурмлены», «Видишь ли этот снег»), описал казахские фольклорные жанры и их исполнение народными певцами-импровизаторами. *А. С. Пушкин* ценил труды Лёвшина, способствовал публикации его статьи о казаках и киргизах в «Московском вестнике» (1827). Будучи одесским градоначальником (1831—37), Лёвшин участвовал в основании газеты «Одесский вестник», издании «Одесского альманаха». Книгу Лёвшина «Прогулки русского в Помпеи» (1843) критика отнесла к числу «оригинальных сочинений учено-беллетристического содержания». Интерес представляет мемуарный очерк Лёвшина «Достопамятные минуты в моей жизни» (1860—68, опублик. «Русский архив», 1885, кн. 2, № 8) о его участии в качестве товарища министра внутренних дел в подготовке реформы 1861.

Соч.: Греки и Римляне на поприще наук и искусств // Украинский вестник. 1817. № 8; Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823; Об имени Киргиз-Казакского народа и отличии его от подлинных, или диких Киргизов // Московский вестник. 1827. Ч. 4. № 16; Этнографические известия о Киргиз-Кайсацких, или Киргиз-Казачьих ордах // Литературная газета, 1831. Т. 3. № 2, 3; Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей. Ч. 1—3. СПб., 1832.

ЛЁВШИН Василий Алексеевич (6[17].08.1746—29.07[10.08].1826), писатель. Родился в Смоленске в небогатой дворянской семье. В 1765—72 был на военной службе. В 1780-е Лёвшин — один из сотрудников *Н. И. Новикова*; сочинил и перевел ок. 80 книг на хозяйственно-экономические темы. Член и непреходящий секретарь петербургского Вольного экономического общества (1793), член Саксонского экономического общества (1795), Итальянской академии наук (1806) и др. Лёвшин проделал сложную эволюцию от вольтерьянства и социального утопизма XVIII в. к православному монархизму н. XIX в. Основные художественные произведения: «Утренники влюбленного» (1779) — яркий образец раннего русского сентиментализма; «Новейшее путешествие» — сатирическая утопия в духе Вольтера и Монтескье; «Русские сказки» — попытка создания национального русского романа и бытового повести на фольклорном материале (Ч. 1—4, 1780). В результате резкой критики со стороны космополитического дворянства Лёвшин отказался от первоначального замысла и перешел к сочинению традиционных волшебного-авантюрных романов: «Русские сказки» (Ч. 5—10, 1783); «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских» (ч. 1—6, 1787—88); «Русские сказки» переиздавались до 1829, многие из них перешли в лубочную литературу. Они оказали влияние на развитие жанра национальной поэмы-сказки (*Н. А. Львов*, *Н. М. Карамзин*) и волшебного-авантюрной оперы (*Г. Р. Державин*, *В. А. Жуковский*, *И. А. Крылов* и др.); были одним из источников «Руслана и Людмилы» *А. С. Пушкина*. Лёвшин сочинял также драматические произведения (до 50 оригинальных и переводных опер, драм, комедий).

Соч.: Новейшее путешествие [отрывки] // Собеседник любителей русского слова. 1784. Ч. 13—16; Труды В. Левшина и И. Ф. Керцеля на 1793 год. Калуга, 1793—94; Труды. Ч. 1—2. М., 1796.

ЛИПРАНДИ Александр Петрович (?—после 1914), публицист. Потомственный дворянин, принадлежал к известному дворянскому роду Липранди, давшему России героя Отечественной войны 1812, друга *А. С. Пушкина*, изблителя заговора петрашевцев, военного писателя и мемуариста генерал-майора *И. П. Липранди* (1790—1880) и участника всех военных кампаний 1-й пол. XIX в. генерала от инфантерии *П. П. Липранди* (1796—1864). Видный правый публицист (псевд. *А. Вольнец*), много потрудившийся к. XIX в. над исследованием национальных проблем, ряд его работ был посвящен немецкому, польскому, финляндскому и еврейскому вопросам. Активный сотрудник журнала «Мирный труд». Принимал участие в деятельности монархических организаций, был действительным членом Русского собрания, где выступал с докладами: «Что такое чер-

та еврейской оседлости» (1911), «Русская колонизация на Кавказе» (1911).

Соч.: Как остановить мирное завоевание наших окраин? Немецкий вопрос, сущность и значение его в Юго-Западной России. Киев, 1890; 900-летие Православия на Волыни. Харьков, 1892; «Отторженная возвратих». Падение Польши и воссоединение западнорусского края. СПб., 1893; Австрийская оккупация Боснии и Герцеговины. СПб., 1895; Зачатки раскатоличивания западного славянства. СПб., 1895; Забытый край Русской земли. Угорская Русь. СПб., 1896; Румыния и Тройственный союз. СПб., 1896; Польша и польский вопрос. СПб., 1901; Возможен ли в России парламентаризм. СПб., 1907; Финляндский вопрос. К 100-летию присоединения Финляндии к России. СПб., 1909; Нужен ли в России парламентаризм? Харьков, 1910; Инородческий вопрос и наши окраины. Харьков, 1910; Россия и ее финляндская окраина. Харьков, 1910; Германия и Россия. Харьков, 1911; Равноправие и еврейский вопрос. Харьков, 1911; Православный вопрос в Финляндии. Харьков, 1912; Польский вопрос в Западной Руси. Харьков, 1914; Еврейство и антисемитизм. Харьков, 1914.

А. С.

ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЙ ЖАНР, смешанный вид стихотворного произведения, которое соединяет в себе особенности лирического и эпического изображения действительности. Основная структурно-композиционная примета лиро-эпического жанра — объединение сюжетности с передачей переживаний повествователя. Такова сказочная поэма *А. С. Пушкина* «Руслан и Людмила»; ее повествовательные особенности целиком совпадают с произведениями эпического рода, но авторские «отступления», иронические замечания — чистойшей лирика.

Генетические корни лиро-эпического жанра уходят в фольклор, в котором когда-то не были дифференцированы начала эпоса и лирики, равно как и зачатки драмы, — явление т. н. синкретизма. Связь с фольклором определила разные виды соединения лирического и эпического начал в ранних литературах народов мира. В новейших литературах лиро-эпический жанр утвердился в борьбе с нормативной поэтикой *классицизма*, требовавшей чистоты жанра. Лучшие оды, нарушавшие классицистические каноны, изображали какое-либо выдающееся событие с одновременной передачей поэтических переживаний автора: «Какую радость ощущаю? Куда я ныне восхищен?» (*М. В. Ломоносов*. Ода, 27 дня 1750 года). С развитием лиро-эпического жанра связан расцвет искусства *басни*, а также *баллады*. Широкие возможности для объединения лирического и эпического начал предоставляет поэма — стихотворная повесть, воспроизводящая сюжет в единстве с лирическими переживаниями автора («За далью — даль» *А. Т. Твардовского*), а также роман в стихах («Евгений Онегин» Пушкина).

ЛИСТОПАДОВ Александр Михайлович (6[18].09.1873—14.02.1949), фольклорист-музыкант, собиратель и исследователь песен донских казаков. Родился в станице Екатеринославская, ныне Краснодонская Ростовской обл., в семье народного учителя. Окончив духовную семинарию, учительствовал в родной станице. Начал собирательскую деятельность в 1894. Первая публикация записей и теоретические статьи относятся к 1906. В 1903—07 учился в Московской консерватории и в Московском университете, который не окончил. Записал ок. 1500 русских, малороссийских и таджикских песен. Основной труд Листопада — «Песни донских казаков» (изд. 1949—54) — содержит 995 напевов и текстов, включает наиболее значительные исследования собирателя.

Соч.: Народная казачья песня на Дону // Труды музыкально-этнографической комиссии. Т. 1. 1906; Автобиографические заметки // Советская музыка. 1948. № 7; Песни донских казаков. Т. 1—5. М., 1949—54.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», газета, выходившая в Петербурге раз в 5 дней, с 1 янв. 1830 по 30 июня 1831. Редактор-издатель по ноябрь 1830 (№№ 1—64) — *А. А. Дельвиг*, затем (№№ 65—72, 1830, №№ 1—37, 1831) — *О. М. Сомов*. «Литературная газета» организована группой литераторов, объединившихся вокруг альманаха Дельвига «Северные цветы», при ближайшем участии *А. С. Пушкина* и *П. А. Вяземского*.

В отделе прозы «Литературной газеты» впервые выступил в печати *Н. В. Гоголь* с двумя фрагментами из повести «Страшный кабан». Пушкин опубликовал главу из «Путешествия в Арзрум» и «Арапа Петра Великого».

В отделе поэзии опубликован отрывок из 8-й гл. «Евгения Онегина», «Стансы», «Арион» и др. стихи Пушкина; стихи Вяземского, Дельвига, *Е. А. Баратынского*, *Ф. Н. Глинки*, первые стихи *А. В. Кольцова*.

«Литературная газета» печатала оригинальные и переводные произведения писателей-романтиков. В то же время критика эстетических концепций романтизма велась в статьях Вяземского, Дельвига, Сомова и др. Главное место среди них занимает серия статей *П. А. Катенина* «Размышления и разборы», в которых дана критика теории романтической драмы *А. Шлегеля* и «Истории древней и новой литературы» *Ф. Шлегеля*. «Литературная газета» вела резкую полемику с журналом «*Московский телеграф*» *Н. А. Полевого*, начатую рецензией Пушкина на «Историю русского народа» Полевого и продолженную обзором Вяземского «О московских журналах». Антагонистом «Литературной газеты» была газета «*Северная пчела*». Poleмику с ней вел Пушкин в заметках, эпиграммах против *Ф. В. Булгарина*, а также Вяземский, Дельвиг.

В оценке современной поэзии «Литературная газета» на первое место выдвинула Пушкина. Дельвиг посвятил ему статьи о «Бахчисарайском фонтане» и «Борисе Годунове». Главное же внимание уделялось современной прозе. Выступив против «нравоописательных» романов, «нравственно-сатирических и лжеисторических» романов Булгарина, *Н. И. Греча* и их подражателей, «Литературная газета» противопоставила им исторические романы *М. Н. Загоскина*, романы *А. Погорельского* («Монастырка»), «Магнетизер») и *П. Яковлева* («Удивительный человек»).

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», газета, издававшаяся в Петербурге в 1840—49. Имела подзаголовок «Вестник наук, искусств, литературы, новостей, театров и мод». В 1840 выходила 2 раза в неделю, в 1841 — 3 раза в неделю, затем еженедельно. Преобразована из «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду»», приобретенных *А. А. Краевским* у *А. Ф. Воейкова* в 1837. Редакторы в разные годы — *Ф. А. Кони*, *А. И. Иванов*, *Н. А. Полевой*, *В. Р. Зотов*, но большую часть времени — *А. А. Краевский*. В первые годы основной материал составляли переводы, городские новости, моды, развлечения. В «Литературной газете» печаталась *А. В. Кольцов*, *Д. В. Григорович*, *В. И. Даль*, *И. И. Панаев*, *М. Л. Михайлов*, *В. А. Соллогуб*, *Н. А. Некрасов*.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ», еженедельная газета писателей России. Основана в 1958. Широкую известность получила в 1989—94 как один из главных органов патриотического движения, когда гл. редактором ее был *Э. И. Сафонов*.

Под руководством Сафонова газета бросила вызов т. н. «архитектуром перестройки», разоблачала планы *М. С. Горбачева* и его соратников по разрушению и расчленению великой России. На ее страницах в эти годы публиковались практически все самые видные деятели патриотиче-

ского движения. Десятки тыс. экз. «Литературной России» расходились по всей стране, раскрывая правду о преступлениях, совершаемых внутренними и внешними врагами России. В сент. 1989 по инициативе «Литературной России» создается Фонд восстановления Храма Христа Спасителя, учредителями и попечителями которого стали 30 организаций патриотического направления. В руководящий орган Фонда вошли выдающиеся деятели русской культуры и искусства и среди них — *В. Солоухин* (председатель), Г. Свиридов, *И. Шафаревич*, *В. Крупин*, Ю. Лошиц, С. Рыбас, В. Карпец, *В. Клыков*, М. Кугач, *Ф. Шипунов*.

«Литературная Россия» первая стала публиковать материалы о преступной деятельности масонских лож и иудейских сект, первая обнародовала многие документы об убийстве царской семьи и судьбе Г. Е. Распутина.

Чтобы заставить газету замолчать, власти душили ее экономически и физически. Ее вычеркивали из подписных каталогов и лишали дотаций. В окт. 1993 редакция газеты была захвачена еврейскими боевиками, которые всячески издевались над ее сотрудниками.

«Литературная Россия», сама находясь в бедственном положении, всегда была защитницей униженных. Братья сербы, абхазы, приднестровцы, русские, волею судьбы оставшиеся в близлежащем зарубежье, оскорбленные православные, как в последнюю инстанцию, обращались за помощью в эту газету.

Деятельность «Литературной России» как органа патриотического движения прекратилась со смертью Э. И. Сафонова.

О. П.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА, древнейший жанр устного народного творчества. Оказала большое влияние на все жанры и виды письменной литературы. Религиозные и летописные сюжеты в древнерусской литературе неотделимы от сказочных, составляют основу основ ее поэтики. Во 2-й пол. XVIII — 1-й четв. XIX в. литературная сказка выделилась как вполне самостоятельный жанр, основанный на синтезе литературных и фольклорных традиций. Но фольклорная основа далеко не всегда является отличительной чертой литературной сказки. Авторские сказки существуют и вполне автономно, вне прямых национальных фольклорных традиций, чему пример «Пестрые сказки» *В. Ф. Одоевского*, сказки-сатиры *М. Е. Салтыкова-Щедрина*, «Аленушкины сказки» *Д. Н. Мамина-Сибиряка*, «Сказки Кота-Мурлыки» *Н. П. Вагнера* и мн. др. Такие авторские сказки — явление чисто литературное, которое, тем не менее, можно рассматривать в рамках означенного жанра. Равно как и сказки для детей — фольклорные и авторские, которые являются лишь разновидностью литературной сказки как таковой.

«Пересемешник, или Славенские сказки» *М. Д. Чулкова* (1766—68), «Русские сказки» *В. А. Лёвшина* (1780—83) и мн. др. издания 2-й пол. XVIII в. — это и были, по сути, первые литературные стилизации народных сказок. «Для способности к чтению, — объяснял В. А. Лёвшин в предисловии к «Русским сказкам», — принужден был оные по большей части переложить в нынешнее наречие». Каким было это «нынешнее наречие», можно судить по сцене объяснения *Алеши Поповича* со своей возлюбленной (*былины* считались «богатырскими сказками»), а потому включались почти во все сказочные сборники): ««Ах! как ты жестока!» — вскричал невидимый Богатырь. Красавица смутилась и робким голосом вопрошала: «Кто ты! дерзкий? телесное ли существо?» — «Я существо тебя обожающее, немогущее дышать, чтобы дыхание мое неподкрепляемо

было твоею любовью...»» Именно по поводу таких «сказок» *Н. М. Карамзин* восклицал в своем «Илье Муромце» (1794): «Нам другие сказки надобны; / Мы другие сказки слушали / От своих покойных матушек». Но эти «другие сказки» появились лишь во времена *А. С. Пушкина* и благодаря Пушкину. О них поэт скажет в 1824 в письме к брату из Михайловского: «Вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» (стоит обратить внимание, что свое, самое блестящее по тому времени воспитание, Пушкин называет «проклятым!»). Но в Михайловском поэт не просто слушал сказки Арины Родионовны: он начал записывать их, создавать на основе фольклорных записей свои сказки-поэмы.

Это произойдет в 1831, когда *Н. В. Гоголь*, заканчивая «Вечера на хуторе близ Диканьки», сообщит *В. А. Жуковскому* из Царского Села: «И Пушкин окончил свою сказку! Боже мой, что-то будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол, на славу векам».

Среди зодчих нового литературного жанра можно назвать имена не только А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, но и В. А. Жуковского, который в том же 1831 (и в том же Царском Селе) создавал свою «Сказку о царе Берендее», в основе которой — пушкинская фольклорная запись. И тогда же, в самом н. 30-х, вышли «Малороссийские были и небылицы» *О. Сомова*, «Были и небылицы казака Луганского» *В. И. Даля*, «Сказка о пастухе и диком вепре» и «Жарптица» *Н. Языкова*, «Пестрые сказки» *В. Одоевского*, романы-сказки «Новый Емеля, или Превращения», «Кошей Бессмертный» *А. Вельмана*, «Конек-горбунок» *П. Ершова*.

Стихотворные и прозаические литературные сказки, как фольклорные, так и авторские, вышли в России в те же самые годы, когда в Копенгагене появились на свет первые выпуски «Сказок, рассказанных детям» Х.-К. Андерсена. И это не случайное совпадение, а общая закономерность развития всех национальных литератур, в каждой из которых рано или поздно появлялись свои «короли сказок». Во Франции — Шарль Перро, в Германии — братья Гримм, в Дании — Андерсен, в Норвегии — Асбьёрсен, в Англии — Льюис Кэрролл.

Русская литература в этом отношении не исключение, а правило. Как и все мировые литературы, она обрела национальные формы через фольклор, через обращение писателей к народному творчеству. Когда Пушкин писал в 1826: «С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведении литературы», он имел в виду идеи, волновавшие в равной степени и Вальтера Скотта, первым собравшего и издавшего шотландские народные песни, и американского критика Дж. Полдинга, начавшего в 1827 дискуссию о национальном театре Нового Света, и мн. др. деятелей культуры, для которых народность становилась «альфой и омегой» в борьбе с космополитизмом. Этот путь к народности во всех литературах начинался с народного творчества — с его собирания, издания, изучения и воплощения в литературе, с появления нового жанра литературной сказки.

Помимо сказочных образов и сказочных сюжетов — волшебных, бытовых, сатирических, народных «страшилок» (одна из них использована в «Аленьком цветочке» *С. Т. Аксакова*) в литературу входили и стиливые сказовые приемы, народная разговорная речь. С «Былей и небылиц казака Луганского» начинается т. н. сказовая проза, которая в дальнейшем найдет

блестящее воплощение в сказах *Н. Лескова*, *А. Ремизова*, *П. Бажова*, *Б. Шергина*, *С. Писахова*.

Вслед за сказочной в литературу входила и несказочная проза — предания, легенды, «побывальщины». Одна из народных легенд легла в основу повести «Необойденный дом» *В. Одоевского* (1840). «Посылаю вам “Необойденный дом”, — писал он *Я. Н. Гроту*, — в роде русских легенд, чего еще у нас не пробовали, и совершенно характерную русскую». Народные легенды широко использовал *Н. С. Лесков*. На основе народных легенд созданы многие рассказы *Л. Н. Толстого* из «Круга чтения» («Чем люди живы», «Корней Васильев», «Молитва» и др.).

«Я вышел из фольклора», — скажет *М. М. Пришвин* о своем пути в литературе, о путешествии на Русский Север, о записях сказок, причитаний, составивших его первую книгу «В краю непуганых птиц» (1907). Этому пути он остался верен и в последующих книгах «За волшебным коробом», «Кощева цепь», соединивших реальные и сказочные мотивы.

Из фольклора вышел и современник Пришвина *А. Ремизов*. Его первые книги «Посолонь» (1907), «Докука и балагурье» (1913) — это оригинальное сочетание сказочной фантазии и стилизации, так поразившие современников «чистотой необычной, музыкой стихийной» (*А. Белый*). В предисловии к берлинскому изданию своих «Сказок русского народа» (1923) он писал: «Читая всякие сказки, часто запутанные и перепутанные, а иногда и бессловесные — а это и есть самое настоящее! — я как бы припал к земле и послушал. И то, что я услышал, заглохло, как павлиний перья. Книга эта и есть голос русской земли — слово русского народа, сказанное мною».

В 1918 *И. Бунин* создает «Косцов», прозвучавших как рекем русской песне, сказке. «Ибо всему свой срок, — с болью писал он, — миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, разбежались рыскающие звери, разлетелись вешие птицы, свернулись самобраные скатерти, поруганы молитвы и заклания, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи — и настал конец, предел Божьему прощению». Вскоре после «Косцов» появилась бунинская сказка «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее» (Париж, 1923), в которой современники отметили «ядерный простонародный лад». Но сам Бунин выступал против всевозможных стилизаций. «Сколько стихотворцев и прозаиков, — отмечал он, — делают тошнотворным русский язык, беря драгоценные народные сказания, сказки и “словеса золотые” и бесстыдно выдавая их за свои, оскверняя их пересказом на свой лад и своими прибавками, роясь в областных словарях и составляя по ним какую-то похабнейшую в своем архирусизме смесь, на которой никто и никогда на Руси не говорил и которую даже читать невозможно!»

В 1924 вышли в свет «поморские узорочья» двух архангельских писателей-сказочников *Б. Шергина* и *С. Писахова*. В основе сказки *Б. Шергина* «Дивный гудочек» — легенды о скоморохах и знаменитая былина *М. Д. Кривополеновой* «Вавило и скоморохи». В 1915 Шергин выступал вместе с *Кривополеновой* с исполнением былин, написал о ней очерк и воспоминания. В 1927 вышли «Озорные сказки» *И. С. Соколова-Микитова*. В «Прислодь» к ним писатель отмечал: «Смеяться — по-народному не означает издеваться. Народ всегда умел за себя постоять, народ знал и знает свою силу и непобедимую власть хорошо сказанного слова. В народе бывало, что иное меткое слово заклемит человека на всю его жизнь, да так прочно, что и в гроб ляжет человек с тем клеймом». Во времена расцвета пресловутого «одесского

юмора» *И. С. Соколов-Микитов* выделил в своих сказках именно эту силу и непобедимую власть народного слова, подчеркивая, что «народная сказка была началом моего писательского пути». Заметным явлением в литературе 30—40-х стали старательские сказки *П. Бажова*. В 1951 под редакцией *М. А. Шолохова* вышла книга сказок «Волшебное кольцо» *А. Платонова*. «Народное творчество, — отмечал *А. Платонов*, — вырабатывает действительность, выбирает из нее все целесообразное и драгоценное начисто: в родниках жизни после него не остается ничего для превращения в искусство: народное творчество очень редко нуждается в добавочном “критике-соавторе”». Тем не менее сам *А. Платонов* смог стать одним из таких «соавторов» безмянных народных гениев, чему примером может служить его замечательная сказка «Морока».

От фольклора неотделимо и творчество таких современных писателей, как *В. Шукшин*, *В. Белов*, *В. Распутин*, *В. Личутин*. И дело здесь не только в прямом использовании фольклорных образов, сюжетов и тем, хотя и этот традиционный путь далеко не исчерпан: «До третьих петухов» *В. Шукшина*, «Кощей Бессмертный», «Вологодские бухтинь» *В. Белова* — тому подтверждение. Подлинная русская литература продолжает открывать — через фольклор и благодаря фольклору — все новые животворные ключи народной культуры.

Лит.: Русская литературная сказка / Состав., вступ. ст. и примеч. *Н. А. Листиковой*. М., 1989; Литературные сказки народов СССР / Состав., вступ. ст. и примеч. *В. И. Калугина*. М., 1989.

В. Калугин

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ В РОССИИ, русская периодическая печать воспринималась русскими читателями как продолжение многовековой национальной традиции рукописных сборников энциклопедического содержания («Пчела», «Златоуст», «Златоструй» и мн. др.). Первые русские журналы возникли как своего рода приложение к правительственной газете «Санкт-Петербургские ведомости», издававшейся АН с 1727. «Примечания к Ведомостям» (1728—42) были первым академическим научно-популярным журналом. Наряду со статьями исторического и географического содержания здесь печатались немногочисленные оригинальные и переводные стихи, прозаические переводы из античной и новоевропейской литературы, статьи по истории литературы и театра. В созданном по инициативе *М. В. Ломоносова* журнале АН «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (1755—64) литературная часть количественно уступала научной. Этот журнал сыграл важную роль, сгруппировав вокруг себя литературные силы тех лет; он показал, что неотложной потребностью тогдашнего этапа литературного развития являлось создание независимого собственно литературного органа. «Трудолюбивая пчела» (1759) *А. П. Сумарокова* была первым частным журналом с сильным элементом сатиры, политической злободневности и ярко выраженным литературным характером.

Высшего подъема русская журналистика XVIII в. достигла в сатирических журналах 1769—74 с их острой литературно-общественной полемикой, начатой «Всякой всячиной» (1769—70); этот журнал, издававшийся имп. *Екатериной II*, ставил своей целью направить общественное недовольство правительственной политикой против «общих пороков», а не против «порочных лиц». Полемизируя с правительственной журналистикой, сатирические журналы этого периода — «Трутень» (1769) и «Живописец»

(1772) *Н. И. Новикова*, «Смесь» (1769) *Л. И. Сичкарева*, отчасти «Адская почта» (1769) *Ф. А. Эмина*, выступали против своеволия «знатных господ», «порабощенности страстям» самой имп. Екатерины II, против взяточничества чиновников. Не менее важным был поднятый *Н. И. Новиковым* вопрос о положении крепостного крестьянства. В сатирических журналах Новикова вырабатывался русский литературный язык, подготовивший стилистические достижения последних десятилетий XVIII в.

Среди изданий 1770—80 выделяются интересный в литературном отношении просветительский «Санкт-Петербургский вестник» (1778—81) и двойственный по своему направлению «Собеседник любителей российского слова» (1783—84) имп. Екатерины II и кн. *Е. Р. Дашковой*. Гораздо больший литературно-общественный интерес представляли журналы *И. А. Крылова* «Почта духов» (1789), «Зритель» (1792), «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793), возродившие традиции сатирических журналов Новикова. Им противостояли, с одной стороны, академические и близкие к ним журналы: «Новые ежемесячные сочинения» (1786—96), «Российский магазин» *Ф. В. Туманского* (1792—94), с др. — журналы сентиментального направления; наиболее крупным из них был «Московский журнал» *Карамзина* (1791—92), явившийся в известном смысле родоначальником русских «толстых» журналов; своим разнообразным содержанием и высокими литературными достоинствами он способствовал росту популярности русской литературы среди читателей. Вслед за столичными в последние десятилетия XVIII в. возникли провинциальные журналы: «Уединенный пешехонец» (1786) и «Ежемесячное сочинение» (1787) в Ярославле; «*Иртыш, превращающийся в Ипокрену*» (1789—91) и «Библиотека ученая, экономическая, нраво-учительная, историческая и увеселительная» (1793—94) в Тобольске. Итогом просветительского периода русской журналистики было возникновение литературных журналов, не зависевших от правительства и отражавших передовые течения русской общественной мысли. Др. важным достижением литературных журналов этого периода была популяризация и постепенное упрочение новых эстетических воззрений, шедших на смену классицизму XVIII в. Предромантические и реалистические тенденции русской литературы к XVIII в. сказались и в выработке русского литературного языка. Серьезным успехом было также возникновение оригинальной журнальной прозы; однако переводы продолжали еще занимать много места.

В XIX в. литературные журналы стали играть еще более важную роль в развитии русской литературы. Выдающиеся произведения русских писателей (проза *И. С. Тургенева*, *И. А. Гончарова*, *Ф. М. Достоевского*, *Л. Н. Толстого*, *М. Е. Салтыкова-Щедрина*, пьесы *А. Н. Островского* и др.) до выхода отдельными изданиями большей частью сначала печатались на страницах литературных журналов, вызывая критические отклики в газетах и в журнальных отделах критики и библиографии. Все это резко повысило интерес читателей к литературным журналам, число подписчиков ежегодно увеличивалось, одновременно росло общественно-политическое, воспитательное значение и влияние литературы. Др. особенностью истории литературных журналов XIX в. состоит в том, что совершенно прекратилось издание правительственных журналов; однако по временам усиливалось православно-монархическое направление литературной печати. С начала столетия появляются (не только в столице, но и в Казани, Харькове, в Сибири) журналы, издававшиеся литературными обществами, поч-

ти всегда имевшими определенное политическое направление (*Вольное общество любителей словесности, наук и художеств*, *Общество любителей российской словесности*, *Беседа любителей русского слова*), а также политическими объединениями (декабристские литературные журналы). Наряду с многочисленными недолговечными журналами в XIX в. издавались литературные журналы, существовавшие длительное время: «*Вестник Европы*» (1802—30), второй «*Вестник Европы*» (1866—1918), «*Русский вестник*» (1808—24), второй «*Русский вестник*» (1856—1906), «*Сын Отечества*» (1812—52), «*Отечественные записки*» (1818—30), вторые «*Отечественные записки*» (1839—84), «*Библиотека для чтения*» (1834—65), «*Современник*» (1836—66), «*Дело*» (1866—88) и др. Некоторые журналы переходили в руки различных редакторов, меняли свое идейное направление, сохраняя прежнее название («*Современник*», «*Отечественные записки*», «*Северный вестник*», 1885—98, и др.). Правительство вело борьбу с антихристианскими тенденциями в отдельных журналах средствами цензуры, вплоть до закрытия нежелательных изданий («*Московский телеграф*», «*Телескоп*», «*Современник*», «*Русское слово*», «*Отечественные записки*»). Одним из эффективных способов борьбы с антихристианской и антиправительственной журналистикой было действовавшее до 1905 запрещение выдавать в публичных библиотеках и общественных читальнях журналы «*Современник*» (с 1856 по 1866), «*Русское слово*» (1859—66), «*Отечественные записки*» (1867—84), «*Дело*» (1867—84), «*Слово*» (1878—81), «*Русская мысль*» (1880—84), «*Знание*» (1870—77), «*Устой*» (1881—82).

В н. XIX в. литературные журналы постепенно стали оформляться как выразители определенных политических и литературных направлений. Отечественная война 1812 явилась этапным моментом в их развитии. Из многочисленных изданий этого периода заслуживают внимания журналы Вольного общества любителей словесности, наук и художеств («*Свиток муз*», 1802—03, «*Периодическое издание Вольного общества любителей...*», 1804, «*Санкт-Петербургский вестник*», 1812). Журналы либерального направления: «*Вестник Европы*» *Н. М. Карамзина* (1802—03), который после перехода в 1811 под единоличную редакцию *М. Т. Каченовского* перешел на православно-монархическое направление; «*Северный вестник*» (1804—05) и «*Лицей*» (1806) *И. И. Мартынова*, «*Благонамеренный*» *А. Е. Измайлова* (1818—26). Патриотический характер имели: «*Чтения в Беседе любителей русского слова*» (1811—16), издания Московского общества любителей российской словесности, «*Отечественные записки*» *П. П. Свиньина* (1818—30), «*Сын Отечества*» (после 1825).

В последующее 30-летие происходило еще более четкое разграничение печати по политическим и литературным платформам. Именно в этот период возникли крупные литературно-художественные журналы, сыгравшие важную роль в истории русской литературы: «*Московский телеграф*» *Н. А. Полевого* (1825—34), «*Московский вестник*» (1827—30), «*Телескоп*» *Н. И. Надеждина* (1831—36), «*Европеец*» *И. В. Киреевского* (1832) и «*Московский наблюдатель*» (1835—39), «*Отечественные записки*» *А. А. Краевского* (с 1839), «*Финский вестник*» (1845—47), «*Северное обозрение*» (1848—50). В этот же период издавались журналы «*Северный архив*» (1822—28) *Ф. В. Булгарина*, а затем и *Н. И. Греча*, «*Библиотека для чтения*» *О. И. Сенковского* (затем др. редакторы, 1834—65), «*Маяк*» (1840—45), «*Москвитянин*» (сначала под ред. *М. П. Погодина*, 1841—56), «*Русский вестник*» *Н. И. Греча* (1841—44). Возникший по

инициативе А. С. Пушкина «*Современник*» (1836) в следующее десятилетие (под ред. П. А. Плетнева) не имел сколько-нибудь значительного влияния на немногочисленный круг подписчиков. С переходом (в 1846) в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева и с вхождением в состав сотрудников Белинского, затем Чернышевского и Добролюбова «*Современник*» становится рассадником нигилизма (закрыт после выстрела Каракозова в 1866). После закрытия «*Современника*» антихристианскую эстафету принял журнал «*Отечественные записки*». На к. 50-х — н. 60-х приходится подъем сатирической и нигилистической журналистики во главе с «*Искрой*» (1859—73). Из др. журналов этого периода следует отметить «*Русское слово*» (1859—66), «*Дело*» (1866—1888), «*Слово*» (1878—81). Наиболее влиятельными журналами либерального направления были «*Вестник Европы*» М. М. Стасюлевича (1866—1918) (здесь после закрытия «*Отечественных записок*» печатался М. Е. Салтыков-Щедрин), затем «*Русская мысль*» (1880—1918), руководимая с 1884 В. А. Гольцевым. Правее стояли «почвеннические» журналы братьев М. М. и Ф. М. Достоевских — «*Время*» (1861—63) и «*Эпоха*» (1864—65), а также славянофильская «*Русская беседа*» (1856—60), монархические «*Заря*» В. В. Кашпирова (1869—72), «*Наблюдатель*» А. П. Пятковского (1882—1904) и др.

В журналах православно-монархической ориентации — «*Русский вестник*» (1856—1906, сначала под ред. М. Н. Каткова), «*Гражданин*» кн. В. П. Мещерского (1872—1914), «*Русское обозрение*» (1890—98, 1901, 1903) печатались лучшие произведения той эпохи. Так, в «*Русском вестнике*» в 60—70-е печатались И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и др. крупные писатели. Одним из лучших патриотических журналов этого времени была «*Домашняя беседа*» В. И. Аскоченского (1858—77). Заслуживают внимания своеобразные «единоличные» журналы, единственным участником которых был издатель-редактор: «*Дневник писателя*» Ф. М. Достоевского (1876—77, 1880, 1881), «*Дневник писателя*» Д. В. Аверкиева (1885—86), «*Дневник писателя*» А. В. Круглова (1907—14, с 1910 — «Светоч и дневник писателя»); в 1914 вышло 4 номера «*Дневника писателей*» под ред. Ф. Сологуба.

В посл. четв. XIX в. наибольшее значение имели журналы народнического направления: «*Русское богатство*» (1876—1918). Заметную роль в н. XX в. играли журналы: «*Журнал для всех*» В. С. Миролюбова (1896—1906), «*Новый журнал для всех*» (1908—16); «*Жизнь для всех*» В. А. Поссе (1909—17), «*Ежемесячный журнал*» В. С. Миролюбова.

Из новых журналов либерального направления крупнейшими были «*Северные записки*» (1913—17) и «*Современник*» (1911—15). Новым явлением в истории журналистики XX в. были литературные журналы модернистского, символистского и акмеистического направления: «*Мир искусства*» (1899—1904), «*Новый путь*» (1903—04), «*Весы*» (1904—09), «*Золотое руно*» (1906—09), «*Аполлон*» (1909—17), «*Труды и дни*» (1912—14, 1916). Традиции дворянской журналистики XIX в. возрождает «*журнал красивой жизни*» «*Столица и усадьба*» (1913—17).

В сер. XIX в. идет интенсивное развитие «тонких» еженедельных иллюстрированных литературных журналов. Родоначальником их является «*Иллюстрация*» (1845—49) Н. В. Кукольника. Наиболее распространенными из «тонких» журналов последующего времени были «*Русский художественный листок*» В. Ф. Тимма (1851—62), «*Иллюстрация*» (1858—63), «*Всемирная иллюстрация*» Г. Д. Гоппе

(1869—98), «*Нива*» А. Ф. Маркса (1870—1917), «*Живописное обозрение*» (1872—1902, 1904—05), «*Родина*» А. А. Каспари (1879—1917), «*Север*» Н. Ф. Мертца (1888—1914), «*Огонек*» (1899—1918), «*Всемирная панорама*» (1909—18), «*Синий журнал*» М. Г. Корнфельда (1910—17), «*Всемирная новь*» (1910—17), «*Солнце России*» (1910—17), «*Всемирная иллюстрация*» (1912—16), «*Лукоморье*» (1914—17) и др. «Тонкие» литературные журналы ценны юбилейными и некрологическими статьями, библиографической хроникой текущей литературы, обильной писательской иконографией, в частности шаржами, воспроизведениями автографов, иллюстраций к литературным произведениям и т. п. К литературным журналам этого типа отчасти примыкают еженедельные журналы «*Баян*» (1905—12); издававшееся с дешевой роскошью «*Пробуждение*» Н. В. Корецкого (1906—18); «*Аргус*» (1913—17). Близкое отношение к литературной печати имеют многочисленные театральные журналы XIX—XX вв.

Разновидностью литературных журналов являлись русские критические и литературоведческие журналы. Важнейшие из них: «*Журнал министерства народного просвещения*» (1834—1917), «*Сборники отделения русского языка и словесности императорской Академии наук*» (1867—1928), «*Русский филологический вестник*» (1879—1917), «*Известия отделения русского языка и словесности*» (1896—1927), своеобразные журнальные сборники «*Пушкин и его современники*» (1903—30), «*Русский библиофил*» (1911—16) и др.

Русские литературные газеты. Отличия литературных газет от еженедельных и двухнедельных «тонких» журналов, особенно в начале их возникновения, были весьма незначительны. Первые русские литературные газеты — «*Рецензент*» (1821), «*Новости литературы*» (1822—26) явились выражением усилившегося интереса к художественной литературе, хотя из-за цензуры, особенно строгой в отношении газет, не имели отчетливо выраженного политического направления. Следующий этап в истории русских литературных газет приходится на 30—40-е XIX в.: «*Бабочка*» (1829—31), «*Литературная газета*» А. А. Дельвица (1830—31, закрыта цензурой), «*Северный Меркурий*» (1830—32), «*Колокольчик*», «*Санкт-Петербургский вестник*» (1831), «*Литературное прибавление к "Русскому инвалиду"*» (1831—39), «*Молва*» (1831—36) — приложение к журналу «*Телескоп*» (1831—36), «*Литературные листки*» (1833—34), «*Художественная газета*» Н. В. Кукольника (1836—41). Самой долговечной в этот период была «*Литературная газета*» А. А. Краевского и Ф. А. Кони (1840—49), в целом стоявшая на позициях позднего романтизма. Несмотря на цензурные строгости, литературные газеты этого периода играли положительную роль в русской литературе. Во 2-й пол. XIX в. литературных газет почти не было («*Молва*» С. М. Шпилевского, 1857, при участии К. С. Аксакова), а большая часть существовавших не имела чисто литературного характера («*Зритель общественной жизни, литературы и спорта*», 1862—63; «*Вестник литературный, политический, научный и художественный*», 1884—94). Первые десятилетия XX в. делались попытки издания литературных газет, но они предпринимались малоавторитетными литераторами и на первых номерах прекращались: «*Ежедневник искусств и литературы*» (1901), «*Литературное приложение газеты "Слово"*» (1906), «*Литературно-художественная газета*» (1906—07), «*Литературно-художественная неделя*» (1907), «*Литература и жизнь*» (1908) и др.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРУЖКИ, творческие объединения литераторов на почве единства взглядов, интересов, направлений и т. д. Возникновение литературных кружков в России относится к 30—40-м XVIII в. Одним из первых был петербургский кружок в Сухопутном шляхетском корпусе. Воспитанники корпуса (*А. П. Сумароков*, *А. В. Олсуфьев*, *А. А. Нартов*, *И. И. Меллиссино*, *С. А. Порошин*) организовали затем *Общество любителей российской словесности*. Литературный быт сер. XVIII в. наиболее ярко отражает салон гр. *И. И. Шувалова*, который выступал в роли мецената. По инициативе *М. М. Хераскова* организуется кружок студентов Московского университета, издававший журналы «Полезное увеселение» и «Свободные часы». После переезда Хераскова в Петербург (1771) кружок продолжал собираться и издавал журнал «Вечера». В числе членов кружка — *Н. Ф. Богданович*, *Д. И. Фонвизин*, *А. А. Ржевский* и др. В 70—80-х XVIII в. собираются литературные общества: «Вольное общество любителей русского языка» (1771), «Собрания воспитанников Московского университетского благородного пансиона» (1787) и др. В это же время *Г. Р. Державин* создает литературный салон, куда входили *А. С. Шишков*, *Д. И. Хвостов*, *А. А. Шаховской*, *Н. А. Ширинский-Шихматов* — активные члены будущей «Беседы любителей русского слова» (1811—16), в которую входили также *И. А. Крылов*, *Н. И. Гнедич*.

В 1-й четв. XIX в., в условиях оживления общественной жизни, наблюдается интенсивное образование литературных кружков, обществ и салонов. В 1801 *И. М. Борн* и *В. В. Попугаев* положили начало литературному объединению «Дружеское общество любителей изящного», которое позже получило название «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Идею влияния общества испытали некоторые петербургские журналы того времени («Северный вестник», «Журнал российской словесности» и др.). В 1801 создается Дружеское литературное общество; оно объединяет группу московской дворянской молодежи, связанной с *Н. М. Карамзиным*. Среди его участников (братья *А. И.* и *Н. И. Тургеневы*, братья *А. С.* и *П. С. Кайсаровы*, *В. А. Жуковский*, *А. Ф. Мерзляков*, *А. Ф. Воейков* и др.) образовались 2 группы: одна осталась верной традициям дворянского сентиментализма, другая (*А. Тургенев*, *А. Кайсаров*) стремилась к преодолению этих традиций. Литературная борьба н. XIX в. обострилась в связи с деятельностью «Беседы любителей русского слова». Борьбу против «Беседы» возглавил литературный кружок «*Арзамас*» (1815—18), отстаивавший необходимость обновления языка и литературных жанров, связь литературы с действительностью. Среди его членов — *В. А. Жуковский*, *П. А. Вяземский*, *К. Н. Батюшков*, *А. С. Пушкин*, *В. Л. Пушкин*, *Д. В. Давыдов*, *А. Ф. Воейков* и др. Борьба между сторонниками классицизма и сентиментально-романтического направления в русской литературе характерна также для литературных салонов н. XIX в.: *З. А. Волконской*, *А. П. Елагиной*, *Е. А. Карамзиной*, позднее, в 40-е — *К. К. Павловой* и др.

Значительную роль в развитии литературного движения сыграли студенческие кружки 30-х. С именем *М. Ю. Лермонтова* связан «Кружок шестнадцати». Среди студенческих кружков, оказавших влияние на развитие русской литературы, выделялся кружок *Н. В. Станкевича* в Московском университете (1831—32) и его кружок 1833—37. В условиях 40-х разгорается борьба между *Белинским*, *Герценом* и их единомышленниками, с одной стороны, и *славянофилами* — с другой. Противники группируются в различные кружки, салоны, вокруг редакций журналов. Сторонники славянофильства (бра-

тья *И. С.* и *К. С. Аксаковы*, братья *И. В.* и *П. В. Киреевские*, *Н. М. Языков*, *А. С. Хомяков*, *Ю. Ф. Самарин*, *С. П. Шевырев* и др.) объединяются сначала при журнале «*Москвитянин*», затем при журнале «*Русская беседа*».

Литературные кружки и салоны были и в провинции: Казанское общество любителей отечественной словесности (1812), Харьковское общество любителей отечественной словесности (1819), Офицерские литературные вечера 2-й гренадерской дивизии в Калуге (1817—21), кружок *А. В. Никитенко* в с. Писаревка Воронежской губ., Литературное общество в Ярославле, Литературные беседы Нижегородской гимназии (1841—46), русский литературный кружок в Риге (1874) и др. Примерно с 70-х литературные кружки теряют свое значение. Новое оживление начинается в к. XIX — н. XX в. К к. XIX в. относится кружок *К. К. Случевского* и *Я. П. Полонского*. Символисты, акмеисты, футуристы, имажинисты составляют литературные группы, имевшие свои органы печати. Замкнутый групповой характер носили литературные собрания у *З. Н. Гиппиус* и *Д. С. Мережковского*, а также «Среды» *Вяч. Иванова*, «Цех поэтов» *Н. С. Гумилева* и др. Писатели-«демократы» собирались на «Средах» *Н. Д. Телешова* (с к. 90-х — 1916), а также посещали «*Никитинские субботники*» масонки *Е. Ф. Никитиной* (с 1914). «Литературно-художественный кружок» (с 1899) объединял деятелей литературной и артистической Москвы (*А. И. Южин-Сумбатов*, *В. А. Гольцев* и др.); длительное время во главе его находился *В. Я. Брюсов*.

В н. XX в. литературные кружки возникали в провинциальных городах под названиями: «литературно-артистический кружок», «литературно-артистический клуб», «литературно-драматическое общество» и т. п. Такие кружки были созданы в Воронеже, Евпатории, Иваново-Вознесенске, Новгороде, Одессе, Риге, Самаре, Саратове, Томске, Харькове и др. Многие из них имели свои уставы, опубликованные в виде отдельных брошюр.

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич (р. 13.09.1935), писатель. Родился в г. Кирове. В 1958 окончил отделение журналистики Уральского государственного университета. В 1961 опубликовал историческую повесть «Да будет солнце». Главная тема творчества Лиханова — становление характера подростка, формирование его мировоззрения, взаимоотношения с миром взрослых: повести «Звезды в сентябре» (1967), «Теплый дождь» (1968), «Крутые горы» (1971), трилогия «Семейные обстоятельства» (роман «Лабиринт», 1970; повести «Чистые камушки», 1967, «Обман», 1973), романы «Музыка» (1971) и «Мой генерал» (1975), повесть «Высшая мера» (1982), книга «Драматическая педагогика» (1983).

ЛИХАЧЕВ Дмитрий Сергеевич (15[28].11.1906—30.09.1999), литературовед и историк культуры. Родился в Петербурге. В 1928 окончил Ленинградский университет. Научную деятельность начал в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в 1938, где с 1954 руководил сектором древнерусской литературы. Профессор Ленинградского университета (1946—55). В своих трудах Лихачев ставил важные теоретические проблемы литературоведения. Исследуя древнерусскую литературу и культуру X—XVII вв. («Слово о полку Игореве», 1950; «Человек в литературе древней Руси», 1958; «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого», 1962, «Поэтика древнерусской литературы», 1967, 1979, и др.), Лихачев впервые установил наличие разных литературных стилей при изображении человека в различные исторические

периоды. Одной из важнейших задач Лихачев считал «анализ эстетической ценности памятников словесного искусства древней Руси». Его работы о возникновении древнерусской литературы, об изображении в ней человеческого характера, о зарождении литературных направлений, образовании жанровых и стилистических систем отличались комплексным изучением общественной идеологии, литературы, народной поэзии и изобразительного искусства. В работах по истории русского летописания Лихачев поставил по-новому вопросы истории Киевского и Новгородского летописания XI—XII вв. В монографии «Текстология» (1962) Лихачев, исходя из традиций А. А. Шахматова, на обширном фактическом материале древнерусской литературы и текстологической практики выдвигает мысль о самостоятельном значении текстологии как науки. Лихачев утверждает необходимость комплексного изучения текстов: не только различных редакций памятников, но и их создателей, переписчиков, идейных и общественных факторов. Лихачев — также автор трудов, посвященных «Молению» Даниила Заточника, повестям о разорении Рязани и др., эссе «Заметки о русском» (1981), работы о русской культуре и наследовании ее традиций (сб. «Прошлое — будущему» (1985), «Воспоминания» (1995)).

Соч.: Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945; Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947; Повесть временных лет. Ч. 1—2. М.; Л., 1950; Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952; «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. 2-е изд. М.; Л., 1955; Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958; Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958 (IV Международный съезд славистов. Доклады); Литературный этикет русского средневековья // Poetika, Warsz., 1961; Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л., 1962; Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962; Текстология. Краткий очерк. М.; Л., 1964; Об эстетическом изучении памятников культуры прошлого // Вопросы литературы. 1963. № 3; Шахматов-текстолог // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1964. Вып. 6; Принцип историзма в изучении единства содержания и формы литературного произведения // Русская литература. 1965. № 1.

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (р. 30.04.1936), писатель. Родился на ст. Топки Кемеровской обл. В 1961 окончил историко-филологический факультет Краснодарского педагогического института. Печатается с 1963. В первых произведениях (рассказы «Брянские», «Домохозяйки», «Родные», повесть «На улице Широкой», 1968, и др.) — поэзия и драматизм повседневности, быт и характеры обыкновенных людей села и городской окраины. Реалистическая манера письма сочетается у Лихоносова с лиризмом интонации. Повести «Люблю тебя светло» (1969), «Осень в Тамани» (1971), «Чистые глаза» (1973) содержат размышления о судьбах русской культуры, о современном отношении к отечественной истории, об этике писателя.

Большой творческой удачей Лихоносова явил-

ся роман «Наш маленький Париж: ненаписанные воспоминания» (1978—83). Произведение о кубанском казачестве от начал Запорожья и до наших дней, о его столице — Екатеринодаре (Краснодаре). Место действия — от Парижа до хуторка в степной глуши. Основные события в романе разворачиваются в н. XX в. и пореволюционные годы, но по сути уходят глубоко в старину. При всей стилистической традиционности «Наш маленький Париж» — необычная по жанру книга. Это роман-воспоминание. В нем нет жесткого сюжетного каркаса, стройной хронологии течения событий: монтирует свободную композицию, Лихоносов все время меняет рассказчиков. Тон воспоминания задает возвращающийся в Краснодар после сорокалетнего пребывания на чужбине Дмитрий Павлович Бураск. Повествовательная стихия в книге подчинена образу времени-памяти. «Бессомненно, главный герой этого романа — Память, — писал В. Распутин в послесловии. — Память как вечность и непрерывность человека, как постоянное движение из поколения в поколение духовного вещества... Мы не истину в готовом виде получаем из этих воспоминаний, а жизнь, оставшуюся вслед за нею картину, из которой можно вывести часть истины. Память здесь становится материальным ощущением времени. Людские судьбы рисуют его общую судьбу».

ЛИЦЕВОЙ СВОД, летописный свод 2-й пол. XVI в., крупнейший памятник летописания Древней Руси. Создавался по заказу царя *Ивана Грозного* в 1568—76. В основу свода

«Повесть о взятии Царьграда». Лицевой свод XVI в.

был положен один из вариантов *Никоновской летописи*, а также различные сочинения по мировой истории. В сохранившемся виде он представляет собой 10-томную рукопись, богато иллюстрированную миниатюрами, число которых превышает 1600. Красочные, выполненные с необычайным художественным изяществом, миниатюры и дали название своду (как говорили в то время, летопись выполнена «в лицах»). Повествование начинается с библейских времен и завершается под 1567. Русское царство, история которого излагается на фоне мировой истории, представлено в своде как преемник великих государств прошлого, оплот истинной Православной веры. Заключительные главы свода, рассказывающие о годах правления Ивана Грозного, несут на себе следы серьезной редакторской правки, призванной пересмотреть роль отдельных лиц в новейшей истории страны. Неизвестный редактор не смущался даже тем, что на листах, на которых он оставлял свои пометы, уже были выполнены миниатюры. Не исключено, что этим редактором был сам царь. Лицевой свод до сих пор не опубликован.

А. Лаушкин

ЛИЧУТИН Владимир Владимирович (р. 13.03.1940), писатель. Родился в Мезени Архангельской обл. в семье учителя. Отец погиб на фронте во время Великой Отечественной войны. Мать, «военная вдова», воспитывала одна четверых детей. Несмотря на безотцовщину и голод,

мальчик не чувствовал себя несчастным, ибо рос на приволье, среди великолепной северной природы, постигая ее притягательную силу. Личутин с детства обладал особой художественной памятью, вниманием к народной, обрядовой стороне жизни. Семья Личутина принадлежала к старинному поморскому роду охотников и рыбаков. Один из его предков был кормщиком в первой русской экспедиции П. В. Чичагова.

Родовая память о предках явилась одним из побудительных мотивов творчества Личутина. После окончания лесотехнического техникума, службы в армии, работы на заводах в Ленинграде поступает на факультет журналистики Ленинградского университета. В 1962 после окончания университета приезжает в Архангельск, где работает сначала корреспондентом местного радио, а затем в областной газете «Правда Севера». Работая в газете, Личутин пишет очерки о современниках — мезенских пекарях, кузнецах из Вожегры, о сказительнице *М. Кривополеновой*, о писателе *С. Писахове*, об архангельском краеведе К. Гемп. Тематика его публикаций весьма разнообразна, но в ней постоянно ощущается интерес к истории, этнографии, фольклору и литературе Севера.

В 70-е Личутин принимает участие в фольклорной экспедиции Пушкинского Дома в Поморье под руководством проф. *П. С. Выходцева*. В 1975 Личутин заканчивает Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР, остается жить в Москве, но часто приезжает в Архангельск, к себе на родину — в Мезень.

В 1972 в журнале «Север» (№ 8) появляется первая повесть писателя «Белая горница», которая сразу принесла ему известность. Действие в повести разворачивается в поморской д. Вазицы накануне «Великого перелома» в 1929. Однако Личутин не углубляется в социологическую проблематику, представляя жизнь своих героев в сложном переплетении трудовых и семейных интересов. В реальные события, связанные с поморским промыслом, бытовыми ссорами, отношениями с советской властью в деревне, притесняющей мужиков, вплетены народные легенды, сказки, необыкновенные истории, приметы, поговорки. Этот фольклорно-фантастический слой вместе с причудливыми воспоминаниями и снами персонажей составляет особое магическое поле, в котором находят утешение и красоту его герои. Двойная реальность, в которой находятся герои Личутина, позволяет их душам не только осуществиться в настоящем, но и приобщиться к родовой, национальной памяти, пробиться сквозь трудности и суету сущего к высшему духовному истоку. Забота о душе — главная обязанность героев Личутина. В «Белой горнице» переплелись и романтические, и этнографические, и социально-исторические тенденции.

В 70-е выходят повести «Иона и Александра», «Обработно — время свадеб» (обе — 1973), «Душа горит», «Бабушки и дядюшки», «Золотое дно» (все — 1976), «Крылатая Серафима», «Вдова Нюра» (обе — 1978). Появляется в печати первый исторический роман Личутина «Долгий отдых» (1974). В повестях Личутин выступает как хроникер поморской жизни, он воспроизводит особую причудливую жизнь двух северных деревень — Вазицы и Кучемы. Жизнь эта, замедленная и странная, утяжелена бытом, воспоминаниями, размышлениями персонажей. Она развивается приотливно и непредсказуемо. Личутин специально ограничивает пространство поэтического исследования мира, пытается достичь глубинных, потаенных корней и связей, чтобы как-то объяснить нравственные страдания одних героев, мрачную отрешенность других, светлую радостную веру третьих. Роковую предопределенность человеческой судьбы Личутин видит в наследственном родовом опыте, от тяжелых последствий которого извлечь личность может только работа души, стремление к духовному преображению. Особое внимание Личутин уделяет вопросам веры, показывая, как странно соединяются в русском национальном характере Православие, язычество, старообрядчество и коммунизм. По мнению Личутина, «когда-то русич был двоевером, но в эту расщелину пролез прельстительный марксизм и разорвал нашу душу на три части, загнав христианское, миролюбивое, небесное в самую темень естества нашего, а язычество подавив атеизмом». Критика к. 70-х — н. 80-х считала, что творчество Личутина развивается в русле «деревенской прозы». Умение воссоздать крестьянский характер, самобытную личность, яркий портрет сближал творчество Личутина с творчеством *В. Астафьева* и *В. Белова*, живописное бытописание (правда, с почти полным отсутствием социального контекста) — с творчеством *Ф. Абрамова*, художественное осмысление смерти и родовой памяти — с творчеством *В. Распутина*. Однако оригинальность личутинского мира определяется приоритетом эстетических форм познания жизни над социальными и нравственно-философскими. Для Личутина слово является единственной животворящей силой, которая «без всякого надрыва и лихорадочного пота» рождает стихию образов, развивающуюся самостийно, по своим собственным законам. Личутин — писатель интуитивного склада,

органического таланта, завораживающий читателя звуковым ритмом и поэтической лексикой.

С др. стороны, творчество Личутина одновременно причисляли и к прозе «московской школы», поколения «сорокалетних» (А. Ким, В. Маканин, В. Крутин и др.). С этим направлением Личутина сближал интеллигентный герой (Тимофей Ланин из повести «Крылатая Серафима» и др.), отличающийся «амбивалентностью» сознания, отсутствием веры, идеи, погибающий от рефлексии и эгоцентрического мазохизма. Повести Личутина «Последний колдун» (1979), «Фармазон» (1981), «Домашний философ» (1983) сопоставляли с «Белкой» А. Кима, «Живой водой» В. Крутина, «Предтечей» В. Маканина. В «Последнем колдуне» впервые в творчестве Личутина появляются особые типы искателей духовной правды, справедливости, обладатели «сердечного зрения» — летописец Феофан Солнцев и названный последним колдуном Геласий Нечаев. Они пытаются понять смысл происходящих разрушений в традиционной деревенской жизни, обращая свои вопросы как к прошлому, так и к моральным абсолютам. В повести появляются иносказание, притча, символ, которые придают повествованию обобщенно-философский оттенок. Заключает «хронику поморской деревни» повесть «Фармазон», в центре которой находится образ страшного человека, братубийцы Мишки Креня, вернувшегося на место давно совершенного преступления. «Фармазоном на Севере называли дьявола, — пояснял сам автор, — несущего удачу в делах, фартового дьявола. И мне хотелось показать одного из современных “бесов”, понять, как в нашей действительности они могли возникнуть... Это роман о “фармазонщине”, коя принимает нынче самые невероятные формы, более чем сложные, несуразные, порой исключаящие всякую логику». «Хроника», автор которой «мечтал воссоздать незамирающую стихию страстей, круговорот жизни», завершается русской «дьяволиадой», фантазмагорической картиной победы «бесовщины».

В повести «Домашний философ» автор прощается с жителями северных деревень. Действие происходит уже на берегу южного, Черного моря. Сам Личутин назвал повесть «историей двух эгоистов» (супруги Баныкины пребывают в ссорах и неутихающей вражде): «Он живет идеей собственного бессмертия, она — необыкновенной любовью. Два случайных человека в постоянном, безысходном конфликте друг с другом». Повесть, созданная в жанре «интеллектуальной прозы», отличается сложной стилиевой многозначностью, усилением роли гротеска и притчи.

В 1985 появляется в печати новый исторический роман «Скитальцы», который вместе с романом «Долгий отдых» составляет дилогию.

Главный герой романа — Донат Богошков, скитаясь по родной земле в поисках земного рая — крестьянского Беловодья, терпит страшные лишения и бедствия. Несмотря на то что роман «Скитальцы» воспроизводит духовную жизнь русского крестьянина в XIX в., поднятая в романе тема религиозного раскола (скопчества, хлыстовства) и языческих верований воспринимается как «притча» о нашем мире, попытка воссоздания «вечных характеров» через призму сегодняшних горестных мыслей о добре и зле, личности и обществе, верованиях тьмы и света» (В. Бондаренко).

Роман «Любостай» (1987) продолжает «городскую» тему в творчестве Личутина. Он посвящен судьбе «модного» писателя Бурнашова, который поклоняется «лишь матери сырой земле и своему народу». Следуя этим убеждениям, он живет в деревне, женится на крестьянской дочери, но не может обрести покоя, сосредоточенности, мудрости и

смирения. Его душа находится в руках дьявола-Любостая, который разрушает его семью, карает смертью его ребенка, мучает до гробовой доски и самого героя.

Личутин углубляется в изучение истории русского раскола XVII в. — так появляется исторический роман «Раскол». Книга 1 — «Венчание на царство» — вышла в 1990, книга 2 — «Крестный путь» — появилась в печати в 1993—94. Книга 3 — «Вознесение» — в 1996.

В к. 80-х появляются сборники публицистики Личутина — «Дивись-гора. Очерки, размышления, портреты» (1986), «Душа неизяснимая: размышления о русском народе», «Цепь незримая» (оба — 1989).

Публицистика является как бы продолжением художественного творчества Личутина. Писатель стремится напомнить современнику о предках, о национальной памяти: «Не заплачку похоронную веду я, поминая минувшее с горьким чувством, и дело вовсе не в том, чтобы нынче же вернуть прежнюю Русь с ее старинным допетровским уставом, когда судьба народа была посвящена Богу: той Руси не живая, того вина нам не испытать; но, взглядывая в досюльное, мне хочется остеречь скептиков с их ухмылкой и принять отечественное предание таким, каким оно состоялось во всей удале и драме...»

Соч.: Избранное. Повести. Роман / Вступ. ст. автора. М., 1990; Долгий отдых: Роман. Повести. М., 1979; Последний колдун: Повести. М., 1980; Фармазон. М., 1981; Домашний философ: Повести. М., 1983; Скитальцы. Л., 1985; Раскол. Кн. 1. Венчание на царство // Советская литература. 1990. № 10—12; Раскол. Кн. 2. Крестный путь // Наш современник. 1993. № 10—11; 1994. № 1—6, 11—12; Кн. 3. «Вознесение» // Там же. 1996. № 3—6, 11—12; Фармазон: перестроенных дней: Беседа с писателем Л. Мешковой // Слово. 1991. № 4.

Т. Вахтова

ЛОБАНОВ Михаил Евстафиевич (4 или 8[15 или 19].11.1787—5[17].06.1846), поэт-переводчик, драматург, историк литературы. В младенчестве остался сиротой. Окончил Петербургское иезуитское училище, учился в Педагогическом институте.

Большую часть жизни служил в Императорской публичной библиотеке.

В сер. 10-х сближился с *Н. И. Гнедичем* (сослуживцем по Публичной библиотеке); сохранил с ним дружбу до конца его жизни, он стал биографом и душеприказчиком поэта, составил каталог его библиотеки (ныне утерянный). По-видимому, через Гнедича Лобанов вошел в салон Олениных, в котором бывал как дома, наряду с *И. А. Крыловым*, *К. Н. Батюшковым* и др.; немного позже у него установились личные и литературные связи также с *В. А. Жуковским*, *А. А. Дельвигом*, *И. И. Козловым*.

Главное литературное дело Лобанова — участие в создании нового переводного трагического репертуара для русской сцены, в особенности для знаменитой трагической актрисы *Е. С. Семеновы* — ученицы Гнедича. По просьбе *А. А. Шаховского* Лобанов стал одним из авторов коллективного перевода «Заиры» Вольтера.

В 10-е — 1-й пол. 20-х Лобанов опубликовал ряд стихотворений преимущественно патриотического содержания;

в историческом отношении примечательны «Ода Российскому воинству» (1813) и «Гимн о новом царе» (1826). Принимал участие в журналах «Чтение в Беседе любителей русского слова», «Сын Отечества» и др.

Виньетка к стихам М. Е. Лобанова

В 1825—35 написал трагедию «Борис Годунов». За нее Российская академия вручила Лобанову награду, завещанную в 1807 М. М. Херасковым в пользу того, кто напишет лучшую комедию или трагедию в стихах и пяти действиях.

И. З.

ЛОБАНОВ Михаил Петрович (17.11.1925 — 10.12.2016), критик, публицист. Родился в д. Иншаково Спас-Клепиковского р-на Рязанской обл. Участник Великой Отечественной войны. В 1949 окончил Московский университет. Там же защитил

кандидатскую диссертацию о творчестве Л. М. Леонова. С 1960-х преподаватель, профессор Литературного института.

В 1958 в издательстве «Советский писатель» вышла первая книга Лобанова «Роман Л. Леонова «Русский лес»». Своё отношение к персонажам романа критик выражал не столько декларативно, сколько стилистически, создавая вокруг крупного лесовода, патриота Вихрова эмоционально-лирическую языковую среду в отличие от саркастического языкового поля вокруг Грацианского, псевдоученого-космополита, преследующего Вихрова и паразитирующего на его научных трудах. Тонкий эстетический анализ языка леоновского романа, средств выразительности, особенностей его стиля и т. д. здесь сочетается с размышлениями об историческом пути России.

После выхода в н. 1963 книги Лобанова «Время врывается в книги» имя ее автора было названо в числе 4 ведущих российских критиков в докладе председателя правления Союза писателей РСФСР.

С первыми публикациями в журнале «Молодая гвардия» и вхождением в члены ее редколлегии в апр. 1966 начинается новый этап критической и творческой деятельности Лобанова. В. В. Кожин считал, что «новое направление журнала «Молодая гвардия» начало складываться прежде всего в статьях Лобанова «Чтобы победило живое» (1965. № 12), «Внутренний и внешний человек» (1966. № 5), «Творческое и мертвое» (1967. № 4), но стало явным для всех позднее». Эти и др. статьи критика вызвали яростные нападки либеральной космополитической прессы. Поистине накаленной была реакция на статью Лобанова «Просвещенное мещанство» («Молодая гвардия». 1968. № 4). Бывший до эмиграции работником комсомольского журнала в Москве, ныне профессор Нью-йоркского университета А. Янов в своей книге «Русская идея и 2000 год» так, с некоторым испугом, передает свое впечатление от «Просвещенного мещанства»: «Даже на кухнях говорили об этой статье шепотом», «сказать, что появление книги Лобанова в легальной прессе, да еще во влиятельной и популярной «Молодой гвардии» было явлением удивительным, значит, сказать очень мало. Оно было явлением потрясающим... Здесь яд и гнев, которые советская пресса обычно изливала на «империализм» или подобные ему «внешние сюжеты», на этот раз были направлены внутрь. Лобанов неожиданно обнаружил червоточину в самом сердце первого в мире социалистического государства, причем в разгар его триумфального перехода к коммунизму... Язва эта, оказывается, в духовном вырождении «образованного человека»». Янов пишет: «По какой-то причине все иллюстрации Лобанова, все «разлагатели национального духа» носят еврейские фамилии. Именно эти еврейские элементы, которые призываются к истории великого народа, играют роль своего рода фермента в зараженной мещанством дипломированной массе».

В опубликованной в журнале «Новый мир» (1969. № 4) статье А. Дементьева «О традициях и народности» автор «Просвещенного мещанства» обвинялся в «антимарксизме», «русском шовинизме» и т. д. Статья Дементьева станет сценарием для др. известной статьи руководителя идеологического отдела ЦК КПСС А. Яковлева, которая появится спустя 2,5 года в «Литературной газете» (15 нояб. 1972) и повторит с еще большей огтелтостью русофобские обвинения в адрес Лобанова и др. русских писателей.

Близкий к «Новому миру» А. Солженицын в своих мемуарах «Бодался теленок с дубом» приводит из статьи «Просвещенное мещанство» несколько цитат (кстати, ставя рядом лобановское выражение «просвещенное мещанство» и свое «образованщина» (1974), заключает: «В 20—30-е годы авторов таких статей сунули бы в ГПУ да вскоре и расстреляли». Солженицын рекрутирует русского критика в свою «шарашку» ненавистников советского строя, борцов против него. Но куда более объективен тот же Янов, который пишет в названной выше книге: «В отличие от ВСХСОН (Всероссийский Социальный Христианский Союз освобождения народа) Лобанов верил в потенции советского строя».

После статей о современной литературе Лобанов во 2-й пол. 70-х обратился к русской классике, от «животрепещущей» критики — к солидному литературоведению. Казалось бы, нет прежней «актуальности», чтобы был повод

для идеологических обвинений, но и здесь далеко было до академического спокойствия. В 1979 в серии «ЖЗЛ» вышла его книга «А. Н. Островский», где автор показал великого драматурга не по старой советской схеме «обличителя темного царства», а в полноте его творчества, в богатстве изображенных характеров, в жизненности картин не только с темными, но и светлыми поэтическими сторонами народного быта, в колоритности образов в его исторических пьесах, одушевленных высоким гражданско-патриотическим чувством. И в «Грозе» исследователь видит трагедию Катерины глубже, чем только как то, что она стала жертвой самодурства Кабанихи — Дикого. Катерина оказалась жертвой переходного времени, когда «старая», «домостроевская» мораль уходила в прошлое, а в новой «буржуазной» героиня не могла найти себе места.

Вскоре же после выхода книги Лобанова в свет в «Литературной газете» (19 марта 1980) появилась статья В. Кулешова «А было ли “темное царство”?» Он возмущался «отходом» автора книги «А. Н. Островский» от Добролюбова в оценке «Грозы», но дело было не в Добролюбове, а в том, что кроме «темного царства» в 1000-летней России ничего не позволялось видеть. В духе этой статьи проходило и «обсуждение», точнее, погром книги Лобанова за «круглым столом» с участием «ученых-специалистов» по Островскому («Вопросы литературы». 1980. № 9). Здесь также все ссылались на Добролюбова, ополчались против «ревизии революционных демократов», но за этой проформой советско-еврейских критиков стояло главное, объединяющее их — неприязнь к прошлому России, олицетворением которого было для них пресловутое «темное царство».

Крупным идеологическим событием стала история со статьей Лобанова «Освобождение», опубликованной в саратовском журнале «Волга» (1982. № 10). В статье в достаточно мягкой форме осуждались методы коллективизации в сельском хозяйстве России, проводимые еврейскими большевиками. Их прямой наследник — Ю. В. Андропов потребовал принять постановление, осуждающее статью Лобанова. Первый секретарь Союза писателей Г. Марков рассказывал, что «Андропов с сожалением вспоминал в этой связи о статье Лобанова, которая послужила поводом для издания постановления, и сказал, что партийный комитет Саратова “должен еще принять меры”. Эта статья “поднимает руку на то, что для нас священо”, прежде всего на коллективизацию и Шолохова. Кроме того, она предпринимает попытку ревизии мер партии в 30-е, несмотря на то, что “жизнь полностью доказала ее правоту”». Литературовед В. Кожин писал, что статья «Освобождение» — «одно из самых важных духовных событий за двадцатилетие “застоя”». Читая семь лет спустя Михаила Лобанова, я испытывал, помимо всего прочего, чувство великой радости от того, что честь отечественной культуры спасена, что открыто звучит ее полный смысл и бескомпромиссный голос — хотя, казалось бы, в тогдашних условиях это было невозможно».

Соч.: Роман Л. Леонова «Русский лес». М., 1958; Время врывается в книги. М., 1963; Сердце писателя. М., 1963; Мужество человечности. М., 1969; Внутреннее и внешнее. М., 1975; Надежда исканий. М., 1978; А. Н. Островский // Серия ЖЗЛ. М., 1979, 1989; С. Т. Аксаков // Серия ЖЗЛ. М., 1987; Размышления о литературной жизни. М., 1982; Страницы памятного. М., 1988; Пути преобразования. М., 1991; Сталин (сост., автор статьи). М., 1995; Великая Победа и великое поражение. М., 2000; В сражении и любви. М., 2003.

ЛОБЫСЕВИЧ Петр Павлович (ок. 1761 — после 1817), поэт, баснописец. Из дворян Черниговской губ. («сын бунчукова товарища малороссийского шляхетства»). С н. 1779 — на военной службе.

Первое печатное сочинение Лобысевича — пространная «Песнь Екатерине Великой...» (СПб., 1794), затем печатался, уже находясь в тюрьме; выступал с многочисленными *одами*, которые подносил императору, императрице и др. адресатам: «Ода на торжество мира со Швецией...» (СПб., 1810), «Песнь верных россов во ополчение дружины на врагов отечества», «Песня воинская... гр. П. Г. Витгенштейну на взятие Полоцка...», «Песнь лирическая победоносному россу на одержанные победы... при Бородине и при Тарутине...» (все: СПб., 1812). Неумеренные восхваления содержат «Гимн великому императору Александру Павловичу...» (СПб., 1813) и «Ода на всевожделенное возвращение из Париза имп. Александра I, по вторичном низложении Бонапарте» (СПб., 1815). Ряд подобных сочинений вошел также в сборник Лобысевича «Оды и разные стихотворения» (СПб., 1811). В менее официальной литературной форме Лобысевич попытался откликнуться на события Отечественной войны 1812 в сочинении «Ретирада большой французской армии, или Наполеон горе-богатырь» с подзаголовком: «Карикатурное песнопение... сочиненное в Елисейских полях покойным придворным шутком Балакиревым» (СПб., 1813). В 1816 Лобысевич опубликовал сборник под названием «Новые басни и сказки в стихах» (Ч. 1—2. СПб.).

ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич (8[19].11.1711—4[15].04.1765), ученый, поэт. Сын государственного (не крепостного) крестьянина. Родился в д. Мишанинская Куростровской волости Двинского у. Архангельской губ., вырос в условиях северно-русской культуры, тесно связанной с традициями допетровской Руси. Отец Ломоносова на собственном галиоте плавал по Белому морю и Северному Ледовитому океану, беря с собой сына. Рано обучившись грамоте, Ломоносов пристрастился к чтению. Полученные

им в 1724 книги — «Грамматика» *М. Смотрицкого* (1721), «Арифметика» *Л. Магницкого* (1703) и «Псалтирь рифмованная» *Симеона Полоцкого* (1680) — Ломоносов впоследствии называл вратами своей учености; это были лучшие труды в области русской филологии, математики и поэзии к. XVII — н. XVIII в. После неудачной попытки поступить в Холмогорское училище, куда ему как сыну крестьянина доступ был запрещен законом, Ломоносов отправился в дек. 1730 в Москву и, скрыв свое происхождение, поступил в *Славяно-греко-латинскую академию*, где в 1735 дошел до предпоследнего класса — «философии». Обучение в академии сблизило Ломоносова с московской культурой: по данным его биографов-современников, Ломоносов усердно читал в эти годы рукописные памятники древнерусской литературы. К тому же времени относятся первые стихотворные опыты Ломоносова. Быстрое и основательное овладение латинским и греческим языками открыло перед ним сокровища античной и европейской культуры.

В к. 1734 — н. 1735 Ломоносов, по-видимому, был в Киеве и слушал лекции в *Киево-Могилянской академии* (косвенные свидетельства делают этот факт почти несомненным). В Киеве Ломоносов познакомился с малороссийским языком и культурой, которую он считал южным вариантом русской культуры. По возвращении из Киева (в к. 1735) Ломоносова вместе с др. студентами отправили в Петербург для пополнения комплекта слушателей университета при АН. В 1736 Ломоносов, уже вполне сложившимся человеком, был послан за границу (в Саксонию) для изучения горного дела. Здесь он приобрел обширные познания в области физики, химии и горного дела, хорошо изучил немецкий, французский, итальянский и английский языки, благодаря чему получил доступ к важнейшим литературам нового времени.

Несмотря на усиленные занятия точными науками, Ломоносов за границей серьезно работал в области русской поэзии. По пометкам на книге *В. К. Тредиаковского* «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735), взятой им с собой за границу, видно, что его уже тогда интересовали вопросы русской версификации. Опираясь на опыт античной и новоевропейской литературы, а также на книгу Тредиаковского, Ломоносов создал стройную теорию русского *силлабо-тонического стихосложения*, изложенную им в «Письме о правилах российского стихосложения» (1739) и в основных чертах существующую поныне. Путешествуя по Германии, Ломоносов имел возможность наблюдать ряд местных вариантов немецкой культуры и сталкиваться с диалектами немецкого языка; в то же время он видел, что существует единый литературный язык для всех стран, население которых говорит по-немецки. Сопоставление положения немецкого языка и культуры с русской привело Ломоносова к пониманию больших возможностей русской культуры; они заключались в обширной древнерусской письменности, в сильном и богатом церковнославянском языке и в гибком и жизнеспособном разговорном русском языке. Вместе с тем Ломоносов видел, что единой русской культуры, единого языка не существует. Возвращаясь на родину, он поставил своей целью сделать все, что в его силах, для создания новой русской культуры, науки, литературы, литературного языка.

С 1741 и до конца жизни Ломоносов работал в АН, находясь в постоянной борьбе с управлявшим академической канцелярией *И. Д. Шумахером*, его сторонниками и преемниками, враждебно относившимися к патриотической деятельности молодого ученого, не желавшими замечать

его гениальных способностей. Круг интересов Ломоносова был необычайно широк: физика, химия, астрономия, математика, техника, горное дело, геология, металлургия, производство стекла, мозаичное производство, география физическая и экономическая, история, филология, — в каждой из этих научных или практических областей Ломоносов оставил значительный след.

Титульный лист «Российской грамматики» Ломоносова

В 1748 он сформулировал закон сохранения массы и движения («закон Ломоносова»), в 1749 создал механическую теорию тепла как следствия вращения частиц материи; к 1753 относится учение Ломоносова об атмосферном электричестве, а также об электрической природе северных сияний. В 1761 Ломоносов открыл наличие атмосферы вокруг планеты Венеры. Ему принадлежит заслуга создания физической химии как особой науки. Большое научное и практическое значение имел интерес Ломоносова к изучению географии России, его работы по исследованию возможности Северного морского пути, по гляциологии, сельскому хозяйству, лесоводству. Важнейшей чертой Ломоносова было постоянное стремление применять достижения науки на практике, для развития производительных сил России,

поднятия благосостояния и численности населения. Заботами о благе человечества было продиктовано отношение Ломоносова к войнам, особенно завоевательным. Патриотическое стремление создать русскую науку, охватывающую все области знания и достойную встать в ряд с мировой наукой, заставило Ломоносова уделить серьезное внимание и трудам по истории России. Его работы в этой области свидетельствуют об огромной начитанности в источниках (античных, византийских, западноевропейских, средневековых, славянских, русских). Для Ломоносова характерно также привлечение в качестве исторических свидетельств данных фольклора и лингвистики.

Ломоносов создал важнейшие филологические труды. Его «Российская грамматика» (1755, опубл. 1757), разграничившая формы славянские и разговорно-русские и определявшая особенности русского литературного языка, явилась первой особенно русской грамматикой; «Краткое руководство к красноречию» (1748) — первая риторика на русском языке, курс общей теории литературы, опирающийся на русские литературные образцы; изданием этого труда, показавшего, что общие литературные принципы вполне применимы и к русской литературе. Трактат Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке» (1757) — первый опыт русской стилистики — является применением учения античных филологов о трех стилях («высоком», «посредственном», «низком») к русскому литературному языку и жанрам русской литературы.

Поэтическое творчество занимало большое место в духовном мире Ломоносова. «Стихотворство — моя утеха; физика — мои упражнения», — писал он в «Российской грамматике». Начав с традиционных силлабических жанров, Ломоносов в результате изучения античной, новолатинской, немецкой и французской лирики усвоил для русской поэзии стихотворные жанры европейской литературы того времени (*ода* религиозно-философская, торжественная и др.; эпическая поэма и дидактическая «надпись», послание, идиллия, эпиграмма и пр.), а также разнообразных стихотворных размеры. В этом Ломоносов видел свою заслугу перед русской культурой, аналогичную вкладу Горация, которому «беззатной род препятством не был, чтоб вносить в Италию стихи Еольски». Ломоносов пропагандировал идеи мирного процветания родины под руководством мудрых монархов, заботящихся о развитии экономики и культуры страны, пекущихся о «блаженстве» подданных. Господствовавшее в XIX — н. XX в. мнение, будто Ломоносов писал оды «по заказу» двора или АН, опровергается обнаруженными в последнее время архивными документами: они свидетельствуют, что Ломоносов печатал эти оды «на свой кошт», очевидно сознавая их общественно-воспитательное значение. В философских одах, особенно ценимых А. С. Пушкиным, Ломоносов развивал свои космологические концепции. В оригинальном по композиции стихотворении «Разговор с Анакреоном» (к. 50-х — н. 60-х XVIII в.) сформулированы основные черты ломоносовской поэзии: гражданственность, патриотизм, признание мирной миссии России в современной политике, высокое чувство собственного достоинства поэта. Незавершенная эпическая поэма «Петр Великий» должна была на историческом материале создать образ идеального монарха, патриота, лишь отчасти намеченный в одах. «Письмо о пользе Стекла» (1752) содержит художественное воплощение философских, социальных и исторических воззрений Ломоносова и написано с большим воодушевлением, вопреки мнению позднейших критиков, упрекавших его в холодности. Сатирические сочинения

Ломоносова («Гимн бороде», 1757, и др.) — крупное достижение русской сатиры: Ломоносов отказался в них от портретного принципа А. Д. Кантемира и придал своей сатире обобщающую силу. Написанные в духе классика римской трагедии Сенеки, пьесы Ломоносова «Тамира и Селим» и «Демофонт» явились попыткой создания русской трагедии. Ломоносов разработал надолго удержавшиеся в русской поэзии четырехстопный и шестистопный ямбический стих, классическую десятистопную одическую строфу, богатую логическими и эмоциональными интонациями, точный и образный язык. Продуманная инструментовка и мелодика ямбического стиха придавали поэзии Ломоносова мужественный, энергичный, стремительный характер. Приверженность к ямбу и к жанру оды сообщила его поэтическому творчеству некоторое своеобразие. Вопрос о том, к какому литературному направлению принадлежал Ломоносов, является предметом научных дискуссий. Правильнее считать его сторонником *классицизма*, опирающегося непосредственно на античные традиции, а не представителем барокко, к которому он относительно отрицательно.

Личность Ломоносова, его научная и литературная деятельность сыграли первостепенную роль в развитии сознания русского общества и оставили глубокий след в истории русской культуры.

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—10. М.: Л., 1950—59; Т. 11. Л., 1983; Собр. разных сочинений в стихах и в прозе. Кн. 1—2. СПб., 1761; 2-е изд. Кн. 1—2. М., 1757—59; Избр. произв. М.: Л., 1965.

Лит.: Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865; Будилович А. С. Ломоносов как писатель. СПб., 1871; Ломоносов. Сб. статей и материалов. Т. 1—5. М.; Л., 1940—61; Берков П. Н. Ломоносов и лит. полемика его времени. 1750—65. М.; Л., 1936; Морозов А. А. М. В. Ломоносов, 1711—65. Л., 1955; Лит. творчество М. В. Ломоносова. М.; Л., 1962; Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961; М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. Сб., [сост. Г. Е. Павлова]. М.: Л., 1962; Фомин А. Г. Опыт библиографич. указателя лит.-ры о М. В. Ломоносове // Ломоносов и Елизаветинское время. Выставка. Т. 7. П., 1915; Коровин Г. М. М. В. Ломоносов. Указатель основной научной лит.-ры. М.; Л., 1950; Он же. Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961.

П. Берков

ЛОНГИНОВ Михаил Николаевич (2[14].11.1823—23.01 [4.02].1875), библиограф и историк литературы. В 1843 окончил юридический факультет Петербургского университета. Был секретарем Общества любителей словесности при Московском университете. С 1867 — орловский губернатор. С 1871 до конца жизни — начальник Главного управления по делам печати. Космополитически настроенный в молодости, Лонгинов впоследствии перешел на патриотические позиции; при нем были введены суровые цензурные правила для печати, ограничивавшие возможность западнической и космополитической пропаганды (1872). Совместно с К. А. Тарновским Лонгинов переводил и перерабатывал для театра драмы и водевили («Испанский дворянин», 1858, «Быть бычку на веревочке!», 1858, и др.). В 50-е Лонгинов с помощью друзей А. С. Пушкина (С. А. Соболевский, В. А. Жуковский и П. А. Вяземский) занимался подбором материалов о поэте и составил сборник его произведений, не вошедших в собрание сочинений (изд. П. В. Анненкова) с подробными примечаниями. В 1851 в «Современнике» (кн. 8) Лонгинов напечатал повесть «Широкая натура» (под псевд. П. Серебрицкий). В 1854 опубликовал там же «Воспоминание о Гоголе», а в 1856—57 — ряд статей и рецензий, в которых он воскресил малоизвестные

обстоятельства жизни и творчества писателей XVIII—XIX вв. (М. М. Хераскова, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, А. А. Дельвига, В. А. Жуковского и др.). Справедливая критика западнических позиций В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова содержалась в статье Лонгинова «Белинский и его лже-ученики» («Русский вестник». 1861. № 6). Исследование Лонгинова «Новиков и московские маринисты» (1867) содержит обильный фактический материал о преступной деятельности масонов.

Соч.: Соч. Т. 1. М., 1915; Некрасов, Панаев и Лонгинов [переписка] // Некрасов Н. А. Неизданные стихотворения. Пг., 1922; Переписка Тургенева с М. Н. Лонгиновым // Сб. Пушкинского дома на 1923 г. Пг., 1922.

ЛУБОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, в первоначальном значении прозаические или стихотворные подписи к картинкам, напечатанным с «лубка», т. е. с липовой гравировальной доски, которой пользовались русские печатники в XVII и н. XVIII в. Первые лубочные картинки и подписи к ним были религиозного или сугубо нравоучительного содержания. В Петровскую эпоху появились светские лубки часто юмористического и сатирического характера, с литературными текстами, содержащими иногда небольшой рассказ; лубочным же способом печатались графические карты, планы, чертежи и пр. Несмотря на то что дальнейшее печатание гравюр, картинок, карт и пр. производилось уже с медных гравировальных досок, название «лубка» надолго оставалось за подобными печатными произведениями. Термин «лубочная литература» удерживался за всеми дешевыми изданиями «литературы для народа»; такими массовыми изданиями были многочисленные приключенческие повести, рассказы, истории, сочиненные еще в XVIII в. популярными в то время литераторами — *Матвеем Комаровым* («Ванька Каин», «Георг Английский Милорд» и др.), А. Филипповым, *М. Чулковым*, И. Новиковым и др. В лубочном издании выходили «*Повесть о Ерше Ершевиче*», «История об Илье Муромце», «*Шемакин суд*», народные сказки и пр. Во время войны 1812 было издано много популярной патриотической лубочной литературы с рисунками. В XIX и в н. XX в., до революции, русскую деревню наводняли дешевые «лубочные» издания *И. Сытина*.

А. Квятковский

ЛУКА ЖИДЯТА (?—1059), архиепископ Новгородский в 1036—55 и 1058—59, писатель. Стал Новгородским архиепископом в 1036 при поддержке вел. князя Киевского Ярослава Мудрого, когда вел. князь посадил на княжение в Новгороде своего сына Владимира. Вместе с Владимиром Ярославичем в 1045—52 Лука возводит в Новгороде Софийский собор. После смерти Ярослава положение Луки пошатнулось. В 1055 его холоп Дудика обвинил Новгородского архиепископа в «непотребных речах». Киевский митр. Ефрем сместил Луку с епископской кафедры и заточил в тюрьму. Считают, что конфликт между Лукой и митрополитом носил личный характер — став в 1036 новгородским владыкой, Лука «обошел» претендовавшего на этот пост Ефрема. Три года Лука провел в заточении. В 1058 его оправдали, но вернуться в Новгород он не успел — по дороге он скончался в окт. 1059.

Единственное дошедшее сочинение — «Поучение к братьям». Оно содержит простейшие христианские заповеди и являет пример христианской проповеди начального этапа утверждения христианства на Руси.

С. Перевезенцев

ЛУКАШЕВИЧ Клавдия Владимировна (1859—1937), писательница. Родилась в Петербурге в семье чиновника. Была учительницей до 1881 (некоторое время в Иркутске). В 80-е начала литературную деятельность; писала исключительно для детей в разных жанрах: повести, рассказы, очерки, пьесы («Веселые дни. Сцены из народного быта», 1896; «В сельской школе. Сцены для школьного театра», 1898, и др.), биографии великих людей. Лукашевич составляла хрестоматии для семьи и школы, детские календари, сборники к литературным юбилеям («Школьный праздник в честь Л. Н. Толстого»), историческим событиями («Осада Севастополя») и др. Ее «Азбука — сеятель и первое чтение для школы и семьи» (1907) выдержала множество изданий. Сборники рассказов для детей и младшего возраста («Зернышки», 1889, и др.), среднего и старшего возраста («Босоногая команда», 1896, и др.) были в свое время популярны. Произведениям Лукашевич присущи сентиментальность и дидактичность; в то же время они проникнуты любовью к детям, желанием пробудить в них человечность, трудолюбие, внимание к окружающему миру. Наиболее значительны автобиографические повести: «Мое милое детство» (1914) и «Жизнь пережить — не поле перейти» (1918).

Соч.: Истинный друг человечества. Доктор Ф. П. Гааз. СПб., 1900; Курский астроном-самоучка Ф. А. Семенов. М., 1901; Как жил В. А. Жуковский и что он писал. М., 1902; Мое милое детство. Ч. 1. 2-е изд. М., 1916; Сын стрелочника. М., 1927.

ЛУКИН Владимир Игнатьевич (8[19].07.1737—9[20].07.1794), драматург и переводчик. Родился в Петербурге в семье придворного лакея. Начал службу «копиистом» в Сенате, в 1764—74 состоял секретарем кабинет-министра И. П. Елагина, под покровительством которого протекала дальнейшая служба и литературная деятельность Лукина. Из его драматического наследия лишь комедия «Мот, любовью исправленный» (1765) была оригинальным сочинением автора. Остальное — вольные переводы или переделки французских авторов XVII—XVIII вв.: Ж. Ф. Реньяра, П. Мариво, Ж. Г. Камнистрона, Л. Буасси и др. Путь создания русского самобытного театра Лукин видел в переделке иностранных пьес, приспособлении их к русским условиям, в стремлении «театральные сочинения всевозможно склонять на наши обычаи», что он и осуществлял в своих комедиях («Щепетильник», «Награжденное постоянство», «Пустомеля» и др.). «Склонение» иностранных пьес на русские нравы подразумевало замену имен героев русскими, изъятие эпизодов, чуждых русской жизни, введение черт национального быта вплоть до диалектизмов в речи персонажей. Творчество Лукина явилось важным подготовительным этапом становления национальной русской комедии XVIII в.

Соч.: Соч. и переводы. Ч. 1—2. СПб., 1765; Соч. и переводы / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1868; Щепетильник // Рус. комедия и комич. опера XVIII в. / Ред. и вступ. ст. П. Н. Беркова. М.; Л., 1950.

ЛУНИН Алексей Алексеевич (15[27].10.1839 — после 1906), поэт, автор очерков; священник. Родился в с. Юшино Сердобского у. Саратовской губ. в многодетной семье сельского священника. До 1852 воспитывался дома; отец обучал его грамоте, арифметике, латинскому и греческому языкам; сильное влияние на детскую душу оказала мать — грамотная, начитанная женщина (редкость в тогдашнем провинциальном духовенстве), эмоциональная рассказчица (*жития святых*, собственные воспоминания о пугачев-

ском бунте, сказки). Затем был отдан в Саратовское духовное училище, о котором позже рассказал в повести «Освобожденный» (Вольск, 1905), поэме «Борис Каменский» (Ч. 1—2. Вольск, 1897—98) и др. В 1856—62 учился в Саратовской духовной семинарии (см. автобиографию Лунина в его книге «Сельская лира». 2-е изд. Ч. 1. Вольск, 1895). Здесь началось увлечение Лунина современной журналистикой и светской литературой (впрочем, еще в училище он зачитывался *В. А. Жуковским* и *Н. А. Некрасовым*); гл. герой автобиографической повести Лунина «Отец Елеонский, или Век пережить не поле перейти» (Вольск, 1904) — семинарист, для которого святоотеческие писания — всего лишь учебный предмет, а истинную пищу душе дают статьи нигилистов. Захваченный веяниями 1860-х, Лунин видел в них «знамение победы просвещения над тьмой невежества». Однако дух революционности был ему чужд; стихи «Современным витиям» (1861) — семинаристы учили их наизусть — были направлены, по словам автора, против «пагубного учения нигилистов». *В. И. Аскоценский* прислал автору ободряющее письмо и свой портрет.

В 1868 он принял священство и получил приход в с. Шиханы Вольского у., где почти безвыездно жил до конца своих дней. Первые шаги Лунина на новом поприще показаны в повести «Отец Елеонский» и поэме «Отец Матвей».

При поддержке состоятельных друзей, а позже — на свои средства Лунин издал несколько сборников: «Стихотворения А. Агринского» (Саратов, 1860; в качестве псевд. взята фамилия деда-дьякона; свою фамилию отец Лунина получил в семинарии); «Стихотворения» (Саратов, 1865); «Сочинения» (Вольск, 1889) и др., заметно ориентированных на классическую традицию *А. С. Пушкина* (особенно в поэме «Доктор Неволин»), *Н. А. Некрасова*, *А. В. Кольцова*. Герой многих лирических стихов Лунина — человек с поэтической душой, окруженный враждебно настроенной средой. В обличительных стихах Лунина («Кулак», «Фарисей», «Богатый посевищик», «Нашим гонителям», «Литературный хамелеон», «Деловой человек» и др. — в сб. «Задушевное слово») необычна интонация: не горький смех сатирика, а мягкое пастырское увещание. Излюбленный жанр Лунина — своего рода повести в стихах, где с жалостью и любовью, знанием крестьянской жизни он описывает судьбы деревенских жителей; бедной вдовы-просвирни, мальчика-сироты, отданного «в люди», отставного солдата, старосты, странника-богомольца, сапожника-пьяницы, писаря, конторщика. Таковы же и герои серии очерков Лунина «Сельские обыватели» («Сочинения». Вып. 3; под назв. «Как живут русские люди»). С 1880-х в поэзии Лунина яснее зазвучали религиозные мотивы: он переложил 55 псалмов (цикл «Песни хвалений» — сб. «Задушевное слово», и цикл «Оды и гимны» — сб. «Сельская лира». Ч. 2. 1895), пасхальный канон (цикл «Пасхальные песни» — сб. «Задушевное слово»), передал разные состояния верующей души в стихах «Урожай», «Знакомая дорожка» и др. (там же), «Пастырю», «Празднование воскресного дня в селе» (сб. «Лирические стихотворения, поэмы и повести». Вып. 1), «Детям», «Детская могила» (на смерть детей Лунина: «Мало вы пожили, птенчики дружные, / Скоро преставились, Господу нужные...»), «Истинное счастье», «Величие мира» и др. (сб. «Сельская лира». Ч. 1), написал ряд стихотворных молитв, детски-простых и трогательных (там же). После трагического события 1 марта 1881 усиливается тема обличения «буйных, злых людей / Сеятелей вольных / Пагубных идей» («На восшествие на престол благочестивейшего государя Александра Александровича» — там же), автор молится об избавлении родины

«от злой крамолы / От всех хулителей Креста...» («Современная молитва» — там же). Всплеск антиеврейских настроений Лунина был вызван событиями 1905—06. За лето 1906 он написал цикл религиозно-патриотических стихов (сб. «Думы о Родине». Вольск, 1906), в которых обращается к соотечественникам с призывом вспомнить о Боге, о долге перед Россией («Унижена, развращена / Моя родимая страна!» — «Изменникам России»). С болью души отзываясь Лунина на поношение русского духовенства в либеральной прессе, на собраниях и митингах («Отголосок старого иерея»). В некоторых стихах Лунин полемически использует классический первоисточник: Пушкина («Клеветникам России») и *Лермонтова* («Дума», «Парус», «И грустно, и тяжко», «Родина» и др.).

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 413—414.

ЛУНИН Виктор Алексеевич (псевд. **Кукель**, **Днепров**) (6[18].11.1838 — не ранее 1914), лубочный писатель. Родился в Екатеринославе. Сын штаб-лекаря. После окончания в 1864 Медико-хирургической академии в Петербурге определен на службу врачом.

После выхода в отставку, опубликовав уголовный роман «Купленный выстрел, или Шайка отравителей» (М., 1887), Лунин в дальнейшем писал по заказам «народных» издателей *Е. А. Губанова* и *Е. И. Коноваловой* и вскоре стал одним из самых плодовитых и известных лубочных писателей (более 150 книг), наряду с *И. С. Ивиным*, *М. Е. Евстигнеевым*, *К. К. Голохвастовым*. Как и др. лубочные писатели, Лунин издавал книги самых разных жанров: популярные исторические очерки («Граф Суворов-Рымникский, великий русский герой». М., 1897; «Старостиха Василиса». М., 1897), *исторические повести* («В лесах дремучих». Ч. 1—2. М., 1903; «Новгородская волиница, или Башня смерти». М., 1903; «Тяжелые времена, или Тайная канцелярия Бирона». М., 1903), обработки *сказок* («Кашей бессмертной». М., 1894; «О царевиче Иване, Жар-птице и Сером волке». М., 1894; «Тысяча и одна ночь». М., 1901) и даже письмовники («Современный деловой письмовник...». М., 1900). Лунин достаточно умело разворачивает действие в дворянской среде, переносит его за рубеж и, что особенно показательно, среди его произведений преобладают социально-бытовые повести и романы как о дореформенной эпохе, так и о современности (патриархальные нравы прошлого и соблазны современной жизни). Лунин демонстрирует хорошее знание быта — крестьянского («Бедя за бедою». М., 1897; «Семейный раздел, или От богатства да по миру». М., 1909), купеческого («Чужое добро впрок пойдет, или Небесная кара». М., 1898), чиновничье-го («Любовь и долг». М., 1897), помещичьего («Брак по расчету». М., 1897; «Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет». М., 1912). Постоянные мотивы творчества Лунина — судьба сироты («Две сиротки, или Дела давно минувших дней». М., 1893; «Малютка». М., 1895; «Маша сирота, или Трегубый волокита». Киев, 1901), жизнь крестьянина в городе («Роковая сваха». М., 1894; «Нежданно и негаданно». М., 1895; «Найденыш, или Счастливая встреча». М., 1914), любовь помещика и крестьянки («Бог не без милости». М., 1897; «Роковой выстрел, или Любовь барчонка». М., 1899). Лунин стремится убедить читателя, что трудолюбие, вера в Бога и покорность судьбе всегда вознаграждаются, а неправедная жизнь ведет к плохому концу; сочувствие представителям социальных низов сочетается у Лунина с монархизмом и разоблачениями враждебной

деятельности евреев. Оформляя бытовой материал, Лунин прибегает, как правило, к мелодраматическим сюжетам, используя при этом язык сентименталистской прозы к. XVIII — н. XIX в. Лунин писал также на малороссийском языке («Пид явором три могилы». М., 1899; «Чорна хмара». М., 1912; и др.)

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 414—415.

ЛЫСЦОВ Иван Васильевич (13.10.1934—24.04.1994), поэт, публицист. Родился в Норильске, куда его родители бежали от коллективизации. Семилетку будущий поэт закончил в Сызрани, геологоразведочный техникум — в Перми, армейскую службу проходил в Оренбурге, в Высшем военно-авиационном училище. В

должности радиомеханика стартово-командной радиостанции он обслуживал полеты курсанта Юрия Гагарина. Работая в Главном Тюменском производственном геологическом управлении, он сам открыл первый нефтеносный участок, своими глазами увидел первый нефтяной фонтан на Тюменской земле. В эти же годы он закончил Литературный институт.

В поэзии Лысцов также посвятил свой талант первопроходчеству. Его приход в литературу был подобен явлению солнечных росыпей древнего и вновь засиявшего русского слова. На этот творческий путь Лысцова подвиг любимым наставником — писателем *А. К. Югов*. Югов написал предисловие к книге стихов Лысцова «Доля» (1969), после чего поэта причислили к «юговцам», т. е. к «русифилам». В книгах стихов «Доля», «Стезя» (1971), «Страда» (1974), «Происхождение» (1985), «Белые хлеба» (1986) и др. Лысцов явил свою Русь, яркий национальный характер, «свою походку и повадку».

«Поэт открывает нам все новые и новые сокровища русского слова», — писал литературовед *Е. И. Осетров*. Однако за словесной удалью Лысцова увиделось кому-то и опасное. В прессе появились глумливые отзывы, обвинения в национализме, обрушился на поэта град пародий. Лысцова усиленно пытались представить однозной фигурой. Одним из переломных моментов в судьбе поэта стал его резкий отзыв о «Дне поэзии 1968» («Ленинское знамя», 1969). Еще одним — его творческий вечер в Большом зале ЦДЛ. В миг торжества русской поэзии недругами в зал была внесена атмосфера скандала. Как в свое время *Есенина*, Лысцова пытались представить «хулиганом».

В последние годы жизни слава Лысцова «ушла в подполье». Лауреату Всероссийского конкурса патриотической песни не разрешили выступать. Книги он издавал на пожертвования.

Лысцов первым опубликовал статью об убийстве С. Есенина («Молодая гвардия», 1990). По провидческой смелости эта статья — наиболее сильная вещь из множества публикаций о гибели Есенина. Она оказалась литературным завещанием Лысцова. В апр. 1994 Лысцова нашли мертвым в пруду возле дома, где он жил. Обстоятельства смерти поэта не расследованы. Родственники хранят фотографию покойного поэта со следами травм на лице и голове.

И. Шевелева

ЛЬВОВ Владимир Владимирович (11[23].03.1805—22.03 [3.04].1856), детский писатель. Родился в Москве. Получил домашнее воспитание. Был на военной службе. Некоторое время служил цензором.

Деятельность Львова в области детской литературы, где его имя наиболее известно, берет начало в литературно-педагогических опытах, связанных с хлопотами Львова (после ранней смерти родителей) по воспитанию многочисленных младших братьев и сестер. Некоторые из этих опытов были собраны им в сборник «Красное яичко для детей» (М., 1831), успехом пользовалась повесть «Серый армяк, или Исполненное обещание» (М., 1836; 6-е изд. М., 1907). В ней описываются события войны 1812 и даются обширные сведения по географии и быту России той эпохи; занимательность сюжетных перипетий смягчает прямолинейность морализаторских намерений автора, верно-го дидактическим принципам своего времени. Ряд произведений Львова был ориентирован не только на детскую, но и одновременно на взрослую «простонародную» аудиторию: написанные фольклорным «сказом» притчка «Сказка о трех братьях: Семене, Пахоме да Иване...» (М., 1851), «Сказка о двух Иванах...» (М., 1852; обе переиздавались огромными тиражами до к. XIX в.) и стилизованное в том же духе изложение русской истории «для народа» «Сказание о том, что есть и что была Россия...» (М., 1856, 1857; 3-е изд. СПб., 1863).

Лит.: Русские писатели 1800—1917. М., 1994. Т. 3.

ЛЬВОВ Николай Александрович (4[15].03.1751—22.12.1803 [3.01.1804]), поэт, переводчик, архитектор, график, ботаник. Член Российской академии с ее основания, почетный член Академии художеств. Вокруг Львова группировался литературный кружок (*И. И. Хемницер, В. В. Капнист, Г. Р. Державин*, позднее *И. И. Дмитриев*), кружок художников (*Д. Г. Левицкий, В. Л. Боровиковский, И. А. Иванов, П. П. Чекалевский* и др.), кружок музыкантов (*И. Прач, Е. И. Фомин, Дж. Сарти, С. М. Митрофанов* и др.). Писать стихи Львов начал в юности. На его стихах сказалось влияние отчасти *сентиментализма* (стих. «Музыка, или Семитония», 1796, и др.), отчасти — зарождавшегося русского *романтизма* (баллада «Ночь в чухонской избе на пустыре», 1797). Чертами острой социальной сатиры отмечены поэма «Русской 1791» (1791), басни, повесть «Ботаническое путешествие на Дудорову гору 1792, мая 8» (опубл. 1805) и др. Стремясь приблизить русскую поэзию к народному творчеству, Львов применял народную лексику и тонические размеры, неразрывно связанные с народной музыкой (поэма «Добрыня, богатырская песнь», 1796, опубл. 1804, и др.). Львов издал один из первых переводов исландской саги «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго» (1793), «Стихотворений Анакреона Тийского» (1794) с теоретическим предисловием и примечаниями. Переводил также сонеты Петрарки, оды Сафо, либретто оперы Панзиелло «Нина, или С ума сошедшая от любви» (до 1792).

Львов издал тексты для комических опер: «Сильф, или Мечта молодой женщины» (1778), «Ямщики на подставе» (изд. и пост. 1787) с записанными им ямщиками песнями, аранжированными и оркестрованными Е. И. Фоминым, «Милет и Милета» (1796), остроютирическую пьесу в стиле народного балаганного действия «Парисов суд» (1796). В ремарках своих комических опер, в «Прологе» к открытию Российской академии (1793) Львов оказался одним из первых авторов тематических «программ» для симфонической музыки. Львов составил двухтомный нотный сборник песен, гармонизованных И. Прачем: «Собрание русских народных песен с их голосами, на музыку положил Иван Прач» (1790). В «предупреждении» к нему Львов, оценив русские песни как одну из богатейших форм национальной культуры, указал (первым в России) на специфику многоголосия русской песни и на связи напевов с народной поэзией. Львов нашел и опубликовал 2 ценные летописи Древней Руси: «Летописец русский от пришествия Рурика до кончины Иоанна Васильевича» (1792) и «Подробный русский летописец от начала России до Полтавской баталии» (1798). Первой ныне присвоено наименование «Львовская летопись». Сочинения Львова дважды цитировал А. С. Пушкин.

Соч.: Русская поэзия. Собр. произв. рус. поэтов / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 1. СПб., 1897; *Артамонова* З. Неизд. стихи Н. А. Львова // Лит. наследство. Т. 9—10. М., 1933.

ЛЬВОВ Павел Юрьевич ([12].01.1770, по др. сведениям — ок. 1768—31.05[12.06].1825), писатель.

Служил в Преображенском полку, находился на государственной службе.

В 1780-м входит в литературу, становится членом Общества друзей словесности. Публикует повести и очерки в духе *сентиментализма*.

В н. XIX в. главной темой в творчестве Львова становится патриотизм. В 1803 он выпускает книгу «Картина славянской древности» и написанные в подражание «Песням амазонок» К. Ф. Вейсе «Славянские песни» — прозаические зарисовки на темы славянской истории, выдержанные в осцианическом духе. Здесь же публикуются первые фрагменты из центрального произведения Львова — «Храм славы российских ироев от времен Гостомысла до царствования Романовых» (отд. изд. — СПб., 1803), построенного как аллегорическое «видение» автора, которому открывается пантеон легендарных и исторических деятелей прошлого (среди них Львов упоминает своего предка В. Львова-Почепского). Одновременно Львов издает переделку романа Флориана об идеальном правителе «Нума Помпилий» (СПб., 1803), содержащую прямые параллели с Александром I и его законодательными мерами.

В 1804 Львов избран в Российскую академию. Один за другим выходят в свет исторические произведения Львова: удостоенное золотой медали Российской академии (1806) «Похвальное слово великому Государю, царю Алексею Михайловичу» (СПб., 1810), «Пожарский и Минин, спасители отечества» (СПб., 1810), «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова» (СПб., 1812); «Лукьян Степанович Стрешнев» (СПб., 1813), «Боярин Матвеев» (СПб., 1815; оба вошли в кн. «Достопамятные повествования о великих государях и знаменитых боярах XVII в.». М., 1821), «Великий князь Ярослав I на берегах Волги» (М., 1820).

Лит.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3.

ЛЮБЕЦКИЙ Сергей Михайлович (1808 или 1810 — 5[17].03.1881), писатель, поэт. Учился в Медико-хирургической академии. Опубликовал (под псевд. Сергей ...ский и Сергей ...кий) четыре романа: «Соколыники, или Поколебание владычества татар над Россиею. Исторический роман XIV в. Эпизод из княжения Дмитрия Донского» (Ч. 1—3. М., 1832); «Падение Великого Новгорода. Исторический роман XV в., из княжения Иоанна Васильевича III Великого» (Ч. 1—4. М., 1833), «Рождение благословенного дома Романовых на Российском престоле. Романтические картины исторических событий» (Ч. 1—4. М., 1834); «Танька, разбойница Ростовинская, или Царские терема. Историческая повесть XVIII столетия. С песнями, обрядами и празднествами тогдашнего быта. Из преданий русской старины» (Ч. 1—4. М., 1834).

С 1841 Любецкий выступал под своей фамилией. В Малом театре была поставлена его пьеса «Стенька Разин, разбойник волжский. Драматические картины... с хорами, песнями и плясками. Быль XVII в.» (1841; изд. М., 1846). Позднее он выпустил альманах «Панорама народной русской жизни, особенно московской» (М., 1848), состоявший гл. обр. из его нравоописательных рассказов и очерков. Ряд произведений Любецкого не был опубликован: драматическая опера-быль «Суд Божий» (1840); историческая повесть «Житье-бытье дедовских времен» (1847, запрещена цензурой) и др. В это время Любецкий поддерживал дружеские отношения с С. Т. Аксаковым и М. П. Погодиным, не принимая тем не менее активного участия в литературной жизни Москвы.

В 1859—68 Любецкий печатал живо написанные сатирические рассказы и фельетоны в журнале «Развлечение» (в т. ч. циклы «Прогулки по Москве» — 1860; 1861; «Житейские сцены, рассказы и наблюдения». 1859, 1860, 1863). Публиковал популярные, но основанные на хорошем знании материала и нередко имеющие значение первоисточника исторические очерки (преимущественно о гуляниях и праздниках в Москве) в журналах «*Москвитянин*» (1854—56), «*Нива*» (1870—72), газетах «Русские ведомости» (1864—68), «Современная летопись» (1865—67), «Московские ведомости» (1864—76), «Вестник Московской политехнической выставки» (1872—73), собранные в книге «Отголоски старины» (М., 1867; переизд. с доп. под назв. «Старина Москвы и русского народа в историческом отношении с бытовой жизнью русских». М., 1872), «Русь и русские в 1812 г.» (Ч. 1—2. М., 1869). Многие произведения Любецкого написаны в патриотическом духе.

Лит.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 3. М., 1994.

ЛЮБИМОВ Николай Алексеевич (26.01[7.02].1830—6[18].05.1897), ученый и публицист национального направления, сотрудник газеты «*Московские ведомости*».

Окончил физфак Московского университета и 28 лет преподавал в нем физику. Любимов внес большой вклад в мировую и отечественную науку. Так, в 1860 на одной из своих лекций он применил электрическое освещение, осветив учебную аудиторию и двор университета. Это событие стало тогда мировой сенсацией. Учеником Любимова

считал себя знаменитый физик Н. А. Умов. Однако в политике Любимов прославился даже больше, чем в науке. Он был одним из ведущих сотрудников *М. Н. Каткова*, его перу принадлежат многие знаменитые передовицы «Московских ведомостей». В последние годы царствования Александра II Любимов под псевд. «Варфоломей Кочнев» поместил в изданиях М. Н. Каткова серию очерков под общим названием «Против течения». Любимов в этих очерках обращал внимание на «грозное сходство» положения России рубежа 1870—80 с положением Франции перед падением монархии. «Варфоломей Кочнев» отмечал, что революция в России уже фактически началась, и признаками ее являются уже даже не действия революционеров, а паралич государственной воли, когда власть идет на поводу у либералов, этих невольных пособников нигилистов. Любимов выступил с резкой критикой либеральных реформ, как проведенных в 1860, так и планируемых министром внутренних дел, «бархатным диктатором» М. Т. Лорис-Меликовым. Любимов действительно шел против течения, критикуя справа могущественного министра, пользовавшегося доверием царя. Однако, как патриот и монархист, Любимов не мог не выступить против ошибочных шагов монарха, которые могли иметь опасные последствия для национальных интересов России. Царевичество 1 марта 1881 показало правоту опасений Любимова. Любимов и др. сподвижники Каткова предлагали конкретную программу национальных контрреформ. Эта программа была во многом реализована в царствование Александра III. Сам Любимов стал одним из создателей университетского устава 1884. Любимов был хорошо знаком с виднейшими русскими писателями своего времени. Особенно тесная дружба связывала его с *Ф. М. Достоевским*, чьи политические взгляды совпадали с его собственными.

Соч.: Против течения. Беседы о революции. Наброски и очерки в разговорах двух приятелей // Русский вестник. 1880. № 8, 9; 1881, № 3, 6, 10; 1882. № 1, 7, 12; 1883. № 1, 5; 1884. № 1; отд. изд. Вып. 1—3. М., 1880—82; М. Н. Катков. (По личным воспоминаниям) // Русский вестник. 1888. № 1—3, 7, 8; 1889. № 2—3; отд. изд. под назв. «М. Н. Катков и его историческая заслуга». СПб., 1889; Летопись мимолетного. СПб., 1892; Крушение монархии во Франции. М., 1893; СПб., 1905.

Лит.: Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890; Случевский К. Н. А. Любимов. Биограф. очерк // Памяти Любимова. СПб., 1897.

ЛЮБОМУДРОВ Марк Николаевич (р. 26.02.1932), писатель, публицист, критик и историк театра. Родился в Петербурге. Дед Любомудрова, Николай, был священником, погибшим в период «красного террора». В 2000 Архиепископским Собором он был причислен к лику святых новомучеников. Отец, Н. Н. Любомудров, также был репрессирован. Любомудров в 1956 закончил искусствоведческий факультет Ленинградского театрального института им. А. Н. Островского. Работал заведующим в Ярославском драмтеатре им. Ф. Г. Волкова, затем в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии, в котором в 1972—87 возглавлял

сектор театрального искусства. С 1955 (т. е. еще со студенческой скамьи) Любомудров начал публиковаться в печати. Им были опубликованы многие книги по истории русского театра, в т. ч. «Старейший в России» (1964), «Федор Волков и русский театр» (1971), «Века и годы старейшей сцены» (1981), «Судьба традиций» (1983), «Н. Симонов, Ю. Завадский» (серия «ЖЗЛ», 1983) и др. Многочисленные публицистические статьи Любомудрова вошли в книгу «Размышление после встречи» (1984). Любомудров сделал вполне благополучную по советским меркам карьеру в искусстве и высшей школе, однако не превратился в «жреца искусства», запершегося в башне из слоновой кости. Напротив, именно в театре и в высшей школе особенно мощным было засилье «общечеловеков» по духу и по крови, изгонявших из театра все русское. В 60-е, во времена пресловутой «оттепели», из театра началось изгнание «русского духа» под лозунгами «осовременивания», «приближения к мировым образцам» и т. п. В таких условиях надо было иметь незаурядную смелость, чтобы защищать национально-русское направление в театральном вузе. С сер. 1960-х Любомудров участвовал в русском национально-патриотическом движении, в котором получил известность как один из самых энергичных защитников традиций русской культуры. Однако всемирная известность пришла к Любомудрову в годы перестройки. Его статьи, опубликованные в патриотических изданиях, особенно статья «Театр начинается с Родины», помещенная в «Нашем современнике» в июне 1985, вызвали истерическую критику космополитических журналов и газет. Впрочем, смутить этим опытного борца было трудно. В 1988 он основал русскую литературную ассоциацию «Содружество», в марте 1989 создал Ленинградское отделение Фонда славянской письменности, в 1990 — издательство им. А. С. Суворина. Любомудров участвовал также в экологическом движении, возглавляя комитет «Нева—Ладога—Онега», борясь с «поворотчиками северных рек». Активная патриотическая деятельность Любомудрова вызвала соответствующую реакцию русофобских кругов, во власти которых находилось управление учебными заведениями северной столицы. В 1987 Любомудров был забаллотирован Ученым советом своего института на искусственно организованном в нарушение закона «досрочном» переизбрании, по личному указу А. Н. Яковлева, члена Политбюро ЦК КПСС. В 1987—89 Любомудров работал в Ленинградской консерватории, которую также был вынужден покинуть по тем же причинам. Лишь в 1996 он смог вернуться к преподаванию. Однако и в годы борьбы Любомудров продолжал творческую деятельность. Манифестом национальной школы искусства явилась его книга «Противостояние. Театр, век XX: традиция — авангард» (1991).

С. Лебедев

ЛЯСКОРОНСКИЙ Сильвестр (? — 8[19].05.1754), малороссийский писатель, педагог, церковный деятель. Учился в Киевской духовной академии; с 1729 преподавал в ней; в 1746 стал ее ректором. Автор школьной пасхальной драмы «Трагикомедия» (1729), разрабатывающей евангельские темы и прославляющей православную монархию.

Соч. В кн.: Резанов В. И. Драма украинська. Вып. 3. Киев, 1925.

М

МАГНИЦКИЙ Михаил Леонтьевич (23.04[4.05].1778—21.10[2.11].1844), поэт, публицист.

Правнук создателя первого русского учебника арифметики Л. Ф. Магницкого. Закончил с отличием благородный пансион при Московском университете. С 1795 служил в гвардейском Преображенском полку. В 1798 оставил военную и перешел на гражданскую службу. В качестве чиновника по-

сольства в Вене был прикомандирован к А. В. Суворову секретарем. В 1801—03 Магницкий — служащий посольства в Париже. С 1803 — начальник отделения экспедиции государственного благоустройства Министерства внутренних дел. С этого времени сближается с либералом М. М. Сперанским и становится его «правой рукой» вплоть до 1812. В 1803 Магницкий представил Александру I собственный проект конституции. В 1804 и 1805 выполнял ряд важных секретных поручений Александра I в Пскове и Вильне, будучи там ревизором. С 1810 Магницкий — статс-секретарь департамента законов в Государственном Совете. В это же время вместе со Сперанским вступил в масонскую ложу, с которой в дальнейшем порвал. В 1811 Магницкий стал директором комиссии по составлению уставов и уложений для всех подразделений военного министерства. Один из составителей «Положения об управлении большой действующей армией».

В марте 1812 по делу Сперанского был арестован и сослан в Вологду. В 1816 Магницкий был «прощен» и назначен на должность воронежского вице-губернатора, фактически выполнял с июня 1817 губернаторские обязанности. В июне 1817 Магницкий был назначен на должность гражданского губернатора в Симбирск. С 1819 сближается с кн. А. Н. Голицыным, министром духовных дел и народного просвещения, по протекции которого в янв. 1819 был назначен членом Главного правления училищ при Министерстве духовных дел и народного просвещения. Магницкий исходил из того, что механическое заимствование западноевропейского опыта в области просвещения, несоответствие его национальным

особенностям может привести в конечном счете к социальным потрясениям. В н. 1819 Магницкий осуществил ревизию Казанского университета. По ее итогам Магницкий предложил либо «разрушить» университет, либо провести его коренную реорганизацию. Это предложение было вызвано не только соображениями политического характера (отсутствием кафедры богословия, либеральными воззрениями части профессуры), но и причинами «академического» свойства: крайне запущенными хозяйственными делами университета, моральным обликом части профессуры и студентов, плохой постановкой экзаменов и т. д. В июле 1819 Магницкий был назначен попечителем Казанского учебного округа (до 1826), где осуществил консервативные преобразования. На новом посту Магницкий осуществил «чистку» профессуры (уволит 11 профессоров из 25), придал ярко выраженную религиозную направленность преподаванию всех дисциплин, изменил учебные планы, ввел по образцу монастырских уставов строгий режим. Меры Магницкого носили не только репрессивный характер. Даже отрицательно настроенные к Магницкому исследователи и современники отмечали, что он вынашивал план создания Института восточных языков, снаряжал экспедиции по различным отраслям наук, отправлял ученых на обучение в Европу, произвел перестройку зданий университета, библиотеки, обсерватории и т. д. В 1820—23 в Комитете по составлению цензурного устава Магницким был разработан проект, положения которого легли в основу т. н. «чугунного устава» 1826. В февр. 1823 в записке А. Н. Голицыну он выступил за упразднение преподавания философии и естественного права. Магницкий предвосхитил известную идеологическую формулу гр. С. С. Уварова, предлагая уже в 1823 Александру I принять план «народного воспитания», построенный на началах Православия и самодержавия. В 1824 способствовал отставке своего бывшего покровителя А. Н. Голицына, будучи активным членом «русской партии», активно борющейся с различными мистическими течениями, идущим с Запада, и масонством.

Литературная деятельность Магницкого началась с произведения «К дитяти», опубликованного в 1794 в сентименталистском журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (ч. 1), где затем Магницкий поместил еще 8 стихотворений: наиболее известна «Песня моей Катеньке» («Тише, громкий соловей!» — 1795, ч. 5). Несколько произведений Магницкого напечатаны в «Аонидах» Н. М. Карамзина, а также изданы отдельно: «Печальная песнь на кончину его превосходительства господина тайного советника имп. Мо-

сковского ун-та куратора... И. И. Мелиссино» (М., 1795), «Ода на случай постановления бюста ее имп. высочества...» (М., 1796), «Ода на бракосочетание его имп. высочества в. к. Константина Павловича» (б. м., 1796).

В 1830-е Магницкий опубликовал ряд публицистических статей: в «Отломках от философского мозаика, степного отшельника, М. Простодумова, помещика с. Спасского, Саратовской губ.» выступал против философии и науки без христианских начал, ибо «по выражению Ф. Бэкона, только одна религия есть аромат, предохраняющий науки от гниения» (1832); в «Голосе над гробом Гегеля» (1832) высказал чаяние, чтобы со смертью Гегеля «изгладилась» следы его философии на земле; в «Судьбе России», оспаривая оценку татарского периода Н. М. Карамзиным, находит мистическое оправдание «татарского угнетения»: оно удалило Россию от Европы и тем самым «сохранило в ней чистоту веры Христовой», что позволит будущей России превзойти Европу.

В 1843 опубликовал «Взгляд на мироздание. Дума I» — лирическое размышление (в прозе) о космосе с христианской точки зрения.

В царствование Николая I Магницкий подвергся необоснованной опале в 1826 и провел оставшуюся часть своей жизни в ссылке в Ревеле (1826—34) и Одессе (1834—44). В 1831 Магницкий обратился к Николаю I с всеподданнейшими письмами, в которых разоблачал «заговор иллюминатов», приписывая в нем ведущую роль своему бывшему другу и единомышленнику М. М. Сперанскому. В этом документе декларировалась связь между масонством и еврейством. В 1832—33 Магницкий негласно руководил журналом консервативной направленности «Радуга» (Ревель), где разрабатывал собственный вариант государственной идеологии, которая опиралась на труды германских философов-романтиков. Скончался в нищете.

Соч.: Инструкция директору Казанского университета (17 янв. 1821) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование Александра I. 1802—25. 2-е изд. СПб., 1875. Т. 1; Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного статского советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива 1-го Отделения С.Е.И.В.К. СПб., 1876. Вып. 1; Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Л. Магницкого Императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. №№ 1—3.

Лит.: Феоктистов Е. М. Магницкий. СПб., 1865; Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801—25). СПб., 1998; Минаков А. Ю. М. Л. Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных консерваторов XIX в. // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып. 1; Поэзия // Собр. образцовых рус. соч. и пер. в стихах. 2-е изд., ч. 1. СПб., 1821; [Стих.] // Сб. любовной лирики XVIII в.. СПб., [1910]. Песни и романсы.

А. Минаков

МАЙКОВ Аполлон Аполлонович (1866—после 1917), публицист, художник, один из основателей Союза русского народа (СРН), идеолог монархического движения. Сын известного русского поэта А. Н. Майкова.

Помимо организационной деятельности, Майков выступал как политический публицист, публиковался в органе СРН — газете «Русское знамя». Особенную известность Майкову, как публицисту, принесла его брошюра «Революционеры и черносотенцы» (СПб., 1907), в которой он дал целостное изложение идеологии монархического движения. Прежде всего, Майков подчеркивал, что не стоит

стыдиться наименования «черносотенцы» или «черносотенники» (как он предпочитал писать), хотя его и дали монархистам враги. Он считал это название верно отражающим самую суть движения, ведь «первыми поднявшими знамя “За Веру, Царя и Отечество” были большей частью люди простого звания, крестьяне, мещане, а простой народ в прежние времена назывался “чернью”, “черными людьми”». Майков справедливо отмечал, что отличительной чертой монархического движения является символ «За Веру, Царя и Отечество», или «Православие, Самодержавие, Народность». И он в своей брошюре проанализировал содержание каждого элемента монархической триады. Православная церковь, по убеждению Майкова, есть «основа русской народной жизни и Российского государства», Церковь дала русскому народу политическую свободу, а теперь «должна быть краеугольным камнем и его гражданской свободой, основанием устройства его гражданской жизни». А значит, основой гражданского общества в России должна стать «христианская община на началах братской любви и милосердия, взаимопомощи и христианского просвещения». Только так можно реально улучшить положение обездоленных. Из этих рассуждений Майков делал закономерный вывод, что Православная церковь должна быть господствующей в России.

Царское самодержавие, считал Майков, «установлено самим русским народом», а не происходит от завоевания, как при абсолютизме, а потому, по сути своей, не представляет из себя господства, а занимает относительно народа служебное положение». Враги патриотов распространяли клеветнические измышления, будто монархисты выступают против участия народа в управлении страной. На самом деле, монархисты главным условием крепости самодержавия считают единение царя с народом, выступают за то, чтобы народ мог «свободно обсуждать свои нужды, изыскивать средства для их облегчения и тем помогать царю в его управлении страной». Одним из эффективных средств единения царя с народом, по мысли Майкова, может являться Государственная дума, которая должна стать источником осведомления царя о нуждах народа и должна получить от царя «право надзора за деятельностью слуг царских и право подачи жалоб на них царю». Но так может случиться тогда, когда в думе будут «только представители русского православного народа, как хозяина земли русской», а инородцы будут иметь лишь своих особых представителей при думе. Но это вовсе не противоречит тому, что власть самодержца остается неограниченной, а полнота царской власти неприкосновенной, ибо это является условием охранения власти от захвата «шайкой ловких политиков». Неограниченность, по мнению Майкова, означает, прежде всего, неподкупность, независимость от партийного эгоизма, беспристрастность ко всем слоям населения. Единственное ограничение, которое допускают монархисты, — «царь должен быть православным», что является гарантией того, что он будет ревнителем и заступником Православной церкви, станет управлять народом по своей христианской совести. Враги монархистов распускали еще одну клевету, будто они являются защитниками «старого режима», т. е. произвола чиновников. В ответ Майков изложил монархический взгляд на бюрократию: она есть «средостение между царем и народом»; «она главная виновница того, что политика правительства пошла совершенно вразрез с нуждами и стремлениями русского народа»; она состоит «из большого количества инородцев или людей воспитанных на иностранных началах»; она виновата в низком уровне народного просвещения, в

результате чего школа поставляет врагов русской народности и России.

Характеризуя третий элемент триады, который Майков называл не вообще «народность», но «русская народность», он подчеркнул, что «учение черносотенников имеет основанием национализм», что монархисты — противники космополитизма, они выступают за то, чтобы русские занимали «господствующее положение в России». Однако, провозглашая национализм основной идеологии, Майков призывал не забывать, что «без Православной церкви не сложился бы русский народ в одно могучее целое», что «у всех явилась общая связь, общая Святыня» именно благодаря Церкви. Поскольку «начало народности происходит от природного семейного начала», монархисты выступают в защиту семьи. Майков выступил также решительным защитником начала сословности общества, как залога процветания России, когда «население не представляет из себя смешанной и перепутанной толпы, а собрано в отдельные части, связанные между собой общностью своих интересов, занятий, промыслов и пр. условий жизни». Только так население сможет разбраться в своих подлинных нуждах. На началах сословности, считал Майков, должна быть построена и Государственная дума. В связи с идеей сословности вопросом первоочередной важности является «восстановление общесословного церковного прихода», который в наше смутное время должен стать «колыбелью новому возрождению русской самобытности».

Важными составляющими идеологии монархического движения были антиконституционализм и антилиберализм, чему уделил немало внимания в своей брошюре и Майков. Он отмечал, что идея конституционализма внутренне лжива, ибо основана на ложной идее парламентаризма. Либералы любят говорить о парламенте, как о собрании выборных от народа, а значит — институте, который якобы выражает волю и голос всего народа. На самом деле, парламентаризм дает власть не народу, а наиболее ловкой политической партии. Майков также обращал внимание на творческую примитивность либерализма, ведь «революционерам и конституционалистам не приходится ничего создавать, ничего изучать, и к их услугам громадная иностранная литература, которую им достаточно перевести на русский язык». Он метко называл противников монархистов «переводчиками», у которых отсутствует самостоятельное творчество. Несамобытность мысли неизбежно ведет к нежизненности и агрессивной теоретичности, когда «в противовес самобытному национальному развитию» те или иные формы жизни создаются по измышлению людей, «воображающих себя великими мудрецами и насильно навязывающих народу». Майков с грустью отмечал: «Увы! не над одним народом не произошло столько опытов насаждения теоретического развития, как над русским! Только живучесть раз созданных им себе форм жизни дала ему силу переносить все эти эксперименты и сбрасывать все наносное и чуждое». Особенную опасность конституционализма Майков видел в двух обстоятельствах. Во-первых, «могущественный капитал принадлежит евреям и, следовательно, введение конституции равносильно передаче власти над Россией в руки евреев», которые хорошо организованы и уже подчиняют себе Европу. Во-вторых, уже теперь видно, что «состав конституционных партий представляет из себя собрание всех, кого можно считать враждебными русскому народу и его самобытному развитию».

В отличие от многих своих единомышленников Майков не протестовал против того, что патриотов называли «ре-

волюционерами справа». Наоборот, он заявлял, что для такого утверждения есть основания, ибо и революционеры, и монархисты выступают против власти капитала. Однако он призывал видеть и различие, которое состоит в разных способах борьбы с капиталом: у революционеров — всеобщее разрушение; у монархистов — создание такой формы государственной жизни, «при которой возможно соблюдение равновесия между всеми частями народного организма». В итоге, «революционеры, воображающие, что они воюют с капиталом, в сущности лишь орудие еврейства, расчищающее еврейству господство над русским народом», а потому не удивительно, что именно еврейский капитал питает внутреннюю смуту. Майков подчеркивал, что глупо и невежественно видеть в монархистах противников реформ, напротив, «черносотенники желают полного переустройства русской жизни, осуждают всю правительственную политику, как внутреннюю, так и внешнюю всего последнего времени и желают самых коренных реформ». Однако они жаждут не абы каких реформ, но только таких, которые будут осуществляться «в духе русского народа, согласно с его историей», которые поведут к естественному развитию «всего уже созданного русским народом», а не превратятся в насильственное навязывание чуждых учений и учреждений.

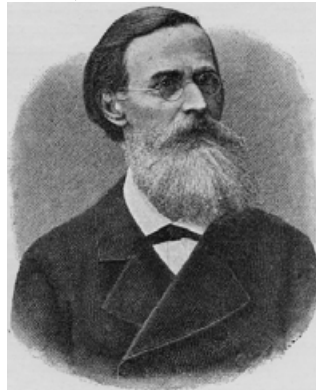
Майков блестяще сформулировал политическое кредо монархистов: «Все дальнейшее развитие гражданской и политической жизни может быть основано лишь на тех началах, на которых сложилась русская самобытная жизнь и Русское государство», т. е. на триаде Православие, Самодержавие, Русская народность; «всякие реформы, противоречащие русским началам, не приносили и не принесут никакой пользы русскому народу, а наоборот поведут к его гибели». В итоге Майков пришел к выводу, который точно выражает роль монархического движения в русской истории: из всех существующих партий «черносотенцы одни являются представителями русского народного начала; они одни отстаивают русскую самобытность, от сохранения которой зависит жизнь или смерть русского народа».

Соч.: Англичане едут // Русское знамя. 1906. 29 сент.; Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907; Святитель Петр Чудотворец Московский. Пг., 1911.

Лит.: Куда временщики ведут Союз русского народа. СПб., 1910; Подробный отчет о Третьем Всероссийском Съезде Людей Земли Русской в Киеве. М., 1906.

А. Степанов

МАЙКОВ Аполлон Николаевич (23.05[4.06].1821—8[20].03.1897), поэт. Родился в Москве в дворянской семье. Сын

академика живописи Н. А. Майкова, брат В. Н. и Л. Н. Майковых. Майков воспитывался в атмосфере, насыщенной интересом к искусству. В 1837—41 Майков учился на юридическом факультете Петербургского университета. С 1844 — помощник библиотекаря при Румянцевском музее, с 1852 до конца жизни — цензор, затем председатель комитета иностранной цензуры. Неоднократно вы-

езжал за границу, гл. обр. в Грецию и Италию. Первые его стихи появились в рукописных сборниках «Подснежник» (1835—38) и «Лунные ночи» (1839), выпускавшихся в семье Майковых. Выступил в печати со стихотворениями «Орел» («Библиотека для чтения», 1835, т. IX). В 1842 издал сборник «Стихотворения», в которых проявился характерный для Майкова интерес к Древней Греции и Риму. Майков продолжал традиции антологической поэзии *К. Н. Батюшкова* и *Н. И. Гнедича*. Ему свойственны ясность и пластичность образов, гуманистический идеал земной жизни. В следующем сборнике «Очерки Рима» (1847) Майков сделал попытку на фоне древнего мира показать природу и бытовые сцены из жизни современной Италии. Идеализация древности сочетается с мыслями о потомках свободных народов, сочувствием к национально-освободительному движению во главе с Дж. Гарибальди (стих. «Palazzo»). В сер. 40-х Майков сближается с Белинским и петрашевцами. Некоторые произведения этого периода, напр., поэмы «Две судьбы» (1845), «Машенька» (1846), «Барышне» (1846), написанные в духе *натуральной школы*, содержат гражданские мотивы. Начиная с 50-х Майков все более смыкается с патриотическим лагерем. Патриотические чувства накануне Крымской войны отразились в поэме «Клермонтский собор» (1853) и в сборнике «1854» (1855). В 1858 после поездки в Грецию появились циклы «Неаполитанский альбом» и «Новогреческие песни». Крестьянскую реформу 1861 Майков встретил восторженными стихами («Картинка», «Поля», «Нива»). Противопоставляя себя нигилистам и либералам, он стал сторонником «искусства для искусства».

Майков проявлял постоянный интерес к исторической тематике. Увлечение эпохой Древней Руси и славянским фольклором помогло ему создать один из лучших поэтических переводов «Слова о полку Игореве» (1866—70). Подобно *славянофилам*, Майков противопоставлял буржуазным отношениям традиции русской старины и сильную русскую государственность. С сочувствием рисовал образы Александра Невского, Ивана IV, Петра I («Кто он?», 1868; «В Городце в 1263», 1875; «У гроба Грозного», 1887). Майкова привлекали драматические эпизоды мировой истории — «Савонарола» (1851) и «Приговор» (1860). По мотивам истории Древнего Рима написаны драматические поэмы «Три смерти» (1851, опубл. 1857), «Смерть Люция» (1863), «Два мира» (1872, 1881, удостоена Пушкинской премии в 1882), тесно связанные между собой. В «Смерти Люция» язычество противопоставляется христианству, завоевывающее новых сторонников. Та же антитеза и в лирической драме «Два мира».

Последний период (с 70-х) отмечен усилением религиозных настроений Майкова, пришедших на смену артистическому эпикуреизму. На первое место выступает религиозно-философская тематика, противопоставленная современности с ненавистным Майкову наступлением капитала (цикл стихов «Вечные вопросы», «Excelsior», «Из Аполлодора Гностика»). К числу лучших творений Майкова относится его пейзажная лирика («Весна! Выставляется первая рама», «Сенокос», «Под дождем», «Ласточки» и др.). В отличие от итальянских пейзажей, где поэт стремился к внешней декоративности, стихи, посвященные русской природе, отличаются задушевностью, акварельной тонкостью красок, напевностью, некоторой созерцательностью. Многие его стихи вдохновили композиторов (П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков и др.). Майков выступал с переводами из В. Гёте, Г. Гейне, А. Мицкевича, Г. Лонгфелло и др.

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—3, 6-е изд., СПб., 1893; Полн. собр. соч. / Вступ. ст. П. В. Быкова. 9-е изд. Т. 1—4. СПб., 1914; Избр. произв. / Вступ. ст. Н. Л. Степанова. Л., 1957; в кн.: *Мей Л. Драматическая поэзия Майкова*. М., 1961.

МАЙКОВ Василий Иванович (1728—17[28].07.1778), поэт. Родился в Ярославле. Сын помещика, получил домашнее образование. Был на военной службе с 1747. В 1761 вышел в отставку и примкнул к группе литераторов, объединившихся в Москве вокруг *М. М. Хераскова*; печатал в его журналах

«Полезное увеселение» и «Свободные часы» свои стихи и стихотворные переводы «Метаморфоз» Овидия (1763). Литературную известность Майкову принесла ироикомическая поэма «Игрок Ломбера» (1763), в которой высмеивалось увлечение азартными карточными играми, охватившее дворянское общество в н. 60-х XVIII в. Сторонник эстетической программы *А. П. Сумарокова*, Майков в «Нравоучительных баснях» (1766—67) продолжал его борьбу с «неправедными судьями», суеверием и спесью невежественных дворян. В 1768—75 Майков принимал участие в работах Вольно-экономического общества. Вместе с *Н. И. Новиковым* выступал против официальной литературы, поддерживаемой Екатериной II. Самое значительное произведение Майкова — ироикомическая поэма «Елисей, или Раздраженный Вах» (1771) — написано в полемике с *В. П. Петровым* и пародирует сюжет и стиль его перевода 1-й песни «Энеиды». Литературная полемика талантливо соединена в поэме Майкова с социальной сатирой. Похождения главного героя, буяна и пьяницы Елисея, дают возможность автору показать нравы петербургского «дна». В изображении своих «простонародных» героев Майков остается последователем Сумарокова; его грубоватый комизм лишен каких бы то ни было черт социальной филантропии.

Соч.: Соч. и переводы / Под ред. П. А. Ефремова. Вступ. ст. и прим. Л. Н. Майкова, СПб., 1867; Игрок Ломбера // Ироикомическая поэма / Вступ. ст. В. А. Десницкого. Л., [1933]; Елисей... // Там же; Нравоучительные басни // Поэты XVIII века, т. 2 [Вступ. ст. Г. П. Макогоненко в т. 1], Л., 1958; Избр. произв. М.; Л., 1966.

МАЙКОВ Леонид Николаевич (28.03[9.04].1839—7[20].04.1900), историк литературы, библиограф, этнограф. С 1891 — академик, с 1893 — вице-президент АН. Сын академика живописи И. А. Майкова, брат *А. Н. Майкова*. В 1860 Майков окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Начал печататься в 1857. В 1863 Майков представил магистерскую диссертацию «О былинах Владимиров цикла», в которой защищал теорию исторического происхождения *былин*. Вступление Майкова в члены Географического общества (1864) способствовало усилению его занятий русской фольклористикой и этнографией; в «Записках» общества он печатает работу «Великорусские заклания» (1869). В 1885—87 Майков совместно с В. И. Саитовым издал 3-томное собрание сочинений *К. Н. Батюшкова*, где помещены ценная монография Майкова о Батюшкове (отд. изд. 1887 и 1896), а также историко-литературные примечания, в которых содержится 75 биографий русских писателей допетровской поры (35 из них принадлежат Майкову). Этот труд был отмечен полной Пушкинской премией АН (1888). В исследованиях по древнерусской литературе и литературе XVII—XVIII вв. Майков выступил с позиций культурно-исторической школы.

МАКАРЕНКО Алексей Алексеевич (24.07[5.08].1860—1942), фольклорист, этнограф. Печатался с 1887. Автор многих работ о культуре и быте народов Сибири. Книга Макаренко «Сибирский народный календарь в этнографическом отношении» (1913) — один из лучших трудов о русском обрядовом фольклоре.

Соч.: Сибирские песенные старины // Живая старина. 1907. Вып. I—IV; [Письма М. К. Азадовскому] // Лит. наследство Сибири. Т. 1. Новосибирск, 1969.

МАКАРИЙ, митрополит Московский и всея Руси с 1542 (1482—30.12.1563), государственный и церковный деятель, православный святой. Родился в Москве. При крещении его нарекли Михаилом. На духовное воспитание будущего митрополита огромное влияние оказал архим. Кассиан, настоятель Симоновского монастыря. В к. XV в. юный Михаил поступил в Пафнутьево-Боровскую обитель, где получил воспитание. Во время пребывания в Пафнутьевском монастыре (до 1523) инок Макарий сформировался как большой книголюбец и иконописец.

В 1523 Макария возвели в архимандриты и назначили настоятелем Можайского Лужецкого монастыря. 4 марта 1526 была совершена хиротония владыки Макария в архиепископы Новгород и Псков, на старейшую архиерейскую кафедру Московской митрополии. При отправлении Макария к месту своего архипастырского служения вел. кн. Василий III вручил ему «казну» новгородских святителей, взятую Иваном III в 1478.

Новгородский архиепископ способствовал распространению христианства среди карело-финского населения северных окраин Руси, а также строительству там мона-

стырей. Пребывание архиеп. Макария в Новгороде сопровождалось большими культурными начинаниями. При Макарии провели реставрацию многих новгородских икон и церквей, отлили большой колокол для кафедрального Софийского собора, поновили его фрески, украсили его иконостас. По указанию Макария в Пскове построили архиепископский дворец, в котором работали писцы и книжники. Собравшиеся вокруг него писатели и церковные деятели занимались созданием *житий святых* и служб, переводили различные греческие и латинские произведения, составляли летописные своды. Итогом собрания духовных сокровищ стала первая редакция «*Великих Четых-Миней*», данная в 1541 в Софийский собор. Литературное окружение митр. Макария ученые назвали «академией XVI в.».

В 1542 архиеп. Макария поставили митрополитом Московским и всея Руси. Он стал высшим официальным царским советником, считавшим самодержавие необходимым оплотом Православия. Макарий составил «Чин венчания на царство», по которому происходила церемония венчания на царство Ивана IV 16 янв. 1547. Царь *Иван Грозный* всегда с уважением отзывался о своем «отце-митрополите». В 1547 и 1549 по инициативе Макария созывались Церковные соборы для решения вопросов канонизации русских святых и замены местных священных преданий преданиями общерусскими.

Крупнейшей заслугой митр. Макария стало открытие в Москве первой типографии для печатания священных книг. Не меньшей заслугой святителя является создание еще двух списков «Великих Четых-Миней», при работе над которыми Макарий выступал как руководитель, редактор и автор. При его участии было составлено 60 новых житий.

В последние годы своей жизни Макарий занимался составлением «*Степенной книги*», играя роль руководителя и редактора. Современники Макария видели в нем святого подвижника и почитали его.

После смерти его похоронили в Успенском соборе Московского Кремля. Канонизация Макария и причисление к лику святых подвижников прошли на Церковном соборе 1988. День памяти: 30 дек. (12 янв.).

Г. Аксенова

МАКАРИЙ (Булгаков), митрополит, (19.09[1.10].1816—9[21].06.1882), историк, богослов, публицист. Родился в с. Сурово Новооскольского у. Курской губ. в семье священника. В 1831 окончил Курское духовное училище, в 1837 — Курскую семинарию, в 1841 — Киевскую духовную академию (на последнем курсе принял монашество с именем Макарий), во время обучения в которой начал писать «Историю Киевской академии» (опубл. частично — «*Маяк*», 1843), исследовавшую вклад этой академии в российское просвещение (книга получила высокую оценку *М. П. Погодина*, *П. А. Плетнева*). С 1842 бакалавр Петербургской духовной академии; с 1844 профессор, в 1850—57 ее ректор. Одновременно

редактор журнала «Христианское чтение» (1850—57), в 1861 основал журнал «Духовный вестник» (Харьков). С 1854 академик по отд. русского языка и словесности АН, с 1866 действительный член *Общества любителей российской словесности*. Все эти годы в глазах современников митр. Макарий не только церковный деятель и богослов (епископ с 1857, архиепископ с 1859, в 1879—82 митрополит Московский и Коломенский), но и проповедник-публицист, откликавшийся на вопросы общественной жизни (речи и проповеди о создании судебных учреждений, открытии земских собраний и др.); выступает с речами по поводу культурных событий: «Слово в день столетнего юбилея Н. М. Карамзина» (1866), «Слово в день столетнего юбилея И. А. Крылова» (1868), «Речь на открытие памятника Пушкину...» (1880) — все вошли в сб. «Слова и речи» (СПб., 1890). Труды и имя митр. Макария упоминаются многими русскими писателями (А. С. Хомяков, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, А. П. Чехов). В 1879 Толстой беседовал с митр. Макарием о вере и, отозвавшись о нем в письме к *Н. Н. Страхову* от 4 окт. 1879 как о «прекрасном» и «умном» человеке, заключил: «...но я больше еще укрепился в своем убеждении».

В фундаментальной «Истории русской церкви» (т. 1—12, СПб., 1857—83; 2-е изд., СПб., 1868—1910) исследовал и опубликовал множество неизвестных и малоизвестных произведений русской духовной словесности. Анализу памятников древней письменности и литературной деятельности духовных писателей посвятил статьи: «Три памятника русской духовной литературы 11 в. (1849)», «Преподобный Феодосий Печерский как писатель» (1855), «О Григории Цамблаке, митрополите Киевском, как писателе» (1857).

III. Гумеров

МАКАРИЙ (Глухарев), архимандрит (30.10[10.11].1792—8[30].06.1847), духовный поэт, переводчик. Сын священника. Родился в г. Вязьма. Окончил Смоленскую духовную семинарию (1813), С.-Петербургскую духовную академию (1817), где пользовался особым вниманием ректора Филарета (Дроздова). В 1818 принял монашество. Был профессором и инспектором Екатеринославской духовной семинарии (1817—21), ректором Костромской духовной семинарии (1821—24). Тяготясь административными обязанностями, удалился (в 1824) в Киево-Печерскую лавру, позднее в Глинскую Оптину пустынь (Курской губ.), где вел аскетическую жизнь. Известный миссионерской деятельностью среди народов Сибири (руководил основанной им в Бийске Алтайской церковной миссией, 1830—44), архим. Макарий оставил дневник за 1830—33: «Извлечения из путевых заметок миссионера» (опубл. 1834—38; перепечатан в сб. «Памятник трудов православных...». М., 1857), содержащий характеристику нравов местного населения (которое он, в частности, обучал грамоте, приучал к оседлости и земледелию), описание своей миссионерской просветительской деятельности.

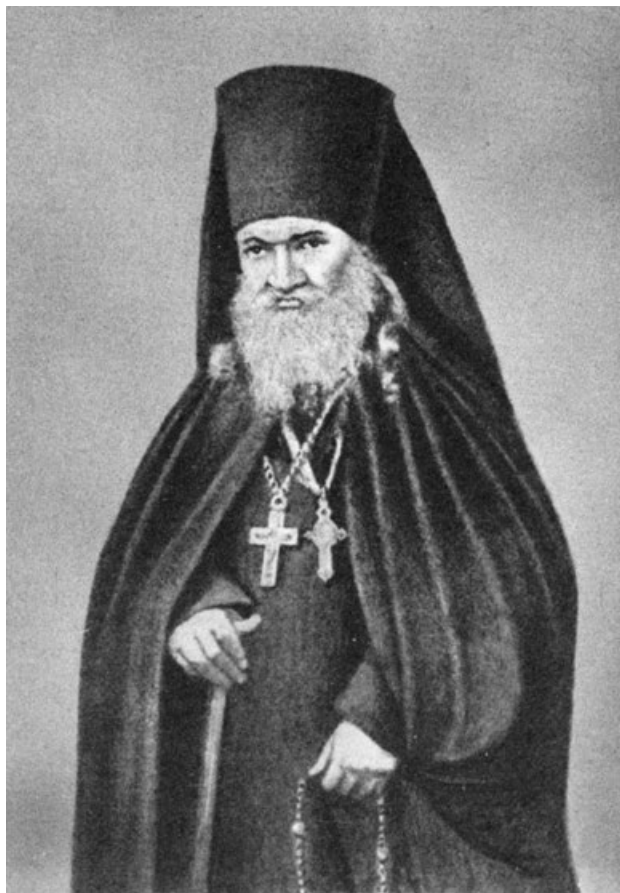
Архим. Макарий — автор книги «Лепта», изданной в пользу алтайской миссии (М., 1846; 4-е изд., [т. 1—2], Бийск,

1889—90) и содержащей стихотворения на библейские и духовно-нравственные темы. Интересный материал для общекультурной и нравственной характеристики русского духовенства 1-й пол. XIX в. дают его многократно переизданные «Письма покойного миссионера... бывшего начальника Алтайской церковной миссии» (М., 1851; ч. 1—2. М., 1860).

III. Г.

МАКАРИЙ ОПТИНСКИЙ (в миру **Иванов Михаил Николаевич**), преподобный оптинский старец (20.11[1.12]. 1788—7[19].09.1860).

Родился в семье орловских дворян, рос тихим, болезненным мальчиком. Любил книги, музыку, уединение. Он рано лишился матери, которая любила его и выделяла среди др. детей: «Чувствует мое сердце, что из этого ребенка выйдет что-то необыкновенное».

В 1810 Михаил отправился на богомолье в Площанскую Богородицкую пустынь и в мир уже не вернулся. В этой пустыни прп. Макарий встретился со старцем Афанасием, учеником старца Паисия (Величковского), и обрел в его лице чуткого духовного наставника. Как ближайший ученик прп. Паисия, старец Афанасий занимался исследованием и переводами святоотеческой литературы. Привезя из Молдавии много текстов, он приобщил к этому важному труду своего ученика, прп. Макария. Позднее, уже в *Оптинной Пустыни*, куда прп. Макарий перешел в 1834, он продолжил труд, начатый его учителем.

Его духовным наставником в Оптиной стал прп. Лев, которому прп. Макарий полностью вверял свою волю, не дерзая предпринимать что-либо без его благословения. Благодаря прп. старцу Макарию были изданы собранные в Оптиной рукописи и переводы прп. Паисия (Величковского). Большую помощь в этом ему оказывали духовные чада — супруги Киреевские. Под влиянием прп. Макария возникла школа издателей и переводчиков духовной литературы, в которой так нуждалась православная Россия, укрепились связи между оптинским старчеством и русской интеллигенцией. На исповедь и благословение к прп. Макарию приезжали *А. К. Толстой* и *А. С. Хомяков*, *Н. В. Гоголь* и *А. Н. Муравьев*.

Через старца Макария началось сближение с Оптиной Пустыней представителей русской науки и литературы, случай, единственный в истории послепетровской России. Произошло это благодаря изданию рукописей о. Паисия Величковского и др. духовных трудов, предпринятому старцем Макарием при сотрудничестве некоторых учеников и духовных детей, среди которых надо отметить прежде всего философа и основоположника славянофильства *И. В. Киреевского* и его жену. Живя в имении недалеко от Оптиной Пустыни, супруги Киреевские часто навещали старца и стали его духовными детьми. Оба также почитали старца Паисия, вели о нем беседы со старцем Макарием, сожалели, что эти драгоценные рукописи остаются в большинстве своем «под спудом». Так зародилась у них мысль об их издании. Задумав это большое дело, они решили прежде всего известить об этом Московского митр. Филарета и спросить у него совета и благословения. Митрополит отнесся очень сочувственно, дал свое благословение и обещал помощь и поддержку. Было решено начать с издательства жизнеописания о. Величковского, составленного его учениками, а также его писем.

В тот же день, когда состоялось это решение, старец Макарий написал первые страницы предисловия к изданию. Так было положено начало делу издательства духовных трудов, в котором, кроме Киреевских, принимали близкое участие профессор *Шевырев* и прот. Голубинский (исполнявший одновременно и должность цензора издания), ректор Духовной академии Горский и др. Печатание 1-го тома началось в 1846, а в янв. 1847 книга уже вышла из печати. Последовали др. издания. Так были напечатаны: «Устав» *Нила Сорского*, «Писания» прпп. Варсануфия и Иоанна, прп. Исаака Сирина, «Двенадцать слов» Симеона Нового Богослова, «Оглашения» св. Феодора Студита, «Толкование на молитву “Отче наш”» прп. Максима Исповедника и проч.

Работа старца Макария заключалась в подготовке к печати славянских переводов, или снабжая их пояснительными примечаниями, или же переводя их на русский язык. Перегруженный и без того, он принялся за эту деятельность с изумительным рвением. Он жертвовал для нее своим кратким отдыхом и, не отказываясь от обычных трудов своих, руководил группой сотрудников, которые, кроме греческого языка и латыни, были сведущи в богословии и получили университетское образование. Мы здесь встречаем имена *Амеросия Гренкова* (будущего знаменитого старца), о. *Леониды Кавелина* (впоследствии наместника Троице-Сергиевой лавры), о. Ювеналия Половцева (впоследствии архиепископа Литовского) и др.

Эта новая деятельность, кроме непосредственной цели — распространения среди русского народа святоотеческих духовных ценностей — имела последствием то, что ученый русский мир обратил внимание на Оптину Пустынь. Литератур-

ные и ученые занятия помогли воспитать у монахов вкус, мышление и речь, что позволило людям с высшим образованием войти в сношения с монахами, без боязни быть непонятыми или непринятыми. Они находили в Оптиной Пустыне знакомую культурную почву, познавая жизнь и нравы монашества, которые, будучи в течение восьми веков единственным образцом духовной деятельности, просвещали русский народ, были его идеалом и светочем.

МАКАРОВ Михаил Николаевич (27.09[8.10].1785—30.10[11.11]. 1847), фольклорист, писатель, лексикограф. Издатель-редактор журналов: «Журнал для милых» (1804), «Журнал драматический» (1811). Автор комедий, рассказов, критических статей. Опубликовал «Материалы для истории русских писательниц» (1830), исследования по фольклору, истории русского быта: книги «Русское национальное песнопение» (1809), «Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские» (1828) и др. Выдвинул идею создания свода русских народных песен — «Пантеона российского песнопения». Итогом длительной работы явился «Опыт русского простонародного словотолкования» (опубл. 1846—48, не закончен).

Соч.: Повести из русских народных преданий. М., 1834; Рус. предания. Вып. 1—3. М., 1838—40; Московские рассказы о бедных отставного полковника Макария Быстроречского. М., 1840.

МАКАРОВ Николай Петрович (4[16].02.1810—5[17].12.1890), писатель, лексикограф, гитарист. Из дворян. Родился в г. Солигалич Костромской губ.

Значительный интерес представляют его сатиры антиинициативного направления, вышедшие в свет в 1874 — «Кровавый призрак» (против Парижской коммуны и Интернационала; посвящена А. Тьеру, «благородному спасителю Франции»), «Пиф и паф! Или Чрезвычайное заседание представителей желтых домов» (осуждение взглядов П. Ж. Прудона, А. Бабеля и др. социалистов) и «Пигмеи на ходулях, или Апофеоз музыкального безобразия» — произведение, «обличающее» эстетика Р. Вагнера. По собственному определению, Макаров «языком Ювенала», «огненными чертами изображал ...опасность всему цивилизованному миру от коммунизма и интернационализма» (брошюра «Противоядие Социализма», 1874; опубл. — СПб., 1881), предупреждал о том, что «неистовые и мутные волны» вагнеризма принимают «характер общественного бедствия... Батыева нашествия» («Пигмеи на ходулях»).

В 70—80-е Макаров публикует множество произведений, в т. ч. «Энциклопедию ума, или Словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков» (СПб., 1878).

МАКАРОВА Софья Марковна (урожд. **Веприцкая**) (6[18].01.1834—10[22].08.1887), детская писательница, педагог. Родилась в г. Белосток Гродненской губ. (ныне Польша) в дворянской семье. Отец — полицеймейстер в Белостоке, затем управляющий палатой государственных имуществ в Вильне.

Образованием Макаровой до 12 лет руководила мать (окончившая один из московских пансионов), а затем — приходящие гимназические учителя, в числе которых был *П. В. Кукольник*, сумевший возбудить интерес Макаровой к истории, что позднее проявилось в тематике ее произведений.

Макарова выпустила ок. 30 сборников рассказов для детей («Деревня», СПб., 1871; «Новинка», СПб., 1882; 8-е изд., М., 1918; «Зимние вечера», СПб., 1883; «Детский кружок», СПб., 1886), в число которых вошли и книги, составленные из произведений на заимствованные сюжеты; большей частью переделки с немецкого и др. иностранных языков («На досуге», СПб., 1886; «75 рассказов для детей мл. возраста по Фр. Гофману», СПб., 1882). Современники признавали в Макаровой «выдающуюся детскую писательницу старой школы» (некоторые ее книги выдержали по 7—8 изданий и печатались вплоть до 1918), вместе с тем упрекали ее в подражании *А. И. Ишимовой*. Большинство рассказов Макаровой — это нравоучительные истории, в которых она, руководствуясь «идеями добра, правды и любви», обстоятельно наставляет и без того благоразумных и рассудительных детей, превратившихся по ее воле в «маленьких взрослых».

Дидактизм свойствен и произведениям Макаровой из русской истории (очерк «Царствование Екатерины II», СПб., 1875; повесть «Суета сует», СПб., 1887; повесть «Грозная туча», СПб., [1886]; 7-е изд., СПб., 1912, и др.), отмеченных патриотизмом, представлением об историческом процессе как результате деятельности монархов.

Дидактизм свойствен и произведениям Макаровой из русской истории (очерк «Царствование Екатерины II», СПб., 1875; повесть «Суета сует», СПб., 1887; повесть «Грозная туча», СПб., [1886]; 7-е изд., СПб., 1912, и др.), отмеченных патриотизмом, представлением об историческом процессе как результате деятельности монархов.

МАКОВСКИЙ Сергей Константинович (15[27].08.1877—13.05.1962), критик, поэт, издатель. Родился в Петербурге. Первое выступление в печати — в 1898. Первая поэтическая книга «Собрание стихов» опубликована в 1905. Маковский участвовал в создании журнала «Старые годы» и стал одним из его редакторов. В 1909 по его инициативе был основан «Аполлон», ставший одним из центров художественной и литературной жизни своего времени. До эмиграции Маковский проявил себя как историк искусства, организатор выставок, художественный критик. Его «Страницы художественной критики» в 3 книгах (1906, 1908, 1914) были известны любителям искусства во всех уголках России. В 1920 Маковский эмигрировал из Крыма. В 1-й пол. 1920-х изданы его «Силуэты русских художников». За ними последовали «Графика М. В. Добужинского», «Последние итоги живописи», «Народное искусство Прикарпатской Руси». Жил Маковский в Праге, затем в Париже. Продолжал редакторскую деятельность. В 1926—32 был одним из редакторов газеты «Возрождение» (вел литературный отдел). С 1949, когда было основано издательство «Рифма», под редакцией Маковского стали выходить небольшие изящные сборнички эмигрантских поэтов. Их вышло более 30. Маковский — автор мемуарных книг «Портреты современников» и «На Парнасе серебряного века». Его воспоминания многое добавили к нашим изданиям о выдающихся современниках (*Анненском*, *Гумилеве*,

Вяч. Иванове и др.), с которыми Маковский встречался на жизненном пути.

Второй поэтический сборник «Вечер» Маковского (первый эмигрантский) был издан в 1941. В послевоенные годы одна за другой выходят 7 его поэтических книг. О последнем прижизненном сборнике «Еще страница» Ю. Иваск писал, что стихи в нем «сродни поэзии позднего Тютчева... Маковский трезвенно-мудро и с великой благодарностью принимает жизнь». Десятый сборник стихов «Requiem» был издан посмертно сыном Маковского. Издатель модернистского «Аполлона», Маковский в своих собственных стихах тяготел к традиционным образцам. Формальный эксперимент «серебряного века» мало повлиял на поэзию Маковского. В известном смысле его сближает с акмеистами стремление к ясности. Однако в своей поэзии Маковский ближе к *Тютчеву*, чем к своим современникам.

Соч.: Вечер. Париж, 1941; Somnium breve. Париж. 1949; Год в усадьбе. Париж, 1949; Круг и тени. Париж, 1951; На пути земном. Париж, 1953; В лесу. Мюнхен, 1956; Еще страница. Париж, 1957; Requiem. Париж, 1963.

В. К.

МАКСИМ ГРЕК (в миру **Триволис Михаил**) (ок. 1475—12.12.1556), святой, православный философ, публицист, переводчик, церковный деятель.

Происходил из аристократической греческой семьи и родился в г. Арте в западной части Греции. В к. XV в. он

Приезд в Москву Максима Грека.
Миниатура лицевого летописного свода XVI в.

переехал в Италию, где был близко знаком со многими известными деятелями итальянского Возрождения. Однако идеи гуманизма его не увлекли, наоборот, наибольшее впечатление на него произвели проповеди католического проповедника Дж. Савонаролы. Возможно, под их влиянием Михаил поселяется в доминиканском монастыре Сан-Марко с намерением постричься в монахи. Но и католическая трактовка Христова учения не находит отклика в его душе. В 1504 он отправляется на Афон, где возвращается в Православие и принимает постриг в греческом Ватопедском монастыре под именем Максима.

В 1518, по запросу вел. кн. Московского Василия III, Максим приезжает в Москву в качестве переводчика. Здесь он поселяется в Чудовом монастыре в Кремле и занимается переводами Толкового Апостола и Толковой Псалтири. Первое время он не владел славянским языком, и поэтому в помощь ему были приданы переводчики Посольского приказа Дмитрий Герасимов и Власий. Максим переводил тексты с греческого на латынь устно, а затем уже его русские помощники делали письменные переводы с латыни на славянский язык.

В н. 20-х Максим заканчивает порученную ему работу и просит разрешения вернуться на Афон. Однако разрешения не было дано, но ему поручают новые переводы и исправления др. книг. В эти же годы он сближается с Вассианом Патрикеевым и активно участвует во внутрицерковной и внутриполитической полемике между нестяжателями и иосифлянами.

В 1525, обвиненный в ереси и даже измене, Максим Грек был осужден и заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь, где содержался в тяжелых условиях при полном запрете на литературную деятельность.

В принципе большинство обвинений были несправедливы. «Измена» сводилась к тому, что Максим Грек общался в Москве с турецким послом. «Еретические» фразы, найденные в некоторых переведенных им текстах, тоже были вполне объяснимы. С одной стороны, Максим еще не овладел в полной мере славянским языком, отчего возникали различные недоразумения. С др. стороны, он, воспитанный в духе традиционного византийского (греческого) Православия, обнаружил в славянских книгах многие несоответствия византийской ортодоксии. Следовательно, и русское православное вероучение, в результате многовекового самостоятельного развития, к XVI в. уже существенно отличалось от греческого. Попытки же Максима Грека ликвидировать эти несоответствия были восприняты Русской церковью и русскими светскими властями как покушение на православные догматы и на независимость России. Между прочим, в этом заключалась и одна из причин нежелания выпускать Максима из России — он слишком много узнал, и власти опасались, что, вернувшись на Афон, Максим Грек мог повлиять на формирование негативного отношения к России во всем православном мире.

В 1531 Максим Грек был осужден вторично, теперь уже вместе с Вассианом Патрикеевым, причем к старым обвинениям добавились обвинения в волшебстве и чернокнижии, а также в нестяжательстве и непочитании русских монахов-чудотворцев, чьи обители владели землями. По сути дела, лишь обвинение в нестяжательстве имело под собой почву — Максим Грек и в самом деле говорил и писал о пользе нестяжания. Его же сотрудничество с Вассианом Патрикеевым послужило для иосифлянского руководства Церкви и прежде всего для митр. Даниила лишним доказательством «вины» Максима Грека.

Церковный суд признал его виновным по всем пунктам, но условия наказания смягчили, — он был переведен в Тверской Отрочь монастырь. В 40-е, после низложения митр. Даниила,

Максиму Греку даже вернули часть его архива, конфискованного еще при первом аресте, и он приступил к составлению собрания своих сочинений.

В 1547—48 при новом государе *Иване IV* после многократного заступничества вселенских патриархов (александрийского и константинопольского) и, видимо, новых советников царя из Избранной Рады, Максима Грека перевели в Троице-Сергиев монастырь. Однако окончательного своего освобождения он так и не добился.

Творческое наследие Максима Грека более чем обширно — сегодня известно более 150 его сочинений. Прежде всего Максим Грек прославился как переводчик. Он осуществил новые переводы Толковой Псалтири, Толкового Апостола, отдельных книг Священного Писания и толкования на них. Из святоотеческой литературы — отдельные труды Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, кроме того, фрагменты из византийской энциклопедии X в. Лексикона «Свиды».

Как самостоятельный православный мыслитель и философ, Максим Грек является автором большого числа различных сочинений. Но, к сожалению, его творчество еще ждет своего подробного исследования. Лишь в прошлом веке в Казани дважды выходило 3-томное собрание его сочинений, однако оно не соответствует современным научным требованиям. В последние же годы изданы только отдельные произведения Максима Грека.

В отличие от большинства своих русских современников Максим Грек получил систематическое философское, богословское и филологическое образование. Знание языков позволило ему читать в подлинниках труды античных философов, из которых он более всего почитал Платона, Сократа и Аристотеля. Из святоотеческой литературы он отмечал сочинения Аврелия Августина и, в особенности, Иоанна Дамаскина, которого называл «Дамасково солнце». Уровень и глубина знаний, широта кругозора, систематичность мышления высоко поднимали Максима Грека в глазах окружающих. Поэтому он пользовался большим авторитетом при разрешении различных религиозно-философских вопросов.

Максим Грек высоко оценивал значение философии: «Философия без умаления есть вещь весьма почитаемая и поистине божественная...» Однако, следуя давней святоотеческой традиции, он подчеркивал двойственную природу философии. С одной стороны, философия «о Боге и правде Его и всепроникающем непостижимом промысле Его прилежнейше повествует...» С др. — философия «не все постигает, поскольку не причастилась божественному вдохновению, как Божии пророки». Поэтому Максим Грек разделяет философию на «внутреннюю и внешнюю».

Первая непосредственно связана с православным богословием, вторая — это западноевропейская католическая схоластика, а также светская, чаще всего языческая мудрость. И если «внутреннюю» философию, ведущую к познанию Бога, Максим Грек признает полностью, то «внешняя» философия, по его мнению, может использоваться лишь в ограниченных пределах. Ведь, по его убеждению, католики-схоласты, «философией суетного прельщения смущаемые», христианское богословие «подгоняют к аристотелевскому учению» и тем самым «отходят от божественного закона». Следовательно, «внешняя» философия годна лишь к «выработке правильной речи» и «исправлению мышления».

«Внутренняя» же философия «целомудрие, и мудрость, и кротость восхваляет, и всякое иное доброе украшение нрава как закон полагает, и порядок в обществе наилучший устанавливает, и, в целом говоря, всякую добродетель и благодать в этой жизни вводит». Человек, овладевший мудростью «внутренней» философии, становится примером для др.: «С такими

подобает общаться и нам постоянно, как истины и благочестия наставниками, от них собирая лучшее и то, что способствует нашему благочестию». Более того, роль истинного мудреца-философа настолько высока в обществе, что Максим Грек писал: «Более мне представляется в этой жизни творящим благо философ муж, нежели царь справедливый».

Вполне естественно, что важнейший мировоззренческий вопрос, волновавший Максима Грека, вытекал из христианского вероучения — как спастись? Что нужно сделать человеку в земной жизни, чтобы заслужить посмертного спасения и вечной жизни?

Максим Грек. Миниатюра конца XVI в.

В своих ответах на этот вопрос Максим Грек вполне традиционен. Смысл человеческой жизни он видел в том, что каждый человек должен всячески ограждать себя от искушений, крепить волю и разум, развивать свои нравственные достоинства. Символ цельности человека — его сердце, в которое Господь закладывает нравственные законы. Именно нравственные усилия позволяют «мысль от плоти обуздать», т. е. победить «плотские искушения». Нравственная чистота непосредственно связана с «чистотой ума», ведь именно «ум», по убеждению Максима Грека, является «кормчим души» и помогает душе избегать «прельщения» «суетным мудрствованием плотолюбцев».

Чистота сердца и ума позволяют человеку познать евангельскую любовь, которая «превыше всего». Идея любви занимает важнейшее место в миропонимании Максима Грека. Он неоднократно говорит о том, что самое главное для человека — это иметь «дарованный Богом дар совершенной любви к Всевышнему и к ближним своим, с которой соединена Богом украшенная и Богом созданная милость ко всем нуждающимся в милости и помощи». В одном из посланий он писал: «И я ведь всеми силами и всей душой... любви возжелал...»

Как видно, в своих главных религиозно-философских установках Максим Грек был близок к нестяжателям. Близи-

ми оказались их понимание и самого нестяжания — Максим неоднократно писал о том, что монастыри не должны владеть собственностью, ибо обладание богатством мешает инокам избегать мирской суеты и тем самым исполнять свой иноческий подвиг. Иначе говоря, в трактовке Максима Грека, нестяжание — это обязательное условие истинного служения Господу. Несколько раз в своих произведениях он повторяет слова ап. Павла о том, что «корень всех злых сребролюбие...» Поэтому он призывает всех «жить нестяжанием». Ведь душа, поработанная стяжанием, «загорается яростью». И наоборот, душа укрощается «нищетою последней» и «нестяжательским житием».

Соблюдение истинности православного вероучения — это вообще одна из главных тем Максима Грека. Именно поэтому много места в его творчестве занимают труды, направленные против латинян, схоластической философии, астрологии и т. д. Одна из работ — «О фортуна» — посвящена критике протестантского и гуманистического понимания понятия «судьба». Сторонник полной предопределенности бытия, изначально устроенного Божиим Промыслом, он резко выступает против возможностей «угадать» судьбу, и уже тем более — против попыток изменить ее по собственной воле. В этом отношении Максим Грек проявляет себя истинным последователем византийской ортодоксии. Многократно он писал и о вредности «латинской веры».

В посланиях, написанных Ивану IV, Максим Грек рисует образ «царя истинна» который «правдою и благозаконием» устраивает справедливый порядок в государстве, достигая гармонии интересов разных социальных слоев общества. Царь, сам полностью проникнутый христианской любовью, должен также любовно управлять своими подданными, но обязательно с помощью «добрых советников». Роль «добрых советников» оговаривалась специально, ибо, понимая грешную природу человека, Максим Грек считал, что без таковых государь может оказаться во власти страстей. Причем сами эти «добрые советники» в духовном смысле стоят даже выше царя. Максим Грек писал: «Более мне представляется в этой жизни творящим благо философ муж, нежели царь справедливый».

Главной задачей Максим считает обязанность государя обуздывать самого себя от страстей и греховных помыслов — даже слово «самодержец» он трактует, как умение царя держать самого себя в руках. А из греховных страстей Максим Грек выделяет 3 — «сластолюбие, славолюбие и сребролюбие». Причем вновь, в соответствии со словами ап. Павла, Максим пишет, что именно «сребролюбие» есть главный порок: «Аще всем убо злым корене сребролюбюи отрасль люта...»

Однако Максим оставался греком, сторонником единой Церкви и потому нередко он выступал не в интересах русского государства. Так, он критически относился к независимости (автокефальности) Русской церкви и не мог признать того факта, что русские митрополиты перестали спрашивать санкцию на свое поставление у константинопольского патриарха. Одно из обвинений, которое было предъявлено Максиму, гласило, что он не признавал святости многих уже канонизированных русских святых — святителей Петра, Алексия, Иону, прпп. Сергия, Варлаама, Кирилла, Пафнутия — за то, что они «держали волости, села, людей, собирали пошлыны и оброки, имели богатства» и потому «им нельзя быть чудотворцами».

Не признал Максим и того, что в сер. XVI в. Россию стали именовать «Третьим Римом». Для Максима Константинополь, несмотря на разорение турками, оставался единственной столицей истинного Православия. И даже прославляя «всеминутую Москву», он не может признать за ней особой святости, тем более именования ее «Новым Иерусалимом», ибо святой Иерусалим — это один город на земле.

Вполне возможно, именно из-за этих воззрений официальная Церковь довольно долгое время сохраняла к памяти Максима Грека очень осторожное отношение. А в то же время его идеи да и сама фигура опального мудреца стали очень популярны в старообрядческой среде, в которой постоянно переписывали его сочинения.

Канонизирован Русской православной церковью в 1988. День памяти 21 янв. (2 февр.).

С. Перевезенцев

МАКСИМОВ Александр Яковлевич (3[15].09.1851—23.08[4.09].1896), писатель, публицист, журналист. Из потомственных почетных граждан; сын поручика, бывшего смотрителем

интендантского склада в Петербурге. Учился в 5-й петербургской гимназии. В 1868 поступил в Морское училище, с отличием окончил его в 1872. Осенью того же года на корвете «Аскольд» ушел из Кронштадта в плавание на Д. Восток (через Огненную Землю и Тихий океан). Очерки этого путешествия, с янв. 1873 печатавшиеся в журнале «Всемирный путешественник», составили книгу «Вокруг света. Плавание корвета «Аскольд»» (СПб., 1876).

В сер. 70-х многочисленные очерки и рассказы Максимова о морских путешествиях, кораблекрушениях, «тайнах моря», природе и народностях Уссурийского края, специфическом быте сибирских бродяг, охотников, золотоискателей, собирателей женьшеня и т. п., написанные на грани этнографических и приключенческих жанров, печатались особенно часто в «Ниве» (см., напр.: «Жертва злему духу»; «За драгоценным корнем»; «Тюлений остров»). Многие из них вошли в сборник «На Далеком Востоке. Рассказы и очерки» (Т. 1. СПб., 1883; 2-е изд. СПб., 1887) и «На Далеком Востоке. Рассказы и были из жизни на отдаленной окраине России» (Т. 2. СПб., 1894). Работая над «Островом Сахалин», А. П. Чехов обратил внимание на рассказ Максимова «Поп Симоон» («Нива»). 1890. № 11—13) о подвижнической деятельности сахалинского священника Симеона Казанского.

Действие романов Максимова, посмертно опубликованных его вдовой, происходит в т. н. «культурном обществе». Идейная основа сюжетов Максимова — непримиримое противостояние истинно русского патриота (как правило, морского офицера, но знающего сомнений в Боге, царе и начальниках) «чумным учителям» революционного лагеря (из поляков, остзейских баронов, раскольников и представителей богемы). В мелодраматических тонах и с социально-дидактическим пафосом Максимов описывал козни растленной интриганки, ложно обвиняющей в социалистических симпатиях и доводящей до самоубийства отказавшегося от нее жениха («Роковой поцелуй»), криминальный альянс между русским социалистом в Америке и бандой торговцев неграми («В погоню за свободным трудом»), обман и любовный шантаж, с помощью которых конспиратор-земледелец подчиняет себе взбалмошных отпрысков петербургской чиновничьей семьи («Без руля, компаса и ветрил»), сопровождая эти истории пре-

достережениями в адрес неопытной молодежи и заявлением национально-государственного символа веры — Православие—Самодержавие—Народность.

Публицистическая деятельность Максимова была посвящена в основном дальневосточной политике России [исключение — брошюра о кончине Александра III «Памяти Царя-Миротворца» (СПб., 1894; 8-е изд. СПб., 1895)]. В последние годы жизни он был корреспондентом «Нового времени» на Д. Востоке. Написал книгу «Наши задачи на Тихом океане» (СПб., [1894]; 4-е изд. СПб., 1901), доказывая необходимость обеспечить независимость Корейского п-ова, противодействовать Англии на морях.

Соч.: На Далеком Востоке. Полн. (илл.) собр. соч. Кн. 1—10. СПб., 1898—1902; Далекий Восток. Рассказы для детей. СПб., 1902; Поп Симоон. Волшебная падь и др. СПб., 1910.

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 482.

МАКСИМОВ Владимир Емельянович (27.11.1930—25.03.1995), писатель. Воспитывался в детских колониях. Окончил школу ФЗО, получил профессию каменщика. Работал на стройках: искал алмазы на Таймыре; с 1952 работал на Кубани, где и начал писать. Первый сборник стихов и поэм «Поколение на часах» вышел в 1956. В 1961 в сборнике «Тарусские страницы» опубликована повесть «Мы обживаем землю». Повесть «Жив человек» (1962; инсценирована Московским театром драмы им. А. С. Пушкина, 1965), рассказы «Дуся и нас пятеро», «Искушение», «Шаги к горизонту» и др. посвящены людям с несложившимися судьбами. Книгам Максимова присущи трагические конфликты, острый сюжет. Писатель отстаивает мысль о нравственной стойкости человека. В 1964 Максимов опубликовал пьесу «Позывные твоих параллелей». Повесть «Жив человек» переведена на многие языки.

В 1971 за рубежом выходит роман Максимова «Семь дней творения». Писатель стремился рассказать в нем о корнях и последствиях происшедших в России в XX в. трагических событий. Своеобразие романа определяется сложившимся к тому времени христианским мировоззрением Максимова. Процесс идейного самоопределения, стремление сказать свое слово в общественной дискуссии, протекавшей и в открытой печати, и на страницах самиздата, обусловили резко оппозиционную и в то же время патриотическую настроенность, проявившуюся в романе.

Создавая свою христианскую версию русской истории XX в., Максимов раскрывал судьбы людей в свете евангельского учения — как путь через соблазны и грехопадения к вере. Пафос романа — в утверждении национального, народного начала и христианства как его основы, в утверждении необходимости «возвращения к себе».

В романе «Карантин» писатель использует более широкие временные рамки, проследивая катастрофические изменения национального религиозного сознания, приведшие к революционным потрясениям. Историческими экскурсами Максимов иллюстрирует борьбу соблазна и веры в судьбе России. В романе выражено неприятие современного советского общества, неприемлемого, как виделось Максиму, для человека. Отрицая настоящее, Максимов противопоставляет ему национальное прошлое.

В романе «Прощание из ниоткуда» (1974), позднее ставшем 1-й частью одноименной дилогии, писатель строит автобиографическое повествование, избрав сюжетным стержнем путь к христианскому обращению. Судьба героя разворачивается на фоне жизни общества, в изображении которой акцентированы темные, жестокие, трагические проявления.

В эмиграции Максимов создает целый ряд романов: «Ковчег для незваных» (1978), «Чаша ярости» — 2-я часть дилогии «Прошание из ниоткуда» (1981), «Заглянуть в бездну» (1985), «Кочевание до смерти» (1994).

В «Ковчеге для незваных» отчуждение народа от власти вызывает в нем порыв к вере. В произведении звучит мысль об особой роли России в мире. Эта идея развита в романе «Заглянуть в бездну», где центральная тема — революция и национальная судьба России. Трактовка событий революции как роковых не только в истории страны, но и во всемирном масштабе влечет постановку вопроса о неразгаданности значения этой трагедии для человечества.

Революция в романе — это грозное наступление разрушительных сил на мир; человек здесь — жертва, его возможности видятся писателю теперь меньшими, чем раньше. Нарастает скептицизм по отношению к цивилизации вообще.

Максимов резко осуждал моральный релятивизм, трусость и конформизм либеральной интеллигенции. Наиболее ярко эта позиция проявилась в памфлете «Сага о носорогах» (1979), вызвавшем бурю возмущения в эмигрантских и диссидентских кругах. Писатель с беспощадной прямоотой высказывался о героях шумных общественных кампаний.

Серьезная полемика с А. Солженицыным, то обостряясь, то утихая, сопровождала взаимоотношения этих писателей. Смысл ее и позиция Максимова в этом споре полно отражены в его открытом письме Солженицыну, опубликованном в к. дек. 1994 в «Правде». Личность и деятельность Солженицына стали для Максимова наиболее типичным проявлением «крайнего, почти патологического эгоцентризма», свойственным многим в эмигрантской и диссидентской среде.

Резко полемичная по духу и тону публицистика Максимова последних лет посвящена защите интересов России и русского народа.

Соч.: Собр. соч.: В 8 т. М., 1991—93.

А. Д., М. У.

МАКСИМОВ Михаил Иванович (ок. 1810 — не ранее 1856), писатель, поэт. Из купцов. Окончил Московское коммерческое училище (1828).

В 1828 вышла книга «Песни серебряного рожка» (Кн. 1, М.), тематически связанная в основном с русской историей («Олег Вещий», «Смерть Святослава», «Владимир», «Нестор»). В сборнике, названном в подражание «Песням золотого рожка» Д. И. Новикова (М., 1828), сочетаются исторические баллады с традицией «русских песен» А. Ф. Мерзлякова.

В 1832—33 Максимов сотрудничает в «Северной пчеле», помещая в ней стихотворения патриотического характера, приуроченные к праздничным и памятным датам: годовщине Бородинского сражения — «Воспоминания воина. Подражание Беранже» (1832), «Хор для военной музыки и чувствования россиян при колонне императора Александра Благословенного 1834 года августа 30 дня» (М., 1834), «Патриотическая кантата на семейное торжество царя русского» (М., 1842) и др.

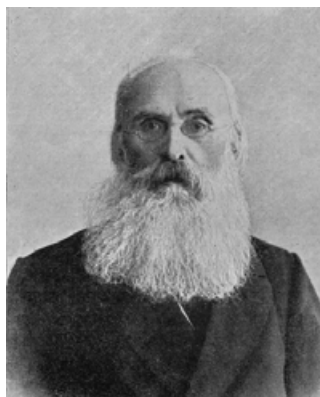
Самым популярным был сборник Максимова «Патриотические песни» (тетр. 1—2, М., 1836, 5-е изд., М., 1846). Последующие стихотворные сборники Максимова («Памятник дум, чувств и упований», М., 1849; «В память старому и в честь новому русскому победоносному православию», М., 1856) объединяют опубликовавшиеся прежде стихотворения и новые, повторяющие религиозные и патриотические мотивы ранних сборников.

В 1840-е Максимов издал ряд небольших по объему книг для народного, солдатского и детского чтения, в ко-

торых популярно изложены события древнерусской истории: «Исторический быт России, или Повествование о достопамятных событиях в русской земле и о деяниях ее православных государей» (М., 1842), «Десять веков, исторический быт России» (М., 1840) и др. В 1852 Максимов издал составленный им «Народный русский песенник, содержащий в себе: романсы и куплеты из опер и водевилей, любимых в народе» (ч. 1—2, М.).

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 183—184.

МАКСИМОВ Сергей Васильевич (25.09[7.10].1831—3[16].06.1901), писатель-этнограф, очеркист. Родился в с. Парфентьево Кологривского у. Костромской губ. в семье мелкопоместного дворянина, служившего почтмейстером. По окончании училища в с. Парфентьево поступил в Кост-

ромскую гимназию. Летом 1850 приезжает в Москву поступать на историко-филологический факультет Московского университета, но прием был только на медицинский. Среди новых друзей — будущий историк Д. И. Иловайский и будущий знаменитый врач С. П. Боткин. Впоследствии напишет: «Москве я обязан моими первыми литературными связями, моим литературным воспитанием и первыми проблесками моего соз-

нания, что я должен чем-нибудь быть полезен народу». Этим проблескам сознания он обязан редакции «Москвитянина», где познакомился со своим земляком А. Ф. Писемским. Через многие годы А. Н. Майков напишет ему: «Вы помните ваше знакомство с Писемским: не знаю, он ли был крестным отцом ваших первых произведений, но помню, что его трезвый взгляд на жизнь и искусство сильно действовал на вас, еще юношу, и не остался без влияния на дальнейшие ваши труды. Он, кажется, первый и указал вам на изучение жизни русского народа, найдя в вас и нужную для того подготовку, меткий взгляд и разумную наблюдательность». Максимов сблизился со своим костромским земляком именно в то время, когда «Тюфяк» А. Ф. Писемского и «Свои люди — сочтемся» А. Н. Островского забили, по словам А. А. Григорьева, «светлыми лучами», открывая новые пласты народной жизни. В 1850 ядро молодой редакции «Москвитянина» составил кружок Островского. Это было второе поколение 20-летних *славянофилов*, старшему из которых, Островскому, было 27 лет, а младшему, Максиму, 20. Воспоминания об этом 2-летнем московском периоде, Максимов особо подчеркивал, что «в кружке московских друзей привольно было лишь коренным русским людям», каждый, писал он, «побывавший здесь уходил и с более приподнятым челом, уверенностью и твердою поступью, как будто он на свое природное звание получил оформленный и засвидетельствованный патент». С этим «патентом» молодой писатель явился в 1852 в Петербург. Недаром в первые же его этнографических очерках критики отметили «отсутствие космополитизма».

В течение 1854 «Библиотека для чтения», самое массовое по тому времени издание, публикует 6 очерков Макси-

мова. На них обратил внимание *И. С. Тургенев*, чьи «Записки охотника» тоже в определенном смысле были «этнографическими». «Ступайте-ка в народ, внимательно наблюдайте, изучайте его на месте, запасайтесь свежим материалом. Дорога перед вами открыта», — посоветовал он молодому писателю.

Первую свою «экспедицию» Максимов совершил во Владимирскую, Нижегородскую, Костромскую и Вятскую губернии, еще не имея, как он сам признавался, «никакой школы и поучения», надеясь на русское «авось». Цикл его очерков появился в той же «Библиотеке для чтения», составив впоследствии книгу «Лесная глушь».

В 1855 Военно-морское ведомство, возглавляемое братом императора вел. кн. Константином Николаевичем, при проведении давно назревшей реорганизации флота, решает послать «литературную экспедицию» для исследования и описания морских побережий и главных артерий России. Островского командировали на Верхнюю Волгу, *Потехина* (сотоварища Максимова по Костромской гимназии) — на Нижнюю Волгу, *Писемского* — в Астраханскую губ., *Афанасьева-Чужбинского* — на Днепр, *Данилевского* — в Малороссию и Крым, *М. Михайлова* — на Урал, *Н. Филиппова* — на Дон, а самого молодого из них Максимова — на Русский Север, в тот «край непуганых птиц», который через полвека после него вновь открыл *М. Пришвин*. Очерки Максимова, как и др. участников экспедиции, публиковал «Морской сборник», а в 1859 они вышли отдельным двухтомным изданием «Год на Севере».

Затем последовали др. экспедиции: в 1859—60 — на Амур, в 1862—63 — на Урал, Каспий и Кавказ, в 1867—68 — на Смоленщину и в Белоруссию. Результатом их стали новые книги: «На Востоке», «Сибирь и каторга», «Бродячая Русь Христа-ради». Эти книги тоже представляли жанр беллетризованной этнографии, возникший, не без участия Максимова, на стыке науки и литературы. Известный историк *И. Е. Забелин* писал ему: «Этнография есть та же археология, только живая, действующая».

Однако наибольшую известность обрели книги Максимова, которые не имели прямого отношения к этнографии и его этнографическим экспедициям. В 1872 в журнале «Школьная жизнь» (№ 11—13) был опубликован цикл его очерков для детей среднего возраста «Куль хлеба и его похождения», в 1873 вышедший книгой (переиздания 1875, 1881, 1894). Спустя столетие (1982, 1985, 1987) «Куль хлеба» вновь оказался в центре внимания, причем уже не только детей. Максимов создал поэму о хлебе, гимн русскому хлебу и русскому хлебопашу: «Хлеб — всему голова! — уверяют трудолюбивые крестьяне, которые всех ближе и вернее могут судить об этом деле: крестьянин землю пашет, хлеб сеет, собирает и продает; ел бы богат деньги, кабы убогий не кормил его хлебом. Ни о чем так сильно не хлопочут, ни о чем так усердно не молятся Богу простые русские люди, как о росте посеянного хлеба. Без хлеба не крестьянин. Хлеб на стол — и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска. Без хлеба несытно, без него и у воды худо жить, без хлеба смерть; хлеб — дар Божий, батюшка, кормилец».

Во время этнографических экспедиций Максимов вел и фольклорные записи — песен, сказок, легенд, обрядов, пословиц, поговорок, но все их передал фольклористам. В его этнографических книгах фольклор присутствует в своей естественной среде обитания. Все его книги фольклорные в точно такой же степени, как этнографические. Фольклор воссоздает внутреннюю жизнь народа, этнография — внешнюю. Они — как душа и тело народа.

Лишь в одной книге Максимов собрал воедино эти фольклорные золотые россыпи, выделив из них самородки крылатых слов. В 1880-е он публикует в различных газетах и журналах свои заметки, посвященные толкованию отдельных слов и выражений. В 1891 его «крылатые слова» были изданы, а затем неоднократно переизданы, став, наряду с «Кулем хлеба», одной из самых популярных книг.

Современники по праву называли Максимова патриархом народоведения. Его Собрание сочинений, вышедшее в издательстве «Просвещение», состоит из 20 томов. Но и оно — далеко не полное. Собрание сочинений стало итогом его полувековой литературной деятельности, но посмертным. При жизни Максимов вынужден был зарабатывать себе на хлеб насушный журналистикой в петербургских «Полицейских ведомостях». Его современник и биограф *П. В. Быков* писал о нем за год до смерти: «Это удивительно скромный человек далеко не оценен на своей родине, где его имя очень популярно, но не гремит, как гремело бы за границей, если бы Сергей Васильевич, только очень недавно избранный в почетные академики Императорской Академии Наук, — был писателем иностранным... Но такова уж судьба русского писателя за очень немногими исключениями».

Соч.: Собр. соч. Т. 1—20. СПб., 1908—13; Избранное. М., 1981; Год на Севере. Архангельск, 1984; Куль хлеба и его похождения. М., 1982; По Русской земле. М., 1989.

В. Калугин

МАКСИМОВИЧ Михаил Александрович (3[15].09.1804—10[22].11.1873), малороссийский историк, филолог, фольклорист,

поэт. Родился на хуторе Тымковщина на Полтавщине. Окончил Московский университет в 1823. Был ректором Киевского университета в 1834—44. Член-корреспондент Академии наук с 1871. Был близок с *А. С. Пушкиным*, находился в дружеских отношениях с *Н. В. Гоголем*, *Т. Г. Шевченко*, а также с *И. И. Срезневским*. Максимович уделял особое внимание истории Малороссии. Решительно выступил против норманской теории русской госу-

дарственности. Одним из первых доказал близость языка «Слова о полку Игореве» к живому народному языку и связь его с устной народной поэзией. Максимович перевел «Слово» на великорусский и малороссийский языки. Писал стихотворения на русском и малороссийском языках. Издал 3 сборника малороссийских народных песен, дум («Малороссийские песни», 1827; «Украинские народные песни», 1834; «Сборник украинских песен», 1849), которые оказали воздействие на Пушкина, Гоголя, Шевченко, *М. Шашкевича* и др. Максимовичу принадлежит исследование «Дни и месяцы украинского селянина» (1856). До переезда в Малороссию Максимович выступал на страницах «Московского телеграфа», «Литературной газеты» и др. В 1830—34 издал в Москве 3 выпуска альманаха «Денница». Свой опыт издательской деятельности в Москве Максимович перенес в Малороссию, где выпустил 3 выпуска альманаха «Киевлянин» (1840—50) и 2 книги альманаха «Украинец» (1859—64), сыгравшие положительную роль в развитии журналистики.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—3. Киев, 1876—80.

МАЛОРОССИЙСКАЯ (малорусская) ЛИТЕРАТУРА, часть общерусской литературы, ведущая свое происхождение от литературы Древней Руси.

Как особая часть общерусской литературы малороссийская литература возникла в результате ордынского ига, а позднее польской оккупации, поработивших русский народ южных и юго-западных земель Руси.

Нашествие монголо-татар в сер. XIII в., уничтожение ими центров культуры — городов и монастырей, поглощение с XIV в. малороссийских и белорусских земель Литовским княжеством, а с к. XV в. непрерывные нападения татар и турецких орд — все это привело к длительному, до сер. XVI в. упадку оригинальной южнорусской литературы. В XV в. вместе с развитием казачества, основанием Запорожской Сечи возникает новое явление малороссийского народного творчества, генетически связанное с историческим эпосом Киевской Руси, — народные думы (т. н. «невольничьи плачи») и *исторические песни*, повествующие о страданиях народа под татаро-турецким игом, о жестокости поработителей, о героизме малороссов, их любви к родине. Кое-где продолжается летописание [*Галицко-Волынская летопись*, Западнорусская (литовская) летопись]. Появляются новые переводы уже известных на Руси произведений (сербская «Александрия», творения отцов Церкви), новые сборники («*Измарагд*», «*Златая цепь*»), белорусские переводы («Аристотелевы врата», «Луцидиариус»). Литературную деятельность развивают многие малороссы, обучавшиеся в университетах Запада (Ю. Котермак из Дрогобыча, П. Русин из Кросно, С. Ореховский из Перемышля и др.). С 1483—91 известны первые печатные книги на старославянском языке, изданные в Кракове Швайпольтом Фиолем (вероятно, малороссом Святополком Фиолой).

2-я пол. XVI — 1-я пол. XVII в. — эпоха Возрождения, характеризующаяся возникновением и развитием качественно новых явлений. В 1569 Литовское княжество объединилось с Польшей в единое государство — Речь Посполитую, установившую на захваченных малороссийских и белорусских землях жесточайший гнет, который особенно усилился после Брестской унии 1596. Это привело к народным восстаниям, к организации малороссийских братств — очагов идеологического сопротивления, центров просвещения, книгопечатания. Народные думы и исторические песни этого периода отражали уже народно-казацкую мощь, воспевали победы «казацкой республики» — Запорожской Сечи над угнетателями (дума о Самойле Кошке, казаке Голоте, *Алеше Поповиче*, песня о Байде и мн. др.). Культурно-просветительными и литературными центрами Малороссии стали города Острог, Львов, с н. XVII в. — Киев. В 1574 во Львов из Москвы приезжает русский первопечатник *И. Федоров*. Так в Малороссии начинается книгопечатание.

Развитие малороссийской литературы в XVI—XVII вв. проходит под знаком борьбы с католическо-иезуитской и иудейской идеологией. Отличительной чертой малороссийской литературы была православность и неприятие католицизма и иудейства. *Герасим Смотрицкий* (?—1594) первым в малороссийской литературе изобразил тяжелую жизнь православного крестьянина в условиях господства польской шляхты («Ключ царства небесного», 1587). Обличитель сатирик *И. Вишенский* (гг. рожд. и смерти неизв.) выступал против иудизированного строя Речи Посполитой, осуждал «короля, купленного жидами», еврейских арендаторов, бичевал всеобщую продажность, вскрывал извращающую силу денег, отстаивал права и достоинство русского народа, ратовал за свободу и равенство людей. Др. представители малороссийской полемической литера-

туры — *Стефан Зизаний* (?—ск. до 1621), *Христофор Филалет* (автор «Апокрисиса»), *Клирик Острожский* (псевд.) — анонимный автор «Перестороги», *М. Смотрицкий* (ок. 1578—1633) — автор знаменитого «Плача» («Тренос, или Плач единой святой вселенной апостольской восточной церкви», 1610) над судьбой угнетенной поляками Малороссии и Белоруссии. Историко-публицистическое направление в малороссийской полемической литературе завершает капитальная «Палинодия» (1619—22) *Захарии Копыстенского* (?—1627), после которой полемическая проза постепенно теряет историзм, главное внимание уделяя богословским вопросам, и переходит от малороссийского литературного языка к польскому [«Литос», 1644, *П. С. Могилы* (1596—1647), многие сочинения *М. Смотрицкого*, *Касияна Саковича* (1578—1647) и др.]. Полемическая литература отодвинула на второй план ораторско-проповедную прозу, частично вобрал ее общественные функции. Крупным автором в этом жанре был *Кирилл Транквилион-Ставровецкий* (?—1646) («Евангелие учительное», 1619; «Перло многоцельное», 1646). Светское ораторское искусство пародируется в анонимной малороссийско-белорусской «Промове Ивана Мелешка» (н. XVII в.). Появляются новые редакции «*Киево-Печерского патерика*» (первые издания на польском языке — 1635, на древнерусском — 1661). Подражая *Даниилу Паломнику*, *Данило Корсунский* в к. XVI в. составил свои записки о путешествии к «святым местам». Развивается историко-мемуарная проза (мемуары *Богдана Бальки*, *Острожская летопись*, *Львовская* и др.).

Книгопечатание обусловило появление новых право-славных произведений, предисловий, послесловий. С н. посл. четв. XVI в. дошли первые образцы малороссийского стиха («пашквиль» *Я. Жоравницкого*, 1575; вирши *Г. Д. Смотрицкого* в «Острожской Библии», 1581; «Хронология» *Андрея Рымши*, 1581). Появляются грамматики — «Грамматика славенска языка» (1586), «Адельфотес» (1591) *А. Эласонского*, «Наука ку читаню и разумню писма словенскаго» и грамматика (1596) *Лаврентия Зизания* (? — ум. после 1633), грамматика *М. Смотрицкого* (1619) с попытками изложить принципы стихотворства, но на греческой основе, неприемлемой для малороссийского языка. В течение почти двух столетий развивались 2 основных вида малороссийского стиха — равносложные (силлабические) и неравносложные (как в народных думах) стихи. Стихотворное наследие этого периода огромно и разнообразно в жанровом отношении (стихи полемические, панегирические, эпиграммы, морально-дидактические, духовные и др.). В к. XVI — н. XVII в. появляются зародыши драмы — вирши-декламации и диалоги: «На рождество Господа Бога... вѣршь» (1616) *Памвы Беринды* (? — 1632), автора крупнейшего малороссийского лексикологического труда — «Лексикон словеноросский» (1627), «Вѣршь з трагодіи Хрістос пасхон» (1630) *А. Скульского* (к. XVI в. — 1651) и др. 2 малороссийские интермедии при польской драме *Я. Гаватовича*, поставленные и напечатанные в 1619, возвестили начало истории малороссийского театра. В Малороссии заново переводятся творения отцов Церкви, появляются переводы зарубежных романов — о Бове, о Тристане, «Атыли, короли угорском», индийско-арабской повести о Калиле и Димне, «Истории семи мудрецов». Некоторые произведения этого периода, как и предыдущего, — общие для малороссийской и белорусской литературы. Языковая картина малороссийской литературы этого периода — сложная. Многие произведения (интермедии, часть полемической литературы, историческая поэзия, лирические,

духовные стихи и др.) написаны на бытовавшем тогда разговорном языке малороссов (со многими полонизмами). Др. часть произведений написана языком, представлявшим искусственную смесь элементов малороссийского народного языка, старославянского, польского, латинского. Таковым было языковое состояние малороссийской литературы почти до к. XVIII в. В XVIII в. в ней усиливаются элементы русского языка. Малороссийские авторы писали также по-польски и по-латински.

Во 2-й пол. XVII — 1-й пол. XVIII в. в малороссийской литературе происходит ряд существенных изменений в развитии всех ее жанров. Народно-освободительная война 1648—54 отражена в цикле новых народных дум и исторических песен, воспевших героическую борьбу малороссийского народа и его вожаков (Богдана Хмельницкого, Данила Нечая, Ивана Богуна, Максима Кривоноса), обличавших малороссийскую казацкую старшину, польскую шляхту, жидов-арендаторов. В XVIII в. в связи с ликвидацией Запорожской Сечи новые думы почти не создаются; они продолжают бытовать среди кобзарей-бандуристов и лириков еще в XIX—XX вв. Особенно популярными становятся песни общественного и бытового плана — наймитские, чумацкие, сиротские, любовная лирика и пр. Именно в народном творчестве в течение столетий с наибольшей силой и полнотой выразились мысли и чаяния малороссийского народа, его стремление к свободе, любовь к родной Малороссии, его высокие эстетико-художественные вкусы и идеалы, реализовались творческие возможности малороссийского народного языка. Народные думы, исторические песни и др. поэтические произведения малороссов являются их гордостью; они принадлежат к шедеврам мирового фольклора. События 1648—54, воссоединение Малороссии с Россией, гетманские междоусобицы, турецкая агрессия, период «великой руины» запечатлены в малороссийской историко-мемуарной прозе — в казацких летописях Самовидца (посл. треть XVII в.), Григория Грабянки (1710; ?—1738), Самойло Величка (окончена 1720; 1670—1728). Особое место занимает «Синописи» (1674), приписываемый выходцу из Пруссии *И. Гизелю* (н. XVII в. — 1683), где отмечается великая роль Русского государства, что надолго обеспечило этому произведению роль официального учебника истории. Др. памятники этого жанра — летопись Леонтия Боболинского (? — не ранее 1700), Густынская, «Кройника» Феодосия Сафоновича (?—?), мемуарно-дневники Н. Д. Ханенка (1691—1760), Я. А. Марковича (1696—1770) и др. Авторами новых полемическо-богословских произведений (на польском яз.) выступают православные деятели (*Иоанний Галатовский, Лазарь Баранович* (Гизель). Традиции ранней ренессансной полемики поддерживает на Закарпатье Михаил Андрелла (ок. 1637—1710, «Логос Оброна»). В России полемические произведения создавали малороссы Г. Скибинский, *Стефан Яворский, Дмитрий Ростовский, Феофан Прокопович* (1681—1736) и др. Высокого художественного уровня достигла ораторско-проповедная поза [Антоний Радивилевский (?—1688) — «Огородок Маріи Богородицы», 1676, «Венец Христов», 1688; Баранович — «Меч духовный», 1666, «Трубы словес проповедных», 1674; соч. В. Ясинского, Яворского, Прокоповича, *Георгия Конисского* и др.]. Галатовский составил теоретический трактат об этом жанре — «Науку, албо Способ зложения казаня», издав его вместе со сборником проповедей «Ключ разумня» (1659). Богословско-моральные наставления в ораторско-проповедной прозе обильно иллюстрируются «приклада-

ми» — баснями, новеллами, легендами и пр. «Народовещаніе» (1756), сборник катехизического плана, приводит 270 таких «прикладов» из мировой литературы. Появляются пародии на проповеди и молитвы («Казанія руське», до 1697; «Служба пиворвзам и паницам», 1740). Издаются сборники рассказов-«чудес» Галатовского — «Небо новое», 1665, «Скарбница», 1676). Многие малороссийские паломники, подражая Даниилу Паломнику, составляют свои записки о путешествиях в Святую землю (Макарий и Сильвестр, Ипполит Вишенский, Линецкий, Серапион). Для малороссийских школ и коллегиумов, в которых большое внимание уделялось изучению поэзии и драматургии, создается ряд поэтик, известнейшей из которых является «De arte poetica libri III» (1705) *Прокоповича*. Учителя, студенты и питомцы малороссийских школ в этот период создали огромное количество стихотворений разных жанров — духовно-морализаторские, исторические, панегирические — Баранович, *Яворский*, Прокопович, А. Заруцкий (?—1720). М. Козачинский (1699—1755) и мн. др. Развиваются гражданская лирика, обличительное стихотворство (Д. Братковский, на польск. яз.). К. Зиновьев (к. XVII — н. XVIII в.) создал 370 стихотворений широкого тематического диапазона. Славя «честное ремесло», он открыл в малороссийской литературе разноликий мир трудового сельского и городского люда; он же собрал свыше 1600 народных пословиц и поговорок. Лирическая поэзия тематически и в художественно-образном отношении очень близко подходит к народной лирике. Свой вклад в литературу вносили «странствующие дьяки» — питомцы разных школ, то бродившие по Малороссии без определенных занятий, то работавшие учителями в народных школах при церквях. Они сочиняли «псалмы» и «канты», а также вирши-орации, в которых в юмористическо-сатирическом духе изображали свою голодную и холодную жизнь. Малороссийский стих в этот период достигает высокого мастерства, большого стиливого разнообразия, богатства ритмики, рифм и даже технической изощренности («курьезные» стихи в форме креста, топора, треугольника; разные «раки», акrostихи и мн. др.), как, напр., у *Иоанна Величковского* (?—1726), самого видного «баручного» малороссийского стихотворца. Малороссийская древняя драма, берущая истоки в литературе европейского средневековья, создавалась (за немногими исключениями) профессорами *Киевской коллегии-академии* вплоть до сер. XVIII в. и была представлена важнейшими разновидностями школьного репертуара. Это драмы пасхального цикла [лучшая — «Слово про збурения пекла», анонимная — Торжество естества чельовчеського», 1706; драмы *Митрофана Довгалевского* (?—?), *Сильвестра Ляскоронского* (?—1754)] рождественского цикла (драмы Довгалевского), миракли («Об Алексии, чельовеке Божи-ем», 1673, и др.), моралите [«Трагикомедия» *Варлаама Лашевского* (1704—74), «Воскресение мертвых» (1746) *Конисского*, с элементами социальной сатиры], исторические драмы (лучшие — «Владимир», 1705, Прокоповича, о христианизации Руси с сатирическими обличительными образами; анонимная драма «Милость Божія, Украину от неудобносимых обид лядских... свободившая», 1728). В малороссийской драматургии — интермедиях (свыше 40) бытовые этнографические сценки нередко перерастали в обличение «жидовских» угнетателей народа, в них говорилось о гайдамацких восстаниях и др. В интермедиях противоборствовали народ (казаки, крестьяне, мешане) и его враги (шляхта, жида), обрисованные резко сатирически. Большой популярностью пользовался *вертеп* — куколь-

ный народный театр, где главное действующее лицо — Запорожец побеждает всех врагов — жидов и польских работодателей.

Интермедии, вертеп, стихи бурлескные, лирические, исторические, пародии, летописи, мемуары развивались как явления новой малороссийской литературы. Школьная драма, духовная поэзия, богословская полемика, ораторская культовая проза уходили своими корнями в средние века, они были явлением доренессансным и оставались таковым до к. XVIII в., детерминированные православной идеологией и образностью.

Постоянное возвращение малороссийской литературы в общерусское русло, как в Белоруссии, с одной стороны, обогатило малороссийскую литературу, а с др. — усилило процесс ее расслоения. Все наиболее талантливое и значительное создавалось на общерусском языке, а остальное приобретало черты областной, местной литературы, консервирующей некоторые отсталые, архаичные черты южнорусского языка. Школьная драма угасает. Доживает свой век духовно-морализаторское виршетворчество («Богогласник», 1790). Казацкая старшина пытается доказать свое равенство с русским дворянством («Разговор Великокоросии с Малороссиею» Семена Дивовича, XVIII в.). Воспеваются казачество («Героични стихи»), борьба народа против жидов. Развивается лирическая поэзия различного содержания: А. Падальский, С. Климовский (XVII—XVIII вв.), В. Пашковский и др. «Странствующие дьяки» создают вирши-трагедии (рождественские и пасхальные), в которых в сатирическом и юмористическом плане изображены библейские персонажи вперемежку с малороссийскими «простолюдинами». В «Сатирической коляде» (1764) обличаются все, кто ходит «пьяным от людской крови». В «Доказательствах Хама Данилея Куксы потомственных» и «Плаче дворянина» высмеяно стремление прорваться в ряды дворянства. Авторами юмористических и сатирических стихотворений были И. Пастелый, *И. Г. Некрашевич* (1742—96). Во 2-й пол. XVIII в. происходит усиленная тонизация малороссийского стиха, окончательно переходившего на силлабо-тоническую систему. Высшее духовенство пишет и издает ораторско-проповедные произведения. Выдающимся историко-художественным произведением был анонимный памфлет «История русов» (к. XVIII в. или н. XIX в.), в котором «великий живописец» (по выражению *А. С. Пушкина*) изобразил историю Малороссии с древнейших времен, особенно периода 1648—54. Автор резко осуждал польскую оккупацию, полонизацию, притеснение малороссов иудеями.

Первым крупным представителем малороссийской литературы на рубеже XVIII—XIX вв. был поэт и драматург *И. П. Котляревский*. В 1798 в Петербурге вышла из печати первая книга на народном малороссийском языке — бурлескно-трагедийная «перелицованная» поэма Котляревского «Энеида» (3 части). В законченном виде (в 6 частях) малороссийская «Энеида» была издана в 1842, после смерти автора. Мастерски переосмыслив сюжет, образы, коллизии поэмы Вергилия, в совершенстве владея искусством аллегорических обобщений, автор представил недавнее историческое прошлое Малороссии, отразил оставившие в народном сознании след события, связанные с ликвидацией Запорожской Сечи. правдиво, красочно и жизнеутверждающе изобразил поэт жизнь, быт и нравы разных слоев малороссийского общества, воспел оптимистический, свободолобивый характер русского народа Малороссии, его патриотизм, чувство товарищества, храбрость, склонность к искрометному юмору. Огромную роль в развитии малороссийской драматургии и театра сыграли пье-

сы Котляревского «Наталка Полтавка» (1819) и «Солдатародей» (1819).

После учреждения университета в Харькове (1805) здесь постепенно образовался центр культурной и литературной жизни Малороссии. В 10—40-х XIX в. в Харькове издавались на русском языке газеты, журналы, сборники, альманахи — «Харьковский еженедельник» (1812), «Харьковский Демокрит» (1816), «Украинский вестник» (1816—19), «Харьковские известия» (1817—23), «Украинский журнал» (1824—25), «Украинский альманах» (1831), «Утренняя звезда» (1833), «Запорожская старина» (1833—38), «Украинский сборник» (1838), «Южный русский сборник» (1848), на страницах которых публиковались произведения малороссийских авторов. Значительную роль в развитии малороссийской литературы сыграли изданные на малороссийском языке альманахи «Ласточка» («Ластівка», Петербург, 1841), «Сноп» («Сніп», Харьков, 1841), а также сборники «Молодик» (кн. 1—3, Харьков, 1843; кн. 4, Петербург, 1844) и «Киевлянин» (кн. 1—3, Киев, 1840—41; кн. 4, М., 1850), в которых публиковались произведения на русском и малороссийском языках.

Свидетельством все возрастающего интереса к историческому прошлому Малороссии, к малороссийскому народному творчеству было издание исторических трудов («История русов» неизвестного автора, изд. в 1846 в Москве; «История Малороссии» Н. Маркевича, т. 1—5, М., 1842—43; работы по истории Малороссии Н. и Д. Бантыш-Каменских и др.), а также выход в свет сборников малороссийских народных песен и дум: «Опыт собрания старинных малороссийских песней» (1819) Н. А. Цертелева (1790—1869), «Малороссийские песни» (1827), «Украинские народные песни» (1834), «Сборник украинских песен» (1849) *М. А. Максимовича*, «Песни польские и украинские народа галицийского» (1833) *В. Залесского* (1798—1849), «Малороссийские и червонорусские думы и песни» (1836) *П. Я. Лукашевича* (ок. 1806—87). Появились первые работы по малороссийскому языку — «Грамматика малороссийского наречия» (1818) и «Прибавление к грамматике малороссийского наречия» (1822) *А. П. Павловского* (к. XVIII—н. XIX в.).

В малороссийской литературе 1-й трети XIX в. наряду с неразвившимися классицизмом и сентиментализмом прочно утверждались романтизм и реализм, опиравшиеся на бытопись, этнографизм, поэтику народных песен, дум, легенд и преданий. Росту критических элементов реализма в некоторой степени способствовали бурлеск и трагедия, получившие широкое распространение в литературе после Котляревского. Плодотворным и новаторским было творчество поэтов *П. П. Гулака-Артемовского* (1790—1865; басня «Барин и пес», переводы из Горация и др.), *Е. П. Гребенки* (1812—48; басни, лирика, перевод «Полтавы» *А. С. Пушкина*), *О. М. Бодянского* (1808—77; сб. «Нашенские украинские сказки», 1835), *Л. И. Боровиковского* (1806—89; сб. «Басни и присказки», 1852), *К. Пузыны* (1790—1850; ода «Малороссийский крестьянин»). В бурлескно-трагедийной манере писал *К. Д. Думитрашко* (1814—86; сб. «Бандурист», поэма «Война мышей и лягушек» — попытка «перелицовки» «Батрахомиомахии»).

Активное обращение к народному творчеству, а также к героическим страницам прошлого отвечало теории и практике романтизма. К романтизму тяготеют лучшие лирические произведения Гулака-Артемовского (баллада «Рыбалка»), Гребенки (романсы «Украинская мелодия», «Черные очи», поэма «Богдан» — на рус. яз.), Боровиковского (баллада «Маруся» и многие лирические стихотворения), *М. Н. Петренко* (1817 — ?; песня «Дивлюсь я на

небо тай думку гадаю»), В. Н. Забилы (1808—69; песни «Гуде вітер вельми в полі» и «Не шебечи, соловейко», музыку к которым создал М. И. Глинка), *И. И. Срезневского* (1812—80), *Н. И. Костомарова* (1817—85; стихотворения в сб. «Украинские баллады», 1839, и «Ветка...», 1840), С. Писаревского (1789—1839; песни «Где ты бродишь, моя доля» и «За Неман иду») и др. Наиболее яркие образцы романтизма создали *П. А. Кулиш* (1819—1897; поэма «Украина», 1843), *А. А. Корсун* (1818—91; «Украинские поверья», 1842), *Е. П. Рудыковский* (1784—1851; стихотворения о казатчине), *А. Л. Метлинский* (1814—70; сб. «Думки, песни и еще кое-что», 1839). Малороссийскими поэтами дошевченковской поры были созданы мн. произведения большого эстетического и познавательного значения — поэмы, баллады, думы, оды, героические и бытовые песни, романсы, притчи, легенды, сказки.

Начало новой малороссийской прозе положил *Г. Ф. Квитка-Основьяненко* (1778—1843) — автор повестей из народной жизни. После опубликования ряда произведений на русском языке (пьесы «Приезжий из столицы», «Дворянские выборы»), в 1834 Квитка-Основьяненко издал первую, а в 1837 — вторую книгу «Малорусских повестей», в которых своеобразно слились в художественном единстве элементы сентиментализма и реализма («Маруся», «Сердечная Оксана» и др.), бурлеска и реализма («Солдатский портрет», «Конотопская ведьма» и др.), обильно насыщенные этнографическо-фольклорными, бытовыми деталями. В повести «Пан Халевский» (1839—40) и др. произведениях, написанных по-русски, отражена жизнь провинциальных помещиков в к. XVIII — н. XIX в. Его комедии «Сватовство на Гончаровке» (1836), «Шельменко-денщик» (1840) и др. до сих пор пользуются успехом на сцене. Как драматурги выступили его современники *В. А. Гоголь* (1777—1825), *Кирилл Тополя* (гг. рожд. и смерти неизв.), *Писаревский*, *Я. Г. Кухаренко* (1800—62). Первую в малороссийской литературе попытку создать романтическую драму и трагедию на историческом материале сделал *Костомаров* (*Савва Чалый*), 1838; «Переяславская ночь», 1841).

Все лучшее, что было создано в н. XIX в. в литературе восточной Малороссии, оказывало действенное влияние на рост социального и национального самосознания передовой части интеллигенции западно-русских земель (Галиция, Буковина, Закарпатье), находившихся под властью Австрии (с 1867 — Австро-Венгрии). В 1837 в Будапеште вышел в свет альманах «*Русалка Дністровва*», изданный *М. С. Шашкевичем* (1811—43), *И. Н. Вагилевичем* (1811—66) и *Я. Ф. Головацким* (1814—88), вошедшими в историю малороссийской культуры под именем «руська трійця». Альманах сыграл заметную роль в росте национально-освободительных стремлений русского народа в Галиции. В 1846—47 братья *Я. и И. Головацкие* издали в Вене 2 книжки альманаха «*Вінок русинам на обжинки*». Это издание содержит ряд ценных материалов, в частности фольклорных. Составители «*Русалки Днестровой*», а также их современники — поэт и прозаик *Н. Л. Устиянович* (1811—85; песня «Верховино, світку ти наш», ставшая народной, повесть «Месть верховинца»), поэт *А. Л. Могильницкий* (1811—73; стихотворения, баллады, поэма «Скит Манявский») — выступили как романтики, широко используя в своем творчестве фольклорные мотивы, богатства народного языка.

Новый этап в истории малороссийской литературы XIX в. ознаменовался творчеством народного поэта, художника и мыслителя *Т. Г. Шевченко* (1814—61). Выходом в свет его «Коб-

заря» (1840) и исторической героической поэмы «*Гайдамаки*» (1841), распространением в рукописях поэм «*Катерина*», «*Сон*», «*Кавказ*», «*Наймичка*», «*Еретик*» и цикла стихотворений «*Три года*», включающего ныне всемирно известное «*Завещание*», ознаменовался поворот малороссийской литературы к изображению борьбы русского народа Малороссии против поляков и жидов.

В к. 50-х — н. 60-х вышел в свет ряд изданий: сборники фольклорных, этнографических и литературных материалов — «*Записки о Южной Руси*» (т. 1, 1856; т. 2, 1857), подготовленные Кулишом; им же изданы «*Народные рассказы*» (1857) *Марко Вовчок*, литературный альманах «*Хата*» (1860) и др. Новым изданием вышел «*Кобзарь*» Шевченко (1860). В 1861—62 в Петербурге издавался первый малороссийский литературно-художественный и общественно-культурный журнал «*Основа*» (ред. *В. М. Белозерский*), в котором опубликовано много ценных исторических, фольклорных, этнографических, языковедческих, критических и литературных материалов, в т. ч. ряд произведений Шевченко, *Марко Вовчок*, поэтов *С. В. Руданского* (1834—73), *Л. И. Глебова* (1827—93) и др.

В идейно-эстетическом смысле к творчеству Шевченко примыкают рассказы *Марко Вовчок*. В рассказах, исторических повестях («*Кармелюк*», «*Маруся*»), сказках («*Девять братьев* и десятая сестрица *Галя*», «*Червонный король*»), в русских романах и повестях 60—80-х («*Жили да были три сестры*», «*Записки причетника*», «*Живая душа*», «*В глуши*», «*Отдых в деревне*») *Марко Вовчок* создала яркие волнующие картины народной жизни. Содержанием творчества близки к *Марко Вовчок* писатели журнала «*Основа*» — *М. Чайка* (*Гуглинский*), *М. Олелькович* (*М. Н. Александрович*, 1840—81), *Д. К. Мороз* (1841—94; автор повести «*Бесталанная*»), *Д. Л. Мордовец* (1830—1905), начавший свой творческий путь рассказами «*Звонарь*» и «*Солдатка*», *В. Коковский* (автор повести «*Барин-народолобец*»). В идейном и в художественном отношении произведения этих писателей уступали произведениям *Марко Вовчок*. Новые черты в социальном и психологическом плане придал критическому реализму в малороссийской прозе писатель *А. П. Свидницкий* (1834—71), создавший первый в малороссийской литературе социально-бытовой роман-хронику «*Люборацкие*» (1861—62). Хотя это произведение увидело свет только в 1886 (полностью изд. в 1901), роль его в малороссийской литературе была весьма заметной.

К 60-м четко определилось размежевание двух течений в культурно-общественной и литературной жизни, наметившееся еще во 2-й пол. 40-х. Борьба между ними нередко приобретала острый характер. Позициям Шевченко и его последователей противостоял Кулиш и разделявшие его взгляды писатели: *Ганна Барвинок*, автор рассказов гл. обр. о семейном быте малороссийской женщины-крестьянки; *А. П. Стороженко* (1805—74), искусный сказочник-юморист («*Усы*», «*Иголка*»), изображавший историческое прошлое Малороссии в духе консервативного романтизма («*Межигорский дед*», «*Марко Проклятый*» и др.); *А. Я. Конисский* (1836—1900); прозаики этнографическо-бытовой школы, собиратели народного творчества — *С. Д. Нис* (1829—1901), *М. Т. Номис* (1823—1901) и др. Консервативные тенденции творчества этих писателей определили направление журнала «*Основа*», в котором они сотрудничали. Консервативные тенденции сказались в ряде поэтических произведений Кулиша (в сб. «*До рассвета*», 1862; «*Хуторная поэзия*», 1882; «*Колокол*» 1893) и в его трудах по истории Малороссии. Он создал первый в малороссийской литературе исторический роман-хронику

«Черная рада» (1845—57), в котором мастерски изображены картины народной жизни 2-й пол. XVII в. Положительную роль сыграл Кулиш как издатель первого собрания сочинений и писем Н. В. Гоголя и ряда др. книг, как переводчик на малороссийский язык произведений классиков мировой литературы (У. Шекспира, Дж. Г. Байрона, И. В. Гёте и др.).

В духе подражания народно-песенной поэтике Шевченко в 60-х писали стихи А. С. Афанасьев-Чужбинский, П. С. Кузьменко (1831—67), П. П. Чужбинский (1839—84) и др. Незаурядное дарование проявил поэт-романтик Я. И. Щоголев (1823—98). Консерватор в общественно-политических вопросах, он с участием писал о нелегкой жизни крестьянина, ремесленника, батрака, создал живописные, полные очарования стихотворения о родной природе. Народное направление в малороссийской литературе представляли поэты Руданский, Глебов, В. С. Кубик (1830—70), А. А. Навроцкий (1823—92), В. С. Мова-Лиманский (1842—91), Н. А. Вербицкий (1843—1909). Руданский — и тонкий поэт-лирик (элегия «Повій, вітре, на Вкраїну» стала народной песней), и автор созвучных Н. А. Некрасову гражданских стихотворений («Наука», «Гей, быки!» и др.), и одаренный юморист (стихотворные юморески — «співомовки»), и переводчик «Слова о полку Игореве», глав «Илиады» Гомера, «Энеиды» Вергилия и др. В ряду малороссийских поэтов-баснописцев виднейшее место занял Глебов — автор многочисленных басен и лирических стихотворений («Стоїт гора високая» стало народной песней). В 1861—63 Глебов издавал еженедельник «Черниговский листок», сыгравший заметную роль в культурно-общественной и литературной жизни.

Во время польского восстания 1863—64, когда шляхта пыталась разыграть «украинскую карту», министром внутренних дел П. А. Валуевым был издан циркуляр о запрете печатания книг на малороссийском языке. Из-за отсутствия периодических изданий на восточных украинских землях многие писатели прекратили литературную деятельность, некоторые перешли на русский язык (Мордовцев и др.), остальные печатали свои произведения в журналах и газетах, издававшихся в подвластной Австро-Венгрии Галиции («Вечерниці», 1862—63; «Мета», 1863—65; «Нива», 1865; «Правда», 1867—98; «Свет», 1881—82; «Зоря», 1880—97, и др.). Оживление в культурной и литературной жизни этого края, начавшееся в 60-е, сопровождалось острыми идейно-политическими противоречиями и спорами о путях развития литературы, театра, искусства, литературного языка. В процессе борьбы возникли 2 течения — «народовцы» (с ориентацией на австро-венгерскую монархию), которые придерживались основ народного языка, однако объектом их внимания являлись только западно-русские говоры и местная литературная практика [В. М. Шашкевич (1839—85), К. Н. Устиянович (1839—1903), В. Г. Барвинский (1850—83), Е. М. Огоновский (1833—94) и др.], и «москвофилы» с ориентацией на Русское государство, в православном духе толковавшие вопросы истории и культуры народа [И. Н. Гушалевиц (1823—1903), в Закарпатье — А. И. Добрянский (1817—1901) и др.]. Они скептически относились к малороссийскому языку, называли его «язычиєм» — искусственно созданным жаргоном.

В культурно-общественной жизни Галиции, Буковины и Закарпатья эти течения занимали господствующее положение во 2-й пол. XIX в. и в н. XX в. В их распоряжении были многочисленные периодические издания, культурно-просветительские и научные общества («Русская беседа»,

«Просвещение» — «Просвіта», «Научное общество им. Шевченко» и др.) и значительные материальные средства.

В 60—80-е благородной задачей возрождения народного самосознания и развития литературы на Буковине посвятил свою деятельность писатель О.-Ю. Федькович (1834—88). В стихотворениях и поэмах («Дезертир», «Лукьян Кобылица», «Довбуш» и др.), в рассказах, повестях «Любовь-погибель», «Сердце не научить», «Штефан Славич» и в драмах он развивал традиции Шевченко и Марко Вовчок, широко использовал богатства малороссийского фольклора и языка. В 1885—88 Федькович редактировал газету «Буковина» — первый малороссийский периодический орган в этом крае, сыгравший в то время и особенно во 2-й пол. 90-х (когда редактором был Маковей) положительную роль в малороссийской культурно-общественной и литературной жизни. Лучшими чертами творчества близки к Федьковичу его современники — И. И. Воробкевич (Данило Младка) и его брат Г. И. Воробкевич (1838—84). В Закарпатье жил и работал писатель и видный культурно-общественный деятель А. В. Духнович (1803—65), примыкавший к партии «москвофилов». Православный характер имело творчество закарпатских поэтов-«москвофилов» А. И. Павловича (1819—1900), А. А. Митрака (1837—1913), прозаиков — И. А. Сильвая (1838—1904), Е. А. Феншика (1844—1913). Они выступали против политики колонизации, которую осуществляли в этом уголке исконно русской земли австро-венгерские власти.

В к. 60-х и в 1-й пол. 70-х вышел в свет ряд ценных изданий по малороссийской фольклористике и этнографии, среди них: «Народные южно-русские сказки» и «Чумацкие народные песни», собранные Рудченко; «Сборник украинских песен» (3 выпуска, с нотами), подготовлено Н. В. Лысенко (1842—1912); «Исторические песни малорусского народа», составлено Драгомановым и В. Б. Антоновичем (1834—1908), «Малорусские народные предания и рассказы», изд. Драгомановым, 7 томов «Трудов этнографической экспедиции в Западно-Русский край...», под ред. Чубинского, «Народные песни Галицкой и Угорской Руси», собр. Я. Головацким.

Во 2-й пол. XIX в. австро-венгерская разведка усиливает свою подрывную деятельность против России, ставя своей целью отторжение от нее Малороссии. На деньги австрийской монархии в Малороссию направляют целый ряд агентов, которые ставят своей целью привлечь на свою сторону некоторых малороссийских литераторов, утопически мечтавших о создании независимого «украинского государства» под эгидой австро-венгерской империи. Некоторые малороссийские литераторы (в частности, масоны М. Драгоманов и М. Грушевский) стали фактически агентами австрийской разведки. В связи с чем русские власти были вынуждены ввести некоторые ограничения на собрания и органы печати этих «литераторов». Разоблаченные в своих связях с иностранной разведкой Грушевский и Драгоманов бежали за границу и на иностранные деньги организовали там антирусский центр. Драгоманов, напр., издавал в Женеве сборники «Громада» (1878—82), где клеветал на Россию и русский народ.

В связи с ограничениями подавляющее большинство произведений малороссийских писателей публиковалось в западно-русских периодических изданиях 70—90-х «народовского» («Правда», «Зоря», «Діло» и др.) и особенно т. н. демократического направления («Друг», 1874—77; «Громадський друг», 1878; «Колокол» — «Дзвін», 1878; «Молот», 1878; «Народ», 1890—95; «Хлебороб», 1891—93; «Жите і слово», 1894—97, и др.), в которых руководящую роль играли Франко, Павлик и их сподвижники. С помо-

стью австрийского правительства в Малороссии выходят альманахи («Эхо» — «Луна», 1881; «Совет» — «Рада», 1 — 1883, 2 — 1884; «Нива», 1885; «Степь», 1886; «Складчина», 1 — 1887, 2 — 1893, 3 — 1896, 4 — 1897). Среди сборников и альманахов, изданных в Галиции и на Буковине, наиболее примечательны «Диэстрианка» (1876), «Костер» («Ватра», 1887), «Первый венок» (1887), «Зерна» (1887—88), «Наша доля» (кн. 1—3, 1893—96). В журнале «Киевская старина» (1882—1906) — ежемесячном историческом, этнографическом, беллетристическом органе, издававшемся на русском языке, было опубликовано много историко-литературных архивных материалов, памятников древней письменности, фольклора и литературного наследия классиков новой малороссийской литературы. В к. 90-х в «Киевской старине» печатались также художественные произведения и научные труды на малороссийском языке.

Во 2-й пол. XIX в. заявила о себе реалистическая проза. Крупнейшие прозаики-реалисты — И. С. Нечуй-Левицкий (1838—1918) и Панас Мирный (А. Я. Рудченко, 1849—1920) изображали народную жизнь. Нечуй-Левицкий обогатил жанр социальной повести («Две солдатки», 1868; «Микола Джеря», 1878; «Бурлачка», 1876, и «Семья Кайдаша», 1879) и сделал попытку создания широкопланового проблемного романа о взаимоотношениях интеллигенции и народа («Тучи», 1874; «Над Черным морем», 1888—90). Франко считал Нечуя-Левицкого одним из наиболее глубоких знатоков психологии малороссийского крестьянства, назвал его изумительным живописцем родной природы. Этапным явлением в развитии социально-психологического рассказа, повести, романа стало творчество Панаса Мирного — крупнейшего представителя реализма в малороссийской прозе. Его многочисленные произведения — роман «Разве режут волны, когда ясли полны?» (1880, созданный в соавторстве с Бильком), повести «Голодная воля», «Беда давняя и нынешняя», «Лиходеи» (1877), рассказы, очерки, драмы («Лимеривна»), социально-психологический роман-эпопея «Гулящая» (1883—1928) — представляют своеобразную художественную летопись малороссийского общества (прежде всего крестьянства), почти за 2 столетия вплоть до н. XX в. Заметный вклад в малороссийскую прозу 70—90-х сделали М. П. Старицкий (1840—1904) — автор исторических повестей и романов «Оборона Буши», «Разбойник Кармалюк», трилогии «Богдан Хмельницкий»; Олена Пчилка (О. П. Косач, 1849—1930) — рассказы и повести из жизни крестьянства, интеллигенции («Подруги», «Свет добра и любви» и др.); Конисский — рассказы и повести о взаимоотношениях интеллигенции и народа («Семен Жук и его родственники», «Юрий Горовенко» и др.); Д. В. Маркович (1848—1920) — рассказы из жизни крестьян на юге Малороссии в сборнике «По степям и хуторам» (1899).

О распадении тематических границ малороссийской прозы, обогащении ее содержания и художественных достоинств свидетельствует также творчество русских прозаиков 70—90-х: Павлика — повести «Погибший человек», «Татьяна Ребенчук», Н. И. Кобрынской (1855—1920) — рассказы «Дух времени», «Ядзя и Катруся»; Е. И. Ярошинской (1868—1904) — повести «Золотое сердце», «Покручи»; Т. И. Бордуляка (1863—1936), а также ранние произведения Маковея, А. Я. Чайковского (1857—1935), Д. Я. Лукьяновича (1873—1965), литературная деятельность которых достигла расцвета на рубеже XIX—XX вв.

Творчество этих писателей и последующих крупнейших мастеров социально-психологической новеллы — О. Ю.

Кобылянской, В. С. Стефаника, Марко Черемшины (И. Ю. Семанюк, 1874—1928), Леся Мартовича (1871—1916) — в значительной степени формировалось под влиянием Франко, почти 40 лет стоявшего во главе малороссийской литературы. В многочисленных рассказах (сб. «Борислав», 1877; «В поте лица», 1885; «Хороший заработок и другие рассказы», 1902; «Панталаха и другие рассказы», 1902), повестях («Воа constrictor», 1878; «Борислав смеется», 1880—81; «Захар Беркут», 1883; «Лель и Полель», 1887; «Столпы общества», 1894—95; «Для домашнего очага», 1897; «Пути-дороги», 1899, и др.) Франко всесторонне изобразил жизнь, быт, психологию всех слоев галицийского общества, раскрыл причины расслоения крестьянства. Важным событием в общественно-культурной жизни малороссов во 2-й пол. XIX в. явился выход в свет сборника стихотворений и поэм Франко «С вершин и долин» (1887; 2-е изд. 1893).

Одновременно с Франко выступила целая плеяда поэтов. В их ряду — Старицкий (сб. «Песни и думы», т. 1—2, 1881—83), И. И. Манжура (1851—93; сб. «Степные думы и напевы», 1889), Мова-Лиманский (поэмы «В степи», 1883; «Ткачиха», 1886).

В 80-е театральная жизнь в Малороссии заметно оживилась. Во главе ее стояли драматурги, актеры, режиссеры малороссийского классического театра — М. Л. Кропивницкий (1840—1910), Старицкий, И. Карпенко-Карый, плеяда мастеров сценического искусства — М. К. Заньковецкая, П. П. Саксаганский, М. К. Садовский и др. Ценой больших усилий было добыто разрешение ставить в театре малороссийские пьесы, но только на темы сельского быта. Сквозь шедрую сельскую бытовку и этнографизм в малороссийской драматургии ярко и самобытно проступают острые социальные, нравственные и психологические проблемы. Выдающееся место заняли драмы Кропивницкого («Дай сердцу волю, заведет в неволю», 1863; «Пока солнце взойдет, роса глаза выест», 1882; «Мироед, или Паук», 1882; «Олеся», 1891; водевиль «После ревизии», 1882). Старицкий дал свою редакцию драматических произведений Кухаренко, Нечуя-Левицкого, Панаса Мирного, инсценировал произведения Н. В. Гоголя. Он написал много оригинальных социально-бытовых пьес — «Не суждено» (1883), «Ой, не ходи, Грицю, да на вечерницы» (1887, опубл. 1890), «Во тьме» (1898), «Судьба» (1894), исторические драмы «Богдан Хмельницкий» (1887, опубл. 1897), «Маруся Богуславка» (1897), «Оборона Буши» (1899), «Последняя ночь» (1899) и др. Реалистичный и вместе с тем романтически эмоциональный стиль писателя сочетал трагедийную остроту психологических коллизий, гневное осуждение пороков, социального зла с исполненным пафоса утверждением справедливости.

Самым крупным явлением в малороссийской драматургии 70—90-х стало творчество Карпенко-Карого. В социально-бытовых психологических драмах («Бурлака», 1883; опубл. 1895; «Наймичка», 1887; «Бесталанная», 1886; «Отцовская сказка», 1892, опубл. 1897; «Над Днепром», 1899), в остротатических комедиях, разоблачающих деморализующую силу погони за наживой («Мартин Боруля», 1886, опубл. 1891; «Сто тысяч», 1890; «Хозяин», 1902), в пьесах на исторические темы («Бондаривна», 1886; «Злая искра поле сожжет и сама исчезнет», 1896; «Чумаки», 1898; «Савва Чалый», 1899) и, наконец, в комедиях о взаимоотношениях интеллигенции и народа («Суета», 1903, опубл. 1905; «Житейское море», 1905) драматург предстает как глубокий аналитик социальных процессов, происходивших в малороссийском обществе. Писатель создал богатую и

разноликую галерею типов, характеров, метко очерченных индивидуальных образов. Пьесы Карпенко-Карого остро-сложны, сценичны, богаты бытовыми деталями.

В развитии литературы и филологических наук видную роль сыграли до кануна первой мировой войны «Записки Научного общества им. Шевченко» и особенно «Литературно-научный вестник» (Львов, 1898—1907). В «Записках» сотрудничали Франко, В. М. Гнатюк (1871—1926) и др. ученые, а в «Литературном научном вестнике», кроме них, печатались *Леся Украинка* (1871—1913), Маковой, Стефаник, *М. М. Коцюбинский* (1864—1913), Марко Черемшина, Мартович и др. писатели. В дальнейшем эти органы, а также др. «народовские» издания (газеты «Буковина», «Діло» и т. д.) окончательно сползли на австрофильские и антирусские позиции.

На рубеже XIX и XX вв. в Малороссии ввиду отсутствия периодики был издан ряд сборников и альманахов. Наиболее примечательны среди них: «Степные цветы» (1899), «Волна за волной» (1900), «Век» (т. 1—3; 1900—02), «Из-за туч и с долин» (1903), «Дубовые листья» (1903), «Литературный сборник» (1903), «На вечную память Котляревскому» (1903), «Костер» (1905), «Терновый веноч» (1908), «Украинская муза» (1908). В тот же период в Галиции и на Буковине вышли сборники «Привет доктору Ивану Франко в 25-летний юбилей литературной деятельности» (1898), «Сечь» (сб. 1, 1898, сб. 2, 1908), антология малороссийской поэзии «Аккорды» (1903), составленная Франко, «За красотой» (1905) — альманах в честь Кобылянской, «Привет Ивану Франко в сорокалетие его литературной деятельности. 1874—1914» (1916).

В кругу наиболее известных малороссийских писателей к. XIX — н. XX в. одно из первых мест принадлежит Лесе Украинке. Вместе с Франко и Грабовским она была последовательным продолжателем традиций Шевченко. Наряду с многочисленными лирическими произведениями (сб. «На крыльях песен», 1893; «Думы и мечты», 1899; «Отзвуки», 1902), среди которых немало шедевров гражданской лирики, Леся Украинка создала ряд эпических и лиро-эпических поэм («Старая сказка», «Роберт Брюс, король Шотландский», «Одно слово», «Вила-посестра», «Изольда Белорукая» и др.) и драматических произведений («В пуще», «Осенняя сказка», «Кассандра», «Адвокат Мартиан», «Каменный хозяин», «Лесная песня», «Оргия» и др.), в которых поставила и осветила актуальные общественные, политические, философские, нравственные проблемы.

Видный вклад в развитие малороссийской литературы н. XX в. внесли писатели: В. И. Самийленко (1864—1925) — поэт-сатирик и переводчик; А. Е. Крымский (1871—1942) — поэт, прозаик, переводчик и крупнейший ученый-ориенталист; М. К. Вороний (1871—1942) — поэт, театральный критик и переводчик; М. Ф. Чернявский (1868—1946) — поэт и прозаик; поэт-лирик А. Олесь (А. И. Кандыба, 1878—1944), человек сложной общественно-политической судьбы. В своем творчестве он извещал периоды подъема (сб. «С печалью радость обнялась», 1907) и спада (сб. «Стихотворения», 1909), испытал увлечение модернизмом (сб. «Твори», драматический этюд «По дороге в сказку», 1910) и горечь разочарования в иллюзиях «незалежной Украины» (сб. «Чужбиною», 1920; «Перезва», 1921; «Кому повем печаль мою», 1931). Аналогична судьба поэта, прозаика и драматурга С. Ф. Черкасенко (1876—1940).

Поэты (В. Н. Пачовский, 1878—1942; Б. С. Лепский, 1872—1941; П. С. Карманский, 1878—1956; С. Н. Чарнецкий, 1881—1944; С. А. Твердохлеб, 1886—1922; Г. О. Чупринка, 1879—1921; М. Г. Филянский, 1873—1938; и др.) группировались вокруг львовского издательства «Молодая муза» и журнала «Украинская хата» в Киеве. В. К. Винниченко создал в н. 900-х ряд реалистических рассказов (сб. «Красота и сила»,

1902; «Борьба», «Солдатики», 1906, опубл. 1917), повестей («Гольгѣба», 1904, опубл. 1926). В серии романов («Заветы отцов» и др.) и драматических произведений Винниченко осудил смуту 1905—07 и ее участников.

Вместе с Франко и Лесей Украинкой крупный вклад в малороссийскую литературу к. XIX — н. XX в. сделал Коцюбинский — автор многих мастерски написанных рассказов и новелл («Для общего добра», «Куколка», «Лошади не виноваты», «Дебют», «В дороге», «Intermezzo», «Подарок на именины», «Persona grata», «Неизвестный» и др.), повестей («Дорогой ценой», «Fata morgana», «Тени забытых предков»), критических очерков («Иван Франко» и др.) и публицистических статей.

МАЛЫШЕВ Владимир Иванович (10[23].07.1910—2.05.1976), литературовед, археограф. Окончил филологический факультет ЛГУ (1939). Докторская диссертация — «Исследования и разыскания по литературному наследию Древней Руси» (по совокупности трудов, 1968). Первая научная публикация — в 1940. Основные работы Малышева связаны с открытием и исследованием новых рукописей и памятников древнерусской литературы. Особое значение имеют статьи, посвященные изучению наследия протопопа *Аваакума*. Малышев возродил работу по разысканию древнерусских рукописей у населения. Основатель древлехранительницы Пушкинского Дома, насчитывавшего к 1976 более 7 тыс. рукописей XII—XIX вв. Итогом археографического обследования р. Печоры стала книга Малышева «Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.» (1960).

Соч. и публикации: Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.; Л., 1952; Повесть о Сухане. Из истории рус. повести XVII в. М.; Л., 1956; Житие протопопа Аваакума (Прянишниковский список) // Житие протопопа Аваакума, им самим написанное, и др. его соч. М., 1960; Древнерус. рукописи Пушкинского Дома (Обзор фондов). М.; Л., 1965; О списках «Послания» старца Авраамия Петру I // Рус. лит.-ра. 1975. № 3.

МАРДАРИЙ ХОНИКОВ (?—?), монах, по поручению некоего Афанасия Иоаннова Федосиева в 1679 написал в стихах объяснения к картинам лицевой Библии Пискагора (более 3000 виршей). Стихотворные подписи Мардария не буквальный перевод латинских стихов, а почти самостоятельное толкование картин Пискагора.

МАРИН Аполлон Никифорович (17[28].01.1790—9[21].08.1873), писатель. Родился в Воронеже. Учился в 1-м Кадетском корпусе. Участник войны 1812.

Основные события войны, случаи, свидетелем которых был Марин или о которых он слышал, составили канву его стихотворного сборника «Русские богатыри. Заветная книжка для ратных людей и народа русского. Из походных записок старослуживого солдата» (СПб., 1848), каждое стихотворение сопровождается обширными примечаниями с изложением легших в его основу исторических фактов. Столкновение русской и наполеоновской армий Марин рисует в фольклорно-стилизованной форме, пытается

имитировать народные размеры, использует аллегории (ср. изображение Наполеона как потерявшего силу «чародея» в стихотворении «Бегство французов из России» и стихотворение «Песня»: «И не дуют к нам / Ветры с западу... / И рассеялись / По неметчине»), элементы сказочной образности, народные обороты речи, поговорки и т. д., чаще всего опосредуя предшествующую традицию; некоторые стихи отмечены влиянием книжных жанров. В 1871 Марин закончил подготовку книги «Песни и рассказы из военных походов. Посвящается л.-гв. Финляндскому полку...» (Воронеж, 1873), в которую вошли как издававшиеся ранее его стихи, так и рассказы сослуживцев.

Соч.: Стихи // Марин С. Н. Полн. собр. соч. М., 1948.

МАРИН Сергей Никифорович (18[29].01.1776—9[21].02.1813), поэт-сатирик. Родился в Воронеже в дворянской семье.

Служил в Преображенском полку; был автором прославленного «Преображенского марша» (1805). В сражении под Аустерлицем был ранен. Печатался с 1806. Автор пародий, шуточных од, посланий, эпитафий, басен, обличающих военные придворные нравы. Марину принадлежат также переводы (в т. ч. трагедии Вольтера «Меропа») и первая в русской литературе бурлескная трагедия «Преображенная Дидона» (на сюжет «Энеиды»). В 1809 вместе с К. Н. Батюшковым, Г. Р. Державиным, И. А. Крыловым, А. А. Шаховским участвовал в издании «Драматического вестника» — первого русского театрального журнала. В 1811 был принят в члены «Беседы любителей русского слова».

Соч.: Полн. собр. соч. / Подгот. текста и коммент. Н. Арнольд. М., 1948.

МАРИЯ (Марья) МИХАЙЛОВНА (ок.1213—09.12.1271), княгиня ростовская, летописец, составившая свод Ростовской летописи. Родилась в Чернигове. Дочь князя Черниговского Михаила Всеволодовича и кн. Феодании. Старшая сестра Марии, Феодулия, впоследствии стала одной из самых известных в Православной церкви святой — Евфросинией Суздальской. Сестер Феодулию-Евфросинию и Марию учил отец и его ближайший боярин Федор, образованный «от философов». Мария, как и Феодулия, «не в Афинах училась, но афинейские премудрости изучил». Она «была сведуща» в книгах философов Аристотеля и Платона, поэтов Вергилия и Гомера, медиков Галена и Эскулапа. В 1227 14-летней Марию своей женой выбрал рано осиротевший 17-летний Ростовский кн. Василько Константинович, объехавший до этого в поисках невесты всю Русь. Венчание состоялось в Чернигове 10 янв. 1227. В феврале молодожены прибыли в Ростов Великий. Город со времени княжения отца Василька, Константина Всеволодовича Мудрого, переживал культурный подъем. Дело отца продолжил Василько Константинович, помогала ему в этом его жена кн. Мария. В 1230 кн. Василько закончил строительство Успенского собора, которое начал его отец. Кн. Мария присутствовала при его освящении. В 1231 у княже-

ской четы родился сын Борис, в 1236 — сын Глеб. 4 марта 1238 в битве с татаро-монголами на р. Сите Василько Константинович погиб.

Став вдовой и опекушкой 7-летнего сына Бориса, князя Ростовского, Мария Михайловна основала монастырь Спасана-Песках близ оз. Неро, который народ называл «Княгинин монастырь». Здесь, с 1238, по ее указанию и при ее непосредственном участии было продолжено русское летописание, прекратившееся в др. городах, — составлен свод Ростовской летописи. В летописи подробно описывается поход на Калку, в котором участвовал будущий муж Марии, и выражается радость, что кн. Василько остался невредим, т. к. не дошел до реки. Летопись кн. Марии отмечает важнейшие события мирной семейной жизни: торжество по случаю рождения у кн. Василька и кн. Марии сына-первенца Бориса, свадьбы брата Василька и сыновей вел. князя Владимирского Георгия Всеволодовича, родного дяди Василька. Летопись доносит до нас полную достоинства предсмертную речь Василька: «О, глухое царство скверное, никакое же мене не отведете от христианския веры...». Подробно описаны похороны Василька в Ростове и всенародная скорбь о «закатившейся светозной звезде». Особо отмечено на страницах летописи посещение Ростова вел. кн. Александром Ярославичем Невским. Двоюродный брат Василька Александр Невский встречался с кн. Марией Михайловной и поддерживал ее важный труд.

В 1246 кн. Марию Михайловну постигло новое несчастье. В Орде мученически погиб ее отец, князь Черниговский Михаил Всеволодович, вместе с боярином Феодором, на глазах сопровождавшего его внука Бориса. Вернувшись в Ростов, Борис поведал матери о мученической смерти деда. Вскоре при участии Марии Михайловны было составлено краткое «Сказание» о Михаиле Черниговском и боярине его Феодоре, которое потрясло всю Русь. Благодаря писательской работе кн. Марии имена ее отца и мужа стали символами патриотизма, мужества, бесстрашия русских князей и воинов. Они вселяли веру в грядущее освобождение от захватчиков родной земли.

В. Кошелева

МАРКЕВИЧ Болеслав Михайлович (1822—18[30].11.1884), писатель и публицист. Происходил из польского шляхетского рода с Волыни. Образование получил в Одессе, в Ришельевском лицее. С к. 1840-х начинает литературную

деятельность, публикует переводы с польского и западноевропейских языков и собственные произведения. Впрочем, его ранние опыты были лишь пробой пера, которой Маркевич занимался в свободное от службы в Министерстве народного просвещения время. В сер. 1860-х Маркевич стал постоянным сотрудником «Русского вестника» и «Московских ведомостей», в которых он время от времени печатался и ранее. Маркевич был одним из ведущих авторов изданий Каткова, нередко он писал передовицы или ударные материалы. Особенную славу принесли Маркевичу выступления против нигилистов, а

также сочувствующих им литераторов, таких как *М. Е. Салтыков-Щедрин* и *И. С. Тургенев*. У Каткова Маркевич был ведущим литературным критиком. Свою миссию журналиста и литератора Маркевич видел в защите истинно русских охранительных начал. К т. н. «свободной прессе» Маркевич относился с презрением. Он неоднократно называл либералов в прессе «мошенниками пера и разбойниками печати» (эта фраза стала широко распространена и в наши дни, хотя мало кто знает ее автора). Маркевич грубовато замечал, что свободной прессы быть не может и что «независимая газета — это все равно, что свободная б...». С гордостью Маркевич говорил, что он является полностью зависимым от русского дела журналистом. Характерно, что Маркевич оставался также и ревностным польским патриотом. Однако именно в силу своей «польскости» Маркевич боролся за полное государственное единство Польши с Россией, неоднократно отмечая, что сама по себе Польша как государство существовать не может и ей остается выбирать зависимость от России или от Германии. По мнению Маркевича, подчинение России лишило поляков лишь того, что они сами никогда не ценили — своей государственности, зато это обеспечило Польшу экономическое процветание, а самих поляков сделало привилегированными подданными великой империи. Присоединение к Германии уничтожило бы дух и сущность «польскости». Помимо публицистики Маркевич занимался и беллетристикой, работая в жанре антинигилистического романа. Из-под его пера вышли популярные в свое время романы «Марина из Алого Рога» (1873), в котором он саркастически изобразил мир русского нигилизма, трилогия «Четверть века тому назад» (1878), содержащая воспоминания об эпохе великих реформ 1860-х, «Перелом» (1880), «Бездна» (1884, не окончен), посвященные политическому кризису рубежа 1870—80-х, поставившему историческую Россию над бездной. Следует заметить, что политические пристрастия Маркевича отразились и на его творчестве. Даже благожелательные к Маркевичу критики отмечали, что романы его в сущности есть художественное изложение передовиц «Московских ведомостей».

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—11. СПб., 1885.

Лит.: Сорокин Ю. С. Антинигилистический роман // История русского романа. Т. 2. М.; Л. 1962.

С. Лебедев

МАРКОВ Алексей Владимирович (8[20].05.1877—31.08.1917), русский фольклорист. Окончил в 1900 историко-филологический факультет Московского университета.

Широкую известность приобрели собранные Марковым «Беломорские былины» (1901). По разнообразию, полноте и художественным достоинствам текстов этот сборник считается лучшим после собраний *Кириши Данилова*, *П. Н. Рыбникова* и *А. Ф. Гильфердинга*. Другое крупное собрание Маркова — «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года» (ч. 1—2, М., 1906—09, совместно с А.

Масловым и Б. Богословским). В своем тяготении к северному эпосу Марков обнаружил пристрастие к романтизированному Великому Новгороду, который он противопоставлял как республику самодержавной Москве XVI—XVII вв. С таким пониманием истории Марков связывал судьбы и идейную эволюцию эпоса: «Поэзия Великого Новгорода и ее остатки в северной России» (1909), «Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности» (1916). Марков отстаивал историко-социологическое направление в изучении *былин*, противопоставляя его «историко-бытовому» (ст. «К вопросу о методе исследования былин», 1907).

Соч.: Бытовые черты русских былин // Этнографическое обозрение. 1903. № 3—4; Из истории русского былевого эпоса // Там же. 1904. № 2—3; 1905. № 4; 1906. № 3—4; Что такое Овсень? // Там же. 1904. № 4; Чулковский песенник и его значение для великорусских народных песен // Изв. ОРЯС АН. 1917. Т. 22, кн. 2.

МАРКОВ Алексей Яковлевич (22.04.1920—31.08.1992), поэт и общественный деятель. Родился в с. Нины (ныне Воронцово Александровского р-на Ставропольского края). В 1951 окончил Литературный институт. Первые стихи опубликовал в 1940. Автор поэм «Вышки в море» (1952), «Настенька» (1960), исторических поэм «Михайло Ломоносов» (1956), «Ермак» (1962), оды «Слово о народе» (1958), сборников «Ветер в лицо» (1956), «Осенний гром» (1961), «Огонь на себя» (1963), «Снова в дорогу» (1966). Участвовал в заседаниях Русского клуба. Ведущий ряда литературных вечеров, проводимых обществом «Память» в 1-й пол. 80-х.

Соч.: Избранная лирика. М., 1967; Березы светятся. М., 1968; Моя земля. М., 1968; Избранные стихи и поэмы. М., 1969; Стрелы. М., 1971; Звездапад. М., 1980; Избр. прозв.: В 2 т. М., 1984.

МАРКОВ Георгий Мокеевич (6[19].04.1911—26.09.1991), писатель. Родился в Ново-Кусово Томской губ. в семье сибирского крестьянина-охотника. Учился в Томском университете. Печата́ться начал в 1936. Широкую известность получил роман Маркова «Строговы» (кн. 1—2, 1939—1946; Гос. премия СССР, 1952). В судьбе нескольких поколений крестьянской «династии» Строговых отразилась история сибирской деревни. Повесть Маркова «Солдат пехоты» (1948) рассказывает о разгроме Японии в годы Великой Отечественной войны. Рассказы и очерки о сибиряках собраны в книге «Письмо в Мареевку» (1952). В романе «Соль земли» (кн. 1—2, 1954—60) Марков вернулся к теме Строговых. Маркову

свойственны внимание к крупным и цельным характерам людей из народа, умелое воспроизведение деталей быта. Марков — автор статей по вопросам литературы («Лев Толстой и наше время», 1960; «Современность и литература», 1963, и др.). Книги Маркова переведены на многие языки.

Соч.: Строговы. М., 1965; Отец и сын. Роман. Ч. 1—2. М., 1964; Соль земли. М., 1965; Беспощадное лето. Пьеса // Дружба народов. 1966. № 10; Собр. соч.: В 5 т. М., 1981—82.

МАРКОВ Евгений Львович (26.09[8.10].1835—17[30].03.1903), писатель, критик и этнограф. Родился в Щигровском у. Курской губ. Отец известного идеолога русского патриотизма Н. Е. Маркова. Происходил из старинного дворянского рода. В 1857 Марков окончил Харьковский университет. В 1859—70

учительствовал в Туле, затем был директором Симферопольской гимназии и народных училищ в Крыму, позднее председатель Щигровской земской управы. Выступил в печати с очерком «Ушан. Отрывок из воспоминаний детства» (1858). Вначале сотрудничал в журналах «Отечественные записки», «Дело», «Вестник Европы». Позднее сблизился со славянофилами. В романе «Черноземные поля» (1876) запечатлены картины нравственного распада в среде космополитизированных дворян-землевладельцев. В публицистических статьях («Софисты XIX века», газета «Голос», 1875, № 36—37, и др.) Марков выступал против формально-либерального характера русского судопроизводства. Роман «Берег моря» (1880) посвящен вопросам возрождения Крымского края. Марков выступал со статьями о «Казаках» Л. Н. Толстого («Народные типы в нашей литературе», 1865), о поэзии Н. А. Некрасова (1878). В статье о Н. А. Добролюбове («Критические беседы», газета «Русская речь», 1880, № 6, 7) Марков отмечал его поверхностный нигилизм.

Многочисленные путешествия Маркова нашли отражение в живо написанных путевых записках: «Очерки Крыма» (1872), «Очерки Кавказа» (1887), «Путешествие на Восток» (т. 1—2, 1890—91), «Россия в Средней Азии» (1901), «Путешествие по Сербии и Черногории» (1903).

Соч.: Собр. соч. Т. 1—2. СПб., 1877; Барчуки. 2-е изд., СПб., 1882; Разбойница Орлиха. СПб., 1904.

Лит.: Литвинов В. В. Е. Л. Марков. Воронеж, 1904.

МАРКОВ Николай Евгеньевич (2.04.1866 — 20-е числа апреля 1945), русский общественный деятель и публицист. Из курских помещиков. Окончил Институт гражданских инженеров. В 1905 был в числе основателей партии народного порядка, впоследствии слившейся с Союзом русского народа. Играл большую роль в русском патриотическом движении. После раскола Союза русского народа стал руководителем одной из его частей. Член фракции правых в III и IV Государственных Думах.

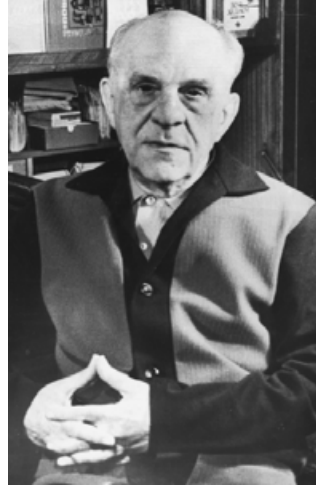
После революции продолжал борьбу с еврейским большевизмом. Выпускал православно-монархический журнал «Двуглавый орел». В 1921—31 председатель Высшего Монархического совета.

Выступал одним из организаторов защиты по делу о Сионских протоколах на Бернском процессе.

Основные труды: «Войны темных сил» (в 2 кн.) (1928—30), «Про дом свой» (1930), «История еврейского штурма России» (1930), «Отреченные дни Февральской революции».

Соч.: Речи членов Государственной Думы Маркова 2-го и Пуришкевича по запросу о Финляндии 12 и 13 мая 1908. СПб., 1908; Ответ Маркова 2-го на ст. Желенева в «Русском знамени». СПб., 1910; Последняя речь Н. Е. Маркова 2-го в IV Государственной Думе. (Заявление фракции правых). Пг., 1916; Преступление Маркова 2-го. Пг., 1916; Правда о смуте церковной. (Париж, 1926); Войны темных сил. (Кн. 1—2. Париж, 1928—30); История еврейского штурма России. (Докл., прочитанный на собрании памяти полковника Ф. В. Винберга в Берлине. (Б.м.: изд-во «Наш путь», 1937); Лик Израиля. Эрфурт, 1938; Отреченные дни февральской революции. Харбин, б. г.; Войны темных сил. Кн. 1. М., 1993; Войны темных сил. М., 2002.

МАРКОВ Сергей Николаевич (30.08[12.09].1906—4.04.1979), поэт, прозаик. Родился в посаде Парфентьев Кологривского у. Костромской губ. Его отец, Н. В. Марков, происходивший из уральского казачества, был землеустроителем, производил межевые работы в Костромской и Вологодской губерниях. По материнской линии предки поэта — воло-

годские и петербургские мелкопоместные и обедневшие дворяне, чей род не раз соприкасался с историком литературы Ф. Д. Батюшковым, известным писателем-этнографом С. В. Максимовым и др. славными именами. В вологодском уездном городке Грязовце будущий поэт стал гимназистом, но учился лишь 2 года. После февр. 1917 его отец с семьей переехал к себе на родину, в г. Верхнеуральск, на должность мирового судьи, а затем председателя земельной комиссии. В поездках вместе с отцом, улаживавшим в южноуральских краях конфликты между казачеством и степными племенами, юный Марков начинает знакомиться со стихией «горячего ветра», с бытием восточных народностей.

В 1919 семья Маркова с отступающими под натиском красных колчаковскими частями Каппеля и Дутова уходит в казахские степи. Марков глазами подростка видит ужасы братоубийственной гражданской войны, что впоследствии станет основой его рассказов и романа «Рыжий Будда» (прототип главного героя — барон Унгерн). В Акмолинске от тифа умирает отец Маркова, а вскоре и мать. 13-летний Марков берет на себя заботу о младших братьях и сестрах. Творческое созревание Маркова было стремительным. В 1924 его приглашают работать в газеты казахстанского Петропавловска, потом в Томск и Омск. Первая поездка в Москву — 1924, первая публикация в журнале «Красная нива». 1926—28 — самый плодотворный период творческой молодости Маркова: работа в Новосибирске, в газете «Советская Сибирь» и новом журнале «Сибирские огни». Окружение Маркова: В. Зазубрин, писатель-минералог П. Драверт и практически весь цвет русской сибирской лите-

ратуры 20-х. Участвует в геологических экспедициях по всей Сибири и Алтаю, идет по следам русских землепроходцев былых веков, работает в архивах. В эти годы Марков становится тем «следопротом веков и тысячелетий», который и оставил свой след в отечественной культуре. Пишет и поэзию, и прозу (созданный в тот период роман «Рыжий Будда» опубликован лишь в н. 90-х). Рассказы, очерки, стихи Маркова публикуются в сибирских изданиях и в Москве. Его приглашают в Москву. Но неожиданно на окружение Маркова и на него самого обрушиваются репрессии со стороны троцкистско-сионистских литературно-общественных сил, имевших ключевые позиции в местных органах власти и ЧК. Марков вынужден спешно уехать в Ленинград.

В к. 1932 Марков арестован по обвинению в «белогвардейско-колчаковской русско-фашистской и антисемитской деятельности» (вместе с *А. Васильевым* и др. выходцами из Сибири). Его ссылают на поселение в Мезень.

1933—35: ссыльный Марков добивается возможности сотрудничать в газетах Архангельска. Участвует в морских и сухопутных полярных экспедициях, делает ряд важных историко-географических открытий, исследует быт народов Севера. В Вологде находит и обрабатывает архив Русско-Американской компании XVIII—XIX вв., ставший основой его «Тихоокеанской картотеки» и ряда будущих книг о «Русской Америке». В 1935 его очерки и корреспонденции спасают от уничтожения ряд народных промыслов Севера (устюжское серебро). В 1936 поселяется под Калинином, в «Тверской Карелии». Новый арест, Лубянка и Таганская тюрьма. Поэта поселяют в Можайске. Там он пишет роман «Юконский ворон» и свои вершинные стихотворения, входящие во все антологии русской советской поэзии (напр., «Знаю я — малиновою ранью...», посвященное Г. Марковой, на которой он женился перед войной).

1941—42: Марков призван в армию рядовым, участвует в обороне Москвы. Демобилизован по болезни. В центральной периодике печатаются циклы его историко-патриотических баллад и очерков. Живет Марков с семьей во флигеле Литинститута. В 1945 вышел в свет «Юконский ворон», бестселлер следующего полувека (переиздавался десятки раз).

В 1946 вышла первая книга стихов Маркова, «Радуга-река», сначала встреченная восторженными откликами в печати, а затем (после Постановления ЦК и речи А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград») яро ошельмованная за «русопятство». Марков ждал нового ареста. Но по личному телефонному указанию Сталина пишет книгу «Летопись Аляски», доказывающую право России и СССР на владение территориями Северной Америки (на основании исторических документов). Это спасло писателя. В 40-е и 50-е выходят его книги о Н. Миклухо-Маклае, Н. Пржевальском, Ч. Валиханове, С. Дежнев. Но лишь в 1959 вышла вторая книга его стихов «Золотая пчела». 60-е ознаменовались выходом ряда книг стихов и прозы Маркова. В н. 70-х вышла книга его избранных поэтических трудов и двухтомный свод повествований о русских землепроходцах за минувшую тысячу лет «Вечные следы» и «Земной круг». В 1978 увидела свет лучшая прижизненная книга его стихов «Серебряный простор».

По почину или радениями Маркова были спасены многие музеи и др. культурные ценности России, поставлены памятники А. Никитину, С. Дежневу, Н. Пржевальскому, Ч. Валиханову, восстановлена Триумфальная арка в Москве.

Соч.: Избр. произв.: В 2 т. М., 1980; Избр. произв.: В 2 т. М., 1990; Стихотворения. М., 1985; Земной круг. М., 1976; Вечные следы. М., 1982; Светильник: Стихи. М., 1986; Юконский ворон: Роман. Хабаровск, 1986; Знаю я — малиновою ранью... Стихотворения. М., 1989; Картонный домик: Повести и рассказы. М., 1990.

Лит.: Дьячева П. С. Марков: Очерк творчества. М., 1983; Фояков И. Сергей Марков. Новосибирск, 1983; Дементьев В. Исповедь земли. М., 1984; Владимов В. Уроки и подвиги его жизни // Простор. 1986; Укачин Б. «Верный мечте и труду» // Сибирские огни. 1987. № 6; Золотцев С. «Земные корни и рудные жилы...» // Там же. 1990. № 1; Он же. Искатель живой воды. Роман-исследование о Сергее Маркове // Подъем. 2000. № 2—5.

С. Золотцев

МАРКОВИЧ Афанасий Васильевич (1822—1.09.1867), фольклорист и этнограф. Родился в с. Кумажницы Гребенковского р-на Полтавской обл. в семье небогатого помещика. Окончил Киевский университет в 1846. За участие в Кирилло-Мефодьевском братстве был выслан в Орел, где работал в губернской канцелярии. В 1851 женился на М. А. Вилинской — будущей писательнице *Марко Вовчок*; в том же году вернулся с женой в Малороссию. В 1860—61 Маркович работал в Петербурге в журнале «Основа». Затем жил в Малороссии. Маркович собрал богатый материал малороссийского устного народного творчества. Значительная часть его вошла в книгу, изданную в Петербурге под псевд. М. Номиса — «Украинские пословицы, поговорки и тому подобное» («Українські приказки, прислів'я і таке інше», 1864), а также в сборники *А. Метлинского*, В. Антоновича, *М. Драгоманова*. Часть материала печаталась в «Черниговских губернских ведомостях».

МАРТЫНОВ Авксентий Матвеевич (1787 или 1788 — 1858), критик, поэт. Родился в с. Мартыново Любимовского у. Ярославской губ. Сын дьячка. Учился в Ярославской семинарии (1799—1808), окончил Петербургскую духовную академию (1814). С 1839 — помощник архивариуса в Канцелярии обер-прокурора Св. Синода, позднее — «журналист» (ведущий журналы заседаний), помощник столоначальника. Стихи начал публиковать с н. 1820-х. В 1837 вышел его сборник «Поэтические произведения в трех книгах», оставшийся незамеченным в критике. Достаточно громко заявил о себе лишь серией статей в «*Маяке*» С. А. Бурачка, став в 1842—45 ведущим критиком этого журнала, вступившего в полемику с «Отечественными записками» и идеологом «*натуральной школы*» и западничества В. Г. Белинским. Мартынов противопоставлял «ложным теориям словесности» религиозно-нравственные ориентиры. После закрытия «*Маяка*» не предпринимал попыток выразить свои (по словам А. А. Григорьева) удивительные взгляды в др. литературных журналах.

В. Калугин

МАРТЫНОВ Леонид Николаевич (9[22].05.1905—21.06.1980), поэт. Родился в Омске в семье техника путей сообщения, детство провел на Великом Сибирском железнодорожном пути, в служебном вагоне отца. Закончил 4 класса гимназии в Омске. Начал писать стихи гимназистом. Первая публикация в 1921 («Мы — футуристы невольные...») — в омском журнале «Искусство»). Был сельским книгоношей, участвовал в геолого-геодезических экспедициях, много ездил по Сибири, Семиречью, Туркестану.

«Опасный» интерес Мартынова к прошлому Сибири послужил в 30-е основанием для ссылки (и его друга поэта С. Маркова) на Север, в Вологду (образ «прохожего» в стихотво-

рении «Замечали — / По городу ходит прохожий?..» (1935, 1945) — автобиографический).

По возвращении в Омск Мартынов пишет поэмы (первые поэмы: «Старый Омск», «Адмиральский час», обе — 1924): «Правдивая история об Увеньеае, воспитаннике азиатской школы толмачей в городе Омске» (1935—36), «Рассказ о русском инженере» (1936), «Тобольский летописец» (1937), «Домотканная Венера» (1939), «Поэзия как волшебство» (1939) и др. В поэмах-повестях фабульная выдумка при исторической

подлинности рассказа, глубокое знание фольклорно-этнографического, историко-бытового материала, многоголосье, масштабность историко-философского фона. Сибирь в эпосе Мартынова — страна цивилизации, творимой людьми разных сословий, возникшей на перекрестке культур многих народов; Сибирь в поэмах — земля, рождающая и принимающая под свое покровительство души сильные, яркие и свободные. Оригинальная стихотворная манера: классический

размер передан длинной, прозаизированной строкой.

Первая книга Мартынова — «Стихи и поэмы» (1939) — вышла в Омске. В 1940 в Москве и Омске появились 2 сборника под заглавием «Поэмы». В сборниках «Лукоморье» и «Эрцинский лес» (оба — 1945) находит завершённое сказочно-фантастическая тема Лукоморья, характерная для лирики 30-х.

Обвиненный послевоенной критикой в аполитичности и вневременности своей поэзии, певец Лукоморья почти на десятилетие был лишен возможности печататься. Широкая известность Мартынова началась с выходом сборника «Стихи» (1955), созвучного поре общественного обновления, раскрепощения человека, освобождения его от страхов: «...На деревьях рождаются листья, / Из щетины рождаются кисти, / Холст растрескивается с хрустом, / И смывается всякая плесень.../ Дело пахнет искусством. / Человечеству хочется песен» («Что-то новое в мире...», 1948, 1954); определяют основную тональность поэзии Мартынова книги стихов «Градус тепла», «Из смиренья не пишутся стихотворенья», «След», «Голоса» и др.

В сборниках «Новая книга» (1962), «Первородство» (1965), «Голос природы» (1966), «Людские имена» (1969), «Гиперболы» (1972) — явление поэта-лирика, утверждающего строить — в стихах — «свою державу», где он «заново все создает». Мартынов — летописец духовных сдвигов в сознании людей XX столетия; лирика — дневник состояний, в которых пребывало и еще пребует человечество (стихи Мартынова дальнорозки). Эмоциональная реакция поэта на происходящее в мире рождается в лирике Мартынова как прямое следствие познания этого мира (читатель стихов приобщается к самому процессу познания — с точки зрения археолога, астронома, математика, биофизика и др.). В лирике Мартынова сильно выражено возрожденческое начало, мысль об ответственности человека за все происходящее, за судьбу Земли («Дедал», «Люди», «Мне кажется, что я воскрес...», «Царь природы» и др.).

В сборниках «Узел бурь» (1979), «Золотой запас» (опубл. 1981) — лирика итогов («...сделав все резкие выпады, / Ты

медленно делаешь выводы»), к которым поэт приходит перед бездной вечности.

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. М., 1976; Избр. произв.: В 2 т. М., 1990; Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. В. В. Дементьева; Сост., подг. текста и примеч. Г. А. Суховой-Мартыновой, Л. В. Суховой, В. Г. Уткова. Л., 1986 (Б-ка поэта Б. серия); Золотой запас: Кн. стихов. М., 1981.

Ист.: Русские писатели XX века. Биобиблиографический словарь. М., 1998. Т. 2.

МАСАЛЬСКИЙ Константин Петрович (13[25].09.1802—9[21].09.1861), писатель. Родился в Ярославле в семье чиновника. Начал печататься в 1821. Редактировал журнал «Сын Отечества» в 1842—52, где печатал статьи, рецензии и др. (преимущественно анонимно). Автор исторических романов и повестей «Стрельцы» (1832), «Русский Икар», «Черный ящик» (1833), «Регентство Бирона» (1834), «Бородолюбие» (1837), «Осада Углича» (1841), «На ледяных горах» (1848) и др. Характеры в его исторических сочинениях очерчены с православно-монархических позиций. Масальский принимал участие в журнальной полемике 40-х, поддерживал «Северную пчелу» Ф. В. Булгарина, выступал против натуральной школы и Белинского. Написал пародию на «Мертвые души» — «Повесть о том, как господа Петушков, Цыпленкин и Тетерькин сочиняли повесть» («Сын Отечества», 1843, № 4). Масальскому принадлежит первый русский перевод «Дон Кихота» М. Сервантеса (1838).

Соч.: Соч. Т. 1—5. СПб., 1843—45; Басни. СПб., 1851; Лейтенант и поручик. Ч. 1—2. СПб., 1855.

МАСАНОВ Иван Филиппович (18[30].05.1874—25.02.1945), библиограф. Родился в с. Новое Владимирской губ. в крестьянской семье; по окончании сельской школы послан в Москву на заработки. Первым проявлением страсти к библиографии было собиранье материалов для словаря псевдонимов русских писателей и ученых, а также литературно-библиографическое обследование родного края. В 1905 появился обширный труд Масанова «Библиография Владимирской губернии». В дальнейшем Масанов издал ряд библиографических работ, в т. ч. «Библиографию сочинений А. П. Чехова» (1906) и «Чеховиану» — библиографию литературы о Чехове (1929); 3-томный библиографический обзор «Русские сатирико-юмористические журналы» 2-й пол. XIX в. (1910—13); «Русский архив», издаваемый П. Баргеновым. 1863—1908. Содержание его книжек и предметная роспись...» (1908) и др. Наибольшее значение имеет труд Масанова — «Словарь псевдонимов». Подготовив материал для первоначальной редакции «Словаря» еще в 1904, Масанов понял необходимость не только раскрытия каждого псевдонима, но и указания источников, на основании которых производилась расшифровка. Приостановив печатание собранного материала, он продолжал работу над ним вплоть до конца жизни. «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» (т. 1—4. М., 1956—60), охватывающий 80 тыс. псевдонимов, был завершён и подготовлен к печати сыном Масанова — Ю. И. Масановым и опубликован Всесоюзной книжной палатой.

Лит.: Иван Филиппович Масанов. 1874—1945: Сб. ст. М., 1946.

МАСЛОВ Николай Дмитриевич (23.03[4.04].1833—18[30].11.1892), писатель. Родился в Петербурге. Из дворян, сын действительного тайного советника, лицейского товарища *А. С. Пушкина*. Получил домашнее образование. С 1850 на военной службе. Первая литературная публикация Маслова — рассказ «*Анна Алексеевна*» (Астрахань, 1866).

В повести «*Затрата юных сил*» (СПб., 1877) делается попытка психологического анализа «трудной» дружбы молодых офицеров: одного — из благополучной помещицкой семьи, др. — противоположного ему по судьбе и характеру, с детства испытавшего лишения и ущемление личного достоинства.

Маслов нарочито сдержан в выражении своих общественных взглядов. Лишь в репликах его персонажей проскальзывают суждения, выдающие идейные пристрастия авто-

ра: патриотизм, осуждение западноевропейского влияния на Россию, критика либерализма, несущего разрушительное начало («теперь кличками “ретроград” и “крепостник” можно убить будущность самого благонамеренного человека»), антиеврейские настроения.

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3.

МАТВЕЕВСКИЙ Николай Павлович (1822—1878), писатель, был преподавателем русской словесности в театральном училище, состоял гласным С.-Петербургской думы и деятельно участвовал в С.-Петербургском кредитном обществе. С 40-х сотрудничал в «*Библиотеке для чтения*», «*Москвитянин*», «*Литературной газете*», «*Пантеоне*», помещая нравоописательные очерки и типы и статьи по разным вопросам. Много его публицистических статей в «*Петербургском листке*» 60—70-х. Отдельно издал: «*Опытный маляр*» (1853 и 1859); «*Портной. Описание быта*» (1857).

«**МАЯК**», ежемесячный «учено-литературный журнал», выходивший в Петербурге в 1840—45. Издавался *П. А. Корсаковым* и *С. А. Бурачком*. В нем печатались стихи и проза, переводы, литературная критика, статьи по русской истории, механике, кораблестроению и др. Основной задачей журнала было действовать в духе «*Православия, Самодержавия, Народности*» («*Объявление от редакции*», 1840, № 3). «*Маяк*» выступал с принципиальных национально-православных позиций против иудейско-масонской и либерально-космополитической идеологии.

На страницах журнала критике подвергалась мракобесная, антиправославная позиция Белинского, Герцена и др. вождей антипатриотического лагеря.

В журнале сотрудничали *А. П. Бауццкий*, *В. Р. Зотов*, *И. В. Кукольник*, *Н. А. Полевой*, *П. П. Гулак-Артемьевский*, *Г. Ф. Квитка-Основьяненко*, *Т. Г. Шевченко* и мн. др.

МЕДВЕДСКИЙ Константин Петрович (19.09[1.10].1866 — не ранее 1919), поэт, литературный критик, публицист. Родился в Петербурге в дворянской семье. Окончил 5 классов гимназии. В 1889 выпустил первый сборник «*Сти-*

хотворения». В этом же году издал книгу «*Современные поэты. Критические очерки*», в которой «продемонстрировал тонкий вкус и самостоятельные суждения». Сочувствием Медведского пользовались писатели, свободные от преобладающего в обществе либерально-радикального умонастроения, твердые в отрицании «космополитствующего либерализма» — *В. П. Буренин*, *К. К. Случевский* и др., в творчестве которых он видел залог развития русской литературы (и шире — русского национального сознания). Медведский выступал против прогрессистской беспочвенности (олицетворенной в его глазах гл. обр. редакцией журнала «*Вестник Европы*», которую он критиковал чуть ли не в каждой статье, отмечая еврейские корни его авторов). Поддерживая политико-религиозные взгляды *Ю. Н. Говорухи-Отрока* и *К. Н. Леонтьева*, он шел от апологии «*чистого искусства*» в направлении русского национализма; усматривал в патриотизме критерий непогрешимости, всеобъемлющую панацею («родная почва» не даст России «дойти до бездны»), а литературных противников считал прежде всего «не-патриотами».

Статью Медведского о христианских началах самодержавной государственности («*Наблюдатель*», 1895. № 8) сочувственно приняли в среде консервативной публицистики: *В. В. Розанов* назвал его мысли «замечательными и местами оригинальными»; правда, *Л. А. Тихомиров*, приветствуя сам факт появления статьи, сетовал на компилятивность и недостаточную продуманность соотношения «самодержавия» и «свободы».

В статье «*Из “радикальной” журналистики*» («*Русский вестник*», 1896. № 5) Медведский обвинил литераторов журнала «*Русское богатство*» в антирусских заговорщицких тенденциях, превращающих журнал в «ансамбль, совершенно определенного свойства».

За свои взгляды подвергался ожесточенной травле в либерально-еврейской и нигилистической печати. После смерти Говорухи-Отрока он вел критический отдел в газете «*Московские ведомости*» (1897—98), где, в частности, высмеял *Вл. С. Соловьева*, который в статье «*Судьба Пушкина*» «берется истолковывать пути Провидения с развязностью... близко доверенного лица» (1897, 18 сент.), писал «о грубых ошибках» *Л. Н. Толстого* в понимании проблемы «искусство и христианство» (1898, 20 марта, 24 апр., 1 мая) и т. п. Вскоре в открытом письме в газете «*С.-Петербургские ведомости*» (1898, 29 нояб.) Медведский объявил о выходе из редакции «*Московских ведомостей*», т. к., по его словам, *В. А. Грингмут* создал невыносимые «нравственные условия» для сотрудников, мешающие творчески развивать (а не просто повторять) политические идеи *М. Н. Каткова*.

В 1910 в газете «*Колокол*» подверг резкой критике современных литераторов за их космополитизм и антипатриотизм — «отбросов революции и хулиганщины» («*Андревы, Арцыбашевы, Каменские... — покойники, которых необходимо поскорее “убрать”, закопать поглубже*»).

МЕЖАКОВ Павел Александрович (12[23].08.1788—13[25].04.1865), поэт. Родился в Вологде. Из древнего дворянского рода.

Влечение к стихотворчеству побудило Межакова стать участником (1809—16) кружка литераторов, собирающихся у *Г. Р. Державина* (ему адресовал одно из первых известных стихотворений «*К Державину*», написано в 1809), печатался в «*Чтениях в Беседе любителей русского слова*»: «*Сальгар и Кольма*» (1815, кн. 16), «*Элегия. Подражание Проперцию*», «*Коннал и Кримора*» (1815, кн. 18). Одновременно друже-

ские отношения связывали его с *К. Н. Батюшковым*, *Н. И. Гнедичем*, *П. А. Вяземским*, с которым обменивался стихотворными посланиями. В 1817 издал первый поэтический сборник «Уединенный певец» (СПб., анонимно). В 1820—21 сблизился с *А. Е. Измайловым* и посещал заседания *Вольного общества любителей словесности, наук и художеств*. Межаков издает второй сборник «Стихотворения» (СПб.), включив в него многие стихи из «Уединенного певца».

Большинство стихов Межакова написано в жанре элегий и посланий, по настроению и мотивам близких «легкой поэзии» 1810-х (особенно чувствуется влияние предвоенной лирики Батюшкова); он воспевает «сельскую свободу», умеренность честолюбия, природу родных мест, сердечную дружбу, женскую «прелесть» и «нежную страсть».

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1993. Т. 3.

МЕЙ Лев Александрович (13[25].02.1822—16[28].05.1862), поэт. Родился в Москве в дворянской семье. В 1836—41 учился в Царскосельском лицее. Служил чиновником, вышел в отставку в 1852. Выступил в печати в 1840. В сер. 1840-х сблизился с редакцией славянофильского журнала

«*Москвитянин*», где сотрудничал до 1853. Мей вошел в русскую поэзию как тонкий лирик, виртуоз стиха и как переводчик. Его творческая позиция сложна. С одной стороны, он проповедовал идеал вечной красоты, уход в мир личных чувств, в историю; с другой — ему свойствен интерес к современности, тяга к мотивам некрасовской школы. В стихи Мея постепенно проникают реальные, бытовые мотивы: «Не верю, Господи...» (1857), «Су-

мерки» (1858), «Чуру» (1859), «Забытые ямбы» (1860), «Знаешь ли, Юленька...» (1860), «Тройка» (1861), «На бегу» (1862). Настроения поэта в связи с Крымской войной отразились в стихах на библейские темы: поэма «Юдифь» (1855), стихотворения «Давиду — Иеремией», «Слепорожденный», «Псалом Давида...», заключительные строфы «Эндорской прорицательницы». В стихах на античные темы Мей воспекает земные радости, любовь, могущество искусства, красоту жизни («Фринэ», «Галатея», «Плясунья»). В «Еврейских песнях» (1849—60), поэтическом переложении библейской «Песни песней», эти мотивы звучат с еще большей силой. В некоторых «римских» произведениях Мей обличал императорский Рим (стихотворная драма «Сервилия», поэма «Цветы» из эпохи Нерона). Мей — талантливый переводчик античных, славянских, западноевропейских поэтов: Анакреонта, Феокрита, Ф. Шиллера, Дж. Байрона, А. Мицкевича, *Т. Г. Шевченко* и др. Мастерство Мея проявилось и в стихотворных произведениях, созданных по мотивам русского фольклора и летописных сказаний. В них обнаруживается архаизация и поэтизация времени «вечевой воельности» («Волхв», «Александр Невский», «Песня про боярина Евпатия Коловрата»). Стихотворение «Вечевой колокол» было опубликовано анонимно за границей в «Голосах из России» А. И. Герцена в 1858. Заслугой Мея явилось поэтическое переложение «Слова о полку Игореве» (1841—50). С интересом Мея к русской старине и

фольклору связаны исторические драмы в стихах «Царская невеста» (1849) и «Псковитянка» (1849—59) из времен *Ивана Грозного*. На первом плане в них не исторические проблемы, а психология исторических личностей и их окружения, судьбы людей, счастье которых разрушает деспотическая воля царя. Герои «Царской невесты» гибнут, не покорившись царской воле; в «Псковитянке» личные, психологические мотивы тесно сплетаются с социальными. На сюжеты обеих драм созданы одноименные оперы Н. А. Римского-Корсакова. Многие стихи Мея также положены на музыку.

Соч: Полн. собр. соч. 3-е изд. Т. 1—3. СПб., 1910—11; Стихотворения и драмы. Л., 1947; Избр. произв. М.; Л., 1962.

МЕЛЕТИЙ СМОТРИЦКИЙ (ок. 1577—27.12.1633), ученый, филолог, автор ряда блестящих публицистических произведений против католицизма и унии.

Главная заслуга Смотрицкого — создание первой научно-систематической грамматики церковнославянского языка. В 1619 в Евю (близ Вильно) он издал учебник «Грамматики словенския и правильное синтагма». Учебник состоял из четырех частей: орфографии, этимологии, синтаксиса и просодии (ударение и произношение). В московском издании учебника было добавлено сочинение *Максима Грека* о пользе грамматики.

МЕЛЬГУНОВ Николай Александрович (1804—4[16].02.1867), писатель. Родился в Ливенском у. Орловской губ. Учился в Благородном пансионе при Педагогическом институте в Петербурге. В печати выступил в 1818. В 1824—34 служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел, где сблизился с группой молодежи, составившей вскоре кружок «*любомудров*». Совместно с *С. П. Шевыревым* и *В. П. Титовым* участвовал в переводе книги Л. Тика «Об искусстве и художниках» (1826), послужившей как бы эстетическим манифестом нового направления. В 1834 опубликовал сборник романтической прозы «Рассказы о былом и небывалом» (2 т.); в предисловии к нему Мельгунов изложил литературное кредо — не давать «ни голой правды, ни голого вымысла». В 1837 в Германии вышла книга немецкого писателя Г. И. Кёнига «Очерки русской литературы» (1862), написанная им на основании бесед с Мельгуновым (частью под его диктовку), сыгравшая значительную роль в популяризации русской литературы за рубежом. В дальнейшем Мельгунов печатал вести (под псевд. Н. Ливенский), путевые очерки, литературоведческие и музыковедческие статьи в журналах «*Молва*», «*Телескоп*», «*Московский наблюдатель*», «*Москвитянин*», «Отечественные записки», «*Современник*» и др. Был известен и как композитор — автор романсов на слова *А. С. Пушкина*, *А. А. Дельвига*, *А. С. Хомякова* и др.

Соч.: История одной книги. М., 1839; Гуляние под Новинским. М., 1841.

МЕЛЬНИКОВ Павел Иванович (псевд. *Андрей Печерский*) (25.10[6.11].1818—1[13].11.1883), писатель. Родился «в сямый благовест к обедне» в Н. Новгороде. Отец состоял на военной службе, участвовал в военных походах 1813—14. Был начальником жандармской команды в Н. Новгороде.

Род Мельниковых возник в XVII в. Ощущение связи поколений, уходящей в глубокую русскую древность, искреннее уважение и интерес к отечественной истории, к ее героике были характерной чертой мировосприятия писателя. Старинный образ Спасителя с жалованной надписью царя Ивана Васильевича был его семейной реликвией и как бы символизировал эту связь.

До 10 лет Мельников учился дома. «Еще у десятилетнего ребенка были у него толстые тетради, в которые по линейке переписывал он *Пушкина, Дельвига, Баратынского и Жуковского*. Двенадцати лет он знал наизусть всю «Полтаву», много отрывков из «Онегина»», — писал

Мельников о самом себе в автобиографии. Окончив нижегородскую гимназию, в 1834 он поступил в Казанский университет. Окончил его в 1837 в возрасте 18 лет. В 1838 за какую-то провинность (подробности не установлены) был направлен уездным учителем истории и статистики в г. Шадринск Пермской губ., но затем оставлен в Перми при местной гимназии. В мае 1838 Мельников

был переведен в нижегородскую гимназию.

Поездка в Пермь дала материал для цикла статей. Первое печатное произведение («Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь») увидело свет в ноябрьском номере «Отечественных записок» за 1839. Публикация продолжалась на протяжении нескольких номеров. Произведение представляет собой синтез этнографических, исторических, статистических данных, аккуратно собранных пытливым наблюдателем. Его интересуют и достопримечательности Арзамаса, и история соляных промыслов, технология добычи соли, географические особенности разных мест и пермяцкий язык. В архиве А. А. Краевского сохранился запрещенный цензурой и потому не вошедший в «Дорожные записки...» мельниковский «Рассказ о Пугачеве Дементия Верхоланцева, походного полковника Третьего Яицкого полка». Для Мельникова рассказ 85-летнего старика, участника крестьянской войны под предводительством Пугачева, был ценен тем, что содержал целый ряд деталей, неизвестных Пушкину и историкам пугачевщины. Мельникову дорога каждая мелочь. Он тщательно описывает в статье внешность Пугачева, опираясь на рассказ очевидца, его сподвижников, особенности боевых действий, их детали, поправляет Пушкина.

В 1841 Мельников был утверждён в звании корреспондента Археографической комиссии. В Н. Новгороде писатель занимался изучением истории, статистики, разбором местных архивов. Выявленные им в архивах сведения легли в основу многих исторических и краеведческих статей («Нижний Новгород и нижегородцы в смутное время», «И. П. Кулибин», «Указатель достопримечательностей Нижнего Новгорода», «Нижегородская ярмарка» и др.). Получив задание выявить, не осталось ли потомков Козьмы Минина, писатель установил полное имя величайшего русского патриота (Козьма Захарыч Минин-Сухорук).

С 1 янв. 1845 и по 14 мая 1850 Мельников состоял редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ве-

домостей». С 1847 Мельников — чиновник особых поручений при нижегородском губернаторе. В 1850 он при помощи *В. И. Дала* был причислен к МВД. В 1852—53 руководил статистической экспедицией по изучению старообрядчества в Нижегородской губ. Итогом этой работы стал представленный в 1854 в Министерство внутренних дел «Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии». В нем Мельников предлагал жесткие меры к искоренению старообрядчества, называя его «язвой государственной».

Первые литературные опыты Мельникова («О том, кто такой Еллидифор Перфильевич и какие приготовления делались в Чернограде к его именинам», 1840) отмечены попытками подражать *Н. В. Гоголю*. В 1852 Мельников возвращается к литературной работе, публикует повесть «Красильниковы» («Москвитянин». № 8), свидетельствующую о нем как о зрелом писателе. В повести продемонстрировано глубокое знание народного быта, умение показать его с разных сторон, умение широко использовать фольклорные средства. При этом они здесь, как и в последующих произведениях, являются органической составляющей творческого мироощущения писателя, не выглядя надуманными и лишними.

Несмотря на доброжелательные отзывы о «Красильниковых», писатель на несколько лет отходит от литературы. В 1867 публикует несколько рассказов («Дедушка Поликарп», «Поярков», «Медвежий угол», «Непреминный», повесть «Старые годы», в основу которой лег восторженный рассказ старого слуги о буйствах жестокого барина). В 1858 — рассказ «Именинный пирог», повесть «Бабушкины рассказы». В 1861 — рассказ «Гриша». В них звучит гоголевская тема маленького человека с протестом против чиновничьих беззаконий. Народ изображен как пассивная сила, в нем нет инициативных характеров. Многие рассказы отличает наличие очерковых эпизодов, дающих обличительную картину.

Старообрядческая тематика в 1860—70-е становится одной из ведущих в творчестве Мельникова. Вначале в своих противостарообрядческих рассказах («Поярков», «Гриша») он ничем не выделяется в изображении старообрядческой среды от современных ему авторов-«обличителей». Старообрядческие характеры сатирически деформированы при помощи резкого окарикатуривания, использования ряда сатирических противопоставлений, негативных авторских характеристик, шаржирования и др. приемов. Это не случайно, ведь борьба со старообрядчеством силой смеха потребовала обращения к комическому. Мир старообрядчества показан утрированно, акцент сделан на одностороннее подчеркивание негативных явлений.

Смена подходов к изображению старообрядчества в творчестве Мельникова шла медленно. Противообрядческая сатира «Пояркова» сменилась этнографизмом повести «Заузолцы» (пробный шаг на пути к диалогам «В лесах» (1874) и «На горах» (1881)), затем, спустя два года, возродилась в «Грише». Этот рассказ органично объединял черты сатиры и этнографического описания, которое выразилось в использовании старообрядческих легенд, но не в изображении достоверного быта старообрядцев, однако в целом был написан в обличительных традициях. Но не прошло и года, как в «Северной пчеле» появилась «Письма о расколе», где Мельников признавал немаловажное значение старообрядчества для развития страны, ее промышленности. Затем последовали «Очерки поповщины», где старообрядчество рассматривалось в целом с позиций «просветительского неприятия», где были пушены в ход старые приемы противообрядческой сатиры — особенно там, где речь заходила о современной автору эпохе. Современное старообрядчество Мельников изображал при по-

мощи иронических приемов, не брезговал передавать непроверенные и не соответствующие действительности слухи. Темой «Очерков...» стала история старообрядчества и его попытки приспособиться к вызовам действительности. В каждой главе подана определенная конкретно-историческая ситуация и раскрыта реакция старообрядчества на нее. Проблематика «Очерков...» строится на изучении жизнеспособности старообрядчества, которая, по мнению автора, невозможна при условии строгого соблюдения церковных установлений, незыблемость коих старообрядчество провозглашает. Идея «Очерков поповщины» — обоснование исторической и нравственной несостоятельности старообрядчества вообще. Идея несостоятельности старообрядчества определила отбор образов, ситуаций и их интерпретацию.

Колебания Мельникова объясняются особенностями его взглядов на старообрядчество. От идеи, что оно должно неизбежно исчезнуть при «успехах просвещения», он шел к выводу, что старообрядчество способно придать новый импульс развитию России.

Каракозовский выстрел 4 апр. 1866 стал для Мельникова подлинным потрясением. В его глазах это был не просто выстрел в первого человека страны, но покушение на национальную идею государственности. Кто и что может послужить противодействием нигилизму? Старообрядчество, приходит к убеждению писатель, сила, не причастная к политической борьбе, но сохраняющая первоосновы национального менталитета и духовности, преданная религиозной идее и монархии. Укрепляет этот вывод командировка в Москву с целью изучения настроений старообрядцев в связи с прошедшим недавно собором на Рогожском кладбище. «А восстановление русского духа, старобитной нашей жизни все-таки от будущих старообрядцев, которые тогда не раскольники будут», — писал Мельников в записке министру внутренних дел о результатах командировки. Он вкладывает разное содержание в слова «старообрядцы» и «раскольники». Это не синонимы. Раскольники для него — те, кто отказывается идти на сближение с официальным Православием. Старообрядцы — хранители истинного духа Руси допетровской, которые, отбросив «предрассудки» и влившись в паству господствующей Церкви, призваны преобразить и ее, и страну в целом, укрепить ее основы.

Особенность дилогии Мельникова «В лесах» и «На горах» в том, что в ней сложно выделить одну преобладающую, частную тему. Объектом изображения стали жизнь и быт лесного и нагорного Поволжья, внутренний уклад народа, скитов. Определяя замысел книг, Мельников писал: «... изобразить быт великороссов в местностях при разных развитиях, при разных условиях общественного строя жизни, при разных верованиях и на разных ступенях образования». Поэтому тут можно говорить о системе тем, проблем. Своего положительного героя писатель искал в среде, наиболее устойчивой по отношению к новым явлениям эпохи, живущей по дониконовским предписаниям, близкой к народу. Личность героя связана с проблемой дальнейшего развития России, с проблемами общественной среды. Это определяет основные элементы дилогии: характеры зарождающейся торговой буржуазии, изображенные в разных аспектах: добродетельно-положительные, соответствующие идеалу писателя, и резко отрицательные, сатирические, которые придают дилогии антибуржуазные черты. Эти характеры действуют в быту, в обыденной жизни. Бытовая тема невозможна без разработки темы семьи. Семья его интересует как прочная

база для развития личности. Нарушение семейных правил ведет к падению. Своеобразие дилогии «В лесах» и «На горах» в том, что писатель сумел убедительно показать неизвестный, обособленный мир — мир старообрядчества, где по устоявшимся традициям не принято делиться информацией, открываться. Более того — мир, о котором знали лишь по тенденциозным публикациям. Старообрядчество, эта «отечественная Атлантида», было представлено убедительными человеческими характерами. Писатель отошел от устоявшихся шаблонов изображения старообрядчества, которым следовал некогда и сам, хотя иногда сохраняет «чиновничью насмешливость» (выражение *Н. С. Лескова*) по отношению к старообрядцам. Двойственное отношение к старообрядчеству выразилось и в двойственности характеров ряда героев дилогии. И тем не менее герой Мельникова мыслится именно как характер с присущей ему многогранностью, а не как схема. Мельников совершенно подорвал принципы художественного изображения старообрядчества, обозначив в старообрядческой среде положительный идеал. Более того, он нашел и обрисовал в этой среде национальный идеал. Дилогия показала неисчерпаемые возможности русского фольклора. Фольклорный аспект является на сегодняшний день наиболее изученной стороной творчества Мельникова. Фольклор, используемый Мельниковым в авторской речи, не выглядит чужеродным, он органически вписывается как в речь героев, так и в речь автора, являясь основой индивидуального творческого сознания Мельникова. Писатель и его герои опираются на фольклорные образы и символы, аккумулируя свои идеи и мысли с помощью народных пословиц. Уникальна сама по себе жанровая природа дилогии, сочетающая признаки семейного, авантюрного, бытового романа.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 14 т. СПб.; М., 1897—98; Собр. соч.: В 8 т. М., 1976.

В. Боченков

МЕНШИКОВ Михаил Осипович (23.09.1859—19.09.1918), мыслитель, публицист и общественный деятель, ведущий сотрудник газеты «Новое время». В своих трудах призывал русских людей к самосохранению русской нации, к отстаиванию хозяйских прав русских на своих территориях. «Мы, русские, — писал он, — долго спали,

убаюканные своим могуществом и славой, — но вот ударил один гром небесный за другим, и мы проснулись и увидели себя в осаде — и извне, и изнутри. Мы видим многочисленные колонии евреев и других инородцев, постепенно захватывающих не только равноправие с нами, но и господство над нами, причем наградой за подчинение наше служит их презрение и злоба против всего русского». Меньшиков, как и мн. др. выдающиеся представители русского патриотического движения, не был против культурного самоопределения народов России на их исторических территориях, но решительно выступал против захвата представителями этих народов хозяйских прав на

этнических русских территориях. Он высказывал общую для многих русских патриотов позицию самосохранения нации — «долой пришельцев». «Если они хотят оставаться евреями, поляками, латышами и т. д. на нашем народном теле, то долой их, и чем скорее, тем лучше... Допуская иноплемеников как иностранцев... мы вовсе не хотим быть подстилкой для целого рода маленьких национальностей, желающих на нашем теле размножаться и захватывать над нами власть. Мы не хотим чужого, но наша — Русская — земля должна быть нашей».

По справедливому мнению Меньшикова, Россия со времен Петра I глубоко завязла на Западе своим просвещенным сословием. Для этого сословия все западное кажется более значительным, чем свое. «Мы, — пишет Меньшиков, — глаз не сводим с Запада, мы им заморожены, нам хочется жить именно так и ничуть не хуже, чем живут “порядочные” люди в Европе. Под страхом самого искреннего, острого страдания, под гнетом чувствуемой неотложности нам нужно обставить себя той же роскошью, какая доступна западному обществу. Мы должны носить то же платье, сидеть на той же мебели, есть те же блюда, пить те же вина, видеть те же зрелища, что видят европейцы». Чтобы удовлетворить свои возросшие потребности, образованный слой предъявляет к русскому народу все большие требования. Интеллигенция и дворянство не хотят понять, что высокий уровень потребления на Западе связан с эксплуатацией им значительной части остального мира. Как бы русские люди ни работали, они не смогут достичь уровня дохода, который на Западе получают путем перекачки в свою пользу неоплаченных ресурсов и труда др. стран. Пусть дворянские имения дают второе большое количество, дворяне все равно кричат о разорении, потому что их потребности возросли в шестеро. Чиновники получают тоже жалованье в три раза больше, но все равно оно не может обеспечить им европейского уровня потребления. Образованный слой требует от народа крайнего напряжения, чтобы обеспечить себе европейский уровень потребления, и, когда это не получается, возмущается косностью и отсталостью русского народа.

Меньшиков отмечает неравноправный обмен, который западные страны осуществляют с Россией. Цены на русские сырьевые товары, впрочем, как и на сырьевые товары др. стран, не принадлежавших к западной цивилизации, были сильно занижены, т. к. недоучитывали прибыли от производства конечного продукта. В результате значительная часть труда, производимого русским работником, уходила бесплатно за границу. Русский народ беднеет не потому, что мало работает, а потому, что работает слишком много и сверх сил, весь же избыток его работы идет на пользу европейских стран. «Энергия народная — вложенная в сырье, — как пар из дырявого котла теряется напрасно, и для собственной работы ее уже не хватает».

Убит еврейскими большевиками на берегу оз. Валдай на глазах своих детей.

О. Платонов

Меньшиков как литературный критик. В историю отечественной словесности Меньшиков вошел как яркий литературный критик и полемист, чьи работы отличаются нравственно-философской глубиной, острой наблюдательностью и независимостью суждений.

Свои литературно-эстетические взгляды Меньшиков изложил в ряде статей, составивших сборник «Критические очерки», в котором он сформулировал свою нравственную позицию, во многом близкую этике *Л. Толстого*:

«Гасить же зло злом, обиду — обидой, насилие — насилием же, это все равно, что огонь гасить огнем: происходит не уничтожение зла, а удваивание его, нагромождение обиды на обиду, мщения на мщение. Предлагается несравненно более тонкое и более могущественное средство — нравственная борьба со злом, противление любовью».

Меньшиков солидарен с Толстым и в том, что «жизнь должна сделаться проще, внешность ее — беднее, внутреннее содержание — богаче. Человеку пора “опомниться, остановиться”, возвратиться к самому себе, духовный капитал, выбрасываемый теперь с такою расточительностью наружу, на развитие комфорта, должен оставаться дома и совершать необходимое великую внутреннюю работу, цивилизовать человеческую душу. В самом деле, душа человека, кажется, последний предмет забот современного общества».

Для Меньшикова, как и для Толстого, настоящее искусство должно способствовать духовному и нравственному совершенствованию людей, оздоровлению жизни и общества. К этому же должна стремиться и литературная критика. В статье «Сбились с дороги», посвященной творчеству *Л. Толстого*, Меньшиков с горечью говорит о бессодержательности, праздности современной критической мысли, забывшей о том, что ее задача «довершить культуру русскую, довести национальность нашу до предела законченности поэтической, до красоты. А в красоте и истина, и добро, и все божественное, что нам доступно».

В др. своей статье «Литературная хворь» Меньшиков, говоря о возникновении в к. XIX в. множества художественных и иных течений, отмечает: «Появились декаденты, символисты, мистики, порнографы, эстеты, маги, визионеры, пессимисты — множество мелких школок, несомненно психопатического характера... Общая черта всех этих болезненных оттенков — противоестественность, отрицание жизни, извращение природы».

Вслед за Толстым Меньшиков видит главный порок декадентства в отсутствии нравственно-религиозного сознания, искренней веры в Бога. Он считает декадентов шарлатанами, которые «в течение очень долгого времени продолжают морочить публику». «Если писатели-декаденты и футуристы, — заключает он, — впадшие в бредовое состояние, имеют круг своих пламенных поклонников, то и наши религиозные декаденты привлекают нездоровое любопытство довольно широких слоев, особенно когда декадентство одушевлено экстазом животной чувственности».

В статье «Литературная хворь» Меньшиков подробно останавливается на таком феномене, как пессимизм, подчеркивая, что на его почве «выросли, в сущности, все литературные хвори и самая крупная из них, которую можно назвать иронической школой, аналитической, обличительной». Пессимизм Меньшиков причисляет к одной из разновидностей декаданса, который искажает не только идеал, но и действительность, достоверное ее изображение: «Обличительная школа в погоне за правдой жизни именно эту-то правду и потеряла». Меньшиков категорически отрицает подобную обличительную литературу, объектом которой становятся лишь «уродливые стороны жизни» и которая «бережно описывает все нравственные пороки, прыщи, шишки, искривления человека, выворачивает его грязное бельё, скрытые раны под бельём, раздвигает края ран и любитесь диким мясом в них, а если находит червей, то тем превосходней».

Размышляя о вреде обличительной литературы, Меньшиков, как Толстой и *Достоевский*, утверждает, что безнравствен-

венность и пошлость, которые изображаются в искусстве, лишь увеличивают безнравственность и пошлость в жизни: «Нужно величие других народов, их здоровье, красоту, мудрость, могущество — то совершенство жизни, одно созерцание которого составляет лекарство и движущий импульс. Только такая литература и содействует прогрессу, ибо только она есть литература открытий и откровений. Наша же больная и злобная обличительная литература есть не столько лечение, сколько сама болезнь».

Меньшиков был убежден, что в подлинном искусстве объектом изображения должно быть достойное: «Только великие поэты у нас это понимали:

И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и омыт, —

писал Лермонтов. Об очищении — в огне поэзии — русской жизни думал Пушкин, когда собирался в своем романе рассказать про нравы старины, предания русского семейства, любви пленительные сны... Тот же инстинкт побудил Тургенева и Льва Толстого отойти — сколько было в их силах — от обличения и создать красивые, привлекательные картины. Такова должна быть литература, чтобы “поддержать и восстановить дух народный”». Мысль о том, что искусство и литература в состоянии повлиять на человека, на жизнь в лучшую сторону — одна из основополагающих в эстетике Меньшикова: «Как для ремесленника важен образец работы, план, чертеж, так для духа человеческого — живой образ, по которому он мог бы строить себя».

Духовное и культурное возрождение общества, по Меньшикову, невозможно вне нравственного начала, вне работы совести: «Мне кажется, руководящим принципом, этим Духом, носящимся над хаосом, служит нравственное начало новой жизни... Работа совести не должна останавливаться на разрушении зла; ее цель — созидание добра, осуществление нравственного идеала, иначе эта работа бесплодна. Для создания же добра необходимо брать только лучшее, только совершенное, что можно найти вокруг в неисчерпаемых материалах цивилизации, по примеру наших классиков, впитавших в себя только лучшее молоко своей матери России и только лучший воздух Запада».

Вновь и вновь повторяет Меньшиков мысль о том, что в основе любой деятельности должна лежать работа совести, т. е. «только совесть указывает лучшее и совершенное, наиболее жизнеспособное и счастливое». В статье «Работа совести» критик пишет о том, что в художнике такой величины, как Толстой, кроме величайшего художественного дара и замечательного ума, есть нечто еще более значительное — это совесть его: «Она вся в нем паразитична, трудно встретить писателя более правдивого и нелицемерного. Талант есть благородное отношение к вещам, отношение правдивое, т. е. совестливое».

Концепция «Работы совести» является доминирующей в эстетике Меньшикова, в его представлении о роли и значении культуры, искусства, литературы и науки. Для того чтобы произошло духовное и нравственное возрождение России, необходимо, чтобы в любом человеке при любой его деятельности (особенно в художнике) должна происходить работа совести. Необходимо «заставлять ежеминутно спрашивать своего тайного судью — совесть: что я делаю? хорошо ли это? — закон этот обрек бы небытие целые области из числа благороднейших теперешних деятельностей — науки, искусства, литературы...».

Совесть как духовное понятие представляет собой соизмерительную силу, которая способна противостоять нрав-

ственному хаосу и энтропии. Именно ею должны руководствоваться в жизни обыкновенный человек и всякий настоящий художник: «...Мы не только обязаны, но и можем устроить свою жизнь согласно с совестью, хотя бы вся масса человечества мчалась к пропасти — каждый в состоянии остановить себя. Себя остановить — вот высшая и притом возможная задача человека, единственно вполне возможная».

С позиции «работы совести» подходит Меньшиков к рассмотрению гоголевского «Ревизора» в статье «Национальная комедия», статье по-своему уникальной и необычной по форме. В ней великий классик обращается к своим потомкам из «царства теней». В качестве эпиграфа к статье Меньшиков взял слова *Гоголя*: «“Ревизор” сыгран, и у меня на душе смутно, так странно. Я ожидал, я знал наперед, как пойдет дело, и при всем том чувство грустное и досадное облекло меня. Мое же сознание мне показалось противно, дико, и как будто не мое...»

Меньшикову в своей статье удалось передать все «страхи и ужасы» великого писателя, весь трагизм его жизненной творческой судьбы. По мнению критика, Гоголь относился к своему писательскому поприщу как к служению, а «устройство» окружающего мира он начинает с себя, с «самоустройства», к самому себе прилагает этический принцип «работы совести». Никакие трудности жизни, в которой «все неверно и непрочно», ни равнодушные, ни хула современников не смогли помешать Гоголю исполнить то, к чему он был призван: «Дело в том, что остались ли мы сами верны прекрасному до конца дней наших, умели ли возлюбить его так, чтобы не смутиться ничем, вокруг нас происходящим и чтобы петь ему беззастенно песнь и в ту минуту, когда б валился мир и все земное разрушалось».

Эти гоголевские слова оказались чрезвычайно близки Меньшикову, который устами Гоголя напоминает читателю о его «горьком» смехе, с помощью которого автор «Ревизора» надеялся исправить нравы и уничтожить пороки: «Плохие критики, лишенные религии и философии, писали и пишут, будто смех исправляет нравы. Какая это плачевная ошибка! Смех в действительности скорее примиряет с дурным, чем вооружен против него».

Комедия «Ревизор» интересует Меньшикова с позиции восприятия ее читателями. И он приходит к выводу, что комедию воспринимают как фарс. Устами Гоголя Меньшиков оспаривает признание «Ревизора» как национальной комедии: «По простодушию своему образованное русское общество не замечает, до чего оскорбительна эта комедия, если сколько-нибудь обобщить ее на Россию». Критик считает, что писатель должен изображать в своих произведениях только достойное, что «на долгие десятилетия станет русской гордостью», а все негативное, дурное «составляет извращение ума и чувства».

Продолжая свои раздумья о русской литературе и культуре, Меньшиков утверждает, что каждый народ нуждается в «своих священных письменах». Вся отечественная словесность свидетельствует о попытке создания «великой книги»: «Еще до христианства и до самой письменности слагались сказания, былины, легенды, религиозные и философские учения. По “Книге Голубиной”, по развалинам богатырского эпоса, по “Слову о полку Игореве” вы чувствуете, что русский народ нуждался в великой книге, которая выразила бы в себе величие его духа».

Меньшиков убежден, что «поэтический гений может явиться лишь на высоте героического, мирового подъема нации. Только на такой высоте всякое племя может ска-

зять человечеству нечто значительное и вечное». Высоко оценивая дарование Гоголя и считая его великим выразителем национального духа, Меньшиков тем не менее приходит к выводу, что «Ревизор» не может быть национальной комедией. «“Ревизор” — великое обличение небольшого зла». Порок не может служить примером для окружающих. Необходимо не «собирать в кучу» все дурное, чтобы осмеять, а «собрать в кучу все хорошее в русской жизни, чтобы умилить читателя, растрогать, благородно взволновать и заставить полюбить невидимый дух племени с его показанными воочию могуществом и красотой».

В сущности, Гоголь в статье Меньшикова выражает те же самые мысли, которые были изложены им в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Но статья не теряет от этого своего значения и своей актуальности, ибо автор ее сумел раскрыть всю глубину и весь трагизм творческой судьбы Гоголя не только как гениального художника, но религиозного мыслителя, пророка православной культуры.

Концепция «работы совести» тесно связана у Меньшикова с представлением о русском праведничестве. «Поддержать и восстановить дух народный, — писал критик, — могут только истинные святые, благочестие которых познается не по словам, а по делам их». Таких святых праведников Меньшиков находил в произведениях Лескова, герои которого обладают подлинным человеколюбием, они творят добро бескорыстно, ради самого добра, их жизнь, в конечном итоге, вполне соответствует самым высоким нравственным требованиям. Произведения *Лескова*, отмечает Меньшиков, «начинают с преобразования мельчайшей клеточки этого общества — самого человека».

Говоря о лесковских праведниках, наделенных чувством сострадания, Меньшиков отмечает, что Лесков, как Толстой и Достоевский, стремится пробуждать в людях чувства добрые: «В целом ряде народных рассказов Лесков дает картины жизни, проникнутой благочестием, стремлением к идеалу, образцы душевного героизма...» И думает Лесков не только о судьбе своих героев-праведников, но и о судьбе всего народа: «Он ведет художественную проповедь о добродетели, выдвигая множество милых, простых, задушевных типов, в которые он просто, кажется, влюблен».

«Лесков был одним из немногих, — замечает современный исследователь В. Ю. Троицкий, — кто нашел в себе мужество постоянно доказывать и множеством примеров убеждать, что русский народ талантлив и самобытен, и воссоздавал в своем творчестве замечательные черты национального характера из самых “низов человеческого общества”».

По мнению Меньшикова, Лесков, наряду с Толстым и Достоевским, начинает «создавать нравственное общество, начиная с себя, с личного усовершенствования и облагораживания, и продолжая таким же облагораживанием ближних». «Усовершенствуйте людей, — призывает критик, — развеите их сознание, возмутите их спящую совесть, зажгите сердце состраданием и любовью, сделайте людей несклонными ко злу — и зло рухнет, в каких бы сложных и отдаленных формах оно не осуществлялось — в общественных, экономических, государственных».

Одним из первых Меньшиков заговорил о национальной самобытности лесковских праведников, творящих добро ради самого добра, чуждых корысти и фальши. «Но если бы смотрели шире и при этом были честнее в своем размышлении о России, воссозданной в произведениях Лескова, — пишет Троицкий, — то нам нетрудно было бы признать, что душевное обаяние подавляющего большин-

ства характеров Лескова в том, что они крепко связаны с православным мироощущением, которое было тогда одновременно по преимуществу русским. История свидетельствует, что русский народ не только принял Православие, но именно через него обрел и утвердил свое национальное самосознание. Не усвоив этой простой истины, невозможно верно понять ни героев Лескова, ни особенностей их самозабвенной любви к людям и России, ни пафос его творчества». Да и сам Лесков был сродни своим праведникам, потому что главным свойством его собственной личности, по свидетельству его сына А. Н. Лескова, была неиссякаемая и неустанная потребность живого, действенно-доброхотства».

Одним из первых Меньшиков обратил внимание на духовно-религиозную направленность творчества Лескова, что ставит его в один ряд с Достоевским и Толстым: «Талант Лескова есть особый вид религиозного чувства, он есть откровение духа, в природе скрытого, его правды и красоты... Художник-мечтатель, страстно ищущий в природе и воображении идеального человека, жаждущий царства Божьей правды. Он всегда ищет и ждет, и это взволнованное ожидание заражает читателя и волнует его. Из чтения книг Лескова Вы выходите не развлеченным и рассеянным, как после большинства заурадных авторов: его книги в Вас внедряются и продолжают жить, продолжают тревожить и умилять, совершая в глубине совести вашей какую-то всегда нужную работу».

Рассматривая работу совести как действенную форму противостояния злу, Меньшиков выражает несогласие с толстовской теорией непротivления злу насилием. В статье «Большая воля», посвященной анализу чеховской повести «Палата № 6», Меньшиков подчеркивает, что она является опровержением принципа непротivленчества: «Доктор Андрей Ефимыч высказывается характерным языком толстовского учения, настаивает на “уразумении жизни” как высшей цели, ведущей к “истинному благу”, настаивает на подчинении обстоятельствам, как бы плохо они ни сложились, т. е. учат “не противиться”».

Такой взгляд на повесть *Чехова* был небезынтересным, особенно если учесть, что статья «Большая воля» была написана в 1892. До Меньшикова никто не предлагал подобной трактовки «Палаты № 6». Раскрывая свою мысль о несостоятельности толстовского учения о непротivлении злу насилием, критик отмечает: «Чехов как бы продельывает ученый опыт: заставляет идею непротivления воплотиться в человека современной культуры, от природы мягкого и умного, заведующего судьбою целого кружка людей. Он показывает, как отражается непротivление на самом человеке и его окружающих. Мы видим, что человек превращается в бессердечного паразита, из непротivника злу делается защитником зла».

Статья «Большая воля» — одна из самых интересных литературно-критических работ Меньшикова. Вся она проникнута искренней болью за Россию, за русского человека и надеждой на духовно-нравственное обновление отечества. «О, если бы совесть русского человека пробудилась! Если бы он, спящий с открытыми глазами, увидел все нравственное безобразия своей жизни, всю ложь и грязь, скопившуюся веками!» — такими словами завершает свою статью критик.

Соч.: Критические очерки. Т. 1—2. СПб., 1899—1902; Письма к ближним. СПб., 1902; Из писем к ближним. М., 1991; Письма к русской нации. М., 1999.

Ю. Сохряков

МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич (2[14].08.1865—7.12.1941), исторический романист, поэт, драматург, переводчик, критик. Родился в С.-Петербурге. Воспитывался в 3-й классической гимназии. Примерно в 13 лет, подражая «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина, сочинил первое стихотворение. Тогда же написал и первую критическую статью — классное сочинение «Слово о полку Игореве». Первые стихи напечатал в 15 лет в сборнике «Отклик» (1881) и в «Живописном обозрении».

В первом еще подражательном сборнике «Стихотворения». 1883—1887» (1888) Мережковский стоит «на распутье» в мучительных размышлениях над проблемой существования Бога, личного бессмертия, добра и зла, своего общественного призвания. Вторая книжка стихов Мережковского — «Символы (Песни и поэмы)» (1892), по оценке В. Я. Брюсова, «замечательна разносторонностью своих тем. Пушкин и античная трагедия, Эдгар По и Бодлер, древний Рим и Франциск Ассизский. <...> То был первый дар Мережковского на алтарь <...> “вселенской культуры”».

1889—91 оказались поворотными в жизни писателя. «Смерть матери, болезнь жены и некоторые другие тяжелые обстоятельства... — писал Мережковский, — были причиной того религиозного переворота, который я пережил». Детская вера в религиозный смысл жизни, пройдя искус отрицания и сомнения, через университетское увлечение разнообразными позитивистскими концепциями стала вновь возвращаться к нему в виде мучительных опытов внутреннего познания. Познать Бога во многом значило для него уже не постигнуть его рассудком, а почувствовать сердцем и полюбить все сотворенное им даже во зле и грехе.

Третий сборник стихов Мережковского «Новые стихотворения» (1896) был проникнут ожиданием «нового порока», «дерзновением» («Дети ночи»), стремлением полюбить жизнь в больших и малых проявлениях («Пчелы»), полюбить жизнь как «вечную игру» («То, чем я был»), измеряя ее «новой, бесцельной красотой» («Голубое небо»). «Способен ли человеческий дух, — спрашивает себя поэт, — на новый и, может быть, на самый великий из подвигов, способен ли он превратить этот беспредельный ужас перед смертью в беспредельную любовь к Богу». Именно поэтому его интересуют такие титаны дерзновения духа, как Леонардо да Винчи, Микеланджело, Иов. В четвертом поэтическом сборнике Мережковского «Собрание стихов. 1883—1903» (1904) новых стихотворений оказалось немного («Трубный глас», «Детское сердце», «Молитва о крыльях» и др.). Если в третьем сборнике только теоретическую декларировалось желание влюбиться в «демоническую» антиномичность бытия, то здесь мы видим попытку пристального взглядывания через собственный жизненный опыт в образцы этой таинственной двойственности («Двойная бездна»). В сборнике прослеживается и поворот к соборному христианству («О, если бы душа полна была любовью», «Трубный глас» и др.). Последний сборник «Собрание стихов. 1883—1910» (1910) был повторением

сборника предыдущего, за исключением поэмы «Старинные октавы».

Широкую не только российскую, но и европейскую известность оригинально мыслящего художника Мережковский приобрел после публикации в «Северном вестнике» первого романа «Отверженный» (1895; впоследствии «Смерть богов. Юлиан Отступник»). Роман о последнем драматическом периоде раннего христианства в лице трагической фигуры имп. Юлиана явился первой частью трилогии «Христос и Антихрист» (1895—1905). Продолжение трилогии — романы «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1902) и «Антихрист. Петр и Алексей» (1904—05). Вслед за первой трилогией он пишет трилогию «Царство зверя» — уже на материале исключительно русской истории. В нее вошли драма «Павел I» (1908), а также романы «Александр I» (1911—12) и «14 декабря» (1918; первоначально «Николай I и Декабристы»).

В 1900—05 начинается история «главного» дела Мережковского: происходит формирование неохристианской концепции, создается знаменитое религиозное «требование» (Мережковский, его жена З. Гунтуц, Д. В. Философов), задается программа последующей религиозно-общественной деятельности. Исследование «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия» (1900—02), написанное между вторым и третьим романом трилогии «Христос и Антихрист», явственно отразило вышеупомянутый поворот в религиозных исканиях Мережковского — попытку преодоления демонического дуализма Земли и Неба на путях по-новому понятого учения Христа о «равносвятости» духа и плоти, о том, что и сам дух не бесплотная святость, а «Святая Плоть». Вообще конец века для Мережковского, как, впрочем, и для мн. др. символистов, является концом всемирной истории и началом нового апокалипсического, «сверхисторического пути», т. е. религии. Идея создания новой церкви, «нового религиозного сознания» Мережковских во многом вытекала из параллельно ими разрабатываемой метафизики — концепции Любви и Свободы как пути развития исторического христианства от язычества (царства Отца), через «бесплотную святость» одностороннего аскетизма (царство Сына) к единству «Святого Духа и Святой Плоти», к «Церкви Третьего Завета» как царству Святого Духа, «Богочеловека в Богочеловечестве». Постоянный поиск идеальной любви, соединяющей в себе духовное и физическое начало в процессе возрождения божественного, бессмертного плана человеческой личности, является главной особенностью религиозной метафизики Мережковских. Низшие формы человеческой любви через «влюбленность», по их убеждению, должны преобразиться в формы возвышенные, существенно отличаясь от похоти и просто любви.

Несмотря на огромный объем написанного, более 60 томов сочинений, наиболее ценную часть творческого наследия Мережковского представляют не романские трилогии, принесшие ему европейскую и мировую известность, не поэзия и драматургия, а литературно-психологические и религиозно-философские исследования. Уже в ранних своих статьях он пишет о Лонге, Флобере, Руссо, Сервантесе, Кальдероне, Монтене, Марке Аврелии, Ибсене, Гончарове, Майкове, Пушкине и т. д. Многие из этих работ вошли в сборник «Вечные спутники» (1897). Позднее появляются знаменитые исследования «Толстой и Достоевский», «Судьба Гоголя» (1903), «Гоголь и черт» (1906), такие сборники литературно-философских статей, как «Грядущий Хам» (1906), «Не мир, но меч», «В тихом омуте» (оба — 1908), «Больная Россия» (1910), «Было и будет» (1915), «Зачем воскрес» (1916), «Невоенный днев-

ник» (1917). Им пишутся большие статьи о *Достоевском* — «Пророк русской революции» (1906), *Серафиме Саровском* — «Последний святой» (1907), *Лермонтове* — «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1909). В 1915 Мережковский издает брошюры «Завет Белинского» и «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев» (1915), в которых пересматривал традиционные представления о русских писателях.

Октябрь 1917 Мережковский воспринял как приход царства антихриста, и 24 дек. 1919 вместе с женой покидает Петербург и Россию. Менее года они пребывают в Варшаве, а затем, разочаровавшись в Пилсудском и Б. Савинкове, навсегда переезжают в Париж. В Париже Мережковские организуют литературно-философское общество «Зеленая Лампа» (1927—39), сыгравшее заметную роль в интеллектуальной жизни первой волны эмиграции. На собрания «Лампы» приглашались по списку. Там часто бывали *И. Бунин*, *Б. Зайцев*, *Г. Федотов*, *Л. Шестов*, *Г. Адамович*, *В. Ходасевич*, *А. Ремизов*, *Н. Бердяев* и мн. др. Интенсивность творчества Мережковского в эмиграции не только не уменьшается, но становится все более напряженной. Он публикует здесь свои последние исторические роман «Рождение богов. Тутанхамон на Крите» (1925), «Мессия» (1927). Вслед за этим Мережковский отказывается от жанра художественно-исторического романа и переходит к своеобразным философско-религиозным и просветительско-историческим медитативным исследованиям, общей целью которых являлось обнаружение с самых древних времен проблесков и следов религии будущего, религии «Третьего завета». В этом ключе он создает монументальную всемирно-историческую трилогию «Тайна трех: Египет и Вавилон» (1925), «Тайна Запада. Атлантида—Европа» (1930) и огромный трактат «Иисус Неизвестный» (1932). Высоко оценивая третью часть трилогии, *Конст. Зайцев* писал: «Иисус Неизвестный волнует читающего, как волновал он писавшего <...>, читатель прочтет с увлечением своеобразнейшую книгу, написанную с некою иступленностью, острому — в центре которой величайшее Солнце мира».

В 1929 Мережковский издает философскую монографию «Наполеон», а в 1939 — исследование о Данте. Наполеон в концепции Мережковского — «человек из Атлантиды» и одновременно «апокалипсический Всадник», призванный известить мир о конце «Второго Завета». В последние годы жизни Мережковский приступает к составлению трех агнографических трилогий, по-новому интерпретированных «житий святых»: «Павел Августин» (1937), «Св. Франциск Ассизский» (1938), «Жанна д'Арк и Третье Царство Духа» (1938). Эти произведения опубликованы им под общим названием «Лица святых от Иисуса к нам». В предвоенные годы Мережковский совместно с Гиппиус работает над пьесой из русской истории «Дмитрий Самозванец». Воссоздать лик Серафима Саровского Мережковский уже не успел, он скоропостижно скончался 7 дек. 1941.

Религиозная метафизика Мережковского, какой бы фантастической она ни казалась сегодня, была органическим миром писателя. *Символизм*, не как способ изображения жизни и бытия, а как ведущий метод интерпретации человека, космоса и истории, был характернейшей чертой как Мережковского, так и мн. др. писателей-современников. Мережковского постоянно волновали вопросы онтологии бытия, двойственности и антиномичности, религиозной историософии и христианского символизма. Раскрытие по евангельским словам «Неведомого» христианского Бога являлось главным пафосом всей его жизни. Однако творче-

ство Мережковского, пронизанное идеей будущей вселенской религии, вольно или невольно включало в себя и «прелесть» сектантства, кружковщины, уклонение от исторической Церкви. С этим решительно не могли согласиться ни Бердяев, ни Карташев, ни Флоренский. Последний не принимал в Мережковских и попытку «насильно стяжать Духа Святого. В неприменном желании уточнить времена и сроки», из-за чего, по мнению философа, «они перестали видеть то, что есть у них перед глазами».

Соч.: Полн. собр. соч.: В 24 т. М., 1914; Полн. собр. соч.: В 17 т. СПб.; М., 1912—13; Собр. соч.: В 4 т. М., 1990; Собр. соч. Иисус Неизвестный. М., 1996; Павел I. Александр I. М., 1991; Наполеон. М., 1993; Жанна д'Арк. М., 1995; Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову // Русская литература. 1991. № 2; Письма Д. С. Мережковского к Л. Н. Вилькиной // Ежегодник Рук. отдела Пушкинского Дома, 1991. СПб., 1994; Записная книжка. 1891 // Пути и миражи русской культуры: Сб. Ин-та рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб., 1994.

В. Федоров

МЕРЖЕЕВСКИЙ Владимир Данилович (1897—1975), журналист и общественный деятель. После войны поселился в Сан-Паулу (Бразилия), где стал издавать православно-монархический журнал «Владимирский вестник». Мережковский сделал журнал центром притяжения патриотических сил, одним из главных центров русской монархической эмиграции. С Мережевским сотрудничали такие видные монархисты, как *А. А. Вонсяцкий*, *Н. Ф. Степанов*, *П. Н. Шабельский-Борк*, *Н. А. Степанов*, *Н. Д. Тальберг*, *гр. Ланской* и мн. др.

О. Платонов

МЕРЗЛЯКОВ Алексей Федорович (17[28].03.1778—26.07 [7.08].1830), поэт, переводчик, литературный критик. Родился в г. Далматово. Происходил из купеческой семьи. Окончил Пермское народное училище, Московскую университетскую гимназию и Московский университет. С 1804 по 1830 — профессор университета по кафедре русского красноречия и поэзии. Сближение с *А. И. Тургеневым*, *В. А. Жуковским*, *А. С. Кайсаровым*. *А. Ф. Воейковым* (1790-е) и участие в «Дружеском литературном обществе» (1801) повлияли на раннюю поэзию Мерзлякова, определив сочетание гражданственности с интересом к народной поэзии. «Ода на разрушение Вавилона» (1801, опубл. 1805) — этот зашифрованный отклик на убийство Павла I, гимн «Слава» (1799—1801), переводы из Тиртея (1805) оказали влияние на русскую поэтическую лирику 1810-х годов. В 1805—10 Мерзляков создает цикл «народных песен» («Среди долины ровные...», «Не липочка кудрявая...», «Чернобровый, черно-

глазый...» и др.). В. Г. Белинский писал, что Мерзляков «...перенес в свои русские песни русскую грусть-тоску, русское гореванье, от которого щемит сердце и захватывает дух». Для Мерзлякова этих лет характерны увлечение произведениями Ф. Шиллера, осуждение крепостного права. Поиски народности приводят Мерзлякова, подобно *Н. И. Гнедичу*, к отрицательной оценке дворянского искусства и к стремлению создать поэзию в формах античного стиха. Мерзляков переводил греческих и римских поэтов.

Выдающийся критик, теоретик литературы, педагог, Мерзляков скептически относился к авторитетам русского классицизма XVIII в., но, требуя от поэзии гражданственности и героизма, осуждал романтизм Жуковского (это привело к разрыву их дружеских связей). Позиция Мерзлякова была противоречива: в борьбе с классицизмом он опирался на авторитет Шиллера, романтически истолкованного Шекспира, но, полямируя с романтиками, восхвалял античность и древнерусскую литературу. Как критик и теоретик Мерзляков подготовил появление *Н. И. Надеждина*. Мерзляков был популярным лектором, воспитывавшим вкусы университетской молодежи. Среди его слушателей и учеников были *П. А. Вяземский*, *Ф. И. Тютчев*, *М. Ю. Лермонтов*.

«**МЕРИЛО ПРАВЕДНОЕ**», древнерусский юридический сборник 2-й пол. XIII в., сохранившийся в рукописях XIV—XVI вв. При его составлении были, возможно, использованы материалы древнерусского юридического сборника н. XII в. «Мерило праведное» представляет собой пособие для судей. Памятник состоит из двух частей: первая содержит слова и поучения, как переводные, так и оригинальные, о праведных и неправедных судах; вторая (т. н. сборник из 30 глав) — византийские и церковные светские законы, заимствованные из Кормчей русской редакции, а также древнейшие памятники славянского и русского права («Закон судный людем», «Русская Правда», «Правило законно о церковных людях»). Составление «Мерила праведного» связано с борьбой русских людей к. XIII в. за восстановление разрушенного татарами культурного наследия.

МЕТЛИНСКИЙ Амвросий Лукьянович (наст. имя; псевд. *Амвросий Могила*, *Земляк* и др.) (1814—29.07.1870), малороссийский поэт, ученый, издатель, фольклорист. Родился в с. Сары Тадяцкого у. на Полтавщине в семье мелкого помещика. Окончил Харьковский университет в 1835. С 1850 — доктор славяно-русской филологии. Читал лекции в Харьковском и Киевском университетах. Входил в кружок харьковских романтиков во главе с *И. И. Срезневским*. В 1839 издал сб. стихотворений «Думы и песни да еще кое-что» («Думки і пісні та ще дещо»). В своих стихотворно-романтических стихотворениях воспевал старину — атаманов, казачество. Написал несколько стихотворений на современные темы — о печальной судьбе сироты («Сиротинка»), о крестьянском труде («Добрый день»), а также интимно-лирические «Украинские ночи». Переводил произведения славянских (чешских, словацких, сербских, польских) и немецких поэтов. По духу своего творчества был близок русским поэтам — *В. А. Жуковскому*, *И. И. Козлову*. Метлинский — издатель и составитель альманаха «Южный русский сборник» (1884). В 1854 он издал в Киеве сб. «Народные южнорусские песни».

Соч.: Думки і пісні // Харьківська школа романтиків, т. 2. Харьков, 1930; Твори А. Метлинського та М. Костомарова. Львів, 1914.

В. Г.

МЕЩЕВСКИЙ Александр Иванович (ок. 1792 — ок. 1820), поэт, переводчик. Из дворян. Учился в Московском университетском благородном пансионе. Известен как последователь *В. А. Жуковского*.

Излюбленные жанры Мещевского — романс и баллада, встречаются также стихи «на случай». Свообразие Мещевского отмечено в единственном известном отзыве современника — П. М. Головина, в 1819 писавшего *П. И. Шаликову* о Мещевском: «Ума, силы, таланта много, вкусу меньше, рас-судка также; чувство глубокое, но не изящное, ...он не изящен в своей поэзии: важный недостаток, особенно для поэзии легкой».

Мещевский явился своего рода двойником Жуковского, до-водившим до предела то, что у самого Жуковского было обо-гащено непоследовательностями и отступлениями (Мещев-ский — «выпрямленный Жуковский»). Однако незаурядность таланта спасала Мещевского от эпитонства. «Легко владея интонациями, введенными в поэзию Жуковским, он часто предпочитает стиль темный, синтаксис запутанный, возрож-дая поэтику “трудных” лириков XVIII в. и перекликаясь с архаистами из лагеря “Беседы”».

Мещевский стремился попробовать себя в «чем-нибудь большем» — переложил повесть Карамзина «Наталья, бояр-ская дочь» четырехстопным хореем (СПб., 1817) и повесть Жуковского «Марьяна роща» амфибрахией (СПб., 1818, обе подписаны криптонимом А. М.).

МЕЩЕРСКАЯ Софья Сергеевна (урожд. *Всеволожская*) (19[30].11.1775—4[16].10.1848), автор и переводчица религиозно-нравственных книг для народа. Из древнего дворянского рода.

После разорения Мещерских в Отечественную войну 1812, когда они, движимые патриотическим чувством, взяли на себя подряды по снабже-нию армии провиантом, Мещерская сама стала вести дела своего мужа. Занимается благотвори-тельностью, посещает тюрьмы, больницы, при-юты, где читает и разъяс-няет Библию. Составляет различные переложения библейских текстов: «К страждущим» (СПб., 1813; 4-е изд. — 1819), «Разговоры матери с детьми о духов-ных предметах» (СПб., 1819), «Три разговора

священника с прихожанами о истинном пути к спасению» (СПб., 1813; 2-е изд. — 1819), «Известия о распростра-нении христианства между языческими народами и магоме-танами во всех частях света» (СПб., 1817) и др., делает из-влечения из сочинений Тихона Задонского и митр. Ми-хаила (Десницкого).

При участии Мещерской было издано ок. 100 книг и брошюр (анонимно или с указанием авторства «некоторой благочестивой дамы»), общим тиражом более 400 тыс. экз. Издания Мещерской, пользовавшиеся спросом, продава-лись по низким ценам, бесплатно раздавались малоиму-щим и рассылались по епархиям.

МЕЩЕРСКИЙ Александр Васильевич, князь (14[26].04.1822—22.12.1900[4.01.1901]), мемуарист, стихотворец, общественный деятель. Из дворян Верейского у. Получил домашнее воспитание. В 1834 переехал в Москву. В 1838 поступил юнкером в уланский Оренбургский полк; с 1839 — корнет. О своей жизни до 1844 Мещерский подробно рассказал в книге «Из моей старины. Воспоминания» (М., 1901); воспоминания писались незадолго до смерти и остались незаконченными. Оуждая либеральные идеи 2-й пол. XIX в. и видя в современной молодежи «утилитаризм и мелочный расчет», Мещерский вспоминал о времени своей молодости — о дворянской среде, «не противоречащей началам религии и нравственности», о Николае I, «идеальном типе царя», о богомольном купечестве, о слугах «добрых и верных». Среди светских знакомых Мещерского были видные литературные и общественные деятели. В 1881 выпустил сборник «Стихотворения».

Мещерский Владимир Петрович, князь (11[23].01.1839—10[23].07.1914), писатель и публицист, общественный деятель. Родился в Петербурге в старинной аристократической семье. Отец служил в гвардии в чине подполковника, мать была дочерью *Н. М. Карамзина*. После получения прекрасного домашнего образования Мещерский поступил в привилегированное Училище Правоведения, которое окончил в 1857. Затем поступил на службу и 7 лет был полицейским стряпчим и судьей в Петербурге, затем еще 7 лет ездил по всей России, будучи чиновником по особым поручениям МВД. Чиновная карьера Мещерского закончилась увольнением его «за несогласные со взглядами министерства убеждения». После отставки до конца дней своих числился «по министерству народного просвещения» без места и должности, т. е. был фактически частным лицом. Впрочем, Мещерский не ушел в частную жизнь, и именно с этого времени началась его литературная и общественная деятельность. С юности он отличался литературными способностями. Начиная с 1860 он помещал в «Северной пчеле», а затем также в «Русском вестнике» свои произведения. Мещерский в молодости писал стихи (в 1863 вышла его поэма «Таврида»). Впрочем, в дальнейшем он писал лишь прозу, став одним из виднейших писателей в жанре романов о жизни «высшего света», широко популярных в свое время. Славу Мещерскому принесли романы «Женщины петербургского большого света» (1874), «Мужчины петербургского большого света» (1897), «Один из наших Бис-марков» (1874), «Лорд-апостол в Петербургском большом свете» (1876). Отдал Мещерский дань и жанру антиинигилистического романа, создав такие произведения, как «Тайны современного Петербурга» (1876—77), «Записки застрелившегося гимназиста» (1875). Помимо изящной словесности Мещерский с самого начала своей литературной судьбы чувствовал призвание к политической публицистике. В 1868—70 выходили его «Очерки нынешней общественной жизни в России», весьма ядовито оценивающие деятельность либеральных общественных сил. Призыв Мещерского «поставить точку» либеральным реформам 1860-х привел к тому, что противники прозвали его «князь Точка». Впрочем, Мещерский гордился всеми оскорбительными кличками, полученными от врагов. Еще в 1860-х он познакомился с наследником престола Александром Александровичем, будущим Александром III, который ухаживал за его сестрой. Обладавший даром рассказчика, дававший весьма меткие характеристики высшим чинам империи и при этом весьма критически оценивавший «эру либерализма» 1860-х (что было тогда немодным), Мещерский сумел стать доверенным советником наследника. С 1872 и вплоть до своей смерти, т. е. 42 года, Мещерский издавал еженедельный журнал-газету «Гражданин». Около года (1873—74) «Гражданин» редактировал *Ф. М. Достоевский*, но затем Мещерский взял редактирование в свои руки. Редакция «Гражданина» на Невском проспекте, д. 77, стала «мозговым центром» консерваторов, где вырабатывались программы и требования. Сам Мещерский на страницах своих изданий излагал и пропагандировал их. Помимо «Гражданина» он издавал также журналы «Добро» (1881), «Добряк» (1882), «Дружеские речи» (1903—14), газету «Русь» (1894—96). С осени 1884 начал издавать что-то вроде дневника в форме писем, содержащих изложение своих взглядов на происходящие события и предназначенных для одного читателя — Александра III. Близость Мещерского ко двору, его осведомленность о намерениях «верхов» способствовали превращению Мещерского во влиятельного политика, «делателя министров». Мещерский был в числе тех деятелей, которые проводили курс контрреформ 1880-х. Политические взгляды Мещерского представляли собой синтез славянофильства и охранительства. Он выступал с весьма решительными требованиями, фактически став одним из предшественников правого радикализма н. XX в., и не случайно А. И. Дубровин считал его своим предтечей. Мещерский требовал прекратить либеральное реформаторство, усилить роль дворянства в жизни страны. Дворянство, считал Мещерский, — «армия самодержавия». Коренной порок реформ 1860-х в том, что проводила их в своих интересах бюрократия. В результате дворянство отсосано в сторону, между царем и народом выросла стена в виде чиновничества. Мещерский советовал для усиления дворянства создать систему дешевого кредита для помещиков, для чего усилить значение и полномочия Дворянского банка, поднять роль Дворянских собраний всех уровней. Впрочем, Мещерский вовсе не был апологетом дворянства. В своих романах о «высшем свете» он весьма критически отзывался об умственных и моральных качествах аристократии. Вообще, когда Мещерский говорил о дворянстве, он говорил скорее о национальной элите любого сословного происхождения. Но зато защита положения дворянства, по мысли Мещерского, должна стать важнейшей задачей правительства. Он прекрасно понимал стоящие перед Россией проблемы и предлагал весьма здравые идеи по их решению. Он резко выступал против классических гимна-

шого света» (1897), «Один из наших Бис-марков» (1874), «Лорд-апостол в Петербургском большом свете» (1876). Отдал Мещерский дань и жанру антиинигилистического романа, создав такие произведения, как «Тайны современного Петербурга» (1876—77), «Записки застрелившегося гимназиста» (1875). Помимо изящной словесности Мещерский с самого начала своей литературной судьбы чувствовал призвание к политической публицистике. В 1868—70 выходили его «Очерки нынешней общественной жизни в России», весьма ядовито оценивающие деятельность либеральных общественных сил. Призыв Мещерского «поставить точку» либеральным реформам 1860-х привел к тому, что противники прозвали его «князь Точка». Впрочем, Мещерский гордился всеми оскорбительными кличками, полученными от врагов. Еще в 1860-х он познакомился с наследником престола Александром Александровичем, будущим Александром III, который ухаживал за его сестрой. Обладавший даром рассказчика, дававший весьма меткие характеристики высшим чинам империи и при этом весьма критически оценивавший «эру либерализма» 1860-х (что было тогда немодным), Мещерский сумел стать доверенным советником наследника. С 1872 и вплоть до своей смерти, т. е. 42 года, Мещерский издавал еженедельный журнал-газету «Гражданин». Около года (1873—74) «Гражданин» редактировал *Ф. М. Достоевский*, но затем Мещерский взял редактирование в свои руки. Редакция «Гражданина» на Невском проспекте, д. 77, стала «мозговым центром» консерваторов, где вырабатывались программы и требования. Сам Мещерский на страницах своих изданий излагал и пропагандировал их. Помимо «Гражданина» он издавал также журналы «Добро» (1881), «Добряк» (1882), «Дружеские речи» (1903—14), газету «Русь» (1894—96). С осени 1884 начал издавать что-то вроде дневника в форме писем, содержащих изложение своих взглядов на происходящие события и предназначенных для одного читателя — Александра III. Близость Мещерского ко двору, его осведомленность о намерениях «верхов» способствовали превращению Мещерского во влиятельного политика, «делателя министров». Мещерский был в числе тех деятелей, которые проводили курс контрреформ 1880-х. Политические взгляды Мещерского представляли собой синтез славянофильства и охранительства. Он выступал с весьма решительными требованиями, фактически став одним из предшественников правого радикализма н. XX в., и не случайно А. И. Дубровин считал его своим предтечей. Мещерский требовал прекратить либеральное реформаторство, усилить роль дворянства в жизни страны. Дворянство, считал Мещерский, — «армия самодержавия». Коренной порок реформ 1860-х в том, что проводила их в своих интересах бюрократия. В результате дворянство отсосано в сторону, между царем и народом выросла стена в виде чиновничества. Мещерский советовал для усиления дворянства создать систему дешевого кредита для помещиков, для чего усилить значение и полномочия Дворянского банка, поднять роль Дворянских собраний всех уровней. Впрочем, Мещерский вовсе не был апологетом дворянства. В своих романах о «высшем свете» он весьма критически отзывался об умственных и моральных качествах аристократии. Вообще, когда Мещерский говорил о дворянстве, он говорил скорее о национальной элите любого сословного происхождения. Но зато защита положения дворянства, по мысли Мещерского, должна стать важнейшей задачей правительства. Он прекрасно понимал стоящие перед Россией проблемы и предлагал весьма здравые идеи по их решению. Он резко выступал против классических гимна-

шого света» (1897), «Один из наших Бис-марков» (1874), «Лорд-апостол в Петербургском большом свете» (1876). Отдал Мещерский дань и жанру антиинигилистического романа, создав такие произведения, как «Тайны современного Петербурга» (1876—77), «Записки застрелившегося гимназиста» (1875). Помимо изящной словесности Мещерский с самого начала своей литературной судьбы чувствовал призвание к политической публицистике. В 1868—70 выходили его «Очерки нынешней общественной жизни в России», весьма ядовито оценивающие деятельность либеральных общественных сил. Призыв Мещерского «поставить точку» либеральным реформам 1860-х привел к тому, что противники прозвали его «князь Точка». Впрочем, Мещерский гордился всеми оскорбительными кличками, полученными от врагов. Еще в 1860-х он познакомился с наследником престола Александром Александровичем, будущим Александром III, который ухаживал за его сестрой. Обладавший даром рассказчика, дававший весьма меткие характеристики высшим чинам империи и при этом весьма критически оценивавший «эру либерализма» 1860-х (что было тогда немодным), Мещерский сумел стать доверенным советником наследника. С 1872 и вплоть до своей смерти, т. е. 42 года, Мещерский издавал еженедельный журнал-газету «Гражданин». Около года (1873—74) «Гражданин» редактировал *Ф. М. Достоевский*, но затем Мещерский взял редактирование в свои руки. Редакция «Гражданина» на Невском проспекте, д. 77, стала «мозговым центром» консерваторов, где вырабатывались программы и требования. Сам Мещерский на страницах своих изданий излагал и пропагандировал их. Помимо «Гражданина» он издавал также журналы «Добро» (1881), «Добряк» (1882), «Дружеские речи» (1903—14), газету «Русь» (1894—96). С осени 1884 начал издавать что-то вроде дневника в форме писем, содержащих изложение своих взглядов на происходящие события и предназначенных для одного читателя — Александра III. Близость Мещерского ко двору, его осведомленность о намерениях «верхов» способствовали превращению Мещерского во влиятельного политика, «делателя министров». Мещерский был в числе тех деятелей, которые проводили курс контрреформ 1880-х. Политические взгляды Мещерского представляли собой синтез славянофильства и охранительства. Он выступал с весьма решительными требованиями, фактически став одним из предшественников правого радикализма н. XX в., и не случайно А. И. Дубровин считал его своим предтечей. Мещерский требовал прекратить либеральное реформаторство, усилить роль дворянства в жизни страны. Дворянство, считал Мещерский, — «армия самодержавия». Коренной порок реформ 1860-х в том, что проводила их в своих интересах бюрократия. В результате дворянство отсосано в сторону, между царем и народом выросла стена в виде чиновничества. Мещерский советовал для усиления дворянства создать систему дешевого кредита для помещиков, для чего усилить значение и полномочия Дворянского банка, поднять роль Дворянских собраний всех уровней. Впрочем, Мещерский вовсе не был апологетом дворянства. В своих романах о «высшем свете» он весьма критически отзывался об умственных и моральных качествах аристократии. Вообще, когда Мещерский говорил о дворянстве, он говорил скорее о национальной элите любого сословного происхождения. Но зато защита положения дворянства, по мысли Мещерского, должна стать важнейшей задачей правительства. Он прекрасно понимал стоящие перед Россией проблемы и предлагал весьма здравые идеи по их решению. Он резко выступал против классических гимна-

зий, требуя расширения сети реальных училищ, создания системы профессионально-технического образования, призывал увеличить число военных училищ, готовивших кадры не только для массовой армии, но и для промышленного развития. Мещерский выступал за веротерпимость, против нелепой внешней политики, в частности, на дальневосточном направлении, мрачно предсказывая грядущую войну с Японией на радость Западу. Как политик и мыслитель Мещерский был одинок. Его не любил «высший свет» за нелюбимое, порой злое изображение в его романах. Язвительность и другие свойства характера нажили ему много врагов среди высшей бюрократии страны. Не прибавляли Мещерскому популярности и некоторые черты его натуры. Понятно, что для нигилистов и либералов Мещерский был смертельным врагом, и они сделали все, чтобы само имя кн. Мещерского осталось забытым. Похоронен Мещерский в Александро-Невской лавре в Петербурге.

Соч.: Речи консерватора. Вып. 1—2. СПб., 1876; Мои воспомина-ния. Ч. 1—4. СПб., 1897—1912.

С. Лебедев

МЕЩЕРСКИЙ Элим Петрович, князь (7[19].11.1808; по др. сведениям — 26.10[7.11].1808 — 2.11.1844), поэт, переводчик, публицист, дипломат. Родился в Петербурге. Сын обер-прокурора Св. Синода. Получил домашнее образование. С 1823 на дипломатической работе.

Литературная деятельность началась речью «О русской литературе» (1830) в обществе «Атенеум» в Марселе. Речь Мещерского «с успехом знакомит Европу с Россией» (*Погодин М.* Год в чужих краях. Ч. 3. М., 1844) и «завлекла французов пуститься за князем в эту неизведанную ими страну» (А. Б. Ашцукский). В дальнейшем, продолжая знакомить французскую публику с русской литературой, Мещерский опубликовал статьи «О русской сатире в различные эпохи развития русского общества», «Поэзия козаков» (1834).

В 1832 Мещерский получает отпуск для поездки в Россию и, пробыв в Петербурге 3 мес., уезжает в Париж (причислен к русскому посольству); еще раз в Петербурге — в 1836, посещал салоны В. Ф. Одоевского, Карамзиных, встречался с М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым, М. И. Глинкой, с которым познакомился в 1831 в Турине, и др. Однако дипломатическая карьера мало интересует Мещерского. Его предпочтения — литературного и культуртрегерского характера: дать французам верное представление о России, способствуя культурным связям между двумя странами. Мещерского назначают при посольстве специальным корреспондентом С. С. Уварова и первым русским культурным атташе в Париже.

В Париже он содействовал приобретению русским двором документов, связанных с историей масонства, в 1832—33 замыслил книгу «Raison du Christianisme» («Смысл христианства») — антологию трудов христианских философов и публицистов, которая могла бы стать, по его мысли, «грандиозной персонификацией» «Гения христианства» Ф. Р. Шатобрена. Свои взгляды Мещерский изложил в компилятивном трактате «О вере и науке» (имевшем точки соприкосновения со ст. И. В. Киреевского «О русской литературе»), утверждавшем идею нравственной силы русского народа, не испорченного рационализмом, способного стать центром научного и христианского возрождения в Европе. В мистическом интуитивизме Мещерский усматривал источник того истинного христианского знания, что может послужить объединению Востока и Запада, пришедшего, по Мещерскому, в духовный, религиозный и политический упадок.

Воззрения Мещерского на будущность нации тесно были связаны с мыслью о величии России, ее историческом мессианстве, а также с убеждением в том, что царствование Николая открыло «русскую эру» для Европы (знаменитая формула Уварова «самодержавие — Православие — народность» вполне отвечала его собственным устремлениям).

После смерти Мещерского вышла книга стихов «Черные розы» (1845, на фр. яз.). На фоне типично романтических текстов особое место заняло стихотворение «Машимεге» («Моя химера») — ода Святой Руси, продолжающая идеи его религиозной публицистики и ставшая своего рода духовным завещанием поэта.

МИКЛАШЕВИЧ Варвара Семеновна (урожд. Смагина) (1772—21.12.1846[2.01.1847]), писательница. Родилась в Пензе. Выступила в 1824 как переводчица. Основные произведения — роман «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия» (1828—36), печатавшийся отрывками в «Сыне Отечества» (1831). Отдельно издан лишь в 1864. Проникнутый протестом против крепостного права, роман полностью не был разрешен цензурой. Среди его героев современники узнавали А. С. Грибоедова, К. Ф. Рылеева, А. И. Одоевского, которых Миклашевич лично знала. Сохранился положительный отзыв А. С. Пушкина, читавшего роман в рукописи («Современник». 1836. № 3).

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ, былинный герой мифологического эпоса. В «Сборнике Кириши Данилова», по которому судили о русском эпосе вплоть до сер. XIX в., не было не только Святогора, но и др., не менее значительного былинного образа — Микуды Селяниновича. «Вместе с тем, — как отмечал Д. М. Балашов, — в широком общественном резонансе, который русский эпос приобрел на рубеже веков, образ Микуды Селяниновича получил популярность едва ли не большую, чем все прочие богатыри, не исключая и Илью Муромца. Достаточно вспомнить стихи Некрасова, картины и иллюстрации Врубеля, Билибина и мн. др., посвященные Микуде, а главное, те бесконечные уподобления и сравнения, которыми буквально полнится русская литература тех времен и в которых богатырь-пахарь ассоциируется впрямую с русским крестьянством».

Это «открытие» образа Микуды Селяниновича также принадлежит первооткрывателю «живого бытования» былин на Русском Севере П. Н. Рыбникову, записавшему в 1860 эту *былину* от выдающегося заонежского сказителя Т. Г. Рябинина. В 1871 нотную запись этой былины с голоса сказителя сделал М. П. Мусоргский.

Уже первые исследователи обратили внимание на острое социальное звучание этой былины, где образ крестьянина-пахаря явно противопоставлен образу феодала-князя. Хотя тогда же были высказаны и др. предположения, по которым в былине воссозданы образы не просто крестьянина и князя, а двух языческих богов: бога земледелия — Микуды и бога охоты — Вольги. Такова трактовка О. Миллера, видевшего в Микуде «покровителя земледелия на Руси». «Как в образе Вольги, — отмечал он, — замечаем мы черты, свойственные божеству — представителю, с одной стороны, звероловного, с другой — воинского быта, так в образе Микудушки скрывается божество, в котором от прежнего физического значения совершился соответствующий переход к нравственному значению божества, управляющего земледельческим бытом».

В. Калугин

МИКУЛИЧ, В. (псевд., наст. имя — **Лидия Ивановна Веселитская**) (5[17].03.1857—23.02.1936), писательница. Родилась в Егорьевске Рязанской губ., в дворянской семье. Училась на Высших педагогических курсах в Петербурге. Печататься начала в 1883. В 80-е печатала сказки и рассказы в журнале «Семейные вечера», «Семья и школа», «Детское чтение». В 90-е опубликовала беллетристические произведения: «Новенькая» (1892), «Зарницы» (1894), «Черемуха» (1898) из жизни привилегированных слоев общества. Успех имела трилогия Микулич «Мимочка-невеста» (1883), «Мимочка на водах» (1891), «Мимочка отравилась» (1893), в которой трактовались вопросы семьи и любви. Сборники рассказов «Пасха красная» (1914), «Дуся» (1915) содержали правдивые зарисовки жизни городских тружеников. Микулич написала воспоминания о *Ф. М. Достоевском* («Встреча со знаменитостью», 1903), *Л. Н. Толстом* («Тени прошлого», 1914), *В. М. Гаршине* (1915). Переводила сочинения В. Гюго, А. Доде, Ш. Нодье, Ф. Шиллера, А. Мицкевича.

Соч.: Мимочка. СПб., 1892; Зарницы. М., 1895; Рассказы. СПб., 1911; Встречи с писателями. Л., 1929; Из переписки // Звенья. 1939. Кн. 1.

МИЛЛЕР Всеволод Федорович (7[19].04.1848—5[18].11.1913), филолог, глава исторической школы, ориенталист. Академик (с 1911). Родился в Москве. Окончил Московский университет в 1870. Ученик *Ф. И. Буслаева*. Профессор Московского университета, директор Лазаревского института восточных языков. В 1884—97 — хранитель Дашковского этнографического музея. Разрабатывал вопросы народного творчества, древнерусской литературы, мифологии, сравнительного языкознания; в 70—80-е изучал этнографию, фольклор, язык и археологию осетин и древних иранских народностей Кавказа, результатом чего явился фундаментальный труд «Осетинские эпюды» (ч. 1—3, М., 1881—87).

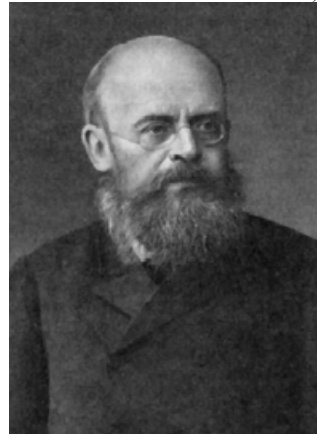

С 90-х главным предметом научных исследований Миллера становится история русского былинного эпоса. Следуя миграционной теории, Миллер раскрывал влияние на русский эпос иранских сказаний, предполагая проникновение их в Южную Русь через Кавказ и через половцев («Экскурсы в область русского народного эпоса», 1982). Затем он перешел к розыскам основ былин в конкретной исторической действительности, разработал методику приурочения эпических сюжетов к определенным событиям, а героев былин — к историческим деятелям. В этом направлении Миллером изучены почти все сюжеты русского эпоса и предпринята попытка обобщенного изложения его истории («Очерки русской народной словесности», т. 1—3, М., 1897—1924). Миллер имел многих последователей, продолживших его разыскания. Методология, методика и конкретные работы Миллера подверглись серьезной критике. Была отмечена произвольность сближения имен, географических названий, эпизодов в былинах и летописях, отмечалось игнорирование идейно-художест-

венного содержания эпоса. Отвергнуто было и положение Миллера о зарождении былинного эпоса в высших социальных кругах Древней Руси и о «порче» его сказителями-крестьянами. Однако вклад Миллера в изучение былин очень значителен. Он собрал большой фактический материал, поднял много важных вопросов. Значительна и его роль как организатора научных исследований, редактора журнала «Этнографическое обозрение» и др.

Соч.: Очерки арийской мифологии (Асвины — Диоскуры), М., 1876; Взгляд на «Слово о полку Игореве», М., 1877; Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея, вып. 1—4, М., 1887—95; Руководство к изучению санскрита. Грамматика, М., 1891; Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, М., 1894; Былины новой и недавней записи из разных местностей России, М., 1908; Исторические песни русского народа XVI—XVII вв., М., 1915.

МИЛЛЕР Орест Федорович (4[16].08.1833—1[13].06.1889), фольклорист, историк литературы. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Выступил в печати в 1852 как поэт. В 1858 защитил магистерскую диссертацию «О нравственной стихии в поэзии...», в которой сделал попытку обозрения мировой литературы с древнейших времен до У. Шекспира с точки зрения развития нравственных идей. С н. 60-х занимался фольклором. В его работе «Опыт исторического обозрения русской словесности» (1863) впервые вводится в курс литературы систематическое изучение народного творчества. Как фольклорист Миллер примыкал к мифологической школе, что в полной мере сказалось в докторской диссертации «Илья Муромец и богатырство киевское» (1869); в ней обнаружили славянофильские позиции Миллера, с которых он вел полемику с В. В. Стасовым. В 1874 Миллер составил на материале своих лекций обширный курс «Русская литература после Гоголя», в котором систематизировал материал о творчестве *А. Н. Островского*, *Ф. М. Достоевского*, *И. А. Гончарова* и др.

Соч.: Подвиг матери. СПб., 1855; Беседы о русской истории. Вып. 1. СПб., 1862; Славянство и Европа. СПб., 1877; Великорусские былины и малорусские думы. Киев, 1876; В память А. С. Грибоедова. СПб., 1879; История словесности. СПб., 1884; Памяти Гаршина. СПб., 1889; Внутренняя жизнь и ход развития И. С. Аксакова по его письмам. СПб., 1889.

МИЛЛЕР Федор Богданович (22.01[3.02].1818—20.01[1.02].1881), поэт, издатель-редактор. Отец В. Ф. Миллера. Родился в Москве.

В 1838—39 дебютировал в печати романом «Цыганка» (ч. 1—3, М.) — авантюрным повествованием о превратностях судьбы, испытаниях и торжестве добродетели. Среди сочинений Миллера — *романсы*, эпиграммы, басни, попытки стилизаций под *былины* («Поток-Богатырь и Девица-Лебедь», «Песня про Илью Волговича» — в сб. «Стихотворения», 1849) и разработки историко-литературных сюжетов (поэма «Судья Шемьяка», 1873). Как и в переводах, в оригинальном творчестве он тяготеет к классическому жанру, иногда с элементами

повествовательности: стихотворному аллегорическому рассказу («Дикий остров», 1847), антологической эпиграмме (цикл «Русские реки», 1845 — в сб. «Стихотворения», 1849). Значительно число стихов «на случай», а также «посвящений-посланий» известным писателям: на юбилей *А. С. Пушкина* и *А. С. Грибоедова*, *М. П. Погодину*, *А. Н. Островскому* и др. Известно стихотворение Миллера «Осип Иванович Комиссаров-Костромской» (1866), посвященное крестьянину, спасшему Александра II от выстрела нигилиста.

Миллер выступает с обличениями нигилистов, «коммунистической» морали радикалов-разночинцев (басня «Философия коммуниста»: «Так рады всегда делиться коммунисты; / Им нечего терять; у них карманы чисты» (1848)). Эпизодически Миллер выступал как детский поэт, сотрудничал в журнале у *Вл. Н. Майкова* «Подснежник» (1858): стихотворения «Хочешь ли счастьем земным в тишине наслаждаться?», «Ты приобрел сокровище земное», «Трубочист» отмечены доверительностью интонации, ненавязчивым дидактизмом. Всеобщую известность получило стихотворение «Раз-два-три-четыре-пять, / Вышел зайчик погулять» (из цикла «Подписи к картинкам. (Для детей первого возраста)», 1851).

С началом Крымской войны 1853—56 Миллер выступает с патриотическими и сатирическими стихами, направленными в т. ч. против французов и англичан: «Карлуша...», «Французам» (оба 1854 — см. в кн. Миллера «Стихотворения», т. 5, 1880), «Молитва русского», «Север, запад, юг» (в кн.: «С нами Бог! Вперед!.. Ура!..», М., 1854). В 60-х участвовал в работе Московского Славянского комитета, живо интересуясь «славянским вопросом», помешал стихотворения и переводы в многочисленных сборниках в поддержку славян, откликаясь на события в Боснии и Герцеговине, ход русско-турецкой войны 1877—78.

В 1859 Миллер основал литературно-юмористический журнал «Развлечение» — один из первых в России иллюстрированных еженедельников.

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4.

МИЛОНОВ Михаил Васильевич (5[16].03.1792—17[29].10.1821), поэт. Родился в с. Дубки Задонского у. Воронежской губ. в помещицкой семье, воспитывался в Благородном пансионе при Московском университете. По окончании университета в 1809 служил в различных правительственных учреждениях. В печати выступил в 1807 в журнале «Утренняя заря». Вскоре приобрел популярность, особенно после

Соч.: Соч. СПб., 1849; [Стихи] // Карамзин и поэты его времени, М.; Л., 1936; [Стихи] // Поэты-сатирики к. XVIII — н. XIX в. Л., 1959.

МИНЕИ ЧЕТЫ — см.: **ВЕЛИКИЕ МИНЕИ ЧЕТЫ**.

МИНЦЛОВ Сергей Рудольфович (1[13].01.1870—18.12.1933), писатель, библиограф. Родился в Рязани. Окончил Нижегородский археологический институт. Много путешествовал по России. Выступил в печати в 1888. С 1916 жил за границей.

Минцлову принадлежат исторические романы о русском, литовском и западноевропейском средневековье: «В грозу» (1902), «Под шум дубов» (1919), «Приключения студентов» (1928), «Орлиный взлет» (1931) и др.; книги о Сибири и Д. Востоке: «Огненный путь» (1905), «Секретное поручение» (1915), несколько томов воспоминаний и дневников: «Дебри жизни» (1915), «В таможенном мире» (1917), «Далекие дни» (1918) и др., несколько романов из усадьбного быта. Сохраняют свое значение библиографические работы Минцлова: «Редчайшие книги, напечатанные в России на русском языке» (1904), «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России» (Вып. 1—5. 1911—12), «Книгохранилище Сергея Рудольфовича Минцлова» (1913) и др.

Соч.: Собр. соч. Т. 1. СПб., 1919; Исторические драмы. Трапезунд, 1917; Рассказы. Трапезунд, 1917; Петербург в 1903—1910 гг. Рига, 1931.

«МИРНЫЙ ТРУД», научно-литературный и общественный журнал патриотического направления, издававшийся в Харькове проф. *А. С. Вязигиным*.

Первый номер вышел в февр. 1902. Он открывался программной вступительной статьей редактора-издателя *А. С. Вязигина*, которая представляла собой своего рода манифест русского национализма. В полном соответствии с учением классиков славянофильства автор писал: «Вне народности нет мышления, нет познания, нет творчества. Стало быть, и каждый русский не может отрешиться от своей национальности, ибо еще ребенком, с первым своим лепетом, начал проникаться ею, постепенно все теснее и неразрывнее сливаясь всем существом с родной стихией». Причем, как и у *славянофилов*, это был манифест умеренного национализма, ибо Вязигин специально оговаривался: «Нам нельзя поворачиваться спиной и к Западу, стране святых чудес, по выражению родоначальника нашего славянофильства *А. С. Хомякова*». Редактор призывал читателя не предаваться унынию и пессимизму, стеная по поводу утраты русским народом самобытности: «Наш великий народ не утратит своего облика и своей духовной самобытности, пока на земле будет звучать живая русская речь». В статье давалось объяснение и названию журнала. Редактор писал: «Не пустые и звонкие слова, не боевые кличи и громкие речи, способные сладким дурманом опьянить юные головы, нужны нашей дорогой, терзаемой столькими общественными недугами, родине... Наше отечество прежде всего нуждается в скромных тружениках, делающих свое «маленькое дело» ради подъема общего культурного уровня, являющегося следствием настойчивой работы каждого из нас над самим собою, а не туманных стремлений к насильственным и коренным переворотам,

заранее осужденным историей на полную неудачу: единственной жидущей силой, выдержавшей вековые испытания, был и остается мирный труд». В течение первого года вышло 5 выпусков журнала. Подводя итог первого года издания, в 5-м номере А. С. Вязигин отмечал, что журнал достиг своей цели, сплотив разрозненных доселе национально мыслящих представителей русского образованного слоя в Харькове. Свидетельством успеха, по мысли редактора, является, прежде всего, поход против нового журнала представителей либерального лагеря. Однако редактор был чужд победных реляций и откровенно говорил об ошибках. Во-первых, изначально ошибочно были ограничены только научно-литературными проблемами рамки журнала, что не позволяло высказываться по актуальным общественным вопросам. В результате журнал не мог иметь того звучания, какое нужно. Во-вторых, нужно было внести коррективы в периодичность издания. Чтобы быть эффективным органом печати, журнал должен быть ежемесячным. В связи с этими соображениями редактор-издатель объявлял, что для решения этих вопросов он берет паузу и приостанавливает выпуск журнала, но с 1 янв. 1904 журнал станет выходить в обновленной форме с постоянным штатом сотрудников. Действительно в 1904 и 1905 «Мирный труд» выходил 10 раз в год, а с 1906 и до к. 1914, когда издание было прекращено, выходил стабильно 12 раз в год, даже в то время, когда редактор-издатель А. С. Вязигин был депутатом Государственной думы III созыва.

Издателю удалось привлечь к сотрудничеству многих видных правых публицистов и ученых, причем не только из Харькова. О русских древностях писал акад. А. И. Соболевский, барон М. Ф. Таубе публиковал свои философские трактаты, проф. В. Ф. Залесский помещал антиеврейские сочинения, депутат Государственной думы Г. Г. Замысловский писал о ритуальных убийствах, др. депутат Г. А. Щечков регулярно высказывался по правовым вопросам в контексте русской самобытности, А. П. Липранди исследовал национальные и окраинные проблемы. В журнале также сотрудничали Н. И. Черняев, И. И. Балаклеев, Н. Н. Родзевич, проф. Ф. С. Хлеборад, М. М. Бородкин, проф. Я. А. Денисов и др. известные люди. Большой резонанс имела публикация в 1913 «Заметок по поводу убийства Андриуши Ющинского», которые перепечатавали многие издания. На протяжении нескольких лет проф. А. С. Вязигину удавалось поддерживать интерес читателей к своему журналу. Однако в № 11 за 1914 было опубликовано объявление: «Редакция журнала “Мирный труд” доводит до сведения своих постоянных подписчиков, что по болезни редактора подписка на 1915 год открыта не будет». Такое объявление стало, видимо, полной неожиданностью для многих читателей, потому что в следующем, последнем номере журнала появилась более пространное объявление: «Редакция “Мирного труда” считает своим священным долгом принести сердечную благодарность всем своим сотрудникам и подписчикам, громадное большинство которых возобновило подписку и на 1915 год, даже после объявления о приостановлении издания. Из разных углов России редакцией получены многочисленные письма, выражающие твердую уверенность, что здоровье редактора вскоре восстановится и он снова сможет продолжать служение родине содействием духовному объединению русских людей, верных заветам нашего славного прошлого и желающих самобытного развития России в будущем». Однако более журнал возобновлен не был.

А. Степанов

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, интерес к русской литературе во всем мире предопределен всем ходом духовного и эстетического развития русской цивилизации, основанной на ценностях Святой Руси.

Главным фактором, определившим особенно высокий уровень духовности русской литературы по сравнению с литературой др. народов, было Православие.

Расцвет русской классики XIX в. многие зарубежные исследователи называют «золотым веком», своеобразным Ренессансом, последним и «самым великим из всех даже по сравнению с итальянским, немецким и французским Ренессансом» (Дж. Маккэйл). Др. английский критик М. Марри также замечал: «Могучее вдохновение, которое так странно и величественно исходило от старых поэтов английского Возрождения, вновь возникает в современных русских романах».

В настоящее время факт универсального значения русской литературы не только общепризнан, но является объектом пристального изучения как отечественных, так и зарубежных исследователей. И многие критики в самых различных странах, анализируя те или иные явления современной литературной действительности, неизменно обращаются к произведениям русской классики как к недостижимым эталонам в художественной сфере.

В Европе уже в 70-е XIX в. обратили внимание на своеобразие и глубину русской литературы, отразившей духовный и нравственный опыт своего народа и поднявшей искусство романа, новеллы, драмы на новую высоту. «Русский роман очаровывает дыханием жизни, искренностью и состраданием, — утверждал видный французский литературовед прошлого века Э. М. де Вогюэ. — Молодежь находит в нем интеллектуальную пищу, которой она страстно жаждет и которую ей не может предложить наша изысканная литература. Я убежден, что влияние великих русских писателей будет благотворным для нашего истощенного искусства».

Слова французского критика оказались пророческими, и нынче стала уже общим местом мысль о том, что русский реализм оказал значительное воздействие на современную западную литературу. «Было бы абсурдным отрицать, — утверждает американский критик Д. Дэви в предисловии к книге «Русская литература и современный английский роман», — что русские романисты оказали могучее воздействие на действительно серьезных английских и американских прозаиков. По многим причинам воздействие это никогда не было формальным. Подлинный способ анализа истории русского романа в английских переводах и истории того, как в англосаксонском мире реагировали на русский роман, — это исследование ответа на вызов, брошенный англо-американской культуре русским романом».

В чем же заключался вызов? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что в последние десятилетия XIX в. характерной особенностью духовной жизни Запада был расцвет эстетских и позитивистских тенденций, проявляющихся не только в литературе, но и в др. сферах искусства. В этой атмосфере обращение к русской классике не было лишь данью эстетической «экзотике».

Вспыхнувший в последние десятилетия XIX в. интерес к русской литературе знаменовал собой начало всеобщего увлечения русским искусством — балетом, музыкой, живописью. Это увлечение происходило в таких интенсивных формах, что западные исследователи заговорили о «русской моде», «русской лихорадке» и пр. Возникновение «русской моды», по словам английского критика Г. Фелпса, относится к 1912, когда К. Гарнетт опубликовала свой перевод «Братьев Кара-

мазовых»: «Принято считать, что эта дата означает подлинное начало русского романа в Англии».

Др. английский литературовед Ф. Хеммингс не без юмора замечал, что настоящее «вторжение» русских во Францию «произошло не в 1814, а 70 лет спустя». Это «вторжение», по словам критика, было «бескровным и осуществлялось посредством печатных страниц, которые восстанавливали определенные эстетические идеалы, увядшие в изгнании и которые установили на короткое время компромиссный мир в бурлящем водовороте литературной жизни».

Говоря о роли русской классики в развитии реализма в литературе США, французский исследователь Р. Мишо подчеркивал, что современный роман в США не мог стать тем, что он есть, без *Достоевского*, *Толстого* и *Чехова*. О пристальном внимании к творчеству *Пушкина*, *Толстого*, *Достоевского* и Маяковского, *Есенина*, *Булгакова* писал и американский критик И. Уайл: «Ни одна другая страна не располагает литературой, которая бы пользовалась среди американских интеллектуалов более высокой репутацией, чем русская и советская литература».

Трудно найти в XX в. крупного художника, который бы не отдал дань почтения и признательности русской классике. «Я не знаю ни слова по-русски, и немецкие переводы, в которых я в молодости читал великих русских авторов XIX в., были очень слабы, — признавался Т. Манн. — Однако это чтение я должен причислить к самым большим событиям в моем образовании». Среди всей современной иностранной литературы нет такой, которая оказала бы на японских писателей и читательские слои больше влияния, чем русская, говорил др. классик XX в., Акутагава Рюноске, считавший толстовских Наташу и Соню своими сестрами. «Даже молодежь, не знакомая с японской классикой, знает произведения Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова. Из одного этого ясно, насколько нам, японцам, близка Россия». Др. видный японский писатель, Кэндзабуро Оэ, вспоминал: «Если говорить о моем писательском пути, то можно сказать, что я учился методу отображения жизни, проникновению во внутренний мир человека у Толстого и Достоевского. “Братьев Карамазовых” я читал двенадцать раз, примерно столько же “Войну и мир”, неоднократно перечитывал “Анну Каренину”».

Известный чилийский поэт Пабло Неруда с русской классикой познакомился благодаря своей духовной и литературной наставнице поэтессе Г. Мистраль. Позже вспоминая об этом, он писал: «Я бывал у нее очень редко. Но каждый раз уходил с несколькими подаренными книгами. Это всегда были русские романы, которые она считала самым выдающимся явлением в мировой литературе. Могу сказать, что Габриэла открыла для меня серьезный и страшный мир, показанный русскими писателями, и что Толстой, Достоевский, Чехов стали моим самым большим призраком. Я сейчас не расстаюсь с ними».

Знакомство с творчеством Пушкина, Толстого, Достоевского, *Гоголя*, Чехова, *Леонова*, *Тургенева*, признается современным итальянский романист Л. Малерба, непременный этап «в развитии каждого культурного человека на Западе. Некоторые, такие, как “Записки из подполья” Достоевского, сыграли определенную роль в становлении современной прозы, в разрыве с удобными психологическими условностями, основы которых были заложены романом XIX в. Вся западная культура в долгу перед вашей страной».

Таких высказываний можно привести бесчисленное количество. Важно при этом, что воздействие, оказываемое

на самых различных писателей русской литературой, — это сложный творческий процесс, не сводимый к механическому, одностороннему влиянию, ибо любое литературное взаимодействие есть диалектически взаимосвязанный процесс, обусловленный внутренними эстетическими потребностями, а также индивидуальными склонностями того или иного художника.

В свое время Достоевский на вопрос «Кого вы ставите выше — Бальзака или себя?» ответил: «Каждый из нас дорог только в той мере, в какой он принес в литературу что-нибудь свое, что-нибудь оригинальное». В этих словах затронута суть творческих взаимоотношений, на основе которых складывается литературный процесс. Каждая из национальных литератур вносит в этот процесс то, что отсутствует в др. литературах мира или имеется там в недостаточно развитом виде.

Размышляя над процессом литературных взаимосвязей, Л. Толстой в свое время заметил: «Думаю, что каждый народ употребляет различные приемы для выражения в искусстве общего идеала и что благодаря этому мы испытываем особое наслаждение, вновь находя наш идеал выраженным новым неожиданным образом. Французское искусство произвело на меня в свое время это самое впечатление открытия, когда я впервые прочел Альфреда да Виньи, Стендаля, Виктора Гюго и особенно Руссо».

В сущности, здесь Толстой вплотную подошел к вопросу о соотношении национального и общечеловеческого в искусстве — вопросу, который в настоящее время приобрел особую актуальность в связи с возрастанием социальных, политических, экономических и культурных контактов между нациями и народами. Национально-специфическое, самобытное, являясь формой выражения общечеловеческого, способствует всестороннему развитию и обогащению нации, духовному расцвету человечества. Полноценное развитие нации невозможно вне взаимного сотрудничества и уважения духовных и культурных ценностей, созданных др. народами. «Нет, когда человечество и будет жить полной жизнью, — утверждал Ф. М. Достоевский, — когда всякий народ разовьется на своих началах и принесет от себя в общую сумму жизни какую-нибудь особенно развитую сторону... Ведь тогда только и можем мы хлопотать об общечеловеческом, когда разовьем в себе национальное».

Важно и другое. Восприятие и усвоение творческого наследия русских классиков за рубежом происходит сложными, нередко парадоксальными путями. По словам английского критика Г. Фелпса, одной из причин непонимания и непопулярности Достоевского в европейских странах XIX в. была негативная оценка русского писателя, данная Э. М. де Вогюэ. Романический метод Достоевского, по словам критика, был «решительно неприемлем для тех, кто привык к традиционным формам английского романа прошлого столетия». Однако возникает вопрос: почему в 20-е XX столетия это непонимание сменяется культом Достоевского, культом трансформирующимся, по словам того же Фелпса, в истерию? Как повлиела первая мировая война на сознание европейцев, которые стали считать Достоевского одним из самых близких им современных художников? В чем механизм взаимосвязи между социально-историческими катаклизмами, происшедшими в Европе в первые десятилетия XX в., и проблематикой романов Достоевского?

Примечательно, что культ Достоевского начинается в Европе и США после длительного увлечения творчеством Тургенева и Толстого. Любопытно и другое: в самое по-

следнее время за рубежом вспыхивает интерес к творчеству Гоголя. Вновь возникает вопрос: почему именно в такой последовательности происходит восприятие русских классиков? Почему сначала Тургенев и Толстой, а не Пушкин и Гоголь?

Своеобразие исторического развития той или иной национальной литературы невозможно уяснить вне связи с теми процессами, которые происходят в др. литературах мира. Самый гениальный писатель не существует в вакууме, он связан тысячами нитей с др. художниками — как своими современниками, так и давно ушедшими из жизни. В этих связях, в непрерывном творческом осмыслении и усвоении художественных ценностей, накопленных человечеством, расцветает талант художника, формируется его видение жизни.

Известно, что Пушкин знал, читал и переводил Шекспира и Данте, Гёте и Байрона, Вордсворта и Саути, прекрасно разбирался в современной ему французской прозе и поэзии. Достоевский с интересом читал Э. По и Гофмана, Готорна и Диккенса, любил Сервантеса, Гюго и Шиллера, у которых многому научился; а в XX в. романы самого Достоевского оказали воздействие на развитие мировой художественно-философской мысли. Л. Толстой увлекался в молодости Руссо и Эмерсоном, Стерном и Диккенсом, а в наше время творчество Толстого помогло целому поколению зарубежных художников в осмыслении новых тем, в разработке актуальных социально-психологических и этических проблем. Примеры подобного рода можно приводить в неограниченном количестве.

С самого начала знакомства с русской литературой вдумчивые зарубежные читатели и критики обращали внимание на то, что отличает ее от др. литератур мира. Процесс осмысления самобытности русской литературы не прекращается и по сей день. И дело не только в бесконечной сложности проблемы, но и в том, что с каждым десятилетием раскрываются все новые религиозно-философские грани творческого наследия русских классиков, звучные нашей современности, помогающие понять не только прошлое, но и настоящее. Многие за рубежом увидели своеобразие русского реализма в органическом соединении духовного, этического и эстетического. Вместе с тем русские классики были далеки от абстрактного морализирования, рационального нравоучительства. «То, что привлекает наше внимание в этой подцензурной литературе, — отмечал английский писатель и критик У. Притчет, — это прежде всего свобода, свобода от всякого дидактизма и интриги, свойственных нашей литературе». Др. западный исследователь, Д. Петерсон утверждает, что американцев в творчестве Тургенева поразила «манера повествования... далекая как от англосаксонского морализаторства, так и от французской фривольности». Именно эта модель реализма, созданная Тургеневым, по мнению критика, оказала значительное воздействие на формирование реалистических принципов в творчестве целого поколения американских литераторов к XIX—н. XX в.

Одухотворенность, поэтизация обыкновенных жизненных фактов и явлений природы, раскрытие тайн мироздания и духовного смысла земного бытия — все это послужило основанием для многих зарубежных критиков назвать русский реализм, и прежде всего реализм Тургенева, «поэтическим». При этом глубокая духовность, повышенный лиризм и эмоциональность сочетались в русской литературе с пронзительной правдивостью.

Более полувека назад Д. Голсуорси в статье «Русский и англичанин» признался: «Ваши писатели внесли в художественную литературу... прямоту в изображении увиденного, ис-

кренность, удивительную для всех западных стран, особенно же удивительную и драгоценную для нас — наименее искренней из всех наших».

Это, несомненно, одно из проявлений вашей способности глубоко окупиться в море опыта и переживать; самозавенно и страстно отдаваться поискам правды». В этой же статье Голсуорси признавался: «В вашей литературе нас особенно пленяет правдивость, глубокая и всеобъемлющая терпимость. Насколько мне известно, вас в вашей литературе особенно привлекает здравомыслие и утверждающая сила, т. е. то, что для нас непривычно и ново».

Примечательно, что глубокая правдивость русской литературы никогда не превращалась в натуралистическое копирование действительности, лишенное человеческой теплоты. Говоря об этом, американский искусствовед Д. Гасснер подчеркивает: «Источником русского искусства была человечность. Реализм Флобера и Мопассана рационалистичен, реализм русских мастеров сердечен». «Русские открыли нам, если хотите, научили нас снова тому, — утверждал французский критик Г. Лансон, — что можно быть правдивым, точным и близким к жизни, будучи милосердным, и, чтобы сказать все, человеческим».

«Святая русская литература, святая прежде всего в своей человечности» (Т. Манн), поразила мир сочувствием униженному и оскорбленному человеку. О. Уайлд, утверждая, что одним из источников его собственного морального обновления было «сострадание в русских романах», заявил в одной из бесед: «Русские писатели — люди совершенно изумительные. То, что делает их книги такими великими — это вложенная в их произведения жалость... Жалость — это та сторона, которая раскрывает произведение, это то, благодаря чему оно кажется нам бесконечным».

Всепроникающий этический пафос русской литературы был следствием неистребимой устремленности ее творцов к идеалу духовно-нравственного совершенства, т. е. к выполнению евангельского «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».

Эта устремленность к совершенству, к «жизни, какой она должна быть», произвела огромное впечатление на таких зарубежных художников, как Р. Роллан, Т. Манн, Э. Хемингуэй, и способствовала возникновению в XX в. новых культурологических и этических доктрин. «Начиная с 1920 года, — признавался немецкий мыслитель-гуманист А. Швейцер, — меня стала занимать проблема нашей цивилизации. Я спрашивал себя, обладает ли эта цивилизация тем нравственным содержанием, которое мы вправе от нее требовать. И, конечно, не что иное, как влияние Толстого, натолкнуло меня на мысль этим заняться и помогло мне выработать те взгляды, которые я отстаивал в своей книге «Культура и этика». Я утверждаю в ней, что этическое начало определяет сущность цивилизации и что все остальные элементы ее... имеют лишь относительное значение. Тем, что он побудил меня к этому, Толстой оказал решающее влияние на мою жизнь и на мои взгляды. Мне никогда не забыть, как я ему обязан».

Знакомясь с русской литературой, читатели за рубежом поразились и другому: у каждого персонажа, каково бы ни было его социальное положение, есть душа. Иными словами, русские классики в лице Гоголя и Тургенева, Толстого и Достоевского, Чехова и Лескова еще раз напомнили о том, что человек — не только физическое и интеллектуальное существо, он обладает еще и душой, которая часто бывает не в порядке, которая может болеть, мучиться, страдать и которая нуждается в любви, жалости и сострадании. Примечательна в этом отношении статья англий-

ской писательницы В. Вулф «Русская точка зрения», в которой она утверждает, что у Чехова сущность его рассказов можно определить словами: «Душа больна; душа излечилась; душа не излечилась... Читая Чехова, мы обнаруживаем, что повторяем слово “душа” снова и снова... Действительно, именно душа — одно из главных действующих лиц русской литературы... Тонкая и нежная, подверженная уйме причуд и недомоганий у Чехова, она достигает гораздо большей глубины и размаха у Достоевского; склонная к жесточайшим болезням и сильнейшим лихорадкам, она остается основным предметом нашего внимания».

Интерес к творчеству Чехова был у В. Вулф далеко не случаен. Она изучала русский язык, чтобы глубоко проникнуть в православную сущность русской культуры, русского национального характера, в самую плоть творений Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова. В этом смысле статья «Русская точка зрения» была для В. Вулф программной, ибо в ней отразились сокровенные ее мысли об искусстве Чехова, о его способности с «безупречным чувством юмора и комического» размышлять о серьезных проблемах своего времени.

Своеобразие русского реализма, столь ярко проявившегося в творчестве Чехова, В. Вулф видит в «простоте, отсутствии напряженности», в представлении, что в мире, исполненном несчастий, главная обязанность человека понять наших ближних, «и не умом — потому что это легко, а сердцем». Как бы развивая мысли Т. Манна о русской литературе, английская писательница продолжает: «Во всех великих русских писателях мы обнаруживаем черты святости, если сочувствие к чужим страданиям, любовь к ближним, стремление достичь цели, достойной самых строгих требований духа, составляют святость. Именно эта святость заставляет нас стесняться нашей собственной бездуховной посредственности и превращает столько знаменитых наших романов в мишуру и надувательство».

И В. Вулф приходит к выводу, что в разговорах о состоянии современной английской литературы «едва ли можно обойтись без упоминания о русском влиянии, а уж если упомянуты русские, рискуешь почувствовать, что писать о какой бы то ни было литературе, кроме их собственной, — пустая трата времени».

Не случайно, что именно отечественные классики уже в XIX в. начали бить тревогу по поводу засорения ноосферы, выражающегося в безобидном на первый взгляд смешении понятий добра и зла. «Все более и более нарушается в заболелшем обществе нашем понятие о зле и добре, — писал Ф. М. Достоевский. — Кто из нас, по совести, знает теперь, что зло и что добро? Все обратилось в спорный пункт, и всякий толкует и учит по-своему».

Незыблемые христианские представления о добре и зле должны играть первостепенную роль в жизни настоящего художника, не уставал твердить Л. Толстой; более того, продолжал он, невозможно стать художником, не проведя для себя четкой границы между этими двумя нравственно противоположными категориями.

Русские классики были убеждены, что загрязнение духовного климата планеты представляет не меньшую опасность, чем физическое загрязнение окружающей среды. Экология духа не менее важна, чем экология природы. Даже малейшее искажение духовно-нравственного климата ведет прямо к моральной деградации сотен тысяч людей. А как известно, нравственно развращенный человек — это угроза не только окружающей природе, но и существованию человечества как вида. Ведь для того, чтобы стали возможными 2 мировые войны, экологический

кризис, необходимо было «подготовить» почву. Надобен был длительный период шельмования религиозно-духовных и культурных ценностей, веками выработавшихся человечеством. Эту задачу объективно решала целая плеяда европейских мыслителей: А. Шопенгауэр, З. Фрейд, Ф. Ницше, О. Шпенглер и др. При всей субъективной честности этих незаурядных деятелей, при всей несомненности их открытий в сфере философии, психологии, социологии, общая их роль в засорении ноосферы далеко недооценена. Одним из первых, кто заговорил об этом во весь голос, был Т. Манн. Вслед за русскими классиками он утверждал, что чем талантливей тот или иной деятель науки и искусства, тем более велика его ответственность за состояние духовной атмосферы; именно научная и художественная интеллигенция несет абсолютную ответственность за чистоту ноосферы — не только при своей жизни, но и после смерти.

Значение русской классической литературы в современном мире предопределено не в последнюю очередь и глубиной ее художественно-философского осмысления проблемы личности. Стремление русских классиков к решению коренных вопросов бытия придает их творениям особую философскую напряженность. Герои русской литературы, решая личные вопросы, неизменно сталкиваются с нравственно-философскими и религиозными проблемами, которые занимают значительное место в поэзии и прозе Лермонтова и даже в лирических по своей сути пьесах Чехова. Крупнейшие представители европейской философской мысли — от Хайдеггера до Сартра — утверждают, что у истоков развиваемых ими доктрин стоят Достоевский и Толстой, затронувшие, по их мнению, такие проблемы человеческого существования, как абсурдность бытия, отчуждение и пр.

Решая проблему личности, русские классики показывали, как естественное человеческое стремление к раскрытию индивидуальности нередко трансформируется в неограниченное своеволие, хищнический эгоизм, ведущий не к расцвету личности, а к ее духовной деградации и физической гибели. Исследуя бесперспективность таких форм самоутверждения, они приходили к выводу, что подобные способы самореализации личности — фикция, иллюзия. Вскрывая процесс извращения нормальных проявлений человеческой индивидуальности, русские писатели показывали, как «недолжная» мораль мистифицирует взаимоотношения вещей и людей и создает ирреальный, фантазмагорический, искаженный и на голову поставленный мир.

Художественно-философскую глубину русской классики многие критики на Западе видят в ее борьбе с концепцией человека как «несложного, однозначного существа, способного разрешать встающие перед ним проблемы рациональным путем». Об этом пишет английский литературовед Р. Пийс в книге о Достоевском, изданной в Кембридже. Эта мысль встречается и в др. работах западных исследователей, утверждающих, что русская литература порывает с традициями эпохи Просвещения, воспринимавшего человека именно рационалистически. Однако дело обстоит иначе. Русская классика XIX в., будучи наследницей и продолжательницей классической традиции прошлых эпох, в т. ч. и эпохи Просвещения, значительно расширила и углубила просветительское понимание гуманизма. А в чем конкретно заключается расширение и углубление — на этот вопрос даются порой самые разнообразные ответы.

Фактом мирового значения оказалось появление в русской литературе XIX в. т. н. «маленького» человека. Это

подтверждается высказываниями многих зарубежных литераторов. Говоря о своем интересе к русской литературе, признанный мастер детективного жанра Ж. Сименон признался: «Я учился у Гоголя умению проникать в скрытый драматизм жизни маленького человека, жизни, которая может быть искалечена из-за чисто внешнего, на первый взгляд, ничтожного повода. Я учился и учусь у Гоголя придавать трагическое звучание незаметным судьбам маленьких людей».

«Все мы вышли из “Шинели” Гоголя, — пишет ирландский критик Ф. О’Коннор. — Это известное высказывание, хотя и относится к русской литературе, тем не менее заключает в себе универсальный смысл... Ничего подобного до этой повести в мировой литературе не было... Насколько мне известно, это было первое появление в литературе “маленького человека”». И далее О’Коннор не без основания утверждает, что достаточно прочитать отрывок, в котором затравленный Акакий Акакиевич восклицает: «Ах, оставьте меня... Зачем вы меня обижаете?», — чтобы почувствовать, что «без этого многие вещи Тургенева, Мопассана, Чехова, Шервуда Андерсона и Джойса никогда не могли быть написаны».

Судьба «маленького» человека в бездуховной действительности издавна интересовала мировую литературу. Однако именно Гоголь сумел придать этой теме неповторимое звучание. Жалость и сочувствие униженному и оскорбленному человеку пронизывают не только гоголевские произведения, но и всю русскую литературу в целом. Эта жалость, это сострадание — явление уникальное в мировой литературе, порождаемое православным мироощущением.

Акакий Акакиевич, Макар Девушкин, Мармеладов — все они предстают как жертвы вопиющей несправедливости. Их униженность и оскорбленность определяются невозможностью быть самими собой; на каждом шагу их заставляют чувствовать свою психологическую неполноценность. Этой внутренней ущербности не ощущали «маленькие» люди в западноевропейской литературе XVIII в., которые хотя и были представителями бесправного третьего сословия, тем не менее активно отстаивали свои права в личной жизни. Пример тому — Фигаро, выходящий победителем в столкновении с графом Альмавивой. Да и Сен-Пре в романе Руссо «Новая Элоиза» вовсе не забытое существо, которое можно поставить рядом с Акакием Акакиевичем. Именно ему отдает свое сердце аристократка Юлия, которая любит его, разночинца, а не барона Вольдемара, своего мужа. В сущности и Сен-Пре и гофмановский Ансельм, не говоря уже о героях Стерна, — это вовсе не униженные и оскорбленные. Даже ричардсоновские Памелла и Кларисса не являются таковыми, ибо они способны отстаивать свое достоинство и честь. То же самое можно сказать об Эмили Галотти Лессинга и о дочери придворного музыканта Миллера в «Коварстве и любви» Шиллера. Все они едва ли не на равных вступают в борьбу с миром аристократической праздности, феодального деспотизма и тирании.

Начиная с Пушкина и Гоголя русские классики не просто прозревали сложность обыкновенного, ничем не примечательного человека, но категорически утверждали его душевное и духовное богатство, и психологическую значимость его внутреннего мира. Оказалось, что мир этот — не забавная экзотика, сводимая к сентиментальной банальности: «и крестьянки любить умеют». В крестьянине-труженике русские классики видели не столько эстетический феномен, сколько создателя и хранителя духовных и этических ценностей. Подобное отношение к народу было одним из основополагаю-

щих принципов русского реализма, своего рода фундаментом, на котором покоилась его эстетика.

Важно и другое. Исследуя проблему личности, русские классики неизменно приходили к выводу, что самоопределение человека, становление его как личности невозможно вне духовной сферы. Человек не может стать Личностью, не определив своего этического отношения к миру, Богу, не осознав своей личной греховности и необходимости своего духовно-нравственного совершенствования.

Представители западного экзистенциализма словно не замечают, что Достоевский, на которого они так любят ссылаться, никогда не считал, что личность становится собой лишь после разрыва связей с окружающими. Напротив, по Достоевскому, человек (будь то Раскольников или Смердяков), поставивший себя вне Бога, разомкнувший свои нравственные узы с людьми, приходит к духовному краху и физической гибели. Некоторые зарубежные критики словно не замечают и др. факта, а именно, что у Достоевского имелись твердые и недвусмысленные критерии развития личности. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» он утверждал, что «бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое Я, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротив, отдать его обществу без всяких условий».

Всю свою жизнь Достоевский боролся против утилитарно-позитивистского понимания добра, против тезиса «добрым быть выгодно», т. е. против того единственного ответа, который может дать позитивизм на вопрос: «Зачем непременно надо быть благородным?» Было бы, однако, неверным понимать это как борьбу против гуманизма.

Всем своим творчеством Достоевский утверждал не выгодность (сам термин «выгодность» был глубоко антипатичен писателю вследствие определенной доли меркантилизма, содержащейся в нем), а неодолимость добра в душе человека. Именно эта неодолимость добра побеждает в конце концов в душе Раскольникова, который в эпизоде принимает православную правду Сони. Именно эта неодолимость добра одерживает верх в душе Дмитрия Карамазова, равно, как и в душе юного скептика Коли Красоткина. Эта неодолимость добра утверждает Достоевским на несравненно более высоком уровне, чем это делалось до него. Это обусловлено тем, что добро в его романах не просто побеждает зло, как случается в мелодраме, добро побеждает зло в жесточайшей борьбе, в борьбе не на жизнь, а на смерть. «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей!» — заявляет Митя Карамазов. Иными словами, Достоевский был убежден, что зло, каким бы сильным оно ни казалось, не способно одержать конечную победу, что зло в конечном счете саморазрушительно по своей природе.

Принципиально новый подход Достоевского к изображению героя в том, что последний у него предстает как существо, способное не только на добрые поступки, но и на жестокость по отношению к другим. Это, однако, не означает, что писатель был апологетом этического дуализма и что в его героях добро и зло существуют на равных правах. Признавая за человеком свободу воли, Достоевский признавал и нравственную ответственность его, способность оказывать воздействие на окружающую среду. Писатель был яростным противником пресловутой формулы «среда заела», т. е. выступал против «механического детерминизма», который, по его мнению, доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой нравственной ответственности.

«За какое-то столетие, — писал в н. 30-х XX в. американский критик Б. Брэсол, — русская литература изумила цивилизованное человечество: имена Толстого, Гоголя, Тургенева, Чехова, Достоевского поразили ум и сердце современного человека: их глубокое видение мира и благородная одухотворенность обогатили человеческую культуру. Мы размышляем вместе с ними, печалимся, разделяем их сомнения и страдания, они стали частью нас самих, мы стали частью их, и их судьбы странным образом связались с нашими. На литературном Олимпе русские классики по праву заняли достойное место, и ни мода, ни время не в силах изменить этого. Отзвуки их глубоких идей прослеживаются не только в восточных литературах — они чувствуются... и в размышлениях о натуралистическом методе Золя, и в мистических драмах Метерлинка, и в печальных грезах Кнута Гамсуна, и в беспокойных новеллах Мопассана, и в рафинированных произведениях польских импрессионистов...»

Обнаруживается определенная последовательность освоения зарубежной литературно-критической мыслью творческого опыта русских писателей. Первыми стали известны и оценены Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов и Горький. В сер. XX в. западные читатели и критики оценили Гоголя; в наши дни его во всем мире считают одним из самых современных художников. И лишь после того, как всему миру открылось величие русской классики в целом, пришло осознание, что истоки этого величия — в гении Пушкина. Хотя переводы пушкинских произведений стали публиковаться за рубежом еще в 1-й пол. XIX в., осмысление его значения для русской и мировой литературы происходит лишь в наше время. Пушкин становится понятием зарубежному читателю благодаря Тургеневу и Толстому, Чехову, Достоевскому и Гоголю, продолживших его традиции, пошедших по пути, указанному им. Подчеркивая это, профессор Колумбийского университета К. Менинг писал в 1934: «Величие Пушкина признается с трудом, однако становится все более очевидным, что Пушкин с его чувством гармонии и пропорций оказал значительное воздействие не только на Гоголя и Достоевского, но и на др. русских классиков XIX в., и в этом смысле значение Пушкина едва ли можно переоценить».

Подтверждаются пророческие слова Гоголя о том, что Пушкин есть явление всемирно-историческое. Имя Пушкина ныне ставится рядом с именами Данте и Шекспира, Сервантеса и Гете, Леонардо да Винчи и Микеланджело. Пушкин прочно вошел в нашу повседневную душевную жизнь, чего мы подчас просто не замечаем.

Будучи не только великим художником, но и гениальным мыслителем, Пушкин проникал в глубочайшие, скрытые закономерности бытия. В двух-трех словах он способен выразить такие идеи, которые не теряют своей актуальности в наши дни и которые стоят обильных монографий. Подчеркивая это, английский исследователь А. Бригс в книге о Пушкине, вышедшей в Лондоне в 1983, говорит: «Идеи Пушкина внушаются столь непринужденно... что поначалу они и не кажутся мыслями, тем более серьезными. Феномен Пушкина в том и состоит, что люди учатся у него без напряжения и почти не догадываясь об этом». Здесь же критик утверждает, что «Евгений Онегин», этот блистательный образец стиля, полон мыслей сложных и глубоких.

Одна из причин замедленного открытия Пушкина за рубежом заключается в трудностях перевода. Однако несмотря на эти трудности, зарубежный читательский мир

постепенно начинает освоение пушкинского наследия. Говоря об этом, американский критик И. Уайл в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» в 1986 заметил: «Пушкин — величайший поэт, а поэзия, как известно, с трудом поддается переводу на чужой язык. Тем более такая, как пушкинская, где значима каждая деталь, где совсем нет декораций, где все подчинено движению смысла. Однако за последние 15—20 лет Пушкин шагнул далеко вперед в своей популярности во всем мире. Мы как бы заново открыли для себя чудо его поэзии — ее удивительную музыкальность, гармонию, ее высочайшую мудрость. Для меня Пушкин — Моцарт XIX века. Для него не было запретных тем. Какого бы предмета он ни касался своим волшебным пером — любви, политики, дружбы, философии, — все мгновенно окрашивалось тончайшим поэтическим светом, исполнялось значительности и силы».

О всемирно-историческом значении Пушкина свидетельствуют и высказывания профессора Калькуттского университета Шри Шукумара, который утверждает, что Пушкин наряду с П. Мериме оказал серьезное влияние на развитие жанра рассказа в Бенгалии. Об этом же говорит и тот факт, что Пушкин — единственный зарубежный писатель, которому в Китае поставлен памятник (в столетнюю годовщину гибели великого поэта).

Вслед за Пушкиным зарубежный мир постепенно начинает освоение и др. трудно переводимых русских классиков, напр., *Лермонтова*, Лескова, *А. Островского*. В вышедшей в н. 70-х в Нью-Йорке монографии о творчестве *Гончарова* подчеркивается значение этого писателя в развитии жанра европейского романа: «Он был первым русским художником, поднявшим жанр романа на такую высоту, с которой стало возможным сравнивать его в эстетическом плане с древним эпосом». Романы Гончарова, подчеркивают авторы монографии, «естественным образом входят в контекст европейской литературы XIX в. И глубокое понимание его романов требует рассмотрения их в этом контексте. Тема краха иллюзий, разрабатывавшаяся Гончаровым, лежит в основе «Утраченных иллюзий» Балзака, «Мадам Бовари» Флобера... Но «Обломов» по своей структуре и эстетическим принципам оказался близким к величайшим достижениям нашего века в романической сфере... Глубина и очарование этого образа подтверждается тем фактом, что в 1963 и 1964 на сценах Парижа и Лондона с успехом шли две различные инсценировки «Обломова». И пока литературные достижения будут оцениваться за присущие им достоинства, «Обломов» будет продолжать медленное триумфальное шествие, вызывая взволнованные чувства удивления, жалости и смеха над капризами человеческой души».

Образ Обломова занял место в одном ряду с такими вечными литературными героями, как Дон Жуан, Фауст, Гамлет, Дон Кихот, а понятие «обломовщина» используется многими зарубежными литературными деятелями для объяснения аналогичных нравственно-психологических явлений в самых различных странах мира. Так, кубинский романист А. Карпентьер, говоря о латиноамериканских литераторах первых десятилетий XX в., замечал, что некоторые из них были «поражены недугом, который мы, вспомнив знаменитого персонажа Гончарова, назвали бы обломовщиной... Как и гончаровский Обломов, такой интеллигент преисполнен в глубине души благих намерений, однако его отвращение к любой систематической деятельности, к любой форме самоопределения парализует его перед лицом худших из несправедливостей...

Но хотя вследствие своей обломовщины поколение девяностых годов удалилось от всякой политической деятельности, все же оно было весьма озабочено будущим Америки как континента».

Роль русской классической литературы в общемировом литературном процессе на рубеже XIX и XX вв. не в последнюю очередь определяется тем, что она способствовала преодолению многими талантливыми художниками крайностей натурализма. «Русский роман, — утверждает американская исследовательница Э. Мачник, — стал известен за границей в тот момент, когда французский натурализм заявил о себе произведениями Золя и его последователей... С самого начала русский роман рассматривался на Западе, как антипод “золяизму”».

Английский критик Ф. Хеммингс, связывая роль русской литературы с процессом «дезинтеграции французского натурализма», подчеркивает, что книга Э. М. де Воюэ «Русский роман» была «наиболее эффективной частью антинатуралистической пропаганды, которая когда-либо велась на Западе».

В то время когда европейское сознание стало проявлять терпимость к идеям моральной вседозволенности и избранничества, к призывам освободиться от нравственных уз, любви и сострадания, — этих, по выражению Ф. Ницше, догм, которыми «руководствуются рабы», — русская литература всеми возможными художественными средствами вскрывала антигуманность подобных теорий. Она доказывала бесперспективность и иллюзорность атеистических форм самоупреждения, жизненную необходимость духовно-нравственного совершенствования. Именно в этом видели русские классики цель и смысл земного существования, залог установления новых, гармонических взаимоотношений между людьми.

Ю. Сохряков

МИТРОФАН (в миру **Воронцов Михаил Лаврентьевич**), архимандрит (2[13].11.1791—20.11[2.12].1850), проповедник, духовный писатель. Родился в с. Ивановское Дмитровского у. Московской губ. Сын дьячка, оба деда — священники, у одного из них Митрофан воспитывался после смерти матери в 1795. С 1801 учился в Дмитровской духовной семинарии, в 1805 переведен в *Славяно-греко-латинскую академию*, где был одним из лучших учеников; параллельно посещал лекции в Московском университете.

В 1818 Митрофан становится известным в Москве «духовным оратором», его проповеди отличались живостью слога, эмоциональным красноречием, проникновенностью тона («звучный, входящий в душу голос»); в этих ранних, оставшихся неизданными проповедях, Митрофан обличал многие современные пороки и «худые обычаи».

В 1837 после смерти жены и старшего сына Митрофан постригся в монахи. Взял имя Митрофан, по имени свт. Митрофана, Воронежского епископа, сподвижника имп. Петра I; ему еще до пострига Митрофан посвятил поэму (в 5 песнях) «Хвалебное приношение веры новопрославленному святителю Митрофану...» (М., 1836).

В «житийной» поэме «Радонежский пустынный, св. Сергей Чудотворец» (М., 1849; в 9 песнях) Митрофан сосредоточивается преимущественно на детских годах отрока Варфоломея (мирское имя Сергея Радонежского) — с картинами патриархального быта русского боярства («Жизнь, недоступная разврату, укоризне», «Там нравы христиан сияли чище злата»), рассказывает о пути его духовного возмужания с ранним выбором иночества и пустынножительства. Описание тягот жизни и искушений в пещеры,

где молодой инок создал первую обитель и стал ее игуменом, — наиболее удачные страницы поэмы (как и не лишние психологической пронизательности увещевания и предостережения матери).

После пострижения Митрофан — архимандрит Златоустовского монастыря, с н. 1839 — Знаменского (в 1842 награжден орденом св. Анны 3-й ст.), а с 1845 — Богоявленского монастыря в Москве.

В последнее десятилетие жизни активно публиковал свои проповеди. Выходят отдельными брошюрами «Слово при освящении храма во имя Софии...» (М., 1843), «Речь при открытии Сретенской школы Московского Благотворительного общества...» (М., 1844), а также «Слова при погребении...» протопресвитера Успенского собора И. Д. Никольского (М., 1843), «болярыни» В. Ф. Скалон (М., 1844), А. А. Прокоповича-Антонского (М., 1848), проповеди «Слова и речи на разные случаи, говоренные московского Богоявленского монастыря настоятелем архимандритом Митрофаном» (М., 1850; значительную часть составили речи, произнесенные при погребениях). В 1850 Митрофан опубликовал 15 ранее не изданных проповедей, произнесенных с 1838 по 1850 («Поучительные слова на высокаторжественные дни и на разные случаи...» М., 1850). Темой проповедей (за исключением зачина и окончания) становятся вопросы нравственно-духовной жизни и веры: об искушении, о «евангельской свободе» и злоупотреблении ею, о духе христианской молитвы, которая «есть голос нужды», о способности восхищения лицами, превосходящими нас по достоинству, как прообразе божественного благоговения. Неоднократно обращается Митрофан к обсуждению природы земной власти (в т. ч. в двух проповедях по поводу дворянских выборов в «звание судей»), обязанности добровольно подчиняться всякому «начальству». Назначение светской власти он видит в обуздании невежества, покровительстве слабым, спасении «убогого от руки сильного» и часто подчеркивает ограниченность ее возможностей: только «законы веры» «преследуют лукавый помысел в самых сокровенных изгибах сердца, — убивают его в самом зародыше». Свои рассуждения Митрофан постоянно подкреплял удачным применением Священного Писания.

Ист.: Копылова А. В. Митрофан (Воронцов) // Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 92—93.

МИТРОФАН (Довгалецкий), иеромонах, учитель пиитики в Киевской академии, писатель XVIII в. Ему принадлежат: «Комическое действо» на Рождество Христово с пятью интерлюдиями (1736) и «Властнотворный образ человеколюбия Божия», пасхальная пьеса с пятью интерлюдиями (1737). Сюжет «Комического действия» — пророчество Валаама о пришествии Христа. «Властнотворный образ» изображает творение, падение и избавление человека. Обе мистерии сопровождаются интерлюдиями, пятью каждая. «Комическое действо» представляет тесное родство с позднейшим «вертепом», записанным у *Маркевича*, и, либо «вертеп» является видоизмененной временем пьесой, либо как Митрофан, так и «вертеп» черпали из одного источника.

МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧ, второстепенный севернорусский богатырь киевского былинного цикла, по-видимому, одно лицо с Михайликом, южнорусским богатырем. Михайло Данилович, юный сын богатыря монаха Данилы Игнатьевича, спасает Киев от нападения татар. По одним

перескажем, кн. Владимир встречает его после битвы пиром, а по др., поверив сговорщикам, заточает его, пока не узнает правды. Затем Михайло Данилович удаляется в монастырь. Легенда о Михайлике отличается от былины о Михайле Даниловиче гл. обр. окончанием: Михайлик, которого киевляне хотели выдать неприятелю, удаляется в Царьград, взяв в наказание за их поступок киевские Золотые ворота. Там он живет и до сих пор, пока наконец не вернется в Киев и не поставит ворота на их прежнее место. Возвращение Михайлика в Киев с Золотыми воротами выражает надежду народа на восстановление прежней независимости и силы Киева.

МИХАЙЛО КАЗАРЯНИН (Козарин, Козаринов), заезжий второстепенный богатырь киевского былинного цикла, приехавший из Галича на службу к кн. Владимиру. Владимир посылает его на охоту, где он встречает ворона и, по его указанию, освобождает от татар русскую девицу, которая оказывается его сестрой.

МИХАЙЛО ПОТЫК, былинный герой мифологического эпоса. Былина «Михайло Потык», записанная *А. Ф. Гильфердингом* в 1871 от выдающегося сказителя *Никифора Прохорова*, достигает 1129 стихотворных строк. И одновременно — это самая сложная былина русского эпоса как по своему содержанию, так и по композиционному построению, многоплановости сюжета, сочетанию элементов героических со сказочными, фантастическими, новеллистическими.

При всех др. напластованиях и параллелях, как мифологических, так и исторических, первооснову былин составляет древнейший сюжет о неверной жене. Михайло Потык и Марья Лебедь Белая дают заповедь: если кто из них «наперед умрет», то должен идти «во матушку сыру-землю на три года с тем со телом со мертвым». Эта заповедь — ничто иное, как древнейший языческий обычай, по которому муж и жена не должны были расставаться друг с другом и после смерти. И былинный сюжет последовательно разворачивается таким образом, что Михайло Потык следует заповеди — идет вслед за Марьей «во сыру землю» и выходит оттуда, оживляя Марью. А чародейка Марья пытается расправиться с мужем, закопать его «во сыру землю», оставшись живой.

Академик *Б. А. Рыбаков* провел сравнение былинных описаний захоронения с археологическими данными и пришел к выводу: «Повествование былины полностью сходится с археологическими реалиями (яма-погреб, клеть, домовина, бревенчатый накат, двое погребенных, оседланный и взнузданный конь, “сбруя ратная”, посуда с пищей и питьем)». Древнейшие корни сюжета исследует *Д. М. Балашов*, относя былину ко времени скифов и сарматов, их соприкосновения с праславянами. «Брак Потыка с Марьей Лебедью Белой, — отмечает он, — отражает столкновения славян со скифо-саматским миром, где брачный союз славян со “степью” таит в себе опасность гибели — поглощения героя».

В. Калугин

МИХАЙЛОВ Иван, писатель и переводчик 1-й четв. XIX в., подпоручик.

Соч.: Низверженный Мамай или подробное описание достопамятной битвы. М., 1798; 3-е изд. 1827; Храм славы, воздвигнутый росс. ополчением самодержцу своему, царю Иоанну Васильевичу Второму (1880).

МИХАЙЛОВ Олег Николаевич (р. 18.06.1932), писатель, литературовед, доктор филологических наук. Родился в Москве. Отец — из крестьян Вяземского у. Смоленской губ. В германскую войну — отец подпоручик, Георгиевский кавалер, после революции — кадровый офицер Красной армии. Мать — из семьи потомственных военных. Продолжая эту традицию военного служения, Михайлов поступил в 1943 в Курское суворовское училище и завершил среднее образование в 1950, в 1-й Московской спецшколе ВВС. Окончил филфак МГУ. В 1955—58 — аспирант Института мировой литературы. Печатается с 1954. Первые публикации связаны с изучением литературы русской эмиграции (статья 1957 «Проза Бунина», предисловия и комментарии к сочинениям *И. С. Шмелева*, *А. И.*

Куприна, *А. Т. Аверченко*, *Е. И. Замятина* и др.). Михайлов отдал дань «молодежной» тематике («О чем они спорят?», 1966; «Любят ли ваши дети поэзию?», 1967). В 1967 вышла его книга «И. А. Бунин. Очерк творчества».

Занимая в своем творчестве последовательные русские патриотические позиции, Михайлов в 70-х вместе с др. «русофилами» подвергается нигилистическим нападкам масонского мракобеса *А. Н. Яковлева*. Писатель ведет и активную общественную работу в рамках ВООПИК и «Русского клуба».

С н. 70-х Михайлов переходит к исторической тематике, воскрешая бессмертные образ нашего прошлого. В 1973 появляется его книга «Суворов», которая была переведена на 10 иностранных языков и за которую Михайлов был удостоен в 1980 премии Министерства обороны в области литературы. В 1977 он публикует роман о *Г. Р. Державине*, в 1983 — исторический роман «Генерал Ермолов», о герое войны 1812 и бесстрашном «проконсуле Кавказа», повести о герое русско-турецкой войны 1877—78 *И. В. Гурко* «Генерал “Вперед”» (1978) и «Славный год войны народной» (1990) — об Отечественной войне 1812, исторический роман «Кутузов» (1987). Серию исторических романов Михайлова завершает роман «Забывтый император» (1996) — о государе *Александре III*. Одновременно он выступает как критик и литературовед: «Верность. Родина и литература» (1974), «Страницы русского реализма» (1982), «Страницы советской прозы» (1984), монографии о русских писателях «Строгий талант. Иван Бунин... Жизнь. Судьба. Творчество» (1976), «Куприн» (1981), «Мироздание по Леониду Леонову» (1987), «Юрий Бондарев» (1976). Многолетнее изучение литературы эмиграции завершается работами «Литература русского Зарубежья» (1995) и «От Мережковского до Бродского» (2001) — в идейно-нравственном противопоставлении первой и третьей волн эмиграции. Как «чистый» прозаик *О. Михайлов* выступает в 1978, публикуя роман «Час разлуки», в 1981 — сборник рассказов «Маленькая Наташа», затем — книгу прозы «Особняк с фонариками» (1987), наконец роман о перестройке и событиях последних лет «Пляска на помойке» (2000). На грани двух

веков появляются его биографические книги «Лишь слову жизнь дана. Жизнь Бунина» (2000) и «Мне нужно только родное. Жизнь Куприна» (2001).

Михайлов — заведующий сектором литературы русского Зарубежья Института мировой литературы РАН (с 1987).

Соч. (кроме указанных выше): Избранное: В 2 т. М., 1989; Исторические произведения: В 3 т. М., 2002—03.

МИХАЛКОВ Сергей Владимирович (р. 28.02[13.03].1913), писатель. Школьные годы провел в Пятигорске. Начал печататься в 1928 в журнале «На подъеме» (Ростов-на-Дону) и в газете «Терек» (Пятигорск). В 1930 переехал в Москву. Учился в Литературном институте (1935—37). В 1935 в журнале «Пионер» опубликовал первое стихотворение для детей «Три гражданина». За ним последовали др. детские стихи: «Веселый турист», «А что у вас?», «Светлана», «Фома», «Про мимозу», «Дядя Степа», вошедшие в первую книжку Михалкова «Стихи» (1936). «Дядя Степа» тогда же вышел отдельным изданием.

С начала Великой Отечественной войны Михалков работал в газете Южного фронта «Во славу Родины», затем в

центральной газете Военно-Воздушных Сил Красной Армии. Писал очерки, заметки, стихи, юмористические рассказы, тексты боевых листовок. Большую популярность приобрели *басни* Михалкова. В них он удачно продолжил сатирическую линию, начатую стихами для детей и боевыми фронтовыми плакатами. Михалков обогатил басню злободневным содержанием, стремясь придать ей необычную форму веселой прибаутки, раешника, прямого публицистического призыва. К басням Михалкова примыкают его своеобразные басни в прозе — коротенькие сказки, рассказы и притчи для больших и маленьких, в которых он вновь предстает как лукавый, изобретательный рассказчик (сборники «Веселые зайцы», 1963; «Хочу бодаться!», 1965).

Михалков — автор пьес для детского театра: «Том Кэнти» (1938), «Особое задание» (1945), «Красный галстук» (1946), «Я хочу домой!» (1949), «Зайка-заяйка» (1951), «Сомбреро» (1957) и др., а также пьес для взрослых, в т. ч. сатирических комедий «Раки и Крокодил» (новая редакция 1960), «Памятник себе...» (1959), «Дикари» (1958), «Эцитоны бурчелли» (1961). Написал текст Государственного гимна Советского Союза (1943). Лауреат Сталинских премий 1941, 1942 и 1950 и Российской Федерации (2001).

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. М., 1990; Собр. соч.: В 6 т. М., 1981—83; Избр. произв.: В 3 т. М., 1991; Избр.: В 2 т. М., 1994; Моя профессия: Статьи, выступления, заметки. М., 1962; Басни. М., 1983; Три ветра: Книга лирики. М., 1985.

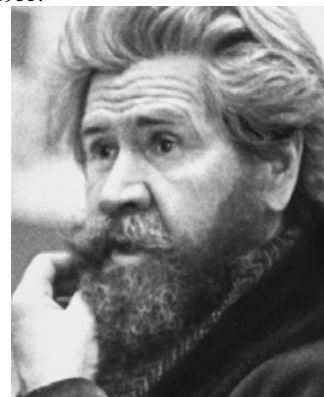
МОГИЛЬНИЦКИЙ Антон Любич (3.03.1811—13.08.1873), малороссийский поэт-романтик. Родился в Галиции, окончил богословский факультет университета во Львове (1840), после чего был сельским священником. В 1861 его выбрали депутатом в Галицкий сейм, который послал его депутатом в Венский рейхсрат; Могильницкий приобрел большую популярность речью в защиту русского населения Галиции.

Писать Могильницкий начал (1838) в то время, когда малороссийская литература была в Галиции почти неизвестна. Могильницкий участвовал в деятельности литературного общества «Русская матица», ставившего своей задачей распространение русской литературы, создание русского театра, печати и т. д. В своем творчестве использовал русинский фольклор. Широкую известность в Галиции получил своей большой, но не оконченной, поэмой «Скит Манявський» и более мелкими стихотворениями («Русин-вояк», «Судьба поэта», «Ридна мова» и др.). Сочинения его («Письма А. Л. М-ого») вышли во Львове в 1885.

МОЖАЕВ Борис Андреевич (1.06.1923—4.03.1996), прозаик, драматург, сценарист, публицист. Родился в с. Пителино Рязанской обл. Отец — крестьянин, лоцман на Оке, участник первой мировой войны. Детство провел в деревне на Рязанщине, там же окончил среднюю школу, полгода учительствовал, был призван в армию.

Окончил Ленинградское высшее инженерно-техническое училище. Печататься начал с 1953.

Произведения Можаява посвящены русской деревне. «Земля ждет», «В Солдатове, у Николая Лозового» (1961), «Земля и руки», «Эксперименты на земле» (1964), «Самостоятельность» (1972), «Запах мяты и хлеб насущный» (1982) и др. Этой теме посвящена и большая повесть Можаява «Полюшко-поле», первое художественное произведение о деревне, положившее начало его «деревенской прозе» — о «тяжелейших и несправедливейших испытаниях, выпавших на долю нашей деревни». В 1966 была опубликована повесть Можаява «Живой». Герой повести рядовой колхозник Федор Кузькин — человек, по выражению автора, «сохранивший достоинство и честь, оставшийся самим собою, способный, несмотря ни на что, делать свое дело». На протяжении повести он тем не менее постоянно «ломает комедию», «валяет дурака», хотя каждый день вынужден думать о том, как накормить семью (ведь заработанные трудодни существуют только на бумаге). Кузькин — это философ, который «скоморошествоует, чтобы не пресмыкаться» (А. Вильчек). Критика встретила «Живого» с раздражением, лишь А. Твардовский, а за ним М. Алексеев увидели в повести принципиально важное. Позднее «Живой» был признан классическим произведением «деревенской прозы».

В 1968 Можаяв написал «Историю села Брехова, писанную Петром Афанасиевичем Булкиным», герой которой — комический летописец Булкин — своеобразный антипод Федора Кузькина; в 1970 — «повесть-шутку» «Полтора квадратных метра».

В 1972—73 была написана первая книга романа-хроники «Мужики и бабы», в 1978—80 — книга вторая. Роман посвящен «переломным событиям в жизни русской деревни», го-дам коллективизации, когда русская деревня «оказалась надломлена, фактически разграблена, разорена».

Главное содержание романа «Мужики и бабы» — не столкновение правды с ложью или добра со злом, а столкновение двух различных правд, что неизбежно влечет за

собой трагедию. Критика, называя роман Можая «невдуманной деревенской хроникой», «подлинной историей деревни», признавала за автором «незаурядное знакомство с эпохой» и в то же время отмечала присутствие в повествовании «огрехов и излишеств языка», «небрежной рукой набросанных, не процеженных сквозь сито доброго вкуса анекдотов и прибауток» (О. Волков).

В 1993 была опубликована книга первая романа Можая «Изгой» (полностью — в журнале «Наш современник», № 2, 3) — своеобразного продолжения романа «Мужики и бабы».

Соч.: Избр. произв.: В 2 т. М., 1982; Собр. соч.: В 4 т. М., 1989—90.

В. М.

МОЛЕВА Светлана Васильевна (р. 7.11.1946), поэт. Родилась в пос. Чихачево Псковской обл. Родители знали и ценили русскую поэзию; Молева с детства знала наизусть Пушкина, Некрасова, Есенина. После окончания школы в 1965 поступила на заочное отделение Литературного института в Москве, где познакомилась с Ю. Кузнецовым, Н. Рубцовым, А. Вампиловым.

В 1967 в Ленинграде вышла первая книга стихов «Подснежники». Стихи Молевой привлекают цельностью чувств, доверительной интонацией, чуть печальной или лукавой. В последующих книгах «Сто дней весны» (1975), «Ожидание встречи» (1978) поэта пристрастно вглядывается в человеческое сердце. Личный опыт и народные понятия о жизни сплавлены в единстве современных и фольклорных мотивов. В 1970-е на слова Молевой были сочинены песни «Гори ясно», «Лель», вокальный цикл «Берегите тепло». Чистота и энергичность чувств, память о доме, всепроникающее ощущение Родины — наполняют 4-ю книгу Молевой «Белый берег» (1986).

Исторические перемены, произошедшие в России в конце XX столетия, дали импульс к историко-философскому и религиозному осмыслению судеб Родины. Лирическая просветленность сменяется интонациями плача, причитания, тихой скорби: «Эти северные лица — / Уходящее тепло... / На Руси легко молиться, / Только выжить тяжело» («В белой церкви отпевали...»). Картины Руси обнищавшей, разоренной, исполненной горя и страдания, открываются в стихотворениях «Эта церковь бедна и далече...», «Черная осень». В то же время Русь в поэтическом мире Молевой — такое духовное пространство, где совмещаются ад и рай, безудерж бесовских сил — и веянье Божьей благодати («Две жизни у Господа я прожила...»). 1990-е осмыслены как повторение народом ошибок начала века: та же податливость на соблазны «прав и свобод», то же клеймение «русского рабства», — которые рано или поздно так же обернутся кровью и тюрьмами. «Чего же ты ждешь на пустующем поле — / Ничей, ниоткуда, с бумажкой советской...», — с горечью и недоумением обращается поэт к современнику, забывшему уроки истории («Хрипели, кричали...»).

В 1990-х Молева занимается изучением древнейшей истории русского народа, вопросом о возрасте россов, при этом русский язык рассматривается как «ключ к тайнам нашей веры и нашей глубочайшей истории». Результаты этих исследований опубликованы в книге «Единородное слово» (Псков, 2000).

Соч.: Подснежники. Л., 1967; Сто дней весны. Л., 1975; Ожидание встречи. Л., 1978; Белый берег. Л., 1986; Забытые песни. Псков, 2002; «Слово об ариях»: Памятник русской письменности X—XI вв. до Р. X. // Речь. Сб. 1. Псков, 1996; Единородное слово. Псков, 2000.

А. Любомудров

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» («МГ»), ежемесячный журнал, выходивший с 1922 как орган ЦК комсомола (перерыв с 1942 по 1955), с 1992 — АО «МГ». Поначалу — рядовой комсомольский журнал, основные авторы: Д. Алтаузен, А. Безыменский, М. Голодный, М. Светлов, И. Сельвинский, И. Уткин. Там же гнездились «теоретики» — группа Л. Авербах, Г. Лелевич, С. Родов. Авербах учил: «Достоевский не может войти в культуру здорового, доброго, оптимистического класса». Так продолжалось до войны, хотя к концу этого периода космополитический накал сильно подостыл: появились произведения А. П. Платонова, Н. С. Тихонова, А. Н. Толстого и др.

С 1956 «МГ» возобновилась, поначалу отличаясь полной безликостью. С 1963 гл. редактором назначен выпускник истфака МГУ, комсомольский работник А. В. Никонов. С его приходом «МГ» вскоре превратилась в главный рупор начавшегося тогда «Русского Возрождения». Никонову пришлось выдерживать тяжкую внутриредакционную борьбу с рядом космополитически настроенных членов редколлегии. Опытный аппаратчик, Никонов, используя свою дружбу с первым секретарем ЦК комсомола С. П. Павловым, человеком патриотичным, сумел заменить их деятелями русского направления. В редакцию пришли тогда совсем молодые: С. Викулов, С. Высоцкий, В. Ганичев, С. Котенко, В. Сорокин и др. Первыми известными публикациями, вызвавшими шумную полемику в печати, стали русско-патриотические публикации И. С. Глазунова «Путь к тебе» и В. А. Солоухина «Письма из Русского музея» (1965). Вскоре появляется рубрика «Берегите святые наши», в которой выступили многие видные писатели, художники и общественные деятели с сугубо русскими воззрениями (С. Т. Коненков, Л. М. Леонов и др.). С к. 60-х и все 70-е постоянными авторами «МГ» становятся В. Бегун, В. Кожин, А. Ланщиков, М. Лобанов, О. Михайлов, В. Чалмаев, В. Чивилихин и др., которые в основном и сформировали (по цензурным условиям в прикровенной форме) идеологию «Русского Возрождения». В дек. 1970 по записке космополитического партаппаратчика А. Яковлева Секретариат ЦК КПСС во главе с Л. Брежневым снял Никонова с поста редактора «МГ». Через некоторое время на его место пришел писатель А. С. Иванов, общая русская линия журнала продолжилась, хотя уже в более осторожной форме. В начале 90-х Иванов по болезни отошел от дел, гл. редактором стал А. А. Кротов, продолживший русско-патриотическую линию журнала. После смерти Кротова сохранение традиций журнала обеспечили В. В. Хатюшин и Е. Ю. Юшин.

С. Семанов

МОЛОДАЯ РЕДАКЦИЯ «МОСКВИТЯНИНА», образовалась в февр. 1851 после публикации в «Москвитянике» пьесы А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся» (1850. № 6). С. В. Максимов описывает дебют молодого драматурга: «Поздравляю вас, господа, с новым светилом в отечественной литературе!» — торжественно, с привычным пафосом, сказал профессор русской словесности С. П. Шевырев, признававшийся тогда корифеем эстетической критики и бывший соредактором М. П. Погодина в «Москвитянике». Успех был не только литературный, но и коммерческий. В течение полугода число подписчиков журнала возросло с 500 до 1100, что тоже сыграло не последнюю роль в приглашении Островского в «Москвитянин». Но Островский пришел не один. К этому времени он уже был признанным главой «нового направления» в литературе, «глашателем правды новой». «Явился Островский, — отмечал А. Гри-

горьев, — и около него как центра — кружок, в котором нашлись все мои, дотоле смутные верования». Этот кружок Островского и составил ядро «молодой редакции» «Москвитянина». Все они действительно были молоды. Старше из них, А. Григорьеву, было 28, Островскому — 27, Эдельсону — 26, Филиппову — 25, Алмазову — 23, Максиму — 20. И почти все — недавно учились или продолжали учиться в Московском университете. Либеральная пресса создала культ Т. Н. Грановского, читавшего курс лекций по всемирной истории и напоминавшего, по словам современника, «революционеров-проповедников времен Реформации». Но в эти же самые 40-е в Московском университете курс лекций по древнерусской литературе и народной словесности читал С. П. Шевырев. «Открытием нового мира нашей словесности» называл эти лекции И. В. Киреевский («Москвитянин», 1845. № 1). Таким же открытием были лекции по древнерусской истории Погодина. Яростные споры между западниками и славянофилами велись не только в литературном салоне Киреевских—Елагиных у Красных ворот, но и в студенческой среде. Западники пополнили ряды редемократов, а славянофилы вошли в «молодую редакцию» «Москвитянина».

«Кружок Островского» (они называли себя «коренниками»), а затем и «молодой редакции» «Москвитянина», объединяло сродство душ, осознание себя коренными русскими. «Побывавший здесь, — вспоминал С. В. Максимов, — уходил и с более приподнятым челом, уверенностью и твердою поступью, как будто бы он на свое прирожденное звание получил оформленный и засвидетельствованный патент». В России, как и во многих др. странах, национальное возрождение начиналось с возрождения фольклора, народной песни. Почти все ранние славянофилы принимали участие в создании первого национального свода фольклора — Собрания народных песен П. В. Киреевского. В «молодой редакции» буквально царил культ русской песни, в нее входили такие выдающиеся собиратели фольклора, как П. И. Якушкин, М. А. Стахович, М. А. Максимович. Но С. В. Максимов не случайно подчеркивал и разницу: «Перлы народного творчества здесь получали живое художественное толкование. Песня оживала не в мертвых записях, а в своих цельных образах». Почти во всех воспоминаниях о «молодой редакции» запечатлен образ Т. Филиппова как замечательного исполнителя народных песен, которому не было равных в Москве 50-х. Через многие годы, став крупнейшим чиновником — государственным контролером, он издал в 1883 сборник народных песен в гармонизации Н. А. Римского-Корсакова. В его сановном доме на Миллионной жила выдающаяся «народная поэтесса» И. Федосова.

Круг единомышленников «молодой редакции» был в достаточной степени широк. В него входили выдающиеся актеры П. Садовский и И. Горбунов, художники П. М. Боклевский и Н. А. Рамазанов, композиторы А. И. Дюбюк и Н. Рубинштейн, уральский казак И. И. Железнов. Сближение с «молодой редакцией» совершило переворот в жизни и творчестве адепта «чистого искусства» Л. Мея, в результате чего русская литература обогатилась его фольклорными стихами и песнями, историческими драмами, одним из лучших переводов «Слова о полку Игореве». Всего год входил в «молодую редакцию» С. В. Максимов (в 1852 он переехал в Петербург), но и этого оказалось достаточно, чтобы определить его дальнейшую судьбу как выдающегося писателя-этнографа, исследователя народной жизни.

В «молодой редакции» в полной мере раскрылся критический и публицистический дар А. Григорьева. Его обзорные статьи «Русская литература в 1851 году» (1852. № 1—4),

«Русская изящная литература в 1852 году» (1853. № 1) стали программными, определившими основные пути развития русской критической мысли. Со статьями, рецензиями, обзорами выступали Б. Н. Алмазов, Е. Н. Эдельсон, Т. И. Филиппов. В 1853 в «молодую редакцию» вошел П. И. Бартнев. Не менее значимыми были публикации в отделе прозы и поэзии. После пьесы «Свои люди — сочтемся» Островский опубликовал в журнале «Бедную невесту» (1852), «Не в свои сани не садись» (1853), «Не так живи, как хочется» (1855). «Москвитянин» открыл имя А. Ф. Писемского, на его страницах впервые появились «мужичьи драмы» А. А. Потехина и «раскольничьи рассказы» П. И. Мельникова (Печерского), «Записки мелкотравчатого» Е. Э. Дрянского, охотничьи рассказы и отрывок из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова, стихи Ф. И. Тютчева, И. С. Никитина, Я. П. Полонского, Н. В. Берга, А. А. Фета, Н. Ф. Шербины.

«Москвитянин» благодаря «молодой редакции» стал первым из центральных журналов в литературной жизни н. 50-х. А. Григорьев ратовал за органичное искусство, свободное от идеологических схем. Ему были глубоко чужды западнические «за их затаенную мысль узаконить, возвести в идеал распутство, утонченный разврат, эмансипированный блуд». Но и славянофилы, как считал он, «подвергают народное обрезанию и холощению во имя узкого, условного, почти пуританского идеала». Эти взгляды не находили понимания у издателя и редактора журнала Погодина, принадлежавшего к старшему поколению славянофилов, придерживавшихся более консервативных взглядов. «О старцы, старцы! — восклицал по этому поводу А. Григорьев. — Прошло уже много лет с тех пор, как мы, т. е. кружок, во главе которого стояли Погодин и Островский, несли со всем пылом и энергией молодости, с ее весельем и свежестью лучшие силы, лучшие соки жизни на служение национальному направлению и не могли, однако, поднять наш журнальный орган, именно потому только, что глава редакции, Погодин, не мог отречься от губительных солидарностей».

В 1856 журнал «Москвитянин» прекратил свое существование, а вместе с ним и «молодая редакция». Островский переехал в Петербург, дав согласие Н. А. Некрасову на постоянное сотрудничество с «Современником». А. Григорьев уехал в Италию, пытаясь смятчить фанатизм веры в Россию. Но все они так и остались «коренниками», для которых самые лучшие годы жизни были связаны с «молодой редакцией» «Москвитянина».

В. Калужин

МОЛЧАНОВ Иван Евстратович (9[21].03.1818, по др. свед. 1817, 1809, — к. окт. 1881), певец, автор песен. Родился в с.

Красное близ Костромы. Из крестьянской семьи. С 1825 — в Москве, в ученье у ремесленника. В 1833 заболел и стал инвалидом. «Выйдя из ученья», собирал хоры из товарищей-мастеровых и пел с ними в московских трактирах. Там его услышал П. Г. Лебедев, учитель пения полков, стоящих в Москве. В 1834 Молчанову поручили учить пению солдат. В 1840 Молчанов приобрел известность как

собирает и исполнитель русских народных песен. В н. 1850-х создал из военных песенников, увольнявшихся в запас, первый профессиональный народный хор, гастролировавший в Петербурге и многих провинциальных городах и приобретший большую популярность. Был хорошо знаком с *В. Ф. Одоевским*, записывавшим у него напевы ряда песен и обучившим его нотной грамоте. Молчанов — автор известной песни «Дело было под Полтавой» (к. 1840-х — н. 1850-х), песен «Петербургские команды», «Ах, ты, ночь моя, ночь огненная», «Со дворцом сливалась хата» и др. Он составил «Знаменитый русский и цыганский песенник» (СПб., 1859), «Новый настоящий молчановский песенник» (СПб., 1860), «Собрание песен, исполняемых хором песенников Ив. Молчанова» (СПб., 1864), «Новейший лучший песенник» (М., 1869), «Новейший русский и цыганский песенник...» (7-е изд. СПб., 1871) и др.

А. Р.

МОРДОВЦЕВ Даниил Лукич (7[19].12.1830—10[23].06.1905), писатель, историк. Родился в слободе Даниловка, ныне Волгоградская обл. Окончил в 1854 историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1854 написал романтическую поэму «Козаки и море» (опубл. 1859). Рассказы Мордовцева «Нищие» (Старці, 1855, опубл. 1885), «Звонарь», «Солдатка» (1859) рисуют жизнь малороссийского села. В 50—70-е сотрудничал в журналах «Русское слово», «Отечественные записки», «Дело».

С сер. 70-х основной жанр творчества — исторические романы. За 30 лет он написал более 20 романов из русской истории и более 10 — из зарубежной. Центральная тема романов, написанных на русском материале, — история раскола. Драматические эпизоды противоборства патр. Никона с ревнителями «древнего благочестия» воссоздаются в романе «Великий раскол» (1881) — с опорой на «Житие» протопопа *Аввакума* и др. источники; по оценке современника, Мордовцев-романист одним из первых «взял под свою защиту людей старой веры, взглянул на эту веру как на имеющую право законного существования и равноправную с прочими исповеданиями и представил этих людей... как искренне стремящихся к истине и правде» (Глинский, 1905), критик подчеркивал небезопасность для автора такого освещения раскола. Мордовцев обращается к реформаторской деятельности имп. Петра I («Державный плотник», 1899, и др.), описывает коллизии борьбы самодержца и его соратников-«реалистов» с защитниками старины, противостоящими его власти («Идеалисты и реалисты», 1878 — первый исторический роман Мордовцева). Многие произведения посвящены переломным историческим эпохам или событиям (смуты, восстания, нашествия и войны): «Лжедмитрий», «Двенадцатый год» (оба 1879), «Мамаево побоище» (1881), «Сагайдачный» (1882), повесть «Соловецкое сидение» (1880); романы «Царь и гетман» (1880), «Господин Великий Новгород» (1882), «Авантюристы» (1886).

Мордовцев много путешествует по России и за границей, результатом чего явились живо написанные путевые очерки: книги «Поездка к пирамидам», «Поездка в Иерусалим» (обе 1881), «Из прекрасного далека», «По Италии», «По Испании», «На Арабат» (все 1884).

Соч.: Собр. соч. Т. 1—50. СПб., 1901—02; Полн. собр. ист. романов, повестей и рассказов. Т. 1—33. СПб., 1914 (в т. 1 — критико-биограф. очерк П. В. Быкова); Полн. собр. соч. Т. 1—12. П., 1915; Собр. соч. Т. 1—14. М., 1995—96 (в т. 1 — вступ. ст. И. Панкеева); Соч. / Вступ. ст. и коммент. Ю. В. Лебедева. Т. 1—2. М., 1992; Знамения времени / Предисл. Г. Аржаной. М., 1957; Державный плотник: Роман и повести / Вступ. ст. и прим. Ю. Н. Сенчунова. М., 1990; За чьи грехи? Великий раскол / Вступ. ст. и коммент. С. И. Панова и А. М. Ранчина. М., 1990; Гроза двенадцатого года / Сост., предисл. и коммент. А. И. Саплина. М., 1991; Замурованная царица: Романы / Послел. А. М. Ранчина. М., 1991; Ирод. М., 1991; Москва слезам не верит. Ист. романы и повесть / Вступ. ст. Ю. Сенчунова. М., 1993; Лжедмитрий: Романы / Послел. Ю. Сенчунова. М., 1994; Замечательные женщины на Руси: от княгини Ольги до наших времен. Калининград, 1994 (репринт. изд.); Твори. Т. 1—2 / Вступ. ст. В. Г. Беляева. Киев, 1958.

«МОСКВА», ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, начал выходить в Москве с 1957. Первыми редакторами были партжурналист Н. Атаров и соореалист Е. Поповкин. В первое десятилетие «Москва» публиковала случайные материалы без определенного направления, единственным исключением стала первая публикация романа *М. Булгакова* «Мастер и Маргарита», однако текст был чрезвычайно искажен сокращениями и редакторской правкой. Разнородны и случайны были авторы журнала, однако общее направление его тяготело к линии космополитической.

В февр. 1968 главным редактором «Москвы» стал писатель-фронтовик *М. Н. Алексеев*. При нем журнал придерживался умеренно патриотической линии. Авторский актив составили *А. Иванов, Г. Марков, П. Проскурин, И. Стадник* и др. Была опубликована «История государства Российского» *Н. М. Карамзина*. Наряду с этим в «Москве» был раздел критики и публицистики, где с национально-патриотических позиций выступали *А. Ланщиков, Ю. Прокушев, Ю. Селезнев, В. Сорокин, В. Чалмаев, С. Штеменко* и др. В составе традиционно безликой редколлегии при Алексееве числились *Л. Леонов* и *М. Шолохов*, но влияния на политику журнала они не оказывали и в редакции практически не появлялись.

В 1990—92 гг. редактором был прозаик *В. Крупин*. С июня 1992 гл. редактором стал *Л. Бородин*, бывший политзаключенный и диссидент, чьи произведения ранее издавались гл. обр. за границей. Направленность «Москвы» изменилась в сторону русско-патриотическую. Идею работу редакции возглавила известный критик *С. Селиванова*, в число авторов были привлечены *Д. Балашов, О. Волков, А. Гулыга, В. Кожин, О. Михайлов, В. Распутин* и др. Редколлегия журнала укрепила известными патриотическими литераторами: *А. Ланщиков, К. Мяло, В. Осипов, В. Распутин* и др. Был основан раздел «Домашняя церковь», посвященный вопросам православного воспитания, который возглавил *В. Крупин*.

С. Семанов

«МОСКВИТЯНИН», «учено-литературный журнал», издаваемый в Москве *М. П. Погодиным* в 1841—56 сначала ежемесячно, с 1849 — 2 раза в месяц (однако нерегулярно). С самого начала «Москвитянин» принял направление «Православие—Самодержавие—Народность», провозглашенное министром просвещения *С. С. Уваровым*. Отдел критики,

возглавленный *С. П. Шевыревым*, вначале продолжал линию «*Московского наблюдателя*», его борьбу с «торговым направлением» *Ф. В. Булгарина*, *Н. И. Греча*, *О. И. Сенковского*, но затем главной целью журнала стала борьба против нигилистической критики, натуральной школы и западничества. Короткий период редакторства *И. В. Киреевского* (январь—март 1845) ознаменовался попыткой отстранения Погодина и Шевырева от руководства «Москвитянином» и опубликованием принципиальных статей основоположников славянофильства, в т. ч.: «Обозрение современного состояния словесности» *И. В. Киреевского*, «Мнение иностранцев о России» *А. С. Хомякова*, «О древней русской истории» *П. В. Киреевского*. В «Москвитянин» печатались сочинения *В. А. Жуковского*, *Н. В. Гоголя* (сцены из «Ревизора», «Рим»), *Н. Я. Языкова*, *П. А. Вяземского*, *М. Н. Загоскина*, *А. Ф. Вельтмана*, *В. И. Даля*, *Ф. Н. Глинки*, *Д. П. Озюбишина*, *К. К. Павловой*. Наиболее значительным в журнале был исторический отдел. Ценным было участие в «Москвитянин» видных ученых — *И. И. Срезневского*, *Иакинфа Бичурина*, *А. Ф. Гильфердинга*, *И. Е. Забелина*, *Ф. И. Буслаева*, *И. М. Снегирева*.

В 1850 в связи с привлечением новых авторов, составивших т. н. «молодую редакцию» «Москвитянина» (*А. Н. Островский*, *А. А. Григорьев*, *Б. Н. Алмазов*, *Е. Н. Эдельсон*, *Т. И. Филиппов* и др.), содержание и характер журнала изменились. Здесь печатались пьесы Островского, повести *А. Ф. Писемского*, *П. И. Мельникова-Печерского*, *Д. В. Григоровича*, стихи *Ф. И. Тютчева*, *Я. П. Полонского*, *А. А. Фета*, *Н. Ф. Щербины*, *Л. А. Мея*, сценки *И. Ф. Горбунова*, переводы из Данте, Гёте, Ж. Санд, В. Скотта. Ведущим критиком стал *А. А. Григорьев*. В художественном отделе проявились стремление шире отразить русскую действительность, интерес к народному творчеству. Разрыв Погодина с «молодой редакцией» (1853) поставил журнал в тяжелое положение, и вскоре он прекратил свое существование.

МОСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIV—XVI вв. Зарождение и развитие московской литературы было обусловлено возвышением Москвы как сакрального центра православного царства. Именно Москва сумела объединить русские силы на поле Куликовом. Это событие стало началом процесса централизации русских земель. В произведениях, посвященных Куликовской битве, с особой силой звучали идеи единения русских земель, освобождения Руси от общего врага. В центре этих произведений был образ православного князя-патриота, для которого истинное служение родной земле было важнее всего.

Созданные в период от к. XIV в. до 1480, эти произведения по своей идейной направленности, характерным художественным особенностям стали явлением, по существу, общерусским. Старший из известных нам литературных памятников этого цикла — «Побойще великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем» — входит в состав ряда летописей и обычно называется «Летописной повестью». Более глубоким, значительным и поэтическим явилось «Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче», писание «Софония старца рязанца», более известное как «*Задонщина*». Примерно в одно время возникают «*Сказание о Мамаевом побоище*» и «*Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русскаго*».

1382 был трудным для Москвы, захваченной врагом. Об этих событиях рассказывает повесть «*О московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли Русския*». Героями повес-

ти стали простые люди, городские низы, купцы «сурожане». Их единство противопоставлено княжеской розни.

Московская агиография, продолжая традиции киевской, новгородской, владими́ро-суздальской, уже с к. XIV в. проникается идеями единой державы и растущей мощи Москвы. Постепенно складывается и новый панегирический стиль. В 1381 митр. Киприан создает вторую редакцию жития митр. Петра (первая редакция была написана после смерти святителя) и вкладывает в уста Петра пророчество о будущем величии Москвы при условии поддержки ею Православия.

В к. XIV в. создается первая редакция жития Алексея митрополита. В 1431 при митр. Фотии были обретены мощи Алексея, и епископ Пермский Питирим написал службу митр. Алексею. Когда ок. 1450 митр. Иона установил общерусское почитание митрополита, *Пахомий Серб* написал его житие.

Мастер «плетения словес» *Епифаний Премудрый* создает жития *Сергия Радонежского* и *Стефана Пермского*. В Житии Сергия Радонежского звучит страстный призыв к единению русских земель.

В 1547 составляется первая редакция Жития Ионы, русского митрополита, поставленного без санкции Константинополя. Жития митрополитов Петра, Алексея и Ионы отражают важнейшие политические успехи московского правительства и растущую самостоятельность Русской церкви от Константинополя.

Те же тенденции проявляются и в московском летописании, основные черты которого формировались постепенно.

Московские летописцы провели большую работу по обработке и соединению областных сводов. Главными идеями московского летописания становятся идеи торжества Православия, государственного единства и сильной княжеской власти.

Русь — Церковь, «отечество», Москва и вел. князь стоят в центре внимания летописцев.

В публицистических произведениях 1-й четв. XVI в. — «Послании о Мономаховом венце» *Спиридона-Саввы*, «Послании» старца псковского Елеазарова монастыря Филофея Василию III в 1523, «*Сказании о князьях Владимирских*» — окончательно формируется православно-монархическая теория русского государства.

Борьба с еретическими движениями, борьба «стяжателей» и «нестяжателей» способствовала активному развитию русской публицистики. Сочинения *Максима Грека*, митр. *Даниила*, *Ивана Пересветова*, *Зиновия Отенского* и др. оказывали значительное влияние на общественное мнение и даже на политику вел. князей и царей. Так, публицистические памфлеты Ивана Пересветова явились частью той программы, которая была осуществлена царем *Иваном Грозным*. Понять формирование идеологии самодержавия помогает переписка царя Ивана Грозного с *Курбским*.

Для московской литературы XVI в. характерно создание обобщающих произведений, таких, как «*Великие Четы Миней*», «*Степенная книга*». Определить место Руси и столицы ее Москвы во всемирной истории пытался «Русский хронограф» 1512. Общерусским летописным сводом стала Воскресенская летопись, излагавшая историю Руси с момента образования Киевского государства до 1541.

Изд.: Памятники литературы Древней Руси (ПлДР). XIV — сер. XV в. М., 1981; ПлДР. 2-я пол. XV в. М., 1982; ПлДР. К. XV — 1-я пол. XVI в. М., 1984; ПлДР. Сер. XVI в. М., 1985.

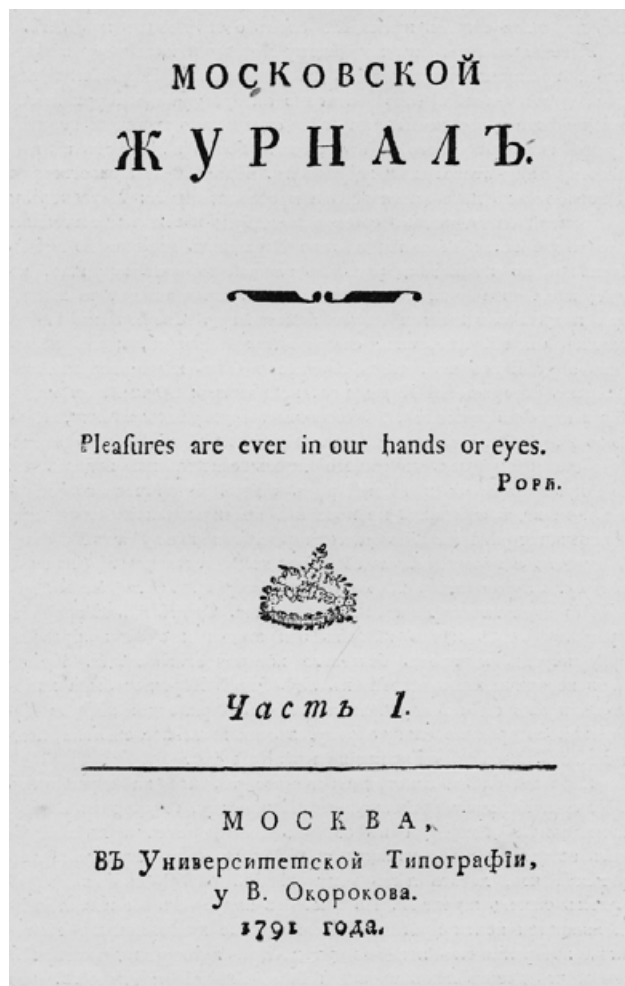
«МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК», двухнедельный журнал, выходивший в Москве с 1827 по 1830. Его издавали члены кружка *Д. В. Веневитинова* (см. «Общество любителей»), пригласившие к активному участию в «Московском вестнике» *А. С. Пушкина*, который напечатал здесь свыше 30 произведений, в т. ч. сцену из «Бориса Годунова», отрывки из «Евгения Онегина», «Графа Нулина». Официальным редактором «Московского вестника» был *М. П. Погодин*, согласовавший свои действия до 1829 с «любомудрами». Для литературно-теоретических позиций «Московского вестника» характерны статьи *И. В. Киреевского*, *С. П. Шевырева*, *Д. В. Веневитинова*, *В. Ф. Одоевского*, повышенный интерес к немецкой литературе (переводы из *И. В. Гёте*, *Ф. Шиллера*, *Э. Т. А. Гофмана*, *Жан Поля*).

«МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ», литературный ежемесячный журнал, издаваемый *Н. М. Карамзиным* в 1791—92. Всего вышло 8 частей. Журнал выступал с позиций *сентиментализма*. Проза «Московского журнала», за немногими исключениями, состояла из произведений *Н. М. Карамзина*: «Письма русского путешественника», повести «Бедная Лиза», «Фрол Силин, благодетельный человек», «Лиодор», «Наталья, боярская дочь» и др. Значительное место занимали переводы, принадлежавшие Карамзину, —

из *Ж. Мармонтеля*, *Л. Стерна*, *Дж. Макферсона*, отрывки из «Сакунталы». В стихотворном разделе сотрудничали *Г. Р. Державин* («Видение Мурзы», «Ода на смерть графини Румянцевой» и др.), *И. И. Дмитриев* («Модная жена» и др.), *М. М. Херасков*, *В. В. Капнист*, *Н. П. Николаев*, *Ю. А. Нелединский-Мелецкий*. «Московский журнал» — один из первых русских журналов, публиковавший рецензии, отчеты о книгах, критические статьи, разборы (*Н. М. Карамзин* о спектакле «Эмилия Галотти» *Г. Лессинга*, рецензии на «Кадма и Гармонию» *Хераскова*, произведения *С. Ричардсона*, *Ж. Бартеlemi*, *Вольтера*). Большой успех журнала вызвал его переиздание в 1801—03.

«МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ», «журнал энциклопедический», выходивший в Москве 2 раза в месяц в 1835—39. Основан группой пайщиков в «журнальную складчину». Участники ее — *А. С. Хомяков*, *И. В. Киреевский*, *М. П. Погодин*, *С. П. Шевырев*, *Е. А. Баратынский*, *Н. М. Языков*, *Н. Ф. Павлов* и др., преимущественно русские «любомудры». Печатались также *В. Ф. Одоевский*, *А. Ф. Вельтман*, *В. И. Даль*, *Н. А. Полевой* и др. *А. С. Полевой* опубликовал стихотворения «Туча», «На выздоровление Лукулла». Иностранная литература представлена гл. обр. переводами писателей романтического направления: *Э. Т. А. Гофмана*, *А. де Виньи*, *Жорж Санд* и др. Редактором до 1837 был статистик, экономист, поэт *В. П. Андросов*. «Московский наблюдатель» складывался в борьбе с «коммерческим» направлением «Библиотеки для чтения» и в то же время с нигилистическими тенденциями «Телескопа». Журнал имел успех, он вызвал сочувственный интерес у Пушкина и *Н. В. Гоголя*. В «Московском наблюдателе» намечались взгляды будущих приверженцев триады «Православие—Самодержавие—Народность» (*Шевырев*, *Погодин*) и *славянофилов* (*Хомяков*, *А. И. Кошелев*). С 1838 право на издание «Московского наблюдателя» откуплено типографом *Н. С. Степановым*, а руководство журналом негласно перешло к *В. Г. Белинскому*, ранее выступавшему в журнале «Телескоп» против «Московского наблюдателя» и эстетических взглядов Шевырева (в статье «О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”», 1836). Отныне «Московский наблюдатель» стал органом кружка Белинского и нарождающегося нигилизма. И в новом обличье просуществовал около года.

«МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ», журнал, издаваемый в 1825—34 в Москве *Н. А. Полевым*. В первые годы литературный отдел находился в руках русских писателей во главе с *П. А. Вяземским*, руководившим литературной критикой. В журнале печатались *А. С. Пушкин*, *В. А. Жуковский*, *Е. А. Баратынский*, *Н. М. Языков*, *Ф. Н. Глинка* и др. «Московский телеграф» резко выступал против нормативной эстетики классицизма и отстаивал под общим, весьма неопределенным названием романтизма право писателя на новые литературные формы, на свое понимание и изображение жизни, продиктованное требованиями современности. Романтические тенденции определили круг иностранных писателей, чьи переводы печатались в «Московском телеграфе», — *Э. Т. А. Гофман*, *П. Мериме*, *Б. Констан*, *А. де Винье*, *Ф. Купер*, *Вальтер Скотт* и др. В отделе науки помещались статьи, цель которых была содействовать прежде всего успехам промышленности и торговли, как основы культурного развития страны. Достижения естественных наук, промышленности, особенно отечественной, широко освещались в «Московском телеграфе». В статьях по этнографии уделялось внимание окраинам и завоеван-

ным областям, их торгово-промышленной колонизации. Вопросы политической экономии освещались с буржуазных позиций в статьях А. Смита, Сея, Бентама, П. Сисмонди. В своих статьях Полевой подчеркивал значение купеческого сословия и необходимость его просвещения.

С н. 30-х против Полевого выступила группа Вяземского — Пушкина. Причиной разрыва с «Московским телеграфом» послужила статья о *Н. М. Карамзине* Полевого («Московский телеграф», 1829, № 12), который, признавая исторические заслуги Карамзина, утверждал, что он «уже не может быть образцом ни поэта, ни романиста, ни даже прозаика русского. Период его кончился». Такая оценка возмутила группу Вяземского — Пушкина, показалась ей оскорбляющей «священную для россиян память *Н. М. Карамзина*» (Пушкин).

В художественном отделе печатались произведения представителей «третьего сословия» — *А. Ф. Вельтмана*, *И. И. Лажечникова*, *Н. Ф. Павлова*, Полевого, переводы В. Гюго, О. Бальзака, Э. Сю и др. Близкое участие в критическом отделе принимал К. А. Полевой. Характерно тяготение «Московского телеграфа» 30-х к французскому романтизму. В отделе критики пропагандировался романтизм и резко осуждались последователи классицизма. В отделе науки печатались переводы французских историков (Гизо, Мишле и др.).

Отрицательный отзыв Полевого о патриотической пьесе *Н. В. Кукольника* «Рука Всевышнего отечество спасла», одобренной имп. Николаем I, был поводом к личному распоряжению царя о закрытии журнала.

МОЧУЛЬСКИЙ Константин Васильевич (28.01[9.02].1892—21.03.1948), литературовед. Окончил Петербургский университет (1910). В 1919 эмигрировал. Читал лекции в Софийском университете, с 1922 — в русском отделе Сорбонны. Жил в Париже. Печатал критические статьи и рассказы в журнале «Русская мысль» (София—Прага), еженедельнике «Звено» (Париж), в «Современных записках». В годы немецкой оккупации Парижа преследовался как руководитель христианской организации «Православное дело». Основная работа Мочульского, переведенная на многие европейские языки — монография «Достоевский. Жизнь и творчество» (Париж, 1947). В 1936 опубликовал книги «Владимир Соловьев. Жизнь и учение» и «Духовный путь Гоголя». В последние годы жизни работал над циклом исследований о русских символистах. Посмертно в Париже изданы монографии Мочульского «Александр Блок» (1948), «Андрей Белый» (1955, вступ. ст. *Б. Зайцева*) и «Валерий Брюсов» (1962).

МУРАВЛИН Д. П. — см. ГОЛИЦЫН Д. П.

МУРАВЬЕВ Андрей Николаевич (30.04[12.5].1806—18[30].08.1874), поэт, драматург, духовный писатель. Родился в Москве. После смерти матери (1809) воспитывался у родственников; в 1815—23 жил в Москве, в доме родителей, где размещалась Школа колонновожатых; дружил с ее воспитанниками.

В 1823 вступил в военную службу. В сент. 1827 уволился из армии «с повышением чина для определения к статским делам». Сдав в апр. 1828 экзамены при Московском университете, в авг. определен в ведомство Коллегии иностранных дел.

Зима 1826—27 — наиболее яркий период в творческой судьбе Муравьева: время активного вхождения в литературную жизнь Москвы и самоутверждения как поэта. Он тесно общался с любомудрами, и прежде всего с *М. П. Погодиным* (отношения с ним поддерживал всю жизнь), накануне чтения пушкинского «Бориса Годунова» Погодин с энтузиазмом принял ходившую в списках трагедию Муравьева «Владимир» (1826). *П. А. Вяземский* писал о «Владимире» *В. А. Жуковскому* и *А. И. Тургеневу* (20 нояб. 1826): «Молодо, зелено, но есть живость, огонь и признаки решительного дарования». Муравьев познакомился с *Е. А. Баратынским* и *А. С. Пушкиным*; стал постоянным посетителем салона З. А. Волконской (урожд. Белосельской-Белозерской, дальней его родственницы). Ей посвятил стихотворения «Ольга», «Певец и Ольга» (1827), а позже «Молитву об Ольге Прекрасной».

В салонах Москвы Муравьева принимали как многообещающего поэта.

Первую публикацию Муравьева — стихотворения «Воззвание к Днепру», «Русалки», «Бакчисарай», «В Персию!», «Ермак» в альманахе «Северная лира на 1827 г.» (М., 1827) — встретили весьма одобрительно: «с надеждой и радостью» обратил на нее внимание Пушкин, а Вяземский нашел в ней «живую поэзию в выражении».

Почти одновременно появился сборник «Таврида» (М., 1827), оказавшийся единственным в поэтическом наследии Муравьева.

Во время русско-турецкой войны (1828—29) в Шумле знакомится с А. С. Хомяковым. Зимой 1829, решив «начертать, по примеру Шекспира, одну огромную драму Россия», приступил к циклу исторических трагедий на сюжеты Древней Руси, представлявшие ему особенно поэтическими, исполненными отчаянной распри, воинской доблести и христианского подвижничества: диалоги «Князя Тверские в Златой Орде» («Михаил Ярославич Тверской», в 5 д., и «Георгий Московский», в 3 д.).

После поражения Турции Муравьев получил в 1829 высочайшее позволение и средства на путешествие к Святым местам. В 1829—30 побывал в Египте (в частности, в Александрии и Каире), Иерусалиме, на Кипре, в Смирне, Анатолии, Константинополе. После войны с Турцией путешествие приобрело оттенок политической миссии: Муравьев стал первым посланником мира в этих странах; самоотверженный поступок «молодого благочестивого юноши» получил широкий резонанс в русском обществе, которое истолковало паломничество как символический намек на религиозную миссию России на Ближнем Востоке. Вышедшее в свет в 1832 его «Путешествие ко Святым местам в 1830 г.» [ч. 1—2. СПб.; рукопись книги по просьбе автора просматривали В. А. Жуковский, принимавший в нем участие (познакомились в 1830), и митр. Филарет (Дроздов), ставший впоследствии его духовным наставником и соратником] вскоре было дважды переиздано — 1833, 1835 (затем — 1840 и 1848) и принесло Муравьеву большую популярность (т. ч. ряд последующих своих «путешествий» он подписал псевдонимом: Сочинение автора Путешествия ко Святым местам). Оно вызвало множество положительных отзывов, в т. ч. Пушкина («с умилением и невольной завистью прочли мы книгу»). За «Путешествие» и ценный дар — привезенные из Александрии статуи двух сфинксов — в окт. 1832 Академия художеств присвоила ему звание Почетного вольного общника академии; в нояб. 1833 без его ведома был избран действительным членом *Общества любителей российской словесности*.

Муравьев дал начало новой разновидности духовной и церковной литературы, придав ей некоторые свойства художественного повествования, т. ч. «беллетризация» сделала ее более доступной и привлекательной для широкого читателя. Сам Муравьев на исходе творческого пути писал о своем нововведении: «Я, можно сказать, создал церковную литературу нашу, потому что первый облек в доступные для светских людей формы все самые щекотливые предметы богословские и полемические...»

В огромном «церковно-литературном» наследии Муравьева прослеживаются 3 основных жанрово-тематических ряда: путешествия по Святым местам, история Церкви, богословские вопросы; все они подчинены единой цели — «утверждению Православия» во всей его полноте в современной жизни.

Муравьев являлся одним из наиболее авторитетных и влиятельных писателей Русской православной церкви. В 1860 он уже более 20 лет считался «эпитропом (т. е. поверенным)» в России трех патриарших престолов (Александрии, Антиохии, Иерусалима); длительное время свободно сносился со многими обителями Афона (свободно изъяснялся на греческом языке), был ктиторм 2 афонских монастырей — болгарского и русского; состоял в многолетней переписке по догматическим, церковно-поли-

тическим, должностным вопросам с 4 патриархами и др. святителями Востока, а также с русскими.

Целенаправленная деятельность Муравьева на новом поприще ознаменовалась рядом изданий:

«Письма о богослужении восточной кафолической церкви» (СПб., 1835; без слова «кафолической»); «Путешествие по Святым местам русским» (СПб., 1836; 4-е доп. изд. Ч. 1—2. СПб., 1846; 8-е изд. Ч. 1—2. СПб., 1905), куда вошли и ранее изданные описания; «Изложение символа веры православной восточной кафолической церкви» (СПб., 1838; 4-е изд. СПб., 1844; принято в качестве учебника в духовных училищах); «Первые четыре века христианства» (СПб., 1840; 3-е изд. СПб., 1866).

Летописная манера Муравьева напоминала современникам Н. М. Карамзина, а сентиментальная настроенность — Ф. Р. Шатобриана (*Святогорец*, что на Донце. Краткий обзор всех сочинений Муравьева). Религиозно-сентиментальный летописный стиль Муравьева — своеобразная поэтическая проза, наиболее естественная и выразительная в его «путешествиях». В февр. 1837 «за заслуги в области российской словесности» Муравьев избран в действительные члены Российской академии.

К к. 50-х он постепенно меняет амплуа «сентиментального путешественника» на роль историка Церкви и богословствующего публициста. Одни его сочинения — миссионерского характера, в т. ч. «Письма о спасении мира Сыном Божиим» (СПб., 1839, 1842, 1844), «Слово кафолического Православия римскому католичеству» (М., 1852; 2-е доп. изд. М., 1853), др. — полемического, в т. ч. «Правда Вселенской церкви о Римской и прочих патриарших кафедрах» (СПб., 1841, 1849), «Раскол, обличаемый своею историею» (СПб., 1854). Большой интерес публики к избранной им теме побуждает Муравьева писать быстро и много: «Мою книгу станут тотчас читать; знаю, что через девять лет ее забудут, но она сделала свое дело».

В 1845—50 Муравьев совершил 3 длительных путешествия: в Рим и Германию (1845), в Грузию и Армению (1846—47), на Восток [1849—50; Константинополь, Афон, о. Родос, Афины, Сирия (в т. ч. Дамаск), Палестина]; в 1848 путешествовал по Волге. Изучив и описав прежде Русскую церковь (и ее святыни) и сравнив ее теперь с др., он находил, что Русская Православная церковь с наибольшей полнотой пребывает в духе и истине.

Впечатлениями о католической культуре исполнены «Римские письма» (Ч. 1—2. СПб., 1846; 2-е изд. СПб., 1847; положит. рец.: Библиотека для чтения, 1846, т. 76) и «Прибавления к Римским письмам» (СПб., 1847).

Муравьев впервые подробно описал состояние христианской, преимущественно православной, Церкви у неславянских народов России и религиозных культов у российских иноверцев — их монастыри и обители, ход и значение богослужения, жития местночтимых святых (специально для него переведенные), а также историю и этнографию края: «Грузия и Армения» (Ч. 1—3. СПб., 1848) и «Письма о магометанах» (СПб., 1848; 3-е доп. изд. Казань, 1875). «Письма с Востока в 1849—1850 гг.» (Ч. 1—2. СПб., 1851; адресованы митр. Филарету Дроздову) значительно дополнили его «Путешествие по Святым местам в 1830 г.».

Итогом многочисленных путешествий (начиная с 1830) стала уникальная коллекция икон и др. реликвий, часть которой, видимо, была передана в Румянцевский музей; историю ее собирания, как и «судьбы» самих раритетов, Муравьев описал в документально-мемуарном сочинении «Описание предметов древности и святыни, собранных путешественником по Святым местам» (Киев, 1872).

Возвратившись в Россию, Муравьев в 1-й пол. 50-х преждемного путешествовал и одновременно много сил отдавал литературному труду (напряженный темп творческой жизни отчасти диктовался сугубо житейскими соображениями: Муравьев нуждался в подспорье к жалованью, а впоследствии — к пенсии. Его паломничество к скитам, обителям и святыням Вологодского и Белозерского края (1854) запечатлелось в книге об уникальном средоточии русского монашества: «Русская Фиваида на Севере» (СПб., 1855, 1894).

Последние, грандиозные по объему историко-религиозные работы Муравьева были по существу итоговыми. Это «Жития святых Российской Церкви, также иверских и славянских» (Т. 1—12. СПб., 1855—59), являющееся не переводами Четвы Миней, а оригинальными жизнеописаниями, основанными на «древней рукописи», найденной Муравьевым в Софийском соборе, — «каталоге святым русским» и «Сношения России с Востоком по делам церковным» (Ч. 1—2. СПб., 1858—60) — результат изучения «греческих грамот о наших церковных сношениях с Востоком».

В последний, киевский, период жизни — начиная с 1858 — Муравьев отошел от творчества, занимаясь преимущественно религиозно-административной деятельностью. Административная деятельность его развернулась широко: он настоял на отмене проекта Э. И. Тотлебена о превращении Киева в город-крепость, содействовал восстановлению храма Св. Ирины, Софийского собора, Десятинной церкви, Межигорского монастыря. Возродил крестный ход на крещение Святого Владимира (в 1861, после 25-летнего перерыва). В 1864 стал председателем учрежденного по его инициативе Свято-Владимирского братства, занимающегося преимущественно миссионерской деятельностью (в частности, изданием сочиненного Муравьевым «Наставления еврею, приготавлиющемуся ко святому крещению». Киев, 1872). Особо заботился об Андреевской церкви, поставленной во имя апостола Андрея Первозванного, небесного покровителя Муравьева (ему он написал акафист, а позже стал ктитором церкви).

Смерть митр. Филарета, многие годы поддерживавшего Муравьева духовно и материально, стала для него «страшным переломом» и побудила к публикации «Писем митрополита Московского Филарета к А. Н. М... 1832—1867» (Киев, 1869). В 1871 избран членом Московской, а затем Киевской духовных академий. Несмотря на значительную поддержку от Церкви, в конце жизни сильно бедствовал: известно о его намерении «бежать» в Святогорский монастырь Харьковской губ. В последние годы обратился к художественным сочинениям своей молодости: издал «Битву при Тивериаде», собирался опубликовать драмы «Михаил Тверской» и «Георгий Московский»; в 1871 издал воспоминания «Знакомство с русскими поэтами» (Киев).

Соч.: [Стихи и драм. отрывки] // Поэты. 1820—1830; Северная лира на 1827 г. М., 1984 / Изд. подготовили Т. М. Гольц и А. Л. Гришунин; послесл. и биогр. заметки Гольц; о Муравьеве — с. 279, 282, 289, 291, 297 и 391—92); [Восп.] // Грибоедов в восп., Лермонтов в восп. Т. 2; Пушкин в восп.; Путешествие ко Святым местам русским. М., 1990 (репринт. изд. 1846) / Послел. В. С. Корды; Письма о богослужении. Т. 1—2. М., 1993 (репринт. изд. 1882 и «Дополнений...» 1883); Жития святых Российской Церкви. Месяц Сентябрь. М., 1993; То же. Месяц Октябрь. М., 1994 (оба — репринтные изд.); Путешествие ко Святым местам в 1830 г. // Святые места вблизи и издали... М., 1995.

Ист.: Хохлова Н. А. Н. Муравьев // Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999.

МУРАВЬЕВ Михаил Никитич (25.10[5.11].1757—29.07[10.08].1807), писатель, общественный деятель. Родился в Смоленске. В 1768—70 учился в гимназии при Московском университете, затем в университете. С 1803 — товарищ министра народного просвещения и попечитель Московского университета.

Содействовал реформам образования, организации научных и литературных обществ, изданию газет, журналов. Помогал молодым ученым и писателям. В 1773 вышли его «Басни в стихах» и «Переводные стихотворения», в 1774 — «Петрония Арбитра гражданская брань», «Военная песнь», «Слово похвальное М. В. Ломоносову», в 1775 — «Оды». С сер. 70-х Муравьев, оставив традиции классицизма, избирает

особый путь; его поэзия — впервые в России — становится лирической автобиографией. Для Муравьева характерно обостренное чувство «живописной красоты» природы, поиски новой образной системы, метрики, интерес к итальянской и греческой поэзии. Один из родоначальников русского *сентиментализма*, предшественник *Н. М. Карамзина*, Муравьев выступал как теоретик и один из зачинателей т. н. «легкой поэзии», получившей развитие в творчестве воспитанника Муравьева — *К. Н. Батюшкова*. «Дщицы для записывания» (в журнале «Утренний свет», 1778), «Эмилиевы письма» (ок. 1790), «Обитатель предместия» (1790) — образцы сентиментальной прозы Муравьева. В 80—90-е им написаны первые русские *баллады*, предромантическая повесть «Оскольд».

Соч.: Полн. собр. соч. / Вступ. ст. К. Н. Батюшкова. Ч. 1—3. СПб., 1819—20; Стихотворения. М.; Л., 1967.

Л. К.

МУРАТОВ Павел Павлович (19.02[3.03].1881—5.10.1950), писатель. Родился в г. Бобров Воронежской губ. Начал печататься в 1906. Сотрудничал в журнале «Весь», «Старые годы», издавал журнал «София» (1914). С 1922 — в эмиграции. Выступал преимущественно как искусствовед по вопросам классической и современной живописи. Наиболее значительный труд Муратова — «Образы Италии» (Т. 1—2. 1911—12; Полное изд. Т. 1—3. Берлин, 1924), где описание страны перемежается с обширными экскурсами в ее историю и искусство. Муратову принадлежат переводы (в т. ч. новелл итальянского Возрождения), сборники новелл, роман «Эгерия» (1922), несколько пьес, яркие эссе о Ж. де Нервале, У. Бекфорде. Произведениям Муратова присущи умелая стилизация и вместе с тем зависимость от литературных образцов. Во время второй мировой войны Муратов находился в Англии, где выступал как военный историк и обозреватель.

Соч.: Герои и героини. М., 1918; Кофейня. М., 1922; Магические рассказы. М., 1922.

МУСИН-ПУШКИН Алексей Иванович (16[27].03.1744—1[13].02.1817), граф, государственный деятель, коллекционер, археограф и историк. Член Российской академии (1789). С 1775 начал собирание письменных и вещественных памятников отечественной истории. Мусину-Пушкину удалось открыть *Лаврентьевскую летопись*, список «Русской правды»,

«Поучение Владимира Мономаха». Он опубликовал «Книгу Большому Чертежу» (1792), «Русскую правду» (1792), «Духовную вел. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха...» (1793) и «Слово о полку Игореве» под названием «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича» (1800). Коллекцией Мусина-Пушкина пользовались Н. М. Карамзин, И. Н. Болтин и др. При нашествии Наполеона

часть коллекции Мусина-Пушкина погибла во время московского пожара 1812.

Лит.: Калайдович К. Ф. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей гр. А. И. Мусина-Пушкина // Записки и труды Общества истории и древностей российских. Ч. 2. М., 1824.

МЫШИЦКИЙ Нил Алексеевич, князь (ок. 1800 — ок. 1854), писатель. Из старинного рода. Служил во флоте.

В основе романа «Сицкий, капитан фрегата» (Ч. 1—3. СПб., 1840; до появления отд. изд. отрывки печатались в «Маяке»: 1840, ч. 4 и 9; «Северной пчеле», 1840, № 77) — легко выделяемый автобиографический материал, отразившийся как в ряде формальных черт, так и в сценах (наиболее удавшихся) морского быта: маневры в заливе, шторм, похороны офицера, спуск фрегата; насыщенные специальными терминами, в т. ч. в воспроизведении речи матросов, маринистские этюды отличаются точностью и четкостью описаний (как, впрочем, и др. эпизоды, не связанные непосредственно с любовной фабулой), своеобразным «морским» лиризмом.

Издатели «Маяка» П. А. Корсаков, цензуравший роман Мышицкого, и С. А. Бурачок считали «Сицкого...» «отрадным явлением», «прекрасной вещью» («Маяк», 1840, ч. 3, отд. V). Помимо комплиментарной рецензии последнего (ч. 10, отд. IV), в которой «Сицкому...» отдавалось предпочтение перед всем «безнравственным» «легким чтением» вообще, в «Маяке» было помещено письмо М. Н. Загоскина Корсакову, где, с похвалой отзываясь о фрагменте романа, он утверждал, что талант Мышицкого — «из пробного золота» (ч. 7, отд. IV). Вероятно, столь высокая оценка связана с последовательно воплощенной авторской позицией Мышицкого, близкой этим литераторам: пагубность действия страстей, религиозная настроенность героев, мотив очищения души; так, одна из героинь приходит к раскаянию, осуждая свои романтические увлечения (сцена объяснения графини Лелиной с мужем обнаруживает некоторое сходство с аналогичной сценой из будущего романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»), другая уходит в монастырь и умирает.

В 1842 в «Маяке» (№ 10) была напечатана «быль» «Красавица». По-видимому, Мышицкий учел замечания критики и использовал преимущества малой формы: в истории гибели «героини», «возлюбленной» рассказчика (как выясняется, легкой вёсельной лодки, именно она и называлась «красавицей»), тщательное воссоздание морского колорита соединяется с вниманием автора к причудам, психологии и обычаям моряков.

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999.

МЯТЛЕВ Владимир Петрович (1868 — после 1933), поэт-монархист. Дед — поэт пушкинской поры И. П. Мятлев. Мятлев окончил военное училище. Был взводным командиром в конногвардейском полку в Петербурге. В 1917—18 жил в Орле, в 1918—19 — в Киеве и в Одессе. До эмиграции Мятлев издал 7 томов собрания своих стихотворений — каждый том под индивидуальным названием: «Миражи», «Раздвоение», «Кошмары», «Вериги» и др. Писал во множестве рифмованные политические сатиры, которые сам он называл памфлетами. Эмигрировал Мятлев в к. 1919 или в н. 1920. Жил во Франции. В н. 1920-х печатался в журнале «Русская летопись». Его первая зарубежная книга — «Фон-Братен», роман в стихах из жизни высшего света (152 строфы, более 2000 строк). Написанный *онегинской строфой* в игривых, отчасти сатирических тонах в к. 1890-х в Петербурге и в имении Голубино (Новооскольский у., Курская губ.), роман был восстановлен автором по памяти через 20 с лишним лет, когда Мятлев жил в Каннах. В романе (в лирических отступлениях) Мятлев говорит и о себе, называя себя Тямлевым: «И Тямлев здесь, салонный бард, / Известный множеством историй / Из-за памфлетов на друзей, Из-за романов и связей...» В 1920-е Мятлев в течение нескольких лет проживал в Германии, в частности в Мюнхене, но вернулся во Францию. Вторая вышедшая в зарубежье его книга — «Поле мятежа» — включает преимущественно стихотворные памфлеты (1917—22), которые ему удавались лучше, чем лирика. Изданный к 65-летию поэта большой машинописный сборник «Кораблекрушение» открывается подборкой стихотворений из тома 8 «Листопад» (1915—19). Затем следуют стихи из т. 9—11, названия которых соответственно: «У врат нирваны», «В ладе Харона» и «По ту сторону Стикса». В целом книга «Кораблекрушение» представляет собою избранное из написанного Мятлевым в годы 1915—33, т. е. после выхода в 1915 в Курске седьмого тома стихотворений «Вериги».

Соч.: Фон-Братен. Берлин, 1922; После мятежа. Берлин, 1924; Кораблекрушение. Париж, 1933.

МЯТЛЕВ Иван Петрович (28.01[8.02].1796—13[25].02.1844), поэт. Сын сенатора, камергер, богатый помещик. Получил домашнее образование. Служил в Петербурге, подолгу жил за границей. Был известен в литературных и великосветских кругах как остро-

слов, стихотворец-любител. Обладая импровизаторским и пародийным даром, владея русским просторечьем, Мятлев славился устным исполнением своих юмористических стихов. Его куплеты, экспромты, стихи на случай и каламбуры ценили А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, любивший «Ишки Мятлева стихи», подражал их манере в стихотворных шутках и альбомных посвящениях.

В 1834 и 1835 Мятлев издал 2 сборника лирики (с характерной надписью «Уговорили выпустить»). Известность приобрела его юмористическая поэма «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей — дан л'этранже», напи-

санная т. н. макароническим стилем, высмеивающая спесивое русское барство. Заграничные впечатления провинциальной помещицы изложены пестрым языком, смесью русского с французским. Образ Курдюковой служил для Мятлева авторской маской; от ее имени он пародийно описывает события европейской истории, обращается к поэтам-современникам и т. п. Эта манера предвосхищала вымышленные образы *Козьмы Пруткова* и «генерала Дитятина» (И. Ф. Горбунова). Выпущенная в Петербурге без имени автора и с фиктивным местом издания (Тамбов), первая часть поэмы (1840) принадлежала, по мнению В. Г. Белинского, «...к числу самых примечательных явлений типографского мира» благодаря иллюстрациям литографа-карикатуриста В. Ф. Тима. Успех издания 1840—44 позволил Мятлеву выпустить еще 2 книги с политипажами — «Петергофский праздник» (1842) и «Коммеражи» (1844). Однако последние части «Сенсаций...», как и изданная без иллюстраций поэма «Тарантелла»

(1844), свидетельствовали об однообразии художественных средств поэта.

Творчество Мятлева повлияло на развитие малых литературных форм XIX в. «Курдюкова», переделанная в водевиль, была дважды представлена в Александринском театре. Многие стихи Мятлева («Плавающая ветка», «Бывало» и др.) были положены на музыку, др. вошли в песенный репертуар мастеровщины как фольклор («Настоечка тройная, или Восторг», «Артамоныч», «Фонарики-сударики»). *И. С. Тургенев* использовал ставшую крылатой строку из стихотворения Мятлева «Розы» в своем стихотворении в прозе «Как хороши, как свежи были розы».

Соч.: Стихотворения. М.; Л., 1937; Полн. собр. соч. Т. 1—2. СПб., 1857; То же / Вступ. ст. А. В. Амфитеатрова. Т. 1—3. М., 1894; Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже. 2-е изд. Т. 1—2. СПб., 1907 // Поэты 1840—50-х. М.; Л., 1962.

Н

«НАБЛЮДАТЕЛЬ», ежемесячный литературный, политический и научно-популярный журнал, издаваемый в Петербурге в 1882—1904 (перерыв с апр. 1902 по янв. 1903). Редактор-издатель А. П. Пятковский. В «Наблюдателе» опубликованы некоторые произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. В. Засодимского, Г. А. Мачтета, стихи И. А. Бунина, Л. И. Пальмина, Л. Н. Трефолева; Н. С. Курочкина, К. М. Фофанова; из зарубежной литературы — переводы А. Доде, Г. де Мопассана, Э. Золя, Ф. Брет-Гарта и др. Большая часть журнала заполнялась патриотической публицистикой. В отделе сотрудничали П. Летенев, К. В. Назарьева и др., в отделе поэзии — А. А. Коринфский, А. В. Круглов и др. Очерки и статьи писали В. О. Михневич, В. Я. Светлов, В. В. Чуйко и др.

Редакция журнала выступала против еврейского засилья в русской литературе и общественной жизни.

НАВРОЦКИЙ (псевд. — **Н. А. Вроцкий**), **Александр Александрович** (1[13].03.1839—28.05[10.06].1914), писатель. Родился в Петербурге. Служил по военно-судебному ведомству. В 1891 вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта. Литературный дебют Навроцкого — светский роман «Семейство Тарских» (1869). С н. 70-х выступал как поэт и драматург (драматические хроники «Стенька Разин», 1871; «Царевна Софья», 1874; стихотворение «Утес Стеньки Разина», 1870; и др.).

С 1879 — издатель и редактор православно-монархического журнала «Русская речь», привлек к сотрудничеству таких писателей и публицистов, как А. Д. Градовский, И. А. Гончаров, Н. Я. Данилевский, А. В. Круглов, Е. Л. Марков. Сам Навроцкий выступал здесь с многочисленными статьями, стихотворениями и историческими драмами в стихах: «Последняя Русь» (1879, № 2), «Крещение Литвы» (1879, № 9), «Иезуиты в Литве» (1880, № 9). В публицистических статьях («Современные этюды», 1880, № 3—6; «Внутреннее обозрение», 1881, № 4; «Самодержавие и конституционализм», 1881, № 6) рассматривал острые вопросы текущей жизни. Утверждая, что русский царь неразрывно связан с народом (связь эту пытается разорвать бюрократия) и что непременным элементом общественной жизни является «предание» (вера и традиции предыдущих поколений), он подверг резкой критике общественные увлечения эпохи реформ (атеизм, нигилизм, меркантилизм), в ходе которых «мы промотали ту нравственную энергию и силу, которые преемственно получили от предков». (1880, № 3). Критикуя в то же время и ряд элементов современного государственного устройства (всевластие чиновничества, «классическая» реформа образования и т. д.), Навроцкий призы-

вал к «мелкой, постепенной работе», к «борьбе на нелегальном поле», считая, что в «основу всех предстоящих реформ должна лечь реформа человека», а для этого необходимы «полная свобода совести, привлечение частной энергии к поднятию нравственного идеала, к идейной борьбе с развившимся злом, строгая экономия и возможно широкое участие представителей народа в разрешении различных вопросов государственной и общественной жизни» (1881, № 4).

Стихи Навроцкого собраны в сб. «Картины минувшего» (СПб., 1881; на кн. был наложен арест, вышла после перепечатки ряда страниц), «Светочи Русской земли» (СПб., 1896), «Сказания минувшего» (кн. 1—3, СПб., 1896—1902), «По Волге. Волжские былины и сказки в стихах» (СПб., 1903); они печатались также в журналах «Русский вестник» (1903—04), «Мирный труд» (1905, 1907), «Светоч» (1910).

Навроцкий считал, что «великие основы русского государства: самодержавие, православие, народность — не суть пустые звуки. Они существуют. На них зиждется и стоит русское государство».

С 1903 Навроцкий член «Русского собрания». С 1900 — член Литературно-художественного общества. Продолжал писать исторические драмы: «Дарья Осокина, купеческая дочь» (СПб., 1904), «Осада Ростова» («Русский вестник», 1906, № 5, 6), «Лихолетье» (СПб., 1910), «Артемий Петрович Волынский» (СПб., 1910) и др. На сцене Народного дома в Петербурге с 1900 с течением нескольких лет шла «драматическая быль» «Иван Разбойник, или Грехам не съест, пока совесть есть». За трагедию в стихах «Государь-царь Иоанн III Васильевич» Навроцкий был удостоен в 1901 почетного отзыва при присуждении АН Пушкинской премии.

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999.

НАВРОЦКИЙ Владимир Михайлович (6[18].11.1847—4[16].03.1882), малороссийский общественный деятель, публицист, экономист, литературный критик. Родился в с. Котузов в Галиции, ныне Тернопольская обл. Жил и работал в Галиции. В 1871 окончил юридический факультет Львовского университета. На основании экономико-статистических сведений Навроцкий в ряде статей раскрыл социально-экономические процессы современной ему Галиции, тяжелое положение русинов («Що нас коштує пропінання», 1876; «Класові інтереси і інтереси народу», 1877, «Шляхетні заштитники народу», 1877, и др.). Значительное внимание Навроцкий уделял проблемам национально-культурного и литературного развития, выступал

с острой критикой романтической литературы, против пренебрежительного отношения к народным истокам и литературному языку: «Посмертное слово литературы галичско-общерусской» (1870), рецензия «Сборник литературный Галичско-русской Матиці» (1870) и др. Автор работ на фольклорно-этнографические темы («Весілля в Котузові», 1869, и др.).

Соч.: Твори. Т. 1. Львів, 1884.

НАВРОЦКИЙ Сергей Никанорович (30.01[11.02].1808—15[27].06.1865), писатель, критик, публицист. Родился в дворянской семье. После окончания физико-математического факультета Московского университета (1824) избрал военную карьеру. В 1830—31 — в действующей армии. Участвовал в сражениях на Кавказе, в Польской кампании. С 1832 — на гражданской службе.

В 1840 дебютировал в «Маяке» С. А. Бурачка и П. А. Корсакова, став одним из самых активных сотрудников журнала в его противостоянии западничеству «Отечественных записок» и В. Г. Белинского. Русские западники, отмечал Навроцкий, — «это род опечатки в книге русских людей», подчеркивая, что «пристрастие к чужеземщине, принесшей учение Вольтера, Сена-Симона и другие и гро-

звившей подавить нашу народность» намного хуже нашествия татар, «которые оставляли неприкосновенною нашу святиню» (1841). Навроцкий последовательно защищал чистоту русского языка от нововведений «новой школы» (1840). Он был убежден, что история России «начертана на челе ее громадными буквами, храмами Божиими» (1841). Свои публицистические идеи Навроцкий выразил в художественной форме в нравоучительной повести «Испытание солдатскому сердцу» (1842), в которой, как и в др. публикациях «Маяка», утверждались религиозно-нравственные идеи, народные идеалы. После «Маяка» Навроцкий отошел от литературы, лишь в к. 40-х предприняв попытку опубликовать в «Москвитяине» статью «Вести о г. Елабуге и находящейся там чудотворной иконе».

НАДЕЖДИН Николай Иванович (5[17].10.1804—11[23].01.1856), мыслитель, литературный критик, журналист. Родился в с. Н.-Белоомут Рязанской губ. в семье дьякона. Окончил Московскую духовную академию. После защиты диссертации, посвященной романтической поэзии (1830), — профессор Московского университета по кафедре теории изящных искусств и археологии (1831—35). С 1831 издавал журнал «Телескоп» с приложением газеты «Молва». В 1836 за опубликование «Философского письма» Чаадаева «Телескоп» был закрыт, а Надеждин выслан

в Усть-Сысольск. По возвращении из ссылки (1838) Надеждин занимался гл. обр. исследованиями в области этнографии, лингвистики, истории и исторической географии.

Убежденный монархист и противник масонской идеологии, Надеждин резко отрицательно отнесся к французской революции 1830, критически оценивал идеи французских материалистов XVIII в.

Философия истории была для него наукой об общих законах развития человечества, о специфике исторических форм бытия. В основе исторических закономерностей лежит, по его мнению, идея Бога как сугубо духовного начала, провиденциализм. Такими закономерностями провиденциального характера являются: единство человеческого рода, развитие и совершенствование, законосообразность исторического развития, единство свободы и необходимости. Большую роль в исследовании философии истории играют, по Надеждину, принцип единства исторического и логического, а также принцип единства анализа и синтеза.

Надеждин стремился развить принцип изменяемости и закономерности, который, по его мнению, должен обнять все богатства опыта, «вещественности». С этим связана критика Надеждиным субъективного идеализма и агностицизма: «исступленного идеализма» Беркли, «скептического неверия Давида Юма», «идеалистического исступленья» Фихте. Высший этап философии Надеждин видел в «философии тождества» Шеллинга, поскольку тот обратился к «вещественности» и пытался опереться в своих систематических построениях на «скрижали опыта». Философия Шеллинга, прежде всего его учение о противоречивости, о центробежной и центростремительной силах, оказала сильное влияние на методологию Надеждина. Борьбу (и примирение) противоборствующих начал Надеждин стремился проследить во всех сферах жизни: в природе, в развитии общества (центростремительное стремление к «народности», центробежное стремление к «общности», всечеловеческому), в теории познания (внутреннее созерцание и внешнее наблюдение), в развитии искусства (стремление «вне себя» — к объективному миру — и «внутри себя»).

Стремясь к выявлению «строгости систематического единства» фактов, Надеждин пришел к построению системы развития искусства, полнее всего выраженной в диссертации. Считая, что в «поэзии» «отражались эпохи жизни всего человечества», Надеждин различал 3 периода истории искусства: классицизм, романтизм и новая поэзия. Последняя должна объединить в себе сильные стороны предыдущих форм искусства. В дальнейшем Надеждин осознал известный схематизм такого построения, однако никогда не отказывался от идеи «стройной философской системы» в эстетике.

Соч.: Литературная критика. Эстетика. М., 1972; О современном направлении изящных искусств; Лекции по археологии; Лекции по теории изящных искусств // Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. М., 1974.

Лит.: Козмин Н. К. Николай Иванович Надеждин: Жизнь и научно-литературная деятельность, 1804—36. СПб., 1912.

НАДСОН Семен Яковлевич (14[26].12.1862—19[31].01.1887), поэт. Родился в Петербурге в семье чиновника. Детство поэта омрачено ранней смертью родителей, безрадостной жизнью в семье родственников. Окончил гимназию, затем Павловское военное училище (1882). Служил офицером. В 1884, заболев туберкулезом, вышел в отставку. Надсон писал стихи еще в

детском возрасте. Начал печататься в 1878. Большую роль в его литературной судьбе сыграл *А. Н. Плещеев*, оказавший заметное влияние на поэта и пригласивший его в 1882 сотрудничать в «Отечественных записках». В 1885 вышел первый сборник стихов Надсона, удостоенный Пушкинской премии. В стихотворении «Друг мой, брат мой...» поэт мечтает о гармоническом общественном строе («Верь: настанет пора — и погибнет Ваал, И вернется на землю любовь!»). Однако зло представлялось Надсону всевластным и вечным; с этим связано ощущение трагической безысходности целого поколения (стихотворения «Наше поколение юности не знает», «Грядущее»). Пессимистические мотивы переплетаются со

стремлением к идеальной красоте, свободе, счастью, с жадной верой, что «мысль найдет и сквозь ошибки путь к сияющей святине» («Быть может, их мечты...»). Острый драматизм и противоречивость душевных состояний, стремление передать психологию раздвоенной болезненной души составляют особенность поэзии Надсона. Жалуясь на слабость и бессилие, он мечтал «о вожде и пророке», способном стряхнуть «тяжесть удушья и сна» («Беспокойной душевною жадной томим», «Изнемогает

грудь в бесплодном ожиданье»). Не случайно Надсон восхищался историческими деятелями (незаконченная поэма «Томас Мюнцер», «Из тьмы времен»), подвижниками христианства, шедшими за правду и любовь к людям «на пытку и крест».

Социальные мотивы («Похороны», «Святитель»), любовь к родине («Художники ее любили воплощать», «Снова лунная ночь и др.) и русской природе («Заря лениво догорает», «Осень...», «В глуши») связывают поэзию Надсона с лирикой *М. Ю. Лермонтова* и *Н. А. Некрасова*. Любовная лирика Надсона пронизана нравственной тревогой, окрашена внутренней скорбью. В поэзии Надсона велика роль рефлексивной мысли, логических раздумий. С этим связаны и логическая четкость композиции стихотворений Надсона и тяготение к аллегорическим образам и афористичности. Многие его стихам присущи сердечные интонации и напевность; положенные на музыку русскими композиторами, они стали популярными песнями и романсами. Надсон пробовал свои силы в прозе, критике и драматургии («Царевна Софья»).

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—3. Пг., 1917; Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1962.

НАЗАРОВСКИЙ Борис Владимирович (?—после 1917), писатель (псевд. *Бэн*) и общественный деятель. Служил в московском цензурном комитете. В н. XX в. участвовал в религиозных чтениях для московских рабочих. Принимал участие в монархическом движении, часто выступал с речами на митингах, считался одним из лучших ораторов.

После ухода *Л. А. Тихомирова* в 1914 с поста редактора «Московских ведомостей» Назаровский возглавил эту газету.

Соч.: Русские народные сказки. (О русском фольклоре). М., 1904; Перед выборами. М., 1906; Бюрократия и интеллигенция. М., 1906; А. С. Пушкин как русский национальный поэт. М., 1906; Н. В. Гоголь. М., 1907; Основы парламентского строя. Речь, сказанная на открытии Волхонско-Пречистенского отдела СРН. М., 1907; Свобода печати.

М., 1910; Великорусские народные песни. М., 1911; Граф Алексей Константинович Толстой. Его жизнь и произведения. М., 1911; Сумерки русской литературы. Максим Горький. Леонид Андреев. Чириков. Юшкевич. Очерки. М., 1912; Великая Отечественная война 1812 года. В память ее столетия. СПб., 1912; Отечественная война в русской поэзии. М., 1912; Война за правду. Как началась великая европейская война. М., 1915.

А. С.

НАЗАРОВ Егор Иванович (1848 или 1849 — 20.10[2.11]. 1900), поэт-самоучка. Родился в г. Елец Орловской губ. Из обедневшей ветви купеческого рода. Грамоте выучился самостоятельно в 8 лет. Жил в нужде и лишениях, сохранив при этом светлое воспоминание о детстве («Давно то время миновало, / Но детство милое живет; / Пора, где сердце не страдало, / Во мне до гроба не умрет»). В 1872 опубликовал в сборнике писателей-самоучек «Рассвет» (Вып. 1. М.) первое стихотворение «Бедность, бедность, нищета...».

В 1880-е Назаров познакомился «в базарном трактире» Ельца с *И. А. Бунинным* (послужил прототипом Кузьмы Крацова в повести «Деревня» и Балавина в «Жизни Арсеньева», где Бунин цитирует стихи Назарова). Бунин откликнулся на сборник Назарова «Собрание стихотворений» (М., 1888) статьей «Поэт-самоучка. По поводу стихов Е. И. Назарова» («Родина». 1888. № 24), в которой писал: «...несмотря на многие серьезные недостатки его произведений, в них встречаешь искренние чувства, довольно отделанную форму стиха и задатки таланта, который, при иных обстоятельствах, мог бы вполне развиться...». Лучшими Буниным назвал стихи «Памяти Надсона», «Встреча Нового года», «Море житейское». Поэзия Назарова исполнена жалоб на тяжелую жизнь («Рад бы запеть я песню веселую, / Сердце потешить, грусть одолеть; / Нет, все про горе и долю суровую / Как-то невольню приходится петь!») и вместе с тем нравственного достоинства.

Соч.: Собр. стих. Елец, 1889; [Стихи] // И. З. Суриков и поэты-суриковцы. М.; Л., 1966.

НАРЕЖНЫЙ Василий Трофимович (1780—21.06[3.07]. 1825), писатель. Детство провел в местечке Устивцы Миргородского у. Полтавской губ. в усадьбе отца. В 1792 поступил в гимназию при Московском университете. В 1799 зачислен студентом на философский факультет. В 1802—21 на государственной службе.

Первые литературные опыты Нарезного относятся к годам его ученичества и студенчества («Приятное и полезное препровождение времени», 1799; «Иппокрена, или Утеха любословия», 1799—1800) и несут на себе печать литературной школы Московского университета. Историко-героические поэмы «Брега Атлы» и «Освобожденная Москва» созданы с ориентацией на поэтику классицизма, отражают также воздействие баллад Оссиана. (Мистификация английского писателя XVIII в.

Макферсона, выдавшего свое сочинение, в котором широко использовался шотландский и ирландский фольклор, за

перевод легендарного кельтского барда Оссиана, оказала значительное влияние на предромантическую литературу.) Трагедия «Кровавая ночь, или Конечное падение дома Кадмова» написана по мотивам Эсхила и Софокла. В трагедии «Дмитрий Самозванец» (изд. в 1804) сказывалось сильное влияние «Разбойников» Ф. Шиллера.

В 1806—08 Нарезный завершил 1-ю часть цикла повестей «Славянские вечера» (опубл. в 1809); полное их издание вышло в свет в 1826. В них отразился характерный для предромантизма интерес к отечественной истории: сочетая исторические факты и художественный вымысел, Нарезный в духе оссиановской традиции поэтизирует героев Киевской Руси, прославляет прошлое родной земли. Написанные ритмизованной прозой, повести во многом обнаруживают также воздействие «*Слова о полку Игореве*».

Наиболее значительное произведение Нарезного — роман «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814). Будучи связанным с просветительской правоописательной традицией, с плутовским романом Лесажа, он продолжает сатирическое направление русской литературы XVIII в., представленное творчеством *Н. И. Новикова*, *Д. И. Фонвизина*, *И. А. Крылова*. Используя авантюрный сюжет, описывая похождения кн. Чистякова, Нарезный создает сатирическую панораму России посл. трети XVIII в., показывает помещичью усадьбу, уездный и губернский город, Москву, Варшаву (подцензурное название Петербурга). В романе изображены разные социальные слои русского общества: столичная знать (в кн. Латроне угадывается Г. А. Потемкин), провинциальное дворянство, купечество, духовенство, крестьянство. Нарезный обличает общественные пороки: взяточничество, казнокрадство, лицемерие, разврат. Сатирические символы — 2 здания губернского города, украшенные двуглавым орлом (большой каменный дом, откуда люди выходят в унынии, — присутствие и маленький ветхий домишко, где они ищут утешение, — кабак), превосхищают сатиру *Н. В. Гоголя* и *М. Е. Салтыкова-Щедрина*. Нарезный уповает на просвещение и нравственное перевоспитание всех сословий, многие страницы его романа написаны в морализаторском тоне; в духе сентиментальной литературы представлен добродетельный герой Никандр — сын Чистякова. Однако над всем господствует трезвый взгляд писателя на человека и окружающую действительность. Острота сатиры Нарезного послужила причиной наложения ареста на 3 первые части романа, опубликованные в 1814, запрещения печатать 3 последующие части.

В 1818 Нарезный закончил работу над романом «Черный год, или Горские князья», в котором отразились впечатления писателя от его пребывания на Кавказе. 20 мая 1818 Нарезный выступил с чтением повести «Игорь» на заседании *Вольного общества любителей российской словесности*. В 1818 в журнале общества «Соревнователь просвещения и благотворения» напечатал повесть «Любослав», в 1819 — повесть «Александр».

В 1822 был завершён и опубликован роман «Аристон, или Перевоспитание», восходящий к европейскому роману воспитания, к роману Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». Герой Нарезного Аристон, зараженный пороками дворянства, перевоспитывается в благоприятной среде искусственно созданного идеального поместья, где процветают высокая нравственность и художественная культура. Картина перевоспитания героя показана на фоне морального разложения праздных помещиков. В представленных Нарезным типах — пана Сильвестра, страстного охотника, запустившего хозяйство, скупца пана Тараха, игрока и

кутили пана Парамона — можно узнать будущих героев «Мертвых душ».

В 1824 вышли в свет «Новые вести». В одной из них — в повести «Мария» разрабатывался мотив, на котором основано «Печальное происшествие» *Жуковского* (чистая любовь крепостной девушки, поруганная крепостниками, последующая гибель влюбленных), — наиболее полно по сравнению с др. произведениями Нарезного сказалась поэтика *сентиментализма*.

Последние романы Нарезного посвящены малороссийской теме. Роман «Бурсак» (1824), изображающий быт и нравы бурсаков, превосхищает соответствующие описания «Вия» Гоголя. Роман «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (1825) сюжетом, характерами главных героев, живописными бытовыми картинками, сатирическими, а также исполненными мягкого юмора сценами превосхищает гоголевскую «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Нарезный вошел в историю русской литературы как родоначальник русских романистов, предшественник Гоголя.

Соч.: Избр. соч. / Вступ. ст. Н. Л. Степанова; Подгот. текста и примеч. А. М. Жигулева. М., 1956; Избранное / Сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Грихина и В. Ф. Калмыкова. М., 1983; Соч.: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. В. Манна. М., 1983.

НАРОВЧАТОВ Сергей Сергеевич (3.10.1919—1981), поэт. Родился в г. Хвалынский Саратовской обл. Детство провел на Волге. В 1933 вместе с родителями уехал на Колыму, учился в магаданской средней школе. В 1937 поступил в МИФЛИ. В дек. 1939 вместе с группой студентов ушел добровольцем на войну с белофиннами. В 1941 окончил МИФЛИ и Литературный институт. В н. 1941 в журнале «Октябрь» в подборке стихов московских студентов опубликовал стихи «Семен Дежнев». В июне 1941 Наровчатов вновь добровольцем уходит на фронт. Военная тема составляет основу как первой книги Наровчатова «Костер», так и всей его поэзии, особенно сборника «Взыскательный путник» (1963).

Для стихов Наровчатова характерны высокая гражданственность, точность слова, простота и ясность стиля. Позднее в его стихах появляется все более ошутимая тяга к философскому осмыслению жизни.

Соч.: Солдаты свободы. М., 1952; Горькая любовь. М., 1957; Северные звезды. Магадан, 1957; Стихи. М., 1962; Избр. лирика. М., 1964; Пес, девчонка и поэт. Стихи. М., 1965; Стихи. М., 1965; Поэзия — души движенье. М., 1965; Разговор начистоту. М., 1965; Четверть века. Стихи. М., 1965; Поэзия в движении. М., 1966; Василий Буслев и Семен Дежнев. Магадан, 1967.

НАРОДНЫЙ СТИХ, многообразный по формам стих, которым сложены русские народные *былины*, *сказы*, *песни*, *частушки* и пр. Строение русского народного стиха до сих пор не изучено вследствие необычайной сложности его форм, резко отличающихся от форм классического стиха: единого общепринятого взгляда на строение народного стиха не существует.

Первая попытка разобраться в строении народного стиха принадлежит *В. К. Тредиаковскому*, который искал в нем опоры для своего «тонического стиха». Первое серьезное исследование народного стиха сделал *А. Х. Востоков* («Опыт о русском стихосложении», 1817). По его мнению, оригинальное народное стихосложение довольствуется одними ударениями и не знает употребления стоп и рифм. Востоков определял его как акцентный стих. Это утверждение верно в отношении лишь одной формы народного

стиха, а именно — дисметрической. Но в народном стихе есть и др. — метрические формы. Уже в то время существовал сборник *Кириш Данилова*, где имелись образцы метрического, т. е. стопного, стиха, правда, совершенно иной ритмической конструкции, чем в книжном классическом стихе (у *М. В. Ломоносова*, *А. П. Сумарокова*, *Г. Р. Державина*, *А. С. Пушкина*). Отрицая в народном стихе рифму, Востоков отмечал, однако, единство клаузул.

В 1837 вышла книга А. Кубарева «Теория русского стихосложения», в которой автор выдвинул теорию тактов и пауз. Кубарев считал, что «у древних стопа, у нас такт, понятия тождественные»; в противоположность Востокову, он защищал метрический принцип строения народного стиха, а также ритмические паузы в стихе. Т. о., в истории русского стиховедения обозначились 2 противоположных взгляда на формостроение народного стиха. Теорию Востокова (народный стих — акцентный) поддерживали *Н. Греч*, *В. Классовский*, *С. Шафранов*, *П. Сокальский*, *И. Голохвастов*, а в наши дни — *М. Штокмар*; теорию Кубарева (народный стих — метрический, стопный) — *Н. Надеждин* (частично), *Д. Дубенский*, *Р. Вестфаль*, *Ю. Мельгунов* (2 последних — исходя из принципа античной метрики), *Ф. Корш*, *М. Малишевский*. В действительности проблема ритмических структур народного стиха сложнее.

Изучение огромного богатства народной поэзии показывает, что русский народ создал самобытные, обусловленные духом и строем языка, многообразные формы стиха, среди которых имеются и дисметрические формы, и различные метрические формы, и паузный стих, и стихи с рифмами и без рифм. Структура русского народного стиха станет яснее, если ее рассматривать не с точки зрения традиционного стопосложения *силлабо-тонического стиха*, а исходя из основ тактометрической ритмологии, в пределах которой находят свое место и формы классического литературного стиха, и просодия виршевиков (см.: *Силлабическое стихосложение*), и формы народного стиха.

Как и все стихи, народный стих следует прежде всего разделить на 2 категории — дисметрические и метрические. К дисметрическим формам стиха относятся: интонационно-фразовая форма (*фразовик*), акцентный стих, или ударник (оба вида — нерифмованные стихи), и раешный стих (с рифмой). Пример народного фразовика:

Ах, туманы вы мои, туманушки,
 Вы туманы мои непроглядные,
 Как печаль-тоска, ненавистные,
 Не подыаться вам, туманушки, с синя моря долой,
 Не отстать тебе, кручинушка, от ретива сердца прочь!
 («Песня разинцев»)

Пример народного ударника (четырёхударник с двухсложной клаузулой):

Ой, сахар, мой, сахар, бел крупичатый, канарской!
 Кто тебя станет кушать, насладит свою душу?
 Ой, бархат мой, бархат, помаранцов, веницейской!
 Кто тебя будет носить, в тебе будет красоваться?

Область метрических народных стихов, построенных на ритмических модификациях четырехдольника (введение длинных слогов, т. е. растяжение гласных; внутрискладовые паузы; ритмическая инверсия), занимает огромное место в народной поэзии — не менее половины всех народных стихотворений: былин, исторических песен, лирическо-бытовых, обрядовых, хороводных, семейных, любовных песен и пр. Особенно популярен трехкратный четырехдольник третий (с двухсложной

анакрусой), известный под именем «камаринской». Встречается трехкратный четырехдольник первый (без анакрусой):

Во поле бе/резонька сто/яла,
 Во поле куд/рявая сто/яла...

Распространены формы четырехкратного четырехдольника. Четырехкратный четырехдольник третий (с двухсложной анакрусой) — излюбленная форма метрического народного стиха. Классический образец — песня «Ах, вы, сени мои, сени». Популярны также пятидольник и шестидольник.

А. Квятковский

НАРОДНЫЙ ТЕАТР, одна из древнейших форм искусства, имевшая в дохристианские времена ритуально-магическое значение. Народной драмой можно с полным правом назвать похоронный и свадебный обряды, недаром свадьбы «игрались», в них есть определенная драматургия, а плакальщицы, имевшие, как знаменитая *Ирина Федосова*, хор подголосниц, «правили» обрядом, выступая в роли древних жриц. Народные обряды — масленичные, встречи весны, купальские, похороны Костромы тоже разыгрывались. Древние языческие игрища, включавшие обычаи ряжения, со временем утрачивая магические функции, превращались в драматическое или шутовское действие.

К народному театру имеют самое непосредственное отношение и *скоморохи*. Уже на фресках XI в. в киевском Софийском соборе, наряду с изображениями Христа-Вседержителя, Богоматери Оранты, святыми, а также Ярослава Мудрого и великокняжеской семьи, сохранились изображения народного кукольного вертепного театра и скоморохов-музыкантов, ряженных, борцов, танцоров, гудошников. Изображения скоморошьего театра есть и в миниатюрах *Радзивилловской летописи* XIV в. Все это свидетельствует, что в Киевской Руси театральное лицедейство не подвергалось преследованиям, иначе Церковь вряд ли допустила бы изображения кукловодов, скоморохов и ряженных в центральном митрополичьем храме. Жесточайшие гонения начались лишь в XVI—XVII вв. — при *Иване Грозном* и *Алексее Михайловиче*. В постановлениях «Стоглава» (1551) обличались «скоморохи, гудцы и перегудцы» и все др. «глумы» и «песни сатанинские». В царской грамоте 1648 к ним добавлялись «празднословие с смехотворением и кошунанием», во время которых «накладывают на себя личины и платье скоморошье».

Но элементы народного театра существуют не только в древнейших обрядах и в скоморошьих игрищах, песнях и плясках. Многие сказочники разыгрывали действие сказок, используя жест, мимику, интонацию, подражая голосам животных. Это был подлинный театр одного актера.

Народный театр в чистом виде — кукольный *Петрушка*. Представление кукольной комедии «Петрушка», как правило, состояло из цепочки сцен, в которых Петрушка встречался с разными персонажами. Обычно комедия начиналась с выхода Петрушки, который здоровался с публикой и заводил разговор на злободневную тему, острил, «задирали» публику. Затем следовала сцена с женитьбой, разыгрывалась покупка лошади у цыгана, сцены-столкновения с доктором, немцем, офицером, квартальным, жидом, арапом или др. персонажами. Петрушка, в отличие от др. персонажей, говорил пискливым, дребезжащим голосом, для чего использовался специальный инструмент — гогорок, пищик. Многие петрушечники прекрасно владели им. Петрушка был известен и по многочисленным лубочным изданиям: «Петрушка. Народный кукольный театр», «Петрушка. Веселый театр», «Новейший Петрушка», став одним из самых популярных кукольных героев.

Не меньшей популярностью пользовался и народный кукольный *вертеп*, имевший в своем изначальном виде религиозно-нравственную основу. Кукольная вертепная драма с помощью специального переносного ящика разыгрывалась на двух сценах — верхней и нижней. На верхней представлялись картины, связанные с рождением Христа в пещере (само слово «вертеп» в старославянском языке означало «пещера»). А в нижней части вертепа разыгрывались сцены с царем Иродом. Никакого негативного значения в слове «вертеп» не было, равно как и в слове «позорище», что в славянских языках означает «зрелище» (слово «театр» возникло лишь во времена имп. Петра I, как калька с французского). Негативное значение слова «вертеп» и «позорище» приобрели после того, как кукольные театральные представления, в т. ч. и вертепные, стали приобретать все более сатирический и пародийный характер.

С кукловодами часто выступали городские медведи. Медвежья потеха тоже был театральным зрелищем, включавшим всевозможные приговоры и прибаутки. Описание таких бродячих актеров кукловодов и жоваков медведей сохранилось у Олгария (30-е XVII в.). «Жоаки медведей, — сообщает он, — имеют при себе таких комедиантов, которые, между прочим, тотчас же могут представить какую-нибудь шутку или шалость, как это называют голландцы, с помощью кукол. Для этого они обвязывают вокруг своего тела простыню, поднимают свободную ее сторону вверх и удерживают над головой таким образом нечто вроде сцены, с которою они и ходят по улицам и показывают на ней разные представления».

Неизменной частью народных городских гуляний и увеселений в XIX в. был т. н. раек. По описанию Д. А. Ровинского, он представлял собой небольшой ящик с двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри его перематывалась с одного катка на др. длинная полоса с изображениями разных городов, великих людей и событий. За копеечную плату зрители рассматривали изображения через увеличительные стекла, а раешник передвигал картинки и комментировал их замысловатыми присказками.

Ленты райка чаще всего состояли из серии лубочных картин. В них показывались памятные исторические события: отступление Наполеона от Березины, защита Малахова кургана, пленение Шамиля, богатырские подвиги *Ильи Муромца* или *Еруслана Лазаревича*. А раешник зазывал: «Подходи, люд честной, люд Божий, / Крытый рогожей, / За медный пятак / Покажу этак и так». Немаловажное значение имеет и тот факт, что «*раешный стих*» вошел в литературу, стал неотъемлемой частью русской поэзии. Раешники, как и балаганные зазывалы, умело использовали в своих прибаутках злобу дня. Они описаны в воспоминаниях Ф. И. Шаляпина и В. А. Гиляровского.

Более сложную форму сценического искусства представляют народные сатирические пьесы: «Барин», «Маврух», «Пахомушка». Эти пьесы возникли на основе «досяльных» святочных игр. «Барин» — на основе святочного ржания «Конем»; «Маврух» — святочной «покойницкой игры», состоящей в пародийном отпевании и оживлении «покойника»; «Пахомушка» — на основе святочного представления шуточной свадьбы.

Наряду с сатирическими в народном театре исполнялись героические пьесы: «Лодка», «Царь Максимилиан», «Как француз Москву брал». В «Лодке» использована «разбойничья» тематика. Известны и др. «разбойничьи» драмы: «Стенька Разин», «Ермак», «Атаманы», «Шайка разбойников». Одни из них являются как бы инсценированной песней «Вниз по матушке по Волге», др. возникли на основе тоже во многом фольклорных лубочных «разбойничьих» повестей и драм,

таких, как «Черный гроб, или Кровавая звезда», «Атаман Фра-Дьявол», «Могила Марии», «Ведьма из-за Днепра».

В основе народной драмы «Царь Максимилиан» — конфликт между отцом-тираном и сыном-праведником. Жестокий царь-язычник Максимилиан пытается вернуть сына-христианина в языческую веру. Бесстрашный Адольф идет на казнь во имя своих идеалов. Особой популярностью «Царь Максимилиан» пользовался в солдатской среде, в народной драме использованы военные и походные песни.

В солдатской среде разыгрывалась и народная драма «Как француз Москву брал», отличающаяся своим патриотическим пафосом.

Народные драмы возникли в XVIII—XIX вв. Для фольклорных произведений два века — это «младенческий» возраст. В кукольном Петрушке вполне прослеживаются сатирические традиции и сатирический театр скоморохов, источники «Царя Максимилиана» в этом отношении весьма смутны. Тем не менее именно в данном случае мы имеем дело с рождением жанра — несовершенного в силу своей новизны. «Царь Максимилиан» стоит у истоков русского национального театра, русской национальной драматургии.

В. Калугин

НАРОКОВ Николай Владимирович (наст. фамилия **Марченко**) (26.06.1887—3.10.1969), прозаик. Учился в Киевском политехническом институте, по окончании которого служил в Казани. Принимал участие в денкинском движении. Учительствовал в провинции: преподавал математику. В 1932 был ненадолго арестован. С 1935 по 1944 жил в Киеве. 1944—50 провел в Германии, откуда переехал в Америку.

Перу Нарокова принадлежат 3 романа: «Мнимые величины» (1952), «Никуда» (1961) и «Могу!» (1965). Наибольшую известность получили первый и последний. «Никуда» вышел только в журнальной публикации.

Во всех поставлена проблема свободы, морали и вседозволенности, Добра и Зла, утверждается идея ценности человеческой личности, что роднит писателя с творчеством Ф. Достоевского, влияние которого проявляется на всех уровнях художественных произведений писателя.

В основе «Мнимых величин» и «Могу!» лежат полудетский сюжет, тайна, позволяющие заострить столкновение морали и безнравственности, выяснить, любовь или жажда власти правит миром.

Один из главных героев «Мнимых величин», чекист Ефрем Любкин, возглавляющий НКВД в провинциальном городке, утверждает, что все провозглашаемые коммунизмом цели — лишь громкие слова, «суперфляй», а «настоящее, оно в том, чтобы 180 миллионов человек к подчинению привести, чтобы каждый знал, нет его!.. Настоящего нет, что сам он это знает: нет его, нет пустое место, а над ним все... Подчинение! Вот оно-то... оно-то и есть настоящее!». Многократно повторяющаяся в романе ситуация, когда человек создал фантом и сам в него поверил, придает злу трансцендентный характер. Ведь этому закону подвержен и несчастный арестант Варискин, и мучающие его следователи, и сам всемогущий Любкин, поверивший в то, что подчинение и есть смысл жизни и лишь избранным дана «полная свобода, совершенная свобода, от всего свобода — только в себе, только из себя и только для себя. Ничего другого — ни Бога, ни человека, ни закона».

Еще более последовательно проводит эту мысль «человек-могу» Федор Петрович Ив. Все его помыслы направлены на

подчинение себе др. людей. Подобно Великому инквизитору из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы», Ив утверждает, что люди должны с радостью отказываться от своей свободы в пользу сильных. Причудливый путь этого дьявола-искусителя (видный коммунист — сотрудник гестапо — капиталист) на самом деле весьма показателен и характерен: все эти виды деятельности дают Иву власть.

Однако по мере развития сюжета выявляется несостоятельность идеи тирании как главного закона мироздания. Любкин убеждается, что его теория такой же «суперфляй», как и коммунистические догмы. Его все более тянет к Библии с ее идеалом любви к ближнему. Иву не удается хитроумный план завладеть нравящейся ему женщиной. У его верной помощницы Софьи Андреевны, как и у Раскольникова, «чтобы убить, сил хватило, но чтобы жить с убийством в душе» — нет. Любкин к концу романа меняется; Софья кончает жизнь самоубийством. Сам Ив вынужден бежать.

Причиной такого исхода является наличие в системе образов обоих романов людей высокой морали. Как правило, это женщины: Евлалия Григорьевна и ее соседка старушка Софья Дмитриевна в «Мнимых величинах», Юлия Сергеевна — в «Могу!». Внешне слабые, наивные и даже порой смешные, они верят в то, что «все дело в человеке», «человек — альфа и омега», верят в интуитивное понимание Добра, в то, что Кант и Достоевский называли категорическим императивом. Напрасно искушает Любкин хрупкую Евлалию Григорьевну правдой о предательствах близких ей людей, ожидая, что женщина воспылет ненавистью к ним, откажется от любви к ближнему. Тщетно спекулируют на совестливости Юлии Сергеевны Ив и Софья, желая совратить праведницу. Они приносят ей страдание, но не могут заставить изменить принципам.

Соч.: Мнимые величины. М., 1990; Могу! М., 1991.

В. Агеносов

НАСЕДКА-ШЕВЕЛЕВ Иван Васильевич (1570 — ок. 1660), священнослужитель, публицист, поэт.

Наседка-Шевелев в 24 года был посвящен в дьяконы, затем служил священником в с. Клементьево, недалеко от Троице-Сергиевой лавры. В 1615 вместе с Дионисием Зобнинским и старцем Арсением Глухим занимался исправлением Требника. Через 3 года Собор в Москве осудил справщиков, отлучив их от Церкви, причем Дионисий и Арсений подверглись заключению. Однако в 1619 патр. Филарет на новом Соборе оправдал Дионисия и его сотрудников.

Наседка-Шевелев стал священником кремлевского Благовещенского собора: в 1622 посольским священником отправился в Данию. По возвращении из Европы составил антипротестантский трактат «Изложение на люторы». В 1625 упомянут как ключарь Успенского храма в Кремле. В 1627 вместе с Ильей Богоявленским рассмотрел и осудил учительное евангелие Кирилла Транквилиона. С 1638 Наседка-Шевелев служил на Печатном дворе в Книжной справе, в частности, в 1644 печатал Кириллову книгу. В 1649 возглавил Книжную справу. Овдовев, принял монашеский постриг под именем Иосифа. В 1652 отстранен от дел патр. Никоном и сослан в северный Кожеезерский монастырь.

Наседка-Шевелев прежде всего полемист-богослов. В 1619 он составил 2 сочинения в защиту правки Требника (против критиковавшего эту правку Антония Подольского). Его основное произведение — «Изложение на люторы», содержащее развернутое опровержение протестан-

тизма, причем с крайне жестких, непримиримых позиций (с включением сатирических виршей). Непримируемость Наседка-Шевелев продемонстрировал и в материалах диспутов с Фелдгабером (2-е послание патр. Иосифа, «речь» о крещении, ответы на письмо «немчина» Матвея), к подготовке которых имел отношение. Кроме того, Наседка-Шевелев являлся автором «Сана церковного, или Сказания нужнейших обычаев на учение православныя христианския веры, новопросветившемуся зело потребного», «Зерцала духовного» — сборника наставлений отцов Церкви, расположенных в алфавитном порядке. Его записями пользовался *Симон Азарьин*, создавая Житие Дионисия Зобнинского. Наседка-Шевелев принадлежал к числу поэтов «приказной школы».

Соч.: Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны // Чтения отд. ист. и древностей российских. 1892. Кн. 2; Виршевая поэзия: 1-я пол. XVII в. М., 1989.

М. О.

НАСЕДКИН Василий Федорович ([13].01.1895—15.03.1938), поэт. Родился в д. Воровка Уфимской губ. в крестьянской семье. После окончания сельской школы учился в 4-годовой учительской семинарии в Стерлитамаке. В 1913 после окончания семинарии Наседкин едет в Москву и поступает в Московский университет на физико-математический факультет.

В 1914 переходит в Народный университет им. А. Л. Шанявского, где устанавливает дружеские и творческие

связи с С. Есениным и в дальнейшем испытывает огромное влияние его поэзии.

В 1915 Наседкин добровольцем уходит в армию. Из армии его направляют в Алексеевское юнкерское училище, где он ведет пропагандистскую работу, а в 1917 руководит восстанием юнкеров, перешедших на сторону революции, и принимает непосредственное участие в захвате красногвардейцами Кремля. В том же году он вступает в РКП(б), является членом комитета и членом Ревво-

енсовета, а затем назначается комиссаром полка.

В н. 20-х Наседкин участвует в борьбе с басмачами в Туркестане. Тогда же в местной печати были впервые опубликованы его стихи.

Природная лирика очарования миром русской деревни и ориентальные восточные мотивы, характерные для поэтов-новокрестьян, соединяются у Наседкина неразрывной нитью. Есенин высоко ценил его «Гнедые стихи», «О родное, любимое поле!..» («Лес почернел и поредел, / Поляны вязнут в мокрых листьях, / И словно весь лесной предел / В полуоблезлых шуках лисьих... // Горит закат. Слышнее гам. / Напевней звон и гул трамвайный. / По тростниковым берегам / Я отгулял, как гость случайный...»). В поздних стихотворениях к. 20-х — н. 30-х поэтический горизонт Наседкина расширяется и определяющим становится мотив дороги, дороги, ведущей к Востоку, который сам, словно

раскрывая перед ним неведомые горизонты, расстилает свои дары перед путником («Самарканд, Мараканда... Над ним / Голубеют, как время, шатры — / Гур-Эмир, Шах-Зинде и Ханым / А вдаль, у Гиссарской горы, / Чуть звенит караван Бухары. / Льет прохладные тени Шир-Дар. / Скоро вечер. Пустеет базар. / Вспоминая, бренча по годам, / Ты о чем разгуделся, дутар?..»). И в одном стихотворении («Перед картой») происходит кардинальная смена ритма, а поморская песня плавно переходит в любовную восточную мелодию («Чувство мое, как весна, полыхай, розовой! / Я ни за что не скажу тебе “тише!” / В сердце, в кустах ли забулькал опять соловей? / Милая, слышишь?»).

В 1923 Наседкин поступает учиться в Брюсовский литературно-художественный институт и работает штатным редактором в журнале «Город и деревня». В н. 1924 он снова встречается с Есениным, становится одним из ближайших друзей последних лет жизни поэта.

В 1926 Наседкин издает книгу воспоминаний «Последний год Есенина». В 1927 выходит в свет его первая книга стихов «Теплый говор», а в 1931 — 2-я книга «Ветер с поля». Последний прижизненный сборник «Стихи» был издан в 1933.

В 1921 Наседкин порвал с партией, а в к. 20-х стал ярким противником коллективизации. К 1923 относится его стихотворение «Буря»: «Нет ни огня, ни темной хаты. / Такая глушь, такая мгла, / Что надо бить в колокола, / Чтоб вывести путника на свет, / Но даже колокола нет».

26 окт. 1937 Наседкин был арестован. На допросах он откровенно высказал причину своего недовольства. «Власть над народом захватили инородцы, которые попирают его национальные особенности. Мы, русские, потеряли свою родину и отечество. Русская страна гибнет в результате политики инородцев... Литературу заполнили евреи в ущерб русским... Все крестьянство бесправно и экономически угнетаемо...».

15 марта 1938 Наседкин был приговорен к расстрелу по обвинению в «террористических намерениях». Политически реабилитирован в 1956.

Соч.: Последний год Есенина. М., 1927; Ветер с поля. М., 1968.

С. Куяев

НАСУЩЕНКО Владимир Егорович (01.11.1930—01.08.2002), прозаик. Родился в Ленинграде в рабочей семье. Подростком пережил блокаду. После войны учился в железнодорожном училище. Отслужив в армии, пошел матросом в торговый флот, побывал во многих странах. Писать начал в 30-летнем возрасте.

Первый рассказ «Тяжелый маршрут» был напечатан в альманахе «Молодой Ленинград» за 1968. Тематика первых рассказов Насущенко — нищета и страдания народа, жестокость мира.

В 1971 окончил Литературный институт в Москве. Первая книга Насущенко «Мартовский лед» вышла в 1980.

Герои большинства рассказов и повестей Насущенко — рыбаки, охотники, моряки, геологи, люди профессий, требующих отдачи себя и мужества. «Тяжелая ноша сделала их нескладными, грубоватыми от постоянного напряжения — но только возле таких людей можно спастись, согреться в холодной, неуютной жизни, которую Насущенко рисует бесстрашно, подробно и трагично» (В. Попов). Типичная для рассказов Насущенко ситуация преодоления: лишь напряжением всех сил герои добиваются цели, спасают чью-то жизнь, выживают сами. Нередко именно реальность возможной смерти заставляет героев оборотиться к реальностям жизни. Новеллистика Насущенко создавалась не без влияния произведений Э. Хемингуэя и Джека Лон-

дона с их темой мужества тихих и неприметных людей и цены этого мужества. В центре рассказов Насущенко оказывается событие, требующее от персонажа поступка, который высвечивает характер героя. Но если победа героя американской прозы обязательно означает для него перемену судьбы, то «победы героев Насущенко никак не связаны с приметам внешнего успеха — и победитель не столько “не получает ничего”, сколько ничего не просит» (В. Топоров).

Особый пласт в творчестве Насущенко составляют рассказы о любви («Петр и Лиза», «Девушка с кошкой», «На холодном реке») — их отличает целомудренный взгляд автора, рисующего чистые, естественные чувства. Творческим кредо писателя была убежденность: «нужно писать так, чтобы Господь простил все грехи за правду».

Соч.: Автобиография (Отдел Новейшей лит. ИРЛИ РАН); Мартовский лед. Л., 1980; С утра до вечера. Л., 1984; Белый свет. Л., 1988; Дом на канале. М., 1989; Красная лошадь. СПб., 1998.

А. Любомудров

НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА, обозначение возникшего в 40-е XIX в. в России нового этапа в развитии русской литературы, связанного с творческими традициями *Н. В. Гоголя*. Название «натуральная школа» впервые употреблено *Ф. В. Булгарин* в газете «Северная пчела» от 26 февр. 1846. Формирование натуральной школы относится к 1842—45, когда группа писателей (*Н. А. Некрасов*, *Д. В. Григорович*, *И. С. Тургенев*, *Е. П. Гребенка*, *В. И. Даль*) объединились в журнале «Отечественные записки». Несколько позднее там печатались *Ф. М. Достоевский* и *М. Е. Салтыков-Щедрин*. Писатели эти выступали также в сборниках «Физиология Петербурга» (Ч. 1—2, 1845), «Петербургский сборник» (1846), которые стали программными для натуральной школы. Первый из них состоял из т. н. «физиологических очерков», представлявших непосредственные наблюдения, зарисовки, как бы снимки с природы — физиологию жизни большого города. Сборник «Физиология Петербурга» характеризовал типы и быт тружеников, мелких чиновников, деклассированного люда столицы, был проникнут критическим отношением к действительности. «Петербургский сборник» отличался разнообразием жанров, оригинальностью молодых талантов. В нем напечатаны первая повесть *Ф. М. Достоевского* «Бедные люди», произведения *Некрасова*, *Тургенева* и др. С 1847 органом натуральной школы становится журнал «Современник». В нем опубликованы «Записки охотника» *Тургенева*, «Обыкновенная история» *И. А. Гончарова* и др.

Под девизом «гоголевского направления», натуральная школа объединила лучших писателей того времени, хотя и различных по мировоззрению. Писатели эти расширили область русской жизни, получившей право на изображение в искусстве. Они обратились к воспроизведению низших слоев общества, отрицали крепостничество, губительную власть денег и чинов, пороки общественного строя, уродующие человеческую личность. У некоторых писателей отрицание общественной несправедливости перерастало в изображение назревающего протеста самих обездоленных («Бедные люди» *Достоевского*, «Запутанное дело» *Салтыкова*, стихи *Некрасова* и его очерк «Петербургские углы», «Антон-Горемыка» *Григоровича*).

С развитием натуральной школы в литературе начинают господствовать прозаические жанры. Стремление к фактам, к точности и достоверности выдвинуло и новые принципы сюжетосложения — не новеллистические, а очерко-

вые. Популярными жанрами в 40-е становятся очерки, мемуары, путешествия, рассказы, социально-бытовые и социально-психологические повести. Важное место начинает занимать и социально-психологический роман, расцвет которого во 2-й пол. XIX в. предопределил славу русской реалистической прозы. В то же время принципы натуральной школы переносятся и в поэзию (стихи Некрасова, поэмы Тургенева), и в драму (Тургенев). В художественную речь привносится язык газет и публицистики, просторечье, профессионализмы и диалектизмы.

Натуральная школа вызывала критику представителей разных направлений: ее обвиняли в пристрастии к «низкому слову», в «грязефильстве», в односторонне отрицательном подходе к жизни, в подражании новейшей французской литературе. Натуральная школа подверглась осмеянию в водевиле П. А. Каратыгина «Натуральная школа» (1847).

В 50-е вместо понятия «натуральная школа» стал употребляться термин «гоголевское направление». Позднее «гоголевское направление» стали понимать шире, чем собственно натуральную школу.

НАУМОВИЧ Иван (Иоанн) Григорьевич (14.01.1826—4[16].08.1891), журналист, поэт, духовный писатель, галицко-русский общественный деятель; протоиерей. Писал на языке, близком народной разговорной

языке. Родился в м. Козлово близ Каменки-Струмиловой, Галиция, в то время Австрийская империя. Из униатской семьи, отец — учитель начального училища, русин. Окончив Львовскую гимназию (1844), учился в Львовской духовной семинарии (униатской). Окончив ее, принял сан священника (1851). Через некоторое время сделался «обрядовцем», т. е. сторонником очищения униатского обряда от латинского влияния, возвращения к славянскому языку в богослужении, к

соблюдению постов Восточной церкви и т. д. В 1861 избран народным представителем в Львовский сейм (повторное избрание в 1867 не было утверждено сеймом). Вскоре приобрел известность как деятель «москвофильской» («старорусской») партии, «поборник русской народности» в речах и статьях, печатавшихся, в частности, в львовском журнале «Слово»; в программном манифесте («Слово». 1866. № 59) выступал против наименования восточно-славянского населения Галиции «рутенами» или «русинами», т. к. оно, по Наумовичу, составляет единое целое с русским народом. В 1874 открыл в Коломые просветительское «Общество в память М. Качковского», основанное на принципах «молись, учись, трудись, трезвись» и предназначавшееся для борьбы с польским засильем. Убедившись в бесплодности попытки реформирования униатской церкви, в 70-х стал одним из инициаторов движения за возвращение в Православие (основной лозунг — «прочь от Рима»), за что обвинялся в государственной измене; в 1881 арестован, осужден на несколько месяцев тюрьмы, лишен прихода и сана. В 1885 он, официально перейдя в Православие, переехал с семьей в Киев, где получил сан и приход.

Первое литературное выступление Наумовича — «Стих во честь его превосходительству кир Михаилу Левицкому, митрополиту Галицкому (Львов, 1848). С 1848 стал деятельным чле-

ном культурно-просветительского общества «Галицко-русская матица».

Ранние произведения Наумовича позднее переиздавались в русском переводе: «Четыре путеводаителя доброй жизни: Страх Божий. Мудрость. Трезвость. Труд» (М., 1888; 2-е изд. М., 1896), «Заветные тополи» (Киев, 1888), «Псалтирник. Повесть из галицко-русской народной жизни» (М., 1888; 3-е изд. СПб., 1901), «Сироты» (М., 1894), «Горит! Рассказы» (М., 1897), «Повести и рассказы из галицко-русской жизни» (СПб., 1901; переизд.: Пг., 1915, на обложке 1914). Проповеди и статьи из журнала «Наука» составили сборник «Беседы пастыря» (Т. 1—2, СПб., 1902; в т. 1 — «Автобиография» Наумовича). Некоторые из его стихов в переводе Н. В. Гербея включены в антологию «Поэзия славян» (СПб., 1871).

После переезда в Киев стал печататься по-русски (возможно, часть публ. — переработки произведений, вышедших ранее в галицкой периодике). Его беллетристические сочинения публиковались в петербургском журнале «Странник» («Роман Кузьмина» 1888. № 10—12; 1889. № 1, 2, 4, 5, публ. не окончена; и др.), выходили отд. изд. («Как в простоте живут люди». СПб., 1891). Тематически и композиционно к ним близки книги по сельскому хозяйству: «Беседы Степана Сторазумова о сельском хозяйстве» (Вып. 1, Киев, 1888) «О. Феодор. Повесть (Сельскохозяй. беседы)» (Вып. 1. Киев, 1888; о пчеловодстве). Эти сочинения отчетливо дидактичны: Наумович включает в повествование «заповеди» (религиозного и «практического» свойства), рисует взаимоотношения сельских прихожан и их пастыря, ратующего за духовное просвещение народа, искоренение пороков (гл. обр. пьянства); в беседах с ним крестьянам раскрывается история Галицкой Руси, противоборство русинов и их притеснителей (неприятно изображаются евреи, польские помещики, ксендзы и т. д.).

Публиковал также религиозно-нравственные и исторические произведения: «Христианские добродетели» (СПб., 1890), «Червонная Русь, ее прошлое и настоящее» (Киев, 1890). Ряд статей той же тематики печатался в «Церковных ведомостях»: «Как избавить русскому народу от пьянства» (1888, № 36), «О современном положении Галицкой Руси» (1888, № 50), «Церковная проповедь и беседа» (1889, № 24) и др. В просветительских целях составлял «Православные народные календари» (на 1890, 1891; изд. Св. Синодом).

В к. 1880, обеспокоенный усилившейся эмиграцией галичан в Южную Америку, разрабатывал проекты переселения русинов в Россию (см. публ. «Письмо отца Наумовича и червонноруссы». «Русский вестник». 1889. № 4). Летом 1891 отправился на Кавказ (где планировал основать будущие колонии галичан) и скоропостижно умер в Новороссийске.

Ист.: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 239—240.

В. Бокова

НАХИМОВ Аким Николаевич (8[19].09.1782—18[30].07.1814), поэт-сатирик. Сын небогатого помещика Харьковской губ.; образование получил сначала в благородном пансионе при Московском университете, потом в Харьковском университете, по словесному факультету. Известность Нахимов приобрел «Элегией» — сатирой, написанной в 1809 по поводу знаменитого указа об экзаменах на гражданские чины и изображавшей горе невежественных приказных. Нахимов писал сатиры, эпиграммы, не всегда изящные и тонкие, часто резкие и бесцеремонные почти до цинизма; *басни*, принадлежащие к лучшим образчикам

этого рода в литературе докрыловской эпохи; *оды* похвальные. Нахимов постоянно задевал «крапивное семя», усматривая во взяточничестве и ябедничестве главное зло своего времени, а лучшее средство борьбы с ним — в прощении. Др. предметом ненависти для Нахимова были французы вообще, французские губернаторы в частности, и обученные ими русские; первых он изобразил в статье «Словесные обезьяны», вторых — осмеял в комической поэме «Пурсониада», третьим досталось в «Мерзликне». Стих Нахимова, следовавшего преданиям сумароковской фактуры, часто лишен отделки, но мысль всегда выражена выпукло и резко. Немногие из них печатались в периодических изданиях. Сочинения Нахимова изданы были в 1815 в Харькове и с дополнениями еще шесть раз, в последний — 1852 в С.-Петербурге *А. Ф. Смирдиным* (в «Полном собрании сочинений русских авторов»). Некоторые стихотворения Нахимова, в т. ч. отрывки из неоконченной комедии «Влюбленные педанты», впервые напечатаны в «Русской Старине» (1880, № 11 и 12).

Лит.: Маслов В. Память о харьковском стихотворце А. Н. Нахимове. СПб., 1818.

«НАШ СОВРЕМЕННОК» («НС»), литературно-политический журнал, орган Союза писателей России с 1956 (первые 6 лет — альманах). 10 лет своего существования «НС» был изданием незаметным и, вопреки столичному адресу, сугубо провинциальным. В 1968 гл. редактором стал вологодский поэт *С. В. Видулов*. Твердый патриот, обладавший волей и настойчивостью, он в короткий срок сделал журнал идейным центром «Русского Возрождения» 70—80-х. Прежде всего он сумел привлечь русских писателей из числа наиболее талантливых, которые до того публиковались в самых разных изданиях, включая либерально-еврейский «Новый мир». В «НС» были опубликованы известные произведения *В. Белова, О. Волкова, Е. Носова, В. Распутина, В. Солюхина, Г. Троепольского, М. Лобанова, А. Ланщикова* и др. Тогда же в редакцию пришли работать видные критики *В. Коробов, О. Михайлов, Ю. Селезнев* и др. Лучшие произведения «НС» неизменно вызвали общественный интерес, переводились на многие иностранные языки.

Линия «НС» подвергалась постоянным ударам космополитических сил, в т. ч. идеологического отдела ЦК КПСС. В № 4 за 1978 «НС» начал печататься роман *В. С. Пикуля* «У последней черты». В романе содержались исторически ошибочные оценки Николая II и его близких, однако там же впервые в советской печати было сказано о разлагающей деятельности сионистов и масонов в России той поры. Случайно редакция получила на рукопись романа одобряющий отзыв авторитетного в ЦК историка, и цензура допустила печатание. Однако № 6 журнала с заключительной частью романа был задержан, ответственные сотрудники ЦК *А. Беляев* и *В. Севрук* собственноручно провели многие сокращения и правку текста. «Исправленный» текст был опубликован в № 7. Тотчас разразился скандал в печати. «НС» готовились разгромить, но Правлению СП России во главе с *Ю. В. Бондаревым* удалось отстоять журнал и его редактора.

В № 11 за 1981 в «НС» опубликованы повесть *В. Крупина*, статьи постоянных авторов *В. Кожина, А. Ланщикова* и *С. Семанова*. В повести Крупина были уязвимые места, этим воспользовались аппаратчики ЦК КПСС. Видулов был оставлен на посту, но два его зама уволены. На исходе брежневского «застоя» и в короткое правление *Ю. Андропова* «НС» подвергся наибольшей травле, цензура посто-

янно снимала или коржила материалы журнальных публикаций. Однако редактор и коллектив «НС» выдержали испытание без паники и покаяний.

С 1989 гл. редактором «НС» стал *Ст. Куняев*. С установлением криминально-космополитического режима положение журнала резко ухудшилось, в 90-х неумолимо снижался тираж (впрочем, менее, чем у иных периодических изданий). Редакция, состоящая из самых авторитетных русских литераторов, и редакция устояли перед атаками еврейских «демократов», с 1999 тираж «НС» впервые за 90-е вырос (единственный случай среди «толстых» журналов России). В 2004 тираж «НС» составлял 10 тыс. экз., значительно опережал тиражи др. выходящих в России «толстых» журналов.

С. Семанов

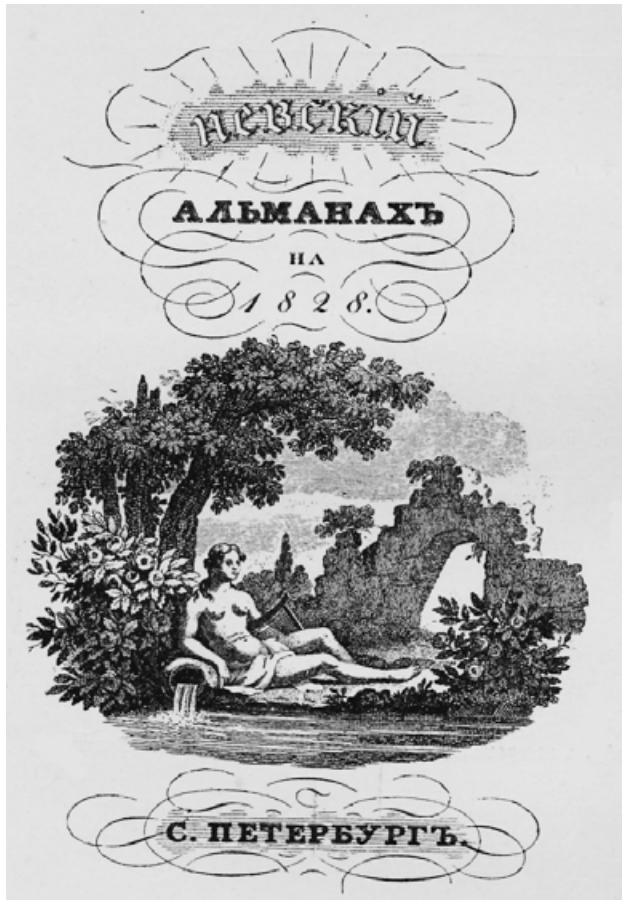
НЕБЫЛИЦА, жанр народно-поэтического творчества; рассказ, известие, не соответствующие действительности. Аналогичны выражения — «небыль», «небывальщина». В небылице вымысел доведен до абсурда. Нередко небылицы влетают в сказки в качестве вставного эпизода или концовки, напр., в сказках о барине и работнике или в сказках о трех богатырях, ходивших за огоньком к старику. Характерна небылица сказительницы *М. Д. Кривополеновой* «Летел медведь по поднебесью», исполнявшаяся ею с припевом: «Небывальщина да неслыхальщина». Часто небылицы рассказываются от первого лица, чем подчеркивается комизм неправдоподобного повествования. Небылицы особенно широко представлены в сборнике *А. Н. Афанасьева* «Народные русские сказки». В «Указателе сказочных сюжетов...» *Н. П. Андреева* перечисляется множество небылиц.

НЕВЕЖИН Петр Михайлович (27.06[9.07].1841—25.05.1919), писатель. Родился в Смоленске в семье помещика. Учился в смоленской гимназии, затем в Московском кадетском корпусе; служил офицером. В 1880 в Малом театре поставлена первая комедия Неvejeина «Блажь», написанная с помощью *А. Н. Островского*, так же как и комедия «Старое по-новому» (1882). Неvejeин — автор ок. 30 пьес. Наибольшим успехом пользовались драма «Вторая молодость» (1887) и последняя его пьеса «Поруганный» (1916). Драмы и комедии Неvejeина представляют собой попытки продолжить традиции *А. Н. Островского*. В них разрабатываются проблемы брака, «отцов и детей», «хождения в народ». Воспроизводя семейно-бытовые конфликты в дворянской и буржуазной среде, Неvejeин трактовал их в духе народной морали. Пьесы Неvejeина характеризуются торжеством житейской добродетели, мелодраматическими эффектами и сентиментально-идиллическим резонерством. Многочисленные романы, повести, пасхальные и рождественские рассказы Неvejeина наивно-дидактичны. Большая группа рассказов Неvejeина посвящена изображению офицерского быта.

Соч.: Драматич. соч. Т. 1—2. М., 1898—1901; Собр. соч. Т. 1—12. СПб., 1909—11; Клеймо природы: Повесть и др. рассказы. СПб., 1914; Блажь. — Старое по-новому // Островский *А. Н.* Собр. соч. Т. 9. М., 1960 (совм. с *А. Н. Островским*).

«НЕВСКИЙ АЛЬМАНАХ», ежегодный альманах, издаваемый в Петербурге в 1825—33. Всего вышло 9 книжек. Издатель — *Е. В. Аладьин* (1796—1860). «Народный альманах» пользовался большим успехом у читателей, хотя редко получал одобрение в прессе. Аладьин сумел привлечь к изданию

лучшие литературные силы. *А. С. Пушкин* поместил здесь отрывки из «Бахчисарайского фонтана» (1827), «Бориса Годунова» (1828), «Евгения Онегина» (1829); в альманахе впервые помещены иллюстрации (гравюры) к «Евгению Онегину» (1829). Значительное место занимали стихи *Н. М. Языкова*, *П. А. Вяземского*, *И. И. Козлова*, *В. И. Туманского*, *Ф. Н. Глинки*, сочувственный отзыв Пушкина вызвали напечатанные в «Невском альманахе» (1830) «Сказка о кладах» *Порфирия Байского* (*О. М. Сомова*). Кроме того, здесь печатались *А. Е. Измайлов*, *Б. М. Федоров*, *Е. Г. Зайцевский*, *Д. П. Ознобишин*. В 1816 Аладьин сделал попытку возобновить издание альманаха, но вышли всего 2 книги — в 1846 и 1847, не имевшие успеха.

НЕКРАСОВ Иван Степанович (1836—1895), исследователь древнерусской литературы. Окончил филологический факультет Московского университета, в 1873 получил степень доктора словесности и избран ординарным профессором Московского университета, в 1874—90 был деканом, в 1890 избран ректором университета. За свои труды Некрасов был избран в действительные члены *Общества любителей российской словесности* при Московском университете и членами

корреспонденты Императорского археологического общества в Москве (с 1867). Труды его, разбор книги Шапова: «Русский раскол старообрядчества» («Летописи Тихонравова». 1859, т. II); «О жизнеописаниях святых» («Русская речь». 1861. № 40); по поводу повести «Князь Серебряный» («Московские ведомости». 1862. № 274); «Женский литературный тип древней Руси» («Филологический Запад». 1864. № 3), «О портретных изображениях русских угодников в их житиях» («Сборник общества древнерусского искусства». 1866); «Новейшие издания памятников древней итальянской литературы» («Журнал Министерства народного просвещения». 1867. кн. 5 и 6); «Древнерусский литератор» («Беседы в обществе любителей словесности». 1867. Вып. I); «Древне-русское сказание об убийстве в Угличе» («Чтения в обществе истории и древностей российских». 1868. кн. I); «Несколько данных для характеристики древнерусского иконописца» («Вестник московского археологического общества». 1868. Вып. IV); «О современных задачах изучения древнерусской литературы» («Отчет Новороссийского университета» за 1869); «По поводу народного сказания о двенадцати паницах» («Филологический Запад». 1870. № 3). Отдельно изданы: «История псковского княжества» (1859, получила золотую медаль от университета); «Зарождение национальной литературы в северной Руси» (Одесса, 1870); «Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского домостроя» (М., 1873); «О значении Пушкина, Лермонтова и Гоголя в истории русской литературы» (Одесса, 1887) и «О задачах изучения древнерусской литературы и народной поэзии» (СПб., 1892).

НЕКРАСОВ Николай Алексеевич (28.11[10.12].1821—27.12.1877[8.01.1878]), поэт. В творчестве преобладают гражданские мотивы, нередко ложно понимаемые. Первый сборник стихотворений «Мечты и звуки» (1840) в романтическом духе. Вскоре Некрасов стал сотрудником «Отечественных записок» и издал несколько альманахов (1843—46: «Физиология Петербурга», «1-е апреля», «Петербургский Сборник» и др.). В 1846 приобрел с Панаевым «Современник».

Во 2-й пол. 40-х Некрасов опубликовал романы с продолжением («Три страны света», 1848—49, и «Мертвое озеро», 1851, совм. с *А. Я. Панаевой*, которая стала женой Некрасова).

Постепенно Некрасов подпадает под влияние *Н. Г. Чернышевского*, *Н. А. Добролюбова* и др. нигилистов. Некоторые его произведения становятся невыносимо тенденциозными («Поэт и гражданин», «Размышления у парадного подъезда», «Песня Еремущке», «О погоде», «Плач детей»). В 1856 вышел сборник Некрасова «Стихотворения», воспринятый как манифест нигилистов, открыто звавший к бунту против царской власти.

В сер. 60-х деятельность «Современника» приобрела антигосударственный характер, и по решению властей журнал был закрыт.

В 1859—61 в поэзии Некрасова углубляется тема деревни. Его стихи («Дума», «Похороны», «Калистрат») и поэмы

(«Крестьянские дети», 1861; «Коробейники», 1861; «Мороз, Красный нос», 1863) согреты неподдельной любовью к русскому крестьянину.

В 1868 Некрасову удалось взять в свои руки «Отечественные записки». Он опубликовал здесь главы поэмы «Кому на Руси жить хорошо», поэмы «Дедушка» (1870) и «Русские женщины» (1872—73), сатиру «Современники» (1875—76).

«Я лиру посвятил народу своему», — сказал Некрасов в конце жизни. Тема народа, крестьянства, воплощенная в бесконечном разнообразии типов и характеров, новых для русской литературы, проходит через все творчество Некрасова — от ранних стихотворений «Тройка» и «Родина» до больших эпических поэм. Образ России, сильной и страждущей, стоит за широкими картинами некрасовской деревни: «Ты и убогая, Ты и обильная, Ты и могучая, Ты и бессильная, Матушка-Русь!».

Мысль о народе, о его судьбе пронизывает все, о чем бы ни писал Некрасов. В «Железной дороге» (1864) сквозь мрачные картины гибельного труда строителей прорывается победный гимн в честь творческих сил народа. В некрасовской лирике, сюжетной и остродраматичной, большое место занимает проблема долга перед народом («Рыцарь на час», 1860). Темы любви и природы окрашены в его стихах личным отношением поэта к жизни общества, к человеку-деятелю, носителю высоких идеалов.

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» (1866—76) увенчивает творчество Некрасова. Это подлинная поэтическая энциклопедия народной жизни сер. XIX в., поражающая грандиозностью замысла, остротой социально-критического анализа, данного с точки зрения самого крестьянства. Новаторское творение самого Некрасова вобрало в себя огромные пласты устно-поэтического народного творчества; *песни, поговорки* и *поверья*, разговорный крестьянский язык и народное острословие слились здесь в едином художественном сплаве.

Поэт глубоко национальный, Некрасов широко ввел в поэзию все богатство народного языка и фольклора, смело использовал прозаизмы, разные речевые стили, песенные интонации. Некрасовская поэзия, в которой гражданственность и высокая художественность предстают в неразрывном единстве, оказала влияние на последующее развитие русской поэзии.

Многие стихи Некрасова еще при жизни поэта стали народными песнями, которые поются доныне («Коробушка», «Меж высоких хлебов» и др.). Русские композиторы охотно писали музыку на его тексты: М. П. Мусоргский («Калистрат», «Песня Еремушке»), Ц. А. Кюи («Молодые», «Сват и жених», «Внимая ужасам войны», «Катерина»), С. И. Танеев («Бьетса сердце беспокойное»).

Соч.: Полн. собр. соч. и писем. Т. 1—12. М., 1848—52; Полн. собр. стихотворений. Т. 1—3. [Л.], 1967; Собр. соч. Т. 1—3. М., 1971; Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981.

НЕКРАШЕВИЧ Иван Георгиевич (1742 — после 1796), малороссийский писатель. Родился в с. Вишенки, ныне Киевской обл., в семье священника. В 1763 окончил Киевскую духовную академию и стал священником в родном селе. Автор школьного диалога «Спор души и тела». 5 его эпистолярных произведений, диалоги «Ярмарок», и «Исповедь», написанные на народном малороссийском языке, представляют собой юмористические бытовые зарисовки с элементами сатиры (особенно во втором диалоге). Некрашевич — мастер *силлабического*, в частности грациозного леонинского, *стиха*.

НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ Юрий Александрович (6[17].09.1752—13[25].02.1829), поэт. Родился в Москве в дворянской семье. Получил домашнее образование. Учился в Страсбургском университете. В 1770—85 был на военной

службе, затем занимал видные государственные посты. В 1770-х Нелединский-Мелецкий начал писать стихи. Сотрудничал в «Собеседнике любителей русского слова», «Московском журнале», «Аонидах», «Вестнике Европы» и др., примкнув к сентиментальному направлению, возглавляемому Н. М. Карамзиным. Сохраняя в одах традиции классицизма, Нелединский-Мелецкий вос-

хвалял не только доблесть, но и чувствительность своих героев. Он с успехом обращался к жанрам интимной лирики (послания, песни). Вслед за А. Н. Сумароковым вводил в песни фольклорные мотивы; многие из них получили широкое распространение в народной среде («Выйду я на реченьку...», «Милая вечер сидела...» и др.). Писал также шуточные стихи, переводил К. Ж. Дора, Ж. П. К. Флориана, А. Пирона. А. С. Пушкин, К. Н. Батюшков ценили стихи Нелединского-Мелецкого.

Соч.: Стихотворения. СПб., 1876; Полн. собр. стихотворений // Рус. поэзия. Вып. 7. СПб., 1901; [Стихи] // Поэты XVIII в. Т. 2. Л., 1958; [Стихи] // Рус. поэты XIX в. Хрестоматия. 3-е изд. М., 1961.

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Василий Иванович (23.12, по др. данным — 25.12.1844 [4.01, соответственно — 6.01. 1845]—18.09.1936), писатель. Сын офицера, провел детство на Кавказе в походной обстановке. Учился в кадетском корпусе. Много ездил по России, странам Европы и др. Описал свои путешествия в многочисленных художественно-этнографических очерках. Был военным корреспондентом во время русско-турецкой войны 1877—78 (сборник его корреспонденций «Год войны». Т. 1—3, 1878—79, приобрел европейскую известность), а также в русско-японскую войну 1904—05 и в первую мировую войну 1914—18. Очерки Немировича-Данченко (1874) высоко оценил И. С. Тургенев. Ему принадлежит множество романов о кавказских и русско-турецких войнах, бытовых романов, сборников рассказов, книга стихов (1882), мемуары («На кладбищах». Ревель, 1921), воспоминания о Н. А. Некрасове (в «Литературном наследстве». Кн. 49—50. М., 1946). Немирович-Данченко отличался высокой плодотворностью (ок. 250 книг). Ему свойственны картинность и свежесть изображения, но одновременно преувеличения и погоня за внешними эффектами. Последние годы жизни провел в эмиграции, в Чехословакии.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—16. СПб., 1910—15; Новое собр. соч. Кн. 1—50. Пг., 1916.

НЕСМЕЛОВ Арсений Иванович (наст. фамилия **Митропольский**, псевд. **Николай Дозоров**, **Н. Арсеньев** и др.) (8[20].06.1889—сент. 1945), поэт, писатель, публицист. Родился в Москве в семье статского советника. Учился во 2-м Московском Императорском Николая I кадетском корпусе, а затем

в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе. Окончив 6 классов, продолжил обучение в Психоневрологическом институте, но не закончил его. В 1910—11 Несмелов проходил военную службу.

Начал печататься в 1911 в журнале «Нива». В 1915 издал в Москве книгу «Военные странички».

Во время первой мировой войны служил в 11-м гренадерском Фанагорийском полку, был ранен. Сцены былых сражений получили широкое отражение во многих произведениях Несмелова.

После октябрьского переворота Несмелов принял активное участие в вооруженном сопротивлении большевикам, о чем позднее писал в своей поэме «Восстание»:

Россия звала к отваге,
Звала в орудийный гром,
И вот мы скрестили шпаги
С кровавым ее врагом.

Нас мало, но принят вызов.
Нас мало, но мы в бою!
Россия, отважный призван
Отдать тебе жизнь свою!

После разгрома белых Несмелов перебрался во Владивосток, где редактирует русское издание японской газеты «Владиво—Ниппо» и в 1921—24 выпустил 3 поэтические книги («Стихи», «Тихвин», «Уступы»).

После крушения России и поражения белых, как отмечал литературовед Т. Савченко, Несмелов остро ощущал общую вину за происшедшее (стих. «Цареубийцы», «Пели добровольцы. Пыльные теплушки...» — сб. «Белая флотилия»). Начиная с поэмы «Восстание» («Отважной горстке юнкеров / Ты не помог, огромный город...»), тема вины проходит через все творчество поэта: «Докатились. Верней — докапали / Единицами: рота, взвод... / И разбилась фаланга Каптеля / О бетон крепостных ворот. // Нет, не так! В тыловые топи / Увязили такую сталь! / Проиграли, продали, пропили, / У винтовок молчат уста» (стих. «Леонид Ешин» — сб. «Без России»).

В 1924 Несмелов бежал в Харбин. Здесь он редактировал газеты «Дальневосточная трибуна» и «Рупор», журнал «Рубеж», сотрудничал со многими периодическими изданиями, в 1929—42 выпустил 6 книг стихов («Без России», «Белая флотилия», «Кровавый отблеск», «Полустанок», «Протопопица», «Через океан») и сборник прозы «Рассказы о войне».

Имя Несмелова стало широко известно и за пределами Д. Востока — его произведения печатались в русской эмигрантской периодике в Европе и в Америке. Он стал крупнейшим поэтом русской эмиграции.

В начале своего эмигрантского периода Несмелов вместе с др. беженцами из России впадает в чувство пессимизма. В ряде его стихов («Кровавый отблеск», «Без России», «Полустанок», «Белая флотилия») выражается обреченность. Ему кажется, что к прошлому нет возврата: «Россия отошла, как пароход / От берега, от пристани отходит...» (стих. «О России» — сб. «Без России»). Навсегда потеряно для России молодое поколение: «Мы — умрем, а молодняк поделят — / Франция, Америка, Китай...» (стих. «Пять рукопожатий». — Там же). Размышляя о судьбах эмиграции, поэт писал: «... из твоего окна / Не открыты канувшие дали: / Годы смыли их до волокна, / Их до сокровеннейшего дна / Трупами казенных закидали!» (стих. «Потомку» — сб. «Белая флотилия»).

К к. 20-х упаднические настроения у поэта проходят. Пламенный русский патриот и непримиримый антибольшевик, в 1931 в числе первых вступил во Всероссийскую фашистскую партию (ВФП) К. В. Родзаевского, которая была одним из течений в русском патриотическом движении 30—40-х, ставивших своей целью волевым возрождением национальных идеалов исторической России — Святой Руси под лозунгом «Бог. Нация. Труд», восстановление православной монархии. Государственным идеалом русских фашистов была самодержавная царская власть.

Русский фашизм имел мало общего с итальянским и германским фашизмом, носившим антихристианский характер, с выраженным сатанинским культом. Русские фашисты были православными монархистами, преклонялись перед личностью Николая II и видели будущее Родины в возрождении традиционного русского самодержавия.

Первоначально, чтобы не вызвать осложнений в отношениях с владельцами изданий, где он работал, Несмелов не афишировал собственной принадлежности к ВФП, выступая в партийной печати под псевдонимами «Николай Дозоров», «Н. А. Дозоров», «Н. Д.» и «Н. Н. Дацар-Дацаровский». Однако с н. 1937 Несмелов перестал скрывать свое членство в ВФП, и в национальной прессе стали появляться статьи за его обычными подписями: «А. Несмелов» и «А. Н-лов».

Обращаясь к эмиграции, Несмелов писал:

«Что такое ВФП?

ВФП — аккумулятор национальной энергии эмиграции. ВФП — партия русских рабочих, русских крестьян и русской молодежи — не что иное, как живая, органическая связь эмиграции с Родиной, с нацией. При наличии такой связи мы и в безжесте дышим воздухом Родины, бодем ее болью, радуемся ее радостью. Партия спасает тех, кто идет по ее путям, от заразы «эмигрантщины».

Партия дает возможность верить и жить для борьбы.

И только мы, фашисты, работаем для дела воскресения Родины, для того последнего национал-революционного акта, когда напрягшись в революционном усилии, страна разорвет и сбросит те цепи, в которые заковали ее ее враги.

Мы, фашисты, подлинно тот бродильный фермент, который необходим России для начала процесса оживления всех тех национальных сил, которые... властвованием большевиков приведены в состояние анабиоза. Этот анабиоз подобен смерти, ибо он прервал живое дыхание страны, превратил ее в недвижимого великана, безнаказанно терзаемого паразитами.

...Только мы, фашисты, перековываем свою любовь к Родине и боль за ее страдания — в дело борьбы за ее освобождение от потребителей. Наши действия направлены к тому, чтобы разбудить Родину—Великана, поднять ее, вложить в ее руки меч!

...Только у нас актуальная идеология, план и средства к его осуществлению. <...>

У нас есть точка опоры — правильная национальная установка — и мы поднимем Россию. Мы ее уже поднимаем. Русское национальное сознание просыпается. <...>

Мы подняли, укрепили национальное самосознание русских людей, находящихся в рассеянии: мы это рассеяние — разброд! — переплавили в сплоченность. Мы из толпы, вооруженной лишь мечтаниями, угнетаемой сетованиями, создаем армию, вкладываем в руки ее солдат меч актуальной идеологии, дротик напряженной воли.

Мы так же готовы к победной борьбе, как Россия к чудесному национальному воскресению...»

О себе Несмелов говорил так: «Знаете, я ведь только солдат литературного взвода. Чувствую себя в строю. И очень рад этому!..»

Отсюда:

Я стихов плаксивых не читаю
С горьким сетованием на судьбу —
Установку я предпочитаю
На сопротивление и борьбу.

Встал в ряды. На боевом я месте.
Чувствую соратника плечом.
Для победы Божьей, не для мести,
Я опять вооружен мечом.

Я — солдат. В стихах, как и на поле,
Я хочу быть в дружеских рядах.
Я — мобилизован. Лучшей доли
Не искал и не ищу в мечтах.

Разве может страшно быть и плохо,
Разве можно плакать и скулить,
Если приказала нам эпоха
Родину любимую добыть.

И:

Как же роптать на судьбу,
Если — о, дни золотые! —
Мы начинаем борьбу
За и во имя России!

В чеканных стихах Несмелова четко и ярко сформулирована идеологическая платформа русского национально-го движения:

Цель обозначена. Огненный лозунг
Дан! Оживает страна!
Родина копит могучие грозы —
Пороху искра нужна!

Силы накоплены. Мы на плацдарме.
Шаг и — сиянье побед!
Пусть малочисленны — стоим мы армий,
Нации избранный цвет!

Воля отточена. Сомкнуты тесно.
Мы — молодой монолит!
Самоотверженно, радостно, честно
Каждое сердце стучит.

Родина требует. И — генеральный
Лозунг над строем родным.
Так: Революции Национальной
Силы свои отдадим!

Много внимания в творчестве Несмелова уделяется по-казу антирусской сущности большевистского режима, ко-торый он охарактеризовал в своей пьесе «Привидение в

партклубе» в следующих выражениях: «Жид на жиде. Жид русского погоняет. Видано ли? Слышано ли?»

В стихотворении «Итоги», посвященном «проклятым ито-гам восемнадцати годин» коммунистической власти, Несме-лов с горечью отмечал:

Восемнадцать лет Россия
Под надзором, под пятой,
И не русские — иные
Люди властвуют страной.

У народа кто на шее,
Кто сдвигал тебя, Москва?
Там грузины, здесь евреи,
Черемисы да мордва!

И живем в трушобе тусклой,
Весь согбен, душою — мал...
И теперь за слово: русский —
Попадешь ты в подвал.

В др. стихотворении «К победе!» Несмелов показывает не-избежность борьбы «за русское освобождение от ига интер-националистов» — «ермолок и пейсов, ликующих, что им удалось 160-миллионный народ превратить в своих рабов»:

Жидовская харя над бедной Россией висит,
В крови ее губы, проклятые губы вампира...
Кровавым дождем над страной моей моросит,
Кровавым дождем заливается завтра полмира.

Но этого мало: отнять у России Христа,
Святилище Бога, кротчайшего Бога, разрушить!..
Жидовская лапа в святые вползает места,
Жидовская злоба спешит изнасиловать души!

Евреи-чекисты терзают отцов, матерей,
А дети идут в обработку безбожной «науке»...
Жидовская харя, палач, лапсердачный еврей —
К коронам царей протянул волосатые руки!

Седьмая держава, как мир называет печать,
Лишь вотчина хищников —

жирных еврейских банкиров...

А правда прорвется, как деньги велят замолчать,
Свободному слову могилу зловещую вырывает.

Да, золото — сила: в руках беспощадных Малют,
Кровавое золото все устраняет преграды,
Но в мире есть сила могучее лучших валют,
И сила та — подвиг, за веру и доблесть награда!

Объясняя резкий рост «повоенного антисемитизма» в раз-личных государствах, Несмелов указывал:

«Причины его — в окончательном прозрении наций мира. В нежелании их служить лишь удобнением той поч-вы, на которой еврейство богатеет и размножается с чудо-вишной быстротой. Причины повоенного антисемитизма в желании наций, в их воле положить конец тем смутам, которые еврейство культивирует в среде приютивших его наций своей всегдашней готовностью к преступным “по-литическим действиям” <...>

Антисемитизм есть результат вредоносной деятельности самих евреев и рано или поздно они за эту деятельность по-платятся, как поплатились и раньше».

Знаменательным событием в творчестве стала поэма «Георгий Семена», посвященная памяти члена ВФП бело-го партизана Г. В. Семена, схваченного чекистами и рас-стрелянного.

Поэт твердо верит в грядущее национальное возрождение России:

Красные лозунги тускло слиняли,
Вымыслы ветер раздул:
К национальным глубинам и далям
Русский народ повернул!

От догоревших проклятых пожарищ —
К стройке российской возврат:
Русский для русских не только товарищ,
Русский для русского — брат!

Правая печать именовала Несмелова «создателем настоящего нового стиля национальной поэзии — поэзии патриотической, волевой и борьбистской».

В ней «воспеваются чеканный марш миллионов русских шагов, грохот барабанов, одна масса и одно сердце — бьющееся четко и ритмично пламенной любовью к России...»

Стихи Несмелова — «то же оружие, направленное против коммунизма, как и остро оточенный штык. Может быть даже сильнее, потому что бьет прямо в сердце — в сердце тех, кто еще не знает, что такое коммунизм, или знает, но боится присоединиться к бойцам против него».

Такая «поэзия не должна умереть. И когда воскреснет Россия, книга стихов Несмелова займет заслуженное место на книжной полке, посвященной поэзии борьбы и национального устремления».

Патриотические стихотворения Несмелова постоянно декларировались на официальных мероприятиях и праздничных концертах, проводимых организациями ВФП не только в Маньчжурии и Китае, но и в США, Швейцарии, Югославии и др. странах, эти стихи часто цитировались в партийных изданиях (в т. ч. и главой ВФП К. В. Родзаевским, являвшимся горячим поклонником творчества Несмелова), а поэма «Георгий Семена» и стихотворение «Советский часовой» были даже инсценированы на театральных подмостках.

Непосредственной работой Несмелова явилось редактирование специальных страниц газеты «Наш путь», предназначенных для молодежи — «Друг юношества» и «Русские студенты».

Для «Друга юношества» Несмелов сочинил стихотворный девиз:

Улетели выюги —
Майская пора!..
Встретит друга в «ДРУГЕ»
Наша детвора.

Вырастет и будет
Смена и оплот:
— Родину добудет,
Родину вернет!

Одновременно Несмелов помогал начинающим поэтам из «нашей партийной среды» в совершенствовании их литературного мастерства, подходя к этому «соратнически: без захлебывающихся комплиментов, но и без высокомерия менторства. Строго, беспристрастно, дружески».

Как и др. активисты белоэмигрантских объединений, Несмелов попал в поле зрения советских спецслужб, составивших на него подробное досье.

После занятия Харбина советскими войсками Несмелова арестовали и депортировали в СССР. Его заключили в пересыльную тюрьму в пос. Гродеково вблизи Владивостока. Там в сент. 1945 Несмелов скончался от инсульта из-за отсутствия медицинской помощи по вине тюремной администрации.

Соч.: Военные странички. М., 1915; Стихи. Владивосток, 1921; Уступы. Владивосток, 1924; Кровавый отблеск. Харбин, 1928; Без России. Харбин, 1931; Рассказы о войне. Харбин, 1936; Полустанок. Харбин, 1928; Белая флотилия. Харбин, 1942; Без Москвы, без России: Стихи. Поэмы. Рассказы; (Подписанные — Н. Дозоров): Восстание // Второй прибой. Харбин, 1942; Георгий Семена. Берн, 1936; Наш подвиг // Прибой. Харбин, 1941; Оборонцам // Прибой. Харбин, 1941; Привидение в партклубе. Харбин, 1936; Только такие! Стихи о борьбе за Родину. Шанхай, 1936.

С. Наумов

НЕСТОР, монах Киево-Печерского монастыря (ок. 1056—1114), духовный писатель, мыслитель, летописец, автор «*Повести временных лет*». Из написанного Нестором *Жития Феодосия Печерского* мы узнаем, что он был пострижен при игум. Стефане (годы игуменства которого — 1074—78) и возведен им в «диаконский сан» и что еще до Жития Феодосия им было написано «Чтение о Борисе и Глебе».

«Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глеба» написано Нестором по канону жития-маририя (т. е. жития святого-мученика). Истории гибели сыновей Владимира Святославича Нестор предпосылает обширное историческое введение, в котором размышляет об извечной борьбе добра со злом. По Нестору, русская история — это борьба добра со злом, вечных добрых начал человеческой души с бесовским соблазном сил зла. Борис и Глеб выступают в «Чтении» как активные поборники христианских идеалов — смирения и братолюбия, а Святополк предстает как орудие дьявольских козней. «Чтение» уступает в известности и распространенности анонимному «Сказанию о Борисе и Глебе» (см.: Жития Бориса и Глеба, старший из известных нам списков «Чтения» относится к XVI в.).

После «Чтения» Нестор пишет «Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского», в котором повествуется о жизни и деяниях одного из основателей монастыря. Как это характерно для житий праведников, подвизающихся в монастыре, Житие Феодосия отличается живостью характеристик монахов и мирян. Нестор достигает иллюзии правдоподобия в описании творимых Феодосием чудес, искусно изображая бытовые детали, естественно передавая диалоги персонажей. Особенно выделяется в Житии образ матери Феодосия: вопреки традиции Нестор изображает не лишенную каких-либо индивидуальных черт благочестивую христианку, предстающую в условном амплуа матери святого, а, напротив, изображает женщину властную, суровую, решительно противящуюся религиозным устремлениям сына, не оттанавливающуюся перед тем, чтобы жестоко избить или посадить на цепь отрока, мечтающего лишь о богоугодных делах и пострижении. Сложен и, возможно, близок к своему прототипу и житийный образ самого Феодосия (вероятно, Нестор опирался не столько на литературную традицию, сколько на рассказы о Феодосии очевидцев): отличающийся в монастырском быту необычайным смирением, Феодосий тем не менее резко осуждает за неблаговидные поступки кн. Святослава. Исследователи находили в Житии сюжетные мотивы, будто бы заимствованные из переводных византийских житий, но, вероятно, следует говорить лишь о сходстве ситуаций: Нестор всегда наполняет рассказ конкретными чертами киевской жизни и монастырского быта XI в. В этом отношении интересен такой эпизод: князь, находившийся где-то за городом, поручает некоему отроку отвезти Феодосия на телеге в Киев. Увидя убого одетого Феодосия, юноша принимает

его за простого монаха и, снисходительно попрекнув за постоянную праздность («ты по все дни порозден»), предлагает поменяться местами: юноша поспит в телеге, а Феодосий пусть правит лошадей. Верный своим обычаям,

Феодосий смиренно соглашается. Но когда путники приблизились к Киеву, юноша замечает необычайное почтение, оказываемое Феодосию, и со страхом понимает свою оплошность. В этом эпизоде помимо чисто нравоучительной идеи — прославления смирения Феодосия — немало живых деталей: и упоминание о далеком от благочестивого уважения отношении к монахам, и бытовые особенности княжеского быта, и чисто реалистическое изображение самого игумена, который шагает рядом с лошадью, когда начинают слипаться глаза.

В 1113—18 Нестором составлен древнейший летописный свод «Повесть временных лет», который позднее был включен в состав почти всех летописных сводов.

В «Повести временных лет» земная жизнь рассматривается Нестором как противостояние добра и зла, причем не только как борьба посланников Бога и слуг сатаны, но как противостояние добрых и злых людей. Последние опаснее бесов, ибо «беси бо Бога бояться», а злой человек ни Бога не боится, ни человека. Именно посредством их множится мировое зло.

Память прп. Нестору отмечается 28 сент./11 окт., 27 окт./9 нояб. и во 2-ю неделю Великого поста.

Т. О., Д. К.

НЕСТОР (в миру **Анисимов Николай Николаевич**), митрополит Кировоградский и Николаевский (9.11.1884—22.10[4.11].1962), духовный писатель. Родился в семье статского советника, военного чиновника Свяжского полка. Его дед по матери был протоиереем в Вятке. Образование получил в Казанском реальном училище, по окончании которого стал послушником Казанского Спасо-Преображенского монастыря и поступил на миссионерские курсы при Казанской духовной академии. 17 апр. 1907 пострижен в монашество. В мае 1907 по благословению св. прав. *Иоанна Кронштадтского* отправился миссионером на Камчатку. Изучив обстановку и увидев, что здесь не ведется никакой миссионерской работы, составил проект открытия Камчатской духовной миссии и Камчатского Православного братства.

16 окт. 1916 во Владивостоке хиротонисан в первого самостоятельного епископа Камчатского и Петропавловского. Член Священного Собора Православной Российской церкви 1917—18. Во время боев в Москве между большевиками и юнкерами оказывал помощь раненым на московских улицах. Оставил воспоминания о расстреле большевиками Кремля. В 1919 пробрался через Европу, Африку и Азию к своей пастве на Камчатку, где оставался до 1920. Изгнанный большевиками с Камчатки, учредил в Харбине в 1921 Камчатское подворье, где организовал дом милосердия и трудолюбия.

По возвращении на родину в 1948 арестован и заключен в лагерь до 1956. С 1958 митрополит Кировоградский и Николаевский. Автор большого числа сочинений различного содержания: работы по нравственному богословию, проповеди и беседы, жизнеописания святых и церковных деятелей, литургические труды, миссионерские труды, а также статьи, словари, очерки о путешествиях.

Соч.: Православие в Сибири. (Ист. очерк). СПб., 1910; Из жизни камчатского миссионера и записки из дневника иеромонаха Нестора. Киев, 1912; Расстрел Московского Кремля (27 окт.—3 нояб. 1917). М., 1917; М., 1995; Маньчжурия и Харбин. Белград, 1933; Очерки о Югославии: Впечатления путешественника. Харбин, 1935; Мои воспоминания: Матер. к биограф., письма. М., 1995.

А. Степанов

НЕСТОР-ИСКАНДЕР (XV в.), предполагаемый автор Повести о взятии Царьграда турками в 1453.

Повесть в составе летописей печаталась еще в XVIII в.; в 1886 архим. Леонид опубликовал ее список, который датировался XVI в. и содержал послесловие с именем автора — Нестор-Искандер.

О Несторе-Искандере сообщалось, что он попал в плен к туркам, был «обрезан», «пострадал в ратных хождениях», т. е. принимал участие в походах турецкого войска. Во время осады Константинополя Нестор-Искандер, продолжая тайне оставаться христианином, делал записи о войне. После падения Константинополя, дополнив эти записи рассказами тех, кто находился в осажденном городе, составил Повесть. Никаких др. более точных сведений о Несторе-Искандере не обнаружено, а опубликованное архим. Леонидом послесловие *А. И. Соболевский* считает недостоверным.

Повесть о взятии Царьграда оказала значительное влияние на такие произведения русской литературы XVI—XVIII вв., как Никоновская и Воскресенская летописи, *Степенная книга*, *Казанская история*, «Летописная книга», *Сказание Авраамия Палицына*. Не ясны отношения Повести с редакцией, которая включалась в Хронографы и в их составе использована в Скифской истории А. Лызлова, Историю о разорении Иерусалима (1713), Историю царьградскую И. В. Паузе, анонимное сочинение «О зачатии и здании града С.-Петербурга». Оригинальную перделку Повести осуществил *И. С. Пересветов*.

М. О.

НЕЧАЕВ Анисим Фролович (ок. 1827 — после 1868), поэт-самоучка. Родился в с. Пирочи Зарайского у. Рязанской губ. Из крестьян. В 12 лет выучился грамоте у деревенского священника. В 1849, по просьбе контр-адмирала П. Ф. Кузмищева (начальника Архангельского порта), известного собиранием местных слов Камчатки и Архангельской губ., *М. П. Погудин* напечатал в «*Москвитяине*» (1849, № 10) стихотворение Нечаева «Рассказ старушки» (с сопроводительной заметкой Кузмищева) — историю верной любви деревенской красавицы к солдату, отправленному «за границу басурманский бить народ». В нем лично автор пытался имитировать народный разговорный язык; стихотворение получило популярность и «распевалось как народная песня» (Назаров). В 1866 в Москве вышла книжка «Стихотворения» Нечаева с посвящением Кузмищеву, поддерживавшему стремление автора к сочинительству. Наиболее заметное стихотворение «Юноша Ломоносов» написано размером, имитирующим гекзаметр; построено в форме вопросов сына к отцу о загадках, на которые тот не находит ответа; включает описание пророческого сна мальчика-Ломоносова. Патриотическая тема нашла выражение в стихотворении «Памятник» («Есть памятник в Москве, в столице нашей славной») о К. Минине и кн. Д. Пожарском.

О. Г.

НЕЧВОЛОДОВ Александр Дмитриевич (25.03.1864—25.12.1938), военный и общественный деятель, историк, публицист. Закончил 2-ю Петербургскую военную гимназию, выдержав офицерский экзамен при Главном управлении военных учебных заведений, и Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Перед первой мировой войной выполняет секретную миссию в Скандинавии, изучает организацию масонской

конспирации в Европе и подготавливает об этом специальный доклад.

С 26 мая 1915 являлся генерал-лейтенантом Генерального штаба.

Незадолго до революции Нечволодов выпускает фундаментальный труд по истории России «Сказания о Русской земле» (т. 1—4). После революции Нечволодов участвует в Белом движении. Оказавшись в эмиграции в Париже, генерал Нечволодов сотрудничает с видными исследователями иудейско-масонской идеологии, группировавшимися вокруг газеты «Либр пароль» и издательства «Долой зло!». Первый французский перевод «Сионских протоколов», по-видимому, был осуществлен при непосредственном участии генерала.

В 1924 Нечволодов выпустил на французском языке книгу «Николай II и евреи. Очерк о русской революции и ее связях со всемирной деятельностью современного иудаизма», в которой подробнейшим образом исследовались Сионские протоколы. В течение многих лет Нечволодов подготавливает основательные исследования о международном иудейском капитале (опубликованы только частично). В сер. 1930-х Нечволодов являлся негласным экспертом со стороны защиты на Бернском процессе по делу о Сионских протоколах.

«НИВА», еженедельный иллюстрированный журнал, выходивший в Петербурге в 1870—1918. До 1904 издавался А. Ф. Марксом. Редакторами последовательно были: *В. П. Ключников*, *Ф. Н. Берг*, Д. И. Стахеев, *М. Н. Волконский*, А. А. Тихонов (Луговой), Р. И. Сементковский, В. Я. Светлов. В 1891—94 издавался «Сборник “Нивы”», в 1894—1916 выходили «Ежемесячные литературные приложения к журналу “Нива”», содержавшие беллетристику, научно-популярные и критические статьи, а также отделы шахмат и т. п. Общественно-политическая жизнь оведалась в благонамеренном духе. В «Ниве» печатались писатели различных направлений. Среди них были *Д. В. Аверкиев*, *П. Д. Боборыкин*, *И. А. Гончаров*, *Д. В. Григорович*, *Г. П. Данилевский*, *Н. С. Лесков*, *А. П. Майков*, *Д. Н. Мамин-Сибиряк*, *Д. С. Мережковский*, *Вас. Немирович-Данченко*, *Я. П. Полонский*, *И. Н. Потапенко*, *Е. А. Салиас*, *К. К. Случевский*, *Вс. С. Соловьев*, *К. М. Фофанов*. В 90-е в «Ниве» опубликован роман *Л. Н. Толстого* «Воскресенье» (1899), несколько рассказов *А. П. Чехова*, произведения *К. Д. Бальмонта*, *И. А. Бунина*, позднее *А. А. Блока*, *К. И. Чуковского* и др. Культурной заслугой «Нивы» было издание в качестве приложения собраний сочинений выдающихся русских и иностранных писателей: *М. В. Ломоносова*, *А. С. Грибоедова*, *Ф. М. Достоевского*, *И. С. Тургенева*, *И. А. Гончарова*, *Н. В. Гоголя*, *Н. С. Лескова*, *А. П. Чехова*, *М. Е. Салтыкова-Щедрина*, *Г. И. Успенского*, *А. К. Толстого*, *Н. И. Мельникова-Печерского*, *А. Ф. Писемского*, *В. М. Гаршина*, *А. И. Куприна*, *А. А. Фета*, *Л. Н. Андреева*, *Ф. И. Тютчева*, *И. А. Бунина*, а также *Г. Ибсена*, *К. Гамсуна*, *О. Уайльда*, *Ж.-Б. Мольера*, *М. Метерлинка* и др. Тираж «Нивы» — наиболее распространенного еженедельника дореволюционной России — достиг к 1900 235 000, а к 1917 — 275 000 экз.

НИКИТА КОЖЕМЯКА, герой распространенной русской сказки, встречающейся и у белорусов, и у малороссов, и у великороссов. Сюжет сказки связан с летописным преданием о богатыре Яне Усмошвце, который побеждает печенежского великана; сила Яна до боя обнаруживается в том, что он разрывает сырые кожи и вырывает у разъяренного быка кусок мяса с кожей. Никита Кожемяка также разрывает 12 кож, а затем борется со змеем и освобождает княжескую дочь.

НИКИТЕНКО Александр Васильевич (12[24].03.1804—21.07.[2.08].1877), историк литературы, критик. Родился в Воронежской губ., сын сельского учителя из крепостных. В 1828 окончил Петербургский университет. С 1830 читал лекции по политэкономии в Петербургском университете. В 1834—68 профессор кафедры русской словесности. Был членом Главного управления цензуры (1860—65). Академик Петербургской академии наук (1855). Никитенко считал, что начало и конец всякого знания заключены в природе и судьбах духа человека. Специфику общественной жизни определяют и служат основой всего человеческого порядка вещей присущие духовной природе человека «законы истинного, благого и изящного». Свою философскую позицию Никитенко называл «реализмом», противостоящим как материализму и позитивизму,

му, так и всему «абстрактному и фантастическому». В политической области Никитенко выступал как «умеренный прогрессист», предлагая либерализм просеивать сквозь сито консерватизма. После революции 1848 в Европе у него окрепла мысль о реформистском прогрессе для России. Революция, по его мнению, не продвигает общество по пути прогресса, а отбрасывает его назад в результате наступающей реакции и тем самым играет разрушительную, а не созидательную роль. Он полагал, что в России народные массы не готовы к самостоятельной политической деятельности. «Мы испытали деспотизм личный, но Боже нас сохрани испытать еще деспотизм толпы, массы — деспотизм полудикой варварской демократии». Народ еще надо воспитывать. Кроме того, он ратовал за экономическую свободу, за свободу хозяйственной деятельности. Вопросами законодательства и управления должны заниматься «немногие или некоторые», получившие власть, по праву избрания. Народ «должен быть управляем, а не управлять. Но он должен иметь право предъявлять свои нужды, указывать правительству на пороки и злоупотребления тех лиц, которые поставлены для охранения и исполнения законов... Никому из народа не должен быть прегражден путь к власти, если он достоин ее по своим дарованиям и образованию».

Соч.: Речь о необходимости теоретического или философского исследования литературы. СПб., 1837; Записки и дневник (1826—77). СПб., 1893 (М., 1955—56).

НИКИТИН Афанасий Никитич (ск. ок. 1474), тверской купец, путешественник, первый из русских людей, с научными целями посетивший Индию. Оставил записки «Хожение за три моря» (1468—74). Из этих записок следует, что русские купцы вели широкую торговлю с разными странами, находились в дружественных отношениях с иностранными купцами. Афанасий Никитин представляет собой образ настоящего русского купца, соединявшего в себе коммерческую хватку с глубокой религиозностью, совестливостью и патриотизмом. Увлеченный рассказами иностранных купцов о богатствах Индии, Афанасий Никитин, несмотря на все трудности, пробирается в неведомые земли, чтобы привезти оттуда

товары, полезные для своей Родины. Из записок видно, что Афанасий Никитин — человек общительный, наблюдательный, быстро усваивавший языки, тщательно знакомился с предметами торговли каждого города, а попутно и с природой и с жителями каждой страны. В своем «Хожении за три моря» — Каспийское, Индийское и Черное — Афанасий Никитин преодолевает полный смертельных опасностей путь, может быть самый длинный по тем временам — от Твери до южных берегов Каспийского моря, через всю Персию, Индию, Африку (Сомали), Маскат, Турцию, а затем возвращение на Русь. Он посещает Индию, почти за тридцать лет до Васко да Гама и, по сути дела, открывает Индию для России.

В Твери на берегу Волги в 1955 ему сооружен памятник.

Д. К.

НИКИТИН Иван Саввич (3.10.1824—28.10.1861), поэт и писатель. Родился в г. Воронеж в обеспеченной мещанской семье с типичными патриархальными нравами. Отец Никитина Савва Евтихievич был заметным в Воронеже человеком, предприимчивым торговцем, владельцем свечной лавки, первым кулачным бойцом. Мать поэта — кроткая, сердобольная, богомольная женщина — терпеливо сносила крутой характер мужа. От отца Никитин унаследовал «крепость и серьезность», практическую хватку и деловитость, от матери — душевную чуткость, мечтательность и поэтическую одаренность. Раннее детство Никитина прошло в окружении странников и богомольцев, собиравшихся к Митрофаньевской обители Воронежа со всех концов Руси, покупавших свечи в лавке отца. Мальчик рос в атмосфере народного говора, его восприимчивая душа жадно впитывала народные рассказы, *жития святых, духовные стихи*. Из-под церковных стен вынес Никитин трепетно-религиозное ощущение природы в духе замечательных народных стихов из «*Голубиной книги*».

Никитин учился в Воронежском духовном училище (1833—39) и семинарии (1839—43), но не окончил ее. Семинария уже не могла похвалиться тогда хорошим составом преподавателей: о кружке *А. П. Серебрянского* и *А. В. Кольцова* остались лишь воспоминания. Но вопреки суровым порядкам, подавлявшим личность семинаристов, эти воспоминания оказывали на молодежь благотворное влияние. Стихи «воронежского прасола» заучивались наизусть. Никитин как сын состоятельных родителей был вольноприходящим студентом, сохраняя независимость от семинарского начальства и широту интеллектуальных запросов. Он мечтал об университете, увлеклся *А. С. Пушкиным*, *В. А. Жуковским*, *М. Ю. Лермонтовым* и *Н. В. Гоголем*, читал Шекспира. Уже в семинарии начал писать стихи, подражая песням и думам Кольцова.

В 1843 торговые дела отца резко ухудшаются. Никитин уходит из семинарии, становится сидельцем свечной лавки и торговцем вразнос по праздничным дням. Умирает мать, убитый горем и неудачами отец начинает пить, свалив на сына всю тяжесть хозяйственных забот. В 1844 Никитин вынужден продать свечной завод и стать содержанием постоялого дво-

ра. Более десятка лет он встречает извозчиков, ямщиков, странников, купцов и крестьян, живя в постоянном общении с проезжими людьми, с разными сословиями пестрого русского общества. Случайные постояльцы ведут себя откровенно с добрым и чутким «дворником», раскрывая перед ним свои тайны, рассказывая горькие житейские истории. Спасением от них являются книги, природа, религия и собственные стихи. «Найдя свободную минуту, — писал он, — я уходил в какой-нибудь отдаленный уголок моего дома. Там я знакомился с тем, что составляет гордость человечества, там я слагал скромный стих, просившийся у меня из сердца. Все написанное я скрывал, как преступление, от всякого постороннего лица и с рассветом сжигал строки, над которыми плакал во время бессонной ночи».

Только в 1849, спустя 10 лет после начала творческой деятельности, Никитин послал три стихотворения на суд в «Воронежские губернские ведомости». А когда редакция отказалась от публикации анонимных стихов, автор не решился сообщить свое имя и замолчал еще на четыре года. Первая публикация стихов Никитина появилась, когда ему стукнуло без малого 30 лет. За плечами была трудная школа жизни и 14 лет поэтического творчества для себя, без явных признаков чего-либо похожего на авторское самолюбие. Такому парадоксу трудно подыскать аналогию в истории русской поэзии XIX в. Принято считать, что молчание Никитина было вызвано упадком интереса к поэзии, которая в эпоху 1840 — н. 1850-х уступила место «все поглотившей» прозе. Но вряд ли процесс, совершавшийся на вершине литературного Олимпа, мог оказать существенное влияние на содержателя постоянного двора. Причина была в другом. Никитин совершенно по-народному относился к своей художественной одаренности. Она значила для него гораздо больше, чем обычный поэтический талант. Отдаваясь стихии творчества, поэт вырывался из повседневных условий мещанской жизни, обретая чувство возвышающей и окрыляющей душу свободы. Поэзия для него была формой «духовного делания», религиозного труда, внутреннего жизнестроительства. Этим определялась ее самоценность и самодостаточность, позволявшая сжигать на рассвете такие поэтические строки, над которыми Никитин проплакал всю бессонную ночь.

Лишь в 1853 Никитин вновь представил свои стихи в редакцию «Воронежских губернских ведомостей». Опубликованная на их страницах «Русь» положила начало литературной известности поэта. Им заинтересовался Н. И. Второв, один из сотрудников газеты, историк, этнограф и статистик, организатор кружка воронежской интеллигенции. Упрочивая за Никитиным славу «второго Кольцова», члены кружка, каждый по-своему, пытаются опекать его. Второв и П. А. Придорогин поощряют демократические темы и ноты социального протеста в стихах Никитина, а М. Ф. Де-Пуле и А. П. Нордштейн — религиозные мотивы и гармонические описания природы.

В 1854, в июньской книжке «Отечественных записок», Нордштейн знакомит с «новым Кольцовым» стихотворную публикацию, в «Библиотеке для чтения» статью о Никитине печатает Н. В. Кукольник. Наконец, высокопоставленный чиновник, гр. Д. Н. Толстой, оказывая Никитину свое покровительство, отбирает на свой вкус и публикует в 1856 его стихи отдельной книгой с собственным предисловием.

В раннем творчестве Никитин действительно проходит литературную школу А. С. Пушкина («Лес», 1849), А. В. Кольцова («Весна в степи», 1849; «Русь», 1851), М. Ю. Лермонтова («Ключ», 1850; «На западе солнце пылает», 1851), А. Н. Майкова («Вечер», 1850), Н. А. Некрасова («Рассказ ямщика», 1854; «Уличная встреча», 1855). Но и в зрелой поэзии Никитина часто ощущается эстетическая

опора на тот или иной фольклорный или литературный источник — «текст-прототип». Заимствования в стихах Никитина свидетельствуют не столько об ученичестве, сколько об органической фольклорности его поэтического мышления, простодушно использующего чужое как свое. Никитин до конца дней сохранил такую свободу заимствований, равно как и свободу самоповторений. Все его пейзажи — вариации на тему утра или вечера на берегу озера или на берегу реки. Он не стыдится повторов или самоцитирований в той же мере, в какой не стыдится присваивать себе прекрасное или близкое его душевному настрою «чужое». Здесь он действует как сказитель, как народный поэт, творящий по законам коллективного творчества.

Никитин не только обходит эстетическое противостояние «чистого искусства» «некрасовской школе», но и пытается примирить и синтезировать эти противоборствующие направления. Синтез дается ему не сразу. В «Утре на берегу озера» (1854) происходит совмещение первого направления со вторым, порождающее некоторый диссонанс: майковская идиллия в начале стихотворения нарушается социальной драмой в его конце. «Мировая гармония», достигаемая на эстетически приподнятом уровне, вдруг сталкивается со «слезинкой ребенка» и возвращает поэта к горечи «злой сущности»: «А девчонка провожала / Грустным взглядом их, / И слеза у ней дрожала / В глазах голубых».

Но в стихах Никитина гармоничный мир природы и крестьянского труда по-своему очеловечивает, казалось бы, безысходный драматизм ситуации. Социальная драма смягчается поэтической картиной солнечного утра на озере, теплого ветерка, разноцветных огней по водной глади. Есть тут и детство в его беспечной игривости, в звучном радостном смехе, когда «на песке затрепетали окуньки, линьки». Вся полнота и красота мира Божия стоит у Никитина на страже мировой гармонии, подтверждая, что злом и неправдой не исчерпывается эта жизнь.

Именно с таких глубоко народных, христианских позиций Никитин чувствует всю односторонность непримиримой борьбы, начавшейся в русской поэзии между «чистым искусством» и «некрасовским направлением». Синтезируя некрасовские и кольцовские традиции, Никитин не чуждается поэтических открытий Ап. Майкова и *Фета*. И если в «Утре на берегу озера» происходит лишь совмещение противоборствующих друг с другом эстетических школ, то в классическом стихотворении «Утро» (1855) поэт достигает их органического синтеза.

Никитин не принимает поэта, одержимого «личной скорбью», противопоставляя ему творца, «уязвленного страданиями человечества», коренными противоречиями земного миропорядка («Поэту», 1853). Раздумья Никитина о мировом зле и мировом добре принимают, как правило, религиозный характер и развивают традицию кольцовских дум («Дума», 1849, «Вечность», «Небо», оба между 1849 и 1853; «Молитва», «Новый завет», оба 1853). Религиозность помогает духовно преодолевать роковые противоречия земного бытия. Мотивы сомнений у него довольно редки. Поэт размышляет о бессмертии, возмечивает духовную красоту христианского самоотвержения («Моление о чаше», 1854).

Полагали, что религиозные мотивы в лирике Никитина противостоят его стихам, в которых обретает голос социальная тема. Говорили о контрасте, который обозначился между христианскими «думами» и бытовыми картинами из жизни простых людей — мещан, купцов и др. демократических слоев русского общества. Писали о религиозно-примирительных настроениях в ранней поэзии Никитина, которые он будто бы преодолел на зрелом этапе творчества.

Такой взгляд на религиозные мотивы в лирике Никитина нуждается в переоценке. По сути дела все им написанное пронизано изнутри светоносными лучами православной религиозности, которая никогда не звала человека к «примирению с душевной неустроенностью» и социальной несправедливостью. Напротив, Православие несло религиозную энергию, направленную сперва на внутреннее просвещение человека, а потом и на одухотворение окружающего мира. Как в раннем, так и в позднем творчестве Никитин неизменно обращался к христианской тематике.

«Зимняя ночь в деревне» (1853) — первый рассказ в стихах о русском народе. В нем закладывается фундамент довольно устойчивой в поэзии Никитина традиции: формируется жанр поэтической новеллы, захватывающей «прозу» народного быта, включающей в лирику некрасовский эпический сюжет. Но мир дольний приобретает у Никитина отблеск мира горнего: сквозь убогий быт проступает вечность. Этот быт не оставлен при себе, при своей земной скудости: он высвечен изнутри лучами христианской правды. Преображение довершает в финале народная песня, как бы рожденная стихиями заснеженных пространств и дальних дорог: «И Бог весть отколе / Песенник лихой / Вдруг промчался в поле / С тройкой удалой. / И в морозной дали / Тихо потонул / И напев печали. / И тоски разгул».

В ранних стихах Никитин создает целостный, романтически обобщенный образ живой природы. Поэт любит изображать ее в движении, в переходных состояниях: расцвет или наступление вечера, смена времен года. Как живое существо, степь у него помнит зиму о лете, о яркой зелени, о песнях залётных птиц. Эта память выводит степь из ее зимнего оцепенения, готовит приход весны («Весна в степи», 1849). Именно в природе ощущает поэт зримое присутствие благодатных сил. В стихотворении «Поле» (1849) она изображается как материнское, дающее жизнь существо. Человек — дитя природы, ее беспокойный младенец: чем ближе он к матери природе, тем совершеннее и свободнее. Дыхание врачующей, целительной для человека стихии чувствуется в стихотворении «Лес» (1849): природа очищает душу человека от «горечи жизни обыденной», умиротворяет ее.

По мере творческого роста образ природы в лирике Никитина конкретизируется: сквозь дымку рассеивающегося тумана все чаще, все настойчивее проступают точные ее детали, зримые ее черты. В н. 1850-х в религиозно-философские стихи Никитина властно вторгается патриотическая тема, а вместе с нею и природа приобретает ярко выраженный русский колорит, участвует в создании целостного образа России, входит в национальный характер как формирующая и определяющая его стихия («Юг и Север», 1851). В этих стихах очевидно влияние лермонтовской «Родины». Вместе с тем не исключено воздействие на Никитина пейзажей Гоголя с их знаменитым «расширенным зрением», когда поэт вдруг приобретает чудесную дальность зоркости и видит мир широко и далеко во все стороны. Такова и никитинская «Русь», в которой поэт как бы парит над шатром голубых небес, обнимающих целостный мир России. И с заоблачных высот Русь открывается сразу вся, как на ладони: «Посмотрю на Юг — / Нивы зрелые... / Мурава лугов / Ковром стелется, / Виноград в садах / Наливается. / Гляну к Северу — / Там в глуши пустынь, / Снег, что белый пух, / Быстро кружится». Патриотические мотивы в лирике Никитина еще более крепнут в годы Крымской войны. Он воспринимает эти события как праведный гнев и праведный порыв России к освобождению православных братьев-славян от многовекового турецкого владычества («Война за веру», 1853). В стихотворении

«Донцам» (1854) поэт приветствует «воинственное племя» донских казаков, вспоминает их исторические подвиги от времен татарских набегов и покорения Сибири Ермаком до событий Отечественной войны 1812, благословляет их на «великую войну» за честь и славу православного воинства, за освобождение «страждущих славян».

Патриотическая тема глубоко проникает и в собственно пейзажные стихи поэта. Такова классическая «Встреча зимы» (1854), в которой Никитин окончательно избавляется от романтически-обобщенного восприятия. В стихах передается сам процесс перехода осенней природы в зимнее состояние: «Поутру вчера дождь / В стекла окон стучал. / Над землею туман / Облаками вставал... / В полдень дождь перестал, / И, что белый пушок, / На осеннюю грязь / Начал падать снежок». Ночь довершает это чудесное преобразование и дарит людям солнечное зимнее утро с легким чистым воздухом, с замерзшей рекой, с разноцветными огнями заснеженных полей, с алмазными капельками, застывшими на ветках берез. И затем, от конкретных штрихов и деталей, передающих трепетное мгновение природы, Никитин идет к созданию целостного образа русской зимы, устанавливая связь между ее суровыми стихиями и душевным укладом русского человека: «Да и нам ли подчас / Смерть не встретить, шутя, / Если к бурям у нас. / Привыкает дитя? / Когда мать в колыбель / На ночь сына кладет, / Под окном для него / Песни вьюга поет. / И разгул непогод / С ранних лет ему люб, / И растет богатырь, / Что под бурями дуб». В своих лирических новеллах из жизни народа и природы Никитин предвосхищает эпос Некрасова и, в частности, его поэму «Мороз, Красный нос». Поэтический строй «Мороза», созданного Некрасовым почти десять лет спустя, держится на тех же образах, выводящих бытовые факты к созданию целостного и всеприродного бытию. Предвосхищает Никитин и тему русского богатства — ключевую в поэме-эпосе Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

На зрелом этапе творчества Никитина углубляются социальные мотивы, и красота все чаще открывается не вне, а внутри народной жизни с ее трудовыми основами, с удалью, поэтической силой народных характеров. Одновременно с Некрасовым и даже опережая его, Никитин изображает частного человека из народа с индивидуальной судьбой, неповторимым характером. На смену песенной стихии кольцовского творчества приходит повествовательная, разрастается новеллистический сюжет. В поэзии оживает разноголосый мир мешан, дворовых, лакеев, мастеровых, извозчиков, крестьян-пахарей, не похожих друг на друга, по-разному воспринимающих социальные беды, по-разному откликающихся на противоречия повседневного бытия («Ночлег в деревне», 1857—58; «Пахарь», 1856; «Пряха», 1858; «Купец на пчельнике», «Неудачная присуха», «Ночлег извозчиков», все — 1854). Обнажается антагонизм между народом и имущими сословиями, в стихах появляется фигура народного обидчика — барин, оклеветавший слугу («Старый слуга», 1859), самодовольный барский холуй, уверенный в своей безнаказанности («Староста», 1856—58), чиновники, наживающиеся на мужицком горе («Мертвое тело», 1858), купчик лихой, походя разбивающий девичью судьбу («Ехал из ярмарки ухарь-купец...», 1858).

Вместе с тем социальная тема не является ни в лирике, ни в поэмах Никитина единственным источником драматизма народной жизни. Этот драматизм осмыслен поэтом более широко: беды народные часто связаны у него с капризами непредсказуемой русской судьбы, с прихотями

природы, в т. ч. и греховностью природы человеческой. Обычно они неожиданны и непредотвратимы: раннее сиротство, внезапная смерть мужа, жены или детей, губительный град, уничтоживший колосистую рожь, падеж скота и др. Это отличает Никитина от Некрасова 1850-х, но сближает его с Некрасовым 1860-х, периода создания поэм из народной жизни: социальное обогащается у Никитина общенациональным, природным, вековым. Поэтому и отношение народа к невзгодам в творчестве Никитина более сдержанное и терпеливое: он мужественно принимает их как неизбежные испытания, сознавая бессмысленность ропота и изливая горе в песне («Внезапное горе», 1854). В лирике Никитина очень часто звучит свойственный русскому характеру мотив «веселия в грусти»: «Что за грусть, коли жив, — и сквозь слезы смейся!» Сила русского человека не в гневе, не в ярости, не в бунтарских порывах, а в умении мужественно нести свой крест. Внимание Никитина сосредоточено на внутренних силах, которые помогают народу одолевая свою судьбу. Для героя «Бурлака» (1854) спасительный исход открывается в порыве к свободе и воле: «И пошел в бурлаки. Разгуляли тоску / Волгиматушки синие волны!..»

С усложнением народных характеров у Никитина возникает потребность выхода за рамки лирических миниатюр к большому эпическому повествованию. Она и реализуется в поэмах из народной жизни («Кулак», 1857; «Тарас», 1860), а завершается в прозе «Дневником семинариста» (1860). В поэме «Тарас» есть попытка создать новый крестьянский характер. Главный герой ее — человек беспокойный, непоседливый, тянувшийся в путь-дорогу на поиски лучшей доли. Здесь предчувствуются уже некрасовские странники, мужики-правдоискатели «Коробейников», «Кому на Руси жить хорошо».

В 1859, скопив долгими трудами необходимую сумму денег и воспользовавшись благотворительностью известного в России купца-мецената В. А. Кокорева, Никитин приобрел книжную лавку, ставшую культурным центром Воронежа. В этом же году Никитин издает второй сборник зрелых, реалистических произведений. В лирике поэта все более и более нарастают критические мотивы, с беспощадной иронией обличая он болтливых русских либералов и не обольщался относительно реформ «сверху», ожидая подъема народных сил. Но жизнь, полная лишений и невзгод, драматическая любовь, подкосившая душевные силы, не прошли бесследно для здоровья Никитина. Вскоре он тяжело заболел и умер от чахотки 37 лет от роду.

Никитин был учителем *И. З. Сурикова* и *С. Д. Дрожжина*. О нем с любовью отзывались *М. В. Исаковский* и *А. Т. Твардовский*. На слова Никитина создано около 60 романсов и песен: «На старом кургане» В. С. Калинникова, «Встреча зимы» Н. А. Римского-Корсакова, «Песня боблыя» С. Монюшко, «Русь» Э. Ф. Направника и др.

Соч.: Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. / Под ред., с биограф. очерком, ст. и примеч. А. Г. Фомина. СПб., 1913—15; Соч.: В 4 т. / Вступит. ст. Г. А. Костина. М., 1960—61; Полн. собр. стихотв. / Предисл. Н. И. Рьленкова; М.; Л., 1965; Собр. соч.: В 2 т. / Вступит. ст. и примеч. Л. А. Плоткина. М., 1975.

Лит.: *Де-Пуле М. Ф.* Иван Саввич Никитин // Соч. Воронеж, 1869. Т. 1; *И. С. Никитин.* Статьи и материалы о творчестве. Воронеж, 1962; *Тонков В. А. И. С. Никитин.* Очерк жизни и творчества. Воронеж, 1964; *Скатов Н. Н.* Поэты некрасовской школы. Л., 1968; «Я Руси сын!..» К 150-летию со дня рождения И. С. Никитина. Воронеж, 1974; *Лебедев Ю. В.* «И русский дух, и русской песни гул». К 170-летию со дня рождения И. С. Никитина // Литература в школе, 1993. № 6; *Кузнецов В. И. И. С. Никитин.* М., 1991.

Ю. Лебедев

НИКИФОРОВ-ВОЛГИН Василий Акимович (наст. фамилия — **Никифоров**) (24.12.1900[6.01.1901]—14.12.1941), писатель. Родился в д. Маркуши Калязинского у. Тверской губ. в семье мастера вероного. Вскоре после рождения Василия семья переехала в Нарву. Не имея средств для окончания гимназии, Никифоров-Волгин в детстве и юности много занимался самообразованием, хорошо узнал русскую литературу. Его любимыми писателями были *Ф. Достоевский*, *Н. Лесков*, *А. Чехов*. *С. Есенин*.

В 1920 Никифоров-Волгин стал одним из организаторов «Союза русской молодежи» в Нарве, устраивающим литературные вечера и концерты. Первая публикация Никифорова-Волгина — статья «Исполните свой долг!» (1921) в таллиннской газете «Последние известия», где автор призвал проявить заботу о могилах воинов белой Северо-Западной армии. С 1923 начинается регулярная литературная и журналистская деятельность Никифорова-Волгина. В русских периодических изданиях, выходящих в Эстонии, он публикует рассказы, статьи, очерки, этюды, лирические миниатюры, которые подписывает псевдонимом Василий Волгин.

Одновременно Никифоров-Волгин, хорошо знавший и любивший православное богослужение, служит псаломщиком в нарвском Спасо-Преображенском соборе (до весны 1932).

В 1926—27 вместе с С. Рацевичем редактирует «Новый нарвский листок». В 1927 на конкурсе молодых авторов в Таллине получает первую премию за рассказ «Земной поклон». В 1927 становится одним из учредителей русского спортивно-просветительного общества «Святогор», при котором в 1929 создается религиозно-философский кружок, положивший начало местной организации Русского студенческого христианского движения. Никифоров-Волгин участвовал в съездах этого движения, проходивших в Псково-Печерском и Пюхтицком монастырях. В 1930—32 Никифоров-Волгин также возглавляет литературный кружок общества «Святогор». В 30-х вместе с Л. Аксом редактирует журнал «Полевые цветы» — орган русской литературной молодежи в Эстонии.

К сер. 30-х Никифоров-Волгин становится известным писателем русского Зарубежья. Удостоен премии журнала «Иллюстрированная Россия» за рассказ «Архиерей». Накануне 1936 переезжает в Таллинн, где избирается почетным членом русского общества «Витязь»; печатается в крупном органе российской эмиграции — рижской газете «Сегодня». В таллиннском издательстве «Русская книга» вышли 2 сборника Никифорова-Волгина — «Земля именинница» (1937) и «Дорожный посох» (1938).

Летом 1940 в Эстонии была установлена советская власть, положившая конец культурной и литературной жизни русской эмиграции. В мае 1941 Никифоров-Волгин, работавший на судостроительном заводе, был арестован органами НКВД, а с началом войны отправлен по этапу в Киров (Вятка), где расстрелян 14 дек. 1941 «за издание книг, брошюр и пьес клеветнического, антисоветского содержания». Реабилитирован в 1991.

Эпиграфом к творческому наследию Никифорова-Волгина могут послужить тютчевские строки: «Утомленный ношей крестной, // всю тебя, земля родная, // в рабском виде Царь Небесный // Исходил, благословляя». Многочисленные рассказы, зарисовки, миниатюры Никифорова-Волгина складываются в тихую залушную песню о России. Во времена беззаконий, гонений, обрушившихся на родную землю, в море человеческих страданий Никифоров-Волгин отыскивает зерна христианской любви, рисует персонажей, которые сохраняют и несут Святую Русь в своем сердце. Это — странники, богомольцы, церковнослужители, юридивые, которые утешают страдающий народ, лечат души, очищают сердца. Все они — простые, коренные русские

люди («Архиерей», «Странники», «Юродивый» и др.). Один из постоянных мотивов Никифорова-Волгина — умиротворение, просветление человеческой души.

Тема соединения, исцеления распадающегося мира особенно явственно звучит в рассказе «Мати-пустыня», где красноармеец, умирающий на руках матери, в родном доме исповедует свои грехи и примиряется с Богом — мирная кончина его происходит «тише падения золотого листа с дерева»; в короткой новелле «Черный пожар», где боец Красной армии спасает раненого белого, в котором вдруг увидел брата, «земляка» по России.

В безмятежно-радостные, светлые тона окрашены рассказы цикла «Земля-именинница», где мир увиден глазами ребенка, приобщающегося к Православию. Христианская вера, Церковь являются для Никифорова-Волгина единственной надежной опорой, соединяющей все бытие в целостный и гармоничный мир. Подобно *И. С. Шмелеву* — автору «*Лета Господня*» — Никифоров-Волгин сочетает в своих рассказах яркую, образную простонародную речь с элементами церковнославянского языка.

Повесть «Дорожный посох» написана в форме дневника сельского священника, которому довелось пережить войну, революцию, арест, издевательства безбожников, приговор к расстрелу (Никифоров-Волгин как бы пророчески описал свою собственную судьбу и кончину). Вся книга словно тихий плач о родной земле, до боли любимой героем. «Все устали. Все горем захлебнулись. Все чают Христа утешения», — сокрушается рассказчик. Чудом избежавший смерти, батюшка несет страдающим людям евангельский свет.

Соч.: Дорожный посох: Избранное. М., 1992; Заутрения святителей: Избранное. М., 1998.

Лит.: Стрижев А. Н. Библиография // Никифоров-Волгин В. А. Заутрения святителей: Избранное. М., 1998; Исаков С. Забытый писатель // Никифоров-Волгин В. А. Дорожный посох. М., 1992.

А. Любомудров

НИКОЛАЕВИЧ И. (наст. имя и фамилия **Илья Николаевич Меч**) (1809 — ок. 1869), автор исторических сочинений для низового читателя. Уроженец Казанской губ., из обер-офицерских детей. В 1827 окончил старший юнкерский класс артиллерийского училища. Принимал участие в русско-турецкой войне 1828—29, в подавлении Польского восстания 1830—31. Полковник (с 1867).

С 1-й пол. 50-х Николаевич начал выступать в печати с многочисленными тематически разнородными историческими романами. Наиболее ранние из выявленных публикаций — «Битва русских с турками, или Ужасы балканских пещер, и таинственная мусульманка, или Красный мальчик. Роман... с хорами и маршами» (Ч. 1—2. М., 1852, анонимно), отсылающий своим названием к книге *Н. И. Зряхова* «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга», и роман «Приворотное зелье» (М., 1852, анонимно). В дальнейшем опубликовал sentimentальные бытописательные роман «Черный ворон» (М., 1853), «Чигиринский лес, или Вера сильнее любви. Нравственно-исторический роман» (Ч. 1—2. М., 1853; о царствовании Федора Алексеевича), «Нищий, или Избавленная жертва, из времен кн. Пожарского» (Ч. 1—2. М., 1853), «Бриллиантовая луна, или Инкерманское подземелье. Из последних времен владения генуэзцев в Таври. Рассказ Балаклавского отставного школьного сторожа» (Ч. 1—2. М., 1854; о Крыме в сер. XV в.), «Жид-островитянин, или Похищенный клад» (М., 1853). В романах Николаевича в рамках авантюрного сюжета сочетаются батальная (патриотическая) и любовная (мелодрама-

тическая) линии. Николаевич показывает превосходство Православия над др. религиями, а России — над др. странами. Действие его сочинений нередко разворачивается на Кавказе и в др. хорошо знакомых ему местах.

Среди сочинений Николаевича в др. жанрах — популярная биография «Жизнь и военные действия Александра Великого, царя Македонского» (М., 1853) и очерк отечественной истории «Праздники» (М., 1853), проникнутый неприязненным отношением к иноверным. Его стихотворения представлены двумя патриотическими брошюрами («Синопское сражение...» и «Бой под Ахалцыхом и поражение турок...» (обе — М., 1854).

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999.

НИКОЛЕВ Николай Петрович (10[21].11.1758—24.01[5.02].1815), поэт и драматург. Воспитывался в доме *Е. Р. Дашковой*, где получил превосходное образование. В 20-летнем возрасте Николев ослеп. В 1792 избран членом Российской академии. Свои взгляды сторонника классицизма Николев изложил в «Лиро-дидактическом послании» *Е. Р. Дашковой* (1791, 2-е изд. с «пополнительными примечаниями», 1796). Однако в творческой практике Николев испытывал влияние различных направлений. Кроме од в стиле классицизма, он написал «Две оды на взятие победоносным российским воинством города Очакова 1788 года декабря 6 дня» (1789); в первой из них использованы элементы литературной пародии, во второй — фольклорные мотивы. В стихах Николева, ставших популярными песнями и написанных в духе *сентиментализма*, также использован фольклор («Взвейся, выше понесися...», «Вечерком в румяну зорю...» и др.). Основное место в творчестве Николева занимает драматургия. Классицистическая трагедия «Сорена и Замир» (1784, пост. 1785, опубл. 1787), содержавшая тиранические идеи, вызвала возражения театральной цензуры и временно была снята с репертуара в Москве. Сохранились и еще 2 трагедии Николева — «Пальмира» и «Святослав» (вторая в рукописи). В комедии «Самолюбивый стихотворец» (1775, пост. 1781, опубл. 1787) высмеивается *А. П. Сумароков*. Комическая опера «Розана и Любим» (1776, пост. 1778, изд. 1781), отмеченная влиянием сентиментализма, сочувственно изображает крепостных крестьян. Николев также автор комедий «Попытка не шутка», «Испытанное постоянство», «Прикащик» и др. В собрание сочинений Николева его драматургия не вошла, т. к. из предполагавшихся 10 томов вышли только 5.

Соч.: Творения Н. П. Николева. Ч. 1—5. М., 1795—[98]; в кн.: Рус. комедия и комич. опера XVIII в. М.; Л., 1950; в кн.: Стихотворная комедия к. XVIII — н. XIX в. М.; Л., 1964; в кн.: Стихотворная трагедия к. XVIII — н. XIX в. М.; Л., 1964.

НИКОЛЬСКИЙ Борис Владимирович (3[15].10.1870—11.06.1919), поэт, переводчик и публицист, один из руководителей монархического движения, товарищ председателя Совета Русского собрания (РС), член Главного Совета Союза Русского Народа.

Сын крупного ученого и педагога-словесника, профессора Александровского лицея и Петербургского духовной академии В. В. Никольского. Образование по-

лучил в классической гимназии при Историко-филологическом институте, а затем в специальных классах при Императорском Училище правоведения. В 1893 окончил Петербургский университет по юридическому факультету, после чего служил в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел, ведая страховыми вопросами. Сотрудничал в крупнейшей русской газете «Новое время». В молодости Никольский увлекался идеями известного русского мыслителя *Н. Н. Страхова*, о котором написал после его кончины сочинение. В 1896 оставил службу для подготовки к научной деятельности. В 1899 сдал магистерский экзамен при Петербургском университете и начал читать лекции по римскому праву и некоторым отделам гражданского права на юридическом факультете, читал также лекции в Училище правоведения и Военно-юридической академии.

Будучи последовательным и убежденным монархистом, Никольский еще до смуты 1905 принял непосредственное участие в патриотическом движении. В дек. 1905 Русское собрание разослало «Обращение Русского собрания к единомышленникам, союзам и русскому народу», в котором была дана более развернутая характеристика движения монархистов к Манифесту 17 окт. Суть позиции РС сводилась к следующему: Манифест «выражает лишь недоверие Государя Императора к прежним Его советникам, которые, находясь далеко от народа и не зная его нужд, подносили к утверждению Государя такие законы, которые не только не отвечали народным желаниям, но иногда были направлены вразрез народным интересам, почему Его Величеству благоугодно ныне управлять страной при широком содействии народных представителей». Судя по всему, одним из основных авторов этих текстов был Никольский, который чуть позже принимал участие в подготовке Программы РС — одного из лучших политических документов монархического движения. 31 дек. 1905 государь принял депутацию РС. В составе депутации на Высочайшем приеме был и Никольский, который произнес всеподданнейшую речь. В речи он дал жесткую оценку современной ситуации и личности премьер-министра С. Ю. Витте: «Карающая десница Божия тяготее над нами. Война не дала нам побед, мир не принес успокоения. Происки международных врагов законности и порядка, сплотившихся в еврейско-масонский всемирный заговор, ведут отчаянную борьбу в лице нашей родины с христианством, просвещением и культурой. Во главе русского правительства поставлен человек, которому никто в мире не доверяет, которого вся Россия презирает и ненавидит, которого каждый шаг встречается всенародным негодованием, которого убийственное бездействие влечет нашу родину в бездну погибели. Мятеж отторгает окраины, измена растлевает исконные русские земли. Насильством и угрозами изгоняются с окраин русские люди, паникой охвачено коренное население. Взаимное недоверие и прямая ненависть раздражают области, племена, города и села, учреждения и союзы, Церковь и семью, школу и войско... Убийство, грабеж и разбой царят во всем отечестве нашем. Адом становится Россия и пыткой существование». Никольский заявил, что русский народ ждет от власти решительных действий по наведению порядка в стране, и обратился к царю с призывом: «Воспряньте же карающим Самодержавием, Всемилостивейший Государь, да возродится и обновится единение Ваше с Отечеством! Дайте народу русскому стать совместно с Вашим Императорским Величеством на страже свободы, порядка и законности! Военною властью, мощною военною властью, да будет истреблена, сокрушена и сметена безумная крамола, восстановлено спокойствие, оправдана присяга, спасено Отечество». Либералы убеждали имп. Николая II, что для успокоения страны нужно идти на дальнейшие

уступки — только так можно спасти монархию. Никольский, напротив, настаивал, что спасение — в решительном применении силы, и, от имени монархистов, предостерегал государя: «В противном случае мы не видим спасения ни Вашему Царствующему Дому, ни нашему русскому строю и ждем только небывалых в истории потрясений, доколе русскою кровью не смоеся начисто с лица земли русской чумная смута и ценою неисчислимых жертв не искупится та несомненная окончательная победа, которая и теперь еще может быть достигнута жертвами несравненно меньшими». От лица всех монархистов Никольский заверил царя в верности престолу истинно русских людей, которые готовы до конца вести «непреклонную борьбу за Православную веру, за русский народ и за Ваше царское самодержавие». Речь Никольского за прямоту получила Высочайшее одобрение, — видимо, государь услышал то, что сам уже чувствовал: политика Витте ведет страну к гибели. Речь имела широкий резонанс в кругах монархистов, свидетельство чему — ее неоднократные переиздания.

Соч.: Поэт философ. (А. А. Фет) // Русское обозрение. 1894. № 12. Николай Николаевич Страхов. Крит.-биограф. очерк. СПб., 1896; Последняя дуэль А. С. Пушкина. Биограф. очерк. СПб., 1901; Всеподданнейшая речь на приеме депутации Русского собрания 31 дек. 1905. Харьков, 1906; Дело академика Соболевского // Вестник Русского собрания. 1910. № 38; К характеристике К. Н. Леонтьева. СПб., 1911; Переписка Антония с Б. В. Никольским // Былое. Кн. XXI. Пг., 1923; Дневник Бориса Никольского // Красный архив. 1934. Т. 2(63).

А. Степанов

НИКОН ПЕЧЕРСКИЙ (ВЕЛИКИЙ), игумен *Киево-Печерского монастыря* в 1078—88, православный святой (?—1088). Никон был одним из первых насельников пещеры, которую выкопал *Антоний Печерский*. Эта пещера послужила началом Киево-Печерского монастыря. Никон поселился в ней до 1058, раньше *Феодосия Печерского*. По повелению Антония, именно Никон постриг в монахи Феодосия. В 1060 и 1061 Никон постриг в монахи сначала сына боярина Иоанна, а затем одного из приближенных кн. Изяслава Ярославича, которые в монашестве приняли имена Варлаама и Ефрема. Этим он вызвал сильный гнев князя, грозившего монахам заключением. В 1061 Никон бежал в Тмутаракань и жил там до 1067. В Тмутаракани он основал Богородичный монастырь. В 1068 Никон вернулся в Киево-Печерский монастырь. Но в 1073 ему вновь пришлось бежать в Тмутаракань, из-за того, что печерские монахи вмешались в княжеские междоусобицы. Вернулся в Киев после смерти Феодосия Печерского в 1078 и до конца жизни оставался игуменом Киево-Печерского монастыря.

Никон Печерский — ученый книжник и незаурядная личность. Если Феодосий поучал братию монастыря «духовными словесы», то Никон — «из книг почитающе». Некоторые ученые предполагают, что Никон был составителем II Киево-Печерского летописного свода. Возможно, что именно Никон начал располагать события в летописи по годам, что является особенностью русского летописания.

Никон Печерский причислен к лику святых. Дни памяти: 23 марта (5 апр.) и 28 сент. (11 окт.).

С. Перевезенцев

НИКОН РОЖДЕСТВЕНСКИЙ (Николай Иванович Рождественский), архиепископ (4[16].04.1851—12.01.1919), духовный писатель, издатель. Из многодетной семьи (22 ребенка) сельского дьячка. Закончил Московскую духовную семинарию. Уже в семинарии начал выпускать рукописный журнал для учеников. С 1879 Никон выпускает «Троицкий листок», общедоступное периодическое издание, ставившее своей целью

духовное просвещение и нравственное воспитание народа. «Троицкий листок» пользовался большой популярностью среди русских людей, за 30 лет было напечатано более 136 млн. экз. В 1880 Никон принял монашеский постриг. В 1885 он публикует книгу «Жития и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России Чудотворца», ставшую наиболее полным жизнеописанием великого русского святого.

По благословению св. *Феофана Затворника* Никон выпускает в свет «Толкование на Евангелие от Матфея. Духовно-нравственное чтение для народа» (1899).

В окт. 1905 архиеп. Никон Рождественский участвовал в составлении слова сщмч. *Владимира (Богоявленского)* «Что нам делать в эти тревожные дни», в котором рассказывалось о преступных замыслах революционеров, замысливших погубить Россию и построить в ней иудейское царство: «Главное гнездо врагов России за границей. Они мечтают весь мир поработить себе; в своих тайных секретных протоколах они называют нас, христиан, прямо скотами, которым Бог дал, говорят они, образ человеческий только для того, чтобы им, якобы избранным, не противно было пользоваться нашими услугами... С сатанинской хитростью они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают от них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Обманув несчастного, они толкают его на самые ужасные преступления якобы ради общего блага и действительно обращают его в послушного раба». Слово русских духовных вождей сыграло большую роль в подавлении революционной смуты.

Либеральные и революционные журналисты («прелюбодее печатного слова») и интеллигенты, писал Никон, разрушают Россию. «Соблазн идет от интеллигенции», — справедливо считал владыка. Именно интеллигенция своими делами способствовала «крушению духовных основ нашего исторического бытия». Авторитет Никона Рождественского среди коренных русских людей был очень высок, его очень любили в простом народе. Зато либерально-масонская интеллигенция, иудеи и революционеры люто его ненавидели, подвергали клеветническому поношению, грозили физической расправой.

Революцию 1917 Никон расценил как «торжество сатаны». В послании к Всероссийскому церковному Собору (от 15 авг. 1917) он писал, что если не спасет Россию «особенное чудо Божия Милосердия, то она в качестве великой державы должна сойти в могилу всеобщей истории, опозоренная клеймом измены Божью призванию».

Соч.: Житие преподобного Сергия Радонежского. Сергиев Посад, 1885; Репринт. Сергиев Посад, 1989; Где же наше христианство? Скорбные думы пастора. Сергиев Посад, 1910; Смерть графа Л. Н. Толстого. Сергиев Посад, 1911; Мои дневники. Вып. 1—7. Сергиев Посад, 1914—16; Православие и грядущие судьбы России / Сост. священник Я. Шипов. М., 1994.

Лит.: Богатырь мысли и дела. Памяти Владимира Андреевича Грингмута. М., 1909; Подробный отчет о Третьем Всероссийском Съезде Людей Земли Русской в Киеве. М., 1906; Сб. Съезда Русских Людей в Москве. 27 сент.—4 окт. 1909. М., 1910; *Стрижев А.* Никон Рождественский — великий святитель XX в. // Москва. 2000. № 7.

О. Платонов

НИКОНОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ, летописный свод XVI в., один из крупнейших по объему летописных памятников Древней Руси. Работа над первоначальным вариантом летописи проходила в 20-е XVI в. под руководством *Даниила*, митрополита Московского и всея Руси. Впоследствии памятник дополнялся и дорабатывался. Летопись сохранилась в нескольких вариантах. В XVII в. одним из ее списков владел патр. Никон, почему она и получила свое современное наименование. В центре летописного рассказа — история России с древнейших времен, дополненная сведениями из истории др. православных стран и народов. Через всю летопись красной нитью проходит мысль, что Московскому государству уготована особая роль в сохранении и упрочении Православной веры. Источниками для свода послужило летописание разных городов, а также исторические повести и сказания, *жития святых*, архивные документы, записанные и переработанные устные предания. Многие из сообщаемых летописью известий являются уникальными и не имеют соответствий в сохранившихся более ранних летописных сводах. Никоновская летопись опубликована в 9—14 томах «Полного собрания русских летописей».

А. Лаушкин

НИЛ СОРСКИЙ, преподобный (1433—7.05.1508), духовный писатель. Происходил из рода бояр Майковых.

Пострижение в монашество прп. Нил получил и начало иноческой жизни полагал в обители прп. Кирилла Белозерского. Здесь он пользовался советами умного и строгого старца Паисия (Ярославова), который потом стал игуменом Свято-Троицкой Сергиевой лавры и был приглашаем в митрополиты, но, по смиреннию своему, отказался от этого великого сана.

Прожив в Кирилло-Белозерском монастыре некоторое время, Нил вместе с учеником своим и сотрудником, монахом Иннокентием, из рода бояр Охлебниных, путешествовал по святым местам, на Восток, чтобы в опытах тамошних подвижников видеть жизнь духовную: был он, по его словам, «на горе Афонской, в странах цареградских и других местах».

Живя несколько лет на Афонской горе и путешествуя по монастырям Константинопольским, прп. Нил особенно в это время напитал дух свой наставлениями великих отцов пустынных, которые путем внутреннего очищения и непрестанной молитвы, совершаемой умом в сердце, достигали светозарений озарений Духа Святого.

Прп. Нил не только изучил умом и сердцем, но и в постоянное упражнение своей жизни обратил душеспасительные уроки богомудрых отцов — Антония Великого, Василия Великого, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Макария Великого, Варсонофия, Иоанна Лествичника, Аввы Дорофея, Максима Исповедника, Исихия, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина, Григория, Нила и Филофея Синайских. Потому-то изречениями сил великих отцов и преисполнена его книга, называемая «Предание о жителстве скитском».

Возвратясь в Белозерский монастырь, прп. Нил уже не хотел жить в нем, но построил себе келью, недалеко от него, за оградой, где и жил недолгое время в уединении. Потом отошел за 15 верст от сего монастыря на реку Сорку, водрузил здесь крест, поставил сперва часовню и уединенную келью и при ней выкопал колодец, а когда собралось к нему для сожития несколько братьев, то построил и церковь. Обитель свою учредил он на особенных отшельнических правилах, по образцу скитов Афонских, почему она и названа скитом, а прп. Нил почитается основателем в России скитского жития, в более строгом и точном его устройстве.

В новом своем скиту преподобный продолжал изучать Божественное Писание и творения свв. отцов, устроая по ним жизнь свою и учеников своих.

Преподобным было написано религиозное и научное сочинение «Устав монастырский», ставший одним из основополагающих трудов в развитии философии, психологии и педагогики. Вокруг Нила Сорского возникает целая школа ученых монахов, его последователей — *Вассиан Косой*, *Иннокентий Вологодский* и др.

Историю внутренней своей жизни отчасти открыл сам преподобный в послании к одному из своих близких сподвижников, по настоятельной его просьбе. «Пишу к тебе, — говорит он, — показывая себя: любовь твоя по Боге вынуждает к тому и делает меня безумным, чтобы писать тебе о себе. Не просто и не по случаям надобно нам поступать, а по Святому Писанию и по преданию святых отцов. Удаление мое из монастыря (Кириллова) не было бы ради душевной пользы? Ей, ради нее. Я видел, что там живут не по закону Божию и преданию отеческому, а по своей воле и человеческому рассуждению. Много еще и таких, которые, поступая так неправильно, мечтают, будто проходят житие добродетельное. Когда мы жили вместе с тобой в монастыре, ты знаешь, как удалялся я мирских связей и старался жить по Святому Писанию, хотя по лености моей и не успевал. По окончании странствования моего, пришел я в монастырь и, вне монастыря, вблизи его, устроив себе келью, жил сколько мог. Теперь переселился я вдаль от монастыря, нашел благодатью Божией место, по мыслям моим малодоступное для мирских людей, как сам ты видел. Живя наедине, занимаюсь испытанием духовных писаний: прежде всего испытываю заповеди Господни и их толкование — предания апостолов, потом — жития и наставления святых отцов. О всем том размышляю и что, по рассуждению моему, нахожу богоугодного и полезно-

го для души моей, переписываю для себя. В этом — жизнь моя и дыхание. О немощи моей и лени возложил я упование на Бога и Пречистую Богородицу. Если что случается мне предпринимать и если не нахожу того в Писании, на время отлагаю в сторону, пока не найду. По своей воле и по своему рассуждению не смею предпринимать что-нибудь. Живешь ли отшельнически или в общежитии, внимай Святому Писанию и следуй по стопам отцов или повинуйся тому, кто известен как муж духовный, — в слове, жизни и рассуждении. Святое Писание жестоко лишь для того, кто не хочет смириться страхом Божиим и отступить от земных помышлений, а желает жить по своей страстной воле. Иные не хотят смиренно испытывать Святое Писание, не хотят даже слышать о том, как следует жить, как будто Писание не для нас писано, не должно быть исполняемо в наше время. Но истинным подвижникам и в древние времена, и в нынешние, и во все века слова Господни всегда будут словами чистыми, как очищенное серебро: заповеди Господни для них дороги более, чем золото и камня дороги, сладки более, чем мед из сот».

«Иноческая милостыня — помочь брату словом во время нужды, утешить в скорби духовным рассуждением; душевная милостыня настолько выше телесной, насколько душа выше тела. Если придет к нам странник, — успокоим его по силе, и если требует хлеба, — подадим ему и отпустим его», — говорил прп. Нил.

Новая, до этого невиданная на Руси, жизнь скитская, часто высказываемая душевная скорбь о порче церковных книг и старание, по возможности, исправлять их, конечно, возбуждали против преподобного неудовольствия, но он терпеливо шел своим путем и был в уважении добрых святителей и даже вел. князей.

Прп. Нил был на Соборе о жидовствующих еретиках в 1491. Сам ревнитель Православия, архиеп. *Геннадий Новгородский*, в 1492 желал лично видеть и слышать суждения прп. Нила о предметах недоумений, по делу о них. По окончании Собора 1503 о вдовых попах и диаконах старец Нил, как имевший доступ к самодержцу, по своей крепкой жизни и по великой добродетели, и как уважаемый самодержцем, предложил, чтобы не было сел у монастырей и жили бы монахи трудами рук своих. С ним согласны были все Белозерские подвижники.

Архим. Иустин

Учение прп. Нила изложено частью в его посланиях к ученикам, касающихся отдельных духовных вопросов, частью в 11 главах его «Устава монастырского». «Последний представляет не устав в собственном смысле, а систематический, почти исчерпывающий, несмотря на свою сжатость, трактат по православной аскетике» (Федотов). По мысли Нила, этот трактат, хотя и обращающийся непосредственно к монахам, должен бы служить практическим руководством для каждого искреннего христианина. Путь к спасению открыт для всех, как для монахов, так и для мирян. И это — путь внутреннего возрождения, морального перевоспитания, а не внешних обрядов.

В этом произведении «обнаруживается огромная начитанность в мистической литературе и, редкий на Руси, дар систематического изложения» (Федотов).

В введении к своему труду Нил говорил о необходимости и важности для монаха работать над своим внутренним совершенствованием, беспрестанно наблюдая за движениями ума и сердца. Исходной точкой для всех своих рассуждений он берет Евангелие и Деяния Апостолов, приводя слова Христа: «Исходящее из уст — из сердца исходит; сие оскверняет человека» (Мф. 15, 18). Учение святых отцов повторяет то же самое: кто молится одними только устами, оставляя ум незаня-

тым, тот молится в воздух, — ибо Бог дух слушает; без внутреннего расположения все заниматься внешним... Итак, заключает прп. Нил, согласно учению Спасителя и апостолов и толкованию святых отцов, мы видим, как нужно и важно для человека внутреннее очищение сердца и ума. Только через такое очищение открывается путь к спасению. Что касается средств, позволяющих овладеть этой наукой внутреннего совершенствования, из них самое лучшее — прямое изучение Писания. Прямое — потому что прежде этого можно было достигать, посещая «разумных и духовных мужей», но теперь таких руководителей трудно найти. Следовательно, нужно самому прямо обращаться к источнику и слушать Самого Господа. «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную» (Ин. 5, 39).

Большое влияние на Нила Сорского оказали исихасты. Его любимый автор — Григорий Синаит, произведения которого оказали значительное влияние на его «Устав». Помимо писателей-исихастов, Нил ищет свои источники и у гораздо более древних авторов. Это — св. Иоанн Лествичник, св. Иоанн Златоуст, св. Василий Великий, Исаак Сириянин и Симеон Новый Богослов. Ввиду всего этого приходится признать за ним значительную долю независимости, проявляющуюся в особенности в выборе и оценке его источников. Эту свою независимость он соблюдает даже и по отношению к Григорию Синаиту. В то время как тот невысоко ставил физический труд, Нил, напротив, считает, что нужно жить от труда своих рук, это — одна из существенных идей его духовности, и он ею весьма дорожит.

Следующие черты отличают идеи прп. Нила.

1. Критический склад его ума. Он не принимает все без разбора и всегда старается рассмотреть данные нравственные и религиозные представления, чтобы с полной сознательностью отвергнуть их или принять и тогда привести их в систему. Это стремление и побудило его, для удовлетворения его жажды личного совершенства и для реформы монашеской жизни, обратиться к источникам этой последней в Грецию, и в особенности на Афон, откуда монашеству некогда явилось на Русь.

2. Наряду с критическим началом, начало мистическое и созерцательное отличает прп. Нила от большинства русских святых и даже от его собственных учеников, у которых мистического духа незаметно вовсе, или он заметен лишь в очень малой степени. У него это — лишь крайнее выражение его стремления к совершенству внутреннему и духовному, дар Божий, может быть также и непосредственная реакция на чисто обрядовое внешнее благочестие, которое ему приходилось наблюдать. Эта сторона его характера выразилась в особенности в его учении о молитве.

Нил Сорский проповедовал идеи мистического аскетизма, направленного не на истощение плоти, но на духовный подвиг. Почва подвигов — мысль и сердце, а не тело, а их целью является внутреннее совершенствование, совершенствование души. Поэтому излишнее истощение тела может лишь воспрепятствовать нравственному самосовершенствованию, ибо слабое тело не в силах вынести бремя подвига. Пост, учил Нил Сорский, должен быть умеренным, дабы тело не потеряло работоспособности, т. к., отрекаясь от мира, человек должен отречься от всего, что дает мир, в т. ч. и от подаяния, и жить плодами рук своих. Монашеская обитель есть собрание иноков, и потому то, что предосудительно для отдельного инока, еще более предосудительно и непозволительно для монастыря. Источником нравственного подвига, утверждал Нил Сорский, является авторитет «божественного писания», изучение которого есть главная обязанность инока. Под ним он понимал не только Божественное откровение, но и все запечатленное в письменности церковное предание. Сам Нил Сорский был

знатоком патристики, сочинений учителей Церкви. В его сочинениях обильно цитируются высказывания и отцов Церкви — Василия Великого и Иоанна Златоуста, и религиозных писателей IV—XIV вв. Иоанна Кассиана Римлянина и Нила Синайского, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и мн. др. При этом он учил критически относиться ко всему написанному. «Писания многа, но не вся божественна», — говорил он. Отсюда необходимо согласие между Писанием и разумом, дающим ему критическую оценку. Нил Сорский враг всякой «внешности», поэтому он не только против чрезмерного поста, но и против всяческих излишеств в быту. Ссылаясь на Евангелие, он писал: «Очисти келью твою и скудость вещей научит тя воздержанию. — Возлюби нищету и нестяжание и смирение».

Теория Иисусовой молитвы в русской духовной литературе впервые изложена в «Уставе» Нила Сорского. Однако достаточно сравнить то, что пишет об этом прп. Нил, со знаменитым руководством, применявшимся в афонской школе, чтобы заметить, насколько русский аскет сдержаннее, трезвее в своих словах и в выражении своих чувств. Он пропускает все описания физических приемов, которые были связаны исихастами с этой молитвой, вообще все то, что могло вызывать соблазн или, по меньшей мере, недоумение. Исследователи Нила Сорского, советуя упражняться в «молитве Иисусовой», неизменно предостерегают верующих от некоторых сторон исихастского опыта. По их словам, «молитва Иисусова освобождает от всего, только не от самого Иисуса». Этим они остаются верными духу прп. Нила. Заимствуя идеи у других, Нил, как подлинно русский человек, не ограничивается их повторением и буквальным применением: он их приспособляет и перерабатывает согласно национальному и своему личному гению.

Соч.: Устав о скитской жизни. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1991; Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912.

Лит.: Прохоров Г. М. Послания Нила Сорского // Тр. Отдела древнерусской литературы Ин-та рус. яз. АН. Т. 29. Л., 1974; *Архангельский А. С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в Древней Руси. Ч. 1: Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882; *Иоанн Шаховской, архим.* Нил Сорский. Берлин 1939; Прп. Нил. «Устав» // Памятники древн. письменности. Т. 179. СПб., 1912; *Правдин А.* Прп. Нил Сорский: Устав его скитского жития // Христианское чтение. 1877. № 1; *Смолич И.* Великий старец Нил Сорский // Пут. 1929. № 19; *Тюменев.* Нилова Пустынь // Ист. вестник. 1898. № 74.

НИЛУС Сергей Александрович (28.08[9.09].1862—1.01.1929), духовный писатель. Родился в Москве. Происходил из семьи крупных дворян-землевладельцев. Воспитанный в семье, проникнутой идеями материализма и крайнего либерализма,

Нилус в юности был равнодушен к вере и Церкви. В 1886 окончил юридический факультет Московского университета и служил чиновником на Кавказе и в Симбирске. Оставив службу, в 1888—1905 занимался хозяйством в родовом имении Золотарево Мценского у. Орловской губ. В н. 900-х публикуется в газете «Московские ведомости».

В 1885—90 произошел глубокий внутренний перелом в мировоззрении

Нилуса. «Обращение православного (по крещению) в православную веру» совершилось благодаря чудесному видению прп. Сергия Радонежского у раки с его мошами в Троице-Сергиевой лавре, встречаю со св. *Иоанном Кронштадтским* (впоследствии называвшим сомнения Нилуса «чистым алмазом»), паломничеству в Саровский и Дивеевский монастыри (где Нилус познакомился с известными подвижниками — игуменьей Марией и блаженной Пашей Саровской). Среди бумаг Н. А. Мотовилова (ученика прп. Серафима Саровского), полученных в Дивееве, Нилус обнаружил и расшифровал уникальные записи поучений старца. Опубликованная Нилусом в 1903 «Беседа о цели христианской жизни» вошла в сокровищницу духовного опыта русских святых. Мотовилов рассказал о том, как во время этой беседы по молитвам подвижника на мгновение зримо открылся преображенный благодатью мир. Др. рукопись Мотовилова, также написанная со слов старца, — «Великая Дивеевская тайна» (удивительные пророчества о будущем России и последних судьбах мира, о воскресении и «переходе» св. Серафима из Сарова в Дивеев для всемирной проповеди покаяния и др.) — была опубликована в посмертном издании книги Нилуса «На берегу Божьей реки. Часть 2» лишь в 1969, когда некоторые из предсказаний начали осуществляться.

Рассказы о встречах с современными подвижниками благочестия, впечатления от поездок по святым местам России, написанные живо и увлекательно, пером талантливого художника, составили первую книгу Нилуса «Великое в малом» (1903), выдержавшую 5 изданий при жизни автора. Книги Нилуса, состоящие, как правило, из разнообразных по жанру частей (рассказы, очерки, зарисовки и др.), отличаются богатством языковых средств и эмоциональных оттенков. Нилус умеет передать живую речь простонародья, сдержанно-строгие слова иноков. Проникновенно-доверительные интонации автора, делящегося своими сокровенными чувствами и переживаниями, чередуется с высоким слогом пророка и проповедника.

Во втором издании книги «Великое в малом» в 1905 Нилус опубликовал попавшую к нему рукопись под названием «Протоколы сионских мудрецов» — документ, в котором шла речь о способах скорейшего достижения мирового господства. Хотя Нилус не был первым публикатором «Протоколов...», именно его издание оказалось наиболее известным благодаря развернутым комментариям писателя. Нилус рассматривал этот документ в русле русской религиозной традиции: ставил замыслы «мудрецов» в прямую связь с «тайной беззакония» — с библейскими пророчествами о воплощении «сына погибели» и наступающим перед концом истории «царстве антихриста» (пришествие которого, по Нилусу, стало «ближайшей политической возможностью»). Единственным средством, которое может предотвратить поражение России мировым злом, Нилус считал возвращение к вере отцов — святому Православию. Писатель был убежден, что оружие в борьбе с духом антихриста — это прежде всего подлинно христианская, просветленная любовь и смирение. Размышлениями о великом предназначении России и судьбах мира проникнуты и последующие сочинения Нилуса.

В 1906 по воле имп. Александры Федоровны был заключен брак Нилуса с ее фрейлиной, Е. А. Озеровой, ставшей верной спутницей писателя. Нилус планировал принять священнический сан, но этому помешала кампания травли Нилуса, поднятая в либеральной печати. Она была вызвана как публикацией «Протоколов...», так и опасениями, что Нилус станет «старцем»-духовником государя-мученика Николая

Александровича (который высоко оценил книгу Нилуса). Нилусы были вынуждены навсегда покинуть Петербург.

Центральное место в жизни и творчестве Нилуса занимает знаменитая *Оптина Пустынь*: «Прилепилось мое сердце к этому великому и святому месту узами неумирающей, святой любви и вечной благодарности... открылся мне тайник сокровенного оптинского духа». С благословения оптинских старцев Нилусы в 1907—12 живут в Оптиной, в доме, где прежде жил писатель и философ *К. Н. Леонтьев* (в монашестве Климент). Духовником и руководителем Нилуса стал великий старец Варсонофий (Плиханков). Здесь продолжается писательская деятельность Нилуса «по собиранию цветов с духовного луга иноческого жития на Руси Святой». Книга «Сила Божия и немощь человеческая» (1908), построенная на материалах богатейшего оптинского архива, запечатлевает облик многих подвижников, прозорливых старцев, описывает знаменья и происшествия, в которых явно видно действие Промысла. В основу следующей книги «Святыня под спудом» (публиковалась в журнале «Троицкое слово», сотрудник которого был Нилус; отд. изд. вышла в 1911) были положены записки оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова), которые Нилус подверг художественной переработке. На страницах книги, увлекательно повествующей о жизни знаменитого монастыря в сер. XIX в., появляются имена *Н. В. Гоголя*, *А. К. Толстого*, *И. В. Киреевского* и др. деятелей русской культуры, так или иначе связанных с Оптиной Пустыню.

С 1909 Нилус сам становится летописцем оптинской жизни, записывая различные знаменательные факты, беседы со старцами, в которых содержатся удивительно глубокие суждения и пророчества о приближающихся исторических потрясениях в жизни народа и государства. Цикл «На берегу Божьей реки: Записки православного. Часть 1» (1916) построен на противопоставлении разрушительной силы зла и силы христианской любви, проявляющейся через святых подвижников русской земли н. XX в.

Последняя прижизненная книга Нилуса «Близ есть, при дверях: О том, чему не желают верить и что так близко», проникнутая апокалипсическими мотивами, вышла в янв. 1917. По приказанию А. Ф. Керенского тираж ее был уничтожен. В первые послеоктябрьские годы за чтение и хранение книг Нилуса расстреливали на месте, затем на протяжении более чем полувека имя писателя было под строжайшим запретом. Живший с 1912 в Валдае, Нилус после революции переехал в имение кн. В. Д. Жевахова Линовица Полтавской губ. В 1923—26 он несколько раз подвергался обыскам и тюремному заключению (в Киеве, в Москве на Лубянке), чудом избежал расстрела. В 1926—28 жил в Чернигове, затем переехал в с. Крутец Владимирской губ., где и наступила его кончина накануне дня памяти столь любимого им старца Серафима Саровского. Несмотря на жесточайшие испытания и гонения, Нилус до конца дней продолжал записывать рассказы о проявлениях святости на Руси, о государе-мученике Николае Александровиче, о спасительной силе покаяния. Эти заметки опубликованы в книге «На берегу Божьей реки». Часть 2» (Сан-Франциско, 1969) и «Неизвестный Нилус» (1995).

Современники запечатлели облик писателя: «Высокого роста, широкоплечий, с красивым лицом, красивыми карими глазами и ясным добрым взглядом. Он был очень жизнерадостным человеком... Внутренне он был колоссом духа, так твердо стоящим “на камне веры”, что ни гонения, ни лишения, ни злословие не могли поколебать его веру и любовь к Богу».

Соч.: Святыня под спудом. М., 1991; Сила Божия и немощь человеческая. М., 1992; На берегу Божьей реки. Часть 1. М., 1991; На берегу Божьей реки. Часть 2. М., 1992; «Близ есть, при дверех; О том, чему не желают верить и что так близко». Екатеринбург, 1993; Великое в малом. Новосибирск, 1994; Неизвестный Нилус: В 2 т. М., 1995.

Лит.: Сергей Александрович Нилус (1862—1929): Жизнеописание. М., 1995.

А. Любомудров

НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ Иван Иванович (наст. имя и фам. **Ян Пleshкевич**) (13[25].11.1893—10.07.1967), писатель, поэт. Родился в г. Алексеевск-на-Амуре. В детские годы жил в Мариинске Томской губ. Учился в Механико-техническом училище им. Александра III в Омске. Окончил также военное училище. В краткой биографической справке, составленной женой Новгород-Северского писательницей Ю. Кутыриной, сообщается, что по семейным делам и по службе «он изъездил на коне и на почтовых всю Сибирь от северной тундры до Алтая и Приморья». Участвовал в первой мировой войне, получил чин ротмистра, был тяжело ранен. Находясь в рядах Добровольческой армии, был второй раз ранен, казалось смертельно, и «отнесен в морг, но ожил и был произведен генералом Врангелем в полковники». Эмигрировал в 1920 в Константинополь. Жил в Болгарии, отсюда переехал в Париж, учился в 1926—27 в Богословском институте. Был необыкновенно плодовитым автором: написал более 30 сборников стихов и несколько книг прозы (многое осталось неопубликованным). Основные темы — почитание Божией Матери, тема России, в особенности его родной Сибири.

Соч.: Благовестие. Париж, 1930; Заполярье. Л., 1939; Аве Мария. Париж, 1958; Чудны Лики Твои, Пресвятая. Париж, 1958; Степные огни. Мюнхен, 1964; Матерь Божия Державная. Париж, 1966; Северное послание. Париж, 1968.

НОВГОРОДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIV—XV вв. отражала духовную жизнь одного из важнейших центров Северо-Западной Руси. Древнейшим памятником новгородской литературы является летопись.

Новгородское летописание XII в. отличается от южнорусского стилистической безыскусственностью, сочетающейся с простотой содержания. Летописцы говорят о местных, новгородских событиях, редко упоминая о событиях в др. русских княжествах. О небесных знамениях, стихийных бедствиях, годе Новгородская летопись пишет кратко, сухо, избегая рассуждений и толкований. Характеристики исторических деятелей немногочисленны и кратки.

С XIII в. тематика Новгородской летописи значительно расширяется: появляется понятие «Русская земля», и летописец внимательно следит за событиями в др. княжествах.

Дальнейшее развитие летописания происходит в 30—50-е XV в. при архиепископе Евфимии II (1429—59). По его поручению в 1432 создается Софийский временник, в котором в истории Руси Новгород занимал центральное место.

Важное значение для новгородского, как и для всего русского, летописания имело создание свода 1448, дошедшего до нас в составе Софийской первой и Новгородской четвертой летописей. Свод, созданный в Москве, был первым общерусским сводом. Параллельно с ним создавалась новгородская летопись с незначительным добавлением общерусских известий (Новгородская первая летопись младшего извода), а несколько позже на основании того же свода возникла Новгородская четвертая летопись. Последняя независимая новгородская летопись была составлена в 70-е годы XV в. — накануне падения Новгородской феодальной республики (Строевский список Новгородской четвертой летописи).

В XIV в. появляется «Жожение Стефана Новгородца» — первое в древнерусской литературе путешествие мирянина. Понять мировоззрение новгородцев помогает «Послание новгородского архиепископа Василия к тверскому епископу Федору о земном рае», помещенное в Новгородской первой летописи под 1347.

Расцвет новгородской агиографии приходится на 2-ю треть XV в. Архиеп. Евфимий II устанавливает почитание местных новгородских святых — архиепископов Иоанна и Моисея; прибывший с Афона *Пахомий Серб* перерабатывает в риторико-панегирическом стиле вторую редакцию *Жития Варлаама Хутынского* и летописное «Сказание о знамении от иконы Богородицы» (1169). К 1480 создается *Житие Михаила Клопского*.

Прославлению святости новгородского архиепископа посвящена «Повесть о путешествии архиепископа Иоанна на бесе в Иерусалим». С именем Иоанна связана и «Повесть о новгородском посаднике Шиле», автор которой, полемизируя с еретиками, пытается доказать необходимость заупокойных молитв, «вкладов по душе».

После присоединения Новгорода к Москве в 1478 складываются легенды о конце Новгорода, которые вносятся в летопись (сказание о росписи новгородской Софии под 1045, рассказ о кресте на Софийском соборе, о появлении крови на двух гробах, о слезах от иконы Богородицы) и в жития («Видение пономаря Тарасия» в «Житии Варлаама Хутынского» и т. д.).

В XIV в. в Новгороде возникают еретические движения. Сочинения еретиков до нас не дошли, и судить о характере движения можно лишь по произведениям их обличителей: «Просветителю» и посланиям *Иосифа Волоцкого*, посланиям новгородского архиеп. *Геннадия*.

Рассуждения о превосходстве духовной власти над светской, о Великом Новгороде как о «новом Риме» содержатся в «*Повести о Новгородском белом клобуке*», написанной в к. XV в., как полагают, *Д. Герасимовым*. К повести примыкают возникшие в н. XVI в. «Сказание о Тихвинской иконе Божьей матери» и *Житие Антония Римлянина*.

В новгородских летописях XV в. сильны тенденции, тесно связанные с идеей независимости Новгорода, для выражения которых широко используется легендарный повествовательный материал.

П. П.

НОВГОРОДСКАЯ ПЕРВАЯ ЛЕТОПИСЬ, древнейшая летопись Великого Новгорода. Сохранилась в 2 изводах (редакциях): старшем и младшем. Старший извод представлен единственным пергаменным списком, который датируется XIII—XIV вв. и является самой старой из сохранившихся древнерусских летописных рукописей. Повествование в старшем изводе летописи доведено до сер. XIV в. Младший извод, два основных списка которого относятся к XV в., продолжает повествование до середины этого столетия. Основная тема летописи — история Новгорода и его взаимоотношений с соседями. Язык новгородских летописцев отличается краткостью и деловитостью. Новгородская первая летопись имеет исключительное значение для истории древнерусского летописания, поскольку в начальной ее части (младшего извода) сохранились уникальные фрагменты летописного свода, предшествовавшего *Повести временных лет*. Этот свод, получивший название Начального, был составлен в 90-е XI в. в Киеве. Впоследствии текст свода каким-то образом попал в Новгород и был использован новгородскими летописцами. Новгородская первая летопись напечатана отдельным изданием.

А. Лаушкин

НОВИКОВ Иван Алексеевич ([1[13].01.1877—10.01.1959), писатель. Родился в д. Илькова Мценского у. Орловской губ. Окончил Московский сельскохозяйственный институт (1901). В 1899 опубликовал первый рассказ «Сон Сергея Ивановича», в 1901 — пьесу «В пути» (под псевд. М. Зеленоглазый), в 1904 — сборник рассказов «Искания», в 1906 — роман «Из жизни духа», в 1908 — сборник стихов «Духу святому». Начав как реалист, Новиков в 1904—10 увлекся символизмом и мистицизмом (роман «Золотые кресты», 1908), затем опять вернулся к реализму. В центре внимания писателя — образы разочарованного интеллигента, ищущего спасения в любви (рассказ «Калина в палисаднике», 1917; «Повесть о коричневом яблоке», 1917), идеальной русской женщины (рассказы «Жанна д'Арк», 1911, «Чудо св. Николая», 1912), молодежи начала века (роман «Между двух зорь», второе название — «Дом Орембовских», 1915).

В 30-е Новиков обращается к исторической тематике («Город, море, деревня», 1931). Наиболее значительное его произведение — роман «Пушкин в изгнании» (Ч. 1 — «Пушкин в Михайловском», 1936; Ч. 2 — «Пушкин на юге», 1943) — историко-художественное полотно на документальной основе. Действие романа развивается неторопливо, последовательно, детализированно. Новиков — мастер психологического портрета, живописного пейзажа, тонкий лирик и знаток языка. А. С. Пушкину посвящены также его пьеса «Пушкин на юге» (1937), киносценарий «Молодой Пушкин» (1949). Новиков много работал над «Словом о полку Игореве»; в 1938 выполнил его стихотворный перевод; в статье «Слово о полку Игореве» и его автор» (1938) Новиков выдвинул гипотезу об авторе памятника. Ему принадлежит поэтический перевод «Задонщины» (1949). В последние годы жизни Новиков вернулся к стихам лирико-философского плана (сборник «Под родным небом», 1956) и написал книги «Тургенев — художник слова. О «Записках охотника»» (1954), книгу очерков о стиле русских писателей «Писатель и его творчество» (1956).

Соч.: Собр. соч. Т. 1—4. М., 1966—67; Избр. соч. Т. 1—3. М., 1955; Дыхание земли. Вторая книга стихов. Киев, 1910; Рассказы (1905—12). М., 1912; Калина в палисаднике: Рассказы. М., 1917; Крест на могиле: Рассказы. М., 1918; Избранное. М., 1941; Пушкин в изгнании. М., 1962; Русские героич. повести. М., 1949.

О. Воронова

НОВИКОВ Николай Иванович (27.04[8.05].1744—31.07[12.08].1818), писатель, критик, книгоиздатель. Родился в с. Авдотьино Бронницкого у. Московской губ. в семье помещика; обучался в Москве в университетской гимназии, но в 1760 «за леность и нехождение в класс» исключен был из «французского класса». В н. 1762 поступил на службу в Измайловский полк и, как часовой у Измайловских казарм в день воцарения *Екатерины II*, был произведен в унтер-офицеры. Уже во время службы своей в полку Новиков обнаруживал «вкус к словесным наукам» и склонность к книжному

делу; издал две переводные французские повести и сонет (1769). В 1767 Новиков был в числе молодых людей, которым в комиссии депутатов для сочинения проекта нового уложения поручено было ведение протоколов; поручение это императрица считала делом высокой важности и предписала «к держанию протокола определить особливых дворян с способностями». Новиков работал в малой комиссии о среднем роде людей и в большой комиссии. Участие в работах комиссии ознакомило его со многими важными вопросами русской жизни и с условиями русской деятельности и сделало его лично известным Екатерине. В 1768 Новиков вышел в отставку и вскоре стал издавать еженедельный сатирический журнал «Трутенъ» (1769—70). Он вступил в борьбу с господствовавшей тогда в русском обществе галломанией, которая из всей французской просветительной философии XVIII в. усвоила один лишь вольтеровский смех, превратив его в безразборчивое зубоскальство. Журналы Новикова дают яркие изображения львов и лицез тогдашнего большого света, щеголей и щеголих, петиметров и кокеток. «Трутенъ» вооружался против злоупотреблений помещичьей властью, против несправедливости и взяточничества, выступал с обличениями очень влиятельных (напр., придворных) сфер. По вопросу о содержании сатиры «Трутенъ» вступил в полемику со «Всеякой Всячиной», органом самой императрицы; в полемике этой принимали участие и др. журналы, разделившиеся на 2 лагеря. «Всеякая Всячина» проповедовала умеренность, снисходительность к слабостям, осуждая «всякое заведение особ». «Трутенъ» стоял за смелые, открытые обличения. Борьба была неравная; «Трутенъ» должен был умерить тон, отказаться от обсуждения крестьянского вопроса, а затем и совсем прекратился, не по воле издателя. В 1772 Новиков вступил с новым сатирическим журналом — «Живописцем», лучшим периодическим изданием XVIII в. Такой успех журнала сам Новиков объяснял тем, что он пришелся по вкусу простым горожанам, ибо «у нас те только книги четвертьими и пятыми изданиями печатаются, которые этим простосердечным людям, по незнанию ими чужестранных языков, нравятся». «Живописец» проводил те же идеи, что и «Трутенъ». Скоро «Живописец» вынужден был заменить живую сатиру на современные нравы серьезными статьями отвлеченного содержания, а затем и совершенно прекратился (1773). Новая попытка в том же направлении была сделана Новиковым по более узкой программе: в 1774 он стал издавать «Кошелек» — журнал, специально направленный против галломании. Его нападки против нравов светского общества возбудили сильное неудовольствие в придворных сферах, и журнал прекратился на девятом номере, причем издатель, как гласит предание, подвергся и личным преследованиям. Противовес модному французскому воспитанию Новиков находил в добродетелях предков, в нравственной высоте и силе старых русских начал. Он выпустил ряд исторических изданий, которые должны были содействовать укреплению национального самосознания и дать «начертание нравов и обычаев наших предков», чтобы мы познали «великость духа их, украшенного простотой». Таковы: «Древняя Российская Вивлиофика» (издание ежемесячное, 1773—75; 2-е изд. 1788—91; новое изд. 1894); «Древняя Российская Идрография», 9 т. I, 1773 (описание московского государства, составленное при Федоре Алексеевиче); «Правительство древностей Российских, или Собрание достопамятных записок по Истории и Географии Российской» (ч. 1, 1776; материалы из него вошли потом во 2-е изд. «Вивлиофики»);

«История о невинном заточении боярина А. С. Матвеева» (М., 1776), «Скифская история из разных иностранных историков, паче же из Российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова прилежными трудами сложенная и написанная лета 1692» (1776, как и «Идрография», издана с целью «обличения несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что до времени Петра Россия не имела никаких книг, кроме церковных»). Новиков понимал необходимость издания исторических памятников палеографической точности, свода разноречий, составления алфавитных указателей и т. п., иногда прилагал эти приемы при пользовании несколькими списками. Материал для своих изданий памятников старины Новиков черпал из древлехранилищ частных и церковных, а также государственных, доступ к некоторым был разрешен Новикову императрицей в 1773. Он и сам составил собрание рукописей исторического содержания. Много материалов доставляли ему Миллер, кн. М. М. Щербатов, Н. Н. Бантыш-Каменский и др., а равно и Екатерина II, поддерживавшая издание «Вивлиофики» щедрыми субсидиями. Отношения императрицы к Новикову за этот период его деятельности вообще отличались благосклонностью. По мнению А. И. Незеленова, на Новикова повлияла мысль «Всякой Всячины», что лучше исправлять нравы изображением добрых примеров, чем сатирой; отсюда его исторические издания. Императрица, в свою очередь, в своих комедиях начала бичевать (хотя и слабее «Трутня») галломанию и жестокое обращение с крепостными и, до известной степени, прониклась любовью к русской старине. В своих взглядах на русскую старину Новиков не всегда отличался устойчивостью. Древние российские государи, по его словам, «яко бы предчувствовали, что введением в Россию наук и художеств наидрагоценнейшее российское сокровище — нравы погубятся безвозвратно»; но вместе с тем он — ревностный приверженец просвещения, почитатель Петра Великого и тех людей, труды которых на пользу русского просвещения он любовно заносит в свой «Опыт исторического словаря о российских писателях», появившийся в 1772. В сер. 1770-х Новиков делает самую серьезную ошибку в своей жизни — вступает в контакт с масонами, уже давно пытавшимися взять его под свой контроль. Первые связи Новикова с масонством начались в Петербурге. Друзья еще в 1775 зывали его в масонство, но Новиков долго колебался, не желая связывать себя клятвой, предмет которой ему был неизвестен. Вопреки своим правилам, масоны сообщили ему содержание первых трех «степеней» до вступления его в ложу. Новиков не был удовлетворен елагинской системой, в которую он вступил, и только позже он нашел «истинное» масонство в системе Рейхеля.

Участие Новикова в работе масонской организации — трагедия его жизни. Масонские конспираторы использовали политическую наивность Новикова, убедив и его, что в рамках масонских лож он сможет реализовать свои просветительские замыслы, обещав ему помощь и поддержку. Для руководителей вольных каменщиков личность Новикова была ширмой для их преступных планов и способом взять под контроль его широкую просветительскую деятельность. Он был приглашен вступить в ложу «Астрея» в 1775, в возрасте 31 года, хотя безусловно имел такие возможности и раньше (в то время абсолютное большинство представителей правящего класса вступало в ложи в возрасте 18—25 лет). Как справедливо отмечал исследователь творчества Новикова Г. П. Макогоненко, в масонском ордене Новиков сразу же «занял независимую позицию»,

ополчившись в своих статьях против самих идеологических основ антиобщественной философии масонства. «На этой почве между Новиковым и руководителями русских розенкрейцеров — мистиком Шварцем, а позже политическим авантюристом Шредером — завязалась борьба, а между ним и остальными «братьями» возникла «холодность». Попав вскоре даже в число руководителей московского ордена розенкрейцеров, Новиков сумел, тем не менее, не только отстоять свою независимость от орденовских начальников, отстраниться от мистических исканий «братьев», от нелепой обрядности, но и на какое-то время использовать средства ордена для своих просветительских целей». За 1779—92 Новиков создает в Москве просветительскую организацию со своими типографиями, которая издает сотни трудов по отечественной истории, сочинения русских авторов, переводы западноевропейской классики, сочинения по педагогике, экономике, грамматике и сотни различных учебных пособий, букварей и др. Конечно, все это не могло понравиться зарубежным руководителям масонского ордена.

Независимость от масонского начальства предопределила дальнейшую судьбу русского просветителя. По сути дела, он был выдан на закание, специально подставлен с тем, чтобы погубить просветительское дело, ради которого он жил.

Из многих десятков высокопоставленных масонских руководителей, в т. ч. занимающих видное положение при императорском дворе, судебному преследованию подвергся только Новиков. В 1792 он был арестован.

Из следственного дела Новикова видно, что многих преступных политических интриг, которые вели масоны против русского государства, Новиков просто не знал, более того, он не знал содержания некоторых масонских книг, которые печатались в его типографии по указанию масонских начальников. Ему объясняли, что он не готов к пониманию их таинств. Новиков не ведал, кто возглавляет орден розенкрейцеров, в котором состоял, а знал лишь своего непосредственного начальника. На допросе он показал: «Кто суть действительно из начальников... мне открыто не было, и я не знаю не только сих, но ниже того, который за моим первым или ближайшим, которого одного только и знать по введенному порядку в ордене я мог».

Вступающим в орден обещали со временем открыть все тайны бытия и умение управлять событиями с помощью магии и каббалы, а до этого послушно исполнять все указания масонских начальников. Шли годы, а русских «братьев» не спешили знакомить с высшими таинствами. Причем возникало естественное сомнение, а существовали ли эти высшие таинства вообще и не было ли постоянное упоминание о них приманкой для легковверных с целью придать высший смысл существованию ордена, на самом деле носившего чисто политический характер?

На допросе Новиков сообщил: «В магии и каббале не могли из нас никто упражняться, как то по бумагам видно, находясь в нижних только еще градусах, и мне о сих науках, кроме названия их, неизвестно».

Материалы следствия говорили о том, что Новиков был сравнительно маловажной фигурой в масонской иерархии. И тот факт, что главный удар пришелся именно по нему, свидетельствует о сложной интриге, затеянной против него самими масонами из ближнего окружения императрицы. Понимая, что удара не избежать, масонские конспираторы решили отвести его на второстепенное звено своей цепи, уничтожив одновременно один из центров русского просвещения. Механизм этой интриги требует еще специального изучения. Очень характерно, что в деле о масонстве не пострадал ни один высокопоставленный масон, ни один из руководителей масонских орденов. А имена их хорошо известны следствию. Это тем более удивительно, что царнице было доложено, что в берлинских ложах 1790—91 поднимался вопрос о замене царствующей особы на русском престоле. В интриге этой были замешаны и русские масоны, пытавшиеся воспользоваться тяжелой военно-политической обстановкой в Европе для захвата власти в России. Дело против Новикова затеяно при участии московского генерал-губернатора гр. Я. А. Брюса, известного своей принадлежностью к масонским ложам.

Большую роль в осуждении Новикова сыграл донос крупного масонского функционера кн. Г. П. Гагарина, руководителя многих лож, великого мастера Великой провинциальной ложи, префекта капитула Феникса.

Заклучив в Шлиссельбургскую крепость Новикова и отправив в ссылку некоторых его соратников, императрица как бы поставила точку на этом деле. Реально никто из масонов не пострадал, сохранялась сложная сеть масонских лож, которые продолжали свою подпольную деятельность, зато был уничтожен до основания один из центров русского просвещения. Поэтому можно согласиться с выводом исследователя Макогоненко, что Новикова преследовали «не за масонство, а за огромную... просветительскую деятельность, которая стала крупным явлением общественной жизни восьмидесятых годов».

Просидев четыре года в крепости, не получая никакой помощи и забытый своими «братьями», Новиков многое понял. И прежде всего то, что он стал заложником тайных политических интриг вольных каменщиков.

Выйдя из крепости, Новиков резко дистанцировался от масонских структур, хотя нигде и не объявлял об официальном «разводе» с ними, понимая, чем это может ему грозить. В свою очередь масонские руководители находили для себя выгодным эксплуатировать образ Новикова как «невинного мученика за масонскую идею», не признаваясь в том, что он от них практически отошел. Об этом, в частности, свидетельствует переписка Новикова с Д. П. Руничем. Из ответа Новикова на письмо Рунича от 1808 видно, что Рунич высказывал намерение не сближаться в Москве ни с кем из масонов. Новиков одобрительно к этому отнесся, предлагая Руничу свое дружеское участие.

Соч.: Избранные сочинения. М.; Л., 1951; Избранное. М., 1983; Опыт исторического словаря о российских писателях. М, 1987.

Б. Э., О. П.

НОВИКОВА Ольга Алексеевна (урожд. **Киреева**; псевд. **Русская, О. К.** и др.) (29.04 [11.05].1840—21.04.1925), публицист, активист Союза русского народа и Русской Монархической партии. Сестра *А. А. Киреева*. Крестным отцом Новиковой (как и ее братьев) был Николай I. Получила блестящее домашнее образование, в совершенстве владела английским, французским и немецким языками. В 19 лет вышла замуж за И. П. Новикова, чиновника Министерства народного просвещения (в конце жизни генерал-лейтенант, попечитель Петербургского учебного округа.; ск. в 1890), брата дипломата и слаvisto Е. П. Новикова, однако брак их скоро распался. С юности интересовалась литературой, историей, изобразительными искусствами, Новикова вращалась в кругу писателей, политиков, ученых, в разные годы она поддерживала дружеские отношения и переписку с *И. С. Тургеневым, К. К. Павловой, А. Н. Серовым, А. К. Толстым, Н. Д. Хвоцинской, А. Ф. Писемским, Ф. И. Тютчевым, Ф. М. Достоевским, М. Н. Катковым, К. Н. Леонтьевым, К. П. Победоносцевым, С. А. Рачинским, М. Д. Скобелевым, В. В. Верещагиным, А. Ф. Кони, В. С. Соловьевым* и др.

С 1868 Новикова ежегодно проводила зимы в Лондоне, где составила широкий круг знакомств и приобрела репутацию «русского агента», «негласной представительницы России не перед английским правительством, а перед английской публикой».

Новикова постоянно печаталась в московских и петербургских изданиях: цикл «Вести из Англии» («*Московские ведомости*», 1870—80), статьи и заметки в газетах «*Русь*», «*Новое время*», «*Свет*», в журнале «*Русское обозрение*» принесли и в России известность «писательнице, скрывающей свое... имя под начальными буквами О. К.».

Стремление Новиковой быть в центре событий и играть политическую роль вызвало ироническое отношение современников. *И. А. Гончаров*, поддерживавший с ней знакомство и переписку в 1864—67, замечал в письме Тургеневу (15 сент. 1866): Новикову снадает «суета — ... со всеми и обо всем поговорить, со всеми переписываться — без внутреннего живого интереса — это своего рода моральное блудство...». Между тем «искренность и горячность» ее убеждений признавал даже Кони, не принимавший ее «розового» патриотизма Достоевский одобрительно отзывался о ее статье из цикла «Вести из Англии», где предрекалось скорое уничтожение Берлинского трактата — «этого смертного приговора» освобожденной Бол-

гари. Победоносцев, у которого манера поведения Новиковой вызывала стойкое раздражение (в 1876 он писал Е. Ф. Тютчевой о встречах с Новиковой: «... избежать ее невозможно, и всегда у нее под рукою какой-нибудь иноземец, которого она в ту же минуту знакомит с вами...»), тем не менее признавал значение ее лондонского салона, отмечая, что «ее агитация в Лондоне и ее сношение с представителями тамошней интеллигенции были не без пользы». На рубеже 1870—80-х И. С. Аксаков отправлял Новиковой подробные письма с анализом внешнеполитической ситуации, стремясь корректировать ее позицию, с которой в целом, однако, был солидарен. В свою очередь Новикова, регулярно выступавшая в английской печати (гл. обр. в газете либеральной партии “The Northern Echo”), служила проводником взглядов Аксакова, Победоносцева и Каткова (в ее выступлениях сглаживались разногласия между различными представителями русского «патриотического консерватизма»). В 1883 она с полным основанием писала Каткову: «Ваш авторитет направляет мою деятельность и дает силу моим доводам».

После русско-турецкой войны 1877—78 Новикова продолжала в Европе «русскую агитацию», а в России пропагандовала доверие к политике английских либералов (помимо выступлений в печати на эти темы она способствовала завязавшейся переписке между Победоносцевым и Gladstone). Разочарованная внешнеполитическим курсом России, Новикова постоянно критиковала русскую дипломатию, удивлявшую, по ее словам, «безыдейностью». О политических взглядах Новиковой 1880-х дает представление ее письмо к Каткову из Лондона (27 сент. 1886): «Я такую затеяла здесь агитацию в пользу присоединения Россией Константинополя — что вы все должны мне сказать спасибо!.. Царь наш поставил себя так высоко во мнении Европы, что его положительно бояться, как боялись императора Николая Павловича!». В 1883 выпустила книгу “Skobeleff and Slavonic Cause” («Скобелев и славянский вопрос»; L.) и периодически, особенно активно в 1884—85, 1889—91, 1895—96, 1916—17, выступала с полемическими статьями и письмами в английской и французской печати. В 1898 при содействии Новиковой (и с ее предисловием) на английском языке вышла книга Победоносцева «Reflections of a Russian Statesman» («Размышления русского государственного деятеля»; L.); ранее (в 1889) Победоносцев писал ей: «...вы делаете доброе и патриотическое дело, употребляя ваш талант на защиту русской правды в Англии».

Новикова играла и роль культурного посредника между Англией и Россией: по совету Победоносцева в разгар русско-турецкой войны она знакомила англичан с «Дневником писателя» Достоевского, переводила произведения русских литераторов на английский и французский языки.

В. Д., О. М.

«НОВОКРЕСТЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ», термин впервые появился в литературной критике на рубеже 10—20-х XX столетия в статьях В. Л. Львова-Рогачевского и И. И. Розанова. Термин этот был использован, чтобы отделить поэтов «крестьянской купницы» (по определению С. Есенина) от крестьянских поэтов XIX в. Литературное направление, представленное творчеством Н. Клюева, С. Есенина, С. Клычкова, П. Карпова, А. Ширяевца, сложилось и утвердилось в сер. 1910-х. Об этом свидетельствует переписка Клюева с Ширяевцем, завязавшаяся в 1913. «О, мать пустыня! Рай душевный, рай мысленный! Как ненавистен и черен кажется весь так называемый Цивилизованный мир, и что бы дал, какой бы крест, какую бы голгофу понес, чтобы Америка не надвигалась на

сизоперую зарю, на часовню в бору, на зайца у стога, на избу-сказку...» (Из письма Клюева Ширяевцу от 15 нояб. 1914).

Философия «избяного космоса», всечеловеческий пафос, любовь к родине, культ трудовой нравственности, кровная связь с родной природой, благословение родному их душе миру красоты и гармонии — вот главные общие устои, объединявшие поэтов «новокрестьянской» плеяды. В 1918 в книге «Ключи Марии» Есенин, исследуя природу «ангелического» образа, сформулировал общие черты поэтического мира своего и своих собратьев, создав, по сути, теоретическое обоснование поэтической школы народного духовного реализма, воплощающей в себе вечное стремление русской души к движению в звуке, краске, создании материального мира в вечной связи с небесным. «Мы полюбили бы мир этой хижины со всеми петухами на ставнях, коньками на крышах и голубками на князках крыльца не простой любовью глаза и чувственным восприятием красивого, а полюбили бы и познали бы самую правдивую тропинку мудрости, на которой каждый шаг словесного образа делается так же, как узловая связь самой природы... Искусство нашего времени не знает этой связи, ибо то, что она жила в Данте, Гёте, Шекспире и др. художниках слова, для представителей его от сегодняшнего дня прошло мертвой тенью... Единственным расточительным и неряшливым, но все же хранителем этой тайны была полуразбитая отхожим промыслом и заводами деревня. Мы не будем скрывать, что этот мир крестьянской жизни, который мы посещаем разумом сердца через образы, наши глаза застали, увы, вместе с расцветом на одре смерти». Духовный наставник «крестьянской купницы» Клюев слишком хорошо понимал чуждость своих братьев окружающему литературному миру. «Голубь мой белый, — писал он Есенину, — ведь ты знаешь, что мы с тобой козлы в литературном огороде и только по милости нас терпят в нем... Быть в траве зеленым, а на камне серым — вот наша с тобой программа, чтобы не погибнуть... Я холодею от воспоминания о тех унижениях и покровительственных ласках, которые я вынес от собачьей публики... Я помню, что жена Городецкого в одном собрании, где на все лады хвалили меня, выждав затишье в разговоре, закатила глаза и потом изрекла: “Да, хорошо быть крестьянином”. ...Видите ли — неважен дух твой, бессмертное в тебе, а интересно лишь то, что ты холуй и хам-смердяков, заговорил членораздельно...».

Через 2 года эту же мысль по-своему отточит Есенин в письме к Ширяевцу: «Бог с ними, этими питерскими литераторами... Мы ведь скифы, приявшие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова с поверием наших бабок, что земля на трех китах стоит, а они все романцы, брат, все западники, им нужна Америка, а нам в Жигулях песня да костер Стеньки Разина».

До революции поэты-«новокрестьяне» делали попытки организационно объединиться, то создавая литературное общество «Краса», прошедшее осенью 1915 поэтический вечер, получивший большую и далеко не благожелательную прессу, то принимая участие в создании литературно-художественного общества «Страда». Но общества эти просуществовали недолго и связь поэтов друг с другом всегда оставалась больше духовной, чем организационной.

Революцию они принимали с «крестьянским уклоном». Он заключался прежде всего в том, что поэты приняли революцию как осуществление народной мечты о мировой справедливости, совпадавшей для них со справедливостью социальной. Это не только установление справедливости на просторах России, но и братство народов всей земли. Такое толкование имело глубокие корни, уходящие в нашу историю, в XIX в., в идеи Пушкина и Достоевского о «всечеловечности» русского характе-

ра, в своеобразные представления о культурно-историческом единении, сложившемся в творчестве русских писателей, в представлении о Москве — третьем Риме, чьим предшественником была Византия... Др. тема в их поэзии — тема крестьянского труда, глубинных связей его с бытом, с народным творчеством, с трудовой нравственностью. Исторически сложившаяся связь «природы», «куска хлеба» и, наконец, «слова» посвоему, в меру своего дарования, отразил каждый из поэтов «крестьянской купнищи». «Сготовить деду круп, помочь разве- сить сети, лучину засветить и, слушая пургу, как в сказке задрема- ть на тридцать столетий, в Садко обороты иль в вешего Вольгу». Эти стихи Клюева воплощают в себе мысль о труде, как о творческом акте, освещающем тысячелетней традицией, созидающем одновременно с материальными и духовные цен- ности, связующим человека, землю и космос в единое целое. Недаром стихи П. Радимова, демонстративно названные «Пашня», «Урожай», «Хлеб», «Стрижка овец», «Засолок огур- цов», при чтении воспринимаются не просто как изображение трудового процесса, но и как торжественное эстетическое дей- ство, благотворно влияющее на человеческую душу.

Еще одна тема, объединяющая поэтов «новокрестьянской» плеяды — тема Востока, крайне существенная для русской поэзии, ибо Восток в ней понимался не как географическое, а как социально-философское понятие, противоположное буржуазному Западу. Впервые Азия — «Голубая страна, окра- шенная солью, песком и известкой» — появилась у Есенина в «Пугачеве», как земля прекрасная, далекая, недоступная... Чуть позже она возникает в «Москве кабацкой» уже как воспо- минание об уходящем крестьянском мире, символом кото- рого становится опять же изба с печью, принявшая облик кирпичного верблюда и уже тем самым объединившая Русь и Восток... А дальше были уже всем памятные «Персидские мотивы». Клюев сделал дерзкую попытку органически спла- вить богатства «Вед» и «Махабхараты» с картинами природы олонецких лесов и революционными гимнами. «Белая Ин- дия» входит неотъемлемой частью в созданный его творче- ским воображением «избяной космос». И Карпов в после- революционные годы потянулся душой к сказочной прародине славянства: «Опрокинулись горы Кавказа, Гималаи, как кар- точный дом, и в тайник золотого оаза мы за солнцем свире- пым идем...». Вспоминаются и изящные лирические мини- атюры в стиле древневосточной поэзии А. Шириявца, и цикл *В. Наседкина* «Согдиана», исполненный восхищения приро- ды и архитектурой Востока.

«Порывая с нами, Советская власть порывает с самым нежным, с самым глубоким в народе. Нам с тобою нужно принять это как знамение — ибо Лев и Голубь не простят власти греха ее», — писал Н. Клюев С. Есенину в 1922. Со сменой власти для поэтов-«новокрестьян» ничто не измени- лось в лучшую сторону — их продолжали гнать и травить с еще большим ожесточением. После гибели Есенина к к. 20-х Клюев, Клычков, Орешин и их более молодые соотарищи и последователи Наседкин, Приблудный были объявлены идеологами подлешащего слову «кулачества» и выразителями «кулацкой морали мироедов». Еврейской безбожной власти были чужды и ненавистны поэты «крестьянской купнищи», все они, кроме фактически исчезнувшего из литературы Кар- пова, были уничтожены к к. 30-х.

Казалось, что все кончено, что поэтическая симфония, нашедшая столь полнозвучное воплощение в поэзии «ново- крестьянской» плеяды, никогда не будет подхвачена. Но ни- что подлинно ценное не уходит в песок и не исчезает, яко воск от огня. Эти ноты заново возродились в поэзии *Н. Тряп- кина* и *Ф. Сухова*. В современной литературе духовная верти- каль, прочерченная поэтами-«новокрестьянами» от русских

просторов к «невидимому духовному Иерусалиму» (Н. Клю- ев) воплощена в многомерном и многозвучном прозаическом слове *В. Галактионовой*.

Лит.: Михайлов А. Пути развития новокрестьянской поэзии. М., 1990; Солнцева Н. Китежский павлин. М., 1992.

С. Куняев

НОВОПОЛЬЦЕВ Абрам Кузьмич (1820—1885), сказочник. Родился в с. Яксашино Помряскино Ставропольского у. Самарской губ. Безземельный крестьянин. В к. 70-х 82 сказки Новопольцева были записаны поэтом *Д. Н. Садовнико- вым* и опубликованы в сборнике «Сказки и предания Самар- ского края» (1884). В разнообразном репертуаре Новопольцева преобладают народные сказки; в них особенно проявился индивидуальный стиль Новопольцева, продолжателя скомо- рошеской сказовой традиции. Новопольцев виртуозно владел традиционной сказочной обрядностью и вместе с тем живо отразил в своих сказках пореформенную действительность.

Соч.: Сказки. Куйбышев, 1952.

НОВОСЕЛОВ Александр Ефремович (5[17.11].1884—23.09. 1918), писатель. Родился в пос. Железинский Павлодарского у. Семипалатинской обл. в семье казачьего офицера. Сдал экза-

мен на звание учителя (1905), работал в сельских школах Алтая; с 1907 — воспитатель Омского пан- сиона казачьего войска. В годы революции — министр внутренних дел Сибирского временного правительства. С 1903 публиковал статьи, очерки, рассказы в газетах и журналах Сибири. В журна- ле «Летопись» опубликован рассказ «Жабья жизнь» (1916) и повесть «Беловоль- ды» (1917). В 1916 готови- лось издание этнографических очерков Новоселова «Лицо мой- ей родины», теперь утерянных; отрывки печатались в журнале «Сибирские огни» (1923, № 5—6; 1924, № 2). Новоселов точно и красочно изображал был раскольников и старообрядцев, осо- бенности жизни кержацкой глухомани.

Соч.: Беловольде: Повести и рассказы. Очерки / Сост. и автор пре- дисл. А. Изотов. Алма-Ата, 1960.

НОВОСИЛЬЦЕВА (Новосильцова) Екатерина Владимировна (1820—7[19].07.1885), писательница. Из старинного дворян- ского рода. Получила домашнее образование. Первая публика- ция Новосильцевой — статья «Шеридан и его время» (1861). Через год она начала печатать «Семейные записки» (1862), продолжающие жанровую композицию «Семейной хроники» *С. Т. Аксакова*.

В своих произведениях, посвященных отечественной исто- рии, гл. обр. событиям 1812 («Рассказ старушки о двенадцатом годе». М., 1878; 3-е изд. М., 1894; «Рассказы очевидцев о двенадцатом годе». М., 1872; «Смоленск и его предания о две- надцатом годе», 1880; повесть «Приемыш». М., 1870) и Крым- ской войны («Рассказы о домашнем быте севастопольских жи- телей во время осады 1854—55 гг.», 1880, «Рассказы старушки об осаде Севастополя», 1881), Новосильцева стремилась на документальном материале передать дух времени, акцентируя внимание на нравственном смысле событий, — в назидание потомкам.

Многие произведения Новосильцевой, рассчитанные на широкого читателя, посвящены более отдаленным по времени событиям русской (в т. ч. церковной) истории: «Начало и крещение Руси» (М., 1876), «Сказание о том, как была основана Троицко-Сергиева Лавра» (М., 1868; 6-е изд. М., 1892), «Избрание в цари Михаила Федоровича Романова» (М., 1880), «Минин и Пожарский» (4-е изд., СПб., 1900), «Св. Стефан Пермский» (СПб., 1884) и др. В предисловии к книге «Наталья Борисовна Долгорукова и Березовские ссыльные» (М., 1874) Новосильцева, размышляя о женском подвижничестве, противопоставляет современным «цеховым героиням» подлинных («Не зная, а закал всей личности образует героя. Тот, кому природа вложила в сердце задатки доблести и мужества, не придает цены своему подвигу и смотрит на него с простотой ребенка...»), к числу которых Новосильцева относит и М. М. Тучкову. Ее трагически-светлой судьбе и личности Новосильцева посвятила книгу «Спасо-Бородинский монастырь и его основательница» (М., 1874).

Подлинность, «непридуманность» многих историй Новосильцевой (характерно авторское примечание в повести «Бабушкино благословение»: основана «на истинном происшествии», 3-е изд. М., 1905) создают особую «атмосферу доверия» и причастности к миру ее героев во всей уникальности их судьбы. Воспитательный, а иногда прямо назидательный характер беллетристических произведений Новосильцевой, рассчитанных на детское или народное восприятие (хотя произведения Новосильцевой читались «во всех слоях общества — и в гостиных, и в избах, и в госпиталях во время войны»), продиктован просветительскими целями, прежде всего в отстаивании традиционных ценностей русской православной культуры. В этнографических очерках, опубликованных в «Детском чтении» (1878—79) и остротенных по месяцам года, Новосильцева знакомила юного читателя с особенностями крестьянского быта, сезонными заботами земледельца, христианскими праздниками и обычаями, старинными народными приметами и поверьями. Ряд сказок Новосильцевой (под псевд. Колдун-говорун) адресован самым маленьким.

В 1867 Новосильцева пишет антигнилостическую комедию «Демократический подвиг», герой которой, молодой дворянин «базаровского типа», опыненный «новыми идеями», задумал жениться на горничной своей сестры, жить собственным трудом и порвать с «развращенным обществом».

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999.

С. Г.

«НОВЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ» («Книга глаголемая **Новый летописец**»), памятник позднего русского летописания, списки которого в XVII в. получили широкое распространение в России. «Новый летописец» возник в кругах, близких к патр. Филарету Романову. Патр. Филарет был заинтересован в подготовке хроники, содержащей официальную трактовку общественно-политического развития Московского государства в к. XVI — н. XVII в. Работа по составлению началась в 1626, завершилась летом 1630. Исследователями отмечалось, что этот памятник лишь по названию примыкает к летописям, а по содержанию и характеру принадлежит к историческим повестям. В действительности же «Новый летописец» является памятником, сочетающим летописную форму (в нем частично сохранена погодная форма изложения материала — до 1599 и в ряде др. мест) и особенности и характерные черты исторического повествования (разбивка по главам, наличие больших художественных рассказов и т. п.). В то же самое время внутренняя целостность повествования и тождественность в оценке схожих исторических событий указывает на

принадлежность «Нового летописца» одному автору, которого, по мнению С. Ф. Платонова, отличали объективность и последовательность в изложении его рассказа. Памятник состоит из 442 глав и начинается с краткого описания Сибири и событий последних лет царствования *Ивана IV*. В «Новом летописце» перечислены все основные события Смутного времени и междуцарствия 1610—12, описано произошедшее в февр. 1613 избрание царем Михаила Федоровича Романова, рассказывается о первых годах его правления.

В. Волков

НОСОВ Евгений Иванович (р. 15.01.1925), писатель. Родился в Толмачево Курской обл. в семье слесаря. В 1943, после окончания восьми классов, ушел на фронт, был тяжело ранен, полгода лечился в госпитале.

Первый рассказ Носова «Радуга» с его же иллюстрациями был опубликован в одноименном курском альманахе в 1957. В 1958 были опубликованы рассказы «Портрет», «Во поле березонька стояла», «Последняя дорога», «На карповой ферме», «Зимородок», «Чирки», в курском издательстве вышла первая книга Носова «На рыбацкой тропе». В 1959 в Курске вышла еще одна книга Носова — «Рассказы».

В ранних произведениях Носов уже вполне проявил свой почерк — неброская «акварельность» его письма всегда основательна, ясна, отточена до мельчайших деталей. Носов предстает не просто созерцателем природы, но высвечивает философский взгляд на течение земной жизни. В рассказе «Живое пламя» героиня тетя Оля, глядя на расцветшие «живым пламенем» маки на клумбе и через 2 дня закончившие свое цветение, постигает некий философский смысл гибели своего сына-летчика, протаранившего вражеский самолет: «А я как-то раньше без внимания к маку-то этому. Короткая у него жизнь. Зато без оглядки, в полную силу прожита. И у людей так бывает...» В военной теме Носов никогда не расскажет о «громе победы», о ярком мгновении подвига, в его произведениях большие события звучат либо как в «Живом пламени», метафорично, либо по-крестьянски застенчиво, сдержанно, но обязательно они выявляют свое сущностное значение, как, напр., в очерке «Фронтные кашевары» (1975).

Первый крупный успех Носову принес опубликованный в Москве сборник «Тридцать зерен» (1961). Притчей о смысле творчества и смысле бытия прозвучал заглавный рассказ книги. «Кто ты? — Я — Человек <...> — Что такое человек? Объяснить это маленькой глупой синичке было очень трудно. — Видишь нитку? Она привязана к форточке... Можно потянуть за нитку, захлопнуть форточку, и ты будешь поймана. <...> Я этого не сделаю. Это и называется у нас — Человек. <...> — А что такое работать? — <...> Все люди должны что-нибудь В повести «Увятские шлемоносцы» (1977) торжественно прозвучала идея защиты Отечества как историческая обязанность русского человека. Идея эта выражена не декларативно, она высвечивается через описание трудовой жизни народа, этика которой подразумевает свято чтить и сохранять свое духовное и материальное пространство. Незатейлив сюжет повести: увятскими крестьянами получено известие о Великой Отечественной войне, их сборы, прощание с родными — и дорога на сборный пункт. Все это под пером мастера обретает символическую многомерность, утверждается традиционность, извечность народных представлений о войне и мире, о справедливости. Повесть стала событием в литературной и культурной жизни страны.

Соч.: Избр. произв.: В 2 т. / Вступ. ст. В. Васильева. М., 1989; Тридцать зерен: Рассказы М., 1961.

Е. К.

О БЕДНОМ И БОГАТОМ ЛАЗАРЕ, *духовный стих*. В основе — евангельская притча о богатом и нищем Лазаре, получившая на Руси широкое распространение в форме народного духовного стиха. «Фигура Лазаря, — отмечает С. С. Аверинцев, — как воплощение надежды угнетенных на потустороннее восстановление попранной правды пользовалась большой популярностью в народе, а нищие певцы видели в нем как бы утверждение престижа своей профессии. В России он был настолько частой темой так называемых духовных стихов, что выражение “петь Лазаря” стало синонимом заунывного причитания нищих. Русский фольклор делает Лазаря родным братом жестокого богача, отрекающегося от родства». Один из вариантов духовного стиха записан от знаменитой «народной поэтессы» *И. А. Федосовой*. «Жило да было два брата Лазаря, // Один был братец — богатый Лазарь, // Другой был братец — убогий Лазарь. // Три года убогий в постелюшке лежал, // Три года убогий хлеба-соли не видал, // Три года убогий света бела не знал...». Так начинается *И. А. Федосова* свой поэтический рассказ на евангельский сюжет. Красочно описывает она сцену прихода убогого Лазаря к богатому: «Пришел убогий к брату своему, // К брату своему просить милостыню: // — Ай, — закричал убогий своим тухлым голосом, — // Братец ты, братец, богатый Лазарь, // Сотвори, братец, милостыньку, // Милостыньку, братец, ради Христа, // Ой, ради Христа, ради Бога распято!» За встречей на этом свете следует описание встречи двух братьев на том. Богатый Лазарь, попавший в ад, брошенный «в огненную реку, в горячую смолу», видит своего бедного брата, оказавшегося в раю, слезно молит его: «Братец родимый, убогий ты Лазарь, // Сходи-ко ты, братец, ко синю морю, // Принеси-ко, братец, хоть мизинцем воды!..» И это описание совпадает с первоисточником почти дословно: «Умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем».

В. Калугин

«**ОБЛОМОВ**», роман *И. А. Гончарова*. Вышел в свет в 1859. С самого начала вызвал неоднозначную оценку в критике и споры русской общественности. Долгое время характер героя романа ошибочно воспринимался как отражение «русской лени». Такая политическая (и в целом оскорбительная для русского народа) оценка образа привела к искажению и обеднению содержания романа. Ссылки на обломовскую лень и апатию стали расхожей фразой в кругах нигилистически настроенной интеллигенции, недобросовестных политиков.

Вulgарно-социологическая оценка романа «Обломов» прочно укрепилась в школьной практике изучения классического наследия русской литературы. Такая установка на критическое восприятие обломовского бытия мешает объективному прочтению романа, его непредвзятому анализу.

В этой связи многое проясняют в чертах Обломова замечания современника Гончарова, критика *А. В. Дружинина* о романе, его статья «“Обломов”». Роман *И. А. Гончарова*. Два тома» («Библиотека для чтения». 1859. № 12). Именно этой работе «не повезло», пожалуй, больше др. крупных публикаций критика на русскую тему. Дело в том, что предметом анализа Дружинин избрал «золотое сердце» Обломова, в то время как сам персонаж (после статьи Добролюбова «Что такое обломовщина?») стал отождествляться с конечным распадом всего общественного устройства, связанного с крепостничеством. В этой типологии мотив «беззлбия» и «доброты» героя терял свою актуальность. Но в наши дни вся ситуация приобретает как бы обратный смысл.

Сам автор романа, прочитав статью Добролюбова «Что такое обломовщина?» («Современник». 1859. кн. V), писал П. В. Анненкову: «Взгляните, пожалуйста, статью Добролюбова об “Обломове”; мне кажется, об обломовщине, то есть о том, что она такое — уже сказать после этого ничего нельзя».

Действительно, об обломовщине как явлению общественного застоя, апатии и практического бессилия трудно было сказать что-либо нового. Но вот о самом Обломове — можно и необходимо. И Дружинин восполнил этот пробел, обратив внимание на такие стороны в характере Обломова, которые мало привлекали внимание автора статьи «Что такое обломовщина?». Между тем без них нельзя представить во всем объеме проблематику знаменитого романа, а заодно и некоторые важные особенности русского реализма 50-х XIX столетия.

Дружинин не оспаривает добролюбовскую трактовку «обломовщины» как социально-общественного явления. «Обломовщина, — пишет Дружинин, — в слишком обширном развитии вещь нестерпимая... обломовщина гадка, ежели она происходит от гнилости, безнадежности, растления и злого упорства». Но внутренний мир самого Обломова, по логике Дружинина, вовсе не таков. Обломов «не безнравственный эгоист», он «неспособен к злему делу, чист духом, не извращен житейскими софизмами — и, несмотря на всю свою жизненную бесполезность, законно завладевает симпатией всех окружающих его лиц».

На первый взгляд, кажется, что перед нами противоречие: «беззлобие» и «чистота натуры» героя стали причиной... его дряблости, жизненной никчемности (?). Но по сути здесь никакого противоречия нет. Дружинин несколько иначе, чем Добролюбов, посмотрел на всю проблему «обломовщины» и выделил в ней две стороны: одна — внешне-бытовая, определившая реальное «место» Обломова в окружающей жизни, испорченной бездуховностью и практицизмом. Другая — скрытая, внутренняя, связанная с неприятием губительного для человека «рационализма» существующей действительности. «Двусторонность» житейского состояния героя не придумана критиком, она обозначена в самом романе. Добролюбов не стал останавливаться на этом подробно, хотя и чувствовал «второй», скрытый план в характере героя. Добролюбову важно было раскрыть социальные причины бездействия и бессилия персонажа. Дружинин, однако, извлек из своего наблюдения важные выводы, без которых сегодня нельзя оценить по достоинству реалистическую полноту гончаровского романа.

Обломов — герой, достойный сожаления и даже в чем-то насмешки. Фактически он уже мертв. Он и действовал в романе, словно «мертвое» лицо, тем более что вскоре наступила и его фактическая кончина. Но он «омертвел» потому, что не мог удовлетвориться тем, чем так тешит себя себялюбивая посредственностью. Он сникает, полагая, что лучше не жить вовсе, чем жить так, как живут многие его сослуживцы и знакомые, т. е. — в суете, корысти, стяжательстве, с вечной неприязнью и завистью к другим, с равнодушным отношением к тому, что именуется истиной и красотой. Обломов, по замечанию Дружинина, «сам не способен ни к какой деятельности», но он «не заражен житейским развратом и на всякую вещь смотрит прямо, не считая стесняться перед кем-нибудь или перед чем-нибудь в жизни... Илья Ильич во многом оставил за собой чистоту и простоту ребенка, качества драгоценные во взрослом человеке, качества, которые сами по себе, посреди величайшей практической запутанности часто открывают нам область правды и временами ставят неопытного, мечтательного чудака и выше предрассудков своего века, и выше целой толпы дельцов, его окружающих». Таким видится Обломов Дружинину, так сказать, изнутри. Примечательна здесь аргументация относительно «чистоты и простоты ребенка» — мотив, который станет потом одним из центральных в мировидении *Достоевского*.

Можно возразить, что это слишком абстрагированный, чисто ассоциативный взгляд, не имеющий отношения к реальному герою. Но это было бы неверным заключением. Надо помнить, что истинно художественный образ многомерен и условен, т. е. основан на поэтических символах. В нем социальная и генетико-типологическая сторона. Добролюбов раскрыл социальный аспект в образе Обломова, Дружинин — психолого-типологический, вникая в нравственно-философскую суть образа. И сегодняшние анализы образа Обломова теряют свое значение, если они ограничиваются констатацией того, что обломовщина порождена крепостничеством, «гнусной привычкой пользоваться плодами чужого труда» (Добролюбов) и т. п., вплоть до того, что Обломов — «живое воплощение национального русского порока».

Характеристика образа Обломова Дружининым позволяет уяснить именно художественный план в обрисовке персонажа, где обе стороны — внешняя и внутренняя — имеют свои истоки и объяснения. Важнейшей, конечно, является «внутренняя», т. к. она дает ключ к пониманию нравственно-духовной детерминанты обломовского бессилия. Она в том,

что будучи «бессилен на добро... он (Обломов. — Л. Ш.) положительно неспособен к злему делу». Перефразируя немецкого писателя Риля, Дружинин заключает: «Нехорошо той земле, где нет добрых и неспособных на зло чудачков вроде Обломова!».

Это, конечно, не смягчение критического взгляда на Обломова, а расширение сути поставленной в романе Гончарова проблемы: Обломов плох и смешон в своей практической неприспособленности, но надо ли «приспособляться» к той жизни, которая его окружала? Добролюбов так вопроса не ставит. Он ждет людей, которые способны развезть, «сжечь» обломовщину. Но в этом случае пришлось бы сжечь и то доброе, чистое, что было в Обломове и что присуще многим русским людям изначально и что, кстати сказать, позволило даже слабому Обломову не сливаться, как показывает Дружинин, с миром повседневной обыденности. А в ней-то было куда больше «зла», чем во всех недостатках Обломова, вместе взятых!

Сушественную поправку вносит Дружинин и в добролюбовскую трактовку образа Ольги. Дружинин восхищается мастерской обрисовкой любовных эпизодов романа, ему многое импонирует в характере героини; ее интерес к Обломову, перешедший в любовь, он находит вполне естественным. Но в отличие от Добролюбова, Дружинин не склонен олицетворять все действия героини с «намеком» на «новую русскую жизнь». Более того, признавая и Ольгу и Штольца «хорошими» современными людьми, Дружинин полагает, что «по инстинкту правды и теплоты своей натуры он (Обломов) их несомненно выше». Это весьма важное замечание, не принимаемое нашими исследователями и по сей день. А ведь оно верное и показывает, что Ольга Ильинская не намекает на новую русскую жизнь, а в лучшем случае порядочная, честная натура, но натура — как все, а в чем-то, пожалуй, и — «рационалистка». Усилия ее, как показывает Дружинин, остались без успеха, и винить героиню, конечно, невозможно. Но это не означает, как подчеркивает Дружинин, что «другие люди при других условиях не могли подвинуть Обломова на мысль и благое дело».

Дружинин не договаривает, но из его сопоставления любви Пшеницыной и Ольги к Обломову становится ясно, что Ильинской в отношении к Обломову, ее усилиями в части перевоспитания героя не хватало... жертвенности! А без этого полный союз любящих лиц невозможно. И Обломов («проверяя» Ольгу, конечно же, неосознанно) хотел дознаться, есть ли это чувство у любимой им Ольги. Оказалось — нет! Оказалось: «...да я не т а к а я ... — мне нужно чего-то еще, а чего — не знаю!»

Ольга и Штольц проявляют по отношению к Обломову и сочувствие и заботу, притом — немалые. Но все — в рамках «респектабельности», если можно так сказать. И на это также обращает внимание Дружинин, комментируя сцену последнего приезда Штольца и Ольги к Обломову в дом Пшеницыной. Штольц, зайдя в комнаты, окончательно убедился в том, что перед Обломовым разверзлась «бездна», и поднять его к другой жизни уже нельзя. Штольц и Ольга, глубоко сожалея, навсегда покидают Обломова с его «янтарно чистой» душой. Дружинин не осуждает их за такое решение: «Они подчинились закону света и не без слез покинули друга». Но критик подчеркивает, что Обломов (будь он на месте Штольца и Ольги, а они — в положении Обломова) никогда бы так не поступил. Он бы «не сказал слова вечной разлуки, и, ковыляя, пошел бы к добрым людям, и прилепился бы к ним» душою, скрадывая тем самым безрадостное их существование. Он

поступил бы «сообразнее с вечным законом любви и правды, нежели два человека из числа самых развитых в нашем обществе».

Доброта Обломова, его любовь к людям превышают все, что могут проявить в этом плане положительные персонажи романа, включая Штольца и Ольгу, для которых главное — идти «вперед» и не останавливаться... И может быть, главный вопрос «Обломова» не в том, что лень, ничегонеделанье сгубили человека, а в том, что бескорыстная доброта к людям пока еще не может стать в человеческом мире действенным рычагом его гармонического развития. Сам Дружинин такого вывода не делает, но его анализ духовной трагедии Обломова подводит читателя к подобному заключению. Важно отметить, что рассматривая образ Обломова как глубоко национальный характер, связанный с «почвой народной жизни», Дружинин не считает «обломовщину» только русским явлением. «По всему свету рассеяны многочисленные братья Ильи Ильича, — замечает критик, — то есть люди, не подготовленные к практической жизни», укрывшиеся «от столкновения с нею», не умеющие и не желающие вступить в «мир волнений, к которым они не способны».

Л. Шевцова

ОБРЕЗКОВ (Обресков) Александр Васильевич (1772 — после 1802), литератор-любитель. Из дворян. Получил домашнее образование. Состоял в военной службе.

Первые печатные выступления — в «Ипокрене» П. А. Сохацкого: сентиментальные этюды «Журнал уединенного» (1799, ч. 1), «Мавзолей сердца» (1801, ч. 9) и письмо «О теплицах константиногорских и о кислых водах кавказских» (1801, ч. 11). Первые 2 произведения вошли в его книгу «Утехи меланхолии. Российское сочинение» (М., 1802; подпись А. О.) — заметное произведение русской сентиментально-меланхолической школы к. XVIII — н. XIX в.

Создатель «Утех меланхолии» — задумчивый помещик, проводящий свои дни в тихой провинции на лоне природы, в семейном кругу, в «сфере любезнейших друзей» (среди которых — тульский ученый и литератор, «философ горы Алаунской» Ф. Г. Покровский), в чтении книг и литературных упражнениях, а также в серьезных размышлениях (в т. ч. религиозно-философских — о Природе, «развивающейся Nature») и чувствительной переписке: адресат Обрезкова — «неоцененный поэт чувствительности» Е. И. Станевич, «одинаковый по ощущениям, меланхолизму и симпатии к ужасам красот созерцаемых». «Скромный круг общежития, верная сотрудница, откровенный друг, умеренное состояние, книги, перо, размышления — вот блага, какие можно избрать во всем хаосе многозаботливой жизни».

ОБРУЧЕВ Владимир Афанасьевич (10.10.1863—19.06.1956), ученый-геолог, писатель. Академик (с 1929). Родился в с. Клепенино Ржевского у. Тверской губ. в семье офицера. Окончил Петербургский горный институт (1886). Участвуя в экспедициях, Обручев прошел степи Закаспия, пересек Монголию и Северный Китай, исследовал золотоносные районы Сибири, Забайкалье, Алтай, пограничную Джунгарию. Автор более 1000 научных работ, обобщающих трудов большого теоретического значения, капитальных монографий по геологии Азии и Сибири, в т. ч. 3-томной «Геологии Сибири» (1935—38, Сталинская премия, 1941) и 5-томной «Истории геологического исследования Сибири» (1931—49; Сталинская премия, 1950).

Первые литературные попытки Обручева — юмористические рассказы и стихи — относятся к студенческим годам. Особая популярность выпала на долю научно-фантастических романов Обручева «Плутония» (1915, опубл. 1924) и «Земля Санникова» (1924, опубл. 1926), в которых с большой научной точностью и художественной зримостью изображены минувшие эпохи развития Земли, ископаемые флора и фауна, люди древнекаменного века. Познавательный материал в романах органически вплетен в увлекательный сюжет. К этой теме Обручев вернулся в рассказах 40-х («Происшествие в Нескучном саду», «Видение в Гоби», «Полет по планетам»). В романе с бытовым сюжетом «Рудник “Убогий”» (1929) Обручев, основываясь на своих впечатлениях от экспертиз сибирских золотых рудников, рисует условия труда русских и китайских рабочих, жизнь и нравы служащих рудника в начале века. Большой художественный интерес представляют географические повести Обручева «Золотоискатели в пустыне» (1928) и «В джунглях Центральной Азии. Записки кладоискателя» (1951), насыщенные историко-бытовыми подробностями. Классическим вкладом Обручева в научно-художественную литературу явились его популярные описания экспедиций: «Сибирские письма» (1888—92, в соавторстве с матерью), «От Кяхты до Кульджи» (о путешествии по Монголии и Китаю в 1892—95, 1940), «Мои путешествия по Сибири» (1948), «По горам и пустыням Средней Азии» (1948). Специальная цель путешествия никогда не заслоняла от Обручева живой облик страны и ее народа. И в этих книгах, и в сюжетных произведениях Обручев выступает как мастер пейзажа, сочетающий аналитическую наблюдательность естествоиспытателя с поэтическим восприятием художника.

Соч.: Плутония. Земля Санникова. М., 1958; В старой Сибири: Сб. статей, воспоминаний и писем. 1888—1955. Иркутск, 1958; Путешествия в прошлое и будущее. М., 1961; Сказание об Атлантиде // Неделя. 1965. № 14.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ при Московском университете, литературно-научное общество, существовавшее с 1811 по 1930. Ранняя деятельность общества отразилась в «Трудах ОЛРС» (Ч. 1—20. 1812—21) и в «Сочинениях в прозе и стихах» (Ч. 1—7. 1822—28). В 1837—58 в работе Общества был перерыв. После возобновления на заседаниях выступали А. К. Толстой, Ф. И. Булаев, И. С. Тургенев, Я. П. Полонский, А. А. Фет, А. Ф. Писемский, Ф. М. Достоевский, А. Н. Майков, А. Н. Плещеев, Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, В. Я. Брюсов и др. В числе председателей Общества были М. Н. Загоскин, А. С. Хомяков, М. П. Погодин, А. И. Кошелев, И. С. Аксаков, Булаев, Н. С. Тихонравов, Н. И. Стороженко, Алексей Н. Веселовский, П. Д. Боборыкин, А. Е. Грузинский, И. Н. Сакулин. Общество участвовало в организации и торжествах по поводу открытия памятников А. С. Пушкину (1880) и Н. В. Гоголю (1909). Большой заслугой Общества было издание «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля (Ч. 1—4. 1863—66) и «Песен, собранных П. В. Киреевским» (Вып. 1—10. 1860—74; новая серия, вып. 1—2. 1911—29). После 1917 при Обществе были созданы комиссии: пушкинская, историко-литературная и современной литературы; изданы сборники «Пушкин» (Т. 1—2. 1924—30), «Тургенев и его время» (1923).

Лит.: Общество любителей российской словесности при Моск. ун-те. Историч. записка и материалы за сто лет. 1811—1911. М., 1911; Словарь членов Общества любителей российской словесности при Моск. ун-те. 1811—1911. М., 1911.

ОБЩЕСТВО ЛЮБОМУДРИЯ, литературно-философский кружок, организованный в 1823 гн. *В. Ф. Одоевским* и *Д. В. Веневитиновым*. В кружок входили воспитанники Московского университета благородного пансиона, а также сверскошные студенты и вольнослушатели Московского университета, многие из которых были воспитанниками и входили в Общество друзей *С. Е. Раича* (1822—25): *С. П. Шевырев*, *Д. П. Ознобишин*, *А. Н. Муравьев*, *М. А. Дмитриев*, *И. В. Киреевский*, *А. И. Кошелев*, *Н. М. Рожалин*, *В. П. Титов*, *Ф. С. Хомяков* (брат *А. С. Хомякова*), *М. А. Максимович*. Многие из них после завершения образования были зачислены на службу в Московский архив Государственной коллегии иностранных дел, получив прозвище «архивные юноши», закрепленное за ними *А. С. Пушкиным* в «Евгении Онегине»: «Архивны юноши толпою // На Таню чопорно глядят». Единство взглядов «любомудров» выразилось в увлечении натурфилософией Шеллинга, они были первыми русскими шеллингианцами. «Философия, — отмечал Веневитинов, — и применение оной ко всем эпохам наук и искусств — вот предметы, заслуживающие наше внимание, предметы тем более необходимые для России, что она еще нуждается в твердом основании изящных наук и найдет сие основание, сей залог своей самобытности и, следственно, своей нравственной свободы». «Общество любомудрия» просуществовало до 1826. В 1827 бывшими «любомудрами» был основан журнал «*Московский вестник*», ставший предтечей славянофильского «*Москвитянина*» 40-х. Шеллингианское понимание истории как науки «самопознания» человечества неизбежно привело любомудров к национальным истокам. Именно «любомудры» стали основоположниками славянофильства.

В. К.

ОВЕЧКИН Валентин Владимирович (9[22].06.1904—27.01.1968), писатель. Рано начал трудовую жизнь; почти 10 лет работал в деревне. Овечкин — участник Великой Отечественной войны. Наиболее полное художественное выражение его военные впечатления нашли в повести «С фронтовым приветом» (1945). Из опыта войны, из трезвого анализа событий у героев повести рождается твердое убеждение в том, что послевоенная жизнь должна быть избавлена от недостатков прошлого.

Самое значительное произведение Овечкина — «Районные будни» (1952—56), состоящее из пяти самостоятельных очерков, связанных общностью темы и действующих лиц: «Районные будни», «На переднем крае», «В том же районе», «Своими руками», «Трудная весна».

Эти очерки стали заметным явлением в послевоенной литературе о деревне. Книгу отличает смелая постановка важных вопросов послевоенного развития сельского хозяйства, напряженность ищущей мысли, зовущей читателя к активному вмешательству в жизнь. В книге нет внешних эффектов, но есть глубокие обобщения, вполне точные художественные образы сельских руководителей.

Соч.: Избр. произв. Т. 1—2. М., 1963; Пусть это сбудется: Пьесы. М., 1962; Дороги, нами разведанные. М., 1967.

М. Лапшин

ОДА (греч. — песнь), в Древней Греции первоначально лирическое стихотворение на различные темы, исполнявшееся хором, с музыкальным сопровождением. В дальнейшем одой называлось торжественное лирическое стихотворение, написанное в приподнятом тоне. Оды знаменитого поэта Эллады Пиндара, прославлявшего героев, послужили образцами для поэтов-одописцев всего мира.

В России одическая поэзия как лирико-ораторский жанр появилась в XVIII в., в эпоху русского классицизма. Зачинателем русской одической поэзии был *В. Тредиаковский*. Оды *М. Ломоносова* и его ближайшего ученика *В. Петрова* отличались напыщенностью. *А. Сумароков* высеивал ходульную приподнятость и торжественность од Ломоносова и его школы. Настоящего расцвета и подлинной поэтичности русская классическая ода достигла у *Г. Державина*, который преодолел риторическую напыщенность Ломоносова и в то же время сохранил основное, что характерно для оды, — лирическую торжественность стиха; вместе с этим Державин обновил русскую оду, введя в стих простые русские слова, ранее не входившие в лексику оды. Для русской классической оды характерна особая строфическая форма — десятистрочие с подразделением на 3 части: в первой — 4 строки, во второй и третьей — по 3 строки, система рифмовки — abab ccd eed. Напр.:

Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия Орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла первые следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоту гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает:
Она мой дух и ум пленяет, —
Поддай, найди ее, совет!

(Г. Державин)

Оды Ломоносова, Петрова, Державина и др. поэтов XVIII в. были патриотическими произведениями, воспевание монархии составляло существенную их особенность. Совершенно иного содержания была знаменитая ода *А. Радищева* «Вольность». На оду Радищева откликнулся молодой *Пушкин*, написавший свою оду под тем же названием. После Пушкина ода, как лирический жанр, исчезает из русской поэзии почти на столетие. Лишь в н. XX в. в России стали появляться первые попытки создания новой русской оды. Зачинателем ее был *В. Брюсов*, который написал несколько образцов преимущественно социально-убранистической оды — «Хвала человеку», «К счастливому» и др.

А. Квятковский

ОДОЕВСКИЙ Владимир Федорович (30.07[11.08].1804—27.02[11.03].1869), писатель, философ, педагог, музыкальный критик. Последний представитель древнего княжеского рода. Образование получил в Московском университетском благородном пансионе (1816—22). В 1823—25 был председателем организованного им «*Общества любомудрия*». В 1827—30 — один из основных деятелей журнала «*Московский вестник*», был соредактором пушкинского «*Современника*». В 1826 переехал в Петербург. С 1846 — помощник директора Публичной библиотеки и директор Румянцевского музея; с 1861 — сенатор в Москве. Общественная деятельность Одоевского весьма разносторонняя: он был одним из создателей и главных деятелей благотворительного Общества посещения бедных, издателем жур-

нала для крестьян «Сельское чтение», активно выступал с поддержкой реформ 1860-х и др.

В художественном творчестве Одоевский выступал как продолжатель традиции просветительской сатиры, автор дидактических апологов и повестей («Бригадир», 1833; «Княжна Мими», 1834; «Княжна Зизи», 1939) и как признанный мастер фантастической романтической повести («Импровизатор», 1833; «Сильфида», 1837; «Саламандра», 1840; «Косморама», 1840). Среди неоконченных произведений Одоевского — научно-фантастическая роман-утопия «4338-й год» (опубл. в 1926), романы «Иордан Бруно и Петр Аретино», «Самарянин», «Русские ночи» (1844) — цикл из 10 новелл, обранных философскими беседами, — итоговое произведение русского философского романтизма 1830-х, отразившее характерную для него атмосферу исканий, дум об основных проблемах бытия и судьбах России.

Одоевский явился одним из основоположников русского классического музыкального искусства. Он был первым истолкователем творчества М. И. Глинки, пропагандировал произведения А. Н. Верстовского, А. Н. Серова и др., обосновывал национальную самобытность русской музыки. Ему принадлежат исследования в области народной песни и древнерусской церковной музыки.

Самым значительным литературным произведением Одоевского являются «Русские ночи». По словам самого Одоевского, «эпоха, изображенная в «Русских ночах», есть тот момент XIX в., когда шеллингова философия перестала удовлетворять искателей истины, и они разбрелись в разные стороны». Прежде всего надо отметить, что «Русские ночи» впервые в русской литературе дают критику западной культуры; до этого времени в русской литературе не раз попадались критические замечания о Западе, но Одоевский первый касается в более систематической форме этой темы, столь глубоко волновавшей русскую мысль. Словами главного героя «Русских ночей», носящего характерное имя Фауст, Одоевский высказывает мысль о «гибели» Западе, о внутреннем распаде его былой силы. Наука, оторвавшись от «всесоединяющей силы ума», разбилась на ряд специальных дисциплин, и постижение «целого» оказалось невозможным. Искусство ослабело, т. к. поэты, потеряв веру в себя, потеряли творческую силу. Гибнет и религиозное чувство. «Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным, а через несколько времени слишком простым: Запад гибнет». Но, как в свое время христианство внесло новые силы в дряхлевший мир античности и обновило жизнь, так и ныне спасение Европы возможно лишь в том случае, если на сцену истории выступит новый народ со свежими силами. Таким народом, по мысли Одоевского, является русский народ, ибо «мы поставлены на рубеже двух миров — протекшего и будущего; мы — новы и свежи; мы — непричастны к преступлениям старой Европы; перед нами разыгрывается ее странная, таинственная драма, разгадка которой, быть может, таится в глубине русского духа». «Но не одно тело спасти должны мы, русские, — но

и душу Европы», — утверждает Фауст: ибо дело идет о внутреннем преобразении самых основ культуры Запада. Обращаясь к русскому народу, автор говорит: «В святом триединстве веры, науки и искусства ты найдешь то спокойствие, о котором молились твои отцы. Деятельный век принадлежит России». Это, собственно, мысли не самого Фауста, а взятые им из некоей рукописи, но вот замечания самого Фауста: «Мысли моих друзей о Западе преувеличены, но прислушайся к самим западным писателям... прислушайся к крикам отчаяния, которые раздаются в современной литературе (Запада)... мы видим здесь неизлечимую тоску, господствующую на Западе, надежду без упования, отрицание без всякого утверждения... Я вижу на Западе безмерную трату сил... Запад, погруженный в мир своих стихий, тщательно разрабатывал их; чудна была работа его и породила дела дивные. Запад произвел все, что могли произвести его стихии, но в беспокойной, усердной деятельности он дал развитие одной стихии и задушил другую: в результате потерялось равновесие. Чтобы достигнуть полного, гармоничного развития основных общечеловеческих стихий, Западу не хватает своего Петра, который привил бы ему свежие, могучие соки славянского Востока». О России, которая здесь имеется в виду, Одоевский часто говорит в словах, которыми позже будут пользоваться славянофилы, — особенно подчеркивает он «всеобъемлющую многосторонность русского духа», «стихию всеобщности или, лучше сказать, — всеобнимаемости».

Прот. В. Зеньковский

ОДОЕВЦЕВА Ирина Владимировна (наст. имя и фамилия — **Гейнике Ираида Густавовна**; с 1921 — Иванова; в разных источниках — разные даты рождения: 25.06.1895; 27.07.1895; 23.11.1895; 2.11.1895 и др. — 15.10.1990). Отец — присяжный поверенный, практиковавший в Риге. В 1914 переехал в Петербург. Стихи писала с детства. Первое выступление в печати в петроградской газете «Эхо» в 1918. Одоевцева называла себя ученицей *Н. Гумилева*. О встречах с Гумилевым со многими подробностями рассказывала в мемуарной книге «На берегах Невы». В сент. 1921 вышла замуж за *Г. Иванова*. В 1922 был издан в Петрограде ее первый сборник стихов «Двор чудес». В 1922 эмигрировала через Ригу в Берлин. С 1923 жила во Франции. Со стихами в довоенной печати выступала редко. В 1920—30-е Одоевцева обратила на себя внимание критики и читателей печатавшимися в «Звене», «Новом доме», «Числах», «Иллюстрированной России», «Сегодня» рассказами и в еще большей степени тремя романами: «Ангел смерти» (1927), «Изольда» (1931), «Зеркало» (1939). Еще 2 романа Одоевцева написала после войны: «Оставь надежду навсегда» (1954) и «Год жизни», печатавшийся на протяжении 1957 в журнале «Возрождение». 2 книги воспоминаний Одоевцевой «На берегах Невы» (1967) и «На берегах Сены» (1983) каждая в свой черед стали заметными событиями даже на фоне богатейшей эмигрантской мемуаристики. В конце жизни Одоевцева собиралась написать 3-й том «На берегах Леты». Стихи,

статьи, рецензии, очерки Одоевцевой в послевоенные годы стали появляться во всех важнейших периодических изданиях зарубежья. Сборники ее стихотворений, написанных в эмиграции, опубликованы в 1950—70-е: «Контрапункт», «Стихи, написанные во время болезни», «Десять лет», «Одиночество», «Златая цепь», «Портрет в рифмованной раме». Сборник «Десять лет», по словам В. Завалишина, обнаруживает способность автора «превращать в музыку и делать неповторимым самое обыденное». В апр. 1987 Одоевцева вернулась в Ленинград.

Изд.: Контрапункт. Париж, 1950; Стихи, написанные во время болезни. Париж, 1952; Десять лет. Париж, 1961; Одиночество. Вашингтон, 1965; Златая цепь. Париж, 1975; Портрет в рифмованной раме. Париж, 1976.

ОЖЕГОВ Матвей Иванович (6[18].08.1860—19.02.1934), поэт-самоучка. Родился в д. Михино Полинского у., ныне Кировская обл. Сын плотника. Работал на сибирских приисках, на уральских заводах и железной дороге, бурлачил на р. Чусовой. В печати выступил в 1890. Участник *Суриковского литературно-музыкального кружка*, печатался во всех его изданиях. Автор сборников «Песни и стихотворения М. И. Ожегова, самоучки писателя-крестьянина» (1891), «Поля и деревни» (1891) и др. В стихах Ожегова в традиционных поэтических формах народной песни горькие раздумья крестьянина, заброшенного в город в поисках заработка, его любовь к земле, крестьянскому труду; некоторые песни написаны в духе городского романа. Мн. песни Ожегова приобрели популярность и распевались задолго до их опубликования («Зачем ты, безумная, губишь», «Потеряла я колечко», «Меж крутых берегов», «Чудный месяц плывет над рекою...» и др.).

Соч.: Пастушок. М., 1893; Колечко. М., 1898; Моя жизнь и песни для народа. Кн. 1—3. М., 1901; Маргарита. Киев, 1903.

ОЖЕГОВ Сергей Иванович (10[23].09.1900—15.12.1964), языковед, лексикограф. Родился в пос. Каменное Тверской губ. Окончил Ленинградский университет (1926). С 1952 руководил сектором культуры речи Института языкознания, затем Института русского языка АН СССР. Один из составителей «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. И. Ушакова (Т. 1—4. 1935—40). Автор нормативного однотомного «Словаря русского языка» (1949), включающего свыше 50 тыс. слов современной литературной лексики. Основные труды Ожегова посвящены истории русского литературного языка XVII—XIX вв., исторической и современной лексикологии, языку отдельных писателей (*П. А. Плавильщикова, И. А. Крылова, А. Н. Островского*), орфографии и орфоэпии, культуре русской речи. Редактор «Орфографического словаря русского языка» (1956; 5-е изд., испр. и доп. 1963; 6-е изд. стереотип. 1965), словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение» (1955, 1959), словаря-справочника «Правильность русской речи» (1962, 1965). Основатель и гл. редактор сборников «Вопросы культуры речи» (Вып. 1—6. 1955—65). Знаток живой русской речи.

ОЗАРОВСКАЯ Ольга Эрастовна (13[25].06.1874—12.07.1933), исполнительница северных сказок, собирательница фольклора. Родилась в семье офицера. В 1897 окончила математический факультет Высших женских курсов в Петербурге. Работала в Палате мер и весов под руководством Д. И. Менделеева, о котором написала интересные воспоминания. Артистическую деятельность начала в 1906, выступала с комическими рассказами и сказками в петербургском театре «Кривое зеркало». В 1908 вышла книга

Озаровской «Мой репертуар». В 1911 основала в Москве Студию живого слова. В 1914 опубликовала книгу «Школа чтеца». Собирая народные сказки и *былины*, Озаровская бывала на Севере, в Заонежье, в Архангельске. Во время поездки в 1915 на р. Пинегу (Архангельская губ.) встретилась с *М. Д. Кривополеновой* и привезла ее в Москву. Совместные вечера Озаровской и Кривополеновой, исполнявшей былины и сказки, способствовали популяризации подлинной народной поэзии. В 1916 Озаровская выпустила книгу «Бабушкины старины» с очерком творчества Кривополеновой. В советское время в Москве вела декламационный семинар по произведениям *А. С. Пушкина*.

Соч.: Моей студии. Этюды по худож. чтению. М.; Пг., 1923; Школа чтеца. Хрестоматия для художников слова и педагогов. 2-е изд., измененное и доп. М., 1923; Д. И. Менделеев. Воспоминания. М., 1929; Пятиречье: Сб. сказок. Л., 1931.

ОЗЕРОВ Владислав Александрович (30.09[11.10].1769—5[17].09.1816), драматург. Родился в с. Казанское (или Борки) Тверской губ. Происходил из старинного обедневшего дворянского рода. В 1787 окончил Сухопутный шляхетский корпус. В 1804 перешел на службу в Лесной департамент, дослужился до генеральского чина. Вследствие служебных неприятностей вышел в отставку, сильно нуждался. В 1810 заболел тяжелой душевной болезнью. На мировоззрение Озерова большое влияние оказали *Я. Б. Княжнин* и французские писатели (особенно *Ж. Ж. Руссо*). Первая публикация Озерова — вольный перевод «Послания Элоизы к Абеяру» Ш. Колардо (1794). Первая трагедия «Ярополк и Олег» (1798) — подражание Княжнину — после премьеры запрещена цензурой, т. к. в одном из героев увидели намек на И. П. Кутайсова и А. А. Аракчеева. Трагедия «Эдип в Афинах» (1804) — первое значительное произведение Озерова. В трактовке действующих лиц Озеров следует не Софоклу, а французскому классицисту *Ж. Ф. Дюси*. Эдип в ней — слабовольный старец; поборнику тирании Креону противопоставлен гуманный монарх Тесей (намек на Александра I). Трагедия

О. Э. Озаровская (справа)
с М. Д. Кривополеновой

Эдип в ней — слабовольный старец; поборнику тирании Креону противопоставлен гуманный монарх Тесей (намек на Александра I). Трагедия

«Фингал» (1805) навеяна «Поэмами Оссиана» Дж. Макферсона. Однако суровый романтический колорит шотландского эпоса снижается, утрачивает значительность. Озеров больше, чем его предшественники, обращается к внутреннему миру героев. Стилистика этого периода носит сентименталистский характер. Трагедия «Дмитрий Донской» (пост. 1807) по характеру событий как бы предвещала решимость Александра I стать защитником европейских народов от Наполеона. В последней трагедии «Поликсена» (1809) древнегреческий миф служит драматургу для утверждения превосходства высоконравственной личности над деспотами. Трагедия близка романтическим балладам — «Леноре» Г. Бюргера и «Людмиле» В. А. Жуковского. С 1808 Озеров работал над трагедией из эпохи бироновщины, но черновики ее, как и почти весь архив писателя, сожжены им в припадке безумия в 1810.

Историзм Озерова носит условный характер. Исторический материал он подчиняет нравственно-политическим задачам. Драматургия Озерова занимает промежуточное положение между классицизмом и карамзинской школой. Борьба между чувством и долгом классицистического героя заменяется в трагедиях Озерова борьбой чувств в одном человеке. Доминирующим мотивом поступков становится «голос сердца». Формальные же элементы поэтики классицизма в произведениях Озерова остаются незбылемыми. Однако уже появляются нетрадиционные метры, в т. ч. вольный ямб, который до Озерова считался пригодным лишь для *басни*. Это оживляло величавый язык классицистической трагедии. Характерная особенность творчества Озерова — мирное соседство классицизма и сентиментализма. В переходную эпоху разрушения классицизма и становления сентиментализма этот компромисс стал причиной блистательной, но недолгой славы драматурга. Озеров стоял вне литературной борьбы своего времени, но его пьесы были предметом ожесточенного спора между «Беседой любителей русского слова» и «Арзамасом». Творчество Озерова не принимали Г. Р. Державин, А. А. Шаховской (первоначально участвовавший в постановках трагедий Озерова), А. С. Шишков. Большое значение творчеству Озерова придавали П. А. Вяземский, К. Н. Батюшков, молодой А. С. Пушкин, позднее говоривший о несовершенстве трагедий Озерова. Особенности стиля писателя повлекли за собой сочетание высокой пафетики в оформлении спектакля (П. Гонзаго) с сентименталистским музыкальным сопровождением (И. А. Козловский). На пьесах Озерова сформировалась национальная русская школа трагической игры (Е. С. Семенова, А. С. Яковлев, Я. Е. Шушерин, В. А. Каратыгин).

Соч.: Соч. Ч. 1—2. СПб., 1816—17; Соч. Ч. 1—3 / Вступ. ст. П. А. Вяземского. 5-е изд., СПб., 1828; Трагедии. Стихотворения / Вступ. ст. И. Н. Медведевой. 2-е изд. Л., 1960.

В. Савельев

ОЗМИДОВ Николай Павлович (1837—1897), писатель и издатель. Закончил Петербургское строительное училище; служил городским архитектором при Одесской думе и много писал по вопросам городского хозяйства. С 1875 издавал в Одессе патристическую газету «Новороссийский телеграф», где смело выступал против иудейского режима в городе, отстаивал интересы русского народа.

ОЗНОБИШИН Дмитрий Петрович (1804—2[14].08.1877), поэт. Родился в семье симбирского помещика. Окончил в 1824 Московский университетский пансион. Впоследствии служил на Московском почтамте и попечителем учи-

лищ в Симбирской губ. Составил сборник материалов по крестьянской реформе («Руководство к изучению Высочайше утвержденных Е. И. В. 19 февр. 1861 г. положений о крестьянах...»). Т. 1—2. 1861). Первые стихи опубликовал в 1820; в это же время вошел в литературный кружок С. Е. Раича. Затем напечатал в «Вестнике Европы», «Северных цветах», «Отечественных записках», «Москвитяине» много стихов и несколько повестей, оригинальных и переводных. В 1827 издал совместно с Раичем альманах «Северная лира». Творчество Ознобишина отмечено глубоким интересом к литературам Востока. Ознобишин первым стал перелагать на русский язык сочинения Хафиза, Низами, Саади и др. Ознобишин составил первый персидско-русский словарь (рукопись в Государственной исторической библиотеке). Переводил и западноевропейских поэтов. Собирая фольклор поволжских народов. Творчество самого Ознобишина составляет преимущественно лирика любовного и пейзажного характера, где он стремился сочетать поэтические достижения пушкинских плеяды с образностью восточной поэзии. С к. 50-х печатался лишь изредка.

Соч.: Селам, или Язык цветов. СПб., 1830; Гинекион. СПб., 1830; На память о кн. В. Ф. Одоевском. СПб., 1870; Сизиф и смерть. СПб., 1871; Шуточные реляции в стихах о француско-прусской войне 1870—1871 гг. СПб., 1875 // Рус. поэты XIX в. М., 1964.

Л. Ч.

ОКРЕЙЦ Станислав Станиславович (13[25].08.1836 — после 1921), писатель, издатель. Из дворянской семьи. Учился в Земледельческом институте.

Окрейц — автор более 10 романов. В 1871—72 вышел его первый роман «Последние язычники. Роман из предрасветной эпохи 1840—50 гг.» о жизни западных губерний России накануне польского восстания. В этих и последующих произведениях Окрейц считал основополагающими в жизни русского государства начала традиционные, связанные с почвой, историей, национальным преданием. В подражании западным образцам (примеры этого в государственной политике он не уставал обличать) он видел угрозу «нигилизма» и «революции», понимаемых очень широко (борьбу с ними Окрейц считал своей основной задачей). В противоположность «лживо-широким мировым идеям» (социалисты-космополиты) и «всероссийским проектам» («московские консерваторы») Окрейц настаивал на программе конкретных дел по устройству «тех маленьких уголков “земли русской”, из которых слагается самое государство».

Считая, что императорский Петербург призван быть гарантом сохранения национальной самобытности всех народов и народностей России (и упрекая «московский патриотизм» в узости и пристрастии: «Москва не годилась для империи»), что насильственная ломка и нивелировка на один образец — «абсурд дикий и варварский», Окрейц выступал, в частности, против крайностей русификаторской политики в губерниях Царства Польского; известность приобрели высказывания Окрейца по еврейскому вопросу, которому он уделял много места, противопоставляя «русских Моисеева закона» — «жидовству» (относя к последнему не только евреев). С этим явлением («чуждым всему заподному, европейскому укладу») связывал опасность революционного брожения, смуты, хаоса.

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999.

ОЛЕНИН Алексей Николаевич (21.11[2.12].1763—17[29].04.1843), филолог, палеограф, археолог, государственный деятель. Образование получил в Страсбургском университете и Дрезденском артиллерийском училище. Участвовал в шведской кампании 1789—90 и в действиях против польских конфедератов в 1792. При Павле I был обер-прокурором в сенате и директором школы титулярных юнкеров, учрежденной для образования юристов. В 1803 назначен товарищем министра уделов, в 1811 — директором Императорской публичной библиотеки, в 1817 — президентом Академии художеств. Как член Академии наук принимал участие в составлении славяно-русского словаря, который, по его мнению, должен был заключать в себе все решительно слова, не исключая даже «наречия простолудинов».

Разобрав надпись на тмураканском камне и сделав ее критическую оценку, Оленин положил начало русской палеографии. Написал много статей и брошюр, посвященных археологическим изысканиям и изданных археологическим обществом. Оленин примыкал к партии *А. С. Шишкова*, был врагом галломанов, принимал деятельное участие в «Беседе любителей русского слова». Главные из отдельных трудов Оленина, не вошедших в собрание его сочинений: «Очерк нового библиографического порядка для императорской публичной библиотеки» (СПб., 1809), «Краткое историческое сведение о состоянии Императорской Академии художеств с 1764—1824 годы» (СПб., 1829), «Рассказы о 1812 г.» («Русский архив», 1868), «О заседании Государственного Совета по получении известия о кончине Александра I» («Сборник Русского Исторического общества», Т. 20).

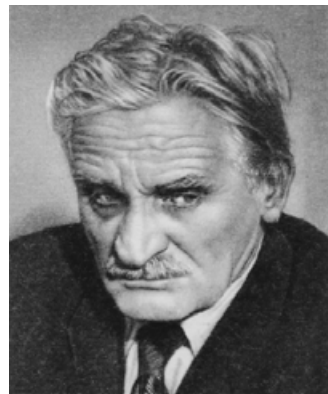
В антинаполеоновскую кампанию 1806—07 участвовал в земском ополчении (милиции), пожертвовал 2000 руб. и две пушки; награжден золотой медалью и правом на ношение милиционного мундира, который впоследствии охотно надевал в торжественные дни, предпочитая другим, более соответствовавшим его высокому положению. Ненависть к Наполеону, антифранцузские настроения Оленина, обострившиеся в 1812, нашли отражение в «Письме к архимандриту Филарету», а также в составленном им «Собрании разных происшествий, бывших в нынешней войне с французами...» (опубл. под назв. «Рассказы из истории 1812 г.»); сквозь конспективное изложение более 30 случаев, преимущественно со ссылкой на очевидцев, просвечивает его авторская антитеза нравственно-патриотических поступков русских солдат и крестьян, явившихся закономерными плодами «родительского семейного правления» в России, и зверств, дикости, богохульства французов — «детей неистовой Французской революции».

В первые годы XIX в. вокруг Оленина складывается дружественный литературный кружок (*Озеров, Капнист, Н. И. Гнедич, Крылов, А. А. Шаховской, С. Н. Марин, Батюшков, С. С. Уваров* и др.).

Оленин стал хозяином едва ли не самого знаменитого салона 1-й трети XIX в., объединявшего вокруг себя литераторов нескольких поколений, различных эстетических пристрастий.

У Оленина бывали *Державин, Н. М. Карамзин, Крылов, Гнедич, В. А. Жуковский, Батюшков, Пушкин, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, И. И. Козлов, М. Е. Лобанов, В. А. Соллоуб*, художники К. П. и А. П. Брюлловы, О. А. Кипренский, А. Г. Венецианов, скульптор И. П. Мартос, архитектор В. П. Стасов, М. И. Глинка и мн. др. — «все без исключения русские таланты того времени собирались около него» (*Аксаков С. Т.*).

ОЛЕША Юрий Карлович (19.02(3.03).1899—10.05.1960), писатель. Родился в Елисаветграде в обедневшей дворянской семье. Детские и юношеские годы Олеша прошли в Одессе, где началась и его литературная деятельность. С 1922 жил в Москве, работал в железнодорожной газете «Гудок». Под псевд. «Зубило» регулярно выступал на ее страницах с острыми стихотворными фельетонами, которые завоевали ему популярность. В 1924 Олеша написал роман-сказку «Три толстяка», ставшую одной из любимых детских книг. В 1927 в журнале «Красная новь» был опубликован роман Олеша «Зависть». Книга сразу же сделала известным имя Олеша-романиста. На нее обратили внимание читатели, о ней много спорили критики. По мотивам «Зависти» Олеша написал пьесу «Заговор чувств» (пост. в Театре им. Евг. Вахтангова, 1929). В 1931 вышел сборник «Вишневая косточка», объединивший рассказы Олеша разных лет, а на сцене Театра им. Вс. Мейерхольда состоялась премьера пьесы «Список благодетелей». В 1934 Олеша закончил кинопьесу «Строгий юноша». Затем Олеша перестал выступать с крупными произведениями; его имя появляется в печати под статьями на литературные темы, рецензиями, очерками, воспоминаниями о писателях-современниках, реже — рассказами. Он принимает участие в работе над сценариями фильмов — «Болотные солдаты» (1938, совм. с А. Мачеретом) и др. В 1958 Театр им. Евг. Вахтангова ставит его инсценировку романа *Ф. М. Достоевского* «Идиот».

В архиве писателя сохранились черновики и варианты задуманных произведений. Уже после его смерти вышла своеобразная книга «Ни дня без строчки» (1961) — сплав дневниковых и автобиографических записей, которую сам писатель замышлял как роман о своей жизни.

Творчество Олеша представляет собой как бы единую книгу, по-своему отразившую сложную эпоху перехода из мира собственности в новый мир. На этом пути терпят крах герои «Зависти» Иван Бабичев и Николай Кавалеров. Писатель сатирическими красками изображает поднятый ими «бунт чувств» (в новом обществе, по их убеждению, чувства будут якобы полностью упразднены). Люди «индивидуального века» — Андрей Бабичев и Володя Макаров, которые в романе как бы олицетворяют новый светлый мир и которым писатель готов отдать свои симпатии, кажутся духовно обедненными. В кинопьесе «Строгий юноша» Олеша попытался создать тип нового молодого героя, человека, наделенного лучшими физическими и духовными свойствами нескольких поколений молодежи. Однако фигура героя кинопьесы Гриши Фокина получилась в значительной степени умозрительной и не слишком жизне-

способной. Гораздо лучше Олеша выполнил свой замысел в рассказах из сборника «Вишневая косточка», где нарисованы живые, поэтические характеры людей, соединивших в себе мечту и реальность и безо всякой рассудочности, со всей силой и свежестью чувства, умеющих не только любоваться красотой окружающего мира, но и преобразовать его. Темы, за которые брался Олеша, были глубоко личными и остро им пережитыми. Не только в художественных произведениях, но и в публицистических высказываниях он не раз возвращался к волновавшему его вопросу: не обеднит ли новый «индустриальный» век духовный мир человека?

Повествовательная манера Олеша нередко поражает разнообразием и причудливым сочетанием красок, неожиданностью ассоциативных сближений. Сам Олеша говорил, что обладает особым даром «называть вещи по-новому», т. е. открывать в них нечто, скрытое от равнодушного и ненаблюдательного глаза. Это свойство помогает писателю увидеть предмет по-новому, наполненным первоначальной свежестью и красотой.

Соч.: Список благодеяний. М., 1931; Избранное. М., 1936; Избр. соч. М., 1956; Повести и рассказы. М., 1965; Ни дня без строчки. М., 1965; Пьесы. Статьи о театре и драматургии. М., 1968.

Б. Г.

ОЛИН Валериан Николаевич (1790 — после 1841), писатель. Сын тобольского вице-губернатора. Печатался с 1809. Состоял членом «Беседы любителей русского слова»; с 1820 входил в *Вольное общество любителей российской словесности*. Произведения Олина (в т. ч. переводы из Т. Мура, В. Скотта, Ф. Шиллера и др.) печатались в альманахах «Полярная звезда», «Невский альманах», в журналах «Сын Отечества», «Московский телеграф» и др. Издавал «Журнал древней и новой словесности» (1818—19) и альманах «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности» (1829—32), в которых печатались П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, Н. И. Гнедич, В. В. Капнист, И. А. Крылов, А. С. Пушкин, О. М. Сомов, А. А. Шаховской.

Соч.: Возвращение славянской царицы Доброславы.

СПб., 1826; Рассказы на станции. СПб., 1839; [Стихотворения] // Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. [Л.], 1972.

ОНЕГИНСКАЯ СТРОФА, четырнадцатистишная строфа А. Пушкина в его романе «Евгений Онегин». Это — самая емкая форма строфы в русской поэзии. Ее можно сравнить только с сонетом, имеющим также 14 рифмованных стихов, но в ином расположении. На изобретение строфы Пушкина натолкнуло, возможно, одическое стихотворение Г. Державина «На новый 1797 год», состоящее из 3 циклов; в каждом цикле первая строфа состоит из 10 стихов, следующие за ней 3 строфы содержат в себе по 14 стихов. Державинская 14-стишная строфа состоит из 4 частей: четверостишие с перекрестными рифмами, двустушие со смежными рифмами, четверостишие с перекрестными рифмами и заключительное четверостишие с охватными

(опоясанными) рифмами. Державинская строфа не удержалась в русской поэзии; главный недостаток ее заключается в том, что двустушие со смежными (женскими) рифмами находится после первого четверостишия, между тем форма двустушия как нельзя лучше подходит для строфической концовки, что и понял Пушкин, придавший этому заключительному двустушию, помимо энергичного звучания (мужские рифмы), характер афоризма или пуанта. Стих в онегинской строфе — четырехстопный ямб. Система рифмовки такая: в первом четверостишии — перекрестные рифмы (женская и мужская), во втором четверостишии — смежные (2 женские и 2 мужские), в третьем — охватные (опоясывающие); заканчивается строфа двустушием с мужской рифмой. Следовательно, схема рифмовки в онегинской строфе такова: AbAb CCdd Effe gg (прописные буквы — женские рифмы, строчные — мужские). В державинской же строфе схема рифмовки следующая: AbAb CC dEdE fGGf. Пример онегинской строфы:

Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела
И часто, целый день одна,
Сидела молча у окна.

Ср. строфу Державина:

Он принял меч — и луч горящий
В руке его увидел враг;
Пронесся дух животворный
В градах, в домах, в полях, в судах.
Всех ранний петел возбуждает,
От сна всяк к делу поспешает
И долг свой тщательно творит;
Всяк движется, стремится, внемлет,
На стогне крепко страж стоит,
Перед зеркалом суд не дремлет,

Скрывает злость главу свою
Под царским бдительным призором: —
Орел с высот так быстрым взором
Шипящу в мраке зрит змию.

После Пушкина некоторые русские поэты пользовались формой онегинской строфы. Так, напр., написана поэма М. Лермонтова «Тамбовская казначейша», ее лексика еще сильнее, чем у Пушкина, приближена к автологической речи.

А. Квятковский

ОНЧУКОВ Николай Евгеньевич (3.03.1872—6.03.1942), фольклорист. Экспедиции Ончукова на Печору в 1901—02 и 1907, а также его сборники «Печорские былины» (1904), «Северные сказки» (1909) и «Северные народные драмы» (1911) сыграли видную роль в изучении русского фольклора н. XX в. Во втором сборнике опубликованы также сказки, собранные акад. А. А. Шахматовым и М. М. Пришвиным. Предисловие Ончукова к сборнику — одна из лучших работ о бытовании сказки в период капитализма. В 20—30-

е Ончуков совершил поездки в Чердынский, Тавдинский края и на Украину, опубликовал серию статей по истории русского фольклора. Участвовал в работе над академическим «Словарем русского языка».

Соч.: Запрещенные песни о Константине и Анне // Изв. ОРЯС АН СССР. Т. 2. Кн. 1. 1930; Три варианта песни о Кострюке // Сборник в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928; Песни и легенды о декабристах // Звенья. Кн. 5. М.; Л., 1935.

ОРАНСКИЙ Николай Диомидович (6[17].12.1786—14[26].01.1847), поэт. Родился на погосте Богоявленский Вязниковского у. Владимирской губ. Из духовного звания (сын дьякона). Учился в Вязниковском духовном училище (1797—1800), во Владимирской духовной семинарии и Троицкой Лаврской семинарии.

Почти всю жизнь исполнявший обязанности секретаря и смотрителя самых различных ведомств и учреждений, Оранский находил время для занятий литературой. В н. 1840-х он вернулся к увлечению своей семинарской юности (из написанной в 1805 «тетради стихов» сохранилось стихотворение «Изображение»; опубликовано в книге <Смирнов А. В.>, Литературные опыты воспитанников Владимирской духовной семинарии в н. XIX столетия, Владимир, 1901)

и начал печататься, «тщательно скрывая свое авторство» — анонимно под псевд. Старожил. Оранский выпустил отдельными изданиями «Песнь русского барда» (поэма из эпохи Смутного времени; М., 1840), «Подарок детям в день Светлого Христова Воскресения» (М., 1840; вкл. 2 поэмы на евангельские сюжеты — «Голгофа» и «Воскресение Христова»); «Путешествие в Троицку Сергиеву лавру» (М., 1840) — о подвигах «лаврских отшельников». В 1842 опубликовал книгу «Стихотворения Старожила» (М.), в которую вошли поэмы «Ян Усмович, русский богатырь времен Святого Владимира» (о нашествиях печенегов на Киев), «Пересвет», «Потоп»; в это же время печатается в «Москвитяине» (ода «Северное сияние» — 1841, № 5 — с аллегорическими картинами Страшного Суда) и в «Маяке»: «Единоборство Нестора Солунянина» (1843, т. 9), «Никомидийская дева», «Елеонская песнь» (1844, т. 14, 17), историческая поэма «Князь Феодор Юрьевич Рязанский» (1845, т. 19) (все под псевд. Старожил; см. также: «Маяк», 1843, т. 12; 1844, т. 15).

Поэмы и стихи на библейские, христианские и исторические сюжеты, составляющие основное содержание его творчества, несут идею торжества Православия.

ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА, в Древней Руси можно выделить 2 стиля: красноречие дидактическое, или учительское, и красноречие панегирическое, или торжественное. Первое, преследуя цели морального наставления, информации, строилось просто, безыскусственно и содержало требования трудолюбия, скромности, заботы о родителях, детях, семье и т. д.; второе, приуроченное к знаменательным датам церковной и светской истории, обращенное к образованным людям, становилось живописным и витийствен-

ным; первое обычно определялось как поучение, второе — как слово. «Слово о Законе и Благодати» Илариона, «слова» Кирилла Туровского свидетельствуют о расцвете древнерусской ораторской прозы XI—XII вв. Яркими образцами торжественного красноречия стали творения инока Фомы (XV в.) и др. XVI в. стал важным этапом в развитии ораторской прозы на Руси. Развитие художественного мастерства в литературе этого времени связано прежде всего с развитием мастерства публицистического. Полемика иосифляев (Иосиф Волоцкий, митр. Даниил и др.), стремившихся в своих произведениях использовать более простой язык, и нестяжателей, писавших по правилам риторик, сыграла важную роль в литературе Руси. Литературная манера Даниила предшествует стилю царя Ивана Грозного, Пересветова, протопопа Аввакума. Отличительной особенностью публицистики XVI в. стало ее жанровое многообразие — полемическое «слово», «наказание», «слово ответное», беседа, челобитная, публицистический памфлет и пр. — социальная направленность, что находит продолжение в подобных произведениях XVII в.

В 1617, 1619 вологодским еп. Макарием составляется первая русская риторика. Москва знакомится с южнорусскими риториками. Пишут риторике и создают сборники поучений Симеон Полоцкий, Карион Истомина.

П. П.

ОРЕШИН Петр Васильевич (16[28].07.1887—18.03.1938), поэт, прозаик. Родился в Саратове в семье приказчика мануфактурной лавки. В 1896 поступил в начальную школу, по окончании которой начал учебу в Саратовском 4-классном училище, где проучился 3 года и вынужден был уйти за недостатком средств к существованию. Последующие несколько лет жизни будущего поэта прошли в скитаниях по городам и селам Поволжья и Сибири в поисках заработка.

Стихи Орешин начал писать в ранней юности. Первые стихотворения были опубликованы в «Саратовском листке» и в «Саратовском вестнике» в 1911. Систематическая литературная деятельность молодого поэта началась в 1913, когда Орешин переехал в Петербург и начал публиковаться в столичных журналах.

В стихах Орешина этого периода ошутимо влияние, с одной стороны, Некрасова, с др. — крестьянских поэтов-самоучек. Переживание тяжести крестьянского труда, надежда на лучшую долю, мотивы жизни-мачехи, красота родного крестьянского края — вот основополагающие черты его поэтического мира 1913—14. («В поле вихрится ветер-зимач, / за бураном — вечерние зори. / Санний скрип — недоплаканный плач, / дальний путь — безысходное горе...»).

Весной 1916 Орешин призывается в действующую армию и принимает участие в боях на Западном фронте. Удостоен двух Георгиевских крестов.

В 1917 Орешин знакомится с С. Есениным, а позднее — с Н. Клюевым, С. Клычковым, А. Ширяевцем.

В 1918 вышла книга Орешина «Зарево», о которой в журнале «Наш путь» (№ 2) была напечатана сочувственная статья С. Есенина. В том же году вышла 2-я книга Орешина «Красная Русь».

С 1919 по 1922 Орешин живет в Саратове, где, по словам Есенина, «пишет плохие коммунистические стихи и со всеми ругается». В Саратове выходят его книги стихов «Дулейка», «Березка», «Набат», «Мы», в которых он публично отрекается от мотивов старого крестьянского мира и отдается во власть новых веяний («Будет врать о любви и о Бо-

ге, / и о многом, о многом другом. / Не вернут нас ни кони, ни дроги / в старорусский родительский дом!». Но это «окончательное» отречение на поверку оказалось лишь кажущимся. Поэт не мог подавить в себе пронзительной лирической ноты, в которую воплотилась печаль расставания с исторической Россией («Соломенная Русь, куда ты? / Какую песню затянуть? / Как журавли, курлычут хаты, / поднявшись в неизвестный путь... / И что ж? Крестом, как прежде было, / никто себя не осенил. / Сама земля себя забыла / Под песню журавлиных крыл...»). В одной и той же строке слышится и радость, и отчаяние, и гнев, и удивление. Возражая противникам крестьянской поэзии, Орешин писал: «Не верно, сельские баяны, / певцы крестьянской стороны, / как будто родине багряной / мы стали больше не нужны!»

С 1922 Орешин живет в Москве, избирается членом правления Всероссийского союза писателей. В течение 20-х одна за другой выходят книги его стихов и прозы, в частности, книги очерков и рассказов, а также повести «Ничего не было», «Людишки», «Злая жизнь», «Жизнь учит». Наиболее значительным было издание 4-томника поэтических произведений, состоящего из книг «Ржаное солнце» (1923), «Солнечная плаха» (1925), «Родник» (1927), «Откровенная лира» (1928).

В 1923 Орешин вместе с Есениным, Клычковым и Ганиным подвергается преследованию по т. н. «делу четырех поэтов», когда названных поэтов обвинили в «анти-семитизме». На это обвинение Орешин ответил стихотворением «Под клеветой».

Новая струя, исполненная печали и недобрых предчувствий от происходящих в жизни страны перемен, вливается в творчество Орешина в связи с гибелью Есенина. Орешин создает цикл стихотворений, посвященных погибшему другу («Сергей Есенин», «На карауле», «Ответ», «Соловей в отставке»). Тогда же пишутся стихотворения «Земля родная» и «Элегия», которыми Орешин как бы заново прощается с иллюзиями «прогресса» в переломе старой жизни, которые были у него в н. 20-х. Эти стихотворения были посвящены А. Веселому и И. Касаткину, которым суждено будет погибнуть в к. 30-х, практически одновременно с оставшимися поэтами «новокрестьянской плеяды». В этих стихах жажда жизни органически сопряжена с печалью о кратковременности бытия, а любовь к родине окрашена в печальные тона: «Жизнь моя поблекнула в опале, / в гжучем ветре вечных голодух. / На крутом житейском перевале / Я устал и медленно по тух. / Но до самой до последней пяди / и сейчас уверенно пойду, / новой жизни, новой песни ради, / на любую тяжкую беду...».

В 1934 Орешин был задержан на улице милицией, услышавшей из уст поэта выражение: «Такую сволочь, как товарища Кагановича, вместе с вами терпеть не могу, как негодяев». В 1935 была составлена докладная записка в партком Союза советских писателей после скандала в Доме советского писателя, где Орешин заявил: «Советская власть не дает жить порядочным людям. Сталин — сволочь, не может ценить порядочных работников». 28 окт. 1937 Орешин был арестован и 15 марта 1938 расстрелян по обвинению в террористической деятельности.

Соч.: Стихотворения и поэмы. М., 1958; Повести и рассказы. М., 1960.

Лит.: Петросов К. Соломенная плаха поэта (О «крестьянской купнице» и судьбе Петра Орешина) // Филологические науки. № 4. 1992.

С. Кунаев

ОСОРЬИН Дружина Юрьевич (в крещении Каллистрат) (ум. не позднее 1648), автор «Жития Улиании Осорьинной».

Осорьин — дворянин на службе с 1589, с 1598 числился среди дворовых людей боярских, в 1610—43 губной староста в Муроме. В 1644 вызван в Москву по ложному иску; в 1645 снова привлечен к расследованию по какому-то доносу, бит кнутом.

Рассказ о житии и преставлении его матери, Улиании, составлен Осорьинным после 1614—15 — времени обретения ее мощей. Это первая биография, описывающая жизнь дворянки этого времени. Существуют 2 редакции жития — краткая и пространная, снабженная описанием чудес (позднейшая датируется 1649). Житие имеет множество общих черт с др. классическим произведением древнерусской литературы — Повестью о Марфе и Марии, также муромского происхождения, но для того чтобы говорить об их принадлежности одному автору, бесспорных оснований нет.

Изд.: Евгений, еп. Житие св. праведной Иулиании Лазаревской (в двух редакциях) и служба ей. СПб., 1910. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. М., 1988.

Лит.: Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси // Буслаев Ф. И. О литературе. Исследования. Статьи. М., 1990; Ключевский В. О. Добрые люди Древней Руси. М., 1896; Лихачев Н. П. Грамоты рода Осорьинных // Изв. русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1; Евгений, еп. О церковном прославлении и почитании св. праведной Иулиании Лазаревской: Ист. очерк. Муром, 1910.

ОСОСОВ Андрей Васильевич (?—после 1917), писатель, публицист. Из дворян, получил военное образование. В чине поручика участвовал в Мамундской экспедиции, затем вышел в отставку. Видный правый публицист, его перу принадлежат работы о забастовках, по земельному и еврейскому вопросам, печатался в «Русском знамени», под псевд. А. Казанский публиковал повести в журнале «Прямой путь». В 1906—07 был председателем Издательского комитета при Союзе русского народа. В 1909 избран членом комиссии Союза им. Михаила Архангела по организации первого народного исторического кинематографа. В 1913 был членом Редакционной комиссии «Книги русской скорби».

Соч.: Греко-турецкая война 1897. Краткий очерк... СПб., 1898; Мамундская экспедиция. Поручики Кавелин и Ососов. Умань, 1899; Малоземелье и как с ним бороться. СПб., 1906; О забастовках. Как относятся к ним в разных государствах. СПб., 1906; Еврейский вопрос. Историко-критический очерк. Харьков, 1906; Еврей. Хитрость или небрежность Петербургской городской управы // Русское знамя. 1907. 10 янв.; Земельный вопрос в III Государственной думе. СПб., 1912.

А. С.

ОСТОЛОПОВ Николай Федорович (3[14].11.1782—6[18].03. 1833), поэт, переводчик, теоретик стиха. Родился в Сольвычегодске. В 1814—19 — вице-губернатор в Вологде, в 1825—27 — директор петербургских театров. В 1806 издавал журнал «Любитель словесности». В 1802—05 — член *Вольного общества любителей словесности, наук и художеств*. В 1803 опубликовал нравоучительную повесть «Евгения, или Нынешнее воспитание». Сборник «Прежние досуги» (1816) содержал лирические (с пасторальными мотивами) и патриотические стихи об Отечественной войне 1812, *басни*, «народные» *романсы*. В 1822 издал «Ключ к сочинениям Державина» — опыт первого в России научного комментария. В 1827 издан сборник «Апологические стихотворения» (с приложением поэмы «Привидение» — пародии на романтические баллады и

поэмы). Перевел «Опыт на поэзию эпическую» (1802), трагедию «Магомет» (1828) и др.

Наиболее важен главный труд Остолопова — «Словарь древней и новой поэзии», который он создал 14 лет (Ч. 1—3, изд. 1821), — первый свод знаний по теории и истории стиха, подводящий итог классицистическому периоду русской литературы; долгое время являлся единственным источником изучения поэтической терминологии. Словарь дает толкование 422 поэтических терминов, их краткую историю, сопровождаемую обширными цитатами (в «Поэтическом словаре» А. П. Квятковского, 1966, используем 200-летний опыт русской поэзии, дано ок. 670 терминов). Остолопов опирался на опыт теоретиков классицизма, привлекая для составления словаря писателей XVIII в.: Г. Р. Державина, И. А. Крылова, иногда В. А. Жуковского, в двух случаях — А. С. Пушкина. Апелляция Остолопова преимущественно к классической поэзии была воспринята как утверждение догм классицизма на фоне развивающейся романтической поэзии, но концепция Остолопова не была воинственно ортодоксальной, и его словарь не был документом канонического классицизма. Теоретические положения словаря во многом расходились с собственной поэтической практикой Остолопова, тяготеющего к «чувствительной» поэзии н. XIX в. *Сентиментализм* и *романтизм*, оказав влияние на художественное творчество Остолопова, оставили некоторый след и на его словаре.

Л. А.

ОСТРОВСКИЙ Александр Николаевич (31.03[12.04]. 1823—2[14].06.1886), драматург, театральный деятель. Родился в Москве в Замоскворечье — купеческом и мещанско-чиновничьем районе Москвы. Отец — чиновник, сын священника, окончивший духовную академию, поступивший на государственную службу и позднее получивший дворянство. Мать — из бедного духовенства, отличалась наряду с красотой высокими душевными качествами, рано умерла (1831); мачеха Островского, из старинного дворянского рода обрусевших шведов, преобразовала патриархальный замоскворецкий быт семьи на дворянский лад, заботилась о хорошем домашнем воспитании своих детей и пасынков, для чего семья имела необходимый достаток. Отец, помимо государственной службы, занимался частной практикой, а с 1841, выйдя в отставку, стал преуспевающим присяжным стряпчим Московского коммерческого суда. В 1840 Островский окончил 1-ю Московскую гимназию, бывшую в то время образцовым средним учебным заведением с гуманитарным уклоном. В 1840—43 учился на юридическом факультете Московского университета, где в то время преподавали М. П. Погодин, Т. Н. Грановский, П. Г. Редкин. Еще в гимназии Островский увлекся литературным творчеством, в студенческие годы он делается страстным театралом. На московской сцене в эти годы блистали великие актеры П. С. Мочалов и М. С. Щепкин, имевшие большое влияние на молодежь. Как только занятия специальными юридическими дисциплинами стали мешать творческим устремлениям Островско-

го, он покинул университет и, по настоянию отца, в 1843 поступил канцеляристом в Московский совестный суд, где разбирались имущественные споры, преступления малолетних и т. п.; в 1845 был переведен в Московский коммерческий суд, откуда ушел в 1851, чтобы стать профессиональным литератором. Работа в судах существенно обогатила жизненный опыт Островского, дала ему знание языка, быта и психологии мещанско-купеческой «третье-сословной» Москвы и чиновничества. В это время Островский пробует себя в разных областях литературы, продолжает сочинять стихи, пишет очерки и пьесы. Началом своей профессиональной литературной деятельности Островский считал пьесу «Семейная картина», которую 14 февр. 1847 с успехом прочитал в доме университетского профессора и литератора С. П. Шевырева. К этому времени относятся «Записки замоскворецкого жителя» (для них, еще в 1843, был написан небольшой рассказ «Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг»). Следующая пьеса «Свои люди — сочтемся!» (первоначальное название «Банкрот») была написана в 1849, в 1850 напечатана в журнале «Москвитянин» (№ 6), однако на сцену допущена не была. За эту пьесу, сделавшую имя Островского известным всей читающей России, он был отдан под негласный надзор полиции.

С н. 50-х Островский становится деятельным сотрудником «Москвитянина», издаваемого М. П. Погодиным, и вскоре вместе с А. А. Григорьевым, Е. Н. Эдельсоном, Б. Н. Алмазовым и др. образует т. н. «молодую редакцию», пытающуюся оживить журнал, пропагандируя реалистическое искусство, интерес к народному быту и фольклору. Кружок молодых сотрудников «Москвитянина» включал не только литераторов, но и актеров (П. М. Садовский, И. Ф. Горбунов), музыкантов (А. И. Дюбюк), художников и скульпторов (П. М. Боклевский, Н. А. Рамазанов); москвитянинцы имели друзей среди «простонародья» — исполнителей и любителей народной песни. Островский и его товарищи по «Москвитянину» были не только группой единомышленников, но и дружеским кружком. Эти годы много дали Островскому в творческом отношении, и прежде всего глубокое знание «живого», неакадемического фольклора, речи и быта городского простонародья.

В сер. 40-х Островский вступил в гражданский брак с мещанской девицей А. Ивановой, которая оставалась с ним до своей смерти в 1867. Будучи малообразованной, она обладала умом и тактом, прекрасным знанием простонародного быта и замечательно пела, ее роль в творческой жизни драматурга несомненно была значительной. В 1869 Островский женился на актрисе Малого театра М. В. Васильевой (от которой к тому времени уже имел детей), склонной к дворянским, «светским» формам жизни, что осложняло его жизнь. Долгие годы Островский жил на грани нищеты. Будучи признанным главой русских драматургов, он и на склоне лет постоянно нуждался, добывая средства к жизни неустанным литературным трудом. Несмотря на это, он отличался гостеприимством и постоянной готовностью помочь любому нуждающемуся человеку.

Вся жизнь Островского связана с Москвой, которую он считал сердцем России. Из сравнительно немногочисленных путешествий Островского (1860 — поездка с гастролировавшим А. Е. Мартыновым в Воронеж, Харьков, Одессу, Севастополь, во время которой великий актер умер; заграничное путешествие 1862 по Германии, Австрии, Италии с посещением Парижа и Лондона; поездка с

И. Ф. Горбуновым по Волге в 1865 и с братом, М. Н. Островским, в Закавказье в 1883) наибольшее влияние на его творчество оказала экспедиция, организованная морским министерством, командировавшим литераторов для изучения быта и промыслов населения, связанного с реками и судоходством. Островский совершил поездку по Волге, от истоков до Н. Новгорода (1856), во время которой вел подробнейшие записи и составил словарь судоходства, судостроительных и рыболовных терминов Верхнего Поволжья. Большое значение имела для него и жизнь в любимом костромском имении Щелькове, которое отец писателя купил в 1847. Первая же поездка туда (1848, по пути Островский осматривал старинные русские города Переславль Залесский, Ростов, Ярославль, Кострому) произвела огромное впечатление на Островского (осталась восторженная запись в дневнике). После смерти отца Островский с братом М. Н. Островским выкупил имение у мачехи (1867). С Щельковым связана история создания многих пьес.

В целом страстная сосредоточенность Островского на творчестве и театральных делах, сделав его жизнь бедной внешними событиями, нерасторжимо сплела ее с судьбой русского театра. Умер писатель за письменным столом в Щелькове, работая над переводом пьесы Шекспира «Антоний и Клеопатра».

В творческом пути Островского можно выделить следующие периоды: ранний, 1847—51 — проба сил, поиски своего пути, завершившиеся триумфальным вступлением в большую литературу комедией «Свои люди — сочтемся!». Этот начальный период проходит под знаком влияния «натуральной школы». Следующий, москвитянинский период, 1852—54 — активное участие в кружке молодых соотрудников «Москвитянина», стремившихся сделать журнал органом течения общественной мысли, родственного славянофильству (пьесы «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется»). Окончательно определяется мировоззрение Островского в предреформенный период, 1855—60; происходит его сближение с народниками («В чужом пиру похмелье», «Доходное место», «Воспитанница», «Гроза»). И последний, пореформенный период — 1861—86.

Пьеса «Свои люди — сочтемся!» обладает достаточно сложной композиционной структурой, объединяющей нравоописательную очерковость с напряженной интригой, и вместе с тем характерной для Островского неторопливостью развертывания событий. Пространная замедленная экспозиция объясняется тем, что драматическое действие у Островского не исчерпывается интригой. В него втянуты и нравоописательные эпизоды, обладающие потенциальной конфликтностью (споры Липочки с матерью, визиты свахи, сцены с Тишкой). Своеобразно динамичны и беседы героев, не приводящие ни к каким непосредственным результатам, но имеющие свое «микродействие», которое можно назвать речевым движением. Речь, самый способ рассуждений так важен и интересен, что зритель следит за всеми поворотами, казалось бы, пустой болтовни. У Островского сама речь героев — почти самостоятельный объект художественного изображения.

Комедия Островского, рисуя как будто экзотический быт замкнутого купеческого мира, на самом деле повсюду отражала общерусские процессы и перемены. Здесь тоже происходит конфликт «отцов» и «детей». Здесь говорят о просвещении и эмансипации, не зная, конечно, этих слов; но в мире, самую основу которого составляют обман и насилие, все эти высокие понятия и

освобождающее веяние жизни искажаются, как в кривом зеркале. Антагонизм богатых и бедных, зависимых, «младших» и «старших» развернут и продемонстрирован в сфере борьбы не за равноправие или свободу личного чувства, а в корыстных интересах, стремлении разбогатеть и «зажить по своей воле». Высокие ценности подмечены своими пародийными двойниками. Образованность — не что иное, как желание следовать моде, презрение к обычаям и предпочтение «благородных» кавалеров «бородатым» женихам.

В комедии Островского идет война всех против всех, и в самом антагонизме драматург вскрывает глубокое единство персонажей: добытое обманом удерживается только насилием, грубость чувств — естественное порождение грубости нравов и принуждения. Острота социального критицизма не мешает объективности в обрисовке характеров, особенно заметной в образе Большова. Его грубое самодурство сочетается с прямоотой и простодушием, с искренним страданием в финальных сценах. Вводя в пьесу как бы 3 этапа купеческой биографии (упоминание о прошлом Большова, образ Тишки с его наивным накопительством, «преданного» Подхалюзина, обкрадывающего хозяина), Островский добивается эпической глубины, показывая истоки характера и «кризис». История замоскворецкого купеческого дома предстает не как «анекдот», результат личных пороков, а как проявление жизненных закономерностей.

После того как Островский создал в комедии «Свои люди — сочтемся!» столь безотрадную картину внутренней жизни купеческого дома, у него возникла потребность найти положительные начала, способные противостоять аморализму и жестокости современного ему общества. Направление поисков определялось участием драматурга в «молодой редакции» «Москвитянина». В самом конце царствования имп. Николая I Островский создает своеобразную патриархальную утопию в пьесах москвитянинского периода.

Для москвитянинцев была характерна сосредоточенность на идее национальной самобытности, которая разрабатывалась ими преимущественно в сфере теории искусства, особенно проявляясь в интересе к народной песне, а также к допетровским формам русского быта, сохранявшимся еще в среде крестьянства и патриархального купечества. Патриархальная семья представлялась москвитянинцам моделью идеального общественного устройства, где отношения между людьми были бы гармоничны, а иерархия основывалась бы не на принуждении и насилии, но на признании авторитета старшинства и житейского опыта. Последовательно сформулированной теории или, тем более, программы у москвитянинцев не было. Однако в литературной критике они неизменно защищали патриархальные формы и противопоставляли их нормам «европеизированного» дворянского общества не только как исконно национальные, но и как более демократичные.

Островский и в этот период видит социальную конфликтность изображаемого им быта, показывает, что идиллия патриархальной семьи чревата драмой. Правда, в первой москвитянинской пьесе «Не в свои сани не садись» драматизм внутрисемейных отношений подчеркнут лишь социальной окраски. Социальные мотивы здесь связаны лишь с образом дворянского прожигателя жизни Вихорева. Зато следующая, лучшая пьеса этого периода «Бедность не порок» доводит социальную конфликтность в семье Торцовых до высокого напряжения. Власть

«старших» над «младшими» тут имеет отчетливо денежный характер. В этой пьесе впервые у Островского очень тесно сплетается комедийное и драматическое начало, что в дальнейшем будет отличительной чертой его творчества. Связь с москвитянинскими идеями здесь проявляется не в сглаживании противоречий жизни, а в понимании этой противоречивости как «соблазна» современной цивилизации, как результат вторжения посторонних, внутренних чуждых патриархальному миру начал, олицетворенных в фигуре фабриканта Коршунова. Для Островского самодур Гордей, сбитый с толку Коршуновым, отнюдь не подлинный носитель патриархальной морали, а человек, ей изменивший, но способный к ней возвратиться под влиянием пережитого в финале потрясения. Поэтический образ мира народной культуры и нравственности, созданный Островским (сцены святков и особенно народных песни, служащие как бы лирическим комментарием к судьбе молодых героев), своим обаянием, чистотой противопоставит самодурству, но он нуждается, однако, в поддержке, он хрупок и беззащитен перед натиском «современного». Не случайно в пьесах москвитянинского периода единственным героем, активно влияющим на ход событий, оказался Любим Торцов, человек, «выломившийся» из патриархального быта, обретший горький жизненный опыт за его пределами и поэтому сумевший взглянуть на события в своей семье со стороны, трезво оценить их и направить их течение к общему благополучию. Крупнейшее достижение Островского состоит именно в создании образа Любима Торцова, одновременно и поэтического и весьма жизненного.

Исследуя в москвитянинский период архаичные формы быта в семейных отношениях купечества, Островский создает художественную утопию, мир, где, опираясь на народные (крестьянские в своих истоках) представления о нравственности, оказывается возможным преодолеть рознь и ожесточенный индивидуализм, все более распространяющийся в современном обществе, достигнуть утраченного, разрушенного историей, единение людей. Но изменение всей атмосферы русской жизни в преддверии отмены крепостного права приводит Островского к пониманию утопичности и несбыточности этого идеала. Новый этап его пути начинается пьесой «В чужом пиру похмелье» (1855—56), где создан ярчайший образ купца-самодура Тита Титыча Брускова, ставший нарицательным. Островский шире охватывает жизнь общества, обращаясь к традиционным для русской литературы темам и разрабатывая их совершенно оригинально. Касаясь в «Доходном месте» (1856) широко обсуждавшейся темы чиновничества, Островский не только обличает лихое и произвол, но вскрывает исторические и социальные корни «подьяческой философии» (образ Юсова), иллюзорность надежд на новое поколение образованных чиновников: сама жизнь толкает их к компромиссу (Жадов). В «Воспитаннице» (1858) Островский рисует «самодурную» жизнь помещицкой усадьбы без малейшего лиризма, столь обычного у писателей-дворян при обращении к помещному быту.

Но высшим художественным достижением Островского в предреформенные годы стала «Гроза» (1859), в которой он открыл народный героический характер. В пьесе показано, как нарушение идиллической гармонии патриархальной семейной жизни может привести к трагедии. Главная героиня пьесы Катерина живет в эпоху, когда разрушается самый дух — гармония между отдельным человеком и нравственными представлениями среды. В душе

героини рождается отношение к миру, новое чувство, еще самой ей неясное, — просыпающееся чувство личности, которое в соответствии с ее положением и жизненным опытом принимает форму индивидуальной, личной любви. В Катерине рождается и растет страсть, но эта страсть в высшей степени одухотворенная, далекая от бездумного стремления к потаенным радостям. Проснувшееся чувство любви воспринимается Катериной как грех страшный, несмыслимый, потому что любовь к чужому человеку для нее, замужней женщины, есть нарушение нравственного долга. Моральные заповеди патриархального мира для Катерины полны первозданного смысла и значения. Уже осознав свою любовь к Борису, она изо всех сил стремится ей противостоять, но не находит опоры в этой борьбе: вокруг нее уже все рушится, и все, на что она пытается опереться, оказывается пустой оболочкой, лишенной подлинного нравственного содержания. Для Катерины же форма и ритуал сами по себе не имеют значения — ей важна человеческая суть отношений. В моральной ценности своих нравственных представлений Катерина не сомневается, она только видит, что никому в мире и дела нет до подлинной сути этих ценностей и в своей борьбе она одинока. Мир патриархальных отношений умирает, и душа этого мира уходит из жизни в муках и страданиях. Под пером Островского задуманная социально-бытовая драма из жизни купечества переросла в трагедию. Он показал народный характер на крутом историческом переломе — отсюда и масштабность «семейной истории», могучая символика «Грозы».

Хотя современная социально-бытовая драматургия — основная часть наследия Островского, в 60-е он обращается к исторической драме, разделяя общий интерес русской культуры этого периода к прошлому. В связи с просветительским пониманием задач театра Островский считал пьесы на темы национальной истории необходимыми в репертуаре, полагая, что исторические драмы и хроники «развивают самопознание и воспитывают сознательную любовь к отечеству». Для Островского история — сфера высокого в национальном бытии (это определило обращение к стихотворной форме). Исторические пьесы Островского неоднородны по жанру. Среди них есть хроники («Козьма Захарыч Минин-Сухорук», 1862; «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», 1867; «Тушино», 1867), историко-бытовые комедии («Воевода», 1865; «Комик XVII столетия», 1873), психологическая драма «Василиса Мелентьева» (в соавторстве с С. А. Геденовым, 1868). Предпочтение хроники традиционному жанру исторической трагедии, как и обращение к Смутному времени, определялось народным характером театра Островского, его интересом к историческому деянию русского народа.

В пореформенный период в России рушится замкнутость сословных и культурно-бытовых групп общества; «европеизированный» уклад жизни, бывший ранее привилегией дворянства, становится нормой. Социальная пестрота характеризует и картину жизни, создаваемую Островским в пореформенный период. Тематический и временной диапазон его драматургии делается чрезвычайно широким: от исторических событий и частной жизни XVII в. до самой горячей злобы дня; от жителей захолустья, бедных мешанских окраин до современных «цивилизованных» предпринимателей-воротил; от встревоженных реформами дворянских гостиных до лесной дороги, на которой встречаются актеры Счастливец и Несчастливцев («Лес»).

У раннего Островского нет характерного для большинства русских писателей-классиков героя-интеллигента, дворянского «лишнего человека». В к. 60-х он обращается к типу дворянского героя-интеллигента. Комедия «На всякого мудреца довольно простоты», «Бешенные деньги» (1870), «Лес» (1871), «Волки и овцы» (1875). Здесь в сферу сатирического изображения вовлечены не отдельные персонажи или сюжетные линии, но вся представленная жизнь, не столько люди, личности, сколько уклад в целом, ход вещей. Пьесы не связаны сюжетно, но это именно цикл, в целом дающий широкое полотно жизни пореформенного дворянства. По принципам поэтики эти пьесы значительно отличаются от главного жанра дореформенного творчества — созданного Островским типа народной комедии.

Островский в комедии «На всякого мудреца довольно простоты» с сатирической остротой и с характерной для своей манеры объективностью запечатлел особый тип эволюции «лишнего человека». Путь Глумова — это путь предательства по отношению к собственной личности, нравственного раздвоения, ведущего к цинизму и аморальности. Высоким же героем в пореформенной драматургии Островского оказывается не благородный дворянин, а нищий актер Несчастливцев. И «путь в герои» этот деклассированный дворянин проходит на глазах у зрителя, разыгрывая сперва роль барина, вернувшегося отдохнуть в родные края, а в финале резко и решительно порывающего с миром усадьбы, произнося суд над ее обитателями с позиций служителя высокого, гуманного искусства.

Широкая картина сложных социальных процессов, происходящих в России после десятилетия реформ, роднит «Лес» с великими русскими романами 70-х. Как и Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин (именно в этот период создавший свой «усадебный семейный роман» «Господа Головлевы»), Островский чутко уловил, что в России «все переворотилось и только укладывается» (как сказано в «Анне Карениной»). И в зеркале семьи отражается эта новая действительность. Через семейный конфликт в комедии Островского просвечивают огромные сдвиги, происходящие в русской жизни.

Дворянская усадьба, ее хозяйка, респектабельные гости-соседи обрисованы Островским со всей силой сатирического обличения. Бадаев и Милонов со своими разговорами о «нынешних временах» похожи на щедринских персонажей. Не являясь участниками интриги, они, однако, нужны не только для характеристики среды, но участвуют в действии как необходимые зрители спектакля, разыгрываемого главными антагонистами пьесы — Гурмыжской и Несчастливцевым. Каждый из них ставит свой спектакль. Путь Несчастливцева в пьесе — это прорыв от надуманной мелодрамы к подлинной жизненной высоте, поражение героя в «комедиантстве» и нравственная победа в подлинной жизни. При этом, и выйдя из мелодраматической роли, Несчастливцев оказывается актером. Последний его монолог незаметно переходит в монолог Карла Мора из «Разбойников» Ф. Шиллера, как будто Шиллер судит обитателей этого «леса». Мелодрама отброшена, на помощь актеру приходит большое, настоящее искусство. Гурмыжская же отказалась от дорогостоящей роли главы патриархального дворянского рода, опекающей своих менее удачливых родственников. Из

усадьбы Пеньки уходит в купеческий дом воспитанница Аксюша, получившая приданое от бедного актера. По проселочным дорогам пешком, с котомкой за плечами уходит последний Гурмыжский — странствующий актер Несчастливцев. Семья исчезает, распадается; возникает «случайное семейство» (выражение Достоевского) — супружеская пара, состоящая из помещицы сильно за пятьдесят и недоучившегося гимназиста.

В работе над сатирическими комедиями из современной жизни складывалась новая стилевая манера Островского, не вытесняющая, однако, прежнюю, а сложно взаимодействующая с ней. Приход его в литературу был ознаменован созданием национально-самобытного театрального стиля, опирающегося в поэтике на фольклорную традицию (что определялось характером изображаемой ранним Островским «доличностной» среды). Новая манера связана с общелитературной традицией XIX в., с открытиями повествовательной прозы, с исследованием личностного героя-современника. Новая задача подготавливала развитие психологизма в искусстве Островского.

В наследии Островского и в русской драматургии в целом совершенно особое место занимает пьеса «Снегурочка» (1873). Задуманная как феерия, веселое представление для праздничных спектаклей, написанная на сюжет народных сказок и широко использующая другие формы фольклора, прежде всего календарную поэзию, в процессе создания пьесы переросла замысел. В жанровом отношении она сопоставима с европейской философско-символической драмой, напр. с «Пер Гюнтном» Ибсена. В «Снегурочке» с большой силой выразилось лирическое начало драматургии Островского. Иногда «Снегурочку» без достаточных оснований называют утопией. Между тем утопия содержит представление об идеальном справедливом, с точки зрения ее создателей, устройстве общества, она должна быть абсолютно оптимистична, сам жанр как бы призван преодолеть трагические противоречия жизни, разрешив их в фантастической гармонии. Однако жизнь, изображенная в «Снегурочке», прекрасная и поэтичная, далека от идиллии. Берендеи предельно близки к природе, но знают зла и обмана, как не знает его природа. Но все, что собственной волей или силой обстоятельств выпадает из этого круговорота естественной жизни, должно здесь неминуемо погибнуть. И эту трагическую обреченность всего выходящего за пределы «органической» жизни воплощает судьба Снегурочки; не случайно она гибнет именно тогда, когда приняла закон жизни берендеев и готова воплотить свою проснувшуюся любовь в бытовые формы. Это недоступно ни ей, ни Мизгирию, чья страсть, незнакомая берендеям, выталкивает его из круга мирной жизни. Однозначно оптимистическая трактовка финала создает противоречие с непосредственным зрительским сочувствием погибшим героям, поэтому она неверна. «Снегурочка» не укладывается в жанр сказки, она приближается к мистериальному действу. Мифологический сюжет не может иметь непредсказуемый финал. Приход лета неотвратим, и Снегурочка не может не растаять. Все это не обесценивает, однако, ее выбора и жертвы. Действующие лица вовсе не пассивны и покорны — действо отнюдь не отменяет обычного действия. Мистериальное действие есть каждый раз новое воплощение сущностных основ жизни. Свободное волеизъявление Снегурочки и Мизгирия у Островского включено внутрь этого жизненного цикла. Трагедия Снегурочки и Мизгирия не только не колеблет мир, но даже способствует нормальному течению жизни, даже и спасает берендеево царство от «остуды». Мир Островского

может быть трагедией, но не катастрофичен. Отсюда непривычное, неожиданное сочетание в финале трагизма и оптимистичности.

В «Снегурочке» создан максимально обобщенный образ «мира Островского», воспроизводящий в фольклорно-символической форме глубоко лирическое авторское представление о сути национальной жизни, преодолевающей, но не отменяющей трагизм индивидуально-личностного бытия.

В художественной системе Островского драма формировалась в недрах комедии. Писатель разрабатывает такой тип комедии, в котором наряду с отрицательными персонажами непременно присутствуют их жертвы, вызывающие наше сочувствие и сострадание. Это предопределило драматические потенции его комедийного мира. Драматизм отдельных ситуаций, иногда судеб со временем разрастается все больше и как бы расшатывает, разрушает комедийную структуру, не лишая, однако, пьесу черт «крупного комизма». «Шутники» (1864), «Пучина» (1866), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1872) — явные свидетельства этого процесса. Здесь постепенно накапливаются качества, необходимые для возникновения драмы в узком значении термина. Это прежде всего — личностное сознание. Пока герой не чувствует себя духовно противостоящим среде и вообще себя от нее не отделяет, он, даже вызывая полное сочувствие, еще не может стать героем драмы. В «Шутниках» старый стряпчий Оброшенов горячо защищает свое право быть «шутком», раз это дает ему возможность кормить семью. «Сильный драматизм» его монолога возникает как результат духовной работы зрителя, но остается вне сферы сознания самого героя. С точки зрения становления жанра драмы очень важна «Пучина».

Становление личного нравственного достоинства бедных труженников, городской массы, осознание в этой среде внесословной ценности индивидуального человека привлекает пристальный интерес Островского. Вызванный реформой подъем чувства личности, захвативший достаточно широкие слои российского населения, дает материал для создания драмы. В художественном мире Островского этот драматический по характеру конфликт нередок, однако, продолжает воплощаться в комедийной структуре. Один из наиболее выразительных примеров борьбы собственно драматического и комедийного — «Правда хорошо, а счастье лучше» (1876).

Становление драмы было связано с поисками героя, который, во-первых, был способен вступить в драматическую борьбу и, во-вторых, вызвать сочувствие зрителя, имея достойную цель. Интерес такой драмы должен быть сосредоточен на самом действии, на перипетиях этой борьбы. В условиях русской пореформенной действительности Островский, однако, не находил героя, который мог бы одновременно и оказывать человеку дела, способным вступить в серьезную жизненную борьбу, и вызвать сочувствие зрителей своими моральными качествами. Все герои в драмах Островского — либо черствые преуспевающие дельцы, пошлые, циничные прожигатели жизни, либо прекраснородные идеалисты, бессилые которых перед «деловым человеком» предопределено. Они не могли стать центром драматического действия — им становится женщина, что объясняется самим ее положением в современном Островскому обществе.

Драма Островского — семейно-бытовая. Строй современной жизни, ее социальное лицо он умеет показать, оставаясь в этих сюжетных рамках, поскольку его как

художника интересует преломление всех проблем современности в нравственной сфере. Выдвижение в центр женщины естественно переносит акцент с действия в собственном смысле на чувства персонажей, что создает условия для развития именно психологической драмы. Самой совершенной из них по праву считается «Бесприданница» (1879).

В этой пьесе нет абсолютного противостояния героини и среды: в отличие от героини «Грозы», Лариса лишена цельности. Стихийное стремление к нравственной чистоте, правдивость — все, что идет от ее богато одаренной природы, высоко поднимает героиню над окружающими. Но сама житейская драма Ларисы — результат того, что буржуазные представления о жизни имеют над ней власть. Ведь и Паратова полюбила не безотчетно, а, по ее собственным словам, потому, что «Сергей Сергеевич это... идеал мужчины». Между тем мотив торговли, ходящий через всю пьесу и концентрирующийся в главном сюжетном действии — торге из-за Ларисы, — охватывает всех героев-мужчин, среди которых Лариса должна сделать свой жизненный выбор. И Паратов здесь не только не исключение, но, как выясняется, самый жестокий и бесчестный участник торга. Сложность характеров (противоречивость их внутреннего мира, как у Ларисы; несоответствие внутренней сущности и внешнего рисунка поведения героя, как у Паратова) требует избранного Островским жанрового решения — формы психологической драмы. Репутация Паратова — большой барин, широкая натура, бесшабашный храбрец. И все эти краски и жесты Островский ему оставляет. Но, с др. стороны, он тонко и как бы между прочим накапливает штрихи и реплики, открывающие его истинное лицо. В первой же сцене появления Паратова зритель слышит его признание: «Что такое “жалость”, этого я не знаю. У меня, Мокий Пармений, — ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно». И непосредственно вслед за этим выясняется, что продает Паратов не только «Ласточку» Вожеватову, но и себя невесте с золотыми приисками. В конечном итоге компрометирует Паратова и сцена в доме Карандышева, потому что отделка квартиры злополучного жениха Ларисы и попытка устроить роскошный обед — карикатура на стиль, образ жизни Паратова. И вся разница измеряется в суммах, которые каждый из героев может на это истратить.

Стремлением психологических характеристик у Островского являются не самопризнания героев, не рассуждения о чувствах и свойствах их, но преимущественно их действия и бытовая, а не аналитический диалог. Как это типично для классической драмы, характеры не изменяются в процессе драматического действия, а лишь постепенно раскрываются перед зрителями. Даже о Ларисе можно сказать то же: она прозревает, узнает правду об окружающих ее людях, принимает страшное решение стать «очень дорогой вещью». И только смерть освобождает ее от всего, чем наделил житейский опыт. В этот момент она как бы возвращается к естественной красоте своей природы. Мощный финал драмы — смерть героини среди праздничного шума, под пение цыган — поражает своей художественной дерзостью. Душевное состояние Ларисы показано Островским в характерном для его театра стиле «сильного драматизма» и при этом с безупречной психологической точностью. Она смягчена и успокоена, всех прощает, потому что счастлива тем, что наконец-то вызвала вспышку человеческого чувства — безрассудный, самоубийственный поступок Карандыше-

ва, освободивший ее от страшной жизни содержанки. Редкий художественный эффект этой сцены Островский строит на остром столкновении разнонаправленных эмоций: чем более мягкости и всепрощения у героини, тем строже суд зрителя.

В творчестве Островского психологическая драма была жанром становящимся, поэтому наряду с такими значительными пьесами, как «Последняя жертва» (1878), «Таланты и поклонники» (1882), «Без вины виноватые» (1884), таким шедевром, как «Бесприданница», в этом жанре писатель знал и относительные неудачи. Однако лучшие работы Островского заложили основы для дальнейшего развития психологической драмы. Создал целый репертуар для русского театра (ок. 50 оригинальных пьес), Островский стремился и к тому, чтобы пополнять его как мировой классикой, так и пьесами современных русских и европейских драматургов. Он перевел 22 пьесы, среди них «Укрощение строптивой» Шекспира, «Кофейная» Гольдони, интермедии Сервантеса и мн. др. Островский читал множество рукописей начинающих драматургов, помогал им советами, а в 70-е и 80-е написал несколько пьес в соавторстве с Н. Я. Соловьевым («Счастливые дни», 1877; «Женитьба Белугина», 1878; «Дикарка», 1880; «Светит, да не греет», 1881) и П. М. Невежинским («Блажь», 1881; «Старое по-новому», 1882).

Соч.: Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973—80; О театре. Записки, речи, письма. Л.; М., 1947; О литературе и театре / Сост., вступ. ст. и коммент. М. П. Лобанова.

А. Журавлева

ОСТРОЖСКИЙ КЛИРИК (? — ?), нераскрытый псевдоним малороссийского писателя-полемиста к. XVI в., автора трактата-памфлета «Исторія о листрикійском, то есть о разбойническом, ферарском або флоренском синоде» (1598) и двух открытых писем-«отписов» (1598, 1599) Ипатию Потю, в которых он обличал притязания римских пап, клеймил организаторов Брестской унии 1596, приведшей к религиозно-идеологическим притеснениям малороссов и белорусов. Для Острожского клирика характерна ораторская риторика, обилие библеизмов, сложные метафоры, обличительный пафос.

Соч.: Памятники полемической литературы. Т. 3. СПб., 1903; Памятники полемичного письменства кінца XVI і поч. XVII в. Видав др. Кирило Студинський. Т. I. Львів, 1906.

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ, древнейший датированный памятник старославянской письменности русской редакции. Оно было переписано в 1056—57 в большей части с болгарского оригинала дьяконом Григорием для Новгородского посадника Остромира, откуда и получило свое название. Текст Остромирова Евангелия богато и искусно орнаментирован большими разрисованными буквами, художественными заставками — рамами. Миниатюры по технике выполнения представляют мастерское подражание т. н. инкрустированной эмали. Остромирово Евангелие находилось в Воскресенской Кремлевской церкви в Москве, в 1720 перевезено в Петербург.

В 1805 обнаружено Я. А. Дружининым в гардеробе *Екатерины II* и передано в Петербургскую публичную библиотеку (ныне Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в С.-Петербурге). Остромирово Евангелие — важный источник для изучения не только старославянского, но и древнерусского языка, элементы которого отразились в памятнике.

Лит.: Остромирово Евангелие 1056—57 г. / Изд. А. Востоков. СПб., 1843; Остромирово Евангелие 1056—57 г. СПб., 1883; 2-е изд. СПб., 1889.

ОФРОСИМОВ Михаил Александрович (6[17].08.1797—13[25].02.1868), поэт, переводчик-драматург. Из древнего рода тульских дворян. Воспитанник Московского университетского благородного пансиона. С 1814 на военной службе. В 1833 произведен в генерал-майоры и назначен командиром Финляндского полка. Находясь в этой должности, Офросимов «снискал общую любовь всех своих подчиненных» и «привел полк в образцовый порядок», за что был отмечен государем. С 1865 член Государственного совета.

Увлечение Офросимова сочинительством относится к молодым годам его жизни. В основном он был известен как автор текстов для романсов своего приятеля Н. А. Титова (сослуживца по лейб-гвардии Измайловскому полку), талантливого композитора, которого А. С. Даргомыжский и М. Н. Глинка называли «дедушкой русского романса». Титову принадлежит музыка пяти из шести романсов на слова Офросимова «Уединенная сосна» (или «Сосна») (СПб., 1820; перепечатана в альманахе «Памятник отечественной музыки», СПб., 1828, там же опубликовано и стихотворение «К ней» и др.) — первый печатный дебют и композитора, и поэта («Сосну» можно считать началом распространения в русском обществе в 1820-х русского романса, пришедшего на смену модному французскому); «Коварный друг, но сердцу милый...» (СПб., б. г.); до 1830 — на эти слова также написал романс А. А. Алябьев (М., 1860); «Меня забудь» («Прости, я еду в дальний путь...»), «Признание» («Скажи мне, отчего с тех пор...») (оба — «Муз. альбом Н. Титова», СПб., 1831); «Мечта» («Тебя узрел в душе моей...»; СПб., б. г.); «Не хочешь ты меня понять...» (СПб., 1829; муз. Н. С. Титова, двоюродного брата Н. А. Титова). Романсы, наполненные общепозитивскими мотивами (одиночества,

отвергнутого чувства, обманутых надежд, верности, любви, воспоминаний о прошлом), использующие типичные формулы любовной элегии, приобрели широкую популярность у публики — во многом благодаря безыскусной искренности и теплоте тона. Наибольшим успехом пользовался романс «Коварный друг...».

«ОЧЕРКИ РОССИИ», литературно-публицистическое периодическое издание, выходившее в Москве в 1838—42. Вышло пять выпусков (томов). В издании печатались статьи, материалы, исторические документы и очерки исторического, географического, этнографического характера. Издание сыграло большую роль в развитии русского национального самосознания и стало одной из фактических основ нарождающейся славянофильской идеологии. Среди сотрудников издания следует отметить *А. Ф. Вельмана*, *О. С. Евецкого*, *В. В. Пассека*, *А. П. Рославского-Петровского*, *И. И. Срезневского*. В «Очерках России» проводилась мысль о решающей значимости национальных обычаев: «Обычай народа в обширном смысле есть

сокровищница его прошедшего, его знаний, философии, медицины, всей его жизни, его особенности и самобытности. Без этой особенности народ был бы бесхарактерен, несчастен, ничтожен. Доколе жив и силен народ, до того времени живы и сильны его обычаи. Они могут выдержать вековую борьбу с противодействием людей, даже природы, и гибель их, без замены другими чисто народными обычаями, служит предвестником гибели народной... Напрасно думают иные писатели уничтожить обычаи — как предрассудки и заблуждения народа. В народе есть высокая философия, которой он учится, правда, не в школах, есть бессознательные знания, которые часто идут впереди науки, как знания магнетизма, предания о переворотах земли и др. ...Худо человеку без собственного характера, горе народу без национальности. Эта национальность, более всего выражаемая и хранимая обычаями, составляет часть жизни целого человечества: каждый народ в этом отношении дополняет один другого, и доколе существует, составляет необходимое звено в неразгаданной цепи человечества».

П

ПАВЛОВ Алексей Андреевич (псевд. **Алек. Москвичин**) (1[13].02.1815 — не ранее 1849), писатель. Родился в Москве. Отец — из семьи священника, выпускник Московского университета, надзиратель в Московском воспитательном доме. Обучался Павлов в классах воспитательного дома.

В н. 1833 выпустил небольшой сборник батальной поэзии «Стихотворения на Новый 1833 г.» (М.), где заявлял: «Петь славу, почести России — / Родной, любезной стороны, / Как гордые ее сыны / Хранят законы им святые, / Свершая дивные дела, — / Вот Муза мне за что мила!»

В 1833 поступил на словесное отделение Московского университета, в 1834 перешел на нравственно-политическое, которое, по-видимому, не окончил. В годы учебы выпустил под псевд. Алек. Москвичин исторический роман «Япанча. Татарский наездник, или Завоевание Казани царем Иоанном Грозным» (ч. 1—3. М., 1834) и сборник «Сцены современной жизни» (ч. 1—3, М., 1835; 2-е изд. М., 1865).

Главные доводы для атрибуции книг Павлова: все рукописи поданы в цензуру как сочинения А. Москвичина, а получил их обратно Павлов; книги Москвичина и почти все книги Павлова печатались в одной и той же типографии; в «Япанче...» и в книге Павлова «Повести из событий русской старины» помещена одна и та же вставная стихотворная сказка про Сивку-Бурку; «оба» писали исторические романы на татарском материале.

Роман о Япанче имел большой успех у читателей. В нем повествовалось о судьбе татарского князя, полюбившего русскую девушку, признавшего после ряда злоключений правоту Православия, сменившего свою веру и даже перешедшего на службу к русскому царю. Насыщенный действием и мелодраматичный по настроению (наделенные всякими достоинствами возлюбленные неоднократно разлучаются происками злодеев вплоть до финала, где по их наветам *Грозный* предает своего любимца Япанчу позорной смерти), роман вместе с тем проникнут идейно-эмоциональной тенденцией, привлекавшей низового читателя, — сюжетный конфликт разрешают истинность Православия и возможность смены вероисповедания. Положив в основу романа любовь представителей разных народов и религий (Православия и мусульманства) и тесно увязав взаимоотношения влюбленных с интересами государственного уровня (при несомненном приоритете над частными), Павлов предвосхитил классический лубочный роман этого типа «Битва русских с кабардинцами» *Н. И. Зряхова*.

Идейный конфликт и многие сюжетные ходы, заявленные в «Япанче...», Павлов использовал в др. своих произведениях: «Брат Вячеслав, или Подземелье близ Касимова. Повесть XVI столетия» (ч. 1—3. М., 1836, подпись А. Павлов), «Рыцарь креста. Некоторые черты из достопамятного года. Ист. роман» (ч. 1—2. М., 1840, подпись А. Павлов; о 1812, среди действующих лиц — Наполеон и Александр I), «Мстительница. Касимовская повесть» (М., 1837, подпись А. А. П.).

Во 2-й пол. 30-х выпустил еще несколько сборников рассказов, повестей и очерков: «Касимовские повести и предания» (ч. 1—4. М., 1836), «Вечер у моего соседа. Рассказы приятелей» (М., 1836), а также исторические повести «Елена Волхова» (ч. 1—2. М., 1836), «Повести из событий русской старины» (ч. 1—4. М., 1839) и исторические романы «Крамольники» (ч. 1—4. М., 1838) и «Русский богатырь» (М., 1837, подпись А. А. П.).

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М. 1999. Т. 4.

ПАВЛОВ Николай Михайлович (30.10[11.11].1835—7[20].03.1906), публицист, литературный критик, беллетрист, автор исторических трудов. Из дворян Московской губ. Окончил 4-ю Московскую гимназию (1852), юридический факультет Московского университета (1856).

Впервые выступил в журнале «Русский вестник», опубликовав 7 стихотворений (1856, т. 2, № 3).

Первая публикация в прозе — автобиографическая повесть «Годы в школе» (1859), отличавшаяся документальностью и одновременно вниманием к психологии ребенка и становлению его характера. Личный опыт, осмысленный в духе славянофильства, — в основе замысла

повести «Конец впереди» («Русский вестник». 1860. № 11—12), посвященной первым шагам молодого помещика в своем хозяйстве, постепенно приходящего к взаимопониманию с крестьянским миром. В рассказе «Ум ли это?» («Русский вестник». 1861. № 10) с романтической заостренностью противопостав-

лены характеры сохранившего верность идеалам юности «неудачника» и хищного и ловкого карьериста-«умника».

Среда, воспитание, родственные и дружеские отношения (Павлов был крестником *С. Т. Аксакова*) с первых шагов литературной деятельности определили тесную связь с кругом *славянофилов*. В письмах к *И. С. Аксакову* к. 1850-х он предлагает свою помощь и сотрудничество, в частности в газете «Парус», для которой пишет 4 статьи и повесть «Становой» (не опубликована). Павлов — один из постоянных и ближайших сотрудников Аксакова в газетах «День» (1861—65), «Москва» (1867—68), «Русь» (1880—85). Возможно, ряд статей из «Москвы», вошедших в собрание сочинений Аксакова, написан Павловым и отредактирован Аксаковым. Для областного отделения «Дня», который Аксаков стремился сделать главным в газете, был предназначен ряд статей Павлова под общей рубрикой «Каширские письма», посвященных прежде всего ходу крестьянской реформы в его уезде (одно из писем вызвало резкий отклик *Ф. М. Достоевского*, увидевшего в высказываниях автора пренебрежительное отношение к крестьянам), а также истории и археологии края. В полемике «Дня» с «Московскими ведомостями» *М. Н. Каткова* Павлов развивал основополагающие для славянофильства идеи: единство и целостность народного духа, противопоставляемые безнациональной государственности; община — в противоположность «экономической свободе»; равенство сословий, исключаящее особые привилегии дворянства.

Публицистические выступления Павлова в «Руси» посвящены гл. обр. вопросу о местном самоуправлении (и критике «казенного либерализма», уничтожившего, по его мнению, плоды реформы 1861), о возрождении земельного начала как подлинной основы русской государственности. Отвергая в целом петровские преобразования и их продукт — крепостное право («специфическое зло, исшедшее из страшной лаборатории нашего XVIII в.»), Павлов вместе с тем отмечал, что последнее providенциально сохранило общину — возможную мельчайшую единицу «общественного земского дела»; Петру же Россия обязана и появлением истинного «плода образованности» — «общественных деятелей», способных служить «общественному делу». Достоевский, который оценивал «фельетоны» Павлова наряду с передовыми *И. Аксакова* как наиболее значительное в «Руси», оспаривал последнее утверждение.

Критические и публицистические статьи Павлова 60—80-х, собранные из различных изданий (в т. ч. из «Московских ведомостей», где в 1873—74 Павлов печатал «Письма к публике» — серию статей с критикой земельной реформы), составили книгу «Наше переходное время» (М., 1888), вышедшую в качестве приложения к «*Русскому архиву*», издатели которого отмечали близость позиции автора к своей собственной. Неизменность основных положений и оценок в статьях разного времени придала книге единство. В ее названии отразилась изблюбленная мысль Павлова-публициста, усматривающего в современной ему России первые признаки преодоления отрицательных сторон петровского периода как имперского и возвращения к национальной и государственной самобытности.

В литературно-критических статьях Павлов наиболее развернуто изложил свой взгляд на русскую историю и культуру нового времени: в результате реформ Петра I русская литература, как и культура вообще («плод мнимого просвещения», «полурусского, оторванного от почвы образования»), несет в себе начало трагического разлада, ущербности и не способна к целостному взгляду на действительность и воплощению положительного идеала. Преобладающий дух времени противодействует появлению

глубоких, всеобъемлющих по мысли произведений и вызывает к жизни публицистические однодневки. Так Павлов оценивал романы *В. П. Ключникова*, *А. Ф. Писемского*, «Отцы и дети» *И. С. Тургенева* (делая исключение для фигуры Базарова), отмечал отрицательное влияние «ложного пафоса протеста» на сильный поэтический талант *Н. А. Некрасова*. Современный художник, по мысли Павлова, был обречен на неудачу вследствие «эфемерности современного типа, отсутствия каких-либо положительных сторон в наших нынешних мимолетах, наконец общей нынешней шаткости и переходчивости». Даже великие художники *Пушкин* и *Гоголь* остаются, по его мнению, на рубеже «отрицательного» периода русской литературы, бессильные воплотить тот искомый идеал («русский мир и быт как положительное в Божьем мире явление»), который Павлов ставит в основание оценки явлений литературы и который, в его понимании, имманентен живой действительности. «Семейной хронике» *С. Аксакова* Павлов отводил особое место, считая ее началом нового периода русской литературы. Как и многие славянофилы, Павлов высоко оценивал творчество *Н. С. Кохановской*, проникновенно писавшей о крестьянском мире; отмечал близость ее стиля к «безличному эпическому творчеству нашей былины или сказания».

История, понимаемая как область идеального бытия народа, была для Павлова (любившего слова *К. С. Аксакова* — «история русского народа есть его житие») предметом вдохновения и занятий на протяжении всей жизни: «От горькой действительности, от нашей отвратительной современности ухожу в глубь веков, хоронюсь в летописи» («Из переписки *И. С. Аксакова* с Павловым о древней русской истории». «Русский архив». 1887. № 8). Статья «Правда о Лжедмитрии» («День». 1864. № 51, 52) вызвала бурный обмен мнениями с *Н. И. Костомаровым*, который, высоко отзываясь об авторе («талант... так и светится от первой строчки до последней»), считал произвольными некоторые его выводы. Так, по Костомарову, Борис Годунов — хитрый, беспринципный властолюбец, а у Павлова он — «умный, блестящий деятель», охранитель московского престола, жертва «грубого невежества века», невиновный в смерти царевича.

Почерк ученого ощущим в литературных произведениях на исторические темы, где им предпринят поиск новых форм изображения. Сюжет драмы «Смута» (М., 1867), посвященной событиям н. XVII в., соответствовал его намерению создать «дагеротипный снимок» с действительности, не допуская художественного вымысла. Попытка нарисовать гармоничную картину быта и характеров допетровской Руси предпринята в повести «Царский сокольник» (М., 1870, 1904), написанной как возражение на рассказ Костомарова «Сын», в котором Павлов видел лишь смакование мрачных сторон русской истории. По словам *Бартенева*, «Царский сокольник» заполнил пропасть между имперским периодом русской жизни и допетровской Русью.

В своих фундаментальных сочинениях «Русская история от древнейших времен. Первые пять веков родной старины (862—1362)» (т. 1—3. М., 1896—1900), «Русская история до новейших времен. Вторые пять веков первого тысячелетия (1362—1862)» (т. 1—2. М., 1902—04; доведено до 1-й пол. XV в.) Павлов, по его словам, был не «исследователем» — научная истина всегда относительна, а «историком», чья задача — «услышать те самые запросы народной совести», которые и поныне волнуют русских людей. Уже первый том был оценен как «наиболее удачный опыт создания популярной русской истории» (*К. Н. Бестужев-Рюмин*), отмечалось живое, образное изложение. По повелению Николая II Павлову было

назначено ежегодное пособие от Министерства финансов на продолжение издания.

В 1905 Павлов, представляя вместе с В. О. Ключевским историческую науку, участвует в совещаниях по проекту созыва Государственной думы, отстаивая строго монархические позиции.

В «Русском архиве» Павлов опубликовал ряд воспоминаний и принадлежащих ему материалов по истории славянофильства («золотого периода в истории русского общества»), в первую очередь о семье Аксаковых: «Воспоминания о К. С. Аксакове» (1885, № 3) — живые и яркие, блестящие по форме (высоко оценены С. А. Венгеровым как «наиболее цельное собрание отдельных сведений» о «характере и нравственной личности» Аксакова); «Из семейной переписки стариков Аксаковых. Письма Т. С. и М. Н. Аксаковых (1818—1835)» (1894, № 9); «Из переписки С. Т. Аксакова с П. А. Плетневым», «Застольное слово К. С. Аксакова на обеде, данном в Москве гр. Д. Е. [Остен]-Сакену» (1895, № 5); «Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковым» (1896, № 1); «С. Т. Аксаков как цензор» (1898, № 5); «Отзывы о славянофилах» («Русское обозрение», 1895, № 6).

В 1905 Павлов — один из инициаторов создания Союза русских людей, публикует ряд статей и брошюр («Да или нет?». Московские ведомости. 1905. 19 нояб.; «По поводу воззвания Союза 17 октября» // Там же, 22 дек.; «Правда о современной неправде» // Там же, 28 окт., 29 окт.; отд. изд. М., 1905; «Ломка крестьянского быта», Харьков, 1905; «В начале XX в.», М., 1905; «О нашем современном положении», М., 1906), в которых своеобразный утопизм сочетается со злободневной остротой: революция — закономерное следствие имперского периода русской истории; идеал национально-государственного бытия возможен лишь как союз неограниченного самодержавия и подлинно самоуправляющегося земства; «заговор» петербургской бюрократии и «космополитической интеллигенции» враждебен интересам народа; необходимо сохранение традиционных поземельных отношений, в первую очередь общины как средства против пролетаризации общества.

Соч.: Правда о Лжедмитрии. М., 1886; Наше переходное время. М., 1888; Русская история от древнейших времен. 862—1362. Т. 1—3. СПб., 1896—1900; Слово о полку Игореве. М., 1902; Русская история до новейших времен. 1362—1862. Т. 1—2. СПб., 1902—04; В начале XX в. М., 1905; Ломка крестьянского быта. Харьков, 1905; О значении «выборных» по русскому народному воззрению. Харьков, 1905; Правда о современной неправде. М., 1905; Ученый труд проф. Грушевского «Очерк истории украинского народа». (Рецензия). Харьков, 1905; О нашем современном положении. М., 1906.

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4.

*М. В. Подмарькова,
при участии С. М. Александрова*

ПАВЛОВА Каролина Карловна (10[22].07.1807—2[14].12.1893), поэтесса. Родилась в Ярославле. Дочь обрусевшего немца, профессора Московского университета К. Яниша. Получила блестящее образование. В московских литературных салонах встречалась во 2-й пол. 20-х с *Е. А. Баратынским*, *Д. В. Веневитиновым*, *А. С. Пушкиным*, А. Мицкевичем, увлечение которым отразилось в лирике Павловой. Мицкевич также посвящал Павловой стихи. В 1933 вышел сборник переводных и оригинальных произведений Павловой на немецком языке — «Das Nordlicht. Proben der neuen russischen Literatur», в сб. вошли переводы на немецкий язык стихотворений А. С. Пушкина «Пророк», «Я помню чудное мгновенье». В 1837 Павлова вышла замуж за писателя Н. Ф. Павлова. Друзьями

Павловой в 30—40-е становятся *К. С. Аксаков*, *И. В. Киреевский*, *А. С. Хомяков*, *С. П. Шевырев*, *Н. М. Языков*, *П. А. Вяземский*. Стихотворения Павловой печатались в «*Москвитянике*», «Отечественных записках», «Современнике», «*Русском вестнике*». Лирический герой Павловой — человек, нравственно возмущающийся над обществом, находящийся в конфликте с ним. В 1839 в Париже вышел сборник Павловой на французском языке «*Les preludes par m-me Caroline Pavlof nee Jaenisch*»; в 1848 опубликован роман в стихах и прозе «Двойная жизнь» — о безнравственности воспитания в светском обществе. Поэма «Разговор в Трианоне», написанная под впечатлением событий французской революции 1848, не была разрешена цензурой и распространялась в рукописях. Революция не вызывает у Павловой сочувствия. Народ, по ее представлению, «иль лютый тигр, иль смиренный вол». В 1853, после разрыва с мужем, Павлова уехала за границу, откуда ненадолго возвращалась в Петербург, в 1856 покинула Россию навсегда. В 1854 опубликовала «Разговор в Кремле» — патриотическую поэму в славянофильском духе. Поэзия Павловой достигла нового расцвета в 60-е. В ней преобладает любовная лирика, усиливается тема

поэта, непонятого обществом. Она по-прежнему демонстративно избегает участия в каких-либо поэтических лагерях. В 1863 опубликовала сборник «Стихотворения». Павлова много переводила на немецкий язык — трагедии *А. К. Толстого* «Смерть Иоанна Грозного» (пост. 1868), «Царь Федор Иоаннович» (1869), на русский язык — трагедию Ф. Шиллера «Смерть Валленштейна» (1868).

Поэтический язык Павловой — сжатый, энергичный, с нетрадиционной рифмой. Ее творчество, восторженно встреченное вначале, впоследствии было предметом полемики между *славянофилами* и западниками.

Соч.: Собр. соч. / Ред. и вступ. ст. В. Брюсова. Т. 1—2. М., 1915; Полн. собр. стихотворений. Л., 1939; Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964.

Н. С.

ПАВЛОВИЧ Александр Иванович (19.09.1819—25.12.1900), поэт. Родился в с. Чарне в Закарпатье, ныне Бардиевский округ Восточной Словакии, в семье священника. Получил богословское образование; был священником. Сотрудничал в закарпатской и галицийской «москвофильской» периодической печати. Писал на западно-закарпатском диалекте, частично на польском и словацком языках. В поэтических произведениях Павлович реалистически изображал бедственное положение крестьянства Закарпатья под гнетом австро-венгерских оккупантов (поэмы «Став бідного селянина», «Бедство Маковицы»), часто обращался к патриотическим темам дружбы и единения славянских народов, разрабатывал исторические сюжеты («Дума об атамане Подкове»), затрагивал морально-этические проблемы жизни крестьянства. Писал стихи для детей.

Соч.: Венец стихотворений А. И. Павловича. Ужгород, 1920; Избр. произведения. Пряшев, 1955.

ПАВЛОВИЧ Надежда Александровна (17[29].09.1895—3.03.1980), поэтесса. Училась на Высших женских курсах в Москве. Печатается с 1912. В сборниках «Берег» (1922), «Золотые ворота» (1923), «Думы и воспоминания» (1962) Павлович выступила как лирик, близкий блоковской традиции. В 1925—32 опубликовала серию книг для детей: «Капризник Тики» (1925), «Паровоз-гуляка» (1925), «Веселая пчелка» (1930), «Коза в огороде» (1930) и др. В годы Великой Отечественной войны выпустила 2 сборника патриотических стихов. Автор интересных «Воспоминаний об Александре Блоке» («Блоковский сборник», Тарту, 1964).

Все последние годы она писала религиозно-духовные стихи. Некоторые из них опубликованы после ее смерти. В этих стихотворениях развиваются мотивы покаяния, очищения, мотивы бессонной совести; но основное содержание их — умудренность, ясность и покой просветленной души, нашедшей наконец смысл жизни: «И золотая Кулина / В пустыне зацвела, / И входит в сердце тишина, / Прозрачна и светла» (стихотворение «Причащение»).

Соч.: Грибы. М., 1930; Манюшкина кружка. М., 1930; Барabanчик совхоза. 2-е изд. М., 1932; Шелка победы. Душанбе, 1943; Бранные кони. Душанбе, 1944; Сквозь долгие года // Озеров Л. Книга — судьба. М., 1977; На пороге. М., 1981; Оптина: Поэма // Москва. 1991. № 7; Оптинский старец отец Нектарий. Стих. творчество Н. Павлович // Журнал Моск. Патриархии. 1994. № 6; Невод памяти / Публ. Т. Н. Бедняковой // Человек. 1996. № 4, 6; 1997. № 1—5; 1998. № 1.

ПАВСКИЙ Герасим Петрович (3.03.1787—7.04.1863), филолог, гебраист и русист. Академик (с 1858). Окончил в 1814 Петербургскую духовную академию, имел сан протоиерея. Был профессором кафедры древнееврейского языка этой академии (1814—35), профессором богословия Петербургского университета. Павский — автор грамматики и словаря древнееврейского языка. В новаторском исследовании «Филологические наблюдения над составом русского языка» (т. 1—3, 1841—42) Павский впервые в истории науки и русского языка на громадном фактическом материале выделил словообразовательные элементы имени и глагола, разработал оригинальную теорию глагольного вида, показал внутренние связи лексики и грамматики. Этот труд Павского оказал воздействие на развитие лингвистической мысли в России XIX в.

Соч.: Филологические наблюдения. 2-е изд. Т. 1—4. СПб., 1850.

ПАЗУХИН Алексей Михайлович (11[23].02.1851—27.03.1919), драматург, писатель. Родился в Ярославле. Отец — из старинного дворянского рода, мать — из купеческой семьи. Начальное образование получил дома, в 1861 поступил в Ярославскую гимназию. 8 лет работал учителем.

В 1881 переехал в Москву; стал постоянным сотрудником газеты «Московский листок», где вплоть до 1917 из номера в номер появлялись его рассказы, сценки, повести и романы.

Романы Пазухина (более 50), печатавшиеся в «Московском листке» и выходившие впоследствии отдельными изда-

ниями, посвящены в основном купечеству («После грозы», М., 1898; «Драма на Волге», М., 1898; «Вторая весна», М., 1900; «Тайна Воробьевых гор», М., 1903; «Лунные ночи», М., 1906; «Заря новой жизни», М., 1911; «Ордынская красавица», СПб., 1913; и др.). Досконально зная купеческий быт, Пазухин, однако, не выступает в роли бытописателя; развитие действия в его романах, имеющих жесткую (как правило, мелодраматическую) сюжетную конструкцию, определяется любовной страстью или жадной обогащения. В качестве высшей ценности утверждается счастливая семейная жизнь, а погоня за деньгами и чувственными удовольствиями порицается. Носителями соблазнов выступают обычно аристократы; резко негативное отношение к светской жизни выражено в романах «Московские коршуны» (М., 1896), «Дисконтер» (М., 1899), «Княгиня Бутырская» (М., 1903), «В вихре жизни» (М., 1912). Порой он обращался к изображению помещичьего («В тени тополей», М., б. г.; «Грядущая сила», М., 1915) или театрального («На сцене жизни», М., 1904) быта; писал также уголовные романы («На обрывах Поволжья», М., 1896). Однако первенствует в его романах любовная интрига, даже в произведениях на политические («На баррикаде», М., 1906; «Военная гроза», М., 1915; «Вокруг трона», М., 1917) и исторические («Ополченная Россия», М., 1891; «Купленная невеста», М., 1895) темы.

В Введенском народном доме и театре сада «Аквариум» (Москва), а также на провинциальных сценах шли пьесы Пазухина «Московская бывальщина» (М., 1885), «Два пути» (М., 1887), «Безбрачные» (М., 1903) и др. Ценный источник сведений о различных сторонах быта московского купечества, мелкого чиновничества, городских низов — очерки, сценки и рассказы Пазухина, объединенные в сборники «Злоба дня» (М., 1883), «Ландыши» (М., 1883), «Чудаки нашего века» (М., 1894), «На рубеже века» (М., 1900), «Матушка Русь» (М., 1901), «Шутки пера» (М., 1904).

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4.

ПАЗУХИН Николай Михайлович (7[19].10.1857—26.05[7.06].1898), любочный писатель. Брат А. М. Пазухина. По свидетельству И. Д. Сытина, «был за какие-то провинности исключен из гимназии». Наиболее ранняя выявленная публикация — рассказ «Страшная ночь» («Радуга». 1883. № 24). Уже здесь проявились черты, характерные для ряда последующих произведений Пазухина (тяга к авантюристике и изображению бурных страстей, ужасов, убийств, экзотики и т. д.): повести «Убийство миллионера разбойником Чуркиным» (М., 1884), «Заживо погребенный» (М., 1892), «Тайна разрытой могилы», «Черный череп, или Таинственное преступление» (обе — М., 1894), изданные московскими любочными издателями Е. А. Губановым, О. В. Лузиной, П. Н. Шарповым и др.

Писал также исторические романы («Ермак — покоритель Сибири», М., 1885; 3-е изд. М., 1897; «Любовь и война, или Грудью за Родину». М., 1886; «Князь Скопин Шуйский», «Страшная месть», оба — М., 1887; «Атаман Кирша». М., 1888), причем нередко перерабатывал известные литературные произведения: А. К. Толстого — «Князь Серебряный, или Радостный гость» (М., 1885; 3-е изд. М., 1896), М. Ю. Лермонтова — «Боярин Орша, или Страшная месть отца» (М., 1887; 4-е изд., М., 1899), Н. А. Полевого — «Купец Иголкин и его подвиг» (М., 1888).

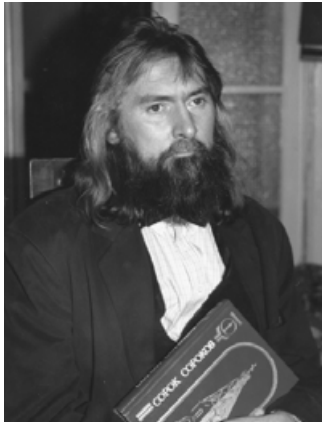
Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999.

ПАКАТСКИЙ (ПАКАЦКИЙ) Гавриил Авраамович (1756—1830, по др. сведениям — 1840), стихотворец, переводчик. Окончил Новгородскую духовную семинарию; с 1782 жил в Петербурге; в 1783 рукоположен в священники. Обладал слабым зрением.

В н. 1810-х начал перелагать стихами духовные произведения. Переложения из книг Ветхого и Нового Заветов (глав Исхода, Второзакония, Первой книги Царств, Книг пророков, Евангелия от Луки) вошли в «Священную поэму, состоящую из девяти песен, воспетых устами Богодуховенных человеков...» (СПб., 1814); поэме предпослана *ода*, посвященная Александру I по случаю победы над Наполеоном, и предисловие «К читателям». Тогда же вышла «Поэма. Плач Иеремии...» (переложение книги архим. Анастасия, изданной в 1797) с посвящением губернатору и главнокомандующему Москвы *Ф. В. Ростопчину*; поэмы созвучны по главным мотивам и настроению: трагедия разрушения и доверие к высшему Промыслу.

За книгу «Псалтирь в стихах...» (ч. 1—2, СПб., 1818; ряд парафраз Пакатского вошел в составленный из лучших работ сборник «Стихотворное переложение псалмов пророка и царя Давида», СПб., 1869, 1874) Пакатский удостоился от Российской академии денежного вознаграждения (мотивировка: «предпринял великий труд переложить всю Псалтирь стихами. Он совершил сие дело с... немалым достоинством»). Вторично получил академическую награду за пересказ в стихах «Великого канона» византийского церковного поэта Андрея Критского («Благочестивое говеющих занятие...», СПб., 1829). «Канон Критского так хорошо переложено, что едва ли может быть лучшее переложение» (митр. *Филарет*). В таком же жанре Пакатский воплотил и неканоническую библейскую «Книгу премудрости Иисуса, сына Сирахова» (СПб., 1825).

ПАЛАМАРЧУК Петр Георгиевич (20.12.1955—14.02.1998), писатель. Родился в Москве в семье военного моряка; дед по отцу — малороссийский литератор, писавший под псевд. М. Чечель; дед по матери — маршал П. Кошевой. Окончив в 1978 Институт международных отношений, Паламарчук 11 лет

работал в Институте государства и права Академии наук. Защитил канд. диссертацию об исторических правах России на Арктику, выпустил монографию «Ядерный экспорт: международно-правовое регулирование» (1988). С 1990 по 1994 — зав. исторической редакцией издательства московских писателей «Столица». С 1955 — ведущий рубрики «Русское зарубежье» журнала «Родина».

Долгое время Паламарчук был вынужден печататься под различными псевдонимами в эмигрантских изданиях «Вечер», «Континент», «Посев», «Русское Возрождение», «Русская мысль». За рубежом вышли книги Паламарчука «Ключ к Гоголю» (Лондон, 1985) и 4-томник «Сорок сороков. Иллюстрированная история всех московских церквей» (Париж, 1988—90). В это время на родине Паламарчук мог заниматься лишь публикаторской деятельностью: он выпустил в 1984 «Избранную прозу» *Г. Р. Державина*, в 1987 — «Избранную прозу» *К. Н. Батюшкова*, в 1985 стал составителем

сборника «Гоголь: история и современность». Паламарчук является также автором критико-биографического и в известной мере художественного исследования «Александр Солженицын: Путеводитель», опубликованного впервые в альманахе «Кубань» (1989. № 2—5).

Первая публикация Паламарчука в России — повесть «Един Державин» («Литературная учеба». 1982. № 4), в которой, широко используя архаический язык XVIII в., автор размышляет о тайнах жизни и смерти, опираясь на творчество поэта. Эта повесть, выйдя отдельным изданием в 1986, была удостоена всесоюзной премии за лучшую первую книгу молодого писателя. К жанру «современных сказаний» относятся также книги «Два московских сказания» и «Чисто поле» (обе — 1987), где отечественная история выступает равноправным действующим лицом наряду с современностью. Новым витком в развитии этого жанра являются романы «Ивановская горка» (1989), «Козацкие могилы» (1990) и «Векопись» (1992), в которых предпринята попытка историософского осмысления прошлого и настоящего трех составных частей Руси — Великой (Россия), Малой (Украина) и Белой (Беларусь).

Паламарчук принадлежит к тому писательскому поколению, которое заявило о себе после периода «застоя» (70—80-е) в общественно-политической жизни страны. Для него свойственно осмысление современных событий в контексте не 70-летней, а 1000-летней истории страны. Паламарчук написал своеобразное продолжение древних хроник — «Новый московский летописец» («Вече». 1989—90. № 36—38). Свою задачу Паламарчук видит в том, чтобы, как он заявил на VII съезде писателей России в 1990, художественно отобразить необычайный поворот между 1960 и 1988: между обещаниями Н. С. Хрущева показать по телевизору «последнего русского попа» и «в основном построить коммунизм» и начавшимся в к. 80-х всеобщим сокрушением идеи коммунизма, сопровождавшимся впервые открытым всенародным празднованием Тысячелетия русского Православия.

Образ подвижника XX в. архиеп. Иоанна (Максимовича) — в центре романа «Нет. Да» (1995). Герой повествования, наш современный лейтенант Рикс открывает для себя драматическую историю Белого движения и русской эмиграции 20-х.

Соч.: Ключ к Гоголю. Лондон, 1985 (под псевд. В. Д. Носов); Един Державин. М., 1986; Два московских сказания. М., 1987; Чисто поле. М., 1987; Ивановская горка. М., 1989; Козацкие могилы. М., 1990; Сорок сороков. М., 1992—95; Александр Солженицын: Путеводитель. М., 1991; Москва или Третий Рим? М., 1991; Векопись. М., 1992; Хроники Смутного времени. М., 1993; Нет. Да: Роман // Москва. 1995. № 8—9.

Р. Попов

ПАЛЕИ (*греч.* «палейос» — древний) — историографические сочинения, повествующие о всемирной истории, в которых изложение собственно исторических событий сопровождается обширными толкованиями и комментариями богословского и церковно-догматического характера.

Известно несколько редакций Палей. Т. н. «Палей Толковая» излагает священную историю и историю Израиля и Иудеи до царствования Соломона с многочисленными богословскими комментариями и антииудейскими полемическими толкованиями. В ее составе рассказ о сотворении мира, включающий апокрифическое предание о противнике Бога — Сатанале и описание как реальных животных, так и фантастических существ — птицы алконоста, ехидны, феникса и т. д., рассказ о сотворении человека со сведениями об устройстве человеческого организма, история Адама и Евы, Авеля и

Каина; затем следует повествование о потопе с описанием земель и стран, доставшихся в удел каждому из сыновей Ноя. В рассказ о библейском праотце Исааке введено обширное апокрифическое сочинение «Заветы двенадцати патриархов». После пересказа библейских книг Иисуса Навина, Судей и Руфь излагается история царствования Саула, Давида и Соломона. В Палее библейское повествование о сотворении мира и истории человеческого рода является материалом для богословских рассуждений: раскрывается символическое значение ветхозаветных событий как прообраза будущих событий новозаветных, «историческое» повествование прерывается «естественнонаучными» экскурсами. Все это превращает Палею в своеобразную энциклопедию богословских знаний и средневековых представлений об устройстве мироздания, о животном мире, о свойствах человеческого организма и т. д.

От «Палеи Толковой» отличаются т. н. «Хронографические палеи». Первая их половина (большая — в Пространной Палее и меньшая в Краткой) содержит текст, тематически сходный с текстом «Палеи Толковой», с рядом апокрифических сказаний о Ламехе, Мельхиседеке, Моисее, Соломоне и др. персонажах ветхозаветных книг. После рассказа об израильских и иудейских царях обе разновидности Палеи содержат собственно хронографический текст — сведения о римских царях, а затем римских и византийских императорах, доведенные до времени византийского имп. Романа II Лакапина (X в.).

Если «Толковая палея» существовала, по крайней мере, в н. XV в. (старший список ее 1406), а скорее всего, и много раньше, то «Хронографические палеи», вероятно, составлены в XV в., в период возросшего интереса к всемирной истории. Однако по степени распространенности в русской книжности все редакции Палеи значительно уступают «Русскому хронографу», который с н. XVI в. становится основным источником сведений о всемирной истории.

О. Творогов

ПАЛИЕВСКИЙ Петр Васильевич (р. 01.05.1932), критик, литературовед, доктор филологических наук (1992). Родился в Смоленске в семье инженера, в годы войны вместе с семьей был угнан на работы в Германию. Окончил филологический факультет МГУ (1955). Печатается с 1959. Основные области исследований: русская литература в составе мировой, теория литературы, главные достижения литературы XX в.

В теории выступил с обоснованием природы художественного образа,водящим за пределы «опозывовских» представлений о поэзии как «особо употребленном языке» («Внутренняя структура образа», «Стиль», «Художественное произведение как целое» в 3-томной «Теории литературы». ИМЛИ, 1962—68). В ходе возникшей затем полемики со структуралистами («О структурализме в литературоведении», 1963; «Мера научности», 1965) перешел к обсуждению общих принципов искусства. Для взглядов Палиевского характерно противостояние деятельности авангарда, рассматриваемого им как профанация и подмена культуры. Наиболее известна в этой связи его работа «К понятию гения» (1969).

В освещении русской классики Палиевский преимущественно останавливается на ее взаимоотношениях с вершинными явлениями иноязычных литератур. Это направление развивается им в статьях «Пушкин как человеческая задача русской литературы» (1969), «Пушкин и выбор русской литературой новой мировой дороги» (1974), «Гете и Пушкин. Русский Лесной царь» (1999), «Пушкин в движении европейского сознания» (2003), в аналогичных работах о Толстом, Чехове и др. писателях.

При рассмотрении литературного процесса Палиевский стремится соединить ценностный подход с историческим — с выходом (подъемом или спадом) литературы на определенные уровни («Движение русской литературы XIX — н. XX в.», 1988, 1998).

XX век представлен у Палиевского обзором его ведущих художественных открытий («Фантомы» — о творчестве Грэма Грина, 1968; «Открытие Уильяма Фолкнера», 1965; «Мировое значение М. Шолохова», 1974; «Маргарет Митчелл и ее книга», 1982; «В. В. Розанов», 1987; «М. А. Булгаков», 1999 и др.).

В н. 60-х Палиевский — заместитель председателя секции пропаганды Общества охраны памятников (председатель — акад. Петрянов-Соколов). Секция провела ряд мероприятий по возрождению преемственности идей русской литературы (наиболее заметна конференция «Тысячелетние корни русской культуры» в Новгороде, 1968, с участием Д. С. Лихачева, И. С. Козловского и др.), встревоживших партийное руководство и всех противников русской цивилизации. В работе секции принимали участие искусствоведы, историки, писатели — В. Г. Брюсова, В. С. Бушин, О. В. Волков, Д. А. Жуков, В. Н. Иванов, В. В. Кожин, О. Н. Михайлов, Д. М. Урнов, С. Н. Семанов и др.; ее идеи сказались на деятельности журналов «Наш современник», «Москва», альманаха «Памятники Отечества», серии «ЖЗЛ» и др. изданиях, в известной дискуссии «Классика и мы» (ЦДЛ, 1977), где Палиевский выступил основным докладчиком.

Работы Палиевского стремятся учесть мировой опыт, они переведены в Англии, Германии, Франции, Италии, Польше, Германии, США, Китае, Южной Корее, Японии и др. странах. Сравнительный подход преобладает и в лекциях Палиевского, прочитанных им в разных университетах Европы и Америки, напр. в спецкурсе 1994 «Гражданская война в литературе России и США» по гранту Фулбрайта в Центре южной культуры, Оксфорд, США.

Заместитель директора Института мировой литературы РАН (1977—95).

Соч.: Литература и теория. 3-е изд. М., 1979; Русские классики. М., 1987; Шолохов и Булгаков. 2-е изд. М., 1999.

ПАЛЬМИН Лиодор (Илиодор) Иванович (15[27].05.1841—26.10[7.11].1891), поэт и переводчик. Происходил из обедневшего рода ярославских дворян. Учился на юридическом факультете Петербургского университета, откуда был исключен за участие в студенческих волнениях 1861. Печататься начал в 1859 (переводы с французского). Сотрудничал в журналах разных направлений. Интересны его переводы из польских поэтов (А. Мицкевич, Л. Кондратович и др.). В 70—80-х Пальмин выпустил несколько сборников стихов, среди которых заметное место занимает гражданская лирика. К 80—90-м относится его дружба с А. П. Чеховым, в письмах которого немало сочувственных упоминаний о Пальмине.

Соч.: Сны наяву. Собр. стихотворений. М., 1878; Собр. стихотворений. 2-е изд. М., 1881; Собр. новых стихотворений. М., 1881; Цветы и змеи. Сатира, юмор и фантазия. СПб., 1883.

ПАМЯТЬ И ПОХВАЛА КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ, произведение древнерусской литературы (полное заглавие памятника: «Память и похвала князю русскому Володимеру, како крестися Володимер, и дети своя крести, и всю землю русскую от конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимера. Списано бысть Иаковом мнихом»).

Древнейшая редакция «Памяти и похвалы князю Владимиру» не сохранилась. Существующий текст, по мнению исследователей, представляет собой компиляцию из собственно «Памяти и похвалы князю Владимиру» и т. н. «Древнего жития Владимира» с летописными заметками. Иногда перед ним вставляется самостоятельный памятник — Похвала Ольге. Восстановить историю создания «Памяти и похвалы князю Владимиру» сложно, т. к. все списки поздние (XV—XVII вв.), а сама «Память и похвала князю Владимиру», как и «Древнее житие», по мнению ученых, относятся к XI в. Наиболее полное исследование было проведено А. А. Шахматовым.

Собственно «Память и похвала князю Владимиру» была написана *Иаковом Мнихом* самое позднее в к. XI в.

Для стиля Иакова характерны сложные синтаксические периоды, ритмическая организация текста. Он широко использует *ассонансы*, текст строится не только на созвучиях и рифмовке окончаний, но и на созвучии сходных приставок (пра-, при-, пре-, про-) и корней в словах, относящихся к разным частям речи (глагол, существительное, прилагательное, наречие). По жанру произведение Иакова — панегирик.

Часть памятника от слов «Блаженны же князь Володимерь крестися сам, и чада своя, и всю землю Рускую крести», которая иногда переписывалась отдельно, *А. И. Соболевский* предложил назвать «Древним житием». Но в первых фрагментах этой части присутствуют все характерные литературные приемы Иакова, по смыслу они тесно связаны с предыдущими, несомненно, принадлежащими Иакову. На это указывал и Шахматов в «Разысканиях», позднее он вернулся к точке зрения Соболевского. Выделение житийной части в «Памяти и похвале кн. Владимиру» в известной мере условно и опирается только на случай отдельного существования «Древнего жития». Но т. к. текст практически не отличается от того, что находится в составе «Памяти и похвалы князю Владимиру», то скорее можно говорить о выборке из «Памяти и похвалы князю Владимиру». В этой части излагаются основные события княжения Владимира, но не в правильном хронологическом порядке, а по произвольно расположенным периодам. Сначала говорится о военных походах Владимира после крещения, потом рассказывается о взятии Корсуни уже крещенным Владимиром. Далее следует подробный рассказ о смерти князя, расчет лет его жизни после крещения и краткая хронология основных событий его жизни после крещения. После этого автор возвращается к описанию событий до крещения тоже в рамках краткой хронологии. На этот раз отправными точками являются смерть отца Владимира — Святослава и единственная календарная дата — вокняжение Владимира в Киеве 11 июня 978 г.

Изд.: *Память и похвала князю Владимиру // Златоструй: Древняя Русь X—XIII веков. М., 1990.*

Н. М.

ПАНОВ Василий Алексеевич (17[29].08.1819—21.10[2.11].1849), литератор, историк-славист, издатель-редактор. Родился в с. Анастасово Курмышского у. Симбирской губ. Отец — отставной гвардии штабс-капитан. Учился на фи-

лологическом факультете Московского университета (с 1835). В Москве вошел в круг *славянофилов*: посещал салон *А. П. Елагиной*, тесно общался с ее сыновьями (в т. ч. от первого брака — *И. В.* и *П. В. Киреевскими*), подружился с *Д. А. Валуевым*, сошелся с семьей Аксаковых (состоял с нею в родстве — шурин брата *С. Т. Аксакова* и дядя *А. Н. Аксакова* по матери), с *Ю. Ф. Самариним*, *А. С. Хомяковым*, *Н. М. Языковым*, *А. Н. Поповым*, позже — с *Ф. В. Чижовым*, в 40-е бывал также в салоне *Е. А. Свербеевой* и *Д. Н. Свербеева* (двоюродного дяди); дружил с *М. Н. Катковым* и приятельствовал с *С. М. Соловьевым* (примыкавшим одно время к этому кругу).

В к. янв. — н. февр. 1840 в доме Аксаковых познакомился с *Н. В. Гоголем*, которого «вполне понимал и ценил» (Аксаков С. Т.), а 13 апр. с радостью вызвался, «пожертвовав всеми своими расчетами» (в т. ч. экзаменом на магистрату), сопроводить хворящего писателя за границу в Рим.

Пребывая в Европе после расставания с Гоголем (в 1-й пол. мая 1841) еще два года, Панов занимался историческими изысканиями в Праге. Вернувшись в Москву (летом 1843), Панов издал этнографическую брошюру «Путешествие по землям западных и южных славян. Ч. 1. Которский округ в Далмации» (М., 1844), а на вырученные деньги и пожертвования послал церковные книги и утварь славянским монастырям. Возбуждая интерес русского общества к зарубежному славянству и проблемам общеславянской солидарности на православной основе, публикует в журнале «Библиотека для воспитания» Валуева популярные исторические очерки: «Очерк Черногорской истории», «О настоящих жилищах южных и западных славян и их расселении в Европе», «История хорватов», «История Болгарского государства» (все — 1845, ч. 3, 4, 5, 6). По словам *В. И. Григоровича*, Панов вместе с Валуевым, «достойные стать у нас среди первых начинателей науки славянской» («Симбирские губернские ведомости». 1867. 24 янв.).

Приобщаясь к современному литературно-научным интересам «русской партии», Панов посещает публичные лекции *С. П. Шевырева* и пишет отзыв «Несколько слов о публичном курсе истории русской словесности проф. Шевырева». Отзыв появляется в «Московских губернских ведомостях» (приб., 1845, 13 янв.) и одновременно в журнале «*Москвитянин*» (1845, № 1; там же на курс Шевырева помещены отклики *И. Киреевского* и *М. П. Погодина*). В отзыве, подобном реферату, живо изложена историко-литературная концепция шеверевских лекций как первого систематического курса словесности с древних времен.

Узловые моменты концепции: облекшись в славянскую речь, христианство через книжность и церковную службу сильно повлияло на поэтическое сознание народа: возник жанр «*духовных стихов*»; язычество сочеталось с христианскими началами в образах русских богатырей, окружавших св. кн. Владимира; вслед за периодом «поэтического сознания» наступил период «сознания исторического», когда важную роль в становлении письменности и культуры играли монастыри; особая веха в истории древнерусского просвещения — XII в., с именами *Даниила Заточника* и *Кирилла Туровского* — «взыскателей и молитвенников» о суде правом и милостивом, чуждом всякому пристрастию.

Хомяков, ознакомившись с текстом отзыва до его выхода, побуждал Самарина: «Отыщите статью Панова... и пустите ее сколько можно в ход... Она... слабо писана, но имеет смысл и важность, особенно по вопросам современным... Впрочем, она и не без достоинств».

Дружба и сотрудничество Валуева и Панова в ряде организационно-издательских начинаний, в т. ч. в издании «Син-

бирского сборника» (М., 1844) и особенно — в подготовке своеобразного славянофильского альманаха «Московский литературный и ученый сборник», позволили *Е. И. Поповой* назвать их «обратимыми». В день захоронения «брата... по духу и сердцу» в Даниловском монастыре Панов окончил некрологическую «Биографию Д. А. Волуева» (М., 1846), где особо оценил целеустремленные труды и действия Волуева по собиранию литературно-ученых сил славянофилов.

Столь же ревностно продолжал совместно начатое журнально-издательское предприятие один Панов: неустанно побуждал авторов (а старшие славянофилы писали неспешно, явно, по словам Соловьева, предпочитая «красно говорить» в литературных салонах и гостиных). Выпущенные им с небольшим промежутком (9 с пол. мес.) 2 объемистых (580 и 935 страниц) сборника-альманаха на 1846 и на 1847 свидетельствовали, что уже сложился широкий славянофильский круг литераторов.

Правда, развернутое разъяснение или целостное выражение учения не состоялось, хотя в сборниках участвовали почти все ведущие члены кружка (кроме братьев И. и П. Киреевских) и публично огласились многие идеи «славянофильского воззрения» — преимущественно в статьях Хомякова «Мнение русских об иностранцах» (1846), «О возможности русской художественной школы» (1847), в «Трех критических статьях г-на Имрек» (К. Аксакова) (1847), в «Стихах на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину» (1846) и др. стихотворениях Языкова, в развернутой и острой рецензии Самарина (под псевд.) на «Тарантас» *В. А. Соллогуба*, в статьях и рецензиях А. Попова и Чижова; менее определено — в лирике и в своеобразном стихотворном рассказе («драматические сцены в стихах и прозе») *И. Аксакова* «Зимняя дорога» (1847). В альманахах опубликовалось также десятка полтора авторов, в разной степени близких или сочувствующих славянофилам, в т. ч. Соловьев, *И. И. Срезневский*, *М. А. Максимович* — «ученые» статьи, *К. К. Павлова*, *Ю. В. Жадовская*, *П. А. Вяземский*, *Я. П. Полонский* — стихи, *С. Аксаков* и *В. И. Даль* — проза, *Н. В. Берг* — переводы «Краледворской рукописи» *В. Ганки* (1846) и сербских народных песен (1847); *А. О. Смирнова-Россет* обещала, но не подготовила для публикации отрывки из своих воспоминаний, весьма ценных Пановым и Аксаковыми.

Сам Панов, не названный в обоих сборниках как составитель и редактор, написал во втором выпуске за подписью «редактора» два предисловия — к подборке сербских народных песен (об их истории, современном бытовании, жанровом своеобразии, их высокой оценке *Я. Гриммом* и *И. В. Гёте*) и к стихотворному отрывку из 5-й главы романа Павловой «Двойная жизнь» (с проникновением в сюжет главы и смысл романа в целом), а также оправдательное предисловие о помещении «критики» *К. Аксакова*, написанной еще для 1-го сборника (запоздала по материалу, но «всегда современна» по идеям).

«Московские сборники» не только свидетельствовали о широте и разноликости круга причастников славянофильским идеям и темам. Вышедшие почти одновременно с программными для натуральной школы изданиями — «Петербургским сборником» *Н. А. Некрасова* (январь 1846) и 1-м номером «Современника» (1 январь 1847) (ср. «Московские сборники»: май 1846 и март 1847) — они составили самую серьезную в 40-х литературно-критическую оппозицию «петербургской партии» (по слову Самарина) и ее идеологу и теоретику *В. Г. Белинскому*. Их ведущие авторы (*К. Аксаков*, *Хомяков*, *Самарин*, *Языков*) решительно развели на разные полюса Гоголя как национального гения и натуральную школу

как круг его подражателей, воспринявших тему «пошлости» у Гоголя внешне, неосознанно подменив всечеловеческое — христианское — авторское сострадание надменным социальным обличением. Обсуждение проблемы «Гоголь и натуральная школа», как и защита первенства в творчестве русского писателя (критика) традиционно национальных и духовно-православных устремлений в сравнении с «социальной» и общественно-политической идейностью, ориентированной на европейские учения, побудили к откликам и рецензиям на сборники ряд именитых литераторов, публицистов.

Ист.: Розин Н. В. А. Панов // Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 324—325.

ПАРОДИЯ (*греч.* — перепев), жанр критико-сатирической литературы, основанный на комическом воспроизведении и высмеивании стилистических приемов какого-либо писателя, на карикатурном подчеркивании и утрировке особенностей его писательской манеры.

Пародийная форма сатиры в русской литературе разработана давно. В XVIII в. известен пародийный «Дифирамб Пегасу» *А. Сумарокова* (пародия на поэта *В. Петрова* и ломоносовскую школу). В н. XIX в. большим успехом пользовалась «Почетливая баллада сочинения Елистрата Фитюлькина “Двенадцать спящих буточников”» — пародия на «Двенадцать спящих дев» *В. Жуковского* (автор этой пародии — Проташинский, племянник Жуковского). *И. Крылов* в своей «шутотрагедии» «Триумф» пародировал ложно-классические трагедии, написанные *александрийским стихом*. Большое развитие получила русская пародия у поэтов 60-х XIX в. — *Д. Минаева*, *В. Курочкина*, *Н. Ломана* и др. Из предреволюционных пародистов наиболее был известен *А. Измайлов*, тонко пародировавший русских декадентов.

Пародирование известно и в русской народной поэзии. Вот начало народной пародии «Агафонушка» из сборника *Кириш Данилова*:

А и на Дону, Дону, в избе на дому,
На крутых берегах, на печи на дровах,
Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подпольная,
А и широко раздолье — перед печью шесток,
Чистое поле — по подлавецью,
А и синее море — в лохани вода.
А у белава города, у жорнова,
А была стрельба веретенная,
А и пушки-мушкеты горшечные,
Знамена поставлены помельные,
Востры сабли — кокошники,
А и тяжкия палицы — шемшуры,
А и те шешумры были тюменских баб.
А и билася-дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко жорному
О том пироге, о яшном мушнике,
А и билася-дралася день до вечера,
Убили оне курицу пропащую.
А и на ту-та на драку-великой бой
Выбежал сильной-могуч богатый,
Молодой Агафонушка Никитин сын.
А и шуба-та на нем была свиных хвостов,
Болезью опущена, комоухой подложена,
Чири да вереды — то пуговки,
Сливныя коросты — то петельки...

Пародию следует отличать от перифраза.

А. Квятковский

ПАРФЕНИЙ (в миру **Агеев (Аггеев) Петр**), иеромонах (1807 — февр. 1878), духовный писатель. Младенцем осиротел, усыновленный богатым купцом-раскольниковым, провел счастливое детство в его семье, которое, по его словам, «было как духовная академия и училище благочестия». От приемных родителей, которых горячо любил, узнал грамоту и далее не учился. С детства мечтал о монастыре, получил прозвище «попа-проповедника», «игумена»; с 12 лет не раз пытался бежать в монастырь, хотел совершить «подвиг юродства о Христе» (помысел о юродстве его «угнетал... более 20 лет»). Потерпев неудачу, помогал отцу в торговле, утешался чтением религиозной литературы (собрал книг «рублей тысячи на две») и вероисповедными прениями, любовь к которым сохранил на всю жизнь. Дождавшись совершеннолетия, снова бежал в монастырь.

Приняв у раскольников постриг с именем Паисий, объехал знаменитые старообрядческие скиты в надежде «напоить свою иссохшую душу», но нашел, что раскольники «только и стараются одни внешние обряды соблюсти», не беспокоясь об «очищении внутреннего человека». К 1836 по книгам убедился в неправоте раскольников и принял единоверие, а после нового путешествия по России (во время которого частично оглох на 10 с пол. лет, но исцелился благодаря старцу) — Православие (1837). Своих колебаний перед уходом из раскола позже так стыдился, что опустил их в автобиографии.

В 1839 отправился на Афон. Красота афонских обителей, церковные уставы и подвиги старцев стали для Парфения на всю жизнь источником неиссякаемой радости. Парфений постригся в иноческий чин с именем Памва, а весной 1841 принял схиму с именем Парфений. Тогда же послан на послушание в Россию, где обратился в Православие приемных родителей. В 1843 вернулся на Афон, но духовник велел ему ехать в Иерусалим, а оттуда в Сибирь и более не возвращаться. Тяжело переживая разлуку с Афоном, Парфений покорился в конце концов воле старца.

В 1845 посетил Палестину, затем Константинополь и в 1847 прибыл в Томск. Епископ Томский Афанасий (Соколов) со временем расположился к нему и поселил в своем доме, читал с ним и часами беседовал, а в 1848 уговорил описать его странствия. Тогда же Парфений подал в Синод прошение о принятии в один из русских монастырей. На просьбу не ответили, а в 1850 недоброжелатели призвали вовсе исключить Парфения из монашества, что было для него ударом. В 1851 обратился к митр. Московскому *Филарету* (Дроздову) и благодаря его ходатайству (митрополит надеялся «употребить его для вразумления раскольников» — «Письма Филарета...») Синод разрешил в 1853 принять Парфения в братство Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры (переведен в авг. 1854). (В 1853, в ожидании решения Синода, составил рукописный сборник изречений о праздниках — «Торжественник» и переписал книгу «Цветник» Дорофея, послав ее Филарету.)

В 1856 рукоположен в сан иеромонаха и назначен «строителем» (настоятелем) Николаевской Берлюковской пустыни (недалеко от Москвы). В 1858 управлял строительством Спасо-Преображенского монастыря в Гуслицких лесах (Гуслицах), «где самое гнездо раскола» («Письма Филарета...», 1869), затем стал его игуменом. Тоскуя по пустынножителю, нес послушание против воли, пренебрегал делопроизводством и по завершении строительства монастыря остался должен ок. 40 тыс. руб. Пеняя ему на бесхозяйственность, митр. Филарет стремился вместе с тем и «утешить его и подкрепить в глазах людей»; за учреждение монастыря Парфений награжден в 1860 золотым наперсным крестом. (Миссионерская задача обители не

оправдалась; однако мальчики-старообрядцы охотно посещали школу, основанную Парфением при монастыре.) В 60-х продолжал действия по обращению раскольников: написал ряд апологетических и обличительных сочинений; после беседы в 1863 с министром внутренних дел *П. А. Валуевым*, на которого произвел впечатление, составил для него записку о расколе.

Написал подробную автобиографию (до принятия в российское монашество), опубликованную посмертно под названием «Из автобиографии игумена Парфения»; отрывок о жизни в Томске (под тем же названием опубликованный и самостоятельно — М., 1898). В своей судьбе видел цепь чудесных событий: «это колесо премудрости и благодати Божией». Умер «на покое» в Троице-Сергиевой лавре.

Главные сочинения схимника — «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле постриженника святые горы Афонския инока Парфения» (ч. 1—4. М., 1855), отрывок из сочинения — «Сказание о жизни и подвигах... старца Даниила (Ачинского)...» вышел также отдельно (М., 1855), писалось почти против воли, с опасением стяжать «маловременную славу суетного мира сего» (ч. 1, 1856). Эпизоды расположены не в хронологическом порядке, а как автор нашел «местительным для читателя». Продолжая традицию стародавнего жанра *хождений*, Парфений описывает многие религиозные и церковные достопримечательности: в Стамбуле, Иерусалиме, на Карпатах (в т. ч. обители, где настоятельством прп. Паисий Величковский), а также Саров (где беседовал с прп. Серафимом) и особенно подробно и точно — Афон. Повествование включает биографии подвижников, раскольников, рассказанные в житийном ключе, и словесные ратования с раскольниками, записанные почти с «протокольной» точностью. Монастырские службы, подвиги монахов, первозданная природа изображены с духовным восторгом. Никогда не читавший художественной литературы, Парфений произвел на современников сильное впечатление не только духом, но и стилем своей книги, что проницательно предсказал историк *С. М. Соловьев*: «Заглавие книги далеко не может дать понятия о содержании ее, в высокой степени любопытном и назидательном» для современно «мыслящего человека». Здесь пред ним предстанут «удивительные образы» и «живые отношения», «которые он привык относить ко временам далекой древности» и «современное существование которых он не подозревал». В ходе повествования естественно возникают актуально-живучие для ряда веков русские религиозные проблемы: распри со старообрядцами, взаимоотношения Православия с иудаизмом, мусульманским и западным миром, соотношение церковных и государственных властей, ценности монашества.

По утверждению *А. А. Григорьева*, «Сказание...» прочла «вся серьезно читающая Русь». Критика единодушно отметила большое познавательное значение книги, искренность и простодушие автора, органичное родство его стиля с древнерусской традицией; по Григорьеву, она подобно *духовным стихам* «ударилась... по одной из самых глубоких струн души русского человека... аскетической», а в полноте своей свидетельствовала о «неразрывности органичности народной жизни от XII столетия до пол. XIX». *Н. П. Гиларов-Платонов* выделил в книге своеобразную смесь старославянской лексики и грамматики «с крайне живым изложением» и образ автора, который своей цельностью и служением истине резко противостоит современному человеку. *Н. Говоруха-Отрок* восхищался «Сказанием...» и

рекомендовал его образованным людям, чтобы ближе узнать мирозерцание и весь духовный строй своего народа. *М. П. Погодин* почитал ее «украшением народной русской словесности (не говоря о великой ее многообразной пользе)» («Москвитянин», 1855. № 23/24).

Обаяние «Сказания...» испытали писатели противоположных убеждений. *М. Е. Салтыков-Щедрин*, признавая свою отчужденность от взглядов Парфения, отмечал «громкостью подъятого автором подвига». Для *И. С. Тургенева* Парфений — «великий русский художник и русская душа». *А. В. Дружинин* видел в «Сказании...» «великую, поэтическую фантазмагорию, переданную оригинальнейшим художником на оригинальнейшем языке»; «мы не видели еще такого высокого таланта со времен Гоголя»; по мнению критика, во 2-м т. «Мертвых душ» следовало вывести как положительный пример именно таких героев, исполненных «библейской прелести».

Ф. М. Достоевский, обретя в Парфении идеал цельного человека, противостоящего рационализму современной цивилизации, не раз прибегал к мировосприятию, слогу и образу повествователя «Сказания...» как творческим ориентирам и источнику заимствований. Познакомившись с книгой, видимо, еще в ссылке, он собирался вывести Парфения в «Житии великого грешника», используя эпизод из «Сказания...» в «Братях Карамазовых», неоднократно заимствовал отдельные происшествия, мотивы и выражения из него в речи и поучениях Зосимы. Называя главу «О Священном Писании и жизни отца Зосимы» «восторженной и поэтической», Достоевский указал, что взял для нее «наивность изложения — из книги... Парфения». Стиль «Сказания...» использован Достоевским для рассказов странника Макара в «Подростке», а также для сцены приема юродивым Семеном Яковлевичем и для исповеди Лебядкиной в «Бесах». Книгу писатель взял с собой за границу в 1867 и хранил всю жизнь; последний раз Парфений упомянут в его записной тетради за полгода до смерти.

Ист.: Шешунова С. Парфений (Агеев) // Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 536—537.

ПАРФЕНИЙ (в миру **Васильев-Чертков Павел Васильевич**), архиепископ (10[21].08.1782—5[17].08.1853), проповедник, церковно-общественный публицист. Из семьи дьякона. Окончив курс в Московской *Славяно-греко-латинской академии* (1790 — янв. 1803), остался служить в ней. С окт. 1810,

после пострижения в монашество (по совету митрополита Московского Платона) с именем Парфения, определен проповедником при сохранении прежних учительских должностей.

Первое из известных слов Парфения — «Слово в неделю первую Великого Поста», содержащее призыв идти «узким» (аскетичным) и скорбным путем Христа. Будучи наставником и монастырским настоятелем, Парфений, судя по прижизненным и посмертным публикациям, преимущественно обращался к слушателям с церковными поуче-

ниями (в которых призывал искать прежде всего не земное благоденствие, а царствие Божие). Исключения составляют приветственные слова в дни рождений и тезоименитств особ царской фамилии (имп. Александра I, имп. Марии Федоровны, цесаревича Константина Павловича и др.). Проповеди Парфения, какой бы темы они ни касались, отличаются обстоятельным знанием Священного писания, ясностью мысли, строгой структурой речи, энергией и простотой изложения. По свидетельству очевидцев, сопутствовавшая Парфению известность проповедника в большой степени основывалась и на силе непосредственного, личного влияния на слушателя.

В июле 1839 по поручению Синода архиепископ составил и вел церковный церемониал, сопровождавший перенесение праха кн. П. И. Багратиона из Владимирской губ. на Бородинское поле. Перед окончанием заупокойной службы он произнес «Речь в напутствование тела кн. П. И. Багратиона, по высочайшему повелению назначенного к преданию земле на поле Бородинском». Энергичное, исполненное высокого одушевления слово вместило и мысли о бессмертии души, и лаконичный анализ сложных условий Бородинской битвы, и понимание трагизма подвига Багратиона («Ты всегда учил твоих ратоборцев побеждать врагов», «но здесь ты учил умирать за Отечество»), и оценку огромного значения «искупительной жертвы».

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999.

ПАРФЕНИЙ ЮРОДИВЫЙ, писатель XVI в. Автор «Послания к неизвестному против лютеранов», одного из первых русских памятников полемики с протестантами. Опубликован архим. Леонидом в «Памятниках древней письменности» за 1886.

ПАССЕК Вадим Васильевич (20.06[2.07].1808—25.10[6.11].1842), краевед, историк, фольклорист-этнограф, издатель. Родился в Тобольске. Из старого украинского дворянского рода. В 1826 Пассек поступил на этико-политическое отделение философского факультета Московского университета. Одновременно слушал лекции др. отделений, в т. ч. словесного и физико-математического.

Интерес к «векам минувшим» и литературным занятиям сблизил его с молодым проф. *М. П. Погодиным*, опубликовавшим в своем «*Московском вестнике*» историко-этнографические «Замечания о Сибири», ставшие литературным дебютом Пассека и одним из лучших очерков в ранней русско-сибирской этнографии.

По окончании университета Пассек самоотверженно работал в период эпидемии холеры. Бедствование и подвижничество москвичей, застигнутых холерой, описал в очерке «Три дня в Москве во время холеры» («*Молва*», 1831, № 27—29). В 1832 совершил первую поездку на Украину (включая Харьков; май — сер. окт.). Зимой 1833/34, живя в Твери (у родственников жены), общался с *И. И. Лажечниковым* (ставшим его «хо-

рошим приятелем» еще до свадьбы), читал ему фрагменты будущей эссеистско-лирической книги «Путевые записки Вадима» (М., 1834).

Издание первой книги Пассека не соответствует ее жанру: это не путевые очерки, а рассуждения о народных характерах, заметки и размышления об исторических событиях, народном быте и фольклоре, поэтические раздумья о прошлом и будущем России.

Автор предстает здесь более религиозным мыслителем (склоняющимся к христианскому «пантеизму»), нежели историком и этнографом, и, подобно романтикам, стремится объединить историю с философией и поэзией. Ведущим устойчивым фактором органичности и самобытности исторического процесса он полагает национальный характер. У славян единой основной чертой характера он видит созерцательное начало («перевес внутренней жизни над внешней» и «тишины, спокойствия над деятельностью»), которое в историческом общении русских проявляется в веротерпимости (в ср. с Западом), отсутствии «сильных философских партий», неумении организовать отпор насильникам. Исторические суждения Пассека ревивировали, по существу, декабристские взгляды на историю и характер русского народа и предвосхитили ряд идей *славянофилов* (внутренней расположенности созерцательной славянской души к восприятию христианства). Сами «записки» вызвали резкое неприятие у будущих западников — Герцена (и его кружка) и В. Г. Белинского.

Изданные Пассеком «Очерки России» (кн. 1, СПб., 1838, кн. 2—4. М., 1840; кн. 5. М., 1842) положили начало разностороннему изучению народного быта, исторических памятников, фольклора, этнографии, экономики и природы России, всех ее народностей. Среди ее авторов — *Вельтман, Т. Пассек, Срезневский*, этнограф и поэт *А. Л. Метлинский*. Согласно собственному предисловию, издатель преследовал и научные, и просветительские, и воспитательные цели: сосредоточить «знания, приобретенные более опытом... нежели выведенные из умозрения», «завлечь» к наблюдению всего отечественного и «развить... верным знанием горячее чувство любви к Отечеству и благоговение к его великой судьбе» (кн. 1). Самому Пассеку принадлежал целый ряд значительных очерков: «Киево-Печерская обитель», «Праздник Купалы» (кн. 1), «Отрывки из путешествия по Крыму» (кн. 2, 4), «Малороссийские святки» (кн. 3), «Окрестности Переяславля» (кн. 4), «Простонародные средства лечения» (кн. 3, 4), «Веснянки» (кн. 5) и др. В сборнике помещено немало литографий мастеров 20—40-х; ок. трети литографий по рисункам Пассека.

Особое одобрение критики (за полноту сведений и легкость языка) заслужила вобравшая монастырские рукописные материалы книга Пассека «Историческое описание Московского Симонова монастыря» (М., 1843).

Пассек записывал народные песни (вошли в собрание народных песен *Н. В. Гоголя*), вел обширную переписку. По духовному складу и некоторым идеям Пассек явился предшественником славянофилов. В его работах просматриваются историко-романтические концепции; в истолковании главной проблемы — народности — первостепенным определителем для него стали религиозные верования; при этом в Православной церкви он особо выявляет те устои, которые служат лучшему выражению «славянской души».

Ист.: *Свящ. Афанасий (Гиларов), Розин Н. П.* // Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999.

Т. Н.

ПАССЕК (урожд. **Кучина**) **Татьяна Петровна** (25.07[6.08].1810—24.03[5.04].1889), писательница. Родственница и друг детства А. И. Герцена. В 1832 стала женой *В. В. Пассека*; к этому же времени относятся ее первые литературные опыты. Пассек издает книгу «Чтение для юношества» (1846), занимается литературными переводами. Осенью 1839 сближается с кружком «москвофилов» *А. Ф. Вельтмана*, поддерживает связи со *славянофилами*. В 1859 она выехала с семьей на 2 года за границу, где в 1861 встречалась и переписывалась с Герценом. С к. 50-х Пассек была дружна с *М. Н. Катковым* и поддерживала его православно-монархические взгляды. Наибольшую ценность представляют воспоминания Пассек о 30—40-х «Из дальних лет» (т. 1—3, 1878—89). К концу жизни у Пассек преобладали религиозные и монархические устремления. В 1880—87 Пассек издавала популярный детский журнал «Игрушечка».

Соч.: Из дальних лет. Воспоминания / Вступ. ст., подг. текста и прим. А. Н. Дубовикова. Т. 1—2. М., 1963.

ПАСТУХОВ Николай Иванович (1831—28.07[10.08].1911), журналист, писатель, издатель. Родился в Смоленской губ. в бедной мещанской семье. Систематического образования не получил. В молодости служил в Смоленской и др. губерниях разездным контролером по откупам. Приехав в Москву, некоторое время работал на почтамте (развозил казенную корреспонденцию по присутственным местам); позднее показывал фокусы в балаганах. В н. 60-х открыл пивную лавочку на Арбатской пл. Описанию быта питейных заведений посвящены книга «Стихотворения» (М., 1862) и комедия «Питейная контора» (М., 1862). Адвокат Ф. Н. Плевако, посещавший лавочку Пастухова, приобщил его к журналистике и представил редактору «*Московских ведомостей*». С 1865, разорившись, Пастухов стал активно сотрудничать в этой газете, а также в «Петербургском листке».

Благодаря хорошему знанию быта и живости письма Пастухов приобрел славу «первого репортера Москвы». Особенно любил Пастухов описывать нижегородские ярмарки и пожары. Свои лучшие бытовые очерки («Гулянье в Кускове», «Очерки Рогожской»), юмористические («Билет гамбургской лотереи», «Знакомство с писателем») и уголовные («Напророчили», «Убийство на мельнице») рассказы объединил в книгу «Очерки и рассказы “Старого знакомого”» (М., 1879). Выпустил также очерковую брошюру «Святые ночи в Москве с 1882 по 1886 г.» (М., 1895).

С 1881 до конца своей жизни Пастухов — издатель-редактор «Московского листка», в нем Пастухов постоянно выступал с фельетонами, очерками, корреспонденциями. «Московский листок» сразу завоевал симпатии лакеев, горничных, кучеров, прачек, кухарок, лавочников, мелких ремесленников, купечества средней руки и т. п., тем самым создав нового газетного читателя в среде городских низов. Пастухов пользовался поддержкой *М. Н. Каткова* и *К. П. Победоносцева*.

В 1882—85 в «Московском листке» Пастухов опубликовал роман «Разбойник Чуркин. Народное сказание» (отд. изд., ч. 1—5. М., 1883—84, 2-е изд., ч. 1—4. М., 1908). Объединив традиционный для фольклора и *лубочной литературы* сюжет о «благородном» разбойнике и репортерски точные описания недавних событий (использовано подлинное следственное дело грабителя В. Чуркина), автор «сделал из этого вполне заурядного преступника народного героя». Притягательный для низового читателя образ главного героя, с которым не могут справиться власти, подробное описание экстраординар-

ных событий (грабежи, кровавые убийства и т. п.), простота стиля повествования обеспечили роману (а также газете) небывалую популярность.

Популярность «Московского листка» позволила Пастухову быстро разбогатеть: в 1882 он приобрел собственную типографию (в конце жизни стал миллионером).

Ист.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999.

ПАСХАЛОВ Дмитрий Никандрович (1841—1885), поэт, педагог. Известен сочинениями популярных романсов, из которых был наиболее популярен романс «Дитяtko, милость Господня с тобою».

ПАСХАЛОВ Клавдий Никандрович (1843—1924), действительный статский советник, публицист.

Родился в дворянской семье в Калужской губ., сын боевого кавказского офицера. В 1875 поступил на службу в Министерство финансов. В 1882 стал сотрудником Крестьянского банка. Он обзавелся обширными связями в кругах московских *славянофилов*. С самого начала революционных беспорядков 1905 Пасхалов выступил решительным борцом за монархические идеалы. Он стал членом старейшей монархической организации Русское собрание. В янв. 1906 было опубликовано «Обращение Русского собрания к единомысленным партиям, союзам и русскому народу по поводу Манифеста 17 окт.». В нем содержался призыв ко всем русским людям, разделявшим программные положения РС, «сплотиться, объединиться и образовать Всенародный союз приверженцев самодержавия, чтобы согласованно и в одном направлении действовать на предстоящих выборах в Государственную думу». Это был один из первых документов монархического движения, в котором разъяснялось, что Манифест 17 окт. не вводит конституционную форму правления и не должен повлечь за собой переработку Основных Законов Российской Империи.

С началом первой мировой войны Пасхалов стал активным борцом с немецким засильем в русском государстве и экономике, закон от 2 февр. 1915 о немецком землевладении называл «шулерским», «составленным так искусно, что немцы могут, не нарушая его юридически, оставаться владельцами всей русской земли, ими до сих пор захваченной». Несмотря на преклонный возраст, он продолжал выступать со статьями в право-монархической печати и участвовать в патриотическом движении. Особенную активность Пасхалов проявлял накануне революции 1917. В 1915 в «Московских ведомостях» в статье «Еврейские притязания» Пасхалов выступил против попыток евреев и их покровителей среди высшей бюрократии, используя условия войны, добиться равноправия. Он полагал, что особенность положения евреев в России «есть необходимое, неизбежное и неустрашимое последствие того, что они в ней — народ пришлый, не внесший в страну ни клочка своей земли, а потому и не имеющий права претендовать на равенство с хозяевами земли». Как ветеран монархиче-

ского движения, он был избран председателем Совещания в Н. Новгороде (1915). В самом начале работы Совещания выступил с речью о задачах монархических союзов и об их отличительных чертах в сравнении с др. политическими организациями. Он подчеркнул, что коренное отличие заключается в том, что все политические организации борются за власть, подтачивая монархический образ правления, а монархисты борются за сохранение самодержавия. Но правда на стороне правых, заметил Пасхалов, и привел пример: только благодаря самодержавию стало возможным быстрое и решительное отрезвление народа. Враги утверждали, что Россия — тюрьма для человека, но нигде не живет так свободно личности, как в России.

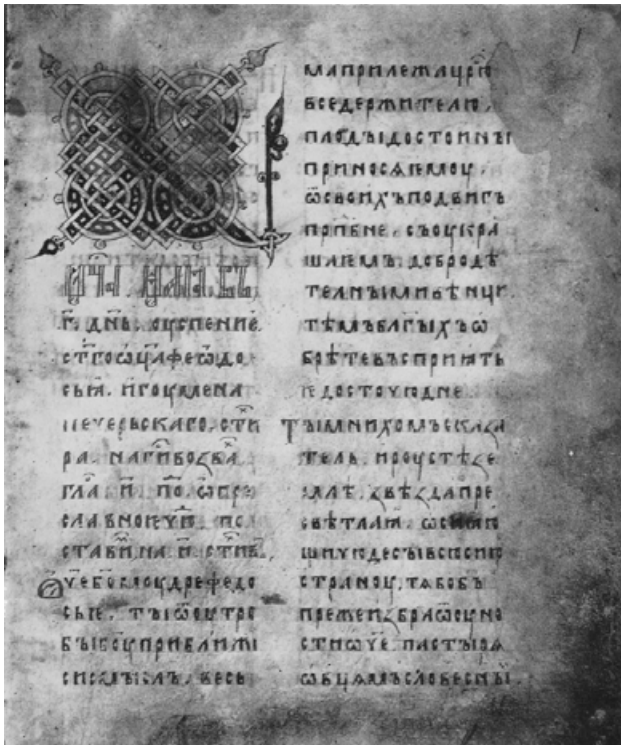
Соч.: О мерах к прекращению беспорядков и улучшению государственного строя. М., 1905; Основания земской реформы. М., 1905; Сб. ст., записок, речей и проч. В 3 т. М., 1906—12; Слова и дела. М., 1907; Деревенское раздумье. М., 1907; Землеустроительное разорение России. М., 1908; Погрешности обновления 17 окт. 1905 государственного строя и попытка их устранения. М., 1910; Необходимая реформа земских учреждений. М., 1910; Земский вопрос. М., 1911; Русский вопрос. М., 1913; Еврейские притязания // Московские ведомости. 1915. № 88; Переписка К. Н. Пасхалова / Публ. Ю.И. Кирьянова // Источник. 1995. № 6.

А. Степанов

ПАСХАЛОВА-МОРДОВЦЕВА Анна Никаноровна (8.10.1823—21.12.1885), писательница, собирательница фольклора. Родилась в Саратове. Получила хорошее домашнее образование. Писать начала с 1842 стихи и разные статьи под псевд. А. Б-цъ. В 1852 состоялось знакомство Пасхаловой с известным историком и этнографом *Н. И. Костомаровым*, совместно с которым записывала и издавала народные песни и *былины*. Поражает разнообразие тематики записанного Пасхаловой этнографического материала. Здесь и редкие варианты былин о русских богатырях — *Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, об Иване Грозном* и др., и народные песни: *исторические* и *разбойничьи*, тюремные и антикрепостнические, сатирические и *солдатские*. Большой раздел песенного материала составляли бытовые песни. Изданы «Былины и песни, записанные в Саратове», «Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии». В 1853 Пасхалова вышла замуж за писателя и историка *Д. Л. Мордовцева* и на долгие годы стала ему верным другом и помощником на его литературном поприще.

А. Баженова

ПАТЕРИК КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ, сборник рассказов о жизни монахов Киево-Печерского монастыря (основан в 1051). Некоторые сюжеты и мотивы Патерика восходят к переводным патерикам (Египетскому, Синайскому, Скитскому), но от них он отличается своеобразной художественностью, о которой *А. С. Пушкин* писал, что Патерику свойственна «прелесть простоты и вымысла» (Письмо к П. А. Плетневу от 14 апр. 1831), и историй своего создания. Уже в «*Повести временных лет*» под 1051 читается рассказ об основании монастыря, а в статье 1074 — о первых его подвижниках. Вероятно, уже в XI — XII вв. в стенах монастыря существовали устные легенды, монастырские записи о его истории. По преданию, во 2-й пол. XII в. древнейшими собирателями и «писателями» рассказов о печерских подвижниках были архиепископ Новгородский Нифонт и игумен Печерского монастыря *Поликарп*. К этой традиции в 20-х XIII в. обращаются епископ Владимирский *Симон* и инок Киево-Печерского монастыря Поликарп в своей переписке.

Обличая честолюбие Поликарпа, Симон в своем послании к нему приводит 9 рассказов о жизни монахов Киево-Печерского монастыря (о Никите, Лаврентии, Агапите, Григории, Иоанне, Моисее, Прохоре, Марке, Федоре и Василии, Спиридоне и Олимпии, Пимене, а также «Слово о создании церкви Печерской»), а Поликарп в послании к игумену Печерского монастыря Акиндину также помещает 11 рассказов о монахах. В основную редакцию памятника кроме произведений Симона и Поликарпа в XIII в. было включено «Слово о первых черноризцах Печерских» (Дамиане, Иеремии, Матфее и Исакии) из «Повести временных лет».

В 1406 в Твери была создана Арсеньевская редакция Патерика. Составитель включил в Патерик «Житие Феодосия Печерского» Нестора, «Похвалу Феодосию», «Сказание о начале Печерского монастыря» (предположительно также Нестора). Одновременно основной текст подвергся некоторым сокращениям, место рассказов о затворниках Никите и Лаврентии заняли повествования о целителе Агапите и чудотворце Григории, людях более деятельных и активных. Независимо от Арсеньевской редакции в 1460 и 1462 в Киево-Печерском монастыре были созданы первая и вторая Кассиановские редакции Патерика (см. Кассиан).

Большинство рассказов Патерика остро сюжетны, в них силен элемент чудесного, сказочного. Много рассказывается о борьбе монахов с бесами, которые принимают разнообразные обличья: иноземца-ляха, собаки, монаха, даже ангела. Но это органически сочетается с яркими описаниями реальной и бытовой жизни монастыря и Киева той эпохи, в повествовании Патерика кроме монахов участвуют самые разные люди: слуги, купцы, воины, бояре, князья, воры. Большинство из них обуревают живые человеческие страсти как в монастыре, так и в миру, в рассказах часты острые психологические коллизии (о вражде между

Титом-попом и Евагрием-диаконом, о Моисее Угрине и др.). В XIX в. художественные достоинства Патерика высоко ценил А. С. Пушкин, к Патерику обращались в своем творчестве Н. С. Лесков и Л. Н. Толстой.

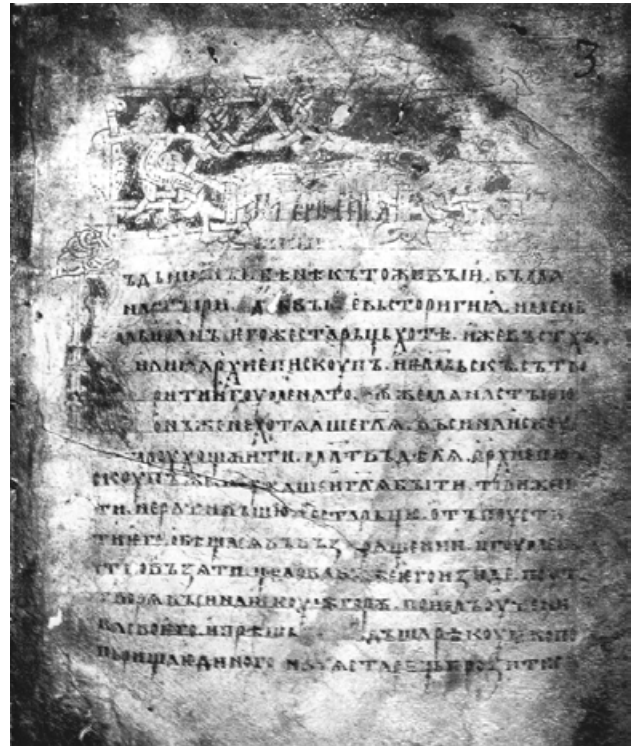
Изд.: Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911; Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980.

О. А.

ПАТЕРИКИ (отечники) (от *греч.* — отец), общее название средневековых сборников назидательных рассказов — особая разновидность агиографической литературы, в которой давалось не все жизнеописание какого-либо монаха, а лишь наиболее важные, с точки зрения составителя патерика, его подвиги или события его жизни. В славянских странах эти сборники назывались также «Отечниками» и «Старчеством».

На Руси уже в XI в. был известен «Египетский» патерик, созданный на основе «Лавсаика», составленного Палладием Еленопольским в 420, пользовался популярностью «Иерусалимский» или «Синайский» патерик («Лимонис, или Луг духовный», составленный Иоанном Мосхом в н. VII в.) и «Римский».

Характерными образцами патериковой новеллы могут служить рассказы о старце Герасиме и льве, о Таисе.

Синайский патерик

О популярности патериков на Руси свидетельствует создание Киево-Печерского патерика (XIII в.) (см. Арсений, Симон, Поликарп), Волоколамского патерика (XVI в.). Влияние патериков обнаруживается уже в памятниках литературы Киевской Руси, таких, как «Изборник 1076 г.», «Житие Феодосия Печерского» и др. Они сыграли важную роль в формировании славяно-русского Пролога.

Изд.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957; Синайский патерик. М., 1967; Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980.

Лит.: Петров Н. О происхождении и составе Славяно-русского печатного Пролога. Киев, 1875.

II. II.

ПАТРИСТИКА (греч. — отец), тексты канонических сочинений «отцов Церкви» — греко-римских философов-богословов II—VIII вв. В патристической литературе разрабатывалась христианская догматика и организация Церкви. Патристика впитала в себя лучшие достижения культуры древнего мира и оказала огромное влияние на христианскую литературу. В недрах патристики сформировались такие прозаические жанры, как полемическая философия, богословский трактат-рассуждение, экзегеза (толкование на Библию), проповедь (гомилия), похвальное слово, послание, духовный гимн, исповедь, житие... Расцвет патристики приходится на IV—V вв. и связан с именами Афанасия Александрийского (ок. 295—373), Василия Великого (330—379), Григория Назианзина (ок. 330 — ок. 390), Григория Нисского (ок. 335 — ок. 394), Иоанна Златоуста (ок. 350 — 407) и Псевдо-Дионисия Ареопагита (не ранее 2-й пол. V в.) — на Востоке, Амвросия Медиоланского (ок. 340—397), Иеронима (330—419), Августина (354—430), папы Григория I (ок. 540—604) — на Западе. Принято ограничивать период патристических сочинений в истории христианской культуры творчеством Иоанна Дамаскина (ок. 675 — до 753) в греческой литературе и Исидора Севильского (ок. 560—636) — в латинской.

В Древней Руси особенной популярностью пользовались творения Иоанна Златоуста, были хорошо известны «Шестоднев» Василия Великого в переводе Иоанна экзарха болгарского (X в.), «Паренесис» Ефрема Сирина (IV в.), «Лествица» Иоанна Лествичника (VII в.) и т.д.

Патристические сочинения часто приходили на Русь в виде сборников («Златоуст», «Златоструй», «Златая цепь», «Измарагд», «Маргарит» и др.).

Патристическая литература оказала большое влияние на древнерусскую ораторскую прозу, агиографию, экзегетику и т.д.

Изд.: Архангельский А. С. Творения отцов Церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных исследований. Вып. 1—4. Казань, 1889—90.

II. II.

ПАХОМИЙ СЕРБ (Пахомий Логофет) (?—после 1484), составитель и редактор *житий*, переводчик и писец. Между 1429 и 1438 прибыл в Новгород с Афона в звании иеромонаха. В н. 40-х переселился в Троицкий монастырь. Жил в основном там, хотя неоднократно посещал Новгород и Москву. Как писатель-профессионал Пахомий выполнял литературные заказы архиепископов и вел. князей. Он оказался одним из самых плодотворных писателей Древней Руси — им написано 10 или 11 житий, ряд похвальных «слов» и сказаний, 14 служб и 21 канон. Наиболее известные сочинения — жития Варлаама Хутынского, митр. Алексия, Михаила Черниговского и его боярина Феодора и др. Он часто перерабатывал ранее созданные др. авторами сочинения. К примеру, именно Пахомий Серб переработал *Житие Сергия Радонежского*, написанное Епифанием Премудрым. А самое большое его сочинение — Житие Кирилла Белозерского, состоящее из более чем 40 рассказов. Сохранились рукописи, в которых есть основание видеть автографы Пахомия Серба.

С. Перевенцев

ПЕРВЕНЦЕВ Аркадий Алексеевич (3[26].01.1905—30.10.1981), писатель-патриот и общественный деятель. Автор романов «Кочубей», «Честь смолоду», «Матросы», «Секретный фронт» и др. Автор сценария кинофильма о войне «Третий удар». Все творчество Первенцева пронизано духом патриотизма, борьбы со злом, воспеванием благородства и мужества, справедливости и добра. По роману «Кочубей» был создан героический кинофильм, в котором обнажилась враждебная деятельность троцкистов против казачества. В романе «Секретный фронт» писатель срывает маски с украинских националистов, разных мастей бендеровцев и их банд, действующих по заданию и при поддержке западных спецслужб. Несмотря на ярко выраженную патриотическую идею, роман долгое время не пускала большевистская цензура, глумилась над ним сионистская критика.

II. III.

ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович (р. 10.03.1953), поэт, публицист. Родился в семье сельского учителя в Якутской АССР, ныне — Республика Саха (Якутия). Родители писателя оказались на Севере в результате знаменитых Столыпинских реформ, когда десятки тысяч православных семей из центральной России добровольно отправлялись обживать бескрайние северные земли.

Закончил Хабаровский лесотехнический техникум, Российскую Экономическую академию им. Плеханова, Высшие Литературные курсы (семинар Ю. Кузнецова). Лауреат Всероссийских литературных премий «Традиция» и «Полярная Звезда». Основные поэтические книги — «Утренняя птица» (1994), «Снежные ливни» (1996). В 2004 издал избранное — «Стихотворения». Из публицистики следует отметить книгу «Слово о русском поле» (1991).

Серьезно стихи начал писать поздно, в 32 года.

Первая книга «Откровение дней» вышла в Якутске в 1991. С этого же времени стал активно печататься в центральных московских литературных журналах и газетах — «Москва», «Наш современник», «Смена», «Юность», «Литературная Россия», «Завтра», «Литературная газета».

Тема его публицистических статей, очерков — русская, сибирская деревня, герои — крестьяне, трактористы, доярки, плотники, обычные рабочие. Но о ком бы он ни писал, в каждом слове — боль за Россию, поиск ответа на извечный русский вопрос: «Что делать?», чтоб «...земля давала больше», жилось полегче. И иногда ему действительно удавалось находить нужный ответ. Не случайно в самый разгар т. н. перестройки издание книги «Слово о русском поле» было осуществлено в издательстве «Советская Россия» по инициативе соответствующего отдела ЦК КПСС.

Основные мотивы его стихотворений — природа, любовь, смерть и, конечно, Вечная Россия, ее прошлое и будущее: «... ты пойми, я жить хочу в России, той, незабываемой, где свет от берез исходит бело-синий или сине-белый тыщи лет. Где луга и поле Куликово, и Москва — заветная река, где впервые

открывалось слово, пушкинская вечная строка». «Заслуга Переверзина перед поэзией, — писал поэт В. Кочетков, — заключается в том, что ему удалось продвинуть границы русского классического стиха до берегов Ледовитого океана...» Критик О. Дорогань, в свою очередь, отметил др. сторону творчества поэта: Иван Переверзин — поэт светлого вестничества. Свое слово он стремится нести как свет, озаряющий для всех путь к вселенской гармонии, как знамя, бушующе развевающееся над миром. С самого начала критика приняла его стихи более чем благосклонно. Статья литературоведа И. Шевелевой о книге «Снежные ливни» так и называлась — «Невиданная прибыль света».

В 1999 он переезжает в Москву на постоянное место жительства. С 2000 возглавляет Литературный фонд России.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА Древней Руси, вместе с принятием христианства на Русь пришла новая духовная культура. Большое значение для ее распространения и усвоения имела книга. Новые религиозно-нравственные понятия содержали в себе богослужебные книги, такие, как Евангелия, излагающие основы христианского вероучения, Паремийники, собрания отрывков из ветхозаветных библейских книг, апракосный апостол, включавший в себя тексты 21 канонического послания учеников Христа и описание их деяний. В XI в. появляются на Руси Служебные Минеи, были известны такие сборники, как «Триодь Цветная» (содержала службы на Пасху) и «Триодь Постная» (содержала службы до Пасхи). Очень рано стали известны на Руси Толковая и Гадательная Псалтырь. Древнерусские книжники часто обращались к творениям отцов Церкви (см. Патристика), к апокрифам, патерикам, хроникам и т. д.

В Киеве в XI в. переводятся такие повести, как «Александрия», «Девгениево деяние», «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Повесть об Акире Премудром», «Повесть о Варлааме и Иоасафе».

Со 2-й пол. XIV в. активизируется переводческая деятельность на Руси. Приобретают популярность болгарские и сербские жития Иоанна Рильского, Илариона Меглинского и др. Сербский «Цароставник» или «Родослов» становится образцом для родословцев князей тверских, а затем московских. Большее распространение и развитие получают сборники *Пролог*, *Четьи-Минеи*, «Измарагд», триодный и минейный «Торжественник», появляются переводы греческих хроник Константина Манассии и Иоанна Зонары, 2-я редакция Еллинского летописца, сербская редакция «Александрии», сборники назидательных притч — «*Стефанит и Ихнилат*», пользуется популярностью «Палея» толковая и историческая.

В XVII в. усиливаются связи с Западной Европой и на Русь попадает европейская литература позднего средневековья — рыцарский роман, бытовая и плутовская новелла, авантюрно-приключенческая повесть, юмористические рассказы, анекдоты. В XVII в. русский читатель знакомится с такими произведениями, как: «*Великое зеркало*», «*Римские деяния*», «*Фациции*», «*История семи мудрецов*», «*Повесть о Бове Королевиче*», «*Повесть о Еруслане Лазаревиче*» и др. Переводная литература сыграла важную роль в формировании на Руси христианского мировоззрения, а также способствовала развитию отдельных жанров древнерусской литературы.

Лит.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903; *Орлов А. С.* Переводные повести феодальной Руси и московского государства XI—XVII ввек. Л., 1934; *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975.

II. II.

ПЕРЕДРЕЕВ Анатолий Константинович (18.12.1932—18.11.1987), поэт. Родился в д. Новый Сокур Татишевского р-на Саратовской обл. В семье было семеро детей. Фамилия происходит от существовавшего в XVI в. слова «передорщик», обозначающего профессию переплетчика, а позже и печатника книг. В 1933, в период коллективизации, семья Передреевых под угрозой репрессий тайно ночью покинула Новый Сокур и отправилась в русский город Грозный, где жила старшая сестра мамы. В поезде семью обворовали, и они приехали в Грозный едва одеты. Анатолию исполнилось несколько месяцев. У него было 6 братьев и сестра. Трое братьев погибли на войне. Им посвящены стихи «Три старших брата было у меня...», «Сон матери», «Воспоминание о старшем брате». Брат Михаил,

бывший в плену, вернулся с войны без ног. О нем — «Баллада о безногом сапожнике». В 1950 окончил 10 классов школы рабочей молодежи, одновременно посещал курсы шоферов и крановщиков. В 1952—53 учился в Грозненском нефтяном институте, а позднее в Саратовском университете на филфаке. Первая публикация была в местной областной газете (1959). Стихи «Три старших брата было у меня...», «Щель», «В лесу» ознаменовали рождение нового поэта, вошедшего в литературу сразу, без черновиков; не случайно эти стихи потом оказывались почти во всех последующих сборниках поэта. В июле 1959 Передреев выехал в Сибирь. Манили «и запыльный холод Севера, и северная щедрость касс». Испытать себя, повидать мир, и... заработать, — таков сплав поэзии и прозы жизни. Так это и воплотилось в стихах, напр., — «Когда нас взволновала стройка...», «Когда с плотины падает река...». Сначала работал бетонщиком, а затем был переведен в редакцию многотиражной газеты «Огни Ангары» литсотрудником. Все рабочие должности, включая и литсотрудника, не основные в его жизни. Не без скрытого лукавства он писал: «Кирпич и глина — не моя забота, случаен грузовик в моей судьбе! Мне просто нужно как-то заработать на хлеб себе и на штаны себе». Основные его труды, предназначенные Богом, литературные — ждали его впереди. Он отправил свои стихи на конкурс в Литинститут, поработав некоторое время слесарем-монтажником. 1960—65 — годы учебы в Литинституте и жизнь в Москве. Защитил диплом на «отлично». Проходил практику в журнале «Знамя», где затем работал зав. отделом поэзии. В эти годы написана почти треть всей поэзии Передреева, были публикации в журналах «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», «Юность», «*Молодая гвардия*»; вышел первый сборник «Судьба». Художественную новизну поэзии Передреева этого времени В. Кожин назвал «свежестью и... обаянием, которые нельзя воспроизвести вторично». В 1964 Передреев написал стихотворение, которое Кожин назвал программным, — «Украина». Оно прозвучало как манифест поколения, чья юность пришлась на 1950—60-е: «И города из нас не получилось, и навсегда утрачено село». Н. Рубцов и Передреев, жившие в одном времени, увидели и отразили

Россию 2-й пол. XX в. с двух сторон. Рубцов считал: «Мать России целой — деревушка». Именно отсюда черпала людские ресурсы страна, отдавая их для молоха войны, строек коммунизма, освоения целинных земель, для растущих промышленных центров. Села обезлюдели, одичали, а иные — исчезли с лица земли (как Новый Сокур). Передреев увидел Россию, перетекавшую из сел в города. Разросшиеся окраины городов поглотили теперь кажущиеся мизерными центры. И это новое пространство стало становой хребтом России. В «окраинной» провинции люди еще не научились жить по жесткому холодному ритму мегаполисов, еще селились большими семьями, еще несли в душе свежесть, чистоту полей, тонкие этические законы предков. Передреев писал об окраине:

Взрастив свои акации и вишни,
Ушла в себя и думаешь сама,
Зачем ты понастроила жилища,
Которые ни избы, ни дома?!
Как будто бы под сенью этих вишен,
Под каждым этим низким потолком
Ты собиралась только выжить, выжить,
А жить ты думала — потом...

В один ряд с великими русскими поэтами *М. Лермонтовым*, *С. Есениным*, *Н. Рубцовым* ставит Передреева умение выразить глубину и высоту божественного человеческого духа; красоту мира, людей, природы; разнообразие, переменчивость или даже полярность чувств. Выражены они лаконично, тонко и ярко, с предельно возможными музыкальностью и гармонией ритма. Сравним, напр., известное стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» и передреевское «Наедине с печальной елью я наблюдал в вечерний час за бесконечной каруселью созвездий, окружавших нас. Но чем торжественней и строже вставало небо надо мной, тем беззащитней и дороже казался мир земли ночной...», понимаешь: Лермонтов и Передреев стоят под одним и тем же звездным небом и смотрят на него из разных времен, чувствуя один и тот же трепет человека из хрупкого земного мира перед миром вечности. Лермонтов мощно сумрачен, излагая свое представление о вечном покое-«сне», Передреев полон «прозрачной высотой», ясен, жалеет беззащитный дорогой и прекрасный мир земной, — и тот и другой могли бы сказать о себе словами Передреева: «...Вечности медленный ветер мое овеивает лицо». Оба передают необъяснимое чувство тоски, «невидимые миру слезы» о растворении драгоценного личного-привычного мира в бесконечном вечном.

Соч.: Равнина. М., 1971; Возвращение. М., 1972; Стихотворения. М., 1986; Любовь на окраине. М., 1988; Лебедь у дороги. М., 1990.

А. Баженова

ПЕРЕСВЕТОВ Иван Семенович (XVI в.), писатель, публицист, «королевский дворянин» Великого княжества Литовского. Служил литовским и молдавским государям; ок. 1539 выехал в Россию. В 1549 передал царю *Ивану IV* свои сочинения. В списках сохранились произведения Пересветова «Сказание о книгах», «Сказание о Магмет-салтане», «Сказание о царе Константине», «Первое и второе предсказания философов и докторов», Малая и Большая челобитные и его переделка «Повести о взятии Царьграда турками» *Нестора-Искандера*. В них он развивал свою концепцию государственной власти: основа державы — «правда» (справедливость), а «коли правды нет, то и всего нет». Пересветов призывал царя опираться

на «воинников», награждая их по заслугам, а не по знатности рода; перевести все должностные лица с «кормлений» на государево содержание, строго наблюдая за честным исполнением ими своих обязанностей и жестоко карая за «воровство»; отказаться от закабаления и всяких форм полного порабощения (подневольные люди суть плохие воины). Видя истинный долг христианского государя в борьбе с «неверными», писатель призывал *Ивана IV* к покорению Казани.

Выступал за сильную самодержавную власть, создание постоянного войска. Защищал интересы неродовитого дворянства.

«**ПЕРЕСТОРОГА**», произведение полемической литературы. Написано в 1606 во Львове. Об авторе нет единого мнения — им мог быть один из деятелей Львовского братства: Андрей Вознесенский, Иван Борецкий, Юрий Рогатинец. В «Перестороге» дана широкая картина религиозной и политической борьбы на Украине в к. XVI в., описана подготовка и проведение Брестского собора 1596; автор заклеил антипатриотическую деятельность епископов-рenegатов, принявших, вопреки национальным интересам русского народа, церковную унию с Римом. В «Перестороге» использованы народные рассказы, предания, поговорки.

ПЕРМИТИН Ефим Николаевич (27.12.1895[6.01.1896]—18.04.1971), писатель. Родился в Усть-Каменогорске Семипалатинской губ. в семье столяра-краснодеревщика. Рано начал трудовую жизнь. Экстерном сдал экзамены за учительскую семинарию, был учителем в алтайских селах. Участник 1-й мировой и гражданской войн. С 1921 занимается литературной деятельностью. Первое крупное произведение — повесть «Когти» (1931), рисующая судьбы сибирского крестьянства. Пермитин — автор книг «Капкан» (1930), «Враг» (1933) и «Любовь» (1937), составивших впоследствии большой роман о русской деревне — «Горные орлы» (1951). Роман «Ручьи весенние» (1955) рассказывает о молодежи — покорителях веками не тронутой сибирской степи. В 1962 опубликовал роман «Первая любовь» (кн. 1—2) — 1-ю часть задуманной автобиографической эпопеи «Раннее утро». Пермитин — писатель эпического склада. Его книги многоплановы, широки по охвату событий, насыщены острыми столкновениями характеров. Пермитин — мастер пейзажа, знаток русской речи. По его романам можно проследить историю русского крестьянства в XX в.

Соч.: Горные орлы / Вступ. ст. А. Коптелова. Новосибирск, 1959; Первая любовь. Роман. Кн. 1—2. М., 1967.

ПЕРМЯК Евгений Андреевич (18[31].10.1902—1982), писатель. Детство и юность провел на Урале и в Кулундинских степях. Окончил педагогический факультет Пермского университета (1930). В н. 30-х выступил как драматург. Из пьес Пермяка наиболее известны «Лес шумит» (1937), «Пережат» (1939), «Ермаковы лебеди» (1942, по мотивам сказа *П. Бажова*), «Иван да Марья» (1942), «Золотая сорока» (1960) и др. Автор научно-популярных книг для детей: «Кем быть?» (1946), «От костра до котла» (1959), «Сказка о стране Терра-Ферро» (1959), «Сказ про газ» (1960); сборников сказок: «Счастливый гвоздь» (1956), «Дедушкина копилка» (1957), «Замок без ключа» (1962) и др. В детской литературе Пермяк утверждает великое значение труда, «тайну цены» человека. Пермяк — один из создателей современной сказки, в которой смелая народная фантазия,

неосуществимая в прошлом мечта становятся явью. Пермяком написаны романы: «Сказка о сером волке» (1960), «Старая ведьма» (1961), «Последние заморозки» (1962), «Горбатый медведь» (1965).

Соч.: Сегодня и вчера: Избранное. М., 1962; Горбатый медведь. Кн. 1—2. М., 1965—67; Памятные узелки: Сказки. М., 1967; Бабушкины кружева. Новосибирск, 1967.

ПЕСЕННАЯ КНИЖНАЯ ПОЭЗИЯ XVII—XVIII вв., переходная стадия между песнями народными (фольклорными) и литературными стихотворениями; она отличалась от литературных стихотворений тем, что пелась, а от народных песен — поэтикой и системой стихосложения. Предшественниками книжных песен в России были «умиленные» и «покаянные» стихи на церковные темы, объединенные в XV—XVI вв. в поэму «Покаянны на осмь глагов» из 48 отдельных песен, сложенных древнерусским стихосложением (упрощенным *тоническим*). Во 2-й пол. XVII в. книжные песни слагались на темы духовные и исторические (воссоединение Украины с Россией, взятие Смоленска). Книжные песни помещались в рукописных песенниках, куда не попадали ни вирши (стихотворения), ни проза. Песни писались под нотами 3-голосного напева по европейской нотной 5-линейной системе. Дошедшие до нас рукописные песенники (начиная с 1676) хранятся в Государственном историческом музее, Государственной библиотеке РФ, Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеке РАН и др. Ранние духовные и светские песни сер. XVI в. сочинены на церковнославянском языке. В 17 рукописных песенниках XVII в. находится ок. 400 книжных песен, из них 380 духовных (в т. ч. 150 польских); русские духовные песни сочинены или в стиле барокко, с повышенной эмоциональностью на покаянные темы (песни *Дмитрия Ростовского*, *Симеона Полоцкого*) или в виде гимнологических песен эпического характера о Боге, Богородице (духовные песни *Епифания Славинецкого*, *Германа*). Авторы песен установлены благодаря *акrostихам* или в результате исследований. Песни XVII в. сложены гл. обр. *силлабическим стихом*. Часть духовных песен была включена в книгу «Калики переходные».

С н. XVIII в. характер книжных песен резко меняется: появляется много лирических светских песен — любовных, сатирических, застольных, юмористических, на темы о вольности, о фортуны и др., а также панегирические. Лирические песни сочинялись преимущественно в московской *Славяно-греко-латинской* и *Киево-Могиланской академиях*, в духовных семинариях, а также любителями. В Петровское время лирическая книжная песня, обращенная к личным переживаниям, зачинает литературную лирику нового времени («Ах, свет мой горький» и «Пойду я, младенка, во чистое поле»). Наряду с лирическими слагаются и повествовательные песни («Буря море раздымает», «Ах, жите мое, жите бедное»). Книжные песни писали *Ф. Прокопович*, *В. К. Тредиаковский* («Начну на флейте стихи печальны»), *А. Д. Кантемир*, *Ив. Ильинский*. В 1740 — сер. 1750-х (2-й этап светской силлабической песни) происходит как бы подведение итогов силлабических песен в рукописных песенниках-антологиях. Появляются новые разновидности песни: пастораль, любовная песня с откровенной эротикой, мешанская песня («Светик милая, хорошая моя»), песня о войне (во время 7-летней войны), либеральная масонская песня. Время кульминации книжной песни — 60-е XVIII в., когда она получила наибольшее распространение. Наряду с бытованием в широких демократических слоях (подъязычие,

студенты, низшее духовенство, купцы 3-й гильдии) она проникла в 60-е в дворянские семьи и обрела изысканность (*А. П. Сумароков*). Появление *силлабо-тонического стиха* приводит в к. 50-х к вытеснению силлабических песен. Среди бытовавших в XVIII в. духовных книжных песен выделялись песенные переложения псалмов Давида, сделанные *М. В. Ломоносовым*.

В 60-е в рукописных песенниках растет число подлинно народных (фольклорных) песен. В 50—60-е *Н. А. Бекетов*, *И. П. Елагин*, *М. М. Херасков* и др. создают, подобно Сумарокову, наряду с книжной любовной песней стихотворения разных лирических жанров. Книжная песня в поэзии вытесняется стихотворством. Тогда же начинается переход рифмованных силлабо-тонических стихотворений (путем прикрепления к ним напева) в фольклор (сначала устно, а потом через рукописные песенники). Так, в народ переходят стихи «Ночную темнотою» Ломоносова, «Где ни гуляю, ни хожу» Сумарокова, «Кружка» *Г. Р. Державина* и др.

В последнюю треть XVIII в. репертуар книжной песни в рукописных песенниках пополнялся поэтами-сентименталистами — *И. И. Дмитриев*, *Ю. А. Нелединский-Мелецкий* («Выйду я на реченьку», «Стонет сизый голубочек») и др., а также за счет переписки книжных песен из печатных песенников (*М. Л. Чулкова*, *Н. И. Новикова*) и появления новых песен — цыганских, солдатских, матросских и др.

В XIX в. книжная песня бытует в низах, становясь частично «народной песней». В образованной среде она воспринимается уже как стихотворение в жанре «русской песни», соединяясь в рукописных записях с лирическими и эпическими стихотворениями. Песни поэтов и в позднейшее время подвергаются народной переработке и редактированию. Народ производит отбор песен, не считаясь с тем, кто их автор.

А. П.

ПЕСЕННИКИ, сборники наиболее употребительных в быту песен, *романсов*, стихотворений. Со 2-й пол. XVIII в. в России появляются сборники песенных текстов с нотами: «Между делом безделье, или Собрание песен с приложенными тонами на три голоса. Музыка Г(ригория) Т(еплова)» (1757), «Музыкальные увеселения» (1774), «Собрание русских простых песен с нотами» В. Ф. Трутновского (ч. 1—4, 1776—79) и др. «Собрание разных песен» *М. Д. Чулкова* явилось первой попыткой научно обобщить широко бытовавший песенный материал. Все эти издания предназначались гл. обр. для дворянских певческих капелл, дворянских поместий, для городской мелкобуржуазной среды. В 1791 в Москве вышел первый «Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен», составленный *И. И. Дмитриевым*. Он предназначался для более широких слоев общества. С этого времени слово «песенник» вводится в общее употребление и выносятся на обложку. В 1791 в Москве вышел «Солдатский песенник». Особенно расширяется издание таких песенников в 1830—50-х. Появляются «Новейший туалетный песенник для милых девушек и любезных женщин», «Песенники для дамского ридикюля» и т. д. В 60-х XIX в. выходят любочные песенники для широких слоев городского и сельского населения.

ПЕСНИ О ПОЛОНЕ, по жанровым признакам песни о полоне можно отнести как к балладам (в них развито повествовательное начало, в центре внимания — судьба человека), так и к *историческим песням* (их историческая основа — судьбы русских полонянок в татарском, а затем в турецком плену), а в наиболее известной песне о полоне —

«Авдотье Рязаночке» столь же несомненны эпические черты, в ней воссоздан героический образ русской женщины, которая проходит через все «заставы великие» и выручает, возвращает на Русь «народ полоненный». Не менее известна и др. песня о полоне «Что в поле не пыль пылит...»: плененная «русская нянюшка» качает «татарченка» и узнает в нем «по приметочке» родного «внученка»: «...Ты баю-баю, мило дитятко, / Ты по батюшке злой татарченочек, / А по матушке родной внученок, / У меня ведь есть приметочка, / На белой груди что копеечка» (Запись *М. Ю. Лермонтова*).

Подобная ситуация предполагает самые трагические развязки, которых немало знает мировой фольклор, когда родители проклинают или даже убивают своих «неузнанных» детей. Так происходит в «Песне о нибелунгах» — на глазах у Кримхильды убивают ее сына. Ребенок обречен, потому что он сын Зигфрида. С кровавой мести Кримхильды начинается резня, которой «от века не бывало». А русская песня в подобной же крайней ситуации, когда с уст «нянюшки», казалось бы, должны слететь слова страшных проклятий, — русская песня не о ненависти, не о мести, а о преданности и любви. Единственное, что делает «русская нянюшка» — это отказывается от «золотой казны», просит дочь свою: «Отпусти меня на Святую Русь; / Не слышать здесь петья церковного, / Не слышать звону колокольного».

Есть и др. варианты заключительной сцены. По одним — «русская нянюшка» зовет с собой на «Святую Русь» дочь свою, но та отказывается: «Ты родимая да моя мамонька, / Я радым бы была радехонька, / Да жалко мне-ка малых детонок». По др. — «русская нянюшка» сама остается в плену, не в силах покинуть на чужбине дочь. «...Ты ступай-ко, мать, / Во конюшенку, / Ты бери коня / Что ни лучшего, / Ты беги, беги, мать, / На Святую Русь», — предлагает дочь. «Не поеду я / На Святую Русь, / Я с тобой, дитя, / Не расстануся», — отвечает мать.

В песне «Красная девушка из полону бежит» русская полонянка молит «перевозчица мордовина»: «Перевезика ты меня на ту сторону, / К отцу к матери, к роду-племени, / К роду-племени, на Святую Русь!» Ее настаивают погонщики и «красна девица» кидается «во Дарью-реку». В песнях «Пан привозит жене русскую полонянку», «На литовском рубеже» воспроизводится картина уже не татарского и турецкого, а литовского полона, характерного для XVI—XVII вв., а в казачьих песнях XIX в. нашли отражение мотивы кавказского полона. Во время Великой Отечественной войны 1941—45 вновь появились песни о полоне, созданные как на традиционной основе, так и совершенно новые.

В. Калугин

ПЕСНЬ (песня). 1) Название эпического или лиро-эпического произведения на историческую или героическую тему, напр., в западной литературе — «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде», «Песнь о Гайавате»; в русской литературе «Песня (в значении «песнь») про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» *М. Лермонтова*, «Песнь о вешем Олеге» *А. Пушкина*, «Песнь о великом походе» *С. Есенина*, «Песня о гибели казачьего войска» *П. Васильева*. В русском фольклоре известны «Песнь об Авдотье-Рязаночке», «Песнь о смерти Михаила Васильевича Скопина-Шуйского», «Песнь о царевне Ксении Годуновой» и др.

2) Название части (главы) поэмы, посвященной историко-героическим или легендарно-мифологическим собы-

тиям. Так, песнями названы главы поэм Гомера, Данте, Ариосто. Русские поэты XVIII и н. XIX в. также называли главы своих поэм песнями, напр., поэмы А. Пушкина — «Руслан и Людмила» в 6 песнях с эпилогом и «Полтава» в трех песнях.

А. Квятковский

ПЕСНЯ, небольшое лирическое стихотворение, предназначенное для пения; отсюда — его обязательная строфичность, простота текста, отсутствие сложных приемов, точная рифма; часто такая песня имеет рефрен или припев.

Песни могут быть эпическими, лирическими, лиро-эпическими и лиро-драматическими. Эпические песни (русские *былины*, малороссийские думы, гайдуцкие и юнацкие песни южных славян) отражают те или иные исторические явления и имеют, как правило, развитую повествовательность. Наоборот, в лирических песнях повествовательное начало развито довольно слабо, в них выражено идейно-эмоциональное отношение к событиям. Различные жанры народной лирики отличаются друг от друга характером выражаемых эмоций. Лиро-эпические песни — причитания и народные баллады органически сочетают повествовательное и эмоциональное начала. Примером лиро-драматических песен являются игровые и некоторые хоровые песни, содержание которых разыгрывается.

Песни различаются по своему музыкальному стилю. Так, русские былины и малороссийские думы произносятся как речитатив. Большинство лирических песен поется медленно, протяжно-распевно. Плясовые, хороводные и игровые песни отличает быстрый темп исполнения.

Народные песни разнообразны и в историко-хронологическом отношении, и по своему конкретному идейно-тематическому содержанию, и по выполняемым функциям. Наиболее древними являются песни, связанные с обрядовым календарем. Многие русские, малороссийские и белорусские календарные песни возникли еще на общей древнеславянской почве. Календарные песни приурочивались к определенному времени года, к тем или иным годовым праздникам. С зимними праздничными обрядами были связаны *колядки*, *подблюдные* и *масленичные* песни; с весенними — *веснянки* и *волочечные* песни; с летними — *семицкие*, *купальские* и *покосные* песни; с осенними — *зажиночные*, *жнивные* и *дожиночные* песни. Главное назначение этих песен — оказать ритуально-магическое воздействие на природу, вызвать хороший урожай, жизненное благополучие.

Песни семейно-бытового обряда сопровождали наиболее знаменательные моменты в жизни человека. Рекрутские песни и похоронные причитания рассказывали о семейном горе, рисовали картины народной жизни; свадебные, родильные и крестильные песни выражали мечты народа о счастливой, безбедной жизни. Русские рекрутские причитания возникли лишь в XVIII в., в то время как похоронные причитания известны с древности.

Расцвет необрядовой песенной поэзии начинается в более поздние исторические периоды, когда ее отличает богатство форм и содержания. В былинах и исторических песнях русского народа получили отражение важнейшие исторические события за тысячелетие, с X по XIX в. Одна из центральных идей этих песенных жанров — идея патриотизма, защиты Отечества. В исторических песнях нашли выражение социально-политические взгляды народа, его жгучая ненависть к несправедливости. Характерны в этом отношении песенный цикл о Степане Разине и песни

о Пугачевском восстании. В XVI—XVII вв. большое развитие получили крестьянские лирические песни, раскрывающие гл. обр. семейно-бытовые отношения. Большинство традиционных лирических песен проникнуто грустью. Шуточные и плясовые народные песни пронизаны неподдельным юмором, бодростью и весельем.

До XVII в. народные песни создавались гл. обр. в крестьянской среде. С XVIII в. возникают солдатские и рабочие песни, в которых преобладает социальная тематика. В них отмечается значительное влияние литературы (куплетность, *силлабо-тоническое стихосложение*, рифма). В пореформенное время в русском фольклоре оформляется в самостоятельный песенный жанр и получает большое развитие *частушка*. В к. XIX — н. XX в. распространяется также песня городских «низов», т. н. *мещанский романс*.

См. также статьи: Исторические песни, Календарная поэзия, Колядки, Обрядовая поэзия, Свадебная поэзия, Солдатские песни, Частушка.

Сборники русских песен: Чулков М. Д. Собрание разных песен. Ч. 1—4. СПб., 1770—74; Собрание нар. русских песен с их голосами. На музыку положил Иван Прач. 1790; 5-е изд. М., 1955; Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1. М., 1911; Вып. 2. Ч. 1—2. М., 1917—29; *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях... Вып. 1—2. СПб., 1898—1900; *Соболевский А. И.* Великорусские нар. песни. Т. 1—7. СПб., 1895—1902; *Сидельников В. М.* Красноармейский фольклор. М., 1938; *Крупянская В. Ю., Миц С. И.* Материалы по истории песни Великой Отечеств. войны // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 19. 1953; Песенник. М., 1964; Песни русских рабочих / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. И. Нутрихина. М.; Л., 1962; Песни и романсы рус. поэтов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Е. Гусева. М., 1965.

А. К., С. Л.

ПЕТЕЛИН Виктор Васильевич (р. 27.11.1929), критик, литературовед, доктор филологических наук (1992). Родился в многодетной крестьянской семье в с. Хавертово Михайловского р-на Рязанской обл. Окончил филологический факультет МГУ.

Работал в изд-ве «Советский писатель», журнале «Молодая гвардия» (1968—70), еженедельнике «Литературная Россия».

Петелин автор книг по критике, литературоведению, искусству: «Метод. Направление. Стиль» (1963); «Гуманизм Шолохова» (1965); «Виталий Закруткин» (1969); «Память сердца неистребима» (1970); «Россия — любовь моя» (1976, 1986); «Родные судьбы» (1974); «Михаил Шолохов» (1974, 1986); «Мятежная душа России» (1986), «Возвращение Мастера» (1986).

Автор художественно-документальных, биографических книг: «Алексей Толстой» (ЖЗЛ, 1978), «Михаил Булгаков» (1989); «Восхождение. Документальное повествование о молодом Шалапине» (1989); «Фельдмаршал Румянцев» (1989); «Жизнь Шалапина» (2000).

Автор книги воспоминаний «Счастье быть самим собой» (1999), составитель Полного собрания сочинений М. А. Булгакова в 10 томах (1995—99).

ПЕТР, митрополит (? — 1326), автор поучений, родом с Воьны. Был причислен к лику святых. В 12 лет постригся в монахи, выучился иконному письму, основал на р. Рати собственный монастырь. В 1308 был поставлен константинопольским патриархом в сан митрополита Киевского и всея Руси вопреки воле Тверского кн. Михаила Ярославича, который посылал в Константинополь своего ставленника Геронтия. Враждебность Михаила Ярославича Тверского во многом определила отношение Петра к Московскому и Тверскому княжествам. Петр не был сторонником какого-либо княжеского дома и проводил политику лавирования и нейтралитета, стараясь извлечь максимальную пользу для митрополичьей кафедры из любой ситуации. Иван Калита всячески старается привлечь митр. Петра в Москву. В 1326 митрополит участвовал в закладке московского Успенского собора, вскоре после чего занемог и умер в Москве. Создается «Сказание о смерти митрополита Петра», предшествующее его местной канонизации (1327), а также «Чтение на память митрополита Петра».

Икона XVI в.

Этими произведениями, как и постройкой освященного Петром московского Успенского собора, Калита утверждал право Москвы на роль нового центра русской митрополии.

Политическая ситуация, в которой оказался Петр, ярко отражена в Повести об убиении в Орде кн. Михаила Ярославича. В XIV в. создается «Житие митрополита Петра» и служба ему, переработанные митр. *Киприаном*. Сохранилось 6 посланий, связанных с именем Петра.

П. П.

ПЕТР МОГИЛА (Петр Симеонович), Киевский митрополит (31.12.1596—1.01.1647), родом из Валахии, где его отец был господарем. Петр Могила учился в православном Львовском братском училище, после этого за границей во многих университетах. Сперва он поступил на военную службу, участвовал даже в Хотинской битве, но под влиянием Киевского митр. Иова Борещкого вступил в духовенство и в 1627 был избран

Киево-Печерским архимандритом. В это время Петр руководил осуждением «Апологии» *Мелетия Смотрицкого* и открыто начал борьбу с Киевским митр. Исаией Копинским, не желая ему ни в чем повиноваться. В 1631 Петр устроил при Киево-Печерской лавре высшее училище «для преподавания свободных наук на греческом, славянском и латинском языках», которое впоследствии соединено было им с братской школой. В 1632 при избрании польским королем Вла-

дислава IV Петр, присутствуя в Варшаве представителем киевлян, выхлопотал легальное существование для Православной церкви, наряду с униатской. Следствием этого разрешения явилось отрешение многих прежде избранных епископов, в т. ч. и киевского Исаии Копинского, вместо которого был выбран Петр Могила. Из Варшавы Могила отправился в Киев и при помощи лаврской братии и братской школы занялся отобранием от униатов церквей и монастырей, в т. ч. Софийского собора и Выдубицкого монастыря, восстановлением церкви св. Владимира Спаса-на-Берестове, устройством церкви трех Святителей, а в 1635 очистил от развалин остатки Десятинной церкви. Особенное внимание уделял Петр Могила киево-братской школе, называемой Могилянской (см. Киево-Могилянская академия).

Основные сочинения: «Евангелие Учительное, поучения на праздничные и воскресные дни константинопольского патриарха Каллиста» (1616); «Анфологион, сиречь молитвы и поучения душеполезные в душевную пользу студией» (1636); «Евхологион, альбо молитвослов» (1646); «Собрание короткой науки об артикулах веры православных кафеологических христиан» (1645); «Рассказы о чудесах Печерских».

ПЕТР ТИМОФЕЕВ МСТИСЛАВЕЦ (? — не раньше 1579), первопечатник, вероятный автор послесловий к нескольким печатным изданиям.

Прозвище «Мстиславец» указывает на происхождение Петра Мстиславца из белорусского города Мстиславля (на территории Великого княжества Литовского). В 1564—65 вместе с *И. Федоровым* издатель первых точно датированных книг московской печати — Апостола-тетр (1564) и двух Часословов (1565); «Сказания» (1630—40). Покинув Москву, Иван Федоров и Петр Мстиславец в 1568 обосновались в Заблудове, имении покровителя Православия гетмана Литовского Г. А. Ходкевича, где и напечатали Учительное Евангелие (1569). Предположительно в 1569 Петр Мстиславец расстается с Иваном Федоровым, перебирается в Вильну. На средства купцов — православных Мамоницей он оборудовал типографию (1574) и напечатал в Вильно по крайней мере 3 книги. Возможно, упоминает-

ся в «листе» кн. *А. М. Курбского* к Кузьме Мамоничу («пан Петр»). В 1576—77 между хозяевами типографии и «друкарем» происходит разрыв. Последний раз имя Петра Мстиславца фигурирует в одном из документов, который относится к его бесконечной тяжбе с Мамоничами (1579).

Виленские книги Петра Мстиславца: Евангелие (1575), Псалтырь (1576), Часовник (между 1574 и 1576). Евангелие и Псалтырь снабжены послесловиями, с литературной точки зрения не изученными, но обнаруживающими знакомство Петра Мстиславца с «Диалектикою» Иоанна Дамаскина, сочинениями *Артемия Троицкого*. Роль Петра Мстиславца в написании послесловий к книгам, напечатанным им совместно с Иваном Федоровым, неизвестна.

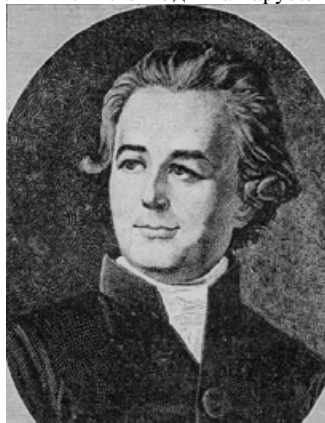
Лит.: Русакова Е. «Клеврет» первопечатника // Трехсотлетие первого друкера на Руси Ивана Федорова. 1583—1883. СПб., 1883; *Зернова А. С.* Типография Мамоницей в Вильне. XVII век // Книга. М., 1959. Сб. 1; *Она же.* Первпечатник Петр Тимофеев Мстиславец // Там же. М., 1964. Сб. 9; *Она же.* У истоков русского книгопечатания. М., 1959; *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. М., 1964; *Он же.* Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979; *Он же.* Новый документ о Петре Тимофееве Мстиславце // Федоровские чтения. 1982. М., 1987; *Ялугин Э. В.* Иван Федоров и Петр Мстиславец // Иван Федоров и восточнославянское книгопечатание. Минск, 1984; *Гаеврошин Н. К.* Русские первопечатники — читатели «Диалектики» Иоанна Дамаскина // Федоровские чтения. 1983. М., 1987.

М. О.

ПЕТРЕНКО Михаил Николаевич (1817—?), малороссийский поэт. В 1841 окончил Харьковский университет. Был учителем. Печатался в харьковских альманахах «Сніп» («Сноп», 1841), «Молодик» («Молодой месяц», 1843), «Южный русский сборник» (1848). В романтически окрашенных стихах Петренко сказалось некоторое влияние *Т. Г. Шевченко*, *М. Ю. Лермонтова*. Основные мотивы Петренко — тшета земной жизни, одиночество, сиротство, неразделенная любовь, философские размышления о Вселенной, о бесконечности. Цикл стихов «Славянск» («Слов'янск») проникнут радостью жизни, любованием природой. Некоторые произведения Петренко бытуют и сегодня как народные песни («Дивлюсь я на небо», «Де Крим за горами» и др.). Написал драму «Панская любовь» (не сохранилась).

Соч.: Думки та співи // Забіла В., Петренко М. Поезії. Київ, 1960.

ПЕТРОВ Василий Петрович (1736—4[15].12.1799), поэт. Родился в Москве. Учился в Заиконоспасской духовной академии, затем преподавал там риторику, пиитику, греческий язык. С «Оды на карусель» (1766), посвященной опи-

санию придворного праздника, началась известность Петрова как поэта. С 1768 он был переводчиком при кабинете *Екатерины II*, ее личным чтецом. Сотрудничал в журнале «Ни то, ни се», «Парнасский шепетильник» и др. В 1772—74 был в Англии, где совершенствовал свое образование. Выйдя в отставку, жил в деревне Орловской губ. Петров писал *оды* и послания императрице и ее фаворитам, быстро от-

кликаясь на текущие события. Его тяжеловесные стихи вызывали насмешки современников. *Н. И. Новиков, И. И. Хемницер* и др. неодобрительно отзывались о Петрове, которого Екатерина пыталась провозгласить «вторым Ломоносовым». У Петрова были некоторые творческие успехи в жанре «высокой поэзии»; он писал также сатирические произведения, перевел «Энеиду» Вергилия *александрийским стихом* (1 песнь — 1770; полностью — 1781—86), первые три песни «Потерянного рая» Дж. Мильтона (1777) и др.

Соч.: Сочинения. Ч. 1. СПб., 1781, 2-е изд. Ч. 1—3. СПб., 1811. В кн.: «Поэты XVIII в.» Л., 1936; Поэты XVIII в. Т. 1. Л., 1958.

ПЕТРУШЕВИЧ АНТОНИЙ (1821 — после 1900), галицийский ученый, специалист по истории Церкви в Галиции, Буковине и Холмщине, униатский священник. Отдельно его работы вышли в сборнике, носящем заглавие «Лингвистично-исторические рассуждения» и изданном во Львове в 1887. К сборнику приложена и биография Петрушевича. По своим политическим убеждениям Петрушевич принадлежал к партии т. н. «староруссов», почему старался писать на русском языке. Многие сочинения Петрушевича не изданы до сих пор.

ПЕТРУШЕВИЧ МИХАЙЛО (1869—1895), писатель. Родился в Галиции, окончил богословский факультет Венского университета, был священником. Оставил ряд интересных рассказов из народной жизни: «Градобур», «Паламар», «Душа», «Вибори», «Солітер», «Що виділа бабуна на тамтїм світі» и др.

ПЕТРУШЕВСКИЙ Владимир Александрович (4.02[17.02]. 1891—30.08.1961), поэт. Родился в Москве. Прадед поэта был переводчиком Эвклида и Архимеда, а его дед — генерал-лейтенант артиллерии Василий Петрушевский — преподавал химию цесаревичу, будущему имп. Александру III. Отец Петрушевского, тоже военный, был крестником Александра III.

В 1908 Петрушевский окончил Хабаровский кадетский корпус, а в 1911 — Николаевское кавалерийское училище. В первую мировую войну в чине полковника воевал в рядах 5-го гусарского Александровского полка, а во время гражданской войны был в армии адмирала Колчака. В 1920 Петрушевский из Владивостока эвакуировался на о. Яву, где с 1921 работал в Горном департаменте в отделе геологии. В 1945 получил звание геолога-практика. Петрушевский говорил, что он «изъездил, исходил и облетал Яву, Суматру, Целебес, Борнео, Бали... имел в своем подчинении 130 вулканов». На Яве Петрушевский изучил голландский и малайский языки и заочно окончил Парижские военно-научные курсы генерала Головина. В 1950 он вышел в отставку, уехал в Австралию, поселился в Сиднее, где занялся собиранием старинных русских монет и редких книг. Занят был и общественной деятельностью: стал активным членом многих русских организаций.

В наследии Петрушевского преобладает гражданская лирика. В его патриотических стихах воспеваются прошлое России, выражается надежда на возрождение монархии. В поэтическом сборнике Петрушевского «В. А. Петрушевский», посмертно изданном австралийским Корпусом Императорских Армии и Флота, главное место отведено разделам: «Государь и Россия», «Россия», «О былом». С. Спасовский называет Петрушевского «верным солдатом своего Императора, крепким сыном своего народа, эстетом, рыцарем Белой Мечты...». Стихи Петрушевского созвучны творчеству таких поэтов-монархистов, как *М. Колосова*, кн. *Н. Кудашев, И. Савин, О. Скопиченко*.

Соч.: В. А. Петрушевский. Сидней, 1966.

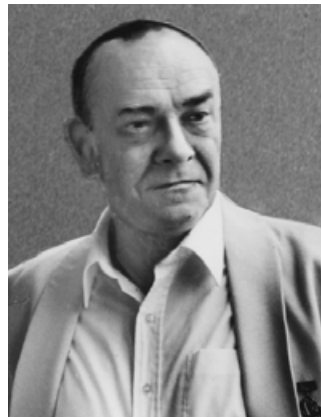
ПЕТРУШКА, главное действующее лицо в пьесах русского кукольного театра, носящего то же название. Представление Петрушки в России зафиксировано еще в 1636 Адамом Олеарием, путешествовавшим по Московии. Представления Петрушки пользовались популярностью даже в XIX и н. XX в. Кукольника, дававшего традиционные представления во время народных гуляний, сопровождал музыкант, позднее обычно шарманщик, который вел разговор с куклой Петрушкой. Шарманщик был как бы связующим звеном между деревянным актером и публикой. В кукольной драме наиболее часто выступали следующие персонажи: Петрушка, его супруга, цыган, доктор, квартальный, немец, жид, собака. В пьесе широко применялась импровизация. В различных вариантах вводились новые действующие лица. Диалоги в драме часто были построены на игре слов, на омониме, оксюмороне, синониме, реализации метафоры и т. п. Русские петрушечники нередко делали выпады на злобу дня и преследовались полицией.

ПИИТ, или пиита (*греч.* — делаю), устаревшая славяно-византийская форма слова «поэт»; теперь употребляется в ироническом смысле. В 1-й трети XIX в. слово «пиит» употреблялось в торжественном одическом смысле:

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

(А. Пушкин)

ПИКУЛЬ Валентин Саввич (13.07.1928—16.07.1990), писатель. Родился в Ленинграде. Окончил 5 классов школы, был эвакуирован из Ленинграда в Архангельск. Окончил школу юнг на Соловках, в 15 лет стал рулевым на эскадренном миноносце. Ни аттестата зрелости, ни дипломов у Пикуля не было.

Первый роман Пикуля «Океанский патруль» (1954) написан о войне, в нем нередки обращения к прошлому. Уже тогда писатель ощутил сопряженность событий 40-х XX в. с важными этапами становления русской нации и государства.

Первый исторически роман Пикуля — «Баязет» (1961), повествующий об обороне Баязетской крепости в годы русско-турецкой войны 1877—78. Пикуль — противник приукрашивания истории.

Прошлое, по мнению писателя, должно получить бескомпромиссную оценку, важно отделить подлинную правду от различных напластований. Пикулью свойственно контрастное изображение действительности, ему чужда недовольность. «Баязет» — роман о патриотизме и мужестве солдат и офицеров Баязетского гарнизона. «Более трех недель, почти целый месяц, день за днем, час за часом — под пулями и саблями, в поту и крови, умирая от жажды в араратском пекле, держались только на одном: выстоять... И выстояли».

Пристальный интерес Пикуля вызывает русский XVIII в. Не только хронологическая последовательность событий сближает роман «Слово и дело» (1974), о России 30-х XVIII

в., с романами «Пером и шпагой» (1972), где художественно исследованы 40-е и 50-е, и «Фаворитом» (1984), книгой о времени *Екатерины II* и Потемкина. Эти романы скрепляет единая идея и общий герой — Россия. Роман «Битва железных канцлеров» (1977), по словам Пикуля, является логическим продолжением романа «Пером и шпагой». Повествование раскрывает единоборство двух политических систем в лице русского министра М. Горчакова и прусского канцлера Бисмарка. «Битва железных канцлеров», по определению Пикуля, — «политический роман. Без прикрас. Без замысла. Без лирики», роман о силе русской дипломатии. Пикуль избрал форму романа-хроники. Перспективными Пикуль считал традиции исторического романа *Вяч. Шишкова* «Емельян Пугачев». Пикуль активно привлекал палитру художественных средств, характерных для различных романовых разновидностей. Герои романов Пикуля, как правило, — люди реально существовавшие. Их участие в исторических событиях зафиксировано в документах, закреплено в народной памяти. Роман «Пером и шпагой», напр., напоминает движущуюся киноленту. Принцип драматургической подачи материала подчеркнут названием глав («действие первое — подступы», «действие второе — приступы»). Небольшие введения — «занавесы» — играют роль ремарок, в них дается расстановка фигур и необходимые сведения об историческом времени. Главы завершаются заключениями, создающими иллюзию разворачивающейся инсценировки истории. Напряженная авторская мысль, цементирующая воедино мастерски нарисованные портреты, исторические эпизоды, драматические сцены, постоянное присутствие автора (заинтересованного в том, чтобы читатель ощутил тесные контакты между жизнью, которой он живет, и жизнью прошлого) делают роман Пикуля злостным.

«Слово и дело» по времени, в нем описанному, близко к «Петру Первому» *А. Н. Толстого*. Опираясь на традиции предшественника, Пикуль создает оригинальное произведение. Пикуль стоит перед трудной задачей художественно истолковать совсем иную для России пору — пору разрушения многого из того, что было достигнуто Петром. В центре повествования — образ «императрицы престрашного зраку» Анны Иоанновны и печально отразившиеся в народной памяти образы Бирона, Остермана, Левенвольде. Главная линия романа связана с борьбой Артемия Волынского и его конфидентов за национальную честь и достоинство России. По мнению Пикуля, «Артемий Волынский давно принадлежит истории как патриот, как гражданин. Но образ этого человека сложен и противоречив...». Герой раскрыт в романе как сложная, противоречивая, необузданная и яркая натура. С сарказмом и злой иронией изображены в романе Анна Иоанновна и ее окружение. Назвав отдельные части романа летописями, Пикуль подчеркивал свою приверженность хронологическому и документальному принципу. Наиболее выразительные факты и детали исторического времени подаются писателем в укрупненном и заостренном плане. Авторский комментарий, вопросы к читателю усиливают эмоциональный пафос романа, придают произведению напряженность, обнажают страсть художника-публициста.

В «Фаворите», следуя принципам хроники, писатель восстанавливает пеструю картину развития России во 2-й пол. XVIII в. В центре повествования два героя — Екатерина II и кн. Потемкин. Рисуя далеко не однозначные характеры героев, Пикуль преодолевает несколько одностороннюю трактовку императрицы, а главное — открывает сегодняшнему современнику образ Потемкина. Пи-

куль важно передать колоритность, незаурядность, необузданность натуры героя, а главное — показать крупным планом те стороны его неутомимой деятельности, которые шли на благо России. Сделано это ярко, броско, заинтересованно.

Под общим заглавием «Под шелест знамен» (1985) объединены 2 романа Пикуля — «Париж на три часа» (первая публикация — 1962; перераб. ред. — 1985) и «Каждому свое» (автор обозначил даты работы над романом: «1 янв.—17 апр. 1983, Рига»). Пикуль предложил в этих произведениях оригинальное прочтение образа Наполеона, создал героический портрет республиканца генерала Моро.

Творческое внимание Пикуля приковано также к событиям, которые происходили в канун революции 1917 и сразу же после нее: романы «Из тупика», «Моонзунд» (1975). В романе «Моонзунд» Пикуль предлагает свое прочтение образа Колчака, человека умного и смелого, одаренного военным талантом, знатока минного дела, ученого-гидрографа, известного своими научными открытиями.

80-е были временем активной писательской деятельности Пикуля. Помимо вышедшего в 1984 «Фаворита», был написан сентиментальный, по определению автора, роман «Три возраста Окини-сан», роман «Крейсера». Роман «Барбаросса» (первая публ.: Наш современник. 1991. № 2—8) — последнее произведение Пикуля.

Соч.: Соч.: В 13 т., 18 кн. / Вступ сл. и сост. А. И. Пикуль; Под общ. ред. Л. М. Кузнецова. М., 1992; Соч.: В 20 т. / Сост., предисл. и коммент. А. И. Пикуль. М., 1991; Избр. произв.: В 12 т. М., 1992; Из рукописного наследия / Подгот. рукописей к публ., сост. и вступ. А. И. Пикуль. М., 1993; Славное имя — Беретиня. М., 1990; Площадь павших борцов // Роман-газета. М., 1992. № 5—6.

А. Филатова

ПИЛЬНЯК (псевд., наст. фамилия — **Вогау**) **Борис Андреевич** (29.09[12.10].1894—21.04.1938), писатель. Родился в Можайске. Окончил Московский коммерческий институт (1920). Первое произведение — миниатюра «Весной»

(1909). Начало постоянной литературной деятельности — 1915. Первый сборник рассказов Пильняка «С последним пароходом и др. рассказы» (1918) нес характерные стилевые и тематические черты прозы 10-х — заторможенный темп уездной жизни, тягостные отношения людей, смутные ожидания перемен. Во втором сборнике «Былье» (1920) появились рассказы, рисующие сдвинутую с привычных мест российскую действительность. В романе «Голый год» (1921) Пильняк обратился к столкновению двух миров, изобразив беспощадное разрушение веками существовавшего, но уже заметно пошатнувшегося уклада; однако в этом изображении он передает лишь самые общие очертания событий русской смуты, прибегая обычно к объяснению через символы: параллели между смутой и любовью («буйной радостью», «попынной скорбью»), смутой и метелью («Метель», 1922). Творчество Пильняка очень «литературно», зависимо от разных писателей: *Д. Мережков-*

ского, И. Бунина, А. Белого; повесть «Третья столица» посвящена А. Ремизову — «мастеру, у которого я был подмастерьем». Пильняк очень внимателен к той реформе прозы, которая происходила в начале века и особенно в 20-х. В прозе Пильняка легко заметить интенсивное расширение материала литературы за счет малоизученного быта революционных лет, одним из первооткрывателей которого он был («Никола-на-Посадах. Рассказы», 1923; «Иван-Москва», 1927, и др.), и за счет «запретных тем» — деталей интимной жизни, натуралистических сцен. Для Пильняка обычно конспективное описание человеческих судеб лишь в узловых моментах («Английские рассказы», 1924, «Поокский рассказ», 1927). Наиболее интересная сторона его прозы — передача внешнего колорита эпохи: жизнь и облик города 20-х, особый вагонный быт голодного и исполненного смертельной опасности времени («Голый год»).

В 1926 Пильняк опубликовал в журнале «Новый мир» «Повесть непогащенной луны», помещенная в журнале редколлегией признана «явной и грубой ошибкой». Повесть «Красное дерево», отклоненная по идейным соображениям журналом «Красная новь» и опубликованная Пильняком за рубежом (1929), подверглась резкой критике в советской печати. В центре романа «Волга впадает в Каспийское море» (1930) — строительство нового водохранилища: Пильняк пытается показать рождение «новой русской культуры», новые психологические ситуации, приводящие порой к трагическим коллизиям.

Пильняк стремился к обновлению языка прозы — не только за счет прямых лексических новшеств, но и путем «сталкивания «индустриальной» лексики с диалектными и др. «экзотическими» словами. Пильняк прибегает к перебивам в последовательном движении фабулы, к неожиданным поворотам сюжета вспять, к резкой и часто немотивированной смене способов повествования.

Размышления о судьбах России, о ее историческом пути («Повесть петербургская», 1922; «Третья столица», 1923) с годами все больше занимают писателя; в его романах и повестях много места отведено рассказам о раскопках, археологических исследованиях. В 30-е Пильняк все больше расширяет материал своих исторических параллелей, обращаясь к современной жизни и к истории разных стран («Корни японского солнца», 1927, «О'кэй», 1933, «Камни и корни», 1934).

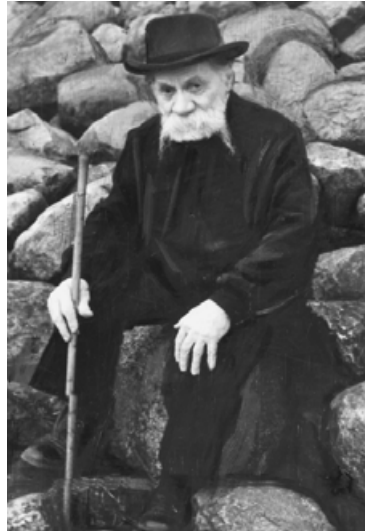
Соч.: Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1929—32; Расплеснутое время: Рассказы, повести, романы. М., 1990; Повести и рассказы 1915—29. М., 1991; Соч.: В 3 т. М., 1994.

М. А.

ПИСАРЕВСКИЙ ПЕТР, малороссийский стихотворец, учился в бурсе, затем в Харьковской духовной коллегии. В 1841 были напечатаны его стихотворения: рассказ из народной жизни, *басни и сказки*: «Пан», «Щуценья», «Паньское слово — велике діло» и подражание *Гулаку-Артемовскому* «Собака та злодій», последние 2 пьесы изображают несправедливые отношения помещиков к крестьянам.

ПИСАРЕВСКИЙ СТЕПАН, малороссийский писатель. Учился, вероятно, в Харьковской духовной коллегии, затем был в Харькове протопопом. Свои литературные работы подписывал псевд. «Стецько Шереперя». В 1840 он издал оперу «Купала на Ивана», а в 1841 стихотворения. Известность приобрел песней «За Неман иду», написанной в 1813 на поход русских войск за границу. Песня пользовалась популярностью вплоть до н. XX в.

ПИСАХОВ Степан Григорьевич (13[25].10.1879—3.05.1960), сказочник. Родился в Архангельске в семье ремесленника — ювелира и гравера. Окончил городское училище в Архангельске, затем учился в художественном училище барона Штиглица в Петербурге. Как художник, продолжил свое образова-

ние в Париже и в частной мастерской в Петербурге, И. Е. Репин приглашал его работать в своей мастерской. В 1899 Писахов участвовал в художественной выставке в Петербурге, в 1907 его картины были выставлены в Риме, в 1910 — в Архангельске, в 1912 он был удостоен серебряной медали на художественной выставке в Петербурге.

По материнской линии Писахов происходил из д. Труфанова Гора на р. Пинега. «Вам бы ранней весной да вверх по Пинега-реке в много-

водье подняться, — писал позднее Писахов. — Как раз попали бы в песенье. Весной праздники. Оживает XVI век. Девки-хваленки в досельных больших нарядах, да обряды, да песни, да присказки». Брат бабушки, дед Леонтий, был профессиональный сказочник, с детства будущий писатель жил среди богатого северного словотворчества. Поэтому для него органично стремление вернуть литературе исконный лад стародавней русской речи. Ее истоки отыскивались в подлинных записях *сказок, песен, пословиц*, и не только в записях, а прежде всего в их еще живом в ту пору звучании.

Писахов словно вышел на городскую улицу из древней русской сказки. У него было и обличье сказочное, он походил на сказочного волшебника: «Стоило заглянуть в его глаза, спрятавшиеся под кустистыми бровями, чтобы почувствовать: перед вами настоящий сказочник». Писахов не был типично «письменным» писателем, по его признанию, сочинять и рассказывать свои сказки он «начал давно, записывал редко». Особенности текстов Писахова обусловлены устностью, «аудиторностью» их рождения, долгое время сказки Писахова бытовали именно в устном его исполнении и в устных же слушательских пересказах. Первые отзывы о его творчестве были опубликованы не как о сказочнике, а как о художнике — в 1918 газета «Северный день» опубликовала статью *Л. Леонова* «К предстоящей выставке картин художника Писахова» и «Поэт Севера». Лишь в 1924 в сборнике «На Северной Двине» были напечатаны его сказки из цикла «Северный Мюнхгаузен». В 1927 северные сказки в записи и с комментариями Писахова были опубликованы в альманахе «Советская страна». В 1938—40 в Архангельске вышли сказки Писахова в 2 книгах. В 1940 «Литературная газета» опубликовала материалы обсуждения сказок Писахова на конференции писателей.

География активного творческого кругозора Писахова поразительно широка — от Новой Земли до Каира. Много впечатлений ему как художнику дали еще юношеские его

путешествия в Италии, Франции, Турции и Египте. Но основной темой его и как художника, и как писателя стал родной Север, его образы, его речь. Писахов познавал Север детально и разносторонне, в качестве художника, фольклориста и этнографа обследовал берега Белого моря, бывал на Новой Земле, в водах Югорского Шара, принимал участие в арктических экспедициях. Писахов — представитель того времени, которое ощутило оскудение фольклора, отсюда стремление соединить фольклорные традиции и перспективные возможности литературы письменной.

Язык сказок Писахову, по его признанию, ближе, чем обычный литературный язык. Сказка — это школа освоения народного языка, его весомости, образности, значительности, «непраздности». О Писахове еще до войны свидетельствовали: «побасенки, напевки и говорушки цветут в каждой сказке». Но особенно любил сказочнику поговорки, которые, как говорил сам Писахов, норовисты: под руку подвертываются до поры до времени, зря не встрянут. Сказка — это и лирика, от склонности Писахова к лиризму; термин Писахова — «психоколорит» — относится не только к живописи, но и к сказке. А о творческой фантазии Писахова дают представление уже сами названия сказок — «Оглобля расцвела», «Месяц с небесного чердака», «На треске гуляли», «Брюки в восемнадцать верст длины», «Морожены песни», «Баня в море», «На Уйме кругом света».

Несомненно, однако, и реалистичность сказовой основы. Свои сказки Писахов ведет от имени Сени Малины, а Сенья Малина в самом деле жил в д. Уйма неподалеку от Архангельска. У Писахова видим в сказках вполне современные реалии: женщина требует от мужа, чтобы тот отправил ее в город «на короткой волне», а муж склонен отправить ее на «волне длинной», как более ему подходящей; в др. сказке медведь говорит по телефону. Без песни, по выражению Сени Малины, «внутри у нас потемки», песней мы свое «нутро проветриваем»; песни и сказка становятся учителями жизни, сказочник раскрывает ее красоту, учит привязанности к родной земле. Камешек с Новой Земли Писахов возил с собой в Египет, побывал тот камешек и на пирамиде Хеопса, был Писахов на Ниле, в Палестине, но по возвращении в Архангельск произнес: «Как будто глаза прополоскались! Где деревья красивее наших берез? Их нет».

«Писахов, — писал Ф. Абрамов, — один из великих сказочников Севера»; «он несомненно принадлежит к самым замечательным сказочникам мира»; «по размаху фантазии среди сказочников мира первого десятка Писахов занимает особое место».

Соч.: Сказки Ст. Писахова. Архангельск, 1949; Сказки. Архангельск, 1959; Сказки. М., 1978; *Шергин Б., Писахов С.* Сказы и сказки. М., 1983; Сказки. Очерки. Письма. Архангельск, 1985; Месяц с небесного чердака: Сказки. Л., 1990.

Лит.: *Сахарный Н.* Степан Григорьевич Писахов: Биограф. очерк. Архангельск, 1959.

В. Шошин

ПИСЕМСКИЙ Алексей Феофилактович (11[23].03.1821 (по др. источникам — 10[22].03.1820) — 21.01[2.02].1881), писатель, драматург. Родился в п. Раменье Костромской губ. в небогатой дворянской семье. С 1834 по 1840 учился в Костромской гимназии. Писемский-гимназист увлекался романтической литературой и сам пробовал писать. В 1840 поступил на математическое отделение Московского университета. После окончания университета (1844) Писемский вернулся в родные места и в течение нескольких лет был чиновником в Костроме. Служебные поездки по Костромской губ. дали Писемскому

неоценимый материал для творчества. Выйдя в отставку, он в 1854 переехал в Петербург.

В литературе Писемский дебютировал рассказом «Нина» (1848), но громкую известность ему принесла повесть «Тюфяк» («Москвитянин». 1850. Ч. 5. № 19—20; Ч. 6. № 21). Его имя было поставлено в один ряд с именами *И. С. Тургенева*, *А. И. Гончарова* и *А. Н. Островского*. Писемский вошел в литературу в период господства в ней «натуральной школы». И хотя до 1853 он был близок к «молодой редакции» «Москвитянина» (*А. Н. Островский*, *А. А. Григорьев*, *Б. Н. Алмазов*, *Е. Н. Эдельсон*, *Т. И. Филиппов*) и не входил в содружество писателей, объединяющихся вокруг «Отечественных записок», его творческие установки оказались созвучны принципам «натуральной школы».

Сюжеты своих первых произведений — романов «Боярщина» (первоначальное название «Виновата ли она?», завершен в 1846, напечатан в 1858 в «Библиотеке для чтения») и «Богатый жених» (1851), повестей «Тюфяк», «Брак по страсти» (1851), «М-г Батманов» (1852), рассказов «Комик» (1851), «Фанфарон» (1854), «Старая барыня» (1857) — Писемский черпал из жизни средневосточного круга. Эта среда была для Писемского совершенно лишена ореола привлекательности. Он безжалостно разрушал поэзию дворянских гнезд, воспетую Тургеневым и *Л. Толстым*. Не только родственные, дружеские, имущественные отношения дворянства выглядят в произведениях Писемского в высшей степени неприглядно, но даже настоящей любви нет места в этом обществе. Ее заменяют или холодная светская игра, или прямой обман. В духе эстетики «натуральной школы» Писемский сосредоточил внимание на изображении будничной, прозаической жизни обыкновенных людей.

Кроме темы морального оскудения помещичьего класса, Писемский разрабатывал и др. важные для «натуральной школы» темы. В рассказе «Старческий грех» (1861) он с большим сочувствием изобразил трагическую судьбу «маленького человека», мелкого чиновника Иосафа Фералонтова, всю жизнь честно служившего и на старости лет растратившего казенные деньги из-за молодой авантюристки, в которую он влюбился. Проблема положения женщины в обществе является основной в романе «Боярщина» и в повести «Виновата ли она?» и входит в проблематику «Тюфяка» и «Брака по страсти».

Значительную группу произведений Писемского 50-х — н. 60-х составляют рассказы и повести из жизни крестьян: «Питершик» (1852), «Леший» (1853), «Плотничья артель» (1855), «Батка» (1861). И в них писатель сохраняет свой сурово-беспощадный взгляд на русскую действительность. Жизнь крестьянского мира у Писемского не монолитна, ее разъедают внутренние противоречия. Наряду с конфликтом барин — мужик тут постоянно возникают и конфликты между мужиками («Плотничья артель», «Батка»). Писемский одним из первых в русской литературе раскрыл трагизм в народной жизни и, создав пьесу «Горькая судьбина» («Библиотека для чтения». 1859), доказал право человека из народа быть героем истинной трагедии.

Своеобразным итогом первого десятилетия литературной деятельности Писемского явился роман «Тысяча душ» («Отечественные записки». 1858. №1—6) — вершина твор-

чества писателя. В отличие от большинства последующих романов Писемского, «Тысяча душ» — произведение, безукоризненное с точки зрения архитектоники. Действие сконцентрировано вокруг главного героя — Калиновича. Его отношения с Настенькой и история служебной карьеры составляют две главные линии романа, тесно между собой связанные: на их пересечении лежит основной нравственный конфликт произведения. Писатель утверждает активность на общественном поприще и в устройстве личной судьбы, но он против практицизма, убивающего в человеке душу, превращающего его в механизм. Основным в романе является вопрос о возможности честной практической деятельности. Крах Калиновича-губернатора — лучшее доказательство невозможности пробить брешь в бюрократическом аппарате, в системе которого не место честному деятелю. Последовательный критицизм писателя в отношении действительности сочается с показом идеала национальной самобытности и здравого смысла, который был характерен для многих его рассказов и повестей.

До н. 60-х Писемский играл заметную роль в русской литературе. Конец 50-х, по общему признанию современников писателя, — вершина славы и популярности Писемского у русской читающей публики. *Ф. М. Достоевский* в 1864 еще пишет о «колоссальном литературном имени» Писемского.

В н. 1860 Писемский становится ответственным редактором «Библиотеки для чтения», которую с 1857 он редактировал совместно с *А. В. Дружининым*. В 1861 он печатает в этом журнале серию фельетонов «Мысли, чувства, воззрения, наружность и краткая биография статского советника Салатушки», а затем в том же году еще ряд фельетонов за подписью Никиты Безрылова. Публицистика Писемского была направлена против нигилистической журналистики — «Искры» и «Современника», в котором Писемский раньше сотрудничал. Оставив работу в «Библиотеке для чтения», Писемский в апр. 1862 уехал за границу. Вернувшись в Россию, Писемский печатает в журнале «Русский вестник» антинигилистический роман «Взбаламученное море» (1863), в котором показал нигилистические попытки разрушить историческую Россию. Столкнув в этом романе представителей разных общественных сил, борющихся друг с другом в период проведения крестьянской реформы, Писемский отдал предпочтение сторонникам идеала русской национальной самобытности, которые, по мнению писателя, сохранили «здравый смысл» и не потеряли своего лица в сложной, противоречивой действительности 60-х. Все остальное Писемский считал временным наваждением и ложью.

В 60—70-е продолжал плодотворно работать. Ведущими жанрами его творчества стали драма и роман, в отличие от первого периода, когда преобладали рассказ и повесть. В 60-е Писемский создал драматическую диологию «Былые соколы» (1864) и «Птенцы последнего слета» (1865), политическую драму «Бойцы и выжидатели» (1864), исторические пьесы «Самоуправцы» (1865; напечатана в 1867), «Поручик Гладков» (1867), «Милославские и Нарышкины» (1867). Для пьес Писемского характерны острые ситуации, бурные страсти, столкновение сильных характеров. В пьесах 70-х «Ваал» (1873), «Хищники» («Подкопы», 1873), «Просвещенное время» (1875), «Финансовый гений» (1876) писатель обращается к теме буржуазного хищничества, в котором он видит главное зло современной жизни.

Не удовлетворившись тем идеалом национальной самобытности и здравого смысла, который он выработал в дореформенный период, писатель продолжил поиски положительных начал русской жизни в романах «Люди сороковых годов»

(«Заря». 1869), «В водовороте» («Беседа». 1871), «Мещане» («Пчела». 1877), «Масоны» («Огонек». 1880). Все романы Писемского — романы краха иллюзий. Исключение составляет только роман «Люди сороковых годов», герой которого Вихров, наделенный автобиографическими чертами, борется со злом и как писатель, и как чиновник и верит в успех своей деятельности. Писатель подвергает проверке самые различные идеалы и приходит к выводу о том, что, как бы ни были они хороши сами по себе, в современной русской действительности нет связи между высокими идеями и практической жизнью. Это относится и к «Тысяче душ», и к роману-памфлету «Взбаламученное море».

Центральный герой пореформенных романов Писемского далек от того типа среднего, ничем не выдающегося человека, который интересовал писателя в повестях и рассказах дореформенного периода. По мере движения от романа к роману в нем усиливаются черты положительного героя, романтика, идеалиста, борющегося за свой идеал. От Калиновича, героя «Тысячи душ», являющегося, несомненно, незаурядной личностью, этих героев отличает идеальность стремлений, отсутствие в их поступках личной корысти и высокие нравственные принципы, не позволяющие идти ни на какие компромиссы. На первый взгляд может показаться, что Писемский, начав с решительного снижения образа дворянского героя, постепенно изменил свое отношение к нему и отказался от принципа дегероизации. Однако это не так. Напротив, в романах Писемский еще убедительнее, чем в рассказах и повестях 40—50-х, показывает несостоятельность дворянского героя.

Подвергнув тщательному и беспристрастному анализу жизнь русского дворянства, Писемский с беспощадной правдивостью показал, что дворянский герой не состоялся. Логика действительности и собственных творческих поисков неизбежно вела Писемского, так же как и Тургенева, к созданию образа разночинца. Тургенев подверг испытанию разночинца в романе «Отцы и дети», Писемский несколько лет спустя создал один из самых обаятельных в его творчестве образов — образ нигилистки Елены Жиглинской («В водовороте»). Писатель восхищен человеческими качествами своей героини, но избранный ею путь считает ошибочным.

В отличие от Л. Толстого, Достоевского, *Лескова*, Писемский не возлагал больших надежд на нравственное возрождение человечества. Он стремился к конкретным практическим преобразованиям современной действительности и не мог удовлетвориться отвлеченным нравственным идеалом. Но и такого идеала, с помощью которого можно было бы исправить ежедневную практическую жизнь людей, основанную на справедливых, разумных началах, Писемский найти не мог. Испытав все идеалы, он пришел к выводу о несовместимости идеала и действительности и понял это как вечный закон, лежащий в природе общества и человека.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 24 т. Пб.; М., 1895—96; Собр. соч.: В 9 т. / Вступ. ст. М. П. Еремьина. М., 1959; Письма / Подгот. текста и коммент. М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М.; Л., 1936.

Изм.: Русские писатели. Библиографический словарь. М., 1990. Т. 2.

ПИСЬМО, эпистолярный жанр литературы, стихотворное или прозаическое обращение писателя к определенному лицу с постановкой какого-либо важного вопроса. В этом отношении форма письма как жанр близка к *посланию*. В античной литературе известны «Письма» Горация, впер-

вые переведенные на русский язык в XVIII в. *А. Кантемиром*, который применил в данном случае силлабический тринадцатисложник, без рифмы. В древнерусской литературе такими посланиями были политические письма *Андрея Курбского* царю *Ивану Грозному* и ответные письма *Ивана Грозного* Курбскому; известны письма на религиозные темы протопопа *Аввакума* к четырем «поморским отцам» и его же письма к *Ф. Морозовой*, *Е. Урусовой* и *М. Даниловой*. Из стихотворных писем XVIII в. следует отметить замечательное эпистолярное произведение *М. Ломоносова* — «Письмо о пользе стекла» *Шувалову*. У *А. Кантемира* имеются прозаические «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложенных стихов русских» — стиховедческий трактат, и стихотворные письма — «Письмо к князю *Никите Юрьевичу Трубецкому*» и «Письмо к стихам своим»; первое написано одиннадцатисложником, второе — тринадцатисложником. В XIX в. жанр стихотворных писем назывался посланиями.

А. Квятковский

ПЛАВИЛЬЩИКОВ Василий Алексеевич (1768—14[26].08.1823), библиограф, издатель, типограф и книготорговец. Брат *П. А. Плавильщикова*, который открыл в Петербурге в 1791 типографию для печатания театральных афиш; типография эта вместе с типографией *И. А. Крылова* перешла в сер. 90-х к Плавильщикову, который развернул большое издательское и книготорговое дело. Книжный магазин Плавильщикова у Синего моста (открыт в 1815) стал местом, где собирались ученые и литераторы. Плавильщиков основал в 1815 первую частную бесплатную библиотеку; ее алфавитный каталог (ок. 7000 томов), составленный Плавильщиковым и библиографом *В. Г. Анастасевичем*, издавался в 1820 под названием «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки *В. Плавильщикова*, систематическим порядком расположенная». Плавильщиков издавал преимущественно учебную литературу. Из типографии Плавильщикова в 1807—24 вышло 227 названий книжных изданий. Книжный магазин вместе с библиотекой и типографией по завещанию Плавильщикова после его смерти перешли к его приказчику, ставшему крупным издателем, — *А. Ф. Смирдину*.

Лит.: *Куфаев М. Н.* История русской книги в XIX в. Л., 1927; *Муратов М. В.* Книжное дело в России в XIX и XX вв. М.; Л., 1931; *Кацпржак Е. И.* История книги. М., 1964.

А. Ш.

ПЛАВИЛЬЩИКОВ Петр Алексеевич (24.03[4.04].1760—18[30].10.1812), драматург и актер. Родился в Москве. Сын купца. Учился в Университетской гимназии, с 1776 — в Московском университете. С 1779 — актер, впоследствии руководитель русской придворной труппы в Петербурге. Одновременно преподавал в Академии художеств русскую словесность и в Горном корпусе риторику. В 1793 вернулся в Москву, на сцену Петровского театра. В программных статьях журнала «Зритель» (1792), который он издавал совместно с *И. А. Крыловым* и др., Плавильщиков выступил за изображение в искус-

стве жизни «третьего сословия» — мещанства и купечества. Полемизируя с *Н. М. Карамзиным*, он доказывал, что русская культура способна к самостоятельному развитию, и настаивал на необходимости изображать русский национальный характер («Нечто о врожденном свойстве душ российских»). В статье «О театре» Плавильщиков призвал к созданию самобытного русского репертуара и частичному пересмотру поэтики классицизма. Узаконив жанр «мещанской драмы», Плавильщиков требовал приближения языка персонажей к разговорной норме изображаемого сословия. Раннее творчество Плавильщикова эклектично. Трагедия «Дружество» (1783) и комедия «Исправление, или Добрые родственники» (1785) написаны под влиянием *А. П. Сумарокова* и одновременно драматической теории *В. И. Лукина*. В пьесе «Мельник и сбитеньщик — соперники» (1788, опубл. 1793) Плавильщиков обращается к сюжету комических опер *А. О. Аблесимова* и *Я. Б. Княжнина*, в «Сговоре Кутейкина» (1789) выводит на сцену героев «Недоросля» *Д. И. Фонвизина*. Лучшие комедии Плавильщикова посвящены крестьянскому и купеческому быту. В «Бобыле» (пост. 1790, опубл. 1792) показаны типы крестьян послепугачевского времени, в «Сидельце» (пост. 1803, опубл. 1807) — типы купцов, предвещающие купеческий мир *А. Н. Островского*. Этнографически точное воспроизведение быта и семейных отношений, сатирическое изображение богатеев обеспечили комедиям успех. Наиболее известны трагедии Плавильщикова «Рюрик» (поставлен под названием «Всеслав», 1791) и «Ермак, покоритель Сибири» (1803).

Соч.: Соч., ч. 1—4. СПб., 1816; Русская комедия и комическая опера XVIII в. / Ред. текста и вступ. ст. *П. Н. Беркова*. М.; Л., 1950.

В. Степанов

ПЛАТОНОВ Андрей Платонович (псевд., наст. фамилия **Климентов**) (20.08[1.09].1899—5.01.1951), писатель, критик, публицист. Родился в Ямской Слободе, предместье Воронежа. Отец — паровозный машинист, слесарь. Платонов унаследовал от отца любовь к технике и «потной работе», преклонение перед поэзией паровозов и иных машин и мастерством человека-рукодельца, от матери, «дочери часового мастера», глубоко верующей женщины, — понимание души русского православного люда, высокий идеализм христианского мироотношения.

На облик художественного мира Платонова заметно повлиял образ его «малой родины» — Ямской Слободы. С одной стороны (в нескольких сотнях метров) — узкоколейка, многочасовые наблюдения за маневрами паровозов и любимая мальчишечья забава — катанье на подножках вагонов; с др. — Задонский тракт, с рассказами паломников о святых местах, житийной назидательностью и благочестием. С одной — город рабочих и мастеровых людей, идеи глобального социального и одновременно технократического переустройства мира, с др. — деревенский быт, мир плетней и многовекового уклада, ценность традиционных отношений и связей, стабильный общинный лад и семейные радости, дети и старики...

С 1906 по 1914 Платонов учился в церковно-приходской школе и городском училище. Как старший в семье из 11 детей, с 14 лет начал работать — рассыльным, литейщиком на трубном заводе, помощником машиниста. Подростком начал писать стихи, которые печатались после революции в воронежской прессе. В н. 1918 Платонов поступил на электротехническое отделение железнодорожного политехникума.

В литературной жизни Воронежа Платонов активно участвует с осени 1918: выступает на дискуссиях в Коммунистическом союзе журналистов, печатает статьи, стихи, рассказы в газетах и журналах («Воронежская коммуна», «Красная деревня», «Огни», «Железный путь» и др.). В ранней прозе и публицистике Платонова проговариваются многие идеи эпохи: призывы к полному подчинению, растворению человека в общем деле социалистического строительства — и яростная убежденность в полном творческом самораскрытии личности при социализме; радикальные проекты «улучшения природы» — и осознание экологической опасности этих проектов; пролеткультовский нигилизм — и интерес к культурному наследию прошлого.

В 1921 в Воронеже выходит первая публицистическая книга Платонова — брошюра «Электрификация», в 1922 в Краснодаре — сборник стихов «Голубая глубина». Вскоре Платонов отходит на время от активной литературной деятельности ради практической работы.

Осенью 1926 Наркоматом земледелия Платонов назначается заведующим подотделом мелиорации земельного управления Тамбовской губ. Перед отъездом из Москвы он заключает договор с издательством «Молодая гвардия» на книгу избранных произведений. В Тамбов Платонов приезжает с начатыми рукописями и множеством замыслов. Три с пол. мес. (8 дек. 1926—23 марта 1927), проведенные там, — время чрезвычайно продуктивной творческой работы писателя. Здесь создается цикл повестей, объединенных раздумьями о русской исторической судьбе: фантастическая повесть «Эфирный тракт» (январь 1927); в том же месяце Платонов создает «Епифанские шлюзы» — повесть о петровских преобразованиях русской жизни; в сер. февр. завершает в первой редакции «Город Градов» — хронике борьбы Москвы (центра) и идеологов Градова (провинция), попытку сатирического осмысления новой философии становящегося государства. В это же время пишутся статьи по вопросам землепользования в России, философские эссе об искусстве, религии, науке, проводятся социально-экономические расчеты. Из Тамбова Платонов пишет жене о своих сокровенных раздумьях. «Пока во мне сердце, мозг и эта темная воля творчества — “муза” мне не изменит... Иногда мне кажется, что у меня нет общественного будущего, а есть будущее, ценное только для меня одного»; «скитаясь по захолустьям, я увидел такие грустные вещи, что не верил, что где-то существует роскошная Москва, искусство и проза. Но мне кажется — настоящее искусство, настоящая мысль и могут только рождаться в таком захолустье». В н. 1927 в Тамбове Платонова, казалось, разомкнулись горизонты видения мира, и это видение до конца жизни уже больше не покидало его.

Внешние же обстоятельства судьбы писателя были по-прежнему нелегки. «В Тамбове обстановка была настолько тяжелой, что я, пробившись около 4 месяцев, попросил освободить меня от работы... Я бился как окровавленный кулак и, измучившись, уехал, предпочитая быть безработным в Москве, чем провалиться в Тамбове на работах...» — объяснял он позднее в одном из писем.

В марте 1927 Платонов окончательно переезжает в Москву. В скитаниях по Москве Платонов пишет новую редакцию «Города Градова», создает цикл новых повестей: «Сокровенный человек» (платоновская попытка осознания бытийного

смысла гражданской войны и новых социальных отношений глазами «природного дурака» Фомы Пухова), «Ямская слобода», «Строители страны» (из которой впоследствии вырастет роман «Чевенгур»). В 1928 Платонов сотрудничает в журналах «Красная новь», «Новый мир», «Октябрь», «Молодая гвардия». Один за др. выходят сборники «Епифанские шлюзы» (1927), «Луговые мастера» (1928), «Сокровенный человек» (1928), «Происхождение мастера» (1929).

Литературная судьба писателя резко изменяется после разгромной критики деятелями РАППа рассказов «Че-Че-О», «Государственный житель», «Усомнившийся Макар» в 1929. В 1929 завершен автором и доведен до верстки «Чевенгур» — роман о революции и Новом Граде. Однако все попытки опубликовать «Чевенгур» окончились к к. 1929 крахом.

Осенью 1929 — «года великого перелома» — Платонов много ездит по совхозам и колхозам Средней России как командированный от Наркомата земледелия. К этому времени относится начало работы над повестью «Котлован». «Сюжет не нов, повторено страданье» — эпиграф, сохранившийся в черновиках повести, показывает, что раскулачивание деревни и бесконечное строительство «общепролетарского дома» в городе интерпретируются Платоновым в «Котловане» не только социально-тематически (т. е. применительно к политической ситуации в России к. 20-х), но символически, историософски. В центре его размышлений судьба России — «девочки-эсерши», его сомневающиеся герои ищут ответа на вечные, антологические вопросы бытия: что есть жизнь, в чем (или о ком) истина, каковы возможности и пределы познания себя и мира. Нити этих постоянных мотивов Платонова вплетены в саму поэтическую ткань прозы писателя, они создают плоть его особых художественно-философских «образов-понятий».

Повесть «Котлован» и пьеса «Шарманка», завершенные весной 1930, при жизни писателя опубликованы не были. В марте 1929 Платонов пишет первую редакцию повести-хроники «Впрок». Журналы и издательства отклоняют повесть, отмечая в ней наличие интонации «ошибочного», «Усомнившегося Макара». Повесть-хроника все-таки была опубликована (в новой редакции) в 1931 в журнале «Красная новь» и вслед за «Усомнившимся Макаром» легла на стол И. В. Сталина, вызвав новую волну критики.

Наступившая после публикации «Впрок» изоляция Платонова обозначила новый этап в творчестве писателя. В 1932 создана народная трагедия «14 Красных Избушек» — о страшных потрясениях русской провинции, о голоде, к которому привел «великий перелом». Из поездок по колхозам Поволжья и Северного Кавказа (командировки от Наркомата земледелия) Платонов привозит беспорядочный материал для повести «Ювенильное море (Море юности)». Повести «Ювенильное море», «Хлеб и чтение» завершены в 1932.

Первая после 1929 книга Платонова — сборник рассказов «Река Потудань» — была опубликована в 1937. В нее вошли такие ставшие классическими произведения, как «Фро», «Июльская гроза», «В прекрасном и яростном мире». Появление этой книги совпало с кульминацией политических процессов 30-х, и Платонов как идеологически неблагонадежный писатель попал под прицел литературной критики.

В это время Платонов пишет новые рассказы, сценарии, материалы к роману «Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году» (в февр. 1937 Платонов на перекладных проехал по маршруту «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева и пушкинского «Путешествия из Мос-

квы в Петербург»). Сдача романа в издательство «Советский писатель» планировалась в июле 1938. Но 29 апр. 1938 был по навету арестован и осужден по 58-й, «политической» статье единственный сын Платонова, 15-летний школьник. Он был освобожден из лагеря (благодаря содействию М. А. Шолохова, друга семьи писателя) лишь в 1941, смертельно больным, и через 2 года умер. «Слишком любимое и драгоценное мне страшно — я боюсь потерять его», — писал Платонов о 3-летнем сыне в 1926. Трагический и безысходный личный опыт разделенности с сыном был переплавлен и отражен писателем в раздумьях о мистической связи поколений в пьесе «Голос отца (Молчание)» (1938—39).

С 1938 Платонов сотрудничает с издательством детской литературы; в 1939 здесь выходит книга «Июльская гроза». В 1939—41 статьи и рецензии Платонова регулярно печатаются в журнале «Детская литература». Для Центрального детского театра Платонов пишет пьесы и сценарии («Избушка бабушки», «Добрый Тит», «Неродная дочь» и др.), однако ни одна из пьес не была поставлена при жизни писателя.

Издание нового сборника рассказов Платонова «Течение времени» было остановлено начавшейся Великой Отечественной войной. С окт. 1942 и до конца войны Платонов — фронтовой корреспондент газеты «Красная звезда». За это время вышли из печати 4 книги его военной прозы: «Одухотворенные люди» (1942), «Рассказы о Родине» (1943), «Броня» (1943), «В сторону заката солнца» (1945). Его очерки и рассказы с неизменной подписью «Действующая Армия» постоянно печатались на страницах «Красной Звезды» и «Красноармейца».

В 1943 не проходит цензуру книга Платонова «О живых и мертвых», в 1946 — книга «Вся жизнь». История неудавшегося издания последней совпадает с новыми нападками критики, обрушившимися на писателя после публикации рассказа «Семья Иванова» (др. название — «Возвращение») («Новый мир». 1946. № 10—11). Произведение, в котором писатель выступил первооткрывателем трагических аспектов Победы, было объявлено устами официозного критика клеветой на советскую семью и героя-солдата. («Литературная газета». 1947. 4 янв.). Рассказы Платонова снова возвращают ему из редакций журналов с резолюцией «Рассказ не пойдет». Неудачей завершились попытки писателя возобновить творческий контакт с Центральным детским театром, для которого он писал пьесу о Пушкине «Ученик Лицея». Единственной нитью связи Платонова с литературной жизнью остаются детские газеты и журналы.

Не имея возможности напечатать оригинальные произведения, писатель в последние годы своей жизни, будучи тяжело больным, работал над переложениями народных сказок. Результатом этой работы явились изданные при поддержке М. А. Шолохова книги русских сказок «Финист — Ясный Сокол» (1947) и «Волшебное кольцо» (1949), а также «Башкирские народные сказки» (1947). Последним большим произведением, над которым работал писатель, была пьеса-мистерия «Ноев ковчег (Каиново отродье)». Пьеса осталась незаконченной.

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. М., 1984—85; Одухотворенные люди: Рассказы о войне. М., 1986; 14 Красных Избушек // Сов. библиография. 1988. № 3; Возвращение. М., 1989; Счастливая Москва // Новый мир. 1991. № 9; Чевенгур: Роман. М., 1991; Взыскание погибших: Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи. М., 1995; Размышления читателя. Лит.-крит. статьи и рецензии. М., 1980.

Ист.: Русские писатели XX века. Биобиблиографический словарь. Т. 2. М., 1998.

Н. Корниенко, А. Харитонов

ПЛАЧ, причитания (причеть, голошение, вопль, крик), жанр русской обрядовой и бытовой народной поэзии; лирико-драматическая импровизация в стихах, в которой оплакивается смерть или несчастье близкого человека. Как своеобразный литературный жанр, плачи встречаются в древнерусской литературе, напр. плач Ярославны в «Слове о полку Игореве». Известен плач Московской кн. Евдокии над телом Дмитрия Донского. Житие зырянского просветителя Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым (автором Жития Сергия Радонежского), заканчивается риторическим эпилогом в форме плача: «Плач пермских людей», «Плач пермской церкви» и «Плач и похвала инока списующая», т. е. автора жития. Известен анонимный «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» (1611—12). В XVII в. поэт Сильвестр Медведев написал «Плач и утешение» по поводу смерти царя Федора Алексеевича.

Разновидностью плачей являются женские народные причитания. В них оплакиваются не только смерть близких людей, но и разнообразные невеселые случаи и события крестьянской жизни России — проводы в солдаты, неурожай, болезни, замужество против воли, тяжелая жизнь осиротевшей семьи и т. д. Авторами и исполнительницами плачей были т. н. вопленицы, среди них знаменитая Ирина Федосова, а после 1917 — Настасья Богданова, Анна Пашкова и Маремьяна Голубкова. Обычная стихотворная форма плача — фразовик с трехсложной клаузулой, напр.:

Подойти мни вот, спобедной кручинной головошке,
 Ко своему-то к роженому к сердечному дитятку,
 Ко своей-то мни ко белой к лебедушке,
 Ко умершей к бывшей к подстылой головошке!..

(Н. Богданова, начало «Плача о дочери»)

Среди плачей встречаются такие, в которых явно присутствует метрическое, стопное начало. Вот строки, похожие ритмическим рисунком на ритм известных народных стихов «Как по морю, морю синему» и отсюда — на ритм стихотворения Н. Некрасова «Орина, мать солдатская» (трехкратный четырехдольник третий):

Как идет да гостя | дальняя,
 Идет | гостя долгожданная,
 Моя тетушка-добротушка,
 Старша | буйная головошка.
 У нас у | бедных
 Ново | чудо счудо|валось,
 Ново | диво сдиво|валось!

(А. Пашкова, начало «Плача после пожара»)

Или следующие строго метрические стихи полубылинного строя (четырёхкратный четырехдольник третий):

Спаси, | Господи, спо|рядных су|се-еду-у|шек!
 Благодарствую крестьянам право|сла-авны-ым,
 Не жалели что рабочей поры-|вре-еме-с|ни,
 Хоро|нить пришли надежную го|ло-ову-уш|ку —
 Уж вы | старосту-судью да постав|ле-онну-ую!
 Он не | плут ^ был до | вас, не лихо|де-ейни-и|чек,
 Собо|лезновал об|о-обчестве | со-обра-а|ном,
 Он сто|ял по вам сте|ной ^ да го|ру-одо-о|вой
 ^ От | этих миро|вых да злых по|сре-едни-и|ков.

(И. Федосова, начало «Плача о старосте»)

А. Квятковский

ПЛАЧ О ПЛЕНЕНИИ И КОНЕЧНОМ РАЗОРЕНИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА, одно из самых ярких произведений периода Смутного времени, в котором выразились отклики на бедствия, постигшие Россию. Анонимный «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» возник, по предположениям В. Ф. Платонова, летом—осенью 1612 в одном из провинциальных городов, вероятно в Казани. Текст «Плача» использован составителем т. н. «Казанского сказания», компиляции, датируемой М. Н. Тихомировым теми же месяцами 1612, к которым В. Ф. Платонов относит создание «Плача». Сам «Плач» рано получает общерусское распространение: в 30—40-е XVII в. его сокращенная редакция включается в сборник, составленный жителями Устюга Велико-го, в 1672—74 входит в состав московской исторической компиляции о Смутном времени. В XVII же веке «Плач» был присоединен в качестве заключительной главы к «Сказанию Авраамия Палицына». Впервые был опубликован В. Ф. Платоновым.

По своему характеру «Плач» напоминает произведения XIII—XIV вв., в которых древнерусские книжники пытались понять причины «гибели Руси» во время татаро-монгольского нашествия. Более всего отдельные фрагменты «Плача» близки к «Слову о погибели Русской земли», ибо в зачине «Плача» его неизвестный автор воспекает настоящую похвальную песнь России и ее красоте.

Однако в этом отношении автор «Плача» идет намного дальше автора «Слова о погибели Русской земли». И основная причина в том, что, по глубочайшему убеждению автора «Плача», к н. XVII столетия Россия стала истинным богоизбранным государством. Поэтому эпитеты и понятия, которые в «Плаче» применяются к характеристике России, связаны не столько с описанием ее красоты, сколько служат подтверждением ее богоизбранности — «преславная», «ясносияющая», «превеликая», «превысокая». «Многими леты» создававшееся Российское государство — это «пиргь (столп) благочестия» и «богонасажденный виноград», оно исполнено «христианскою верою святою» и сияет «яко солнце на тверди небесней», блеском своим уподобляясь янтарю. Высота и слава «великия России» известна всему свету, а сама Россия настолько возвысилась над всем миром, что стала страшна «бесерменомъ и германомъ и прочим языкомъ». А русский народ объявляется единственным истинным «языкомъ христианским». Ведь именно в России, в Успенском соборе, вместе со вселенскими святыми отцами, свершались священные таинства «о спасении вьсего мира», которая «яко другий рай бысть православному благочестия ради».

Особо подчеркивается значение Москвы, как богоизбранного города. Столица России, Москва — это «высокоименитый и преславно царствующий град», «самой земли око», «вселенней светлость». Именно здесь в Успенском соборе хранится Владимирская икона Божией Матери и потому Москва является единственным в мире городом, находящимся под покровительством Богородицы — «Пречистый Владычицы нашей Богоматере граде и наследие». И Покров Божией Матери, распростертый над Москвою, неоднократно спасал столицу России от многообразных нападений. В итоге же автор «Плача» именуется Москву «дщерью Нового Сиона», как бы развивая тот ряд идеалов-образов, которые возникли в России в XVI в., углубляя их ветхозаветные аналогии.

Стоит напомнить, что сами понятия «Сион», «Израиль», «Иерусалим» восходят к библейской символике. Так, «Новый Иерусалим», согласно Откровению Иоанна Бого-

слова, — это святой город, «новый, сходящий от Бога с неба», символ чистоты и правды, «ибо сила Божия осветила его» и «спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою». «Израилем» в Библии называется избранный Господом народ.

Столь же глубок и образ «Сиона», святой горы в Иерусалиме, в Библии трактуется как «вышний Иерусалим», как символ присутствия и благословения Божиего. Следовательно, Москва, называемая «Новым Сионом», в данном случае воспринимается как избранный Богом город, таким же, как древний Иерусалим. Образ «дщери (дочери) Сиона» также восходит к Библии — к книге прор. Иеремии. Этот образ используется прор. Иеремией как символ неверной дочери, нарушившей законы, установленные Господом-Отцом. Поэтому Господь грозит неверной «дочери Сиона» многочисленными карами за ее грехи.

Т. о., Москва, как «дщерь Нового Сиона», — это богоизбранный город, который забыл о Господе и погряз в грехах. Использование этого образа давало возможность автору «Плача» оплакать греховность Москвы с одновременным подчеркиванием идеи ее богоизбранности.

Как видно, текст «Плача» показывает, что идея особой богоизбранной судьбы России, выраженная ранее в учениях «Москва — Новый град Константинополь», Россия, как «Третий Рим» и др., к н. XVII столетия стала не только общепринятой, но и основной линией во всех религиозно-философских построениях русских мыслителей этого периода. А ветхозаветная символика, уподобление России ветхозаветному «богоизбранному Израилю» приобрели самое широкое распространение в сознании людей и в религиозно-философской мысли рубежа XVI—XVII вв.

Признавая богоизбранность России, автор «Плача» испытывает тем большее потрясение оттого, сколь быстро Российское государство «приятъ разорение и всеяднымъ огнемъ погоре!». Ведь это означает, что кары и наказания на Россию могли быть посланы лишь Самим Господом. Причем наказания Божии столь велики, что даже «единая еси спасительница и хранительница» России, Богородица, «нас остави». Следовательно, идея «гибели Руси», вроде бы уже ушедшая в прошлое, вновь становится главным поводом для религиозно-философских размышлений.

Ответ на многочисленные риторические вопросы, которые ставит автор «Плача», вполне традиционен — «грех ради наших Божии превеликий гнев разлился». Однако автор «Плача» не останавливается на простой констатации данного факта, а дает развернутую характеристику этих грехов, как бы показывая страшную картину морального несовершенства, воцарившегося на Руси. По его мнению, бедствия, постигшие Россию, содеялись Промыслом Божиим «за неправды и за гордение, и за грабление, и лукавство, и за прочая злая дела». Чуть ниже картина греховности дополняется: «...Правда въ человецехъ оскуде, и воцарися неправда и всяка злоба, и ненависть, и безмерное пьянство, и блудь, и несытное мздоимание, и братоненавидение умножися, яко оскуде доброта, и обнажися злоба, и покряхомся лжею».

В данном случае автор «Плача» не случайно употребляет множественное число — «и покряхомся лжею». Дело в том, что столь глобальные потрясения могли быть вызваны лишь глобальной же греховностью всего русского общества. Идея глобального, всеобщего греха — одна из главных идей «Плача». В тексте этого произведения говорится: «От великих благородныхъ, от премудрыхъ и до простых, и въкратце реку, — от главы и до ногу вси неисцельными струпы обяжася и Содомы и Гоморы и прочихъ бес-

численныхъ бесовскихъ язвъ исполнишася». Именно за всеобщие грехи явился на Русь «предтеча богоборнаго антитихриста», «сынъ тмы», «сродникъ погибели» — Лжедмитрий I, с появлением которого автор «Плача» и связывает начало собственно Смутного времени.

Однако автор «Плача», рассуждая о том, «сего ради падеся превысокая Россия, и разорися толикии твердыи столпъ», указывает и на конкретных виновников. Ими оказываются русские цари, причем, все цари без исключения. Этим тезисом об особой виновности всех русских царей «Плач» значительно отличается от др. сочинений, в которых анализировались причины Смуты. Ведь в данном случае виновным оказывается и царь Федор Иванович, который обычно как раз исключался из списка виновных, ибо прославлялся как «добродетельный» правитель.

Само появление подобного тезиса вполне объяснимо. Именно цари считались на Руси истинными Помазанниками Божиими, которым русский народ доверил и управление собой, и созидание «столпа благочестия» «превеликой» России. Следовательно, цари несут личную ответственность за «разрушение» столь «твердого столпа». Поэтому-то автор «Плача» и считает возможным возвести на русских царей многочисленные обвинения.

Тезис об особой виновности всех русских царей — это новое явление в истории русской религиозно-философской мысли, свидетельствующее об определенном кризисе устоявшихся, традиционных представлений о роли государя в русском обществе. Понятие «царь» в той или иной степени стало утрачивать свою сакральность, свое религиозно-мистическое значение. Во всяком случае, Смутное время, с его безвластием и засильем многообразных самозванцев, серьезно потрясло представления русских людей о царях, как Помазанниках Божиих.

Однако автор «Плача», рисуя ужасные картины «разорения» России, не впадает в абсолютный исторический пессимизм. По его твердому убеждению, Господь не отвернулся от своего избранного народа, а послал России испытание для того, чтобы русские люди очистились от грехов, вернулись к истинной вере и тем самым заслужили бы вечное спасение в «горнем Иерусалиме»: «...Браздою и уздою, сиречь скорбми и бедами, востязуетъ насъ, да чада света и горняго Иерусалима сожители будемъ и превечнаго будущаго живота и небесныхъ благихъ насладимся».

Поэтому автор «Плача» стремится показать и пути выхода, пути спасения гибнущего государства. Так, на страницах «Плача» возникает яркий образ патр. Гермогена — «непоколебимый же столпъ благочестия, предивный рачитель христьянская веры, крепкийи твердыйи адамантъ, челоуеколюбныйи отецъ, премудрыйи ерархъ». Именно устами патр. Гермогена произносятся слова, которые и указывают путь спасения России — всенародное покаяние: «...Со слезами и с рыданияемъ всенародно, зъ женами и съ чады, притещи къ неотсекаемой надежди, ко всемилюстивому въ Троици славимому Богу и просити милости и щедроты у богаодателные Его десницы, да подасть вамъ разумъ благъ, еже творити душам своимъ полезная и царствующему граду и окрестнымъ градамъ благодостройная, а не мятежная!».

А в качестве примера истинно православного поведения, который порождает надежду в сердце автора «Плача», он указывает на героическую оборону Смоленска, жители которого «мученическими страданиями изволиша лучше смерть восприяти», нежели изменить Православной вере. Следовательно, сохранились на Руси еще люди, способные своим мученическим подвигом искупить всеобщие грехи и тем самым указать пример другим. Этих-то других автор

«Плача» и призывает принять «страхъ Божии въ сердца своя», и всеобщим покаянием испросить Божией милости.

«Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства» был услышан в России и получил самое широкое, общерусское распространение. В 1620-е он читался по церквям во время ежегодной праздничной службы иконе Казанской Божией Матери. Позднее «Плач» включался в различные рукописные сборники, посвященные Смутному времени.

С. Перевезенцев

ПЛЕТЕНЕЦКИЙ Елисей Михайлович (между 1550 и 1554 — 29.10[8.11].1624), церковный деятель, писатель. Родился в с. Плетеничи на Львовщине в мелкошляхетской семье. Выступил как борец против унии и католицизма. С 1599 — архимандрит Киево-Печерской лавры, где организовал знаменитую типографию, вокруг которой объединил группу малороссийских церковных деятелей, издателей и писателей.

Лит.: Украинські письменники. Біо-бібліографічний словник. Т. 1. Київ, 1960.

Л. М.

ПЛЕТНЕВ Петр Александрович (10[21].08.1792; по его собственной записи в альбоме П. И. Кеппена, родился 15.08.1792 — 29.12.1865[10.01.1866]), поэт, критик, издатель. Родился в Тверской губ. Сын священника. Первоначальное образование получил в Тверской духовной семинарии. В 1810—14 учился в Педагогическом институте.

В 1814 началась блестящая педагогическая карьера

Плетнева: он служит в Екатерининском и Патриотическом институтах, в военных учебных заведениях. По рекомендации В. А. Жуковского, с 1828 преподает литературу наследнику престола Александру II и вел. княжнам. С 1832 по 1849 Плетнев — профессор русской словесности Петербургского университета, читает лекции в Главном педагогическом институте. С 1840 по 1861

Плетнев — ректор Петербургского университета, с 1841 — член Петербургской Академии наук.

В к. 1810-х, в пору литературных дебютов, как поэтических, так и прозаических, Плетнев — добросовестный ученик своих кумиров: Н. М. Карамзина, Жуковского, К. Н. Батюшкова. С некоторым опозданием он осваивает лучшие образцы поэзии. Провинциализм молодого поэта скрывается в одновременности этих подражаний: «чувствительные» стихи в духе уже несколько архаичной к тому времени карамзинской поэзии («К Гонорскому», «Загородная роща», оба — 1818) сочетаются с ультраромантическими мотивами (баллады «Пастух» и «Могильщик», 1820).

В 1819 Плетнев становится действительным членом *Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств* и *Общества любителей российской словесности*. Связь с первым формальна, во втором Плетнев — один из активнейших членов: некоторое время редактирует печатный орган Общества — «Соревнователь просвещения и благотворения», избирается «цензором поэзии» (совме-

шающим функции редактора и рецензента) на 1821, регулярно печатает свои критические разборы в «Трудах» Общества. В обстановке подъема гражданственных, патриотических настроений в среде «соревнователей» Плетнев пишет оду «Долг гражданина» (1823) и послание «К Вяземскому» (1822), сближается с Ф. Н. Глинкой, Н. И. Гнедичем, в особенности с А. А. Дельвигом. С 1824 Плетнев — активнейший сотрудник издаваемого Дельвигом альманаха «*Северные цветы*».

В 20-е Плетнев становится одним из ведущих критиков формирующегося пушкинского круга писателей. Он пишет ряд статей, посвященных романтической поэзии, причем в центре его внимания оказываются писатели, близкие по идейно-эстетической ориентации. «Добрые критики» Плетнева основывались на поощрительных рецензиях Карамзина с их принципом, «не осуждая плохого, хвалить хорошее». Необходимо было, с его точки зрения, очертить круг «правильной» литературы, неприемлемые тенденции и авторы не осуждались — они просто не рассматривались.

Черты доромантической культуры определили и отношение Плетнева к романтизму. В новом литературном направлении он принимает то, что скоро «выпадает» из системы — «нового классика» Батюшкова, «Рыбаков» Гнедича (ст. «Заметка о сочинениях Жуковского и Батюшкова» и «“Рыбаки”, идиллия Гнедича», 1822). Плетнев будет писать об «ограниченности» субъективного начала в романтизме: отсюда проистекала его критика «Кавказского пленника» Пушкина (ст. «Кавказский пленник», 1822), неприятие Байрона (ст. «Шильонский узник», 1822, посвящена переводу Жуковского). В статье «Орлеанская дева» Шиллера в переводе Жуковского (1824) он противопоставляет субъективности Ф. Шиллера «объективную манеру» В. Шекспира. Сильное увлечение Шекспиром вылилось в опыты его переводов, а затем в самостоятельное исследование «Шекспир» (1837).

В статье 1824 «Письмо к графине С. И. С<оллогуб> о русских поэтах» критик предложит концепцию русской поэзии, полемичную по отношению к обзорам А. А. Бестужева. Он объявит 20-е «золотым веком» русской словесности, подчеркнет многообразие поэтических стилей и невозможность сведения их к одной какой-либо тенденции. Статья вызвала негативную реакцию и в среде противников (А. Бестужев, Ф. В. Булгарин), и в среде единомышленников (Пушкин, Е. А. Баратынский). Тем не менее «добрые критики» Плетнева были необходимы для консолидации сил вокруг «Северных цветов» в не меньшей мере, чем его прямое участие в издательских делах. Рецензия Плетнева на первый сборник «Северных цветов» (1825), как и его статья «О стихотворениях Баратынского» (1827), защищавшая поэта от упреков в безнравственности, являлись выражением мнения пушкинского круга.

Оказавшись в самом центре литературного движения, Плетнев продолжил и свои поэтические опыты. Основные жанры его лирики 20-х — элегия, послание, антологическое стихотворение. Освоение элегической традиции первоначально вылилось в опыты стилизации — «Батюшков из Рима», «Жуковский из Берлина», «К рукописи Б<аратынского> стихов» (все — 1821). Последнее было настолько близко поэтике молодого Баратынского, что долгое время приписывалось этому поэту. Послания Плетнева изображали не условный образ «унылого» поэта, а вполне реальный облик личности, ищущей своей поэтической дороги (напр., послание «К Гнедичу», 1822). Отвечая на критику своей поэзии со стороны Пушкина, Плетнев

написал стихотворение «К А. С. Пушкину» (1822), одно из лучших в его лирике. В нем прозвучало и признание скромности своего поэтического дара, и мысль о растворении судьбы в славе друзей («Я буду жить бессмертием мне милых...»). Тепло принятое, послание послужило началом дружбы двух поэтов.

Плетнев становится постоянным и преданным поверенным во всех литературно-издательских делах Пушкина. Связь с опальным поэтом привела к возникновению секретного следствия о Плетневе. Он принимал участие в издании «*Литературной газеты*», затем журнала «*Современник*». Актом признательности со стороны Пушкина явилось посвящение Плетневу IV и V глав «Евгения Онегина» (1828) — а затем — и всего романа (в 1833, при его отдельном издании).

В к. 20-х Плетнев оставляет поэтическое поприще, реализуя свою идею ухода в мир «беспечной безвестности» (см. одно из его последних стихотворений «Безвестность», 1827). Взамен остается дружба. «Моя история вся в вас», — писал поэт Жуковскому

После смерти Пушкина Плетнев в числе т. н. литературной «складчины» (Жуковский, П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский, А. А. Краевский) издает «Современник» в пользу семьи поэта. С 1838 по 1846 выпускает журнал уже самостоятельно. Здесь Плетнев пытается продолжить пушкинские принципы: привлекает к изданию писателей, связанных с прежним «Современником», печатает рукописи поэта, материалы о нем. Однако «исключительно литературное» направление журнала, стремление занять нейтралитет в разгоревшейся полемике славянофилов и западников не способствовали популярности. Ближайшим другом и помощником Плетнева в этот период становится Я. К. Грот, обширная переписка с которым имеет большую историко-литературную и мемуарную ценность.

Центральной статьёй Плетнева в пору издания «Современника» стал его разбор «Чичиков, или “Мертвые души” Гоголя» (1842). Плетнев, введший Н. В. Гоголя в н. 30-х в литературные круги Петербурга, становится к к. 30-х его помощником в литературно-издательских делах: он помогает цензурному «прохождению» «Мертвых душ», позднее редактирует и издает «Выбранные места из переписки с друзьями». В статье о поэме Гоголя Плетнев подчеркнул погруженность писателя в мир действительной жизни, указал на приоритет жизни над вымыслом («не вымысел важен, а жизнь»). В разборе прозвучала мысль и о том, что первый том поэмы лишь начало, «вступление к великой идее о жизни человека, увлекаемого страстями жалкими»). В пору, когда за Гоголем установилась прочная репутация чисто комического писателя, это акцентирование «серьезности» и глубинной философичности поэмы было весьма актуально. Не случайно статья понравилась Гоголю более всех др. разборов поэмы.

Одним из первых в России Плетнев обратился к жанру биографического очерка. Его биографии «Александр Сергеевич Пушкин» (1838), «Евгений Абрамович Баратынский» (1844), «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» (1847), «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского» (1852) содержали редкий сплав мемуаристики (в них использовались письма к нему), тонкого анализа творческого облика писателя и полемической заостренности, направленной против игнорирования принципа «уважения к преданию» в эпоху к. 30—40-х. В них давалась картина литературного быта предшествующей эпохи, противопоставляемая современным, «торговым» нормам взаимоотношений в литературно-журнальном мире.

Соч.: Сочинения и переписка: В 3 т. СПб., 1885; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым: В 3 т. СПб., 1896; Поэты 1820—30-х. Л., 1972. Т. 1; Статьи, стихотворения, письма. М., 1988; Из переписки П. А. Плетнева / Публ. Е. П. Горбенко // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1987.

В. Проскурина

ПЛИТЧЕНКО Александр Иванович (9.04.1943—8.11.1997), поэт, писатель. Родился в с. Чумаково Новосибирской обл. Учился в Новосибирском педагогическом институте. Служил на Тихоокеанском флоте. Окончил Литературный институт (1982). Печатался с 1957. Первая книжка — «Про Сашку» (Новосибирск, 1965). Книжки «Аисты улетают за счастьем». Стихи (Новосибирск, 1966), «Облака, деревья, травы». Стихи (Владивосток, 1967), «Стихотворения» (Новосибирск, 1968), «Четыре белых коня». Стихи (Новосибирск, 1970), «Екатерина Манькова. Повесть о любви». Поэма (Новосибирск, 1972), «Родительский сад». Стихи (М., 1972), «Дневник». Стихи (Новосибирск, 1975), «Родня». Стихи (М., 1976), «Слово растений». Стихи (Новосибирск, 1979), «Любовь к снегу». Стихи (М., 1980), «Земляничный холм». Стихи (Новосибирск, 1983), «Дверь на холме. След мамонта». Повести (М., 1988), «Письмовник или страсть к каллиграфии». Повесть-эссе (Новосибирск, 1988), «Волчья грива». Поэмы (Новосибирск, 1990), «Матушка-рожь». Стихи (Новосибирск, 1998), «Избранное» (Новосибирск, 2000).

ПОБАСЁНКА (побаска, прибаутка), жанр русского фольклора: народный анекдот, короткий, занимательный рассказ, иногда меткое слово, поговорка. Побасёнка — один из самых распространенных жанров устной прозы. Ему посвящено немало пословиц: «Хороша побасёнка с поросенком на столе» и др. Наибольшее количество побасёнок опубликовано в сб. *А. Н. Афанасьева* «Народные русские сказки» (т. 1—3, 1936—40) в разделах «Народные анекдоты» (№ 453—527) и «Прибаутки» (№ 533—553). Побасёнником называют рассказчика-краснобая.

Э. П.

ПОВЕСТИ О ВАВИЛОНСКОМ ЦАРСТВЕ, памятники древнерусской литературы, представлены многочисленными списками к XV—XX вв., включают в себя «Притчу о Вавилоне граде», в которой сообщаются легендарные сведения о царе Навуходоносоре, создании им нового Вавилона и о запустении державы, и «Сказание о Вавилонском царстве».

Обе повести, как полагает Н. К. Гудзий, возникли в Византии для утверждения идеи византийской всемирно-исторической монархии и послужили основой для создания на русской почве «Сказания о князьях Владимирских». Н. Ф. Дробленкова предлагает более сложное соотношение редакций памятника с текстом «Сказания о князьях Владимирских» и анализирует его жанровые особенности. Любопытна мысль о том, что «композиция памятника» полностью воспроизводит последовательность посольского церемониала. В то же время повести о Вавилоне носят сказочный характер и напоминают отдельными литературными приемами и деталями волшебную сказку.

Изд.: Памятники литературы Древней Руси. 2-я пол. XV в. М., 1982.

Лит.: Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1966.

П. П.

ПОВЕСТИ О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА НА ПОЛОВЦЕВ, летописные повести, в основе сюжета которых лежит то же событие, что и в «Слове о полку Игореве», — неудачный поход кн. Игоря Святославича Новгород-Северского на половцев в 1185. Повести дошли до нас: одна в составе южнорусской *Ипатьевской*, и др. — северно-русской *Лаврентьевской летописей*.

Летописный рассказ Ипатьевской летописи более подробен и фактически точен. Большинство исследователей обратили внимание на сюжетные и текстуальные параллели между этой повестью и «Словом о полку Игореве». Однако повесть в Ипатьевской летописи обладает и самостоятельной художественной ценностью. Она наполнена интересными деталями и яркими стилистическими сравнениями. В повести подробно описываются затмение солнца, первая победа русских над половцами, желание Игоря преследовать врагов. Детально описана жизнь князя в плену и его бегство. Одна из самых интересных художественных особенностей повести — покаянная речь кн. Игоря во время битвы, когда он вспоминает, как взял на шит город Глебов у Переяславля, не пощадив его жителей. Для повести в Ипатьевской летописи характерен интерес к нравственному осмыслению поступков героев и стилистической яркости.

Повесть о походе князя Игоря в Лаврентьевской летописи более лаконична и не всегда точна фактически. В ней звучит явное осуждение князей. Рассказ в Лаврентьевской летописи с некоторыми изменениями вошел в состав многих более поздних летописных сводов.

Изд.: Ипатьевская летопись // Памятники средневековой литературы. М., 1962. Т. 11; Лаврентьевская летопись // Памятники средневековой литературы. М., 1962. Т. 1; Памятники литературы Древней Руси. XII в.

Лит.: Рыбаков Б. А. Слово о полку Игореве и его современники. С. 170—201. М., 1971; Он же. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.

О. А.

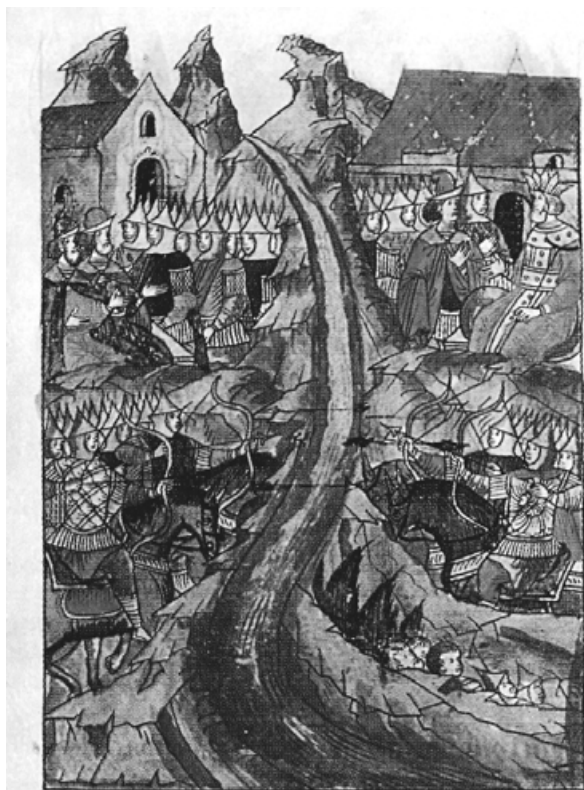
ПОВЕСТИ О СТОЯНИИ НА УГРЕ («О цари Ахмате, како приходил на Угру») — летописные повести о последнем столкновении русских войск с силами хана Большой Орды Ахмата в 1480, приведшем к окончательному падению Ордынского ига.

До нас дошел ряд самостоятельных рассказов об этом событии; лишь некоторые из них текстуально соотносимы друг с другом. Одним из ранних рассказов следует считать повесть, отразившуюся в ростовском летописном своде 80-х XV в., она дошла до нас в составе Типографской летописи. По идеологической направленности эта версия совпадает с общими тенденциями летописного свода, сочувствовавшего великокняжеской власти, но независимого от нее, и перекликается с «Посланием на Угру» Ростовского архиеп. *Вассиана Рыло*, призывавшего Ивана III к решительной борьбе с ханом.

Повесть начинается с упоминания о соглашении Ахмата с польско-литовским королем Казимиром и о том, что Иван III отправляет на Оку своего сына — Ивана Молодого и брата Андрея (Меньшого). Ахмат, не решившись вступить в бой на Оке с их полками, продвинулся на запад, к Литовской земле, и стал станом на берегу Угры. Иван III отправился в Москву, где митр. Геронтий и архиеп. Вассиан убеждали его стоять «крепко за православное хрестьянство противу бесерменству». Ахмат не дождался помощи от Казимира, на которого в то время напал крымский хан Менгли-Гирей. Тем временем к

войскам Ивана присоединились помирившиеся с ним братья — Андрей (Большой) и Борис Волоцкий. Между стоявшими на берегах Угры русскими и ордынскими войсками шла перестрелка, а когда Угра замерзла, то Иван III приказал своим войскам отступить к Кременцу (Кременску — городу между Медвнью и Боровском). Автор повести склонен объяснять поведение вел. князя влиянием на него советников — «злых человек, сребролюбцев богатых и брюхатых, предателей христианских». Войска Ахмата, полагая, что неожиданный отход русских предвещает вступление в битву, сами обратились в бегство. Это отступление повесть рассматривает как чудо Богородицы. Завершается повесть трехчастной концовкой, где говорится, что уход Ахмата был не следствием человеческих усилий, а божьей помощью; прославляются «добрые и мужественные» воины и содержится призыв оборонять землю Русскую, чтобы уберечь отечество от «пленения и разграбления», «убиения детей», надругательства, которые испытывают завоеванные турками земли.

В др. версии повести, читающейся в Московском великокняжеском своде к. XV в., подчеркнута отрицательная роль братьев вел. князя; указано, что Ахмат решился пойти

И помниши дни притвдла хуе в оцесе,
и не по змогоша. не помше ждше еста
река станапта. быши мрши елины то
гда река жемау еста и пиесе. быши ж естра
наше бои еднн двдги
боги хуе

Стояние на Угре. Лицевой летописный свод XVI в.

на Русь, «слышав, что братья отступиша от великого князя», но также упоминается и о влиянии на Ивана III «богатых и брюхатых». Нет здесь утверждения, что отход Ахмата явился следствием божественной помощи.

В «Повести о стоянии на Угре», входившей в свод 1518 (отразившийся в Софийской II и Львовской летописях), предстает сложная мозаика из разных источников. Здесь обнаруживается явная враждебность вел. князю: его упрекают за отpravку им «княгини римлянки» (т. е. Софьи Палеолог) и казны на Белоозеро в дни, когда ожидалось нападение Ахмата на столицу, и связывают это с намерением самого князя «бежати к Океану морю», упоминаются имена «бояр богатых», выступавших против войны с Ордой, — Ивана Ошеры и Григория Мамона, подчеркивается роль горожан в организации отпора хану. Главной причиной отступления Ахмата объявляется приход на помощь Ивану III его братьев и плохое снаряжение ордынских войск — «бяху бо татары наги и боси, ободрались».

Упоминание в великокняжеских сводах колебаний вел. князя во время «стояния на Угре» свидетельствует о том, что эта нерешительность (связанная с традиционными представлениями о «клятве» ордынскому царю) была хорошо известна современникам, и официальное летописание не сочло возможным о ней умолчать, возложив, однако, вину на «злых советников».

Ростовский рассказ о событиях 1480, легший в основу большинства последующих летописных версий, был выдающимся памятником русской публицистики к. XV в.

Изд.: Повесть о стоянии на Угре / Подг. текста, перевод и комм. Ю. К. Бегунова // За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI—XV вв. М., 1981; Повесть о стоянии на Угре / Подг. текста Е. И. Ванеевой; Перевод и комм. Я. С. Лурье // Памятники литературы Древней Руси. 2-я пол. XV в. М., 1982; Повесть о стоянии на Угре / Воинские повести Древней Руси.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 134—135.

Я. Л.

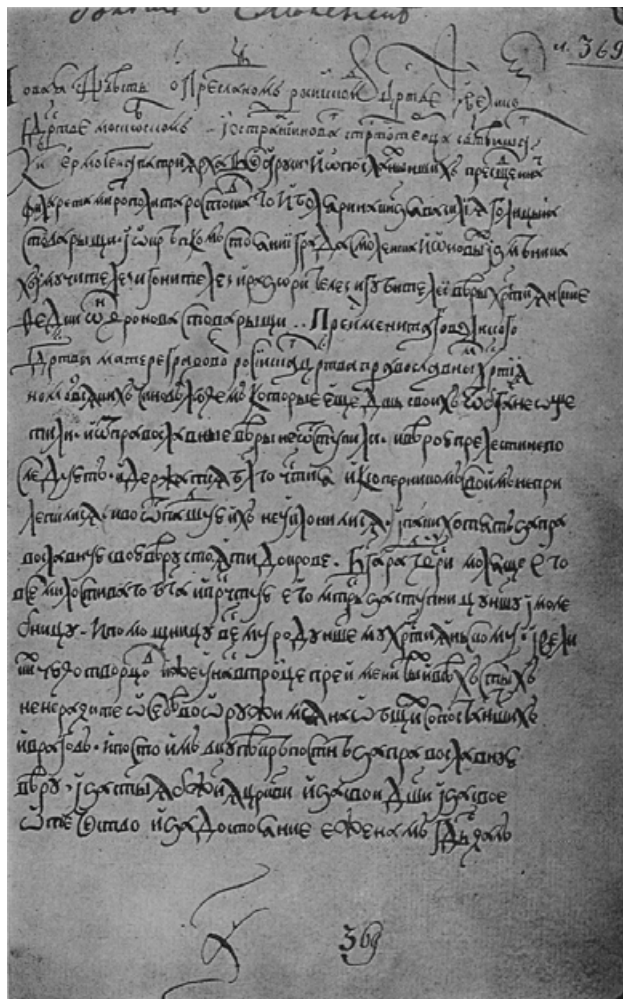
ПОВЕСТИ ОБ АЗОВЕ представляют собой пять самостоятельных произведений, посвященных значительному историческому событию 1637—42, когда донские казаки взяли турецкую крепость Азов и выдержали в ней осаду турецко-татарского войска с 24 июня по 26 сент. 1641. Момент для взятия Азова казаками был благоприятный: турецкие силы султана Мурада IV в 1637—40 были отвлечены войной с Персией. Донские казаки без ведома русского правительства при поддержке 4-тысячного отряда запорожских казаков овладели крепостью. В дальнейшем они неоднократно обращались к царю Михаилу Федоровичу с просьбой взять Азов «под свою руку». Положение казаков обострилось после того, как премьер-министр Мурада IV Ибрагим в 1641 двинул войска под Азов. Однако 4 мес. осады не принесли туркам успеха, несмотря на мощный артиллерийский огонь и 24 штурма города. Осенью султан снял осаду и увел войска из-под крепости. Но силы казаков были на исходе, они потеряли многих бойцов: удержат город, чьи стены и укрепления были разрушены, а запасы истощены, казаки в случае нового наступления были не в состоянии. Положение московского правительства было сложным. С одной стороны, оно было заинтересовано в силах казаков, в их борьбе против турок и татар на южных границах России, посылало им помощь деньгами, хлебом и порохом. Взятие Азова было выгодно Москве как в интересах обороны, так и в интересах торговли. С др. стороны, принятие Азова в «вотчину» русского царя означало неминуемую войну с Турцией; к ней Россия, занятая в это время политической и воен-

ной борьбой с Польшей и Швецией, не была готова. Земский собор вынес решение отказаться от Азова, и 27 апр. 1642 был принят царский указ, предписывающий казакам покинуть Азов, что и было выполнено.

Существуют следующие литературные произведения, посвященные «азовскому сидению»: «Историческая повесть об Азове», «Особая повесть об Азове», «Документальная повесть об Азове», «Сказочная повесть об Азове» и «Поэтическая повесть об Азове». Последняя занимает центральное место среди произведений, повествующих об азовской эпопее (см. ст. «Порошин Федор»).

ПОВЕСТЬ, в Древней Руси повестью называли летописные своды («*Повесть временных лет*»), жития (повесть о житии...), сказания. Напр., «Повесть о Басарге» называлась то словом, то повестью, то сказанием. В средневековом значении повесть (повествование) — общая жанровая форма, в которую входят произведения разных или одного жанра, объединенные мыслью повествователя.

В древнерусской литературе известны переводные повести, *воинские повести* (летописные повести о битве на Калке и нашествии Батыя, о Куликовской битве и т.д.), повести

«Новая повесть о преславном Российском царстве», XVII в.

«Повесть о царице и львице». Миниатюра, н. XVIII в.

о княжеских преступлениях (об ослеплении Василья Тербовлянского, об убийстве Игоря Ольговича, об убийстве Андрея Боголюбского). Воинские повести входят в состав княжеского жития (*Житие Александра Невского*, «*Повесть о Довмонте*»). В XVI в. историческая повесть является органической частью «*Степенной книги*». В XIV—XV вв. развивается легендарно-историческое повествование (сказания об архиеп. Иоанне Новгородском, «*Повесть о Тамир-Аксаке*», «*Повесть о Меркурии Смоленском*»). С XV в. появляются повести беллетристического характера, как переводные («Сказания о Соломоне и Китоврасе»), так и оригинальные («*Повесть о Дракуле*», «*Повесть о Басарге*»), создаются новые воинские повести («*Повесть о Царьграде*» *Нестора-Искандера*, «*Казанская история*», «*Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков*»), тесно связана с волшебной сказкой и житием «*Повесть о Петре и Февронии*».

XVII век — время широкого распространения повести. «*Повесть 1606 года*» и «*Новая повесть о преславном Российском царстве*» отразили события Смутного времени. Элементы бытовой повести встречаются в «*Повести о Улиании Осорыиной*». Претерпевают значительные изменения жанры исторического повествования («*Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков*»), факты постепенно вытесняются художественным вымыслом, повесть постепенно утрачивает историзм, приобретает характер любовно-приключенческой новеллы («*Повести о начале Москвы*», «*Повесть об основании Тверского Отроча*

монастыря»), формируется новый жанр бытовой повести («Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Карпе Сулулове»), плутовской новеллы («Повесть о Фроле Скобееве»), создаются сатирические повести («Повесть о Шемякином суде», «Повесть о Ерише Еришовиче сыне Щетинникове»). Широкое распространение получили переводные сборники нравоучительных повестей («Великое зеркало», «Римские деяния»), а также рыцарские романы («Повесть о Бове Королевиче», «Повесть о Петре Златых Ключей»).

Изд.: Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905; Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949; Русская повесть XVII в. М., 1954; Русские повести XV—XVI вв. М.; Л., 1958; Русская демократическая сатира XVII в. М., 1977; Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

Лит.: Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934; Старинная русская повесть. М.; Л., 1941; Истоки русской беллетристики. Л., 1979.

II. П.

ПОВЕСТЬ БЫТОВАЯ, как новый самостоятельный жанр древнерусской литературы бытовая повесть появляется во 2-й пол. XVII в. Элементы этого жанра уже присутствовали в агиографических произведениях к. XV—XVI в., таких, как житийная «Повесть о Петре и Февронии», «Повести о Луке Колочком». В 1-й пол. XVII в. житие начинает трансформироваться в бытовую повесть. Таково, напр., «Житие Улиании Осорыной».

Сложные социальные отношения в обществе изображает «Сказание о явлении Унженского креста». Любящие сестры Марфа и Мария разлучены друг с другом враждой супругов: родовитым и бедным Иваном и богатым, но не знатным Логвином.

Наиболее значительной бытовой повестью является «Повесть о Горе-Злочастии». В отличие от исторической повести ее герой — вымышленный, обобщенно-собирательный образ.

Не менее интересна и важна бытовая «Повесть о Савве Грудцыне», которая строится на западноевропейском фаустянском мотиве.

Занимательность сюжета бытовой повести, изображение внутренних переживаний героя ставят ее в преддверии русского романа.

Если борьба «старого» и «нового» в повестях о Горе-Злочастии и Савве Грудцыне завершается внешне победой «старого» и герои терпят жизненное фиаско, то в плутовской новелле «Повести о Фроле Скобееве» торжествует новый герой — бедный захудалый дворянин, мелкий канцелярист.

Бытовые повести отвечали запросам появившегося в XVII в. нового читателя из посадской купеческой среды, мелких служащих. Авторы бытовой повести отказывались от этикетности, символично-аллегорической образности, присущей литературе средневековой. Они — яркое свидетельство начала переходного периода.

Изд.: Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1954; Повесть о Горе-Злочастии / Изд. подгот. Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева. Л., 1984; Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. I. М., 1988.

Лит.: Лихачев Д. С. Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1962. Т. I; Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Гл. XI—XII. Л., 1970.

В. К.

ПОВЕСТЬ ВОИНСКАЯ, жанр древнерусской литературы XI—XVII вв., светского исторического повествования, как оригинального, так и переводного, посвященного изображению воинских подвигов, битв. Содержание воинской повести проникнуто патриотическим пафосом, тревогами за судьбы родины, отражает борьбу русского народа за свою национальную независимость.

«Повесть о взятии Царьграда», XVI в.

Воинская повесть XI—XIII в. рассказывает о борьбе русских дружин со степными кочевниками, печенегами, половцами. Центральный герой воинской повести — реальная историческая личность, князь, наделенный, как правило, идеальными качествами воина-христианина. Красочному лаконичному описанию сражений служат устойчивые словесные стилистические формулы, прочно закрепленные за этим жанром: «сеча зла и ужасна», «стрелы летяху, аки дождь», «оступиша полки, аки борове», «за руки емлющеса, сечахуся», «кровь по удолиям течаше» и т.п.

Жанрообразующие элементы воинской повести представлены также в повестях о княжеских усобицах и княжеских преступлениях. Ярким образцом воинской повести может служить «Повесть о походе на половцев Новгород-Северского князя Игоря Святославича в 1185 г.», помещенная в *Ипатьевской летописи*, «Слово о полку Игореве».

После монголо-татарского нашествия характер воинской повести несколько меняется. Мужество героя перед непобедимым врагом приобретает трагический оттенок и черты христианского подвижничества («*Повесть о битве на Калке*», «*Повесть о приходе Батыя на Рязань в 1237 г.*»). После Куликовской битвы воинская повесть окрашивается в мажорные, победные тона. Подвиг воина тесно связывается с укреплением могущества православного русского царства.

Значительно обогащают жанр воинской повести «*Сказание о Мамаевом побоище*» и «*Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.*» *Нестора-Искандера*. Изменение военной техники, появление артиллерии, огнестрельного оружия приводит к новым средствам словесного описания сражений, широко вводятся картины вещей знаменней, в уста героев вкладываются благочестивые молитвенные размышления — монологи.

Эти новые начала получили наиболее полное развитие в «*Истории о Казанском царстве*» (2-я пол. XVI в.), а затем в исторических повестях Смутного времени, где уже появляются новые принципы изображения человека, стремление показать его многогранность и противоречивость поведения и характера.

Во 2-й пол. XVII в. жанр воинской повести начинает изживать себя, уступая место бытовой, приключенческой повестям.

Изд.: Воинские повести Древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949.

Лит.: Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902; Он же. Героические темы древнерусской литературы. М.; Л., 1945; Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // Труды Отд. древнерусской литературы. Т. 20. М.; Л., 1964; Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979; Он же. Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд. М., 1970; Истоки русской беллетристики. Л., 1970.

В. К.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ, летописный свод н. XII в., важнейший памятник литературы и общественной мысли Древней Руси, основной источник сведений о ранней истории восточных славян.

Сохранилась в составе позднейших летописных сводов (лучше всего — в *летописях Лаврентьевской* и *Ипатьевской*). Составлена в Киеве в 10-е XII в. Название получила по первым строчкам: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача прежде княжити, и откуда Руская земля стала есть». Составителем Повести, по мнению некоторых исследователей, был монах Киево-Печерского монастыря *Нестор*. Др. историки не считают Нестора автором этой летописи.

В первые годы после своего появления Повесть редактировалась др. летописцами. В разных редакциях изложение событий доведено до 1110 или до 1117. При составлении Повести был использован т. н. Начальный свод, возникший в 90-е XI в. в Киеве. Текст этого свода был пополнен рассказом о событиях за последние годы, а также фрагментами византийских хроник, памятниками переводной и древнерусской литературы, текстами договоров Руси и Византии, устными преданиями и собственными рассуждениями летописца. Составитель Повести поставил перед собой задачу не просто рассказать о

прошлом Руси, но создать широкое историческое полотно, на котором восточные славяне заняли бы свое место в ряду др. народов. Рассказ об истории славян начинается в Повести с упоминания о Всемирном потопе, после которого, согласно Библии, на земле в живых осталась лишь одна семья — семья благочестивого Ноя. У Ноя было 3 сына, от которых и произошли все народы, включая «словен». Летописец подробно рассказывает о расселении славянских народов в древности, о заселении восточными славянами территорий, которые позже войдут в состав Киевской Руси, о нравах и обычаях восточнославянских племен. В Повести подчеркивается не только древность славянских народов, но и единство их языка, культуры и письменности, созданной в IX в. свв. братьями *Кириллом* и *Методием*. После такого введения летописец обращается к истории первых русских князей, рассказывает легенду о призвании кн. Рюрика, повествует о деяниях его потомков. Читатель наблюдает, как складывается и крепнет Древнерусское государство, как растут его границы, как слабеют его враги. Киевского летописца интересуют не только события, случившиеся в Киеве и вокруг него. Читатель переносится из Киева в Новгород и Ладогу, откуда — в Смоленск, потом в Чернигов, Переяславль, Ростов, Любеч. Летописание в Повести временных лет носит ярко выраженный общерусский характер. Летописца заботит судьба всей Русской земли. Важнейшим событием в истории Руси летописец считает принятие христианства в к. X в. Рассказ о первых русских христианах, о Крещении Руси, о распространении новой веры,

Страница из «Повести временных лет»

строительстве храмов, переводе книг, появлении монашества, успехах христианского просвещения занимает в Повести центральное место. Пристальное внимание составителя Повести приковано и к политическим событиям, происходившим внутри Руси и на ее границах. С сер. XI в. Киевская Русь вступила в стадию постепенного дробления. Умножились княжеские распри, выливавшиеся порой в кровавые столкновения. Этим сразу же начали пользоваться степные недруги Руси — половцы. Такое положение не оставляло летописца равнодушным. Заключительная часть Повести пронизана идеей о необходимости согласия между русскими князьями. Взаимная ненависть князей, членов одной большой семьи, — это тяжкий грех, преступление против Господа. Всякий, нарушающий внутренний мир в Русских землях, непременно получит воздаяние от Бога! В этом летописец не сомневается. В качестве примера для подражания он предлагает образ *Владимира Мономаха* — князя, который не только сумел на время остановить междоусобья в русских землях, но и объединил князей для общей борьбы против степняков. Богатство исторических и политических идей, отразившихся в Повести, указывает на то, что ее составитель был не простым редактором, но и талантливым историком, глубоким мыслителем, тонким публицистом. Повесть сделалась классическим трудом по истории в Древней Руси. Многие летописцы последующих веков обращались к опыту ее создателя, стремились подражать ему и почти обязательно помещали ее в начале каждого летописного свода. Повесть временных лет неоднократно издавалась — как отдельно, так и в составе др. летописных сводов.

А. Лаушкин

ПОВЕСТЬ О БЕЛОМ КЛОБУКЕ, памятник древнерусской литературы, новгородское религиозно-мистическое сочинение о чудесном появлении на Руси «белого клобука», мистического символа «Третьего Рима».

До сих пор остается дискуссионным в современной науке вопрос о времени создания «Повести о белом клобуке». Русские исследователи датируют ее от XV до к. XVI в.

В основе повести лежит легендарное, религиозно-мифологическое осмысление реального исторического события. В сер. XIV в. новгородскому архиеп. Василию Калике Константинопольский патриарх прислал монашеский головной убор — белый клобук. Постепенно вокруг этого факта сложилось легендарное предание о том, что своим происхождением белый клобук обязан имп. Константину (306—337), который почитается как первый римский император, придавший христианству государственный статус. Константин вручил белый клобук римскому папе Сильвестру, как символ высшей церковной власти. Через несколько столетий один из римских пап, побужденный чудесным явлением, переслал белый клобук в Константинополь. Константинопольский патр. Филофей, опять же под влиянием чудесного откровения, отослал его в Новгород.

В «Повести о белом клобуке» Россия названа «Третьим Римом». В ней говорится, что после падения «ветхого» Рима и «нового» Рима (Константинополя) только в Третьем Риме, т. е. на Русской земле, Благодать Святого Духа воссияет: «На третьем же Риме, еже есть на Руской земли, благодать Святого Духа восия». Более того, «вся христианская царства приидуть в конец и снудются во едино царство Руское, православия ради». И в этом смысле особое религиозно-мистическое значение «Повесть» придает белому клобуку — он рассматривается как мистический

знак богоизбранности, как символ Божией Благодати, которую наследует Русь от первых христиан.

Как можно заметить, в «Повести» нет соотнесения «Третьего Рима» с Московским государством — речь идет обо всей Русской земле, а не о «царстве». Наследницей же Рима «ветхого» и Рима «нового» выступает не светская власть московского государя, а, в первую очередь, Церковь. Поэтому в «Повести» утверждается, что белый клобук по своему достоинству выше царского венца: «И кольми сии честнее оно, понеже архангельскаго чина есть царский венец и духовнаго суть». Эти идеи оказались очень близки новгородскому духовенству, традиционно находящемуся в некоторой оппозиции к Москве и не признающему ее главенство в государстве.

Особую роль Церкви как основной хранительницы правой веры подчеркивает и высказанное в «Повести» пророчество о том, что Русская церковь станет полностью самостоятельной и установит собственное патриаршество. Русские же государи обретут царский титул и будут властвовать над многими народами. И тогда: «Страна та нарицается светлая Россия, Богу тако извольшу прославити таеми благодарении Рускую землю и исполнити православия величество и честнейшу сотворити паче первых сих». Впрочем, если текст «Повести» возник в к. XVI в., то это означает, что в виде пророчества излагались уже свершившиеся факты.

Видимо, из-за утверждения приоритета духовной власти над светской, а также из-за своего новгородского происхождения, «Повесть о белом клобуке» не была признана в официальных церковных кругах, — в XVI в. Церковь уже опасалась высказывать подобные претензии. А церковным Собором 1667 «Повесть» вообще была признана «лживой и неправой».

Однако само символическое значение белого клобука сохранялось и поддерживалось в официальных церковных кругах. В 1564 Московский поместный Собор принял «уложение» о праве московского митрополита носить белый клобук. А с установлением в 1589 в России патриаршества, белый клобук стали носить и патриархи.

«Повесть о белом клобуке» получила широчайшее распространение в рукописной традиции XVI—XVIII вв. — известно ок. 300 рукописных списков. Особенной популярностью она пользовалась в старообрядческой среде.

С. Перевезенцев

ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА КАЛКЕ, летописная повесть, рассказывающая о первом столкновении русских с монголо-татарами. В 1223 30-тысячный отряд монголо-татар под предводительством Джебей и Субедея вышел через Закавказье в степь и разгромил половцев, которые бежали за Днепр. Русские князья на съезде в Киеве решили оказать помощь половцам, и коалиция, состоявшая из большинства тогдашних князей, за исключением Юрия Всеволодовича Владимирского, выступила в поход. Однако из-за феодальных распри русско-половецкая рать потерпела жестокое поражение в сражении с монголо-татарами на р. Калке 31 мая 1223.

Происхождению и взаимоотношению трех первоначальных версий повести, содержащихся в *летописях Лаврентьевской, Новгородской I* и *Ипатьевской*, посвящен целый ряд исследований. В Лаврентьевскую летопись вошла краткая редакция повести, содержащая лишь деловой перечень событий. Для рассказа о сражении на Калке в Новгородской I летописи характерно сочувственное отношение к вел. кн. Мстиславу Романовичу, который не обратился в бегство, но вместе со своим зятем Андреем и кн. Александром Дубровским устроил на

высоком берегу Калки ограду из кольев и мужественно оборонялся, пока не был предательски выдан монголо-татарам. Резко враждебное отношение к половцам и бродникам естественно для южнорусского летописца. Самый характер повествования свидетельствует против новгородского происхождения этой версии, поэтому исследователи предполагают, что в ее основе лежит южнорусский летописный рассказ. К южнорусскому же, по мнению некоторых исследователей, источнику восходит и тот вариант повести, который входит в Ипатьевскую летопись, дополненному позднее вставками западнорусского происхождения, которые были сделаны с целью прославить потомков кн. Романа Галицкого.

«Повесть о битве на Калке» в позднейших летописных сводах представляет собой различные комбинации сведений, почерпнутых из трех первоначальных версий. К особому источнику восходят лишь некоторые «избыточные» известия, напр. вставка, сделанная в летописном своде 1448, сообщающая об участии в битве богатырей во главе с Александром Поповичем. Рассказ об Александре Поповиче, несомненно фольклорного происхождения, вставлен в летопись из какого-то ростовского источника.

Изд.: Повесть о битве на Калке / Подг. текста, перевод и комм. Ю. К. Бегунова // За землю Русскую! М., 1981; Летописные повести о монголо-татарском нашествии / Подг. текста, перевод и комм. Д. М. Буланина // Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981; То же // Воинские повести; То же / Перевод Д. М. Буланина // Изборник (1986).

Ист.: Буланин Д. Повесть о битве на Калке // Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 142—143.

ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА ЛИПИЦЕ, летописная повесть о битве, произошедшей в 1216 на р. Липице (невдалеке от г. Юрьева Подольского) между новгородцами и ростовцами — с одной стороны, и владими́ро-суздальской ратью — с другой. Битва эта явилась заключительным событием в конфликте, разгоревшемся между сыновьями кн. Всеволода Большое Гнездо за первенство во Владимиро-Суздальской земле. Битва была выиграна новгородцами, и великокняжеское владими́ро-московское летописание вплоть до 2-й пол. XV в. не включало рассказа о ней.

Краткий рассказ о битве читается уже в *Новгородской I летописи*, но наибольший литературный интерес представляет пространная редакция повести, появившаяся в Новгородско-Софийском своде 1448. Как и в новгородском рассказе, здесь героем выступает Новгородский кн. Мстислав Удалой, которому противостоят «взнесшиеся славою» Юрий и Ярослав Всеволодович, возглавлявшие владими́ро-суздальскую рать. В рассказ введены сцены переговоров между желающими мира и справедливости новгородцами и их надменными противниками и описание пира в шатре Юрия и Ярослава. На пиру боярин Творимир призывает князей проявить мудрость и уступить княжение старшему брату, Ростовскому кн. Константину Всеволодовичу, а др. боярин заранее хвастается победой; Юрий и Ярослав слушаются последнего советника. обстоятельно и эмоционально описывается в пространной редакции подготовка обоих полков к битве, сама битва и ее последствия.

Большинство московских сводов заимствовало «Повесть о битве на Липице» из Софийский I летописи. Свод н. 70-х, отразившийся в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях, несколько смягчил критику владими́рских князей в повести; более радикально та же тенденция обнаруживается в Московском своде 1479 и близкой к нему в 1-й части (до XV в.) Ермолинской летописи.

Рѣдѣжеснѣмѣстиславѣмѣстисла
внштон рететсладѣмеру. Вншнпедн
братедокрнхъвнхъмоужен. Касозу
срднотѣодѣбалотѣ.
пондемоуко
нмышо
мошь
кнн
мѣ

«Повесть о битве на Липице», XVI в.

Степенная книга противопоставила «Повести о битве на Липице» прямо противоположный по духу рассказ (в составе «степеней», посвященной Ярославу Всеволодовичу — предку владими́ро-московских князей), в котором Ярослав, резко осуждавшийся в повести, выступал в роли «благоверного и богохранимого князя», а герой повести Мстислав изображался завистником и зачинщиком кровопролития.

Изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950; Повесть о битве на Липице // Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 143—144.

ПОВЕСТЬ О БОВЕ КОРОЛЕВИЧЕ, восточно-славянская обработка средневекового рыцарского романа о Бюэве из Ангона, известного во многих странах Европы. Старший из сохранившихся восточно-славянских списков — белорусский (познанский) список XVI в.; малороссийский

«Повесть о Бове Королевиче».
Гравюра из лубочной книги 1-й пол. XIX в.

список — 1788. Особенно популярна была повесть на Руси (известны свыше 60 списков XVII—XIX вв.). Она читалась и во дворцах и в деревенских избах. В XVII в. сложились 4 русские редакции: первая связана с познанским списком, остальные отражают устную передачу этой повести и близки поэтике русского устного эпоса. В среде простолюдинов «Повесть о Бове Королевиче», утрачивая черты феодальной идеологии, свойственные рыцарскому роману, сближалась с богатырской сказкой. В городской среде в XVIII в. она стала превращаться в галантную «гисторию», сближаясь с оригинальными и переводными любовно-авантюжными произведениями (повести о Василии Кориотском, об Александре российском дворянине, о Петре Златых Ключей), вбирала черты русского городского быта XVIII в., уделяла много места любовным эпизодам. С 1760 по 1918 на основе рукописных текстов создаются разнообразные лубочные издания (учтено свыше 200) и «забавные листы» (учтено свыше 80 изд.), которые в свою очередь стали источником многочисленных устных сказок о Бове.

Изд.: Памятники древней письменности. Вып. 1. СПб., 1879.

ПОВЕСТЬ О БРАЖНИКЕ, анонимное произведение, созданное, скорее всего, в к. XVI в., известное сейчас в 52 списках XVII—XX вв., представляющих, по последним исследованиям, ок. 10 разновидностей текста. В русской повести главная роль отводится бражнику (пьянице), который, оказываясь перед воротами рая, последовательно вступает в переговоры с апостолами Петром и Павлом, царем Давидом, Соломоном, св. Николаем и Иоанном Богословом (число персонажей может быть меньше), находящимися по др. сторону врат и утверждающими, что «бражником не входимо в рай», ибо «бражники царства небесного не наследят». Отстаивая свое право быть в раю, бражник доказывает своим оппонентам, что в земной жизни они были не менее грешны, чем он (аргументы бражника почерпнуты из Ветхого и Нового Заветов, «Жития Стефана Первомученика», «некнижного» жития св. Николая...). Решение впустить бражника в рай принимает Бог или, в некоторых редакциях, Иоанн Богослов. Вслед за этим в ряде редакций присутствует эпизод о «лучшем месте», право на которое бражник отстаивает с помощью одного лишь аргумента: «Святити отцы! Не умеете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым!»

Традиционной является характеристика повести как произведения сатирического, высмеивающего формальное благо-

честие. Нельзя не отметить позитивного содержания повести как произведения о достоинстве человека, о праве каждого человека, вне зависимости от его социального статуса, на божие милосердие. Высокий пафос повести отмечен Ф. М. Достоевским. По наблюдению исследователей повесть вошла в круг источников романа «Преступление и наказание» и явилась одним из косвенных источников «Очарованного странника» Н. С. Лескова.

Изд.: Повесть о бражнике / Подг. текста и комм. А. М. Панченко // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. М., 1989. Кн. 2.

ПОВЕСТЬ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ, переводная повесть, рассказывающая о пустыльнике Варлааме и царевиче индийском Иоасафе. По мнению большинства ученых, в основу повести положено легендарное жизнеописание Будды, который в повести превратился в царского сына Иоасафа; по др. версии повесть создана в Центральной Азии.

При рождении царевича звездочеты предсказывают его отцу, что Иоасаф станет христианским подвижником. Царь помешает Иоасафа в изолированный от окружающего мира дворец, но сын узнает о страданиях, болезнях и смерти, подстерегающих людей. Пустыльник Варлаам, пришедший к Иоасафу, приобщает царевича к христианской вере.

Особенностью «Повести о Варлааме и Иоасафе» являются диалоги между Иоасафом и его учителем Варлаамом. Варлаам рассказывает Иоасафу многочисленные притчи сказочного содержания, которые во многом и определили популярность повести. Она была распространена в Азии, Европе и Африке более чем на 30 языках; созданная на пехлевийском (среднеперсидском) языке в VIII в., была переведена на арабский, потом грузинский, греческий, латинский, западноевропейские языки.

Среди древнеславянских известны переводы: древнерусский (до н. XII в.), сербский (до XIV в.), среднеболгарский (XIV в.).

В Киевской Руси 5 притч из повести были внесены в состав первой редакции русского Пролога. В своей «Притче о белоризце» Кирилл Туровский использовал 2 из них. Русские писатели XIX в. отмечали нравственную и художественную красоту повести и часто использовали сюжеты из нее (В. А. Жуковский, А. Н. Майков, Л. Н. Толстой, П. И. Мельников-Печерский).

Изд.: Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Подг. текста, иссл. и коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1984.

О. А.

ПОВЕСТЬ О ВИДЕНИИ НЕКОЕМОМУ МУЖУ ДУХОВНУ, памятник древнерусской литературы н. XVII в.

В основе «Повести» — запись видения, явленного в Москве 12 окт. 1606. Эту запись осуществил протопоп Благовещенского собора Терентий, который и стал автором «Повести». Так было зафиксировано первое из многочисленной чреды «чудесных видений», которые произошли в России в Смутное время.

Текст «Повести» был одним из самых распространенных памятников древнерусской литературы — сегодня известно как минимум 28 ее списков. Повесть была внесена также в состав «Иного сказания», откуда была заимствована составителем Хронографа 3-й редакции. В качестве составной части она включена в Толстовский летописец и в т. н. «Казанское сказание».

Созданию «Повести» предшествовали определенные исторические события. Осенью 1606 в России царил очень грозная политическая атмосфера. После того, как весной 1606 разъяренная толпа москвичей убила Лжедмитрия I, царем стал Василий Шуйский. Однако его правительство с трудом контролировало ситуацию в государстве. По всей стране, в т. ч. и в Москве, начались волнения, с требованиями ответить на вопрос — почему убили «истинного царя»? А 12 окт. к Москве, под знаменами убитого Лжедмитрия I, подошли войска мятежников под руководством И. И. Болотникова.

Именно в этот день, 12 окт., и было явлено некоему «святому мужу духовну», впадшему в «тонок сон», чудесное видение, «зело ужаса исполненно». «Повесть» сообщает, что в Успенском соборе, освященном «светом неизреченным», «муж духовный» узрел Христа, сидящего на престоле и окруженного ангелами, Богородицу, стоявшую справа от престола, Иоанна Крестителя, находившегося слева, а также лики многих св. пророков, апостолов, мучеников, святителей, преподобных и праведных. Согласно видению, Богородица трижды молила Христа о даровании милости «роду христианскому». Однако дважды Христос сурово отказывал в своей милости, ибо: «...Несть истины в царех и в патриарсах, ни во всем священном чину, ни во всем народе Моем, новом Израили». И лишь в ответ на третье

моление Богородицы Христос говорит «тихим голосом»: «Тебе ради, Мати Моя, пощажу их, аще покаются, аще ли же не покаются, то не имам милости сотворити над ними».

Текст «Повести о видении некоему мужу духовну» наполнен многообразной и многозначительной для человека того времени православной символикой. Прежде всего, крайне важно, что пред взором «мужа духовного» явился Сам Христос — довольно редкое для практики русских видений событие. Явление Господа подчеркивало исключительность как самого видения, так и реальных событий, вызвавших его. На исключительную важность этого видения указывает и тот факт, что вместе с Христом были явлены Богородица, Иоанн Креститель и многие святые. Для людей, живших в н. XVII в., явление столь внушительного ряда высших сил доказывало лишь одно — Господь, несмотря на свой гнев, не отступился от России. Христова благодать продолжает изливаться на Русскую землю, а Сам Христос продолжает считать Россию Своим богоизбранным «Новым Израилем».

Согласно Библии, в древние времена Господь жестоко наказывал за грехи «ветхий Израиль» (см., напр., книгу прор. Иеремии). Теперь Христос наказывает «Новый Израиль», более того, Он готов «предать» Россию еще большим кровопийцам и безжалостным разбойникам. Однако цель гнева Божиего состоит не в том, чтобы уничтожить греховную Россию, а в том, чтобы «исправить» ее, возвратить на истинный путь. «Да накажутся малодушнии, и приидут в човство, и тогда пощажу их», — говорит Христос.

Большое символическое значение имеет тот факт, что «мужу духовному» было дано узреть моление Богородицы о заступничестве за русский народ. Следовательно, страх православных людей перед тем, что и Божия Матерь отступилась от России, оказывается напрасным. Божия Матерь продолжает сохранять Свой благодатный Покров, распростертый над Россией и, в частности, над Москвой. Недаром само видение произошло в кремлевском соборе Успения Божией Матери — главном храме Московской Руси. А, как показывает текст «Повести», Богородица многократно молила и продолжает молить Господа о спасении России.

О том, что Господь придает Своему явлению на Русь исключительное значение, свидетельствуют и слова, сказанные «мужу духовному» одним из стоявших возле Христа о том, что «муж духовный», как «угодник Христов», должен пойти и поведать все, что он видел и слышал, и ничего не утаивать. Т. о., «некий муж духовный» оказывается тем «избранным», через кого Господь сообщает русскому народу о Своем участии в судьбах русского народа и о сохранении заступничества Богородицы за Россию. Кроме того, через «угодника Христа» русским людям сообщается и о тех грехах, в которых они должны покаяться.

Из списка многообразных грехов особый интерес представляет то, что Христос укоряет «Новый Израиль» в отсутствии «истины» и «правды». Стоит напомнить, что в русской религиозно-философской традиции понятие «правда» многозначно — это и моральная чистота, и социальная справедливость, и соблюдение законности. При этом религиозно-мистической и нравственной основой «правды» всегда почиталась «истинная вера», базирующаяся на соблюдении заповедей Христа. В данном случае «правды», видимо, понимается именно в этом смысле — как «истинная вера». Ведь Христос обвиняет русских людей в том, что они не исполняют Его предания и не хранят Его заповедей. В этих словах указывается и путь спасения России — восстановление истинной веры в сердцах людей.

Главными хранителями «правды», как истинной веры, в России считались цари и Церковь. И недаром Господь обвиняет в первую очередь именно царей, патриархов и всех священников, которые забыли Божию «правду», утратили истинную веру, а потому творят «неправедный суд» и «правых» преследуют. Здесь мы в очередной раз встречаемся с признанием факта падения авторитета государственной власти, столь часто проявлявшимся в годы Смуты. Однако сами по себе обвинения царям и патриархам намного более грозные — ведь их изрекают не простые люди, а они раздаются из уст Самого Христа. Следовательно, в народном сознании за годы Смуты установилось уже достаточно устойчивое недоверие своим правителям. Настолько устойчивое, что народ был готов сам приступить к решению собственной судьбы. И Господь как бы поддерживал это решение.

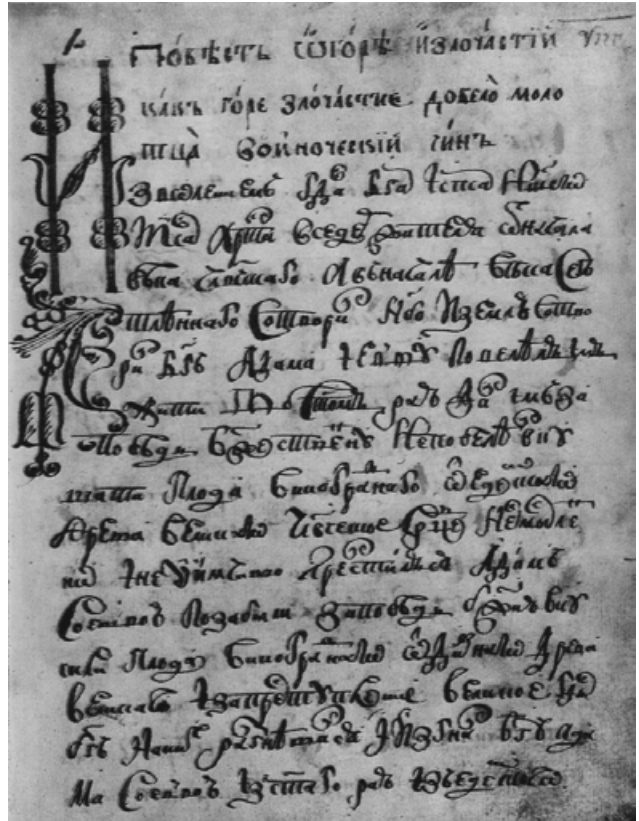
В целом же, несмотря на гневный обличительный тон, само видение носило явно оптимистический характер. Ведь Россия продолжала оставаться «новоизбранным Израилем», Богородица сохраняла Свое покровительство, а Христос обещал спасение русского народа от бед. И дело оставалось за самими людьми: они должны были принять в сердца свои «страх Божий», искренне покаяться и тем самым возвратить себе милость Божию.

Именно так и было понято видение «некоему мужу духовному» современниками. Протопоп Терентий, записавший видение, сразу же сообщил о нем патр. Гермогену, а тот — царю Василию Шуйскому. Реакция правящих кругов была моментальной — уже 14 окт. установили специальный шестидневный покаянный пост, а 16 окт. «Повесть» Терентия читалась в Успенском соборе перед всем народом. Иначе говоря, русское общество, потерявшее «правду» и смысл в реальной жизни, восприняло чудесное видение, как знак Божий, с одной стороны, объясняющий страшные события Смуты, а с др. стороны, указывающий путь спасения. И т. о., само «чудесное видение» стало катализатором конкретных исторических действий.

В то же время значение «Повести о видении некоему мужу духовному» в реальных исторических событиях по-разному оценивалось в позднейшей литературе. Уже в XVII в. возникли диаметрально противоположные трактовки. Так, «Толстовский летописец» сообщает, что результатом покаяния стало заступничество Богородицы, — ослепленное чудесным образом войско Болотникова было разбито и отброшено от Москвы. «Казанское сказание», наоборот, считало, что царь, патриарх и весь «царский синклит» не вняли «видению» и посмеялись над ним. В результате такого «небрежения» грозные предсказания о многочисленных карах сбылись — «и за то от Бога месть восприяша». Однако характерно, что в обоих этих сочинениях самому факту «видения», как проявлению Божией воли, придавалось исключительное значение. Ведь то же «Казанское сказание» осуждало именно людей за «осмеяние» явленной Божией воли. Подобное восприятие «Повести о видении некоему мужу духовному» сохранялось долго, а текст «Повести» был одним из самых распространенных памятников древнерусской мысли.

С. Перевезенцев

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ, памятник русской литературы XVII в. «Повесть о Горе и Злочастии, и как Горе-Злочастье довели молодца в иноческий чин» принадлежит к оригинальным замечательнейшим образцам древнерусской повествовательной литературы. Введение к «повести» передает историю падения первых людей: они забыли заветы Божии и вкусили запретного плода виноградного.

«Повесть о горе-злочастии». Рукопись XVIII в.

Следствием греха было «ино зло племя человеческо: в начале шло непокорливо, к отцову учению зазорчиво, к своей матери непокорливо, и к советному другу обманчиво». Различные напасти и скорби великие появились потом. Следующий за введением рассказ является как бы иллюстрацией к этому общему положению. «Будет молодец уже в разуме», когда его родители начали давать ему наставления житейской мудрости: не ходить на пиры, не прельщаться на женщин, не ходить к костарям и корчемникам, не знаться с головами кабацкими и т. д. Молодец захотел жить по-своему: нажил он 50 руб. и 50 друзей. «Честь его яко река текла, друзья по нем прибываются, в роде-племя причитаются». Один из них, назвавшийся братом, завел его в кабак. Молодец упился без памяти, а на другое утро проснулся обобранный: кирпич под головой, в ногах — лапотки-отопочки. Стыдно ему стало появиться к отцу и матери и пошел он на чужедальнюю сторонущку. Приходит он на почестен пир, отдает поклоны по всем правилам старинной вежливости. Люди добрые, видя его хорошие манеры, сажают его в место среднее. И все на пиру пьяны-веселы, а только молодец не весело сидит... На вопрос гостей молодец рассказывает, как он принялся за питье-за пьяно, ослушался отца своего и матери. Гости дают ему такие же советы житейской мудрости, как и родители. Пошел отсюда молодец на чужую сторону, стал жить умеючи. Наживал он живота больше прежнего, присмотрел себе невесту, но на честном пиру по грехам молодцу и по Божию попушению, а по действию диавола похвалился своими богатствами, а Горе-Злочастье подслушало его

хвостанье и захотело погубить молодца. Были люди мудрее его, до смерти с горем боролись, но не могли от горя уехать. Во сне является оно молодцу и возбуждает предположение, что невеста из-за денег убьет его. «Ты пойдя, — говорит оно ему, — во царев кабака, пропитай свои животы: за нагим Горе не привяжется». Проснулся молодец и пропил все нажитое, пришел он к речке и нечем ему заплатить за перевоз. И не добром помянул он Горе-Злочастие и захотел утопиться, а Горе-Злочастие вдруг предстало пред ним «босо, наго, нет на нем ни ниточки, лычком подпоясано». Горе-Злочастие напоминает молодцу, что он не захотел послушаться отца и матери и вот за это Горе-Злочастие привязалось к нему; Горе-Злочастие советует молодцу покориться ему. Дальше трагическая история попыток молодца избавиться от Гора-Злочастия, которое его всюду преследует. Наконец, Горе-Злочастие научает молодца совершить преступление, но тут молодец вспоминает спасенный путь и пошел в монастырь постригаться, а Горе-Злочастие у святых ворот остается. В литературном отношении повесть о Горе-Злочастии сближается с распространенными в древней литературе прозаическими и поэтическими сочинениями на тему о пьянстве, вроде «Слез о пьянстве», «Повести о хмельном питии», рассказывающих о бесовском происхождении вина.

С др. стороны, старцы, распевавшие вместе с повестью о Горе-Злочастии и *духовные стихи*, внесли элементы назидания. Таковы поучения родителей и наставления гостей молодцу, сближающие повесть с «Поучениями детям». Само Горе-Злочастие — фантастический образ, в котором смешались народные представления о прирожденной или навязанной неволе и образ христианско-библейского демона-искусителя, нападающего на человека, когда, преступив заповедь, он сам отдается влиянию греха. Горе-Злочастие овладевает молодцом, когда он преступил заповедь о послушании родителям, и отступает от него, когда он возвращается в лоно Церкви. Русское представление Гора-Злочастия — демоном хмеля, демоническим Браником может быть также объяснено старыми представлениями, связывающими падение прародителей с вкушением плода от виноградного дерева.

Изд.: Повесть о Горе-Злочастии / Изд. подг. Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева. Л., 1984; Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 1. М., 1988.

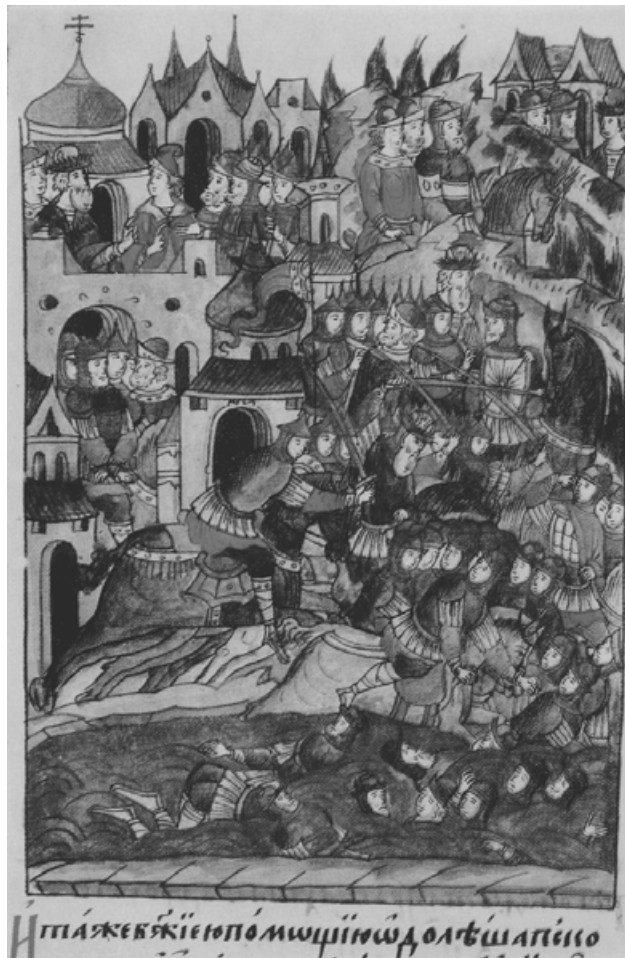
ПОВЕСТЬ О ДМИТРИИ БАСАРГЕ И ЕГО СЫНЕ БОРЗОМЫСЛЕ, произведение, созданное русским книжником на основе популярного «мирового сюжета» о жестоком правителе, загадывающем трудные загадки, и о мудром простаке, отгадывающем их вместо того, кому они были заданы. В повести роль жестокого правителя играет царь Несмеян, а мудрого простака — сын купца Басарги, 7-летний Борзосмысл, выручивший отца и ставший затем царем вместо казненного Несмеяна. Все они явно не исторические, а скорее сказочные персонажи. Такие персонажи представляли в русской литературе XV в. еще редкое явление: большинство героев летописных повестей или *житий* являлись (или считались) реально существующими лицами.

Эта повесть на явно вымышленный, сказочный сюжет имела в древнерусской книжности любопытную судьбу: есть основание полагать, что она была создана до к. XV — н. XVI в. (до завоевания турками Антиохии), но сохранилась лишь в списках с н. XVII в. Ее отсутствие в списках XVI в. может быть объяснено литературными тенденциями того времени, борьбой Церкви против «неполезных» по-

вестей, а сказочный, явно вымышленный сюжет повести о Басарге воспринимался как необычный и недостойный на фоне сугубо «историчной» и патетически возвышенной литературы того времени.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 148.

ПОВЕСТЬ О ДОВМОНТЕ, представляет собой жизнеописание Псковского кн. Довмонта, который за свое 33-летнее княжение (1266—99) одержал ряд крупных побед над Литвою, Ливонским орденом, чудью. Повесть составлена во 2-й четв. XIV в. Это время, когда закладываются основы псковской историографии, в псковских летописях появляются регулярные записи и обширные историко-литературные рассказы псковского происхождения, что связано с подъемом самосознания псковичей в борьбе за церковную и политическую самостоятельность. Повесть, в которой княжение Довмонта рассматривается как начало политической независимости от Новгорода, как доказательство его военной самостоятельности и равноправного участия в делах вел. князя, отвечала общим настроениям этого времени.

«Повесть о Довмонте».
Миниатюра из лицевого свода XVI в.
Древний летописец

Композиция повести проста, она состоит из нескольких рассказов и сообщений о походах Довмонта в литовские и ливонские земли, о победах князя у стен Пскова. В 1266 Литовский кн. Довмонт вместе с дружиной пришел в Псков, ибо «побились литовцы друг с другом», крестился (получив христианское имя Тимофей) и был посажен на Псковский стол. Сразу же после этого Довмонт совершил поход в земли литовского князя Герденя, взял в плен его жену и двух детей, на р. Западной Двине произошла битва с литовской погоней, закончившаяся победой псковичей. В 1268 Довмонт участвует в походе русских князей на Ракор, а затем самостоятельно едет в Поморье и возвращается с богатой добычей. «И прославилась земля его во всех странах, и страшились все грозы храбрости вел. кн. Дмитрия (сына Александра Невского, вел. князя Владимирского) и зятя его Довмонта, и мужей их новгородцев и псковичей», — с гордостью завершает свое сообщение об этом походе автор. Когда ливонцы стали разорять псковские земли, Довмонт выезжает в погоню и на р. Мироповне побеждает врагов. Услышав о мужестве Довмонта, к Пскову идет магистр Ливонского ордена. Довмонт с малою дружиною, «во многую ярости мужества своего», выезжает на битву и обращает ливонцев в бегство. Вновь ливонцы разоряют псковские земли, тогда Довмонт «плени землю и грады их пожже». 4 марта 1299 ливонские рыцари разоряют псковский посад, осаждают город. Довмонт в битве у церкви Петра и Павла «на брезе» вновь одерживает победу. Далее приводится похвала Довмонту, в которой автор славит христианские добродетели князя и его воинскую доблесть, сравнивает его ратные успехи с победами Александра Невского и Дмитрия Александровича. Затем следует сообщение о болезни, смерти (20 мая 1299) и погребении князя, о жалости великой псковичей.

Уже в XIV в. Довмонт почитался псковичами как патрональный святой, однако его жизнеописание не похоже на *житие*. В повести воплощен светский идеал, в котором нашли отражение псковские представления о «благом» князе: это прежде всего воин, готовый в любую минуту встать на защиту города.

Автор повести был хорошо знаком с традициями княжеских жизнеописаний. Его литературными образцами были *Житие Александра Невского*, проложное Житие князя Владимира, но главным литературным источником стала Особая редакция «Жития Александра Невского». По мотивам Особой редакции составлена заключительная похвала Довмонту, описание битвы с магистром и сообщение о походе в Поморье. Литературные заимствования и параллели должны были подчеркнуть историческое значение деятельности псковского князя, уподобить его ратные успехи победам Александра Невского и его сына Дмитрия, доказать, что «великим князем Александром, и сыном его Дмитрием, и зятем его Довмонтом спасен был град Новгород и Псков от нападения поганых немцев».

«Повесть о Довмонте» читалась во всех трех псковских летописях, она вошла в состав Общерусского летописного свода 40-х XV в. и многих летописей XV—XVI вв. Существует несколько внелетописных редакций.

Изд.: *Серебрянский*. Княжеские жития. Приложения; Повесть о Довмонте / Подготовка текста, перевод, примеч. В. И. Охотниковой // Памятники литературы Древней Руси. XIV — сер. XV в. М., 1981; То же // Воинские повести Древней Руси; *Охотникова В. И.* Повесть о Довмонте: Исследования и тексты. Л., 1985.

Ист.: *Охотникова В.* Повесть о Довмонте // Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 149—150.

ПОВЕСТЬ О ЕРУСЛАНЕ ЛАЗАРЕВИЧЕ, переводная повесть; ранние списки датированы 1640-ми. Происхождение повести вызывает споры: источником называли «Шахнаме» (X в.); восточные сказания, основанные на том же древнейшем предании о богатыре Рустеме, что и поэма Фирдоуси; русскую сказку, усвоившую «бродячий сюжет» в результате длительных контактов славян с Востоком. Промежуточной средой, благодаря которой повесть попала

«Повесть о Еруслане Лазаревиче». Книжная гравюра 1-й пол. XIX в.

в отечественную книжность, считали славянский Юго-Восток и Грецию, Кавказ, Орду, казачество, русский фольклор. Будучи христианизирована и оформлена как сказочно-авантюрное произведение, «Повесть о Еруслане Лазаревиче» пользовалась широкой популярностью, все более сближаясь с богатырской сказкой. Активно переписывалась в XVII — н. XX в., послужила основой для лубочных картинок XVII—XX вв., народных книг XIX—XX вв., фольклоризированных сочинений *М. Д. Чулкова*, *В. А. Левишина*, *А. С. Пушкина*.

Изд.: Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 1. М., 1988.

М. О.

ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ, сатирическое произведение, которое датируют к. XVI в. или 20—40 XVII в. Повесть родственна народному эпосу о животных: она написана в форме «судного дела» — разбора тяжбы из-за Ростовского озера между Ершом и Лещом «с товарищи», при участии Окуня, Мня (налима) и др. Действующие лица, несмотря на точность своих социальных характеристик («дети боярские» и пр.), сохраняют

вместе с тем и «рыбы» признаки, что создает комический эффект (этот прием затем использован в сатирических сказках *М. Е. Салтыкова-Щедрина*). О широкой популярности «Повести о Ерше Ершовиче» свидетельствует как количество списков (четыре редакции представлены более чем 30 рукописями XVII—XIX вв.), так и возникновение переделок: рифмованная небыллица к. XVII в., лубок 2-й пол. XVIII в.

Изд.: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989.

ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ, древнерусская повесть, появившаяся на Руси на рубеже XVII и XVIII вв. Она привлекала читателей занимательным сюжетом, близким к народной сказке. Богатый купец Карп Сутулов, отправляясь по торговым делам в Литовскую землю, просил своего друга богатого купца Афанасия Бердова снабдить его жену Татьяну деньгами, если ей не хватит их до приезда мужа. Через три года Татьяна обратилась к Афанасию Бердову, но тот нарушил свое обещание и согласился дать ей 100 руб. только в обмен на ее любовь. Татьяна идет советоваться к попу, своему духовнику, а затем к архиепископу, но те обещают ей деньги на тех же условиях, что и купец. Татьяна назначает им свидание у себя дома одному за другим и хитростью заставляет всех троих забраться в сундуки, с dvoих сняв верхнюю одежду, а архиепископа, переодев в женскую рубаху, что было совершенно недопустимо по церковным правилам. Воевода, к которому Татьяна доставила сундуки, посмеялся над незадачливыми любовниками и наложил на них штраф, поделив деньги с Татьяной.

В повести выведены персонажи, хорошо знакомые русскому читателю: Татьяна, обычная светская женщина, купцы, клирики, не отличающиеся нравственным поведением. Татьяна проявляет смекалку, хитрость, умеет обратиться к смеховым произведениям Древней Руси. Комедийны многие ее ситуации — обман, переодевание, прятание в сундуках, наконец, сцена появления незадачливых любовников на воеводском дворе.

Мастерство автора повести указывает на профессионального писателя, хотя определить точно, из каких социальных слоев он вышел, не представляется возможным. Он хорошо владел книжными приемами и был знаком с особенностями устного народного творчества.

Изд.: Бегунов Ю. К. Повесть о Карпе Сутулове: Проблемы датировки и жанра // Zeitschrift für Slawistik. 1988. № 6.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996.

ПОВЕСТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ летописная, дошла до нас в составе летописных сводов под 1380 в двух видах — кратком и пространном. В настоящее время представляется более вероятным, что повесть составлена на основе краткого рассказа «О побоище иже на Дону». Произведение явилось самым ранним из известных нам памятников Куликовского цикла, куда входят «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича», объединенные общими идеями исторического значения победы Руси над татарами, роли Москвы и вел. кн. Дмитрия Ивановича в этой битве. В то же время они различаются между собой по содержанию и по идейно-художественным особенностям.

В Летописной повести дается связный рассказ о событиях 1380 и их политическое осмысление в духе средневековых религиозно-нравственных понятий. Резко осуждаются

Поединок Пересвета с татарским богатырем.
Лицевой свод XVI в. Древний летописец

в повести «отступник» Олег Рязанский и «нечестивый» Литовский кн. Ягайло. Изображая русские силы, автор стремился показать их единство и сплоченность вокруг вел. князя, однако главную причину поражения татар автор видит в «Божественной воле».

В центре повествования образ кн. Дмитрия Ивановича. Он собирает силы, на нем лежит ответственность за исход дела. В то же время князь наделен такими чертами, как благочестие, миролюбие.

В повести не только излагаются основные факты и события, связанные с Куликовской битвой (сбор вражеских и русских сил, битва на р. Непрядве, действия вел. кн. Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата Владимира Андреевича и др., возвращение с победой в Москву, гибель Мамай в Кафе), но и дается экспрессивная оценка этим фактам, что делает произведение публицистическим, призывает к единению русских земель.

Автор опирается на конкретные факты и литературные источники («Житие Александра Невского», паремийное чтение о Борисе и Глебе, апокрифическое «Слово на рождество Христово и о пришествии волхвов»).

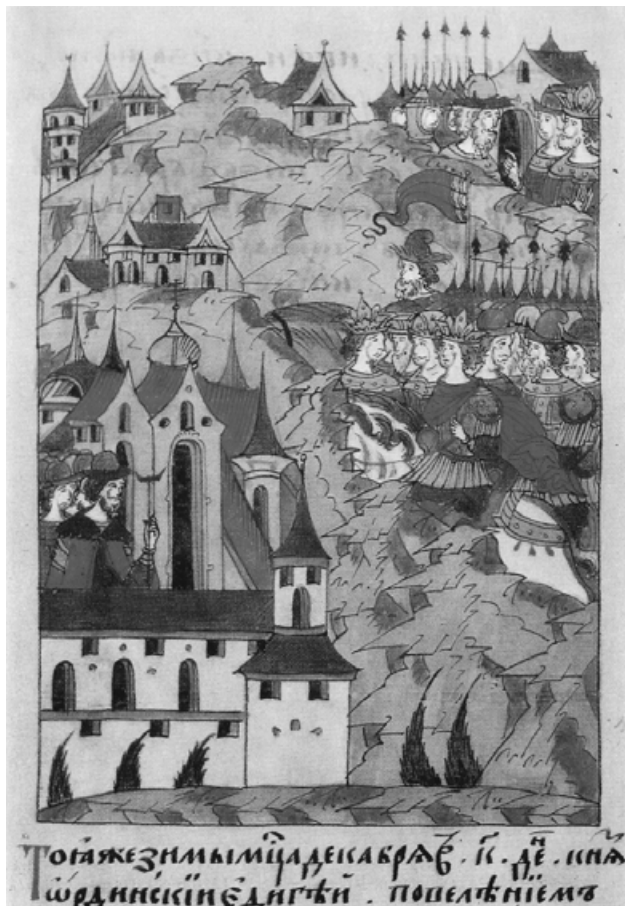
Изд.: Памятники средневековой русской литературы. Пг., 1915. Т. 4. Вып. 1; Памятники литературы Древней Руси XIV — сер. XV века. М., 1981; Сказание и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

Ист.: Литература и культура Древней Руси. М., 1994. С. 130.

ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ЕДИГЕЯ, летописная статья, одна из старших редакций которой читается в составе Симеоновской летописи и Рогожского летописца.

Автор повести, обращаясь к примеру древних летописцев, стремится не только изложить, «не украшая», происходящие события, но и сделать свой рассказ нравоучительным, чтобы «властители наши» учились на опыте прошлого. Повесть передает всю сложность военной и дипломатической обстановки, осуждает вел. Московского кн. Василия Дмитриевича за недалекость его политики и предпочтение советам «старцев» мнений «юных бояр». Нашествие Едигея на Москву явилось для Василия Дмитриевича полной неожиданностью: лукавый ордынский хан Едигей заключил с ним в 1406 мирный договор, обещал ему поддержку в конфликте с тестем, вел. Литовским кн. Витовтом, а в результате разжег между ними вражду и верг их в трехлетнюю войну. Воспользовавшись утомленностью московского войска, Едигей пошел на Русь.

Автор эмоционально осуждает предательское поведение Едигея, именовавшего себя «отцом» кн. Василия, но скрывавшего под личиной любви тайную ненависть, и, уподобляя вражеский замысел коварству ядовитой змеи, завершает повесть словами: «Следует это хорошо уразуметь и запомнить тем, кто впредь захочет заключить мир с иноплемненниками». Повесть описывает страшную

«Нашествие Едигея». Лицевой летописный свод XVI в.
Древний летописец

картину бедствия, когда несметные полчища Едигея заволокли Русскую землю: пылали городские посады, в огне гибли «чудные церкви, созидаемые веками», метались в страхе и отчаянии люди, а ордынцы их убивали и уводили в плен. Были захвачены и сожжены Переяславль, Ростов, Н. Новгород, Городец, осаждена Москва, покинутая вел. кн. Василием I. Автор осуждает Василия Дмитриевича и за то, что он доверился иноземцам — отдал ряд городов в управление Свидригайло Ольгердовичу, а когда пробил час беды, «храбрые наши ляхи, которые горделиво владели градом Пречистой Богоматери (т. е. Владимиром), показали, что их мужественные ноги сильны только в беге... а с иноплемненниками они ни разу не сразились». Не случайно в повести приведено изречение царя Давида: «Лучше уповать на Господа, чем уповать на князя».

Едигей, вознамерившийся было зимовать под стенами Москвы, вынужден был поспешно снять осаду: в Орде назревала очередная «замятня» (междоусобица). Однако, по мнению автора, отражавшего, разумеется, суждения своих сограждан, Москва была спасена от вражеского нашествия Божьим промыслом и помощью находящейся в ней иконы Владимирской Богоматери, которая и привела в страх и трепет гордого «агарянина». Повесть завершается благодарственными словами автора, обращенными к Богу, который, наказывая за грехи, все же не лишает своей милости и не дает окончательно «корень благочестия... вырвать». А чтобы избежать ошибок в будущем, автор советуется молодому поколению с почтением относиться к опыту «старцев», ибо «красота граду есть старчество».

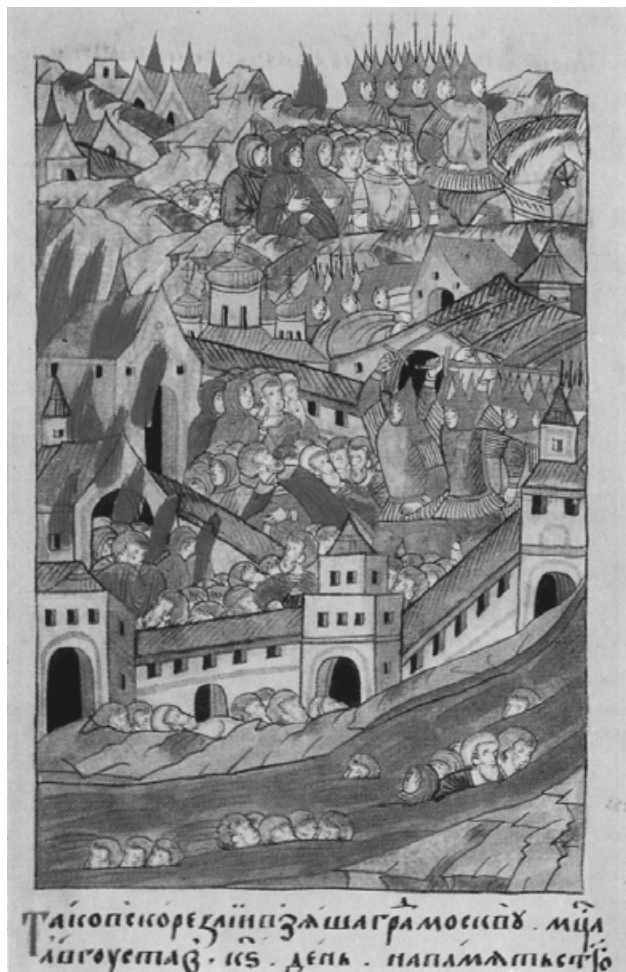
Имя автора «Повести о нашествии Едигея», одаренного мастера «плетения словес» и психологического анализа, — неизвестно. По мнению М. Д. Приселкова, повесть была составлена «в Твери, едва ли не со слов отъехавшего в Тверь какого-то московского политического деятеля», тесно связанного с московским великокняжеским двором, но осуждавшего внешнюю политику Василия Дмитриевича н. XV в. Г. М. Прохоров предполагает, что этим автором мог быть *Епифаний Премудрый*.

Изд.: Повесть о Едигее / Подг. текста, перевод и комм. Ю. К. Бегунова // За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI—XV веков. М., 1981; Сказание о нашествии Едигея / Подг. текста, перевод и комм. Н. Ф. Дробленковой // Памятники литературы Древней Руси. XIV — сер. XV века. М., 1981.

Ист.: Дробленкова Н. Повесть о нашествии Едигея // Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 154.

ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ТОХТАМЫША, литературный памятник, дошедший в составе летописных сводов под 1382 (6890) под названием «О пленении и о приходе Тохтамыша царя и о Московском взятии» и посвященный описанию нашествия хана Золотой Орды Тохтамыша в 1382 на Москву. Тохтамыш, согласно повести, появился на Руси внезапно, вел войско стремительно, «злехитриемь», чтоб не узнали о его походе. Помощником был ему Рязанский кн. Олег, давший ему совет, как «бес труда взяти каменный град Москву» и победить кн. Дмитрия Донского. Вел. князь начинает «совокупляти полки своа», но совет с князьями и воеводами показал «разность в князех», и Дмитрий, отказавшись от битвы с татарами, уходит из города. Во главе защитников Москвы встает прибывший в город Литовский кн. Остей. В повести описывается и день, предшествующий приступу, когда татары выспрашивали у горожан о местонахождении вел. князя, и самый приступ, длившийся 3 дня. Татары, «оболгав» Остея «лживыми речми и миром лживым», выманили его, а помощью нижегородских князей, из города и убили, а сами

вошли в город и «нача сечи» людей. Вот как описывает автор картину взятия Москвы: «Была внутри города сеча великая... до тех пор секли, пока руки и плечи их не ослабли и не обессилели они... Люди христианские... метались по улицам туда и сюда, бегая толпами, вопя и крича и в грудь себя бия. Татары же христиан, выволакивая из церквей, грабя и раздевая донага, убивали, а церкви соборные грабили... Книги же, в бесчисленном множестве снесенные со всего города и из сел и в соборных церквях до самых стропил наложенные, отправленные сюда сохранения ради, — те все до единой поубили. Что же говорить о казне великого князя, — то многосокровенное сокровище в момент исчезло, и тщательно сохранявшееся богатство... расхищено было». Казны «бояр старейших», «долгие годы собираемые и всякими благами наполняемые... захватили и растащили». Татары «многие монастыри и многие церкви разрушили, в святых церквях убийства совершали». Автор скорбит по поводу разорения Москвы: «До той поры, прежде, была Москва для всех градом великим, градом чудным, градом многолюдным, в нем было множество народа, в нем было множество господ, в нем было множество всякого богатства. И в один час изменился облик его,

Захват Москвы ханом Тохтамышем.
Лицевой свод XVI в. Древний летописец

когда был взят, и посечен, и пожен. И не на что было смотреть, была разве только земля, и пыль, и прах и пепел, и много трупов мертвых лежало, и святые церкви стояли разорены, словно осиротевшие, словно овдовевшие».

Старейшие тексты повести содержатся в летописях Новгородской IV, Софийской I, Новгородской Карамзинской. Все ее остальные тексты, сокращенные или распространенные, восходят к тексту повести в составе этих летописей. Повесть была составлена на основе краткого летописного рассказа о нашествии Тохтамыша, входившего в состав Рогожского летописца и Симеоновской летописи. Кроме того, при составлении повести были использованы библейские книги и апокрифическое «Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов». «Повесть о нашествии Тохтамыша» — публицистическое произведение. Нарисованная автором яркая картина разгрома и разграбления Москвы, опустошения др. городов Русской земли татарами должна была не только вызвать чувство сострадания у читателя, но и обратить внимание на причины, приведшие к этому бедствию, — «неодиначество» русских князей, братоубийственные распри между ними. Время создания повести относят к XV в. — к 1-й его четверти или к к. 40-х. Но не исключено, что возникновение повести относится к более позднему времени.

Ист.: Салмина М. Повесть о нашествии Тохтамыша // Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 155.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ — см. ЕРМОЛАЙ-ЕРАЗМ.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ, ЦАРЕВИЧЕ ОРДЫНСКОМ, повесть, посвященная основателю Ростовского Петровского монастыря, ордынскому царевичу, племяннику хана Берке, принявшему христианство и перешедшему на службу к Ростовскому князю. Завершается повесть семейной хроникой рода царевича Петра — его детей, внуков и правнуков. Датировка повести определяется исторической политической обстановкой Ростовского княжества, нашедшей отражение в самой повести: создание ее следует относить к 70—80-м XV в. Написана была повесть в Ростовской земле, имевшей в XIV—XV вв. богатую литературную среду. Имя автора повести остается неизвестным: на основании содержания повести можно полагать, что он был близок церковной среде и мог входить в число иноков Петровского монастыря.

Повесть представляет собой оригинальное произведение древнерусской литературы, отличающееся художественным своеобразием. Хотя в большинстве древнерусских рукописей оно называется «Житием блаженного Петра царевича», по своему содержанию значительно отклоняется от агиографического канона. В основу повести положена легенда об ордынце — основателе монастыря или церкви, этот тип легенды в сложившемся виде стал существовать на Руси с XV в. При написании второй части повести, судя по всему, были использованы летописные записи, ведшиеся при Петровском монастыре. В целом произведение можно рассматривать как сюжетно развернутую генеалогическую легенду.

Литературный талант автора повести проявился прежде всего в том, что он сумел органично объединить названные источники. На первый взгляд кажется, что рассказ строится только путем нанизывания в хронологической последовательности событий из жизни рода царевича Петра. Однако эта хронологическая подборка сочетается с рядом достоверных фактов из истории Ростовского княжества в пределах от 50-х

XIII в. до 20-х XIV в. Кстати, следует отметить, что в исторических документах не упоминаются ни имя самого Петра, ни имена его потомков.

Не менее интересным авторским решением является достигнутая сюжетная взаимозависимость разных частей произведения, при этом увлекательность повествования определяется наличием сложных ситуаций, повторяющихся «сильных деталей». Автор свободно включает в свой текст цитаты из Священного Писания. Крещенный Ростовским владыкой Кириллом, царевич Петр ревностно соблюдал православные обряды. Однако он не оставил привычки к царским «утехам»: ездил с ловчими птицами охотиться на Ростовское озеро. Однажды после охоты царевич уснул на берегу озера. Вечером его разбудили «два мужа светла, сушу акы солнце», которые вручили ему два кошелька с золотом и серебром и велели обменять монеты на иконы, затем отнести их к владыке. Петр, обменяв монеты на иконы, принес их в епископию, поставил их перед владыкой Игнатием и князем, «поклонися до земли и рече: “О, владыко, Петр и Павел, Христова апостола, послата мя к тебе, да устроиши церковь, идеже аз пах при езере, а се ти есть знамение их”». На следующий день после службы владыка Игнатий, князь и все горожане проводили иконы «до места, идеже спа Петр». И на этом месте соорудили часовню. Т. о., по промыслу Божию и с апостольской помощью здесь был создан Петровский монастырь.

Сюжетно обусловлена в произведении также и мысль о праве потомков Петра и монастыря на земли, приобретенные царевичем Петром возле Ростова. Ростовский князь, проникнувшись дружескими чувствами к царевичу Петру, сам предложил выдать грамоту на подаренные ему земли возле Ростовского озера «противу дома святых апостол». И в дальнейшем эта грамота сыграет не последнюю роль в тяжбе между потомками Петра и ростовскими князьями. Неоспоримость прав потомков Петра на земли, записанные в грамоте, доказывается в повести остроумным решением спора о ловле рыбы в озере; ханский посол предложил ростовским князьям снять воду с земли, которую они считают своею. Спор завершается в пользу потомков Петра: «И присуди по земле и воду внуку Петрову Юрию посол царев: “Какое есть купля землям, тако и водам”».

Симпатии автора на протяжении всей повести явно на стороне Петра и его потомков. Повесть была написана не только для прославления Петровского монастыря и его основателя, но и с целью утвердить права на земельные угодья потомков Петра и монастыря. По отношению к ростовским князьям автор повести проявляет несколько недружелюбное и пренебрежительное отношение. Это позволяет считать, что произведение должно было быть написано в то время, когда ростовские князья теряли свою власть, а Москва все больше и больше овладевала ростовскими землями.

Изд.: Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Русские повести XV—XVII вв. М.; Л., 1958; То же // Древнерусские предания (XI—XVI вв.). М., 1982; То же // Памятники литературы Древней Руси. К. XV—I-я пол. XVI в. М., 1984.

Ист.: Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 156—157.

ПОВЕСТЬ О ПОСАДНИКЕ ШИЛЕ, произведение с явными приметами новгородского происхождения, рассказывающее об основании Шилова монастыря. Новгородский посадник Шил (или Шил), давая купцам деньги в рост, решил на прибыль построить церковь Покрова на берегу Волхова. Архиеп. Иоанн отказывался освятить церковь, воздвигнутую «от лихвенного собрания», т. е. на не-

праведно нажитые деньги. Он велел Шилу надеть саван и лечь в гроб во вновь построенном храме. Во время отпевания гроб провалился. Тогда архиепископ велел иконникам нарисовать на стене фреску, изображающую Шила в аду, а сыну Шила пребывать в посте и бдении, 40 дней в сорока церквях служить сорокоусты и давать милостыню. Через 40 дней на «стенном писании» голова Шила была уже вне ада, еще через 40 дней он был вне ада до пояса, еще через 40 дней — весь вне ада. Одновременно из пропасти явился гроб посадника, что означало его прощение. «И оттоле устроися монастырь, нарицаемый Шилов».

Исследователи полагают, что первоначально возникло устное предание об основании монастыря. Отголоски устной легенды можно усмотреть в словах автора повести: «И оттоле устроися монастырь Шилов, идеже и доньне стоит. Неци же глаголют, архиепископ заповеда сыну Шилу трижды на год по сту литургий пети в три лета». Для устного творчества типична троичность в развитии сюжета; само наказание грешника ввержением в пропасть также является характерным фольклорным мотивом. Существует поздняя запись сказки, услышанной Д. К. Зелениным в Вятской губ., похожая на повесть о Шиле, но в этом случае древнерусская повесть сама могла быть источником народной сказки.

Ученые по-разному датируют время появления повести. Некоторые считают, что она написана в I-й пол. XV в., другие — в сер. и даже в к. XVI в. Есть попытки найти и определенные годы — 1388, 1416 или не ранее 1462. Повесть связывают с основанием в трех верстах от Новгорода на правом берегу Волхова в урочище Дубно, или Дубенки, в 1310 монахом Олоном (Леонтием) Шилом монастыря и построением церкви Покрова. Об этом сообщают новгородские летописи. Но одна из них, ранняя (синодальный список *Новгородской I летописи* старшего извода), сообщает не о постройке монастыря, а о возведении каменной церкви, обычно ставившейся в Новгороде на месте деревянной. Нет в этой летописи и имени Шила. Похоже, что в позднейших летописях имя Шила было приписано к первоначальному тексту. А это значит, что монастырь был основан не в 1310, а значительно раньше — в XII в. Тогда же могла возникнуть и «Повесть о посаднике Шиле». Об этом говорит и имя архиепископа: Иоанн занимал в Новгороде кафедру архиепископа в 1165—65. Кстати, существует написанное в его честь *житие* и ряд связанных с его именем новгородских легенд. В 1310 новгородским архиепископом был Давид (1309—25).

Текст повести дошел до нас в сравнительно поздних списках — от н. XVII до XIX в.

Изд.: Еремин И. П. Из истории старинной русской повести: Повесть о посаднике Шиле (Исследования и тексты) // Труды комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1; Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе. 8-е изд. М., 1973.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 158.

ПОВЕСТЬ О ПУТЕШЕСТВИИ ИОАННА НОВГОРОДСКОГО НА БЕСЕ. Иоанн (в миру Илья) (ск. 7.11.1186) — Новгородский архиепископ, в 1165 был поставлен Новгородским епископом (до этого был священником церкви св. Василия в Новгороде), с 1167 — архиепископ (с него высшие церковные иерархи Новгорода получили статус архиепископов). Как первый архиепископ города, Иоанн был очень популярен в Новгороде, и с его именем связано несколько легенд, бытовавших в устной и письменной традиции. Одна из этих легенд — рассказ о чудесном заступничестве новгородской иконы Знамения Богородицы по молению Иоанна в 1170 во время нападения на Новгород

судальцев. Вторая легенда — рассказ о путешествии Иоанна на бес в Иерусалим. Третья — чудесное обретение забытых мощей Иоанна в 1440 при Новгородском архиепископе Евфимии II. Эти три эпизода составляют три части «Жития Иоанна», написанного в Новгороде в 70-х XV в. К этим эпизодам примыкает рассказ-легенда о построении Иоанном и его братом Григорием Благовещенской церкви, в чем чудесную помощь им оказывает Богородица. Этот рассказ в рукописной традиции существует как самостоятельная повесть, часто присоединяемая к «Житию Иоанна», состоящему из перечисленных трех эпизодов. Вне состава Жития, как самостоятельное произведение, встречается в рукописях и рассказ о путешествии Иоанна — самый фантастический и наиболее популярный из всех преданий о первом Новгородском архиепископе.

Однажды, во время ночной келейной молитвы Иоанна, бес, искушая святого, забрался в его рукомоийник. Но архиепископ перехитрил лукавого: осенив рукомоийник крестным знаменем, Иоанн заключил в нем беса. В награду за освобождение от заклатья бес в течение одной ночи переносит на себе Иоанна в Иерусалим и возвращает в Новгород. За время пребывания в святом городе Иоанн успевает помолиться у гроба Господня. Бес требует от Иоанна никому не рассказывать о случившемся, но тот, не называя своего имени, рассказывает новгородцам о чудесном путешествии. Бес начинает мстить Иоанну: он «мечтанием» показывает приходящим к святому посетителям предметы женского одяния в его келии, наконец, в виде «блудницы» выбегает от Иоанна на улицу. Новгородцы обвиняют архиепископа в блуде и изгоняют его из города: сажают Иоанна посредине реки на плот и пускают плот по течению. Но, «никым же пореваем», плот движется вверх по Волхову к новгородской святыне — Юрьеву монастырю. Посрамленные горожане умоляют святого простить их неверие и вернуться на свой святительский престол.

В основе этого сюжета лежит широко распространенный в мировой литературе мотив заклатья крестным знаменем или положенным на сосуд крестом беса. Этот сказочно-легендарный мотив нашел отражение еще в двух древнерусских литературных памятниках, вторичных по отношению к «Повести о путешествии Иоанна...»: в «Житии Авраама Ростовского» и в «Повести о Василии, епископе муромском» *Ермолая-Еразма*. Отразился он и в новой русской литературе — в повести *Н. В. Гоголя* «Ночь перед Рождеством», а сюжет повести был использован *А. С. Пушкиным* в юношеской поэме «Монах».

Что послужило основанием для возникновения легенды о путешествии Иоанна на бес, мы не знаем, как не можем определить и возможное время возникновения ее. Нет данных и о времени первоначального фиксирования легенды в письменности. В 1-й пол. XV в., при новгородском архиеп. Евфимии II, в Новгороде создается ряд литературных произведений, в которых воскрешалась былая история Новгорода. Вероятнее всего, в это время и записывается существовавшая в устной традиции легенда о чудесном путешествии Иоанна. Во всяком случае, повесть была написана не позже 70-х XV в., когда было создано «Житие Иоанна», включившее ее в свой состав.

Изд.: Великие Миниеи Четьи. Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868; Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесу / Подг. текста, перевод и комм. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. XIV — сер. XV века. М., 1981; То же // Древнерусские предания (XI—XVI вв.). М., 1982; То же // Изборник (1986).

Ист.: Дмитриев Л. Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесу // Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 160.

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ, литературный памятник, рассказывающий о взятии монголо-татарами Рязани в дек. 1237. По мнению большинства исследователей, «Повесть» — одно из самых совершенных произведений литературы Древней Руси. По своему характеру — это сочетание плача о погибшей Руси и похвалы небывалой храбрости русских воинов. Монголо-татарское нашествие воспринимается автором «Повести» как страшная трагедия, наказание Божие за грехи и свидетельство конца света: «Великая конечная погибель». Недаром Батый и вообще татары называются «безбожными» и «нечестивыми», несущими гибель христианской Руси.

«Повесть о разорении Рязани Батыем». Лицевой свод XVI в.

В этом контексте поведение русских князей и их воинов представляется еще более героическим. Зная о грядущей и неотвратимой «погибели», русские воины не сдаются на милость победителя, но сражаются до последней капли крови. Один из самых героических образов «Повести» — *Евпатий Коловрат*, более не упоминаемый ни в одном древнерусском сочинении.

Возможно, «Повесть» создана в 70-е XIII в. Сохранилась в списках, самые старшие из которых датируются 2-й третью XVI в.

С. Перевезенцев

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ, оригинальная повесть, которую датируют последней третью XVII в., реже — эпохой Петра I. Повесть построена на основе «бродячего сюжета» — договор человека с дьяволом: купеческий сын Савва Грудцын, забывший наставления отца и погрязший в грехах, с помощью беса одерживает любовные победы, отличается на царской службе (совершает подвиги под Смоленском в войне 1632—34), но раскаивается и спасается при чудесном вмешательстве Богородицы. В «Повести о Савве Грудцыне» синтезированы признаки традиционного *жития* и такие элементы авантюрного романа, как фантастика, описания любовной страсти и т. п. В XX в. повесть обработана А. М. Ремизовым.

М. О.

ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ, воинская повесть, созданная на основе одноименной былины во 2-й пол. XVII в., когда на границе Русского государства с Крымом и Турцией происходили постоянные вооруженные столкновения; автор ее, по видимому, выходец из военно-служилой среды.

Главный герой повести — 90-летний богатырь Сухан. Узнав от вестового во время соколиной охоты о нашествии «бусурман», Сухан, оказавшийся без «ратного оружия», вырвал с корнем молодой дуб и этим «падубком» перебил всех «татар». Смертельно раненный богатырь добирался до Киева и получает «жалованное слово... государя». Завершается повесть плачем матери Сухана о своем сыне,

который хотя и был грешным «бражником», но принял достойную смерть «на службе государевой», «во истинной храбрости».

В основу повести положен древнейший вариант былины о Сухане («алтайский»), воспевающий старые былинные традиции: знание соколиной охоты и удачу в ратном подвиге. Повесть, однако, не является записью текста былины, сделанной в XVII в., — это литературное произведение неизвестного писателя. В отличие от своего былинного прототипа Сухан в повести представлен военно-служилым человеком, состоящим на «государевой службе», хотя внешне он сохраняет все черты эпического богатыря: быллинный гиперболизм орудия сражения (дуб с корнями) и богатырскую силу, которую можно одолеть только пальбой из стенобитного орудия — «порока». Как показывает исследование В. И. Малышева, автор повести был хорошо начитан и пользовался в своем произведении широко известными среди посадских и служилых людей воинскими повестями, такими как «Сказание о Мамаевом побоище», «Повести об Азове», «Повесть о взятии Рязани Батыем». Стремясь приблизить свое повествование к реальному ходу событий, он сохраняет в былине из троекратно повторяющихся только один эпизод со вспугнутыми птицами, а разговор богатыря с Днепром-рекой заменяет вполне естественной встречей Сухана с вестовым, извещающим о приближении врага. Автор повести усваивает и некоторые стилистические приемы «Сказания о Мамаевом побоище»: подобно героям «Сказания...», Сухан молится Богородице со слезами; под влиянием «Сказания...» в повесть включен и плач матери Сухана. Однако используя стиль воинских повестей, автор гармонично сочетает его с былинным стилем, присущим повести, сохраняя при этом и былинный стихотворный размер.

Изд.: Повесть о Сухане / Подг. текста и комм. В. П. Будагагина // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. М., 1988. Кн. 1; Малышев В. И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII в. / Автореф. дисс. канд. наук. Л., 1956.

Ист.: Дробленкова Н. Повесть о Сухане // Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 164

«Повесть о Сухане». Ручпись XVII в.

ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ, легендарное повествование о женитьбе вел. князя Тверского Ярослава Ярославича (ск. 1271) и об основании Тверского Отроча монастыря. Созданная во 2-й пол. XVII в. в Твери, возможно, в самом Отроче монастыре, повесть дошла до нас в 18 списках, передающих три разновидности текста, весьма близкие друг другу по содержанию и по времени возникновения (публиковалась лишь наиболее поздняя, к. XVII — н. XVIII в., и наиболее совершенная в художественном отношении редакция). Композиция повести полностью соответствует композиции произведений жанрово-тематической группы повестей об основании монастырей: предыстория, объясняющая причину поставления монастыря; поиски места; знамение, указывающее на место для монастыря; расчистка места; строительство монастыря; сообщение о его процветании. Однако предыстория, обычно в повестях об основании монастыря не имевшая самостоятельного значения, в повести содержит в себе основную сюжетную коллизию, к тому же она имеет абсолютно светский характер, что для повестей об основании монастырей нетипично.

История, рассказанная в повести (о любви княжеского отрока Григория к дочери церковного причетника из с. Едимонова красавице Ксении и о том, как в день свадьбы князь отнял невесту у своего любимца, а тот ушел от людей

в лес и основал там монастырь), не соответствует историческим фактам, известным по летописи. По сути, повесть является развернутым этимологическим толкованием названия монастыря. Источником ее основной сюжетной коллизии стала одна из сцен свадебного обряда — сцена «сыпания свадебного отрока», да и герои повести — это персонажи, «чины» свадебного обряда (жених-князь; невеста-княгиня; «отрок», играющий в обряде роль ложного жениха; «бояре» из свадебного поезда, сопровождающие жениха и невесту), переведенные в систему повествовательного текста и прикрепленные к реальным историческим фигурам. Влияние свадебного обряда сказывается и в использовании в повести символики свадебных лирических песен. Повесть насыщена топографическими реалиями, среди ее источников и княжеские грамоты, и, по всей вероятности, какая-то летопись. Однако реалии, упомянутые в повести, характерны не для 2-й пол. XIII в. (время действия в повести), а для 2-й пол. XVII в. И сам исторический материал использован лишь для придания вымышленному рассказу внешне «достоверного» вида. Почти не имея значения как исторический источник, повесть чрезвычайно важна для понимания перехода от литературы древней к литературе нового времени, и как произведение, в котором, по словам *Д. С. Лихачева*, «впервые в русской литературе конфликт перенесен из сферы мировой борьбы зла с добром в самую суть человеческой природы», и как произведение, которое можно рассматривать как один из первоначальных этапов формирования русского романа, и как произведение, автору которого удалось талантливо сочетать сюжетную новизну (изображение любви до брака нехарактерно для древнерусской литературы) с истинной религиозностью и с глубоким пониманием ценности человеческой личности. Так, задуманная как произведение о монастыре, повесть стала произведением о человеке, о его горестной судьбе.

Повесть послужила одним из источников «Жития Михаила Ярославича Тверского», написанного архим. Макарием в 1765 и пересказанного *Н. М. Карамзиным* в «Истории государства Российского». Через посредство «Истории» *Н. М. Карамзина* и «Дорожника» *И. Ф. Глушкова* сюжет повести попал в литературу нового времени и нашел свое отражение в произведениях *В. Т. Нарезного*, *А. А. Шаховского*, *С. Н. Глинки*, *Ф. Н. Глинки*, *В. К. Кюхельбекера*, *В. С. Глинки*, *Н. Полевого*, *Т. Серверцева-Полилова* и др.

Изд.: Повесть о Тверском Отроче монастыре / Подг. текста и примеч. *С. А. Семячко* // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. М., 1988. Кн. 1.

Ист.: *Семячко С.* Повесть о Тверском Отроче монастыре // Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 164—165.

ПОВЕСТЬ О ТЕМИР-АКСАКЕ рассказывает о событиях 1395. Время ее возникновения к. XIV — 1-я пол. XV в. В 70—80-х XIV в. создаются две основные редакции произведения (всего 11).

Повесть включает легендарное жизнеописание Темир-Аксака, сказание о перенесении в Москву Владимирской иконы Богоматери и видение небесных полков завоевателю.

Рассказывая о необычайном выдвигении Темир-Аксака в явно осудительном тоне, автор показывает, с какой легкостью «лют разбойник» и «грабежник», собирая вокруг себе подобных, становится сначала князем, а затем и царем. Для автора повести Темир-Аксак — не только воплощение татарского ига, но и носитель незаконной, не подкрепленной никакими правами власти.

В противоположность ему, во второй части повести, рассказывается о неожиданном избавлении Руси от нашествия Тамерлана, Московский кн. Василий Дмитриевич представлен как благочестивый правитель, пользующийся божьим покровительством.

Важное значение имеет сказание о перенесении в Москву иконы Владимирской Богоматери. По преданию, икона была написана евангелистом Лукой и, попав в Киев, стала патрональной иконой всей Русской земли. Ее появление во Владимире, а затем в Москве как бы подчеркивало роль этих городов как новых политических центров Древней Руси. Икона явила божественную силу и неодолимость, т. к. в «который день принесена бысть...», «в той день Темир-Аксак царь убоится и утрашится...», а также особое благоволение к Москве. Сказание подготавливает почву для появления теории «Москвы — третьего Рима».

В большинстве списков произведение именуется «повестью», однако встречаются варианты, где ее называют и «сказанием» и «словом».

Изд.: Русские повести XV—XVI ввек. М.; Л., 1958; Памятники литературы Древней Руси. XIV — сер. XV века. М., 1981.

Ист.: Литература и культура Древней Руси. М., 1994. С. 133—134.

П. П.

ПОВЕСТЬ О ФОМЕ И ЕРЕМЕ, произведение «смеховой» литературы XVII в., рассказывает о неудачливых братьях Фоме и Ереме, у которых не получается ни одно дело, за которое они принимаются. Братья противопоставляются друг другу, но это противопоставление мнимое («карикатура на контраст»): «Ерема был крив, а Фома с бельмом, Ерема был плешив, а Фома шелудив...»

Повесть известна в 6 списках XVIII в., причем текст ее очень неустойчив. Если в одних списках, напр., братья называются дворянскими детьми, то в др. они — «торговые люди». В н. XVIII в. повесть была использована в лубочной картинке, превращалась в небылицу, плясовую, детскую песню, прозаическую сказку.

ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ, оригинальная повесть, написанная в к. XVII или н. XVIII в. Представляет собой образец плутовской новеллы: Фрол Скобеев, худородный дворянин, «вор и плут», «ябедник», не брезгуя никакими средствами, становится зятем вельможи *А. Л. Ордын-Нашокина* и тем самым добивается высокого общественного положения, и автор далек от обличения «пройдохи» — главного героя. Автор «Повести», очевидно подъячий, о чем свидетельствует стиль «Повести», характеризующийся варваризмами и просторечиями, обилием канцелярских оборотов речи, книжных выражений. «Повесть» отразила характерные общественные и бытовые явления XVII в. — зарождение новой знати и разрушение традиционного бытового уклада.

В XVIII—XIX вв. сюжет «Повести» использовался *Ив. Новиковым*, *Н. М. Карамзиным*, *Д. В. Аверкиевым*.

Изд.: Русская бытовая повесть: XV—XVII вв. / Сост., вступ. ст., коммент. *А. Н. Ужанкова*. М., 1991.

М. О.

ПОВЕСТЬ О ЧУДЕСНОМ ВИДЕНИИ В НИЖНЕМ НОВОГОРОДЕ, памятник древнерусской литературы н. XVII в.

Написана летом 1611 в Н. Новгороде. Место видения и авторство повести установить невозможно. Повесть существует в 3 списках, самый ранний из которых относится к 1611—12. Краткое содержание «Повести» передают также «Пискаревский летописец» и «Пинежский летописец».

Нижегородское видение было явлено 28 мая 1611 некоему «человеку благочестию именован Григорий». Ночью, пребывая в храме в «тонком сне», Григорий вдруг узрел, как купол храма раскрылся на четыре стороны и с небес, озаренный великим светом, в человеческом образе сошел Господь, сопровождаемый неким человеком в «белых ризах». Расположившись на груди Григория, Христос произнес свои заповедания. Прежде всего, Господь заповедал установить во всем Российском государстве строжайший 3-дневный пост, причем умерших во время поста Он обещал принять в Царство Небесное. Следующее заповедание — построение храма в Москве. Кроме того, в этот храм нужно было перенести из Владимира икону Владимирской Божией Матери, поставить перед иконой свечу «воска невозженного» и положить чистый лист («неписану») бумаги. Согласно видению, Христос утверждал, что в нужный день свеча возгорится от «огня небесного», а на бумаге чудесным образом появится имя будущего русского царя, угодного Богу — «по сердцу Моему».

Если же воля Божия не будет исполнена, то все Российское государство будет жестоко наказано. Столь же жестоко будут наказаны и нижегородцы, если они не сообщат о заповеданиях Господа, данных Григорию, по всей России: «Воздвигну бурю велию из реки Волги, и потоплю суды с хлебом и с солью, и поломаю древа и храмы».

Как можно заметить, православная символика, наполняющая Нижегородское видение, очень глубока и многообразна. Так, слетевшего с небес Христа можно толковать как символ божественного вдохновения, «незажженная» свеча — символ сердечной чистоты, а «неписанная» бумага — символ чистоты помыслов. Особую значимость видению придает явление Самого Христа, что бывало, как уже говорилось, достаточно редко в практике видений на Руси. Высокая степень откровенного знания, данного Христом, подчеркивалась и тем, что Господь расположился на груди («на персех») Григория. (Кстати, подобный мотив был уже известен в древнерусской литературе — в *«Житии Феодосия Печерского»* сообщается, что Феодосий, явившийся монаху Дамиану, также садится ему на «перси»). А установление особого почитания иконы Владимирской Божией Матери символизировало собой, с одной стороны, сохранение Покрова Богородицы над Россией, а с др. стороны, необходимость восстановления истинной «древней» веры.

Поэтому суть видения, в принципе, ясна — русский народ должен очиститься от грехов посредством 3-дневного поста и тем самым вернуть себе Божию милость. Возвращение к истинной вере русский народ должен продемонстрировать построением храма в Москве и установлением особого почитания иконы Владимирской Божией Матери. За это Господь подарит русской земле мир и нового, истинного, избранного самим Богом царя.

Т. о., Нижегородское видение носило яркий оптимистический характер. Недаром Христос дарует Свои «знамения» для того, чтобы укрепить в русских людях веру и показать им Свою милость. Важно и то, что Нижегородскому видению, волею Господа, придавалось общерусское значение. Причем в данном случае Господь обращался напрямую к русскому народу, а не к правителям. По сути дела, если верить Нижегородскому видению, русский народ волей Самого Господа призывался к подвигу «самоустроения» — очистившись от грехов, русский народ должен был освободить Москву и избрать себе царя, имя которого будет названо Богом.

Видимо, не случайно избрано и само место видения. В то время Н. Новгород оставался одним из немногих круп-

ных городов, которых не коснулись «разорения» Смуты. Видение же показывало, что именно из Н. Новгорода должен исходить импульс к объединению страны и освобождению ее от иноземных захватчиков.

И Россия услышала этот призыв. Нижегородское видение по своей популярности и общественному резонансу не только соперничало с видением «некоему мужу духовному», но и значительно превосходило его. Осенью 1611 — зимой 1612 грамоты с текстом «Повести» рассылаются по всей стране — о Нижегородском видении знали в Перми, Вологде, Устюге, Ярославле, в городах Сибири (напр., в Тобольске). Появился текст «Повести» и в войсках, стоявших под Москвой, в частности в полках Первого ополчения под руководством Прокония Ляпунова. Интересно, что источник появления «Повести» в войсках неизвестен, более того, утверждалось, что в самом Н. Новгороде ни о видении, ни о «благочестивом Григории» никто ничего не знает.

Тем не менее Нижегородское видение стало прямым катализатором активных действий. Везде, где о нем получали известие, устанавливался строжайший 3-дневный пост. Причем, что очень важно, пост устанавливался по инициативе самих горожан, без вмешательства каких-либо высших властей. Т. о., всенародный очистительный пост стал непосредственной реакцией на Нижегородское видение. И этот всенародный пост показывает степень раскаяния в грехах, став выражением всероссийского покаяния, столь давно ожидаемого на Руси. Напомним, что именно всеобщее и искреннее покаяние рассматривалось в н. XVII в. как главный способ спасения России от «разорения». Следовательно, весь русский народ воспринял сообщение о чудесном видении в Н. Новгороде как непосредственное руководство к действию и доказал свое стремление к нравственному очищению.

Итоги всенародного поста сегодня можно оценивать позитивно. Однако для людей того времени прямая связь между покаянием и прекращением Смуты была очевидна. Кстати, интересно, что в Н. Новгороде было и еще одно видение, которое можно рассматривать как общерусское. Речь идет об известном случае, когда явившийся К. Минину Сергей Радонежский побудил нижегородца к сборанию средств на ополченское войско. Поэтому и само освобождение Москвы ополчением под руководством К. Минина и Д. Пожарского воспринималось как результат именно всеобщего русского покаяния. Так, «Пискаревский летописец» писал: «И Бог утоли гнев свой: Москву очисти 121-го (1612) октября 22-го. И сия подобно древнему чуду в Ниневии граде».

С. Перевезенцев

ПОВЕСТЬ О ЧУДЕСНОМ ВИДЕНИИ ВО ВЛАДИМИРЕ, памятник древнерусской литературы н. XVII в.

В основе «Повести» — описание чудесного видения, случившегося 24 авг. 1611 во Владимире, записанное со слов некоей Мелании, жены Бориса Мясника. Список текста был помещен в отписке сольвычегодцев пермичам следом за *«Повестью о чудесном видении в Нижнем Новгороде»*. Хотя эта повесть и не имела столь большого резонанса, как нижегородская, и даже, по мнению С. Ф. Платонова, чрезвычайно бедна содержанием, на самом деле ее религиозно-философское содержание более чем насыщено, ибо здесь мы встречаемся с одним из редких видений Богородицы женщине.

«Повесть» сообщает, что Мелании во сне явилась «жена в светлых ризах», держащая над головой иконописный образ, который был «велик и чуден велми». «Жена в светлых ризах», которая прямо отождествляется с Богороди-

цей, приказала поведать всему православному люду о том, чтобы они установили пост и молились со слезами. Мелания засомневалась — прислушаются ли к ней, ибо сама Мелания еще слишком молода. В ответ «жена в светлых ризах» пригрозила русскому народу различными карами: трехдневным жаром и нападением многочисленных змей. А чтобы убедить Меланию в серьезности предсказаний, напустила на нее множество червей и жуелиц. Кроме того, Мелании был показан «превеликий» змей, который будет поедать людей.

Символика Владимирского видения сложна и своими корнями восходит к ветхозаветным сюжетам. Особенно интересен в данном случае образ змея, пожирающего людей. Этот образ присутствует в книге прор. Иеремии, где приобретает апокалиптические черты — Господь угрожает жителям Иерусалима напустить на них подобное существо за их грехи, что будет свидетельством конца света. И вообще змей всегда символизировал собой силы тьмы, орудие дьявола.

В древнерусской религиозно-философской мысли образ змея тоже трактовался как символ зла (вспомним хотя бы древнюю легенду, вошедшую в древнерусскую литературу в качестве повести «Чудо Георгия о змие»). Между прочим, авторы н. XVII в. вообще часто пользовались образом змея, особенно при характеристике Бориса Годунова, Лжедмитрия I, поляков и др. А в многочисленных апокрифах присутствует и образ змея, пожиравшего людей. Так, змей, поедающий грешников, был известен русским читателям по очень популярному на Руси апокрифу «Хождение Богородицы по мукам».

Апокрифический элемент присутствует и в самом Владимирском видении, ибо оно отходит от сложившихся канонов. Так, видение было дано простой молодой женщине, причем в тексте видения даже не оговаривалось ее благочестие. Сама Богородица выступала не в роли заступницы и просительницы за род человеческий, а как грозный судья, способный покарать за грехи. Т. о. Богородице присущи в большей степени черты Самого Господа. Да и апокалиптические образы видения должны были подчеркнуть связь с ветхозаветной, а не новозаветной традицией.

Тем не менее Владимирское видение было с готовностью принято современниками. Ведь видение оказалось на благодатной почве — сознание людей давно уже ожидало чудесного избавления от многочисленных бед и страданий, поразивших Россию в Смутное время. После того как Мелания рассказала об увиденном ею чуде, во Владимире был установлен очистительный пост. А затем известия о видении стали рассылаться по др. городам.

С. Перевезенцев

ПОВЕСТЬ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ, сатирическое произведение, известное в рукописях к. XVII и XVIII вв., но на основе упомянутых реалий судебной практики приуроченное к 1660-м. Состоит из трех анекдотических эпизодов, в которых несправедливый судья Шемяка (не исключено, что у древнерусского читателя могли возникнуть ассоциации с Дмитрием Юрьевичем Шемякой, активным участником междоусобной войны XV в.), рассчитывая получить взятку, выносит весьма неожиданные приговоры. Их комизм зиждется на парадоксальном уравнивании преступления и наказания (напр., ответчик-«убогий», бросившись в отчаянии с моста, случайно зашиб старика, а сам остался жив, и истец, сын старика, должен был — «око за око» — тоже прыгнуть с моста и убить «убогого», чего делать, естественно,

не захотел). Благодаря уму и находчивости бедняку удается избежать наказания и поставить в смешное положение богача, попа и судью-взяточника. Существуют многочисленные сюжетные параллели в фольклоре и литературах различных стран. Кроме повести и сказок в русской традиции бытуют две поэтические версии «Шемякина суда» (XVIII и XIX вв.), лубок (XVIII в.), повесть Ф. Задубского (1780), стихотворное переложение К. Львова (1890), комедии Н. Попова (1900) и А. Глаголина (1936).

Изд.: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989.

М. О.

ПОВЕСТЬ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ, переводная повесть, прототип ее возник, как предполагают, еще в Ассирии-Вавилонии в V—VII вв. до н. э. Переведена в Киевской Руси, возможно, уже в XI—XII вв., по мнению некоторых ученых, с сирийского оригинала или с армянского текста. В истории древнерусской литературы занимает особое место, т. к. оказала влияние на такие яркие памятники, как «Моление» Даниила Заточника и «Повесть о Горе-Злочастии». Интересно также, что «Повесть» находилась в составе Мусин-Пушкинского сборника вместе со «Словом о полку Игореве». Сюжет «Повести» был широко распространен на Востоке, сохранились сирийские, арабские, армянские ее варианты.

В Повести рассказывается, как Акир, советник царя Адорской и Наливской стран (т. е. Ассирии и Ниневии) Синагрипа, усыновил своего племянника Анадана, представил его царю как своего ученика и наследника. Повесть богата остроумными ситуациями и коллизиями. Кроме сюжета, Повесть очень интересна афоризмами, притчами (о дружбе, справедливости, злых женах и т. д.), с которыми Акир обращается к

Анадану. Именно они были использованы в «Слове», «Моление» Даниила Заточника и др. памятниках.

Изд.: Повесть об Акире Премудром / Подг. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.

Ист.: Литература и культура Древней Руси. М., 1994. С. 135—136.

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО. Андрей Боголюбский (ок. 1110—1174), второй сын Юрия Долгорукого от половецкой княжны, с 1158 вел. князь Владимирский и Суздальский, известен стремлением перенести центр русской государственности на Северо-Восток, объединить Русь под главенством владимирских князей. Погиб в результате заговора в своей резиденции Боголюбово (княжеское село недалеко от Владимира). Повествование об этом событии содержит множество конкретных подробностей (подтвержденных впоследствии и раскопками могилы князя), которые выдают в авторе очевидца описываемых событий. Возможным автором поэмы и называют одного из действующих лиц повести, изображенного в ней сторонником князя и его политической линии, игум. Феодула, что наименее вероятно (хотя именно под его руководством составлялся в 1177 летописный свод, включивший в свой состав «Повесть об убиении...»); киевлянина Кузму, слугу князя или одного из мастеровых («златокузнец»), приглашенных Андреем на строительство Боголюбова; выходца из Вышгорода, главу капитула Успенского собора во Владимире Микулу, который был автором и др. произведений, в т. ч., возможно, и широко известного «Сказания о иконе Богоматери Владимирской» (некоторые части этого текста вошли в состав повести). Особенно вероятен в качестве автора основной части повести Микула — противник усобиц и боярской знати, повинной в убийстве князя, сторонник владимирских горожан, которые в повести представлены основной движущей силой положительных событий. Автор ориентировался на южнорусские биографические повести XI—XII вв., с подражаниями или прямыми цитатами из *житий* Владимира, Бориса и Глеба. В повести четко и последовательно проведено противопоставление Киева — Владимиру, Боголюбову — Вышгороду, Золотых и Серебряных ворот одного города — таким же воротам другого, мучения Андрея — мучениям Бориса и Глеба и т. д. Полный текст повести сохранен в *Летописи Ипатьевской* под 1175, тогда как во Владимирском летописном своде 1177, известном нам по *Летописи Лаврентьевской*, помещен сокращенный и переработанный ее вариант; следовательно, через 3 года после описываемых событий повесть уже была известна летописцу; по некоторым соображениям, она могла быть написана между сер. 1175 и сер. 1176. В повести умело сочетаются 2 линии: мирская земная, поданная в размышлениях князя и комментариях автора. Психологические детали повествования и образная народная речь перекрывают намеренно идеализированный образ князя, навеянный житийной традицией; действия живого князя не совпадают с «разъяснениями» автора в отношении к ним; впечатлительное такое, будто повесть написана двумя авторами (предполагается, что вариант Ипатьевской летописи распространен в отношении к первоначальной тенденции); кроме того, на композицию и стилистику повести оказала свое влияние традиционная поэтика жанров, использованных в этом произведении, т. е. жития, торжественные «слова» и народные заплочки.

Изд.: *Серебрянский*. Княжеские жития; Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962; Т. 1. М., 1962;

Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Подг. текста, перевод и комм. В. В. Колесова // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980; То же // Повести Древней Руси.

Ист.: Колесов В. Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Литература Древней Руси. Биобиблиографический словарь. М., 1996. С. 166—167.

ПОВЕСТЬ ОБ УЛИАНИИ ОСОРЬИНОЙ, произведение древнерусской литературы. Автор *Осорьин Дружина*. Написана в 1-й пол. XVII в. В рукописях памятник озаглавлен «Месяца генваря въ 2 день успение святых праведных Улиание, муромския чудотворицы»; «Житие и преставление святых и преподобных и праведных матере наша Иулиание Лазаревския. Списано многогрешным Калистратом, пореклу Дружинно Осорьиным, сыном Ея, что въ Муромскихъ пределах. Благослови, отче»; «Месяца генуария в 2 день житие и пошение и еже отзде преставление святых праведных матере наша Иулиание, еже от Божия благодати новья мироточицы от града Мурома, яко звезду пресветло чудесми и добльствием детелным восиязшую». Улиания Устиновна Осорьина — реальное лицо, муромская помещица, жившая в XVI в. (умерла 2 янв. 1604); с XVII в. почиталась как местночтимая святая г. Муром, получив по месту погребения в с. Лазарево Муромского у. имя Юлиание Лазаревской (или Муромской). Нет сведений о том, была ли осуществлена официальная канонизация Улиание. Повесть об Улиание Осорьиной соединяет в себе черты агиографического произведения и светской биографии. Из заключающего Повесть фрагмента следует, что она была написана не ранее 1614 (по некоторым спискам — 1615), когда во время погребения сына Улиание Георгия был обретен гроб с нетленными мощами его матери, «полн мира благовонна», от которого многие болящие «облечение от различных недугов приимаху».

Вероятно, поводом для написания Повести об Улиание Осорьиной послужил традиционный для создания агиографического произведения мотив: чудеса и исцеления у гроба считались показателями и доказательством святости умершего и часто становились толчком к написанию жития нового чудотворца или чудотворицы. Тяготение к агиографическому канону отчетливо прослеживается в композиционной структуре памятника. Повествование ведется по традиционной житийной канве: рождение героини от благочестивых родителей, ее стремление к аскезе с детских лет («от смеха и всякие игры отгребашеся»), смирение и послушание, прилежание в посте и молитвах; добродетельное житие венчают честное преставление и исцеления у гроба новой муромской чудотворицы. Однако старая житийная схема наполняется здесь принципиально новым содержанием. Ореолом святости наделяется обычная женщина, мрянка (Улиания даже перед смертью не приняла пострига). Идеализация образа осуществляется наперекор традициям житийного канона; героиня не возносится над бытом, а, напротив, погружается в него, изображается в обыденных делах и ситуациях: в ведении «домовного хозяйства», в отношениях с мужем и его родителями, чадами и домочадцами. Главные добродетели Улиание, которые постоянно подчеркиваются автором и расцениваются им как подвиги благочестия, — это трудолюбие («по вся ноши без сна пребываше, в мольбах, и в рукоделии, и в прядиве, и в пяльничном деле») и сострадание, готовность к помощи («вдовами и сиротами, аки истовая мати, печашеся»). Суть подвижничества Улиание заключается в той «любви нелицемерной» к ближнему, которую она проповедовала и «делом исполняла» всю жизнь.

Искреннее сыновнее чувство и реальные жизненные впечатления помогли создать живой и притягательный, психологически достоверный женский образ. Традиционно-житийные ситуации под пером очевидца получают порой идущие вразрез с этикетными нормами реалистические толкования. Так, в описании первой сцены борьбы с бесами Улиания ведет себя отнюдь не в соответствии с агиографическим канонам: «Во едину же ночь, восстав на молитву по обычаю, без мужа. Беси же страх и ужас напущаху ей велик; она же, млада еще и неискусна, тому убоясь и ляже спати на постели и усну крепко». Наблюдательность и личный характер воспоминаний автора обогатили Повесть элементами психологизма и художественными деталями. Написанная на конкретном историко-бытовом материале сыном о матери, Повесть об Улиании Осорьиной запечатлела исторические реалии жизни русского поместного дворянства 2-й пол. XVI в. В ней названы имена реальных исторических лиц: венчавшего Улианию священника Потапия, позднее — архимандрита Муромского Спасского монастыря (монашеское имя — Пимен); предков и родственников — современников Улиании: Недюревых, Лукиных, Дубенских, Осорьиных, Араповых. В Повести нашли отражение современные автору социально-экономические явления (отношения между родителями и детьми, челядью и землевладельцами) и исторические события эпохи («великий голод» в период правления царя Бориса Годунова и др.). Обращение к новому герою, частному лицу, необычному именно своей «обычностью», было проявлением развития литературного процесса в XVII в., важнейшим достижением которого явилось, по определению Д. С. Лихачева, «открытие характера». В Повести об Улиании Осорьиной нашел отражение процесс развития литературного произведения от служебного канона к повествовательности.

О популярности Повести в читательских кругах свидетельствует широкое распространение ее в рукописях: в настоящее время известно более 50 списков XVII—XIX вв. и одна выписка из ее текста. Существует 3 редакции Повести: Краткая, Пространная, которая представлена двумя вариантами, и Сводная.

Изд.: Русская повесть XVII века. Л., 1954; Изборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969; Повесть об Улянии Осорьиной // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 1. М., 1988.

ПОГОВОРКА, образное выражение, метко определяющее какое-либо явление жизни. В отличие от *пословицы*, поговорка грамматически или логически не закончена и лишена обобщающего поучительного смысла. Поговорка, как и пословица, широко бытует в народной речи, придавая ей красочность, выразительность. Поговорка — оборот речи, элемент суждения (в отличие от пословицы как полного суждения), фразеологизм, функционирующий в речи как часть предложения. В основе поговорки может лежать *метафора* («Убить двух зайцев», «На неделе семь пятниц»), сравнение («Зарделась, как маков цвет», «Тут словно Май воевал»), эпитет. Поговорка часто строится на гиперболе («Семь верст киселя хлебать»), тавтологии («С тобой горе-горькое»). Поговорками являются идиомы («Темень, хоть глаз коли», «Положить зубы на полку»). В предложении поговорка может быть логическим подлежащим («Этот бедный Макар опять попал в беду»), сказуемым («Ловить журавля в небе»), любым из обстоятельств («Когда рак свистнет», «Отправиться, куда Макар телят не гонял»). В отличие от пословицы, поговорка всегда одночленна. В живой разговорной речи поговорка часто пере-

ходит в пословицу (ср.: «Мерить ветер» и «Мерить ветер — не станет ведер»; «Чудеса в решете» и «Чудеса в решете: дыр много, а вылезти некуда»; «Беда, что вода» и «Беда, что вода: нечаянно во двор приходит»).

Г. Ш.

ПОГОДИН Михаил Петрович (11[23].11.1800—8[20].12.1875), историк, журналист, прозаик, драматург. Родился в Москве в семье крепостного управляющего, отпущенного с семьей на волю (1806). Окончил Московскую губернскую гимназию (1818), затем словесное отделение Московского университета (1821). В 1819 Погодин был приглашен домашним учителем в семью

И. Д. Трубецкого, летом жил в их подмосковном имении Знаменское и в течение 10 лет был близким человеком в этой высокоинтеллигентной аристократической семье. Свою ученицу А. И. Трубецкую Погодин позднее называл героиней своих повестей. Увеличение ею в немалой степени объясняет честолюбие Погодина, мечтавшего сгладить социальную пропасть, отдавшую его от круга Трубецких. В 1825 Погодин сближается с «архивными юношами» — цветом московской интеллигентной молодежи (братья Веневитиновы, братья Киреевские и др.), составившими «Общество лобомудрия» для изучения немецкой философии. В доме Веневитиновых Погодин знакомится с *Пушкиным*, слушает «Бориса Годунова» в авторском чтении. По окончании университета Погодин преподает в Московском благородном пансионе, защищает магистерскую диссертацию «О происхождении Руси» (1825) и начинает работать в Московском университете (с 1828 — адъюнкт, с 1835 — ординарный профессор про кафедре русской истории; с 1841 становится академиком). С 1844, покинув университет, занимается исключительно наукой и журнальной деятельностью.

Сильной стороной Погодина-историка и его вкладом в науку было разыскание и критика источников, издания памятников («Сочинения И. Т. Посошкова», 1842—63; «Псковская летопись», 1837, и др.). Погодин также создал Древлехранилище — коллекцию рукописей, предметов искусства и материальной культуры Древней Руси, имевшее большую научную ценность (в сер. XIX в. куплено правительством). В спорах о происхождении Руси отстаивал норманскую теорию, согласно которой наша государственность была создана «призванными» на Русь варягами. В 1826 началась полемика Погодина с *Н. И. Костомаровым* о происхождении крепостного права и о татарском влиянии на возникновение государственности Московской Руси. Во время путешествия в Европу (1835) Погодин установил, а затем поддерживал связи с видными славистами (В. Ганкой, П. Й. Шафариком). Идеиная позиция Погодина сочетала осуждение крепостничества и верность патриархальным бытовым устоям, монархизм, ортодоксальную религиозность. В 1827 он вместе с *Д. В. Веневитиновым*, *А. С. Хомяковым*, *И. В.* и *П. В. Киреевскими*, *С. П. Шевыревым* и др. создает журнал «Московский вестник» (1827—30; Погодин был редактором-издателем). К журналу с интересом отнесся и поддержал его Пушкин, наде-

явшийся, что он составит оппозицию изданиям *Булгарина* и *Греча* и журналу *Н. А. Полевого «Московский телеграф»*, враждебного Пушкину. Первое время в «Московском вестнике» блестяще была представлена поэзия именами А. С. Пушкина, Д. А. Веневитинова, Е. А. Баратынского, Д. В. Давыдова, Н. М. Языкова, А. С. Хомякова, но с 1828 Пушкин и его друзья охладевают к «Московскому вестнику», беллетристика вытесняется научными статьями, слишком специальными для сколько-нибудь широкого круга читателей, журнал теряет подписчиков и прекращает существование. В 1835—39 Погодин — активный участник журнала «Московский наблюдатель», борющегося с «торговым направлением» в русской журналистике.

Правительство Николая I и министр просвещения С. С. Уваров сформулировали триаду «Православие—Самодержавие—Народность», которую Погодин принял и в дальнейшей своей деятельности историка, журналиста и публициста придерживался ее. В 1841—56 вместе с С. П. Шевыревым Погодин издает журнал «*Москвитянин*». Характерное для Погодина утверждение самобытности русской истории, интерес журнала к старине и народному быту привлекают к нему *славянофилов*, которые периодически выступают на его страницах.

Писательская деятельность Погодина ограничивается 30-ми, когда он создал 15 повестей и 3 исторических драмы, которые сыграли определенную роль в развитии русской литературы.

В 1826 Погодин опубликовал «Письмо о русских романах» («Северные цветы на 1827 год». М., 1826), где изложил свои принципиальные представления о путях развития русской литературы, которой необходимо обратиться к изображению русской народной жизни, правдиво описывая быт разных сословий, поскольку каждое из них имеет «свой язык, свой дух... Одним языком говорит у нас священник, другим купец, третьим помещик, четвертым крестьянин». Для повестей и романов «в духе Вальтера Скотта», по мысли Погодина, русская история дает богатый материал, что Погодин и доказывает в этой статье кратким изложением наиболее интересных, драматических событий, описанием ярких характеров исторических деятелей прошлого. К этому времени Погодин уже был автором повестей «Нищий», «Как аукнется, так и откликнется» (обе — 1825). В своих повестях Погодин отчасти реализует намеченную программу: они достаточно разнообразны по проблематике, героями принадлежат к разным слоям общества, в т. ч. и к высшему интеллигентному кругу («Русая коса», 1826; «Сокольничий сад», 1829; «Адель», 1830). Однако наиболее оригинальны были др. повести, где Погодин обращается к мало освещенному в то время русской литературой быту низших сословий. У Погодина есть и опыт «светской повести» («Как аукнется, так и откликнется») и несколько повестей, сюжеты которых напоминают баллады («Суженый», 1828; «Преступница», 1830; «Васильев вечер», 1831). Повесть «Психологические явления» (1829—32) состоит из 6 кратких, сюжетно не связанных главок, каждая из них рассказывает некий «случай», в котором ярко проявилась необычная психологическая ситуация (однако описанная извне, без всяких попыток анализа душевной жизни персонажа). Типы и сюжетные ситуации, встречающиеся в повестях Погодина, нередко представляют собой как бы первые, черновые варианты будущих классических страниц русской прозы. Само разнообразие проблематики материала повестей Погодина было важно в период становления русской прозы. Историческая трагедия в стихах «Марфа, Посадница

Новгородская» (1830) обращается к теме падения Новгородской республики. Но в отличие от революционно-романтической трактовки декабристов тема получает у Погодина более сложное историческое освещение. В основе трагедии — реальный эпизод, описанный в «Истории государства Российского» *Н. М. Карамзина*. Погодин использовал и летописи, стремясь исторически достоверно воссоздать колорит эпохи. В трагедии показана социальная неоднородность новгородцев, противоречия в новгородском обществе. Погодин понимает и показывает историческую исчерпанность такого явления, как удельные княжества, усталость народа от междоусобиц. Подлинная трагедийность конфликта пьесы состоит в том, что своя правота есть и у новгородцев, и у москвичей.

Пьеса вызвала горячее одобрение Пушкина, увидевшего в ней продолжение пути, намеченного самим поэтом в «Борисе Годунове». По поводу этой пьесы Пушкин в неоконченной статье о ней, а также в письмах высказал ряд существенных соображений о народной драме, ее задачах и перспективах развития в России. Следующая историческая трагедия Погодина «Петр I» (1831) была запрещена к публикации. Последнее художественное произведение Погодина — прозаическая «История в лицах о Дмитрии Самозванце» (1835) уступает драме «Марфа, Посадница Новгородская» и в художественном, и в идейном отношении.

Соч.: Повести. В 3 ч. М., 1932; Исследования, замечания и лекции о русской истории. В 7 т. М., 1846—57; Древняя русская история до монгольского ига. В 3 т. М., 1871—72; Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853—56 года. М., 1874; Повести. Драма. М., 1984.

В. Некрасов

ПОГОРЕЛЬСКИЙ Антоний (псевд., наст. имя — **Алексей Алексеевич Перовский**) (1787—9[21].07.1836), писатель. Побочный сын гр. А. К. Разумовского. Получил блестящее домашнее образование, затем окончил Московский университет (1807). Участник Отечественной войны 1812. С 1816 служил чиновником. В 1822, подав в отставку, поселился в с. Погорельцы. В 1825—30 — попечитель Харьковского учебного округа. В 1820 избран членом *Вольного общества любителей российской словесности*.

В 1825 опубликовал в «Новостях литературы» повесть «Лафертовская маковница», встретившую сочувственный отзыв *А. С. Пушкина* (письмо брату 27 марта 1825). Позднее через «*Литературную газету*» сблизился с пушкинским окружением. В 1828 выпустил книгу «Двойник, или Мои вечера в Малороссии», в 1829 — сказку «Черная курица, или Подземные жители. Волшебная повесть для детей». В этих произведениях фантастика переплетается с изображением реального быта простых, малозаметных людей, показанных с насмешливым юмором. В первых произведениях Погорельского заметно некоторое влияние Э. Т. А. Гофмана. В 1830—33 Погорельский напечатал роман «Монастырка», в котором реалистические черты жизни провинциального дворянства на Украине и рассказ о судьбе воспитанницы Смольного монастыря сочетаются с сентиментальной дидактикой. Погорельский сделал попытку преодолеть ограниченность романтических канон, что отражало процесс общего движения русской литературы к реализму. Роман Погорельского противопоставлялся натурализму нравоописательного романа *Ф. В. Булгарина* и отчасти *В. Т. Нарезного*. «Литературная газета» (1830, март) отмечала «живость картин, верность описаний, счастливо схваченные нравы Малороссии и пре-

красный слог», называя роман «настоящим и, вероятно, первым у нас романом нравов». Погорельский сделал серьезный шаг к психологической разработке образов, к созданию характеров на фоне картин поместной жизни.

Соч.: Сочинения. Т. 1—2. СПб., 1853; Черная курица, или Подземные жители. М., 1945; Двойник, или Мои вечера в Малороссии. — Монастырка. [Вступ. ст. Н. Л. Степанова]. М., 1960.

Е. С.

ПОГОССКИЙ Александр Фомич (26.02[9.03].1816—26.08[7.09].1874), писатель. Родился в Полоцке Витебской губ. в польской дворянской семье. В 1822 перевезен родителями в Петербург. В 1831—43 — на военной службе. В 1843—62 служил в Департаменте корабельных лесов. Пребывание в армии и служба, сопряженная с разъездами по России, открыли перед Погоским народную жизнь и солдатский быт. Погоский начал печататься в журнале «Чтение для солдат» в н. 40-х. В 1845 вышла солдатская сказка «Жизнь без горя и печали» (псевд. — Ив Меркулыч Шираго). В 1855 опубликованы «Солдатские заметки». В 1858—63 издавал журнал «Солдатская беседа», в 1862—63 — также журнал «Народная беседа», имевшие широкое распространение; в них печатались преимущественно сочинения Погоского. С 1867 Погоский издавал журнал «Досуг и дело», в котором опубликовал свои произведения: «Солдатский быт прежде и теперь», «Голода и неурожай в России», «Советы учителям новобранцев». Произведения Погоского для народа отличаются теплотой тона и точностью в передаче подробностей крестьянского и солдатского быта, однако им свойственна некоторая сентиментальность. Погоского, как знатока народной жизни, называли «военным Далем», а Ф. М. Достоевский говорил о нем, как о «явлении исключительном». Рассказы, сказки, были Погоского выдержали много изданий («Дедушка Назарыч», 9 изд., 1915, «Неспособный человек», 12 изд., 1913). В 1873—74 вышла книга Погоского «Оборона Севастополя. Беседы о войне. 1853—1855 гг.» (ч. 1—3).

Соч.: Повести и рассказы. Ч. 1—3, СПб. 1866; Полн. собр. соч. Т. 1—4. СПб., 1899—1901.

А. Богословский

ПОДБЛЮДНЫЕ ПЕСНИ, в народно-поэтическом творчестве преимущественно песни, входившие в круг гаданий. Гадающие брали блюдо или чашку и клали в нее, снимая с себя, кольца и др. украшения, наливали блюдо водой и покрывали платком. Хор пел песни; кольца, не глядя, вынимали из блюда и относили содержание песни к владельцу того или иного кольца. Подблюдные песни прославляли хлеб как символ благополучия, урожая, удачи, предсказывали свадьбы и т. д. Исполнялись песни и о возможном несчастье — смерти, бедствии, рекрутчине и т. п. Многие подблюдные песни имели форму загадок. Образы подблюдных песен органически связаны с сознанием сельских труженников.

Лит.: Чичеров В. И. Русское народное творчество. М., 1959.

И. К.

ПОДЕЛКОВ Сергей Александрович (р. 08[21].09.1912), поэт. Родился в д. Песочня Калужского у. Калужской губ. в рабочей семье. Учился в Литературном институте. Участник Великой Отечественной войны. Член редколлегий еженедельника «Литературная Россия» (с 1963), преподаватель Литературного института (с 1964). Начал печататься

в 1931. Автор сборников: «Стихи о войне, о славе, о любви» (1934), «Строитель» (1949), «Поле жизни» (1963), «Горящие деревья» (1963), «Ступени» (1966) и др. Для стихов Поделкова характерны чувство современности, красочность поэтического языка. В его сборниках есть стихи о любви и природе, страницы, посвященные истории нашей страны, войне с Германией.

Принадлежал к патриотическому кружку писателей-«радонежцев».

Соч.: Власть сердца / Вступ. ст. Л. А. Озерова. М., 1966; Избранная лирика / Вступ. ст. Е. А. Исаева. М., 1967.

ПОДОЛИНСКИЙ Андрей Иванович (1[13].07.1806—4[16].01.1886), поэт. Родился в Киеве в помещичьей семье. Окончил в 1824 Благородный пансион при Петербургском университете. Выступил в печати в 1827 с поэмой «Див и

Пери». Сблизившись с кругом А. А. Дельвига, много печатался в альманахах. Однако после отрицательного отзыва о поэме «Нищий» (1830) в «Литературной газете» порвал с литературными друзьями. В 1837 вышли «Повести и мелкие стихотворения» (в 2 ч.). Подолинского, после чего участие его в литературной жизни почти прекратилось. 2-е издание стихотворений (1860) было недоброжелательно встречено шестидесятиниками, воспринявшими его творчество как анахронизмом. В 1885 в журнале «Русская старина» (№ 1) Подолинский опубликовал цикл стихов. Посмертно напечатаны прозаическая повесть «Змей» (там же, 1886, кн. 7) и воспоминания («Русский архив». 1872). Творчество Подолинского развивалось по двум руслам: поэмы («Нищий», «Смерть Пери» и др.) написаны в подражание романтической поэзии В. А. Жуковского; поэма «Борский» (1829) строится на мелодраматических эффектах (случайное убийство, искусственная интрига). Ранняя лирика Подолинского не выходит за пределы романтической поэзии 20-х. В поздней лирике, развивая жанр философского стихотворения, Подолинский достигает подчас значительной глубины («Вопрос», «Размолвка», «Как мир готовится к весне», «Я не люблю стихов туманных», «Не верим мы», «Я знаю — дух от тела отлетит»). Пережитая Подолинским личная трагедия (душевная болезнь сына — политического эмигранта) усилила в его поэзии пессимистический оттенок.

Соч.: Собрание неизданных стихотворений. Киев, 1885; Стихотворения // Козлов И., Подолинский А. Стихотворения / Вступ. ст. Е. Куприяновой. Л., 1936.

Л. Чертков

ПОЛЕВОЙ (псевд.; наст. фамилия — Кампов) **Борис Николаевич** (4[17].03.1908—12.07.1981), писатель. Детство провел в Твери (Калинин). По окончании промышленного техникума работал на Калининском текстильном комбинате. Первая книга очерков «Мемуары вшивого человека» (1927) была отмечена критиками. Литературную известность Полевому принесла повесть «Горячий цех» (1939).

С начала Великой Отечественной войны Полевой — военный корреспондент «Правды». События войны отраже-

ны в его очерках, печатавшихся в газете и объединенных в книгу «От Белгорода до Карпат (1945). Большую популярность в СССР и за рубежом приобрела книга Полевого «Повесть о настоящем человеке» (1946; Сталинская премия, 1947). В ней также проявилась характерная черта

творческой манеры Полевого — стремление к документальности. Образ положительного героя создан в повести на основе реального подвига летчика А. П. Маресьева. После войны Полевой побывал во многих странах; об этом рассказывают его книги-репортажи «Американские дневники» (1956), «За тридевять земель» (1956) и др. В романах «Глубокий тыл» (1958) и «На диком берегу...» (1962) Полевой показал сильные, героические

характеры русских людей, их повседневную кипучую жизнь. В романе «Доктор Вера» (1966) нарисовано неспябное мужество русских людей на территории, оккупированной немецкими фашистами.

«Повесть о настоящем человеке» послужила основой одноименной оперы С. С. Прокофьева (1948).

Соч.: Автобиография // Сов. писатели. Т. 2. М., 1959; 3000 ли по Китаю. М., 1959; Ближко и далеко. (Новые дневники). М., 1960; Самые близкие: Избр. рассказы. М., 1961.

ПОЛЕВОЙ Ксенофонт Алексеевич (20.07[1.08].1801—9[21].04.1867), критик и журналист. Родился в Иркутске. Ранние годы прошли в Симбирске и Курске. В н. 20-х переехал в Москву. Помогал брату — *Н. А. Полевому* в издании журнала «*Московский телеграф*» (1825—34), где помещал статьи, рецензии, переводы; был негласным редактором в 1829—34. В 1835—44 редактировал журнал «Живописное обозрение». Был литературным и политическим единомышленником брата. По убеждениям монархист. Поддерживая *романтизм*, призвал обратиться к современной жизни, искать новые, самобытные пути в литературе (ст. «О направлениях и партиях в литературе», 1833, «О новом направлении в русской словесности», 1834). Полевой преклонялся перед «возвышенным гением» *А. С. Пушкина* (ст. «О сочинениях Пушкина», 1829) и *А. С. Грибоедова* («О жизни и сочинениях А. С. Грибоедова», 1839). В к. 40-х усилил критику нарождающегося нигилизма и особенно его идеолога В. Г. Белинского. Издавал иллюстрированный журнал «Живописная русская библиотека» (1856—59). Полевой известен также как переводчик, издатель, книгопродавец, автор биографии *М. В. Ломоносова* (1936), воспоминаний о Н. А. Полевом.

ПОЛЕВОЙ Николай Алексеевич (22.06[3.07].1796—22.02[6.03].1846), критик, прозаик, драматург, журналист, историк. Родился в Иркутске в купеческой семье. Детские годы прошли в Сибири. Получил домашнее образование. К шести годам умел читать, с 10 лет помогал отцу вести конторские книги и, как сам вспоминал, «писал стихи и прозу», еще «не зная, что такое стихи и проза», «выдавал» рукописную газету «Азиатские новости» и журнал «Друг России», сочинял драмы, трагедии, интермедии, а также свое собственное «Путешествие по всему свету». Отец не

препятствовал литературным занятиям сына, выбрав, однако, оригинальный метод «воспитания» у него чувства ответственности за порученное дело: каждый раз, как только замечал упущения сына по работе в конторе, сжигал все им написанное. Но Полевой, несмотря ни на что, продолжал писать и «выдавать» газету и журнал; истребить в нем тягу к творчеству было невозможно.

С «препоручениями» от отца, задумавшего оставить Сибирь, Полевой в авг. 1811 приезжает в Москву. Культурная жизнь нашей древней столицы так увлекает его, что он быстро забывает о делах, отдавая все свое время духовным интересам — театру, «куда ходил раза по три в неделю», книгам, которых «прочитал и накупил без счета», университету, «куда пробирался на лекции» и слушал *А. Ф. Мерзлякова*, *М. Т. Каченовского* и др. профессоров. В июне 1812 в Москву приезжает вся семья Полевых, но они не успели даже оглядеться и устроиться, как пришлось «вместе с другими беглецами» оставить город, бросить квартиру, мебель, хозяйство; все приобретенное имущество погибло во время пожара.

Некоторое время Полевы живут в Арзамасе, затем переезжают в Курск, на родину отца Полевого. После неудачных попыток основать «собственное дело» сначала в самом Курске, затем в Ростове-на-Дону, отец Полевого в 1814 возвращается в Иркутск, а Полевой поступает на службу в контору богатого курского купца, у которого проработал 4 года, с небольшим перерывом в 1815 (ездил в Иркутск). В 1817 отец Полевого окончательно расстается с Сибирью, обосновывается в Курске и открывает там волоочный завод. Дело оказалось прибыльным, в семье появляется достаток, и летом 1819 Полевой оставляет работу у купца.

Все эти годы, несмотря на переезды и конторскую суету, Полевой не прекращал своих литературных занятий. В 1817 журнал «*Русский вестник*» публикует 2 его стихотворения, перевод с французского и заметку «Отрывки из писем к другу из Курска» — о пребывании на курской земле Александра I. Заметка была подписана полным именем автора, сразу сделал его городской знаменитостью.

В н. 1820 отец направляет его в Москву с поручением наладить сбыт продукции их завода. Торговые заботы отнимали немного времени, и Полевой, мечтая о филологическом образовании, занимается «всеми предметами, необходимыми для поступления в университет», куда, впрочем, даже и не пытается поступить, самостоятельно изучает греческий, латинский, совершенствуется во французском, продолжает, как поэт и переводчик, сотрудничество в «*Вестнике Европы*», начатое им еще в 1819, сблизается с его редактором М. Т. Каченовским, приближается к кругу московских литераторов, затем, бывая наездами в северной столице, заводит литературные знакомства и в Петербурге.

В 1820—24 его стихи, заметки, очерки, статьи на филологические и исторические темы, а также переводы с французского печатаются в «Отечественных записках», «Северном архиве», «*Сыне Отечества*», альманахе «Мнемозина». В 1822 Российская

Академия награждает Полевого серебряной медалью за работу «Новый способ спряжения русских глаголов».

В 1825—34 Полевой издает собственный журнал — «*Московский телеграф*».

Уже в первом номере журнала Полевой объявил, что ставит своей целью «беспристрастный надзор за отечественной литературой», полагая критику «одним из важнейших отделений журнала — пусть только будет она умна, правдива, дельна». До Полевого наша критика адресовалась преимущественно образованному сословию, узкому кругу литераторов и ценителей — «знатоков» искусства. Полевой с первых шагов своей журналистской деятельности обратился к широкой читательской публике, понимая, что «несовершенно виновны в медлительности успехов нашей литературы наши литераторы: от читателей, от читателей зависит часть успехов и неудач наших». Он первым увидел, что состояние литературы в известной мере определяет та «атмосфера вкуса», в которой формируются писатели и которая поддерживается читателями, и что эту «атмосферу» создает критика, общественное мнение.

«Публика судит, — писал Полевой, — но у нас не учредилось еще судилище общего мнения, литература только что развертывается, вкус наш, так сказать, не устоялся и зло можно прекращать в начале. Пусть поэты и прозаики наши летают во всех возможных направлениях умозрения и фантазии — журналист может и должен разбирать и ценить труды их, отделять репейник, быть посредником здравого смысла, чистого вкуса, изящного слога».

Полевой называет дело критика «важным подвигом», вменяя ему в обязанность «обличение невежества, похвалу уму и познаниям». «...Читайте, — скажет он, — судите и, если хороша, хвалите, не заботясь о ранге и звании». Полевой стремится к критике целостной, всесторонней. «Рассматривайте каждый предмет, — пишет он, — не по безотчетному чувству: нравится, не нравится, хорошо, худо, — но по соображению историческому века и народа, и философическому важнейшей истин души человеческой». Опираясь на это требование, Полевой создает серию статей о творчестве русских писателей: «Сочинения Г. Р. Державина», «Баллады и повести В. А. Жуковского» (1832), «“Борис Годунов”». Сочинение Александра Пушкина» (1833) и др., которые явились новым словом в русской критике и позднее были объединены им в книгу «Очерки русской литературы» (СПб., 1839. Ч. 1—2).

Полевой принимает самое активное участие в разработке теоретико-литературных проблем и прежде всего понятия о романтизме, развивая оригинальную теорию, согласно которой романтизм предполагал «истину и полноту» изображения жизни, «воссоздание народной литературы как единственного средства сделаться самобытным», «высочайшую степень» разнообразия самобытностей, что позволяет узнать «все самые мелкие черты различных народностей», отобразить прошедшее и оценить все современное «по условию местности, философии и истории... проникнув до крайней степени познания сердца человеческого и тайн природы...».

Он пишет «Историю русского народа» (Т. 1—6, 1829, не завершена), полемически направленную, что подчеркивалось уже самим заглавием, против «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, вводя в научный оборот новые исторические факты и памятники нашей древней словесности и письменности. Выступает в защиту просвещения как «одного из главнейших оснований государственного благосостояния и народного богатства» («Речь о невещественном капитале...», 1828), призывает купечество

всячески содействовать этому благосостоянию, не изменять «всему великому, прекрасному и благому, обещаемо-будущей судьбой России» («Речь о купеческом звании и особенно в России», 1832). Обе речи были произнесены в Обществе любителей коммерческих знаний при Московской практической коммерческой Академии: Полевой был действительным членом Общества и членом совета Академии). Высмеивает сословные предрассудки, людские пороки, литературные нравы, выпуская сатирическое приложение к «Московскому телеграфу» — своего рода журнал при журнале — под названием «Новый живописец общества и литературы» (1829—31) и «Камеробскура книг и людей» (1832). Ищет новые пути к художественному отражению действительности не только как критик, но и как беллетрист, добываясь и на этом поприще заметных успехов.

Полевой-прозаик занимает видное место в литературном процессе на рубеже 20—30-х. Следуя общеромантическому движению, направленному на создание самобытных по своему характеру и национальных по содержанию литератур (см. История романтизма в русской литературе. М., 1979. Вып. 1—2), он одним из первых обращается к событиям удельной борьбы на Руси XIV—XV вв. (повесть «Симеон Кирдяпа. Русская быль XIV века», 1828; опубли. в 1832; роман «Клятва при гробе Господнем», 1832), пишет рассказы о крестьянском и купеческом быте, стремясь раскрыть внутренний мир простых людей, взглянуть на все происходящее с ними и вокруг них как бы глазами самого народа («Святоточные рассказы», 1826; «Мешок с золотом», 1829; «Рассказы русского солдата, 1833, 1834; и др.), а также повести о том, как гибнет мечта, талант, любовь, столкнувшись с суровой прозой жизни («Блаженство безумия», «Живописец», 1833; «Эмма», 1834).

3 апр. 1834 по высочайшему повелению был закрыт «Московский телеграф». Поводом тому послужил отрицательный отзыв Полевого о драме Н. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла», которой рукоплескал сам царь.

Тяжело переживая случившееся, Полевой, однако, падает духом. Лишенный права подписывать своим именем под журнальными публикациями, он тем не менее активно сотрудничает в «Московском наблюдателе» и «Библиотеке для чтения», много переводит, издает сборник своих повестей «Мечты и жизнь» (1834), пишет роман «Аббадонна» (1834). В нем, рассказывая о жизни молодого служителя муз, он ставит вечно злободневный вопрос: где та грань, та черта, переступив которую человек падает так низко, что теряет возможность вернуться к добру? В заглавии романа использовано имя персонажа из поэмы Ф. Г. Клопштока «Мессиада» — падшего ангела, безуспешно пытавшегося вырваться из ада.

Полевой явится инициатором «Живописного обозрения» — первого русского иллюстрированного журнала, который издает в 1835—37, работает над «Русской историей для первоначального чтения» (Т. 1—4, 1835—41), переводит «Гамлета» В. Шекспира (1836), сценическая постановка которого в 1837 вызвала подъем интереса к английскому драматургу и дала толчок развитию отечественного шекспироведения.

Но все эти начинания, плодотворные в творческом отношении, не могли поправить материального положения Полевого, подорванного прекращением издания «Московского телеграфа», и так уже несколько лет издававшегося в кредит. Большая семья (у Полевого к тому времени было 7 детей, а всего — 9) требует значительных расходов, он влезает в долги, а расплачиваться было нечем. И тогда Полевой принимает предложение переехать в Петербург и

взять на себя редактирование газеты «Северная пчела» и журнала «Сын Отечества», пришедших в полный упадок при прежних их издателях *Н. И. Грече* и *Ф. Булгарине*. Новый издатель — *А. Ф. Смирдин* полагал, что само имя Полевого привлечет подписчиков и обеспечит популярность этих изданий. Однако запрет на открытую журналистскую деятельность Полевого сохранялся, в звании официального редактора ему было отказано, имя его не могло быть названо даже в перечне сотрудников этих изданий. Оказавшись в безвыходном положении, Полевой соглашается на негласное редактирование, соответственно за более низкое вознаграждение, попадая к тому же в полную зависимость от «титულных» редакторов — Греча и Булгарина.

В Петербург Полевой приезжает в окт. 1837, а с нояб. 1837 по май 1838 заведует литературным отделом «Северной пчелы», в 1838—40 редактирует «Сына Отечества»; «примерное» поведение вернуло ему право на издательскую деятельность, и в 1841 он вместе с Гречем начинает издавать журнал «Русский вестник»; в 1842—44 — единоличный его редактор.

В 40-е Полевой занимался не только журнальной деятельностью. Он по-прежнему выступает с критическими статьями и рецензиями. Завершает работу над «Историей Петра Великого» (Т. 1—4, 1836—43), пишет «Историю князя италийского графа Суворова-Рымниковского» (1843), «Историю Наполеона» (Т. 1—5, 1844—48), книгу «Русские полководцы» (1845) и др., получает известность как драматург. После перевода «Гамлета» Полевой в 1837 пишет свою первую драму «Уголино», а затем в течение 8 лет создает ок. 40 пьес, прокладывая новые пути в драматургическом освоении событий национальной истории: «Дедушка русского флота» (1838), «Елена Глинская» (1839), «Иголкин, купец новгородский» (1839), «Параша-сибирячка» (1840), «Костромские леса» (1841; о подвиге Ивана Сусанина), «Ломоносов, или Жизнь и поэзия» (1843), «Русский моряк. Историческая быль» (1843), «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь» (1845) и т. д. Многие из его пьес были тепло встречены зрителями, выдержали по несколько представлений, сыграв определенную роль в развитии отечественной исторической драматургии.

Соч.: Повести и лит. отрывки: В 6 ч. М., 1829—30; Драматические соч. и переводы: В 4 ч. СПб., 1842—43; Избр. произв. и письма / Изд. подгот. А. А. Карпов. Л., 1986; Мечты и звуки / Изд. подг. Б. С. Кондратьев. М., 1988.

Ист.: Курдюков А. Н. А. Полевой // Русские писатели. Биобиблиографический словарь. Т. 2. М. 1990. С. 153—156.

ПОЛЕВОЙ Петр Николаевич (1839—1902), писатель, литературовед. Сын *Н. А. Полевого*. Образование получил на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета; по защите магистерской диссертации «Опыт сравнительного обозрения древнейших памятников народной поэзии германской и славянской» (СПб., 1864) был приват-доцентом С.-Петербургского университета по кафедре всеобщей литературы, затем доцентом русского языка и литературы в Новороссийском университете, наконец профессором Варшавского университета по кафедре языков русского и церковно-славянского. Приготовленная Полевым докторская диссертация — «Исторические очерки средневековой драмы» (СПб., 1865) — осталась незащищенной. В 1871 Полевой переселился в С.-Петербург, где посвятил себя литературной деятельности. В 1880-х издавал «Живописное обозрение». Большой успех имели его «История русской литературы в очерках и биографиях» (СПб.) и «Учебная русская хрестоматия». В 1900 Полевой выпустил главный труд своей жизни «История русской словесности с древнейших времен до наших дней». Т. 1—3 (СПб., 1900), в

которой раскрыл православно-национальный характер русской литературы. Др. сочинения Полевого: «Очерки русской истории в памятниках быта» (СПб., 1879—80; есть и 2-е изд.), «Русская история», «Художественная Россия» (СПб., 1884), «Исторические рассказы и повести» (СПб., 1893), «Государев кречотник» (1893), «Братья-соперники» (1890), «Чудо-Богатырь Суворов-Рымниковский» (народное изд. М., 1892), «Корень зла» (исторический роман. «Нива». 1891), «Под неотразимой десницей» («Исторический вестник». 1893), «Тальянская чертовка» (там же. 1891), «Птичка-невеличка» (там же. 1892), «Типы Смутного времени» (там же. 1889) и т. д. В «Историческом Вестнике» и «Ниве» Полевой поместил много критических статей по истории русской литературы.

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (греч. — враждебный), произведения малороссийской и белорусской литературы (послания, письма, трактаты, памфлеты), возникшие во 2-й пол. XVI в. в связи с государственной и религиозно-идеологической агрессией шляхетской Польши и католицизма и связанных с ними иудейских кагалов против малороссов и белорусов, против их веры, культуры, обычаев, языка. Антикатолические полемические произведения известны уже в литературе Киевской Руси. Стремление польско-иезуитских и униатских полемистов (Б. Гербест, П. Скарга, И. Потий, К. Сакович и др.) оправдать национальное угнетение Малороссии и Белоруссии, особенно после Брестской унии 1596, получило отпор в произведениях *Г. Смотрицкого*, *С. Зизания*, *Клирика Острожского*, *Христофора Филалета*, *М. Смотрицкого*, *З. Копытенского*, в анонимной «Перестороге», позже — у *П. Могилы*, *А. Филиповича*, *И. Гаятовского*, *Л. Барановича*, *Г. Скибинского*, *М. Андреллы* и др. Выдающееся место среди малороссийских полемистов занимает *И. Вишенский*, который резко обличал духовное и светское панство, поработившее малороссов и белорусов, отрицал общественно-политический строй Речи Посполитой. Для полемической литературы характерен синкретизм богословско-догматического, документального, исторического, политического и др. материала; авторы пользовались приемами публицистики, сатиры, ораторской риторики, народными поговорками, поговорками, баснями, привлекали факты мировой истории и литературы.

Изд.: Памятники полемической литературы в Западной Руси Кн. 1—3. СПб., 1878—1903; Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 7. Киев, 1886; Памятки полеміч. письменства кін. XVI і поч. XVII в. Т. 1. Львів, 1906; *Вишенский И.* Соч. М.; Л., 1955.

Л. М.

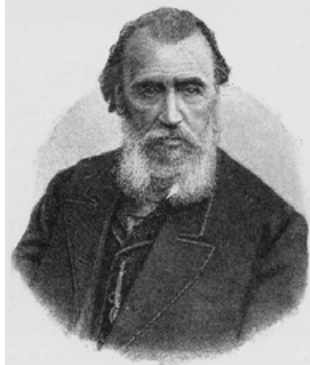
ПОЛИКАРП (к. XII — 1-я пол. XIII в.), монах, один из составителей *Киево-Печерского патерика*. Основываясь на его произведениях, предполагали, что родина Поликарпа Ростов, где он был свидетелем чуда, связанного с иконой работы Алимпия Печерского, и что в юном возрасте он постригся в Печерском монастыре. Некоторое время Поликарп был игуменом в Козмодемьянском монастыре в Киеве, хотел быть игуменом в Дмитровском монастыре и стремился стать епископом. В этом его поддерживала кн. Верхуслава, дочь Всеволода Большое Гнездо и вдова кн. Ростислава Рюриковича, которая была готова ради Поликарпа и *Симона* израсходовать очень большую сумму, также Поликарпу сочувствовал и ее брат Юрий Всеволодович. Очевидно, с просьбой о содействии Поликарп обратился и к еп. Симону, жалуясь на свою жизнь в Киево-Печерском монастыре. О содержании этого первого послания мы можем судить по заключению в ответном письме Симона: «А еже выписал ми еси досаду свою, люте тебе, погубил еси

душу свою». Получив суровое обличение Симона, сопровождавшееся 9 рассказами о жизни печерских монахов, Поликарп пишет свое послание игум. Акиндину, где также описывает жития монахов «светильников Русской земли». А. А. Шахматов предпологал, что Поликарп писал свои сочинения либо во время епископства Симона, т. е. между 1214 и 1226, либо в к. 1-й трети XIII в. С. П. Шевырев датировал их 1234. В состав Киево-Печерского патерика входят такие произведения Поликарпа, как послание к архимандриту Печерскому Акиндину, рассказы о Никите Затворнике, о Лаврентии Затворнике, об Агапите, безмездном враче, о Моисее Угрине, о Прохоре, из лебеды творящем хлеб, о Марке-Печернике, о Спиридоне и Алимпии-иконописце, о многострадальном Пимене. Произведения Поликарпа, его герои, те сюжетные ситуации, в которые они попадают, и их эмоциональное освещение отличаются от подвижников, изображенных Синомом. В частности, Симон создает положительный образ кн. Николы Святоши («Слово о Святоше, князе Черниговском»), Поликарп же изображает непривлекательные поступки и несправедную жестокость, скудость таких князей, как Святополк Изяславич, Мстислав Святополчич, который из-за алчности подвергал страшным пыткам монахов Федора и Василия, Ростислав Всеволодович, который утопил монаха Григория только за негодные ему слова. Поликарп изображает и теньевые стороны монастырской жизни. Такая обличительная позиция Поликарпа дает возможность говорить о нем, как о возможном церковном и социальном реформаторе XIII в. Это подтверждается и отношением к нему Симона, который укоряет Поликарпа в том, что он «повелевает младшими» и «противоречит старшим». История взаимоотношения двух составителей патерика, с их разным отношением к монастырской жизни, к духовной карьере, очень сложна и интересна, а не сводится только к различиям их нравственных и эмоциональных позиций. В поздней печатной редакции патерика 1661 в «Житиях» Симона и Поликарпа говорится о родственных узах между ними. Хотя часть исследователей предполагала, что Симон называл Поликарпа сыном и братом в духовном смысле, считается возможным, что Симон был старшим родственником или учителем Поликарпа. В таком случае это еще более усиливало драматизм их взаимоотношений, желание убедить друг друга, что и привело к созданию такого великого литературного памятника, как Киево-Печерский патерик.

Изд.: Киево-Печерский патерик / Подг. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси XII в. М., 1980.

О. А.

ПОЛОНСКИЙ Яков Петрович (6[18].12.1819—18[30].10.1898), поэт. Родился в Рязани в небогатой дворянской семье. Окончил Рязанскую гимназию (1831—38). В 1838—44 учился на юридическом факультете

Московского университета. Печататься начал в 1840. В студенческие годы сотрудничал в «*Москвитяине*», в альманахе «*Подземные ключи*» (1842). Первый сборник стихов — «*Гаммы*» (1844). По окончании университета Полонский жил в Одессе, где опубликовал «*Стихотворения 1845 года*», получившие отрицательный отзыв Белинского. В 1846 Полонский — на

службе в Тифлисе, где сблизился с Н. Ф. Шербиной, М. Ф. Ахундовым. По грузинским впечатлениям написана книга стихов «*Сазандар*» (1849). В Грузии Полонский начал писать прозу (статьи и очерки этнографического содержания, близкие к *натуральной школе*) и драматические произведения («*Дареджана Имеретинская*», 1852). С 1851 Полонский жил в Петербурге, выезжая иногда за границу.

В 1859—60 Полонский — один из редакторов журнала «*Русское слово*». В 1860—96 Полонский служил в Комитете иностранной цензуры, в Совете Главного управления по делам печати. Сотрудничество в «*Современнике*» и «*Отчужденных записках*», выход в свет сборников стихов 1855 и 1859, шуточной поэмы-сказки «*Кузнечик-музыкант*» (1859), высоко оцененной Тургеневым, — все это привлекло к Полонскому внимание критики. В общественно-литературной борьбе 60-х Полонский не примыкал ни к одному лагерю. Защищал в своих стихах поэзию «любви», противопоставляя ее поэзии «ненависти» («*Для немногих*», 1860, «*Поэту-гражданину*», 1864, «*Блажен озлобленный поэт...*», 1872), но и признавал невозможность любви «без боли» и жизни вне проявления современности («*Одному из усталых*», 1863, «*И в праздности горе, и горе в труде...*», 1865). Полонский написал пьесу «*Разлад*», в которой одобрял политику правительства по отношению к польскому восстанию 1863 (опубл. в «*Эпохе*», 1864).

В к. 60-х в стихах Полонского появляется гражданская тема: «*Миазм*» (1868), «*В альбом К. Ш.*» (1871), «*Слепой тапер*» (1976), «*Узница*» (1878), «*Старая няня*» (1881); их основные мотивы восходят к поэзии Некрасова. В лирике Полонского отразились колебания поэта между «тревогами сердца» и «гражданственными тревогами». Старания Полонского отвечать запросам времени были восприняты критикой лишь как проявление эклектической природы его таланта. И. Тургенев защищал Полонского от упреков в несамостоятельности и эклектизме.

В 80—90-е в поэзии Полонского преобладают религиозно-мистические настроения. Сборник стихов «*Вечерний звон*» (1890) проникнут мотивами смерти, мимолетности человеческого счастья; в гипертрофированном виде здесь развились и раньше присущие Полонскому образы ночных видений, снов, галлюцинаций. Тем не менее именно в это время к Полонскому пришло признание читателей. Некоторую роль в сплочении культурных сил России имели литературные собрания («пятницы») Полонского.

Поэтику Полонского отличают широкое обращение к разговорному языку, отмеченная Тургеневым смесь «простодушной грации» и «свободной образности языка» (напр., «*От зари роскошный холод проникает в сад*» из стихотворения «*Качка в бурю*», 1850, поразившего юного А. А. Блока); свободное выражение чувств лирического героя, как бы размышляющего вслух («система вопросов и ответов» — «*Не мои ли страсти...*», 1850, «*В глуши*», 1855, «*Неизвестность*», 1865, «*Откуда?!*», 1871); использование сюжетно-новеллистической композиции («*Финский берег*», 1852, «*Смерть малютки*», 1854, «*Женщине*», 1859, «*У двери*», 1888); привлечение сказочных и мифологических образов («*Солнце и месяц*», 1841, «*Бэда-проповедник*», 1841, «*Агарь*», 1855, «*Орел и голубка*», 1887). Лучшие стихи Полонского — лирические: «*Дорога*» (1942), «*Зимний путь*» (1844), «*Последний разговор*» (1845), «*Затворница*» (1846), «*Ночь*» (1850), «*Песня цыганки*» (1853), «*Колокольчик*» (1854) и др. С лирическими стихами, близкими народной песне и цыганскому романсу, связано влияние Полонского на раннего Блока. Жанровый диапазон творчества Полонского широк: он писал поэмы и пьесы (в стихах и прозе),

рассказы, повести, очерки, публицистические статьи, мемуары, романы («Дешевый город», 1879 и «Крутые горки», 1880—81). Критика отмечала близость его прозы, особенно в малых жанрах, к стихам. Опыт создания Полонским либретто для оперы «Кузнец Вакула» (1872) по повести *Н. В. Гоголя* «Ночь перед рождеством» (муз. П. И. Чайковского, пост. 1876) интересен как первая комическая трактовка гоголевского сюжета, утвердившаяся в русской оперной музыке 70—80-х. В числе неоконченных произведений Полонского — роман «Признания Сергея Чалыгина», многотомная история человеческой души (написана только часть, посвященная детству героя и событиям эпохи декабризма, опубли. 1867); исторические поэмы «Келиот» (1874) и «Братья» (1868—70); автобиографический роман в стихах «Свежее предание» (1861—62), среди персонажей которого — Белинский и Камков (поэт *И. П. Клюшников*). Менее удались Полонскому сатирические и эпические произведения в стихах. Ок. 75 стихотворений Полонского положено на музыку (П. И. Чайковский, А. С. Даргомыжский, С. И. Танеев, С. В. Рахманинов и др.). Народными песнями стали «Песня цыганки», «Затворница».

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—10. СПб., 1885—86; Повести и рассказы. 2-е изд. Ч. 1—2. СПб., 1895; Полн. собр. стихотворений. Т. 1—5. СПб., 1896; Стихотворения и поэмы / Ред. и прим. Б. Эйхенбаума. Л., 1935; Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и прим. Б. М. Эйхенбаума. Л., 1954; [Письма к И. С. Тургеневу] / Вступ. ст. Э. А. Полоцкого // Литературное наследство. Т. 72. Кн. 2. М., 1964.

Э. П.

ПОЛУУСТАВ, один из типов почерков и типографского шрифта славянской и русской письменности. Полуулав сложился в южнославянской письменности в н. XIV в., в русской — со 2-й пол. XIV в. Полуулав сформировался на основе древнеславянского почерка устава в пергаментных рукописях, на Руси XIV—XV вв., когда писцы начали работать на заказ и писать быстрее в связи с развитием письменности делового и отчасти светского содержания. Однако в начертаниях букв полуулав сохраняет четкость, в отличие от начертаний букв скорописи. Основные отличия полуустава от устава: 1) меньшая тщательность в начертаниях букв; 2) в полуустае больше сокращений (титлов) и знаков ударений (сил), а также наличие выносных элементов над строкой; 3) полуулав, как правило, мельче устава и часто бывает наклонным вправо. Из интересных рукописных образцов полуустава южнославянской письменности XIV в. выделяются рукопись летописи Константина Манассии (1345); в русской письменности — рукописи: «Хронограф» Георгия Амартола (1386), Палея (1477), Макариевские Четьи Минеи (1552), Стоглав (1624). В образце Стоглава полуулав уже переходит в скоропись.

Полуулав положен в графическую основу типографского шрифта, который был введен при возникновении славяно-русского книгопечатания в XV—XVI вв. Все печатные издания славяно-русского книгопечатания со старославянским шрифтом были набраны полуулавом, в т. ч. сочинения *Симеона Полоцкого* (к. XVII в.), арифметика *Леонтия Магницкого* (1703), первая печатная русская газета «Ведомости» (1702—10).

Лит.: Савва. Палеографич. снимки с греч. и слав. рукописей Московской синодальной библиотеки VI—XVII вв. М., 1863; *Соболевский А. И.* Славяно-русская палеография. 2-е изд. СПб., 1908; *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956; Образцы славяно-русского книгопечатания с 1491 года. СПб., 1891.

А. Ш.

ПОЛЯКОВ Юрий Михайлович (р. 12.11.1954), писатель, драматург, поэт. Родился в Москве в рабочей семье. Окончил Московский областной педагогический институт. Работал учителем русского языка и литературы, инструктором в райкоме комсомола. С 1979 по 1986 — сотрудник газеты «Московский литератор» (с 1981 — гл. редактор).

Поляков начинал свою литературную деятельность как поэт. Первая книга стихов «Время прибытия» в 1980 вышла с предисловием поэта В. Н. Соколова. Широкою известность среди читателей Полякову принесли повести «ЧП районного масштаба» (1985), «Сто дней до приказа» (1987) и «Апофегей» (1989), в которых писатель показывает практическую нищету коммунистической идеологии, широко использует городской жаргон и анекдоты.

Начиная с повести «Апофегей», в творчестве Полякова появляются новые черты. Прозаик заметно отходит от принесшей ему популярность оголенно социальной тематики, больше сосредотачиваясь на внутренней жизни героев. В «Апофегей» намечается типичное для последующих сочинений писателя сатирическое изображение разрушительного российского либерализма. В этой повести впервые высмеян Б. Ельцин, выведенный под именем «БМП».

В повести «Демгородок» (1993) Поляков совмещает политическую сатиру, антиутопию, детектив, литературную пародию и любовную драму, показывает духовную несостоятельность российского либерализма. Выйдя в свет накануне расстрела Белого дома, «Демгородок» был воспринят многими как акт сопротивления набиравшему силу «ельцинизму». Тема этой повести связана с пафосом его публицистики. С патристических позиций Поляков дает анализ происходящих в России духовных и социально-политических процессов. Свою публицистику автор объединил в 2 книги: «От империи лжи — к республике вранья» (1997) и «Порнократия» (1999).

В романе-эпиграмме «Козленок в молоке» (1995) Поляков дает сатирическую картину жизни интеллигенции, показывая, как формируются виртуальные «talанты» в литературе. Повесть «Небо падших» (1998) посвящена т. н. «новым русским». Автор одним из первых создает убедительный образ «страдающего победителя», современного «Фому Гордеева», показывая, как разрушает душу бизнес, построенный на ограблении своей страны. В романе «Замыслил я побег...» (1999), своего рода семейной саге, охватывающей 30 лет жизни страны, показан образ «героя» нашего времени, отличительной чертой которого является неспособность принимать решения, что отражается и на его личной судьбе, и на судьбе державы.

Произведения Полякова переведены на многие языки. Его проза включена в школьные и вузовские курсы современной российской литературы. С 2001 Поляков возглавляет «Литературную газету», которая, «отказавшись от либеральной моноэстетической идеологии, пытается восстановить единое идейно-эстетическое пространство российской литературы».

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. М., 1991; Небо падших: Избранное. М., 2002; Плотские повести. М., 2003.

П. Калитин

ПОПОВ Михаил Иванович (1742—1790), писатель. Был придворным актером, затем учился в Московском университете. Работал секретарем в Законодательной комиссии 1767. Сотрудничал в журналах «Трутьень», «И то и сё» и др. Издал «Описание древнего славянского языческого баснословия» (1768), в котором представил довольно искусственную систему славянской мифологии. «Песни, сочиненные Михаилом Поповым» (1705; 2-е изд. 1768) были первым печатным авторским песенником. Среди песен Попова были подражания народной поэзии («Ты несчастной доброй молодец...» и др.). Попов участвовал в издании *М. Д. Чулкова* «Собрание русских песен» (1770—74). Сочиненные и собранные Поповым песни изданы в «Российской Эрате, или Выборе наилучших новейших российских песен» (1792; 2-е изд. 1805). Попов писал также элегии, притчи, надписи, переводил с французского языка (Вольтер, Бомарше и др.). В авантюрном романе «Славянские древности» (Ч. 1—3. 1770—71; 4-е изд. 1794) использованы сказочные элементы. Попов — автор первой русской комической оперы «Анюта» (1772).

Соч.: Досуги, или Собрание соч. и переводов. Ч. 1—2. СПб., 1772; [Стихи] // Поэты XVIII в. Т. 1. Л., 1958.

Н. К.

ПОПОВСКИЙ Николай Никитич (1730(?)—13[24].02.1760), поэт, переводчик. Обучался в *Славяно-греко-латинской академии*. С 1748 продолжил образование в университете при АН в Петербурге. С открытием Московского университета (1755) Поповский вел курсы красноречия и философии; в 1756 произведен в профессора элоквенции. Приобрели известность переводы Поповского из латинских и европейских авторов: Горация, Дж. Локка и др. Наиболее значительный труд Поповского — перевод философской поэмы А. Попа «Опыт о человеке» (опубл. в 1757). Перевод имел большой успех, трижды переиздавался. Примечательны публичные выступления Поповского, в т. ч. «Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете» (опубл. в «Ежемесячных сочинениях», 1755, авг.), где Поповский высказал мысль о необходимости преподавания философии на русском языке. 2 оды Поповского и «Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества» (1756, опубл. в «Живописце», 1772) написаны под влиянием *М. В. Ломоносова*. «Письмо...» популяризирует педагогические теории Ж. Ж. Руссо и Дж. Локка. Поповский перевел сочинение Локка «Мысли о воспитании» (под назв. «О воспитании детей...». Ч. 1—2. 1759—60).

Соч. в кн.: Избр. произведения рус. мыслителей 2-й пол. XVIII в. Т. 1. М., 1952.

ПОРЕЦКИЙ Александр Устимович (1819—22.05.1879), поэт, писатель, журналист, издатель. Родился в г. Петровске Саратовской обл. Самоучкой научился читать и писать. Пензенскую гимназию окончил в числе первых учеников, затем пешком пошел в Казань и поступил в университет на факультет восточных языков. В 1842 получил диплом кандидата по восточным языкам. Через год работал в редакции «Отечественных записок», где вел библиографический отдел. Но вскоре он оставил враждебный ему по духу журнал и открыл первый в России дешевой журнал «Воскресный досуг», имевший такой успех, что уже через год у него было 20 тыс. подписчиков. Затем Порецкий участвовал в журнале «*Время*», издававшемся в Петербурге в 1861—63 М. М. Достоевским; фактический редактор *Ф. М. Достоевский*, Порецкий был его сподвижником. Этот русский патриотический журнал враги называли «почвенническим». После закрытия издания при содействии Порецкого Достоевский открыл новый — «*Эпоха*

(1864—65) и поручил его редакцию Порецкому. Естественно, что новый журнал также был патриотическим, проповедовавшим самобытность русского народа. Он вел борьбу с нигилистической идеологией, с католицизмом, иезуитизмом.

Порецкий был литератором разносторонних дарований: переводил с французского, писал стихи, рецензии, книги для детей (под псевд. Пчельниковой). Известность ему принесла песня на его стихи «Ах попалась, птичка, стой!»

А. Баженова

ПОРОШИН Федор Иванович (XVII в.), автор «Поэтической повести об Азовском сидении Донских казаков».

Порошин — холоп кн. Н. И. Одоевского, влиятельного и образованного вельможи. Оказавшись на Дону, стал есаулом и войсковым дьяком. После того как казаки, захватив у турок Азов (1637), начали просить поддержки у царя Михаила Федоровича, Порошин в 1640 изложил эту просьбу в достаточно резкой отписке. В 1641 Порошин — член казачьего посольства, отправившегося в Москву за помощью. После решения в войну с турками не вступать (1642) и отъезда посольства Порошин был задержан, лишен жалованья и послан в Соловецкий монастырь.

«Поэтическая повесть об Азовском сидении» (существуют документальная и сказочная редакции) — самое яркое в художественном отношении произведение азовского цикла. Оно создано во время ожидания казачьим посольством решения царя о помощи казакам (1641—42). Повесть соединяет в себе достоинства воинского сказания (традиция повести *Нестора-Искандера*), документального свидетельства и публицистического сочинения.

«Поэтическая повесть» занимает центральное место среди произведений, повествующих об азовской эпопее. Порошин создал произведение большой художественной ценности. Ход осады изложен в повести исторически достоверно, что подтверждается не только документами, составленными в канцелярии войска Донского, но и записками турецкого путешественника Эвля Эфенди, находившегося в лагере осаждавших Азов турок. Но документально точное изложение событий облечено в форму, близкую к устному народному творчеству, бытовавшему в казачьей среде. Так, сообщая о приходе под Азов 300-тысячной турецкой армии, автор рисует выразительную картину: «Где у нас была степь чистая, тут стали у нас одним часом, людьми их многими, что великия непроходимыя леса темные. От силы их турецкие и от уристаня конского земля у нас под Азовом погнулась, и из реки у нас из Дону вода на бреги выступила...» Изнемогая и надеясь на помощь Москвы, осажденные казаки просят прощения у царя Михаила Федоровича, у церковных властей, у всех христиан и у окружающей их родной природы: «Простите нас, леса темные и дубравы зеленые. Простите нас, поля чистые и тихия заводи. Простите нас, море Синее и реки быстрые. Прости нас, море Черное. Прости нас, государь наш тихой Дон Иванович, уж нам по тебе, атаману нашему, з грозным войским не ездить, дикова зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать». Трагические эпизоды обороны Азова давали автору возможность придать казакам черты былинных богатырей.

Повесть использует форму «казачьей отписки», документа, поданного казаками в Посольский приказ. В самой повести цитируются «документы» — послания турецкого султана и ответ на него казаков, в котором они в традициях подлинных казачьих дипломатических посланий обращаются к султану с бранью и угрозами, называют его «худым свиным пастухом», «поганым псом», «скаредной собакой»

(вспомним титулы султана из знаменитого письма запорожцев, написанного во 2-й пол. XVII в.).

Намерение израненных и увечных казаков основать монастырь, где игуменом станет атаман, а строителем — есаул, — не эффективная литературная кондовка повести, а отражение подлинной ситуации: казаки действительно имели 2 монастыря, в которых, как правило, кончали жизнь члены этой военной корпорации.

Наряду с лирико-поэтическими пассажами повести в ней, как в публицистическом произведении, политические вопросы занимают одно из главных мест. Взятие Азова казаками рассматривается не только как избавление Московского государства от набегов татар и турок, но и как предпосылка для окончательного разгрома Турции. В повести обнажены те социальные и политические противоречия, которые в предыдущих повестях азовского цикла еще не сформулированы. В первых, это вопрос о двойственном положении казаков, с одной стороны, защитников южных границ, с другой — беглых холопов, которых на Руси «не почитают и за пса смердящего»; во-вторых — противоречивая политика московского правительства, использующего военные силы казаков, но отказывающего им в открытой политической и дипломатической поддержке.

«Поэтическая повесть» была написана в к. дек. 1641 — н. янв. 1642 накануне созыва Земского собора и призвана была художественными средствами подкрепить политическую позицию казаков, тем более что участники казачьего посольства были лишены в Москве свободы передвижения и не допущены на Собор. Они имели доступ только в Посольский приказ, служащие которого, вероятно, сыграли немалую роль в распространении казачьего сочинения.

Изд.: Орлов А. С. Историческая и поэтическая повесть об Азове: Тексты. М., 1906; Военные повести Древней Руси. М.; Л., 1949; Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. М., 1988.

Ист.: Литература и культура Древней Руси. М., 1994. С. 138—139; Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1986. С. 137—138.

ПОРФИРЬЕВ Иван Яковлевич (1823—1890), историк литературы. Сын сельского священника вятской епархии, воспитанник Казанской духовной академии, Порфирьев состоял в последней профессором истории русской словесности; исполнял обязанности помощника ректора, редактировал журнал академии «Православный собеседник». Когда в Казанскую академию была доставлена в 1855 соловецкая библиотека, богатая малоизвестными до тех пор старинными рукописями, Порфирьев стал излагать в своих лекциях преимущественно результаты своих занятий древнерусской письменностью. Эти лекции послужили материалом для известного труда Порфирьева: «История русской словесности», первая часть которой — «Древний период. Устная народная и книжная словесность до Петра Великого» — вышла в 1870; 1-й отдел второй части — «От Петра Великого до Екатерины II» — в 1881; 2-й отдел той же части — «Литературы в царствование Екатерины II» — в 1884 (за эту часть книги Порфирьев получил Макарьевскую премию); третья часть — «Литература в царствование Александра I» — в 1891. «История русской словесности» Порфирьева являлась лучшим пособием для изучения древнерусской словесности; она выдержала несколько изданий и в сокращенном виде использовалась в средних учебных заведениях. Будучи одним из главных членов комиссии по описанию соловецких рукописей, Порфирьев издал, с довольно обширными предисловиями-исследованиями, вновь или по новым спискам, следующие памятники древнерусской письменности (в «Православном собеседнике» и его «Приложениях»): «Три послания Игнатия,

митр. Тобольского» (1855), ««Просветитель» прп. Иосифа Волоцкого» (1855—57); «Молитва на всю седмицу, св. Кирилла, еп. Туровского» (1857), «Сказание прп. Нестора о житии и убийении благоверных князей Бориса и Глеба» (1858), «Сочинения Максима Грека» (1859—62), «Сказание о блаженном Петре царевиче Ордынском» (1859), «Житие прп. Трифона Печенгского, просветителя лопарей» (1859), «Слово в похвалу прпп. Зосимы и Савватия Соловецких» (1859), «Житие прп. Елазара Анзерского» (1860), «Несколько поучений Фотия, митр. Киевского» (1860—61), «Послание Филофея, старца Псковского Елазарова монастыря, к дьяку Мисюрю Мунехину» (1861). Сюда же относятся: «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях» («Сборник II отделения Академии наук». Т. XVII. 1877, и отд.) и «Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях» (там же. 1890, и отд.). Из др. трудов Порфирьева следует отметить: «Употребление книги Псалтирь в древнем быту народа» («Православный собеседник». 1857. IV), «О чтении книги в древние времена России» (там же. 1858. II), «О почитании среды и пятницы в древнерусском народе» (там же. 1859. I), «Об источниках сведений по разным наукам в древние времена России» (там же. 1860. I), «Аллегорические изображения времен года» (там же), ««Домострой» Сильвестра» (там же. 1869), «Об успехах церковной проповеди в народе» (там же. 1862), «Апокрифические сочинения в древней письменности» (там же. 1869. II), «Народные стихи и легенды» (там же. 1869. III), «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях» (Казань, 1873; докт. дисс.), «О соловецкой библиотеке, находящейся в Казанской духовной академии» («Труды IV Археологического съезда». Т. II. 1878), «Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге» («Отчет о присуждении наград графа Уварова». 1890).

ПОСЕЛЯНИН Евгений (наст. имя — **Погожев Евгений Николаевич**) (21.04[3.05].1870—13.02.1931), писатель и публицист. Родился в Москве в семье врача, личного дворянина. Окончил в Москве Лицей им. цесаревича Николая и юридический факультет Московского университета (1892). Писать и публиковаться начал в студенческие годы. Летом 1888 побывал в *Оптиной Пустыни* и стал духовным сыном великого старца Амвросия (Гренкова), который благословил его писать «в защиту веры, Церкви и народности». Был также знаком с др. известным старцем — Варсонофием (Плиханковым), ценившим его талант и говорившим: «Погожев — художник в душе, и это отражается в его литературных произведениях».

Оптиной Пустыни и ее подвижникам Поселянин посвятил задушевные страницы («Праведник нашего времени Оптинский старец Амвросий», 1907; «Русская Церковь и русские подвижники 19-го века», 1901; «Леонтьев в Оптиной», 1911).

Поселянин был высокообразованным человеком, дружил и переписывался с философами *П. Е. Астафьевым*, *К. Н. Леонтьевым* и *В. В. Розановым* (тогда называл Поселянина «замечательной личностью»), глубоко интересовался изящной словесностью (написав уже на первом курсе статью о поэте *А. Н. Майкове*) и искусством (очень ценил *В. М. Васнецова*), владел несколькими иностранными языками, встречался со многи-

ми выдающимися современниками. Вместе с проф. А. И. Введенским, еп. *Никоном (Рождественским)*, М. А. Новоселовым он участвовал в религиозных собраниях у *Л. А. Тихомирова*, редактора «Московских ведомостей» и известного теоретика монархизма.

Как православный христианин, Поселянин с горечью писал о состоянии преобладающего большинства тогдашней русской интеллигенции: «Сколько книг, сколько органов печати, где все из области религии широко подводится под презренную кличку “суеверий”... сплошной почти пример безверия “интеллигенции”...» Несмотря на свои симпатии к христианскому социализму, писатель всегда держался не только традиционного Православия, но и охранительно-монархических взглядов, которые проявились уже в ранние студенческие годы («Перед годовщиной 17 октября в Москве», 1889).

Поселянин, несомненно, был одаренным популяризатором-апологетом, старавшимся познакомить современников с житиями знаменитых подвижников (он обработал и переложил «Четыре-Минеи св. Димитрия Ростовского»), святых отроков («Святая юность», 1915) и святых воинов («Сказание о святых вождях Земли Русской», 1900), прежде всего изображая их «не со стороны историко-общественного значения, а со стороны их нравственной крепости...». Хорошо владеет «церковным» стилем, писатель умел доступно излагать сложные богословские понятия, красочно живописать стародавние события и создавать в импрессионистической манере запоминающиеся портреты своих героев. Правда, он в спешке не всегда отделял свои произведения, отчего в них подчас заметны велеречивость и сентиментальность.

Немало страниц Поселянин посвятил чтимым на Руси иконам, отечественной церковной истории, православным святыням («Святыни Земли Русской», 1899; «Герои и подвижники лихолетья XVII века», 1912). Много и охотно писал Поселянин для юношества: в житийном, историческом и катехизическом жанре, опираясь на воспитательные традиции русской детской литературы и увиденные в жизни примеры («Иосаф-царевич», 1904; «Повесть о том, как чудом Божиим строилась Русская Земля», 1904; «Задушевные беседы», 1915). Лучшие произведения Поселянина посвящены размышлениям об истинной вере и опыте жизни в Церкви, наблюдениям над религиозными идеалами нашего народа и их претворением в истории, а также нравственно-психологическому обоснованию Православия. Эти сочинения отличаются тонкими и выразительными наблюдениями.

С к. XIX в. Поселянин трудился в Петербурге, активно сотрудничая в известных духовных журналах: «Русский паломник», «Странник», «Миссионерское обозрение», «Церковные ведомости». Охотно печатали его и популярные светские газеты: «Новое время», «Московские ведомости» и др. Собирая материал, Поселянин много ездил по святым местам России и расспрашивал о местных преданиях и праведниках. Вторым браком писатель был женат на А. В. Симанской, сестре будущего патр. Алексия I, которая после гибели Поселянина и окончания Великой Отечественной войны постриглась в монашество в Киевском Покровском монастыре.

Во время первой мировой войны Поселянин служил в канцелярии военного министра и писал репортажи о подвигах русских солдат («Из жизни наших героев-воинов», 1916), продолжая печататься в православной периодике. После 1917 популярнейший автор был обречен на полное молчание до конца дней (если не считать двух статей о Пушкине «Отравленный Пушкин»). На жизнь, начиная с 1922, писатель зарабатывал частными уроками. В ночь на 12 апр. 1924 его с группой «бывших» арестовали в Ленинграде и, обвинив в «органи-

зации монархической группировки», на два года выслали в Ангарский край (Богучаны, Гольявино, Канск). Вернувшись из ссылки, Поселянин оставался на свободе 5 лет и в дек. 1930 был снова арестован по «делу Преображенского собора» в Ленинграде, которое заключалось в обращении прихожан (в их числе Поселянин) к эмигрантам, служившим в Преображенском полку, с просьбой о помощи в ремонте храма. Поселянин держался на допросах очень мужественно. Приговор Поселянина к расстрелу был приведен в исполнение в подвале здания ОГПУ на Шпалерной ул. Место, где похоронен Поселянин, остается пока неизвестным. Из вынужденного забвения имя Поселянина начало выходить только с 1990, и сегодня постепенно переиздаются его главные произведения.

Соч.: Преподобный Серафим, Саровский чудотворец (с новыми сведениями о старце). М., 1990; Слава Богоматери. Сведения о чудотворных и местночтимых иконах Божией Матери (апр.—май). М., 1991; Русская Церковь и русские подвижники XVIII в. Сергиев Посад, 1991; Святая юность: Рассказы о святых детях и о детстве и отрочестве святых. М., 1994; Сказание о святых вождях Земли Русской // Роман-газета. 1994. № 13—14: Повесть о том, как чудом Божиим строилась Русская Земля. СПб., 1994; Под благодатным небом: Один за всех (о прп. Сергии Радонежском). СПб., 1994; Идеалы христианской жизни. СПб., 1994; На молитве. М., 1996: Душа перед Богом. СПб., 1996.

В. Антонов

ПОСЛАНИЕ, древнейший жанр монологической поэзии, большое стихотворение, в котором поэт, как бы беседуя с адресатом, высказывает свои суждения по какому-либо важному вопросу. В античной литературе известно такое «Послание к Пизонам» Горация, представляющее собой стихотворный трактат о поэтическом искусстве.

В древнерусской литературе посланием назывался эпистолярно-публицистический жанр — обращение какого-либо авторитетного общественного или политического деятеля к др. лицу по важному вопросу. Таковы, напр., религиозные послания Новгородского архиеп. Василия к Тверскому еп. Федору (XIV в.) о существовании зменого рая; политические послания царя *Ивана Грозного* в Кирилло-Белозерский монастырь (ок. 1578) на просьбу игумена монастыря Козьмы образумить ссыльных опальных бояр. Известны светские, повествовательного характера, стихотворные послания *Тимофея Каменевича-Рвовского* к поэту XVII в. *Кариону Истомину* или «Послание к некоему другу» монаха Антония Подольского.

Как лирический жанр послания были популярны в XVIII и в I-й трети XIX вв. Таковы, напр., послания *В. Жуковского* к Филалету, И. Батюшкову, *П. Вяземскому*. Ряд посланий имеется у *Н. М. Карамзина*, *И. Дмитриева*, *К. Батюшкова*, *А. Фета* и др. *А. Пушкин* написал «Послание к Галичу», «Послание к Наталье», «Послание к кн. Горчакову», «Послание к Юдину», «Послание к Великопольскому», «Послание Цензору». Наиболее употребительный стихотворный размер в посланиях — шестистопный ямб (*александрийский стих*):

Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой,
Сегодня рассуждать задумал я с тобой.

Не бойся: не хочу, польщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить худой неосторожной.

(А. Пушкин. «Послание к Цензору»)

Или трехстопный ямб:

Где ты, ленивец мой?
Любовник наслажденья!
Ужель уединенья
Тебе не мил покой?

(А. Пушкин. «Послание к Галичу»)

Являясь жанром, близким к письму, послания иногда превращались, по существу, в литературно-политические памфлеты (напр., «Послание Цензору» А. Пушкина). Таким памфлетом было прозаическое «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Д. Фонвизина.

А. Квятковский

ПОСЛОВИЦА, афористическое народное изречение, обычно двухчастной формы, этим и отличается пословица от одночастной *поговорки*. Пословица выражает собой народную мудрость. Будучи элементарной формой поэтической речи, народная пословица часто пользуется такими стилистическими приемами, как стихотворный размер, *рифма, ассонанс*, аллитерация, параллелизм; эти признаки поэтического стиля позволяют думать, что пословица является фрагментом, стихом, строкой из забытого произведения и удержалась она в народной памяти благодаря острой мысли, выраженной в особо удачной лаконичной форме. Вот ряд пословиц в форме четырехстопного хорея: чем богаты, тем и рады; в тесноте да не в обиде; не обманешь, не продашь; щи да каша — пища наша; кошка спит, а мышку видит; тише едешь — дальше будешь. Или пословицы в форме амфибрахия: попытка не пытка, а спрос не беда; без соли, без хлеба — худая беседа; что было, то сплыло. Народные афористические пословицы: ученье — свет, а неученье — тьма; клевета — что уголь: не обожжет, так замарают; волков бояться — в лес не ходить; умный товарищ — половина дороги; ошибся — не ушибся: вперед наука; и комар лошадь свалит, если волк пособит; как возьмет голод, появится и голос; ложью свет пройдешь, да впрядь не поверят; на трактор надейся, а коня не бросай.

Большое количество пословиц и поговорок вышло из басен *И. Крылова*: хоть видит око, да зуб неймет; недаром говорится, что дело мастера боится; а вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь. Многие строки гениальной комедии *А. Грибоедова* вошли в обиход русского языка как пословицы: нельзя ли для прогулок подальше выбрать закоулочек?; шел в комнату, попал в другую; обычай мой такой: подписанно, так с плеч долой; блажен, кто верует, тепло ему на свете; служить бы рад, прислуживаться тошно.

Первые сборники пословиц в России появились в к. XVII в. («Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту»). Первое русское собрание пословиц опубликовано в «Письмовнике» *Н. Г. Курганова* (СПб., 1769).

Лит. и текст: Даль В. И. Пословицы рус. народа: Сб. / Предисл. М. Шолохова. Вступ. ст. В. Чичерова. М., 1957; *Снегирев П.* Русские нар. пословицы и притчи с предисл. и доп. М., 1848; Новый сборник рус. пословиц и притчей, служавших дополнением к собранию рус. нар. пословиц и притчей, изданных в 1848 году П. Снегиревым. М., 1857; Старинные сборники рус. пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII — XIX столетий, собрал и подгот. к печати Павел Симоны. Вып. 1. СПб., 1899; *Иллюстров И.* Жизнь рус. народа в его пословицах и поговорках: Сб. рус. пословиц и поговорок. 3-е изд., испр. и доп. М., 1915; Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII — XX вв. / Отв. ред. и введ. Б. П. Путилова. М.; Л., 1961; Избр. пословицы и поговорки рус. народа / Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц. Под общ. ред. А. А. Прокофьева. М., 1957; Военные пословицы рус. народа: Сборник пословиц и крылатых слов / Сост. М. Шахнович. Л., 1945; *Аишукин Н. С., Аишукина М. Г.* Крылатые слова. Лит. цитаты. Образные выражения. 2-е изд., доп. М., 1960; *Рыбникова М. А.* Рус. пословицы и поговорки. М., 1961; Словарь рус. пословиц и поговорок / Сост. В. П. Жуков. М., 1967; *Снегирев И.* Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. Кн. 1—4. М., 1831—34; *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. 3-е изд., Харьков,

1930; *Буслаев Ф. И.* Историч. очерки рус. нар. словесности и иск-ва. Т. 1—2, СПб., 1861.

А. Квятковский

ПОСОШКОВ Иван Тихонович (1652—1726), писатель, экономист, «искатель христианской правды, патриот, сторонник монархического принципа». Посошков, вышедший из крестьян, занимавшихся ювелирным промыслом, с одной стороны, является продолжателем хозяйственной традиции Древней Руси, выраженной в «*Домострое*» и практической жизни общин и артелей, а с др., несет уже сомнение в верности традиционных ценностей. Хотя в целом его симпатии на стороне национальных традиций хозяйственной жизни, которые он хочет обновить «сугубо умственным путем». Тем не менее пафос огульного и не всегда справедливого обличительства внутреннего порядка присутствует в его главном труде «Книге о скудости и богатстве» (1724, изд. 1842).

Из основополагающих ценностей Древней Руси он принимает почти все. Прежде всего идею домостроительства (экономики, хозяйства), цель которого, по его мнению, — в достижении изобильного богатства, т. е. определенного достатка человеческих вещественных и невещественных благ. Источником богатства является только труд, «безотносительно к его физическим и социальным особенностям».

Изобильное богатство понимается им не как средство к роскошной жизни, а как средство обеспечения некоторого достатка для прокормления своей семьи, церковного богослужения и выплаты царских налогов. Изобильное богатство может быть очень скромным, и дело совсем не в величине его, а в том, что каждый человек должен обязательно трудиться, приносить «прибыток». Трудом создается «все-народное богатство», состоящее из «домовых внутренних богатств». Некоторые «избытки» во «внутреннем домовом хозяйстве» предполагают продажу их вне хозяйства. Посошков стоял на позициях регулирования внешнеторговой деятельности в сторону таможенного ограничения вывоза за границу сырья. Он полагал, что продавать надо преимущественно готовые продукты. Ученый стоял за независимость русского хозяйства от иностранного рынка, предлагая использовать для этого таможенную политику, содействующую росту российской промышленности и созданию производств, продукты которых тогда закупались за границей. За рубежом следует покупать только то, чего нельзя сделать в России.

Посошков неоднократно высказывает идеи экономической автаркии, независимости русского хозяйства от внешних рынков. Богатство народа состоит не в том, что он получает из-за границы, а в том, что он создает внутри своего хозяйства, обеспечивая себя всем необходимым.

Во времена Посошкова крестьяне составляли не менее 95% всего населения страны. От их «изобильного богатства» зависело русское царство. «Крестьянское богатство, — говорил Посошков, — царственное, а нищета крестьянская — оскудение царственное». Крестьянский экономист считал крестьян такими же землевладельцами, как и помещики. «Под всеми ими земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время». Земля, которую обрабатывают крестьяне, принадлежит им по обычному праву ее распределения и перераспределения, регулируется общиной. Для осуществления справедливого землевладения, по мнению Посошкова, нужно ввести всеобщий поземельный налог не только с крестьян, но и с др. «чинов».

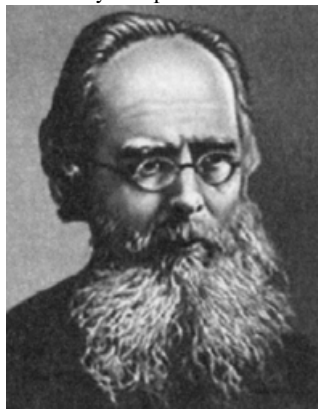
О. Платонов

ПОТАПЕНКО Игнатий Николаевич (дек. 1856—17.05. 1929), писатель. Родился в с. Федоровка Херсонской губ. Отец Потапенко — малоросс, был священником. Мать — крестьянка. Окончил Одесскую семинарию, учился в Новороссийском университете, затем в Петербургской консерватории по курсу пения. Начал печататься в 1881. Рассказы Потапенко из народного малороссийского быта публиковались в 80-е в журнале «Дело». Широкую известность принесла Потапенко повесть «На действительной службе» (1890), герой которой, отказываясь от блестящей духовной карьеры, идет на «действительную службу» сельским священником, чтобы помогать прихожанам. Тот же идеал незаметной будничной деятельности на благо народа утверждает Потапенко и в романе «Не герой» (1891), название которого противостоит псевдогероическим образам нигилистической литературы. Произведения Потапенко созвучны народнической теории «малых дел». Потапенко встречался и переписывался с *А. П. Чеховым*, напечатал воспоминания о нем. Кроме повестей и романов преимущественно из жизни интеллигенции и духовенства, Потапенко писал рецензии, очерки, пьесы; несколько рассказов опубликовал в издательстве «Посредник». Лучшие произведения Потапенко («На действительной службе», «Шестеро», «Проклятая слава») отмечены характерностью бытовых и психологических деталей, юмором. В 900-е ставились пьесы «Высшая школа», «Искупление» и др. В 1915 опубликован роман «Отступление».

Соч.: Повести и рассказы. Т. 1—12. СПб., 1891—99; Соч. 4-е изд. Т. 1—6. СПб., 1905; Пьесы. СПб., 1902; Яся: Пьеса. Вологда, 1922; Честная компания. М.; Л., 1926; Мертвое море. Л., 1929.

Н. А.

ПОТЕБНЯ Александр Афанасьевич (10[22].10.1835—29.11 [11.12].1891), языковед, создатель философско-лингвистической концепции — «потепбнианства». В 1856 окончил Харьковский университет и с 1860 преподавал в нем. С 1875 —

профессор Харьковского университета; член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1877). Центральный труд Потепбни «Из записок по русской грамматике» сыграл выдающуюся роль в обосновании исторического языкознания, в развитии грамматической теории русского языка. Потепбня одним из первых в России поставил на почву точного фактологического исследования разработку вопросов истории мышления в его связи с языком, пытался установить общие семантические принципы осознания человеком основных категориальных отношений действительности. Рассматривая речевые единицы как акт мысли, в котором языковая форма выступает «ссылкой на значение», Потепбня обосновывает учение о «внутренней форме» слова. Согласно этому учению, наряду со знаковой оболочкой и абстрактным значением, слово имеет «внутреннюю форму», т. е. представление, образ этого значения, подобно тому как термин «окно», помимо четырехбуквенного сочетания знаков и понятия о застекленном проеме стены, содержит образ этого значения — представление об «оке» (глазе). Внутреннее противоречие между такими чувственными образами и абст-

рактными значениями определяет, по мнению Потепбни, генезис рече-мыслительной деятельности. Разрабатывая учение о роли языка в психической деятельности, Потепбня указывает, что представление значения речевого сигнала, т. н. «апперцепция в слове», выступает как предпосылка самосознания. В работе «Из записок по русской грамматике» Потепбня анализирует чувственный образ в слове как «внутренний знак» его семантики и рассматривает в функции «внутренней формы» ближайшее значение слова, которое носит общенародный характер и является условием понимания речи. Анализируя образ и значение как основные компоненты искусства, Потепбня подчеркивает полисемантическую его языка, вводит т. н. «формулу поэтичности»: А (образ) < X (значение), возводящую неравенство числа образов множеству их возможных значений в специфику искусства. Соотношение образа и значения в слове носит, по мнению Потепбни, исторический характер; оно очерчивается спецификой как мифологического сознания (характеризующегося нерасчлененностью образных и понятийных сторон своего языка), так и сменяющих его форм художественно-поэтического мышления (в котором значение преломляется через образ) и научного мышления (характеризующегося приматом значения над образом). Исследуя генезис грамматических и логических категорий, Потепбня вскрыл категориальную синкретичность первобытного мышления, связанную с архаичной нерасчлененностью представлений о субстанции и атрибутах, и рассматривал путь ее преодоления. В связи с анализом истории мышления и его категорий Потепбня развивает идеи эмпирического обоснования логики. Ценные результаты получены Потепбней и в области литературоведения, фольклористики, славяноведения. Потепбня считал, что объективны лишь конкретные вещи, а общие заключения о них — продукт «личной мысли». Отсюда концепция Потепбни об антропоморфичности категорий мышления.

Соч.: Объяснения малорусских и сродных народных песен. Т. 1—2. Варшава, 1883—87; Из записок по русской грамматике. [Т.] 1—2. 2-е изд. Харьков, 1888; Нов. изд. М., 1958; Т. 3. Харьков, 1899; Т. 4. М.—Л., 1941; Основы поэтики (По лекциям, читанным А. А. Потепбней в к. 80-х...) / Сост. В. Харшиев // Вопросы теории и психологии творчества. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1910; Психология поэтического мышления. (Из лекций А. А. Потепбни. Ст. сост. по студенческим запискам лекций... Б. Лезиным) // Там же; Черновые заметки... о Л. Н. Толстом и Достоевском // Там же. Т. 5. Харьков, 1914; О некоторых символах в славянской народной поэзии... 2-е изд. Харьков, 1914; Мысль и язык. 5-е изд. Полн. собр. соч. Т. 1. [О.], 1926; Из лекций по теории словесности. 3-е изд. Харьков, 1930.

ПОТЕХИН Алексей Антипович (1[13].07.1829 — 16[29].10. 1908), писатель, драматург, театральная деятельность. Родился в г. Кинешма в семье мелкопоместного дворянина, казначея уездного Кинешемского суда. Окончил Костромскую гимназию (1846) и с золотой медалью — Ярославский Демидовский лицей (1849), в котором испытал плодотворное влияние К. Д. Ушинского, во многом определившее круг писательских интересов Потехина. После непродолжительной военной службы ок. 2 лет служил чиновником особых поручений при костромском губернаторе, расширяя и пополняя знание русского провинциального быта и крестьянской жизни

«промышленных», «отходнических» областей Верхнего Поволжья. Потехин начал печататься с 1851, опубликовав в газете «Московские ведомости» театральную рецензию «Бенефис актера С. В. Шумского». Затем появились в печати его очерки «Путь по Волге», «Уездный городок Кинешма» (в газете «Московские ведомости» за 1852), «Забавы и удовольствия в городке» («Современник». 1852. Т. 34). Они привлекли читателя обилием этнографических подробностей, хорошим знанием быта и нравов русской провинции.

Часто бывая в Москве, благодаря земляку *А. Ф. Писемскому*, сошелся с «молодой редакцией» журнала «Москвитянин», повлиявшей на формирование его идейно-художественной позиции. Под влиянием *А. Н. Островского* он пишет первую «мужицкую» драму «Суд людской — не Божий» (1854), за которой следуют «Шуба овечья — душа человечья» (1854) и «Чужое добро впрок не идет» (1855). В цикле этих драм Потехин противопоставляет развращенной городской цивилизации патриархально-крестьянские устои, сохранившие верность православно-христианским нравственным традициям. Эта же тема развивается автором в романах «Крестьянка» (1853) и «Крушинский» (1856), а также в ранних повестях «Бурмистр» («Библиотека для чтения». 1859. № 2), «Барыня» («Библиотека для чтения». 1859. № 10) и др. Поэтизируя патриархальный крестьянский уклад, Потехин широко вводит в народные драмы, романы и повести фольклорные и этнографические мотивы: песни, обряды, пословицы, местные говоры и крестьянское просторечие.

В 1856 Потехин участвует в литературно-этнографической экспедиции, расширившей его писательский кругозор. Он обследует жизнь народов Поволжья от Оки до Саратова и выступает с циклом очерков «Лов красной рыбы в Саратовской губернии» (1857), «Река Керженец» (1959), «С Ветлуги» (1861) и др.

С н. 1860-х Потехин обращается к тенденциозной, обличительной драматургии. Пьесы «Мишура» (1858), «Новейший оракул» (1859), «Отрезанный ломоть» (1865) печатаются в «Отечественных записках», «Современнике» и др. ведущих литературно-художественных журналах. Громадным успехом пользовалась драма «Виноватая» (1868) и др. пьесы, подвергавшиеся цензурным преследованиям и запретам, что еще более способствовало его популярности.

Потехин участвует в театральной реформе 1880-х, заведует репертуарной частью Александринского театра, является управляющим драматическими труппами императорских театров Петербурга и Москвы, участвует в учреждении Общества вспомоществования актерам (впоследствии Русское театральное общество) и в созыве первого съезда русских сценических деятелей (1897). В 1900 Потехин избирается почетным академиком по разряду изящной словесности.

Соч.: Соч.: В 12 т. СПб., 1903—05; Избранные произведения. Иваново, 1938; Суд людской — не Божий. Мишура // Русская драма эпохи А. Н. Островского. М., 1984;

Лит.: *Касторский С. В.* Писатель-драматург А. А. Потехин // Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв. М.; Л., 1959; *Лотман Л. М.* А. Н. Островский и русская драматургия его времени. М.; Л., 1961; *Тамарев П. М.* «Мужицкие пьесы» А. А. Потехина в контексте русской драматургии сер. XIX в. Иваново, 1991.

Ю. Лебедев

«ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА» — см. **ВЛАДИМИР МОНОМАХ**.

ПОЧВЕННИЧЕСТВО, русское литературно-общественное направление 1860-х, тесно связанное с деятельностью *Ф. М. Достоевского*, критика и поэта А. А. Григорьева, философа и

публициста *Н. Н. Страхова* и др. писателей, группировавшихся вокруг журналов братьев Достоевских «*Время*» (1861—63) и «*Эпоха*» (1864—65). Слово «почвенничество» содзодало на основе патриотической публицистики *Ф. М. Достоевского* с характерными для нее выражениями: «мы оторвались от своей почвы» и т. п. с призывом вернуться к народным основам, традициям и идеалам. Происхождение почвенничества восходит к направлению «молодой редакции» журнала «*Москвитянин*» (в 1850-х), и идейно было родственным *славянофильству*. Почвенничество призывало к «слитию образованности и ее представителей с началом народным». Почвенники симпатизировали купечеству, мешанству, народной интеллигенции, отвергали либерально-космополитические и социалистические идеи, обличали духовно-нравственное разложение Запада.

С. Дмитриев

ПРАСОЛОВ Алексей Тимофеевич (13.10.1930—2.02.1972), поэт. Родился в с. Ивановка Кантемировского р-на Воронежской обл. Окончил Россошанское педагогическое училище (1951). Печатался с 1953. Автор книг стихов «*День и ночь*» (1966), «*Лирика*» (1966), «*Земля и зенит*» (1968), «*Во имя твое*» (1971). Для лирики Прасолова характерны тяготение к «вечным» вопросам бытия, пластичность образа, изобразительная емкость, метафоричность.

Соч.: Осенний свет. Воронеж, 1976; Час сокроенного // Наш современник. 1977. № 9.

ПРЕДАНИЕ, в народно-поэтическом творчестве устное повествование, содержащее сведения о реальных лицах и достоверных событиях. Возникнув из рассказов очевидцев, предание при передаче из уст в уста удаляется от фактической первоисточники и обретает поэтическую интерпретацию материала. Предание сближается со *сказкой* и легендой. Однако вымысел в предании не схож со сказочной фантастикой и чужд домыслам легендарных рассказов. Предание отличает широкий общественный интерес, оно не замыкается в рамках бытового повествования. Различаются предания исторические (о памятных событиях народной истории — татарских набегах, об осаде и взятии городов, о деяниях исторических лиц: кн. Ольги, царя *Ивана Грозного*, Степана Разина, имп. Петра I, Емельяна Пугачева, А. В. Суворова и др.); топонимические (об основании Киева, Москвы, отдельных сел, заводов, о происхождении названий и пр.). Предания легли в основу многих произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. С. Лескова, П. П. Бажова и др.

ПРИБАУТКА, произведение шуточного характера, малый жанр русского народно-поэтического творчества. В прибаутке часто фигурируют бояре, поп, попадьа, незадачливые крестьяне, комические звери, одушевляющиеся предметы быта. Прибаутки разнообразны по форме. Они могут представлять собою шуточный диалог, обращение, эпичку необычных событий, смешной эпизод, построенный на алогизме. Напр.: «Иван, скажи моей лошади — тпру! — А сам что ж? — Губы замерзла, оксюморон и метатеза. Употребителен *раешный стих*. Прибаутки включались в обиходную речь как «красное словцо», входили в сказку (присказка), в народную драму, обрядовую поэзию (приговоры свадебного дружки), в монологи баблаганных дедов, в устную рекламу уличных торговцев.

ПРИПЕВ, стихи, повторяющиеся в конце каждого куплета песни; термин «припев» ближе к народным песням, в отличие от рефрена, являющегося строфическим повтором в автор-

ском стихотворении, которое положено композитором на музыку. Пример припева в русской народной поэзии:

Как у наших у ворот
Стоит озеро воды.
Ой люли, ой люли!
Стоит озеро воды.
Молодец коня поил,
К воротичкам подводил.
Ой люли, ой люли!
К воротичкам подводил.
К веревочке привязал,
Красной девке приказал:
Ой люли, ой люли!
Красной девке приказал...

ПРИСКАЗКА, разновидность русской *прибаутки*, добавляемой рассказчиком в начале, середине и конце *сказки*, напр.: «Это присказка, а сказка еще впереди» (в начале); «Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается» (в середине); «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало» (в конце).

ПРИТЧА, малый жанр поучительной или сатирической литературы, бытовавшей в России в XVII—XVIII и в н. XIX в.; небольшое, отчасти схожее с *басней* произведение в стихах или прозе. Вот притча *А. С. Пушкина* «Сапожник»:

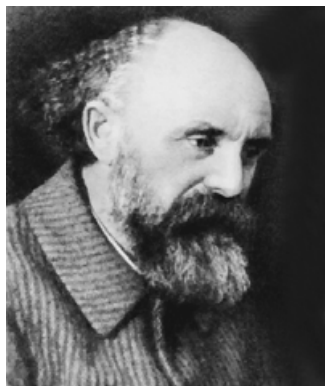
Картину раз высматривал сапожник,
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?»...
Тут Аппеллес прервал неторопливо:
Суди, дружок, не свыше сапога!

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах;
Но чорт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

В древнерусской литературе и в фольклоре притчей назывался духовно-нравственный рассказ назидательного и поучительного характера.

ПРИЧИТАНИЯ — см. ПЛАЧ.

ПРИШВИН Михаил Михайлович (23.01[4.02].1873—16.01.1954), писатель. Родился в имении Хрущево Елецкого у.

Орловской губ. Сын разорившегося купца. Пришвин был исключен за «свободомыслие» из Елецкой гимназии. Учился в Тюменском реальном училище. Студент Рижского политехникума. Окончил агрономическое отделение философского факультета Лейпцигского университета (1902). Служил агрономом в земстве (Клин, Луга). Опубликовал несколько книг и статей по сельскому хозяйству. Пер-

вый рассказ «Сашок» был напечатан в 1906 в журнале «Родник». Оставив свою профессию, Пришвин увлекся фольклором и этнографией. Рождение Пришвина как писателя связано с путешествиями по северу (Олонец, Карелия, Норвегия). Наблюдения над природой, бытом и речью северян, записи сказов вылились в своеобразную форму путевых записей-очерков: книги «В краю непуганых птиц» (1907) и «За волшебным колобком» (1908). В этих книгах *А. А. Блок* увидел, как вспоминает Пришвин, «...поэзию, но и еще что-то», и сам писатель раскрыл эту мысль Блока так: «...это что-то от ученого, а может быть, и от искателя правды...». Оказавшись в центре литературной жизни, Пришвин сближается с петербургскими писателями (*А. Ремизов*, *Д. Мережковский* и др.). Их влияние ощутимо в рассказах «Крутойрский зверь», «Птичье кладбище», в повести-очерке «У стен града невидимого» (1909). Результатом поездок в Крым и Кавказ стали очерки «Адам и Ева» (1909), «Черный араб» (1910), «Славны бубны» (1913) и др. В издательстве «Знание» вышло первое собрание сочинений Пришвина (1912—14). В годы первой мировой войны Пришвин был фронтовым корреспондентом; его очерки печатались в газетах «Биржевые ведомости», «Речь», «Русские ведомости».

После 1917 Пришвин некоторое время вел педагогическую деятельность; он страстно увлекался охотой, краеведением (жил в Ельце, на Смоленщине, в Подмосковье). Опубликовал очерк «Башмаки» (1923), охотничьи и детские рассказы, фенологические записки «Родники Берендея» (1925), вышедшие с дополнениями под названием «Календарь природы» (1935). Писатель учит в них «родственному вниманию» к природе, зовет узнавать «...лицо самой жизни, будь это цветок, собака, дерево, скала или даже лицо целого края». Параллельно этой линии у Пришвина развивается и другая: очерки, связанные между собой единым героем (чаще всего лирическим «я» писателя), его философскими и нравственными исканиями, становятся главами повести или романа. В 20-е начат автобиографический роман «Кашеева цепь», над которым Пришвин работал до последних дней жизни (1923—54). Романтические искания главного героя Алпатовова, развиваясь на фоне жизни России и Германии к XIX в., превращаются в историю роста творческой личности и анализ существа творческой деятельности вообще. Поэтически конкретные образы романа одновременно выступают как олицетворение мифа (Второй Адам, Мэри Моревна и др.). Примыкающая к роману повесть о творчестве «Журавлиная родина» (1929) вводит читателя в лабораторию художника.

В эти годы Пришвин постоянно печатается в журналах «Новый мир», «Красная новь» и др. Пришвин ищет живой материал в поездках по Д. Востоку, Северу и Кавказу. Он выступает с пропагандой жанра очерка («Мой очерк», 1933). И снова от научного знания и фольклора идет к художественной прозе, создавая поэтические рассказы и повести. Так, очерк об оленях «Дорогие звери» предшествовал повести «Жень-шень» (первое название — «Корень жизни», 1933), одному из лучших произведений Пришвина, в котором «корень жизни» выступает как многогранная метафора, символизирующая и поиски «творчества жизни», и силу страсти, и боль утрат. Реалистические и романтические элементы, бывалое и небывалое, правда и сказка, сливаясь, дают сплав светлого пришвинского мироощущения. По мнению писателя, «настоящий реалист... видит одинаково и темное и светлое, но дело свое ведет в светлую сторону и только пройденный в эту светлую сторону путь считает реальностью». Рассказывая о путешествии по Костромской и Ярославской земле в повести «Неодетая весна» (1940), Пришвин

стремится уловить неповторимые черты переменчивого лика природы. Он создает жанр дневниковых записей — поэтических миниатюр. Цикл таких миниатюр составила поэма в прозе «Фацелия» (1940), о которой писатель говорит: «Это моя песня песней!» К ней примыкает и цикл «Лесная капель» (1940).

Критика 20—30-х порицала Пришвина за «бегство» в мир природы и лирики, видя в этом пренебрежение к современности. Однако Пришвин через понимание природы приходил к познанию человека, а самое природу понимал как непрерывный процесс. «Моя природа, — писал он, — есть поэтическое чувство друга — пантеизм далеко позади, — друга человека, составляющего вместе начало общего дела, начало коллектива».

В годы Великой Отечественной войны писатель создает «Рассказы о ленинградских детях» (1943), «Повесть нашего времени» (1945, полностью опубликована в 1957). В сказке были «Кладовая солнца» (1945), сюжетно связанной с повестью-сказкой «Корабельная чаша» (1954), Пришвин снова стремится «...искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой». Он показывает, как воля людей превращается в деяние, как правда смыкается со сказкой. В последние годы жизни Пришвин, как всегда, много сил отдавал дневникам. В 1957 опубликован роман-сказка «Осударева дорога» (начатый еще в 30-е), в котором встречаются история и современность.

Точность наблюдений художника и натуралиста, напряженность философских исканий, высокое нравственное чувство, язык, питаемый соками народной речи, — все это сообщает прозе Пришвина неотразимое обаяние.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—7. М.; Л., 1927—30; Собр. соч. Т. 1—6. М., 1956—57; Дорога к другу. М., 1957; Повесть нашего времени. Ярославль, 1957; Незабудки / Сост. и автор вступ. ст. В. Пришвина. М., 1969; О творческом поведении. М., 1969; Автобиография // Сов. писатели. Т. 2. М., 1959; Собр. соч.: В 8 т. М., 1982—86; Дневники 1914—17. М., 1991; Дневники 1918—19. М., 1994; Дневники 1920—22. М., 1995 (изд. продолжается).

Л. Печко

ПРИШЕЛЕЦ Антон (псевд.; наст. имя и фамилия — **Антон Ильич Ходаков**) (20.12.1892[1.01.1893] — после 1971), поэт. Родился в крестьянской семье. Во время первой мировой войны был на фронте. Работал журналистом в Балашове, затем в Москве в редакции «Рабочей газеты» (1922—27). В 1920 опубликовал сборник стихов «Зорьные зовы», затем сборники «Плечо к плечу» (1925), «Стихи о деревне» (1927), «Мой костер» (1955), «Зерно» (1959), «Зеленый ветер», «Тропинка милая» (оба 1961), «Охапка сена» (1965) и др. Многие стихи Пришелеца посвящены Родине, родному краю, с которым связаны самые близкие ему «неповторимые картины» сельской природы, детства. Написал лирический цикл, посвященный сыну, погибшему на войне («Свидание», 1945). Стихам Пришелеца свойственна напевность; некоторые из них стали популярными песнями: «Наш край» (музыка Дм. Кабалевского), «Конник» (музыка С. Прокофьева), «Волжанка», «Колосок» (музыка Ю. Слонова), «Куда бежишь, тропинка милая?» (музыка Е. Родыгина), «Ой ты, рожь!» (музыка А. Долуханяна) и др.

Соч.: Стихотворения и песни. М., 1963 (здесь ст. Пришелеца «О себе и о своих стихах»); Польшня: Стихи и песни. М., 1968.

ПРОКОФЬЕВ Александр Андреевич (19.11[2.12].1900—18.09.1971), поэт. Родился в с. Кобона, ныне Волховского р-на Ленинградской обл. в семье крестьянина-рыбака. Начал литературную деятельность в сер. 20-х. В первых сборниках

Прокофьева — «Полдень» (1931), «Улица Красных Зорь» (1931), «Победа» (1932) — автор открыл для читателя мир приозерной ладожской деревни с ее особым укладом быта, приходящим в столкновение с новыми формами жизни. Герой Прокофьева — «тяжелые парни», «сосновые кряжи». В 30-х Прокофьев выпускает сборники лирических стихов и песен:

«Дорога через мост» (1933), «Временник» (1934), «Прямые стихи» (1936), «В защиту влюбленных» (1939).

Во время Великой Отечественной войны Прокофьев активно работает в армейской печати, выступает перед бойцами Ленинградского, Волховского и Северного фронтов. Пишет агитстихи, стихотворные фельетоны, песни, частушки. Заметным явлением советской поэзии военных лет стала поэма «Россия» (1944;

Сталинская премия, 1946) — рассказ о братьях Шумовых, добровольно приехавших из Сибири на защиту Ленинграда и составивших расчет тяжелого миномета. В своих невыдуманных героях автор увидел огромную нравственную силу и любовь к Родине. Вся поэма как бы состоит из песен-веснянок, величальных, маршевых, которые и воссоздают величавый образ России. В первые послевоенные годы Прокофьев опубликовал цикл стихов о мире, о радости оживающей земли («Нынче удались цветы повсюду...», «Ты по сердцу мне, русская природа», «Пополам с тобою, дорогая...» и др.). Новый этап в творчестве Прокофьева начинается с книги «Заречье» (1955); в 1960 вышел сборник «Приглашение к путешествию», отличающийся широкой замысла и содержания, ясностью и глубиной формы. Впечатления от многочисленных поездок по стране и за рубеж нашли отражение в книгах «Яблоня над морем» (1958), «Стихи с дороги» (1963), «Под солнцем и под ливнями» (1964) и др. Отличительные черты поэзии Прокофьева — близость к народному слову, фольклору, яркая образность и эмоциональность, склонность к шутке, иронии, верность «рядовому» герою. Многограсочная, звенящая и гремящая поэзия Прокофьева с годами становится более сдержанной. От «веселого косноязычья» первых стихов («Тырли-бутырли, дуй тебя горой») поэт пришел к более строгой и лаконичной манере письма.

Соч.: Стихотворения. 1927—37. Л., 1938; Стихотворения. 1927—47. М.; Л., 1947; Соч. Т. 1—2. М., 1957; Собр. стихотворений. Т. 1—2. С., 1961; Собр. соч. Т. 1—4. М.; Л., 1965—66; Гроздь: Стихи. Л., 1967; Пристрастия: Книга стихов. [Л.], 1967; Прощание с Приморьем. Л., 1969; Бессмертие. Л., 1970; Собр. соч.: В 4 т. Л., 1978—80.

ПРОЛОГ (XII в.), древнерусский календарный сборник, состоящий из кратких византийских, древнерусских, южнославянских *житий* и памятней святых, отрывков из переводных сочинений христианских писателей и произведений древнерусских авторов на темы христианской морали.

Сначала (в XII в.) Пролог являлся лишь переводом греческого сборника кратких житий и памятней вселенских святых, который назывался «Синаксарь» (в переводе с греч. — «сборник»). В Византии он был составлен в к. X в., а поскольку в каждой епархии наряду с общепризнанными почитались еще и местные праздники и святые, сборники с таким названием

отличались друг от друга. Так, только лишь в Константинополе отмечались праздники обновления св. Софии (23 дек.) и положения риз Богоматери (2 июля), почитались св. Вавила Никодимийский (4 сент.), Роман Сладкопевец, составитель кондакарей (1 окт.) и др. Но в основе своей все «Синаксари» были рассчитаны на общецерковное употребление и носили свободный характер, т. е. в них были объединены жития и памяти святых всех областей христианского Востока: Персии, Египта, Сирии, Палестины, Рима, Армении, Византии. Обычно в «Синаксаре» на первом месте (после календарной даты) помещались сведения о мучениках и их жития или только имя мученика и место его гибели (память). День мученической смерти святого являлся днем его почитания, вносился в древние календари (сначала они существовали только при Евангелиях и Апостолах), а на основе записей судебных протоколов во время суда над первыми христианами, записок самих христиан или очевидцев событий были сделаны исторические заметки о мучениках. В них обозначалось место и время события, описание страданий и кончины святого. Сказания о мучениках, пострадавших за христианскую веру во II—III вв. в различных областях Римской империи, составили круг древнейших сведений «Синаксаря».

След за сказаниями о мучениках в «Синаксаре» следовали жития или памяти святых подвижников: настоятелей первых христианских монастырей и известных преподобных отцов (Антоний Великий, Савва Освященный, Иоанн Синайский, Герасим Иорданский и др.). В «Синаксаре» отмечены лица, прославившиеся устройством религиозной и гражданской жизни, напр.: имп. Константин, патриарх Константинопольский Прокл, епископ Мирликийский Дионисий и мн. др. Здесь же встречаются жития отдельных учителей Церкви: Феодорита Киррского, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина; жития различных чудотворцев, столпников, исповедников, юродивых — лиц, так или иначе прославившихся своими деяниями за христианскую веру. В «Синаксарь» заносились и некоторые церковно-исторические события (землетрясения, перенесение мощей святых из одной местности в др., нашествия иноверных и др.).

Такой «Синаксарь» был переведен на церковнославянский язык как необходимое пособие для церковной службы (жития святых читались на утренней службе в церкви) и душеполезного чтения в монастырском быту (1 часть). Однако в рукописной традиции Древней Руси и у южных славян (в Болгарии, Сербии) византийский «Синаксарь» назывался Прологом: «Прологы списа 12 месяць (т. е. 2 книги за мартовское и сентябрьское полугодия) изложено жития святых отец и деанаи святых мученикъ». Считается, что свое название этот памятник письменности получил по ошибке, т. к. славянский переводчик принял название предисловия — «пролог» за название всей книги. Согласно др. версии, на христианском Востоке «прологом» считалось вступительное к богослужению чтение. Славянский Пролог отличался от греческого «Синаксаря» не только названием, но и тем, что к имеющимся греко-римским житиям и памятям были добавлены древнерусские и южнославянские жития и памяти святых. Это построенные по образцу синаксарных следующие сказания и памяти: Успение кн. Ольги (11 июля), Житие князей-мучеников Бориса и Глеба, убитых сводным братом Святополком (24 июля), Успение Феодосия Печерского, основателя Киево-Печерского монастыря (3 мая), Житие кн. Владимира, крестившего Русь (15 июля), Память Кирилла, просветителя славян (14 февр.). По тому же синаксарному образцу в Пролог были внесены некоторые события церковной жи-

ни Древней Руси, такие, как освящение церкви св. Георгия в Киеве (26 нояб.), перенесение мощей Феодосия Печерского (31 мая) и др.

По мнению исследователей, перевод греческого «Синаксаря» и пополнение его древнерусскими житиями были выполнены на Руси, откуда в к. XII в. Пролог перешел на Балканы и там впоследствии пополнился южнославянскими житиями и памятями святых. Тот факт, что и древнерусские и южнославянские жития и памяти святых сохранились и в древнерусских и в южнославянских рукописях Прологов, ученые объясняют тем фактом, что болгарская и сербская церковь признавала русских святых так же, как Русь признавала южнославянских и даже чешских (Житие кн. Вячеслава и матери его Людмилы).

В древнерусском Прологе после житий и памятей святых на каждый день года (в отличие от греческого «Синаксаря» и южнославянского Пролога) были помещены одно или два «поучения» или «слова», которые составлялись древнерусскими книжниками специально для сборника. Для этого извлекались отрывки из переводной житийно-повествовательной литературы, обрабатывались (сокращались, перефразировались), а затем книжники доводили их до нужного объема. Иногда составлялись и собственные произведения на морально-этические темы. Сюжетные рассказы из *патериков*, из византийского Жития Андрея Юродивого или из *Повести о Варлааме и Иоасафе* чередуются в Прологе с различного рода теоретическими увещаниями. Это предостережения о том, как избежать различных пороков (лжи, злословия, пьянства, осуждения), и наставления для достижения необходимых христианских добродетелей с помощью молитвы, поста, милостыни, смирения перед Богом. В Прологе помещено большое количество таких произведений, как анонимных, так и написанных именами Иоанна Златоуста, Василия Великого, Феодора Студийского. Чтение этой, учительной части Пролога было предназначено, по-видимому, для чтений во время монастырской трапезы. В данном случае необходимо было «легкое» и в то же время «полезное» чтение, которое не отвлекало бы монахов на «пустые» разговоры.

С XIV в. становится известна др. разновидность Пролога — стишная. Она была переведена на Балканах, но получила меньшую популярность в Древней Руси. В отличие от нестишного Пролога, сказания о святых здесь предваряются ямбическими стихами (похвалой).

Обе разновидности Пролога были положены в основу печатных изданий 1641.

Изд.: Литературный сборник XVIII в. Пролог. М., 1978.

Лит.: Петров Н. И. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (Иноземные источники). Киев, 1876; Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агиология. Владимир, 1901; Сперанский М. Н. К истории взаимоотношений русской и южнославянских литератур // Сперанский М. Н. Из истории русско-славянской литературных связей.; М., 1960; Мошин В. Периодизация русско-южнославянских культурных связей X—XV вв. / Труды отд. Древнерусской литературы. Т. 19. 1963.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 170—172.

С. Давыдова

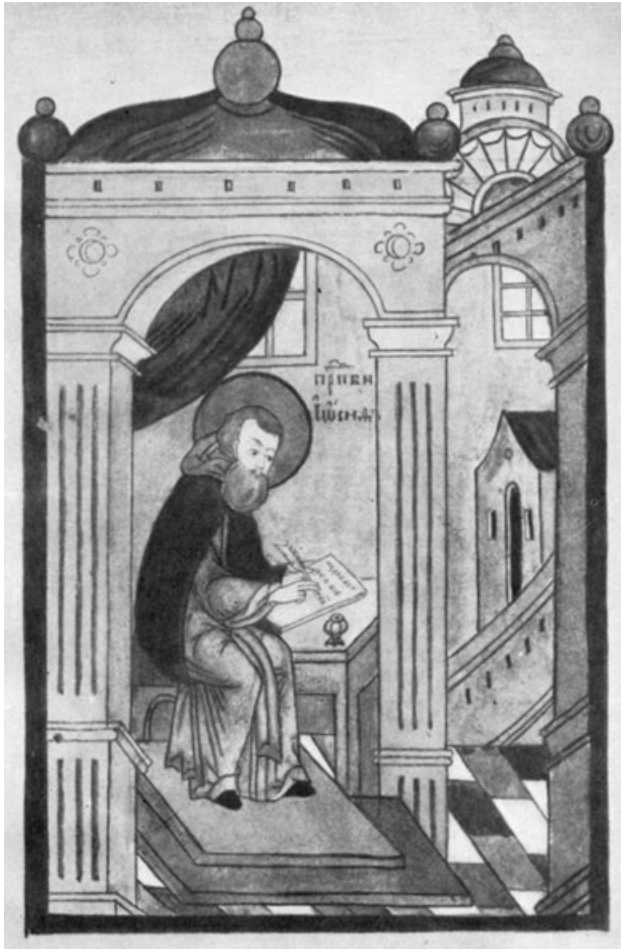
ПРОПП Владимир Яковлевич (17[29].04.1895—22.08.1970), филолог. Родился в Петербурге. С 1938 — профессор Ленинградского университета. Основные труды Проппа посвящены проблемам теории и истории фольклора. В книгах «Морфология сказки» (1928. 2-е изд., 1969) и «Исторические корни волшебной сказки» (1946) Пропп исследовал структуру, генезис и ранние этапы истории индоевропейских волшебных сказок. Ему принадлежат также фунда-

ментальные историко-сравнительные исследования *былин* («Русский героический эпос». 1955; 2-е изд., 1958), обрядового фольклора («Русские аграрные праздники». 1963) и др. фольклорных жанров. Пропп обосновал теорию, согласно которой былинный эпос возник задолго до начала образования Киевского государства, что он создавался при разложении родового строя.

Соч.: Эдип в свете фольклора // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Вып. 9. 1944; Былины. Т. 1—2. М., 1958 (совм. с Б. Н. Путиловым); Народные лирич. песни. Л., 1961; Фольклор и действительность // Русская литература. № 3. 1963; Жанровый состав рус. фольклора // Там же. № 4. 1964; Собрание трудов: Морфология // Исторические корни волшебной сказки. М., 1998; Русский героический эпос. М., 1999.

«ПРОСВЕТИТЕЛЬ», выдающееся произведение русской духовной мысли, созданное св. *Иосифом Волоцким* с целью борьбы с антихристианской сектой жидовствующих. Книга состоит из 16 слов.

В первом слове Иосиф Волоцкий занимается опровержением еретиков, «глаголющих, яко Бог Отец Вседержитель не имать Сына ни Святаго Духа единосущны и сопостольны Себе и яко несть Святыя Троица». Во втором слове

Иосиф Волоцкий.
Миниатура из лицевого списка «Просветителя», XVII в.

Иосиф опровергает еретиков, «глаголющих, яко Христос не родился есть, но еще будет время, егда имать родитися, а его же глаголют христиане Христа Бога, той простой человек есть, не Бог». Третье слово подвергает критике то мнение еретиков, по которому «закон Моисеев подобает держати и хранити и жертвы жрети и обрезыватися». В четвертом слове доказывается неосновательность мнения, исходя из которого еретики говорили: «Еда не можаше Бог спасти Адама и сущих с ним, еда не имаше небесные силы, и Пророки, праведники, еже послати исполнити хотение свое, но сам сниде, яко нестяжатель и нищ, и вочеловечився, и пострада, и сим прехитри диавола, не подобает убо Богу тако творити». В восьмом слове Иосиф защищает истинность отеческих писаний против ереси новгородских еретиков, утверждавших ложность писаний свв. отцов на основании того, что 7000 лет от сотворения мира прошло, а Христос во второй раз не явился. В девятом — защищает писания апостольские, подтверждая их истинность местами из Священного Писания, доказывая, что они внушены Святым Духом. В десятом — защищает от нападок еретиков писания Ефрема Сирина, в которых говорится, что творения его ложны. Здесь же приводятся доказательства из Священного Писания, что творения св. Ефрема истинны и соответствуют тому, что говорили пророки, евангелисты и апостолы. В двенадцатом слове Иосиф доказывает, что если святитель будет еретиком, если он не благословит или проклянет кого от православных, то его проклятие ни во что не вменится. Свои опровержения еретиков Иосиф основывает на Священном Писании, преимущественно Ветхом Завете, отцах Церкви, историках Церкви и даже светских писателях. В словах его виден ум светлый, последовательность, логичность изложения. Четвертое слово особенно отличается глубиной мысли, и специалисты справедливо называют его глубоко богословским сочинением.

Иосиф Волоцкий не щадит красок для описания жидовствующих. Еретики для него — скверный пси, змии, таящиеся в скважине, языки их скверны, уста мерзки и гнилы, они — люди нечистые, пьяницы и обжоры, в обществе они сеют сласти житейские, тщеславие, страсть к сребролюбию, сластолюбию и неправду. В частности, Схарию Иосиф Волоцкий называет диаволовым сосудом, протоппа Алексея — окаянным сатаниным сосудом, диаволовым ведром, еретика Истому — стаинником диавола, адовым псом. Но особенно обличает Иосиф Волоцкий митр. Зосиму. Он называет его окаянным, сквернителем, калом блудным, прескверным сатанюю, змием стоглавым, пищей вечного огня, новым Арием, злым Манентой, сатаниным первенцем, прескверным сквернителем др. sodomскими сквернами, пагубным змием, обжорой и пьяницей, по жизни свиньей, гонителем православных. Иосиф удивляется, как еще терпит земля таких. Из одного этого перечня названий видно, какими глазами Иосиф Волоцкий и русские люди того времени смотрели на жидовствующих. Это, по их понятию, самые безнравственные, самые вредные люди, которые стараются развратить общество и в религиозном, и в нравственном отношении.

П. Грандицкий

ПРОСКУРИН Петр Лукич (22.01.1928—2001), писатель и общественный деятель. Родился в крестьянской семье на Брянщине в пос. Косицы Севского р-на. Подростком пережил фашистское нашествие и был свидетелем многих славных подвигов и дел своих соотечественников по спасению, а затем и укреплению державы.

После службы в армии Проскурин работал на Камчатке лесорубом, шофером, сплавщиком, плотником.

Первый рассказ его «Цена хлеба» появился в газете «Тихоокеанская звезда». В 1960 в Москве выходит сборник его рассказов «Таяжная песня», а в Хабаровске — роман «Глубокие раны» (1960). В 1964 Проскурин заканчивает Высшие литературные курсы в Москве. В последующие годы в журналах и издательствах публикуются его романы: «Корни сближаются в бурю», «Горькие травы» (1964), «Исход» (1966), «Камень сердолик», «Судьба» (1972), «Порог любви», «Имя твое» (1977), «Отречение» (1987—90), повести: «В старых ракетах», «Черные птицы», «Тайга», «Полуденные сны», «Шестая ночь», сборники рассказов «Любовь человеческая», «Улыбка ребенка», «День смятения» и др.

В произведении Проскурина отражен сложный, созидательный и героический путь русского народа на протяжении всего трагического XX в.: духовный поиск русского человека на своем историческом пути, его стремление к созданию новых форм социального обустройства общества. Центральной темой его творчества стала Великая Отечественная война 1941—45, ее влияние на нравственное самосознание народа, укрепление патриотизма и духовной силы. Особый этап творчества Проскурина представляют его произведения последнего периода после распада Советского Союза. Романы «Седьмая стража», «Число зверя», книги повестей и рассказов «Азъ воздам, Господи», «Мужчины белых ночей», публицистические статьи и очерки характеризуются углубленным философским и психологическим проникновением в самые трагические противоречия, доходящие до хаотического состояния и распада в русской жизни послеперестроенной России, тяжко обретающей свой насильственно обрубленный исторический путь.

Соч.: Собр. соч.: В 5 т. М., 1981—83.

Лит.: Чалмаев В. Сотворение Судьбы. Творческий путь П. Проскурина. М., 1983.

И. Шевцов

ПРОХАНОВ Александр Андреевич (р. 26.02.1938), писатель, журналист, гл. редактор газеты «Завтра», один из ведущих прозаиков державного направления.

Родился в Тбилиси. Выходец из старинного и знатного рода русских молокан, которых еще *Екатерина Великая* сослала в Закавказье. Его дед И. С. Проханов — известный религиозный деятель, публицист н. XX в.

После окончания школы Проханов поступил в Московский авиационный институт им. Орджоникидзе, который окончил в 1960. Еще в институте начал писать стихи, а затем и прозу. Несколько лет проработал

инженером-ракетчиком. Создавал противотанковые снаряды. Уже тогда его жизнь делилась надвое: с одной стороны — увлечение космосом, высокими технологиями, военными операциями; с другой — прекрасное знание русского фольклора, древних русских *песен* и *плачей* XVI—XVII вв. Он увлекся путешествиями по русскому Северу, а затем и вообще резко поменял жизнь. Бросил свою любимую оборонку. Уехал работать лесником сначала в Карелию, а затем в Подмосковье. Стал активно печататься в «Литературной газете», в «Сельской молодежи». Как прозаик был под сильным влиянием А. *Платонова* и В. Набокова, но не стать их эпигоном помогло глубокое знание фольклора — магия древнерусских песен оказалась сильнее. Первые публикации А. Проханова высоко оценил Ю. Трифонов, написавший яркое предисловие к его книге «Время полдень». Член Союза писателей СССР с 1972. Его журналистская звезда взлетела после очерков с о. Даманский. Побывал во всех горячих точках планеты, где хоть в какой-то мере были задействованы советские военные специалисты: в Никарагуа, в Анголе, в Эфиопии, в Кампучии. В Афганистане пробыл в целом более года. Участвовал в боевых операциях. Он был певцом советской эпохи в тот период, когда начался ее закат. Он видел ее вершины, ее высшие достижения и потому стал в непримиримую оппозицию к разрушителям державы. Из соловья Генштаба он стал последним солдатом империи.

С 1985 секретарь правления Союза писателей России. С 1989 на короткий период стал гл. редактором журнала «Советская литература». С дек. 1990 гл. редактор газеты «День». Газета была задумана как орган Союза писателей, как еженедельная литературная газета, но в силу надвигающихся событий стала одним из центров русского национального сопротивления. В стенах редакции Прохановым было написано знаменитое «Слово к народу», ставшее идеологическим манифестом ГКЧП. Газету запрещали 3 раза, но окончательный ее разгром состоялся в окт. 1993. Тогда здание редакции было захвачено автоматчиками, а вся техника редакции разгромлена и уничтожена. Проханова по праву считают идеологом двух путей — 1991 и 1993. Под угрозой ареста в окт. 1993 ушел в леса, где скрывался у своего друга В. *Личутина* вместе с В. *Бондаренко* и Е. Нефедовым. Там же было принято решение выпускать новую газету. Ее назвали «Завтра». Газета стала ведущим органом патриотической оппозиции, в ее редколлегию входили В. *Распутин*, Т. *Глушкова*, В. *Клыков*, И. *Шафаревич*, С. *Куняев* и др.

Начиная с афганской войны, Проханов стал художественным летописцем трагического, переломного для России времени. Трагедии 1993 посвящен роман «Красно-коричневый», двум чеченским войнам — романы «Чеченский блюз» и «Идущие в ночи», 5 книг посвящено событиям в Афганистане. Последний его роман «Господин Гексоген» — это осознание трагедии, случившейся с русским народом в годы перестройки. Как Данте XXI в. он водит своего читателя по всем кругам современного ада. Роман многими критиками и писателями признан лучшим за последнее десятилетие в русской литературе. О прозе Проханова высоко отзывались В. *Распутин*, В. *Белов*, Ю. *Кузнецов*. И. Глазунов, Г. Зюганов, В. Варенников, Л. Рохлин, А. Макашов и др. видные писатели, художники и политики. Занятие литературой совмещает с выпуском газеты «Завтра» и с активным участием в современной политике России.

Соч.: Неопалимый цвет. М., 1972; Во имя твое. М., 1975; Отблески Мангази. М., 1975; Время полдень. Место действия. М., 1986; Избранное. М., 1988; Там в Афганистане. М., 1988; Шестьсот лет после битвы. М., 1990.

В. Бондаренко

ПРОХОР (? — 7.09.1328), епископ, предполагаемый автор Жития митрополита Петра и похвального ему слова.

Прохор упоминается в житии митр. Петра под 1327. «Князь Иван, написав та чудеса, и посла в град Владимирь ко святому собору, и, взем свиток, преподобный епископ Прохор взиде на анбол, и нача чести чудеса, бывшаа в граде Москве от гроба святого Петра митрополита», а второй извод первой редакции этого жития называется «Преставление Петра митрополита всея Руси, а се ему чтение Прохора епископа Ростовского». Это и дало основание предположить, что первоначальное Житие митрополита Петра написано Прохором. О жизни Прохора известно, что в 1311 он был поставлен в епископы Ростовские митр. Петром с 1326 по 1328, возможно, возглавлял Русскую церковь. В 1327 Прохор освятил собор в честь Успения Богородицы в Москве.

ПРЫЖОВ Иван Гаврилович (22.09[4.10].1827—27.07[8.08].1885), историк, этнограф, публицист. Из крестьян. Учился в Московском университете. Написал ряд работ по истории Великороссии и Малороссии, в которых особое внимание уделял истории народного быта. В работе «История кабаков в России в связи с историей русского народа» на богатом фактическом материале показал процесс спаивания простых русских людей еврейскими арендаторами кабаков. В работе «Нищие на Святой Руси» раскрыл духовно-нравственный характер нищенства в России.

ПСАЛЬМЫ (*греч.* — песнь под аккомпанемент арфы), народные песнопения, исполнявшиеся нищими и бродячими певцами (*кальки перехожие*) в деревнях Малороссии, Великороссии и Белоруссии в сопровождении музыкального инструмента (бандура, скрипица) или без музыки. Особенно популярны были на Руси псалмы о Лазаре и о царе Соломоне.

ПСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА отражала жизнь феодальной городской республики, руководимой псковским боярством. С XIII вплоть до XVI в. в Пскове велась своя местная летопись. Она отличалась лаконизмом, фактографичностью, в ее языке ярко отражается живая разговорная речь с характерными особенностями псковского диалекта.

С XV в. псковские летописи выходят за пределы местного областного материала. К этому времени относится интенсивное развитие книжной деятельности в Пскове, где переписываются Галицко-Волынская летопись, «Толковая Палея» и «Хронограф». Как полагают некоторые исследователи, здесь же был переписан и сборник, содержащий текст «Слова о полку Игореве». Косвенным доказательством тому служит рассказ Первой псковской летописи о битве под Оршей, отразившей стилистические особенности «Слова», а также надпись на Псковском апостоле 1307.

Стремление Пскова к политической самостоятельности отразилось в житии Всеволода-Гавриила, написанном Василием-Варлаамом к 1552. Культы Всеволода-Гавриила и Довмонта-Тимофея обосновывали политическую самостоятельность Пскова. Развернутое повествование о Довмонте-Тимофее возникает к н. XIV в. В повествовании переплетаются элементы агнографического стиля со стилем *воинской повести*.

В XVI в. Василий-Варлаам создает «Житие Ефросина Псковского» и «Житие Саввы Крыпецкого», Корнилий — «Повесть о Псково-Печерском монастыре».

Выдающимся произведением псковской литературы является повесть о «Псковском взятии» — рассказ о событи-

ях 1510: о потере Псковом самостоятельности и подчинении власти вел. князя Московского. Повесть сохранилась в 2 редакциях. Автор осуждает произвол московских властей, оплакивает падение независимости Пскова. Вместе с тем автор повести не видит иного выхода для Пскова, чем присоединение к Москве. В повести фактичность и документализм сочетаются с эмоциональной, публицистической и дидактической оценкой событий.

Изд.: Псковские летописи / Пригот. к печати А. Насонов. Вып. 1. М., 1941; Вып. 2. М., 1955.

ПУШКИН Александр Сергеевич (26.05[6.06].1799—29.01[10.02].1837), поэт. В родословной Пушкина скрестились несколько ветвей, уходящих в глубины русской истории и отмеченных многими именами участников важнейших событий в государственной жизни страны. В набросках своей автобиографии, в трагедии «Борис Годунов», в романе «Арап Петра Великого», в стихотворении «Моя родословная», в статьях и письмах Пушкин впоследствии будет часто вспоминать о них.

Детство Пушкина прошло в Москве. Нелюбимый ребенок в семье, он воспитывался французскими гувернерами, рано научился читать, свободно рылся в богатой библиотеке своего отца, Сергея Львовича Пушкина, не чуждого литературным занятиям и принимавшего в своем доме известных русских писателей: *Н. М. Карамзина*, *И. И. Дмитриева*, своего брата *Василия Пушкина*.

Рано научившись писать, отрок Пушкин нашел в огромной библиотеке отца массу атеистической и эротической французской литературы, с которой жадно стал знакомиться. Запойное чтение этой развращающей сердце литературы питало рано пробужденные чувственные страсти, а скептические и атеистические идеи, преподносимые

в ироническом и сатирическом освещении, развращали и юный ум.

Формально родители Пушкина не были чужды бытового Православия: они иногда служили молебны, приглашали на дом приходских священников, раз в год говели. Но случалось нередко, что после исповеди и причащения Святых Таин, вечером того же дня Сергей Львович (отец) или Василий Львович (дядя) декламировали кощунственные стихи Парни, в которых автор издевался над церковными таинствами и обрядами. В семье Пушкиных, как и во мн. др. подобных семьях того времени, вообще господствовало ироническое отношение к религии, к Церкви и духовенству. Т. к. непристойные насмешки по этому поводу часто облекали в остроумные и соблазнительно привлекательные формы, то ребенок Пушкин, имея живой и насмешливый ум и повышенную восприимчивость, быстро и прочно усвоил себе эту манеру, которая мутной струей прошла через его жизнь и творчество в течение многих лет.

С ранних лет отданный в руки гувернанток и гувернеров сомнительной нравственности, и к тому же часто менявшихся, лишенный родительского внимания и ласки, вполне предоставленный бесконтрольной соблазнительности в выборе чтения, рано узнавший из неосторожных разговоров взрослых в гостиной, в лакейской и в девичьей о том, что на языке этих взрослых называлось «любовью», отрок Пушкин был уже глубоко отравлен ядом кощунства, цинизма и скепсиса, надолго развративших его живое творческое воображение. Очень рано чуткое ухо отрока познакомилось с тем, что называется сквернословием, образцы которого, гл. обр. на русском языке (хотя дома говорили большей частью по-французски), он часто слышал. И привычка сквернословить долго и прочно держалась у Пушкина.

Все складывалось так, что Пушкин мог совершенно нравственно погибнуть. Но, к счастью, по милости Божией, даны были Пушкину и благие дары свыше; посланы были и добрые влияния на его жизненном пути, начиная даже с колыбели. Среди даров, посланных свыше, надо отметить врожденное большое доброе сердце, чрезвычайную самокритику, исключительную высочайшую и чистейшую эстетическую одаренность вообще и светлый поэтический гений в особенности, особую ясность творческого ума и мужественную волю. При наличии этих врожденных подарков с неба — невозможно было не стать Пушкину религиозным, невозможно было ему не откликнуться на благие влияния, зовущие к свету Божественной Истины, Добра и Красоты. Носителями таких благих и добрых влияний, посеявших в глубину глубин души Пушкина с ранних лет его детства и отрочества неумиряющие семена подлинно «разумного, доброго, вечного» — были: бабушка Мария Алексеевна Ганнибал, горячо и нежно любившая внука и, в свою очередь, любимая им; любимая няня Пушкина Арина Родионовна, дьякон Александр Иванович Беликов (окончивший *Славяно-греко-латинскую академию*), преподававший отроку Пушкину Закон Божий, русский язык и арифметику (с 1809 по 1811); и, наконец, дядька Никита Козлов, состоявший при Пушкине в детстве в Москве, затем, после окончания лицея, в Петербурге; был при Пушкине в ссылке на юге и в с. Михайловском; служил камердинером после женитьбы Пушкина и отвозил со своим баринском телом матери поэта из Петербурга в Святые горы, в н. февр. 1837 отвозил туда же гроб с телом самого поэта.

Бабушка Пушкина Мария Алексеевна Ганнибал (1745—1818), по общим отзывам, была очень умная и рассуди-

тельная женщина. *Дельвиг*, друг Пушкина, приходил в восторг от письменного слога Марии Алексеевны, от ее сильной простой русской речи. Когда ребенку грозило наказанием от отца или матери (часто незаслуженное, жестокое и даже несправедливое), то он убегал к защитнице-бабушке, где его уже не трогали. Бабушка и няня Арина Родионовна рассказывали младенцу и отроку Пушкину народные *сказки*, а чтобы он не страшился их — учили его молиться и креститься и сами его крестили. В стихотворении «Сон» (1816) Пушкин так об этом вспоминает:

Ах! Умолчу ль о матушке моей,

(трудно сказать, к кому это относится — к бабушке или к няне?)

О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвечах, о подвигах Бовы...

В 1806 Мария Алексеевна купила под Москвой село Захарово, в котором Пушкины проводили летнее время. С няней Ариной Родионовной (1758—1828) Пушкин особенно сблизился и глубоко ее оценил в годы вынужденного своего пребывания в с. Михайловском. Не знавший в детстве и юности материнской ласки, Пушкин относился к горячо любимой няне с истинной сыновней нежностью, трогательно называя ее в одном из своих стихотворений «голубка дряхлая моя». Лето, проведенное отроком Пушкиным в с. Захарово, всегда освежало юную душу глубокими впечатлениями русской деревенской природы.

После более чем достаточной домашней подготовки встал вопрос об определении 12-летнего отрока Пушкина в какое-нибудь привилегированное учебное заведение для продолжения образования. В это время шла борьба за влияние между иезуитами и масонами. На семейном совете сначала решено было отдать Пушкина в Петербургский закрытый пансион отцов-иезуитов, в котором воспитывалось много детей русских аристократов. Но планы эти неожиданно изменились. Стало известно, что под Петербургом, в Царском Селе, открывается новое привилегированное учебное заведение — Царскосельский лицей — на каких-то совсем новых началах и что попасть в этот лицей — великая честь.

Царскосельский лицей открылся 19 окт. 1811. На торжестве открытия присутствовал имп. Александр I, обе императрицы, вел. князья, члены Государственного совета, духовенство, министры, придворные и др. сановники. После кратких официальных речей И. И. Мартынова (директора департамента Министерства народного просвещения, одного из составителей лицейского устава) и директора лицея В. Ф. Малиновского с большим пафосом произнес речь профессор политических наук А. П. Куницын, окончивший свое образование в Германии, в Геттингенском университете. Интересно, что, кроме Куницына, получили образование в Геттингенском университете еще и др. профессора лицея: словесник А. И. Галич, математик Я. И. Карцев, историк И. К. Кайданов. Ближайшим помощником директора лицея был первое время проф. Н. Ф. Кошанский, окончивший философское отделение Московского университета. Он преподавал латинский язык и русскую словесность. Кошанский, как и Малиновский, тоже был масон. Все вышеуказанные профессора были ревнителями масонских традиций. Немецкий язык и немецкую словесность преподавал проф.

Ф. М. Гауеншильд, масон, при помощи которого Сперанский предполагал устроить специальную масонскую ложу, в которую хотел привлечь русских архиереев, склонных к реформации. Этот странный проект Сперанский не осуществил. Такой подбор преподавателей удовлетворял планам Сперанского, но министр народного просвещения гр. А. К. Разумовский в это время уже разочаровался в масонстве и, ставши поклонником иезуитов, почитал известного философа Жозефа де Мэстра, мечтавшего о насаждении в России католицизма. Но самым своеобразным преподавателем лица был его профессор французской литературы де Будри. Это был его псевдоним, а настоящей фамилия его была Марат, и он был родным братом знаменитого якобинца Марата. Законоучителем был назначен настоятель придворной церкви священник Н. В. Музовский. 21 янв. 1816 на место о. Николая законоучителем лица был назначен о. Гавриил Полянский. В сентябре того же года на место о. Гавриила был назначен священник Г. П. Павский (впоследствии известный враг митр. Филарета). Между прочим, выпускной экзамен по Закону Божию, состоявшийся 16 мая 1817, происходил в присутствии кн. Голицына (исправлял должность министра народного просвещения), архим. Филарета (Дроздова), впоследствии знаменитого Московского митрополита, архим. Иннокентия (Смирнова) и о. Герасима Павского.

Первый директор лица, В. Ф. Малиновский, окончил Московский университет. Интересно отметить, что он был автором книги «Рассуждение о мире и войне», в которой проводилась чисто масонская идея проекта вечного мира, при помощи международного трибунала наций, где должны были решаться все спорные вопросы международной политики.

Между прочим, в «Первой программе записок» (автобиографических) Пушкин упоминает: «Иезуиты. Тургенев. Лицей», а под датой «1811 год» пишет: «Мое положение. Философские мысли. Мартинизм». Из этого можно заключить, что Пушкин, по-видимому, до некоторой степени отдавал себе отчет о характере педагогической среды лица, где ему пришлось провести 6 лет.

Из всего вышесказанного о лицее следует признать, что это учебное заведение не могло не иметь нравственно и политически развращающего влияния. И недаром позднее Пушкин говорил: «Проклятое мое воспитание», вспоминая лицей.

23 марта 1814 скончался первый директор лица В. Ф. Малиновский. Во время похорон, на кладбище, у могилы В. Ф. Малиновского, Пушкин и Иван Малиновский (сын покойного) дали клятву в вечной дружбе.

Пушкин провел в лицее 6 лет (с 1811 по 1817). Окончил он по второму разряду, имея «отлично» только по русской и французской словесности и по фехтованию.

Чувство «дружбы» было особенно развито у Пушкина; оно как бы компенсировало ему недостаток родительской любви и ласки в прошлом. В лицее у него было много друзей: Пушкин, про которого он позднее писал: «Мой первый друг, мой друг бесценный»; Дельвиг, про которого после его смерти Пушкин писал Плетневу: «Никто на свете не был мне ближе Дельвига»; Кюхельбекер — поэт, с которым так смело и трогательно Пушкин обнялся, когда встретил его, перевозимого из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую; Иличевский — тоже поэт; Малиновский, с которым Пушкин поклялся быть в вечной дружбе и которого трогательно вспомнил перед кончиной; Матюшкин, ставший моряком и под конец жизни бывший контрадмиралом и сенатором, которому посвятил несколько теплых строк Пушкин в своем стихотворении «19 октября 1825»; Вольховский — первый ученик, окончивший с большой золотой медалью, пленивший Пушкина своей спартанской

воздержанностью и строгостью к себе; Яковлев — талантливый сочинитель романсов на слова Пушкина и Дельвига; Данзас — впоследствии секунданта Пушкина на последней дуэли; Корсаков; Горчаков, с которым, правда, дружба была лишь в стенах лица.

19 октября — день открытия лица — всегда торжественно праздновался; по окончании лица лицеисты обычно собирались ежегодно в этот день. Пушкин посвятил этому дню несколько стихотворений: в 1825, 1827, 1828, 1831 и 1836.

В Царском селе, в стенах лица, Пушкин начал писать свои первые стихи (детские опыты до нас не дошли). Когда «при кликах лебединых» (по выражению самого поэта), уединенному в аллеях царскосельского парка юноше «стала являться муза», он внимал ей всем существом: и душой и телом. И совершалось дивное и чудное чудо: «уродливый» Пушкин превращался в эти минуты в статного, стройного, изящного и красивого юношу. Раздвигались плечи, расширялась грудь, становились прекрасными походка и плавные движения рук, голова подымалась вверх, лицо преображалось, светлело внутренним восторгом, свидетельствуя о том, что поэт «приносит священную жертву Аполлону...» «Безобразный утенок» превращался в эти мгновения в «царскосельского лебедя». С годами эти метаморфозы стали случаться все чаще и чаще и каждый раз стали оставлять после себя глубокие следы: духовный рост поэта постепенно изменял весь его телесный облик.

Большую роль в деле умственного и нравственного развития лицеистов сыграла Отечественная война 1812. В лицейскую годовщину 1836 Пушкин так вспоминал об этом времени:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

В 1815, на лицейском акте, Пушкин прочитал свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» — в присутствии самого Державина. Пушкин сам об этом сообщает так: «Я прочел мои “Воспоминания в Царском Селе”, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческой зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом...»

Не помню, как кончил я свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении, он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли».

С этого замечательного дня можно считать, что юный Пушкин догнал своего великого учителя, самого крупного поэта XVIII в. — Державина. Эти стихи Пушкина не только равны державинским, но местами — совершеннее. Знаменитые строчки, где упомянут Державин, были следующие:

Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громкозвучных лир.

Тремя словами охарактеризована вся сущность формы державинских стихов.

В своем романе «Евгений Онегин», в 8-й главе, Пушкин, вспоминая лицейские годы, когда ему стала являться муза, говорит о ней:

Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья

Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

И свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Начитанность Пушкина при поступлении в лицей была поразительная. В лицее он продолжал так же много и жадно читать и за 6 лет учения, к концу курса, основательно ознакомился с историей литератур: античной, всеобщей (особенно французской) и русской (как XVIII в., так и н. XIX в.). Лицей был строго закрытое, с интернатом, учебное заведение, но в старших классах дисциплина значительно ослаблялась и лицеисты пользовались большой свободой в общении с внешним миром.

Лицейский период поэтического творчества Пушкина, с 1813 по 1817, можно охарактеризовать как ученический, как пробу сил, как пробу голоса, как расправление молодых крыльев, как искание и совершенствование поэтических форм, как прислушивание к пробуждающимся порывам того чудесного душевного состояния, которое он позднее назовет божественным вдохновением. Ведь поэт только что вышел из отроческого возраста и вступил в первую весну своей юности. «Весной, при кликах лебединых, / Близ вод, сиявших в тишине», стала являться ему муза, т. е. в душе Пушкина родился поэтический дар. Дар этот сделался неотъемлемой частью всей жизни поэта. Все мысли, чувства, настроения, стремления, страсти стали переплетаться с поэтическим даром. Живой по природе, игривый, насмешливый ум, взрывной темперамент, рано проснувшиеся чувственные страсти стали искать себе выражения в изящных музыкальных формах. Поэт мог бы сказать о себе словами Жуковского: «И для меня в то время было / жизнь и поэзия — одно».

Искренность, откровенность, прямотуше, непосредственность, честность и смелость натуры Пушкина привели к тому, что почти все поэтическое творчество лицейского периода превратилось в лирическую декларацию о своих недостатках и пороках. Анакреонтический дух этой лицейской лирики был обусловлен психологией творчества юного поэта, пожиавшего сладкие на вкус, но горькие по существу плоды порочной наследственности и порочного семейного воспитания. Только этими последними влияниями и можно объяснить наличие в лицейской лирике непристойных стихов: «К Наталье», «Монах», «Тень Фонвизина» и «Тень Баркова».

Главными учителями Пушкина в русской поэзии были Державин, Жуковский и *Батюшков*, затем *Крылов* и, в прозе, Карамзин. Огромное моральное влияние на Пушкина имел Жуковский, которого воистину можно назвать ангелом-хранителем поэта.

Лично Пушкин познакомился с Жуковским будучи еще лицеистом, в 1815, когда Жуковский приезжал в Царское Село. Впоследствии Пушкин так вспоминал о первой их встрече:

Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнийной струей
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела.

Несомненно, что в душе Пушкина, наряду с гнездившимися пороками, в глубине глубин его духа притаились и высокие добродетели, и светлые мысли, и чистые чувства, посе-

янные и тайно выпестованные добрыми влияниями бабушки и няни. Но если своими пороками и недостатками поэт вслух громко и заодно бравировал, то прекрасные ростки своих добродетелей он старался скрыть, бережно и тайно храня их от всех, как святая святых своей души. «Нельзя преувеличивать, — отмечал митр. Анастасий, — значение вызывающих антирелигиозных и безнравственных литературных выступлений Пушкина также и потому, что он нарочито надевал на себя иногда личину показного цинизма, чтобы скрыть свои подлинно глубокие душевные переживания, которыми он по какому-то стыдливому целомудренному внутреннему чувству не хотел делиться с другими <...> Казалось, он домогался того, чтобы другие люди думали о нем хуже, чем он есть на самом деле, стремясь скрыть “высокий ум” “под шалости безумной легким покрывалом”».

В 1817 Пушкин окончил лицей и после короткого пребывания в с. Михайловском и в с. Тригорском (где он познакомился и подружился с семьей помещицы П. А. Осиповой) поселился в Петербурге. Уезжая из с. Тригорского, он написал стихотворение «Простите, верные дубравы», которое заканчивается так:

Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

Последние слова чрезвычайно характерны для Пушкина: в нем самом было это редкое гармоничное сочетание эстетической одаренности и ума. В стихотворении 1825 «Вакхическая песня» Пушкин вновь повторил эту же мысль: «Да здравствуют музы, да здравствует разум!»

Период жизни Пушкина с 1818 по 1820 — это период «Зеленой лампы». (Название случайное: друзья Пушкина собирались у Н. В. Всеволожского, у которого дома была зеленая лампа). Всеволожский был сыном камергера, богач. Служил вместе с Пушкиным в Коллегии иностранных дел. «Лучший из минутных друзей моей минутной молодости» — так иронически-грустно отзывался о нем впоследствии Пушкин. У Всеволожского собирались для кутежей, попок, картежной игры, легких бесед, но иногда тут поднимались и политические разговоры, инспирируемые проникавшими на эти собрания членами тайных обществ (С. Трубецкой, Я. Толстой, Ф. Глинка и др.). В жизни Пушкина этот период «Зеленой лампы» был периодом нравственных падений и политических заблуждений. Но чуткая душа поэта нашла в себе силы вылезти из нравственного болота, и символом этой победы явилось стихотворение «Возрождение» (1819).

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит.
И свой рисунок беззаконный
На ней бессмысленно чертит.
Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.
Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

Пушкин падал, но раскаивался и подымался. Пушкин грешил, но грехов не забывал и мучился при воспоминании о них. Чрезвычайно характерно в этом отношении стихотворение «Воспоминание», написанное в 1828. В нем имеются такие покаянные строки:

Воспоминание безмолвно предо мной
 Свой длинный развивает свиток;
 И, с отвращением читая жизнь мою,
 Я трепещу и проклинаю,
 И горько жалуясь, и горько слезы лью,
 Но строк печальных не смываю.

Первым большим по объему произведением Пушкина была поэма «Руслан и Людмила». Начата эта поэма была еще в лицее, в 1817; продолжал он писать ее в с. Михайловском (во время летнего пребывания) и в Петербурге, в период «Зеленой лампы», среди самой рассеянной жизни. Окончена эта поэма была на Страстной неделе в Великую пятницу 26 марта 1820. Эпизод поэмы был написан позднее, 26 июля 1820, уже на Кавказе. Пролог («У лукоморья дуб зеленый») был написан еще позже, в с. Михайловском.

26 марта (в день окончания поэмы) Жуковский подарил Пушкину свой портрет с трогательной искренней надписью — «Победителю-ученику от побежденного учителя». Это была правда: в 1820 Пушкин уже превзошел своего учителя — Жуковского (первого учителя — Державина он превзошел еще в лицее). В это же время и Батюшков (третий учитель Пушкина) признал превосходство поэта и воскликнул: «Злодей, как он стал писать!»

В этот же период своей жизни (т. е. от окончания лицея до окончания «Руслана и Людмилы», с 1817 по 1820) Пушкин написал много т. н. «вольных стихов» (*ода* «Вольность», «Деревня», эпиграммы на имп. Александра Павловича, на Аракчеева, на архим. Фотия, на кн. Голицына, на Карамзина и др.), следствием чего и явилась ссылка поэта на юг России.

Но если эпиграммы подчас были и грубы, и неприличны, и вульгарны, и дерзки, и несправедливы, то в оде «Вольность» были и умные, и правдивые, и справедливые строки, как напр.:

Владыки! Вам венец и трон
 Дает Закон — а не природа, —
 Стоите выше вы народа,
 Но вечный выше вас Закон.

Конечно, «вечный», т. е. религиозно-нравственный закон — выше всего.

И горе, горе племенам,
 Где дремлет он неосторожно,
 Где иль народу, иль царям
 Законом властвовать возможно!

Т. е. где царь или народ не исполняет этого вечного закона.

И днесь учитесь, о цари:
 Ни наказания, ни награды.
 Ни кров темниц, ни алтари
 Не верные для вас ограды.
 Склонитесь первые главой
 Под сень надежную Закона,
 И станут вечной стражей трона
 Народов вольность и покой.

В «Деревне» — тоже имеются искренние, правдивые строки законного возмущения несправедливостью:

Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
 Присвоило себе насильственной лозой
 И труд, и собственность, и время земледельца.
 <...> Здесь девы юные цветут
 Для прихоти бесчувственной злодея.

А конец стихотворения — умен, благороден и правдив:

Увижу ль, о друзья! Народ неугнетенный
 И рабство, падшее по манию Царя,
 И над отечеством свободы просвещенной
 Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Невольно вспоминается дивная народная русская песня, созданная в год освобождения крестьян, в 1861, когда законное чаяние Пушкина именно так и осуществилось:

Ах ты, воля, моя воля,
 Воля чудная моя;
 Воля сокол поднебесный,
 Воля светлая заря,
 Не с зарей ли ты спустилась,
 Не во сне ли вижу я,
 Знать, горячая молитва
 Долетела до Царя.

Если период «Зеленой лампы», период нравственных падений завершается покаянным настроением (стихотворение «Возрождение»), то и период бурных политических страстей (под влиянием атмосферы «декабрьского движения») не целиком захватывал поэта, что видно из др. произведений этого же периода. В 1818 Пушкин написал, в ответ на предложение фрейлины Н. Я. Плюсковой, следующее стихотворение в честь ее Императорского Величества Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны.

На лире скромной, благородной
 Земных богов я не хвалил
 И силе, в гордости свободной,
 Кадиллом лести не кадил.
 Свободу лишь учаю славить,
 Стихами жертвуя лишь ей,
 Я не рожден царей забавить
 Стыдливой музою моей.
 Но, признаюсь, под Геликоном,
 Где Касталийский ток шумел,
 Я, вдохновенный Аполлоном,
 Елисавету тайно пел.
 Небесного земной свидетель,
 Воспламененною душой
 Я пел на троне добродетель
 С ее приветственной красой.
 Любовь и тайная свобода
 Внушали сердцу гимн простой,
 И неподкупный голос мой
 Был эхо русского народа.

Эта свободная независимость личных суждений и оценок чрезвычайно характерна для Пушкина. Пушкин никогда не был и не мог быть партийным, а потому и политические его оценки носили нравственный характер. Смелое прямодушие заставляло его мужественно защищать справедливость, на чьей бы стороне она ни была.

С особым глубоким подъемом и покаянной искренностью написано знаменитое стихотворение Пушкина, посвященное митр. Филарету:

В часы забав иль праздной скуки,
 Бывало, лире я моей
 Вверял изнеженные звуки
 Безумства, лени и страстей.
 Но и тогда струны лукавой
 Невольно звон я прерывал,
 Когда твой голос величавый
 Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой, кроткой и любовной,
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

(Первоначальный текст, измененный по требованию цензора, был таков:

Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.)

Едкие и грубые эпиграммы на Аракчеева, архим. Фотия, на министров, на крупных сановников, даже на самого государя («Сказки») в большом количестве списков распространялись среди населения. Появилось много антиправительственных стихов, написанных не Пушкиным, но ходивших по рукам под именем пушкинских. Правительство имп. Александра I решилось, наконец, принять меры. Последней каплей, переполнившей чашу снисхождения, была, по-видимому, эпиграмма на Аракчеева. Государь чрезвычайно разгневался. Тучи над головой Пушкина сгустились. Поэту грозила ссылка в Сибирь или в Соловецкий монастырь. Друзья Пушкина не на шутку встревожились и начали хлопотать. Жуковский, *Вяземский*, Тургенев, Гнедич, Ф. Глинка, затем Васильчиков, директор лицея Энгельгардт, президент Академии художеств и директор публичной библиотеки Оленин и, наконец, сам Карамзин — своими ходатайствами смягчили имп. Александра.

Пушкина вызвал к себе генерал-губернатор гр. Милорадович. Поэт был предупрежден друзьями о том, что у него будет обыск, и уничтожил все бумаги. При беседе с Милорадовичем Пушкин сказал: «Граф! Все мои стихи сожжены! — у меня ничего не найдется на квартире: но, если Вам угодно, все найдется здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги, я напишу все, что когда-либо было написано мною (разумеется, кроме печатного), с отметкою, что мое и что разошлось под моим именем. Подали бумаги. Пушкин сел <...> и написал целую тетрадь». Все это лично сам Милорадович рассказал Ф. Глинке. В заключение Милорадович сказал: «Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою обхождения». Все это смягчило гнев государя. Наказание оказалось сравнительно мягким.

Пушкин был переведен на службу в канцелярию главного попечителя колонистов Южного края, генерала И. И. Инзова, находившуюся тогда в г. Екатеринославе. При этом по Высочайшему повелению Пушкину было выдано на проезд 1000 руб.

Объективное, честное изучение обстоятельств высылки Пушкина на юг России заставляет признать: 1) Пушкин был виновен, и Правительство не могло не принять мер против него; 2) Пушкин, несомненно, заслуживал большого снисхождения, и Правительство ему это снисхождение в высшей степени оказало.

Благое провидение было очень милостиво по отношению к Пушкину. Генерал Инзов оказался прекрасным че-

ловеком. В молодости он некоторое время был масоном, но позднее отрезвел. Он искренно полюбил поэта и отечески о нем заботился.

По приезде в Екатеринославу Пушкин простудился и заболел. В это время через Екатеринославу проезжал прославленный герой войны 1812 генерал Н. Н. Раевский со своей семьей (сыном и двумя дочерьми). Сын генерала, молодой Николай Раевский, был другом Пушкина. Раевские попросили генерала Инзова отпустить поэта с ними в путешествие по Кавказу и Крыму. Во время этого путешествия Пушкин особенно отметил и чрезвычайно высоко оценил младшую дочь Раевского Марию Николаевну, бывшую тогда почти девочкой. Мария Волконская, несомненно, является одним из прообразов Татьяны Лариной («Евгений Онегин»). Ей же, по-видимому, посвящена и поэма «Полтава».

Пока Пушкин путешествовал (с конца мая по 2 сент. 1820), генерал Инзов был переведен в г. Кишинев. Начался кишиневский период жизни Пушкина. Его можно назвать повторением периода «Зеленой лампы», причем нравственные падения поэта на этот раз были еще глубже и страшнее. Но и муки совести были не меньше. Безделье, кутежи, карты, попойки, ссоры, дуэли, увлечения женщинами — вот канва его внешней жизни. А одновременно с этим, в глубине глубин его души шла мучительная внутренняя борьба и зрели творческие силы.

Самым огромным грехом этого периода жизни и, можно определенно утверждать, что самым огромным грехом всей его жизни была кощунственно-циничная поэма «Гавриилиада», написанная в апр. 1821, облеченная в изящную форму, что делало грех поэта особенно тяжким. Хотя не имеется ни одной строчки этой поэмы, написанной рукой Пушкина, но имеется собственноручно им написанный план ее. Как известно, поэт отрекался от нее всю жизнь. Когда позднее, в 1828, было начато по этому поводу следствие и от Пушкина требовали точных сведений о том: когда, где, при каких обстоятельствах, через кого он познакомился с этой поэмой, — поэт попросил разрешения лично, в закрытом конверте, передать письмо самому государю. После этого, по распоряжению имп. Николая Павловича, дело было прекращено. Не может быть никакого сомнения в том, что Пушкин во всем признался государю, но искренно и убедительно высказал свое глубокое искреннее раскаяние.

Из Кишинева Пушкин несколько раз приезжал в с. Каменку Киевской губ., в большое богатое поместье Е. Н. Давыдовой, по первому браку — Раевской. Ее сыновьями были: знаменитый генерал Н. Н. Раевский (старший) и А. Л. и В. Л. Давыдовы. С последним Пушкин познакомился в Кишиневе и был в приятельских отношениях. В. Л. Давыдов был одним из деятельнейших членов Южного тайного общества. В Каменку ежегодно съезжались для совещания члены этого общества. На один из этих съездов попал и Пушкин. Он не знал о существовании тайного общества, но догадывался о нем. Беседы с заговорщиками, особенно с председателем собрания В. Л. Давыдовым, не могли не действовать на Пушкина развращающим образом, как в политическом, так и в религиозно-нравственном отношении. Именно этими влияниями и можно объяснить те кощунственные стихотворения, которые в это время написал Пушкин одновременно с «Гавриилиадой». Особенно цинично-кощунственное стихотворение, прямо и посвященное В. Л. Давыдову, написано было на Страстной неделе Великого поста 1821, после исповеди и причащения Святых Таин. Закачивалось это стихотворение восхвалением восстания и восклицанием:

Ужель надежды луч исчез?
 Но нет! — мы счастьем насладимся,
 Кровавой чаши причастимся —
 И я скажу: «Христос воскрес».

Не случайно именно к этому периоду жизни Пушкина принадлежит попытка «вольных каменщиков» втянуть поэта в масонскую ложу «Овидий» (1821). К счастью поэта, эта ложа вскоре была закрыта, так и не начав работать, и ни о каких связях Пушкина с масонами в дальнейшем ничего не известно. Подробно исследовавший этот вопрос Г. Чулков («Жизнь Пушкина, М., 1938) пришел к следующему заключению, с которым нельзя не согласиться: «Пушкин был плохим масоном. Если бы ложа не была закрыта, он все равно покинул бы ее».

В июле 1823 генерал Инзов сдает свою должность гр. М. С. Воронцову, имевшему своей резиденцией, как Новороссийский генерал-губернатор, Одессу. Туда же переезжает и Пушкин, начиная служить под новым начальством Воронцова. Между гордым сановником-бюрократом и вспыльчивым самолюбивым поэтом не могло не получиться глубоких конфликтов, осложненных еще и романом Пушкина с женой Воронцова — гр. Е. К. Воронцовой. Роман этот был серьезный и очень глубокий, оставивший свои следы на всю жизнь Пушкина и вдохновивший его на несколько прекрасных лирических стихотворений.

В результате многих столкновений по настоячивой просьбе гр. Воронцова Пушкина высылают из Одессы и, по высочайшему повелению имп. Александра Павловича, отправляют в с. Михайловское, Псковской губ., под надзор местных властей. Был и еще один повод к такой перемене в судьбе поэта. В конце своего пребывания на юге он имел одну большую неприятность, которая могла бы для него кончиться очень тяжело и которая, в конце концов, и привела его к высылке из Одессы и к продлению ссылки в с. Михайловском. В марте 1824 поэт написал одному своему приятелю: «Ты хочешь знать, что я делаю? Пишу пестрые строфы романтической поэмы и беру уроки чистого атеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов тысячу, чтобы доказать, что не может существовать разумный Творец и Промыслитель, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но к несчастью, более всего правдоподобная». Это письмо было перлюстрировано и попало в канцелярию Новороссийского генерал-губернатора, в папку с делом «О высылке из Одессы в Псковскую губ. коллежского секретаря Пушкина».

Несколько раз, и будучи в Одессе, и живя в с. Михайловском, он собирался бежать за границу.

31 июля 1824 Пушкин уезжает из Одессы.

За 4 года пребывания на юге России он написал свои т. н. «байронические поэмы»: «Кавказский пленник» (1821), «Братья разбойники» (1822), «Бахчисарайский фонтан» (1823), вышеуказанную поэму «Гавриилиада» и стих «Кн. В. Л. Давыдову» (1821), первые две главы «Евгения Онегина» (1823) и начал писать поэму «Цыганы». Кроме этого, он написал ряд прекрасных стихотворений, среди которых особенно замечательны «Редет облаков летучая гряда», «Муза», «Песнь о вешем Олеге», «Демон» и «К морю». Последнее стихотворение (запечатленное в картинах Айвазовского и Репина) представляло собою прощание поэта с Черным морем, с событиями жизни в Одессе и воспоминание о смерти Наполеона (1821) и Байрона (1824). Зародившееся на берегу моря, это стихотворение написано было уже в с. Михайловском. Заканчивалось оно так:

Прошай же, море. Не забуду
 Твоей торжественной красоты
 И долго, долго слышать буду
 Твой гул в вечерние часы.
 В леса, в пустыни молчаливы
 Перенесу, тобою полн,
 Твои скалы, твои заливы,
 И блеск, и шум, и говор волн.

В период пребывания на юге Пушкин познакомился с творчеством Байрона, одно время увлекся его личностью и высоко ценил его творения, а затем стал к нему охладевать, замечать его недостатки как драматурга и как человека. Трехлетнее увлечение Байроном еще в Одессе сменилось интересом к Шекспиру. Постепенно Пушкин начал все более и более серьезно изучать величайшего английского писателя и проникаться глубочайшим к нему уважением.

Кишиневский и одесский периоды жизни Пушкина не были только периодами его нравственных падений. После падений были периоды раскаяний, а затем и духовные взлеты. Шла борьба. Медленно, со срывами, но неуклонно рос поэт как личность, а вместе с этим росло и его творчество. Ранняя, еще с отрочества, привычка к запойному чтению продолжалась и в годы изгнания. Он находил время для чтения и жадно и много читал. К изучению Шекспира Пушкин приступил уже с обширными и глубокими знаниями русской и всемирной истории, огромной начитанностью в области всеобщей литературы и с глубоким интересом к политической философии.

9 авг. 1824 Пушкин приехал в Михайловское. Там его встретила няня Арина Родионовна и вся семья Пушкиных. Отношения между поэтом и его отцом, Сергеем Львовичем, резко и бурно испортились. 29 окт. между отцом и сыном произошла ссора.

Вскоре после этого вся семья Пушкиных уехала из Михайловского в Петербург, и поэт остался в деревне один, с няней Ариной Родионовной (3 нояб. уехал брат Лев Сергеевич, 1-го — сестра Ольга Сергеевна, а 17-го — родители). По соседству с Михайловским было с. Тригорское, где жила помещица П. А. Осипова с дочерьми. Все они очень любили и ценили Пушкина и как поэта и как человека. Пушкин часто бывал у них. А дома няня рассказывала ему сказки, которые теперь он уже мог очень высоко оценить. Наступила осень — время года, которое особенно любил Пушкин. После шумной и суетной жизни в Кишиневе и Одессе — уединение и тишина деревни действовали успокоительно. В нояб. поэт написал брату Льву Сергеевичу о своей жизни: «До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого моего воспитания. Что за прелесть эти сказки. Каждая есть поэма».

Пушкин начал усиленно работать. Продолжая писать «Евгения Онегина», он 2 окт. закончил 3-ю главу, а 10 окт. закончил поэму «Цыганы». Но главная работа была над «Борисом Годуновым». Тщательное изучение Шекспира привело его к желанию написать трагедию в шекспировском духе и стиле. Изучение «Истории» Карамзина (в это время он изучал 10-й и 11-й тома «Истории Государства Российского») дало поэту нужный сюжет. Изучение «Летописей» обогатило его душу дивными образами древнерусской монастырской жизни. В 5 верстах от Михайловского находился Святогорский монастырь. Туда часто стал ходить Пушкин и многому там научился.

11 янв. 1825 благое Провидение доставило поэту нечаянную радость: его навестил верный, любящий и любимый лицейский друг — И. И. Пущин. Радости не было конца. Пущин привез Пушкину в подарок список «Горе от ума» Грибоедова. Друзья прочли эту замечательную комедию

вслух. «Половина пойдет в половицы», — пророчески оценил пьесу Пушкин. После ужина гость должен был ехать. Приятели выпили шампанского; прощаясь, крепко обнялись, и — больше никогда уже не свиделись... Но в русской литературе навсегда остался след этой встречи, прекрасные стихи Пушкина:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный
Твой колокольчик огласил.
Молю святое Провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Поэма «Цыганы», законченная Пушкиным в Михайловском 10 окт. 1824, представляет собой произведение огромной идейной и художественной ценности. Если «байронические» поэмы Пушкина, написанные еще на юге России, по своему поэтическому и психологическому содержанию уже приближались к байроновским, то поэма «Цыганы», несомненно, выше всех поэм Байрона. Устами старого цыгана Пушкин развенчал байронизм и дал великому английскому поэту нравственный урок. Еще в 1818 кн. Вяземский в стихотворении «Толстому» дал точную психологическую характеристику «байронического» героя:

...Которого душа есть пламень,
А ум — холодный эгоист;
Под бурей рока — твердый камень!
В волненьях страсти — легкий лист!

Пушкин же воплотил эту психологическую формулу в живой убедительный образ Алеко, подчеркнув (словами старого цыгана) еще и этическую сущность этого героя:

Оставь нас, гордый человек!
.....
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли...

Сравнивая Байрона с Шекспиром, Пушкин говорит: «Как Байрон-трагик мелок перед ним».

В 1825 была закончена трагедия «Борис Годунов». Поэт сам ее высоко ценит и любил. Работал над ней долго, усердно, упорно, тщательно изучая эпоху. Много читал. «Книг, ради Бога, книг» — постоянный его вопль в письмах к брату. За 2 года пребывания в Михайловском он собрал столько книг, что при переезде, после окончания ссылки, в Москву ему понадобилось на перевозку 35 огромных ящиков.

В эпоху создания этой трагедии Пушкин достиг полной зрелости своего дарования. В июле 1825 он писал Н. Н. Раевскому: «Я чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития и что я смогу творить».

Пушкин сам указывает те влияния, под которыми слагалась его трагедия. «Шекспиру подражал я в его вольном и широком изображении характеров, в необыкновенном составлении типов и простоте. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий; в Летописях старался угадать образ мыслей и язык того времени».

Все это удалось поэту в высшей степени. Трагедия «Борис Годунов» равна шекспировскому творчеству. Гений Пушкина в этом произведении достигает гения Шекспира. Творческое напряжение при работе совершенно исключи-

тельное. Знаменитый монолог Пимена Пушкин писал много часов, в самозабвении, почти не дыша, ни на минуту не отрываясь от своей творческой работы. Зато когда кончил и перечел написанное, пришел в восторг от глубокого удовлетворения (что бывало редко), стал бегать по комнате и хлопать в ладоши.

Вот эти замечательные строки:

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безмянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет, —
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

Особенно знаменательны последние две строчки, которые последними двумя чертами заканчивают целостный дивный образ древнерусского историка-летописца. Смысл этих строк ясен и прост: за темные деяния царей надо не революции и бунты устраивать, а умолять Спасителя.

Характеры всех остальных лиц этой трагедии: Бориса Годунова, Самозванца, Марины, Шуйского и др., — даны полно, цельно, в диалектической динамике и их личных переживаний, и их взаимоотношений друг с другом.

В известном монологе царя Бориса:

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. —

имеется одна замечательная мысль:

Ах! Чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.

Что это значит? Если у человека чистая совесть, то он сможет достойно и мужественно перенести все скорби. Нечистая же совесть роковым образом лишает человека возможности получить просветление скорби, и он впадает или в жесточение, или в отчаяние.

Свой монолог Борис Годунов заканчивает словами:

Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Огромную, решающую роль в этой прекрасной трагедии играет невидимый главный герой — народ, народная совесть. Потрясающее впечатление производит конец этой трагедии: «Народ безмолвствует».

В том же 1825 Пушкиным написана «Сцена из Фауста». По преданию, она дошла в переводе на немецкий язык к самому Гёте, который прислал в подарок Пушкину свое перо. Эта сцена замечательна тем, что на пяти страницах дает полный, образный, ясный и яркий конспект-резюме всего «Фауста» Гёте. Такой лапидарности, такой сжатости, такого «сгущения мысли в слове» (слова А. А. Потебни) у Гёте не было. В этом отношении Пушкин оказался сильнее Гёте.

В письмах поэта из с. Михайловского часто встречаются жалобы, что ему в деревне скучно. Но позволительно очень и очень усомниться в этой «скуке». Во время творческой работы над «Цыганами», «Борисом Годуновым» и «Евгением Онегиным» (которого он настойчиво продолжал писать) автор не мог скучать.

В апр. 1825 в Михайловское приехал второй близкий друг Пушкина — Дельвиг. Он раньше всех и понял, и оценил исключительный гений Пушкина. Осенью того же 1825 в своем стихотворении «19 октября» Пушкин посвятил Дельвигу несколько глубоко искренних и проникновенных дружеских строк:

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел;
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Осенью же 1825 Пушкин имел встречу и с третьим приятелем, бывшим лицеистом кн. А. М. Горчаковым, который, будучи уже и в то время известным дипломатом (первый секретарь посольства в Лондоне), приехал навестить своего родственника Пещурова, в с. Лямоново, недалеко от Михайловского. Узнав об этом, Пушкин немедленно прискакал на лошади навестить приятеля. При встрече поэт прочитал ему часть трагедии «Борис Годунов», которую Горчаков, конечно, не мог оценить. Пушкин написал об этой встрече своему другу кн. Вяземскому: «Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере с моей стороны». Но позднее, в элегии «19 октября 1825 г.» он отозвался об этой встрече мягче:

Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись,
Но незначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

В этой же прекрасной элегии Пушкин вспомнил и др. лицейских товарищей, выпил за их здоровье в одиночестве. Добрым словом он помянул и своих бывших наставников:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честно, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Последняя строчка так характерна для беззлобного, незапамятного, великодушного Пушкина. Он был вспыльчив, взрывчив, но отходчив, и умел так легко и просто прощать.

В конце своей элегии Пушкин, заглядывая в отдаленное будущее, когда один за другим сойдут в могилу все лицеисты его выпуска, спрашивает:

Кому из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

И советует:

Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

Последним, оставшимся в живых лицеистом был доживший до глубокой старости и достигший высших чинов, орденов, положения и знаменитости министр иностран-

ных дел, государственный канцлер, дипломат, глава русской делегации на Берлинском конгрессе 1878, светлейший кн. А. М. Горчаков.

Второй год пребывания Пушкина в Михайловском начал, наконец, сильно тяготить поэта. Вполне развернувшейся и расцветшей поэтической душе его становится тесно и трудно жить в глухой, занесенной снегом, деревне, без общения с умными друзьями, без достаточного количества и качества книг, которые можно было найти только в столичных библиотеках. Он не в силах больше переносить изгнание; он мечтает бежать за границу, в Париж, в Лондон, серьезно обдумывает план бегства. Его друзья хлопочут о помиловании опального поэта. Тем более что теперь Пушкин уже не тот, который был выслан из Петербурга на юг. Много и глубоко он продумал в своем вынужденном одиночестве о социально-политических вопросах, о сущности западной культуры, о неисповедимых судьбах России. Многие открыл ему «Колумб русской истории» Карамзин, многому научился он у великого Шекспира. И о смысле истории, о философии истории он начинает думать совсем иначе, чем думали его недавние друзья-вольнодумцы. «Думы» Рылеева кажутся теперь ему уже не слишком глубокими. Пушкин теперь уже не верит, что грубость, жестокость, мрачно невежество легко устранить, изменив только политическую систему.

В это время умирает имп. Александр I, и на престол после некоторой заминки, обусловленной отречением от престола вел. кн. Константина (официального наследника), вступает новый имп. Николай I. Затем в с. Михайловское приходит известие о бунте 14 декабря. Имеются непроверенные слухи о том, что Пушкин, сгоряча, поехал было самовольно в Петербург, но будто бы ему перебежал дорогу заяц, и, склонный к суеверию, поэт вернулся обратно. Рвануться ехать в Петербург, может быть, Пушкин и мог, но рассудительность зрелого поэта должна была его остановить. Скоро пришло известие и о подавлении восстания. Пушкин понял, что многочисленные личные связи со многими декабристами могли и его самого втянуть в орбиту суровой кары. Но ведь в тайных обществах он не состоял, политической связи у него с заговорщиками фактически не было. Однако было ясно, что личная судьба поэта висела на волоске. Но, может быть, новый император во всем этом разберется? Слава Пушкина как замечательного поэта распространилась не только по всей России, но перешла и за ее пределы. Во многих журналах Франции, Германии, Англии и др. стран мира имя Пушкина уже стало известно. Недаром и Гёте прислал ему свое перо. И вот Пушкин снова взывает к своим друзьям о помощи. «Вероятно, Правительство удостоверилось, — пишет он Жуковскому, — что я к заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел». Зная неподкупную совесть Пушкина, зная его прямую, честную, смелую, правдивую, мужественную и открытую натуру — нельзя сомневаться, что каждое слово этого письма было искренним и честным. Если бы он был во время восстания в Петербурге, он мог бы заразиться безрассудным настроением своих легкомысленных горячих друзей и под минутным порывом солидарности с ними попасть на Сенатскую площадь. Но Благое Провидение удержало его в Михайловском.

В сер. февр. 1826 Пушкин пишет Дельвигу как всегда искренно и прямо: «Никогда я не проповедовал ни возмущения, ни революции — напротив... Как бы то ни было, я желал бы вполне и искренно помириться с Правительством... Не будем ни суеверны, ни односторонни, как французские трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шек-

спира...» Под этим Пушкин подразумевал глубину и широту исторического и политического кругозора, умение рассматривать совокупность многообразных фактов как целое и оценку исторических лиц и событий с высшей точки зрения философии истории (историософии).

«Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, — пишет он Жуковскому, — я храню его про себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости». Приблизительно в таком же смысле было написано Пушкиным письмо самому новому императору. Ответа долго не было, и поэт этим очень тревожился. «Жду ответа, но плохо надеюсь», — писал он Вяземскому 10 июля. «Бунт и революция мне никогда не нравились — это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков».

В это поистине страшное время Пушкин усиленно читает Библию, глубоко вдумывается в сокровенный смысл этой Великой Святой книги. Размышляет он, как и подобает поэту, в образах. Поэт и мыслитель сливаются воедино. Размышляет он и о мире, и о своей душе, и о трагедии мировой истории, и о трагедии своей души. И если на трагедию мира он смотрит глубоким взглядом Шекспира, то на трагедию своей собственной души он смотрит глубже Шекспира. Свои грехи он начинает понимать как одержимость, как закон тела, «противоборствующий законам его ума», и жаждет помощи свыше. И эта помощь приходит в виде особого, до сих пор еще небывалого вдохновения, озарения, духовного перерождения. И в таком состоянии он пишет своего «Пророка».

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влечился, —
И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний Ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал.
И Бога глас ко мне воззвал:
«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

В сент. 1826 Пушкин был вызван к царю. Поэта привезли прямо в Комендантское управление, откуда дежурный генерал повел его в Малый Николаевский дворец, примыкавший к Чудову монастырю (который недавно только был описан в трагедии «Борис Годунов»). Небритого, в дорож-

ном пыльном сюртуке ввели Пушкина в кабинет императора. Тема беседы была следующая. Покойный имп. Александр I выслал поэта в деревню за вольнодумство, но имп. Николай I думает освободить его, если только он даст слово не писать ничего против правительства. Пушкин ответил, что уже давно не пишет ничего против правительства и что у него одно только желание — быть полезным отечеству. Государь готов верить Пушкину, но в бумагах заговорщиков имелись списки его стихов, а иные из мятежников прямо заявили, что их образ мыслей сложился под влиянием Пушкина. А как Пушкин относился к этим бунтовщикам? Поэт должен был сознаться, что многих из этих лиц уважал, а некоторых даже любил. Но если Пушкин любил заговорщиков, то как поступил бы он, случись ему быть 14 декабря в Петербурге? Поэт ответил, не колеблясь: «Непременно, Государь, был бы среди мятежников, и слава Богу, что меня не было тогда в столице...»

Эта искренность поразила императора. «Теперь, надеюсь, — сказал император, — мы более ссориться не будем. Я сам буду твоим цензором».

В этот же день, вечером, на балу у французского посланника государь Николай Павлович сказал Д. Н. Блудову (бывшему основателю общества «*Арсамас*», а впоследствии графу, министру и президенту Академии наук): «Знаешь, что я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России?» На вопрос Блудова государь ответил: «Это был Пушкин».

К сожалению, государь не смог быть постоянным цензором поэта, и цензура часто стала зависеть от шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, человека с ограниченным умом и нечутким сердцем. Впрочем, и сам Николай I не всегда мог понимать и ценить исключительный гений Пушкина. Это доставило поэту много тяжких и горьких минут.

У Пушкина было много близких друзей из самых разнообразных кругов. Кроме этого, у него было огромное количество почитателей во всех слоях общества. Вся грамотная Россия знала, ценила и, что особенно важно, беззаветно любила своего национального гениального поэта, как может любить только русское народное сердце. Как глубоко прав был *Тютчев* в оценке этой любви: «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет».

Вопрос о взаимоотношениях Пушкина со своими друзьями представляет собой сложную, глубокую, трудную, но актуальную проблему. Особенно сложна проблема отношений Пушкина с Грибоедовым, Чаадаевым и Мицкевичем. Неясны причины взаимного охлаждения Пушкина к Карамзину и Карамзина к Пушкину. Также неясны причины охлаждения Пушкина к Энгельгардту. Особенно, вдумчивого, осторожного и проникновенного внимания требует вопрос об отношении Пушкина к М. Н. Волконской и Е. А. Карамзиной (вдове историка).

Екатерина Андреевна была второй женой Карамзина. В молодости она была необыкновенно красива, можно сказать, исключительно прекрасна, причем с красотой телесной она соединяла и красоту духовную. Мальчишкой-лицейстом Пушкин, прельщенный необыкновенной красотой Екатерины Андреевны, послал ей любовное письмо. Она показала письмо мужу. Они призвали Пушкина и жестоко «намылили» ему голову. Впоследствии поэт сильно и крепко привязался к Карамзиной и вспоминал о ней во все серьезные минуты жизни. Карамзина платила ему воистину материнской любовью. Есть много оснований считать, что т. н. «потаенная любовь» Пушкина, о которой имеются только неясные указания, и была платоническая любовь поэта к Е. А. Карамзиной, пронесенная через всю его

жизнь, как самое светлое и дорогое. Так же с большим основанием можно полагать, что самый идеальный образ русской женщины — Татьяна Ларина — имела одним из своих прообразов Е. А. Карамзину, как и указанную выше М. Н. Раевскую.

Крупнейшим произведением Пушкина в 1828 была поэма «Полтава». Творческий подъем был чрезвычайно энергичен и стремителен. Поэма написана очень быстро (в 3 недели). Остановка произошла только перед описанием Полтавского боя. Пушкин не мог найти одного слова, которым бы начиналось это описание. В одном слове он хотел выразить и силу, и внезапность, и грохот этого боя. И вот однажды, поднимаясь по лестнице со своими друзьями, он воскликнул: «Нашел! Нашел!» Он нашел искомое слово — «грянул»: «И грянул бой, Полтавский бой!»

В этой поэме 2 главных героя: Петр Великий и Мазепа. Основная идея поэмы заключается в противопоставлении этих личностей. Мазепа — носитель личного эгоистического начала, а Петр — носитель государственной идеи, идеи общего народного блага. В эпилоге поэт утверждает основную мысль своего произведения:

Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.

Стих в «Полтаве» при всей своей простоте поражает исключительной силой и художественным совершенством. Описание украинской ночи, появление Петра Великого перед войсками, сам Полтавский бой, описание казни, характеристика Мазепы — все выражено незабываемыми стихами, предельно сжатыми, насыщенными глубоким психологическим содержанием, с шекспировской глубиной и ясностью. Образ Петра Великого, столь сложный и противоречивый, одновременно и страшный и обаятельный, пугающий и манящий, изумительно дан в кратком диалектическом облике мощного военного гения:

...Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь — как Божия гроза.

Необычайно сильное, потрясающее впечатление производит простое сочетание рифм: «ура» и «Петра».

И се — равнину оглашая,
Далече грянуло «ура!»:
Полки увидели Петра.

В 1829 Пушкин со всей страстью своей пылкой натуры полюбил молодую, едва начавшую расцветать замечательную красавицу Наталью Николаевну Гончарову. Это было чрезвычайно серьезное увлечение, несоизмеримо более сильное и глубокое, чем многие прежние за время после Михайловской ссылки. Семейство Гончаровых стояло на несколько более высокой ступени общественной лестницы, но разорено было не менее семейства Пушкиных. На свое предложение поэт получил неопределенный, но вполне благоприятный ответ, и «с горя» 1 мая уехал на Кавказ, проведя недели две в Тифлисе, а затем отправился в действующую армию, с которой вошел в Арзрум. Позднее он издал «Путешествие в Арзрум» — образец прекрасной, сжатой, лаконичной пушкинской прозы. По возвращении он получил выговор за самовольную, без разрешения высшего начальства (т. е. государя и Бенкендорфа) отлучку.

Но зато был вознагражден, при повторном предложении, согласием на брак с Гончаровой.

В к. авг. 1830 Пушкин поехал в с. Болдино (Нижегородской губ.), часть которого отец выделил ему ввиду женитьбы, чтобы привести в порядок свои дела и, пользуясь осенним временем, которое он всегда любил, творчески поработать.

Вследствие холеры и связанного с ней карантина, поэт вынужден был там остаться на целых 3 мес. Эта т. н. «болдинская осень», проведенная в полном уединении, оказалась гораздо более продуктивной для творчества, чем 2 года пребывания в Михайловском. Такого прилива вдохновения и работоспособности у него еще никогда не было.

Вот что он в эту осень написал: две последние главы «Евгения Онегина» (роман в стихах, над которым работал свыше 7 лет), «Домик в Коломне», четыре т. н. «малых трагедии» («Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» и «Дон Жуан», впоследствии названный «Каменный гость»), пять «повестей Белкина» в прозе и ок. 30 прекрасных стихотворений, среди которых были такие шедевры, как «Бесы», «Осень», «Безумных лет угасшее веселье», «В начале жизни школу помню я», «Для берегов отчизны дальней».

Свой роман в стихах «Евгений Онегин» Пушкин начал писать почти одновременно с поэмой «Цыганы», в мае 1823. Если в первых своих поэмах, написанных на юге России, он создавал образы байронических героев в общетипическом их проявлении, то в своем новом романе он поставил себе целью отобразить явление типично русского байрониста на фоне широкой картины русской жизни того времени, т. е. 20-х XIX в. Внешними образцами для него сначала служили «Дон Жуан» и «Беппо» (юмористическая поэма) Байрона. Приступая к своей работе, Пушкин еще не знал, чем ее кончить, ибо, как сам признавался в конце 8-й главы: «даль свободного романа» он «сквозь магический кристалл еще неясно различал».

Семь лет писал он свой роман. Семь лет неразлучно жил с ним, вынашивая его, обдумывая, а иногда — просто прислушиваясь к тому, что как бы само рождалось, творилось, росло, имело собственные желания и поступки. «Представь себе, моя Татьяна замуж вышла», — сказал он однажды в кругу знакомых, как бы удивляясь поступку своей героини. Начатый в Кишиневе, роман сопровождал поэта в Одессе, в Михайловском, в Москве, в Петербурге, в Арзруме, в Болдино. Почти все значительные события его жизни так или иначе отразились в этом романе. Сама жизнь поэта была сложным мучительным романом действительности, от которой он уходил в роман творческого вымысла. Оба романа переплетались, отражаясь друг в друге. Все герои романа — одновременно и личности, и типы. В романе все — объективно, но в то же время во всем и во всех отражается сам автор. Роман в целом — поэтическая автобиография Пушкина. Главное лицо романа, конечно, Татьяна. Это — идеальный образ русской женщины, идеальный женский образ во всей мировой литературе и, одновременно, образ самой музы Пушкина.

«Маленькие трагедии» Пушкина — исключительно гениальны. Самая значительная из них — «Моцарт и Сальери». Моцарт — это образ гения. Моцарт — это ключ к пониманию и самого Пушкина. «Гений и злодейство — две вещи несовместные». Поэтому про гения можно сказать, что он стоит на первой ступени истинно духовной жизни, ведущей к святости. Гений — явление духовное. А духовное от душевного отличается больше, чем душевное отличается от телесного.

В «Маленьких трагедиях» Пушкин глубже Шекспира, а потому должен быть признан непревзойденным гением не только русской, но и всемирной литературы.

По возвращении из Болдино в Москву Пушкин 18 февр. 1931 венчался в церкви Вознесения Господня с Н. Н. Гончаровой. В это же время Пушкин начинает писать свои несравненные народные сказки: «О царе Салтане» (1831), «О рыбаке и рыбке» (1833), «О мертвой царевне» (1833), «О золотом петушке» (1834) и «Песни западных славян» (1833).

В 1833 Пушкин совершает путешествие в Оренбургскую губ. (попутно и в Казанскую), чтобы, так сказать, «полевым методом» собрать материалы для «Истории Пугачевского бунта». На основе собранного документального научно-исторического материала о времени Пугачева Пушкин пишет свою замечательную историческую и в то же время психологическую повесть (небольшой по количеству страниц, но гениальный по содержанию роман) — «Капитанская дочка». Историк В. О. Ключевский сказал про эту повесть: «Вот как надо писать историю». «Капитанская дочка» начата была в 1833, а закончена в 1836, заключительные строки датированы 19 окт. Первым же опытом в области художественной прозы был незаконченный роман «Арап Петра Великого», написанный еще в 1827.

В 1833 Пушкин написал поэму «Медный всадник», вновь вернувшись к теме Петра Великого. Основная идея этой самой замечательной из поэм Пушкина — противоположение личных интересов интересам общегосударственным. Великим деянием Петра, в частности основанию Петербурга, противопоставляются личные мечты молодого человека о семейном счастье с любимой девушкой; однако стихийное бедствие (страшное наводнение в Петербурге) беспощадно разрушает все его мечты: невеста гибнет от наводнения, а сам он сходит с ума. Т. о., несчастный Евгений является одной из жертв петровского дела — основания новой столицы, а Петр Великий — косвенным виновником его гибели. Пушкин с большим и искренним сочувствием описывает несчастья Евгения, но всецело становится на сторону Петра, понимая огромное значение Петровских преобразований. С восторженным изумлением воспевают Пушкин образ Петра, символизированный фальконетовским памятником — «Медным всадником» на Сенатской площади в Петербурге:

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте уздай железной
Россию поднял на дыбы?

В художественном отношении эта «державная» поэма — лучшая поэма Пушкина. Самые характерные черты пушкинского творчества: сжатость, лапидарность, «сгущение мысли в слове», скульптурность образов, идейная насыщенность, железной уздой воли сдержанная страсть, неисчерпаемый запас лирического потока, трезвость глубокой и ясной мысли, гармония частей и целостная простота единства композиции — все это мы находим в чудесной сей поэме.

Этими же свойствами обладают и др. произведения вполне созревшего Пушкина последнего периода его жизни: «Пиковая дама» (1833), «Египетские ночи» (1835) и др.

За год до своей смерти Пушкин начал издавать журнал «Современник». Будучи прежде всего поэтом, Пушкин стал

выступать и как историк литературы, и как критик и публицист. Везде мы видим глубокий пронизательный ум, доброе сердце и мужественную волю. Письма же Пушкина представляют собою неисчерпаемый материал для понимания его личности как в целом, так и в деталях обыденной жизни, а вместе с тем и для понимания тончайших нюансов психологии его творчества.

Наиболее характерными чертами лирики Пушкина следует признать прежде всего следующие: она обаятельна не только изяществом выражения глубоких и тонких чувств, но и гармонией ума и сердца, которая чрезвычайно усиливает непосредственное впечатление от музыки его стиха, чарует душу и пленяет волю. Умная мысль, выраженная в лирической форме, не только запоминается, но и звучит в памяти сердца. Лирика Пушкина всегда глубоко искренна, правдива, мужественна, умна, проста, доступна и понятна каждому, в меру его чуткости и эстетического развития.

Из двух известных теорий искусства — «искусство для искусства» и «утилитарной теории искусства» — Пушкин не разделял ни одной. Его теория искусства (им нигде не сформулированная, но всюду чувствуемая) сводилась к следующему. Поэт должен быть совершенно свободен в своем творчестве. Ему нельзя предъявлять никаких «заказов»: ни социальных, ни нравственных, ни религиозных. Но всякий поэт, если он хочет стать настоящим, большим поэтом, — обязан расти и совершенствоваться как религиозно-нравственная личность. И тогда с ним, с его духовным ростом будет расти и совершенствоваться и его творчество. Идеал совершенства — тройственный: Истина, Добро, Красота в их триединстве. Красота без Истины или без Добра — не Красота, а только красивость, только кажущаяся Красота, только обманный люциферийский свет, т. е. то, что в православной эстетике называется «прелестью».

Одаренный гениальными способностями, впечатлительностью, живостью и энергией, Пушкин в течение всей своей краткой жизни был поставлен в крайне неблагоприятные условия, но сила и яркость его исключительного таланта побороли все препятствия и сделали его творцом новой русской литературы, ее языка и бессмертных по красоте форм и глубине содержания художественных произведений. Основная черта его поэзии — это ее глубокая искренность и правдивость; всякий стих выражает подлинное пережитое настроение и чувство; в каждой строке — стремление к реальному, правдивому изображению действительности в художественной форме. Пушкин первый стал смотреть на литературу как на служение национальному идеалу русского народа.

Не как надменный mentor, не как высокомерный наставник, шел Пушкин к народу с тем, чтобы его чему-то научить, в чем-то его обличить. Он шел к нему с открытой душой, как равный к равному, с тем чтобы черпать из неиссякаемого родника русского национального духа ту, как червонное золото, неподдельную самобытность, которую обвеяны все его творения.

Безраздельно и беззаветно он слился с народною стихией, и затем он уже был просто не в состоянии отделить себя от той России, в которой он родился, в которой вырос и возмужал и которую возлюбил бесконечно, как сын любит свою мать. И принял он свою Родину всю, целиком, без остатка, с ее пленительной природой, с трудной ее историей, во всей ее безграничной шире, безудержной удале и задумчивой печали. Какой-то всепобедной бодростью и верой в конечное торжество истины и гуманности дышит все творчество поэта.

Пушкин преклоняется перед русским прошлым, гордится им, видит в нем огромные духовные богатства, глубокие нравственные начала. Он дает спокойно-величавый образ монаха-летописца, олицетворяющий собой древнюю, московскую Русь, глубоко жизненный образ Пимена, пишущего свои правдивые сказания.

Поэзии Пушкина присуща христианская вера в добро, в его победу над злом. В сложную драму жизни властно вторгаются и темные силы порока, малодушия и греха. Пушкин не отворачивается от них. Он встречает их с ясным взором в твердом убеждении, что рано ли или поздно проснется совесть и воздаст коемуждо по делам его: страшным привидением совесть ломится в ворота, скребется под окном крестьянина, оттолкнувшего утопленника от берега крутого и тем лишившего покойника могилы и креста; тяжким пожатием каменной десницы обрекает она на гибель великого грешника Дон-Жуана; как молотком в ушах, стучит она упреком царю Борису, убийце тайному царевича Димитрия; когистым зверем впивается она в чертвое сердце Скупого Рыцаря; кровавой тенью стоит она перед Онегиным, мутя и муча его воображение, и волнами моцартовского Реквиема вливается она в черную душу завистника Сальери. Раскаенье и совесть восстанавливают нравственное равновесие, нарушенное злом, которое, по мысли Пушкина, в конечном счете не в силах победить добро.

Тяжелым испытанием для Пушкина становится его столкновение с космополитическими силами, и прежде всего масонством, стремившимся столкнуть великого поэта с национального пути. Делаются попытки вовлечь его в масонскую ложу «Овидий», весной 1821 его даже записывали в ее списки, но уже осенью ложа распадается, так и не начав работать. Старались вовлечь Пушкина в свое преступное сообщество и декабристы, состоявшие также преимущественно из масонов. Под влиянием глубоких размышлений и работы над собой Пушкин пришел к выводу, что избранный декабристами путь усовершенствования жизни — путь гибели России. Он не мог не видеть грозной опасности масонства, т. е. той идеологии, которая была основой движения декабристов. Пушкин окончательно и бесповоротно осудил масонство как страшную и разрушительную силу жизни. Своим непревзойденным гением Пушкин с изумительной глубиной и точностью определил зло масонства, его ложь, предательство, бесчестность и жестокость, что с откровенным цинизмом проповедовал идеолог и творец «великой» французской революции 1789 Адам Вейсгаупт.

«Я как-то изъявил свое удивление Пушкину, — пишет С. А. Соболевский, — о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежит ни к какому другому тайному обществу». «Разве ты не знаешь, — отвечал Пушкин, — что все филантропические тайные общества, даже и самое масонство, получили от Адама Вейсгаупта направление подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним?»

Согласно исследованиям специалиста по масонству В. Ф. Иванова, именно закулисные интриги масонов стали главной причиной высылки Пушкина из Петербурга сначала на юг (1821), а затем в Михайловское, откуда он вернулся лишь в 1826.

Опала раскрыла Пушкину «презренный, робкий эгоизм» космополитического окружения, подстрекавшего его к конфликту с царской властью и Церковью и отшатнувшегося от него в дни испытаний. На этой почве выросло

разочарование в людях, сроднившее поэта с байронизмом. Однако попытка разобраться в своих настроениях, выраженных им в типах «Кавказского пленника», «Братьев разбойников», «Бахчисарайского фонтана» и «Цыган», привела Пушкина к признанию мизантропии признаком узкого эгоизма, искания воли лишь для себя. Истинный свободолобец не может уйти от людей; суть духовности — вера в грядущее торжество добрых начал в людском обществе («Андрей Шенья»). Поэт и есть носитель этой грядущей правды, которую отрицают по непониманию современники. Поэтому поэт не должен «презирать страны родной», должен верить в «ее предназначение» и, поборов чувство личного раздражения против «хладных скопцов», должен спокойно и самоотверженно будить в их душе «чувства добрые». Индивидуальность, лишенная добрых чувств, хотя бы и могучая, есть явление отрицательное («оставь герою сердце... он будет без него тиран»); у истинного героя яркость личности сочетается со способностью полного самозабвения в деле служения своему народу и государству (антитеза Петра и Мазепы). Стремлением отыскать красоту и правду в неприкрашенной русской действительности проникнуты произведения Пушкина, начиная с «Евгения Онегина» и кончая «Капитанской дочкой» и «Повестями Белкина». Пушкин был создателем и русской критики (журнал «Современник»), которая, по его мнению, является безупречным показателем духовного прогресса народа.

Впечатление огромного ума Пушкин производил на всех, близко его знавших и имевших возможность наблюдать. В. А. Жуковский, как-то встретив *Н. В. Гоголя*, жадно вслушивавшегося в речи Пушкина, сказал: «Ты записываешь, что говорит Пушкин. И прекрасно делаешь... потому что каждое слово Пушкина драгоценно».

Барант, французский посол при русском Императорском Дворе, человек тонкой культуры, в петербургском обществе часто встречавший Пушкина, не раз свидетельствовал о его исключительном и всестороннем знании Священного Писания, особенно Евангелия.

В 1832 Гоголь писал: «Пушкин есть явление необычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, каким он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой же очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

И. С. Тургенев назвал Пушкина «учителем» России. *Ф. М. Достоевский* в своей знаменитой речи на открытии пушкинского памятника в Москве указал на то, что наиболее ярким показателем мудрости нашего поэта было его необыкновенное свойство вмещать в себе и художественно воплощать в своих произведениях дух каждого народа, неповторимые, как общечеловеческие, так и индивидуальные черты быта каждой нации. В самом деле, достаточно упомянуть такие произведения, как «Подражания Корану», «Каменный гость», анакреонтические стихотворения, «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь», «Борис Годунов» и «Пир во время чумы», чтобы убедиться во всеобъемлемости пушкинского художественного кругозора.

Жизнь Пушкина трагически оборвалась в 37 лет. Космополитические силы не могли простить поэту разрыва с масонством и критику декабристов, его любви к Родине и русскому народу. Трава поэта, которую вели масонские конспираторы, переросла в заговор против него. Под видом дуэли было совершено убийство русского гения. Как показали исследования, «Диплом роносоца», ставший одной из главных при-

чин дуэли и гибели поэта, был составлен высокопоставленным масоном кн. П. Долгоруковым. Крупным масоном был и убийца Пушкина Э. Дантес.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937—46; Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977—79; Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1974—78.

Лит.: *Архиеп. Никанор Херсонский и Одесский*. Беседы о Пушкине // «Душеполезное чтение», 1899; *Митр. Антоний (Храповицкий)*. Пушкин как нравственная личность и православный христианин. Белград, 1929; *Митр. Анастасий*. Пушкин в его отношении к религии и Православной церкви. Мюнхен, 1947; *Митр. Анастасий*. Нравственный облик Пушкина. Джорданвилль, 1949; *Андреев М. И. А. С. Пушкин* (Основные особенности личности и творчества гениального поэта) // Очерки по истории русской литературы XIX века. Сб. 1-й. Джорданвилль, 1968; *Б. Бразоль*. Речи. Нью-Йорк, 1943.

М. Андреев, Б. Бразоль

ПУШКИН Василий Львович (27.04[8.05].1770—20.08[1.09].1830), поэт. Дядя *А. С. Пушкина*. Родился в Москве. Служил в армии, в 1797 вышел в отставку. Начал печататься в 1793 в журнале «С.-Петербургский Меркурий». В 1822 издал сборник «Стихотворения». Пушкин был последователем *Н. М. Карамзина* и *И. И. Дмитриева*, участником «*Арзамаса*» (с 1816). Влияние *сентиментализма* заметно в его

элегиях, романах, песнях, альбомных стихах. *Басни* Пушкина — преимущественно переделки и подражания иностранным авторам. Наибольшее значение имеет творчество Пушкина 1810—15, когда он выступил против «староверов» — эпигонов *классицизма*, сторонников «славянщизны». В героико-комической поэме «Опасный сосед» (1811, опубли. 1855) язвительные выпады против «шишковистов» сочетаются с реалистиче-

скими зарисовками нравов московского барства. Образ гуляки Буянова использовал *А. С. Пушкин* в «Евгении Онегине» («мой брат двуродный Буянов, в пуху, в картузе с козырьком...»). Картинки «в фламандском вкусе», легкий стих, живая разговорная речь обеспечили успех поэме. В стихотворной повести «Капитан Храбров» (1829—30), написанной под влиянием «Евгения Онегина» и «Графа Нулина», Пушкин выступил против следования западноевропейским романтикам, пародировал романтическую поэму *И. И. Козлова* «Наталья Борисовна Долгорукая». Патристические чувства он выразил в стихотворении «К жителям Нижнего Новгорода» (1812). Пушкин одним из первых заметил талант *А. С. Пушкина* («Мой дядюшка-поэт на то мне дал совет и с музами сосватал» — из стихотворения *А. С. Пушкина* «К Дельвигу», 1815), оказал влияние на некоторые его лицейские стихи («Городок», «В. Л. Пушкину», «К Жуковскому»).

Соч.: Соч. / Вступ. ст. В. И. Сантова. СПб., 1893; [Стихотворения] / Карамзин и поэты его времени / Вступ. ст. Б. В. Томашевского. Л., 1936; [Стихотворения] // Поэты-сатирики к. XVIII — н. XIX в. / Вступ. ст. Г. В. Ермаковой-Битнер. Л., 1959; [Стихотворения] // Поэты н. XIX в. / Вступ. ст. Ю. М. Лотмана. Л., 1961.

И. Ц.

«ПЧЕЛА», переводной сборник изречений и кратких исторических *анекдотов* (т. е. крошечных рассказов о поступках знаменитых людей), известный в древнерусской книжности. Он встречается в трех разновидностях. Наиболее распространенная содержит 71 главу, она была переведена не позднее XII—XIII вв. Из названий глав («О мудрости», «О учении и беседе», «О богатстве и убожестве», «О печали и о беспечалии», «О хвалении», «О зависти», «О смесех» (т. е. о смехе) и т. д.) видно, что изречения подбирались по темам и в основном касались вопросов морали, норм поведения, христианского благочестия. Каждая глава содержит ок. 20 изречений: в начале ее — цитаты из книг Священного Писания, сочинений отцов Церкви (Иоанна Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста и др.). Далее следуют изречения, принадлежащие или приписываемые античным философам и писателям: Аристотелю, Анаксагору, Пифагору, Демокриту, Сократу, Плутарху, Софоклу, Эврипиду, Феогниду и др. В исторических анекдотах содержатся эпизоды из жизни и деяний Александра Македонского и его отца — Филиппа, спартанских царей Агесилая и Леонида, афинского государственного деятеля Алкивиада, восточных царей — Дария, Артаксеркса, Кира, Креза и др. Т. о., «Пчела» являлась не только сводом этических рекомендаций, но и своеобразной энциклопедией исторических сведений.

Вот примеры моральных наставлений из «Пчелы»: «Кто ставит другу своему силки, тот сам попадет в них ногою»; «Все новое лучше — и сосуды, и одежда, а дружба (лучше) — старая»; «Лучше злое услышать, чем злое сказать»; «Лучше хлеб с солью (есть) в спокойствии и без печали, чем изысканные блюда в дни мятежа и опасности»; «Делай сказанное, а не рассказывай о сделанном»; «Везение подобно овощу — как пройдет время, так и засохнет»; «Кто, других грабя, созидает (за награбленное) дом себе, тот словно бы камни складывает на замерзшей реке»; «Таким будь для родителей своих, какими хотел бы видеть своих детей»; «Враг, говорящий правду, лучше лицемерного друга»; «Когда все дела твои совершаются по твоему желанию, тогда жди перемен (к плохому), а когда неожиданные напасти выпали тебе, тогда надейся на доброе и лучшее»; «Лучше жить в пустыне со львом и со змеей, чем с женой коварной и злоязычной» и т. д.

Несколько примеров исторических анекдотов из «Пчелы»: «Александр (Македонский), как-то упрямый войнами ночью напасть на врагов, сказал: “Не царского мужества (достойна) такая победа”»; «Царь Филипп. Поставил некоего друга Антипатрова судить с судьями; потом же, узнав, что красит он бороду и волосы, свел его с судейского кресла, сказав: “Если ты волосам собственным не верен, то как людям и правосудию верен можешь быть?”»; «Агесилай сказал. Некий перебежчик пришел к нему из чужестранцев, и когда воеводы предложили передать ему (под начало) своих воинов, то сказал: “Нельзя доверить чужих сбжавшему от своих”»; «Диоген сказал. Спрошенный кем-то, почему люди нищими подают, а мудрым — нет, отвечал: “Потому что каждый опасается обрести и хромоту, и слепоту, и прочие болезни, но никто же не ждет себе мудрости”»; «Эзоп. Этот сказал: “Каждый из нас два мешка носит: один — перед собой, другой — за спиной. В передний складываем чужие прегрешения, в задний же — свои”»; «Диоген. Этот захватил вора, кравшего его камни, и когда тот стал оправдываться, говоря: “Не зная, что они твои, украл я”», сказал ему: “А разве не ведал ты, сто они не твои?”»; «Диоген. Этому дали немного вина на пиру, он же, взяв, пролил его. Иным же, укорявшим его, что погубил вино, так ответил: “Если бы я его не погубил, то сам погиб бы от вина»; «Солон. Этот, спрошенный кем-то, стоит ли ему же-

ниться, отвечал: “Нет. Если уродину возьмешь — будет тебе мука, а если красавицу — другие на нее захотят поглазеть”».

«Пчела» существовала в двух редакциях, составлявших соответственно 68 и 44 главы. Ссылку на Пчелу мы встречаем уже в летописи под 1186: «Как говорится в «Пчеле»: славная война лучше непрочного мира: в притворном мире живя, больше зла землям приносят».

Изд.: Пчела / Подг. текста, перевод и комм. В. В. Колесова // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. М., 1981.

Лит.: *Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: Исследование и тексты. С. 155—392. М., 1904; Приложение. С. 48—62, 155—164; *Адрианова-Перетц В. П.* Человек в учительной литературе Древней Руси // Труды отд. Древнерусской литературы. Т. 27. 1972; *Творогов О. В.* Пчела // Словарь книжников. Вып. 1.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. С. 172—173. М., 1996.

ПЫЛЯЕВ Михаил Иванович (1842—1899), писатель. Учился в реформатском училище в С.-Петербурге. Писал в «Искре»; в «Петербургской газете» поместил множество статей по истории театра и давал отчеты о художественных выставках. С 1879 сотрудничает в «Новом времени», где, между прочим, поместил ряд очерков о петербургской старине, вышедших затем отдельными изданиями: «Старый Петербург» (СПб., 1887; 3-е изд., 1888), «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга» (СПб., 1889), «Старая Москва» (СПб., 1891), «Старое житье» (2-е изд., СПб., 1897), «Замечательные чудачки и оригиналы» (1898). Отдельно издал также «Драгоценные камни» (1877; 3-е илл. изд., 1896).

Р

РАДЗИВИЛЛОВСКАЯ (КЕНИГСБЕРГСКАЯ) ЛЕТОПИСЬ, летописный свод н. XIII в. Основная из сохранившихся рукописных копий этого свода была изготовлена в к. XV в. В XVII в. эта копия хранилась в семейном архиве польско-литовского рода Радзивиллов, а затем попала в г. Кенигсберг, из-за чего летопись и получила

Радзивилловская летопись.
Повесть временных лет

оба свои наименования. За исключением отдельных разночтений Радзивилловская летопись на всем своем протяжении сходствует с летописью *Лаврентьевской*, отражая в заключительной своей части летописание Северо-Восточной Руси. Текст ее доведен до 1206 и обильно иллюстрирован миниатюрами, число которых превышает 600. В этом заключена важнейшая особенность летописи. Простые и внешне безыскусные, миниатюры восходят к оригиналам н. XIII в. и рассказывают о различных сторонах жизни того времени — о нравах, обычаях, церемониях, оружии, военном снаряжении, одежде, постройках и т. д. Текст Радзивилловской летописи опубликован в 38-м томе «Полного собрания русских летописей». Дважды типографским способом было осуществлено полное воспроизведение памятника, включая миниатюры, — в черно-белом и в цветном вариантах.

А. Лаушкин

«РАДОНЕЖЦЫ», литературный кружок русских писателей-единомышленников патриотических взглядов, созданный *И. М. Шевцовым* после выхода в свет его романа «Тля» в Сергиево-Посадском р-не Московской обл. В 1964 Шевцов купил себе дом в 5 км от Троице-Сергиевой лавры в пос. Семхоз. В том же году он посоветовал своим друзьям-единомышленникам поэтам *В. Фирсову* и *И. Кобзеву* поселиться рядом с ним в заповедном уголке России. Вслед за ними в Семхоз потянулись и др. известные московские писатели: поэты *В. Сорокин*, *Г. Серебряков*, *Ф. Чуев*, *С. Подделков*, *В. Осинин*, *С. Куняев*, прозаики *И. Акулов*, *А. Иванов*, *И. Лазутин*, *А. Блинов*, *Н. Камбалов*, *С. Высоцкий*, *Б. Орлов*, критик *В. Чалмаев*. Всех их объединяла общность взглядов, любовь к родному Отечеству, неприятие сионистского засилия и диктата русскоязычных, т. е. еврейских, писателей в творческих союзах СССР вообще и в Московской организации в частности, состоявшей в ту пору на 85% из иудеев. Подмосковный поселок Переделкино был вотчиной еврейских писателей. Группа «радо-нежцев» считалась неформальной писательской организацией, о которой вскоре заговорили в литературных кругах. Даже радиостанция «Би-би-си» в одной из своих передач объявила, что «черносотенец Шевцов создал под Загорском в пос. Семхоз анти-Переделкино». *И. Шевцов* был дружен с руководителями Сергиево-Посадского р-на *В. Ф. Новиковым*, *В. Н. Мироновым*, *Г. Ф. Поповым*. Они разделяли идейные взгляды писателя, были почитателями его творчества, часто навещали Шевцова на его даче, куда нередко заглядывали писатели-«радонежцы». Здесь поэты читали свои стихи, шли откровенные разговоры на обще-

ственные и политические темы, об идеологических диверсантах-космополитах. Здесь собрался цвет русской литературы, начиная от прозаиков А. Иванова и И. Акулова и кончая поэтами Г. Серебряковым и В. Фирсовым. Каждый из них был незаурядной личностью. «Радонежцы» были тем патриотическим магнитом, к которому тянулись все честные и талантливые, как к солнечному духовному роднику. Сюда часто приезжали из Москвы их коллеги и единомышленники, которые желали поселиться в Семхозе, но не смогли купить здесь дачи: *В. Федоров, А. Марков, П. Проскурин, Е. Пермитин*. Сюда приезжали из Питера писатели *С. Воронин, А. Хватов, В. Шошин*, известный хирург акад. *Г. Ф. Углов*. Навестить опального писателя Шевцова приезжали его друзья издатели *Н. Елисеев и И. Мамонтов*, маршалы авиации *И. Пстыго и Н. Скоморохов*, народные артисты солист Большого театра *А. Иванов* и актер МХАТа *А. Жильцов*. Однажды на даче Шевцова в присутствии его друзей-писателей глава Сергиево-Посадского р-на *В. Миронов* сказал: «Вы несете духовный свет народу, глоток свежего воздуха. Вам надо общаться с нашими трудовыми коллективами, почаще встречаться в совхозах и на предприятиях. Вы мощный отряд творческой патриотической интеллигенции. Ваше слово несет людям нравственный и духовный заряд. Давайте организованно выезжать в трудовые коллективы, во дворцы культуры, устраивать вечера встреч. Мы предлагаем, чтобы всю организационную работу взял на себя Иван Михайлович Шевцов. Пусть он будет старостой вашего отряда». Возражений не последовало. Только *И. Кобзев* произнес строки из своего стихотворения: «Дело такого тут рода, не утаить одного: вышли мы все из народа... Как нам вернуться в него?» «Вот и давайте возвращаться», — сказал *Миронов*.

Началась практическая работа. Группами по 4—5 чел. писатели выезжали в колхозы, на заводы, в школы. Их слова о России и ее героической истории, о доброте и о прекрасном, о любви и ненависти, о добре и зле, о чести и достоинстве ложились плодотворными семенами на души молодежи и пожилых людей. Именно в Семхозе были написаны лучшие патриотические стихи *В. Фирсова, С. Серебрякова, В. Сорокина и Ф. Чуева*, романы *И. Акулова, И. Шевцова* и др. «радонежцев».

Лит.: *Шевцов И. М.* В борьбе с дьяволом. М., 2003.

Л. Михайлова

РАЕШНЫЙ СТИХ, РАЕК, древнейшая форма русского народного дисметрического стиха (*верлибр*) со смежными рифмами, определяемого интонационно-фразовым и паузным членением. Короче говоря, это рифмованный *фразовик*. Тематика и жанры рашного стиха самые разнообразные: от злободневной сатиры до веселого балагурства. Большинство народных театральных пьес и тексты представлений для народного кукольного театра (вертеп, петрушка, балаган) составлялись в форме райка, необычайно подвижной по своей структуре и наиболее подходящей для импровизационных выступлений на сцене.

Пример рашного стиха (из книги «Народно-поэтическая сатира», Л., 1960):

А вот, господа, разыгрывается лотерея.
Воловий хвост и два филея!..
Еще разыгрываются часы о двенадцати камнях
Да на трех кирпичях.
Из неметчины привезены на дровнях!
Еще разыгрывается чайник без крышки, без дна —

Только ручка одна!..
Настоящий китайский фарфор!
Был выкинут на двор,
А я подобрал, да так разумею,
Что можно и фарфор разыграть в лотерею!
Ну, ребята, налетайте —
Мои билеты раскупайте!..
Вам билеты на сигарки сгодятся,
А у меня в мошне рубли зашевелятся!..

В русской литературе рашный стих долгое время был в пренебрежении, несмотря на то, что виднейшие русские поэты обращались к этой емкой народной форме стиха, напр., *А. Пушкин* в «Сказке о попе и работнике его Балде», выдержанной в духе народного райка:

Жил-был поп,
Толоконный лоб,
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.
«Что, батька, так рано поднялся,
Чего ты взыскался?..»

Н. Некрасов использовал в стихотворении «Дядюшка Яков» форму укороченного, прибаутчного райка:

У дядюшки Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки —
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик,
Отцы почтенны!
Книжки неценны;
По гривне штука —
Детям наука!..

Совсем по-иному звучит стих *А. Блока*, применившего форму райка в поэме «Двенадцать»; здесь Блок употребил перекрестные и даже охватные рифмы, вместо традиционных для рашного стиха смежных рифм:

Черный вечер,
Белый снег...
Ветер, ветер,
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем белом свете.
Белый снежок,
Под снежком ледок.
Скользко, тяжко —
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!..
От здания к зданию
Протянут канат.
На канате плакат:
«Вся власть учредительному собранию!»

Рашным стихом писал *В. Хлебников* («Ночь перед Советами»). В годы Великой Отечественной войны *С. Кирсанов* создал фронтовой раек «Заветное слово Фомы Смылова — русского бывалого солдата», которое выпускалось массовыми листовками для армии и передавалось по радио. Вот небольшой отрывок (смежная и перекрестная рифмовка):

«Должен я вам, бойцы, доложить собственный опыт. Чтоб скорее врага сокрушить, доберись до немецких окопов. Добе-

ришь и иди в *рукопашную*, схватку *бесстрашную*! Тут тебе нечего бомбы бояться — ежели мы ворвались к ним, не будет немецкая авиация бить по окопам своим. Пушкам немецким бить не приходится — немцы тут же в окопе находятся. Мы в рукопашной немцу *страшнее*, — всаживай штык в поганую шею, занимай, очищай траншею.

Куй железо, пока горячо, атакуй еще и еще. И все назовут тебя *храбрецом*. Дружит победа с умелым *бойцом*!..»

Заслуживают внимания опыты лирического райка в русской поэзии 2-й пол. XX в.:

Я чудачу,
Я куд-кудачу!
Яйца несу
В человечесем лесу.
Ряженный,
Рифмами слаженный,
Грубый,
Неглаженный!
Для ярмарок создан,
Для свадеб задуман,
Для судеб замыслен,
Как скобка, захватан,
Как сковородка, замаслен...

(В. Боков)

Одна из самых популярных форм народной поэзии, которую ввел в большую литературу А. Пушкин, — раек, и через столетие нашел свое место в русской поэзии. Можно думать, что возрожденному раешному стиху предстоит большое будущее.

А. Квятковский

РАИЧ Семен Егорович (1792—28.10[9.11].1855), поэт, литературный критик, переводчик. Родился в с. Высокое Кромского у. Орловской губ. в семье священника Амфитеатрова. Переименовал фамилию, учась в Орловской духовной семинарии. Дебютировал в 1821 переводом

«Георгик» Вергилия. В к. 1822, будучи преподавателем Московского университетского пансиона, создал Общество молодых любителей литературы (т. н. «кружок Раича»), некоторые участники которого положили начало «Обществу любомудрия» (1823—25). Был литературным наставником М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева, на которых оказал известное влияние. Издавал альбом «Северная лира» (1827, совм. с Д. П. Ознобишиным), «Новые Аониды» (1823), журнал «Галатея» (1829—30, 1839—40). Последние годы сотрудничал в «Москвитянине». Основные труды Раича — переводы «Неистового Роланда» Л. Ариосто, «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо. Собственные стихи Раича, ориентированного на формы античной лирики, отличались поисками новых ритмических фигур, своеобразием поэтической инструментовки. Наиболее популярное стихотворение «Не дивитесь, друзья» положено на музыку.

Соч.: [Стихи] // Рус. поэты XIX в. / Сост. Н. М. Гайденков. 3-е изд. М., 1964; Автобиография / Предисл. Б. Л. Модзалевского // Русский библиофил. 1913. № 8.

РАСПУТИН Валентин Григорьевич (15.03.1937—14.03.2015), писатель. «Родился я в трехстах километрах от Иркутска, — рассказывает писатель, — в Усть-Уде, что на Ангаре. Так что я — коренной сибиряк, или, как у нас говорят, тутошний. Отец мой крестьянствовал, работал в леспромпхозе, служил и во-

вал... Словом, был, как все. Мать работала, была домохозяйкой, едва-едва управлялась с делами и семьей, — ей забот, сколько помню, всегда хватало». Детство Распутина прошло в низовьях Ангары, в небольшой д. Аталанке, которая впоследствии была перенесена на берег Братского моря. В 1954 поступил на историко-филологический факультет Иркутского университета. В 1955 познакомился с А. Вампиловым, будущим драматургом, с которым его

связывали близкие дружеские и творческие отношения. 30 марта 1957 в газете «Советская молодежь» появилась первая публикация Распутина — «Скучать совсем некогда». Несмотря на то что он, по его собственному признанию, не думал о литературном творчестве, а готовился стать учителем, занимается с увлечением журналистской работой. После окончания университета (1959) оставлен на работе в газете. В 1961 в альманахе «Ангара» (№ 1) появляется в печати первый рассказ Распутина «Я забыл спросить у Лешки...».

В 1965 принимает участие в Читинском зональном семинаре начинающих писателей; здесь произошла встреча с В. Чивилихиным, которого писатель считает своим «крестным отцом в литературе». Чивилихин отметил талант Распутина и даже передал по телефону в «Комсомольскую правду» его рассказ «Ветер ищет тебя». В 1966 в Красноярске вышла книга очерков «Костровые новых городов», а в Иркутске — книга очерков и рассказов «Край возле самого неба». Очерки Распутина проникнуты романтической героикой, свойственной этому жанру в 60-е. В них своеобразным образом переплетались мотивы трагизма и героики будничной реальности и лирики, переживания отдельной личности и образ народа-строителя. Они излишне фактографичны, в них немало цифр, документов, броских сопоставлений. Однако среди этого материала вырвалась дорогая для Распутина идея о присутствии душ погибших среди живущих. Она незаметно контрастировала с пафосом «покорения природы», который навсегда ушел из творчества Распутина после 60-х. Наиболее интересными были рассказы Распутина из сборника «Край возле самого неба». В рассказах о жителях Саян — тофаларах впервые в творчестве Распутина появились образы старых мудрых женщин, умеющих жить в гармонии с совестью и окружающей жизнью («Продолжение песни следует», «Эх, старуха»). Впервые Распутин обращался к мифу, фольклору, используя поверья, заклинания, воссоздавая разговоры живых с умершими.

В 1967 опубликован рассказ «Василий и Василиса», посвященный трагедии отчуждения двух любящих людей. Эта история была воссоздана с удивительным тактом и осторожностью, психологической тонкостью и достоверностью. Сквозь грустную историю разрушения семьи просвечивала в отдельных деталях история послевоенной жизни русской деревни. В 1967 в альманахе «Ангара» (№ 4) опубликована

повесть «Деньги для Марии», которую сам Распутин считает началом самостоятельной творческой работы. В 1968 она появилась отдельным изданием с послесловием Ф. Кузнецова «Писатель родился». Сюжет повести достаточно прост: у продавщицы деревенского магазина обнаружена недостача в тысячу руб., и ее муж Кузьма пытается по родственникам и знакомым собрать эту огромную для послевоенной деревни сумму, чтобы спасти от тюрьмы жену — мать четверых детей. Если сама Мария замыкается в своем горе, то Кузьму беда гонит по людям и дорогам, ввергая в состояние безысходности и отчаяния. Главное содержание повести составляют встречи Кузьмы с разными людьми, размышления его о жизни, сны, перемешанные с явью. Сквозь реалистически суровое и строгое описание этих событий проступают в повествовании черты притчи, рассказывающей о том, как нарушились в деревне исконные традиции коллективного бытия, как очерствел человек, не желающий поставить себя на место попавшего в беду. Главным средством раскрытия характера героя, начиная с этой повести, стал у Распутина внутренний монолог, который нередко переходит в несобственно-прямую речь автора. Внутреннюю позицию повести определяет чередование двух временных планов — прошлого и настоящего, сопоставлением которых определяется характер опасного этического сдвига в народной среде. Особую поэтическую глубину придают повестям Распутина картины природного мира, а также элементы недосказанности, иррациональности, тайны, народно-поэтической мифологии.

В 1970 в журнале «Наш современник» (№ 7, 8) появилась повесть Распутина «Последний срок», которая принесла широкую известность автору. Рассказ о последних днях умирающей старухи Анны, к которой съехались ее взрослые дети, воссозданный в реалистической конкретности и точности, перерастает в философско-поэтическое размышление о смерти простой женщины, исполнившей свой материнский и трудовой путь с жертвенной добротой и ощущением красоты. Критика эту повесть Распутина называла «поэмой о смерти крестьянки». Проблема смерти в советской литературе находилась как бы под негласным запретом, следовало писать лишь о смерти героической, вдохновляющей на подвиг, борьбу, самопожертвование. У Распутина иной ракурс. Рассказывая о том тайном и зыбком переходе человеческой души в мир иной, писатель не только показывает исход жизни, ее результат, но и ожидающий ее впереди момент соединения с предками, многовековой традицией, бесконечной цепи вечной жизни. «Ей есть к кому уходить и есть от кого уходить», — писал Распутин о старухе Анне. Однако ее дети уже не ощущают этой кровной и духовной привязанности ни друг к другу, ни к родному дому, ни к вечной народной жизни. Ни правильная, но холодная и бесчувственная Люся, ни добрая, но бестолковая Варвара, ни пьяница и грубиян Михаил, ни Илья, у которого, по словам Распутина, такое лицо, «будто свое проиграл в карты чужому человеку», не обладают той цельностью, душевной гармонией, памятью, которые обеспечивают высокое достоинство их матери. Распутин исследует жизнь сквозь понятие «крестьянского рода», анализируя тончайший механизм передачи наследственного кода, генетических особенностей духовной жизни от поколения к поколению до момента разрыва, утраты этой традиции. По его утверждению, «жизнь, не подтвержденная смыслом души, есть существование случайное». В этом процессе Распутина интересуют экзистенциальные состояния человека, когда он находится в кризисных, «пограничных» ситуациях перед лицом смерти или любой др.

катастрофы, грозящей ему физической или духовной гибелью. Пристально вглядываясь в человека на пороге вечности, Распутин прежде всего обращает внимание на свободу и ответственность, с которой тот завершает свои земные дела. Истоки этой свободы в интуитивном осознании, чувственном ощущении смысла своего прихода в жизнь, «духовного местонахождения» на карте человечества. Рассказ Распутина об этих событиях отличает врожденное художническое чувство такта, своя мера допустимого и возможного в описании человеческой жизни.

В 1972 появляется в печати почти не замеченная критикой очерковая повесть «Вниз и вверх по течению», герой которой — писатель Виктор — совершал паломничество из города к местам своего деревенского детства. В. Астафьев писал о ней: «Завершив очень важный начальный этап в работе, он как бы отошел чуть в сторону, чтобы взглянуть на ту дорогу, какую он сам себе торил, да и поразмыслить о дальнейшей своей судьбе, стало быть, и о судьбе родной земли» (Роман-газета. 1978. № 7). Повесть состоит из трех частей, взаимопереплетенных в повествовании. Одна в жанре путевого очерка рассказывает о нравах рабочих поселков, расположенных по берегам Ангары, др. посвящена лирическим воспоминаниям о детстве, о той поре, когда «жили бедно, но весело и дружно», об утраченной «малой родине», которая оказалась на дне Братского моря. В третьей части идет разговор о сложностях писательского ремесла, о неудовлетворенности начинающего художника, заглядывающего в бездны и тайны человеческой психики. Виктору снится свой персонаж, который осуждает его за попытку изобразить последние видения умирающего человека, ибо они непостижимы. В размышлениях героя повести находят отклик сомнения Распутина о праве художника «переступать последнюю черту», чтобы услышать голос тех, кто уже ушел с этой земли и унес с собой частицу недоступной живущим истины.

В 1973 появляется в печати один из лучших рассказов Распутина — «Уроки французского», посвященный Анастасии Прокопьевне Копыловой, матери драматурга А. Вампилова. Маленький герой рассказа — 11-летний мальчик — stalkивается с жестокой нуждой, испытывая тягостные муки голода. Находясь на грани отчаяния, он в одиночку борется за свое существование, не принимая милостыни и помощи от окружающих. Лишь молоденькой учительнице удалось обмануть его бдительность, проигравшая ему небольшие деньги в азартные и запрещенные в послевоенной школе игры. Учительница эта за «антипедагогический поступок» была с позором изгнана из школы, напомнив мальчику о последнем уроке доброты посылкой с яблоками, которых он никогда не видел. Суровый, буднично рассказ о голодной зиме дополняется современными раздумьями автора-повествователя о чувстве вины перед теми, кто помогал ему в жизни, о муках совести, настаивающей человеческую душу, о вечной неудовлетворенности собой, об утрате того духовного и нравственного богатства, которым владели в детстве.

В 1974 в журнале «Наш современник» (№ 10, 11) была напечатана повесть Распутина «Живи и помни» — одно из лучших произведений русской послевоенной прозы. Задуманная писателем как повесть о женщине «в ее природном и нравственном целомудрии», она воспринималась критикой как произведение о войне, о дезертире, сбегавшем домой, чтобы «поглядеть» на родственников и жену. Характер Настены Гуськовой максимально приближен к идеальному. Она «с самого начала мечтала отдавать больше, чем принимать, — на то она и женщина, чтобы смягчать и

сглаживать совместную жизнь, на то и дана ей эта удивительная сила, которая тем удивительней, нежней и богаче, чем чаще ею пользуются», — писал Распутин. Самоотверженная, чудесная и удивительно светлая женщина поставлена жизнью в ситуацию трагического выбора, ее душа не может примирить противоположные решения: как жить по совести, вместе со всем деревенским миром, сплоченным в горестях военной жизни, и как сохранить верность и преданность мужу, нарушившему закон братства и товарищества и бежавшему с поля боя. Преступление Андрея Гуськова отчуждает Настену от людей, лишает ее уверенности в настоящем, которое расходитя на «отдельные, равные, чужие друг другу куски», и даже долгожданный ребенок обещает ей в будущем только позор. Не умея жить без единения с общей судьбой, в разорванном мире и в измученном сознании, чтобы сохранить свою душу, Настена уходит в воды Ангары.

Повесть «Прощание с Матерой» (1976) подводит своеобразный художественный итог размышлениям Распутина о трагической судьбе деревни под колесами «научно-технической революции», осуществляемой варварскими, жестокими, антигуманными методами. Усиливается трагическое мироощущение писателя. Если в «Последнем сроке» происходило прощание со старухой Анной, исполнившей свой долг и уходящей естественной смертью, в повести «Живи и помни» — с молодой прекрасной женщиной, не сумевшей вынести тяжкого бремени вины мужа-дезертира, то в последнем произведении погибала под волнами искусственного моря Матера — русская патриархальная деревня. Время и власть обрекали на гибель не периферийные слои культуры и жизни, а ее обширные материка (не случайно деревня названа Матерой), еще живые и плодотворные. В повести нашла свое отражение философия, поэтика, мистика прощания с традиционным укладом жизни, нравственными и духовными заветами предков, которые Распутин олицетворяет в образе величественной и крепкой старухи Дарьи. Остров Матера у Распутина не просто отдельная деревня, а модель крестьянского мира, наполненного своими жителями, скотиной, зверьем, проживающим в уютном и родном ландшафте, в центре которого находится мощный лиственный, границы которого охраняет таинственный и мистический Хозяин. Здесь царят гармония и целесообразность, познание и труд, уважение к живым и почитание мертвых. Но прощание с этой жизнью совсем не элегично и благостно, оно прерывается скандалами, драками, ссорами коренных жителей и «пожогщиков», «разорителей», приехавших очищать перед загоплением территорию для будущей электростанции. На их стороне оказывается и внук Дарьи — Андрей. Молодое поколение, которое должно быть, по мысли Распутина, лучше, чем уходящее, не выполняет своей исторической роли. Поэтому писатель считает, что «цивилизация с какого-то необозначенного времени взяла неверный курс, соблазнившись механическими достижениями и оставив на десятом плане человеческое совершенствование». В патриархальной жизни содержится то зерно, которое имеет свое будущее, играет положительную роль в развитии нации, что откристаллизовалось веками как весьма ценная национальная традиция, составляющая золотой, неприкосновенный фонд культуры, обогащающий сокровищницу мировой цивилизации.

В к. 70-х — н. 80-х Распутин обращается к публицистике («Поле Куликово», «Абстрактный голос», «Иркутск с нами» и др.) и рассказам. В журнале «Наш современник» (1982. № 7) напечатаны рассказы «Век живи — век люби»,

«Что передать вороне?», «Не могу-у...», «Наташа», открывающие новую страницу в творческой биографии Распутина. В отличие от ранних рассказов, в центре которых была судьба или отдельный эпизод биографии героя, новые отличаются исповедальностью, вниманием к тончайшим и таинственным движениям души, которая мечется в поиске гармонии с собой, миром, Вселенной. «Здесь новый уровень общения людей, — писал В. Кручин, — здесь душа с душою говорит».

Философско-публицистическая повесть Распутина «Пожар» (1985) сюжетно продолжает «Прощание с Матерой». Но герои живут в поселке после переселения из затопленной, подобно Матере, деревни. И жизнь эта покапталась под гору, по варварским, хищническим законам, проявляющимся в отношении к природе, месту своего обитания, друг к другу. Вспыхнувший в поселке пожар — своеобразное наказание людям за грех беспамятства, безверия, пьянства. «Перед глазами все смешалось, — писал Распутин, — пожар изнутри и пожар настоящий, те и другие огни напылали и кипели вместе». Главный герой повести — Иван Петрович, человек совестливый и работающий, пытается противостоять напору хаоса местных «архаровцев». Но и он ощущает себя на грани истощения, на краю могилы, не может преодолеть внутренний душевный конфликт. Он понимает, что прямолинейное обличение людей, прямой призыв «жить по совести» не достигают цели. Ему не хватает творческого начала в этой борьбе со злом, которое могло бы «захватить самих “зараженных”», ибо моральное наказание невозможно без активности самого больного». Философский пафос произведений Распутина, связанный с идеей сохранности мира, природы и памяти, дополняется мотивом творчества, столь необходимым для поиска новых путей созидания. Критики отмечали в «Пожаре» черты «учительской прозы» Л. Толстого, проявляющиеся в ориентации на моральный суд и самосуд, на некоторую рационализацию сюжета, на моральную исповедь добра, гражданского и семейных ценностей. С этой традицией были связаны упреки писателю в излишней публицистичности его творчества.

Долгое время Распутин не обращается к художественному творчеству, работает как очеркист и публицист. В к. 80-х — н. 90-х появляются его очерки о Сибири («Байкал», «Вниз по Лене-реке»), размышления о «Слове о полку Игореве» («Диалог с Д. С. Лихачевым»), о Сергии Радонежском («Ближний свет издалека»), о религиозном расколе в России («Смысл давнего прошлого»), известное «Слово о патриотизме», статьи о творчестве В. Шукшина и А. Вампилова и др. В сер. 90-х в журналах «Москва» и «Наш современник» опубликованы новые рассказы писателя («В ту же землю», «Женский разговор», «По-соседски», «В больнице» и др.). Любимые герои Распутина — пожилые, совестливые люди — пытаются осмыслить новую жесткую реальность, которая представляется им страшной и трагической. Сквозь элементы церковной мистики, просвечивающей в этих произведениях, ощущается стремление писателя к Православию.

Соч.: Избр. произв.: В 2 т. / Вступ. ст. Н. Котенко. М., 1990; Век живи — век люби: Рассказы и очерки. М., 1982; Слово о патриотизме // Сибирь. 1988. № 6; Ближний свет издалека: О Сергии Радонежском // Север. 1992. № 5; В одном сибирском городе: Цикл рассказов // Роман-газета. 1995. № 17; Поминный день // Роман-газета. 1996. № 11.

Лит.: Семенова С. Валентин Распутин. М., 1987; Тендитник Н. С. Валентин Распутин: Очерк жизни и творчества. Иркутск, 1987; Котенко Н. Н. Валентин Распутин. М., 1988.

Т. Вахитова

РАТГАУЗ Даниил Максимович (25.01[6.02].1868—1937), поэт. Окончил юридический факультет Киевского университета. Начал литературную деятельность в 1893. Сотрудничал в «Русской мысли», «Биржевых ведомостях» и др. Первый сборник стихов вышел в Киеве в 1893. Камерная лирика Ратгауза, традиционная по настроениям и образам, пессимистически окрашенная, была популярна среди читателей. Мелодичность стихов Ратгауза привлекала внимание композиторов. На слова Ратгауза писал романсы П. И. Чайковский («Снова, как прежде, один», «Мы сидели с тобой» и др.), А. Т. Гречанинов, Ц. А. Кюи, С. В. Рахманинов, М. М. Ипполитов-Иванов, Р. М. Глиэр.

РЕЗЫ И ЧЕРТЫ, название древнейшей, дохристианской письменности славян. Упоминаются в сказании болгарского писателя к. IX — н. X в. Чернорица Храбра «О письменах»: «Прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но читали и гадали с помощью черт и резов». Ученые спорят о том, как выглядела эта славянская письменность, был ли у славян алфавит. Существуют две версии о «чертах и резах»: 1) славяне-язычники заимствовали готское руническое письмо; 2) славяне пользовались ирландским огамическим письмом, доставшимся от проповедников ирландского христианства. Но этим гипотезам не достает вещественных доказательств. Археологами не найдено в Дунайской Болгарии и Моравии ни одной надписи, которую с уверенностью можно назвать славянской.

Е. Галкина

РЕМИЗОВ Алексей Михайлович (24.06[6.07].1877—26.11.1957), прозаик, драматург, поэт, мемуарист. Ремизов родился в Москве в богатой купеческой семье. Его мать — М. А. Найденова происходила из рода Найденовых, известных своими культурными традициями. Дядя Ремизова — Н. А. Найденов был знаменит не только как основатель банка, крупный русский

финансист, многолетний председатель Московского биржевого комитета, но и как ученый-историк, организатор и меценат многих начинаний по изучению и сохранению исторических памятников Москвы. Библиотека А. Е. и Н. А. Найденовых составила основу библиотеки Московского биржевого комитета, а затем вошла в фонды Российской государственной библиотеки. В молодости мать Ремизова участвовала в Богородском кружке московских нигилистов. Впоследствии из-за несчастной любви она порвала с революционной средой и «назло» вышла замуж за галантерейщика М. А. Ремизова. Купцы Ремизовы жили в Москве с XVIII в. По свидетельству Ремизова, его отец стал писать свою фамилию «Ремизов», а не «Ремезов», не желая «приходить от птицы ремеза». Родив пятерых детей (младшим был Ремизов), М. А. Ремизова разошлась с мужем и поселилась по воле братьев во флигеле на территории фабрики Найденовых. Для Ремизова образ матери был окружен ореолом страдания.

Она стала прототипом многих трагических женских персонажей его произведений. С детства проявились способности Ремизова к каллиграфии, рисованию и литературе. Ремизов написал свой первый рассказ в возрасте 7 лет.

Отец Ремизова умер в 1883. В 1884 Ремизов вместе с братом Виктором начал учиться в 4-й московской гимназии, но из-за слабого здоровья Виктора Ремизов вместе с ним был переведен в Александровское коммерческое училище.

В 1895 Ремизов поступил вольнослушателем на естественное отделение математического факультета Московского университета, посещал лекции на историко-филологическом и юридическом факультетах. По своим политическим взглядам был близок социал-демократам. За участие в беспорядках и марксистских кружках отправлен в ссылку.

В 1903 в ссылке в Вологде Ремизов сделал окончательный выбор между политической деятельностью и литературным творчеством. Духовная атмосфера Вологды, названной в воспоминаниях Ремизова «Северными Афинами», способствовала раскрытию литературного дарования Ремизова. Первое опубликованное произведение — «Плач девушки перед заму́жством» — было напечатано в газете «Курьер» в 1902 под псевд. Николай Молдаванов.

С 1 февр. 1905 Ремизов получил разрешение на проживание в столицах, переехал в Петербург, где служил в редакции символистского журнала «Вопросы жизни». Вошел в модернистскую среду, сблизился с *Вяч. Ивановым*, *А. Бельм*, *А. Блоком*.

Основной ранних произведений Ремизова стали впечатления детства, юности, годов ссылки. Автобиографизм остался неотъемлемой чертой творчества Ремизова до конца его жизни. Согласно Ремизову, главная тема его произведений: «Основной вопрос о судьбе, о человеке и о мире: о человеке к человеку и о человеке к миру. — Что есть человек человеку? — Человек человеку бревно, стена. Человек человеку подлец. Человек человеку дух-утешитель». Из русских писателей-классиков своими главными литературными учителями Ремизов называл *Ф. Достоевского*, *Н. Лескова*, *Н. Гоголя*. На творчество Ремизова оказали воздействие философские и эстетические концепции европейского модернизма. Ремизов испытал идейное воздействие древних гностических учений, концепций. Значимым духовным источником творчества Ремизова явилась также русская народная культура.

Роман «Пруд» (1905) — первое значительное произведение Ремизова. В основе сюжета — судьба потомка купеческого рода Николая Огорелышева. Используя отдельные факты своей биографии (история матери, эпизоды из времен своего детства, ссылки), Ремизов создал произведение о бесысходном трагизме бытия, безвинных человеческих страданиях, обусловленных волей Рока. Сюжетное повествование чередовалось с лирическими «запевами» и «концовками» глав, как бы скрепляющими воедино мозаичные отрывки. А. Белый назвал роман «преталантливой путаницей», где все главы — «сплошная лирика». Сходная трактовка причин людских бедствий и господства зла в человеческих душах раскрыта в ранних рассказах Ремизова «На этапе» (1903), «Серебряные ложки» (1906), «Крепость» (1906), в повести «Часы» (1908).

Для Ремизова народное мирозерцание было наиболее близко к постижению светлых первооснов бытия. В 1907 Ремизов создал свою самую радостную и любимую книгу — сборник сказок «Посолонь», в которой обратился к переработке фольклорных текстов. Задача писателя — восстановить скрытый под поздними наслоениями миф, воплощающий народный взгляд на мир. Времена года сменяются «посолонь» (по ходу движения солнца). Каждому из них соответствуют древние обряды, сохранившиеся в *сказках*, *загадках*, *считалках*, *играх*. Приключения сказочных героев (Чучелы-Чумичелы, Зайки, Кота-Котофеича и

др.) разворачиваются на фоне поэтических описаний жизни природы. Сказки Ремизова получили высокую оценку как в художественных кругах (А. Блок, *М. Волошин*, Вяч. Иванов, А. Белый и др.), так и в научной среде (акад. А. А. Шахматов выдвинул книгу Ремизова на соискание Пушкинской премии Академии наук).

С сер. 1900-х Ремизов стал перерабатывать памятники древнерусской литературы. Эта работа продолжалась более 50 лет. Ремизов был убежден во внутреннем единстве русской культуры и видел свою задачу в восстановлении разорванных связей между ее новыми и древними пластами. В человеческой памяти, считал Ремизов, жива «прапамять» о прошлом, которое т. о. является частью настоящего. «В моих “реконструкциях” старинных легенд и сказаний не только книжное, — отмечал Ремизов, — а и мое — из жизни — виденное, слышанное и испытанное. И когда я сидел над старинными памятниками и, конечно, неспроста выбирал из прочитанного, а по каким-то бессознательным воспоминаниям — “узлам и закрутам” моей извечной памяти». В 1907 Ремизов написал первую книгу переработок древних сказаний «Лимонарь» (в переводе с греческого — «луг духовный»). Ее сюжеты основаны на народных версиях библейских событий, являющихся «отреченными», т. е. не принятыми как церковная догма.

В 1907 была поставлена пьеса Ремизова «Бесовское действо» (реж. Ф. Ф. Комиссаржевский, декорации М. В. Добужинского), принесшая автору скандальную славу. Это — притча о жизни и смерти, основанная на материале фольклорных и древнерусских произведений. Вслед за ней Ремизов написал пьесы «Трагедия о Иуде» (1908) и «Действо о Георгии Храбром» (1912), в которых воскрешал традиции народного театра. В «Трагедии о Иуде» впервые появился обезьяний царь Асыка, раздающий ордена — «обезьяньи знаки», которому была суждена долгая жизнь в творчестве Ремизова.

Мир света и радости был связан для Ремизова с миром мечты. Он находил его в сказочном далеке, в прошлом Древней Руси и в мифологическом пространстве придуманной им Обезьяньей Великой и Вольной Палаты (Обезвелволпала) — шуточного «тайного» общества, игры для детей и взрослых. Его фантастические основатели — обезьяны — были существами сродни лошадям — гуингнгам Дж. Свифта. Они презирали человеческое сообщество, основанное на корысти, чванстве и зле, и принимали в свои ряды только добрых, талантливых и веселых людей. Возглавлял общество никем никогда не видимый и никому не ведомый царь обезьяний Асыка Первый Обезьян Великий. Всеми делами за него управлял Ремизов — бессменный канцеляриус Обезвелволпала. Ремизов раскрывал от имени и за подписью царя Асыки жалованные грамоты людям, заслужившим честь быть принятыми в члены Ордена. Первые обезьяньи «знаки» были выданы в 1908, последние — в 50-е.

Повесть Ремизова «Крестовые сестры» (1910) стала этапным произведением, поставившим писателя в первые ряды литературной элиты тех лет. Она продолжала традиции петербургской темы *Пушкина*, Гоголя, Достоевского и по-новому раскрывала ремизовскую концепцию рока, тяготеющего над судьбами героев. «Бурков дом», где жил главный герой — отставной чиновник Маракулин, осмыслялся как символ всего Петербурга и, шире, построенной имп. Петром русской державы, где страдают многие. Глубине тематики соответствовали отточенность формы и музыкальность языка.

Собрание сочинений Ремизова, вышедшее в 1910—12, показало целостность художественного мира Ремизова,

парадоксально соединившего в себе балагура и сказочника и изобретателя кошмара и ужаса повседневной действительности. Соединение обеих сторон бытия было принципиально для Ремизова, писавшего о центральной теме своего творчества: «Страды мира, беда человеческой жизни — как трудно жить на свете! Люди со средствами и те, что обречены на нищету, они одинаково тягостятся жизнью. А другая сторона — смешная». В 1912 Ремизов написал повесть «Пятая язва», посвященную исследованию сути народного характера на протяжении русской истории от древнейших времен до современности. Главный герой повести, «пятая язва» маленького городка следователь Бобров трагически отделен от своего народа, который он считает себя вправе судить и осуждать. На концепции повести сказалось усиление роли христианского идеала в мировоззрении Ремизова. Критики отметили эстетическое и общественное значение произведения Ремизова. В письме Ремизову А. Белый отметил, что для него «Пятая язва», как и цикл стихов Блока «Куликово поле», — «произведения вещи».

Во 2-й пол. 10-х Ремизов публикует сборник сказок и переработок древнерусских легенд («Докука и балагурье», 1914; «Весеннее порошье», 1915; «За Святую Русь», 1915; «Укрепка», 1916) и протает над романом «Ров львиный» («Канава», 1914—19).

В годы революции Ремизов пережил творческий подъем. Он воспринял революцию как мировой пожар, в огне которого уничтожается старое и рождается новое. О преобладающей силе революционного огня Ремизов писал в хронике февральской революции «Всеобщее восстание» (1918), переработке высказываний философа Гераклита «Электрон» (1919), книге «Огненная Россия» (1921) и в обобщающей книге «Взвихренная Русь» (опubl. в 1927). Для Ремизова революция — это и разрушение старой «Святой Руси», т. е. христианского мирозерцания, которое Ремизов считал одной из главных основ народного мироприятия. Этой стороны Ремизов не принял ни в февральской революции, ни в октябрьском перевороте. Наиболее программно скорбь по концу огромного периода русской истории выражена Ремизовым в «Плаче о погибелю русской земли» (написан 5 окт. 1917). По Ремизову, никакое социальное переустройство жизни не принесет результатов без нравственного возрождения людей. «Было бы ошибочно думать, — писал Ремизов в дневнике 1917, — что царствие Божие это какое-то справедливее устройство на земле, какие-то дома и храмы и, конечно, отхожие места самого последнего слова. <...> Для того чтобы наслаждаться в царствии Божием, при утонченной совести — надо не иметь совести — и вот Божия Мать, как воплощение совести, хождение ее по мукам и есть образец того, что никогда не осуществимо царство Божие при наших условиях на нелегкой земле». В 1921 Ремизов с женой покинул Советскую Россию. С 1923 жил в Париже.

Годы эмиграции были для Ремизова годами постоянной тоски о России, но также временем плодотворной творческой работы. 20—30-е — время создания и обдумывания основных книг Ремизова, основанных на автобиографическом материале. Погружение в глубины своего «я», в воспоминания стало неисчерпаемым источником творчества Ремизова. При этом он понимал «память» не только как реальные воспоминания, но и как глубокую «прапамять» о своем перевоплощении в иных обличьях на протяжении разных эпох. С н. 30-х до 1949 Ремизову не удастся публиковать свои книги отдельными изданиями, поэтому большинство созданных до второй мировой войны произведе-

ний опубликовано позднее. Времени детства посвящена книга воспоминаний «Подстриженными глазами» (1951), годам ссылки — книга «Иверень» (опубл. в 1986), петербургскому периоду жизни Ремизова — книга «Встречи. Петербургский буррак» (частично опубл. в 1981), годам парижской эмиграции — «Учитель музыки» (опубл. в 1981). На основе рассказов жены Ремизов написал книги о ее жизни — «Оля» (1927), «В розовом блеске» (1952).

Погружение в мир легенд, сказок и древнерусских сказаний стало для Ремизова еще одним мысленным путем на русскую землю. Он публикует сборник переработок сказок и церковных легенд «Три серпа» (Т. 1 и 2, 1927), «Образ Николая Чудотворца» (1931), «Голубиная книга» (1946) и др. Начиная с к. 20-х Ремизов создал цикл пересказов древнерусских повестей о любви и судьбе («Соломония», «Савва Грудцын», «Брунцвиг», «Мелюзина», «Бова Королевич», «Тристан и Исольда», «Повесть о двух зверях: Стефанит и Ихнелат», «О Петре и Февронии Муромских», «О Григории и Ксении Тверских» и др.). Их герои — книжники и мечтатели, испытывавшие фантастические приключения и великую любовь, почти всегда заканчивающуюся трагично.

С н. 30-х Ремизов обратился к жанру рукописных книг-альбомов, создав целые серии рисунков к своим произведениям. П. Пикассо, М. Ларионов, В. Кандинский, Н. Гончарова, М. Добужинский и мн. др. художники высоко ценили творчество Ремизова-графика. Ю. Анненский отмечал, что «Ремизов несомненно мог бы рисовать, как Серов, как Репин или как Маяков. Но их музы его не вдохновляли. <...> Ремизов создавал полудетские, полузрелые графические фантазмагории, удивлявшие меня игрушечностью при глубокоом графическом мастерстве. Он рисовал замечательно и диковинно». В конце жизни книги Ремизова издавались мизерными тиражами в созданном друзьями Ремизова специально для публикации его произведений издательстве.

Соч.: Соч. Т. 1—8. Пб., 1910—12; Докука и балагурье: Русские сказки. Пб., 1914; Три серпа. Т. 1—2. Париж, 1927; Неумный бубен. Кишинев, 1988; Огонь вещей. М., 1989; Избранное. Л., 1991; Взвихренная Русь. М., 1991; Соч. Т. 1—2. М.; Павлиным пером. СПб., 1994.

Ист.: Русские писатели. XX век. Биографический словарь. Т. 2. С. 259—263. М., 1998.

А. Грачева

РЕФОРМА ТРЕДИАКОВСКОГО, опыт теоретического и практического создания системы русского стихосложения, изложенный автором в книге «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» (т. е. терминов), изданной в 1735. Суть реформы состояла в том, что, соблюдая равностопие в определенных силлабических размерах, В. Тредиаковский ввел обязательную константность ритма, при которой ударные слоги должны совпадать с метрическими акцентами; тем самым Тредиаковский осудил ритмическую инверсию в стихе. Старые вирши с их неуклюже инверсированным ритмом он остроумно назвал «не прямыми» стихами. Подчеркивая решающую роль ударных слогов в формировании устойчивого константного ритма, Тредиаковский назвал свою систему «тонической» (*гrec.* — напряжение, удар), или «ударительной». Ударные слоги он условно, подражая античной метрике, называл долгими, а безударные — короткими. Первоначально Тредиаковский установил четыре стопы: хорей, или трохей, ямб, спондей, пиррихий, что свидетельствует о признании в русском реформированном стихе двусложной стоп. Двусложие

было негативной нормой и в виршевой просодии, хотя в своем «Письме... о сложении стихов русских» А. Кантемир писал: «§19. Стихи русские могут составлены быть от тринадцати до четырех слогов. §20. По моему мнению, рассуждение стоп в составлении всех оных излишно. Но нужно наблюдать, чтоб во всяком стихе на некоторых двух слогах лежало ударение голоса». Исходя из структуры силлабических тринадцатисложников и одиннадцатисложников, нужно думать, что Кантемир имел в виду такие ударные слоги в стихе, которые поддерживают инерцию ритма: один слог в первом полустииши, а другой — во втором полустииши. В первом полустииши таким опорным слогом был ударный слог на цезуре, а во втором — ударный слог на женской рифме.

Из силлабических размеров Тредиаковский подверг реформе (скорее модернизации) в первую очередь тринадцатисложник и одиннадцатисложник. Тредиаковский считал совершенными те стихи, в которых фигурируют только хорейские стопы, затем «средней доброты» он считал те стихи, где большая часть стоп состоит из спондеев или пиррихийев, и, наконец, «тот весьма худ, который весь ямбы составляет, или большая часть оных». Ямбами среди хореев Тредиаковский считает случаи ритмической инверсии. Отсюда видно, что он безоговорочно признавал стихи только константного ритма и отрицал стихи с ритмической инверсией, которая, по его мнению, была незаконным вторжением «ямбов» в хорейскую среду. Тринадцатисложник он определил как «стих Героический Российский», который «состоит в тринадцати слогах, а в шести стопах...». Для примера Тредиаковский взял строку Кантемира и разбил ее следующим образом:

—	—	1	—	∪	2	—	∪	3	—	∪	4	∪	∪	5	—	∪	6
1	2		3	4		5	6		7	8	9	10	11		12	13	
Ум	толь		сла	бий		плод	трудо		до	крат	ки	я	на		у	ки	
1	2		3	4		5	6		7	1	2	3	4		5	6	
		1			2			3				4			5		6

«Через сию схему выразуметь, да и видеть можно, — писал Тредиаковский, — что наш героический стих есть эксаметр, то есть шестимерный, не считая слог пресечения долгий, для которого он гиперкаталектическим, то есть лишним слог вне числа стоп имеющим называться может». Здесь Тредиаковский допустил большую теоретическую и фактическую ошибку: вопреки своей же теории о двусложном «хорейском» начале, он неправильно разбил тринадцатисложник на неравные составные части, подогнав свою двусложную схему под «эксаметр», т. е. под шестистопник; для этого в четвертую «стопу» он поместил три слога вместо двух, игнорируя т. н. «пресечение», т. е. паузную цезуру. Даже с точки зрения теории двусложности кантемировский стих следовало бы разбить так:

| Ум толь | слабый | плод трудов ^ || краткия науки|.

Получается семистопный хорей с паузной цезурой посредине. Но если принять во внимание не только однодольную срединную паузу на цезуре, но и двусложную структурную паузу в конце стиха и рассмотреть эту формуляцию как систему двусложника, а как четырехдольник, то мы получим правильный тактометрический период — четырехкратный четырехдольник первый:

| Ум толь слабый | плод трудов ^ || краткия науки. ^^ |.

Как мы видим, здесь нет даже намека на шестистопность и на гексаметр. Механизм реформы стиха Тредиаковского ста-

нет понятным, если сравнить дореформенный и пореформенный варианты его тринадцатисложника. Вот вариант дореформенный — «не прямой» стих с ритмической инверсией («ямбы» среди «хореев»):

Ах, не возмож	но сердцу ^	пробить без пе	чали, ^^
Хоть уж и глаза мои ^	плакать не пре	стали: ^^	
Ибо сердеч	на друга ^	не могу за	быти, ^^
Без которо	го всегда ^	принужден я	быти. ^^

А теперь рассмотрим вариант послереформенный, «выпрямленный» стих, где всюду константный ритм, ударные слоги совпадают с метрическими акцентами:

Не возможно	сердцу, ах, ^	не иметь пе	чали, ^^
Очи також	де еще ^	плакать не пре	стали: ^^
Друга мило	го весьма ^	не могу за	быти, ^^
Без которо	го теперь ^	надлежит мне	быти. ^^

В той же книге Тредиаковского помещены «Стихи, научающие добронравию человека», перевод с французского (Фенелон). Переводчик писал: «Нарочно сочинены российским новым экзаментом для примеру». В этих стихах тоже четкий константный ритм:

Отдавай то	все Творцу, ^	долг что отда	вати; ^^
Без рассудка ж	ничего ^	ти б не начи	нати, ^^
Токмо с добры	ми людьми ?	в жизни сей дру	жися; ^^
А таланты	чрез твои ^	никогда не	льстися. ^^

Конечно, эти сравнительно легкие тринадцатисложники отличались и ритмом и языком от тяжелых, с неуклюжей ритмической инверсией, стихов *Симеона Полоцкого*:

Чин купецкий без греха ^	едва может быти, ^^		
На многи бо	я злобы ^	враг обыче	лстити; ^^
Изряднее	лакомство ^	в купцах оби	гает, ^^
Еже в многи	е грехи ^	оны убеж	дает. ^^

Закончив свои замечания о тринадцатисложнике, Тредиаковский обратился к одиннадцатисложнику. Он писал: все, что сказано о «Героическом нашем стихе», относится и к одиннадцатисложнику. Но и здесь он допустил ошибку, причислив этот стих к пентаметру; он разбивал строку следующим образом:

| Силы | в серебр|е всяк ску|пой не | знает, |
| Срамно | то, ког|да в землю | зары|вает. |

Ритмологическая разбивка стихов должна быть такой:

| Силы в серебр|е ^ || всяк скупой не | знает, |
| Срамно то, ког|да ^ || в землю зары|вает. |

То есть строка одиннадцатисложника состоит из сдвоенного шестидольника первого. Силлабический одиннадцатисложник А. Кантемира имеет «непрямой» ритм, он инверсирован:

Кто любит Бо	га, ^	не ревнуй лу	кавым,	
Ниже зави	ди ^		грешникам не	правым,
Ибо исче	знут, ^		яко трава,	вскоре,
Яже зеле	на ^		при утренней	зоре,
И цвет ей кра	сен, ^		скрепленный ро	сою,
Потом увя	нет, ^		посечен ко	сою.

Современник В. Тредиаковского, молодой А. Сумароков быстро усвоил технологию реформированных одиннадцати- и тринадцатисложников с константным ритмом; через 5 лет после выхода в свет «Нового и краткого способа...» в 1740 он напечатал 2 поздравительные *оды* имп. Анне. Первая ода была написана «выпрямленным» одиннадцатисложником:

Как теперь на	чать ^		Анну поздрав	ляти,
Не могу ког	да ^		слов таких сы	скати,
Из которых	ей ^		похвалу спле	тати,
Иль неволей	мне ^		будет промол	чати?

Вторая ода была составлена тринадцатисложником с незначительными отступлениями от константного ритма:

О, Россия,	веселись, ^		монархиню	видя, ^^
Совершенну	ю в дарах ^	на престоле	сидя, ^^	
И, играя,	возопий: ^	«Анна мной вла	деет! ^^	
Чем против мя	устоять ^	никто не умеет». ^^		

Необычайно популярный в эпоху виршевиков, тринадцатисложник остается ходовым размером стиха и после реформы Тредиаковского вплоть до наших дней. Можно лишь напомнить, что «Светлана» В. Жуковского, «Генерал Топтыгин» Н. Некрасова и стихотворение М. Исаковского «Дайте в руки мне гармонь, золотые планки» написаны константным тринадцатисложником, лишь кое-где у Некрасова встречается случайная ритмическая инверсия:

Свечерело.	Дрожь в конях, ^
Стужа злее	на ночь; ^^
Заворочался	в саях ^
Михайло И	ваныч. ^^

(Н. Некрасов)

Следует особо подчеркнуть правоту В. Тредиаковского, который утверждал, что в одиннадцати- и тринадцатисложнике может быть только женская рифма. М. Ломоносов не понял в данном случае Тредиаковского и придирчиво с ним полемизировал; ритмическое чутье, однако, не обмануло Тредиаковского. К этим размерам не подходят ни мужские, на трехсложные рифмы. В этом можно убедиться, прочитав следующие одиннадцатисложники *Симеона Полоцкого* с рифмами всех трех типов; рифмы звучат естественно лишь в последнем двустишии:

Отче мой дра	гий! ^		Отче любя	знейший!
Аз есмь по вся	дни ^		раб ти смири	нейший.
Не смерти ско	ро ^		аз желаю	тебе,
Но лет премно	гих, ^		як самому	себе,
Честнии ру	це ^		твои лобызаю,	
Честь воздая	ти ^		должду обещаю.	

(«Комидия о блудном сыне»)

Остается добавить, что в своей небольшой книге «Новый и краткий способ...» Тредиаковский первым среди русских поэтов дал образцы таких форм поэзии, как сонет, рондо, эпистола, элегия, ода, мадригал, эпиграмма. Первый опыт четырехстопного ямба с женскими рифмами принадлежит тоже Тредиаковскому, но ритм стихов колеблющийся, инверсированный:

Что то за злость? И что за ярость?
Что за смрадна пороков старость?
... Чудовище свирепо, мерзко,
Три головы подъемлет дерзко;
Тремя сверкает языками!
Яд изблевать уже готова:
Ибо наглостию сурово,
Тремя же зевает устами.

В примечании к оде, из которой взят этот отрывок, Тредиаковский писал: «Сочинена для примера простого российского стиха».

А. Квятковский

РИФМА (*греч.* — соразмерность), композиционно-звуковой повтор преимущественно в конце двух или нескольких стихов, чаще — начиная с последнего ударного слога в рифмуемых словах. В русских пиитиках (XVI—XVIII вв.) этот повтор назывался «красоогласием». Определенные рифмы как концевое созвучие не совсем точно, т. к. известны случаи начальных и внутренних рифм. На протяжении истории поэтического искусства структура рифм менялась и меняется. Не влияя непосредственно на ритмостроение стиха, рифма тем не менее играет исключительную эвфоническую и организующую роль в стихе, особенно при строфической композиции стихотворения. В античной поэзии рифмовка стиха как система не применялась; рифмы в античных стихах — явление случайное, чаще в середине и в конце одного и того же стиха. В европейской поэзии рифма, как обязательный эвфонический и мнемонический прием, появилась поздно; подобное явление наблюдается в литературах всех народов. В русской народной поэзии система рифмовки — также сравнительно позднее явление, хотя отдельные случаи рифм наблюдаются уже в древнерусских литературных произведениях («Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Повесть о Горе-Злочасти»). Русские т. н. досиллабические вирши были свободной, не стопной формацией со смежными рифмами; по своей структуре они имеют много общего с *раешным стихом* и, очевидно, вышли из народной поэзии. Теория рифмы русского классического стиха хорошо разработана; по своим формам и положению в стихе рифмы можно разделить в основном на следующие группы.

По слоговому объему рифмы делятся на мужские (ударение на последнем слоге), женские (ударение на предпоследнем от конца слоге), дактилические (ударение на третьем от конца слоге), гипердактилические (ударение на четвертом от конца слоге). Если рифма оканчивается гласным звуком, она называется открытой, если оканчивается согласным звуком, — закрытой.

По характеру звучания различаются рифмы: точные и приблизительные, богатые и бедные, *ассонансы*, диссонансы, составные, тавтологические, неравносложные, разноударные.

По положению в стихе рифмы бывают: конечные, начальные, внутренние; по положению в строфе — смежные, перекрестные и охватные (или опоясанные).

В отношении кратности повторов различаются рифмы парные, тройные, четверные и многократные.

Стихи без рифмы называются белыми, неточные рифмы — «рифмоидами».

А. Квятковский

РОДИОНОВ Иван Александрович (21.10[2.11].1866—24.01.1940), писатель и общественный деятель. Родился в станице Камышевской области Войска Донского в дворянской казачьей семье. Получил военное образование. В качестве командира казачьей сотни участвовал в подавлении революционной смуты 1905. Выйдя в отставку, проживал в Новгородской губ.

Большую известность Родионову принес роман «Наше преступление» (СПб., 1909), впоследствии неоднократно переиздававшийся. В нем Родионов ярко показал «разобщение русского культурного класса с народом», что грозило России падением в «бездну, провал, дно».

Страшным злом для страны Родионов считал народное пьянство. Он постоянно заявлял: «По моему глубокому убеждению — Россия гибнет от двух главных причин: еврея и алкоголя».

Убежденный патриот-монархист Родионов принял участие в монархическом движении. В 1912 выступил в Русском собрании с двумя докладами («Неужели гибель?»), в которых показал, как «мы, арийцы, передовой авангард и главные силы созидательного человечества, приняли и беспрерывно принимаем на себя самые сокрушительные удары еврейства». И выступил с призывом: «Единственно идеальное решение еврейского вопроса, это полное изгнание евреев из русской земли».

Тогда же Родионов стал членом сформированной В. М. Пуришкевичем «Комиссии по разбору имеющихся на книжном рынке учебников». Результатом работы Комиссии стал коллективный труд «Школьная подготовка второй русской революции» (СПб., 1913), направленный на оздоровление начальной школы.

Произведения Родионова печатались в издании Русского народного союза им. Михаила Архангела журнале «Прямой путь».

Как боевой офицер Родионов в годы первой мировой войны был награжден 4-мя боевыми орденами. В 1917 отказался присягнуть Временному правительству. Поддержал выступление генерала Л. Г. Корнилова, был арестован и заключен в Быховскую тюрьму вместе с будущими вождями Белой добровольческой армии. Вышел на свободу накануне большевистского переворота и уехал на Дон.

Во время гражданской войны Родионов участвовал в 1-м Кубанском Ледяном походе белых добровольцев, о чем впоследствии написал книгу «Жертвы вечерние» (Берлин, 1922). Затем был редактором органа правительства генерала П. И. Краснова газеты «Донской край». Одновременно издавал в Новочеркасске патриотическую газету «Часовой» (с сатирическим приложением «Крапива»). На страницах этой газеты Родионов опубликовал в 1918 «Сионские протоколы», вскоре вышедшие 2-мя отдельными изданиями и получившие широкое распространение на юге России.

В нояб. 1918 Родионов принял участие в проходившем в Ростове-на-Дону монархическом съезде, на котором, в частности, присутствовали видные монархисты Г. Г. Замысловский и В. А. Образцов. По итогам съезда Родионов был избран членом Юго-восточного краевого монархического центрального Комитета, созданного в целях «дальнейшего содействия пропаганде монархических идей и восстановлению монархии в единой неделимой России».

Гражданскую войну Родионов закончил в чине полковника. В эмиграции жил в Германии и Югославии. По-прежнему участвовал в монархическом движении: в 1923 стал помощником председателя Берлинского монархического объединения, избирался делегатом на Российский зарубежный съезд в Париже в апр. 1926. В мае 1938 в Белграде под председательством Родионова состоялась «встреча русских людей, верных заветам великого прошлого императорской России», на которой он произнес «красивую речь о монархизме и монархичности всего Русского» («Партизан» [Белград], 1938, № 9).

В эмиграции Родионов выпустил ряд новых книг, наполненных размышлениями о трагической судьбе России. Главного виновника русской трагедии он видел в «гангренозной заразе человечества — вездесущем жиде». Описывая кошмары большевистской революции, Родионов подчеркивал: «И над этим бездонным ужасом, сплошными муками и смертью царит налившийся христианской кровью ненасытный паук-жид».

Его нечистые ноги осквернили нашу священную землю, его зловонные уста заразой смерти наполнили наш родной воздух, наши богатства перешли в его карманы».

Ведь «жиду надо истребить нас, чтобы некому было простоваться, чтобы не осталось под небом живых свидетелей его вопиющих злодеяний, спорщиков и наследников к украденному им русскому имуществу, чтобы имущество это в конце концов оказалось выморочным».

Когда же «русский народ вымрет поголовно... на месте недавней великой Российской империи окажется необъятная пустыня, куда со всех концов земли нахлынут новые насельники».

И Родионов делает пророческое предупреждение: «Теперь у нас, русских, нет друзей. Мы почти сплошь окружены врагами. Человечество, как черное воронье перед издающей скотиной, алчными глазами следит за нашим умиранием, чтобы накинуться на нас, как на падаль, и каждый из народов ревниво следит за другими, чтобы конкуренты не опередили его в наживе нашими землями и нашим добром, когда нас не будет на свете».

Каждый из народов облюбовал себе жирные куски и уже заранее подсчитывает барыши.

В этом они ошибутся и ошибутся жестоко. Они сами упадут в ту самую яму, которую всеми мерами помогали жидам вырывать и углублять для нас, и упадут в тот момент, когда мы уже выкарабкаемся из нее» («Казачий сборник» [Берлин], 1922, № 1).

Итоговому произведению Родионова стало большое сочинение «У последних свершений», отрывки из которого были изданы в виде самостоятельных книг — «Сыны дьявола» (Белград, 1932) и «Царство сатаны» (Берлин, 1937).

В «Сынах дьявола» в художественной форме изложена сущность «Протоколов Сионских мудрецов». Эта книга вызвала положительный отклик главы Русской Православной Зарубежной Церкви митр. Антония («Царский вестник» [Белград], 1932, № 286). А бывший лидер Союза русского народа Н. Е. Марков рекомендовал иметь ее каждому русскому патриоту («Мировая служба» [Эрфурт], № 4).

Соч.: Решение еврейского вопроса. М., 2000; Тихий Дон. СПб., 1994.

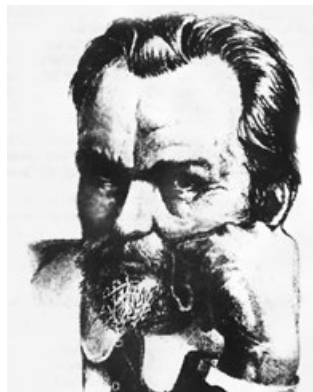
С. Наумов

РОЖАЛИН Николай Матвеевич (30.03[11.04].1805—1834), писатель, переводчик. Родился в Москве. Окончил Московский университет в 1824. Знарок греческого, латыни и немецкой литературы, один из главных участников *Общества любомудрия*. Рожалин — близкий друг поэта *Д. В. Веневитинова*, посвятившего ему 2 стихотворных послания 1824 и 1826. Рожалин перевел труды немецкого историка А. Л. Герена «О древней торговле», «О Магабарате» (опубл. в «Московском вестнике», 1827). Наиболее крупная работа Рожалина — перевод «Страданий молодого Вертера» И. В. Гете (Ч. 1—2, 1828—29). Многие подготовленные к печати работы Рожалина погибли при пожаре.

Лит.: Кошелев А. И. Записки (1812—1883). Берлин, 1884; (Калопанов Н.) Биография А. И. Кошелева. Т. 1. Кн. 2. М., 1889. С. 120—25; Стратен В. В. Н. М. Рожалин, идеалист 20-х гг. XIX в. // Уч. зап. Высшей школы г. Одессы. Т. 2. 1922; Литературные салоны и кружки. М.; Л., 1930.

РОЗАНОВ Василий Васильевич (20.04.1856—5.02.1919), мыслитель, писатель, публицист. Родился в Ветлуге (Костромской губ.). Детские годы его прошли в нищете. Закончил Московский университет. С 1899 до 1917 постоянный сотрудник русской патристической газеты «Новое время», соратник ее издателя А. С. Суворина. По своим воззрениям был близок к *славянофилам*, разделял с ними веру в начала соборности,

общинности, совместного владения землей и склонности к артельной форме труда, видя в полном развитии этих начал обещание жизни «более высокой, гармоничной и примерной, нежели в какой томится Европа». Важнейшим вопросом общественной жизни считал семью, тесно связывая ее с темой

пола. Именно через пол, полагал Розанов, человек связан со всей природой. Пол — нечто мистическое, глубинная тайна его не может быть познана. «Связь пола с Богом — большая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом». В ряде случаев Розанов позволяет себе неосновательную, довольно поверхностную критику христианства, превращая свою религиозную философию в апологию земных радостей обыденной жизни. Основные труды:

«Легенды о Великом Инквизиторе» (1891), «Семейный вопрос в России» (т. 1—2, 1903), «Темный лик. Метафизика христианства» (1911), «Уединенное» (1912), «Опавшие листья» (1913—15), «Апокалипсис нашего времени» (1917—18).

Особое внимание Розанов уделял еврейскому вопросу, считая его важнейшим вопросом всемирной истории. В своей книге «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» Розанов раскрывает тайны иудейских ритуалов, во время которых иудейские сектанты умерщвляли христианских детей. Исследовав убийство Андрея Ющинского, Розанов делает вывод, что мальчик стал «жертвой ритуала и еврейского фанатизма», имевшего для иудеев высший религиозный смысл. «Как мало мы знаем еврейство и евреев! — делает вывод из своего исследования Розанов. — Мы ведь совсем их не знаем. Как они умело скрывают под фиговым листом невинности силу громадную, мировую силу, с которой с каждым годом приходится все больше и больше считаться».

О. Платонов

В историю отечественной словесности Розанов вошел и как замечательный историк литературы, острый и независимый критик, суждения которого лишены однозначности в оценке литературных явлений.

В статье «Возле русской идеи» (1911) Розанов не без основания утверждает, что русская литература, будучи «сплошным гимном униженному и оскорбленному человеку, открыла западному читателю эру нового нравственного миропонимания». Русские классики, по его мнению, внесли нечто совершенно новое во всемирную словесность: «Русская точка зрения на вещи совершенно не походит на французскую, немецкую, английскую; совершенно другая; она оспаривает их и почти хочется сказать — побеждает их. Русское воззрение на вещи, на лицо человеческое, на судьбу человеческую... все это выше, одухотвореннее, основательнее и благороднее. Вся сосредоточенность мысли, вся глубина, все проникания у нас относятся исключительно к душе человеческой, к судьбе человеческой, и здесь по красоте и возвышенности, по верности мысли Русские не имеют соперников». Именно в этом причина необыкновенного и исцеляющего воздействия отечественной классики на зарубежных читателей, воздействие «не на формы творчества, а на душу, разумеющую и чувствующую».

Однако, в целом, отношение Розанова к русской классике было неоднозначно. *Тургенев, Толстой, Достоевский, Гончаров*, по его словам, «возвели в перл нравственной красоты и духовного изящества слабого человека, безвольного, в сущности ничтожного человека, еще страшнее и глубже — безжизненного человека, который не умеет ни бороться, ни жить, ни созидать, ни вообще что-либо делать: а вот видите ли великолепно умирает и терпит!!!» («Мысли о литературе»).

Самые, пожалуй, резкие, почти злые слова в адрес русской классики содержатся в «Апокалипсисе нашего времени»: «По содержанию литература русская есть такая мерзость бесстыдства и наглости, — как ни единая литература. Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, а литература занималась только “как они любили и о чем разговаривали”... Да уж давно мы писали в “золотой век своей литературы”: “Дневник лишнего человека”, “Записки ненужного человека”. Тоже — “праздного человека”. Выдумали “подполья” всякие... Мы как-то прятались от света солнечного, точно стыдясь за себя».

Главный порок отечественной литературы Розанов видел в «непонимании и отрицании» России, в том, что она, начиная с сатир *Кантемира* и *Фонвизина*, не просто хулила, но проклинала российскую действительность: «После того, как были прокляты помещики у Гоголя и Гончарова (“Обломов”), администрация у Щедрина (“Господа ташкентцы”) и история (“История одного города”), купцы у Островского, духовенство у Лескова (“Мелочи архиерейской жизни”), и, наконец, вот самая семья у Тургенева, русскому человеку не осталось ничего любить, кроме прибауток, песенок и сказочек. Отсюда и произошла революция».

Эти слова были написаны в 1918, а еще ранее, в 1911, Розанов писал, что послегоголевская литература подготавливала «конец России»: «Бунин в романе “Деревня” каждой строкой твердит: “Крестьянство — это ужас, позор и страдание”. То же говорит Горький о мешанах, то же гр. А. Н. Толстой — о дворянах... Ну, если правду они говорят, тогда России, в сущности, уже нет, одно пусто место, которое остается завоевать “соседнему умному народу”, как о том мечтал Смердяков в “Братьях Карамазовых”».

Особое внимание уделяет Розанов роли *Гоголя* и *Лермонтова* в литературной и духовной жизни России. Великого прозаика-сатирика и великого поэта-лирика Розанов называет необыкновенными точками в истории русского духовного развития. Оба они, по словам критика, имеют «параллелизм себе в жизни здешней и какой-то нездешней. Но родной их мир — именно не здешний. Отсюда некоторое их отвращение к реальным темам...». Нет поэта более космичного и более личного, нежели Лермонтов, приходит к выводу Розанов и продолжает: «Звездное и царственное — этого нельзя отнять у Лермонтова; подлинно стихийное, “здесьнее начало” — этого нельзя у него оспорить. Тут он знал больше нас, тут он владел большим, чем мы, и это есть просто факт его биографии и личности».

Называя Лермонтова метеором, свалившимся на землю, критик не устает повторять, что «материя Лермонтова была высшая, не наша, не земная», что, если бы он прожил еще несколько лет, он бы «выключил» Гоголя из русской литературы, и вся история России совершилась бы иначе: «И в пророческом сне я скажу, что мы потеряли “спасение России”. Потеряли. И до сих пор не находим его. И найдем ли — неведомо».

В Лермонтове была срезана, по Розанову, самая «кромка» нашей литературы. «Если бы судьба отпустила бы ему несколько лет земной жизни, он, несомненно, поднялся бы до

пушкинской высоты и сделал бы невозможным Гоголя в русской литературе...».

Что же касается Гоголя, то Розанов признает его силу духа, сказавшуюся в «необозримых влияниях»: «Нет русского современного человека, частица души которого не была бы обработана и прямо сделана Гоголем». Пафос творчества Гоголя Розанов видит в «великой жалости к человеку». Даже гоголевский лиризм проникнут этой жалостью, скорбью, «незримыми слезами сквозь видимый смех». Подчеркивая, что Гоголь в русской литературе — это целая Реформация, критик отмечает у него необыкновенное чутье слова, неповторимый дух языка, особую завершенность и отделанность каждой фразы. «Перестает верить действительности, — признается Розанов. — Свет искусства, льющийся из него, заливают все. Теряешь осязание, зрение и веришь только ему».

Однако гоголевская магия слова имела для Розанова и свою оборотную сторону. Гоголь был для него не только гением языка, но и формы, что и позволило ему «с такой яркостью очертить и выразить “пошлость пошлого человека”, но не позволило выразить русского “одушевления”, “русской душевности”»: “Состоит ли Русь и, главное, выросла ли она из мошенников или из Серафима Саровского и Сергия Радонежского” — это еще вопрос, и большой вопрос. Дело в том, что не Гоголь один, но вся русская литература прошла мимо Сергия Радонежского. А он (Сергий Радонежский) есть».

Анализируя повесть «Нос», Розанов подчеркивает, что, в сущности, в ней нет содержания, а если и есть, то «пустое, ненужное, неинтересное, не представляющее никакой важности». Что касается формы, т. е. как рассказано, то она «гениальная до степени недоступной решительно ни одному нашему художнику, по яркости, силе впечатления, удару в память и воображение, она превосходит даже Пушкина, превосходит Лермонтова. У Гоголя невозможно ничего забыть. Никаких мелочей. Точнее, у него все состоит из мелочей, но они сделаны так, что каждая из них не уступит Венере Медицейской».

Вновь и вновь не устает повторять Розанов, что весь Гоголь, кроме «Тараса и малороссийских вещей, есть пошлость в смысле постижения, в смысле содержания. И — гений по форме, по тому “как” сказано и рассказано». Соглашаясь с Пушкиным в том, что главная гоголевская тема — «пошлость пошлого человека», Розанов иронизирует — «удивительное призвание» и упрекает Гоголя за то, что тот не нашел ничего более интересного.

По словам Розанова, Гоголь вошел в историю русской литературы как родоначальник «иронического настроения», но не как основатель «*натуральной школы*». Его творения представляют своего рода «мозаику слов», где нет живых лиц, лишь одни «крошечные восковые фигурки», абсолютно неподвижные, т. е. безжизненные. Критик отмечает, что ни в одном произведении Гоголя нет «развития в человеке страсти, характера и пр.: мы знаем у него лишь портреты человека *instatu*, недвижущегося, не растущего или уменьшающегося. И кажется, так же он относится к природе: бури, ветра, даже шелестящих листьев и травы он не описал; на всей огромной панораме его живописи ничто не движется, — и это, конечно, не без связи с характером его гения».

Гоголь, считает Розанов, не был ни реалистом, ни натуралистом. Принятие его за натуралиста и реалиста было величайшим заблуждением, когда все сочли «Ревизора» и «Мертвых душ» за копию с действительности, подписав под этими творениями «С подлинным верно». В этих произведениях, продолжает Розанов, Гоголь показал всю Россию «бездоблестным бытием, показал с такой невероятной

силой и яркостью, что зрители ослепли и на минуту перестали видеть действительность, перестали что-нибудь знать, перестали понимать, что ничего подобного «Мертвым душам», конечно, нет в живой жизни и в полноте живой жизни» (Мысли о литературе). Создав т. о. иллюзорное и «неутешное зрелище себя», Гоголь заплакал, зарыдал о нем и заставил плакать и рыдать всю Россию. Даже сам Пушкин после чтения «Мертвых душ» опечалился, заметив при этом: «Боже, как грустна наша Россия!»

С присущей ему парадоксальностью Розанов называет Гоголя политическим писателем, подчеркивая, что после Гоголя «стало не страшно ломать». Чего жалеть всех «мертвых душ», всех этих собакевичей, плюшкиных, маниловых и коробочек?

Считая «Ревизора» и «Мертвые души» лубочными творениями и сравнивая их с лубочной живописью, которая гораздо ярче настоящей, Розанов утверждает, что в тайной глубине своей Гоголь — это «пошлость и мерзость». Подумать, что он «понял и отразил нашу Русь, — нашу Святую и прекрасную (во всех ее пороках) Русь, — с ее страданием, многодумием, с сложностью — это просто глупо, — заявляет Розанов и продолжает, — ничего праведного, любящего, трогательного, глубокого не пошло от Гоголя. От него именно пошла одна мерзость. Вот это — пошло. И залило собой Русь. Нигилизм — немислим без Гоголя и до Гоголя».

Однако вряд ли можно согласиться с этими утверждениями Розанова, с тем, что Гоголь никогда не менялся, не развивался, что в нем «не перестраивалась душа, не менялись убеждения», что после *Фонвизина* и *Грибоедова* Гоголь ничего не дал русской литературе. Ведь в результате происшедшей в нем духовной эволюции автор «Выбранных мест...» не устал взывать к необходимости совершенствования таланта с совершенствованием душевным, заявляя, что всякому надо заглянуть в собственную душу, прежде чем приходить в смущение от окружающих беспорядков.

«Выбранные места...», которые по праву можно считать продолжением первого тома «Мертвых душ», вне сомнения, выводили русскую литературу на новую дорогу духовно-нравственных исканий. Иными словами, именно Гоголь поставил проблему, которую в XX в. *М. Пришвин* определит как проблему «творческого поведения» или, говоря словами самого Гоголя, «высветления» человеческого в человеке.

Гоголь был убежден, что отечественная словесность еще не выразила душу русского человека в том идеале, в каком он должен быть. Иначе говоря, Гоголь поставил перед русской литературой задачу, которую она будет решать на протяжении почти двух столетий и о которой сам Розанов неоднократно писал в течение всей своей жизни.

Вряд ли можно согласиться и с негативной оценкой Розановым комедии Грибоедова «Горе от ума», которую он называет «страшной», «подлой», «гнусной», «самым неблагоприятным произведением во всей всемирной истории», а ее автора считает «окаянным гением», творящим «окаянные дела», разрушающим дома всех честных людей и ведущим всех за собою в некую пустыню, где негде уснуть и отдохнуть.

Решительно вставая на сторону Скалозуба, Розанов заявляет: «Замолчи, мразь, — мог бы сказать Чацкому полковник Скалозуб. Да и не одному Чацкому, а САМОМУ. Ты придирался, что я не умею говорить, что я не имею вида и повалил на меня целые мешки своих фраз, смешков, остроумия, словечек, на которые я не умею ничего воистину ответить. Но ведь и тебя, если поставить на мое место-то, ты тоже не сумеешь выучить солдат стрелять, офи-

церов — командовать, и не сумеешь в критическую минуту воскликнуть: “Ребята, за мной”, и повести полк на штурм и умереть впереди полка...».

Гоголь и Грибоедов, Кантемир и Фонвизин нанесли, по мнению Розанова, вред России своим непониманием и отрицанием ее и способствовали возникновению и распространению отечественного нигилизма и, в конечном счете, краху Российской империи в 1917.

Розанов отдает должное субъективной честности и бескорыстию Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Деятельность Добролюбова, по его словам, вошла органическим звеном в культурное развитие русского общества, и редкий человек не вспомнит, как в юности за чтением Добролюбова забывались схоластические университетские лекции. Однако отрицательная сторона его деятельности состояла в ложности почти всех его литературных оценок: «Совершенное непонимание художественного отношения к жизни было его отличительной чертой — естественное последствие исключительности его духовного склада. Не будучи в силах понять что-либо непохожее на него самого, Добролюбов сумел подчинить своему влиянию все “третьестепенные дарования”». В то же время действительно великие дарования (Достоевский, Тургенев, *Островский*, Гончаров, Л. Толстой), видя, как критика «говорит что-то, хотя и по поводу их, однако как бы к ним совсем не относящееся, отделились от нее, перестали принимать ее указания в какое-либо соображение» (Мысли о литературе).

По мнению Розанова, Чернышевский, Добролюбов, Писарев сделали для образованности русской столько же вреда, сколько Греч, Булгарин, Клейнмихель. Именно они попытались «захрюкать» Пушкина: «Чтобы “опровергнуть” Пушкина — нужно ума много. Может быть, и никакого не хватит. Как бы изловчиться, — какой прием, чтобы опровергнуть это благородство? А оно естественно мешает прежде всего всякому неблагородству. Как же сделать? Встретить его тупым рылом. Захрюкать. Царя слова нельзя победить словом, но хрюканьем можно. Очень просто. Так судьба и вывела против него Писарева, Добролюбова и Чернышевского. Три рыла поднялись к нему и захрюкали.

Не для житейского волнения...

— Хрю! Хрю!

— Хрю.

— Еще хрю.

И пусть у гробового входа...

— Хрю!

— Хрю! Хрю!

И Пушкин угас. Сгас. “Никто его больше не читает”».

Подобный саркастический тон объясняется тем, что Пушкин был для Розанова воплощением гармонии и согласия, русскости и благородства. Именно его, а не Гоголя называет он основателем натуральной школы в русской литературе. Пушкин для Розанова — символ вечно живой жизни: «Он весь в движении, и от этого-то так разнообразно его творчество. Оно представляет собой идеал нормального, здорового развития, делает нас чище и благороднее, и поэтому, любя его поэзию, каждый остается самим собою».

Сущность Пушкина, по Розанову, выражается в совершенной естественности в нем русского, возвеличившегося до величайшей, до глубочайшей и высочайшей общечеловечности. Если Карамзин украшал русского, то Пушкин «открыл русскую душу»: «Он разбил зеркало. Он велел оставаться дурнушкой; но взамен внешней красоты, которой ей недостает, он речами своими и манерой обращения вызвал всю душу ее наружу, так сказать, потащил

душу на лицо; и дурнушка стала бесконечно милым и дорогим для русского сердца существом... Пушкин открыл русскую душу — вот его заслуга».

Глубоко нравственное здоровье, пронизывающее творчество Пушкина, предохраняет читателя от всего пошлого. Пушкин — это ясность, уравновешенность и какая-то странная вечность: «Ничего не устарело в языке, в течении речи, в душевном отношении автора к людям, вещам, общественным отношениям. Это чудо. Пушкин нисколько не состарился; когда и Достоевский, и Толстой уже несколько устарели, устарели по самой нервозности своей... Гений Пушкина нельзя объяснить, как нельзя объяснить чудных свойств алмаза».

Пушкин, заключает Розанов, есть вся русская словесность, где на протяжении томов нет ничего язвительного: «Это прямо чудо... А как он негодовал! Но ядом не облил ни одну свою страницу. Вот почему он так воспитателен и здоров для души. Во всех его томах ни одной страницы презрения к человеку».

Если в Гоголе воплотилось могущество слова, то в Пушкине Русь увенчала памятником красоте русской души: «Он возвел в идеал и свел к вечному напоминанию русскую простоту, русскую кротость, русское терпение; наконец, русскую всеобъемлемость, русское всепоминание, всепостижение».

Достойным продолжателем пушкинской традиции Розанов считает Достоевского, который, по его словам, выразил суть русской души: «не просто “суть”, а “суть суетей». Вспоминая свои гимназические годы, Розанов признавался, что еще в шестом классе он всю ночь не мог оторваться от «Преступления и наказания» и что ему казалось, будто он сам написал эту книгу».

Говоря о «почвенниках» в связи с Достоевским, Розанов подчеркивал, что это есть «другое имя славянофилов, и славянофильство, более, пожалуй, конкретное и жизненное, менее кабинетное и отвлеченно-философское. В самом деле Россия есть “почва”, из которой произрастают “свои травы”».

Считая себя литературным и духовным учеником Достоевского, Розанов называет его «диалектическим гением», сквозь все творчество которого проходит «религиозный вопрос». Этот вопрос занимает немалое место и в романе «Преступление и наказание», где раскрыта «идея абсолютного значения личности». Вот почему все, что совершается в душе Раскольникова, иррационально, он до конца не знает, почему ему нельзя было убивать процентщицу.

Показав иррациональность человеческой природы, Достоевский, по словам Розанова, выступает в защиту не относительного, но абсолютного достоинства личности, которая никогда и ни для чего не должна быть средством. Говоря о Достоевском как о глубоко аналитике человеческой души, Розанов подчеркивает, что он не просто аналитик, но аналитик «неустановившегося в человеческой жизни и в человеческом духе».

Религиозный вопрос находится в центре внимания и в романе «Братья Карамазовы», который анализируется Розановым в статье «Легенда о Великом инквизиторе». Удивительными по глубине мысли и красоте образов называет критик слова Зосимов о дарованном нам тайном сокровенном ощущении живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высоким, соприкосновением с которым живо все живое на земле».

Настоящий русский вопрос, по Розанову, это вопрос о существовании Бога и бессмертия, вопрос, который терзает русских мальчиков, случайно встретившихся в трактире. Греховность человеческой природы и святость религии — главное в романе «Братья Карамазовы»: «Без сомнения,

высочайшее созерцание судеб человека на земле содержится в религии. Ни история, ни философия или точные науки не имеют в себе и тени той общности и цельности представления, какое есть в религии. Это одна из причин, почему она так дорога человеку и почему так возвышает его ум, так просвещает его».

Соглашаясь с Достоевским об очишающем значении страдания в духовном возвышении личности, Розанов повторяет: «Всякую горечь должен человек благословлять, потому что в ней посещает его Бог. Напротив, чья жизнь проходит легко, те должны тревожиться от воздаяния, которое для них отложено».

Касааясь вопроса о «карамазовщине», Розанов подчеркивает, что оно, как и понятие «обломовщина», становится все более и более нарицательным, служащим для определения одной из особенностей национального характера. При этом Розанов излагает свое понимание этих двух понятий: «обломовщина» — это состояние человека в его первоначальной непосредственной ясности, чистоте и эпическом спокойствии. «“Карамазовщина” — это именно уродливость и муки, когда законы повседневной жизни сняты с человека, новых он еще не нашел, но в жажде найти, испытывает движения во все стороны...»

Душой романа «Братья Карамазовы» Розанов считает «Легенду о Великом инквизиторе» (у Достоевского она называется поэмой. — Ю. С.), смысл которой, по словам критика, в раскрытии сущности идеи католицизма, порождаемой стремлением устроить благополучие на земле, воспользовавшись слабостями человеческой природы. В этом смысле католицизм есть своего рода «понижение небесного учения до земного понимания, приспособление божеского к человеческому».

Гибельность советов могучего и умного духа, искушавшего в пустыне Христа, заключается в том, что отвергая высокие небесные идеалы и сводя все к физической сущности, нечистый, в сущности, толкает человечество в никуда. Вот почему Великий инквизитор оказывается, в конечном счете, не благодетелем людей, а верным слугой антихриста, духа отрицания, небытия и смерти.

«Легенда», по словам Розанова, отличается необычайной глубиной замысла и величайшим единством построения: «Самая горячая любовь к человеку сливается с совершенным к нему презрением, безбрежный скептицизм — с пламенной верой, сомнение в зыбких силах человека — с твердою верой в достаточность своих сил для всякого подвига; наконец, замысел величайшего преступления, какое было совершено когда-либо в истории, с неизъяснимо высоким пониманием праведного и святого. Все в ней необыкновенно, все чудно».

Именно это предопределило тот высокий уровень творчества Достоевского, уровень, на котором, по словам критика, удерживался в свое время Платон и немногие другие.

Особое внимание уделяет Розанов отношению Достоевского к французской революции, в которой «был скрыт испуганный могучий, гениальный лакей (Фигаро, «Племянник Рамо» Дидро). Русская святость и восстала на этот “дух зависти и уныния”... Достоевский первый и впервые с 1789 внес новое слово в революцию... И слово это — не самого Достоевского, не лично его. Он его подслушал в каторге и подслушал в русских монастырях, он разглядел его в Лике Плачущей Богородицы с Младенцем».

Розанов был одним из первых, кто высоко оценил антиингилистический роман Лескова «На ножах», который он называет интересным, волнующим, полным мыслей, лесковской наблюдательности, и который он рекомендовал для обяза-

тельного чтения всем русским мальчикам и девочкам с целью прививания иммунитета к нигилистической заразе. Подчеркивая, что пафос Лескова — драма народная, Розанов называет его «Чертогона» и «Кольванского мужа» «изумительными, полными русской жизни и русской сути».

Неоднозначным было отношение Розанова к Л. Толстому, с которым он познакомился во время своей поездки в Ясную Поляну. Толстой, по его словам, научил своих читателей верить в русскую землю, в глубину и красоту русского духа, жаждущего совершенства и святости. Заслуга Толстого в том, что он «ввел русский дух в оборот всемирной культуры», показав в «художественных образах невыразимой прелести все своеобразие, всю глубину и всю красоту русского духа, от дворцов до деревенских изб. В «Войне и мире» и в «Севастопольских рассказах», в «Казаках» и «Анне Карениной» Толстой «показал этот дух простым и ясным, добрым и выносливым, чуждым мишуры, рисовки, риторики и ходульности... Вот все, что нам нужно знать, чтобы сохранить веру в свою землю и удержаться от присоединения к резкой критике против нее, откуда бы она ни раздавалась»». (О писательстве и писателях).

По убеждению Розанова, Толстой никогда не был только романистом, он был еще и мыслителем: «Что бы ни писал Толстой, всегда заметно для внимательного читателя, что он есть вечный и неутомимый философ, что он философствует образами; и только потому, что тема его философии есть «человек» и «жизнь»».

Розанов ценил в Толстом уважение к семье, к трудящемуся человеку. Именно поэтому писатель не закончил своих «Декабристов», поняв, что они «суть те же «социал-женихи», хоть и с аксельбантами и графы. Это не трудовая Русь, и Толстой легко бросил сюжет. Тут его серьезное и благородное. То, что он не кончил «Декабристов» — столь же существенно и благородно, так же оригинально и величественно, как и то, что он изваял и кончил «Войну и мир» и «Каренину»».

Благородство Толстого, по мнению Розанова, в том, что среди духовной мглы, безверия и нигилизма он бесстрашно бросил клич: «К идеалу»: «Никто не запряжен у нас был так в сторону благородных великих идеалов. В этом его первенство над всей литературой».

С др. стороны, Розанов был убежден, что как писатель Толстой ниже Пушкина, Лермонтова, Гоголя, хотя как благородный человек он был выше их всех. Розанов признает великое мастерство толстовского слова, однако считает, что у него нет созданий «такой чеканки, как «Песнь о купце Калашникове», — такого разнообразия «эха», как весь Пушкин, такого дьявольского могущества, как «Мертвые души». У Пушкина, заявляет критик, даже в отрывках, мелочах, в зачеркнутых строках нет ничего плоского или глупого: «У Толстого плоских мест множество».

Розанов находит противоречивой мысль Толстого о «непротивлении злу насилием». Он замечает, что если рассматривать фразу «не противиться злему» буквально, то ее следует понять так: «Предоставь злу совершаться по законам природы физической, природы человеческой... большого не лечи, от града и засухи полей не оберегай, и, наконец, когда торговец-кулак хочет обмануть тебя при покупке леса — обмана его не замечай и ни в коем случае его не обнаруживай...» Противоречие этой нравственной заповеди Толстого Розанов находит и в поступках писателя, когда тот помогал голодающим (а голод — это зло), когда Толстой приглашал медиков во время болезни своего сына. Иными словами, Розанов одним из первых подметил, что одной любви и смирения недостаточно, чтобы противо-

стоять злу, что непротивление злу нередко превращается в пособничество ему. Впоследствии эту мысль Розанова разовьет известный отечественный мыслитель *И. А. Ильин* в книге «О сопротивлении злу силою». И наконец, Розанов приходит к выводу, что Толстой с его стремлением обновить и поправить христианство, Священное Писание не был вовсе религиозным человеком с религиозной душой.

Что касается *Чехова*, то он, по словам Розанова, довел до совершенства, до гения обыкновенное изображение обыкновенной жизни: ««Без героя», — так можно озаглавить все его сочинения, и про себя добавить не без грусти: «без героизма»... И как характерно, что самый даже объем рассказа у Чехова — маленький. Какая противоположность многотомным романам Достоевского, Гончарова; какая противоположность вечно героическому, рвущемуся в небеса Лермонтову». Признавая, что Чехов довел до высшего совершенства жанр обыкновенного рассказа, Розанов приходит к убеждению, что в Чехове Россия полюбила себя такой, как она есть — «обыкновенной, негероической, скромной и совестливой».

Именно таким обыкновенным, любящим, негероическим и скромным был сам Розанов, утверждавший, что ученость — хорошо, святость — прекрасна, подвиг жизни и аскетизм — превосходно, но выше всего — скромность. Не случайно жизненным девизом Розанова были слова: «Нужно, чтобы о ком-нибудь болело сердце, как это ни странно, а без этого пуста жизнь».

«Только в старости узнаешь, — признавался на склоне лет Розанов, — что надо было хорошо жить. В юности это даже не приходит на ум. И в зрелом возрасте не приходит. А в старости воспоминание о добром поступке, о ласковом отношении, о деликатном отношении — единственный и «светлый гость» в «комнату» — в душу».

Ю. Сохряков

Еврейский вопрос в произведениях Розанова. Писателя нередко обвиняют в юдофильстве, напоминая при этом его последнюю записку-завещание, где он просил прощения за свои статьи против евреев, а также умолял позаботиться после его смерти о своих родных и близких. При этом забывается, что все это было написано в полном душевном отчаянии, физически обессиленным, умирающим от голода стариком, которого терзало одно — что будет после его смерти с членами его семейства и прийдет ли Горький, которого он умолял о помощи, немного денег.

У раннего Розанова можно найти благодушные суждения о евреях, но в письме к М. О. Гершензону он признавался, что после гибели Столыпина у него в душе «все оборвалось... Это посмел бы русский убить Ротшильда и вообще «великого из них». Это — простите нахальство натиска, это «по щеке» всем русским — убило во мне все к ним (т. е. евреям. — *Ю. С.*), всякое сочувствие, жалость».

Мнения о евреях, их роли в общественной и литературной жизни России у зрелого Розанова наиболее ярко представлены в очередном томе собрания его сочинений под названием «Сахарна». Подзаголовок к «Сахарна» звучит так: обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. Здесь Розанов вспоминает, что когда он начинал свою творческую деятельность, «еврей в литературе» — было что-то незначительное, но через 20 лет «еврей в литературе» стал такой силой, с которой «никто не умеет справиться... Так русские мало-помалу очутились «несвоими» в своей литературе. В «Литературном фонде» у кассы стали Венгеров и Гуревич, в «Кассе взаимопомощи русским литераторам и ученым» стал у денежного ящика «русский

экономист и публицист” Слонимский. В “Русском богатстве” принимает рукописи и переводы Горнфельд, в “Современном мире” — Краникфельд...»

Называя еврея, поучившегося в гимназии и университете, который «потерял свое», микробом разложения, Розанов подчеркивает «страшное и разрушительное их действие на русскую литературу, которое происходит от пошлости их, от слабости их, а отнюдь не от того, что они “заразили ее ложными идеями”. Никаких ни ложных, ни истинных “идей” они не принесли и вообще никаких идей. Социализм пришел гораздо раньше их, — социалистом был уже Белинский, когда “еврей” и на горизонте не показывался. Они примкнули к этой до них явившейся пошлости как космополитической и красной, “разрушительной”. Примкнули в социализме к “распни его”, — как вообще примыкают в Европе к разрушению, не понимая Европы и не имея сердца полюбить ее».

«Банки, — констатирует Розанов, — сосредоточенные в еврейских руках, т. е. золотого страны, сосредоточенное у евреев, и дает им возможность “давать дышать” или “давать” русским... Ну и уж, конечно, “давить”, если кто решается поднять голос против этого задушения страны».

«И когда революция, — пророчески предсказывает Розанов, — начнет вообще одолевать (надеемся, однако, что этого никогда не будет, несмотря на помощь Философова), то евреи сбросят маску “сочувствия русскому народу”, какую пока носят, и “примыкания к русскому литературно-освободительному движению”, начиная с декабристов, Белинского и Добролюбова, и быстро и энергично передешат... всю русскую часть революции, всех собственно русских вождей революции, и в ворота “взятой крепости” войдут, конечно, одни! — войдут с криками “Радуйся, русский народ, — мы даровали тебе свободу!”».

После убийства русского мальчика Андрюши Юшинского, еврей, по словам Розанова, открыли для себя новую истину: в России почти нет неиспуганных людей и мало некорыстных людей. «И тогда евреи, естественно, сказали: “Теперь-то мы уж свободные и все можем в этой подлой России”».

«Было крепостное право, — подытоживает Розанов. — Вынесли его. Было татарское иго. И его вынесли. Пришел еврей. И его будем выносить. ...Все уляжется. Все утишится. И мы, русские, поплачем у могилки Юшинского. ... Подождите. Через 150—200 лет над русскими нивами будет свистеть бич еврейского надсмотрщика. И под бичем — согнутые спины русских рабов... В настоящее время для России нет двух опасностей. Есть одна опасность. Евреи».

Вот почему, разъяряет Розанов, — «везде перед еврейскими страх, но ни одного о них теплого слова, даже левых... Евреи, таким образом, и просочились в русских. И внешний теперешний захват, очевидно, временен... И отдаленно и ноуменально: Христос еще раз победил, после того, как они “еще распяли”... И, по-видимому, это судьба и будущность: евреи тем более будут всякий раз проваливаться, чем они еще раз будут “распинать”».

Говоря об интеллектуальном измелении русских, соединившихся с евреями, Розанов пишет: «Да, евреи вообще не имеют углубления в вещи, — нашего арийского; они — скользкие... Вот отчего Мережковский и Философов, соединяясь с евреями и почти что с адвокатами, потеряли глубину и интерес. Они тоже стали поверхностны, трясут кулаками, повергают “гоев” в прах, и никакого из всего этого толку. Шум есть, мысли нет. Вот отчего Философов и Мережковский обмелели. И меленют все русские, и будут обмеляться все по мере вступления с ними в связь».

И все это происходит потому, что «пустота мысли у евреев, однако, удивительна. Это, действительно, изношенная нация, — тертая и перетертая и обратившаяся в труху. Только талант к банку». Вот почему «еврей и без таланта, но уже все “свои” ждут от него таланта; он и без чести — но все (“свои”) защищают его честь. И пока он не уголовный преступник... все, как девицу женихи, или как жениха девицу, провожают (проталкивают) его к успеху, славе, богатству, положению, власти. Вот в чем дело».

Говоря о том, что отечество евреев в крови их, Розанов отмечает: «Евреи Америки чувствуют еврея русского, тогда как я не чувствую русского даже с соседней улицы. Каждый из нас “один”, но евреи “все”, и они везде “все”, во всякой точке “все”. Так что они отечество имеют, и даже прочнее нашего».

Но подходя к нам, они говорят: “Будьте без отечества”, “будьте просто только людьми”, “храните и культивируйте в себе просто человека, как делаем это мы, бескорыстные и идеальные. И каждому русскому это кажется истинным и убедительным. Он поддается их гипнозу и логике. И тогда его пожирает их странное “отечество”».

28 окт. 1913 Розанов делает многозначительную запись на эту тему:

«Евреев не 7 миллионов.

Еврей

ОДИН,

у которого 14 миллионов рук и 14 миллионов ног.

И он везде ползет и везде сосет».

Одно из великих откровений Библии, которое они тайли от всех народов, заключается, по словам Розанова, в трех словах «кровь есть душа». «Мы любим кровь». «Идея человеческого жертвоприношения содержится во всем законодательстве Моисея, — и его не видят только совы, не видящие днем». Отсюда, по убеждению Розанова, и ритуальное убийство Андрюши Юшинского.

И обращаясь к своему сыну Васе, Розанов предупреждает его: «Берегись же, Вася, — берегись. И никогда не союйся с врагами земли своей. Крепко берегись... Не доверяйся жидкам, в особенности жидовочкам, которые будут тебя сманивать, будут чаровать тебя... А к чарам, я знаю, ты будешь слаб».

Эту же мысль Розанов развивает в др. своей записи: «Борьба с евреями должна заключаться в “как можно меньше дела”, — разговоров, общения, особенно денежных и материальных связей. Вы можете успеть против еврея только тогда, когда еврей не замечает, что вы с ним боретесь. Но боритесь внутренне непрестанно и неустанно».

Лучше же: выкинуть его из мысли, не думайте о нем. Живите “как просто русский”. И только когда увидите протянутую его лапу — отвертывайтесь».

Аналогичные мысли излагает Розанов в др. месте «Сахарных»: «Позвольте нам автономизироваться от вас, как вы автономизировались от нас... Пусть учатся в своих хедерах. Сколько угодно и чему угодно. Заводят там “своего Дарвина” и хоть десять Спиноз. Не нужно вовсе вмешиваться в “жаргонную литературу” и ихние “хедеры”, не нужно самого наблюдения за этим, никакого надзора и цензуры за печатью и школами. Пожалуйста, — пишите там что угодно и учите чему угодно, только не с нашими детьми и вообще не с нами».

В «Мимолетном» Розанова содержится такая «программная» запись о евреях: «Вот что все евреи от Спинозы до Гузенберга не могут отвергнуть, что когда произносится слово “ЕВРЕЙ”, то все окружающие чувствуют ПОДОЗРЕНИЕ, НЕДОВЕРИЕ, ЖДУТ ХУДОГО, ждут беды себе. Что? Почему? Как? — Неизвестно. Но не поразительно ли это общее беспокойство, недоверие и страх».

Убежденный в том, что Христос не был евреем, Розанов выражает надежду, что Он не напрасно умер: «Христос вас победил и раздавил. Он выступил как “пастырь кротких” и дал с тех пор победу кроткому, терпеливому на земле. Вот этого-то “кроткого начала” вы и не победите своим омерзительным “гевалтом”».

Ю. С.

Соч.: Апокалипсис нашего времени. Кн. 1—10. Сергиев Посад, 1917; В мире неясного и нерешенного. СПб., 1901; 2-е изд. СПб., 1904; Когда начальство ушло... СПб., 1910; В темных религиозных лучах. М., 1994; Легенда о Великом Инквизиторе. СПб., 1894; Люди лунного света. Метафизика христианства. СПб., 1911; Место христианства в истории. СПб., 1904; Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. Париж, 1929; Около церковных стен. Т. 1—2. Пг., 1916; М., 1995; Опавшие листья: В 2 т. СПб., 1906; СПб., 1913—15; О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912; О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М., 1886; Ослабнувший фетиш. СПб., 1906; Природа и история. СПб., 1900; 2-е изд. СПб., 1903; Религия и культура. 2-е изд. СПб., 1901; Смертное. СПб., 1913; Соч.: Т. 1—2. М., 1990; Сумерки просветления. СПб., 1899; Темный лик. Метафизика христианства. СПб., 1911; Уединенное. СПб., 2-е изд. СПб., 1916; М., 1990.

РОМАН, иеромонах (наст. фамилия **Матюшин Александр Иванович**) (р. 16.11.1954), поэт, автор и исполнитель песнопений. Родился в с. Рябчевск Трубчевского р-на Брянской обл. Отец — потомственный крестьянин; мать — учительница, в старости — монахиня Зосима. С 1972 иеромонах Роман учился на филологическом факультете Калмыцкого государственного университета, отказался от выпускных экзаменов, работал плотником, рабочим силикатного завода, художественным руководителем во Дворце культуры, учителем музыки в школе. Вехой духовного становления стал 1980, уход в Вильнюсский Свято-Духов монастырь, в 1981 — в Псково-Печерский. Рукоположен в 1983. Служил в приходах Псковской епархии (пос. Кярово, г. Каменец), с 1993 уединился в скит Ветрово. Стихи писал с ранних лет, первая публикация — в районной газете. Зов к монашескому уединению прозвучал в юности, в стихах тех лет уже есть строка «Я хочу быть схимником», но до 1980 иеромонах Роман по преимуществу поэт есенинской лирики. Судьбу России иеромонах Роман связывает с крепостью Православия: «Странники стоят, / Молится народ. / Русь еще жива, / Русь еще поет. / — Господи, помилуй. / ...Твой черед настал, / Молодец звонярь, / Пробуди простор, / Посильней ударь». Иеромонах Роман стал звонарем для растерявших Православную веру русских людей, сила его поэтического и христианского чувства пробудила живой интерес современников, казалось бы, к исторически отжившим формам религиозных стихов. Авторская песня, звучащая под гитару, — увлечение молодежи 60—70-х, исчезающая в новых поколениях, вспыхнула особыми красками в песнопениях иеромонаха Романа: выпущены диски и кассеты с записями его песнопений. В стихах иеромонаха Романа беспощадность к собственным грехам, откровения покаяний, боль о России. Стихи иеромонаха Романа музыкальны и, услышанные в его ровном, без украшательства, исполнении, становятся большим, чем стихи, — внутренней молитвой. Летом скит Ветрово — место паломничества, и потому творческая пора иеромонаха Романа наступает, когда непогода обрывает связь с миром, когда без усталости крутятся ветряк, давая энергию электрической машине. Отшельничество иеромонаха Романа — не изоляция, он остро чувствует мир, и стихи его, и молитвы отзываются во всей современной России. Не случайно большой рассказ *В. Распутина* «Больница» заканчивается живым звучанием колоколов иеромонаха Романа: «Бом,

бом, бом — утро растревожено, / Бом, бом, бом — глушит птичий гвалт. / Бом, бом, бом — спешите в храмы Божии, / Бом, бом, бом — пока еще, пока еще звонят». Молитвы его наполнены мольбой об избавлении России от несчастья: «Не помяни ж, не помяни ж / Грехов моих в сей час, / Услыши, Господи, услышь / Скорбящую о нас. / И я уже, припав к Тебе, / Не о себе молю, — / Избави от грядущих бед / Святую Русь мою». Уединение его рождает сосредоточенность на главном в человеческой жизни: «Слава Богу, снова я один, / Снова я лампадку затеплю, / Суету оставив позади, / Господу молитву пролию. // В эту ночь в сиянии луны / Хорошо тебе, душе, одной / Воззывать к Нему из глубины: / — Господи, услыши голос мой. // За окном морозится январь, / Млечный Путь без края и конца. / Всякое дыхание и тварь / Славит, славит Своего Творца. // Стекла в украшениях резных, / Замер под сугробами погост. / На верхушке стынущей сосны / Птицами таится стайка звезд. // Сосны клонят головы свои, / Совершая воздеянье рук, / И перебирают в забытьи / Четки ледяные на ветру. // И земля, не зная суеты, / Дышит чистою голубой. / Деревя, дороги и кусты — / Все кругом исполнено Тобой. / Служит Богу весь подлунный мир, / Тихий лес над спящею рекой. / О, места, забытые людьми, / Лобызая дивный ваш покой. // Все внимает Богу не дыша, / Господи, дела твои святы. / Что ж ты плачешь, глупая душа, / Иль и ты коснулася чистоты? // Слава Богу, снова я один, / Снова я лампаду затеплю, / Суету оставив позади, / Господу молитву пролию».

Особенно глубокое художественное и молитвенное звучание песнопений иеромонаха Романа обрело в 1990-е в исполнении известного петербургского певца О. Погудина.

Соч.: Благословен идущий к Богу. Изд. Свято-Успенской Киево-Печерской лавры, 1991; Камни святых алтарей. Псков, 1991; Стихи покаянные. Новгород, 1992; Земля святая. Изд. Свято-Успенской Киево-Печерской лавры, 1992; Избранное: Стихи и духовные песнопения. Минск, 1995; А жаты много. Полоцк, 1995; Внимая Божьему велению / Предисл. В. Распутина. Минск, 1997;

Лит.: *Корольков А. А.* Скит иеромонаха Романа // *Корольков А. А.* Русская духовная философия. СПб., 1998.

А. Корольков

РОМАНОВ Пантелеймон Сергеевич (2.07[5.08]1884—8.04.1938), писатель. Родился в с. Петровское, ныне Одоевского р-на Тульской обл., в мелкопоместной дворянской семье. Первый рассказ «Отец Федор» опубликован в 1911 в журнале «Русская мысль». В 1925 выпустил сборник «Рассказы». Сотрудничал в журналах «Красная новь», «Новый мир», «Прожектор», «Красная нива». Писал лирико-психологические («Осень», 1914, «Светлые сны», 1919, «Зима», 1923, и др.) и сатирические рассказы. Последние посвящены преимущественно эпохе гражданской войны, затем — нэпа. Писатель обличает в них спекуляцию («Пробки», 1922), бюрократическую неразбериху («Лабиринт», 1918, «Слабое сердце», 1921), косность, обывательщину, трусость, в лучших рассказах поднимаясь до сатирических обобщений. В произведениях, посвященных вопросам современного быта и морали (рассказ «Без черемухи»,

1926, роман «Новая скрижаль», 1928, повесть «Товарищ Кисляков», 1930), Романов стремился показать «вред половой распущенности». В автобиографической повести «Детство» (1903—20, опубл. 1926) Романов идиллически воспел мелкопоместный быт и пейзажи средней России. Сильная сторона повести — в правдивом изображении детской психологии. Роман-эпопея «Русь» (Ч. 1—5, 1922—36) рисует усадебную Россию перед первой мировой войной, затем войну вплоть до февральской революции. Отдельные главы романа поднимаются до чрезвычайно высокой художественности. Стилистически «Русь» выдержана в традиции русского романа XIX в. В 1933 Романов опубликовал роман «Собственность» — о художнике, загубившем свой талант стяжательством. Романов умел подметить жизненные противоречия, подчас немногими штрихами нарисовать характер. Ему свойственны живой лиризм и юмор, мастерство диалога, ясный, реалистичный язык.

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—12. М., 1929—30; Избр. произв. М., 1988; Светлые сны: Роман, рассказы. М., 1990; Рассказы. М., 1991.

РОМАНС, в русской литературе небольшое лирическое стихотворение напевного типа, преимущественно на тему любви. По своей форме романс строфического строения, стих рифмованный, обычно без рефрена. Романс имеет двойственную природу — музыкально-поэтическую. В верхнем его слое окончательное художественное оформление, желанная нарядность в целом зависят от исполнителя, т. о. можно говорить даже о тройственной природе романса.

Русский романс исторически развивался двумя путями.

Классический, или камерный романс — небольшое сложное произведение вокальной лирики разнообразной тематики, где ведущая роль принадлежит музыке. В музыкальном понимании это пьеса для голоса с инструментальным сопровождением.

О музыкальной природе романса написано много, видимо по той «законной» причине, что без музыки романса просто не существовало бы, хотя имело романсовое стихотворение. Тем не менее именно стихотворение давало повод сочинять музыку, а не наоборот. Роль поэтического слова в структуре жанра высока и неоспорима, поэтому чтобы постичь суть романса, надо изучить именно стихотворную его первооснову.

Городской, или бытовой романс — небольшое произведение вокальной лирики (преимущественно любовной тематики) полуфольклорного характера: авторское по способу создания и фольклорное по способу бытования в городской среде. Ведущая роль принадлежит тематике и поэтическому слову, тяготеющему, с одной стороны, к экспрессивности и поиску новых, более сильных средств выражения, с др. — к традиционности лексики и основных жанровых приемов (простота или сложность мелодии, вокальные данные исполнителя не имеют решающего значения).

В России слово «романс» появилось в XVIII в. с приходом европейских певцов, затем тематика романса, а позже и слово перекочевали в арсенал поэтических средств русских авторов. Уже песни *А. П. Сумарокова* «Летние мои вздохи, вы к той, кого люблю...» (1755), «Чем тебя я оскорбила...» (1770) и др. в нашем современном понимании тематически являются романсами, так же как песни *И. И. Дмитриева* «Ах, когда б я прежде знала...» (1792). *И. М. Долгорукий* написал большинство романсов в 1790-е. *Г. А. Хованский* некоторые из своих песен («Намедни в ро-

щице гуляя...», 1796; «Лейтесь, слезы, вы ручьями!..», 1796) обозначал как романс. В к. XVII в. романсовые жанровые признаки были настолько близки поэтам, что они осмеливались называть этим словом свои стихи, делая первые шаги к выделению романса из песни, — его сердечной альма-матер. Однако утверждать, что романс в к. XVII в. широко распространен, нельзя. Конец XVIII в. был переходным временем для романса, зародившегося в недрах явления, называвшегося «российские песни» (в противовес иностранным и переводным), состоявшего из разных видов вокальной лирики, в т. ч. и бытового романса на слова русских поэтов. Композиторами, сформировавшими характер «российских песен», были *Ф. Дубянский* и *О. Козловский*.

Почти во всех собраниях русских песен и романсов раздел «Бытовой романс» н. XIX в. открывается романсами (в частности, «Меня любила ты — я жизнью веселился...», 1806) профессора Московского университета, первого русского критика *А. Ф. Мерзлякова*. Большую часть романсов Мерзляков написал в н. XIX в. в подмосковном имении Жодочах, увлеченный хозяйкой имения *А. Вельяминовой-Зерновой*. Мерзляков шел от современной народно-песенной культуры. Ему, с одной стороны, было свойственно стремление принарядить народную песню, придать ей сентиментальную мягкость, освободить ее от простонародной грубоватости, с др. стороны — в его поэзии бытовало истинно народное сознание, не поддающееся фальши даже в самых красивых ее вариантах.

Музыку к романсам Мерзлякова в основном тогда сочинял *Д. Н. Кашин*, преподаватель музыки Московского благородного пансиона, композитор. Романсы Мерзлякова и Кашина были широко известны московской публике тех лет, практически до них романс в России еще не знал такой популярности. Исполняли эти произведения знаменитая оперная певица (меццо-сопрано) *Е. С. Сандунова* и цыганка *Стеша*, первая солистка хора крепостных гр. *Г. Орлова Степанида Сидоровна*, ее пением восхищались *Пушкин*, *Гурилев*, *Глинка*. По сути эти 4 талантливых человека своего времени создали первые «опытные» образцы русского романса, пусть в чем-то наивные, кажущиеся теперь слишком сентиментальными.

Основные мотивы, отчасти программу и лексику будущего русского музыкально-поэтического жанра наметил чуткий к переменам в поэзии *В. А. Жуковский* в романсе, тогда еще именуемом песней, «Минувших дней очарованье...» и др. В этом смысле он с полным правом может быть присоединен к четверке практических создателей русского романса, хотя романсы Жуковского никогда не были широко распространены.

Романс зарождался в России в период *сентиментализма* и *романтизма* в литературе, поэтому «сентиментальный», «романтический» романсы — не особые течения в жанровом море, а качества, органически присущие в разной мере каждому романсу, т. к. жанр в целом на редкость консервативен. С XVIII до XX в. в нем происходили изменения, но изменения не разрушительного, а именно обогащающего характера. Почти 200 лет русский романс заботливо хранил себя изнутри, экология его не была подорвана ничем искусственным и чужеродным, ибо внешние обстоятельства для него не имели значения. Сентиментализм и романтизм сами менялись с течением веков. С к. XVIII — н. XIX в. сентиментализм от поверхностной чувствительности (весьма сложной) дошел в к. XX в. до скрытой в душе «прежесточкой страсти»; «ужесточившиеся» чувства требовали иных форм их внешнего выражения. Романтический

романс, перенявший максимализм балладного события с его роковой любовью, тоже подошел к «жестокому» романсу, а в поэзии романтизм н. XX в. во многом питал *символизм* и др. модернистские течения.

С XIX в. романсы стали столь любимы народом, что их писали как поэты очень известные — А. С. Пушкин, Д. В. Давыдов, А. А. Дельвиг, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, Н. А. Некрасов, И. З. Суриков, А. Н. Плещеев, А. А. Григорьев, Л. А. Мей, А. Н. Апухтин, — так и малоизвестные, которым нет числа. Можно сказать, что романсы в XIX — н. XX в. сочиняла вся музыкально-поэтическая Россия, независимо от социальных и профессиональных ее расслоений. Здесь были офицеры (П. А. Катенин, М. А. Офросимов, Н. В. Берг, В. В. Крестовский, Вас. И. Немирович-Данченко), чиновники (И. И. Козлов, М. Я. Яковлев, Д. П. Ознобишин, А. А. Голицынев-Кутузов, П. А. Козлов), актеры (С. А. Сафонов, В. А. Мазуркевич), ведущие светский образ жизни (Н. А. Кашинцов, кн. С. Г. Голицын, гр. Е. П. Ростопчина, Ю. В. Жадовская, М. А. Лохвицкая), топограф А. Ф. Вельтман, инженер путей сообщения Э. И. Грубер, вышедший из духовенства педагог В. И. Краснов, фармацевт Ф. Б. Миллер, дипломаты и государственные деятели (В. И. Туманский, В. А. Соллогуб), профессиональные литераторы (А. Н. Будищев, Н. Ф. Павлов, С. П. Шевырев) и др. Сочинение городских романсов «второстепенными» поэтами и музыкантами, разумеется, не исключало возможности появления среди них произведений, отличавшихся художественными достоинствами. Может быть именно потому, что русскую культуру XIX в. создавали и титаны-гении и мощные творческие силы народа в различных его слоях, русский XIX в., как уникум мировой культуры, стал приравняться к явлениям античности и ренессанса.

С сер. XIX в. возникает классическое профессиональное исполнение и сочинение романсов. Эти камерные произведения, всегда официально признанные и не знавшие запретов во все времена, создавались преимущественно композиторами-классиками на стихи известных поэтов и исполнялись мастерами вокального искусства. Услуженность музыкального оформления таких произведений оставляла мало возможностей для исполнения их любителями домашнего пения. В классическом репертуаре усилиями создателей музыки уравнивались рациональное и эмоциональное начала стиха, что в меньшей степени присуще стихии бытового романса.

Профессиональный романс, с одной стороны, всегда был почитаем (особенно в музыкальных кругах) и вежливо принимаем публикой, а с др. — народом в общем-то и не очень любим. Романс — дитя быта горожан (дома и улицы) — на сцене выглядел ухоженным пасынком. Рожденный в скромной городской обстановке, он любил интим, т. к. и передавал — в большинстве — интимные чувства. Звуча со сцены перед тысячной публикой, он словно терял стыд и покров тайны, не воспринимался как рассказ о сокровенном; да и пелся слишком громко, громче, чем дома. В этом был какой-то диссонанс с органичными сердечностью и искренностью. Во-вторых, классическое исполнение всегда тяготело к правильности (в точности исполнить, что написал композитор), к стандартизации техники исполнения; чувства здесь не играли большой роли, поэтому манера исполнения классического романса более холодна. Часто певцы, слишком увлекаясь «физической стороной» своего певческого аппарата, артикуляцией голоса, громкостью звука, начисто забывали о сердечности и мимике, о настроении, выставляя напоказ не чувство, а мышцы, напряженные от усилий добывания наиболее мощных звуков. Суть романсовой тайны, сакральный смысл встречи

двух героев от слушателей-зрителей в таких случаях как был ускользал, романс словно крутился вхолостую.

В манере исполнения бытового романса больше нестандартности, самодельности. Здесь всегда есть момент надрывной высоты, момент преодоления волнения страсти или преодоления страданий. В романсе нет ни ноты тусклого безразличия. Следить за работой голоса, поющего романс, преодолевающего препятствие за препятствием, переходящего от одного оттенка чувств к др., — все равно, что наблюдать сложное драматическое действие, что как раз нравилось искусственным горожанам.

Простодушно-безыскусный собрат классического (академического) романса на протяжении почти двух веков услаждал сердца горожан, мешан разных уровней и слоев, довольствуя их сердечную чувствительность и даря красоту, считавшуюся в высоких профессиональных кругах «плебейской». Однако сами создатели «высокого» романса черпали вдохновение, поэтические средства (стереотипы!) именно в среде бытового романса, поднимая его до вершины культуры, облагораживая своим профессиональным искусством, мастерством, опытом. Эклектизм, пестрота низовой городской культуры в определенные периоды воспринимались с культурных высот истинной поэзии как эстетическая новизна и безоглядная смелость. Поэты высокого ранга понимали, что романс — это живопись, экспрессия, стихия, и испытывали на себе напряжение, обаяние самодельного бытового романса; поднятый ввысь, он выслушивался на концертах вежливой публикой, и впечатления от него разносились по городским домам, влияя на вновь создающиеся здесь шедевры вокальной лирики. Происходил «круговорот романса» и взаимовлияние произведений, созданных в верхах и низах общества. Романс, т. о., оставался «средством сохранения целостности нации» (М. Петровский), независимо от социально-политических ее расслоений. Город пестр, разномастен, но не безроден. Он — средоточие памяти, образования, культуры, которые всегда национальны. Поэтому городской романс был необыкновенно русским.

Во 2-й пол. XIX в. были особенно известны романсы А. А. Фета «Только станет смеркаться немножко», «Сияла ночь. Луной был полон сад...», Ф. И. Тютчева «Я встретил вас — и все былое...», Г. А. Лишина «О, если б мог выразить в звуке...», М. В. Медведева «Он говорил мне “Будь ты моею...”», П. А. Козлова «Глядя на ночь пурпурного заката...», С. А. Сафонова «Это было давно... Я не помню, когда это было...», неизвестного автора «Не пробуждай воспоминаний...» и др.

В к. XIX — н. XX в. романсы исполняли звезды русской эстрады В. Панина, А. Вяльцева, Катюша Сорокина, Н. Плевицкая, А. Давыдов и др., а также многочисленные цыганские хоры с малоизвестными солистами.

Вершина русского романса и пик романсовой русской поэзии, очарованной им и вводившей в свои стихи его мотивы и лексику, приходится на н. XIX в. Память об этом оставили множество сборников песен и романсов и бесчисленное множество (десятки тысяч) романсов, сохранившихся на нотных листах начала века (со стихотворными подтекстовками в них).

Память об этом времени осталась и в прекрасных романсах А. Н. Будищева «Только вечер затеплится синий...», А. Сурина «Нет, не хочу», Т. К. Котляревской «О, позабудь былые увлечения...», Н. А. Риттер «Как грустно, туманно кругом...», М. И. Пиротте «Не говорите мне о нем...», В. Д. Шумского «Отцвели хризантемы», П. И. Баторина «Позабудь про камин, в нем погасли огни...», С. Герделя «Милая», А. П. Денисьева «Слушайте, если хотите...», Е. Дите-

рих «Снился мне сад в подвенечном уборе...», К. Подревского «Дорогой длиною», П. Д. Германа «Только раз», наконец, неизвестных авторов — «Темно-вишневая шаль», «Миленский ты мой...», «Белой акации гроздыя душистые...», «Я помню вальса звук прелестный...» и др.

Произошедшее к н. XX в. накопление романсного опыта в поэзии произвело на поэтов сильное впечатление и вошло в подсознание многих с детства (*М. И. Цветаева*, напр., писала об этом в автобиографическом эссе «Мать и музыка») мелодиями, интонациями и особой лексикой. Поэты начала века — *А. А. Блок*, *А. А. Ахматова*, *М. И. Цветаева*, *Н. С. Гумилев*, *А. Белый*, *И. Северянин*, *Вяч. Иванов*, *К. Д. Бальмонт* (из всех русских поэтов на его слова написано самое большое количество романсов, но они оказались недолговечны из-за неглубокого содержания самих стихов; много романсов написано на стихи *И. А. Бунина*) — прочно ввели в свою поэзию образ русского романса, обладавшего не только многообразной меланхолией, но и залихватской, хмельной, чувственной притягательностью. Однако весь парадокс заключается в том, что творческая известность этих поэтов пришла на предреволюционные (когда было не до романсов) и послереволюционные (когда романсы отовсюду изгонялись, клеймились, как мешанские, салонные, пошлые, бульварные и т. д.) годы, поэтому заведомо романсные стихи этих поэтов (особенно Блока, Ахматовой, Цветаевой) остались невостребованными обществом, не созданными до конца романсами.

А. Баженова

РОМАНТИЗМ, идейное и художественное движение за возрождение духовно-христианских начал в обществе. Возникло в н. XIX в. как реакция на усиление господства буржуазного, иудейско-масонского духа капитализма с его атеизмом, поклонением деньгам, стремлением к материальному успеху.

Мир рассматривается романтиками не как совокупность неизменных вещей и готовых форм, а как процесс бесконечного становления, которое является творческой духовной деятельностью, и притом деятельностью символического воплощения и раскрытия внутреннего во внешнем, т. е. художественной деятельностью. Искусство отображает эту сокровенную сущность мира и одновременно является ее самым современным воплощением, выступая как высшая реальность по отношению к эмпирической действительности. «Поэзия на деле есть абсолютно-реальное. Это средоточие моей философии» (Новалис). Искусство не отображение жизни, а ее преобразование (в этом оно сближается с религией): законы художественного творчества мыслятся как конструктивные принципы преобразования действительности. Художник, реализующий в акте творчества все способности человеческой души, в противоположность одностороннему виртуозу какой-либо ограниченной профессии является человеком по преимуществу, и наоборот: каждый человек адекватно раскрывается только как художник, то, «...чем люди являются среди прочих творений земли, тем являются художники по отношению к людям» (Ф. Шлегель).

Природа — это бессознательное художественное произведение духа. Рассмотрение природных образований по аналогии с произведениями искусства, бывшее у Канта в «Критике способности суждения» только методическим приемом, предстает в раннем романтизме как раскрытие изначальной сущности природы. Отсюда вытекает идея всеобщего символизма («тайнописи») природы («Мир —

универсальный троп духа, его символический образ» — Новалис). Вакенродер говорит о «двух чудесных языках» — природе и искусстве. Т. о., эстетика оказывается ключом к пониманию романтической натурфилософии, антропологии (к деятельности художника восходит, в частности, идея Новалиса об «обращенном употреблении органов чувств», о зрении и слухе как вынесенном вовне внутреннем деятельном созерцании и гносеологии («поэт постигает природу лучше, нежели разум ученного»). Если классицизм ориентировал красоту на истину как некоторую общезначимую меру всего бытия, то в романтизме истина — это красота. Новалис: «Чем поэтичнее, тем истинней», позже Мюссе перефразирует Буало: «Нет ничего истинного, кроме красоты».

Романтики стирают грани между философией и искусством: интуитивный символ, а не рассудочное понятие является адекватной формой философии, которая мыслится прежде всего как спонтанное выражение целостного переживания действительности, — в этом романтики противопоставляют себя всей традиции рационалистической философии XVII—XVIII вв. и выступают как предшественники Ницше и позднейшей философии жизни, характерно осуждение фихтевского разделения жизни и философии: «Кто так строго разделяет философию и жизнь, как Фихте, что может быть в том великого? Большой односторонний виртуоз, но слишком мало человек». Новалис разграничивает мысль и идею; последняя не мыслится, а переживается и дает не знание, а убеждение. Ведущая роль в познании принадлежит не интеллекту, а «интуиции», «внутреннему откровению» (Новалис). Интуитивное созерцание, непосредственно постигающее целое, бесконечно выше дедуктивного доказательства («Универсум нельзя ни объяснять, ни понимать, а только созерцать и открывать»).

В России духовные начала романтизма нашли благодатную почву. Возникновение отечественного романтизма связано с поэзией *В. А. Жуковского*, *А. С. Пушкина*, деятельностью кружка московских любителей (*Веневитинов*, *В. Ф. Одоевский*), в среде которых зародились и идеи позднейшего *славянофильства* (*А. С. Хомяков*, *И. В. Киреевский*).

РОССИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ. По языку, творческой свободе и духовной глубине русский народ создал самую выдающуюся в мировой литературе поэзию. Для исторического развития оказалось, что русский поэт есть одновременно — и национальный пророк, и мудрец, и национальный певец, и музыкант. И в русской поэзии, открытой всему на свете: и Богу, и молитве, и миру; и своему и чужому; и последней полевой былинке, и тончайшему движению души — мудрость облекается в прекрасные образы, а образы изливаются в ритмическом пении. Так, русская поэзия — вместила в себя глубочайшие идеи русской религиозности и русской философии; и сама стала органом национального самосознания.

Русская поэзия — величайшая сокровищница мировой литературы; богатства ее неопишуты, неисчерпаемы; совершенство ее языка, разнообразие ее форм, власть ее над содержанием жизни — единственны в своем роде. Она всему открыта; ей все доступно; вот так, как это высказано у *А. С. Пушкина* в стихотворении «Эхо»:

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.
Ты внемлешь грохоту громов,

И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

Однако эхо только покорно миру звучащему; и только звукам его. А русская поэзия этой чуткой покорностью своей — сама покоряет себе все явления и все предметы. И не только звуки говорят ей — но и лучи, и краски; и все пространства, ближние и дальние; и массивы гор, и мерцающие звезды; и там, глубже, все, что таинственно укрыто за «поблекшим цветом» и «уснувшим гулом»; и хаос первоначальный, и мгла непрозрачная; и весь внутренний, душевный мир человека во всей его неопишуемой утонченности и сложности. Русская поэтическая душа обладает некой абсолютной чувствительностью, неким тончайшим и точнейшим ощущением, неким до дна пронизательным и всегда совершенно воспроизводящим восприятием. Ей ничего не стоит зашептать с камышом: «Полночной порою в болотной глуши // Чуть слышно, бесшумно шуршат камыши» (К. Д. Бальмонт). Она будет говорить о громе гремящими звуками: «Средь тучных туч, раздранных с треском, // В тьме молнии, багряным блеском // Чертят гремящих след колес» (Г. Р. Державин). Она скажет о вихре, взвиваясь: «Мне полуденная мгла // Из дорожной серой пыли // Вихри зыбкие вила» (Ф. К. Сологуб). И незаметно выразит в одной строчке скрипление нагруженного корабля: «На руль склоняясь, наш кормщик умный // В молчанье правил грузный челн» (А. С. Пушкин).

Эта абсолютная чувствительность, эта пронзительность сердца, эта пронзительность взгляда — дают русской поэзии величайшую власть: власть всепроникновения. Могла ли она при такой власти не высказаться о своем народе — о его быте; о данной ему природе; о его языке; о любви и о смерти; о признании поэта и о призвании самой России; о ее путях и судьбах; о ее вере и молитве; об ее опасностях и крушениях? И действительно, русская поэзия поет обо всем этом с самого рождения своего — то со смехом, то в слезах; то в священном гневе, то в легкой насмешке; то в пророческом парении, то в тишейшей задумчивости.

Для русской поэзии нет мелкого и ничтожного. Она опускается до повседневности, до пустяка, до прозы — в самый быт. И повседневность — становится поэтическим предметом; и пустяк начинает играть и сверкать в ее лучах; и проза лучится смехом и весельем; а быт оказывается опозитивированным и воспетым.

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт;
Колокольчик звонко плачет,
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздается яркий звон;
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной,
И раздолья много есть.

(«Тройка», П. А. Вяземский)

Вспомним редкий по художественной законченности и по силе перевоплощения бытовой этюд бессонницы у Н. А. Некрасова (одно из лучших его вдохновений!), «Что думает старуха, когда ей не спится»:

В позднюю ночь над усталой деревней
Сон непробудный царит,
Только старуху столетнюю, древнюю
Не посетил он. — Не спит,

Мечется по печи, охает, мается,
Ждет — не поют петухи!
Вся-то ей долгая жизнь представляется,
Все-то грехи да грехи!

«Охти мне! часто Владыку небесного
Я искушала грехом:
Нутко-се! с ходу-то, с ходу-то крестного
Раз я ушла с паренком.

В рошу... Вот то-то! мы смолоду дурочки,
Думаем: милостив Бог!..
Раз у соседки взяла из-под курочки
Пару яичек... ох! ох!

В страдную пору больной притворилась —
Мужа в побывку ждала...
С Федей солдатиком чуть не слюбилась...
С мужем под праздник спала.

Охти мне... ох! угрожу в преисподнюю!..
Раз, как забрили сынка,
Я взроптала на благодать Господнюю,
В пост испила молока,

То-то я грешница! то-то преступница! —
С горя валялась пьяна...
Божия мать! Святая заступница!
Вся-то грешна я, грешна!..»

В этой ночной одинокой исповеди, подслушанной поэтом, — в тараканном шорохе избы, в томительной тишине непоющих петухов — в этих наивно-невинных грехах, собранных старушкой за 100 лет, быт становится ясновидчески-прозрачным и из-за него начинает сиять и лучиться сама Святая Русь.

Русская поэзия проникает во все — и в природу, и в душу животных. Вот русский поэт В. А. Жуковский хоронит чижика Мими, умершего в клетке от тоски по своей подруге; он хоронит его и пишет ему надгробие:

В могиле сей покоится Мими,
Прекрасные природы гость мгновенный;
Примером был он дружбы неизменной
Меж птицами и даже меж людьми.

Пока был жив товарищ легкокрылый,
Мими играл, и жить любил, и пел;
Но верный друг из мира улетел —
Мими за ним покинул свет постылый.

Покойся ж здесь, пленительный певец!
Нам доказал нежданный твой конец,
Что без любви — могила жизни краше,
Что наша жизнь лишь там, где сердце наше!

Это один способ проникновения: поэт вчувствует человеческое восприятие, человеческую мудрость в тайну живой птички и возносит ее до человека. А вот обратный способ проникновения; поэт уходит целиком в собачью душу, растворяется в ней, замирает, перевоплощается и поет из нее, выпевает ночной собачий вой на луну (Ф. К. Сологуб):

Высока луна Господня.
Тяжко мне.
Истомилась я сегодня
В тишине.
Ни одна вокруг не лает
Из подруг,
Скучно, страшно замирает
Все вокруг.
В ясных улицах так пусто,
Так мертво,
Не слышать шагов, ни хруста,
Ничего!
Землю нюхая в тревоге,
Жду я бед.
Слабо пахнет по дороге
Чей-то след.
Никого нигде не будит
Быстрый шаг.
Жданный путник, кто ж он будет —
Друг или враг?
Под холодную луною
Я одна.
Нет, невмочь мне! Я завою
У окна.
Высока луна Господня,
Высока-а-а,
Грусть томит меня сегодня
И тоска-а-а!
Просыпайтесь, нарушайте
Тишину!
Сестры, сестры! Войте, лайте
На луну.

Это мастерство быта и животной души, показанное русской поэзией, — отходит, однако, на дальний план, как только мы обращаемся к восприятию природы целиком.

Тут мы должны установить, что русская поэзия создала некое самобытное метафизическое и религиозное восприятие природы и что это восприятие природы — в высокой степени русское и национальное — обще всем нам; оно присуще нам, русским, как бы от самой природы, навянутое ею, внушенное ею — в ее страстных, интенсивных колебаниях, ритмах и нередко катастрофических вторжениях в нашу жизнь. Русская природа не плывет мимо души, как в Европе, и не скользит по ней; она вторгается в нее, захватывая ее в свой круговорот — то сумасшедше-пьянственной весной, то раскаленным грозным летом, то красавицей осенью, то бело-покровной, крепко-морозной, вихре-метелистой зимой.

Русская душа с раннего детства чует судьбоносность, властность, насыщенность, значительность и суровость своей природы; ее красоту, ее величие, ее страшность; и, воспринимая все это, русская душа никогда не верила и никогда не поверит — в случайность, механичность, бессмысленность своей русской природы, а потому и природы вообще. Русский человек связан со своей природой на жизнь и на смерть — и в половодье, и в засухе, и в грозе, и в степи, и в лесу, и в солончаке, и в горном ущелье; и в полноводных, стремнинных реках своих; и в осеннем проливне, и в снежном заносе, и в лютом морозе. И, связанный так, он созерцает природу как таинство Божие, как живую силу Божию, как Божие задание, данное человеку,

как Божью кару и Божий гнев, как Божий дар и Божию милость.

И если бы не было никаких др. источников и гарантий русской религиозности — национально-славянско-душевных, и духовных, и божественно-благодатных, то в самой природе нашей, и в одной природе нашей мы должны были бы усмотреть величайшую и сильнейшую гарантию того, что русский народ никогда не впадет в безбожие. Прозябать, разрушать, вымирать можно в русской природе без Бога. Но жить в русской природе, созерцать ее, одолевая ее, творить в ней, строить в ней великую культуру и великую государственность — без Бога невозможно. Вот почему так жалки, так обречены попытки безбожников-искоренителей. Вот почему мы можем с такой уверенной бодростью смотреть в будущее: блж. Августин сказал когда-то, что человеческая душа христианка по самой своей внутренней природе; это верно и мудро; а русская душа, помимо этого, религиозна и социальна в силу той внешней природы, которая ей дана ее судьбой.

Русская поэзия, выговаривая это, — а она выговорила это несчетное множество раз — выговорила русское национальное «верую», и выговорила его прекрасно и точно. Недаром гениальный русский ученый, *М. В. Ломоносов*, первый выразил это трепетное, религиозное восприятие Божества в «Утреннем размышлении о Божием величестве», и в «Вечернем размышлении о Божием величестве», и в «Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого северного сияния». Недаром Г. Р. Державин сочел в своей *оде* «Бог» духовно-спекулятивное созерцание с натурфилософским; и недаром весь мир оценил эту бессмертную оду. Ибо скажу вам то, чего многие из вас, наверное, не знают, — что ода Державина была переведена на французский язык не менее 15 раз, на немецкий язык не менее 8 раз, несколько раз на польский язык и затем: на английский, итальянский и японский.

Русская душа и русская поэзия учатся религиозности и духу христианского братства — у своей природы. Еще *К. Н. Батюшков* пытался выразить эту связь философически:

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю, —
Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать об них, не знаю.

Вспомним далее гневную защиту природы, данную *Ф. И. Тютчевым*:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Слепы те, кто этого не видят и не разумеют, — того, что природа несет нам откровение божественное.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была.

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Эту богооткровенную тайну природы и мироздания Тютчев не устал раскрывать и воспевать в течение всей своей жизни. И у др. поэтов находим философические формулы этого созерцания. Вот как описывает его Е. П. Зайцевский (пушкинской поры):

Природа — книга пребольшая;
Начертаны Творца ручкой
В ней мирозданья вечной строй
И тайна истин роковая.
В страницах дивных заключен
Высокой мудрости закон.
Познаний жаждою сгорая
Загадку жизни разгадать,
С правами разума дерзая
Надменной мыслью все обнять, —
Мы в книге сей спешим читать,
Ее читаем мы, вникая
В смысл сокровеннейший Творца,
И, неба тайн не постигая,
Закроем, не узнав конца.

Однако не уму дается эта тайна и не отвлеченной мысли. Она дается поэту. *Д. В. Веневитинов* поясняет:

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства,
Кто жизни не шадил для чувства,
Венец мученьями купил,
Над суетой вознесся духом
И сердца трепет жадным слухом,
Как вещий голос, изловил!

И поразительно, как верны этому богосозерцанию в природе все русские поэты, заслуживающие этого именованья. Из оставленного ими несравненного богатства я приведу только 3 образца. Один Пушкина:

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками
Как в небе реюший ковчег
Парит, чуть видный над горами.
Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине,
Туда б, в заоблачную келью
В соседство Бога скрыться мне!..

Др. образец из *М. Ю. Лермонтова*, поэта, столь целомудренно-замкнутого, столь девственно-скупого в излишних веры и чувства, столь горького в своей изначальной разочарованности:

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.

И третий образец из *Ф. К. Сологуба*:

Все хочет петь и славить Бога —
Заря, и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога,
И ветром зыблемая пыль.

Они зовут за словом слово,
И песню их из века в век
В иных созвучьях слышит снова
И повторяет человек.

Было бы философской задачей несравненной прелести показать на созданиях наших поэтов, что у каждого из них свой особый поэтический акт, при помощи коего он внемлет гласу Бога, сокровенно звучащему в природе; что многие наши поэты внимали в природе не только Божию гласу, но гласу хаоса; и что самые могучие из них по своему созерцанию слышали, как хаос сей поет осанну своему Творцу. Как чудесно сравнить водопад, воспетый Державиным, Вяземским, *Баратынским* и *Языковым*. Как дивно внять беспредельному, поющему в созданиях Тютчева. Как грозно внять пророчеству, заключенному в «Бесах» Пушкина. Но для нас здесь достаточно установить, что русская поэзия искони срослась, срастворилась с русской природой; что русская поэзия научилась у своей природы — созерцательности, утонченности, искренности, страстности, ритму; что она научилась видеть в ней хаос и космос, живое присутствие и живую силу Божества; что через это русская поэзия стала сама, как и русская душа, подобием и отображением русской природы.

Вот почему русская душа и поэзия томятся по русским просторам и ищут в них целения. Помните у Некрасова:

Все рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор.
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!

Или жалобы *Н. М. Языкова*, лечившегося в ущелье Бад-Гаштейна:

Я вырос на светлых холмах и равнинах.
Привык побродить, разгуляться мой взор!
Мне своды небес чтоб высоко, высоко
Сияли открыто туда и сюда;
По краю небес чтоб тянулась гряда
Лесистых пригорков, синяясь далеко,
Далеко: там дышит свободнее грудь!..

Но это же пространство, эта же стихия — основа нашего русского свободолюбия и нашей истовой естественности — эта же стихия учит нас искони братству, социальности, взаимопомощи — этим первым основам христианства, этой азбуке любви. В степи, в распутицу, в метель, в лесу, в осеннюю слякоть, в сибирской тайге — нельзя прожить без

взаимопомощи и гостеприимства, без этого великолепно-го, рыцарственного:

Ты прав, на честь мою надейся!
Вот мой костер — садись и грейся...

Это знали еще запорожцы; это знает в степи всякий бродяга; это знает всякий путник в метель и вьюгу. И, может быть, никто не выразил этой естественной школы любви, этого сродства между русской природой и христианскими основами русской души, как Сологуб, — в своем лаконически отточенном стихе:

В поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: Помогите!
Что я могу?
Сам я и беден, и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?
Кто-то зовет в тишине:
Брат мой, приблизься ко мне!
Легче вдвоем.
Если не сможем идти —
Вместе умрем на пути,
Вместе умрем...

Вслушайтесь в этот вещий отскок русской поэзии: природа, пространство учит нас братству и любви; не бывает России вне христианской любви. И всегда, искони было на Руси это измерение перед лицом Бога, и природы, и смерти — где все отпадало, все сословности и все условности, и оставалось одно чистое братство перед лицом Божиим; и кто этого в России не испытал и не увидел, тот не знает России. А русская поэзия знает ее, знает верно и до конца!

Это русская природа научила нас молиться такими дивными православными молитвами, на которых нам надо и ныне и всегда воспитывать наших детей. Вот одна из них, *А. Толстого*:

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!
О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить;
О, если б мог в мои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!

Вот как связано у нас в России — наша природа, наша душа и православное приятие мира! Вот где Россия — едина и цельна — от последней былинки в поле до полноты христианской любви.

Русская поэзия — не построена искусственно. Она есть ни продукт ума, ни продукт риторики. Она есть порождение и изливание русского сердца — во всей его созерцательности, страстности, искренности; во всем его свободолюбии и дерзновенности; во всем его Богоискательстве; во

всей его непосредственности и глубине. Когда русский человек творит, то он прежде всего и больше всего любит и ненавидит (а когда ненавидит, то не от злобы, а от любви); любимое свое — он созерцает и воображает; и во всем этом остается свободным (даже до безудержа) и искренним (даже до безоглядности). Русский поэт не описывает свои предметы, а перевоплощается в них; он не рассказывает о них, как это делают французы, а поет из них.

Русские поэты были не только созерцатели природы и быта; они видели историю России, ее пути и судьбы; ее опасности, соблазны и крушения; ее призвание, предназначение и смысл ее бытия. Русская поэзия долго была предостережительницей русской религиозности, русской национальной философии и русского пророческого дара. Она выговаривала своим вдохновенным языком то, что у др. народов давно уже стало достоянием прозы и публицистики.

С самого рождения своего русская поэзия, этот всенародный голос русской души, созерцала события русской истории и судьбу России в целом с чувством трепетной страстной любви, — то тревоги, то горести, то ликования и гордости. И всегда, или почти всегда — с чувством живой ответственности перед Богом — за все дарованное, за все заданное и за все упущенное и несовершенное.

Суrowa и трудна была наша история; не идиллия, а всенародная эпическая драма, часто переходящая в трагедию. И не сентиментальностью, не аффектацией дышат слова Батюшкова, обращенные к нашему первому бытописателю *Н. М. Карамзину*. Он вспоминает о том, как родоначальник греческой истории Геродот читал свою историю народу на Олимпийских играх, а Фукидид, мастер и совершитель греческой истории, слушал в толпе это чтение. Слушал —

И на горящие ланиты
(Живые) слезы проливал!
И я так плакал в восхищенье,
Когда скрижалю твою читал,
И гений твой благословлял
В глубоком, сладком умиленьи.
Пускай талант не мой удел,
Но я для Муз дышал не даром,
Любил прекрасное и с жаром
Твой гений чувствовать умел.

Жуковский, Пушкин и Языков с особой силой чувствовали этот драматически-трагический характер русской истории. Достаточно назвать у Пушкина «Бориса Годунова», «Полтаву», «Мою родословную», «Историю Пугачевского бунта», «Клеветникам России», «К тени полководца», «Бородинскую годовщину». У Жуковского есть целое обозрение русской истории, озаглавленное «Русская слава». Вот начало его:

Святая Русь, славян могучий род,
Сколь велика, сильна твоя держава!
Каким путем пробился твой народ,
В каких боях твоя созрела слава!

И далее:

Призвал варяга Славянин,
Пошли гулять их буйны рати...

Потом: «губительный раздор» удельных распрей, татарское иго, борьба с Польшей, со шведами, турками, с Наполеоном, завоевание Кавказа — и внутренние бунты. Языков пишет:

Жестоки наши мятежи,
Кровавы, долги наши брани;
Но в них является везде
Народ и смелый, и могучий,
Неукротимый во вражде,
В любви — и твердый, и кипучий...

Русская история — это скрижаль безмерных трудностей, медленно и терпеливо, кровью и терпением, жертвенностью и храбростью одолеваемых народом. Еще Ломоносов писал, обращаясь к врагам:

Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел
И чувством собственным поверьте:
Не вам подвергнуть наш предел.
Исчислите тьму сильных боев,
Исчислите у нас героев
От земледельца до царя,
В суде, в полках, в морях и селах,
В своих и на чужих пределах
И у святого алтаря...

Это к русскому народу в целом надо отнести то, что Пушкин писал о царе Дадоне:

Чтоб концы своих владений
Охранить от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга, глядь —
Ан с востока лезет рать!
Справят здесь — лихие гости
Идут от моря...
.....
Что и жизнь в такой тревоге!

История России есть история ее самообороны — и включения в свой состав бесчисленного множества азиатских и полуазиатских народностей. И замечательно, что русская поэзия никогда не относилась к этим народностям с ненавистью и презрением, если отвлечься от былинного и песенного термина «поганые татары». Напротив — русские поэты всегда первые дивились рыцарственной доблести этих покоряемых народов (вспомните кавказские поэмы Пушкина и Лермонтова) — и с любовной гордостью вводили их в пополненный и расширенный состав имперской России. Это мы находим уже у Державина. Совсем из глубины это выражено у Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

А у Батюшкова:

И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы, с свободой и с громами,
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала.

Русская поэзия всегда воспринимала Россию как живое братство народов — даже не настаивая на старшинстве русского

племени и славянского ствола, а просто осуществляя это старшинство собой, песнью, поэтическим вдохновением, этим проявлением духовной зрелости, духовного парения и водительства. Нет, никогда русская поэзия не воспевала поработки народов и угнетения малых наций. Напротив — она создавала тот поэтический акт, то поэтическое лоно, которое оставалось всегда открытым для всех, приемлющих русский язык, и которое через это становилось их патриотическим лоном.

В трудах, опасностях и муках слагалась, и зрела, и спланивалась Россия. Она не раз должна была пройти через великие крушения; и все эти крушения восприняты, оплаканы, повиты и осмыслены русской поэзией. Тут и гражданские войны удельно-вечевой эпохи, и татарское иго, и Смута, и междуцарствие, и войны со шведами, и нашествие Наполеона, и Севастопольская кампания. Вот татарское иго (Жуковский):

Была пора: татарин злой шагнул
Через рубеж хранительные Волги;
Погибло все; народ, терпя, согнул
Главу под стыд мучительный и долгий!

Бесчестным Русь давая ярмом,
Баскак носился в край из края;
Катилась в прах глава святая
Князей под ханским топором...

Но встала Русь перед врагом,
И битва грянула Донская...

Вот Смута и междуцарствие (Жуковский):

Была пора: коварный, вражий лях
На русский трон накликал самозванца;
Заграбил все — и Русь в его цепях
В цари позвать дерзнула чужестранца.
Зачахла Русская земля;
Ей лях напомнил плен татарский;
И брошен был венец наш царский
К ногам презренным короля...
Но крикнул Минин — и с Кремля
Их опрокинул князь Пожарский.

Вот война со шведами (Пушкин):

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданый и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Вот нашествие Наполеона и сгоревшая Москва, оплаканный Батюшковым в письме к Дашкову:

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары:
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах изданных,
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,

Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаянье рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священный
Слезами скорби омочил.
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..

Как содрогнулось сердце Тютчева перед севастопольской кампанией; как он говорил России:

Ложь воплотилась в булат;
Каким-то Божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...

О, в этом испытанье строгом,
В последней, роковой борьбе
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом!..

А потом — элегия Розенгейма «На развалинах Севастополя»:

Стою средь развалин, как древле пророк —
Повсюду кругом разрушенье!
Здесь грозно гнев Божий над Русью протек!
Да будет ей казнь в искупленье!

Да, здесь, в этом месте, под этой стеной
Великое дело свершилось;
Здесь русская доблесть за край свой родной
С Европою целой схватилась.

И с ужасом вспомнил ликующий враг,
Спеша удалиться в смущенье,
Что часто в России и в самых стенах
Таится для недругов мщенье...

И вот естественно и неизбежно должен был встать вопрос: могли ли эти испытания, междоусобия, муки, унижения и крушения — пройти в истории русского народа и особенно русской души бесследно? Должны же были оставаться глубокие раны в душе, порочные навыки, злые обычаи, неотмщенные обиды, задержки в развитии, материальные разрушения, духовные ущербы, — общая отсталость и некоторая утомленность? Именно так был поставлен наш исторический диагноз одним из мудрейших русских поэтов, гр. А. К. Толстым («Чужое горе»):

В лесную чашу богатырь при луне
Въезжает в блестящем уборе;
Он в остром шеломе, в кольчатой броне

И свистнул беспечно, бочась на коне:
«Какое мне дается горе!»
И едет он рысью, гремя и звеня,
Стучат лишь о корни копыты;
Вдруг с дуба к нему кто-то прыг на коня!
«Эй, кто за плечами там сел у меня?
Со мной берегись, не шути ты!»

И щупает он у себя за спиной,
И шарит, с досадой во взоре;
Но внемлет ответ: «Я тебе не чужой,
Ты, чай, об усобице слышал княжой,
Везешь Ярослава ты горе!»

«Ну, ври себе! — думает витязь, смеясь, —
Вот, подлинно, было бы диво!
Какая твоя с Ярославом-то связь?
В Софийском соборе спит киевский князь,
А горе, небось, его живо?»

Но дале он едет, гремя и звеня,
С товарищем боле не споря;
Вдруг снова к нему кто-то прыг на коня
И на ухо шепчет: «Вези ж и меня,
Я, витязь, татарское горе!»

«Ну, видно, не в добрый я выехал час!
Вишь, притча какая бывает!
Что шишек еловых здесь падает вас!»
Так думает витязь, главою склонясь,
А конь уже шагом шагает.

Но вот и ступать уж ему тяжело,
И стал спотыкаться он вскорее,
А тут кто-то сызнова прыг на седло!
«Какого там черта еще принесло?»
«Ивана Васильича горе!»

«Долой вас! И места уж нет за седлом!
Плеча мне совсем отдавило!»
«Нет, витязь, уж сели, долой не сойдем!»
И едут они на коне вчетвером,
И ломится конская сила.

«Эх, — думает витязь, — мне б из лесу вон
Да в поле скакать на просторе!
И как я без боя попался в полон?
Чужое, вишь, горе тащить осужден,
Чужое, прошедшее горе!»

В этой исторически-мудрой балладе и притче сказано самое основное к пониманию судеб России. Прошлое горе — не прошлое, а живое и настоящее; и не чужое, а свое. Нельзя забывать о нем; ибо народная душа носит его в себе — в виде ран, соблазнов и искушений. Эти двойники — засевшие, по балладе, за седлом, — таятся на самом деле в душе, в таинственном бессознательном народного инстинкта. Они должны быть — до последнего следа своего приняты, осмыслены, исцелены и изжиты.

А к ним с тех пор прибавилось еще не одно горе: горе разиновщины и пугачевщины, горе крепостного права, горе дворцовых переворотов, вольтерьянства, нигилизма, безбожия, революционности и коммунизма.

Россия нуждалась и нуждается в великом духовном очищении. Она должна была понять, что чужое горе есть ее собственное, и духовно осилить и выжечь его в своей душе.

Русские поэты видели необходимость этого очищения и звали к нему еще со времен Державина: звали весь народ — сверху донизу — от царя до последнего нищего, от аристократа до деревенского кулака. Начнем с Державина.

О том, что Державин воспевал имп. *Екатерину*, знают все; и русские радикалы позаботились о том, чтобы создать ему репутацию придворного льстеца. Но о том, как он был передан в распоряжение кнутабойца Шешковского за переложение 81 псалма, многие забыли. А было оно напечатано в 1795, в разгар Французской революции. Вот оно:

Восстал всевышний Бог да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасти от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса;
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья:
Но вы, как я подобно, страстны
И так же смертны, как и я.

И вы, подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

Однако этот мотив — пророческого суда, совершаемого поэтом над монархом и вельможами, — мы находим у Державина всюду.

Плоды тщеславия и лести,
Монарх! Постыдны и тебе!

Цари! От вас ваш трон зависит
Унизить злом, добром возвысить;
Имейте вокруг себя людей,
Незлобьем, мудростью младенцев;
Но бойтесь счастья возведенцев,
Ползущих пестрых вокруг вас змей!

Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне человек.

О русском народе:

Чего не может род сей славный,
Любя царей своих, свершить?
Умейте лишь, главы венчанной!
Его бесценну кровь щадить, —
Умейте дать ему вы льготу,
К делам великим дух, охоту
И правотой сердца пленить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь мир себя заставить чтить.

К вельможам — после бесчисленных сатирических обличений:

Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь — коль мой сияет дух;
Владелец — коль страстями владею;
Болярин — коль за всех болею;
Царю, закону, церкви друг.

Вельможи! — славы, торжества
Иных вам нет, как быть праведным;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться:
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

Или еще:

Развратные вельможей нравы
Народа целого разврат...

Вспомним, каким пламенем, какой пророческой грозой вспыхнул этот державинский дух в Лермонтове в его стихотворении «Смерть поэта»:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки,
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть, есть Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет;
Он недоступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Вспомним вдохновенный призыв *А. С. Хомякова*, исчисляющий все грехи нашей истории:

Не говорите — «То былое,
То старина, то грех отцов,
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов».
Нет, этот грех — он вечно с вами,
Он в ваших жилах и в крови,
Он сроща с вашими сердцами,
Сердцами, мертвыми к любви...
Молитесь, кайтесь, к небу длани!
За все грехи былых времен,
За ваши каинские брани
Еще с младенческих пелен;
За слезы страшной той години,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждые дружины
На гибель русской стороны.
За рабство вековому плену,
За робость пред мечом Литвы,
За Новгород, его измену,
За двоедушие Москвы;

За стыд и скорбь святой царицы,
За узаконенный разврат,
За грех царя-святоубийцы,
За разоренный Новоград;

За клевету на Годунова,
 За смерть и стыд его детей,
 За Тушино, за Ляпунова,
 За пьянство бешеных страстей;
 За слепоту, за злодеянья,
 За сон умов, за клад сердец,
 За гордость темного незнания,
 За плен народа; наконец —
 За то, что полные томленья,
 В слепой сомнения тоске
 Пошли просить вы исцеленья
 Не у Того, в Его ж руке
 И блеск побед, и счастье мира,
 И огонь любви, и свет умов, —

Но у бездушного кумира,
 И мертвых и слепых богов!
 И, обуяв в чаду гордыни,
 Хмельные мудростью земной,
 Вы отрелись от всей святости,
 От сердца стороны родной!!
 За все, за всякие страдания,
 За всякий погранный закон,
 За темные отцов деянья,
 За темный грех своих времен,
 За все беды родного края —
 Пред Богом благости и сил,
 Молитесь, плача и рыдая,
 Чтоб Он простил, чтоб Он простил!

Этот пламенный призыв к всенародному покаянию и очищению появился в 1846, за 8 лет до севастопольской войны, и имел поистине всенародное историческое значение. Прошло 8 лет, и Хомяков повторил свой призыв:

Вставай, страна моя родная!
 За братьев! Бог тебя зовет...
 Но помни, быть орудьем Бога
 Земным созданиям тяжело;
 Своих рабов Он судит строго, —
 А на тебя, увы! как много
 Грехов ужасных налетело!
 В судах черна неправдой черной
 И игом рабства клеймена,
 Безбожной лести, лжи тлетворной,
 И лени мертвой и позорной,
 И всякой мерзости полна!
 О, недостойная избранья,
 Ты избрана! Скорей омой
 Себя водою покаянья,
 Да гром двойного наказания
 Не грянет над твоей главой!
 С душой коленапреклоненной,
 С главой, лежащей в пыли,
 Молись молитвою смиренной
 И раны совести растленной
 Елеем плача исцели!

Никогда ни один народ не судил себя так откровенно, так строго, так покаянно; не ставил себя лицом к лицу — с христианской совестью; не требовал от себя такого очищения и покаяния. И не только требовал, а осуществлял его; и этим держал свое бытие и свой быт.

Россия справлялась на протяжении веков с бременем своей борьбы и своего строительства — силой религиозной веры. Вера в Бога давала русскому народу живую совесть, мудрое терпение, тихое трудолюбие, умение прощать и повинаться, веру в царя, храбрость, преданность, любовь

к родине и способность освещать и освящать лучами этой веры весь свой жизненный уклад — и быт, и труд, и природу, и саму смерть... Именно на этот источник нашей духовной силы не раз указывали наши поэты. Вот, напр., что писал Вяземский о русском народе:

Он с крестным знаменем прошел сквозь огонь и воду,
 Возрос и возмужал средь славы и тревог;
 Им свято осенил семейный свой порог;
 Им наша Русь слывет, в урок нам, Русь святая;
 Им немощи свои и язвы прикрывая,
 И грешный наш народ, хоть в искушеньях слаб,
 Но помнит, что он сын креста и Божий раб;
 Что следует и нам по скорбному пути
 С благим учителем свой тяжкий крест нести.

Вот как указывал на этот источник Хомяков:

В твоей груди, моя Россия,
 Есть также тихий, светлый ключ;
 Он также воды льет живые,
 Сокрыт, безвестен, но могуч.
 Не возмутят людские страсти
 Его кристальной глубины,
 Как прежде, холод чуждой власти
 Не заковал его волны.
 И он течет неиссякаем,
 Как тайна жизни невидим
 И чист, и миру чужд, и знаем
 Лишь Богу да Его святым...

И вот за последние полвека этот ключ замутился и возмутился людскими страстями. И началось это с интеллигенции, вывезшей из французских походов влияние и дух того ядовитого старца, которого Пушкин обозначил словами

Циник поседелый,
 Умов и моды вождь пронирыливый и смелый.

Два влияния хлынули в душу русской интеллигенции одновременно: влияние Вольтера — его иронии, его сомнения, его рассудочного прозаизма (ибо потом в истинном значении Вольтер не был никогда), его прикровенного и всеразьедающего нигилизма; и влияние Байрона — его английского сплина, захотевшего выговорить себя в сфере духа, его аффектированной игры с мрачностью, унынием и отрицанием. Эти 2 влияния залили тогда всю Европу; они дошли и до нас; чтобы во 2-й пол. XIX в. освежиться и обновиться влиянием Ницше и Маркса.

И вот в 1-й пол. XIX в. русская интеллигенция научилась у Вольтера нигилистической улыбке, а у Байрона богоборческой позе. Она переняла от Байрона манеру аффектированно идеализировать черный угол своей души. Такой черный угол есть почти у каждого человека: это угол духовно-осужденного и отвергнутого, но не сдавшегося и не подчинившегося, а, напротив, с вызовом самоутверждающегося инстинкта, жгущего, вопреки всему, провести и оправдать свои жизненные вожделения. В этом углу заводятся: ироническое отношение ко всему духовному и божественному; тяга к кощунству, безверие, безбожие, злоба, зависть, уныние, отчаяние, пессимизм, материализм — словом, все то, что питает в душе революционность и безбожие. Начиная с Пушкина наши поэты не устают жаловаться на припадки от этого злого духа. Мы все помним стихотворение «Демон» Пушкина:

В те дни, когда мне были новы
 Все впечатленья бытия —
 И взоры дев, и шум дубровы,
 И ночью пенье соловья, —
 Когда возвышенные чувства,

Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осени,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи;
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистощимой клеветой
Он Провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

А вот у Лермонтова «Мой демон»:

Собрание зол его стихия,
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших,
Стоит его недвижный трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

Это испытал по-своему и Баратынский:

В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей
Со мною жил превратный гений,
Наперсник юности моей.
Он жар восторгов несогласных
Во мне питал и раздувал...

и т. д.

У гр. А. К. Толстого это бывало только днями:

Бывают дни, когда злой дух меня тревожит
И шепчет на ухо неясные слова,
И к небу вознестись душа моя не может,
И отягченная склоняется глава.
И он, не ведая ни радости ни веры,
В меня вдыхает злость — к кому, не знаю сам —
И лживым зеркалом могучие размеры
Лукаво придает ничтожным мелочам.
В кругу моих друзей со мной сидит он рядом,
Веселость им у нас надолго отнята,
И сердце он мое напивает ядом
И речи горькие влагает мне в уста.
И все, что есть во мне порочного и злого,
Клубится и растет все гуще и мрачней
И застилает тьмой сиянье дня родного,
И неба синеву, и золото полей,
В пустыню грустную и в ночь преобразуя
Все то, что я люблю, чем верю и живу я.

Этот дух и говорит потом у Толстого устами Дон-Жуана:

Но в небесах все пусто, Дона Анна,
В них Бога нет. Когда б внезапно гром
Теперь ударил, я б поверил в Бога,
Но гром молчит — я верить не могу.

Этот дух иронического всеосмеяния соединился и сросся впоследствии с духом рассудочного просвещения, сенсуализма и материализма. На это жаловался в одном из своих ранних стихотворений («Безверие») сам Пушкин; и посмотрите, как трогательно звучат эти жалобы на беспомощность души, утратившей свою веру:

О вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет,
Смирите гордости жестокой иступленья:
Имеет он права на наше снисхожденье,
С душою тронутой, внемлите брата стон,
Несчастный не злодей, собою страдает он.
Кто в мире усладит души его мученья?
Увы! Он первого лишился утешенья!

Настигнет ли его глухих судеб удар,
Отъемлется ли вдруг минутный счастья дар,
В любви ли, в дружестве обнимет он измену
И их почувствует обманчивую цену:
Лишенный всех опор отпавший веры сын,
Уж видит с ужасом, что в свете он один,
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из-за пределов мира...
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вкруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет божества, а сердце не находит. (...)

Во храм ли высшего с толпой народа входит,
Там умножает он тоску души своей.
При пышном торжестве священных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,
Тревожится его безверия мученье.
Он Бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святые предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадой тихому внимает он моленью.
«Счастливы!» — мыслит он, — почто не можно мне,
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немощном и строгом,
С одной лишь верою повернуться пред Богом!»

Так жаловался 17-летний Пушкин, которому предстояло в дальнейшем на одиноком, вдохновенном творческом пути вернуть себе веру — не против разума, а в согласии с разумом. И как будто откликаясь на эти жалобы, кн. Вяземский описывает это состояние так:

Наш разум, омрачась слепым высокомерьем,
Готов признать мечтой и детским суеверьем
Все, что не может он подвести под свой расчет.
Но разве во сто раз не суеверней тот,
Кто верует в себя, а сам себе загадкой,
Кто гордо оперся на свой рассудок шаткий
И в нем боготворит свой собственный кумир?
Кто в личности своей сосредоточив мир,
Берется доказать, как дважды два четыре,
Все недоступное ему в душе и в мире?

Из этого скрещения демонической иронии и рассудочной полунауки начал возникать тот душевный уклад, который

имел сначала вид светского, разочарованного снобизма, потом позитивистического нигилизма, потом нигилистической революционности и наконец воинствующего безбожия, большевизма и сатанизма.

Еще Лермонтов писал:

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

Уже А. К. Толстой обличал позитивистический нигилизм с революционным оттенком:

А еще, государь,
Чего не было встарь,
И такие меж нас попадают,
Что лечением всяким гнушаются.
Они звона не терпят гусярного,
Подавай им товара базарного.
Все, чего им не взвесить, не смерить,
Все, кричат они, надо похерить!
Только то, говорят, и действительно,
Что для нашего тела чувствительно.
И приемы у них дубоватые,
И ученье-то их грязноватое.
И на этих людей,
Государь Пантелей,
Палки ты не жалея
Суковатые!

Или вспомним еще встречу Потыка-Богатыря с нигилистом:

Там какой-то аптекарь, не то патриот,
Пред толпою ученые проводит:
Что, мол, нету души, а одна только плоть,
И что если и впрямь существует Господь,
То он только есть вид кислорода;
Вся же суть в безначалье народа.

И, наконец, — с пророческою точностью о вожаках грядущей революции:

В одном согласны все лишь:
Коль у других именье
Отымеешь да разделишь —
Начнется вождление.
Весь мир желают сгладить
И тем ввести равенство,
Что все хотят загадить
Для общего блаженства.

Атмосфера этого нигилизма назревала и сгущалась в России. И из ее тумана отчетливо стали обрисовываться черты соблазняющего дьявола. Их показал с очевидностью Ф. К. Сологуб:

Когда я в бурном море плывал
И мой корабль пошел ко дну, —
Я так воззвал: Отец мой, дьявол,
Спаси, помилуй, я тону.

Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей,
Я власти черного порока
Отдам остаток жалких дней.

И дьявол взял меня и бросил
В полустлевленную ладью,
Я там нашел и пару весел,
И серый парус, и скамью.

И вынес я опять на сушу
В больное, злое житиё
Мою отравленную душу
И сердце черное мое.

И верен я, отец мой, дьявол,
Обету, данному в тот час,
Когда я в бурном море плывал
И ты меня от смерти спас.

Тебя, отец мой, я прославлю
В укор неправедному дню,
Хулу над миром я восставлю
И, соблазняя, соблазню.

Это был уже зрелый дух безбожия, большевизма и революции.

Не подлежит никакому сомнению, что русская поэзия предчувствовала и предвидела и этот вздымавшийся дух, и назревающее революционное крушение.

Вот предсказание юного 17-летнего Лермонтова, так и озаглавленное «Предсказание», и подзаголовок «это мечта, т. е. фантазия»:

Настанет год, России черный год.
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

Еще глубже и отчетливее эти предсказания у Хомякова и Тютчева. Вот Хомяков:

Гул растет, как в спящем море
Перед бурей роковой;
Вскоре, вскоре в бранном споре
Закипит весь мир земной.

Чтоб страданиями — свободы
Покупалась благодать,
Чтоб готовились народы
Зову истины внимать;

Чтобы глас ее пророка
Мог проникнуть в дух людей,
Как глубоко луч востока
Греет влажный тук полей.

Хомяков прямо указывает на мировой характер грядущей борьбы и на его духовно-очистительное значение. Тютчев сосредоточивался на его религиозной природе:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует;

Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...

И сознает погибель он
И жаждет веры... но о ней не просит...

И еще: Тютчев говорит, обращаясь к России:

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон;
И кровь до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.

И целый мир, как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла...
Нет, никогда так дерзко правду Божью
Людская кривда к бою не звала!

И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова —
Все поднялось и все грозит тебе.

О, край родной! — Такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое предназначенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Еще отчетливее, еще шире и глубже предвидение гр. А.
А. Голенищева-Кутузова:

Бывают времена, когда десница Бога,
Как будто отстраняя от мира и людей,
Дает победу зла — и в мраке смутных дней
Царят вражда и ложь, насилие и тревога;
Когда завет веков минувших позабыт,
А смысл грядущего еще покрыт туманом,
Когда глас истины в бессилии молчит
Пред торжествующим обманом.

В такие дни хвала тому, кто, с высоты
На оргию страстей взирая трезвым оком,
Идет прямым путем в сознании одиноком
Безумия и зла всей этой суеты;
Кто посреди толпы, не опьяненный битвой,
Ни страхом, ни враждой, ни лестью не объят,
На брань враждующих отвечает молитвой:
«Прости им, Господи, — не знают, что творят!..»

К таким предвидениям относятся, несомненно, и поразительно точные строфы из «Стогов» А. К. Толстого, этого изумительного сомнамбулического стихотворения, где стоги на лугу объясняют прохожему свою судьбу.

Замечательно, что некоторые из этих пророческих стихотворений, чем бы они ни были вызваны, — испытываются самими авторами как сонные видения их неопределенного будущего: Лермонтов — сам отмечает фантастичность своего видения; Тютчев — пишет об ужасном сне; Толстой, начиная свои стоги, явно не знал сам, куда уведет его видение.

Поэт В. Диксон в 1920-х написал следующие строки:

Это вечное слово — «Россия» —
Словно ангельский свет для меня,
Словно совести зовы простые,
Словно вихри снегов и огня.

Не напрасен мой путь, не случаен;
Там — Россия, там — пламя и лед;
Но до мудрых, безумных окраин
Серединная жизнь не дойдет.

Надо сердце иметь не такое,
Надо душу иную иметь,
Надо жить неземною тоскою,
Надо песни нездешние петь.

Глаз не видит и уши не слышат,
Запечатаны болью уста;
Там — Россия страдает и ищет,
Ищет Божьего Сына — Христа.

Поэт постиг до конца религиозную природу того, что совершается в России; он постиг, что русский народ в муках и унижениях, в страхах и томлении — выстрадывает себе новую веру, новое христианство, новую чистую и героическую душу; и что ему нужны не лозунги политической обывательщины, а пророческие, опаляющие, богооткровенные, сразу мудрые и безумные слова. Этих слов он не ждет от Запада с его формальной, рассудочной цивилизацией, от Запада столь иноподобного нам, столь чужеродного для нас, непонимающего ни нас, ни наше призвание, ни нашу трагедию.

Поэт несомненно предвидел свою преждевременную кончину, и как же томился он о России и о возвращении в нее! Вот он пишет сестре:

Когда благословенный час —
Мечта сестры, желанье брата —
В чужой стране придет для нас
Пора желанного возврата?

Давно без родины живем,
Забьты там, и здесь — чужие,
Горим невидимым огнем,
Не мертвые и не живые.

Нам не открыты времена,
Мы только ждать и верить можем,
Что за грозой тишина
Придет в благословеньи Божьем.

В победу зла он не верит ни минуты:

Я вижу взором недостойным,
Провижу тайною душой:
Не победить путем разбойным,
Не покорить страны родной.

Но именно поэтому он неустанно зовет всех русских людей к покаянию:

Наш путь причастья недостойн
— Дорогу выбрали не ту —
Но Михаил — небесный воин
Огнем очистит суету.

И еще:

К тому, чье сердце стонет
И чья душа болит, —
Господь придет и склонит
Нерукотворный лик.

И в этом он чутко и верно указывает на русские исконные пути: в падении очиститься покаянием, покаянием оживить павшие силы и вступить на путь возрождения. Так было еще у Хомякова:

О, Русь моя! Как муж разумный,
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многодумной
Идет на Божеский призыв;

Так, исцелив болезнь порока
Сознанием, скорбью и стыдом,
Пред миром станешь ты высоко
В сияньи новом и святом.

Так было и у др. поэтов:

Смиримся же, други! В паденьи своем
Повинны мы все без изъятия,
Прощенье друг другу, и честно пойдем
Путем покаяния, братья!
Восстань же, Россия, родная, восстань
На труд тривсятой обновленья,
На честную битву, на славную брань;
Настала пора пробужденья!

Вся русская поэзия как бы единым голосом отмечает эту способность России: поддаваться распаду, унынию и малодушию и вдохновенно воссоздать после покаяния — с верою в Бога и с уверенностью в собственных силах. Вот она, эта дивная молитва А. Толстого:

Я задремал, главу понуруя,
И прежних сил не узнаю;
Дохни, Господь, живившей бурей
На душу сонную мою.

Как глас упрека, надо мною
Свой гром призывный прокати,
И выжги ржавчину покоя,
И прах бездействия смети.

Да впряну я, тобой подъятый,
И, вняв карающим словам,
Как камень от удара млата,
Огонь таившийся издам!

Как не вспомнить здесь пророческое описание Державина? Дело идет о русском народе:

Лежал он во своей печали,
Как темная в пустыне ночь:
Враги его рукоплескали,
Друзья не мыслили помочь.
Соседи грабежом алкали;
Князья, бояре в неге спали
И ползали в пыли, как червь;
Но Бог, но дух его великий
Сотряс с него беды толики, —
Расторгнул лев железну вервь...

Как не вспомнить этот вопрошающий призыв Баратынского:

Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?
Когда сей демон, наводящий
На ум мой — сон, его мертвещий,
Отыдет, чадный, от меня
И я увижу луч блестящий
Всеозаряющего дня?

Этот час сокрыт от нас; и ни один русский поэт не укажет его нам. Но многие из них указывают недвусмысленно на то, чего от нас требует это трагическое время. А оно требует от нас прежде всего, чтобы мы не пугались судьбы, ниспосланной нам свыше; но спокойно и мужественно принимали ее и вытекающие из нее задания. Ибо закон, владеющий челове-

ческим характером, гласит так: храбрый — победит, трусливый — будет побежден и погран. Вот как выразил это Жуковский в своем замечательном стихотворении «Судьба»:

С светлой главой, на тяжких свинцовых ногах

между нами

Ходит судьба! Человек, прямо и смело иди!
Если, ее повстречав, не потупишь очей и спокойным
Оком ей взглянешь в лицо — сам просветлещь лицом;
Если ж, испуганный ею, пред нею падешь ты, —

наступит

Тяжкой ногой на тебя, — будешь затоптан в грязи.

Бесстрашие, мужество — есть половина победы. Но это, конечно, только начало. Нынешнее трагическое время требует от нас, во-первых, очищения души от страха и страстей, покаянного очищения в беде и скорби. Во-вторых, — веры в Бога. Так, как это выражено у Баратынского в стихотворении «Ахилл». Ахилл был весь закален и неуязвим, кроме одной пяты. А мы со всех сторон целиком открыты страданию, и только одна пята души неуязвима у нас — это вера, на которую мы должны стать, как на неколебимую опору.

Влага Стикса закалила
Дикой силы полноту,
И кипящего Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимым лишь в пяту.

Обречен борьбе верховной,
Ты ли долею своей
Равен с ним, боец духовный,
Сын купели новых дней?

Омовен ее водою,
Знай, — страданью над собою
Волю полную ты дал.
И одной пятой своею
Невредим ты, если ею
На живую веру стал!

Покаяние и вера дадут нам не только уверенность в своей правоте, но веру в свои силы, веру в Россию, веру в призвание нашего народа, волю к его самостоятельному и самостоятельному освобождению. Они научат нас, по слову Языкова:

Надежно уважать свои родные силы,
Спасенья чаять только в них.

Эти силы русские люди должны вновь почувать в себе. Они живы, они только в усыплении. Ибо — как высказал это Диксон:

Ибо ведает сердце болящее,
Спотыкающееся во мгле:
Есть великое и настоящее
И на нашей бедной земле.

Есть неложное и неподдельное,
Жертва чистая, дар души —
Неподкупное, нераздельное, —
В нашей глине, в нашей глуши.

Проснутся эти силы и совершат свое и всерусское освобождение. Придет великий час — как вешний ураган:

Своей отчизны сын разрушит цепи злые...
Мы верим, близок свет, падет измены стан
И мы узрим тебя, свободная Россия.

РОСТОПЧИН Федор Васильевич (12.03.1763—18.01.1826), граф, государственный деятель, писатель. Был пажом, затем сержантом Преображенского полка, участвовал во второй русско-турецкой войне. Своим возвышением Ростопчин обязан имп. Павлу I, который при восшествии на

престол возвел его в чин генерал-адъютанта, а впоследствии вверил ему Министрство иностранных дел, Главное управление почт, назначил канцлером Ордена Иоанна Иерусалимского и возвел в графское достоинство (1799). В 1801—10 находился в отставке, пока не получил назначение обер-камергера. В 1812, став генералом от инфантерии, был назначен главнокомандующим Москвы (до 1814). В специальной записке к

Александру I обратил его внимание на подрывную деятельность масонов, предлагая ему запретить масонские ложи. Его патриотическая деятельность в Москве выразилась в распространении афиш и воззваний к народу. После Бородинского боя Ростопчин срочно организовал выезд из Москвы населения, который до тех пор задерживал, полагая, что город не будет сдан. Препятствовал продвижению продовольствия для французских войск и рассылал воззвания к народу о создании партизанских отрядов для борьбы с французами. Он организовал набор и снаряжение до 80 тыс. ополченцев. После ухода неприятеля Ростопчин много труда положил на восстановление столицы и устройство возвращавшихся в нее жителей.

Ростопчин послужил прототипом московского главнокомандующего в романе *Л. Н. Толстого* «Война и мир». В произведениях Ростопчина впервые нашли отражение общественные идеи, настроения того времени, в частности, борьба за чистоту русских нравов и обычаев. Так, повесть «Ох, французы!» была названа «зеркалом нравов старины», а «Мои записки, сделанные в десять минут, или Я сам без прикрас» произвели в литературном мире Европы сенсацию.

Соч.: Сочинения Ростопчина. СПб., 1855; Ох, французы! М., 1992; Записка гр. Ф. В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования // Русский архив. 1878. № 1; Записки о маринистах // Русский архив. 1875. № 9.

Лит.: *Ельницкий А.* Ростопчин // Русский биографический словарь. Т. 17. СПб., [б.г.]; *Любченко О. Н.* Граф Ростопчин. М., 2000; *Мельгунов С. П.* Ростопчин — Московский главнокомандующий // Отечественная война 1812 и русское общество. М., 1912. Т. IV; *Тихомиров Н. С.* Гр. Ф. В. Ростопчин и литература в 1812 // Отечественные записки. 1854. № 7.

РОСТОПЧИНА Евдокия Петровна (урожд. Сушкова) (23.12.1811—3.12.1858), поэтесса, писательница. Родилась в Москве в семье крупного чиновника П. В. Сушкова. Пяти лет потеряла мать и воспитывалась в доме деда И. А. Пашкова. Судя по ее отзывам, годы детства ее были полны сиротства и пренебрежения. Ей не хватало материнской ласки и участия отца, который разъезжал по делам службы, жил в др. городах. В дом для воспитания Додо (так называли ее близкие и знакомые) приглашали гувернанток и учителей. Одним из преподавателей русского языка был *С. Е. Раич*, поэт и переводчик, среди учеников которого был *Ф. И. Тютчев* и многие поэты-любомудры.

В «Автобиографической записке» читаем: «Начала слагать стихи 7-ми лет, по-французски; 13-ти, либо 14-ти, по-русски». В альманахе «Северные цветы на 1831 год» было опубликовано стихотворение «Талисман» за подписью «Д...а...». Его, не спросив на то согласия Додо Сушковой, передал издателю альманаха барону *А. А. Дельвигу* гостивший у Пашковых кн. *П. А. Вяземский*. Когда о публикации узнали родные, то юную поэтессу отчитали: «...для благородной светской барышни неприлично заниматься сочинительством, а печатать свои произведения уже совершенно постыдно!»

18 лет на своем первом бале у московского губернатора, кн. Д. В. Голицына, она познакомилась с *А. С. Пушкиным*. По воспоминаниям ее брата *С. Сушкова*, «Пушкин так заинтересовался пылкими и восторженными излияниями юной собеседницы, что провел с нею большую часть вечера...».

В мае 1834 Сушкова вышла замуж за гр. *А. Ф. Ростопчина*. Известно, что увлечена она была кн. *А. Голицыным*, и причина столь неожиданного поступка остается тайной. Брак не принес ей счастья.

И. В. Киреевский в статье «О русских писательницах» (1833) «прозрачно» отозвался о Ростопчиной: «...без сомнения, вы слышали об одном из самых блестящих украшений нашего общества, о поэте, которой имя, несмотря на решительный талант, еще не известно в нашей литературе». Но вскоре имя Ростопчиной появилось под стихами в «Московском наблюдателе», в «Библиотеке для чтения», в пушкинском «Современнике».

С переездом семьи в Петербург Ростопчина зажила светской и литературной столичной жизнью: маскарады и балы, визиты и дружеские чтения. Нередко в зиму 1836—37 у Ростопчиных собирались: *В. А. Жуковский*, *П. А. Вяземский*, *А. С. Пушкин*, *А. И. Тургенев*, *В. Ф. Одоевский*, *П. А. Плетнев*, *И. П. Мятлев*, *А. И. Соболевский*, Виельгорские.

В 1841 вышла в свет первая книга стихотворений Ростопчиной. Критика на книгу была благосклонной, о ней писали: *А. В. Никитенко* в «Сыне Отечества», *П. А. Плетнев* в «Современнике». *В. Г. Белинский* в «Отечественных записках» говорил о «поэтической прелести и высоком таланте». Но при этом отмечал и недостатки стихов Ростопчиной, их рефлексию и рассудочность.

Поэзия Ростопчиной — лирический дневник. В него заносилась «жизнь сердца»: несчастная любовь, невозможность счастья, события значительные и мимолетные впечатления, исполненные искреннего чувства. Ее стихи обращены к «душе близкой».

Ростопчина принадлежала к высшему свету, но как поэтесса она судила свет за его бездуховность, интриги, неспособность к простому человеческому сочувствию. Эта критическая черта сближала ее с *М. Ю. Лермонтовым*, которого она знала с детства. В салоне *Е. А. Карамзиной*, перед последней поездкой на Кавказ, Лермонтов и Ростопчина встречались часто, между ними было много общего. В стихотворении «Графине Ростопчиной» Лермонтов писал: «Я верю: под одной звездой // Мы с вами были рождены; // Мы шли дорогою одною, // Нас обманули те же сны».

В 1845 семья Ростопчиных совершила длительное путешествие в Европу. *Н. В. Гоголь* в Риме, выслушав новые стихи и балладу «Насильный брак», сказал Ростопчиной: «Пошлите в Петербург: не поймут и начекают. Чем хотите ручаюсь!..» В дек. 1846 баллада появилась в «Северной пчеле» *Ф. В. Булгарина*. *А. В. Никитенко* свидетельствовал: «И цензура, и публика сначала поняли так, что графиня Ростопчина говорит о своих собственных отношениях к мужу, которые, как всем известно, неприязненны. Удивлялись только смелости, с какою она отдавала на суд публике свои семейные дела, и тому, что она связывалась с “Северной пчелою”». Но теперь оказывается, что барон — Россия, а насильно взятая жена — Польша». У издателей газеты *Ф. В. Булгарина* и *Н. И. Греча* цензура потребовала объяснений. Политическая трактовка баллады получила широкое распространение и вызвала неудовольствие императора.

В к. 1847 Ростопчины переселились в Москву. Возражая тем, кто видел в ней светскую львицу, прославленную поэтессу, она с грустью признается: «Нет, не Коринна перед вами // С ее торжественным венцом... // А сердце, полное слезами, // Кому страданий мир знаком!» В двухэтажном особняке на Садово-Кудринской по субботам Ростопчина в своей гостиной принимала литераторов. На ее «мирных литературных сходбищах» бывали: *Л. Мей*, *Д. В. Григорович*, *И. С. Тургенев*, *А. Майков*, *К. Павлова*, *А. С. Хомяков*. К ним присоединились знаменитые артисты Малого театра *М. С. Щепкин* и *И. В. Самарин*. В салоне Ростопчиной *А. Н. Островский* читал свою комедию «Банкрот» («Свои люди — сочтемся»). Ростопчина поддержала молодого драматурга, рекомендуя пьесу влиятельным лицам.

С н. 50-х литературное имя Ростопчиной блекнет. Пришла другая эпоха. В стихотворной комедии «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатилетней разлуки» (1856) она высмеяла обновленное московское общество, собравшееся у *Фамусова*. В гостиной завязывается спор между *славянофилами* и западниками: и те и другие хотят привлечь Чацкого на свою сторону. Однако за высокопарностью *Элейкина* и в «прогрессивном» славословии учителя *Петрова* вкупе со стихами *Щурмайера* — Чацкий угадывает гипертрофированное тщеславие, духовную нищету, чуждую всякому здравому смыслу. Его утешает кн. *Цветкова*, пригласив на чашку чая: «Ручаюсь... У меня подобного народа // Вы не увидите! В Москве такая мода // Разобрала не всех, и я скажу про них, — // На то пословица, — «в семье не без урода!» Уродства нового времени, новые течения в литературе она, жившая «в короткости Пушкина, Крылова, Жуковского, Тургенева, Баратынского, Карамзина» — не приняла.

В последний год жизни Ростопчина пишет сатиру «Дом сумасшедших в Москве в 1858 году» по примеру известного «Дома сумасшедших» *А. Ф. Воейкова*. Это галерея хлестких карикатур на современников. По просьбе посетившего ее *А. Дюма*, смертельно больная поэтесса обращается к воспоминаниям о *Лермонтове*. Прошлое кажется ей в сравнении с настоящим светлым и незабвенным.

Проза Ростопчиной (повести «Чины и деньги», «Поединок», «Палаццо Форли», романы «Счастливая женщина», «У пристани») варьирует основные мотивы ее поэзии.

Живая исповедальность лирического «я» Ростопчиной, мелодическое начало стихотворений, женский романтизм — послужили основой для создания романсов на ее слова композиторами *М. И. Глинкой*, *А. С. Даргомыжским*, *А. Г. Рубинштейном*, *П. И. Чайковским*.

Соч.: Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986.

М. Шаповалов

РОЩИН Борис Алексеевич (р. 17.10.1935), прозаик. Родился в Ленинграде. Окончил Ленинградское военно-инженерное училище (1958). Был рабочим, служил в армии кадровым офицером, освоил ок. 20 специальностей. В 1974 закончил заочное отделение Литературного института.

Первое заметное произведение Рошина — книга очерков «По родному краю с миноискателем и фотоаппаратом» (1976) — динамичное повествование о работе подвижной группы разминирования, которую возглавлял писатель. С теплотой рассказывает о своих сослуживцах, которые бесстрашно выполняют свою задачу.

Повесть «Не без добрых людей» (1981) рассказывает о горе слабовольных людей, попавших в плен алкоголизма, об ужасающей атмосфере преступности и делячества, царящей на овощной базе благодаря их пособничеству. Вначале лишь студент-математик не боится открыто бунтовать против темных махинаций заведующего. Борьба с проходимцем, которую возглавил бригадир грузчиков, человек сложной, ломаной судьбы, заканчивается победой. Финал повести оптимистичен: персонажи находят путь к нравственному возрождению.

Новый творческий импульс Рошину дали перемены в стране, начавшиеся с сер. 1980-х. В попытке художественно осмыслить происходящее с Россией, Рошин создает роман «Железный лок в потолке». Книга Рошина представляет собой «первое высокохудожественное осмысление перестройки от ее начала до октябрьских событий 1993 года» (*И. Сабило*). Роман, написанный колоритным, сочным языком, затрагивает как извечные вопросы бытия, так и самые болезненные проблемы современности, очень точно отражая социальные, национальные, политические, нравственные проблемы. Колоритна фигура отставного генерала и активного политика *Жигайлова*, готовящего танковые экипажи для стрельбы по парламенту, кинорежиссера, прообразом которого послужил *С. Говорухин*, писателя *Смирнова* — своеобразного «героя нашего времени». Несмотря на трагедийность многих картин и сцен, автор наполняет их юмором, удачно оттеняющим повороты действия и характеры.

Соч.: По родному краю с миноискателем и фотоаппаратом: Очерки. Л., 1976; Мужские будни: Повести, рассказы. М., 1976; Тревога: Повесть. Л., 1977; Не без добрых людей: Повесть, рассказы. М., 1981; Медовые росы: Повести, рассказы. Л., 1984; Встречи: Повесть, рассказы. Л., 1985; «Ваше положение катастрофично!»: Рассказы. Л., 1989; Открытая дверь: Повести, рассказы. Л., 1989; Тешины рассказы. Л., 1989; Чай с антоновкой: Повести, рассказы. Л., 1990; Железный лок в потолке: Роман. СПб., 2001.

А. Любомудров

РУБЦОВ Николай Михайлович (3.01.1936—19.01.1971),

поэт. Родился в с. Емецк Архангельской обл., был четвертым ребенком в семье начальника ОРСа леспромпхоза *Михаила Андрияновича* и *Александры Михайловны Рубцовых*. В автобиографии сообщал: «Я, Рубцов Н. М., родился в 1936 году в Архангельской области в с. Емецк. В 1940 переехал вместе с семьей в Вологду, где нас и застала война. Отец ушел на фронт и погиб в том же 1941 году. Вскоре умерла мать, и я был направлен в Николь-

ский д/д Тотемского района Вологодской области, где окончил 7 классов Никольской НСШ в 1950. В том же 1950 я поступил в Тотемский лесотехнический техникум, где окончил 2 курса, но больше не стал учиться и ушел. Подал заявление в Архангельскую мореходную школу, но не прошел по конкурсу. В настоящий момент подаю заявление в Тралфлот. Н. Рубцов. 12.09.52 г.».

Учительница А. Меньшикова вспоминала о детдомовце Рубцове: «Он был очень любопытен. Едва ли не каждую перемену подходил со своими друзьями к моему столу и задавал массу вопросов: как, почему, где, что? — все надо знать ему. Старался быть первым во всем. Задачи решал лучше всех, писал лучше всех (четкий бисерный почерк у него был). А если читаешь, особенно стихи, он и ротишко раскроет... Коля любил читать стихи, и читал хорошо. Встанет, расставит ноги, посмотрит куда-то вдаль и декламирует, а сам, кажется, мысленно — там, с героями стихотворения». Первое детское стихотворение самого Рубцова датировано 1945. Село Никольское с храмом Николая Угодника, детдом запечатлены в знаменитых строках «Люблю я деревню Николу, где кончил начальную школу...» и во мн. др. стихах.

После окончания семилетки, по его словам, «рвался к морю». Но попытка поступить в 1950 в мореходку закончилась неудачей. Все экзамены он сдал на пятерки, но, как рассказывали потом его детдомовские друзья, «не вышел ростиком Коля, не на тех хлебах рос».

Летом 1952, проучившись 2 года на «лесника» в старинном Спасо-Суморинском монастыре, где находился лесной техникум, и, главное, получив паспорт, еще раз пытается пройти конкурс в мореходку, теперь уже в Архангельскую. Вновь неудачно. И все-таки мечта о море сбывается: 16-летнего подростка принимают на работу в Тралфлот — подручным кочегара на тральщике РТ-20 «Архангельск». «Никем на свете не гонимый, // Я в этот порт явился сам // В своей любви необъяснимой // К полночному северным судам», — напишет он о начале своей «морской одиссеи», продолженной в годы службы на Северном флоте. В Североморске Рубцов посещает литературное объединение, начинает печататься. После демобилизации вновь «кочегарит», теперь уже на Кировском (бывшем — Путиловском) заводе, занимается в литобъединении «Нарвская застава». Итогом этого раннего периода жизни и творчества Рубцова стал его «самиздатский» сборник 1962 «Волны и скалы». В него вошли и флотские стихи, выделенные в разделе «Салют морю», и стихи н. 60-х, в которых молодой поэт в полной мере испытал влияния своих сверстников — поэтов шестидесятников. Именно в эти годы в ленинградских литературных кругах совершенно четко обозначилось противостояние двух восходящих поэтических звезд — *Г. Горбовского* и *И. Бродского*. А потому характерно, что близким другом Рубцова в Ленинграде станет Горбовский, один из немногих «шестидесятников» не скрывавший своей искренности. В «Волнах и скалах» есть «звучковые миниатюры», свидетельствующие о его виртуозном владении техникой стиха: «Звон колокольный и окольный, // У окон, около колонн, — // Я слышу звон и колокольный, // И колокольный звон...» Есть в этом сборнике и эпатажные стихи типа «Жалобы алкоголика». Но уже в этом сборнике в разделе «Долина детства» помещено стихотворение «Видения на холме», которому суждено будет стать рубцовской классикой. В «Видении...», как точно заметил критик А. Павловский, «таится и едва ли не выходит наружу почти литургическое начало»: «Россия, Русь — // Куда я ни взгляну! // За все твои страдания и битвы // Люблю твою, Россия, ста-

рину, // Твои леса, погосты и молитвы...» С этого «Видения...», по сути, и начинается подлинный Рубцов как национальный поэт, вставший в один ряд с *С. Есениным*. *Г. Горбовский* писал об этом «чуде Рубцова»: «Николай Рубцов — поэт долгожданный. Блок и Есенин были последними, кто очаровывал читающий мир поэзией — неприсуданной, органической. Полвека прошло в поиске, в изыске, в утверждении многих форм, а также — истин. Большинство из найденного за эти годы в русской поэзии осело на ее дно интеллектуальным осадком, сделало стих гуще, эрудированнее, изящней. Время от времени в огромном хоре советской поэзии звучали голоса яркие, неповторимые. И все же — хотелось Рубцова. Требовалось. Кислородное голодание без его стихов — надвигалось... Долгожданный поэт. И в то же время — неожиданный».

В 1962, сдав экстерном экзамены за среднюю школу, Рубцов представляет рукописный сборник «Волны и скалы» на творческий конкурс в Литературный институт. К осени сдает экзамены и зачисляется в эту «кузницу литературных кадров». Так начинается московский период жизни поэта.

О годах учебы в Литинституте бытует немало легенд, связанных в основном с его неоднократными исключениями, как значилось в приказах ректора, «за недостойное поведение» и «нарушение общественного порядка». Его перевели с очного на заочное отделение, а затем и вовсе исключили из института, выселили из общежития, что при строгом паспортном режиме тех лет превращало поэта в бомжа. Но главное, конечно, не эти «скандалы» и не житейские мытарства, а рубцовские стихи, которые появились в московских журналах в сер. 60-х, ставшие вехами не только в его творчестве, но и всей русской поэзии 2-й пол. XX в. Журнал «Октябрь» публикует стихи «Звезда полей», «Взбегу на холм и упаду в траву!..», «Русский огонек», «Тихая моя родина!..», которые на фоне «громкой» эстрадной поэзии воспринимались как «тихая лирика». Тогда же, во многом благодаря стихам Рубцова, и возник этот термин. *В. Кожин* отмечает: «В моей памяти Н. Рубцов неразрывно связан со своего рода поэтическим кружком, в который он вошел в 1962 году, вскоре после приезда в Москву, в Литературный институт. К кружку этому так или иначе принадлежали *С. Куняев*, *А. Передреев*, *В. Соколов* и ряд более молодых поэтов — *Э. Балашов*, *А. Черевченко*, *И. Шкляревский* и др. Нельзя не подчеркнуть, что речь идет именно о кружке, а не о том, что называют литературной школой, течением и т. п. Правда, позднее сложилось уже собственно литературное явление, которое получило в критике название или, вернее, прозвание — «тихая лирика». Более того, течение это, вместе с глубоко родственной ему и тесно связанной с ним школой прозаиков, прозванных тогдашней критикой «деревенщиками», определило целый этап в развитии отечественной литературы».

Лето Рубцов обычно проводил в Николы. «Здесь за полтора месяца, — писал он в авг. 1964 поэту А. Яшину, — написал около 40 стихотворений. В основном о природе, есть и неплохие, и есть вроде бы ничего. Но писал другому, как мне кажется. Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас». Среди этих стихотворений «Тихая моя родина», посвященное *В. Белову*: «Тихая моя родина! // Ивы, река, соловьи... // Мать моя здесь похоронена // В детские годы мои...»

1966—67 Рубцов проводит в странствиях: Вологда — Барнаул — Москва — Хабаровск — Волго-Балтийский канал — Вологда. Принимает участие в обычных для того времени

писательских поездках, выступлениях в городских и сельских клубах, домах культуры. Вологодский поэт А. Романов так описывает публичные выступления Рубцова: «Николай Рубцов стихи читал прекрасно. Встанет перед людьми прямо, прищурится зорко и начнет вздымать слово за слово: “Взбегу на холмы и упаду в траву...” Не раз я слышал из уст автора эти великие “Видения на холме”, и всегда охватывала дрожь восторга от силы слов и боль от мучений и невзгод Родины. А потом — “Меж болотных стволов красовался восток огнеликий”, — и воображение мое уносило вместе с журавлиным клином в шемящую синеву родного горизонта. А затем — “Я уеду из этой деревни”, — и мне приходилось прикрываться ладошкой, чтобы люди, сидевшие в зале, не заметили моих невольных слез... Вот какими были выступления Николая Рубцова!»

Летом 1967 вышла книга Рубцова «Звезда полей», ставшая звездным часом поэта, как отмечал однокурсник Рубцова, поэт А. Четчин, «словно из других галактик». Так оно и было. Имя этой «галактики» — Россия. «В отличие от многих молодых стихотворцев, — отмечал М. Лобанов, — которые с легкостью необыкновенной к месту и не к месту рифмуют слово “Россия”, Николай Рубцов говорит о самом дорогом для него сдержанно, со скрытой и оттого более заразной эмоциональностью. Между прочим, патриотизм, вернее, глубина его непосредственно связана в литературе с качеством выражения его, с мерою вклада в культурную сокровищницу народа. Одни напыщенные восклицания еще не означают святой любви, не дают и согражданам права гордиться ими как творческой ценностью. Любое поэтическое слово, пусть само скромное, но выношенное в душе, облеченное в свое “видение”, непотворимое именно выразительностью личной связи с “общим”, — такое слово находит отклик».

Ранней весной 1968 исполнилась давнишняя мечта Рубцова: он побывал на родине С. Есенина — с. Константиново. Осенью гостит в д. Тимониха — у В. Белова. В Тимонихе написана лесная сказка-поэма «Разбойная Ляля».

Закончились годы скитаний. Рубцов сначала получил в Вологде комнату в общежитии, а затем и однокомнатную квартиру. Казалось, что налаживается и его личная жизнь... В 1969 вышла третья книга Рубцова «Душа хранит», в 1970 четвертая — «Сосен шум». Появились публикации в «Нашем современнике», «Молодой гвардии». К этому времени относятся стихотворения «До конца» («До конца, // До тихого креста // Пусть душа // Останется чиста!», «Вологодский пейзаж» («Живу вблизи пустого храма...»), «У церковных берез», «Скачет ли свадьба...», «Под ветвями больничных берез», «Конец» («Смерть приближалась, приближалась...»), свидетельствующие о глубоких философских раздумьях поэта.

В 1970 написаны роковые строки: «Я умру в крещенские морозы. // Я умру, когда трещат березы...» Трагедия произошла 19 янв. 1971 — в крещенские морозы.

Вологодский исследователь В. Бараков отмечает: «Совершенно христианское видение жизни можно обнаружить не только в программных стихотворениях Рубцова («Философские стихи», «Старая дорога», «Русский огонек», «До конца» и др.), но и в обычных, рядовых стихах».

Слава Рубцова оказалась посмертной. «Особенно удивительно, — отмечал В. Кожин, — не сам по себе стремительный рост славы поэта, а тот факт, что росла она как бы стихийно, по сути дела без участия средств массовой информации — словно движимая не зависящей от людей природной силой». В этом смысле, по степени всенародно признания, Рубцова можно сравнить только с В. Шук-

шиным. Но славе своей Шукшин все-таки во многом обязан не замечательным рассказам о русских «чудиках», не сатирической сказке «До третьих петухов», а кино, своему актерскому и режиссерскому дарованию. Рубцов завоевал признание не благодаря, а вопреки всем СМИ, включая телевидение и кино. На родине поэта воздвигнуты 2 памятника — в 1985 в Тотьме, в 1998 в Вологде. В 1975 одна из центральных улиц Вологды названа именем поэта. В 1997 учреждена всероссийская литературная премия «Звезда полей» имени Николая Рубцова. Песни на его стихи стали одними из самых популярных. В русской поэзии, наряду с пушкинианой и есенианой появилась и рубцовиана — десятки стихов, посвященных памяти Рубцова, среди которых стихи Г. Горбовского, С. Куняева, А. Пердреева, В. Коротаева, Н. Старшинова, О. Фокиной и мн. др. поэтов. Его книги продолжали издаваться после 1991 при полной коммерциализации книжного рынка, когда годами не выходило ни одного поэтического издания. В 1998—99 вышло 5 изданий Рубцова: «Вологодская трагедия», «Улетели листья», «Последняя осень», «Звезда полей», «Собрание сочинений» в 3 томах. Сборник «Последняя осень» в течение года выдержал 3 переиздания. В 2001 в серии «ЖЗЛ» вышла книга Н. Коняева «Николай Рубцов». Все это говорит о том, что поэзия Рубцова оказалась востребованной, в ней люди нашли созвучие своим мыслям и чувствам. В России к. XX в., когда на нее «со всех сторон нагрянули они, иных времен татары и монголы», Рубцов выразил самые заветные чувства и мысли русского народа. На его могиле в Вологде начертаны строки из «Видения на холме», звучащие как напутствие, как завет России XXI в., России 3-го тысячелетия: «Россия, Русь! Храни себя, храни!»

Соч.: Звезда полей: Стихи. М., 1967; Душа хранит: Стихи. Архангельск, 1969; Сосен шум: Стихи. М., 1970; Зеленые цветы: Стихи. М., 1971; Последний пароход: Стихи / Вступ. ст. С. Викулова. М., 1973; Избранная лирика / Сост. и предисл. В. Оботурова. Вологда, 1974; Стихотворения. М., 1977; Избранное / Сост. С. Викулова, В. Оботуров. Вступ. ст. С. Викулова. М., 1982; Стихотворения / Предисл. В. Кожина. М., 1983; Подорожники: Стихи / Сост. и предисл. В. Коротаева. М., 1985; Стихи / Сост. и предисл. В. Кожина. М., 1986; Видения на холме: Стихи, переводы, проза, письма / Вступ. ст. и сост. В. Коротаева. М., 1990; «Мурманский стан» Николая Рубцова: Стихи. 1991; Россия, Русь! Храни себя, храни! Стихи, переводы, воспоминания, проза, письма / Вступ. ст. и сост. В. Коротаева / Вологда, 1991; Россия, Русь, храни себя... Стихи. Повесть о поэте. М., 1992; Русский огонек: Стихи, переводы, воспоминания, проза, письма. В 2 т. / Предисл. В. Коротаева. Вологда, 1994; Вологодская трагедия: Стихотворения. Письма. Воспоминания. Повесть Н. Коняева «Путник на краю поля» (Книга о жизни, смерти и бессмертии Николая Рубцова) / Сост. Н. Коняев. М., 1998; Звезда полей. Собр. соч. в одном томе / Сост., подг. текстов, приложения и коммент. Л. А. Мелкова, Н. Л. Мелковой. М., 1999; Последняя осень: Стихотворения, письма, воспоминания современников / Сост. В. Калугин. М., 1999; Собр. соч.: В 3 т. М., 1999.

Лит.: Лобанов М. П. Сила благодатная // Лобанов М. Внутреннее и внешнее. Литературные заметки. М., 1973 (впервые: «Молодая гвардия», 1972); Викулов С. В. О Николае Рубцове и его стихах // Рубцов Н. Последний пароход. М., 1973; Селезнев Ю. И. Мысль чувствующая и живая. М., 1982 (впервые: «Наш современник», 1977); Кожин В. В. Николай Рубцов. М., 1975; Павловский А. И. Время и родина в творчестве Н. Рубцова // Русская литература. 1986. № 2; Воспоминания // Русский огонек. Т. 2. Вологда, 1994; Воспоминания // Рубцов Н. Последняя осень. М., 1999; Бараков В. Заметки и размышления о поэзии Рубцова. Вологда, 1995; Белков В. Первые итоги (Из жизни Николая Рубцова). Вологда, 1999; Астафьев В. Затеси. Из тетради о Николае Рубцове // Новый мир. 2000. № 2; Коняев Н. Николай Рубцов. М., 2001. Серия «ЖЗЛ».

В. Калугин

РУДАНСКИЙ Степан Васильевич (25.12.1833[6.01.1834]—21.04[3.05].1873), малороссийский поэт. Родился в с. Хомутицы, ныне с. Руданское Жмеринского р-на Винницкой обл. в семье священника. В 1855 окончил духовную семинарию, в 1861 — Петербургскую медико-хирургическую академию. Работал врачом в Ялте. Печататься начал в 1859 в журнале «Русский мир», затем в журнале «Основа» (1861). Выступил со стихами-балладами «Разбойники» (1851), «Вечерниці» (1852), «Розмай» (1854). В лирике Руданского заметно влияние народнопесенного творчества («Повій, Вітре, на Україну»), а также поэзии Т. Г. Шевченко и Н. А. Некрасова.

Значительное место в литературном наследии Руданского занимает жанр спивомовок — сатирических стихотворений, написанных народным, т. е. коломийковым размером. В спивомовках раскрывается несправедливость крепостничества, чиновников-бюрократов, сутяжников, жидов-корчмарей («Лошак»), обличается взяточничество («Заседатель», «Там її конєць»). Они отличаются народным юмором, высоким художественным мастерством. В 60-х Руданский написал народнопесенную драму «Чумак». Перевел на малороссийский язык «Илиаду» Гомера, «Энеиду» Вергилия, «Демона» М. Ю. Лермонтова, «Краледворскую рукопись», «Слово о полку Игореве» и др.

Соч.: Твори. Т. 1—3. Львів, 1912—14; Твори. Киев, 1962; в рус. пер.: Сочинения. Симферополь, 1963.

РУКАВИШНИКОВ Иван Сергеевич (3[15].05.1877—9.04.1930), писатель. Родился в Н. Новгороде. Происходил из богатой купеческой семьи. Окончил Петербургский Археологический институт. Первые стихи Рукавишникова опубликованы в «Нижегородском листке» в 1896; в 1901 вышла его первая повесть «Семя, поклеванное птицами». Творчество Рукавишникова развивалось под знаком *символизма*. Его ранняя поэзия полна неясных мистических предчувствий; далекий от политических интересов, Рукавишников проповедует в своих стихах культ чистой красоты и неземной любви. В 1914 вышел сборник Рукавишникова «Близкое и далекое». Герои рассказов «Я, ты, он», «Ненависть» и др., вошедших в первую часть сборника («Близкое»), — опустошенные, не удовлетворенные жизнью люди. Мечущиеся и не находящие применения своим силам, они часто становятся на путь преступлений. Фантастико-мистические писания из библейских, древнеиндийских или древнеарабских времен составили второй раздел сборника («Далекое»). Рассказы Рукавишникова написаны ритмической, орнаментальной прозой.

Наибольшей известностью пользовался роман Рукавишникова «Проклятый род» (1912). Роман в значительной мере — автобиографичен; прототипом «железного старика» послужил дед Рукавишникова. В центре романа — история купеческой семьи. Знание купеческого быта позволило автору подняться до реалистического повествования с сочувствием к уходящему миру. Ему принадлежит также историко-бытовой роман «Аркадьевка» (1914). Рукавишников известен как «мастер триолета». Он использовал также формы русской народной песни в своих сказках «Степан Разин» (1925) и «Пугачевщина». В 1909 издал сборник переводов «Молодая Украина». Организовал 2 музея в Н. Новгороде, был профессором Московского высшего литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова, где читал курс стиховедения.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—20. СПб.; М., 1901—25; Сто лепестков цветка любви. Песни женской души. М., 1916; Триолеты любви и вечности. М., 1917; Diarium [Стихотворения. 1908—10]. СПб., 1910.

РУКОПИСНАЯ КНИГА Древней Руси. Книга в Древней Руси — величайшая ценность, собрание всемирной мудрости. Древнерусский книжник в «*Повести временных лет*» восклицал: «Велика ведь бывает польза от учения книжного!.. Это — реки, наполющие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина!».

Число сохранившихся рукописных книг XI—XVII вв. насчитывает десятки тыс. Но даже эта цифра не может дать приблизительного представления о числе книг, написанных и обращавшихся на Руси в то время. Многие уникальные памятники погибли при нашествиях половцев, татар, литовцев, в огне Смутного времени, в частых пожарах. Напр., в 1240 во время нашествия Батюга в Десятинной церкви в Киеве погибли уникальные рукописи. В 1382 во время сожжения Москвы Тохтамышем, сгорели и тысячи книг, которые были свезены в столицу по указанию митр. Киприана.

Писцы книг

Первые книги на Руси были обычно переводами с греческого языка, осуществленными славянскими переводчиками в Моравии и Болгарии, а также на Руси. Это были библейские книги — Псалтирь, *Евангелие* и др. Оригинальными произведениями русских авторов являются поучения, *жития святых, летописи, слова*. Большинство книг — религиозного содержания (богослужебные, житийные, творения святых отцов). Книг светского содержания было немного.

Наиболее ранние из сохранившихся рукописных книг относятся ко 2-й пол. XI — н. XII в.: *Остромирово Евангелие* (1056—57), два «*Изборника*» Святослава (1073, 1076), Мстиславово Евангелие (1115). Эти Евангелия и Изборники — великолепные образцы книжного искусства Древней Руси. Они написаны уставным письмом на пергамене. Листы книг богато орнаментированы, украшены миниатюрами. В составе Кормчей книги 1282 дошел до нас список Русской Правды.

Исследованием содержания рукописей занимаются филология и источниковедение. Кроме того, существует палеография (*греч.* «палайос» — древний, «графо» — пишу) — специальная историческая дисциплина, которая исследует закономерности развития письменных источников с их внешней стороны: изменения материала, орудий письма, особенностей почерков и украшений и т. д. Одна из основных задач палеографии — установление времени и места написания источника, подлинности произведения, потому что даты написания, имеющиеся в рукописной книге, часто не соответствуют действительности. Датировать рукопись можно по особенностям материала, на котором она написана, знаков письменности — букв, украшений, особенностей древнерусского языка.

Основным материалом, на котором написаны рукописные книги, являются пергамен и бумага. Пергамен (от названия города Пергам в Малой Азии) — особо выделанная телячья кожа. В Древней Руси этот материал называли «харатья» (от *греч.* «хартион») или «телятина». Слово «пергамен» («перкоммент») проникло на Русь уже в XVI в. из польского языка. На пергамене книги писали до 2-й пол. XIV в. С этого времени пергамен начал заменяться бумагой, сначала привозной, а потом и отечественного производства. Уже в XV в. пергамен употребляется для написания лишь самых ценных книг, потому что он был гораздо дороже бумаги, но и долговечнее ее. Русские рукописи XV—XVII вв. написаны почти исключительно на иностранной бумаге французского, немецкого, польского и голландского производства. Первые попытки завести свое бумажное дело на Руси относятся к XVI в., но бумага получалась низкого качества. Массовое производство русской бумаги началось лишь в XVIII в.

Особенности бумаги дают историкам возможность весьма точно датировать рукописи. На бумаге имеются филигранные (водяные знаки), обозначающие фабрику-производителя, сорт бумаги и ее стоимость. Сюжеты выбирались самые разные: звери, птицы, кувшины, гербы. Водяные знаки постоянно менялись, через год-два рисунок терял первоначальные очертания, а новый знак имел свои особенности. Изучение этих особенностей позволяет определить время распространения разных рисунков и знаков, а по ним — дату рукописи.

Материалом для письма служили чернила и краски. Чернила были железистые (с коричневым оттенком) и постепенно выцветали. Для заглавных букв употреблялась красная краска — киноварь. В летописях киноварью выделяли каждое обозначение года.

Рукописные книги были разного формата. Как и сейчас, в древности книги состояли из отдельных тетрадей, которые сшивались вместе. Часто тетради раздавались разным писцам, каждый из которых писал свою часть книги. Листы бумаги были разных размеров: один 20 на 30 см, др. — вдвое больше, он назывался александрийским листом. Лист бумаги поступал в продажу сложенным вдвое. Рукопись, написанная на раскрытых листах, называлась на Руси «в дестный» (в большой) лист. Рукопись, написанная на нераскрытых листах, — «в лист», или «в десть». Листы, вторично согнутые пополам, давали рукопись «в четверку», если листы перегибали еще раз — «в осьмушку», еще раз — в шестнадцатую долю и т. д. Особенно маленькими были карманные женские молитвенники — в 32 и даже в 64. В большой, «дестный» лист написаны роскошные рукописи XVI в. — 12 томов «*Великих Четых Миней*» митр. Макария, «Царственная книга».

Рукописи обычно переплетались. Книга стоила очень дорого, а переплетенная быстро растрепывалась. Переплет делали так: корешок тетради прошивали веревками, концы которых прикреплялись к деревянным доскам. Внешняя сторона доски покрывалась, в зависимости от возможностей заказчика, тканью, бархатом, кожей. В особых случаях делался еще и металлический оклад. Обязательны были застежки, чтобы книга не теряла свою форму. Часто переплеты украшались металлическими «угольниками» на углах переплетных досок, они предотвращали переплет от порчи. Древнейший сохранившийся переплет — к Мстиславу Евангелию 1135.

В разное время отличалось и начертание букв. Различают три типа письма — *устав*, *полуустав* и скоропись. Устав — древнейшее русское письмо XI—XII вв., отличавшееся геометрическим начертанием букв. Буквы писались в строке, их нижние и верхние концы не должны были выходить за ее пределы, фразы писались почти без разделения на слова. Постепенно, в XIII—XIV вв. устав менялся и терял геометрические очертания, вместо прямых линий появлялись округлые и кривые — писцы стремились упростить письмо, сделать его более быстрым.

Поздний устав переходит в полуустав — сначала в деловых документах, потом, с XV—XVI вв., в рукописных книгах. Основные черты полуустава — более мелкое написание букв, появление наклона, лигатур (т. е. связанного написания двух стоящих рядом букв). На рубеже XIV—XV вв. в деловом письме появляется новый начерк — скоропись. Это беглое письмо со слитным написанием многих букв в словах, сокращениями слов. Своим появлением скоропись обязана большому объему работы писцов в государственных учреждениях объединенного Русского государства. В рукописные книги она проникает к XVI в.

В качестве орудий письма древние писцы использовали гусиные перья, способ изготовления которых не изменился до XIX в. Для написания заглавных букв применялись кисточки.

Рукописные книги всегда украшались. Одна из особенностей древнерусских рукописей — применение вязи, декоративного письма, для которого были характерны сокращение деталей букв, лигатуры, буквенные и межбуквенные украшения. Вязью писались заголовки. Название книги или главы писцы старались уместить на одной строке, поэтому буквы вязи высокие и узкие. Рукопись также украшалась инициалами (красиво нарисованными заглавными буквами) и заставками в начале книги или перед каждой статьей. Были распространены и рисунки на полях рукописи — «полевые цветы».

Самым древним орнаментом в русских рукописях был т. н. старовизантийский, или геометрический. Он состоял из кругов, прямоугольников, треугольников. Иногда в геометрические фигуры вписывались изображения растений — трилистник, цветок, ветка, почки. Заставка помещалась в прямоугольной рамке. Краски применяли белые, голубые, розовые, зеленые.

В XIV в. появляется тератологический (*лат.* — «чудовищный») или звериный орнамент, когда в заставке и инициалах изображались фантастические животные. С XV в. под влиянием переселенцев из разгромленной турками Византии появляется нововизантийский и балканский орнаменты (иногда его называют «плетеным»).

Кроме того, в рукописях встречаются миниатюры. Для обозначения миниатюры на Руси употребляли название «рукопись в лицах», «лицевая», потому что на миниатюрах изобра-

жались, как правило, люди: евангелисты, святые, исторические деятели и т. д.

В к. XVII—XVIII вв. печатная продукция стала вытеснять рукописную книгу. Но в церковной и в особенности старообрядческой традиции искусство рукописной книги сохранилось до наших дней.

Лит.: Розов Н. Н. Книга Древней Руси XI—XIV вв. Л., 1977; Он же. Книга в России XV в. Л., 1981; Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978.

Е. Галкина

РУМЯНЦЕВ Николай Петрович (3[14].04.1754—3[15].01.1826), граф, издатель, меценат, собиратель книг и рукописей. Сын генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. С к. XVIII в. занимал высокие государственные посты. В 1808—14 был министром иностранных дел. В 1814 вышел в отставку. С 1819 — почетный член Российской Академии наук. С н. XIX в. вел издательскую деятельность. В т. н. румянцевский кружок входили выдающиеся ученые:

акад. Ф. И. Круг, акад. А. Х. Востоков, библиографы Е. Болховитинов, П. И. Кеппен, П. М. Строев, К. Ф.

Калайдович и др. Румянцев издал свыше 40 названий книг. Наиболее известное издание, выпущенное румянцевским кружком в типографии Н. С. Всеволожского в Москве, — «Собрание государственных грамот и договоров» (Вып. 1—4, 1813—28), содержащее основные материалы по истории внешней политики и дипломатии России. Особый интерес представляют «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (1818), первое русское исследование по истории книгопечатания К. Ф. Калайдовича «Сведения о трудах Швайпольта Фиоля, древнейшего славянского типографщика» (1820).

Огромная библиотека, собранная Румянцевым, легла в основу Румянцевской библиотеки в Москве, которая вошла в фонд Государственной библиотеки Российской Федерации.

А. Ш.

РУНЫ, Руническое письмо (готское *runa* — «тайна», древневерхненемецкое *runon* — «шептать»). 1) в узком значении — алфавит, применявшийся у германских племен со II—III вв. н. э. до позднего средневековья; 2) в широком значении — алфавиты со специфической «заостренной формой» букв, употреблявшиеся средневековыми племенами Евразии.

1. Рунический алфавит германцев вышел из употребления с распространением латинского письма. Многие ученые считают, что руны чаще всего вырезались на камне, дереве или металле, поэтому их начертание было таким заостренным. Древнейшими рунами считается надпись на наконечнике копья из Норвегии (ок. 200 г.). Состав алфавита и начертание рун от века к веку менялись. Различают старшие, или общегерманские руны, употреблявшиеся до IX в. (в алфавите было 24 руны), и младшие, или сканди-

навские руны, произошедшие из старших рун. Ученым известно сейчас более 150 старших рунических надписей. Они найдены в основном в Шлезвиге, Ютландии и Скандинавии. Младших рун найдено значительно больше — ок. 3500. Особый вариант рун — англо-саксонские, которые употреблялись в Англии в VII—X вв. (до 33 рун). Старшие руны встречаются, как правило, на оружии, украшениях, камнях. Вероятно, они употреблялись в магических целях, причем особую роль играли имена собственные и различные заклинания, которые не подлежат истолкованию. Младшие руны использовались для написания эпитафий на могильных камнях. Вопрос о происхождении рунического германского письма остается спорным, но несомненна его связь с южно-европейской письменностью Средиземноморья (греческой и итальянской).

2. В широком смысле в научной литературе термин «руны» употребляется в связи не только с германским, но и с раннесредневековым сармато-аланским, тюркским, венгерским письмом. Чтобы отличать их от германской письменности, такие руны сейчас называют степными. На территории нашей родины были распространены как раз степные руны, принадлежавшие аланам, тюркам и венграм. К тюркским рунам относятся надписи, найденные в Сибири на р. Енисей и в Минусинской котловине. На Дону и Северском Донце и в Крыму археологи обнаружили множество рунических надписей на кухонной и ритуальной посуде, на городских стенах. Они сделаны на сармато-аланском языке и относятся к VII—IX вв. Если верно предположение, что эти письма оставили жители Хазарского каганата, то становится понятным сообщение средневекового персидского географа Фахр ад-дина Мубаракшаха о заимствовании хазарами письменности у русов. Ведь надписи на керамике и крепостных стенах хазарского города Саркел сделаны аланским письмом на тюркском языке.

Известны рунические надписи и на территории Рязанской земли (в селах Борки и Алкановка). Вероятно, они относятся к н. X в. и еще не расшифрованы с достаточной точностью. Лингвист Г. Ф. Турчанинов считает, что надписи сделаны на славянском языке аланским письмом. Предпринимались попытки расшифровать алкановские письма и с помощью скандинавских рун. Но прочитать любые рунические надписи очень сложно, поскольку знаки («тамиги») разных языковых систем очень похожи.

Е. Галкина

«РУСАЛКА ДНЕСТРОВАЯ» (малорус. «Русалка Дністрова»), альманах, составленный деятелями национально-освободительного движения Галиции М. Шашкевичем, Я. Головацким и Н. Вагилевичем. В 1834 львовская цензура запретила их альманах «Зоря» («Звезда»), составленный из фольклорных материалов и оригинальных произведений. В 1837 «Русалка Днестровая» была опубликована в Будапеште; 900 экз. было конфисковано, 100 разошлось по рукам. В предисловии к альманаху утверждалась органическая связь Галиции и Малороссии и выражалась вера в лучшее будущее пораженного народа. В первом разделе альманаха помещены фольклорные произведения, лирические и обрядовые песни; во втором — оригинальные произведения составителей; в третьем — переводы народных сербских песен и стихи из Краледворской рукописи. Альманах сыграл выдающуюся роль в развитии национально-освободительных идей в Галиции.

Лит.: Русалка Дністрова / Вступ. ст. О. Билецкого. Киев, 1950.

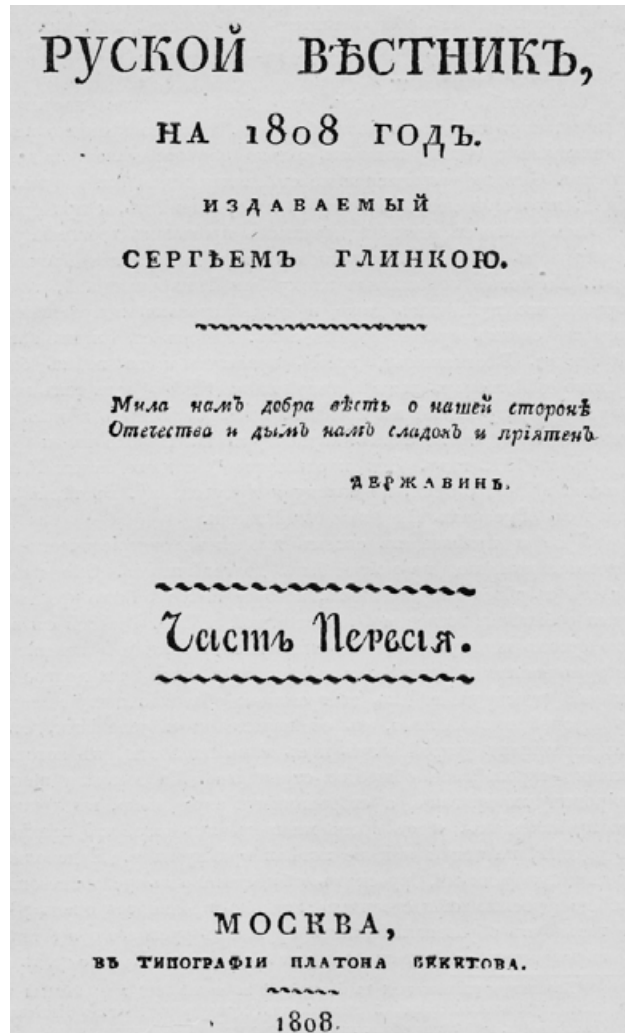
«РУССКАЯ БЕСЕДА», славянофильский общественно-политический и литературно-художественный журнал, издававшийся в Москве в 1856—60.

Выходил ежеквартально (в 1859 раз в 2 мес.). Редактировали журнал поочередно *Т. И. Филиппов, П. И. Бартнев, М. А. Максимова, И. С. Аксаков*. Журнал имел отделы: «изящная словесность», «наука», «критика», «обозрение», «жизнеописание», «смесь». В «Русской беседе» опубликовали свои стихи *И. С. и К. С. Аксаковы, В. А. Жуковский, И. С. Никитин, А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев, А. С. Хомяков, Т. Г. Шевченко*, было опубликовано не известное до того стихотворение *А. С. Пушкина* «Страдалец произвольной муки» (1859, кн. 3). Помещались поэтические переводы славянских поэтов. Из прозы в «Русской беседе» были помещены произведения *С. Т. Аксакова, В. И. Даля*, пьеса *А. Н. Островского* «Доходное место». Большое внимание уделялось национальному фольклору. Не случайно в журнале было помещено много русских народных песен, описаний народных праздников и обычаев. Публиковались и статьи по русской истории. В «Русской беседе» славянофилы ставили вопрос о народности, о необходимости сближения «просвещенного общества» с народом, о возвращении к истокам национальной культуры. Из-за цензурных ограничений славянофилы о многом могли говорить только инсказаниями и намеками. Журнал имел приложение «Сельское благоустройство» (вышло 14 номеров), в котором обсуждался крестьянский вопрос, причем редакция придерживалась радикальной точки зрения, требуя отмены крепостного права. В 1860, после выхода 2-х номеров этого года, издание журнала было прекращено. Причиной было запрещение редактору *И. С. Аксакову*, как политически неблагонадежному, занимать эту должность. Никто из редакции не пожелал заменить его в знак солидарности с опальным редактором. В таких условиях «Русская беседа» прекратила свое существование.

С. Лебедев

«РУССКИЙ АРХИВ», ежемесячный исторический и историко-литературный журнал, издавался в 1863—1917 в Москве. Основателем и издателем-редактором был *П. И. Бартнев* (до 1912), затем — *П. Ю. Бартнев* (младший). В «Русском архиве» публиковались материалы по русской истории и литературе XVIII—XIX вв. (мемуары, переписка, официальные документы), в т. ч. сочинения и переписка *А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского, Н. В. Гоголя, славянофилов* и др. Ценные материалы опубликовали *П. И. Бартнев* и *Н. О. Лернер* (о Пушкине), *В. В. Каллаш* (о Гоголе), *М. Н. Лонгинов, Я. К. Грот, Н. П. Барсуков, П. А. Ефремов, Л. Н. Майков, В. Я. Брюсов*. Печатались также библиографические обзоры *Г. Н. Геннади* и *Д. Д. Языкова*. Некоторые материалы, собранные *П. И. Бартневым*, изданы «Русским архивом» отдельными сборниками: «Оснадцатый век» (кн. 1—4. М., 1868—69), «Деятельный век» (кн. 1—2. М., 1872). «Архив князя Воронцова» (кн. 1—40. М., 1870—95) и др.

«РУССКИЙ ВЕСТНИК», ежемесячный журнал русской православно-монархической мысли, издавался в Москве в 1808—24 *С. Н. Глинкой*. Основан вскоре после Тильзитского мира. «Русский вестник» имел целью подготовку общественного мнения к войне с Францией как с очагом революционных идей. «Русский вестник» заполнялся стихами и прозой, в которых выражались православно-монархические идеи. «Для возбуждения народного духа» журнал

популяризировал национальных героев (Александр Невский, Дмитрий Донской, Козьма Минин и Дмитрий Пожарский). Все статьи «Русского вестника» были посвящены исключительно России, ее прошлому и настоящему; переводы исключались, т. к. популяризация иноземных авторов считалась неуважением к родине. В организации «Русского вестника» принимали участие *Ф. В. Ростопчин, Е. Р. Дашкова, А. А. Аракчеев*. В 1821—23 не выходил; после возобновления существовал один год.

«РУССКИЙ ВЕСТНИК», ежемесячный журнал, издавался в 1841—44 в Петербурге. Организованный *Н. И. Гречем* при ближайшем участии *Н. А. Полевого* для противодействия растущему западническому влиянию «Отечественных записок», «Русский вестник» выступал против *Н. В. Гоголя, натуральной школы, В. Г. Белинского*. С 1842 руководителем «Русского вестника» стал Полевой, передавший в 1844 журнал *П. П. Каменскому*.

«РУССКИЙ ВЕСТНИК» («РВ»), литературно-публицистический монархический журнал.

Основан в 1856 *М. Н. Катковым*, который сделал «Русский вестник» одним из ведущих печатных изданий России. При его наследниках журнал пришел в упадок. 2 апр. 1902 право на издание приобрел известный издатель и публицист *В. В. Комаров* (в прошлом редактор-издатель газет «Русский мир», «С.-Петербургские ведомости», а на тот момент газеты «Свет»), один из основателей и член Совета Русского собрания (РС). Вторым редактором, который, собственно, и определял новое лицо журнала, стал известный поэт *В. Л. Величко*, также основатель и член Совета РС. Редакция переехала из Москвы в С.-Петербург. Майская книжка журнала была подготовлена новой редакцией. В ней опубликовано обращение «К нашим читателям», в котором было провозглашено идейное кредо издателей: «Православие, Самодержавие и Народность — суть такая же жизненная истина для России, как крылья для птицы, как воздух для тех, кто дышит». Редакция заявляла о желании сделать «РВ» «прочным связующим звеном для русских людей, любящих родину и жаждущих плодотворного объединения во имя ее блага». Костяк авторов составили члены РС: поэт *А. А. Голенищев-Кутузов*, писатели кн. *Д. П. Голицын* (председатель Совета РС), *Н. А. Энгельгардт*, кн. *М. Н. Волконский*, публицисты *М. М. Бородин*, гр. *П. Н. Апраксин*, *Б. М. Юзефович* и др. Почти в каждом номере публиковались статьи самого редактора *В. Л. Величко*, посвященные актуальным политическим проблемам под общим названием «Русские речи». Однако в окт. 1903 в связи с болезнью Величко сложил с себя обязанности редактора. Придать второе дыхание журналу пытался *Н. А. Энгельгардт*, который начал вести с окт. 1904 отдел «Современная летопись». Но по таланту и влиянию он уступал Величко. Количество подписчиков не росло, издание журнала стало убыточным. И в декабрьском номере за 1906 появилось объявление, что с 1 янв. 1907 «РВ» переходит на основании договора к его владелице вдове *М. Н. Каткова*. После этого издание журнала не возобновлялось.

А. Степанов

РУССКИЙ ЯЗЫК, язык русского народа, средство межнационального общения народов России. Относится к восточной группе славянских языков.

Истоки русского языка уходят в глубокую древность. Примерно во II—I тысячелетии до н. э. из группы родственных диалектов индоевропейской семьи языков выделяется протославянский язык (на поздней стадии — примерно в I—VII вв. — называемый праславянским). Где жили протославяне и их потомки праславяне — вопрос дискуссионный. Вероятно, праславянские племена во 2-й пол. I в. до н. э. и в начале н. э. занимали земли от среднего течения Днепра на востоке до верховьев Вислы на западе, к югу от Припяти на севере и лесостепные районы на юге. В I-й пол. I в. праславянская территория резко расширилась. В VI—VII вв. славяне занимали земли от Адриатики на юго-западе до верховьев Днепра и озера Ильмень на северо-востоке. Праславянское этноязыковое единство распалось. Образовались три близкородственные группы: восточная (древнерусская народность), западная (на базе которой сложились поляки, чехи, словаки, лужичане, поморские славяне) и южная (ее представители — болгары, сербохорваты, словенцы, македонцы).

Восточнославянский (древнерусский) язык просуществовал с VII по XIV вв. Его характерные особенности: полногласие («ворона», «солото», «берёза», «железо»); произношение «ж», «ч» на месте праслав. *dj*, *tj*, *kt* («хожю», «свеча», «ночь»);

изменение носовых гласных *o*, *e* в «у», «я»; окончание «-ть» в глаголах 3-го лица множественного числа настоящего и будущего времени; окончание «-е» в именах с мягкой основой на «-а» в родительном падеже единственного числа («земле»); многие слова, не засвидетельствованные в древних славянских языках («куст», «радуга», «груздь», «кошкя», «дешёвый», «сапог» и др.), и ряд др. русских черт. В X в. на его основе возникает письменность (кирилловский алфавит, *кириллица*). Уже в Киевской Руси (IX — н. XII вв.) древнерусский язык стал средством общения некоторых балтийских, финно-угорских, тюркских, отчасти иранских племен и народностей. В XIV—XVI вв. юго-западная разновидность литературного языка восточных славян была языком государственности и Православной церкви в Великом княжестве Литовском и в Молдавском княжестве.

В XIII—XIV вв. часть русского народа подпала под оккупацию татаро-монгольских и польско-литовских завоевателей. В результате разрушается единство древнерусского языка. Возникают новые этноязыковые центры. Особенность существования некоторых частей русского народа приводит к возникновению трех главных наречий русского языка, имевших каждое свою особую историю: северное (северновеликорусское), среднее (позже белорусское и южновеликорусское) и южное (малорусское).

В эпоху Московской Руси (XIV—XVII вв.) продолжали развиваться диалектные особенности. Оформились две основные диалектные зоны — северновеликорусское (примерно на севере от линии Псков — Тверь — Москва, южнее *Н. Новгорода*) и южновеликорусское (на юге от указанной линии до белорусских и украинских областей) наречия, перекрывавшиеся др. диалектными делениями. Возникли промежуточные средневеликорусские говоры, среди которых ведущую роль стал играть говор Москвы. Первоначально он был смешанным, затем сложился в стройную систему. Для него стали характерными: аканье; ярко выраженная редукция гласных неударяемых слогов; взрывной согласный «г»; окончание «-ово», «-ево» в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода в местоимённом склонении; твердое окончание «-т» в глаголах 3-го лица настоящего и будущего времени; формы местоимений «меня», «тебя», «себя» и ряд др. явлений. Московский говор постепенно становится образцовым и ложится в основу русского национального литературного языка. В это время в живой речи происходит окончательная перестройка категорий времени (древние прошедшие времена — аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект полностью заменяются унифицированной формой на «-л»), утрата двойственного числа, прежнее склонение имен существительных по шести основам заменяется склонениями современного типа.

В XVIII — 1-й пол. XIX в. происходит создание общероссийского литературного языка. Большую роль здесь сыграла языковая теория и практика *М. В. Ломоносова*, автора первой обстоятельной грамматики русского языка, предложившего распределить различные речевые средства в зависимости от назначения литературных произведений на высокие, средние и низкие стили.

М. В. Ломоносов, *В. К. Тредиаковский*, *Д. И. Фонвизин*, *Г. Р. Державин*, *Н. М. Карамзин* и др. русские писатели подготовили почву для великой реформы *А. С. Пушкина*. Творческий гений Пушкина синтезировал в единую систему разнообразные речевые стили: русскую народную, церковно-славянскую и западноевропейскую, причем цементирующей основой стал русский народный язык, особенно его московская разновидность. С Пушкина начина-

ется современный русский литературный язык, складываются богатые и разнообразные языковые стили (художественный публицистический, научный и др.), тесно связанные между собой, определяются общерусские, обязательные для всех владеющих литературным языком фонетические, грамматические и лексические нормы, развивается и обобщается лексическая система. В развитии и формировании русского литературного языка большую роль играли русские писатели XIX—XX вв. (*А. С. Грибоедов, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов* и др.).

К н. XX в. по словарному запасу, многообразию значений и возможностей передачи самых тонких оттенков человеческих переживаний, описания природы и общественных отношений русский язык принадлежал к числу богатейших литературных языков, что, естественно, вело к полному вытеснению из культурной сферы устаревших наречий и диалектов. Все культурные люди России, где бы они ни жили — в Сибири или в Белоруссии, на Урале или в Малороссии — использовали русский литературный язык.

Как в VII—XIV вв. древнерусский язык был одним из важнейших факторов национального единства, так в XIX — н. XX в. этим фактором стал общерусский литературный язык Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого. Объединял все ветви и части русского народа русский литературный язык, создавая благоприятные условия для развития общероссийской культуры и взаимопонимания между русскими и др. народами России. Разрушение Российской империи, разделение русского народа приводит к насильственному вытеснению общероссийского языка с территории Малороссии и Белоруссии и ряда национальных районов. Производится эксгумация давно устаревших, архаичных наречий, насаждаются искусственные языки.

«РУССКОЕ ОБОЗРЕНИЕ» («РО»), литературно-публицистический журнал, оказавший значительное влияние на формирование монархического движения в России.

Выходил в Москве с янв. 1890 по май 1898, 6 раз в год. Идея такого журнала родилась в среде московской национально мыслящей интеллигенции. Уже самым названием определялась цель журнала: «обозревать всю текущую действительность и все историческое прошлое с русской точки зрения». Деньги на издание пожертвовал известный московский купец, директор подмосковной фабрики Д. И. Морозов. Он был человеком не тщеславным и не захотел выставлять свое имя напоказ. Более того, по свидетельству современника, «он тщательно скрывал не только от знакомых, но даже от близких родных свое участие в издании журнала». В результате издательские обязанности оказались в руках московского нотариуса и литератора Н. Н. Боборыкина. Однако лицо журнала определял редактор, которым стал философ и поэт, человек консервативных убеждений кн. *Д. Н. Цертелев*. Он имел широкие знакомства в научных и литературных кругах и сумел привлечь к изданию известных русских мыслителей и литераторов *В. С. Соловьева, П. Е. Астафьева, А. Н. Апухтина, Н. С. Лескова, К. Р.* (вел. кн. *Константина Константиновича*), тр. *А. А. Голенищева-Кутузова, Я. П. Полонского* и др. Однако вскоре стало очевидным, что, имея такой разномастный состав сотрудников, журнал не может выполнить своей задачи. Кроме того, открылись некоторые финансовые махинации Боборыкина. И в н. 1892, как только появились сведения о запутанности материальных расчетов у Боборыкина, щепетильный кн. Цертелев отказался редактировать журнал. На

некоторое время издание было приостановлено. Боборыкин вынужден был отойти от дела. Новым редактором «РО» стал приват-доцент Московского университета *А. А. Александров*. Выпускник основанного *М. Н. Катковым* Лицея Цесаревича Николая и Московского университета, он входил в кружок молодежи, который сложился вокруг великого русского мыслителя (к тому времени уже покойного) *К. Н. Леонтьева*. Именно такой редактор нужен был для журнала, который назывался «Русское обозрение». Новый редактор с энтузиазмом принялся за дело. О его тогдашних настроениях говорит стихотворение, опубликованное в сентябрьском номере «РО» за 1892: «Други! Вперед, осенившись крестом! / Где он, поруганный стяг идеала?! / Ясная зорька в дали запылала. / Други, вставайте, пойдем! / Русское сердце с собой понесем, / Крепкую веру, горячее слово, / Правде служить будем честно, сурово, / Други, вставайте, пойдем! / Ждет нас борьба в отрицании зла, / Будет трудна и терниста дорога, / С верою в родину, с верою в Бога, / Други, вставайте! пойдем!». С к. 1892 лицо журнала стали определять люди из кружка Леонтьева (*Л. А. Тихомиров, В. А. Грингмут, В. В. Розанов, Ю. Н. Говоруха-Отрок, о. Иосиф Фудель, о. И. И. Соловьев, С. Ф. Шаранов, П. П. Суворов*), и он сделался в полном смысле русским обозрением. Благодаря Леонтьеву Александров познакомился с министром народного просвещения *И. Д. Деляновым* и влиятельным обер-прокурором Св. Синода *К. П. Победоносцевым*, которые начали ему покровительствовать. Однако Александров, судя по всему, был неважным организатором и хозяйственником. Кроме того, он предпочитал вести затворнический образ жизни и редко появлялся в свете. Число подписчиков не увеличивалось, журнал не приносил дохода, его издание требовало постоянной поддержки. Видя, что финансовое состояние журнала не улучшается, Морозов отказался давать деньги. По ходатайству *К. П. Победоносцева*, понимавшего значение «РО», государь имп. Николай II пожаловал из своих личных средств несколько десятков тыс. руб. на издание и лично принял Александрова. Сразу вернулось расположение Морозова, снова появились авторы. Но ненадолго. В 1896 государь снова оказал помощь, а в следующем субсидию из личных средств выделила вдовствующая имп. Мария Федоровна. Но финансовое состояние журнала не изменилось. По Москве поползли слухи, что редактор присвоил деньги. На Александрова начали косо смотреть сотрудники, авторы отказывались писать для журнала. На основании одних только слухов Александрова исключили из списка приват-доцентов университета. В авг. 1898 с большим опозданием вышел майский (последний) номер журнала. Подавленный, опозоренный редактор опубликовал в нем стихотворение — своего рода исповедь перед читателем: «Когда душа была полна / Отваги юной, безрассудной, / Я подвиг тяжкий, подвиг трудный / Подял себе на рамена. / С поднятой смело головой / В душе с любовью к делу чистой / На путь колючий, путь тернистый / Ступил разутой я ногой. / <...> / Иду... Чем дале, тем трудней, / Душа болит и режут ноги. / Не должен я свернуть с дороги, / И не легко идти по ней».

По проверке счетов выяснилось, что Александров не взял себе ни копейки чужих денег. Позже все узнали, что у него не оказалось никакого состояния, кроме заложенной дачи. Но к тому времени Александров уже уехал из Москвы в С.-Петербург, где содержал старенькую библиотеку. Затем он перебрался в Ригу, где занимал скромную должность преподавателя гимназии. Но идеалам своим не изменил, — в н. XX в. мы видим его в числе членов Русского

Собрания. Однако попытка создать в Москве центр противодействия распространению либерализма в русском обществе завершилась неудачей. В 1901 А. Ф. Филиппов попытался возобновить издание «РО». Однако ему удалось выпустить только один номер в 1901 и три в 1903.

Лит.: Из истории журнала // Русское обозрение. 1901. Вып. 1.

А. Степанов

РЫБНИКОВ Павел Николаевич (24.11[6.12].1831—17[29].11.1885), этнограф и фольклорист. Родился в Москве. В 1858 окончил историко-филологический факультет Московского университета. По окончании университета Рыбников

изучал в Черниговской губ. старообрядчество и записывал народные песни. В 1859 в связи с принадлежностью к революционному кружку «вертепников» сослан в Петрозаводск, где служил в канцелярии губернатора. В 1866 получил должность вице-губернатора в г. Калиш. В Олонецкой губ. Рыбников обнаружил еще живую эпическую традицию и стал пользоваться служебными разъездами для собирания *былин*. Попутно он записывал и др. виды народного творчества, занимался этнографическими изучениями. С к. 1859 в «Олонецких губернских ведомостях» и в «Памятных книжках Олонецкой губернии» публиковались заметки Рыбникова по этнографии, археологии, местным говорам и материалы по народному творчеству. В 1861—67 вышли «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (Т. 1—4), включившие 224 записи *былин*, *побывальщин*, *исторических песен* и *баллад*. Собрание Рыбникова открыло богатство русского эпического наследия, сохраненное устной традицией Севера. В «Заметке собирателя» он обрисовал состояние эпической традиции в Прионежье, дал ряд характеристик исполнителей и впервые поставил вопрос о творческом воспроизведении *былин* и личном вкладе сказителя в эпическое наследие.

Соч.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. / Под ред. А. Е. Грузинского. Т. 1—3. М., 1909—10.

А. А.

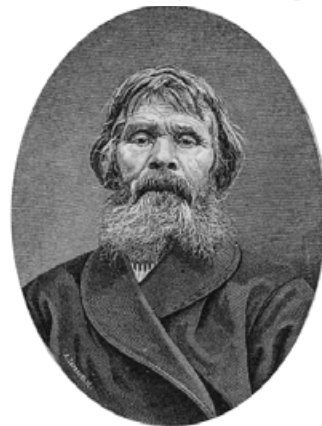
РЯБИНИН Трофим Григорьевич (1791—1885), народный сказитель. Родился в д. Гарницы Петрозаводского у. Олонецкой губ. Как сказитель следовал традициям героической трактовки образов и сюжетов. П. Н. Рыбников записал от Рябинина в 1860 — 23 *былины*, А. Ф. Гильфердинг в 1871 — 18 *былин*. И среди них подлинные народные эпические поэмы, ставшие *былинной* классикой, вошедшие во все хрестоматии, — «*Илья Муромец и Калин-царь*», «*Илья Муромец и Соловей-разбойник*», «*Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром*», «*Вольга и Микула*».

Большое значение в истории русской культуры имел приезд сказителя в Петербург в нояб.—дек. 1871 и его публичные выступления перед фольклористами, историками, писателями, музыкантами. Среди последних был Н. А. Римский-Корсаков, сделавший нотные записи двух *былин*: «*Вольга и Микула*» и «*Добрыня и Василий Казимири-*

вич». Тогда же онежского сказителя слышал М. П. Мусоргский, использовавший рябининские речитативы в опере «*Садко*». Композитор писал об этом: «Что выделяет моего «*Садка*» из ряда всех опер, а может быть, не только моих, но и опер вообще, — это *былинный* речитатив... Речитатив этот не разговорный язык, а как бы условно уставной *былинный* сказ или распев, первообраз которого можно найти в декламации рябининских *былин*. Проходя красной нитью через всю оперу, речитатив этот сообщает всему произведению тот национальный, былевой характер, который может быть оценен вполне только русским человеком». В опере «*Борис Годунов*» М. П. Мусоргский тоже использовал рябининский *былинный* распев. «Вот вы, например, не знаете, — писал об этих выступлениях В. В. Стасов Л. Толстому, — какую пользу принес у нас тут Рябинин. Его главные мотивы не только что записаны и напечатаны, но еще Мусоргский употребил один великолепный — вот уж подлинно архивеликолепный — мотив его в своего «*Бориса Годунова*»». К этому же времени относится известный гравированный портрет Рябинина.

Пройдет 2 десятилетия, и выдающиеся русские композиторы вновь встретятся с Рябининым, но уже не с Трофимом Григорьевичем, а с одним из четырех его сыновей, Иваном, о котором еще Рыбников сообщал в «Заметках собирателя»: «Из детей его лучше всех выучился у него петь младший сын Иван». В 1860, при встрече с П. Н. Рыбниковым в Кижях, Ивану было 23 года, а в Петербурге в 1892—94 он выступал уже шестидесятилетним. В эти годы его слышал и записывал Н. А. Римский-Корсаков, а А. С. Аренский создал одно из самых известных произведений русских композиторов на мотивы фольклора «*Фантазии на темы Рябинина для фортепьяно с оркестром*». 18 янв. 1893 состоялось выступление И. Т. Рябинина в Литературном обществе. *Былины* и духовные стихи онежского сказителя слушали писатели и деятели культуры, среди которых были А. П. Чехов, Д. С. Мережковский, Д. В. Григорович, Т. И. Филиппов, бывший не только крупным чиновником (государственным контролером), но и собирателем, исполнителем народных песен, изданных в 1883 в гармонизации Н. А. Римского-Корсакова. Присутствовавший на встрече И. Е. Репин сделал карандашные зарисовки. Описание этого вечера сохранилось в «Заметках» выдающегося публициста М. О. Меньшикова.

В 1894 голос И. Т. Рябинина был записан на фонограф. Эта запись сохранилась. А в 1985 вышла уникальная пластинка «*Былины Русского Севера. Сказители Рябинины*», в которой представлены записи трех поколений династии сказителей Рябининых: И. Т. Рябинина (1833—1910), И. Г. Рябинина-Андреева (1873—1926) и П. И. Рябинина-Андреева (1905—53). И. Т. Рябинину суждено было первому из сказителей записаться на фонограф. В 1902 он совершил 3-месячную зарубежную гастрольную поездку в Болгарию, Сербию, Австро-Венгрию, Чехию, Польшу. Его выступления в славянских странах имели общегосударственное значение. Они начались 24 мая 1902 в Мраморном

зале Зимнего дворца в присутствии императорской фамилии. Сказитель был награжден имп. Николаем II Золотой медалью. После чего последовала целая серия выступлений в Филипполе (нынешнем Пловдиве) и Софии (только в клубе газеты «Вечерна пошта» присутствовало ок. 700 чел.). В мае он выступал в Сербии — в переполненном зале Королевского театра, в Белградском университете, а 10 мая в Малом Королевском дворце, где русского сказителя принимал король Александр, вручивший ему медаль «За заслуги кралевому дому». В к. мая он выступал в университете и в зале Русского собрания Варшавы. И тоже — при переполненных залах.

Последний из династии сказителей Рябининых П. И. Рябинин-Андреев умер в Петрозаводске в 1953. Он был

достойным продолжателем рябининских традиций, но одним из первых стал создавать т. н. новины — о революции, о гражданской войне, о Ленине, о Сталине. «Некоторые из его былин, — замечает об этих “новинах” исследователь фольклора К. В. Чистов, — даже подхватывались и исполнялись другими сказителями, однако будущего эти былины не имели. В устную традицию они не вошли, не “фольклоризировались”, как говорят фольклористы. Как литературные произведения они тоже не приобрели популярности и довольно скоро оказались забытыми. Старая, испытанная веками форма не выдержала столь резкого изменения содержания».

Лит: Чистов К. В. Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980.

В. Калугин

САБАШНИКОВЫ Михаил Васильевич (22.09[4.10].1871—12.02.1943) и **Сергей Васильевич** (19.05[31.05].1873—22.03[4.04].1909), братья, книгоиздатели. Выпускали преимущественно естественно-научную и художественную литературу. Уже в начале издательской деятельности (с 1891, Москва) ставили перед собой не коммерческие, а просветительские цели. Издательством Сабашниковых в н. XX в. выпущены несколько серий изданий художественной литературы, которые тщательно подготавливались видными филологами, переводчиками и снабжались научными комментариями. Многолетняя серия «Памятники мировой литературы» включала произведения классических авторов: Софокл, Еврипид, Лукреций, Овидий и др., литературу Древнего Востока, русские «Былины», карело-финский эпос «Калевала», скандинавскую «Эдду» и др. Среди др. серий выделяются «Страны, века и народы», «Пушкинская библиотека», «Ломоносовская библиотека». Особый интерес для истории русской литературы представляет многотомное издание «Русские пропилеи».

Кроме книг по естественно-научным вопросам, была издана историко-литературная серия «Записки прошлого» (мемуары, дневники, письма и др.) под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского, куда вошли «Дневники С. А. Толстой», «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» Т. А. Кузминской, «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей» П. И. Бартевым и др. Издания Сабашниковых отличались хорошим оформлением.

САБИЛО Иван Иванович (р. 22.04.1940), прозаик, публицист, переводчик. Родился в Минске. Происходит из дворянского рода Сабилла. С 12 лет занимался хореографией во Дворце пионеров, с 15 — боксом. Окончил Ленинградский институт физической культуры. Работал тренером по боксу. Под впечатлением повести Р. Погодина «Дубравка» 20-летний Сабилло публикует первый рассказ «Ровеснику» (1964).

Первая книга «Пробуждение» вышла в 1977. Вторая — «Показательный бой» — в Москве в 1980. Сабилло — автор 12 книг прозы (повестей и рассказов), а также драмы «Несчастье или преступление» (СПб., 1994). С мая 1993 возглавляет Петербургскую организацию Союза писателей России.

Судьба страны и современников, размышления о противоречивости жизни, боль за поруганное Отечество отражены в большом исповедальном романе «Открытый ринг» (2000). Книга, охватывая полвека жизни России, повествует о становлении личности героя. Эта книга предельно откровенна, все персонажи — реальные лица, выведенные под своими соб-

ственными именами. В книге присутствует живое чувство эпохи, убедительно воссоздана атмосфера времени, житейская и литературная среда 1950—80-х. Фигуры родных Сабилло, спортсменов, политиков, литераторов обрисованы в живых сценах, диалогах, поэзия и публицистика сплавлены воедино. По мнению критиков, наряду с воспоминаниями С. Куняева «Поэзия. Судьба. Россия», книга Сабилло — «прорыв сквозь завесу молчания».

Соч.: Пробуждение: Повесть. Л., 1977; Показательный бой: Повести. М., 1980; Во дни прощания: Повести. М., 1984; Пострадавших не будет: Повести и рассказы. Л., 1987; Последние каникулы: Повесть и рассказы. Л., 1988; Приговор: Мемуарная повесть, статьи. СПб., 1997; Открытый ринг: Роман. СПб., 2000; Роман «Заблуждение». Взгляд в будущее: [Статья] // Лит. Россия. 1994. № 42; Сбережь язык — сбережь народ. // СПб ведомости. 1995. 14 июня; Святое поколение войны // Лит. Петербург. 1999. № 1.

А. Л.

САВВАТИЙ (1-я пол. XVII в.), поэт, справщик Печатного двора, монах. О его деятельности известно из некоторых документов и из его собственных стихов, в которых он при помощи *акростиha* сообщал имя того, к кому обращался, и свое (напр.: «Господарю Ивану Никитичю монах Савватиша падая на земли челом бьет»). По приходно-расходным книгам Книжной палаты чернец Савватий служил справщиком с сент. 1634 по сент. 1652. Возможно, до этого он состоял в причте одной из дворцовых церквей, как он сам пишет в стихотворном послании царю Михаилу Федоровичу: «Богомолец твой государев царев, прежебывший у тебя, государя, служитель олтарев». Савватий подвизался также и на педагогическом поприще. Его учеником был кн. М. Н. Одоевский, сын знаменитого боярина Н. И. Одоевского, занимавшего почетные государственные посты. Работа Савватия в Книжной справе началась с подготовки к печати учебной азбуки.

Справщики Печатного двора обычно набирались из монастырской братии и служителей московских храмов. Они получали специальную подготовку и составляли особую корпорацию, интеллектуальную элиту московского общества. В этой среде сложилась приказная школа поэтов 30-х XVII в., просуществовавшая 2 десятилетия. В нее входили приказные служащие, монахи-справщики, связанные друг с др. служебными и личными отношениями. К ней принадлежали и аристократы, и представители знатных приказных родов, но большинство из них, как и Савватий,

были людьми незнатными. Их поэтическая деятельность носила неофициальный характер и заключалась в регулярном обмене обширными посланиями в стихах. Но кроме собратьев по перу, адресатами Савватия были и сам царь Михаил Федорович, и представители придворных кругов — И. Н. Романов, дядя царя, царский духовник Никита, учитель царевича Алексея В. С. Прокофьев, кн. С. И. Шаховской, а также верхи приказной аристократии, такие, как дьяк В. Л. Волков, стольник А. М. Львов, от которых зависело служебное положение Савватия.

Часть стихотворных посланий Савватия написана по чисто житейским поводам — это ходатайство о должности, рассуждения о дружеских отношениях между поэтами и о разногласиях между ними; 2 наставления учителя ученику под названием «Прещение вкратце о лености и нерадении всякому бываемому во учении» и «Азбука отпускная тебе, моему ученику». Одно из стихотворений Савватия посвящено работе справщика. Обвиненный в ошибках, он оправдывается трудностями своей работы («Аще кто похвалится вся ведати — сие лжет, / некогда же и срам самь на себя наведет. / Несть мощно силна кладезя ведром износити, / такожде и книжнаго разума во уме умне кому изучити»). В стихах Савватия отразились современные ему события, собственные его взгляды и литературные интересы. В них можно найти суждения об отношении к инноверам как отголоски диспутов о лютеранстве, происходивших в 40-х в Москве во время приезда датского королевича Вольдемара, сватавшегося к царевне Ирине Михайловне. Перу Савватия принадлежит «Предисловие к царственной книге, сиречь к Гранографу», в котором неравносложными стихами изложена вкратце история византийских императоров в строгом соответствии с Хроникой Георгия Амартола. Др. произведение Савватия — «Слово о прелестном сем и видимом нами свете» и связанные с ним нравоучительные стихотворения «О свете», «О плоти», «О утробе», развивавшие традиционную для христианской культуры тему суетности и бренности человеческой жизни.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 176—177.

САВИН Иван Иванович (наст. фамилия **Саволайнен**, в эмиграции он изменил ее на **Саволайн**) (29.08[11.09].1899—12.07.1927), поэт-монархист. Отец его был финн, мать — гречанка, в роду которой были также русские и молдаване. Детство и юность Савина прошли в городке Зеньков Полтавской губ. Окончив гимназию, он пошел добровольцем в кавалерию армии генерала Деникина и в 1919—21 воевал в рядах белгородских улан на Дону, Кубани и в Крыму. Четыре его брата-белогвардейца погибли во время гражданской войны: двое были убиты в боях, двое расстреляны в Крыму. Их смерть Савин отметил глубоко лирическими стихами. После поражения Добровольческой армии большой тифом Савин не смог эвакуироваться из крымских портов с войсками генерала Врангеля. В джанкойском железнодорожном лазарете его взяли в плен красные. После 2-летнего пребывания в плену ему удалось бежать в Петроград и благодаря финскому происхождению получить разрешение на выезд в Финляндию. В Гельсингфорсе ему пришлось заниматься физическим трудом. Свободное время Савин посвящал литературе; писал стихи, прозу, статьи, печатался в эмигрантской периодике. В эмиграции сразу же приняли Савина, оценив его талант и его твердые политические убеждения, не допускавшие сомнений в том, что исход русской революции для России трагичен. Твор-

ческое наследие «поэта Белой мечты» (так называли Савина критики) невелико, оно отражает только 5-летний зарубежный период его жизни: 1922—27. В 1926 вышел единственный поэтический сборник Савина «Ладанка». 2-е, дополненное издание «Ладанки» вышло в США в 1958, а к 60-летию со дня смерти вдова С. Л. Сулимовская-Савина издала книгу «Только одна жизнь. 1922—1927» (1988), включившую стихи и прозу, перепечатанную из эмигрантской периодики 1920-х.

Савина считают одним из самых любимых авторов первой эмиграции. Поэзия и проза Савина автобиографичны и объединены темой любви к дореволюционной России: битва за нее, потеря ее и тоска по ней на чужбине. Для творчества Савина характерны черты *романтизма*, а в любовной лирике встречаются импрессионистские строки с блоковским и настроением и символикой (глаза, кольца, вино). В основном критики писали о гражданственности Савина и о его трагической жизни и ранней смерти. Ни в поэзии, ни в прозе Савин не открывал новых путей, но он сумел с предельной искренностью выразить чувства верности и долга, а пафос героики роднит его с *Лумилевым*. В некрологе о Савине «Наш поэт» *И. Бунин* писал, что «лик Белого Воина будет и богом и Россией сопричастен к лику святых».

Соч.: Ладанка. Белград, 1926; Ладанка (миммографное изд.). Мехендорф, 1947; Ладанка. Нью-Йорк, 1958; Только одна жизнь. 1922—27. Нью-Йорк, 1988; Молодость (пьеса) — Дни нашей жизни. 1925. 5; Стихи: На Западе. 1953.

САВОДНИК Владимир Федорович (28.04[10.05].1874—13.04.1940), историк литературы. Родился в Ливнах Орловской губ. в семье врача. Окончил филологический факультет Московского университета (1899). Был учителем словесности. В 90-х начал печатать стихи в символистском духе и рецензии. Саводнику принадлежат критические статьи о русской поэзии (о *Е. А. Баратынском*, *Ф. И. Тютчеве*, *Ап. Григорьеве*, *Вл. С. Соловьеве*). Его «Очерки по истории русской литературы XIX в.» (1906) и «Краткий курс русской словесности с древнейших времен до конца XVIII в.» (1913) служили основным пособием для изучения русской литературы в средней школе до к. 20-х. Литературный процесс Саводник освещал в традициях историко-культурной школы. После 1917 участвовал в издании Полного (юбилейного) собрания сочинений *Л. Н. Толстого*; подготовил ценный комментарий к «Дневнику А. С. Пушкина. 1833—1835» (1923, при участии М. Н. Сперанского) и издание «Анны Карениной» с обширными комментариями (1928).

Соч.: Стихотворения. М., 1898; Новые стихотворения. М., 1903; Е. А. Баратынский. М., 1900; Поэзия Вл. С. Соловьева. М., 1901; Нищезащиты 40-х гг. Макс Штирнер и его философия эгоизма. М., 1902; Очерки по истории рус. лит-ры XIX в. М., 1924; Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911; Собр. соч. Ап. Григорьева. [ред., биогр. очерк и критич. статьи]. Вып. 1—14. М., 1915—16.

Н. Азарова

САДОВНИКОВ Дмитрий Николаевич (25.04[7.05].1847—19[31].12.1883), фольклорист, этнограф, поэт. Учился в Симбирской гимназии, работал педагогом. Известен как собиратель. Опубликовал в «Симбирских губернских ведомостях» (1874) часть своего большого собрания заговоров и произведений детского фольклора. Составил сборник «Загадки русского народа» (1876, переизд. 1901, 1959). В загадках его привлекали «бытовая обстановка и мировоззрение русского земледельца». В сборнике «Сказки и предания Самарского края» (1884) Садовников опубликовал фольклор, записанный в Поволжье (в основном от сказочника *А. К. Новопольцева*), в сборнике помещены материалы о Степане Разине. Интерес к на-

родным движениям в Поволжье выразился и в собственном творчестве Садовникова, в цикле стихов о Разине; лучшие из них — «Из-за острова на стрежень», «По посаду городскому» — стали народными песнями. Для Садовникова как исследователя характерен интерес к естественно-бытовым основам фольклора. Это сказалось и в его просветительской деятельности — в книгах для народных школ: «Наши землепроходцы» (1874), «Языческие сны русского народа» (1882) и др.

Лит.: Агафонов Н. Я. Д. Н. Садовников. Некрологич. очерк // За-волжская вивлиофика. Казань, 1887; Крунянская В. Ю. Вступ. ст. к сб.: Певец Волги Д. Н. Садовников. Избр. произв. и записи. Куйбышев, 1940; Померанцева Э. В. Вступ. ст. к сб.: Новопольцев А. К. Сказки. Куйбышев, 1952; Аникин В. П. Вступ. ст. к сб.: Загадки рус. народа. М., 1959.

В. Аникин

САДОВСКИЙ (наст. фамилия; псевд. — **Садовский**) **Борис Александрович** (22.02[6.03].1881—3.04.1952), писатель, литературный критик. Родился в г. Ардатов. Сын нижегородского историка А. Я. Садовского. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1906). Выступил в 1901 в нижегородской печати. Сотрудничал в журналах «Весь», «Русская мысль», «Северные записки», газетах «Речь», «Русская молва» и др. Примыкая к *символизму*, Садовский внутренне оставался ему чужд, следуя классической традиции А. С. Пушкина и А. А. Фета. Наиболее известная книга стихов — «Самовар» (1914), в которой Садовский декларирует свою принципиально архаическую позицию и неприятие современности. Выпустил сборники критических статей: «Русская камена» (1910), «Озимь» (1915), «Ледоход» (1916). Садовскому принадлежит ряд прозаических произведений на исторические темы: повести «Двуглавый орел» (1911) — о Г. А. Потемкине, «Бурбон» (1913) — произведение об армии, сборник историко-литературных новелл «Узор чугунный» (1911), а также историко-фантастические повести «Лебединые клики» (1913), «Приключения Карла Вебера» (1928), рассказы «Анекдот», «Ильин день» (1922) и др. Написанные классически ясным языком, строго документированные, верно передающие колорит эпохи, произведения Садовского связаны с традицией предреволюционной исторической прозы.

Соч.: Позднее утро. М., 1909; Пятьдесят лебедей. Пг., 1913; Косые лучи. М., 1914; Адмиралтейская игла. Пг., 1915; Полдень. Собр. стихов. 1905—14. Пг., 1915; Обитель смерти. М., 1917; Морозные узоры. Пг., 1922.

Л. Ч.

САЛИАС-ДЕ-ТУРНЕМИР **Евгений Андреевич** 13[25].04.1840—5[18].12.1908), граф, писатель. Сын известной писательницы, писавшей под псевд. *Евгения Тур*. В 1862 уехал за границу, где написал ряд рассказов и повестей; посетив Испанию, описал свое путешествие по ней. Вернувшись в Россию, он выступал в качестве защитника по уголовным делам в тульском окружном суде, потом состоял при тамбовском губернаторе чиновником по особым поручениям, помощником секретаря статистического комитета и редактором

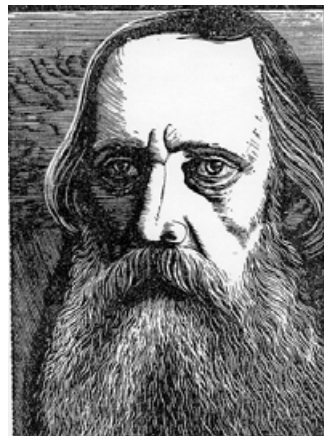

«Тамбовских Губернских Ведомостей». Принятый в 1876 в русское подданство (по отцу он был французским подданным), он служил в Министерстве внутренних дел, потом был управляющим канторой московских театров и заведующим московским отделением архива министерства Императорского двора. Его первая повесть «Ксаня чудная» подписана псевд. Вадим (1888). После ряда др. рассказов и повестей («Тьма», «Еврейка», «Манжажа») и «Писем из Испании» он остановился на историческом романе. Первый его исторический роман, «Пугачевцы» («Русский вестник», 1874), для которого он собирал материалы в архивах и предпринимал поездки на места действий Пугачева, имел большой успех и остается лучшим его произведением. Критика, указывая на яркость и колоритность языка, на удачную обрисовку некоторых второстепенных личностей и характерных сторон Екатерининской эпохи, ставила в упрек автору чрезмерное подражание «Войне и миру» Л. Н. Толстого. За этим романом последовали: «Найденыш», «Братья Орловы», «Волга» (все почти в «Русском вестнике»), «Мор на Москве», «Принцесса Володимирская», «Граф Тятин-Балтийский», повесть (в «Огоньке» за 1879—81), «Петербургское действо» (СПб., 1884), «Миллион», «Кудесник» и «Яун-Кундзе» («Нива», 1885—87), «Поэт-Наместник» (СПб., 1885), «Свадебный бунт», «Донские гишпанцы», «Аракчеевский сынок», «Аракчеевский подкидыш», «Via facti», «Пандурочка», «Владимирские Мономахи» («Исторический вестник») и др. В 1881—82 он издавал «Полярную звезду», ежемесячный журнал, в котором поместил начало романа «Вольнодумцы», составляющего продолжение «Пугачевцев».

Романы Салиас-де-Турнемира отличаются колоритным языком и увлекательностью изложения.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—20. М., 1901—14.

САЛТЫКОВ Михаил Евграфович (псевд. — **Н. Щедрин**) (15[27].01.1826—28.04.[10.05].1889), писатель-сатирик, публицист, критик. Родился в с. Спас-Угол, Калязинского у. Тверской губ. Отец принадлежал к старинному дворянскому роду, мать — к купеческому сословию. В 1844 окончил Царскосельский (Александровский) лицей. Тогда же появились некоторые из его стихотворений в «Библиотеке для чтения» (1841—42) и в «Современнике». В 1844 Салтыков поступил на службу в военное министерство. В 1847 напечатал в «Отечественных записках» повести «Противоречия» и «Запутанное дело» (1848). Появление последней вызвало удаление Салтыкова на службу в Вятку. Жизнь в провинции дала материал для «Губернских очерков», в «Русском вестнике» (1856) за подписью «Надворного Советника Щедрина». Собранные в одно целое, «Губернские очерки» выдержали в 1857 два издания и положили начало т. н. «обличительной» литературе; в них на первом плане выдвигается психология чиновничьего быта. В 1858 Салтыков назначен вице-губернатором в Рязань, а в 1860 в Тверь. Из всего написанного им до 1862 (с 1860 исключительно в «Современнике») составились 2 сборника — «Невинные рассказы» и «Сатиры в

прозе» (1863). В 1862 Салтыков вышел в отставку, поселился в Петербурге и, с 1863, сделался одним из редакторов «Современника». В 1864 Салтыков поступает вновь на службу управляющим казенной палатой в Пензу, в 1866 в Тулу, а в 1867 в Рязань. За эти годы появилась только одна его статья «Завещание моим детям» («Современник», 1866, № 1, перепечатано в «Признаках времени»). Когда с 1 янв. 1868 «Отечественные записки» перешли к Некрасову, Салтыков окончательно покинул службу, сделался одним из сотрудников и руководителей журнала, а 10 лет спустя и официальным редактором. Большая часть написанного им в это время вошла в состав сборников «Признаки времени», «Письма из провинции», «История одного города», «Помпадур и Помпадурши», «Господа Ташкентцы», «Дневник провинциала», «Благонамеренные речи», «В среде умеренности и аккуратности», «Господа Головлевы», «Круглый год», «За рубежом», «Письма к тетеньке» и др., «Сказки» (1887). После прекращения выпуска «Отечественных записок» (1884) Салтыков писал в «Вестнике Европы»: «Пестрые письма», «Мелочи жизни», «Пошехонская старина», появившаяся уже после его смерти (1890), и незадолго до кончины начатый им новый труд «Забытые слова». Салтыков дает в своих произведениях яркие картины русской жизни и во многих («Господа Головлевы») является выдающимся сатириком смутного времени, следовавшего после отмены крепостного права. Справедливо выступая против чиновничьего «произвола, лганья, хищничества, предательства, пустомыслия», Салтыков вместе с тем нередко переходил грань, за которой, сам того не желая, становился в один ряд с врагами исторической России, использовавшими его сатирический талант в борьбе с Православием и монархией.

Соч.: Собр. соч.: В 6 т. М.: Л., 1926—28; Полн. собр. соч.: В 20 т. М.: Л., 1933—41; Собр. соч.: В 20 т. (в 24 кн.). М., 1965—77.

САМАРИН Юрий Федорович (21.04[3.05].1819—19[31].03.1876), публицист, критик, историк, общественный деятель. Родился в Петербурге в дворянской семье. В 1826 Самарин переехал в Москву, где домашним учителем юного Самарина (наряду с французом Пако) стал 22-летний *Н. И. Надеждин*. С 1834 по 1838 Самарин — студент Московского университета (окончил историко-филологическое отделение филологического факультета).

В 1840 Самарин выдержал экзамен на степень магистра и начал работу над диссертацией. В 1841 Самарин с болью отозвался на известие о гибели *М. Ю. Лермонтова* (познакомились в 1838, сблизились в 1840—41). Видя в «Герое нашего времени» выражение эгоистической рефлексии, Самарин находил, что после публикации романа Лермонтов оказался в великом нравственном долгу перед современниками. Рассмотрение этой субъективной оценки в контексте духовных исканий Самарина позволяет увидеть в ней не столько осуждение (юный Самарин и сам в полной мере был захвачен запечатленными в романе болезнями века), сколько сожаление о том, что человек, чье слово было не безразлично для многих (в т. ч. и для Самарина), ушел, не высказав себя до конца.

Весной 1843 Самарин вступил в один из самых сложных периодов своего духовного развития, период сомнений и глубокого внутреннего разлада. Кризис наступил осенью 1843 — весной 1844, когда, увлеченный философской системой Гегеля, Самарин с присущей ему искренностью поставил вопрос об отношении религии к философии и сначала уверовал в приоритет философии и логического знания, но потом, после долгих и тягостных сомнений, пришел к признанию «живой истины» Православия и необходимости «живого», т. е. религиозного, ее постижения. Значительную роль в этом мучительном внутреннем перевороте сыграл *А. С. Хомяков*, занявший отныне место духовного наставника Самарина. Сделанный Самаринным выбор окончательно сблизил его со *славянофилами*.

3 июня 1844 Самарин защитил магистерскую диссертацию «*Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники*» (третья часть фундаментального исследования «*Стефан Яворский и Феофан Прокопович*», в котором рассмотрены «явление и борьба католического и протестантского начала в православной Церкви, в России, в лице Стефана Яворского и Феофана Прокоповича», две первые части, где говорится о Яворском и Прокоповиче как о богословах и сановниках Церкви, к защите допущены не были). Спустя 2 месяца, вопреки своему желанию посвятить жизнь научным занятиям, подчиняясь воле отца, Самарин отправился служить в Петербург. В столице он провел 2 года, состоя на службе в Министерстве юстиции, в Сенате и в Комитетах по устройству быта лифляндских крестьян (как чиновник Министерства внутренних дел). Впервые столкнувшись с крестьянским вопросом, горячо отстаивал необходимость принятия закона о праве лифляндских крестьян на землю.

В 1845 в Петербурге Самарин написал свою первую литературно-критическую статью — рецензию на повесть «*Тарантас*» *В. А. Соллогуба*. Самарин с одобрением отмечал, что в лице двух главных героев Соллогуб талантливо отразил «живой, действительный факт» — разрыв жизни и сознания в современном русском обществе: в одном герое критик видел абсолютную отрешенность от всех сфер общественной деятельности (следствие петровской реформы), бессознательное погружение в действительность и отсутствие всякого стремления к ее осмыслению, в др. — безмерно развитое отвлеченное сознание (следствие неправильного воспитания), отрыв от народа и неспособность понять его. При этом Самарин не нашел в повести дорогой для него идеи примирения этих двух противоположных начал в высшем единстве, видя в заключительной главе лишь поверхностное решение проблемы — пародию на примирение, «смешной маскарад», «подделку под народность».

В 1847, будучи в Риге (с 1846 состоял на службе в рижской ревизионной комиссии), Самарин написал статью «О мнениях „Современника“ исторических и литературных». В этом полемическом сочинении, посвященном первой книжке обновленного «Современника», были рассмотрены 3 программные статьи журнала: «Взгляд на юридический быт древней России» *К. Д. Кавелина*, «О современном направлении русской литературы» *А. В. Никитенко* и «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинского. Возражая Кавелину, который связывал исторические судьбы России с развитием личности (начавшимся, по его мнению, при имп. Петре I), Самарин излагал взгляд на отечественную историю как на последовательную смену различных форм общинного начала, истолковывая само это начало как основополагающую и специфическую черту русской жизни (это отвечало исторической теории славянофилов).

В литературно-критической части статьи Самарин с позиций славянофильской эстетики подверг всесторонней критике «натуральную школу» и ее теоретического истолкователя Белинского. Самарин без основания обратил внимание на некоторые расхождения в позициях Никитенко и Белинского, отметив, что первый упрекает «натуральную школу» в односторонности, в исключительной сосредоточенности на недостатках и пороках общественного быта и нравов, тогда как второй в том же журнале поддерживает и оправдывает эту одностороннюю направленность. Самарин безоговорочно осудил стремление «натуральной школы» к изображению преимущественно негативных сторон русской жизни (эту преобладающую тенденцию он неправомерно считал единственной в школе), обвиняя представителей нового направления в искажении действительности и даже клевете на нее. Особенно резко отозвался Самарин о произведениях из простонародного быта, в частности, о «Деревне» Д. В. Григоровича. Самарин полагал, что своими сочинениями о деревне школа не пробуждает любви к народу, а следовательно, не вызывает желания сблизиться с ним. При этом он неоднократно пояснял, что не подвергает сомнению благородство самих намерений противной стороны.

Самарин подробно остановился на проблеме взаимоотношений Гоголя и «натуральной школы», отметив, что последняя позаимствовала у Гоголя лишь одну черту — внимание к пошлой стороне действительности. Признавая обличительную силу прозы Гоголя, Самарин подчеркнул, что обличение у Гоголя (в отличие от авторов школы) имеет глубоко нравственную основу: почувствовав в себе самом «слабости, пороки и пошлость» своих героев, Гоголь почувствовал в них «присутствие человеческого», «и только это одно могло дать право на обличение». Единство обличительного и жизнеутверждающего начал всегда было для Самарина главным в творчестве Гоголя, и впоследствии именно в разрушении этого единства (которое выразилось в попытке примирения с действительностью) Самарин усмотрел основную причину духовной драмы Гоголя.

Рассматривая поэтику «натуральной школы», Самарин с иронией писал о тщательных, доскональных описаниях материальной, бытовой стороны жизни, о принципах создания характеров («личностей <...> мы вовсе не находим»), о построении интриги («всякий рассказ можно на любом месте прервать и также тянуть до бесконечности»).

Статья Самарина, ясная, стройная и последовательная, безусловно, содержит ряд глубоких суждений. Одна из наиболее сильных идей статьи — основополагающая для Самарина идея единства, целостности любого явления (как жизненного, так и художественного). Именно в таком единстве видел он залог разумного развития общества (отсюда идея соединения живой жизни и сознания), нравственного равновесия личности (по мнению Самарина, невозможного вне гармонии аналитического и эмоционального начал), объективного восприятия человека (в совокупности дурных и хороших сторон характера) и, наконец, объективности художника (отсюда требование показать темные и светлые стороны простонародной жизни).

Итогом служебной деятельности Самарина в Риге (выехал в Москву в июле 1848) были 2 труда: официальный — «Общественное устройство города Риги...» и частный — «Письма из Риги» (направлен против немецкого засилья в Прибалтике). За распространение последнего в списках Самарин был на 12 дней (5—17 марта 1849) заключен в Петропавловскую крепость, а затем направлен на службу в Сибирь и впоследствии в Киев (1849—52). В февр. 1853 Самарин вышел в отстав-

ку. В течение последующих 12 лет (1853—64) он — на стороне либерального дворянства — принимал самое деятельное участие в подготовке и проведении крестьянской реформы, считая дело освобождения крестьян главным делом своей жизни.

В 1856 Самарин выступил со статьей «Два слова о народности в науке» (открывшей первый номер славянофильского журнала «Русская беседа»), где отстаивал идею народности гуманитарных наук, толкуя народность как самобытное, национальное воззрение. В н. 1860-х Самарин в последний раз выступил как критик — он написал статью «С. Т. Аксаков и его литературные произведения», которую огласил на публичном литературном вечере в Самаре. Говоря о сочувствии публики как необходимой предпосылке художественного творчества, Самарин подчеркнул, что расцвет «самородного, свежего таланта» С. Т. Аксакова неразрывно связан с возникновением и развитием сочувствующего этому таланту славянофильского направления. Последние 10 лет жизни Самарин посвятил своему любимому городу — Москве, занимаясь (как гласный городской думы и губернского земского собрания) многообразными проблемами городского самоуправления. Основные труды этого времени связаны с религиозно-философскими и национальными вопросами: «Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову» (1865), «Предисловие к богословским сочинениям Хомякова» (1867), разбор сочинения К. Д. Кавелина «Задачи психологии» (1872—75), «Окраины России» (1867—76).

Среди многочисленных голосов, с болью откликнувшихся на известие о внезапной кончине Самарина, прозвучал и проникновенный голос Ф. М. Достоевского: «А твердые и убежденные люди уходят: умер Юрий Самарин, даровитейший человек, с неколебавшимися убеждениями, полезнейший деятель. Есть люди, заставляющие всех уважать себя, даже не согласных с их убеждениями».

Соч.: Соч.: В 12 т. / Вступ. ст. Д. Самарин и др. М., 1877—1911; Переписка Ю. Ф. Самарина с А. И. Герценом // Русь. 1883. № 1—2; Переписка Ю. Ф. Самарина с баронессою Э. Ф. Раден. М., 1893; О мнениях «Современника» исторических и литературных // Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX в. М., 1982.

Лит.: Ефимова М. Т. Юрий Самарин в его отношении к Лермонтову // Пушкинский сборник. Псков, 1968. С. 40—47; Ефимова М. Т. Юрий Самарин о Гоголе / Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 434; Пушкин и его современники. Псков, 1970. С. 135—147; Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830—1850 годы. М., 1978; Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840—1850 гг.). Л., 1984.

И. Зайцева

САМИЙЛЕНКО Владимир Иванович (псевд. — **Иваненко, В. И. Полтавец, Сьвенький, Staccato**) (22.01[3.02].1864—12.08.1925), малороссийский поэт. Сын помещика и крестьянки. Окончил Киевский университет в 1890. Служил чиновником в Киеве, Чернигове и др. Печататься начал в 1886 в малороссийских периодических изданиях, гл. обр. в Галиции. В 1890 в Киеве вышел сборник стихов «Из стихотворений Владимира Самийленко», в 1906 — во Львове наиболее полный сборник «Украине» с предисловием И. Я. Франко. Как лирический поэт Самийленко вышел из школы Т. Г. Шевченко и Н. А. Некрасова. Патриотические мотивы главенствуют в его лирике. Стихотворение «Вечерняя песня» («Вечірня пісня»), положенное на музыку К. Стеценко, стало популярной народной песней. Сатира его — тонкая и язвительная («Эльдорадо» и др.).

Соч.: Вибрані твори [Харьков], 1926; Вибрані поезії. Киев; Харьков, 1944; Твори. Т. 1—2. Киев, 1958; Вибрані поезії. Киев, 1963.

САМОВИДЕЦ (в пер. с малороссийского — очевидец), условное имя малороссийского писателя к. XVII — н. XVIII в. Летописью Самовидца первые издатели назвали казацкую летопись, охватывающую события в Малороссии с 1648 по 1702. В центре произведения — рассказы о событиях народно-освободительной войны малороссийского народа под руководством Богдана Хмельницкого против польско-шляхетской агрессии, о казацких расправах. В летописи Самовидец выступает сторонником воссоединения Украины с Россией, и вместе с тем в ней отчетливо выражены казацко-старшинские симпатии автора. Летопись отличается простотой стиля, чистой малороссийского литературного языка 2-й пол. XVII в. Автором летописи был, по-видимому, Р. Ракушка-Романовский (1623—25—1703), генеральный войсковой подскарбий, а потом священник в г. Стародубе. Др. версия приписывает авторство корсунскому полковнику Ф. Кандыбе.

Соч.: Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобицах, бывших в Малой России по его смерти. М., 1846; Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник. Киев, 1878.

САНДУНОВ Николай Николаевич (13[24].10.1769—7[19].06.1832), писатель-драматург. Окончил Московский университет (1787), преподавал в гимназии русский язык, в 1793 уволен. Позднее служил в канцелярии по составлению законов, обер-секретарем Правительствующего сената. В 1811—32 — проф. прав гражданского и уголовного судопроизводства в Московском университете. Перевел «Игрока» Реньяра, «Разбойников» Ф. Шиллера (опубл. 1793). В драме «Отец семейства» (1794) Сандунов выразил мысль о защите прав «маленького человека». В «Солдатской школе» (1794, анонимно) показаны теневые стороны русской жизни и солдатской службы. К теме солдатской службы Сандунов обращался и в н. XIX в. в пьесах: «Быль лучше всякой выдумки», «Ссора мужа с женою», «Горе от безумия» (в последней упомянуты декабристы — «горячие, буйные головы»). Пьесы Сандунова содержали остроумные отклики на общественные вопросы; в них немало реминисценций из комедий Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова, А. И. Клушина, а также пародий на бездарных авторов. Сандунов продолжал линию русской сатирической драматургии.

Соч.: Солдатская школа // Детский театр. 2-е изд. Ч. 2. М., 1818; Царский поступок. М., 1817.

САТИРА (лат. — satira), вид художественной литературы в прозе или стихах, ставящий своей задачей критику, обличение и высмеивание отрицательных явлений действительности. Известны сатиры древнеримского поэта Ювенала и прозаический роман «Сатирикон» римского писателя Петрония. Сатиричны комедии древнегреческого драматурга Аристофана. В новое время прославились своими сатирами в Англии — Дж. Свифт, во Франции — Ж. Мольер, Ф. Вольтер.

Оригинальна русская народная сатира, восходящая к литературе Древней Руси. Сатирические мотивы присутствуют во многих жанрах русского фольклора — в *былинах*, *сказках*, легендах, балладах, песнях, раешных представлениях и т. д., вплоть до притчи и частушки. Главные объекты сатирических насмешек — стяжатели-купцы, несправедливые помещики, старосты, судьи, фармазоны, жиды, разного рода туенядцы, лентяи, проходимцы, скупцы, сластолюбцы, развратницы и пр. Многие произведения народной сатиры составлены стихами самой разнообразной формы, но чаще — *раешным стихом*. К наиболее известным народным сатирам принадлежат: «Чуриль-

игуменя», «Ерема да Хома», «Агафонушка», «Небылица», театральные пьесы «Царь Максимилиан» и «Лодка», «Сказка о Ерише Еришвице, сыне Шетиннинкове», комические свадебные указы и т. д.

Родоначальником русской книжной сатирической поэзии является поэт XVIII в. *Антиох Кантемир*, автор 9 стихотворных сатир. Глубоким сатирическим содержанием наполнены комедии — «Недоросль» Д. Фонвизина, «Горе от ума» А. Грибоедова, «Ревизор» Н. Гоголя, драматическая трилогия А. Сухово-Кобылина. Русский сатирик М. Салтыков-Щедрин достиг в своих произведениях вершин мировой сатиры. Лирической сатирой назвала М. Цветаева свою поэму «Крысолов».

Изд.: Русская демократическая сатира XVIII в. / Подгот. текстов В. А. Адриановой-Перетц. М., 1977; Русская сатирическая сказка / Подгот. текстов Д. М. Молдавского. М.: Л., 1955.

Лит.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л., 1937; Лихачев Д. С., Панченко А. М. Смеховой мир Древней Руси. М., 1975; Фаминцын А. С. Скоморохи на Руси. СПб., 1889; Снегирев И. М. Лубочные картинки русского народа. М., 1861.

А. К.

САУР ВАНИДОВИЧ, или Саул Леванидович, герой русской *былины*, известной в 2 вариантах; А. Н. Веселовский сопоставляет ее с греческой песней об Амуре и его сыне; В. Миллер находит источники былины на Востоке, среди тюркско-татарских преданий и ставит ее в связь с былинами о Сурого, Суровене. Содержание былины следующее: кн. Астраханский (Альберский) Саур Ванидович идет войной против царства Латинского, Литвинского и Сорочинского; в походе он получает от жены письмо: она просит его возвратиться, т. к. ожидается рождения ребенка; Саур Ванидович не верит и продолжает поход, сделав все же распоряжения на случай рождения сына или дочери; у княгини рождается сын-богатырь, которого она и посылает на девятый год с войском к отцу; сжег богатырь царство Латинское и Литовское и пошел на Сорочины; против него высылают пленного Саура Ванидовича; во время единоборства Саур Ванидович узнает в побежденном противнике своего сына. Второй вариант содержит подробности о воспитании и походе сына.

САФОНОВ Эрнст (во святом Крещении **Филипп**) Иванович (11.04.1938—26.10.1994), писатель, журналист и общественный деятель. Родился в пос. Сарай Рязанской обл. Работал в районных газетах. В 1962 выпустил первый сборник рассказов «Мужчины».

В 1965 окончил Литературный институт, в котором потом стал преподавать. Сафоновым написаны романы «Личная жизнь» и «Казенные люди», повести «Тонкие натуры», «Под высоким небом», др. произведения. Сафонов был человеком большого мужества. Партийные верхушки не раз пытались сломить волю писателя. Когда он был ответственным секретарем Рязанской писательской организации, от него в 1970 потребовали проголосовать за исключение из Союза писателей Солженицына. Сафонов, хотя и не был поклонником Солженицына,

отказался участвовать в этом деле, за что получил партийный выговор, который с него не снимали в течение 10 лет, а главное — долгое время ему не давали печататься.

Главным делом жизни Сафонова стала работа гл. редактором еженедельной газеты «Литературная Россия». В 1989—94 эта газета являлась одним из ведущих органов русского патриотического движения. За короткое время он превратил «Литературную Россию» в боевой еженедельник, к голосу которого прислушивалась не только литературная общественность, со многими публикациями газеты вынуждены были считаться и во властных коридорах страны. Именно «Литературная Россия», ведомая Сафоновым, первой заявила о необходимости восстановления Храма Христа Спасителя в Москве и выступила одним из учредителей Фонда по восстановлению этого Храма. На протяжении трех лет чуть ли не из номера в номер еженедельник выступает в защиту братского сербского народа. Одной из немногих газет «Литературная Россия» прямо по горячим следам опубликовала честные свидетельства очевидцев о массовых убийствах русских людей, осуществленных в окт. 1993 по приказу Б. Ельцина, составив потом из этих кровотокающих материалов специальный выпуск «Русский рубеж».

По настоянию Сафонова в его газете впервые были опубликованы документальные материалы об убийстве царской семьи и Г. Е. Распутина. Впервые поименно названы подлинники организаторы и исполнители этих ритуальных убийств.

Также впервые в «Литературной России» были опубликованы материалы о преступной деятельности масонских лож.

Смерть Сафонова явилась следствием не до конца выясненных обстоятельств. Целую ночь писатель пролежал у входа в свою дачу без оказания помощи. А утром, когда его нашли, уже ничего нельзя было изменить.

Решением Союза писателей России была учреждена премия Э. И. Сафонова за подвижнический вклад в издательское дело.

Соч.: Избранное. Повести и рассказы. М., 1991.

О. П.

САХАРОВ Иван Петрович (29.08[10.09].1807—24.08[5.09].1863), этнограф-фольклорист, археолог и палеограф. Родился в г. Тула в семье священника. Окончил Тульскую духовную семинарию и медицинский факультет Московского университета. С 1836 и до смерти был врачом в Почтовом департаменте в Петербурге. Печататься начал в 1830 в журналах «Галатей», «Московский телеграф» и др. Особая интенсивность деятельности Сахарова как собирателя и исследователя народно-поэтического творчества и русской старины относится к 30—40-м. В этот период опубликованы его основные работы: «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (Ч. 1—3, 1836—37), «Песни русского народа» (Ч. 1—3, 1838—39), «Русские народные сказки» (1841), «Путешествия русских людей в чужие земли» (Ч. 1—2, 1837), «Русские древние памятники» (Вып. 1—3, 1842), «Исследования о русском иконописании» (Кн. 1—2, 1849) и др. Труды Сахарова по фольклору содержат обильные и разнообразные материалы.

СВАДЕБНАЯ ПОЭЗИЯ, народно-поэтические произведения, связанные с традиционным свадебным обрядом, соединенным с магическими действиями. Русская свадебная поэзия богата и разнообразна; в нее входят песни, причитания, т. н. «приговоры» дружки (распорядителя свадьбы), метафориче-

ские диалоги, театрализованные сценки, *частушки*, *пословицы*, *поговорки*, *загадки* и т. д. Основное содержание свадебной поэзии — судьба невесты и ее переживания. Причитания исполнялись самой невестой или ее родственниками с просвтанья до дня свадьбы, песни — подругами невесты или др. участниками свадебного обряда на предсвадебных вечеринках, в день свадьбы и позднее (величальные, корильные, символически изображающие брак, переход невесты в семью жениха, расставание с девичеством и т. п.). Историческая эволюция форм семьи, брака и свадебного ритуала усилила в свадебной поэзии развитие художественных и игровых моментов за счет элементов магических.

К. Ч.

СВИДНИЦКИЙ Анатолий Патрикеевич (1[13].09.1834—18[30].07.1871), малороссийский писатель. Родился в небогатой семье сельского священника. Учился в Киевском университете, был учителем, акцизным чиновником, потом священником. В «Основе» (1861, окт.) напечатан этнографический очерк Свидницкого «Велькден у полян» и несколько малороссийских повестей его. Наиболее крупное произведение Свидницкого — «Семейная хроника о Люборадских» — появилась после смерти автора, в львовской «Зоре» 1884. Здесь много автобиографического, есть правдивые сцены из быта православного духовенства Юго-Западного края при господстве польских панов. Историко-бытовую ценность имеют описание «зеленых святок» и изображения бурсацкого бита. Свидницкий автор трех распевавшихся в свое время малороссийской интеллигенцией песен: «В полі доля стояла», «Вже більше літ двісті, як козак в неволі», «Україна наша маті». В «Основе» (1861. X—XII) помещена его ценная этнографическая статья «Великдень у полян», другая «Злий дух» («Кієвлянин», 1872).

Соч.: Избранное. М., 1956.

СВИНЬИН Павел Петрович (8[19].06.1787—9[21].04.1839), писатель, художник, историк, географ. Окончил Московский университетский пансион и Академию художеств. Начал печататься в 1803 в пансионском журнале «Утренняя заря». Служа в 1806—24 в Министерстве иностранных дел и много путешествуя по Европе и Сев. Америке, напечатал несколько книг путевых очерков. Выйдя в отставку, Свиньин занялся изучением России, собирав исторические документы, сведения о замечательных соотечественниках. Материалы о них печатал в своем журнале «Отечественные записки» (1818—30). Книги «Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей» (ч. 1—5, 1816—28), «Картины России...» (1839) и др., иллюстрированные самим Свиньиным, сыграли определенную роль в истории русской культуры.

Из романов Свиньина наиболее интересен «Ермак, или Покорение Сибири» (1834). Драматические опыты («Светский быт» и др.) менее удачны. Свиньин издал первое жизнеописание русского механика-самоучки И. П. Кулибина (1819), оказал поддержку молодому Н. В. Гоголю, поэтам-крестьянам Ф. Н. Слепушкину, И. С. Сибирякову, Е. И. Аляпову. В 1811 Свиньин избран действительным членом Академии художеств, а в 1833 — Российской академии. В 1839 возобновил издание «Отечественных записок», где напечатал отрывок из своей «Истории Петра Великого».

Соч.: Опыт живописного путешествия по Северной Америке. СПб., 1815; Ежедневные записки в Лондоне. СПб., 1817; Записки о жизни генерал-фельдмаршала Н. И. Салтыкова. СПб., 1818; Краткая опись предметов, составляющих Русский музей. СПб., 1829.

Л. Н.

СВЯТОГОР, былинный герой мифологического эпоса. «Образ этого огромного богатыря, — писал К. Аксаков в заметках к первому выпуску «Собрания народных песен П. В. Киреевского» (1860), — которого обременила, одолела собственная сила, так что он стал неподвижен, — весьма замечателен. Очевидно, что он выходит вне разряда богатырей, к которым принадлежит Илья Муромец. Это богатырь-стихия. Нельзя не заметить в наших песнях предшествующей эпохи, эпохи титанической или космогонической, где сила, получая очертания человеческого образа, еще останется — силою мировую». Тогда же было введено разделение на старших и младших богатырей. Старшие — это Святогор, *Волх Всеславьевич* и *Михайло Потык* (древнейшая эпическая «троица», предшествовавшая *Илье Муромцу*, *Добрыне Никитичу* и *Алеше Поповичу*). Образы титанические, сохранившие отголоски пантеистических предвзвешенных, мифов, легенд дохристианской Руси. По сравнению с ними все др. богатыри действительно предстают младшими. С младших богатырей начинается новая страница в истории русского эпоса — его героический период, когда на первый план выдвигается глубоко народная идея защиты родной земли.

Мифологическая трактовка этого образа принадлежит А. Н. Афанасьеву, отмечавшему: «Если бы даже мы не имели никаких иных данных, кроме поэтического сказания о Святогоре, то одно это сказание служило бы неопровержимым доказательством, что и славяне, наравне с другими родственными народами, знали горных великанов. В колоссальном, типическом образе Святогора ясны черты глубочайшей древности. Имя его указывает не только на связь с горами, но и на священный характер последних: Святогор-богатырь живет на святых (т. е. небесных, облачных) горах. Сила его необычна».

Эти трактовки образа Святогора, как одного из самых главных героев мифологического эпоса, определили направления и всех последующих исследований. «Облик Святогора, — отмечал В. Я. Пропп, — унаследован от тех времен, когда огромный рост и нечеловеческая сила считались признаком истинного героя. Облик Святогора создавался раньше, чем создавались образы главных героев русского эпоса. Он отличается не только гиперболической величиной и тяжестью, но и гиперболической силой. Все это приводит к предположению, что Святогор — герой тех времен, когда величина и сила были основными признаками героя. Для нового времени, для Киевской Руси, нужна сила не как таковая, а сила, которая находит себе применение. Героизм нового типа определяется не столько наличием физической силы, сколько ее применением». Д. М. Балашов уточняет эти общие характеристики: «Родной Святогора предположительно является гористое Приднестровье. Сам образ Святогора — остаток эпоса далеких праславян и восходит к середине I тыс. до н. э. Сюжет о столкновении Святогора с силами небесными (тяга земная) образно отражает закат культуры и этнической мощи этого племени. Передача Святогором силы Илье Муромцу (избегнувшему «смертного духа», исходящего от умирающего героя) есть передача живого творческого наследия, «живой силы» с древней прародины новому восточнославянскому эпосу, сложившемуся в результате пассионарного толчка I—II вв. в среднем Поднепровье и оформившемуся к VI—VII вв. с названием «Русь». Память о Святогоре в русском эпосе и его безмерность относительно Ильи Муромца есть эстетически оформленная память о древней колыбели славянских народов и дань уважения предкам — необходимому звено всякой культуры».

В. Калугин

СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, *былина*. Впервые 4 прозаические побывальщины о Святогоре и *Илье Муромце* записал в 1861 в Заонежье П. Н. Рыбников, а через десятилетие еще 6 (но уже стихотворных вариантов) — А. Ф. Гильфердинг. Судя по этим записям, былина о встрече Ильи Муромца со Святогором когда-то состояла из целого ряда эпизодов. «Когда я рассказал Рябинину побывальщину об Илье и Святогоре, — свидетельствует П. Н. Рыбников, — то он передал мне, что еще учитель его, Илья Елустафьев, пел былинною про все знакомство Ильи и Святогора».

Такой былины «про все знакомство» двух центральных героев мифологического эпоса и героического эпоса никому из собирателей записать не удалось. Но имеющиеся фрагменты сами собой складываются в такую народную эпическую поэму.

Большинство из известных записей былин и побывальщин посвящено именно встрече Ильи Муромца и Святогора и передаче силы. Одна из «расшифровок» этих сюжетов принадлежит В. Я. Проппу, обратившему внимание, что из ста с лишним былинных сюжетов гибели героев посвящены лишь несколько: «Так, Дунай и Сухмай кончают жизнь самоубийством. Обе эти былины по своему содержанию глубоко трагичны. Трагически погибает Василий Буслаев. Остальные герои, в песнях о них, никогда не умирают и не погибают. Наоборот: получая силу, Илья, например, одновременно получает пророчество, что смерть ему в бою не писана. Русский герой не погибает; и не об этом поются песни». Гибель Святогора, продолжает исследователь, исторически закономерна: «Умирает и уходит в безвозвратное прошлое старый герой, но он передает свою силу новому герою, герою новой исторической эпохи».

В. Калугин

СВЯТОГОР И ТЯГА ЗЕМНАЯ, *былина*. В примечаниях к прозаическому варианту былины «Святогор и Илья» П. Н. Рыбников опубликовал запись еще одного сюжета — Святогор и Микула Селянинович. Впоследствии эти примечания получили не меньшую известность, чем основной текст, и вошли в историю фольклористики как вполне самостоятельная былина.

Встреча Святогора с Микулой Селяниновичем и сюжет с «сумочкой переметной» и «тягой земной» (в классическом варианте, записанном тем же П. Н. Рыбниковым от Т. Г. Рябины, Микула Селянинович встречается с *Вольгой*) принадлежат к одним из самых значимых в русском эпосе, имеют не менее глубокий смысл, чем сцена передачи силы *Илье Муромцу*. В этом же варианте рассказывается история женитьбы Святогора, также принадлежащая к числу древнейших эпических сказаний.

Сюжет о тяге земной известен в сербском эпосе. В юнацкой эпической песне «Королевич Марко теряет силу» Марко встречает убогого старца, который просит помочь ему взвалить на спину «маленькую торбу», что герою-богатырю оказывается не под силу. Ю. И. Смирнов отмечает: «Сходство между Марко Королевичем из этой песни и Святогором поразительно, на что указывали многие исследователи, предполагая единый генетический источник. Марко, несомненно, вытеснил здесь какого-то архаического эпического героя». Это не единственное совпадение в русском и сербском фольклоре, свидетельствующее о едином общеславянском эпическом фонде. Но и различия тоже характерны. В русском эпосе не произошло «вытеснения» древних эпических героев. В нем сохранились такие архаические образы, как Святогор, *Михайло Потык*, *Волх Всеславьевич*, *Вольга*, Микула Селянинович.

В. Калугин

«СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА», политическая и литературная (с 1838) газета. Издавалась в Петербурге в 1825—64 (до 1831 — 3 раза в неделю, затем еженедельно). Издатель-редактор — *Ф. В. Булгарин*, в 1831—59 — он же и *Н. И. Греч*, с 1860 — *П. С. Усов*. До декабристского путча проявляла либерализм, с 1825 встала на твердые православно-монархические позиции. В ней опубликован доклад следственной комиссии и приговор по делу масонов-декабристов. В 20—30-е в «Северной пчеле» печатались произведения *А. С. Пушкина*, *И. А. Крылова*, *А. С. Грибоедова*. Печатались очерки, стихи, путевые заметки и т. д. Почти во всех отделах — «Новые книги», «Словесность», «Всякая всячина», «Нравы», о театре — писал сам Булгарин. Греч выступал гл. обр. по вопросам грамматики и с письмами из-за границы. Критические статьи и рецензии опубликовали *О. М. Сомов*, *М. А. Бестужев-Рюмин*. «Северная пчела» положительно оценила «Повести Белкина» Пушкина и «Вечера на хуторе близ Диканьки» *Н. В. Гоголя*. С появлением «Литературной газеты» и особенно «Современника» «Северная пчела» начала полемизировать с Пушкиным, критиковала «Московский наблюдатель», в котором сотрудничал *В. Г. Белинский*. Пушкин отвечал полемическими статьями «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830), «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (1831). В 40—60-е была объектом жестокой травли со стороны нигилистов.

В числе авторов были *П. А. Вяземский*, *Ф. Н. Глинка*, *М. П. Погодин*, *Н. А. Полевой*, *Ф. М. Толстой* и мн. др.

«СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ», русский литературный альманах, выходивший в Петербурге ежегодно в 1825—31. Редактор и

составитель — *А. А. Дельвиг*, книгоиздатель — *И. В. Сленин* (до 1827), затем *А. А. Дельвиг* (до 1831) при ближайшем участии *О. М. Сомова*. «Северные цветы» принадлежат к числу лучших русских альманахов. Ядром его был стихотворный отдел, в котором опубликованы многие произведения *А. С. Пушкина* (в т. ч. отрывки из «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Граф Нулин»), *Н. М. Языкова*, *В. А. Жуковского*, *А. Х. Востокова*, *Е. А. Баратынского*, *К. Н. Батюшкова*, *В. И. Туманского*, *Н. И. Гнедича*, *Ф. И. Тютчева* и др. В прозаическом отделе помещены повести Сомова (Порфирия Байского), *В. П. Титова* (Тита Космократова), *В. Ф. Одоевского*, *А. А. Крюкова*. Здесь же напечатаны обзорные статьи о современной литературе *П. А. Плетнева* и Сомова, отрывки из записных книжек Пушкина и *П. А. Вяземского*, письма из Турции *В. Г. Теплякова*, аллегория *Ф. Н. Глинки*.

Последний выпуск «Северных цветов» (1831, на 1832), изданный Пушкиным в пользу семьи покойного Дельвига, содержал также научные статьи *И. Бичурина*, *М. А. Максимова*, *М. П. Погодина*. В книжках за 1828—30 участвовали *О. И. Сенковский*, *Н. И. Греч*, *Ф. В. Булгарин*. Альманах иллюстрировался гравюрами с работ *К. П. Брюллова*, *Ф. И. Иордана* и др.

Лит.: *Смирнов-Сокольский Н.* Рус. лит. альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965.

Л. Чертков

«СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ», русский литературный альманах, выходивший в Москве в 1901—05 в издательстве «Скорпион» под фактической редакцией *В. Я. Брюсова*. Всего вышло 5 книг. Первые 2 выпуска включали, при несомненном преобладании символистов (*З. Н. Гиппиус*, *Ф. Сологуб*, *А. М. Добролюбов*, *И. И. Коневской*, *Ю. К. Балтрушайтис* и др.), также и сочинения писателей др. направлений (*А. П. Чехов*, *И. А. Бунин*, *К. К. Случевский*, *В. В. Розанов* и др.). В историко-литературном отделе, в напоминание о «Северных цветах» *А. А. Дельвига*, публиковались неизвестные произведения *А. С. Пушкина*, *А. А. Фета*, *Ф. И. Тютчева*, *Я. П. Полонского* и др. С 1903 альманах приобретает чисто символистский характер, в нем принимает участие наряду со старшим и младшее поколение символистов — *А. А. Блок*, *А. Белый*, *Вяч. Иванов*, *М. А. Волошин*, *А. М. Ремизов*. В последних выпусках выступают также *Б. А. Садовский*, *Н. С. Гумилев*, *М. А. Кузмин*.

Л. Чертков

СЕВЕРЯНИН Игорь (псевд. **Лотарева Игоря Васильевича**) (4[16].05.1887—20.12.1941), поэт, переводчик. Родился в Петербурге в семье офицера. Стихи сочинял с детских лет. Отроческие годы провел на берегу р. Суды в 30 верстах от г. Череповец Вологодской губ. в усадьбе Сойвола, принадлежавшей *М. П. Лотареву* (дяде Игоря по отцу). Образование получил в Череповецком реальном училище, директором которого был кн. *Б. А. Тенишев*. Полюбил богатую природу Севера и пристрастился к рыбной ловле. Весной 1903 совершил с отцом поездку в Порт

Дальний (Далянь, Китай), где прожил полгода. Поездка эта много дала юному поэту: он увидел просторы России.

Переживал события русско-японской войны 1904—05. В февральском номере солдатского журнала «Досуг и дело» (1905) напечатал патриотическое стихотворение «Гибель Рюрика». От этой публикации исчислял свой творческий стаж. Считал себя учеником «русской Сафо» М. Лохвицкой, провозгласившей на рубеже веков в поэзии свободу чувств, культ красоты. В нояб. 1907 познакомился с поэтом К. Фофановым, горячо одобрившим его стихи. Избрал псевд. Игорь-Северянин (написание через дефис в печати не привилось). За свой счет издавал брошюры стихов, о которых критика молчала. Стихи свои Северянин называл «поэзами».

В янв. 1910 И. Наживин прочитал в Ясной Поляне Л. Толстому стихи Северянина из брошюры «Интуитивные краски». «Хабанера П» возмутила Толстого своей «безнравственностью». Как вспоминал Северянин впоследствии: «...с легкой руки Толстого... меня стали бранить все, кому было не лень. Журналы стали печатать охотно мои стихи...». Первые поклонники его таланта — гимназистки, эмансипированные дамы, слушательницы Высших женских курсов, медички. Он не читал стихи, а пел их на сочиненные им мелодии. Это новшество способствовало северянскому успеху. «Мое творчество стало развиваться на двух основных принципах: классическая банальность и мелодическая музыкальность» (И. Северянин. «Образцовые основы»).

В 1911 Северянин объявил о создании «Эго Вселенского футуризма». Манифест эгофутуризма выглядел умеренно: предтечи К. Фофанов и М. Лохвицкая, «...поиски нового без отвергания старого». Сораатниками Северянина стали Грааль-Арельский (С. С. Петров) и Г. Иванов. Несколько позднее возник кубофутуризм (В. Хлебников, А. Крученых, В. Маяковский, Д. Бурлюк). Эта группа ратовала за уничтожение старого искусства: «Бросим Пушкина (и др. классиков) с Парохода Современности». Между двумя группами российского футуризма шло соперничество и полемика.

Эгофутуризм просуществовал всего несколько месяцев. Г. Иванов и Грааль-Арельский ушли в «Цех поэтов», которым руководил Н. Гумилев.

Первая книга Северянина «Громокипящий кубок» вышла в 1913 в московском издательстве «Гриф» с предисловием Ф. Сологуба. Она принесла автору ошеломляющий успех. Переиздания следовали одно за другим. Книга сразу попала в фокус внимания критики.

Притчей во языцех стало заявление поэта: «Я, гений Игорь-Северянин, // Своей победой упоен: // Я повсерадно оэкраен! // Я повсесердно утвержен!» Гумилев писал в «Аполлоне»: «Игорь Северянин — действительно поэт, к тому же поэт новый. Что он поэт доказывает богатство его ритмов, обилие образов, устойчивость композиции, свои, и остро пережитые, темы».

Слава Северянина ширилась в процессе его частых турне по городам России. На гребне успеха он выпускает в свет новые книги: «Златолира», «Ананасы в шампанском», «Victoria Regia», «Поэзоантракт». Однако В. Ходасевич в статье «Обманутые надежды» отмечал: «Плохую службу сослужили Северянину его публичные выступления... Одно дело — читать стихи с эстрады, другое — для эстрады писать их. Слишком изучил Северянин, что вызывает аплодисменты, что нет... Северянин пишет “под Северянина”. Нужно ли говорить, что такие старания неизбежно бесплодны?»

Пиком своего всероссийского признания Северянин считал избрание его «королем поэтов» в Политехническом музее в Москве (27 февр. 1918).

В годы революции и гражданской войны жил в приморском селении Тойла. При отделении Эстонии от России оказался вынужденным эмигрантом. В эмиграции издал 17 поэтических книг. Выступал с чтением среди соотечественников, покинувших Россию и проживающих по всей Европе.

К сер. 1920-х поэзия Северянина становится во многом иной. Газета «Дни» сообщала о выступлении поэта в Литературно-художественном кружке в Берлине (4 мая 1925): «Время наложило свою печать на характер его творчества, поблекла и пресловутая эстетность, утихомирлась самовлюбленность, не слышно нарочитых словечек. Лирика его новых стихов посвящена мотивам гражданским: душа поэта скорбит об умученной родине, тянется к ней, верит в ее близкое освобождение...».

Лучшая книга зарубежного периода творчества Северянина — «Классические розы» (Белград, 1931). В ней «король поэтов» явил себя как большой русский поэт XX в. «О России петь — что стремиться в храм // По лесным горам, полевым холмам...» («Запевка»). Обретение России Северянин связывает с церковным покаянием всего народа, в котором растворится его «эго» («Слова Солнца»). Драматическое понимание образа родины и своей судьбы поэт выразил в стихотворении «Бывают дни»: «Слом Иверской часовни. Китеж. // И ругань — мать, и ласка — мать... // А вы-то тшчитесь, вы хотите // Ширококрайнюю объять! // Я — русский сам, и что я знаю? // Я падаю. Я в небо рвусь. // И сам себя не понимаю. // А сам я — вылитая Русь!» С мягкой грустью вспоминает поэт былое: «В тот день», «Стихи Москве», «Пасха в Петербурге», «Тишь двоякая» и др. Гимн любви создал Северянин в стихотворении «Все они говорят об одном», музыку к нему написал С. Рахманинов.

Автобиографический роман в стихах «Колокола собора чувств» (1925) и сборник сонетов «Медальоны» (1934) проникнуты патриотизмом, ностальгическими переживаниями отторгнутости от Родины. Северянин верил, что русский народ разрушит преступный режим еврейских большевиков:

И сломит гнет, как гнет ломала
Уже не раз повстанцев рать...
Родиться русским — слишком мало:
Им надо быть, им надо стать!

В связи с турне И. А. Бунина по республикам Прибалтики (весна 1938) Северянин написал очерк «Моя первая встреча с Буниным».

Он был уже серьезно болен, когда Эстония официально присоединилась к СССР (6 авг. 1940). Его морально поддерживала переписка с давним сподвижником по эгофутуризму, поэтом Г. Шенгели (Москва). Наступившие тяжелые условия военного времени, оккупация немцами Эстонии — ускорили кончину поэта.

Соч.: Стихотворения. Л., Б-ка поэта. Малая серия. 1975; Стихотворения, Таллинн, 1987; Стихотворения. М., 1988; Стихотворения. Поэмы. Архангельск, 1988; Стихотворения и поэмы 1918—41. М., 1990; Сочинения. Таллинн, 1990; Падучая стремнина. Роман в 2 ч. Таллинн, 1991.

Лит.: О Игоре Северяnine. Череповец, 1987; Шумаков Ю. Колокола мне шлют привет. Таллинн, 1991; Он же. Пристать бы мне к родному берегу... Таллинн, 1992; Шаповалов М. Король поэтов. М., 1997.

М. Шаповалов

СЕЛЕЗНЕВ Юрий Иванович (15.11.1939—16.06.1984), ученый, критик, публицист. Родился в Краснодаре, там же в 1966 закончил филологический факультет Педагогического института, преподавал литературу. Любовь к русской поэзии, литературе, истории с детства привила ему мать.

Русская классика была его стихией, он жадно изучал ее, стал одним из глубоких знатоков «русского Возрождения» XIX в. и всесторонним литературоведом. Но его истинное призвание таилось в критике. Он был прирожденным полемистом, тонким аналитиком, прекрасным стилистом. В последние годы жизни каждая его публикация поражала новизной мысли, выпуклостью образа, ясностью идеи. В них чувствовались неустанная работа ума, души, интуиции. Его книги «Вечное движение», «Созидающая память», «Мысль чувствующая и живая», «Василий Белов», «Златая цепь», «Достоевский» и многие статьи стали ярким явлением в русской литературе и критике. Это был критик-мыслитель. Он умел, как никто, показать, как в произведении — от звука и слова до композиции, — все работает на идею — созидательную или разрушительную.

В Институте мировой литературы он защитил кандидатскую диссертацию, незадолго до смерти была готова докторская о *М. Ю. Лермонтове*. Научную, публицистическую деятельность он совмещал с работой в журнале «*Наш современник*» (заместитель гл. редактора, в издательстве «Молодая гвардия»). Человечность, стремление утвердить в сердце соотечественника мир правды и добра, борьба за слово, ставшее откровением народной души, историчность, присущие творчеству *Гоголя*, *Достоевского*, *Пушкина*, — все эти вопросы поднимаются в произведениях безвременно ушедшего из жизни замечательного русского писателя и критика, неиссякаемый талант которого находился на взлете.

Вместе с *С. В. Видуловым* Селезнев объединил вокруг журнала «Наш современник» лучших отечественных критиков и публицистов. Селезнев стал одним из духовных вождей русского национального возрождения, авторитет его был высок и непререкаем, а боевая напористость притягивала к нему сотни русских патриотов. Как позднее вспоминали его соратники, «он был похож на воина, на витязя Древней Руси. Высокий, подтянутый, со слегка откинутой назад головой, обрамленной густой кудрявой волной волос и аккуратной острой бородкой. А главное — глаза! Удивительно ясные, чуть прикрытые, устремленные вдаль. Ни дать ни взять — витязь в дозоре, озирающий рубежи родной земли». С духовной прозорливостью он предсказывал грядущие потрясения нашей Родины, пытался разбудить пребывающее в летаргии национальное сознание русского народа. Нельзя терять ни минуты, торопил Селезнев, каждый, кто способен постоять за державу, должен быть мобилизован. Третья мировая война началась в идеологической сфере, и первой ее жертвой может стать Россия, если патриоты не сумеют мобилизоваться. «Быть русским человеком — значит быть патриотом».

Соч.: Постигая Достоевского: Статья // Вопросы литературы. 1973. № 8; Роман без любви: Статья // Там же. 1975. № 4; Содержа-

тельность художественного слова: Статья // Альманах «Мастерская». Вып. 2. М., 1976; Вечное движение. Искания современной прозы 60 — н. 70-х // Современник. 1976; Мифы и истины: Статья // Москва. 1976. № 3; Созидающая память. М., 1978; В мире Достоевского. М., 1980; Достоевский. М.: Молодая гвардия. Серия ЖЗЛ, 1981, 2-е изд. М., 1984; 3-е изд. М., 1990; Мысль чувствующая и живая: Лит.-крит. ст. М., 1982; Василий Белов. Раздумья о творческой судьбе писателя. М., 1983; Златая цепь. М., 1985; Глазами народа. Размышления о народности русской литературы. М., 1986; Избранное / Сост. М. Кузнецова-Селезнева. М., 1987; Память созидающая. Лит.-крит. ст. Воспоминания о Ю. И. Селезнев. Краснодар, 1987.

Лит.: *Лыкошин С.* Селезнев // Образ. 1996. № 3 (7); *Лоушиц Ю.* Воспоминание о друге // Слово. 1996. № 9—10; Так было... К 60-летию со дня рождения Юрия Селезнева // Москва. 1999. № 11.

С. Лобзова, О. Платонов

СЕЛИВАНОВСКИЙ Николай Семенович (25.11.1806—15.03.1852), литературный и театральный критик. Сын московского купца, издателя и общественного деятеля. По окончании в 1827 Московского университета сотрудничал в «*Московском вестнике*», «*Московском телеграфе*», «*Телескопе*», «*Молве*», «*Сыне Отечества*» (1838). Большую роль в общественной жизни Москвы 30-х играли субботние «вечера» Селивановского, на которые собирались представители русской интеллигенции: *В. П. Андросов*, *В. П. Боткин*, *А. Е. Варламов*, *А. Ф. Вельтман*, *А. Д. Галахов*, *А. В. Колцов*, *Н. Х. Кетчер*, *Ф. А. Кони*, *П. А. Мочалов*, *К. А. и Н. А. Полевые*, *М. С. Щепкин* и др.

«**СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ**», журнал. Издавался в Петербурге *В. Ф. Одоевским* и *А. П. Заболотским-Десятковским*. В 1843—48 всего вышло 4 книги, впоследствии многократно переиздавались. Издание предназначалось специально для крестьянина-земледела. Здесь публиковались материалы о крестьянском быте и хозяйстве, сообщались сведения по всевозможным отраслям знания, изложенные доступным языком, со множеством *поговорок* и т. п. В статьях Одоевского, являвшегося перед читателем то в образе умного крестьянина Наума, то словоохотливого дяди Иридея, содержались советы по гигиене, медицине, сельскому хозяйству, сведения по физике, географии, литературе, истории. В «Сельском чтении» участвовали *В. И. Даль*, *М. Н. Загоскин*, *А. Ф. Вельтман*, *В. А. Соллогуб* и др.

СЕМАНОВ Сергей Николаевич (р. 14.01.1934), историк, писатель, публицист и общественный деятель. Родился в Ленинграде. Фамилия происходит от устаревшего, но частого во многих языках имени по числу «семь» (у римлян «Септимий» и т. п.), а в данном случае от старорусского «семак — семей — семан», отсюда происходят многочисленные *Семаковы* и очень редкие ныне *Семановы*.

Вырос в интеллигентной семье, отец поступил в Петроградский институт путей сообщения в 1915, мать с 1921 студентка Петроградского Педагогического института. Отец был известным профессором-гидротехником и проектировщиком шлюзов и пло-

тин, а мать всю жизнь проработала в средней школе учительницей географии.

В 1951 поступил на истфак Ленинградского государственного университета. В студенческие времена много занимался общественной работой, еще до окончания курса в мае 1956 был направлен заведующим отделом пропаганды Петроградского райкома комсомола. Через 1,5 года ушел на должность заведующего отделом использования документов Архивного управления Ленинградской обл., получил хорошую архивную практику, начал публиковаться. В 1960 поступил в аспирантуру Института истории Академии наук, в 1964 защитил кандидатскую диссертацию.

Как и большинство московско-ленинградской молодой интеллигенции, придерживался либеральных взглядов. Перелом во взглядах Семанова наступил в 1967—68 после арабо-израильской войны (когда явно проявилось «двойное гражданство» советских евреев) и пресловутой «пражской весны», где отчетливо был виден сионистский след. Он начал участвовать в работе «Русского клуба».

С дек. 1969 в Москве Семанов стал заведующим редакцией «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия», с помощью директора издательства *В. Ганичева* и писателей-патриотов популярная книжная серия из либерального центра стала оплотом русских сил. В этой серии Семанов выпустил свои книги об адмирале Макарове и генерале Брусилове. С янв. 1976 Семанов — гл. редактор журнала «Человек и закон». Ему удалось из скромного ведомственного издания создать очаг русской публицистики с многомиллионным тиражом. Начал изучать творчество *Шолохова*, 4 раза ездил к писателю в Вешенскую, издал первую книгу о «Тихом Доне». В апр. 1981 по записке Ю. Андропова в Политбюро ЦК был снят с поста редактора, поставлен под надзор с запрещением работать и печататься, вызывался на допросы в Лефортово, было заведено дело об исключении его из партии.

С апр. 1988 — первый заместитель председателя Всероссийского фонда культуры. Написал книгу о Н. Махно, опираясь на материалы, полученные в свое время от его вдовы и дочери. С 1991 — ст. научный сотрудник Института мировой литературы РАН, выпустил биографию И. В. Сталина, книгу о Ю. В. Андропове, работы об Александре III, канцлере Горчакове, о «Тихом Доне» М. Шолохова. Член редколлегии и постоянный автор журнала «*Наши современники*». Открыто выступал против иудо-масонской власти и разоблачал в печати ее приближенных, всемерно боролся с сионистскими расклещателями русской духовности и культуры. Докторская диссертация, защищенная в 1974 в Ленинграде, не была по идеологическим мотивам «утверждена». Автор нескольких документальных кинофильмов, лауреат Ломоносовской премии.

Соч.: Сердце Родины. М., 1977; «Тихий Дон» — литература и история. М., 1977; Великие уроки. М., 1979; В мире «Тихого Дона». М., 1987; Православный «Тихий Дон». М., 1999; Русско-еврейские разборы. М., 2003.

СЕМЕНОВ Сергей Терентьевич (16[28].03.1868—3.12.1922), писатель-самоучка из крестьян. Его «Крестьянские рассказы» (М., 1894) заслужили одобрение и похвалу гр. *Л. Н. Толстого*, снабдившего их своим предисловием. Рассказы Семенова отличаются простотой, правдивостью и несомненным дарованием, верно изображают простонародную жизнь. Второй сборник его «Девичья погибель» и др. рассказы и очерки (М., 1898) слабее первого.

СЕНКОВСКИЙ Осип (Юлиан) Иванович (19.[31].03.1800—4[16].03.1858), писатель, журналист, востоковед. Член-корреспондент АН (с 1828). Родился в старинной шляхетской семье. После окончания Виленского университета

(1819) совершил путешествие по Ближнему Востоку и Африке. Блестяще изучив многие восточные языки, Сенковский с 1822 по 1847 был профессором Петербургского университета по кафедре арабского, персидского, турецкого языков. Позднее он изучил китайский, монгольский, тибетский языки. Сенковский опубликовал ряд работ по истории, этнографии, филологии мусульманского Востока на французском и польском языках и переводы арабских классиков. В 1834—47 (номинально — до 1856) Сенковский — редактор и издатель журнала «Библиотека для чтения», в котором печатал под псевд. Барон Брамбеус свои художественные произведения и статьи. В 1856—58 вел в журнале «Сын Отечества» отдел «Листок барона Брамбеуса». В 1858 незадолго до смерти начал редактировать журнал «Весельчак».

Личность Сенковского противоречива и сложна. Один из основателей русского востоковедения, путешественник и дипломат, предприимчивый журналист-коммерсант, Сенковский был вместе с тем известен своим пренебрежительным отношением к воле авторов, печатавшихся в его журналах. «Библиотека для чтения» положила начало т. н. «торговому направлению» в русской журналистике, завоевав популярность преимущественно в провинциальных читательских слоях многообразием и пестротой публикуемых материалов, легкостью и занимательностью изложения. Еще до «Библиотеки для чтения» в польской газете «*Walamut*», издаваемой в Петербурге в 1830—36, создателем которой был Сенковский, проявились характерные для него черты журналиста-сатирика. Иронический непринужденный слог, характерный для этой газеты, перешел затем в беллетристическое творчество Сенковского, когда он стал писать на русском языке. Сенковский писал «восточные», светские, бытовые, психологические, сатирические повести, очерки о путешествиях по азиатским и африканским странам. Странник экспериментального естествознания, он создал жанр научно-философской повести. Тонкий критик и эссеист, Сенковский по двум прочтанным главам «Пиковой дамы» оценил прозу *А. С. Пушкина* как начало новой эпохи в русской литературе. Сенковский настаивал на опубликовании комедии *А. С. Грибоедова* «Горе от ума», много лет ходившей в списках. В многочисленных литературно-критических статьях и рецензиях Сенковский отстаивал консервативные взгляды. Будучи сторонником теории «чистого искусства», отрицательно относился к *Н. В. Гоголю* и *натуральной школе*.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—9. СПб., 1858—59.

СЕНТИМЕНТАЛИЗМ, литературное течение XVIII — н. XIX в., характеризующееся апелляцией к чувству, возведением его в мерило добра и зла, в основной критерий ценности человека. Исторической предпосылкой развития сентиментализма в России, как и в Европе, была реакция против *классицизма*, однако своеобразие русского сентиментализма заключалось прежде всего в том, что он имел преимущественно дворянский характер. Идея вневсложной ценности личности, появившаяся еще с петровских времен, постепенно видоизменялась: первенство отдавалось теперь способности чувствовать. Уже у некоторых русских классицистов (А. П. Сумароков и др.; см.: Классицизм) заметно возрос интерес к личностному миру человека, его интимным переживаниям. Отказ от культа разума и классицистических представлений происходил постепенно, и хронологические рамки русского сентиментализма исследователи определяют по-разному. Одни относят возникновение сентиментализма к 1760-м (оды М. М. Хераскова); др. ученые — к 1770-м, когда М. Н. Муравьев сознательно противопоставил свои стихи сложившейся поэтической традиции. Окончательно как самостоятельное направление сентиментализм оформился в 1790-е в творчестве Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, а также Ю. А. Нелединского-Мелецкого, В. В. Капниста, Н. А. Львова, В. Л. Пушкина и др. В эти годы выходят сентименталистские периодические издания и альманахи Карамзина («Московский журнал», «Аглая», «Аониды») и В. С. Подшивалова («Приятное и полезное препровождение времени», «Чтение для вкуса, разума и чувствований»). Показательны названия нового типа собраний сочинений Карамзина — «Мои безделки» и Дмитриева — «И мои безделки». Самое представление о чувстве у русских сентименталистов, как правило, еще рационалистично: рас судок, здравый смысл нередко остаются главенствующими категориями.

Ко времени расцвета сентиментализма в России были хорошо известны и переведены на русский язык основные сочинения Ричардсона, Руссо, Стерна. Эстетическая программа русского сентиментализма наиболее полно разработана в сочинениях и статьях Карамзина («Нечто о науках, искусствах и просвещении», «Что нужно автору?» и др.). Попытки создания сентиментальной повести начались на рубеже 1770—80-х (В. А. Левшин, Н. Ф. Эмин и др.), но широкое признание получили лишь повести Карамзина (особенно «Бедная Лиза», 1792, «Юлия», «Исповедь»). В них впервые в русской литературе сделаны серьезные попытки психологического анализа. В н. XIX в. к жанру чувствительной повести обращаются А. Е. Измайлов, Н. П. Брусилов, Г. П. Каменев и др.; намечается несколько ее разновидностей (бытовая, светская, историческая), послуживших затем основой для формирования реалистической повести. Популярным становится также жанр путешествия (В. В. Измайлов, П. И. Сумароков, П. И. Макаров и др.). «Письма русского путешественника» Карамзина столь же характерны для русского сентиментализма, как «Сентиментальное путешествие» Стерна для европейского. Карамзин в отличие от Стерна много внимания уделил описанию реальных фактов, событий и лиц, но все же основные достоинства «Писем...» — выражение личности самого автора, стремление передать внешние впечатления сквозь призму личного восприятия (он называл «Письма...» «зеркалом своей души»). Творчество сентименталистов (особенно Карамзина), ограничивших употребление славянизмов и широко использовавших разговорный язык образованного дворянства, явилось этапом в развитии русского литера-

турного языка, во многом подготовившим язык писателей-реалистов.

Сентименталисты предпочитали оде более легкие поэтические жанры — послание, элегию, идиллию, *басню*, мадригалы, преодолевая при этом классицистическую жанровую иерархию. Басни Дмитриева, поэзия которого долго считалась образцом изящества, легкости и остроумия, подходили иногда на элегию, а иногда на *сказку* или *сатиру*. В лирике сентименталистов преобладали темы дружбы, любви и природы, представленной, однако, довольно однотипно. В поисках средств для выражения простого и искреннего чувства сентименталисты обращались к отечественному фольклору, собирали народные песни и подражали им (см.: Песенная книжная поэзия XVII—XVIII вв.). В 1791 издан песенник, собранный Дмитриевым из народной и литературной песен. Сентименталисты обогатили русскую поэзию новыми или малоупотребительными размерами (в т. ч. дактилическими) и белым стихом. В драматургии сентиментализм проявился в т. н. слезных драмах Хераскова, М. И. Веревкина, Н. И. Ильина и др., позднее — в творчестве В. А. Озерова. В н. XIX в. выступило много эпигонов сентиментализма; их подражательные произведения сделались предметом сатиры; сентиментальность стала синонимом искусственности. В целом же сентиментализм явился в истории русской литературы органичным этапом, подготовившим творчество В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова и во многом А. С. Пушкина.

Н. К.

СЕРАПИОН ВЛАДИМИРСКИЙ, монах, игумен Киево-Печерского монастыря, епископ Владимирский, Суздальский и Нижегородский с 1274, святой (?—1275). Серапиону Владимирскому принадлежит 5 «Слов». Почти все они точно датируются: первое написано ок. 1230, остальные — в последние 2-3 года жизни автора. Впрочем, скорее всего эти послания составляет лишь малую часть его творческого наследия.

В основе религиозно-философской концепции Серапиона Владимирского лежит идея величия человека, созданного Господом: «Великии бо ны Господь створи». И это величие проявляется в заповеди любви, заложенной в сердца людей Самим Господом как самой главной: «Еже Самого Владыкы нашего бошая заповедь, еже любити друг друга, еже милость любити ко всякому человеку, еже любити ближняго своего аки себе». И только любовью можно устроить нормальную человеческую жизнь: «Всегда в любви пребывающе, мирно поживем».

Если же люди смогут соблюсти Божии заповеди, то Господь дарует им и радостную жизнь на земле, и вечное спасение и жизнь в Царствии Небесном после смерти, ради которого, собственно говоря, и были созданы люди: «И милость Господня излетает на ны, мы же в радости поживем в земле нашей, по ошестий же света сего придем радующеся, аки чады къ Отцю, к Богу своему и наследим Царство Небесное, его же ради от Господа создани быхом».

Однако люди не способны пребывать в Господней благодати и соблюдать Его заповедания. Не справляющиеся со многими искушениями, люди впадают в грехи. Именно в нравственном оскудении русского народа, в забвении им христианских заповедей Серапион Владимирский видит главную причину нового, рабского, униженного положения Руси, завоеванной татарами. «Кто же ны сего доведе? — задает он риторический вопрос, и дает ответ: — Наше безаконье и наши греси, наше неслушанье и наше непока-

янь». И Серапион с горечью и болью перечисляет грехи русского народа: ложь, клевета, грабежи, воровство, разбой, сквернословие, прелюбодейство, зависть, злоба, ненависть, жадность... Серапион Владимирский не останавливается на перечислении лишь этих нравственных, греховных качеств. К грехам он относит и скверные и немилостивые суды, и несправедливые лихоимства, безжалостное ростовщичество, т. е. социальные явления. Столь же греховным считает Серапион и возрождение языческих обычаев — колдовства, гаданий. А совсем тяжкое впечатление на него производит возрождение человеческих жертвоприношений: «Аже еще поганьскаго обычая держитесь: волхованию веруете и пожигаете огнем невинные человеки и наводите на весь мир и град убийство».

По убеждению Серапиона Владимирского именно за эти прегрешения Русь и наказана Господом. В «Словах» Серапиона предстает яркая картина «казней Божиих», которым она подверглась, самым страшным из которых стало татарское нашествие. Причем, по мнению мыслителя, Господь заранее предупреждал русский народ о Своем гневе. Серапион перечисляет многие предзнаменования, случившиеся задолго до татарского завоевания: голод, мор и землетрясение, обрушившиеся на Русь в 1230, солнечное затмение в 1206, затмение луны в 1207, появление комет в 1223 и 1230. Все эти природные явления и были предупреждениями Господними о греховности русского народа.

Как можно заметить, в религиозно-философских взглядах Серапиона Владимирского самую большую роль играет идея страха Божиего, как наказания за грехи. Однако испытание страхом Божиим — это и путь к спасению. В своих проповедях он постоянно взывает к пастве, объясняя, что гнев Господень до тех пор будет обрушиваться на Русь, пока сами русские люди не покаются и не вернуться к Господу: «Молю вы, братье, кождо васъ: внидите в помыслы ваша, узрите сердечными очима дела ваша, — възненавидете их и отверзете я, к покаянью притечете». И чем искреннее раскаяние, тем быстрее Всемилостивый Господь простит русских людей и вернет им свое покровительство. И недаром Серапион уверен, что Господь «ждет нашего покаянья, милovati ны хошеть, беды избавити хошеть, зла хошеть спасти!»

В этом смысле Серапион Владимирский четко осознает и формулирует задачи, стоящие перед Русью, — необходимо покаяться, избавление от грехов, духовное возрождение, без которого невозможно преодолеть внутренние распри и объединить силы в борьбе с врагом.

В учении о страхе Божиим, которого придерживается Серапион Владимирский, вполне естественно можно усмотреть влияние византийской трактовки христианского вероучения. Однако русский мыслитель, в соответствии с реальной исторической обстановкой, вполне творчески подходит к некоторым христианским положениям. Так, когда он в одной из проповедей перечисляет заповеди Господни, он, видимо, совершенно сознательно не упоминает заповедь «люби врага своего» — в реальной жизни подобный призыв можно было рассматривать как предательство. Следовательно, для Серапиона главным оказывается не просто призыв к христианскому благочестию, но духовное укрепление русского народа в борьбе за возрождение Русского государства.

Несомненно, своими выступлениями Серапион способствовал духовному очищению народа, укреплению в нем чувства патриотизма. Более того, проповеди Серапиона Владимирского вселяли в сердца людей крепкую надежду

на спасение и на неизбежное освобождение от тяжкого иноземного ига. Ведь, по его искренней вере, всех возвратившихся к Христовым заповедям Господь простит и вновь наделит Своей Благодатью. И недаром в народе вплоть до XIX в. Серапиону Владимирскому поклонялись как одному из заступников в тяжелые жизненные времена.

Лит.: Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888; «Слова» Серапиона Владимирского / Подг. текста, пер. и комм. В. В. Колесова // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. М., 1981: То же / Подг. текста и пер. Чертолицкой // Красногорье Древней Руси; Колобанов В. А. Общественно-литературная деятельность Серапиона Владимирского // АКД. Л.; Владимир, 1962; Творогов О. В. Серапион // Словарь книжников. Вып. 1.

С. Перевезенцев

СЕРАФИМ СВЯТОГОРЕЦ (в миру **Веснин Семен Авдиевич**) (27.08[08.09].1814—17[29].12.1853), духовный писатель, поэт. Родился в с. Пишальское Орловского у. Вятской губ. в семье дьячка, получил домашнее образование.

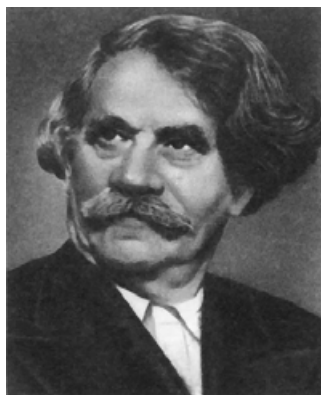
С детских лет окруженный странниками и воспитанный на житийной литературе, Веснин мечтал о паломничестве. В 1827 остался круглым сиротой. По окончании Вятской духовной семинарии (1828—34) стал священником. Смерть горячо любимой жены, а затем и дочери укрепили Веснина в его намерении путешествовать по святым местам. В 1836 он посетил Соловецкий монастырь; в 1838 — святыни Киева и Москвы. В 1837 назначен управляющим Спасского монастыря в г. Орлов. В 1839 в Вятке постригся в монахи с именем Серафим. В 1843 совершил паломничество на Афон, где принял схиму с именем Сергия в Пантелеймоновском монастыре (Руссике). Оттуда в 1844—45 совершил 7-месячное паломничество в Палестину и вернулся на Афон. В 1845 в журнале «Маяк» (№ 19, 21—24) были без его ведома опубликованы 8 писем (путевые заметки); их успех у публики побудил о. Серафима заняться литературным трудом (подготовил к печати статьи об афонских иконах, перевел с греческого агиографические сказания, вел всю переписку обители). В 1847—51 жил в России (Вятка, Москва). В 1850 вышли отдельной книгой «Письма Святогорца к друзьям своим о Св. горе Афонской, и стихотворения его» (ч. 1—2, СПб.; изд. 4-е, СПб., 1864), которые получили широкий отклик.

В Москве близко сошелся с *Н. В. Гоголем*, желавшим странствовать вместе с о. Серафимом по Востоку. В Петербурге, обратив на себя внимание ряда высокопоставленных лиц, в т. ч. *Иннокентия (Борисова)* и *П. А. Ширинского-Шихматова*, стремился побудить правительство к защите русских интересов на Афоне; с этой же целью опубликовал несколько писем в «Северной пчеле». Возвратившись на Афон, предался аскетическим подвигам и литературным трудам, среди которых наиболее значительны для истории культуры работы «Русские иноки на Св. горе Афонской от исхода X в. до пол. XIX в.».

М. Л.

СЕРБИНОВИЧ Константин Степанович (1797—1874), писатель. Учился в Полоцкой иезуитской академии. С 1830-х до 1859 был директором канцелярии обер-прокурора Синода, а в 1860-х членом комиссии прошений. В 1833—56 Сербинович был редактором «Журнала Министерства народного просвещения». Он был другом *Карамзина*, *Жуковского* и *А. И. Тургенева*. После его смерти напечатаны его воспоминания о Карамзине («Русская старина», 1874), его переписка с А. И. Тургеневым (там же, 1881—82) и воспоминания о *А. С. Шишкове* (там же, 1899). Сербинович был издателем и редактором издания сочинений В. А. Жуковского (1857).

СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ (псевд.; наст. фам. — **Сергеев**) **Сергей Николаевич** (18[30].09.1875—3.12.1958), писатель. Родился в с. Преображенское Тамбовской губ. в семье учителя. Окончил Глуховский учительский институт (1895). С 1905 жил в Крыму.

Много путешествовал по стране. Печатался с 1898. Ранние произведения Сергеева-Ценского (повесть «Сад», 1905, и др.) проникнуты сочувствием к участи простого труженика, верой в лучшее будущее. В романе «Бабаев» (1907) нарисован образ крайнего индивидуалиста в годы смуты. Лирическая повесть о русской деревне «Печаль полей» (1909), повести «Движения» (1910), «Пристав Дерябин» (1911), «Наклонная Елена» (1913), роман «Преображение»

(1914, др. название — «Валя») изображали различные слои русского общества, охваченного духовным кризисом. В 20—30-е Сергеев-Ценский создает романы и повести об *А. С. Пушкине* и *М. Ю. Лермонтове*, *Н. В. Гоголе*, обращается к изображению новой действительности. Роман «Искать, всегда искать!» (1935) посвящен молодежи. Главное произведение писателя — незавершенная многотомная эпопея «Преобразование России», в которую вошли 12 романов, 3 повести и 2 этюда, созданные на протяжении 45 лет. В эпопее широко показана жизнь дореволюционного русского общества, события первой мировой войны 1914—18 и февральской революции 1917; меньше места занимают картины гражданской войны 1918—20 и жизни советского периода. Особую популярность получила др. эпопея Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» (1937—39; Сталинская премия, 1941), в которой созданы образы героических защитников Севастополя в Крымской войне 1853—56. Автор ряда пьес, статей, литературных воспоминаний (сб. «Радость творчества», 1969).

Соч.: Собр. соч. Т. 1—10. М., 1955—56; Собр. соч. Т. 1—12. М., 1967.

СЕРГУНЕНКОВ Борис Николаевич (р. 8.02.1931), писатель. Родился в Хабаровске. Отец Сергуненкова — выходец из крестьян. Мать — из семьи иркутских промышленников. В детские и школьные годы Сергуненков вместе с родителями постоянно менял место жительства: большая часть детства прошла во Владивостоке, Сергуненков учился в школах на Сахалине (Южно-Сахалинск), Комсомольске-на-Амуре, в Москве. Окончил школу в 1950 в Феодосии. В том же году поступил на отделение журналистики Харьковского университета; после перевода отделения в Киев (1953) доучивался в Киевском университете, который закончил в 1955.

Интерес к литературе, к слову Сергуненков почувствовал рано: с 13 лет вел дневники, с 15-ти увлекся писанием стихов, в студенческие времена перешел к прозе — первая книга рассказов (неопубликованная) была написана к сер. 50-х. Первый рассказ — «До-ре-ми» — опубликован в газете «Молодежь Алтая» в 1956. Первая повесть, сделавшая имя Сергуненкова широко известным, — «Лесные сторожа» — вышла в 1960 и многократно переиздавалась.

Становясь профессиональным писателем, Сергуненков переживает достаточно сложную внутреннюю эволюцию. В условиях стандартного идеологического воспитания и образования Сергуненков рано почувствовал опасность разрыва с реальной жизнью и потому выбирал свой способ диалога с миром, с Богом.

Началом такого пути познания и самопознания стали для Сергуненкова-прозаика в особенности годы лесничества, лесной «пустыни» (ср. «Оптина пустынь»). Собеседуя с лесом, всем живым и одухотворенным в себе и вокруг себя, Сергуненков искал путь к истинной жизни. Искания писателя выразились, в частности, в том, что он стремился к обновлению, к обогащению традиционных жанровых форм. В его прозе наблюдается движение от «рассказа» к «сказкам», творимым из повседневности и быта, от них — «к житию», а затем и к жанру, который сам Сергуненков определяет как «молчание», т. е. «творение невидимого слова». Эта особенность творческой биографии Сергуненкова воплощена в истории его книг: от ранних «Лесных сторожей» к этапной повести-сказке «Лесная лошадь» (1976), к книгам сказок, в т. ч. и «городских»: «Луна и зайцы» (1968), «Кот белый — кот черный» (1974), «Кувшин» (1980), «Сердце Кутузова» (1980) и «Чудесная река» (1981). Новый большой шаг на этом пути — книги «Осень и весна. Записки лесника» (1978) и «Тысячелистник» (1986).

Сергуненков занимает свое, особое место в русской прозе 2-й пол. XX в. Он создал свой художественный и духовный мир, суть которого в самоуглублении художественного сознания. Сергуненков находится в постоянном общении с миром на натурфилософском и духовно-религиозном уровнях. Этим объясняется не только определенная обособленность Сергуненкова в литературной жизни своего времени, но и его оригинальность как художника и эссеиста.

Соч.: Лесные сторожа: Повесть и рассказы. Л., 1979; Лесная лошадь: Повесть-сказка. Л., 1979; Осень и весна. Записки лесника. Л., 1979; Лесная лошадь. Осень и весна / После сл. Г. Цуриковой. Л., 1986; Тысячелистник: Повести. Л., 1986; Сказки. Л., 1990.

В. Акимов

СЕРЕБРЯКОВ Геннадий Викторович (30.01.1937—15.03.1996), поэт, сын офицера, принявшего первый бой с гитлеровцами в июне 1941 на западной границе.

В годы войны отец его В. А. Серебряков был начальником штаба партизанской бригады в брянских лесах, где и погиб в бою с фашистами. Верность заветам и боевой славе отца Серебряков пронес через все свое творчество. Его поэзия, честная, чистая, пронизанная солнечным светом добра и любви, патриотизма и непри-

язни к злу, сверкает высоким, подлинно русским словом. Он отменный мастер любовной лирики, в художественную ткань которой врывается сарказм, едкая ирония с едва прикрытым подтекстом. Таковы стихотворения «Постояльцы», «Черные полковники» («И вот они добрались, соколы, // До тех высот, где ангелы поют. // И ордена, и звания высокие // Спеша друг другу шумно раздают»), «О дроздах» («Над рябиновым стягом, // Над молчаньем воды, // Вновь разбитной ватагой // Закружили дрозды. // Облепили, куражась, // Куст рябиновый весь: // Ненасытная жадность // И завидная спесь...»). Тут речь, конечно, идет не о птицах, а о «господах», с названием которых рифмуется слово «дрозды». Или строка: «И наглого козла соседка в сердцах ругает “Собчаком”». Во многих стихах Серебрякова воспевается героизм, патриотический подвиг («Довоенная песня», «О, где мальчишкам мужества набраться» и др.). Часто поэт обращается к героическому прошлому русского народа («Стою у поля Куликова», «Боброк», «Мамай» и др.). Горбачевскую перестройку и ельцинские реформы поэт встретил с резким неприятием, что нашло отражение в его стихах («Россию, распыная, продают», «Не все за деньги продается»). Поэзия Серебрякова созвучна музыке, в его стихах уже заложены мелодии. Популярна песня «Разговоры, разговоры, сердце к сердцу тянется. Разговоры стихнут скоро, а любовь останется». И этим священным чувством любви пронизано все творчество Серебрякова.

И. Шевцов

СИБИРЦЕВ Сергей Юрьевич (р. 15.03.1956), писатель. Родился в Иркутске. Становление Сибирцева как художника проходило в Сибири. Его родители, увлеченные романтикой преобразования и обустройства этой земли, работали на строительстве Иркутской ГЭС. Отец, инженер-строитель — потомок ссыльных дворян, родом из Читы.

Дерзкий на слова и поступки, он несколько лет провел в лагерях системы ИТУ и умер рано. Сына поднимала мать, сама из многодетной, с крепкими устоями сибирской семьи с легендарного золотого прииска Бодайбо. Мать и привила с малолетства ребенку любовь к книге, стала главным наставником, другом и первым читателем произведений сына. Жизненные «университеты» Сибирцева начались уже после шестого класса, когда он начал работать в геологической партии, осваивая нехоженую тайгу и болотистые мари Якутии. Позже Сибирцев подрабатывал в колхозах и на стройках Амурской обл., палубным матросом на пароходах Амура. В 20 лет окончил одно из старейших дальневосточных учебных заведений — Благовещенское речное училище (военно-морской техникум) и получил направление в Хабаровский речной порт инженером-энергетиком. С 1986 постоянно проживает в Москве.

Жизненный опыт, приобретенный в скитаниях по советской России от Д. Востока до Заполярья и центральных областей СССР (начальник экспериментального участка,

пожарный-респираторщик, художник-осветитель драмтеатра, грузчик городского холодильника, бурильщик, корреспондент сельхозотдела, монтировщик путей, составитель поездов, тренер по рукопашному бою, инженер-механик, учеба в ленинградском Горном институте...), отразился в творчестве Сибирцева.

Первая публикация в центральной печати — подборка рассказов «Поезд в Никуда» — целая полоса в столичной газете («День», 1993. № 14). В 1994 году в Москве увидел свет 2-томник Сибирцева «Русский созерцатель». Наряду с традиционно реалистическими рассказами: «Наша обитель», «Жареная картошка» читателю предлагались новаторские по содержанию и форме притчи-повести: «Убивец», «Лукавые встречи», «Тени будущих сновидений», первые главы романа «Государственный палач» с эпатажным подзаголовком «роман в психопатических эпохах» и др. В 1995 вышел роман Сибирцева «Государственный палач», породивший огромное количество откликов.

В 1999 появляется второй двухтомник Сибирцева «Избранное», который вмещает в себя романы «Государственный палач», «Приговоренный дар», «Привратник “Бездны”» (первая часть), а также множество рассказов, новелл, эссе, миниатюр, статей.

Проза Сибирцева выростала из русского классического реализма, сюжеты его первых рассказов — это незатейливые житейские истории, но в них уже ощущается трагическая изнанка человеческого бытия. Переломным становится повесть-притча «Убивец», где фокус авторского внимания смещается с реальных событий во внутренний мир героя. И теперь тонкость проникновения в человеческую психологию у Сибирцева становится такова, что он в рассказе «Нужно застрелиться», написанном в сент. рокового 1993 и опубликованном в ноябрьском номере газеты «Согласие» (в которой временно нашла приют закрытая ельцинским режимом легендарная редакция газеты «День»), угадывает предстоящую кровавую войну.

Романы Сибирцева — это целая вселенная людских страстей, показанная через сложнейший внутренний монолог персонажей. Герой «Государственного палача» — преуспевающий детский писатель и в какой-то другой, «сновиденческой», реальности — государственный экзекутор-палач, проходя сквозь мучительные личные страдания, пытается понять смысл существования человека на земле. А персонаж футурологического, эсхатологического романа «Приговоренный дар», «доктор Гуман, специалист по древеческим душам», как он сам рекомендует себя на визитных карточках, априори амбивалентен — демон и милосердник, утешитель и шут, отказываясь от своего безусловно творческого (писательского) призвания ради навязчивой, но вроде бы святой идеи — очистить мир от скверны, постепенно становится «душегубом по убеждению». Как обрести путь к спасению, к новому рождению своего подлинного «я» и чем придется платить за это — вот круг вопросов, поднимаемых в этом масштабном апокалиптическом философском произведении.

Судьба России видится Сибирцеву в эсхатологической перспективе. Автор оставляет героям и читателям выбор, на чью сторону встать в борьбе Света и Тьмы. Его персонажи — традиционные для русской классики «бедные люди», «типичные», которых абсурдная и жестокая российская реальность влетает в клубок фантастических криминальных событий и авантюры. Однако, что немаловажно в концепции автора, герои эти — не только жертвы, но и творцы жуткой «палаты 666», где обыденность греха не без их помощи становится нормой. Однако «Типичнев, прой-

для все эти круги ада, не ломается, не опускается до уровня своих мучителей-искусителей...Больше того, в нем пробуждается энергия противостоять злу... во всяком случае, он не проигрывает эту схватку...» (Рябинин Ю.).

Парадоксальность художественного метода Сибирцева зиждется на экзистенциальном переживании столкновения традиционно-русского светлого, райского начала с «тьмой века сего». Недаром подлинное страдание слышится в «голосе» измученного несчастного сознания в автобиографической новелле «Цивилизатор»: «я... упустил миг утраты: пропала сама основа русской жизни, созерцательность и несуетность под небом звездным, всеобщим, вечным». Знание этой воистину онтологической утраты и придает необыкновенно образному языку и стилю прозы Сибирцева фантастический, поистине босхianский колорит.

Внутренние монологи (потоки сознания) героев развиваются в романах Сибирцева по симфоническому принципу: обрывочные фразы, вопросы, реплики постепенно обрастают цепочками ассоциаций, расцветаются красками воспоминаний, складываются в контрастные по внутренней интонации незабываемые фантазмагорические картины, эпического охвата и тончайших психологических портретов наших современников, прямую речь которых Сибирцев передает буквально со стенографической дошностью.

Сибирцев — лауреат Диплома первой степени «Золотое перо Москвы» (2003) за рукопись романа «Привратник «Бездны»».

Соч.: Русский созерцатель. В 2 т. М., 1994; Государственный палач: Роман. Повести. Рассказы. М., 1995; Сталинская Москва (глава из фоліант-альбома «Душа Москвы», посв. 850-летию столицы). М., 1997; Избранное: В 2 т. М., 1999; Очарованный Москвою путник (избранные рассказы) // Роман-газета. М., 2001. № 12; Фрагменты романов: «Государственный палач», «Приговоренный дар» (альбом лауреатов Первого Всероссийского литературно-театрального конкурса «Хрустальная роза Виктора Розова») // Алмазные грани «Хрустальной розы». М., 2002; Московские этюды. Новеллы, эссе. М., 2004; Привратник «Бездны». Роман. М., 2004.

Л. Лаврова

СИБИРЯКОВ Иван Семенович (? — 28.06[10.07].1848), поэт. Крепостной рязанского помещика, в трупле которого играл с 17 лет. Стихи писал с юных лет. В 1818 *П. П. Свиныи* поместил в «Трудах общества любителей российской словесности» (т. 12) статью «Природный русский стихотворец» и несколько произведений Сибирякова. В судьбе поэта приняли участие *В. А. Жуковский*, *П. А. Вяземский*, *Ф. Н. Глинка*, при помощи которых он в 1820 был выкуплен на волю. Вскоре поступил на петербургскую сцену, однако дебют был неудачен, и Сибирякову пришлось стать суфлером. В 1818—30 опубликовал стихи «А. М. Колосовой», «Эпитафия», «К неверной», отрывок из баллады «Всемила и Милон», басню «Ответ Канарейки», повесть «Оленька, счастливая сирота».

СИЛЛАБИЧЕСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ (греч. — слог), система книжного равносложного («слогочислительного») стиха, существовавшая в России в XVI—XVII вв. и в 1-й трети XVIII в. Все стихи носили тогда общее название *виришей* (или *вершей*); *вириша* — это двустипише, скрепленное *рифмой*. Силлабическими же они стали называться лишь в н. XIX в. Почти все поэты-виришевики XVI—XVII в. были священнослужителями и писали стихи на славянском языке: в результате образовался разрыв между язы-

ком народной поэзии и языком виришевиков. Светские писатели XVII в. (например, кн. *С. Шаховской* и кн. *И. Катырев*) писали вириши на языке, близком к народному. Разница в языке народа и поэтов-силлабистов видна из сопоставления текстов следующих стихов, сочиненных примерно в одно время (ок. 1680):

Пойду я, младенька, погуляю,
Я на свои новые на сени;
Посмотрю-ка я далече в чисто поле,
Хорошо ли в поле луги зеленеют.
Лазоревые цветы расцветают.
Зеленеются в чистом поле луги,
Лазоревые цветы расцветают.

(Песня А. М. Пестова)

Срам честный лице девы вельми украшает,
Егда та ничесоже нелепо держает,
Знамя же срама того знается оттуду,
Аще очес не мешет сюду и онуду.

(Симеон Полоцкий)

Относительно ритмического строения виришей сложились 2 основные точки зрения: одни считают, что, помимо равносложия, неощутимого на слух, рифма («красосогласие») является единственным отличием виришей от прозы; это мнение — самое распространенное вплоть до наших дней. Другие, напр., критик 40-х XIX в. *Н. Надеждин*, полагают, что в основе силлабического стихосложения, помимо равносложия и рифмы, лежит метрическое, т. е. стопное, начало. Многие придерживаются мнения, что форма силлабического стихосложения заимствована из Польши. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство: стихи «Псалтири» Симеона Полоцкого, изданные в 1680, имеют женскую рифму, так же, как и в «Псалтири» польского поэта Я. Кохановского, предшественника Симеона Полоцкого. Однако в стихотворном обращении к царю Федору Алексеевичу Симеон Полоцкий говорит, что церковные псалмы

Тем в инех языцех в метры приведени,
разумети и пети удобь устроени,
Им же аз поревновах, тшахся тож творити,
в славянском диалекте в меру устроити...
...Еже яко первое в метры предложено,
подобаше да будет первому вручено.

Здесь Симеон Полоцкий мотивирует свое намерение переложить псалмы в стихи, считая своим патристическим долгом переложить их на славянский язык метрами. Он прямо говорит о метре, т. е. о стопе, которая в то время называлась «ногой»; об этом имеется свидетельство у поэта XVII—XVIII вв. *Кариона Истомина*. Последний в книге «Полис» описал, как складывали и читали вириши в школах, где писание стихов было обязательным предметом:

Пиитики стихотворство,
Ирмосов, канонов стройство.
Учащие пиитику,
Творят стихи песней клику,
В мере слоги и ногами,
Степеней счет и перстами.

Истомин прямо говорит, что при сложении стихов вслух меру слогов отбивали ногой (отсюда термин — «стопа») и отсчитывали пальцами; ногой отбивали количество «степеней» (стоп), а пальцами — количество слогов, по 2 слога на удар ноги. Такой метод применялся только в школах для на-

чинающих поэтов; опытные же мастера с течением времени приобретали навыки ритмической инерции. Ученый-филолог и первый на Руси теоретик стиха *Мелетий Смотрицкий* в своей «Грамматике славянской» (1618) писал: «Просодия учит метром, или мерою количества стихи слагати».

Т. о., можно предположить, что двусложие было счетной мерой виршевой просодии, причем соблюдение акцента на первом из двух слогов относилось к цезуре и к последнему в стихе рифмованному двусложию; этого требовал самый размер стиха. Равносложие (изосиллабизм) стихов могло быть соблюдено лишь при наличии определенного метрического каркаса, который поддерживает совершенно обязательную манеру речитативного исполнения стихов. Вне метрического речитатива писать такие стихи в большом количестве нельзя. Русские виршевики разработали ок. 10 размеров, которые соответствуют нормам народной просодии. Если возьмем параллельные ряды стихов силлабических и стихов из русской народной поэзии, то мы увидим разительное совпадение и в количестве слогов в стихе, и в клаузулах (окончаниях). Кто кому следовал — виршевики народному стиху или поэты из народа виршевикам? Конечно, естественно первое предположение. Ниже в параллель виршам приводятся народные стихи позднейших записей, в этих стихах сохранилась традиция народной просодии, которая слагалась в течение нескольких веков.

Вот стихи Симеона Полоцкого, написанные в пределах контрольного ряда четырехкратного четырехдольника первого (подчеркнуты слова, подпадающие под ритмическую инверсию); их ритм похож на хореический:

Шестнадцатисложник:

| Витаем тя, | православный | царю, правед|ное солнце, |
| Здавна бо век | прагнули тебе души на|ши и сердце. |

Пятнадцатисложник:

| Витаем тя, | царю, от вос|тока к нам при|шедшего, ^ |
| Белорусский | же от нужды | народ весь сво|бодшего. ^ |

То же и у *А. Кантемира*:

| Не так мила | птице холя | в роскошном пи|тании, ^ |
| Как приятна | своя воля | в свободном ле|тании. ^ |

Этому размеру стихов соответствуют народные стихи (час-тушка):

| Мы с подружкой | дружно жили, | из окна в о|кошечко. ^ |
| Полюбили | одного, по|ссорились не|множечко. ^ |

Силлабический четырнадцатисложник:

Дела Господня Господа	вси благосло	вите, ^^	
пойте Его	во вся веки	и превозно	сите. ^^
Ангелы Гос	подни, Бога	вси благослов	вите, ^^
небеса Гос	пода пойте	и превозно	сите. ^^
(Симеон Полоцкий)

Соответственно в народной поэзии:

| Белолица, | круглолица, красная де|вица, ^^ |
| При дороженьке стояла, | калину ло|мала. ^^ |

Двенадцатисложник состоит из сдвоенного шестидольника:

Да благосло	вит тя		Господь от Си	она
На высоко	честнем		месте царя	фрона.
Да благосло	вит тя		венчанную главу	
На премнога	лета		соблюдать	здраву.
(Симеон Полоцкий)

Соответственно в народной поэзии:

| Как во поле, | поле || в широком раздолье, |
| Стоял тут са|дочек, || не мал, не ве|личек. |

Десятисложник состоит из двух паузированных шестидольников (шестидольник четвертый):

Как | благ яв|люся, | не доум|люся, |
И | в моя | лета, | смерть | без от|вета. |
(К. Истомина)

Соответственно в народной поэзии:

А | жил-был | дурень, ^ a | жил-был бабин. ^
Взду|мал он, | дурень, ^ на | Русь гу|ляти, ^
Людей ви|дати, ^ себя ка|зати. ^

Это тот же размер, которым написаны «Стихи похвальные России» *В. Тредиаковского*:

Нач|ну на флейте ^ сти|хи пе|чальны;
Зря | на Рос|сию ^ чрез | страны | дальны: ^
И|бо все | днесь мне : е|сь доброты ^
Мыслить у|мом есть ^ много о|хоты. ^

Восьмисложник у виршевиков разработан хорошо, он соответствует четырехстопному хорею:

Песни новы составляйте,
Господеви воспевайте...
(Симеон Полоцкий)

Семисложник соответствует усеченному четырехстопному хорею; вот пример из Кантемира:

Не любити тяжело, ^
И любити тяжело, ^
А тяжелее всего ^
Любя любовь не достать. ^

Таковы основные формы метрических стихов русских силлабистов; эти формы родственны строю народного стиха. См. также: *Вирши, Реформа Тредиаковского*.

А. Квятковский

СИЛЛАБО-ТОНИЧЕСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ (греч. — слог и ударение), буквально слогаударное стихосложение, одно из названий системы русского классического стиха, введенной *реформой Тредиаковского—Ломоносова*. Это название утвердилось в русском стиховедении после 1917; первоначально же термин был применен *Н. Надеждиным* (40-е XIX в.), который назвал русский классический стих «силлабически-тоническим».

СИЛЬВЕСТР (ок. 1055—1123), игумен Михайловского Выдубицкого монастыря, составитель 2-й редакции «*Повести временных лет*», с 1118 епископ Переяславля Южного. Родился, вероятно, в Киеве, в 17-летнем возрасте оказался в Киево-Печерском монастыре, где стал учеником *Феодосия*.

Исследователи по-разному определяли вклад Сильвестра в летописание. По мнению одних, игумен связанного с *Владимиром Мономахом* Выдубицкого монастыря переработал летопись начиная с 1093 в интересах Мономаха и включил в нее легенду о посещении Руси ап. Андреем, рассказ Василия об ослеплении кн. Васильяка Тербовольского, др. датировали приписку 1118—23, когда Сильвестр был уже епископом, и считали его только переписчиком текста. Особый подход к авторству Сильвестра и гипотезу о его биографии выдвинул А. Г. Кузьмин. По его мнению, Сильвестру принадлежат многие добавления в тексте «*Повести временных лет*», статьи по истории Киево-Печерского монастыря и т. д.

СИЛЬВЕСТР БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ (в иночестве **Спиридон**) (? — до 1577), духовный писатель.

Родился в Новгороде, где, по собственным словам, занимался подготовкой иконников, каллиграфов, певчих и т. п. В 1546 упоминался как священник кремлевского Благовещенского собора. В 1540—50-е пользовался влиянием при царе *Иване Грозном*. После разрыва Ивана IV с Избранной радой в 1560 Сильвестр, по одним сведениям, был сослан в Соловецкий монастырь. Однако Сильвестр, видимо, добровольно постригся в Кирилло-Белозерском монастыре. В 1577 *А. М. Курбский* в письме к царю назвал Сильвестра умершим. В Кириллов монастырь поступила богатая келейная библиотека Сильвестра, а также посмертные вклады его самого и сына Анфима.

Основное произведение Сильвестра — «*Домострой*», входящий в число энциклопедических сочинений сер. XVI в. Текст состоит из советов по духовному, «мирскому» и «домовному» «строению». Среди источников этого скрупулезного предписания норм поведения человека Древней Руси — «Стословец» Геннадия, *Пролог*, учительные сборники, монастырские уставы. К «Домострою» примыкает Послание сыну Анфиму. Ряд исследователей утверждают, что роль Сильвестра в создании «Домостроя» ограничивалась добавлением Послания сыну. Сильвестру приписывают также послания, содержащиеся в одном из сборников его библиотеки, но не вызывает возражений принадлежность благовещенскому священнику лишь послания наместнику Казани кн. А. Б. Горбатову. Послания Сильвестра показывают его человеком образованным, обнаруживают знакомство с древней историей, Посланием на Угру *Васиана Рыло*.

Существует мнение об участии Сильвестра во введении книгопечатания, составлении *Стоглава*, *Степенной книги* (житие Ольги, написанное Сильвестром на основе *Никоновской летописи*, в переработанном виде вошло в Степенную книгу в качестве вступительной статьи).

Значение Сильвестра для общественной и культурной истории Руси XVI—XIX вв. определяется его причастностью к появлению обобщающих сочинений XVI в. — «Домостроя», Степенной книги.

Соч.: Домострой. М., 1990.

М. О.

СИЛЬВЕСТР МЕДВЕДЕВ (в миру **Медведев Симеон Агафонович**) (27.01.1641—11.02.1691), поэт, писатель, историк, переводчик, педагог, автор проекта первого в России высшего учебного заведения, один из идеологов «латинства». Родился и до 17 лет прожил в Курске. В 1658 переехал в Москву и стал служить в Приказе тайных дел. С 1665 в течение 3 лет учился в школе Заиконоспасского монастыря. Здесь на него обратил внимание *Симеон Полоцкий* и их отношения переросли в крепкую дружбу. Участвовал в дипломатической миссии под руководством российского дипломата А. Л. Ордина-Нащокина. В 1672, после того как Ордин-Нащокин попал в опалу, Медведев скрылся на юге Русского государства в Молчинском монастыре в Путивле. После долгих размышлений и уговоров через 3 года он принял монашеский постриг под именем Сильвестр и поселился в курском Богородицком монастыре. В 1667 приехал в Москву, где в присутствии Симеона Полоцкого встретился с новым царем Федором Алексеевичем и после долгого разговора с ним получил прощение. С тех пор Сильвестр Медведев служил на Печатном дворе «справщиком», т. е. исправлял рукописи и тексты печатных книг.

Вместе с Полоцким создал типографию в Кремле — т. н. «Верхнюю», т. е. дворцовую типографию, неподвластную церковной цензуре. Принимал активное участие в книгоиздательской деятельности, занимался переводами и поэзией. После смерти Симеона Полоцкого в 1680 Сильвестр Медведев стал своего рода лидером «латинского» направления в отечественной религиозно-философской мысли. Исполнял обязанности придворного поэта при дворах царя Федора Алексеевича и царевны Софьи. Современники говорили о нем: «Чернец великого ума и остроты ученой».

В 1682 составил и подписал у царя Федора Алексеевича «Привилею Московской Славяно-греко-латинской академии». Смерть царя помешала решению вопроса. В 1685 переработанный текст «Привилеи» Медведев подал царевне Софье. Но в этот период его начинание вызвало резкий протест со стороны «грекофилов» и официальной Церкви. В 1687 школа Заиконоспасского монастыря, возглавляемая Медведевым, была закрыта. Вместо нее и вместо академии были открыты «эллино-славянские сходы» во главе с прибывшими из Греции братьями Лихудами. Когда в 1682 к власти пришла царевна Софья, Сильвестр Медведев участвовал в подделке решения о передаче ей власти при малолетних царях Иване и Петре. Поэтому после отстранения Софьи в 1689 оказался одним из главных врагов пришедшего к власти царя Петра I. Осенью 1689 Медведева арестовали и расстригли. Более года он провёл в застенках — в колодках и под пытками. 11 февр. 1691 был публично казнен.

Сильвестр Медведев — автор многих стихов, нескольких сочинений на богословские темы: «Книги о манне хлеба животного», «Известие истинное православным...» Автор исторического сочинения «Созерцание лет 7190, 91 и 92, в них же содеяно во гражданстве». Это сочинение посвящено событиям стрелецкого бунта 1682. «Созерцание» — одно из первых в России исторических исследований, которое уже не может считаться летописью. После казни на все сочинения Сильвестра Медведева был наложен строжайший запрет, они были приговорены к уничтожению.

По своим религиозно-философским предпочтениям Сильвестр Медведев был последователем Симеона Полоцкого. Правда, в последние годы А. П. Богданов во многих работах, посвященных Сильвестру Медведеву, настаивает на том, что тот не был «западником», ибо в спорах с «грекофилами» выступал против искажения греками русского Православия. А. П. Богданов более склонен считать Сильвестра Медведева «просветителем». Думается, что нужно согласиться с А. П. Богдановым в том, что Медведев не был «западником», в том смысле, что видел необходимость дальнейшего пути развития России именно по «западным» образцам. В отличие от Полоцкого, Сильвестру Медведеву были близки и традиционное русское понимание православного учения, и события русской истории. И, может быть, именно в его творчестве в большей степени, нежели в творчестве Симеона Полоцкого, выразилась объективная потребность освоения русской религиозно-философской мыслью нового для нее опыта рационалистического мышления.

Однако по своим методологическим установкам, которые базировались на «рационалистической методе», Сильвестр Медведев был продолжателем именно линии Симеона Полоцкого. Недаром даже в эпитафии Полоцкому, Сильвестр Медведев постоянно говорит о «пользе», которую приносил России своей деятельностью Симеон:

Обаче и сего смерть от нас похитила,
Церковь и царство пользы велія лишила, —
Его же пользы людие лишены...

Сильвестр Медведев целенаправленно и последовательно отстаивал необходимость рационального знания и самого широкого образования, прежде всего светского. В стихотворном «Вручение привилегии на Академию царевне Софье» он писал:

Три благодати действием наполняет:
Ум умудряет, что есть благо знати,
Волю же движет благаго желати,
А память нудит, еже совершити
Дело благое, дабы ползи быти.

А сравнивая царевну Софью с вел. кн. Ольгой, он восклицал:

Тако и ты свет наук явити
Хощешь России, и в небе во век жити...

И понос от нас хощещи отъяти,
Яко Россия не весть наук знати.
Егда же от тя тою просветится,
Вся вселенная о том удивится

Учение и образование он считал самым главным для человека:

Без души убо живу кому быти:
Тако разумну бытъ без учения
И без прилежна всем попечения.

Особенно ярко эти его воззрения проявились в ходе спора с «грекофилами» в 80-е XVII в., в котором приняли участие и русские мыслители, и приехавшие в Россию греки, особенно братья Лихуды. Спор, развернувшийся вокруг проблемы «пресуществления Святых Даров» в таинстве евхаристии, очень сложен для толкования. Еще в прошлом веке А. А. Прозоровский обратил внимание на то, что «Русская церковь до приезда Лихудов держалась и отстаивала отчасти латинское мнение о времени пресуществления св. даров в таинстве евхаристии». Кстати, как установил тот же А. А. Прозоровский, «в Москве оно едва ли не впервые открыто было высказано С. Полоцким в “Жезле правления” (1666) и не вызвало тогда никакого возражения».

Так что, по сути дела, Сильвестр Медведев отстаивал мнение, с самого начала существовавшее в Русской церкви. Однако на православном Востоке уже издавна сложилась иная трактовка вопроса о пресуществлении Святых Даров. И в ходе унификации церковной обрядности, проходившей в России, это мнение стало позицией официальной Церкви. Именно его и высказали публично братья Лихуды, написавшие в 1687 книгу с опровержением «латинских» (южно-русских и польских) книг по данному вопросу. Именно это мнение отстаивал инок *Евфимий Чудовский* и патр. *Иоаким*. В ответ Сильвестр написал «Книгу о манне хлеба животнаго», в которой опроверг это мнение, а затем развил свою позицию в книге «Известие истинное православным...»

В этих книгах Сильвестр доказывал, что Русской православной церкви, уже более 700 лет просвященной Святым Крещением, нет никакого смысла учиться у приезжающих с Востока греков, которые и сами-то несведущи в богословских вопросах. Так о братьях Лихудах Медведев с возмущением писал: «Яко они люди ученые, а мы люди неученые, и того ради нам неученым подобает Бога за се благодарити, еже нам благоволил оных, акинский свет, на просвещение нашего неразумия прислати, и их ученых людей весьма почитати, и во всем... слушати, и им нимало

в чем противления являти...» И далее: «Ныне, увы! Нашему такому неразумию вся вселенная смеется... и сами тии нововыезжие греки смеются и глаголют: Русь глупая, ничтоже сведущая!»

В данном случае опять же важнее обратить внимание на разные методологические подходы спорящих сторон. Как можно заметить, Медведев ставил вопрос не просто о богословской проблеме, а о степени учености спорящих сторон. Следовательно, по мнению Сильвестра Медведева, истинность в споре определяет не просто верность догмату, но и способность логического, рационального доказательства истинности своего мнения. Именно слабость аргументации «грекофилов» Медведев считал свидетельством неверности их мнения. Т. о., спор из области богословия, основанного обычно на догматах, выходил в совершенно иную область — Медведев писал о способности человеческого разума познавать мир и, соответственно, критерием истины становилась степень подготовленности и аргументации участника спора.

В основу своих доказательств Сильвестр Медведев положил проведенный им подробный анализ изданных греками книг, основанный на рациональном методе. В своих рассуждениях он доказывал, что для новоизданных русских богослужебных книг использовались книги, изданные в католических государствах, которые были «со старыми греческими книгами несогласны». Книги Сильвестра Медведева по этим вопросам представляют собой образчик исторической критики и переводческой деятельности.

Сам же он отстаивает именно «рационалистическую методику», в его книгах везде встречаются выражения типа: «зде убо правый разум стоит тако...», «зде правовернии, разум грамматичный известно ведущий». А своих оппонентов он укоряет как раз в непонимании значения логики и рационального знания. Так, Евфимия Чудовского Медведев обвиняет не только в презрении к «силлогизмам», но и в обычном невежестве: «Человек неученый, не точию силлогизмы добре весть, им же не учился, но и грамматики совершенно не точию греческия, но и словенския не разумет, точию нечто греческих речений памяствует».

Кстати, еще более резко отзывался Сильвестр Медведев о «неучености» старообрядцев. В книге «Созерцание лет 7190, 91 и 92, в них же содеяся во гражданстве», описывая знаменитые прения со старообрядцами в присутствии царевны Софьи, он так характеризовал старообрядцев: «Злобнии глупцы, безумные прести учителя, в себе мятушися, ничтоже глаголюще... Сия безчинныя кличи глупых мужиков, буест же, и невежество, и нечинное стояние пред царским величеством, и презрение...» Правда, в данном случае, кроме резких выражений, Медведев не приводит никаких других «разумных» доводов.

Сама же книга «Созерцание лет 7190, 91 и 92, в них же содеяся во гражданстве» является одним из первых в России историческим исследованием, которое уже не может считаться летописью, что, в совокупности с анализом др. исторических сочинений этого периода, позволяет сделать очень важный вывод о том, что в последней четв. XVII в. «успешно осуществлялся переход от летописания и других традиционных форм историографии к историческому исследованию». Этот факт также доказывает стремление Медведева применять «рациональную методику» во всех формах своей творческой деятельности.

Но не стоит считать, что Сильвестр Медведев уповал лишь на силу человеческого разума. Конечно же, он не

был «рационалистом» в том понимании, какое этому понятию придавали позднее в XVIII столетии, когда рационализм уже противостоял вере. Нет, он считал, что рациональные доводы должны лишь дополнять веру, доказывать ее истинность, видел ограниченность рационального знания, если оно не основано на крепкой вере. Недаром он восклицал: «О яко же некрепка вера, юже силлогизмы и человеческие доводы едва на всякий день разсуждают и новая установливают!..»

Рационалистические методы изучения богословских вопросов, которые отстаивал Сильвестр Медведев, вызвали резкий протест «грекофилов», посчитавших подобную «методу» не только вредной, но и еретической. Обвинения в еретичестве, постоянно преследующие Медведева в последние годы жизни, сыграли немалую роль и в окончательном решении его судьбы, окончившейся столь трагично.

Лит.: Новиков Н. И. Древняя Российская вивлиофика. Ч. 6. СПб., 1773; Ч. 18. 1775; Ч. 14. 1790; *Прозоровский А. А.* Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет 7190, 7191 и 7192» // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). 1894. Кн. 4; Письма Сильвестра Медведева / Сообщ. С. Н. Браиловского. СПб., 1901; *Дурново Н. Н.* «Приветство брачное» Сильвестра Медведева // Известия по отделению русского языка и словесности. Т. 2. Кн. 2. СПб., 1904; *Он же.* Сильвестр Медведев. «Приветство брачное, поднесенное царю Федору Алексеевичу 18 февр. 1682». Харьков. 1912; Медведев Сильвестр. Известие истинное... / Изд. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1885. Кн. 4: Русская силлабическая поэзия XVII—XXIII вв. / Вступ. ст., подг. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970; *Панченко А. М.* Придворные вирши 80-х XVII столетия // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (ТОДРЛ). 1965. Т. 21; *Он же.* Декламация Сильвестра Медведева на тему страстей Христовых // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972; *Он же.* Материалы по древнерусской поэзии. I, III // ТОДРЛ. 1974. Т. 28; *Богданов А. П.* Сильвестр Медведева панегирик царевне Софье 1682 // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1982. Л., 1984; *Козловский И.* Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в XVII в. Киев, 1895; *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев: Его жизнь и деятельность. М., 1896; *Браиловский С.* Отношения чудовского инока Евфимия к Симеону Полоцкому и Сильвестру Медведеву. Страничка из истории просвещения в XVII столетии // Русский филолог. Вестник. Т. 22. Варшава. 1889; История русской литературы. В 10 т. Т. 2. М.; Л., 1947; *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973.

С. Перевезенцев

СИМАКОВ Василий Иванович (2[14].08.1879—17.08.1955), фольклорист, филолог-самоучка. Родился в д. Челагино, Кашинского у. Тверской губ. Из крестьян. В школе учился одну зиму. С 10 лет «в людях». Печататься начал в 1899. За статью «Голос из деревни» 2 года (1909—11) провел в ссылке. Увлёкся собиранием песен, народного словаря, *лубочной литературы*. Его «Сборник деревенских частушек» (1913) стал вехой в публикации произведений частушечного жанра. Подготовил и др. издания народно-поэтического творчества, а также массовых песенников, включавших песни и литературного происхождения. Автор «корреспонденций» о бытовании фольклора, воспоминаний о С. Д. Дрожжине.

Соч.: Деревенские песни-частушки. 3-е изд. Вып. 1—12. Ярославль, 1915; Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913; Стенька Разин и княжна. Песенник. СПб., 1914; Новейшие деревенские частушки. Ярославль, 1915; Лучинушка. Песенник. Рязань, 1927; Сборник двустроичных частушек (страданий). М., 1928; Народные песни, их составители и их варианты. М., 1929; Московские встречи // Памяти С. Д. Дрожжина. Калинин, 1951.

СИМВОЛИЗМ, литературное течение к. XIX — н. XX в., ориентировавшееся на религиозную философию, взгляд на творчество как на культово-обрядовый акт, искусство — интуитивное постижение мира; выдвижение музыкальной стихии как праросновы мира и искусства; внимание к аналогиям и «соответствиям» в поисках мирового единства; обращение к классическим произведениям античности и средневековья.

Русские поэты смотрели на символизм как на средство создания нового типа художественного мышления, который строится на воспроизведении мира явлений не в его материальной данности, а в виде означенности некоей многозначительной идеи, находящейся за пределами чувственного восприятия. Роль выразителя скрытых реальностей отводилась при этом символу, с которым связывалось предствление о смысловой текучести, потенциальной многозначности художественного образа. Категория символа, давшая название всему течению, утвердилась в поэтике русского символизма в результате абсолютизации одной из особенностей художественного творчества вообще. Она оказалась удобной для выражения идеи многозначности мира, — в ее гетевском выражении, противостоящем аллегории («...все преходящее есть только символ», «Фауст», ч. II). Символ есть выражение «безграничной стороны мысли», утверждал *Д. Мережковский*. «Символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иерархическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине» (*Иванов Вяч.* По звездам. СПб., 1909). «Для высокого искусства образ предметного мира — только окно в бесконечность», — писал *Ф. Сологуб*. Именно поэтому «в высоком искусстве образы стремятся стать символами, т. е. стремятся к тому, чтобы вместить в себя многозначительное содержание».

Оформление русского символизма в самостоятельное течение происходит лишь в к. 90-х гг. обр. благодаря *В. Брюсову*, выпустившему в 1894—95 3 сборника «Русские символисты», в которых большинство стихов принадлежало ему самому. Одновременно появилась литература о европейском символизме, а также переводы зарубежных «новых поэтов».

Уже в н. XX в. широкий размах приобретают оригинальные опыты в собственно символическом роде (Мережковского, *Бальмонта*, Сологуба, Брюсова, *Гиннцус*, Коневского и др.). Стихи некоторых поэтов старшего поколения — *К. Случевского*, *Вл. Соловьева*, *К. Феофанова*, как и многие мотивы поэзии *Ан. Григорьева*, *К. Павловой*, создаются как «предсимволистские». Особым вниманием пользуются у символистов *М. Ю. Лермонтов*, *Ф. И. Тютчев*, *Ф. М. Достоевский*; их воспринимают как прямых предшественников. Развертывается переводческая деятельность символистов, причем переводимые ими произведения — от древних (Гомер, Еврипид и др.) до новых (Э. По, Шелли, Ф. Ницше и др.) и новейших (Г. Ибсен, М. Метерлинк и др.) — также получают оттенок предвестия символизма.

В н. XX в. ряды символистов пополнили «младшие поэты» («третья волна» движения) — *А. Блок*, *А. Белый*, *С. Соловьев* и др. С первыми сборниками выступают *И. Анненский*, *Вяч. Иванов*. Символизм все шире завоевывает читательскую аудиторию, его эстетика существенно обновляется; возрастает значимость этического начала искусства, поднимается вопрос об общественном назначении и роли

художника. Провозглашается, что искусство должно быть «служением» (Блок), средством полного «преображения» личности, а через нее — строя жизни (Белый), что художник ответствен за общественное зло (Анненский). Тогда же возникают новые организационные центры символизма: издательства «Скорпион» (с альманахом «Северные цветы») и «Гриф», журналы «Весы» и «Золотое руно»; широко печатают символистов журнал «Мир искусства». Группа Мережковского объединилась вокруг журнала «Новый путь» (1903—04) и Религиозно-философских собраний (с 1901); исключительная сосредоточенность на религиозных проблемах привела ее к обособлению от основного ядра школы. Но и внутри этого ядра единства не было: «Весы» нападали на «Золотое руно», Белый осуждал Блока и т. д.

К 1910 складываются и все основные концепции русского символизма. Для Брюсова символизм есть средство создания подлинного искусства, в котором найдут примирение извечно враждующие начала «пользы» и «красоты», т. е. «гражданское» и «чистое» направления; для Бальмонта символизм — средство постижения таинственных глубин души человека, которые, как он считает, остались недоступны литературе XIX в.; в статьях Вяч. Иванова символизм интерпретируется как универсальный путь преодоления разрыва между художником и народом («рапсодом» и «толпой»); Сологубу символизм открывает пути преобразования «низкой» действительности, создания мифа («сладостной легенды»); Блок связывает с символизмом надежды на воспроизведение драматизма эпохи и трагической противоречивости строя современного человека; Белый видит в нем основу культуры будущего и средство полного преобразования личности и т. д.

Начало последнему и наиболее значительному периоду в истории русского символизма положили события смуты 1905—07. Появляется роман Сологуба «Мелкий бес»; на материале смуты 1905—07 Белый создает свои важнейшие произведения — «Пепел», «Серебряный голубь», «Петербург», углубляются представления об эпохе, что находит выражение в усложнении образно-поэтической системы. Вместе с тем обостряются глубокие расхождения, которые приводят к тому, что как единое течение и школа творчества символизм перестает существовать. Некоторые символисты усматривают в трагических событиях 1917 реализацию своих ранних предчувствий, которые теряют теперь эсхатологическую окраску и прочно сливаются с мыслью о смене всего «старого» — культуры, форм быта, даже «человеческой природы» (Блок). В наиболее значительных произведениях Блока, Белого, Брюсова, Вяч. Иванова создается концепция, в которой современность интерпретируется как завершение большого периода в истории России, начавшегося Петровскими реформами. Заново осмысливается русская история, широко возрождается тема «Медного всадника», имп. Петра I и Петербурга («Возмездие» Блока и особенно «Петербург» Белого). На себя символисты смотрят как на последних носителей «старой» культуры («Аттила» Вяч. Иванова, «Грядущие гунны» Брюсова). Трагически и благословляюще звучит тема Родины, России, ее мирового призвания. Нагнетание новой тематики делает дальнейшие совместные выступления символистов невозможными. Закрываются «Весы» и «Золотое руно» (1909). Символизм вступает в период кризиса. Оценка кризису дана была в ходе полемики 1910. Главным пунктом расхождений стал вопрос о том, должен ли быть символизм только искусством или также «делом» («пророчеством», «предзнаменованием»). Если Вяч. Иванов, Блок, Белый

видели причину распада школы в отказе от «проповедничества», «служения» (Блок: «были “пророками”, захотели стать “поэтами”»), то Брюсов настаивал на том, что символизм должен быть «только искусством». Отдельные достижения художников, по-прежнему относимых критикой к символизму, являются теперь уже следствием индивидуальных творческих устремлений.

Открытия русских символистов в поэтике, как и героико-трагическое восприятие социальных и духовных коллизий, вошли живым и влиятельным наследием в поэзию XX в. Творчество символистов возродило и утвердило господство в поэзии лирического начала, которое становится «внутренним фоном» и в эпических жанрах. Широко подхватываются и ритмическая реорганизация стиха с выдвиганием музыкальной стороны, и новые жанровые формобразования символистов: лирическая поэма, цикл стихотворений с сюжетно простигающей личностью — «фигурой» поэта. Даже противники символизма (в т. ч. акмеисты) широко использовали позже и символическую манеру, и смысловую полифонию (напр., Н. Гумилев в «Поэме начала», А. Ахматова в «Поэме без героя»).

Соч.: Брюсов В. Дневники 1891—1910. М., 1927; Он же. Свобода слова // Весы. 1905. № 11; Блок А. Дневник 1901—1902 // Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М.; Л., 1963; Мережковский Д. Вечные спутники. СПб., 1897; Бальмонт К. Горные вершины: Сб. статей. Кн. 1. М., 1904; Анненский И. Книга отражений. Кн. 1. СПб., 1906; Белый А. Луг зеленый: Книга статей. М., 1911; Он же. Символизм. М., 1910; Он же. Арабески: Книга статей. М., 1911.

Л. Д.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ (в миру **Петровский-Ситнянович Самуил Гаврилович**) (1629—25.08.1680), поэт, переводчик, драматург и богослов. Уроженец Полоцка, белорус по происхождению. Учился в *Киево-Могиланской академии*. Первые стихотворения написал в годы учебы. В 1656 принял

монашеский постриг под именем Симоон. В 1664 навсегда переехал в Москву, где к его монашескому имени и добавилось прозвание Полоцкий. В Москве получил поддержку царя *Алексея Михайловича*, при дворе которого он признавался как мудрейший «философ», «вития» и «пиит».

Пользуясь благосклонностью царя, Симоон Полоцкий развернул в Москве широкую просветительскую деятельность — преподавал в Богоя-

ленской и Заиконоспасской братских школах, открыл в Кремле типографию, свободную от церковной цензуры, в которой в большом количестве издавал свои книги стихов, учебную и богословскую литературу. Позднее, по поручению царя, Симоон Полоцкий занимался воспитанием и образованием царских детей — Федора и Софьи. Кроме того, он возглавлял созданную при Приказе тайных дел первую в России школу нового типа, где обучал латинскому языку государственных чиновников — будущих дипломатов. Он же разработал проект организации в Москве

высшей школы, который позднее был положен в основу создания будущей *Славяно-греко-латинской академии*.

Уже в первые годы пребывания в России Симеон Полоцкий принял самое активное участие в проведении церковной реформы и в борьбе со старообрядчеством. Его перу принадлежит несколько книг против старообрядцев. Так, после соборов 1666—67 он написал книгу «Жезл правления» с обличениями старообрядчества. Книга имела большое значение в полемике со старообрядчеством. Впрочем, исследователи еще в прошлом столетии отметили, что в ряде случаев аргументация Полоцкого, и каноническая, и историческая, достаточно слаба. Ему не хватало серьезной исторической подготовки, а свои доказательства он часто строил только на авторитете западных историков или же на собственном филологическом анализе.

Интересна и еще одна мысль Полоцкого в «Жезле правления», когда, доказывая необходимость троеперстия, Симеон Полоцкий пишет о том, что троеперстное знамение употребляется всеми православными народами, за исключением небольшого числа великоруссов, и именно этот факт как нельзя лучше говорит в пользу апостольской древности троеперстия. В данном случае важно то, что Полоцкий искренне считает традиционные обычаи Русской церкви заблуждением, а правила Греческой православной церкви — истиной, ведь он был воспитан именно в этой традиции. Здесь очень четко проявляется само отношение Симеона Полоцкого к собственно русским традициям, которые были от него очень далеки и, по большому счету, малочисленны. Такое же отношение было у него и к русской истории. В свое время Л. Н. Пушкарев отметил, что в «Вертограде духовном» Полоцкий не упоминает ни одного русского царя, кроме кн. Владимира, крестившего Русь. Видимо, собственно русская история Полоцкого просто не интересовала.

Творческое наследие Симеона Полоцкого обширно: книги проповедей «Обед душевный» и «Вечера душевная», богословский труд «Венец веры православно-католической», сохранившиеся в рукописях книги «Рифмологион» и «Вертоград многоцветный», включающие не одну тысячу стихов.

После смерти многие его книги были запрещены, как «прельщающие» латинской мудростью, а рукописи изъяты и скрыты в патриаршей ризнице. Патр. Иоаким осудил Симеона Полоцкого, как человека «мудрствоваше латинская нововы мышления». А о самих книгах, издаваемых Симеоном, патр. Иоаким говорил: «Мы прежде печатного издания не видали и не читали тех книг, а печатать их не только благословения, но и изволения нашего не было».

Религиозно-философские предпочтения Симеона Полоцкого определялись его образованием, полученным в прозападных учебных заведениях Киева и Вильно. Впрочем, сам Симеон Полоцкий не был, так сказать, профессиональным философом, скорее он был профессиональным литератором и поэтом. Уверенный в том, что Россия должна избавиться от своей самобытности, он всю свою деятельность посвятил тому, чтобы распространить здесь идеи западноевропейского гуманизма и рационализма. И прежде всего он пропагандировал светскую науку, столь отрицаемую ранее в древнерусской мысли.

Конечно, будучи монахом, Симеон Полоцкий признавал, что светская наука и, в первую очередь, философия, вторична по отношению к богословию. В «Вертограде многоцветном» он писал:

Философии конец: тако людям жити,
Еже бы по-силному Богу точным быти.

Более того, немало трудов он посвятил тому, чтобы утвердить в российском религиозно-философском сознании истинное, как ему казалось, православное вероучение. Однако сами подходы к толкованию православного вероучения Симеоном Полоцким значительно отличались и от традиционных для России, и даже от тех, что пришли с нововведениями, которые были привнесены в русскую жизнь церковной реформой. Поэтому совсем не случайно то идейное направление, которое поддерживал и развивал Симеон Полоцкий, и получило название «латинства». На примере творчества Симеона Полоцкого можно выделить основные компоненты этого направления.

Прежде всего, разделяя веру и рациональное, «разумное» знание, Симеон Полоцкий все же всегда подчеркивал, что светское, рациональное знание — это обязательная составляющая всякого познания. Он вообще всегда подчеркивал значение «разумности», призывая и своих читателей шествовать путем «разумения»:

Ты же, о читателю, изволь чести умно,
Разум, удобь возмещи, внимая разумно,
Употребляй... тогда полза будет...

«Разумное» знание, «разумная полза» всякого дела — вот к чему призывал Симеон Полоцкий. Рассуждая о философии, он прежде всего говорит о ее «ползе». Так, знаменитым философам прошлого, Фалесу Милетскому, Диогену, Аристиппу в его стихах в разных вариантах задают один и тот же вопрос: «Кая в философии полза, человеце?» А в строках, восхваляющих разум, он прямо отрицает предыдущую традицию, утверждая, что те, кто не пользуются своим разумом, «иже умом дети»:

Разум есть прешедшая добре рассуждати,
настоящая паки благоустроить,
Еще предвидение будущих имети, —
сих делес не творяют, иже умом дети.

Именно в «безумности», т. е. в отсутствии разума, обличал он сторонников старообрядчества, что они просто необразованные, «безумные» люди. «Безумию их каждый посмеется», — уверяет он в книге «Жезл правления». Кстати, и опровержения старообрядческих взглядов Симеон Полоцкий строил прежде всего на том, что стремился показать не только отсутствие у них знания, но и элементарную неграмотность. Так, про известного старообрядческого полемиста Никиту Пустосвята он писал: «Чрез все житие вое в ноши невежества слепствовал... Не весть он и алфа гречески чести». А др. старообрядческому писателю, Лазарю, говорил: «Иди прежде научиса грамматичествовати, таже к вящшым хитростем учения».

Обвинения Симеона Полоцкого вовсе не означают, что идеологи старообрядчества и в самом деле были неграмотны и необразованны. Они не имели образования в понимании самого Симеона, т. е. не были образованны на западноевропейский лад. Более того, видимо, Симеон Полоцкий вполне искренне не понимал и не принимал той системы доказательств, которой пользовались старообрядцы, — слишком далеки от него были древнерусские традиции. В отличие от них, для Симеона Полоцкого было аксиомой — истинное познание Бога возможно только путем сочетания веры и разумного знания.

Поэтому уже один тезис о «разумности», по сути дела, главный тезис Симеона Полоцкого, показывает, насколько его религиозно-философские воззрения были отличны от традиционных древнерусских представлений о соотношении веры и разума. Впрочем, отличались они

и от греческой догматики. Ведь впервые в истории русской религиозно-философской мысли Симеон Полоцкий внес в нее самый значительный элемент рационализма. Даже к библейским текстам Симеон Полоцкий относился совсем по-новому. Так, по примеру польского поэта эпохи Возрождения Яна Кохановского, и впервые в русской литературе, он переложил современными стихами одну из библейских книг — Псалтирь. «Псалтирь рифмованная» была напечатана в 1680, а в 1685 положена на музыку дьяком Василием Титовым.

Сам факт поэтического перевода библейского текста — небывалый в истории России, где очень трепетно относились к Священному Писанию. Ведь в этом факте явно прослеживается стремление к рационально-критическому восприятию Библии. Уже в предисловии к «Псалтири рифмованной» Симеон Полоцкий обозначает этот новый методологический принцип, предназначенный свое сочинение тем, «кто разумно хвалит Господа», а читателей он призывает: «Молю тя, здравым умом да судиша». Сам же перевод осуществлялся, по словам Полоцкого, по принципу: «Держахася словес псалтирных и разума толкования приличнаго».

Интересен в этом смысле факт, что именно Псалтирь стала предметом первого поэтического перевода. Стоит напомнить, что Псалтирь была и одним из самых первых библейских текстов, переведенных в древности на славянский язык. Так что история повторилась, только в др. исторических условиях.

Т. о., Симеон Полоцкий стал первым в истории древнерусской религиозно-философской мысли деятелем, который стремился утвердить в древнерусском сознании совершенно иную, новую, систему мышления — рационалистическую.

Именно поэтому в его трудах можно найти столь много ссылок на древнегреческих и западноевропейских философов, цитат из их произведений. Авторитет этих признанных во всем мире мудрецов позволял ему доказывать собственную правоту.

Вторая составляющая «латинства», как идейного направления 2-й пол. XVII в., напрямую связана с первой. Речь идет о пропаганде образования вообще и светского образования в частности. Уже говорилось, сколь много сделал Симеон Полоцкий для развития системы образования в России. К этому стоит добавить подготовленные и изданные им буквари и др. просветительскую литературу. Множество призывов о необходимости образования разбросаны по разным его сочинениям. И снова мы встречаемся с главным обоснованием необходимости образования — чем образованнее человек, тем ближе стоит он к постижению Бога.

Особую роль в образовании Симеон Полоцкий уделял «семи свободным наукам» — традиционному набору наук, преподаваемых в западноевропейских университетах (тривиум — грамматика, риторика, диалектика; квадриум — арифметика, геометрия, астрология, музыка). Необходимо помнить, что в древнерусской традиции не признавалось актуальность этого набора, тем более что в него входила астрология, запрещаемая Православием. Тем не менее Симеон Полоцкий положил много сил для того, чтобы привить эти «свободные науки» на русской почве.

И славу России он видел именно в расширении пределов знания, в развитии образования, сокрушаясь о том, что многие его современники не понимают его устремлений:

...Россия славу расширяет
Не мечем токмо, но и скоротечным
типом, чрез книги с сущим многовечным.
Но увы нравов! Иже истребляют,

яже честным трудове раждают.
Не хошем с солнцем мирови сияти,
в тме незнания любим пребывати.

Третий религиозно-философский компонент «латинства» является своеобразным синтезом двух первых. Вера, «разумность» и образованность позволяли решить главную задачу — воспитание «совершенного человека, на всякое дело уготованного». По сути дела, идеал «совершенного человека», возникший у Симеона Полоцкого под влиянием западноевропейского гуманизма и рационализма, и был основным идеалом всех последователей «латинства».

В представлении Симеона Полоцкого, «совершенный человек» — это добропорядочный, широко образованный христианин и верный сын своего государя. Больше этого идеалу соответствует, конечно, «иноческое житие». Однако, понимая исключительность иноческой судьбы, Симеон Полоцкий подчеркивает важность самого стремления к совершенству: «Духовнии вси, вы молитися непрестанно. Мирстии вси, вы трудитесь... во своем звании неленосно. Вои в полцех, художницы во градах и селех; тяжателие на нивах»

В понимании Симеона Полоцкого, «совершенный человек» включает в себя множество прежде всего нравственных качеств. Именно нравственные качества составляют духовную основу человека. Поэтому детей необходимо учить «прежде добронравию, неже витийству: яко сие без оного, аки тело без души есть». Но и обучение «добронравию» Симеон Полоцкий понимал как научение ребенка «разумному» знанию, ибо, как говорил он сам, воспитание без образования «яко душа телесе кроме».

Одним из важнейших качеств «совершенного человека» Симеон Полоцкий считал любовь и верность государю. Это было неслучайно, ведь сам Симеон, обладавший столь необычными для Древней Руси религиозно-философскими убеждениями, да еще и выходец из Белоруссии, напрямую зависел от благорасположенности царя. И недаром в «букваре языка славенска» издания 1667 обобщенный образ «совершенного человека» приобретает конкретные черты верноподданного царя. В этой книге утверждается, что благополучие царя является главной целью существования остальных членов общества:

Ты, чтый, за сию милость моли Бога
царю пресветлу жити лета многа,
Во книзе жизни написану быти,
здро, весело, славно в мире жити,
Вся супостаты силно победити...

И в своих конкретных поступках Симеон Полоцкий всегда выступал на стороне царской власти и в ее защиту, что проявилось во время споров между царем Алексеем Михайловичем и патр. Никоном о правах «царства» и «священства».

В понимании Симеоном Полоцким роли российского монарха прослеживается еще одна важная черта — он стремится обозначить русского царя как вселенского, ибо именно в создании вселенского православного царства он и видит главную задачу России как «Нового Израиля», в новых исторических условиях. В «Гусли доброгласной» (1676), обращаясь к царю Федору Алексеевичу, он писал:

Да возвеселится Израиль Новый
(царство Российское) о сотворшем
его и синове Сиона Московскаго да
возрадуются о тебе, царе своем.

В др. сочинениях его идеал выражен еще более четко. Так, в «Рифмологионе» он не просто воспеваеt российско-го царя, но формулирует смысловые и целевые установки будущего развития России:

Царю восточный, царю стран премногих,
нас избавивый от противник многих.
Прогнав з Руси еретики,
будиж в победах преславен во веки!
Царствуй над всеми вселенныя страны,
из язык мрачных твори христианы.
Разшири веру, свет омрачным буди,
иже во смертней сени гибнут люди
<...>
Царствуй, пресилен, преславен повсюду,
где солнца запад и встает откуда!
Подай ти Господь во мире сияти,
второму солнцу, всеми обладати,
Дабы тобою мрака избежати
всем родом земли и веру познати.
Буди Константин и Владимир миру,
сотри кумира и прослави веру.
Подай Господь миром обладати,
а в век будущий в небе царствовати.

Осмысление нового положения России в мире как вселенского православного царства имело большое значение для развития отечественной историософии и было созвучно основным целевым задачам, которые формулировались в др. историософских произведениях того времени.

Просветительская деятельность Симеона Полоцкого оказала большое влияние на дальнейшее развитие отечественной религиозно-философской мысли, став своеобразной идеологической и культурологической подготовкой ко многим изменениям в российской жизни, осуществленным позднее Петром I.

Соч.: *Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.* Л., 1935; *Избр. соч. / Подг. текста, ст. и комм. П. И. Еремина.* М.; Л., 1953; *Русская силлабическая поэзия XVII—XXII вв. / Вступ. ст., подг. текста и прим. А. М. Панченко.* Л., 1970; *Вирши / Сост., подг. текстов, вступ. ст. и комм. В. К. Былинкина, Л. У. Звонаревой.* Минск, 1990.

Лит.: *Татарский И.* Симеон Полоцкий: Его жизнь и деятельность. М., 1886; *Майков Л. Н.* Очерки по истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889; *Еремин И. П.* Поэтический стиль Симеона Полоцкого // *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы.* (ТОДРЛ). 1948. Т. 6; То же // *Еремин И. П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987; *Пушкарёв Л.* Симеон Полоцкий // *Жуков Д., Пушкарёв Л.* Русские писатели XVII в. М., 1972. (Сер. «ЖЗЛ»); *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973; *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974; Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. (Сер. «Русская старопечатная литература. XVI — I-я четв. XVIII в.»).

С. Перевезенцев

СИМОН (? — 1226), епископ, один из авторов *Киево-Печерского патерика*.

Сведения о жизни Симона содержатся в переписке Симона и *Поликарпа*, послужившей основой *Киево-Печерского патерика*. Симон родился ок. 1166. Первоначально был монахом Киево-Печерского монастыря, потом стал игуменом Рождественского монастыря во Владимире и духовником вел. княгини, жены Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. С 1214 с перерывами Симон — епископ Суздалья и Владимира. При Симоне возводятся соборные храмы во Владимире и Суздале

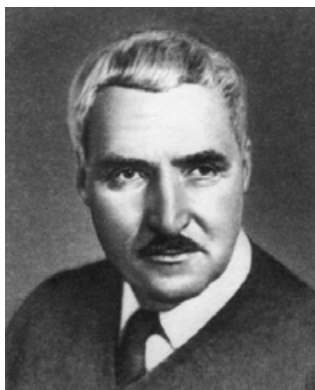
«в чин и подобие» Успенской церкви Киево-Печерского монастыря. Собор Рождества Богородицы в Суздале, хотя и в перестроенном виде, сохранился до наших дней и является замечательным памятником Владимиро-Суздальского зодчества. Интерес и внимание Симона к церковному зодчеству отразились и в написанном им «Слове о создании церкви Печерской», где он рассказывает о возведении *Владимиром Мономахом* соборов в честь Богородицы в Суздале и Ростове. Н. Н. Воронин доказал, что это сообщение частично вымышленно, т. к. в Ростове собор времен Мономаха был, очевидно, деревянным, а Рождественский собор в Суздале лишь отчасти напоминал архитектурным обликом Печерский. Желание Симона прославить зодчество Северо-Восточной Руси и связать его с Киево-Печерской традицией сказалось в этом сообщении. Датировку литературных произведений исследователи связывают также со строительством в Суздале и сообщениями Симона о нем. Так, «Слово о создании церкви Печерской» могло быть составлено не ранее 1222, когда, по словам Симона, «распадошася церковь в Суздале», а Послание Симона — не ранее 1225, когда он упоминает об освящении новой церкви; произведения написаны не позднее 1226, когда Симон умер.

В своем литературном труде Симон обращался к патерикам Скитскому и Синайскому, к «*Житию Феодосия Печерского*» *Нестора*, к не дошедшему до нас житию Антония. Однако основными источниками для Симона были монастырские предания и легенды, воспоминания очевидцев, на которые Симон часто ссылается.

Изд.: *Поп Р.* Древнейший отрывок Послания Симона к Поликарпу // *Труды отд. древнерусской литературы.* 1969. Т. 24; *Киево-Печерский патерик / Подг. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980.*

О. А.

СИМОНОВ Константин (Кирилл) Михайлович (15[28].11.1915—28.08.1979), писатель. Родился в Петрограде. Окончил Литературный институт (1938). Печатался с 1934. Ощущение надвигающейся войны реализовалось в поэмах «Победитель» (1937), «Ледовое побоище» (1938), «Суворов» (1939). В

предвоенные годы формируется основная тема Симонова — тема мужества и героизма, носителями которого являются люди, душевно причастные к бурным событиям своей эпохи (пьесы «История одной любви», 1940, «Парень из нашего города», 1941, Сталинская премия 1942, одноименный фильм 1942). В годы Великой Отечественной войны на фронте (корреспондент газеты «Красная Звезда»).

Одним из первых обратил к теме русского человека на войне (пьеса «Русские люди», 1942, Сталинская премия 1943; повесть «Дни и ночи», 1943—44, Сталинская премия 1946, одноименный фильм 1945). Широкую популярность приобрела в годы войны лирика Симонова («Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», «Жди меня», «Убей его!» и др., стихи из сборников «С тобой и без тебя», 1942, «Война», 1944, и др.), где мотивы патриотизма, мужества и героики соединены с мотивами фронто-

вой дружбы, любви, верности. Период «холодной войны» отразился в творчестве Симонова созданием идеологически актуальных произведений (пьесы «Русский вопрос», 1946, Сталинская премия 1947; «Чужая тень», 1949, Сталинская премия 1950; книга стихов «Друзья и враги», 1948, Сталинская премия 1949). С сер. 50-х (вслед за романом «Товарищи по оружию», 1952, новая ред. 1971) Симонов создает трилогию «Живые и мертвые»: романы «Живые и мертвые» (1954—59, одноименный фильм 1964), «Солдатами не рождаются» (1963—64, фильм «Возмездие», 1969) и «Последнее лето» (1970—71) — эпически широкое художественное исследование пути русского народа к победе в Великой Отечественной войне, в котором автор стремился соединить 2 плана — достоверную «летопись» основных событий войны, увиденных глазами их свидетеля и участника (Серпилин, Синцов), и анализ этих событий с точки зрения их современного понимания и оценки. К трилогии по материалу примыкают «Южные повести» (1956—61), повести «Из записок Лопатина» (1965), «Двадцать дней без войны» (1972), ряд публикаций дневников Симонова военных лет с современными авторскими комментариями и др. Опубликовал также повесть «Дым отечества» (1947), пьесу «Четвертый» (1961) и мн. др. пьес, сценариев художественных и документальных фильмов, поэм, книг, путевых очерков, статей и выступлений на литературные и общественные темы.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—6. М., 1966—70.

СИНОПСИС КИЕВСКИЙ, первая попытка краткого изложения русской истории в хронологической последовательности. Синопис составлен в Малороссии (приписывают *Иннокентию Гизелю*) под влиянием польских образцов в к. XVII в. и проник в Москву. У русских читателей Синопис пользовался большим успехом, особенно в течение XVIII в.,

Синопис, Киев, 1680

в котором Синопис выдержал 20 изданий. Благодаря краткости изложения, Синопис являлся учебником истории преимущественно киевской, составленной по хронике игумена Михайловского монастыря Феодосия Сафоновича. Первое издание Синописа (1674) оканчивалось присоединением Киева к Москве, ко второму (1678) приписан рассказ о чигиринских походах. Всего в Синописе 110 глав.

Главная часть Синописа (63 главы) посвящена истории Киева до татарского нашествия. Это наиболее обработанная часть. Центральный интерес в ней занимает Крещение Руси. Пространно повествует Синопис о княжении *Владимира Мономаха* и приобретении им царских регалий из Кафы. Сведения о нашествии татар и близких к нему событиях отрывочны и кратки, но повесть о Мамаевом нашествии и Куликовской битве подробно пересказана в 29 главах. Заканчивается Синопис отрывочными сведениями о киевской митрополии и Киеве после присоединения его к Литве.

Благодаря школе, в которой Синопис был учебником, он царит в нашей историографии XVIII в.; определяет вкус и служит основанием для исследователей истории, начавших с разбора путаницы имен народов, сличений с летописью и исправлений его недочетов, из которых наибольшим надо считать пропуски по истории северо-востока Руси: нет сведений о царствовании Иоанна III и Иоанна IV, покорении Новгорода и т. п.

СИПОВСКИЙ Василий Васильевич (22.03[3.04].1872—23.10.1930), литературовед и педагог. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Магистерская диссертация «Н. М. Карамзин, автор "Писем русского путешественника"» (1899); докторская диссертация «Очерки из истории русского романа» (1909—10). С 1902 — приват-доцент Петербургского университета, с 1910 преподавал на высших женских (Бестужевских) курсах, с 1922 — профессор Ленинградского университета. Автор «Истории русской словесности» (8-е изд., 1917) и «Исторической хрестоматии по истории русской словесности» (12-е изд., 1918). В науку Сиповский вошел как автор монографии о «Письмах русского путешественника» и исследования по истории романа, в которых собран огромный материал, относящийся к истории литературы и общественного самосознания; явления русской литературы рассматриваются в сопоставлении с фактами западно-европейской литературы. Сиповский писал о литературе XVIII в., о творчестве *А. С. Пушкина*. В его работах заметно влияние школы *А. Н. Веселовского*.

Соч.: Пушкин. Жизнь и творчество. СПб., 1907; Поэзия народа. Пролетарская и крестьянская лирика наших дней. Пг., 1923.

СКАЗ. 1) название повествовательного произведения русского фольклора, выдержанного в форме бытового говора. 2) Речитативная манера исполнения сказителями русских былин. 3) Особая форма авторской речи, проводимая на протяжении всего художественного произведения в духе языка и характера того лица, от имени которого ведется повествование. В манере сказа написаны «Вечера на хуторе близ Диканьки» *Н. Гоголя*, некоторые вещи *Н. Лескова*, отчасти «Петербург» *А. Белого*. В русской литературе XX в. известны сказовые (в духе народного говора уральских горнозаводских рабочих) произведения *П. Бажова*, собранные в книге «Малыхитовая шкатулка». Северным народным говором написана книга архангельской писательницы *М. Голубковой* «Два века в полвека». Общеизвестна сказовая, в стиле рассказа бывалого

русского солдата, поэма *А. Твардовского* «Василий Теркин», отрывок из которой приводится:

Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.
А война — про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь —
Дан приказ — отставить!
Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.
От Ивана до Фомы,
Мертвые ль живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ. Россия.
И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

А. Квятковский

СКАЗАНИЕ, повествовательно-житийный жанр древнерусской литературы в киевский и новгородский периоды с использованием исторических и легендарных материалов. Хотя почти все сказания носят на себе печать религиозности, их можно разделить на 2 рода — церковные сказания и светские. Наибольшую известность получили: анонимное «Сказание и страсть и похвала святой мученику (!) Бориса и Глеба» (XI—XII вв.), где рассказывается история убийства Киевским кн. Святополком Ростовского кн. Бориса и Муромского кн. Глеба; «Сказание о нашествии Батыя на русскую землю и разорении Киева»; «Сказание о киевских богатырях» и «Сказание о семи русских богатырях», составленные былинным народным стихом, «Сказание о князьях *Владимирских*» (XV или XVI в.); выдающееся по своим литературным достоинствам «Сказание *Авраама Палицына*» (XVII в.), в котором прозаический текст перебивается стихотворными строками, характерными для начальной поры русского книжного стихотворства (неравносложные строки с рифмами различной клаузульной формы и пр.). Среди позднейшей светской литературы этого рода интересны «Сказание о крестьянском сыне» (к. XVII или н. XVIII в.) — пародийно-сатирическое произведение, изображающее похождения плута, и сатиро-эротическое «Сказание о молодце и девице» (XVII в.). Одно из сказаний легендарно-фантастического типа послужило материалом для сюжета оперы Н. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже».

А. Квятковский

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ (сер. XI — н. XII в.), один из первых памятников древнерусской литературы, рассказывающий о христианском подвиге свв. князей-братьев Бориса и Глеба.

Сказание входит в цикл сочинений о Борисе и Глебе, при этом вопрос о взаимоотношении всех текстов и их хронологии весьма сложен и не может считаться разрешенным.

Возникновение большого количества памятников, посвященных гибели Бориса и Глеба, свидетельствует о том, какое значение придавали в XI—XII вв. вопросу о святости князей-братьев. Напр., культ Бориса и Глеба имел важное

государственно-политическое значение — святыми были признаны князья-братья, принявшие мучительную смерть, но не поднявшие руку на старшего брата. Тем самым осваивалась идея родового старшинства в системе княжеской иерархии. Помимо утилитарной трактовки подвига Бориса и Глеба особый смысл их поступок имел в системе христианских ценностей. Мать обоих братьев была болгарыней, а следовательно, христианкой. Оба они крестились в Киеве, вместе с др. сыновьями Владимира, сразу же после принятия их отцом новой веры, и получили христианские имена: Борис был наречен Романом, а Глеб — Давыдом. И в летописи, и в др. памятниках особо отмечается христианское благочестие братьев, свято исполнявших свой долг сыновей при еще живом отце, и долг младших братьев после его смерти. Мученическая смерть Бориса и Глеба становилась одним из первых примеров христианского благочестия и смирения в Киевской Руси, означавшим, что нравственные идеалы, проповедуемые христианством, нашли полный отклик в сердцах русских людей. Более того, поведение Бориса и Глеба во время братских междоусобиц становилось образцом христианского поведения вообще, ибо именно они, погибшие, но не преступившие Христовых заветов любви и смирения, были признаны святыми и, следовательно, обрели надежду на вечное спасение. Недаром неизвестный автор «Сказания о Борисе и Глебе» восклицает: «Темже ваю како похвалити не съвемъ или чьто рещи недоумею и не възмогу. Ангела ли ва нареку, иже въскоре обретаеася близъ скърбящихъ...».

Необходимо отметить еще один очень важный момент в трактовке древнерусскими книжниками образов свв. Бориса и Глеба. Первые русские святые сразу же стали восприниматься как одни из самых главных заступников за Русскую землю. В том же Сказании говорится: «Вы бо темъ и намъ оружие, земля Русьскыя забрала и утвържение... Вы убо небесныя человека еста, земляная ангела, стълпа и утвържение земле нашея!.. Вы не о единомъ бо граде, ни о дьву, ни о вьси попечение и молитву въздаета, нь о всей земли Русьской!». Именно к Борису и Глебу возносит автор Сказания слова своей молитвы: «О, блаженная страстьотъпча Христова, не забываита отъчиства, идеже пожила еста въ тели, егоже всегда посетъмъ не оставяета... Вама бо дана бысть благодать, да молита за ны, вама бо дальсть Бог о нас молящася и ходатая къ Богу за ны».

Утверждение культа Бориса и Глеба, как заступников за Русскую землю, означало и то, что Русь уже не мыслила свое дальнейшее развитие вне христианского вероучения.

Христианские идеалы теперь связывались с задачами развития Руси. Основной смысл своего существования на земле русский народ начинал осознавать в исполнении Божиих заветов, Божиего Промысла. Цель движения по будущим историческим дорогам виделась на Руси в достижении вечного спасения.

Образы свв. Бориса и Глеба получили самое широкое распространение в произведениях отечественной религиозно-философской мысли. При этом древнерусские книжники на протяжении нескольких веков использовали сюжетные ситуации, поэтические формулы, отдельные обороты и целые отрывки текста Сказания.

С. Перевезенцев

СКАЗАНИЕ О ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ ВЛАДИМИРСКОЙ, памятник московской литературы сер. XVI в., повествующий о чудесах Владимирской иконы, защитницы русского народа и «заступления державы Русския». Это монументальное произведение приурочено к празднику Сретения (горжественной встречи) иконы Божией Матери в Москве и чудесного избавления Русской земли от нашествия Тимура (26 авг.). «Сказание» было написано для «Степенной книги», созданной в 60-е XVI в. трудами митр. Афанасия, которого, очевидно, и следует считать автором этого произведения.

В начале «Сказания» излагается история иконы, которую, по преданию, при жизни Богородицы написал евангелист Лука. Увидев икону, принесенную к ней евангелистом Лукой, Богородица сказала: «Благодать Моя с тобою. Огньные ублажат Меня все роды». И с тех пор благодать всегда пребывает с этой иконой. Во 2-й главе кратко сообщается, что из Палестины икона была перенесена в Константинополь, где находилась до 2-й четв. XII в. В княжение великого Киевского кн. Юрия Долгорукого она была привезена неким купцом из Константинополя в Киев на одном корабле вместе с др. чтимой иконой Богородицы, именуемой Пирогошей. В последующих трех главах повествуется о знаменьях, совершавшихся от Владимирской иконы в Вышгороде, в Девичьем монастыре, куда она была доставлена из Киева, и о том, как сын Юрия Долгорукого, кн. Андрей Боголюбский, задумав уйти на великое княжение в Ростовскую землю, со слезами молил ее быть ему заступницей в его путешествии. Источником рассказа о чудесах иконы в Вышгороде и по пути во Владимир послужило древнее «Сказание о чудесах Владимирской Богоматери» — произведение владимирской литературы к. XII в., написанное в окружении Андрея Боголюбского (см.: *Ключевский В. О.* Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери. СПб., 1878). Некоторые из чудес связаны с судьбой самого князя: по его молитвам Богородица спасает княжеского проводника, тонущего в разлившейся реке, воскрешает затоптанную конем беременную жену попа Николы, спасает людей, придавленных упавшими воротами, посылает больной жене вел. князя здоровое чадо. Достоинно почтив и украсив икону драгоценным окладом, кн. Андрей помещает ее в соборной церкви во Владимире — и с тех пор она получает название Владимирской.

В «Сказании» использовано еще одно произведение владимирской литературы к. XII в. — «Сказание о победе над волжскими болгарями 1164 года» (опубликовано В. О. Ключевским вместе со «Сказанием о чудесах...»). С небольшими изменениями оно почти целиком вошло в текст «Сказания» как одна из его глав. В ней рассказывается об успешном походе Андрея Боголюбского на волжских бол-

гар и о том, как лучи Божественного света просияли от иконы Спаса и Пречистой Его Матери, покрыв собою все войско вел. князя. По преданию, такое же видение было явлено в тот день греческому царю Мануилу, одержавшему победу над сарацинами. В память об этом событии царь Мануил и вел. кн. Андрей Боголюбский установили празднование Всемилоствому Спасу (1 авг.).

Повествуя далее о нашествии Батя и о разорении им Владимира, автор отмечает, что Владимирская икона уцелела, чтобы сохранять Русскую землю благодатью, протекающею от нее по древнему обетованию: «Благодать Моя с тобою».

Рассказывая о главном событии «Сказания» — перенесении в 1395 иконы из Владимира в Москву и о чудесном избавлении Руси от нашествия Тимура, — автор следует тексту *Повести о Тимир-Аксаке* в редакции *Никоновской летописи*.

Написанное в составе Степенной книги «Сказание» было и как самостоятельное произведение: исследователям известно более 50 его списков XVI—XIX вв. В 80-х XVI в. «Сказание» было включено в Лицевой Летописный свод, миниатюры которого впоследствии были использованы в качестве иконографических образцов при росписи ярославских церквей.

Изд.: Степенная книга // Памятники средневековой литературы. 1913. Т. 21. Ч. 2; Никоновская летопись // Памятники средневековой литературы. 1965. Т. 11. Прил.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996 С. 190—191.

СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ, литературно-философское произведение 1-й четв. XVI в. с легендарной родословной Московских вел. князей (Рюриковичей).

О том, что с XIV столетия Московский государь начинает восприниматься на Руси в качестве монарха, способного повести народ русский ко всемирному величию и тем самым спасти остальную духовно «изрушившийся» мир, говорят многие исторические факты. Еще в к. XIV в. Мамай обвиняет вел. кн. Дмитрия в том, что тот присвоил не принадлежащий ему царский титул: «Князь великий Дмитрий Иванович себе именует Руской земли царем и паче честнейше тебе славою супротивно стоишь моему царствию». Ивана III уже уговаривали принять титул царя вместо титула вел. князя. И с к. XV в. титул «царь» начинает появляться в некоторых русских внешнеполитических документах, в частности в делах со Швецией — с 1482. Поднимался вопрос о царском титуле и в княжеские сыны Ивана — Василия III. Так, на золотой печати, привешенной к грамоте с мирным договором с Данией (1516), Василий Иванович именуется как «царь и государь». Тот же титул можно встретить в послании Василия III римскому папе (1526). Сочинения «*Филофеева цикла*» также показывают, что Василию III, не обладавшему даже земным царским титулом, пророчилась роль вселенского православного царя — «царя» и «самодержца». Более того, по свидетельству немецкого путешественника С. Герберштейна, в годы правления Василия III подданные вел. князя уже считали: «...Воля государя есть воля Божия, и, что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божией». А самого государя величали «ключником и постельничим Божиим» и вообще верили, что он — «свершитель Божественной воли».

И Иван III, и Василий III не решились официально принять царский титул. Однако это не означало смены общественных настроений. Более того, можно сказать, что в н. XVI в. русское общество жило в ожидании восшествия на москов-

ский престол государя, который наконец-то возложит на себя Высшую обязанность в полной мере и будет соответствовать Божественным предначертаниям.

В этом смысле характерно, что именно в 1-й четв. XVI в. появляется «Сказание о князьях Владимирских». В основе «Сказания» лежат 2 легенды. Первая — о происхождении Рюриковичей и, следовательно, московских вел. князей от римского имп. Августа. Вторая легенда доказывает, что царские регалии — царский венец, бармы, золотая цепь, крест от древа распятия и сердоликовая шкатулка, принадлежавшая Августу, — достались Московским вел. князьям через *Владимира Мономаха* от его деда, византийского имп. Константина. До н. XVI в. о существовании этих легенд не было ничего известно. Но уже в первые десятилетия XVI в. они были соединены в «Послании» тверского монаха *Спиридона-Саввы*. Не позднее 1527 на основании этого послания неизвестными авторами и было составлено «Сказание о князьях Владимирских».

«Сказание» не только обосновывает династические права московских вел. князей на царский титул. Главное здесь в том, что московские государи объявляются наследниками мистического «Первого Рима», ибо их родословие возводится до римского имп. Августа. А права на наследие «Второго Рима» утверждаются фактом передачи Владимиру Мономаху царского венца и др. регалий византийским императором: «И оттоле и донныне темь венцемь венчаются царскимь величии князи володимерьстии, его же прислал греческий царь Коньстантинъ Манамах, егда ставятся на великое княжение русьское».

Следовательно, именно московские государи получают все права на то, чтобы их государство — Московская Русь — являлась единственной хранительницей истинной веры. Тем самым перехватывалась инициатива у западноевропейских монархов и государств, тоже издавна претендующих на «римское» религиозно-мистическое наследие. Кроме того, удревление генеалогии московских государей на максимально возможный срок позволяло рассматривать историю самой России как часть общемировой истории, в которой Россия занимает самое достойное место.

Как можно видеть, основа «Сказания» абсолютно легендарна — это в полном смысле слова миф, созданный древнерусскими книжниками XVI столетия. Впрочем, с др. стороны, сами книжники были уверены в обратном — в абсолютной истинности созданного ими исторического мифа. И потому с помощью мифов творили реальную историю.

«Сказание о князьях Владимирских» сразу же после его создания стало не просто фактом, а настоящим катализатором общественно-политической жизни России. Оно использовалось в дипломатических и династических спорах, служило вступительной статьей к «Государеву родословцу» и вступительной статьей к чину венчания Ивана IV на царство в 1547. *Иван Грозный* в своих произведениях постоянно использовал аргументы «Сказания».

С. Перевезенцев

СКАЗАНИЕ О КУРЕ И ЛИСИЦЕ, сатирическое произведение; датируется по упоминанию в «Послании» Ивана Бегичева (1640-е). Смеховой характер словопроения между Куром (петухом) и Лисицей определяется тем, что оба цитатами из Священного Писания прикрывают самые низменные желания: вначале Лисица, истово убеждая Кура покаяться, ловит его и собирается съесть, а затем Кур пытается спасти свою жизнь, но тщетно. Сходные сюжеты

«Сказание о Куре и Лисице». Гравюра 1-й пол. XIX в.

имеются в западноевропейском эпосе о животных, не исключено воздействие на «Сказание о Куре и Лисице» перевода басен Эзопа. В XVIII в. появились стихотворная и лубочная переработки «Сказания...», существует также народная сказка, вероятно, вторичная по отношению к книжному источнику.

Изд.: Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. II. М., 1989.

М. О.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ, центральный памятник Куликовского цикла (см.: Задонщина). Из всех произведений цикла «Сказание» — самый подробный, сюжетно увлекательный рассказ о битве на Куликовом поле в 1380. «Сказание» сообщает целый ряд подробностей о Куликовской битве, не зафиксированных др. источниками. Напр., только в «Сказании» обстоятельно рассказано о действиях засадного полка Серпуховского кн. Владимира Андреевича, которые решили исход боя в пользу вел. князя Московского Дмитрия Ивановича Донского, только в «Сказании» сообщается о паломничестве Дмитрия Донского в Троицкий монастырь и о благословении Дмитрия Сергием и т. д.

«Сказание» дошло до нас в большом числе списков. Все они делятся на 8 редакций, которые, в свою очередь, подразделяются на целый ряд вариантов. Наиболее близка к первоначальному тексту «Сказания» Основная редакция (самый ранний список ее датируется 2-й четв. XVI в.). Следующая по

старшинству редакция — Летописная (она входит в состав Вологодско-Пермской летописи). К старшим редакциям «Сказания» относятся: Киприановская (входит в состав *Летописи Никоновской*) и распространенная. Поздние редакции возникли в XVII в.

Основная редакция представлена наибольшим количеством вариантов. Среди них выделяется Печатный вариант (назван так потому, что по одному из списков этого варианта «Сказание» было впервые издано в XIX в.), отличающийся обилием вставок из «Задонщины».

В Летописной редакции «Сказания» текст последовательно переработан по пространной летописной повести о Мамаевом побоище. Эта редакция датируется к. XV — н. XVI в.: временем составления Вологодско-Пермской летописи.

Киприановская редакция «Сказания» была создана между 1526—30 митр. *Данилом*, составителем Никоновской летописи. В ней подчеркивается большая роль митр. *Киприана*, которую он якобы сыграл в событиях 1380. Эта редакция «Сказания» носит особо ярко выраженный церковно-религиозный характер. В некоторых деталях и подробностях исторического характера Киприановская редакция сообщает сведения, о которых в др. памятниках Куликовского цикла не говорится. Видимо, митр. Даниил использовал и не дошедшие до нас источники, связанные с Куликовской битвой.

Распространенная редакция «Сказания», что видно уже из ее названия, отличается от др. редакций наличием в ней новых эпизодов и распространением за счет всякого рода подробностей эпизодов, общих для всех редакций. Самые существенные добавления этой редакции — подробный рассказ с рядом эпически-фантастических подробностей о посольстве к Мамаю от вел. князя Московского посла Захария Тютчева (в Основной редакции лишь сообщается об этом посольстве) и рассказ о присылке на Куликово поле в помощь Дмитрию Ивановичу новгородского войска (вопрос об участии новгородцев в событиях 1380 остается открытым — новгородские источники о такой помощи ничего не сообщают). По-видимому, эти рассказы Распространенной редакции восходят к устным эпическим преданиям.

В «Сказании» есть три явных анахронизма: 1. Литовский князь, союзник Мамаю, назван Ольгердом, на самом же деле союзником Мамаю был сын Ольгерда Ягайло (Ольгерд умер за 2 года до Куликовской битвы). 2. По «Сказанию» участником события 1380 выступает митр. *Киприан*, которого в то время в Москве не было. 3. В «Сказании» Дмитрий молится перед иконой Владимирской Богоматери. В действительности икона была перенесена из Владимира в Москву в 1395. Эти анахронизмы, так же как наличие легендарных эпизодов в произведении, являются аргументами тех исследователей, которые датируют «Сказание» временем от 2-й пол. XV до сер. XVI в.

«Сказание» было создано не позднее к. XV в.: к. XV — н. XVI в. датируется время составления Вологодско-Пермской летописи, в которую была включена Летописная редакция «Сказания», представляющая собой уже переработку Основной редакции. В сведениях «Сказания», не зафиксированных др. источниками, можно видеть отражение таких реальных данных, которые остались этим источникам неизвестны, и они могут свидетельствовать не о позднем характере произведения, а о том, что «Сказание» возникло в близкое к описанным в нем событиям время. Как ни парадоксально, но об этом свидетельствуют и анахронизмы памятника. Все они по времени близки к 1380 и тесно переплетены со всем, что происходило в этом году. До 1380 Ольгерд несколько раз предпринимал попытки захватить Москву, и имя этого Литовского князя в Москве воспринималось как имя постоянного врага. Киприан формально в 1380 был митрополитом Московским и всея Руси. У Киприана с Дмитрием Донским были сложные отношения, доходившие до прямой вражды, но с вокняжением сына Дмитрия Василия в 1389 отношения Московского князя с Киприаном приняли самый благоприятный характер. Икона Владимирской Богоматери в 1395 стала неотъемлемой принадлежностью Москвы. Если бы «Сказание» сочинялось через продолжительный промежуток времени после события, то автор обращался бы к письменным источникам, в которых год смерти Ольгерда, обстоятельства митрополитства Киприана, время переноса иконы Богоматери из Владимира в Москву были исторически точно зафиксированы и подробно описаны. Если уж произведение писалось по памяти, по устным свидетельствам очевидцев, то совмещение перечисленных фактов могло произойти только не в очень отдаленное от них время.

В 1408 эмир Едигей, объединивший большую часть Орды, организовал военный поход на Москву. После Едигеева нашествия (Москву ему взять не удалось, но ее окрестности он сильно разорил) вопрос о взаимоотношениях с Ордой, об ордынской опасности, о необходимости активного противостояния Орде вновь остро встает в общественной и политической жизни Руси. В это время и в ближайшие к нему годы должен был усилиться интерес к недавнему прошлому, когда Московский князь, объединив силы др. княжеств, нанес поражение ордынцам. Возможно, что в ближайшие годы после Едигеева нашествия и было написано «Сказание» — в 1-й четв. XV в., когда еще свежи были в памяти события 1380 и оставались в живых многие участники этих событий.

Уже в первоначальном тексте «Сказания» автором были сделаны заимствования из «Задонщины» отдельных образов и даже отрывков текста. Составители последующих редакций произведения вторично обращались к «Задонщине», заимствуя из нее новые поэтические пассажи.

Героический характер битвы, изображенной в «Сказании», обусловил обращение его автора к устным преданиям и ле-

гендам о Мамаевом побоище. Многие эпизоды «Сказания» по самой сути своей носят эпический характер, хотя в них и следует видеть эпическое осмысление действительных фактов. Влияние устной народной поэзии на «Сказание» можно обнаружить и в использовании его автором отдельных изобразительных средств, восходящих к приемам устного народного творчества (битва — пир, врагов побивают, как траву косят, воины — соколы и т. д.). Но в «Сказании» все эти словосочетания и формы предстают в тесном переплетении с приемами книжной риторики как единый цельный поэтический образ. Ряд устно-эпических по своему характеру эпизодов передан в «Сказании» в книжно-риторической манере. В тесном объединении в пределах единой поэтической фразы устно-эпических по своему характеру оборотов с книжно-риторическими образами и словосочетаниями заключается стилистическое своеобразие «Сказания».

«Сказание» и как литературный памятник, и как самый обстоятельный рассказ о Куликовской битве пользовалось большой популярностью у средневековых читателей. Оно повлияло на целый ряд древнерусских литературных памятников: «Казанскую историю», «Иное сказание», «Повесть об Азовском осадном сидении» и др., нашло отражение в устном народном творчестве (былина «Илья Муромец и Мамай», сказка «Про Мамаю безбожного»). До нас дошло 9 рукописей «Сказания» с миниатюрами, что также свидетельствует о большой популярности этого произведения в Древней Руси.

Куликовская битва привлекала к себе внимание писателей, поэтов, художников и в XVIII и в XIX, и в XX столетиях. Основным источником сведений о событиях 1380 являлось «Сказание». Поэтому, помимо непосредственного существования «Сказания» как древнего литературного памятника, оно в преломленном виде находило отражение и в драматических, и в прозаических, и в стихотворных произведениях нового времени, и в изобразительном искусстве. Первым литературным произведением такого рода следует считать трагедию М. В. Ломоносова «Тамира и Селим» (1750), последними — многочисленные повести и романы о Куликовской битве, о Дмитрии Донском, появившиеся в 1980-е в связи с 600-летием Куликовского сражения.

Изд.: Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подг. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева. Л., 1982; Повесть о Куликовской битве: Текст и миниатюры Лицевого свода XVI в. Л., 1984.

Л. Дмитриев

СКАЗАНИЕ О СОЛОМОНЕ И КИТОВРАСЕ, апокриф, посвященный библейскому царю Соломону и «дивно зверю» Китоврасу. По мнению А. Н. Веселовского, «Сказание...» близко к талмудическому (средневековому еврейскому) апокрифу о Соломоне и демоне Асмодее, который, возможно, восходит к иранской и далее к индийской легенде. Само имя Китоврас происходит либо от названия сказочного существа греческой мифологии Кентавра, либо — индийского духа гандавра. Образ Китовраса по своей сюжетной роли близок также к образу Морольфа или Мархольфа из западноевропейских сказаний о Соломоне и Морольфе. На Руси «Сказание...», возможно, было уже известно в XI — н. XII в. На резных каменных рельефах Георгиевского собора (н. XIII в.) в г. Юрьев-Польском можно найти изображение Китовраса. А на «золотых» Васильевских вратах, сделанных для Софии Новгородской в 1336, изображен заключительный эпизод «Сказания...», когда Китоврас показывает Соломону свою демоническую силу. В XIV в. в южнославянские и русские списки отреченных книг внесены «О Соломоне царю басни и кошюны

и о Китоврасе». С XV в. «Сказание...» включалось в «Толковую Палею» (книгу, излагающую библейские сюжеты с их толкованием). Интересная версия «Сказания...» встречается в сборнике Кирилло-Белозерского книгописца Ефросина (XV в.).

Кроме «Сказания...» на Руси были также популярны и др. апокрифы о царе Соломоне: «О судах Соломона», «Соломоне и царице Южской» (об испытании Семирамидой мудрости Соломона).

Изд.: Тихоурахов Н. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 1.; Памятники литературы Древней Руси. XV — сер. XVI в. М., 1981.

О. А.

СКАЗАНИЕ ОБ ИНДИЙСКОМ ЦАРСТВЕ, переводный памятник древнерусской литературы. Сложился в Византии, но дошел до нашего времени в осложненном латинском тексте, возникшем в XI—XII вв. в Западной Европе в эпоху крестовых походов. В основу произведения, представляющего собой послание индийского царя Иоанна к греческому царю Эммануилу, положены устные рассказы об Индии, как о далекой блаженной стране. Славянский перевод, по предположению, сделан в Сербии в XIII в. с латинского оригинала, откуда памятник вскоре перешел на Русь. «Сказание» вошло в состав «Александрши» 2-й редакции. Известно ок. 40 списков XV—XIX вв., свидетельствующих о постоянной переработке произведения и его постепенном обрусении. Один из вариантов «Сказания» использован в былине о Дюке Степановиче.

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ В ОРДЕ КНЯЗЯ МИХАИЛА ЧЕРНИГОВСКОГО И ЕГО БОЯРИНА ФЕОДОРА (к. XIII в.), памятник древнерусской литературы, рассказывающий о христианском подвиге кн. Михаила Черниговского и его боярина Феодора.

Михаил Всеволодович Черниговский (80—90-е XII в. — 1246) — сын кн. Всеволода Святославича Черного, вел. князь Черниговский в 1224—34. Несколько раз стоял во главе Новгорода, боролся за Киевский княжеский стол. Во время нашествия Батюга бежал в Венгрию. По возвращении на Русь в 1246 отправился в Золотую Орду, видимо, для того, чтобы получить ярлык на Черниговское княжество. Это посещение закончилось трагически — кн. Михаил и его боярин Феодор были убиты по ханскому приказу за отказ пройти языческий обряд.

Уже вскоре после гибели Черниговского князя, по распоряжению его дочери Марьи, было установлено церковное почитание невинно убиенных, и в те же годы (во всяком случае — до 1271) было составлено краткое «Сказание» о Михаиле и его боярине Феодоре (читается в составе *Пролога* и датируется к. XIII в.). Позднее, уже на основе этого «Сказания», возникла распространенная редакция (к. XIV в.) и др. повествования, в т. ч. и Житие Михаила Черниговского.

Сюжет, связанный с гибелью Михаила Всеволодовича, стал популярным в Древней Руси, ведь Михаил Черниговский и его боярин Феодор стали рассматриваться как одни из первых новомучеников за Православную веру.

В тексте «Сказания» очень важен тот момент, что Михаил сам проявляет инициативу совершить подвиг во славу Христову и не прельститься «славою света сего». Узнав об обычае хана Батюга заставлять христиан поклоняться языческим идолам, он, вдохновленный Божией благодатью и даром Святого Духа, сам вызывается поехать в Орду, чтобы

обличить батыево «прельщение» и доказать ему и всему миру, что вера христианская живет в сердцах русских людей. Получив благословение духовника, Михаил говорит: «Молитвою твоею, отче, яко же Богъ дасть, тако и будет. Азь быхъ того хотелъ кровь свою пролити за Христа и за въру крестьянскую». В этом желании князя поддержал и его боярин Феодор.

Убийство Михаила Черниговского и боярина его Феодора в Орде. Миниатюра XVII в.

Оказавшись в Орде, Михаил и Феодор не поддаются ни на уговоры царя, ни на просьбы бояр. Они стойко ждут своей участи, избранной ими самими. И когда посольный татарского царя говорит князю: «Михаиле, ведая буди — мертвь еси!», то Михаил твердо отвечает: «Азь того хошю, еже ми за Христа моего пострадати и за православную веру пролити кровь свою». А своим боярам он бросил под ноги свой княжеский плащ, как символ отказа от земной жизни: «Приимете славу света сего, ся же вы хошете!»

Смерть кн. Михаила и боярина Феодора была страшна: сначала их долго и жестоко избивали, а затем отрезали головы. «И тако, благодаряще Бога, пострадаша и предаша святеи свои души в руце Божии, новостаята мученика» — заключает свой рассказ автор Сказания.

Т. о., «Сказание» сформулировало новый для русского религиозно-философского сознания идеал — мученика за веру, сознательно выбирающего смерть во имя Христа. Озабоченные погибелью Руси и ищущие ее спасения, древнерусские книжники видели путь спасения через мученичество во имя веры. Героическая смерть Михаила Черниговского — это своего рода жертва, принесенная русским народом во искупление своих грехов. Идея жертвенности становится крайне важной в XIII—XIV столетиях. Ведь добровольная и мученическая смерть — это не только подражание мученической смерти Христа, но и выражение готовности Руси пройти любые испытания, вынести любые тяготы во имя Божие. И в итоге заслужить спасение.

Интересно, что позднее, в XVI в., мученическая смерть Михаила Черниговского трактовалась уже с религиозно-мистических позиций. Так, появляются редакции Жития, в которых отрубленная голова князя чудесным образом остается живой после смерти. Голова, уподобленная голове Иоанна Крестителя, становится говорящей и произносит слова: «Я — христианин».

Дни памяти святых: 14 (27) февр. и 20 сент. (3 окт.).

С. Перевезицев

СКАЗАНИЯ О ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЕ, в древнерусской литературе существовало несколько переводных повестей и романов на сюжеты знаменитого Троянского эпоса. В средневековой Европе этот эпос был известен не по поэмам Гомера и его продолжателей — греческих авторов VII—VI вв. до Р. Х., а по псевдоисторическим романам мнимых участников Троянской войны — грека Диктиса и троянца Дареса, получившим распространение в IV в. по Р. Х. Именно эта, средневековая интерпретация событий Троянской войны и стала известна древнерусским читателям в различных версиях.

В к. XV или в самом н. XVI в. на Руси был осуществлен перевод латинского романа, написанного в 70-х XIII в. сицилийцем Гвидо до Колумна (Гвидо деле Колонне). Гвидо следовал французскому поэту — Бенуа де Сент-Мору, а тот переложил версию Дареса. Роман Гвидо был несколько раз издан в к. XV в. — в Болонье и Страсбурге и, вероятно, со Страсбургского издания 1485 был переведен на русский язык. Обширный роман, получивший на Руси название «Троянская история», обстоятельно излагал сюжеты эпоса: поход аргонавтов за золотым руном, их конфликт с троянским царем Лаомедонтом, первое разрушение Трои и пленение Гесионы — сестры Приама, похищенные сыном Приама Парисом жены спартанского царя Менелая — Елены, последовавшей за этим поход греческих царей, возглавляемых микенским царем Агамемноном, сама десятилетняя Троянская война, завершившаяся гибелью основных ее участников и разрушением Трои, и наконец — рассказ о странствиях Одиссея (Улисса) и смерти Агамемнона от руки любовника своей супруги.

В романе Гвидо, в частности, присутствует сюжет, неизвестный «Илиаде», но отразившийся в комедии Шекспира «Троил и Крессида»: рассказ о том, как возлюбленная троянского царевича Троила, оказавшись в греческом стане, легкомысленно изменила ему с Диомедом. Неизвестен «Илиаде» и сюжет о том, как Ахиллес влюбился в юную

дочь Приама Поликсену и был убит Парисом именно в тот момент, когда, встретившись с Приамом, упрашивал отдать Поликсену ему в жены.

Перевод романа Гвидо познакомил русских читателей не только с известным эпическим циклом в его средневековой западноевропейской переработке, но и с необычными для русской литературы того времени сюжетными коллизиями: в романе описываются (без обычного в таких случаях осуждения христианами моралистами) любовные чувства Медеи и Язона, Париса и Елены, Троила и Бризеиды (у Шекспира она носит имя Крессида) и, наконец, Ахиллеса и Поликсены. Разумеется, в трех случаях Гвидо находит повод для осуждения: Язон коварно бросил доверившуюся ему Медею, Парис похитил чужую жену с ее же согласия, а Бризеида легко променяла возлюбленного на греческого героя, но сама любовь как плотское чувство в рыцарском романе Гвидо изображена, безусловно, без традиционного для средневековой христианской литературы осуждения.

Список полного перевода «Троянской истории» сохранился немного (однако этот текст вошел в состав огромной официальной исторической компиляции XVI в. — *Лицевого свода*), но большее распространение получила русская сокращенная обработка, носившая в списках различные названия (напр.: «Книга, глаголемая Троя, о Пелее царя Тесалийском, како посла добыти золотое руно брата своего Язона»). Хотя текст «Троянской истории» сокращен здесь вчетверо, но сохранились все основные сюжетные мотивы. На основании одной из сокращенных переработок «Истории» была создана особая редакция, изданная в числе первых книг гражданской печати при имп. Петре I «История, в ней же пишет о разорении града Трои Фригийского царства...», в 1709. Затем она была переиздана в 1712, 1717, 1745, 1760, 1765, 1775, 1785, 1791 и 1817, что свидетельствует о большой ее популярности на протяжении всего XVIII в. Однако именно в этой версии почти совершенно устранены все любовные коллизии, что весьма странно для периода расцвета галантных повестей: видимо, сокращения были сделаны уже в рукописном оригинале издания.

Не меньшее распространение получили на Руси повести о Троянской войне, вошедшие в состав разных редакций Русского Хронографа (см.: Хронограф Русский). В Хронографе редакции 1512 читалась «Повесть о создании и поплнении Тройском». Повесть была составлена русским книжником на основе рассказа о Троянской войне в основном тексте «Хроники Константина Манассии» и южнославянского перевода т. н. «Притчи о кралех», также рассказывающей о Троянской войне. В «Повести о создании и поплнении...» подробно рассказывается о постройке Трои, о суде Париса, причем греческие богини — Паллада, Юнона и Венера — представлены здесь как волшебницы и дьяволицы. В повести есть некоторые сюжетные мотивы, отсутствующие у Гвидо, и поэтому оба произведения как бы дополняют друг друга, представляя читателям широкую панораму предыстории Троянской войны.

Еще один сюжет того же эпического цикла отразился в «Повести о златом руно волшебного овна», являющейся переработкой соответствующей главы из польской средневековой Хроники Мартина Бельского. «Повесть о златом руно» вошла в состав Русского Хронографа редакции 1617. Здесь рассказывается о происхождении золотого руна (того самого, за которым отправятся аргонавты, о чем повествуется в начале романа Гвидо де Колумна): гонимые злой мачехой (здесь она именуется Еленой), Фрикс и Гелла переплывают море на

златорунном баране, которого и закалывают потом как благодарственную жертву богу Марсу. Упоминаются в «Повести» и события Троянской войны.

Т. о., по крайней мере с к. XV в. (если допускать, что рассказ о войне в «Хронике Малалы» был малоизвестен) русские читатели смогли познакомиться с мировым эпическим сюжетом, получившим широкое распространение во всех европейских литературах, как средневековых, так и нового времени.

Изд.: Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. / Подг. текста и статьи О. В. Творогова; Коммент. М. Н. Ботвинника, О. В. Творогова. Л., 1972; Из «Троянской истории» / Подг. текста, перевод и коммент. О. В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси: К. XV — 1-я пол. XVI в. М., 1984.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 196—197.

О. Творогов

СКАЗИТЕЛИ, исполнители *былин*, средневековых *исторических песен* и *баллад*. В научный обиход термин «сказители» введен в 60-х XIX в. П. Н. Рыбниковым, указавшим на существование его у северных крестьян. Параллельно термину «сказители» в русской крестьянской среде бытовали наименования «сказатели» (Зимний берег Белого моря) и «старинщики» (Печора). В 30-х XX в. сказителями стали называть иногда слагателей новин, а также сказочников, рассказчиков, вопленцев. Сведения о русских сказителях до XIX в. скудны и касаются лишь профессиональных носителей эпического творчества — дружинных певцов, *калик*, *скоморохов*; следует предполагать, что издавна были также сказители-непрофессионалы. Сказители обеих категорий были тесно связаны с народом и являлись выразителями народных идеалов.

Русские сказители XIX—XX вв. — непрофессиональные певцы из крестьян и казаков. Уменьше сказывать былины высоко ценилось. Оно передавалось из поколения в поколение, часто от родителей детям и внукам. Сохраняя в основном созданные в Средневековье сюжеты и образы героев, многие сказители творчески варьировали детали и эпизоды, создавая порой новые редакции и версии. Др. сказители характеризуются довольно точной передачей усвоенного. Особую группу сказителей образуют импровизаторы, создающие при каждом исполнении определенного сюжета новый текст (напр., В. П. Щеголенок, М. С. Крюкова). Некоторые сказители расширяли состав эпоса, оформляя в былины сказки и повести, исторические песни и местные предания. Личность сказителей проявлялась не только во вносимых изменениях, но и в подборе самого репертуара. Лучшие сказители — люди высокоодаренные, наделенные поэтической восприимчивостью, богатой памятью и художественным чутьем. Состав их репертуара колеблется от 10 до 35 сюжетов. Большим репертуаром владели А. М. Крюкова (свыше 60 сюжетов) и М. С. Крюкова (больше 150). Кроме них, известны выдающиеся сказители — Т. Г. Рябинин, М. Д. Кривополенова, Н. С. Богданова, Г. А. Якушов, Ф. А. Конашков. Сказители Севера, средней России и Сибири исполняли былины на особые напевы речитативного характера. Владея каждый одним или двумя-тремя напевами, они использовали их для былин разного содержания, варьируя в темпе и в оттенках. Сказители у казаков исполняли былины преимущественно хором и на напевы песенного характера.

Лит.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. / Под ред. А. Е. Грузинского. Т. 1—3. М., 1909—10; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, 4-е изд. Т. 1—3. М.; Л. 1949—51; *Марков А. В.*

Беломорские былины. М., 1901; *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и историч. песни. Т. 1—3. М.; СПб.; Прага, 1904—39; *Оичуков Н. Е.* Печорские былины. СПб., 1904; *Хартузина В.* На Севере. М., 1890; *Ляцкий Евг.* Сказитель И. Т. Рябинин и его былины. М., 1895; *Кривополенова М. Д.* Былины, скomorошины, сказки. Архангельск, 1950; *Соколов Б.* Сказители. М., 1924; Былины Севера. Т. 1—2. М.; Л., 1938—51; Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941; Онежские былины / Под ред. Ю. М. Соколова и В. И. Чичерина. М., 1948; *Рябинин-Андреев И. Г.* Былины. Петрозаводск, 1948; Былины М. С. Крюковой. Т. 1. М., 1939; Былины Печоры и Зимнего берега. М.; Л., 1961; *Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М.; Л. 1966.

А. Астахова

СКАЗКА, древнейший народный жанр повествовательной литературы преимущественно фантастического характера, имеющий целью нравouchение или развлечение. В сказках проявляются характер народа, его мудрость и высокие моральные качества. Наиболее распространенные виды сказок — сказки о животных, построенные на олицетворении зверей, рыб, птиц, и сказки волшебные, рассказывающие о необыкновенных событиях и приключениях. Нередко народная фантазия как бы предсказывала появление в действительности чудесных вещей, изобретенных впоследствии человеческим гением (в русских сказках ковер-самолет — аэроплан, чудесное зеркальце — телевизор и радар). Помимо животных и волшебных сказок, народ создает и социально-политические сказки: такова, напр., русская народная «Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове». Сказочный жанр — очень трудный и поэтому писателей-сказочников немного. Для взрослых в жанре сказки писали *М. Салтыков-Щедрин* (политические сказки), а после 1917 — *П. Бажов*. Из стихотворных сказок известны народная сказка «Дурень», сказки *А. Пушкина* («Сказка о царе Салтане...», «Сказка о золотом петушке» и др.) и знаменитый «Конек-горбунок» *П. Ершова*, где использованы народные мотивы; сказки *В. Жуковского*; политические сказки («Конек-скакунок» *С. Басова-Верхожанцева* и др.).

А. Квятковский

Сказка есть первая дорегиогизная философия народа, его жизненная философия, изложенная в свободных мифических образах и в художественной форме. Эти философские ответы вынашиваются каждым народом самостоятельно, по-своему, в его бессознательной национально-духовной лаборатории. И сказки различных народов отнюдь не повторяют друг друга. Сходны лишь образные темы, и то лишь отчасти; но не сходны ни вопросы, ни ответы сказок. Каждый народ по-своему томится в земной жизни; накапливает свой особый — и дорегиогизный, и религиозный опыт; слагает свою особую духовную проблематику и философию; вынашивает свое мировоззрение. И того, кто стучится у дверей, сказка вводит именно к истокам национального духовного опыта, русского человека по-русски укрепляя, по-русски утешая, по-русски умудряя. Сколько поколений наших неведомых и ныне забвенных предков жило и томилось, вздыхало и плакало, пело и мечтало, вопрошало и боролось — до нас, до нашей памяти, ставя все те же младенчески-философские вопросы и слагая сказочно-философские ответы на них. Сколько бед и опасностей, сколько бурь и войн пережито и осмыслено в сказках.

В русских сказках русский народ пытался распутать и развязать узлы своего национального характера, высказать свое национальное мироощущение, наставить своих детей в первобытной, но глубокой жизненной мудрости, — разрешая лежавшие на его сердце жизненные, нравственные,

семейные, бытовые и государственные вопросы. И сказки русские — просты и глубоки, как сама русская душа. Они всегда юны и наивны, как дитя; и всегда древни и мудры, как прабабушка; как спрашивающее дитя и как отвечающая старушка; оба — созерцающие младенцы.

Сказка — это ответ все испытывавшей древности на вопросы вступающей в мир детской души. Здесь русская древность помазует русское младенчество на не испытанную еще трудную жизнь, созерцая из древнего национального лона всегда новые трудности жизненного пути. И благо нам, если мы, сохранив в душе вечного ребенка, умеем и спрашивать, и выслушивать голос нашей сказки...

Все люди делятся на людей, живущих со сказкой, и людей, живущих без сказки. И люди, живущие со сказкой, имеют дар и счастье по-младенчески вопрошать свой народ о первой и последней жизненной мудрости и по-младенчески внимать ответам его первозданной до-исторической философии. Такие люди живут как бы «в ладу» со своей национальной сказкой, согласно чудесному и мудрому завету *Н. С. Лескова*: «Живите, государи мои, люди русские, в ладу со своею старою сказкою! Горе тому, у кого ее не будет под старость!» («Соборяне»).

«Вечером, — пишет А. С. Пушкин своему брату, — слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма...»

В уединении деревенской жизни наш светлый гений уходил каждый вечер к великому морю человеческого созерцания, туда, где у русской излучины растет вечно «дуб зеленый» русской национальной силы и русского национального духа; «кот ученый», постигший науку тайноведения, мастер песни и ведун сказки, прикованный «златою цепью» истории к русскому дубу и русскому духу, — пел ему песни русского бытия и сказывал ему сказки русской жизни.

Русская сказка ни на что не притязает, никому не навязывается, ничего не затевает. «Не люблю — не слушай!»... Она — как цветок; но не садовый, не взращенный намеренно и искусно, а как полевой цветок, который сам обсеется, сам укоренится, сам листочки выгонит и чашечку развернет, Божьим солнышком угрет, Божьим дождичком полит, Божьей птичкой опет, Божьей пчелке мед свой отдаст. И мед тот — чудесный, благоуханный — не дается гордому умнику из «образованных», а дается от пчелы только простому и мудрому пасечнику. И вот, русская народная сказка — как цвет незаметных и неведомых полевых цветов; а духовный смысл ее — как тонкий и благоуханный мед: попробуешь и слышишь на языке все неизреченное естество родной природы — и запах родной земли, и зной родного солнца, и дыхание родных цветов, и что-то тонкое и богатое, вечно юное и вечно древнее, — все в сочетаниях неопишемого вкуса и аромата.

Сотни лет накапливался этот аромат в незаметных и неведомых душах человеческих, в русских душах, незаметно цветших и неведомо отцветавших на равнинах нашей родины. Сотни и тысячи лет этому отстою национального духовного опыта, укрытого и развернутого в русских народных сказках. Возраст народа не определяется памятью его истории. Тысячу лет тому назад русский народ принял христианство. Но дохристианское прошлое его, утраченное его памятью, не утратилось в его опыте и в его духе. Все прежде свое, забытое в виде достоверных событий, незапомнившееся и забытое, — он взял с собой и перенес в свою сознательную историю. Это не летопись, не былина и не бывальщина; не житие и не легенда — это сказка. Так это не было; этого всего сроду не бывало. Никогда и нигде не были и не

жили эти царевичи и богатыри, эти серые волки и кашеи, эти Иваны-Дураки и кони говорящие, эти Бабы-Яги и Змеи Горынычи. Всего этого не было. И тому, кто присягнул исторической науке, а с наукой духовного опыта порвал; кто поклоняется доказанному факту и разучился созерцать показанное обстояние; кто хочет видеть земным, телесным глазом и потому выколол себе духовное око; кто от чрезмерной «умности» заморил в себе «вещную простоту» и «заумную глубину»; кто довел свою рассудочную трезвость до того, что утратил способность хмелеть вместе со своим народом на пиру всепреображающего воображения, — тому будет народная сказка мертва и глупа.

Темы сказок живут в мудрых глубинах человеческого инстинкта, где-то там, в священных подвалах, под семьюдесятью железными столбами, где завязаны узлы национального бытия и национального характера и где они ждут разрешения, свершения и свободы. В эти подвалы национального духовного опыта не проникнуть ни гордецу, ни трусу, ни малOVERу, ни криводушному. Но доверчивый и искренний простец, но скромный и храбрый в своей поэтической серьезности созерцатель проникают под эти своды и выводят оттуда рой народных сказок, разрешающих, свершительных и освобождающих. И для него эти сказки не «выдумка» и не «небылица», а поэтическое прозрение, сущая реальность и начальная философия. И не сказка «отжила» свой век, если мы разучились жить ею; а мы исказили свой душевно-духовный уклад и мы выветриваемся и отмираем, если мы потеряли доступ к нашей народной сказке.

Что же это за подступ к сказке? Что надо сделать, чтобы сказка, как избушка на курьих ножках, стала к лесу задом, а к нам передом? Как нам увидеть ее и зажечь ею, чтобы раскрылась нам ее вечная глубина и стал ясен ее подлинный духовный смысл?

Для этого надо прежде всего не цепляться за трезвый ум дневного сознания со всеми его наблюдениями, обобщениями и «законами природы». Сказка видит иное, чем дневное сознание человека; она видит иное и иначе: и меньше, и больше.

И меньше, потому что она видит только короткие, упрощенные, сконцентрированные обрывки из жизни героев. Эта краткость — есть результат художественного сокращения: рассказывается сказка 20 мин., а охватывает, может быть, 20 лет (вот почему — «скоро сказка сказывается — да не скоро дело делается...»); рассказывается сказка где-нибудь за углом, на печке, а герой побывает и 2 и 3 раза в тридцатом государстве. Эта краткость сказки — художественная; упрощенность ее — стилизующая; сконцентрированность ее — символическая. Ибо сказка есть обломок народного и всенародного искусства.

Сказка есть уже искусство: ибо она укрывает и являет за словами целый мир образов, а за образами она понимает художественно и символически — глубокие духовные обстояния. И в то же время сказка еще не совсем искусство: ибо живет она, передаваясь из уст в уста, и не имеет единого, законченного состава — ни в словах, ни в образах, то и дело готовая распаться на различные «варианты» и видоизменения, художественно неравноценные, и закончиться новой, неожиданной развязкой, не всегда сводящей «концы с концами». Всяк волен рассказывать сказку по-своему, как ему лучше покажется, и уговор лучше денег: «врать не мешай». Поэтому сказка есть как бы всенародная тема для личного сновидения; и эта тема как будто говорит каждому человеку: «Вот она я — возьми меня, если хочешь, и присни себе меня по-своему»... И в этом сказка подобна и мифу, и песне, и узору для вышивания или для украшения избы и дворца. Так, миф говорит поэту:

«Прими меня в свое созерцание и дай мне окончательную форму и тело искусства»; и откликаются на это Гомер, и Овидий, и Гёте, и Вагнер, и Пушкин. Так, народная песня говорит всем певцам и каждому из нас: «Прими меня слухом в пение души твоей и пой меня из глубины, как тебе Бог на душу положит»; и откликаются на это все менестрели, и миннезингеры, и баяны, и народные композиторы. И так же узор (канвовый, столярный, и мраморный) как бы говорит мастеру и мастерице: «Вот я! Твори мною из глины, украшая моими сплетениями твой быт и твоё бытие»; и откликаются на это национальные вышивальщицы, столяры и резчики, великие флорентийцы, и сиенцы, и бергамаски в Италии, и славные русские зодчие от Архангельска до Закавказья, от Киева до Владивостока...

Вот психологическое место сказки: это искусство, сродное мифу, песне и узору; творчески рождающееся в той глубине, где живу я человека сновидения, предчувствия и прозрения. Вот почему рождение сказки есть сразу художественное и магическое. Она не только живописует и повествует, но и поет. И чем певчее сказка сказывается, чем нараспевнее она входит в душу, тем сильнее ее магическое, заклиательное и убедительное действие, тем полнее она захватывает душу, тем больше она успокаивает, устраивает, освобождает и умудряет ее. Сказка родится из тех же истоков, что и заклиательные песни магов, с их внушающей, повелительно-целящей силой; и вот откуда в сказках эти ритмически-настойчивые повторения фраз, словесных фигур и образов... Именно потому и наши великие художники, В. А. Жуковский и А. С. Пушкин, пели свои любимые сказки в стихах, насыщая всенародный миф силой магической песни и укладывая сказку в совершеннейший и уже навеки неизменный узор слов.

Так, сказка дает и гораздо меньше и в то же время гораздо больше, чем дневное сознание. Природа и дневное сознание имеют свою естественную необходимость и свои естественные невозможности; а сказка не связана ни этой необходимостью, ни этими невозможностями. Она имеет свою «необходимость». Ее необходимость иная, душевно-духовная, внутренняя, таинственная. Это необходимость сокровенного помысла, предчувствия и сновидения; и в то же время это необходимость национальной судьбы, национального характера и национальной борьбы.

Сказка не повинуетя законам вещества и тяжести, времени и пространства. Она повинуетя законам художественной мечты и законам национально-героического (иногда сословно-героического) эпоса. Она повинуетя законам всеильного волшебства и запросам сверхчеловеческой национальной силы: она слагается по указаниям пророческого сновидения, волевого порыва и созерцающего постижения. Эти законы таинственны; им можно предаваться, но им не легко формулировать. Власть же их бесконечна и миропреобразующа. И вот ими-то живет, слагается и дышит сказка.

Но слушай: в родине моей,
Между пустынных рыбарей,
Наука дивная таится.
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;
Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб, и самая любовь.

(Пушкин)

Для этой власти нет «невозможного»; в этом мире возможно многое, чего не знает и с чем не считается трезво-дневное сознание человека. Поэтому уйти в сказку значит уйти от этого дневного сознания, и от постылых необходимостей, и от проляптых невозможностей внешнего мира...

Не слушайте же сказку при свете дня или прозаического и бескрылого сознания. Сказку надо слушать вечером или ночью, в волхвующей темноте, которая снимает с вещей их знакомый и обыденный вид и придает им новый вид, неожиданный и таинственный. Сказку надо слушать сумеречным сознанием на грани полусна и полубодствования. Навстречу сказке должны раскрыться погребя и пещеры бессознательно-го, где душа живет по-младенчески, совмещающая ребенка с мудрецом; где она по-детски «глупа» и не стыдится этой своей «глупости»; где она по-детски доверчива и искренна, беспомощно вопрошает и недоумевает, беспомощно страшится и ужасается; где она уже не выдумывает «нарочно» и не «играет», а уходит в сказку со всей серьезностью и страстностью надежды и отчаяния; и уже не помнит, что это «игра», ибо на самом деле это уже не игра, а жизнь, сама жизнь — и борьба, и победа, и совершение.

Кто хочет вправду услышать сказку, тот должен пробиться сквозь толщу своей душевной прозы и окаменевшей трезвости; или, если угодно, растворить ее; или, еще лучше, погасить ее так, как задувают свечку, — и уйти в темные недра душевной ночи. Внять иному — по-иному; новому — по-новому; таинственному — таинственно.

Замечательно, что опытные и мудрые сказочники хорошо знают это. Вот почему они сказывают свои сказки голосом глубоким и таинственно-интимным, как бы выпивая их осторожно и доверительно; вот почему они сказывают их в таинственных потемках и не позволяют перебивать их или зажигать свет, а при свете больше не рассказывают. И именно поэтому они нередко начинают сказку с неожиданной, крепкой присказки.

Задача присказки состоит в том, чтобы подготовить душу слушателя, вызвать в ней верную сказочную установку. Присказка должна спутать обыденный смысл, задуть свечку трезвого, прозаического сознания и раскрыть душевный слух для сказки, для ее художественно-прикровенного, символически-мифического смысла. Она вызывает слушателя из его обыденного мышления, сбивает его с панталыку и опрокидывает его в бессмыслицу или путаницу, в замешательство и недоумение; а уж оттуда только ему забрезжит свет и смысл настоящей сказки. Иногда присказка дразнит и разочаровывает; иногда уговаривает и сулит; иногда вовлекает в сказку плясовым ритмом, иногда комическим гротеском, иногда вкрадчивым живописанием. Но карты трезвого сознания она путает всегда.

Вот, напр., присказка, дразнящая и сулящая.

«Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки. На море, на океане, на острове Буяне — стоит бык печеный, возле него лук толченый, а у него в боку нож точеный, сейчас ножик вынимается — изволь кушать...»

И то еще не сказка, только присказка; а кто мою сказку будет слушать, так тому соболь и куница, и прекрасная девица, сто рублей на свадьбу, а пятьдесят на прогулянье...» (Сказки *Афанасьева*).

А это означает: приготовься ко всему и не смей перебивать; тогда все сам увидишь...

А вот присказка ритмически-плясовая и подготовительная.

«Бабушка Арина, куда ты ходила? — В Новую деревню. — Что в Новой деревне? — Утка в юбке, селезень в кафтане, корова в рогоже, нет ее дороже...»

Это присказка, сказка будет впереди. Кудель, кудель, куда ты летела, на кусточек села, на кусточек села — соловьем запела... У нас — не так, как у вас, — и кудель поет соловьем».

Иными словами: перестраивай душевный лад, сходи с обыденного ума, ко всему приготовься, ничему не удивляйся; тогда все и узнаешь...

И вот присказка сумбурно-драчливая.

«Жили были два крестьянина! Один — Антон, другой — Агафон. Послушай, брат, — говорит Антон. — Бедовая туча к нам несется, — а сам как лист трясется. — Ну, что ж за беда? — Да ведь град пойдет — весь хлеб побьет! — Какой град! Дождь будет. — Ан град! — Ан дождь! — Не хочу говорить с дураком, — сказал Антон, да хватя соседа кулаком. Ни дождь, ни град нейдет, а у них из носа да ушей кровь льет...»

Это еще не сказка, а присказка; сказка будет впереди — завтра после обеда, поевши мягкого хлеба».

И это значит: вот смешаю тебе все карты, опрокину тебя в бессмысленную драку, так после этого ты и в сказкины небывальщины лучше поверишь...

А вот еще присказка, вводящая и вкрадчивая.

«В то давнее время, когда мир Божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропапки, — в то время жил-был царь, по имени Горох, с царицею Анастасиею Прекрасною»...

Эта присказка как будто берет душу слушателя за ее детскую ручку и ведет ее с распевным уговором прямо туда, куда надо, — в мир древний и дивный, к самому царю Гороху... Сказка уж такая: она уводит, развязывая и окрыляя воображение, упоая и вдоволь напоая его; а потом приводит назад, заканчивая или обрывая это изобразительное-вообразительное пьянство — пьянственно же концовкою: «Я там был, мед-пиво пил; по усам текло, а в рот не попало»... Или еще выразительнее и протрезвительнее, даже с выталкиванием:

«На том пиру и я был, мед-вино пил, по усам текло, да в рот не попало; тут меня угощали; отняли лоханку от быка, да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не пил, не ел, вздумал утираться; со мной стали драться. Я надел колпак, стали в шею толкать...»

А это значит: сказка кончена; протрезвляйтесь, добрые люди, от вашего мечтательного пьянства; все равно ни я, ни вы взаправду пьяны не были: только по усам текло, в рот-то ведь не попало. Идет жизненная проза с ее разочарованиями и выгонит всех нас с нашего пира взащей.

А все-таки — был пир... И больше, гораздо больше: было некое паломничество в волшебные, вожделенные и мудрые края; и оттуда были принесены некие дары.

Что же приносят люди из этих мудрых краев? И что зовет и влечет их в эти волшебные страны? О чем спрашивает человек сказку? И что именно она отвечает ему?

Спрашивает человек сказку о том, о чем всегда и все люди, от века и до века, будут спрашивать своих родителей, пастырей и Бога; о том, что всем нам важно и необходимо, без чего трудно жизнь прожить и без чего мы все-таки, в труде и страданиях, проживаем ее; и уходим из жизни, многого не поняв и не осмыслив; а под конец жизни вздыхаем: «Прошла жизнь; о, если бы это было прожито начерно, а теперь бы начать жизнь заново, и жить бы ее начисто!..»

Человек спрашивает сказку, а она отвечает ему — о смысле земной жизни. Но спрашивает он как существо, еще не узревшее и не постигшее Бога. Спрашивает по-младенчески, беспомощно, недоуменно, коснувшись зла и

страха на земле, но не коснувшись или едва коснувшись ризы Божией; как испугавшееся и задумавшееся дитя спрашивает маму или няню — с широко раскрытыми глазами, в которых и испуг, и тревога, и любопытство, и благоговение; как если бы ответ был легок и прост; и с тем, чтобы немедленно поверить... А ответ ему дается не из религии, а из дорелигиозной магической глубины, где инстинкт, художество и опыт жизни скопили некую национальную, но не последнюю, а предпоследнюю суверенно-языческую мудрость.

...Что такое счастье? Само ли оно в жизни приходит или его надо добывать? И что нужно, чтобы добыть его? Неужели непременно нужны труды, испытания, опасности, страдания и подвиги, все эти «утруждения великими службами»? И как же слагаются эти испытания и подвиги? И есть ли на свете люди бездельные и несчастные? И откуда эта бездельность и несчастность? Можно ли ее преодолеть или она суженая, роковая? И в чем же счастье человека? В богатстве ли? Или в любви к свободе? Или, может быть, в доброте и правоте? В жертвенной любви доброго сердца?

...Что такое судьба? Что это значит: умным горе, а дуракам счастье? И какие же это такие — дураки? Может, они вовсе не дураки? Что это значит: «на роду написано»? И неужели судьбу нельзя одолеть и человеку остается покорно сидеть у моря и ждать погоды? Или всякий человек своему счастью кузнец? И как быть человеку в трудную минуту жизни, когда горько плачется и тужится, а ума ни к чему не приложить? Как быть человеку на распутье жизненных дорог, и на тропинках жизненного леса, в беде и в несчастье?..

...А ведь есть в мире злые силы... Злые существа, посвятившие себя злодеянию; свирепые, беспощадные, наслаждающиеся своими пакостями, всегда готовые «слопать» или «съесть» человека... Кто они? Откуда они? И как с ними быть, когда они появятся!

— «Вдруг закрутилось-замутилось, в глаза зелень выступила: становится земля пупом, из-под земли камень выходит, из-под камня баба-яга, костяная нога, спина жилинная, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет, пестом упирает, помелом след замечает, сзади собачка побрехивает...»

Или увидишь ее в избушке на курьих ножках:

«Лежит — в одном углу ноги, в другом голова, губы на притолоке, нос в потолок уткнулся... «откроет заслонку, достанет жареную Аленку — и на стол: ела-ела, пила-пила, и выйдет на двор, и станет валяться по траве: покатаюся, поваляюся, Аленкина мясца наевшись...»

Как тут быть? Что тут делать?

Или еще эдакое бывает: «Вдруг утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось... Лезет чудо-юдо, мосальская губа, змей шестиглавый: — что же, говорит, — на сестрах моих али на дочерях сватаешься?»

А то еще — др. нечисть всякая: вихорь, черт, кашей бесмертный, карлы, ведьмы, мачехи, разбойники... Да разве всех их пересчитаешь? Откуда они? Что им надо? Можно ли избежать их в жизни? А раз столкнувшись, что с ними делать? Как одолеть их — добротой, подчинением и службой? А если они унижать начнут, как одна, вот, ведьма Ивана-Царевича пастухом сделала и каждый вечер заставляла его корову под хвост целовать? И это все терпеть?! Или одолевать их умом-хитростью-обманом? Или же биться с ними насмерть? Да можно ли их победить? Или, может быть, весь секрет в том, чтобы их не бояться? А не может ли быть так, что злая сила вдруг обратится и покается, как вот та злая царевна, что целый год на каменном столбе у

дороги сидела, вязанку сена съела, 2 чана воды выпила и полон чан слез наплакала, и покаялась, и Бог ее простил, и Иван-Царевич ее простил...

А то ведь есть еще великие силы — полудобрые: и Вертодуб, и Вертогор, и Серый Волк, и Ворон Воронович, и Мужичок-сам-с-перст-а-усы-на-семь-верст... С ними как быть? Ведь это целая наука жизни!..

...А можно ли жить и прожить кривою на свете? И куда кривда ведет? Не сильнее ли она, не выгоднее ли правды? Или правда лучше и всегда в конце концов победит? И в чем же тогда понятная таинственная сила правды? Почему содеянное зло всегда или почти всегда возвращается на голову виновника? А если не всегда, то где же справедливость? И почему это так бывает, что посеянное добро, хотя бы маленькое семечко добра, расцветает потом на пути посеявшего человека благоуханными цветами — то благодарности и ответного добра, то пожизненной преданности, то прямо спасения от лютой беды? А если не всегда так бывает, то почему? Не правит ли миром некая таинственная благая сила и каковы законы ее?..

...А как быть с неравенством на земле? Ведь люди различны и не равны; есть умные, хитрые и глупые; есть уроды и красавцы, богатые и нищие, цари и мужики, богатыри и карлики. Справедливо ли это? И почему это так устроено? И вправду ли низшие — хуже? Или они, может быть, в чем-нибудь лучше высших — сильнее, храбрее, добрее, умнее, изворотливее, благороднее? А может быть, Иван-Коровий-Сын и есть самый могучий Буря-Богатырь? Разве не бывают злые цари, жестокие богачи — и добрые нищие, великодушные мужики, злые красавицы и добрые уроды? Или разве не бывает так, что чудесная, благородная и умная душа — душа-красавица — скрыта в уродливом теле Зверя-лесного-Чуда-морского? И неужели нет путей для ее спасения и освобождения? Что же важнее — внешняя оболочка или незримая красота души? И как распознать, как учуять прелестную душу у страшилища и уродливую, злую душу у богатой красавицы? Как не ошибиться? Чему верить? И кому же надо царствовать в тридесятом царстве — ничтожному глупцу или доброму и мудрому уродцу в рубище?..

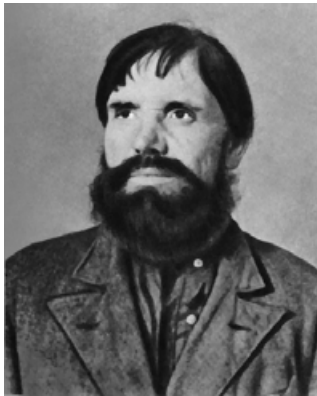
И наконец, правда ли, что возможно только возможное, а невозможное и в самом деле невозможно? Не таятся ли вокруг нас, в вещах и в душах, такие возможности, о которых никто не думает и говорить не решается? Кто сказал, что нельзя летать по воздуху? А если есть на свете ковер-самолет? Кто сказал, что пространство неодолимо? А вон у колдуна карета была: «как только сядешь — зашурься — глядишь, и уж дома». Откуда это известно, что нельзя построить дворец в одну ночь? А если можно? А скатерть-самобранка? А волшебная рубашка? А шапка-невидимка? А молодильные яблоки? А целящая и живая вода? А неисчерпаемый кошелек? А что если мне ведьма мертвый зуб в голову впустит или волшебный волосок вставит? А вы проповедовали бросать через плечо, в час смертной опасности, волшебный гребешок или волшебную ширинку? А вы советовались о своей беде с бабушкой-задворенкой, или со старичком-лесовичком, или с коньком-горбунком? И откуда это известно, что мы знаем только то, что знаем, а не больше? И что мы можем только то, к чему мы привыкли? И что тайные силы не могущественнее явных? А если так, то к чему же призван человек, который эту «тайну страшную природы» постигнет «светлою мыслию» (Пушкин)? Не призван ли он стать «победителем темных сил» и войти «в заклятую страну» как избавитель и пробудитель (Ф. К. Сологуб)?..

Вот о чем спрашивает человек, и особенно русский человек, свою сказку. И все эти вопросы — о том, что всегда и для всех: о счастье, о судьбе, о правде и о зле, о смысле и о путях жизни. И сказка отвечает не о том, чего нет и не бывает, а о том, что всегда, и теперь есть, и всегда будет, пока человек будет томиться на земле.

Лит.: Азадовский М. К. Русская сказка. Избр. мастера. Т. 1—2. М.: Л., [1932]; *Веселовский А. Н.* Собр. соч. Т. 16. М.; Л., 1938; *Аникин В. П.* Русская народная сказка. М., 1959; *Волков Р. М.* Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки. О., 1924; *Мелетинский Е. М.* Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958; *Померанцева Э. В.* Судьбы русской сказки. М., 1965; *Пропн В. Я.* Морфология сказки. Л., 1928; 2-е изд. М., 1969; *Он же.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; *Савченко С. В.* Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев, 1914.

И. Ильин

СКАЗКИН (наст. фамилия — **Лебедев**) **Михаил Ананьевич** (дек. 1883—30.12.1967), сказочник. Родился в с. Темта Коштомской губ. По профессии плотник. В репертуаре Сказкина свыше 100 сказок и ок. 50 песен. Он сказывал классические волшебные и бытовые сказки, приключенческие сказки литературного происхождения.

Будучи мастером традиционной, особенно сложной по фабуле волшебной сказки, Сказкин последовательно обновлял традицию и обращался к современности. В повествовании он акцентировал социальную сторону, личные качества героев. Сказки Сказкина записаны и опубликованы Н. Д. Комовской в сборниках «Предания и сказки Горьковской области» (1951), «Сказки, рассказы, песни Горьковской области» (1956).

Соч.: Сказки... [Горький], 1952.

СКАЗОВЫЙ СТИХ, группа размеров *народного стиха*, чаще всего употребительных в эпических произведениях — *былинах, исторических песнях, балладах, духовных стихах*. Наиболее частый размер — трехударный (трехиктный), в котором промежутки между сильными местами колеблются от 1 до 3 слогов; т. о., в него могут входить строки, звучащие и как хорей («Как во городе во Киеве»), и как анапесты («Как во славном во городе Киеве»), и как тактовики («Как во славном во городе во Киеве»); колебания анакруст от 0 до 2 слогов придают стиху дополнительное разнообразие. Окончания обычно дактилические, иногда (в более поздних произведениях) — женские. Реже употребляются размеры двухударный (напр., в былинах о *Щелкани*) и четырехударный (с мужским или гипердактилическим окончанием — в некоторых исторических песнях). *См. также* Былинный стих.

М. Г.

СКАЗОЧНИКИ, рассказчики *сказок*, мастера-исполнители, владеющие большим или меньшим сказочным репертуаром. Рассказывая традиционную сказку, сказочники обычно не передают ее механически, а либо сознательно, либо невольно вносят в нее новые черты, меняют ее в зависимости от степе-

ни одаренности, согласно своим взглядам, принаравливаясь к запросам аудитории. Сказочники отличаются друг от друга составом репертуара, идейной направленностью творчества, стилем и языком сказок, манерой сказывания. Большую роль в формировании сказок у всех народов сыграли профессиональные сказочники; для русской сказочной традиции — *бахари* и *скоморохи*. Интерес к творческой личности сказочников особенно характерен для русской науки; проблема эта привлекает внимание и западноевропейских фольклористов. Наиболее известным сказочником в России XIX в. был самарский сказочник *Абрам Новопольцев*. После 1917 среди сказочников выделяются *А. К. Барышникова* (Куприяниха), *Н. О. Винокурова*, *Ф. П. Господарев*, *И. Ф. Ковалев*, *М. М. Корзунев*, *А. Н. Королькова*, *М. А. Сказкин*.

Лит.: *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1909; *Зеленин Д. К.* Великолукские сказки Пермской губернии. Пг., 1914; *Он же.* Великолукские сказки Вятской губернии. Пг., 1915; *Савченко С. В.* Рус. народная сказка. Киев, 1914; *Соколовы Б. М. и Ю. М.* Сказки и песни Белозерского края. М., 1915; *Азадовский М. К.* Рус. сказочники // Русская сказка. Т. 1. М., 1932; *Он же.* Русские сказочники // Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960; *Померанцева Э. В.* Судьбы русской сказки. М., 1965.

Э. Померанцева

СКАЛДИН Алексей Дмитриевич (1885—1943), писатель. Учился в Петербургском университете. С 1910 выступал со стихами в журналах «Аполлон», «Сатирикон», эгофутуристических изданиях. Сборник стихов «Стихотворения. 1911—1912» (1912) отмечен влиянием *Вяч. Иванова*. В стихах Скалдина проявилось тяготение к фантастическому, таинственному («Гаданье», «Черный рыцарь и смерть» и др.); особенно свойственно это его философскому роману «Странствия и приключения Никодима старшего» (1917). После революции Скалдин выступал гл. обр. как детский писатель, с книгами научно-познавательного характера: «Чего было много» (1929), «За рулем» (1930), «Колдун и ученый» (1931) и др.

Соч.: Затемненный лик // Труды и дни. 1913. № 1—2; О письмах А. А. Блока ко мне // Письма Александра Блока. Л., 1925.

Л. Чертков

СКАФТЫМОВ Александр Павлович (28.09[10.10].1890—26.01.1968), литературовед. Родился в с. Столыпино Вольского у. Саратовской губ. Окончил в 1913 Варшавский университет, начал печататься с 1916, профессор Саратовского университета с 1921. Уже в 1924 им создан основной труд «Поэтика и генезис былин». Исследования Скафтымова посвящались русскому фольклору и русской литературе с к. XVIII до н. XX в. Образцом литературоведческого анализа является цикл статей о драматургии *Чехова* (1946—48), в которых своеобразие композиции, сюжета, диалога объясняется спецификой конфликта, принципиально иного, чем в дочеховской драматургии: «К вопросу о принципах построения пьес Чехова», «О единстве формы и содержания в “Вишневом саде” А. П. Чехова» и др. Ряд исследований Скафтымова — о *Достоевском*, *Лермонтове*, *А. Н. Островском*, *Л. Толстом* (в частности, работа «Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Толстого “Война и мир”») и др. русских писателях.

Наибольшую славу принес Скафтымову труд «Поэтика и генезис былин». Скафтымов детально анализирует сотни *былин* и вариантов их (только эпизодов встречи-сражения *Ильи Муромца* и *Соловья-разбойника* он выявил 47 вариантов!). Основная ценность былин в том, что в них отражено мировоззрение широких слоев народа. Др. сословия (князья, воеводы,

купцы и т. д.), как правило, изображались в былинах безлико, нелюбезно или иронично. Главный герой (хотя у него зачастую изначальные недостатки: молодость, неопытность, незнание чего-либо, болезнь-немошь...) силен, богатырь (порой ему подвластна даже тяга земная), сила его неотвратима (что признает, напр., в Илье Муромце Соловей-разбойник), она Божественна (герою порой помогает «случай», судьба, внезапность...), а на самом деле за ним стоит сила правды. Скафтымов пишет: «Герой сокрушает врага не сразу и как бы не собственной только силою». Герой-победитель всегда отказывается от особых почестей, золота, богатства, власти (иначе он невольно перешел бы в др. сословие, утратил бы ценность народной принадлежности и народного мировоззрения). Герою (как и самому народу) ведомы несправедливость, унижение, обиды, но он все преодолевает: терпением, подвигом рассеивает о себе плохое мнение (князя, бояр, наветчиков и т. д.), вызывая восхищение даже врагов. Но былинному герою по-настоящему дорого лишь уважение народа (иногда опущенного на самый низ социального состояния, как «голи кабацкой»). По мнению Скафтымова, былины отличаются от многих др. жанров их героический и национальный пафос. Скафтымов пишет: «Иногда противопоставление между героем и противником сопровождается открытым выражением чувства национальной гордости. Национальная тенденция сказывается уже в том обстоятельстве, что героем былины всегда является “русак”, русский человек, ездит он по русской земле, защищает русскую землю; противник героя всегда чужанин, “басурманин”, “злое татаровье” или “литва поганая”. Илья, отпуская трех побежденных царевичей, завещает им:

Вы поедте по свым местам,
Вы чините везде такову славу,
Што Святая Русь не пуста стоит,
На Святой Руси есть сильны, могучи богатыри.

В этом и многих др. случаях выражена “народно-патриотическая... патетика былины”.

При жизни Скафтымова в провинции вышла лишь одна его книга, в которую вошли далеко не все даже лучшие работы — «Статьи о русской литературе» (Саратов, 1958). Труды выдающегося русского филолога уже полвека не переиздаются, доступны лишь узким специалистам.

А. Баженова

СКОВОРОДА Григорий Саввич (22.11[3.12].1722—29.10[9.11].1794), философ, писатель и педагог. Родился в с. Чернухи на Полтавщине в семье казака. В 1738—42 и 1744—50 учился в *Киево-Могилянской академии*. Путешествовал и жил в ряде стран Западной Европы; в 1753 возвратился в Малороссию. Был домашним учителем, преподавал в Переяславском и Харьковском коллегиумах. С 1769 до конца жизни странствовал. Сковорода обладал энциклопедическими знаниями и культурой, владел несколькими языками, изучал литературу и философию античности. Написал философские трактаты («Наркисс», «Беседа, нареченная двое», «Диалог, или Розглагол о древнем мире», «Разговор

пяти путников о истинном счастье в жизни», «Кольцо», «Разговор, называемый алфавит, или Букварь мира» и др.). Сковорода обращался преимущественно к форме диалога, нередко подкреплял свои мысли *пословицами*, афоризмами, создавая яркие художественные образы. Свои морально-этические взгляды он развивал в жанре *басен* в прозе, создав цикл «Басен харьковских» на собственные и эзоповские сюжеты.

Сковорода был выдающимся поэтом; 30 его стихотворений входят в сборник «Сад божественных песней» (написаны между 1757 и 1785). Поэзия Сковороды отличается тематической широтой, глубиной мысли и чувства. Он выступал певцом свободы, обличителем крепостничества, иногда в сатирическом духе («Всякому городу нрав и права»). Мастер сложной строфики и ритмики, в основе силлабической, оригинальной и мощной образности, Сковорода писал еще на старом малороссийском литературном языке (и по латыни). Его идеи оказали заметное влияние на общественную и культурную жизнь Малороссии к. XVIII — первых десятилетий XIX в.

Соч.: Твори. Т. 1—2. Киев, 1961; Собр. соч., с заметками и примеч. В. Бонч-Бруевича. Т. 1. СПб., 1912.

СКОМОРОХИ, профессиональные бродячие певцы, артисты, музыканты, кукловоды, древнейшее изображение которых сохранилось среди фресок Киевского Софийского собора XI в., в миниатюрах *Радзивилловской летописи* XIV в., в описании Олеария XVII в. У скоморохов, как и у *калик перехожих*, был свой репертуар, носивший ярко выраженный сатирический характер, в чем и была одна из причин преследований скоморохов, массовых гонений на них, жесточайших указов. Но эти гонения начались в XVI—XVII вв. — в период становления и укрепления государства и Церкви Московской Руси. В Киевской Руси обличения скоморохов, гудцов, ряженных, т. е. лицедейства как такового, можно встретить во многих поучениях, проповедях *Луки Жидаты*, *Кирилла Туровского* и др. и, тем не менее, сам факт изображения их в главном митрополичьем храме — Святой Софии рядом со святыми и Ярославом Мудрым с семьей свидетельствует о том, что они были неотъемлемой частью духовной культуры Киевской Руси. Ничего подобного нельзя представить в главном храме Московской Руси — Успенском Соборе Кремля. Стоглавый Собор 1551 высказал четкое отношение Церкви к народным святочным играм и др. обрядам, сохранившим языческие элементы «глума», «бесовства». О скоморохах Стоглав гласил: «В Троицкую субботу по селам и по погостам сходятся мужи и жены на жалньниках и плачут по гробам с великим кричанием, и егда учнут скоморохи, и гудцы и прегудницы играти, они же, от плача преставше, начнут скакати и плясати и в ладони бити, и песни сатанинские пети». Характерно, что Церковь выступает не против поминальной Троицкой субботы и ее плачей-жалньников, говорится лишь о том, что, перестав плакать, начинают «скакати и плясати». Со скоморохами связывались всевозможные «глумы» и «кошуны», они олицетворяли «празднословие и смехотворение», «сатанинские песни и игры». В Стоглаве, кроме того, сообщалось, что «ходят скоморохи, совокупляясь ватагами многими по шестьдесят, и по семидесят и до ста человек, и по деревням у крестьян сильно едят и пьют, и из клети животы грабят, а по дорогам людей разбивают». (В былине «Сорок калик со каликою» почти те же самые обвинения предъявляются каликам: «Вы-то, калики, бродите по миру крещеному, / Кого окрадете, своим

зовете, / Покрали княгиню Апраксевну...»). Церковно-земский Собор 1551 в ста главах своих ответов на вопросы царя *Ивана Грозного* фактически вынес свой приговор, стал руководством к действию. Приговорная грамота Троице-Сергиева монастыря 1555 предписывала крестьянам, как поступать со скоморохами: «А скомороха, или волхва, или бабу ворожею, бив да ограбив, да выбиты из волости вон». «Не велели есмь им в волости держати скоморохов, ни волхвей, ни баб ворожей, ни татей, ни разбойников», — говорится в др. документе, датированном тем же 1555. Еще более жестким был указ царя Алексея Михайловича 1648, после которого скоморохов стали высылать на окраины государства. Патр. *Никон*, укрепляя церковную власть, приложил немало сил в борьбе с языческими «дьявольскими беснованиями». Не обошлось и без крайностей. В числе тех, кто «души свои губит такими помраченными и беззаконными делами», оказались даже сказочники, которые «сказки сказывают небывалые». А в результате никому из собирателей так и не удалось записать скоморохов — к н. XIX в. их уже не было. Хотя столетием раньше В. Н. Татищев писал: «Я прежде у скоморохов песни старинные о князе Владимире слышал, в которых жен его имена, тако ж о славнях людех Илье Муромце, Алексие Поповиче, Соловье-разбойнике, Долке Стефановиче и проч. упоминают и дела их прославляют». Эти же слова В. Н. Татищева, в свою очередь, дают основание утверждать, что репертуар скоморохов состоял не только из скоморошин, но и *былин*, что они, как и исполнители *духовных стихов калики перехожие*, помимо своих песен, исполняли и народные былины, были хранителями народного эпоса.

О скоморохах, которые «прошедшую историю поют на голосу», упоминает и уральский заводчик П. А. Демидов. В письме к историку Ф. Миллеру (1768) он посылает ему историческую песню о царе Иване Грозном и сообщает, что «достал от сибирских людей, поскольку туда всех разумных дураков посылают». «Разумные дураки» — это и есть ссыльные скоморохи.

Существует версия, согласно которой весь «*Сборник Кириши Данилова*» записан от скоморохов или сам Кириша Данилов был скоморохом, записавшим свой собственный «репертуар». А. А. Горелов отмечает по этому поводу: «В XVI—XVII веках “веселые скоморохи” — особый, суверенный клан совместно проживающих и совместно же, ватагами, мигрирующих бродяг-актеров, “людей вежливых, очестливых”, — носителей-знатоков любимой народом, общезначашей культуры развлечений и многообразных праздничных ритуалов. Тогдашние скоморохи — вернейшие наследователи и хранители традиционных искусств, маги-вершители этапных в жизни человека обрядов, блюстители канонов, обязательных для общины. Причастившись этой премудрости-искушенности, Кириша Данилов сберег в своей книге не только умение восторженно живописать словом многоликую красоту человеческого и Божьих творений, но и тонкость различения художеств. Его волнуют разные исполнительские стили музыки, извлекаемой из гуслей звончатых в былинах “Соловей Будимирович”, “Ставер-боярин”, “Садков корабль стал на море”, и он же с наслаждением внемлет голосу трезвого и жесткого нравоучения, что проговаривается-прокрикивается в “Госте Терентище”. Он превращает в автопортрет распротраненные стихи про “веселых молодцов”, умеющих мастерски потешать в “беседе смиренной” щедротароватых “боярина великого и хозяина ласкова” (“Михайло Скопин”). И отождествляя себя с скоморошьим племенем (а как еще умел назвать себя и собратъев по

песенному ремеслу простолодин?...), он яро защищает честь “скомороховой жены” в помрачающем, захватывающем всех и вся, — не исключая самих “веселых молодцов”, — эротическом вихре наборной песни “Стать почи-нать...”».

Нигде, ни в одном фольклорном собрании нет такого количества скоморошин, как в «Сборнике Кириши Данилова». Причем не только по тематике, как в сатирах «Гость Терентище», «Сергей хорош» или небылицах «Благословите, братцы, про старину сказать», скоморошине «Из монастыря Боголюбова старец Игренищю», «Усы, удалы молодцы», «Свинья хрю, поросята хрю», *исторические песни*, былины тоже предстают в явно скоморошьей обработке. О том, что такое скоморошины, можно судить и по количеству отточий во всех изданиях. Исключение составляет лишь издание в серии «*Полное собрание русских былин*» (т. 1, СПб., 2000), в котором тексты впервые воспроизведены полностью по рукописному подлиннику XVIII в.

Несколько скоморошин сохранилось в записи от выдающейся сказительницы *М. Д. Кривополеновой*, в т. ч. былина «Вавило и скоморохи», являющаяся такой же апологией скоморошьего искусства, как «Сорок калик со каликою» — каличьего. Видимо, у скоморохов и калик перехожих была такая необходимость в прославлении и оправдании своего ремесла с помощью искусства.

Традиции скоморохов не исчезли бесследно: их искусство «смехотворения» унаследовал *народный театр Петрушки*, народный *раек*.

Лит.: Беляев И. О скоморохах // «Временник имп. Моск. об-ва истории и древностей российских». 1854. Кн. 29; *Фаминцын А. С.* Скоморохи на Руси. СПб., 1889; *Финдейзен Н.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. Т. 1. М., 1928; *Морозов А. М. Д.* Кривополенова и наследие скоморохов // Кривополенова М. Д. Былины, скоморошины, сказки. Архангельск, 1950; *Всеволодский-Гернеросс В. Н.* Русская устная народная драма. М., 1959.

В. Калугин

СКОПИН Николай Герасимович (1765—26.01.1836), протоиерей, духовный писатель. Родился в Саратове. В 1785 окончил Астраханскую духовную семинарию, где был первым учеником; затем — Московскую духовную академию. Скопин был образованным человеком своего времени, знал латинский, греческий языки, на которых свободно говорил и писал, позже изучил французский, армянский, калмыцкий, татарский. Писал стихи, сотрудничал в «Северной пчеле». Перевел (с латинского) диссертацию своего земляка *А. С. Кайсарова* «Об освобождении крепостных в России» (1806), этот перевод преподнесен царю Александру I. В 1789 Скопин рукоположен в священники, с 1783 он член Астраханской консистории и учитель обращающихся в христианство иноверцев. В 1797 определен префектом Астраханской семинарии. Хотя Астрахань недалеко от его родины, но все же он хотел жить в Саратове. С 1806 и до конца жизни он служил в Саратове в Троицком соборе и др. местах. За подвижническую деятельность награжден крестом, палицею, митрою. В 1811 за героические действия во время пожара в Саратове (пока спасал церковное имущество — сгорел его собственный дом) имп. Александр I прислал Скопину рескрипт и орден св. Анны II степени, который давал право на получение дворянства (оформл. в 1816). 28 июля 1812 Скопин произнес под сводами Троицкого собора патриотическую речь о защите от врага. В 1819 он назначен первым ректором Саратовского духовного училища, ректором мужского уездного училища и цензором проповедей по г. Саратову. Скопин написал несколько десятков поучений, речей (проповедей), где разъяснял разнообразные христианские события и нравственные понятия. С 1796 по 1836 он вел дневник, озаглавленный: «Записки дневные о делах вещей достопамятных протоиерея Николая Герасимовича Скопина», где отразил многие политические события того времени.

А. Баженова

СКОПИЧЕНКО Ольга Алексеевна (в замужестве **Коновалова**) (25.05.1908 — май 1997). Родилась в Сызрани. Отец — офицер, участник первой мировой и гражданской войн. В 7 лет начала писать стихи. В годы гражданской войны некоторое время жила в Троицке. «Тогда жизнь шла скачками — от обозов к эшелонам, от эшелонов к временным бивуакам в военных городках» (из рассказа Скопиченко «Затрениа в Даурских сопках»). Рассказы Скопиченко основаны на достоверных событиях; автор избегает выдумки, и ее рассказы скорее мемуарная, чем собственно художественная проза. В главе из повести «На спинах верблюдов» (1988) Скопиченко вспоминает о трудном и трагическом переходе ее семьи с небольшим отрядом через безводную солончаковую степь на пути в Китай. Ок. 1923 семья поселилась в Харбине. Скопиченко окончила там русскую гимназию, в Харбине же поступила на юридический факультет. В сер. 1920-х начала печататься в газетах и журналах, в т. ч. в «Рубеже». Сблизилась с *М. Колосовой*, чьи стихи оказали на Скопиченко сильное влияние. В студенческие годы Скопиченко и Колосова жили вместе — в «сторожке», описанной в рассказе Скопиченко «Неожиданный завтрак»: «Одно время мы жили в очень небольшой бедной каморке, даже не каморке, а в сторожке». О Колосовой говорится также и в рассказе Скопиченко «Устрицы». В 1926 Скопиченко издала свой первый сборник стихов — «Родные порывы». В 1928 переехала в Тяньцзинь, где вышел ее 2-й сборник «Будущему вождю» — тематически наиболее близкий к стихам *М. Колосовой*. Через несколько лет Скопиченко переехала в Шанхай. Там был опубликован ее довольно объемный (170 с.) 3-й сборник «Путь изгнанника». С установлением коммунистического режима в Шанхае Скопиченко с потоком

беженцев попала на маленький о. Тубаба на юге Филиппин, где прожила 2 года в эвакуационном лагере. В нояб. 1950 приехала в Сан-Франциско. Много лет сотрудничала с сан-францисской газетой «Русская жизнь». Изредка печаталась в др. изданиях («Грани», «Возрождение», «У Золотых Ворот»). Опубликовала книги «Неугасимое», «Памятка», «Стихотворения». В 1990 потеряла зрение. В 1994 (на титульном листе 1993) вышла ее итоговая книга «Рассказы и стихи», включившая 43 рассказа и стихотворения разных лет. Основная тема стихов Скопиченко — Россия: «Мы имя русское, как ладанку носили. / Мы родину иконой пронесли». Эта тема варьировалась в течение пятидесяти с лишним лет. В приподнятом тоне, лирически, иногда публицистически Скопиченко подводит итог: «И только Ею на земле жила» или «Радуюсь, что жизнь Тобой горела». Непосредственно окружающая действительность (Китай, США) редко входила в ее стихи. — «Только одно я ведаю. / Только одно я знаю — / Это сказать за сильными: / Вместе на крест восходим мы, / Это гореть светильником / Перед иконой Родины». Многие стихи посвящены воспоминаниям о «золотом детстве» в России, лихолетью гражданской войны, др. — св. Георгию, прп. Сергию Радонежскому, Александру II, «Голгофе последнего царя».

Соч.: Родные порывы. Харбин, 1926; Будущему вождю. Тяньцзинь, 1928; Путь изгнанника. Шанхай, 1932; Неугасимое. Сан-Франциско, 1954; Стихотворения. Рим, 1959; Памятка. Сан-Франциско, 1982; Рассказы и стихи. Сан-Франциско, 1994.

СКОРИНА Франциск (Георгий) (ок. 1490 — ок. 1541), деятель белорусской культуры. Основатель восточнославянского книгопечатания. Родился в семье зажиточного купца. В 1506 окончил философский факультет Краковского университета с ученой степенью бакалавра.

Библия Франциска Скорины

В 1512, имея вторую ученую степень доктора свободных наук, Скорина блестяще сдал в Падуанском университете экстерном экзамен по медицине и получил диплом «в лекарских науках доктора». В 1517, пользуясь материальной поддержкой влиятельных виленских мещан Богдана Онкова и Якуба Бабича, организовал в чешской Праге типографию и за 3 года издал 23 книги Ветхого Завета под общим заглавием «Библия руска, выложена доктором Франциском Скориною из славяного града Полоцька, Богу ко чти и людям посполитым к доброму поучению». Книги Скорины по своему техническому мастерству и художественному оформлению не уступают лучшим образцам западноевропейского книгопечатания того времени. Эти издания, как и последующие («Апостол» и «Малая подорожная книжица»), осуществленные им в 1525 уже в Вильнюсе, Скорина снабдил предисловиями, комментариями и послесловиями, в которых излагал патриотические идеи, ратовал за развитие образования среди простого народа и выступал поборником изучения языка церковной письменности. Скорина проложил первую стезю, по которой развивалось позднейшее книгопечатание восточных славян.

Лит.: Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888; Чатырхотельце Беларуська друку. Менск, 1926.

СКОРОГОВОРКА (чистоговорка, чистобайка), народнопоэтическое произведение, построенное на сочетании звуков, затрудняющих быстрое и четкое произнесение слов. Относится к малым жанрам фольклора. Содержание скороговорок чаще всего юмористическое, иногда скороговорка имеет смысл *пословицы*. Примеры скороговорок: «Нашего пономаря не перепонмаривать статью», «У быка губа тупа», «Сшит колпак, да не по колпаковски», «Проложу я тропу к отцу протопопу». Функция скороговорки в быту — игровая, тренировочная, она распространена в детском обиходе.

Лит.: Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957; Капица О. И. Детский фольклор. Л., 1928.

Н. С.

СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКАЯ АКАДЕМИЯ, ЭЛИНО-ГРЕЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ (ныне **МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ**), первое и старейшее высшее учебно-образовательное учреждение в Москве, созданное в 1687 под названием Эллино-греческая академия из школы братьев Иоанникия и Софрония Лихудов.

Инициатором создания академии был русский просветитель, педагог и поэт *Симеон Полоцкий*, не доживший, однако, до ее открытия. В 1687—1814 академия находилась в Заиконоспасском монастыре на Никольской ул. в Москве, где для нее специально было построено новое каменное здание.

С момента открытия в академии преподавались следующие дисциплины: греческий язык (как основной), латинский и старославянский языки, богословие, а также «семь свободных искусств» — грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка — изучение которых было обязательно и в европейских университетах. В н. XVIII в. в академии начали преподавать немецкий и французский языки, медицину, физику и философию. Академия готовила образованных людей для государственной службы и Церкви, осуществляла цензуру книг духовного содержания и дознание в отношении лиц, отступивших от Православия. Здесь учились не только отпрыски знатных фамилий. Среди учеников было много детей лиц духовного чина, московских дьяков и подьячих, купцов и посадских людей и даже чернососных крестьян. Первоначально в академии обучалось ок. 100 чел., в н. XVIII в. в ней насчитывалось 600 учащихся, а в н. XIX в. уже более 1600 студентов. В 1701 Эллино-греческая академия была переименована в Славяно-латинскую, а в 1775 — в Славяно-греко-латинскую академию. В 1814 она была преобразована в Московскую духовную академию и тогда же переведена в Троице-Сергиеву лавру. Под этим названием старейшее в России высшее учебное заведение существует и в настоящее время.

Лит.: Смирнов С. С. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855; Галкин А. Академия в Москве в XVIII ст. М., 1913.

В. Волков

СЛАВЯНОФИЛЫ, выразители идей Святой Руси, сыгравшие большую роль в развитии национального сознания, формировании национально-патриотической идеологии и русской литературы. Славянофилы обоснованно и твердо объявили об особом пути России, утвердились в мысли о спасительной роли Православия как единственно истинного христианского вероучения, отметили неповторимые формы общественного развития русского народа в виде общины и артели. «Все, что препятствует правильному и полному развитию Православия, — писал *И. В. Киреевский*, — все то препятствует развитию и благоденствию народа

русского, все, что дает ложное и не чисто православное направление народному духу и образованности, все то искажает душу России и убивает ее здоровье нравственное, гражданское и политическое. Поэтому, чем более будут проникаться духом Православия государственность России и ее правительство, тем здоровее будет развитие народное, тем благополучнее народ и тем крепче его правительство и, вместе, тем оно будет благоустроеннее, ибо благоустройство правительственное возможно только в духе народных убеждений».

Славянофильство зародилось в к. 1830-х, а в 1840—50-х собрало вокруг себя самые мощные национальные силы. Круг единомышленников-славянофилов был широк и объединял вокруг себя выдающихся русских писателей и ученых. Наиболее крупными выразителями славянофильских идей были И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин. Вокруг них группировались И. С. Аксаков, И. Д. Беляев, В. А. Елагин, Д. А. Валуев, А. Ф. Гильфердинг, Н. П. Гиляров-Платонов, Н. Д. Иванишев, П. В. Киреевский, А. И. Кошелев, В. И. Ламанский, В. Н. Лешков, Н. А. Попов, В. А. Черкацкий, Ф. В. Чижов. Славянофилам были близки М. П. Погодин, С. П. Шевырев. Славянофилов поддерживали и являлись выразителями их идей русские писатели С. Т. Аксаков, В. И. Даль, А. А. Григорьев, А. Н. Островский, Ф. И. Тютчев, Н. М. Языков и др. Мировоззренческие учения славянофилов оплодотворяли научную деятельность русских ученых Ф. И. Буслаева, О. М. Бодянского, Г. П. Галагана, В. И. Григоровича, И. И. Срезневского, М. А. Максимовича, Н. А. Ригельмана.

Славянофилы чаще всего собирались в московских литературных салонах А. А. и А. П. Елагиных, Д. Н. и Е. А. Свербеевых, Н. Ф. и К. К. Павловых. Здесь в горячих спорах со своими либерально-космополитическими противниками славянофилы пропагандировали идеи русского возрождения и славянского единства.

Космополитические силы в правительственных кругах долгое время препятствовали деятельности славянофилов. Им не позволяли иметь свой печатный орган.

Статьи славянофилов выходили в «Москвитяине», а также в различных сборниках — «Симбирский сборник» (1844), «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных» (1845), «Московские сборники» (1846, 1847, 1852). Свои газеты и журналы славянофилы стали издавать только с сер. 1850-х, но и тогда подвергались разным цензурным ограничениям и притеснениям. Славянофилы издавали журналы: «Русская беседа» (1856—60), «Сельское благоустройство» (1858—59); газеты: «Молва» (1857), «Парус» (1859), «День» (1861—65), «Москва» (1867—68), «Москвич» (1867—68), «Русь» (1880—85).

Своим творчеством славянофилы создали мощное общественное и интеллектуальное движение, сильно пошатнувшее идущее еще с эпохи Петра I космополитическое мировоззрение и низкопоклонство перед Западом. Славянофилы показали тупиковый, ущербный, бездуховный характер западноевропейской цивилизации. Призывая людей обратиться к своим историческим основам, традициям и идеалам, славянофилы способствовали пробуждению национального сознания. Много ими было сделано для собирания и сохранения памятников русской культуры и языка (Собрание народных песен П. В. Киреевского, Словарь живого великорусского языка В. И. Даля). Славянофилы-историки (Беляев, Самарин и др.) заложили основу научного изучения русского крестьянства, в т. ч. его духовных основ. Огромный вклад славянофилы внесли в

развитие общеславянских связей и славянское единство. Именно им принадлежала главная роль в создании и деятельности славянских комитетов в России в 1858—78.

Исследуя главные черты славянофильского учения, прежде всего следует отметить его глубоко православный характер. Христианская вера и Церковь — фундамент человеческой жизни. Они одухотворяют жизнь, придают ей смысл, определяют историю, мораль, мышление, быт. И. В. Киреевский развил философскую систему, ставшую духовной основой славянофильства. Согласно Киреевскому, существуют 2 формы познания — рационалистическая (свойственная западному миру) и «живая», включающая в себя религиозные, этические и эстетические элементы. Совокупность элементов «живого знания» определяется религиозной верой. Эта форма познания присуща православно-славянскому миру. Жизнь человека, народа основана на вере, которая определяет тип образованности и характер общества. Еще более последовательно система положительного влияния христианства на общественную жизнь развита в трудах др. основателя славянофильства А. С. Хомякова. Церковь есть первореальность, духовный организм — «единство благодати», живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати». «Даже на земле, — пишет Хомяков, — церковь живет не земной человеческой жизнью, но жизнью божественной и благодатной, живет не под законом рабства, но под законом свободы». Свобода принадлежит церкви, как целому, а не каждому члену в отдельности. «Если свобода верующего не знает никакого внешнего авторитета, — отмечает Хомяков, — то оправдание этой свободы — в единомыслии с церковью». Такое понимание свободы исключает индивидуализм, изолирующий отдельную личность. Лишь в Церкви, в братской любви с др., личность обретает силу и полноту бытия.

Все славянофилы сходились на том, что только христианское мировоззрение и Православная церковь способны вывести человечество на путь спасения, а все беды в мире происходят от того, что люди отошли от истинной веры и не построили истинной церкви.

Из догматов Православной церкви вытекает др. важное понятие в учении славянофилов — соборность, понимаемая ими в христианской традиции единения в любви, вере и жизни. Соборность в учении славянофилов — целостное сочетание свободы и единства на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям. Идея соборности наиболее глубоко разработана в трудах А. С. Хомякова.

Православие и соборное единение в любви, вере и жизни неизбежно ведут к целостности духа, служащей обязательным условием полнокровной деятельности людей, их воспитания и познания окружающего мира. Только через Церковь и соборность дух в его живой цельности способен вместить истину во всей ее полноте.

Как отмечал прот. В. Зеньковский, у славянофилов с особой силой развиваются идеи о целостности в человеке. Руководящей мыслью здесь было построение цельного мировоззрения на основе церковного сознания, как оно сложилось в Православии. Целостность в человеке есть иерархическая структура души: существуют «центральные силы нашего богообразного разума», вокруг которого должны располагаться все силы нашего духа. Эта иерархическая структура — неустойчива: тут есть противоборство центральных и периферических сил души; особенное значение Хомяков придает уходу от свободы, который обуславливает тот парадокс, что, будучи призваны к свободе, будучи одарены этой силой, люди вольно ищут строя жизни, строя мысли, в котором царит необходимость. В этом

весь трагизм человеческой жизни — нам дано лишь в церкви находить себя, но мы постоянно уходим из церкви, чтобы стать рабами природной или социальной необходимости. Дело здесь не в «страстях», как обычно думают, а в извращении разума. «Разумом все управляется, — обронил мысль однажды в письме Хомяков, — но страстью все живет». Беда поэтому не в страстях, а в утере «внутренней устроенности» в разуме и неизбежной потере здоровой цельности в духе (В. Зеньковский).

Цельность в человеке позволяет преодолеть отвлеченную рассудочность, присущую западной мысли. Собрав в неделимую цельность все силы тела, души и духа, разум возвышается до сочувственного согласия с верой. Рассудок и чувство согласуются с требованиями духа и подчиняются открываемому в душе «внутреннему корню разумения, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное знание ума» (И. Киреевский).

Славянофилы верили в высокое предназначение, особую миссию русского народа в борьбе с мировым злом. Большинство из них считали, что русским суждено заложить новые основы духовного просвещения, опирающегося на Православие. Именно в Православии, сохранившем в чистоте святоотеческое предание, возможно проявление высших потенций человека — любви, добротолубия, сорборности, свободной стихии духа, устремленности к творчеству. Высокие потенции духовного развития русского народа славянофилы противопоставляли духовному упадку Запада. Они справедливо считали, что преобладание на Западе материальных интересов жизни над духовными неизбежно ведет к потере веры, социальной разобщенности, индивидуализму, противостоянию человека человеку. Чтобы спасти мир от духовной катастрофы, Россия должна встать в центре мировой цивилизации и на основе Православия принести свет истины западным народам. Однако это сможет произойти только тогда, когда сам русский народ проявит свои духовные силы, очистится от наносного псевдопросвещения и построит в своей стране жизнь по учению Нового Завета. Хомяков считал, что Православие через Россию может привести к перестройке всей мировой культуры. История, говорил он, призывает Россию встать впереди всемирного просвещения — история дает ей право на это за всесторонность и полноту ее начал. «Логика истории, — писал он, — произносит свой приговор над духовной жизнью Западной Европы». К подобному же выводу приходит и И. В. Киреевский. Гибель западной цивилизации, пораженной язвой рационализма, неизбежна, ее может спасти только восприятие православно-славянской цивилизации, наиболее полно раскрывающейся в духе русского народа.

Впрочем, не все славянофилы разделяли идею о великой миссии русского народа. *Н. Я. Данилевский*, напр., в соответствии со своей теорией культурно-исторических типов считал, что русским, как и всем др. народам, не «суждено разрешить общечеловеческую задачу» в силу того, что одна замкнутая цивилизация не способна конструктивно повлиять на др. замкнутую цивилизацию.

Вместе с тем и Данилевский, и мн. др. славянофилы верили в возможность и необходимость создания Всеславянского союза или Всеславянской федерации — добровольного объединения всех славянских государств и народов. Объединение славян должно осуществляться вокруг России, государства, обладавшего мощной государственностью. Однако цель федерации не поглощение славян Россией, а союз, учитывающий интересы всех народов. По мнению некоторых славянофилов столицей федерации должен стать не Петербург, не Мо-

сква, не Прага, не Белград, не София, а бывшая столица Византийской империи — Константинополь, «пророчески именуемый славянами Царьградом».

Несмотря на огромный вклад в развитие русского самознания, славянофилы не смогли выработать целостного мировоззрения, что в значительной степени объяснялось характером той космополитической среды, из которой многие из них вышли и которая толкала их в сторону либерализма.

Как писал русский мыслитель, митр. С.-Петербургский и Ладожский *Иоанн* (Снычев): «Несмотря на стремление вернуться в лоно чистой русской церковности, слиться с истоками народной жизни, основами бытия России — ясного понимания сущности русского пути, русского служения славянофильство в целом так и не достигло. По-разному понимали члены кружка природу и цель самодержавия, по-разному оценивали современные события. Эта разногласица мешала движению, а с кончиной его основоположников оно окончательно утерло мировоззренческое единство, распавшись на несколько самостоятельных, весьма различных между собой течений, частично выродившись в чистый либерализм».

Тем не менее все, что было создано славянофилами в 1840—50-е, до сих пор продолжает оставаться важным фактором русской национальной жизни и мысли, оплодотворяя все новые и новые ее течения. Именно славянофильская мысль дала миру учение о цивилизациях Данилевского.

Более подробно литературная деятельность славянофилов рассматривается в статьях, посвященных главным деятелям славянофильского движения (см.: И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков и др.).

Соч.: Ранние славянофилы... М., 1910; *Киреев А. А.* Краткое изложение славянофильского учения. СПб., 1896; Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830—50. М., 1978; *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983; *Кошелев В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840—50-е). Л., 1984; *Цимбаев Н. И.* Славянофильство (Из истории русской общественно-политической мысли XIX в.). М., 1986.

О. Платонов

СЛЕПУШКИН Федор Никифорович (1783—13[25].06. 1848), поэт. Родился в д. М. Мочино Романовского у. Ярославской губ. в семье крепостного. В 1803 отправился на заработки в Петербург и занялся торговлей. Первое стихотворение напечатал в 1820. Вскоре *П. П. Свиньин* опубликовал его стихи в «Отечественных записках» и помог выкупиться из крепостной зависимости. Впоследствии Слепушкин стал купцом. В 1826 вышел сборник стихов «Досуги сельского жителя», получивший золотую медаль Российской академии. В дальнейшем Слепушкин издал 3 книги стихов и эпическую поэму «Четыре времени года» (1830). Следуя советам своих наставников, в т. ч. *А. С. Шишкова*, желавших видеть в нем «русского Феокрита», Слепушкин писал преимущественно в идиллическом и буколическом жанре. Социальная тематика занимает у него незначительное место («Мирская сходка», «Рекрутская очередь»); преобладают описательно-этнографические мотивы («Девяшиник», «Троицын день», «Сбор грибов и ягод» и др.). В лучших стихах («Пир», «Рассказ сбитенщика») Слепушкин не уступает профессиональным стихотворцам. Однако непосредственность его первых опытов позднее сменилась претенциозностью и дидактизмом.

Соч.: Досуги сельского жителя. Ч. 1—2. 2-е изд. СПб., 1828; Новые досуги сельского жителя. СПб., 1834; Рассказ детям отца, бывшего в расколе перекрещенцев. СПб., 1847.

Л. Ч.

СЛОВО, жанр древнерусской литературы. В светской литературе Слово — историческая повесть или историческая поэма; таковы «Слово о полку Игореве», «Слово о погубели земли Русской», «Слово о Мамаевом побоище». В духовной литературе Словом называлась церковная проповедь; таковы, напр., «Слова» знаменитого поэта и церковного деятеля XII в. *Кирилла Туровского*, который иногда строил свое Слово в форме народного *раешного стиха*:

Образ же отрок — всечестным девство любящи,
Иноческий чин нарицающе
Беспрестанно славящим,
Христа и чудеса Божию благодатию сотворяющим...
Но о том живуще,
И за того умирающе,
И тому обеты и молитвы воздающе...

(«Слово на Вербницу»)

СЛОВО О ВАВИЛОНЕ (с XVI в. — Сказание о Вавилоне), легендарно-политическое произведение рубежа XIV—XV вв., написанное неизвестным древнерусским книжником и вошедшее в XVII — н. XVIII в. в переработанном виде в цикл *Сказаний о Вавилонском царстве*.

Полное заглавие памятника содержит двойное жанровое определение — «Слово» и «Послание» (в значении — посольство): «Слово о Вавилоне, о 3 отрок. Послание от Леукия царя, а во крещеньи нареченнаго Василея, еже посла в Вавилонъ испытати знамения у святых трех отрок — Онаны, Озары, Мисаила».

Сюжетом «Слова...» и является описание посольства, которое «греческий» царь Лев («Леукый», «Левкий», «Улевуи») отправляет в Вавилон за «знаменьем» к гробу вавилонских отроков. Посланники царя — представители трех христианских православных стран: «гречин Гутрий», «обезжанин (житель Абхазии) Яков», «русин Левер». Как бы заранее уже предусмотрено, что каждый из них на своем языке сможет прочесть соответствующую часть трехязычной надписи на лестнице, ведущей в град Вавилон. «Знамение» посланцы царя обретают не в церкви, а в царских палатах, ведомые «гласом свыше», ибо «знамение» — это царские регалии: венцы царя вавилонского Навуходоносора и царицы с сопроводительной к венцам грамотой на греческом языке. Обстоятельства предугаданы так, что добыть регалии посланцы смогут, только действуя совместно. Принесенные посланцами регалии вавилонских царей патриарх возложил «на царя Василия и на царицу Александрию», а царь, сдержав данное им обещание в случае получения «знамения» быть верным поборником Православной веры, послал дары иерусалимскому патриарху и отказался от похода в Индию, дабы сражаться против «иноверных» врагов, грозящих из северных («полуножных») стран.

Чтобы придать своему изложению видимость достоверности, автор полностью воспроизводит в «Слове...» последовательность посольского церемониала: вначале происходит обсуждение состава посольства, затем следует «наказ» царя послам и исполнение ими миссии — посещение церкви и царских палат, выяснение, в чем суть «знамения», и получение царских венцов, затем, по возвращении из Вавилона, — церемония приветствия царя каждым посланцем и преподнесение царем даров перед роспуском послов по домам. Главными в памятнике становятся указания на божественную святость символов византийской власти, полученных при покровительстве трех вавилонских отроков, тема солидарности трех представителей не покоренных Турцией православных стран:

Руси, Византии и Обезии-Грузии, тема верности византийского царя христианской Православной вере. Раскрытию этих тем и служат все средства символики: значащие имена, зачины-загадки и образы народной поэзии.

Русский книжник создает идеальный облик «греческого» царя, верного поборника Православной веры. Однако идеал этот далеко не соответствовал реальному поведению византийских императоров рубежа XIV—XV вв.: в страхе перед турецкой угрозой они подготавливали, а потом и заключили унию с римско-католической церковью на Флорентийском соборе 1438—39. Необходимость напоминания об идеальном образе «греческого» царя в русском произведении могла возникнуть и значительно раньше этого акта, возможно, уже в 90-е XIV в.: во всяком случае, идеи эти созвучны взглядам Византийского патр. Антония, который в грамоте 1393, обращенной к Московскому кн. Василию Дмитриевичу, прославлял идеальный образ византийского императора, остающегося «поборником и защитником» Православной веры, несмотря на то, что его землю окружили «язычники». Появление среди царских посланцев «русина» с именем «Лавр», который (в соответствии со значением его имени) венчает дело, прочитав в русской части надпись, где взять регалии, отражает не только патриотические симпатии автора, но, по-видимому, и какие-то претензии Московского вел. кн. Василия I, на которые явно намекает патр. Антоний в той же грамоте 1393.

Анализ литературных источников «Слова...» позволяет судить о начитанности автора в библейской истории, апокрифической, переводной и оригинальной литературе, византийских хрониках, русских летописях и произведениях устного народно-поэтического творчества, а также об осведомленности в актуальных вопросах международной жизни рубежа XIV—XV вв., знание им тонкостей древнего чина венчания на царство византийских императоров и посольского церемониала.

В XVI в. «Слова...» после некоторой стилистической правки под названием «Сказание о Вавилоне» было включено в *Великие Минеи Четы* под 17 дек., днем поминовения трех вавилонских отроков. После венчания на царство царя *Ивана Грозного* текст «Слова...» перерабатывается и в перечень царских регалий включаются новые атрибуты царского венчания: «сердоликовая крабица», а затем и «мономахова шапочка». В цикле *Сказаний о Вавилонском царстве* в н. XVII в. (в связи с избранием на царство Михаила Федоровича Романова) впервые появляется заключительная статья о передаче греческим царем «чести ради своей» Киевскому вел. кн. *Владимиру Мономаху* тех же «крабицы» и «шапочки». Тексты эти, совершенно не связанные с теорией «Москва — Третий Рим», развивают государственные идеи *Сказания о князьях владимирских*. В к. XVII — н. XVIII в. возникают новые, занимательные сюжеты о вавилонских царях. В состав поздних циклов входят: притчи о Навуходоносоре и его сыне Василии Навуходоносоровиче (со сказочными толкованиями значения и происхождения его имени), об Артаксерксе, о Немвроде и Иоанне, предания о царице Южской (Малкодущке), легенда о сооружении вокруг града Вавилона глиняного змея, ожившего и поглотившего всех его жителей, самого царя Навуходоносора и царицу.

Изд.: Сказание о Вавилонском царстве / Подг. текста, пер. и коммент. Н. Ф. Дробленковой // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 198—199.

Н. Дробленкова

СЛОВО О ЖИТИИ И О ПРЕСТАВЛЕНИИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА, ЦАРЯ РУСКАГО, анонимное произведение, прославляющее Московского вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского (1350—1389). Оно состоит из насыщенной похвалами исторической части, где повествуется о жизни князя, его победах над татарами, о наставлениях, данных им перед смертью сыновьям, о его завещании им и разделе между ними земель, и из пространной риторической похвалы. О себе автор говорит как о современнике князя, присутствовавшем на его похоронах. Отдельно текст «Слова...» не встречается, находится лишь в составе летописных сводов в статье 1389 г. Древнейший вид «Слова...» имеет в Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописях; «Слова...» в Софийской I и более поздних летописях восходит к этому виду и передается с некоторыми сокращениями.

Автор «Слова...» начитан, так или иначе он использовал ряд литературных памятников: летописную повесть о Куликовской битве, *Житие Александра Невского*, Паремийное чтение о Борисе и Глебе, апокрифическое Слово на Рождество Христова о пришествии волхвов. «Слова...» начинается свидетельствами о благородстве и чести предков вел. кн. Дмитрия Ивановича, потомка «царя Володимера, новаго Костянтина, крестившаго землю Рускую». Затем очень скупко говорится о жизни кн. Дмитрия: оставшись в отрочестве по причине смерти близких родных «един в области великого княжения» и приняв «скипетр дръжавы земля Рускыа, настолование земнаго царства, отчину свою, великое княжение», юный князь повел себя достойным образом и в делах веры, и в «стражле земли Руской» («ратным же всегда в бранех страшен бываше, и многы врагы, встающая на нь, победы, и славный градъ Москву стенами чюдно огради»). Когда князю было 16 лет, «приведоша ему на брак княгиню Овдотью от земля Суждалскыа». Автор отмечает, что жили князь и княгиня целомудренно, во взаимной любви, «плотоугодия» не творили; к этой теме он далее возвращается. Неоднократно автор говорит и о славе князя, об «умножении славы имени его». Именно славой кн. Дмитрия объяснен здесь его конфликт с Мамаем: некие «царие земстии», лукавые советники Мамаю, «иже христианскы веру дръжаху, а поганых дела творяху», донесли тому, что «Дмитрий великий князь себе именует Руской земли царя и паче честнейша тебе славою, супротивно стоит твоему царствую», и Мамай решил пойти походом на Русь, разорить там церкви, обратить народ в магометанство, а князей перебить.

Сначала Мамай послал на Русь воеводу Бегича, но вел. кн. Дмитрий Иванович его победил. Тогда пошел походом сам Мамай. Узнав об этом, вел. кн. Дмитрий Иванович помолился Богородице (следует текст молитвы), призвал «вельмож» и князей русской земли «положити главы своя за правоверную веру крестьянскую» (те отвечают, что готовы пролить за князя свою кровь и в ней принять «второе крещение») и, уповая на помощь «свяителя Петра, новаго чюдотворца и заступника Рускыа земля», встретил Мамай «в татарском поле на реце Дону». Во время битвы «мнози же достовернии видяху аггелы Божия помогающа христианом».

После победы Дмитрия Ивановича «бысть тишина в Руской земли», «расколннчи же и мятежннчи царства его вси погибоша». При этом отмечается, что подобно Давиду, помилованному детьми Саула, вел. князь был милостив к провинившимся перед ним: «повинныа же прашаше». Следует хвалебный пассаж: «князя Рускыа въ области своей крепляше, вельможам своим тих и уветлив в наряде бываше, никогоже

Переправа войск великого князя Дмитрия Ивановича через Дон. Лицевой свод XVII в. Древний летописец

оскръбляше, но всех равно любляше, младых словесы наказаше...» и т. д. Здесь вновь автор говорит о благочестии и чистоте князя и затем сообщает, что прожил тот со своей кн. Овдотьей 22 года, что великое княжение держал 29 лет и 6 месяцев, потом тяжело заболел, на время ему полегчало («и възрадovasя великаа княгини радости великою, и сынове его, и вельможи царства его»), но затем ему стало хуже, и он уже почти умирал, когда у него родился сын Константин. Тут князь в «Слове...» произносит поучение своим детям и боярам, а затем передает «великое княжение, яже есть столь отца его и деда и прадеда» старшему сыну Василию, наделяет землей др. сыновей, Юрия, Андрея и Петра, и умирает (при этом «просветится лицо его яко аггелу»). Следует пространный плач княгини. Сказав далее о похоронах князя (здесь упоминаются как присутствовавшие трапезундский митрополит грек Феогност, русские епископы Даниил Смоленский и Савва Сарайский и игумен Сергей Радонежский), автор помещает большую риторическую похвалу покойному. В ней говорится, между прочим, что князь каких-то «словес учитель препираше» и заставлял умолкнуть философов, «крутыми словесы» речи отменяя, мало сам говоря, а много разумая. В длинном

ряду хвалебных уподоблений князя некоторые, кажется, более понятны были современникам князя и автора, нежели нам: «Евера ли тя нареку, не примесившаяся безумных язык столпотворению? Ты же столпь нечестья раздружили еси в Руской земли и не примеси себе къ безумнымъ странамъ на крестянианскую погибель». Обращаясь к покойному князю как к святому, автор просит его непрестанно молиться о его княжеском роде и населяющих его царство людях: «Умоли убо, святе, непрестанно о роде своем и за вся люди, сущая в области царства твоего».

В тексте «Слова...» (в его древнейшем виде) обнаружилось случайно вклинившееся в него письмо, судя по всему — автора «Слова...» к его заказчику, какому-то «преподобству». Письмо разорвало фразу о философах Платоне и Пифагоре, один из которых «благословесно извествова», а др. предпочитал словам молчание. Автор, как кажется, намекает на то, что он вынужден о чем-то в своем «Слове...» умолчать. В письме упоминается просьба «преподобства» к автору написать «Слово...», говорится о суетности и «строптивости» жизни автора, о его бескорыстной любви к адресату, о божественности любви и о сознании скудости того, что он, автор, смог в ответ на просьбу «преподобства» написать.

Исследователи отмечают сходство стиля «Слова..» со стилем произведений, надписанных именем *Епифания Премудрого*. Наблюдения над литературными особенностями «Слова...» побудили некоторых из них видеть в авторе «Слова...» Епифания Премудрого. Отсутствие же имени автора в заголовке «Слова...» объяснялось монашеской скромностью Епифания и тем, что «Слово...» изначально предназначалось для летописного свода, произведения безымянно-коллективно-авторского.

Изд.: Новгородская IV летопись // Памятники средневековой литературы. 2-е изд. Т. 4. Вып. 2; Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича / Подг. текста, пер. и комм. М. А. Салминой // Памятники литературы Древней Руси: XIV — сер. XV в. М., 1981.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 199—201.

Г. П., М. С.

СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ, выдающийся памятник древнерусской литературы и философии, написанный первым русским митрополитом Киевским *Иларионом*. Текст памятника сохранился более чем в 50 списках XV—XVI вв. и в разных редакциях, а наиболее авторитетным считается список сер. XV в. Именно по этому списку текст «Слова» был издан Н. Н. Розовым в 1963. Новые переиздания «Слова» начались только с сер. 80-х, последнее из них — в серии «Библиотека литературы Древней Руси». Обычно время написания памятника датируется между 1037 и 1050 (первая дата — освящение собора Софии, вторая — кончина супруги Ярослава Ирины — Ингигерд, которая обычно датируется 1050). М. Д. Приселков сужает эти хронологические вехи до 1037—43. А. Г. Кузьмин, наоборот, предлагает отказаться от нижней даты и приблизить датирование памятника к верхней дате, при этом самую верхнюю дату он считает 1051, а не 1050. Содержание памятника также вызывает различные мнения. Так, еще И. Н. Жданов обратил внимание на противопоставление Иларионом Нового Завета Ветхому, как Благодати Закону, и Русской церкви Византии. Недавно *В. В. Кожин* попытался иначе интерпретировать мнение митр. Илариона, считая, что весь пафос «Слова» направлен против Хазарского каганата. Однако эта точка зрения не нашла поддержки у большинства исследователей. Кроме того, митр.

Илариону принадлежат два текста — «Молитва» и «Исповедание веры», которые обычно публикуются вместе со «Словом».

Логический анализ позволяет разделить «Слово о Законе и Благодати» на 3 составные части. Первая часть — это своеобразное философско-историческое введение. В его основе лежит рассуждение о соотношении Ветхого и Нового Заветов — Закона и Благодати. Смысл подобного рассуждения многообразен. С одной стороны, это продолжение чисто богословского спора между западной, Римской церковью и Церковью восточной, Православной. Дело в том, что западное христианство почитало Ветхий Завет как собрание разного рода правовых норм, как оправдание собственных западному миру прагматических устремлений и т.д. На Востоке Ветхому Завету придавалось гораздо меньшее значение.

Иларион в своем «Слове» стоит ближе к восточной Церкви. Он говорит: «Прежде законъ, ти по томъ благодеть, прежде стеешь, ти по томъ истина». Т. о., Иларион подчеркивает, что следование нормам только лишь Ветхого Завета не приводит людей к спасению души, как не спасло знание Закона («тени») древних иудеев. Более того, предпочтение Ветхого Завета может привести к иудаизму.

Вообще, слово «сень» можно переводить или как «сень», или как «тень». В посланиях ап. Павла Закон, завет Закона — «тень будущего» (Кол. 2, 17), «образ и тень небесного» (Евр. 8, 5), «тень будущих благ» (Евр. 10, 1). В Острожской Библии эти места переведены следующим образом: «сень грядущих», «иже образомъ и стени служат небесных», «сень бо имыи законъ грядущихъ благъ». Следовательно, в содержательном отношении «сень» — прообраз, отражение, пророчество будущих благ, благодати.

Лишь Новый Завет («истина»), данный человечеству Иисусом Христом, является Благодатью, ибо Иисус своей смертью искупил все людские грехи, а посмертным воскресением Он открыл всем народам путь к спасению: «Законъ бо предътеча бе и слуга благодети и истине, истина же и благодеть слуга будущему веку, жизни нетленни. Яко законъ привождаше възаконены къ благодетному крещению, крещение же сыны своа препущаетъ на вечную жизнь. Моисее бо и пророци о Христове пришествии поведааху, Христос же и апостоли его о възкресении и о будущимъ веще».

В доказательство своей мысли Иларион пишет странное рассуждение на тему библейской притчи о Сарре и Агари. Это рассуждение — первый образчик символическо-аллегорического толкования библейских сюжетов в русской литературе. Впоследствии символическое толкование Библии станет основным методом в творчестве древнерусских книжников.

Суть же притчи такова. Сарра — жена праотца Авраама — долгое время была бесплодной. И Авраам, по совету жены, породил сына Измаила от рабыни Агари. Но Господь смилостивился над Саррой, и в глубокой старости она тоже смогла родить сына — Иакова.

Смысл этой притчи, по Илариону, очень глубок. Агарь — это образ Ветхого Завета, Закона, который появляется на свет раньше, но, рожденный рабыней, продолжает и сам оставаться рабом. Сарра — это символ Нового завета, Благодати, которая рождает свободного Иакова. Так и Ветхий завет не может быть истиной, хотя он и явился раньше Нового завета. Следовательно, не «первородство» имеет решающее значение, а то, что Господь послал истину людям в заветах Иисуса Христа. «Законъ бо прежде бе и възнесеся в мале, и отииде, — говорит Иларион. — Вера христианская, послезде явльшиися, болши первыа бысть и рас-

плодися на множество языкъ. И Христова благодеть, всю землю обять и ако вода морьскаа покры ю».

В рассуждении Илариона о Сарре и Агари прослеживаются две важнейшие идеи. Во-первых, Христова Благодать настолько значительна, что спасает всех людей, принявших Святое Крещение, независимо от того, когда произошло само крещение. Во-вторых, одного факта крещения достаточно для того, чтобы люди, его принявшие, были достойны спасения. «Христианыхъ же спасение благо и щедро простираяся на все края земли... — пишет Иларион. — Христиани же истину и благодатию не оправдаются, нъ спасаются».

Во второй части «Слова» Иларион развивает идеи спасения одной Благодатью уже в приложении к Руси. Крещение Руси, совершенное вел. кн. Владимиром, показало, что Благодать распространилась и в русские пределы. Следовательно, Господь не презрел Русь, а спас ее, приведя к познанию истины. «И уже не идолослужителе зовемя, — пишет Иларион, — нъ христианни, не еще бежнадержници, нъ уповающе въ жизнь вечную». И теперь, как радостно восклицает Иларион: «Вся страны благаы Богъ нашъ помилова и насъ не презре, спасены, и въ разумъ истинныи приведе».

Приняв Русь под свое покровительство, Господь даровал ей и величие. И теперь это не «худая» и «неведомая» земля, но земля Русская, «яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци» света. Более того, христианская Русь может надеяться на великое и прекрасное будущее, ибо оно предопределено Божиим Промыслом.

Третья часть «Слова» посвящена прославлению великих Киевских князей. Прежде всего, речь идет о кн. Владимире (в крещении — Василий), которого посетил Сам Всевышний и в сердце которого воссиял свет ведения: «И тако ему въ дни свои живущю и землю свою пасущу правдою, мужествомъ же и смысломъ, приде на нь посещение Вышняаго, призре на нь всемилостивое око благааго Бога, и всиа разумъ въ сердци его, яко разумети суету идольскыи лъсти и възьскати единого Бога, сътворьшааго всю тварь видимую и невидимую».

Кроме Владимира, славит Иларион кн. Ярослава Мудрого (в крещении — Георгий), современником и соратником которого был и сам митрополит. Но интересно, что Иларион прославляет также и язычников Игоря и Святослава, заложивших будущее могущество Русского государства. Более того, в своем сочинении Иларион именуется русских князей титулом «каган». А ведь этот титул в те времена приравнивался к титулу императора. Да и самого Владимира Иларион сравнивает с имп. Константином: «Подобниче великааго Коньстантина, равноумне, равнохристолоубче, равночестителю служителемъ его!»

Как можно видеть, богословские рассуждения митр. Илариона являются основанием для серьезных историко-политических обобщений и выводов. Доказательства в пользу Благодати дают митр. Илариону возможность показать место и роль Руси в мировой истории, продемонстрировать величие его Родины, ибо Русь была освящена Благодатью, а не Законом.

По сути дела, «Слово» — это похвальная песнь Руси и ее князьям. А воспевание достоинства и славы Русской земли и княживших в ней потомков Игоря Старого направлено прямо против политических притязаний Византии.

«Слово о Законе и Благодати» иллюстрирует и первые шаги христианства в Древней Руси. Нетрудно заметить, что у Илариона христианство носит ярко выраженный оптимистический характер, оно пронизано верой в то, что спасение будет дано всем, принявшим Святое Крещение,

что само христианство преобразило Русь, открыло ей врата в божественные чертоги.

Следовательно, в толковании христианского вероучения митр. Иларион близок к раннему русскому христианству, имеющему свои истоки в кирилло-мефодиевской традиции. И в этом Иларион был не одинок. Как показывают исследования, похожие взгляды высказаны в сочинениях *Иакова Мниха*, в «Слове на обновление Десятинной церкви» неизвестного автора (памятники 2-й пол. XI в.), А в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» большое место занимают сюжеты, сравнивающие подвиги Владимира и Ольги с деяниями Константина и Елены. Главное же, и в одном, и др. памятниках ярко чувствуется оптимистическое, радостное, даже восторженное настроение от самого факта Крещения Руси.

В историософском же смысле, митр. Иларион продолжил и развил линию, начатую еще в летописной традиции, предприняв усилия по «вписыванию» истории Руси в библейскую историю. Многочисленные библейские аналогии, которые наполняют текст «Слова о Законе и Благодати», позволяют автору представить Русь, как государство, вставшее в ряд др. христианских государств и занимающее в этом ряду самое достойное место. Но совершенно сознательное и доказательное предпочтение Нового завета Ветхому доказывало и самостоятельность Руси как в сравнении с Западом, так и в сравнении с Востоком.

Изд.: Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984; Иларион. Слово о Законе и Благодати / Подг. текста и перевод Т. В. Черторицкой // Красноречие Древней Руси; «Слово о Законе и Благодати» (отрывок) / Подг. текста и перевод Л. А. Дмитриева // Литература Древней Руси: Хрестоматия. М., 1990.

Лит.: Жданов И. Н. «Слово о законе и благодати» Илариона и «Похвала кагану Владимиру» // Сочинения И. Н. Жданова. СПб., 1904. Т. 1; Розов Н. Н. 1) Рукописная традиция «Слова о законе и благодати» // Труды Отдела Древнерусской литературы. 1961. Т. 17; 2) Иларион // Словарь книжников. Вып. 1; Лихачев Д. С. «Слово о законе и благодати» Илариона // Лихачев. Великое наследие; Колесов В. Умногое слово в «Слове» Илариона Киевского // Альманах библиофила. М., 1989. Вып. 26; Брюсова В. Г. Когда и где был поставлен митрополитом Иларион? // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. XI—XVI века. М., 1989.

С. Перевезенцев

СЛОВО О КНЯЗЬЯХ, литературный памятник, традиционно относимый к XII в. и встречающийся в рукописях под заглавием «Похвала и мучение святых мученик Бориса и Глеба», «Слово похвальное на перенесение святых страстотерпец Бориса и Глеба...», «Неделя 18 по всех святых. Слово о князьях». Поводом к написанию произведения послужили княжеские усобицы, раздиравшие Русь. Основной его пафос состоит в том, чтобы убедить современных ему князей отказаться от распри и братоубийственных войн, приводящих к расколу Руси. «Одумайтесь, князья, вы, что старшей братии своей противитесь, рать воздвигаете и поганых на братию свою призываете», — восклицает автор. Он вспоминает свв. Бориса и Глеба, явивших собой пример братского послушания. «Им подражайте и следуйте, их примером научитесь», — настоятельно просит он. Пусть обиды не станут поводом к измене, кто «обиду стерпит и первый мира будет искать, тот... награду от Бога получит». Автор призывает князей помнить о славном прошлом своего рода. Примером, достойным подражания, он считает Черниговского кн. Давида Святославича, умершего в 1-й четв. XII в., «притчю» о праведном, миролюбивом нраве которого он приводит.

Сбор князей в Чернигове. Лицевой свод XVI в.

Этот князь, «брат святых Бориса и Глеба... ни к кому не имел вражды. Когда кто рать на него воздвигал, он рать ту покорностью своей умирал... Если кто кривду какую ему чинил из братьев, он вину на себя перелagal... Когда кто нарушал целование крестное, он и тогда клятвы не преступал, никого не обижал и зла не творил. Братья, видя такое его беззлобие, слушались его, как отца, и покорялись ему, как господину своему. В великой тишине княжил он». И за то, что он «заповедь Господню исполнил», в своей жизни земной ни с кем никогда не враждовал, Бог прославил его: во время кончины князя ангел явился в голубином образе и сел ему на грудь, «теперем благоуханием от тела наполнился», «солнце... зайти не посмело, пока не положено было тело святое во гроб».

«Слово о князьях» дошло лишь в рукописях XV—XVII вв., найдено М. П. Погодиным и опубликовано им в 1843 в отрывках. Несколько списков произведения было обнаружено, и отрывки из него опубликованы Х. М. Лопаревым в 1894. «Слово о князьях» относят к произведениям *ораторской прозы*.

Изд.: Слово о князьях // Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 201—202.

М. Салмина

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ (написано между 1238 и 1246), первый известный памятник древнерусской литературы, в котором отразились впечатления древнерусского книжника от татаро-монгольского нашествия.

Имя автора неизвестно, впрочем, и от самого «Слова» сохранилось лишь начало — оно дошло до нас в двух списках, в виде предисловия к «Повести о житии Александра Невского». Позднее было доказано, что «Слово о погибели Русской земли» является самостоятельным произведением.

Видимо, «Слово» представляло собой сочетание похвалы и плача. В похвале, — а именно она и сохранилась, — воспеваются былые могущество и красота Русской земли, возглавляемой отважными князьями и сохраняющей свою Православную веру. «Всего еси исполнена земля Руская, о прававерьная вера христианьская!» — восклицает автор «Слова».

Автор «Слова» вспоминает огромные пределы, которые еще недавно занимало Русское государство, тем самым призывая к восстановлению исторического территориального единства державы: «Отселе до угорь и до ляховъ, до чаховъ, от чаховъ до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецъ, от немецъ до корелы, от корелы до Устьяюга, где тамо бяху тоймищи погании, и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгарь, от болгарь до буртась, от буртась до чермись, от чермись до морьдвии...»

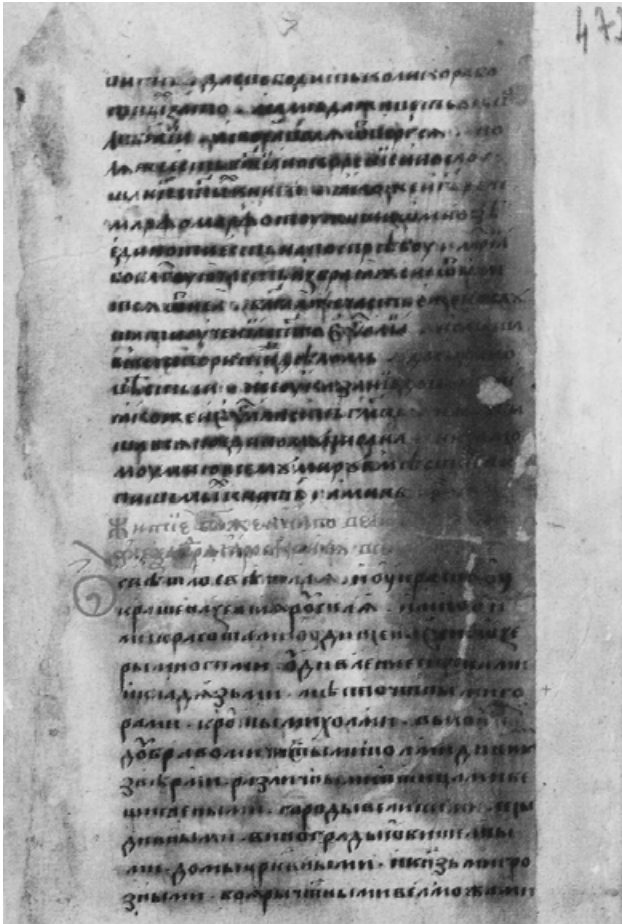
Обращается автор и к исторической памяти, вспоминает великих русских князей, которые и создали столь великое государство, — Всеволода Большое Гнездо, Юрия Долгорукого, *Владимира Мономаха*, Ярослава Мудрого... Именно в их времена Русь была столь велика, что др. народы ее боялись и радовались тому, что Русь от них далеко. Даже византийский император от страха посылает русскому князю великие дары: «И жюръ Мануиль цесарегородский опась имея, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под нимъ великий князь Володимерь Цесарягорода не взял».

Главная причина, почему покорились Руси многие народы, — Божия помощь. Ведь русские князья не просто тешили свою воинскую славу в походах, но утверждали в них христианскую веру. И в этом автору «Слова» видится глубочайший смысл — Господь «покорял» «поганьския страны» не просто русским князьям, но всему христианскому народу, прославившемуся своим благочестием: «То все покорено было Богомъ крестияньскому языку, поганьския страны».

Однако в этой хвалебной песне явно слышны ноты небывалой ранее горечи. Ведь столь красочное и поэтическое описание Русской земли необходимо автору для того, чтобы показать, — какая красота, какое могущество и какая вера оказались утраченными в результате татарского завоевания. И повествование плавно переходит в плач по погибшей Руси, нынешние дни которой автор «Слова» называет «дни болезнь крестияном».

Т. о., в «Слове» впервые в древнерусской религиозно-философской мысли была сформулирована и выражена идея гибели Руси.

Необходимо отметить одну очень важную деталь, характерную для «Слова», — гибель Руси, в понимании автора, означает и гибель красоты. Красота, в сознании древнерусского человека, — это ведь не только эстетическая категория. Красота — это форма, которая охватывает все Божие Творение, представляет собой совершенную целостность внешних и внутренних качеств того или иного явления. Следовательно, «многими красотоми» прославленная, а ныне уже погибшая Русь, представлялась автору «Слова» как своеобразный идеал, как воплощенное Божие создание, которое русские люди не смогли сохранить.

«Слово о погибели русской земли», список XVI в.

Здесь мы встречаемся с важнейшим впоследствии для всего русского самосознания признаком — представление об идеале непосредственно связано с понятием красоты, как некоей полноты и целостности. Иначе говоря, с одной стороны, идеал не может быть некрасив, а с др. стороны, красота — это отличительный признак идеала. Впрочем, как показывает история философии, проблема соотношения идеала и красоты не имеет однозначного решения. Во всяком случае, эта проблема постоянно будет оставаться предметом размышлений для отечественных мыслителей.

В этом кратком по объему памятнике русской литературы предлагается путь возможного спасения Руси. Автор «Слова» не только воспевает «золотой век» Русского государства, но и предоставляет своим читателям образ того государства, которым должна стать Русь. Основные принципы такой Руси вполне читаются — территориальное единство, экономическое могущество («бесчисленные города великие», «села дивные»), авторитетная и честная власть («князья грозные», «бояры честные», «вельможи многы»), столь же авторитетная Церковь («винограды обитальные», «домы церковные»). В религиозно-философском плане важно то, что в «Слове» подчеркивается и природное единство Руси. И вся эта красота освящена христианской верой и Божией помощью.

По сути дела, в «Слове» сформулированы, так сказать, «вечные принципы», которые должны лежать в основе

всякого государства. Путь спасения лежит в реализации на практике этих принципов, в устройении самой Руси на этих «вечных основах». Т. о., «Слово» представляет собой не просто «плач» по утерянному или «торжественный гимн в честь родины», но и формулирует важнейшие задачи, которые должно поставить перед собой Русское государство в новой, трагической, исторической реальности.

Изд.: Лопарев Х. М. «Слово о погибели Русской земли»: Вновь найденный памятник литературы XIII в. СПб., 1892; *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965 (здесь перечень всех изд. и исслед. «Слова» до 1965); Слово о погибели Русской земли / Подгот. текста Л. А. Дмитриева; Пер. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова // Слово о полку Игореве. Л., 1967 (Библиотека поэта. Большая серия); *То же*. Подгот. текста, пер. и примеч. Ю. К. Бегунова // Изборник (1969); *То же* / Подгот. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981; *То же* // Воинские повести Древней Руси; *То же* // Русская литература XI—XVIII вв. М., 1988.

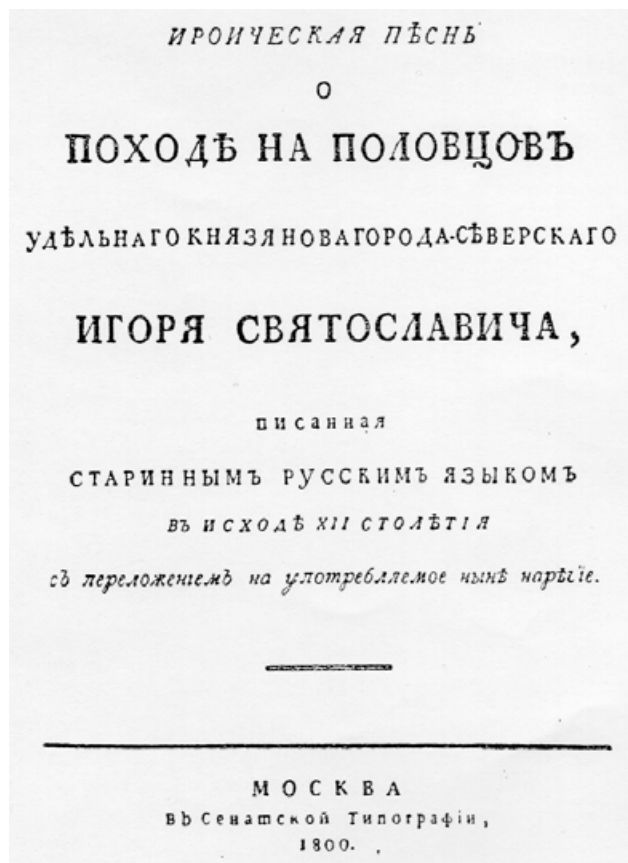
Лит.: Тихомиров М. Н. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли» // Труды отдела Древнерусской литературы (ТОДРЛ). 1951. Т. 8; *Гудзий Н. К.* О «Слове о погибели Русская земли» // Там же. 1956. Т. 12; *Соловьев А. В.* Заметки к «Слову о погибели Русская земли» // Там же. 1958. Т. 15; *Данилов В. В.* «Слово о погибели Русская земли» как произведение художественное // ТОДРЛ. 1960. Т. 16; *Мещерский Н. А.* К реконструкции текста «Слова о погибели Русская земли» // Вестник ЛГУ. № 14 Серия истории, языка и литературы. Л., 1963. Вып. 3; *Дмитриев Л. А.* Слово о погибели Русской земли // Словарь книжников. Вып. 1; *Горский А. А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Русская земли»: К 750-летию со времени написания // ТОДРЛ. 1990. Т. 43.

С. Перевезенцев

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ, древнерусское поэтическое литературно-философское произведение рубежа XII—XIII вв., повествующее о походе Новгород-Северского кн. Игоря Святославича на половцев в 1185.

Удивительный по своей уникальности и загадочности памятник древнерусской литературно-философской мысли. Впервые опубликовано в 1800 году известным собирателем русских древностей гр. А. И. Мусиным-Пушкиным, архивистом А. Ф. Малиновским и историком Н. Н. Бантыш-Каменским. Публикация основывалась на древней рукописи, которую, по уверению А. И. Мусина-Пушкина, он приобрел в к. XVIII в. в Спасо-Ярославском монастыре (г. Ярославль). Однако во время московского пожара 1812 эта рукопись и большая часть тиража изданной книги стorerели вместе с домом графа. Т. о., в распоряжении исследователей долгое время оставались только сохранившиеся книги, издания 1800 (на сегодняшний день известно и описано более 60 экз. этого издания). Позднее, в архиве имп. *Екатерины II* была обнаружена еще одна рукопись «Слова о полку Игореве» — это была копия с текста «Слова», переписанная рукой писца XVIII в. Как выяснилось, эта рукопись была подарена императрице Мусиным-Пушкиным. Издания «Слова» 1800 и рукопись к. XVIII в. — вот и все, чем располагают сегодня исследователи.

Уже почти 200 лет продолжается тщательное изучение «Слова о полку Игореве». Так, было установлено, что текст «Слова» мог быть написан в промежутке между 1185 и 1202. Были найдены параллели событий, описанных в «Слове», с летописными сюжетами, установлены исторические корни отдельных сюжетных линий «Слова» и т. д. Известно, что цитата из этого произведения воспроизведена в одной из книг 1307, а знаменитая «*Задонщина*», написанная в 1380, полностью базируется на образах «Слова», целых отрывках, фразах и словах из него.

Титульный лист первого издания
«Слова о полку Игореве»

И, тем не менее, «Слово» продолжает одаривать современных исследователей многими загадками. Напр., до сих пор ведутся споры о том, кто мог быть автором этого произведения. Более или менее общепризнанно, что автор «Слова» мог происходить из высшей дружинной или боярской среды. А вот из какого боярства — киевского, черниговского, галицко-волынского, из дружины самого Игоря Святославича — на этот счет существует много гипотез (так, акад. Б. А. Рыбаков называет даже имя возможного автора — киевский боярин Петр Бориславич). Кроме того, в качестве автора называют и самого кн. Игоря.

Многие места «Слова о полку Игореве» не поддаются однозначному переводу, а некоторые просто непонятны, ибо мы не знаем значения отдельных слов. Так, только в этом древнерусском произведении использованы слова «харалужные», «зегзица», «бусым», «хотию», «хоти», «стрикусь» и др. Уникальна и образно-мифологическая структура «Слова», не поддающаяся однозначному толкованию.

Сюжет «Слова о полку Игореве» связан с реальными историческими событиями — походом Новгород-Северского кн. Игоря Святославича на половцев в 1185 (об этом походе сообщает и летопись). Однако под пером неизвестного, но удивительно талантливого автора, простой рассказ о воинском походе, занимающий в летописи всего несколько строк, превращается в мифопоэтическое и историко-политическое полотно, яркость и образность которого продолжают поражать и сегодня.

Главный образ, насквозь пронизывающий «Слово» и в то же время объединяющий собой все повествование — образ Русской земли. По точному определению акад. А. С. Орлова: «Героем «Слова» является «Русская земля», добытая и устроенная трудом великим всего Русского народа».

Интересы Земли, как древнего славянского мифопоэтического символа и как реальной основы бытия русского народа, вообще ставятся в «Слове» на первый план. Так, рассказывая о междоусобицах XI столетия, когда начались распри между потомками Ярослава Мудрого, инициатором которых в «Слове» называется внук Ярослава, Черниговский кн. Олег Святославович, вошедший в историю под именем Олега Гориславича, автор с горечью пишет о заброшенной земле: «Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие». Сами битвы противопоставляются созидательному земледельческому труду: «Тъй бо Олегъ мечем крамолу коваше и стрелы по земли сеяше». Или: «Тогда при Олзе Гориславичи сеяшеться и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-Божа внука».

В основе образа Русской земли лежит принцип единства. Автор «Слова» выступает как бы от имени единой Русской земли, причем само это единство понимается во всей возможной многозначности.

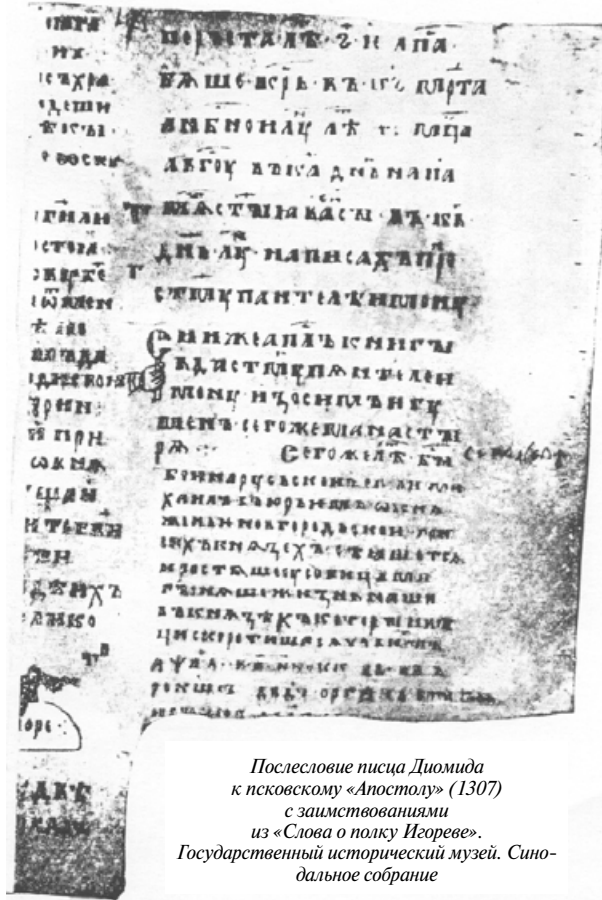
Во-первых, автор «Слова» показывает себя страстным защитником политического единства Древней Руси, раздираемой в к. XII в. многочисленными княжескими усобицами. Поэтому в тексте самого произведения постоянно встречаются призывы к князьям забыть давние и новые споры и соры и объединить свои усилия в борьбе за процветание единого Русского государства и с многочисленными внешними врагами. Напр., достаточно ясно осуждается Галицкий кн. Ярослав Осмомысл, который, вместо того чтобы озаботиться идеей единства Руси, вроде бы собирается отправить свою дружину вместе с западноевропейским рыцарством в очередной крестовый поход. И подобного рода осуждений немало разбросано по тексту «Слова».

Во-вторых, перед нами произведение, насыщенное идеей исторического единства Русской земли. Автор наполняет свое сочинение многочисленными историческими примерами, аналогиями и параллелями, которые должны показать его современникам, что Русская земля имеет великую историю, на достижениях и ошибках которой необходимо учиться. В своих исторических реминисценциях автор опускается до IV в. н. э. («время Бусово» — Бус или Боз, князь племени антов, побежденный в 375 готским королем Винитарием), а то, по мнению некоторых исследователей, и до II в. н. э. («века Трояни» — Траян, римский император в 98—117).

Сам автор прекрасно разбирается в довольно-таки запутанных к к. XII столетия династических спорах, стремится найти корни современных ему политических нестроений и личных неприязненных отношений между князьями. Но как символы исторического единства и примеры для подражания звучат имена Владимира Святославича, Ярослава Мудрого, *Владимира Мономаха* и Киевского кн. Святослава. В результате же Русская земля предстает перед читателем, как великое государство, имеющее столь же великую историю, уходящую корнями в самую седую древность.

В-третьих, в «Слове» всячески подчеркивается единство пространства Русской земли. Русская земля, несмотря на княжеские усобицы, едина своим местоположением в зем-

ном пространстве — эту мысль постоянно проводит автор. Так, «Золотое слово», произносимое Святославом Киевским, обходит всю Русскую землю по окружности и велит послушать и Волге, и Дону, и Дунаю, и Двине, и Суле, и Полоцку, и Новгороду, Тмутаракани. А топот коня кн. Игоря слышен Волге, побережью Азовского и Черного морей («Поморию»), Посулию, Сурожу с Корсунью (города в Крыму) и снова «Тмутороканьскому бльвану» (нынешний п-ов Тамань). Галицко-Волынские земли на Юго-Западе, полоцкие на Западе, новгородские на Северо-Западе, владимирские на Северо-Востоке — все эти земли тоже составляют пространственное единство Русской земли, и их не забывает автор «Слова о полку Игореве».

Послесловие писца Диомида к псковскому «Апостолу» (1307) с заимствованиями из «Слова о полку Игореве». Государственный исторический музей. Синодальное собрание

В-четвертых, Русская земля представляет собой и природное единство. Само «Слово» насыщено многообразными природными символами, метафорами, сравнениями. Так, солнечное затмение, случившееся в начале Игорева похода — знак предупреждения об опасности, а черные тучи, надвигающиеся на Русь — символы враждебных сил, надвигающихся на Русь. Предвестниками несчастья оказываются и «ветры, Стрибожи внуци», которые «веют съ моря стрелами на храбрыя плъкы Игоревы». А при этом «земля тутнетъ, реки мутно текутъ, пороси поля прикрывають...» Иначе говоря, сама природа стремится предотвратить надвигающуюся беду — поражение русского войска и пленение Игоря. Т. о., автор «Слова» как бы подчер-

кивает, что и природа едина с русскими людьми и стремится участвовать в созидании реальной истории Руси, предупреждая всю Русскую землю об опасности.

В-пятых, в «Слове» мы находим удивительный пример религиозно-мифологического единства Русской земли. Дело в том, что «Слово о полку Игореве», написанное в к. XII в., через 200 лет после принятия Крещения, полностью проникнуто языческой символикой и языческим мироощущением. Но и христианская символика в «Слове» тоже присутствует — так, именно Бог указывает кн. Игорю путь из Половецкой в Русскую землю во время побега, а оказавшись в Киеве, Игорь прежде всего едет к храму Богородицы Пирогошей. Т. о., «Слово» свидетельствует о мирном сосуществовании язычества и христианской веры в сердцах русских людей к. XII в.

И тем не менее языческие сюжеты заслуживают особого внимания. Как уже говорилось, сама природа предстает в «Слове» живым, одушевленным, единым существом, участвующим в реальной исторической жизни русских людей. Князья сравниваются с животными («буй-тур Всеволод» или «яр-тур Всеволод», «Вселав князь... волком рыскаше») или же с др. природными объектами, напр., с небесными светилами: «Два солнца померкоста... и с ними два молодая месяца, Олег и Святослав», — говорится о князьях Игоре и Всеволоде и их сыновьях. «Слово» вообще наполнено образами животных, с помощью которых автор поэтизирует все повествование. Так, отправившийся в побег из половецкого плена кн. Игорь «поскочи горностаемъ къ тростию», «белымъ гоголемъ на воду», соскочил с коня «бусымъ вълкомъ» и «полете соколомъ подь мългами». А во время побега князь разговаривает с рекой Донец, которая одобряет дерзость князя: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!». С природными объектами разговаривает и Ярославна, именно к ним трижды обращаясь в своем плаче со стен Путивля: «О ветре ветрило!.. О Днепре Словутицю!.. Светлое и тресветлое слынце!»

Но природные образы — это не просто средства поэтизации и украшения текста. Их постоянное и умелое использование в тексте произведения свидетельствует, что автор «Слова» живет в структуре языческой образности — он мыслит этими образами, с их помощью ощущает окружающую его реальность. И не случайно в тексте «Слова о полку Игореве» постоянно возникают образы древних языческих богов: ветры — это внуки Стрибога, певец Боян — внук Велеса, а сами русские люди — внуки Дажьбога; «волком рыскающий» полоцкий кн. Всеслав пересекает путь «великому Хорсу». И, наконец, бог Троян, который четырежды упоминается в тексте: «тропа Трояна», «века Трояна», «земля Трояна» и «на седьмом веке Трояна».

Вообще, картина языческого пантеона, воссозданная в «Слове о полку Игореве» — уникальное явление в древнерусской письменности. Автор «Слова» не знает Перуна, хотя тот считался именно воинским, княжеским богом. Не знает он и Сварога — одного из главных славянских языческих богов, как не знает и дренеславянскую богиню Мокошь. В целом же, из языческого «пантеона Владимира», воздвигнутого Киевским князем накануне Крещения, в «Слове» упомянуты лишь три бога — Хорс, Стрибог и Дажьбог.

Зато главным богом выступает Троян — именно этот бог соотносится с понятиями времени («века Трояна») и пространства («земля Трояна»). При этом «века Трояна» имеют и конкретное значение — именно от Трояна автор

«Слова» отсчитывает историческое время (полоцкий кн. Всеслав, живший в XI столетии, живет «на седьмом веку Трояна»). Конкретизируется и понятие «земля Трояна» — именно как «Русская Земля». Интересно, что в древнерусских письменных памятниках, кроме «Слова», имя Трояна упоминается лишь в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам», наряду с Хорсом, Перуном и Велесом.

Родоначальником же русского народа выступает Дажьбог, внуками которого названы русские люди. Это тоже уникальное свидетельство, не имеющее параллели в др. источниках.

Уникальность языческого пантеона «Слова» непосредственно связана с оригинальной историко-мифологической картиной. Так, при многих исторических параллелях, автор «Слова» явно не знает сюжетов, связанных с призванием варягов, как не знает и имени варяжского кн. Рюрика. Зато он помнит древнего кн. Буса, жившего в IV в. и воевавшего тогда в Причерноморье с готами. Автор «Слова» вообще практически не знает северных и северо-западных историко-мифологических сюжетов, зафиксированных в «Повести временных лет». Зато в «Слове» широко представлены исторические сюжеты и аналогии, связанные с Крымом, Причерноморьем и Подунавьем. Так, именно отвоёвывать Тмутаракань у половцев отправляется князь Игорь, готские девы в Крыму вспоминают «время Бусово», плач Ярославны долетает до Дуная и именно там находит ответ, а когда Игорь возвращается из плена домой, некие «девицы» радостно поют на Дунае, и их пение долетает до Киева. Кстати, и слова Святослава Киевского слышат на Западе и на Юге Европы — немцы, венецианцы, греки и моравы.

Больше того, по мнению некоторых исследователей, под образом Трояна следует понимать не языческого бога, а римского имп. Траяна (98—117), совершавшего походы в Подунавье и оставившего по себе память у подунайских славян и русов-ругов. Если это так, то в «Слове о полку Игореве» можно видеть отголоски сохраняющихся в южных пределах Древней Руси историко-мифологических преданий о дунайской прародине славян и Руси, о контактах с римлянами, о Причерноморской Руси, о войнах Руси с готами в IV в. Иначе говоря, можно предположить, что «Слово» представляет нам совершенно оригинальную версию происхождения русского народа. Можно также предположить, что «Слово» было не единственным памятником, представляющим эту версию — за «Словом», вполне возможна, стояла целая традиция, письменная или устная. И если мы сегодня не имеем подлинника «Слова», то вполне вероятно погибла и письменная традиция указанной версии происхождения Руси.

И еще один важный момент. Выше уже говорилось, что «Слово» — это редкий случай религиозно-мифологического единства Руси. Однако можно заметить, что все несчастья с Игорем и войском проходят под знаком языческой мифологии. А вот спасение Игоря осыщено уже христианским Богом: Бог указывает Игорю путь из земли Половецкой, радость наступает в странах и городах, когда Игорь проезжает к храму Богородицы Пирогошей. И далее автор «Слова» восклицает: «Певше песнь старым княземъ, а потом молодымъ пети!.. Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганья пльки! Княземъ слава а дружине!»

Вполне возможно, что само «Слово» исполнено и более глубинным смыслом, а именно — спасение Игоря означает победу христианства над язычеством, единого Бога над

Миниатюры из Радзивилловской летописи — иллюстрированный летописцем рассказ о походе Игоря на половцев

многими языческими богами. И автор «Слова» призывает молодое поколение князей сражаться не только за свою честь и славу, но и за христиан, и не просто против половцев, но и против язычников. Стоит напомнить, что слово «поганый» в древнерусском языке имело и значение «язычник», «идолопоклонник». «Слово» же призывает молодых князей бороться именно с «поганья пльки». В таком случае, в «Слове» следует видеть еще одно свидетельство распространенности христианского мирозерцания в русском народе.

Изд.: Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (сер. «Лит. Памятники»); «Слово о полку Игореве / Вступ. ст., ред. текста, дословн. и объяснит. пер. с древнерус., примеч. Д. С. Лихачева. М., 1954; 7-е изд. М., 1978; Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переводы / Вступ. ст., ред. тестов, прозаич. и поэтич. пер., примеч. к древнерус. тексту и словарь В. И. Стеллецкого. М., 1965; Слово о полку Игореве / Вступ. ст. Д. С. Лихачева: Сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л., 1967; Слово о полку Игореве / Вступ. статьи Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева; Сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; Реконстр. древнерус. текста и коммент. Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина; Подгот. текстов и примеч. Л. А. Дмитриева. Л., 1985 (Б-ка поэта. Большая серия. 3-е изд.); Слово о полку Игореве: Древнерусский текст, переводы и переложения. Поэтические вариации / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Ст., сост. и подгот. текста Л.

А. Дмитриева; Коммент. Л. А. Дмитриева и О. В. Творогова. М., 1986; Слово о полку Игореве / Вступ. ст. и подгот. древнерус. текста Д. Лихачева; Сост., ст. и коммент. Л. Дмитриева. М., 1987 (Классика и современники).

Лит.: Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 1—2; М., 1889. Т. 3; Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей. М.; Л., 1950; Лихачев Д. С. 1) Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Там же; 2) «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978; 2-е изд., доп. Л., 1985; Дмитриев Л. А. 1) История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследования. М.; Л., 1960; 2) Автор «Слова о полку Игореве» // Словарь книжников. Вып. 1; «Слово о полку Игореве» — памятник XII в. М.; Л., 1962; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1965—84. Вып. 1—6; «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966; Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1962; Рыбаков Б. А. 1) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; 2) Петр Бориславич. М., 1961; «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Л., 1976 (Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 31); Слово о полку Игореве: Памятники литературы и искусства XI—XIII вв. М., 1978; «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985; Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986; Творогов О. В. Слово о полку Игореве // Словарь книжников. Вып. 1; Слово о полку Игореве: Комплексные исследования. М., 1988.

С. Перевезенцев

СЛОВО О ХМЕЛЕ, литературный памятник 2-й пол. XV в. В «Слове...» развивается тема осуждения пьянства, широко распространенная в переводных и оригинальных поучениях, начиная с XI в. Однако именно в «Слове...» Хмель персонафицирован, от его лица ведется повествование.

«Слово...» делится на 2 части. Первая — речь самого Хмеля, похваляющегося своей силой и угрожающего каждому, кто сведет с ним дружбу. Обращаясь ко всякому человеку, начиная с самого верха социальной лестницы, «и к священническому чину, и ко князьям, и к боярам, и к слугам, и к купцам, и к богатым, и ко убогим, и к жёнам, старым и младым», Хмель называет те физические болезни и социальные беды, которые ждут пьяниц: «Наложу ему печаль на сердце; вставшу ему с похмелиа, глава болит, очи света не видят, а ум его не идет ни на что же на доброе, а ясти не требуют... пити хошет... и тако напиывается по вся дни». Князь-пьяница не может управлять государством, и «извергнут его ис княжения». Купец, княжеский слуга, селянин, мастер — все разорятся. Беды ждут и жену-пьяницу: «А иже познается со мною жена, какова бы ни была, а иметься упивати допиана, учиню ее блудницею... а потом ввергну ея в большую погыбель и будет от Бога отлучена, а от людей в посмесе, лучше бы ся не родила».

Вторая часть «Слова...» — это уже не речь Хмеля, а поучение против пьянства, близкое к традиционным поучениям этого типа. В списке, принадлежащем монаху Кирилло-Белозерского монастыря *Ефросину* (XV в.), есть текст, отсутствующий во всех др. списках: «Лежа не мощно Бога умолити, / чести и славы не получитьи, / а сладка куса не снести, / медовья чаши не пити, / а у князя в нелюбови быти, / а волости или града от него не видати. / ... Недостатки у него дома седят, / а раны у него по плечам лежат, / туга и скорбь по бедрам гладом позванивает, / убожие у него в калите гнездо свило».

Ритмическая проза, которой написано «Слово...», переходящая местами в рифмованную речь, сближает его с

«Слово о Хмеле». «Азъ есмь Хмель». Гравюра XIX в.

устно-поэтическим произведением о Хмеле, известным в записях XVIII—XIX вв., но, возможно, существовавшим уже в XV в. Сама характеристика, которую дает себе Хмель, почерпнута в народно-поэтических образах: «Имею у себя нозе тонце, а утробу необъядчиву, руце же мои держат всю землю, а главу имею высокоумну, а умомъ есмь не равен ни х кому». Некоторые обороты «Слова...» имеют аналогии в народных пословицах.

В произведениях XVII в. «Слово...» получает повествовательное оформление. В «Повести о Хмеле» отшельник, собирая плоды, случайно нашел Хмель, который начал говорить и рассказывать о себе (приводится знакомая речь Хмеля). Человек бросает траву-Хмель и рассуждает о вреде пьянства. В «Послании» человек, изнемогший от пьянства, обнищавший и путивший семью по миру, затем одумался и протрезвился. Поймав Хмеля, он начал расспрашивать о его роде и его власти. Хмель не только произносит свой монолог, но еще и пересказывает *апокриф* о ковчеге Ноя, в котором речь идет о том, как дьявол научил жену Ноя варить хмель. В заключение Хмель сообщает человеку средство спасения: т. к. сразу бросить пить нельзя, то, проспавшись, пьянице надлежит выпить понемножку, а затем приняться за духовный подвиг и так отвыкнуть от пьянства.

Изд.: Слово о Хмеле // Памятники литературы Древней Руси: 2-я пол. XV в. М., 1982.

Ист.: Литература Древней Руси. Биобиблиографический словарь. М., 1996. С. 208—209.

М. К.

СЛУЧЕВСКИЙ Константин Константинович (26.07[7.08].1837—25.09[8.10].1904), поэт и прозаик. Родился в Петербурге в семье сенатора. Окончил 1-й Петербургский кадетский корпус. В 1861 слушал лекции в Сорбонне; изучал философию и естественные науки в университетах Берлина, Лейпцига, Гейдельберга, был связан с молодой русской эмиграцией.

По возвращении в Россию Случевский служил в Главном управлении по делам печати и в Министерстве гос. имуществ. В 1891—1902 редактировал «Правительственный вестник». Печататься начал в 1857. После полемики вокруг появившихся в «Современнике» (1860) стихотворений Случевского «На кладбище», «Ходит ветер избочась» (с одной стороны, восторженная оценка *А. А. Григорьевым*, с др. — сатирические пародии Д. Д. Минаева, пародии Н. А. Добролюбова на стихотворение «Мои желания») Случевский долго не выступал в печати. Он выпустил серию брошюр «Явления русской жизни под критикою эстетики» (Вып. 1—3, 1866—67), направленных против нигилистической критики и вызвавших нападки на него со стороны антирусских сил.

Стихи Случевского вновь стали появляться в печати лишь в 1871 под псевд. или инициалом «С.». В 1880—90 вышли 4 книжки его стихов. В 70—90-х Случевский публикует роман «От поцелуя к поцелую» (1872) (под псевд. Серафим Неженатый), повести и рассказы «Виртуозы» (1882), «Застрельщики» (1883), «Тридцать три рассказа» (1887), «Профессор бессмертия» (1892), «Исторические картинки и разные рассказы» (1894), географо-этнографический труд «По северу России» (Т. 1—3, 1888), а также поэмы и драматические сцены в стихах на темы современной жизни и поднимающие моральные проблемы. Лучшие из них: «В снегах» (1879), «Без имени» (1881), «Тоже нравственность», «Элоа». В 1902 вышла последняя книга стихов «Песни из “Уголка”».

Творчество Случевского, как и отношение его к действительности, к искусству, выходит за пределы «чистого искусства», к которому его часто причисляли. Стихотворение «Странный город» направлено против косности, пошлости, лицемерия в чиновничье-полицейской среде. Пристальным вниманием к миру общественных отношений отмечены стихотворения «На Раздельной», «На рауте», «Из Каира и Ментоны», «Висбаден». Случевский переводил стихи Г. Гейне, В. Гюго, О. Барбье и Дж. Байрона с философско-моральными, гражданскими темами. Творчество Случевского отличается напряженной трагичностью, пессимизмом, мистическими настроениями (стихотворение «Камаринская», циклы «Мгновения», «Мефистофель»). *В. Я. Брюсов* назвал Случевского «поэтом противоречий».

В поэзии Случевского прослеживаются черты, сближающие ее с лирикой *А. А. Фета*, *А. Н. Майкова*, *Ф. И. Тютчева*, *Я. П. Полонского*. Большое влияние оказали на Случевского идеи, ситуации и образы *Ф. М. Достоевского* (стихи «После казни в Женеве», «Меня в загробном мире знают», поэма «Элоа»). В конце жизни Случевский получил признание среди представителей новых течений, считавших его ближайшим предшественником поэзии русского модернизма.

Соч.: Стихотворения. Кн. 1—4. СПб., 1880—90; Соч. Т. 1—6. СПб., 1898; Повести и рассказы. СПб., 1903; Новые повести. СПб., 1904; Стихотворения и поэмы / Подгот. текста, вступ. ст. и прим. А. В. Федорова. М.; Л., 1962; [Стихи] / Поэты 1880—1890-х годов. М.; Л., 1964; Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1988.

Т. О.

СМЕЛЯКОВ Ярослав Васильевич (26.12.1912 [8.01.1913]—27.11.1972), поэт. Главные темы его произведений — патриотизм, романтика юности, труд, преемственность поколений, сочетание лирической патетики с разговорными интонациями и юмором.

Суровый жизненный опыт Смелякова как жертвы политики репрессий отразился в стихах-новеллах, стихах-воспоминаниях (опубл. в 1987). Один из первых советских поэтов Смеляков в стихотворении «Жидовка» поднял тему ответственности еврейских большевиков перед русским народом.

Соч.: «Работа и любовь» (1932); «Строгая любовь» (1956); «Разговор о главном» (1959); «День России» (1967; Гос. премия СССР).

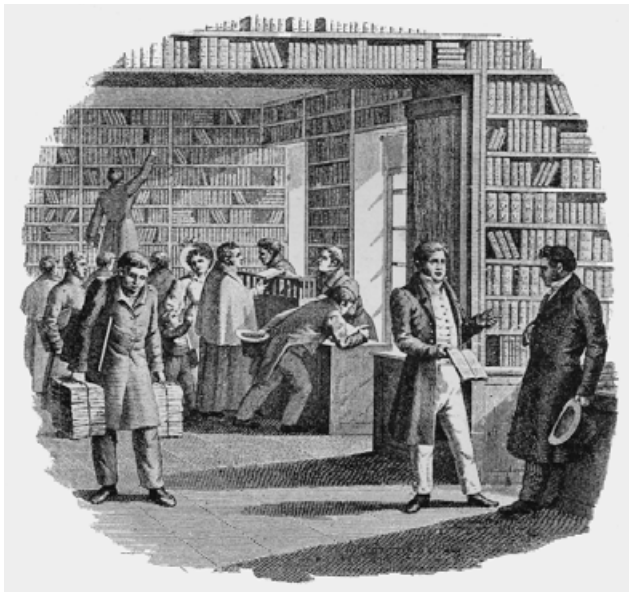
СМИРДИН Александр Филиппович (21.01[1.02].1795—16[28].09.1857), издатель, книготорговец и библиограф. Родился в Москве. После работы в книжном магазине *А.*

С. Ширяева в 1817 перешел на службу к петербургскому издателю *В. А. Плавильщикову*; в 1825 приобрел его книжный магазин и типографию. Значительно расширив книготорговую деятельность, Смирдин вскоре перевел книжный магазин из Гостиного двора к Синему мосту, а затем на Невский проспект. Его книжный магазин стал своеобразным салоном, где встречались многие писатели. На «новоселье»

присутствовали *А. С. Пушкин*, *В. А. Жуковский*, *И. А. Крылов*, *П. А. Вяземский*, *Н. И. Гнедич* и др.; все они приняли участие в альманахе «Новоселье», изданном Смирдиным (1833—34). С 1840 по случаю переезда на Невский проспект.

Смирдин издал сочинения *Н. М. Карамзина*, *В. А. Жуковского*, *А. С. Пушкина*, *И. А. Крылова*, *Н. В. Гоголя*, *К. Н. Батюшкова*, *П. А. Вяземского*, новые издания сочинений *В. К. Тредиаковского*, *М. В. Ломоносова*, *Г. Р. Державина* и др. Основав (1834) журнал «Библиотека для чтения», Смирдин положил начало изданию в России «толстых» журналов. Им были выпущены 3 сборника «Сто русских литераторов» (1839—45). С 1846 Смирдин издавал серию «Полное собрание сочинений русских авторов». Находясь в дружеских отношениях со многими писателями своего времени, Смирдин старался оказывать им поддержку. Его издательское дело долгое время развивалось успешно, но впоследствии он разорился и вынужден был прекратить книжную торговлю. Отчасти это объяснялось бескорыстием Смирдина в делах: так, Пушкину он платил по червонцу за стихотворную строку, а за стихотворение «Гусар», опубликованное в «Библиотеке для чтения», заплатил 1200 рублей. Крылову за право издания его басен тиражом в 40 тыс. экз. было выплачено

Книжный магазин Смирдина

40 тыс. руб. Из библиографических трудов Смирдина особенно ценно справочное издание «Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки А. Смирдина» (1828); дополнения к этой библиографии составлялись до 1856 (в 4 ч.). Как издатель-просветитель Смирдин занимает видное место в истории русской культуры.

Лит.: А. Ф. Смирдин [Краткий очерк жизни и деятельности] // «Библиотека для чтения». Т. 146. 1857; Сборник лит. статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина. Т. 1. СПб., 1858; *Смирнов-Сокольский Н. П.* Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 1957.

А. Ш.

СМИРНОВ Сергей Сергеевич (13[26].09.1915—22.03.1976). Родился в Петрограде. Окончил Московский энергетический институт (1937) и Литературный институт (1941). Участник Великой Отечественной войны. Начал печататься в 1933 как журналист. В 1959—60 — гл. редактор «Литературной газеты». В послевоенные годы Смирнов много сделал для увековечения памяти героев войны. Книги «Брестская крепость» (1-е изд. 1957; расширенное изд. 1964), «Герои Брестской крепости» (1959), «Рассказы о неизвестных героях» (1963), «Семья» (1968) и др., основанные на документальном материале, впервые открыли героическую эпопею защиты Брестской крепости в 1941 и др. подвиги советских воинов, остававшиеся неизвестными. Литературная и гражданская деятельность Смирнова вызвала к жизни др. произведения того же жанра и нашла отклик по всей России. Выступления Смирнова в печати, по радио и телевидению с «Рассказами о героизме» в телеальманахе «Подвиг» породили массовое патриотическое движение по розыску неизвестных героев. Смирнов — автор путевых очерков, сценариев (некоторые в соавторстве) на темы Отечественной войны «Его звали Федор» (1963), «Они шли на восток» (1965), «Катюша» (1964), «Великая Отечественная» (1965), «Город под липами» (1968), «Семья Сосниных» (1968), пьес «Люди, которых я видел» (1958) и «Крепость над Бугом» (1955).

СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ Николай Павлович (5[17].03.1898—13.01.1962), библиограф, историк книги, артист эстрады. Родился в Москве в семье типографа. С 1913 — сотрудник московских газет и эстрадный автор, с 1915 — профессиональный актер. С молодости увлекаясь собиранием редких книг, Смирнов-Сокольский стал обладателем уникальной библиотеки первых и прижизненных изданий русских классиков XVIII—XX вв. (многие с автографами), литературных альманахов и сборников, русской «потаенной» литературы, книг, уничтожавшихся цензурой. Библиофильство привело его к изучению историко-литературных и библиографических проблем. Его труды по истории книги, посвященные А. Н. Радищеву, А. С. Пушкину, А. Ф. Смирдину, построены на использовании малоизвестных рукописных и печатных материалов. Он опубликовал книгу «Рассказы о книгах» (1959), составил библиографическое описание русских литературных альманахов и сборников XVIII—XIX вв. (изд. 1965). Более 25 лет Смирнов-Сокольский отдал работе над рукописью книги «Моя библиотека» (Т. 1—2. М., 1969).

Соч.: Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 1957; Рассказы о книгах. 2-е изд. М., 1960; Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962.

СМОТРИЦКИЙ Герасим Данилович (? — окт. 1594), писатель, общественно-культурный деятель. Первый ректор Острожской школы (с 1580). Автор предисловий к Острожской Библии (1580—81), полемического памфлета в двух частях «Ключ царства небесного» (ч. 1) и «Календарь римский новый» (ч. 2, Острог, 1587), в котором на ярком бытовом и историческом материале обличал религиозное и экономическое насилие католицизма и польских властей над русским населением, выступал против закрепощения крестьянства. Памфлет написан на близком к народному языке, местами ритмизирован. В нем много *пословиц* и *поговорок*, часть которых сочинил сам Смотрицкий.

Соч.: Архив Юго-Зап. России. Ч. 1. Т. 7. Киев, 1887.

Л. М.

СНЕГИРЕВ Иван Михайлович (23.04[4.05].1793—9[21].12.1868), этнограф, фольклорист и археолог. Родился в Москве. Окончил Московский университет; при нем же состоял профессором по кафедре римской словесности и древностей. Изучал русское народное творчество, русскую старину. Впервые в России Снегирев собрал, прокомментировал и опубликовал огромный материал по русским *пословицам* и *поговоркам*, с большой полнотой и знанием дела описал народные праздники и обряды, привлек к изучению лубочные картинки. Автор трудов: «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках» (кн. 1—4, 1831—34); «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (вып. 1—4, 1837—39); «Русские народные пословицы и притчи» (1848), «О лубочных картинках русского народа» (1844, 2-е изд., доп. и перераб. — «Лубочные картинки русского народа в московском мире», 1861); «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» (вып. 1—18, 1846—59; 2-е изд., 1848—60, совм. с А. Мартыновым). Подбор, систематизация и интерпретация пословиц и поговорок основывались на твердой православно-монархической позиции. Большой интерес представляют обширный «Дневник» и «Воспоминания» Снегирева, опубликованные в «Русском архиве» (1866, 1902—05).

СОБАКИН Михаил Григорьевич (1720—6[17].02.1773), поэт. Происходил из боярского рода; учился в Сухопутном шляхетном корпусе. Литературную деятельность начал с участия в коллективных одах Кадетского корпуса. Писал *силлабические стихи*; позднее, следуя системе *В. К. Третьяковского*, — *тонические* («Совет добродетелей», «Радость столичного города Санкт-Петербурга»). В произведениях Собакина нашли отражение общественные события 1730-х. Его стихи в художественном отношении выделяются среди стихотворства современной ему эпохи.

Соч.: [Стихи] // *Вирши. Силлабич. поэзия XVII—XVIII вв.* [Л.], 1935.

«СОБЕСЕДНИК ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО СЛОВА, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей», ежемесячный журнал, издававшийся в Петербурге с июня 1783 по сент. 1784. «Собеседник» издавался Академией наук по инициативе и при ближайшем участии имп. *Екатерины II*. Фактическим редактором являлась кн. *Е. Р. Дашкова* (директор АН). Ближайшее участие в издании принимали *И. Ф. Богданович*, *Г. Р. Державин*, *Д. И. Фонвизин*. Менее активно сотрудничали *С. С. Бобров*, *В. В. Капнист*, *Я. Б. Княжнин*, *Е. И. Костров*, *В. А. Левшин*, *М. Н. Муравьев*, *Ю. А. Нелединский-Мелецкий*, *М. М. Херасков* и др. Показательно отсутствие в журнале произведений *Н. И. Новикова*, *М. М. Щербатова*, а также *А. М. Кутузова* и *Радищева*. Несмотря на то что «Собеседник» печатался на средства АН, при участии самой императрицы, он не имел ни учено-академического, ни официального характера. Политическая информация отсутствовала, ни один ученый в нем не участвовал. Статьи на общие политико-просветительские темы являлись монополией имп. *Екатерины II* (цикл нравоописательных очерков и сатирико-дидактических этюдов «Были и небылицы»; «Записки касательно российской истории», ответы на «Несколько вопросов» *Фонвизина* и на вопросы некоторых ее приближенных).

Объединение в «Собеседнике» ведущих русских писателей, приуроченное к 20-летию юбилею царствования имп. *Екатерины II*, должно было установить непосредственный их контакт с верховной властью и стимулировать создание произведений, популяризирующих личные высокие качества императрицы, как продолжательницы дела *Петра*. Программное значение имела в этом отношении ода *Державина* «К *Фелице*», открывавшая первый номер «Собеседника».

СОБОЛЕВСКИЙ Алексей Иванович (26.12.1856[7.01.1857]—24.05.1929), филолог. Профессор Киевского и Петербургского

университетов (с 1888). Академик (с 1900). Научные интересы *Соболевского* сосредоточены гл. обр. на исследовании истории русского языка. В докторской диссертации «Очерки из истории русского языка» (1884) *Соболевский* установил особенности древних галицко-волынского и псковского диалектов. В «Лекциях по истории русского языка» (1888, 4-е изд. 1907) он привлек материалы памятников древнерусской письменности

сти, характеризующие звуковые и морфологические особенности языка в разные периоды его истории. Изучал историю древнерусского языка («Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии», 1910), письменность и палеографию («Славяно-русская палеография», курс 1—2, 1901—02). Его «Очерк русской диалектологии» (1892) — фундаментальное исследование русских говоров и описание малороссийского и белорусского языков. Известны его исследования по топонимике, ономастике, этнографии и истории древнерусского искусства. Собирал фольклор («Великорусские народные песни», т. 1—7, 1895—1902).

СОБОЛЕВСКИЙ Сергей Александрович (10[22].09.1803—6[18].10.1870), библиограф и поэт. Внебрачный сын помещика *А. Н. Соймонова*. Образование получил в Благородном пансионе при Педагогическом институте в Петербурге. Служил в Московском архиве при Министерстве иностранных дел, где близко сошелся с *Д. В. Веневитиновым*, братьями *И. В.* и *П. В. Киреевскими* и др. «любомудрами». В 1826—27 участвовал в организации журнала «*Московский вестник*». К тому же времени относится начало его дружбы с *А. С. Пушкиным*, с которым он познакомился еще в 1818 через брата поэта. *Соболевский* был издателем «*Братьев-разбойников*», 2-й главы «*Евгения Онегина*», «*Цыган*». Подолгу живя во Франции и имея обширные литературные связи, *Соболевский* много сделал для популяризации творчества *Пушкина*. *Соболевский* приобрел большую известность как остроумец, автор многочисленных эпиграмм, *акростихов*, каламбуров, *пародий*.

Соч.: Эпиграммы и экспромты. М., 1912; Юрнэлы и камерфурьерские журнэлы 1695—1774 гт. М., 1867.

Лит.: *Березин-Ширяев Я. С. А. Соболевский*. СПб., 1892; Выписки из писем *И. С. Мальцова* к *С. А. Соболевскому* / Предисл. *Н. И. Барсукова*. СПб., 1904.

«СОВРЕМЕННОК, журнал, выходивший в Петербурге в 1836—46 один раз в 3 месяца. Основан *А. С. Пушкиным*, который в 1836 выпустил 4 тома и успел частично подготовить 1-й том 1837. После гибели поэта «*Современник*» издавался в пользу его семьи группой друзей во главе с *В. А. Жуковским*. Редакторы в 1837 последовательно — *П. А. Плетнев*, *А. А. Краевский*, *В. Ф. Одоевский*, *П. А. Вяземский*. «*Современник*» *Пушкина* имел 2 отдела: стихотворения и проза. В первом напечатаны произведения *Пушкина* («*Пир Петра Первого*», «*Скупой рыцарь*», «*Родословная моего героя*», «*Полководец*» и др.), стихи *Жуковского*, *Вяземского*, *Д. В. Давыдова*, *Е. А. Баратынского*, *А. В. Кольцова*, цикл стихов *Ф. И. Тютчева* и др. В отделе прозы основное место занимали произведения *Пушкина* («*Капитанская дочка*», «*Путешествие в Арзрум*», «*Джон Теннер*» и др.) и *Н. В. Гоголя*, принявшего ближайшее участие в начале издания («*Коляска*», «*Нос*», «*Утро делового человека*», «*О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году*» и др.); там же опубликованы «*Записки*» *Н. А. Дуровой*, «*Париж (Хроника русского)*» *А. И. Тургенева*, «*Долина Ажитугай*» *С. Казы-Гирея*, статьи *Давыдова* «*О партизанской войне*», *Вяземского* о «*Ревизоре*» *Гоголя*, *Одоевского* «*О вражде к просвещению, заключаемой в новейшей литературе*» и др.

Пушкин подчеркивал преемственную связь «*Современника*» с «*Литературной газетой*». Журнал издавался в тяжелых цензурных условиях: были запрещены статья *Пушкина* «*Александр Радищев*», стихотворение *Тютчева* «*Два демона ему служили...*» и др., некоторые произведения пропускались с купюрами и искажениями. Первые 2 тома «*Современника*»

имели тираж 2400 экз., из которых расходилось не более трети, последний том за 1836 выпущен тиражом 900 экз.

В 1837 «Современник» поместил неопубликованные произведения Пушкина: «Медный всадник», «Русалка», «Летопись села Горюхина», «Арап Петра Великого», «Египетские ночи» и др., «Бородино» *М. Ю. Лермонтова*, произведения Жуковского, Вяземского, *П. П. Ершова* и др. С 1838 «Современник» перешел к Плетневу. Регулярность выхода томов часто нарушалась: в 1841 вышло 5 томов, в 1842 — 3 тома, в 1845 — 4 тома. Плетнев передал право на его издание *Н. А. Некрасову* и *И. И. Панаеву*, в руках которых журнал постепенно приобрел преимущественно нигилистическое направление, связанное с именами *В. Г. Белинского*, *Н. Г. Чернышевского* и *Н. А. Добролюбова*.

СОЗОНОВИЧ Иван Петрович (1855—после 1912), историк литературы. Окончил Могилевскую гимназию. В 1880 закончил С.-Петербургский университет по историко-филологическому факультету. Был 3 года за границей в научной командировке. С 1886 возглавил кафедру истории западноевропейских литератур, с 1887 — профессор Варшавского Императорского университета. Академией наук удостоен премии *С. С. Уварова* за работу «О западном влиянии на славянскую, русскую народную поэзию». Член Русского собрания в Варшаве. Член фракции правых II и III Государственных дум от Могилевской губ., секретарь Государственной думы.

Соч.: Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче. Исследование по истории развития славяно-русского эпоса. Варшава, 1886; Славяне в Морее. Варшава, 1887; Курс истории всеобщей литературы. Варшава, 1887; Очерк средневековой немецкой эпической поэзии и литературной судьбы песни о Нибелунгах. Варшава, 1889; К вопросу о влиянии крестовых походов на средневековую поэзию. Варшава, 1897; К вопросу об античном влиянии на средневековую поэзию. Варшава, 1897; К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию. Исследование. Варшава, 1898; К характеристике современного революционного движения в России. Варшава, 1906.

Лит.: *Батюшков Ф. Д.* Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче. (Рец.). СПб., 1877; *Жданов И. Н.* К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию. (Рец.). СПб., 1902.

М. Смолин

СОЙМОНОВ Михаил Николаевич ([1][13].05.1851—[1][23].09.1888), поэт. Родился в Казани в дворянской семье. В 1872 окончил юридический факультет Казанского университета. Служил чиновником в Казани. В 1879 переехал в Петербург. Лирическая поэзия Соймонова эклектична; наряду с традициями гражданской лирики она впитала культ любви и красоты *А. А. Фета*, некоторые христианско-философские мотивы. По образованности и преобладающему настроению стихи Соймонова наиболее близки лирике *С. Я. Надсона*. Герой Соймонова — тоскующий «сын большого века», века торжествующей пошлости, холодного меркантилизма, крушения нравственных основ.

Соч.: Недопетые песни. СПб., 1891.

СОКОЛОВ Владимир Николаевич (18.04.1928—24.01.1997), поэт. Родился в г. Лихославле Тверской обл. в семье инженера и учительницы. В 1952 закончил литературный институт. Первый сборник стихов Соколова «Утро в пути» (1953) составили в основном эпические стихи о трудном военном детстве, эвакуации, напряженных буднях тыла. В 1958 вышла вторая книга стихов Соколова «Трава под снегом», в названии которой угадывалось состояние лирического героя, ждущего своей весны. В сборник были включены характерные для Соколова стихи: «Все прозрачно в мире — это свойство...», «Из переулка — сразу в сон...», «Когда стреляют в воздух на дуэли...» (все — 1956). В ранней лирике Соколова складывается внутренняя тема его поэзии — поиски гармонии между миром и человеком. Важный смысл в этом обретает «музыка» — символ гармонии: «Спасибо, музыка, за то, / Что ты меня не оставляешь, / Что ты лица не закрываешь, / Себя не прячешь ни за что. / Спасибо, музыка, за то, / Что ты единственное чудо, / Что ты душа, а не причуда, / Что для кого-то ты ничто».

К сер. 60-х Соколов обрел творческую зрелость; в это время выходят известные поэтические книги: «Смена дней» (1965), «Разные годы» (1966), значительная часть новых стихов вошла в книгу «Снег в сентябре» (1968), в сборник «Избранная лирика» (1967). В поэзию Соколова входит тема «малой родины» («Звезда полей...» (1963); «У верховьев Волги» (1965); «Ростов Великий...» (1965) и др.): «Хотел бы я долгие годы / На родине милой пожить, / Любить ее светлые воды / И темные воды любить». Стихотворение Соколова «Звезда полей...» воспринимается как заповедь верности Родине: «Звезда полей, звезда полей над отчим домом / И матери моей печальная рука... / Осколок песни той вчера над тихим Доном / Их чуждых уст настиг издадека. / И воцарился мир, забвенно не подвластный, / И воцарилась даль — во славу ржи и льна...». В этом мироощущении Соколов близок к *Н. Рубцову*, *Ю. Кузнецову*, *Н. Тряпкину* и др. В традиции, нравственном опыте прошлого Соколов видит «врачующую силу»: «Вдали от всех парнасов, / От мелочных сует / Со мной опять Некрасов / И Афанасий Фет. / Они со мной ночуют / В моем селе глухом. / Они меня врачуют / Классическим стихом». В сер. 70-х Соколов выпускает книги «Четверть века» (1975), «Позднее утро», «Городские стихи» (обе — 1977), «Спасибо, музыка» (1978). Многие стихи воспринимаются как сокровенная дума умудренного жизненным опытом человека. «Живя перемеченным метой празднеств и бедствий», Соколов прошел «испытание временем, испытание веком, испытание бременем и родным человеком». В подтексте стихов угадывается боль пережитого. Они все больше окрашиваются элегической интонацией. Лирика Соколова обретает новый настрой: «Не поддаваться времени, / Его собою полнить / И даже в поздней темени / О том, что будем помнить. / Не надо плакать, милая, / Ты наших поколений, / Стань домом, словом, силою / Больших преодолений». Интонация раздумья пронизывает и многие стихи, созданные в 80-е.

В своих исканиях Соколов остается верен «поэтике мгновения», придерживаясь ее и в крупных жанрах — поэмах «Смена дней», 1960; «Улица», 1966; «Шадринск», 1967; «Сюжет», 1976, построенных по принципу лирического цикла. Поэмы «Александровский сад» (1984) и незавершенная «Алиби» являются, по определению автора, «вольными» поэмами, где одновременно сосуществуют и лирика, и эпос, и драма, и трагедия. В последние годы Соколов выпустил 2 сборника стихов: «Посещение» (1992) и «Самые мои стихи» (1995), последний составлен, по при-

знанию поэта, «вдохновенно и строго». В него вошли стихи, созданные почти за полвека работы в русской литературе. Название сборника «Посещение» ассоциируется со строчками известного стихотворения *Ф. И. Тютчева*: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» Книга пронизана раздумьями поэта о трагическом состоянии эпохи, зараженной духовным омертвением: «Я устал от двадцатого века, / От его окровавленных рек. / И не надо мне прав человека — / Я давно уже не человек».

Соч.: Избр. произв.: В 2 т. М., 1981; Четверть века: Избр. стихотворения. 1948—75 / Вступ. ст. В. Кожина. М., 1975; Сюжет: Стихи и поэма. М., 1980; Избранное. М., 1989; Самые мои стихи. М., 1995.

В. Запелов

СОКОЛОВ-МИКИТОВ Иван Сергеевич (18[30].1892—20.02.1975), писатель. Родился в урочище Осеки Калужской губ. Детство провел на Смоленщине. Отец писателя служил приказчиком у купца-лесоторговца. Соколов-Микитов учился на сельскохозяйственных курсах в Петербурге. В 1920—22 жил за границей, плывал на судах торгового флота. Печататься начал в 1912. Один из циклов Соколова-Микитова «Голубые дни» (1926—28) запечатлел юношеские романтические устремления писателя. Для творчества Соколова-Микитова характерны жанры реалистического рассказа и путевого очерка, отмеченных вниманием к природе, к человеку труда. Талант рассказчика раскрылся в новеллах 20-х о животных: «Фурсик», «Найден луг», «Бурый», в цикле рассказов о деревне «На речке Невестнице» (1923—28), повести «Елень» (1929—53). Некоторые рассказы 20-х («Пыль», «Слепцы», «Ава») свидетельствуют о влиянии на Соколова-Микитова повествовательной манеры *И. А. Бунина*. Значительной вехой в его творчестве является повесть «Чижикова лавра» (1926). Написанная от лица человека, силой обстоятельств оторванного от России, она исполнена горячей любви к Родине, отличается резко отрицательным отношением к показной благопристойности западного общества. Высокой поэзией, навеванной родным краем, простотой и ясностью описаний отличается автобиографическая повесть Соколова-Микитова «Детство» (1931—53). Многочисленные путешествия писателя по стране описаны в книгах «Ленкорань» (1934), «Пути кораблей» (1934), «Летят лебеди» (1936), «Северные рассказы» (1939), «На пробужденной земле» (1941), «Рассказы о Родине» (1947). Мастерство писателя во многом идет от фольклора, от сказки (книги «Засушня», 1918, «Голь перекатная», 1927, «Лисьи увертки», 1956, и др.). Опубликованы воспоминания.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—3. М., 1929; Соч. Т. 1—2 / Вступ. ст. А. Твардовского. М., 1959; Собр. соч. / Вступ. ст. В. Рождественского. Т. 1—4. М., 1965—66; У светлых истоков: Рассказы. Л., 1969; На теплой земле: Повести и рассказы. Л., 1978; Посвящение. М., 1982.

СОКОЛОВЫ Борис Матвеевич (8[20].04.1889—30.07.1930), этнограф, фольклорист, литературовед, и **Юрий Матвеевич** (8[20].04.1889—15.01.1941), фольклорист, литературовед, академик. Научно-собирательную и исследовательскую работу братья Соколовы начали еще в студенческие годы под руководством *В. Ф. Миллера*. В 1911 окончили Московский университет и были оставлены при нем для подготовки к педагогической деятельности. Преподавали в средних, затем в высших учебных заведениях Москвы, Твери, Саратова и Киева. Много сил отдавали собиранию фольклора. Особенно большое значение имели их поездки в Новгородскую губ., результатом которых явилась книга

«Сказки и песни Белозерского края» (1915), а также экспедиции (1926—28) по следам *А. Ф. Гильфердинга* и *П. Н. Рыбникова*, ставившие задачей изучение былевого эпоса и давшие огромный материал. Опыт собирательской работы и ее методики обобщен братьями Соколовыми в книге «Поэзия деревни» (1926). Соколовы были увлеченными пропагандистами народного искусства, авторами книг и статей, популяризирующих фольклор и науку о нем.

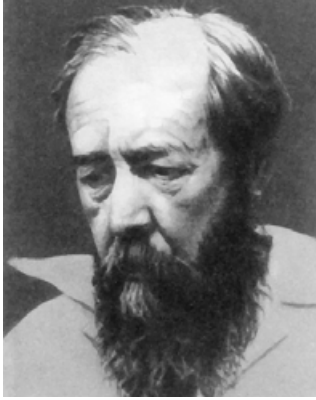
Наиболее значительные работы Бориса Соколова — исследования отдельных сюжетов *былин* и *исторических песен*, статья «Экскурсы в область поэтики русского фольклора» (1926), публикации о былинах, а также курс лекций «Русский фольклор» (Вып. 1—2, 1929—30). Ученый вел большую работу в области этнографии и музееведения в Москве и Саратове. Был директором (1925—30) Музея народов СССР в Москве. Юрий Соколов — автор теоретических работ по вопросам взаимоотношения литературы и фольклора, о специфике фольклора и проблемах его изучения. Большую роль сыграл его учебник «Русский фольклор» (1938). Ученый отдавал много сил изучению фольклора, организации фольклористической работы. Возглавлял первую в СССР кафедру фольклора (в МИФЛИ; 1938—41). Братья Соколовы создали самостоятельное направление в фольклористике, воспитали много учеников.

СОЛДАТЕНКОВ Козьма Терентьевич (10[22].10.1818—19.05.1901), книгоиздатель, коллекционер картин, скульптур и книжных изданий. Будучи крупным московским промышленником, вел просветительскую деятельность. В 50—60-х был связан с *Н. Х. Кетчером*, *Е. Ф. Коршем*, *Т. Н. Грановским* и находился под их влиянием. Книгоизданием на кооперативных началах Солдатенков занимался с 1856 совместно с *Н. М. Щепкиным* (сыном актера *М. С. Щепкина*), а с 1862 — самостоятельно. К числу первых изданий относятся собрание стихов *Н. А. Некрасова* (1856), стихов *Н. П. Огарева* (1856), *А. В. Кольцова* (1856), сочинений *Грановского* (1856), собрание стихов *А. И. Полежаева* (1857), народной русской сказки *А. Н. Афанасьева* (1859). Издательство Солдатенкова выпустило первое собрание сочинений *В. Г. Белинского* в 12 т. (1859—62), что явилось крупным событием литературно-общественной жизни. Среди первых изданий, выпущенных Солдатенковым самостоятельно, были: «Отцы и дети» *И. С. Тургенева* (1862), стихи *А. А. Фета* в 2 т., записки и письма *М. С. Щепкина* (1864).

СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ, народные песни, возникшие в солдатской среде. Возникновение солдатских песен в России относится к XVIII в. Большое количество их представлено уже в сборнике *М. Д. Чулкова* «Собрание разных песен» (Ч. 1—4, 1770—74). По содержанию солдатские песни делятся на военно-исторические и бытовые. В первых получили отражение военные события начиная со времен Петра I (Северная война 1700—21) и кончая первой мировой войной 1914—18. В большинстве военно-исторических солдатских песен от лица очевидца изображаются яркие батальные сцены, смелость, находчивость и выносливость русских воинов, создаются образы полководцев — *А. В. Суворова*, *М. И. Кутузова*, *М. И. Платова*. Форма этих песен испытала влияние литературной поэзии.

Бытовые солдатские песни создаются, как правило, в стиле традиционных крестьянских лирических песен. В них нарисованы картины повседневной солдатской жизни. Глубокой грустью проникнуты песни о трудном солдатском ученье, тяжелых походах.

СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич (р. 11.12.1918), писатель. Родился в Кисловодске. В 1936—41 учился на физико-математическом факультете Ростовского университета. В 1939 поступает на заочное отделение МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории). Вплоть

до 40-х считал себя романтиком революции, из нее выводил героическое начало русской истории. Задумал написать роман «Люби революцию». С 1942 в действующей армии, прошел путь от Орла до Восточной Пруссии. В февр. 1945 арестован за «антисоветскую агитацию» (вел переписку с другом, порицая коммунистических вождей), провел в лагерях 8 лет. С 1974 жил в ФРГ, с 1976 — в США. В 1994 вернулся в Россию.

Сохранение человеческой души в условиях коммунистической системы, внутреннее противостояние ей — сквозная тема рассказов «Один день Ивана Денисовича» (1962), «Матренин двор» (1963; оба опубл. А. Т. Твардовским в журнале «Новый мир»), повести «В круге первом», «Раковый корпус» (1968; опубл. за рубежом), вобравших собственный опыт Солженицына: участие в Великой Отечественной войне, арест, лагеря (1945—53), ссылку (1953—56). В сочинении «Архипелаг ГУЛАГ» (1973; в СССР распространялся нелегально) — «опыт художественного исследования» государственной системы СССР, раскрывается роль Ленина и др. еврейских большевиков в создании механизма тотального подавления личности. В отличие от рассказов романы написаны им очень посредственно и имеют интерес только с точки зрения выдающейся личности автора. Полной творческой неудачей следует признать 10-томную серию его книг «Красное колесо» (1971—91). Концептуально они не самостоятельны, т. к. вслепую повторяют мифы либерально-масонской историографии, оставляя за скобками понимание важнейших составляющих общественного противостояния, связанного с участием евреев и масонов в событиях отечественной истории. На этот недостаток его трудов Солженицыну указывалось неоднократно. Видный русский общественный деятель в эмиграции Н. А. Троицкий направил Солженицыну письмо, в котором советовал при подготовке книги «Август 1914» показать влияние «иудейско-масонского фактора». После этого совета отношение Солженицына к Троицкому резко изменилось.

В статьях «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», «Жить не по лжи» и др., в «Письме вождям Советского Союза» (все — 1973) Солженицын предрекал крах социализма, вскрывал его нравственную и экономическую несостоятельность, отстаивал либеральные ценности.

Убеденный западник, Солженицын стал легкой добычей антирусских пропагандистов в их работе по разрушению СССР.

Реклама личности Солженицына в большинстве своем финансировалась из фондов зарубежных спецслужб, и прежде всего ЦРУ. Массовые публикации во многих странах переводов его произведений, огромные гонорары, являвшиеся по сути дела формой подкупа, естественно, вы-

звали неразрешимый конфликт не только с официальными органами, но и значительной частью советской общест-венности, которая вполне искренне рассматривала Солженицына как врага советского образа жизни. Высылка Солженицына в 1974 стала актом государственной слабости и своего рода победой западной идеологической системы. С юридической точки зрения, многие произведения Солженицына в самом деле нарушали законы СССР и носили явно антисоветский характер. Однако не вполне уверенное в своих силах политическое руководство СССР побоялось проведения гласного суда над Солженицыным.

Идеализируя «западную демократию» и ее «духовные ценности», Солженицын, сам того не желая, сыграл роковую роль в развитии тех процессов, которые в конечном счете обернулись крушением СССР. Образ Солженицына, созданный с помощью западных спецслужб и средств массовой информации, стал одним из дополнительных факторов уверенности западных режимов в борьбе против Советского Союза. Во многих публичных выступлениях за рубежом Солженицын призывал усилить напор на СССР, изолировать его, не идти ему на «уступки». Писатель полагал, что западные страны имеют право вмешиваться во внутренние дела нашей страны, ибо, по его мнению, «советский народ брошен на произвол судьбы», а значит, ему необходимы западные опекуны, вмешивающиеся в нашу жизнь. «Вмешивайтесь, — призывал Солженицын, — вмешивайтесь снова и снова настолько, насколько можете». Справедливости ради следует отметить, что впоследствии Солженицын в отличие от Сахарова не захотел играть ту неблагоприятную роль, которая отводилась ему правительством США. Критика Солженицыным западной системы и «Письмо к вождям», в которых писатель отходил от принятых в США планов и методов холодной войны против России, вызвали недовольство американских властей.

Др. сочинения: «Как нам обустроить Россию» (1990), ««Русский вопрос» к концу XX в.» (1994), «Россия в обвале» (1999) и др. Автобиографическая книга «Бодался теленок с дубом» (1975; доп. изд., 1991) воссоздает общественную и литературную борьбу 1960 — н. 1970-х в связи с публикацией его сочинений в СССР.

Соч.: Собр. соч.: В 20 т. Вермонт; Париж, 1978—91; Малое собр. соч.: В 7 т. М., 1991; Архипелаг ГУЛАГ: В 3 т. М., 1990; Красное колесо: В 10 т. М., 1993—99.

СОЛЛОГУБ Владимир Александрович (8[20].08.1813—5[17].06.1882), граф, писатель. Родился в Петербурге. По окончании Дерптского университета (1834) служил в Министерстве иностранных дел, затем чиновником особых поручений при тверском губернаторе. Часто посещал Петербург, где в доме Н. М. Карамзина встречался с А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, М. Ю. Лермонтовым, В. А. Жуковским, В. Ф. Одоевским и др. В 1837 опубликовал в «Современнике» рассказы «Три жениха», «Два студента». С 1839 печатался в «Отечественных записках». Рассказ «История двух калаш» (1839) обратил на себя внимание критики. Женившись на дочери М. Ю. Виельгорского, влиятельного царедворца и знатока музыки, Соллогуб устроил у себя литературно-музыкальный салон, где бывали представители петербургского литературного и музыкального мира. В 40-е Соллогуб выступил в жанре светской повести («Лев», «Медведь», «Большой свет» и др.), обнаружив тонкое понимание «массового типа» светских людей, которых раскрыв в образах суетных, тщеславных «львов». В повести «Большой свет», по замечанию П. А. Вяземского, было много петербургских намеков и актуальностей: многие персо-

нажи имели живых прототипов. Однако Соллогуб придал своим персонажам лишь некоторое сходство с их прототипами. В образе Мишеля Леонина были внешние черты сходства с Лермонтовым; по существу же, тщеславный и ничтожный Леонин — полная противоположность Лермонтову и повторяет тип светского «льва», «сквозного» героя соллогубовского творчества. В рассказе «Собачка» (1845), в основу которого положен устный рассказ актера М. С. Щепкина, в зарисовках театрального быта и провинциального чиновничества Соллогуб больше всего приблизился к художественным принципам *натуральной школы*.

В 1845 полностью вышел «Тарантас» (первые 7 глав напечатаны в 1840). В форме путевых очерков даны меткие зарисовки провинциального быта. Соллогуб «прячется» за образами двух главных героев: *славянофила* Ивана Васильевича, изучающего Русь с высоты величия и самобытности русского народа, и Василия Ивановича — помещика, олицетворяющего «коренные начала» русской жизни. В заключительной главе «Сон» Соллогуб рисовал утопию о золотом веке аристократического государства. После 1845 Соллогуб писал гл. обр. водевили и статьи о петербургской музыкальной и театральной жизни. В 1856 Соллогуб получил звание придворного историографа. Продолжая занятия литературой, он написал «обличительную» комедию «Чиновник», в которой изобразил свой идеал чиновника-аристократа.

С 1858 Соллогуб был командирован за границу для изучения европейских театров, где написал комедию «*Reuive d'amitie*» («Доказательство дружбы»), поставленную в парижском театре «*Gymnase*». В 1856 в журнале «*Русский архив*» Соллогуб опубликовал воспоминания о Пушкине и Гоголе (отд. изд. «Воспоминаний» — 1887). В 1866 написал антинигилистическую поэму «Нигилист» и комедию, в которой герой-нигилист — вор.

Соч.: Сочинения. Т. 1—5. СПб., 1855—56; Воспоминания / Вступ. ст. П. К. Губера. М.; Л., 1931; Водевиль / Вступ. ст. М. Белкиной. М., 1937; Повести и рассказы / [Вступ. ст. Е. И. Кийко]. М.; Л., 1962.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ, былинный герой Киевского эпоса. Былина о Соловье Будимировиче, так же как и о *Дунае*, принадлежит к эпическому циклу о сватовстве, «добывании невесты». Но в ней нет трагических столкновений, богатырских поединков, это одна из самых жизнерадостных, оптимистичных былин русского эпоса.

Особенности поэтики и содержания былины привлекли внимание многих исследователей. Убедительным выглядит «историческое прочтение», предложенное в 1925 А. Я. Ляшенко, который сравнил приезд в Киев Соловья Будимировича с приездом в Киев и сватовством к дочери Ярослава Мудрого Елизавете шведского королевича Гаральда III. Соловей Будимирович точно так же подплывает к Киеву древнейшим путем «из варяг в греки» на 12 черных кораблях, точно так же поражает киевлян своими заморскими диковинками и песнями.

В. Я. Пропп, подчеркивая связь былины с эпической традицией, пишет: «В своем увлечении аналогиями со свадебной поэзией исследователи не обратили внимания на сходство со сказкой. Эта аналогия отнюдь не означает, что былина восходит к сказке. Но она имеет с ней общие черты. Волшебная сказка очень часто кончается свадьбой героя с царевной. Перед свадьбой жених подвергается испытаниям. Он должен выполнить ряд трудных задач».

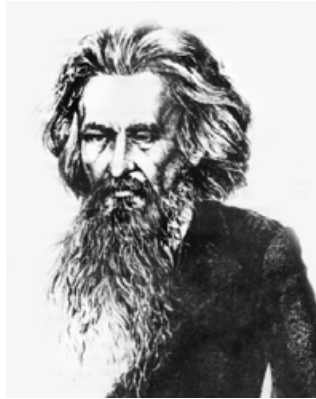
Былиной про Соловья Будимировича открывается «*Сборник Кириши Данилова*», а ее знаменитый эпический запев «Вы-

сота ли, высота поднебесная...» использован в опере Н. А. Римского-Корсакова «Садко». Этот былинный запев, звучащий как гимн родной земле, по своим поэтическим достоинствам можно сравнить с гениальным началом «*Слова о погубили Русскую землю*»: «О светло светлая и украсно украшена земля Русская! И многими красотоми удивлена еси...».

В. Калугин

СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК (Рахматович, Рахманов), персонаж русской былины, птица рахманная; представляет собой сложный образ, в котором есть черты птицы и человека, чудовищного богатыря. Соловей-разбойник загорючил дорогу в Киев, по которой едет *Илья Муромец*; он тридцать лет никого не пропускает, оглушая своим свистом и ревом; его гнездо на семи дубах, но есть у него и терем; у Соловья-разбойника есть сыновья и дочь богатырша-«перевозница». Илья привозит Соловья-разбойника в Киев и за его коварство убивает его или подвергает иной казни. В одном случае Соловей-разбойник является помощником Ильи в бою и его образ сливается с представлением о *Соловье Будимировиче*.

СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич (16[28].01.1853—31.07[13.08].1900), философ, поэт, публицист и критик. Сын историка С. М. Соловьева. Общий пафос философского творчества Соловьева — освобождение человека как от пагубной власти индивидуалистических заблуждений, так и антигуманистического давления нуждающегося в преобразовании общества.

В основе всего философского творчества Соловьева лежит стремление к универсальному всеединству, достижению «цельной жизни» на основе «цельного знания» и «цельного творчества». Путь к этому он видел в универсальном синтезе философии, науки и религии (опыта, знания и веры).

Антропологическое учение Соловьева двойственно. Как христианский философ, он считает теоретическую потребность частной, одной из многих: «У человека есть общая

высшая потребность всецелой или абсолютной жизни». В сфере личной и общественной нравственности эта потребность удовлетворяется «последованием Христу». Цель человеческой истории он видит в преобразении мира. Но преобразование человека и человечества Соловьев вопреки христианской традиции понимает магически-натуралистически, призывая к «теургическому деланию» — к участию человека в осуществлении божественного Промысла, к превращению мирского царства в царство Божие.

Идея универсального всеединства Соловьева подразумевала подчинение Православия католицизму. Отсутствие православного национального сознания толкало Соловьева на утопические проекты соединения Православия и католичества в «свободную теократию, в рамках которой русский народ должен пойти на самоотречение и признать папу главой вселенской церкви».

По мнению Соловьева, художник, писатель, поэт служат совершенной красоте и только через нее — добру и истине

(«О значении поэзии в стихотворениях Пушкина», 1899). Этим выводом Соловьев стремится «снять» противоречие между взглядами адептов «чистого искусства» и «утилитаристов». Вместе с тем требует от художника прозрение в смысл мироздания предполагает нравственное перерождение, нравственный подвиг («Судьба Пушкина», 1897, «Мицкевич», 1898, «Лермонтов», 1899). Эстетика Соловьева окрашена в оптимистические тона, подчас утопична (в частности, почти не затрагивает мучительные расхождения этических и эстетических критериев в практике искусства).

Статьи Соловьева на литературные темы обладают достоинством философской критики. Однако Соловьев-критик не чувствителен к личности художника, который «прозревает» мир объективного идеала именно в облике собственного неповторимого мира. Погруженный в мистическое созерцание запредельного совершенства, Соловьев-критик мало интересовался выражением трагических коллизий человеческого существования в современной прозе, расценивал Л. Толстого как бытописателя-натуралиста, в *Достоевском* видел гл. обр. религиозного мыслителя, не постигая его художественной новизны («Три речи в память Достоевского», 1881—83). Откровением человеческой души в ее созвучии с живой душой природы, с мировым строем Соловьев считал лирику (цикл статей об А. А. Фете, Ф. И. Тютчеве, А. К. Толстом, Я. П. Полонском). Основные темы «чистой лирики» (природа и любовь) раскрыты Соловьевым в соответствии с его учением о вечной женственности, всеединстве и переосмысленной им платонической философией Эроса («Смысл любви», 1892—94). Поэтически-художественная одаренность Соловьева выразилась в ряде его философских творений, особенно предсмертных («Жизненная драма Платона», 1898, «Три разговора...» и «Краткая повесть об Антихристе», 1900), в которых мироощущение Соловьева приобретает напряженно-катастрофический, эсхатологический характер.

Соловьев оставил значительное стихотворное наследие. Поэтика Соловьева традиционна — на линии Тютчева и Фета, А. К. Толстого (хотя в ней есть начатки новой, специфически символистской образности, напр., в области цветового эпитета). Вместе с тем поэзия Соловьева освещена духовно-личным напряжением, искренностью и подлинностью (уникальная мистико-философская исповедь). В лирике Соловьева с закладной страстностью выразилось стремление вырваться из-под власти вещественного и временного бытия, «злой жизни» («мир веществен лишь в обмане», «все, кружась, исчезает во мгле, неподвижно лишь солнце любви»; ср. также стихотворение «Милый друг, иль ты не видишь...»), запечатлелась жажда беспредельной свободы («только в безмерном отраден покой»), которая была волевым нервом его философии. Особую известность приобрели стихи «софийного» цикла («Вся в лазури сегодня явилась...», «У царицы моей есть высокий дворец...», «Под чуждой властью знойной вьюги...», «Око вечности», «Das Ewig-Weibliche», поэма «Три свидания», 1898, и др.), посвященные мистической возлюбленной — «Подруге Вечной». Антитетический, «двумирный» строй этого цикла оказал сильное влияние на поэзию А. Блока. В духе своей космогонии Соловьев многообразно варьирует символический пейзаж («Земля-владычица!...», цикл о финском озере Сайма), знаменующий борьбу света с тьмой, умиротворение красотой хаотически-стихийного начала в одушевленной природной жизни. Недостаточность поэтических ресурсов Соловьева не-

редко низводила до уровня рассудочной аллегии его попытки выразить посредством символических образов глубинное переживание «всеединства». Но в целом строй стихов Соловьева с их «восходами», «звоями», «туманами» и «лазурью» передает его отношение к поэтическому слову как к знаку или намеку на тайну («всякое познание держится непознаваемым, всякие слова относятся к несказанному...») — отношение, усвоенное русским символизмом. Соловьев высмеивал и пародировал «старших» символистов (гл. обр. В. Я. Брюсова) как «декадентов» и «оргиастов» («Русские символисты», 1895). Однако в н. 1900-х символисты (особенно «младшие») признали Соловьева своим учителем и именно сквозь призму его поэзии и личности восприняли его мистическое почитание «вечной женственности» («Стихи о Прекрасной Даме» Блока), его космическое представление о «мировой душе» (сб. А. Белого «Золото в лазури»), его учение о «теургической» и пророческой миссии художника (Вяч. Иванова) и, наконец, его «порубежные» катастрофические предчувствия.

Соловьеву принадлежат переводы (Платон, «Энеида» и эклоги Вергилия, Петрарка, Гофман), а также юмористические стихи и шуточные пьесы, среди которых «Белая лилия» (1893) выделяется романтической иронией и элементами автопародии, вообще характерными для парадоксального духовного облика Соловьева.

Соч.: Собр. соч. 2-е изд. Т. 1—10. СПб., 1911—14; Стихотворения. 7-е изд. М., 1921; Письма. Т. 1—4, СПб., 1908—23; Шуточные пьесы. М., 1922.

Д. К., И. Р.

СОЛОВЬЕВ Всеволод Сергеевич (1[13].01.1849—20.10[2.11].1903), писатель. Родился в Москве. Окончил юридический факультет Московского университета (1870). Печатался в журналах «Русский вестник», «Заря», «Вестник Европы». В критических очерках полемизировал с нигилистами, стихами Н. А. Некрасова. Начиная с повести «Княжна Острожская» (1876) печатал в православно-монархических журналах преимущественно исторические произведения, воспроизводя боярские интриги вокруг женитьбы царя Алексея Михайловича, судьбу царевны Софьи, эпизоды царствования Петра II, бироновщину и др. события русской истории: «Юный император» (1877), «Капитан гренадерской роты» (1878), «Царь-Девича» (1878), «Касимовская невеста» (1879). Известность приобрела серия исторических романов Соловьева, объединенных «общей темой», — хроника дворянского рода Горбатовых: «Сергей Горбатов» (1881), «Вольтерьянец» (1882), «Старый дом» (1883), «Изнанник» (1885), «Последние Горбатовы» (1886), «Великий Розенкрейцер» (1889), воссоздающих нравы и быт русского дворянского общества 2-й пол. XVIII — н. XIX в. Этнографическая красочность в изображении старины, драматичность фабулы определяли популярность романов Соловьева.

Соловьев писал также романы о современности. В «Наваждении» (1879) сказалось влияние Ф. М. Достоевского в изображении inferнальной психологии героини; «Злые вихри» (1893) полемизировали с толстовством; «Цветы бездны» (1895) направлены против русского нищенства.

Соч.: Полн. собр. соч. / Вступ. ст. П. В. Быкова. Кн. 1—42. Пг., 1917.

СОЛОВЬЕВ, о. Иоанн Ильич, протоиерей (1854—1917), духовный писатель, публицист. Родился в семье священника Московской губ. Образование получил в Московской духовной академии, которую закончил в 1881, после чего был преподавателем Смоленской и Московской духовных семина-

рий, с 1883 служил законоучителем основанного *М. Н. Катковым* лицея в память цесаревича Николая, в котором воспитывались многие видные деятели монархического движения. Несколько лет директором лицея был *В. А. Грингут*, с которым у о. Иоанна сложились теплые дружеские отношения. В 1884 защитил магистерскую диссертацию на тему «О книге пророка Ионы. Опыт исагогико-экзегетического исследования». Называл Иону первым пророком-писателем, книгу его датировал VIII в. до Р. Х. Утверждал, что в ней отражены подлинные исторические события, и отмечал, что в Книге Ионы возвещается «распространение мессианского спасения на язычников». Был активным участником Общества любителей духовного просвещения, в 1890—92 состоял помощником редактора, а в 1892—94 редактором изданий общества «Воскресные беседы», «Московские церковные ведомости» и «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». В 1899—1907 издавал журнал «Вера и Церковь». Прот. Соловьев был почитателем Серафима Саровского, составил житие преподобного.

Прот. Соловьев принимал активное участие в монархическом движении в Москве. Он не только выступил в роли защитника идеи самодержавия, опубликовав в 1904 и в 1905 2 сочинения «Вопрос о Царском Самодержавии в истории Священной и отечественной и в современной жизни» и «Царское Самодержавие по учению Св. Библии и родной истории (По поводу современного шатания умов)», но и был членом Русской монархической партии, Русского монархического собрания, на заседаниях которого нередко выступал с докладами.

Соч.: Полный учебник по Закону Божию. М., 1883; О книге пророка Ионы. Опыт исагогико-экзегетического исследования. М., 1884; Чтения из учительных и пророческих книг Ветхого Завета. М., 1886; Истинная Церковь Христова. М., 1888; О. протоиерей И. Гр. Наумович. М., 1892; О богодухновенности Библии и нашем достолюбом отношении к ней. М., 1894; Руководство к истолковательному чтению Библии. В 2 ч. М., 1894—1896; Св. Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, наставление юношам, как пользоваться языческими сочинениями. М., 1895; Пособие по доброму чтению Св. Библии. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1897; Краткое пособие к доброму пользованию святыми или месящесловом Православной церкви. 2-е изд. М., 1897; Что нужно знать православному христианину о святом Евангелии. СПб., 1898; Памятная книжка православного христианина о святой Библии. 2-е изд. М., 1898; Послание Святейшего Синода о графе Льве Толстом. М., 1901; Заветные думы служителя Церкви ввиду предстоящей реформы средней школы. М., 1902; Краткое сказание о житии и подвигах прп. Серафима Саровского чудотворца. М., 1903; Незабвенной памяти Михаила Никифоровича Каткова (Краткий биографический очерк). М., 1903; Вопрос о Царском Самодержавии в истории Священной и отечественной и в современной жизни. М., 1904; Царское Самодержавие по учению Св. Библии и родной истории (По поводу современного шатания умов). 2-е изд., доп. М., 1905; На реках Вавилонских. М., 1905; Силами небесными. Думы православного русского человека в «Русском Монархическом Собрании». М., 1906; Памяти Михаила Никифоровича Каткова. Речь 2 мая перед членами IV Всероссийского Съезда Объединенного русского арода в Алексеевском монастыре. М., 1907; Учение православной церкви о грехе, его сущности, происхождении и следствиях. М., 1910; Православно-христианская философия в русском искусстве (С выставки религиозных картин В. М. Васнецова). Харьков, 1910; Памятная книжка православного христианина о святой Библии. Сергиев Посад, 1912; Какой смысл и значение имеет причтение св. Патриарха Ермогена к лику святых. Сергиев Посад, 1913; Обетования и пророчества об Иисусе Христе и Его Св. Церкви в книгах Ветхого Завета. М., 1913; О Священном Писании в курсе Закона Божия в светских средних учебных заведениях в связи с вопросом об общем распределении предметов. Доклад на законоучительском съезде в Москве. Житомир, 1914; Священной памяти Его Императорского Высочества Цесаревича Николая Александровича в 50-ю годовщину кончины его. М., 1915.

А. Степанов

СОЛОВЬЕВ Николай Яковлевич (1845—27.11[9.12].1898), драматург. Родился в Рязани. Окончил гимназию в Калуге. Не закончив Московского университета, в 1869—75 был учителем в г. Мосальске Калужской губ. Первая пьеса Соловьева — «Куда деваться» (1866). Из 23 пьес Соловьева 6 остались в рукописи. Многие пьесы шли с успехом на сцене и затрагивали актуальные вопросы своего времени. Наибольший общественный резонанс вызвала пьеса «На пороге к делу» (1879), в которой М. Н. Ермолова создала яркий образ сельской учительницы. *А. Н. Островский* ценил дарование Соловьева, близкого ему по характеру творчества. Прочно вошли в театральный репертуар именно те 4 пьесы Соловьева, которые были написаны в соавторстве с Островским в 1876—80: «Счастливейший день», «Женитьба Белугина», «Дикарка» и «Светит, да не греет». Степень участия Островского в совместной работе с Соловьевым еще не вполне выяснена исследователями.

Соч.: Театр. СПб.; М., 1886; Собр. драматич. сочинений. Т. 1—2. СПб., 1910; [Соч.] // *Островский А. Н.* Собр. соч. Т. 9. М., 1960; Переписка А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева (1876—1886) // Лит. сборник, 1. Кострома, 1928.

СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович [13[25].11.1885—2.03.1942), поэт, переводчик, критик. Внук историка С. М. Соловьева, племянник поэта и философа *Вл. С. Соловьева*. Окончил классическое отделение историко-филологического факультета Московского университета (1911), позже — Троице-Сергиевскую духовную академию.

Становление личности поэта проходило под знаком авторитета, обаяния личности «дяди Володи» (*Вл. С. Соловьева*), хотя впоследствии (в 20-е) Соловьев писал, что вырабатывал свое мирозерцание «не только под влиянием Соловьева, но и в упорной мучительной борьбе с ним». Важную роль в его судьбе сыграли друзья — *А. Белый* и *А. А. Блок*. Несмотря на разницу в возрасте, они общались на равных, а к 1904 представляли «прочный триумвират» «соловьевцев». Блок вызывал у Соловьева чувство преклонения. Свои юношеские стихи молодой человек записывал в белые тетради Блока, с нетерпением ждал писем, каждое замечание старался учесть. Писать стихи Соловьев начал рано, еще до поступления в гимназию, но остановился к своим опытам очень строго, долгое время считал их «ученическими». Первая публикация состоялась весной 1905. В альманахе «Северные цветы ассирийские» (М., 1905) появился цикл из пяти стихотворений под общим названием — «Предания»: «Иаков», «Primavera», «Дидона и Эней», «Ромео и Джульетта», «Сестре».

Первая книга стихов Соловьева «Цветы и ладан» вышла в 1907 в Москве. Уже название указывает, насколько важны были для начинающего поэта христианские, религиозные основы жизни. В одном из писем А. Блоку он определяет свое сredo: «достижения поэзии необходимо моральны...», красота, по слову *Вл. Соловьева*, есть только «ощутительная форма добра и истины».

В 1908 вышел в свет второй сборник поэта «Grufirfragium», включающий в себя *сказки* и поэмы. Позднее Соловьев определит основное настроение этой книги как «романтический пессимизм». И все-таки сквозь грусть, элегичность мотивов, некоторую романтическую «туманность» образов брезжит свет веры, звучит дорогая для автора жизнеутверждающая мысль, выраженная словами Евангелия от Иоанна: «Ныне суд миру сему, ныне князь мира сего изгнан будет вон» (эпиграф к предисловию).

Следующая книга стихов «Апрель» (1910), по мнению дочери поэта Н. С. Соловьевой, явилась «высшей точкой его дореволюционного творчества». Выбор названия не случаен. Весна, пробуждение природных сил связываются с возрождением

человеческого Духа, гармонией бытия. В апреле обычно бывает главный христианский праздник — Пасха — день торжества правды Христовой и чуда Воскресения. Обновление природной жизни соединяется в душе поэта с подвигом самоотвержения во имя людей. Мечты о лучшем будущем, о счастье связаны с необычайной любовью поэта к родине, молитвенным отношением к русской природе, особенно весенней. «Я наслаждаюсь сумраком и тишиной предвесенней лесов...». Природа и «родина святая» для поэта нераздельны. Его герой готов «на подвиг... многострадаальный» ради людей, ради «Сиона грядущего», всеобщего счастливого будущего. Оно видится Соловьеву в возвращении к земле, вере, сельскому труду. «Вся Россия — хлеб и небо» — в этом спасительный выход для «бедной родины, давно забытой Богом». Сборник «Апрель» показал, что Соловьев не только один из «младосимволистов», но поэт самобытный, с неповторимым миром духовных ценностей, с целостным мировоззрением, овладевший своими средствами выразительности, убедительно сумевший донести до читателя оригинальные идеи и представления.

Эволюция мировоззрения Соловьева полностью проявилась в его художественной прозе. От воспевания «Эроса» («Веснянка», сб. «Grurifragium») до утверждения незыблемости христианских истин («Повесть о великомученице Варваре», сб. «Возвращение в дом отчий». М., 1916).

Период 1910—11 оказался очень сложным и переломным в жизни Соловьева. Напряженная научная работа, издательский труд (подготовка изданий наследия деда С. М. Соловьева и Вл. С. Соловьева), несчастная любовь (к С. В. Гиацинтовой), сложность выбора будущего жизненного пути привели к нервному срыву и болезни. Закончилось все благополучно: выздоровлением, примирением с А. Блоком, поступлением в Московскую духовную академию и счастливым браком с Т. А. Тургеневой. Сложные переживания 1910—12 отразились в стихах и поэмах 4-й книги «Цветник царевны» (М., 1913), которую автор назвал «исповедью поэта». В 1915 (21 нояб.) Соловьев посвящен в диаконы, а 2 февр. 1916 — в священники. Такой выбор жизненного и духовного пути поэт определил как «Возвращение в дом отчий», так названа последняя книга стихов, вышедшая в 1916. Свою мировоззренческую позицию кануна 1917 Соловьев определяет в статьях и эпистолярии 1912—15. Многие из статей прозвучали как доклады на заседаниях Религиозно-Философских обществ Москвы и Петрограда. В 1916 были собраны и опубликованы в книге «Богословские и критические очерки» (М, 1916), отдельной брошюрой вышел очерк «Гете и христианство» (1917). В 1923 писатель завершает труд всей жизни, монографию «Владимир Соловьев: жизнь и творческая эволюция» (впервые опубликована в Брюсселе в 1977, в Москве — в 1997), пишет «Воспоминания об Ал. Блоке», готовит к печати переписку с ним. Поэмы «Чужбина», «Балашов», «Призраки Италии», «Смерть», «Ро́зме d'extase», многочисленные стихи 1918—28 не были опубликованы при жизни автора.

Соч.: Цветы и ладан. М., 1907; Grurifragium. М., 1908; Апрель. М., 1910; Цветник царевны. М., 1913; Возвращение в дом отчий. М., 1916; Богословские и критические очерки. М., 1916 (Томск, 1996); Владимир Соловьев: жизнь и творческая эволюция. Брюссель, 1977 (М., 1997); Воспоминания об Ал. Блоке // Воспоминания об Ал. Блоке. В 2 т. Т. 1. М., 1980; Детство (главы воспоминаний) // Новый мир. № 8. 1992; Воспоминания // Белый А. Москва и «Москва». М., 2000; Стихотворения 1917—28 гг. Солнечногорск, 1999.

В. Скрипкина

СОЛОВЬЕВА Поликсена Сергеевна (Аллегро) (20.03.1867—16.08.1924), поэт, прозаик, детский автор, редактор и издатель детского журнала. Родилась в Москве в семье историка, ректора Московского университета С. М. Соловьева. На духовное становление Соловьевой оказала значительное воздействие религиозная философия старшего брата, философа и поэта *В. С. Соловьева*. В ранних стихах сказана увлеченность поэзией *А. Фета*, который одобрил первые поэтические опыты Соловьевой. После двух стихотворений, опубликованных в н. 1880-х в журнале «Новь», Соловьева отходит от писательства, переживает и преодолевает религиозный кризис.

В 1895, после переезда Соловьевой в Петербург, ее стихи, подписанные псевд. *Allegro*, были опубликованы в журнале «Русское богатство», и с этого времени Соловьева публикуется под этим псевдонимом в ведущих журналах, посещает литературные салоны (в частности, «пятницы» *К. Случевского*), знакомится с *А. Блоком*, *Вяч. Ивановым*, *К. Бальмонтом*, *Д. Мережковским*, *З. Гиппиус* и др. Первый поэтический сборник — «Стихотворения» (1899), затем последовали сборники: «Иней» (1905), «Плакун-трава» (1909), «Вечер» (1914).

Соловьева — последовательница школы *символизма*, ее лирику наполняет элегическая мечтательность, необъяснимая грусть, темы тишины и покоя. Блока привлекла «молодая, свежая и чистая душа» поэтессы, которая «близка русской природе и русской поэзии».

Наиболее существенный вклад Соловьевой был сделан в литературу для детей. В к. 1905 Соловьева вместе со своей подругой и соратницей Н. Манасеиной организовали издательство «Тропинка» и стали выпускать одноименный детский журнал. К работе были привлечены многие известные авторы и художники, придавшие изданию высокий профессиональный уровень. В «Тропинке» печатали произведения *А. Блок*, *Ф. Сологуб*, *А. Белый*, *К. Бальмонт*, *К. Чуковский*, *А. Ремизов*, *З. Гиппиус* и др. Оформляли издание *И. Билибин*, *М. Нестеров*. За семь лет существования журнала сама Соловьева опубликовала в нем множество стихов, сказок, рассказов, пьес, а в издательстве было выпущено более 20 ее книг для детей («Жизнь Хитролиса», «Елка», «Куклин дом» и др.). Творческим достижением Соловьевой стал осуществленный ею первый полный перевод на русский язык «Приключений Алисы в Стране чудес» *Л. Кэрролла* (1909).

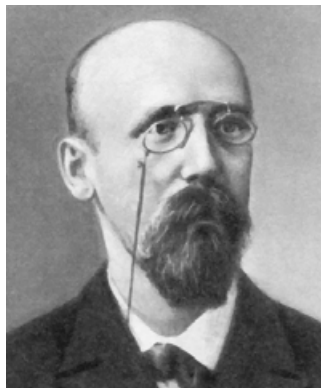
В 1912 Соловьева выпустила сборник рассказов «Тайная правда», в 1913 — повесть в стихах «Перекресток».

Годы смуты Соловьева и Манасеина проводят в Крыму, бедствуют. В это время стихи Соловьевой изредка появляются в симферопольских и феодосийских альманахах и газетах. В 1923 вышел сборник «Последние стихи».

Соч.: Автобиографическая заметка // Рус. литература XX века: 1890—1910. Т. 3. Кн. 8. М., 1916; Елка: Стихи для детей. СПб., 1907; Жизнь Хитролиса: [Сказка в стихах по Гете]. СПб., 1910; Тайная правда и другие рассказы. М., 1910; Дедушкино кольцо: Пьеса в стихах. СПб., 1912; Перекресток: Повесть в стихах. СПб., 1913; Плакун-трава: Стихи. СПб., 1908; Приключения Кроли: Стихи. СПб., 1914; Чудесное кольцо: Народные сказки М., 1915; Куклин дом: Рассказ в стихах. Пг., 1916; Царевна Земляничка: Пьеса в стихах. СПб., б.г.; Последние стихи М.; Пг., 1923; Приключения Кроли: [В стихах: Для детей] СПб., 1994; Стихи // Поэты 1880—1890-х годов. М.; Л., 1972; Жены-мироносицы [стих] // Купель. 2002. № 2 (18).

А. Любимудров

СОЛОГУБ (псевд.: наст. фамилия — **Тетерников**) **Федор Кузьмич** (17.02[1.03].1863—5.12.1927), писатель. Родился в Петербурге в бедной семье (отец — портной, мать — крестьянка). Окончив в 1882 учительский институт, 25 лет преподавал математику. Первые стихи напечатал в 1884.

Принадлежал к символистам «старшего» поколения (вместе с *З. Гиппиус*, *Н. Минским*, *И. Анненским*, *К. Бальмонтом*, *В. Брюсовым*). Исключительное влияние на творческое сознание Сологуба оказали годы пребывания в провинции (1882—92). Картины провинциального быта с большой силой нарисованы в его романах. Герой автобиографического романа «Тяжелые сны» (1896) учитель *Логин*, мечтатель, бессильный перед

враждебной средой, в следующем и лучшем романе Сологуба «Мелкий бес» (1907) сменяется мрачной фигурой учителя *Передонова*, пакостника, доносчика, обывателя, воплощающего все пошлое и подлое, что виделось Сологубу в жизни и человеке. Гротескно-заостренный образ *Передонова* стал нарицательным.

В романе «Творимая легенда» (1914) Сологуб пытается противопоставить пошлости передоновых преобразующую силу мечты и искусства. Главный герой романа *Триродов* — педагог, поэт, всесильный «колдун», утопическое «я» автора — антипод *Передонова*, торжествующий над ним в фантастическом мире «творимой легенды». Элементы реалистического гротеска причудливо сочетаются здесь с мистикой, эротикой, болезненной фантастикой, характерными для многих созданий Сологуба. В романах «Слаще яда» (1912) и «Заклинательница змей» (1921) изображены трагические судьбы двух женщин — «мещаночки» *Шани Самсоновой* и работницы *Веры Карпуниной*, заставившей фабриканта передать свое состояние рабочим и убитой ревнивым женихом. Выделяются рассказы Сологуба о детях, отмеченные лиризмом и знанием детской психологии.

Противопоставление мечты и действительности характеризует и поэзию Сологуба («Ветер тучи носит, / Носит вихри пыли, / Сердце сказки просит, / И не хочет бы-ли...»). В своих стихах рисует призрачные миры («звезда Ойле»), противопоставляет грубой Альдонсе прекрасную Дульцинею, воспеваает смерть как освободительницу от пошлости, прославляет чувственную любовь, в которой видит единственное светлое начало. Во многих стихотворениях — индивидуалистическое утверждение всесильной творческой личности. В стихах Сологуба сказалась его любовь к родной земле («Милее нет на свете края, о родина моя!...», «...Тебе, отчизна, стон и радость, и безнадежность, и покой...»). Отличающаяся значительным мастерством, поэзия Сологуба в целом стоит выше его прозы, за исключением романа «Мелкий бес».

Лирику Сологуба ценили *А. Блок*, *А. Белый*, *В. Брюсов*. Стих его — неяркий, певучий, «традиционный». Избегая резких рифм, поэт широко пользуется аллитерацией, внутренней рифмой, прозаизмами, образами фольклора. Большое воздействие на Сологуба-поэта оказали француз-

ские символисты, особенно *П. Верлен*, стихи которого он мастерски переводил (два изд. — 1908 и 1923).

Соч.: Стихотворения. Л., 1939 (Б-ка поэта. М. серия); Стихотворения. Л., 1978 (Б-ка поэта. Б. Серия); Свет и тени: Избр. проза. Минск, 1988; Тяжелые сны. Л., 1990; Мелкий бес. Заклинательница змей: Рассказы. М., 1991; Творимая легенда. М., 1991; Из дневника (Неизд. стихотворения) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993; Неизданный Федор Сологуб. М., 1997.

С. З.

СОЛОДОВНИКОВ Александр Александрович (1893—16.11.1974), поэт. Родился в Москве в семье учителя права, выходца из старинного купеческого рода. Окончил Московскую Императорскую академию коммерческих наук, в годы первой мировой войны добровольцем поступил в Алексеевское пехотное училище. В гражданскую воевал в кавалерии у *Деникина*, в 1919 вернулся в Москву, где провел несколько месяцев в тюрьме. Работал экономистом.

В 1938 по обвинению в переписке с иностранной подданной (сестрой *Анной*) осужден на 10 лет и отправлен в колымские лагеря. Освободившись в 1948, Солодовников остался на Колыме как вольнонаемный и работал в детском саду. Вернулся в Москву после реабилитации в апр. 1956; уже на пенсии нередко выступал в роли затейника на детских праздниках и елках.

Талант его был многогранен: он был прекрасным актером, писал маслом и акварелью, владел языками, занимался археологическими и историческими исследованиями. Стихи Солодовников писал с юношеского возраста и до конца своих дней. Собрал их в сборники «Кольцо» (1961), «Слава Богу за все» (1964), «Дорога жизни» (1971). Стихотворения Солодовникова, распространяемые в списках, приобрели большую популярность в православной среде. Творчество Солодовникова глубоко религиозно. Но это не отвлеченная мистика. Вся его поэзия озарена светом русского Православия. «Вера в Бога и жизнь по этой вере — вот аксиологическая основа его творчества. Поэзия Солодовникова... отмечена необычайной внутренней духовной красотой. Образы евангельских идеалов... верность родной земле и народу живут в его поэтическом сборнике «Слава Богу за все!»» (*Н. Соколов*).

Поэзия Солодовникова автобиографична: это поэтический документ чудом выжившего узника. «Солодовников прошел тернистый путь, сохранив в себе живую душу и высокое человеческое достоинство, и он поет своим творчеством гимн Богу за все ниспосланное» (*Н. Соколов*).

Цикл «Тюрьма», в который входят стихотворения 1919—56, наполняет доверие Отцу и принятие Его спасительной воли («Всякий огнем осолится». / «Имейте соль в себе... / Не огонь ли — моя темница, / Не соль ли — в моей судьбе?»). В отличие от многих произведений «лагерной» тематики, в стихах Солодовникова нет ни озлобленности, ни страха, ни жалоб, ни попыток пробудить сострадание к собственной личности. Напротив, основной мотив Солодовникова — благодарение: «Запоры крепкие, — спасибо! / Спасибо, лезвие штыка! / Такую мудрость дать могли бы / Мне только долгие века»; («Как дерево в саду, Ты подстригал меня...»; «Как Ты решаешь, так и надо. / Любою болью уязви»).

В сборниках стихотворения распределены по тематическим циклам: «Единому», «Пречистой», «В храме», «Москва», «Житийское море», «Люди», «Природа».

Солодовников продолжает древнюю библейскую традицию: сотворение псалмов и гимнов, воздающих хвалу Творцу мироздания («Единому», «Благодарение»), в красоте тварного мира открывающих бессмертную первоздан-

ную красоту Божества, («И в старину, и вчера и сегодня / Наша земля — это риза Господня» («Риза Господня»). Наряду с развернутыми гимнами встречаются и лирические миниатюры, отточенные по стилю и емкие по смыслу, выбирающие смыслы евангельских образов: «Чистая дева Мария, / Всем печальница грешным Ты, / Пошли мне не мудрость змия, / Но детский талант простоты».

Емкое философское осмысление человеческой жизни — в цикле «Две заутрени», где сопоставлены стихотворения 1914 и 1960. На склоне лет все сильнее надежда на встречу с родными в жизни иной: «За возносящимися дымами, / В сиянии паникадил / Мне мнится — полон храм любимыми, / Которых я похоронил».

Немало стихов Солодовникова посвящены теме научно-технического прогресса («Атомный век», «Человек на Луне», «Кибернетики дары»), одну из опасностей которого поэт видит в близкой реальности тотального контроля над человеческими массами («Вражья сила»). Стихотворение «Смотря на детей» вписывается в спор «физиков» и «лириков» 1960-х годов, внося в него вертикальное, религиозное измерение: мечты о том, что «космос» и «атом» принесут людям ослепительное счастье — не более чем обольщение. Герой стихотворения, некогда «доверчивый мальчик», лишь на пороге смерти осознает, что жизнь — «это к Вечности приготовенье», что он не успел собрать «богатства другие — сокровища сердца».

Поэзия Солодовникова, принадлежа к искусству духовному, строится на иных этико-эстетических принципах, нежели современная светская культура. Ценностная ориентация художника — стяжание Духа Святого — и в жизни, и в слове определяет специфику творчества. Строка из молитвы или Писания преобразует поэтическую художественную ткань, порождая жанр литературной молитвы, хорошо известный в классической русской поэзии. «Опорные строки» из молитв (как, напр., «Ни лобзания Ти дам, яко Иуда» из одноименного стихотворения) одухотворяют речевую ткань стиха, при этом происходит «сращение собственно духовного образа с поэтическим», и в этом отличие Солодовникова от др. поэтов религиозной тематики. Если, напр., «сосредоточенный на собственных постижениях области духовной, лирический герой Б. Пастернака за своими ощущениями рискует не увидеть само явление или увидеть его в искаженном виде», то центром поэтической системы Солодовникова «становится не экстатический поток переживаний по поводу религиозного образа, но в первую очередь сам образ, вызывающий законы духовной жизни человеческой душе» (Т. И. Меркулова). Установка Солодовникова не на рассудочность, но на причастность Истине и Жизни выражена, напр., в строках: «Молитва — не от рассуждения, / А от восхищения» («Мед Бытия»); «Уж я не бьюсь в сетях словесных, / Ища причин добру и злу, / Но чую близость тайн чудесных, / И только верю и люблю» (цикл «Тюрьма»). Доверчивость, открытость души поэта читателю вызывает щемящее чувство сопереживания. Позиция поэта — не «творец», эстетизирующий действительность, конструирующий свой собственный мир, но свидетель и участник ежечасного чуда преображения мироздания благодатью Божией.

Соч.: Сад, наполненный плодами: [Стихи] // Новый мир. 1989. № 8; Я не устану славить Бога...: [Стихи] // Наш современник. 1990. № 9; Стихотворения // Лит. обозрение. 1992. № 7—9; Духовные стихи // Слово. 1992. № 10; [Стихотворения] // Лит. учеба. 1993. № 4.

А. Любомудров

СОЛОНЕВИЧ Иван Лукьянович (1[14].11.1891—24.04.1953), мыслитель, писатель, журналист и общественный деятель. Родился в семье народного учителя в Белоруссии, в родне оба деда и пятеро дядьев были священниками. В гражданскую войну участвовал в Белом движении. В 1920-х жил в Советской России. В 1933 вместе с братом Борисом и сыном Юрием Солоневича заключили в ГУЛаг в Карелии, откуда все трое в 1934 бежали в Финляндию.

Издавал русские газеты в Софии (до 1938; в этот год на него совершено покушение, в результате чего погибла жена), в Берлине (до 1941). С 1945 жил в Аргентине (умер в Уругвае). В 1948 начал выпускать газету «Наша страна», сыгравшую большую роль в объединении русских патриотических сил и в сохранении русского национального сознания в эмиграции.

В к. 1930-х Солоневич разработывает учение о народной монархии, изложенное в его главном труде «Народная монархия» (опубл. во время войны). По мнению Солоневича, народная монархия (в отличие от сословной) является идеалом русского государственного устройства. Она существовала в России до реформ Петра I и характеризовала соединение самодержавия и самоуправления. После свержения большевиков именно она должна стать самой эффективной формой государственного устройства России. «Никакие мерки, рецепты, программы и идеологии, заимствованные откуда бы то ни было извне, — неприменимы для русской государственности, русской национальности, русской культуры». Русская политическая мысль, по мнению Солоневича, может быть русской политической мыслью тогда и только тогда, когда она исходит из русских исторических предпосылок. Отсюда вывод: «Политической организацией Русского народа на его низах было самоуправление, а политической организацией народа в его целом было Самодержавие». Это исключительно русское явление — не диктатура аристократии под вывеской «просвещенного абсолютизма», не диктатура капитала, подаваемая под соусом «демократии», не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, а «диктатура совести, диктатура православной совести». Предложенное Солоневичем понятие «соборная монархия» обозначало «совершенно конкретное историческое явление, проверенное опытом веков и давшее поистине блестящие результаты: это была самая совершенная форма государственного устройства, какая только известна человеческой истории. И она не была утопией, она была фактом». По справедливому выводу Солоневича, превосходство царской власти неоспоримо: «Царь есть прежде всего общественное равновесие. При нарушении этого равновесия промышленники создадут плутократию, военные — милитаризм, духовные — клерикализм, а интеллигенция — любой «изм», какой только будет в книжной моде в данный исторический момент». В трудах Солоневича русская общественная мысль возвращалась к идее монархии.

После войны Солоневич разработывает программу национального возрождения России на принципах народной монархии, которая публикуется в газете «Наша страна» в форме агитационного материала.

Соч.: Россия в концлагере. София, 1935; Россия в концлагере. М., 1999; Памир. Советские зарисовки. София, 1937; Белая Империя. Шанхай, 1941; Белая Империя. Статьи 1936—40. М., 1997; Статьи. Шанхай, 1942; Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация. Ч. 1. Буэнос-Айрес, 1949; Хозяин. Русская сказка. Буэнос-Айрес, 1952; Народная Монархия. Буэнос-Айрес, 1952; Роман во дворце Труда. Изд. 3-е. Буэнос-Айрес, 1953; Полное собрание сочинений. Т. 1. Великая фальшивка февраля. 1956; Две силы. Роман из советской жизни. Борьба за атомное владычество над миром. Нью-Йорк, 1968; Наша страна. XX век. М., 2001.

Лит.: Черепица В. Н. Преодоление времени. Минск, 1996; Смолли М. Б. Очерки имперского пути. Неизвестные русские консерваторы 2-й пол. XIX—1-й пол. XX в. М., 2000.

О. Платонов

СОЛОУХИН Владимир Алексеевич (14.06.1924—4.04.1997), поэт, прозаик. Родился в с. Оленино Владимирской обл. в крестьянской семье. После окончания школы учился во Владимирском механическом техникуме, получил специ-

альность механика-инструменталиста. Во время Великой Отечественной войны служил в войсках особого назначения, охранявших Кремль. С 1946 начал печатать стихи (первая публикация — стихотворение «Дождь в степи» в «Комсомольской правде»), которые писал со школьных лет. В 1946—51 учился в Литературном институте. После окончания института работал разъездным корреспондентом-очеркистом, писал репортажи о поездках по стране и за границе. Первый сборник стихов Солоухина «Дождь в степи» (1953) написан в традиционной манере. Критика отмечала в стихах «тонкую прелесть образа». Выходят сборники «Разрыв-трава» (1956), «Ручьи на асфальте» (1958), «Журавлиха» (1959) и др. В ранней лирике обнаруживается стремление к постановке таких проблем, как Родина, ее историческое прошлое и настоящее, человек и природа. Гражданская позиция автора выявляется в стихах, содержащих раздумья о смысле жизни, о взаимоотношениях поэта и народа. В стихотворении «Разрыв-трава» (1956) поэт отстаивал свое право на личностное видение мира. Раздумьям о человеке в лирике Солоухина сопутствовала тема красоты земли («Жители земли», 1951). В сборнике «Как выпить солнце» (1961) Солоухин переходит к *белому стиху* и *верлибру*, откажется от *рифмы* и размера (позднее в книге «Венок сонетов» (1975) он вновь вернется к нормативной поэтике). Лирика Солоухина этих лет все больше приближалась к прозе. От очерковых книг о проблемах сельского хозяйства («Рождение Зернограда», 1955; «Золотое дно», 1956) Солоухин шел к очеркам о зарубежье («За синь-морями» (1956), обернувшись повышенным интересом к собственной земле. В июне 1956 Солоухин совершил путешествие пешком по владимирской земле. Написанные на основе реальных впечатлений лирические повести «Владимирские проселки» (1957) и «Капля росы» (1960) принесли ему широкую известность. «Владимирские проселки» — это 40 дневниковых записей, сделанных во время путешествия по отечному краю; «Капля

росы» — портрет родной деревни Оленино, «спроецированной на экран невозвратного детства обычного крестьянского мальчика». Солоухин считал, что как в капле можно увидеть отражение мира, так в жизни одного села можно обнаружить нечто, характерное для всей России. Значительное место после лирических повестей в творчестве Солоухина заняли нашумевшие в ту пору острополюмичные художественно-публицистические очерки «Письма из Русского музея» (1966), «Черные доски» (1969) о древнерусском искусстве, в которых Солоухиным подняты острейшие проблемы спасения и восстановления гибнущих памятников старины. Размышляя о роли современного человека в поступательном развитии жизни, Солоухин ставил и разрабатывал проблемы его взаимодействия с землей, природой, культурой, наследием прошлого. Традиционная для Солоухина тема «уважения к преданию» стала основой книг «Время собирать камни» (1980) и «Продолжение времени (Письма из разных мест)» (1988). В последней писатель делился своими раздумьями о печальной судьбе исторических мест, связанных с именами выдающихся деятелей русской национальной культуры (очерки об имени *Г. Р. Державина* — Званке, о блоковском Шахматове, *Оптиной Пустыни*, связанной с именами *Гоголя*, *Достоевского*, *Толстого*). Солоухин призывал к действительному изменению создавшегося положения в отношении к культурному наследию прошлого — памятникам старой архитектуры, живописи, музыки. В «Черных досках», «Письмах из Русского музея», а также в «Славянской тетради» (1965) формировалась солоухинская «философия патриотизма». Главная мысль художественно-публицистических книг Солоухина — ответственность человека за сохранение духовных богатств перед грядущими поколениями. Солоухин был одним из основателей Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, активным деятелем «Русского клуба», а в 90-е — одним из руководителей движения за восстановление Храма Христа Спасителя.

Сама жизнь, логика творческого развития писателя привели к созданию произведений, где уяснялось разнообразие законов природы, многообразие связей человека с миром: «Дом и сад» (1963) — об истории перестройки дома и закладки сада; «Григоровы острова» (1963) — о приобщении героя-повествователя к подледному лову рыбы; «Третья охота» (1967) — о смиренной охоте брать грибы; и «Трава» (1972) — о флоре средней полосы России. Они были созданы в период интенсивного и целенаправленного изучения Солоухиным трудов А. Брема, К. Тимирязева, Н. Золотницкого и др. В солоухинских записках соединились полярные повествовательные манеры — научная и художественная, породив особую стилистику «Травы» и «Третьей охоты». Этими произведениями Солоухин пытался возродить утерянную способность удивляться чуду природы. Одновременно с «Домом и садом», «Третьей охотой» Солоухин создал рассказы, где преобладает аналитическое начало («Летний паводок», «Зимний день», «Кувшинки», «На лыжне»). Пафос последнего рассказа — в утверждении обогащающего воздействия природы на человека, в развенчании бессмысленности самоцельных нагрузок. В этом ряду — повесть «Прекрасная Адыгене» (1973).

В к. 50-х—60-е Солоухин широко обращался к малому жанру, создал рассказы «Девочка на урзе моря», «Ледяные вершины человечества», «Варвара Ивановна» и др., в которых отражены актуальные нравственно-этические проблемы, исследующие усложняющиеся связи человека в современном мире.

Автобиографический роман «Мать-мачеха» (1964) — первый опыт в этом жанре. Он посвящен жизни послевоенного студенчества. Главный герой — деревенский паренёк, сержант Митя Золушкин, несущий службу в столице. Он поступает в Литературный институт, попадает в необычную среду. Прослежен трудный процесс вживания героя в городскую мир, причем героя-поэта. Душа Золушкина искала простоты и естественности отношений. Солоухину важно было показать в герое рождение художника.

В н. 60-х Солоухин пережил духовный перелом: «... начал прозревать и, точнее сказать, прозрел». История этого «прозрения» рассказана писателем в его романе «Последняя ступень (Исповедь вашего современника)» (1976—95). Солоухин назвал свой роман «главной книгой», которая, по его словам, была написана в 1976 «без оглядки» (т. е. без самоцензуры) и пролежала в столе писателя почти 20 лет (одна из глав романа под названием «Читая Ленина» была опубликована в немецком издательстве «Посев» в 1988). Весь роман издан в 1995. Ознакомившийся с ним еще в рукописи Л. Леонов заметил: «Вообще ходит человек по Москве с водородной бомбой в портфеле и делает вид, что там бутылка коньяку». «Опальное» произведение Солоухина — это исповедальный роман о мучительном пути прозрения русского писателя-самородка, о судьбе России в XX в., сущности советского строя и образа жизни в эпоху «застоя», о роковых национальных вопросах «Что делать?» и «Кто виноват?». Остро ставится вопрос «о еврейском засилье в России, о стремлении иудейских вождей к мировому господству над человечеством». Пафосом «прозрения» отмечены и острокритический рассказ «Похороны Степаниды Ивановны» (1967, опубликован в «Новом мире» в 1987), и повесть о детстве «Смех за левым плечом» (1989), и статья «Наваждение» (1991), книга о В. И. Ленине «При свете дня» (1992), повесть «Соленое озеро» — о патологической жестокости большевиков в лице одного из ярких их представителей А. Гайдара.

Солоухин пробовал свои силы в разных жанрах: от первого стихотворения «Дождь в степи» до «Венка сонетов» — сложной формы из пятнадцати сонетов. Известные стихи Солоухина «Мужчины» и «Лозунги Жанны д'Арк» положены на музыку. Писатель считал, что в «пределах своей профессии нужно уметь решать любые задачи», как он решал их в жанровых рамках рассказа, новеллы, лирической миниатюры («Камешки на ладони», 1977), поэмы, романа, киносценария. В 1983—84 издательством «Художественная литература» было выпущено Собрание сочинений писателя в 4 томах. В 1995 начал выпуск 10-томного собрания сочинений. Посмертно опубликованы мемуары «Чаша».

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. 1983—84; Собр. соч.: В 10 т. М., 1995; Смех за левым плечом: Книга прозы. М., 1989; При свете дня. М., 1992; Соленое озеро // Роман-газета. М., 1994. № 15; Последняя ступень: Исповедь вашего современника. М., 1995.

В. Запевалов

СОМОВ Орест Михайлович (10?[21?].12.1793—27.05[8.06].1833), литературный критик, писатель, журналист. Родился в Волчанске б. Слободско-Украинской, позднее Харьковской губ., в дворянской семье. Учился в Харьковском университете. В 1817 приехал в Петербург. В 1818 принят в сотрудники, а в 1820 — и члены *Вольного общества любителей российской словесности*. После декабристского путча подвергся аресту, но был освобожден как непричастный к тайному обществу. В 1825—32 участвовал в издании альманаха «*Северные цветы*», в 1830—

31 — «*Литературной газеты*» (начиная с № 65 за 1830 был ее редактором).

Уже в стихах Сомова 1816—18 проявились патриотические мотивы, интерес к фольклору и этнографии. Наибольшее значение имела его критическая деятельность. В трактате «О романтической любви» (1823) содержалась программа русского *романтизма*: национальная самобытность, утверждение русской истории как художественного объекта, усвоение элементов фольклора и народного языка. Выступал против «элегического» духа русской поэзии. В повестях и рассказах по мотивам малороссийского фольклора («Гайдамак», 1826; «Русалка», 1829, и др.) Сомов явился одним из предшественников *Н. В. Гоголя*, хотя этнографическое задание в них еще преобладало над художественным. В последних повестях «Сватовство» (1831), «Матушка и сынок» (1833) проявились антиромантические тенденции, усилилось внимание к реальному быту.

Соч.: Роман в двух письмах // Рус. повести XIX в. 20—30-х гг. Т. 1. М.; Л., 1950; [Стихотворения] // Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, лит. критика. М.; Л., 1951.

СОНЕТ (*итал.* sonetto, от sonare — звучать, звенеть), итальянская форма стихотворения в 14 строк, возникшая в XIII в. в Сицилии (предположительно). Как каноническая форма сонет достиг совершенства у Петрарки. Из Италии сонет перешел во Францию, где утвердился как классическая форма стиха в творчестве П. Ронсара (XVI в.), в Англию (В. Шекспир), в Германию (М. Опиц — XVII в., И. Гёте — XIX в.). В России первый сонет написан *В. Тредиаковским* в 1735, это — перевод с французского классического сонета Барро, перевел его Тредиаковский своим «тонизированным» тринадцатисложником с женскими рифмами. В дальнейшем сонеты писали *А. Сумароков, Г. Державин, В. Туманский, А. Дельвиг, А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Фет, Я. Полонский, К. Павлова, А. Григорьев*. В XX в. сонеты писали *К. Бальмонт, А. Блок, Вяч. Иванов, В. Брюсов, М. Волошин, М. Кузмин, Н. Гумилев, И. Анненский, А. Ахматова* и др.

Сонет является строгой формой четырнадцатистишия. Первая часть сонета состоит из двух катренов (четверостиший), вторая из двух терцетов (трехстиший). Стихотворный размер сонета — обычно пятистопный, реже шестистопный ямб. Каноническая форма рифмовки: для катренов 2 равнозвучные рифмы (опоясанная и смежная), для терцетов — 2 или (реже) 3 рифмы, отличающиеся от рифм в катренах. Рифмы в сонете должны быть звонкими, звонкими, оправдывающими название этой стихотворной формы.

Большую роль играет внутренняя композиция сонета. Каждая строфа сонета — это законченное целое. Первый катрен является экспозицией, в нем утверждается основная тема стихотворения, во втором катрене развиваются положения, высказанные в первом катрене; т. о., оба катрена ведут линию подъема. Дальше начинается нисхождение темы: в первом терцете намечается развязка ее, во втором терцете происходит быстрое завершение развязки, которая находит наиболее яркое выражение в заключительной строке сонета, самой сильной по мысли и образности (сонетный замок). В сонете нетерпимы повторения слов или выражений, за исключением случая, когда того требует само построение стиха (анафора, параллелизм и т. п.). Несмотря на каноническую чеканку формы сонета, многие поэты стремились внести в него некоторое разнообразие. Существует и весьма трудная и циклическая форма сонета — венок сонетов, требующая от поэта огромной изобретательности и мастерства.

Один из лучших русских сонетов, написанных в XVIII в., принадлежит А. Сумарокову (шестистопный ямб):

О существа состав без образа смешенный,
Младенчик, что мою утробу бременил
И, не родясь еще, смерть жалостно вкусил
К закрытию стыда девичества лишенной!

О ты, несчастный плод, любовью сотворенный!
Тебя посеял грех, и грех и погубил;
Вещь бедная, что жар любви производил,
Дар чести горестно на жертву принесенный!

Я вижу в жалобах тебя и во слезах:
Не вображайся ты толь живо мне в глазах,
Чтоб меньше беспокоить я, плачуша, имела.

То два мучителя старались учинить;
Любовь, сразивши честь, тебе дать жизнь велела,
А честь, сразив любовь, велела умертвить.

Полон изящной величавости «Сонет» А. Пушкина:

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал,
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камюэнс облекал.
И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворд его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал;
У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы.

А. Квятковский

«СОРЕВНОВАТЕЛЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ И БЛАГОТВОРЕНИЯ», ежемесячный журнал *Вольного общества любителей российской словесности*, издаваемый в Петербурге в 1818—25. Первый редактор, один из учредителей общества, — А. Д. Боровков. Ведущее место занимали отделы науки и критики, в которых опубликованы программная речь *Н. И. Гнедича* на собрании общества (1821), статья *Е. А. Баратынского* «О заблуждениях и истине» (1821), трактат *О. М. Сомова* «О романтической поэзии» (1823). Стремление к национальной самобытности определяло интерес журнала к народному творчеству. В отделе литературы печатались стихи *А. С. Пушкина*, басни *И. А. Крылова*, сонеты *А. А. Дельвига*, стихи *Ф. Н. Глинки* и *Е. Баратынского*. В журнале были опубликованы «Европейские письма» Кюхельбекера (1820), отрывки из «Походных записок русского офицера» *И. И. Лажечникова* (1820), «Путешествие в Ревель» *А. А. Бестужева* (1821) и др.

СОРОК КАЛИК СО КАЛИКОЮ, самая популярная *былина* из репертуара *калик переходящих*.

В классическом варианте из «Сборника Кирши Данилова» и почти во всех остальных *былинах* «Сорок калик со каликою» начинается одинаково: с описания сборов калик и выбора «большого атамана» (и такая «устойчивость» лучше всего свидетельствует о смысловой значимости каличьего ритуала сборов и выбора атамана). Вслед за выбором атамана следует столь же неременное условие: принятие «заповеди великой».

Калики клянутся друг другу и перед своим атаманом Касьяном: «...Кто украдет или кто солжет, // Али кто пустится на

женский блуд, // Не скажет большому атаману, // Атаман про то дело проведает, — // Едина оставить во чистом поле // И скопать по плеча во сыру землю».

Нарушение этой «заповеди великой» и последующее за ним наказание — вот главное, что сохранилось во всех известных вариантах *былины* о сорока каликах.

В заповеди особо оговариваются 3 греха: воровство, ложь и блуд. «А итить нам, братцы, — говорится в каличьей заповеди, — дорога не ближняя — // Идти селами и деревнями, // Городами теми с пригорками». Всякое могло случиться в пути, занимавшему к тому же полгода («Вперед шли три месяца», — указывается в *былине*). Всякое наверняка и случилось. В тексте *былины* есть на это довольно прямой намек. Догоняя калик и обличая их, называя «ворами-разбойниками», *Алеша Попович* повторяет явно общий упрек и общее мнение: «Вы-та, калики, бродите по миру по крещеному, // Кого окрадете, своим зовете, // Покрали княгиню Апраксевну, // Унесли вы чарочку серебряну, // Которой чарочкой князь на приезде пьет!»

Такие слухи действительно ходили о каликах, тем более что они не только бродили по миру «прошая милостыню», но и полностью зависели от этого мира. Одна из первостепенных задач каличьей *былины*, вне всякого сомнения, как раз и заключалась в том, чтобы противостоять подобным слухам, доказать их необоснованность и несправедливость. Калики создали своего *былинного* героя, ставшего жертвой клеветы, навета.

Каличий атаман Касьян, оклеветанный кн. Апраксией, проходит «испытания» по всем трем заповедям, перечисленным в *былине*. Отсюда и основная идея *былины* — утверждение высоких моральных и нравственных качеств калик. Драматизм каличьей *былины* усилен еще и тем, что исполняет «заповедь великую» — закапывает Касьяна «по плеча во сыру землю» его родной брат Михайло Михайлович.

Зло не осталось безнаказанным. Но факт наказания, возмездия в данном случае не столь значим, как последующее за наказанием исцеление. Кн. Апраксии предстоит в *былине* еще одно, последнее испытание. Прележав полгода «во агноище», она еще раз с глазу на глаз встречается с каличьим атаманом Касьяном. Оклеветанный ею, преданный на явную смерть, Касьян приходит к ней в спальню и становится ее избавителем от «духа-напасти».

Такова в каличьей *былине* олицетворенная, выраженная в лицах, в образах героев, глубоко народная идея добра и зла, света и тьмы, преступления и наказания.

И конечно, далеко не случайно калики противопоставлены в *былине* главным *былинно-историческим* героям. Тем самым калики выводят себя на *былинно-историческую* арену, соотносят с *былинно-историческими* героями, чрезвычайно много значащими в народном сознании.

Есть в каличьей *былине* еще одна особенность. В ней действуют главные герои русского героического эпоса, но сама она не носит героического характера. Атаман Касьян вступает в поединок, одерживает победу, но не на поле брани. Действие, развитие сюжета происходит в иной сфере — нравственных, моральных отношений и проблем, где поединки героев оказываются не менее напряженными и драматичными.

«Сорок калик со каликою» — едва ли не самая первая (и едва ли не самая совершенная) народная психологическая драма, ни в чем не уступающая лучшим образцам подобных европейских средневековых произведений.

Законы, обычаи калик переходящих Древней Руси, их быт, нравы — все это нашло отражение в каличьих *былинах* «Со-

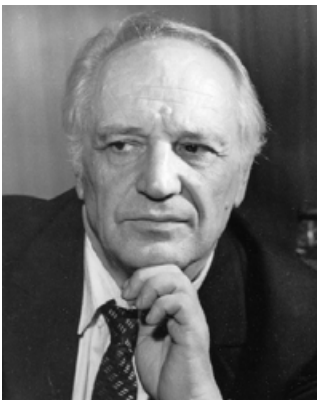
рок калик со каликою», «Илья Муромец и Идолище» и др. Но и это еще далеко не все. Уникален тот факт, что в былине о сорока каликах-богатырях калики поют о самих себе.

Народный эпос, как принято считать, безымянен, безличен. При всем желании нам трудно воссоздать даже предположительный образ русского Гомера. Самое большее, что нам известно, — это имя одного из таких творцов — *Бояна*. Но и оно названо в памятнике письменной, а не устной литературы. Поэзия народная нигде, ни разу не называет имени ни одного создателя (или создателей) таких грандиознейших эпических поэм, как былины «*Илья Муромец и Калин царь*», «*Михайло Потык*», «*Садко*», «*Василий Буслаев*». Нет о них и никаких косвенных упоминаний, данных. Здесь же перед нами в одном лице — и авторы, и действующие лица, и исполнители. Подлинная «автобиография» калик переходящих — эпическая поэма, созданная каликами о самих себе.

Лит.: Соколов Б. М. История старин о сорока каликах со каликою // Русский филологический вестник. 1913. № 1—2.

В. Калугин

СОРОКИН Валентин Васильевич (р. 25.07.1936), поэт, публицист. Родился в с. Ивашла в Башкортостане в семье лесника. 10 лет работал у мартена на Челябинском металлургическом комбинате. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте. Он вошел в русскую поэзию от расплавленного металла, и этот

благородный огонь определил все его творчество. Этот огонь он принес в литературное братство «*Радонежцев*», когда поселился на даче в подмосковном пос. Семхоз. Гражданские мотивы, чувство Родины, восторг перед могучей державой, одержавшей великую победу над Германией, прозвучали уже в первых его стихах и поэмах. И хотя по складу своего дарования Сорокин лирик, все же его влекло к эпосу, к «масштабности». В этом сказались его страстная, мятежная натура. Он создает поэмы высокого эпического ранга — «Евпатий Коловрат», «Дмитрий Донской», «Бессмертный маршал».

За неопубликованное стихотворение «Льву Троцкому» («Для тебя и ракета, и книга, / И такси, и гремучий состав, / Ты страшнее монгольского ига, / Ядовитый сионский удав!») и ряд др. произведений Сорокин подвергается многолетнему прессингу со стороны еврейских кругов.

В 1968—69 Сорокин ведет отдел очерка и публицистики в журнале «*Молодая гвардия*», который в те годы был главным рупором русского возрождения. По-видимому, именно в это время он окончательно сформулировал основные художественно-эстетические и философские принципы своего творческого пути и гражданского поведения. В 1970—80-е, будучи гл. редактором издательства «Современник», Сорокин получает возможность претворить эти установки в жизнь и блестяще справляется с поставленной задачей. «Современник» становится ведущим издательством русского (почвеннического, национально-государственного) направления, а сам поэт создает несколько произведений, вошедших в «золотой фонд» рус-

ской литературы XX в. В первую очередь, это поэмы «Евпатий Коловрат», «Пролетарий», «Дмитрий Донской», «Сейитназар», «Красный волгарь», «Две совы», «Золотая» (впервые напечатаны в книгах «Огонь» (1973), «Признание» (1974), «Плывущий Марс» (1977), «Лирика» (1979)). Характеризуя значимость жанра, Сорокин писал, что «поэт без поэмы — царь без короны», а его творческий метод отчасти раскрывает признание, сделанное им в критической книге «Благодарение»: «Поэма требует иногда целого пласта жизни. Поэма — карьер, где надо работать долго и умело, терпеливо и безответно».

Примером такого поэтического труда можно считать поэму «Дмитрий Донской». Это драматическое повествование (в пяти картинах) густо населено действующими лицами: Дмитрий Донской, Евдокия — жена князя, Сергей Радонежский, Карп — разведчик, его невеста, Пересвет, Мамай, Олег Рязанский — князь-изменник, Черт, Челубей, а также: бабы, мужики, князя, русские и татарские воины. Дух победительности, торжества (вообще свойственный творчеству Сорокина) властвует в поэме, а еще в ней ярко выражено ощущение беды и тревоги... И — явление Сергея Радонежского в прологе произведения, что в атеистическое время 70-х было более чем смелым сюжетным ходом. Поэма получилась, с одной стороны, очень религиозной, с др. — весьма светской, точно объясняющей цель и содержание жизни мирянина. В чем же эта цель? Автор дает ответ в эпилоге: «Беречь Россию не устану, / Она — прозрение мое, / Когда умру, то рядом встану / Я с теми, кто берет ее». Тема Родины, тема любви, т. о., становится ведущей в творчестве поэта.

Лирические стихи отличаются искренностью, душевной прямоотой, тематическим многообразием: любовь, природа, деревенский быт и путевые впечатления, тревожные думы о судьбе Отечества и полемика с его недругами. К чужакам, хулителям России, русофобам и космополитам поэт непримирим и беспощаден. В стихотворении «О терпимости» он говорит: «К черту скромность и терпимость... Да здравствует непримиримость!» Стихотворение «Клятва» заканчивается афоризмом: «Мне Россия сердце подарила, я его — России отдаю!». Много стихов у Сорокина, посвященных героям Великой Отечественной войны. В них душевная боль и гордость великого русского поэта за свой народ, спасший мир от фашистской чумы. В стихотворении «Воин-освободитель» поэт говорит, обращаясь к монументу в берлинском Трептов-парке: «Если бы ты с пьедестала внезапно сошел, то, поверь мне, в предчувствии трепетно-близком ты бы дорогу до отчего дома нашел по горюнным, пронзающим ночь обелискам». В творческом багаже Сорокина много публицистики, яркой, эмоциональной, размашистой, с той же поэтической стихией слов, что и в поэмах. Часть этой публицистики составила книгу «Крест поэта», задористую, обнаженно-мятежную, как огонь мартена.

Соч.: Разговор с любимой. Саратов, 1968; Голубые перевалы. М., 1970; За журавлиным голосом. М., 1972; Огонь. М., 1973; Грустят березы. М., 1974; Признание. М., 1974; Багряные соловьи. М., 1976; Озерная сторона. М., 1976; Плывущий Марс. М., 1977; Избранное. М., 1978; Лирика. М., 1979; Хочу быть ветром. М., 1982; Посвящение. М., 1982; Посреди холма. М., 1983; Благодарение. Поэт о поэтах. М., 1986; Обещание. М., 1989; Побудь со мной. М., 1996; Лицо. Оренбург, 1997; Басни и сказы про ельцинские проказы. М., 1997; Крест поэта. Очерки о судьбах погибших поэтов. М., 1998; Бессмертный маршал. М., 2000; Ратный миг. М. 2000; Обида и боль. Кн. 1; Отстаньте от нас!.. Кн. 2; Очерки. М., 2002.

И. Шевцов, Л. Сычева

СОФОНИЙ (XIV в.), предполагаемый автор «Задонщины».

Имя Софония упоминается только в некоторых списках «Задонщины», первый из которых обнаружен в 1858. О Софонии сообщается, что он — «рязанец», «старец» и (в летописи Тверской) «брянский боярин». Ряд ученых полагают, что Софоний — автор не «Задонщины», а ее несохранившегося источника; др. — что он только переписчик текста. «Задонщина» напоминает «Слово о полку Игореве»: сторонники традиционного представления о большей древности «Слова» считают, что Софоний использовал его как образец для подражания, а их оппоненты соответственно видят в Софонии великого писателя, которому подражал создатель стилизованного под старину «Слова». В любом случае «Задонщина» — выдающийся памятник; существуют его современные поэтические переложения (В. Саянов, А. Скрипов, А. Жовтис).

М. О.

СОФРОНОВ Анатолий Владимирович (6[19].01.1911—14.09.1990), писатель. Родился в Минске. Окончил литературный факультет Ростовского института (1937). Работал на заводе Ростсельмаш слесарем, фрезеровщиком, секретарем редакции заводской газеты (1929—34). В годы Великой Отечественной войны был специальным военным корреспондентом «Известий». В 1953—86 гл. редактор журнала «Огонек». Выступил в 1929 со стихами и очерками. Автор сборников стихов: «Солнечные дни» (1934), «Мы продолжаем песню» (1936), «Над Доном-рекой» (1938), «Ковыли» (1944), «Стихи и песни» (1950), «Я вас люблю» (1962), «Мы с тобою из Ростова» (1964) и др. Основное место в них принадлежит стихам о

мире и войне, о родной поэту «стороне Донской». Среди поэтических произведений более позднего времени выделяются «Поэма прощания» (1968) и «Поэма времени» (1970), содержащие эмоциональные раздумья о времени и о себе. Софронов — автор текстов известных песен «Шумел сурово брянский лес» (1942), «Дай руку, товарищ далекий» (1948), «От Волги до Дона» (1951) и др. Сталинская премия (1948, 1949).

СПИРИДОН-САВВА (2-я пол. XV в. — н. XVI в.), церковный деятель, писатель, публицист.

В 1476 «тверетин» Спиридон-Савва объявился в Литве как митрополит Киевский, поставленный Константинопольским патриархом. Король Казимир его не принял и заточил в темницу. В 1482 Спиридон-Савва просил о заступничестве Ивана III, но безуспешно: на Руси к нему относились настроенно, считая добившимся митрополию «по мзде» и «повелением турецкого царя» (Летопись Типографская). Оказавшись все-таки на Руси, Спиридон-Савва был заключен в Феропонтов монастырь, где, видимо, и скончался в правление Василия III. Несмотря на невзгоды, он продолжал в посланиях использовать формулы обращения, подобающие митрополиту.

Составленное Спиридоном-Саввой «Изложение о православной истинной нашей вере» рассказывает о семи Вселенских соборах и содержит отречение от разнообразных ересей. В 1503, по просьбе Соловецкого игум. Досифея, он подверг литературной обработке *Житие Зосимы и Савватия*. Эту обработку высоко оценили архиеп. *Геннадий Новгородский* и *Максим Грек*.

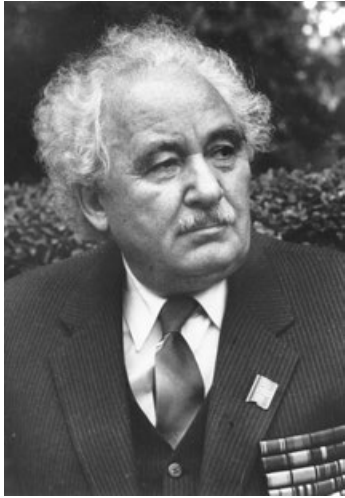
И. Н. Жданов ввел в научный оборот основное произведение Спиридона-Саввы — его послание неизвестному, излагающее легендарное происхождение вел. князей Владимирских и Московских от Пруса, брата имп. Августа. Знатным предкам Василия III в послании противопоставляются литовские князья, родоначальник которых Гедимин был якобы «раб» и «коноуонец». Послание демонстрирует обширную образованность автора, его знакомство с литовскими хрониками, а также включает антикатолическую полемику. Послание Спиридона-Саввы вместе с анонимным «Сказанием о князьях Владимирских» (вопрос о текстологической зависимости между двумя этими литературными памятниками остается открытым) содержало идеи, которые в XVI в. нашли применение в чине венчания на царство *Ивана IV* (и позднее Федора Иоанновича), в надписи на дверцах царского места в кремлевском Успенском соборе, Государевом родословие 1555, в Воскресенской летописи, *Степенной книге*, *Великих Миняех Четых*, в дипломатических сношениях.

СРЕЗНЕВСКИЙ Измаил Иванович (1[13].06.1812—9[21].02.1880), филолог, палеограф, этнограф. Академик (1854). Родился в Ярославле в семье профессора словесности. В 1826—29 учился на философском факультете Харьковского университета, где с 1837 был профессором по кафедре политической экономии и статистики. Одновременно занимался малороссийской литературой, народной поэзией, этнографией. Издал «Украинский альманах» (1831), сборники «Запорожская старина» (1833—38), в которых опубликовал исторические песни и документы, связанные с бытом запорожцев. В «Украинском сборнике» (1838—41) печатал произведения *И. П. Котляревского*. В 1839—42 путешествовал по Чехии, Моравии, Хорватии, Черногории, Далмации, изучая славянские языки, фольклор. По возвращении в Харьков читал курс лекций по истории и литературе славянских наречий. В 40-е опубликовал статьи «Исторический очерк сербо-лужицкой литературы» (1844), «Обозрение главных черт сродства звуков в наречиях славянских» (1845) и др. В 1846 за диссертацию «Святителища и обряды языческого богослужения славян, по свидетельству современными и преданиями» получил степень доктора славяно-русской филологии (впервые в России). С 1847 — профессор Петербургского университета, в 1848—59 — Главного педагогического института. По его инициативе в 1852—63 изданы 10 тт. «Известий» и 7 тт. «Ученых записок» Отдела русского языка и словесности АН. Срезневский воспитал плеяду русских ученых (*Н. С. Тихомиров*, *А. Н. Пыпин*, *Л. Н. Майков*, *В. Я. Стоюнин* и др.). Горячо преданный науке, Срезневский требовал от студентов «самодетельности мысли», анализа фактов, критического отношения к научным предшественникам и также к себе самому. В 1849 Срезневский опубликовал «Мысли об истории русского языка», ставшие программой научных работ нескольких поколений русских филологов. Главным он считал описание памятников, создание областных словарей, изучение народных говоров и современного литературного языка, составление исторического словаря и исторической грамматики с привлечением истории др. славянских языков. С 60-х Срезневский начал публикацию изданий: «Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков)» (2-е изд., 1882) и «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках» (Ч. 1—91, 1864—81). Особенно значителен труд Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (опубл. 1893—1912), над которым он работал всю жизнь.

Соч.: Материалы для словаря древнерус. языка по письменным памятникам. Т. 1—3 и дополнения [М., 1958]; Мысли об истории рус. языка. М., 1959.

В. С.

СТАДНЮК Иван Фотиевич (8.03.1920—4.05.1995), прозаик, драматург, сценарист. Родился в с. Кордышевка Винницкой обл. в крестьянской семье. В канун Великой Отечественной войны окончил военно-политическое училище и выехал (в 1941) на службу в Белорусский военный округ,

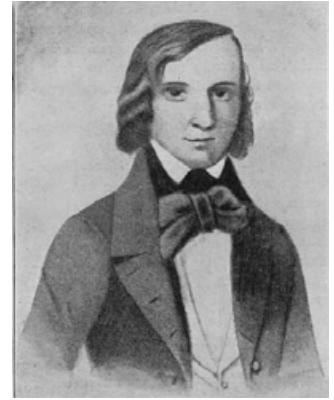
где его и застало фашистское нашествие. В годы войны работал во фронтовой печати. После войны писатель трудился в журналах «Советский воин», «Огонек» и др. Жизни армии и ее ратному подвигу в разных обстоятельствах посвящены сборники повестей и рассказов Стаднюка — «Сердце солдата» (1954), «Люди с оружием» (1956), «Место происшествия — фронт» (1960), «Сердце помнит» (1962), «Максим Перепелица» (1952). Последний сборник послужил сюжетной основой известного фильма «Максим Перепелица» (1955). В 1962—65 Стаднюк создал одно из лучших своих произведений — автобиографический роман «Люди не ангелы», рассказывающий о судьбе деревенского мальчика-сироты Павла Ярчука и его отца Платона в суровые дни коллективизации, в темную ночь нашествия фашистских орд и оккупации того села на Винничине, где прошла юность героя. Роман стал одним из первых в серии произведений русской «деревенской прозы», в котором ретроспективно исследуются события коллективизации и их «составляющие» — раскулачивание, создание артелей, администрирование и т. п. — исследуются с новых позиций, без идеализации и смягчения действительной трагичности эпохи. Роман многократно переиздавался и был переведен на многие языки в СССР и за его пределами.

В 70—90-е Стаднюк работал над романом «Война» (первая книга в 1970—71). Этот роман — одна из первых попыток русской военной прозы соединить «окопную правду» т. н. лейтенантской прозы с обобщающим началом, с оценкой войны и ее сражений — прежде всего приграничных, Смоленской битвы, боев под Москвой с позиций Генерального штаба, Ставки, с «кругозором» Верховного Главнокомандующего. Огромное место в многоплановом романе заняли главы, посвященные деятельности И. В. Сталина, маршалов Шапошникова, Жукова, народных комиссаров танкостроения и авиационной промышленности В. А. Малышева и А. И. Шахурина (среди постоянных собеседников и консультантов писателя в течение многих лет был В. М. Молотов и др.). Это не заслонило в романе путей-дорог по проселкам войны одного из рядовых героев политрука Иванюты, солдат, бойцов-погранчиков, трагических судеб генерала Д. Павлова, командующего Западным фронтом, и др. Роман остался незавершенным.

Соч.: Люди с оружием. М., 1956; Люди не ангелы. М., 1963; Война. М., 1971. Т. 1; Война. Т. 2 // Молодая гвардия. 1974. № 5; Война. Т. 3 // Молодая гвардия. 1980. № 5—6; Хлеб истины: Романы, пьесы. М., 1975.

В. Чалмаев

СТАНКЕВИЧ Николай Владимирович (27.09[9.10].1813—25.06[7.07].1840), поэт. Глава философского кружка, сыгравшего большую роль в идейной жизни России 30-х XIX в. Родился в с. Удерева Острогожского у. Воронежской губ. Детские годы провел в богатой помещичьей усадьбе. В

1830 поступил на словесное отделение Московского университета. Вскоре вокруг обаятельного, ярко одаренного Станкевича образовался кружок, среди участников которого были Я. М. Неверов, И. П. Ключников, В. И. Красов, К. С. Аксаков, В. П. Боткин, М. А. Бакунин и др. После окончания университета (1834) Станкевич много работал над углублением философских знаний. Необходимость лечить обостряющейся туберкулез вынудила его осенью 1837 уехать за границу. В 1838—39 он слушал лекции в Берлинском университете, общаясь там со своими русскими друзьями (Т. Н. Грановский, Неверов) и молодым немецким профессором-гегельянцем К. Вердером. Здесь же произошло знакомство с И. С. Тургеневым, перешедшее в тесную дружбу. Летом 1839 болезнь заставила Станкевича пересечь в Италию.

Поэтическое наследие Станкевича невелико, но в его стихах, появившихся с 1829 (в журналах «Бабочка», «Атеней», «Телескоп», в газете «Молва», «Литературной газете»), нашли выражение мысли и чувства, типичные для русской интеллигенции, напряженно искавшей пути к познанию и преобразованию жизни. Его лирический герой охвачен мучительными раздумьями о проблемах мироздания, о «земной» и «небесной» любви, о судьбе поэта-пророка. Стихотворная трагедия Станкевича «Василий Шуйский» (1830) выражает чувства русского патриота. В повести «Несколько мгновений из жизни графа Т***» (1834) создан образ молодого человека, жаждущего познания. Письма Станкевича — неоценимый источник изучения духовной жизни 30-х. Основное значение Станкевича в истории русской литературы и общественной мысли связано с его ролью в кружке; на современников благотворное влияние оказывали широта его кругозора, самоотверженность духовных исканий и высокая моральная чистота. Философские взгляды Станкевича претерпели эволюцию от романтических и натурфилософских идей, характерных для русских шеллингианцев н. 30-х, к объективному идеализму в духе гегелевской системы. Внимание Станкевича к философии объясняется и тем, что он видел в ней средство не только познания истины, но и совершенствования жизни — единственного дела, достойного нравственного человека. Искусство, по его мысли, должно быть одушевлено человеческими интересами (ст. «Об отношении философии к искусству», 1840). В острых дискуссиях участников кружка формировалась русская национальная идеология и эстетика. Станкевич первым обратил внимание на самообытный талант А. В. Кольцова и помог молодому поэту найти свое место в литературе.

Соч.: Стихотворения. Трагедия. Проза. М., 1890; Переписка Н. В. Станкевича. 1830—1840 / Ред. и изд. А. Станкевича. М., 1914; [Стихи] // Поэты кружка Н. В. Станкевича / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. И. Машинского. М.; Л., 1964; Избранное. М., 1982.

СТАНЮКОВИЧ Константин Михайлович (18[30].03.1843—7[20].05.1903), писатель. Родился в Севастополе. Сын адмирала М. Н. Станюковича. Моряками были его дед и прадед. Самого Станюковича морская карьера не привлекала, тем не менее в 1857 он был отдан в морской корпус, а в окт. 1860 отправлен в дальнее плавание, которое сыграло

большую роль в писательской судьбе Станюковича. Первые очерки из жизни моряков были опубликованы в н. 60-х, в 1867 они вышли отдельной книжкой под названием «Из кругосветного плавания». Очерки эти, дающие живое представление о мироощущении молодого автора, о светлой нравственной атмосфере, царившей на судах, на которых он плывал, особенно на «Калевале», носят описательный характер; эмоцио-

нальная и идейная оценка пережитого еще не созрела у молодого писателя и он надолго оставляет морской материал. В течение ряда лет Станюкович печатается в «Петербургском листке», в «Будильнике» и др. периодических изданиях. В 1872 становится сотрудником журнала «Дело», работа в котором всецело определила его идейные позиции. Наиболее отчетливое выражение они нашли в «Письмах знатного иностранца» и «Картинках общественной жизни», в которых Станюкович дал острую и меткую критику пореформенной действительности, бичуя «чиновников-дармоедов», беспринципных журналистов, общественную косность и равнодушие, отстаивая интересы жителя «соломенного царства».

Резко отрицательное отношение к развивающемуся в России капитализму проявилось и в романах Станюковича, рисующих людей 80—90-х. Мир в этих романах распадается на 2 лагеря. В одном из них — адвокаты («Два брата», 1880), крупные дельцы («Омут», 1881), профессора, проповедники «малых дел» («Жрецы», 1897), декадентская молодежь («Равнодушные», 1899); в др. — национальная интеллигенция, идейная и бескорыстная, пытающаяся наперекор всему отстаивать интересы русского народа. Для романов Станюковича характерны занимательность фабулы, серьезность общественного содержания, реальность деталей. В них широко использованы жизненные наблюдения, которые даны писателю его служебным опытом, работой учителем в глухой деревне (выйдя в отставку в чине лейтенанта, он поехал в 1865 служить «освобожденному» народу), журнальной и газетной деятельностью. Однако создать художественный синтез этих наблюдений, показать героев в действии ему удавалось не часто.

Добиться «жизни и правды», «изящества формы и точности выражения» Станюкович сумел только в «Морских рассказах» (1886—1902). О достигнутой писателем власти над материалом свидетельствует светлый юмор, с каким он рассказывает о многих своих персонажах, не исключая тех, в которых легко обнаруживаются автобиографические черты. Пребывание в морском корпусе, описанное в очерке «Маленькие моряки» (1893), знание морского дела, потомственная связь со средой моряков помогли Станюковичу дать великолепное изображение жизни флота. Но значение «Морских рассказов» этим не исчерпывается.

Оно гораздо шире. Общие идеи, которые проводит Станюкович в своих романах, не только присутствуют в этих рассказах, формируя сюжет, распределяя свет и тени, они находят здесь такое органичное образное воплощение, какое не давалось писателю прежде. Богатым конкретным содержанием наполнилось излюбленное писателем противопоставление людей живого дела и карьеристов-чиновников («Василий Иванович», 1886; «Беспокойный адмирал», 1894); нашла достойное художественное воплощение тема столкновения поколений («Грозный адмирал», 1891). На морском материале Станюкович решает и др. волновавшие его вопросы, напр. о причинах, порождающих ренегатство («Оборот», 1889, опубл. 1899).

Рассказывая с «толстовской» правдивостью о переживаниях, порожденных столкновением его героев с морской стихией («На каменьях», 1888; «Ужасный день», 1893), Станюкович много места уделяет и вопросу гражданского мужества, неустанно пропагандируя такие свойства, как независимость, самостоятельность, душевная стойкость: «Шутка» (1898, опубл. 1899), «Утро» (1901), «Собака» (1902) и др. Ненависть к лакейству, подхалимству, карьеризму внушают читателю «Морские рассказы», в которых, как и во всем своем творчестве, Станюкович стремится воспитывать «...человека убеждения, готового любить правду и стоять за нее горой».

Соч.: Полн. собр. соч., 2-е изд. / Под ред. и с биографич. очерком П. В. Быкова. Т. 1—12. СПб., 1906—07; Собр. соч. / Вступ. ст. Л. Соболева. Подгот. текста А. Вансловой и В. Вильчинского. Т. 1—6. М., 1958—59; Морские рассказы / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. М. М. Поляковой. М., 1934; Избр. произведения / Вступ. ст. и примеч. И. Новича. М., 1953.

М. П.

СТАРИНА, народное название русской *былины*.

СТАРШИНОВ Николай Константинович (6.12.1924—5.02.1998), поэт. Родился в Москве. В 1942 со школьной скамьи ушел в армию, воевал на Западном фронте. Первые стихи опубликовал во фронтовой печати. В 1943, в авг., был тяжело ранен в боях под Спас-Деменском, в 1944, после демобилизации, поступил в Литературный институт. В 1947 в журнале «Октябрь» была опубликована поэма Старшинова «Гвардии рядовой», а в 1951 у него вышла первая книга стихов «Друзьям», за которой последовали: «В нашем общежитии» (1954), «Солдатская юность» (1956), «Песня света» (1959), «Лирика» (1962), «Веселый пессимист» (1963), «Протока» (1966), «Проводы», «Улыбнитесь, пожалуйста!» (обе — 1967), «Зеленый вечер» (1972), «Осинник» (1973), «Ракеты зеленый огонь» (1975), «Ранний час» (1977), «Милая мельница» (1978), «Твое имя» (1980), «Милости земли» (1981), «Мое время» (1984), «Любить и жить», «Река любви» (обе — 1986), «Я с тобою говорю», «Город моей любви» (обе — 1987) и др. Ему принадлежат книги о поэзии и писателях: «Памятный урок» (1980), «Дорога к читателю» (1985), «Планета «Юлия Друнина», или История одного самоубийства» (1994), «Лица, лики и личины: Литературные мемуары» (1994). В 1968 вышел его сборник рассказов «Белый камень», а в 1990 — сборник стихов, рассказов и очерков «Моя любовь и страсть — рыбалка». *Частушки*, собранные Старшиновым, вошли в сборники «Частушки с картинками» (Тверь, 1991), «Ой, Семеновна!..», «Разрешите вас потешить» (оба — 1992), «Самоцветная частушка» (1992; сюда вошли также частушки из собраний поэтов В. Бокова, Н. Красновой, Т. Смертиной, В. Коротаева, В. Смирнова, А. Боброва) и «Русские частушки» (1993).

О пробуждении поэтического восприятия мира Старшинов рассказал в стихотворении «Рассвет» (1971). Здесь он вспоминает, как мальчиком босиком (эта деталь характерна для предвоенного крестьянского быта) отправляется в лес, где встречается рассвет, который помог ему поэтически увидеть мир и запомнил до конца жизни: «Из далека туманного, / Из невысоких мест / Вижу мое Рахманово — / Крыши, церковный крест. // Вот и они скрываются — / Прячет меня овраг. / Многое забывается, / Этот рассвет — никак! // Я разобраться пробую: / Чем он милей всего? / Ну ничего особого, / Попросту ничего! // Что же им сердце полнится, / Светом его лучась?.. / ...Знаю, он мне припомнится / Даже в последний час. // Пашню увижу заново, / Ельник рассветный, / Гать. / Крыши и крест — Рахманово! / И на крылечке — мать...»

Теме русской деревни посвящена и поэма «Милая мельница» (1972), написанная с учетом традиций тех эпох, которые знали и любили деревню: Некрасова, Есенина и Твардовского. Старая мельница заменяет крестьянам многое: «Ты и чайная, и пивная, / Суд народный и сельский клуб». Тема деревни перерастает у Старшинова в общенациональный план, становится темой России. Поэт озабочен судьбой родины: «Ну хорошо ли, если мать / Уж так изменится, что сыну, / Что даже сыну не узнать?» («Она меняется с годами...», 1970). Для характеристик своих героев и особенно героинь Старшинов, вслед за Некрасовым и Твардовским, широко использует песенное народное творчество.

Соч.: Иду на свидание: Стихи, поэмы. М., 1969; Избранное. Стихотворения и поэмы. М., 1980; Избр. произв.: В 2 т. М., 1989.

М. П.

СТЕПАНОВ Александр Николаевич (21.01[2.02].1892—30.10.1965), писатель. Родился в семье потомственного военного, капитана артиллерии. В 1901—03 обучался в Полоцком кадетском корпусе, затем переехал с семьей в Порт-Артур. Во время русско-японской войны разделял все ее тяготы с отцом, был ранен. После капитуляции

Порт-Артура вместе с отцом попал в плен в Японию, но как несовершеннолетний был отправлен в Россию. В 1913 окончил Петербургский технологический институт. Первую мировую войну провел в действующей армии.

Основное произведение Степанова — роман «Порт-Артур» (Кн. 1—2. 1940—41; Сталинская премия 1946). Героизм защитников крепости, проблемы военного искусства, пси-

хология войны, картины армейских порядков определили драматизм произведения, его жизнеутверждающий пафос. Роман отличается широтой охвата темы, меткостью народного языка. По материалам романа совместно с И. Ф. Поповым написал пьесу «На Тихом океане» (1946, с 1954 шла под названием «Порт-Артур»).

Продолжением «Порт-Артура» явился роман «Семья Звонаревых» (1959—63; незаконч.), в котором жизнь бывших порт-артурцев прослежена в период, начиная с 1905—07 и кончая февр. 1917. Автор повестей «Трагедия в

Чемульпо» (1945; вошла в роман «Порт-Артур», изд. 1955), «Адмирал Макаров в Порт-Артуре» (1947), «В Керченской крепости» (1958, вошла в роман «Семья Звонаревых», изд. 1959).

Соч.: Порт-Артур. Кн. 1—2 / Послесл. автора. М., 1960; Семья Звонаревых. Кн. 1—2. М., 1962—63.

В. К.

СТЕПАНОВ Александр Петрович (4[15].05.1781—25.11[7.12].1837), писатель. Родился в д. Зеновка Калужской губ. Происходил из родовитой, но обедневшей семьи. По окончании Московского университетского пансиона 16-летний Степанов участвовал в итальянском походе А. В. Суворова. В 1822—31 — енисейский губернатор. Человек широко образованный и незаурядный, он сочинял оды, стихи, собирал народные предания, увлекался историческими и археологическими изысканиями, минералогией, статистикой. С 1835 печатал в «Библиотеке для чтения» повести и рассказы. Его роман «Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым» (Ч. 1—4. 1835), написанный в форме мемуаров и во многом автобиографичный, имел шумный успех. Степанов пересказал в романе литературные и философские споры, которые велись в петербургских и московских гостиных, нарисовал быт русской провинции.

Соч.: Повести и Путешествие в Маймай-Чень. Ч. 1—2. СПб., 1838; Суворов: Лирич. поэма. М., 1821; Тайна. Ч. 1—4. СПб., 1838.

СТЕПЕННАЯ КНИГА («Книга степенная царского родословия»), официальный исторический документ, созданный в 1563 по предложению митр. Макария царским духовником Афанасием, доказывающий высшее божественное происхождение власти русских государей. В книге излагается история Руси от Юрика до *Ивана Грозного*, привлекается множество исторических источников. Главный летописный источник книги — *Никоновская летопись*. Составитель Степенной книги в своей работе опирался на «Слово похвальное о благоверном и великом князе Борисе Александровиче», на «Сказание о князьях *Владимирских*» и др.

Изложение событий русской истории, наиболее важных с точки зрения составителя, разбито на 17 степеней (граней) и излагается в форме жизнеописаний древнерусских правителей по степеням родства. Причем членение исторического материала делается не по великим княжениям, а по княжениям московским. Период правления каждого князя составляет определенную грань в истории, поэтому центральным произведением каждой степени является княжеская биография. Все князья наделяются качествами идеальных мудрых правителей, отважных воинов и благочестивых христиан. Последовательно проводится мысль о преимуществе единой державной формы правления, установленной на Руси еще Киевскими князьями. Подчеркивается необходимость укрепления Церкви, умножения ее богатств, почитания ее святынь.

СТЕФАН (в миру **Архангельский Николай**), архиепископ Курский и Обоянский (22.07.1861—18.06.1914), духовный писатель, доктор богословия. В 1885 закончил Казанскую духовную академию. «Ученый аскет, он еще на студенческой скамье отличался высокой религиозной настроенностью и особенной ревностью к охранению строго-церковного порядка жизни». В 1899 принял постриг. В 1900 возведен в сан архимандрита и назначен ректором Тифлисской духовной семинарии. 27 янв. 1902 хиротонисан во

епископа Сумского. Во время смуты 1905—06 занимал ясную и строгую православно-монархическую позицию по важнейшим вопросам общественно-политической жизни. В связи с учреждением Государственной Думы он пытался внести православный дух в порядок выборов, полагая необходимым служить особые молебны перед голосованием. Он призывал русский народ к тому, чтобы «единым сердцем и едиными усты вознести Господу Спасителю нашему и Его Пречистой Матери горячее моление, да коснется Дух Божий сердец выборщиков и да изберут они из себя для Государственной думы мужей мудрых, прозорливых, честных и неподкупных, людей мужественных», но главное «глубоко верующих в Бога и чтущих Его святой закон, Его святую волю, т. е. людей праведных и благочестивых, ибо только таковые люди употребят свою мудрость, свои таланты и знания на пользу общую, только таковые люди будут смотреть на свое служение Отечеству, как служение Самому Богу, воздающему за дела и даже за самые слова человеческие не только в этой, но и в будущей жизни». При таком порядке избрания депутатов Государственная Дума никогда бы не стала рассадником революции.

Соч.: Таинства и обряды Православной церкви // Мирный труд. 1904. Кн. 5; Война и христоролюбивые войны, по соч. Иннокентия, архиепископа Херсонского. Могилев, 1907; К вопросу о системе православно-христианского нравоучения. Могилев, 1910; К каноническому устройству российской поместной церкви. СПб., 1906; Мысли Иннокентия архиепископа о величии и благоденствии России. 2-е изд. Могилев, 1907; Православно-христианское нравственное учение по сочинениям Иннокентия, архиепископа Херсонского. В 2 т. Могилев, 1907; Слово...в день памяти прп. Серафима Саровского. Могилев, 1906; Старо-Харьковская Куряжская обитель и ее Георгиевско-Петропавловский храм. (1673—1903). Харьков, 1904; Таинства и обряды Православной церкви. Харьков, 1904; Речь...перед молебном по случаю выборов представителей моголевской губернии в Государственную думу. Могилев, 1906.

А. Степанов

СТЕФАН ПЕРМСКИЙ (ок. 1345—1396), святой, духовный писатель.

Стефан Пермский родился в русской семье в Устюге Великом. Постригся в монахи в монастыре Григория Богослова в Ростове Великом, где учился вместе с *Епифанием Премудрым* и получил хорошее образование.

С 1379 отправляется в страну коми («зырян») и начинает свою проповедническую миссионерскую деятельность, обращая народ коми в христианство. Деятельность Стефана Пермского имела важное экономическое, политическое и культурное значение, т. к. способствовала включению Пермских земель в состав Московского государства. С 1383/84 становится первым епископом новой Пермской епархии.

Зная зырянский язык, Стефан Пермский создал специальную азбуку и перевел на пермский язык основные богослужебные тексты. Видимо, в это же время были изготовлены первые иконы с надписями на зырянском языке.

«*Житие Стефана Пермского*» было написано хорошо знавшим его Епифанием Премудрым. Его имя упоминается в летописях, в «*Житии Сергия Радонежского*» и др. С именем Стефана Пермского связывается одно из сохранившихся поучений против новгородско-московской ереси стригольников.

Изд.: Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. №25; Древнерусские предания. М., 1982.

П. П.

СТЕФАН ЯВОРСКИЙ, митрополит (1658—27.11[8.12].1722), церковный и государственный деятель, крупнейший представитель западно-русской философской школы, духовный писатель. Родился в м. Явор под Львовом в православной семье,

получив при крещении имя Симеон. Впоследствии родители, спасаясь от униатских поповзваний польской короны, переселились в Нежин. Как философ сформировался в *Киево-Могилянской академии*, где обучался непосредственно у Варлаама Ясинского, и в иезуитских школах Лемберга (Львова), Познани. В Киевской академии достиг звания префекта, затем был произведен в игумены Киево-Николаевского монастыря. Речь, произнесенная Стефаном на похоронах фельдмаршала Шеина, произвела впечатление на Петра, по настоянию которого он в 1700 был посвящен в митрополита Рязанского и Муромского. С 1702 занимал посты администратора, блюстителя, викария и экзарха Московского Патриаршего Престола, по учреждении Св. Синода (1721) был назначен президентом последнего.

Традиции киевских и польских школ 2-й пол. XVII в. определили характер основного философского сочинения Стефана «Философское состязание», прочитанного в Киево-Могилянской академии в 1693—94. В этом сочинении Стефан суммировал основные идеи Второй схоластики. Во-первых, это признание материи и формы в качестве равноценных принципов природных вещей, в отличие от тоимизма, абсолютизовавшего значение формы. Форма, понимаемая как идея и возможность предмета, рассматривается Стефаном как существующая в самой материи и зависящая от нее. «Общим субъектом» всех изменений, присутствующим в каждом предмете и обуславливающим «взаимный переход подлунных тел», является сотворенная Богом первоматерия. Во-вторых, это идея о несводимости бытия вещи ни к форме, ни к материи. Отсюда акт и потенция рассматриваются не как 2 отдельные реальности, но как 2 аспекта конкретной вещи. В-третьих, для Стефана различие между сущностью и существованием имеет место не в действительности, а лишь в понятиях. В-четвертых, Стефан, как умеренный номиналист, утверждает примат единичного перед универсальным, считая, что «универсальное является ничем или вторичным». Отсюда вывод о том, что предметом познания является конкретное бытие вещей. Одним из методологических оснований философских взглядов Стефана являлась теория «двух истин» (религиозного и философского знания). На философских взглядах Стефана не могла не сказаться его приверженность западно-русской богословской традиции. Представители этой традиции в России называли «пестрыми», считали их уже не православными, но еще не католиками. Философские принципы данной богословской школы выражены в сочинении «Камень веры» (впервые полностью опубликовано в 1728). К ним относится, во-первых, значительное по сравнению с византийской традицией расширение предмета богословия. Стефан не ограничивал этот предмет Богом в Себе, но включал в него все проявления Божества в мире, в силу чего предмет философии зна-

чительно сужался. Во-вторых, Стефан считал, что между философией и богословием не должно существовать промежуточных дисциплин. В XVIII в. такое понимание соотношения философии, метафизики и богословия легло в основу школьных программ. Социальные взгляды Стефана Яворского новаторством не отличались. Он признавал права царя на верховную власть в государстве, которое, по его мнению, должно обеспечить общее благо всем подданным. Надежды на избавление от несовершенств земного существования Стефан связывал с обретением Царства Божия. Если *Феофан Прокопович* подверг идеологическому уничтожению параллелизм светской и духовной власти, который в н. XVIII в. влачил хотя бы теоретическое существование в умах князей Церкви и православного населения, то Стефан сделал все возможное, чтобы этот параллелизм сохранился в сознании русского общества. Рассматривая деятельность Стефана на ниве русской культуры в целом, ему следует вменить в заслугу подготовку образованных кадров служителей Православной церкви.

Соч.: Проповеди. Ч. 1—2. М., 1804; Неизданные проповеди Стефана Яворского. СПб., 1867; Риторическая рука. СПб., 1878.

Лит.: Самарин Ю. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Соч. Т. 5. М., 1880; Захара И. С. Борьба идей и философской мысли на Украине на рубеже XVII—XVIII вв. Киев, 1982.

А. Панибратцев

СТЕФАНИК Василий Семенович (2[14].05.1871—7.12.1936), малороссийский писатель. Учился в Краковском университете, медик; маленький сборник его поражающих своей экспрессией миниатюр «Синя книжечка» (1899) доставил ему одно из первых мест среди малороссийских писателей; последующие его рассказы с тонкой художественной обработкой: «Каменный крест», «Палій», «Кленові листи» и др. только усилили его популярность.

Стефаник — писатель-новатор, мастер психологической новеллы. Его привлекали сложные душевные состояния, резкие социально-психологические контрасты.

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—3. Киев, 1949—54; Избранное. М., 1971.

«СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ», басенный цикл, построенный в форме бесед царя и философа, включающий восточного происхождения *басни*, гл. обр. о животных. В древнерусских списках этот памятник известен под названием «Списание Сифа Антиоха, друзии же мнеша, яко Иоанна Дамаскина, зело песнотворца, еже о зверех Стефанита, Ихнилата». Восходит к византийским дидактическим сочинениям к. XI — н. XII в., переложке арабской книги «Калила и Димна», восходящей в свою очередь к индийской «Панчатантре». «Стефанит и Ихнилат», написанная придворным врачом имп. Алексея I (1081—1118) Симеоном Сифом, принадлежит к популярному в средние века жанру «княжеского зеркала»: внешне — это беседа царя с философом, распадающаяся на серию самостоятельных басен о животных, частью рассказанных философом от своего имени, частью приписанных им двум шакалам — Стефаниту и Ихнилату, приближенным царя-льва. Сентенции и образы «Стефанита и Ихнилата» часто ближе к восточным эстетическим нормам, нежели к византийским. В XIII в. появился южнославянский перевод «Стефанита и Ихнилата». Его русская редакция восходит к единому протографу — южнославянскому тексту. Распространение «Стефанита и Ихнилата» на Руси было связано с новыми явлениями в литературе XV в.: до этого времени русская письменность не знала жанра светской басни; необычны были и герои —

сказочные звери; образ «мудроумного» зверя Ихнилата перекликается с образом героя западного «Романа о Лисе». Мотивы «Калилы и Димны» и «Стефанита и Ихнилата» отразились в сказках-баснях *Л. Н. Толстого* и *В. М. Гаршина*; текст «Стефанита и Ихнилата» пересказан *А. М. Ремизовым* в «Повести о двух зверях» (изд. 1950, Париж).

СТИХИ ПОКАЯННЫЕ, жанр древнерусской духовной лирики, формирующийся во 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в. Стихи покаянные встречаются в певческих сборниках с заглавиями: «покаянны», «стихи прибыльные» (т. е. «добавочные»), позднее — «стихи умиленные». Первоначально были связаны с внебогослужебными обрядами монастырского быта: постной трапезой, иноческим погребением, различными шествиями. Не позже сер. XVI в. отделяются от обрядов и образуют самостоятельный цикл, полное заглавие которого — «Покаянны на осем гласов — слезны и умиленны, чтобы душа пришла на покаяние избыти муки вечныя и внити в царство небесное».

В соответствии с гласовой принадлежностью напевов стихов цикл делится на 8 частей — гласов. Исполнение стихов покаянных в монастырях и среди мирских людей гл. обр. приурочивается к Великому посту. Заимствовав первоначально ряд текстов из богослужебных книг (Стихиряря, Триоди постной), стихи покаянные разрабатывают темы великопостного или предсмертного покаяния, осознания греховности бытия, ожидания смерти, Страшного суда, ухода в «пустыню». Книжный язык и традиционные мелодии знаменного распева в стихах покаянных в ряде случаев дополняются словесными и музыкальными оборотами фольклора. С к. XVII в. некоторые начинают бытовать в фольклоре, др. же продолжают переписываться и исполняться в числе старообрядческих *духовных стихов*. Стихи покаянные воздействовали на становление *песенной книжной поэзии XVII—XVIII вв.*

Лит.: Бессонов П. А. Калики переходные. Сб. стихов и исследование. [Ч. 1—2. М., 1861—64].

СТИХОВЕДЕНИЕ, отдел поэтики в системе теории литературы, изучающий формы строения стиха. Зачинателем русского стиховедения следует считать *Мелетия Смотрицкого*, который в своей «Грамматике», изданной в 1619, изложил основы античного стиха и ввел в литературную лексику названия стихотворных размеров (ямб, хорей, дактиль, пиррихий, спондей); попытка Смотрицкого ввести в русскую поэзию античный гекзаметр не была поддержана. Некоторые элементы стиховедения можно найти в стихотворных высказываниях (предисловия к книгам) у *Симеона Полоцкого*, который ввел термины «метр» и «ритмология» («рифмология») в применении к своим стихам. Но действительным основанием русского стиховедения является «вечный труженик» *В. Тредиаковский*, который вместе с *М. Ломоносовым* и *А. Сумароковым* разработал начала теории и практики т. н. *силлабического стиха*. *А. Пушкин* писал о Тредиаковском: «Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков». Стиховедческие работы Тредиаковского («Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определением до сего надлежащих званий», 1735, «Письмо русского к приятелю, написанное по поводу нового русского стихосложения», «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении...», «Способ к сложению российских стихов против выданного в 1735 году исправ-

ленный и дополненный», «О древнем, среднем и новом стихотворении Российском») вместе с работами Ломоносова («Письмо о правилах российского стихотворства», «Краткое руководство к красноречию») и Сумарокова («О стопосложении» и др.) заложили основание русской стиховедческой школе. Замечательно по систематике, но чрезмерно сжато в своем изложении основ т. н. силлабики «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» А. Кантемира. Большой тонкостью наблюдения над строем стиха отличаются работы Н. Николаева («Рассуждения о стихотворстве Российском», 1787, «Дополнительные примечания на лирико-дактилическое сочинение», 1796).

Из стиховедческих трудов 1-й пол. XIX в. большую роль в понимании природы стиха сыграли работы А. Востокова («Опыт о русском стихосложении», 1812, где впервые дана попытка научного осмысления строя русского народного стиха), А. Кубарева («Теория русского стихосложения», 1837, и «О тактах, употребляемых в Русском стихосложении», 1829), Н. Надеждина («Версификация»), Н. Остолопова (классической для своего времени «Словарь древней новой поэзии», 1821) и Д. Дубенского («Опыт в народном русском стихосложении», 1828). В дальнейшем, примерно с 40-х до 80-х XIX в. в области стиховедения было затихло; изредка появлялись работы, не внешние, однако, ничего существенного в науку о стихе (В. Классовский «Версификация», «Поэзия в самой себе и в музыкальных своих построениях», П. Перевлевский «Русское стихосложение»). В к. 80-х и в 90-х замечается оживление в области стиховедения. Появляются большие статьи С. Шафранова «О складе народно-русской песни, рассматриваемой в связи с напевами» и И. Голохвастова «Законы стиха русского народного и литературного», свидетельствующие об интересе к народной поэзии. Этой же проблеме посвящены работы московского проф. Р. Вестфалля («О русской народной песне», «Теория ритма в применении к русским поэтам») и его последователя музыканта-этнографа Ю. Мельгунова («О ритме и гармонии русских песен», «К вопросу о русской народной музыке»); оба они исходили из того положения, что обновление русского стиха зависит от дальнейшего развития норм античной метрики. Много интересного о стихе содержится в большом труде П. Сокальского «Русская народная музыка». Но наиболее значительным среди исследований русского стиха 90-х является работа Ф. Корша «О русском народном стихосложении», где автор на ряде примеров показывает, что в основе строения многих произведений русской народной поэзии лежит тактовый принцип ритмостроения (это ранее доказывал и А. Кубарев).

В н. XX в. большое впечатление произвели оригинальные исследования А. Белого «Опыт характеристики русского четырехстопного ямба» и «Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диаметре», помещенные в его книге «Символизм». В предреволюционный период теоретически ценными оказались книга Н. Шульговского «Теория и практика поэтического творчества» (1914) и работы С. Боброва, которому русское стиховедение обязано научным обоснованием уже вошедшей в обиход русских поэтов паузной формы стиха (паузный трехдольник). Вслед за работами Боброва появилась примечательная постановкой ритмологических проблем книга Божидара «Распевочное единство». Много внимания уделил теоретической разработке классического стиха В. Брюсов (ряд статей и книги — «Краткий курс науки о стихе», 1919 и «Основы стиховедения», 1924).

А. Квятковский

СТИХОТВОРСТВО (стихотворение), термин, введенный в русскую поэтику Симеоном Полоцким, назвавшим так сам способ сложения стихов. Однако нельзя сказать, что до XVII в. на Руси не было поэзии, не было стиха. В Древней Руси хорошо знали «говорный» стих, употреблявшийся в *прибаутках*, *приказках*; речитативный стих, употреблявшийся в *былинах*, *исторических песнях* и др., и песенный стих. С приходом христианства на Русь пришла византийская *гимнография*, ораторская проповедь, самые разнообразные церковные песнопения и др. И народная песня, и богослужебные тексты, при всем их несходстве, имели некую общность: и то, и др. пелось или определенным образом произносилось. Видимо, господствовал стих напевный и безрифменный, но был и стих говорной, для пения не предназначенный, рифмованный. Рифма встречается в «Слове о полку Игореве», «Задонщине», в «Слове Даниила Заточника».

Возникновение книжной поэзии относится к 1-й трети XVII в. и связано с усилением роли городов как культурных центров, а отсюда, по мнению А. М. Панченко, с ослаблением роли фольклора. В это время в литературе усиливается эмоционально-публицистический элемент. В сказании *Авраамия Палицына* часто встречается рифмованная организация повествовательной речи, а «Летописная книга» заканчивается рифмованными *вириями*. Речевая структура стиха давала некоторую возможность передать внутреннее состояние человека, его индивидуальные переживания, используя средства речевой выразительности, хотя стих еще не был упорядочен. Количество слогов и слов в строках было различно, но они все же воспринимались как члены ритмического ряда, т. е. как стихотворные единицы. На чередование ударений внимания не обращалось, *рифма* употреблялась преимущественно глагольная, мужская, женская, дактилическая. Эти т. н. досиллабические *вириши* начинают приобретать большую популярность.

Однако в 1-й трети XVII в. наряду с ними появляются *силлабические стихи*. Их можно встретить в послании кн. С. И. Шаховского, в полемическом трактате *Ивана Наседки*, в обличениях кн. И. А. Хворостинина. Силлабическим стихом пишутся в 1-й пол. XVII в. сборники посланий, силлабические *вириши* начинают использоваться в описаниях гербов, в «Царском титулярнике» 1672, в надписях на иконах, в народных картинках.

Большую роль в развитии силлабической поэзии на Руси сыграли Симеон Полоцкий, *Сильвестр Медведев* и *Карион Истомир*.

Благодаря деятельности Симеона Полоцкого и его учеников силлабический стих начинает широко применяться на Руси, пока на смену ему не пришла *силлабо-тоническая система*, разработанная В. К. Тредиаковским и М. В. Ломоносовым.

Иная судьба у досиллабического стиха, который закрепился в позднейшем *раешном стихе*. К этому стиху обращались А. С. Пушкин («Сказка о попе и работнике его Балде»), В. Хлебников и др.

Изд.: Вишневая поэзия. М., 1980.

П. П.

СТОЛИЦА Любовь (урожд. **Ершова Любовь Никитична**) (29.06.1884—12.02.1934), поэтесса. Родилась в Москве. Сам факт рождения в московской купеческой семье в известной мере определил мироощущение поэтессы и ее тематику. Фольклор, обрядность, церковность, многовековая история Москвы — вот повторяющиеся мотивы в ее произведениях. Окончила с золотой медалью Елисаветинскую гимназию. В

1905 поступила на историко-филологическое отделение Высших женских курсов. К этому времени относится пробуждение всепоглощающего интереса к поэзии. Первое выступление со стихами в печати — в «Золотом руне» в 1906. За первой публикацией последовало участие во многих московских и петербургских периодических изданиях. До 1917 были напечатаны сборники «Раиня», «Лада», «Русь» и роман в стихах «Елена Деева», выдержавший четыре издания. Начиная с 1916 преобладает интерес к драматургии. Только в один театральный сезон 1917—18 Столица написала ок. 12 миниатюр для театра «Летучая мышь». В 1918 уехала из Москвы в Ростов-на-Дону, оттуда переехала в Ялту. В 1920 Столица эмигрировала. Около года провела в Салониках, после этого постоянно жила в Софии. 20 лет, проведенных в Болгарии, были временем активной творческой деятельности. Помимо участия в эмигрантских журналах и альманахах «Русская мысль», «Сполохи», «Перезвоны», «Золотой петушок», «Медный всадник», она опубликовала за эти годы «Елену Дееву» и книгу поэм «Голос незримого». Значительная часть наследия поэтессы осталась неопубликованной. В особенности это относится к произведениям, написанным в Болгарии: комедия «Два Али» (1926), комедия из купеческого быта «Рогожская чаровница» (1928) и др. Умерла Столица внезапно, в расцвете творческих сил, не дожив нескольких месяцев до своего 50-летия.

Образ, объединяющий все ее творческое наследие, — старая Русь. Этот образ выражает мироощущение Столицы. Ему же подчинены подробности поэтики: простодушно-красочные, лубочные эпитеты, рифмовка, иногда напоминающая раешник, балагурство, сравнения, основанные более на коллективном, народном опыте, чем на индивидуальном; нарочитые прозаизмы и обилие их; гиперболы фольклорного происхождения. Ее понимание мелодики стиха связано с фольклорной песней. В «Елене Деевой», написанной еще в России и переизданной в эмиграции, слышатся интонации пушкинских сказок. Замысел этого романа в стихах восходит к «Евгению Онегину». В романе Столицы в большей степени, чем в ее сборниках, читатель встречается с апофеозом Святой Руси: иконописный главный герой, героиня, напоминающая сказочную царь-девицу, идеализация старинного быта, лубочные массовые сцены; интонации и синтаксис стародавнего московского просторечья. В последние годы Столица написала цикл стихотворных исторических портретов: «Царь Алексей Михайлович», «Царь Михаил Федорович», «Святые князья Борис и Глеб» и др. В стихах о Москве, обрядах, о русских праздниках звучит мотив ностальгии о времени, которое никогда не вернется. Любовная лирика стала более просветленной, религиозная тема в поздних стихах, как и прежде, окрашена фольклорными мотивами. В творчестве Столицы вместе с поэзией «светлой мудрости народной» видим образ самого автора: личность страстная, темпераментная, одаренная особым видением реальности.

Соч.: Елена Деева. Берлин, 1923; Голос Незримого. София, 1934.

Ист.: Словарь поэтов русского зарубежья. СПб., 1999. С. 228—229.

СТРАДАНИЯ, названия коротеньких народных песенок-попевок, гл. обр. центральной полосы России. Содержание страданий — любовь; форма страданий — обычно 16-сложное двуступище. Ритмологически же каждое страдание является моностихом, занимающим тактометрический период. Ниже приводятся примеры страданий из сборника «Русская частушка» (1950). Вот четырехдольник третий, ритм в основном константный:

{ Была | девка — все любили,
 { Стала | баба — все забыли.

{ Девки, | пой, пока поется,
 { В бабах | редко удаётся.

{ Неужели он | позволил,
 { Меня | бросит, опозорит?

Очень изящны страдания в форме четырехдольника первого, с ритмической инверсией на *клаузуле*:

{ | Шила | кистет | *трудолился*,
 { | Подарила — | *влюбилася* |

{ | Я страдаю, | *не верится*, |
 { | Любовь наша | *изменилась* |

{ | Редко, редко | *случается*, |
 { | Кто в любви | *вечнается* |

{ | Проводила | *милёночка*,
 { | Сама пошла | *тихонечко* |

{ | Ах, машина, | *дым колесом*, |
 { | Не кричи, как | *я, голосом* |

{ | *Болит* сердце | *и ложечка*,
 { | По тебе, мой | *Серёжечка* |

А. Квятковский

СТРАННИК (архиеп. **Иоанн Сан-Францисский**, в миру кн. **Димитрий Алексеевич Шаховской**) (23.08.1902—30.05. 1989), поэт. Учился в Александровском лицее. Стихи начал писать в детстве. Уехал из России в 1920. Окончил Лувенский университет (Бельгия). В Брюсселе участвовал в клубе русских литераторов «Единогор» (др. участники — Г. Цебриков, Л. Страховский, К. Льдов, И. Наживин). В 1926 был редактором «Благонамеренного», названного так в память о журнале, издававшемся в пушкинское время с участием предка Странника — кн. Шаховского. Первое свое стихотворение Странник опубликовал в «Русской мысли» в 1922. До принятия монашества выпустил в 1920-е под фамилией Шаховской сборники: «Стихи», «Песни без слов», «Предметы». В 1926 принял постриг на Афоне. В 1930-е под именем архимандрита Иоанна

вышли его книги: «Размышления о религиозности Пушкина», «Пророческий дух в русской поэзии», «Толстой и церковь». Сборник «Странствия» (первый под псевд. Странник) вышел в 1960. В 1966 опубликована ритмически монотонная «Книга лирики». В ней, однако, «нельзя не почувствовать духовную высоту». В 1960—1980-е Странник издал еще 6 сборников и поэму «Упразднение месяца» (1968), вышедшую в 1977 во 2-й редакции под названием «Поэма о русской любви». «Это поэма освобождения от одиночества и безумного безбожия» (Плетнев Р.). Проповеднический тон, склонность к дидактическим афоризмам, обилие книжных аллюзий, религиозная символика — характерные черты стихотворческой манеры Странника. Последний сборник — «Удивительная земля» — издан в 1983. Наследие Странника включает избранное (в т. ч.

2 автобиографических тома и «Переписка с Кленовским»). За 18 дней до кончины, очнувшись от забытья, Странник объявил о точном дне своей смерти.

Соч.: Стихи. Париж, 1923; Песни без слов. Брюссель, 1924; Предметы. Брюссель, 1926; Странствия. Нью-Йорк, 1960; Книга лирики. Париж, 1966; Упразднение месяца. Нью-Йорк, 1968; Нескучный сад. Сан-Франциско, 1970; Созерцания. Сан-Франциско, 1971; Избрание тишины. Калифорния, 1971; Избр. лирика. Стокгольм, 1974; Иронические письма. Мюнхен, 1975; Поэма о русской любви. Париж, 1977; Удивительная земля. Б. м., 1983.

СТРАХОВ Николай Иванович (1768 — после 1811), писатель-сатирик. В 1786 перевел «Вексфильдского священника» О. Голдсмита. В 1790—92 издавал журнал «Сатирический вестник» (2-е изд. 1795), как бы продолживший «Почту духов» (1789) *И. А. Крылова*; затем издал «Карманную книжку» (1791, 2-е изд. 1795), «Переписку Моды» (1791), «Плач Моды» (1793). Примыкал к просветительскому направлению *Н. И. Новикова*, основное внимание уделяя вопросам воспитания, бичевал нравственные пороки, высмеивал галломанию, расточительность, взяточничество; выступал против крепостного права. Последние книги Страхова — этнографический сборник «Нынешнее состояние калмыцкого народа» (1810), сборники «Мои петербургские сумерки» (1810) и «Рассматриватель жизни и нравов» (1811) — тематически продолжали его прежние произведения, не лишены сатирического блеска, проникнуты грустными настроениями.

Соч. в кн.: Рус. проза XVIII в. Т. 2. М.; Л., 1950.

СТРАХОВ Николай Николаевич (псевд. Н. Косица, Русский и др.) (16[28].10.1828—24.01[5.02].1896), публицист, литературный критик, философ. Родился в Белгороде. Сын магистра Киевской академии, протоиерея и преподавателя словесности Белгородской духовной семинарии. В возрасте 6—7 лет лишился отца и был отдан матерью на воспитание ее брату, ректору Каменец-Подольской,

а затем Костромской духовной семинарии. Учился в Костромской духовной семинарии (1840—44) в классах риторики и философии, на территории Богоявленского монастыря. «...Следует помянуть добром этот Богоявленский монастырь, где я прожил пять лет и где помещалась наша семинария, — вспоминал Страхов. — В нашем глухом монастыре мы росли, можно сказать, как дети России. Не было сомнения, не было

самой возможности сомнения в том, что она нас породила и она нас питает, что мы готовимся ей служить и готовимся оказывать ей повиновение, и всякий страх, и всякую любовь».

В 1845 поступил на математический факультет Петербургского университета, в 1848 перешел на естественно-математический разряд Главного педагогического института, где и окончил курс в 1851. Был учителем физики и математики во 2-й Одесской гимназии, затем преподавал естественную историю во 2-й Петербургской гимназии. В 1857 защитил диссертацию на степень магистра зоологии. В 1858 публикует в газете «Русский мир» «Физиологические письма» (впоследствии названные «Письма об органической жизни»), на которые обратил внимание

Ан. Григорьев. Дружба с ним сыграла решающую роль в судьбе Страхова и его литературных воззрениях.

В 1861 оставил службу и стал сотрудником журнала братьев Достоевских «*Время*». В статье «Нечто о полемике. Письмо в редакцию «*Времени*»» («*Время*», 1861. № 8) он сформулировал два условия настоящей полемики: 1. «нужно понимать мысль своего противника», 2. «нужно понять мысль противника лучше, чем понимает ее сам противник, потому что нужно отвечать на эту мысль, судить ее». Этот принцип понимания чужд современной полемике, где «каждый хлопочет всеми средствами превратить своего противника в глупца». Руководствуясь этими принципами, с позиции «почвеннического» мирозерцания Страхов ведет на страницах «*Времени*» и др. журналов решительную борьбу с «нигилизмом» как односторонней и оторванной от органических начал русской жизни теорией. Этому посвящена его статья о романе *И. С. Тургенева* «Отцы и дети» («*Время*», 1862. № 4), о «Что делать?» *Н. Г. Чернышевского* («Библиотека для чтения», 1865. № 4), одной из лучших его статей является разбор романа *Ф. М. Достоевского* «Преступление и наказание» («Отечественные записки», 1867. № 3, 4).

В 1863 под псевд. «Русский» печатает статью «Роковой вопрос» («*Время*», 1863. № 4) о русско-польских отношениях, которая начинается с подробнейшего изложения враждебной ему системы взглядов на польский вопрос. Это вызвало возмущение правительственных кругов, и журнал «*Время*» был закрыт. В 1864 М. М. Достоевский добивается разрешения на издание журнала «*Эпоха*», в котором Страхов продолжил сотрудничество. После закрытия «*Эпохи*» в 1865—67 Страхов занимается переводами, в 1867 редактирует журнал «Отечественные записки», а в 1869—71 — журнал «*Заря*», где публикует статьи о *Л. Н. Толстом* («Лучшим своим делом я считаю всё-таки мою критическую поэму в 4 песнях — критический разбор «*Войны и мира*»»). Здесь Страхов впервые попытался обрисовать во весь рост значение Толстого-писателя, который восстал как «богатырь и сверж либерально-европейские авторитеты, под которыми мы жмемся и ежимся».

В 1873 поступил на должность библиотекаря юридического отдела Императорской Публичной библиотеки, в 1885 несколько месяцев служил в комитете иностранной цензуры, в 1890-х избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук. Он написал обширную биографию Достоевского для первого посмертного издания его сочинений, подготовил полное собрание сочинений *А. Григорьева* со вступительной статьей, написал книгу «Заметки о Пушкине и других поэтах» (СПб., 1888) и 3-томный труд «Борьба с Западом в нашей литературе» (СПб., 1882, 83, 86).

Соч.: Бедность нашей литературы. СПб., 1869; Критические статьи об *И. С. Тургеневе* и *Л. Н. Толстом* (1862—85). СПб., 1885; Из истории нигилизма. СПб., 1890; Критические статьи (1861—94). Т. 2. Киев, 1902; Литературная критика, М., 1984 / Вступ. ст. *Н. Н. Скатова*.

Лит.: *Грот Н. Я.* Памяти *Н. Н. Страхова*. К характеристике его философского мирозерцания. М., 1896; *Введенский А. И.* Общий смысл философии *Н. Н. Страхова*. М., 1897; *Гольцев В. А.* *Н. Н. Страхов* как художественный критик // *Гольцев В. А.* О художниках и критиках. М., 1899; *Радлов Э.* Несколько замечаний о философии *Н. Н. Страхова*. СПб., 1900; *Розанов В. В.* Литературная личность *Н. Н. Страхова* // *Розанов В. В.* Несовместимые контрасты жития. Литературно-эстетические работы разных лет. М., 1990.

Ю. Лебедев

СТРИЖЕВ Александр Николаевич (р. 12.08.1934), прозаик, литературовед, библиограф. Родился в с. Тарадей Шацкого р-на Рязанской обл. в крестьянской семье. После окончания сельской семилетки учился в Москве. В 1958 окончил редакционно-издательский факультет Полиграфического института. С 1959 по 1994 работал в Аграрном издательстве.

С детства имел тягу к чтению, любовь к русской классике. Стихи начал писать еще в школьном возрасте, публиковался в студенческих многотиражах. 11 сент. 1964 в областной газете «Ленинское знамя» появилась первая заметка Стрижева о природе, и с этого времени Стрижев — постоянный автор рубрики «Заметки фенолога» в московских газетах. Начиная с 1966 в течение 16 лет вел в журнале «Наука и жизнь» рубрики «Народный календарь», «Русское разнотравье».

В 1968 вышел «Народный календарь», где впервые были легализованы святцы, русская жизнь предстала в богатстве уклада, в живых воспоминаниях детства. Один из главных трудов Стрижева — «Календарь русской природы» (1971), где воссоздана религиозно-философская картина мира. Не имея возможности открыто исповедать свое мировоззрение в условиях идеологического запрета, Стрижев избрал форму «фенологических очерков» как единственно возможный легальный способ говорить о христианской духовности народа. «Календарь русской природы» близок натурфилософским книгам *М. Пришвина* и дневниковым записям *Б. Шергина*, а глубинный христианский подтекст, неразрывная связь природных и церковных событий, лирические картины детства сближают это произведение с «*Летом Господним*» *И. Шмелева*. Книга Стрижева выдержала 6 изданий. Стрижев — автор 25 книг о природе («Народные приметы», «Большая книга леса», «Календарь русской природы», «Ваш кормилец огород», «Лесные ягоды» и др.), в каждой из которых открывается красота великой и таинственной русской природы.

Стрижев известен как автор литературоведческих трудов, посвященных *Е. Замятину*: он подготовил и впервые опубликовал многие произведения писателя, составил библиографию, записал воспоминания о писателе в беседах с *К. И. Чуковским*, *М. Л. Слонимским*, *К. А. Фединым*.

Итогом размышлений писателя о сложном, полном трудностей и скорбей пути русской жизни явился роман «Хроника одной жизни» (1972). Социальные, этические коллизии увиденны глазами крестьянина. Время действия романа — 1941, но многочисленные реминисценции отсылают читателя в прошлые эпохи. Здесь в полной мере проявилось дарование тонкого стилиста, блестяще владеющего словом, языковым богатством: «Подхватишься с хлебушком на улицу, жуешь его, черствый, над горсточкой, и крошки ссыпашешь в рот. Гожо-то как стало, теперь попить из ведра — и можно задать стрекача на выгон. Там уж ребятня возле котла-колдобины кружком расселась, рассказывают наперебой былицы и сказки...»

Книга существенно отличается от традиций т. н. «деревенской прозы» 1970-х, в которой, по мнению Стрижева, было много искусственного, нарочитого. В романе Стрижев стремился к неприукрашенной правде жизни, воссоз-

дал физиологию деревенского бытия сер. XX в. Роман написан свободно, без оглядки на цензорскую «проходимость». Книга, написанная в 1972, смогла быть издана только 19 лет спустя.

С н. 1990-х Стрижев всецело посвящает себя духовной прозе. Преобладающими жанрами в его творчестве становятся литературный портрет, очерк, жизнеописание. Он впервые донес до российского читателя наследие выдающихся духовных писателей, которые были забыты или замалчивались многие десятилетия: *А. Н. Муравьева*, *С. Нилуса*, *И. Шмелева*, *С. Бехтеева*, *В. Никифорова-Волгина*, *Л. Зурова*, *Н. Мотовилова*, *Н. Д. Жевахова*, *Е. Поселянина*, *А. Платонова*, *В. Маевского*. Стрижев издал очерки и книги, посвященные церковной истории России, подвижникам веры — прп. Серафиму Саровскому, прав. *Иоанну Кронштадтскому*, свт. *Иоасафу Белгородскому*.

В литературных портретах Стрижева выделяется внимание к духовному потенциалу личности, деталям биографии, обретающим символический смысл. Личность того или иного деятеля под пером Стрижева предстает как живой, подлинно художественный образ. Вышли в свет антологии Стрижева «Православное детство», «Православная икона: канон и стиль». Стрижев — автор-составитель сборников «Ф. М. Достоевский и Православие» (1997), «А. С. Пушкин: путь к Православию» (1999), «Духовная драма Льва Толстого» (1998), куда вошли статьи разных лет русских религиозных деятелей, философов, литературоведов. Материалы, собранные Стрижевым, послужили толчком к научной разработке религиозной проблематики их творчества в 1990-е.

Соч.: Хроника одной души: Проза. М., 1991; Календарь русской природы. М., 1981, 1993 и др.; Лесная скатерть-самобранка. М., 1992; Цветы и храм. М., 1996; И землю пахут пулеметами // Лит. учеба. М., 1990. № 3; Замятин на фоне эпохи // Там же. 1994. № 3; Забытый бытописатель // Коринфский А. А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1995; Муж света и разума Александр Семенович Шишков // Москва. 2001. № 9; Царский гуслир — Сергей Бехтеев // Лит. учеба. М., 1996. № 4; Андрей Николаевич Муравьев: Биографический очерк // Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. М., 1999; Леонид Федорович Зуров: Биографич. очерк // Зуров Л. Ф. Обитель: Повести, рассказы, очерки, воспоминания. М., 1999; Свиток судьбы: Петр Григорьевич Паламарчук (20.12.1955—14.02.1998) // Паламарчук П. Свиток: Сб. прозы. М., 2000; «...Будущего чаем, наставшему дивимся, минувшее хвалим» // Москва. 2000. № 12.

А. Любимуров

СТРОЕВ Павел Михайлович (27.07[7.08].1796—5[17].01.1876), археограф и библиограф. В 1812—15 учился в Московском университете. В 1823 избран в члены Императорского общества истории и древностей российских (в 1841—47 состоял его библиотекарем). В 1815 выпускал журнал «Современный наблюдатель российской словесности», в котором поместил ряд статей, в т. ч. «О Россияде, поэме г. Хераскова»; опубликовал статьи на исторические темы в «*Сыне Отечества*», «*Северном архиве*», издал «Ключ к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина» (1836). Главные заслуги Строева —

в области библиографии, археологии, источниковедения. Он открыл для науки «Изборник великого князя Святослава», «Поучения Кирилла Туровского», «Похвалу кагану Владимиру», «Всемирный хронограф» и др. В 1822 Строев наметил широкую программу выявления и описания документальных материалов, которая далеко опередила его время, хотя не смог полностью ее осуществить. Из библиографических изданий Строева выделяются «Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке гр. Ф. А. Толстого» (1825; совм. с К. Ф. Калайдовичем), «Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке гр. Ф. А. Толстого» (1829), «Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке московского купца... И. Н. Царского» (1836), «Рукописи славянские и российские, принадлежавшие купцу И. Н. Царскому» (1848).

Соч.: Архив П. М. Строева / Под ред. С. Ф. Платонова и М. Г. Курдюмова. Т. 1—2. Пг., 1915—17.

СТРУГОВЩИКОВ Александр Николаевич (31.12.1808—1878), переводчик немецкой поэзии и прозы. Печататься начал как поэт в 1835. Сотрудничал в «Библиотеке для чтения», «Современнике», «Отечественных записках», «Всемирном труде». В 1869 редактировал журнал «Библиограф». Известен гл. обр. переводами из И. В. Гёте и Ф. Шиллера. Перевод Струговщиковым «Фауста» (1856) переиздавался до н. XX в. Струговщиков был продолжателем переводческой традиции В. А. Жуковского, его переводы, блестящие по форме, хорошо передавали дух оригинала, часто отступая от буквы, и для своего времени были классическими.

Переводы: Гёте И. В. Клавиво. СПб., 1840; Стихотворения А. Струговщикова, заимствованные из Гёте и Шиллера. СПб., 1845; Переводы. Статьи в прозе. СПб., 1845.

Соч.: М. И. Глинка. Воспоминания. 1839—41 // Рус. старина. 1874. Т. 9. Кн. 4.

СТРУЙСКИЙ (наст. фам.; псевд. — Трилунный) **Дмитрий Юрьевич** (6[18].09.1806—1856), поэт. Родился в с. Рузаевка Инсарского у. Пензенской губ. Из дворянской семьи. Окончил нравственно-политическое отделение Московского университета (1821), служил в архиве Иностранной коллегии и в Министерстве юстиции. Выступил в печати в 1827 (поэма «Аннибал на развалинах Карфагена»). В 1830 опубликовал сборник «Стихотворения Трилунного. Альманах на 1830 год», ч. 1—2 и поэму «Картина». Поэзии Струйского присущ «байронический» трагизм мировосприятия. В некоторых стихах содержалось сатирическое изображение нравов высшего общества, что приводило Струйского к столкновению с цензурой. Перевел отрывки из поэм Дж. Байрона «Гяур» и «Чайльд Гарольд».

Соч.: [Стихотворения] // Поэты 1820—1830-х гг. Т. 2. [Л.], 1972.

Лит.: Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А. И. Полежаева // Русская старина. 1903. № 8.

СТРУЙСКИЙ Николай Еремеевич (1749 — к. 1796), поэт и издатель. Родился в с. Рузаевка Пензенской губ. в дворянской семье, дед Д. Ю. Струйского (Трилунного). В 1763—71 одновременно с Г. Р. Державиным служил в Преображенском полку. В 1788 открыл в Рузаевке типографию, считавшуюся одной из лучших в России. Издавал в ней собственные сочинения, состоящие преимущественно из «эротид» и верноподданнических стихов «на случай», написанных под влиянием А. П. Сумарокова («Апология к

потомству» и др.). Известного внимания заслуживают сатирические стихи Струйского, обличающие лихоимство, корыстолюбие и вероломство, продажных «ученых» («Эпиграмма на ласкателей историков»). После смерти Струйского принадлежавшее ему оборудование было перевезено в Симбирск и послужило базой для создания местной типографии (1797).

Соч.: Соч. Ч. 1. СПб., 1790.

СТУПИН Геннадий Леонтьевич (р. 10.10.1941), поэт. Родился в г. Аткарске Саратовской обл. Окончив в 1958 среднюю школу, Ступин отправился в Москву. В 1961 окончил Московский заготовительный техникум по специальности охотовед-зверовод. В 1961—64 служил в армии. Вернувшись, работал в Твери, Подмоскovie и Москве. В 1991—93 учился на Высших литературных курсах Литературного института.

Неустроенность и удаленность от родных мест, оторванность человека вообще от питающих его здоровый дух корней предков (незримые, они где-то рядом, проходят через него и проявляют на его собственном лице свои черты), размышления о родине и народе стали основными мотивами стихов Ступина 1980-х и биографического эссе «Горячая земля» («Наш современник». 1994. № 3). С пронзительной прямотой он выразил ностальгию русской души, истонченной печалью, осевшей «на чужой сторонущке». Ступин выступил в печати сразу как поэт вполне сформировавшийся, зрелый, т. к. пробуя писать с 12—13 лет, публиковаться начал почти в 40 лет (с 1980).

Стихи Ступина последнего десятилетия глобально жестокого XX в. и н. XXI в. полны отчаяния, страдания. Это время — «окаянные дни» разрушения страны, когда народ, для которого смысл жизни в созидании и духовном единстве, в большинстве оказался не у дел (нельзя же назвать делом работу «челноками», ракетными...). Очень точно, словно перемещаясь мистическим зрением то в землю врага, то возвращаясь на свое, поросшее бурьяном поле русской жизни, Ступин отразил это разрушение России в стихотворении «За зеленой и мгlistой моею землей...». Человек, работающий на своей земле (борющийся с вечным бурьяном), когда поднимает голову и отрывается от дела, — видит край неба над другой землей: «...Оттуда летит вместо птиц саранча, / Ненасытна, бесцетна, черна».

Лирический герой Ступина — русский человек — в бедствии от ужаса мерзкого нашествия опускает руки и ищет, чем бы отбиться, чем защитить себя, но в руки влагается лишь «родимый бессмертный бурьян». Защититься нечем... Конечно, поэт предчувствует и верит, что наше бесконечное стояние среди «родного бурьяна», наше терпение дадут свои результаты: справедливый Суд Божий достигнет врагов; страна залечит кровавые раны.

Единство русского народа Ступин увидел в единстве предков. И над этим стоит задуматься! Страдая от одиночества, разобщенности, разъединения родных душ («В родимом, горько замершем краю опять один, пред жизнью или смертью, сжав кулаки, в кольце врагов стою...»), мы совсем забыли о том, что предки нас всех объединяют.

Поэзия Ступина 1990-х и н. XXI в. насыщена образами и лексикой запредельности существования человека, уступающего временам. Здесь — смерти, могилы, кладбища, смертный холод, тоска, видения, с того света, горе и гнев, молчание, немота, одиночество, воскресенье, вставание, сон, бессонница, взывания: «Проснись!», «Очнись!», «...надобно проснуться». В стихотворении «Смерть грузчи-

ка» гибнет богатырь русской земли, за смену переворочавший 60 тонн груза, — иначе как же его назовешь?! Но никто не узнаёт в нем страдальца, загнанного в угол врагами. Жуткая картина смерти, но еще более жуткая картина равнодушия живых. Иные качали головами, иные ржаво скрипели: «Пить надо меньше». Стихи «Смерть грузчика», «Восстание из праха» — страшные картины разрушения здоровой жизненной силы в России. Незримый враг «искушается страстью» убить русского человека на его родине, в его доме... без объявления войны. Понятно отчаяние поэта: жизненная сила солнечной родины, которую он воспел в своем эссе «Горячая земля» и многих ранних стихах, лежит поверженная в пыли, грязи дорожной, полумертвая или угасшая, затоптанная, измотанная пьянкой. Человек уже давно не «за пазухой у отеческого края», он не защищен на своей родине никакими «правами человека».

А. Баженова

СУВОРИН Алексей Сергеевич (псевдонимы — **Бобровский**, **Незнакомец**) (11[23].09.1834—11[24].08.1912), публицист,

издатель, беллетрист и общественный деятель патриотического направления. Сын государственного крестьянина, дослужившегося до чина капитана. В 1861 переехал в Москву и стал сотрудником «Русской речи», печатался в «Современнике», «Отечественных записках» и др. С дек. 1862 жил в Петербурге. В 1863—75 — сотрудник «Санкт-Петербургских ведомостей», в 1875—76 — «Биржевых ведомостей». Изданный в

1866 роман Суворина «Всяки» был уничтожен по приговору суда, а Суворин подвергнут аресту. В 1876 Суворин стал владельцем газеты «Новое время», которой вскоре придало русское патриотическое направление. Газета получила широкое распространение и стала с того времени (подобно «Северной пчеле» Бугарина 30—40-х) самой распространенной газетой в России.

В 90-е Суворин усердно занялся театром и стал во главе С.-Петербургского литературно-художественного кружка («Малый театр»). Как драматург, он известен своими комедиями «Татьяна Репина», выдержавшей 3 издания и имевшей успех на сцене, и «Он в отставке», и драмой (написанной вместе с В. П. Бурениным) «Медя», также имевшей успех и выдержавшей несколько изданий. Кроме того, он написал роман «В конце века. Любовь», издавал с 1872 «Русский календарь», дающий много статистических материалов, с 1881 ежемесячный журнал «Исторические вести», а с 1878 основал большой книжный магазин в С.-Петербурге и несколько таких же магазинов в провинции. Суворину принадлежало множество изданий разного характера; справочные: «Вся Россия», «Весь С.-Петербург», «Вся Москва»; исторические: истории Петра Великого и *Екатерины II* проф. Брикнера; «Дешевая библиотека» (до 400 книжек русских и иностранных классических произведений), «Новая библиотека» (романы) и мн. др. В 1911 Суворин учредил издательство «Новое время». Создал «Контрагентство печати» — монополистическую организацию, занимавшуюся сбором информации и распростра-

нением периодических и др. печатных изданий по всей России. Основал театр в Петербурге.

Человек большой культуры, острого ума, интересный собеседник, Суворин бывал у *Л. Н. Толстого*, *Ф. М. Достоевского*, *Н. С. Лескова*, вел обширную переписку с литераторами, дружил с *А. П. Чеховым*, который печатался в «Новом времени» с 1886 до н. 90-х. Правильное толкование Сувориным событий, волновавших русское общество на рубеже 2-х веков (дело Дрейфуса, студенческие волнения, факты еврейского засилья в культуре и экономике) вызвало негодование либерально-масонских кругов. Суворина стали травить. Но он не отступал. В его газете печатались *М. О. Меньшиков* и др. лучшие русские публицисты. Широкая популярность и огромные по тому времени тиражи «Нового времени» свидетельствовали, что русский народ его поддерживает. «Новое время» стало печатным органом национальной России.

СУМАРОКОВ Александр Петрович (14[25].11.1717—1[12].10.1777), поэт и драматург. Происходил из старинного дворянского рода. В 1732—40 учился в Сухопутном шляхетском корпусе, где начал писать стихи,

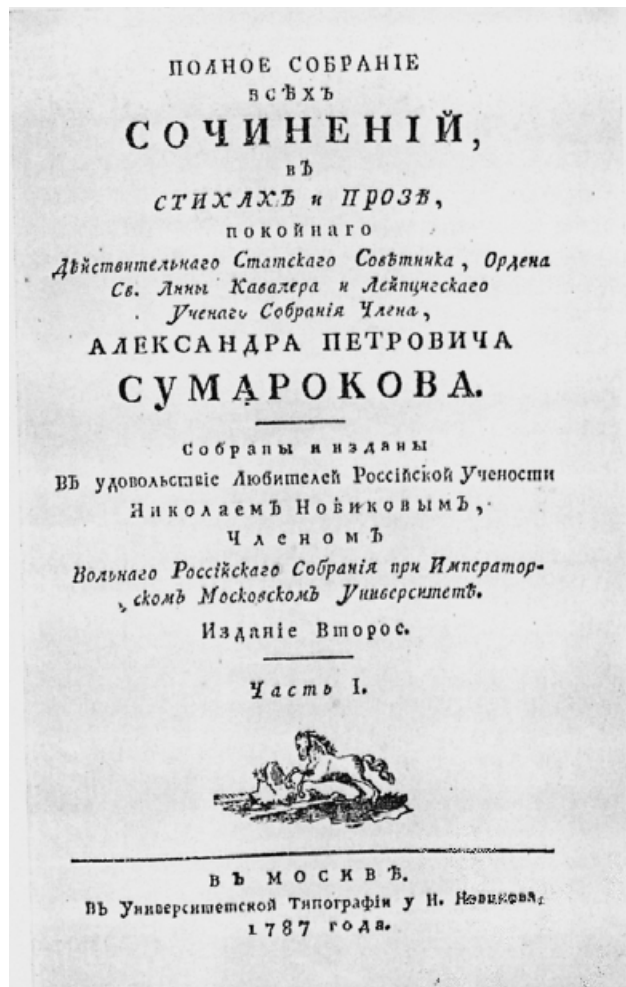
подражая *В. К. Тредиаковскому*. Служил адъютантом у гр. Г. И. Головкина и гр. А. Г. Разумовского. Стихи Сумарокова этих лет несут на себе печать сильного влияния од *М. В. Ломоносова*, но вскоре поэт избирает иной жанр, принесший ему популярность, — любовные песни, расхвалившиеся в списках. В них Сумароков разрабатывает поэтические приемы изображения душевной жизни и психологических конфликтов, позднее примененные им в трагедиях. Песни Сумарокова были неодобрительно встречены Ломоносовым, сторонником гражданственной тематики. В статье «О стопосложении. Критика на оду» Сумароков резко осудил поэтическую стилистику Ломоносова, напечатал «Эпистолу о стихотворстве» (1747), где сформулировал принципы поэтики основных жанров классицизма, особое внимание уделив жанрам сатирическим — комедии и басне. Полемика между Ломоносовым и Сумароковым в 50-е по вопросам поэтического стиля представляла важный этап в формировании эстетики и художественной практики русского классицизма.

От песен Сумароков перешел к стихотворным трагедиям. До появления его первых трагедий — «Хорев» (1747), «Гамлет» (1748), «Синав и Трувор» (1750) — русская драматургия жила традициями т. н. *школьной драмы* XVII в. с ее аллегорическими сюжетами и условно-мифологическими персонажами. Сумароков впервые в истории русского театра создал трагедии, основанные на опыте французской и немецкой просветительской драматургии 30—40-х XVIII в. В них Сумароков соединил любовные темы с общественной и философской проблематикой. Появление трагедий послужило стимулом для создания Российского театра, директором которого Сумароков был в 1756—61. В 1759 Сумароков издавал первый русский литературный журнал «Трудолюбивая пчела», в котором выступал на стороне оппозиционной придворной группы, ориентированной на будущую имп. *Екатерину II*. С к. 50-х между Сумароковым

и приближенными Елизаветы возникает конфликт. В к. 50-х — н. 60-х Сумароков пишет басни, направленные против бюрократического произвола, взяточничества, бесчеловечного обращения помещиков с крепостными.

В начале царствования имп. Екатерины II его литературная слава достигает зенита. Молодые сатирики, группировавшиеся вокруг *Н. И. Новикова* и *Д. И. Фонвизина*, поддерживают Сумарокова. После переезда в Москву произошёл в 1770 конфликт Сумарокова с московским главнокомандующим П. С. Салтыковым. Императрица приняла сторону Салтыкова, а Сумароков ответил издевательским письмом. Все это ухудшило его общественно-литературное положение. Последние годы жизни писателя омрачены материальными лишениями, утратой популярности, пристрастием к спиртным напиткам, которое свело его в могилу.

В 70-е Сумароков создал лучшие свои комедии («Рогоносец по воображению», «Мать — совместница дочери», «Вздорщица» — все 1772) и трагедии «Дмитрий Самозванец» (1771), «Мстислав» (1774). В комедиях, которые Сумароков начал писать с 1750, сильно обличительно-бытовая струя, в них порой дается дифференцированная речевая характеристика персонажей; в этом смысле они

некоторыми своими чертами предвосхищают комедии Д. И. Фонвизина. Сумароков участвовал как постановщик в работе театра при Московском университете, издал сборники «Сатиры» (1774), «Элегии» (1774). Последователями Сумарокова в литературе были такие значительные поэты и драматурги, как *М. М. Херасков*, *В. И. Майков*, *И. Ф. Богданович*, *Я. Б. Княжнин*, *Н. П. Николаев*.

Соч.: Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. 2-е изд. Ч. 10. М., 1787; Стихотворения. Л., 1953; Избр. произведения. Л., 1957.

И. С.

СУМАРОКОВ Павел Иванович (?—1846), писатель, сенатор. За свои литературные труды был избран членом Российской академии. Кроме журнальных работ, издал отдельно: «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799» (М., 1800), «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» (СПб., 1803—05), «Зеленый корсет», комедия (1805), «Орлы и скворцы», драма, «Модник», «Некоторые рассуждения о Александре Петровиче Сумарокове и начале российского театра» (все изд. в СПб., 1806), драма «Марфа Посадница» (1807), «Черты Екатерины Великой» (1819) и «Прогулка за границу» (1821).

СУМАРОКОВ Панкратий Платонович (14[25].10.1765—1[13].03.1814), журналист, поэт. Внучатый племянник *А. П. Сумарокова*. В 1786 был сослан в Сибирь, откуда вернулся в 1801. Сумароков — активный сотрудник журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрена». В 1793—94 издавал в Тобольске журнал «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная...», где публиковались переводы Вольтера, Ж. Ж. Руссо и др. Произведения Сумарокова — в основном басни и стихотворные сказки — печатались в московских журналах и альманахах (в т. ч. «Аонидах» *Н. М. Карамзина*). Они написаны в традициях сатирической и ироикомиической поэзии русского классицизма.

Соч.: Собрание некоторых сочинений, подражаний и переводов. Ч. 1—2. М., 1799—1808; Стихотворения. СПб., 1832; [Стихотворения] // Поэты начала XIX в. Л., 1961; [то же] // Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX в. Л., 1969; [то же] // Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971.

СУМБАТОВ Василий Александрович (12.12.1893—08.1977), князь, поэт. Родился в С.-Петербурге. Учился в Кадетском корпусе. С 1914 в действующей армии. В 1920 эмигрировал. Поселился в Риме. Работал художником в Ватикане.

Но когда в Ватикане узнали, что он не исповедует католичество, потребовали, чтобы он срочно изменил вероисповедание. Несмотря на то что работа в Ватикане была хорошо оплачиваемой, а семья остро нуждалась, поэт наотрез отказался исполнить предъявленные условия и сохранял приверженность Православию до последнего часа.

Первая книга Сумбатова «Стихотворения» (Мюн-

хен, 1922) включает лирические стихотворения различных жанров и тематики, написанные им в отрочестве (начал писать стихи с 12 лет), в юности и в период первой мировой войны, а также поэму «Без Христа» — с эпиграфом из «Двенадцати» А. Блока. А. М. Ренников писал, что в книге «вылилась бесконечная тоска по покинутой, страдающей родине, духовная боль о ее муках, молитвы о ее возрождении и мечты неясные, но дорогие сердцу о ее прошлом, утраченном ею довольстве и покое» («Новое время». 1922. 8 нояб.). Рецензент подчеркнул, что «автор — любящий Россию русский человек, который всегда, в каком бы чудном краю он ни был, будет думать о родной, русской земле...» (там же). В поэме критик отметил много правдивого, но критиковал за то, что слог и содержание «слишком прозаичны, слишком резки», и сетовал: «...зачем повторять в стихах грубые выражения митингов» (там же). Между тем Сумбатов вслед за Блоком стремился передать дух эпохи, ее нравственно-психологическое состояние. В поле его зрения и настроения воюющих солдат и офицеров, и деятельность революционеров, которые восприняты человеком из толпы как «лихие люди», и грубое самодовольство новых властителей, и споры на религиозные темы, которым сопутствует расправа над священником, пришедшим помолиться над телами офицеров, убитых солдатами. Фронт первой мировой войны и революционная Москва составляют географическое пространство поэмы. Автор заявляет о себе как защитник законности, субординации в армии, но за кипящим речевым морем, как и Блоку, А. Белому, М. Волошину, — открывается ему Христос.

В написанных в 20-е стихотворениях «Мать», «Призрак», «Голубые гусары» поэт выразил чувства вины, боли, сострадания, которые внушала ему Россия. Провиденциальный облик родной страны воплощен в «Призраке» как женская ипостась, «тень отчизны угнетенной».

Она склоняет надо мной
Свою главу в венце терновом,
И виден отблеск неземной
В ее величии суровом.

Упреки родной страны слышит совестливый герой, несмотря на то, что отнюдь не благополучна его эмигрантская жизнь. Бедность и лишения, которые терпят беженцы, кажутся не сопоставимыми с теми страданиями, которые выпали на долю оставленной матери-земли. Ее голос звучит в его ушах даже тогда, когда царствует ночная тишина:

Ты бросил мать среди зыбей
Разбушевавшегося моря,
Ты не делил моих скорбей,
До дна не выпил чаши горя.

Антиномичность русской истории и мучительный путь современной родины сознавались как неизбежность, трагедия, однако не заслоняли любви. Поэт так пояснял строчки «Матери»: «Мать-родина есть (для меня) совокупность всех русских людей с их мыслями, словами и делами; нет человека, который не грешил бы, значит, и совокупность людей не безгрешна. А мешать веру и любовь с кровью — это специфически-русская черта, красной нитью проходящая через всю русскую историю до наших дней. Сколько преступлений было совершено, сколько крови пролито во имя любви к ближним, во имя чистой веры!».

Во втором сборнике (Милан, 1957) немало стихотворений, посвященных христианским праздникам и событиям: «Апрель», «Вербная суббота», «Великим постом». Ю. Трубецкой писал об этом сумбатовском сборнике: «Читая его стихи, невольно вспоминаешь таких поэтов, как Фет, даже Случевский. Иногда поэтов “пушкинской поры”». Последняя книга Сумбатова — «Прозрачная тьма: Стихи разных лет» (Ливорно. Б. и., 1969).

Л. Алексеева

СУМЦОВ Николай Федорович (6[18].04.1854—12.09.1922), малороссийский фольклорист, этнограф, литературовед. Член-корреспондент АН (1905). Родился в Петербурге. В 1875 окончил Харьковский университет.

Фольклорно-этнографические труды Сумцова насыщены богатым фактическим материалом: «О свадебных обрядах, преимущественно русских» (1881), «Хлеб в обрядах и песнях» (1885), «Современная малорусская этнография» (Ч. 1—2, 1892—96), «Діячі українського фольклору» (1910), «Вага і краса української народної поезії» (1910). Из историко-литературных работ выделяются монографии: «Иоанникий Галатовский» (1884), «Иннокентий Гизель» (1884), «Лазарь Баранович» (1885), «Иоанн Вишенский» (1885). Значительный интерес представляют также очерки и статьи об *И. Котляревском*, *Г. Квитке-Основьяненко*, *Ф. Щеголеве*, *Т. Шевченко*, *И. Манжуре*, *И. Франко*, *М. Старицком*. Сумцов изучал также творчество писателей *В. А. Жуковского*, *Н. А. Некрасова*, *Н. В. Гоголя*, *А. С. Пушкина*, *Л. Н. Толстого*. Его «Этюды об А. С. Пушкине» построены в значительной степени на сопоставлении стихов поэта с малороссийской поэзией.

СУРГУЧЕВ Илья Дмитриевич (15[27].02.1881—15.09.1956), писатель. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1907). В 1912 опубликовал свое основное произведение — роман «Губернатор», герой которого, старый боевой генерал, с годами осознает моральное и духовное крушение существующих устоев общества. Сургучеву принадлежат пьесы «Торговый дом» (1913, пост. Александринского театра; 1914, пост. Малого театра) и «Осенние скрипки» (1915, пост. МХТ), повесть «Песни о любви» (1915), рассказы. В 1920 Сургучев эмигрировал. Если до революции одним из излюбленных приемов Сургучева было описание людей путешествующих, то в эмиграции ему на смену приходит странник, обреченный на скитания, но живущий мечтой о возвращении на родину. До 1917 повествователь «чувствовал себя гордым, надменным сыном великой страны», а в эмиграции перед нами человек, чья «Россия ушла в подводное царство, как град Китеж, а то, что осталось, сошло с ума и свое первородство продало за чечевичную похлебку...» («Эмигрантские рассказы». Париж, 1927).

Наиболее значительным из написанного Сургучевым за рубежом являются повести «Детство императора Николая II» (Париж, 1953) и роман «Ротонда» (Париж, 1952). В повести писатель показывает жизнь царской семьи глазами маленького мальчика, взятого во дворец в товарищи к наследнику престола. Через восприятие ребенка передано православное понимание монархии и царя — помазанника Божия.

Соч.: [Сочинения]. Т. 1, 3, 4. Пг.: М., 1915—17; Рассказы. Т. 1—2. Пг., 1910—13; Преддверие. М., 1917; Ванькина молитва. Первый час: Рассказы. М., 1918; Эмигрантские рассказы. Париж, [б. г.]; Губернатор: Повести, рассказы. М., 1987.

СУРИКОВ Иван Захарович (25.03[6.04].1841—24.03[6.05].1880), поэт. Родился в д. Новосёлово Угличского у. Ярославской губ. в семье оброчных крестьян гр. Шереметева. До 8 лет жил в деревне под опекой заботливой бабушки и матери. О деревенском детстве Суриков сохранил самые светлые воспоминания.

Весной 1849 вместе с матерью уехал в Москву к отцу, который завел на Ордынке собственную овощную лавку. Здесь Суриков выучился грамоте у двух сестер-богомолок

из разорившейся купеческой семьи. Старшая из них ввела Сурикова в жизнь святых по книге «Четырех Миней» *Димитрия Ростовского* и «Прологам» — церковно-учительным сборникам, включавшим в свой состав поучения отцов Православной церкви, повести, рассказы и *духовные стихи*, прославляющие жизнь и подвиги родоначальников восточного монашества. Влияние этих книг было столь велико,

что уже 10-летним мальчиком Суриков стал мечтать о «тихой матери-пустыне», об иноческом подвиге. Младшая сестра, напротив, приобщила Сурикова к стихам русских поэтов-песенников: «Стонет сизый голубочек» *И. И. Дмитриева*, «Что ты рано травушка», «Не кукуй, кукушечка, во сыром бору» *Н. Г. Цыганова*, «Чернобровый, черноглазый», «Среди долины ровныя» *А. Ф. Мерзлякова*. Так в мироощущении будущего поэта устное народное творчество в бытовании и литературной обработке слилось с христианскими мотивами в единый и нерасторжимый сплав, явившись первотолчком к сочинению собственных стихов.

Увлечение Сурикова вызвало неудовольствие отца, мечтавшего воспитать себе помощника по торговому делу: «Книжки нам не рука, в попы, в писаря тебе не идти, наши дела не такие! Купцу лишняя книжность дохода не даст, а в мотовство того и гляди введет». Суриков терпеливо выслушивал нарекания отца, но в свободные от службы минуты продолжал читать *А. С. Пушкина*, *М. Ю. Лермонтова*, *А. В. Кольцова*, *И. С. Никитина*, *Н. А. Некрасова*, *Ан. Майкова*, *А. А. Фета* и по-прежнему сочинял стихи.

Во 2-й пол. 1850-х отец Сурикова разорился и для направления дел вернулся в деревню, оставив жену и сына на попечение старшего брата. Суриков определился на должность младшего приказчика в лавке дяди, который попрекал родственников «каждым куском» и держал их в нужде и постоянном унижении.

В 1859 отец Сурикова вернулся в Москву и приобрел новую лавку для торговли железом и углем, опираясь на помощь сына во всех деловых предприятиях. К этому времени у Сурикова собралась целая тетрадь оригинальных стихов, которые в 1860 высоко оценил *А. Н. Плещеев*, заметивший в них «черты самобытности, а главное задушевность и глубокое чувство». Отзыв маститого поэта окрылил Сурикова, но занятия творчеством по-прежнему осложнялись бытовой неустроенностью.

В 1860 Суриков женился на бедной девушке-сироте *М. Н. Ермаковой*, чуткой и самоотверженной, ставшей верным его другом. После смерти матери в 1864 и вторичной женитьбы отца положение Сурикова в родительском доме стало невыносимым. Он вынужден был перебраться на

казенную квартиру и содержать семью случайными заработками: перепиской бумаг, трудом наборщика в типографии. Позже Суриков вернулся в семейную лавку.

На исходе 1860-х Суриков знакомится с писателями — *А. И. Левитовым*, *Ф. Д. Нефедовым*, его стихи появляются в журналах «Дело», «Отечественные записки», «Семья и школа», «Воспитание и обучение». В 1871 выходит первое собрание стихотворений Сурикова, затем издание повторяется в 1875 и 1877. В н. 1870-х Суриков становится организатором литературных сил, заводит переписку с «поэтами русских окраин» и в 1872 собирает и публикует сборник писателей-самоучек «Рассвет».

В 1875, после выхода в свет второго издания собственных стихотворений, по предложению *Ф. И. Буслаева*, подержанному *Ф. Б. Миллером* и *Л. Н. Толстым*, Сурикова принимают в *Общество любителей российской словесности*. Расширяется круг литературных знакомств, возникает замысел журнала, призванного объединить писателей из народа. Однако Суриков получает категорический запрет на это издание в полицейском управлении.

Годы житейских мытарств, неудач, полуголодного существования подрывают здоровье поэта: он заболевает туберкулезом. Предпринятые в 1878—79 попытки лечения не дают желаемых результатов. Суриков умирает в расцвете творческого дарования в 40-летнем возрасте.

Творческий путь Сурикова начинается с непосредственной обработки народных песен («В зеленом саду соловушка», 1863; «Могила», 1864) и с оригинальных стихов, написанных в подражание песням *А. В. Кольцова* («Песня», 1864; «Что ты жизнь мне дала?», «Эх, брат Ваня, Ваня...», оба — 1865). Но вскоре фольклорная и литературная стихии сливаются в органическое единство собственно суриковских песен («Доля бедняка», «Песня», обе — 1866). От стихов Кольцова их отличает тяготение к сюжетной картине, к жанрово-сценическим элементам, к более детализированным и конкретным образам. Появляются новации и в ритмике: наряду с кольцовским пятистопником с ударением на 3-м слоге («Песня-быль», 1879), многие песни Сурикова написаны хореем с ударением на 3, 7, 11-м слогах.

В стихах, где лирическое начало подчинено повествовательному, Суриков близок *И. С. Никитину*. Это рассказы о социальных драмах, житейские истории, пейзажные зарисовки («Горе», 1872; «Покойник», 1875; «Утро», «Нужда», оба — 1864; «Осень... Дождик ведром...», 1866; «Безработный», 1871). Но у Сурикова отсутствует детальная аналитическая разработка сюжета, сохраняется тяготение к песенной обобщенности.

У Некрасова Суриков подхватывает тему подневольного, тяжелого труда («В поле», 1873), мажорные ноты в обращении к привольному деревенскому детству, изображение драматической судьбы каторжника («В остроге», 1875).

Поэтические мотивы лирики Сурикова, в сравнении с его предшественниками Кольцовым и Никитиным, исполнены внутреннего драматизма. Источник его и в тяжелых жизненных обстоятельствах, и в сложных процессах развития народно-крестьянской культуры, являвшейся основой поэзии Сурикова. Кольцов и Никитин формировались на почве классического фольклора, Суриков жил в эпоху, когда устное народное творчество претерпевало необратимые изменения. Суриков не случайно явился создателем литературной формы «городского романа», который зародился в сер. XIX в. в среде крестьян-отходников, мелких торговцев, мещан, ремесленников. В лирике Сурикова изображается жизнь портных, швеек,

сапожников, рабочих, бездомных бродяг, наполненная драматической борьбой за существование в «душных городах» («У могилы матери», 1865; «Умиряющая швейка», 1875; «Тихо тощая лошадка», 1864). Для этих стихов характерна грустная напевность, психологический надрыв, но Суриков не отдается изображению оттенков душевных переживаний. В центре его романсов — сильные и цельные душевные состояния, передающие коллективные настроения городских бедняков. Тот же песенный, обобщенно-эстетический подход наблюдается и в стихах, посвященных крестьянской жизни. Голос поэта в них не индивидуализирован, это голос многих, голос масс, лишь слегка окрашенный индивидуальным лирическим чувством. Фольклоризм Сурикова не сводится к имитации, стилизации, к воспроизведению внешних форм устной народной поэзии. Он органичен, т. к. является частью художественного сознания поэта. Не случайно многие стихи Сурикова стали народными песнями («Рябина», 1864; «В степи», 1865; «Сиротой я росла...», 1867).

В русскую поэзию 2-й пол. XIX в. пришел своеобразный тип поэта, сформировавшегося в магнитном поле взаимоприятий литературы и фольклора. Суриков уже не удовлетворен эстетическими ценностями народной песни, он тянется к «литературной» поэзии, он более, чем Кольцов, открыт ее влияниям, духовно от них не защищен. Но фольклорный тип мышления распространяется у Сурикова и на литературные образцы. Почти все его стихи ориентированы на какой-то текст-прототип в русской или украинской народной песне, в лирике Кольцова, Никитина, Ап. Майкова, Фета, *Тараса Шевченко*. Но многочисленные перепевы Шевченко, напр., лишь условно можно назвать переводами: скорее это вариации на темы известных, подобившихся ему стихов.

Столь же свободно и раскованно относится Суриков к творчеству русских поэтов. Наивная неизбирательность и прямота его поэтических заимствований часто ставили в тупик критическую мысль, упрекавшую его в слепом подражании, эпигонстве. Но «подражательность» Сурикова — в природе его художественного дарования: он творит еще по законам коллективного искусства, распространяя их и на литературную почву. Синтезируя некрасовские и кольцовские традиции, Суриков вслед за Никитиным не чуждается поэтических открытий Майкова и Фета, соединяя различные традиции в пределах одного стихотворения.

При этом в 1870-х творчество Сурикова откликлось на живой художественный запрос. В русской поэзии этого периода разные эстетические «школы», достигнув предельной глубины своего обособленного развития, уже устремляются к синтезу, результаты которого дадут свои плоды в поэзии н. XX в. Сохраняя свойственный фольклору общенациональный масштаб, Суриков с непостижимой для его «вышколенных» современников свободой сватывает в спорящих между собою поэтических направлений связующее их звено. В стихах Сурикова «От деревьев тени» (1868), ориентирующихся на стихотворение Фета «Облаком волнистым», происходит органическое слияние некрасовских и фетовских начал. Если у Фета образ «далекого друга» не конкретизирован, то у Сурикова он по-некрасовски заземлен: это нищий, бедняк, человек из народа. Но в духе народного мироощущения Суриков не связывает нищету лишь с материальной бедностью или богатством. Бедность у Сурикова — разновидность универсального нищенства каждого человека, вчера рожденного, а сегодня обреченного на смерть. А потому в его стихах ощутимо и сугубо христианское

«нищелюбие», и отголосок христианских заповедей блаженства («блаженны нищие духом...»).

В мироощущении Сурикова вообще преобладает аскетический колорит. Даже драматические обстоятельства личной жизни, каторжный труд в пыльной угольной лавке он воспринимает как тяжкий, но и сладостный крест. И в личной жизни, и в поэтическом творчестве Суриков подчеркивает аскетическую суть человеческой жизни, говорит о страдании без гнева, но с чувством недовольства умиления. В стихотворении «Из бедной жизни» (1862 или 1863) изображается жилище бедняков, нищета и нужда. Но и сама убогость обстановки, и страдания больной жены сапожника излучают краткое сияние христианской святости.

Критика часто упрекала Сурикова в однообразии и скудности его тематических мотивов: «Бедность крестьянина, выдача девушки замуж за немилого, притеснение мачехи или мужниной родни, тоскливое недовольство своей долей...» («Дело», 1875. № 8). Муза Сурикова «почти всегда печальна, погружена в тоску». Тема смерти действительно устойчива в лирике Сурикова. Но все стихи, ей посвященные, далеки от безнадежности, пессимизма и уныния. Всякий раз перед ужасом смертного испытания герои Сурикова проявляют завидную стойкость, духовное торжество над смертью, как, напр., в лирической миниатюре «В степи», ставшей популярной народной песней: «Вижу, смерть меня / Зде в степи срзлит, — / Не попомни, друг, / Злых моих обид». *Тургенев* говорил, что русские люди умирают удивительно, ибо в час последнего испытания думают не о себе и жалеют других. Теплая волна такой самозабвенной любви — обращение ямщика к молодой жене: «Пусть о мне она / Не печалится; / С тем, кто по сердцу, / Обвенчается!».

Поэтический пафос лирики Сурикова не в социальном протесте, не в упреках миру, а во внутренней силе человеческого духа, достойно принимающего неизбывное страдание, неотвратимый исход. Беды и несчастья, посещающие мир, лишь оттеняют красоту подвижнического терпения в суриковской «Рябине»: «Нет, нельзя рябинке / К дубу перебраться! / Знать, мне, сиротинке, / Век одной качаться». Не потому ли «Рябина» Сурикова стала общенародной песней в трагические годы Великой Отечественной войны.

Хотя поэзия Сурикова развивается в некрасовском русле, его отношение к Некрасову далеко от ученического: в музу Некрасова, по словам Сурикова, «нет ничего поэтического. Это сухая проза, притом односторонняя и ординарная. Он не уносит нас в обширный мир поэзии и не дает силы, окрыляющей человека». Сурикову-песеннику было чуждо социально-аналитическое начало в лирике Некрасова. Для его христиански настроенной души были неприемлемы некрасовские мотивы «печали и гнева».

Идиллический колорит детской темы в лирике Сурикова связан отнюдь не с ностальгией городского человека по утраченной сельской жизни. За темой социальной и здесь просвечивает евангельское представление о безгрешной душе. Воспоминания детства — это и мечты о святости: не случайно детство соседствует у Сурикова с мудрой старостью, уходящей от грехов мирских в мир духовный. Его старик — или рыбаки, или челоководы, они живут в лесном, отшельническом уединении («Дед Клим», 1879; «В тихом сумраке лампада», 1878—80).

Органичность освоения фольклорных элементов в поэзии Сурикова достигается там, где формулы фольклорной поэтики начинают определять художественную мысль произведения. Иногда все стихотворение строится как цикл взаимосвязанных образов-символов, восходящих к фольклору. Такова «Малороссийская песня» (1870), где

судьба крестьянки последовательно соотносится со скошенной травой, срезанной пшеницей, сломанной калиной. Лирическая разработка фольклорных формул встречается в стихах «Жизнь» (1875), «Во тьме» (1875), «Где вы, песни светлой доли...» (1876), «Два образа» (1875) и мн. др.

Особое место в поэтическом творчестве Сурикова занимает исторический эпос: переложение былинных мотивов («Садко в Новгороде», 1871; «Садко у морского царя», 1872; «Богатырская жена», 1875), поэмы и баллады на сюжеты русской истории («Василько», 1876; «Казнь Стеньки Разина», 1877).

Стихи Сурикова неоднократно привлекали внимание русских композиторов: романсы А. Г. Гречанинова («В зареве огнистом»), Ц. А. Кюи («Засветилась вдали, загорелась заря»), А. П. Бородин («Не грусти, что листья с дерева вальтятся»), Н. А. Римского-Корсакова и А. С. Даргомыжского («Лихорадушка»), П. И. Чайковского («Я ли в поле да не травушка была», «Солнце утомилось», «Ласточка», «Рассвет», «В огороде, возле броду»). Многие песни Сурикова стали народными, и среди них особенно популярны «Рябина», впервые записанная О. В. Ковалевой в 1938 от ивановских ткачих и музыкально обработанная А. В. Свешниковым, а также народная песня «Степь да степь кругом».

Соч.: Стихотворения. М., 1881; Стихотворения. М., 1884; Песни. Былины. Лирика. Письма. М., 1927; Собр. стихотв. Л., 1951; И. З. Суриков и поэты-суриковцы. М.; Л., 1966.

Лит.: Яцмирский А. И. Первый кружок писателей «из народа» // Исторический вестник. 1910, кн. 4; Бруснянин В. Поэты-крестьяне: Суриков и Дрожжин. Пг., 1915; Друг народа. 1916. № 1; Пряжков А. Встречи моего современника // Писатели из народа. Ярославль, 1958; Лосев П. Песни поэта. Иван Захарович Суриков. Ярославль, 1966; Скотов Н. Н. Поэты некрасовской школы. Л., 1968; Корепова К. Е. Крестьянские писатели // Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. Л., 1982; Неженец Н. И. Поэзия И. З. Сурикова. М., 1979.

Ю. Лебедев

СУРИКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ КРУЖОК, литературное объединение писателей-самоучек из народа в Москве. Начало кружку положил сборник «Рассвет» (1872), подготовленный по инициативе И. З. Сурикова. В сборник вошли стихи А. Я. Бакулина (1813—94) — деда В. Я. Брюсова, С. А. Григорьева (1839—74), С. Я. Дерунова (1831—1909), Д. Е. Жарова (1845—74), М. А. Козырева (1852—1912), Е. И. Назарова, А. Е. Разоренова (1819—91) — автора популярной песни «Не брани меня, родная», И. Д. Родионова (1852—81), И. Е. Тарусина (1834—85). После смерти Сурикова продолжали возникать кружки писателей из народа, участвовавших в литературных сборниках «Думы» (1895), «Грезы» (1896). В н. 1900-х возник «Московский товарищеский кружок писателей из народа». Позже подобные кружки появились и в др. городах. Поэты-суриковцы были авторами сборников: «Родные звуки» (1889 и 1891), «Нужды» (1897), «Малое великое» (1902), посвященные Н. В. Гоголю, В. А. Жуковскому и М. Н. Загоскину, «Литературный сборник памяти Н. А. Некрасова» (1903), «К заветной цели!» (1904) и др. С 1903 разрозненные кружки писателей из народа стали объединяться в «Суриковский литературно-музыкальный кружок», цель которого, согласно уставу, утвержденному 28 мая 1905, — объединить писателей, певцов, музыкантов из народа для выявления и развития творческих талантов. Состав кружка не был однородным; в него входили представители разных творческих и политических направлений. С инициативой кружка связано издание журналов «Народная мысль» (1911), «Остряк» (1909—14), «Балагур»

(1910—14), «Рожок» (1910), газет «Молодая воля» (1907), «Доля бедняка» (1909—14), «Простое слово» (1907), «Простая жизнь» (1907) и др., сборников «Галерея современных поэтов» (1909), «Старый дуб» (1910), «Чернозем» (Вып. 1—2, 1918—19) и др. (всего ок. 40 литературных сборников). Создавая преимущественно лирические стихи и песни, они устраивали литературно-музыкальные вечера, в которых участвовал хор М. Е. Пятницкого. В 900-е в деятельности «Суриковского литературно-музыкального кружка» включились поэты С. Д. Дрожжин, М. Л. Леонов (отец Л. М. Леонова), Ф. С. Шкулев, Е. Е. Нечаев, П. В. Орешин и др.; с ним связано начало творческого пути С. А. Есенина, С. А. Обрадовича.

К 1912 выделилась группа писателей (А. В. Белозеров, И. И. Морозов, С. Д. Фомин, А. П. Чапыгин, А. В. Ширяевец и др.), организовавшая издательство «Дружба». В 1921 суриковцы организовали Всероссийский союз писателей (с 1925 — Всероссийское общество крестьянских писателей). Меньшая их часть, однако, оставалась в кружке до 1933.

Изд.: И. З. Суриков и поэты-суриковцы. М.; Л., 1966; Живые голоса. Лит. страницы прошлого. Ярославль, 1971.

СУРКОВ Алексей Александрович (1[13].10.1899—14.06.1983), поэт, общественный деятель. Родился в д. Середнево, ныне Рыбинского р-на Ярославской обл. С 12 лет Сушков служил «в людях» в Петербурге.

Первые стихи Суркова напечатаны в 1918 в петроградской «Красной газете», но подлинным началом своей поэтической деятельности он считал 1930, когда вышел первый сборник стихов «Запев», а затем сборники — «Стихи» и «На подступах к песне» (1931), «Наступление» (1932), «Последняя война» (1933), «Ревесники» (1934), «Родина мужественных» (1935), «Путем песни» (1937), «Так мы росли» (1940). В 1939—45 Сурков — военный корреспондент, участник освободительного похода в Западную Белоруссию, войны с Финляндией, затем — Великой Отечественной войны. Его «Декабрьский дневник» (1940), запечатлевший трудности суровой зимней кампании и «лица походных друзей», послужил как бы подступом к стихам, написанным в годы Великой Отечественной войны: сборники «Декабрь под Москвой» (1942), «Я пою победу» (1946), «Дороги ведут на Запад» (1942), «Наступление» (1943), «Солдатское сердце» (1943), «Россия карающая» (1944). Освободясь от некоторого недоверия к лирике, Сурков сумел проникновенно выразить общенародные чувства гнева, ненависти, горя, порыв к победе и солдатскую тоску по дому. Особенную популярность приобрели его песни «Бьет в тесной печурке огонь...», «Песня смелых» (1941) и ряд стихотворений, отмеченных в 1946 Сталинской премией. Суровость тона, скупость красок сплавлены в них с высоким лиризмом. Сурков принимал также участие в создании стихотворных фельетонов о смелых, удачливых русских бойцах Васе Гранаткине (армейская газета «Героический поход», 1939—40) и Грише Танкине (газета За-

падного фронта «Красноармейская правда», 1941—42), написал книгу очерков «Огни Большого Урала. Письма о советском тыле» (1944) и др.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—4. М., 1965—66; После войны. Стихи 1945—70 годов. М., 1972.

СУРОВЕЦ-БОГАТЫРЬ, персонаж русских *былин*, для объяснения имени которого предлагается город Сурож (ныне Судак) и старый термин «гость сурожанин», т. е. купец, торгующий преимущественно шелковыми товарами. В былинах к имени Суровца присоединяется имя «Суздалец», что, вероятно, является позднейшей вставкой. В былинах о Суровце рассказывается, как молодой богатырь, выехавший на полеванье, побивает татарскую рать.

СУХАНОВ Михаил Дмитриевич (1801 или 1802 — апр. 1843), поэт. Родился в д. Славянская Архангельской губ. в крестьянской семье; грамотой овладел самоучкой. В 1824 переехал в Петербург. Литературой занялся под покровительством Ф. В. Булгарина, А. С. Шишкова и президента Петербургской Академии наук Б. М. Федорова. Первый сборник Суханова «Басни, песни и разные стихотворения» (1828) удостоен серебряной медали Петербургской Академии наук. Во время служебных поездок в качестве поверенного по откупам в Ярославской губ. Суханов записывал произведения устной народной поэзии и через несколько лет выпустил сборник «Древние русские стихотворения, служащие дополнением к Кирше Данилову» (1840).

Соч.: Мои сельские досуги. Пб., 1836; Стихотворения // Песни рус. поэтов (XVIII — 1-я пол. XIX в.). Л., 1936; Басни и песни. Архангельск, 1963.

СУХОВО-КОБЫЛИН Александр Васильевич (17[29].09.1817—11[24].03.1903), писатель. Родился в Москве в старинной дворянской семье. В 1834—38 учился на философском факультете (физико-математическое отделение) Московского университета. В студенческие годы увлекался театром. Был дружен с К. С. Аксаковым. В 1838—42 изучал философию в Гейдельбергском и Берлинском университетах; проявил интерес к философии Гегеля, сохранившийся на всю жизнь. В 1850 был заподозрен в убийстве своей любовницы Луизы Симон-Деманш, 7 лет находился под следствием и судом, дважды подвергался тюремному заключению. Хотя следствие не имело доказательств вины Сухово-Кобылина, во время судебного процесса он вынужден был откупаться от вымогателей чиновников огромными взятками. В итоге дело было прекращено, но светская молва на протяжении всей жизни писателя приписывала ему это преступление.

В 1852—54 написана первая пьеса Сухово-Кобылина — комедия «Свадьба Кречинского». Основная тема ее — моральная деградация дворянства. Духовная пустота и цинизм наглого прожигателя жизни Кречинского оттенены его смелостью, находчивостью, азартом игрока. В системе образов комедии Кречинский связан, с одной стороны, с

«высшим обществом», от имени которого он выступает в семействе Муромских, а с др. — с лишенным малейших признаков порядочности Расплюевым. Роли положительных персонажей — старика Муромского и Нелькина — написаны сравнительно бледно, фигуры же Кречинского и Расплюева относятся к замечательным созданиям русской комедиографии. Имя Расплюева «...сделалось... нарицательным» (Боборыкин П. За полвека. М.; Л., 1929). Суть расплюевщины — беззастенчивость порока, естественного цинизма, «благодушие зла». «Свадьба Кречинского», бывшая (недолго) под цензурным запретом, появилась на сцене в 1855 в Малом театре. На протяжении 2-й пол. XIX в. комедия почти не сходилась со столичной сцены, ставилась и в провинциальных театрах. «Кречинский, — замечал Сухово-Кобылин в предисловии к драме «Дело», — ...правит службу на русской сцене, службу, которая вместе есть и его суд».

В 1856—61 Сухово-Кобылин работал над сатирической драмой «Дело» (опубл. в Лейпциге в 1861, тираж 25 экз.). В ней воспроизведены многие детали судебного процесса Сухово-Кобылина, и потому автор в предисловии к пьесе предупреждал, что она представляет собой «сущее из самой реальной жизни с кровью вырванное дело». Из «Свадьбы Кречинского» в новую пьесу перешли некоторые прежние персонажи: Муромский, Лидочка, Атуева, Нелькин. Но если раньше их противником был одинокий светский авантюрист и циничный охотник за богатым приданым, то в «Деле» честному семейству противостоит всемогущая бюрократическая машина. Пьеса обличала чиновничью систему — от министра до писаря. Беспомощность «частных лиц» в этом царстве произвола очевидна. Безысходность основной драматической ситуации определила жанровую природу пьесы. В отличие от «Свадьбы Кречинского», «Дело» не сатирическая комедия, но сатирическая драма; на смену веселому комизму и стремительности развития интриги пришла полная горечи саркастическая интонация, мрачная медлительность движения сюжета. Центральные фигуры «Дела» — Варравин и Тарелкин — искусно оттеняют друг друга. Варравин — вымогатель опытный и жестокий, Тарелкин — менее уверенный, но более жадный, бесстыдный в своем хищничестве. С надменностью и силой Варравина контрастирует трусливость и одновременно наглость Тарелкина. Остальные представители «армии чиновников», от возглавляющего департамент «Весьма важного лица» до «колес, шкивов и шестерен бюрократии», дополняют целым спектром оттенков общую картину коррупции и грабительства. Смерть Муромского придает финалу пьесы трагический характер. Цензура не пропускала пьесу на сцену более 20 лет, позднее она шла с купюрами под названием «Отжитое время».

В 1869 Сухово-Кобылин завершил заключительную пьесу трилогии — «Смерть Тарелкина». С двумя предыдущими ее связывали фигуры Расплюева, Тарелкина, Варравина. Но по теме и жанру «Смерть Тарелкина» сильно от них отличалась. Это была первая в русской драматургии пьеса, где объектом сатирического обличения стала полиция. Сухово-Кобылин вторгся в тайную сферу, которая до него оставалась неприкасаемой. Он изобразил картины полицейского произвола и полного бесправия перед ним лиц всех сословий и званий. То обстоятельство, что в мире откровенного грабежа на видном месте оказался старый Расплюев, явилось находкой автора. Биография беззастенчивого негодя закономерно увенчивалась должностью квартального надзирателя, мечтающего «всякого подвергнуть аресту», «учинить в отечестве нашем проверку всех

лиц: кто они таковы?». В «Смерти Тарелкина» сатира Сухова-Кобылина обрела гротескные формы. Имитация Тарелкиным собственной смерти дала автору возможность смешений комического и трагического, внезапных поворотов действия от повседневных подробностей бытия к фантазмагорическим сдвигам в сферы почти ирреальные. Пользуясь приемами площадного фарса, Сухова-Кобылин создает впечатление крайней бесправности человека в условиях полицейского произвола. Завязав в стенах полицейского участка борьбу между самими вымогателями, Сухова-Кобылин виртуозно ставит персонажей в положения, когда они оказываются разоблачителями и собственными пороками и пороком слоя, их породившего. Смех в этом трагикомическом фарсе звучит зловеще, в нем слышны боль и отчаяние. Цензура запрещала «Смерть Тарелкина» более 30 лет. Только в 1900 в искаженном и урезанном виде под названием «Расплюевские веселые дни» пьеса сыграна в Суворинском театре в Петербурге. В драматургии Сухова-Кобылина наиболее последовательно развита гоголевская традиция. Изучение рукописей Сухова-Кобылина показало, что Тарелкин сперва именовался Хлестаковым, а пьеса «Смерть Тарелкина» имела название «Хлестаков, или Долги». Творчество Сухова-Кобылина высоко ценил *М. Е. Салтыков-Щедрин*, который в «Письмах к тетеньке» продолжил «жизнеописание» Расплюева. В н. XX в. *А. А. Блок* с восхищением отзывался о Сухова-Кобылине, «...неожиданно и чудно соединившем в себе Островского с Лермонтовым».

После завершения трилогии Сухова-Кобылин занялся философией: переводил Гегеля, писал собственную «философию Всемира». Эти труды сохранились в рукописях, как и 2 сатирических памфлета, для сцены не предназначавшихся: «Квартет» и «Торжественное соглашение батюшки с миром».

Соч.: Картины прошедшего. М., 1869; Трилогия. М.; Л., 1927; Трилогия. М. 1966; Квартет // Ежегодник ин-та истории искусств. Театр. М., 1955.

К. Р.

СУХОМЛИНОВ Михаил Иванович (29.02[12.03].1828—8[21].06.1901), филолог. Академик (1872), с 1899 — председатель 2-го Отделения Петербургской Академии наук и учрежденного при ней (усилиями самого Сухомлинова) разряда изящной словесности. Учился на историко-филологическом факультете Харьковского университета (1842—48), где был учеником *И. И. Срезневского*. Магистерская диссертация — «Взгляд на исторический ход русской драмы» (1850). С 1860 профессор Петербургского университета по кафедре русской словесности, читал курсы теории языка, древнерусской литературы, источниковедения. В докторской диссертации «О древней русской летописи как памятнике литературном» (1856) впервые обратил внимание на литературное значение летописей. Среди др. работ о древнерусской литературе издал сочинения *Кирилла Туровского* с исследованием о нем (1858). В 60-е Сухомлинов опубликовал очерки о *М. В. Ломоносове*, *Н. И. Новикове*, *А. С. Пушкине*, *Н. В. Гоголе*, *славянофилах*. 8-томный труд Сухомлинова «История Российской академии» (1874—88) прослеживает развитие филологических знаний в XVIII в. и первых десятилетиях XIX в. в связи с развитием русской литературы и общества. Издал также «Материалы для истории императорской Академии наук» (Т. 1—10, 1885—1900) — систематическое собрание более 8000 архивных документов. С 1887 предпринял академическое издание

сочинений Ломоносова (подготовил т. 1—5, 1891—1902; т. 6—8 вышли в 1934—48).

Труды Сухомлинова, ярко выраженного представителя академического литературоведения, тяготеющего к сравнительно-историческому методу, отличаются богатством фактических данных, широким охватом документов и первоисточников, критицизмом и осторожностью в выводах. Сухомлинов создал школу исследователей-филологов (*И. Н. Жданов*, *Л. Н. Майков*, *В. В. Сиповский* и др.).

Соч.: О трудах по истории рус. лит-ры // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. № 8; *И. С. Тургенев*. СПб., 1884; Исследования и статья по рус. лит-ре и просвещению. Т. 1—2. СПб., 1889; *А. С. Кайсаров* и его лит. друзья. СПб., 1897 (Сб. Отд. Русского языка и словесности АН. Т. 65. № 5); Исследования по древней рус. лит-ре. СПб., 1908 (Сб. Отд. Русского языка и словесности АН. Т. 85. № 1).

А. Г.

СУШКОВ Николай Васильевич (15[26].11.1796—7[19].07.1871), писатель и издатель. Родился в дворянской семье. Печатался с 1814 (стихи, рецензии). В бенефисы известных актеров ставились пьесы Сушкова «Комедия без свадьбы» (1849), «Движущиеся столы» (1853), «Современные вопросы и женихи всех времен» (1858) и др. В 1855 выпустил сборник стихов «Книга печалей», в 1858 — книгу «Московский университетский благородный пансион...». В 1851—54 Сушков с благотворительной целью издал 3 сборника «Раут», в которых наряду с ценными историческими документами были помещены произведения многих русских писателей. В книге 3 «Раута» были опубликованы воспоминания Сушкова «Обоз к потомству с книгами и рукописями».

«СЫН ОТЕЧЕСТВА», исторический, политический и литературный журнал, созданный в Петербурге в сент. 1812. Основатель и редактор-издатель — *Н. И. Греч*. До 1825 выходил еженедельно, затем периодичность журнала менялась. При своем возникновении «Сын Отечества» имел целью мобилизацию общественного мнения на борьбу с нашествием Наполеона; редакция получила разрешение на значительное расширение политической информации и литературной пропаганды. Журнал напечатал «Послание к русским» *А. П. Кунянина* и «Освобождение Швеции от тиранства Христиана II, короля датского» *И. К. Кайданова*. Этой цели отвечали и патриотические басни *И. А. Крылова*, опубликованные в «Сыне Отечества» («Волк на псарне», «Обоз», «Ворона и курица»), карикатуры художников *А. Г. Венецианова* и *И. И. Тербенева* на Наполеона и его армию, а также переводы «Гласа истины» *Э. М. Арндта*, «Вступления в историю освобождения Соединенных Нидерландов» *Ф. Шиллера*. В 1815—25 печатались стихи *К. Н. Батюшкова*, *В. А. Жуковского*, *А. С. Пушкина*, *Д. В. Давыдова*, *Е. А. Баратынского*, *А. А. Дельвига*, критические статьи *Н. И. Гнедича*, *А. С. Грибоедова*, *П. А. Вяземского*, *Д. В. Веневитинова*, *О. М. Сомова* и др.

С 1825 «Сын Отечества» реорганизован в двухнедельник, выходивший под редакцией *Греча* и *Ф. В. Булгарина*. В 1829 слился с журналом Булгарина «Северный архив» и выходил под названием «Сын Отечества и Северный архив». С 1838 «Сын отечества» приобрел *А. Ф. Смирдин*, поручивший издание *Н. А. Полевому*; в 1841 редактор *О. И. Сенковский*, в 1842—44 — *К. П. Масальский*. В эти годы «Сын отечества» полемизирует с *М. Ю. Лермонтовым*, *Н. В. Гоголем*, писателями *натуральной школы*. С сер. 1844 по 1846 «Сын Отечества» вовсе не выходил, в 1847—52 издавался под ред. *К. П. Масальского*.

СЫТИН Иван Дмитриевич (24.01[5.02].1851—23.11.1934), издатель и книготорговец. Родился в с. Гнездиново Солигаличского у. Костромской губ. Сын волостного писаря. В юности работал в Москве в книжной лавке П. Н. Шарапова. Самостоятельная издательская деятельность Сытина начинается с 1876, с момента приобретения литографии для печатания гл. обр. лубочных картинок, широко распространившихся особенно в крестьянской среде. Лубочные картинки включали сюжеты на религиозные темы, портреты царей, иллюстрации к сказкам, песням, в т. ч. к известным произведениям *А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова*. Во время русско-турецкой войны (1877—78) Сытин стал издавать также дешевые книжки, рассчитанные гл. обр. на деревенского читателя. В 1884—85 Сытин начал работать с *Л. Н. Толстым* и *В. Г. Чертковым* для их издательства «Посредник», которое ставило своей целью выпуск дешевых книг для народа; эти книги, выходившие в типографии Сытина, имели просветительское значение. В то же время Сытин продолжал выпускать не только лубочную продукцию, но и «сонники», «гадальные» книжки и др.

В 90-х, расширив издательскую фирму «Товарищество Сытин и К^о», организованную в 1883, Сытин становится крупным книгоиздателем; он выпускает учебники, популярные пособия по разным отраслям знания, детские книги, «Библиотеку для самообразования», редакторами которой была группа профессоров Московского университета. Важной заслугой Сытина был выпуск дешевых изданий — собраний

сочинений классиков, в т. ч. *А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова*. Из подарочных изданий особый интерес представляет 3-томное издание «Войны и мира» Толстого (1912). Сытин первым проявил инициативу выпуска энциклопедий: «Народная энциклопедия научных и прикладных знаний» (1910—12, т. 1—14); «Военная энциклопедия» (1911—15, т. 1—18); «Детская энциклопедия» (1913—14, т. 1—10). Выпускал массовыми тиражами книжные каталоги. В 1891 Сытин приобрел и продолжал издание еженедельного популярного журнала «Вокруг света»; его тираж был доведен Сытиным до 50 тыс. экз. С 1897 Сытин начал издавать газету «Русское слово», тираж которой достиг 1 млн экз.

В н. XX в. издательство Сытина, непрерывно разрастаясь, поглощало конкурирующие издательства (напр., издательство *А. Ф. Маркса*); оно имело книжные магазины во многих городах. О своей жизни и издательской деятельности Сытин рассказал в автобиографическом труде «Жизнь для книги» (изд. 1960).

Лит.: Очерк издат. деятельности товарищества И. Д. Сытина. М., 1900; Очерк издат. деятельности товарищества И. Д. Сытина. М., 1910; Полвека для книги. Лит.-худож. сборник, посвященный 50-летию издат. деятельности И. Д. Сытина (1866—1916). М., 1916; *Кацпржак Е. И.* История книги. М., 1964; 400 лет русского книгопечатания (1564—1964). Т. 2. М., 1964; *Коницев К.* Русский самородок. Повесть о Сытине. Л., 1966.

Т

ТАРКОВСКИЙ Арсений Александрович (12[25].06.1907—27.05.1989), поэт, переводчик. Родился в Елисаветграде. К поэзии приобщился с ранних лет, посещая с отцом гастрольные вечера *Ф. Сологуба, К. Бальмонта, Игоря Северянина*.

Судьба Тарковского-поэта сложилась уникально. Первые стихи он опубликовал в 1926 в студенческом сборнике, но как оригинальный поэт предстал перед читателями лишь в 1962. Его книги «Перед снегом» (1962) и «Земле — земное» (1966) стали литературным событием, а вошедшие туда стихи четырех предшествующих десятилетий — явлением современности. Как новаторский был воспринят и сборник «Вестник» (1969), вобравший лирику предыдущих книг и дополненный более ранними и более поздними стихами. В дальнейшем только сборник «Зимний день» (1989) добавит новые произведения в творческое наследие Тарковского, а вышедшие при его жизни «Волшебные горы» (Тбилиси, 1978), «От юности до старости» (1987), «Быть самим собой» (1987) и др. окажутся лишь книгами избранного.

В лирике поэтическая тематика весьма устойчива. Это стихи о времени и бессмертии («Только грядущее», «Жизнь, жизнь», «Зуммер»), об истории и мировой культуре («Анжело Секки», «Пауль Клее», «Феофан Грек», «Григорий Сковорода» — и «Петровские казни», «Конный рейд», «Юродивый в 1918»); это космические мотивы («Телец, Орион, Большой Пес», «Посередине мира») и в их контексте стихи о войне («Песня под пулями», «Иванова ива»); это стихи о природе («Деревья», «Степная дудка», «Я учился траве, открывая тетрадь»), об искусстве («Слово», «Словарь», «Рифма»). Однако все эти темы переходят одна в другую и в конечном счете обретают равноправие в общей картине мира, где важнейшими поэтическими категориями оказываются «память» и «судьба». «Что сделал я с высокою судьбою, / О, Боже мой, что сделал я с собою!» — эти слова выделены в стихотворении «25 июня 1939» курсивом. Отношения с судьбой у поэта двойственны. Она может идти

по следу, «как сумасшедший с бритвою в руке» («Первые свидания») — и оставаться «высокой». Главное — «угадать» себя до конца, когда «отыскан угол зренья» («Стань самим собой»). Отсюда — трагическая напряженность, противоречие: «пророческая власть» поэта — и его зависимость от судьбы. В стихотворении «Суббота, 21 июня» сквозь пережитое, выстраданное и осознанное поэт возвращается в предвоенный день, чтобы стать вестником грядущего, предостеречь от потерь и горя. Но... «Я говорю — не слушают, не слышат, / Несут цветы, субботним ветром дышат, / Уходят, пропусков не выдают, / В домашний возвращаются уют... / Я все забыл. В окне еще светло, / И накрест не заклеено стекло». То же — в стихотворении о творчестве: «Откуда наша власть? Откуда / Все тот же камень на пути? / Иль новый Бог, творящий чудо, / Не может сам себя спасти?» («Камень на пути»). Постоянно обращаясь к прошлому, верша «суд памяти», поэт не принимает ограниченной возможности слова и личного поступка: он претендует на абсолютную духовную власть («Слово — только оболочка, / Пленка жребиев людских»), и в этом единстве с вековечным опытом поэт всемогущ. Но он и уязвим: «На тебя любая строчка / Точит нож в стихах твоих».

При таком максимализме понятно постоянное обращение Тарковского к цельному образу мироздания, хотя было бы ошибкой считать его поэтом натурфилософского склада типа *Н. Заболоцкого*. Стихия природы и стихия слова для него почти тождественны: жажда жизни, пробивающая омертвевшую кору, — проявление той же силы, что дарует поэтам «и в могилах звучащую речь». Однако искусство остается главенствующим в мире Тарковского, и даже одно из самых «натурфилософских» его стихотворений — «Посередине мира», с инфузориями и мириадами звезд, возвращает нас к истории, к словесности («Я Нестор, летописец мезозоя, / Времен грядущих я Иеремия...»). При всей тяге к земле, к ее первобытной очистительной мощи Тарковский не растворяется в просторах и глубинах природы. Поэт читает «звездный каталог», всматриваясь в «архитектуру ночи», провозглашает самым ценным «корневую подземную часть», утверждает, что «всего дороже в мире / Звезды, птицы и трава». Но в общем контексте ясно, что слово все-таки ему еще дороже, все-таки «рифмы влажное биенье» не уступает природному величию. «Державу природы / Я должен рассечь / На песню и воды, / На сушу и речь. // И, хлеба земного / Отведав, пройти / В свечении слова / К началу пути» («И я ниоткуда...»). Поэт именно

«рассекает» природу, утверждая то преобразующее начало в человеке, что возвышает его над судьбой.

Описания Тарковского, как правило, подвижны, угол зрения постоянно меняется, даже в неторопливых стихах антологического характера. Коротенькую «Охоту», напр. (написанную, кстати, после ранения), он открывает, глядя на мир глазами затравленного оленя («Охота кончается. / Меня затравили. / Борзая висит у меня на бедре...»), но сразу же возникает иное «я» — самого автора, пристально вглядывающегося со стороны («Вижу я тусклое око с какой-то налипшей травинкой...»), а завершает сцену емкая фраза — то ли бесстрастная констатация, то ли вспышка меркнувшего сознания («Ноги свяжут и шест проденут, вскинут на плечи...»). И размер вибрирует от строгого гекзаметра до *верлибра*. А в неожиданных, но точных уподоблениях Тарковского слово как будто рождается из жеста, из самого предмета. Плеск ручьев оказывается похожим «на объяснение в любви глухонемых», на страницах ненаписанных книг оживает круглый язык круглого яблока, и поэт без страха смотрит вперед, где ждет его рифма, подобная плахе. Подчеркивая родство своей художественной манеры с методом Ван-Гога, Тарковский определил ее как «грубость ангела».

Поэзия Тарковского занимает в русской поэзии своеобразное место. Тарковский, ориентируясь на высокие образцы *М. Цветаевой*, *А. Ахматовой*, сумел донести до нас в условиях жесткого эстетического диктата традиции Серебряного века в целом, придав им неповторимое индивидуальное преломление.

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. М., 1991—93; Избранное. М., 1982; Стихи разных лет. М., 1983; Звезды над Арагацем. Ереван, 1989; Благословенный свет. СПб., 1993.

Г. Филипов

ТВАРДОВСКИЙ Александр Трифонович (8[21].06.1910—18.12.1971), поэт. Родился на хуторе Загорье, ныне Починковский р-н Смоленской обл. Сын сельского кузнеца. Учился в Смоленском педагогическом институте; в 1939

окончил Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ). Писать стихи начал с раннего детства; с 1924 — печатал в местных газетах корреспонденции, стихи, очерки. Судьба русского крестьянина в 20—30-е — тема первых поэм Твардовского — с наибольшей художественной силой воплотилась в поэме «Страна Муравия» (1936; Сталинская премия 1941). Ее герой Никита Моргунок не только наблюдает во время своих странствий картину «великого перелома», но и сам воплощает драму расставания с прежними надеждами и иллюзиями. В стиле поэмы своеобразно преломилась символика и гиперболизм *сказки*; ее язык богат образами, идущими от восприятия мира крестьянином. В лирике 30-х (сборники «Сельская хроника», 1939; «Загорье», 1941, и др.) Твардовский стремился уловить изменения в характерах людей русской деревни, выразить владевшие ими чувства. Участие в советско-финской войне 1939—40 в качестве корреспондента военной печати подго-

товило обращение Твардовского к теме советского воина: цикл стихов «В снегах Финляндии» (1939—40), прозаические записки «С карельского перешейка» (опубл. 1969). Во время Великой Отечественной войны 1941—45 Твардовский работал во фронтовых газетах, публикуя в них стихи («Фронтовая хроника») и очерки. В поэме «Василий Теркин (Книга про бойца)» (1941—45, Сталинская премия 1946) фольклорная фигура бойкого, бывалого солдата претворена в эпически емкий образ, воплотивший глубину, значительность, многообразие мыслей и чувств т. н. рядовых, русских людей военного времени. Богатству натуры героя отвечает гибкость избранного поэтом жанра; картины, исполненные огромного трагизма, перемежаются проникновенными лирическими отступлениями или лукавой, сердечной шуткой. «Это поистине редкая книга, — писал *И. А. Бунин*. — Какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой материальный народный солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова!» Ярко выразившая нравственные идеалы русского народа, книга получила всенародную известность, вызвала многочисленные подражания, стихотворные «продолжения».

В послевоенные годы Твардовский все глубже и разностороннее осмысливает исторические судьбы народа, «мир большой и трудный». В поэме «Дом у дороги» (1946; Сталинская премия 1947) с огромной трагической силой изображена судьба солдата и его семьи, угнанной в Германию. Образ Анны, картины ее горького материнства на чужбине достигают большой силы обобщения, символизируя непобедимость жизни в ее борьбе с насилием, смертью. Осознанию всей меры жертв и подвигов народа посвящены и многие из послевоенных стихотворений Твардовского: «Я убит подо Ржевом», «В тот день, когда окончилась война» и др. Широким по охвату лирико-публицистическим произведением явилась поэма Твардовского «За далью — даль» (1953—60), где путевой дневник перерастает в страстную исповедь сына века. Книга Твардовского многосторонне и многокрасочно отразила общественные умонастроения 50-х. Стремясь рельефно показать современный облик народа, Твардовский искусно чередует «общие» и «крупные» планы; так, рядом с главами о больших событиях и переменах в жизни страны («На Ангаре», «Так это было») стоят главы «Друг детства» и «Москва в пути» — рассказы о судьбах отдельных людей, каждый из которых — частичка народа, великого потока истории. Но основную «партию» в книге ведет сам автор, который поверяет читателю волнующие его мысли и чувства. В сатирической поэме «Теркин на том свете» (1963), по словам самого автора, представлены «...в сатирических красках те черты нашей действительности — косность, бюрократизм, формализм, — которые мешают нашему продвижению вперед...». Приемами лирической летописи, с большой глубиной и драматической силой запечатлевшей перемены в жизни народа, вечный и всегда по-новому осмысливаемый круговорот природы и многообразные состояния человеческой души, характеризуются сборники «Стихи из записной книжки» (1961) и «Из лирики этих лет. 1959—67», цикл «Из новых стихотворений» («Новый мир». 1969. № 1). Напряженные раздумья о жизни, времени, людях характерны и для прозы Твардовского (книга «Родина и чужбина», 1947; рассказ «Печники», 1958, и др.); в ней особенно отчетливо выступает свойственная Твардовскому обостренность восприятия действительности в мозаичности и нередко противоречивости ее проявлений.

Народность и доступность поэзии Твардовского, правдиво и страстно запечатлевшей многие ключевые события народной истории, достигаются богатыми и разнообразными художественными средствами. Простой народный слог органически сплавлен в поэзии Твардовского с высокой языковой культурой, идущей от традиций *А. С. Пушкина* и *Н. А. Некрасова*, лучших достижений русской прозы XIX—XX вв.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—5. М., 1966—71; Стихотворения. Поэмы / Вступ. ст. и прим. А. Македонова. М., 1971; О литературе. М., 1973; Василий Теркин. Книга про бойца. М., 1976.

А. Т.

ТВЕРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, с к. XIII в. в Твери ведется своя летопись, создаются произведения житийной литературы. Особенно усилилась роль Твери в период борьбы Василия II с Дмитрием Шемякой (1-я пол. XV в.). На этот период падает культурный расцвет Тверского княжества, судить о котором помогает послание *Епифания Премудрого* к игумену тверского Афанасиевского монастыря Кириллу (ок. 1415), в котором дается высокая оценка духовной, видимо, преимущественно монастырской среды. К н. XV в. относится «*Житие князя Михаила Александровича Тверского*», который не был официально канонизирован Русской церковью. В нем прославлялись подвиги князя, подчеркивалось политическое значение Тверского княжества. К житию по своим художественным особенностям близка летописная «*Повесть о Плаве*», рассказывающая о столкновении московской и тверской рати с литовским войском в к. 1407. В повести подчеркивается недовольство тверских князей поступками Василия I, который в грамоте написал имя вел. князя Тверского после имен своих братьев — удельных князей.

В это же время перерабатывается «*Житие Михаила Ярославича Тверского*», созданное в 1-й четв. XIV в. В нем рассказывалось о борьбе Московского и Тверского князей за великокняжеский владимирский стол, осуждалась жестокость ордынских правителей и неблагоприятно изображалось поведение Юрия Даниловича Московского.

Ок. 1453 было написано «*Слово похвальное о благоверном и великом князе Борисе Александровиче*». Об авторе, называющем себя «смирненным иноком Фомой», почти нечего не известно. *А. А. Шахматов* предполагает, что он был придворным летописцем Тверского князя. Разные части «слова» (или 6 разных слов) связаны идеей возвышения и прославления Тверского княжества и его князя как «самодержавного государя». Фома создает риторический панегирик, в котором хвалу Борису Александровичу воздают участники Флорентийского собора: имп. Иоанн, патриарх и 22 митрополита. В «Слове» проводится мысль, что политическим центром Руси является Тверь. Эту же идею развивает «*Родословец*», в котором доказывалась генеалогическая преемственность власти тверских князей от киевских. После присоединения в 1485 Твери к Москве эти произведения утрачивают свое значение.

Лит.: *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. № 9; *Он же.* Обзорные русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.: Л., 1938; *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. гуманит. наук. Л., 1930. № 10; *Ильин М. А.* Тверская литература XV в. как исторический источник // Тр. историко-архивного ин-та. М., 1947. Т. 3.

П. П.

«**ТЕЛЕСКОП**», «журнал современного просвещения», издаваемый в 1831—36 в Москве; основан *Н. И. Надеждиным*. Журнал выходил раз в 2 недели, а с 1834 — еженедельно. Приложением к журналу печаталась газета «*Молва*». В «Телескопе» преобладали публицистические статьи, научные сообщения, теоретические работы. Прекрасно была поставлена библиография. Познавательный интерес представляли жизнеописания «знаменитых современников». Надеждин в статьях «Современное направление просвещения», «Европеизм и народность в отношении к русской словесности» проповедовал «торжественное соединение жизни с поэзией — поэзию жизни» (1831. Т. 1).

«Телескоп» полемизировал с «*Московским телеграфом*» *Н. А. Полевого* о судьбах романтизма в современном искусстве. Он искал в литературе «естественности» и «народности». Журнал поддержал басни *И. А. Крылова*, трагедию *А. С. Пушкина* «*Борис Годунов*», повести *М. Н. Загоскина*. В «Телескопе» сотрудничали *В. А. Жуковский*, *Загоскин*, *И. И. Лажечников*, ученые — *М. Г. Павлов*, *А. Х. Востоков*, *К. Ф. Калайдович*, молодые литераторы *Н. В. Станкевич*, *К. С. Аксаков* и др. В журнале складывались идейные основы *славянофильства* и западничества. В числе авторов были и *А. С. Хомяков*, и *П. Я. Чаадаев*.

История и судьба «Телескопа» тесно связаны с именами Пушкина и Чаадаева. В 1831 Пушкин напечатал в «Телескопе»

(под псевд. Феофилакт Косичкин) 2 памфлета: «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», в которых выступил против официозной журналистики.

Поводом к закрытию журнала послужило напечатание первого из «Философских писем» Чаадаева (1836).

ТЕЛЕШОВ Николай Дмитриевич (29.10[10.11].1867—14.03.1957), писатель. Родился в Москве в купеческой семье. Окончил Московскую Практическую коммерческую академию (1884). В 1888 познакомился с *А. П. Чеховым*. В том же году организовал литературный кружок «Среда». В печати выступил в 1884 со стихами. В рассказах Телешова 80-х — н. 90-х XIX в. господствует чеховская тема: изображение косного и затхлого мещанского быта, обличение пошлости, мелочности интеллигентов, собственнической морали и психологии обывателя («Петух», «Мещанская драма», «Дуэль», «Именины», «Счастливейший день», «Чужой человек» и др.). С 1925 по 1943 Телешов работал над художественными мемуарами «За-

писки писателя», воскрешающими атмосферу литературной жизни России к XIX — н. XX в.

Телешов был преимущественно новеллистом. Его реалистические рассказы отличаются обыденностью сюжетов (без резких поворотов и замысловатых ходов в развитии фабулы), сдержанной, внешне бесстрастной манерой повествования. В новеллах-легендах Телешов щедро использует фантастику, символику, иносказание, гиперболизм образов и др. художественные условности.

Соч.: Повести и рассказы. М., 1899; [Рассказы]. Т. 1—4. М., 1915—18; Все проходит. М., 1927; Избранное / Вступ. ст. С. Дурьлина. М., 1948; Избр. соч. / Вступ. ст. В. Борисовой. Т. 1—3. М., 1956; Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом / Послесл. К. Пантелеевой. М., 1966.

Ф. К.

ТЕНДРЯКОВ Владимир Федорович (5.12.1923—3.08.1984), писатель. Родился в д. Макаровская, ныне Верховажского р-на Вологодской обл. в семье сельского служащего. После окончания школы ушел на фронт, был ранен и демобилизован. Преподавал военное дело в школе Кировской обл. Учился в Литературном институте (окончил в 1951). Первый рассказ Тендрякова — «Дела моего взвода» (1948) написан на материале Великой Отечественной войны; к военным впечатлениям и эпизодам своей биографии Тендряков возвращался неоднократно, однако главное место в его творчестве заняли пробле-

мы послевоенного времени, современные характеры и конфликты. Вместе с *В. Овечкиным*, *Г. Троепольским* и др. писателями Тендряков обратился к будням послевоенной деревни: очерки «Под лежачий камень» (1954), «В северном крае» (1954), «Рыцарь тютельки в тютельку» (1956) и др. Обстоятельность, натуральность описаний стали прочной и устойчивой особенностью стиля Тендрякова. Но уже в ранних повестях и рассказах — «Среди лесов» (1953), «Не ко двору» (1954, кинофильм «Чужая родня», 1956), «Ненастье» (1954) — Тендряков раздвигает поле очеркового наблюдения. Герой произведений Тендрякова почти всегда оказывается в «тугом узле» жизненных обстоятельств. Так строятся наиболее известные произведения Тендрякова 2-й пол. 50-х — «Ухабы» (1956), «Тугой узел» (1956, в первом варианте — «Саша отправляется в путь»; фильм «Саша вступает в жизнь», 1957). По типу своего дарования Тендряков — природный рассказчик. Господство поворотного случая, чрезвычайного происшествия, трагического осложнения в жизни героев сближают его повести и рассказы с законченной сюжетной новеллой. К их числу относятся «Тройка, семерка, туз» (1960), «Суд» (1961; одноименный фильм, 1962), «Короткое замыкание» (1962), «Находка» (1965) и др. Начиная с рассказа «Падение Ивана Чупрова» (1953) Тендряков проявляет особый интерес к истории нравственного перерождения людей, корыстно использующих свое положение в обществе. Эта проблема рассматривается в повести «Поденка — век короткий» (1965) и особенно детально в повести «Кончина» (1968). Для лучших произведений Тендрякова характерны истинно национальный колорит, густо и сочно написанный фон действия, глубоко прочувствованный пейзаж. Этот фон и пейзаж по преимуществу суровы, беспокойны; они усиливают драматизм сюжета.

Соч.: Собр. соч.: В 5 т. М., 1987; Избр. произв.: В 2 т. М., 1963.

ТЕПЛЯКОВ Виктор Григорьевич (15[27].08.1804—2[14].10.1842), поэт. Родился в Твери в дворянской семье. Учился в Московском благородном пансионе. Путешествовал по Кавказу и Балканскому п-ову (1828—29), участвовал в раскопках. Написал цикл стихов «Фракийские элегии» (изд. 1836) и книгу очерков «Письма из Болгарии» (1833). Традиции элегической поэзии *К. Н. Батюшкова* сочетаются у Теплякова с байронизмом. *А. С. Пушкин* в рецензии на стихи Теплякова высоко оценил его элегии «Гебеджинские развалины», «Одиночество» и станс «Любовь и ненависть».

Соч.: Стихотворения. Т. 1—2. М.; СПб., 1832—36.

ТЕРПИГОРЕВ (псевд. — *Атава*) **Сергей Николаевич** (12[24].05.1841—13[25].06.1895), писатель. Родился в с. Никольское Тамбовской губ. в помещицкой семье. Учился на юридическом факультете Петербургского университета, откуда в 1862 был исключен в связи со студенческими беспорядками. Лишенный права жить в столице, уехал в Тамбов, с 1867 — снова в Петербурге. Как писатель дебютировал в 1861 в газете «Рус-

ский мир». Публиковал заметки обличительного характера во многих изданиях: «Русское слово», «Гудок», «Голос» и др. Большую известность принесла Терпигореву книга «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика» (1880), печатавшаяся вначале в «Отечественных записках». В ней воссозданы быт и нравы дворянства, жизнь деревни до и после крестьянской реформы. В 80-е Терпигорев сотрудничал в «Северном вестнике», «Нови», «Русском богатстве», где помещал очерки, повести, рассказы. По рекомендации М. Е. Салтыкова-Щедрина Терпигорев опубликовал в 1881 9 фельетонов в газете М. Е. Стасюлевича «Порядок». С 1887 вел воскресный фельетон, затем стал постоянным сотрудником в газете «Новое время». Сотрудничал также в «Историческом вестнике», где, кроме очерков «Потревоженные тени», помещены «Раскаты Стенькина грома в Тамбовской земле» (1890) и др. Следуя Салтыкову-Щедрина, Терпигорев рисовал разоренные помещичьих гнезд, паразитический характер жизни их обитателей: «Потревоженные тени» являются дополнением к «Оскудению». Терпигорев — автор «Воспоминаний» (посмертно, «Исторический вестник». 1896. № 1—5).

Соч.: Собр. соч. Т. 1—6. П., 1899; Новый барин // Рус. очерки. Т. 2. М., 1956; Марфенькино счастье // Рус. повести XIX в. 70—90-х гг. Т. 1. М., 1957; Оскудение. Т. 1—2. М., 1958; Потревоженные тени. М.; Л., 1959.

ТИМКОВСКИЙ Роман Федорович (1785—15.01.1820), филолог, историк-археолог. Учился в Киевской духовной академии, в 1804 окончил Московский университет, в котором затем был ординарным профессором по кафедре греческой и римской словесности. С 1806 Тимковский — доктор философии. Тимковский — автор трудов по классической филологии, о русских летописях и современных им памятниках (*Киево-Печерский патерик*, *Житие Феодосия*); издал поучения *Луки Жидяты*. Подготовил к печати опубликованную в 1812—24 (не полностью) *Лаврентьевскую летопись*. Публикация Тимковского была первым научным критическим изданием летописного текста.

ТИМОФЕЕВ Алексей Васильевич (15[27].03.1812—07.1883), поэт. Родился в г. Курмыш Симбирской губ. Среднее образование получил в Казанской гимназии, а высшее — в Казанском университете на юридическом факультете (1830). Был чиновником в Петербурге, Одессе, Воронеже, Уфе, Москве. Первыми напечатанными произведениями были пятиактная драма «Разочарованный», сборник стихов «Двенадцать песен», фантазия в трех сценах «Поэт» и повесть «Художник» (1834). Сотрудничал в «Библиотеке для чтения», где поместил 2 мистерии — «Жизнь и смерть» и «Последний день»; в «Сыне Отечества» вышли рассказы «Невидимка» и «Важный спор». В к. 1834 Тимофеев вышел в отставку и отправился в путешествие по Западной Европе. Он побывал в Германии, Швейцарии, Италии и Голландии, посылая в журналы материалы со своими впечатлениями и сочинениями, после возвращения поместив некоторые из них в «Маяк». В 1874 он выступил с поэмой «Микула Селянинович, представитель земли», где в ряде живописных картин представил всю историю России и в рельефных образах дал очерк происхождения славян. Многие стихи Тимофеева, положенные на музыку А. Варламовым, А. Даргомыжским, Н. Бахметьевым, стали *романсами*: «Свадьба» («Нас венчали не в церкви...»), «Черны очи, ясны очи», «Не женись на умнице», «Оседлаю коня», «Борода ль моя, бородушка!», «Река шумит, река ревет...», «Не судите, люди, люди добрые...» и др.

А. Баженова

ТИМОФЕЕВ Иван (2-я пол. XVI — 1-я пол. XVII в.), автор «Временника», произведения о событиях Смутного времени.

Среди современников автор «Временника» Тимофеев слыл человеком начитанным, книжным, дьяка отзываются о нем с уважением и в 60-е XVII в.: «был де он книгогонец и временных книг писец». О его жизни и деятельности известно немного. Подпись дьяка Тимофеева стоит на избирательной грамоте Бориса Годунова 1598, затем в грамотах 1605, уже во времена Лжедмитрия I. В 1607 Тимофеев был послан царем Василием Шуйским в Новгород, здесь он стал очевидцем оккупации города шведами. Затем Тимофеев служил в Астрахани, Ярославле, Н. Новгороде, имя его теряется в документах после 1629.

Что же заставило дьяка Тимофеева взяться за перо? Сам Тимофеев так пишет о побудительных причинах своего литературного труда: потрясенный разорением великого Новгорода, зная о таком же унижении и опустошении Москвы, он думал о том, «как могло случиться, что недавно существовавшая невыразимая словами красота такого города и всего, что было в нем... как будто в один час разрушилась?.. В течение многих дней постоянно не переставал я размышлять в уме своем о таком разорении города... и ходил как умалишенный». По словам автора, мысль о необходимости описать и объяснить происходящее, «как пальцем, тыкала меня в ребра... она постоянно побуждала меня к этому и неотлучно напоминала, так что при моей слабости не мог я отогнать ее беспощадную доуку». Так из размышления над бедствиями родной земли, из стремления понять смысл всего происходящего, осознать причины разорения русских городов, опустошения государства рождается сочинение Тимофеева. Вероятно, отдельные записи сделаны им еще в Москве, большая часть работы была проделана в Новгороде, во время оккупации шведами. В 1616—19 Тимофеев объединяет и редактирует написанное.

«Временник» сохранился в единственном списке, это не автограф, а копия 30-х XVII в., над которой трудились в разное время несколько лиц. В дошедшей до нас рукописи выделяется 5 самостоятельных частей, каждая из которых рассказывает о деятельности одного исторического лица — царя *Ивана Грозного*, царя Федора Ивановича, царя Бориса Годунова, Лжедмитрия I, царя Василия Шуйского; 6-я часть, озаглавленная «Летописец вкратце», является пересказом всего того, о чем писалось в первых пяти частях. Каждая часть, в свою очередь, делится на главы. Так, напр., в части, посвященной царю Борису Годунову, следующие главы: «Об избрании Бориса на царство», «О крестном целовании Борису», «Об утверждении имени Бориса письменами», «О Борисе же царе», текст последней главы прерывает «Глубокий плач из середины сердца» о разорении Новгорода, по содержанию он не связан с рассказом о царе Борисе Годунове.

Композиция «Временника» сложна и непоследовательна. Это осознает и сам автор, считая, что его произведение подобно скроенной, но не сшитой одежде, что отдельные части «не получили соединения в стройное сочетание по порядку». Но, говоря о нестройности своего сочинения, автор имел в виду не только эту чисто внешнюю неорганизованность текста. «Временник» не историческая повесть, в нем нет последовательного описания событий Смуты. Не факты и события в их причинно-временной взаимосвязи интересуют автора, а человеческая личность. Внимание автора «Временника» поглощено изображением сложности, изменчивости человеческого характера, его сочинение превращается в собрание характеристик деятелей времен

Смуты. Тимофеев пытается разобраться в сложности человеческой природы, объяснить, чем вызвано смещение в человеческой душе разных начал — добрых и злых, понять, что оказывает решающее влияние на характер человека. Особо пристальным вниманием к внутреннему состоянию человека, сложностям психологии полна характеристика царя Бориса Годунова. Желая быть объективным, Тимофеев много пишет о достоинствах царя Бориса, его уме, благочестии, умении расположить к себе людей и в то же время гневно осуждает царя Бориса за гордость, жестокость, коварство, пытаясь понять, почему умный человек становится жестоким, благочестивый — гордым. Автор далеко не равнодушно взвешивает на весах справедливости доброе и злое в душах тех людей, о которых пишет, и не скрывает, что это его личное мнение, его собственное истолкование событий.

«Временник» можно назвать мемуарами человека, который, будучи дьяком, многое видел, многое знал, ибо имел доступ к важным документам, был проникновен и пытлив. Он фиксирует интересные подробности, сцены, жесты, кажется, частные, незначительные, но помогающие живо, зримо представить и понять происходящее. Когда народ ходил упрашивать Бориса на царство, тот клялся, что никогда не будет царем. «Он держал в руках тканый платок, которым вытирал пот, в дополнение к своим клятвам... он обернул этот платок вокруг своей шеи... дальним давая понять этим жестом, что он готов удавиться, если умоляющие не перестанут его принуждать». Понимая приговор Бориса, Тимофеев видит, как организуется это призвание. Некий отрок был хитро научен и посажен против келии царицы на крепостной стене, он все время «почти в уши государыни» «кричал одно и то же: чтобы повелела она брату своему быть царем». Тимофеев требователен к себе как писателю, стремится к правдивости и достоверности рассказа. Он описывает только то, чему был очевидцем, а если о чем-то знает с чужих слов, по слухам, то всегда указывает на это.

Изд.: «Временник» Ивана Тимофеева / Подг. к печати, перевод и коммент. О. А. Державиной. М.; Л., 1951; Из «Временника» Ивана Тимофеева / Подг. текста, перевод и коммент. В. И. Охотниковой // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII в. М., 1987.

Ист.: Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 214—216.

В. Охотникова

ТИМОШЕНКО Иван Елеазарович (1844 — после 1904), писатель. Высшее образование получил в Новороссийском университете. Главные труды: «Литературные первоисточники и прототипы 300 русских пословиц и поговорок» (Киев, 1897), первая попытка изучать прототипы русских пословиц у древних (греческих и римских) и средневековых писателей, и «К истории судебной пытки» (Полтава, 1900). Кроме того, написал: «Византийские пословицы и славянские параллели к ним» («Русский филологический вестник», 1894—95, отд. изд. — Варшава, 1895). «Об Эскулаповом острове» и ряд др. статей научного и педагогического характера. Кроме того, издал перевод «Биографий знаменитых полководцев» Корнелия Непота.

ТИТОВ Владимир Павлович (псевд. **Тит Космократор**) (28.02.[12.03].1807—15[27].09.1891), писатель. Родился в с. Новики, ныне Спасского р-на Рязанской обл. Окончил Московский благородный пансион. С 1823 служил в Московском архиве Министерства иностранных дел. Был на

дипломатической службе, членом Государственного Совета. Связанный с кругом «любомудров», сотрудничал в журнале «Московский вестник» (1827—28), затем в «Современнике» (1837). Титову принадлежит романтическая повесть «Монастырь св. Бригиты» (альманах «Северные цветы на 1831»), запись рассказа А. С. Пушкина «Уединенный домик на Васильевском» (альманах «Северные цветы на 1829»). Приписывают Титову и эксцентрические «Неправдоподобные рассказы Чичероне дель К...о» (Ч. 1—3, 1837). В 1873 — председатель Археографической комиссии; напечатал в ее «Летописях» и др. изданиях ряд исторических документов. Дневник Титова опубликован частично в журнале «Русский архив» (1895. № 1).

Соч.: Эмблемы // «Мнемозина». 1824. Кн. 3; Три единства // Альманах «Северная лира на 1827 год». М., 1827; Несколько мыслей о зодчестве // Московский вестник. 1827. Ч. 1; О достоинстве поэта // Там же. 1827. Ч. 2; Радость и печаль // Там же; О романе // Там же. 1828. Ч. 7; Светский человек, дипломат, литератор, воин // Современник. 1837. Т. 7; Восточная жизнь // Там же. 1837. Т. 8.

ТИХМЕНЕВ Николай Петрович (1873—после марта. 1932), публицист. В 1907—09 секретарь, а затем редактор московской газеты «Русская земля», органа Союза русского народа. В 1910 член редакционной комиссии по подготовке и изданию «Книги русской скорби» и комиссии по разбору имевшихся на книжном рынке учебников. Сотрудничал в журнале «Прямой путь», в 1912 секретарь газеты «Земщина», в 1913—16 редактор ежедневной саратовской газеты «Волга».

Соч.: Божим Промыслом, соборным молением. СПб., 1913; Валаамское сказание // Прямой путь. 1913. № 5; Генерал Джунковский в отставке. Пг., 1915.

А. С.

ТИХОМИРОВ Лев Александрович (19.01.1852—16.10.1923), идеолог русской монархии, публицист, мемуарист. Родился в военном укреплении Геленджик на Кавказе в семье военного врача. Окончив керченскую Александровскую

гимназию с золотой медалью, поступил в 1870 в Московский Императорский университет, где попал в круг революционеров-народовольцев. В 1873 Тихомирова арестовывают и осуждают по делу о «193-х». Более 4-х лет он проводит в Петропавловской крепости. В янв. 1878 Тихомиров выходит на свободу под административный надзор родителей. Но в окт. того же года он тайно покидает родительский дом и переходит на нелегальное положение для продолжения революционной деятельности. В это время он был уже членом «Земли и воли», стремившейся к свершению государственного переворота с целью созыва Учредительного собрания или утверждения революционной диктатуры. Принимая активное участие в революционном народофильском движении, Тихомиров на Липецком съезде 20 июля 1879 поддержал решение съезда о царубийстве. После убийства имп. Александра II в среде народофильцев встал вопрос о лишении жизни следующего царя, имп. Александра III. Этому воспротивился Тихомиров. Осенью 1882 с целью избежать ареста он уез-

жает за границу. В «передовой» республиканской Франции, наблюдая за парламентскими скандалами и ознакомившись с деятельностью партийных политиков, Тихомиров начинает пересматривать свои политические взгляды. «Отныне, — пишет он в 1886, — нужно ждать всего лишь от России, русского народа, почти ничего не ожидая от революционеров... Сообразно с этим, я начал пересматривать и свою жизнь. Я должен ее устроить так, чтобы иметь возможность служить России, как мне подсказывает мое чутье, независимо ни от каких партий».

Параллельно с политическими в сознании Тихомирова происходили изменения и религиозных взглядов. Прохладное отношение к вере сменилось горячим желанием возродить в себе православного человека, что укрепляло в нем решение порвать с революцией. Однажды он открыл Библию на строках: «И избавил его от всех скорбей его, и даровал мудрость ему и благоволение царя Египетского фараона». Снова и снова открывал Библию Лев Александрович, и каждый раз перед ним возникали все те же строки. У Тихомирова постепенно созревала мысль о том, что Бог указывает ему путь — обратиться к царю с просьбой о помиловании. Недавний революционер пишет и издает брошюру «Почему я перестал быть революционером», где заявляет о разрыве отношений с миром революции, говорит о своем новом мировоззрении, подает на Высочайшее Имя просьбу о помиловании и разрешении вернуться в Россию.

Получив прощение, Тихомиров 20 янв. 1889 прибыл в С.-Петербург. Он идет в Петропавловский собор поклониться праху имп. Александра II, против власти которого так ожесточенно боролся, будучи революционером. Так произошло преобразование «Савла в Павла». Лидер революционеров становится ревностным приверженцем самодержавия и крупнейшим идеологом монархического движения.

С июля 1890 Тихомиров живет в Москве и сотрудничает в «Московских ведомостях». Публицистические выступления Тихомирова этого времени носят критический, и объектами критики являются революция и демократический принцип власти. Тогда же он пишет публицистическую трилогию: «Начала и концы. Либералы и террористы» (1890), «Социальные миражи современности» (1896) и «Борьба века» (1896). Первой же работой, принесшей ему славу и известность в русском обществе, была статья «Носитель идеала», посвященная личности и деятельности имп. Александра III (написана сразу после смерти государя в 1894). Поэт А. Майков говорил, что «никогда никто не выражал так точно, ясно и истинно идею русского Царя», как автор статьи «Носитель идеала».

В 1890—98 он активно сотрудничает в лучшем тогда консервативном журнале «Русское обозрение», формируя политическую линию издания. С книги «Единоличная власть как принцип государственного строения» (1897) начинается новый период творчества Тихомирова — создание государственно-правового учения о монархическом принципе власти, получившего наиболее полное завершение в его труде «Монархическая государственность» (1905).

Тихомиров стал первым русским мыслителем, разработавшим учение о русской государственности, о ее сущности и условиях ее действия. Он первый всерьез занялся изучением такого государственного феномена, как русское самодержавие. Государство — естественный союз нации. «Единственное учреждение, — говорит исследователь, — способное совместить и свободу, и порядок, есть государство». Одним из характернейших и основных свойств человека является его стремление к взаимоотношениям с др. людьми. Общественность че-

ловека — такой же его инстинкт, как и инстинкт борьбы за свое существование. Оба они естественны, потому что исходят из самой природы человека. Государство же является высшей формой общности. Общественность эволюционирует от союзов семейных и родовых к союзам сословным, а с развитием человеческих потребностей и интересов дорастает до возникновения высшей силы, объединяющей все социальные группы общества, — государства, высшим выражением которой является монархия.

После смерти редактора-издателя «Московских ведомостей» проф. А. С. Будиловича (1909) Тихомиров взялся за редактирование и издательство старейшей монархической газеты. В 1913 после окончания редакторства «Московских ведомостей» Тихомиров поселяется в Сергиевом Посаде. Близость к Московской духовной академии ведет к знакомству с ее преподавателями — А. И. Введенским, М. Д. Муретовым, на работы которых он ссылается в своей новой книге. Определенную связь религиозно-исторического сочинения Тихомирова можно увидеть и с деятельностью «Кружка ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой церкви» М. А. Новоселова. В новоселовской «Религиозно-философской библиотеке» были опубликованы 2 работы Тихомирова: «Личность, общество и Церковь» (1904) и «Христианская любовь и альтруизм» (1905). В 1916—18 Тихомиров прочел несколько докладов в аудитории «Религиозно-философской библиотеки». Темати докладов Тихомирова стали главы из его книги «Религиозно-философские основы истории»: «О гностицизме», «О Логосе и Филоне Александрийском», «О философии Каббалы», «О философии Веданты», «О магометанском мистицизме».

Основу книги Тихомирова составляет мысль о борьбе в человеческом мире двух мировоззрений: дуалистического и монистического. Дуалистическое мировоззрение признает два бытия — Бытие Божие и сотворенное Богом бытие тварное. Монистическое мировоззрение утверждает, напротив, единство всего существующего, проповедая идею самосушной природы. На протяжении всей человеческой истории эти идеи ведут друг с другом непримиримую духовную борьбу, не смешиваясь между собой, несмотря на многочисленные попытки их синкретизировать.

Анализу истории этой духовной борьбы и посвящена книга Тихомирова. Она ценна тем, что не только говорит о прошлом и настоящем периоде этой борьбы, но дает анализ человеческой истории в ее последние эсхатологические времена. Уникальна эта книга еще и тем, что в ней впервые на русском языке человеческая история в полном объеме проанализирована с религиозной точки зрения. В философской работе Тихомирова показано логическое развитие в человеческих обществах религиозных движений, взаимная связь и преемственность религиозных идей разных времен, которые то исчезают с исторической сцены, то, надевая новые личины, появляются вновь.

После революции, лишившись всех средств к существованию, работая делопроизводителем советской школы в Сергиевом Посаде, Тихомиров в 1918—22 пишет воспоминания «Тени прошлого», а параллельно в 1919—20 — эсхатологическую фантазию «В последние времена» о пришествии антихриста, о борьбе с ним последних христиан и о Втором Пришествии Спасителя.

Соч.: Почему я перестал быть революционером. Париж, 1888; Начала и концы. Либералы и террористы. М., 1890; Духовенство и общество в современном религиозном движении. М., 1892; Конституционалисты в эпоху 1881 года. М., 1895; Знамение времени. Носитель идеала. М., 1895; Демократия либеральная и социальная.

М., 1896; Борьба века. М., 1896; Государственность и сословность. М., 1897; Варшава и Вильна, М., 1897; Царский суд в России. М., 1899; Земля и фабрика. К вопросу об экономической политике. М., 1899; Вопросы экономической политики. М., 1900; Христианские задачи России и Дальний Восток. М., 1900; О приобщении Дальнего Востока к миру христианскому. М., 1900; Рабочий вопрос и русские идеалы. М., 1902; Чем живет человеческое общество? М., 1902; О смысле войны. М., 1904; Личность, общество и Церковь. Вышний Волочек, 1904; На помощь пленным. М., 1905; Альтруизм и христианская любовь. Вышний Волочек, 1905; Монархическая государственность. Ч. 1—4. М., 1905; Государственность и религия. М., 1906; Что такое Отечество? М., 1907; Христианство и политика. М., 1906; Современное положение приходского вопроса. М., 1907; К вопросу об общественной деятельности учащейся молодежи. М., 1907; Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира. Сергиев Посад, 1907; Социализм в государственном и общественном отношении. М., 1907; О недостатках конституции 1906 года. М., 1907; Рабочие и государство. СПб., 1908; Социально-политические очерки. Очерк 1—3. М., 1908; Самодержавие и народное представительство. М., 1907; Рабочий вопрос. Практические способы его решения. М., 1909; Закон о печати. СПб., 1909; К реформе обновленной России. М., 1912; Религиозно-философские основы истории. М., 1997 / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолина; Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000 / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолина.

Лит.: *Маевский В. А.* Революционер-монархист. Памяти Л. Тихонравова. Нови Сад, 1934; *Смолин М. Б.* Очерки имперского пути. Известные русские консерваторы 2-й пол. XIX — 1-й пол. XX в. М., 2000.

М. Смолин

ТИХОНРАВОВ Николай Саввич (3[15].10.1832—27.11[9.12].1893), литературовед, археограф. Родился в д. Шеметово, ныне Мешовский р-н Калужской обл. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1853).

В 1850 занял в нем кафедру истории русской литературы. В 1870 получил степень доктора. С 1885 — председатель *Общества любителей российской словесности*. С 1890 — академик. Как историк литературы испытал в разной степени воздействие *С. П. Шевырева*, *М. П. Погодина*, *Ф. П. Буслаева*, но с др. стороны — *Т. Н. Грановского*, *В. Г. Белинского*, а также бр. *Гримм*, *И. Тэна*. Тихонравов — один из крупнейших представителей культурно-исторической школы в литературоведении. В печати выступил в 1850. Особое значение получила статья «Граф Ф. В. Ростопчин и литература в 1812 г.» (1854), в которой Тихонравов декларировал один из основных принципов научной работы — стремление к изучению не только забытых имен, но и целых жанров и периодов, выпавших из научного обихода. Отсюда его внимание к массовой литературе. Тихонравов плодотворно работал в области древней и новой литературы (начало которой он исчислял не с XVIII в., а со 2-й пол. XVII в.).

Большое значение для науки имели публикации Тихонравова: серия «Летописи русской литературы и древности» (т. 1—5, 1859—63), где опубли. «*Житие протопопа Аввакума*», «*Повесть о Савве Грудцыне*» и др.; собрание апокрифов «Памятники отрешенной литературы» (т. 1—2, 1863); «Русские драматические произведения 1672—1725 гг.» (т. 1—2, 1874). Тихонравову принадлежат работы по истории русской общественной мысли —

«Боярыня Морозова» (1865), «Квирин Кульман» (1867), «Московские вольнодумцы начала XVIII в. и Стефан Яворский» (1870), статьи о *Ф. Прокоповиче*, *Н. И. Новикове*. Много сделал для изучения жизни и творчества *М. В. Ломоносова*, *А. П. Сумарокова*, *В. К. Тредиаковского*, *Д. И. Фонвизина*, *А. С. Пушкина*. Одна из лучших комментаторских работ Тихонравова — издание сочинений *Н. В. Гоголя* (т. 1—5, 1889—93), завершённое *В. И. Шенроком*.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—3. СПб., 1898.

Лит.: Памяти Н. С. Тихонравова. М., 1894; *Георгиевский Г.* Собрание Н. С. Тихонравова. 1. Рукописи. М., 1913; *Руднев А. Г.* Академик Н. С. Тихонравов и его труды по изучению памятников древнерус. лит.-ры. Варшава, 1914; *Гудзий Н. К.* Н. С. Тихонравов. М., 1956.

Л. Чертков

«ТЛЯ», роман *И. М. Шевцова*. Первое художественное произведение, написанное известным журналистом в 1950. Из-за цензурных рогаток роман вышел в свет в издательстве «Советская Россия» лишь в 1964. В романе впервые в русской литературе советского периода была показана подрывная деятельность идеологических диверсантов сионистской «пятой колонны». И хотя в романе нет слов «сионизм» и «еврей», автор создал настолько яркие, скульптурные образы и характеры «диверсантов», что читатель безошибочно распознал в них представителей «богоизбранных».

До Шевцова никто не касался так уверенно и смело источника разложения «элитной» части советской интеллигенции — беспатриотизм, презрение к трудовым усилиям народа, сознательная ориентация только на западные образцы культуры и общественного устройства.

События романа происходят в к. 40-х (время борьбы с безродными космополитами) в среде художников. Сюжет построен на противостоянии художников-реалистов и сторонников формалистического модерна.

Для правильного уяснения творческих особенностей романа «Тля» надо учесть ту полемику по вопросам искусства, которая вспыхнула в советской критике в к. 50-х, всколыхнув всю страну. Ибо этот вопрос (о реалистических и абстракционистских течениях в живописи), как в фокусе, отразил и мн. др. проблемы, от решения которых зависела судьба государства: принять «эстетику безобразного», принесенную с Запада люмпен-интеллигентами, означало не только отказаться от нравственно-духовных основ русской культуры, но и сдать позиции в политических и экономических сферах. Государственно мыслящие люди это прекрасно осознавали. Молодой писатель высказал вслух то, о чем перешептывались в кулуарах многие честные, но робкие интеллигенты, не решаясь открыто обсудить давно назревшее. Шевцов в концентрированной обобщенной форме рискнул показать опасность умственных шатаний, вред политически запрограммированного разномыслия, конечной целью которого было разрушение Советского Союза, а затем и России.

Этот только-только начинавшийся процесс раскрыт в художественной характеристике довольно немногочисленной, но влиятельной прослойки «творческой» космополитической настроенной интеллигенции, которая через средства массовой информации навязывает обществу те или иные эстетические стандарты. Мертвой хваткой сковывают они живое, истинно творческое начало народно-национальной жизни, сосредоточив в своих руках нити управления общественным мнением. Символично и обозначение этого явления, вынесенного в заголовок романа. В названии подчеркнут дух разложения, нравственной проказы, что, искусно маскируясь, проповедуют носители тлетворного начала. Характеристику

углубляет эпиграф из словаря *В. И. Даля*, поясняющий синонимическое значение слова «тля». У Даля со словом «тлевотворный» связано еще одно слово — «поветрие». Оно во многом проясняет суть явления. То, что переносится по ветру, гонимо ветром — обычно легко перемещается, т. к. не имеет корней, связи с родной почвой; или вырвано из земли, оторвано от источника жизни, теряет силу и волю к сопротивлению, неустойчиво, никчемно, обречено на гибель.

Разносчики духовной заразы собраны в «салоне» главного идеолога и проповедника абстракционизма Осипа Давыдовича Иванова-Петренко. Критик-искусствовед, Иванов-Петренко, путем ловких махинаций, разглагольствований завоевал авторитет в мире искусства, «хотя ни теории, ни истории искусства он, в сущности, не изучал». К «видному» ученому являются на поклон искатели чинов и наград. Он волен по своему усмотрению «облагодетельствовать», «вывести в люди», сделать из бездари гения или растоптать, унижить непокорных. Делячество, презрение к отечественным традициям, ненависть к талантам, циничное отношение к труду — вот что лежит в основе мышления и практики завсегдатаев «салона».

Ощущая свое собственное творческое бессилие, сторонники абстракционизма стараются перекрыть все дороги к успеху подлинным дарованиям или подчинить их себе, своим целям. Чтобы помочь молодым художникам «преодолеть национальную ограниченность», в «салон» затягиваются скульптор Яков Канцель и баталист Петр Еременко. Яков отказывается быть соучастником нечистоплотной игры Иванова-Петренко. «Для Вас искусство — это деньги, бизнес», — бросает ему в лицо Яков. В ответ слышится недвусмысленное предупреждение: «В наш век талант — понятие относительное. Таланту надо помочь выйти на большую дорогу искусства, а можно... и не помогать». В сознании дельцов от искусства эта «дорога» ассоциируется с действиями бандитских группировок. Молодой человек погибает в автомобильной катастрофе. Так расправляется «салон» с непокорными.

Иная судьба ждет Петра Еременко. С его образом и образом Владимира Дашкова — главного героя — связано развитие основного мотива: стойкого противодействия натиску космополитической бездуховности.

Было ясно, что появилось произведение (немислимое прежде в советской литературе) сильное и яркое по способам обличения зла. Изображенный мир политических интриганов и мошенников был выписан так выпукло, что ученики Осипа Давыдовича, выведенные на свет Божий, теряли свою камуфляжную форму. В этом все дело. Будь роман слаб в художественном отношении, не подвергался бы столь шумному шельмованию в критике (четырнадцать разгромных статей) и не снимался бы по негласной команде «сверху» с библиотечных полок. Успех был очевиден, имя Шевцова стало известным. Но параллельно этому возрастало и сопротивление оппонентов. Реакция их была предельно жесткой — на поражение. Первыми открыли по роману огонь зарубежные радиостанции, в частности «Голос Израиля», американские газеты «Нью-Йорк таймс» и «Интернэшнл геральд трибун», орган итальянской компартии «Унита». За ними последовала вся просионистская пресса СССР. Роман был объявлен нехудожественным, а его автору был приклеен ярлык антисемита, «черносотенца». Испытанный прием: вместо серьезного разговора о сути произведения — провокационная демагогия.

Один из литературных столпов сионизма русскоязычный писатель И. Эренбург выступил с истеричной речью перед преподавателями и студентами Литературного института. Он объявил роман «Тля» позором советской лите-

ратуры, клеветой на интеллигенцию. Даже посчитал необходимым свои впечатления отразить в мемуарах, тем самым невольно подтвердив значимость произведения: «Роман “Тля” был направлен против двух врагов: художников-“модернистов” и евреев. Все персонажи имеют явных прототипов... Это так называемый роман с ключом... В романе действует интриган с темным прошлым Лев Барселонский. Он повторяет цитаты из статей Эренбурга. ...В моей жизни этот вопрос продолжает играть не только откровенную, но, я бы сказал, малопрстойную роль. Для одних я некто вроде Льва Барселонского — чуждый элемент, существо, если ни не обладаю длинным носом, то все же занятый темными “гешефтами”. Для других — человек, потопивший Маркса, Бергельсона, Зускина» (Собр. соч.: В 8 т. М., 2000. Т. 8).

Вот уж действительно: на воре шапка горит. Т. о., нельзя было не признать остроту и глубокую правдивость произведения. Роман явился страстным откликом на животрепещущие вопросы бытия. И дело тут не только и не столько в прототипах, а в точной, исчерпывающе глубокой характеристике самого явления, ставшего, благодаря шецовскому роману, нарицательным. Такая наглядность и убедительность дается только настоящим художникам. И Шевцов проявил эти свойства с достаточной определенностью.

С др. стороны, опытный журналист в течение почти пяти лет не мог опубликовать ни одной строки ни в печати, ни в издательствах. Влиятельные силы из числа героев его романа выполнили свою угрозу: вокруг Шевцова была создана глухая блокада, не прорванная и поныне, хотя писатель продолжает плодотворно работать в течение всех до- и постперестроечных лет.

С тех пор отношение к Шевцову и его роману в общественно-литературных кругах стало своеобразным барометром, определяющим уровень национально-патриотического и гражданского самосознания. Кто-то, пугливо озираясь, пожимал в темных коридорах руку, кто-то поспешил откеститься от знакомства с «опасным» писателем. Народная поддержка дала возможность автору убедиться в правоте своих выводов, поверить в призвание и не сломаться под нажимом хорошо организованной сети «агентов влияния». Письма, присланные в поддержку писателя, исчисляются сотнями. Читатели возвысили свой голос в защиту автора против носителей антирусской идеологии, о которых идет речь в романе.

Тема, начатая в романе «Тля», была последовательно продолжена и в др. романах Шевцова. «Во имя отца и сына» (1970), «Любовь и ненависть» (1970), «Бородинское поле» (1982), «Набат» (1978).

Л. Михайлова

ТОЛСТОЙ Алексей Константинович (24.08[5.09].1817—28.09[10.10].1875), писатель, поэт, драматург. Родился в Петербурге. С материнской стороны происходил из рода Разумовских (прадед — последний малороссийский гетман Кирилл Разумовский; дед — министр народного просвещения при Александре I — А. К. Разумовский). Отец — гр. К. П. Толстой, с которым мать разошлась сразу же после рождения сына. Воспитывался под руководством матери и ее брата — писателя А. А. Перовского (см.: А. Погорельский), поощрявшего ранние поэтические опыты Толстого. В 1834 поступил в Московский архив Министерства иностранных дел. Затем был на дипломатической службе. В 1843 получил звание камер-юнкера. В к. 30-х — н. 40-х Толстой написал фантастические повести в стиле готического романа и романтической прозы — «Семья вурдалака» и «Встреча через

триста лет» (на фр. яз.). Первая публикация — повесть «Упырь» (1841, под псевд. Красногорский). В 40-е Толстой начал работать над историческим романом «Князь Серебряный» (окончен в 1861), тогда же создал ряд баллад и лирических стихов, напечатанных позднее (в 50—60-е); многие из них приобрели широкую популярность («Колокольчики мои», «Ты знаешь край, где все обильем дышит», «Где гнутся над омутом лозы», «Курган», «Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин» и др.). В н. 50-х Толстой сблизился с *И. С. Тургеневым*, *Н. А. Некрасовым* и др. писателями. С 1854 печатает в «Современнике» стихи и литературные пародии. В сотрудничестве со своими двоюродными братьями *А. М.* и *В. М. Жемчужниковыми* в отделе «Литературный ералаш» «Современника», в «Свистке» публиковал сатирико-пародийные произведения за подписью *Козьма Прутков*; творчество вымышленного ими автора стало пародийным зеркалом отживающих литературных явлений и вместе с тем создавало сатирический тип бюрократа, претендующего на роль законодателя художественного вкуса.

Отойдя с 1857 от участия в «Современнике», Толстой стал печататься в «Русской беседе», а в 60—70-х — гл. обр. в «Русском вестнике» и «Вестнике Европы». В эти годы он отстаивал принципы т. н. «чистого искусства», независимого от политических, в т. ч. «прогрессивных» идей. В 1861 Толстой ушел со службы, которой очень тяготился, и сосредоточился на литературных занятиях. Опубликовал драматическую поэму «Дон Жуан» (1862), роман «Князь Серебряный» (1863), историческую трилогию — трагедии «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Федор Иоаннович» (1868), «Царь Борис» (1870). В 1867 вышло первое собрание стихотворений Толстого. В последнее десятилетие писал баллады («Змей Тугарин», 1868, «Песня о Гаральде и Ярославне», 1869, «Роман Галицкий», 1870, «Илья Муромец», 1871 и др.), стихотворные политические сатиры («История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», опубл. 1883; «Сон Попова», опубл. 1882, и др.), поэмы («Портрет», 1874; «Дракон», 1875), лирические стихи.

Творчество Толстого проникнуто единством мотивов, философских идей, лирических эмоций. Интерес к национальной старине, проблемам философии истории, неприятие политической тирании, любовь к природе родного края — эти особенности Толстого как человека и мыслителя нашли отражение в его произведениях всех жанров. Идеальным государственным устройством, соответствующим национальному характеру русского народа, он считал Киевскую Русь и древний Новгород. Высокий уровень развития искусства, особое значение культурного слоя аристократии, простота нравов, уважение князя к личному достоинству и свободе граждан, широта и многообразие международных связей, особенно связей с Европой, — таким представлялся ему уклад жизни Древней Руси. Баллады, рисующие образы Древней Руси, пронизаны лиризмом, они передают страстную мечту поэта о духовной независимости, восхищение цельными героическими нату-

рами, запечатленными народной эпической поэзией. В балладах «Илья Муромец», «Сватовство», «Алеша Попович», «Канут» и др. образы легендарных героев и исторические сюжеты иллюстрируют мысль автора, воплощая его идеальные представления (напр., кн. Владимир Киевский). По системе художественных средств эти баллады близки некоторым лирическим стихотворениям Толстого («Благовест», «Коль любить, так без рассудку», «Край ты мой, родимый край» и др.).

Баллады Толстого, рисующие эпоху укрепления русской государственности, пронизаны драматическим началом. Сюжетами многих из них послужили события из истории царствования *Ивана Грозного*, который представлялся поэту наиболее ярким выразителем принципа неограниченного самовластия и полного поглощения личности государством. «Драматические» баллады более традиционны по форме, чем «лирические», относящиеся преимущественно к к. 60-х — н. 70-х. Однако и в них Толстой проявил себя как оригинальный поэт, видоизменяющий поэтическую структуру жанра. Так, в балладе «Василий Шибанов» Толстой пересматривает героическую ситуацию спора свободолюбивого подданного с царем, получившую признание под влиянием творчества Ф. Шиллера. Передавая обличение *Ивана Грозного Курбским*, Толстой подчеркивает в участниках драматического конфликта — царе и мятежном боярине — общие черты: гордость, бесчеловечность, неблагодарность. Способность же к самопожертвованию, готовность пострадать за слова правды автор видит в простом человеке, которого сильные мира сего приносят в жертву своему спору: безвестный раб одерживает нравственную победу над царем и своим подвигом восстанавливает торжество подлинно человеческого величия над мнимым. «Василий Шибанов», как и др. «драматические» баллады Толстого, по своей тематике и сложности психологических характеристик героев, по этическому подходу поэта к историческим событиям примыкает к произведениям Толстого крупных жанров.

В романе «Князь Серебряный» Толстой рисует жестокие столкновения сильных людей в обстановке разнузданного самовластия и показывает пагубное влияние произвола на личность самого монарха и его окружение. В романе показано, как, удаляясь от развращенного придворного круга, а иногда и скрываясь от преследований или социального угнетения, одаренные люди из разных слоев общества «творят историю», защищают родину от вторжения внешних врагов, открывают и осваивают новые земли (князь Серебряный, Ермак Тимофеевич, Иван Кольцо, Митька и др.). Стиль романа связан с традициями исторического романа и повести 30-х, в т. ч. с традициями, идущими от повестей *Н. В. Гоголя* «Страшная месть» и «Тарас Бульба».

В драматической трилогии Толстой изобразил русскую жизнь к. XVI — н. XVII в. Решение историко-философских проблем и в этих пьесах для него важнее, чем точное воспроизведение исторических фактов. Он рисует трагедию трех царствований, изображая трех самодержцев: одержимого идеей божественного происхождения своей власти *Ивана Грозного*, мягкосердечного Федора и мудрого правителя — «гениально-гостелюбца» Бориса Годунова.

Особое значение Толстой придавал созданию индивидуальных, своеобразных и ярких характеров исторических лиц. Крупным достижением явился образ царя Федора, свидетельствующий об усвоении писателем принципов психологического реализма в 60-е. Постановкой трагедии «Царь Федор Иоаннович» был открыт в 1898 Московский Художественный театр.

Особенности исторического мышления Толстого сказались и в политических сатирах. За анекдотическим сюжетом «Сна Попова» скрывалась едкая насмешка поэта над либералами. Полемика с нигилистами отразилась в стихах «Порой веселой мая...», «Против течения» и др. В «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» Толстой подверг беспощадному осмеянию исторические явления, которые, как он считал, мешали жить национальной России. Интимной лирике Толстого, в отличие от его драматургии и баллад, чужда приподнятость тона. Его лирические стихотворения просты и задушевные. Многие из них представляют собой как бы психологические новеллы в стихах («Средь шумного бала, случайно...», «То было раннею весной»). Толстой вводил в свою лирику элементы народно-поэтического стиля, его стихи часто близки к *песне*. Более 70 стихотворений Толстого положены на музыку русскими композиторами; романсы на его слова писали Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чайковский, М. П. Мусоргский, С. И. Танеев и др.

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—4. СПб., 1907—08; Стихотворения. [Л.], 1936; Собр. соч. Т. 1—4. М., 1963—64; Собр. соч. Т. 1—4. М., 1969.

Л. Л.

ТОЛСТОЙ Алексей Николаевич (29.12.1882[10.01.1883]—23.02.1945), писатель. Родился в г. Николаевск Саратовской обл. Отец Толстого — гр. Н. А. Толстой, мать — детская писательница А. Л. Бостром, урожд. Тургенева. Детство на степном хуторе под Самарой, нравственный кодекс матери, ее народолюбивые взгляды оказали воздействие на формирование личности Толстого.

Учился в Петербургском технологическом институте (1901—07). В 1905 выступил со стихами; в 1907 опубликовал сборник стихов «Лирика», отмеченный подражанием *символистом*. В сборнике прозы «Сорочьи сказки» (1910) и книге стихов «За синими реками» (1911) обратился к разработке мотивов народного творчества. Известность Толстому принесли реалистические рассказы и повести из жизни разоряющегося помещика (цикл «Заволжье», 1909—11), а также примыкающие к ним романы «Чудаки» («Две жизни», 1911) и «Хромой барин» (1912). В 1914—16 как военный корреспондент газеты «Русские ведомости» Толстой совершил ряд поездок на фронт, был в Англии и Франции, опубликовал серию очерков и рассказов о войне («На горе», 1915; «Прекрасная дама», 1916, и др.). В пьесе «Касатка» (1916), комедиях «Нечистая сила» (1916), «Мракобесы» (1917) и др. (всего за творческую жизнь Толстой написал 42 пьесы) подвергнуты критике разные стороны русского дворянства, ориентированного на Запад.

В 1919 эмигрировал (Франция, потом Германия), но затем порвал с эмигрантскими кругами и в 1923 вернулся в СССР. Любовь к Родине, к русскому языку выразилась в поэтических картинах повести «Детство Никиты» (1919—20, отд. изд. 1922) — одним из наиболее гармоничных и цельных созданий Толстого. В творчестве 20-х и н. 30-х получила развитие критика капитализма: рассказы «Черная пятница» (1924), «Союз

пяти» (1925), сатирический роман «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924), научно-фантастический роман «Гиперболоид инженера Гарина» (1925—27). Осваивая тематику советской современности, Толстой пишет научно-фантастический роман «Аэлита» (1922—23), рассказы «Голубые города» (1925), «Гадюка» (1928) и др.

Осмысление единства судьбы личности и движения национальной истории составляет магистральную линию творчества Толстого. Потерянная и возвращенная Родина — внутренняя тема монументальной трилогии «Хождение по мукам» [Сталинская премия 1943; романы «Сестры» (1922, новая ред. 1925), «Восемнадцатый год» (1927—28), «Хмурое утро» (1940—41)]. Писатель передает бурное движение эпохи, напряженный драматизм социальной борьбы, раскрывая зависимость внутренней эволюции героев от грандиозных событий народной жизни. Герои трилогии — интеллигенты Даша, Катя, Телегин, Рошин — по-разному пытаются осмыслить суть происходящего в России. К трилогии тематически примыкает повесть «Хлеб» (1937). Особенно значительное создание Толстого — исторический роман «Петр Первый» (Сталинская премия 1941; кн. 1, 1929—30; кн. 2, 1933—43; кн. 3, неоконч., 1944—45). Если в более ранних произведениях (рассказ «День Петра», 1918; пьеса «На дыбе», 1929) Толстой показывал эпоху имп. Петра I односторонне, то роман явился масштабной эпопеей о судьбах русской нации в один из переломных моментов ее развития. Впечатляющие образы имп. Петра I и др. героев, проникнутое патриотической гордостью изображение крепнувшей мощи Русского государства, замечательное умение писателя живо воскрешать обстановку далекой старины, язык, близкий к народной речи, тонко передающий колорит эпохи, — все это определяет художественную ценность романа Толстого как выдающегося произведения русской литературы. К роману примыкают 2 варианта пьесы «Петр I» (1934 и 1938) и одноименный киносценарий. В 1936 опубликована книга для детей «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (по мотивам итальянской повести). Патриотическая тема проходит через все творчество Толстого периода Великой Отечественной войны 1941—45, прежде всего через его страстную военную публицистику. В «Рассказах Ивана Сударева» (1942—44) показаны замечательные качества русских людей, проявившиеся в тяжелых испытаниях. Драматическая диалогия «Иван Грозный» («Орел и орлица», 1942 и «Трудные годы, 1943; Сталинская премия 1946) посвящена выявлению «дивной силы сопротивления русского народа» его врагам.

Соч.: Полн. собр. соч. Т. 1—15. М., 1946—53; Собр. соч. / Вступ. ст. В. Щербины. Т. 1—10. М., 1958—61.

ТОЛСТОЙ Лев Николаевич (28.08[9.09].1828—7[20].11.1910), писатель, критик, общественный деятель. Родился в усадьбе Ясная Поляна Тульской обл. Среди предков писателя по отцовской линии — сподвижник имп. Петра I — П. А. Толстой, одним из первых в России получивший графский титул. Участником Отечественной войны 1812 был отец писателя гр. Н. И. Толстой. По материнской линии Толстой принадлежал к старинному роду кн. Волконских, связанных родством с кн. Трубецкими, Голицыными, Одоевскими, Лыковыми и др. знатными семьями. По матери Толстой был родственником А. С. Пушкина. Их общий предок — видный соратник имп. Петра I боярин И. М. Головин. Одна из его дочерей — прабабка поэта, а др. — прабабка матери Толстого. Писатель находился также в

родстве с некоторыми из декабристов, в т. ч. — кн. С. П. Трубецким и кн. С. Г. Волконским.

Живя в старинной родовой усадьбе, Толстой еще в детстве слышал семейные были и предания о «грозе двенадцатого года». Уже в детские и отроческие годы зарождался у Толстого глубокий интерес к отечественной истории. «Без своей Ясной Поляны, — признавался он позднее, — я трудно могу себе представить Россию и свое отношение к ней».

В Ясной Поляне Толстой близко увидел, как протекала жизнь простого русского народа, ставшего его «самой юной любовью». Здесь еще до того, как он познакомился со стихами Пушкина, Толстой слышал много народных сказок, песен, былин. Когда Толстому шел 9-й год, отец впервые повез его в Москву, впечатления от встречи с которой живо переданы будущим писателем в детском сочинении «Кремль». Москва здесь названа «величайшим и многолюднейшим городом Европы», стены которого «видели стыд и поражение непобедимых полков Наполеоновых». Первый период московской жизни юного Толстого продолжался менее 4 лет. Он рано осиротел, потерял сначала мать, а затем и отца. С сестрой и тремя братьями юный Толстой переезжает в Казань. Здесь жила одна из отцовских сестер, ставшая их опекуной.

Живя в Казани, Толстой 2,5 года готовился к поступлению в университет, где учился с 1844 сначала на восточном, а затем на юридическом факультете. Готовивший его к экзаменам по турецкому и татарскому языкам известный тюрколог проф. Казембек был удивлен лингвистическими способностями юного Толстого. В зрелую пору жизни Толстой свободно владел английским, французским и немецким языками; читал на итальянском, польском, чешском и сербском; знал греческий, латинский, украинский, татарский, церковнославянский; изучал древнееврейский, турецкий, голландский, болгарский и др. языки. Не считая

себя полиглотом, Толстой, тем не менее, имел возможность знакомиться с произведениями многих зарубежных писателей в подлинниках.

Толстому шел 19-й год, когда он начал вести дневник, который продолжал до конца дней (в полном собрании сочинений дневник занимает 13 томов).

Занятия по казенным программам и учебникам тяготили Толстого-студента. Он увлекся самостоятельной работой над исторической темой и, оставив университет, уехал из Казани в Ясную Поляну, полученную им по разделу отцовского наследства. Затем он отправился в Москву, где в к. 1850 началась его писательская деятельность: незаконченная повесть из цыганского быта (рукопись не сохранилась) и описание одного прожитого дня. Тогда же была начата повесть «Детство». Толстой решил поехать на Кавказ, где его старший брат, Николай Николаевич, офицер-артиллерист, служил в действующей армии. Молодому Толстому хотелось увидеть войну своими глазами и проверить, храбрый ли он человек. Поступив в армию юнкером, он потом сдал экзамен на младший офицерский чин. Эпизоды Кавказской войны Толстой описал в рассказах «Набег» (1853), «Рубка леса» (1855), «Разжалованный» (1856), в повести «Казачи» (1852—63). На Кавказе была завершена повесть «Детство», в 1852 напечатанная в журнале «Современник».

Когда началась Крымская война, Толстой перевелся с Кавказа в Дунайскую армию, действовавшую против турок, а затем в Севастополь, осажденный объединенными силами Англии, Франции и Турции. Командуя батареей на 4-м бастионе, Толстой проявил редкое бесстрашие. Был награжден орденом Анны с надписью «За храбрость» и медалями «За защиту Севастополя» и «В память войны 1853—56 гг.». Не раз Толстого представляли к награде боевым Георгиевским крестом, но у высшего начальства он находился на плохом счету и «Георгия» не получил. Военное ведомство отвергло разработанные им проекты (о реформировании артиллерийских батарей и создании штуцерных (штуцера — нарезные ружья) батальонов). Кроме того, Толстой пишет проект о реформировании всей русской армии (остался незаконченным), где подчеркивает тяжелые условия солдатской службы. Вместе с группой передовых офицеров Крымской армии Толстой намеревался выпускать журнал «Солдатский вестник» («Военный листок»), но его издание не было разрешено имп. Николаем I.

Осенью 1856 вышел в отставку («Военная карьера — не моя...», — пишет он в дневнике в марте 1855) и вскоре отправился в полугодовое заграничное путешествие, посетив Францию, Швейцарию, Италию и Германию. В 1859 Толстой открыл в Ясной Поляне школу для крестьянских детей, а затем помог открыть более 20 школ в окрестных деревнях. Чтобы направить их деятельность по верному, с его точки зрения, пути, он издавал педагогический журнал «Ясная Поляна» (1862). С целью изучить постановку школьного дела в зарубежных странах писатель в 1860 вторично отправился за границу.

Когда был объявлен царский манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости, Толстой вошел в число мировых посредников первого призыва, стремившихся помочь крестьянам решать их споры с помещиками о земле. Дворяне Крапивенского у., где Толстой был мировым посредником, посылали на него жалобы начальству, обвиняя его в том, что все спорные дела о земле он решал в пользу крестьян, — и ему пришлось уйти в отставку.

Вскоре в Ясной Поляне, когда Толстой находился в отъезде, жандармы произвели обыск, уверенные в том, что найдут тайную типографию, которую писатель якобы завел после того, как много дней общался в Лондоне с А. И. Герценом. Толстому пришлось закрыть школу и прекратить издание педагогического журнала. Перу Толстого принадлежат 11 статей о школе и педагогике («О народном образовании», «Воспитание и образование», «Об общественной деятельности на поприще народного образования» и др.). В них он подробно описал опыт своей работы с учениками («Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы», «О методах обучения грамоте», «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят» и др.). Педагогические идеи Толстого вызвали долгие и острые споры. Толстой-педагог требовал сближения школы с жизнью, стремился поставить ее на службу запросам народа, а для этого активизировать процессы обучения и воспитания, развивать творческие способности детей. Глубоко любя родину, Толстой заботился о патриотическом воспитании школьников — знакомил их с историей Отечественной войны 1812, с событиями Кавказской и Крымской войн. Общаясь с «маленькими людьми», как он называл школьников, писатель следовал принципу, заявленному им в рассказе «Севастополь в мае»: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда».

По поводу рукописи этого рассказа Некрасов писал Тургеневу: «...Эта статья исполнена такой трезвой и глубокой правды, что нечего и думать ее печатать». Однако со многими цензурными изъятиями, с искажениями в тексте «Севастополь в мае» все же появился в журнале «Современник» (1855. № 9), правда — с измененным заглавием и без указания имени автора. Увидев, как цензура изуродовала его рассказ, Толстой понял, что он «сильно на примете у жандармов». «Желаю, — написал Толстой в дневнике, — ...чтобы всегда Россия имела таких нравственных писателей; но сладеньким уж я никак не могу быть, и тоже писать из пустого в порожнее — без мысли и, главное, без цели». Первые произведения Толстого — повести «Детство» и «Отрочество», кавказские и севастьяпольские военные рассказы, «Утро помещика» — свидетельствовали, что в русскую литературу пришел новый большой художник. Читатели и критики поверили в это раньше, чем сам Толстой, подписывавшийся Л. Н. и Л. Н. Т.

По замыслу автора, «Детство», «Отрочество» и «Юность», а также повесть «Молодость», которая, однако, не была написана, должны были составить роман «Четыре эпохи развития». Показывая ступень за ступенью становление характера Николая Иртеньева, писатель тщательно исследует, как воздействовала на его героя среда — сначала узкий семейный круг, а затем все более широкий круг его новых знакомых, сверстников, друзей, соперников. В первом же завершенном произведении, посвященном ранней и, как утверждал Толстой, лучшей, самой поэтической поре человеческой жизни — детству, он с глубокой грустью пишет о том, что между людьми воздвигнуты жесткие преграды, разъединяющие их на множество групп, разрядов, кругов и кружков. У читателя не остается сомнений, что юному герою Толстого будет не легко найти место и дело в мире, живущем по законам отчуждения. Дальнейший ход повествования подтверждает это предположение. Особенно трудной порой для Иртеньева оказалось отрочество. Рисуя эту «эпоху» в жизни героя, писатель решил «показать дурное влияние» на Иртеньева «тщеславия воспитате-

лей и столкновения интересов семейства». В сценах университетской жизни Иртеньева из повести «Юность» с симпатией обрисованы его новые знакомые и друзья — студенты-разночинцы, подчеркнуто их умственное и нравственное превосходство над героем-аристократом, исповедовавшим кодекс светского человека.

Искреннее стремление молодого Нехлюдова, выступающего главным героем в рассказе «Утро помещика», облагодетельствовать своих крепостных крестьян выглядит наивной мечтой недоучившегося студента, который впервые в жизни увидел, как тяжело живет его «крещеная собственность».

В самом начале писательского пути Толстого в его творчестве властно вторгается тема разобщения людей. В трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» отчетливо выявлена этическая несостоятельность идеалов светского человека, аристократа «по наследству». Кавказские военные рассказы писателя («Набег», «Рубка леса», «Разжалованный») и рассказы о Севастопольской обороне поразили читателей не только суровой правдой о войне, но и смелым обличением офицеров-аристократов, явившихся в действующую армию за чинами, рублями и наградами. В «Утре помещика» и «Поликушке» трагедия русской дореформенной деревни показана с такой силой, что для честных людей становилась еще более очевидной безнравственность крепостничества.

Севастопольские рассказы утверждают в толстовском творчестве народно-героическую тему. В них Толстой выступил глубоким психологом, тонким мастером изображения «диалектики души» человека. Изображая душевные переживания своих героев в трудные или даже опасные моменты их жизни, писатель раскрывал весь психологический процесс, с переходами одного чувства в др., с быстрой и порою бесвязной переменной и путаницей мыслей. Так построены, напр., внутренние монологи офицера Праскухина в рассказе «Севастополь в мае».

Оценивая раннее творчество Толстого, нередко приходится прибегать к слову «первые». Так, в повести «Два гусара» писатель впервые в своей литературной деятельности дал чудесно написанный женский портрет. Героиня повести, юная Лиза, привлекает своей способностью «радоваться жизни», чистой совестью, деятельным характером. В «Двух гусарах» речь идет о той поре, «когда не было еще ни железных дорог, ни газового, ни старинного света», о «времени 1800-х годов». Работая над этой повестью, писатель впервые обратил к эпохе «Войны и мира».

Повесть «Казачки» (1863), завершившая первое десятилетие литературной деятельности Толстого, обратила на себя внимание свежестью и яркостью красок, особой приподнятостью и звучностью тона. Картины жизни ее героев, их цельные характеры писатель связал с особенностями истории гребенского казачества, не знавшего тягот крепостного строя. «Казачки» воспринимаются как эпическое повествование о трудной, но вольной народной жизни. В этом произведении писатель сделал попытку соединить форму романа с эпопеей, поместив типичного толстовского героя, рефлектирующего, недовольного собой молодого дворянина Оленина, в народную среду, жившую полнокровно, самобытно, близкой к природе жизнью. Казачья станица отвергает Оленина как чужого и чуждого ей человека. Его роман с молодой казачкой — красавицей Марьяной — оборвался в самом начале. Сложным является отношение к казачьей жизни и у Оленина.

Критики недооценили повесть «Казачки», увидев в ней лишь повторение сюжетных мотивов поэмы Пушкина «Цыганы» и романа Лермонтова «Герой нашего времени». Но

«Казачи» явились для автора этапным произведением, вплотную приведшим его к созданию большого эпического полотна о судьбах родины и народа в эпоху наполеоновских войн.

К этому времени на долгие годы устанавливается порядок жизни Толстого, его быт. В 1862 он женился на дочери московского врача С. А. Берс.

В одном из незавершенных предисловий к «Войне и миру» (1863—69) Толстой говорит: «Мы, русские, вообще не умеем писать романов в том смысле, в котором понимается этот род сочинений в (Англии) Европе. Я не знаю ни одного художественного русского романа, ежели не называть такими подражания иностранным. Русская (литература) художественная мысль не укладывается в эту рамку и ищет для себя новой. Предлагаемое сочинение, ежели имеет какие-нибудь достоинства, то так же, как и др. подобные русские сочинения, не подходит по своему содержанию ни под понятие повести, ни еще менее под понятие романа». Мысль о жанровой новизне своего произведения Толстой подробно обосновал в статье «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”» (1868). Он говорит здесь: «История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противного. Начиная от “Мертвых душ” Гоголя и до “Мертвого дома” Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести». Среди современников Толстого одним из первых, кто смог верно оценить значение «Войны и мира» и определить ее художественное своеобразие, был Тургенев. Рекомендую «Войну и мир» зарубежным читателям, Тургенев писал: «...Это — великое произведение великого писателя, — и это подлинная Россия». В предисловии к переводу раннего толстовского рассказа «Два гусара» на французский язык Тургенев назвал «Войну и мир» «произведением и оригинальным и обширным, соединяющим в себе вместе эпопею, исторический роман и очерк нравов». На страницах «Войны и мира» объединяется громадный и разноликий материал. Здесь сопрягаются, образуя органическое единство, картины исторической и семейно-бытовой, общей и частной жизни. Перед глазами читателя проходят, не заслоняя друг друга, более шестисот персонажей. Действие романа длится свыше 15 лет. Для успеха работы над произведением, подчеркивал Толстой, необходимо, чтобы художник любил в нем главную мысль. В «Войне и мире», по признанию писателя, он «любил мысль народную». А в ранних рукописях эпилога романа есть такое признание автора: «Я старался писать историю народа». «Мысль народная» положена Толстым в основу характеристики и оценки героев произведения, исторических событий и исторических деятелей. Выражая мнение народное, писатель страстно осуждает несправедливые, захватнические войны и славит героев священной, освободительной войны, ведя которую народ отстаивает национальную независимость своей родины.

Отвергая трактовку Отечественной войны 1812 как войны Наполеона I и Александра I, Толстой указывал, что, кроме уязвленных самолюбий двух императоров, были «миллионы миллионов других причин». Среди них были большие и мелкие, общие и частные, государственные и личные. И только по неизвестному людям закону совпадения причин происходят великие события, связанные «со всем ходом истории». Эти утверждения о некоем фатальном «заcone», определяющем судьбы отдельных людей и

народов, автор в сущности сводит на нет, показывая, как «дубина народной войны», действовавшая с «простотой и целесообразностью», привела к победе над наполеоновским нашествием. Против фаталистического объяснения хода событий направлены сцены, где показаны героизм и мужество Кутузова и его соратников, ясно осознавших цели борьбы с полчищами Наполеона и твердо добивавшихся их полного осуществления.

Главное, что противостоит в романе некоторым суждениям Толстого о предопределенности исторических событий, — это утверждение писателем народа как творца истории. В одном из писем поры завершения «Войны и мира» Толстой говорит о главных героях романа: «Я бы хотел, чтобы вы полюбили моих этих детей. Там есть славные люди. Я их очень люблю».

Однако отечески любя Андрея Болконского, Пьера Безухова, Наташу Ростову, писатель их не идеализировал. Достаточно напомнить о сословных предрассудках кн. Андрея, которых он так и не смог преодолеть до конца. Герои толстовского романа привлекательны прежде всего тем, что устремлены к деятельному участию в общей жизни, смело идут навстречу тяжелым испытаниям, пытаются ставить и решать вопросы, касающиеся не только их личной жизни и жизни своего народа, но и всего человечества.

И полковой командир Андрей Болконский, и капитаны Тушин и Тимохин, и фельдмаршал Кутузов смотрят на войну как «на страшную необходимость». Они принимают в ней участие, зная, что от ее исхода зависел «вопрос жизни и смерти отечества». «Для русских людей, — говорит автор “Войны и мира”, — не могло быть вопроса: хорошо ли или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего». Глубокий патриотизм русских людей Толстой показывает как черту, соприродную русскому национальному характеру. «Сознание того, что это так будет и всегда так будет, — утверждает автор “Войны и мира”, — лежало и лежит в душе русского человека».

Прославляя подвиг народа в войне справедливой, оборонительной, Толстой резко осуждает войны захватнические, грабительские. Агрессивная, несправедливая война осуждается писателем как «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие». Воодушевляя народы на священную освободительную борьбу, книга Толстого зовет к борьбе за сохранение мира. Она проникнута надеждой на то, что «придет время, когда не будет больше войны».

В романе Толстого царит атмосфера высокой нравственной требовательности. Со страниц «Войны и мира» звучит страстный призыв к единению всех людей доброй воли: «...Все мысли, которые имеют огромные последствия — всегда просты, — говорит один из главных героев романа. — Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто».

Возвысившись до постановки проблем общечеловеческого значения, главные герои «Войны и мира» остаются людьми своего времени, своей среды, ищут и находят конкретные пути служения деятельному добру. В этом их коренное отличие от предшествовавших им героев русской литературы, известных под именем «лишних людей».

В отличие от героинь Пушкина, Тургенева, идущих по пути самоотречения (Татьяна Ларина, Лиза Калитина), Наташа Ростова живет деятельной и счастливой жизнью. Толстой поставил эту героиню в центр важнейших сюжетно-фабульных «узлов» романа.

На страницах «Войны и мира» живут, вступая между собой в сложные взаимоотношения, лица «совершенно вымышленные», как их называл сам Толстой, а также лица исторические. И каждого из них автор проверяет эпохой 1812, выясняя их отношение к общенародному, общенациональному делу спасения родины от иноземных захватчиков. Кроме этого — главного — критерия оценки персонажей, здесь проступает сложная шкала нравственных ценностей, в соответствии с которой Наполеон вызывает к себе отрицательное отношение. В критической литературе о романе до сих пор бытует мнение, что его образ «не соответствует» историческому Наполеону. Напр., Э. Хемингуэй и М. Дрюон полагали, что образ французского императора на страницах «Войны и мира» написан не Толстым-художником, а Толстым — офицером русской армии. Однако освещение Наполеона у Толстого опирается на традицию, сложившуюся в русской литературе задолго до «Войны и мира». К наполеоновской теме обращались Пушкин и Гоголь, Лермонтов и Герцен. «Системы у него не было никакой, — писал о Наполеоне Герцен, — добра людям он не желал и не обещал, он добра желал себе одному, а под добром разумел власть». В этой характеристике легко увидеть черты толстовского образа Наполеона. Интересно, что в Германе из «Пиковой дамы» Пушкина и в Чичикове из «Мертвых душ» Гоголя отмечено своеобразное сходство с Бонапартом.

Недовольство толстовским «разоблачением» Наполеона в «Войне и мире» было высказано не только критиками и писателями, но и историками. Но Толстой уверенно и смело шел в открытое наступление против того раболепного отношения к Наполеону, с которым он встретился в книгах французских историков-бонапартистов и некоторых русских историков, писавших сочинения об Отечественной войне 1812.

Характеризуя свою работу над «Войной и миром», Толстой указывал, что он собирал и изучал исторические материалы «с рвением ученого», подчеркивая при этом, что историк и художник используют эти материалы по-разному. Он утверждал, что существуют «история-наука» и «история-искусство» и что они имеют свои четко различающиеся задачи. История-наука, как полагал Толстой, уделяет главное внимание частностям, подробностям событий и ограничивается их внешним описанием, в то время как история-искусство схватывает общий ход событий, проникая в глубины их внутреннего смысла. В свете Отечественной войны 1812, которую русский народ вел как войну освободительную, контрастные характеристики Наполеона как агрессора и «палача народов» и Кутузова как «представителя народной войны», «представителя русского народа» не выглядят неожиданными. Лишь в Кутузове видит Толстой истинное величие: «...он один, в противоположность мнению всех, мог угадать так верно значение народного смысла события, что ни разу во всю свою деятельность не изменил ему». Сила Кутузова заключалась «в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его». Положенная в основу «Войны и мира» «мысль народная» дала Толстому ключ для верной оценки великого русского полководца и его соратников.

Завершив «Войну и мир», Толстой еще несколько лет изучал материалы об имп. Петре I и его времени. Петровская эпоха, как он думал, заключала в себе «узел» всей дальнейшей русской жизни с ее противоречиями. Написав несколько глав «петровского» романа, Толстой отказался от своего замысла. В н. 70-х писателя вновь увлекла педагогика. Много труда вложил он в создание «Азбуки», а за-

тем и «Новой азбуки». Тогда же он составил «Книги для чтения», включив в них много своих рассказов.

Весной 1873 Толстой начал и через 4 года закончил работу над большим романом о современности, назвав его по имени главной героини — «Анна Каренина». В этом произведении, как вспоминала жена писателя, он любил «мысль семейную». Драматически складывающейся семейной жизни Анны Карениной противопоставлено в романе супружеское счастье Константина Левина. Однако история счастливой семьи Левина не идилична: чувство тревоги за будущее не только своей семьи, а и всей страны не покидает Левина, не раз доводившего до полного отчаяния. Левин несет в себе черты типичного толстовского героя-правдоискателя, человека совестливого, честного, не боящегося ставить самые большие вопросы времени. Он мучительно ищет выход из тупика, в какой зашла русская пореформенная жизнь.

Толстовский герой мечтает о «бескровной революции», которая, как он предполагает, произойдет сначала у него в имении, затем в его уезде, потом в губернии и, наконец, во всей России и далеко за ее пределами. Эта революция, по мысли Левина, не «обидит» ни мужика, ни барина. Но еще молодой князь Нехлюдов из рассказа Толстого «Утро помещика» столкнулся с непреодолимым недоверием крепостных крестьян к его проектам об улучшении их положения. С еще большим недоверием отнеслись крестьяне к планам Левина о совместном с ними владении землей, об «артельном» хозяйстве.

Видя, что его интересы помещика «не только чужды и непонятны, но фатально противоположны их самым справедливым интересам», Левин в то же время признает «простоту, чистоту и законность этой жизни» людей труда. Он полагает, что найдет утешение для себя и оправдание многовековой вины дворянства перед народом, если будет жить, как старый крестьянин Фоканыч, о котором мужики говорят, что он «для души живет, Бога помнит». Подобный финал исканий свидетельствовал о глубоком кризисе в мировоззрении не только героя романа, но и самого писателя. Левин один из самых близких ему героев. Левин испытывает искреннее сочувствие к Анне Карениной, видя в ней глубоко оскорбленного и страдающего человека, посмеявшегося не посчитаться с правилами «светского этикета», заменяющими в ее среде общечеловеческие нормы морали. Если отношения Левина с его окружением складываются порой драматично, то для Анны Карениной они — трагичны. Брак Анны с Карениным был «устроен» ее теткой и был браком по расчету. Анна стала женой человека, который «всю жизнь свою... прожил и проработал в сферах служебных, имеющих дело с отражением жизни». Решающая черта характера Каренина заключалась в том, что «каждый раз, когда он сталкивался с самой жизнью, он отстранялся от нее». Далеко от интересов подлинной жизни и Вронский с его искусственным «сводом правил» светского человека. Не напрасно Левин испытывает тревогу за Анну, боясь, что «Вронский не вполне понимает ее». И уже первые встречи Анны и Вронского полны предчувствия неминуемой для них беды. Чуткая ко всякой фальши Долли называет семью Анны и Вронского «неправильной», возникшей ценой разрушения каренинской семьи. Пострадал не только Каренин, но и сын Сережа, о сиротстве которого не может забыть Анна. После тайного свидания с Сереей, жившим в доме отца, Анна поняла, что «в нем уже боролись мысли, чувства: он понимал, он любил, он судил ее, думала она, вспоминая его слова и взгляды. И она навсегда не только фи-

зически, но духовно была разьединена с ним, и поправить этого нельзя было». В одной из глав пятой части романа есть поразительная сцена: фотографией Вронского Анна вытаскивает из альбома фотографию сына. Анна любит и Сережу и Вронского, но соединить их в одну семью она не может — это не в ее силах. И в этом — главный источник ее страданий.

Потрясающая сцена встречи Анны с Сережей в день его рождения несет в себе общечеловеческий смысл, ставит «вечный» вопрос об ответственности родителей за счастье детей, о нравственных обязанностях взрослых перед теми, кто только начинает жить.

Критика 70-х не увидела глубочайших связей нового романа Толстого с современностью. Это побудило Ф. М. Достоевского посвятить «Анне Карениной» цикл статей в «Дневнике писателя». «Книга эта, — писал он, — прямо приняла в глаза моих размер того факта, который мы могли бы указать Европе. <...> “Анна Каренина” есть совершенство как художественное произведение <...>, с которым ничто подобное из европейских литератур в настоящую эпоху не может сравниться...». Отвргая домыслы критиков о несовременности содержания «Анны Карениной», Достоевский утверждал, что роман Толстого отвечает самой острой «злобе дня». Защищая роман от нападок критиков, Достоевский близко подошел к той характеристике типа толстовского романа, которая много лет спустя прозвучала в предисловии Т. Манна к американскому изданию «Анны Карениной»: «Я без колебания назвал “Анну Каренину” величайшим социальным романом во всей мировой литературе». Вслед за Достоевским Т. Манн отвел попытки критиков отнести произведение Толстого к типу «великосветского романа»: «...Этот роман из жизни светского общества направлен против него, — об этом читателя предупреждает уже библейский эпиграф: “Мне отмщение и Аз воздам”. Моральным побуждением, заставившим Толстого взяться за перо, было, несомненно, желание обличить общество, которое с холодной жестокостью изгоняет из своей среды гордую и благородную по натуре женщину, не сумевшую совладать со своей страстью...». В том же предисловии Т. Манн, назвав «Анну Каренину» «великой книгой», отнес ее к эпосу, к той разновидности эпоса, которая нашла выражение в «гомеровской стихии», имеющей «непреходящее здоровое начало, непреходящий реализм».

В н. 80-х Толстой переехал с семьей из Ясной Поляны в Москву, заботясь о том, чтобы дать образование своим подраставшим детям. В 1882 проходила перепись московского населения, в которой Толстой принял участие. Он близко увидел обитателей городских трущоб и описал их страшную жизнь в статье о переписи и в трактате «Так что же нам делать?» (1882—86). В них писатель подверг анализу экономическое и политическое устройство буржуазного общества, его мораль и нравственность и сделал вывод: «Так нельзя жить, нельзя так жить, нельзя!». «Исповедь» и «Так что же нам делать?» представляли собой произведения, в которых Толстой выступал одновременно и как художник и как публицист, как глубокий психолог и смелый социолог-аналитик. Позднее этот род произведений — по жанру публицистических, но включающих в себя художественные сцены и картины, насыщенные элементами образности, — займет большое место в его творчестве.

В н. 1880-х происходит разрыв Толстого с той средой, к которой он принадлежал по своему рождению и воспитанию, отказ от прежнего образа жизни. Он теоретически обосновывает свое миропонимание в «Исповеди», «Иссле-

довании догматического богословия», «Соединении и переводе четырех Евангелий» и особенно в трактате «В чем же моя вера», создает свою религиозно-философскую систему. Толстой призывал к преобразованию общества путем морально-религиозного самоусовершенствования, отказа от всякого насилия (проповедовал тезис «непротивления злу насилием»).

В сер. 80-х Толстой и его единомышленники создали в Москве издательство «Посредник», печатавшее для народа книги и картины, вытеснившие с книжного рынка примитивные лубочные издания. Первым из произведений Толстого, напечатанным для «простого» народа, был рассказ «Чем люди живы». В нем, как и во многих др. произведениях этого цикла, писатель широко воспользовался не только фольклорными сюжетами, но и выразительными средствами устного творчества.

С народными рассказами Толстого тематически и стилистически связаны его пьесы для народных театров и, более всего, драма «Власть тьмы», написанная в 1886. «Я раньше объявил, что буду писать для народа, — заявил Толстой, — “Власть тьмы” я писал для народа». Во «Власти тьмы» запечатлена трагедия пореформенной деревни, где под «властью денег» рушились вековые патриархальные порядки.

Толстой добивался, чтобы его народные рассказы и пьесы были не только общедоступными по форме, но и заключали в себе доброе содержание, соответствовавшее вероучению писателя. Суровое обличение насилия, общественной лжи и фальши соединяется в них с призывами к незлобию, всепрощению. Правдивые обличения неправды сочетаются с проповедью покорности судьбе и христианской любви.

В 80-е появились повести Толстого «Смерть Ивана Ильича» и «Холстомер» («История лошади»). Они поразили читателей соединением глубочайшего психологизма с обличительным пафосом, направленным против мира имущих. «Смерть Ивана Ильича» потрясла читателей изображением внутреннего мира ничем не примечательного человека, средней руки чиновника, полагавшего, что он устроил свою жизнь «приятно и прилично», что она «одобряема обществом» и начальством. Неизлечимая болезнь и страх перед близким концом заставляют его прозреть и понять, что «приличная, веселая, приятная жизнь», которую он вел, ужасна своей пустотой, фальшью, полной бездуховностью. В «Холстомере», «Смерти Ивана Ильича» Толстой употребил художественный прием своеобразной ретроспекции: сначала в них рассказывается о финале жизненной судьбы главных героев, а уже затем, в свете конца изображается вся их предшествующая жизнь. Этот прием используется писателем и в повести «Крейцеров соната» (1887—89). В ней, а также в рассказе «Дьявол» (1889—90) и повести «Отец Сергей» (1890—98) остро ставятся проблемы любви и брака, чистоты семейных отношений.

На основе социального и психологического контраста строится повесть Толстого «Хозяин и работник» (1895), связанная стилистически с циклом его народных рассказов, написанных в 80-е. Пятью годами ранее Толстой написал для «домашнего спектакля» комедию «Плоды просвещения». В ней также показаны «хозяева» и «работники»: живущие в городе дворяне-землевладельцы и приехавшие из голодной деревни, лишенные земли крестьяне. Образы первых даны сатирически, вторых автор изображает как людей разумных и положительных, но в некоторых сценах и их «подает» в ироническом свете.

Комедия «Плоды просвещения», остропроблемные повести и рассказы 80—90-х, а также статьи и трактаты «позднего» Толстого, посвященные самым большим вопросам современности, объединены мыслью о неминувшей и близкой по времени «развязке» социальных противоречий, о замене изжившего себя общественного «порядка». «Какая будет развязка, не знаю, — писал Толстой в 1892, — но что дело подходит к ней и что так продолжаться, в таких формах, жизнь не может, — я уверен». Этой идеей одухотворено крупнейшее произведение всего творчества «позднего» Толстого — роман «Воскресение» (1889—99).

Менее десяти лет отделяют «Анну Каренину» от «Войны и мира». «Воскресение» отделено от «Анны Карениной» двумя десятилетиями. И хотя многое отличает третий роман Толстого от двух предыдущих, их объединяет истинно эпический размах в изображении жизни, редкое умение «сопрягать» в повествовании отдельные человеческие судьбы с судьбой народной. Толстой сам указывал на единство, существующее между его романами: он говорил, что «Воскресение» написано в «старой манере», имея, прежде всего, в виду эпическую «манеру», в которой были написаны «Война и мир» и «Анна Каренина».

Эпичность «Войны и мира» (судьба народа и родины как главный предмет изображения) и романная форма «Анны Карениной» (судьба главной героини в основе сюжета произведения) соединились в «Воскресении», образовав оригинальную художественную форму романа «большого захвата», «большого дыхания», как называет ее Толстой в письмах и дневниковых записях. Сближает эти произведения и сходство их главных героев. Пьер Безухов и Андрей Болконский, Константин Левин и Дмитрий Нехлюдов — главный герой «Воскресения» — наиболее близки автору из всех действующих в его романах лиц. Толстой нередко «порукает» им высказать свои взгляды на те или иные события, оценить мысли и чувства, слова и поступки современников. Каждому из них присущи важнейшие качества толстовского положительного героя: богатство внутреннего мира, высокий уровень нравственных требований к себе и др., стремление на деле осуществить принципы деятельного добра, поиски путей к сближению с народом, в ком они видят решающую силу исторического развития и перед кем считают себя в неоплаченном долгу за привилегии, которыми пользовался их дворянский класс в течение многих столетий. Сохраняя в себе эти черты, кн. Дмитрий Иванович Нехлюдов в то же время выступает как типичный герой «позднего» творчества Толстого с присущими ему особенно резкими, глубокими колебаниями во взглядах и поступках. Долго работая над архитектурой «Воскресения», писатель создал панорамную композицию, позволившую ему показать все «этажи» пореформенного русского общества, ввести своего наблюдательного героя в разные сферы бюрократического аппарата. Встречаясь с высокими особами из чиновничьей касты, Нехлюдов приходит к выводу, что они составляют единую корпорацию «людоедов», совершенно глухих, «непромокаемых», бесчувственных по отношению к бедам и нуждам людей из народа. Таковы все «хозяева жизни», начиная от царских сановников, обер-прокурора Синода, сенаторов, министров, губернаторов и кончая тюремными начальниками. Считая себя «слугами закона», они в каждом «простом» человеке видят потенциального правонарушителя.

Многолик и красочен показанный в «Воскресении» народный мир. Каменщики, плотники, строители, рабочие на торфяных разработках, поденщики, мастера, прач-

ки, прислуга обрисованы Толстым как оторванный от земли и вынужденный искать работу в городе крестьянский люд. Картины нищеты и разорения, голодовок пореформенной деревни поражают в «Воскресении» своим суровым реализмом, бесстрашием правдивого художника. «— Какая наша жизнь! Самая плохая наша жизнь», — говорит старик крестьянин из деревни Паново, отвечая на вопрос Нехлюдова. Подобно тому как в 90-е Толстой, помогая голодавшим крестьянам, делал подворные обходы в деревнях, пострадавших от неурожая, Нехлюдов идет из одной избы в др. и убеждается в том, что бедствия народа стали переносимыми.

Если Константин Левин только пытается понять, откуда возникло враждебное отношение крестьян к помещикам, то Нехлюдов ясно видит его причины. Левин искал и не нашел путей примирения интересов землевладельца и крестьянина. Нехлюдов решает передать свою «родовую» землю крестьянам на таких выгодных для них условиях, чтобы они получили «возможность быть независимыми от землевладельцев вообще». Левин только мечтал о женитьбе на крестьянке и о переселении из усадьбы в крестьянскую общину. Нехлюдов отказывается жениться на девушке из аристократического общества и хочет связать свою судьбу с Катюшей Масловой.

Однако автор романа ни в малейшей степени не идеализирует своего героя. Более десяти лет какая-то «страшная завеса» скрывала от сознания Нехлюдова и преступность совершенного им обмана Катюши, и преступность всего его образа жизни. Он «в глубине своей души... чувствовал всю жестокость, подлость, низость не только этого своего поступка, но всей своей праздной, развратной, жестокой и самодовольной жизни...» Пройдет немало времени, прежде чем он, все более убеждаясь в безнравственности своего образа жизни, решится на полный разрыв отношений с людьми, которых считал близкими и равными себе по положению в обществе. Размышляя над противоположными натурами своего героя, Толстой записал в дневнике 1895: «...Думал о двойственности Нехлюдова. Надо это яснее выразить». В романе это выражено с полной ясностью не только в рассуждениях о том, что в душе Нехлюдова жили два человека — духовный и животный, но и в глубоком анализе борьбы между ними. В нем, «как и во всех людях, было два человека», — утверждает Толстой. «Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди». Однако из суждений писателя о «текучести» человека вовсе не следует, что он отказывался от четкой нравственной оценки изображаемых людей. Пафос этих суждений направлен против теории природной преступности, которая в то время, когда разворачивается действие романа, принималась «за последнее слово научной мудрости». Рассказывая историю жизни главной героини романа, писатель говорит, что это была самая обыкновенная история. Точно так же, как Катюша Маслова, гибли сотни др. девушек, принадлежавших к «низам» общества. Судьбу Катюши определили два пережитых ею «душевных переворота»: один был вызван подлым поступком Нехлюдова, отбросившим ее на самое «дно» жизни, а др. произойдет с нею тогда, когда по дороге на каторгу она встретит людей, которым поверит и которые помогут ее духовно возрождению. В тюрьме и по дороге в Сибирь Катюша с глубокой болью и горечью воспринимала жестокое отношение начальства к арестантам. На вопрос Нехлюдова — что она думает о положении народа? — Катюша отвечает: «Я ду-

маю, обижен простой народ... очень уж обижен простой народ». «Она очень легко и без усилий поняла мотивы, руководившие этими людьми, и, как человек из народа, вполне сочувствовала им. Она поняла, что люди эти шли за народ против господ...» Общение с ними «открыло ей такие интересы в жизни, о которых она не имела никакого представления». Под благотворным влиянием этих, по ее словам, «чудесных людей» Катюша вновь обретает веру в жизнь и добро, в возможность счастья.

К к. XIX в. Толстой становится признанным главой русской литературы. Великие литературные заслуги пробудили в нем горделивое стремление стать религиозным реформатором, поставить себя не только над литературой, но и над Православной церковью, поучая ее служителей, что им надо делать. Выпады Толстого против Православия переходят все границы. В февр. 1901 определением Св. Синода Толстой был отлучен от Церкви. «Известный всему миру писатель, — говорилось в этом определении, — русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достоинство, явно перед всеми отрекшись от вскормившей и воспитавшей его матери, Церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которой жили и спасались наши предки и которой доселе держалась и крепка была Святая Русь. В своих сочинениях и письмах, во множестве распеваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого отечества нашего, он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской: отвергает личного живого Бога, в святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя вселенной; отрицает Господа Иисуса Христа — Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради человеков и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых; отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождения и по рождении Пречистой Богородицы Приснодевы Марии, не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства Церкви и благодатное в них действие Святого Духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнувшись подвергнуть глумлению величайшее из таинств, святую Евхаристию». В силу этого «Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не возвратится к Церкви, в которую он вошел из Ясной Поляны и направился в *Оптину Пустынь*, возможно, чтобы совершить обряд покаяния, но по дороге простудился и заболел воспалением легких. Чтобы спасти душу грешника, отлученного от Церкви, на станцию, где лежал больной Толстой, приехал святой оптинский старец Варсонофий. Однако враги Христовой веры, окружавшие Толстого, не допустили русского святого к умирающему писателю.

7 нояб. Толстой скончался без покаяния на ст. Астапово Рязано-Уральской железной дороги. Похоронен в Ясной Поляне без церковного обряда.

Соч.: Полн. собр. соч. Юбилейное издание: В 90 т. М., 1928—58; Указатели к Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого М., 1964; Собр. соч.: В 22 т. М., 1878—85.

Ист.: Русские писатели. Биобиблиографический словарь. М., 1990. Т. 2. С. 295—305; Русский биографический словарь. М., 2001. Т. 15. С. 148—163.

ТОНИЧЕСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ, название системы стихосложения, принятой в русской поэзии со времен реформы *В. Тредиаковского*. В основе тонического стихосложения лежит принцип равностопия строк и совпадения словесных ударений с сильными, опорными долями стопы. *М. Ломоносов* назвал эту систему метрико-тонической, его поддержал в н. XX в. акад. В. Перетц, назвав ее метро-тонической системой; критик 30—40-х XIX в. *Н. Надеждин* назвал тоническое стихосложение силлабически-тоническим, этот термин (в несколько видоизмененной форме: *силлаботонический стих*) получил в наше время наибольшее распространение. Размерами тонического стихосложения написаны почти все произведения русских поэтов-классиков и многих современных поэтов. См.: Реформа Тредиаковского.

ТОРЖЕСТВЕННИК, памятник древнерусской литературы, сборник проповедей, похвальных слов, *житий* наиболее почитавшихся святых. Прототип «Торжественника» — греческий сборник, переведенный в Болгарии и перенесенный на Русь (не позднее XII в.). Списки «Торжественников» различны по составу: в одних («минейных») преобладают похвальные слова, жития святых и сказания, предназначенные для праздничных богослужений; в др. («триодные») входят преимущественно проповеди. Из произведений древнерусских писателей в «Торжественниках» чаще др. встречаются «слова» *Кирилла Туровского* и Григория Цамблака.

Лит.: Орлов А. С. Сборники Златоуст и Торжественник. [СПб.], 1905.

ТРАГЕДИЯ (греч. — козлиная песнь, от козел и песнь), сценическое произведение, в котором изображается резкое столкновение героической личности с противостоящими ей силами общества, государства или со стихиями природы, в результате чего герой погибает. Трагедия возникла в Древней Греции из дифирамба, на основе культа Диониса, бога растительности, покровителя виноградарства и виноделия. Первоначально Дионис рисовался воображению греков в облике козла, затем он был наделен человеческими чертами наподобие сатира с рождками надо лбом и бородой (у римлян — Вахх). Празднества в честь Диониса совершались весной, актеры изображали его страдания и гибель; потрясенные зрители испытывали чувство страха и сострадания (катарсис).

В XVIII в. трагедии в стихах писали русские драматурги: *А. Сумароков*, создавший трагедию «Димитрий Самозванец», «Хорев», «Синав и Трувор»; *В. Озеров*, автор трагедий «Димитрий Донской», «Эдип в Афинах», «Фингал» и др., *Я. Княжнин*, автор трагедии «Вадим Новгородский».

В XIX в. русская трагедия получила наивысшее выражение, гл. обр. у *А. Пушкина* («Борис Годунов» и «Маленькие трагедии»). В дальнейшем русские авторы выработали своеобразный вид трагедии, который можно назвать трагедийной драмой, в основе ее лежит столкновение двух личностей, из них одна погибает. Таковы, напр., драма в стихах *М. Лермонтова* «Маскарад» и драма в прозе *А. Островского* «Гроза».

Интересна недооцененная до сих пор драматическая деятельность *Ин. Анненского*; он первым в России XX в. написал стихотворные трагедии (на античные темы): «Фамира кифарэд», «Мелантиппа-философ», «Царь Иксмон» и «Лаодамия». Своеобразна по стилю небольшая трагедия в стихах *М. Цветаевой* «Ариадна», в которой также переосмыслены античные мотивы.

А. Квятковский

ТРЕДИАКОВСКИЙ Василий Кириллович (22.02[5.03].1703—6[17].08.1769), писатель. Родился в Астрахани в семье священника. Учился в школе католических монахов-капуцинов. Оставив церковную службу, бежал в Москву, где учился в *Славяно-греко-латинской академии* (1723—26).

В 1726 отправился в Голландию, жил в Гааге, у русского посла; пешком добрался до Парижа, где учился в Сорбонне (1727—30). В 1730, вернувшись в Россию, напечатал перевод аллегорического романа П. Тальмана «Езда в остров Любви» с приложением своих любовных стихов. Роман и стихи, написанные самым «простым» слогом, лишенным «глубоко-словныя славенщизны», создали Тредиаковскому литературную популярность. С 1732 он становится

переводчиком при Академии наук, где в 1735 выступил с речью о необходимости реформы стихосложения, издания курса поэтики и подготовки полного словаря русского языка. Новую систему стиха — *силлабо-тоническую*, основанную на регулярном чередовании ударных и неударных слогов, — Тредиаковский предложил в трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735); здесь же изложена система поэтических жанров *классицизма* и впервые в русской поэзии даны образцы *сонета*, *рондо*, *мадригала*, *оды*. Реформа стихосложения, предложенная Тредиаковским, была построена на национальной русской основе и во многом определила дальнейшее развитие всей русской поэзии, ибо тонический принцип ближе к акцентной природе русского стиха. Тредиаковский был непоследователен в своей реформе: он тонизировал только одиннадцатисложный и тринадцатисложный стихи, а в коротких стихах сохранил силлабику; основным размером он объявил хорей, отвергнув ямб и возможность сочетания мужских и женских рифм. Реформа Тредиаковского была завершена *М. В. Ломоносовым*, который теоретически обосновал широкие возможности ямбического стиха и реализовал их практически в своих одах 1740-х.

В 1745 Тредиаковский стал академиком. В том же году произнес программное «Слово о богатом, различном, искусном и несходственном витийстве», в котором изложил принципы полной синтаксической свободы смешения «славенщизны» с просторечием. В 1748 Тредиаковский опубликовал «Разговор об орфографии» — первый в русской науке опыт изучения фонетического строя русской речи. Высокий слог в прозе Тредиаковский разработал в переводе (с латинского) политико-аллегорического романа Д. Барклея «Аренида» (1751), а свои теоретические взгляды, в т. ч. и теорию поэтического перевода, изложил в 2-томном сборнике «Сочинения и переводы как стихами так и прозою» (1752), куда вошел, в частности, его перевод «Поэтического искусства» Буало (стихами). В литературных спорах 1740—50-х с Ломоносовым и *А. П. Сумароковым* взгляды Тредиаковского на стихосложение и структуру литературного языка не получили признания и поддержки у новых поколений литераторов; в это время положение Тредиаковского в литературе и в Академии становится все более тягостным. Из-за равнодушия академического начальства и осуждения со стороны

ПЕРЕЧЕНЬ.

Тилемахъ рассказываетъ , что онъ взятъ на Кораблѣ Туркомахъ , Мореходимымъ Сесостриевымъ Строемъ , и отведенъ ПЛБНИКЪ въ Египетъ. Описываетъ красную Египетскія земли , и му-рость въ правительствѣ Царя ея. Присовокупляетъ , что Менторъ посланъ Невольникъ въ Египтою ; что самъ онъ , Тилемахъ , принужденъ былъ пасты Студо въ Пустынь Оаси ; что Фериосирибъ , Жрецъ Аполлоновъ , умѣшилъ его наставленіемъ подражания Аполлону , бывшему ѳвкогда Пастыремъ у Царя Адмита ; что Сесострій нахонецъ ѳвѣдомилъ о всемъ , дѣлаемомъ отъ него дивномъ между Соластырами ; что его возвратилъ къ себѣ , бывъ удостовренъ о меловности онаго , и общадъ отпустить въ Иоакю , но смерть сетожъ Царя свергла его въ ярма, заключенія ; что заключенъ онъ въ темницу въ ѳвкоей башнѣ , стоявшей на брегѣ Морскѣмъ , съ кою видѣлъ новаго Царя Вѣктора , погибшаго на сраженіи противъ своихъ Подданныхъ забунтовавшихъ , а подкрѣпленныхъ помощію отъ Турянъ.

Турянъ владеніемъ Царь Сесострій на-гибѣвъ преподавѣя , Царствовалъ тогда въ вѣлѣчнѣмъ и-плодномъ Египтѣ. Да и-себѣ покорилъ воюя премногія Царства. Какъ не сивѣное тѣхъ Богатство , притѣкшее Куплей , Такъ и-Твердыня всѣхъ неперступнаго градъ-ихъ Тура , То-ебъ I. В Сѣмъ 5

«Телемахида», 1766

Синода за «сумнительность» наиболее значительные поэтические произведения — философская поэма «Феоптия» (1750—53) и полное стихотворное переложение «Псалтыри» (1754) — остались в рукописи (как и перевод комедии Теренция «Евнух» с предисловием теоретического характера). «Феоптия» впервые опубликована в 1963. Враждебные выступления против Тредиаковского усилились после выхода его исследования «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755), в котором отдавалось явное предпочтение силлабической поэзии перед новейшей. В 1759 Тредиаковский был уволен из Академии, но продолжал литературную работу: завершил перевод исторического труда Ш. Роллена «Древняя история» (т. 1—10, 1749—62), перевел «Римскую историю» (т. 1—16, 1761—67) и в дополнение к ним — «Историю о римских императорах с Августа до Константина» (т. 1—4, 1767—69) Кретье. В предисловии к своему переводу романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (под названием «Телемахида» перевод опубликован в 1766) Тредиаковский пересказал со своими дополнениями трактат Рамзея о законах жанра эпической поэмы, разработал русский гекзаметрический стих, предвосхитив *Н. И. Гнедича* и *В. А. Жуковского*. Справедливая оценка деятельности Тредиаковского была дана лишь позже *А. С. Пушкиным*.

Соч.: Соч. Т. 1—3. СПб., 1849; Избр. произведения / Вступ. ст. и подгот. текста Л. И. Тимофеева, примеч. Я. М. Строчкова. М.; Л., 1963.

Лит.: Куник А. Сборник материалов для истории Императорской академии наук XVIII в. Ч. 1—2. СПб., 1865; Пекарский П. П. Жизнеописание В. К. Тредиаковского // Пекарский П. П. История Академии наук в Петербурге. Т. 2. СПб., 1873; Пуштынский Л. В. Тредиаковский и нем. школа разума // Западный сборник. М.; Л., 1937; Тимофеев Л. И. Реформа Тредиаковского и Ломоносова // Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории рус. стиха. М., 1958; Томашевский Б. В. Реформа Тредиаковского и Ломоносова // Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959.

И. С.

ТРЕТИЙ РИМ, христианское учение о Москве как главном мировом оплоте Православия и добра. Оказало значительное влияние на формирование русского мировоззрения и литературы.

Впервые пророчество о Москве как о Третьем Риме было произнесено иноком Филофеем, старцем псковского Спасо-Елеазарова Великопустынского монастыря, еще в царствование Василия Иоанновича, отца *Ивана Грозного*. «Да веси яко вся христианская царства приидоша в конец, — говорил он государеву дьяку Мунехину, псковскому наместнику, — и сидошася в едино царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

Михаил Мисюрь-Мунехин, человек очень образованный, бывший послом в Египте и много путешествовавший, по достоинству оценил значение этого пророчества для судеб России. В 1512 он привез в Москву писанный Филофеем хронограф — изложение исторических событий с самых древних времен. Скорее всего этот хронограф был известен Ивану IV и послужил ему в деле редактирования летописных сводов, отражавших ту же пророческую мысль о России как о последнем убежище правоверия. Вообще хронографы и различные летописные сборники в XVI—XVII вв. умножились необычайно. Они дошли до нас в многочисленных и весьма разнообразных списках, наглядно свидетельствуя о напряженной работе русской мысли по осознанию Божьего промысла о русском народе и его государственном устройстве.

Псковский старец сочувствовал молодому царю в его стремлении привести Россию в соответствие со смирением Божиим о ней. Многоопытный иннок высокой духовной жизни, Филофей прожил ок. 100 лет. Его рождение относят ко времени падения Константинополя (1453), т. е. послание к царю он написал уже в глубокой старости, умудренный долгими годами жизни. Известна любовь Ивана Грозного к подвижникам благочестия. Возможно, и Филофей знал царя лично — это давало ему уверенность в том, что к его мнению внимательно прислушаются.

После соборного покаяния царя и народа, завершившегося в 1550 всеземским примирением, наступило «лето Господне благоприятное» для отеческого, пастырского вразумления юного монарха. И это вразумление прозвучало из уст подвижника-старца. Филофей пишет «Послание к царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси». В нем старец дает дерзновенное толкование 12-й главы Апокалипсиса:

«Говорит ведь возлюбленный наш богословесный Иоанн, на тайной вечери возлежавший на перси Господней и почерпнувший там неизреченные тайны (текст Священного Писания приводится в том виде, как он дан Филофеем. — *Прим. авт.*): “Видел знамение великое на небе: жену, облаченную в солнце, и луну под ногами ее, и на голове ее венец из 12 звезд. Она имела в чреве и кричала от болей и мук родов. И вот явился змей, большой и красный, с 7 головами и 10 рогами, и на головах его 7 диадем, и хобот его увлек с неба третью часть звезд небесных. Змей стоял перед женою, которой надлежало родить, и хотел сожрать родившегося младенца. Тогда были даны жене два крыла большого орла, и улетела она в пустыню в приготовленное место. И пустил змей из пасти своей воду, как реку, чтобы потопить жену в реке”. Толкование: жена — святая Церковь; облечена в праведное солнце — в Христа; луну имеет под ногами — Ветхий завет; венец на голове ее — 12 апостолов учение; с болью рождает — святым крещением преобразует плотские чада в духовные; змей же — дьявол, как говорится, красота — жестокость его и кровопийство; 7 глав — злые есы, супротивные силы; 10 рогов знаменуют истребление царства, как раньше пали арамейское, константинопольское, египетское и прочие. Дитя жены, которое змей хотел сожрать — те люди, что рождены были за-

ново в святом крещении, но влечет их и после крещения дьявол к осквернению, подвигая к гибели; бегство жены в пустыню из старого Рима — из-за служения на опресноках, т. е. весь некогда великий Рим пал и болен неисцелимым недоверием — ересью аполлинариевой. В новый Рим бежала, то есть в Константинополь, но и там покоя не обрела из-за соединения православных с латинянами на восьмом соборе, потому и была разрушена Константинопольская церковь, и унижена была, и стала подобна она хранилищу овощей. И наконец в третий Рим бежала — в новую и великую Русь. Это тоже пустыня, так как не было в ней святой веры, не проповедовали там божественные апостолы, после всех воссияла там благодать Божия спасения, с ее помощью познали мы истинного Бога. Единая нынче соборная апостольская Церковь восточная ярче солнца во всем поднебесье светится, и один только православный и великий русский царь во всем поднебесье, как Ной в ковчеге, спасшийся от потопа, управляет и направляет Христову Церковь и утверждает православную веру. А когда змей испустит из уст своих воду, как реку, желая в воде потопить, то увидим, что все царства потопятся неверием, а новое же русское царство будет стоять оплотом Православия».

Юный царь глубоко проникся пониманием своей особой роли и великой ответственности. С целью упорядочения русской жизни в 1547—51 он несколько раз созывал соборы духовенства, на которых решались важнейшие вопросы церковного и государственного устройства. «Отцы наши, пастыри и учителя, — обращался Иван к иереям и святителям, — внидите в чувства ваши, прося у Бога милости и помощи, истрезвите ум и просветитесь во всяких богодухновенных обычаях, как предал нам Господь, и меня, сына своего, наказуйте и просвещайте на всякое благочестие, как подобает быть благочестивым царям, во всех праведных царских законах, во всяком благоверии и чистоте, и все православное христианство нелестно утверждайте, да непорочно сохранит истинный христианский закон. Я же единодушно всегда буду с вами исправлять и утверждать все, чему наставит вас Дух Святой; если буду сопротивляться, вопреки божественных правил, вы о сем не умолкайте; если же преслушник буду, воспретите мне без всякого страха, да жива будет душа моя и все сущие под властью нашею».

Соборы прославили новых русских святых, от которых народ ждал заступничества и благословения на нелегком пути своего служения, утвердили новый Судебник — сборник законов, определявших отправление правосудия в России, подробно остановившись на благоустройстве внутренней церковной жизни. Обличая беспорядки и бесчестия, рассуждали о богослужении и уставах церковных, об иконописании (требуя от иконописцев, кроме мастерства, неукоризненной жизни), о книгах богослужебных, о просфорах и просфорницах, о благочинии в храмах, о чине совершения таинств, об избрании и поставлении священнослужителей, о черном и белом духовенстве, о суде церковном, о содержании храмов и причетов, об исправлении нравов и обычаев.

Особенно ясно благодатное состояние русского общества отразилось в знаменитом «*Домострое*».

«Царя бойся и служи ему верою, и всегда о нем Бога моли, — поучает «Домострой». — Аще земному царю правдою служиши и боишися е, тако научишися небесного Царя боятися». Долг служения Богу есть одновременно и долг служения царю, олицетворяющему в себе православную государственность — эта мысль прочно укоренилась в соз-

нании русского человека. В Служебнике 2-й пол. XVI в. сохранилась молитва, которая рекомендовалась как образец покаяния для служилых людей. «Согреших пред Богом и по Бозе пред государем пред великим князем — русским царем, — исповедовал кающийся. — Заповеданная мне им (царем) слова права нигде же сотворих, но все преступих и солгах и не исправих. Волости и грады от государя держак не право, а суд — по мзде и по посулу. Ох мне, грешному, горе мне, грешному! Како мене земля не пожрет за мои окаянныя грехи — преступившего заповедь Божию, и закон, и суд Божий, и от государя своего заповеданное слово».

Этому гласу покаяния вторит «Домострой»: «Царю... не тщится служить лжею и клеветою и лукавством... славы земной ни в чем не желай... зла за зло не воздавай, ни клеветы за клевету... согрешаших не осуждай, а вспомни свои грехи и о тех крепко пекися», «А в котором либо празднике... да призывают священнический чин в дом свой... и молят за царя и великого князя (имярек), и за их благородные чада».

В 1589 Богу, наконец, было угодно дать русскому народу свидетельство о том, что Россия правильно поняла свой долг. За 3 года до того в Москву прибыл для сбора милостыни Антиохийский патр. Иоаким. Благочестивый царь Федор Иванович, прозванный за очевидную святость жизни «освятованным» царем, высказал тогда церковному собору и Боярской думе свое желание установить патриаршество на Руси. Обладавший пророческим даром, царь как бы предвидел испытания, ожидавшие народ по пресечении династии Рюриковичей, и торопился дать православному русскому царству в лице патриарха опору, которая должна была удержать его от разрушения. Переговоры с Антиохийским патриархом были поручены Борису Годунову. Иоаким согласился с желанием Феодора и обещал обсудить дело с другими патриархами. Те, решив просить русского царя, положили было отправить в Россию для участия в поставлении Иерусалимского первосвященителя. Однако «чин особого смотрения» Божия о России требовал, видно, чтобы преемственность русского служения была явлена миру во всей полноте и непрерывности. Нужды Константинопольской (бывшей Византийской) церкви, гонимой султаном Амуратом, потребовали приезда в Москву самого патр. Константинопольского Иеремии, знаменитого своей духовной ученостью и страданиями за Церковь. Он прибыл в Москву в июле 1588, сказав Феодору: «Слышав о таком благочестивом царе, пришел я сюда, чтобы помог нам царь в наших скорбях». С собой Иеремия привез соборное определение об открытии патриаршества на Руси.

В храме Успения Богоматери в Кремле в приделе Похвалы Ее создан был многочисленный собор русских служителей, представивший царю имена трех кандидатов в патриархи. Положившись на суд Божий, бросили жребий — он пал на митр. Московского Иова. 23 янв. 1589 в Успенском соборе был торжественно поставлен первый русский патриарх. Он принял поставление от патриарха Византийского. И более того — в Соборной уставной грамоте, узаконившей патриаршество на Руси, всему миру объявлялось, что «ветхий Рим пал от ереси», что «новый Рим», Константинополь, поработен безбожными племенами агарянскими и что поэтому Третий Рим есть Москва. Тогда же положено было быть в России 4 митрополитам, 6 архиепископам и 8 епископам.

Это осознание себя третьим Римом последних времен через 2 года было подтверждено собором православных патриархов и т. о. утвердилось в качестве канонически закрепленного воззрения Вселенской Православной церк-

ви. В соборном постановлении первосвященителей написано: «...Признаем и совершаем в царствующем граде Москве поставление и поименование патриаршеское господина Иова». При этом «главным и начальным» служением русского патриарха провозглашается обязанность «содержать апостольский престол Константина града».

Изд.: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901; Послания старца Филофея / Подг. текстов, перевод и коммент. В. В. Колесова // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая пол. XVI века. М., 1984.

Лит.: Масленникова Н. Н. К истории создания теории «Москва — третий Рим» // Труды отдела Древнерусской литературы. 1962. Т. 18.

Митр. Иоанн (Снычев)

ТРЕФОЛЕВ Леонид Николаевич (9[21].09.1839—28.11 [11.12].1905), поэт. Родился в г. Любиме ныне Ярославской обл. в небогатой помещичьей семье. Окончил Ярославскую гимназию (1856). Был помощником редактора, а в 1866—71 — редактором «Ярославских губернских ведомостей», где опубликовал свое первое стихотворение (1857). После 1872 занялся

земской деятельностью, увлекался краеведением. В своем творчестве Трефолев показал положение крестьянства (стихотворения «Обоз», «Батрак», «Деревенская долюшка-доля», «На бедного Макара шишки валятся»), городской бедноты (стихотворения «Грамотка», «Шут», «Честный должник»), тяжелую долю женщины (стихотворения «Красные руки», «Таинственный ямщик», «Дуна»).

С 70-х Трефолев стал выступать с сатирическими стихами в «Искре», «Будильнике» и «Осколках», обличая как либералов, так и патриотов (*М. Н. Катков*, *К. П. Победоносцев*, *П. П. Цитович*) и даже самого царя (стихотворения «Царь наш — юный музыкант», «Музыкант», «Александр III и поп Иван»). Как и поэты «Искры», Трефолев откликнулся на злону дня, тяготел к жанрам песни, куплета, сценки, писал пародийные стихи. Образ писателя-гражданина запечатлен в стихах «Памяти Ивана Захаровича Сурикова», «Памяти сатирика М. Е. Салтыкова», «Мы собрались почтить певца» (о *Н. А. Некрасове*) и др. Трефолев часто пользовался жанром стихотворной новеллы, включавшей бытовые сценки и живой народный диалог, обращался к фольклорным мотивам. Широко известными, популярными в народе стали песни на стихи Трефолева: «Дубинушка», «Песня о камаринском мужике», «Ямщик» («Когда я на почте служил ямщиком...») и др.

Соч.: Стихотворения. М., 1894; Собр. стихотворений. М.; Л., 1931; Незданные стихи и автобиография // Лит. наследство. Т. 3. М., 1932; Избранное. [Ярославль], 1951; Стихотворения. Л., 1958; [Соч.] // Трефолев Л. Н., Суриков И. З., Дрожжин С. Д. Стихотворения. М.; Л., 1963.

И. Ш.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА, *былина*. Относится к числу поздних, возникших на завершающем этапе русского народного эпоса, когда сами народные сказители начинали соединять (контаминировать) различные сюжеты об *Илье Муромце*, *Добрыне Никитиче*, *Алеше Поповиче*, создавая единые поэтические сюжеты о любимых героях. В таких случаях былины исполнялись или отдельно, но в опре-

деленной последовательности (исцеление Ильи Муромца, первая поездка в Киев, встреча с *Соловьем-разбойником*, ссора с кн. *Владимиром*, заточение в «погребу глубокие», бой с Калином-царем, встреча с «неузнанным» сыном и т. д.), или же контаминировались, т. е. отдельные сюжеты соединялись в одну былинку, «обогащенную» дополнительными сказочными мотивами. В результате таких «контаминаций» создавались вполне оригинальные и высокохудожественные произведения, примером чему может служить былина «Три поездки Ильи Муромца», в которой впервые появляется тема трех дорог и выбора пути.

В. К.

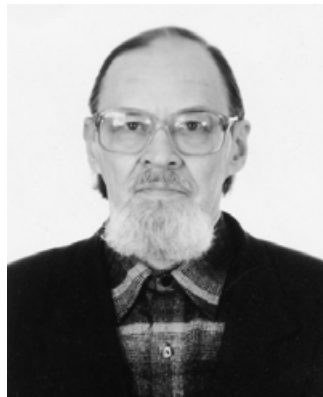
ТРОЕПОЛЬСКИЙ Гавриил Николаевич (16[29].11.1905—30.06.1995), писатель. Родился в с. Новоспасовка Тамбовской губ. в семье священника. Окончил сельскохозяйственное училище (1924). Работал сельским учителем, с 1931 — агрономом. С 1954 жил в Воронеже. Печататься начал в 1938. В 1953 опубликовал в журнале «Новый мир» цикл сатирических рассказов «Из записок агронома», впоследствии составивших сборник «Прохор семнадцатый и другие» (1954; киносценарий «Земля и люди», 1955; фильм 1956). В повести «В камышах» (1963) Троепольский выступает как певец земледельческого труда, очарованный красотой родной природы. Широкий отклик общности вызвали публицистические очерки Троепольского «О реках, почвах и прочем» и выступления в защиту окружающей природы.

В лирической повести «Белый Бим Черное ухо» (1971) Троепольский с большой верой в победу добра над злом и неправдой поднимает сложные нравственные проблемы. Троепольскому принадлежит также пьеса «Постояльцы» (1971) — о бюрократах и противостоящих им русских крестьянах.

Соч.: У Крутого Яра. М., 1956; Чернозем: Роман. М., 1962; 2-е изд. Воронеж, 1968; В камышах. Из тетрадей охотника. М., 1964; Собр. соч.: В 4 т. М., 1987—88.

ТРОИЦКИЙ Всеволод Юрьевич (р. 04.08.1936), литературовед, доктор филологических наук. Родился в Москве. Окончил историко-филологический факультет МГПИ. Преподавал в Московском суворовском военном училище. С 1967 работает в ИМЛИ РАН. Специалист в области истории русской литературы и преподавания словесности; публицист.

В своих трудах уделяет большое внимание русским писателям, находящимся в русле самобытного национального развития (кн.: «Лесков — художник», 1974; «Художественные открытия русской романтической прозы 20—30-х XIX в.», 1986; «Отечественная война 1812 и русская литература XIX в.», 1998 (отв. редактор) и др.; статьи: «Поэзия славянофилов», 1978; «Куликовская битва в творчестве русских романтиков 10—30-х гг. XIX в.», 1980; «Художественное наследие Н. С. Лескова в сознании поколений», 1981»; «Художественное своеобразие и мировое значение русского романтизма»

ма», 1987; «Слово о полку Игореве» в русской романтической литературе 20—30-х XIX в.», 1988; «Кольцов и русская романтическая поэзия его времени», 1988; «А. К. Толстой: духовные начала творчества и художественный мир писателя», 1994; «Россия Лескова: русская идея и русский характер», 1996; «Проблемы духовности и нигилизма в творчестве писателей-народников», 2000 и мн. др.).

Значительны труды Троицкого в области национального просвещения и преподавания русской словесности (кн.: «Пути русской школы», 1991; «Словесность в школе», 2000; «Духовность слова», 2001, а также многочисленные статьи о русском национальном самосознании, о русской национальной школе, о преподавании литературы).

По его инициативе проходят (с 1991) ежегодные Всероссийские конференции «Филология и школа», работающие в духе традиций и идей русского просвещения.

И. Щелыкин

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ, один из самых древних жанров устной народной поэзии. Трудовые песни возникли еще в языческие времена при выполнении общественно необходимых работ (охота, вытягивание рыболовных сетей, подъем и передвижение тяжестей и др.). Ритм песни соответствовал ритму трудовых усилий, воодушевлял артель и облегчал ее работу. Назначение трудовых песен определяло простоту ее формы; текст состоял из кратких предложений императивного характера, призывавших к общим дружным усилиям. Отрывистые возгласы-команды перемежались своеобразными припевами — восклицаниями-междометиями («эй!», «ух!», «ах!» и т. п.), подчеркивавшими последовательность отдельных движений. Текст возникал обычно как импровизация. По мере усложнения социальных отношений менялся и характер текста трудовых песен: они сближались с песнями бытовыми, в них находили отражение взаимоотношения рабочих с хозяевами, звучали жалобы, обвинения, угрозы, насмешки. Таковы некоторые варианты всемирно известной русской бурлацкой песни «Дубинушка», имеющей в разных районах много импровизационных разночтений.

Русских народных трудовых песен известно в записях очень немного. Песни, записанные в XIX—XX вв., своей формой и ритмической структурой примитивного напева указывают на древнюю традицию жанра. Короткие припевки такого типа в течение столетий сопровождали усилия русского крестьянства, встречались у грузчиков, бурлаков, лесорубов. Трудовые песни и доньше можно услышать, напр., на волжских пристанях и пароходах при переноске и погрузке тяжестей. Пример трудовой припевки работающих на лесоповале: «Ай, ребята, навалися, раз! Ай не шла, да пошла, раз! Наша ходко идет, раз! Вот еще навалился, раз!» и т. д. (См: Песня.)

Лит.: *Веселовский А. Н.* Три главы из исторической поэтики. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1913; Русское народное поэтич. творчество. Пособие для вузов. 2-е доп. изд. М., 1956; *Чичеров В. И.* Русское нар. творчество. М., 1959.

«ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА», первый русский литературный частный журнал; издавался ежемесячно с янв. по дек. 1759 (2-е изд. 1780) в Петербурге *А. П. Сумароковым*. Печатались статьи Сумарокова («Слово похвальное о Петре Великом» и др.), его сатирические очерки, переводы. Сотрудничали также Г. В. Козицкий, Н. Н. Мотонис, *А. О. Аблесимов*, *И. А. Дмитриевский*, *А. А. Ржевский* и др. Журнал отразил оппозиционные настроения дворянства по отношению к правительству имп. Елизаветы.

Значительное место занимали переводы из античной литературы (Гораций, Овидий и др.) и западноевропейских писателей XVI—XVIII вв. — преимущественно сатирического направления (М. А. Мюре, П. Корнель, Дж. Свифт, Дж. Аддисон, Вольтер и др.).

Изд.: Рус. проза XVIII в. Т. 1. М.; Л., 1950.

«ТРУТЕНЬ», еженедельный журнал, издававшийся в Петербурге с 1 мая по 27 апр. 1770 (с перерывами) *Н. И. Новиковым*. Из сатирических журналов 1769—74 «Трутень» первым повел последовательную полемику с журналом «Всякая всячина», которым негласно руководила имп. *Екатерина II*. Статьи о положении крепостных были непосредственным откликом на вопросы, обсуждавшиеся в «Комиссии для сочинения проекта Нового уложения».

Большинство сочинений печаталось в «Трутне» анонимно; отдельные статьи в научной литературе приписывают Новикову, *Д. И. Фонвизину*. Правдивая картина крестьянской жизни нарисована в «Копиях с отписок» крестьян помещику. Сатира «Трутня» обличала бюрократию, взяточничество, дворян-галломанов. Журнал отличался живостью и бытовой характерностью языка. В «Трутне» сотрудничали *А. О. Аблесимов*, *А. Л. Леонтьев*, *В. И. Майков*, *М. И. Попов*, *Ф. Э. Эмин*.

Изд.: Рус. проза XVIII в. Т. 1. М.; Л., 1950; Сатирич. журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951; Н. И. Новиков и его современники. Избр. соч. М., 1961.

ТРЯПКИН Николай Иванович (19.12.1918—20.02.1999), поэт. Родился в д. Саблино Тверской губ. в семье крестьянина-столяра. В 1930 под угрозой раскулачивания семья переехала в с. Лотошино, где Тряпкин окончил школу. В 1939 поступил в Московский историко-архивный институт. С началом войны Тряпкин, не попавший на фронт по состоянию здоровья, в числе эвакуированных оказывается под Сольвычегодском, где работает в должности счетовода.

Первые стихотворения Тряпкин написал еще во время учебы в институте. Но подлинную силу его поэтический голос обрел именно на Русском Севере. «Коренной русский быт, коренное русское слово, коренные русские люди... — писал он в автобиографии. — У меня впервые открылись глаза на Россию и на русскую поэзию, ибо увидел я все это каким-то особым, «нутряным» зрением. А где-то там, совсем рядом, прекрасная Вычегда сли-

вається с прекрасной Двиной. Деревянный Котлас и его голубая пристань — такая величавая и так издалека видная! И повсюду — великие леса, осененные великими легендами. Все это очень хорошо для начинающих поэтов. Ибо сам воздух такой, что сердце очищается и становится певучим. И я впервые начал писать стихи, которые самого меня завораживали. Ничего подобного со мною никогда не случилось. Я как бы заново родился, или кто-то окатил меня волшебной влагой». Критика отмечала сходство ранних стихов Тряпкина со стихами *Н. Клюева*, а сам поэт по этому поводу впоследствии писал:

Не горлань ты узорно, гармошка!
Ты, колхозная тройка, стоп!
Нам припишут кльчковскую кошку,
Что мурлычет про Ноев потоп.

Поэт развивался и рос в течение десятилетий, медленно, неуклонно совершенствуя свой талант. Со временем то, что лишь отдельными штрихами проявляло себя и давало возможность говорить о Тряпкине, как о наследнике *Н. Клюева* (не издававшегося в России с 1928 по 1977), обрело полновесное звучание уже в тот период, когда стало ясно, что Тряпкин не ограничился бережно сохраненным наследием. В его поэзии обрела свое второе дыхание оборванная в период «канунов» вольная песня крестьянской лиры, обрела свое новое звучание в голосе человека, сохранившего в памяти и трагические 30-е, и трагические 40-е — всю страшную эпоху «великого перелома»:

Проснись, мое сердце, и слушай великий хорал.
Пусть вечное Время гудит у безвестных начал.
Пускай пролетает другое вослед за Другим,
А Мы с тобой — только тростинки под ветром таким.

С годами выявлялся определяющий мотив творчества Тряпкина — мотив Памяти. Памяти, несущей в себе все тяжелое, трагическое, надрывное, что сосредоточилось в истории уничтожения русского крестьянства и его самобытной культуры, дошедшего в нынешние окаймленные дни до своего апогея. Эта тема дала себя знать не сразу — должно было пройти время, прежде чем пережитое, накопленное, стало воплощаться в стихи. Тряпкин отнюдь не надрывен, он отдал щедрую дань смеховой, песенно-плясовой стихии народного творчества. Не так уж мало в его наследии стихотворений, в которых он не прочь и над собой поиронизировать, и над окружающими по-доброму, а подчас и едко посмеяться. И все же, если читать его стихи в хронологическом порядке, ощущение земной тяжести и боли за утраченное время будет нарастать. Память поэта надвое рассечена рубцом, по одну сторону которого слышится «звон боевых копыт» и скрип детской колыбели, а по другую — совсем иные, тревожные звуки — треск сломанного дерева и тоскливый вой пурги. Свирель, поющая над погостом, — еще не символ конца жизни, это лишь этап, страшный отрезок, который проходят несколько поколений, дабы те, кому Бог дал, выжили и сумели донести до потомков свою горькую повесть, спеть старую, народную, исполненную удалого разгулья и сердечной тоски, почти забытую ныне песню... («Эта песенка сполубилась нам, да промчалась мы по своим костям...»). Медленно, шаг за шагом подходил поэт к эпическому сказанию о своей родословной. Первые главы его были написаны в н. 80-х, когда Тряпкин обрел былинную поэтическую мощь, когда прежние отдельные попытки совместить временные пласты соединились в единую картину трагедии, в которой

органически слилось недавнее прошлое и видения набегов и захватов, переселений народов и исчезновений их с лица земли, отделенные тысячелетиями:

И стучал молоток, забывая горбыльями окна,
И лопата в саду засыпала у погребца лаз.
И родная изба, что от слез материнских промокла,
Зазвучала, как гроб, искони поджидающий нас.
Это было — как миф. Это было в те самые годы,
Где в земной известняк ударял исполнинский таран.
И гудела земля. И гремели вселенские своды.
И старинный паром уходил в Мировой океан.

Тряпкин соединил в своей поэзии и разнородные языковые пласты — три основных слоя в неразрывном единстве: слой фольклорный, слой, разработанный русской классической поэзией XIX в., и слой современного живого разговорного языка. С годами песенная линия не сошла «на нет», но основное место в творчестве Тряпкина заняли стихи философского склада. «Крестьянская» традиция сказывается в них в остро-публицистическом пафосе, с каким поэт подчеркивает свою принадлежность к народу, свою крестьянскую сущность. Публицистический пафос, соответствующий нелегкому движению поэтической ноты, вырывающейся из потаенных глубин, сродни «аввакумовскому» пафосу его великого предшественника — *Н. Клюева*. В «Предании», посвященном памяти «Аввакума двадцатого столетия», Тряпкин акцентирует органичную связь поэтического слова с природой, с Матерью-Сырой Землей. Слово, имеющее глубокие корни в народной почве, в национальной стихии, не пропадет и не стинет, даже если долгое время будет существовать под спудом в иные драматические минуты истории, прикрытое невидимой завесой Тайны, скрывающей от непосвященных божественную поэтическую мелодию:

Он сам себя швырнул под ту пядь,
Из-под которой — дым, и прах, и пламя.
Зачем же мы все помним ярость ту
И не простим той гибели с мощами?
Давным-давно простили мы таких,
Кому сам Бог не выдал бы прощенья.
А этот старец! Этот жалкий мних!
Зачем в него летят еще камня?

Вселенское Время в творческом сознании поэта сжимается, целые тысячелетия проносятся в течение нескольких часов. В единую секунду бытия существуют Рождение и Закат человеческой цивилизации, зачатие Вселенной и распад узловых корней земного существования. В нерасторжимом единстве сплетены общенародные, государственно-национальные взгляды и общечеловеческая, космическая мысль. Поэту доступно воплощение всемирности, единовременности всего, происходящего на Земле и в бесконечности. Слово по спирали он расширяет свой духовный мир, что дает ему время от времени возможность раздвинуть границы прекрасной эстетической традиции, унаследованной от *Клюева*. Здесь, на грани Земли и Космоса глазам поэта открывается прошлое, настоящее и будущее, здесь он — творец мира. Россия сама становится частью Космоса, венчает землю своей светящейся короной:

Черная, заполярная,
Где-то в ночной дали
Светится Русь радарная
Над головой Земли...

Пусть ты не сила крестная
И не исчадие зла,
Целяя поднебесная
В лапы твои легла.

Столь характерное для поэта совмещение реального и исторического пластов ярче всего воплотилось в его «библейском» цикле, в частности, в одном из лучших его стихотворений — «Песнь о хождении в край Палестинский». Легенда, рассказанная поэтом о своем дедушке-богомольце, воспринимается как реальность, но одновременно как далекое прошлое, окутанное идиллической дымкой, не имеющее ничего общего с трагедией, которую творят на Иорданских берегах современные «давиды».

Убеденность неотвратимого возмездия сливается в голосе Тряпкина с трагической нотой при обращении к истории и мирозданию от имени погибших, в голосе поэта, принявшего на себя их боль и воплотившего ее в строках, обретших пророческую силу, пронизывающих земной круг и космические дали:

Грохотала земля. И в ночах горизонты горели,
Грохотали моря. И сновали огни батарей...
Ты прости меня, магушка, что играла на тихой свирели
И дитя уносила — подальше от страшных людей...
Проклинаю себя. И все страсти свои не приемлю.
Это я колочусь в заповедные двери твои.
Ты прости меня, магушка, освятившая грешную землю.
За неверность мою. За великие кривды мои.

В последние годы жизни Тряпкин тяжело переживал развал страны и воцарение в ней чужебесия: «И фриц, и лях, и татарва, хватало и другого хама. Но не видала ты, Москва, такой блевотины и срама... И все наши рыла — оскаленный рот. И пляшет горилла у наших ворот. <...> Огромные гниды жиреют в земле. И серут хасыды в Московском Кремле».

Песенный талант тончайшего лирика не иссякал, но в его поэзии все отчетливей звучала нота сопротивления черной силе, накрывшей Россию. Стихи, проникнутые этим чувством, публиковались исключительно на страницах газеты «Завтра» и журнала «Наш современник».

Соч.: Первая борозда. М., 1953; Распевы. М., 1958; Краснополье. М., 1962; Гнездо моих отцов. М., 1967; Златоуст. М., 1971; Скрип моей колыбели. М., 1978; Стихотворения. М., 1983; Огненные ясли. М., 1985; Излуки. М., 1987; Горящий водолей. М., 2003.

Лит.: Михайлов Ал. Посреди очарованных трав // Дружба народов. № 2. 1969; Кожин В. Два пласта // Молодая гвардия. № 9. 1969; Котельников В. Перуново древо поэта // Лит. учеба. № 5. 1989; Куляев С. Неизбывный вертоград // Москва. № 4. 1989.

С. Куляев

ТУГАРИН ЗМЕЕВИЧ, в русских *былинах* великан змеино-го происхождения, может летать, отличается грубостью, обжорством и похотливостью; от него избавляет русскую землю *Алеша Попович*. Мифологическая школа в нем видела олицетворение враждебных человеку сил природы; историческая школа сближает его с половецким ханом Тугоркеном; наконец, сторонники теории заимствования склонны видеть в Тугарине Змеевиче отголосок византийских легенд.

ТУЗОВ Василий Васильевич, сатирический писатель и переводчик 2-й пол. XVIII в. Служил обер-офицером в армии. Издавал (1769) один из первых сатирических русских журналов «Поденщина», где много писал и сам. *А. Н. Афanasьев* перепечатал этот журнал 2-м изданием (М., 1858).

ТУМАНСКИЙ Василий Иванович (28.02[11.03].1800—23.03 [4.04].1860), поэт. Родился в с. Чарториги Глуховского у. Черниговской губ. в дворянской семье. Учился в Петербургском Петропавловском училище (1816—18). Довершил образование

в Париже, откуда возвратился в 1821. Был членом *Вольного общества любителей российской словесности* (с 1822). Печататься начал в 1817. Поэзия Туманского развивалась в русле элегического *романтизма* 20-х XIX в., хотя испытывала воздействие и иных художественных течений своего времени. Среди лучших стихов Туманского — «Видение» (1822), «Греция» (1825), «На кончину Ризнич» (1825; посв. *А. С. Пушкину*), «Поэту» (1834).

Соч.: Стихотворения (1817—39). СПб., 1881; Стихотворения и письма. СПб., 1912.

ТУМАНСКИЙ Федор Васильевич (?—1805), писатель. Был членом Российской академии, членом-корреспондентом Академии наук. Написал и издал 10 т. материалов для жизнеописания имп. Петра Великого (СПб., 1787 и след.), «Жизнь и деяния Петра Великого» (1788), «Детский месяцеслов с краткой историей, географией и хронологией» (1787), «Чтение для прекрасного пола» (1788) и «Созерцание жизни великого князя Александра Невского» (1789). Кроме того, Туманский издавал в С.-Петербурге 3 журнала: ежемесячно «Зеркало Света» (1786), еженедельно «Лекарство от скуки и забот» (1787) и ежемесячно «Российский магазин» (1792—93).

ТУР Евгения (псевд.; наст. имя — **Елизавета Васильевна Саллиас-де-Турнемир**) (12[24].08.1815—15[27].03.1892), писательница. Родилась в Москве. Сестра *А. В. Сухово-Кобылина*. Получила домашнее образование под руководством *Н. И. Надеждина*, *М. П. Погодина*, *С. Е. Раича* и др., закончив его во Франции. Первые произведения Тур — повесть «Ошибка» (1849) и роман «Племянница» (1850) — были напечатаны в журнале «Современник» и получили сочувственные отзывы *А. Н. Островского*, *И. С. Тургенева*, *А. А. Григорьева*, отметивших мыслящую и живо чувствующую женскую натуру, склонную к морализаторству. Роман «Три поры жизни» (1853), повести «Старушка» (1856), «На рубеже» (1857) продолжили ту же «моральную линию». В романе «Три поры жизни» звучали мотивы отказа от земного счастья. С 1857 Тур выступала как литературный критик в журналах «Русский вестник», «Русская речь» (который Тур издавала в 1861—62), «Отечественные записки», в газетах «Северная пчела», «Голос». Статьи и рецензии Тур содержали мотивы христианской морали, гуманизма, критику явлений русской (*Л. Н. Толстой*, *И. С. Тургенев*, *Ф. М. Достоевский*) и зарубежной литератур. Пользовались популярностью книги Тур для детей и юношества, носившие религиозно-назидательный характер: «Катакомбы» (1866), «Семейство Шилонских» (1879), «Последние дни Помпеи» (1882), «Княжна Дубровина» (1886), «Сергей Бор-Раменский» (1888) и др. Тур принадлежат также «Воспоминания» (неоконч.).

Соч.: Повести и рассказы. Т. 1—4. М., 1859; Очерк жизни и деяний Инокентия, митрополита Московского. М., 1884; Борьба испанцев с маврами и завоевание Гренады. СПб., 1887; Священная история Ветхого Завета. М., 1888; Мученики Колизея. 7-е изд. М., 1910.

ТУРБИН Сергей Иванович (?—1884), писатель. Выпустил книги: «Сибирь» (СПб., 1871), «Бойкая барыня» (1871), «Свекровь и теща» (1871), «Картинка с натуры» (1871), «Сцены из военно-походной жизни» (1866), «Укротительница» (1871 и 1875), «Страна изгнания и исчезнувшие люди; сибирские очерки» (1872), «Днепр и Приднепровье» (1877 и 1879) и «Русский Робинзон» (1879 и М., 1884).

ТУРГЕНЕВ Андрей Иванович (1[12].10.1781—8[20].07. 1803), писатель. Сын И. П. Тургенева — директора Московского университета. Окончил Московский университетский пансион (1800). В 1797—1800 возглавлял предромантический ли-

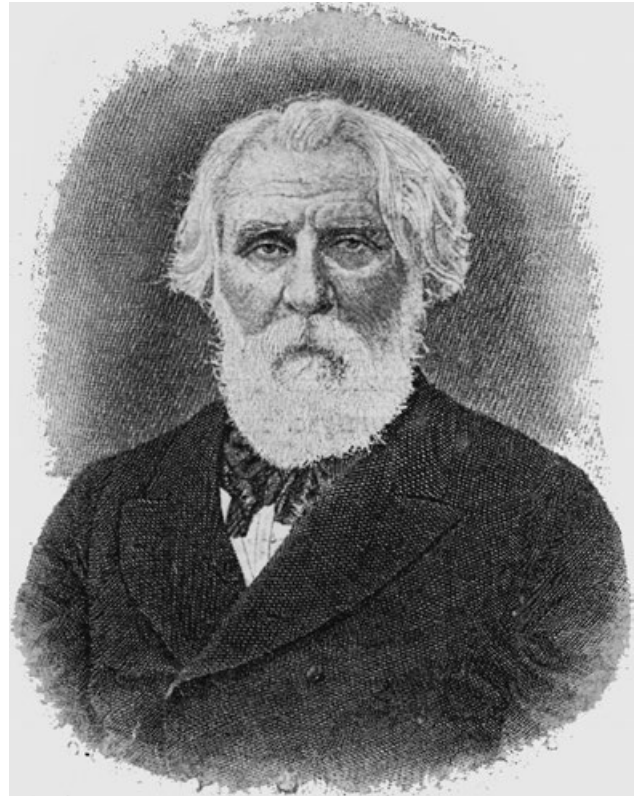
тературный кружок, оформившийся в 1801 как Дружеское литературное общество (В. А. Жуковский, А. Ф. Мерзляков, А. Ф. Воейков и др.); выступал с критикой Н. М. Карамзина и его школы, проповедуя патристическую гражданственность и народность литературы (речи «О русской литературе», «О любви к отечеству»). Философская лирика Тургенева свидетельствовала о поисках идеала истинного сына Отечества, граждани-

на и патриота. Выполнил перевод книги А. Коцебу «Негры в неволе» (1803); переводил также Ф. Шиллера, У. Шекспира, Ж. Ж. Руссо.

Соч.: Отрывок из записок Франклиновых [Перевод]. М., 1799; [Стихи] // Поэты 1790—1810-х. Л., 1971.

ТУРГЕНЕВ Иван Сергеевич (28.10[9. 11].1818—22.08[3.09]. 1883), писатель, прозаик, поэт, драматург, критик, публицист, мемуарист, переводчик. Родился в Орле в богатой дворянской семье, детские годы провел в материнской усадьбе Спасское-Лутовиново Мценского у. Орловской губ. По матери — Варваре Петровне — Тургенев принадлежал к старинному дворянскому роду Лутовиновых, которые жили в Орловской губ. домоседами. Родовая историческая память удержала имя двоюродного деда Тургенева И. И. Лутовинова, который окончил Пажеский корпус вместе с А. Н. Радищевым, но рано вышел в отставку и занялся хозяйственной деятельностью. Он был основателем Спасской усадьбы, огромного сада при ней и собирателем богатейшей библиотеки из сочинений русских, французских и немецких классиков XVIII в. Все Лутовиновы жили широко и размахисто, ни в чем себе не отказывали, ничем себя не ограничивали. Эти черты характера унаследовала и мать писателя.

Отец Тургенева, Сергей Николаевич, принадлежал к известному роду Тургеневых. В 1440 из Золотой Орды к вел. кн. Василию Васильевичу выехал на службу татарский мурза Лев Турген, принял русское подданство, а при крещении в христианскую веру и русское имя Иван. От Ивана Тургенева и пошла на Руси фамилия Тургеневых. В царствование Иоанна Грозного, в период борьбы Московского государства с Казанским ханством, послом к ногайским мурзам был отправлен Петр Тургенев, склонивший астраханского царя Дервиша мирно принять русское подданство. С особой гордостью вспоминал Тургенев о подвиге своего пращура П. Н. Тургенева: в эпоху смуты и польского нашествия, в 1606, в Кремле, он бесстрашно обвинил Лжедмитрия I, всенародно бросив ему в лицо обвинение

в самозванстве и отказавшись присягать ему, за что был подвергнут жестоким пыткам и казни.

К н. XIX в. Тургеневых постигла участь многих родовитых дворянских фамилий: они разорились и обнищали, а потому для своего спасения вынуждены были искать богатых невест. Отец Тургенева участвовал в Бородинском сражении, где был ранен и за храбрость награжден Георгиевским крестом. Вернувшись в 1815 из заграничного похода в Орел, он женился на В. П. Лутовиновой, осиротевшей и засидевшейся в девицах богатой невесте, у которой в одной лишь Орловской губ. было 5 тыс. душ крепостных крестьян.

Благодаря родительским заботам, Тургенев получил блестящее образование. Он с детских лет читал и говорил свободно на трех европейских языках — немецком, французском и английском — и приобщался к книжным сокровищам Спасской библиотеки. В Спасском саду, окружавшем дворянский усадебный дом, мальчик познакомился со знатоками и ценителями птичьего пения, людьми с доброй и вольной душой. Отсюда вынес он страстную любовь к среднейрусской природе, к охотничьим странствиям. Доморожденный актер и поэт, дворовый Леонтий Серебряков, стал для мальчика настоящим учителем родного языка и литературы. О нем, под именем Пунина, Тургенев писал в рассказе «Пунин и Бабурин» (1874).

В н. 1827 Тургеневы приобрели дом в Москве, на Самотеке: пришла пора готовить детей к поступлению в высшие учебные заведения. Тургенев учился в частном пансионе Вейденгаммера, а в 1829, в связи с введением нового университетского устава, в пансионе Краузе, дававшем более глубокие знания древних языков. Летом 1831 Тургенев вышел из пансиона и стал готовиться к поступлению в Московский университет на дому с помощью известных

московских педагогов П. Н. Погорельского, Д. Н. Дубенского, И. П. Ключникова, начинающего поэта, члена философского кружка *Н. В. Станкевича*.

Годы учебы Тургенева на словесном отделении Московского (1833—34), а затем на историко-филологическом отделении философского факультета Петербургского университетов (1834—37) совпали с пробудившимся интересом русской молодежи к немецкой классической философии и «поэзии мысли». Тургенев-студент пробует свои силы на поэтическом поприще: наряду с лирическими стихотворениями, он создает романтическую поэму «Стено», в которой, по позднейшему признанию, «рабски подражает байроновскому “Манфреду”». Среди петербургской профессуры выделяется *П. А. Плетнев*, друг *Пушкина*, *Жуковского*, *Баратынского*, *Гоголя*. Ему он и отдает на суд свою поэму, за которую Плетнев пожурил, но, как вспоминал Тургенев, «заметил, что во мне что-то есть! Эти два слова возбудили во мне смелость отнести к нему несколько стихотворений...». Плетнев не только одобрил первые опыты Тургенева, но и стал приглашать его к себе на литературные вечера, где начинающий поэт встретил однажды Пушкина, общался с *А. В. Кольцовым* и др. русскими писателями. Смерть Пушкина потрясла Тургенева: он стоял у его гроба и, вероятно с помощью *А. И. Тургенева*, приятеля отца и дальнего родственника, упросил Никиту Козлова срезать локон волос с головы поэта. Этот локон, помещенный в специальный медальон, Тургенев хранил как священную реликвию всю жизнь.

В 1838, после окончания университета со степенью кандидата, Тургенев, по примеру многих юношей своего времени, решил продолжить философское образование в Берлинском университете, где дружески сошелся с *Н. В. Станкевичем*, *Т. Н. Грановским*, *Н. Г. Фроловым*, *Я. М. Неверовым*, *М. А. Бакуниным* — и слушал лекции по философии из уст ученика Гегеля, молодого профессора *К. Вердера*, влюбленного в своих русских учеников и часто общавшегося с ними в непринужденной обстановке на квартире у *Н. Г. Фролова*. «Вы представьте, сошлись человек пять-шесть мальчиков, одна сальная свеча горит, чай подается прескверный и сухари к нему старые-престарые; а посмотрели бы вы на все наши лица, послушали бы речи наши! В глазах у каждого восторг, и щеки пылают, и сердце бьется, и говорим мы о Боге, о правде, о будущности человечества, о поэзии...», — так передает Тургенев атмосферу студенческих вечеров в романе «*Рудин*».

Шеллинг и Гегель дали русской молодежи к 1830 — н. 1840-х целостное воззрение на жизнь природы и общества, вселили веру в разумную целесообразность исторического процесса, устремленного к конечному торжеству правды, добра и красоты. Вселенная воспринималась Шеллингом как живое и одухотворенное существо, которое развивается и растет по целесообразным законам. Как в зерне уже содержится будущее растение, так и в мировой душе заключен идеальный «проект» будущего гармонического мироустройства. Грядущее торжество этой гармонии предвосхищается в произведениях гениальных людей, являющихся, как правило, художниками или философами. Поэтому искусство (а у Гегеля философия) — форма проявления высших творческих сил.

Философско-романтическая школа, через которую прошел Тургенев в юности, во многом определила характерные черты художественного мироощущения писателя: вершинный принцип композиции его романов, схватывающих жизнь в высших моментах, в максимальном напряжении присущих ей сил; особая роль любовной темы

в его творчестве; культ искусства как универсальной формы общественного сознания; неизменное присутствие философской тематики, во многом организующей диалектику преходящего и вечного в художественном мире его повестей и романов; стремление обнять жизнь во всей ее полноте, порождающее пафос максимальной художественной объективности. Острее, чем кто-либо другой из его современников, Тургенев чувствовал трагизм бытия, кратковременность и непрочность пребывания человека на этой земле, неумолимость и необратимость стремительного бега исторического времени. Но именно потому Тургенев обладал удивительным даром бескорыстного, ничем относительным и преходящим не ограниченного художественного созерцания. Необычайно чуткий ко всему злободневному и сиюминутному, умеющий схватывать жизнь в ее прекрасных мгновениях, Тургенев владел одновременно редчайшим чувством свободы от всего временного, конечного, личного и эгоистического, от всего субъективно-пристрастного, замутняющего остроту зрения, широту взгляда, полноту художественного восприятия. Его влюбленность в жизнь, в ее капризы и случайности, в ее мимолетную красоту была благоговейной и самоотверженной, совершенно свободной от всякой примеси самолюбивого авторского «я», что давало возможность Тургеневу видеть дальше и зорче многих его современников.

«Наше время, — говорил он, — требует уловить современность в ее преходящих образах; слишком запаздывать нельзя». И он не запаздывал. Все его произведения не только попадали в настоящий момент общественной жизни России, но одновременно его опережали. Тургенев был особенно восприимчив к тому, что стоит «накануне», что еще только носится в воздухе.

Острое художественное чутье позволяет ему по неясным, смутным еще штрихам настоящего уловить грядущее и воссоздать его, опережая время, в неожиданной конкретности, в живой полноте. Этот дар был для Тургенева писателя тяжким крестом, который он нес всю жизнь. Его дальновзоркость не могла не раздражать современников, не желавших жить, зная наперед свою судьбу. И в Тургенева часто телели каменя. Но таков уж удел любого художника, наделенного даром предвидений и предчувствий, пророка в своем отечестве. И когда затихала борьба, наступало затишье, те же гонители часто шли к Тургеневу с повинной головой. Забегая вперед, Тургенев определял пути, перспективы развития русской литературы 2-й пол. XIX столетия. В «Записках охотника» и «Дворянском гнезде» уже предчувствуется эпос «Войны и мира» *Л. Н. Толстого*, «мысль народная»; духовные искания *Андрея Болконского* и *Пьера Безухова* пунктиром намечались в судьбе *Лаврецкого*; в «Отцах и детях» предвосхищалась мысль *Достоевского*, характеры будущих его героев от *Раскольникова* до *Ивана Карамазова*.

В отличие от писателей-эпиков Тургенев предпочитал изображать жизнь не в повседневном и растянутом во времени течении, а в острых, кульминационных ее ситуациях. Это вносило драматическую ноту в романы и повести писателя: их отличает стремительная завязка, яркая, огненная кульминация и резкий, неожиданный спад с трагическим, как правило, финалом. Они захватывают небольшой отрезок исторического времени, а потому точная хронология играет в них существенную роль. Жизнь героя у Тургенева крайне ограничена в пространстве и времени: если в характерах *Онегина* и *Печорина* «отразился век», то в *Рудине*, *Лаврецком*, *Инсарове*, *Базарове* — духовные устрем-

ления десятилетия. Жизнь героев подобна ярко вспыхивающей и быстро угасающей искре в океане времени. История отмеряет им напряженную, но слишком короткую судьбу. Романы Тургенева включены в жесткие ритмы годового природного круга: действие в них завязывается весной, достигает кульминации в знойные дни лета, а завершается под свист осеннего ветра или «в безоблачной тишине январских морозов». Тургенев показывает своих героев в счастливые минуты максимального развития и расцвета их жизненных сил, но именно здесь с катастрофической силой обнаруживаются свойственные им противоречия. Потому и минуты эти оказываются трагическими: гибнет на парижских баррикадах Рудин, на героическом взлете, неожиданно обрывается жизнь Инсарова, а потом Базарова и Нежданова.

Однако трагические финалы в романах Тургенева не являются следствием разочарования писателя в смысле жизни, в ходе истории. Скорее наоборот: они свидетельствуют о такой любви к жизни, которая доходит до веры в бессмертие, до дерзкого желания, чтобы человеческая индивидуальность не угасала, чтобы красота явления, достигнув полноты, превращалась в вечно пребывающую в мире красоту. В его романах сквозь злободневные события, за спиной героев времени, всегда ошутимо дышание вечности. Судьбы героев его романов свидетельствуют о вечном поиске, вечном вызове, который бросает дерзкая человеческая личность слепым и равнодушным законам несовершенной природы. Внезапно заболевает Инсаров в романе «Накануне», не успев осуществить великое дело освобождения Болгарии. Любящая его русская девушка Елена никак не может смириться с тем, что это конец, что эта болезнь неизлечима. «О Боже! — думала Елена, — зачем смерть, зачем разлука, болезнь и слезы? или зачем эта красота, это сладостное чувство надежды, зачем успокоительное сознание прочного убежища, неизменной защиты, бессмертного покровительства?» В отличие от Толстого и Достоевского Тургенев не дает прямого ответа на этот вопрос: он лишь приоткрывает тайну, склонив колени перед обнимающей мир красотой: «О, как тиха и ласкова была ночь, какой голубинойю кротостью дышал лазурный воздух, как всякое страдание, всякое горе должно было замолкнуть перед этим ясным небом, под этими святыми, невинными лучами!». Тургенев не сформулирует крылатую мысль Достоевского: «красота спасет мир», но все его романы утверждают веру в преобразующую мир силу красоты, в творчески созидательную силу искусства, рождают надежду на неуклонное освобождение человека от власти слепого материального процесса, великую надежду человечества на превращение смертного в бессмертное, временного в вечное.

С Тургеневым не только в литературу, в жизнь вошел поэтический образ спутницы русского героя, «тургеневской девушки» — Натальи Ласунской, Лизы Калитиной, Елены Стаховой, Марианны. Писатель избирает цветущий период в женской судьбе, когда в ожидании избранника встрепенется девичья душа, проснется к временному торжеству все дремлющие ее возможности. В эти мгновения женское существо прекрасно тем, что оно превосходит свою смертную природу. Излучается такой переизбыток жизненных сил, какой не может получить земного воплощения, но остается заманчивым обещанием чего-то бесконечного, более высокого и совершенного, чем материальный мир, залогом вечности. «Человек на земле — существо переходное, находящееся в состоянии общегенетического роста», — утверждает Достоевский. Тургенев молчит, но

напряженным вниманием к необыкновенным взлетам человеческой души он подтверждает истину этой мысли.

Вместе с образом «тургеневской девушки» входит в произведение писателя образ «тургеневской любви». Как правило, это первая любовь, одухотворенная и целомудренно чистая. Она решительно разрушает будни повседневного существования. Все герои Тургенева проходят испытание любовью — своего рода проверку на жизнеспособность не только в интимно-личных, но и в общественных своих возможностях и убеждениях. В любящем человеке отчетливо выявляются сильные и слабые стороны всей полноты его человеческого существа.

Любящий герой прекрасен, духовно крылен, но чем выше он взлетает на крыльях любви, тем ближе оказывается у Тургенева трагическая развязка и — падение. Любовь неизменно трагична, потому что перед ее стихийной властью беззащитен любой человек. Своенравная, роковая, неуправляемая, любовь прихотливо распоряжается человеческой судьбой. Никому не дано предугадать, когда она, как вихрь, налетит и подхватит человека на своих могучих крыльях и когда она эти крылья сложит. Любовь трагична еще и потому, что идеальная мечта, окрыляющая душу влюбленного человека, не осуществима в пределах земного, природного круга. Тургеневу более, чем кому-либо из его современников, был открыт идеальный смысл любви, усвоенный в юности, и практически испытанный писателем в личной судьбе — в платонической любви с 1843 и до конца дней к прославленной французской певице Полине Виардо. Любовь — яркое подтверждение богатых и еще не реализованных возможностей человека на пути духовного совершенствования. Свет любви для Тургенева никогда не ограничивался желанием физического обладания. Он был для него путеводной звездой к торжеству красоты и бессмертия. Потому Тургенев так чутко присматривается к духовному существу первой любви, чистой, огненно-целомудренной, обещающей человеку торжество над смертью, сливающей временное с вечным в высшем синтезе, невозможном в супружеской жизни и семейной любви.

Статья «Гамлет и Дон Кихот» (1859) является ключом к пониманию всех героев Тургенева. Характеризуя в ней тип Гамлета, Тургенев думает о «лишних людях», дворянских героях, под Дон Кихотами же он подразумевает новое поколение общественных деятелей — революционеров-интеллигентов. Тургенев хочет быть арбитром в споре этих двух общественных сил. Он видит слабые стороны и в Гамлетах, и в Дон Кихотах. Тургенев мечтает о герое, снимающем в своем характере крайности гамлетизма и донкихотства. Он стремится встать над схваткой, примирить враждующие между собою партии, обуздать противоположности. Человек, терпимый в своих общественных убеждениях, Тургенев решительно отказывается от любых завершающих и самодовольных систем. «Системами дорожат только те, которым вся правда в руки не дается, которые хотят ее за хвост поймать; система — точно хвост правды, но правда, как ящерица: оставит хвост в руке — а сама убежит...» Тургеневское недоверие к завершающим общественным доктринам любого толка породилось ощущением особой опасности такого рода доктрин и систем для ищущего, духовно не укорененного русского интеллигента. Считая культурную прослойку движущей силой общества, Тургенев питал тревогу по поводу некоторых особенностей русского интеллигента. С «легкостью в мыслях необыкновенной» он мог отречься от предмета вчерашнего поклонения с тем, чтобы спустя некоторое

время с такой же легкостью отречься от кумира сегодняшнего дня. Отсутствие в просвещенном сословии прочных культурно-национальных устоев, по мнению Тургенева, постоянно угрожало обществу опасностью идейного фанатизма и шархания из одной крайности в другую.

В тургеневском призыве к терпимости, в его стремлении «снять» противоречия и крайности непримиримых общественных течений 1860—70-х проявилась обоснованная тревога писателя за судьбы отечественной культуры. Тургенев не устал убеждать ревнителей российского радикализма, что новый водворяющийся порядок должен быть не только силой отрицающей, но и силой охранительной, что, нанося удар старому миру, он должен спасти в нем все, достойное спасения. Тургенева тревожила беспочвенность, пугала безоглядность некоторых слоев русской интеллигенции, готовых рабски следовать за каждой новомодной мыслью, легкомысленно отворачиваясь от нажитого исторического опыта, от вековых традиций. «...И отрицаем-то мы не так, как свободный человек, разящий шпагой, — писал Тургенев в романе «Дым», — а как лакей, лупящий кулаком, да еще, пожалуй, и лупит-то он по господскому приказу». Эту холопскую готовность русской общественности не уважать своих традиций, легко отказываться от предмета вчерашнего поклонения Тургенев заклимил меткой фразой: «Новый барин родился — старого долой!.. В ухо Якова, в ноги Сидору!»

Вернувшись в 1841 из Берлина, Тургенев некоторое время находился на распустье. С одной стороны, он попытался занять кафедру философии в одном из столичных университетов, успешно выдержал магистерский экзамен, но к написанию диссертации так и не приступил. Перед ним открылась перспектива государственной службы в Министерстве внутренних дел, занятом в те годы составлением проектов грядущей отмены крепостного права. В 1843 Тургенев написал записку «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», в которой изложил свои взгляды на крестьянский вопрос, был принят на службу в канцелярию *В. И. Даля*, но вскоре в ней глубоко разочаровался. В личной жизни Тургенев пережил в этот период целый ряд драматических испытаний: увлечение Авдотьей Ивановой, белешвейкой по вольному найму в доме матери, закончившееся ссорой с Варварой Петровной и рождением дочери Пелагеи (Полины), «философский роман» с *Т. А. Бакуниной*, завершившийся разочарованием и разрывом, наконец, роковое увлечение в 1843 Полиной Виардо, выступавшей в составе труппы итальянской оперы в Петербурге.

1841—47 — время столкновения молодого романтика с реалиями русской жизни, заставившими его во многом пересмотреть нажитый в Германии умозрительный опыт, романтический идеализм. Высокая оценка критикой его поэмы «Параша» (1843) окончательно определила жизненный путь Тургенева, выбор им писательской стези. Тургенев публикует драматическую поэму «Разговор» (1844), повесть в стихах «Андрей» (1845), сатирическую поэму «Помещик» (1845), пробует свои силы в драме («Неосторожность», 1843; «Безденежье», 1846), создает первые прозаические повести: «Андрей Колосов» (1843), «Три портрета» (1845), «Бретер» (1846), «Петушков» (1847). Тургенев начинает развенчивать в них романтиков, героев фразы, рассчитанной на эффект, скучающих эгоистов, противопоставляя им людей иного склада — простых, естественных, цельных душой. Намечается путь к «Запискам охотника»: поэтический цикл «Деревня» (1846) — первый подход к народной теме.

Летние месяцы Тургенев проводит в деревне, а в 1846 обходит с ружьем за плечами Орловскую, Калужскую и Курскую губернии вместе с охотником из крестьян, своим другом Афанасием Алифановым. Охотники, в отличие от дворовых людей и крестьян-хлеборобов, в силу страннического образа жизни в меньшей степени подвергались развращающему влиянию помещичьей власти, сохраняя вольный и независимый ум, чуткость к жизни природы, чувство собственного достоинства. Наблюдая за жизнью крестьянства, Тургенев приходил к выводу, что крепостное право не уничтожило живых народных сил, что «в русском человеке таится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития». Но чтобы рассмотреть это, писатель должен войти в доверие к русскому мужику «родственным к нему расположением, наивной и добродушной наблюдательностью». Охоту Тургенев считал занятием, свойственным любому русскому человеку: «Дайте мужику ружье, хоть веревками связанное, да горсточку пороху, и пойдет он бродить, в одних лаптишках, по болотам да по лесам, с утра до вечера». На общей для барина и мужика национальной основе возникал в процессе охотничьих странствий открытый характер общения между ними, немислимый в повседневном крепостническом быту. Охота превращалась для Тургенева в удобный способ изучения всего строя народной жизни, внутреннего склада народной души, не всегда доступной стороннему наблюдателю. Тургенев замечал, что мужики, с которыми он встречался в своих охотничьих странствиях, вели себя с ним необычно: были щедро откровенны, доверчиво сообщали свои тайны. Он был для них своим человеком, охотником, а не баринном.

В янв. 1847 в культурной жизни России и творческой судьбе Тургенева произошло значительное событие. В обновленном журнале «Современник», перешедшем в руки *И. И. Панаева* и *Н. А. Некрасова*, был опубликован очерк Тургенева «Хорь и Калиныч», успех которого превзошел все ожидания и побудил к созданию целой книги под названием «Записки охотника».

В «Хоре и Калиныче» Тургенев совершил своего рода переворот в художественном решении темы народа. В двух крестьянских характерах, представляющих собою колоритные и яркие народные индивидуальности, он уловил коренные силы нации, определяющие ее жизнеспособность, перспективы ее дальнейшего роста и становления. Перед лицом практического Хоря и поэтического Калиныча потускнел образ их господина, помещика Полутыкина. В тургеневском повествовании это герой сноски, ему отводится место под строкой. Крестьяне — крепостные, зависимые люди, но рабство не превратило их в рабов: духовно они богаче и свободнее полутыкиных. Именно в крестьянстве нашел Тургенев «почву, хранящую жизненные соки всякого развития», а значимость личности государственного человека он поставил в прямую связь с этой почвой: «...Из наших разговоров с Хорем я вынес одно убеждение, которого, вероятно, никак не ожидают читатели, — убеждение, что Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях».

От Хоря и Калиныча мысль писателя устремляется к русскому человеку, к русской государственности. Общение с простым мужиком привело рассказчика к выводу: «Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперед. Что хорошо — то ему и нравится, что разумно — того ему и подавай, а откуда оно идет, — ему все равно».

А затем Тургенев выводит своих героев к природе, сливает их с нею, устраняя резкие границы между отдельными характерами. Этот замысел ошутим в сопоставлении обрамляющих книгу очерков: от «Хоря и Калиныча» в начале — к «Лесу и степи» в конце. Хорь погружен в атмосферу лесной обособленности: его усадьба располагалась посреди леса на расчищенной поляне. А Калиныч своей бездомностью и душевной напевностью сродни степным просторам, мягким очертаниям пологих холмов, кроткому и ясному вечернему небу.

Вдохновленный успехом, Тургенев пишет др. рассказы, внутренне реализуя замысел единой книги, поэтическое ядром которой является первый из них. Все последующие произведения, которые сам Тургенев называет «отрывками», углубляют, развивают, обогащают с разных сторон ту широкую поэтическую мысль, которая, как в зерне, была заключена здесь. Вслед за «Хорем и Калинычем» они печатаются в «Современнике» за 1847—51, а в 1852 «Записки охотника» впервые выходят отдельным изданием.

В этой книге Тургенев впервые ощутил Россию как единство, как живое художественное целое. Его книга открывает 60-е годы в истории русской литературы, предвосхищает их. Прямые дороги от «Записок охотника» идут не только к «Запискам из Мертвого дома» Достоевского, «Губернским очеркам» *Салтыкова-Щедрина*, но и к эпосу «Войны и мира» Толстого. В «Записках охотника» Тургенев понял и пережил то, что *славянофилы* считали первой и последней святыней народной души.

Одно сомнение затронуло Тургенева как раз в период работы над «Записками охотника»: он оказался свидетелем трагических июньских дней на улицах Парижа, когда взвзвывая власть буржуазия потопила в крови народное недовольство. События французской революции 1848 привели Тургенева к грустному итогу. Он убедился, что революцией управляла злая сила в лице богатых буржуа и финансистов, народ же служил игрушкой в политической борьбе. Возникли серьезные сомнения в том, что народ вообще является творческой силой истории. Трагический опыт революции 1848 все более склонял Тургенева к мысли о том, что этой творческой силой является интеллигенция, тот верхний слой общества, который создает науку и культуру, который является проводником этих ценностей в народную среду. Пережитое во Франции уводило Тургенева в сторону от того писательского пути, который был намечен им в «Записках охотника». Внимание его все более и более привлекала историческая судьба русской интеллигенции.

В повести «Муму» (1852) раскрывается трагическое несоответствие между богатейской мощью и трогательной беззащитностью Герасима, символический смысл приобретает его немота. В повести «Постоялый двор» (1852) умный, рассудительный мужик Аким в одночасье лишается всего состояния из капризной прихоти барыни. Подобно Герасиму, он уходит со двора, берет в руки посох странника, «божьего человека». А на смену ему приходит цепкий деревенский хищник Наум. В ответ на восхищение славянофилов характерами Акима и Герасима Тургенев сказал: «...Я вижу трагическую судьбу племени, великую общественную драму там, где вы находите успокоение и прибежище эпоса...».

Эти повести Тургенев создавал в драматических обстоятельствах. Вернувшись в 1850 на родину, он активно сотрудничает в редакции «Современника», пишет ряд критических очерков о творчестве В. И. Даля, А. Н. Островского, Евг. Тур, Ф. И. Тютчева. В 1852 он был арестован по обви-

нению в нарушении цензурных правил при публикации статьи, посвященной памяти Н. В. Гоголя. Это обвинение было использовано как удачный предлог. Истинной же причиной ареста были «Записки охотника» и связи писателя с семьей Виардо и А. И. Герценом. Месяц Тургенев провел на съезжей адмиралтейской части в Петербурге, а потом был сослан в Спасское под строгий надзор полиции без права выезда за пределы Орловской губ.

В период Спасской ссылки (до к. 1853) Тургенев продолжает работу над циклом повестей («Дневник лишнего человека», 1850; «Два приятеля», «Затишье», «Переписка» — все три 1854, «Яков Пасынков», 1855), в котором с разных сторон исследует психологию своего современника, культурного человека, идеалиста 1840-х. Его перестает удовлетворять старая манера художественного письма с его эскизностью, фрагментарностью, очерковостью. Он стремится теперь к «простоте, спокойствию, ясности линий», пытается овладеть крупной эпической формой (задумывает роман «Два поколения»), но не доводит замысел до конца и уничтожает рукопись).

Немаловажную роль на пути к роману сыграли давние увлечения Тургенева драматургией. Еще параллельно с «Записками охотника» он создает целый ряд пьес: «Где тонко — там и рвется» (1847), «Нахлебник» (1848), «Холостяк» (1849), «Завтрак у председателя» (1849), «Месяц в деревне» (1850), «Провинциалка» (1850), «Вечер в Сорренто» (1852). Но только на рубеже XIX—XX вв. эти произведения обрели настоящую сценическую жизнь. Тургенев прокладывал в них пути к «новой драме» чеховского типа.

Свой первый роман «Рудин» Тургенев написал в 1855, в период поражения России в Крымской войне, на пороге эпохи «великих реформ». Новое время ставило перед людьми тургеневского поколения решительные и прямые вопросы, требуя от них столь же решительных и прямых ответов. Разговоры и споры в кругу единомышленников, некогда определявшие смысл существования культурной дворянской прослойки общества, теперь никого не могли удовлетворить. Время «слова» уходило в прошлое, сменялось новой эпохой, звавшей человека на «дело», на практическое участие в политической жизни страны.

В романе много автобиографического. Рудин — один из лучших представителей культурного дворянства, идеалист 1830 — н. 1840-х. Он получил философское образование сперва в кружке Покорского (прототип Н. В. Станкевич), потом в Берлинском университете. В облике Рудина современники видели сходство с другом студенческих лет Тургенева М. А. Бакуниным. Сначала роман назывался «Гениальная натура»: под «гениальностью» Тургенев понимал дар слова, талант просветителя, а под «натурой» — твердость воли, острое чувство насущных потребностей в жизни страны, умение претворять слово в дело. По мере работы над романом Тургенев понял, что применительно к Рудину такое заглавие звучит иронически: в нем есть «гениальность», но нет «натуры», есть талант пробуждать умы и сердца людей, но нет сил и способностей вести их за собой. «Несчастье Рудина состоит в том, что он России не знает, и это точно большое несчастье. Россия без каждого из нас может обойтись, но никто из нас без нее не может обойтись».

Рудин сам сознает свои слабости и понимает, что во всех действиях и поступках его, «как китайского болванчика, постоянно перевешивает голова». Потому осуждение Рудина соседствует с авторским его оправданием. В любви он способен быстро увлекаться и гаснуть, удовлетворяясь прекрасными мгновениями первой влюбленности — черта,

характерная для всех идеалистов эпохи 1840-х, и для Тургенева в том числе. В письме, адресованном Наталье, Рудин подвергает себя беспощадному самоанализу: отчетливо звучат самоосуждающие интонации лермонтовской «Думы», отголоски пушкинских размышлений в «Евгении Онегине» о потерянной молодости души, о довременной утрате «лучших желаний» и «свежих мечтаний».

К концу романа в характере Рудина начинают проступать черты русского странника-правдоискателя, вечного Дон-Кихота. Мотивы «дороги», «странствия», «скитальчества» приобретают национальный колорит, возникают ассоциации с пушкинскими стихами «Телега жизни», даже в стиле рудинской фразы появляются народные интонации. Мы узнаем, что после любовной катастрофы Рудин пытается найти достойное применение для своих жизненных сил. Но романтик-энтузиаст во всех практических начинаниях действует как максималист, не желающий считаться с реальными сложностями жизни.

У Рудина в романе есть антипод — друг его студенческой юности Лежнев: если Рудин парит в облаках, то Лежнев стелется по земле и сам чувствует свою ограниченность, отдавая в конце романа дань уважения Рудину: «В нем есть энтузиазм, а это... самое драгоценное качество в наше время». Страннической судьбе героя вторит скорбный русский пейзаж: «А на дворе поднялся ветер и завыл зловещим завываньем, тяжело и злобно ударяясь в звенящие стекла. Наступила долгая осенняя ночь. Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый уголок... И да поможет Господь всем бесприютным скитальцам!» Рудин гибнет на парижских баррикадах в революцию 1848.

В «Рудине» определилась своеобразная форма тургеневского романа: на сюжет типичной повести с любовной кульминацией наслаивается несколько «внесюжетных» новелл (рассказ о кружке Покорского, вторая развязка романа — встреча Лежнева с Рудиным в провинциальной гостинице, эпилог — гибель героя на баррикадах). Характер Рудина изображается в процессе сцепления эпизодов, относящихся к разным временам его жизни и с разных сторон освещающих его личность. К цельному представлению о герое читатель приближается в процессе взаимотражения разных его характеристик, придающих герою объемное освещение, но все же не исчерпывающих до конца всей глубины рудинского типа. Эта стереоскопичность изображения усиливается тем, что Тургенев окружает Рудина «двойниками» (Лежнев, Пандалевский, Пигасов, Муффель и др.), в которых, как в системе зеркал, умножаются сильные и слабые стороны центрального героя.

За проблемами социальными в «Рудине» отчетливо звучат философские: мотивы трагизма человеческого существования, мимолетности молодых лет, роковой несовместимости людей разных возрастов. Жизнь человека, по Тургеневу, определяется не только общественными отношениями данного исторического момента, не только всей совокупностью национального опыта, она находится еще во власти неумолимых законов безучастной к нему природы. После «Рудина» эти мотивы в творчестве Тургенева усиливаются в повестях «Поездка в Полесье» (1853—57), «Фауст» (1856), «Ася» и «Первая любовь» (обе — 1860). «Поездка в Полесье» открывается размышлениями рассказчика о ничтожности человека перед лицом всемогущих природных стихий. Сталкиваясь с их властью, герой остро переживает свое одиночество, свою обреченность. «Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смер-

ти, — трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды...».

В «Фаусте», «Асе» и «Первой любви» Тургенев развивает тему трагического смысла любви. Это чувство открывает человеку высшие тайны и загадки жизни, превосходящие любые попытки их природных объяснений. Любовь сильнее смерти, потому что выводит влюбленного человека за пределы слепых законов «равнодушной природы», обещает больше, чем природа может ему дать. Но потому любовь может надломить в человеке его хрупкий природный состав. Это чувство торжествует над слабостью и смертной стороной человеческого существа. Так стораец в любви героиня «Фауста» Вера Николаевна Ельцова. В «Асе» любовь — своенравная стихия, перед властью которой беззащитен любой человек. Любовь нападает на силы, стоящих над ним, и предостерегает от чрезмерной самоуверенности: она учит человека готовности к самоотречению. В погоне за ускользающим призраком земного счастья человек не должен упускать из виду требований нравственного долга, забвение которого уводит личность в пучины индивидуализма и влечет за собою неминуемое возмездие. «...Жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслаждение, — говорит Тургенев в «Фаусте», — жизнь — тяжелый труд. Отречение, отречение постоянно — вот ее тайный смысл, ее разгадка: не исполнение любимых мыслей и мечтаний, как бы возвышенны они ни были, — исполнение долга, вот о чем следует заботиться человеку; не наложив на себя цепей, железных цепей долга, не может он дойти, не падая, до конца своего поприща...»

В годы работы над романом «Дворянское гнездо» (1847—58) Тургенев вплотную подходит к великой правде православно-христианских истин, носительницей которых окажется Лиза Калитина. Тургенев пишет Е. Е. Ламберт: «...Да, земное все прах и тлен — и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру — имеет все и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что сам принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды».

В «Дворянском гнезде» впервые воплотился идеальный образ тургеневской России, отрицающий крайности либерального западничества и революционного максимализма. Под стать русской величавой и неспешной жизни, текущей неслышно, «как вода по болотным травам», — лучшие люди из дворян и крестьян, выросшие на ее почве. Живым олицетворением родины, народной России является центральная героиня романа — Лиза Калитина. Как пушкинская Татьяна, она впитала в себя лучшие соки русского Православия, народной культуры, народной религиозности. Книгами ее детства были *жития святых*. Лизу покоряла самоотверженность отшельников, угодников, святых мучениц, их готовность пострадать и умереть за правду, «за други своя». Ее привлекает в Православии пронзительная совестливость, терпеливость и готовность безоговорочно склониться перед требованиями сурового нравственного долга.

Возрождающийся к новой жизни Лаврецкий вместе с заново обретаемым чувством родины переживает и новое чувство чистой, одухотворенной любви. Лиза является перед ним как продолжение глубоко пережитого, сыновнего слияния с животворящей тишиной деревенской Руси. «Тишина обнимет его со всех сторон, солнце катится тихо по спокойному небу, и облака тихо плывут по нём». Ту же самую исцеляющую, святую тишину ловит Лаврецкий в

«тихом движении Лизиних глаз». Любовь Лизы и Лаврецкого глубоко поэтична. С нею заодно и свет лучистых звезд в ласковой тишине майской ночи, и божественные звуки кантаты, сочиненной старым музыкантом Леммом.

Но что-то постоянно настораживает в этом любовном романе, какие-то роковые предчувствия омрачают его. В самые счастливые минуты Лаврецкий и Лиза не могут освободиться от тайного чувства стыда, от ощущения роковой расплаты за свое непростительное счастье. Как верующая девушка, истинная христианка, Лиза считает, что всякое стремление к личному счастью, всякая погоня за ним греховна в своей основе. Чувство личной вины обостряет в романе народная беда. Укором влюбленному Лаврецкому является жизнь крепостного мужика: «Оглянись, кто вокруг тебя блаженствует, кто наслаждается? Вон мужик едет на косьбу; может быть, он доволен своей судьбою... Что ж? захотел ли бы ты поменьше с ним?» Грядет суровое возмездие за пренебрежение общественным долгом, за жизнь отцов, дедов и прадедов, за прошлое самого Лаврецкого, за жизнь всего «дворянского гнезда». Уходя в монастырь, Лиза говорит, обращаясь к герою романа: «Я все знаю, и свои грехи, и чужие, и как папенька богатство наше нажил; я знаю все. Все это отомолить, отомолить надо... отзывает меня что-то; тошно мне, хочется мне запересть навек».

Но уход Лизы в монастырь еще раз утвердил то качество русской святости, которое вызывало у Лаврецкого и стоящего за ним автора некоторую тревогу, отразившись в спорах Лаврецкого и Лизы. Настораживал тот мироотречный уклон, который Тургенев подметил в народе, относившемся подчас ко всей земной жизни как к царству греха. Лаврецкий отдает всего себя честному, строгому труду ради прекрасной цели — изменить и «упрочить быт своих крестьян», научиться «пахать землю и как можно глубже ее пахать». Лаврецкий призван исполнить в романе другую заповедь христианина — «в поте лица добывая хлеб свой».

В эпилоге романа — знакомый мотив скоротечности жизни, стремительного бега времени. Восемь лет ушло на то, чтоб Лаврецкий, перестав думать о собственном счастье, сделался хорошим хозяином, выучился «пахать землю», упрочил быт своих крестьян. Но вместе с тем как песок сквозь пальцы утекла лучшая часть его жизни. Поседевший герой приветствует молодое поколение в доме Калитиных: «Играйте, веселитесь, растите молодые силы...». В эпоху 1860-х такой финал воспринимался как прощание с «дворянским периодом» русской истории. Но речь у Тургенева все же шла о другом, о судьбе поколения, к которому принадлежал он сам, об идеалистах 40-х, которые должны были, по неумолимой логике жизни, уступить место новым, молодым силам, растущим под кровом тех же самых «дворянских гнезд».

Что будет откладывать эти молодые силы от поколения Рудиных и Лаврецких? Какую программу обновления России они примут и как приступят к освобождению народа от крепостнических пут? Время требовало «сознательно-героических натур», о которых и повел речь Тургенев в следующем романе «Накануне» (1860), сознательно выбрав в качестве прототипа болгарина Николая Катранова (среди русских такого героя, по признанию Тургенева, еще не было).

Рядом с сюжетом социальным, отчасти вырастая из него, отчасти возвышаясь над ним, разворачивается в романе сюжет философский. В самом начале романа возникает спор Шубина и Берсенева о счастье и долге. «Счастье» —

не то слово, которое способно объединить людей. Соединяют их другие слова: «родина, наука, справедливость». И любовь, если она не «любовь-наслаждение», а «любовь-жертва». Инсарову и Елене хочется, чтоб в их любви личное сливалось с общим. Однако героям суждено осознать, что в их чувствах счастье близости с любимым человеком преобладает порой над любовью к общему делу и препятствует его осуществлению. «Кто знает, может быть, я его убила», — думает Елена у постели больного Инсарова, который, в свою очередь, задает Елене аналогичный вопрос: «Скажи мне, не приходило ли тебе в голову, что эта болезнь послана нам в наказание?»

Многих современников Тургенева, особенно из круга нигилистов, крайне смущал финал романа. В ответ на вопрос Шубина, будут ли у нас в России люди, подобные Инсарову, Увар Иванович, олицетворяющий русскую «черноземную силу», «поиграл перстами и устремил в отдаление свой загадочный взор». Очевидно, что Тургенев отказывал в праве на роль героев своим современникам, как революционерам-нигилистам, так и космополитически настроенным представителям русского либерализма.

В 1862 Тургенев выпускает роман «Отцы и дети». Образ главного героя Базарова первоначально раскрывается автором так: «Нигилист. Самоуверен, говорит отрывисто и немного — работящ. (Смесь Добролюбова, Павлова и Преображенского.) Живет малым; доктором не хочет быть, ждет случая. Умеет говорить с народом, хотя в душе презирает. Художественного элемента не имеет и не признает... В сущности, бесплоднейший субъект — антипод Рудина — ибо без всякого энтузиазма и веры».

Автор отказывает герою в душевной глубине и скрытом «художественном элементе». В процессе работы над романом Тургенев ведет дневник от лица Базарова и смягчает первоначальную его характеристику. К июлю 1861 роман был завершен и передан в редакцию «Русского вестника». После писем М. Н. Каткова и П. В. Анненкова, полученных Тургеневым в Париже и сдвинувших во мнении, что автор «возвел Базарова в апофеозу», писатель положил несколько резких штрихов на образ главного героя.

Тургенев показывает в романе, что никакие социальные, политические, государственные формы человеческого общежития не поглощают содержания семейной жизни. Отношения сыновей к отцам не замыкаются только на родственных чувствах, а распространяются далее на сыновнее приятие прошлого и настоящего своего Отечества. Отцовство в широком смысле слова тоже предполагает любовь старшего поколения к идущим ему на смену детям. Трагическая глубина центральной коллизии романа как раз и проясняется нарушением семейственности в связях между поколениями, между противоположными общественными течениями русского общества. Противоречия между ними заходят так далеко, что касаются коренных, «божеских и человеческих» основ бытия, угрожая национальному организму разложением и распадом. И «отцы» и «дети» явно еще не выросли до того, чтобы «отцы» сознательно сообразовались с высочайше первообразным для всякого отчества Отцом, все благоволение Которого — в Сыне, а «дети» с верховно первообразным для всякого сыновства Сыном, в Котором вполне успокаивается дух Отеческий (архим. Феодор (Бухарев)).

В «Отцах и детях» единство живых сил национальной жизни взорвано непримиримым конфликтом. Базаров не хочет признать, что мягкосердечие и голубиная кротость

«барчуков проклятых» — следствие художественной одаренности их натур, поэтических, мечтательных, чутких к музыке и поэзии. В способности русского человека легко «поломать себя» Тургенев увидел теперь не столько великое наше преимущество, сколько неумный радикализм, способный подрубить на корню живой национальный организм, разорвать удерживающую его жизнеспособность «связь времен». Поэтому социальной борьбе революционеров-нигилистов с либералами Тургенев придал широкое национально-историческое освещение: речь шла о культурной преемственности в ходе исторической смены одного поколения другим. В споре либерала Павла Петровича с нигилистом Базаровым истина не рождается потому, что антагонисты впадают в противоположные общие места: на каждое «да» одного — решительное «нет» другого. Такой «спор» разрушителен не только по отношению к истине: он обостряет противоречия внутри самих героев, надламывает их, загоняя одного в космополитический либерализм, а другого в крайности нигилизма. В действительности Павел Петрович далеко не такой самоуверенный аристократ, какого он разыгрывает из себя перед Базаровым. И уже первое знакомство с Базаровым убеждает: в его душе есть чувства, которые герой скрывает и от окружающих и от самого себя. Крайняя резкость его нападок на поэзию, на любовь, на философию заставляет усомниться в полной искренности отрицания. В Базарове предчувствуются герои Ф. М. Достоевского с их типичными комплексами: злоба и ожесточение как форма проявления скрытой любви, как полемика с добром, подспудно живущим в душе отрицателя. К финалу романа становится ясно, что в Базарове потенциально присутствует многое из того, что он отрицает: и «романтизм», и способность любить, и народное начало, и семейное чувство, и умение ценить красоту и поэзию. Не случайно Достоевский высоко оценил роман Тургенева и трагическую фигуру «беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм».

Искушая смертью односторонность своей жизненной программы, герой оставляет миру позитивное, творческое, исторически-ценное как в самих его отрицаниях, так и в том, что скрывалось за ними. Потому-то в конце романа и воскрешается вновь тема народной, крестьянской России, перекликающаяся с его началом. Сходство их очевидно, но и различие тоже: среди российского запустения, среди расшатанных крестов и разоренных могил появляется одна, «которую не топчет животное: одни птицы садятся на нее и поют на заре». По смерти Базарова над могилой его веет дыхание любви — родительской и народной. А «цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии “равнодушной” природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...».

В 1860-е углубляется философский пессимизм писателя, возникают сомнения в самой возможности устранения зла на земле, в историческом прогрессе. История человечества представлялась трагикомической борьбой с «неизменяемым» и «неизбежным». Эти настроения отчетливо прозвучали в двух повестях — «Призраки» (1864) и «Довольно» (1865). Духовная бесприютность, особенно усилившаяся после краха либеральных надежд, еще сильнее привлекала писателя к чужой семье и чужой стране. В России же он видел теперь лишь брожение, отсутствие чего-либо твердого и определившегося.

В таком настроении Тургенев начал работу над романом «Дым» (1867). Это роман глубоких сомнений и слабо теплящихся надежд. В нем изображается особое состояние мира, в котором люди потеряли освещающую их жизнь цель. Герои романа живут и действуют, как впотьмах, спорят, ссорятся, суетятся, бросаются в крайности. Тургенев наносит удары и по космополитическому либерализму, и по нигилистам. В жизни, охваченной «газообразным» клублением идей и мнений, трудно человеку сохранить уверенность в себе. Главный герой Литвинов, казалось бы определивший для себя скромную жизненную цель сельского хозяина и семьянина, попадая в круг соотечественников в Баден-Бадене, начинает задыхаться в хаосе бесконечных и назойливых словопрений, выпадает из намеченной жизненной колеи и оказывается во власти неожиданно вспыхнувшей в нем страсти к женщине из аристократического круга, которая в юные годы была его первой любовью. Эта страсть налетает как вихрь и берет в плен всего человека. Для Литвинова и Ирины в ней открывается единственный исход и спасение от «духоты» окружающей жизни. Но Ирина возвращает светским обществом, слишком привязана к его благам, и в решительный момент она отказывается бежать с Литвиновым.

«Дым» не принес Тургеневу успеха: нигилисты не могли простить писателю карикатурное изображение революционной эмиграции в кружке Губарева, либералы и консерваторы — сатирическое изображение верхов в сцене пикника генералов в Баден-Бадене. У литераторов славянофильского и почвеннического направления резкое недовольство вызвал Потугин. Достоевский не только порвал тогда приятельские отношения с Тургеневым, но в романе «Бесы» вывел его в неприглядном образе «русского европейца», писателя Кармазинова, читающего публично свой прощальный рассказ «Мерси!» — пародию на тургеневскую повесть «Довольно».

Итоговым произведением 1870-х является роман «Новь» (1876). Предпосланный ему эпиграф «из записок хозяина-агронома» («Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, а глубоко забирающим плугом») является прямым упреком «нетерпеливцам»: это они пытаются своей революционной пропагандой в народе поднимать новь поверхностно скользящей сохой.

Глубоко забирающим плугом поднимает новь в романе Тургенева «постепеновец» Соломин. Он сочувствует нигилистам и уважает их. Но путь, который они избрали, Соломин считает заблуждением, в революцию он не верит. Представитель «третьей силы», он, как и революционные народники, находится на подозрении у правительственных консерваторов (Каломейцев) и примыкающих к ним дворян-либералов (Сипягин). Эти герои изображаются сатирически, никаких надежд на правительственные верхи и старую либеральную интеллигенцию Тургенев теперь не питает. В Соломине проявляются характерные черты великоросса, подмеченные Тургеневым еще в образах Хоря и однодворца Овсянникова из «Записок охотника»: т. н. «сметка», «себе на уме», способность и любовь ко всему прикладному, техническому, практический смысл и своеобразный «деловой идеализм». В отличие от революционеров — Нежданова, Маркелова, Марианны — Соломин не «бунтует» народ «с детской неумелостью», а занимается практической деятельностью: организует фабрику на артельный начала, строит школу и библиотеку. Именно такая негромкая, но основательная работа способна, по Тургеневу, обновить лицо родной земли.

Итогом творчества Тургенева стал оригинальный цикл «Стихотворения в прозе». В поэтически отточенной форме здесь отразились ведущие мотивы его творчества. Цикл открывается стихотворением «Деревня», а завершается гимном русскому языку с крылатым афоризмом: «Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу».

Последние годы жизни Тургенева были озарены радостным сознанием того, что Россия высоко ценит его литературные заслуги. Приезды писателя на родину в 1879 и 1880 превратились в шумные чествования его таланта. Но с янв. 1882 начались испытания. Мучительная болезнь приковала Тургенева к постели. 30 мая 1882 Тургенев писал отъезжавшему в его гостеприимное Спасское поэту Я. П. Полонскому: «Когда Вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу, родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу». За несколько дней до рокового исхода Тургенев завещал похоронить себя на Волковом кладбище в Петербурге. Последние его слова — «прощайте, мои милые, мои белесоватые».

Соч.: Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1960—68; Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1978—99.

Лит.: Страхов Н. Н. И. С. Тургенев. «Отцы и дети» // Страхов Н. Литературная критика. М., 1984; Петров С. М. И. С. Тургенев. Творческий путь. 2-е изд. М., 1979; И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. 2-е изд. М., 1983; Чалмаев В. Иван Тургенев. М., 1986; Лебедев Ю. В. Тургенев. М., 1990 (ЖЗЛ).

Ю. Лебедев

ТУРОВЕРОВ Николай Николаевич (18[30].03.1899—23.09.1972), поэт. Родился в станице Старочеркасская Области Войска Донского. Окончил реальное училище. Служил вольноопределяющимся в лейб-гвардии атаманском полку. Сдал экзамен на чин хорунжего. С 1916 участвовал в первой мировой войне, с 1918 — в гражданской. Эмигрировал в 1920. Жил в Сербии, где работал лесорубом и мукомолом. Вскоре переехал в Париж. Работал грузчиком, учился в Сорбонне. На протяжении 37 лет служил в банке. В те же годы собирал книги, рукописи, гравюры из истории казачества. Основал Казачий музей, устраивал тематические выставки. Был председателем парижского Казачьего союза. Служил во французском Иностранном легионе. Участвовал во второй мировой войне.

Первая книга Туверова «Путь» вышла в 1928. Затем последовали четыре сборника — каждый под названием «Стихи» (1937, 1939, 1942, 1965). Печатался также в «Пере звонах», «Возрождении», «России и славянстве», «Современнике», «Гранях», в альманахе «Орион», в «Новом журнале». Его стихи включены в послевоенные антологии «На Западе», «Муза диаспоры», «Содружество». Основная тема Туверова — казачество. В эмиграции его поэзия была очень популярна. «Это не только краевая, но и настоящая общерусская лирика», — писал о творчестве поэта-казака Ю. Терапиано. Однако в восприятии многих читателей, даже доброжелательных, он оставался именно «казачьим поэтом». «К генеральной линии русской (бывшей) литературы Туверов, по-видимому, не принадлежит», — писал о нем рецензент «Нового журнала». Модернистские течения не оставили своего следа на поэтике Туверова. В его книгах преобладает обыкновенный четырехстопный ямб.

Соч.: Путь: Поэма. Париж, 1928; Стихи. Безансон, 1937; Стихи. Безансон, 1939; Стихи. Безансон, 1942; Сирко: Поэма. Париж, 1965; Стихи. М., 1995.

Ист.: Словарь поэтов русского зарубежья. СПб., 1999.

ТУРУХИН Павел Киприанович (р. 12.07.1955), поэт, публицист. Родился в Перми, в 1976 окончил Высшее военное авиационное училище штурманов. Служил 15 лет в ВВС СССР, ветеран афганской войны (1983—84), кавалер ордена Красной Звезды, капитан запаса. В 1992 окончил Литературный институт, с 1990 редактор православно-патриотического вестника «Сергиев Посад» и один из лидеров Братства прп. Сергия Радонежского. С 1993 атаман Сергиево-посадской казачьей станицы (с 1999 входит в реестровое казачество России). Автор поэтических книг «Старинный город вечных песнопений» (1994), «Песни русского воина» (2001).

Л. Болотин

ТУЧКОВ Василий Михайлович (ск. 1548), автор 3-й редакции «Жития Михаила Клопского».

Тучков принадлежал к московскому боярству («от благородных бо родителей бех»): его отец, Михаил Васильевич, в 30-е XVI в. входил в число приближенных Василия III, а его племянником был кн. А. М. Курбский. Сам Тучков, хотя и выполнял ответственные правительственные поручения, высших чинов не достиг. В 1538 как сторонники Бельских отец и сын Тучковы попали в опалу.

Тучков интересовался «внешними» науками, посещал келью *Максима Грека*. Святогорский старец адресовал ему, по крайней мере, 3 послания и сделал для него подборки переводных статей из энциклопедического Лексикона Свида (одна из этих подборок попала позднее к А. М. Курбскому). Однако на церковном Соборе 1525 Тучков выступил со свидетельскими показаниями против *Максима Грека*. В 1544—45 по заказу Тучкова была переписана рукопись максимовского периода толкований Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна.

В 1537 Тучков участвовал в работе по созданию *Великих Миней Четких*. Инициатор этого предприятия *Макарий*, архиепископ Новгородский, убедил Тучкова составить «Житие Михаила Клопского». Тучковская редакция (по принятой классификации — третья) опиралась на предыдущие, но отличалась от них яркостью композиции, учеными отступлениями, изысканным слогом (замена слов и словосочетаний новгородского происхождения книжными оборотами), риторической патетикой (витиеватое вступление, похвала святому). Знакомство Тучкова с «внешней» мудростью выразилось в необычном сопоставлении прославления христианских святых — агиографами и мифологических героев — поэтами «Омиром» и Овидием. На церковном Соборе 1547 Михаил Клопский был прославлен как общерусский святой — тучковская редакция его жития вошла в Великие Минеи Четии, вызвала восторженные отклики летописца (Новгородский владычный свод 1539).

Исследователи приписывают Тучкову еще ряд литературных произведений: канон Михаилу Клопскому, Житие Георгия Нового, одну из редакций «Повести о житии Александра Невского» и канон святому-воину. Возможно, Тучков сыграл определенную роль при составлении Владычного свода 1539.

Изд.: Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и ст. Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958.

М. О.

ТУШНОВА Вероника Михайловна (14[27].03.1915—7.07.1965), поэтесса. Родилась в Казани в профессорской семье. Училась в Ленинградском медицинском институте (1931—35). В годы Великой Отечественной войны работала медсестрой и врачом в эвакуационных госпиталях Москвы и Казани. На-

чала печататься в 1944. В 1945 вышел сборник стихов «Первая книга». Как и др. поэты, чья молодость был опалена огнем войны, Тушнова лирически взволнованно писала о трагических событиях, переживаемых страной, связывая свой рассказ с воспоминаниями о мирных днях, близких людях. По-настоящему дарование Тушновой — поэтессы обостренного лирического чувства — раскрылось в последний период ее творчества: сборники «Память сердца» (1958), «Второе дыхание» (1961) и особенно — «Сто часов счастья» (1965), «Стихи» (опубл. 1969). Смело вторгаясь в «чувств неосвоенную область», она во весь голос говорит о высокой любви, призывает к подлинно человеческим отношениям между людьми.

Соч.: Без тебя // Москва. 1968. № 1; Лирика / Предисл. А. Михайлова. М., 1969; [Как часто от себя мы правду прячем...] // День поэзии. М., 1969.

ТЮТЧЕВ Федор Иванович (23.11[05.12].1803—15[27].07.1873), поэт и мыслитель, один из тонких и проникновенных выразителей духовно-нравственных ценностей русской цивилизации. Родился в родовом имении отца Овстуг Орловской губ., под Брянском. В семье господствовала мать поэта Екатерина Львовна, урожд. Толстая. Но наибольшее влияние на духовное развитие будущего поэта оказал первый его воспитатель *С. Е. Раич*, родной брат Московского митр. Филарета.

После окончания Московского университета Тютчев был определен на службу за границу. Вместе с ним поехал беззаветно преданный ему дядька Н. А. Хлопов, лелеявший поэта с 4-летнего возраста. Дядька завел хозяйство на

русский лад, устроил в мюнхенской квартире Тютчева православный уголок с иконами древнего письма, перед которыми теплились неугасимые лампы.

Православно-патриотические взгляды Тютчева сочетались с мятущимся духовно-нравственным строем его поэзии. Отрицая нигилизм и революцию, Тютчев испытывал в то же время острый интерес к «высоким зрелищам» социальных потрясений. Для мироощущения поэта характерны ставшие крылатыми слова из стихотворения «Цицерон»: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!». Относя себя к «обломкам старых поколений», он испытывал горечь при мысли о своей оторванности от «нового, молодого племени», о невозможности идти с ним «навстречу солнцу и движенью» («Бессонница», 1828—29; «Как птичка, раннею зарей», не позднее 1835). В самом себе поэт ощущает «страшное раздвоенье», «двойное бытие», составляющее, по его убеждению, отличительное свойство человека его эпохи («Наш век», 1851, «О вещая душа моя!», 1855, «Памяти М. К. Политковской», 1872).

Поэзия Тютчева пропитана тревогой. Мир, природа, человек предстают в его стихах в постоянном столкновении противоборствующих сил, «среди громов, среди огней, среди клочущих страстей, в стихийном пламенном раздоре» («Поэзия», не позднее 1850). Диалектическое постижение действительности — в непрестанном движении — характеризует философскую глубину лирики Тютчева. Особенное тяготение проявляет поэт к изображению бурь и гроз в природе и в человеческой душе. «Гармонии в стихийных спорах» («Певучесть есть в морских волнах», 1865) он противопоставляет полное неразрешимых противоречий нравственное бытие человека. В поэзии Тютчева человек обречен на «безнадежный», «неравный» бой, «жестокую», «упорную», «отчаянную» борьбу с жизнью, роком, самим собой. Однако фаталистические мотивы в поэзии Тютчева сочетаются с мужественными нотами, славящими подвиг «непреклонных сердец», сильных духом натур («Два голоса», 1850).

Подобно *Е. А. Баратынскому*, Тютчев — крупнейший представитель русской философской лирики: он откликается на вековые вопросы, волнующие человеческое сознание. Философское мировоззрение Тютчева формировалось под воздействием духовных, идеалистических систем, особенно натурфилософских построений Ф. Шеллинга, с которым поэт был лично знаком. Но это не превращает лирику Тютчева в иллюстрирование философских положений. В его поэзии мысль облекается в художественный образ, возникший «под влиянием глубокого чувства или сильного впечатления» (*И. С. Тургенев*), пережитого самим поэтом. Художественный метод Тютчева, при всем его своеобразии, отражает общее для русской поэзии движение от романтизма к реализму. Романтическое мировосприятие безусловно определяет собой поэтический стиль Тютчева 20—30-х. Представлением о всеобщей одушевленности природы, о тождестве явлений внешнего и внутреннего мира обусловлены особенности образной системы и композиции стихов Тютчева. Соответствие душевных состояний человека явлениям природы либо подчеркивается прямым сравнением («Поток стугился и тускнеет», 1936; «Еще земли печален вид», 1836; «Фонтан», не позднее 1835), либо угадывается, что придает стихотворению символический смысл («В душем воздуха молчанье», 1836; «Что ты клонишь над водами», не позднее 1835). При этом тютчевские образы природы остаются пластически точными и конкретно зримыми. Романтическое мировосприятие сохраняется и в

дальнейшем, но творческий метод поэта с годами осложняется. В творчестве Тютчева усиливается внимание к передаче непосредственного впечатления от внешнего мира, к конкретному его изображению («Неохотно и несмело», 1849; «Как весел грохот летних бурь», 1851; «Есть в осени первоначальной», 1857; «Как хорошо ты, о море ночное», 1865), тоньше становятся аналогии между природой и человеком («Обвеян вещею дремотою», 1850), сильнее звучат ранее приглушенные гуманистические ноты («Слезы людские, о слезы людские», 1849; «Пошли, господь, свою отраду», 1850). Образы природы в поздней лирике Тютчева окрашиваются прежде отсутствовавшим в них национально-русским колоритом. В 50—60-х создаются лучшие произведения любовной лирики Тютчева (т. н. «денисьевский цикл», связанный с любовью поэта к Е. А. Денисьевой), потрясающие психологической правдой в раскрытии человеческих переживаний.

Проникновенный лирик-мыслитель, Тютчев был мастером русского стиха, придавшим традиционным размерам необыкновенное ритмическое разнообразие, не боявшимся необычных и в высшей степени выразительных метрических сочетаний («Silentium!», 1830; «Сон на море», 1833; «Последняя любовь», не позднее 1954). Его «чуткость к русскому языку», восхищавшая Л. Н. Толстого, проявлялась в способности находить в слове скрытые и еще никем не подмеченные смысловые оттенки.

Скромный до застенчивости, лишенный всякого честолюбия, Тютчев долгое время отказывался помещать свои произведения в печати, и лишь к сер. 1830-х, благодаря настояниям своего сослуживца кн. И. С. Гагарина, тетрадка стихотворений поэта, при посредстве П. А. Вяземского, была послана Пушкину, который сразу напечатал их. «Мы не могли не порадоваться, — писал впоследствии И. С. Тургенев, — собранию воедино разбросанных доселе стихотворений одного из самых замечательных наших поэтов, как бы завещанного нам приветом и одобрением Пушкина. Тютчев стоит решительно выше всех своих собратьев по Аполлону. На одном Тютчеве лежит печать той великой эпохи, к которой он принадлежал и которая так ярко и сильно отразилась в Пушкине. Самый язык Тютчева поражает счастливой смелостью и почти пушкинской красотой своих оборотов. Каждое его стихотворение начинается мыслью, но мыслью, которая, как огненная точка, вспыхивает под влиянием глубокого чувства или сильного впечатления».

Четыре мотива преобладают в философско-поэтическом мирозерцании Тютчева: одушевленность природы; гармония Космоса; хаотическая подоплека бытия и, наконец, непоколебимая вера в Россию и ее великую историческую миссию.

Самодовлеющая духовная жизнь Природы представлялась Тютчеву истиной непреложной, аксиомой очевидной и не требующей доказательств. Эпиграфом к своим стихам Тютчев мог бы поставить афоризм: «Вслушайтесь в Природу — и вы услышите музыку Жизни». И все эти шелесты, шорохи, шепоты, звуки, движения, и краски, и тени, и свет, и ночные голоса, и струящиеся ароматы, и безмолвие сонных вод, «и тихих, теплых майских дней румяный, светлый хоровод» — все это сливалось у него в одну предвечную симфонию, в торжественный гимн всемирного бытия. Эту свою заветную мысль он выразил в известном стихотворении:

Не то, что мните вы, Природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Тютчев полагал, что Природа и Космос — понятия односторонние, и так же как Природа немислима без вечного дыхания Жизни, так и Космос есть воплощение неиссякаемой жизненной энергии. Порядковое начало — непреложный закон и первооснова всех явлений органических и неорганических объемлющей нас действительности. Именно оно — это начало — предопределяет ритмическую смену времен, идей, миров и поколений, проникая все и налагая неизгладимую печать на внешние формы и внутреннее содержание всего сущего.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в Природе:
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

В общей схеме мироздания люди — лишь мелькающие призраки; если мысль их немощна, а слово бессильно выразить и ее, то из чего же, собственно, должна складываться духовная жизнь человека? — На это Тютчев ответил своим стихотворением «Silentium!»:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

В 1843—50 Тютчев выступает со статьями «Россия и Германия», «Россия и революция», «Папство и римский вопрос», задумывает книгу «Россия и Запад». Еще в 1830, потрясенный июльскими событиями во Франции, он предрек начало новой, революционной эры и предчувствовал приближение грандиозных социальных катаклизмов — первого акта всемирной катастрофы. Революцию 1848 поэт рассматривал как осуществление своего пророчества, начало неизбежной гибели, всеобщего разрушения Западной Европы культуры и цивилизации. Единственной серьезной силой, противостоящей революционной стихии, считал Тютчев Россию (в аллегорической форме эта мысль выражена в стихотворении «Море и утес», 1848). Именно противостояние России и революции, исход неминуемого поединка между ними, полагал он, и определит судьбу человечества, продолжая и углубляя основные идеи *славянофилов*. Тютчев говорит о необходимости противопоставить Западной Европе Европу Восточную — союз славянских земель во главе с Россией — особый мир, развивающийся по иным, отличным от Запада историческим законам. Он обосновывает исключительную мессианскую всемирно-религиозную роль России соображениями религиозно-нравственного характера, в т. ч. такими свойствами русского народа, как смирение, готовность к самопожертвованию и самоотвержению, которые полярно противостоят «гордости», самоутвержде-

нию личности — характерным чертам западного мира. Тютчев говорит о необходимости религиозно-государственного подчинения Западу России, мечтает о расширении пределов «царства русского» «от Нила до Невы, от Эльбы до Китая» и считает тремя «заветными столицами» грядущей всемирной империи Москву, Рим и Константинополь («Русская география», 1848 или 1849).

Вдумываясь в судьбы России, Тютчев пришел к убеждению, что ее история, ее быт, весь религиозно-нравственный уклад русского народа создали из России самобытный и в высшей степени своеобразный организм, вовсе не похожий на западный шаблон, выросший на почве средневекового феодализма, римского права, оппозиционного парламентаризма и воинствующего латинского христианства. Эти начала, вскормившие европейскую цивилизацию, чужды русскому самосознанию, которое развивалось и крепло под влиянием идей иного порядка, и в первую очередь — Православия и царского самодержавия. И в то время, как на Западе, в течение долгих столетий, шла ожесточенная распря между Церковью и светской властью, в России царь и патриарх, восполняя один другого, при единодушном одобрении народа, медленно, но верно строили и устроили

Тот светлый храм, ту мощную державу,
Ту новую, разумную ту Русь,

которая, к великой зависти ее западных соседей, как бы невзначай, раскинулась на двух материках, на беспредельных пространствах от Вислы до Тихого океана, проникла и в Среднюю Азию.

Формально не примыкая ни к какому лагерю, Тютчев по своему мировоззрению близко стоял к славянофилам — к Ю. Ф. Самарину, А. С. Хомякову, Ф. М. Достоевскому и И. С. Аксакову. Так же, как они, Тютчев утверждал, что Европа никогда не простит России ее величия, ее первенствующего места в многомиллионной славянской семье и ее последнего решающего слова в конечных судьбах Западного мира.

Долгие годы, проведенные поэтом за границей, не только не ослабили, но скорее усилили его беззаветную любовь к своему народу. Чуткий и мудрый Тютчев знал, что России предстоит пережить тяжкий кризис. Зловещие симптомы указывали на то, что многовековые устои русской государственности пошатнулись и что крепким, стародавним традициям нашим, выковавшим великую Империю, угрожает страшная, едва ли не смертельная, опасность от тлетворных веяний извне. Но в то же время Тютчев, всем своим нутром, постиг, что

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Соч.: Полн. собр. соч. Л., 1957; Стихотворения. Письма / Вступ. ст. К. В. Пигарева. М., 1957; Стихотворения / Вступ. ст. Н. Я. Берковского. М.; Л., 1962; Лирика: В 2 т. / Изд. подг. К. В. Пигарев. М., 1965; Соч.: В 2 т. / Вступ. ст. и общ. ред. К. В. Пигарева; Сост. и подгот. текста А. А. Николаева. М., 1980; Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Сост., вступ. ст., коммент. Л. Н. Кузиной и К. В. Пигарева. М., 1988.

Лит.: Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886; Чулков Г. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М.; Л., 1933; Благой Д. Гениальный русский лирик (Ф. И. Тютчев) // Благой Д. Литература и действительность. М., 1959; Пигарев К. В. Жизнь и творчество Ф. И. Тютчева. М., 1962; Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966; Королева Н. В. Ф. И. Тютчев // История русской поэзии: В 2 т. Л., 1969. Т. 2; Брюсов В. Я. Ф. И. Тютчев. Смысл его творчества // Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6; Озеров Лев. Поэзия Тютчева. М., 1975; Чичерин А. В. Стиль лирики Тютчева // Контекст. 1974. Литературно-творческие исследования. М., 1975; Ф. И. Тютчев. Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности. 1818—1973 / Сост. И. А. Королева, А. А. Николаев; Под ред. К. В. Пигарева. М., 1978; Пигарев К. В. Тютчев и его время. М., 1978; Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев // К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М., 1981.

Б. Б., К. П.

У

УАЙТ АЛЕКСАНДР (Евгений Арцок, Державин), публицист, патриот в эмиграции. В 1950 предупредил русский народ о тайной борьбе Запада против России.

Широкий резонанс приобрела его работа «Русская политика самосохранения», в которой он писал, что Запад готовится к захвату России. Многое, по мнению Уайта, зависит от успеха антикоммунистической акции, которую целеустремленно ведут западные спецслужбы, чтобы «расшатать партию, а с ней армию и аппарат, и произвести в России те сдвиги, которые бы позволили нынешним интернациональным демократам Запада... наложить руку на финансы, экономику и все природные ресурсы нашей страны».

«Чем кончится эта борьба? — спрашивал А. Уайт. — Отвоюют ли они себе прежнее влияние или нет, и много ли выиграет Россия, заменив сегодняшний советский режим новым социал-демократическим режимом? Правда, он несет с собою “свободу и демократию” взамен нынешней “диктатуры и тоталитаризма”, что нам повторяют каждый день, и все это верно, но не следовало бы нам, русским, полюбопытствовать, пока не поздно, как дорого обойдутся все несомые ими блага Российской нации и государству? Какие именно сдвиги происходят сейчас в партии, мало кто знает. Кто из советских вождей клонит к сговору с бывшими демократическими собратьями Запада, а кто в сторону самостоятельного Евро-Азиатского блока — тоже сказать трудно. Нельзя даже поручиться, что кто-то из них не пошел уже тайно на частичный сговор с мировой демократией (имеется в виду мировое маонство. — *О. П.*), орудующей на Западе, и не продаст в один прекрасный день (после дворцового переворота) Россию со всеми ее ресурсами...»

А. Уайт погиб при невыясненных обстоятельствах.

О. Платонов

УВАРОВ Сергей Семенович (25.08[5.09].1786—4[16].09. 1855), граф, государственный деятель.

Уваров был потомком старинного русского дворянского рода, известного в России с XV в. Его отец был адъютантом Г. А. Потемкина; имп. *Екатерина II* восприняла его от купели и стала крестной матерью младенца, нареченного Сергием в память величайшего русского подвижника Сергия Радонежского. Отец умер, когда мальчику исполнилось 2 года. Мать не сумела сохранить небольшое наследство и, не имея средств, отдала на воспитание обеих сыновей сестре, бывшей замужем за кн. Куракиным. Положение «нахлебника» болезненно отразилось на характере Уварова.

Он рано понял, что успеха на жизненном поприще может достичь только собственными усилиями, осознанно стремился к образованию; страсть к наукам сохранил до конца жизни. Получил домашнее образование, слушал лекции (не более года в 1801—03) в Геттингенском университете в Германии. Благодаря настойчивому самообразованию, обладал глубокими познаниями (особенно в греческой истории), знал 7 языков (новые и древние, греческий изучал 15 лет), на 4-х языках писал и публиковал.

Опубликовал свыше 20 сочинений по истории, литературе, филологии и изящным искусствам Древней Греции, Рима и Востока (преимущественно на французском языке). После выхода в отставку в 1853 публично защитил магистерскую диссертацию в Дерптском университете о происхождении болгар; до последних дней трудился над докторской диссертацией.

Считался одним из образованнейших людей своего времени. Избран почетным членом Императорской академии наук (1811), Российской Академии (1828), многих ученых обществ России (Московского Императорского общества сельского хозяйства [1818], Общества любителей российской словесности при Московском Императорском университете [1818], Общества истории и древностей российских [1823], Одесского общества истории и древностей [1839], Императорского университета св. Владимира [1844], Императорского Русского географического общества [1845]); состоял почетным членом ученых обществ практически всех европейских стран (в т. ч. Национального института Франции, Королевского общества наук в Геттингене и Копенгагене, Королевского исторического общества в Мадриде, Французской Академии надписей и словесности), также был избран членом Историко-географического общества Бразилии.

Был дружен с *Н. М. Карамзиным*, *В. А. Жуковским*, *К. Н. Батюшковым*, состоял в переписке с европейскими знаменитостями (И. Гете, Г. Штейном, К. Поццо ди Борго, А. Гумбольдтом и его братом В. Гумбольдтом, Ж. Сталь).

Пожалован в 1803 в камер-юнкеры. Начал службу в 15 лет юнкером в Коллегии иностранных дел (1801), затем назначен к посольству в Вене (1806), секретарем посольства в Париже (1809), попечителем Петербургского учебного округа и членом Главного правления училищ (1810—21), президентом Императорской АН (1818—55), директором Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов и членом Совета министров финансов (1822—24), сенатором (1826: участвовал в разработке Цензурного устава 1828), товарищем министра народного просвещения (1832), и. д. министра народного просвещения (1833), утвержден министром народного просвещения (1834—49).

Особенно значительна его роль как президента Академии наук, которую он возглавлял 37 лет и коренным образом преобразовал (разработанная им структура сохраняется и поныне). Он стоял во главе Министерства народного просвещения 15 лет, создав фундамент образования, в т. ч. высшего университетского.

Воспитанный аббатом-французом Мангеном на европейской (преимущественно французской) культуре, 20-летним юношей оказавшись в Западной Европе на дипломатической службе, прожив за границей несколько лет, достаточно глубоко познав западный мир, он возвращается в Россию страстным патриотом своего Отечества. Критически восприняв западноевропейскую цивилизацию, он считал, что в странах Западной Европы «порядок вещей искоренил мало-помалу почти в каждом государстве народный дух», и следствием этого явились революционные потрясения; пришел к убеждению, что Россия под руководством монарха может развиваться без революций, сохраняя свои национальные и духовные традиции.

Уваров был предан интересам России, достойно трудился для ее блага. Дважды добровольно уходил в отставку (в 1821 и 1849) в знак протеста против политики, направленной на ослабление России. Сочетание глубоких познаний с системностью мышления и обостренным чувством современности позволили выработать ему оригинальное мировоззрение и провести фундаментальные преобразования, особенно в народном просвещении.

Основу мировоззрения Уварова составляли 2 коренных принципа. 1-й заключался в том, что Россия не должна повторять западный путь развития, основанный на революционных потрясениях и деспотических режимах, что необходимо искать свой путь, исходя из собственного исторического прошлого и особенностей современного состояния России. Руководствуясь этим принципом, в государственной преобразовательной деятельности Уваров выступал как убежденный сторонник самобытного эволюционного пути развития России в общем русле мировой цивилизации. «Пора отказаться от попыток сделать Россию английскую, Россию французскую, Россию немецкую. Пора понять, что с того момента, когда Россия перестанет быть русской, она перестанет существовать».

2-й принцип заключался в том, что основа продвижения вперед в сильнейшей степени зависит от образованности общества. Уваров принадлежал к числу первых не только российских, но даже и европейских государственных деятелей, осознавших, что прогресс страны, ее благосостояние зависят от уровня образования. Поэтому Уваров просвещение сделал ядром выработанной им широкомащштабной общенациональной стратегии. Одна из главнейших задач просвещения состояла в укреплении чувства национальной гордости.

Самобытная программа Уварова в области народного образования была построена на «исторических принципах рус-

ской государственности и культуры»; она ставила задачу просветить все слои общества: «Министерство желает просвещения для всех, в мере способности каждого для вящего утверждения народного духа в верности к религии предков и преданности трону и царю».

Основные ее положения впервые были высказаны в 1832 в отчете о состоянии Московского университета: «Православие, Самодержавие и Народность составляют последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего общества»; окончательно сформулированы в 1833 в докладе Николаю I: «По вступлению моему с высочайшего Вашего Императорского Величества повеления в должность Министра Народного Просвещения, употребил я, так сказать, заглавным местом, лозунгом моего управления следующие выражения: “Народное воспитание должно совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности”» (опубликованы в 1834 в «Журнале Министерства народного просвещения»).

Широко известная уваровская формула была взята им и преобразована из старинного военного девиза «За Веру, Царя и Отечество»; стала девизом графского рода Уваровых (возведен в графское достоинство в 1846). Знаменитая уваровская триада легла в основу не только народного образования, но и всей государственной деятельности Уварова. Она заключает в себе глубокую «державносоздающую философию».

По глубокому убеждению Уварова, эта краткая и внешне простая формула могла и должна была стать национальной идеей, вокруг которой сумели бы сплотиться все слои общества на пути эволюционного (а не западного, революционного) преобразования России. Уваров считал, что в национальной идее особенно нуждался образованный слой русского общества, который в силу особенностей развития отошел от русской культуры, от Православия и которому вследствие этого недоставало национального самосознания.

Уваров связывал прогресс человеческого общества прежде всего с прогрессом человеческого духа (материальный прогресс низводит человека до уровня вещей), поэтому Православие занимало первую позицию в его формуле. Вера ограждает человека и общество в целом от крайнего цинизма, скептицизма, материализма, безнравственности («Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть; ослабить в них веру, то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце»); обеспечивает единство русского народа, утверждает начала внутренней общности (определяет нормы поведения и убеждения и отдельно человека, и народа, и державного правителя). Православие сумело сохранить чистоту и крепость своих основ (в отличие от христианских религий Запада) и способно объединять русское общество. Вера незыблема. Творческая духовная сила лежит в основании русской государственности и русской культуры.

В самодержавии и самодержавном правлении Уваров видел главное условие политического существования России. Самодержавие как определяющая форма державного бытия русского народа была выстрадана и принята народом. Уваров считал, что обширная и разнообразная империя требует сильной центральной власти, что только сильная власть способна успешно претворять реформы, что самодержавное правление позволит России избежать экономических проблем, сопровождавших индустриализацию в Европе, и что промышленность может и должна развиваться не стихийно, а на основе государственного руководства, и тогда разумный экономический рост способен принести благо народу, привести к безболезненной ликвидации крепостного права.

Любая попытка ослабить самодержавие неминуемо приведет к гибели России: «Русский колосс опирается на самодержавие как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав государственный. Эту истину чувствует неисчислимо большинство между русскими; они чувствуют оную в полной мере, хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют в просвещении и в образе мыслей, и в отношениях к правительству. Эта истина должна присутствовать и развиваться в народном воспитании».

Самодержавие соответствует православным и народным традициям, но со временем, очень отдаленным, характер формы государственного правления может быть изменен («когда Россия будет покрыта процветающими городами, хорошо обработанными полями, промышленными предприятиями, когда рынки сбыта будут открыты»).

Народность — это прежде всего историческая самобытность: идея народности в понятии Уварова подразумевала бережное отношение к отечественной истории, литературе, родному языку, обычаю. Уваров считал, что «народность состоит не в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия меняться не должна». Иноземные веяния следовало воспринимать осмысленно, чтобы не «душить» национальную культуру и национальное самосознание, и тем самым не изменить насильно «физиономию» народа. Уваров всегда выступал против слепого подражания западной культуре.

Из 3 компонентов уваровской формулы понятие народности было наиболее подвижным элементом, т. к. оценка самобытности находится в прямой зависимости от глубины познания собственной истории. Познать самобытность можно только путем изучения отечественной истории и культуры: зная во всей полноте «драгоценное наследие», Россия сможет сбросить оковы «интеллектуальной» колонии: «Внимайте гласу истории! Она вам ответствовать будет, она объяснит все ваши сомнения, решит все ваши вопросы».

В глубоком историческом образовании Уваров видел залог от революционных потрясений, от разлагающих общество атеистических идей, поэтому особое место отводил преподаванию истории на всех уровнях образования для полноценной подготовки российского гражданина; история, по определению Уварова, является главным предметом в воспитании гражданственности и патриотизма: «История образует граждан, умеющих чтить обязанности и права свои, судей, знающих цену правосудия, воинов, умирающих за Отечество, опытных вельмож, добрых и твердых царей».

Уваров считал, что «преподавание истории есть дело государственное». Основные принципы преподавания: «общей — кратко, современных народов — обширнее, отечественной — со всею нужною подробностью» (впервые опубликованы еще в 1813 в статье «О преподавании истории относительно к народному воспитанию»); при этом в отечественной истории надо выделять наиболее яркие ее этапы, где особенно проявлялась «нравственная сила русского народа».

Рассматривал историю как поступательный процесс, как закономерное движение человечества от «самовластия» деспотий и «безвластия» республик, рабства, крепостничества к просвещенной монархии, гарантирующей права человека и гражданина.

Также важным элементом сохранения и развития национальной культуры Уваров считал заботу о сохранении и развитии русского языка. По уваровской реформе образо-

вания в гимназический курс на протяжении всех 7 лет образования было введено преподавание русской грамматики, истории и литературы. («Внушить молодым людям охоту ближе заниматься историей отечественной, обратив больше внимания на узнавание нашей народности во всех ее различных видах»).

Исходя из концепции «Православие, Самодержавие, Народность» сумел за годы своего правления в Министерстве создать фундамент системы народного образования в России действительно на русских национальных началах и в интересах общественного развития Отечества. Реформировал учебные программы на основе классического образования; положил начало реальному образованию; создал 2 университета: С.-Петербургский (преобразовал в 1819 из Главного педагогического института), св. Владимира в Киеве (1833). Воспитанник Петербургского университета (окончил в 1849) писал: «Университет графа Уварова был университетом не немецким, не французским, не английским, но свой оригинальный русский, такой, каким его создали потребности общества».

Во всех университетах (в соответствии с разработанным Уваровым университетским уставом 1835) открыты специальные кафедры по русской истории, всемирной истории, истории и литературе славянских наречий; укреплены кафедры по истории и словесности древней Греции и древнего Рима. Введены заграничные стажировки для молодых кадров преподавателей высших учебных заведений.

«Ученые записки», которые стали издавать университеты по инициативе Уварова, не печатали политических новостей и «литературных ругательств», они выступали «как чистейший источник познаний и сведений». Одна из главных задач «Записок» заключалась в том, чтобы «внушить молодым людям охоту ближе заниматься историей отечественной, обратив большее внимание на узнавание нашей народности». Приоритетное значение в изучении отечественной истории в российских университетах должно было юношество «показать место русского народа в системе народов».

Первым из министров стал публично отчитываться о своей работе: отчеты по управлению министерством ежегодно публиковались в основанном при нем в 1834 «Журнале Министерства народного просвещения».

При нем была создана централизованная система управления учебными округами. Учебные заведения всех ступеней (приходские, уездные, гимназии, университеты) были включены в единую государственную систему. Частное воспитание и иноземные воспитатели искоренялись как не соответствующие общественному характеру и национальному направлению в обучении и воспитании юношества: «положить конец превратному домашнему воспитанию их иностранцами и водворить как между молодыми людьми высшего сословия, так и вообще в университетском юношестве стремление к образованию народному, самостоятельному». Защищая российское просвещение от европейских революционных и атеистических идей, Уваров считал необходимым «сохранить все выгоды европейского просвещения, подвинуть умственную жизнь России вровень с прочими нациями» и быть на высоте новейших научных достижений Западной Европы.

Уваров фактически поднял из руин Академию наук. Коренным образом преобразовал ее: при нем увеличилось количество академиков, он способствовал избранию в нее крупнейших русских и европейских ученых; при нем основана Пулковская обсерватория, осуществлена масштабная исследовательская программа в области русской истории и языко-

знания, в т. ч. создана в 1829 и существующая поныне Археологическая экспедиция, которая целенаправленно собирала по всей России источники по истории допетровской Руси, обследовав с этой целью ок. 200 библиотек, архивов, монастырей; укрепил связь Академии с университетами.

Внес крупный вклад в востоковедение, считая Восток «колыбелью человечества». Выступил с проектом создания Азиатской академии (1810): хотя проект не получил поддержки, политика Уварова на посту президента АН и министра народного просвещения способствовала превращению России в один из крупнейших мировых центров изучения Востока: в Главном Педагогическом институте создается кафедра персидской и арабской словесности; в АН учреждается отделение востоковедения (при отделении создан «Азиатский музей»), в С.-Петербургском университете создается отделение (в 1854 преобразовано в факультет) восточных языков (11 кафедр, где наряду с языками изучали историю, археологию, географию, религию); крупным центром востоковедения становится Казанский университет. Уваров придавал большое значение обучению в российских университетах уроженцев Кавказа, татар, калмыков, бурят и др., чтобы «юноши разных концов единого великого Отечества могли видеть друг в друге ближайших сограждан».

Уваров основал литературное общество «Арзамас» (1815—18), которое объединило в основном столичных литераторов (ок. 20 чел., наиболее активные члены: К. Н. Батюшков, Д. Н. Блудов, П. А. Вяземский, Д. В. Дашков, В. А. Жуковский, В. Л. Пушкин), последователей и защитников литературно-эстетических взглядов Н. М. Карамзина, ставивших целью слить воедино русские традиции с западными нововведениями, особенно в языке, т. к., по мнению лидера общества Уварова, национальная культура зависит от совершенства языка.

По инициативе Уварова на русский язык размером подлинника были переведены выдающиеся древнегреческие эпические поэмы Гомера «Илиада» (*Гнедич Н. И.*) и «Одиссея» (*Жуковский В. А.*).

Несмотря на личный конфликт с А. С. Пушкиным в 1835, Уваров высоко ценил его талант и считал его истинно национальным поэтом: в 1831 перевел на французский язык пушкинское стихотворение «Клеветникам России», в 1832 пригласил Пушкина на открытый диспут в Московский университет. Нелестная характеристика на Уварова в дневнике поэта за 1835 и его знаменитый памфлет «На выздоровление Лукулла» активно использовались яростными противниками реформаторской, национально-русской по существу, деятельности Уварова.

Имел награды: ордена св. Владимира, св. Анны, Белого Орла, св. Александра Невского, св. Андрея Первозванного.

Собиравший документы по истории России, памятников античного и западноевропейского искусства; библиофил (ок. 12 тыс. томов, преимущественно классиков, исторических сочинений, редких изданий). Библиотека и коллекция (известная в России как частный Порецкий музей, помещалась в специально обустроенных залах) располагались в усадьбе Поречье Можайского у. Московской губ. (современники называли усадьбу «Русские Афины»); перешли по наследству сыну Алексею, а по завещанию последнего — в Российский Исторический музей. После 1917 собрание расформировано: большая часть книг поступила в Государственную публичную историческую библиотеку (где сохраняются донные отдельным фондом), памятники античного и западноевропейского искусства — в Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, русские древности остались в Государственном Историческом музее.

В память отца Алексей Уваров учредил в 1858 при Академии наук 5 ежегодных Уваровских премий, которые предназначались за лучшие сочинения отечественных писателей и драматургов, пишущих на русском языке об истории России и славян.

Имел сына и 3-х дочерей. В лице Алексея Сергеевича (1824—84) русская наука и культура нашли выдающегося археолога и организатора археологической науки: один из основателей Русского Археологического общества (1846), основатель Московского Археологического общества (1864), один из основателей Российского Исторического музея (1872), инициатор созыва Археологических съездов, колоссально продвигавших изучение российской истории.

Погребен С. С. Уваров в родовой усыпальнице в с. Холм Гжатского у. Смоленской губ.

Соч.: Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. 1811. Ч. 60. № 21; О преподавании истории относительно к народному воспитанию СПб., 1813; О греческой антологии. СПб., 1820 (совм. с К. Н. Батюшковым); Опыт исследования об элевзинских таинствах // Современник. 1847. № 2; 1-е изд. в 1812; Общий взгляд на философию словесности. СПб., 1848; Достовернее ли становится история? // Москвитинин. 1851. № 1; Литературные воспоминания // Современник. 1851. № 6; О древнеклассическом памятнике, перевезенном из Рима в Поречье // Прописки. Кн. 3. М., 1853; Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I / Публ. Шевченко М. М. // Река времен. М., Кн. 1. 1995.

Лит.: Указатель Порецкого музея для посетителей. М., 1853; *Плетнев П. А.* Памяти гр. С. С. Уварова, президента Императорской Академии Наук. СПб., 1855; *Погодин М. П.* Для биографии гр. С. С. Уварова // Русский архив. 1871. № 12; Биограф. известие о гр. С. С. Уварове // Там же; *Ярцев А.* Подмосковные прогулки. Поездка в Поречье Уваровское // Московские ведомости. 1904. № 168, 175, 182, 189, 196, 203, 210, 217, 224, 231, 238; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1908; *Лукачев В. В.* К вопросу о полит. взглядах С. С. Уварова в 1810-е // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. 1964. Сер. ист.-филол. Вып. 72; *Станюкович Л.* Коллекция из Поречья // Куранты. Ист.-краев. альманах. Вып. 3. М., 1989; *Гулыга А.* Формула русской культуры // Наш современник. 1992. № 4; *Акулицин П. В.* Проект создания Азиатской Академии С. С. Уварова и его место в обществ. движении России 1810—69 // Проблемы новой и новейшей истории Востока. М., Рязань, 1993; *Он же.* Гр. С. С. Уваров и его роль в жизни рос. об-ва // Педагогика. 1993. № 4; *Хартамович М. Ф.* Николай I и гр. С. С. Уваров — реформаторы АН // Вестник РАН. 1995. Т. 65. № 12; *Дурдыева Л. М. С. С. Уваров* и теория официальной народности. М., 1996; *Хотеев В. В., Чернета В.* Граф С. С. Уваров — министр-просветитель // Высшее образование в России. 1996. № 1, 2; *Шевченко М. М.* С. С. Уваров // Рос. консерваторы. М., 1997; *Драгомир В. В.* К вопросу о полемике по проблеме роли С. С. Уварова в истории России: системный сравнительный анализ. М., 1998; *Петров Ф. А.* Исторические взгляды С. С. Уварова // Ист. музей — энцикл. отеч. истории и культуры. Труды Гос. Ист. музея. Вып. 106. М., 1998; *Петров Ф. А.* Российские университеты в 1-й пол. XIX в. Формирование системы университетского образования. Кн. 2. Ч. 3. М., 1999; Кн. 3. М., 2000; *Виттеккер Ц. Х.* Гр. С. С. Уваров и его время. СПб., 1999.

Н. Полунина

УЛЬЯНОВ Николай Иванович (23.12.1904[5.01.1905]—7.03.1985), писатель. Родился в Петербурге. В 1927 окончил филологический факультет Петербургского университета. В 1927—30 учился в Институте истории. В 1936 приговорен к 5 годам лагерей. Во время Великой Отечественной войны оказался на оккупированной территории и был отправлен на работы в Германию. Остальную часть жизни провел в эмиграции.

Оставленное писателем творческое наследие значительно как по объему, так и по содержанию. Это фундаментальное исследо-

вание «Происхождение украинского сепаратизма» (1966), сборники эссе «Диптих» (1967), «Свисток» (1972), сборник статей о России и русском изгнаничестве «Спуск флага» (1979), книга «Скрипты» (1981), сборник рассказов «Под каменным небом» (1970). Критика отмечала, что автору наиболее удался рассказ «Солнце» о трагической судьбе ученого, живущего в условиях тоталитаризма (написан не без влияния книги Дж. Оруэлла «1984»), а также рассказ «Мантуанская ночь» о фантастическом карнавальном безумии в Мантуе. Отдельными книгами выходили др. значительные работы Ульянова «Исторический опыт России» (1962), эссе «Северный Тальма» (1964). Резонанс вызвали статьи Ульянова: «Ignorantia est» (1960) — о роли русской интеллигенции в судьбах России («Драма русской интеллигенции не религиозная и не социальная. Это драма культуры и просвещения»); «Басманный философ» (1957) — о взглядах П. Я. Чаадаева на Россию; «Замолчанный Маркс» (1968) — обзор ценнейших забытых газетных статей К. Маркса, проникнутых ненавистью к славянским народам; «Комплекс Филофея» (1956) — о развенчании мифа об империалистической сущности идеи Третьего Рима; «Патриотизм требует рассуждения» (1956) — о различии между национальным самосознанием и ложной «национальной идеей». Свообразная по стилистической манере эссеистика Ульянова (его сравнивали с М. Алдановым) демонстрирует широчайшую эрудицию и игру живого ума автора, остроумию и оригинальность его взгляда на историко-философские, культурологические и литературные проблемы. Ее пронизывает тревожное ощущение надвигающейся гибели величайших ценностей (интеллектуальных, эстетических, моральных), созданных человечеством.

В эссе «Шестая печать» (1965), а также «Орвието» (1967) Ульянов приходит к апокалипсическим выводам относительно спасения западной культуры: «Идея Антихриста — это идея подмены добра злом. Вряд ли существовала во всемирной истории эпоха, подобная нашей, когда во всех областях жизни происходило столько чудовищных подмен и превращений... никогда зло так победно и ликующе не выступало в обличье добра».

Особое место в творческом наследии Ульянова занимают его исторические романы. Свои мысли о сущности этого находящегося в упадке жанра он сформулировал в эссе «Об историческом романе» (1953): «После шумного успеха Вальтера Скотта исторический роман сошел со сцены. Как вид литературы он попал в категорию “книг для юношества...” Читатель... усвоил взгляд на исторический роман как на “несерьезный”». По Ульянову, «исторический роман» — это «роман научный». «Главная его особенность в материале, почерпаемом... не путем вымысла, а обращением к науке». Ульянов считал, что лишь Флобер сумел создать подлинный исторический роман — «Саламбо». Представления Ульянова о жанровых принципах исторического романа нашли отражение в романе «Атосса», замысел которого возник у него в годы войны. В гитлеровском вторжении в Россию Ульянов увидел аналогию с варварскими нашествиями прошлого, несущими угрозу существованию цивилизации, в частности, с описанным Геродотом походом персидского царя Дария на Скифию. Царь Дарий, его окружение, сложная политическая обстановка в Персидской империи того времени, описание похода на Скифию, скифские цари даны в романе в соответствии с историческими источниками (по Геродоту). В создании образов главных героев (царицы Атоссы, милетского купца Никодема, спешащего на помощь скифам, чтобы спасти Элладу от персидского порабощения) Ульянов не ограничивался ролью историка, а выступал как художник. Мастерство

Ульянова проявилось в ярком, афористичном языке, в легке образов сложных исторических личностей. В романе предложена научно-художественная реконструкция древней эпохи. Второй роман Ульянова «Сириус» (1977) посвящен теме гибели русской монархии. В нем Ульянов показал, как «под знаком зловещей планеты накренилась “орма родного корабля с певучим именем Россия”».

Соч.: Басманный философ [Мысли о Чаадаеве] // Вопросы философии. 1990. № 8; [Очерк о поэте Гумилеве] // Человек. 1990. № 1; Петровские реформы (К вопросу о месте Петра I в отечественной истории) / Предисл. П. Базанова // Санкт-Петербургская панорама. 1992. № 5; Под каменным небом: Рассказы [Из книги «Мантуанская ночь»] / Предисл. А. Богословского // Юность. 1993. № 2; Первого призыва: Рассказ / Предисл. В. Кошелева и А. Чернова // Москва. 1993. № 9; Атосса. Роман (журн. вариант) // После сл. А. Богословского // Юность. 1993. № 9; Роковые войны / Публ. В. Кошелева и А. Чернова // Родина. 1993. № 7; Исторический опыт России // Бежин луг. 1994. № 1; Сириус. Роман // Юность. 1994. № 3, 4; Атосса [Роман] // Роман-газета. 1994.

В. Запевалов

УНДОЛЬСКИЙ Вукол Михайлович (1815—[13].11.1864), библиограф. Собирал старинные рукописи и составил коллекцию по всем отраслям русской истории, древней письменности и археологии. Это собрание (1422 рукописи) было после его смерти куплено (а также и 900 собранных им старопечатных церковных книг) московским Публичным музеем. Главные его труды: «Библиография разыскания» (М., 1846), «Каталог славяно-русских книг церковной печати Кастерина» (1848) и изданные после его смерти с дополнениями А. Е. Викторова и А. Ф. Бычкова «Славяно-русские рукописи Ундольского, описанные им самим» и пр. (1870) и «Очерк славяно-русской библиографии» (1873). Остались неизданными его труды: «О временнике Георгия Амаргола в отношении к несторовой летописи» (это сочинение Ундольского было удостоено в 1856 Демидовской премии от Академии наук), «Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки», многочисленные его исследования по древнерусской истории, хронологии, литературе, многие приготовленные им к печати памятники древней русской письменности и обширный его труд «Опыт славянской палеографии».

УСПЕНСКИЙ Глеб Иванович ([13][25].10.1843—24.3[6.04].1902), писатель. Родился в Туле в семье чиновника. Учился в Петербургском (1861) и Московском (1862—63) университетах, которые не окончил из-за недостатка средств.

Начал печататься в 1862 в журнале *Л. Н. Толстого* «Ясная Поляна» и журнале «Зритель». В 1864—65 сотрудничал в журнале «Русское слово», в 1865—66 — в некрасовском «Современнике». Главные темы Успенского в это время — жизнь и быт мелких чиновников и городской бедноты. В очерках «Нравы Растеряевой улицы» (1866) разносторонне запечатлены картины жизни тульских ремесленников и рабочих, быт чиновников, мещан, буржуазных дельцов. В 1868 Успенский

становится одним из основных сотрудников «Отечественных записок», литературным сотрудником *Н. А. Некрасова* и *М. Е. Салтыкова-Щедрина*. В цикле повестей «Разоренье» (1869—71) с глубоким проникновением в психологию представлены образы русских людей.

С к. 70-х центральной темой творчества Успенского становится пореформенная деревня: циклы очерков и рассказов «Из деревенского дневника» (1877—80), «Крестьянин и крестьянский труд» (1880), «Власть земли» (1882), «Кой про что» (1886—87) и др., в которых он пишет о разорении крестьян-тружеников, разложении крестьянской общины. В 80-е Успенский создает циклы очерков и рассказов о духовных исканиях русской интеллигенции: «Без определенных занятий» (1881), «Волей-неволей» (1884) и др. Взгляды писателя на нравственное предназначение искусства нашли яркое отражение в очерке «Выпрямила» (1885). Произведения о народной жизни в последний период творчества — «Живые цифры» (1888), «Поездки к переселенцам» (1888—89) и др. Реалистический художественный метод Успенского характеризуется сочетанием кропотливого исследования, страстной публицистичности с яркой образностью, богатством речевых характеристик, мастерством диалога, тонким юмором.

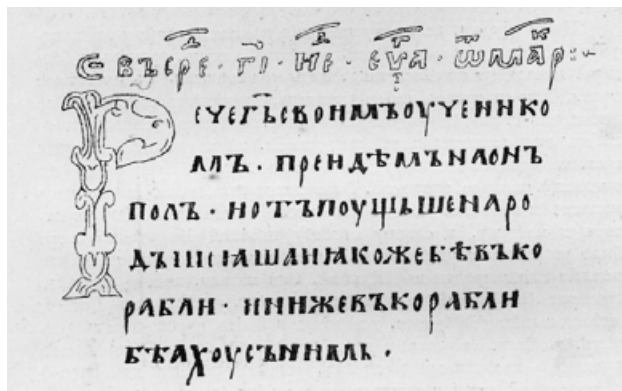
Соч.: Соч. Т. 1—3. СПб., 1889—91; Полн. собр. соч. Т. 1—14. М.; Л., 1940—54; Собр. соч. Т. 1—9. М., 1955—57.

УСПЕНСКИЙ Николай Васильевич (май 1837— 21.10 [2.11].1889), писатель. Родился в с. Ступино, ныне Ефремовского р-на Тульской обл., в семье сельского священника. Учился в Петербургской медико-хирургической академии, затем на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Первые 2 очерка «Из сторонародного быта» опубликованы в 1857 в журнале «Сын Отечества». В 1861 Успенский — постоянный сотрудник журнала «Современник», после разрыва с которым преподавал русский язык и словесность в Яснополянской школе (1862), в уездных училищах и гимназиях. С сер. 70-х вел бродяжническую жизнь.

В своих рассказах и очерках изображал люмпен-пролетарские слои русского крестьянства. Успенский первым в русской литературе резко критически отметил их духовную неразвитость и рутинность мышления («Старуха», «На пути», «Змей», «Хорошее житье», «Обоз», «Колдунья»). Обличительные тенденции характерны также для пореформенных очерков Успенского о деревне, о земских учреждениях, о духовенстве, о судьбах разночинной интеллигенции («Юрская формация», «Следствие», «Федор Петрович», «Егорка-пастух», «В земской управе»). Трезвый реализм Успенского не был поддержан нигилистической критикой, что способствовало углублению его творческого кризиса и прекращению литературной деятельности в последние годы жизни.

Соч.: Соч. Т. 1—4. М., 1883; Собр. соч. М.; Л., 1931; Повести, рассказы и очерки. М., 1957.

УСТАВ, почерк древних славянских рукописей, написанных *кириллицей* с четким геометрическим рисунком букв. По характеру начертаний различают уставные почерки разных эпох и территорий. Изменение устава изучает палеография с целью выявления примет, помогающих, в совокупности с др., установить время и место написания рукописей. Древнейшие сохранившиеся кириллические памятники восточных и южных славян написаны уставом. Среди них восточно-славянские: *Остромирово Евангелие*

Образец устава. Мстиславово Евангелие

(1056—57), Архангельское Евангелие (1092), Мстиславова грамота (1130); южно-славянские: Саввина книга (X—XI вв.), Супрасльская рукопись (XI в.) и др. Первоначально уставом писали и книги (богослужебные, учительные), и деловые документы (грамоты).

В древнерусских рукописях XI—XII вв. уставное письмо отличается строгостью и каллиграфичностью. Почерк прямой, буквы симметричные, обычно расположенные на равном расстоянии друг от друга. В XIII в. появляются новые начертания некоторых букв. Они теряют симметричность рисунка: сокращаются верхние части у В, К, Ж; поднимается вверх переключина у N, Н, Ю. Значительно увеличивается количество сокращений с титлами и выносными буквами. В XIV в. на основе новообразований XIII в. формируется новый тип устава; его буквы несколько вытянуты в длину. В древнерусской письменности уставом писали на пергамене. Устав господствовал до к. XIV — н. XV в. С XV в. он вытесняется *полууставом*. В деловую письменность полуустав и бумага проникают в XIV в.: договорная грамота Московского кн. Симеона Гордого (1350—51), жалованная грамота Нижегородского кн. Василия Давидовича (до 1345) и др. Устав в южнославянской кириллической письменности изменился несколько иначе. Древнейшие сербские и болгарские рукописи свидетельствуют о наличии уставных почерков, буквы которых пишутся с наклоном вправо. У южных славян дольше сохраняются на письме архаические начертания отдельных букв.

К уставному письму относят также почерки древнейших славянских рукописей, написанных *глаголицей* (Киевские листки, Зографское Евангелие, Мариинское Евангелие). В русских работах по греческой палеографии уставом называют уникальное письмо с прямыми, отдельно написанными буквами. К уставным почеркам относят также письмо *берестяных грамот*, хотя название «почерк» в данном случае условно. «Новым уставом» иногда называют (Е. Ф. Карский) старательное торжественное письмо роскошных книг XV—XVII вв., написанных обычно на бумаге, а не на пергамене.

УСТИНОВИЧ Николай Станиславович (5[18].05.1912— 4.11.1962), писатель. Родился в д. Горелый Борок Нижнеингашского р-на Красноярского края в крестьянской семье; работал землекопом, табельщиком. Печатался с 1930. Первая книга — сборник рассказов «Лесная жизнь» (1944). Опубликовал свыше 30 книг очерков, рассказов, повестей о природе Сибири, о ее мужественных людях — землепроходцах и следопытах. Большая часть из них — книги для детей.

Соч.: Соки земли. М., 1947; В краю далеком. М.; Л., 1951; Таежные встречи. Красноярск, 1953; Повести и рассказы. Красноярск, 1955; Черное золото: Повесть. Красноярск, 1956; Северные встречи: Путевые заметки. М., 1958; Сень Лосев: Повесть. Красноярск, 1959; След человека. Красноярск, 1961; Избранное. Т. 1—2. Красноярск, 1962—63; Таежные рассказы. М., 1963.

УСТИЯНОВИЧ Николай Леонтьевич (25.11[7.12].1811—22.10[3.11].1885), малороссийский писатель, культурно-общественный деятель. Родился в Николаеве Львовской обл. в семье служащего. Окончил философский и богословский факультеты Львовского университета. Печататься начал в 1836. Был активным организатором съезда малороссийских ученых Галиции (1848), на котором утверждалось право на развитие малороссийского языка и культуры. Редактор газеты «Галичо-русский вестник», в котором опубликованы прозаические произведения Устиановича «Старый Ефрем», «Месть верховинца» (1849). Единственный прижизненный сборник «Стихи» («Поезії») вышел во Львове в 1860. Своей поэтикой стихи Устиановича (элегии, *романсы*, *басни*) близки народному творчеству. Поэт выражает надежды на завоевание малороссийским народом свободы, национальной независимости. Устиановича привлекал богатый духовный мир малороссийского крестьянина, романтика борьбы опрышков — мстителей за бедствия народа. Стихотворения «Верховинец», «Песни опрышков» стали народными песнями. *И. Я. Франко* считал Устиановича одним из первых будителей народного духа, выдающимся представителем малороссийской литературы 50-х в Галиции. В период 1848—49 Устианович примкнул к москвофильству.

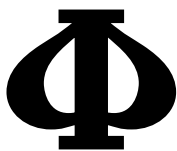
Соч.: Твори. 2 вид. Львів, 1913.

«**УТРЕННИЕ ЧАСЫ**», еженедельный журнал, издававшийся в Петербурге с 20 апр. 1788 по 12 апр. 1789 (в продажу выпуски 1789 поступали с опозданием). Издатели и основные сотрудники — *И. Г. Рахманинов*, *П. А. Озеров*,

А. А. Нартов. Принимали также участие *И. А. Крылов*, *Г. Р. Державин*, *И. И. Дмитриев* и др. Журнал печатал сатирико-нравоучительные очерки и стихи, переводы из французских, английских и немецких авторов. Актуальный общественно-политический смысл имели публикации переводов из сочинений *Л. С. Мерсье* («Мой спальный колпак», «Картины Парижа» и др.). Темы, затронутые в «Утренних часах», были развиты в «Почте духов» Крылова.

УШИНСКИЙ Константин Дмитриевич (19.02[2.03].1824 [по др. данным 1823] — 22.12.1870[3.01.1871]), педагог, детский писатель. Родился в Туле. Окончил юридический факультет Московского университета (1844). Преподавал в Ярославском Демидовском юридическом лицее. В 1854—62 работал в Гатчинском сиротском институте и Смольном институте благородных девиц. В 1860—61 — редактор «Журнала Министерства народного просвещения». В 1862—67 был в командировке в Швейцарии и др. странах, где изучал постановку воспитания и образования. Автор многих педагогических сочинений («Человек как предмет воспитания», 1861, опубл. 1868—69, и др.). Первый литературный опыт Ушинского — трагедия, написанная для бенефиса *П. С. Мочалова* (не сохранилась). В 50-е печатал критические статьи и переводы в журналах «Современник» и «Библиотека для чтения». Рассказ «Поездка в Волхов» («Современник». 1852. № 9) высоко оценен *И. С. Тургеневым*. Большинство литературных произведений Ушинского опубликовано в его книге «Родное слово» (1864, многократно переизд.) — своеобразной детской энциклопедии, рассчитанной на первоначальное обучение ребенка, гл. обр. деревенского. Короткие рассказы Ушинского для детей отличаются мастерством популяризации («История одной яблоньки», «Как рубашка в поле выросла»), умелым использованием фольклорных традиций («Жалобы зайки», «Васька»); немногословная нравучительность достигается в них тщательным отбором деталей, четкостью и ясностью мысли («Орел и кошка», «Лекарство», «Детские очки»).

Соч.: Собр. соч. Т. 1—11. М.; Л., 1948—52.

ФАДЕЕВ Ростислав Андреевич (28.03.1824—29.12.1883), военный и общественный деятель, мыслитель и публицист.

Родился в Екатеринославе в старинной дворянской семье. Отец его занимал ряд важных административных постов, в 1840-х был саратовским губернатором, затем — управляющим государственными имуществами на Кавказе. Фадеев с юности предназначался к военной деятельности и был отправлен учиться в артиллерийское училище. Однако, несмотря на проявленные способности к военному делу, Фадеев не столько учился, сколько вел жизнь типичного представителя «золотой молодежи». В результате Фадеев из-за «живости характера» не окончил училища. К счастью, этот удар по самолюбию помог Фадееву взяться за ум и озаботиться о своей карьере. В 1844 Фадеев отправился на Кавказ волонтером и уже вскоре отличился во многих боях. Имя его прогремело на всю кавказскую армию. Фадеев сыграл значительную роль в операциях, завершивших войну с Шамилем. Вместе с кн. А. И. Барятинским Фадеев принимал капитуляцию Шамиля в ауле Гуниб 25 авг. 1859. Об этом событии Фадеев от имени наместника объявил в лаконичном приказе: «Гуниб взят. Шамиль в плену. Поздравляю Кавказскую армию». За эту победу Фадеев был произведен в генералы, получил ряд орденов, но высшей для себя наградой он считал подаренное ему Барятинским личное знамя Шамиля. Однако на Кавказе Фадеев не только воевал, но и открыл в себе талант ученого и писателя, регулярно помещая в «Московских ведомостях» «Письма с Кавказа». В дальнейшем Фадеев написал книгу «60 лет Кавказской войны», содержащую не только военно-исторический, но и ценнейший этнографический материал. Без использования данных этой книги и поныне не может обходиться ни одно исследование жизни Кавказа того времени. После окончания войны Фадеев продолжал публицистическую деятельность. Он вступил в конфликт с военным министром Д. А. Милютиним, выступая против его проекта военных реформ. В 1866 Фадеев подал в отставку и целиком посвятил себя политике. В 1867 в «Русском вестнике» он поместил ряд статей, которые год спустя вышли отдельной книгой «Вооруженные силы России». В 1873, в развитие этой темы, вышла еще одна книга Фадеева «Наш военный вопрос». Однако мировую известность принесли Фадееву его статьи по славянскому вопросу, которые он, начиная с 1869, помещал в «Биржевых ведомостях». Фадеев с тревогой наблюдал подъем объединенной Германии, и поэтому основная идея его статей заключалась в неизбежности борьбы славянства с

германизмом. Одновременно с этим Фадеев считал необходимым разрешить восточный вопрос путем разгрома Османской империи и ликвидации Австро-Венгрии. Как видим, основные идеи Фадеева совпадали с мыслями *Данилевского* и др. неославянофилов. При этом Фадеев активно участвовал в обсуждении внутренних проблем России. В 1874 он поместил цикл статей в консервативной прессе под общим названием «Чем нам быть?», в которых критиковал реформы Александра II за их бессловесный характер. Подчеркивая, что «культурный слой» дворянства основывает весь государственный быт, Фадеев предлагал расширить роль дворянства в земских органах власти. Следует заметить, что говоря о дворянстве, Фадеев имел в виду «культурный слой» любого сословного происхождения, т. е. элиту российского общества, пополняемую одаренными людьми из низов. В условиях революционной ситуации и либеральных шатаний Александра II на рубеже 1870—80-х Фадеев выступил в защиту традиционной России, прибегая к нетрадиционным методам, заимствованным из практики революционеров. Так, в 1881 в Германии выходят без упоминания автора «Письма о современном состоянии России. 11 апр. 1879 — 6 апр. 1880». «Письма» содержали разгромную критику либеральных реформ Александра II, поскольку те не совпадали с естественным течением русской истории и предъявляли программные требования «партии порядка».

В частности, Фадеев предлагал усилить роль земского самоуправления при расширении полномочий в них дворянства. В области аграрных отношений Фадеев предлагал пересмотреть выкупную операцию, исходя из реальной стоимости земли, ликвидировать временнообязанное состояние крестьян, отменить переделы земли внутри общины, что со временем привело бы к закреплению земли в частной собственности. Для ослабления земельного голода внутри России Фадеев предлагал организовать масштабное переселение крестьян на окраины, для чего считал необходимым создать специальное государственное ведомство, которое гарантировало бы переселенцам льготные кредиты для обустройства. Весьма показательно, что Фадеев свои требования издал анонимно и за границей. Это позволило Фадееву изложить эти требования открыто, без иносказаний и намеков, что нельзя было сделать в открытой печати. После царевубийства 1 марта 1881 Фадеев стоял у истоков создания тайной контртеррористической организации «Священная дружина».

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1890.

С. Лебедев

ФАТЬЯНОВ Алексей Иванович (20.02[5.03].1919—13.09.1959), поэт. Родился в с. Малое Петрино, ныне Вязниковского р-на Владимирской обл. Учился в Литературном институте. Окончил ГИТИС (1938). В основном известен как поэт-песенник. Особую популярность приобрели песни, написанные Фатьяновым в 1942 совместно с композитором В. Соловьевым-Седым, — «На солнечной поляночке», «Соловьи». Всего Фатьянову принадлежит ок. 200 песен. Автор песен ко многим кинофильмам. Фатьянов — поэт-лирик. Традиционная образная символика фольклора обретает в его песнях новое содержание. Фатьянову принадлежат также поэмы «Наследник» (написана в 1951) и «Хлеб» (опубл. в 1960).

Соч.: Поет гармонь. Стихи / Предисл. Л. Ошанина. Владимир, 1955; Соловьи. М., 1969; Это все Россия: Стихи и песни. Владимир, 1961; Стихи и песни / Предисл. В. Бокова. М., 1962; Это все Россия... Стихи и песни. Его друзья о нем. Ярославль, 1969.

ФЕДОРОВ Василий Дмитриевич (23.02.1918—19.04.1984), поэт. Родился в пос. Марьевка Кемеровской обл. в крестьянской семье. Окончил Литературный институт.

Первые стихи опубликованы в 1944 в заводской многопятиражке. Первая книга стихов — «Лирическая трилогия» (1947). В сборниках «Лесные родники» (1955), «Дикий мед» (1958), «Белая роща» (1958) много остро гражданственных стихов. Поэт влюблен в русский, сибирский пейзаж; природа в его стихах неотделима от человека и его труда. В сборниках «Лирика» (1961), «Книга любви» (1964), «Второй огонь» (1965), «Третьи петухи» (1966), «Седьмое небо» (1968; две последние книги удостоены Гос. премии РСФСР, 1969) Федоров славит трудовую и ратную доблесть русского человека. Он развивается и как лирический, и как эпический поэт. Наряду с поэмами-новеллами «Белая роща» (1956), «Дуся Ковальчук» (1957), «Первые слезы» (1958) он публикует поэтический дневник «Марьевская летопись» (1947), психологическую поэму в стихах «Золотая жила» (1958).

В историю русской литературы XX в. вошел как звезда первой величины. Федоров — необыкновенный лирик, певец любви, вознесший культ женщины до вселенских высот: «О, женщина, Краса земная, родня по линии прямой той, изгнанной из рая, ты носишь рай в себе самой». Федоров и эпик. Его перу принадлежат многие поэмы, в числе которых «Бетховен», «Проданная Венера», «Седьмое небо», «Аввакум». Как в лирике, так и в эпосе он мыслитель. Философская струя возникает неожиданно, как открытие, озарение: «И я когда-то думал, что седые не любят, не тоскуют, не грустят. Я думал, что седые, как святые, на женщин и на девушек глядят...» Некото-

рые строки его стихотворений по глубине, афористичности, точности напоминают миниатюры Ф. Тютчева: «По главной сути жизнь проста: ее уста... его уста». Федоров расширяет и углубляет традиционные для поэзии темы любви и женской судьбы. Он неповторим, как и всякий большой поэт, отмеченный печатью самобытного таланта.

Трогательной сыновней болью за судьбу Отечества пронизано все его творчество. «Почему сыны твои, Россия, больше всех на свете водку пьют?» — восклицает поэт. Некоторые его размышления звучали предупреждающим набатом: «Все испытав, мы знаем с вами, что в дни психических атак, сердца, не занятые нами, не мешкая, займет наш враг. Займет, сводя все те же счеты, займет, засядет, нас разя... Сердца, ведь это же — высоты, которых отдавать нельзя». Сердца-высоты были отданы фактически без боя, при слабом сопротивлении перед превосходящими силами мирового сионизма и масонского окружения Брежнева. Поэзия Федорова умная, мудрая, лишённая всякой навязчивой дидактики, проникновенная и тонкая. Профессионал высшего класса, Федоров через все творчество пронес чувство Родины. Великий поэт и патриот, певец возвышенного, нетленной красоты как в природе, так и в душе человека.

Некоторые его произведения были запрещены цензурой. Напр., стихотворение «Рабская кровь» (50-е), в котором осуждается добровольное холуйство перед сильными мира сего, чиновничество и низкопочтение.

Поэзия Федорова отличается идеологической твердостью, непримиримостью к врагам русской культуры. Прошониистские ЦКовские деятели призвали консолидироваться патриотов с космополитами (Шолохова «дружить» с Эрэнбургом). Федоров ответил на это шуточным стихотворением «Нечто о собаке»: «...с последней сучкою тебя консолидации научат».

Соч.: Марьевские звезды: Стихи и поэмы. Новосибирск, 1955; Стихотворения. М., 1967; Третьи петухи. Седьмое небо. [Стихи и поэма]. М., 1970; Стихотворения и поэмы. Т. 1—2. М., 1970.

Лит.: Еремин В. Василий Федоров. М., 1969; Денисова И. За красоту времен грядущих. Поэзия В. Федорова. М., 1971.

И. Шевцов

ФЕДОРОВ Евгений Александрович (15[27].01.1897—2.04.1961), писатель. Родился в с. Видзы Ковенской губ., ныне Браславского р-на Витебской обл., в семье крестьянина, детство провел на Южном Урале, в станице Магнитной. Начал печататься в 1916. Окончил Институт красной профессуры. В сб. рассказов «Воронья кобыла» (1936) Федоров выступил как юморист. Гражданская война на Урале и в Сибири — тема романа «Горная дорога» (1938; др. назв. — «Вдоль голубых Уральских гор», 1959). Основные темы Федорова связаны с историей Урала и Сибири: исторические повести «Шадринский гусь» (1936), «Тайна булата» (1943), «Находка Ерофея Маркова» (1945), «У горы Магнитной» (1948, под назв. «Детство в Магнитной»), «Каштынский зверь» (1953), исторический роман «Ермак» (кн. 1—2, 1955), романы «Гроза над Шелонью» (1944), «Большая судьба» (1953), сборники фронтовых очерков и рассказов «Партизанские рассказы» (1942), «В тылу врага» (1943) и др. Наиболее крупное произведение Федорова — трилогия «Каменный пояс» (романы «Демидовы», 1940; «Наследники», 1940; «Хозяин каменных гор», 1953) посвящена освоению русскими людьми несметных богатств горного Урала в Петровскую эпоху. Сюжетным стержнем романа является история семейного клана русских рудопрмышленников Демидовых. Фамилию Демидов туль-

ский кузнец Никита Антуфьев получил от Петра Великого. События в романе-эпопее охватывают почти 200-летний период русской истории. Действие происходит на Урале и в Сибири, в Москве и Петербурге, во Франции и в Италии. Писатель создал яркие, колоритные фигуры исторических персонажей — Петра I и Елизаветы Петровны, Меншикова, Суворова, Потемкина, Емельяна Пугачева наряду с литературными персонажами. Династия Демидовых начинается со скромного тульского кузнеца-умельца и заканчивается его правнуками — именитыми дворянами: Николаем Никитичем (умер в своем дворце во Флоренции) и Анатолием Никитичем — кн. Сан-Дonato (скончался в парижском имении на Елисейских Полях). В романе «Каменный пояс» сотни действующих лиц — исторически подлинных и литературных персонажей. Главные из них выписаны мастерски. Особенной живостью и художественным совершенством отличаются диалоги.

Федорову подвластен и объемный психологический портрет персонажа. Жажда наживы превращает человека в зверя. Дворянские титулы, которыми были награждены наследники тульского кузнеца, роскошь и богатство не произвели решительных перемен в их характерах, нравах и поведенческих привычках. Разве что их жестокость стала более утонченной. Федоров великодушный мастер пейзажа, который обильно украшает версую. Краткими фразами он умеет нарисовать зримую картину.

Соч.: Избранное. Т. 1—2. Л., 1958; Ермак. Новосибирск, 1966; Каменный пояс. Т. 1—3. М.; Л., 1964.

И. Ш.

ФЕДОРОВ Иван (ок. 1510—5.12.1583), первопечатник и педагог. В 1550—60-х — дьякон кремлевской церкви Св. Николая Чудотворца Гостунского. В 1564—65 совместно

Острожская Библия

с Петром Мстиславцем напечатал первые точно датированные русские книги. Вследствие «озлобления... от многих начальник и священноначальник, и учитель» Федоров с Петром Мстиславцем оставил Москву и в 1568—70 издал две книги (вторую уже без своего «клеветра»), в имени Заблудово, которое принадлежало покровителю Православия в Литве гетману Г. А. Ходкевичу. Когда Ходкевич уже не мог ему более оказывать поддержку, Федоров перебрался во Львов (1572), где организовал собственную типографию и напечатал две первые точно датированные книги. В 1575—76 — управитель Дерманского Свято-Троицкого монастыря, находившегося во владениях кн. Острожского. Затем в Остроге напечатал новые книги (1578—81). В 1583 Федоров возвратился во Львов, занимался литьем пушек и демонстрировал изобретенную им складную пушку в Вене имп. Рудольфу II. Умер во Львове, похоронен в Онуфриевском монастыре.

Среди книг, напечатанных Иваном Федоровым: «Апостол-тетр» (1564, с добавлениями — 1574); Часовник (два изд. 1565); Учительное Евангелие (1569); Псалтырь с Часословцем (1570); Азбука (два изд. — 1574, 1578), важный памятник восточнославянской педагогики; Псалтырь и Новый Завет (1580); книжка «Собрание вещей нужнейших» Тимофея Анничина (1580); «Хронология» Андрея Рымши (1581); первая полная славянская Библия, известная как Острожская (1580—81).

Все издания Федорова являются ценными памятниками русской культуры, замечательными образцами печатного искусства XVI в. Книги отличаются четким красивым шрифтом, искусно гравированными украшениями — заставками, концовками, фигурными заглавными буквами. В большинстве случаев издания Федорова содержат «предисловия» и «послесловия», написаны от имени печатников. В них Федоров сообщил сведения по истории книгопечатания, рассказал о себе.

Изд.: *Щепкина М. В.* Переводы предисловий и послесловий первопечатных книг // *У истоков русского книгопечатания.* М., 1959.

Лит.: Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935; *Зернова А. С.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947; *Кацпржак Е. И.* Первопечатник Иван Федоров. М., 1964; *Сапунов Б. В.* Первопечатник Иван Федоров как писатель // *Труды отдела древнерусской литературы.* М.; Л., 1958. Т. 14; *Лукьяненко В. И.* Азбука Ивана Федорова, ее источники и видовые особенности // Там же. М.; Л., 1960; *Немировский Е. Л.* 1) Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964; 2) Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. М., 1974; Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979; Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981.

Л. К.

ФЕДОРЧЕНКО София Захаровна (19.09[1.10].1880—12.07.1959), писательница. Родилась в Петербурге в семье инженера. Училась на юридическом факультете Киевского университета. В 1914 ушла на фронт сестрой милосердия. Печаталась с 1917. Самое значительное произведение Федорченко — «Народ на войне», посвященное первой мировой войне, февральской революции и гражданской войне (т. 1, 1917—23; т. 2, 1925; т. 3, опубликовано частично в 1927). Каждый том представляет собой как бы систематизированное автором собрание отрывков из солдатских разговоров, чрезвычайно колоритных по языку, создающих в своей совокупности правдивый образ народа на войне. Сама форма произведения и авторские предисловия способствовали заблуждению, что солдатская речь стенографическая подлинная. Федорченко принадлежат прозаические и стихотворные сказки, стилизованные в народном духе, а также опубликованные в 20-х — н. 30-х свыше 100 книжек для детей, гл. обр. о животных. В последующие годы работала над исторической трилогией из времени пугачевского восстания «Конец столетия»: «Детство Семигорова» (1942, отд. изд. 1956), «Отрочество Семигорова» (1957), «Юность Семигорова» (1960, посмертно).

Соч.: Собр. соч. Т. 2—3. М., 1925; Присказки. [Л.], 1924; Четыре дневника. М.; Л., 1930; Круглый год. М.; Л., 1930; Павел Семигоров. Трилогия. [кн. 1—3]. М., 1963.

ФЕДОСОВА Ирина Андреевна (1831—10[22].07.1899), народная сказительница. Родилась в д. Сафроново Толуйской вол. Петрозаводского у. Олонецкой губ. в многодетной семье Юлиных. По ее словам, уже «восемь лет знала, на какую полосу сколько сиять». С юности прославилась по всему Заонежью как мастерица «водить свадьбы». Первые фольклорные записи были сделаны от нее в 1867 преподавателем Олонецкой духовной семинарии *Е. В. Барсовым*, ставшим впоследствии знаменитым собирателем и

исследователем древнерусской письменности. Об этой встрече, так много значившей в судьбах их обоих, он рассказывал: «Крестьянин Матвей Савельевич Фролов, у которого я стоял на квартире, когда служил в Петрозаводске, в разговорах со мной о разных олонецких старинах как-то сообщил мне, что у них в Заонежье очень жалобно причитают на свадьбах и похоронах, что там есть воплиницы на славу и слушать их собираются целые деревни; что он лично знает одну из таких воплиниц — Ирину Андреевну, в деревне Кузаранда за Яковом Федосовым». Начиная собиратель, вдохновленный примером *П. Н. Рыбникова*, открывшего в Заонежье «Исландии русского эпоса», стал разыскивать сказительницу. Оказалось, что она уже несколько лет живет в самом Петрозаводске. «Я отыскал ее, — рассказывает *Е. В. Барсов*, — и расспрашивал о причитаниях, но она решительно объявила, что лично не знает одну и сказывать не умеет и с господами никогда не зналась. Однако ж благодаря посредничеству моего хозяина, который по старому знакомству уверил ее, что человек я не опасный, она откровенно призналась, что знает очень много, что с молодости ей честь и место в большом углу, что на свадьбе ли запоет — старики заплещут, на похоронах ли завопит — каменный заплачет: голос был такой вольный и нежный».

В 1872 вышел первый том «Причитаний Северного края», записанных *Е. В. Барсовым* от Федосовой, хотя первая публикация появилась в «Олонецких ведомостях» в год их встречи. Поначалу Федосова категорически отказывалась от записи причитаний. Причину этого Барсов объяснил позднее: «Я познакомился в ней в Великом посту 1867 года и тотчас же начал записывать от нее духовные стихи и старины: диктовать что-нибудь другое она считала грехом. После Пасхи я принялся за причитания». Характерно, что за 7 лет до встречи Барсова с Федосовой выдающийся сказитель *былин Т. Г. Рыбинин* при первой встрече с *П. Н. Рыбниковым* будет отказываться пять былин по той же самой причине: «Негоже нонь сказывать мирские песни, — ноне пост». Во время постов пелись *духовные стихи*, а все остальные относились к песням «мирским».

Если записи *П. Н. Рыбникова* открыли живое бытование народной эпической поэзии, то записи Барсова от Федосовой открыли там же, в Заонежье, новый жанр обрядовой поэзии — *причитания*. Выход четырех томов «Песен, собранных *П. Н. Рыбниковым*» (1861—67), а вслед за ними трех томов «Причитаний Северного края» *Е. В. Барсова* (1872—86) по праву считается крупнейшим открытием в русской, славянской и в мировой фольклористике.

Уже в самом н. 70-х, т. е. сразу же после публикации, причитания Федосовой широко использовал *Н. А. Некрасов* в поэме «Кому на Руси жить хорошо», главы которой «Демушка» и «Трудный год» созданы во многом по мотивам федосовских плачей — о старосте, о попе-отце духовном, по мужу. Сам некрасовский образ *Матрены Тимофеевны* (в первых черновых вариантах она даже звалась *Ориной*), ее судьба, рассказ о детстве тоже перекликаются с «рассказом о себе самой», который Барсов записал от Федосовой. Вся 3-я часть поэмы «Крестьянка» написана по этой «автобиографии» Федосовой и по мотивам ее причитаний (ср.: «Падите мои слезоньки не на землю, не на воду...» с причитанием «Плач и староста»).

Тогда же, вне зависимости от *Н. А. Некрасова*, к ее плачам обратился и *П. И. Мельников-Печерский*. Он ввел их в описание похоронного обряда в романе «В лесах».

Плачи Федосовой были опубликованы в те же самые годы, когда *Ф. М. Достоевский* писал в «Братьях Карамазо-

вых»: «Есть в народе горе молчаливое и многотерпеливое; оно уходит в себя и молчит. Но есть горе и надорванное, оно пробьется раз слезами и с той минуты уходит в причитания. Это особенно у женщин. Но не легче оно молчаливого горя. Причитания утешают тут лишь тем, что еще более растрavляют и надрывают сердце. Такое горе и утешения не желает, чувством своей неутолимости питается. Причитания лишь потребностью раздражать непрерывно рану». И там же, в «Братьях Карамазовых», Достоевский воссоздал «великий материнский плач» — причет Настасьишки, пришедшей к старцу Зосиме, ее плач о «последнем сыночке». Современный исследователь В. П. Владимирцев впрямую сближает «дар слезный» героев «Подростка», «Преступления и наказания», «Братьев Карамазовых» Достоевского с народными плачами Федосовой. «Роман-плач о “несчастных” России, — отмечает он, — был не чем иным, как своего рода литературный аналог устному поэтическому творчеству тысяч народных безвестных федосовых».

В 1895—96 состоялись первые публичные выступления Федосовой в Петербурге, в Москве, на Нижегородской ярмарке, которые заставили говорить о «магической силе» ее искусства. «Слуховые записи» ее напевов сделал Н. А. Римский-Корсаков, а Ф. И. Шалапин вспоминал: «Я слышал много рассказов, старых песен и былин и до встречи с Федосовой, но только в ее изумительной передаче мне вдруг стала понятна глубокая прелесть народного творчества. Неподражаемо прекрасно “сказывала” эта маленькая кривобокая старушка с веселым детским лицом о Змее Горыныче, Добрыне, о “его поездках молодецких”, о матери его, о любви. Предо мной воочью совершалось воскрешение сказки, и сама Федосова была чудесна, как сказка».

Ставшие классикой уже в XIX в. плачи Федосовой по своему художественному уровню до сих пор остались непревзойденными, высшими образцами народной обрядовой поэзии. «Свободная импровизация, — писал о ее причитаниях акад. Ю. М. Соколов, — допускающаяся самой природой причета, служившая выражением глубокого чувства, вызываемого смертью близкого человека, давала широкий простор для художественного творчества талантливых натур. И не удивительно, что именно в форме лиро-эпического причета нашел себе выражение талант замечательной народной поэтессы, знаменитой вопленицы».

Федосову называли «народной поэтессой», и в этом не было никакого преувеличения, ее причитания были во многом «авторскими». Она создавала новые, вполне законченные и самостоятельные плачи-поэмы, в которых объединяла в одном произведении целый ряд отдельных действий, делясь зачастую несколько дней и состоящих из множества отдельных причитаний. Известно, что запись свадебного или похоронного обрядов от одного или даже нескольких исполнителей-участников не дает представления о всей картине, — необходимо восстановить и свести воедино записи всех участников этой народной драмы, народной оперы. Случай Федосовой уникален тем, что она прекрасно знала не только свою «роль», но и всех др. «действующих лиц». Она была правительницей обряда, правила обрядом, а потому и смогла создать столь грандиозные и подлинно эпические плачи-поэмы.

Классическим произведением русской народной словесности стал федосовский «Плач вдовы по муже», открывающий «Причитания Северного края». Это самый большой по объему из ее плачей, в нем 1225 стихотворных строк — целая поэма о горькой участи вдовы, «победной головушки» (а всего от Федосовой записано более 30 000

стихов. «Грамотой я неграмотна, зато памятью я памятна», — так говорила она).

В конце века Н. А. Римский-Корсаков и Ф. И. Шалапин слышали уже 65-летнюю Федосову. Никто из них не мог представить, как звучал ее голос в 1867, когда ее впервые встретил в Петрозаводске Е. В. Барсов. Кроме того, у себя на родине она исполняла плачи не одна, а с хором подголосниц. «При Ирине Федосовой, — сообщал Е. В. Барсов, — всегда состоял хор подголосниц. Девушки-подростки лет 10-ти уже научались прислушиваться к ее плачу, а затем лет в 15—16 поступали в хор и становились подголосницами. Быть в ее хоре считалось в округе делом почетным и неустьдным. Оплачивался не только труд вопленицы, но вознаграждался и труд подголосниц, теми или иными подарками. Хор Ирины Федосовой в совершенстве усвоил ее поэтический язык и построение стихов. Стоило ей произнести три слога, и хор уже знал все дальнейшие слова и пел вместе с нею».

Последние годы жизни Федосова провела в Петербурге, в доме крупного государственного чиновника и мецената, друга А. Н. Островского, М. А. Балакирева, М. П. Мусоргского — Т. И. Филиппова. В 1896 ее голос был записан на один из первых фонографических восковых валиков, эта запись сохранилась. Незадолго до смерти Федосова пожелала вернуться на родину.

Соч.: Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. М., 1872; Т. 2. М., 1882; Т. 3. М., 1885; Избранное. Петрозаводск, 1981.

Лит.: Барсов Е. В. Ирина Федосова и ее песнопения // Московский листок. 1896. № 14; Он же. О записи и изданиях «Причитаний Северного края» // Русская литература. 1975. № 3; Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955; Он же. П. И. Мельников-Печерский и И. А. Федосова // «Славянский фольклор». М., 1972; Калугин В. И. Народная поэтесса Ирина Федосова // Струны рокотаху: Очерки о русском фольклоре. М., 1989.

В. Калугин

ФЕДЬКОВИЧ Осип Юрий Адальбертович (наст. имя; псевд. **О. Ф. Гуцул — Невир, Юрий Коссован** и др.) (8.08.1834—11.01.1888), писатель. Родился в семье мелкого шляхтича; вырос в условиях подавления и немечивания малороссийской культуры австро-венгерскими оккупантами. С 1852 по 1863 был на военной службе. Литературную деятельность начал в 1857 (стихотворение на немецком яз. «Верная любовь»). Первое малороссийское стихотворение — «Ночлег» («Нічліг») написано в 1858. В 1862 вышел сборник стихов Фета на малороссийском яз. — «Позі Іосифа Федьковича». В 1865 издал в Черновицах сборник на немецком яз. «Поэзия И. Федьковича» («Gedichte von J. Fedkowicz»), в 1882 — сборник «У Черемоша» («Am Tschermusch»), на которых сказало влияние малороссийской народной и немецкой романтической поэзии. В 1867—68 стихи Федьковича изданы в Коломые в 3 выпусках («Поезі Юрія Городенчука-Федьковича»).

Стихи и поэмы Федьковича проникнуты антиеврейским духом. Прославлению народного героя борьбы крестьянства против панов посвящена поэма Федьковича «Лукьян Кобылиця» (1865). Лирика Федьковича отмечена горячей любовью к родине, верой в светлое будущее народа.

Федькович известен и как прозаик. Первая его повесть на малороссийском языке «Любовь — погибель» («Люба — згуба»), опубл. 1863) сразу стала популярной. В 1876 М. Драгоманов издал в Киеве первый сборник прозы Федьковича — «Повісті Осипа Федьковича». Суровой солдатской жизни крестьян-гуцулов, взятых в австрийскую армию, посвящены многие стихи и рассказы Федьковича: «Ште-

фан Славич» (1863), «Побратим» (1865), «Трое, как родные братья» (1865) и др. Федькович немало писал на семейно-бытовые темы, изображал конфликты, возникавшие на почве человеческих страстей, несчастной любви («Сердце не научить», 1863, «Стрелок», 1863, «Итальянка», 1864). В коротких новеллах писатель глубоко раскрывал чувства героев, мастерски пользовался народным разговорным языком. Его новеллы предшествовали новеллистике И. Франко, О. Кобылянской, В. Стефаника. Федькович написал комедию «Так вам и надо» («Так вам треба», 1865), мелодрамы «Кормчий», «Сватанье в дороге», драмы «Довбуш», «Хмельницкий». Драматургические произведения Федьковича (большая их часть опубликована посмертно) несценичны, художественно слабее его прозы.

Соч.: Писания. Т. 1—4. Львів, 1902—10; Твори. Т. 1—2, Київ, 1960; в рус. пер. — Любовь—погибель. Повести и рассказы. М., 1965.

В. Герасименко

ФЕОДОСИЙ ПЕЧЕРСКИЙ (ок. 1036—3.05.1074), общих житий начальник, ученик прп. Антония, основатель уставной монастырской жизни на Руси, — третий святой (после *Бориса и Глеба*), канонизированный Русской церковью, и первый ее преподобный. Он был руками Антония и сердцем устрояемой *Киево-Печерской обители*. Неутомимый труженик, образованный иерей, сильный молитвенник, духовный писатель, строгий аскет, великолепный организатор и твердый руководитель — он претворил в видимые образы и формы молитвенное служение своего старца, создавая кельи, храмы, монастыри, богадельни, мастерские.

По словам одной из летописей, Феодосий Печерский, вместе с Антонием Печерским, были первыми великими светочами, зажженными на земле Русской перед вселенским образом Христа.

В лице прп. Феодосия Древняя Русь нашла свой идеал святого и православного мыслителя. В его образе Древняя Русь любовалась чертами идеального инока. Сохранилось житие прп. Феодосия, написанное св. Нестором Летописцем в самом Печерском монастыре через 10 лет после его смерти.

Феодосию приписываются более 20 сочинений, но, по мнению исследователей, с достаточным основанием его можно считать автором 2 посланий, 8 поучений и молитвы. Поучения и послания Феодосия Печерского — это ценные свидетельства о распространении в Киевской Руси христианского вероучения в его византийской трактовке, ибо сам Феодосий и иноки Киево-Печерского монастыря в духовном смысле ориентировались именно на Византию.

Феодосий происходил из состоятельной и знатной семьи, жившей в Василькове близ Курска. Преждевременная смерть отца оставила его во власти любящей, но деспотичной матери. Судя по житию, она была «телом крепка и сильна, яко и муж: аще бо и кто не видел ея, ти слышаша ю беседующе, то начнаше мнити мужу суша». Это мало лестное изображение «нежной» матери, конечно, не выдуманно. Но это объясняет многие черты в жизни нашего святого. Но, — пишет Г. П. Федотов, — «есть в детском образе Феодосия черты и не столь индивидуальные. Когда об отроче говорится, что он «хожаша по вся дни в церковь... к детям играющим не приближашася... и гнушашася играм их», мы вспоминаем, что читали то же о детстве Антония. Отсюда, из Несторова жития, это гнушание детскими играми пройдет через всю агиографию русских святых, выродившись в общее место, заполняющее

Польныѣ Феодосіѣ Печерскіѣ

пробел предания. Но здесь значение его иное. Нестор не повторяет вслед за Афанасием Великим, автором жития Антония, что его святой, избегая детского общества, не пожелал учиться науками. Напротив, Феодосий сам желает «датися на учение божественных книг единому от учителей»... «и вскоре извече вся грамматикая», вызывая общее удивление «премудростью и разумом». Под «грамматикией» автор, конечно, разумеет элементы грамматического, т. е. литературного, образования... «Книголюбие Феодосия сохранилось и в монастыре, где мы видим в келии его то инока Илариона, «писавшего книги день и ночь», то самого игумена, смиренно прядущего нить для переплетов рядом с книжным мастером Никоном. Образ мальчика, ук-

лоняющегося от детских игр, слишком вяжется с его тихостью, чтобы быть вымышленным. Заслуга Нестора в том, что он передал в русский агиографический канон не только эту детскую тихость, но и книголюбие, любовь к духовному просвещению, пресекая с самого начала на Руси соблазн аскетического отвержения культуры».

Образ жизни св. Феодосия выражает идеал нестяжательства и смирения. Он отказывается от богатой одежды и носит старую, много раз зашитую.

«Худы ризы» Феодосия отличают его и в игуменстве; они вообще занимают видное место в житии. Они связаны с его общим религиозным отношением к жизни. Так, после смерти отца он «выходил с рабами на села и работал со всяким смирением», — эпизод, который не мог быть внушен Нестору никакими агиографическими образцами. «В этом социальном унижении или опрошении проявилась аскетическая изобретательность первого русского подвижника. В крестьянских работах, как позже в ремесле провирника, мать Феодосия с полным правом видит социальную деградацию, поношение родовой чести. Но святой хочет быть «яко един от убогих» и трогательно убеждает мать: «Послушай, о мать, молются, послушай: Господь Бог Иисус Христос сам поубожился и смирился, нам образ дая, да и мы того ради смиримся». Это «убожение» Феодосия питается живым созерцанием унижения Христовя, Его рабьего зрака, Его страдающего тела. Выбрав себе убогую профессию провирника, он оправдывает ее перед матерью любовью к телу Христову. «Лепо есть мне радоваться, ясно содельника мя сподоби Господь плоти своея». Эти черты совершенно самобытные, свидетельствующие об особой религиозной интуиции: для этих частей повествования у Нестора нет никаких греческих параллелей» (Федотов). Любовь к бедным («нищелюбие») и милостыня становятся отныне отличительными чертами подлинной русской духовности, идеалом святости русского народа. В русском духовном понимании милостыня — лучшее выражение любви, спасающей мир и составляющей источник жизни для всех людей. «Богатые милостыней спасутся, убогие терпением, весь мир любовью», — говорит древний русский проповедник.

По словам жития, мысль о спасении не давала ему покоя. После этого не удивительно, что его очень рано потянуло в Святую Землю. Он убежал из материнского дома, но был скоро пойман. Мать избилла его и даже посадила на цепь, во избежание повторения подобных попыток. Через некоторое время мать застала его месящим тесто для проффор, с лицом, черным от сажи из печи; угрозами и побоями она попыталась заставить его отказаться от этого занятия, превращавшего его в помешанца для его друзей. Феодосий так огорчился этим, что вновь решил покинуть мать. Встав ночью, он ушел в соседний город, где и продолжал заниматься тем же трудом. Но матери удалось найти его. Она привела его домой и избилла. Юноша переносил все это молча и только молился еще усерднее. Каждый день его видели в церкви. Однажды он пришел к кузнецу и попросил его сделать цепи, которые он потом накрутил вокруг тела. Цепи были очень узки, впивались в тело и ранили его. Феодосий ни перед кем не показывал переносившуюся им боль и продолжал вести свой обычный образ жизни. Однажды, в воскресенье, когда он должен был идти на свою службу к курскому посаднику, мать заставила его надеть праздничную одежду. А чтобы быть уверенной в том, что он выполнит ее приказ, она решила присутствовать при его одевании. Феодосию пришлось повиноваться. Заметив кровь на его рубашке и вериги на теле, она при-

шла в такую ярость, что разорвала его одежду, сорвала вериги с тела и избилла его. Юноша не сопротивлялся, затем спокойно оделся и пошел на свою службу как ни в чем не бывало. Заметим, что здесь «в рассказе Нестора не на веригах, а на одежде падает ударение. Тем не менее мы имеем здесь суровое умерщвление плоти, форма которого подсказана не евангельскими и не палестинскими образцами. Вериги свойственны преимущественно сирийскому кругу аскетов. Есть много сходства между веригами отрока Феодосия и веревкой юного Симеона Столпника, которая также пятнами крови выдает игумену его самовольную ревность. В дальнейшем повествовании Нестора мы уже не слышим о веригах: по-видимому, в Киеве святой не носил их. Они были лишь временными орудиями борьбы со страстями юности. Не раз его биограф настаивает на силе и крепости его тела. Нестор обходит молчанием плотские искушения юного Феодосия, и это целомудренное молчание сделалось традицией русской агиографии. Но сильное тело требовало укрощения: отсюда вериги. Вериги свои прп. Феодосий, быть может, помимо воли (если сам бросил их) завещал позднему русскому подвижничеству» (Г. П. Федотов).

Тем временем юноша продолжал слышать все тот же призыв: «Кто любит мать свою больше Меня, не достоин Меня». Снова он последовал ему. Третий побег удался. Он пришел в Киев и явился к Антонию, который принял его монахом в свою пещеру.

«Беседа его с Антонием, нежелание старца принять его по юности лет (хронологически невероятное), как мы видели выше, должно быть вычеркнуто из биографии Феодосия. Зато драматическое свидание с матерью полно жизненной правды. Древние патерики дают немало примеров суровости юного инока, отказывающегося видеть свою мать (Феодор Освященный, Пимен, Симеон Столпник). Но положение Феодосия лишь внешне напоминает Феодора. Видимая непреклонность у русского святого имеет совсем др. основание: не суровость, а робость, неуверенность в своих силах перед властным деспотизмом материнской любви. То, что Феодосий, в конце концов, склоняется на мольбы матери (или ее угрозы) и выходит к ней, тоже для него характерно. Он не радикал, не ригорист, и выше объективной нормы поведения для него — закон любви. Побужденный в этой борьбе, он на самом деле оказывается победителем. Не он возвращается к матери, а мать постригается в одном из киевских монастырей» (Федотов). Не только она склонилась перед призывом своего сына, но сама убедилась, наконец, в «суете мира».

Освобожденный от тревожностей, причинявшихся ему его матерью, Феодосий может отныне полностью отдаться своему религиозному служению. «О личных подвигах Феодосия, — пишет Г. П. Федотов, — о его духовном облике Нестор говорит в разных местах и отрывочно: он любит больше рассказывать, чем описывать. Соединяя в одно эти рассеянные черты, мы можем составить себе понятие об аскетическом типе Феодосия.

О самом суровом подвиге самоумерщвления повествуется — конечно, не случайно — в летописи первых годов его пещерной жизни. Обнажившись до пояса, ночью, святой отдает свое тело на съедение оводам и комарам, в то время как сам прядет волну и поет псалмы. Вдохновленный на этот подвиг, вероятно, примером Макария Египетского, Феодосий оставляет его в подражание севернорусским подвижникам. Слова Нестора («другоци»... «излез») как будто говорят об однократном, а не повторяющемся действии. Относящиеся к годам юности (как и вери-

ги), оно может быть понято как акт борьбы с плотскими искушениями. Во всяком случае, в дальнейшей жизни Феодосия мы не видим стремления к острому страданию». Его аскетические упражнения умеренны и сдержаны. «Для Феодосия характерна именно потаенность его аскезы. Так он носит власяницу, прикрытую верхней одеждой, никогда не спит “на ребрах”, но “сед на столе” (на стуле). Как скрывает он свою власяницу, так скрывает и ночные бдения. Монах, подошедший к его келье, слышит его “молящаяся и вельми плачущаяся и главою часто о землю бьющая”. Но, услышав шум шагов, Феодосий притворяется спящим и отвечает лишь на третий оклик, точно проснувшись от сна. Сравнительно умеренные аскетические упражнения Феодосия восполняются непрерывностью его трудов. Крепкий и сильный, как св. Савва, Феодосий работает и за себя и за др. Он по ночам мелет жито для всей братии. Став сам игуменом, он всегда готов взяться за топор, чтобы нарубить дров, или таскать воду из колодца вместо того, чтобы послать кого-нибудь из свободных монахов: “Я свободен”, — отвечает от келарю. Трудовая, деятельная жизнь Феодосия больше всего бросается в глаза, она заполняет преимущественно страницы пространного его жития. Но святой сохраняет равновесие духовной жизни: в молитве почерпает источник сил. Молитве, помимо церковно-уставной, посвящены его ночи. Молитве исключительно отдано время великого поста, когда преподобный удаляется в пещеру». Тогда он посыпает пеплом главу и не говорит ни с кем, только в случае необходимости произносит несколько слов в окно. Он говорил, что в эти дни душа очищается, а потом празднует воскресение Господне. По окончании поста он возвращался к братии, чтобы вместе радостно праздновать Пасху, и тогда ел хлеб, испеченный в меду и маковом елее. Не в его лавре св. Иоанн Лествичник мог бы сделать свое замечание о прожорливых монахах, радующихся воскресенью и за год вперед высчитывающих, когда будет Пасха. «Нестор не дозволяет нам никаких заключений о мистическом качестве молитвы Феодосия, или о каких-либо высоких состояниях созерцания. Молится он с плачем, “часто к земли колена преклоняя”. С уединенным пребыванием в пещере связаны многочисленные напасти от бесов. Они не имеют характера собственно искушений (моральных), но лишь страхований. Феодосий сам рассказывает в поучение братии, как долго преследовал его на молитве “пес черен”. Молитвой и твердостью достиг он совершенного бесстрашия перед темной силой и чудесно помогал ученикам избавляться от ночных наваждений» (Г. П. Федотов).

«Для духовного направления Феодосия, — рассказывает Г. П. Федотов, — основное значение имеет тот факт, что именно он положил конец пещерному монастырю, основанному Антонием: если игумен Варлаам вынес на поверхность земли первую деревянную церковь, то Феодосий поставил келью над пещерой. Пещера отныне осталась для Антония и немногих затворников. Мотивом Феодосия указывается: «видя место скорбно суше и тесно». Теснота пещеры легко могла быть раздвинута. Но скорбность ее, очевидно, не соответствовала Феодосиеву идеалу общежития. Едва поставив монастырь над землей, он посылает в Константинополь за «студийским уставом». Этот устав, который он решил дать своей лавре, был вдохновлен духом св. Василия и требовал от монахов полного и добровольного повиновения игумену, свободно избранному общиной. Выше уединенного искания личного спасения он ставит долг любви и стремится, с одной стороны, организовать монашескую жизнь в общину и, с др. стороны, использо-

вать саму эту монашескую общину на служение церковно-му и общественному благу.

Устав, полученный Феодосием, был введен в лавре, и в дальнейшем ему стали следовать все русские монастыри. Далекий от мысли считать себя, как игумена, не подчиненным уставу, Феодосий, напротив, стремился быть примером для всех: рубил дрова, таскал воду, молот зерно, не только на свою порцию хлеба, но часто и для братии. В будние дни он довольствовался одним сухим хлебом, на праздники ел немного вареных в воде овощей, что не мешало ему при трапезе быть всегда с “веселым”, сияющим лицом. Он говорил, что не надо есть много, потому что от еды и питья приходят дурные мысли. Ему важно было не столько умерщвление плоти, сколько сердечная и духовная чистота. Ибо “от злых мыслей грех”. И тут он тоже служил образцом, помня о словах Христа: «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слуга» (Мф. 20, 26). Эту аскезу тела прп. Феодосий подчинял евангельским заповедям смирения и любви. «Едва ли не на каждой странице, — пишет Г. П. Федотов, — Нестор подчеркивает “смирренный смысл и послушание”, “смирение и кротость” Феодосия». «Не бо николи же бе напрасн, ни гневлив, ни яр очима, но милосерд и тих». Он учил свою братию постоянно каяться за грехи, — ибо это «ключи царства небесного», — младших слушать старших со смирением и послушанием, старшим оказывать младшим любовь, уча их и утешая, и всем молиться, кто как может. Но, по идеалу Феодосия, связь любви, без гордости и эгоизма, должна ощущаться монахом не только с его братией, но и с мирянами. «Самое положение монастыря под Киевом как бы предназначало его для общественного служения... Феодосий не только встречает мир у врат своей обители, он сам идет в мир. Мы видим его в Киеве, на пирах у князя, в гостях у бояр». По ночам он посещал еврейские кварталы, уже значительные в Киеве, рассуждал с жителями и старался обратить их ко Христу. У него был дар свои посещения мирян «соединять с учительством», находить меткое слово, незаметно направляющее к добру, никогда не придавая при этом «назидательного» характера своим отношениям с людьми. «Феодосий не только не изолировал своего монастыря от мира, но поставил его в самую тесную связь с мирским обществом» (Г. П. Федотов).

Руководясь студийским уставом, Феодосий исповедывал и мирян. Вот какими замечательными словами характеризует летописец эту сторону деятельности великого подвижника: «Игуменство бо держащу Феодосью в животе своем, правящью стадо, порученное ему Богом черноризцы, не токмо же си едины, но и мирскими печашеся о душах их, како быша спаслися». Разнообразно выражается это попечение о спасении мирян. Прежде всего подвижник считает обязанностью монаха молиться за мирян: «Трудиться в бдении и в молитвах молиться за весь мир без престани». Вторая обязанность инока быть учителем, даже пастырем мирян. Учительность проявлялась в обличении мирской неправды. В Киеве при Феодосии произошло княжеское междоусобие между детьми Ярослава: братья лишили Киевского стола Изяслава, а посадили на его место Святослава. Тогда Печерский игумен запретил поминать в церкви нового князя, резко отказался идти на княжеский обед и начал обличать обидчика, а в своем послании Святославу поступок последнего приравнивал к братоубийству Каина, а самого князя приравнивал к древним гонителям. Смирренный игумен вызвал этим княжеский гнев. Братия просила Феодосия оставить свои обличения, бояре, приходя в монастырь, говорили, что князь

подвергнет игумена изгнанию или заточению, но подвижник не испугался этих угроз и опасности, напротив, еще с большей ревностью обличал Святослава. Явившемуся к нему князю преподобный произносит многозначительные слова: «Что бо, благий владыко, успеет гнев наш еже на державу твою, но се нам подобает обличити и глаголити вам, еже на спасение души, вам же лепо бы послушати того». Подвижник считает своей иноческой обязанностью («нам подобает») обличать неправду, защищать погранные права. Он нес относительно мирян обязанность и более сложную, чисто пастырскую. Так, прп. Феодосий был духовником и мирян. Слыша о добром житии Печерской братии, князья, бояре и их семейства «прихожаху к великому Феодосию, исповедающе грехи своя». «Исповедь в древности у нас соединялась с особым избранием и назначением священника в духовные, или покаяльные, отцы. А стать духовником значило тогда взять на душу дело спасения своих духовных детей, учить их и руководить на пути спасения, в каждом шаге религиозно-нравственной жизни, быть почти старцем». А т. к. прп. Феодосий, будучи духовником, был и харизматиком, то он уже в полном смысле слова становился старцем.

Третья форма служения миру, которую показал и на своем примере отец русского монашества, — заступничество или печалование: «Тако же сий блаженный отец наш Феодосий многим заступник бысть пред судиями и князи, избавляя тех, не бо можахуть ни в чем преслушати его, ведуща и (его) праведна и свята. Не бо его чтяху честных его ради порт и светлыя одежды или имениа ради многоаго, но честнаго его ради жития и светлыя душа и поучения того многих, яже кипяхуть святым духом от уст его». Ясно опять-таки, что печалование было обычным делом преподобного печерского игумена, что оно соединялось с великим пастырским его влиянием в мирской среде. Четвертая форма, в которой проявлялось служение его в миру, — благотворительность. «Таково бо бе милосердие великаго отца нашего Феодосия, аще бо видяше нища или убога, в скорби суща и в одежи худе, жалаше си его ради и вельми тужаше о сем и с плачем того миловаше».

За монастырской оградой преподобный построил двор с церковью, и на этом дворе принимались калекки, нищие и больные. На них шла десятая часть доходов монастыря. Но нищелюбивому Феодосию этого было еще мало, он был заступником вдов, помощником сирот, прибежищем убогим, учил и утешал приходящих и подавал «еже на потребу и на пишу тем».

Св. Феодосий был одним из последовательных борцов с иудаизмом. В «*Киево-Печерском Патерике*» рассказывается о ночных посещениях прп. Феодосием религиозных собраний иудеев с целью изобличения последних в их замыслах против христианства и спасения русских христиан от иудейских обольщений. «Блаженный, — повествуется в Патерике, — имел следующее обыкновение: многократно ночью он вставал и тайно от всех ходил к евреям и спорил с ними о Христе; укорял их и досаждал им, называя их отступниками и беззаконниками, поелику желал быть убитым за исповедание Христа».

В то время в Киеве было много иудеев, притворно принявших Православие, но продолжавших исповедовать иудаизм и всячески вредить христианам. Тайные иудеи проникли даже в Киево-Печерскую лавру и всячески досаждали православным. За этими перевертышами преподобный имел бдительный надзор. Не доверяя монастырской братии, среди которой могли найтись некоторые не вполне благонадежные иноки, преподобный игумен вставал много

раз ночью и самолично, тайно от всех, «исходил» (из своих покоев) к сосланным в монастырь для исправления неискренним крещеным иудеям, препирался с ними, укоряя и стыдя их (коряше и досаждаше я) как отступников и изменников христианству, причем действительно рисковал подвергнуться каким-либо со стороны их оскорбительным действиям.

Лавра жила милостыней, которую она получала в избиллии, от князя, от мирян, привлеченных сиянием святости, излучавшимся жизнью общины и ее игумена. Феодосий желал, чтобы «живя милостыней мира», монастырь отдавал ему от своих избытков. Близ самого монастыря Феодосий построил дом «нищим, слепым, трудоватым» (больным). Каждую субботу Феодосий посылает в город воз хлебов для заключенных в тюрьмах. Даже разбойники, пытавшиеся ограбить монастырь, находили у него милость и накрытый стол. Он отсылал их с милостыней и не возбуждал против них преследования. «Лепо бо бяше нам, — говорил он, — от трудов своих кормити убогия и странныя, а не праздным пребывати, преходити от келии в келию». Таков был его завет русскому монашеству.

«Но тихий наставник мог быть неотступным и твердым, когда дело шло о поруганной правде». Тогда он забывал свои кротость и смирение, упорно и без страха сопротивляясь великим и сильным, открыто укоряя их за несправедливые поступки. Так, он отказался признать кн. Святослава, захватившего великокняжеский стол у своего брата. Не уступая княжеской лести, он отвергал все приглашения и не желал даже поминать захватчика при богослужении. Одну черту в характере Феодосия следует подчеркнуть особо. Это — его доверие к Промыслу Божию. Он не надеялся ни на какую земную помощь, ни на что в этом мире, «но всей своей душой и всеми своими мыслями обращался к одному Богу». Нестор рассказывает о святом игумене целый ряд чудес, о которых он слышал от очевидцев. Все они — только проявление этого основного христианского качества, которое нередко подвергается опасности стереться у руководителей и всех тех, кто отвечает за материальное благо какой-либо общины. Феодосий запрещает своей братии «печься о завтрашнем дне», развивать «начало хозяйственности», жаловаться при случае на претерпеваемую нужду. Он учит их помнить слово Христа: «Ищите же во-первых царства Божия и правды Его, и это все приложится вам», — ибо «Бог не оставляет уповающих на Него». «Его расточительное милосердие не останавливается перед тем, чтобы отдать последние остатки монастырского вина или хлеба» (Г. П. Федотов). И тогда, если надо, он рассчитывает на чудо, чтобы заполнить пустоту, созданную долгом милосердия.

«Все отдавать Богу, всего ждать от Бога»: этот основной принцип всякой духовной жизни был, как видим, с самого начала понят и применен этим провозвестником подлинной русской духовности. Нечего говорить, насколько эта черта Феодосиевой духовности противоречит «хозяйственной осмотрительности», проявлявшейся впоследствии русскими монастырями. Зато она вполне созвучна глубинам русского народного сознания, отказывающегося религиозно оправдывать несовершенное.

При чтении жития Феодосия получается впечатление, что, при всей проявляемой им духовной мудрости, есть в нем какая-то умственная «простота», от которой он становится нам еще более привлекательным. В духовном смысле, как и в физическом, он любит облекаться в «худые ризы». Так, однажды, когда он направлялся к киевскому князю, княжеский возница принял его за «убогого», заставил его слезть с повозки и, сев на

коня, везти возницу, развалившегося сзади. Феодосий повиновался беспрекословно и с радостью. Ему нравилось быть социально униженным. Эта черта, как мы уже видели, была ему свойственна с детства. Она осталась у него и в зрелом возрасте, как самая характерная и вместе с тем самая национальная в его святости.

Кротость и смирение не мешали Феодосию править монастырем отеческой, но твердой рукой. Он хотел, чтобы все в общине происходило по уставу и благочестию. Так, он каждый вечер обходил монастырь (эти ночные обходы станут характерной чертой всей вообще русской агиографии) и, если слышал, что монахи разговаривают в келиях после вечерней молитвы, он слегка стучал в дверь. А наутро, призвав виновных, отдаленными «притчами» старался довести их до раскаяния. Он внушал монахам «не расслабляться, но крепку быти». От подчиненных он требовал безусловного повиновения. Всякое отклонение от полнотного распоряжения рассматривалось им как тяжкий грех. Он ходил по келиям и предавал сожжению все непредусмотренные уставом вещи, какие находил. Но он не любил наказывать и предпочитал поддерживать дисциплину не строгостью, а заразительным примером своего собственного смирения. Если монах отказывался выполнить работу, он делал ее сам. Если кто-либо из братии провинился, он плакал о нем и с радостью принимал его в случае раскаяния. Он легко прощал, и случалось, что братия пользовалась его снисходительностью. Но в целом его духовное сияние было при его жизни таково, что монастырь держался в порядке. Его община была большой семьей, и любовь между братьями была так велика, что, по словам *Нестора*, если один из них подвергался наказанию за проступок, 3 или 4 других делили с ним это наказание.

Ясно, что эти кротость, милосердие и любовь — не от мира сего. Они и навлекали на Феодосия неприязнь тех, кем владеет мирской дух. Среди монастырской братии некоторые смеялись над ним. Даже выбор его преемника, сделанный на смертном одре, не был уважен, и ему пришлось уступить желаниям своих подчиненных. Этот страдальческий элемент в жизни Феодосия накладывает на его черты особый человеческий и вместе с тем божественный отпечаток. Он еще более подчеркивает его уподобление Христу. *Нестор*, как и некоторые др. авторы древнерусской литературы, сохранили нам несколько образчиков его проповедей и увещаний. Они отличаются простотой формы. О пьянстве он говорил, что выгнать беса из бесноватого одному священнику легко, а выгнать его из русского пьяницы всех священников всего мира не хватит. Не следует ожидать от Феодосия терпимости. В его время она была бы неуместна. Он суров к неверующим и иноверцам. Уча своих последователей жить в мире с врагами, он поясняет, что речь идет о личных врагах, а не о врагах Христа. Кто хвалит и свою веру, и чужую, тот «двоеверец». Та же опасность, которую для новой веры представляли более или менее скрытые пережитки язычества, побуждала Феодосия осуждать гусяров и скоморохов, которыми любил тешился киевский кн. Святослав. Однажды, застав Святослава забавляющимся со своими любимыми скоморохами, преподобный лишь склонил голову. А потом, подождав немного, взглянул на Святослава и тихо сказал: «На том свете так ли будет?» Князь был тронут, по словам *Нестора*, в его глазах блеснули слезы, он велел скоморохам замолчать, и с тех пор, каждый раз, когда к нему приходил Феодосий, он их отсылал или приказывал им затихать.

Если бы до нас дошли от Феодосия только его произведения, а не его житие, нам было бы очень трудно восстано-

вить его светлый образ и понять причины его колоссального влияния на русскую духовную жизнь. По этому поводу полезно отметить, что, в отличие от главнейших представителей духовной жизни Запада, как и Востока или Византии, русские святые вообще оставили очень мало письменных произведений. Они учили гл. обр. примером своей жизни, своими делами и поведением, и память о них этим путем утвердилась в потомстве.

Прп. Феодосий был духовником многочисленных мирян. Князь и бояре приходили к нему исповедывать свои грехи. Св. Феодосий положил начало традиции, по которой в Древней Руси миряне избирали своими духовными, или «покаяльными», отцами преимущественно монахов. Духовничество, конечно, было могущественным средством нравственного влияния на светское общество. Тем самым проблема отношений между Церковью и государством оказывалась решенной заранее. Оба они содействовали осуществлению дела Божия на земле: Государство — в лице своих князей, воинов и др. представителей власти, управляя национальным достоянием, блюдя и защищая его; Церковь — через своих священников и монахов, давая советы (даже в вопросах политики), приобщая к Божественной жизни правящих и управляемых, молясь за тех и др., выступая как совесть всех и сознавая себя за всех ответственной.

Прп. Феодосий в течение двух лет в своей собственной келии ходил за братом Исааком, так ослабевшим телом и душой, что не мог ни повернуться на постели, ни встать, ни сесть, а от его испражнений черви развелись у него на боках! Преподобный ходил за ним с материнской нежностью, омывал его, одевал, постепенно учил его снова ходить и есть, как ребенка.

Таков Феодосий всегда и во всем: далекий от одностронности и радикализма, живущий целостной полнотой христианской жизни. Свет Христов как бы светит из глубины его духа, меряя евангельской мерой значение подвигов и добродетелей. Таким остался прп. Феодосий в истории русского подвижничества, как его основоположник и образ: учитель духовной полноты и цельности, допускающий лишь одно нарушение закона мерности — там, где оно вытекает, как юродство смирения, из евангельского образа униженного Христа.

Прп. Феодосий стал первым русским святым, почитание которого было официально установлено во всей Русской церкви. Его канонизация была объявлена в 1108. Память прп. Феодосию совершается во 2-ю неделю Великого поста, 3/16 мая, 14/27 авг., 28 авг./10 сент. и 2/15 сент.

Иеромонах Иоанн (Кологривов), И. Концевич

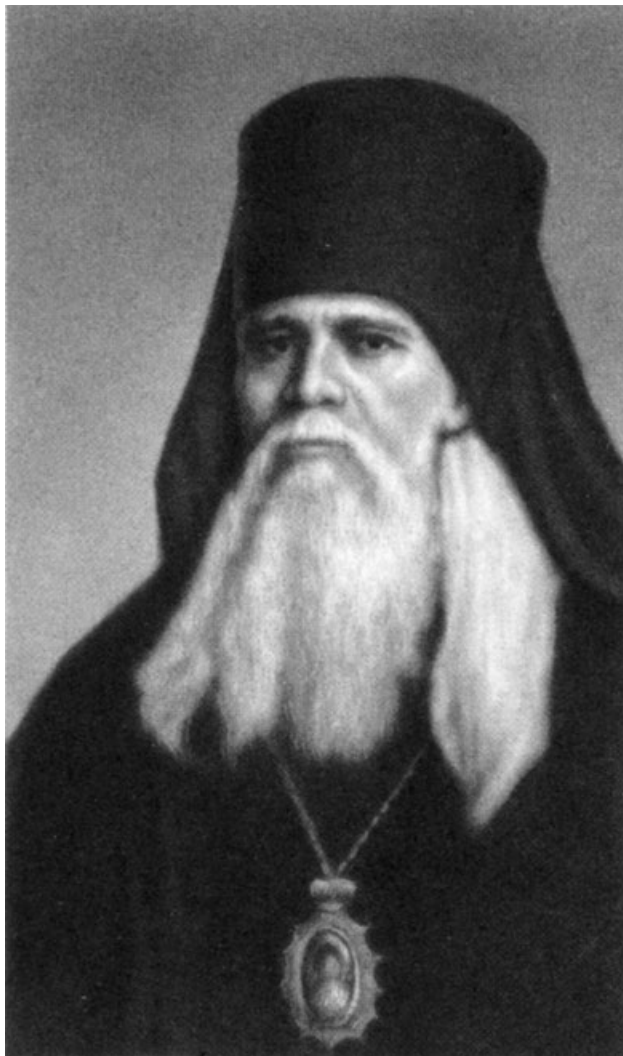
ФЕОКТИСТОВ Евгений Михайлович (1828—16[28].06. 1898), государственный деятель и публицист. Родился в Москве в семье офицера. В 1847—51 учился в Московском университете, где его преподавателями были известные западники, столпы либерализма Т. Грановский и пр. Под их влиянием Феоктистов принял участие в деятельности кружка Петрашевского, в 1849 он даже привлекался к следствию по делу петрашевцев. К счастью, юношеские увлечения западными теориями быстро прошли. По окончании университета Феоктистов открыл в себе талант публициста, дебютировав в «Современнике» рецензиями и переводами. Какое-то время он был редактором журнала «Русская речь», однако подлинное свое призвание он нашел, став сотрудником «Московских ведомостей». Издаваемая *М. Н. Катковым* газета стала ведущим органом национальных сил России, и Феоктистов занял в ней место одного

из главных авторов. Помимо этого, Феокистов часто печатался у Каткова в журнале «Русский вестник». Феокистов не был журналистом в строгом смысле слова, пишущим на злобу дня. По-настоящему Феокистов прославился как мастер исторической публицистики. Из-за цензурных ограничений русским патриотам было трудно высказываться по вопросам российской внешней политики, которой часто заправляли космополитически настроенные чиновники МИДа. Но Феокистов и в таких условиях доносил до царя и народа мнение национальных кругов. С авг. 1871 по янв. 1883 Феокистов редактировал «Журнал Министерства народного просвещения». Впрочем, он продолжал сотрудничество с Катковым, причем не только продолжая печататься в его изданиях, но и став своего рода представителем Каткова в Министерстве просвещения. Феокистов сыграл большую роль во внедрении в русской школе системы классических гимназий и прогимназий. С 1 янв. 1883 Феокистов возглавил Главное Управление по делам печати, став начальником русской прессы. Твердой рукой Феокистов навел порядок в периодических изданиях, жестко пресекая публикацию клеветы и оскорблений в адрес России, ее народа и властей. При этом Феокистов за 13 лет своего управления прессой закрыл лишь 2 журнала — либеральный «Голос» и леворадикальные «Отечественные записки». 23 мая 1896, сразу после коронации Николая II, Феокистов подал в отставку и через 2 года скончался. Он оставил после себя не только «русифицированную» прессу, но и ряд исторических сочинений и ценные мемуары.

С. Л.

ФЕОФАН ВЫШЕНСКИЙ ЗАТВОРНИК (в миру **Говоров Георгий Васильевич**), епископ (10.01.1815—6.01.1894), богослов и духовный писатель. Родился в семье сельского священника Орловской епархии, заканчивая Киевскую духовную академию, принял монашеский постриг и стал преподавателем в духовных учебных заведениях. Восемь лет иером. Феофан проходил служение в Иерусалиме и Константинополе, что имело большое значение для его духовного становления. Ревностный труженик на ниве церковной был назначен ректором Петербургской духовной академии, через 2 года хиротонисан во епископа Тамбовского, а еще через 4 года переведен на древнюю Владимирскую кафедру. Управляя епархиями, свт. Феофан показал себя неутомимым проповедником, заботливым отцом пасомых, покровителем духовных учебных заведений, активным миссионером. Но он не был удовлетворен своей деятельностью, сопряженной с административными и хозяйственными заботами. Душа его стремилась к уединенному иноческому житию. Через 25 лет беспорочной службы еп. Феофан подал прошение об увольнении и в 1866 был отправлен на покой в избранную им Успенскую Вышенскую пустынь. Он затворился в отдельном флигеле и предался молитвенным и духовным трудам. Особым подвигом была его литературно-богословская деятельность, оказавшая глубокое влияние на духовное возрождение современного ему общества. Сочинения по христианской нравственности, толкования слова Божия, переводы писаний св. отцов, ответы на многочисленные письма, приходившие со всех концов России, — эти творения стали для христиан практическим руководством на пути к вечной жизни. Господь призвал Своего служителя в великий праздник Богоявления. Моши св. Феофана почивают в Свято-Успенском Вышенском монастыре Рязанской епархии.

Церковно-литературное наследие свт. Феофана явилось ценнейшим вкладом в духовную сокровищницу русской православной мысли и литературы.

В своих книгах и письмах свт. Феофан говорил о духовных вещах, исходя из личного опыта и обширных богословских познаний. Его произведения отличаются отточенностью мысли, систематичностью, ясностью, свежестью, глубиной и задушевностью. Нравственно-аскетические труды святителя охватывают практически все области христианской жизни. Сочинения святителя составлены в форме богословских исследований и лекций, гомилетических слов и бесед, писем и дневниковых записей.

Творения свт. Феофана можно разделить на 3 основные группы: 1) экзегетические сочинения, 2) нравственно-аскетические и полемические сочинения и 3) переводы.

К экзегетическим произведениям святителя относятся: Толкования на послания ап. Павла, толкования псалмов 33-го и 118-го. Сюда также могут быть отнесены сочинения: «Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия», «Притча о неправедном приставнике», «Уроки из деяний и словес Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» и др. Экзегетические толкования и размышления свт. Феофана чрезвычайно интересны, глубоки и схоластичны. Они существенно обогатили русскую библеистику.

Как пример нравственно-аскетических и полемических трудов святителя приведем следующие сочинения:

а) нравственно-аскетические: «Начертание христианского нравоучения», «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться», «Путь ко спасению (очерк аскетике)», «О совершенном обращении к Богу от прелестей мира и греха», «О покаянии, причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни», «Святоотеческие наставления о трезвении и молитве», а также многочисленные статьи, размышления и проповеди, широко публиковавшиеся в дореволюционной печати. Сюда же может быть отнесено обширное эпистолярное наследие, собранное и изданное уже после кончины еп. Феофана, «Собрание писем» в 8 вып.;

б) полемические и апологетические: «Некоторые предостережения православным христианам», «Душа и Ангел не тело, а дух», «Письма к одному лицу в Санкт-Петербург по поводу появления там нового учителя веры» и т. д.

К переводным трудам свт. Феофана относятся: «Добротолубие» в 5 т., «Древние иноческие уставы», «Невидимая брань», «Слова прп. Симеона нового Богослова» и др. Весьма важным вкладом в духовную жизнь русского общества явился перевод на русский язык аскетического святоотеческого сборника «Добротолубие».

Еп. Феофан жил в затворе 28 полных лет. Образ его жизни в пустыни был очень строг, и через несколько лет пребывания в монастыре он замкнулся почти в безусловное уединение, никого к себе не принимая. Поэтому его обыкновенно и называют Затворником. Но сам Феофан очень не любил, когда говорили о его «затворе». «Из моего запора сделали затвор. Ничего тут затворнического нет. Я заперся, чтобы не мешали, но не в видах строжайшего подвижничества, а в видах беспрепятственного книжничества». Он всегда подкидывал, что заперся «для книжных занятий», — «так выходит, что я книжник и больше ничего». Характерно, что еще в академии в своем прошении о допущении к постригу он упоминал о богословских занятиях: «имея постоянное усердие к занятию богословским предметам и к уединенной жизни, я, чтобы соединить то и другое на предлежащем мне служении Церкви, положил обет посвятить жизнь свою монашескому званию». И с епископской кафедры он сходит впоследствии снова ради уединенной жизни и богословия. Но при этом он не прерывает письменного общения с миром, продолжает свой пастырский и миссионерский подвиг как писатель. Его личная переписка была тоже очень обширной. Для очень многих он стал заочным духовником. Значения внешнего затвора Феофан не преувеличивал. Напротив, и др. советовал не торопиться с затвором. «Когда молитва твоя до того укрепитя, что все будет держать тебя в сердце пред Богом, тогда у тебя и без затвора будет затвор. Этого затвора ищи, а о том не хлопочи. Можно и при затворенных дверях по миру шататься, или целый мир напустить в свою комнату». Феофан окончил Киевскую академию в один год с Макарием Булгаковым, и оба были пострижены почти одновременно. Почти одновременно они были переведены в Петербургскую академию, Феофан в звании бакалавра по нравственному и пастырскому богословию. С этого времени и начинается его систематическая работа над аскетическими памятниками. Феофан старался все учение о «христианской жизни» перестроить по началам святоотеческой астики. Свои лекции в академии он впоследствии обработал и издал; так составилась его известная книга: «Путь ко спасению» (изд. 1-е в 3 вып., 1868—69). Феофан отмечает помощь и одобрение *Игнатия Брянчанинова*, тогда Сергиевского архимандрита. В академии, при Протасове и

ректоре Афанасии, Феофану было очень неуютно. Ученой должностью он стал болезненно тяготиться. Несколько ободрился он только с назначением на должность ректора Евсея Орлинского, из Московской академии, близкого друга А. В. Горского. Но вскоре он с радостью принял назначение в Иерусалим в составе духовной миссии, образованной тогда под начальством Порфирия Успенского, еще архимандрита. Впоследствии Феофан еще дважды возвращался на службу в Петербургскую академию: сперва бакалавром по каноническому праву, совсем ненадолго, и наконец — ректором. Поездка на Восток была событием в жизни Феофана. Его церковный кругозор очень раздвинулся. В мировоззрении Феофана есть вселенская смелость, большая духовная свобода и гибкость, свобода от быта. В то же время Феофан овладел вполне греческим языком. Литературная деятельность Феофана развивается особенно в годы затвора. Он сразу же намечает целую систему работ. Во-первых, он принимается за толкование Нового Завета. Во-вторых, он решает перевести по-русски «Добротолубие». Этой работы хватило на 20 лет. Феофан успел истолковать только послания ап. Павла (без послания к Евреям). Евангелие, думал он, нужно не столько толковать, сколько размышлять над ним; так составила его «Евангельская история о Боге Слове». Феофан всегда опирается на святоотеческие толкования, всего больше на Златоуста, Феодорита. Но он очень охотно пользовался и новыми западными комментариями, запасал себе книги и «самых крутоголовых», но особенно любил комментарии английские. В его библиотеке было много иностранных книг, в частности, собрания Миня, и не только его «Патрология», но и др. его серии, словари, проповедники, курс богословия. Из церковных историков он любил всего больше Флери и очень не любил Неандера. Его эрудиция была скорее старомодной. Но это вполне возмещалось его чуткостью и умением схватывать дух первоисточников. Толкования Феофана были его вкладом в русское библейское дело, были важным дополнением к русскому переводу Нового Завета. Уже с 1873 Феофан начинает работать над переводом аскетических книг. В 1876 вышел 1-й том русского «Добротолубия»; работа над продолжением растянулась на много лет, и 5-й, последний, том вышел уже только в 1890. За ним через 2 года последовал еще сборник «Древних иноческих уставов», как бы 7-й том. Русское «Добротолубие» Феофана не совпадает с греческой «Филокалией», а потому расходится и со славянским «Добротолубием» старца Паисия, вполне воспроизводившего греческий образец. Феофан же кое-что из греческого сборника опустил, очень многое прибавил совсем заново, иное оставил только в сокращении или пересказе. Он ведь переводил книгу для чтения и руководства. Кроме того, были переведены «Слова» прп. Симеона Нового Богослова, с новогреческого (2 вып., изд. 1-е. 1879 и 1881). Еще следует упомянуть его перевод «Невидимой брани» Николая Святогорца, тоже с новогреческого. Книжки и переводы Феофана издавали обыкновенно афонцы. Впрочем, иные на Святой Горе считали его слишком ученым: «по богатству ума не давалось сокровище простоты сердечной». Феофан участвовал и во многих русских духовных журналах, особенно в «Душеполезном чтении», одно время и в «Домашней беседе» *Аскаченского* (там были напечатаны, напр., его статьи против Игнатия Брянчанинова). Очень много времени уходило у Феофана на переписку, и нередко его письма разрастались в статью или проповедь. Одна из его главных книг так и составила из частных писем: «Письма о христианской жизни» были писаны первонач-

чально кн. П. С. Лукомской и затем уже приспособлены для издания (1-е изд. 1860). Такие сборники своих писем сам Феофан издал несколько. До своего ухода в монастырь Феофан много проповедовал также на темы духовной жизни «и как на нее настроиться». Из своего затвора Феофан очень внимательно и беспокойно следил за внешней жизнью Церкви. Его очень смущало молчание и какое-то бездействие духовных властей. Он боялся: «того и гляди, что вера испарится», и в обществе, — и в народе; «попы всюду спят». «Через поколение, много через два иссякнет наше Православие». И он недоумевал, почему др. не тревожатся и не смущаются вместе с ним. «Следовало бы завести целое общество апологетов, — и писать, и писать». В действительность официальных миссий и даже миссионерских обществ он совсем не верил. Он мечтал о подлинном апостольском хождении в народ. «Поджигатели должны сами гореть. Горят, ходить повсюду, — и в устной беседе зажигать сердца». Особенно настаивал Феофан на пересмотре и даже переработке богослужебных книг. О непонятности и ошибках принятого перевода он не раз говорит очень резко: «иные службы у нас такие, что ничего не разберешь»; «наши иерархи не скучают от нелепости потому, что не слышат, сидя в алтаре, потому не знают, какой мрак в книгах, и это не по чьему другому, как по причине отжившего век перевода». Всего лучше было бы предпринять заново полный перевод всего круга, «упрощенный и уясненный», и надо бы приступить к работе сегодня-завтра. Празднование 900-летия Крещения Руси в 1887 казалось ему подходящим и достаточным поводом. «Новый перевод книг богослужебных неотложно необходим». И ничего не было сделано. Конечно, в Синоде было некогда об этом думать, все дела. Между тем именно от неисправности богослужения растет сектанство. Феофан идет и дальше. «Книги богослужебные по своему назначению должны быть изменяемы. У греков ведь идет постоянное поновление Богослужебных книг. Я слышу октоих. Очень, очень много у греков новенького». И такая же творческая свобода постоянно сказывается в отдельных советах Феофана. «Настоящего иночества вам хочется? Но где же вы его найдете? Оно скрыто и невидимо: видимы только всякие послабления. Иной раз приходит на мысль, что лучше не видеть монахов, а, уединившись, жить строго по примеру древних иноков». Ведь и старец Паисий не нашел «настоящего руководителя». Лучше жить общим советом, вдвоем или втроем, и искать руководства в книгах, в Слове Божиим и у отцов святых. Важно только одно: стяжать духовную жизнь. «Один Бог, да душа, — вот монах». «Келлия его окно на небо». «Когда в сердце монастырь, тогда строение монастыря будь или не будь все равно». Важно сознательное стояние пред Богом, «умное предстояние Богу в сердце». Это и есть молитва, даже без слов. «Хоть никогда не берите в руки молитвенника... Своя из сердца молитва делает ненужной молитву читательную». Не нужно чужих слов, когда есть свои. В 70-х у Феофана вышло разногласие с о. Иоанном Кронштадтским о молитве Иисусовой и о призывании имени Иисуса. Феофан написал об этом особую книгу, но издана она не была. Религиозный идеал Феофана всего меньше можно назвать бытовым. И не в прикладных примечаниях об «относительных обязанностях» христиан разных состояний можно распознать его замысел. Это всего прежде идеал духовной жизни. Тема Феофана всегда о душе, стоящей перед Богом в сокрушении и в покаянии или в молитве. «Вся надежда тогда Спаситель, а отсюда непрестанное: Господи помилуй». Христианин восходит к Богу, чрез раскаяние и покаяние, и

живет в Нем, «и в изумлении погружается в Его непостижимой беспредельности, и пребывает в Божественном порядке», благоговейно чтит и созерцает этот Божественный порядок бытия и жизни. Отеческую аскетику Феофан сочетает с романтической психологией и натурфилософией. В свое время в студенческие годы в Киевской академии он был слушателем Феофана Авсенева и его лекций по психологии (по Шуберту, «История души») не забывал и в своем «запоре». В одном из своих писем, и с прямою ссылкой на Авсенева и Шуберта, Феофан развивает очень любопытные мысли о всеобщей одушевленности мира, о «дествице невещественных сил» в природе. Это — силы, «строящие вещи», в пределах промыслительного порядка. И «всякая вещь имеет свою невещественную силу, которая ее образует и держит, как ей положено при создании». Эти силы «душевного свойства», вещам присущая некая «способность инстинктуального чутья». Совокупность этих сил образует «душу мира». Это их общий субстрат. Мировая душа и есть единственный объект прямого воздействия Божия, на отдельные вещи и «силы» Бог воздействует непосредственно». «Идеи всех тварей» вложены в мировую душу при ее создании, и она их «инстинктивно» осуществляет, в надлежащие сроки, или «выделяет их», «по мановению и возбуждению Божию». Есть в природе некая отзывчивая и творческая мощь. «Когда Бог говорил: да изведет земля былье травное, то ему внимала душа мира и исполняла повеленное». Мир двойственен в своем составе: «душа» и «стихия», т. е. материя. Из этой «стихии» мировая душа и «выделяет» отдельные вещи. «В этой душе есть инстинктивно чуждый образ того, что надо сделать из стихии». Есть градация душ: «некая химическая душа», и выше — растительная, затем — животная. Все эти души, низшие духа, в свой черед «погружаются в душу мира», растворяются в своем первичном субстрате. «А душа человека не может туда погрузиться, но духом увлекается горе, — это по смерти». Дух отделяет человека от природы, — и в духе даны человеку сознание и свобода. «Когда надлежало сотворить человека, то на земле дается повеление: да изведет, а в тайне Пресвятой Троицы произносится: «Сотворим». Когда Бог творил человека, то образовал прежде тело из персти. Это тело что было? Оно было живое тело, было животное в образе человека, с душою животного. Потом Бог вдунул в него дух Свой, и из животного стал человек ангел в образе человека». Эта двойственность человеческого состава, естественного и духовного, предопределяет задачу человеческой жизни: дух должен овладеть естеством. Феофан отмечает сходство изложенной теории с учением Лейбница о монадах. Эта романтическая теория объясняла для него явления внушения и ясновидения, которыми он очень интересовался. «С этим удобно мириться и падение и искупление». Однако Феофан подчеркивает, что это только догадка. И о материальном мире мы меньше знаем, чем о духовном, и навсегда останемся «на поверхности», «ибо нам не нужно знать больше и идти вглубь». «Владение стихиями и силами, действующими на земле, будет расширяться; но это не ведение, а только умные пользоваться тем, что открывается само собой. Суть дела навсегда сокрыта для нас». Впрочем, разум духовный и прозревший может проникнуть до «сокровенной мысли», вложенной в каждую вещь, как «животворная ее сущность». Это ведение доступно только человеку облагодатствованному: ибо та область «есть собственно область Божественного ума, где лежат умственные сокровища Бога-Царя». Да не надеется, кто туда вторгнется насильем и самовольно. Феофан не строил системы, ни догматиче-

ской, ни нравоучительной. Он хотел только очертить образ христианской жизни, показать направление духовного пути. И в этом его несравненное историческое значение. Он продолжил и докочил подвиг старца Паисия. Он осуществил русское «Добротолубие» и сумел свое живое мировоззрение построить вполне в отеческом стиле и духе. Тем резче обозначался с тех пор этот трагический раскол в русском церковном обществе: раскол и расхождение «аскетического» и «облегченного» Православия, духовной аскетики и морализма.

Память свт. Феофана отмечается 10/23 янв.

Соч.: «Путь ко спасению»; «Толкование послания св. апостола Павла»; «Письмо о христианской жизни»; Истолкованный 118-й псалом»; «Евангельская история о Боге Сыне»; «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?»; Письма еп. Феофана (8 вып., Афонское изд.).

Лит.: Смирнов П. Преподобный Феофан. Тамбов, 1906; Ключевев А. С. Преподобный Феофан Затворник и его пастырская деятельность // Православный собеседник, 1904. № 9—10.

Прот. Г. Флоровский

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ (17[27].04.1677 или 9[19].06.1681—8[19].09.1736), политический и церковный деятель, богослов, духовный писатель. Философские взгляды Феофана Прокоповича складывались под влиянием таких ценностей европейской культуры,

как рационализм, просветительство и секуляризация, которые были восприняты им во время учебы в *Киево-Могиланской академии*, а также в иезуитских школах Львова, Кракова и в римском католическом коллегиуме св. Афанасия. Об этом свидетельствует прочитанный им первый курс лекций по философии в Киевско-Могиланской академии в 1707—09. Принципиальными положениями курса являются, во-первых, утверждение материи и формы в качестве равнозначных оснований природных тел, во-вторых, признание концептуального (в понятиях), а не реального разделения сущности и существования. Эти идеи были направлены против абсолютизации томистами формы (восходящей к Платону и Аристотелю) и их утверждений о совпадении сущности и существования лишь в Боге, но не в его творениях. В более позднем (богословском) творчестве Феофана Прокоповича прослеживается влияние идей Б. Спинозы, Ф. Бэкона, Р. Декарта и Г. В. Лейбница. Ему принадлежит первая в России попытка создания систематического богословия. Им была выдвинута идея т. н. «научного» богословия, в рамках которой богословская апологистика приобретает научно-философский план, а философские идеи становятся явлением историко-богословского ряда. Исходным положением богословской системы Феофана Прокоповича является утверждение о единстве Бога и мира, которое раскрывается как единство их творческих сил. Интерпретируя божественную энергию, он отдает предпочтение упорядоченности и рациональности перед свободой, созидающей мир. Бог, по его мнению, свободен лишь в том плане, что не имеет никакого внешнего принуждения. Однако его действия совершаются в соответствии с присущей ему внутренней необходимостью. Что же касается источников активности мира, то они имеют

двойственный характер: как результат проявления в мире Бога и следствие саморазвития природы. Т. о., традиционно находящаяся вне всяческих законов творческая энергия, которая в богословии сохранилась за Божеством, в системе Феофана Прокоповича присуща и природе. Признание разумного и целесообразного устройства мира в качестве главного признака присутствия в нем Божества неизбежно приводит Феофана Прокоповича к важномуgnoseологическому выводу о том, что примирение человека со всеобщим порядком возможно только через разум. Даже в богословствовании, где разум должен быть подчинен вере, вполне оправдан научный поиск религиозных истин. Феофан Прокопович принял идею Лейбница о том, что хотя истины откровения и выше истин разума, но они не против него. Вытеснив в сер. XVIII в. латинскую схоластику из московских и киевских школ, догматическая система Феофана Прокоповича до 20-х XIX в. оставалась практически единственной основой богословствования в русских духовных школах. «Делом всей жизни» Феофана Прокоповича стало участие в Петровских реформах. В 1721 по поручению Петра I он разработал Духовный регламент — законодательный акт, ликвидировавший соборное управление Церковью, заменив его синодальным управлением. В результате был установлен полный контроль государства над Церковью, что вытекало из секулярных тенденций, заложенных в богословии Феофана Прокоповича, и соответствовало абсолютистскому идеалу, утверждавшемуся в России. В своей теоретической части Регламент воспроизвел идеи «естественного права» (прежде всего немецкого философа С. Пуфендорфа), которые унавивали новые взаимоотношения Церкви и государства. Место церкви в государственной системе определялось как средство воспитания и просвещения подданных. В сочинении «Правда воли монаршей» (1722) Феофан Прокопович утверждал божественное происхождение самого принципа власти. Однако Бог наделяет правителя властью не непосредственно, а через направляемую им волю народа. Т. о., основой власти наряду с божественной волей является согласие монарха и народа. Взгляды Феофана Прокоповича резко расходились с православным учением о симфонии властей, их претворении в жизнь вело к секуляризации и умалению роли Церкви в русском обществе.

Соч.: Соч. М.; Л., 1961.

В. А., Д. К.

ФЕТ (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (окт. или нояб. 1820 — 21.11.[3.12].1892), поэт. Родился в с. Новоселки Орловской губ., ныне Мценского р-на Орловской обл. в семье помещика А. Н. Шеншина от Каролины Шарлотты Фёт, приехавшей из Германии. Вначале Фет был записан сыном Шеншина, но в 14 лет

обнаружилась юридическая незаконность этой записи, что лишало Фета привилегий, дававшихся потомственным дворянам. В 1834—37 учился в немецкой школе-пансионе в г. Верро, затем на словесном отделении философского факультета Московского университета (окончил в 1844), где сблизился с А. А. Григорьевым, Я. П. Полонским. С целью вернуть дворянское звание Фет поступил на военную службу (1845).

Первый сборник стихов Фета «Лирический пантеон» был опубликован в 1840, однако как оригинальный поэт он в полной мере проявил себя во 2-й книге стихов (опубл. 1850). С 1853 Фет получает возможность жить вблизи Петербурга, устанавливает дружеские отношения с литераторами круга «Современника» (Н. А. Некрасовым, И. С. Тургеневым, В. П. Боткиным, А. В. Дружининым, позже — Л. Н. Толстым), много пишет. К н. 60-х оказывается в забвении как поэт — «чистый лирик» по убеждению: итоговое собрание его стихотворений (ч. 1—2, 1863) так и не нашло своего читателя, многие годы оставаясь нераспроданным. Выйдя незадолго перед этим в отставку и женившись на М. П. Боткиной, Фет почти перестает печататься, мало пишет, занимается сельским хозяйством. Только на склоне жизни Фет вернулся к творчеству, выпустил 4 сборника стихов под общим названием «Вечерние огни» (1883, 1885, 1888, 1891).

«Поэт есть собственно человек, — писал Фет Я. П. Полонскому 3 окт. 1892, — у которого видимо для постороннего взгляда изо всех пор сочится жизнь независимо от его воли». Человек в лирике Фета распахнут всякому проявлению «всевластной природы», «стихийной жизни», каждый миг существования он, говоря словами И. А. Бунина, «приобщается самой земли, всего того чувственного, вещественного, из чего создан мир». «Слышит сердце, сколько радости земли, сколько счастья сюда мы принесли», — писал Фет в стихотворении «Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад» (1853). Человек у Фета погружен в природу, но не в историю. В поэзии Фета не найти картин социальной действительности, так же как нет прямого отражения современных ему идеологических вопросов, но до осязаемости ощутимо передана материальная реальность мира, данная человеку в его непосредственном восприятии. В творческой практике это значительно ограничивало мир лирики Фета, а в теоретических высказываниях привело его к доктрине «чистого искусства». Причина такой позиции, видимо, в том, что, как верно писал Тургенев, очень высоко ценивший талант Фета, «... ему недостает нечто весьма важное — а именно: такое же тонкое и верное чутье внутреннего человека — его душевной сути — каковым он обладает в отношении природы и внешних форм человеческой жизни». Ощущая жизнь как всевластную захватывающую стихию («Весна и ночь покрыли дол», 1856?), поэт как бы растворяет свое «я» в буйстве органической жизни («Какое счастье: и ночь, и мы одни!», 1854, «Моего тот безумства желал», 1887, и др.). Необыкновенно острые лирические эмоции вызывает в Фете природа — «весны таинственная сила» («Еще майская ночь», 1857, «Майская ночь», 1870), «чуждые картины» зимы («Какая грусть! Конец аллеи», 1862), вечера и ночи («Шепот, робкое дыханье», 1850; «На стоге сена ночью южной», 1857). Особенно напряженно переживание природы, не отодвинутое в прошлое, а как бы записанное в данный момент, — отсюда культ мгновения, вечное «сейчас», когда жизнь сливается в единый миг и им мерится («Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури», к. 60-х; «Я слышу — и судьбу я покоряюсь грозной», 1891). Характерно: хотя «...личная, внутренняя жизнь — очень мало дает ему поэтических мотивов» (Боткин В. П.), сам Фет утверждал, однако, что «предметом песни» могут быть и «личные впечатления», доказав это в таких шедеврах, как «В темноте, на треножнике ярком» (1856), «Сияла ночь. Луной был полон сад» (1877), «Ель рукавом мне тропинку завесила» (1891). Это объясняется тем, что, добиваясь художественного совершенства, поэт, по сло-

вам Фета, «отодвинет» от себя личные впечатления «как объект», видит их как бы отрешенно, не погружаясь в самое чувство, не растворяясь в нем, ибо оно выступает в данном случае как чувственный материал, но не как заражающая суггестивная сила. «Пейзаж души» дан у Фета в движении, насыщен живыми деталями предметного мира, наглядными образами, богат слуховыми, зрительными и даже обонятельными («мой стих благовонный») ощущениями. Особенно ярко вкус к живописным, пластическим картинам проявился у Фета в антологических стихах («Вакханка», 1843; «Диана», 1847). Фет обладал изумительной вещной памятью; «человек, бесповоротно потерявший пережитые душевные моменты, не может называться поэтом», — писал он. Своеобразие психологизма Фета в том, что он с несвойственным дотоле русской поэзии мастерством воссоздал мимолетные настроения и состояния, пережитые им ранее. Эта жизненная конкретность составляет главную силу поэзии Фета, но она же в известной мере ограничивает ее возможности, т. к. творческий акт, принося поэту самоцельное эстетическое удовлетворение, этим исчерпывался, тогда как, скажем, у Л. Н. Толстого, занимавшего активную этическую позицию, изображение «диалектики души» есть средство выявления сути человека и выражение нравственной оценки. «Природное» мироощущение Фета, необычайно чуткое к проявлениям прекрасного, плохо уживается с человечески-характерным. Не случайно, напр., что портрет женщины в лирике Фета соткан из материальных подробностей («пробор», «прядь волос», «нежные ланиты» и т. п.), но не индивидуален: «Не тебе песнь любви я пою, а твоей красоте ненаглядной» (стих. «Только встречу улыбку твою», 1873?). «Казалось, Фет, — свидетельствует Т. А. Кузьминская, — соединил как бы в одну единицу всех, с кем он общался». В любовной лирике Фета выделяется цикл, посвященный Марии Лазич (в мемуарах — Елена Ларина): «Старые письма» (1859?), «Alter ego» (1878), «Ты отстрала, я еще страдаю» (1887) и др. Как известно из биографии Фета, молодые люди любили друг друга, но из-за материальной необеспеченности Фет не решился жениться на Лазич, которая вскоре трагически погибла. И по прошествии многих лет не тускнеет, не слабеет чувство, усугубленное муками совести, каждый раз заново переживаемое поэтом; но это конкретность психологической ситуации, а не характеров людей — участников разыгравшейся драмы.

Наряду с пафосом гедонистического жизнелюбия, у Фета нередки стихи, проникнутые мрачным фатализмом: человек уподобляется скудельному сосуду («Ласточки», 1884), он раб судьбы («Среди звезд», 1876), жизнь для него — страдание («Муза», 1887). Но если исходить из единства фетовского ощущения мира, то человек в его поэзии действительно должен быть невольником «природенных чисел», ибо он часть окружающей его стихийной органической природы, он живет в ее ритмах, блюдет ее законы. По-своему переосмысливает Фет мотив «невыразимого», свойственный романтизму и связанный в нем с полнотой и сложностью неподдающегося слову духовного переживания. Фет делает акцент на другом: естественная жизнь, природа обходятся без слова, оно им неадекватно; природа имеет свой язык, более емкий и точный, чем человеческая речь — «отблеск очей», «сжатие рук», «румянец ланит». «Что не выскажешь словами — звуком на душу навей» (стих. «Поделись живыми снами», 1847) — в этом ключ к музыкальности поэзии Фета, предпочитающей иметь дело не со смыслом, а со звуком — этим особенно податливым

материалом в создании сиюминутного состояния. Фет культивирует особый «музыкальный» жанр — мелодии.

Фет известен как переводчик Горация, Овидия, И. В. Гёте, Г. Гейне и др. древних и новых поэтов; впервые перевел на русский язык трактат А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (1881). Автор мемуаров «Мои воспоминания» (ч. 1—2, 1890), «Ранние годы моей жизни» (опубл. 1893). Однако в русскую литературу Фет вошел прежде всего как поэт-лирик, опозитивировавший обыденные предметы реальности, самые простые ощущения живой жизни.

Соч.: Стихотворения. СПб., 1856; Полн. собр. стихотворений. Т. 1—3, СПб., 1901; Полн. собр. стихотворений. Л., 1937; Полн. собр. стихотворений. 2-е изд. Л., 1959; Стихотворения / Вступ. ст. П. Громова. М.; Л., 1963; Вечерние огни. М., 1971.

В. М.

«**ФИЗИОЛОГ**», переводное сочинение о свойствах реальных и фантастических животных, птиц, деревьев, минералов с истолкованием их в символично-аллегорическом духе.

На Руси известен с к. XI в. в 2 редакциях. Одна из них возникла в II—III вв. в греческой александрийской литературе. Другая — т. н. «византийская».

«Физиолог», рукопись XV в.

«Физиолог» объясняет природные явления с христианской точки зрения, сопровождает рассказы нравственными поучениями. Рассказ о неясги (пеликане) раскрывает представление о чадолубии, сюжет о льве посвящен милостыни, а о куропатке — жадности. В рассказе о слоне раскрывается смысл библейского сюжета о грехопадении Адама и Евы. Среди персонажей множество мифологических животных — сирены, кентавры, птица феникс, которая «питается от Святого Духа».

При переписке «Физиолога» в XV—XVII вв. текст сопровождался красочными миниатюрами.

С. Перевезенцев

ФИЛАЛЕТ ХРИСТОФОР, автор произведения малороссийской полемической литературы XVI в. — «Апокрисис».

ФИЛАРЕТ (в миру Гумилевский Дмитрий Григорьевич) (1805—1866), богослов и историк Церкви, духовный писатель. Сын священника Шацкого у., который по селу носил фамилию Конобеевского; в тамбовской семинарии, за малорослость и смирение, прозван был Гумилевским (от лат. humilis). Перед окончанием курса в Московской духовной академии принял монашество с именем Филарет; в той же академии был последовательно профессором, ин-

спектором и ректором. Обладая энциклопедическими знаниями, Филарет всем предметам, которые читал с академической кафедры, давал совершенно новую трактовку, сильной, остроумной, подчас даже резкой критикой противоположных взглядов. Он основал академический журнал «Творения святых отцов в русском переводе, с прибавлениями духовного содержания». Архимандрит с 1835, Филарет в 1841 был рукоположен в архиепископа Рижского, с 1848 переведен в Харьков, в 1857 возведен в сан архиепископа, в 1859 перемещен в Чернигов, где основал «Черниговские епархиальные известия» и много сделал для умножения числа женских духовно-учебных заведений. Из учебных трудов преосвящ. Филарета наиболее крупное значение имеют его «Православное догматическое богословие» (Чернигов, 1864; 3-е изд., 1882), «История Русской церкви» (1847 и сл.; 6-е изд., СПб., 1894; доведено до 1826) и «Обзор русской духовной литературы» (3-е изд., СПб., 1884). Преосвящ. Филарет первым из русских богословов внес в разработку догматики запросы современной православной мысли. Как историк Церкви, преосвящ. Филарет имел прещественником лишь митр. Платона (Левшина). Его «История» стала образцом для последующих историков Церкви. Автор стоит всецело на богословской точке зрения; явления русской церковной истории он рассматривает с твердой православной позиции; излагает прежде всего подвиги святых мужей и иерархов на пользу Русской церкви, а затем рассматривает ереси и расколы, как отклонения от правильного православного учения. Филарет раскрывает внутренний процесс восприятия русским народом истин христианства, а также причины отклонения от церковного учения. Историю Русской церкви преосвящ. Филарет излагал с тех же православно-монархических позиций, с которых излагали политическую историю России Н. М. Карамзин и Н. Г. Устрялов. В сокращенном виде «История русской церкви» впервые была издана в 1859 и потом, как учебник, много раз издавалась по определению Св. Синода. «Обзор русской духовной литературы» и поныне остается драгоценным справочным пособием. Значение справочных книг и характер сборников материалов имеют и многие труды преосвящ. Филарета, которые в то же время часто поражают меткими отзывами и неожиданными выводами. Из прочих трудов преосвящ. Филарета, общее число которых достигает 159, наиболее важны: «Историко-статистическое описание харьковской епархии» (М. и Харьков, 1852—59); «Историческое учение об отцах Церкви» (патрология, СПб., 1859; 3-е изд., СПб., 1882); «Слова и беседы (СПб., 1859; 3-е изд., СПб., 1883); «Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой церкви» (СПб.; 1860; 2-е изд., Чернигов, 1864); «Общий обзор черниговской епархии» (Чернигов, 1861); «Русские святые, чтимые всей Церковью или местно» (Чернигов, 1861—65; 3-е изд., СПб., 1881; др. изд., с изображениями святых и праздников, исполненными Ф. Г. Солнцевым, в 12 кн., СПб., 1885); «Опыт объяснения на послание апостола Павла к Галатам» (Чернигов, 1862); «Святые южных славян» (Чернигов, 1865); «Учение Евангелиста Иоанна о слове» (М., 1869); «Святые подвижники Восточной церкви (СПб., 1871; 2-е изд., с изображениями св. подвижниц, исполненными Ф. Г. Солнцевым, С.-Петербург, 1885); «Историко-статистическое описание черниговской епархии» (Чернигов, 1873); «Исследование о смерти царевича Димитрия» («Чтения Московской общ. истории и древностей», кн. 1. 1858).

Лит.: Листовский И. Филарет, архиепископ Черниговский. 2-е изд. Чернигов, 1895.

ФИЛАРЕТ МОСКОВСКИЙ (в миру **Дроздов Василий Михайлович**), святой, митрополит Московский (1862) (26.12.1782[6.01.1783]—9.11[1.12].1867), один из столпов отечественного Православия и учено-монашеской школы в России, духовный писатель. Учился в Коломенской и Троицкой лаврской семинарии, был самым одаренным и любимым воспитанником Московского митр. Платона (Левшина). С 1808 — монах, с 1809 — профессор философских наук в С.-Петербургской духовной академии, с 1812 по 1819 — ее ректор, в 1814 — первый доктор богословия в России. В 1819 назначен архиепископом Тверским, в 1820 переведен на ярославскую кафедру. С 1821 и до самой смерти — Московский архипастырь. В 1994 — канонизирован.

Период пребывания Филарета в С.-Петербурге оказался самым плодотворным в его философско-богословском творчестве. Здесь он создает: 3-томник «Записки на книгу бытия»; «Начертание церковно-библейской истории», «Изложение разности между Восточной и Западной церковью в учении веры»; «Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Восточной греко-российской церкви». Здесь же он пишет «Краткий» и «Пространный» катехизисы, принимает активное участие в переводе Библии на русский язык, придав межконфессиональному Библейскому обществу православное направление, составляет подробное «Обозрение богословских наук» — первый опыт их стройной систематизации на русском языке.

В противовес секуляризму св. Филарет создает теоцентрическую, христоцентрическую концепцию человека и его свободы, когда только через синергический крест покаяния мы обретем право на вольное самовыражение и даже самобытие; когда только через личную «голгофу», предполагающую постоянное умерщвление любых плотских и секулярных страстей, мы можем рассчитывать на свое спасение. «Прежде собственные усилия познать исти-

ну едва производили в [человеке] слабый, кратковременный свет, оставляющий по себе сугубую тьму; теперь из самой тьмы, в которую он подвергается пред Отцом Светов, рождается для него внезапный свет, а если остается он иногда и во тьме, то и в ней познает непостижимую близость Того, Который есть Свет превыше света» («Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы», 1822).

Из-за того же натиска секулярной культуры Филарет уделил особое внимание теории государства, создав первую в России историософскую концепцию монархизма на основе святоотеческой «симфонии» духовных и светских властей, но с новым акцентом на принципиальной необходимости их добровольно-нравственного, если не кенотического самоограничения. В этой историософской сфере у Филарета нашлось много последователей: от *К. П. Победоносцева* и *Л. А. Тихомирова* до архиеп. Серафима (Соболева) и *И. Л. Солоневича*. Что же касается эмпирико-метафизической и весьма суровой составляющей философско-богословского творчества Филарета, то ее — как и в целом учено-монашескую школу в России — ждало однозначное и по сути разрушительное разделение на собственно скитское и отшельническое безмолвие, с одной стороны, и на чисто культурноносное христианство (особенно в лице белого духовенства и т. н. богоскаутелей к. XIX — н. XX в.), с другой.

Филарет предвидел подобный поворот событий, отмечая «любовь к миру» в качестве главной причины появления чисто культурноносного и «мирского» христианства, когда «любовь к Богу» «соглашается приносить жертвы Богу, только чтобы ей не возбранялось принимать жертвы от мира; готова творить дела человеколюбия, только чтобы мир видел и одобрил их, даже любит ходить в храмы Богослужения, только чтобы мир за ней последовал» («Слово на второй день праздника Рождества Христова», 1814), вот почему Филарет с годами все больше склонялся к полному уединению или в построенном им Гефсиманском скиту (недалеко от Троицко-Сергиевой лавры), или в Голутвином монастыре (под Коломной). Т. о., учено-монашеская школа эпохи Платона (Левшина) видоизменялась в собственно скитскую общность. Антиномическая целостность по-святоотечески новой православной культуры терялась в крайностях сугубо монашеского и сугубо мирского порядка.

И все же Филарет и его сподвижники в лице св. *Игнатия Брянчанинова*, *Антония* (Медведева), *Иннокентия* (Смирнова), *Макария* (*Глухарева*), *А. В. Горского*, *А. Н. Муравьева*, *Н. В. Гоголя* (порой просто пересказавшего некоторые проповеди Филарета в своих «Выбранных местах из переписки с друзьями») и мн. др. успели «распутать миром» и создать полувековую эпоху в истории учено-монашеской школы в России, которая ознаменовалась публикацией первого русского перевода Нового Завета и Псалтырей в 1858, а затем, в 1876 и всей русской Библии; усилением миссионерской деятельности не только среди некрещеных народов, но и среди светской интеллигенции (вплоть до основания Общества любителей духовного просвещения); повсеместным распространением и благословением скитской жизни в России, особенно в лице прп. Серафима Саровского, дивеевских сестер и оптинских старцев. В результате духовный авторитет отечественного монашества, и в первую очередь Филарета, сильно вырос, так что даже заведомые противники Православия не имели серьезного повода критиковать монахов святофиларетовского круга. Однако вплоть до настоящего времени учение

св. Филарета и его последователей подвергается цензурно-секулярному и интеллигентскому умолчанию.

Соч.: Слова и речи. В 5 т. М., 1873—85; О государстве. Тверь, 1992; Пространный христианский катехизис. Белосток, 1990.

Лит.: *Городков А.* Догматическое богословие по сочинениям Филарета, митрополита Московского. Казань, 1887; *Смирнов А.* Петербургский период жизни митрополита Филарета. М., 1900; *Чистович И. А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России... СПб., 1894; *Виноградов В. П.* Платон и Филарет, митрополиты Московские. Сергиев Посад, 1913; *Введенский Д. И.* Митрополит Филарет как библиист. Сергиев Посад, 1918; *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937; Вильнюс, 1991; *Серафим (Соболев), архиеп.* Русская идеология. Свято-Троицкий монастырь, 1987.

П. Калитин

ФИЛИППОВ Тертий Иванович (24.12.1825—30.11.1899), государственный деятель, публицист славянофильского направления, светский богослов, собиратель русского песенного фольклора.

Родился в Ржеве. По некоторым данным был незаконнорожденным сыном ржевского почтмейстера. Учился в Тверском духовном училище, затем закончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1848 по 1856 преподавал русскую словесность в 1-й Московской гимназии. За годы своего учительства сблизился с кружком *славянофилов*. Принимал деятельное участие в издании славянофильских журналов «*Москвитянин*», «*Московский сборник*» и «*Русская беседа*».

Статьи Филиппова были в основном посвящены Русской церкви в допетровский период ее истории. По мнению Филиппова, церковные Соборы и патриаршество делали Церковь живой действенной духовной силой, обеспечивающей симфонию властей. Такой строй Церкви наиболее соответствовал национальным особенностям русского народа. Хотя Филиппов не касался современных проблем, фактически в этих статьях он критиковал синодальное устройство Церкви, превращенной в часть госаппарата. В 1856 как специалиста по фольклору Морское министерство командировало его на Дон и Азовское море для исследования быта, нравов и обычаев местного населения. Подобное поручение от моряков было не случайно: после поражения в Крымской войне России было запрещено иметь на Черном море военный флот. Однако русское морское командование было готово в случае необходимости быстро вооружить торговые суда и мобилизовать жителей черноморских губерний в возрождающийся флот. Подобное поручение пришлось по вкусу Филиппову, можно было изучать фольклор и при этом служить Отечеству. С поручением он справился блестяще, и его рекомендации были использованы при воссоздании Черноморского флота в 1870. Позднее Филиппов стал чиновником по особым поручениям при обер-прокуроре Св. Синода гр. Д. А. Толстом, занимаясь делами восточных церквей и духовно-учебными заведениями. В этом качестве Филиппов принял участие в решении ряда церковных вопросов. Занимаясь делами восточно-христианских церквей, Филиппов не только оказывал большую помощь балканским и ближ-

невосточным православным, но и установил контакты с дохалкидонскими восточными церквями, существовавшими в крайнем угнетении в Османской Империи и Персии. Книга Филиппова «Несколько слов о несторианах» стала одним из первых не только в русской, но и в мировой научной литературе описаний религиозной и социальной жизни последних последователей учения Нестория. В 1864 Филиппов перешел на службу в Государственный Контроль, в котором прослужил до конца своих дней. Государственным Контролем называлось существовавшее с 1810 ревизионное ведомство, проверявшее финансовую отчетность учреждений Империи, разрабатывавшее и утверждавшее годовой бюджет. С 1878 Филиппов состоял товарищем (т. е. заместителем) государственного контролера, с 1883 стал сенатором и в 1889 — государственным контролером. Понятно, что занимать такую должность должен человек с организаторскими способностями, знаток всей бухгалтерии и, самое главное, неподкупный. Филиппов полностью отвечал этим требованиям. Чиновники прозвали своего начальника «Тертым», переделав так его имя, поскольку никто не мог провести Филиппова. Однако деятельность высокопоставленного чиновника не была единственной в его жизни. Несмотря на занятость на службе, Филиппов много печатался в различных изданиях национального направления, в частности в «*Русском вестнике*» *М. Н. Каткова*, в «*Гражданине*» кн. *В. П. Меццержского*, был одним из основателей журнала «*Русская беседа*». Филиппов оказал большое влияние на мировоззрение *А. Н. Островского*, *Ан. Григорьева* и др. писателей. Знаток греческого языка и творений отцов Церкви, Филиппов справедливо имел репутацию авторитетного светского богослова. Помимо текущих проблем Русской церкви, много занимался старообрядчеством. Как исследователь фольклора и чиновник экономического ведомства, видел, что старообрядцы сохранили в своем быту исконные русские традиции и при этом оказались умелыми промышленниками, обеспечив не только благосостояние своей общине, но и в значительной мере способствовали индустриальному подъему России. Филиппов всячески защищал старообрядцев, выступая за полную отмену всех существующих для них ограничений. Для решения многих актуальных вопросов жизни Церкви и для примирения со старообрядцами предлагал созвать Вселенский Собор. По мысли Филиппова, Собор должен был снять клятвы на старообрядцев 1667 и придать новый импульс русскому и вселенскому Православию. Однако его инициатива не вызвала энтузиазма ни в Св. Синоде, глава которого *К. П. Победоносцев* опасался превращения Вселенского Собора в чисто политическое мероприятие, ни у иерархов восточных церквей. Понимая всю сложность и проблематичность созыва Вселенского Собора, Филиппов осторожно, в иносказательных выражениях высказывал мысль о созыве Поместного Собора Русской церкви и о восстановлении Патриаршества. Но и это звучало чуть ли не революционно для синодальных чиновников. У священноначалия предложение Филиппова не вызвало никаких практических действий. Истинное призвание Филиппов нашел в собирании русских народных песен. Он не только старательно записывал русские народные песни, расшифровывал «*крюковую*» нотную запись старинных песен, но и много сделал для популяризации песенного фольклора среди просвещенного слоя общества. Став членом Русского Географического общества, Филиппов создал в 1884 при нем специальную песенную комиссию для снаряжения экспедиций с целью собирания народных песен.

Соч.: О началах русского воспитания. М., 1854; Современные церковные вопросы. СПб., 1882; Сборник Третья Филиппова. СПб., 1896.

Лит.: Васильев А. В. Памяти Третья Филиппова. СПб. 1901; Фаресов А. И. Третья Иванович Филиппов. СПб., 1900.

С. Лебедев

ФИЛИППОВИЧ Афанасий (ок. 1597 — 5[15].09.1648), белорусский писатель-публицист, церковный и общественный деятель, участник национально-освободительной борьбы белорусов и малороссов. Родился на Брестщине в семье ремесленника. С 1620 был воспитателем при дворе литовского канцлера Л. Сапеги. В 1627 постригся в монахи. С 1640 игумен Симеоновского монастыря в Бресте. В 1637 совершил поездку в Москву. Чтобы склонить русско-го царя к освобождению Белоруссии и Малороссии от политической власти Речи Посполитой, написал «Историю путешествия» (1638). За активную общественно-политическую и религиозную деятельность против Брестской церковной унии 1596, направленной на католизацию и полонизацию белорусов и малороссов, за дерзкие выпады на сейме против короля в 1643 подвергся ссылке в Киев. В 1644 за помощь русскому послу арестован, объявлен заложником как политический преступник. В варшавском заключении написал ряд остро публицистических статей, в которых клеймил католических феодалов, обличал внутреннюю и внешнюю политику Речи Посполитой, выступал поборником единства Белоруссии и Малороссии с Россией. В 1646 Филиппович доработал и объединил в единый свод под названием «Диариуш» («Дневник», опубл. 1878) всю свою прежнюю публицистику. Творчеству Филипповича присущи яркая эмоциональность, выразительная образность, живость и простота изложения. В июле 1648 был арестован польскими военными властями. Расстрелян возле д. Гершановичи, около Бреста, за то, что снабжал казаков Богдана Хмельницкого порохом и писал агитационные письма.

«**ФИЛОФЕЕВ ЦИКЛ**», послания с изложением теории «Третьего Рима», подписанные именем игумена псковского Елеазаровского монастыря старца *Филофея*.

К «Филофееву циклу» относят послания государям Василию III Ивановичу и *Ивану IV Васильевичу*, а также послание дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину. Современные исследования показали, что перу старца Филофея бесспорно принадлежит лишь послание М. Г. Мисюрю-Мунехину, написанное в 1523—24. Послание вел. кн. Василию III написано позже (до 1526) и, возможно, др. автором. В еще более поздних рукописях имя Василия III в этом послании иногда заменяли именем его сына — Ивана IV Васильевича Грозного. Третье сочинение «Филофеева цикла» получило название «Об обидах Церкви». Оно возникло в 30—40-е XVI в. и тоже, скорее всего, не принадлежит старцу Филофею. Автором этого сочинения считают анонимного продолжателя Филофея.

С. Перевезенцев

ФИЛОФЕЙ (XVI в.), старец псковского Спасо-Елеазарова монастыря, мыслитель, писатель, один из создателей государственной идеологии русской монархии. Автор посланий к вел. кн. Василию III, царю *Ивану IV*, дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину.

Послание по случаю морового поветрия и на «звездочетцев» пронизывает убежденность в Божественном Промысле, в гармонической предопределенности всего сущего, кото-

рую следует не осуждать, не подвергать испытующему сомнению, а принимать с терпением и восхищением.

Главное в сочинении Филофея — последовательное изложение православно-монархического учения «Москва — Третий Рим». В нем обосновывались идеи преемственности ведущей роли Москвы, Русского государства в христианском мире после утраты ее Константинополем. «Первый Рим, — писал Филофей, — пал от нечестия, второй (Константинополь) — от засилия агарянского (мусульманского), Третий Рим — Москва, а четвертому — не бывать».

Русский народ принял миссию *Третьего Рима* не по принципу национализма, а исключительно в силу уверенности в своем Православии, в святости Руси. Все происходящее в жизни людей и народов определяется и совершается Всевышней и Всесильною Десницею Божиею; Мощию и Промышлением Божиим возводятся на престолы цари и достигают своего величия; во всемогуществе Бога и его Промысле — источник правды на земле. Действием Промысла Божия, согласно пророческим книгам, пал старый Рим вследствие уклонения в ересь Аполлинария и служения на опресноках; за ним пал и новый Рим, т. е. Константинополь, вследствие измены Православию на VIII Соборе и принятия латинства. Поэтому София Цареградская была попорана и сделалась достоинством внуков Агари. Остается невредимой только славная соборная церковь Успения Божией Матери всей новой и великой Руси — Третьего Рима. Эта общерусская святыня сияет своим благочестием во всей вселенной ярче солнца. Третий Рим есть последний в историческом бытии человечества. Четвертому Риму не бывать. Так в последовательном ходе исторической жизни народов все православные христианские царства пали и слились в одно царство русское, вследствие чего русский царь является единственным христианским царем во всем поднебесье. Царство русское есть последнее мировое царство, за которым наступит вечное царство Христа.

Библиографию см. в ст. «Третий Рим».

О. П.

ФИРСОВ Владимир Иванович (р. 26.04.1937), поэт. Родился в д. Заболотье Смоленской обл. в крестьянской семье. Окончил Литературный институт. Начинал с лирических стихов о природе и любви. Эта тема проходит по всему его творчеству, хотя она и не стала главной. С годами в нее органически влились гражданские мотивы, придав его стихам и поэмам особый патриотический, бойцовско-полюемический колорит. Этот своеобразный синтез лирики и непримиримой к злу гражданственности произошел в сер. 60-х, когда Фирсов поселился на даче в пос. Семхоз близ Сергиева Посада и вместе с *И. Шевцовым* заложил основу патриотического литературного кружка «*Радонежцев*». Это был период острого противостояния в среде творческой интеллигенции. Уже явно определились в ней 2 полюса: патриотический и космополитический. Последний, как правило, составляли представители еврейской национальности, которые внедряли в

кружка «*Радонежцев*». Это был период острого противостояния в среде творческой интеллигенции. Уже явно определились в ней 2 полюса: патриотический и космополитический. Последний, как правило, составляли представители еврейской национальности, которые внедряли в

русскую культуру т. н. «западные ценности», противопоставляя реализму «модерн-авангардизм» в безобразных формах. Они несли бациллы духовной деградации и морального разложения. В русле идеологических баталлий, на переднем крае борьбы находилась поэзия Фирсова. Воспоминания о войне, которые сохранила мальчишеская память, пульсируют во многих стихах поэта («Старый учитель», «Концерт», «Над высоким золотом полей мрачное возникло поле боя...», «Чувство Родины» — «Все пройдет, а Родина останется» и др.). Память военных лет, патриотизм и ратный подвиг народа переплетаются с историей России («На Бородинском поле», «На Куликовом поле», «Глинка в дороге», «Набатные колокола», «Гуслияры»). В этих стихах слышится глубокий, философский подтекст, призыв к размышлению. Они будоражат память сердца. В стихотворении «На Родине» старый столичный профессор в беседе со своими земляками-крестьянами говорит: «Сыновей, мужики, присылайте в науку. Мы без них пропадем, мужики». В таком же ключе воспринимается стихотворение «Рассвет над морем», где крестьяне-фронтовики, не знавшие морских пляжей, о море не тоскуют. «А тоскуют они иногда, с одинокою старостью споря, о сынах, что ушли в города, будто канули в синее море». Так поэт с глубоким подтекстом откликается на различные общественные вопросы жизни. Но это далеко не хроника событий и не прямолинейная дидактика. Поэт размышляет и думы свои излагает на безупречно профессиональном поэтическом слоге. Поэзия Фирсова относится к разряду изящной словесности, которая отличается ясностью мысли, живым, образно-народным *русским языком*. Поэтому стихи его легко ложатся на душу и быстро запоминаются. Они содержат в себе элементы афоризмов.

Перу Фирсова принадлежат несколько поэм. Среди них сильное общественное звучание производят «Республика бессмертия», «Глазами столетий», «Восставший над громом». В этих поэмах историко-гражданский и лирический мотивы слиты в монолит, охватывающий главные сферы и вопросы бытия. Они беспощадно полемичны. В них любовь к России, к ее святыням яростно выступает против зла во всех его проявлениях и разновидностях. Поэт жестоко клеймит недругов России. Особенно в поэме «Глазами столетий» («... Врагом посеянные зерна не сразу пулями взошли. Рассчитывая на беспечность, над чувством Родины глумясь, таилась подлинная мразь, рядилась в общечеловечность. Враг... делал ставку на незрелых и оступившихся парней. Учитывал их поименно и знал их жалкие дела. Не сразу пятая колонна петлю, как знамя, подняла»). Поэт, как прорицатель, предупреждал об опасности, которая настигла нашу страну спустя четверть века. В поэме «Республика бессмертия» есть такие строки: «Внесут в понятие "идейность" сомнительную широту. С той широтой померкнут грани меж злом и праведным добром. Ту широту и обзакрают, и лихо выпишут пером... Бездумную тоску разбудят по легкой жизни, по тряпью». В поэме «Память» поэт смотрит на нашу жизнь глазами древней героической истории России. Поэт сетует на беспечность и разобщенность русских людей, что может привести к непоправимой трагедии. «И жизнь славян покажется вопросом, который никому не разрешить! И вряд ли вспомнят нас, русоволодых, великих... не умевших дружно жить». Как в стихах, так и в поэмах Фирсова красной нитью проходит тема сыновней верности главным традициям отцов и преданности матери-России, ее истории и неприязнь к хулителям и осквернителям, иудео-масонским поклонникам «цивилизованного» Запада.

В 80-е Фирсов был редактором журнала «Дружба», в котором впервые в России были опубликованы исторические исследования о ритуальном убийстве царской семьи, а также рассказана подлинная история жизни Г. Распутина.

Соч.: [О себе] // Вопросы литературы. 1962. № 9; Музыка души: Избранное. М., 1974 (то же: М., 1976); Избранное: [Стихи и поэмы]. М., 1975; Глазами столетий: Стихи и поэмы. М., 1978 (то же: М., 1982); Избр. произв.: В 2 т. / Вступ. ст. В. Горбачева. М., 1983; Звездная песня неба: Стихотворения и поэмы. М., 1985; Стихотворения / Вступ. ст. А. С. Иванова. М., 1987; Отечество: Стихи и поэмы. М., 1988; Пора звездопада: Книга лирики. М., 1989; Когда душа перерастает в слово: Стихотворения. М., 1990; Озеро Диво: Стихи. М., 1991.

И. Шевцов

ФЛОРИНСКИЙ Тимофей Дмитриевич (28.10.1854—2[15].05.1919), ученый и публицист, член-учредитель и почетный член Клуба русских националистов в Киеве. Родился в С.-Петербурге, в семье протоиерея Петропавловского собора,

магистра богословия и историка Церкви. Обучался в 3-й С.-Петербургской классической гимназии, которую окончил с золотой медалью. В 1876 окончил С.-Петербургский университет (историко-филологический факультет) и получил золотую медаль за труд «Критический разбор свидетельств Константина Порфирородного о южных славянах». Будучи учеником профессоров *В. И. Ламанского* и *В. Г. Васильевского* был оставлен последними на 3 года стипендиантом для приготовления к профессорскому званию при С.-Петербургском университете, в 1881 защитил диссертацию «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века». В Киевском университете св. Владимира Флоринский преподавал «Славянские наречия, историю славян и славянских литератур». За свои выдающиеся заслуги и труды в области славяноведения был избран членом многих ученых обществ и академий. Был лауреатом Ломоносовской премии Императорской АН за труд «Лекции по славянскому языкознанию», премии А. А. Котляревского Императорской АН за сочинение «Лекции по славянскому языкознанию. Часть 2» (1897), премии им. А. Ф. Гильфердинга С.-Петербургского Благотворительного общества, *Золотой Уваровской* медали Императорской АН, награжден большой золотой медалью Императорского Русского Географического общества за сочинение «Славянское племия» (1907). Во время войны Флоринский стал товарищем председателя Комитета «Киев — галичанам», образованного в 1915. 1 марта 1914 к 35-летию ученой деятельности Флоринского Славянское Благотворительное общество С.-Петербурга организовало юбилейный вечер. Академик *А. И. Соболевский* на нем отмечал, что Флоринский «историк по призванию вначале, профессор в расцвете своей деятельности стал славяноведом по преимуществу. Чрезвычайно трудоспособный, Флоринский имел по 9 часов лекций, при этом неся обязанности декана факультета, а иногда исполняя еще и ректорские обязанности». В. Н. Кораблев так характеризовал Флоринского: «Никто из учеников проф. Ламанского и сам маститый учитель не написал столько ценных работ по

славянству, сколько Тимофей Дмитриевич Флоринский. Современному ученому, изучающему славянство, нельзя обойтись без Флоринского».

Маститый ученый был и активным деятелем патриотического движения. В 1908 он стал одним из инициаторов создания Клуба русских националистов в Киеве, был его членом-учредителем, почетным членом и входил в состав руководящего Комитета. На заседаниях Клуба Флоринский был постоянным участником, активно обсуждал стоящие на повестке дня вопросы, нередко предлагал проекты решений. По его инициативе киевские националисты отметили 100-летие со дня рождения *Н. В. Гоголя*. 10 окт. 1908 на заседании Клуба при обсуждении доклада А. А. Сидорова «Польская автономия и славянская идея», вместе с В. В. Страховым Флоринский доказывал, что восстановление независимости Польши только осложнит вопрос и отодвинет русско-германскую границу далее на восток, ибо германцы, благодаря своим могучим военным силам, сумели бы поляков раздвинуть, онемечить и даже уничтожить этнографически. 28 нояб. 1908 на заседании Клуба Флоринский в ряду средств оказания поддержки галичанам признал крайне желательной материальную поддержку устройства галицко-русских бурс для повышения образовательного уровня народа. В 1909 он выступал с докладом, посвященным памяти выдающегося ученого-слависта, неумолимого борца с украинофильством *А. С. Будиловича*.

Флоринский замучен еврейскими большевиками.

Соч.: Византия во 2-й четв. XIV в. СПб., 1879; Южные славяне и Византия во 2-й четв. XIV в. СПб., 1882. Вып. 1—2; Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888; Лекции по славянскому языкознанию. Киев, 1895—98. Ч. 1—2; Несколько слов о малорусском языке (наречии) и новейших попытках усвоить ему роль органа науки и высшей образованности. Киев, 1899; Зарубежная Русь и ее горькая доля. Киев, 1900; Малорусский язык и «украинско-русский» литературный сепаратизм. СПб., 1900; Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства. Киев, 1907; История сербо-хорватской литературы. Киев, 1900; Славяноведение. Киев, 1911; Курс славяно-русской палеографии. Киев, 1913; Пособие к лекциям по истории чехов. Киев, 1915; Лекции по славянскому языкознанию. Киев, 1897; Малорусский язык и украинско-русский литературный сепаратизм. СПб., 1900; Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению. Киев, 1904; Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства (с приложением 2-х этнографических карт). Киев, 1907; Этнографическая карта Западного славянства и Западной Руси. Приложение. Объяснения. Источники и пособия. Статистические данные. Поправки. Киев, 1911.

Т. Кальченко

ФОКИНА Ольга Александровна (р. 2.09.1937), поэтесса. Родилась в д. Артемьевская Верхне-Тоемского р-на Архангельской обл. в семье крестьянина. Отец погиб на фронте.

Печатается с 1955. В 1962 окончила в Москве Литературный институт. Поэзия Фокиной посвящена Русскому Северу, не случайно ее книги стихов выходили с напутствиями поэтов Севера — *С. Вукулова* и *Б. Шергина*. Особенно дороги поэтессе приметы родной природы: «Шиповник, то алыт, то красный, / Горит молчаливым огнем»; «Пень почитательно скинет папаху, / Поприветствует молча сосна...» Природа в стихах Фокиной предстает в ярком своеобразии: у нее деревья и в листопад «Кланяются ветру / Пригоршней монеток, / Чтоб еще подольше / Постояло лето...». Поэтесса отождествляет себя с миром родной природы: «Простолюдинка ива я — / К земле не прихотливая»; «Набреду на ландышевый остров / И останусь ландышем на нем».

Любовь к родному краю — основа творчества поэтессы: «Лелей лоскут отеческой земли, / Как ни болотист, как ни каменист он...». Но родной край — не только природа, прежде всего это извечный крестьянский труд: «Храню откровенную верность / Раздолжности русских полей...». Образ плодородного, ухоженного заботливыми руками поля становится одним из центральных в поэзии: «В небе — высоко-высоко, / В поле — светло-широко!» Фокина ощущает себя продолжательницей вековых крестьянских традиций: «Мне завещаны дедом / Поле с житом и рожью, / Боровые приметы, / Луговые остожья». Поэтическое повествование об этих традициях также необычно, своеобразно: «Эту юную, только из зимних пеленок, / Поцелуй мою землю, серебряный плуг!». Северянке дороги северные поля и пастбища, вот почему «все над ними милое — даль и высь».

С детства любимым поэтом был *Н. А. Некрасов*; «мы пришли из некрасовских “троек”», — говорит поэтесса и продолжает некрасовские традиции воспевания и крестьянского труда, и женщины-крестьянки. В стихах о матери воплощен нравственно цельный образ русской крестьянки-труженицы: «Не было дня сынодного / Маме — за семьдесят лет!»; «Красивая не внешнею... / Глубинной красотой». Обращаясь к матери, поэтесса говорит: «Тянусь за тобою: смогу ль, достару ли, / Когда-нибудь встану ль с тобой наравне?» Тема материнства — также одна из центральных в поэзии Фокиной, образ ивы перерастает в образ материнской силы и любви, лирический образ матери перерастает в образ матери-Родины.

Один из основных эстетических принципов Фокиной — в будничном, повседневном видеть красоту, вдохновенность народной души. Стихи плотно «заселены» привлекательными людьми — тружениками деревни. Мы видим типичный образ крестьянки, проводившей мужа и сынодей на фронт: «Жала, сеяла, молотила / За двоих, за троих — одна. / Не сломилась... А вся-то — прутик!». Среди героев поэтессы печник Трошка, бригадир Степанов, колхозный кузнец Михаил Баскаков: «Он мехи раздувал, / Озаряемый жаром из горна, / Бог огня и железа...». Но и его судьба складывалась трудно, как и вообще судьба глухой северной деревеньки, ее людей, да еще во времена военного лихолетья: «Пожилая вдова, вдова / Рубит, рубит в лесу дрова».

Жизнь сурова, но именно суровый Север становится спасительным родным домом, который дает нравственную силу, дает радость существования: «Солнце с утренних окошек / Чиркнет лучиком в глаза...». Поэтесса едина с родным краем: «Я — продолжение твое живое», — обращается она к березе; «Я — не орех кокосовый, / В моей крови — брусничный сок, / сок ржаной и сок березовый». Автобиографическая лирическая поэма «Черемуха» взволнованно повествует о детстве, об отце, который ушел на фронт и не вернулся; но тянет руки к отчому дому черемуха из сада: ее посадил отец и вырастила дочь; за лирическим сюжетом — клятва верности погибшим бойцам, развитие также центральной для поэтессы тема патриотизма.

В 60-х вышло несколько книг Фокиной — «Реченька», «А за лесом — что?» (обе — 1965), «Аленушка» (1967) «Островок» (1969). Поэтесса с детства жила в песенном мире народной *частушки*, и уже первые ее книги показали, что истоки образности поэзии Фокиной, песенности интонаций, особенности лексики — в народном творчестве. Поэтесса воплощает в своей образной речи музыку севернорусского говора, живой язык частушек, речитатив сказителей *былин*. Органичны в ее речи *половицы* и *поговорки*, и *сказка* участвует даже и в ее реальной жизни: «Парнишка, чуточку знакомый, / С того, другого бережка / Мне кинул

радугу со звоном, / И я по радуге пошла». Язык поэтессы отражает реальность народной северной речи: «Давно тебя не видела, / Стокнулось — и покликкала...»; «Вся надия на тебя только»; «Хватит перемигушек — / Голова болит!»; «Скорей, скорей, лошадушка, / Не то — обостигу!». Фольклор в творчестве Фокиной — сущность мировоззрения поэтессы, проявляющегося в народности содержания и миропонимания.

Мировоззрение поэтессы, вопреки трудностям военного времени и утратам времени нынешнего, изначально оптимистично: «О, как я жизнь люблю!» Но катастрофы, наступающие жизнь природы, жизнь деревни, вызывают мучительную тревогу в поэзии Фокиной: «Рой, взрывай, стирай грани! / Лес в дыму, земля — в золе...»; «Только зря не губите / Во бору моем сосен»; в «речку росную / Чуть свет — с копытами / Бока навозные, хвосты немые...». Обычно четкий, но негромкий голос поэтессы в стихотворении «Поезд, стой! Помедли малость!» звучит публицистически остро. Так развивается тема сохранения родников: «Чтоб было солнечно и звездно — / Храни родные родники».

Проблемам оскудения современной деревни посвящена и поэма «Малина твоя» в книге «Колесница» (1983). «Как же ты тянешь, родная земля!» — по-прежнему с дочерней любовью обращается поэтесса к родному краю.

Соч.: Избранная лирика. М., 1971; Маков день: Стихи. М., 1978; Буду стеблем: Стихотворения и поэмы. М., 1979; Колесница: Стихи и поэмы. М., 1983; Избранное. Стихотворения и поэмы. М., 1985; За той за Тоймой... Стихи и поэмы. М., 1987.

В. Шошин

ФОМА (XV в.), монах, автор Похвального слова о Тверском вел. князе Борисе Александровиче, написанного ок. 1453. Для исследователей остается загадкой, является ли упоминаемый в Похвальном слове тверской посол на Ферраро-Флорентийский собор инок Фома одним лицом с автором Слова, или это разные лица (тверской посол Фома, присутствовавший на соборе, известен и по др. письменным источникам, в т. ч. и западным).

«Слово» инока Фомы — образец придворного панегирика, не так уж часто встречающегося среди дошедших до нас памятников древнерусской литературы. Это похвала здравствующему князю, написанная придворным сочинителем, основным занятием которого был литературный труд, о чем он сам свидетельствует. «Слово» отражает время последнего возвышения Тверского княжества, когда Москва, раздираемая межкняжескими усобицами, находилась в состоянии упадка. Тверской кн. Борис Александрович прославляется в нем как «самодержавный государь». Однако очень скоро (в посл. четв. XV в.) Тверь вновь утрачивает свое значение, окончательно уступит первенство Москве, но пока, в сер. XV в., именно Тверской вел. князь покровительствует вел. князю Московскому Василию Васильевичу Темному, поддерживая его в борьбе с кн. Дмитрием Шемякой, пока именно тверской посол, боярин вел. князя, выступает единственным светским представителем Руси на Ферраро-Флорентийском соборе, пока автор «Слова» именуется своего князя царем и самодержцем и повествует о том, как он является перед своими подданными увенчанным царским венцом. Естественно поэтому, что впоследствии, когда центр сложения единого Русского государства вновь переместился в Москву, «Слово» инока Фомы не получило широкого распространения среди памятников официальной московской литературы.

Н. Поньрко

ФОМИЧЕВ Владимир Тимофеевич (р. 1937), поэт, публицист. Родился в д. Желтоухи Смоленской обл. Отец погиб на фронте в 1943, мать работала в колхозе заведующей фермой. В дошкольном возрасте оказался в немецкой оккупации. В 1956 закончил Московский политехнический техникум, 3 года служил в армии, после чего поступил на историко-филологический факультет Московского государственного пединститута. После окончания института работал редактором в издательствах «Современник», «Правда», «Граница». Был ответственным секретарем Союза писателей РСФСР. Автор 10-ти книг прозы и поэзии.

В 1989 Фомичев стал гл. редактором газеты Тушинского р-на Москвы «Пульс Тушина». За 3 года своего существования газета приобрела поистине всесоюзную известность. Став одной из первых газет национально-патриотического направления, «Пульс Тушина» на своих страницах поднимал наиболее острые и животрепещущие проблемы современной жизни, что реагировать на них вынуждена была чуть ли не вся «демократическая» центральная пресса. И реакция эта была хорошо знакомой и отработанной: клевета, шантаж, доносы. В 1991 по доносу группы лиц еврейской национальности против гл. редактора «Пульса Тушина» прокуратурой было возбуждено уголовное дело по ст. 74 УК РСФСР, длившееся целых 3 года. В 1993 «дело» Фомичева было передано в Мосгорсуд, который после судебного заседания вернул это «дело» в прокуратуру на доследование. И лишь через год Тушинская прокуратура вынуждена была закрыть «дело» Фомичева за отсутствием состава преступления.

Фомичев является председателем Ревизионной комиссии Международного Сообщества писательских союзов СНГ (2001).

Соч.: Верность. Каунас, 1959; Белый космос. М., 1977; Нежностью наполнилась душа. М., 1986; Пуше ока. М., 1990; За семью печатями. М., 1990; Суд над русским. Дело № 4522. М., 1993; Прищельные грома. М., 1995; Сходня. М., 2000; Имена сущему. М., 2001; Пульс Тушина. Кн. 1—2. М., 2002—03.

ФОНВИЗИН Денис Иванович (3[13].04.1744 или 1745—1[11].12.1792), писатель, драматург. Родился в Москве в богатой дворянской семье. В 1755—60 учился в гимназии при Московском университете, в 1761—62 — на философском факультете того же университета. Еще в студенческие годы начал печататься в московских журналах, сделал свой первый перевод: «Басни нравоучительные» датского просветителя Л. Хольберга. Приступил также к переводу романа Террасона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского» (ч. 1—4, 1762—68), трагедии

Вольтера «Альзира» (с 1762) и др. произведений. В 1762 Фонвизин определился переводчиком в Коллегию иностранных дел, переехал в Петербург. В 1763—69 служил секретарем кабинет-министра И. П. Елагина (который ведал разбором челобитных на высочайшее имя, а с 1766 — и императорскими театрами). Тогда же сблизился с кружком молодых офицеров; видимо, в результате общения с ними Фонвизин создал «Послание к слугам моим...» (опубл. 1769) — сатирическое произведение оригинального жанра, опиравшееся на традиции русской *басни* и сатиры, а также западноевропейские *ироикомические поэмы*. В поэтике *классицизма* послание относилось к «высоким» жанрам; Фонвизин отошел от установившейся нормы, сделав героями своего произведения людей «незначительных» — крепостных. При этом автор во много разделял скептическое отношение своих героев к существующим порядкам. Стремление объяснить характеры героев их бытием позволяет видеть в «Послании...» предвестие рождения русской реалистической *сатиры*. Фонвизин продолжает переводческую работу. Как просветитель выступает за всеобщее обучение, за постепенное — по мере «просвещения» — освобождение крестьян. Его идеал политического устройства — просвещенная монархия, идеал человека-патриота.

Принадлежность Фонвизина к кружку Елагина, куда входили драматурги *В. И. Лукин*, *Б. Е. Ельчанинов* и др., определила его интерес к драме. Поддерживая стремление Лукина сблизить драму с жизнью, опираясь на его опыт «склонения» иностранных комедий «на русские нравы», Фонвизин переделал сентиментальную драму Ж. Б. Л. Грессе «Сидней» в комедию «Корион» (пост. в Петербурге в 1764). В к. 1760-х под влиянием общественного оживления, связанного с политическими спорами вокруг Комиссии для сочинения проекта нового уложения (1767—69), Фонвизин пришел к замыслу оригинальной русской сатирической комедии. Первым образцом в этом роде явилась его комедия «Бригадир» (1766—69, пост. 1770, опубл. 1792—95), в которой высмеивалось невежество, взяточничество, раболепство перед всем иностранным «благородного сословия». Корень зла Фонвизин-просветитель видел в порочности космополитического воспитания молодых дворян.

Создавая «Бригадира», Фонвизин еще следовал традициям классицизма, что сказалось в четком делении персонажей на добродетельных и порочных, в рационалистическом подчеркивании одной черты характера героя, в соблюдении единства времени, места. Однако в комедии по-новому представлен образ жизни, быт героев; если у драматургов классицизма быт обычно изображался как сумма смешных явлений «низменной» жизни, нередко лишенных национальной окраски, то у Фонвизина показаны именно русские нравы и обычаи. С появлением «Бригадира» русская литература и театр включались в то течение европейской культуры, которое противопоставляло себя классицизму; преодолевался барьер между искусством и жизнью, ставились конкретные проблемы реальной жизни людей. При этом Фонвизин принес в литературу не мелкий бытовизм, а значительность характеров, проблемность. Так, в «Бригадире» осмеиваются не отдельные носители абстрактного порока — Фонвизин ставит вопрос о дворянстве в целом, о принципе существования его как сословия, не случайно комедия отразила все главные формы деятельности этого сословия — чиновничью, военную и собственно помещичью: чиновники грабят нацию (Советник), офицеры бьют солдат смертным боем (Бригадир), крестьян гноят на месячине (в имении Советника). Ставя столь важные проблемы, невозможно было оставаться в рамках традици-

онной комедии «чистого» смеха. В комедии Фонвизина звучат и трагические ноты. Когда Бригадирша рассказывает о своей тяжелой судьбе, образ этой глупой, жадной, но страдающей женщины получает неожиданную объемность. И это открывало литературе путь к новому, лишенному однолинейности пониманию человека. Фонвизин изобразил и «новых людей» — гуманистов, просвещенных дворян, противостоявших бездуховному существованию Советников и Бригадиров.

В 1769 Фонвизин стал секретарем руководителя Коллегии иностранных дел — Н. И. Панина, воспитателя наследника престола. Фонвизина и Панина сблизжали оппозиционность по отношению к правительству *Екатерины II*, ненависть к фаворитизму, убежденность, что России нужны «фундаментальные законы». В 1777—78 Фонвизин совершил поездку по Франции и Германии (чтобы поправить здоровье, но возможно, и с какими-то тайными дипломатическими поручениями) и рассказал о ней в «Записках первого путешествия», состоящих из писем П. И. Панину — брату Н. И. Панина (при жизни Фонвизина публикация «Записок...» не была разрешена). Изображая кризисное положение во Франции, Фонвизин давал урок русскому правительству. «Записки...» сыграли важнейшую роль в становлении русской прозы. Резкая критика русских государственных установлений дана в «Рассуждении о непрелюбимых государственных законах», написанном Фонвизиным в н. 1780-х и распространявшемся в списках: автор осуждал положение, при котором «люди составляют собственность людей», выступал за предоставление политических прав всем сословиям.

В 1781 Фонвизин создал самое значительное свое произведение — комедию «Недоросль» (пост. 1782; опубл. 1783). В. О. Ключевский назвал «Недоросль» «бесподобным зеркалом» русской действительности. Обличая барский произвол, Фонвизин показал развращающее действие крепостного права, которое уродовало как крестьян, так и помещиков. Проблема воспитания дворянства, поднятая в «Бригадире», получила в «Недоросле» социальное звучание. Фонвизин придерживался просветительской программы нравственного воспитания гражданина и патриота, истинного сына Отечества. Фонвизин оценивает и судит не людские пороки сами по себе, а прежде всего общественные отношения. Положительные герои — просвещенные дворяне-патриоты — не просто осуждают крепостное право, но и борются с ним. Комедия строится на остром социальном конфликте; ее развязка (учреждение опеки над имением Простаковой) содержит в себе призыв к реформам в духе Просвещения. Жизнь в доме Простаковых представлена уже не как суммарная картина нелепых обычаев, а как система отношений, основанных на крепостничестве. Раскрывая воздействие среды на личность, Фонвизин делает одной из главных проблему воспитания: очень точно фиксируется уродующее влияние уклада помещичьей усадьбы на Митрофану. Развитие интриги отступает на второй план. Нарушается и важнейший для классицизма принцип единства действия. Обнажая внутреннюю драму таких отрицательных персонажей, как Еремеевна и Простакова, Фонвизин создает многоплановые характеры. По словам *Н. В. Гоголя*, «Недоросль» — «...истинно общественная комедия».

Просветительское мирозерцание Фонвизина сказалось в изображении положительных героев «Недоросля» как людей, живущих по вечным законам природы и разума. Историзм в понимании общественного человека не свойствен Фонвизину, воздействие среды на человека он понимает только в смысле искажения его «естественной» природы. Поэтому положительные герои воспринимаются

как «слишком идеальные». И тем не менее «Недоросль» — этапное произведение русской литературы. Эту комедию невозможно воспринять как обычный пример «среднего» жанра, подчиненного «высокой» трагедии. Понимание обусловленности характера (хотя — только отрицательно-го) законами среды подготавливало в литературе реалистическое изображение человека. В образе Стародума современники впервые увидели тип просвещенного русского патриота, борца против крепостничества.

Вскоре после отстранения Панина от дел подал в отставку и Фонвизин (март 1782), решив полностью отдаться литературной деятельности. В 1783 он опубликовал в «Собеседнике любителей русского слова» ряд сатирических произведений: «Опыт российского сословника», «Челобитная российской Минерве от российских писателей», «Поучение, говоренное в Духов день иереем Василием в селе П.», «Повествование мнимого глухого и немого». Особенно острая критика политики Екатерины содержалась в напечатанных анонимно «Нескольких вопросах, могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание»; на них с раздражением отвечала Фонвизину сама императрица. В 1784—85 Фонвизин совершил поездку по Германии и Италии. Попытки Фонвизина выступать в печати пресекались Екатериной II: в 1788 ему не разрешили издать ни 5-томное собрание своих сочинений, ни журнал «Друг честных людей, или Стародум» (входившая в него едкая сатира «Всеобщая придворная грамматика» распространялась в списках и пользовалась большой популярностью). Последние годы жизни Фонвизин был тяжело болен (паралич), но писать продолжал до самой смерти. В 1789 он начал работу над автобиографической повестью «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (неоконч.; опубл. 1830), которая является замечательным произведением русской прозы: в образе автора воссоздан характер человека и писателя — русского по складу ума, юмора, иронии, показано духовное богатство личности, умеющей подняться над своими слабостями и бесстрашно рассказать о них своим соотечественникам. Видимо, к 1790 относится набросок комедии Фонвизина «Выбор губернатора», в центре которой мыслится проблема воспитания. В тексте наброска есть и отклик на события французской революции, идеи которой Фонвизин отвергал.

Фонвизин — крупнейший русский драматург XVIII в., создатель русской социальной комедии, блестящие образцы которой, после «Недоросля», представляют «Горе от ума» А. С. Грибоедова и «Ревизор» Н. В. Гоголя. С именем Фонвизина связано также формирование русской художественной прозы. Комедия «Недоросль» сыграла важную роль в развитии русского национального театрального искусства, заняв прочное место в его репертуаре.

М. Иванов

В учебных курсах по русской литературе принято стилизовать Фонвизина под обличителя русских пороков с позиций т. н. просветительства. С этой целью выпячивают в его творчестве комедию «Недоросль» как якобы лучшее его произведение и замалчивают (или упоминают вскользь) др. его произведение — «Письма из Франции», содержание которого явно противоречит как образу писателя-«просветителя», созданному недобросовестными его интерпретаторами, так и распространенной мифу о превосходстве европейской культуры над русской. Чтобы убедиться в этом, достаточно познаться лишь с некоторыми выдержками из этого произведения. «Нечистота в городе (речь идет о Париже) такая, какую людям, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно.

Почти нигде нельзя отворить окошко летом от зараженного воздуха... Такую же мерзость нашел я и в прочих французских городах, которые все так однообразны, что кто был в одной улице, тот был в целом городе; а кто был в одном городе, тот все города видел. Париж перед прочими имеет только то преимущество, что наружность его несказанно величественнее, а внутренность сквернее. Напрасно говорят, что причину нечистоты многолюдство. Во Франции множество маленьких деревень, но ни в одну нельзя въезжать, не зажав носа. Со всем тем привычка с самого младенчества жить в грязи по уши делает, что обоняние французов нимало от того не страдает. Вообще сказать можно, что в рассуждении чистоты перенимать здесь нечего, а в рассуждении благонравия еще меньше... По точном рассмотрении вижу я только две вещи, кои привлекают сюда чужестранцев в таком множестве: спектакли и — с позволения сказать — девки. Если две сии приманки отнять сегодня, то завтра две трети чужестранцев разедутся из Парижа... Корыстолюбие несказанно заразило все состояние, не исключая самых философов нынешнего века. В рассуждении денег не гнушаются и они человеческой слабостью. Д'Аламберы, Дидероты в своем роде такие же шарлатаны, каких видал я всякий день на бульваре; все они народ обманывают за деньги, и разница между шарлатаном и философом только та, что последний к сребролюбию присовокупляет беспримерное тщеславие... Сколько я понимаю, вся система нынешних философов состоит в том, чтоб люди были добродетельны независимо от религии: но они, которые ничему не верят, доказывают ли собою возможность своей системы? Кто из мудрых века сего, победив все предрассудки, остался честным человеком? Кто из них, отрицая бытие Божие, не сделал интереса единым божеством своим и не готов жертвовать ему своей моралью?.. Дворянство французское по большей части в крайней бедности, и невежество его ни с чем несравненно... Исключая знатных и богатых, каждый французский дворянин, при всей своей глупой гордости, почтет за великое себе счастье быть принятым губернатором к сыну нашего знатного господина. Множество из них мучили меня неотступными просьбами достать им такие места в России; но как исполнение их просьб было бы убийственно для невинных, доставшихся в их руки, то уклонился я от сего злодеяния и почитаю долгом свести не способствовать тому злу, которое в отечестве нашем уже довольно вкореняется...».

По изобилию и глубине мыслей, по великолепию их выражения «Письма из Франции» намного превосходят комедии Фонвизина, но критическая их направленность по отношению к «передовой культуре» стала причиной холодного отношения к ним администраторов нашей культуры. Сегодня этот выдающийся памятник русской литературы почти не известен не только русским школьникам и студентам, но даже нередко преподавателям русской литературы.

Критика Фонвизиним как российской действительности, так и «передовой» французской культуры (при этом он отдавал явное предпочтение русской культуре: «...если кто, — писал он, — из молодых моих сограждан, имеющих здравый рассудок, вознегодует, видя в России злоупотребления и неустойства, и начнет в сердце своем от нее отчуждаться, то для обращения его на должную любовь к отечеству нет вернее способа, как скорее послать его во Францию») имела не «просветительский», а протославянофильский характер, т. к. основывалась на христианской нравственности и христианском образе мышления. Если в его творчестве и можно найти какой-то подмес «просветительства», то объясняется он скорее господствующим стилем эпохи, нежели внутренним духовным складом писателя. Нельзя исключить влияние «Писем из Франции» (опубликованных в 1830) на зарождение славяно-

фильской мысли. По своему духу они перекликаются с письмами *Ф. М. Достоевского* из Европы, а созданный Фонвизиным образ нравственного уроды (галломана Иванушки в «Бригадире») предвосхитил образ Смердякова из «Братьев Карамазовых».

После смерти Фонвизина рукописный архив его исчез, как и 5 томов полного собрания его сочинений и переводов, подготовленного им для издания.

Г. Шиманов

Соч.: Соч., письма и избр. переводы. СПб., 1866; Первое полн. собр. соч., как оригинальных, так и переводных. СПб.; М., 1888; Материал для полн. собр. соч. Д. И. Фонвизина. СПб., 1894; Собр. соч. Т. 1—2, М.; Л., 1959.

ФОРШ Ольга Дмитриевна (урожд. **Комарова**) (16[28].05.1873—17.07.1961), писательница. Родилась в крепости Гуниб, Дагестан. Дочь генерала Д. В. Комарова, начальника округа Средне-го Дагестана. Воспитывалась в Московском сиротском институ-

туте. Училась живописи в рисовальных школах Киева и Одессы, а также в мастерской П. П. Чистякова при Академии художеств (см. ее очерк «Художник-мудрец», 1928). В 1891 участвовала в борьбе с голодом в Тульской губ., работала в «толстовских столовых». В печати выступила в 1907 (журнал «Киевский вестник»). Затем печатала рассказы и статьи в журналах «Русская мысль», «Заветы», «Тропинка» и др. под псевд. А. Терек. Некоторые ее произведения этих лет

отмечены увлечением теософией («Рыцарь из Нюрнберга», 1908), которая, преодолевается и развенчивается в незавершенном романе «Богдан Суховской» (1910, под назв. «Дети земли»). Уже в этих произведениях выявляется основная линия ее творчества. Форш — прозаик философского склада. Обычно герои ее книг — пытливые искатели, люди, не удовлетворенные действительностью, мученики идеи.

В 1924—25 выходит роман «Одеты камнем», открывающий новую грань ее творчества — глубокий историзм. Противопоставление сильной творческой личности (*Н. В. Гоголь*, *А. А. Иванов*) и безликой завистливой посредственности (Багряцов) содержится в романе Форш «Современники» (1926). Как писатель Форш ближе всего стоит к традиции *Н. В. Гоголя* и *Ф. М. Достоевского*, несколько осложненной влиянием символистской прозы (*А. Белый*, *А. Ремизов*). Это нашло отражение в стиле ее повествования — экспрессивном, напряженном, изобилующем тропами и инверсиями, тяготением к гротеску. Однако в произведениях 40—50-х эти черты в значительной мере сглаживаются. Как писателю-историку Форш присущ исключительно широкий диапазон. Ее романы представляют собой большие исторические полотна, отразившие в ряде существенных черт русскую жизнь со 2-й пол. XVIII в. по 20-е XX в. Роман «Горячий цех» (1926) посвящен событиям 1905—07. Здесь писательница обращается к изображению рабочей и солдатской среды. Ее последующие романы — «Сумасшедший корабль» (1931) и «Ворон» (1933, под назв. «Символисты»). Несмотря на все различия, эти 3 книги объединяет то, что они написаны на основе непосредственного восприятия современника, «свидетеля истории», отчасти

мемуариста. В «Сумасшедшем корабле» воссоздан быт петроградского «Дома искусств» в первые пореволюционные годы, в «Вороне» — предыдущее десятилетие жизни петербургской интеллигенции. Форш проявила себя как мастер лаконичной, четкой (подчас сатирической) психологической зарисовки.

Параллельно Форш работает над трилогией «Радищев» (ч. 1 — «Якобинский заквас», 1932; ч. 2 — «Казанская помещица», 1934; ч. 3 — «Пагубная книга», 1939), окончательно утвердившей Форш в качестве одного из ведущих исторических прозаиков. Трилогия представляет и исследовательский интерес, т. к. многое в ней, документально подтвержденное впоследствии, было верно угадано интуицией художника. Форш создала широкую панораму екатерининской эпохи; в следующей книге «Михайловский замок» (1946) она воспроизводит время имп. Павла I, рисуя судьбу русских архитекторов В. Баженова и А. Воронихина, творивших в эти годы.

Сравнительно второстепенную роль в творчестве Форш играют ее рассказы, созданные на современном материале. Многие из них резкими, беспощадными штрихами рисуют предреволюционный быт города и деревни, картины нэпа — сборники «Обыватели» (1923), «Летошний снег» (1925), «Московские рассказы» (1926), «Вчерашний день» (1933). Форш принадлежат также книга сатирических полудочерковых новелл «Под куполом» (1929), написанная после поездки во Францию и Италию, книга детских рассказов и сказок «Кому что нравится» (1914) и др.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—7. М.; Л., 1928—30; Собр. соч. Т. 1—8. М.; Л., 1962—64

Л. Ч.

ФОФАНОВ Константин Михайлович (18[30].05.1862—17[30].05.1911), поэт. Родился в Петербурге в купеческой семье. Обучался в частных пансионах. Литературную деятельность начал в 1881. Жизнерадостные и свежие стихи Фофанова быстро завоевали известность: сборники «Стихотворения» (1887 и 1889), «Тени и тайны» (1892), «Стихотворения» (ч. 1—5, 1896), «Иллюзии» (1900), поэмы «Необыкновенный роман» и «После Голгофы» (обе — 1910). Творчество Фофанова высоко оценивали *А. Н. Майков*, *Я. П. Полонский*, *Н. С. Лесков*, *Л. Н. Толстой*. Символисты *В. Я. Брюсов*, *К. Д. Бальмонт* привлекли его к сотрудничеству в альманахе «Северные цветы». В литературе Фофанова причислили к декадентам, чему способствовали его отрешенность от внешнего мира, урбанизм, поиски новых

путей в искусстве, уход от действительности в мир фантастики и иллюзий. Но у Фофанова были и произведения др. характера. Фофанов сыграл заметную роль в развитии русской поэзии. Мастер лирического пейзажа, певец весны и мая, он оставил несколько реалистических поэм («Очарованный принц», «Поэтесса», «Весенняя поэма», «Волки»). Фофанов склонен был к медитативной лирике («Монологи»). Стихи его отличались прозрачной чистотой и музыкальностью; на его слова написаны многие романсы и песни. Обремененный многочисленной семьей и всегда бедствовавший, Фофанов умер в больнице.

Соч.: Избр. стихотворения. М., 1918; Стихотворения. Л., 1939; Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1962.

В. С.

ФРАЗОВИК, одна из разновидностей русского дисметрического *верлибра* (свободного стиха) В основе строения фразовика лежит свободное членение поэтической речи на стиховые строки, где граница интонационной волны, отмечаемая концевой конструктивной паузой, является определяющим признаком членения. Эта пауза не всегда совпадает с логическим членением фраз. От прозы фразовики отличает не только внешняя форма — стиховые ряды, характерные для поэтической речи с ее особой, художественной интонацией, — но и определенные черты синтаксического построения, присущие именно стихотворному поэтическому произведению. Фразовик часто встречается в русской народной поэзии как древняя поэтическая форма, предшествовавшая акцентному стиху. «Слово о полку Игореве» в основном состоит из интонационно-фразовых стихов. Вот народный фразовик с разнородными *клаузулами* — стихи на смерть царя Алексея Михайловича:

Что это у нас, братцы,
В Каменной Москве приушло,
Что это приумолкло?
Заунывно зазвонили
У Ивана Великого в большой колокол,
Язык увивали черным бархатом.
Все князья, бояре догадались:
Они все с себя платье цветное скидывали,
Наряжались во платище черное, печальное.
И что это у нас, братцы,
В Каменной Москве приумолкло?
Знать, не стало у нас в Каменной Москве
Самодержца батюшки царя белого.

Из русских поэтов фразовиком писали *В. Жуковский, А. Фет, А. К. Толстой, А. Блок, М. Кузмин, И. Бунин* и др. Примеры:

Уж как на море, на море,
На синем камени,
Нагая краса сидит,
Белые ноги в волне студит,
Зазывает с пути корабельщиков:
«Корабельщики, корабельщики!
Что вы по свету ходите,
Понапрасну ищите
Самоцветного яхонта-жемчуга?..

(И. Бунин)

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

(А. Блок)

ФРАНКО Иван Яковлевич (27.08.1856—28.05.1916), малороссийский писатель. Родился в с. Натувичи, ныне с. Ивано-Франково Дрогобычского р-на Львовской обл. в семье сельского кузнеца. Окончил гимназию в Дрогобыче. В 1875 поступил на философский факультет Львовского университета.

Писать начал еще в гимназии; в студенческие годы широко развернулась его литературная и публицистическая деятельность. В 1878 вместе с М. Павликом издавал журнал «Громадський друг» («Друг общества»), выходивший под др. названиями («Колокол», «Молот»).

В 1891 (после десятилетнего перерыва) Франко сдал выпускные экзамены в Черновицком университете; в 1893 защитил докторскую диссертацию («Варлаам и Иосаф, старохристианский духовный роман и его литературная история») в Венском университете. Был избран доцентом кафедры малороссийской литературы и этнографии Львовского университета, но не был допущен к преподаванию. В 1906 ему присвоено Харьковским университетом звание почетного доктора русской словесности. Не оставляя публицистической и литературно-критической деятельности, оживившейся в период 1905—07, Франко в дальнейшем главное внимание уделял литературному творчеству, переводам и научной деятельности (труды в области истории, экономики, фольклористики, этнографии, литературоведения). Он выступил как новатор, открывший новые пути малороссийской общественной мысли, поэзии, прозы, драматургии.

Первый зрелый сборник стихов Франко «С вершин и низин» (1887) — наиболее выдающееся явление малороссийской поэзии после *Т. Г. Шевченко*. В стихотворении «Гимн» воспет творческий дух человека, преобразующего мир. Пафосом творчества проникнуты составляющие ядро сборника циклы политической лирики «Думы пролетария», «Вольные сонеты», «Тюремные сонеты». Этот и др. сборники стихов и поэм Франко — «Увядавшие листья» (1896), «Из дней печали» (1900), «Semper tiro» (1906) — отличались богатством и новизной тем и идей, жанров, строфики, ритмики, новаторским преобразованием канонизированных форм. Велик его вклад и в развитие жанра социально-философской поэмы («Смерть Каина», 1889; «Иван Вишенский» 1900; «Моисей», 1905, и др.).

Проза Франко положила начало новому этапу развития реализма в малороссийской литературе. Наиболее значительны повести «Воа constrictor» (1878) и «Борислав смеётся» (1881—82), историческая повесть «Захар Беркут» (1883), социально-психологические повести и романы «Лель и Полель» (1887), «Перепутья» (1900). Поэзия, проза и драматургия Франко (драма «Украденное счастье», написана в 1891) преемственно связаны с лучшими традициями русской прозы (*Л. Н. Толстой, Г. И. Успенский, М. Е. Салтыков-Щедрин*) и драматургии (*А. Н. Островский*).

Соч.: Соч. Т. 1—4. М., 1956—59.

Х

ХАЛАНСКИЙ Михаил Георгиевич (1[13].11.1857—30.03 [13.04].1910), историк литературы и фольклорист. Получил образование в Белгородской семинарии и в Харьковском университете на историко-филологическом факультете. С 1883 по 1891 был учителем русского языка и словесности в белгородской и харьковской 2-й гимназиях. В 1888 удостоен степени магистра русской словесности в С.-Петербургском университете. В 1889 совершил путешествие по славянским землям. После смерти *А. А. Потебни*, в 1891 занял кафедру русского языка и словесности в Харьковском университете. Научные труды Халанского: «Черты народного говора Шигровского уезда Курской губернии с приложением народных песен»; «О сербских народных песнях Косовского цикла»; «Великорусские былины Киевского цикла» (Варшава, магист. дисс., 1886); «Южно-славянские сказания о Кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса» (Варшава, 1893—96); «О влиянии В. Л. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина» (Харьков, 1900); «Я. П. Полонский в его поэзии» (Харьков, 1900); «Былина о Жидовине» (Варшава, 1890); «Экскурсия в область древних рукописей и старопечатных изданий» (Харьков, 1900—02); «О некоторых географических именах в русском и южно-славянском эпосе» («Русский филологический вестник», 1901); «К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем» («Журнал Министерства народного просвещения», 1902, авг.). В своих исследованиях русского эпоса Халанский отстаивает северно-русское происхождение былин. Придерживался православно-национальных традиций. Сотрудничал с журналом «*Мирный труд*».

ХАТЮШИН Валерий Васильевич (р. 13.11.1948), поэт, прозаик, критик, публицист, зам. гл. редактора патристического журнала «*Молодая гвардия*». Родился в г. Ногинске (Богородске) Московской обл. Закончил Высшие литературные курсы при Литинституте. Первая книга стихотворений «*Быть человеком на земле*» (1982).

Большой общественный резонанс имела его книга «*Русская кровь*» (1992), положившая начало поэтической серии «*Поэзия русского сопротивления*».

С первых лет «перестройки» Хатюшин на страницах патристических журналов и газет вступил в открытую борьбу с сионистско-руссофобской идеологией, пронизавшей российские СМИ, культуру, политику. В своих книгах Хатюшин открывает людям глаза на сущность космополитического искусства, развенчивает ложные либеральные «ценности», доказывает преступность горбачевско-ельцинского режима. Итогом большой работы стала книга «*Черные годы. История нашей борьбы*» (2001), охватившая период «перестройки» и «демреформ».

Тонким лиризмом и проникновенной философичностью пронизаны его стихотворные сборники: «*Деревья собираются в дорогу*» (1987), «*Вечерний свет*» (1989), «*Год Польшы*» (1990), «*Избранные стихотворения*» (1998), «*Разлука*» (2000).

Наравне с поэтическим творчеством Хатюшин выступал в печати и как прозаик. Первая книжка рассказов издана в 1992. Глубокие переживания происходящих в стране событий заставили писателя обратиться к художественно-мистическому изображению действительности. В 2001 вышел в свет роман «*Поле битвы*».

В 2002 читатели получили книгу Хатюшина «*Критика*», в которую вошли литературно-критические статьи, написанные в течение двух последних десятилетий. В 2000 Хатюшин издал аллегорическую пьесу «*Зеленые розы*» и новую поэтическую книгу «*Прищел*», продолжившую серию «*Поэзия русского сопротивления*».

Соч.: (кроме указ. выше): *Кровная связь*: Статьи. М., 1990; *Посмотрим истине в глаза, или Что спасет Россию*: Статьи. М., 1990; *Урок на века*: Статьи. М., 1992; *Проблеск во тьме*: Рассказы. М., 1992; *Горькие плоды*: Критика. М., 1992; *Пароль президентской власти*: Статьи. М., 1994; *Перед выбором жизни и смерти*: Статьи. М., 1995; *Под колесом истории*: Статьи. М., 1996; *Русским нужен вождь*: Статьи. М., 1997; *Пришла пора*: Стихи. М., 1997; *Когда у власти враги*: Статьи. М., 1998; *Зеркало еврейской демократии*: Статьи. М., 1999; *Поле битвы*: Роман. М., 2001.

ХВАТОВ Александр Иванович (р. 12.02.1919), критик, литературовед. Родился в д. Посошниково Ярославской обл. Окончил факультет языка и литературы Ленинградского педагогического института (1941). В 1958—61 — зав. отделом критики журнала «*Нева*», с 1955 — зав. кафедрой литературы Ленинградского института культуры; член редколлегии журнала «*Наш современник*» (с 1970). Докторская диссертация: «*Творчество М. А. Шолохова*» (1965). Автор книг «*Александр Малышкин. Очерк жизни и творчества*» (1959), «*Писатель и его герои*» (1969), «*Художественный мир Шолохова*» (1970), статей, посвященных проблемам современного литературного движения.

ХВОСТОВ Дмитрий Иванович (19[30].07.1757—22.10[2.11].1835), писатель. Родился в Петербурге. В 1765—72 учился в Московском университетском пансионе и Московском университете. В 1799—1802 — обер-прокурор Синода. Участвовал в издании журнала «Друг просвещения» (1804—06); собирал сведения о русских писателях для составлявшегося им словаря, но не довел эту работу до конца. Хотя некоторые произведения Хвостова (напр., перевод «Андромахи» Ж. Расина, 1794) пользовались успехом у читателей, большинство их (оды, послания, драмы и др.) представляло собой эпигонское следование классицизму. Архаизм стиля и языка, усилия, прилагавшиеся Хвостовым для многократных изданий и распространения своих сочинений, сделали его постоянной темой эпиграмм и пародий современников, в т. ч. *А. С. Пушкина*.

Соч.: Полн. собр. стихотворений. 3-е изд. Т. 1—7. СПб., 1828—34; [Стихотворения] // Поэты 1790—1810-х гг., [Л.], 1971.

ХВОЩИНСКАЯ Прасковья Дмитриевна (псевд. *С. Зимарова*) (1832—17[30].08.1916), писательница. Родилась в Рязани. Младшая сестра *Н. Д. Хвоцинской* (см. Крестовский В.) и *С. Д. Хвоцинской*. Дебютировала в 1864 повестью «Рассказ экономки», в которой, как и в повести «Рассказ дворянки» (1865), показала уродливость крепостнических отношений, духовное оскудение дворянства. Написанные в 1879 рассказы «Утрата», «Семейная скорбь», «На покое» носят эскизный характер.

Соч.: В городе и в деревне: Очерки и рассказы. 2-е изд. СПб., 1885; Биография *Н. Д. Хвоцинской* // Крестовский В. Собр. соч. Т. 1. 2-е изд. СПб., 1898.

ХВОЩИНСКАЯ Софья Дмитриевна (псевд. *Ив. Весеньев*) (20.05[1.06].1828—5[17].08.1865), писательница. Родилась в с. Воронки Рязанского у. Сестра *Н. Д. Хвоцинской* (см. Крестовский В.) и *П. Д. Хвоцинской*. Окончила Екатерининский дворянский институт в Москве. Печаталась с 1857 в «Отечественных записках», «Библиотеке для чтения» и др. изданиях. В повести «Знакомые люди» (1857) нашла отражение главная тема всего творчества Хвоцинской — изображение провинциальной жизни России в эпоху 50—60-х XIX в.; четко выявлены в ней и симпатии автора. Повесть «Сельцо Лысково» (1859) обличает нарождавшееся буржуазное хищничество, нравственное приспособленчество, прикрываемое «благородными» мотивами. Бедственное положение крестьян изображено в очерках «Простые смертные» (1858), в повести «Как люди любят природу» (1860), рассказе «Биография одного семейства» (1860). В очерках «Маленькие беды» (1865) показано, как новыми хозяевами в деревне становятся приказчики, управляющие. Тип образованного дворянина, растратившего жизнь на «микроскопические дела», создан в повести «Зерновский» (1859), романах «Мудреный человек» (1861), «Городские и деревенские» (1863), «Домашняя идиллия недавнего времени» (1863). Важная тема творчества Хвоцинской — развенчание «великолепно дрессированной» обывательщины; отсюда — резко сатирический, гротескный характер ряда ее произведений (очерки «Плач провинциала», 1861; «Кое-что из наших нравов», 1862, и др.). Творческую манеру Хвоцинской отличают также использование яркой художественной детали, умение воспроизвести образный язык людей простого звания, мастерство сложения сюжета.

Г. М.

ХЕМНИЦЕР Иван Иванович (5[16].01.1745—19[30].03.1784), поэт. Родился в Енотаевской крепости Астраханской губ. в семье военного штаб-лекаря, выходца из Саксонии. В 1757 поступил рядовым в русский Нотенбургский пехотный полк; участвовал в походах периода Семилетней

войны. Служил офицером для «курьерских посылок» при генерал-аншефе А. М. Голицыне (1769). Тогда же познакомился с *Н. А. Львовым*, вошел в круг столичных литераторов; оставил военную службу, начал работать в Горном училище, которым ведал М. Ф. Соймонов — родственник Львова. В 1776 Хемницер и Львов сопровождали Соймонова в его поездке по Голландии, Германии и Франции; в дневнике, который вел Хемницер во время путешествия, есть интересные заметки об искусстве, о картинах Т. П. Рубенса и портретах работы Ж. Б. Грёза. «По должности» Хемницер переводил и редактировал минералогические книги («Кобальтостроение» И. Лемана, 1778, и др.), а «для себя» писал *басни* и сказки в стихах. С одобрения Львова, *В. В. Канниста*, *Г. Р. Державина* была выпущена его небольшая книжка «Басни и сказки Н. Н., в стихах» (1779; 2-е изд. 1782, также анонимно). В 1779 Хемницер получил место генерального консула в Смирне и уехал в Турцию, где умер после тяжелой болезни.

В 1799 вышла книга «Басни и сказки И. И. Хемницера» (ч. 1—3) с изображением урны и с эпиграфией поэта: «Жил честно, целый век трудился и умер наг, как наг родился». В баснях Хемницера сквозь традиционную дидактическую форму пробивалась «чувствительность», свойственная произведениям сентиментальной литературы к. XVIII в. Хемницер строил свои сюжеты как поучительные сценки, лукавые аллегории, иронические диалоги. В баснях вслед за *А. П. Сумароковым* разрабатывал разноstopный комический стих, который позже был доведен до совершенства *И. А. Крыловым* и *А. С. Грибоедовым*. Хемницер следовал поэтике классицизма, но при этом превыше всего ценил принципы простоты и верности натуре, что сказалось в содержании и общем строе таких его басен, как «Воин», «Побор львиный», «Чужая беда» и др. Участник Семилетней войны, Хемницер осуждал захватнические войны («Дом», «Два льва соседи», «Народ и идолы»). Некоторые басни Хемницера, в которых подвергались осмеянию кичливость господ, лихоимство чиновников и др. общественные пороки, неизменно исключались из его прижизненных сборников («Писатель», «Земля хромоногих и картавых», «Боярин Афинский»), хотя в целом взгляды Хемницера не выходили за рамки умеренно-просветительских идеалов. Интересом к философии отмечены басни «Строитель», «Резчик и статуя», «Буквы» и др. Обобщенный портрет «мудреца», пытающегося «сыскать начало всех начал», «в метафизическом беснуясь размышлень», создан в басне «Метафизик». Басни Хемницера подготовили почву для басенной реформы *И. И. Дмитриева*.

Соч.: Соч. и письма / Биографич. ст. и прим. Я. Грота. СПб., 1873; Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1963.

Э. Б.

ХЕРАСКОВ Михаил Матвеевич (25.10[5.11].1733—27.09 [18.10].1807), писатель. Родился в Переяславле на Полтавщине. Из знатной семьи валахских бояр. Окончил Сухопутный шляхетский корпус в Петербурге (1751). Издавал журналы

«Полезное увеселение» (1760—62), «Свободные часы» (1763). В 1763—1802 был (с перерывами) директором, затем куратором Московского университета. В историю русской литературы Херасков вошел как крупнейший представитель русского классицизма, в творчестве которого обозначилось движение к *сентиментализму*, как автор эпических поэм. В дидактической поэме «Плоды наук» (1761) Херасков, споря с Ж. Ж. Руссо, вполне в духе классицизма доказывал практическую и моральную пользу науки.

Поэма «Чесменский бой» (1771) посвящена современной теме. В полном соответствии с поэтикой классицизма находится поэма «Россияда» (1779). Поэма написана шестистопным ямбом, высоким слогом; в ней изображено важное событие из истории страны — покорение царем Иваном Грозным Казанского царства. Принятие Русью христианства лежит в основе сюжета поэмы «Владимир Возрожденный» (1785). Откликом на события французской революции 1789 явилась поэма «Царь, или Спасенный Новгород» (1800), в которой автор стремился представить «ужас безначальственного правления, пагубу междоусобий, бешенство мнимой свободы и безумное алкание равенства». Некоторое влияние поэмы-сказки Хераскова «Бахариана» (1803) сказалось на поэме *А. С. Пушкина* «Руслан и Людмила».

Последователем классицизма Херасков выступил и в драматургии (написал 20 пьес, включая переводы-переложения): трагедии «Пламена» (1765), «Борислав» (1774), «Идолопоклонники, или Горислава» (1782), «Освобожденная Москва» (1798), комедия «Безбожник» (1761), «Ненавистник» (1774, опубл. 1779) и др. Однако в первой и самой значительной трагедии Хераскова «Венецианская монахиня» (1758) заметны некоторые отступления от канонов классицизма: в трагедии три, а не пять актов, построена она на современном материале, в основе сюжета — любовная страсть, заставляющая героя трагедии решиться на позорную смерть ради спасения чести своей возлюбленной. В «слезных драмах» «Друг несчастных» (1774), «Гонимые» (1775) и др. Херасков изображает жизнь страдающих людей, используя приемы и мотивы сентименталистской драматургии.

Проза Хераскова эволюционировала от философско-нравоучительного романа об идеальном государстве с царем-философом на троне («Нума Помпилий, или Процветающий Рим», 1768) к роману с запутанной любовно-авантюжной интригой, показывающему историю человеческой души («Кадм и Гармония», 1786). Герой романа Кадм сначала погрязает в пороках, затем становится добродетельным, обретает Гармонию (это и жена героя, и обозначение его душевного состояния). В романе «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794) содержится резкая критика французской революции: жители изображенного здесь

острова Терзит (по имени отрицательного персонажа «Илиады» Гомера), находясь в безначалии, превратились в буйное стадо. Проза Хераскова тяготеет к ритмичности; она многословна, изобилует словесными украшениями. Лирика Хераскова, разнообразная по жанрам, медитативна, для нее характерны нравоучительная проповедь умеренности, сетование на испорченность современного общества, которому противопоставляется тихая жизнь на лоне природы («Истинное благополучие», «О разуме», «К А. А. Ржевскому» и др.).

Соч.: Творения. Ч. 1—12. М., 1796—[1803]; Творения. 2-е изд. М., 1807—12; Избр. произв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. В. Западава. Л., 1961.

М. А.

ХЛЕБНИКОВ Велимир (наст. имя **Виктор Владимирович**) (28.10[9.11].1885—28.06.1922), поэт, прозаик, драматург. Родился в с. Тундутово в Малодербетовском уезде Астраханской губ. в дворянской семье, отец — ученый-естественник, орнитолог, мать — по образованию историк.

Детство проходит в семейных переездах (Волынская и Симбирская губ.) и завершается окончанием в 1903 гимназии в Казани, после чего следует поступление в Казанский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Осенью 1908 Хлебников уезжает в Петербург и поступает там в университет на III курс того же факультета, что и в Казанском университете. В Петербурге происходят его первые литературные знакомства (*Н. Гумилев*, *С. Городецкий*, *О. Мандельштам*, *М. Кузмин*, «подмастерьем» которого вскоре себя Хлебников назовет).

В 1910 выходит 1-й сборник футуристов с придуманным Хлебниковым названием «Садок судей». Хлебников становится и безусловным, несмотря на исключительную скромность и житейскую отрешенность, идейным и творческим центром создавшейся группы футуристов (по его собственному определению — будетлян).

Первое из крупных произведений Хлебникова поэма «Журавль» (1909) представляет собой как бы предупреждение человечеству об ожидающих его печальных последствиях, если оно допустит преобладание над «мыслеземом» и «князь-материей» косных и мертвых сил, носящих видимость достижений технического прогресса (истребление людей хищно ожившими машинами). К этой теме он будет обращаться и в дальнейшем («Змей поезда: Бегство», 1910; «Бунт жаб», 1913—14), но в следующих за «Журавлем» т. н. мифологических поэмах «Лесная дева» (1911), «И и Э» (1911—12), «Вила и леший», «Шаман и Венера» (обе — 1912), «Сельская дружба» (1913) изображается мир подлинно гармонического существования человека в лоне природы, воспринимаемого как сказочное прошлое: «свободные сны о каком-то прекрасном и немножко страшном мире стихийных и значительных вещей...» (Мирский Д.)

В 1911 Хлебников уходит из университета, и для него до самых последних дней начинается жизнь, полная скитаний и материальной неустроенности, но исполненная неслабеющей творческой одержимости. Его произведения пуб-

ликуются в футуристических альманахах и групповых сборниках, носящих по своему содержанию, оформлению, а также названию печать яркой, бросающей вызов новизны: «Пощечина общественному вкусу», «Дохлая луна», «Требник троих» (все — 1913), «Молоко кобылиц» (1914). В 1912 выходят и его первые книги «Учитель и ученик» (Херсон), «Мирсконца» и «Игра в аду» (обе — М.), последние две в соавторстве с А. Крученых. К этому же времени относятся и первые высказывания о его творчестве. М. Кузмин в 1909 упоминает в своем дневнике о «вещах» Хлебникова, в которых «есть что-то яркое и небывалое», и далее он называет их «гениально-сумасшедшими». Появление стихов Хлебникова в обоих «Садках судей» (2-й вышел в 1913) сразу же было зафиксировано Н. Гумилевым, обратившим внимание на то, что образы Хлебникова «убедительны своей нелепостью», а мысли — «своей парадоксальностью». Гумилев первый отметил и исключительное жанровое своеобразие творчества Хлебникова: «теоретические исследования в области стиля и иллюстрация к ним». «Теоретическая» часть и художественный текст составляли единое целое, подчиняясь более высокой, уже как бы сверххудожественной задаче, перед которой традиционное жанровое деление, напр., на лирику, драму, эпос или прозу не имело по существу уже никакого значения. Одной из таких сверхзадач становится для Хлебникова проблема времени, впервые именно у него становящаяся главной темой поэзии.

По Хлебникову, время обратимо и вполне возможно преодоление его исторической сущности как проклятия, когда даже смерть станет не чем иным, как «временным купанием в волнах небытия» («Наша основа», 1919), тем более это существенно и важно, поскольку «после купания в водах смерти люд станет другим» (повесть «Ка», 1915). Эта мысль звучит уже в диалогах «учителя и ученика» («О словах, городах и народах», 1912): «Видишь ли, я думаю о действии будущего на прошлое». Закон этой обратимости в виде «повторения мировых волн» можно вычислить путем сопоставления дат самых разных исторических событий. Таким сопоставлением Хлебников всю жизнь и занимался — и не безрезультатно, поскольку уже в том же «Учителе и ученике» подсчет катаклизмов мировой истории завершается предположением относительно России: «...не следует ли ждать в 1917 году падения государства?» В том же 1912 в сборнике «Пощечина общественному вкусу» Хлебников публикует заметку под названием «Взор на 1917 год», где список дат падений разных государств заканчивается тем же роковым 1917 для России, скрытой здесь под криптограммой «Некто» («Некто 1917»). Проблема обратимости времени находит у Хлебникова выражение не только в математических вычислениях истории или даже прямом предвидении, но и в художественной реализации произведения, напр. в композиции драмы «Мирсконца» (1912), начинающейся со старости героев (и даже смерти одного из них), а завершающейся ремаркой: «Поля и Оля с воздушными шарами в руке, молчаливые и важные, проезжают в детских колясках». Художественное решение проблемы обратимости времени наталкивает Хлебникова на открытие даже особого жанра «сверхповести», реализованного в «Детях Выдры» (1913) — некоем космическом мифе, где отсутствие логики времени заменяется единовременным существованием разных исторических явлений: «Ганнибал, Будетлянин, Святослав, Ломоносов». В упомянутой выше повести «Ка» идея обратимости времени реализуется в главном герое, которому «нет застав во времени».

Одержимость решением проблемы времени выводит, наконец, Хлебникова и вовсе за пределы художественного творчества. Проживая в 1916 в Москве, он задумывает организацию «Государства Времени», куда должны будут войти лучшие люди современности — «Председатели земного шара» — числом 317 человек, которые могли бы диктовать «правительствам пространства» («пространство» — более низшая, бытовая категория бытия) волю Добра и Гармонии. Само понятие числа, способного властвовать над историей, также становится одним из существеннейших феноменов хлебниковского творчества и обретает свое даже образное существование в таких выражениях, как «весна чисел», «чисел нежные кривые» («Сестры молнии», 1915—21), «Запах вещей числовой / Между деревьев стоит» («Царапина по небу: Прорыв в языки», 1922). «Хлебников не просто вычислял, он мыслил числами и даже каким-то труднопостижимым образом чувствовал и ощущал мир в числе» (Дуганов Р.) — об этом свидетельствуют его собственные признания в заметках 1920—21: «Я чувю, боль огня и липы запах будут водопадом чисел. Это мой ум»; «Пьянею числами»; «Числа! голые вы вошли в мою душу, и я вас оде<вал> одеждою земных чувств и народов». Через числа определял он и свою роль демиурга: «Моя задача — построить во второй раз мир из бревен троек и двоек».

Преобразование мира мыслится Хлебниковым не только путем постижения тайны числа, но и тайны слова, раскрытие которой представлялось поэту через не знающий пределов филологический эксперимент. Результат его работы по перестройке поэтической речи, свободно отныне включающей огромнейший материал бытового, архаического, диалектного, фольклорного, научного, инонационального языка, а также самим изобретенных неологизмов, оказался грандиозным. В основе исключительной новизны поэтического языка Хлебникова — отношение поэта к слову как к миру; даже такой малый, лишенный какого-либо самостоятельного предметно-смыслового значения словесный элемент, как звук, оказывается здесь соответствующим тому или иному моменту, признаку, явлению реальной действительности. Это отмечается уже Гумилевым: «Он (Хлебников. — А. М.) верит, что каждая гласная заключает в себе не только действие, но и его направление: таким образом, бык — тот, кто ударяет, бок — то, во что ударяют; бобр — тот, за чем охотятся, бабр (тигр) — тот, кто охотится, и т. д.». Хлебниковым была даже составлена «азбука понятий», в которой устанавливались соответствия между отдельными звуками и свойствами реального мира на уровне, напр., цвета (М — синий, Л — белый, слоновая кость, Б — красный, рдяный, З — золотой) или пространственных перемещений (В — «вращение одной точки кругом другой», «слияние нескольких поверхностей в одну», Ч — «пустота одного тела, заполненная объемом другого тела» («Художники мира!», 1919). По свидетельству современника, он составил также «таблицу шумов», состоящую из согласных, поскольку пренебрегал гласными, «которые были, по его мнению, женственным элементом в речи и служили лишь для слияния мужественных шумов» (Петровский Д.). Все это проистекало из глубочайшего убеждения поэта в том, что «слова были подобием мира».

«Хлебников хотел раскрыть слово для мира, вычислить всю его магию, чтобы владеть ею для преобразования окружающего в Ладомир» (Марков В.).

На теоретическом уровне необходимость словотворчества сам поэт определял как способ извратить поэзию от

«книжного окаменения языка». Это, согласно лингвистической мифологии Хлебникова, не совсем оказывалось и трудным, поскольку «каждый корень изна<чально> все формы образовывал» (запись в тетради 1908). Новообразование Хлебникова чаще всего не нарушают законов языка, поэт стремился выявить скрывавшуюся в слове поэтическую потенцию («грезютка», «грустиночка», «клинопад», «снежмочка», «солнцелов», «Тихославль», «царепад»; «Там, где жили свиристели, / Где качались тихо ели, / Пролетели, улетели / Стая легких времирей» («Там, где жили свиристели...», 1908); «Сыновеет ночей синева...», 1920).

Высшую цель своего словотворчества Хлебников видел в создании т. н. «звездного» или «заумного» языка, не находя ничего предосудительного в последнем синониме, оправдываемом существованием таких понятий, как «зачерный», «залесный» край. Аналогично этому следует понимать и «заумный» язык, т. е. выходящий пока за пределы нынешнего состояния ума, но могущий стать понятным для всеобщего уразумения в будущем. В своем оправдании «заумного» языка прибегает он и к следующей аргументации: «Заумный язык есть грядущий мировой язык в зародыше. Только он может соединить людей. Умные языки уже разъединяют» («Наша основа»).

Следствием творческой экспансии Хлебникова в слово, а через него и во все бытие планеты и космоса становится ощущение масштабности и как бы раздвинутости пространства. Отмеченным еще в 1913 ощущением глобальности хлебниковского эпического мира («Многие его строки кажутся обрывками какого-то большого, никогда не написанного эпоса» — Гумилев Н.) проникнута и лирика поэта, напр. знаменитое шестистишие «Годы, люди и народы...» (1916) — о пребывании человеческого «бытия» в космосе; отдельные образы природы открывались поэту благодаря тому, что ему было как бы доступно созерцание ее на протяжении чуть ли не всей вечности: «Ты смотришь, задумчиво зоркая, / Как слабо шагает медведица» (имеется в виду созвездие Медведицы — «Три сестры», 1921). Глобальность представляла важнейшей художественной доминантой в поэзии Хлебникова. Сама личность поэта внушала его современникам впечатление чего-то крупного и значительного. Хлебников говорил, что на месте его рождения «соединяются три мира — треугольник Христа, Будды и Магомеда». Поэт как бы вносил «с собой какую-то особенную, облегающую его атмосферу громадного пространства. Казалось, на плечах Велемира лежит этот “Великий мир”» — Великий мир — космическое... Вспомнилась сказка Жакова о том, как болид слетает на землю в виде юноши». По поводу открывшихся ему законов в исчислении «исторических волн» Хлебников высказывался: «Я просто брал живые величины времени, стараясь раздаться донага от существующих учений» («Доски судьбы», 1922).

В творчестве Хлебникова значительно возрастает способность самого образа изображать мир многозначно, на разных его срезах и уровнях. Напр., в облике русалки в поэме «Поэт» (1919—21): «Глаза ночей. / Они зовут и улетают / Туда, в отчизну лебедей, / И одуванчиком сияют / В кругах измученных бровей» — сквозь поэтически прекрасный образ мифического женского существа просвечивают черты лежащей в его основе трагической реальности (глаза утопленницы). Подобное поэтическое мышление соотносит поэзию Хлебникова с важнейшими открытиями искусства XX в. В стихотворении «Молот» (1919—21) дробимая молотом каменная порода препод-

носится как мертвое засохшее море, в котором потенциально таятся живые существа: «Удары молота в Могилу моря, / В холмы русалок, / По позвонкам камней, / По пальцам медных рук...» «Увидеть в камне когда-то бывшее море и населить его флорой, фауной и мифологией, в ударах молота по породе увидеть удары по глазам русалок — для такого сочетания точности и фантазии нужно быть большим поэтом <...>, причудливая смесь метафор, мифологических видений и геологии производит сюрреалистическое впечатление» (Марков В.).

Хлебникову принадлежит, безусловно, первенство в области существования обновления поэтики русского стиха. Осуществлялось это им не только за счет обильного включения неологизмов и выявления предельных потенций образного слова, но и путем введения в высшую категорию художественности в случае того, что считалось доселе в ней нежелательным, случайным, недоработанным, наивно вкравшимся, вплоть до lapsus'a. «Новое зрение Хлебникова, язычески и детски смешивающее малое с большим, не мирилось с тем, что за плотный и тесный язык литературы не попадает самое главное и интимное, что это главное, ежеминутное оттеняется “тарюю” литературного языка и объявлено “случайностью”».

Инфантилизм — как выражение наивно-свежего взгляда на мир — ощущим и в лирике поэта, как бы воспроизводящей «первозданный строй человеческой души», особенно в пейзажных образах: «Бежал река, по что, куда? <...> Милочь и любочь счастливой четой / Идут вдвоем по тропинке глухой, / А за ними вдали голубая река / Катит валами всегда глубока. / А над ними шатры хвои сине-седой, / А за ними пастух, одинокий, молодой...» («Грезирой из камня немот...», 1906—08); «За осоклой грезных лет / Бегут струи любвины...» («Нега неголь», 1907); «Но моряной любес опрокинут, / Чей-то парус в воде кругло-синей...» («В этот день голубых медведей...», 1919); «К девам и женам / Катись медвежонком...» («Русь, зеленая в месяце Ай!», 1921).

Новаторство Хлебникова в области словесно-образной формы и мироощущения пополнялось и нововведениями в ритмическом строе стиха: им «был разрушен впервые мелодийный канон в поэзии путем размыкания внезапно прерванных ритмических цепей» (Асеев А.).

Этика Хлебникова также носит печать исключительного своеобразия творческой личности поэта. Понятия добра и зла в плане онтологическом для него не существует, о чем свидетельствует хотя бы стихотворение «Где засыпает невозможность на ладонях поучения...» (1921), в котором он предлагает смешать в напитке общем все: «С венком купен — волчицы чельсть, / С убийцею задумчивое ладо, / С столетьями мгновенный легкий шелест / И с хмелем лоз — стаканы яда». Для него и могильные черви («червьядь»), которым уделяется в его поэзии достаточное внимание, поют наравне со всем прочим свою «песнь мироздания». В «инфантильном» мировосприятии поэта словно бы не существует взгляда, разделяющего мир на его светлые и темные стороны: «Там небеса стоят зеленые, / Какой-то тайной утомленные. / <...> Там жаба тихо умирает / И ею уж овладевает» («Вила и леший»). Однако, устранив дуализм добра и зла на уровне бытийственном, Хлебников активно утверждает их противоречие на уровне творческом, проводя четкую границу между людьми, чей прорыв направлен в будущее, откуда уже ощущимо «дует ветер богов слова» («Свояси», 1919), людьми-изобретателями и людьми-приобретателями, потребителями, что на языке Хлебникова означает непримиримый пока еще конфликт

между «людьми времени» и «людьми пространства». И тут неприятно подлежит все, что препятствует творческим устремлениям «людей времени». Призванный в 1916 в армию, Хлебников больше всего страдал от мысли, что занятие ненужным делом убивает в нем творца-будетлянина. Дело самой войны — как разрушение, гибель — воспринималось им крайне негативно не столько по отношению к себе, сколько по отношению к России, «сыны» которой («Колосья синих глаз, / Колосья черных глаз...»), увы, обречены удобрять «пажитей прах» («Берег невольников», 1921). «Правда, что юноши стали дешевле?» — с горечью восклицает он в поэме «Война в мышеловке» (1915—22). Духовно-творческие силы России осознаются Хлебниковым в абсолютном единстве с собственными: «Я клетка волоса или ума большого человека, которому имя Россия» («Юноша я — мир», до 1914). Проницательным современником вскоре же после смерти поэта были отмечены и его «опьянение русским языком», и его «способность проникать в самую глубину, сердцевину творчеств русских сил и предвидения» (Кузмин М.).

В революции 1917 Хлебников запечатлел как выплеск, разгул социальных эмоций с преобладанием чувства мести со стороны люмпенских элементов по отношению к власти имущим, аристократии и интеллигенции (поэмы: «Ночь перед Советами», 1920; / Пракча. Горячее поле», «Настоящее», обе — 1921), так и наивное присоединение утопических идеалов будущего к политическим идеям переворота («Ладомир», 1920). Вместе с тем образно-ассоциативное видение Хлебниковым революции обличает в нем и ее отрицателя: делающий революцию предстает здесь «с рукой в крови взамен знамен...» («Ладомир»), ее священные атрибуты выступают и знаками насилия, жестокости, смерти: «И знамена, алей коня, / Когда с него содрали кожу, / Когтями старое казня, / Летите на орлов похожи!» («Ночь в окопе», 1921). Поэт высказывался о том, что «первая заглавная буква новых дней свободы так часто пишется чернилами смерти» (Петровский Д.). Изображая в поэме «Ночной обыск» (1921) на высочайшем художественном уровне «силу взаимной классовой ненависти белых и красных» (Мирский Д.), он с сочувствием рисует облик бело-гвардейского мальчишка, расстрелянного матросской братвой, глумящейся заодно и над висящим в углу образом Спаса. Поэма завершается полной пророческого провидения трагедией возмездия.

По свидетельству близко общавшегося тогда с Хлебниковым Дм. Петровского, его вообще «угнетала революция», как «она выявлялась тогда, но не верить он не хотел и бодрился». Не случайно в годы создания революционных поэм, в противовес им, он снова обращается к своему прежнему мифологическому эпосу и создает проникнутые приятием мира, светлым чувством природы прекрасные пантеистические идиллии «Три сестры» (1920, 1921), «Лесная тоска» и «Поэт» (обе — 1921), а также близкое им по духу стихотворение «Русь, зеленая в месяце Ай!» (1921), исполненное гармонией языческих переживаний времен года с их дохристианским простодушием и весельем.

Все годы революции и гражданской войны Хлебников ведет неприкаянный, бродячий образ жизни. В 1920 он переносит два тифа и две тюрьмы (у белых и у красных), попадает в Харьков в психиатрическую больницу (Сабурова дача), находившиеся здесь имажинисты (С. Есенин, А. Мариенгоф) устраивают ему шутовскую (воспринятую им всерьез) коронацию на звание Председателя земного шара. В июне вместе с Красной Армией попадает в Персию, а в авг. возвращается в Баку, откуда переезжает в Пя-

тигорск и осенью, голодный и раздетый, добирается до Москвы, где поселяется у художника П. Митурича. Творческой работы, однако, не прекращает, в Персии им создается прекрасное стихотворение «Ручей с холодной водой...», работает над очередной свержповестью «Зангези» и книгой «Доски судьбы» (продолжение вычислений «мировых волн» с целью «судьбопознания» и «судьбоплавания»). Обе выходят отдельными изданиями на следующий год, уже после смерти поэта. В поэзии этого завершающего этапа нередко обнаруживаются пессимистические ноты, осознание Хлебниковым своего одиночества, своей несвоевременности в чуждом ему времени: «Случалось ли вам лежать в печи / Дровами / Для непришедших поколений?» («Синие оковы»); «Мне, бабочке, залетевшей / В комнату человеческой жизни, / Оставить почерк моей пыли / По суровым окнам подписью узника» («Зангези»). Поэтическим откровениям сопутствуют и признания в прозе: «Я чувствую гробовую доску над своим прошлым. Свой стих кажется чужим» (из записной книжки, 7 дек. 1921). В его самых последних, предсмертных стихах — пророческое завещание своим последователям быть «людьми времени», а не «пространства»: «Далекий и бледный, но не <житейский> / Мною указан вам путь...» («Не чертиком масленичным...», май — июнь 1922).

В мае 1922 Митурич увозит больного Хлебникова в надежде дать ему подлечиться и окрепнуть в деревеньку Новгородской губ., где спасти его, однако, уже не удается: у него отнимаются ноги, и он в страшных мучениях умирает. В 1960 его прах с погоста д. Ручьи (Новгородской губ.) был перевезен в Москву на Новодевичье кладбище. Существует, однако, версия, что по незнанию точного места захоронения Хлебникова был вырыт и увезен прах другого человека. На оставшейся в Ручьях «подлинной» могиле поэта в 1986 был поставлен памятник работы скульптора В. Клыкова. Т. о., в настоящее время у Хлебникова имеется две могилы, что вполне соответствует уникальной «привилегии» Председателя земного шара, а также одной из его ранних записей: «Быть в разных местах, но в одно время»

Соч.: Собр. соч.: В 5 т. Л., 1928—33; Неизд. произв. М., 1940; Стихотворения и поэмы. Л., 1960; Творения. М., 1987.

Ист.: Русские писатели. XX век. Биобиблиографический словарь. Т. 2. М., 1998. С. 519—526.

А. Михайлов

ХМЕЛЬНИЦКИЙ Николай Иванович (11[22].08.1789—8[20].09.1845), драматург. Родился в Петербурге в дворянской

семье. Окончил Горный кадетский корпус (1804). Был смоленским (1829—37) и архангельским (1837—38) губернатором. Ранние комедии и водевили Хмельницкого («Говорун», 1817, и др.) — большей частью переделки и переводы с французского языка. Как и для оригинальных пьес («Светский случай», 1829, и др.), для них характерен легкий афористический стих, свободный от архаизмов. В известной мере Хмельницкий является предшественником А. С. Грибоедова. В соавторстве с

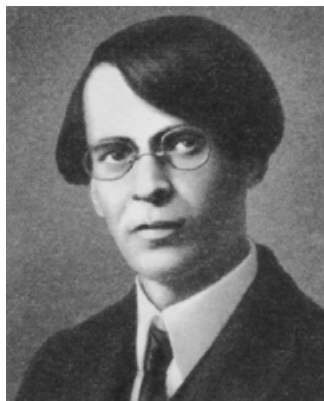
Грибоедовым и А. А. Шаховским он написал комедию «Своя семья, или Замужняя невеста» (1818). Посмертно опубликованы (1849) его «исторические комедии»: «Русский Фауст, или Брюсов кабинет», «Царское слово, или Сватовство Румянцева», «Обер-кухмейстер Фельтен», «Зиновий Богдан Хмельницкий». Писал также юмористическую прозу и стихи.

Соч.: Соч. Т. 1—3. СПб., 1849.

Л. Ч.

ХОВАНСКИЙ Григорий Александрович (1767—1796), князь, поэт. Печатал свои стихи преимущественно в журналах *И. А. Крылова* и *Н. М. Карамзина*, лично его знавшего и посвятившего его памяти стихотворение. Отдельно Хованский издал свои стихи «Мое праздное время» (СПб., 1793) и «Жертва Музам» (1795). Хованский обладал поэтическим талантом, особенно выразившимся в его песнях, написанных им в народном русском духе: «Я вечер в лугах гуляла, грусть хотела разогнать», «Долго-ль в свете одинокой мне скитаться, слезы лить», «Ах, луга, луга зелены, где так часто я гулял!» и др. Остальные стихотворения солдатские и сатирические, послания, статьи, элегии, романсы, идиллии и проч., а также переводы из Флориана, Вольтера, Анакреона (подражания), Фридриха II и оды, из которых отдельно издано: «Стихи на мир, заключенный между Россией и Швецией» (СПб., 1790).

ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович (16[28].05.1886—14.06.1939). Родился в Москве. При жизни Ходасевича было издано 5 поэтических сборников. Прежде всего Ходасевич большой поэт, но известен и как блестящий мемуарист, историк литературы, переводчик. Впервые его стихи опубликованы в 1905 в альманахе «Гриф».

В 1908 вышла его первая книга — «Молодость». Второй сборник «Счастливый домик» был опубликован в марте 1914 и дважды переиздавался в Берлине (в 1921 и в 1922). Третий сборник «Путем зерна» вышел после 1917. В 1922 Ходасевич эмигрировал. Жил в Берлине, Праге, в Италии, в 1925 поселился в Париже. Последняя прижизненная книга стихотворений была издана в 1927. Стихи Ходасевича, писал Г. Адамович, узнаешь сразу, они настолько своеобразны, что «под ними не нужна подпись» («Звено». 27 июля 1925). И вместе с этим определеннейшим своеобразием — чистота стиля, безупречно четное отношение к слову, отсутствие всего лишнего, декоративного, одухотворенность, связь с благородной классической традицией. Прекрасно сказал о Ходасевиче В. Смоленский, постигший душу его поэзии: «Чуть слышно, сквозь мечту и бред, / Им говоришь про вечный свет, / Простой, как эта жизнь земная». В 1920-е Ходасевич становится ведущим эмигрантским критиком. В течение 11 лет он публиковал литературно-критические статьи в газете «Возрождение», многие из них о поэтах и поэзии. В 1931 вышла книга Ходасевича «Державин» — один из лучших образцов художественной биографии за всю историю этого жанра. В 1937

был издан в Берлине сборник статей Ходасевича «О Пушкине», а в 1939 — книга воспоминаний «Некрополь».

Соч.: Счастливый домик. 2-е изд. Берлин, 1921; Счастливый домик. 3-е изд. Берлин, 1922; Тяжелая лира. Берлин, 1923; Собр. стихов. Париж, 1927.

ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ, переведенный с греческого *апокриф*, получивший широкое распространение в древнерусской литературе; старший список его относится к рубежу XII—XIII вв.

В «Хождении...» рассказывается о посещении Богородицей ада. Ее сопровождает предводитель небесного воинства — архистратиг Михаил. Страдания грешников описаны с жестоким натурализмом: одни погружены в огненную реку до пояса, до подмышек, а иные — с головой, другие заживо поедаемы червями, третьи лежат на раскаленных скамьях, иные подвешены на железных крюках. По просьбе Богородицы архистратиг поясняет ей, в чем вина страдающих грешников: здесь пребывают те, кого прокляли родители, кто враждовал друг с другом, прелюбодействовал, сплетничал, занимался ростовщичеством, кто нарушал предписания Церкви и церковный обиход: просыпал заутреню, совершая обряд проскомидии, ронял на землю крошки просфоры, продавал церковную утварь, уча людей евангельским заповедям, сами их постоянно нарушали.

Видит Богородица в горящей смоляной реке евреев, мучивших Иисуса Христа, христиан-отступников, верящих в демонов или творивших дьявольские дела и не покаявшихся. Потрясенная увиденным, Богородица просит вознести ее к Божественному престолу и молит Благословенного Сына Своего: «Помилуй грешников, Владыка, так как Я видела и не могу переносить их мучения, пусть буду и Я мучиться вместе с христианами. Но Бог неумолим: «Как я помилю их? Вижу гвозди в дланях Сына Моего и не знаю, как можно их помиловать». Вместе с Богородицей молят Бога о нисхождении пророки, апостолы, ангелы, но тщетно. Вновь взывает Богородица к архангелам Гавриилу и Михаилу, к Иоанну Богослову, и когда Михаил, и все лики небесные, и все чины бесплотных пали ниц перед божественным престолом, Господь нисходит в ад, обращается к грешникам с суровым упреком за их прегрешения и ради милосердия Отца и молитв Богородицы, просьб архистратига Михаила и многих учеников дарует грешникам покой на семь недель — от Великого четверга до Троицы. Богородица изображается в этом апокрифе как заступница христиан, готовая простить им прегрешения, замолить их грехи перед Богом. Именно эта роль Богородицы, вероятно, особенно привлекала древнерусских книжников, сюжет апокрифа отразился в *духовных стихах*, позднее был использован *Ф. М. Достоевским* в Легенде о Великом Инквизиторе в романе «Братья Карамазовы».

М. Рождественская

«ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ» Афанасия Никитина, памятник древнерусской литературы XV в., записки тверского купца Афанасия Никитина во время его путешествия в Индию (1466—72), впервые в русской литературе запечатлевшие путешествие, имевшее не религиозные, а торговые цели. Афанасий Никитин спустился по Волге из Твери в Астрахань, пересек Каспийское море, проехал Персию и через Индийский океан достиг Индии, где прожил 3 года. Обратный путь лежал снова через Индийский океан, Персию, а затем по Черному морю и Крыму. По дороге на родину Афанасий Никитин умер близ Смо-

ленска. В 1475 рукопись записок попала в руки московского дьяка Василия Мамырева, ее текст был внесен в летописный свод 1489, отразившийся в Софийской II и Львовской летописях. Афанасий Никитин живо и достоверно описывает природу Индии, ее политический строй, торговлю, сельское хозяйство. Он смело вводит в свое повествование автобиографические эпизоды, лирические отступления. Рассказывая об обычаях и обрядах, проявляет терпимость к чужим религиям, сочувствие народу. Записки свидетельствуют о горячем патриотизме их автора, о широте его взглядов и начитанности. Язык записок близок к разговорной и деловой московской речи: широко используются персидские, арабские, тюркские слова и выражения. «Хождение...» — одно из первых в европейской литературе описаний Индии, где дается относительно реальная картина жизни этой страны. Записки переведены на многие языки мира.

Изд.: Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг., 2-е изд. [со статьей В. П. Адриановой-Перетц «Афанасий Никитин — путешественник-писатель»]. М.; Л., 1958.

«ХОЖЕНИЯ» (хождения), произведения, в которых описывались путешествия-паломничества в Палестину, Византию, страны Востока.

Хождения, или паломничество в Святые места совершались в XI—XVII вв. как официальными представителями Русской церкви, так и простыми людьми, давшими обет (таких паломников называли «каликами *перехожими*). Главной целью паломников было поклонение христианским святыням. Многие из паломников записывали свои впечатления во время длительных странствий. Так и возникли произведения с общим названием «Хожения». Сегодня известно более 70 сочинений, написанных в этом жанре. Наиболее известные «Хожения» — *Даниила* игумена (н. XII в.), *Антония Новгородского* (н. XIII в.), *Стефана* Новгорода и *Игнатия Смольянина* (оба — XIV в.), иеродиакона *Зосимы* (XV в.), купца *Василия Познякова*, *Трифона Коробейникова* (оба — XVI в.), монахов *Арсения Суханова*, *Ионы Маленького* (оба — XVII в.).

«Хожения» содержали описания маршрута, сведения географического и этнографического характера, личные впечатления паломников, пересказ библейских и апокрифических сюжетов.

В этом жанре написано и «Хождение за три моря» *Афанасия Никитина*. Но оно существенно отличается от др. «Хожений», ведь тверской купец оказался в совершенно иных жизненных обстоятельствах, нежели добровольные паломники.

С. Перевезенцев

ХОЛОДКОВСКИЙ Николай Александрович (19.02.1858—2.04.1921), поэт-переводчик, ученый-зоолог. Родился в Иркутске в семье врача. Автор ок. 180 научных трудов в области биологии. Как литератор наиболее известен переводом «Фауста» И. В. Гете, над которым работал свыше 40 лет (1-е изд. — 1878; за 12-е изд. 1914 удостоен Полной Пушкинской премии Российской АН, 1917; совр. изд. — 1969, 1971). Для переводческой деятельности Холодковского характерно органичное сочетание научного подхода к оригиналу (большинство своих переводов Холодковский сопроводил историко-литературными исследованиями и комментариями) с полноценным воссозданием художественной структуры подлинника. Среди его работ — переводы т. н. «мировых поэм»: «Трагедия человечества» венгра И. Мадача (1904), «Освобожденный Прометей» австрийца

З. Липинера (1908), «Потерянный рай» Дж. Мильтона (1911), «Храм природы» Э. Дарвина (1911, совр. изд. — 1960), произведений У. Шекспира («Юлий Цезарь»), Дж. Байрона, Н. Ленау, Ф. Шиллера, Г. Лонгфелло. Для издательства «Всемирная литература» Холодковский перевел драматическую трилогию Ф. Хеббеля «Нибелунги» (опубл. 1934 в переработке С. Адрианова), роман Гёте «Поэзия и правда», произв. В. Гауфа, Э. Т. А. Гофмана, А. Вильбрандта, Г. Зудермана и др.

В. Р.

ХОМЯКОВ Алексей Степанович [01[13].05.1804—23.09[5.10].1860), философ, писатель, публицист, один из основателей *славянофильства*. Получил домашнее образование, изучал философию, историю, математику и др. науки, овладел несколькими иностранными языками. В 1822 окончил физи-

ко-математическое отделение Московского университета. С 1823 по 1825 находился на военной службе, затем вышел в отставку и уехал за границу (Париж, Италия, Швейцария, Австрия). В 1828 в России вновь вышел в отставку и занялся сельским хозяйством в своем имении. Зимой жил в Москве, где организовал кружок единомышленников, вскоре ставший называться славянофильским. В 1847 совершил поездку в Германию и Богемию. На протяжении всей последующей жизни Хомяков сотрудничал в различных периодических изданиях славянофильского направления, выступая со статьями по вопросам крестьянской реформы, социологии и философии. Круг умственных и практических занятий Хомякова чрезвычайно широк: богослов, социолог, историк мировой цивилизации, экономист, автор технических новшеств, поэт, врач, живописец. Но главной чертой его личности была глубокая религиозность. Жизнь Хомякова оборвалась неожиданно — он умер от холеры.

Учение Хомякова пронизано религиозным духом и подчинено одной идее — о коренном различии путей России и Запада и доказательству самобытности русского народа. Различие это обусловлено неодинаковостью «внутренних начал» русской и западноевропейской жизни, формами религиозного мировоззрения — православного христианства и католицизма. Хомяков ожидал, что Православие через Россию может привести к перестройке всей системы культуры. История призывает Россию встать впереди всемирного просвещения, — история дает ей право на это за всесторонность и полноту ее начал. По словам В. В. Зеньковского, «Хомяков в подлинном смысле слова «христианский философ», ибо он исходит из христианства». В центре его воззрений — учение о начале «соборности», о принципе устройства бытия, описывающем множество, собранное силой любви в «свободное и органическое единство». В такой трактовке оно характеризует природу не только Церкви, но и человека, общества, процессы познания и творчества. В дальнейшем это учение стало одной из основ концепций всеединства и личности в русской

религиозной философии. Творцом и источником мира провозглашается разумная воля, или, иначе, «волющий разум». Мыслящий разум наделяется атрибутом воли, которая абсолютно свободна. «Волющий разум» творит мир предметов и человека. Ядро антропологии Хомякова — учение о целостности человека. Целостность же в человеке есть иерархическая структура души. Познание истины и овладение ею не является функцией индивидуального сознания, но вверено Церкви. «Истина, недоступная для отдельного мышления, — пишет Хомяков, — доступна только совокупности мышлений, связанных любовью».

Ф. Р.

Поэтическая генеалогия Хомякова в историко-литературном смысле восходит к Пушкину, современником и отчасти другом которого он был. Об этом убежденно и убедительно свидетельствует др. великий друг Хомякова — Гоголь. В статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность» Гоголь утверждает: «Что же касается Пушкина, то он был для всех поэтов, ему современных, точно сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечи, зажигались другие самоцветные поэты. Вокруг него образовалось их целое созвездие». К этому созвездию Гоголь причисляет Дельвига, Козлова, Баратынского, Туманского, Тютчева и др., а затем добавляет: «Даже прежние поэты стали перестраивать лад лир своих», имея в виду Гнедича, Глинку, Д. Давыдова и, наконец, даже самого Жуковского, из учителя превратившегося в ученика. «Сделались поэтами, — продолжает Гоголь, — даже те, которые не рождены были поэтами, которым готовилось поприще не менее высокое, судя по тем духовным силам, какие они показали даже в стихотворных своих опытах, как то: Веневитинов, так рано от нас похищенный, и Хомяков, слава Богу, еще живущий для какого-то светлого будущего, куда еще ему самому не разоблачившегося...». По замечательной мысли Гоголя, Хомяков, без Пушкина, вряд ли бы стал поэтом, ибо многие огромные дарования звали его на иное великое поприще. Но «поэтический огонь» Пушкина зажег и воспламенил скрытое поэтическое дарование и заставил Хомякова, кроме богослова, философа, историка и публициста стать еще и поэтом.

Одним из крупнейших поэтов пушкинского созвездия был Баратынский. Учеником и последователем Баратынского стал юный поэт Д. В. Веневитинов. Для Веневитинова Баратынский имел большее значение, чем Пушкин. Чрезвычайно талантливый юный поэт-философ Веневитинов (многие современники считали его будущим русским Платоном) был другом юности Хомякова и заразил его своим пламенным увлечением и поэзией («философия есть истинная поэзия»). Первые, ранние стихотворения Хомякова несомненно написаны под сильным воздействием Веневитинова. Что же касается до вопроса о дальнейших литературных влияниях на Хомякова, то следует отметить взаимное воздействие поэтов «пушкинского созвездия» друг на друга. Особенно же ясны эти взаимные влияния у Хомякова, Тютчева, Языкова и Аксаковых. Отдав короткую дань романтизму, Хомяков довольно быстро вышел на путь реализма. Религиозно-философские, религиозно-политические и интимно-личные религиозные мотивы его лирики, своеобразно переплетаясь между собой, создали то неповторимое по силе искренности и яркой индивидуальности поэтическое творчество, которое мы называем «поэзией Хомякова».

Высокую оценку поэтического (именно лирического) дара Хомякова дали: Пушкин, Гоголь, Тютчев, Л. Тол-

стой и Достоевский, не говоря уже об оценках близких друзей: Шевырева, Погодина, Аксаковых, Киреевских, Языкова, Самарина и др. Пушкин, здраво, трезво и справедливо-объективно указав на отсутствие у Хомякова драматического элемента в его трагедиях (представляющих собой чистую лирику), назвал стихи трагедии «Ермак» «очаровательной прелестной поэзией». Сам Хомяков дал о своих стихах сдержанный и строгий отзыв (в письме к А. Н. Попову, в янв. 1850): «Без притворного смирения я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, т. е. прозаик везде проглядывает и, следовательно, должен, наконец, заглушить стихотворца». Однако этого не случилось, и поэзия Хомякова осталась поэзией высокого стиля, «земной сестрой религии небесной», благодаря тому, что сама мысль, которой «держалась» эта поэзия, была продуктом не отвлеченного рационализма, а явлением целостного духа. Несправедливо резко отрицательно к поэзии Хомякова отнесся Белинский, левые критики и И. С. Тургенев, утверждавший, что у Хомякова «нельзя найти ни на грош поэзии, как и в измышлениях “скорбной музы” Некрасова». Тургенев, для которого, по замечательному определению В. Аксаковой, поэтическое творчество было только одним из видов утонченной душевной «гастрономии», — конечно, не мог никогда понять истинной религиозной поэзии, оценивая саму религию только с эстетической точки зрения. Хомяков как «поэт славянофильства» во 2-й пол. XIX — н. XX в. был чрезвычайно популярен в славянских странах, уступая место по силе своего влияния только Пушкину и Лермонтову.

Декларируя в своих стихах особую миссию России, Хомяков не закрывал глаза и на ее недостатки. Поэт призывает своих соотечественников смотреть на высокую миссию России со смирением.

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш возлюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, диких сил...
Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело;
Своих рабов Он судит строго, —
А на тебя, увя, как много
Грехов ужасных налегло.
В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи глетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.
О, недостойная избранья.
Ты избрана. Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой...

И в др. стихотворении:

Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всем этим прахом не гордись!
Бесплоден всякий дух гордыни,
Не верно злато, сталь хрупка,
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука...

Признавая исторические заслуги Запада, Хомяков критически относится к современной Европе.

О, грустно мне! Ложится тьма густая
 На дальнем Западе, стране святых чудес:
 Светила прежние бледнеют, догорая,
 И звезды лучшие срываются с небес.
 А как прекрасен был тот Запад величавый!
 Как долго целый мир, колена преклонив,
 И чудно озарен его высокой славой,
 Пред ним безмолствовал, смирен и молчалив!..
 Там в ярких радугах сливались вдохновенья,
 И веры огонь живой потоки света лил...
 О, никогда земля от первых дней творенья
 Не зрела над собой столь пламенных светил!
 Но горе! Век прошел, и мертвенным покровом
 Задернут Запад весь! Там будет мрак глубок...
 Услышь же глас судьбы, воспрянь

в сияньи новом,

Проснися, дремлющий Восток.

Вряд ли кто из западников способен был пропеть такой гимн заслугам западной культуры в прошлом. Но разве не пророческими оказались горькие слова о «мертвенном покрове» и «глубоком мраке», которые превратили на наших глазах весь современный Запад в духовное кладбище?

Невольно вспоминаются слова Достоевского, вложенные в уста Ивана Карамазова, о Европе, как о дорогом кладбище, где лежат дорогие покойники...

Так же глубоко пророчески в отношении судьбы Англии звучат яркие и сильные строки Хомякова в стихотворении «Остров»:

Дочь любимая свободы,
 Благодатная земля,
 Как кипят твои народы,
 Как цветут твои поля.
 Как державно над водою
 Ходит твой широкий флаг!
 Как кроваво над землею
 Меч горит в твоих руках!
 Как светло венец науки
 Блещет над твоей главой!
 Как высоки песен звуки
 Миру брошенных тобой!
 Вся облита блеском злата,
 Мыслью вся озарена,
 Ты счастлива, ты богата,
 Ты роскошна, ты сильна...
 Но за то, что ты лукава,
 Но за то, что ты горда,
 Что тебе мирская слава
 Выше Божьего Суда;
 Но за то, что Церковь Божью
 Святотатственной рукой
 Приковала ты к подножью
 Власти суетной, земной:
 Для тебя, морей царица,
 День придет и близок он!
 Блеск твой — злато, багряница,
 Весь пройдет, минет как сон.
 Гром в руках твоих остынет,
 Перестанет меч сверкать
 И сынов твоих покинет
 Мысли ясной благодать!..

Сущность России, сущность русской народной души — воспета Хомяковым так правдиво, так проникновенно и с такой благоговейной любовью в стихотворении «Ключ».

Сокрыт в глуши, в тени древесной
 Любимец муз и тихих дум,
 Фонтан живой, фонтан безвестный,
 Как сладок мне твой легкий шум!..
 Лесов зеленая пустыня
 Тебя широко облегла,
 И веры ясная святыня
 Тебя под кров свой приняла.
 И не скуют тебя морозы,
 Тебя не сушит летний зной,
 И льешь ты сребрянные слезы
 Неистощимую струей.
 В твоей груди, моя Россия,
 Есть также тихий, светлый ключ:
 Он также воды льет живые,
 Сокрыт, безвестен и могуч.
 Не возмутят людские страсти
 Его кристальной глубины,
 Как прежде холод чуждой власти
 Не заковал его волны.
 И он течет неиссякаем,
 Как тайна жизни невидим,
 И чист, и миру чужд, и знаем
 Лишь Богу да Его святым!..

Поэтическое творчество Хомякова представляет собой совершенно особое явление в русской и мировой литературе. Оно отражает в художественных образах всю его личность, особенно же его глубокую религиозную мысль. Поэтому Хомяков может быть назван поэтом религиозной мысли.

Но поэзия Хомякова не только образна, но и чрезвычайно музыкальна. Музыка его стихов подобна звону русских православных колоколов, которые могут выражать и радость, и скорбь, и тревогу, могут переливаться пасхальным восторгом, рыдать в похоронной печали и гудеть в призывном набате.

Многие стихотворения Хомякова положены на музыку композиторами: Аренским, Балакиревым, Брянским, Данауровым, Ляпуновым, Рахманиновым, Танеевым, Чайковским и др.

В наше страшное время, когда рушатся все т. н. духовные ценности и только одна Православная церковь остается прибежищем и спасением от отчаяния для русских людей, поэзия Хомякова, воспевшая эту Церковь, как основу нашего национального творческого существования, становится современной поэзией, вновь дорогой и близкой каждой православной русской душе.

Соч.: 24 стихотворения. М., 1844; Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1900—04; Стихотворения. Прага, 1934; Стихотворения и драмы. Л., 1969; О возможностях русской художественной школы // Русская эстетика и критика в 40—50-е годы XIX в. М., 1982.

И. Андреев

ХОМЯКОВ Дмитрий Алексеевич (1841—1918), мыслитель, публицист. Старший сын основателя славянофильства А. С. Хомякова. Участвовал в подготовке и издании полного собрания сочинений своего отца в н. XX в. В к. 1890-х состоял директором Строгановского центрального училища технического рисования, находившегося в ведении Министерства финансов по Департаменту торговли и мануфактур. В н. XX в. был членом совета этого училища в чине

действительного статского советника. Сотрудничал с журналом «*Мирный труд*», газетой «*Московские ведомости*».

Хомяков исходил из того, что «все чувственное подчинено закону несовершенства и, следовательно, неравенства, который и есть самый, так сказать, осязаемый результат утраты человечеством его первоначального блаженно-однородного земного совершенства. Людям теперь дана надежда на высшее, на небесное совершенство; земное же невосвратимо и, следовательно, невозможно никакое абсолютное качество, как, например, равноспособность к пользованию даже земными благами, вследствие бесконечной разности в формальных качествах, необходимых для сего».

Хомяков считал государство значимым земным институтом для несовершенного человечества, особо важным в его земной жизни. Этим проблемам он посвятил свою идеологическую трилогию «Православие как начало просветительно-бытовое, личное и общественное», «Самодержавие. Опыт схематического построения этого понятия» и «Народность».

Живя в эпоху глубокого бюрократического кризиса государственности, он писал: «Благодаря распространению принципов французской революции, настоящей родоначальницы бюрократизма, который есть не что иное, как хроническое, длительное революционное состояние, стремящееся постоянно заменить органическое начало жизни погоней более или менее насильственной за абстрактными, надуманными целями “отвлеченного блага”. Но т. к. “благо” в широком смысле очень трудно конкретизируемое нечто, то бюрократизм избрал себе целью один из его признаков, наиболее наглядных, но ничего сам по себе не стоящий (если взять его отдельно от всех других) — “это внешний порядок”. И вот на идеи заведения этого вечно искомого “порядка” и улучшения его, бюрократия стала развиваться не по дням, а по часам».

Хомяков был последовательным защитником классического образования. «Для того, чтобы стать человеку на высшую ступень развития, — писал он, — ему необходимо усвоить все то, что приобрело человечество абсолютного в просветительном и образовательном отношении за всю историю свою. Усваивать надо лишь общечеловеческое; и хотя таковое никогда не является иначе как в оболочке народного, тем не менее усвоению подлежит только общечеловеческое, народное же — лишь поскольку оно неотделимо от первого».

Соч.: Извлечение из письма Д. А. Хомякова к товарищу председателя отдела иконоведения Московской духовной семинарии по поводу реферата Г. Речменского. М., 1898; О замечаниях А. В. Горского на богословские сочинения А. С. Хомякова. М., 1902; Самодержавие. Опыт схематического построения этого понятия. М., 1903 (4-е изд., доп. Харьков, 1907); О классицизме. Харьков, 1904; К истории отечественной бюрократии. Тула, 1904; Соборное завершение и приходская основа церковного строя. М., 1906; О непротиплении злу. Харьков, 1907; Новейшая история. Харьков, 1907; Православие как начало просветительно-бытовое, личное и общественное. Харьков, 1908; Клир и Государственная дума. Тула, 1908; Мировая скорбь и всеблагость. Тула, 1908; Народность. Харьков, 1909.

М. Смолин

ХРОНОГРАФ (греч. «хронос» — время и «графо» — пишу), средневековые исторические сочинения, распространенные в Византии, Сербии, Болгарии и Древней Руси.

Первые хронографы были составлены в Византии на основе библейских книг, трудов античных и местных географов и историков, а также произведений отцов Церкви. Византийские хронографы представляли собой краткие

летописи (события излагались по годам). Авторы хронографов видели всемирную историю как единое творение Промысла Божия. Главными для них были события и истоки истории средневекового христианского мира, куда они включали Иудею как родину христианства, Грецию, Римскую империю и Византию.

Из Византии хронографы пришли в славянские страны, где стали основным типом исторических сочинений.

Е. Галкина

ХРОНОГРАФ РУССКИЙ, древнерусское сочинение по всемирной истории от сотворения мира до правления византийских императоров и современных им событий славянской и русской истории.

Первый хронограф был создан на Руси, как предполагают историки, еще в XI в. на основе исторических хроник греческих писателей Георгия Амартола (X в.) и Иоанна Малалы (VI в.). На его основе был написан «Летописей Еллинский и Римский». Вторая редакция «Летописца...» (создана в I-й пол. XV в.) послужила материалом для Хронографа русского.

Первая редакция Хронографа русского была написана в 1512. Это было самостоятельное произведение, созданное неизвестным русским историком того времени, который по-своему пересказал имевшийся у него исторический материал. В свой хронограф автор включил библейскую историю, которую дополнил рассказами о создателях наук и ремесел, языческой религии египтян и греков. Всемирную историю автор хронографа видел как единое творение промысла Божия, где все события связаны между собой. В его повествовании последовательно меняются царства: Иудейское, Вавилонское, Мидийско-Персидское, Римско-Греческое. Завершается история взятием Царьграда турками в 1453 — падением Греческого царства. В Хронограф русский была включена также «*Александрия*» (роман о жизни и подвигах Александра Македонского) и повесть о Троянской войне, очень популярные на Руси. Много рассказывает автор о происхождении славян, переложении книг на славянский язык, событиях русской истории.

Русский хронограф стал своеобразной исторической энциклопедией для средневекового читателя.

В 1617 была создана новая редакция хронографа, где была сокращена библейская часть, но включены сведения об открытии Америки и отрывки из популярных в то время польских хроник (в рассказе о славянской истории). Автор второй редакции Русского хронографа старался показать непрерывность исторического процесса. Много внимания он уделил Смутному времени Русского государства и закончил повествование избранием на царство Михаила Федоровича Романова. Этот хронограф был очень распространен в XVII в. и н. XVIII в. и часто переписывался книжниками.

Е. Галкина

ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ, качество, отражающее степень мастерства в искусстве и литературе — такое выражение мыслей и чувств в произведении, такая степень наглядности и яркости, которая может быть отнесена к признакам высшего совершенства. *Ф. М. Достоевский* так определял художественность: «Художественность, например, хоть бы в романисте, есть способность до того ясно выразить в лицах и образах романа свою мысль, что читатель, прочтя роман, совершенно так же понимает мысль писателя, как сам писатель понимал ее, создавая свое произведение. Следственно, попросту: художественность в

писателе есть способность писать хорошо». В основе художественности лежит духовно-эстетический идеал. Границы и формы этого качества беспредельны, потому что художественность присутствует в различных сочетаниях красок, звуков, слов, а в литературном произведении — еще и в сочетании всех его элементов. Чтобы ориентироваться в многообразных формах художественности, следует оперировать твердыми, отработанными в истории культуры критериями художественности. Само слово критерий — означает мерило (*греч.* *kriterion* — средство для суждения), признак, на основании которого дается оценка.

Важное свойство повествования — содержательность искусства — его наполненность такими чувствами, красками, звуками, которые бы «собирали» человека, по Гоголю, а не разрушали его. Имеется в виду духовная составляющая искусства, глубина нравственного чувства, общая проблемность искусства. Содержательность искусства не обязательно предполагает постановку каких-либо больших общественно-политических и философских тем и проблем. Хотя разработка таких вопросов остается главной заботой художника. Но содержательность может проявлять себя и в таких произведениях, где речь идет об индивидуальных ощущениях человека, даже в описании картин природы. Все дело в том, каким чувством, каким настроением окрашено описание. Если эти чувства и настроения приближены к человеку, помогают полнее, шире познать жизнь, то тут уже будут элементы содержательности. К примеру, лирика А. Фета воссоздает поэтически ощущение души человеческой, тонко и верно живописуя мимолетные картины, неуловимое движение природы. Ощущение полноты и прелести жизни составляет содержание многих его стихотворений.

В иных произведениях содержательности предостаточно, но она не убеждает, потому что не хватает верности изображения, степени его соответствия жизненной правде. Художественное изображение должно быть верным предмету повествования или субъективным чувствам. Наличие верности в художественном произведении нужно понимать в широком плане, не только в смысле употребления той или иной метафоры, но в отношении самих законов жизни, действительности. Эти законы могут получать отражение в искусстве в разных формах, но независимо от форм воплощения, данное изображение должно быть верным по духу. Художник должен не искаженно изображать жизнь, а в ее основных закономерностях. Типизация в искусстве и литературе, в частности, для того и существует, чтобы с ее помощью добиться верности в изображении тех или иных явлений. Гоголь, к примеру, в комедии «Ревизор» в несколько преувеличенной форме изобразил страсть к хвастовству небезызвестного всем Хлестакова: он и с Пушкиным «на дружеской ноге», и во дворце бывает каждый день и т. д. И как будто бы здесь отход от верности изображения. Но на самом деле Гоголь осуществил приближение к действительности, ибо, когда Хлестаков говорит: «Я везде, везде...» — то говорит сухую правду о многих людях, склонных преувеличивать свои достоинства. Значит, Гоголь дал верное изображение по духу, по сути — луна, хвастуна, обманщика и т. д. — т. е. того явления, которое называется хлестаковщиной.

Художественная верность не требует буквального совпадения с явлениями жизни, но она заключает в себе связь с этими явлениями в логике самих обобщений. А если говорить о произведениях большого плана, где описываются масштабные исторические события, то здесь верность

изображения приобретает значение важнейшего условия художественности. Пушкин в «Капитанской дочке» верно описывает нравы русского общества, колорит эпохи, ход крестьянской войны, чувства молодых людей, воспитанных в лучших традициях православного мировидения. Все это создает впечатление большой, мастерски сделанной, работы. Когда произведение не заключает в себе верности жизни, оно теряет свое значение.

Единство формы и содержания — один из важнейших критериев подлинной художественности. Хорошо известен замысел стихотворения Пушкина «Анчар»: показать дерево яда, которое отравляет все вокруг — это один образный ряд. А второй план связан с изображением правителя, который, подобно анчару, сеет вокруг себя смерть. У Пушкина вначале было: «В пустыне мрачной и скупой». Поэту необходимо было подобрать слово, которое полностью выражало бы замысел. А все ли выражает слово «мрачный»? Ведь мрачным может быть нечто такое, что не убито ядом, а во-вторых — это не главный признак пустыни. В итоге получилось: «В пустыне чахлой». Ясно, что форма «чахлый» полностью соответствует содержанию («чахлый» характеризует безжизненное пространство, где ничего не растет, чахнет).

И так везде, по всем звеньям художественного произведения — авторвольно или невольно ищет такие формы, эпизоды, соотношения, которые бы удовлетворяли этому требованию: единство формы и содержания, соотношение частей в целом, которое должно быть гармоничным. Когда этого нет — нарушается целостность восприятия.

Необходимым условием художественности является новизна и оригинальность повествования. Как бы ни были хороши и прекрасны изображенные характеры и события в том или ином произведении, если это одни и те же повторяющиеся характеры, давно знакомые ситуации, то интерес к искусству пропадает. Истинная художественность связана с открытием нового, существующего в действительности, но еще не представленного. Оно есть или зарождается в жизни, его чувствуют, и только художник порой угадывает характерное. Так после Эраста («Бедная Лиза») появился похожий на него, но новый тип — Евгений Онегин — сложный интересный характер. Затем интерес читательской публики вызвал образ Печорина — тип тот же, а характер новый. В дальнейшем этот тип получил отражение в произведениях *Тургенева*, *Гончарова*. Новые характеры отразили развитие художественной мысли. Однако только новизна еще не может определять уровень художественности. Она имеет смысл в сочетании с оригинальностью изображения. Ибо новизна может уйти, а в искусстве на вечные времена остаются оригинальные — неповторимые и непохожие в основных своих проявлениях ни на что другое изображения. Иначе говоря, оригинальность — это ярко выписанный тип. Можно ли спутать с кем-то Манилова или Печорина? Похоже могут быть, но Григорий Александрович Печорин — единственный в своем роде: по внешнему виду, по поступкам, по манере думать, рассуждать, т. е. он такой, каких нет больше — оригинальный. Или уникальная форма комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» — редкое по количеству афоризмов произведение. Столь же неповторима и знаменитая «*онегинская*» *строфа* с необычайной рифмовкой стиха. Эта новая форма романа явилась средством усиления художественности. Подобная «уникальность» возникает не из желания автора позабавить или удивить публику, но есть единственно возможное средство передачи замысла и заложенного в нем содержания.

Оригинальность не имеет ничего общего с оригинальничанием. Оригинальничание — это пустая натуга, беспочвенное стремление показать то, чего нет в жизни, что не имеет отношения к действительности, не несет в себе никаких глубоких и серьезных мыслей. Оригинальничание есть враг искусства, т. к. имитирует художественность. Подлинная оригинальность направлена на постижение, раскрытие действительных закономерностей жизни, явлений человеческой психологии. *И. А. Ильин* считал, что будущее принадлежит не модернизму, а настоящему органичному и глубокому искусству. Настоящее оригинальное искусство несет в себе богатое духовное содержание, которое выражает себя в зрелых эстетических формах, основанных на выстраданной художественной необходимости, художественной совести и художественном опыте. Художник должен быть верен закону эстетической материи и эстетического образа. И тогда, как утверждает Ильин, создадутся действительно новые формы, а не новые бесформенности, ибо художник не выходит за пределы духовной необходимости. Подлинно художественное открытие доступно только духовному творчеству, когда ощущение верности идет из глубины созерцающего сердца.

Настоящие, великие произведения искусства рождены на основе глубокого чувства народности; народность является отличительной чертой русской художественной традиции.

О народности как важнейшем свойстве литературы впервые заговорили романтики. Они считали истинным искусством только такую поэзию, которая воспроизводит высокий идеал с опорой на народные предания. Вслед за романтиками, Пушкин предлагал различать в литературе отражение климата, веры, образа жизни, быта, а также представлений, т. е. понятий и чувств того народа, на языке которого поэзия объясняется с читателем. Без этих компонентов Пушкин уже не представлял себе серьезную работу художника.

Чрезвычайно дорожил народностью в литературе и Гоголь, считая, что та или иная национальная литература лишь тогда приобретет мировую значимость, когда овладеет народностью и будет развиваться в своей оболочке. Однако в строго теоретическом плане эту категорию разработал В. Г. Белинский. Его положения с некоторыми поправками и легли в основу современных представлений о народности. В ней надо различать две стороны: внешнюю и внутреннюю. Произведение, претендующее на истинную художественность, конечно же, впитывает в себя признаки и свойства народно-национального быта. Герои должны отличаться колоритом языка, в быту и одежде, в описании географических пространств, природы и т. д. может отражаться национальная суть. Но это — внешние черты национальной стихии. Они могут быть ярко отмечены, сгущены или как-то рассредоточены. Только за счет этих внешних сторон жизни писатель не сможет достичь истинных вершин народности. Для этого необходимо постижение духа народного, склада его характера, отражение его помыслов, идеалов, принципов нравственного поведения. При этом важно иметь в виду, что дух народности не обязательно получает воплощение в героях из народной среды. Татьяна Ларина — дворянка, но она истинно народный характер, тип русской женщины, воспитанной в лоне православной культуры. Православное миропонимание проявляется в ее поступках, в ее нравственных решениях. В финале романа в полной мере раскрывается высокая и добродетельная народная черта — быть верной своему дол-

гу. Это влияет на характер художественности, сообщает роману волнующую поэтичность.

Т. о., народность определяется двумя важнейшими моментами: произведение отражает внешний колорит жизни; через это выявляется характер национальной психологии, национального миропонимания, связанного с религиозно-нравственными представлениями. Произведения, которые удовлетворяют этим требованиям, являются истинно народными и выдерживают любую проверку временем. Писатели, которым удастся нарисовать героев, взятых из глубин народной жизни, достигают больших успехов, создают художественные шедевры, неповторимые и яркие по своему изображению («Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Василий Теркин» А. Т. Твардовского).

Эпоха накладывает отпечаток на колорит и характер художественности. Искусство развивается, и критерии его оценки также меняются: в одну эпоху приобретают значение одни принципы, в иную — другие. Это выражается в том, что художник создает свои произведения в рамках того или иного метода, направления, господствующего в определенный исторический период. Но независимо от литературных течений, русская художественная традиция во все века отличалась стремлением к гражданско-национальному самосознанию. Этим, порой, объясняется публицистическая страстность, полемическая заостренность в определении исходных принципов настоящего искусства: «Поэтом можешь ты не быть, // Но гражданином быть обязан. // А что такое гражданин? // Отечества достойный сын», — восклицал *Н. А. Некрасов*. В данном случае он не отрицает ни силы, ни значения таланта в искусстве. Но одного поэтического вдохновения недостаточно, чтобы стать настоящим поэтом. Надобно, чтобы само содержание поэзии было наполнено гражданским самосознанием, служило не вкусам отдельных группировок, а всему обществу: «Будь гражданин! служу искусству, // Для блага ближнего живи, // Свой гений подчиняя чувству // Всеобнимающей Любви».

Идеал гражданственности, основанный на высоком патриотическом чувстве автора, болеющего за судьбу отчизны, утверждался в русской художественной традиции с давних времен, начиная от «Слова о Законе и Благодати» митр. *Илариона* и «Слова о полку Игореве». Высокий пафос гражданственности отстаивали и русские классцисты — *М. В. Ломоносов*, *Г. Р. Державин*. И, наконец, в лирике Некрасова наиболее органично слилось собственно поэтическое и гражданское начало. В русле этой традиции развивались и многие русские самобытные таланты советского периода, в особенности во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы (50—60-е XX в.), когда гражданско-патриотическая, публицистическая заостренность поэзии и прозы усилилась и стала одной из составляющих художественного мастерства. Продолжателями некрасовской линии в поэзии 60-х были А. Т. Твардовский и *В. Д. Федоров*. Последнему принадлежит немало афористичных строк о любви, родине и гражданской озабоченности художника: «...Поэт не может быть счастливым // В тревожные для мира дни. / Беря пророческую лиру, / Одно он помнит / Из всего, / Что все несовершенство мира / Лежит на новости его».

Какие бы критерии художественности ни применялись в оценке произведений искусства, неизменным остается одно — произведение искусства есть отражение религиозно-национального мировоззрения на мир, природу и человека.

И. А. Ильин — один из немногих мыслителей, который сумел в очень наглядной, яркой, доступной форме изложить православные основы художественности («Основы художества. О совершенном в искусстве», 1937). Он рассматривал искусство как Дар Божий, а литературу как проявление духовных устремлений человека. Посредством искусства человек приобщается к красоте и великолепию созданного Богом мира, высшим нравственным ценностям, постигает истину, отвращается от зла. В размышлениях Ильина можно выделить две исходные формулы: первая — «художественное искусство есть нечто от духа и для духа», второй тезис — «искусство есть служение и радость». Радость в искусстве предполагает торжество духовного начала. Доступна она не многим, как полагает Ильин, а тем лишь, кто ищет подлинного совершенства. Служение Божественному началу, которое открывает себя через вдохновение, — необходимое условие художественного ремесла. Через искусство открывается сущность мира и человека, тайна Божия. Эту тайну художник воспринимает на сокровенных путях художественной интуиции. Потому художник «призван быть всегда до конца ответственным перед Богом артистом». Создания искусства несут в себе, прежде всего, богатое духовное содержание. Это — главное. Все остальное в искусстве есть или профессиональная техника, или же внешняя оболочка главного — предметно-таинственного содержания. Образцом совершенства в искусстве для Ильина была поэзия Пушкина — почти идеальное соответствие канонам художественности. К его строкам он обращался каждый раз за примерами, называя творчество Пушкина «солнечным центром» нашей поэзии.

Для того чтобы судить и спорить об искусстве, о художественности, необходимо выработать четкий критерий оценки, сосредоточиться не на том, что нравится или не нравится, а «что на самом деле хорошо». При этом Ильин не отрицает вовсе личный вкус; личное чувство всегда присутствует в слушателе, читателе. Речь идет о художественном воспитании, поскольку душа человека может быть наполнена ничтожным и значительным содержанием, переживания его могут быть мелкими и глубокими. Суждения «личного вкуса» могут и должны оставаться свободными, но безудержная свобода приводит к личному произволу, удаляет от искусства.

Жизнь духа начинается в тот миг, когда человек постигает, что ему может нравиться плохое, а хорошее может и не нравиться, что надо духовно вырасти, очистить и углубить свою душу, чтобы полюбить истинно хорошее. Необходимо «созреть» до восприятия поэзии Пушкина, музыки Баха и т. д. Здесь, как считает Ильин, подлинное качество предмета побеждает душу, а не субъективизм отдельной личности присваивает мнимое качество тому, что пришлось «по вкусу». Заметим, что «по вкусу» многим нынешним детям и даже взрослым жевательная резинка, сладости, до предела насыщенные искусственными красителями. Но они несут в себе гибель организму.

От ошибок личного вкуса нет гарантий. Но есть верное и неверное направление воли, восприятия в искусстве. Неверно было бы искать в искусстве «наслаждения», воспринимать его на уровне «нравится — не нравится», неверно воспринимать свой душевный уклад во всей его ограниченности, а может быть художественной невоспитанности, за мерило «хорошего» в поэзии, музыке, живописи. Суждения настоящего художественного вкуса гораздо глубже, чем обывательское «понравилось». Отсюда и задача настоящего художника Ильин видел не в угождении

случайным вкусам, а в служении высокому духовному идеалу. Условия этого служения определяются свободой художника, его вдохновением и волею к совершенству. Иллюстрацией к его рассуждениям служит знаменитое стихотворение Пушкина «Поэту». Свобода творческого гения — это творчество без оглядки на толпу, на моду. Художник ведет за собой, не навязывая, «учит, не уча». Вдохновение дается только горением духа, а не страстью, соединяясь с волей к совершенству. Труд художника подлежит его собственному строжайшему суду, «поэт чувствует себя предстоящим Богу и ответственным только перед Ним». Если к такому постижению прекрасного призван художник, то (делает вывод Ильин) такая же ответственность является основным законом художественной критики. И художник, и критик должны быть верны закону художественности.

Художественное совершенство не следует отождествлять с красотой, т. к. художественное может быть лишено красоты: почти все комическое лишено красоты, многое трагическое просто исключает красоту. Сатирическое и бытовое тоже нельзя назвать красивым. И все это может быть художественным («Мертвые души», «Братья Карамазовы», драмы Островского из купеческого быта). Красота и художественность могут совпадать как, напр., у Пушкина. Однако Ильин утверждает, что художник служит не красоте, а художественности. Художественность может потребовать не яркой изобразительности, а сдержанного, скупого, тонкого намека на образ. «Повести Белкина» сделаны без всякой особенной яркости, однако их художественная зрелость не подлежит никакому сомнению.

Художественность, по Ильину, есть «символически-органическое единство в произведении искусства, идущее от самого его глубокого слоя, от главно-сказуемого, которое может быть названо художественным предметом». Художник имеет дело с тремя слоями искусства, где третий — самый глубокий, духовно-предметный, властвует над др. слоями и над душой самого художника.

Первый слой — это эстетическая материя, внешний, чувственный материал (в литературе — слово, язык; в музыке — звук, инструмент; в живописи — цвет, краски). Эстетическая материя имеет свои законы: законы фонетики, орфографии. Безграмотное стихотворение не может быть художественным произведением, какие бы яркие образы и глубокие мысли оно не несло читателю.

Но одна грамотность, «стильность» не спасает дело. Над эстетической материей должен царить зрелый, точный, необходимый образ — второй слой искусства — слой эстетического образа. Образ воспринимается через эстетическую материя, узнается воображением. В литературе образы стоят непосредственно за словом, как объективно-подлинные, осязаемые почти зрительно. Должно быть некое совершенство образного плана в произведении.

Но в образном плане находит свое отражение художественный предмет — третий, самый глубинный слой искусства. Художественный предмет является высшей властью. Материя — слово должна быть верна образу и предмету. Содержание художественного предмета отражается в образах — таков закон истинной художественности. Исходя из этого Ильин и формулирует правило художественного совершенства: верность законам эстетической материи, подчинение ее эстетическому образу и изображаемому художественному предмету. Художественный предмет должен стать внутренним солнцем произведения. Вот откуда открывается людям сущность художественного совершенства. И здесь же начинается плодотворная художе-

ственная критика. Художественный предмет есть главное в искусстве — он есть основное духовное содержание. Художественный предмет является скрепляющей основой в произведении искусства, он есть как бы духовное солнце, которое излучает себя в материю и образы — главный помысел, художественный заряд, ради которого творится искусство. Нужно учиться находить художественный предмет, без которого нет искусства, как нет природы без солнца, а человека без души. Духовный смысл художественного предмета состоит в постижении Божественных тайн, в приближении к истине. А эстетический — в передаче этих тайн средствами материального мира, средствами искусства.

«Ныне, когда достоинство искусства поколебалось в душах людей и померкло его призвание, когда искусство переживает великий кризис, — писал Ильин, — мы должны спокойно и уверенно развернуть знамя этой классической, мировой и особенно русской художественной традиции. Мы должны бороться за ее заветы — в творчестве, в восприятии и в критике».

Л. Шецова

ХУДЯКОВ Иван Александрович (1[13].01.1842—19[31].09.1876), фольклорист, историк. Родился в г. Курган. Учился в Казанском и Московском университетах (не окончил). Первая книга Худякова «Сборник великорусских народных исторических песен» вышла в 1860. В 1860—62 опубликовал 3 выпуска «Великорусских сказок», в 1861 — сборник «Великорусские загадки». Худяков использовал в своих работах фольклорные произведения как агитационный и пропагандистский материал для народников («Русская книжка», 1863; «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте», 1865).

Соч.: Рассказы о старинных людях. Вып. 1—4. СПб., 1864—65; Древняя Русь. СПб., 1867; Опыт автобиографии. Женева, 1882; Верхоянский сборник // Записки Вост.-Сиб. отд. Русского Географического общества по этнографии. Т. 1. Вып. 3. Иркутск, 1890; Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.; Л., 1964.

Л. П.

Ц

ЦВЕТАЕВА Марина Ивановна (26.09[8.10].1892—31.08.1941), поэт, прозаик, драматург.

В «Автобиографии» Цветаева писала: «Отец — Иван Владимирович — профессор Московского университета, основатель и собиратель Музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств), выдающийся филолог.

Мать — Мария Александровна Мейн — страстная музыкантша, страстно любит стихи и сама их пишет. Страсть к стихам — от матери, страсть к работе и к природе — от обоих родителей...».

Училась в 4-й Московской гимназии, затем в 1902 — во французском интернате в Лозанне, часть детских лет из-за болезни матери провела за границей — в Италии, Франции, Германии. Получила прекрасное образование, языки знала с детства, немецкий считала своим вторым родным. Осенью 1906 после смерти матери училась в Московской гимназии. Стихи начала писать с 5 лет — по-русски, по-французски и по-немецки. Занятия литературой быстро переросли в подлинную страсть. Домашняя среда с культом античной и германской культуры способствовала всестороннему эстетическому развитию. Даже быт дома в тихом Трехпрудном переулке был насквозь пронизан постоянным интересом к искусству. На шкафах, на книжных полках стояли бюсты античных героев и богов, с годами сделавшихся как бы членами большой цветавской семьи. Не случайно у Цветаевой много мифологических образов и реминисценций — она, возможно, была последним в России поэтом, для которого античная мифология оказалась необходимой и привычной духовной атмосферой. Впоследствии она написала пьесы «Федра», «Тезей», а дочь свою назвала Ариадной. Возможно, свойственное Цветаевой ощущение трагичности бытия зародилось именно в детстве, наполненном воздухом античной мифологии, античной трагедии. В первых книгах «Вечерний альбом» (1910) и «Волшебный фонарь» (1912) были собраны почти полудетские стихи. В них Цветаева неукоснительно обрисовывала семейный уклад родительского дома.

М. Волошин отмечал в рецензии: «Автор владеет не только стихом, но и четкой внешностью внутреннего наблюдения, импрессионистической способностью закреплять текущий миг...» Положительно отозвался о книге и *Н. Гумилев*, сказав, что в ней «инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии...» Одобрительно, но более сдержанно высказался *В. Брюсов* об излишней «домашности», но похваливший за «жуткую интимность» и за смелость в изображении повседневности. Книга Цветаевой «Волшебный фонарь» встречена была более сдержанно. «Те же темы, те же образы, только бледнее и суше... Стих уже не льется весело и беззаботно, как прежде; он тянется и обрывается...». В 1913 вышел сборник «Из двух книг», а в к. 1915 Цветаева собрала книгу «Юношеские стихи», но она осталась неизданной. Безусловным достижением Цветаевой стала книга «Версты», знаменующая собой появление «подлинной» Цветаевой — трагического романтика, зрелого художника. Но судьба этой книги оказалась неблагоприятной, т. к. от времени написания стихов (1916) до их появления в виде первой книги «Верст» прошло 5 лет; кроме того, «Версты» появились уже после отъезда Цветаевой из России. «Версты» вышли в виде двух взаимосвязанных книг и с тех пор так и называются — «Версты I» и «Версты II». По первоначальному замыслу это, конечно, должна была быть одна книга. Цветаева хотела дать ей название «Мать-Верста». Она разделила их по чисто техническим, издательским, причинам.

В «Версты» с большой силой и поэтическим размахом вошла Россия времен войны и кануна революции. Из стихотворения в стихотворение через обе книги на глубоком дыхании в строфах яркой красоты и силы Цветаева провела «русскую тему», почти ни разу не оступившись ни в декламационность, ни в орнаменту. С поры «Верст» фольклорное начало уже не уйдет из творчества Цветаевой — с особенной и мощной силой скажется оно в ее поэмах «Царь-Девница» (1920), «На Красном коне» (1921), «Мулодец» (1922, изд. 1924), «Переулочки» (1924), которые появились позже, но с «Верстами» связаны органично. Всплеск народного начала в творчестве Цветаевой породило прежде всего народное горе в эпоху войн и революций. Вместе с народным горем в ее стих вошло и народное слово. На первый взгляд фольклорность Цветаевой кажется неожиданной и даже труднообъяснимой. Цветаева совершенно не знала русской деревни, никогда не бывала там. Не было у нее и русской няни. Мать лучше знала немецкие сказки, чем русские; отец, выходец из владимирских мужиков, был полностью поглощен античностью, которая пере-

крывала у него все иные интересы. Но в одном из писем, отвечая на вопрос корреспондента, употребившего не понравившееся ей выражение «народный элемент», она сказала: «...“народный элемент”? Я сама народ...» Крестьянские корни ее натуры, шедшие из владимирской земли и прораставшие из московской, жили в прапамяти поэтессы. Дом Цветаевых был окружен морем московского люда: приезжие мужики, странники, богомолыцы, юродивые, мастеровые. Цветаева еще в младенчестве, можно сказать, была «крещена» московской речью. Вот почему через годы, в эмиграции, этого богатства ей хватило с избытком — речевую Россию она унесла с собою. Ее поэмы «Царь-Девича», «Переулочки», «Мылодец» насыщены сказочно-былинным словом.

Годы революции Цветаевой дались нелегко — она бедствовала, ее маленькая дочь умерла от голода в приюте, муж Сергей Эфрон 3 года не подавал о себе вестей, находясь в Добровольческой белой армии. О Белой армии, томимая любовью и неизвестностью, она написала книгу стихов «Лебединый стан». В ней — 59 стихотворений, написанных в 1917—20. Но эти труднейшие годы — время разлуки, нищеты, голода — явились и порою удивительно по интенсивности творческого взлета. Цветаева пишет цикл романтических пьес («Метель», «Фортуна», «Приключение», «Каменный ангел», «Феникс» и др.), а также гигантскую поэму-сказку «Царь-Девича».

В 1922, влекомая любовью и верностью, Цветаева выехала за границу — в Прагу: именно там оказался Сергей Эфрон. Ее эмиграция не была политическим актом — это был поступок любящей женщины. Первые 3 года (до к. 1925) Цветаева жила в Праге, вернее, под Прагой, в ее пригородах — Вшенорах и Мокропах. Затем переехала в Париж. Из всех бедственных, нищенских эмигрантских лет и мест самыми светлыми и дорогими оказались годы в Чехии. Там родился сын Георгий, что давало ей возможность говорить о своей породненности с горячо любимой Чехией. Стихов она писала много, и среди них есть подлинные шедевры. Исключительной силой отличаются стихи, посвященные разлуке с родиной. Впервые ей удалось издать сразу несколько книг: «Стихи к Блоку», «Разлука» (обе — 1922), «Психея. Романтика», «Ремесло» (обе — 1923), поэма-сказка «Мылодец». Творчество Цветаевой продолжало быть исключительно интенсивным во все годы эмиграции, но издаваться книги почти перестали. В 1928 появился последний прижизненный сборник «После России. 1922—1925», включивший в себя стихи обозначенных в названии сборника лет.

Среди произведений чешского периода особо выделяется диалог — «Поэма Горы» и «Поэма Конца» (1924). В ее сюжете краткая, но драматическая история реальных взаимоотношений, связанных с увлечением Цветаевой эмигрантом из России К. Радзевичем. Поэмы интересны не только тем, что история любви передана в них с исключительной драматической силой, но и удивительным сочетанием любовного романа с саркастической нотой обличения мешанской, сытой и самодовольной повседневности, буржуазного строя, уродливых отношений, смещающих истинные человеческие ценности.

Саркастическая нота, прозвучавшая в поэме-диалоге, появлялась в стихах Цветаевой периода эмиграции достаточно часто. Она пишет «Поэму заставы» (1923) — о бедственном положении рабочих и о растущей ненависти к сытым. Разоблачению филистерства посвящена большая поэма «Крысолов. Лирическая сатира» (1925), построенная на немецком фольклоре. В поэме «Лестница» (1926) Цветаева создает символический образ Лестницы человеческого бесправия. Символический образ сна-пожара в финале поэмы.

В эмиграции Цветаева не прижилась. Очень быстро выявились глубокие расхождения между нею и эмигрантскими кругами — они особенно усилились в связи с деятельностью С. Эфрона и ее дочери Ариадны, настроенных просоветски. Одним из наиболее драматичных произведений парижского периода была «Поэма Воздуха» (1927) — ее в равной мере можно назвать «Поэмой Удушья» или «Поэмой Самоубийства». Да и все ее поэмы эмигрантского периода отмечены знаком Рока и Трагедии. Такими не только «Поэма Воздуха» или «Крысолов», но и поэмы «С моря» (1926), «Попытка Комнаты» (1928), «Новогоднее» (1927), «Красный бычок» (1928), «Перекоп» (1929, напечатана в 1967). Мотив Рока характерен и для трагедий на античные темы: «Ариадна» (1924, опубл. под назв. «Тезей» в 1927) и «Фрида» (1927, опубл. в 1928).

Наряду со стихами и пьесами Цветаева пишет прозу, гл. обр. лирико-мемуарную. Цветаева объясняла начавшуюся постоянную работу над прозой (к к. 20-х и в 30-е), лишь эпизодически сопровождавшуюся стихами, во многом нуждой: прозу печатали, стихи — нет, за прозу больше платили. Но главное: Цветаева считала, что существует на свете не поэзия и проза, а проза и стихи; лучшее, что может быть в литературе, — это лирическая проза. Поэтому проза Цветаевой, не являясь стихом, представляет тем не менее подлинную поэзию — со всеми присущими ей особенностями. Цветаевская проза уникальна, резко своеобразна. Поэтесса пишет ряд больших статей и крупных, насыщенных автобиографизмом портретов («Дом у старого Пимена», «Сказка матери», «Кирилловна», «Мать и музыка», «Черт» и др.). Особое место в ее прозаическом наследии занимают большие, мемуарного характера, статьи-надгробия, посвященные Волошину, *Мандельштаму*, *А. Белому*, Софье Голлидей («Повесть о Сонечке», 1927). Главное, что роднит цветаевскую прозу с ее поэзией, — это романтизм, экзальтированность стиля, повышенная роль метафоры, «вздетая» к небу интонация, лирическая ассоциативность. Проза ее так же уплотнена, взрывчата и динамична, так же раскована и крылата, музыкальна и вихреобразна, как и ее стихи. Как правило, музыка стиха Цветаевой резка, дисгармонична, порывиста. Строку Цветаевой, повинувшись интонации и музыкальным синкопам, безжалостно рвет на отдельные слова и даже слоги, но и слоги своеобразно переносит из одного стихового строчного ряда в др., даже не переносит, а словно отбрасывает, подобно музыканту, изнемогшему в буре звуков и едва справляющемуся с этой стихией. Ее музыкальность совершенно не похожа ни на символическую звукопись, ни на обволакивающие и заворачивающие ритмические гармонии: «Оставленной быть — это втраленной быть / В грудь — синяя татуировка матросов! / Оставленной быть / Семи океанам... Не валом ли быть / Десятым, что с палубы сносит?» («Ариадна»). Музыка Цветаевой вполне «соответствовал» Скрябин, не мог быть чужд Стравинский, а позднее — Шостакович, не случайно написавший несколько произведений на ее стихи. А Цветаева (сестра поэтессы) отмечала, напр., и «шопеновский» период в ее творчестве 1918—19. Цветаевой принадлежит книга «Мой Пушкин» (1937), историко-литературные работы: «Поэт о критике» (1926), «Искусство при свете совести» (1932—33), «Эпос и лирика современной России» (1932) и др.

Вернувшись на родину в 1939 в пору жесточайших репрессий, разлученная навсегда с мужем и дочерью, Цветаева уже не могла плодотворно работать, хотя и трудилась над переводами, не приносившими ей ни удовлетворения, ни заработка. Подготавливая в это время для печати сбор-

ник избранных произведений, она включила в него печальные строки: «Пересмотрите все мое добро, / Скажите — или я ослепла? / Где золото мое? Где серебро? / В моей руке — лишь горстка пепла!» («Пригвождена...»).

Оказавшись в конце лета 1941 в эвакуации в Елабуге, не найдя работы, подавленная осложнившимися отношениями с сыном, а также др. обстоятельствами, она покончила с собой.

Соч.: Избр. произв. Л., 1965; Мой Пушкин. М., 1967; Стихотворения и поэмы. Л., 1979. (Б-ка поэта. М. серия); Соч.: В 2 т. М., 1994; Театр. М., 1988; Стихотворения и поэмы. Л., 1990. (Б-ка поэта. Б. серия); Райнер Мария Рильке. Борис Пастернак. Марина Цветаева. Письма 1926 года. М., 1990; «Где отступает любовь...». Сборник 40-го года: Последние статьи и письма. Воспоминания современников. Петрозаводск, 1991.

Ист.: Павловский А. М. И. Цветаева // Русские писатели. XX век. Библиографический словарь. М., 1998. Т. 2. С. 529—533.

А. П.

ЦЕРТЕЛЕВ Дмитрий Николаевич (30.06[12.07].1852—15[28].08.1911), князь, поэт, философ. Сын *Н. А. Цертелева*. Окончил юридический факультет Московского университета (1874), получил степень доктора философии в Лейпцигском университете (1878). В философских работах («Современный пессимизм в Германии», 1885, и др.) выступил последователем А. Шопенгауэра и Э. Гартмана. Как поэт был близок к кругу *А. К. Толстого* и *В. С. Соловьева*. Цертелеву принадлежит ряд стихотворных переложений индийских, персидских, скандинавских легенд, а также перевод 1-й части «Фауста» И. В. Гёте, «Манфреда» Дж. Г. Байрона. Автор прозаических «Метафизических сказок» (опubl. 1912). Редактировал журнал «Дело» (1885), «Русский вестник» (1887), «Русское обозрение» (1890—92); выступал также как литературный критик и публицист православно-монархической ориентации.

Соч.: Стихотворения. Т. 1—2. СПб.; М., 1883—92; Стихотворения. СПб., 1902; Юмористич. и шуточные стихотворения гр. А. К. Толстого. СПб., 1907; [Стихи] // Поэты 1880—1890-х гг. [Л.], 1972.

Л. Ц.

ЦЕРТЕЛЕВ Николай Андреевич (1790—8[20].09.1896), фольклорист. Учился в Московском университете (1810—14). Впервые опубликовал малороссийские думы («Опыт собрания старинных малороссийских песен», 1819). В трудах по народной поэзии обосновал необходимость собирания и тщательного издания произведений фольклора, отмечал их историческое значение («О старинных малороссийских песнях», 1818; «О произведениях древней русской поэзии», 1820). Одним из первых определил специфику некоторых жанров фольклора: сказки, «*богатырской повести*» — *былины* («Взгляд на старинные русские сказки и песни», 1820). В трудах «О стихосложении старинных русских песен» (1820), «Опыт общих правил стихотворства» (1820) Цертелев систематизировал сведения о русском стихосложении.

ЦЫБИН Владимир Дмитриевич (р. 11.03.1932), писатель. Родился на станции Самсоновская Каменского р-на Фрунзенской обл. в крестьянской семье. Работал поливальщиком, забойщиком, в геологических партиях. Окончил Литературный институт (1958). Печатается с 1952. Автор сборников стихов: «Родительница степь» (1959), «Медовуха» (1960), «Пульс» (1963), «Ау!» (1967), «Глагол» (1970), «Избы» (1971) и прозы: «Всплески» (1967), «Всплески капли» (1973), «Бессонница сердца» (1976), «Колокола души» (1985), «Личное время» (1988). Ранние стихи связаны с воспоминаниями военных лет, с трудовой биографией поэта. Начиная с книги

«Бессонница века» (1963), ведущей становится нравственная проблематика. Тема России, Родины — одна из главных в стихах Цыбина. Проза, преимущественно лирическая, навеяна памятью детства, отличается красочностью словаря.

Соч.: Избр. стихи / Предисл. Ал. Михайлова. М., 1971; Избр. лирика. М., 1965; Копры и степи: Поэма // Москва. 1958. № 11; Сергей Васильев. М., 1972.

ЦЫГАНОВ Николай Григорьевич (1797—1831 или 1832), поэт. Родился в Петербурге в семье вольноотпущенного крестьянина Саратовской губ. Детство и отрочество Цыганова прошло в постоянных странствованиях с отцом по России. Образование он получил частью домашнее, от своего грамотного отца, частью в разных школах, пребывание в которых было недорогим. Может быть, поэтому частые образы его поэзии — птицы перелетные. В 1816 Цыганов поступил актером в Саратовскую театральную труппу, в которой, благодаря своему благородному нраву, доброте, неприхотливости, ужился и прослужил 12 лет, играя в Саратове и в разных городах России. Будучи в Симбирске, он обратил на себя внимание *М. Заоскина*, служившего тогда театральным инспектором, который способствовал переводу одаренного актера, автора песен в Москву в Малый театр (1828). Разъезжая по России, Цыганов слушал и собирал народные песни, предания, поверья, подмечал оригинальные выражения и умел отличить чисто национальные шедевры от подделки под народность. Сам он писал стихи и музыку для них, исполняя сочиненное под гитару. Всего известно 49 стихов Цыганова. Многие утрачены. Наиболее известная песня «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...». Стихи его органично народны. Даже от одних названий (начала стихов) веет безмятежным, ясным, народным, напевным: «Что ты рано, травушка, пожелтела?», «Ох болит да щемит ретиво сердечко», «При долинушке берега...», «По полю, полю чистому, по бархатным лужкам...», «Что это за сердце, что это такое...», «Молодая молодка в деревне жила...», «Смолкни пташка-канарейка», «Я посею молоденька...», «Лежит во поле дороженька...». Наибольшим драматизмом пронизано стихотворение, написанное в год смерти «Полетай, соловеюшко...», обращенное к матушке родимой, оставшейся одной. Стихотворение полно тоски, сыновней любви, надежды на встречу: «Есть ведь дни, в кои солнышко с ясным месяцем видятся... Так настанет и нам денек — и мы с ней повидаемся, — пишет он. Печатались стихи Цыганова с 1830 в альманахах «Комета», «Молва», в «Музыкальном альбоме на 1833 год» А. Е. Варламова, который сам сочинил на слова Цыганова немало песен. Цыганов умер в Москве во время эпидемии холеры. Его песни отличали естественность чувства, подлинность переживаний и первоизданность народного сознания. Он смело вводил в них народную образность, народные аллегории. Напр., молодец — сизокрылый голубочек, соловей, пташечка, сокол сизокрылый, сокол ясный; скитающийся молодец — бездомная кукушечка; переменившийся удел — быстра реченька и т. д. В последние годы он тяготел к элегии и народной *балладе*. Как поэт Цыганов — предшественник *А. Кольцова*. Первое издание «Русские песни» Цыганова вышло в Москве в 1834 благодаря стараниям его друзей, в числе которых был и П. С. Мочалов (2-е изд., 1857). Затем были издания С. Кораблева (1880, 1884, 1886) и *Суворина*.

Соч.: Собр. соч. с прибавлением новейших простонар. песен, собранных С. Кораблевым. 2-е изд. М., 1857; [Песни] // Мерзляков А. Ф., Цыганов Н. Г. Русские песни. СПб., 1880; [Песни] // Песни рус. поэтов (XVIII — 1-я пол. XIX в.). Л., 1936.

Ч

ЧАЛМАЕВ Виктор Андреевич (р. 9.05.1932), критик, литературовед. Родился в г. Гусь-Хрустальном Владимирской обл. Окончил филологический факультет МГУ (1955). Печатается с 1955. Автор книг и брошюр: «Самые насыщенные заботы» (1962), «Пути развития литератур народов СССР»

(1962), «Мир в свете подвига» (1965), «Литература судьбы народной» (1966), «Вячеслав Шишков» (1969), «Храм Афродиты. Творческий путь и мастерство Е. Носова» (1972), «Огонь в одежде слова. О народности, гражданственности, проблемах мастерства современной прозы» (1973). В к. 60-х один из первых русских критиков советского периода начал открыто выступать с позиций национальных интересов русского народа. В своих статьях «Великие искания» («Молодая гвардия», 1968, № 3) и «Неизбежность» (там же, 1968, № 9) Чалмаев говорит об аристократизме и патриархальности русского национального характера, его извечной духовной сущности, изначальности Руси. За высказывания этих очевидных и бесспорных истин Чалмаев был подвергнут яростной и недобросовестной критике со стороны еврейско-космополитических и партийных литераторов, сочинивших на него донос в ЦК КПСС, где его обвинили в «идеализации старины» и «отходе от марксистских классовых позиций в оценке прошлого». Травля русского критика продолжалась и в 70-е, и в 80-е.

ЧАПЫГИН Алексей Павлович (5[17].10.1870, по др. сведениям 5[17].11.1870—21.10.1937), писатель. Родился в крестьянской семье. Окончил 2 класса земской школы. После смерти матери и деда 2 года был пастухом. В 1883 отец отправил Чапыгина с обозом в Петербург. 13-летним подростком Чапыгин стал учеником на столярной фабрике, потом — в малярной мастерской. В 1888 он получил диплом подмастерья живописно-малярного ремесла. Чапыгин писал вывески, образа, декорации. В 1895 он отнес *Д. Гри-*

горовичу рассказ «Пуговкин». Григорович сказал ему, что печатать рассказ нельзя, но писать Чапыгин может.

Первая публикация Чапыгина — очерк «Зрячие» (1904). В 1900-е в журналах появляются рассказы Чапыгина: в «*Вестнике Европы*» («Миного»), в «*Шиповнике*» («Образ», «Прозрение», «Лесной пестун»), в «*Образовании*» («Зимней ночью», «Наваждение», «Последняя дорога», «Валькино детство», «Гости»). Первая книга Чапыгина — сборник рассказов «*Нелюдимые*» (1912). Личные впечатления о жизни ремесленников Петербурга определили и содержание и тональность рассказов. В книгу «*Нелюдимые*» Чапыгин включил цикл лирических стихотворений в прозе («Осень», «Воспоминания», «Осеннее», «Вечное»).

В 1911—12 Чапыгин ездил на родину. Деревенские впечатления отразились в повести «*Белый скит*», первом большом произведении писателя (1913). Произведения Чапыгина 1900-х вписываются в русскую реалистическую прозу начала века. По своей направленности «*Белый скит*» стоит в одном ряду с такими произведениями, как «*Деревня*» *И. Бунина* (1910) и «*Тайга*» *В. Шишкова* (1916). Повесть начинается картиной празднования Петрова дня. События показаны крупно, броско, действие развивается напряженно. Нет покоя, размеренности в деревенской жизни. Герой действует импульсивно, непродуманно. Резко противопоставлены главные герои — ловкий и наглый делец купец Артамон Ворона и стихийный правдоискатель деревенский силач Афонька Крень. Артамон Ворона уничтожает природу, разрушает семейные, родственные связи, сеет раздоры. Афонька Крень хочет сохранить деревенский природный мир: «Покуда силы хватит, норволлю оберечь Господню красоту — лес, зверя, где могу, не даю зря обидеть, корень его вконец изводить». О белом ските, где человека ждет успокоение, Афонька рассказывала мать. По-настоящему «мир его не божит и не милует», герой отправляется искать белый скит и гибнет в болоте. Образ белого скита приобретает в повести символическое значение. Свообразным продолжением «Белого скита» стала повесть «*На лебяжьих озерах*» (окончена в 1916; опубл.: «*Красная новь*», 1922, № 2). Свои охотничьи рассказы Чапыгин объединил в сборники «*На звериной тропе*» и «*Очарование*» (оба — 1916). Чапыгину присуще тонкое чувство природы.

Чапыгина заинтересовала фигура Олега Святославича (Олег Гориславич в «*Слове о полку Игореве*»). Чапыгин написал 10 картин на языке летописи XII в. под названием «Гориславич». Это был первый, весьма оригинальный под-

ступ Чапыгина к исторической теме. В 1925 увидел свет сборник рассказов «Плаун-цвет» («Белая равнина», «У границы», «Насельница» и др.).

Главная книга Чапыгина — роман «Разин Степан» (1927). Осмысление разинской темы было начато Чапыгиным с решительного пересмотра тех оценок, которые Разин получил в дореволюционной историографии и беллетристике. Героический ракурс, уходящий своими корнями в народную поэзию, как нельзя лучше способствовал осуществлению желания Чапыгина показать Разина народным героем: концепция исторической действительности XVII в. связана с действительностью первого послеоктябрьского десятилетия. Многие в «Разине Степане» дано в романтическом ключе. Главным героем романа Чапыгин сделал разбушевавшуюся народную стихию. Воссоздавая образ Разина, Чапыгин опирается в значительной степени на народную традицию. В песнях и преданиях Разин подан легендарным героем, его личность романтизирована, он обладает огромной физической силой, одет Разин в красивые дорогие одежды. Не случайно в романе Чапыгина много места отведено персидским походам Разина, ибо они давали яркий экзотический материал. Общая романтическая трактовка истории и ее героя подкреплена у Чапыгина большим вниманием к воспроизведению колорита эпохи.

В 1932 Чапыгин начинает работу над историческим романом «Гулящие люди» (1932—37). По словам писателя, он хотел в новом романе глубже и шире показать, нежели это было в «Разине Степане», 2-ю пол. XVII в., «когда повсюду на Руси шло брожение», дать «настроение эпохи». Гулящие люди — как разъяряет писатель — юридический термин XVII в., обозначающий деклассированный элемент. По замыслу Чапыгина, действие должно быть доведено до стрелецких бунтов и царевны Софьи и сомкнуться с началом «Петра Первого» А. Н. Толстого. Чапыгин не смог полностью осуществить свой замысел. В широком полотне Чапыгина нашли отражение народные движения 2-й пол. XVII в. (медный и чумной бунты, раскол). Чапыгин показал себя знатоком быта и языка XVII в. Чапыгин работал над автобиографической трилогией; были опубликованы 1-я и 2-я части: «Жизнь моя» (1929) и «По тропам и дорогам» (1931), 3-я часть — «Осколок того же зеркала» — известна в отрывках.

Соч.: Собр. соч.: В 5 т. Л., 1967—69; Белый скит: Рассказы и повести. М., 1986; Гулящие люди. М., 1994.

А. Филатова

ЧАРСКАЯ Лидия Алексеевна (урожд. — **Воронова**, в замужестве — Чурилова) (1875 [точная дата неизвестна] — 18.03.1937), прозаик, поэтесса. Родилась в Царском Селе в семье военного инженера, полковника. Мать умерла при родах — отсюда мотив сиротства, повторяющийся из книги в книгу. С 1886 по 1893 находится в Павловском женском институте Петербурга. После окончания института выходит замуж за офицера Б. Чурилова, но совместная жизнь продолжается недолго. Оставшись с ребенком, Чарская решает начать самостоятельную жизнь и поступает учиться на театрально-драматические курсы. В 1898 ее принимают на единственное вакантное женское место в С.-Петербургский Императорский театр (ныне Александринский), где она работает до 1924 под псевд. Л. Чарская, этим псевдонимом она подписывает и свои книги. Театральная жизнь складывается не блестяще: Чарская играла характерные роли субренок или старух, а мечтала о Катерине в «Грозе» или Луизе Миллер в «Разбойниках». Чарская была страстно увлечена сочинительством.

Первая повесть Чарской «Заметки институтки» была напечатана в журнале «Задушевное слово» (1901, отд. изд. — М., 1902), и с этого времени журнал печатал повести Чарской ежегодно, принося автору небывалую славу. Чарская стала кумиром юных читателей. Была учреждена стипендия ее имени. Чарская стала буквально властительницей дум нескольких поколений русских детей. Особенным успехом пользовалась «Княжна Джаваха». Тысячи поклонниц этой книги приходили к Новодевичьему монастырю, чтобы поклониться могиле Нины, уверенные, что это не вымышленная героиня. «Памяти Нины Джаваха» посвятила стихотворение М. Цветаева в первой своей книжке «Вечерний альбом».

После 1917 судьба писательницы резко изменилась. В 1920 вышла в свет «Инструкция политико-просветительского отдела Наркомпроса о пересмотре и изъятии устаревшей литературы из общественных библиотек». Согласно этой инструкции предлагалось изъять из обращения книги, восхваляющие монархию, Церковь, внушающие религиозные представления, не удовлетворяющие идейным и педагогическим требованиям, сентиментальные и эмоциональные по своей направленности. Список предлагаемых к изъятию книг по объему сам составил целую книгу. Сюда были включены и произведения Чарской. При переиздании Инструкции многие имена возвращались к читателю, но имя Чарской навсегда подлежало изъятию. Особенно строгие наблюдения велись над пионерами, в классах устраивались церемонии «суда» над Чарской. За автором «Записок институтки» все больше укреплялись определения «бульварная, мешанская, пошло-сентиментальная», но «подпольное» положение Чарской было прочным. Однако время делало свое, и после Великой Отечественной войны уже мало кто помнил имя Чарской.

Чарская писала не только для детей. Но «взрослые» ее книги — «Ее величество любовь», «Профанация стыда», думается, были случайными. Творчество Чарской, безусловно, было обращено к детской и юношеской аудитории. Чарская написала несколько исторических книг: «Смелая жизнь» (1905), посвященная Н. Дуровой, и «Газават» (1906). Излюбленными были для нее 2 сюжета. Один из них связан с популярнейшей темой в мировой литературе — о брошенных, потерянных, похищенных детях, об их порой удивительной судьбе. В силу роковых обстоятельств героини книг Чарской «Сибирочка» (1908), «Лесовичка», «Щелчок» (обе — 1912) и др. оказались оторванными от родного дома, от родителей. Герои попадают в глухой лес, в воровской притон, за монастырские стены, в цыганский табор, на арену цирка и т. п. Они познают жестокость, побои, нищету. Однако маленький человек видел мир не только в темных красках, он искал доброты, сердечности, отзывчивости. И читатель верил: с попавшим в беду человеком рядом вдруг появится смелый, великодушный мальчик или хрупкая нежная девочка — и они возьмут на себя несправедливое обвинение, поделятся куском хлеба. Героев Чарской ни при каких обстоятельствах нельзя заставить совершить дурной поступок, они бескорыстны и справедливы, терпеливы и добры. В конечном счете побеждают они, их душевная красота и обаяние. Чарскую постоянно упрекали за счастливые финалы, вернее, за последнюю счастливую страницу в ее книгах, но радостные финалы, безусловно, были заслуженны в глазах юного читателя.

Другая, может быть, самая излюбленная тема Чарской была связана с жизнью девушек в Павловском институте: «Записки институтки», «Княжна Джаваха», «Люда Власовская» (1904), «Белые пелеринки» (1906), «Юность Лиды Воронской» (1912), а также автобиографические книги,

в которых снова автор возвращается к институтской жизни: «За что?» (1909), «Большой Джон» (1910), «На всю жизнь», «Цель достигнута» (обе — 1911). В отличие от приключенческих повестей эти книги показывают жизнь, ограниченную одной площадкой, достаточно глухими стенами — закрытого женского учебного заведения. Так полно об этой жизни Чарская сказала первая, и читателю открылось то, чего он совсем не предполагал. Грубая одежда, скудная пища, строгий распорядок дня, дортуар, в котором размещалось сорок детей, и девочка, попавшая сюда из дома, далеко не сразу могла принять обычаи и традиции, навсегда установившиеся здесь. 7 лет пребывания за высокими стенами, когда связь с внешним миром для большинства вообще была потеряна, — немалое испытание. Вот почему маленький случай превращался здесь в большое событие, а одна душа так страстно искала возможность прилепиться к другой. Чарская затронула многие из тех конфликтов, которые были характерны для т. н. гимназических повестей. Но показала их мягче, здесь эти конфликты решались с большей готовностью к прощению, к покаянию. Сегодня, перечитывая повести Чарской, мы замечаем, что она и тогда сумела угадать многое, что волнует подростков сегодня. Книги Чарской населяют много характеров сильных, справедливых, отчаянных.

Чарскую обвиняли в излишней экзальтированности: в ее книгах взрослые и дети не только горячо любят друг друга, но и говорят об этом пылкими словами, не стесняясь своих чувств. Они плачут и рыдают, бросаются на колени, целуют руки, дают жаркие клятвы, горячо каются, они ни в чем не скупятся. Именно эти особенности героев Чарской вызвали наибольшее осуждение; все эти качества казались чуждыми, вредными и даже преступными для нового «пролетарского» читателя.

Однако и в те тяжелые времена у Чарской находились серьезные защитники среди крупных русских писателей. Уместно привести оценку Ф. Сологуба: «На всем протяжении русской детской литературы (а может, и всемирной) не было писателя, столь популярного среди подростков, как Л. Чарская. Популярность Крылова в России и Андерсена в Дании не достигала такой напряженности и пылкости». Сологуб называет творчество Чарской «одним из лучших явлений русской литературы». Высшую этическую ценность произведений Чарской Ф. Сологуб увидел в том уважении, с каким писательница относится к детям. «Чарская имела большую дерзость сказать, что дети не нуждаются ни в воспитании, ни в исправлении от взрослых... Еще большую дерзость — хотя, конечно, после Льва Толстого, и не новую, — учинила Чарская, показавши, как и сами взрослые воспитываются и исправляются детьми». И если дети все это восприняли по наивности своей не как дерзости, а как высокую художественную и житейскую правду, то «этих двух дерзостей педагога и родители не могли и не могут простить Чарской».

Соч.: Княжна Джаваха. СПб., 1903 (переизд. 1990); Для чего я пишу // Залушевное слово. 1911. № 48; Смелая жизнь / Предисл. В. Приходько. М., 1991; Повести / Предисл., сост., примеч. Е. Путиловой. Л., 1991.

Е. Путилова

ЧАСТУШКА (коротелька, коротушка, пригудка, припевка, набирушка, ихахошка, вертушка, топтушка и пр.), фольклорный лирический жанр, истоки которого таятся в древнерусском стихе и, возможно, у *скоморохов*. Это — народная поэтическая миниатюра, тематика которой охватывает самые разнообразные области жизни — общественность,

семью, любовь, быт, труд, отдых, пейзаж и пр., отсюда частушки политические, бытовые, сатирические, юмористические, эпиграмматические, шуточные, плясовые и т. д. Долгое время частушка не привлекала внимания собирателей русского фольклора. В сборнике А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» напечатано несколько старинных частушек (XVII—XVIII вв.). Систематически записывать частушки стали лишь в н. XX в.

Частушка — самая устойчивая и вместе с тем подвижная форма русской народной поэзии. Тематическое разнообразие частушки и необыкновенно емкая метрическая форма ее, выработанная на протяжении многих десятилетий, позволяют поэту экспромтом, на лету схватить любую мысль, характерную деталь, острый штрих. Многообразие частушки придает ей предельную сжатость, ее фрагментарность не требует продолжения. В этом — сила частушки. В лучших русских частушках, как ни в какой др. форме народной поэзии, проявилось поразительное ритмическое чувство народа, его жизнерадостность, языковая артистичность и фонетическая прозрачность речи. Мастерство стиха в частушке, достигающее порой ювелирной виртуозности, стало возможным лишь в результате колоссальной практики и глубокой народной традиции, не застывшей в заранее выработанных формах, а непрерывно развивающейся и совершенствующейся в живом общении друг с другом безвестных народных поэтов. Злободневность частушки позволила выработать чрезвычайно подвижные формы стиха, в которых комбинации ритмических модификаций четырехдольника используются с необыкновенной смелостью.

Частушки не обязательно распевать. Они великолепно читаются как стихи с соблюдением того точного ритмического рисунка, который присутствует в структуре каждой народной частушки. Поразительно, что на таком маленьком «пятячке», в пределах двустигий, неистощимая народная изобретательность показывает пути дальнейшего развития национальных форм русского стиха, построенного не на условной стопе силлабо-тонической теории, а на принципе тактовой метрики с многофигурными модификациями четырехдольника.

А. Квятковский

ЧАЯНОВ Александр Васильевич (псевд. — **Ботанин Х.**) (17[29].01.1888—1939), писатель. По образованию и основной специальности агроном, экономист. Первое литературное выступление — сборник юношеских стихов «Лелина книжка» (1912). Чаянову принадлежат 5 повестей, умело стилизованных под русскую романтическую прозу и лубочную книжку н. XIX в. с элементами *народни*: «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М.» (1918), «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей» (1922), «Венецианское зеркало, или Удивительные похождения стежляного человека» (1923), «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина» (1924), «Юлия, или Встречи под Новодевичем» (1928). Повести эти имеют и самостоятельное литературное значение, своеобразно сочетая фантастику с конкретными историческими описаниями. Особняком стоит опыт социально-фантастической повести: «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920), издана под псевд. И. Кремнев. Выступал также как историк и искусствовед.

Соч.: Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем. М., 1925; Старая западная гравюра. М., 1926.

Л. Ч.

ЧЕРКАСОВ Александр Александрович (12[24].12.1834—10[22].01.1895), писатель-натуралист. Родился в Старой Руссе в семье горного инженера. Окончил Петербургский горный кадетский корпус (1855), работал в Забайкалье на рудниках, служил на Алтае, в Барнауле, Екатеринбурге. В 1866 в журнале «Современник» печатались очерки Черкасова «Записки охотника Восточной Сибири» (отд. изд. 1867), в которых наряду с подробным описанием промысловой охоты даны живые образы охотников-слепопытов, яркие картины природы. Книга имела большой успех, была переведена на французский и немецкий языки. В 1883—87 в журнале «Природа и охота» опубликовано автобиографическое произведение Черкасова «Из воспоминаний прошлого сибирского охотника», в частности — о совместной охоте с А. Брэмом в районе Барнаула в 1876. В том же журнале в 1893 появился цикл рассказов Черкасова «На Алтае».

Соч.: Записки охотника-натуралиста. М., 1962.

ЧЕРНОВ Евгений Евгеньевич (23.03.1938—2002), писатель. Родился в Алма-Ате. Следуя за назначениями отца, военного врача, ребенком жил в разных городах России. На годы учебы в старших классах приходятся и его стихотворные опыты, первая публикация (1955), участие в литературном объединении, что во многом определило его судьбу.

Во время службы в Военно-морских силах на Крайнем Севере Чернов активно сотрудничает с газетой «На страже Заполярья», где происходит его знакомство с *Н. Рубцовым*. В дальнейшем их дружба будет продолжена в стенах Литературного института.

В 1967 выходит первая книга — повесть «Молчание». С мягкой ироничностью он рассказывает житейские истории, продолжая чеховскую традицию русской прозы, при этом сохраняя авторскую дистанцию по отношению к герою, что дает возможность ненавязчивой оценки и подведению итога, который, в конечном счете, предстоит сделать самому читателю.

С 1983 Чернов живет и работает в Москве. Выходят его книги «Свой берег» (1976), «День до обеда» (1980), «Этот высокий девятый этаж» (1983), «Не самый удачный день» (1985, 1986), «Заботы пассажира Ковылкина» (1987), «На узкой лестнице» (1989), «В доме живет отец» (1991). Продолжая наследие русского классического рассказа, Чернов становится мастером коротких и емких произведений, доводя их до совершенства философских, лирических, сатирических миниатюр, придавая им притчевую обобщенность.

Ю. И.

ЧЕРНЯВСКИЙ Николай Федорович (22.12.1867[3.01.1868]—26.11.1946), малороссийский писатель, поэт. Окончил Екатеринославскую семинарию. Литературную деятельность Чернявский начал сборником стихотворений «Пісні кохання» (Харьков, 1895), затем следовали «Донецькі сонети» (1898) и лучший его сборник «Зорі» (Киев, 1903). Чернявский — лирик, певец природы и душевных настроений, в лучших его стихотворениях — большая грация поэтического выражения и везде искренность чувства. Ряд рассказов Чернявский напечатал в «Киевской старине» (1902, 1903), в альманахах — «Дубове листя» и «На вічну пам'ять І. Котляревському». Кроме того, Чернявский издал со своим предисловием «Оповідання П. Куліша» (Бахмут, 1900) и сборник посвященных тому же автору стихотворений: «Щирі сльози над могилою П. О. Куліша».

ЧЕРНЯЕВ Николай Иванович (1853—13.05.1910), писатель, публицист, театральный и литературный критик. Родившись в старинной дворянской семье, получил образование во 2-й харьковской гимназии и в Харьковском Императорском университете на юридическом факультете. Окончив последний в 1875, Черняев был оставлен для приготовления к профессорскому званию как специалист по истории русского права.

Университетская среда привела его на народовольческий процесс «193-х», где он выступал защитником *Ю. Н. Говорухи-Отрока*. Они сошлись еще ранее на почве общей для них любви к театру. В юности Черняев мечтал стать профессиональным актером и даже выступал в старом харьковском театре, участвуя в постановках классических произведений. В 1881 Черняев оставляет университет, отдаваясь всецело публицистике. Первая печатная статья «Старинный харьковский театр» появилась в журнале «Древняя и новая Россия» в 1881.

А в конце этого же года он сделался постоянным сотрудником харьковской газеты «Южный край» и стал со временем идейным руководителем редакции, публикуя множество статей по самым разным проблемам. Одновременно он поступил в харьковскую присяжную адвокатуру, участвуя в уголовных и литературных процессах.

В 1890 в Москве был организован журнал «Русское обозрение», с которым сотрудничал переехавший в столицу *Ю. Н. Говоруха-Отрок*. Он предлагает и Черняеву начать печататься в этом московском журнале, объединившем почти все тогдашние силы правых писателей. Наряду с литературными публикациями Черняева в авг. — сент. 1895 в «Русском обозрении» было опубликовано и его сочинение «О русском Самодержавии». Первоначально, как сотрудник газеты «Южный край», Черняев напечатал свою работу в этом издании в нояб. — дек. 1894. По всей видимости, Черняев написал ее под впечатлением смерти имп. Александра III (1894), которого многие из монархистов считали носителем идеала Самодержавца, а его правление — выражением идеала монархической политики. Редакция, в которой ведущую роль играл *Л. А. Тихомиров*, угадав значение этой работы для русского общества, одновременно издала работу «О русском Самодержавии» отдельной книгой. Труд этот был действительно неординарным явлением в русской политической литературе, будучи первой попыткой систематизации представлений о русской монархии как о государственном феномене.

В сер. 1890-х Черняев тяжело заболел. Пораженный параличом, он был одно время полностью неподвижен. Впоследствии подвижность вернулась только рукам. Не имея возможности физической свободы передвижения всю оставшуюся жизнь, он, по свидетельству знавших его современников, оставался бодр и весел духом и, главное, не прекращал публицистической деятельности.

Продолжение, развитие идей, изложенных в книге «О русском Самодержавии», получили в изданном в 1901 в Харькове большом сборнике работ Черняева под общим названием «Необходимость Самодержавия для России. Природа и значение монархических начал». Автором был задуман грандиозный труд о развитии монархических начал, освещенных русской литературой начиная с древних времен и кончая трудами *Л. А. Тихомирова*. Части этого сочинения печатались в сборнике «Необходимость Самодержавия для России» под общим заглавием «Теоретики русского Самодержавия». Черняев говорит не только о русском Самодержавии, но и о монархизме древнего Вос-

тока, и о византийском империализме. Его внимание привлекали все виды монархии. Он считал одной из важнейших задач сравнительное изучение русских и иноземных монархических начал, поэтому сборник представляет собой своего рода справочник о монархии, ее природе и значении.

Для Черняева русское самодержавие было одновременно и тайной, и идеалом, и поэзией. «Только те русские, — писал он, — могут не быть монархистами, которые не умеют думать самостоятельно, плохо знают историю своей родины и принимают на веру политические доктрины Запада». Завораживающая тайна монархии, мистика ее принципа поражала его исследовательское воображение. Он писал: «Беспристрастный исследователь не может не согласиться, что монархический принцип заключает в себе много таинственного, много такого, что может быть понято и оценено надлежащим образом только путем пытливых размышлений и пристального изучения истории. Беспрекословное повиновение миллионов одному человеку и их преданность Монарху представляет явление настолько поразительное, что его нельзя объяснить никакою “хитрою механикою”. Неограниченная Монархия, и русское Самодержавие в частности, не может не казаться делом сверхъестественным, которое удовлетворительно объясняется только участием Провидения в судьбах народов. Историк и мыслитель, старающийся найти последовательность между событиями и указать связь, существующую между учреждениями и тою почвою, на которой они возникают, не вправе отрицать Бога в истории... Государственное устройство, имеющее религиозную основу, не может не иметь мистического оттенка: его имеет и русское Самодержавие, ибо оно построено на убеждении, что Император и Самодержец Всероссийский — Помазанник Божий, что Он получил власть от Бога, что Он Монарх Божиею милостию, что сердце Его в руке Божией».

Понять великий смысл монархии труднее, чем понять республику, устройство которой гораздо проще и дается без особого духовного и умственного труда. Говоря словами Штрауса, отношение республики к монархии определяется так же, «как речная мельница к паровой машине, как вальс или песня к фуге или симфонии».

Революция 1905 принесла в русское общество крайний разброд. Родная газета Черняева «Южный край» под влиянием ее издателя А. А. Юзефовича с 1905 сменила политический курс, повернув резко влево. Николай Иванович, не признававший компромиссов в своих политических убеждениях, прекратил всякие связи с газетой.

Размышляя на протяжении всей жизни о сущности монархии, Черняев в конце своего земного пути издал последнюю, 3-ю книгу о монархии, быть может, самую оригинальную, под названием «Из записной книжки русского монархиста» (Харьков, 1907). Это сочинение состоит более чем из полутора сот небольших заметок о всевозможных проявлениях монархической мысли и чувства у разных народов мира. Сборник миниатюр, «опавших листьев», представлял собой особый вид литературы, используемый многими писателями в XX в. В специальной же монархической литературе такая книга была единственной в своем роде.

«Монархический инстинкт, — писал Черняев, — дело великое, но в наше время, когда все подвергается сомнению, им нельзя довольствоваться. Он должен быть возведен в сознание. Русский человек, вкусивший от древа об-

разованности, должен быть монархистом не только по влечению сердца, по преданию и по привычке, но и по ясно осознанному убеждению. Только тогда он будет вполне застрахован от заразы демократических, республиканских, конституционных и вообще антимонархических веяний, учений и предрассудков. Он будет от них застрахован только в том случае, если постигнет отчетливо и раздельно религиозные основы, мистику, величие, идеалы, всемирно-историческое значение, культурное призвание, политическую необходимость, историческую правду, нравственные основы, природу, особенности, психологию, поэзию и благодетельное влияние Русского Монархизма.

Короче сказать, выяснение русского политического самосознания составляет одну из главных потребностей русского общества, русской молодежи и русской школы».

Черняев, так и не переселившийся в Москву, представлял собой яркий пример провинциального деятеля, который и из далекого от столицы Харькова мог влиять на сознание читающего русского общества своей публицистикой. Как безусловный монархист (верящий в свой политический принцип и, главное, знающий, во что верует), он был активным и уважаемым деятелем харьковского отделения «Русского собрания».

Соч.: Гастроли г-жи Альмы Фострем в Харькове в 1893. Харьков, 1894; «Капитанская дочка» Пушкина. Ист.-крит. этюд. М., 1897; «Пророк» Пушкина в связи с его же «подражением Корану». М., 1898; Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900; Материалы для истории харьковской сцены. Харьков, 1900; Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. М., 1998.

М. Смолин

ЧЕХОВ Александр Павлович (10[22].08.1855—17[30].05.1913), литератор. Родился в слободе Крепкая, близ Таганрога. Брат *А. П. Чехова*. Писал под псевдонимами Агафопод, Агафопод Единичин, Алоэ, позднее — А. Седой. Окончил физико-математический факультет Московского университета (1882). В студенческие годы начал печататься в юмористических журналах и мелких газетах; содействовал в то время Антону Павловичу в печатании его первых литературных опытов. С 1886 до конца жизни сотрудничал в газете «Новое время», печатался в провинциальных газетах и журналах; редактировал журналы «Слепец», «Пожарный», «Вестник Российского общества покровительства животным». Чехов был энциклопедически образованным человеком; он писал рассказы, повести, очерки, публицистические статьи, репортажи, научно-популярные брошюры, мемуары. Воспоминания о детстве и о брате, содержащие много ценных сведений, вызвали возражения у некоторых современников и близких Антона Павловича. Сохранилась часть переписки Александра и Антона Чеховых (1875—1904).

Соч.: Александр Чехов. Исторический очерк пожарного дела в России. СПб., 1892; А. Седой. Птицы бездомные [и др. рассказы]. СПб., 1895; А. Седой. Святочные рассказы. СПб., 1895; А. Седой. Княжеские бриллианты [и др. рассказы]. СПб., 1904; А. Седой (Ал. Чехов). Хорошо жить на свете! Повесть. СПб., 1904; А. С-ой. А. П. Чехов в греч. школе // Вестник Европы, 1907. № 4; А. С-ой. А. П. Чехов — певчий // Там же. 1907. № 10; А. С-ой. Антон Павлович Чехов — лавочник // Там же. 1908. № 11; Александр Чехов. Первый паспорт А. П. Чехова // Рус. богатство. 1911. № 3; Александр Чехов (А. Седой). В Мелихове // Нива. 1911. № 26; А. Седой (Чехов). Из детства А. П. Чехова. СПб., 1912; А. Седой. В гостях у дедушки и бабушки. СПб., 1912; А. П. Седой. В погоне за теплом и солнцем. СПб., 1913; Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939.

ЧЕХОВ Антон Павлович (17[29].01.1860—2[15].07.1904), писатель. Родился в Таганроге. Дед Чехова по отцу, крепостной из Воронежской губ., выкупил себя с семьей на волю и в конце жизни служил управляющим имением (отдельные его черты отражены в образе Фирса из «Вишневого сада»); детские впечатления Чехова от поездки к деду через приазовскую степь отразились в рассказах «Красавицы», «Счастье», повести «Степь». Отец Чехова владел в Таганроге

небольшой бакалейной лавкой. В его натуре соединились стремление «выйти в люди» с непрактичностью и неумением вести дела, художественная одаренность — с властностью и деспотичностью по отношению к домашним. У Чехова было четыре брата и сестра. Сыновья должны были помогать отцу в торговле, а также петь в организованном им церковном хоре. Наказания розгой, семейный деспотизм рано выработали в Чехове отвращение к несправедливости и насилию, обостренное чувство достоинства, стремление к независимости. Мать Чехова, также внучка выкупившегося на волю крестьянина-крепостного, вносила в семью начала мягкости и человечности. «Талант в нас со стороны отца, а душа — со стороны матери», — говорил впоследствии Чехов. Из радостей детства ему навсегда запомнились купание в море, рыбалка, ранняя весна на Дону, ловля щеглов. Яркая способность к импровизации и подражаниям проявлялась в сценках, домашних представлениях, которые Чехов сочинял и разыгрывал с братьями. Учение вначале в греческой школе, а затем в классической гимназии особого интереса у Чехова не вызывало. Гораздо большее влияние на его духовное становление оказали театр и библиотека. Завсегдаем галерки Таганрогского театра Чехов становится с 13-летнего возраста; в исполнении местных трупп и заезжих знаменитостей он имел возможность увидеть на сцене русский классический репертуар, пьесы Шекспира, современные водевили и мелодрамы. В обширный круг чтения юного Чехова вошли Сервантес,

Гюго, *Тургенев*, *Гончаров*, естествоиспытатель Гумбольдт, философ Бокль и наряду с ними разнообразные юмористические журналы и сборники. В 1876 отец Чехова, окончательно разорившись, бежал от долговой тюрьмы в Москву, туда же уехала мать с младшими детьми. Антон остался в Таганроге и должен был зарабатывать уроками средства на жизнь и учение и еще высылать небольшие денежные переводы семье. К этим годам относятся известные нам лишь по названиям литературные опыты Чехова. Гимназистом он выпускает рукописный журнал с карикатурами «Заика», какие-то юморески посылает под псевдонимами в столичные журналы (печататься Чехов начал, очевидно, не позже 1878), пишет несохранившиеся комедии «Нашла коса на камень» и «Недаром курица пела» и создает большую драму «Безотцовщина».

В 1879 Чехов поступает на медицинский факультет Московского университета. Сразу по приезде в Москву Чехов принимает на себя заботы о родителях и младших, почти единственным средством существования семьи становятся его литературные заработки. Занятия в университете Чехов соединяет с разнообразной и непрерывной литературной работой.

Серьезные надежды Чехов связывал с привезенной в Москву (и, возможно, здесь переработанной) своей большой драмой. Сохранился единственный список этой пьесы, без титульного листа; в наши дни в разных изданиях и постановках она получала заглавия «Платонов» (по имени главного героя), «Пьеса без названия», «Безотцовщина». Первая пьеса Чехова построена как проблемное произведение о современном человеке. Главный ее персонаж, провинциальный учитель, наделен нравственной неустойчивостью и одновременно потребностью осознать свое назначение. В своих монологах Платонов вершит суд над собой и окружающими. В пьесе много разговоров о проблемах и событиях эпохи, она чрезвычайно велика по объему и наполнена внешними эффектами, но в ней уже угадываются многие мотивы, прошедшие потом через все творчество Чехова. Посланная ведущей актрисе Малого театра М. Н. Ермоловой, пьеса была возвращена, очевидно, непрочитанной; после этого Чехов предал ее забвению, а при его жизни она оставалась никому не известной. Попытка войти в русскую литературу с серьезным, проблемным произведением оказалась неудачной. Но изначальные особенности таланта Чехова — юмор и наблюдательность — позволили ему не отступить, а пойти иным путем, завоевав сначала юмористические журналы и газеты.

Первые известные опубликованные произведения Чехова «Письмо к ученому соседу» и «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.» (Стрекоза. 1880, 9 марта) — пародии, излюбленный жанр юмористических журналов. Пародии составляют приблизительно половину первого сборника произведений Чехова «Шалость», подготовленного им к печати в сер. 1882, но не увидевшего свет. Выбирая свою позицию в литературе, нащупывая свою тему, молодой Чехов пробует себя одновременно и в серьезных, и в юмористических жанрах. Опытом психологического повествования стали повести «Живой товар» и «Цветы запоздалые» (герой последней доктор Топорков, интеллигент-приобретатель, дальний предшественник Ионьча). Чехов откликается на «деревенскую тему», одну из главных в русской литературе 80-х (рассказ «За яблочки», связанный с традициями еще антикрепостнической сатиры; в ином социально-психологическом ключе — рассказ «Барыня»), задумывает цикл «Сельские картинки» (рассказ «Суд»). Особенно интересует Чехова мир артистов: 6 рассказов на эту тему составили его сборник «Сказки Мельпомены»

(1884); и здесь комическая и серьезная установки распределяются приблизительно поровну. Два наиболее крупных по объему произведения Чехова первых лет — повесть «Ненужная победа» (1882) и «уголовный» роман «Драма на охоте» (1885), имея внешние признаки пародий, перерастают чисто пародийную задачу, содержат начатки психологизма, жанровых и пейзажных описаний. Но при всем стилевом разнообразии ранних произведений Чехова в них преобладает стихия юмора. В рассказе «Марья Ивановна» (1884), своего рода автокомментарии к раннему творчеству, Чехов относит себя к числу «литературных поденщиков», «завсегдатаев юмористических журналов», «пишущих по смешной части». Все эти произведения печатаются под псевдонимами «Антоша Чехонте», «Человек без селезенки», «Брат моего брата» и др. — всего известно свыше 50 чеховских псевдонимов.

Количеством самое большое место в юмористике Чехова занимают шуточные афоризмы, подпisi к рисункам, пародийные календари, отчеты, словари, руководства, объявления — все, что подходит под широкую жанровую рубрику юмористической «мелочишки» («Контора объявлений Антоши Ч.», «И то, и сё», «Задачи сумасшедшего математика», «Календарь “Будильника” на 1882 год», «Философские определения жизни», «Перепутанные объявления», «Краткая анатомия человека», «Несообразные мысли» и мн. др.). Задолго до начала сотрудничества Чехова в «Стрекозе», «Зрителе», «Будильнике» сложились каноны этого жанра, которые он быстро освоил и превзошел, создав такие шедевры юморески, как «Письмо к ученому соседу», «Жалобная книга», «Жизнь прекрасна! (Покушающимся на самоубийство)» и др. С к. 1882 Чехов начинает сотрудничать в петербургском журнале «Осколки», который под руководством *Н. А. Лейкина* завоевал ведущее положение в юмористической прессе. В отдельных произведениях Чехов использует шедринские темы, образы, словарь. Прибегая в жанре «мелочишки», адресованной массовому читателю, к некоторой стилизации «под Шедрина», Чехов добивался особой выразительности сатирических приемов.

Усвоение традиций классической литературы одновременно с решительным переосмыслением многих из них станет определяющей чертой литературной позиции Чехова. Так, в раннем чеховском творчестве была переосмыслена ситуация, восходящая еще к гоголевской «Шинели»: маленький чиновник в столкновении с «начальством», «значительным лицом». Серию рассказов на эту тему: «Двое в одном», «На гвозде», «Рассказ, которому трудно подобрать название», «Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало», «Сущая правда» — Чехов завершил «Смертью чиновника» и «Толстым и тонким». В первой редакции рассказа «Толстый и тонкий» (1883) мотивировка поведения «тонкого» была традиционной: он раболепствовал и унижался, т. к. «толстый» оказывался его прямым начальником и распекал за опоздание на службу. Включая рассказ в сборник «Пестрые рассказы», Чехов переработал его, сняв подробную мотивировку. Теперь «толстый» изображен нейтрально, главным объектом осмеяния стал маленький чиновник, который подличает и пресмыкается, когда его к этому никто не вынуждает. Показывая, как сам объект унижения становится его глашатаем, Чехов утверждал более трезвый взгляд на природу психологии чиновника.

«Толстый и тонкий» написан в жанре «сценки»; основные достижения Чехова — юмориста и сатирика относятся именно к этому жанру. Сценка — короткий юмористический рассказ, картинка с натурой, комизм которого состоит в передаче разговора персонажей, — восходит к традициям *Гоголя*, *Островского*, *Н. Успенского*, *Слепцова*. Приобретя к н. 80-х под пером Лейкина черты жанровой завершенности, сценка стала гла-

венствовать в «Осколках». Чехов виртуозно овладел техникой «осколочной» сценки и поднял ее до уровня большой литературы. В духе поэтики сценки у Чехова — особые приемы краткости, сводящие к минимуму описания и пояснения; заглавия — простые и незатейливые, называющие место действия, или действующих лиц, или предмет, вокруг которого строится действие («В Москве на Трубной площади», «В бане», «Справка», «Налим», «Жених и папенька», «Гость», «Утопленник»), реже — иронические или пародийные заглавия («Злоумышленник», «Хамелеон», «Дипломат», «Счастливчик», «Сирена», «Интеллигентное бревно»), говорящие и забавные фамилии (дьячки Вонмигласов и Отлукавин, мастер Хрюкин, полицейский надзиратель Очумелов, городской Елдырин, авторша драмы Мурашкина, француз Шампунь, староста Шельма, генералы Буддеев и Запупырин, купцы Ескимосов и Пятирылов, актеры Уньлов и Дикобразов и т. п.). Главное в сценке — речь персонажей, одновременно правдоподобно-бытовая и смешная. Установка сценки — писать непременно смешно и непременно коротко — ограничивала Чехова, но и позволяла ему пройти школу краткости и особой выразительности деталей. Значительно расширились традиционные представления о возможных источниках тем и сюжетов литературных произведений.

В основе юмора чеховских сенок лежит не просто наблюдательность, меткость деталей, живость языка и т. п. Искра смешного высекается, когда в густонаселенном мире Чехова сталкивается несовместимое — разные представления, застывшие формы поведения, системы понятий, правил, мнений. Уже в юмористических сценках и рассказах присутствуют темы поздних произведений Чехова. Он смеется над несуразностями мышления и поведения, пустыми претензиями, безуспешными попытками подогнать под какой-нибудь шаблон непредвиденную сложность жизни («Хирургия», «Канитель», «Экзамен на чин», «Хороший конец»). Герои чеховских сенок не в силах безошибочно ориентироваться в иерархическом мире разных чинов, званий, орденов, состояний, и социальная пестрота и неравенство то и дело ведут к столкновениям и недоразумениям («Орден», «Свадьба с генералом», «Винт», «В бане», «Маска»). Чехов-юморист пишет о бесконечном множестве и разнообразии путей жизненного поведения, о непонимании друг друга («Антрепренер под диваном», «Конь и трепетная лань», «Контрабас и флейта», «Иван Матвеевич»). Теплый юмор рассказов Чехова о детях также основан на столкновении разных типов сознания. В детском восприятии и мышлении мир как бы увиден заново, сопоставлен с неожиданной шкалой мер и ценностей; то, что привычно и узаконено во взрослом мире, обнаруживает свою относительность в детском («Гриша», «Кухарка женится», «Детвора», «Событие»).

Использование Чеховым отдельных особенностей поэтики «осколочной» сценки сопровождалось постепенным выходом за пределы задач и возможностей жанра. Под давлением свирепевшей цензуры редактор «Осколков» Лейкин предпочел «сократиться», избегая сколько-нибудь серьезных тем, «осколочная» юмористика лишалась общественного и литературного значения. С 1885 Чехов, продолжая сотрудничать в «Осколках», начинает печататься в разделе «летучие заметки» «Петербургской газеты», где поместил такие произведения, как «Лошадина фамилия», «Егерь», «Унтер Пришибеев», «Госка», «Ванька», «Беглец», «Мальчишки» и др. Среди них есть типично «осколочные» рассказы, однако в большинстве из них трактовка действительности перестает быть исключительно юмористической. В произведениях Чехова намечается чрезвычайное разнообразие тональности. Юмор не исчезнет

никогда из творчества Чехова, но приобретет новые оттенки, соединится с иным пафосом. «На деревню дедушке» («Ванька») — такой адрес нелеп, а потому смешон уже сам по себе. Но столкновение иллюзии, ложного представления с живой болью, состраданием полуграмотному Ваньке Жукову рассчитано на более сложную читательскую реакцию. Ионе Потапову, схоронившему сына («Тоска»), некому поведать печаль свою среди толп большого города. Сам он, как это станет обычным для героев Чехова, не в силах правильно понять причины своей тоски, и единственным слушателем его оказывается лошаденка. Но авторская усмешка по поводу ложности представлений или несурзности поведения героя растворяется в сочувствии к нему — обыкновенному, заурядному человеку. Рождается тот эффект «теплоты», о котором в эти годы не раз пишет Чехов.

Свои юмористические произведения Чехов объединил в сборники «Пестрые рассказы» (1886) и «Невинные речи» (1887). Критика, признав талантливость Чехова, увидела в его рассказах лишь внешний комизм, сочла его «безыдейным, легкомысленно равнодушным к серьезным вопросам жизни» автором «эфемерных шаржей» (А. М. Скабичевский). Но наиболее чутким читателям уже стала ясна значительность творчества Чехова. Большие надежды на него возлагает *И. С. Лесков*. «Переворотом в литературе» называет рассказы Чехова *Д. В. Григорович*. Его письмо к Чехову в марте 1886 сыграло для писателя важную роль, заставив его поверить в себя. С 1886 он пишет рассказы для «субботников» — беллетристического раздела газеты «Новое время», подписываясь уже своим настоящим именем. Впоследствии, в 90-х, Чехов порвет с «Новым временем», от большинства его реакционных и беспринципных авторов он отделит себя с самого начала, но сотрудничество в самой большой общерусской газете дало Чехову возможность впервые обратиться к широкому кругу новых для себя читателей, интересующихся в беллетристике не просто легким чтением, но размышлениями о жизни, психологией персонажей. Рассказы, помещенные Чеховым в «Новом времени»: «Ведьма», «Агафья», «Тайный советник», «Учитель», «Враги», «Верочка», «Счастье», «Поцелуй» и др. Созревший художественный и человеческий талант Чехова обусловил переход его от насмешки — к анализу, от характеров смешных — к сложным, противоречивым, к изучению и воспроизведению жизни во всей ее полноте.

Жизненный опыт Чехова в эти годы значительно расширился. По окончании университета в 1884 он работает врачом в Воскресенске, Звенигороде; там он не только лечит больных, но и ездит на вскрытия, выступает экспертом в суде и т. д. Много наблюдений продолжает давать ему работа постоянного московского корреспондента «Осколков» (фельетоны «Осколки московской жизни»). Летние месяцы с семьей он проводит в подмосковной усадьбе Бабкино; расширились знакомства Чехова среди молодых художников, литераторов.

С сер. 1884, времени окончания университета, до выхода повести «Степь» в н. 1888 Чехов создал более 350 произведений. Это период «многочисления». Значительная их часть относится к жанру, который сам Чехов, в отличие от «мелочишки» и «сценки», называл «серьезным этюдом». В газетных рассказах окончательно складывались поэтика и стилистика чеховского художественного мира. Исследование жизни в рассказах-этюдах ведется в разных направлениях. В некоторых из них Чехов решает задачу описания разнообразных жизненных положений, бытовых явлений, психологических состояний. Тут в большинстве случаев сами названия говорят о себе: «Его первая любовь (Володя)», «Страхи», «Сильные ощущения», «Тиф», «Скука жизни», «Горе», «Свадьба», «Старость», «Поцелуй». Др. группу составляют исследования раз-

нообразных характеров, темпераментов, психологических типов («Отец», «Почта», «Задача», «Холодная кровь», «Необыкновенный», «Обыватели»). Нередко такие зарисовки разнообразней и оттенков чеховской психологии Чехов выполняет в юмористическом, «осколочном» ключе («Сирена», «Длинный язык», «Тссс!», «Мыслитель», «Розовый чулок»), в др. случаях отношение автора к героям объективно-исследовательское («Тайный советник», «Тина», «Учитель»). Еще один круг рассказов-этюдов посвящен изучению тех или иных социальных групп, сословий, слоев населения. В первую очередь это рассказы, где главные действующие лица — крестьяне: «Егерь», «Злоумышленник», «Свирель», «Счастье», «Ты и вы», «Темнота», «Мечты». Разнообразные типы людей из народа, коллективная народная психология, колоритная речь — все это передано Чеховым со всесторонней осведомленностью и тонкой проникновенностью. Особые группы рассказов этого типа составляют рассказы об актерах и художниках («Первый любовник», «Юбилей», «Талант», «Критик», «Актерская гибель»), рассказы о детях («Мальчики», «Беглец»).

Чехов не специализируется на изображении какой-либо социальной группы или психологического типа, в этом он видит свое отличие от *Гаршина*, *Короленко* и др. литературных сверстников и современников. В рассказах Чехова 1885—87 окончательно определился тип чеховского героя, а также основной объект изображения. Это «средний человек» и повседневная, обыденная жизнь. В творчестве Чехова своеобразно отразился поворот, проделанный всей русской литературой в 80-х. *Л. Толстой*, *Салтыков-Щедрин* в произведениях этих лет пишут о самых обыкновенных людях, их быте и психологии. Литературные спутники Чехова этих лет *И. Потапенко*, *К. Баранцевич*, *И. Ясинский*, *И. Леонтьев-Шеглов* (которых Чехов назвал «артелью восьмидесятников», не отделяя себя от них) также изображали «среднего человека» и обыденную жизнь. «Средний человек» — у Чехова это инженер, врач, учитель, адвокат, студент, офицер, статистик, немец (а также и помещик, и крестьянин, и чиновник, и священник, но показанные иначе, чем в литературе предшествующих десятилетий) — понимается теперь как представитель массы, как всякий человек. В нем отсутствует какая-нибудь необычность, незаурядность, главное в нем — обыкновенность, распространенность. Такое понимание Чехов разделяет с писателями своей эпохи.

Объединяющим началом произведений Чехова становится новый тип события, связанный с интересом писателя к сознанию героя, его попыткам «ориентироваться в жизни». Новую трактовку события Чехов предлагает в рассказах сер. 80-х («Тапер», «Переполюх», «Знакомый мужчина», «Кошмар», «Следователь», «Хористка», «Житейская мелочь» и др.). Главное событие в них — сдвиг в сознании героя, открытие им для себя жизни с новой, неожиданной стороны, осознание враждебности жизни, невозможность разобраться в ней. А описанные в них происшествия — скандал на купеческой свадьбе, неожиданный визит жены к любовнице мужа, смерть от отравления и т. п. — лишь повод к этому открытию. В результате создается иллюзия «бессобытийности» в чеховских произведениях, тогда как изменился сам характер события: не столько какое-то «происшествие», «случай», сколько его восприятие, переживание и осмысление героем, переход от «казалось» к «оказалось». В отличие от героев *Достоевского*, *Толстого* среди героев Чехова почти нет идеологов, философов, носителей стройных систем знаний и убеждений. Чаще всего Чехов изучает работу самого заурядного, обыкновенного сознания, наблюдает характерные для него ошибки, ловушки, обманы. Это позволяет увидеть общие основы тех перемен, которые происходили в массовом сознании эпохи.

В эти годы Чехов вырабатывает и своеобразные способы исследования сознания, психики своих героев. Чехов — первый крупный русский писатель, мировосприятие и творческие принципы которого сложились под решающим воздействием естественных наук. Позже в автобиографии он напишет о серьезном влиянии на его литературную деятельность занятий медициной: «они значительно раздвинули область моих наблюдений... они имели также и направляющее влияние». Чехов не раз упоминает в письмах и рассказах о методе «индивидуализации отдельного случая»: всякая болезнь интересна прежде всего своими осложнениями: не существует болезней «вообще», есть конкретные больные. Подобный метод индивидуализации Чехов стремился распространить и на исследование жизненных ситуаций, психических процессов, человеческого сознания в литературе. В своих рассказах-этюдах он прослеживает, как соотносятся повседневный быт, окружающий человека, и формы его сознания, какое выражение психические и мыслительные процессы находят в речи и поведении. Мелочи, штрихи, внешние случайные черты обстановки Чехов вводит в описание, чтобы показать многообразие факторов, обуславливающих настроение и поступки человека («Рассказ без конца», «Задача», «Его первая любовь», «Мечты», «Верочка», «Поцелуй»).

Среди слагаемых картин жизни в произведениях Чехова этого времени непременно присутствует красота в разнообразных ее проявлениях. Красота свободной, ничего не боящейся страсти («Агафья») и красота творчества безвестного поэта-монаха («Святою ночью»), женская красота («Ведьма», «Красавицы») и та «тонкая, едва уловимая красота человеческого горя, которую нескоро еще научатся понимать и описывать и которую умеет передавать, кажется, одна только музыка» («Враги»). Постоянен для Чехова вопрос о месте красоты в сознании и поведении людей. Чаще всего это гибнущая, пропадающая (как в «Ведьме», «Панихиде»), преследуемая, несущая наказание (в «Агафье») или не замечаемая людьми красота («Святою ночью», «Припадок»). Правда и красота неразрывны в произведениях Чехова.

Опробованный в прозе единый идейно-философский угол рассмотрения действительности Чехов переносит и в драматургию. Осенью 1887 он пишет комедию «Иванов» — первую увидевшую свет рампы. Поставленная в Московском театре Корша, пьеса возбудила «всеобщее аплодисменто-шканье» и вызвала разноречивые отзывы критики. В «Иванове», как и в юношеской драме, в центре пока один главный герой, но по характеру события, сюжета эта пьеса содержала уже черты нового театра. Основные события здесь происходят в сфере сознания героев. Событие, определившее судьбу Иванова, невидимо, но вполне определено: это переход его из одного мировоззренческого состояния в другое. Иванов разлюбил жену, запутался в хозяйстве, устал от собственных затей и реформ, «стал брюзгой». Прежняя система ориентации и поведения, в правильность которой еще за год до начала действия Иванов верил, теперь кажется ему ложной, он «готов уже отрицать» все, что вчера утверждал. В письмах Чехов указывал, что он стремился охватить единым осмыслением самые различные виды перемены убеждений и настроений. В «Иванове» Чехов отклоняется на ситуацию, прямо подсказанную эпохой 80-х. Как герой его пьесы, Чехов считал, что все русское интеллигентное общество от «возбуждения» двух предшествующих десятилетий пришло в 80-е к «утомлению», утрате прежних верований. Через год Чехов переработал «Иванова» для постановки в Петербургском Александринском театре и дал пьесе, кончающейся самоубийством героя, подзаголовок «драма». Вступил в действие еще один, типично чеховский, принцип художественного мышления: то комиче-

ская, то драматическая трактовка одних и тех же явлений, единая основа комического и драматического.

Вслед за «Ивановым» Чехов пишет водевили «Гамлет, принц Датский» (не окончен, сохранился лишь план), «Медведь», «Предложение» (оба — 1888). В этих водевилях, как и в более поздних: «Свадьбе» (1890) и «Юбилее» (1891), тот же тип события, что и во многих рассказах Чехова: столкновение носителей разных взглядов и типов жизненного поведения, при этом форма такого столкновения — «скандал и общий кавардак». Яркий комизм, неподдельная веселость обеспечивали чеховским водевилям неизменный успех при постановках на столичных и провинциальных сценах.

1887 — последний год чеховского «многописания». В этом году он написал 65 рассказов, в 1888 — только 9. В дек. 1887 Чехов прекращает постоянное сотрудничество в «Осколках», в следующем году — в «Петербургской газете». В 1887 в письмах Чехова появляются упоминания о его работе над романом: замысел романа остался незавершенным, написанные главы, видимо, в переработанном виде вошли в поздние произведения. В 1887 выходит сборник рассказов Чехова «В сумерках», за который Академия наук присуждает ему половинную Пушкинскую премию. В ближайшие годы выходят сборники «Рассказы» (1888), «Хмурые люди» (1890). Завязываются и расширяются связи Чехова с А. Н. Плещеевым и Н. К. Михайловским, Г. И. Успенским, В. Г. Короленко, П. И. Чайковским. В марте 1888 повестью «Степь» Чехов дебютировал в «толстом» журнале «Северный вестник». «Степь» явилась своего рода итогом раннего творчества Чехова: в ней соединились юмор, лиризм, мастерство бытовой зарисовки и пейзажа. Задачу своей повести Чехов видел в том, чтобы показать, «какое богатство, какие залежи красоты остаются еще не тронутыми и как еще не тесно русскому художнику». В «Степи» есть новое качество, которое будет отличать многие поздние произведения писателя: картина жизни вырастает в ней до обобщения, до символа. В поэтическом описании поездки через степь мальчика Егорюшки Князева вставал образ «суровой и прекрасной Родины». Чехов собирался писать продолжение «Степи» и формулировал основную мысль, которую думал положить в основу этого неосуществленного замысла: «Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается, бьет на манер тысячеудового камня... Простора так много, что маленькому человеку нет сил ориентироваться». Этой концепцией русской жизни объединены произведения Чехова к. 80-х. Герои «Степи» и написанных вслед за нею повести «Огни», рассказов «Неприятность», «Припадок» пытаются «решить вопрос», найти ориентиры для понимания жизни, и у каждого «нет сил ориентироваться»; все они чувствуют себя беспомощными в «чужом, непонятном мире».

К к. 80-х складывается особый чеховский тип авторской позиции: в письмах этого времени Чехов формулирует принцип объективности творчества. Повествование в рассказе или повести, считает Чехов, необходимо «строить в тоне и духе» героя; мир предстает в произведении не «вообще», а преломленный в конкретном воспринимающем сознании. Описание природы, обстановки приобретает, т. о., особую компактность: оно и включает в себя картину мира, и характеризует воспринимающего героя, и воплощает его эмоциональное отношение к миру. Так описываются гроза в «Степи», первый снег в «Припадке», компания гостей в «Именинах» и т. д. В тех случаях, когда герои в своих спорах, размышлениях касаются мировоззренческих, этических проблем, Чехов не предлагает непреложного авторского их решения: «Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем гово-

рят они, а только беспристрастным свидетелем», задача художника не решение, а «правильная постановка» вопроса. Чехов отказывается от традиционного выражения авторской точки зрения «устаами героя», от авторских деклараций, от проповеди. Ложность, непоследовательность или иллюзорность взгляда героя раскрываются через логику его судьбы, объективную иронию действительности — так создается впечатление, что в произведении говорит сама жизнь, не скованная авторской предвзятостью. Дело было не в отказе Чехова от определенной авторской позиции, как предполагала критика, а в коренном ее изменении. Читатель чеховских произведений приходит к выводу без подсказки автора, но лишь благодаря тому, что проведена четкая граница между правильной и ложной постановкой вопроса.

Крупное проблемное произведение — повесть «Скучная история» (1889) — Чехов создал в месяцы, последовавшие за смертью его брата — художника Николая. Горечь первой семейной утраты, раздумья над исканиями русской интеллигенции, над важными проблемами человеческого бытия отразились в повести. Ее герой, старый профессор-медик, переживает душевную драму, во многом сходную с той, которую переживал герой «Иванова». Не в силах решить множество жизненных вопросов, нахлынувших на него в последние месяцы, герой приходит к выводу о том, что ему недостает «вышей идеи». Чехов предупреждал, что в мнениях, которые высказывает профессор, нельзя искать его, чеховских мнений. Но читатель «Скучной истории» чувствовал заинтересованность автора раздумьями персонажа. Авторская позиция в «Скучной истории» включает невозможность удовлетвориться всеми известными «общими идеями» и одновременно жажду жизни осмысленной и одухотворенной. Главный герой пьесы «Леший» (1889) помещик и врач Хрущов в отличие от героя «Иванова» — «человек неנוющий», увлеченный живым делом, спасением и насаждением лесов. Но вновь речь идет о вреде, который вносит в человеческие отношения привычка судить друг о друге предвзято, наклеивать ярлыки, выносить беспечелые приговоры. Среди всех чеховских пьес «Леший» выделяется своим светлым, умиротворенным концом, герои ее приходят к конечному выводу о ценности жизни, любви, человечности. Поставленный в частном московском театре, «Леший» успеха не имел и впоследствии был переработан в пьесу «Дядя Ваня».

В 1888, отозвавшись на смерть путешественника Н. М. Пржевальского, Чехов написал короткую статью о «людях подвига, веры и ясно осознанной цели», в которой говорил о «громдном воспитательном значении» деятельности таких людей и о том, что «подвижники нужны как солнце». Подвигом самого Чехова стала поездка на Сахалин в 1890. Чехов решил ехать на Сахалин как раз тогда, когда к нему пришел прочный читательский успех и он был признан самым талантливым среди нового поколения русских писателей. Но роль популярного беллетриста, произведения которого нравятся публике, уже не могла его удовлетворить. Как художник и гражданин, он созрел для того, чтобы говорить современникам суровые истины о действительности, бросить вызов иллюзиям, разделяемым всеми в «образованном обществе». Для этого он решил взвалить на себя «непрерывный полугодовой труд, физический и умственный», взглянуть на Россию с ее каторжной окраины, на места «невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный». Чехов преодолевает нелегкий путь через всю Россию, на Сахалине за 3 месяца проводит огромную работу по переписи и обследованию каторжного населения, заполняет ок. 10 тыс. статистических карточек. Поездка на Сахалин обострила туберкулезный процесс, первые признаки которого дали о

себе знать еще в студенческие годы. Обратный путь Чехов проделал на пароходе через Индийский океан, о. Цейлон, Красное море. В следующем, 1891, Чехов получил возможность еще раз взглянуть на русскую жизнь со стороны: во время поездки в Европу он посещает Вену, города Италии и Франции. Зимой 1891—92 Чехов участвует в помощи голодающим крестьянам Воронежской губ. Общественной деятельностью Чехов занимается с первых месяцев его жизни в небольшом подмосковном имении Мелихово, где он поселился с родителями весной 1892. В мелиховский период Чехов лечит крестьян, в холерные 1892 и 1893 заведует врачебным участком, открывает медицинский пункт, строит несколько школ, пишет.

Сахалинская поездка углубила принципы, уже утвердившиеся в творчестве Чехова к к. 80-х. Еще во время подготовки к путешествию Чехов пришел к выводу, что русское общество убавливает себя ложными представлениями, считая, что всю вину за Сахалин можно возложить на «тюремных красноносых смотрителей»: нет, утверждал Чехов, «виноваты не смотрители, а все мы». Книга «Остров Сахалин» (1894) внешне спокойна, почти академична, но проникнута пафосом опровержения всеобщих иллюзий. Число произведений Чехова, действие которых так или иначе связано с каторгой и ссылкой, невелико: «Гусев», «Бабы», «В ссылке», «Рассказ неизвестного человека», «Убийство».

В повести «Дуэль» (1891), по месту действия совсем далекой от Сахалина, основной конфликт строится вокруг проблемы правильных оценок человеческого поведения — проблемы, занимавшей Чехова в прежних произведениях, но обретшей особое значение после поездки на каторгу. Герой повести — зоолог, социал-дарвинист фон Корен, выступающий как прокурор нравственного закона, в запальчивости готов физически уничтожить безвольного, изолгавшегося чиновника Лаевского. Каковы основания для справедливой оценки человека? Можно ли на основе чувства ненависти или какой-либо «общей теории» (в данном случае — социал-дарвинизма) окончательно осудить человека? На этот вопрос Чехов ответил отрицательно самим сюжетом повести, ее развязкой, где автор заставляет бывших противников пожать друг другу руки и сказать: «никто не знает настоящей правды».

В пору самых безрадостных раздумий писателя написана повесть «Палата № 6» (1892) — история двух жителей провинциального городка Рагина и Громова, врача и пациента, которые неизбежно, хотя и совершенно разными путями, попадают в палату для умалишенных, откуда им уже не выбраться.

В послесахалинские годы Чехов освобождается от того влияния, которое имела на него моральная проповедь Л. Толстого. Повесть Толстого «Крейцера соната», до поездки на Сахалин восхищавшая Чехова, в н. 90-х вызывает полемику в его произведениях, связанных с проблемами любви, брака, семейных отношений: «Дуэль», «Жена» (1892), «Три года», «Супруга», «Ариадна» (все — 1895). Восхищаясь художественным гением Толстого, поддерживая толстовскую критику современного общества, Чехов не соглашался с догматичностью и доктринерством толстовской проповеди. Там, где Толстой генерализировал, провозглашал всеобщезначительные истины, Чехов предпочитал «индивидуализировать», показывая, что жизнь в ее реальной сложности может вести к непредсказуемым поворотам в человеческих судьбах («Дуэль», «Жена», «Три года»). Толстовской «простой истине», общей для всех, Чехов противопоставляет множество случаев и обстоятельств, осложняющих эту истину, делающих ее не универсальной и не абсолютной. Сам Толстой ценил талант Чехова-

прозаика, считая, что тот создал «новые, совершенно новые для всего мира формы письма», любил его (личное знакомство между ними состоялось в 1895), но не принимал чеховского отказа от морального учительства.

Основная тема рассказов, повестей, пьес, написанных Чеховым в 90-х — жизнь обыкновенных русских людей, современников писателя. Чаще всего Чехов пишет об иллюзиях, заблуждениях, неадекватности поступков и несостоятельности жизненных программ («Попрыгунья», 1892; «Скрипка Ротшильда», 1894; «Учитель словесности», 1894; «Убийство», 1895; «Чайка», 1895; «Дядя Ваня», 1896). О ложных представлениях, овладевающих людьми и определяющих их судьбы, повествует каждый из рассказов «маленькой трилогии» (1898). Герои ее связаны скрытой общностью: гимназический учитель Беликов, который свел свою жизнь к следованию инструкциям и правилам, с его девизом «как бы чего не вышло» («Человек в футляре»), чиновник Чимша-Гималайский, который подчинил всю жизнь покупке имения с крыжовником («Крыжовник»), помещик Алехин, который, будучи влюблен, позволил сдерживающим соображениям настолько овладеть собой, что погибла сама любовь («О любви»), — каждый из них пытается подчинить жизнь какой-либо узкой программе, заключить ее в некий футляр. В первом рассказе трилогии футляр носит явно социально-политическую окраску: в «Человеке в футляре» Чехов дает краткую, точную, сатирическую, порой гротескную характеристику жизни всей космополитической интеллигенции. Чехов видит сковывающую силу «футляра» и там, где, казалось бы, каждый человек свободен, сам выбирает программу собственной жизни. В последней главке рассказа «Ионыч» (1898) изображена еще одна разновидность «футляра», когда главной и единственной целью бытия становится приобретение. Чехов не предлагает читателю никаких утешений, спасительных рецептов, счастливых развязок. Писатель показывает иллюзорность, непрочность и таких, казалось бы, бесспорных и общепризнанных жизненных программ, как труд, семья, приобщение к искусству. Культура, интеллигентность — ни одна из них не служит в художественном мире Чехова спасением или окончательным прибежищем героя, не обладает абсолютной ценностью. Ни здоровье, ни работа, ни влюбленность, ни презрение к обывателям не оказались достаточным противоядием против превращения Дмитрий Старцева в Ионыча. Немного стоит, показывает Чехов, и словесный протест, не способный поколебать зло и кончающийся плачевно для самого протестующего («Гусев», «Палата № 6»). Такая авторская позиция, беспощадно правдивая и чуждая утешительству, вызвала неприятие критиков и протест части читателей, требовавших от Чехова «мажорных аккордов», «более жизнерадостных вещей».

Авторская позиция определила и характер конфликта в произведениях Чехова. Врагами чеховских героев нередко оказываются пошлость, царящие вокруг них обывательские нравы и порядки. Но, считая конфликты героя со средой («среда заела») или благородного героя с негодными безнадежно устаревшими, Чехов предпочитает строить столкновения и сопоставления своих героев на иной основе. Среда, окружение играют в чеховских произведениях роль лишь усугубляющих факторов, основная же причина несчастья героев — в них самих, в характере их взаимоотношений. В рассказах и повестях, в которых друг другу противопоставят 2 персонажа («Враги», «Именины», «Дуэль»), наиболее распространенный вид антагонизма — непонимание людьми друг друга в силу поглощенности каждого своим «вопросом», своей «правдой» или своим «ложным представлением». И это позволяет Чехову указать на сходство между противостоящими друг другу персонажами,

увидеть общее там, где другим виделась бы лишь непримиримость и противоположность. В «Палате № 6» Рагин и Громов противоположны только до известного предела, за которым начинаются их разительное сходство и общая судьба. Герои «Черного монаха» (1894) совершают ошибки, ломая судьбу друг друга и обвиняя в своей жизненной трагедии другого, и здесь герои уравниены скрытой общностью, одинаковой страдательной зависимостью от враждебной им жизни. Особенно наглядно новизна конфликта проявилась в чеховских пьесах. В «Чайке» то же равномерно распределенное построение конфликта, персонажи, казалось бы, полярно разведенные в своем отношении к любви и искусству, на деле обнаруживают скрытую общность. Это ведет к тому, что авторские представления о жизни раскрывает не один центральный герой пьесы, а в равной степени несколько или сразу все действующие лица. Внимательных читателей «Чайки» поражали «скрытые драмы и трагедии в каждой фигуре пьесы» (Вл. Немирович-Данченко).

Помимо разоблачения иллюзий, не менее важна другая сторона чеховского мира: постоянные поиски его героями «правды». Пытающиеся «разобрать», «решить вопрос» герои произведений к. 80-х — н. 90-х («Неприятность», «Припадок», «В ссылке») сродни неудовлетворенным, взбодурженным, устремленным от настоящего к будущему мечтателям из поздних произведений писателя — Ярцеву («Три года»), художнику («Дом с мезонином»), Ивану Иванычу («Крыжовник»), Тузенбаху и Вершинину («Три сестры»), Саше («Невеста»), Трофимову («Вишневый сад»). Объединяют людей в чеховском мире не только иллюзии и заблуждения, но и постоянное стремление к «настоящей правде». Отсюда — двойное освещение фигур таких героев, когда ирония сочетается с пониманием неизбежности и обоснованности их позиции.

Не ставя задачей поучать читателя, давать общие рецепты, Чехов, тем не менее, всегда позволяет почувствовать критерии «настоящей правды», условия, которым должна, по его убеждению, удовлетворять «правильная постановка вопросов» о жизни. Часто такую функцию выполняет мотив красоты. В «Палате № 6», где символ действительности — утыканный гвоздями забор и сумасшедший дом и где нет места ни одному светлomu пятну, вдруг в конце, в предсмертном видении Рагина проносится «стадо оленей, необыкновенно красивых и грациозных». Красота и единство человеческой культуры выражены в предании об ап. Петре («Студент», 1894), в образе прекрасного сада («Черный монах»), в безмолвной красоте кладбища под лунным светом («Ионыч»). В пьесах, где описания отсутствуют, Чехов использует реалистическую символику, вводя такие многозначные образы, как чайка, вишневый сад и др.

Критерии «настоящей правды» в произведениях Чехова менялись, эволюционировали. В 90-х в творчестве писателя появляются новые точки отсчета. Переход от эпохи «мысли и разума» к эпохе кануна русской смуты оставил глубокий след в самом характере постановки Чеховым вопроса о «настоящей правде». Критерии, с которыми соотносятся попытки героев «сориентироваться», «понять», теперь нередко имеют отчетливо социальную окраску («Бабы царство», 1893; «Моя жизнь», «Дом с мезонином», оба — 1896; «В родном углу», 1897; «Случай из практики», 1898).

На какое-то время Чехов подпадает под влияние социал-демократической и либеральной точки зрения в отношении русского народа и прежде всего крестьянства. Непонимание Чеховым крестьянской культуры отразилось в изображении деревни в повести «Мужики» (1897). Здесь крестьяне наделены самыми отрицательными чертами, какие можно найти в человеческой природе. Крестьянские труженики представле-

ны в рассказе безнадежно грубыми, тупыми, нечестными, грязными, нетрезвыми, безнравственными, живущими несогласно, постоянно ссорящимися, подозревающими друг друга. Рассказ вызвал восторг марксистов и интеллигентов либерального толка и резкий протест патристически настроенных деятелей русской культуры. Крайняя тенденциозность, односторонность и ошибочность оценок образа русского крестьянства отмечалась еще в момент выхода этого рассказа; тем не менее написанный талантливым писателем, он стал своего рода хрестоматийной иллюстрацией и всегда приводится в пример людьми, враждебными русской культуре, когда заходит речь о российской дореволюционной деревне. Подобный показ крестьянской жизни вызывал у многих желание идти и учить крестьянина, как ему жить. «Почитайте “Мужиков” А. Чехова, — писал критик Фингал, — и вы в миллионный раз убедитесь, что в деревню идти надо, но не за тем, чтобы учиться, а чтобы учить...»

Повесть «Мужики» вызвала резкий протест в русском обществе. Л. Толстой оценивал рассказ Чехова «Мужики» как «грех перед народом. Он (Чехов) не знает народа». «Из 120 млн русских мужиков Чехов взял только темные черты. Если бы русские мужики были действительно таковы, то все мы давно перестали бы существовать».

В 1898 состоялась встреча Чехова с вновь созданным К. С. Станиславским и Вл. Немировичем-Данченко Московским Художественным театром. «“Чайка” — единственная современная пьеса, захватывающая меня как режиссера, а ты — единственный современный писатель, который представляет большой интерес для театра с образцовым репертуаром», — писал Немирович-Данченко Чехову. После триумфального успеха «Чайки» в дек. 1898 Художественный театр поставит в 1899 «Дядю Ваню» и придет со своими спектаклями в Ялту, где Чехов жил с матерью после смерти отца и продажи Мелихова. Приезд «художественников» побудил Чехова вернуться к драматургии. Две последние его пьесы — «Три сестры» (1901) и «Вишневый сад» (1903) написаны специально для Художественного театра. Еще на первых репетициях в этом театре Чехов встретился с актрисой О. Книппер, ставшей в 1901 его женой.

В последние годы Чехов занят подготовкой своего собрания сочинений, вышедшего двумя изданиями (1899—1902 и 1903) в издательстве А. Ф. Маркса. Проявив исключительную требовательность к отбору своих сочинений, Чехов включил в собрание менее половины напечатанного при его жизни. Новые произведения Чехова, созданные им в последние годы, хранят прочную связь с родовыми чертами его уже сложившегося художественного мира писателя. Чехов до конца не изменил принципу объективного анализа идей и мнений героев, в т. ч. и тех, которые говорят о необходимости «перескочить через ров» («Крыжовник»), «перевернуть» свою жизнь («Невеста»), «насадить новый сад» («Вишневый сад»). Символом высших, конечных целей «переворота», ведущего к новой жизни, символом красоты этой новой жизни стал образ Нади, героини рассказа «Невеста» (1903). Надя и герои др. последних чеховских произведения («Случай из практики», «У знакомых», «Архиерей», «Вишневый сад») уходят из изживших себя ложных форм бытия.

В последних пьесах Чехова воплотились его уже сложившиеся драматургические принципы. В «Трех сестрах» основная чеховская тема «ориентирования» человека в жизни звучит отчетливо на протяжении всей пьесы, повторяется почти каждым героем — в размышлениях, спорах или поступках.

Внешним сюжетом пьесы «Вишневый сад», которую Чехов писал, уже преодолевая смертельный недуг, служит продажа за долги имения Раневской, конец сложившегося жизненного

уклада. Ситуация из жизни отдельных людей внутренне соотнесена в пьесе с ситуацией в жизни страны — так уже было у Чехова в «Степи», «Палате № 6». Прекрасный сад, на фоне которого показаны герои, не понимающие хода вещей или понимающие его ограниченно, связан с судьбами нескольких поколений — прошлых, настоящих и будущих. Многогранно символическое наполнение этого образа: красота, прошлая культура, наконец, вся Россия. Гибнущий сад и несостоявшаяся, даже не замеченная любовь — две сквозные, внутренние связанные темы — придают пьесе грустно-поэтический характер. Однако Чехов настаивал на том, что создал «не драму, а комедию, местами даже фарс». Комичны в пьесе не отдельные персонажи, такие, как Шарлотта, Епиходов, Варя. Взаимоотношения, диалоги буквально всех героев обнаруживают непонимание друг друга, разноречивости мнений, алогизм умозаключений, реплики и ответы не впопад, комические повторы и перипетии — все эти несовершенства мышления и поведения дают возможность комического представления. Пьесу, рассчитанную на квалифицированного, искусственного зрителя, способного уловить ее лирический, символический подтекст, Чехов наполнил приемами площадного театра, балагана — падениями с лестницы, обжорством, ударами палкой по голове, фокусами и т. д. После патетических взволнованных монологов, которые есть практически у всех персонажей пьесы — от Раневской, Лопахина, Трофимова до Пищика, Дуняши, Фирса, сразу следует фарсовое снижение, затем вновь возникает лирическая нота, позволяющая понять субъективную убежденность, взволнованность героев, и опять его самопоглощенность оборачивается насмешкой над ними.

Все творчество Чехова, хотя и в высшей степени объективное и чуждое какому-либо доктринерству, является последовательным и бескомпромиссным осуждением духовного мешательства, будь то в лице грубого мужика Лопахина, вырубавшего вишневый сад, или под гримом ученой воблы в образе педанта-профессора Серебрякова, или в комической фигуре занимающегося добровольным сыском унтера Пришибева.

Согласно Чехову, корень духовного мешательства — не в какой-либо социальной прослойке, образовавшейся в ту или иную эпоху промышленного развития, а в безнадежной и неизлечимой мелочности человеческой природы вообще, превращающей всю нашу жизнь, независимо от географических зон и экономических перегородок, в сплошную мешанскую драму. В этом подходе к патологическому явлению вульгарности Чехов сходен и с Гоголем, и с Достоевским, создавшими извечные типы пошляков и духовных хамов — Хлестакова, Чичикова и Смердякова.

Чехов обостренно сознавал, как западная материалистическая, антидуховная цивилизация, выхолощивая душу человека, обезличивает его. Писателя удручала беспощадная переоценка всех ценностей. Все критерии — этические, социальные, эстетические, философские и религиозные — подвергались сомнению или отвергались критическим разумом. Равновесие было нарушено, цельность, да и самый смысл общественного бытия, были разрушены, а между тем ни распространение образования, вернее, полуграмотности, ни завоевание науки, ни блестящие триумфы техники не внесли ничего облагораживающего, ничего светлого и нравственно-устойчивого в общую сумму человеческого существования. Цивилизация не только не уничтожила духовного варварства, но сама больше, чем когда-либо, сделалась варварской. Вдумчивый и неподкупно честный в своих взглядах, Чехов не мог не сознавать, что люди очутились на краю бездонной, зияющей бездны: Чехов не видел выхода и не знал, суждено ли культуре пережить страшное нашествие цивилизованных дикарей.

Чехов верил в неисповедимые пути Господни, которые как-то, чудом, быть может, выведут родину нашу из того тупика, в котором волею судьбы она оказалась. В заключительном монологе Сони, успокаивающей измученного жизнью дядю Ваню, Чехов устами своего героя говорит: «Мы будем жить. Проживем длинный ряд дней, долгих вечеров... будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем, и там, за гробом, мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и Бог сжалится над нами, и мы с тобою... милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся, и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой, и отдохнем... Мы услышим ангелов, и увидим все небо в алмазах... и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка... Мы отдохнем».

В творчестве Чехова отразились черты русского национального характера — мягкость, задушевность и простота, при совершенном отсутствии лицемерия, позы и ханжества. Чеховские заветы любви к людям, отзывчивости на их горести и милосердия к их недостаткам, заветы, бесчеловечно погранные вождями антирусской революции, тем не менее, живы в наших сердцах, как воспоминания о чем-то очень дорогом и нужном, бесконечно близком, пусть даже невозвратном.

Чехов — это трогательная страница подлинно нашей культуры, нежной и изящной, которой мы справедливо гордимся, как драгоценным и неотъемлемым достоянием русского духа и русского народного гения.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 23 т. Пб., 1903—16; Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1944—51; Полн. собр. соч. и писем. Соч.: В 18 т.; Письма: В 12 т. М., 1974—83.

Ист.: Катаев В. А. П. Чехов // Русские писатели. Библиографический словарь. М., 1990. Т. 2. С. 331—391; *Бразиль Б.* Речи. Нью-Йорк, 1953. Т. 2. С. 5—12.

В. К., Б. Б.

ЧИВИЛИХИН Владимир Алексеевич (7.03.1928—9.06.1984), писатель. Родился в г. Мариинск Кемеровской обл. Отец Чивилихина работал главным кондуктором на товарных поездах, погиб на производстве в 1937. Военное детство Чивилихина

прошло на станции Тайга. В 13 лет Чивилихин начал трудовую жизнь в железнодорожном депо. Окончил железнодорожный техникум на станции Тайга. Семья Чивилихина перебирается из Сибири в разрушенный войной Чернигов. В 1954 Чивилихин заканчивает факультет журналистики Московского государственного университета.

Чивилихин — убежденный последователь Л. Леонова, первая встреча с которым произошла в 1957 в Переделкине. Творческие и дружеские связи Чивилихина и Леонова продолжались до смерти.

3 поездки Чивилихина 50-х (1954 — Печора, Воркута, 1957 — на строительство железной дороги в Сибири, 1957 — в Ленинград к студентам Лесотехнической академии, которые работали над проблемой сибирского кедра) дали материал для его произведений. Важнейшие особенности творчества Чивилихина — документальность, подчеркнутая публицистичность. В после-

ловии (1981) к раннему очерку «Тихая заводь» Чивилихин заметит, что в нем «давняя правда», «начало всего». По словам писателя, он «навечно обрек себя на заботы о лесе». Публицистические очерки, путевые заметки о природе составили книгу Чивилихина «Любит ли она тебя?» (1968). Чивилихин разъясняет: «Наступило время, когда любить природу мало. Любит ли она тебя и что ты сделал для того, чтобы она тебя любила? — вот как стоит ныне вопрос».

Интерес к документу сделал привлекательным для Чивилихина жанр документальной повести. После поездки писателя в Сибирь им была написана повесть «Серебряные рельсы» («Саяны»; М., 1958—67). В основе повести лежит подлинный документ — дневник Александра Кошурникова, который был участником экспедиции геологов, осуществлявших изыскательские работы для трассы будущей железной дороги. В 1942 все члены экспедиции погибли в Саянах. Текст дневника Кошурникова органически вошел в авторское повествование, 2 начала — документальное и художественное — составили единство.

Дневник Толи Листопадава, подростка из г. Бахмач, начатый 22 июня 1941 и заверченный с окончанием оккупации, стал одним из источников художественно-документальной повести «Здравствуйте, мама!» (1957—60). В повести о Великой Отечественной войне — все герои реально существовавшие люди.

В 60-е Чивилихин создает несколько повестей, в которых отсутствует документальная основа, но все, о чем рассказывает писатель, он знает досконально, сам был участником многих из описываемых событий: «Про Клаву Иванову» (1963), «Елки-моталки» (1964), «Над уровнем моря» (1964—67), «Пестрый камень» (1969). Точной передачей воздуха, атмосферы времени, характеров героев, их миропонимания выделяется повесть «Про Клаву Иванову». Место действия — железнодорожное депо. Герои и обстоятельства переданы через восприятие рабочего Петра Жигалина, который рассказывает «про Клаву Иванову» и людей депо.

Главная книга Чивилихина — «Память» (1968—83). Вторая книга «Памяти» была опубликована ранее первой — в 1981. Первая книга увидела свет в 1984. «Память» вобрала большой творческий опыт писателя предшествующих лет. Ранее он работал над произведениями о современниках. Но наступило время, когда, по словам Чивилихина, история, течение исторического времени властно захватили его. Писатель постепенно начал понимать, что эта великая и единственная неизменяемая реальность выше всех наук, потому что «связывает настоящее с прошедшим и будущим, ненавязчиво мудро и всесторонне учителствует, царит над нами». «Память» — путешествие в прошлое. Автор, рассказывая о себе и своем пути, о своей семье, своих путешествиях, делится соображениями по многим философским, этическим, историческим проблемам. Позиция автора активна. Многолетнее вдумчивое изучение исторических источников (как известных ранее, так и обнаруженных в результате личных разысканий) позволяет Чивилихину делать свои выводы. (Резкое несогласие вызывает у Чивилихина норманнская теория, евразийские идеи, ряд положений, высказанных в работах Л. Н. Гумилева, и многое др.). Мысль автора, его патриотическая позиция цементируют, соединяют в единое целостное произведение экскурсы писателя в историю, далекую и близкую.

В «Памяти» выделяется несколько главных тематических блоков: декабристы, время татаро-монгольского нашествия и борьбы с ним (крупным планом выделена оборона Козельска), «Слово о полку Игореве» и некоторые др. Внутри каждой темы свои ответвления, уточняются многие человеческие судьбы, происходит перестановка акцентов, в научный оби-

ход вводятся новые имена и факты. Исследовательская мысль Чивилихина работает напряженно. Выводы, к которым приходит писатель, базируются на большом фактическом материале, добытом в результате многолетних поисков.

Историю декабризма Чивилихин дополняет основательным исследованием судеб, воссозданием жизни двух почти забытых декабристов — Н. Мозгалевского и П. Выгодского. Чивилихин возвращает русской литературе XIX в. имя писателя В. Соколовского.

Писатель обнаруживает глубокие познания в русской средневековой истории, свободно ориентируется в древнерусских летописях, основательно осведомлен в обширнейшей литературе о «Слове о полку Игореве». Чивилихин обосновывает свою гипотезу об авторе «Слова...». По его мнению, автором гениального древнерусского произведения является сам кн. Игорь. «Память» написана с позиций глубочайшего уважения к русской культуре. Не все из того, что было подготовлено Чивилихиным для книги, вошло в «Память».

Сам Чивилихин обозначил жанровую структуру «Памяти» определением «роман-эссе». В критике для этой книги выдвинуто несколько номинаций (исторический роман, роман-синтез, историческое повествование эссеистического типа и др.). Вторая часть книги «Память» была удостоена Государственной премии СССР за 1982.

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. М., 1985; Уроки Леонова. М., 1973; Зеркало души. М., 1987; Дорога: Из архива писателя. М., 1989.

А. Филатова

ЧИЖОВ Федор Васильевич (27.02[11.03].1811—14[26].11.1877), предприниматель, мыслитель-славянофил, писатель. Происходя из небогатой дворянской семьи Костромской губ., в раннем детстве и молодости прошел тяжелую школу бедности. Окончил С.-Петербургский университет, после чего преподавал в нем математические науки.

В 1838 издал первое русское сочинение о паровых машинах («Паровые машины. История, описание и приложение их», СПб.). В последние годы преподавания в университете Чижов перешел к занятиям историей литературы и искусства. В 1839 вышел его перевод, с примечаниями, «Истории европейской литературы XV и XVI столетий», Галлама, в 1841 — переделка с английского: «Призвание женщины». 1840—47 Чижов провел за границей, большей частью в Италии: сюда влекло его желание заняться историей искусства «как одним из самых прямых путей к истории человечества». Его статьи по искусству появились в «Современнике», «Москвитянине», «Московском сборнике».

Впоследствии им выполнен перевод «Истории пластики» Любке и «Истории искусства» Куллера. В Италии Чижов жил в близком общении с *Н. Гоголем* и *Языковым* (о Гоголе он оставил ценные воспоминания). К 1845, когда Чижов на время приезжал из-за границы в Россию, относится личное его знакомство и сближение со славянофилами. Чижов разделял их взгляды на значение и призвание России и на славянский вопрос. Будучи за границей, Чижов путешествовал по южно-

славянским землям. На обратном пути, в 1847, Чижов был арестован на границе и привезен в С.-Петербург. Здесь ему учинили допрос, с кем он виделся за границей, в чем состоят славянофильские идеи, какие имеет суждения о соединении славянских земель, кто в Москве предан славянофильским идеям, зачем он носит бороду и т. д. Никакого преступления за Чижовым не нашли и недели через 2 выпустили под секретный надзор. Чижов направился в Киевскую губ., арендовал имение и занялся шелководством. Его «Письма о шелководстве» помещались в «С.-Петербургских ведомостях» и в 1870 в Москве вышли отдельно. После Крымской кампании пора невольного досуга Чижова кончается, он переезжает в Москву и здесь развивает энергичную деятельность на поприще промышленном и финансовом. С эпохой русского возрождения после 1854 связано оживление русской торговли и промышленности; крупное промышленное торговое движение в Москве является окрашенным в национальный цвет, крупные предприятия основываются по патриотическим соображениям.

Чижов рассматривал славянофильство как систему взглядов, призванную практически решать стоящие перед Россией проблемы. При всем многообразии и разносторонности знаний и занятий для него была характерна экономическая направленность интересов: в течение всей жизни он был поглощен перспективами приложения достижений научной и технической мысли к нуждам отечества.

Он выступал в печати с протекционистских позиций укрепления промышленности и последовательно подтверждал эти принципы собственной предпринимательской деятельностью. Своим энтузиазмом он будоражил общественное мнение. Его настойчивая, сильная воля звала за собой, опровергая дошедший до наших дней миф об утопичности, маниловщине славянофильской доктрины. Именно таких, как Чижов, имел в виду *А. С. Аксаков*, когда говорил: «... Убеждения наши (т. е. славянофилов) — удел не одних людей отвлеченных, мечтателей и поэтов, но и людей, признаваемых практическими».

Чижов выступает сначала как теоретик торгового движения: в 1858 вместе с Бабстом он приступает к изданию «Вестника промышленности» (издается в 1858—61). Как приложение к нему, выходит газета промышленности и торговли «Акционер» (одно время издавалась как приложение к газете «День»). Чижов деятельно защищал покровительство отечественной промышленности. От деятельности теоретической Чижов переходит к практической. По его инициативе и при его содействии создается первая «русская» частная железная дорога от Москвы до Ярославля и Вологды. Чижов является одним из главных инициаторов и руководителей московского купеческого банка и московского купеческого общества взаимного кредита; он становится во главе крупных капиталистов, купивших от правительства Московско-Курскую железную дорогу. Наконец, Чижов организует товарищество архангельско-мурманского срочного пароходства. Огромное свое состояние (ок. 6 млн) он оставил на устройство в Костромской губ. профессиональных технических училищ. После Чижова остался огромный дневник, веденный им в течение нескольких десятков лет. Под редакцией Чижова было выпущено одно из изданий сочинений Гоголя.

Лит.: Аксаков И. С. Федор Васильевич Чижов. (Из речи) // Русский архив. Кн. 1. 1878; Промышленные училища Ф. В. Чижова в Костромской губернии. С биограф. очерком. М., 1901; Чероков А. Ф. В. Чижов и его связи с Гоголем. М., 1902; Воспоминания Ф. В. Чижова // Исторический вестник. 1883 (февр.). (Ответы Чижова в 3-м отд.); Григорьев В. В. С.-Петербургский университет в течение первых 50 лет. СПб., 1870; Письма Чижова к Гоголю // Русская старина. 1889 (июль); Симонова И. Федор Чижов. М., 2002.

ЧИРИКОВ Евгений Николаевич (24.07[5.08].1864—18.01.1932), писатель. Родился в Казани в дворянской служилой, безземельной семье. Учился на математическом факультете Казанского университета, в 1887 был исключен с 4-го курса за участие в студенческих беспорядках.

В 1885 Чirikов опубликовал цикл стихов, а в 1886 — рассказ «Рыжий». С 1893 стал печататься в столичных журналах, приобретая постепенно популярность писателя-реалиста. Участвовал в сборниках «Знание» (в 1905—07 отказался от сотрудничества в них). Выступал как рассказчик, повествователь и романист, публицист и драматург. Пьесы Чirikова («Еврей», 1904; «Иван Мироныч», 1905; «Мужики», 1906; «Колдунья», 1909, и др.) сценичны и пользовались успехом. Его прозаические произведения сюжетны, но не всегда глубоки в психологическом смысле и несколько однообразны по языку, лишенному новизны и свежести. Чirikов обычно черпал темы из провинциального быта, уделяя особенное внимание интеллигенции: автобиографический роман «Жизнь Тарханова» («Юность», 1911; «Изгнание», 1913; «Возвращение», 1914); 4-я часть этого романа «Семья» (1925) была написана в эмиграции. Широко и успешно разрабатывал Чirikов тему детства — отрочества — юности, молодой, возвышенной любви (сборники рассказов «Цветы воспоминаний», 1912; «Ранние всходы», 1913). Немало страниц посвятил картинам русской природы, особенно родного Поволжья (сб. «Волжские сказки», 1916). Во время первой мировой войны занял патриотическую позицию (сборник «Эхо войны», 1915).

После 1917 эмигрировал. В эмиграции, кроме рассказов, написал роман «Зверь из бездны» (изд. 1926), проникнутый антибольшевистскими тенденциями, одновременно показывающий моральное разложение Белой армии.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—17. М., 1910—16; Повести и рассказы. М., 1961.

Н. С.

«ЧИСТОЕ ИСКУССТВО» (или «искусство для искусства», или «эстетическая критика»), направление в русской литературе и критике 50—60-х XIX в., которое характеризуется углубленным вниманием к духовно-эстетическим особенностям литературы как вида искусства, имеющим Божественный источник Добра, Любви и Красоты. Традиционно это направление связывают с именами *А. В. Дружинина*, *В. П. Боткина*, *П. В. Анненкова*, *С. С. Дудышкина*. Из поэтов позиции «чистого искусства» разделяли *А. А. Фет*, *А. Н. Майков*, *Н. Ф. Щербина*. Главой школы был *А. В. Дружинин*.

Аналитические принципы сторонников «чистого искусства» не укладываются без остатка в традиционную формулу: «эстетическая критика». В своих литературных оценках критики разрабатывали не только понятия прекрасного, собственно эстетического, но и категории нравственно-философского, а подчас и социального порядка. Напр., Боткин говорил об искусстве как искусстве, вкладывая в это выражение весь комплекс понятий, относящихся к свободному от социального заказа и совершенному по своему уровню творчеству. Эстетическое — только компо-

нент, хотя и чрезвычайно важный, в системе представлений о подлинном искусстве. «Истинно художественные создания, — писал Боткин, — хотя и принадлежат известному веку и народу, как, например, творения Шекспира, но вместе с тем они пребывают вне известной цивилизации, как бы уничтожают собою время, принадлежат всем векам и призывая равно всех людей к вечному наслаждению собою. Такие произведения абсолютно выполняют собою требования, налагаемые идеєю искусства, являя собою образы, в которых бесконечная мысль приняла чувственную форму. Созерцая их, критика должна не разбирать отдельные места, похваливая или порицая, а открыть и понять идею, в них присутствующую и обнаружившуюся в чувственное, тождественное себе явление. Но такая критика принадлежит к философии искусства и требует, кроме глубочайшего изучения данного художественного произведения, предварительного... образования». «Мы, — в унисон Боткину отмечал Дружинин, — вправе требовать того, чтобы ценитель (критик, историк литературы. — *Л. Ш.*) нашей народной поэзии всмотрелся в свой предмет пристальнее и взял на себя многотрудную, но благородную задачу — представить нам сущность русской поэзии во всей ее многосторонности. Мы вправе ожидать от истории ... русской литературы не одних суждений о том, как отразилось на ней историческое и социальное положение русского человека, но глубоких пристальных взглядов на поэтические стороны этого самого человека, взятого в возможной независимости от временных перипетий общества».

У словосочетания «чистое искусство» был еще один смысл — «чистое» в значении совершенного, идеального, абсолютно художественного (вспомним: лермонтовский Пророк проповедовал «правды чистые ученья», еще раньше у *Пушкина*: «чистой прелести чистой образец» и т. д.). Чистое — это, прежде всего, духовно наполненное, сильное по способам самовыражения искусство. Степень духовной красоты, нравственного совершенства, явленная в произведениях искусства, отражает ту высоту, к которой стремится настоящий художник, ибо талант его от Бога и он ответственен перед Ним за цельность и чистоту идеала, выраженного в его творениях.

Позиция сторонников «чистого искусства» заключалась не в том, чтобы оторвать искусство от жизни, а в том, чтобы защитить его подлинно творческие принципы, поэтическое своеобразие и чистоту его идеалов. Они стремились не к изоляции от общественной жизни (это невозможно осуществить никому), а к творческой свободе во имя утверждения принципов совершенного идеала искусства, «чистого», значит, независимого от мелочных нужд и политических пристрастий.

Взгляды литературного «триумvirата» — Боткина, Анненкова, Дружинина — на искусство не отличались абсолютным тождеством. Не совпадали подчас и оценки одних и тех же произведений. Но общая эстетико-теоретическая платформа сторонников «артистической школы» отличалась известным единством и целеустремленностью. И слово «триумvirат» не случайно закрепилось за Боткиным, Дружининым и Анненковым. В их позиции наиболее четко обозначилось неприятие утилитарного отношения к искусству, сведения его сущности к «суррогату» действительности (Чернышевский).

Чернышевский, Добролюбов и др. представители нигилизма защищали гл. обр. обличительное направление, связывая его в основном с *Гоголем*, оставляя за Пушкиным заслугу создания «формы» художественных произведений. Подготовку Анненковым уникального издания «Сочине-

ния Пушкина с приложением материалов для его биографии» (СПб., 1855. В 6 т.) и появившуюся сразу статью Дружинина «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений» (высоко оцененную почти всеми известными литераторами того времени) следует рассматривать как значительное событие в литературной жизни России 50-х, продолжившее научное изучение творческого наследия великого поэта и закрепившее в русской литературе принципы совершенной художественности.

Боткин раньше др. участников «триумвирата» стал задумываться о специфике «художественного» элемента в литературе, указывая на неоднозначность его восприятия в критике. И авторитет его в части философского объяснения проблем искусства и поэзии в 40-е был очень высок среди литераторов той поры. Достаточно сказать, что определение «общего колорита» поэзии Пушкина («лелеющая душу гуманность»), данное Боткиным в письме к Белинскому, без всякого изменения было включено критиком в пятую статью о Пушкине, что означало полное признание суждений Боткина.

Краеугольным пунктом в эстетических убеждениях Боткина н. 40-х было положение о том, что истинно художественное произведение «есть отдельный, замкнутый в себе мир, живущий своею идеею, лежащая в глубине его, которая имеет оправдание и доказательство в самой себе, а не в личности и обстоятельствах поэта». Речь идет о слиянии идеи произведения с нравственным чувством, которое читатель невольно ощущает в подлинно художественном творении.

Боткин не отрицает закономерностей связи прекрасного (эстетического) с этическим (нравственным), но полагает, что такая связь в искусстве должна выступать не как желание художника (автора) «научить уважать нравственность», а как результат совершенного (идеально-художественного) воплощения прекрасного в реальном явлении, подобно тому, как красота, заключенная в цветке, сама по себе располагает и склоняет нас к добру.

Боткин высказал важное положение о том, что если произведение искусства, «волнуя или трогая наши сердца, приносит нам духовные наслаждения, — то тем самым ... входит оно в практику нашей жизни, становится действующим ее элементом». Критик рассматривал искусство как сферу духовного действия, опосредованно влияющего на многие практические стороны жизни. Следовательно, отстаивая принципы «чистого искусства», Боткин думал не об изоляции его от жизни, а о формах «эстетического» влияния искусства на действительность.

Ряд положений «артистической» теории искусства находили обоснование и закрепление в литературно-критических статьях П. В. Анненкова.

Анненков чаще, чем Боткин, выступал с критическими статьями. Ему принадлежат свыше двух десятков объемных статей и рецензий, фундаментальный труд «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина» и, пожалуй, самые богатые в мемуаристике XIX в. «Литературные воспоминания» (первая публикация 1909).

Как и др. сторонники теории «искусства для искусства», Анненков защищал его высокое назначение быть духовным светочем в жизни людей, воспроизводить истинно прекрасное, раскрывать значение «вечных» человеческих ценностей, в первую очередь таких, как добро, справедливость, незлобность и любовь. Анненков, подобно Дружинину, отрицал подчинение искусства сугубо утилитарным целям прямого «поучения» («дидактизма»), справедливо усматривая в этом снижение качественной стороны искусства, превращение его в придаток той или иной политической тенденции.

Важным пунктом в эстетических воззрениях Анненкова был вопрос о художественности искусства. В статье «О значении художественных произведений для общества» (1856) он писал: «...стремление к чистой художественности в искусстве должно быть не только допущено у нас, но сильно возбуждено и проповедуемо, как правило, без которого влияние литературы на общество совершенно невозможно». Как видим, Анненков не отрицает «влияния» искусства на общество, но считает это возможным при условии подлинной художественности. И выражение «чистое» означает здесь не изоляцию искусства от насущных запросов общественной жизни, а совершенство его качества, причем — не только по линии формы, но и содержания.

Не может не привлечь внимания и объяснение Анненковым «полноты» художественного воспроизведения как важного признака его «истинности». Особенный интерес может представлять тот факт, что «чистую» художественность Анненков понимал как средство приобщения к лучшим идеалам человечества. «Не только у нас, — замечал он, — еще необходимо продолжение чистой художественной поэзии... но оно необходимо каждому образованному обществу на земле и в каждую эпоху его жизни. Это всегдашний идеал... Художественное воспитание общества совершается именно этими идеалами: они поднимают уровень понятий, делают сердца доступными всему кроетому, и симпатическими откровениями души, освежающей любовью к человеку обуздывают и умеряют волю». Не в «поучении», следовательно, а в воспитании человеческих душ видел Анненков важнейшую функцию искусства, пользующегося средствами художественности.

И все же «художественность», как специфический признак искусства, могучий знак его суверенной природы, не проявляет себя абстрактно, отвлеченно от «предмета» изображения. Эту особенность художественного пафоса Дружинин ощущал более тонко, пожалуй, чем Боткин и Анненков. В анализах Дружинина постоянно присутствует мысль о сосредоточенности автора на «внутреннем» мире человека, его духовно-нравственных порывах. Состоянию этого мира Дружинин придавал первостепенное значение в деле человеческого прогресса, чем и вызывал нередко скептическое отношение к себе радикальной критики 50—60-х, хотя он во многом был прав и предвосхищал здесь *Достоевского*, который резонно доказал своим творчеством, что никакие социальные перемены не излечат человеческий мир до тех пор, пока люди будут бунтовать против Бога и выступать против высших духовных ценностей, которые принес в мир Бог. «Общество, — писал Дружинин, — смутно, очень смутно понимает, что внутренний мир человека, тот мир, на который действуют все истинные поэты и художники, есть основа всего в здешнем свете и что до той поры, пока наш собственный внутренний мир не будет смягчен и озарен просвещением, все наши стремления вперед будут не движением прогресса, а страдальческими движениями больного, без толку ворочающегося в своей постели».

У Дружинина речь идет не только о «воспроизведении» внутреннего мира человека, но и о его просветлении, о чем не всегда заботились публицисты 40-х, стремясь вскрыть посредством обнажения пороков человеческой души социальные неурядица общества. Во-вторых, объявляя «внутренний мир» человека главной заботой писателя, Дружинин не замыкал искусство на самом себе, а как бы открывал путь к более целеустремленной точке писательских усилий при формировании в человеке идеалов света и добра, которые сильнее др. средств могут воздействовать на личность и общество. Дружинин полагал, что «область стиха», а значит, и самой литературы «беспредельна, как область мысли. Все доступно великому поэту».

Т. о., можно сказать, что суждения Дружинина об искусстве складывались в определенную систему, которую сам критик именовал «артистической» теорией искусства.

Дружинин основывал свои суждения об искусстве на трех, важнейших с точки зрения его эстетической системы положениях: 1) Искусство — высшая степень проявления человеческого духа, имеющего Божественный источник, сфера гармонического совершенствования («художественности»), в которой очень сложно и специфично сочетается «идеальное» и «реальное»; 2) Искусство имеет дело с общезначимым, раскрывая его, однако, через «внутренний» мир отдельного человека и даже «частности» посредством красоты, прекрасных (при наличии идеала) образов; 3) Стимулируя устремления человека к идеалу, развивая свои формы в условиях постоянно меняющейся действительности, искусство и литература не могут, однако, подчинить себя общественному прагматизму до такой степени, чтобы утратить свое главное преимущество — оставаться источником нравственного преобразования, средством приобщения человека к высшим и вечным ценностям духовного бытия.

Наиболее четкое и заостренное выражение эти положения получили в статье «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения», явившейся ответом на серию статей Н. Г. Чернышевского, объединенных общим названием «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1855—56).

К Чернышевскому лично, как автору статьи «Очерки гоголевского периода русской литературы» у Дружинина не было каких-либо особенных пристрастий. Главный пункт спора Дружинина с современной ему критикой связан с трактовкой роли и назначения искусства в человеческом мире.

В искусстве Дружинин опасался засорения его нуждами кратковременной значимости и более всего — его подчинения дидактическим («наставительным») тенденциям. Не защита «чистого искусства» в смысле его оторванности от жизни, а осуждение дидактизма во всех его формах, понимание его вреда, когда оно проникает в искусство или в критику (как это случилось, по убеждению Дружинина, в последний период деятельности Белинского), составляет главный тезис, стержневую суть статьи «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения». В борьбе с дидактизмом окончательно и оформляется «артистическая» теория в искусстве А. В. Дружинина.

Дружинин указывает в качестве главного источника разногласий то обстоятельство, что «все критические системы, тезисы и воззрения, когда-либо волновавшие собою мир старой и новой поэзии, могут быть подведены под две, вечно одна другой противодействующие теории». Первую теорию критик называет «артистической», «имеющею лозунгом чистое искусство для искусства», вторую — «дидактической», т. е. «стремящуюся действовать на нравы, быт и понятия человека через прямое его поучение».

Обратим внимание: Дружинин связывает дидактизм в искусстве не вообще с поучением, а прямым поучением, в особенности вредным, как это вытекает из контекста статьи, в социальной сфере. И выражение «чистое искусство для искусства» появляется в статье Дружинина не как декларация исключительности искусства, а как указание на необходимость «очищения» его от прямых поучений, конечно же, несовместимых с подлинно творческими задачами. Итак, основополагающий пункт «артистической» теории Дружинина связан с решительным неприятием дидактизма, прямых поучений, что и сегодня, надо думать, не утратило своей актуальности, поскольку попытки использовать искусство в целях защиты или

пропаганды той или иной моралистической, а то и прямо политической доктрины, отнюдь не ушли в прошлое.

С учетом этих обстоятельств необходимо по-новому оценить борьбу Дружинина за «чистое» (чистое, как теперь очевидно, от наносных дидактических тенденций) искусство, подчиняющее свою творческую энергию служению подлинно оздоравливающих идеалов, способных духовно обогатить человечество. И тут нельзя не вспомнить пушкинское эстетическое «кредо», его слова, часто повторяемые Дружининым, что поэзия и поэты призваны не для «житейского волнения, не для корысти, не для битв», а рождены «для вдохновения, для звуков сладких и молитв». Оппозиция «битвы» — «молитвы» не имела в стихотворении Пушкина, как и в статьях Дружинина, узкополитического смысла и отражала коренную потребность искусства содействовать человечеству посредством духовного возвышения («молитвы»), а не «разлома» («битвы»), порождающего нередко лишь злобу и ненависть.

Как показывает анализ статей Дружинина сер. 50-х, критик чрезвычайно дорожил способностью искусства оказывать воздействие на формирование идеальных, духовно значимых сторон личности и всей человеческой жизни в целом. Но что нужно для закрепления и развития этой функции искусства, какие критерии в его оценках могут способствовать восприятию поэзии как высшей формы воплощения идеи прекрасного?

Отвечая на эти вопросы, Дружинин и его сторонники Боткин и Анненков отдавали предпочтение категории «вечного», имея в виду при этом необходимость преимущественного внимания поэтов и художников к духовным сторонам человеческой жизни, имеющим Божественный источник. При таком понимании «вечного» в его зоне оказывались традиционные темы любви, красот, дружбы, природы, духовных радостей и т. д. Сторонники «артистической» теории искусства критерий «вечности» трактовали более широко и связывали его не столько с предметом изображения (хотя это и важно), сколько с качеством воспроизведения жизненных явлений. Качественное, т. е. подлинно художественное, есть «вечное», а все низкопробное, непрофессионально отраженное в искусстве обречено на быстрое забвение.

Только «чистое искусство» имеет Божественный источник.

Л. Шецова

ЧИЧЕРОВ Владимир Иванович (29.05[11.06].1907—11.05.1957), фольклорист. Родился в Вязниках, ныне Владимирской обл. Окончил Московский университет (1928). Докторская диссертация — «Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв.» (1948, опублик. 1957). С 1953 — профессор МГУ. Работы Чичерова посвящены гл. обр. теории фольклора, русскому эпосу, *историческим песням*, календарной обрядовой поэзии. В исследовании «Школы сказителей Заонежья» (1941, не опублик.; основные идеи труда изложены в статье «Эпическая традиция Кенозера и школа Сивлева-Поромского» 1946, и в предисловии к изд. «Онежские былины», 1948) Чичеров провел тщательное сличение вариантов *былин* и установил в них элементы местной специфики. Автор курса лекций «Русское народное творчество» (1959).

ЧМЫРЕВ Николай Андреевич (1852—30.12.1886[11.01.1887]), писатель. Окончил юридический факультет Московского университета (1877). Автор исторических романов (печатались преимущественно в газете «Московский листок»), из которых наибольший интерес представляют «Раскольниковы мученицы» (1880) — о боярыне Морозовой, и «Боярин Петр Басманов» (1887). Критику моральных устоев буржуазного общества содержит книга Чмырева «Сытые и голодные»

(1881). Известен также роман «Психопатка. Тайны сумасшедшей блудницы» (1885).

Соч.: Конспект всеобщей и русской географии. М., 1875; Развенчанная царевна. М., 1880; Иван Мазепа. М., 1884; Атаман волжских разбойников Ермак, князь Сибирский. М., 1896; По святой обители. М., 1900.

ЧУБИНСКИЙ Павел Платонович (15[27].01.1839—14[26].01.1884), этнограф, фольклорист. Родился на хуторе близ г. Борисполя, ныне Киевская обл. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1861). Был сослан в Архангельскую губ. за распространение народнических идей среди крестьян Киевщины. В ссылке (1862—69) изучал этнографию и экономическое положение края. По заданию Вольного экономического и Русского Географического обществ Чубинский обследовал север России (1867). В 1869—70 руководил экспедициями на Украине, в Белоруссии, Молдавии; собранные материалы (народные песни, сказки, загадки, сведения об обычаях, верованиях, правовых установлениях и т. п.) составили 7 томов. Труд Чубинского удостоен золотой медали Русского Географического общества (1873) и золотой медали на Международном географическом конгрессе в Париже (1875). В 1879 Петербургская Академия наук присудила Чубинскому Уваровскую премию. Писал также стихи, следуя традициям *Т. Г. Шевченко*.

Соч.: Труды этнографическо-статистич. экспедиции в Западно-Русский край. Т. 1—7. СПб., 1872—78.

С. К.

ЧУГУЕВЕЦ Павел Анастасьевич (1853—1895), писатель. Образование получил в Харьковском университете. Некоторое время был актером в малороссийской труппе Кропивницкого, но затем всецело посвятил себя литературе и преимущественно этнографии. Он собирал *песни, сказки, поверья, легенды* и др. произведения малороссийского народного творчества. В «Южном крае» 80—90-х поместил целый ряд статей по малороссийской этнографии, археологии и проч. Писал также рассказы и повести. Отдельно издал «Малороссийские бытовые песни. Очерки из жизни провинциального захолустья» (Харьков, 1889), «О русской народной культуре. Этнографические рассказы и заметки» (1889) и «Из украинского быта. Повести и рассказы» (1891).

ЧУЕВ Феликс Иванович (4.04.1941—2.04.1999), поэт, публицист, очеркист. Родился в г. Свободный Амурской обл. в семье военного летчика — участника Великой Отечественной войны. Окончил Московский энергетический институт. Через всю свою недолгую жизнь пронес знамя верности традициям своего отца и героическому поколению фронтовиков-патриотов. Тема авиаторов стала определяющей для всего творчества Чуева. Начав печататься в 11 лет, в 20 он создает свою первую книгу стихов «Год рождения 41-й». Чувство гордости за великую державу, преклонение перед великим государственным, Верховным главнокомандующим И. В. Сталиным проходит через

все его творчество. Он писал: «Я получил письмо на двух страницах, где автор, имя в тайне сохраняя, назвал меня проклятым сталинистом, как бы желая оскорбить меня». Как бы в ответ хулиателям Сталина, в т. ч. Хрущеву, которого поэт презирал, он пишет главное стихотворение «Зачем срубili памятники Сталину?..» Это стихотворение, как, впрочем, и др. патриотические стихи Чуева, вызывали у сионистской прессы ненависть и хулу на поэта, который оставался неколебимым в своих идейных убеждениях. Он был любимым поэтом у наших авиаторов, которых воспел в мужественных, жестких стихах. Об этом свидетельствуют даже названия стихов: «Летчики», «Бывший летчик морской авиации», «Ляпидевский», «Русские пилоты», «Вечный летчик», «Летчик», «Крылатый маршал», «Летчику», «В авиации» и др. Конечно, поэзия Чуева не ограничивается темой авиации. У него есть стихи и о любви, о верности, о правде и справедливости. Сам поэт с солдатской прямоотой говорит о своей поэзии: «Я пишу стихи тяжелой прозой», «я был прямолинейным, это верно». Но его муза подкупает искренностью, неподдельной правдой и патриотическим накалом. Он беспощаден в бичевании зла и мерзостей жизни и нежен в прославлении добра, благородства и подвига.

Общительный, с открытой душой, он тянулся к незаурядным и выдающимся личностям, которые оказывали ему доверие. Он был дружен с главным маршалом авиации Головановым, часто встречался с В. М. Молотовым, с легендарными летчиками Громовым и Байдуковым, он был знаком с *М. Шолоховым* и Ю. Гагариным. Его перу принадлежат интересные работы мемуарно-очеркового жанра, и прежде всего, популярная книга «140 бесед с В. М. Молотовым». Хорошо разбираясь в авиации, он написал книгу о гениальном русском ученом Б. С. Стечкине — основоположнике теории воздушного-реактивного двигателя, о великом конструкторе самолетов Ильюшине. Его очерки о Голованове, Громове, Рокоссовском, Байдукове и др. выдающихся патриотах России, написанные ярким, образным языком, пользуются неизменной популярностью у читателей.

Чуев входил в состав литературного объединения «*Радонежцы*», сразу же, как только поселился на даче в пос. Семхоз под Сергиевым Посадам, стал его активным бойцом-патриотом. Лучшие произведения его, в т. ч. и «140 бесед с В. М. Молотовым», и книги о Стечкине и Ильюшине, написаны в Семхозе. Скромный, но не лишенный чувства собственного достоинства, он никогда не рвался к литературным постам. Он с презрением смотрел на карьеристов и негодяев. Часто на творческих вечерах вместе с друзьями-«радонежцами» выступал в трудовых коллективах, читал свои стихи не за деньги, а «за так», и как награду получал гром аплодисментов.

Соч.: Соколиная песня крыла: Стихи. М., 1970; Отечество: Стихи и поэма «Минута молчания». М., 1972; Избранное: Стихи / Предисл. Г. В. Серебрякова. М., 1984; Награда: Книга стихотворений. М., 1985; Русский пламень: Стихи; Ист. драма «Гололед». М., 1990; Посох: Стихи. М., 1991; Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева; Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992; Не «списочный» маршал. М., 1995.

И. Шевцов

ЧУКОВСКИЙ Корней Иванович (наст. имя и фам. **Николай Васильевич Корнейчук**) (19[31].03.1882—28.10.1969), писатель, критик, литературовед, переводчик. Был исключен из 5-го класса Одесской гимназии по причине «низкого» происхождения (мать Чуковского была из крестьян). Вел трудовую жизнь, занимался самообразованием. С 1901 выступал как журналист, печатая гл. обр. очерки о современных писателях, поздние собранные в книгах «От Чехова до наших дней» (1908), «Лица и

маски» (1914) и др. Литературные портреты Чуковского — острые и пронзительные — порой грешили излишней субъективностью и парадоксальностью суждений. В книге «Нат Пинкертон и современная литература» (1908) талантливо осмеивалась буржуазно-мещанская литература. В 1916 Чуковский начал работать в издательстве

«Парус» и писать для детей. Созданные Чуковским сказки в стихах «Мойдодыр», «Тараканище» (обе — 1923), «Муха-цокотуха» (1924; под назв. «Мухина свадьба»), «Бармалей» (1925), «Айболит» (1929, под назв. «Приключения Айболита»), изящные и остроумные, лишенные назидательности, быстро нашли дорогу к сердцам маленьких читателей. В результате кропотливого изучения речи, словотворчества и психологии детей возникла книга «Маленькие дети» (1928), позднее переизданная под названием «От двух до пяти». Работа с наследием *Н. А. Некрасова* («Некрасов как художник», 1922; сб. ст. «Некрасов», 1926; издание «Полного собрания стихотворений» Некрасова, 1927) привела к созданию капитального труда — книги «Мастерство Некрасова» (1952).

Впервые познакомив русского читателя с книгой У. Уитмена «Листья травы» (1907), Чуковский в течение многих лет занимался переводческой деятельностью. Опыт работы современных переводчиков проанализирован в книгах «Принципы художественного перевода» (1919), «Высокое искусство» (1968). В мемуарных, историко-литературных работах («Современники», 1962; «О Чехове», 1967) даны живые портреты деятелей русской культуры.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—6; М., 1965—69; Александр Блок как человек и поэт. Пг., 1924; Илья Репин. М., 1969; Мой Уитмен. 2-е изд. М., 1969.

В. Ж.

ЧУЛКОВ Михаил Дмитриевич (1744—24.10[4.11].1792), писатель, собиратель фольклора. Родился в Москве в семье солдата. Учился в гимназии при Московском университете (1755—58). Был актером университетского, затем — Петербургского придворного (с 1761) театров. Служил при дворе лакеем и квартирмейстером (1765—69), чиновником в Сенате (1770—92). В 1789 получил потомственное дворянство. В литературу Чулков вошел как автор сборника литературных сказок и бытовых

повестей «Пересмешник, или Славенские сказки» (ч. 1—4, 1766—68; Ч. 5, 1789) и романа «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины» (Ч. 1, 1770; Ч. 2 неизвестна). Значительным вкладом в фольклористику явилось его издание «Собрание разных песен» (Ч. 1—4, 1770—74), включившее наиболее полный репертуар русских песен XVIII в., в т. ч. подлинно народных (песни солдатские, крестьянские, о Степане Разине и др.). Интерес Чулкова к этнографии проявился в его работе над словарями поверий; в самом подробном из них («Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч.», 1786) сделана попытка привести в систему мифологию народов России. Чулков опубликовал «Историческое описание российской коммерции...» (Кн. 1—21, 1781—88) и ряд экономических и юридических работ.

Позиции Чулкова в литературной борьбе его времени не были вполне определенными. В 1769 он издавал еженедельный журнал «И то и сё», в котором полемизировал одновременно и со «Всеякой всячиной» и с журналами *Н. И. Новикова*, *Ф. А. Эмина*. В 1770 издавал еженедельный журнал «Парнасский светильник», в котором содержались выступления против т. н. «высокой литературы». Сам Чулков писал преимущественно в жанрах, которые в поэтике классицизма считались «низкими». Его комедия «Как хочешь назови» (1765) примыкает к «характерологической» драматургии *В. И. Лукина*. Коротким поэмам Чулкова свойственна бурлескная манера; таковы же его стихотворения, сказки, сатирические статьи. Новаторство Чулкова как писателя в наибольшей мере проявилось в художественной прозе. Обращаясь к авантюрно-волшебному роману, он придает повествованию колорит исторического предания, русифицируя при этом традиционные сказочные образы и мифологию. Вместе с тем Чулков создает русский вариант плутовского романа, обрабатывая бытовой анекдот и фацециальные сюжеты. В «Пригожей поварихе...» изображены современный быт, судьба простой женщины — солдатской вдовы. Для стиля Чулкова характерны пародийное обыгрывание «высокой» лексики, использование *пословиц, поговорок*. Поиски Чулкова в прозе привели к возникновению русской *исторической повести* и бытового романа.

Соч. в кн.: Ироикомическая поэма. Л., 1933; Лит. наследство. Т. 9—10. М., 1933; Рус. проза XVIII в. Т. 1. М.; Л., 1950; Поэты XVIII в. Т. 1. Л., 1958; Стихотв. сказка (новелла) XVIII — н. XIX в. Л., 1969.

В. Степанов

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ, персонаж русских *былин* киевского цикла, который никаких подвигов не совершал, но отличался щегольством, изяществом и романтическими похождениями, где и нашел себе гибель.

III

ШАБЕЛЬСКАЯ-БОРК **Елизавета Александровна** (18.04.1855—после февр. 1917), писатель и публицист (псевд. Proteus, Н. Деларю). Родилась в д. Ступки Бахмутского у. Екате-

ринославской губ. в дворянской семье. Закончила гимназию в Харькове, в 1872 была отправлена родными в Париж для обучения пению, затем много лет играла в театрах: во Франции, России (Петербург, Харьков, Одесса, Киев), Австрии и Германии. В н. 90-х появились ее первые литературные произведения (пьесы, рассказы, статьи), писала по-немецки и по-русски. Живя в Берлине, поддерживала близкие отношения с М. Гарденом — известным

немецким борцом с еврейским засильем, другом Бисмарка, редактором влиятельной газеты «Die Zukunft». В этот период она познакомилась с *А. С. Сувориным*, переводила ряд его произведений и способствовала их изданию в Германии, а также стала корреспондентом газеты «Новое время» в Берлине. Весной 1896 вернулась в Россию, вскоре открыла свой театр в Петербурге. В 1903 товарищ министра финансов В. И. Ковалевский обвинил ее в мошенничестве с фальшивыми векселями и использовании его имени для махинаций, сама она во всем обвиняла Ковалевского, называла его «отцом лжи». В 1904 Шабельская-Борк была арестована и угодила в Дом предварительного заключения на Шпалерной, однако в 1905 была оправдана. Свои злоключения описала в остром романе «Векселя антрепренерши». История с векселями стала причиной разрыва отношений с Сувориным, который встал на сторону Ковалевского.

С началом смуты приняла активное участие в монархическом движении, вступив в Союз русского народа. Одно время издавала газету «Свобода и порядок», затем сотрудничала в газетах «Русское знамя» и «Колокол», в последней в 1911 печатался в виде фельетонов самый знаменитый ее роман «Сатанисты XX века», посвященный обличению масонства и иудаизма. Шабельская-Борк призывала обратить особое внимание на тот факт, что сатанизм завоевывает все более прочные позиции в Европе: «Вспомните, что уже более ста лет

Европа читает только то, что угодно масонам; молодые поколения христиан воспитываются в поклонении тайным обществам, карбонариям, иллюминатам, розенкрейцерам и так далее... без конца. Даже всемирную историю подделывают, превращая чернокожих и сатанистов-тамплиеров в мучеников... Поклонение сатане, так тщательно скрывавшееся рыцарями-храмовниками в мрачных подземельях недоступных замков, ныне совершается открыто... Во многих местах Европы, Африки и Америки сатанизм становится чуть ли не официально признанной религией. Масонство же является главным штабом армии жидовства, давно уже подготовленного к восприятию сатанизма ужасным учением талмуда и каббалы, развращающим души и черствящим сердца».

Соч.: Векселя антрепренерши. Роман-хроника. СПб., 1907. Вып. 1; Сатанисты XX века. Роман. (Фельетоны из газеты «Колокол» за 1911.). СПб., 1911. Вып. 1; 2-е изд. 1935; М., 2000; Красные и черные. Роман. СПб., 1913.

А. С.

ШАБЕЛЬСКИЙ-БОРК **Петр Николаевич (Старый Кирибей)** (1894— 18.08.1952), писатель и общественный деятель.

В первую мировую войну в действующей армии, тяжело ранен. Во время революции отказался присягать Временному правительству. Участвовал в попытке спасти царскую семью. В 1918 большевики арестовывают его и сажают в тюрьму вместе с

Ф. В. Винбергом и кн. *Н. Д. Жеваховым*. Шабельскому-Борку и его друзьям удается избежать «большевистского правосудия», бежать в Германию. Здесь Шабельский-Борк и Винберг выпускают газету «Призыв» и журнал «Луч света». В 1922 Шабельский-Борк вместе со своим другом С. Таборицким решается казнить злейшего врага исторической России масона П. Н. Милюкова. Однако предназначавшаяся Милюкову пуля поразила др. масона — В. Д. Набокова. Шабельский-Борк был осужден на 25 лет лишения свободы, но по требованию патриотической общественности через 5 лет выпущен по амнистии.

Ф. В. Винбергом и кн. *Н. Д. Жеваховым*. Шабельскому-Борку и его друзьям удается избежать «большевистского правосудия», бежать в Германию. Здесь Шабельский-Борк и Винберг выпускают газету «Призыв» и журнал «Луч света». В 1922 Шабельский-Борк вместе со своим другом С. Таборицким решается казнить злейшего врага исторической России масона П. Н. Милюкова. Однако предназначавшаяся Милюкову пуля поразила др. масона — В. Д. Набокова. Шабельский-Борк был осужден на 25 лет лишения свободы, но по требованию патриотической общественности через 5 лет выпущен по амнистии.

В к. 1920—30-х Шабельский-Борк выпускает несколько историко-художественных книг, посвященных Павлу I («Близкие Царя» и др.) и Николаю II («Вещие были о Святом Царе»). После войны он живет в Аргентине, продолжая свой писательский труд, сотрудничая с православно-монархическими изданиями, и прежде всего с журналом «Владимирский Вестник» (Сан-Пауло).

О. Платонов

ШАЛИКОВ Петр Иванович (1767—16[28].02.1852), писатель и журналист. Выходец из грузинского княжеского рода. Получил домашнее воспитание. Был на военной службе. Выйдя в отставку (1799), посвятил себя литературной деятельности.

Первые сборники стихов Шаликова — «Плод свободных чувствований» (ч. 1—3, 1798—1801), «Цветы граций» (1802). Манерные элегии, «чувствительные» послания свидетельствовали о приверженности Шаликова *сентиментализму* карамзинского типа. Сентиментальны и его прозаические произведения — «Путешествие в Малороссию» (1803—04), «Путешествие в Кронштадт»

(1805) и др. Стремление подражать ведущим русским писателям сделали Шаликова мишенью для насмешек, *пародий* и эпиграмм. В 1813—36 — редактор газеты «Московские ведомости». Как издатель журналов «Московский зритель» (1806), «Аглая» (1808—12), «Дамский журнал» (1823—33) Шаликов занимал православно-монархические позиции. В своих статьях критиковал *Н. А. Полевого*, *Е. А. Баратынского* и др. Впечатления очевидца событий отразились в его воспоминаниях «Историческое известие о пребывании в Москве французов в 1812 г.» (1813).

Соч.: Соч. Ч. 1—2. М., 1819; Стихотворения // Поэты 1790-х — 1810-х. [Л.], 1971.

ШАМБИНАГО Сергей Константинович (6[18].08.1871—20.11.1948), литературовед. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1894); ученик *В. Ф. Миллера*. Докторская диссертация — «Песни времени царя Ивана Грозного» (1914). Много лет преподавал в вузах. Профессор (с 1914). Круг научных интересов Шамбинаго — история русской литературы, театра, фольклора. Он составил сборники текстов «Песни-памфлеты XVI в.» (1913), «Былины старины» (1938), осуществил научную редакцию и комментарий книг «Народные русские легенды» *А. Н. Афанасьева* (1914), «Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (1938), подготовил научные издания «Слова о полку Игореве» (1912, 1913, 1917, 1934; последнее — совместно с *В. Ф. Ржигой*), составил свободную редакцию «Задонщины» («Сказания о Мамоевом побоище», 1907). Изучал наследие *А. Н. Островского*.

Соч.: Старая Москва. М., 1903; Трилогия романтизма (Н. В. Гоголь). М., 1911; Театр и нар. развлечения в Москве в XVIII в. // Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 7. М., [1911]; История рус. нар. словесности. [Литогр. курс лекций]. [М.], 1914; Театр времени Петра II и Анны Иоанновны // История русского театра. Т. 1. М., 1914; Повести о начале Москвы // Труды Отдела древнерусской литературы. 1936. Т. 3; А. Н. Островский. М., 1937; Загадочный «перевод» н. 30-х XIX в. // Уч. зап. Мос. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1946. Т. 7. Вып. 1.

Л. Ч.

ШАПОШНИКОВ Вячеслав Иванович (р. 1.09.1935), поэт, прозаик. Родился в г. Алатырь (Чувашия) в семье священника, вместе с родителями и братьями испытал тяготы, определенные социальным положением. Окончив в 1954 среднюю школу, поступил в Новосибирский авиационный техникум, откуда был призван в армию.

Первые стихи опубликовал в периодике Сибири. В 1964 закончил Красносельское художественное училище Костромской обл. В том же году появились первые публикации Шапошникова в московских изданиях и вышла первая книга стихов и поэм «Романтикам».

Уже в первых книгах стихов «Романтикам», «Китеж» Шапошников заявил о себе как поэт со своим образным строем, своей ритмикой, своим видением мира. Перед читателем разворачивается красочная, зовущая, полная людской теплоты жизнь («И дым над крышей четок и багров — / Земле вечерней издревле завешан. / В его струенье — очертанья женщин, / Манящих нас из сумерек под кров»). Критика отмечала: «Шапошников любит слово — русское, самоцветное, крепкое, емкое». Стихотворения Шапошникова 1960-х в целом лежат в русле т. н. «тихой лирики». Образность стихов сборника «Вохомский хоревод» — «плоть уклада деревенской жизни, прочувствованной поэтом изнутри» (В. Захаров). В центре — тема родной земли, чувство тревожной ответственности («Пустуют наши родины без нас, / Они малы. Нам впору лишь чужбины... / А родины вдали плывут, как льдины, / Не прекращая таять ни на час»).

Лирике Шапошникова присущи черты антропоморфизма, органичного для его творчества («Всплакнула ранняя звезда», «самовар — как свекор, важный»). Профессия наложила отпечаток на творчество: «у поэта-художника удивительно острый, внимательный взгляд, острая наблюдательность». Чувство Родины нераздельно связано с чувством исторического прошлого, с живым ощущением минувших эпох: «Русь... Среди заповедной большой тишины мне, притихшему, давнее зримо» — и в этом несомненное родство с поэзией *Рубцова*, автора «Видения на холме», на которого ориентировано стихотворение Шапошникова «Видение в поле» (1976)

Роман «Вечный путь» (1973) породил полемику и множество откликов в критике. Программа молодого героя романа: «Приходить к людям надо всегда с открытым сердцем. В этом главное, в этом путь, вечный и подлинный путь человека». Мечтательный романтик, легкоранимый юноша уезжает в тайгу и поступает в бригаду лесорубов, где сталкивается с прозой жизни — грубостью, матерщиной и пьянством. В коллизиях романа закаляется чувство долга, гражданственность, мужество героя, вступившего в борьбу за одухотворение своих коллег.

Роман «Ефимов кордон» (1978) воссоздает судьбу русского художника-самоучки Ефима Честнякова и охватывает период 1900—14. Посещавший мастерские Репина и Карлового, он не прижился в холодном Петербурге, жил в уединении в деревне, продолжая творить. Известность пришла лишь после смерти. В роман включены проза, стихи, письма Е. Честнякова, нарисован чистый образ художника-праведника. Книгу наполняют стихи крестьянского фольклора, легенд и преданий, вера в неизмеримые духовные возможности русской деревни.

В сборнике повестей «Угол» (1982) автор исследует этическую позицию людей «внешнего отношения», «компактной души», которые утратили способность распахнуть душу навстречу другому. Встречи с глубиной людского горя, с правдой жизни дают героям толчок к преодолению эгоизма и раз-

рушению этой оболочки нечувствия, помогают осознать истину: «Среди людей надо жить так, как живут среди семьи, где нет чужих» (повесть «Угол»).

Стихи сборника «День незабывтый» (1999) написаны поэтом, уже принявшим священнический сан. «Каждое стихотворение излилось из глубины любящего, открытого человеку не поэтического только, но и пастырского сердца» (В. Курбатов). Стихи разнообразны, в них — и с открытой публицистичностью выраженная тревога за порушенное Отечество («Переломная эпоха... / Нет конца и края ей. / Переломов хряст и грохот — / В горькой памяти моей»), и призыв к тихому подвигу молитвы («Все в этом мире окутится только покоем, / Только покоем молитвенной кроткой души»). Стихи пропитывает чистая музыка праздничных тропарей, красота церковнославянского языка («Ты Господом средь темных трав замечен, / Назнаменован дланию Его»). Диалог природы и человека, вечности и минуты явлен в поэме «День незабывтый», герой которой, мальчик, сын священника, «несет несчастье происхождения с недетским достоинством и настоящей... ответственностью». Природа, явленная отроку в минуту откровения, запоминается на всю жизнь как Божие слово. В творчестве Шапошникова находит развитие традиция русской христианской лирики. Поэтическая религиозная речь возвращается в живой, деятельной, преображающей и спасительной силе, мир раскрывается в свете чудесной дали небесного свидетельства: «И вдруг поймешь: весь мир родной намолен / И к Господу открыта всюду высь. / Средь леса ли, среди ли чиста поля / Смирненно на колени опустишь».

Соч.: Романтикам. Ярославль, 1964; Китеж. Ярославль, 1967; Красносельские ювелиры. Ярославль, 1968; На ярмарках осени. Ярославль, 1971; Вохомский хоровод. М., 1971; Вечерние холмы. М., 1973; Преселок. Ярославль, 1974; Вечный путь: Роман. М., 1974; Ефимов кордон: Роман. М., 1979; Ивовый снег. М., 1982; Угол. М., 1982; К земле неведомой: Роман. М., 1985; Зарницы. Ярославль, 1991; Костромская чудотворная икона Божией Матери Феодоровская. Кострома, 1993; День незабывтый. Кострома, 1999.

А. Любимудров

ШАРАПОВ Сергей Федорович (1855—26.06.1911), идеолог славянофильского движения, писатель, публицист. Окончил 2-ю Московскую военную гимназию и Николаевское инженерное училище. В 1875 отправился добровольцем в Боснию и Герцеговину воевать против турок. По окончании войны вернулся в свое имение в Смоленской губ. и занялся сельским хозяйством.

Заинтересовавшись идеями А. Н. Энгельгардта, основал в имении Сосновка для облегчения труда крестьян мастерскую по изготовлению дешевых плугов. В 1895 с ним заключило соглашение Министерство земледелия: за небольшую субсидию от казны Шарapов взялся за распространение плуга среди крестьян и за организацию кустарного производства дешевых плугов в др. губерниях. С этой целью он совершал поездки по России, во время которых читал лекции и демонстрировал плуги, основал акционерное общество «Пахарь». Шарapов был одним

из активных противников финансовой реформы Витте, доказывал неудачность конверсий, основанных на еврейских биржевых теориях.

Шарapов без преувеличения является классиком русской экономической мысли, еще до конца не понятым и не оцененным. Он — автор монографии, в которой концентрируются важнейшие основы русской экономической мысли. Хотя сам автор скромно назвал ее «Бумажный рубль (его теория и практика)», по существу, это обобщающий труд, который правильнее назвать «Экономика в русском самодержавном государстве». Шарapов постоянно подчеркивает самобытность русской хозяйственной системы, условия которой совершенно противоположны условиям европейской экономики. Наличие общинных и артельных отношений придает русской экономике нравственный характер. Русские крестьяне являются коллективными землевладельцами. Им не грозит полное разорение, ибо земля не может быть отчуждена от них.

Отмечая нравственный характер русской общины, Шарapов связывает с ней развитие возможностей хозяйственного самоуправления, тесной связи между людьми на основе Православия и церковности. Главной единицей духовного и хозяйственного развития России, по мнению Шарapова, должен стать церковный приход, который может быть не только вероисповедной, но и административной, судебной, полицейской, финансовой, учебной и почтовой единицей, обладающей общественным имуществом, своими учреждениями и предприятиями.

Идеалом Шарapова была не зависимость от западных стран развитая экономика, регулируемая сильной самодержавной властью, имеющей традиционно нравственный характер. Даже покупательная стоимость рубля, по мнению Шарapова, должна основываться на нравственном начале всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти, в руках которой находится управление денежным обращением. Самодержавное государство должно играть в экономике ту роль, какую в Западе играют крупнейшие банки и биржи. Государство ограничивает возможности хищной, спекулятивной наживы, создает условия, при которых паразитический капитал, стремящийся к мировому господству, уже не может существовать. Вместо шаткой и колеблющейся золотой валюты, связанной со всеми неурядицами мирового рынка, Шарapов предлагает введение абсолютных денег, находящегося в распоряжении центрального государственного учреждения, регулирующего денежное обращение. Введение абсолютных денег ликвидирует господство биржи, спекуляцию, ростовщичество. Шарapов не был противником частного предпринимательства, но считал, что оно должно носить не спекулятивный, а производительный характер, увеличивая народное богатство.

Шарapов плодовитый публицист и писатель (псевд. Земледелец, Тарлицкий, Лев Семенов). Журналистскую деятельность начал в «Руси» *И. С. Аксакова* (статьи о крестьянском хозяйстве и малоземелье). В качестве корреспондента «Нового времени» совершил поездку в Сербию и Болгарию. В 1886 основал еженедельную газету «Русское дело», которая выходила в Москве с большими перерывами и неоднократно останавливалась министерскими распоряжениями за резкость выступлений. После ее приостановления с 1897 начал издавать в Петербурге еженедельную политическую, экономическую и литературную газету «Русский труд». Получив 3 предостережения за резкость тона, издание прекратил. С 1905 возобновил издание «Русского дела», а с 1906 издавал еще и небольшой ежемесяч-

ный журнал «Свидетель». В перерывах между изданиями публиковал свои статьи отдельными сборниками: «Сугробы», «Оттепель», «Борозды», «Посевы», «Сенокос» и др. (всего вышло ок. 30-ти сборников). Кроме того, он был редактором и издателем 2-х сборников произведений *славянофилов*: «Московский сборник» (1887) и «Теория государства у славянофилов» (1898). Шарапов пробовал себя и как беллетрист: его перу принадлежат несколько рассказов, роман «Кружным путем», политическая фантазия «Диктатор» и др.

В политико-социальном романе «Через полвека» Шарапов проводит идеи, которые были очень характерны для русских патриотов. В этом романе человек, заснувший в 1899, чудесным образом проснулся в 1951. Перед его лицом проходили картины новой преобразенной России, о которой в к. XIX в. мечтали русские патриоты. Во всех областях жизни к власти пришли национальные русские силы, еврейский вопрос решен положительно в пользу русских, низкопоклонство перед иностранным ушло в прошлое. Освободившийся от еврейского и иноземного засилья русский народ достиг огромных успехов в экономике и культуре. Православная вера — главное в жизни людей, авторитет Церкви непрерываем. Основной социальной и духовной ячейкой общества является приходская община, формировавшаяся из прихожан определенной церкви. Каждая община имела своего приходского человека, казначея, пристава, судью, заведующего школой, эконома, врача и т. д. Государь император сохранял самодержавную власть, однако на местах все внутренние дела решала самоуправляемая община.

Рост могущества России естественным образом привел к расширению ее границ за счет включения в нее дружественных славянских территорий и земель бывшей византийской православной империи, а также принявших русское покровительство земель Маньчжурии, Афганистана и Персии. Чудесно проснувшийся человек так описывает карту новой преобразенной России 1951: «Во-первых, не было привычных делений на губернии, которые так запомнились еще со школьных времен. Во-вторых, западная граница шла совсем не там, где в мое время.

Теперь эта западная граница начиналась у Данцига, крупными буквами обозначенного “Гданьск”, охватывала всю восточную Пруссию и Познань и упиралась в крошечную, тоже нашу русскую область с крупно отпечатанным городом “Будышин”. Я узнал маленькую, поэтическую Лужицу. Далее государственная черта переходила в прежнюю Австрию, охватывала всю Чехию с Моравией и, мимо Зальцбурга и Баварии, спускалась к Адриатическому морю, окружая и включая Триест.

В этой новой части Российской Империи определялись яркими красными границами следующие области: Царство Польское со столицею Варшавой, напечатанной крупно, и двумя главными городами Краковом и Познанью, отмеченными помельче. Червоная Русь со Львовом, Лужица с Будышином, Чехия с Венной в качестве столицы, Прагой и Оломуцем, напечатанными помельче. Маленькая, обремененная со всех сторон Венгрия с Будапештом, Сербия с Хорватия со столицами Белградом, Дубровником и Загребом, Румыния с Бухарестом, Болгария с Софиею и Андрианополем, и, наконец, Греция, охватывающая прежнее королевство, острова и часть побережья, с Афинами в качестве главного города.

Очень крупно был обозначен Царьград, четвертая столица Империи, по-видимому, не принадлежавший ни к какой области.

Но крупнее всех сверкал Киев. Здесь была первая столица России, перенесенная с Севера. Мне припомнились вешие стихи Тютчева:

... в славянской мировой громаде
Строй вожделенный водворится,
Как с Русью Польша примирится.
А примирятся эти две
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и Цареграде.

Итак, значит, сон поэта исполнился! Россия объединила славянские племена, “славянские ручьи” “слились в русском море”, а это море разлилось на половину Европы и Азии, от Северного до Индийского океана и от Великого Тихого океана до Архипелага и Адрии.

С западной границы от этой новой славянской России взгляд мой перешел на наш старый центр и на Восток. Как изменилось административное деление России!

Губерний, как я заметил, не было. Широкою красной полосой были очерчены новые, более крупные области: на севере правее Финляндии, оставшейся в старых очертаниях, крупно выделялся — Петербург. Он был главным городом Северной области, огромного пространства, охватывавшего бывшие в мое время губернии Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую, отчасти Вологодскую и Архангельскую. Восточная половина этих двух губерний соединялась с прежними губерниями: Вятской, Пермской и Казанской и во главе области крупным шрифтом стояла Казань. Далее шла группа губерний — Смоленской, Тверской, Ярославской, Костромской, Калужской, Московской и Нижегородской с Москвой в качестве областного центра. Киев служил центром значительной области из прежних губерний Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской с Холмщиной, выделенной из состава Польши.

Средние черноземные губернии: Орловская, Тульская, Курская, Харьковская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская и Симбирская с частью губернии Рязанской и области Войска Донского группировались вокруг Воронежа, ставшего центром. Далее шло Заволжье с Оренбургом, Новороссия с Одессой, Северный Кавказ с Ростовом-на-Дону, Закавказье с Тифлисом, Сибирь, обозначенная на отдельной карте сбоку, разделялась на четыре области с городами Омском, Томском, Иркутском и Владивостоком. К ним примыкала “оккупированная”, должно быть, область “Маньчжурия”. Таким же цветом были закрашены области, вошедшие в состав Империи, на особых правах, как Бухара, Афганистан, Персия. Сквозь всю последнюю, начиная от Астары, шла железная дорога, упираясь в порт Чахбар на Индийском океане».

Шарапов являлся одним из учредителей Союза русских людей, подписал воззвание Союза в н. 1905. Шарапов был активным деятелем славянского движения, основателем и одним из вице-председателей Аксаковского литературного и политического общества в Москве. Его заслуги сделали его одним из самых авторитетных руководителей панславизма в России.

Соч.: Будущность крестьянского хозяйства. М., 1882; А. Н. Энгельгардт и его значение для русской культуры и науки. СПб., 1894; Франция и славянство. Речь в торжественном собрании С.-Петербургского Славянского общества 19 дек. 1893. СПб., 1894; Бумажный рубль. Его теория и практика. Исследование о научных законах бумажно-денежного обращения в самодержавном государстве. СПб., 1895; Опыт русской политической программы. Самодержавие и самоуправление. Сущность бюрократии (переписка с кн. В. П. Мещерским). М.,

1905; Сушность аграрного кризиса. М., 1906; «Матрикулированные» октябристы, или Как я не попал в Государственную думу. М., 1908; Финансовое возрождение России. Речь в Русском Собрании 9 марта 1908. М., 1908; *Аксаков Н. П., Шарапов С. Ф.* Германия и славянство. Доклад С.-Петербургскому Славянскому съезду Аксаковского литературного и политического общества в Москве. М., 1909; Министерство земледелия и его задачи в России. СПб., 1882; По русским хозяйствам. М., 1881; Соч. М., 1892; Франция и славянство. М., 1894; По садам и огородам. М., 1885; Как ликвидировать золотую валюту. СПб., 1899; Соч. Т. 1—9 СПб., 1900—06.

Лит.: *Снежков В. Н.* Бехтеев, Шарапов, кн. Цертелев. (Некрологи). Козлов, 1911; [Некролог] // Исторический вестник. 1911. № 8; *Струве П. Б.* Некролог // Русская мысль. 1911. № 8.

О. Платонов, А. Степанов

ШАХМАТОВ Алексей Александрович (5[17].06.1864—3.08.1920), языковед, историк древнерусской литературы, исследователь русского летописания. Академик Петербургской Академии наук (1894). Окончил Московский университет (1887), приват-доцент там же (1890), профессор Петербургского университета (с 1909), директор 1-го отделения библиотеки Академии наук (с 1899), председатель Отделения русского языка и словесности Академии наук (1906—20).

Шахматов оставил глубокий след во всех областях науки о русском языке, явился основоположником исторического изучения русского литературного языка; выявил древние койне — общие устные языки, отличные от живых говоров. На протяжении всей жизни изучал проблему образования русской народности и славянского этногенеза, вопросы прародин и праязыка. Шахматов проследил историю древнерусского летописания XI—XVI вв., заложил основы современного текстологического изучения летописей и текстологии как науки.

Широко использовал диалектные данные для интерпретации письменных источников, Шахматов обратил внимание на древние орфографические системы, мешавшие отражению на письме особенностей живой речи. Изучал современные олонечские, калужские и рязанские говоры, создал программы изучения говоров, обрабатывал и печатал многочисленные ответы на них. Шахматов исследовал также славянскую акцентологию, вопросы сравнительной фонетики и грамматики славянских языков, древние и современные индоевропейские языки, финский и мордовский языки; разработал историческую морфологию русского языка. Его учение о грамматических формах слов, частях речи, словосочетаниях, типах предложения, соотношении морфологии и синтаксиса — важный вклад в теоретическое языкознание. Шахматов — редактор выпусков академического «Словаря русского языка» (1891—1916).

Под руководством Шахматова Отделение русского языка и словесности Академии наук стало центром филологии в России. Им было организовано изучение многих памятников письменности, современных диалектов, составление словарей, подготовка многотомной «Энциклопедии славянской филологии»; возобновлено издание «Полного собрания русских летописей», в котором Шахматов опубликовал ряд важнейших летописей. Организовал издание серии памятников старославянского и русского языков, мировой литературы.

Соч.: Общерус. летописные своды XIV и XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения, 1900. № 9, 11; 1901. № 11; Очерк древнейшего периода истории рус. языка. Пг., 1915; Введение в курс истории рус. языка. Ч. 1. Пг., 1916; Очерк совр. рус. лит. языка. 4-е изд. М., 1941; Синтаксис рус. языка. Вып. 1—2. Л., 1925—27; Обзорение рус. летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938; Историч. морфология рус. языка. М., 1957.

ШАХОВ Александр Алексеевич (6[18].03.1895—19.11.1956), писатель. Родился в с. Вязовка Московской обл. в крестьянской семье. Окончил Сельскохозяйственный институт в Петрограде (1920). Печатался с 1939. Будучи ученым-геоботаником, Шахов во главе многочисленных экспедиций объездил почти всю историческую Россию. В русскую литературу он вошел как автор книг о природе и путешествиях, об ученых, их поисках и открытиях: «По оленьим тропам» (1947), «На разных широтах» (1948), «За жар-птицей» (1950), «В неприкосновенных горах» (1951), «Длинные дороги» (1952), «В камышах Балхаша» (1959) и др. Специально детям посвящены книги: «Путешествие по Кавказу», «Рассказы путешественника» (обе — 1951), «В таежной глуши» (1956) и др.

Соч.: Под светлым небом: Повести и рассказы. М., 1956; Страшное ущелье. М., 1957; Рассказы путешественника. М., 1966.

ШАХОВА Елизавета Никитична (1821—1899), писательница. Российская академия издала ее «Опыт в стихах» (СПб., 1837), а затем ее «Стихотворения» (1839). Далее она издала отдельно «Повести в стихах» (1842) и помешала свои стихотворения в «Библиотеке для чтения», «Современнике» и «Сыне Отечества». В 1849 постриглась в монахини. Др. ее произведения: «Мирянка и отшельница» (1849), «Историческая записка о тверском Рождественском монастыре» (1856), «Памятные записки о жизни игуменьи Марии Тучковой» (1865) и драматическая поэма в стихах «Юдифь» (1877).

ШАХОВСКАЯ Зинаида Алексеевна (р. 30.08.1906), писательница. Родилась в Москве. В 1920 эвакуировалась с матерью из Новороссийска в Константинополь. В н. 1920-х переехала в Брюссель. Принимала участие в Бельгийском клубе русских литераторов «Единорот» (среди участников были К. Льдов, И. Наживин, Л. Страховский). В 1925 уехала в Париж. В н. 1930-х стала членом Союза молодых писателей и поэтов. Первый сборник вышел под псевд. Зинаида Сарана в 1928. Сборник стихотворений «Уход» опубликован в 1934; в нем, по слову самой Шаховской, виден «отпечаток» парижской ноты (Отражения. Париж, 1975). Сборник «Дорога» опубликован в нояб. 1935. «Стихи об усталости, суете сует, безропотности, благодарности Богу», — отозвался о «Дороге» критик в сан-франциской «Земле Колумба». В годы войны Шаховская участвовала в движении Сопротивления. Была редактором Французского информационного агентства. С 1945 до 1948 работала военным корреспондентом при союзных армиях. С 1968 стала редактором парижской «Русской мысли». Печаталась в эмигрантских журналах «Современные записки», «Русские записки», «Новый журнал» и др., а также в периодических изданиях в Англии, Германии, Швейцарии, Бельгии, Франции, США. Несколько книг опубликовала по-французски, в т. ч. романы под именем Жак Круазе. Ее книги переведены на иностранные языки. В 1970 вышел сборник стихотворений Шаховской «Перед сном» (с предисл. Адамовича). Шаховская — автор мемуарной книги «Отражения» (1975), в которой рассказала о своих встречах с *Ходасевичем, Буниным, Цветаевой, Прегель, Адамовичем, Вяч. Ивановым, Дон Аминадо* и др. В 1979 издана ее книга «В поисках Набокова», основанная на продолжительном личном знакомстве с писателем и показывающая Набокова как певца небытия, поэта отчаяния, виртуоза-эгоцентрика.

Соч.: Двадцать одно. (Под псевд. Занаида Сарана). Брюссель, 1928; Уход. Таллинн, 1934; Дорога. Таллинн, 1935; Перед сном. Париж, 1970.

ШАХОВСКОЙ Александр Александрович (24.04[5.05]. 1777—22.01[3.02].1846), князь, писатель, театральный деятель. Родился в поместье Беззаботы Смоленской губ. Окончил благородный пансион при Московском университете (1792). Служил в Преображенском полку (1793—1802). С 1810 — член Российской Академии наук. В 1811—15 — член «Беседы любителей русского слова». Руководил драматической труппой и театральным училищем в Петербурге (1802—26; с перерывами); среди его учеников — Е. С. Семенова, В. А. Каратыгин и др. Шаховской написал более 100 пьес, среди которых много водевилей, а также вольных переводов и сценических переделок произведений европейских авторов. Прозаическая пьеса Шаховского «Новый Стерн» (пост. 1805, опубл. 1807), направленная против *сентиментализма*, сыграла значительную роль в обновлении русской литературы в н. XIX в. В основе сюжетов его более поздних произведений — эпизоды русской истории («Казак-стихотворец», пост. 1812; «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец», опубл. 1816; «Иван Сусанин», 1815; «Крестьяне, или Встреча незваных», опубл. 1815, посвящена Отечественной войне 1812), жизни дворянства (трилогия «Полубарские затеи, или Домашний театр», пост. 1808; «Пустодомы», опубл. 1820, и др.). Особым успехом пользовалась пьеса «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815) — панорама жизни современного дворянства; в образе одного из героев — сочинителя плаксивых баллад — легко угадывался *В. А. Жуковский*, что вызвало бурю полемических откликов (в т. ч. *А. С. Пушкина*), но вместе с тем и одностороннюю оценку всего творчества Шаховского. В 20-е Шаховской сблизился с кругом *А. С. Грибоедова*, *П. А. Катенина*. К этому времени относятся его переделки в романтическом духе романов В. Скотта, драм У. Шекспира. Шаховскому принадлежит также драма «Хризомания» (пост. 1836) — переделка «Пиковой дамы» Пушкина. Пьесы Шаховского, отмеченные занимательностью интриги, ориентацией на просторечие, имели важное значение для формирования русской национальной комедии. Меткий афористичный стих Шаховского (с применением разностопного ямба) предвещал творческие достижения Грибоедова, который учел опыт Шаховского не только в написанном вместе с ним и *Н. И. Хмельницким* водевиле «Своя семья, или Замужняя невеста» (1818), но и в комедии «Горе от ума».

Соч.: Соч. СПб., 1898; Комедии. Стихотворения. Л., 1961.

Е. С.

ШАХОВСКОЙ Семен Иванович (ум. не ранее сер. XVII в.), князь, автор многочисленных посланий, похвальных «слов» святым, автобиографического труда, известного в науке под названием «Домашних записок князя Семена Шаховского», и двух повестей о Смуте.

Жизнь Шаховского была богата событиями: в период Смуты он служит Василию Шуйскому, после «отбегает» к Лжедмитрию II в Тушино, потом отправляется к осаждающему Смоленск Сигизмунду, затем оказывается в Новгороде, наконец, присоединяется к Второму ополчению.

После Смуты Шаховской служит стольником, участвует в переговорах с Польшей 1634—37, отправляется воеводой в различные города. Будучи воеводой в Енисейске, составил роспись прилегающих к нему земель. Неоднократно подвергался опалам и ссылкам.

Шаховской являлся авторитетом для современников в богословских вопросах. Основные сочинения Шаховского собраны в двух сборниках, составленных, видимо, самим автором, но писанных не его рукой. Наибольшую ценность представляют 2 повести Шаховского о Смуте: «Повесть известно сказуема на память великомученика благоверного царевича Дмитрия, о убиении его и о преславном обретении телеси, и о язве людстей» и «Повесть о некоем мниесе, како послася от Бога на царя Бориса во отмщение крове праведнаго царевича Димитрия». Источником для этих сочинений явилась т. н. «Летописная книга», фрагменты которой и вошли с небольшими изменениями в произведение Шаховского. Но если «Летописная книга» дает целостный обзор событий Смуты, то Шаховской в своих повестях (отметим, что 2-я повесть является продолжением 1-й и в сюжетном и в философском плане: на это указывает в тексте и сам автор) компонует материал т. о., чтобы он подтвердил православный постулат о неизбежности возмездия за грех. Иллюстрацией этой мысли является описанное Шаховским как божественным наказанием низложение Бориса Годунова и Лжедмитрия I. В то же время, по утверждению автора, смирение и терпение не остаются без вознаграждения: примером того у Шаховского служит обретение нетленных мощей царевича Дмитрия. Текст повестей Шаховского изобилует риторическими отступлениями, ссылками на Священное Писание. В своих повестях Шаховской преследовал и сугубо личные цели. Так, начиная рассказ о царевиче Дмитрии, автор останавливается на его «многобрачном рождестве» (Дмитрий был сыном Ивана Грозного от седьмой жены, в то время как Церковь допускала лишь 3 брака), но, ссылаясь на Писание, Шаховской утверждает законность его рождения. Этот мотив тесно связан с судьбой самого Шаховского, подвергнувшегося опале за незаконный четвертый брак.

И. Серов

ШАШКЕВИЧ Маркиан Семенович (псевд. — **Руслан Шашкевич; Р. Ш.**) (6.11.1811—7.06.1843), поэт и общественный деятель. Зачинатель новой малороссийской литературы. Родился в с. Подлиссе, ныне Малочервоного р-на Львовской обл. в семье священника. Окончил Львовскую духовную семинарию, был сельским священником. Возглавил литературный кружок молодежи, получивший название «Русская троица» («Руська трійця»). Кроме Шашкевича, в него входили *И. Вагилевич* и *Я. Головацкий*. Они ставили своей задачей просвещение малороссийского народа с помощью родного языка. Литературные сборники кружка «Сын Руси» («Син Русі») и «Зоря» («Звезда») были запрещены цензурой. Шашкевич — инициатор издания альманаха «*Русалка Днестровая*» (1837). Защищал право на существование малороссийского народного языка, боролся против введения польского алфавита в Галиции («Азбука і abecadio», Перемышль, 1836). В 1836 составил «Читанку» для народных малороссийских школ (изд. 1850).

Лирика, исторические поэмы, баллады Шашкевича проникнуты патриотическими мотивами, носят ярко выраженный романтический характер. Он ратовал за политическое единение малороссийских земель в составе Российской империи, призывал беречь родной язык и культуру («Руська мати нас родила», «Побратимові»), воспевал героическое прошлое

(«Хмельницького обступлені Львова», «О Наливайку», «Болеслав Кривоустий під Галичом в літо 1139»). Писал *басни* и прозу (сказка «Олена»), переводил с польского, чешского и сербского языков. Творчество Шашкевича оказало влияние на национальное возрождение и развитие малороссийской литературы в Галиции.

Соч.: Твори. Львів, 1906; Писання. Львів, 1912; Твори. Киев, 1960; Письменники Західної України 30–50-х рр. XIX ст. Киев, 1965; Твори. Киев, 1973.

О. М.

ШЕВЕЛЕВ Александр Александрович (13.07.1934 — 30.10.1993), поэт. Родился в д. Крисилино Калужской обл. в крестьянской семье. В годы оккупации семья скрывалась в лесных деревнях. После школы обучался в ремесленном училище в Новомосковске, затем в техникуме индустриальной промышленности в Ленинграде. Окончил Ленинградский институт точной механики и оптики (1961).

Стихи начал писать рано, первая публикация — в 1955. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте (1973).

После выхода в 1966 первого сборника «Август» Шевелев был сразу признан и критиками, и читателями. Эпиграфом к его творчеству могут служить строки: «Душа моя не огрубела, / Она совсем не помнит зла. / Она простые песни пела. / Земные делала дела». Шевелев сформировался под влиянием «тихой» лирики 1960-х. «По призванию Шевелев был поэт-лирик, проникновенный пейзажист. Он чутко ощущал русскую природу, русскую душу... поэтизировал гармонию мира, будничность, простоту и тепло внешне непримечательного человеческого бытия, в котором все скоротечно, преходяще, все — неповторимо и важно» (М. Любомудров).

Герои лирики Шевелева — деревенские люди, которых поэт любит нежно и скромно. Поэта пленяют задумчивые тихие пейзажи. Деревенский мир для Шевелева неисчерпаем и прекрасен во всех своих подробностях и явлениях. Этот мир перерастает свои рамки и соседствует с мирозданием: «И центр всему — земная ось / Торчит у дальнего сарая». Оригинальность и самобытность видения мира — в сопряженности извечно-мирового, природного и повседневного («Где горизонта полоса холмы расставит, как посуду»). «Это живой мир, но он же подобен вымыслу и чуду. Стирается граница между житейским и житийным, бытом и бытием, явью и поверьем» (А. Пикач).

Сквозной мотив поэзии Шевелева — удивление перед миром и его загадкой, благоговение перед таинством жизни. В его стихах вновь возникают и лермонтовская беседа звезд: «Известно только Богу одному, / Что рассказать звезда звезде хотела...», и тючевское «святых небо»: «На лавку сел я возле тына, / И ночи древняя краса, / Вселенной странная картина / Глядела прямо мне в глаза». При этом «Музыка небесных сфер не подавляет человека, но естественно приближена к его душе и даже обиходу... В стихах Шевелева сходятся небесное и самое земное, осязаемое» (А. Пикач).

Признаваясь в любви к России, поэт избегает громких слов. Его поэзия, рассказывающая о чудесной тишине родной земли, медитативна и раздумчива. Для него и деревня, и город (которому также посвящен ряд стихов) — ипостаси великой и неделимой России.

В 1970-е лирика Шевелева все больше наполняется песенной стихией, усиливается ее эмоциональная активность. Проникновенный и напевный лирический строй

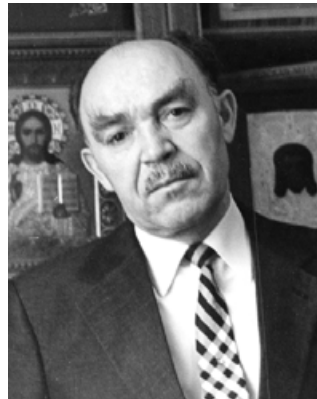
поэзии Шевелева привлек внимание многих композиторов, которые отмечали «музыкальность стихов Шевелева, идущую изнутри слова, музыкальную энергетику образов» (Г. Фиртич). На стихи Шевелева написано много песен и вокальных циклов. Получили известность «Поздний лист рябины» (Ст. Пожлаков), «Присягаю земле» (В. Соловьев), «Зимний день», «Листопад», «Мгновение», цикл «Память» (Г. Фиртич), цикл «Тихие песни» (А. Сивашова).

Соч.: Поклонение слову [Автобиография] // Избранное. СПб., 1998; Август. Л., 1966; Гончарный круг. Л., 1969; До первой звезды. Л., 1975; Простые вести. Л., 1976; Единственная земля. М., 1979; Мне послышалась свирель. Л., 1981; Я возвратился из пурги. М., 1982; Осенний перекресток. Л., 1984; Всем сердцем. М., 1984; Окликая судьбу. М., 1985; Земные радости простые. Л., 1986; Сердце матери. Л., 1988; Вечерняя равнина. М., 1989; Последние строки. СПб., 1994; Линия судьбы. СПб., 1995; Я оставляю вам. СПб., 1995; Где-то песня слышна — то поэт тишина: Песни. СПб., 1996; Избранное: Стихотворения. Проза. Друзья о поэте. СПб., 1998.

А. Любомудров

ШЕВЦОВ Иван Михайлович (р. 9.09.1920), писатель, публицист, искусствовед, общественный деятель, участник финской, Великой Отечественной и японской войн. Полковник.

Родился в белорусской деревне Никитиничи в бедной, многодетной семье. Будучи учеником 6-го класса семилетней школы, активно сотрудничает в Шкловской районной газете. По окончании 7-го класса редакция приглашает его на штатную должность спецкора. Юноша соглашается работать только до начала учебного года, поскольку он решил продолжить учебу в Оршанском политехникуме. В Орше, будучи студентом, он сотрудничает в городской газете. В 1938 Шевцов поступает в Саратовское военное училище погранвойск. В к.

1939 19-летний лейтенант Шевцов направляется на финский фронт в должности командира взвода. По окончании войны с Финляндией он становится начальником погранзаставы на берегу Финского залива. А в июле 1940 Шевцов уже начальник погранзаставы на новой границе — Дунай—Прут. Там же на рассвете 22 июня 1941 он принимает первый удар фашистов. Осенью 1941 участвует в тяжелых боях с танковой армией Гудериана под Мценском и Тулой в должности командира разведки 34-го погранполка, где получает первую боевую награду — медаль «За отвагу».

После войны Шевцов работает специальным корреспондентом в журнале «Пограничник», газетах «Красная звезда», «Советский флот», собственным корреспондентом газеты «Известия» в Болгарии.

Еще будучи школьником, работая литсотрудником в Шкловской районной газете, Шевцов был удивлен, что весь аппарат редакции, начиная с корректора и кончая редактором, состоял из евреев, которые между собой разговаривали только на идише. И в дальнейшем, при частой смене редакторов, все оставалось по-прежнему. Когда Шевцов начинал сотрудничество в газете, редактором был Гершман, его сменил Герцович, потом Роберман и,

наконец — Трапер. Сельского паренька удивило и то, что все руководство района было еврейское. Когда он поступил в педтехникум г. Орши и стал сотрудничать в городской газете в качестве внештатного репортера, увидел то же самое, что и в редакции шкловской газеты. В Орше пединститут и педтехникум размещались в одном здании. Юноша обратил внимание, что директором института был Левин, а техникума Тодрин — оба евреи. Посещая по заданию редакции предприятия города, Шевцов увидел ту же картину: директора и главные инженеры заводов — евреи по национальности. Проницательный юноша не мог не задуматься над таким нелогичным явлением, не анализировать: почему эта немногочисленная нация занимает командные посты? А тут еще подвернулся случай, коснувшийся лично Шевцова. Студент-однокурсник, некто Маневич, с которым Шевцов откровенно поделился своими наблюдениями, написал в дирекцию донос, обвинив Шевцова в антисемитизме. Реакция последовала незамедлительно: Шевцова, даже без формального разбирательства, исключают из техникума. Но вмешалась республиканская газета, опубликовавшая статью своего корреспондента «Как в Орше понимают бдительность», и приказ об исключении был отменен. Но Шевцов не пожелал возвращаться и поступил в Саратовское училище пограничных войск. Шел 1938. Тогда многие юноши мечтали о героической романтике. С мечтой о границе они связывали самые благородные стремления и жажду подвига, к чему и стремился Шевцов. Но шкловская история навсегда отложилась в восприимчивой юношеской памяти Шевцова. Он анализировал ее и будучи начальником погранзаставы в 1940—41, и разведчиком, и командиром роты в битве за Москву, и особенно в последние годы войны, когда он работал в редакции журнала «Пограничник», где в аппарате и среди авторов было всего 2 славянина: гл. редактор Шевченко, сменивший Пресмана, и литсотрудник Шевцов.

Борьбу с безродными космополитами в к. 40-х Шевцов встретил в должности специального корреспондента газеты «Красная звезда», где на смену гл. редактору Ортенбергу пришел генерал-славянин Фомиченко.

Трудовая общественность страны, как и национальная патриотическая интеллигенция, встретили борьбу с космополитизмом с пониманием и одобрением. Для журналиста Шевцова, познавшего еще в молодости засилье евреев во всех сферах жизни, их высокомерие и подрывную деятельность, еврейский вопрос приобретает особую актуальность, достойную серьезного исследования и анализа. Он включается в борьбу с сионистами. В 1944 на страницах газеты «Красная звезда» появляется большая статья «Против антипатриотов в батальной живописи», подписанная И. Шевцовым и руководителями студии военных художников им. Грекова Н. Жуковым и Х. Ушениным. В сионистских кругах знали главного автора статьи и запомнили имя Шевцова. С этого времени у него устанавливаются дружеские отношения с известными художниками: П. Соколовым-Скля, Е. Вучетичем, П. Кривоноговым, П. Судачковым и др. Их творчеству он посвящает статьи.

В 1950 Шевцов пишет свой первый роман «Тля», однако издать его цензура не позволяет в течение 15 лет. За эти годы он издает романы «Свет не без добрых людей», «Семя грядущего», «На краю света» (1-я часть романа «Любовь и ненависть»), книги о С. Н. Сергееве-Ценском и Е. В. Вучетиче. Только в 1964 удалось издать «Тлю», где действие происходит в среде художников, которую писатель хорошо знал. Появление этой книги вызвало эффект разорвавшей-

ся бомбы. Впервые в советской литературе появилась книга об идеологических подрывных действиях космополитов и сионистов.

За этот роман Шевцов подвергался ожесточенной травле со стороны еврейских и космополитических кругов. Первыми начали наступление на писателя радиостанции «Голос Израиля» и «Голос Америки», которые оповестили мир, что в СССР впервые при советской власти издан антисемитский роман, хотя в книге нет слов «сионизм» и «еврей». Формально не к чему было придраться. Молодой писатель показал идеологическое противостояние в стане художественной интеллигенции: патриотов и космополитов. Острая полемика по вопросам искусства, которая всколыхнула всю страну в к. 50-х, как в фокусе, отразила мн. др. проблемы, от решения которых зависела дальнейшая судьба нашего Отечества! Принять «эстетику безобразного», принесенную с Запада люмпен-интеллигентами, означало не только отказаться от нравственно-духовных основ русской культуры, но и сдать позиции в политических и экономических сферах жизни. Государственно мыслящие люди это прекрасно осознавали. Шевцов первым высказал вслух то, о чем перешептывались в кулуарах многие честные, но робкие интеллигенты, не решаясь открыто обсудить давно назревшее и наболевшее, боясь получить клеймо «антисемита». Писатель в концентрированной обобщенной форме показал опасность умственных шатаний, вред политически запрограммированного разномыслия, конечной целью которого было разрушение Советского Союза, а затем и России. Шевцов пророчески предупреждал общественность о кознях немногочисленной, но влиятельной прослойки «творческой», космополитически настроенной интеллигенции, которая через средства массовой информации навязывает обществу те или иные эстетические стандарты. Мертвой хваткой сковывает она живое, истинное начало народно-национальной жизни, сосредоточив в своих руках нити управления общественным мнением. Символично и обозначение этого явления, внесенного в заголовок романа. В названии подчеркнут дух разложения, нравственной проказы, который, искусно маскируясь, проповедуют носители тлетворного начала. Задолго до т. н. перестройки Шевцов прозорливо разгадал стратегию и тактику враждебных действий «агентов влияния» в нашей стране.

После выхода романа в свет имя Шевцова стало известным. Было ясно, что появилось произведение (немыслимое прежде в советской литературе) сильное и яркое по способам обличения зла. Изображенный мир идеологических интриганов и мошенников был написан так выукло и ярко, что космополитствующие «мэтры», выведенные на свет божий, теряли свою камуфляжную форму. Будь роман слаб в художественном отношении (а об этом прежде всего говорили еврейские критики), он не подвергся бы столь шумному шельмованию и не снимался бы с библиотечных полок. Параллельно успеху романа возрастало сопротивление оппонентов, особенно из числа сионистствующих критиков. Они решили нанести по нему удар «на поражение», самонадеянно заявив, что «щенком надо топить слепыми». Почти все еврейские и космополитические газеты и журналы Москвы открыли шквальный огонь не столько по роману (который был объявлен вне литературы), сколько по автору. Т. к. фактов антисемитизма найти не могли, то в качестве «криминала» определили клевету на интеллигенцию, попытку писателя поссорить ее с народом. Книгу скупали и сжигали. 2 тыс. экз. сожгли во дворе московской

синагоги. В библиотеки дали негласную команду не выдавать читателям «Тлю». Из писателя сделали изгой, создав вокруг него глухую блокаду. Влиятельные силы из числа героев его романа выполнили свою угрозу: опытный журналист, публицист — Шевцов — в теч. 6 лет не мог опубликовать ни одной строки. О приеме в Союз писателей автора уже 3 романа не было речи. В писательскую организацию он был принят, и то со скандалом, лишь через 15 лет, издав к тому времени 8 романов.

В издательство «Советская Россия», выпустившее «Тлю», хлынул поток читательских писем в защиту Шевцова и его романа. Их было около тысячи изо всех уголков страны. Читатели возвысили свой голос в защиту автора против носителей антинародной, космополитической идеологии, «шайки» (цитата из писем), о которой идет речь в романе. Читатели называли «Тлю» подвигом писателя.

Народная поддержка дала возможность писателю убедиться в правоте своих выводов, поверить в свое призвание и не сломаться под нажимом хорошо организованной сети «агентов влияния». В партийном аппарате нашлись государственные руководители, которые разделяли тревогу писателя. В частности, Шевцова активно поддержал член Политбюро, первый заместитель Главы правительства Д. С. Полянский, за что и поплатился своей карьерой вместе с др. партийными функционерами, выразившими свои симпатии Шевцову и его роману. Главным же гонителем Шевцова был идеолог партии Суслов.

С тех пор отношение к Шевцову и его роману в общественно-литературных кругах стало своеобразным барометром, определяющим уровень национально-патриотического и гражданского самосознания. Кто-то, пугливо озираясь, пожимал в темных коридорах руку и говорил: «Мысленно мы с Вами!» Кто-то поспешил откреститься от знакомства с «опасным» писателем.

Для писателя наступили тяжелые времена, но он продолжал упорно работать. За 6 лет после выхода «Тли» он создал 2 романа: «Во имя отца и сына» и «Любовь и ненависть», в которых продолжил тему «Тли», но с большей открытостью, глубиной и остротой. Оба романа вышли в свет одновременно в 1970. По этому поводу, прочитав «Любовь и ненависть», М. А. Шолохов заметил: «Пытались съесть, но не съели. Орешек оказался не по зубам».

Это был совершенно неожиданный ответный удар Шевцова по врагам Отечества, в стане которых возник переполох. В ход пошли злославленные обвинения писателя в клевете на советскую действительность: мол, в стране нет ни наркомании, ни проституции. Но в романах была не только острая правда современности, точность оценок, но и пророческий взгляд в будущее. Поэтому главным предметом его повествования всегда были вопросы общественно-политического и исторического содержания. Гражданско-публицистический пафос составляет и основу художественных романов Шевцова. Редкий для современной литературы синтез высокого патриотизма, яркой образности, публицистичности.

Писателя — бойца, патриота, нельзя было напугать или сломить. Он продолжал бить в набат и в последующих своих романах: «Набат», «Бородинское поле», «Грабеж»; призывал народ к бдительности. Особенно ярко это выражено в «Набате» и «Бородинском поле». Роман-эпопея «Бородинское поле» — вершина в творчестве Шевцова. По времени события роман охватывает свыше 30-ти самых неспокойных и сложных лет XX столетия. Великая Отечественная война, разбой во Вьетнаме, «холодная война»,

принятие Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, определившей сионизм как форму расизма.

В трагические для России годы горбачевско-ельцинской разрухи Шевцов создал еще 3 романа («Голубой бриллиант», «Крах», «Что за горизонт»), посвященных униженной и распятой России, а также десятки очерков и публицистических статей, опубликованных в патриотической прессе. К ним относятся работы о творчестве художников П. Корина, А. Герасимова, Е. Вучетича, И. Глазунова, П. Судакора и др.

Романы Шевцова — своеобразная летопись борьбы русского человека за сохранение своей самобытности; это — разоблачение глетворного влияния «дипломатированного» мещанина с философией неудачника, у которого за душой ничего святого». В его произведениях всех жанров, в т. ч. и в публицистике, в критике, тема патриотизма, тема России, ее перспектив в условиях ожесточенных идеологических боев стала главной. Художественность его произведений органически выростала из патриотической страстности, глубокой убежденности писателя.

Соч.: Юность Болгарии: Очерки о молодежи новой Болгарии. М., 1954; Старые знакомые: Рассказы. М., 1958; Евгений Вучетич. Л., 1960; На краю света: Роман. М., 1960; Подвиг богатыря (о С. Н. Сергееве-Ценском). Тамбов, 1960; Орел смотрит на солнце (о Сергееве-Ценском). М., 1963; Свет не без добрых людей: Роман. М., 1962; Семья грядущего. Среди долины ровныя... На краю света: Романы. М., 1969; Тля: Роман-памфлет. М., 1964; Во имя отца и сына: Роман. М., 1970; Любовь и ненависть: Роман. М., 1970; Сполохи (очерк о жизни и творчестве П. Корина). М., 1975; Набат: Роман. М., 1975; Бородинское поле: Роман. М., 1977; Лесные дали: Роман. М., 1978; Избранные произведения в 3-х тт. М., 1988; Грабеж: Роман. М., 1990; Голубой бриллиант: Романы. М., 1998; Тля. Соколы. М., 2000; Остров дьявола (набат): Роман. М., 1998; В борьбе с дьяволом: Роман. Очерки. М., 2003.

Л. Михайлова

ШЕВЧЕНКО Тарас Григорьевич (25.02[9.03].1814—26.02 [10.03].1861), малороссийский поэт, художник, мыслитель. Родился в с. Моринцы Звенигородского р-на Черкасской обл. в семье крепостного крестьянина. Рано осиротел; был

пастухом, батраком, с 14 лет «казачком» у своего помещика П. В. Энгельгардта. Грамоте учился у сельского дьячка. С 1829 жил с помещиком в г. Вильнюсе, а с его переездом в Петербург (н. 1831) был отдан (в 1833) в обучение к «разных живописных дел цеховому мастеру» Ширяеву. Весной 1838 Шевченко был выкуплен из крепостной неволи. Первые из дошедших до нас произведений Шевченко — баллада «Порченная», стихотворение «Думка» («Течет вода в сине море»), «Веч-

ной памяти Котляревского» и поэма «Катерина» — датируются 1837—38.

В 1840 вышел сборник поэтических произведений Шевченко «Кобзарь», где были впервые опубликованы стихи «Думы мои», «Перебендя», «Думка» («Нащо мені чорні брови...»), «К Основьяненко», «Иван Подкова», баллада

«Тополь», поэмы «Катерина» и «Тарасова ночь». Раннее творчество Шевченко, итоги которого были подведены появлением «Кобзаря», развивалось в русле *романтизма*. В балладах и поэмах реальность тесно сплетается с фантастикой народных легенд и преданий; в основе сюжетов лежит несчастная, трагически обреченная любовь. Однако уже в ранних произведениях Шевченко заметна мощная струя реализма: его героини полны неподдельно правдивого чувства, за их страданиями видятся конкретные жизненные обстоятельства. «Катерина», напр., — вполне реалистическая поэма о горькой судьбе, отчаянии и самоубийстве простой крестьянской девушки, обманутой офицером и брошенной им с ребенком на руках. С течением времени тема любви и женской доли приобретает в творчестве Шевченко все большую историческую определенность. Оправдывается и освящается беспощадная месть угнетателям за поруганное человеческое достоинство (поэмы «Слепая», 1842, «Княжна», 1847, «Марина», 1848).

То же движение к реализму и в исторической теме. От ранних произведений «Тарасова ночь» (1838), «Иван Подкова» (1839), проникнутых романтикой старинных преданий, поэт все ближе подходит к теме национально-освободительной борьбы. В самой крупной из его исторических поэм «Гайдамаки» (1841) изображены события великого народного восстания 1768, известного под названием «Колиивщина», против шляхетского польского гнета. Эта поэтическая эпопея исторически правдива и притом вся обращена к современности: воспоминаниями о славе предков Шевченко стремился воззвать угнетенный малороссийский народ к борьбе за свое освобождение от польских оккупантов.

В мае 1843 Шевченко поехал в Малороссию, намереваясь поселиться в Киеве. Впечатления от поездок по Киевской, Полтавской, Черниговской и Волынской губерниям (в качестве художника Киевской археографической комиссии), в особенности от тяжелого положения закрепощенного крестьянства, заметно усилили освободительные устремления Шевченко. Во время поездок он писал антикрепостнические стихи, заносил их в альбом («Три года»), читал их знакомым, давал переписывать. В 1846 Шевченко выступил в тайное Кирилло-Мефодиевское общество, где занимал наиболее левые позиции; в апр. 1847 был арестован и затем отдан в солдаты в Орловскую крепость (в Оренбургскую губ., а в 1850 — в Новопетровское укрепление на п-ове Мангышлак, ныне г. Форт-Шевченко) за то, что, как сказано в приговоре, «сочинил стихи на малороссийском языке, самого возмутительного содержания».

В годы ссылки были написаны реалистические повести на русском языке «Княгиня» (1853), «Музыкант» (1854—55), «Несчастный», «Капитанша», «Близнецы» (все — 1855), «Художник» (1856); ранее были написаны повести «Наймичка» (1844) и «Варнак» (1845); после ссылки — «Прогулка с удовольствием и не без морали» (1856—58); все они проникнуты антикрепостническими настроениями. В центре повестей «Варнак», «Музыкант», «Художник», «Прогулка...» — личность крепостного интеллигента, в судьбе которого много автобиографических черт. Во взглядах героя на искусство звучит голос автора — убежденного сторонника реализма, близкого теории и практике «*натуральной школы*» в русской литературе.

В 1860 появилось новое (наиболее полное из трех прижизненных) издание «Кобзаря» (однако поэмы «Сон», «Кавказ», «Еретик», стихотворение «Завещание» и подобные им произведения не могли войти в него). Ряд стихотворений, не вошедших по цензурным условиям в «Кобзаря», друзья поэта

опубликовали в 1859 в Лейпциге (сборник «Новые стихотворения Пушкина и Шевченко»).

Произведения 1857—61 — вершина поэзии Шевченко, теперь еще более богатой и разнообразной по темам (общественно-политическая, философская), настроениям, палитре красок в стихах о природе, глубокой мудрости размышлений о поэзии (триптих «Доля», «Муза», «Слава», 1858, и др.), по ритмике и высокой культуре выразительных средств и мастерству художественной образности. К самым большим достижениям этого периода относятся поэмы «Неофит», «Юродивый» (обе — 1857), «Мария» (1859) и лирика 50-х — н. 60-х. Подражания псалмам и библейским мотивам («Подражание 11 псалму», «Осии, глава XIV», поэма «Мария») использованы Шевченко для выражения освободительных идей.

Поэтика Шевченко, близкая к народной традиции, эволюционировала (не порывая с нею) к все большей и неповторимой оригинальности. Ритмико-интонационная структура поэзии Шевченко опирается на малороссийский народный стих, но ей свойственно богатейшее разнообразие форм и вариантов, ритмики и строфики *силлабического* (12—11- и 14-сложного) и *силлабо-тонического стихосложения* (напр., 28 видов строфики только в стихах, написанных четырехстопным ямбом). Шевченко внес в малороссийскую поэзию невиданное богатство тем, радикально расширил ее культурные и интеллектуальные горизонты, включив в нее исторические и современные мотивы из жизни многих европейских народов, идеи и образы европейской литературы.

Многие произведения Шевченко положены на музыку Н. В. Лысенко (см. его сб. «Музыка к “Кобзарю” Шевченко») и др. малороссийскими (К. Г. Стешенко, Я. С. Степовый, С. Ф. Людкевич и др.) и великорусскими (М. П. Мусоргский, П. И. Чайковский, С. В. Рахманинов) композиторами. Стихотворения «Думы мои, думы мои», «Завещание», начало баллады «Порченая» («Рева та стогне Дніпр широкий») стали народными песнями; «Завещание» вошло в круг народных песен.

Смерть Шевченко была воспринята как большая потеря для русской литературы. На его похоронах присутствовали многие литературные и общественные деятели, среди них *М. Е. Салтыков-Щедрин*, *И. С. Тургенев*, *Ф. М. Достоевский*, *Н. С. Лесков* и др. *Н. А. Некрасов* написал стихотворение «На смерть Шевченко».

Соч.: Полное зібрання творів. Т. 1—10. Київ, 1939—64; Повне зібрання творів. Т. 1—6. Київ, 1963—64; в рус. пер. — Собр. соч. Т. 1—5. М., 1964—65.

ШЕВЫРЕВ Степан Петрович (18[30].10.1806—8[20].05.

1864), поэт, критик, историк литературы. Родился в Саратове в семье губернского предводителя дворянства. Получив вначале домашнее образование (куда входило изучение церковнославянского, французского, немецкого языков), Шевырев окончил с золотой медалью Благородный пансион при Московском университете (1816—22). Продолжая жить в пансионе, посещал лекции в университете, совершенствовался в греческом, латинском, читал классику в оригинале, изу-

чал русских писателей, историю государства Российского. Два страстных стремления в течение всей жизни двигали его энтузиазм: жажда знаний и жажда передать эти знания людям. Шевырев готовился сдать экзамены на звание кандидата университета, но тогда этого не произошло. Поступил в Московский архив Государственной коллегии иностранных дел, начал печатать в журналах стихи и переводы. Стихотворения «Я емь» (1825), «Мысль» (1826) обратили на себя внимание А. С. Пушкина (последнее в письме к *Погодину* названо «одним из замечательнейших стихотворений текущей словесности»), знакомство с которым имело большое значение для Шевырева. Отношение к Пушкину было беспристрастным, он считал слабым местом некоторых его произведений «эскизность», отсутствие серьезной мысли, недостаток «русских чувств». В то же время Шевырев ценил профессиональный опыт Пушкина. Он, посылая свои стихи, просил *Погодина* «не печатать, не показавши прежде Пушкину... Я ему отдаю на цензурование и без его воли не хочу обнародовать». Поэзию Шевырева ценили *Е. А. Баратынский*, *П. А. Вяземский*, *Н. В. Гоголь*.

В стихах, большая часть которых написана во 2-й пол. 1820-х, Шевырев предпринял попытку создать «поэзию мысли». Важная тема его лирики — бессмертие творческой мысли. Он был тогда не один в своем устремлении к мысли, мудрости (стихотворение «Мудрость, 1828»), философии. Напр., *Баратынский* писал в 1832 *И. Киреевскому*: «Поверь мне, русские имеют особенную способность и особенную нужду мыслить». Шевырев выступал против гладкописи и пустого благозвучия («рифмованный отборный пустозвон»). Он смело вводил в свои стихи архаизмы, сопрягая их с современным ему русским просторечием, что делало поэзию несколько тяжеловесной, но замедляло исчезновение из литературного оборота славяно-русских слов. Тема природы и ее единства с духовной жизнью человека (стихотворения «Глагол природы», «Сон», «Ночь», «Стансы» и др.) занимала центральное место в поэтическом творчестве Шевырева. Ряд его стихов посвящен исторической теме («Петроград», «Стансы Риму» и др.), литературной полемике («Водевиль и Елегия», «Тяжелый поэт», «Послание к А. С. Пушкину» и др.). Вместе все это вышло лишь в книге «Стихотворения» в Большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1939). Стихи не были главным в разнообразном творчестве Шевырева, они были лишь началом его.

В 1826 Шевырев вместе с *Погодиным* перевели с латинского грамматику церковно-славянского языка чешского слависта *И. Добровского* (вышла в СПб., 1833, «Грамматика языка славянского по древнему наречию». Ч. 1—3). В 1827 *Погодин* стал редактором журнала «*Московский вестник*», его главным помощником оказался Шевырев, которому принадлежали в журнале статьи (оригинальные и переводы) философского и эстетического содержания, литературная критика, печатал он здесь и свои стихи. В обзоре «Русская литература за 1827 г.» Шевырева дана содержательная характеристика творчества Пушкина. Критика велась живо и остроумно, все отрицательное в литературе осмеивалось, что снижало молодому задиристу полемисту немало врагов, но *Пушкин* писал *Погодину*: «Честь и слава милому нашему Шевыреву!.. Пора уму и знаниям вытеснить *Булгарина* с братией».

В 1829 Шевырев отправился за границу в качестве учителя сына кн. З. А. Волконской. 3 года в Италии и Швейцарии не прошли даром: он учил и учился. Изучал классическую философию, греческих писателей, историю древнего и нового искусства, историю Италии, итальянский, испанский, англий-

ский языки и их литературы, теоретические и исторические основы эстетики. Статьи его и стихи этих лет печатались в российских журналах.

Поступило предложение от министра народного просвещения *С. С. Уварова* занять вакансию адъюнкта словесности в Московском университете. Любимая просветительская работа, к которой он готовился все годы, ждала его. Однако совет университета не удовлетворился написанными ранее работами Шевырева и потребовал представить особую диссертацию. Шевырев отложил все и за 6 мес. написал диссертацию «Дант и его век», напечатанную потом в «Ученых записках Московского университета». 15 янв. 1834 приступил к чтению лекций по истории всеобщей словесности (поэзия). В результате в 1835 были изданы 2 тома «Истории поэзии». Лучший отклик на это издание А. С. Пушкина: «История поэзии» С. П. Шевырева». Книга была награждена *Демидовской* премией.

В 1835 Шевырев — один из руководителей «*Московского наблюдателя*», в котором поместил нашумевшую полемическую статью «Словесность и торговля», направленную против «торгового направления» в литературе (*Булгарин*, *Греч*, *Сенковский*). В журнале Шевырев излагал свои политические и литературные взгляды тех лет. Главное, он считал, образование русского народа, сохранение его культурного наследия. То, во что верил, он старался тут же применить на практике. В 1836 начал читать историю русского языка по памятникам, а в следующем году — историю русской словесности. Курс впервые появился в Московском университете. Это вызвало бурю негодования в стане недругов. Шевырев считал, что знания мировой литературы для русского человека недостаточно, необходимо знать все свое, начиная с древних образцов отеческого языка. Приступил к столь необходимому для русских курсу при самых неблагоприятных условиях. История русской словесности до этого не считалась в числе предметов университетского преподавания, трудов по ней не было, памятники древнерусской литературы оставались неизданными, а начавшиеся «делать историю» в России «западники» стремились порвать связи с русской стариной, опорочить ее. Шевырев, как национально мыслящий патриот, говорил в 1838: «История русской словесности принадлежит к числу необходимых потребностей, к числу важнейших вопросов нашего учено-литературного мира. Дух неуважения к произведениям отечественным и дух сомнения во всем том, что славного завещала нам древность, должны же когда-либо прекратиться, и мы можем противодействовать ему только глубоким и терпеливым изучением того, что составляет литературную собственность нашего народа». Фактически Шевырев ввел систематическое изучение древнерусской литературы и истории русской литературы с древнейших времен, какого до него в России не существовало. Значение этого для нашей культуры переоценить трудно. Что касается современности, то, по словам *И. С. Тургенева*, в 1830-е в России «литературы, в смысле живого проявления одной из общественных сил... — не было... а была словесность — и были такие словесных дел мастера, каких мы уже потом не увидели». Для того чтобы в России появилась литература, в широком социальном и национальном смысле этого слова, — как мощная общественная сила, объединяющая вокруг себя достаточно обширные и разнообразные круги людей и неразрывно связанная с политикой, идеологией, наукой, — для этого необходимо было хотя бы разяснить творчество русских национальных писателей — древних и современных, — дать оценку им и наметить ряд национально-художественных приоритетов,

в то же время указав на слабое в этом потоке. Шевырев был среди тех, кто сделал первые попытки систематизации русского литературного наследия.

Лекции его, полные новизны, имели большой успех у студентов, тем более что они зачастую носили полемический характер. У него появились ученики. Лучшие из них — *Тихомиров* и *Буслаев*. Позже «История русской словесности, преимущественно древней» Шевырева была издана в 4 т. (1845—60). Это было первое систематическое, основанное на изучении первоисточников, изложение истории древнерусской литературы. В 1838 он получил степень доктора философии за сочинение «Теория поэзии в историческом ее развитии у древних и новых народов». Для русской науки здесь было немало нового. Шевырев стремился рассмотреть развитие литературы как отражение духовного опыта народа, его истории. Обоснование исторического подхода к искусству вызвало одобрение Пушкина.

Патриотическо-полемический тон лекций Шевырева, его популярность как исправного, остроумного, энергичного пропагандиста русской истории и культуры вызвали шок в стане врагов России, в т. ч. и среди окружения «западника» Т. Н. Грановского, который имел свои влияние на значительную часть студентов. Началось противостояние, переходившее порой в травлю русского просветителя. В этой обстановке Шевырев попросился в отпуск за границу поправить здоровье, где провел более двух лет (1838—40), посещая лекции археологического института в Риме, слушал лекции в Берлине, Мюнхене, Париже, Лондоне, работал в библиотеках, встречался с западноевропейскими учеными. Он был удостоен степени доктора философии Королевским Парижским университетом, избран членом художественного общества в Афинах, филологического общества в Аграме (ныне Загреб, Хорватия). По возвращении снова приступил к работе в университете, вскоре стал старшим профессором русской словесности и был утвержден деканом философского факультета. Постоянная травля его противниками приобретала все более изощренные формы. Тем более что с 1841 он совместно с Погодиным возглавил журнал «*Москвитянин*», где опубликовал программную статью «Взгляд русского на образование Европы», в котором Запад, зараженный, как тогда говорили «развратом мысли», с его эгоистическими устремлениями охарактеризовал как «гниение». Миссию России Шевырев видел в укреплении Православия, самодержавия, сохранения самобытности народной культуры. В 1842 в Москве напечатана его работа «Об отношении семейного воспитания к государственному»; в 1842—52 он прочел курс публичных лекций на эту тему. Шевырев смело и резко высказывал свои национально-государственные взгляды, вел ожесточенную борьбу с врагами России, в частности с Белинским и Герценом. По той горячей полемике, которую Шевырев вел с «западниками», многие его считали *славянофилом*. Этот взгляд разделял и сам Шевырев. Хотя фактически к кружку славянофилов не принадлежал, но в идейных устремлениях шел параллельно с ними. Причислению Шевырева к славянофилам способствовало и то, что в печати тогда учение их почти не появлялось, даже Белинский смешивал идеи славянофилов с идеями «Москвитянина» (следует отметить, активную борьбу с «западниками» в «Москвитянине» вел один Шевырев, Погодин от нее уклонился). Шевырев же имел обыкновение в своих критических полемических статьях взять одну или несколько идей славянофилов и выразить их красноречиво, энергично. При ближайшем рассмотрении было видно, что Шевырев

расходился со славянофилами в главной идее — подчинения личного общественной воле и в некоторых др. позициях. Славянофилы же — из-за приверженности Шевырева в стихах к высокой философии — иногда относили его (вместе с *Ф. И. Тютчевым*) к поэтам немецкой школы (Кириевский). Поэтому все горячие славянофильские выступления Шевырева не привели его к решительному сближению с ними, хотя лично все они были знакомы.

Шевырев много сделал как литературный критик, искренне стремился к беспристрастной оценке художественных произведений, честно отмечая достоинства и недостатки таких писателей, как А. С. Пушкин, *М. Ю. Лермонтов*, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, *Д. В. Григорович* и др. Самым большим минусом произведений всякого писателя считал отсутствие в них художественной совести, коренных начал народной жизни.

В 1836 Шевырев, вместе с Пушкиным, заболел об издании стихов *Ф. И. Тютчева*. В «поездке в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г.» Шевырев пишет о найденных им нескольких неизвестных памятниках.

Из писателей Шевырев был особенно близок с Гоголем, которому оказывал много услуг: читал корректуру его сочинений, налаживал связи с книгопродавцами, ведал его финансовыми делами. После смерти Гоголя Шевырев принимал деятельное участие в разборе его бумаг и хлопотал о посмертном издании его сочинений. Гоголь ценил Шевырева. Он писал Смирновой: «Если вы будете когда в Москве, не забудьте познакомиться с Шевыревым. Человек этот стоит на точке разума высшей, чем другие в Москве, и в нем зреет много добра для России».

Очередная неожиданная интрига возникла против Шевырева в 1851, когда профессура университета (в большинстве антирусская) забаллотировала его на должность декана, а избрала Грановского, но министр не утвердил выборов, и Шевырев сохранил за собой должность. В следующем году он избран ординарным академиком Императорской Академии наук. В это же время вышли отдельные книги «О цели воспитания», «Вступление в педагогию» (СПб.); затем — «Обозрение русской словесности XIII в.» (СПб., 1854). К столетнему юбилею Московского университета, в 1855, Шевырев написал историю университета, несколько биографий профессоров, издал биографический словарь профессоров.

Травля Шевырева, провоцирование его на резкие выпады не прекращались. В 1857 на заседании совета Московского художественного общества гр. Бобринский энергично обрушился на некоторые русские порядки. Шевырев увидел в этом стремление опозорить Россию, стал горячо заступаться за все русское. Враги точно рассчитали импульсивность и горячность Шевырева. Возгорелся спор, перешедший на личную почву и окончившийся дракой. В результате Шевырев был уволен от службы и ему было предписано ехать в Ярославль. В ситуации быстро разоблачили и поняли, что Шевырев не зачинщик, ему было позволено остаться в Москве, но Шевырев, усиленно поработав в синодальной и Волоколамской библиотеках и закончив издание 3-й и 4-й частей своей истории словесности, уехал за границу.

До конца дней Шевырев не устал пропагандировать русскую литературу. За границей не прекращал энергично работать. В февр.—марте 1861 прочитал во Флоренции курс истории русской словесности (12 лекций), а в нояб. занялся приготовлением к печати *Storia della letteratura Russa*, в которой намеревался познакомить итальянцев с произведениями русской словесности. В этом же году из-

за границы приветствовал отмену крепостного права в России. В н. 1862 читал публичные лекции в Париже, обнимавшие историю русской литературы, включая Пушкина, Гоголя, Лермонтова. После лечения, не вполне оправившись от болезни, он продолжил курс лекций, знакомя парижан с произведениями Тургенева, А. К. Толстого, но смерть не дала завершить планы. Уже после вышли «Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 г.» (СПб., 1884).

Шевырев до наших дней остался неоцененным русским национальным деятелем во всей его разносторонности; более того — оболганным: почти 100 лет русским «преподносили» его как «реакционера». Около его имени постоянно витали определения «охранительный», «официальный», «славянофил» — словно это преступления. Издания его серьезных трудов в течение XX в. не предпринимались. Публикации, которые были, сводились порой к двум-трем «цыганским» или сентиментальным романсовым стихотворениям, словно это все, что Шевырев написал. Яркие интернационалисты, со своими доминирующими антирусскими идеями, весь XX в. низводили Шевырева до третьей-четвертой величины литератора, принижая значение великого русского просветителя-патриота.

Соч.: История поэзии: В 2 т. М.; СПб., 1835—92; Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М., 1986; История русской словесности, преимущественно древней: В 4 т. М., 1846—60; Стихотворения. Л., 1939; Мастера русского стихотворного перевода. Л., 1968; Поэты тютчевской плеяды / Вступ. ст. В. Кожина; Ст. о поэтах и примеч. Е. Кузнецовой. М., 1982.

Лит.: Гоголь Н. В. О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году // Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. VIII; Киреевский И. В. Публичные лекции профессора Шевырева об истории русской словесности, преимущественно древней // Полн. собр. соч. М., 1911. Т. II; Соколов Ю. М. Миросозерцание Шевырева. Доклад в обществе истории литературы // Беседы. М., 1915.

А. Баженова

ШЕЙН Павел Васильевич (1826—12[25].08.1900), фольклорист, этнограф. Родился в Риге. Был учителем в Туле, Калуге, Витебске и др. С 1881 жил в Петербурге. Собирательная деятельность Шейна началась с сер. 50-х. Фундаментальный вклад в науку внесли его сборники: «Русские народные песни» (1870), «Белорусские народные песни» (1874), «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края» (Т. 1—3. 1887—1902), «Великорус в своих песнях, обрядах, верованиях, сказках, легендах и т. п.» (Т. 1. Вып. 1—2. 1898—1900). К некоторым из них обращались Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, П. И. Мельников-Печерский, М. П. Мусоргский и др. Сборники Шейна отличались обилием и разнообразием материалов, стройностью систематизации.

Н. В.

ШЕЛЛЕР Александр Константинович (псевд. — А. Михайлов) (30.07[11.08].1838—21.11[4.12].1900), прозаик, поэт. Родился в Петербурге. Отец — родом из эстонских крестьян, был театральным оркестрантом, затем придворным служителем. Мать — из обедневшего аристократического рода. Получив первоначальное домашнее образование, научившись свободно говорить по-немецки, Шеллер окончил немецкую школу в Петербурге. С 1857 по 1861 состоял вольнослушателем историко-филологического факультета Петербургского университета. Участвовал в студенческих волнениях. Прекратил учение после временного закрытия университета осенью 1861 и, определив-

шись домашним секретарем к гр. Апраксину, отправился с его семьей за границу.

Литературная работа Шеллера началась в 1859, когда в журнале «Весельчак» стали периодически помещаться фельетоны за подписью А. Релеш, в которых высмеивались поверхностные обличители, беспринципные газетчики, падавшие до скандальных сюжетов и сенсаций, и т. п. Как поэт Шеллер дебютировал в журнале «Современник» (1863). В стихах отчетливо ощутимо сильное влияние некрасовской поэзии: преобладают знакомые, подчас отмеченные печатью вторичности, мотивы гражданской скорби, гордого терпения, всепобеждающей и одолевающей жизненные пороки любви к труду, душевной бодрости и света («Пролог», 1864; «Школа», 1873; «Листки из записной книги», 1863—70; «Самоучка», 1873; «Моя судьба», 1875; «Пророк», 1875; «Из прошлого», 1879, и др.).

В № 2 и № 3 «Современника» за 1864 Шеллер напечатал первый свой роман «Гнилые болота». В 1865 вышел в свет роман «Жизнь Шапова, его родных и знакомых» («Современник». № 2, 3, 6—8). Оба романа имеют автобиографический характер. Сознательно отвергая штампы занимательного сюжетосложения, Шеллер предлагает читателю неторопливые, бесхитростные, лирические взволнованные повествования о том, как в борьбе с тлетворным влиянием жизненных обстоятельств, окружающей среды формируются молодые, честные труженики — «чернорабочие жизни». Шеллер стремится внушить читателю доброе, уважительное отношение к обыкновенным, скромным и самоотверженным людям, лишенным сословной фанаберии: «Хороших, простых людей много, умеете только их искать, сами о себе они не кричат: это тихие, но гордые люди. Дурные делают больше шуму...».

В 1863—66 Шеллер активно сотрудничает в «Русском слове», в 1866—77 — в «Женском вестнике», с к. 1877 — в журнале «Дело». Шеллер публиковался также в «Неделе» (1868). В 1877 редактировал стоявший «вне направлений» еженедельник «Живописное обозрение», с 1893 — газету «Сын Отечества».

Шеллер — создатель многочисленных произведений разных жанров. Большой известностью и симпатией 60—70-х пользовались его романы: «Засоренные дороги» (1866—67), «Господа Обносковы» (1868), «В разброд» (1869), «Лес рубят — щепки летят» (1871), «Старые гнезда» (1875), «Хлеба и зрелищ» (1875), «Беспечальное житье» (1877), «Голь» (1882), «Непрошенный гость» (1883), «И молотом, и золотом» (1884), «Победители» (1889), «Ртищев» (1890), «Загубленная жизнь» (1891) и др.

Романы Шеллера популяризировали идеи и образы «новых людей» 60-х. Внимание широкого читателя, на которого сознательно ориентировался Шеллер, привлекали характеры простых и честных людей, стремящихся принести посильную пользу ближним, проповедующих постепенное совершенствование жизни на началах добра и справедливости. Повествование у Шеллера часто обрывается на начальном периоде возмужания героя, только еще вступающего на арену общественного служения. Новые

педагогические идеи народников отстаивают герои романов Шеллера — учителя-«развиватели», подобные Носовичу из «Жизни Шапова...». На пути молодых героев встречается немало сложных препятствий: им приходится вступать в борьбу с отсталыми от жизни людьми, прожигателями жизни, вроде «выживших из ума старых обносков человечества» («Господа Обносковы»), людьми рутины, фальшивого благощия («Гнилые болота») и т. д.

На страницах романов Шеллера возникает и образ молодого «нигилиста», мечтающего наладить ровные и спокойные отношения с «отцами».

Шеллер часто изображение жизни подчинял умозрительным схемам, отчего его романы и повести (особенно поздние) носили отпечаток надуманности, страдали шаблонностью. Традиционные типы у Шеллера — деспот-крепостник, разлучающий влюбленных дворовых, злодейка бабушка или тетушка, чиновник-взяточник, петербургская кумушка и т. п. Всем им противостоят «безусловно идеальные» герои, сторонники добропорядочного «скромного дела» с отчетливо явленной умеренностью политической программы.

Соч.: Соч.: В 6 т. Пб., 1873—75; Полн. собр. соч.: В 15 т. Пб., 1894—95; Полн. собр. соч.: В 16 т. 2-е изд. СПб., 1904—05.

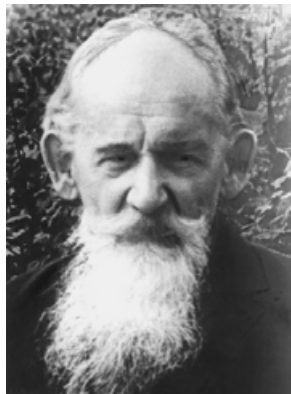
В. П.

«ШЕМЯКИН СУД», памятник древнерусской литературы 2-й пол. XVII в., сатирическая повесть, возникающая на основе народных сказок о судебной тяжбе двух братьев — богача и бедняка. Своеобразие этой повести в том, что ситуацию «праведного» суда она переосмысливает в плане обличения суда «неправедного»: крестьянин-бедняк, невольно совершивший ряд преступлений, хитроумно избавляется от обвинений со стороны брата, попа и горожанина, посулив судье Шемяке взятку (завернутый в платок камень). Написанная живо, с юмором, повесть правдиво воспроизводит порядок и терминологию русского городского судопроизводства XVII в., изобилует бытовыми реалиями. Церковнославянский язык повести обнаруживает интонации народной речи. Повесть пользовалась в XVII—XVIII вв. широкой популярностью — перелагалась стихами, нашла отражение в лубочной картинке. От названия повести ведет начало пословичное выражение «шемякин суд».

Лит.: Русская демократическая сатира XVII в. / Подг. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М.: Л., 1954.

ШЕРГИН Борис Викторович (16[28].07.1893 (по архивным данным; указание самого Шергина на 1896 — мистификация) — 31.10.1973), писатель, поэт.

Отец Шергина, потомственный мореход и корабельный мастер, передал сыну дар рассказчика и страсть ко всякому «художеству»; мать — коренная архангелогородка, познакомившая его с народной поэзией Русского Севера («Маменька мастерица была сказывать... как жемчуг, у нее слово катилось из уст»). В семье Шергин воспринял первые важные уроки взаимоотношений с миром и людьми, трудовой кодекс чести северного русского

народа. С детства постигал нравственный уклад, быт и культуру Поморья: «морское знание» — через увлекательные рассказы друзей отца — именитых корабельных плотников, капитанов, лоцманов, зверобоев-промышленников; песни и сказки — от заостровской крестьянки Н. П. Бугаевой, друга семьи и «домоправительницы Шергиных»; срисовывал орнаменты и заставки старинных книг, учился писать иконы в поморском стиле, расписывал утварь; еще в школьные годы стал собирать и записывать северные народные сказки, *былины*, песни. Учился в Архангельской мужской губернской гимназии (1903—12); окончил Строгановское центральное художественно-промышленное училище (1917).

Серьезный интерес к фольклору пробудило в Шергине знакомство с пинежской сказительницей *М. Д. Кривополоновой*, а также с видными фольклористами братьями *Ю. М. и Б. М. Соколовыми*. В годы учебы в Москве выступал как исполнитель баллад и старин Двинской земли; по приглашению Ю. М. Соколова иллюстрировал своим пением лекции по народной поэзии в Московском университете. В 1916 познакомился с академиком *А. А. Шахматовым*; по его инициативе направлен Академией наук в командировку в Шенкурский у. Архангельской губ. для исследования местных говоров и записи произведений фольклора.

По возвращении в Архангельск (1918) работал как художник-реставратор, заведовал художественной частью ремесленной мастерской, внес вклад в возрождение северных промыслов (в частности, холмогорской техники резьбы по кости), занимался археографической работой (собирая книги «старинного письма», древние лоции, записные тетради шкиперов, альбомы стихов, песенники).

В 1922 окончательно переехал в Москву; работал в Институте детского чтения Наркомпроса, выступал с лекциями о народной культуре Севера с исполнением сказок и былин перед разнообразной, в основном детской, аудиторией. С 1934 — на профессиональной литературной работе.

Первая публикация — очерк «Отходящая красота» о концерте *М. Д. Кривополоновой* (газета «Архангельск», 1915. 21 нояб.). При жизни писателя опубликовано 9 книг (не считая переизданий). В газетах и журналах Шергин помещал статьи литературоведческого и искусствоведческого характера, реже — литературные произведения.

Шергин — сказитель и сказочник сформировался и стал известен раньше, чем Шергин-писатель. Его первую книгу «У Архангельского города, у корабельного пристанища» (1924) составляют сделанные им записи архангельских старин с нотацией мелодий, напетых матерью (и входивших в репертуар выступлений самого Шергина).

Разителен переход от торжественно-печальных старин первого шергинского сборника к грубоватому-озорному юмору «Шиша Московского» (1930) — «скоморошьей эпопеи о проказах над богатыми и сильными». Авантюрные остроумные сюжеты, сочный язык, гротескно-карикатурное изображение представителей социальных верхов связывают плутовской цикл Шергина с поэтикой народной сатиры. «Шিশу Московскому» было суждено стать самой знаменитой книгой писателя: в 1932—33 сказки Шергина в исполнении автора передавались по московскому радио и имели огромный успех у слушателей.

В третьей книге — «Архангельские новеллы» (1936), воссоздающей нравы старомещанского Архангельска, Шергин предстает как тонкий психолог и бытописатель. Новеллы сборника, стилизованные во вкусе популярных

переводных «гисторий» XVII—XVIII вв., посвящены скитаниям в Заморье и «прежестокой» любви персонажей из купеческой среды.

Первые три книги Шергина (оформленные автором собственноручно в «поморском стиле») представляют в полном объеме фольклорный репертуар Архангельского края. Но степень зависимости автора от фольклорного первоисточника с каждой новой книгой все уменьшается, так что непрменная ссылка Шергина на такой источник становится не более чем выражением авторской скромности.

История Поморья, опосредованная в первых трех книгах Шергина через искусство, красноречие, быт, представляется в своем непосредственном виде в следующем его сборнике — «У песенных рек» (1939). Сборник этот включает в себя историко-биографические поморские рассказы, народные толки о вождях революции и замечательных людях страны, легендарно-сказочные их биографии. Несмотря на очевидную подчиненность хвалебных «сказов о вождях» политическому заказу, не они определяют общий художественный уровень сборника, в котором «сила и угодье» шергинского слова достигают подлинно классической высоты. Впервые Поморье так широко и полнозвучно раскрывает свои просторы, душу, историю: детально выписанная панорама Двинской земли, ее богатств и просторов, проникновенный очерк уклада поморской жизни, яркие рассказы о героическом труде поморов. Труд — любимейшая область художественного изображения Шергина. Через труд раскрываются история и душа северного народа, в труде проявляются достоинства и красота отдельной личности.

В книге «У песенных рек» Север России предстает как особый культурно-исторический регион, сыгравший значительную роль в судьбе страны и занимающий неповторимое место в ее культуре. Последующие «изборники» Шергина расширяют и уточняют этот образ.

Вышедшую после войны книгу «Поморщина-корабельщина» (1947) сам Шергин называл своим «репертуарным сборником»: она объединяет произведения, с которыми он выступал в военные годы в госпиталях и воинских частях, клубах и школах. Судьба этого сборника трагична: он был подвергнут вульгарно-социологической переработке и вызвал уничижительную критику со стороны фольклористов как «грубая стилизация и извращение народной поэзии». Имя писателя было дискредитировано, а он сам обречен на десятилетнюю изоляцию от читателя.

Разрушению стены молчания вокруг Шергина способствовал организованный в 1955 творческий вечер писателя в Центральном Доме литераторов, после которого в издательстве «Детская литература» был опубликован сборник «Поморские были и сказания» (1957), а через некоторое время вышел и «взрослый» сборник избранных произведений «Океан — море русское» (1959). Сборник вызвал немало восторженных отзывов; особое внимание рецензентов привлекало словесное мастерство писателя. Заслуженное признание пришло к Шергину после высокой оценки его творчества в статье *Л. М. Леонова* («Известия». 1959. 3 июля).

В 1967 опубликовано наиболее полное прижизненное издание произведений Шергина — сборник «Запечатленная слава».

В творчестве Шергина очень четко выделяются две основные манеры повествования: патетическая и бытовая. Первая используется писателем в описаниях величавой природы Севера и славных деяний его народа, включая в

себя широкий набор позитивно-идеализирующих средств, и связана с традицией древнерусской агиографии и фольклорной эпике. Вторая, свойственная шергинскому очерку нравов и бытовой сказке, явно ориентирована на сказ — фонетическую, лексическую, синтаксическую имитацию устной речи. «Будничный», неприкрашенный характер языку придает использование Шергиным сниженного просторечия и вульгаризмов; широкое заимствование «словесного жемчуга» — диалектных особенностей Русского Севера; обилие метких сравнений (сродни ассоциативности народной речи) и остроумных образных словечек; речевая полифония. В языке произведений Шергина представлены профессиональные словари корабельщиков, мореходов, рыбаков, художников Поморья. В прозе писателя уникальным образом сочетаются высокая литературная традиция (во всем многообразии культурных ассоциаций, которые жили в сознании начитанных поморов на рубеже XIX—XX вв.) и коренное родство с фольклорным, часто открыто манифестированное. По словам *В. И. Белова*, «один Шергин... сумел так удачно, так непринужденно породнить устное слово с книгой».

Своеобразие фольклоризма Шергина состоит в непосредственной ориентации его текстов на народное творчество. Цель художника не в том, чтобы обогатить литературу за счет внеположенного по отношению к ней фольклора, но чтобы явить народную поэзию как оригинальный, неповторимый и бесценный способ видения мира и чело века, способствовать «вокнижению» фольклора. В текстах писателя — обилие цитат из фольклорных текстов (*пословицы, поговорки*, отрывки из былин, причитаний, лирических песен, небывальщин и т. п.). Большинство из них рассчитаны на чтение вслух, и Шергин, знавший всю свою прозу и поэзию наизусть, до последних лет жизни нередко сам исполнял свои произведения. Сказывание было для него не воспроизведением созданного ранее, но самим процессом творчества.

Соч.: Поморские были и сказания. М., 1971; Избранное. М., 1977; Поэтическая память. М., 1978; Запечатленная слава. М., 1983; Повести и рассказы. Л., 1984; Древние памяти. М., 1989; Изящные мастера. М., 1990; Жизнь живая. Из дневников разных лет. М., 1992; Дневники (1942—68) // Москва. 1994. № 4, 5.

Лит.: Галкин Ю. Ф. Борис Шергин. Златая цепь. М., 1982; Горелов А. А. Поморское узорочье // Шергин Б. В., Писахов С. Г. Сказы и сказки. М., 1985; Галимова Е. Ш. Книга о Шергине. Архангельск, 1988.

А. Харитонов

ШЕСТОДНЕВЫ, в христианской средневековой литературе произведения, комментирующие библейский рассказ о сотворении мира за шесть дней. Шестоднев, созданные знаменитыми церковными писателями на рубеже поздней античности и раннего средневековья, представляли собой плод приращения выработанных наукой того времени знаний о мире к вере в Творца. Природу авторы Шестодневов рассматривают как «училище боговедения», учат видеть чудесное в обыкновенном — «великую мудрость, скрытую в вещах самых маловажных» (Василий Великий). В Шестодневах много всякого рода описаний и сведений из области естественного знания, иногда баснословных и наивных знаний, иногда очень точных и остроумных, а порой и весьма поэтических. Это и разные теории о форме Земли (причем сами авторы не сомневаются в ее шарообразности и считают языческой ложью учение о плоской или какой-либо иной форме Земли), и объяснение астрономических и атмосферных явлений, описа-

ние устройства колосьев, виноградной лозы или лилии, и объяснение происхождения янтаря, и классификация пород рыб и пресмыкающихся и т. д. Хотя Шестодневы стараются объяснить природные явления и объекты с точки зрения современного им естествознания, это философско-богословские, экзегетические, а не естественно-научные сочинения. Авторы Шестодневов стараются удивление, которое неизбежно вызывает мир и каждое из его явлений, направить к библейскому рассказу о шести днях творения, обратить это удивление в хвалу «великому Чудотворцу и Художнику», Творцу мира.

Первый из Шестодневов был создан епископом Кесарии Каппадокийской Василием Великим (329—379). Все остальные Шестодневы так или иначе от него зависят. Василий, широко образованный человек и блестящий стилист, учившийся риторике в Константинополе у Ливания, а философии в Афинах, написал свой Шестоднев в форме одиннадцати разговорно-свободных по форме бесед о творении мира вообще, о первоначальной неустроенной Земле, о тверди, о собрании вод, о произведениях Земли; о небесных светилах, о пресмыкающихся, о птицах, о животных и, наконец — о человеке. Будучи через компиляции в основном знаком древнерусскому читателю, этот Шестоднев был полностью переведен на славянский язык лишь в 1665 *Епифанием Славинецким*.

Следующим по времени создания Шестодневом, ставшим известным славянам, был Шестоднев Севериана, епископа Гавальского (последняя треть V в.). Шестоднев Севериана состоит из семи слов-бесед — по беседе на каждый день творения (в седьмой, соответствующий седьмому дню, речь идет о грехопадении) — и представляет собой переделку Шестоднева Василия Великого, уступая, однако, ему и по стилю и по глубине мысли. Переведен этот Шестоднев был в Болгарии, отрывки из него встречаются в сборниках сер. XIV в., древнейшие же полные списки, русские по происхождению, относятся к XV в.

Несколько особняком от Шестоднева Василия Великого и Севериана Гавальского стоит Шестоднев византийского автора VII в. Георгия Писидийского, написанный по-гречески в стихах. Переведен «на русский язык» его Шестоднев был в 1385 неким Дмитрием Зографом, что следует из приписки к переводу, где указано имя переводчика, дата работы и то, что он перевел именно на «русский язык», хотя перевод его не отличается от переводов, сделанных в то время на Балканах. В переводе поэма Георгия Писиды получила заглавие «Похвала к Богу о сотворении всея твари». По своему основному пафосу произведение действительно является хвалой Творцу со стороны восхищенного автора. От неутолимого желания «уведати» Бога автор начинает «щипати словом винограда мудрых твоих созданий». Он восхищенно и поэтично говорит о мире: о небе, бесконечном и постоянном в своем движении, о земле, каковая представляется ему чем-то вроде точки, окруженной бездной, об ангелах, которые, как и небо, «стоаше, летают и, утвержени (остановившись, застыв) текуть», о воздухе, «восхитить» который не сможет ни богатый, ни сильный, о солнце, этом «всепитательном огне», о «малой лунной свече», сияющей «от огнезарного света солнечнаго», о четырех стихиях, о четырех временах года и т. д. Георгий Писиды говорит также о человеческом естестве и бытии, о растениях, зверях и птицах. В качестве источников для своего произведения Георгий Писиды использовал Священное Писание, труды отцов Церкви и знаменитых богословов — Дионисия

Ареопагита, Василия Великого, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста и др., а также античных языческих писателей: Аристотеля, Плутарха, Овидия, Платона, Анакреонта, Плиния... Переведена «Похвала Богу» ритмизованной прозой. Старшие русские списки датируются XV в. В XVI в. этот Шестоднев был включен в *Великие Минеи Четьи*.

Самым значительным из известных в южнославянских странах и на Руси был Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского (2-я пол. IX в. — 1-я треть X в.) — одно из ранних произведений славянской литературы. Этот Шестоднев состоит из пролога и шести «слов», представляя собой перевод-компиляцию Шестоднева Василия Великого, Северина Гавальского, различных сочинений Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Феодорита Кирского, а также Аристотеля, Парменида, Демокрита, Диогена, Фалеса, Платона и др. языческих философов. В Прологе говорит о своей работе, что он не сам сочинил эти шесть «слов», а заимствовал по смыслу или буквально у разных писателей, гл. обр. «от Ексамера (Шестоднева. — *Г. П.*) святого Василия»; что ему приходилось когда-либо читать, то он и соединил, а недостающее дополнил своими словами: словно, говорит он, бревенчатый дом с мраморным полом, построенный из чужого материала, он открыл единственно имевшейся в его распоряжении соломы. В этом прологе и в предисловии к шестому «слову», тоже написанном самим компилятором, прекрасно выражен основной пафос этого и вообще всех Шестодневов — изумление природой и устройством человеческого организма; здесь содержится также описание княжеского двора, в котором видят двор болгарского царя Симеона. Предполагают, что вместе с ним Иоанн Экзарх учился в Византии, этому царю, большому любителю литературы и покровителю просвещения, Иоанн и посвятил свой Шестоднев. Для славян Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского долгое время являлся едва ли не главным источником сведений, своего рода энциклопедией по естествознанию. Древнейший сохранившийся список — сербский (1263), старшие русские списки относятся к XV в. Но влияние Шестоднева Иоанна на русскую литературу усматривают уже с XI в. К нему, в частности, возводят некоторые мотивы в «*Поучении Владимира Мономаха*: восхищение мирозданием, мысли, что каждый должен быть доволен своим делом и что леность — мать всякому злу. Возможно влияние Шестоднева на художественный метод описания Русской земли в «*Слове о погибели Русской земли*». В XVII в. Шестоднев Иоанна Экзарха использовал в своих сочинениях протопоп *Авакум*.

Г. Прохоров

ШИПИЛОВ Николай Александрович (р. 1.12.1946), поэт, прозаик, публицист. Вырос после гибели родителей в семье друга отца. Окончил школу рабочей молодежи, учился в Новосибирском авиационном техникуме, работал плотником-бетонщиком, штукатуром, монтером связи, артистом Новосибирского театра оперетты. В сер. 60-х опубликовал первые стихи в областной молодежной газете. Писал сценарии для телевидения, работал ассистентом режиссера, телевизионным режиссером, радиокорреспондентом.

В 1982 в журнале «Литературная учеба» был опубликован цикл его рассказов, обративший на себя серьезное

внимание читателей и литературных критиков, а в 1983 в Москве вышла первая книга прозы «Ночное зрение».

Мир рассказов и повестей Шипилова — мир провинциальных предместий, рабочих окраин, вымирающих сел. Его герои — любящие друг друга, спорящие, выясняющие свои взаимоотношения — неотделимы от окружающего пейзажа, полностью вписаны в атмосферу микровселенной, знакомство с которой порождает щемящее чувство от скорого ее конца. И в то же время это ощущение не перерастает в безнадежность — чувство породненности, казалось бы, невозможное при знакомстве с персонажами породы «перекати-поле», «вечными скитальцами» — не дает впасть в уныние при осмыслении их судьбы.

Шипилов известен также как автор многих замечательных песен и лирических баллад. Наибольшую известность получили песни «После бала», «Пехота», «Баллада о брате», «Дурак и дурнушка». В его стихотворениях и песнях осмысливаются полнота и противоречия человеческой жизни через «магический кристалл» зрения «простого человека», «простота» которого столь же сложна и многомерна, как и «простота» окружающего его мира. Лирика органически соединена с драмой и трагедией переживания разлома и распада жизни в любимой России. «И отгладив сухою ладонью / Гриф гитары, пою я с трудом: / Мы великой России одонья, / Промотавшие Бога и дом. / И пожарищ огнем налитая, / Ты на шею мне кинешься: “Ах!” / Золотая моя, золотая, / Видно наши давно в небесах». Шипилов — автор поэмы «Прощайте, дворяне», где картины запустения современной России соседствуют с изображением народного восстания окт. 1993.

Соч.: Ночное зрение. М., 1983; Пятый ассистент. М., 1986; Шарабан. М., 1987.

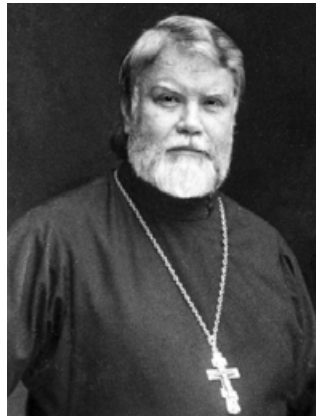
С. Куняев

ШИПОВ Николай Николаевич (1866—после 1917), доктор медицины, педагог, публицист. Из дворян. Сын генерал-адъютанта. В 1911—12 преподавал гигиену в гимназии Русского собрания (РС). Часто выступал с докладами на общих и специальных собраниях РС. В нояб. 1907 сделал доклад на тему «Алкоголизм и революция», вызвавший немало откликов, 8 февр. 1908 выступал с докладом «Россия и Англия: Православный царь и король в парламенте». В пятничных беседах в РС в 1911 прочитал доклады «О валюте» (30 нояб.), «Власть капитала. Евреи. Жидомасоны» (7 дек.), «Власть Самодержавного Царя как основа экономического возрождения России» (21 дек.); в 1912: «Государственный Банк как главный двигатель денежного обращения и кредита» (19 янв.), «Власть Самодержавного царя как основа финансового благополучия России» (15 февр.). В 1915 читал доклады в РС, посвященные еврейскому вопросу: 28 окт. 1915 «Сокровенная тайна древних евреев», 11 нояб. «Крестная смерть Иисуса Христа и дальнейшая судьба еврейства». О судьбе Шипова после революции сведений нет.

Соч.: О материнском инстинкте. Смоленск, 1902; Алкоголизм и революция. СПб., 1908; Россия и Англия. (Православный царь и король в парламенте). СПб., 1908; Власть Самодержавного царя как основа финансового благополучия России. Пг., 1913; Нужны ли славянофилы для разрешения славянского вопроса? Доклад, читанный в Русском собрании 10 окт. 1914. Пг., 1915; Болгария в далеком прошлом. Пг., 1916.

А. С.

ШИПОВ Ярослав Алексеевич (р. 16.01.1947), священник, писатель и общественный деятель. Закончил Литературный институт в Москве. Работал в журналах «Литературная учеба», «Наш современник», в издательстве «Современник». В возрасте 44 лет стал священником. Поднимал приходы в Вологодской обл.

О. Ярослав автор рассказов и повестей «Путешествие на линию фронта» (1981), «Шел третий день» (1984), «Западная окраина» (1986), «Уездный чудотворец» и др. В к. 90-х состоял в редакционной коллегии журнала «Наш современник».

ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ Платон Александрович, князь (18[29].11.1790—5[17].05.1853), поэт. Родился в с. Дерново Вяземского у. Смоленской губ. После окончания Морского кадетского корпуса (1807) служил в военном министерстве. В 1850 стал министром просвещения, проявил себя патриотом, стремящимся оградить учащуюся молодежь от влияния мракобесных идей Запада. Для стихов Ширинского-Шихматова характерны религиозно-мистические мотивы (особенно циклы «Опыты духовных стихотворений», 1825) и твердая православно-монархическая ориентация. Автор ряда патриотических стихотворений: «Ода на кончину князя Кутузова-Смоленского» (1829), «Ода на мир, заключенный в 1829 году с Оттоманскою Портою» (1830), «Военная песнь Россиян» (1840). В 1828 Ширинский-Шихматов стал членом Петербургской АН. Как председатель Отделения русского языка и словесности принимал участие в издании «Словаря церковно-славянского и русского языка». Был также председателем Петербургской археографической комиссии.

Лит.: Елагин Н. В. Очерк жизни кн. П. А. Ширинского-Шихматова. СПб., 1855; *Роздественский* С. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. СПб., 1902.

Л. Л.

ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ Сергей Александрович (1783—7[19].06.1837), поэт. Родился в с. Дерново Смоленской губ. Первоначальное образование получил дома, где обучался русскому, французскому, немецкому языкам. Набожные родители приучили его с детства участвовать в церковных службах; он рано познакомился со славянским языком и полюбил его. С 1795 по 1800 учился в Морском кадетском корпусе, затем получил назначение в Морской ученый комитет при Адмиралтействе, председателем которого был А. С. Шишков. В звании мичмана плавал по Балтийскому, Северному и Немецкому морям. В 1804 Ширинский-Шихматов получил чин поручика и был назначен воспитателем Морского кадетского корпуса, где прослужил до 1827. Его воспитанники Д. И. Завалишин и бр. А. П. и Б. П. Беляевы вспоминали впоследствии его ученость и доброту; он никогда не прибегал к телесным наказаниям. В 1827 Ширинский-Шихматов выходит в отставку, освобождает своих крестьян от крепостной зависимости, превратив их в вольных (свободных) хлебопашцев, и отправ-

ляется путешествовать во старинным монастырям России. С 1828 поселяется в Новгородском Юрьевском монастыре, где в марте 1830 принимает пострижение под именем Аникиты и вскоре становится иеромонахом. К этому времени относится его сближение с архим. Фотиим. В 1834—36 он путешествует по святым местам. Он побывал в Иерусалиме, Константинополе и на Афоне. В апр. 1836 стал архимандритом при Русской посольской церкви в Афинах, где и скончался.

Первым опубликованным произведением Ширинского-Шихматова был перевод с английского «Опыта о критике» А. Попа (1806). В 1807 публикует оригинальное произведение — поэму «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия». Затем выходят «Песнь российскому слову» (1809), «Петр Великий. Лирическое песнопение» (1810), «Ночь на гробах, подражание Юнгу» (1812), «Песнь Россу» (1812), принесшие ему известность и почет. Он избирается членом Российской Академии в 1809. С 1812 ему назначается царем пенсия в 1500 руб. за то, что, по словам соответствующего высочайшего указа, он «трудами и прилежанием к наукам, усовершенствовав природные дарования к стихотворству, обратил оные в сочинениях своих на пользу словесности и благонравия». В 1811 — член «*Беседы любителей русского слова*». Творчество Ширинского-Шихматова развивалось под сильным влиянием А. С. Шишкова. Он широко использовал в своих произведениях славянизмы и архаизмы. В 10—20-е в его творчестве усилились религиозные мотивы («Иисус в Ветхом и Новом завете, или Ночи у креста», 1824 и др.).

ШИРЯЕВ Борис Николаевич (27.10[7.11].1889—17.04.1959), писатель, публицист. Родился в Москве. Происходил из семьи крупного помещика. Закончил историко-филологический факультет Московского университета, учился в Геттингенском университете (Германия), потом окончил в России Военную академию. Участник первой мировой войны; дослужился до звания штабс-капитана. В 1917—20 несколько раз арестовывался большевиками, был приговорен к расстрелу. В 1922 смертная казнь была заменена на 10 лет заключения в недавно созданном в Соловецком монастыре концентрационном лагере. Здесь наряду с каторжными работами участвовал в лагерном театре и журнале «Соловецкие острова», где в 1925—26 опубликовал повесть «1237 строк» и несколько стихотворений: «Соловки», «Диалектика сегодня», «Туркестанские стихи» и др. Вместе с В. Н. Глубоковским (писателем, актером, узником Соловков) Ширяев собирал и записывал лагерный фольклор, который был издан отдельным сборником тиражом 2000 экз.

В 1929 заключение было заменено ссылкой на 3 года в Ср. Азию, где Ширяев работал журналистом. По возвращении в 1932 в Москву Ширяев был снова арестован и сослан на 3 года в свободу Россось (Воронежская обл.). Затем вплоть до 1942 жил в Ставрополе и Черкесске, преподавал русский язык и литературу в педагогическом институте. Во время Великой Отечественной войны был редактором ставропольской газеты «Утро Кавказа», во время отступления гитлеровских войск попал через Берлин в Белград, где издавал газету для казачьих отрядов. В февр. 1945 Ширяев выезжает в Италию и основывает там новый русский печатный орган. Здесь он остался после окончания войны, оказавшись на некоторое время в лагере для перемещенных лиц («Ди-Пи»). Он пишет прозу и литературоведческие статьи, публикуется в журналах «Возрождение» и «Грани». «Ширяев не получил религиозного воспи-

тания, но на Соловках он открыл для себя христианскую веру, а в Италии пришел к католической церкви» (*Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года*. Лондон, 1988).

Первые 3 книги Ширяева — «Ди-Пи в Италии» (1952), «Я человек русский» (1953) и «Светильники Русской Земли» (1953) вышли в Буэнос-Айресе, где жил его единомышленник и «сосиделец» по Соловкам *И. Л. Солоневич*; теория «Народной монархии» Солоневича вдохновляла и Ширяева. В статье «Тропинки и путь» Ширяев писал: «Идея Российской Народной Монархии — не “экспортный товар”. Она выношена всей жизнью многоплеменной русской нации, и я не представляю себе ни одного другого народа, способного воспринять и хотя бы частично реализовать ее. Для этого нужно иметь Дух Российской Нации: ее религию, ее историю, ее величие, ее падение, ее скорби, ее радости — ее трагический величавый путь во времени и пространстве» («Наша страна» [Буэнос-Айрес]. 1951. 9 февр.).

Наиболее известное произведение Ширяева — «Неугасимая лампада» — одно из первых художественно-исторических описаний трагедии Соловков 20-х. Автор обозначил время и место работы над книгой: Соловки, 1925 — Капри, 1950. Она была издана в 1954 в Нью-Йорке, а к российскому читателю пришла в 1991. Творческий замысел в «Неугасимой лампаде» на протяжении четверти века претерпел существенное изменение. Во время работы на Соловках и в Ср. Азии мысль автора была сосредоточена на безмерных мучениях человека-узника, на проблеме зла («Я писал тогда о слезах и крови, страдании и смерти. Только о них»). Позднее, уже после второй мировой войны, всматриваясь в ушедшее, писатель открывал для себя в прошлом новые глубины духовной жизни: «Давняя несказанная прелесть преображенного Китажа засияла из рассеянной пелены кровавого и смрадного тумана, ибо дух свободен и вечен».

«Неугасимая лампада» состоит из серии рассказов о наиболее ярких событиях и встречах автора на Соловецкой каторге. Страшна окружающая действительность, но Ширяев показывает людей — реальных лиц из разных сословий (напр., «фрейлину трех императриц» и др.), противостоящих тотальному насилию, сохраняющих веру и совершающих подвиг служения страдающим ближним. В книге нераздельно сливается реальное и легендарное. Ширяев использует соловецкие легенды, которые, по его мнению, «несут свою правду, не фактическую, а внутреннюю, как в апокрифе»; а услышанные Ширяевым устные рассказы открывают красоту и богатства родного языка. Легенда об «Уренском царстве», написанная в форме сказа, которым блестяще владел автор, повествует о судьбе простого костромского крестьянина, в годы революционного лихолетья избранного местными жителями царем и до конца пронесшего мученический венец этого избрания. Завершает книгу описание трагедии 1945 в Линце (Австрия), где союзники выдали органам СМЕРШа русских казаков и членов др. воинских антикоммунистических формирований. Повествование Ширяева посвящено художнику М. В. Нестерову, сказавшему автору перед его отправкой на Соловки: «Не бойтесь Соловков. Там Христос близко». Религиозная идея отразилась в концепции книги, в названиях отдельных частей. «С образом Неугасимой лампады связан у автора образ Китежской Руси, то есть Руси потаенной, ушедшей в глубину, по которой суждено воскреснуть и воспрянуть. А пока она проявляется во всем, где есть крест и страдание» (Г. Русский).

Ширяевым также написаны повести «Последний багрян» (1954), «Ванька-Вьюга» (1955) (о дореволюционной

России), «Овечья лужа» (1952) и во многом автобиографический роман «Кудеяров дуб» (1958), в котором поднимается большая проблема судьбы русского патриота, ради пользы своего народа готового сотрудничать с немцами. Исследование Ширяева «Религиозные мотивы в русской поэзии» издано уже после смерти автора.

Соч.: Ди-Пи в Италии. Буэнос-Айрес, 1952; Я человек русский! Буэнос-Айрес, 1953; Светильники Русской Земли. Буэнос-Айрес, 1953; Неугасимая лампада. М., 1991; Современная российская интеллигенция: Статья. Мюнхен; 1955; Кудеяров дуб. Франкфурт н/М., 1958; Религиозные мотивы в русской поэзии. Брюссель, 1960.

Лит.: Савельев П. (Казанцев Ю.). Писатель-монархист // Наша страна (Буэнос-Айрес). 1989. 4 нояб.; Русский Г. Правда и легенда соловещка // Ширяев Б. Неугасимая лампада. М., 1991; Беляев С. А. Предисловие // Там же; Ланков Е. Встречи с Борисом Ширяевым // Наша страна. 1994. 21 мая.

П. Паламарчук, А. Филатова

ШИРЯЕВЦ (Абрамов) Александр Васильевич (2[14].04.1887—15.05.1924), поэт. Родился в с. Ширяево-Буерак Сызранского у. Симбирской губ. в семье бывшего дворового-крепостного. Учился в земской школе с. Бинарад-ка Самарской губ., закончил церковно-приходскую школу в с. Ширяево. Проучившись 2 года в Самарском городском училище, будущий поэт вынужден был оставить после смерти отца учебу за отсутствием средств к существованию. В 1905—22 почтовый чиновник в Средней Азии.

Первые стихи и рассказы Ширяевца появились на страницах ташкентских газет и журнала «Туркестанский курьер».

Уже в ранних стихах, преодолев влияние символистов, поэт обращается к народно-песенной традиции. Восточные мотивы («Пески», «Голодная степь») выдержаны в напряженно-сдержанном тоне, и если этим стихотворениям свойственна созерцательная отстраненность, то стихи, посвященные родному Ширяеву и Волге, исполнены в плясовом ритме, здесь проявился безудержный темперамент поэта, лихость, «разинщина» и «кудеяровщина». В 1912 начинается переписка Ширяевца с Н. Клюевым, который оказал огромное воздействие на поэта своими стихами и письмами.

Стихи Ширяевца произвели сильное впечатление и на С. Есенина, который писал ему: «Извините за откровенность, но я вас полюбил с первого же мной прочитанного стихотворения... Вы там вдалеке так сказочны и прекрасны». Ширяевец, еще не будучи лично знакомым с Клюевым, Есениным, Клычковым и П. Карповым, органически вошел в «крестьянскую кузницу», духовным лидером которой был Клюев. В 1915—17 выходят 4 книги поэта: «Богатырь», «Запелка», «О музыке и любви», «Алые маки». В этих книгах буйствует сказочная, природная русская стихия («Есть ли что чудесней / Жигулей хребтов! / А какие песни с барок и клетов! / А какие сказы ходят с гольтьбой! / Услыхал и сразу / Закипел гульбой!.. / С озорной волною / В эту синь и ширь! / Добывал бы с бою / Новую Сибирь...»). Взгляд поэта устремляется и во времена Золотой Орды, и еще дальше — к эпохе половцев набегов на Русь и походам русских князей

в Великую Степь («Не одна Ярославна заплачет! / Пьет Каяла багряную муть — / Захлебнулась! А птицы маячат — / Жадным клювом бойцов полоснуть...»). Когда В. Ходасевич упрекнул Ширяевца в том, что в своих песнях поэт воспевает народ, которого «скоро не будет», и советовал ему: «...Быт наших стихов уже почти кончен, возврата к нему не будет. Прощайтесь-ка с ним — да и в дорогу!», — Ширяевец ответил ему письмом, которое можно оценить как своеобразный творческий манифест поэта: «И что прекраснее: прежний Чурила в шелковых лапоточках с припевками да присказками, или нынешнего дня Чурила, в американских шиблетах, с Карлом Марксом или «Летопись» в руках, захлебывающийся от открывающихся там истин?! Ей-богу, прежний мне милее!.. Ведь не так-то легко расстаться с тем, чем жили мы несколько веков! Да и как не уйти в старину от нынешней неразберихи, ого всех этих истерических воплей, называемых торжественно «лозунгами»... Может быть, чушь несу я страшную, это все потому, что не люблю я современности окаянной, уничтожившей сказку, а без сказки какое житье на свете!..» И в последний год жизни Ширяевец подтвердил своими стихами, что эти слова — не декларация, а жизненная, духовная, творческая суть поэта: «Никогда старина не загаснет: / Слишком русское сердце мое.. / Позабуду ли песни на Клязьме! / Как я мчался с тяжелым копьём... / Вечные приборные клики! / Ветер Волхова вздул паруса! / То палач я, то нищий калика / То с булатом в разбойных лесах... / Не припомню, какого я роду, / Своего я не помню села... / Ускакал я в бывалые годы, / Старь родная меня занесла».

В 1917 он писал: «Я жду, что скажет не фабричная, считающаяся только с Карлом Марксом Русь, а Русь деревенская, земледельческая, и заранее отдаю ей мои симпатии, ибо только в ней живая сила». В 1922 Ширяевец приезжает в Москву, где сталкивается с явным неприятием его творчества еврейскими большевиками. Цензура не пропускает в печать его лиро-эпическую поэму «Мужикослов», а сам он, вступивший сначала в группу пролетарских поэтов «Кузница», исключается из нее в результате ощущаемого явного творческого несоответствия декларациям группы и стихотворным упражнениям ее членов. «Я сын крестьянской полевои Руси, а не той, которая проповедуется в сферах», — отчеканил поэт в письме к П. Я. Заволокину. После долгих мытарств, наконец, вышла в Москве последняя книга стихов Ширяевца «Раздолье».

Соч.: Волжские песни. М., 1928; Песнь о Волге. Куйбышев, 1980; Стихотворения и поэмы. Ставрополь, 1992 (в кассете «Потаенный сад / Новокрестьянские поэты»).

С. Куняев

ШИШКОВ Александр Ардалионович (1799—27.09[9.10]. 1832), поэт. Родился в дворянской семье. Племянник А. С. Шишкова, в доме которого получил воспитание и образование. По общественно-литературным позициям был близок к А. С. Пушкину. Поэзия Шишкова находилась в русле романтических исканий 1820-х. Его стихи известны гл. обр. по изданию «Сочинения и переводы капитана А. А. Шишкова» (ч. 1—4, 1834—35), предпринятому по инициативе Пушкина. Неоконченный роман Шишкова «Кетевана, или Грузия в 1812 году» рисует предысторию восстания крестьян в Кахетии. Переводы Шишкова объединены в книгу «Объединенный немецкий театр» (т. 1—4, 1831).

Соч.: Восточная лютня, М., 1824; Опыты. М., 1828; Стихотворения // Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1—2. Л., 1972.

А. А.

ШИШКОВ Александр Семенович (9[20].03.1754—9[21].04.1841), государственный и общественный деятель, адмирал. Поэт и филолог, сыгравший важную роль в становлении русского литературного языка. Род Шишковых вел начало

от Микулы (Николая) Васильевича, по прозванию Шишко, правнука Юрия Лозинича, который прибыл из западнорусских земель на службу к вел. кн. Тверскому Ивану Михайловичу в 1425. Шишков родился в семье инженера-поручика С. Я. Шишкова. Формирование мировоззрения Шишкова происходило в условиях патриархальной русской семьи, под влиянием чтения традиционной православной литературы:

«Псалтыри», «Часослова», «*Четы-Миней*». Образование Шишков получил в Морском кадетском корпусе в Петербурге, будучи одним из лучших учеников. В корпусе Шишков изучил специальные науки, относящиеся к морскому делу, словесность, генеалогию, риторике, иностранные языки, познакомился с произведениями *М. В. Ломоносова*, *А. П. Сумарокова*, *Г. Р. Державина* и др. писателей-классицистов XVIII в., оставшись на всю жизнь их почитателем и подражателем. В 1771 вышел в гардемарины, а в 1772 окончил корпус в звании мичмана. В 1776 на фрегате «Северный Орел» совершил путешествие, длившееся 3 года. Шишков побывал в Италии, Греции и Турции. По возвращении Шишков был произведен в лейтенанты и с 1779 преподавал в морском кадетском корпусе морскую тактику, одновременно занимаясь литературной деятельностью, гл. обр. переводами (напр., французской мелодрамы «Благодеяния приобретают сердца»), составил 3-язычный англо-французско-русский морской словарь. Собственная литературная деятельность Шишкова началась с сочинения пьесы «Невольничество» (1780), в которой прославлялась *Екатерина II*, выкупившая за большую сумму из рабства у алжирских мусульман христианских невольников. Перевод с немецкого «Детской библиотеки» И. Г. Кампе, состоявшей из нравоучительных стихов и рассказов для детей, принес Шишкову всероссийскую известность, выдержав не одно переиздание, вплоть до 1830-х. По ней обучали дворянских детей грамоте. В книге были стихи и рассказы самого Шишкова. Кроме того, в дальнейшем Шишков писал торжественные оды, посвящения великим деятелям екатерининской и павловской эпохи, стихи в альбомы.

Литературные занятия Шишкова были прерваны русско-шведской войной 1788—90, в которой он командовал фрегатом «Николай» в чине капитана 1-го ранга. За участие в войне Шишков получил золотую саблю с надписью «за храбрость» и золотую, осыпанную бриллиантами, табакерку. В 1793 Шишков преподнес вел. кн. Павлу Петровичу перевод с французского «Морской тактики», снискав тем самым в дальнейшем его расположение. Вскоре после этого Шишков принял должность правителя канцелярии по морской части при кн. Зубове. По вступлении на престол в 1796 имп. Павел I произвел Шишкова в капитаны 1-го ранга, пожаловал 250 душ в Кашинском у., а после коронации назначил его в эскадр-майоры при своей особе, а затем в генерал-адъютанты. По поручению императора Шишков был отправлен в Вену для вербовки на русскую службу голландских офицеров и матро-

сов. По не зависящим от него обстоятельствам Шишков не мог исполнить этого приказа и испросил разрешения Павла I на поездку в Карлсбад. Отпуск он получил, но с условием, что будет следить и доносить за находящимися в Карлсбаде русскими сановниками (Зубовым, Орловым, Разумовским), что возмущало и тяготило Шишкова. По возвращении в Россию Шишкова постигла опала за то, что он, будучи на дежурстве, задремал и не заметил, как мимо него прошел Император. Он был удален от двора, но вскоре после этого был уже назначен членом адмиралтейств-коллегии, произведен в вице-адмиралы и пожалован орденом св. Анны I степени.

Воцарение на престол Александра I Шишков приветствовал радостной одой, однако вскоре был глубоко разочарован либеральным и западничским курсом нового императора. Виновниками этого Шишков считал воспитателя царя Ф.-Ц. Лагарпа и членов «Негласного комитета» — «якобинскую шайку». Последних он обвинял в неопытности, отсутствии знаний отечественных традиций, законов и обрядов, в неразумном следовании за «духом времени». По мнению Шишкова, «Молодые друзья» императора были проникнуты новыми понятиями, возникшими из хаоса «чудовишной французской революции». К учреждению министерств, в которых ключевые посты получила «якобинская шайка», Шишков отнесся отрицательно так же, как и к реформам, разработанным либеральным реформатором М. М. Сперанским. Ссора с влиятельным морским министром П. В. Чичаговым, которого Шишков обвинил в антипатриотизме, привела к новой опале. По удалении от двора Шишков всецело посвятил себя научной и литературной деятельности. Избранный в 1796 членом Российской академии Шишков погрузился в изучение *русско-го языка и истории*.

В этот период своей жизни Шишков заявил о себе как о ведущем идеологе русских патриотических кругов. В наиболее полном виде его взгляды были изложены в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803). В «Рассуждении» Шишков резко выступил против тех, кто, по его словам, «заражен неисцелимою и лишающею всякого рассудка страстию к Французскому языку». К таковым им причислялись не только литераторы сентименталистского направления, главой которых тогда был *Н. М. Карамзин* и которые задалась целью усвоить западную словесность, по преимуществу французскую, создав в литературе сентиментальный «новый слог», но и значительная часть русского высшего дворянского общества, которая была полностью или частично сориентирована на французские культурно-поведенческие модели.

Галломания являлась тяжелой духовной болезнью, поразившей русское общество. Шишков писал: «Они (французы. — *Ред.*) учат нас всему: как одеваться, как ходить, как стоять, как петь, как говорить, как кланяться, и даже как сморкать и кашлять. Мы без знания языка их почитаем себя невеждами и дураками. Пишем друг к другу по-французски. Благородные девицы стыдятся спеть Русскую песню». Все это представлялось Шишкову чрезвычайно опасным для самой будущности русского государства и народа, поскольку: «ненавидеть свое и любить чужое почитается ныне достоинством». Все это явилось следствием вытеснения или полного отсутствия национального воспитания. «Начало оно (крайнего ослепления и заблуждения нашего). — *Ред.*) происходит от образа воспитания: ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французоз, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и поня-

тий, говорят языком их свободнее нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оно, но еще многие из них сим постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством, хвастают и величаются». Подобное положение совершенно недопустимо, ибо означает, что французы, по сути дела, завладели Россией без единого выстрела и господствуют над ней. Возникло своего рода моральное рабство, которое по своим последствиям хуже физического порабощения, все же оставляющего надежду на грядущее освобождение: «Народ, который все перенимает у другого народа, его воспитанию, его одежде, его обычаям наследует, такой народ уничтожает себя и теряет собственное свое достоинство; он не смеет быть господином, он рабствует, он носит оковы его, и оковы тем крепчайшие, что не гнушаются ими, но почитает их своим украшением».

Процессы всеобщей деградации, «растления», «заразы», по Шишкову, начались прежде всего в результате массового наплыва галлицизмов в русский язык и заимствования чужих обычаев. Все это расценивалось Шишковым как своего рода подрывная акция со стороны сознательных и бессознательных врагов России. Для национально ориентированных русских мыслителей фундаментальным началом народного воспитания был язык. Именно поэтому «Рассуждение» являлось не только филологическим трактатом, но и политическим манифестом.

Согласно Шишкову, заимствования из современных французских книг были недопустимы, ибо «нигде столько нет ложных, соблазнительных, суемудрых, вредных и заразительных умствований, как во французских книгах». Причины подобного отношения Шишкова к французской литературе и французам определялись полным неприятием идей Просвещения и кровавым опытом Французской революции, реализовавшей эти идеи. Оно носило идейный, консервативно-охранительный характер и было обусловлено стремлением противопоставить «просвещенскому проекту» собственную национальную русско-православную традицию, ядром которой выступал язык. При этом язык выступал в понимании Шишкова как субстанция народности, квинтэссенция национального самосознания и культуры.

Пафос критики Шишкова определялся его общей установкой, согласно которой современный ему русский язык должен формироваться прежде всего на собственной традиционной основе, ядром которой выступал церковнославянский язык, а также язык русских летописей, древнерусских литературных произведений и грамот. Согласно Шишкову, русский язык, через церковнославянский, является прямым «наследником» античной языческой греческой древности и христианско-православной Византии. Противники Шишкова приписывали ему мысль о полной недопустимости каких-либо заимствований из др. языков. На деле он не отвергал в принципе самой возможности языковых влияний. Его взгляды на эту проблему выражались следующей формулой: «кто желает действительную пользу приносить языку своему, тот всякого рода чужестранные слова не иначе употреблять должен, как по самой необходимой нужде, не предпочитая их никогда Российским названиям там, где как чужое, так и свое название с равной ясностью употреблены быть могут».

Недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам и отказа от собственных традиций, необходимость опоры на собственные традиции — языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые (например, в одежде, еде, повседневных поведенческих стереотипах), изучения русского языка во всех его ипостасях (любопытно, что Шишков, при всей своей привержен-

ности «высокому стилю» церковнославянского языка, одним из первых начал собирать народные песни, видя в них потенциальный источник для литературного языка), патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии, борьба с галломанией и космополитизмом («граждан света» Шишков причислял к «роду животных», «извергов», по его словам, космополиту «один ад стал бы... рукоплескать») — таковы основные составляющие национализма в православно-патриотической трактовке, данной Шишковым.

Представляется, что именно Шишков одним из первых в русской национальной мысли высказал убеждение в необходимости если не тождества, то максимально возможного сближения церковной и светской культурных традиций (в т. ч. и языковых), в необходимости опоры культуры на Священное Писание. Подобное убеждение стало, в конечном итоге, одной из магистральных линий русской консервативной мысли.

С 1805 издаются «Сочинения и переводы», где Шишков, наряду с оригинальными и переводными произведениями, поместил свой перевод «Слова о полку Игореве» с обширными комментариями. С февр. 1807 по инициативе Шишкова стали собираться литературные вечера, которые с 1810 стали публичными и получили название «Беседы любителей русского слова», где, по свидетельствам современников, обсуждались не только вопросы литературы, но и общественно-политические проблемы, волновавшие тогда всю мыслящую Россию. Среди них были Г. Р. Державин, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, А. С. Хвостов и др. Практически все члены общества были сторонниками самобытности русской культуры. Деятельность «Беседы» продолжалась до 1816, не ограничиваясь лишь вопросами и проблемами культуры. Целью «Беседы» было укрепление в русском обществе патриотического чувства при помощи языка и словесности. «Беседа» издавала собственные «Чтения в Беседе любителей русского слова», где публиковались в основном сочинения Шишкова, такие как «Рассуждения о красотах Святого Писания», «Разговоры о словесности» и «Прибавление к разговорам».

В 1811 была написана работа Шишкова «Рассуждение о любви к Отечеству». В ней Шишков вновь резко критиковал галломанию и космополитизм русского общества. На сей раз взгляды Шишкова оказались востребованы высшей властью и обществом. «Рассуждение» обратило на Шишкова внимание Александра I. 9 апр. 1812 Шишков был назначен на пост государственного секретаря, вместо М. М. Сперанского, которого постигла опала. На этом посту Шишков должен был находиться при Императоре в качестве личного секретаря для составления манифестов, указов и др. бумаг канцелярии Александра.

Манифесты, написанные Шишковым, зачитывались по всей России. Фактически он блестяще выполнил роль своего рода гл. идеолога Отечественной войны 1812. Его манифесты, являясь откликами на все важнейшие события, поднимали дух русского народа, усиливали и укрепляли его патриотический дух, поддерживали в тяжелые дни поражений. Впоследствии Шишков собрал их и выпустил отдельным сборником.

По окончании войны в дек. 1812 Шишкову был пожалован орден св. Александра Невского за «примерную любовь к Отечеству». В 1813—14 Шишков сопровождал русскую армию в заграничном походе. В авг. 1814 Император освободил Шишкова от должности государственного секретаря по состоянию здоровья. Одновременно Шишков был назначен членом Государственного Совета. Кроме того, Шишков был назначен в 1813 президентом Российской Академии наук (до 1841). На этом посту Шишков ратовал за то, чтобы Российская Академия стала базой для

развития отечественных наук и просвещения, центром русской духовности и патриотизма. Кадровая политика Шишкова в Академии состояла в том, чтобы собрать в нее всех национально мыслящих русских ученых. В 1818 по его предложению был избран членом Академии Карамзин, политические взгляды и литературные вкусы которого к тому времени существенно сблизились с шишковскими под влиянием занятий русской историей. Кроме того, Шишков уделял большое внимание развитию филологической науки. В своих трудах он доказывал, что все языки имеют один общий корень, исходящий из славянского языка. Поэтому заимствования из иностранных языков нелепы и недопустимы, т. к. в русском языке всегда можно найти замену иностранному слову. Шишков одним из первых осуществил попытку организовать кафедры славяноведения при российских университетах, создать славянскую библиотеку, в которой бы были собраны памятники литературы на всех славянских языках и все книги по славяноведению, вел переписку со славянскими учеными.

Одновременно Шишков активно выступал против деятельности Министерства духовных дел и народного просвещения и Российского Библейского общества, и возглавлявшего их масона кн. А. Н. Голицына, который являлся, по его мнению, одним из виновников упадка нравственности, «разгула свободомыслия» и антиправославного мистицизма в России. В 20-е XIX в. Шишков стал одним из главных идеологов «русской православной партии», которая начала борьбу с Голицыным и в которую также входили А. А. Аракчеев, митр. Серафим (Глаголевский), архим. Фотий (Спасский), М. Л. Магницкий и ряд др. менее известных фигур. Им удалось добиться отставки Голицына. 15 мая 1824 Шишков был назначен на пост министра народного просвещения и главнокомандующего делами иностранных вероисповеданий. В сент.—нояб. 1824 он представил Императору Александру I несколько записок, обосновывавших необходимость закрытия Библейского общества. Шишков возражал против переводов Свящ. Писания с церковнославянского на современный литературный язык, видя в этом кощунственный перевод сакральных текстов с «языка церкви» на «язык театра». Он смог добиться запрета катехизиса митр. Филарета (Дроздова), поскольку тот был написан на литературном, а не на церковнославянском языке. Шишков также доказывал необходимость изъятия из обращения и уничтожения книг, изданных Библейским обществом. Стараниями Шишкова и его единомышленников к к. 1824 практически прекратили свою работу «Известия» общества, остановился перевод Библии, а в 1825 было прервано издание Библии на русском языке. Окончательно деятельность Библейского общества была ликвидирована в царствование Николая I, под впечатлением событий 14 дек. 1825. Шишков был членом Верховного суда над декабристами и, будучи человеком милосердным, выступил за некоторое смягчение наказаний для государственных преступников, что, однако, во внимание принято не было.

Стараниями Шишкова 10 июня 1826 был принят новый устав о цензуре (на либеральном жаргоне — «чугунный»). Согласно этому уставу запрещались все исторические сочинения, если в них оказывалось неблагоприятное расположение к монархическому правлению, запрещались любые попытки прямого или косвенного оправдания каких-либо государственных возмущений, специально оговаривалось запрещение сочинений Руссо, Дидро, Монтескье, Гельвеция и др. французских «просветителей». Авторам вменялось в обязанность выводить «спасительные поучения» из рассказов о революции и обнаруживать благоприятное расположение к монархическому правлению. Устав, направленный прежде всего против распространения революционных и мистических идей, вызвал

недовольство в либерально-масонских кругах. В 1828 шишковский цензурный устав был ослаблен.

Политические убеждения и литературные интересы Шишкова заставляли его принимать близко к сердцу вопросы народного просвещения. Отсутствие национального духа было источником ложного направления всей русской послепетровской культуры. Главную задачу воспитания Шишков видел в том, чтобы вложить в душу ребенка «огонь народной гордости», «огонь любви к Отечеству», и это могло бы обеспечить, с его точки зрения, только воспитание национальное, развивающее знания на родной почве, на родном языке. Народное образование должно быть национальным — такой был основной идеал Шишкова. Новая учебная система должна была основываться на следующих принципах: «Воспитание народное во всей империи нашей, несмотря на разность вер, ниже языков должно быть русское... Все науки должны быть очищены от всяких не принадлежащих к ним и вредных умствований. Излишнее множество и великое разнообразие учебных предметов должно быть благоразумно ограничено...» Предпочтительнее было отдаваться преподаванию русского языка, отечественной истории и права. «Устав гимназий и училищ уездных и приходских», утвержденный окончательно 8 дек. 1828, считался одним из главных плодов шишковского министерства. В отличие от либерального устава 1804 в основе нового устава лежала идея сословного образования. На посту министра народного просвещения Шишков пробыл 4 года. В к. апр. 1828 он был освобожден от этой должности «по преклонности лет и по расстроенному здоровью», сохранив звание члена Государственного Совета и Президента Российской академии.

В последние годы жизни он занимался еще своими филологическими изысканиями и др. трудами, но деятельность его постепенно угасала. Он был похоронен в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры в Петербурге.

Шишков был активным публицистом, честным политическим деятелем. *Пушкин* оставил о Шишкове чеканные строки:

«Сей старец дорог нам: друг чести и народа,
Он славен славою двенадцатого года».

Идеи Шишкова оказали значительное влияние на литературу, просвещение, политику, идеологию. Несомненно, знаменитая уваровская формула — Православие, Самодержавие, Народность восходит к идеям Шишкова. Русский патриот Шишков по праву может считаться одним из великих людей своего времени.

Соч.: Собрание сочинений и переводов: Ч. 1—17. СПб., 1818—1839; Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова. Издание Киселева и Ю. Самарина. Берлин, 1870. Т. 1—2; Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре I в бытность с французами в 1812 и последующих годах войны. СПб., 1831; Рассуждение о красноречии Священного писания, и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила российского языка, и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно, читанное в годичное Императорской Российской академии собрание, бывшее в 3-й день декабря 1810 г. Сочинение члена Академии Александра Шишкова, а оную Академиею издано. СПб., 1811. Собрание Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Рескриптов, приказов войскам и разных извещений, следовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. Издал А. С. Ш. СПб., 1816.

Лит.: Аксаков С. Т. Воспоминания об А. С. Шишкове // Собр. соч.: в 5 т. М., 1986. Т. 2; Карпец В. Муж отечестволюбивый. Историко-литературный очерк. М., 1987; Кочубинский А. А. Начальные годы русского славяноведения. Адмирал Шишков и канцлер Румянцева. Одесса 1887—88; Логинов М. Н. «Беседа любителей русского слова» // Современник. 1856. Т. LVII. № 5. отд. 5. Также: Соч. Т. 1. М., 1915; Папицын Н. А. Манifestы, написанные Шишковым в Отечественную

войну, и патриотическое их значение // Русская старина. 1912. Июнь; *Пржецлавецкий О. А. А. С. Шишков*. Воспоминания о нем // Русская старина. 1975. № 13; *Сербинович К. С. А. С. Шишков* // Там же. 1896. № 9; *Стоюнин В. Я. А. С. Шишков* // Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч. 1; *Филатова-Шишкова В.* «Неугомонный русолюбец». К 160-летию со дня смерти адмирала, министра народного просвещения, писателя и государственного деятеля Александра Семеновича Шишкова // Наш современник. 2001. № 4; *Шебальский П. К. А. С. Шишков, его союзники и противники* // Русский вестник. 1870. № 11.

А. Минаков

ШИШКОВ Вячеслав Яковлевич (21.09[4.10].1873—6.03.1945), писатель. Родился в г. Бежецк Тверской губ. Отец был владельцем небольшой лавки, но скоро разорился. В 1887 Шишков закончил 6-классное училище в Бежецке и поступил в Вышневолоцкое техническое училище, которое закончил в

1892. Обязательную 2-годичную практику он провел в Новгородской и Вологодской губерниях, участвуя в инженерно-изыскательских работах. В это время он совершил 2-недельное путешествие по Пинге с *Иоанном Кронштадтским*, оставившее яркий след в его душе. В 1894 по собственному желанию Шишков едет в Томск, где находилось управление округа железных дорог, работает сначала рядовым техни-

ком, после экзамена на право проведения самостоятельных изыскательских работ Шишков возглавляет экспедицию по сибирским рекам. Весной 1911 во время изыскательских работ на Н. Тунгуске Шишков записывает 80 песен и три отрывка из *былин*. Он услышал, по его словам, «поразительной красоты и силы мелодию» в песнях «Угрюм-река», «Гуленька-голубчик», «Горы Змеевские» и др. Сам Шишков начало литературной деятельности относит к н. 10-х.

Раннее творчество Шишкова вписывается в прозу н. XX в. с ее интересом к судьбам народной России, предвидением ее грядущего обновления. Самое крупное произведение раннего Шишкова — роман «Тайга» (1916).

Для поэтики Шишкова характерно сочетание реалистического изображения быта с тяготением к фольклорной образности и средств романтической эстетики (напряженный драматизм судеб героев, их повышенное эмоциональное состояние, символика). Символический образ тайги, сцен гибели Кедровки в огне таежного пожара, имеющего очистительный смысл: «Русь! Веруй! Огнем очищаешься и обеляешься. В слезах потонешь, но будешь вознесена».

На события гражданской войны Шишков отозвался романом «Ватага» (1923, первая публ. в альманахе «Наши дни», 1924) и повестью «Пейпус-озеро». Критика вплоть до 60-х обвиняла писателя в поэтизации стихийности. Фурманов отмечал, что «опасность «Ватаги» усугубляется тем, что написана повесть хорошо и читается с большим захватом». Шишков, по его словам, исследовал в «Ватаге» «психологию масс, лишенных руководства». Роман Шишкова, имеющий, по слова автора, полусказочную структуру, художественно исследует, опираясь и на принципы фольклорной поэтики, сибирскую пугачевщину. Анархист Зыков, глава партизанского отряда, учинивший кровавую расправу в маленьком сибирском городке (реально — Кузнецк, севернее Томска), для Шишкова «символ, соборный

тип, черная сила, чугунный, темный, с завязанными глазами богатырь». Это опасная, но реальная в определенных условиях сила. «Ватага» — роман-предупреждение.

В 1928 выходит 1-я часть романа «Угрюм-река». Полное издание «Угрюм-реки» вышло в 1933, роман имел большой читательский успех. «Угрюм-река» — роман о русском капитализме. В центре «Угрюм-реки» история Прохора Громова, талантливого, энергичного сибирского предпринимателя, помечтавшего завоевать, подчинить себе огромный край. Он поставлен писателем в ситуацию выбора: честь, любовь, долг или признание, богатство, золото. Шишков проследживает эволюцию героя, которая завершается духовным крахом, болезнью, сумасшествием, гибелью. Реалистичен природный мир романа — описания огромных пространств Сибири, Угрюм-река с ее буйным нравом, порогами, валунами. Картинам природы придано и символическое значение (Угрюм-река — символ жизни, тайга — первозданная основа жизни и т. д.). В «Угрюм-реке» углубился фольклоризм писателя. Образы Анфисы и мертвой тунгусской шаманки Синильги во многом опираются на фольклорные источники (русская лирическая песня, сибирские былички). Шишков широко использовал легенды, предания, народную драму «Лодка».

В 1938 Шишков публикует первую книгу «Емельян Пугачев»: в 1941 создает новую редакцию, более глубокую по осмыслению исторических событий XVIII в. *А. Толстой* советовал Шишкову развернуть тему Пугачева в большое полотно, в котором могла бы найти широкое отражение народная жизнь. Шишков, осуществляя свой замысел, пришел к такой форме, которая, не будучи ограниченной вымышленным сюжетом, позволяла вести исследование «корней, предпосылок, окружения, последствий пугачевского движения». «Как-то странно складывается «Пугачев»: ни повесть, ни роман. Впрямь становлюсь историком, бывают страницы, когда не выхожу из фактов, а за ними как-то сами собой следуют и воображаемые люди и воображаемые события. Так я еще не писал, да и другие тоже, кажется, так не писали, я, по крайней мере, таких случаев не знаю». Жанр своего произведения Шишков определил как историческое повествование. Традиции Шишкова впоследствии были продолжены *В. Шукшиным*, *Д. Балашовым*, *В. Пикулем*, *В. Чивилихиным* и др. историческими романистами. Наряду с детальными описаниями быта в «Емельяне Пугачеве» важное место занимают лирические размышления. При характеристике Пугачева, образ которого показан в развитии, становлении, Шишков опирается на фольклорные представления о герое, активно используя песни и сказания о Разине и Пугачеве.

В годы Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде Шишков читает на радио, пишет для газет, выступает в госпиталях. Им написаны книги о русской военной доблести — «Слава русскому оружию», «Партизан Денис Давыдов», «Партизаны Великой Отечественной войны 1812 года». После переезда в Москву (15 сент. 1942) Шишков написал 14 рассказов, они составили книгу «Гордая фамилия».

Соч.: Соч.: В 10 т. М., 1974; Соч.: В 8 т. М., 1983; Дикольче: Сатирические повести и рассказы. Новосибирск, 1981; М., 1985; Пейпус-озеро: Роман, повести, рассказы, воспоминания, автобиография. М., 1985; Алые сугробы: Повести и рассказы. Л., 1990; Мой творческий опыт. М., 1979; Неопубликованные произведения. Воспоминания о Шишкове. Письма. Л., 1956.

А. Филатова

ШКАПСКАЯ Мария Михайловна (урожд. **Андреевская**) (3[15].10.1891—7.09.1952), поэтесса, журналистка. Родилась в Петербурге в многодетной семье мелкого чиновника. Из-за болезни родителей вынуждена была с 11 лет зарабатывать себе на хлеб: работала прачкой, составительницей прошений, стати-

сткой в театральной труппе. Окончила гимназию и 2 курса Петербургского психоневрологического института. В 1920 по рекомендации *А. А. Блока* и *М. А. Кузмина* была принята в члены петроградского Союза поэтов, представив к рассмотрению еще не опубликованные стихи, которые вскоре вышли в свет (сборник «*Mater Dolorosa*». Пг., 1921). В н. 20-х Шкапская издала несколько поэтических сборников: «Час вечерний (1913—17)», «Барабан Строгого Господина», «Кровь-руда» (все — 1922), «Земные ремесла» (1925), поэмы «Явь» (1923) и «Человек идет на Памир» (1924).

Произведения Шкапской вызвали сочувственные отклики разных по идейным и творческим ориентациям писателей. П. Флоренский называл ее «подлинно христианской — по душе — поэтессой».

Лирика Шкапской удивительно «однострунна», но в ней ощутимо постоянное духовное усиление. Шкапская разрабатывает одну тему — тему «женской Голгофы», страстного пути женщины: жены, любовницы, матери. Таинство и тайна зачатия, мистическое значение крови, плоть мира в ее метафизическом смысле — вот те проблемы, которые ставит и своеобразно решает Шкапская, не оставаясь в стороне от актуальной для н. XX в. темы «реабилитации плоти». В ее стихах развертывается мистерия материнства. Через это божественный дар лирическая героиня испытывает чувство мистической связи с матерью-землей, а сама Россия, переживающая муки творения нового мира, предстает роженицей. В то же время в стихах Шкапской ощущается неприятие крови, проливаемой во имя революции, опять-таки с чисто женской, «природной» мотивировкой, ибо женщина-мать органически не приемлет насилия и убийства. В поэтическом мире Шкапской образ крови-руды связан как с физиологическим, так и с духовным планом бытия: с мистикой плоти, с тайной наследственности, с исторической памятью. «...И какие древние тайны / В крови бесшумной моей — / От первых дней мирозданья / Хранятся до наших дней». Лирическая героиня предстает как хранительница древнего ведовского знания, не случайно эпиграфом к сборнику «Кровь-руда» взяты слова из заговора на кровь.

Творчество Шкапской оказалось не созвучным большевистской эпохе: в ряде рецензий говорилось о «пагубности» мировоззрения поэтессы, «насквозь физиологичном и иррациональном», которое «заводит в тупик», а сама Шкапская была названа «эпигоном упадничества». Творческий кризис, усиленный неприятием ее поэзии современниками, заставил Шкапскую отойти от поэтического творчества и переключиться на журналистскую работу.

Соч.: Пути и поиски. М., 1968; Стихи / Вступ. ст. Б. Филиппова и Е. Жиглевич. London, 1979.

Н. Грякалова

ШМЕЛЕВ Иван Сергеевич (21.09[3.10].1873—24.06.1950), писатель. Родился и вырос в Москве в Замоскворечье, в семье подрядчика по строительным работам. В доме сохранялись традиции православного благочестия, патриархальный уклад. Детство Шмелева прошло в тесном общении с мастерами, что позволило ему хорошо узнать и полюбить народную, трудовую Россию.

Стремление к литературному творчеству пробудилось у Шмелева еще во время обучения в московской гимназии. В 1895 в журнале «*Русское обозрение*» был напечатан первый рассказ «У мельницы». В том же году, совершая свадебное путешествие на Валаам, Шмелев заехал в Троице-Сергиеву лавру, чтобы получить благословение почитаемого подвижника, иеромонаха Варнавы Гефсиманского. Старец предрек Шмелеву предстоящий ему «крест» страданий, прозрел и укрепил в нем писательский дар, сказав: «Превознесешь своим талантом».

Книга очерков «На скалах Валаама» (1897), описывающая Валаамский монастырь с точки зрения светского туриста, была, по словам Шмелева, наивной, незрелой и не имела успеха у читателя. На 10 лет Шмелев отходит от писательского труда. Окончив в 1898 юридический факультет Московского университета, он служит чиновником в центральных губерниях России.

Возвращение в литературу было ознаменовано рассказом «К солнцу» (1905, опубли. 1907) и рядом др. произведений для детей и юношества, опубликованных в журнале «Детское чтение». В 1907 Шмелев выходит в отставку, возвращается в Москву и всецело посвящает себя литературе. В 1909 Шмелев стал активным членом «Среды» — литературного кружка, объединявшего писателей-реалистов (*А. Чехов*, *М. Горький*, *В. Вересаев*, *Е. Чириков*, *А. Серафимович*, *А. Куприн*, *Л. Андреев*), а в 1910 вошел в товарищество «Знание»; в 1912 стал одним из учредителей «Книгоиздательства писателей в Москве», где сотрудничал с *И. А. Бунинным*, *Н. Д. Телешовым*, *В. В. Вересаевым*, *Б. К. Зайцевым* и др.

В ранних рассказах и повестях Шмелева («*Вахмистр*», 1906; «*Распад*», 1907; «*Иван Кузьмич*», 1907; «*Гражданин Уклейкин*», 1908) звучит тема мучительной, несправедливой и непросветленной жизни; автор сочувствует «маленьким» людям, которые хотят вырваться из пустоты и однообразия окружающего мира и строить новую жизнь. Шмелев наблюдает распад старого патриархального уклада, конфликт поколений отцов и детей. Повесть «Человек из ресторана» (1911), написанная в характерной для Шмелева форме сказа от лица пожилого официанта, принесла автору громкий успех и поставила его в первые ряды писателей реалистической школы начала века. Характер героя — надломленного, глубоко страдающего и в то же время обозленного на несправедливость жизни, мрачная и нервная атмосфера повести напоминали книги раннего *Достоевского*. Критика высоко оценила прежде всего силу социального обличения, образ молодого революционера, которому отданы авторские симпатии. Однако в повести присутствовала и иная тема — христианского смирения, связанная с фигурой загадочного старичка, говорящего: «Без Господа не проживешь!»

Рассказы Шмелева 1910-х охватывают многоликую, многоцветную народную Россию. Герои обретают духовные силы в общении с природой, с простым народом, которому противопоставлена морально опустошенная интеллигенция («*Патока*», 1911; «*Стена*», 1912; «*Волчий пережат*», 1913). Однако и в описании спокойного, здорового крестьянского быта («*Ростани*», 1914), и в сдержанно-печальных картинах народных страданий военной поры (цикл очерков «*Суровые дни*», 1914), и в спорах офицеров — героев рассказа «*Лик скрытый*» (1916) чувствуется нарастание тревоги, близость великих исторических потрясений.

В целом дореволюционные произведения Шмелева вдохновлены верой в земное счастье людей в радостном будущем, упованиями на социальный прогресс и просвещение народа, ожиданиями перемен в общественном строе России. Вопросы веры, религиозного сознания в это время мало занимают писателя: увлекшись в юности идеями дарвинизма, толстовства, социализма, Шмелев на долгие годы отходит от Церкви и

становится, по собственному признанию, «никаким по вере». Однако уже в этот период явственно звучат в его произведениях очень важные для Шмелева темы страдания и сострадания человеку, которые станут определяющими во всем последующем творчестве.

Февральскую революцию Шмелев принимает восторженно. Он едет в Сибирь, чтобы встретить политкаторжан, выступает на собраниях и митингах, рассуждая о «чудесной идее социализма». Однако вскоре ему открывается подлинный, страшный лик революции. Октябрьский переворот и последующие события стали причиной перелома в мировоззрении Шмелева.

В 1918 Шмелев уезжает с семьей в Алушту, где покупает дом с участком земли. Здесь им написаны повесть «Неупиваемая чаша» (1918) — романтическая история жизни крепостного живописца, создающего в любовном экстазе икону-портрет любимой женщины; антивоенная, полная гротеска повесть «Это было» (1919—22) — о сумасшедшем полковнике, захватившем госпиталь; рассказ «Чужой крови» (1919) — о русском солдате, попавшем в плен. В 1919 Шмелев также пишет цикл политических сказок-памфлетов «Инородное тело», «Степное чудо» и др., где революционные события трактуются как соблазнение народа чужеродными идеями, заражение «инородным телом» марксизма. Виновны в этом все солдаты: солдаты, мешане, ученые, баре — все, кто продал родину и забыл Бога. Спасти Россию смогут «святой Микола», «белый воин», «хозяйственный мужик».

Осенью 1920 Крым был занят красными частями. Единственный сын Шмелева, Сергей, как офицер царской армии был арестован и без суда расстрелян. Ужасы массовой резни, устроенной большевиками в Крыму в 1920—21, потрясавшие страдания и гибель тысяч невинных людей привели Шмелева к тяжелой душевной депрессии. В нояб. 1922 он выезжает в Берлин, а с 1923 живет в Париже, где и проходит последующая часть его творческого пути. Картина гибели всего живого в Крыму в период красного террора открывается в эпопее Шмелева «Солнце мертвых» (1924). Шмелев рисует торжество зла, голод, бандитизм, постепенную утрату людьми человеческого облика. Стиль повествования отражает запредельное отчаяние, смутенное сознание рассказчика, который не в силах понять, как мог осуществиться такой разгул безнаказанного зла, почему вновь настал «каменный век» с его звериными законами. Рефреном проходит через книгу образ пустых небес и мертвого солнца: «Бога у меня нет. Синее небо пусто...». Эпопея Шмелева, с огромной художественной силой запечатлевшая трагедию русского народа, была переведена на многие языки и принесла автору европейскую известность.

Годы, проведенные Шмелевым в эмиграции, насыщены плодотворной творческой работой. Шмелев публикуется во многих эмигрантских изданиях: «Последние новости», «Возрождение», «Иллюстрированная Россия», «Сегодня», «Современные записки», «Русская мысль» и др. За рубежом при жизни писателя вышло ок. 20 его книг на русском языке. Шмелев остро переживал то, что в СССР все они были запрещены.

Рассказы и повести Шмелева 20—30-х отражают крушение просветительски-народнической идеологии. Одной из магистральных тем творчества становится беспощадный суд над либеральной интеллигенцией, которая соблазнила народ, «отняла» у него Бога и пробудила разгул низменных страстей, жертвой которого сама же и пала. Творчество этих лет проникнуто острой болью за поруганную родину и ее оскверненные святыни. Вместе с тем Шмелев резко осуждает европейский мир, который также способствовал разрушению России. Он обличает бездуховность, приземленность современной

западной цивилизации, в которой комфорт, удобства и развлечения стали главной целью существования.

Рассказы «Два Ивана» (1924), «Про одну старуху» (1925), «Крымские рассказы» (1924—36), повести «Каменный век» (1924), «На пеньках» (1925) продолжают тему «Солнца мертвых». Автор повествует о бездне страданий русского народа, ввергнутого в братоубийственную гражданскую войну, о кровавом торжестве злой стихии, гневно обличая тех, кто перестроился, «применился» к новой власти и идеологии, кто способен «плонуть в лицо России, во все святое». Сборник «Свет разума» (1928) посвящен теме духовного очищения, религиозного обновления людей, обреченных на тяжкие испытания в атеистическом государстве. В книге «Въезд в Париж. Рассказы о России зарубежной» (1929) раскрываются драматические судьбы русских изгнанников.

В 1927 увидел свет лирический, отчасти автобиографический роман Шмелева «История любовная» — о пробуждении первых любовных чувств подростка, в котором идеальная романтическая любовь вступает в конфликт с греховным плотским желанием. В неоконченном романе «Солдаты» (1930) Шмелев воссоздает картины русского общества начала века. Название романа означает собирательный образ всех людей, объединенных любовью к России, всех носителей национальной идеи, стремящихся укрепить и строить Русь. Им противостоят политиканы-«демократы», ненавидящие армию и разлагающие страну.

«Исповедь раненого сердца» — это определение *И. А. Ильина* можно отнести не только к художественным произведениям Шмелева, но и к его публицистике, расцвет которой приходится на сер. 20-х — 30-е. Многочисленные очерки и публицистические выступления Шмелева объединены бесконечной любовью к родине, мыслью о ее великом и особом предназначении в судьбах мира. Шмелев верит в грядущее возрождение России, которое возможно только «на основе религиозной... — евангельском учении деятельной любви». Идеи Шмелева во многом близки концепции русской истории его друга и единомышленника философа *И. А. Ильина*.

«Среди зарубежных русских писателей *И. С. Шмелев* — самый русский, — отмечал поэт *К. Бальмонт*. — Ни на минуту в своем душевном горении он не перестает думать о России и мучиться ее несчастьями». Эти слова помогают понять, почему Шмелев часто оказывался одинок в культурной среде русской эмиграции, имевшей преимущественно «левую», либерально-демократическую ориентацию. Критиков раздражал патриотизм и национальная устремленность творчества писателя. «Черносотенной полициейшиной» окрестила эмигрантская пресса роман «Солдаты», где достойно показаны царские офицеры. Видный критик русского зарубежья *Г. Адамович* преследовал Шмелева оскорбительными, игриво-глумливыми рецензиями. Шмелеву не могли простить «православные русские традиции... то, что он осмелился встать на защиту исторической России против революции». Среди друзей и единомышленников Шмелева можно назвать *И. Ильина*, семью генерала *А. Деникина*, *Н. Кульмана*, *В. Ладыженского*, *К. Бальмонта*, *А. Куприна*. Как на родине, так и в эмиграции на Шмелева одно за др. обрушивались «предельные испытания». В 1936 умерла жена Шмелева *Ольга Александровна*, его верная спутница, и с этого момента он несет крест одиночества. Шмелев страдал тяжелой болезнью, обострения которой не раз ставили его на грань смерти. Материальное положение Шмелева порой доходило до нищенства. Война 1939—45, пережитая им в оккупированном Париже, клевета в печати, которой недруги пытались очернить имя писателя, усугубляли его душевные и физические страдания. По воспоминаниям современников, Шмелев был человеком исключи-

тельной душевной чистоты, не способным ни на какой дурной поступок. Ему были присущи глубокое благородство натуры, доброта и сердечность. О пережитых страданиях говорил облик Шмелева — худого человека с лицом аскета, изборожденным глубокими морщинами, с большими серыми глазами, полными ласки и грусти.

Самая известная книга Шмелева — «*Лето Господне*» (1927—31, 1934—44). Обращаясь к годам детства, Шмелев запечатлел мировосприятие верующего ребенка, доверчиво принявшего в свое сердце Бога. Крестьянская и купеческая среда предстает в книге не диким «темным царством», но целостным и органичным миром, полным нравственного здоровья, внутренней культуры, любви и человечности. Шмелев далек от романтической стилизации или сентиментальности. Он рисует подлинный уклад русской жизни не столь давних лет, не затухевшая грубых и жестоких сторон этой жизни, ее «скорбей». Однако для чистой детской души бытие открывается прежде всего своей светлой, радостной стороной. Существование героев неразрывно связано с жизнью церковной и богослужением. Впервые в русской художественной литературе столь глубоко и полно воссоздан церковно-религиозный пласт народной жизни. В психологических переживаниях, молитвенных состояниях персонажей, среди которых и грешники, и святые, открывается духовная жизнь православного христианина.

Смысл и красота православных праздников, обычаев, остающихся неизменными из века в век, раскрыты настолько ярко и талантливо, что книга стала подлинной энциклопедией русского Православия. Удивительный язык Шмелева органически связан со всем богатством и разнообразием живой народной речи, в нем отразилась сама душа России. И. А. Ильин отмечал, что изображенное в книге Шмелева — не то, что «было и прошло», а то, что «есть и пребудет... Это сама духовная ткань верующей России. Это — дух нашего народа». Шмелев создал «художественное произведение национального и метафизического значения», запечатлевшее источники нашей национальной духовной силы».

Живое соприкосновение с миром святости происходит и в примыкающей к «Лету Господню» книге «*Богомолье*» (1931), где в картинах паломничества в Троице-Сергиеву лавру предстают все сословия верующей России. Подвижническое служение «старца-утешителя» Варнавы Гефсиманского воссоздано Шмелевым с признательной любовью.

Роман «*Няня из Москвы*» (1934), написанный в излюбленной Шмелевым форме сказа (в которой писатель достиг непревзойденного мастерства), — это повествование бесхитроушной русской женщины, попавшей в бурный водоворот событий истории XX в. и оказавшейся на чужбине. Глубокая вера, внутреннее спокойствие, безграничная доброта и духовное здоровье позволяют Дарье Степановне трезво оценивать все происходящее с людьми и страной. В простых словах няни о грехе и воздаянии открывается смысл страданий России как необходимой и спасительной кары для ее очищения. Ласковое, певучее народное слово, меткое и образное, с неслучайными оговорками и поговорками высвечивает пустоту либеральных фраз ученого профессора, уродливо-извращенный мир декаданса, пошлость и механистичность американской цивилизации. С добрым юмором показан беспечный, своенравно-капризный характер воспитанницы няни, запутавшейся в своих любовных переживаниях; с сочувствием — нелегкие судьбы солдат Добровольческой армии в эмиграции. В страданиях, теряя подчас здоровье и богатство, герои романа обретают душу, приходят к Истине.

Поэтический очерк «*Старый Валаам*» (1936) вводит читателя в мир православного русского монастыря, рисует жизнь,

погруженную в атмосферу святости. Со светлой грустью вспоминая свою юношескую поездку на остров, Шмелев показывает, как монашеское бытие озаряет человеческую жизнь светом вечности, претворяет скорбь в высокую радость. Образы Святой Руси наполняют также очерк «*Милость прп. Серафима*» (1935) — о том, как Шмелев был спасен от смертельной болезни после горячей молитвы к батюшке Серафиму Саровскому, и повесть «*Куликово поле*» (1939) — о чудесном явлении в Советской России прп. Сергия Радонежского, ободряющего и укрепляющего оставшихся там христиан.

Тема реальности действия Божественного Промысла в земном мире получила воплощение в итоговом произведении писателя — романе «*Пути небесные*» (т. 1 — 1937; т. 2 — 1948). Роман воссоздает судьбы реальных людей, выведенных под своими собственными именами, — скептика-позитивиста, инженера В. А. Вейденгаммера (родственника Шмелева) и глубоко верующей, кроткой и внутренне сильной Дарьи Королевой — послушницы Страстного монастыря в Москве, покинувшей обитель, чтобы связать свою жизнь с Вейденгаммером. Книга посвящена таинственному пути соединения человека с Богом, спасению души. Роман стал уникальным явлением в русской литературе: в основе раскрытия судеб и характеров лежит святоотеческая культура, православное аскетическое мировоззрение. Его внутренним сюжетом является «духовная брань» героев со страстями, искушениями и нападениями злых сил. Даринька — новый для русской классики тип глубоко воцерковленного человека. Молитвенный подвиг, упорная и жестокая борьба с грехом в себе и внешними соблазнами, скорбь от тяжелых падений и духовная радость побед, благодатные озарения — эти моменты нашли многогранное воплощение на страницах последнего романа писателя. Смерть Шмелева оборвала работу над третьим томом, но и две вышедшие книги вполне отразили сам дух православной жизни, христианские представления о мире и человеке.

Шмелева отличала особая любовь к атмосфере монастырской жизни. Совершая в 1936 поездку по Прибалтике, он останавливался в Псково-Печерском монастыре, дважды (в 1937 и 1938) посещал обитель прп. Иова Почаевского в Карпатах, а после войны планировал побывать в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (США). «Мое горячее желание для спокойной работы — жить около монастыря. Я ишу родной воздух...» — писал он в 1948. Кочина писателя-подвижника глубоко символична: 24 июня 1950 в день именин старца Варнавы, некогда благословившего его «на путь», Шмелев приезжает в расползшийся неподалеку от Парижа русский монастырь Покрова Божией Матери и в тот же день тихо отдает душу Богу. Шмелев был похоронен на парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. В 2000 осуществлен завет писателя: прах Шмелева и его жены перевезен на родину и погребен рядом с могилами родных в московском Донском монастыре.

Соч.: Собр. соч.: В 8 т. М., 1998—2000; [Из писем о России] // Слово. 1991. № 6; [Письма к сыну] // Там же. № 12; [Письма к А. В. Амфиотрову] // Там же. 1992. № 11—12; Письма к А. Б. Дерману // Лит. обозрение. 1997. № 4.

Лит.: Иван Сергеевич Шмелев: Библиография / Сост. Д. М. Шаховской. Париж, 1980; *Сорокина О.* Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М., 1994; 2-е изд. 2000; Памяти Ивана Сергеевича Шмелева: Сб. статей и воспоминаний. Мюнхен, 1956; *Ильин И. А.* О тьме и просветлении. М., 1991; *Черников А. П.* Проза И. С. Шмелева. Калуга, 1995; *Михайлов О. Н.* Иван Шмелев // Шмелев И. С. Избранное. М., 1989; *Любимов Б. Н.* Душа Родины // Шмелев И. С. Лето Господне. Богомолье. Статьи о Москве. М., 1990; *Осьминина Е. А.* [Вступит. статьи к т. 1—8 собр. соч.]; *Любомудров А. М.* Православное монашество в творчестве и судьбе И. С. Шмелева // Христианство и русская литература. СПб., 1994.

А. Любомудров

ШОЛОХОВ Михаил Александрович (11[24].05.1905—21.02.1984), писатель. Родился на хуторе Кружилин Донецкого округа Области Войска Донского (ныне Шолоховский р-н Ростовской обл.). Отец, выходец из Рязанской губ., до самой смерти менял профессии, был

«шибаем» (скупщиком скота), сеял хлеб на арендованной казачьей земле, служил приказчиком в коммерческом предприятии хуторского масштаба; мать — «полуказачка, полукрестьянка», служила горничной. Насильно выданная замуж за казака-атамана Кузнецова, она оставила его, сойдясь с А. М. Шолоховым. Шолохов появился на свет незаконнорожденным (от-

части об этом у него автобиографический рассказ «Нахаленок», 1925). В 1912, после смерти Кузнецова, родители Шолохова обвенчались. До этого он носил фамилию первого мужа матери, имел казачий пай земли и все привилегии казаки. Усыновленный после смерти Кузнецова фактическим отцом, Шолохов стал считаться «сыном мещанина» (т. е. «иногородним»). В 1910, прожив в Кружилине 5 лет, Шолоховы переехали на хутор Каргин (позднее стал станицей). С 1911 Шолохов берет уроки у домашнего учителя, через год поступает в Каргинское приходское училище. В 1914, по поводу болезни глаз, отец отвозит Шолохова в Москву, в глазную клинику доктора Снегирева (сюда Шолохов поместит потом своего героя Григория Мелехова). После излечения Шолохов был определен в подготовительный класс московской гимназии им. Г. Шелапутина. В 1915 родители переводят Шолохова в богучарскую гимназию. Обучение было прервано революционными событиями. Некоторое время Шолохов учился во вновь открытой Вешенской гимназии. Полный курс завершить не удалось (закончил только 4 класса). Детство Шолохова прошло между казачьим куренем и тихим Доном, коридорами гимназий и бесконечной лазоревой степью, военно-земледельческим укладом казацко-крестьянской жизни и бытом вольных хуторян — детство между городом и селом на стыке мирной и военной жизни. В годы гражданской войны Шолохов жил на территории белого казачьего правительства. Шолохов оказался в эпицентре гражданской междоусобицы, видел белый стан изнутри. Видимо, это обстоятельство предreshило выбор ракурса художественного исследования в «Тихом Доне»: показать не борьбу красных с белыми, а, наоборот, белых с красными. В марте 1919 он стал очевидцем трагических событий Верхне-Донского контрреволюционного восстания, вспыхнувшего в тылу Красной

Армии. Начиная с 1920, с «момента окончательного установления советской власти на Дону», Шолохов 15-летним подростком работал учителем по ликвидации неграмотности среди взрослого населения в хуторе Латышеве (февр.—сент. 1920), служащим в станичном ревкоме, счетоводом, канцелярским работником, журналистом. С 1920 долго служил продработником. Осенью 1920 попал в плен к Махно и лишь по случайной случайности остался в живых. В мае 1922 закончил краткосрочные курсы продовольственной инспектуры в Ростове, был направлен в станицу Букановскую. «Я работал в жесткие годы, 1921—22 годах, на продразверстке. Я вел крутую линию, да и время было крутое; шибко я комиссарил, был судим ревтрибуна-

лом за превышение власти...» Действия Шолохова по сбору налога в чрезвычайной обстановке были истолкованы как «попустительство» («превышение власти»). Он был приговорен к расстрелу, который потом заменили условным сроком наказания. Трибунал принял во внимание несовершеннолетие Шолохова. «Два дня ждал смерти... А потом пришли и выпустили... Жить очень хотелось...» Осенью 1922 Шолохов приехал в Москву с намерением поступить на рабфак. Не имевший комсомольской путевки (Шолохов не был комсомольцем), он очутился в непсковской Москве в положении безработного. Регистрировался на бирже труда, несколько месяцев жил на средства, добытые трудом чернорабочего. Осенью 1923 устроился в жилищное управление. С этого времени стал посещать литературные вечера и семинары группы «Молодая гвардия» на Покровке. Начало литературной деятельности Шолохова связано с публицистическими жанрами. «Пробой пера» явились фельетоны «Испытание», «Три», «Ревизор», опубликованные (за подписью М. Шолох) в газете «Юношеская правда». Они стоят в преддверии «Донских рассказов». Публицистика не стала определяющим жанром в творчестве Шолохова. «Никакой я не газетчик. Нет хлесткой фразы... нет оперативности... Материал действительности мне представляется в ином виде... у меня потребность изобразить явление в более широких связях — написать, чтобы рассказанное вызывало в читателе думу. По этой причине <...> в начале своей литературной работы перешел от фельетона и очерка к рассказу». В к. 1923 Шолохов возвращается на Дон. 11 янв. 1924 он венчается с М. П. Громославской, возвращается в Москву. С этого времени литература становится его профессией. «Настоящая тяга к литературной работе появилась в Москве в 1923, когда писались первые рассказы из донской жизни». Первый рассказ Шолохова «Звери» (позднее опубликован под названием «Продкомиссар»), присланный в редакцию альманаха «Молодогвардеец», встретил непонимание: «ни нашим, ни вашим». 14 дек. 1924 в газете «Московский ленинец» появился рассказ Шолохова «Родинка», явившийся прологом донского цикла. Вслед за ним выходят «Продкомиссар», «Пастух», «Илюха», «Жеребенок», «Лазоревая степь», «Семейный человек», «Смертный враг», «Двухмужняя» и др. Рассказы были своеобразным ответом на спор в литературе «о мужике», путях развития перестраивающейся деревни. Шолохов объединил их в три сборника: «Донские рассказы», «Лазоревая степь» (оба — 1926) и «О Колчаке, крапиве и прочем» (1927). В 1931 они составили итоговый сборник — «Лазоревая степь. Донские рассказы. 1923—1925». Крестьянско-казацкий мир в «Донских рассказах» предстает в состоянии социального и семейного раскола. Сюжетно-композиционным лейтмотивом рассказов становится противостояние между «отцами» и «детьми», красными и белыми, казаками и «иногородними». Человек у Шолохова поставлен в нравственную коллизию выбора, пытается соединить полярные стихии жизни — кровное и социальное. Именно здесь открылся в творчестве Шолохова «гуманизм непривычного масштаба», некая шолоховская «философская доминанта».

Во время работы над «Донскими рассказами» Шолохов задумал большое произведение о сложных путях казачества в революционную службу. Покинув Москву, он возвращается на родину и осенью 1925 приступает к работе. Первоначально роман назывался «Донщина» и мыслился как произведение о корниловском мятеже, участии казаков в походе на Петроград. Написав несколько печатных листов, Шолохов отложил написанное, начал «Тихий Дон» (таким, каков он есть) с опи-

сания казачьего дореволюционного быта. В центре повествования появляется фигура Григория Мелехова (первоначально именовался Абрамом Ермаковым). Первая книга романа была написана к весне 1927, вторая — к осени (в нее вошли фрагменты «Донщины»). Первая книга «Тихого Дона» была опубликована в журнале «Октябрь» за 1928 (№ 1—4), вторая книга — в № 5—10 за этот же год. Роман получил высокую оценку критики. Весной 1929 распространились слухи о плагиате. Шолохов обращается за поддержкой к друзьям, привозит в Москву черновые рукописи, подготовительные материалы к роману и предьявляет их для ознакомления комиссии. После разбирательства в газете «Рабочая трибуна» (1929, 24 апр.), а также в «Правде» (1929, 29 апр.) появляется заявление, подписанное пятью членами комиссии, что слухи являются ложью и клеветой на Шолохова. Осенью 1929 Шолохова обвиняют в аполитичности и пособничестве кулакам.

В 1929—31 Шолохов продолжал работать над третьей, главной книгой в структуре эпопеи. Печатание ее было приостановлено в 1929. Шолохову предлагались сокращения и исправления, совершенно для него неприемлемые. Его обвинили в оправдании Верхне-Донского восстания в третьей книге. Шолохов вынужден был разъяснять свою позицию по отношению к Григорию Мелехову: «...Григорий Мелехов, в моем мнении, является своеобразным символом середняцкого донского казачества... не один Григорий Мелехов и не десятки Григориев Мелеховых шатались до 1920 года, пока этим шатаниям не был положен предел. Я беру Григория таким, каков он есть, таким он был на самом деле... от исторической правды мне отходить не хочется».

В ходе работы над 3-й книгой «Тихого Дона» у Шолохова возникает замысел «Поднятой целины», где также был представлен исторический вопрос об отношении к среднему крестьянству. В июне 1931 состоялась встреча Шолохова с И. В. Сталиным на даче Горького под Москвой, на которой решалась судьба 3-й книги «Тихого Дона». Книга пошла в печать. В янв. 1932 завершается публикация 3-й книги романа, одновременно с ней в журнале «Новый мир» Шолохов публикует 1-ю книгу «Поднятой целины».

В 1932 Шолохов работает над 2-й книгой романа о коллективизации, однако от работы его отвлекают чрезвычайные события в крае. Он принимает участие в борьбе с грубыми нарушениями в колхозном строительстве, обращается с письмом к И. В. Сталину: «расследовать не только дела тех, кто издевался над колхозниками и над советской властью, но и дела тех, чья рука направляла эти действия». В борьбе с перегибами Шолохов проявил подлинное гражданское мужество.

Стремясь завершить 4-ю книгу «Тихого Дона», Шолохов оставляет работу над 2-й книгой «Поднятой целины». Внимание писателя сосредоточено на судьбе Григория Мелехова: «У Мелехова очень индивидуальная судьба, и в нем я никак не пытаюсь олицетворять середняцкого казачество. От белух я его, конечно, оторву, но в большевика превращать не буду. Не большевик он!». Отрывая героя от белых, Шолохов выдвигает на первый план враждебное отношение его к офицерству, ненависть к белым генералам и интервентам, сыновнюю любовь героя к родине, его человечность. Весной 1940 последняя, завершающая часть эпопеи была напечатана в двойном номере «Нового мира». Шолохову была присуждена Сталинская премия 1-й степени за роман «Тихий Дон».

Основное внимание в романе-эпопее «Тихий Дон» уделено изображению казачества, наряду с этим в нем дана широкая панорама народной жизни. Шолохов изображает действительных участников исторических событий тех лет (Иван Лагутин, Федор Подтелков, Михаил Кривошлыков

и др.). Основные герои его романа вымышленные (семья Мелеховых, Астаховых, Коршуновых, Листницких), как вымышлен и сам хутор Татарский. Мелеховы, Астаховы, Кошевые — это хлеборобы-труженики. Казачество раскрывается в эпопее многогранно — в быту, в семье, в грандиозных исторических событиях века. Первая мировая война изображена Шолоховым как страшное народное бедствие, рисуются ужасы войны, картины массовой гибели людей, запустения. Шолохов показал, как мировая война усилила социальные разногласия людей. Одним из центральных эпизодов романа стала расправа с экспедицией Подтелкова и Верхне-Донское восстание. Они осмысляются как трагические события гражданской войны на Дону. В «Тихом Доне» видное место занимают женские характеры (Ильинична, Аксинья, Наталья, Дарья, Дуняшка, Анна Погудко и др.). Они представлены в романе тремя поколениями. В галерее народных характеров эпопеи наиболее притягательным, отражающим сложность, противоречивость исканий казачьей массы, является Григорий Мелехов. Некоторые критики увидели в его судьбе трагедию человека, оторвавшегося от народа и ставшего отщепенцем; др. считали, что его трагедия есть трагедия исторического заблуждения. Но подобные трактовки упрощают роман. Образ Григория Мелехова — крупнейшее художественное открытие XX в. Шолохов наделил своего героя поразительным человеческим «очарованием», он открыл в нем неведомые литературе духовные глубины. Григорий Мелехов предстал перед читателем как одно из лучших воплощений мировой жизни. В своих метаниях от одного лагеря к другому Мелехов старается найти ту правду, которая ближе народу, которая отвечает зову земли, зову жизни. Одним из самых драматических эпизодов является участие Григория в Верхне-Донском восстании, где он становится командиром повстанцев. Оказавшись в эпицентре сложнейших политических событий XX в., Мелехов потерял почти все, чем жил (дом, любовь, семья, труд на земле, лучшие годы своей жизни). В финале романа Григорий Мелехов возвращается к своему порушенному гражданской войной дому, видит маленького сына, — а перед его глазами встает ослепительно сияющий черный диск солнца. Это было предзнаменование тяжелой грядущей судьбы. Писатель оставил Григория Мелехова на пороге новых жизненных испытаний.

Эпос и трагедия органически сливаются в шолоховском повествовании.

Роман «Поднятая целина» (первоначальное название «С потом и кровью») — о судьбах народа в годы коллективизации. Первая книга была опубликована в 1932. Рукопись второй книги была утрачена в годы войны с обширным архивом писателя. Шолохову пришлось писать ее «заново и по-новому» — с 1951 по 1960. Процесс ломки крестьянского сознания в книге показан как сложный и болезненный процесс. Первая книга построена на конкретно-исторических фактах эпохи (собрания бедноты и актива, раскулачивание, обобществление скота, птицы, соби́рание семенных фондов и т. п.). Композиционно-стилевое своеобразие первой книги определено контрастными сопоставлениями дня и ночи, переходом природы к весне, совпавшим с движением крестьян в колхоз. Сюжетное действие второй книги романа предстает иным, оно развивается медленно. Автор сосредоточен преимущественно на раскрытии внутреннего мира героев. Отсюда множество вставных новелл, в которых герои сами рассказывают о себе (исповедь Ивана Аржанова, преподанный им урок Давыдову о «человеческой чужинке»; беседы Шалого с Давыдовым, Нестеренко с Давыдовым). Повышенное внимание уделено ин-

тимной жизни персонажей (Давыдов — Лушка — Варя Харламова, Нагульнов — Лушка и др.).

Во 2-й книге «Поднятой целины» Шолохов раскрывал мироощущение своих героев уже с позиции тех десятилетий, которые были прожиты Россией после осуществления коллективизации.

При всем том, что сюжет «Поднятой целины» (и 1-й, и 2-й книг) вел героев через все трудности и жертвы к принятию коллективизации, Шолохов не скрывал того горького несчастья, в которое так или иначе оказались погружены герои романа. Неуютные, страдальческие судьбы сопровождают по сути всех героев «Поднятой целины». Успех коллективизации оборачивался тоскливой человеческой неустроенностью. В таком повороте событий раскрывалась, надо полагать, самая существенная сторона содержания романа.

Особенность шолоховского повествования является сочетание эпичности с лиризмом, драматизма с юмором (образ деда Шукаря и др.). Юмор вкрапляется в наиболее драматические ситуации.

На второй день войны Шолохов перечислил свою премию за роман «Тихий Дон» в Фонд обороны страны. В июле 1941 Шолохов, полковой комиссар запаса, был призван в армию, направлен на фронт, работал в Совинформбюро, был военным корреспондентом «Правды» и «Красной звезды», участвовал в боях под Смоленском на Западном фронте, под Ростовом на Южном фронте. С первых дней войны писал статьи, очерки о неразрывности фронта и тыла («На Дону», «В казачьих колхозах» (оба — 1941), о трудной борьбе русских людей с оккупантами («По пути к фронту», «Первые встречи», «Люди Красной Армии», «На Смоленском направлении», «Гнусность», «Военнопленные» — все 1941). Очерки Шолохова не только показывали военные события, рисовали портреты героев войны, но были своеобразной подготовкой писателя к большой прозе. Особое место среди произведений периода Великой Отечественной войны занимает рассказ «Наука ненависти» (1942). В образе лейтенанта Герасимова воплощены лучшие черты воюющего народа («И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются»). Рассказ «Наука ненависти» явился ступенью к роману «Они сражались за Родину». Главы романа печатались в мае 1943 на страницах «Правды». Они вводили читателя в атмосферу фронтовых будней, напряженных боев летнего отступления на втором году великой войны. Герои этого незавершенного произведения — рядовые солдаты: Стрельцов, Лопахин, Звягинцев, их боевые товарищи, испытывающие горечь поражений. Со страниц произведения встает коллективный образ воюющего народа.

Рассказ «Судьба человека» (1957) — одно из лучших произведений Шолохова, созданных им в послевоенный период. В образе Андрея Соколова сосредоточены черты русского национального характера. По жанру «Судьба человека» предстает как рассказ в рассказе. Повествование обрамлено авторским зачином и краткой концовкой. Авторский зачин носит черты эпического повествования, концовка являет собой личное отступление, в которой автор подчеркивает свою причастность к судьбе героев. В любви к мальчику-сироте Андрей Соколов нашел преодоление своей личной трагедии.

В послевоенные годы Шолохов вернулся к работе над романом «Они сражались за Родину». Встреча с генералом Лукиным, человеком трагической судьбы, внесла в замысел существенные коррективы. Шолохов вводил новый материал и новых персонажей, раздвигал временные рамки. Однако так и не завершил это произведение. Рукопись романа писатель сжег незадолго до смерти.

Соч.: Собр. соч.: В 9 т. М., 1965; Собр. соч.: В 9 т. М., 1980; Россия в сердце: Сб.: рассказы, очерки, публицистика. М., 1975; Слово о родине; Они сражались за родину: главы из романа, рассказы. М., 1995.

Лит.: Лежнев И. Путь Шолохова. М., 1958; Гура В. В., Абрамов Ф. А. Семинарий. Л., 1962; Бритиков А. Ф. Мастерство М. Шолохова. М.; Л., 1964; Метченко А. И. Шолохов в современном мире. Л., 1977; Якименко Л. Творчество М. Шолохова. М., 1977; Хватов А. И. Художественный мир Шолохова. М., 1978; Палиевский П. Мировое значение М. Шолохова // Литература и теория. М., 1979; Прийма К. И. С веком наравне: Статьи о творчестве М. А. Шолохова. Ростов н/Д., 1981; Он же. «Тихий Дон» сражается. Ростов н/Д., 1983; Воронов В. Юность Шолохова (Страницы биографии писателя). Ростов н/Д., 1985; Петелин В. В. Михаил Шолохов: Страницы жизни и творчества. М., 1986; Семанов С. Н. В мире «Тихого Дона». М., 1987; Минакова А. М. Поэтический космос М. А. Шолохова: О мифологизме в эпике М. А. Шолохова. М., 1980; Шолоховские чтения («Поднятая целина»). Ростов н/Д., 1995; Шолохов на изломе времени. М., 1995; Осипов В. О. Тайная жизнь Михаила Шолохова... Документальная хроника без легенд. М., 1995; Писателя и вождя: Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. 1931—1950 годы: Сб. документов из личного архива И. В. Сталина. М., 1997.

В. Запелов

ШОШИН Владислав Алексеевич (р. 30.05.1930), поэт, критик, литературовед. Родился в Ленинграде. Окончил филфак ЛГУ. Автор двух десятков поэтических сборников, нескольких книг по литературоведению. В их числе «Гордый мир Николая Тихонова», «Поэт Александр Прокофьев». Всему творчеству Шошина присущ бескомпромиссный патриотизм. Еще в н. 60-х в стихотворном сборнике «Развернутым фронтом» поэт с тревогой писал о враждебной деятельности внутренних врагов России: «Мертвые герои не воскреснут, / А живым сегодня — хоть умри: / И хоругви не помогут, если / Враг штурмует крепость изнутри... / Хочет навязать моей Отчизне / Одицкая модный образец: / Свой, американский образ жизни, / Ужас обескровленных сердец».

И. Шевцов

ШУКШИН Василий Макарович (25.07.1929—2.10.1974), писатель. Родился в с. Сростки Бийского р-на Алтайского края в крестьянской семье. Отец в 1933 был арестован органами ОГПУ, в 1956 посмертно реабилитирован. Отчим погиб на

фронте в 1942. Мать, по словам С. Залыгина, «оставалась человеком небольшой грамоты, но душа ее была развита и сильна сама по себе, от природы и от своего народа. Она была чуткой к слову, к песне, к картине, к любому искусству, и не только чуткой, но и способной к нему. Это было вполне очевидно, это были те необыкновенные, ни в коем более не повторяемые задатки, которые она передала своему сыну». Мальчик рано пристра-

стился к чтению и нелегкому крестьянскому труду. Подростком работал в колхозе. Имеются сведения, что с 1944 по 1947 Шукшин учился в Бийском автомобильном техникуме. Позже в автобиографии писал, что «работал в Калуге на строительстве турбинного завода, во Владимире на тракторном заводе, на стройках Подмоскovie. Работал попеременно разнорабочим, слесарем-такелажником, учеником маляра, грузчиком». С 1949 по 1952 служил на флоте, где, по его словам, в то время витал

«душок некоторого пижонства», и ему приходилось «помалкивать о своей деревне». Досрочно демобилизовавшись из-за болезни (язва желудка), он возвращается в Сростки, где работает в 1953—54 директором вечерней школы, преподает литературу и русский язык. Сдав экстерном экзамены за среднюю школу, в 1954 поступает на режиссерский факультет ВГИКа в Москве, который оканчивает в 1961. В институте Шукшин начинает писать рассказы. Вспоминая об этих годах, Шукшин говорил: «Мне было трудно учиться. Чрезвычайно. Знаний я набирался отрывисто и как-то с пропусками. Кроме того, я должен был узнавать то, что знают все и что я пропустил в жизни. И вот до поры до времени я стал таить, что ли, набранную силу».

Процесс собирания творческих сил продолжался у Шукшина до н. 60-х, несмотря на то, что уже в 1958 на страницах журнала «Смена» (№ 15) появился первый рассказ писателя «Двое в телеге», а с 1957 Шукшин снимался во многих фильмах.

Подлинный литературный дебют Шукшина состоялся в журнале «Октябрь», где были опубликованы в 1961 (№ 3) рассказы «Правда», «Светлая душа», «Степкина любовь» и рассказ «Экзамен» (1962. № 1). В 1963 выходит первый сборник Шукшина «Сельские жители». Критика доброжелательно встретила эту книгу, сразу зачислив ее автора в разряд писателей-«деревенщиков».

Рассказы «Ленька», «Экзамен», «Правда» и др. отмечены некоторой литературностью, заданностью, морализаторством; в них ярко выражено фабульное начало, финалом которого является своеобразный жизненный урок, назидание. Однако есть в сборнике и др. рассказы, в которых уже ощущается неповторимый шукшинский жизненный опыт, своеобразие творческой манеры, художественная самостоятельность («Далекие зимние вечера», «Племянник главбуха», «Сельские жители», «Одни»). Они написаны в свободной манере, лишены жесткой структурной однозначности, автор предоставляет герою полную возможность размышлять о конкретных событиях в общем течении жизни. Так, в рассказе «Одни» обсуждают вопрос о том, «зачем жизнь дадена», два старых человека, Антип и Марфа, которые «вывели к жизни» дюжину детей, а коротают в деревне свой век в одиночестве. Они часто спорят, ибо Антип для вида отстаивает идею «жизни для себя», а Марфа со всей строгостью корит его за это, утверждая, что жить нужно «для детей». Споры заканчиваются домашним весельем под балалайку Антипа, которое означает давно установившееся согласие между этими людьми. В этом рассказе появилась одна существенная особенность поэтики Шукшина. Весьма важным в его повествовании является не только то, о чем говорят персонажи, но и то, о чем они молчат. А молчат они о вещах, естественных для деревенских жителей, — чувстве долга и морального запрета, составляющих основу народной нравственности. Как считает В. Ветловская, «показывая народную жизнь, Шукшин вместе с тем объясняет ее нравственные нормы, которым люди следуют или которые они нарушают. Он предлагает истины, находящиеся вне логических, вне рациональных доказательств» (Славянофильская концепция народа и Шукшин // Славянофильство и современность. СПб., 1994). Появление сборника «Сельские жители» и фильма «Живет такой парень» (1964), в основу сценария которого были положены рассказы «Классный водитель» и «Гринька Малюгин», завершает ранний период творчества Шукшина.

В 1965 появляется в печати первый роман писателя «Любовины». В центре романа история «кулацкой семьи», члены которой с остервенением и жестокостью борются за свое существование. Роман создан в традициях монументальной

сибирской хроники, столь популярной в литературе того времени, в рамках принятого взгляда на классовые сражения в деревне. Сам Шукшин следующим образом определил замысел романа: «Мне хотелось рассказать об одной крепкой сибирской семье, которая силой напластования частнособственнических инстинктов была вовлечена в прямую и открытую борьбу с Новым — с новым предложением организовать жизнь иначе. И она погибла, семья Любавиных. Вся. Иначе не могло быть». В архиве Шукшина нашли вторую книгу романа, которую опубликовали лишь в 1987. Критика отмечала умение писателя воссоздавать сложные характеры, историческую обстановку, «социально-классовую диалектику», хотя раздавались и ехидные замечания о том, что в романе «все кряжистые, звероватые и все кругом закуржавело».

В 1966 Шукшин опубликовал повесть «Там, вдали...» о неразделенной любви молодого рабочего парня к испорченной городской полукультурной женщине. В творчестве Шукшина образ современницы почти всегда существует в жестком, ироническом освещении. Современная жизнь, тяга к эмансипации существованием образом изменили женский характер, разбудив в ее душе злобность, мстительность, раздражение и меркантильность (позицию Шукшина разделял и В. Белов). И только мать остается жизненной опорой мужчине, она будит его совесть, спасает в самых крайних жизненных обстоятельствах («Материнское сердце»).

К. 60-х — н. 70-х отмечены взлетом творческой активности Шукшина, результатом которой явились блистательные рассказы, которые раскрыли мощное и оригинальное дарование их автора. В обиход критики вошли такие понятия, как «шукшинский мир», «шукшинский герой», «шукшинская жизнь». Их появление было связано прежде всего с тем, что на первый план у Шукшина выдвинулись необычные персонажи, выламывающиеся из предписанных норм поведения. Сам автор называл их «странными людьми», «чудиками», «шизиями», «бесконвойными». Обладая неукротимым нравом, необъяснимой с точки зрения рациональной логики тягой к вещам странным и необыкновенным, они противостояли в то время официозу, который стремился уравнивать по средним стандартам как деревенского, так и городского жителя. Шукшин с чуткостью большого художника уловил зреющий в народной среде протест против усреднения, схематизма, выхолащивания жизни и отразил его в своеобразной трагикомической манере. Однако у одних героев «стихийный выверт» был наивно-добродушен и выражался в стремлении разрисовать цветочками коляску или дать жене смешную телеграмму («Чудик»), купить на зарплату неведомо зачем микроскоп («Микроскоп») и т. д. Нетривиальное поведение других оказывалось опасным, ущемляющим права и достоинство окружающих людей («Сураз», «Срезал», «Билетик на второй сеанс», «Штрихи к портрету» и др.). Особую разновидность шукшинских героев составляют персонажи, «забуксовавшие» на какой-то одной мысли: Мона Квасов, помещенный на создание «вечного двигателя» («Упорный»), Роман Звягин, который не в состоянии освободиться от изумления, что «птицатройка» везет проходимца Чичикова («Забуксовал»), Николай Князев, одержимый идеей «целесообразного государства» («Штрихи к портрету»), Бронька Пупков, повторяющий сотню раз выдуманную историю о покушении на фюрера («Миль пардон, мадам!») и т. д.

Пестрая галерея шукшинских «чудиков», обладающих удивительно живой непосредственностью, яркостью, самобытностью, ошарашила критику, пытавшуюся найти какие-то традиции, ввести этот противоречивый материал в русло социальных и литературных законов. Истоки странных героев Шукшина критики видели в фольклорном

образе Ивана-дурака и народно-смеховой традиции карнавальной литературы, в традициях *Ф. Достоевского* и *Н. Лескова*, *Н. Гоголя*. Социологическая критика объясняла появление этих персонажей миграцией населения, наступлением городской культуры, изменением психологического и социального облика русского крестьянина. В рамках этого критического направления возник миф о пренебрежительном отношении Шукшина к городу.

Однако феномен Шукшина и до настоящего времени остается непроясненным. Как точно подметил С. Залыгин, «Шукшин один из самых загадочных писателей. Ибо каким образом он достигает своей сверхзадачи — постижения души человеческой, — порой совершенно необъяснимо... Говорит Шукшин по большей части об очень простых вещах, а часто и смешных, но действует на наше сознание серьезно». Шукшин обращал внимание на те подвижные черты национальной психологии, о которых мало говорила литература. Они могли проявляться на разных нравственных полюсах, то с отрицательным, а то с положительным знаком. Так, один герой Шукшина с завидным упорством мечтает о реставрации и восстановлении храма («Мастер»), а др. — с не меньшей напористостью стремится храм разрушить («Крепкий мужик»), один герой из-за несчастной любви готов покончить счеты с жизнью («Нечаянный выстрел»), «Сураз», другой способен лишь изложить свою любовную историю на бумаге («Раскас»). Одного успехи науки вводят в состояние аффекта («Даешь сердце!»), а другого побуждают к милосердию («Космос, нервная система и шмат сала») и т. д. Как утверждал один из героев Шукшина: «Умеешь радоваться — радуйся, умеешь радовать — радуй... Не умеешь — вой, командуй или что-нибудь такое делай — можно разрушить вот эту сказку: подложить пару килограммов динамита — дробользнет, и все дела. Каждому свое». Отстаивая свое право на выбор судьбы, шукшинский герой метался в противоречиях, крайностях, пытаясь преодолеть разрыв между воображением, мечтой, придуманной жизнью и реальностью. Именно этот разрыв, зазор, промежуток, вызывающий «болезнь души», и выходил на первый план. Несмотря на разные попытки выхода из конфликтной ситуации (реальные и воображаемые, комические и трагические, положительные и отрицательные), герой почти всегда терпит поражение, не может разорвать круг неразрешимых проблем. Соединение детскости, наивности с определенной «замкнутостью», «забуксированностью» сознания постоянно водит русского человека «по кругу», возвращает к исходному состоянию, к тем же проклятым вопросам, на которые ни он, ни окружающие его люди ответить не могут.

Рассказы о «чудиках» не исчерпывали всего многообразия шукшинских характеров. Можно выделить в его поэме автобиографический цикл — «Далеким зимним вечерам», «Из детских лет Ивана Попова», «Дядя Ермолай», «Рыжий» и др., сатирический цикл — «Змеиный яд», «Обида», «Кляуза», «Мой зять украл машину дров!» и др., цикл рассказов о вдохновенных глухах — «Генерал Малафейкин», «Версия», «Беседы при ясной луне» и др., цикл рассказов о смерти — «Как помирал старик», «Охота жить», «Горе», «Осеню» и др. Эти и др. рассказы были объединены в сб. «Земляки» (1970), «Характеры» (1973), «Беседы при ясной луне» (1974).

В 1968 появляется сценарий фильма Шукшина о Степане Разине, а в 1971 роман «Я пришел дать вам волю». Образ Степана Разина, тревоживший воображение Шукшина с самых первых шагов в литературе, являлся идеалом «могучего заступника крестьянства», поборником справедливости и хранителем воли. Сам Шукшин отмечал в его характере силу, неуемность и жалость к слабым, полагая, что именно эти свойства определили величину и значимость этой исторической фигуры. Она проявлялась не только в сложной духовной организации атамана, но и в его умении сочувствовать народному горю, возвышаться до понимания всечеловеческих проблем, люто ненавидеть угнетателей. В романе почти отсутствовали «исторические предметы» времени, декоративные элементы.

В 1973 появляется в печати киноповесть «Калина красная», а в 1974 выходит на экраны фильм с тем же названием, который принес Шукшину — его автору, режиссеру и исполнителю главной роли — всенародное признание. История Егора Прокудина, крестьянского сына, ставшего вором и захотевшего после тюрьмы покончить со своим воровским прошлым, рассказана по-шукшински просто, образно, с тонким сочетанием юмора и горечи. В характере Егора совместились многие особенности персонажей Шукшина из его рассказов: и наивность, и склонность к балагурству, шутовству, и скрытность, и слабость, и достоинство. Поэтому образ обрел укрупненный масштаб, значительность и многогранность. Впервые в творчестве Шукшина воровская профессия рассматривалась как измена родовому, крестьянскому долгу, земле, родной матери. Финал повести содержал явный оттенок морализаторства: герой наказан за эту измену дружками из воровской шайки. В последние годы жизни в творчестве Шукшина усиливается сатирическое начало, большое значение приобретают условные формы обобщения, изменяется масштаб оценки современности. В 1974 появляются повесть для театра «Энергичные люди» о спекулянтах и мошенниках, сатирически-философская повесть «Точка зрения» о вечном споре Пессимиста и Оптимиста. Уже после смерти писателя опубликована сказка «До третьих петухов (Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набирать ума-разума)» (1975), многие страницы которой на наши дни звучат очень актуально и смешно, незаконченная повесть «А поутру они проснулись...» (1975), действие которой развивается в медвытрезвителе.

Неповторимый образ Шукшина-писателя неизменно усиливается его яркой кинематографической деятельностью, обаянием Шукшина-актера; неожиданная смерть Шукшина на съемках фильма С. Бондарчука «Они сражались за Родину» была воспринята всем обществом как национальная трагедия.

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. М., 1984—85; Собр. соч.: В 5 т. Екатеринбург, 1993—94.

Лит.: Василий Макарович Шукшин: Библиограф. указатель. Барнаул, 1981; О Шукшине: Экран и жизнь. М., 1979; Емельянов Л. Василий Шукшин: Очерк творчества. Л., 1983; Коробов В. Василий Шукшин. М., 1984; Карпова В. Талантливая жизнь: Василий Шукшин — прозаик. М., 1986; Анухтина В. А. Проза В. Шукшина. М., 1986; Горн В. Ф. Василий Шукшин: Штрихи к портрету. М., 1993.

Т. Вахитова

Щ

ЩЕБЛЫКИН Иван Павлович (р. 1928), литературовед, доктор филологических наук, профессор Пензенского государственного педагогического университета. Автор книг «Михайло Ломоносов. Очерк жизни и поэтического творчества», «Русский исторический роман 30-х гг. XIX века», «История русской литературы XI—XIX вв.», «М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество», «Классика и современность. Нравственные проблемы русской литературы XVIII—XX вв.», «Этюды о Лермонтове» и др.

ЩЕГЛОВ (псевд.; наст. фам. — **Леонтьев**) **Иван Леонтьевич** (6[18].01.1856—1911), писатель, драматург. Родился в Петербурге. Окончив Павловское военное училище, служил в армии (с 1874). Участвовал в русско-турецкой войне. В 1883 вышел в отставку и занялся литературной деятельностью. В 1881 опубликовал рассказы из военной жизни «Первое сражение», «Поручик Поспелов», «Неудачный герой». Значительную роль в творческой судьбе Щеглова сыграло знакомство с *А. П. Чеховым* (1887; сохранилась переписка писателей). Влиянием чеховского юмора отмечены многие рассказы, очерки Щеглова, а также романы «Гордиев узел» (1886), «Миллион терзаний» (1899). Успешно дебютировал пьесой «В горах Кавказа» (1887). Щеглов издал сборники пьес «Новые пьесы» (1900), «Веселый театр» (1901), «Красный цветок» (1907). Повести и очерки Щеглова составили сборники «Сквозь дымку смеха» (1894), «Добродушные рассказы» (1901), «Юмористические очерки» (1902), «Смех жизни» (1910); как и пьесы Щеглова, они отличаются поверхностностью в оценке жизненных явлений. Проблемам народного театра посвящены книги «Натуральная школа сценического искусства» (1885), «О народном театре» (1895), «В защиту народного театра» (1903), «Народ и театр» (1911).

Соч.: Из воспоминаний об Антоне Чехове // *А. П. Чехов в воспоминаниях современников*. М., 1947.

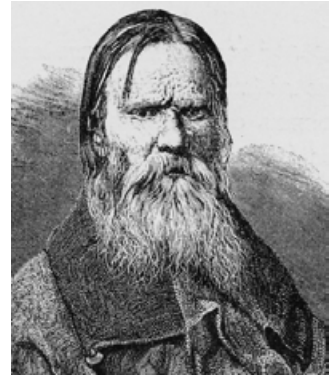
И. П.

ЩЕГОЛЕНКО Василий Петрович (1805—1886), народный сказитель. Биографические сведения о Щеголенке приведены в «Онежских былинах» *А. Ф. Гильфердинга* (1871): «Василий Петрович Щеголенок, крестьянин дер. Боярщины, Кижской вол., 65 лет от роду: грамоте не знает; земледелец и вместе с тем сапожный мастер; приобрел склонность к пению былин еще в малолетстве, слушая своего деда и в особенности дядю

Тимофея, который, будучи безногим, сорок лет сидел в углу в доме его отца и занимался сапожной работою. Переняв ремесло дяди, Щеголенок от него же научился и большей части тех былин, которые помнит поныне. Поет он былины не громким, но довольно приятным, хотя уже старческим голосом, соединяя, впрочем, часто в одну былинку разнородные сюжеты и не придерживаясь определенного напева в своем речитативе. Щеголенок был известен Рыбникову; осенью 1871 он побывал в Петербурге. Здесь он прибавил несколько былин к тем, которые он пел собирателю в Кижях и которые тогда не мог хорошенько припомнить; при этом проверен вновь и текст былин, записанных на месте. Все былины записаны “с голоса”. Щеголенок, хотя неграмотный, но большой охотник ходить по монастырям и слушать божественные книги; это отзывается отчасти и в тоне его былин».

Эти сведения относятся к осени 1871, когда Щеголенок, как и *Т. Г. Рябинин*, приезжал в Петербург и выступал в Географическом обществе. Не менее важные события в его жизни начнут разворачиваться позже, когда 5 апр. 1879 в записной книжке *Л. Толстого* появится запись: «Олонецкой губернии былинщик. Пел былинку Ивана Грозного». Сын писателя, *И. Л. Толстой*, запишет в воспоминаниях: «Летом 1879 года у нас в Ясной Поляне гостил рассказчик былин Щеголенков. Его звали по отчеству Петровичем... Папа слушал его с особенным интересом, каждый день заставлял рассказывать ему что-нибудь новое, и у Петровича всегда что-нибудь находилось. Он был неистощим».

В авг. 1879 сказитель отправился в Петербург с рекомендательным письмом *Л. Толстого* к *В. В. Стасову*. В нем говорилось: «Владимир Васильевич! У меня гостил лето податель этого письма Василий Петрович Щеголенок. Олонецкий мужик, певец былин — очень умный и хороший старик. У него есть хлопоты в Петербурге и мне пришлось в голову направить его к вам...». Стасов принимает на себя хлопоты по делам Щеголенка, но, главное,

устанавливает его выступления в Географическом обществе, в Археологическом институте, у себя на квартире — специально для композиторов «Могучей кучки». О каждом выступлении сказителя посылает подробнейшие отчеты Л. Толстому. «В том числе, — пишет Стасов, — пел он и у меня, на собрании специально музукусов (Балакирев, Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин, Кюи), и эти господа в несколько карандашей записывали за ним не только мелодии в главном их скелете, но и во всех изгибах их мельчайших, а это нелегко!». Нотная запись, сделанная композиторами «Могучей кучки», сохранилась. Как и нотная запись М. П. Мусоргского рябининских былинных речитативов, она стала исторической. В том же, 1879, И. Е. Репин создал два портрета олонечского сказителя — живописный и графический.

С 1881 по 1885 появились 22 «народных рассказа» Л. Н. Толстого. В основе первого из них «Чем люди живы» — легенда «Архангел», услышанная и записанная писателем от Щеголенка. Из этого же цикла — рассказ «Два странника», написанный на основе легенды олонечского сказителя. «Три старца» — еще один из 22-х народных рассказов Толстого — также создан по легенде, услышанной от Щеголенка.

Через четверть века Толстой вновь вернется к своим записям легенд Щеголенка. Так, уже в 1905—06 на их основе появятся одни из лучших рассказов «Круга чтения» — «Корней Васильев» и «Молитва».

П. Н. Рыбников записал от Щеголенка четыре былины, А. Ф. Гильфердинг — тридцать, Л. Н. Толстой — предания и легенды, *Е. В. Барсов* — духовные стихи. Последним из собирателей его видел в 1888 Ф. М. Истомина. «Василий Петрович, — писал он, — совершил уже свое дело. “Пожил я, — заключает он свои рассказы, — повидал свету, испытал и почету, пора бы и мне теперь туда, за стариками”». Похоронен сказитель на Кижском погосте.

Лит.: Калугин В. И. «Олонечской губернии былиничник» в гостях у Толстого // Калугин В. И. Струны рокотаху: Очерки о русском фольклоре; *Соколов Ю. М.* Лев Толстой и сказитель Щеголенок // Гос. лит. музей. Летописи. М., 1948. Кн. 12. Т. 2.

В. Калугин

ЩЕДРИВКА (щедровка), в русском обрядовом фольклоре заклинательная песня с пожеланием хозяину и его семье достатка и благополучия. Щедрики исполнялись в канун Нового года, в т. н. щедрый, богатый «Васильев вечер» (накануне дня Василия Великого) — отсюда их название. Очень близки к *колядкам*. Исполнялись чаще всего молодежью. Древнейшая тема щедривок — предсказание обильного урожая, приплода скотины. Щедрики изображали не реальную, а желанную сторону жизни, что соответствовало их заклинательной сущности. Позже щедрики вобрали в себя величальные мотивы, элементы христианской религиозности. Существовали пародийные юмористические разработки колядок и щедривок с церковной темой.

Лит.: Веселовский А. Н. Размышления в области русского духовного стиха // Сб. отделения русского языка и словесности. Т. 32, № 4. СПб., 1883; *Потебня А. А.* Объяснения малорусских и сродных народных песен, [т.] 2. Колядки и щедрики. Варшава, 1887; *Чичеров В. И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. М., 1957; Колядки та щедрики. Зимова обрядова поезия трудового року. [Упорядкування, передмова і примітки О. І. Дея], Київ, 1965; *Пронн В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.

В. А.

«ЩЕЛКАН», самая древняя из известных *исторических песен*, отразивших борьбу с иноземным игом. «Щелкан», как никакое др. фольклорное произведение XIV в., отражает вполне конкретное историческое событие — знаменитое Тверское восстание 1327. Сопавший здесь несколько: это и сам факт восстания в Твери, одно и то же имя фольклорной и исторической личности и расправа с ордынским «даругой» (сборщиком дани). «Прииде, — сообщает Воскресенский летописец, — из Орды посол силен в Тверь, именем Щелкан; и начаша насиле творити велико, а князя Александра Михайловича и его бранию хотяше побити, а сам сести хотяше в Твери на княжнии, а иных князей своих хотяше посажати по иным городам Руским, и хотяше привести христиан в бесерменскую веру».

В песне описываются побои, которыми Щелкан обложил крестьян, бояр и князей: «С князей брал по сту рублей, / С бояр по пятьдесят, / С крестьян по пяти рублей; / У которого денег нет, / У того дитя возьмет; / У которова дитя нет, / У того жену возьмет; / У которова жены-та нет, / Того самово головой возьмет».

«Мужики-та старья, мужики-та богатыя, мужики посащия» не стерпели надругательств и расправились с Щелканом. Весьма характерна и такая деталь. Как в исторической песне, так и в летописи сообщается об убийстве Щелкана, но песня заканчивается словами: «Тут смерть ему случилася, ни на ком не сыскалося». В действительности же все обстояло несколько иначе. Рогожский летописец сообщает, что в восставшую Тверь было направлено «пять темников» (50-тысячный карательный отряд); «и убили они множество людей, а иных взяли в плен; а Тверь и все тверские города предали огню». Обо всем этом народная песня «умалчивает»; она повествует не о расправе, а о победе.

Во многих вариантах, включая классический из «Сборника Кириши Данилова», в песне о Щелкане несомненные следы скоморошьей обработки. Зловещему образу Щелкана приданы черты гротеска, сатиры.

ЩЕРБАТОВ Михаил Михайлович, князь (22.07[2.08]. 1733—12[23].12.1790), писатель, публицист, историк. Получил разностороннее домашнее образование. Будучи депутатом (1767—68) Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения, защищал привилегии дворян, что характерно и для его литературной деятельности (печататься начал в 1759). Вместе с тем в своих публицистических сочинениях Щербатов обнаруживал известную широту взглядов, выступал за всеобщую грамотность, обличал крайности крепостничества. Его памфлет «О повреждении нравов в России» (1786—89), разоблачавший двор *Екатерины II*, опубликован в 1858 в Лондоне. В «Путешествии в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» (1768) Щербатов дал первый в России образчик

утопии. Поэтические произведения Щербатова — перевод поэмы Э. Юнга «Страшный суд» (1777), *басни, оды*, лирические стихи — не выходят за рамки нормативной поэтики 2-й пол. XVIII в. Щербатову принадлежат и философские («Размышления о смертном часе»), политиче-

ские («Умный разговор»), экономические трактаты. Заметным явлением в русской историографии стал труд Щербатова «История Российская» (т. 1—7 [ч. 1—15], 1770—91, переизд. 1901—04).

Соч.: Соч. Т. 1—2. СПб., 1896—98; Неизд. соч. М., 1935.

Л. Ч.

ЩЕРБИНА Николай Федорович (2[14].12.1821—10[22].04.1869), поэт. Родился в обедневшей дворянской семье. Мать поэта, гречанка по происхождению, привила ему глубокий интерес к истории и культуре Греции. Как поэт Щербина складывается в 40-е (первое стихотворение «К морю» опубликовано в 1838). Написанные на темы и в манере античной литературы «антологические» стихи — основной жанр поэзии Щербины — утверждают культ радости, красоты, спокойного отношения к миру, природе: сборники «Греческие стихотворения» (1850) и «Новые греческие стихотворения» (1850—51, опубл. 1851). Стихи Щербины, явившиеся своего рода реакцией на романтизм *В. Г. Бенедиктова*, встретили сочувственный отклик критики. В некоторых произведениях Щербины (напр., в цикле «Ямбы и элегии») звучали либеральные мотивы, сменившиеся (примерно с 1859—60) патриотическими. Та же эволюция проявилась и в сатире Щербины: от эпиграмм на Николая I и его сановников («Альбом ипохондрика», 1841—61) он перешел к справедливой критике нигилистов («Сатирическая летопись», 1861—69).

Соч.: Полн. собр. соч. СПб., 1873; Стихотворения. Л., 1937; Избр. произведения. Л., 1970.

ЩИПАЧЕВ Степан Петрович (26.12.1898[7.01].1899—1.01.1980), поэт. Родился в д. Щипачи Екатеринбургской губ. Сын крестьянина, рано осиротевший, с 9 лет узнал труд батрака, рабочего на приисках. В 1934 Щипачев окончил литературное отделение Института Красной профессуры.

Первый сборник его стихов «По курганам веков» (1923) наполнен космической патетикой («космориторикой», по его собственному определению). Декларативны и сборники «Одна шестая» (1931) и «Наперекор границам» (1932).

В сер. 30-х впервые зазвучала в поэзии Щипачева лирическая интонация. Лучшие сборники этих лет — «Под небом Родины моей» (1937) и «Лирика» (1939). Унаследовав от русской классической поэзии песенность стиха, Щипачев придал новое, современное звучание темам природы и любви (стихи «Признание», «Елена», «Июль» и др.). В 1939 Щипачев — участник освобождения Западной Украины; с начала Великой Отечественной войны — сотрудник фронтовой печати. В стихах и поэмах этого времени лирическое начало сливается с героическим (сборник «Фронтовые стихи», 1942); поэт воссоздает образ Родины. В послевоенные годы появились такие известные произведения Щипачева, как сборник «Стихотворения» (1948; Сталинская премия, 1949), прозаическая повесть о детстве «Березовый сок» (1956). Стихи Щипачева, насыщенные гражданскими мотивами, философскими раздумьями, проникнутые острым интересом к внутреннему миру человека, к окружающему, вошли в его книгу «Товарищам по жизни» (1972).

Соч.: Избр. произв. Т. 1—2. М., 1970; Строки любви. М., 1967; Трудная отрада: Проза. М., 1972; Русый ветер. М., 1972.

ЩОГОЛЕВ Яков Иванович (24.10[5.11].1823—27.05[8.06].1898), поэт. Родился в г. Ахтырка Харьковской губ. в семье служащего. Окончил Харьковский университет в 1848. До 1871 служил чиновником в Харькове. Печатался с 1843. Первый сборник стихов «Ворскло» вышел в 1883, второй — «Слобожанщина» в 1898. Щоголев тяготел к направлению малороссийских романтиков. С любовью описывая прошлое, запорожскую старину, он осуждал капитализм, разрушающий патриархальные традиции. В ряде стихотворений Щоголев нарисовал реалистические картины жизни, опозитировал людей труда («Ткач», «Портной», «Косари», «Бурлаки», «На могиле», «Похороны» и др.). Щоголев — тонкий мастер пейзажной лирики: «Весна», «Май» («Травень»), «Рыбалка», «Степь», «Осень» и др. Поэт искусно пользовался образами фольклора (стихотворение «Ночь под Ивана Купала», «Упырь», «Орешки» и др.).

Соч.: Твори. Повний збірник. Харьков, 1919; Твори. Киев, 1961.

Э

ЭМИН Николай Федорович (ок. 1767 — 7[19].01.1814), писатель. Сын *Ф. А. Эмина*. Был чиновником, затем армейским офицером; в 1804—08 — гражданский губернатор Финляндии. В 80-е был близок к кругу *Г. Р. Державина*, позднее пользовался покровительством гр. Зубовых. Для придворного театра написал антимасонскую комедию «Мнимый мудрец» (1786) и литературный памфлет «Знаточки» (1788). Эпистолярные романы Эмина «Роза» (1788), «Игра судьбы» (1789) написаны под влиянием *сентиментализма*. Стихотворный сборник Эмина «Подражания древним» (1795) отмечен характерным для к. XVIII в. увлечением анакреонтической поэзией.

ЭМИН Федор Александрович (1735—18[29].04.1770), писатель и журналист. Родился в Константинополе, образование получил в Италии. Служил в янычарах, через Алжир и Испанию попал в Лондон и крестился в русском посольстве; в 1761 прибыл в Петербург. Зная латынь и несколько новых языков, преподавал в Сухопутном шляхетском корпусе, был переводчиком Коллегии иностранных дел (1762—64) и с 1764 «Кабинета» *Екатерины II*. Литературная деятельность Эмина началась в кругу переводчиков шляхетского корпуса и была очень интенсивной. В 1763—69 вышло 19 томов его сочинений и переводов — преимущественно романов. Эмин ввел в русскую литературу авантюрный («Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда», ч. 1—3, 1763), политико-воспитательный («Приключения Фемистокла...», 1763), любовно-героический («Награжденная постоянность, или Приключения Лизарка и Сарманды», 1764) и др. виды романа; «Письма Эрнеста и Доравды» (ч. 1—4, 1766) представляли назидательно-моралистическую переработку сюжета «Новой Элоизы» *Ж. Ж. Руссо*. Хотя в романах Эмина нет изображения России, однако в них затронуты насущные общественные вопросы. Эмин выступал за предоставление служилой интеллигенции и купечеству таких же привилегий, как и дворянству, вел резкую полемику с писателями *А. П. Сумароковым*, *М. М. Щербатовым* в комедии «Ученая шайка» (неизд.), рукописных сатирах, в своем журнале «Адская почта». Им написана по заказу правительства «Российская история...» (т. 1—3, 1767—69; доведена до 1213). Многие произведения Эмина посвящены нравственно-философским проблемам: «Нравоучительные басни» в прозе (1764), религиозное сочинение «Путь к спасению» (1780, посм.).

ЭНГЕЛЬГАРДТ Николай Александрович (3.02.1867—1942, январь), писатель, поэт, литературовед, публицист, видный деятель монархического движения до 1907.

Сын известного сельского хозяина и публициста-народника (автора «Писем из деревни»), профессора химии С.-Петербургского земледельческого института *А. Н. Энгельгардта* (1828—93) и писательницы, переводчицы, составительницы Полного немецко-русского словаря *Анны Николаевны*, урожд. *Макаровой*. После окончания Смоленской гимназии учился в Лесном институте, откуда вышел до окончания курса. Занялся творчеством: писал под псевд. *Гард*, в 1890 вышли его первые сборники стихотворений и сказок. Друг юности известный поэт *К. Д. Бальмонт* так характеризовал Энгельгардта — «очаровательный отшельник, мечтатель», «истинный поэт — хрустальной чистоты и умница». В XX в. опубликовал целую серию исторических романов, которые печатались гл. обр. в «Историческом вестнике». Он известен и как историк литературы консервативного направления, его «История русской литературы» была рекомендована в качестве учебного пособия на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Причем, Энгельгардт удостоился оскорбительного отзыва о себе со стороны либерального критика, брата известного революционера-демократа *В. А. Добролюбова*, который называл его «современным Булгариным». Энгельгардт был также и видным публицистом (псевд. *Мирянин*), он принимал участие в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Вестнике иностранной литературы» и «Неделе», затем в 1897—1904 был деятельным сотрудником «Нового времени». С окт. 1904 по дек. 1906 Энгельгардт был ведущим отдела «Современная летопись» в журнале «Русский вестник», с окт. 1906 недолгое время редактировал еженедельник «Новая Россия». В 1899 имел успех его доклад «Критический анализ русского марксизма», в котором с консервативно-народнических позиций он подверг критике основные постулаты новомодного тогда учения. Суть своих политико-экономических воззрений Энгельгардт формулировал следующим образом: «Форме землепользования должна отвечать известная форма правления. В России форма землепользования миллионов — общинная, форма правления — самодержавная, форма исповедания — православная». В своей концепции он пытался соединить консервативно-монархические воззрения с народничеством.

Энгельгардт был одним из учредителей Русского собрания (РС), членом первого состава Совета РС, а в 1906 даже исполнял обязанности председателя. Был членом депутации РС на Высочайшем приеме 31 дек. 1904. Выступал с речью на первом митинге Союза русского народа (СРН) в Михайловском манеже. Был делегатом 3-х первых монархических съездов. Выступал на Первом Всероссийском съезде русских людей в Петербурге 8—12 февр. 1906. На Втором Всероссийском съезде русских людей в Москве 6—12 апр. 1906 был одним из самых активных участников, делал доклады о необходимости созыва Церковного Собора, «О понятиях национальной самоопределение, самоуправления и автономия», а также «К вопросу о защите монархического принципа». Много выступал он и на Третьем Всероссийском съезде русских людей в Киеве 1—7 окт. 1906. Энгельгардт представил делегатам разработанную Советом РС программу изменения выборного законодательства, которая включала 2 проекта нового закона: первый предполагал организацию выборов по церковным приходам (автор член РС А. А. Папков), второй — выборы по сословиям пропорционально каждому сословию. Он выступал также в прениях по вопросу об объединении. По его мысли, следует исходить из реального существования 3-х центров: РС, СРН и Всенародного русского союза в Москве, а значит, стоит решать вопрос именно об их объединении. Учреждением объединяющим предлагал считать Всероссийские съезды: если их хорошо организовать, то в ином способе объединения надобности не будет; не будет нужды также в сочинении нового устава для новой организации, достаточно будет выработать устав съезда. Выступая в прениях при обсуждении программы, Энгельгардт предлагал взять за основу общей платформы программу Союза русских людей ввиду ее краткости, добавив только боевую часть программой СРН по еврейскому вопросу. На Третьем съезде Энгельгардт выступал еще и с заключительным словом, наряду с рядом др. деятелей патриотического движения. 20 окт. 1906 Энгельгардт председательствовал на собрании РС, которое обсуждало животрепещущий вопрос об итогах Киевского съезда и об отношении РС к учреждению Главной управы Объединенного русского народа. В РС было немало влиятельных противников объединения с др. монархическими союзами, особенно со всесословным СРН. Во вступительном слове Энгельгардт напомнил, что и Первый съезд, и Второй съезд ставили вопрос об объединении во главу угла, и вот Третий съезд этот вопрос разрешил. Он сообщил, что к решению съезда уже присоединилась Москва, в Петербурге СРН принял решение о поддержке решений съезда и избрал в состав Главной управы «нашего русского Гарибальди, высокочтимого А. И. Дубровина». Энгельгардт энергично выступил против клеветы в адрес будущей Главной управы, которая раздается «не только в левой, жидовской и жидовствующей печати», но и в газетах умеренных, «от жидов свободных», будто управа — это «государство в государстве», «революция справа», «правый беспорядок». Он также подчеркнул, что «назвать себя партией мы не можем. Мы — не партия. И это доказал Киевский съезд. На нем сошелся пробужденный, возрожденный, сознательный русский народ, поднял священный стяг Веры, Самодержавия, Народности и объединения. Мы — хранители святынь духа народного. Мы — вожди национального возрождения России!». В заключение Энгельгардт призвал членов РС довершить дело объединения, избрав своего представителя в Главную управу. И, несмотря на возражения противников, такое решение было принято.

Однако с 1907 Энгельгардт отошел от монархического движения. Это стало следствием духовного надлома, который привел его к увлечению оккультизмом. По воспоминаниям сына, Энгельгардт с 1908 заболел нервной болезнью, выражавшейся в жестокой депрессии, сопровождавшейся галлюцинациями. Он по несколько месяцев практически не выходил из дома и даже лечился у знаменитого психиатра В. М. Бехтерева. Тяжелым испытанием для Энгельгардта стала серьезная болезнь любимого сына, случившаяся в 1914—15. После революции Энгельгардт остался в России. Не последнюю роль в таком решении сыграл своеобразный народнический романтизм, свойственный Энгельгардту с молодости. Он записал в своем дневнике: «Остаться, терпеть, верить в свой народ, трудиться — значило сохранить свое человеческое достоинство, завоевать себе звание гражданина народной великой республики... И это значило заплатить долг народу и очистить себя». После окт. 1917 его однажды вызвали на допрос в ЧК, но потом оставили в покое, однако Энгельгардт жил в постоянном ожидании ареста, особенно после расстрела своего любимого зятя *Н. С. Гумилева*. В 1918—23 он читал лекции в Институте живого слова в Петрограде, вел курсы по теории и истории всемирной прозы, теории и истории ораторской прозы. Делал переводы для издательства «Всемирная литература», в 20-е в Ленинграде на сцене шла его комедия «Любительница голубой мечты задумчивости». После закрытия Института живого слова, чтобы прокормиться, работал в статистическом бюро, лектором в клубах, библиографом Института опытной агрохимии, Академии сельскохозяйственных наук, отдела Гидроэлектростроя АН СССР. С янв. 1931 вышел на социальную пенсию, которая была настолько мизерной, что ее хватало только на оплату за коммунальные услуги и на скудный рацион питания (хлеб, картошка и кипятки). Он пытался писать пьесы, которые, однако, не принимались к постановке в театрах, а его романы нигде не печатались. Свой богатейший архив передал в РГАЛИ.

В 1894 Энгельгардт женился на бывшей жене своего приятеля К. Д. Бальмонта Ларисе Михайловне, урожд. Гарелиной (1864—1942). От этого брака родились: дочь Анна (1895—1942), которая стала в 1919 второй женой поэта Н. С. Гумилева, и сын Александр (1902—78), ставший актером, заслуженным артистом Грузинской ССР. Еще один сын, крестник известного философа, друга Энгельгардта В. С. Соловьева, умер в младенчестве. В семье Энгельгардта воспитывался также сын жены от первого брака Николай Бальмонт. Семья Энгельгардтов погибла в 1942 во время блокады. Сам Энгельгардт ослабел до такой степени, что однажды какая-то девочка отняла у него хлеб, который он нес для семьи. Его бывшая домработница рассказывала сыну Энгельгардта, который во время войны жил в Тбилиси, об обстоятельствах смерти его родителей, сестры и племянницы Елены Гумилевой: «Сначала умер отец, потом мама, потом Аня, которая страшно мучилась от голода и холода. Лена умерла последней». В февр. блокадного 1942 умер также и его племянник, известный литературовед Б. М. Энгельгардт.

Соч.: Земля и государство // Русский вестник. 1902. № 5; Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати. (1703—1903). СПб., 1904; Современная летопись (Обзор внутренней политики) // Русский вестник. 1904. № 10; 1906. № 12; Государство и революция // Там же. 1906. № 10; К современному моменту борьбы с пьянством на Руси. СПб., 1909; Из давних эпизодов (Воспоминания об Н. П. Макарове) // Исторический вестник. 1910. № 4; Император Александр Благословенный и Отечественная война. Исторический очерк. СПб.,

1912; История русской литературы XIX столетия. (Критика, роман, поэзия и драма). С приложением синхронических таблиц, хронологического указателя писателей и полной библиографии. В 2 т. 2-е изд., испр. и значит. доп. СПб., 1913—15; Эпизоды моей жизни: Воспоминания. Публ. С. В. Шумихина // Минувшее. 1998. Т. 24.

Лит.: Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994; Тихонова А. В. Семья Энгельгардтов и ее родословная // Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872—87. СПб., 1999.

А. Степанов

«ЭПОХА», ежемесячный литературный и политический журнал русской православно-патриотической мысли, выходивший в Петербурге в 1864—65. Издатель и редактор М. М. Достоевский; после его смерти — Ф. М. Достоевский. Постоянные сотрудники — А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов, Д. В. Аверкиев, А. П. Милоков, М. И. Владиславлев, А. У. Порецкий и др. В журнале публиковались произведения Ф. М. Достоевского («Записки из подполья», «Крокодил»), И. С. Тургенева («Призраки»), Н. С. Лескова («Леди Макбет Мценского уезда»), Я. П. Полонского, А. Н. Плещеева.

Сменив закрытый цензурой журнал «Время», «Эпоха» продолжала отстаивать идеи почвенничества. В журнале усилились тенденции, сближавшие почвенников и славянофилов. И те и др. отстаивали народные традиции, обычаи и идеалы, православно-патриотические ценности, общину и артель. Журнал активно выступал против нигилистов, либералов-космополитов и связанных с ними деятелей (Д. И. Писарева, М. А. Антоновича, М. Е. Салтыкова-Щедрина). Прямая полемика с нигилистами достигла особой остроты в статье Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» («Эпоха», 1864, № 5). Если «Время» полемизировало не только с «Современником» и «Русским словом», но и со славянофильским «Днем» и «Русским вестником» М. Н. Каткова, то в «Эпохе» направление журнала определяла борьба с т. н. революционно-демократической идеологией. Философский материализм и идеи социализма «Эпоха» справедливо считала порождением западной философской мысли и неприемлемыми для России, ее народных традиций, обычаев и идеалов.

Для эстетической позиции «Эпохи» характерно утверждение специфики искусства как явления синтетичного по своей природе (в отличие от аналитического начала в науке), что нашло выражение в «органической критике» Григорьева. Отсюда — борьба критического отдела журнала против «утилитарного» подхода к искусству, к которому

предъявлялись высокие нравственные и художественные требования. Авторы «Эпохи» справедливо отмечали, что нигилисты и «демократы», не зная народной жизни, искажали сущность русского национального характера и сознательно жертвовали художественностью в угоду обличительной идее. Идеальным выразителем русской национальной самобытности «Эпоха» считала А. С. Пушкина и высоко оценивала творчество А. Н. Островского, трактуя его в духе почвенничества.

ЭРТЕЛЬ Александр Иванович (7[19].07.1855—7[20].02.1908), писатель. Родился в д. Кензово Задонского у. Воронежской губ. в семье управляющего именьями. Основательные знания получил путем самообразования. Ранние стихотворные опыты — подражания А. В. Кольцову и Н. А. Некрасову. Первый рассказ «Переселенцы» (1878) посвящен печальной доле крестьянина-бедняка. В 1879—80 Эртель жил в Петербурге, заведовал народнической библиотекой П. В. Засодимского. Познакомился с И. С. Тургеневым, В. М. Гаршиным, Г. И. Успенским. В 1883 вышла первая книга рассказов и очерков Эртеля «Записки Степняка», в которой показано общественное пробуждение «обычного», рядового человека переломной эпохи. В 1884 за связь с революционерами Эртель был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, а затем сослан в Тверь (1885—88). В 80-е он создал повести «Волхонская барышня» (1883), «Пятихины дети» (1884), «Повесть о жадном мужике Ермиле» (1886), «Минеральные воды» (1886), «Две пары» (1887), драму «Бабий бунт» (1884), посвященную проблемам отношений интеллигенции и народа. Лучшая книга Эртеля — роман «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» (т. 1—2, 1889); в нем широко отразилась современная писателю жизнь России — личные, семейные конфликты, борьба имущих с неимущими; герои романа устремлены к поискам народного счастья. В романе «Смена» (1891) Эртель продолжает исследовать процессы распада дворянской культуры. Впечатления от поездки в Германию, Францию и Англию отразились в повести «Карьера Струкова» (1895), где прослеживается постепенное моральное оскудение интеллигента-народника.

Соч.: Собр. соч. Т. 1—7. М., 1909; Письма. М., 1909; Собр. соч. Т. 1—2. М., 1918; Гарденины... Т. 1—2. М., 1933; Записки Степняка: Очерки и рассказы. М., 1958; Волхонская барышня. Смена. Карьера Струкова. М.; Л., 1959.

Ю

ЮГОВ Алексей Кузьмич (12[25].03.1902—13.02.1979), писатель. Родился в слободе Каменская Тобольской губ. Свою родословную ведет от крестьянина-рудознатца М. И. Югова, первооткрывателя Кизеловского угольного бассейна (эпоха Павла I). Югов родился в семье волостного писаря. Учился в Курганской гимназии, окончил среднюю школу в Новосибирске. После февральской революции в курганской гимназии издавался рукописный журнал «Весна», его редактором был Югов, секретарем — будущий известный академик-медик П. Д. Горизонтов. С 1921 по 1927 Югов живет в Одессе, учится в медицинском институте. Там начинается его литературная деятельность. В 1923 в одесском журнале «Силуэты» опубликована поэма Югова «Летчики». По окончании института Югов едет в Сибирь, где живет и работает до 1931, времени переезда в Москву. Югов работает врачом в с. Кольвань, в 1929 он заключает договор с трестом Цветметзолото и становится разъездным врачом Южно-Енисейского горно-промышленного района. Нелегкую врачебную практику, сопряженную с постоянными разъездами, Югов сочетает с напряженным литературным трудом. Югов пробует себя в разных жанрах: в 1923 в «Сибирских огнях» опубликован научно-фантастический роман «Безумные затей Ферапонта Ивановича»; успехом пользовалась книга Югова «Записки разъездного врача» (1931). «Записки» стали основой романа «Бессмертие», носящего автобиографический характер (публ. — 1941) и переведенного на несколько иностранных языков. По переезде в Москву Югов начинает профессионально заниматься журналистикой. Пишет книги о К. А. Тимирязеве (1936), об И. П. Павлове. Югов знакомится с Павловым. Книге о Павлове предшествовал документальный очерк «Башня молчания».

Книга Югова «Павлов» — повесть-исследование. К образу Павлова Югов обратился вновь в н. 50-х. В соавторстве с П. К. Исаковым Югов работает над сценарием кинофильма о Павлове. В 1954 на Ленинградской студии научно-популярных фильмов снят фильм «Во имя человека», занявший в 1956 первое место на международном конгрессе.

Югов писал: «Я негодую, когда слышу выражение: Киевская Русь, — но это же седая старина!.. Нет, Киевская Русь — это отрочество и ранняя юность наша!» У Югова был неподдельный интерес к «отрочеству и ранней юности» России, ее культуре, литературе. В 1944—48 Югов работает над диалогией «Ратоборцы». Она написана спустя десятилетие после романов В. Яна «Чингисхан» и «Батый».

«Ратоборцы» относятся к числу лучших исторических романов 40-х и несут на себе приметы времени, проявившиеся в особенностях писательского замысла и в разработке образов героев. Серьезно относясь к изучению исторической эпохи, Югов написал специальное исследование «Александр Невский и Даниил Галицкий» («Вопросы истории»). В качестве эпиграфа к роману «Даниил Галицкий» (первая часть «Ратоборцев») Югов избрал древнюю карпато-русскую поговорку — «Крепка Русь — все переборет», призванную сформулировать главную мысль, ради которой написан роман, — мысль о могуществе и подвиге Руси, спасшей Европу от татаро-монгольского ига. Югов стремился показать Русь прежде всего в ее достижениях и прогрессивных тенденциях. На образ Руси, нарисованный Юговым, оказали влияние 2 замечательных древнерусских произведения: «Слово о полку Игореве» и «Слово о погибели Русской земли». Югов создает в «Ратоборцах» обобщенный портрет Русской земли, оттеняя прелесть русских пейзажей, своеобразие зодчества, очарование народной поэзии, богатство языка. В романе множество картин природы, быта, воспроизводятся обычаи, обряды, ритуалы. Образ народа создан у Югова средствами художественной публицистики: «Взирают очи: как все это сделано? Пытает разум: кто это делал? Имена зиждителей безвестны. Однако деяния их зримы, незабвенны и радостны для веков и тысячелетий. И на каждом из этих творений пылает как бы соборная бессмертная надпись: Народ... народ русский». Образы Даниила Галицкого и Александра Невского нарисованы рукой опытного художника.

Важное место в творчестве Югова занимают его работы о «Слове о полку Игореве». По словам писателя, его внимание к «Слову» было приковано с 1929. Югов поставил задачу перевести «Слово» так, чтобы для читателя стал излишним всякий комментарий и словарь. Югов предложил свое прочтение и перевод «темных мест» «Слова». В 1945 отмечался юбилей гениального древнерусского произведения. Перевод Югова был опубликован в «Звезде» (1945, № 12), в этом же году перевод был издан отдельной книгой (Слово о полку Игореве / Пер. и коммент. А. Югова; Вступ. ст. акад. Б. Грекова и акад. А. Орлова. М., 1954). Перевод Югова неоднократно переиздавался. Перу Югова принадлежит ряд статей и исследований о «Слове», создававшихся в 40—60-е. Югов заявил о себе как серьезный исследователь: его работы о «Слове» вошли в научный обиход. Югов был страстным поборником русского языка.

В 1959 Югов и Л. М. Леонов опубликовали статью «Думы о языке» («Литература и жизнь». 1959, 8 мая). Тема, заявленная в ней, разрабатывалась в статьях, в периодических изданиях. Югова тревожило состояние современного литературного языка, его обеднение. Статьи были объединены в сборники «Судьбы родного слова» (1962) и «Думы о русском слове» (1972). Югова интересовали литературоведческие и историко-лингвистические проблемы. Ему принадлежат статьи: «Открыватель народных сокровищ» (о В. И. Малышеве), «В защиту великой трагедии» (о «Борисе Годунове» Пушкина), «Откуда у Чичикова сукно брусничного цвета с искрой?» и др.

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. / Сост. В. П. Серебровский. Предисл. Е. Осетрова. М., 1984; Избранные произв.: В 2 т. / Предисл. Е. Осетрова. М., 1975; Работы: Эпопея: В 2 кн. / После сл. А. Разумихина. М., 1993; Страшный суд: Эпопея: В 2 кн. М., 1978.

Лит.: Воспоминания о Югове: Сборник / Сост. Н. Х. Еселев. М., 1986; Давыдова Н. Ф. Алексей Югов: Критико-биографический очерк. М., 1973; Слово о полку Игореве: Энциклопедия. СПб., 1995. Т. 5.

А. Филатова

ЮДИН Владимир Александрович (р. 01.01.1947), доктор филологии, профессор, публицист. Родился в крестьянской семье в ст. Губская Краснодарского края. Возглавляет кафедру журналистики в Тверском университете, где последовательно и настойчиво внедряет в сознание студентов русские национальные идеи патриотизма. Как яркий публицист, активно выступает в патриотических изданиях с острыми статьями, разоблачающими преступные, антинародные действия современной российской власти. Он постоянный автор газеты «Советская Россия», журнала «Молодая гвардия», а также многих региональных изданий. Перу Юдина принадлежит учебное пособие для вузов «Советский русский исторический роман».

И. Шевцов

ЮЗЕФОВИЧ Борис Михайлович (1843—19.10.1911), публицист и общественный деятель. Родился в родовом имении в с. Сосиновка Пирятинского у. Полтавской губ., сын участника Отечественной войны 1812, видного историка М. И. Юзефовича (1802—89). Окончил Киевский кадетский корпус и 2-е военное Константиновское училище, с июня 1863 на военной службе. Участник русско-турецкой войны. В 1880 определился на службу в Министерство внутренних дел. Составил записку по инородческому вопросу, которую в 1883 напечатал М. Н. Катков в «Русском вестнике» под названием «Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России». В 1892 Юзефович исполнял обязанности цензора по иностранной

печати. В 1895—1905 служил в Собственной Его Величества канцелярии, где занимался гл. обр. составлением различных проектов при дворцовом коменданте П. П. Гессе, который был другом детства Юзефовича. Интересна его записка о необходимости учреждения в С.-Петербурге большой независимой газеты охранительного направле-

ния, которую он подал в февр. 1905 С.-Петербургскому генерал-губернатору Д. Ф. Трепову. Юзефович предлагал объединить силы всех выдающихся ученых и публицистов правого направления, редактором газеты он предлагал утвердить Б. В. Никольского.

Юзефович издавал и редактировал газету «Закон и порядок» (1905—08), публикации которой носили нередко остро полемический характер, он резко критиковал бездеятельность и безынициативность правительства и полиции в борьбе с крамолой, давал отпор посягательствам на целостность Российского государства, отстаивал идею незыблемости неограниченного самодержавия. В 1908 Юзефович занялся публикацией своих «Политических писем», имевших подзаголовок «Материалы для истории русского политического умопомрачения на рубеже двух столетий (1898—08)». Всего издал 17 выпусков, в которых помещал свои послания ко всевозможным адресатам (от анонимов до крупных государственных деятелей В. К. Плеве, П. П. Гессе, И. Л. Горемыкину и др.), доклады и записки по различным вопросам, собственные обращения к государю, министрам, иностранным государственным деятелям и редакторам газет, перепечатки из др. газет. Юзефович был плодовитым публицистом. Он писал на многие темы, но особенно обстоятельно по еврейскому вопросу, а также на темы педагогики и печати. Так, в получившем широкую огласку открытом письме барону В. Б. Фредериксу, которое Юзефович поместил в своих «Политических письмах», он негодовал по поводу потворства со стороны правительства евреям: «Настроение русского народа дошло до крайней степени раздражения и терпению народному наступает конец: кроме постоянной угрозы жизни, имуществу и свободному труду мирной части населения, ни о чем другом не мечтающей, как о возвращении России того спокойствия, которым каждый пользовался при отечески попечительной власти неограниченных самодержцев — причину напряженного народного раздражения является еще и та бессердечность, какую проявляет нынешнее министерство к ежедневной мученической гибели верных Царских слуг, при необычайной в то же время заботливости его о целостности и неприкосновенности злейших врагов Царя и России — евреев. Варварству и жестокости евреев нет границ: они ежедневно уничтожают русских людей десятками, ... еврейская и еврействующая печать деморализует армию, вносит по-валейное политическое и половое растление среди русского юношества, школы, кишашие евреями, бездействуют, и многие из них служат революционными арсеналами... А правительство?! — оно озабочено лишь одним — предотвратить еврейские погромы».

В том же письме Юзефович призывал власть прекратить «напускать конституционный туман» и перейти к решительным действиям против крамолы, отмечая: «Если же политическая ересь о Царском самоограничении будет и впредь навязываема русскому народу, то весь этот конституционный туман, под прикрытием которого вся Россия предается огню и мечу, волею народа будет рассеян «яко воск от лица огня». Необходима прежде всего не Государственная Дума, а твердая власть, русская разумом и сердцем, необходим во главе правительства новый Муравьев, неуклонно верный закону, но беспощадный в его применении». Обстоятельно по еврейскому вопросу Юзефович высказался в брошюре «Еврейский вопрос в печати и в жизни» (1904). Он был категорическим противником предоставления евреям всех гражданских прав, присвоенных прочим народностям, поскольку это «было

бы равносильно установлению полного экономического и политического их господства, не в силу каких-либо превосходств еврейского народа, а в силу необычайной эластичности еврейской новости, дающей им значительный перевес в борьбе за жизненные интересы». Юзефович выступал против формального подхода в решении вопроса о еврейском равноправии, требуя рассматривать его в историческом и социальном контексте. Он писал: «Никакие политические, гражданские, сословные и иные права предметом купли и продажи быть не могут, ибо в каждой стране они слагаются и вырабатываются исторически, составляя удел целых народов, племен, каст, сословий или даже отдельных семейств и лиц, соответственно той роли, которую данный народ, племя, сословие, семья или лицо сыграли в исторической жизни данной страны или государства». Он четко противопоставлял евреев всем др. народам России, которые пришли в состав Российского государства вместе со «своими национальными усадьбами», тогда как евреи не принесли с собою ничего, «кроме своих эксплуататорских талантов и беззастенчивого паразитизма». Он возмущенно писал, что еврейские массы, «присосавшиеся к польскому организму в качестве безвредного паразита, хотят теперь быть равноправными с коренным русским народом, хозяйевами русской земли! Какую же лепту внесли они в дело сооружения русского государства, — где те вековые труды и жертвы, которыми евреи ознаменовали себя в этом славном и великом деле?!». В основе политических воззрений Юзефовича по еврейскому вопросу лежала глубокая историософская концепция, зиждущаяся в своих основных постулатах на христианском вероучении. Причем, что характерно, он пытался найти конструктивный выход для еврейства, и находил его в принятии евреями Православия. «С первых же веков христианства эти палачи Христа и защитники Вараввы стали отщепенцами общества и рассеялись по всему свету без крова и родины; евреи стали отверженным народом среди народов всего мира и единственной силой, могущей примирить их с человечеством, было бы восприятие ими христианского учения, которое, в противоположность учению еврейскому, проповедует защиту и покровительство добру и гонение на зло». Пока же еврейство представляло собой абсолютно деструктивную силу, ибо «враг рода человеческого силен и, воплотившись на земле во образе бездомного, скитальческого народа, он медленно, но настойчиво вливает в христианскую среду разрушительный яд социалистических учений». Как всякий русский патриот, Юзефович возлагал надежду на самодержавие, которое только и может защитить русский народ от притязаний инородцев. «Русская самодержавная власть создана и возвеличена совокупностью всех политических сил русского народа и ни один истинный русский патриот не подымет голоса за ее ограничение; но каждый из них сознает в то же время, что в задачи Самодержавной власти, ответственной лишь перед Богом и Историей, не может входить совращение этой последней с естественного ее русла и направление ее, в ущерб русским интересам, на пользу вошедших в состав Российской империи инородцев, в большинстве случаев враждебных коренному ее населению».

Соч.: Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России. СПб., 1883; О философском учении графа Л. Н. Толстого по XIII тому его сочинений. Критические этюды. Киев, 1892; Основы самопознания. Философский очерк для юношества. Киев, 1898; Сборник статей и записок по вопросам

народного образования. Киев, 1901; Печать, политика и школа. Беседы на темы из текущей жизни. Киев, 1903; Еврейский вопрос в печати и в жизни. Киев, 1904; Самодержавие или государственное самоуправление? Киев, 1904; Ополячение вместо обрусения. Киев, 1907; Политические письма. Материалы для истории русского политического умопомрачения на рубеже столетий. Ч. 1—4. Киев, 1908—10; Что нам делать в Юго-Западной Руси? Киев, 1909; Политические, экономические, социальные и педагогические основы для реформы русской государственной школы. Доклад, читанный в Русском собрании 11 и 12 февр. 1910. СПб., 1910.

Т. Кальченко, А. Степанов

ЮМОР РУССКИЙ, «веселая, острая, шутливая складка ума, умеющая подмечать и резко, но безобидно выставлять странности нравов и обычаев» (В. Даль). Многие зарубежные писатели и критики уже давно обратили внимание на ярко выраженное в русской классической литературе не только трагически-согласительное («милость к падшим»), но и комическое начало. Так, в статье «Русская точка зрения» В. Вулф отмечала способность А. П. Чехова «с безупречным чувством юмора» размышлять о серьезнейших проблемах человеческого бытия.

Аналогичного мнения придерживался и У. Сароян, которого не только рассказы Чехова, но и вся русская литература в целом привлекала ярко выраженной комедийностью: «Есть нескончаемая шутка во всех великих произведениях русских писателей. Удивительнейшим образом она обнаруживается потом в их менее значительных произведениях. Понимание шутки как чего-то важнейшего, главного в человеческой жизни и составляет, может быть, одну из причин непреходящего обаяния русской литературы, даже тогда, когда читаешь ее в переводах, а мне так и приходилось ее читать».

Стал употребляться даже термин «русский юмор», когда речь начинала заходить о Чехове. Считая одной из главных особенностей писательской манеры Чехова сохранять чувство смешного «даже в самых серьезных, горьких ситуациях» и высоко отзываясь и о чеховском рассказе «Мальчики», Т. Манн утверждал, что рассказ этот «при всей своей неприятельности являет собой удачнейший пример русского юмора, идущего от полноты жизни».

У Ф. М. Достоевского стихия комического была действенным средством дискредитации «подпольных» идей и концепции неограниченного безбожного своеволия. Будучи великим трагиком, запечатлевшим «память о муках людских», Достоевский вместе с тем был и мастером комического. В одном из своих писем он не случайно обратил примечательную фразу: «Между тем жизнь полна комизма».

Необузданную стихию комического в романах Достоевского подметил еще Т. Манн: «Даже эпилептический — апокалипсический мир призраков Достоевского пронизан безудержной комедийностью, да он, кстати сказать, писал и явно комедийные романы, к примеру “Дядюшкин сон” или исполненное шекспировского и мольеровского духа “Село Степанчиково”».

Рассуждая об отличии русской литературы от др. национальных литератур, Т. Манн писал: «Со времен Н. В. Гоголя русская литература комедийна из-за своего реализма, от страдания и сострадания, по глубочайшей своей человечности, от сатирического отчаяния, да и просто по своей жизненной свежести».

Зарубежные художники, различные по своему происхождению, по складу характера и дарования, т. о. заметили ту

характерную особенность русской литературы, о которой в XIX в. В. Г. Белинский сказал, что она «не могла начаться с другого какого-либо рода поэзии, кроме сатиры... Она началась сатирою и в лице Кантемира объявила нещадную войну невежеству, предрассудкам, сутяжничеству, ябеде, крючкотворству, лихоимству и казнокрадству, которые она застала в старом обществе не как пороки, но как правила жизни, как моральные убеждения».

О склонности к юмору как одной из черт русского национального характера говорил и *Гоголь*: «У нас у всех много иронии. Она видна в наших пословицах и песнях, и, что изумительнее, часто там, где страдает душа и не расположена вовсе к веселости... Трудно найти русского человека, в котором бы не соединились вместе с умением пред чем-нибудь истинно возблагодарить — свойство над чем-нибудь истинно посмеяться. Все наши поэты заключали в себе это свойство... Естественно, что у нас должны были появиться писатели собственно сатирические».

У самого Гоголя юмор выполнял важную смысловую функцию, он был мощным оружием в борьбе с бездуховностью, нелепостью обывательского существования. Гоголевский юмор, по словам Белинского, — это «чисто русский юмор, спокойный, простодушный, в котором автор как бы прикидывается простаком». Простаками любят прикидываться и многие герои Гоголя. В их числе подвыпивший кучер Чичикова, который, подгоняя ленивых лошадей, обращается с увещаниями к норовистому чубарому коню: «Ты думаешь, что скроешь свое поведение? Нет, ты живи по правде, когда хочешь, чтобы тебе оказывали почтение. Я с удовольствием поговорю, коли хороший человек: с человеком хорошим мы всегда свои друзья, тонкие приятели: выпить ли чаю или закусить — с охотою, коли хороший человек. Хорошему человеку всякий отдаст почтение».

В ответ на угрозу Чичикова высечь его Селифан с важностью отвечает: «Коли милости вашей будет угодно высечь, то и высечь, я ничуть не против этого. Почему же не посечь: коли за дело, на то воля господская. Оно нужно посечь, потому что мужик балуется, порядок нужно соблюдать. Коли за дело, то и посеки: почему же не посечь?».

Нетрудно заметить, что в болтовне Селифана пародируется не столько рабская психология, сколько логика крепостника, уверенного в благотворности физического наказания для мужика. За внешней смиренностью Селифана, за его незамысловатой наивностью кроется тонкая уместка человека, который себе на уме и который ни в коей мере не чувствует себя ниже своего хозяина.

Важное смысловое значение комического у Гоголя — в обличении духовной ограниченности, интеллектуального убожества представителей чиновничьего слоя. В «Мертвых душах» писатель, характеризуя чиновников губернского города, простодушно замечает: «Председатель палаты был не без образования, знал наизусть “Людмилу” Жуковского... прочие тоже были, более или менее, люди просвещенные: кто читал Карамзина, кто “Московские ведомости”, кто даже и совсем ничего не читал».

Добродушно-лукавым юмором проникнуты авторские комментарии по поводу рассуждений Чичикова о будущих детях, ради которых он старается «копить деньгу», скупая мертвые души. И читатель уже в ином свете воспринимает мнимо-слезливую, жалостливую реплику относительно чичиковских потомков, называющих отца «скотиной» за то, что тот не оставил им никакого состояния.

Комический характер носит и сравнение Чичикова с Наполеоном, которого якобы выпустили англичане с ост-

рова Св. Елены и который теперь тайком пробирается в Россию. Сравнение это не случайно. Гоголь здесь как бы предчувствует то, что впоследствии будет расшифровано Толстым и Достоевским, показавшими буржуазную сущность знаменитого корсиканца и давшими ответ на т. н. загадку Наполеона.

Одной из главных своих заслуг как комического писателя Гоголь считал осмеяние «пошлости пошлого человека». Гоголевский юмор, по словам Белинского, «спокойный в своем негодовании, добродушный в своем лукавстве, служит беспощадному изображению жизненного безобразия и ничтожества, ибо пленяет читателя точным, комически совершенным описанием этого ничтожества, возбуждая к нему отвращение».

Будучи глубоко народным, русский комизм никогда не ограничивался чисто развлекательными функциями. Разоблачая человеческие пороки, смеясь над пошлостью, в каких бы формах она ни проявлялась, русские художники всегда видели в своем воображении те высокие идеалы, которые вдохновляли их, т. е. видели жизнь такой, какой она должна быть.

Русский юмор по-своему проявляется и у Достоевского, продолжившего традиции Гоголя. Пародийно-комические интонации пронизывают страницы многих произведений писателя.

Простодушным, спокойным, чисто гоголевским юмором проникнуты в романе «Братья Карамазовы» сцены, где юный «нигилист» Коля Красоткин со своим другом беседует на ярмарке под неказистой внешностью. Однако юный «исследователь человеческих душ» не теряет хладнокровия и важно замечает после некоторого молчания: «Мужики бывают разные. Почем я знал, что нарвусь на умника. Я всегда готов признать ум в народе».

Своеобразная комическая стихия возникает в романе «Братья Карамазовы» в связи с появлением образа черта. «Выставить черта дураком, — отмечал Т. Манн, — вот в чем мистический смысл русского комизма». Примечательно, однако, что у Достоевского черт выглядит вовсе не дураком, а фатоватой посредственностью, которая любит в торговую лавку сходить, с купцами в бане попариться и помечтать о том, чтобы «воплотиться окончательно, бесповоротно в какую-нибудь семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит».

Описывая внешность черта, Достоевский нарочито призменяет его, лишает каких-либо мистических свойств, делает джентльменом среднего достатка. Сама манера черта говорить отражает «легкость в мыслях необыкновенную», желание покрасоваться, и не случайно, что в ходе его болтовни появляется тень Хлестакова. Желание казаться «ординарным» сочетается у черта со стремлением играть роль драматического героя. Сущность своей внутренней драмы черт видит в том, что он определен «отрицать», а между тем к отрицанию не способен. Однако на самом деле это далеко не так. Черт оказывается способным не только отрицать, но и язвительно издеваться. Так, говоря о современной медицине, он рассказывает о визитах к докторам, которые «распознать умеют отлично, всю

болезнь расскажут тебе, как по пальцам, ну а вылечить не умеют. Студент тут один случился восторженный: если вы, говорит, и умрете, то зато вполне будете знать, от какой болезни умерли».

Устами черта Достоевский, испытывавший неприязнь к позитивистской науке, иронизирует над чрезмерной специализацией и сетует на распространенную манеру снять с себя ответственность и отослать пациента к специалисту: «Мы, дескать, только распознаем, а вот поезжайте к такому-то специалисту, он уже вылечит. Совсем, совсем я тебе скажу, исчез прежний доктор, который от всех болезней лечил, теперь только одни специалисты и все в газетах публикуются. Заболит у тебя нос, шлют в Париж: там, дескать, европейский специалист носы лечит. Приедешь в Париж, он осмотрит нос: я вам, скажет, только правую ноздрю могу вылечить, потому что левую ноздрю не лечу, это не моя специальность, а поезжайте после меня в Вену, там вам особый специалист ноздрю вылечит».

Если Великий инквизитор, будучи выразителем сатанинского духа, обладал грозной величием, то черт в воображении Ивана Карамазова предстает как воплощение пошлой посредственности. (В свое время Мартин Лютер заметил, что дьявол, хоть и сам великий насмешник, не выносит, когда смеются над ним.) Пародируя философию Ивана Карамазова, его концепцию страдания, вседозволенности и низводя их до уровня анекдота, черт оказывается, т. о., способным пародировать самого себя, обнажая свою внутреннюю ничтожность, творческое бесплодие и саморазрушительную сущность.

Слова Белинского о спокойствии и простодушии гоголевского юмора с полным правом можно отнести и к Достоевскому, у которого часто встречаются реминисценции из Гоголя, носящие комический характер.

Небезынтересно также суждение Т. Манна о специфике русского юмора: «И если нам дозволено говорить голосом сердца, то нет на свете комизма, который был бы так мил и доставлял столько счастья, как этот русский комизм с его правдивостью и теплотой, с его фантастичностью, с его покоряющей сердце потешностью — ни английский, ни немецкий, ни жан-полевский юмор не идут с ним в сравнение, не говоря уже о Франции, которая сес (суха); и когда встречаешь что-либо подобное вне России, например у Гамсуна, то русское влияние очевидно...».

Живой, естественный, добродушный юмор Достоевского порождается такой особенностью русского национального

характера, как простодушие, способностью не только искренне и беззлобно посмеяться над тем, что действительно смешно, но и прежде всего над самим собой.

Этим самым русский юмор отличается от язвительной иронии, порождаемой личным ощущением собственного превосходства, избранничества и служащей самоутверждению за счет насмехательства над другими.

Подобного рода ироническое насмехательство стало самоцелью у т. н. постмодернистов к. XX в. Их юмор не только перестает выполнять какие бы то ни было функции, но исчезает вообще, уступая место бездушной ухмылке, насмешке над всем и вся, в т. ч. и над самым святым. Это, равно как и пародирование ранее созданных художественных конструкций, становится единственной и конечной целью. Все это, конечно, уже не имеет отношения к русскому юмору.

Ю. Сохряков

ЮШИН Евгений Юрьевич (р. 1955), поэт. Родился в г. Озеры Московской обл. в семье юриста и оперной певицы. Детские годы провел в рязанском с. Лужки Рыбновского р-на.

Школу, а затем историко-филологический факультет пединститута закончил в Улан-Удэ. После службы в армии работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников в Москве, вел Литературное объединение «Магистраль». В 1986 перешел на работу в отдел поэзии патристического журнала «Молодая гвардия». Позже занимал должность заместителя гл. редактора, а с нояб. 1999 стал гл. редактором.

Основное в поэзии Юшина — обостренное чувство Родины, боль за несчастья и горести России, любовь к ее красотам, к великой истории Отечества.

Стихи Юшина метафоричны и песенны. Композитор В. Патрушев записал диск из 16 песен на его стихи.

Соч.: На весь далекий путь. М., 1983; Душа ведет. М., 1987; Троица. М., 1991; Домотканая провинция. М., 1993; Ржаная кровь. М., 1993; Поэтический Олимп. М., 1999; Родина-смородина. М., 2002.

Я

ЯВОРНИЦКИЙ (Эварницкий) Дмитрий Иванович (26.10 [7.11].1855—5.08.1940), писатель, историк, археолог, этнограф, фольклорист. Родился в д. Солнцовка Харьковской губ. в семье псаломщика. Окончил историко-филологический факультет Харьковского университета (1881). С 1897 — приват-доцент Московского университета, магистр наук (с 1901). С 1902 в Екатеринославе заведовал историко-археологическим музеем. После 1917 работал в системе народного образования, заведовал музеем, руководил археологическими раскопками. Собирает казачью старины, автор работ по истории запорожского казачества: «Запорожье в остатках старины и преданиях народа» (т. 1—2, 1888), «История запорожских казаков» (т. 1—3, 1892—97) и др. Этим работам Яворницкого свойственна некоторая идеализация общественно-политического уклада Запорожской Сечи. Издал также сборник «Малороссийские народные песни, собранные в 1878—1905 гг.» (1906) и «Словарь украинского языка» (т. 1, 1920), книги «Материалы к биографии Т. Г. Шевченко» («Матеріали до біографії Т. Г. Шевченка», 1909), «Запорожцы в поэзии Т. Г. Шевченко (1912)», «Шевченко и Репин» и др. В н. 900-х выступил с художественными произведениями: повести «Наша доля — Божья воля» (1901), «За чужой грех» («За чужий гріх», 1907), «В бурсу! В бурсу! В бурсу!» (1908), «Где люди, там и зло» («Де люде, там і лихо», 1911), сборники сатирических рассказов «Меж паннами» («Між паннами», 1911), «Рваный хутор» («Драний хутір», 1911), сборник стихов «Вечерние зори» («Вічні зорі», 1910). Как писатель, Яворницкий продолжал классические традиции малороссийской литературы, был знатоком народного быта и языка.

ЯЗЫКОВ Дмитрий Дмитриевич (21.04[3.05].1850—12.12.1918), библиограф и историк литературы. В 1874 окончил историко-филологический факультет Московского университета. Печатали историко-литературные статьи с н. 90-х в «Московских ведомостях». Был членом *Общества любителей российской словесности*. В 1896—1908 руководил библиотекой Московского университета. В 1908—17 служил в комитете по делам печати. Главный труд Языкова — «Обзор жизни и трудов покойных русских писателей» (вып. 1—13, 1885—1916; с 10-го выпуска название меняется — «Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц»). В «Обзоре...» даны библиографические сведения о 1900 русских литераторах, умерших между 1881 и 1893. Черновые материалы к 24 неопубликованным выпускам «Обзора» (о писателях, умерших в 1894—1917) хранятся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея.

ЯЗЫКОВ Николай Михайлович (4[16].03.1803—26.12.1846 [7.01.1847]), поэт. Родился на Волге, в Симбирской губ., в дворянской семье, принадлежавшей к старинному и богатому роду. Первоначальное образование получил дома, рано начал писать стихи и с увлечением предавался этому занятию. Впоследствии учился в Петербурге — в Горном кадетском корпусе, а затем в Институте путей сообщения, не чувствуя склонности к математике и др. специальным предметам. В конце концов в 1821 его исключили из института «за нехождение в классы». В Петербурге он завязал знакомства в писательском кругу и с 1819 стал печататься.

Карамзин, Жуковский, Батюшков, позже — Байрон и молодой *Пушкин* были для него литературными кумирами и учителями. К пластике и мелодичности стиха поэтов школы Жуковского Языков прибавил мощь, громкозвучность и торжественность стиха классицистов *Ломоносова* и *Державина*. Стихи молодого поэта, полные огня и движения, были встречены с большим сочувствием.

В 1822 Языков по настоянию старших братьев решил продолжить учение и поступил на философский факультет Дерптского университета. Здесь он очутился в своей стихии, погрузился в изучение западноевропейской и русской литературы, как прошлой, так и современной. Дерптская жизнь как нельзя больше пришлась Языкову по душе. Тамошние студенты поддерживали традиции немецких буршей XVIII в. с их разгульными кутежами, веселыми похождениями, дуэлями на рапирах, застольными песнями. Языков стал восторженным поклонником и певцом этих вольных и даже буйных нравов. Без него не обходилась ни одна пирушка. «В одной рубашке, со стаканом в руке, с разгоревшимися щеками и с блестящими глазами, он был поэтически прекрасен», — вспоминал товарищ поэта по университету. Звонкие стихи Языкова заучивались наизусть, перекладывались на музыку и распевались студенческим хором.

Но, упиваясь «вольностью» дерптской жизни, Языков ни в малой степени не поступался своими пылкими на-

циональными чувствами. Напротив, в «полунемецкой» обстановке, окружавшей его, эти чувства еще более окрепли. Он организовал кружок русских студентов, на встречах которого «рассуждали о великом значении славян, о будущем России». Для этого кружка Языков написал песню, любимую многими поколениями русского студенчества «Из страны, страны далекой». Особенно красноречивы ее последние строки:

Но с надеждою чудесной
Мы стакан, и полновесный,
Нашей Руси — будь она,
Первым царством в поднебесной,
И счастлива и славна!

В студенческие годы Языков был не только лихим гулякой, но и прилежно учился. У него постепенно составилась в Дерпте большая библиотека. «История государства Российского» Карамзина, «книга книг», открыла для него поэтический мир русской истории. Восхищаясь деяниями предков, он воспевал «гений русской старины торжественный и величавый» в стихотворении «Баян к русскому воину при Дмитрии Донском, прежде знаменитого сражения при Непрядве»:

Не гордый дух завоеваний
Зовет булат твой из ножен:
За честь, за веру грянет он
В твоей опомнившейся длани —
И перед челами татар
Не промахнется твой удар!

В незавершенной поэме «Ала» Языков, предвосхищая пушкинскую «Полтаву», стремился описать на ливонском материале Северную войну, когда была «бодра железной волею Петра преображенная Россия». (Эти строки Пушкин взял эпиграфом к одной из глав «Арапа Петра Великого».)

Летом 1826 Языков гостил у своего товарища Вульфа в псковском имении Тригорском. Здесь он познакомился и быстро сошелся с Пушкиным, жившим в ссылке по соседству в Михайловском. Встреча эта сыграла в жизни и поэзии Языкова большую роль: Пушкин, его творчество, сама его личность, его образ поэта, — все это вошло в стихи Языкова. Пушкин, в свою очередь, высоко ценил дарование Языкова.

Известно со слов *Гоголя*, что, когда вышла в свет книга стихов Языкова, Пушкин сказал «с досадою»: «Зачем он назвал их: “Стихотворения Языкова”? Их бы следовало назвать просто “хмель”! Человек с обыкновенными силами ничего не делает подобного; тут потребно буйство сил».

В 1829 Языков оставил Дерпт и жил в Москве, поселившись в доме Елагиных-Киреевских у Красных ворот. В литературном салоне хозяйки дома *А. П. Елагиной* поэт среди «благословенного круга» друзей обрел необходимое ему тепло искренних чувств, духовное общение и понимание. Здесь у Языкова часто бывал Пушкин, приходили *В. Ф. Одоевский*, *Баратынский* и др. литераторы. Поэт вошел в славянофильский круг «*Московского вестника*».

В годы московской жизни были написаны чуть ли не лучшие стихи Языкова. По свидетельству его современника: «Крылья поэта встрепнулись». Его лира обрела новые сильные звуки, в которых сливались воедино «могучей мысли свет и жар и огнедышащее слово». Пушкин говорил, что стихи Языкова 30-х «стоят дыбом».

«В нашем любезном отечестве человек мыслящий и пишущий должен проявлять себя не голым усмотрением, а в образах, как можно более очевидных, ощутительных, так сказать, телесных, чувственных, ярких и разноцветных», — эти слова Языкова как нельзя лучше характеризуют творения его

зрелой поэзии. Одно из лучших — знаменитое стихотворение «Пловец», давно ставшее любимой народной песней.

В 1833 у Языкова обнаружили тяжелейшую болезнь спинного мозга. Он покидает Москву и живет в симбирском имении, где собирает русские песни для *П. В. Киреевского*. В 1837 он покидает Россию и отправляется на лечение в Германию, где знакомится с Гоголем; и с ним едет в Италию. На родину поэт возвращается в 1843.

Несмотря на жестокую болезнь, Языков, по свидетельству *И. Киреевского* «...пишет много, и стих его, кажется, стал еще блестящее и крепче». В последние годы жизни поэзия Языкова достигла то «высшее состояние лиризма, — утверждал Гоголь, — которое чудно движений страстных и есть твердый взлет в свете разума, верховное торжество духовной трезвости». Стихотворение «Землетрясение», которое Жуковский считал одним из лучших в русской поэзии, может служить образцом художественной силы образов поздней лирики Языкова.

В основу стихотворения было положено средневековое византийское предание о происхождении молитвы «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный»: о мальчике, взятом на небо во время страшного землетрясения в Константинополе, где он услышал ангелов, научивших его новой молитве; когда все повторили эту молитву, землетрясение стихло. Заключают стихотворение пророческие строки:

Так ты, поэт, в годину страха
И колебания земли
Носись душой превыше праха
И ликом ангельским внемли.
И приноси дрожащим людям
Молитвы с горней вышины,
Да в сердце примем их и будем
Мы нашей верой спасены.

Столь же пророчески звучат для нас и строки его стихотворения «К ненашим»:

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь, внемлите
Простосердечный мой возглас!..
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша —
Ничто вам! Русская земля
От вас не примет просвещения,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хулой и лестию своею
Не вам ее преобразить,
Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык;
Крепка, надежна Русь святая,
И русский Бог еще велик!

Стихотворение было опубликовано лишь в 1871, до этого ходило в списках в ограниченном кругу лиц. Узавленные западники называли «К ненашим» — «доносом в стихах», ответив ядовитыми пародиями *Некрасова* и полными желчи статьями *Белинского* и *Герцена*. С их недоброй подачи к Языкову был прикреплен ярлык озлобленного реакционера. «...Эти стихи сделали дело, — писал Языков о своем послании, — разделили то, что не должно было быть

вместе, отделили овец от козлиц, польза большая!.. Едва ли можно называть духом партии действие, какое бы оно ни было, противу тех, которые хотят доказать, что они имеют не только *право*, но и *обязанность презирать народ русский*, и доказать тем, что в нем много порчи, тогда как эту порчу родило, воспитало и еще родит и воспитывает именно то, что они называют своим убеждением!»

Соч.: Стихотворения. СПб., 1833; 26 стихотворений. М., 1844; Новые стихотворения. М., 1845; Полн. собр. стихотв. / Вступ. ст. М. К. Азадовского. М.; Л., 1935; Собр. стихотв. / Вступ. ст. М. К. Азадовского. М.; Л., 1948; Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма. М.; Л., 1959; Полн. собр. стихотв. М.; Л., 1964.

Н. Блудилина

ЯКУШЕВ Григорий Алексеевич (ок. 1836 — 1929), сказитель *былин*. Крестьянин д. Мелентьевской Пудожского у. Олонечкой губ. Петь былины научился у своего деда П. Т. Антонова, сказания которого записывали П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг. Учителями Якушева были также знаменитый Н. Прохоров (по прозвищу Утка, Утица) из д. Бураковой и И. Фепонов той же д. Мелентьевской. Репертуар Якушева очень велик: 37 былинных и песенно-исторических сюжетов. По мнению Ю. М. Соколова, Якушев «...был классиком былинного эпоса...» («Онежские былины», 1948). В былинах, записанных от Якушева, сохранены традиции героической и социальной интерпретации сюжетов. Много внимания Якушев уделял главному герою русского эпоса — *Илье Муромцу*. Следуя местной традиции, сказитель нередко сообщал преданиям и лубочной прозе песенно-эпическую форму («Рахта Рагнозерский», «Еруслан Лазаревич»).

Лит.: Онежские былины. М., 1948.

Л. А.

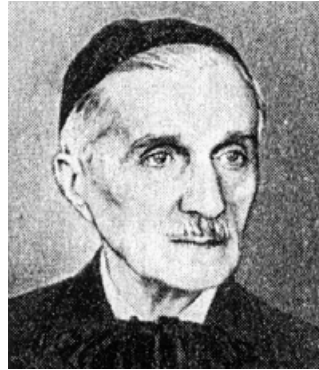
ЯКУШКИН Павел Иванович (14[26].01.1822—8[20].01.1872), писатель, фольклорист, этнограф. Родился в сельце Сабурово Малоархангельского у. Орловской губ. в семье небогатого помещика. В 1840 поступил в Московский университет. Будучи студентом, начал собирать произведения народного творчества и этнографические материалы. Опубликовал в журнале «*Москвитянин*» очерк «Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их действиях» (1844). Уйдя из университета, в 1846—49 по заданию П. В. Киреевского собирал произведения народного творчества в центральных губерниях, став первым в России профессиональным собирателем фольклора. Итогом этой деятельности явился сборник «Русские песни, собранные Павлом Якушкиным» (вып. 1—2, 1860). Материалы Якушкина (полностью не изданные) вошли впоследствии в собрания Киреевского, А. Н. Афанасьева, В. И. Даля.

Очерки и рассказы Якушкина печатались в «Современнике», «Отечественных записках» и др. журналах: «Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний» (1859), «Путевые письма из Орловской губернии» (1861), «Из рассказов о Крымской войне» (1864), «Бунты на Руси» (1866), «Путевые письма из Астраханской губернии» (1868—70) и др. Якушкин касался самых актуальных тем — крестьянских бунтов и расправы над бунтовщиками. В очерках «Велик бог земли русской!» (1863) он вскрыл несправедливый характер крестьянской реформы. Впервые после А. С. Пушкина Якушкин обратился к пугачевско-разинскому фольклору.

Соч.: Соч. [биографич. очерк С. В. Максимова]. СПб., 1884.

Н. С.

ЯН Василий Григорьевич (наст. фамилия — **Янчевецкий**) (23.12.1874[4.01.1875]—5.08.1954), писатель, журналист. Родился в Киеве в семье учителя греческого и латинского языков. Ян учился в гимназии в г. Ревеле; в 1897 блестяще окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В студенческом сборнике (1896) опубликовано стихотворение Яна. С 1898, живя в Ревеле, печатается в «Ревельских известиях», «Газете местных интересов, литературной и политической» (основана его отцом). За подписью Вас. Янивецкого, В. Садко публикуются репортажные заметки, очерки, рассказы («Герои трущоб», «Приказчик и баронесса»).

Ян отправляется в крестьянской одежде, с котомкой за плечами путешествовать по России, хочет изучать фольклор, язык и нравы народа, маршрут Яна: Новгород, Ильмень, волго-вятские места, Волга, Днепр, Украина. Материал Ян посылает в «Ревельские известия». В 1901 в Ревеле вышли «Записки пешехода». По словам Яна, в народе «его поразили большие думы, великодушные сердца, упорство, стремление вырваться из мучительных тисков нужды». В качестве корреспондента петербургской газеты «Россия» почти год Ян проводит в Англии, путешествует на велосипеде по Южной Англии, много времени проводит в библиотеке Британского музея. В «Ревельских известиях» (1900. 29 февр.) публикует очерк «Английские настроения», содержащий оценку англо-бурской войны.

Третье путешествие Ян совершает в Ср. Азию, получает должность смотрителя колодцев, пересекает Каракумскую пустыню, посещает Хиву и Бухару, добирается почти до границ Индии.

В годы русско-японской войны Ян едет корреспондентом в Японию, позднее посещает Грецию и Египет, потом Балканы. Все эти годы в «Ревельских известиях» и в России печатаются его очерки. Его волнует экономическая жизнь России. Он выдвигает идею развития судостроения в Ревеле, настаивает на необходимости строительства Амурской железной дороги.

С 1907 по 1912 Ян работал преподавателем 1-й Петербургской классической гимназии. Раздумья о будущем России, память о печальном исходе войны с Японией, неудовлетворенность системой образования и воспитания приводят Яна к мысли о необходимости перестройки педагогической системы с тем, чтобы воспитать «совершенного человека». Педагогические идеи Яна изложены в книгах «Воспитание сверхчеловека» (1910) и «Что нужно сделать для петербургских детей» (1911). Яна увлекла идея Ф. Ницше о сверхчеловеке. Для Яна образами сверхчеловека являются Петр Великий, Пушкин, Суворов, Ломоносов, Скобелев. Подобные им люди нужны России. Школа, по мысли Яна, должна быть ограждена от политики. Учеников нужно воспитывать на Гомере, Еврипиде, Шиллере, Пушкине, Гоголе. Ян был последовательным сторонником реалистической литературы, считал необходимым приложить максимум усилий, «чтобы уберечь души наших детей от загрязнения разнузданной порнографией освобожденной русской литературы». В заметках и рецензиях (1907—11) Ян приветствует постановку «Власти тьмы» Л. Толсто-

го, доброжелательно оценивает пьесу С. Найденова «Стены», его привлекают произведения Поленова, Куинджи, Релина. Перед первой мировой войной Ян издает журнал «Ученик», где был опубликован его роман «Афганский изумруд», а в приложениях к журналу — «Дневник Пети Петушкова». С 1912 Ян — корреспондент Петербургского телеграфного агентства в Константинополе, потом в Бухаресте. Ян продолжает изучать восточные языки. Его удивляет и тревожит некомпетентность многих русских и европейских газет при освещении восточного вопроса, т. к. «с панславизмом и паназиатизмом нам еще много придется считаться».

Наиболее широкую известность Ян приобрел как исторический романист. В 1931 опубликована историческая повесть Яна «Финикийский корабль». Первые рассказы Яна на восточные темы относятся к 1900-м («Рассказ капитана», 1907; «Душа», 1910). Настоящего Востока в них нет: есть внешние атрибуты — дервиши, джинны. Герои повести «Финикийский корабль» (мальчик Эли, ученый Софэр, разбойник Лала-Зор) живут в обстановке, бережно восстановленной Яном на основании строгих научных данных, их плавание воспроизводит путь древних финикийцев. В повести «Спартак» (1933) Ян пытается создать образ Спартака. Яну не удалось избежать некоторой идеализации Спартака, что и было отмечено критикой.

В повести «Огни на курганах» (1-я ред. вышла в 1932) Ян подошел к главной теме — борьбе народов против тиранов и завоевателей. Цель Яна — развенчать легенды об Александре Македонском. Писатель создает картины сопротивления, которое оказывают скифы войску Александра Македонского. Сложный и противоречивый характер Александра Македонского Яну не вполне удалось. Писатель отмечал, что работа над «Огнями на курганах» многое ему дала.

Над трилогией о нашествии монголов Ян работал ок. 20 лет. Идея повести «Чингис-хан» возникла в 1934. Тогда же Ян заключил договор с издательством «Молодая гвардия». Повесть вышла в свет в 1939 и стала первой частью трилогии о нашествии монголов, вторая книга «Батый» — в 1942, над третьей — «К последнему морю» — писатель работал до конца жизни, план ее несколько раз менялся.

В повести «Чингис-хан» Ян сосредоточил внимание на походах завоевателя в Среднюю Азию, в «Батые» художественно воспроизводится монгольское нашествие на русские земли. Последняя часть трилогии первоначально называлась «Александр Беспокойный и Золотая Орда». В процессе работы выросли 2 самостоятельных произведения — повесть «К последнему морю» и «Юность полководца». Судьба книги была трудной, она вышла после смерти писателя.

Восточная книга «Чингис-хан» и русская «Батый» требовали различных художественных средств для передачи национального колорита. Ян был пылкий исследователь и яркий художник. Он мастерски справлялся с задачами. В древней восточной литературе и народном творчестве Ян нашел идеи, мотивы, образы, вобравшие особенности мировосприятия, художественного мышления простых людей. (Яна особенно интересовали народные представления о событиях.) Образы вымышленных героев окрашены романтически. Эпоха среднеазиатских походов Чингис-хана воссоздана с использованием образных и стилизованных средств средневековья. Важна роль эпиграфов, они зачастую являются идейным и стилизованным ключом к повествованию. Это пословицы, строфы из монгольских и персидских песен. Рисуя русский мир в «Батые», Ян руководствуется произведениями древнерус-

ской литературы той поры и фольклорными источниками. Исследователи отмечают сюжетное сходство между «Повестью о разорении Рязани Батыем» и «Батыем» Яна. Писателем использованы различные жанры русского фольклора (плачи, легенды, предания).

Соч.: Избр. произв.: В 2 т. М., 1979; Загадка озера Кара-Нор: Рассказы. М., 1961; Огни на курганах. Юность полководца. Молотобойцы: Исторические повести. М., 1988; Огни на курганах: Исторические повести. Рассказы. Путевые заметки. М., 1985.

Лит.: Разгон Л. В. Ян: Критико-биограф. очерк. М., 1960; Лобанова Т. И. Исторические романы Василия Яна. М., 1970; Янчевецкий М. В. Ян и Средняя Азия // Ян В. Огни на курганах: Исторические повести. Рассказы. Путевые заметки М., 1985.

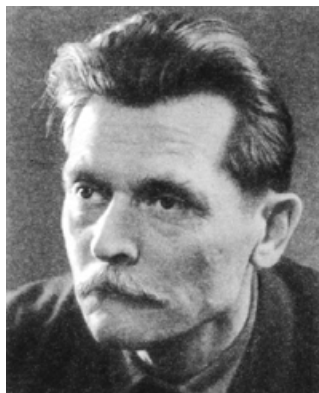
А. Филатова

ЯСИНСКИЙ Иероним Иеронимович (псевд. **Максим Беллинский**) (18[30].04.1850—31.12.1931), писатель, журналист. Родился в Харькове. Учился на естественных факультетах Киевского и Петербургского университетов (курса не окончил). Начал печататься в 1870. Через тонкое описание быта и нравов он раскрывал глубокие противоречия, вызревшие в русском обществе в связи с наступлением либерализма. В 90-е сотрудничал в православно-монархической печати, публиковал романы патриотического характера: «Первое марта» (1900), «Под плащом Сатаны» (1911) и др. Был известен и как редактор журналов «Ежемесячные сочинения» (1901—02), «Беседа» (1903—08), «Новое слово» (1908—14). Оставил книгу воспоминаний «Роман моей жизни» (1926).

Соч.: Полн. собр. повестей и рассказов Т. 1—4. СПб., 1888; Собр. романов. Т. 1—3. СПб., 1888—89; Иринарх Плутархов. СПб., 1890; Муза. СПб., 1894; Лицемеры. СПб., 1894; Жар-птица. СПб., 1910; Крепостники. М., 1916; Стихотворения. 6-е изд. Пг., 1919.

ЯШИН (псевд., наст. фамилия — **Попов**) **Александр Яковлевич** (14[27].03.1913—11.07.1968), писатель. Родился в д. Блудново Вологодской обл. в крестьянской семье. Окончил Никольский педагогический техникум (1931), учительствовал в деревне. Печатался с 1928. Первый сборник стихов «Песни Северу» (1934). С 1935 жил в Москве. В 1941 окончил Литературный институт. Стихи Яшина 30-х (сб. «Северянка», 1938) — светлые по настроению, ориентированные на поэтику северного фольклора и особенности вологодского говора. Добровольцем уйдя на фронт, Яшин в качестве военноморского журналиста и политработника участвовал в обороне Ленинграда и Сталинграда, в освобождении Крыма. Выпустил сборники стихов «На Балтике было» (1942), «Город гнева» (1943).

В послевоенные годы впечатления от поездок по Северу, на Алтай, на строительство Куйбышевского и Сталинградского гидроузлов, позднее на целину отразились в сборниках стихов «Земляки» (1946), поэме «Алена Фомина» (1949, Сталинская премия, 1950). С сер. 50-х в его творчестве начинается новый этап, ознаменованный прежде всего усилением лирического начала. Содержани-

ем стихов Яшина (сб. «Совесь», 1961), нередко приобретающих форму безжалостно самокритической исповеди, становится процесс роста личности лирического героя, заново осмысливающего такие нравственные ценности, как правда, доброта, совесть. В стихах 60-х (сборники «Босиком по земле», 1965; «День творенья», 1968) происходит дальнейшее углубление лирики Яшина. Широта эмоционального диапазона — от радостных «весенних ожиданий» до горькой иронии и скорби о пережитых утратах, острота и сила чувства, новизна и масштабность в решении тем любви, творчества, природы, смерти — делают позднюю лирику Яшина самобытным и значительным явлением поэзии.

Повесть «Сирота» (1962) интересна образом главного героя, вечного иждивенца, наловчившегося безотказно получать щедрую «помощь» в различных учреждениях. В очерковой повести «Вологодская свадьба» (1962) Яшин создал правдивую картину бытового уклада деревни, заставляющую задуматься о многообразных последствиях социальных процессов 30—50-х. В рассказе «Угощаю рябиной» (1965), в циклах миниатюр «Вместе с Пришвиным», «Сладкий остров», «Маленькие рассказы» (опубл. посмертно) Яшин выступил как незаурядный мастер лирической прозы.

Соч.: Избр. произв. Т. 1—2. М., 1972; Избр. М., 1954; Избр. стихотворения. Вологда, 1971.

Ю. Б.

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

авт. — автор
акад. — академик
АН — Академия наук
ап., апп. — апостол, апостолы
арх. — архангел
архиеп. — архиепископ
архим. — архимандрит
АХ — Академия художеств

Б. — большой
басс. — бассейн
бесср. — бессребреник
б-ка — библиотека
блгв. — благоверный
блж. — блаженный
быв. — бывший

В., вост. — восток, восточный
в., вв. — век, века
в осн. — в основном
в т. ч. — в том числе

вдхр. — водохранилище
вел. — великий
верх. — верхний
вмц. — великомученица
вмч. — великомученик
вол. — волость

г. — город
Гал. — Послание к галатам
ГИМ — Государственный Исторический музей
гл. обр. — главным образом
гос. — государственный
губ. — губерния

Д. Восток — Дальний Восток
д. — деревня
Деян. — Деяния святых апостолов
диак. — диакон
дл. — длина
др. — другой

Евр. — Послание к Евреям
еп. — епископ
Еф. — Послание к Ефесеям

журн. — журнал
ж.-д. — железнодорожный

З., зап. — Запад, западный
зап.-евр. — западноевропейский

Иак. — Послание Иакова
игум. — игумен
изд. — издание, издатель
им. — имени
имп. — император
Ин. — Евангелие от Иоанна
1, 2, 3 Ин. — 1-е, 2-е, 3-е послание Иоанна
иностр. — иностранный
исп. — исповедник
ист. — источник

к. — конец
кв. — квадратный

кн. — князь
1 Кор., 2 Кор. — 1-е и 2-е послания к Коринфянам

Л. — Ленинград
лат. — латинский
лев. — левый
лит. — литературный
Лк. — Евангелие от Луки

М. — Москва
м. — море
митр. — митрополит
Мк. — Евангелие от Марка
мл. — младший
мн. — многие
мон. — монастырь
моск. — московский
муз. — музыкальный
Мф. — Евангелие от Матфея
мц., мщ. — мученица, мученицы
мч., мчч. — мученик, мученики

н. — начало
Н. Новгород — Нижний Новгород
н. э. — нашей эры
назв. — название
наиб. — наиболее
наим. — наименее
напр. — например
нас. — население
наст. — настоящий
нац. — национальный
неизв. — неизвестный
неск. — несколько

о, о-ва — остров, острова
обл. — область
одноим. — одноименный
оз. — озеро
ок. — около
осн. — основанный, основной
отеч. — отечественный

патр. — патриарх
Пг. — Петроград
1 Пет., 2 Пет. — 1-е и 2-е послания Петра
пед. — педагогический
петерб. — петербургский
пл. — площадь
п-ов — полуостров
под рук. — под руководством
пол. — половина
посв. — посвященный
посл. — последний
прав. — праведный, правый
прил. — приложение
прим. — примечание
Притч. — Притчи Соломона
прмц., прмщ. — преподобномученица, преподобномученицы
прмч., прмчч. — преподобномученик, преподобномученики
прор. — пророк
прп., прпп. — преподобный, преподобные
псевд. — псевдоним

р. — река
разл. — различный
РАН — Российская Академия наук
ред. — редактор
Рим. — Послания к Римлянам
р-н — район
Р. Х. — Рождество Христово

С., сев. — север, северный
с. — село
сб. — сборник
св. — святой, свыше
свящ. — священный
сер. — середина
сиб. — сибирский
ск. — скончался
слав. — славянский
след. — следующий
см. — смотри
собр. — собрание
совм. — совместный
совр. — современный
1-е, 2-е Сол. — 1-е и 2-е послания к Солуныям
соч. — сочинения
СПб. — С.-Петербург
спец. — специальный
ср.-век. — средневековый
ст. — старый, старший
ст. ст. — старого стиля
с.-х. — сельскохозяйственный

т-во — товарищество
т. е. — то есть
т. к. — так как
т. н. — так называемый
т. о. — таким образом
тыс. — тысяча

у. — уезд
ун-т — университет

фам. — фамилия
ф-ка — фабрика
Флп. — Послание к Филиппийцам

хоз. — хозяйственный
х-во — хозяйство
худ. — художник, художественный

ц. — церковь

ч. — часть
чел. — человек
четв. — четверть

ш. — ширина

Ю., юж. — юг, южный

яз. — язык

В прилагательных и причастиях допускается отсечение окончаний и суффиксов: -альный, -ельный, -енный, -еский и др.

Олег ПЛАТОНОВ
«ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Серия историко-архивных исследований.
Выходит по благословию
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского
Иоанна (Снычева)

- Тайная история масонства (1731—1996).** Изд. 2-е. М., 1996. 704 с.
Заговор царевубийц. М., 1996. 528 с.
Николай Второй в секретной переписке. М., 1996. 800 с.
История Русского народа в XX веке (в 2-х томах). М., 1997.
Т. 1 — 896 с.; т. 2 — 1040 с.
Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против Христианской цивилизации.
М., 1998. 880 с.
Загадка Сионских протоколов. М., 1999. 800 с.
Тайная история масонства. Документы и материалы (в 2-х томах). М., 2000.
Т. 1 — 720 с.; т. 2 — 736 с.
Тайная история масонства (1731—2000). Изд. 3-е. М., 2000. 912 с.
Святая Русь. Открытие русской цивилизации. М., 2001. 816 с.
История царевубийства. М., 2001. 768 с.; ил.
Пролог царевубийства. М., 2001. 496 с.; ил.

В рамках издания «Терновый венец России» выходит две серии книг под ред. О. Платонова: I. «Тайный архив», посвященная изучению тайной войны иудаизма и масонства против христианства; II. «Золотая библиотека», собрание лучших произведений русской патриотической литературы и национальной мысли, воспоминаний, жизнеописаний патриотов России. В первой серии уже вышла книга **Б. Башилова «История русского масонства»**, во второй — сочинение **И. Шевцова «В борьбе с дьяволом»**.

СВЯТАЯ РУСЬ
БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОГО НАРОДА
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Главный редактор *О. А. Платонов*
Отв. секретарь *М. В. Кузнецова*
Компьютерная верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор: *Т. М. Дроздова*

Формат 84 x 108 ¹/₁₆. Печать офсетная. Заказ №
Подписано в печать 24.06.2004. Объем 175 п. л.
Институт русской цивилизации
Москва, ул. Житная, 14. Тел.: 234-96-49.
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО Полиграфическая фирма «Красный пролетарий».
127473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
выпускает
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Энциклопедический словарь русской цивилизации (вышел)
Русское Православие
Русское государство (вышел)
Русский патриотизм (вышел)
Русское мировоззрение (вышел)
Русский образ жизни
Русская география
Русское хозяйство (выйдет в 2005 г.)
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература (вышел)
Русское искусство
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское Православное воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Адрес редакции: Москва, ул. Житная, 14.

Тел.: 234-96-49.

Отзывы и предложения направлять по адресу:

121170, Москва, а/я 18

Получить тома энциклопедии и другие издания института можно в отделе распространения газеты «Русский вестник» (тел. 959-42-25). Деньги высылаются по адресу: 105062 г. Москва К-62, а/я 111, Сенину Алексею Алексеевичу.